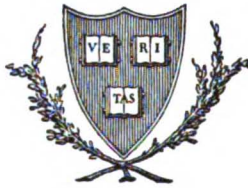

3 2044 021 940 5

CP 363.5

**Harvard College
Library**

FROM THE BEQUEST OF
JOHN HARVEY TREAT
OF LAWRENCE, MASS.
CLASS OF 1862

FROM A COLLECTION OF BOOKS
BOUGHT IN RUSSIA IN 1922 BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

№ 164-198
I² = 79-178

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

Т. II.—Ч. I.

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1899.

CP 363.5

PLEASE RETURN
~~TO THE~~
~~ARCHIVAL COPY COLLECTION~~
JULY 1, 1922
Treat fund

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

— ❁ Т. II.—Ч. I. ❁ —

ОТДѢЛЬ ФИЛОСОФСКИЙ.

Главнѣйшая причина религіозныхъ сомнѣній и невѣрія.—*И. М.* (стр. 1—17).

О случайности законовъ природы.—* * (стр. 18—40, 135—164, 214—244, 259—288) ¹⁾.

Иудейскія и христіанскія идеи въ книгахъ Сивилль.—*А. Волнина* (стр. 41—50, 79—100, 119—134, 199—213).

Избранные трактаты Плотина.—*Профессора Г. В. Малеванскаго* (стр. 51—78, 147—164, 353—370, 389—414) ²⁾.

Систематическій очеркъ гносеологическихъ возрѣній Платона и критическая оцѣнка ихъ.—*И. Халитна* (стр. 101—118).

Ученіе Канта о пространствѣ и времени, какъ о субъективныхъ только формахъ нашего чувственнаго познанія.—*Н. С.* (стр. 119—146).

Цѣлесообразность (телеологія) въ природѣ и явленія мимикризма (mimicry).—*Е. А. Воронцова* (стр. 165—198).

Научное и философское значеніе эволюціонной теоріи.—*И. Тихомирова* (стр. 245—258).

Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе внѣ истинной церкви.—*Профессора С. С. Глаголева* (стр. 289—324) ³⁾.

¹⁾ Продолженіе—и во 2-й части; см. главленіе.

²⁾ Тоже.

³⁾ Тоже.

II

Христіанскіе догматы о безсмертіи души и воскресеніи мерт-
выхъ въ связи съ философскимъ ученіемъ о загробной участи
человѣка.—*Святи. Димитрія Таворскаго* (стр. 325—352,
371—388).

ГЛАВНѢЙШАЯ ПРИЧИНА РЕЛИГИОЗНЫХЪ СОМНѢНІЙ И НЕВѢРІЯ.

Идея о Богѣ глубоко коренится въ душѣ каждаго человѣка, и собственно говоря, человѣкъ не можетъ быть безъ вѣры въ Бога, не измѣняя собственной природы. „Религія, говоритъ епископъ Мартензенъ въ своей Догматикѣ, является существеннымъ, центральнымъ свойствомъ человѣка,—и религіозное сознание должно быть присуще какъ отдѣльному индивидууму, такъ вѣстѣ съ тѣмъ и цѣлому народу, и цѣлому человѣчеству“. Вѣрность этой мысли подтверждается свидѣтельствомъ исторіи, повѣствующей намъ о томъ, что нѣтъ ни одного народа безъ религіи,—что послѣдняя присуща безъ исключенія всѣмъ народамъ, хотя и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Но тотъ-же опытъ и та же исторія свидѣлствуютъ, что существовали и существуютъ какъ отдѣльные индивидуумы, такъ и цѣлыя народы съ слабымъ чувствомъ религіозности, граничащимъ иногда чуть не съ положительнымъ отсутствіемъ его. Но послѣднее обстоятельство нисколько своимъ существованіемъ не опровергаетъ вѣрности перваго положенія,—но оно является, такъ сказать, исключеніемъ изъ общаго правила, есть явленіе ненормальное, есть своего рода аномалія, которая, какъ вездѣ и всегда, существуетъ и здѣсь. Притомъ безбожіе и невѣріе опредѣляются, собственно говоря, не абсолютнымъ отсутствіемъ идеи о Богѣ, что въ здоровомъ человѣкѣ немислимо, ибо только *безумецъ* можетъ сказать: *нѣтъ Бога*, но степень истинности понятій о Богѣ и интенсивности религіознаго чувства. Если только существуетъ абсолютное безбожіе, то только, такъ сказать, на словахъ дерзкаго богохульника, а не въ душѣ его,—полное безбожіе только удѣлъ

сумасшествія и безумія. Даже самый крайній матеріалистъ и тотъ не чуждъ идеи о Богѣ, хотя бы онъ прикрывалъ ее подъ словомъ „вѣчная матерія“, или даже „случай“. „Если такимъ образомъ, скажемъ словами одного писателя, не можетъ быть полнаго невѣдѣнія о Богѣ, то можетъ быть и на самомъ дѣлѣ бываетъ познаніе о Немъ глубоко-извращенное; если невозможно безусловное забвеніе Бога, то по крайней мѣрѣ возможно полузабвеніе, умственное и нравственное отчужденіе отъ Него. Вотъ это-то удаленіе отъ Бога, выражающееся или въ безнравственной жизни, или въ ложныхъ ученіяхъ о Богѣ и объ Его отношеніи къ міру и человѣку, или въ отрицаніи религіи, или въ фактическомъ устраненіи себя отъ Богопочтенія, и называется нерѣдко безбожіемъ; безбожникъ, вѣдь, не только тотъ, кто отрицаетъ Бога, но и тотъ, кто не имѣетъ Его“¹⁾. Невѣріе, такимъ образомъ, нельзя строго разграничивать отъ религіозныхъ сомнѣній: различіе здѣсь только, такъ сказать, въ степени, ибо невѣріе является завершеніемъ сомнѣній, и человѣкъ невѣрующій приходитъ къ невѣрію путемъ религіозныхъ сомнѣній;—поэтому мы въ своемъ изложеніи объ ихъ причинѣ не будемъ строго разграничивать другъ отъ друга.

Скептицизмъ и невѣріе не есть удѣлъ одного времени, одного какого-нибудь вѣка, нѣтъ,—скептицизмъ и невѣріе были прежде, будутъ и послѣ; это—своего рода болѣзнь, усиливающаяся по временамъ и достигающая иногда, подъ вліяніемъ благопріятныхъ къ тому обстоятельствъ, высшаго развитія. Стоитъ только обратиться къ исторіи человѣчества, чтобы убѣдиться въ этомъ. Дѣйствительно, исторія представляетъ намъ не мало тѣхъ эпохъ какъ въ жизни цѣлаго человѣчества, такъ и отдѣльныхъ народовъ, когда скептицизмъ и невѣріе особенно усиливались и достигали иногда колоссальныхъ размѣровъ. Едва только человѣчество успѣло выйти, такъ сказать, изъ своей колыбели, какъ зараза невѣрія быстро стала распространяться среди первыхъ людей и съ теченіемъ времени, все болѣе и болѣе усиливаясь, достигла высшаго своего развитія предъ потопомъ, который и былъ достойной карой развращен-

¹⁾ Вѣра и Разумъ 1891 сент. „Безбожіе“ А. Бѣляева 350 стр.

наго до-потопнаго человѣчества. Исторія, затѣмъ, всѣхъ языческихъ народовъ была только исторіей усиливающихся скептицизма и невѣрія, достигшаго у большинства изъ нихъ своего высшаго развитія предъ пришествіемъ Спасителя. Не была исключеніемъ отсюда и исторія еврейскаго народа, которая говоритъ намъ, что и въ этомъ богоизбранномъ народѣ нерѣдко проявлялись скептицизмъ и невѣріе, особенно усилившіеся также предъ пришествіемъ Спасителя. Не чужда скептицизма и невѣрія и жизнь христіанскихъ народовъ;—и въ христіанской исторіи мы видимъ много эпохъ, охарактеризованныхъ особеннымъ проявленіемъ скептицизма и невѣрія, таковы: эпоха предъ паденіемъ Западной Имперіи (476 г.), предъ паденіемъ Византійской имперіи (1453 г.), эпоха предъ реформаціей на Западѣ (1517 г.), особенно конецъ 18-го вѣка, когда въ одномъ государствѣ Западнаго (во Франціи) задумали было совсѣмъ изгнать изъ своихъ предѣловъ религію, запретили даже произносить имя Бога и устроили было культъ другому богу—человѣческому разуму,—наконецъ, къ числу такихъ же эпохъ по справедливости относятъ и нашъ препрославленный 19-й вѣкъ—вѣкъ усиленнаго теоретическаго и практическаго матеріализма.

Но какъ проявляется невѣріе въ цѣломъ человѣчествѣ и у отдѣльныхъ народовъ, такъ же оно проявляется и у отдѣльныхъ личностей, усиливаясь и достигая, при благопріятныхъ къ тому обстоятельствахъ, высшаго развитія въ одно время и ослабѣвая, подъ вліяніемъ другихъ обстоятельствъ, въ другое время.

Итакъ, существованіе религіозныхъ сомнѣній и невѣрія есть неоспоримый фактъ и, какъ фактъ, требуетъ, конечно, объясненія, т. е., указанія главной причины ихъ происхожденія. Въ чемъ же, спрашивается теперь, главная причина, главный источникъ религіозныхъ сомнѣній и невѣрія? Существуетъ много объясненій по этому вопросу, по существу мало объясняющихъ дѣло, впрочемъ, мы кратко рассмотримъ ихъ, чтобы рельефнѣе сказались вѣрность настоящаго объясненія.

Говорятъ, что причиною невѣрія и скептицизма служатъ, будто бы, существующее противорѣчіе между религіей и наукой, вѣрой и знаніемъ, и потому-де, гдѣ господствуетъ наука

и знаніе, тамъ уже въ силу логической необходимости не можетъ быть религіи и вѣры. Но тутъ недоразумѣніе. На самомъ-то дѣлѣ никакого противорѣчія не существуетъ. Если вѣра противорѣчитъ знанію потому только, что вѣра, а то знаніе, то это неосновательно. Вѣдь и вѣра есть своего рода знаніе, и наоборотъ, знаніе не чуждо вѣры. Слѣдовательно они скорѣе взаимно пополняютъ другъ-друга, а не противорѣчаютъ. Когда, съ одной стороны, вѣра говоритъ намъ, что міръ созданъ Всемогущимъ разумно-личнымъ Существомъ, то эта религіозная истина есть и требованіе нашего разума, и какъ такое есть знаніе. Какъ-бы ни ухищрялись прежніе и современные экс-ученые представить происхожденіе міра безъ участія Творца какою-то случайною комбинаціею невѣдомо откуда взявшихся силъ и законовъ природы и невѣдомо какъ начавшихъ дѣйствовать въ какой-то самобытной матеріи,—все же ихъ представленіе, какъ фикція, никогда не удовлетворитъ истинно-человѣческаго разума и всегда будетъ стоять въ противорѣчіи съ нимъ. Съ другой стороны, когда наука говоритъ намъ, что сила и матерія неуничтожимы, то это научная истина, какъ основанная, такъ сказать, на полуопытѣ потому—что для полного опыта нужно всевѣдѣніе, все-же будетъ скорѣе предметомъ вѣры, чѣмъ точнаго знанія. Да и многое другое въ наукѣ принимается на вѣру,—что это, такъ называемыя, научныя гипотезы, какъ не истины, принимаемыя на вѣру? Такимъ образомъ, нельзя унижать вѣры и говорить, что она удѣлъ неразумія. Стоитъ только поглубже проникнуть въ христіанскія истины, чтобы видѣть, какъ онѣ разумны. Самъ Основатель религіи, Который пришелъ просвѣтить блуждающихъ во тьмѣ невѣдѣнія и обманчиваго знанія (Лук. 1, 79), признавалъ права разума въ дѣлѣ вѣры и не думалъ, что истины вѣры противорѣчаютъ разуму. „Испытайте писанія“, говорилъ Спаситель своимъ слушателямъ, т. е., изслѣдуйте разумомъ религіозныя истины и дѣлайте ихъ достояніемъ не слѣпой вѣры, но и достояніемъ ума, словомъ, разумной вѣры. Свое ученіе Онъ всегда приспособлялъ къ умственному развитію своихъ слушателей съ тою, конечно, цѣлію, чтобы люди легче и сознательнѣе усвоили открываемыя имъ истины: простому

народу Онъ сообщилъ ихъ въ приточной формѣ (Лук. 8, 4), а людямъ образованнымъ въ формѣ діалоговъ и разсужденій (Лук. 12, 14—37). Въ подтвержденіе истинности Своего ученія Онъ употреблялъ доказательства, которыя весьма разнообразились, смотря по тому, о чемъ и съ кѣмъ Онъ говорилъ: Онъ обращался за доказательствами къ Вѣтхому Завету, къ явленіямъ природы и т. д., и всѣмъ этимъ показывалъ, что религиозныя истины не противорѣчатъ разуму. Если такъ,—если между разумомъ и вѣрою нѣтъ противорѣчія, то не здѣсь причина невѣрія и скептицизма. Затѣмъ, говорятъ, изъ знаній особенно званіе философское и положительное несовмѣстимо съ вѣрою. И оно-то и служитъ-де причиною невѣрія. Но правда ли это? Конечно, нѣтъ. Предположимъ, что вѣра иногда противорѣчитъ философїи, но спрашивается—какой? Вѣдь, философскимъ системамъ нѣтъ конца, и всѣ онѣ, если не въ основѣ, то въ частностяхъ противорѣчатъ другъ-другу: не было, нѣтъ и не предвидится въ будущемъ появленіе такой философїи, которая по праву исключала бы всякую другую и нашла общее признаніе. Какъ-же можно послѣ этого философское ученіе, само себѣ противорѣчащее, противопоставлять устойчивому Богооткровенному ученію и говорить, что послѣднее противорѣчитъ первому? Если говорить, что христіанское ученіе противорѣчитъ философїи, то нужно пояснить, что она противорѣчитъ именно опредѣленной философїи. Вѣдь, не всякая философїя атеистична, съ другой стороны, и не всякая атеистическая нелѣпость есть философїя. Истинная философїя, цѣль которой достигнуть высочайшаго начала и первой причины всѣхъ вещей, всегда ведетъ къ признанію Божества. И къ чести философїи нужно сказать, что величайшія свѣтила этой науки, при всемъ разнообразіи ихъ понятій о Богѣ, никогда не унижались до опроверженія истины бытія Божія, и что среди огромнаго числа различнаго достоинства философовъ исторія философїи указываетъ только на ничтожное сравнительно количество лицъ и не высшаго философскаго достоинства, отвергающихъ истину бытія Божія. Какіе нибудь древніе софисты, или прошловѣковые энциклопедисты: Гельвецій, Дидро, Де-ла-Метри и т. д., скорѣе были диллетантами въ философїи, чѣмъ насто-

ящими философами. Къ безбожію приводитъ не глубокомысліе, а легкомысліе, не истинная философія, а извращеніе или отрицаніе ея. Замѣчательно,—что изъ всѣхъ философскихъ системъ единственно въ точномъ смыслѣ безбожною является матеріалистическая, а она то именно и есть самая поверхностная и наименѣе философская изъ всѣхъ системъ философіи. Но винить философію вообще за направленіе отдѣльныхъ лицъ и системъ нельзя, это значитъ не понимать истинной цѣли и задачи этой науки. Вина въ данномъ случаѣ не въ самой наукѣ философіи, а въ отдѣльныхъ ея представителяхъ, идущихъ къ цѣли ложнымъ путемъ. А что нѣтъ противорѣчій между истинной философіей и христіанскимъ ученіемъ, доказательствомъ тому служитъ то, что есть цѣлыя философскія системы, болѣе или менѣе согласныя съ нимъ, таковы всѣ теистическія системы. Затѣмъ христіанскіе отцы и учителя церкви, будучи великими богословами, были въ то же время и глубокими мыслителями, глубокими философами, каковы, напр. свв. Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Оригенъ; св. Василій Великій и др. Да, наконецъ, то сравнительно чистое ученіе о Богѣ, человѣкѣ и мірѣ, какое мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ философскихъ системахъ христіанской эры, откуда-же взято, какъ не изъ Божественнаго Откровенія? Не свидѣтельствуетъ-ли все это объ отсутствіи противорѣчія между христіанскимъ ученіемъ и философскимъ сознаніемъ и объ ихъ полной взаимной солидарности? А если такъ, то, значитъ, и философія сама по себѣ не виновница скептицизма и невѣрія.

Нѣкоторые, далѣе, хотятъ видѣть причину невѣрія и скептицизма въ развитіи положительныхъ наукъ, особенно въ наше время. Но на это нужно во 1-хъ замѣтить, что скептицизмъ и невѣріе древнѣе самыхъ положительныхъ наукъ: послѣднихъ еще не было, когда существовали уже первые. Во 2-хъ нужно сказать, что въ данномъ случаѣ позабываютъ то, что истины религіи и истины положительныхъ наукъ относятся къ разнымъ областямъ знанія, а потому въ сущности и не могутъ противорѣчить однѣ другимъ, и слѣдовательно, далѣе, положительныя науки сами по себѣ не могутъ служить виною невѣрія. Задача положительныхъ наукъ—опытное познаніе явленій

природы, задача религіи—сообщеніе истинъ сверхъопытныхъ, сверхчувственныхъ; положительныя науки изслѣдуютъ второстепенныя причины бытія, а религія говоритъ о первой причинѣ бытія, такъ что, отсюда понятно, признаніе истинъ положительныхъ наукъ не можетъ необходимо вести къ отрицанію истинъ религіозныхъ, напротивъ, скорѣе онѣ будутъ взаимно восполнять другъ друга, чѣмъ противорѣчить. А что это такъ, что положительныя науки сами по себѣ не служатъ предрасполагающимъ условіемъ къ невѣрію, то доказательствомъ этому можетъ служить множество глубокомысленныхъ и первостепенныхъ изслѣдователей природы, которые не только чужды были атеизма, но были людьми въ высокой степени религіозными, какъ, напр. Ньютонъ, Кеплеръ и др. Если же выходили и выходять изъ лагеря такихъ ученыхъ люди невѣрія, то, по большей части, такіе ученые являлись и являются, собственно говоря, диллетантами въ этой области знанія, людьми, не понимающими задачи положительныхъ наукъ и потому незаконно вторгающимися въ чуждую для этихъ наукъ область вѣры,—людьми, кичащимися чужими открытіями въ этой области, не представляющими часто ничего для своихъ мнимо-логическихъ выводовъ по отношенію къ истинамъ религіи,—людьми, пользующимися всякими скороспѣлыми и потому ненаучными гипотезами этой науки для своихъ цѣлей. Вообще связь этихъ ученыхъ съ положительными науками чисто внѣшняя, которую они стараются поддерживать изъ-за того громаднаго авторитета, какимъ онѣ пользуются особенно въ наше время. Но сами по себѣ эти науки не ведутъ къ невѣрію; истинная почва атеизма—полу-ученость. „Недостаточныя свѣдѣнія въ естествознаніи, говоритъ Беконъ, склоняютъ человѣка къ безбожію, но болѣе глубокое изученіе ихъ приводитъ человѣка къ религіи“¹⁾.

И дѣйствительно, опытъ свидѣтельствуетъ, что скептиками и безбожниками чаще всего бывають вовсе не ученые или философы, въ собственномъ смыслѣ этого слова, а люди, схватившіе только верхушки наукъ и не имѣющіе истиннаго понятія о сущности ихъ,—легкомысленно обольщающіе себя надеждою

¹⁾ Атеизмъ, Кудрявцева. Пр. об. 1882 г. стр. 216.

черезъ невѣріе прослыть передовыми учеными,—иногда даже совершенные невѣжды, повторяющіе только чужія слова безъ надлежащаго ихъ пониманія. Можно даже признать за правило, что огромное большинство безбожниковъ имѣетъ мало общаго съ серьезной наукой и съ философійю.

Итакъ, наука и философія сами по себѣ не могутъ служить главною причиною и источникомъ скептицизма и невѣрія; они служатъ, развѣ, такъ сказать, щитомъ, хотя и ненадежнымъ, для прикрытія неразумности и неосновательности невѣрія; ими стараются оправдать скептицизмъ и невѣріе уже возникшія, слѣдовательно главная причина ихъ не здѣсь.

Такъ гдѣ же, спрашивается послѣ этого, главный-то источникъ скептицизма и невѣрія? Въ развращенности сердца и воли,—въ нравственной распущенности человѣка, коренящейся въ эгоизмъ человѣка, что и постараемся далѣе доказать на основаніи фактовъ психологическихъ, подтверждаемыхъ исторією.

Всякая другая область научнаго познанія, напр. вещественная природа, не въ такой мѣрѣ требуетъ отъ своего изслѣдователя нравственной чистоты, какъ область бытія сверхчужественнаго, хотя и тамъ едва-ли желателенъ и полезенъ для науки безнравственный ея представитель; поэтому нерѣдко приходится видѣть въ представителяхъ такихъ наукъ глубокія знанія въ соединеніи съ самымъ жалкимъ эгоизмомъ и съ величайшею испорченностію сердца. Но не такъ въ области Богопознанія; здѣсь нравственная чистота человѣка есть первое и необходимое условіе истиннаго Боговѣдѣнія. А такъ-какъ основа нравственной чистоты есть любовь, то потому Апостоль Іоаннь Богословъ и указалъ на нее, какъ на главное условіе Богопознанія, а на отсутствіе ея, какъ на признакъ невѣдѣнія о Богѣ: „всякъ любяй, говоритъ онъ, знаетъ Бога, а не любяй не позна Бога“ (1 Іоан. 4, 7, 8).

Въ этихъ словахъ Апостола заключается глубокой психологическій смыслъ.

Дѣло въ томъ, что всякое знаніе обусловливается двумя актами:—актомъ непосредственнаго воспріятія впечатлѣній познаваемыхъ предметовъ и актомъ мыслительной дѣятельности нашего разсудка по поводу данныхъ впечатлѣній въ области

эмпирическаго познанія, понимаемаго въ обширномъ смыслѣ этого слова, первый актъ опредѣляется органами внѣшнихъ чувствъ, въ области-же религіознаго знанія—органомъ внутреннего чувства—сердцемъ. Не будь органовъ внѣшнихъ чувствъ, мы не могли-бы имѣть никакого эмпирическаго познанія, такъ-какъ разумку въ данномъ случаѣ принадлежитъ не первоначальная роль, а второстепенная, хотя и важная, такъ-что самая возможность, качество и степень достовѣрности нашего чувственного знанія главнымъ образомъ опредѣляется органами внѣшнихъ чувствъ и ихъ состояніемъ. Нормальность ихъ состоянія, обуславливая и правильность впечатлѣній, обуславливаетъ и правильность познаній, напротивъ, ненормальность ихъ влечетъ за собой неправильность ощущеній, а затѣмъ и неправильность познаній, отсутствіе-же или поврежденіе какого-нибудь органа обрекаетъ человѣка уже на положительную невозможность пріобрѣтать познанія въ предѣлахъ этого органа.

Такъ точно и въ области религіознаго познанія,—не будь особаго органа для познанія сверхчувственныхъ предметовъ, невозможно было бы и познаніе ихъ, одинъ разумокъ въ данномъ случаѣ не значитъ ничего, ибо его дѣятельность, хотя и необходимая, имѣетъ значеніе служебное—усвоить готовый матеріалъ, данный въ органѣ внутреннего чувства, такъ что, собственно говоря, вся область Богопознанія въ его возможности, правильности и полнотѣ опредѣляется внутреннимъ чувствомъ и его состояніемъ. Нормальность этого чувства опредѣляетъ правильность, ясность и отчетливость нашихъ религіозныхъ познаній, напротивъ, его ненормальность влечетъ за собой неправильность и неясность ихъ, граничащую иногда, при крайней огрубѣлости нравственнаго чувства, чуть не съ полнымъ отсутствіемъ боговѣдѣнія. Но въ чемъ-же, спрашивается теперь, состоитъ нормальность внутреннего чувства, какъ органа, посредствомъ котораго мы познаемъ божественное? Такъ какъ высочайшій объектъ этого органа познанія—Богъ, Существо Абсолютно-совершенное, Абсолютно-нравственная чистота, то и познающій субъектъ для того, чтобы вѣрно познать эту Абсолютную чистоту, необходимо самъ долженъ

имѣть возможную для него нравственную чистоту, ибо, какъ справедливо замѣтили еще древніе языческіе мудрецы, „подобное познается только подобнымъ“: только чистая душа можетъ созерцать чистѣйшее Божество. Итакъ, нравственная чистота сердца есть первое и необходимое условіе Богопознанія, и этою-то чистотою обуславливается нормальность нашего внутренняго чувства. Нравственное-же чувство просвѣтляется, возвышается и становится болѣе воспримчивымъ или способнымъ познавать высшіе духовные предметы, слѣдовательно и пріобрѣтаетъ познаніе о Богѣ, при нравственной жизни человѣка, при его святости. Основу-же нравственности, и слѣдовательно и условіе для чистоты сердца, составляетъ любовь, какъ чувство вообще и какъ начало практической доброй дѣятельности. Поэтому-то, съ цѣлію указать въ любви главное средство Богопознанія, Апостоль Іоаннъ Богословъ и говоритъ: „не любяй не позна Бога, яко Богъ любви есть, и всякъ любяй, отъ Бога рожденъ есть, и знаетъ Бога“ (1 Іоан. 4, 7, 8). Здѣсь Апостоль, можно сказать, отождествляетъ любовь къ Богу съ познаніемъ Его. И дѣйствительно, если Богъ любовь, то для того, чтобы постигнуть Его, хотя отчасти, необходимо самому человѣку имѣть любовь, самому испытать, что такое любовь, чтобы черезъ свою любовь судить о любви божественной: кто еще не испыталъ любви, не питалъ ее къ кому-либо, тотъ, естественно, если знаетъ ее; то знаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ отвлеченное понятіе, какъ пустое слово, а не самую любовь. Далѣе, при искренней только и взаимной любви возникаетъ тѣсное общеніе, тѣсный союзъ между двумя личностями, а при тѣсномъ общеніи они лучше постигаютъ другъ друга, такъ и въ отношеніи къ Богу, который есть существо живое и личное,— тотъ только можетъ лучше познать Его, кто, имѣя искреннюю любовь, находится въ тѣсномъ общеніи съ Нимъ; а такое общеніе возможно лишь при нравственной чистотѣ человѣка, потому что, какъ вообще, въ живомъ отношеніи можетъ находиться только сродное съ сроднымъ, такъ въ частности, въ такомъ отношеніи съ Божествомъ можетъ находиться лишь богоподобное, и потому чѣмъ чище, свободнѣе отъ грѣховъ душа, тѣмъ тѣснѣе можетъ быть союзъ ея съ Богомъ, тѣмъ со-

вершинѣе можетъ быть познаніе о Немъ. А чистота и святость души есть слѣдствіе любви вообще, и къ Богу въ частности. „Любовь не мыслить зла“ (Лк. 13, 5), поэтому человѣкъ, преисполненный любви, въ силу уже этого будетъ исполнять всѣ божественныя заповѣди, какъ основанныя на любви; а исполняя, будетъ черезъ это пріобрѣтать все большую и большую чистоту сердца, которое въ данномъ случаѣ можно назвать внутреннимъ зеркаломъ, отображающимъ въ себѣ въ известной, возможной для него мѣрѣ высшіе духовные предметы. И. понятно, чѣмъ чище это внутреннее зеркало, тѣмъ явственнѣе въ немъ отображеніе этихъ духовныхъ предметовъ и тѣмъ понятнѣе эти отображаемые предметы для разумнаго обладателя этимъ чистымъ зеркаломъ. Черезъ это-то чистое зеркало первѣе всего и познается главный объектъ нашей вѣры—Богъ, почему и Спаситель сказалъ: „блаженіи чистиі сердцемъ, яко тѣи Бога узрять“ (Мѣ. 5, 8), и узрять Его духовно, внутри себя, въ чертахъ образа Божія въ себѣ, которыя, подъ влияніемъ нравственной чистоты, болѣе просвѣтляются въ нихъ и потому болѣе усвоятся ими, а чрезъ образъ они лучше познаютъ и Первообразъ. А для такихъ людей, которые внутри себя познали Бога, внутри себя ощутили Его присутствіе, и книга природы „повѣдаетъ славу Божію“ (Пс. 18), и книга откровеній сообщить все, что только можно знать человѣку о Богѣ. Итакъ, чѣмъ болѣе человѣкъ совершенствуется нравственно, тѣмъ полнѣе онъ восходитъ въ полноту Боговѣдѣнія; чѣмъ чище становятся умныя очи его сердца, тѣмъ яснѣе онъ видитъ Бога. Тутъ, „благодать дается на благодать“ (Іоан. 1, 16).

Если, такимъ образомъ, нравственная чистота сердца обусловливаетъ правильность и ясность познаній о Богѣ, то понятна будетъ наша мысль, что главнымъ источникомъ скептицизма и невѣрія служить развращенность сердца. Въ самомъ дѣлѣ, если для познанія Бога нужна чистота сердца, то ясно, что коль скоро эта чистота будетъ затемняться, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ затемняться и самое познаніе о Богѣ, такъ что, при крайней огрубѣлости сердца, возможны лишь слабыя проблески Боговѣдѣнія. Чистота сердца, какъ мы видѣли,—это нормальность нашего органа Боговѣдѣнія, и понятно, если мы

искажаемъ эту чистоту, то лишаемъ нашъ органъ его нормальнаго состоянія, лишаемъ, значить, его возможности ясно и правильно воспринимать сверхчувственные предметы. Человѣкъ-же искажаетъ чистоту своего сердца безнравственною, грѣховною жизнію, льстящею его чувственности или самолюбію. Предаваясь такой жизни, вращаясь среди только земнаго и чувственнаго, человѣкъ, такъ сказать, оземляется: его сердце постоянно и постепенно нравственно грубѣетъ, его восприимчивость сверхчувственныхъ предметовъ, по мѣрѣ погруженія человѣка въ грѣховную жизнь, мало-помалу притупляется и оно все болѣе и болѣе теряетъ способность къ созерцанію Божественнаго. При такой жизни, когда въ душѣ человѣка господствуютъ одни дикія желанія и страсти, живетъ только одно низменное, чувственное,—естественно, нѣтъ и не можетъ быть мѣста возвышенному, сверхчувственному, Божественному,—естественно живѣе, при такой жизни помрачается и обезображивается образъ Божій въ человѣкѣ, такъ-что черезъ этотъ тусклый образъ послѣдній едва, а то и совсѣмъ не видитъ Его Первообразъ. Предаваясь одной чувственности, льстящей его эгоизму и гордости, порочный человѣкъ лишается главнаго нравственнаго импульса—любви. и вмѣстѣ съ тѣмъ лишается и общенія съ Богомъ, этимъ источникомъ любви,—а лишившись общенія съ Нимъ, онъ мало по малу позабываетъ его. Когда-же Богъ, такимъ образомъ, не имѣетъ уже мѣста непосредственно въ самой жизни человѣка, когда сердце его по своему законѣ дѣлается неспособнымъ возвыситься надъ чувственнымъ и переносится въ міръ сверхчувственный, тогда религиозное чувство его, постоянно и постепенно притупляясь и ослабѣвая, затемняется и гложетъ; мысль о Богѣ посѣщаетъ его все рѣже, наконецъ, и самое напоминаніе о Богѣ становится для него тягостнымъ и непріятнымъ, потому-что оно говоритъ ему о нежелательной для него карѣ за преступную его жизнь. А отсюда понятно, далѣе, является у подобнаго человѣка стремленіе освободиться отъ такого карающаго Существа: сначала возникаетъ у него только нерѣшительное еще сомнѣніе въ существованіи Бога-Мздовоздаятеля, а потомъ это сомнѣніе, подъ давленіемъ усиливающейся порочной жизни, невольно все болѣе

закрѣпляется, и, наконецъ, когда развращенность доходить до высшей степени, подобный скептикъ, для успокоенія колеблющейся все еще совѣсти, говоритъ въ растлѣнномъ своемъ сердцѣ: „вѣсть Богъ“. Но чтобы придать этой мысли видъ истины, надо, вѣдь, оправдать ее какими-нибудь разумными доводами,—и скептикъ не останавливается на этомъ, на помощь къ нему идетъ его разсудокъ, который, подстрекаемый желаніемъ и личнымъ интересомъ, всегда готовъ оправдать своими софизмами заблужденія сердца и воли. И въ этомъ отношеніи такая дѣятельность разсудка совершенно понятна, потому-что онъ дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ заинтересованнаго чувства, а психологически извѣстно, что чувство имѣетъ громадное вліяніе на характеръ умственной и волевой дѣятельности человѣка. Съ чувствомъ тѣсно связаны умъ и воля: какъ чувствую, такъ и мыслю; какъ мыслю, такъ и дѣйствую. Справедливо въ этомъ случаѣ говорить Фихте, что „наша система мыслей есть только исторія нашего сердца. Все мое убѣжденіе происходитъ отъ нравственнаго настроенія, а не отъ разсудка,—и усовершенствованіе сердца ведетъ къ истинной мудрости“¹⁾.

И это подтверждаютъ и слѣдующія слова Спасителя: „отъ сердца бо исходятъ помышленія злая“, т. е., сначала въ насъ зараждается нечистое чувство, за которымъ непосредственно слѣдуетъ нечистый помысль, побуждающій нашу волю на разныя злыя дѣйствія: „убійство, прелюбодѣянія, любодѣянія, гатьбы, жесвидѣтельства, хулы“ (Матѣ. 15, 19). И вотъ заинтересованное въ идеѣ Божества порочное чувство, для котораго непріятно Его бытіе, какъ нравственнаго Мздовоздателя, шепчетъ, такъ сказать, своему разсудку—оправдать зародившееся у него сомнѣніе въ бытіи Божіемъ, и разсудокъ, „одаренный, по выраженію проф. Кудрявцева, необыкновенною гибкостью и способностью предлагать свои услуги къ самымъ разнообразнымъ требованіямъ личнаго интереса“²⁾, подъ давленіемъ такого-то сердечнаго внушенія, беретъ смѣлость оправдать своими софизмами это заблужденіе сердца. И послѣ этого неудивительно, что такой пред-

¹⁾ Апол. Геттингера, ч. 1, стр. 20.

²⁾ Атеизмъ. Пр. 06. 1882 г. 224 стр.

занятый умъ скептика и въ философіи, и въ естествознаніи находятъ доказательства противъ истины бытія Божія. Здѣсь такой разумъ приступаетъ къ своимъ изслѣдованіямъ уже съ готовыми, предзанятыми положеніями и только старается послѣдовательно провести и оправдать ихъ. Онъ ищетъ истину не съ тѣмъ, чтобы найти ее, но чтобы привнести и оправдать свою мысль. И вотъ, у такихъ-то приверженцевъ философіи и естествознанія, неудивительно, послѣднія являются науками, враждебными религіи, отвергающими истину бытія Божія. „Какое челоуѣкъ, такова и изображаемая имъ философія“, вѣрно замѣтилъ Фихте, и этимъ замѣчаніемъ какъ бы подтвердилъ слова другаго знаменитаго философа—Бекона, что „никто не отрицаетъ бытія Божія, кромѣ того, кому выгодно, чтобы не было Бога“. ¹⁾

Въ этихъ замѣчаніяхъ двухъ глубокихъ философовъ заключается вѣрный психологическій смыслъ, объясняющій намъ тѣ нерѣдко случающіеся факты, когда люди, будучи нравственно заинтересованы, съ упорствомъ отстаиваютъ ничѣмъ неоправдаваемые, на безпристрастный взглядъ, положенія, и положенія, можно сказать, неразумныя,—неразумныя потому, что разумъ здѣсь дѣйствуетъ совершенно пассивно, находясь подъ сильнымъ давленіемъ своего порочнаго сердца: дѣятельность его, такъ сказать, сковывается этимъ давленіемъ и идетъ не по тѣмъ свободно-разумнымъ законамъ мысли, какими она должна бы идти, а по тѣмъ, какіе указываетъ ему порочное чувство,—потому-то такая дѣятельность и является вовсе не разумною, а безумною. Откуда и понятно будетъ выраженіе Св. Писанія: „рече безумецъ“, и именно только безумецъ, въ порочномъ „сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ“ (Пс. 13, 5). Итакъ, вся причина невѣрія и скептицизма въ томъ, что въ данномъ случаѣ заинтересовано порочное сердце челоуѣка, и будь оно заинтересовано въ безспорныхъ истинахъ математики, то оно и ихъ не преминуло бы, по Мальбраншу, отвергнуть: „если-бы квадратъ гипотенузы или биномъ Ньютона, говоритъ Мальбраншъ, сопровождался какою-нибудь нравственною обязанностію, то и математика сдѣлалась-бы предметомъ сомнѣній“ ²⁾.

¹⁾ Атеизмъ, стр. 224. ²⁾ Индифферентизмъ Тилье. Хр. Чт. 1880 г. стр. 175.

Кромѣ того въ отрицаніи Божества разсудокъ, дѣйствуя подѣ влияніемъ нравственнаго эгоизма, побуждается къ этому и собственнымъ эгоизмомъ, который еще болѣе усиливаетъ дерзость въ отрицаніи Божества и даетъ ему даже безумную смѣлость богохульствовать. Зародившись сначала въ видѣ сомнѣнія въ порочномъ сердцѣ человѣка, отрицаніе Божества, покуда покоится на нравственномъ только эгоизмѣ, имѣетъ видѣ, такъ сказать, практическаго атеизма, т. е., простаго забвенія о Богѣ. Но какъ скоро это сомнѣніе, этотъ практический атеизмъ переносится на арену растлѣннаго человѣческаго разсудка, то это сомнѣніе, этотъ практический атеизмъ, подѣ влияніемъ умственнаго эгоизма, принимаетъ уже видѣ атеизма теоретическаго, видѣ дерзкаго отрицанія Божества и безумнаго богохульства. Вращаясь своими изслѣдованіями въ сферѣ только чувственнаго и земнаго и упиваясь успѣхами этихъ изслѣдованій, умъ человѣка, будучи въ силу, такъ сказать, своей плотности неспособенъ къ уразумѣнію предметовъ духовныхъ, сверхчувственныхъ, съ гордою самонадѣянностію отвергаетъ неподдающуюся его уразумѣнію область духовнаго бытія, какъ несуществующую,—и отвергаетъ съ какимъ-то особеннымъ самодовольствомъ—почему? потому что это отрицаніе, лаская его собственный эгоизмъ, льститъ главнымъ образомъ нравственному самолюбію человѣка.

Итакъ, нравственная порча сердца—вотъ главная причина и корень религіозныхъ сомнѣній и невѣрія. А что это такъ, мы постараемся это подтвердить, въ заключеніе, историческими примѣрами какъ отрицательнаго, такъ и положительнаго характера. Всѣ тѣ эпохи, на которыя мы въ началѣ указали, какъ на эпохи усиленнаго невѣрія, всѣ они отличались наибольшею нравственною распущенностію. Возьмемъ, напр., допотопный міръ и спросимъ: почему тогда изсякло въ людяхъ познаніе о Богѣ? Не была-ли причиною этого нравственная распущенность? Именно причиною этого и была нравственная распущенность, какъ даетъ намъ разумѣть это св. Библия, говоря, что тогда „всякъ помышлялъ на злоя во вся дни“ (Быт. 6, 5), и потому Господь и сказалъ: „не имать Духъ Мой пребывать въ людяхъ сихъ, зане суть плоть“ (Ibid. ст. 3).

Тою же нравственною распушенностію отличались и всѣ другія, указанныя нами выше, эпохи невѣрія предъ пришествіемъ Спасителя, предъ паденіемъ Западной имперіи (476 г.), а потомъ Византійской (1453 г.), предъ реформаціей (1517 г.) на Западѣ, конецъ 18-го столѣтія и, наконецъ, нашъ пресловутый 19-й вѣкъ. Обратимся къ послѣднему. Кажется, никогда материализмъ мысли не соединялся такъ тѣсно съ материализмомъ жизни, какъ въ наше прославленное успѣхами материалистической культуры время. Область матеріи, область чувственной природы человѣка является главнымъ средоточіемъ всей дѣятельности и жизни современнаго человѣчества. Виѣшняя природа, долгое время бывшая загадочнымъ сфинксомъ, теперь все болѣе и болѣе открываетъ человѣку свои тайны и служитъ его интересамъ и виѣшнему благосостоянію. Ослѣпленный своими побѣдами надъ природой, человѣкъ сталъ все болѣе и болѣе отдаваться изученію матеріи и въ силу этого охладѣвать къ высшимъ духовнымъ интересамъ, привязываться всецѣло къ землѣ, забывая о небѣ. О высокихъ, идеальныхъ началахъ жизни большинство перестало и думать. Свобода, нравственная отвѣтственность, совѣсть—все это поставляется въ тѣни.

Весь нравственный кодексъ огромнаго большинства людей не идетъ далѣе этого: покойся, ѣшь, пей и веселись... Какой-же результатъ получается отъ такого состоянія современнаго человѣчества? Результатъ извѣстенъ: усиленіе невѣрія и скептицизма, идея о Богѣ не только забывается, но иногда служить даже предметомъ глумленія. И это естественно, потому что живущіе во плоти о плотскомъ и помышляютъ, а помышленія плотскія суть духовная смерть и вражда противъ Бога (Рим. 8, 5—7).

Напротивъ, люди съ чистымъ сердцемъ, съ развитою нравственностію, люди добродѣтельной жизни всегда имѣли и имѣютъ ясныя и глубокія познанія о Богѣ. Примѣровъ тому въ исторіи много. Возьмемъ, на примѣръ, періодъ вселенскихъ соборовъ, эту эпоху высшаго развитія богословской мысли,—здѣсь мы видимъ цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ богослововъ, какъ-то: свв. Аеанасія Великаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго и др.; и что-же? всѣ эти лица отличались

чались святою, безупречною жизнью. Отличаясь высшимъ по тому времени образованіемъ, эти лица не считали все-таки его достаточнымъ для усвоенія истинъ вѣры, особенно истинъ о Божествѣ. Для этого послѣдняго они считали нужнымъ приготовить себя сначала въ нравственномъ отношеніи: для чего удалялись иногда въ пустыни, чтобы здѣсь въ уединеніи заняться самоиспытаніемъ и нравственнымъ усовершенствованіемъ, и вообще проводили время въ подвигахъ, постѣ и молитвѣ, и съ чистымъ уже сердцемъ приступали къ изученію слова Божія и книги природы. И вотъ, путемъ такой, по истинѣ, духовной жизни они и достигали высшаго познанія о Богѣ, о чемъ свидѣлствуютъ ихъ произведенія, исполненныя глубокими мыслями и разсужденіями о тайнахъ вѣры.

Итакъ, глубоко-психологически вѣрно выраженіе св. Іоанна Богослова, что „не любяй не позна Бога, яко Богъ любви есть, и всякъ любяй знаетъ Бога“ (1 Іоан. 4, 7—8), т. е., что нравственная чистота сердца есть первое и необходимое условіе истиннаго Богопознанія, напротивъ, его развращенность есть главный источникъ религіозныхъ сомнѣній и невѣрія.

Н. М.

О СЛУЧАЙНОСТИ ЗАКОНОВЪ ПРИРОДЫ.

Эмиля Бутру, профессора Парижскаго Университета.

„Εἶναι καὶ ἐνταῦθα θεός“
(Aristot. De part. anim. I, 5).

(Переводъ со второго французскаго изданія подъ редакціей доцента Московской Духовной Академіи П. П. Соколова).

В В Е Д Е Н І Е.

Вначалѣ человѣкъ всецѣло поглощенъ своими ощущеніями удовольствія и страданія; онъ не думаетъ о внѣшнемъ мірѣ и даже не знаетъ о его отдѣльномъ существованіи. Но съ теченіемъ времени въ самыхъ своихъ ощущеніяхъ онъ начинаетъ различать два элемента, изъ которыхъ одинъ, —относительно простой и однообразный,—есть ощущеніе его собственнаго „я“, а другой,—болѣе сложный и болѣе измѣнчивый,—представленіе внѣшнихъ предметовъ. Съ этого момента въ немъ пробуждается потребность выйти за предѣлы своей личности и рассмотреть окружающія его вещи въ себѣ самихъ,—пробуждается потребность *познанія*. Онъ еще не спрашиваетъ себя, на какую точку зрѣнія онъ долженъ стать, чтобы видѣть вещи не такими, какъ онѣ ему кажутся, а такими, какъ онѣ существуютъ въ дѣйствительности. Уже съ этой точки зрѣнія, на которой онъ находится, его раскрывающіеся глаза усмотрѣли чудную перспективу и безконечные горизонты, и, утверждаясь на ней, какъ на наблюдательномъ пунктѣ, онъ принимается познавать міръ въ томъ видѣ, въ какомъ послѣдній доступенъ его взору. Это—первый фазисъ науки, тотъ фазисъ, когда умъ въ цѣляхъ построенія всеобщаго познанія основывается на *внѣшнихъ*

чувствахъ. И внѣшнія чувства дѣйствительно даютъ ему первое понятіе о мірѣ. Согласно ихъ даннымъ, міръ представляется совокупностью безконечно разнообразныхъ фактовъ. Человѣкъ можетъ ихъ наблюдать, анализировать, описывать съ большей и большей точностью, и въ этомъ самомъ описаніи состоитъ наука. Что-же касается до опредѣленнаго порядка между фактами, то человѣкъ о немъ не спрашиваетъ: чувства не даютъ ему видѣть такого порядка. Случай, судьба, совокупность своенравныхъ воль—вотъ что управляетъ міромъ.

Въ продолженіе извѣстнаго времени человѣкъ удовлетворяется такимъ мировоззрѣніемъ. Не есть-ли оно уже очень плодотворный шагъ впередъ? Между тѣмъ, наблюдая факты, человѣческій умъ замѣчаетъ между ними постоянныя связи. Онъ видитъ, что природа состоитъ не изъ обособленныхъ вещей, а изъ явленій, взаимно вызывающихъ другъ друга. Онъ констатируетъ, что наблюдаемая чувствами смежность явленій не даетъ точнаго понятія о ихъ дѣйствительномъ соотношеніи. Онъ желалъ бы имѣть возможность расположить явленія не въ томъ порядкѣ, въ какомъ они ему представляются, а по ихъ дѣйствительной взаимной зависимости. Чисто описательная наука теперь представляется ему недостаточной и даже не точной, потому что она извращаетъ отношенія вещей. Ему хотѣлось-бы съ описаніемъ соединить объяснительное познаніе. Но такого познанія чувства не могутъ доставить. Чтобы пріобрѣсти его, нужно отмѣчать наблюдаемыя связи, сравнивать ихъ и такимъ образомъ распознавать между ними связи постоянныя и общія. Затѣмъ, когда будутъ установлены такія рамки, слѣдуетъ подводить подъ нихъ тѣ частныя связи, которыя предполагается объяснить. Чувства-же открываютъ только связи, непосредственно данныя самими вещами. Но вотъ является философское мышленіе и предлагаетъ уму болѣе высокую точку зрѣнія, съ которой наблюдается именно то, что есть общаго въ вещахъ; и умъ поручаетъ этому мышленію толковать, классифицировать и выяснять данныя чувства.

Поставленное такимъ образомъ выше чувствъ, мышленіе сначала думаетъ обойтись безъ нихъ и пытается построить науку о мірѣ исключительно собственными силами. Ему ка-

жется, что для этого достаточно взять въ качествѣ точки отправления тѣ идеи, которыя представляются ему очевидными сами по себѣ, и развить ихъ по его собственнымъ законамъ. До какого пункта мышленіе можетъ довести такое построеніе, ничего не заимствуя у видимыхъ чувствъ.—трудно сказать. Какъ-бы то ни было, оно кончается наукой, всѣ части которой дѣйствительно находятся въ строгой связи, и которая такимъ образомъ всецѣло едина, но которая съ другой стороны расходится съ дѣйствительными вещами и все болѣе и болѣе дискредитируется своими-же собственными выводами. Это—наука, построенная изъ чистыхъ идей, а порядокъ идей имѣетъ цѣнность только тогда, когда онъ объясняетъ порядокъ явленій.

Придя къ невозможности создать науку исключительно собственными силами, мышленіе соглашается допустить участіе чувствъ. Они будутъ работать сообща, чтобы познать міръ: чувства будутъ наблюдать факты, а мышленіе—возводить ихъ къ законамъ. Слѣдуя этому методу, умъ стремится къ болѣе широкому міровоззрѣнію, чѣмъ предыдущія. Міръ, съ этой точки зрѣнія есть совокупность безконечно разнообразныхъ фактовъ, и между этими фактами существуютъ постоянныя и необходимыя связи. Разнообразіе и единство, случайность и необходимость, измѣнчивость и постоянство,—вотъ два полюса вещей. Законъ даетъ основу явленіямъ, явленія осуществляютъ законъ. Это—міровоззрѣніе въ одно и то-же время синтетическое и гармоническое, потому что оно допускаетъ противоположности безъ ограниченій и тѣмъ не менѣе примиряетъ ихъ. Кромѣ того оно даетъ возможность, какъ показываетъ опытъ, все лучше и лучше объяснять и предвидѣть явленія. Пораженный такими преимуществами, умъ все болѣе и болѣе склоняется къ этому міровоззрѣнію и начинаетъ обо всемъ судить на основаніи его.

Но, спрашивается теперь, есть-ли это—окончательное міровоззрѣніе? Можетъ-ли наука, создаваемая мышленіемъ съ помощью чувствъ, вполнѣ совпадать съ познаваемымъ предметомъ?

Прежде всего, что такое это абсолютное сведеніе множественнаго къ единому, измѣнчиваго къ постоянному, къ которому стремится научная мысль? Не есть-ли оно въ концѣ концовъ только сліяніе противорѣчивыхъ понятій? И если абсо-

личное постижимо для ума, законно-ли такое слияніе? Затѣмъ, достаточно ли присоединить къ дѣятельности мысли свидѣтельства чувства, чтобы умъ могъ стать на истинно центральную точку зрѣнія? Въ дѣйствительности такая уступка имѣетъ значеніе только для изслѣдованія природы. Она не ведетъ за собою измѣненія въ самомъ міровоззрѣеніи. Съ того момента, какъ мышленіе навязало наукѣ свою категорію необходимой связи, для него болѣе не важно, по крайней мѣрѣ въ теоретическомъ отношеніи, участвуютъ чувства въ дѣлѣ познанія, или нѣтъ. Остается истиннымъ, что совершенный разумъ могъ-бы извлечь всю науку изъ себя самого или по крайней мѣрѣ изъ познанія одного только факта, разсмотрѣннаго во всей совокупности его элементовъ. Міръ остается единымъ цѣлымъ, единой системой, всѣ части которой необходимо выражаютъ одна другую.

Но дѣйствительно-ли существуетъ эта присущая мышленію категорія необходимой связи и въ самыхъ вещахъ? Можно-ли смѣшивать причины съ законами, какъ это въ концѣ концовъ предполагаетъ ученіе, опредѣляющее законъ, какъ неизмѣнное отношеніе?

Этотъ вопросъ имѣетъ интересъ и для метафизики, и для наукъ положительныхъ. Ученіе, которое полагаетъ въ разумномъ мышленіи высшую точку зрѣнія познанія, въ результатѣ ссылаетъ все самопроизвольное въ міръ иллюзій, видитъ въ цѣлесообразности только субъективную репродукцію необходимого строя дѣйствующихъ причинъ, сводитъ чувство свободной воли къ незнанію причинъ нашихъ дѣйствій и допускаетъ возможность только одной истинной причинъ, все производящей и всѣмъ управляющей посредствомъ единственнаго и неизмѣннаго акта. Болѣе того, это ученіе не даетъ удовлетворительнаго понятія о безусловной необходимости наблюденія и опыта въ положительныхъ наукахъ и вводитъ болѣе или менѣе замаскированный фатализмъ не только въ изученіе всѣхъ физическихъ явленій безъ различія, но также въ психологію, исторію и соціальныя науки.

Чтобы узнать, существуютъ-ли причины, дѣйствительно отличныя отъ законовъ, нужно изслѣдовать, въ какой степени законы, управляющіе явленіями, обладаютъ необходимостью. Если случайность въ концѣ концовъ есть только иллюзія, обя-

занная своимъ происхожденіемъ болѣе или менѣе полному незнанію опредѣляющихъ явленія условій, то причина есть не что иное, какъ antecedentъ, выраженный въ формѣ закона, или лучше самый законъ, насколько онъ выражаетъ всеобщее отношеніе, и въ этомъ случаѣ автономія разсудочнаго мышленія закона. Но если бы оказалось, что данный міръ обнаруживаетъ въ извѣстной степени случайность, дѣйствительно не сводимую ни къ чему, то было-бы возможно думать, что законы природы не абсолютны, что ихъ основа заключается въ причинахъ, господствующихъ надъ ними, и что поэтому разсудочная точка зрѣнія не можетъ быть окончательной точкой зрѣнія въ познаніи вещей.

ГЛАВА I.

О необходимости.

Почему мы признаемъ извѣстное явленіе необходимымъ? Или, другими словами, что служить критеріемъ необходимости?

Если бы мы попытались опредѣлить понятіе безусловной необходимости, то намъ пришлось-бы устранить изъ него всякое условное соотношеніе явленій, т. е., всякое подчиненіе одной вещи другой, какъ условію ея существованія. Безусловная необходимость исключаетъ всякую сложную множественность, всякую возможность существованія отдѣльныхъ вещей или законовъ. Поэтому мы не будемъ рѣшать вопросъ, царитъ-ли подобная необходимость въ данномъ мірѣ, который по существу есть совокупность многихъ болѣе или менѣе зависящихъ другъ отъ друга вещей.

Проблема, о которой у насъ идетъ рѣчь, въ дѣйствительности слѣдующая: по какому признаку мы узнаемъ относительную необходимость, т. е., существованіе необходимаго отношенія между двумя вещами?

Самый совершенный типъ необходимой связи представляетъ силлогизмъ, въ которомъ частное сужденіе выводится изъ общаго на томъ основаніи, что оно заключалось въ послѣднемъ и, слѣдовательно, подразумевалось въ тотъ моментъ, когда утверждалось общее сужденіе. Силлогизмъ въ итогъ есть не что иное, какъ доказательство существованія аналитическаго от-

ношенія между родомъ и видомъ, цѣлымъ и частью. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ существуетъ аналитическое отношеніе, существуетъ и необходимая связь. Но сама по себѣ эта связь чисто формальна. Если общее сужденіе случайно, то и частное сужденіе, какъ выводъ изъ него, должно быть также случайно. Съ помощью силлогизма мы можемъ придти къ доказательству реальной необходимости лишь въ томъ случаѣ, если мы свяжемъ всѣ заключенія съ какою-нибудь большою посылкою, которая необходима сама по себѣ. Между тѣмъ, совмѣстима-ли такая операція съ условіями анализа?

Съ аналитической точки зрѣнія само по себѣ вполне необходимо только такое сужденіе, которое имѣетъ своей формулой $A=A$. Всякое-же сужденіе, въ которомъ предикатъ отличается отъ субъекта,—а это бываетъ даже въ томъ случаѣ, когда одно понятіе получается изъ разложенія другого,—заключаемъ въ себѣ на ряду съ аналитическимъ отношеніемъ синтетическое. Но можетъ-ли силлогизмъ свести синтетико-аналитическія сужденія къ сужденіямъ чисто аналитическимъ?

Разница между сужденіями, надъ которыми оперируетъ силлогизмъ, и сужденіемъ вполне необходимымъ обнаруживается съ самаго начала. Въ послѣднемъ терминъ соединены знакомъ $=$, а въ первыхъ связкой *есть*. Нѣтъ-ли тутъ кореннаго различія?

Быть можетъ, связка *есть*, употребляемая въ обыкновенныхъ сужденіяхъ, не лишена нѣкотораго отношенія къ знаку $=$. Если стать на точку зрѣнія объема понятій (какова точка зрѣнія умозаключенія), то эта связка означаетъ, что субъектъ выражаетъ собою только часть предиката,—часть, относительная величина которой не указывается. Сужденіе „всѣ люди—смертны“ означаетъ, что видъ „человѣкъ“ есть часть рода „смертны“, причемъ отношеніе числа людей къ числу смертныхъ остается неопредѣленнымъ. Если бы мы знали это отношеніе, то мы могли-бы сказать: „всѣ люди $= \frac{1}{n}$ смертныхъ“. Прогрессъ науки, можно добавить, и состоитъ въ болѣе точномъ и болѣе полномъ опредѣленіи видовъ, содержащихся въ родахъ, такъ чтобы въ законченной наукѣ знакъ $=$ могъ вездѣ замѣнить связку *есть*. Формула этой науки была-бы $A=B+C+D+\dots$; $V=a+b+c\dots$, и проч. Замѣняя B , C , D и т. д. ихъ равнознач-

ными величинами, мы имѣли-бы въ результатѣ: $A = a + b + c + \dots$. Но есть-ли и это чисто аналитическая формула?

Безъ сомнѣнія, отношеніе A къ его частямъ аналитическое, но обратное отношеніе частей къ цѣлому.—синтетическое. Вѣдь, множественность не заключаетъ въ себѣ основанія единства, и было-бы бесполезно ссылаться на то, что, замѣняя $a + b + c + \dots$ ихъ равнозначною величиною, мы получимъ $A = A$, такъ-какъ научное познаніе и состоитъ въ томъ, чтобы разсматривать A какъ разложимое цѣлое и раздѣлять его на составныя части.

Но, скажутъ, идеальную аналитическую форму, къ которой стремится наука, можно мыслить и иначе. Средній терминъ M , поставленный между двумя данными терминами S и P , дѣлитъ на двое промежутокъ, вытекающій изъ различія ихъ объема. Такимъ-же образомъ можно поставить средніе термины между S и M , между M и P , и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока пробѣлы не будутъ совершенно заполнены. Переходъ отъ S къ P будетъ тогда незамѣтнымъ. Продолжая эту работу, мы въ концѣ концовъ вновь возстановимъ единство основного понятія A , въ которомъ все будетъ соединено непрерывною связью.

Такая точка зрѣнія дѣйствительно позволяетъ свести всѣ сужденія къ формулѣ „ A есть A “. Но на этотъ разъ связка *есть* не можетъ быть замѣнена знакомъ $=$. Никакое количество среднихъ терминовъ не можетъ всецѣло заполнить промежутокъ между общимъ и частнымъ. Переходы, правда, будутъ менѣе рѣзки, но они все-таки останутся, и, слѣдовательно, различіе объема между субъектомъ и предикатомъ будетъ всегда существовать.

Итакъ, свести частныя отношенія къ формулѣ $A = A$, т. е., придти путемъ анализа къ доказательству коренной необходимости, невозможно. Анализъ, силлогизмъ показываютъ только производимую необходимость, т. е., невозможность, чтобы такая-то вещь была ложной, *если* другая признана истинной.

Недостатокъ анализа, если довольствоваться имъ однимъ, заключается въ томъ, что онъ допускаетъ въ качествѣ послѣдняго объясненія только формулу тождества и не можетъ свести къ ней тѣхъ сужденій, которыя требуютъ объяснить. Анализъ плодотворенъ лишь въ томъ случаѣ, если тождественное

сужденіе объединяетъ совокупность разнородныхъ элементовъ и дано ему въ качествѣ простой исходной точки; онъ доказываетъ необходимость только тогда, когда раскрываетъ необходимый синтезъ. Существуютъ-ли такіе синтезы?

Опытъ не даетъ намъ всеобщаго знанія, имѣющаго значеніе на всякомъ мѣстѣ и во всякое время; опытно мы познаемъ лишь внѣшнія отношенія вещей, открываемъ связи хотя и постоянныя, но не необходимыя. Отсюда, чтобы синтезъ могъ быть необходимымъ, онъ прежде всего долженъ быть познаваемъ а priori. Правда, намъ, можетъ быть, слѣдовало-бы узнать, необходимъ-ли такой синтезъ съ точки зрѣнія вещей, какъ онъ необходимъ для нашего разума; но пока уже его рациональной необходимости достаточно для того, чтобы устранить изслѣдованіе его объективной дѣйствительности, такъ какъ, вѣдь, подобное изслѣдованіе можетъ совершиться только по законамъ того-же разума. Если бы случайно теченіе вещей не совпадало въ точности съ апіорными принципами разума, то разумъ отсюда заключилъ-бы не то, что онъ ошибается, а то, что матерія выдаетъ послѣднимъ мятежемъ противъ порядка свое причастіе небытію.

По какому же признаку можно узнать, что извѣстное сужденіе апіорно?

Для того, чтобы назвать сужденіе апіорнымъ, необходимо, чтобы его элементы, т. е., понятія и ихъ отношеніе, не вытекали изъ опыта. Но для того, чтобы признать понятія не вытекающими изъ опыта, недостаточно, чтобы они были абстрактны. Опытъ въ цѣломъ не даетъ намъ ничего, что не имѣло-бы на ряду съ конкретной стороной въ то-же время и стороны абстрактной. Я не обвиняю въ одномъ воззрѣніи цвѣта и запаха того-же предмета. Самыя смѣлыя абстракціи могутъ быть лишь разсудочнымъ расширеніемъ тѣхъ подраздѣленій, которыя уже намѣчены чувствами. Кромѣ того, самъ-же опытъ ставитъ насъ и на путь такого расширенія, представляя намъ болѣе или менѣе обстрактныя данныя о вещахъ, смотря по отдаленности, продолжительности или интенсивности впечатлѣній. Такимъ образомъ, для того, чтобы понятіе могло считаться апіорнымъ, оно не должно получаться изъ опыта ни прямо, путемъ воспріятія, ни косвенно, путемъ абстракціи.

Точно также, чтобы признать априорнымъ какое-нибудь отношение, недостаточно указать на то, что оно устанавливаетъ между воспріятіями известную систематическую связь, въ томъ предположеніи, что опытъ не даетъ намъ ничего, похожего на систему. Полагать, что воспріятіе совершенно лишено единства,—значитъ выходить изъ условій дѣйствительности. Самыя непосредственныя воспріятія заключаютъ въ себѣ группировку сходныхъ частей и различіе несходныхъ предметовъ. Чистая множественность есть нѣчто безусловно непонятное, и если она совершенно нестижима для мысли, то не можетъ быть дана и въ опытѣ. Такимъ образомъ, уже въ самыхъ воспринимаемыхъ нами предметахъ существуетъ известная степень систематичности. Поэтому, прежде чѣмъ утверждать, что установленное между двумя понятіями отношеніе зависимости не вытекаетъ изъ опыта, нужно удостовѣриться, существенно-ли различается это отношеніе отъ тѣхъ отношеній, которыя мы можемъ констатировать въ опытѣ. Необходимо, чтобы это отношеніе радикально отличалось отъ тѣхъ, какія представляетъ намъ опытъ или какія мы можемъ прочесть въ его данныхъ.

Что же касается области опыта, то она можетъ быть точно опредѣлена: это—факты и доступныя наблюденію отношенія ихъ. Факты раздѣляются на факты вѣшніе и факты внутренніе, т. е., свойственные тому самому существу, которое является ихъ носителемъ. При помощи вѣшнихъ чувствъ мы познаемъ первые, посредствомъ эмпирическаго сознанія или внутренняго чувства мы можемъ открывать въ себѣ вторые. Доступныя наблюденію отношенія состоятъ въ отношеніяхъ сходства и одновременной или послѣдовательной смежности.

Если мы найдемъ, что синтетическое сужденіе априорно, то оно будетъ субъективно необходимо; но чтобы быть необходимымъ и съ точки зрѣнія вещей, оно должно кромѣ того утверждать необходимое объективное отношеніе между тѣми понятіями, которыя оно соединяетъ. Если большая посылка выражаетъ случайное отношеніе, то она передаетъ эту черту и всѣмъ выводимымъ изъ нея заключеніямъ. Объективныя-же отношенія, которыя могутъ существовать между двумя понятіями, сводятся къ слѣдующимъ четыремъ: отношеніямъ причины къ дѣйствию,

средства къ цѣли, субстанціи къ свойству и цѣлаго къ части. Отношенія субстанціи къ свойству и цѣлаго къ части могутъ быть сведены къ взаимоотношеніямъ причинности и цѣлесообразности. Такимъ образомъ, въ результатѣ остаются только отношенія причинности и цѣлесообразности.

Но ни о какой цѣли нельзя сказать, что она должна осуществляться необходимо. Нѣтъ ни одного явленія, которое само по себѣ было-бы единственно возможнымъ. Напротивъ, кромѣ явленія, которое мы имѣемъ въ виду, существуетъ безконечное количество другихъ возможныхъ, и шансы на его осуществленіе относятся къ шансамъ на осуществленіе чего-нибудь другаго какъ единица къ безконечности. Итакъ, осуществленіе какой-либо данной цѣли, хотя бы это была единообразная послѣдовательность явленій, не только далеко отъ необходимости, но само по себѣ безконечно маловѣроятно. Болѣе того,—даже тогда, когда предполагается непремѣнное осуществленіе цѣли, средства для этого не опредѣляются сразу. Всякая цѣль можетъ быть одинаково осуществлена различными средствами, подобно тому какъ преднамѣченнаго пункта можно достигнуть разными путями. Правда, не всѣ средства будутъ въ одинаковой степени просты или хороши; но для цѣли, какъ таковой, подобныя различія не имѣютъ значенія, и если съ ними считаются, то потому, что возводятъ самое средство въ вторичную цѣль. Осуществленіе цѣли извѣстными средствами предполагаетъ дѣятеля, способнаго познавать, выбирать и совершать. Такимъ образомъ, цѣль сама по себѣ не необходима.

Нельзя сказать того-же о произведеніи дѣйствія его причиной, если слово причина понимается въ строгомъ смыслѣ производящей силы. Причина въ собственномъ смыслѣ возможна только тогда, когда она порождаетъ дѣйствіе. Кромѣ того, она дѣйствуетъ единственно въ силу своей природы, не обращая никакого вниманія на эстетическую или моральную цѣнность результата. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого основанія допускать въ простомъ отношеніи причины къ дѣйствію какую-нибудь долю случайности. Это отношеніе представляетъ собою совершенный, хотя и единственный, типъ коренной необходимости.

Отсюда, необходимость, какъ объективная, такъ и субъек-

тивная, принадлежит исключительно причиннымъ синтезамъ апіорнаго характера: только изъ нихъ могутъ вытекать вполне необходимыя аналитическія слѣдствія.

Итакъ, въ результатѣ мы видимъ, что критеріемъ необходимости извѣстнаго отношенія служитъ возможность аналитически свести его къ субъективно и объективно необходимому синтезу. Принципомъ же необходимой связи вещей можетъ быть только апіорный причинный синтезъ.

Если бы теперь оказалось, что установить законность подобныхъ синтезовъ, какъ основныхъ и руководящихъ принциповъ познанія вещей, невозможно, то значило-ли бы это, что всякая необходимость становится призрачной? Еще нѣтъ.

Безъ сомнѣнія, тогда не могло-бы быть болѣе рѣчи о коренной необходимости, какъ законѣ, царящей въ данномъ мірѣ, потому что если бы даже извѣстные синтезы, предполагаемые опытомъ, и были сами по себѣ необходимы, разумъ въ настоящемъ случаѣ не имѣлъ бы возможности удостовѣриться въ этомъ. Однако соединеніе опыта и анализа могло бы еще обнаружить извѣстный родъ необходимости,—тотъ единственный, нужно сказать, родъ ея, къ которому обыкновенно стремятся положительныя науки. Въ самомъ дѣлѣ, эмпирически данныя частныя синтезы можно было-бы свести къ синтезамъ болѣе общимъ, а эти общіе синтезы къ еще болѣе общимъ, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока мы не достигли-бы болѣе или менѣе ограниченнаго количества такихъ синтезовъ, которые практически ни къ чему несводимы. Идеаломъ было-бы свести все къ одному синтезу, къ одному высшему закону, который обнималъ-бы собою, какъ частныя случаи, всѣ законы вселенной. Безъ сомнѣнія, такія общія формулы, основанныя въ концѣ концовъ на опытѣ, сохраняли бы за собой его характеръ, т. е., давали-бы познаніе того, что есть, а не того, что не можетъ не быть. Ничто не могло-бы доказать, что онѣ необходимы сами по себѣ; но онѣ устанавливали-бы между всѣми частными фактами, какъ таковыми, необходимое отношеніе. Малѣйшее измѣненіе въ подробностяхъ влекло бы за собой мировой переворотъ. Такимъ образомъ, на ряду съ теоретической необходимостью можно допустить возможность необходимости

фактической. Теоретическая необходимость существуетъ тогда, когда синтезъ, раскрываемый анализомъ, полагается умомъ а priori и соединяетъ дѣйствіе съ причиной. Но когда этотъ синтезъ, не будучи апиріорнымъ, предполагается цѣлою совокупностію извѣстныхъ фактовъ и постоянно подтверждается опытомъ, онъ все-таки обнаруживаетъ если не необходимость цѣлаго, то по крайней мѣрѣ необходимость каждой части, разумѣется, при реализаціи остальныхъ.

Г Л А В А II.

О Б Ы Т І И.

Заключаетъ-ли эмпирически данный міръ въ различныхъ фазахъ своего развитія отличительные признаки необходимости?

Самую низшую ступень на лѣстницѣ вещей занимаетъ бытіе, или простой, лишенный опредѣленности фактъ. Можно-ли сказать, что бытіе существуетъ необходимо?

Такъ какъ безусловная необходимость немислима въ отношеніи къ эмпирически даннымъ вещамъ, то необходимость бытія можетъ состоять лишь въ связи, соединяющей его съ тѣмъ, что предполагается до него, т. е. съ возможнымъ.

Какова же природа этой связи? Ведетъ-ли существованіе возможнаго къ неизбѣжному осуществленію бытія?

Прежде всего, можно-ли вывести бытіе изъ возможности подобно тому, какъ въ силлогизмѣ заключеніе выводится изъ посылокъ? Содержитъ-ли возможное все то, что требуется для осуществленія бытія? Достаточно-ли чистаго анализа для объясненія перехода отъ одного къ другому?

Безъ сомнѣнія, въ извѣстномъ смыслѣ въ бытіи нѣтъ ничего болѣе того, что существуетъ въ возможности, такъ какъ все, что есть, было возможно, прежде чѣмъ стало быть. Возможное есть такъ сказать матерія, изъ которой создано бытіе. Но бытіе, сведенное такимъ образомъ къ возможному, остается чисто идеальнымъ, и чтобы получить реальное бытіе, необходимо допустить новый элементъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ возможности сами по себѣ имѣютъ одинаковое притязаніе на бытіе, и въ этомъ смыслѣ нѣтъ никакого основанія для того, чтобы одна возможность осуществилась предпочтительно предъ дру-

гими. Ни одинъ фактъ не возможенъ безъ того, чтобы одинаково не былъ возможенъ и другой, ему противоположный. Если бы поэтому возможное было предоставлено самому себѣ, то все находилось-бы въ вѣчномъ колебаніи между бытіемъ и небытіемъ, ничто не перешло-бы отъ способности къ дѣйствію. Такимъ образомъ, не только возможность не заключаетъ въ себѣ бытія, а напротивъ, бытіе заключаетъ возможность и кромѣ того еще нѣчто: осуществленіе одной противоположности предпочтительно предъ другой, т. е., актъ въ собственномъ смыслѣ слова. Бытіе есть синтезъ этихъ двухъ понятій и синтезъ, ни къ чему не сводимый.

Но можетъ быть, это синтезъ, необходимый самъ по себѣ? Можетъ-быть, разумъ а ргіогі утверждаетъ, что возможность должна переходить въ актъ, что нѣчто должно осуществляться?

Важно замѣтить, что здѣсь идетъ рѣчь не о бытіи въ себѣ, а о бытіи, какъ его разсматриваютъ положительныя науки, т. е., о фактахъ, данныхъ въ опытѣ. Поэтому синтезъ возможности и акта долженъ быть понимаемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ можетъ быть примѣнимъ къ даннымъ предметамъ. Доказывать опріорное происхожденіе этого принципа, усвая ему такое значеніе, которое выводило-бы его изъ области науки, значило-бы доказывать нѣчто иное, чѣмъ то, о чемъ у насъ идетъ рѣчь.

Отсюда возможность въ разсматриваемомъ синтезѣ не есть способность, которая существуетъ ранѣе акта и остается во время него и послѣ него, потому что способность, понимаемая такимъ образомъ, не принадлежитъ къ области положительныхъ наукъ. Это просто родъ бытія, который можетъ быть данъ въ опытѣ, но еще не данъ. Точно также и актъ не есть измѣненіе совершающееся въ способности, когда она создаетъ предметъ, или превращеніе способности въ производящую причину: это—просто появленіе факта, множественности и разнообразія въ сферѣ опыта.

Однако и въ этомъ смыслѣ понятія возможности и акта, по-видимому, могутъ быть мыслимы только а ргіогі, такъ-какъ возможность не дана въ опытѣ, а актъ вообще есть все данное. Повидимому, нѣтъ такого реального опыта, который вполне уяснилъ-бы ту или другую изъ этихъ двухъ вещей.

Но можно-ли считать возможность сверхъопытнымъ понятіемъ только потому, что она не дана въ опытѣ какъ такая? Наблюдая безконечное разнообразіе и безконечную измѣняемость вещей, замѣчая противорѣчіе чувственныхъ данныхъ у разныхъ индивидуумовъ и даже у одного и того-же лица, умъ естественно начинаетъ смотрѣть на все, что ему представляется, какъ на особенность своей личной точки зрѣнія, и полагаетъ, что вещи могли-бы казаться ему иначе, если-бы онъ сталъ на другую точку. По мѣрѣ того, какъ увеличиваются наблюденія, идея возможности становится все болѣе и болѣе абстрактной и наконецъ лишается всякаго ясно представимаго содержанія.

Что-же касается понятія акта, то если бы оно дѣйствительно означало все данное, его нельзя было бы признать происшедшимъ изъ опыта. Но выраженіе: „все данное“, взятое буквально, является непонятнымъ, все равно, будемъ-ли мы считать количество данныхъ вещей въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ опредѣленной величиной, или неопредѣленной. Актъ или фактъ вообще есть просто понятіе неограниченнаго объема, выражающее въ абстрактной формѣ существованіе міра, какъ объекта воспріятія. Въ этомъ смыслѣ понятіе акта можетъ находить свое объясненіе въ самомъ существованіи опыта и въ тѣхъ постоянныхъ измѣненіяхъ, которыя мы замѣчаемъ въ вещахъ. По мѣрѣ того, какъ мы видимъ, что одинъ родъ бытія слѣдуетъ за другимъ, у насъ утверждается идея дѣйствія, примѣръ котораго представляетъ намъ каждое ясное данное опыта, между тѣмъ какъ представленіе объ особенностяхъ, свойственныхъ каждому факту, благодаря безконечной многочисленности и разнообразію опытныхъ данныхъ, ступаетъ само собою.

Итакъ, положенія, изъ которыхъ слагается бытіе, т. е., возможность и актъ не могутъ считаться апіорными. Остается отношеніе, устанавливаемое между этими понятіями. Но это отношеніе было-бы по существу метафизическимъ лишь въ томъ случаѣ, если бы дѣло шло о переходѣ творческой способности въ творческій актъ. Какъ скоро оба понятія сведены къ ихъ научному значенію, оно теряетъ такой характеръ. Съ этой точки оно есть не болѣе, какъ абстрактное отноше-

нѣ настоящаго опыта къ опытамъ прошедшимъ, въ сравненіи съ которыми настоящій опытъ былъ просто возможнымъ. Такимъ образомъ, это отношеніе не выходитъ за предѣлы опыта, возведеннаго путемъ послѣдовательныхъ абстракцій на высшую степень обобщенія.

Но это не все. Отношеніе элементовъ бытія не настолько опредѣленно, чтобы видѣть въ одномъ изъ нихъ (возможномъ) причину другого (дѣйствительнаго). Не противорѣча разуму, можно допустить, что возможное никогда не должно перейти въ дѣйствіе, или признать, что дѣйствительное существуетъ отъ вѣчности. Такимъ образомъ, познаніе бытія, какъ дѣйствительности, не только можетъ вытекать изъ опыта, но и не можетъ имѣть другого происхожденія, т. е., не можетъ быть сведено къ синтетическому сужденію а priori.

Что-же касается опыта, то онъ не даетъ намъ повода приписывать переходу возможности въ дѣйствительность даже фактическую необходимость. Мы видимъ, что множество вещей, которыя существовали, и которыя, слѣдовательно, сами по себѣ возможны и способны перейти въ дѣйствіе, остаются впродолженіи состояніи простыхъ возможностей, и, быть можетъ, ничто не даетъ намъ права предполагать, что онѣ когда-нибудь снова осуществляются.

Нужно-ли допустить, что всѣ возможности въ сущности вѣчно-дѣйствительны, что настоящее слагается изъ прошедшаго и чревато будущимъ, что будущее далеко не случайно и уже существуетъ предъ взоромъ высшаго разума, что, наконецъ, различіе между возможностью и бытіемъ есть только иллюзія, происшедшая благодаря промежутку времени, который отдѣляетъ наше представленіе о вещахъ отъ вещей въ себѣ?

Такое ученіе не только неосновательно и недоказуемо, но кромѣ того и непонятно. Говорить, что каждая вещь есть актуально все то, чѣмъ она можетъ быть, значить утверждать, что она соединяетъ и примиряетъ въ себѣ противоположности, которыя по законамъ нашего познанія могутъ существовать, лишь вытѣсня одна другую. Но какъ понять вещи, образующіяся изъ взаимно исключаютелыхъ другъ друга элементовъ? Затѣмъ, какимъ образомъ можно допустить, что всѣ формы одинаково причастны вѣчности, какъ будто всѣ онѣ имѣютъ

ту-же цѣнность и то-же право на существованіе? Наконецъ, разсматриваемыя во времени, вещи не всѣ осуществляются въ одинаковой степени. Одна постепенно становится всѣмъ, чѣмъ она можетъ быть, другая уничтожается въ тотъ самый моментъ, какъ началось ея развитіе. Чтобы приписать это различіе возможностямъ, оно должно уже заравѣ вѣчно существовать въ дѣйствительности. Отсюда возможности не всѣ дѣйствительны въ равной степени; другими словами: однѣ изъ нихъ относительно дѣйствительны, а другія въ сравненіи съ ними только возможны.

Итакъ, актуально данное бытіе не есть необходимое слѣдствіе возможнаго: оно есть его случайная форма. Но если существованіе бытія не представляется необходимымъ, то можно-ли сказать то-же самое и о его природѣ? Не подчинено-ли оно въ своемъ собственномъ развитіи неизмѣнному закону? Не заключаетъ-ли оно въ себѣ самомъ той необходимости, отъ которой оно свободно въ своемъ отношеніи къ возможному?

Законъ даннаго въ опытѣ бытія можетъ быть выраженъ нѣсколькими формулами, имѣющими въ сущности одинъ и тотъ-же смыслъ, а именно: „ничто не происходитъ безъ причины“, „все, что происходитъ, есть дѣйствіе, и дѣйствіе, пропорціональное своей причинѣ“, т. е., не заключающее въ себѣ ничего болѣе того, что содержится въ ней, „ничто не уничтожается и ничего не создается“, или, наконецъ, „количество бытія остается неизмѣннымъ“.

Этотъ законъ нельзя разсматривать, какъ давній самимъ бытіемъ: идея единообразія и неизмѣнности чужда эмпирическому бытію, какъ таковому, потому что оно состоитъ по существу въ множественности различныхъ и измѣчивыхъ явленій. Законъ причинности есть синтезъ двухъ не сводимыхъ другъ къ другу элементовъ: измѣчивости и тожества, и недостаточно признать реальное осуществленіе одного изъ этихъ понятій, измѣчивости, чтобы отсюда аналитически слѣдовало другое.

Но, быть можетъ, этотъ законъ необходимъ какъ самопроизвольное утвержденіе разума? Можетъ быть, онъ познается а priori и на этомъ основаніи предписывается бытію?

Гдѣ въ самомъ дѣлѣ, можно найти въ данныхъ опыта такой предметъ, который соотвѣтствовалъ-бы понятію „причины“,

означающему „производящую силу“, и такое отношеніе, которое соотвѣтствовало-бы идеѣ „произведенія“, выражающей связь между причиной и дѣйствиємъ?

Если поставить вопросъ такимъ образомъ, то законъ причинности, конечно, априоренъ. Но не въ этомъ смыслѣ разумѣется онъ въ области эмпирическаго познанія. Идея производящей причины не могла-бы оказать никакой услуги тому, кто, какъ ученый въ собственномъ смыслѣ, изслѣдуетъ исключительно природу и порядокъ явленій. Въ дѣйствительности слово „причина“ въ его научномъ употребленіи означаетъ „непосредственное условіе“. Причина какого-нибудь явленія въ этомъ смыслѣ есть также явленіе, и не можетъ быть ничѣмъ, кромѣ явленія: иначе изслѣдованіе причинъ не входило-бы въ область положительныхъ наукъ. Только это такое явленіе, которое должно предварительно существовать, чтобы осуществилось другое.

Но, скажутъ, пусть такъ. Причина, дѣйствительно, лишь по ошибкѣ понималась сначала какъ метафизическая сущность, заключающаяся въ явленіяхъ: на самомъ дѣлѣ она есть только опредѣляющее условіе. Она относится не къ бытію въ себѣ, а къ познанію явленій, и заключаетъ въ себѣ только то, что необходимо для возможности такого познанія. Однако, достаточно-ли его? Справедливо сказать, что причинность есть лишь отношеніе или связь между явленіями, но нужно добавить, что это—связь необходимая и полагаемая а priori.

Понимаемый такимъ образомъ, законъ причинности, безъ сомнѣнія, болѣе близокъ къ условіямъ науки, чѣмъ когда къ нему примѣшивается гипотеза вещи въ себѣ. Однако, и въ этомъ случаѣ онъ заключаетъ въ себѣ элементъ, въ которомъ наука не нуждается, а именно, идею необходимости. Чтобы изслѣдованіе причинъ было законно и плодотворно, для этого достаточно, если между явленіями существуютъ относительно неизмѣнныя связи. Даже болѣе: необходимая связь между явленіями противорѣчитъ самой сущности явленій. Тотъ или иной родъ ихъ послѣдовательности, зависящій отъ способа дѣйствія вещей въ себѣ, можетъ имѣть только относительный характеръ. Видѣть въ причинности безусловно необходимую связь явленій значить впадать въ ту же ошибку, которой хотѣли избѣжать,

только на этотъ разъ самыя явленія возводятся на степень вещей въ себѣ.

Точный смыслъ закона причинности въ его примѣненіи къ изученію эмпирически даннаго міра слѣдующій: всякое измѣненіе, наступающее въ вещахъ, непремѣнно связано съ другимъ измѣненіемъ, какъ его условіемъ, и не съ какимъ-нибудь измѣненіемъ вообще, а съ измѣненіемъ опредѣленнымъ, такъ что въ обусловленномъ никогда не заключается болѣе того, что содержится въ условіи. Но всѣ элементы этого закона, повидимому, заимствованы изъ опыта. А ргіогіи человѣкъ былъ склоненъ допускать безусловное возникновеніе, переходы отъ небытія къ бытію и отъ бытія къ небытію, неограниченныя смѣны явленій. Только опытъ разсѣялъ эти предразсудки. Успѣхи наблюденія, сравненія, размышленія и абстракціи, т. е., успѣхи опыта, объясняемаго, но не замѣняемаго мышленіемъ, показали, что перемѣна никогда не есть что-нибудь совершенно новое, что всякое измѣненіе есть коррелятъ другого измѣненія, наступившаго въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ оно происходитъ, и что отношеніе, соединяющее это измѣненіе съ другимъ, неизмѣнно.

Итакъ, нельзя сказать, что законъ причинности, управляющій наукой, есть законъ, предписанный вещамъ разумомъ. Въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ разумъ могъ-бы навязать его вещамъ, эмпирически данное бытіе, т. е., явленія, не могли бы его осуществить; а его формула, приложимая къ явленіямъ, заключаетъ въ себѣ только элементы, заимствованные изъ опыта.

Тѣмъ не менѣе остается несомнѣннымъ, что эта формула выражаетъ существованіе неизмѣннаго отношенія между тѣмъ или другимъ измѣненіемъ. Если неизмѣнность сама въ себѣ и неравносильна внутренней необходимости, то она, во-первыхъ, нисколько не исключаетъ ея и даже служитъ ея внѣшнимъ символомъ; во вторыхъ, она устанавливаетъ между различными формами бытія то, что можно называть фактическою необходимостью. Не слѣдуетъ-ли отсюда, что законъ необходимой связи явленій, заслуживаетъ съ практической точки зрѣнія полного довѣрія, и даже съ теоретической точки зрѣнія болѣе вѣроятенъ, чѣмъ противоположный ему?

Нельзя отрицать, что идея этого закона была нервомъ научнаго познанія. Наука родилась въ тотъ день, когда человѣкъ

узналъ о существованіи естественныхъ причинъ и дѣйствій, т. е., о существованіи неизмѣнныхъ отношеній между данными вещами,—въ тотъ день, когда онъ, вмѣсто того чтобы спрашивать себя, какая сверхъестественная сила произвела отдѣльныя явленія и почему она произвела ихъ, задалъ себѣ вопросъ, отъ какого явленія природы зависитъ извѣстное явленіе. Каждый успѣхъ науки подтверждалъ такое воззрѣніе; да и противно всякой вѣроятности вообразить себѣ такой дѣйствительный міръ, въ которомъ явленія происходили-бы безъ причины, т. е., безъ неизмѣнныхъ antecedentовъ.

Однако не нужно забывать, что только самъ опытъ ввелъ въ сферу человѣческаго ума и постепенно очистилъ научную идею естественной причины. Эта идея не есть апіорный принципъ, управляющій состояніями бытія, а лишь абстрактная форма того отношенія, которая существуетъ между этими состояніями. Мы не можемъ сказать, что природа вещей вытекаетъ изъ закона причинности. Для насъ этотъ законъ есть только самое общее выраженіе отношеній, вытекающихъ изъ наблюдаемой природы данныхъ вещей. Предположимъ, что вещи, имѣя возможность измѣняться, однако не измѣняются: ихъ отношенія останутся неизмѣнными, хотя необходимость не будетъ царить въ дѣйствительности. Такимъ образомъ предметомъ науки служитъ чисто абстрактная, внѣшняя форма, которая не предрѣшаетъ внутренней природы бытія.

Но не вѣроятно-ли, что внѣшнее есть точный переводъ внутренняго? Можно-ли допустить, что акты бытія случайны, если доказало, что проявленія этихъ актовъ связаны между собою неизмѣнными отношеніями? Если тѣни, которыя проходятъ въ пещерѣ Платона, слѣдуютъ одна за другой такимъ образомъ, что, достаточно наблюдая ихъ, можно съ точностью предвидѣть появленіе будущихъ тѣней, то ясно, что и отображающіе ихъ предметы слѣдуютъ другъ за другомъ также въ неизмѣнномъ порядкѣ. Безъ сомнѣнія, въ опытѣ проявленія могутъ быть не даны вмѣстѣ съ актами; но если при одномъ изъ этихъ проявленій тотчасъ даны и другія, то будетъ самой простой гипотезой допустить, что и акты связаны между собою подобнымъ-же образомъ. Отсюда, чтобы имѣть право сомнѣваться во внутренней необходимости вещей, намъ пришлось-

бы повидимому, оспаривать безусловную правильность въ теченіи явленій и установить существованіе несогласія, хотя бы и незначительнаго, между требованіями науки и закономъ дѣятельности. Быть можетъ, опытъ и не даетъ намъ средства доказать внутреннюю необходимость вещей; но можно ли утверждать, что онъ благопріятствуетъ противоположному положенію?

Для того, чтобы сдѣлать сколько-нибудь опредѣленные заключенія о причинахъ неизмѣнной связи явленій, эти явленія сами должны быть опредѣленными величинами. Между тѣмъ, ихъ опредѣленность есть только результатъ научной абстракціи. Всякое опытное изслѣдованіе сводится въ концѣ концовъ къ тому, что искусственно ограничиваетъ измѣримый элементъ явленій возможно тѣсными предѣлами. Въ дѣйствительности иногда невозможно съ точностью опредѣлить тотъ пунктъ, гдѣ явленіе начинается и кончается. Впрочемъ, даже нельзя утверждать, что подобныя пункты существуютъ, потому что считать ими недѣлимые моменты—значило-бы допускать гипотезу, которая навѣрное противорѣчитъ самой природѣ времени. Отсюда, мы видимъ такъ сказать лишь вмѣстѣлища вещей, а не самыя вещи, и намъ неизвѣстно, занимаютъ-ли вещи въ этихъ своихъ вмѣстѣлищахъ опредѣленное положеніе. Допустимъ, что явленія неопредѣленны, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой они несомнѣнно превышаютъ грубыя средства нашей оцѣнки: ихъ кажущіяся формы и отношенія остались-бы точно такими-же, какъ мы ихъ видимъ. Такимъ образомъ, когда мы буквально понимаемъ принципъ, по которому такое-то явленіе связано съ такимъ-то другимъ, мы усвоимъ вещамъ если и мыслимую, то чисто гипотетическую опредѣленность. Терминъ „такое-то явленіе“, взятый въ строгомъ смыслѣ слова, не выражаетъ эмпирическаго понятія и, можетъ быть, противорѣчитъ самымъ условіямъ опыта.

Затѣмъ, сообразно-ли съ опытомъ допускать безусловную пропорціональность, равенство и эквивалентность между причиной и дѣйствіемъ? Никто не считаетъ эту пропорціональность постоянной, если вещи разсматриваются съ точки зрѣнія ихъ полезности, ихъ эстетической и моральной цѣнности, словомъ, съ точки зрѣнія качества. Напротивъ, въ этомъ случаѣ всѣ признаютъ, что великія дѣйствія могутъ происходить отъ ничтож-

ныхъ причинъ, и наоборотъ. Слѣдовательно, законъ эквивалентности можетъ считаться безусловнымъ лишь тогда, когда дѣло идетъ или объ отношеніяхъ между количествомъ одного и того же качества, или о чистыхъ количествахъ.

Но гдѣ-же можно найти такое слѣдствіе, которое въ сравненіи съ antecedentомъ представляло-бы то-же самое количественное отношеніе тѣхъ-же самыхъ качествъ? Развѣ оно было-бы слѣдствіемъ, дѣйствіемъ, измѣненіемъ, еслибы оно не различалось отъ antecedenta ни по количеству, ни по качеству?

Прогрессъ наблюденія все болѣе и болѣе раскрываетъ богатство свойствъ, разнообразіе, индивидуальность, жизнь тамъ, гдѣ, повидимому, являлись лишь однообразныя неразличимыя массы. Отсюда, не вѣроятно-ли, что простое повтореніе одного и того же качества, эта вещь, лишенная красоты и интереса, нигдѣ не существуетъ въ природѣ, и что однородное количество есть лишь идеальная поверхность бытія? Такъ, мерцающія вдали звѣзды кажутся лишь геометрическими фигурами, тогда какъ въ дѣйствительности онѣ—міры, слагающіеся изъ тысячи различныхъ веществъ. Что касается измѣненія интенсивнаго количества, т. е., увеличенія или уменьшенія одного и того же качества, то въ результатѣ оно равнымъ образомъ сводится къ качественному измѣненію, такъ какъ, будучи доведено до извѣстнаго пункта, оно заканчивается превращеніемъ одного качества въ другое, противоположное ему, а то, что происходитъ въ значительномъ интенсивномъ измѣненіи, необходимо должно происходить и въ тѣхъ частныхъ измѣненіяхъ, изъ которыхъ оно слагается.

Остается, правда, гипотеза чистаго количества, независимаго отъ какого-бы то ни было качества; но какое представленіе можно составить о подобномъ предметѣ? Количество можетъ быть только величиной или степенью чего нибудь, а это что-нибудь есть именно качество, характеръ физическаго или нравственнаго бытія. Если качество вполне мыслимо какъ сущность количества, то послѣднее, рассматриваемое какъ сущность качества, совершенно непонятно. Вѣдь, количество можетъ означать лишь границу или предѣлъ: а всякая граница предполагаетъ нѣчто ограничиваемое.

Если-же вездѣ, даже въ самыхъ простѣйшихъ формахъ бы-

гія, существуетъ нѣкоторый качественный элементъ, какъ необходимое условіе самаго ихъ существованія, то признать, что дѣйствіе съ точки зрѣнія качества можетъ быть непропорціонально причинѣ, значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ допустить, что въ конкретномъ, дѣйствительномъ мірѣ законъ причинности нигдѣ строго не примѣнимъ.

И дѣйствительно, какъ можно понять, что причина или непосредственное условіе заключаетъ въ себѣ все, что необходимо для объясненія дѣйствія? Причина никогда не можетъ содержать въ себѣ того, чѣмъ отличается отъ нея дѣйствіе, того вновь возникающаго элемента, который служитъ необходимымъ условіемъ причиннаго отношенія. Если дѣйствіе всецѣло тождественно съ причиной, то оно составляетъ съ ней одно, и не можетъ быть истиннымъ дѣйствіемъ. Если-же дѣйствіе отличается отъ причины, то, значитъ, оно имѣетъ до известной степени иную природу; но въ такомъ случаѣ какъ возможно установить между ними, не говоримъ уже, полное равенство, которое немыслимо, а даже пропорціональность? Какъ вмѣрить качественную разнородность и показать, что при тождественныхъ условіяхъ она всегда производится въ одной и той-же степени?

Наконецъ, если намъ удастся свести частныя измѣненія къ постояннымъ общимъ отношеніямъ, такъ чтобы взаимная разнородность частныхъ фактовъ не исключала ихъ относительной необходимости, то развѣ прогрессъ науки не показываетъ намъ, что и самыя эти общія отношенія не изъяты изъ измѣненія? Не будетъ-ли самымъ вѣроятнымъ индуктивнымъ заключеніемъ та мысль, что найти безусловно неизмѣнный законъ для разсматриваемыхъ отношеній невозможно, какъ бы ни были эти отношенія просты и какъ бы ни были широки основы наблюденія? Если общее измѣняется, то не слѣдуетъ-ли отсюда, что и въ частностяхъ заключается нѣкоторый элементъ слѣчайности? И будетъ-ли страннымъ, что мы не можемъ различить въ безконечно маломъ причинъ измѣненія безконечно великаго, если даже въ этомъ безконечно великомъ измѣненіи почти неуловимо.

Реальность измѣненія не менѣе очевидна, чѣмъ реальность постоянства. Болѣе того, если можно понять, что два измѣне-

нія, производимыя въ обратномъ направленіи другъ къ другу, порождаютъ постоянство, то возникновеніе измѣненія изъ безусловнаго постоянства немыслимо. Такимъ образомъ, измѣненіе есть основной законъ, а постоянство—лишь его слѣдствіе, и потому вещи должны допускать измѣненіе даже въ самыхъ непосредственныхъ своихъ отношеніяхъ.

Но если не существуетъ неподвижнаго пункта, на которомъ могли-бы покоиться измѣненія вещей, то законъ причинности, утверждающій безусловное сохраненіе бытія и природы вещей, не имѣетъ точнаго приложенія къ даннымъ опыта. Онъ выражаетъ, безъ сомнѣнія, самый общій характеръ бытія; но представляя этотъ характеръ бытія безусловно независимымъ отъ противоположнаго ему способа, хотя послѣдній не менѣе дѣйствителенъ и первиченъ, и предполагая опредѣленность и постоянство ранѣе измѣненія и жизни, онъ обнаруживаетъ своеобразное вмѣшательство разсудочнаго мышленія, которое, вмѣсто того, чтобы ограничиться наблюденіемъ дѣйствительности, даетъ ей форму, приспособленную къ его собственнымъ стремленіямъ. Законъ причинности въ его абстрактной и абсолютной формѣ съ полнымъ правомъ можетъ быть практическимъ правиломъ науки, задача которой—прослѣдить постепенно нити безконечной ткани явленій; но когда мы пытаемся представить себѣ всеобщую связь и всюду проникающее взаимодействие измѣнчивости и постоянства, изъ которыхъ слагается жизнь и реальное бытіе, онъ является лишь неполной и относительной истиной. Міръ, разсматриваемый въ единствѣ его реальнаго существованія, представляетъ совершенную необусловленность, которая, безъ сомнѣнія, выступаетъ слишкомъ слабо и не ясно, если наблюдать вещи лишь на очень значительномъ пространствѣ ихъ теченія, но которая иногда становится очевидной, если сравнивать факты, отдѣленные другъ отъ друга длиннымъ рядомъ промежуточныхъ явленій. Нѣтъ эквивалентности, нѣтъ чистаго причиннаго отношенія между человѣкомъ и элементами, давшими ему бытіе, между разившимся существомъ и существомъ, находящимся лишь на пути къ образованію.

* * *

(Продолженіе будетъ).

Іудейскія и Христіанскія идеи въ книгахъ Сивиллъ.

Сивиллины оракулы еще ни разу не были въ русской богословской литературѣ предметомъ подробнаго обслѣдованія со стороны своего содержанія ¹⁾. А между тѣмъ съ этой стороны они представляютъ немаловажный интересъ и сами по себѣ, какъ памятникъ народнаго религіознаго сознанія іудеевъ за два почти вѣка до Р. Хр., и какъ памятникъ народныхъ мнѣній христіанъ въ теченіи трехъ первыхъ вѣковъ нашей эры,—и по своему вліянію, какъ своего рода народный катехизисъ, оказавшій вліяніе на религіозное развитіе христіанъ послѣдующаго времени. Особенно цѣнно свидѣтельство сивиллинныхъ книгъ о религіозномъ состояніи іудеевъ за 2 вв. до Р. Хр., вслѣдствіе скудости свѣдѣній объ іудеяхъ изъ этого періода. Но интересно подробное раскрытіе идей и христіанскихъ сивиллистствъ. Христіанскія идеи въ Сивиллиныхъ книгахъ мы находимъ въ ихъ древнѣйшей формѣ народнаго усвоенія; въ этой формѣ запечатлѣлся результатъ того душевнаго движенія, какое вызывало христіанство въ своихъ первыхъ послѣдователяхъ. Интересно знать ихъ религіозное настроеніе, когда бродило и перерабатывалось въ ихъ душѣ воспріятое ими ученіе. Что запало въ глубину ея и что осталось на ея поверхности,—объ этомъ говорятъ намъ сивиллы, правда, не

¹⁾ Намъ извѣстны двѣ печатныя статьи о книгахъ Сивиллъ: 1) въ Христ. Чт. 1877 г. ч. I, ст. проф. Глоріантова; „Происхожденіе міра и челоуѣка и послѣдующая судьба ихъ по изображенію древнихъ римскихъ поэтовъ: Сивиллины книги“; 2) въ Тр. К. Д. Ак. 1867 г., ст. С-ва „о книгахъ Сивиллъ“. Обѣ статьи касаются содержанія сивиллинныхъ стиховъ лишь отчасти и въ общихъ чертахъ.

все, но и не мало. Затѣмъ: идеи христіанскихъ сивиллистовъ нашли радушный пріемъ у отцовъ и учителей церкви,—и чтобы имѣть возможность судить о степени ихъ вліянія на нихъ и вообще на послѣдующее религіозное сознаніе, нужно знать ихъ содержаніе и его основной характеръ. Вліяніе сивиллистовъ на послѣдующихъ христіанскихъ писателей, кажется, нельзя ограничивать заимствованіемъ послѣдними тѣхъ или другихъ изреченій у первыхъ. Св. Іустинъ, Аѳинагоръ, Тертуллианъ, Климентъ Александрійскій, Феофилъ Антіохійскій. Лактанцій и др. смотрѣли на сивиллу, какъ на небесную посланницу, просвѣщавшую язычниковъ свѣтомъ истины и подготавливавшую ихъ къ принатію христіанства. Они постоянно приводили въ своихъ сочиненіяхъ выдержки изъ сивилинскихъ книгъ, которыя Тертуллианъ называетъ прямо Св. Писаніемъ ¹⁾. Извѣстный Цельсій современныхъ ему христіанскихъ апологетовъ называлъ въ насмѣшку сивилинскими друзьями или фабрикантами ²⁾; а св. Іустинъ утверждаетъ въ своемъ „Увѣщаніи къ Елливамъ“, что сивилинскія книги извѣстны всему міру ³⁾,—такъ широко было употребленіе сивилинскихъ стиховъ! Императоръ Константинъ В. въ рѣчи къ Об. перваго вселенскаго собора, сохраненной Евсевіемъ, указывалъ на знаменитый акростихъ, находящійся въ 8 книгѣ, и называлъ сивиллу богодухновенною. А блаж. Августинъ, указывая на тотъ же акростихъ въ своемъ сочиненіи „О градѣ Божіемъ“, выражаетъ готовность предоставить сивиллѣ права гражданства въ этомъ городѣ. Такое отношеніе къ сивиллѣ отъ древнихъ христіанскихъ вѣковъ перешло даже и къ позднѣйшимъ средневѣковымъ временамъ, когда, если и не во всѣхъ христіанскихъ церквахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ западной церкви, изображенія сивиллы (или даже и всѣхъ 12-ти) помѣщались въ храмахъ на ряду съ изображеніями пророковъ и апостоловъ ⁴⁾. Всеобщее уваженіе къ сивилинскимъ оракуламъ невольно вы-

¹⁾ Хр. Чт. 77 г. ч. I, стр. 77.

²⁾ Herzog, Real Encyklop., 13, s. 180.

³⁾ Тр. К. Д. Ав. 1867 г., стр. 369.—Чтобы Ап. Павелъ и Климентъ Римскій цитировали сивилинскія оракулы,—этого мнѣнія доказать нельзя. См. Herzog'a R. Encyklop., 13, seit 183.

⁴⁾ Христ. Чт. 77 г., ч. I, стр. 77.

зываетъ предположеніе—не положили-ли этотъ, въ своемъ родѣ, народной катехизисъ, какого-либо особаго отпечатка на религиозномъ сознаніи воспитавшихся на его идеяхъ людей... Существуетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ у нѣкоторыхъ ученыхъ, который мы приведемъ ниже. А теперь ознакомимся, въ цѣляхъ правильнаго пониманія сивилинскихъ идей, съ личностью ихъ авторовъ, временемъ, обстоятельствами и цѣлю написанія ими своихъ стиховъ.

Съ именемъ Сивиллъ явилось въ свѣтъ, въ разное время и при различныхъ обстоятельствахъ, нѣсколько собраній пророческихъ стиховъ, имѣвшихъ разныхъ авторовъ и содержаніе и неодинаковое значеніе въ жизни своего времени. Для ясности представленія о сивилинскихъ книгахъ, содержащихъ іудейскія и христіанскія идеи, необходимо выдѣлить эти книги отъ другихъ книгъ того же имени.

Отъ не тѣ сивилины оракулы, которые явились въ Малой Азіи (именно въ Троѣ) во время Троянской войны отъ одной или нѣсколькихъ Сивиллъ, т. е., религиозно-восторженныхъ женщинъ, имѣвшихъ, говоря языкомъ библейскимъ, „духъ пытливы“ (Дѣян. XVI, 16) ¹⁾. Прорицанія ихъ вызвали въ Малой Азіи сильное подражаніе. Знаменитѣйшею между Сивиллами считалась ихъ родоначальница—Сивилла Эритрейская. Изъ Азіи этотъ родъ прорицанія перешелъ въ Грецію и потомъ на югъ Италіи (Сивилла Кумская). Если можно судить о характерѣ содержанія оракуловъ этихъ древнихъ языческихъ сивиллъ по дошедшимъ до насъ отрывкамъ, приписываемымъ сивиллѣ Эритрейской, то слѣдуетъ сказать, что онѣ въ двусмысленныхъ выраженіяхъ угрожали бѣдствіями разнымъ городамъ.

¹⁾ По извѣстіямъ Гераклита, Аристофана и Платона, сначала явилась одна пророчица съ именемъ Сивиллы. Это было ея собственное имя. А затѣмъ къ ней присоединилось и много другихъ, получившихъ названіе Сивиллъ, вѣроятно, за свой пророческій даръ. Можно думать, что Сивиллы были дѣвственницы: древніе вѣровахи, что женщина, въ силу своего темперамента, въ большей степени, чѣмъ мужчина, расположена къ религиозной восторженности и обладаетъ яснымъ взглядомъ на будущее,—особенно если она дѣвственница. Естественно предположить, что эта вѣра въ примѣрѣ Сивиллъ находила, если не основаніе свое, то подтвержденіе.—Слово „Сивилла“ обыкновенно производятъ отъ греч. „Διὸς βοῦλή“, азіиск. форма „Σιὸς βοῦλή“. См. Хр. Чт. 77, ч. I, стр. 47—51; Тр. К. Д. Ак., 67, стр. 349—354; Herzog'a, Real Encyklop., 18, 179.

Въ то время, какъ слава первой Сивиллы, раздѣлившись между нѣсколькими, готова была, казалось, померкнуть,—и сивиллины пророчанія—потерять обаяніе своей исключительности и новизны,—оракулы Сивиллы Кумской неожиданно получаютъ чрезвычайный авторитетъ, давъ таинственное ¹⁾ происхожденіе книгамъ капитолійскимъ. Эти римскіе сивиллины оракулы, за совѣтомъ къ которымъ обыкновенно прибѣгали въ Римѣ во время бѣдствій, поражавшихъ республику, и вообще во всѣхъ важныхъ случаяхъ, были уничтожены пожаромъ Капитолія въ 183 г. до Р. Хр., замѣнены сивиллиными стихами греческаго (Эритрейскими) и иного происхожденія и снова истреблены императоромъ Гоноріемъ (въ нач. V в.), ревностнымъ искоренителемъ язычества и поборникомъ христіанства. Если признавать тожество Сивиллы Кумской съ смѣнившей ее въ Капитоліи Сивиллой Эритрейской (а римляне признавали его), то извѣстнымъ будетъ характеръ содержанія римскихъ сивиллиныхъ книгъ ²⁾.

Но и онѣ не то же, что наши сивиллины оракулы, хотя, быть можетъ, заключали въ себѣ часть ихъ. Когда, по приказу римскаго сената, „повсюду“ происходило собраніе сивиллиныхъ стиховъ для Капитолія послѣ извѣстнаго пожара,—въ это время въ обществѣ—особенно между іудеями еллинистами—были распространены пророческіе стихи, носившіе то же имя сивиллиныхъ. Эти стихи были плодомъ передѣлки, или поддѣлки, произведенной не жрецами, не децемвирами или квиндецемвирами, а совершенно сторонними людьми, для которыхъ имя Сивиллы служило не болѣе, какъ только псевдонимомъ, подѣ которымъ они скрывали свое настоящее, быть можетъ, далеко не популярное имя, чтобы заинтересовать и завлечь читателей громкимъ именемъ мнимаго автора своего произведенія (Глоріантовъ). Такое употребленіе имени Сивиллы въ качествѣ псевдонима замѣчается приблизительно со времени Александра М., когда начался періодъ религіознаго синкретизма и возрость въ

¹⁾ Переданное въ извѣстной легендѣ о продажѣ сивил. кн. Тарквинію Древнему или Гордому (младшему) какою то чужестранкою. Хр. Чт. 77, 52—54.

²⁾ Отрывки Эритрейской и Кумской Сивиллъ собраны у Alexandr'a, „Oracula Subyllina“, 1856 г.

обществѣ интересъ ко всякаго рода предсказаніямъ и продолжалось въ теченіи 6-ти, если не болѣе, вѣковъ ¹⁾ (до IV в. по Р. Хр.). Къ числу этихъ *не настоящихъ* или *такъ называемыхъ* Сивиллъ относятся, вмѣстѣ съ Персидской, и наши Сивиллы еврейскаго и христіанскаго происхожденія. Объ іудейской Сивиллѣ высказывается предположеніе, что она достигла того, чтобы ввести нѣкоторые изъ своихъ стиховъ въ оракулы, собиравшіеся для Капитолин ²⁾. Императоры Августъ и Тиверій истребляли эти подложные сивиллины стихи, предвѣщавшіе погубель Риму и бывшіе, ко вреду республики, удобнымъ орудіемъ въ рукахъ римскихъ патриціевъ для достиженія ими своихъ интересовъ: многіе изъ нихъ сдѣлались жертвою всепожирающаго времени; но не мало сохранилось ихъ и до нашего времени.

Являясь въ свѣтъ по частямъ въ разное время и отъ различныхъ авторовъ, сивиллины стихи въ первые вѣка христіанства естественно не могли имѣть одного общаго и цѣльнаго состава и существовали въ видѣ отдѣльныхъ, разрозненныхъ отрывковъ, изъ которыхъ многіе, процитованные у оо. и учителей церкви, не вошли въ сборникъ ³⁾. А этотъ сборникъ возникъ не позже VI в. или времени императора Юстиніана отъ неизвѣстнаго автора, который присоединилъ къ нему свое предисловіе,—и въ немъ онъ ставитъ сивиллины книги почти наравнѣ съ Священнымъ Писаніемъ, какъ такія книги, въ которыхъ излагаются всѣ важнѣйшія истины, какъ ветхозавѣтнаго, такъ и новозавѣтнаго вѣроученія. Этотъ сборникъ открытъ по частямъ западными учеными въ манускриптахъ различныхъ европейскихъ бібліотекъ въ теченіи XVI—XIX вв. Въ изданіи Фридлиба ⁴⁾ мы имѣемъ 4235 стиховъ, разбитыхъ на 12 книгъ, считая въ томъ числѣ стихи двухъ фрагментовъ, заимствованныхъ у Теофила Антиохійскаго и составляющихъ пре-

¹⁾ Христ. Чт. 77 г. ч. I, стр. 59; Herzog'a, R. Enc. 13, s. 179.

²⁾ Tr. K. D. Av. 67 г., стр. 360.

³⁾ Herzog, *ibidem*.

⁴⁾ Friedlieb „Oracula Sibullina“, Leipzig, 1852. Въ изданіи принятъ греко-сѣвекскій текстъ стиховъ. Кромѣ упомянутого выше изд. Сивилл. оракуловъ Alexandr'a, наиболѣе замѣчательно еще изданіе ихъ—Ewald'a, 1858.

дисловіе, приписываемое Сивиллѣ Эритрейской, но въ дѣйствительности принадлежащее іудею ¹⁾).

Изъ сказаннаго о Сивиллиныхъ книгахъ ясно, что онѣ въ настоящемъ своемъ видѣ составляютъ нѣчто въ родѣ религіозной и литературной мозаики, что-то въ родѣ штучной фигуры, составленной изъ кусочковъ различной породы, и происхожденія, и вовсе не цѣльное произведеніе, принадлежащее одному времени и одной рукѣ,—и развѣ только цѣль происхожденія могла быть одинакова для всѣхъ сивиллиныхъ отрывковъ. Все же намъ необходимо, насколько возможно, поближе опредѣлить личность авторовъ этихъ отрывковъ и мѣсто и время ихъ жизни и, слѣд., происхожденія отрывковъ, потому что содержащіяся въ нихъ іудейскія и христіанскія идеи интересны для насъ, какъ живое религіозное сознаніе извѣстныхъ людей извѣстнаго времени, но не какъ абстрактныя вѣро-и-право-учительныя сентенціи,—интересны въ усвоеніи ихъ умами того или другого времени.

Характеръ содержанія сивиллиныхъ книгъ таковъ, что не вездѣ позволяетъ съ несомнѣнной точностью опредѣлить автора, время и мѣсто происхожденія той или другой книги или части ея. Сивиллисты, повидимому, умѣли или хотѣли бывать въ одно и то же время разными личностями: классикомъ (3 кн. 419 т.) и литературнымъ профаномъ, политикомъ и религіознымъ проповѣдникомъ, іудеемъ и христіаниномъ (4 и 5 кн.), или іудеемъ и даже язычникомъ (3 кн.). Рядомъ съ раздвоеніемъ личности они имѣютъ способность переноситься изъ страны въ страну съ своими грозными прорицаніями, вслѣдствіе чего трудно точно опредѣлить мѣсто ихъ жизни. У большей части сивиллистовъ до такой степени высказывается строгость характера іудеевъ, что часто представляется ошибкой приписать ихъ стихи христіанамъ, какими они тутъ же выдаютъ себя знаніемъ христіанскихъ истинъ (4, 5, 9 и др. кн.).

¹⁾ 8 первыхъ сивилл. книгъ найдены въ теченіи XVI в., а въ первой половинѣ настоящаго столѣтія открыты были и остальные книги—сперва 14-я (1817 г.), а потомъ (1828 г.) 11, 12 и 13-я. Не достаетъ въ ряду 9 и 10 книгъ. Но 8-я книга не есть цѣльное произведеніе, и если ее раздѣлить на три части и изъ каждой части сдѣлать особую книгу, то получатся всѣ 14 книгъ. Тр. Е. Д. Ак., 67 г., стр. 348.

Такая трудность въ опредѣленіи личности автора той или другой сивиллиной книги или ея части увеличена еще позднѣйшей интерполяціей текста сивиллиныхъ оракуловъ. Однако ученые изслѣдователи вопроса о личности сивиллистовъ пришли къ болѣе или менѣе согласнымъ выводамъ, по которымъ два фрагмента предисловія и 3 книга (кромѣ начала 1—45 ст.) принадлежатъ іудеямъ; начало 3 книги (1—45 ст.), 6-я кн., 8-я—въ наибольшей ея части (217—336, 430—501 ст.) и 10-я—христіанамъ; остальные книги написаны іудействующими христіанами, изъ которыхъ только авторъ 7-й книги стоитъ ближе къ христіанамъ, чѣмъ къ іудеямъ; наоборотъ—все другіе приближаются болѣе къ іудеямъ, чѣмъ къ христіанамъ ¹⁾. Наиболѣе подробнымъ изображеніемъ формъ египетскаго идолопоклонства сивиллисты выдаютъ себя, какъ жители Египта и въ частности Александріи. Что касается времени происхожденія іудейскихъ и христіанскихъ сивиллиныхъ стиховъ, то оно не всегда ясно изъ самыхъ оракуловъ, гдѣ весьма часто перемѣшано то, что случилось во время жизни ихъ составителя, съ тѣмъ, что было когда-то прежде,—и не всегда твердо можетъ быть установлено при посредствѣ внѣшнихъ свидѣтельствъ. Во всякомъ случаѣ, излагая іудейскія и христіанскія идеи, мы будемъ отмѣчать время ихъ появленія установленными наукой датами. А теперь можно сказать лишь то, что только 2 фрагмента предисловія, приписываемаго Сивиллѣ Эритрейской, да 3 книга (кромѣ начала 1—45 ст.) признаются до-христіанскою частью сивиллиныхъ оракуловъ, причемъ до-христіанское происхожденіе 97—295, 489—817 ст. безспорно, а 46—96, 295—489, 818—829 ст., какъ и предисловія, вѣроятно ²⁾. Остальные части сивиллиныхъ книгъ явились въ теченіи 3-хъ первыхъ вѣковъ христіанской эры.

Намъ нужно знать цѣль и условія написанія сивиллиныхъ

¹⁾ 1 и 2 кн. мы не рассматриваемъ и не имѣемъ здѣсь въ виду частію потому, что содержаніе ихъ взято изъ другихъ книгъ (Friedlieb, Einleit. §§ 7 и 8, S. XVI и XIX), частію потому, что неизвѣстно время ихъ происхожденія—и во всякомъ случаѣ, оно позднѣйшее: оо. и учителя первыхъ 4 вв. христіанства ихъ не штрируютъ. Friedlieb, Einleit. § 32, s. 61; Христ. Чт. 77 г., ч. I, стр. 63—74; Гр. Б. Д. Ак. 67 г., стр. 376—378; Herzog, *ibid.*

²⁾ Хр. чт. 77 г. ч. I, стр. 63 и 74.

стиховъ, дабы видѣть, случайно или намѣренно высказаны въ нихъ іудейскія и христіанскія идеи, что въ тѣхъ и другихъ идеяхъ ближе и что дальше сознанию писателя, что сказано спокойно и что съ увлеченіемъ.

Цѣлью написанія сивиллиныхъ книгъ, насколько она открывается изъ ихъ содержанія, было наученіе людей истинному богочченію. Іудействующіе сивиллисты вездѣ увѣщаютъ язычниковъ отказаться отъ идоловъ и обратиться къ истинному Богу. Христіанскіе сивиллисты, повидимому, назначаютъ свои стихи, которые часто похожи болѣе на гимны, чѣмъ на пророчества (6-я кв. и часть 8-й), для послѣдователей Христа—гонимыхъ—въ цѣляхъ поддержанія въ нихъ вѣры и одушевленія надежды; но въ то же время они, вѣроятно, имѣли въ виду и язычниковъ, желая обратить ихъ къ евангелію изображеніемъ чистоты и строгости христіанскихъ нравовъ.

Условія, въ какихъ находились сивиллисты при составленіи своихъ оракуловъ, могутъ выяснить, почему они взялись за дѣло подъ псевдонимомъ Сивиллы и выполнили его такъ, а не иначе.

Нужно помнить, что въ то время, когда жили наши сивиллисты (съ 2 в. до Р. Хр. по 3 христ. вѣкъ), подражаніе древней Сивиллѣ вообще было развито въ греко-римскомъ обществѣ,—и они, наши сивиллисты, могли увлечься примѣромъ другихъ, влагая свои стихи въ обычную, очень любимую читателями форму. Но этого мало. Всѣ сивиллисты были изъ числа людей, презираемыхъ и гонимыхъ со стороны язычниковъ. Жестокія насмѣшки и пренебреженіе, какія встрѣчали со стороны грековъ египетскіе евреи (2 в. до Р. Хр.), ожесточеніе, съ какимъ Веспасіанъ, Титъ и Адріанъ вели борьбу противъ Іудей, гоненія первыхъ языческихъ императоровъ на христіанъ—не мѣшали ни іудеямъ, ни іудействующимъ христіанамъ указаннаго времени считать себя избранной націей и сохранять въ душѣ увѣренность, что они поклоняются истинному Богу, къ Которому рано или поздно обратятся всѣ народы,—и вызывали у тѣхъ и другихъ, какъ и у христіанъ¹⁾,

¹⁾ Апокалипсисъ предсказывалъ паденіе города, который упивался кровію мучениковъ. см. XIV, 8; XVIII, 2.

естественное чувство гнѣва противъ идолопоклонниковъ, угнетавшихъ ихъ и посягавшихъ на ихъ вѣру. У іудеевъ до-христіанскихъ, у іудействующихъ христіанъ, подъ гнетомъ языческимъ, возбуждалось очень тонкое у нихъ національное чувство, и вмѣстѣ съ христіанами у тѣхъ и другихъ возникало понятное желаніе обратить язычниковъ къ истинному Богу, дабы скорѣе открылось на землѣ царство Божіе, въ которомъ нѣтъ мѣста насилію и угнетеніямъ. Если іудеи и всегда вообще отличались стремленіями прозелитизма (Мѡ., 23, 15), а іудейская школа въ Александріи—преимущественно ¹⁾, то во 2 в. до Р. Хр. они имѣли особенные мотивы для религіозной пропаганды. „Это было время, когда преслѣдованія Антіоха Епифана оживили въ іудеяхъ чувства ихъ національности, когда первыя дѣянія Маккавеевъ (возстановленіе въ Іерусалимѣ національнаго культа) возродили у многихъ изъ нихъ несбыточныя надежды. Александрійскіе іудеи, отъ всего сердца привѣтствуя побѣду собратьевъ, вообразили себя владѣющими скипетромъ міра. Чтобы ускорить это событіе, имъ пришлось въ голову обратиться къ окружающимъ ихъ грекамъ и убѣждать ихъ „оставить идоловъ и поклониться истинному Богу“ ²⁾. Но какъ эти сивиллисты (іудеи), такъ и другіе—іудеохристіане и христіане, рѣшаясь на религіозную пропаганду среди язычниковъ, соображались съ ихъ воспріимчивостью къ ней. Всѣ они хорошо понимали, что увѣщанія отъ ихъ имени—столько непопулярнаго среди язычниковъ, не будутъ имѣть на нихъ надлежащаго дѣйствія. Чтобы привлечь къ себѣ ихъ вниманіе, наши пропагандисты естественно выбрали пророчицъ, пользовавшихся у язычниковъ довѣріемъ, и безъ колебанія сфабриковали ложныя предсказанія Сивиллы. Чтобы вознаграждать своихъ языческихъ читателей, сивиллисты (іудействующіе) драпируются по мѣстамъ (напр. 3 кн.) въ языческихъ классиковъ, примѣшывая къ воспоминаніямъ библейскимъ легенды греческія и

¹⁾ Въ лицѣ Аристовула (180—147 г. до Р. Хр.) и его учениковъ она обращала къ апостоламъ единобожія извѣстнѣйшихъ писателей языческой древности, напр. Эсхилла, Софокла, Еврипида, Менаандра, Виргилія, Овидія и др. Хр. Чт. 77 г. ч. I, стр. 44; Тр. К. Д. Ак., 67, стр. 365.

²⁾ Гастонъ Буассе „Паденіе язычества“, стр. 245.

заимствуя у Гезіода нѣкоторыя подробности его космогоніи, а у Гомера нѣсколько стиховъ. Но это не больше, какъ маскировка. Сивиллисты выдають одушевляющія ихъ намѣренія и чувства. И если одни изъ нихъ (христіане) стремятся только научить своихъ читателей истинному богопочтенію, то другіе сивиллисты-іудействующіе стремятся не только научить тому язычниковъ, но и обличить ихъ и пригрозить имъ гнѣвомъ Божиимъ за служеніе идоламъ и за угнетеніе ихъ—рода праведниковъ. Въ учительныхъ отдѣлахъ Сивилиннхъ книгъ полнѣе и чище выразились религіозное сознаніе и чувство сивиллистовъ; въ обличительныхъ—перевѣсъ беретъ чувство національное, то возмущенное языческимъ гнетомъ и гнѣвно угрожающее притѣснителямъ, то возбужденное успѣхомъ національнымъ и торжествующее свою славу въ мечтаніяхъ. Идеи, высказанныя по внушенію перваго чувства—мотива, ближе къ дѣйствительному состоянію религіознаго сознанія сивиллистовъ и ихъ современниковъ; а идеи, высказанныя по внушенію національнаго чувства—мотива (всетаки связаннаго съ религіознымъ), отражаютъ это состояніе нѣсколько односторонне и преувеличенно. Рѣчь о Христѣ и жизни по Нему у христіанскихъ сивиллистовъ, преобладаніе грозныхъ представленій о Богѣ и ожиданій лучшаго будущаго у іудействующихъ характеризуютъ, какъ увидимъ, главное содержаніе сивилиннхъ книгъ.

А. Волинъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗБРАННЫЕ ТРАКТАТЫ ПЛОТИНА.

(Переводъ съ греческаго языка подъ редакціей профессора
Г. В. Малеванскаго).

(Продолженіе *).

ЭННЕАДА VI-я.

КНИГА 4-я ¹⁾).

1) томъ, что единое, тождественное сущее вездѣ во всемъ во всей цѣлости своей присутствуетъ (περί τοῦ τὸ ὅν ἐν καὶ ταῦτόν ἅμα πανταχοῦ εἶναι ὅλον).

Подобно тому какъ міровая душа, обнимая весь міръ, присутствуетъ во всѣхъ и во существахъ, сама не дѣлится и не выступая изъ самой себя, и высочайшее Первосущее есть вездѣсущее лишь въ томъ смыслѣ, что оно проникаетъ и держитъ своими силами все прочее, пребывая неизмѣнно въ самомъ себѣ, въ единствѣ своего существа; то вездѣ, въ которомъ оно всегда есть, есть оно само. И, какъ его единство не исключаетъ, а производитъ и обусловливаетъ множественность сущаго, такъ и міровая душа производитъ множество существъ, всегда проникаетъ ихъ своею жизнью, причѣмъ ни сама она не дѣлится, ни души не теряютъ своей индивидуальности. Такого же воззрѣнія держались и древніе мудрецы.

Душа присутствуетъ во всѣхъ существахъ міра потому ли, что онѣ имѣютъ такой пространственный объемъ, а ея собственная природа раздѣляется по тѣламъ, или же она, въ самой себѣ пребывая, тѣмъ самымъ присутствуетъ во всемъ. Последнее значило бы, что каждое тѣло вовсе не есть предшествующее условіе присущей ему души, но находитъ ее уже въ наличности, такъ что гдѣ бы ему ни пришлось появиться, оно, прежде чѣмъ стать такою или иною частію во вселенной, должно гдѣ бы-то ни было съ душой соединиться, а это опять зна-

¹⁾ Первые три книги 6-й Эннеады представляютъ спеціальннй Трактатъ о категорияхъ. Онѣ остаются пока безъ перевода.

чило-бы, что и цѣлое тѣло вселенной должно было имѣть для себя уже въ наличности существующую душу.

Но если такъ, если душа наполняетъ, занимаетъ все прежде приближенія къ ней тѣла, если она имѣетъ, такъ сказать, весь возможный объемъ, то какъ возможно, чтобы она не имѣла величины! Каковъ образъ присутствія ея во вселенной, когда вселенной-то еще и нѣтъ? Какъ она, будучи недѣляемою и непротяженною, можетъ присутствовать во всемъ, не имѣя никакой величины? Если сказать, что она, не будучи тѣлесною, однако же расширяется, распространяется совмѣстно, и сообразно съ величиною тѣла вселенной, то и это усвоеніе душѣ величины лишь какъ ея акциденціи тоже нельзя принять за рѣшеніе проблемы, ибо тогда возникалъ-бы вопросъ, почему и какъ душа становится великою акцидентально? Само собою понятно, что душа не такимъ образомъ распространена по всему тѣлу, какъ какое-нибудь качество напр. сладость или цвѣтъ: это, вѣдь, суть только чисто-страдательныя модификаціи тѣла, и не удивительно, что мы видимъ, какъ онѣ распространяются по всему тѣлу, модифицированному такимъ образомъ, хорошо зная, что онѣ суть нѣчто только тѣлу присущее, но сами по себѣ внѣ тѣла не суть что-либо реальное, конечно, онѣ всегда имѣютъ такую-же величину (какъ и тѣло, которому она присуща). Кромѣ того, бѣлизна одной части тѣла въ своихъ модификаціяхъ совершенно равнодушна къ модификаціямъ бѣлизны другой, а между психическими функціями и модификаціями всегда существуетъ симпатія; потомъ,—хотя бѣлизна одной части по своему виду и степени можетъ быть и бываетъ тождественна съ бѣлизною другой, но онѣ всегда различны по числу (по своему положенію, по мѣсту), тогда какъ въ душѣ напротивъ та часть ея, которая присутствуетъ въ ногѣ, тождественна съ тою, которая находится въ рукѣ, какъ это намъ показываютъ наши ощущенія; наконецъ, въ качествахъ даже то, что тождественно, оказывается раздѣленнымъ, между тѣмъ какъ въ душѣ тождественное недѣлимо, и если говорится иногда о его раздѣленности, то это лишь въ томъ смыслѣ, что оно присутствуетъ вездѣ.

Не станетъ ли все это для насъ понятнѣе и яснѣе, если мы

начнемъ изслѣдованіе отъ начала и попытаемся уяснить, ка-
кимъ образомъ душа, будучи безтѣлесною и непротяженною,
можетъ принять протяженность прежде тѣла, или вмѣстѣ съ
тѣломъ? Если намъ удастся сдѣлать понятнымъ, какъ она могла
принять протяженность прежде всѣхъ и всякихъ тѣлъ, тогда
станетъ понятно и то, какъ она приняла ее въ тѣлахъ.

2. Міръ истинно-сущаго есть всеобъемлющій (онъ есть сра-
дъ во всей своей цѣлостн), міръ же видимый чувственный есть
лишь его образъ и подобіе. Понятно, что тотъ истинный все-
объемлющій міръ не находится ни въ чемъ другомъ, потому
что ему не предшествуетъ въ бытіи ничто другое: напротивъ,
тотъ міръ, который по бытію слѣдуетъ послѣ него, конечно,
долженъ уже въ немъ находиться и на немъ утверждаться, а
безъ него онъ не можетъ ни существовать, ни быть въ дви-
женіи или въ покоѣ. Но никто пусть не думаетъ, что нашъ
міръ чувственный находится въ томъ сверхчувственномъ, какъ
въ пространствѣ, опредѣляется ли пространство какъ граница
объемлемаго тѣла по отношенію къ объемлющему ¹⁾, или какъ
разстояніе (между тѣлами), которое всему предшествуетъ и
имѣетъ природою своею пустоту,—все равно,—нѣтъ, онъ только
ожидается и покоится какъ на своей основѣ, на томъ истинно
сущемъ мірѣ, который вездѣ сущъ и все въ себѣ содержитъ;
понятіе объ этомъ мірѣ должно быть продуктомъ чистаго мыш-
ленія (а не представленія, или воображенія) и не должно со-
держатъ въ себѣ никакого намека на пространственныя отно-
шенія; рѣчь о мѣстѣ, пространствѣ умѣстна лишь въ примѣ-
неніи къ чувственному міру, тотъ же міръ, будучи по бытію
первымъ и обладая истиннымъ существованіемъ, никакого мѣ-
ста для себя не требуетъ и ни въ чемъ другомъ не находится.
Будучи всеобъемлющимъ, онъ не можетъ имѣть никакого ущерба
въ своемъ составѣ, онъ всецѣло самъ себя наполняетъ, онъ ра-
венъ всегда самому себѣ и существуетъ вездѣ, гдѣ есть все
сущее, потому что самъ-то онъ и есть это все. Напротивъ,
ожидующійся на немъ нашъ чувственный міръ, будучи сов-
сѣмъ инымъ (по природѣ), лишь участвуетъ въ его бытіи, во
всей своей судьбѣ зависитъ отъ него, получаетъ отъ него всѣ

¹⁾ Это Аристотельское опредѣленіе пространства.

силы, но не такъ, что дѣлится его въ себѣ (пространственно). а такъ, что всегда стоитъ въ непосредственной къ нему близости, имѣетъ его въ себѣ, между тѣмъ какъ онъ, будучи всеобъемлющимъ, никимъ образомъ не можетъ быть внѣ самого себя (въ чемъ либо другомъ), ибо не мыслимо, чтобъ сущее могло пребывать въ несущемъ; напротивъ, несущее должно пребывать въ сущемъ, находя его вездѣ во всей цѣлости, онъ. повторяемъ, не можетъ отдѣляться отъ самого себя, и если мы все-таки говоримъ, что онъ вездѣ, то это лишь то значить, что онъ всецѣло лежитъ въ сферѣ истинно-сущаго, т. е., въ самомъ себѣ. И ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что всеобъемлющее находится вмѣстѣ въ сущемъ и въ самомъ себѣ, ибо что, будучи всеобъемлющимъ, есть вездѣ, то (представляетъ собою единство и) находится въ единомъ. Мы же, вовлекая это истинно сущее въ мѣръ чувственнаго бытія, обыкновенно и вездѣсущіе его тутъ полагаемъ, а затѣмъ вида, какъ громаденъ чувственный мѣръ, недоумѣваемъ и спрашиваемъ себя, какъ же это могла та сверхчувственная природа растянуться въ столь великой громадѣ, а того и не подозреваемъ, что считаемое нами великимъ мало, а мнимое малое велико, потому что оно въ каждой своей части находится все цѣликомъ, такъ что и мѣръ нашъ, соприкасаясь съ нимъ всѣми своими частями, вездѣ находитъ его цѣлымъ, слѣдовательно, большимъ, чѣмъ онъ самъ. Такъ какъ чувственный мѣръ не могъ растянуться въ еще большій объемъ, чѣмъ какой имѣетъ, ибо въ такомъ разѣ онъ очутился бы внѣ сферы всесущаго, еслибъ это только было возможно, то ему ничего болѣе не остается, какъ двигаться около всесущаго; не имѣя возможности ни охватить его, ни проникнуть во внутрь его, онъ довольствуется тѣмъ, что занимаетъ мѣсто и устраивается въ сосѣдствѣ съ нимъ, такъ что оно это всесущее въ одномъ смыслѣ ему присуще, а въ другомъ нѣтъ. ибо оно (не въ чемъ либо другомъ, а) въ самомъ себѣ находится даже тогда, когда непосредственно подлѣ него что-либо другое находится. Такимъ-то образомъ тѣло вселенной, находясь въ непосредственной къ нему близости, движется вокругъ его, не имѣя ни надобности, ни возможности простираться дальше, движется вокругъ того, что неподвижно

и тождественно, ибо то, вокругъ чего оно движется, есть все-сущее, такъ что въ своемъ движеніи міровое тѣло каждою частію своею касается всегда его во всей его цѣлости. Если бы все сущее было протяженнымъ и занимало какое либо мѣсто, тогда міровому тѣлу пришлось бы приближаться къ нему и касаться послѣдовательно разныхъ его частей своими разными частями; тогда, понятно, одною своею частію оно находилось бы ближе къ нему, другою дальше отъ него. А такъ какъ все-сущее и не ближе къ одному мѣсту и не дальше отъ другого, то оно потому самому во всей цѣлости своей всегда присуще тому, по отношенію къ чему оно и не близко и не далеко,—присуще всѣмъ существамъ способнымъ пользоваться его присуціемъ.

3. Но какъ всесущее присуще всему, самымъ ли существомъ своимъ, или оно пребываетъ въ самомъ себѣ, и только силы его изливаются во все, и лишь въ этомъ смыслѣ оно есть вездѣприсущее? Конечно, въ этомъ послѣднемъ смыслѣ должно быть мыслимо его вездѣсущіе, и вотъ почему говорятъ, что души суть какъ бы его излученія, что между тѣмъ какъ оно въ себѣ пребываетъ, души ниспадаютъ отъ него, чтобъ стать такими или иными живыми существами. Такъ какъ онѣ суть индивидуальныя сущности и не могутъ вмѣстить въ себѣ всего того, что въ немъ есть, то каждая изъ нихъ пользуется его присуціемъ особымъ образомъ, потому что получаетъ отъ него (не всё, а) такую или иную опредѣленную силу; но и послѣ этого онѣ не лишены его присуціа, такъ какъ оно не отдѣлено (ничѣмъ) отъ тѣхъ силъ, которыя въ нихъ отъ него изливаются; изъ нихъ каждая получаетъ отъ него лишь столько, сколько вмѣстить можетъ, не смотря на то, что оно тутъ же всегда есть для всѣхъ и для каждой порознь все въ своей цѣлости. Тѣмъ болѣе оно во всей цѣлости присутствуетъ тамъ (въ цѣломъ мірѣ истинно-сущаго), гдѣ всѣ силы его присутствуютъ, но и тутъ оно есть все и всецѣло въ самомъ себѣ, ибо если бы оно приняло такой или иной опредѣленный образъ, тогда оно не было бы всесущимъ, не могло бы пребывать въ самомъ себѣ, присутствуя во всемъ и вездѣ и было бы простою акциденціею чего-то другого. Оно не отдаетъ самаго себя никому и ничему, даже тѣмъ существамъ, которыя

жаждутъ соединиться и слиться съ нимъ, а допускаетъ лишь пользоваться своимъ присуціемъ, когда они того желаютъ, въ той мѣрѣ, въ какой они къ тому способны, но ни одному изъ нихъ не принадлежитъ, какъ его особая собственность. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что оно присуце имъ всѣмъ, когда оно ни одному изъ нихъ не присуце какъ его исключительная собственность. На этомъ же основаніи можно утверждать, что и душа, участвуя въ страдательныхъ состояніяхъ тѣла, имѣетъ эти страданія лишь какъ акциденціи, что сама она пребываетъ въ самой себѣ, что она не есть принадлежность ни вещества, ни тѣла, что она напротивъ во всей своей цѣлости отъ себя изливаетъ свѣтъ на цѣлое міровое тѣло и его освѣщаетъ. Повторяемъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что истинное всесущее, не занимая никакого мѣста, присуце однако всѣмъ тѣмъ вещамъ, изъ коихъ каждая имѣетъ свое опредѣленное мѣсто; напротивъ, было бы не только удивительно, но и совершенно невозможно, чтобы что либо, занимая опредѣленное мѣсто, могло присутствовать во всѣхъ вещахъ, изъ коихъ каждая тоже имѣетъ свое мѣсто. —присутствовать такъ, какъ мы выше сказали (т. е., всегда, во всемъ и всецѣло). Итакъ, разумъ требуетъ признать, что всесущее именно потому, что не связано ни съ какимъ мѣстомъ, присутствуетъ въ своей цѣлости во всемъ, чему бытіе присуце, присутствуетъ всецѣло во всей вселенной точно такъ же, какъ и во всякой ея части. Въ противномъ случаѣ одна его часть была бы здѣсь, другая тамъ, а это значитъ, что оно было бы дѣлимимъ, какъ и тѣло; но тогда какъ это вы ухитрились бы раздѣлить его? Такъ какъ оно есть все и всецѣло жизнь, то когда вы отдѣлите изъ него какую либо часть, она не будетъ уже живнію. Если вы раздѣлите умъ на части такъ, чтобъ одна была здѣсь, другая тамъ, то ни та, ни другая не будетъ умомъ. Наконецъ, если вы попытаетесь раздѣлить само истинно-сущее, то, такъ какъ лишь всецѣлое есть истинно-сущее, часть его не будетъ представлять собою истинно-сущаго. Намъ возразятъ, что, по раздѣленіи тѣла на части, эти части, вѣдь, суть тоже тѣла. Мы отвѣтимъ, что тутъ дѣлится на части не тѣло (въ себѣ, не идея, или идеальная сущность

тѣла), а опредѣленное тѣло, имѣющее такую-то протяженную величину; тутъ каждая часть, конечно, имѣетъ ту форму, въ силу которой мы называемъ ее тѣломъ, но сама-то форма не имѣетъ такой-то протяженной величины, и не содержитъ въ себѣ никакой протяженности.

4. Но если такъ, если всесущее едино, то какъ возможно и какъ мыслимо множество сущностей—умовъ, душъ? А такъ, что хотя все сущее едино, но оно вмѣстѣ и вездѣ, но не вездѣ совершенно одинаково и тождественно (но многоразлично); вѣдь, подобно уму единому и душа една, однако же мы различаемъ универсальную душу вселенной отъ частныхъ душъ. Можетъ показаться, что мы тутъ сами себѣ противорѣчимъ и что сказанное нами имѣетъ лишь характеръ вѣроятнаго мнѣнія, а не утвержденія необходимаго (т. е., съ логическою необходимостію вытекающаго изъ несомнѣнныхъ данныхъ), ибо для разсудка нашего кажется невѣроятнымъ, чтобы всесущее присутствовало вездѣ какъ единое и тождественное, болѣе же вѣроятнымъ представляется, что оно дѣлитъ свою цѣлость на части, но только дѣлитъ такимъ образомъ, что не уменьшется, точнѣе говоря,—дѣлится въ томъ смыслѣ, что оно и въ себѣ пребываетъ, и изъ себя выходитъ—производитъ свои части, которыя, какъ души, наполняютъ все (т. е., составляютъ его цѣлость). Но если согласиться на это только вслѣдствіе трудности представить, чтобы всесущее присутствовало вездѣ (во всякой части) во всей своей цѣлости, тогда это затрудненіе приходилось бы распространить и на души, и тогда вышло бы, что каждая душа не пребываетъ вся цѣликомъ въ цѣломъ тѣлѣ, но раздѣлена (по его частямъ), а если и не раздѣлена, то находится въ какой либо одной части тѣла и оттуда силу свою распространяетъ по всему тѣлу; кромѣ того, не относительно души только, а и относительно ея силъ, способностей, возникалъ бы такой же вопросъ, находятся ли онѣ вездѣ цѣликомъ, или нѣтъ, и вышло бы, пожалуй, что душа находится въ одномъ членѣ, такая-то сила ея въ другомъ. Итакъ, какъ это возможна множественность умовъ, душъ, сущностей при единствѣ истинно-сущаго? Тутъ ничего не помогаетъ то ученіе, что отъ первыхъ началъ проистекаютъ лишь числа, а не величины

(реальные, протяженные), ибо тутъ естественно возникаетъ вопросъ, какъ же эти величины наполняютъ собою все и составляютъ изъ себя вселенную? Эта множественность нисколько не подвигаетъ рѣшеніе нашего вопроса, ибо и мы допускаемъ, что истинно сущее множественно лишь по различію (сущностей), но не по мѣсту (особому для каждой), что не смотря на свою множественность, оно есть единое цѣлое, что „сущее вездѣ касается сущаго“ ¹⁾, что оно вездѣ присутствуетъ во всей цѣлости. Точно такъ-же и умъ есть множество только многообразное, но не раздѣленное по мѣсту,—и онъ всегда и вездѣ весь въ цѣлости. То же самое слѣдуетъ сказать о душахъ, такъ какъ даже та часть въ нихъ, которая распространяется по тѣлу, не дѣлима по своей природѣ. Этою своею природою душа присуща тѣламъ, которыя представляютъ собою протяженные величины, и кажется сама имѣющею части лишь потому, что обнаруживаетъ свою силу во всѣхъ ихъ и во всѣхъ ихъ частяхъ. Но она не дѣлима въ такомъ же смыслѣ, какъ они, ибо она присутствуетъ цѣликомъ вездѣ (во всѣхъ частяхъ тѣла), а это значитъ, что природа ея по самому существу своему есть недѣлимая. Но единство души не исключаетъ множества душъ, какъ и сущее не исключаетъ бытія сущностей и множественность сущностей не нарушаетъ единства сущаго. Нѣтъ никакого основанія думать, ни что душа оживляетъ многія тѣла посредствомъ множества душъ, ни что множество душъ обуславливается и порождается протяженною величиною (міроваго тѣла), потому что прежде чѣмъ появились тѣла, были уже и многія души и единая душа (міровая душа и души индивидуальныя). Единство міровой души также не мѣшаетъ множеству частныхъ душъ, которыя она объемлетъ въ себѣ, какъ и ея единство не нарушается ихъ множествомъ. Онѣ, конечно, другъ отъ друга отличны, но не раздѣлены никакимъ промежуткомъ, разстояніемъ, онѣ соприсущи другъ другу, а не отчуждены другъ отъ друга; ничто ихъ другъ отъ друга не раздѣляетъ точно также, какъ въ душѣ ничто не отдѣляетъ одного знанія отъ другого, одной

¹⁾ Это выраженіе Парменида.

науки отъ другой. Итакъ, душа (міровая) обнимаетъ своимъ единствомъ всѣ души—и въ этомъ отношеніи она безконечна.

5. Безконечна она потому, что величина ея вовсе не есть то, что составляетъ величину тѣлесной массы: всякая такая масса мала, потому что если стать отнимать изъ нея части, то ее можно довести до величины самой ничтожной, между тѣмъ какъ отъ души нельзя ничего отнять, и отъ всякой такой попытки отнять что либо изъ ея величины она не терпитъ никакого ущерба. А если она не подвержена никакому ущербу, то чего бояться, что она можетъ быть далека, и отдѣлена отъ чего либо? Какъ это могло-бы случиться, когда она не подвержена не только истощенію, но и вообще измѣненію и имѣетъ природу вѣчную? Если бы она была вовлечена въ потокъ измѣненія, тогда конечно она простиралась бы лишь дотуда, докуда доходитъ этотъ потокъ, а такъ какъ она не вовлечена въ этотъ потокъ, да и совсѣмъ некуда ей течь, то она обнимаетъ всю вселенную,—вѣрнѣе сама составляетъ вселенную, и конечно величиною своею превосходитъ величину какой бы-то ни было тѣлесной массы. Какъ ни мало, кажется, даетъ она отъ себя вселенной, но все же даетъ не меньше того, сколько можетъ принять и вмѣстить вселенная. Природу души не должно ни считать меньшею (въ сравненіи со вселенной), ни полагать ея величину въ массѣ, дабы не обазалось невѣроятнымъ и невозможнымъ, что тутъ меньшего звать на большее;—предикать „меньше“ настолько ей не приличествуетъ, насколько она, какъ не имѣющая никакого объема, строго говоря, даже не соизмѣрима съ тѣмъ, что имѣетъ объемъ, массивность, и дѣлать это похоже было бы на то, какъ если бы кто сталъ утверждать, что медицина (имѣющая мѣсто въ умѣ медика) меньше тѣла медика. Поэтому нельзя также говорить, что она по объему больше (тѣмъ вселенная), ибо всякая душа если больше своего тѣла, то это вовсе не по объему; превосходство души надъ тѣломъ явствуетъ между прочимъ изъ того, что когда тѣло вырастаетъ, становится большимъ, то та самая душа, которая прежде проникала его меньшую массу, теперь точно также всецѣло проникаетъ всю его большую массу;—конечно, было бы смѣшно думать, что душа вырастаетъ, увеличивается точно также, какъ и масса тѣла.

6. Можно спросить, душа (одушевляющая, міръ какъ цѣлое) входитъ ли также въ каждое тѣло? Нѣтъ,—скорѣе каждое тѣло къ ней приближается и воспринимаетъ отъ нея, усваиваетъ себѣ столько силы, сколько можетъ. Притомъ же каждое тѣло развѣ не участвуетъ въ ней, не имѣетъ ея въ себѣ уже потому, что обладаетъ своею особою душею? Вѣдь, душа міровая универсальная и души индивидуальныя (не отдѣлены другъ отъ друга, а) только отличны и то лишь своими атрибутами. Но почему это мы хотя знаемъ, что у насъ одна и та же душа и въ ругѣ и въ ногѣ, однако думаемъ, что міровая душа есть иная въ одной части вселенной и иная въ другой?—Вопросъ разрѣшается очень просто. Вѣдь и у насъ соотвѣтственно съ различными ощущеніями и внутреннія состоянія бываютъ различны. Они-то и составляютъ предметъ нашего сужденія, и то, что судить объ нихъ (не есть что либо въ каждомъ изъ нихъ иное, а) есть одно и то же, которое послѣдовательно присутствуетъ то въ однихъ, то въ другихъ изъ нихъ, хотя вовсе не оно само, а природа тѣла, такъ или иначе возбужденнаго, есть ихъ источникъ, какъ это напр. каждому изъ насъ случается судить то о пріятномъ ощущеніи въ пальцѣ, то о боли въ головѣ и т. п. При чемъ одна часть (тѣла) ничего не знаетъ о томъ, каково наше сужденіе о другой,—почему не знаетъ? Очень просто—потому что это есть сужденіе, а не ощущеніе. При томъ-же то, что судить, вовсе не разсуждаетъ и не говоритъ: „я такъ думаю, сужу“, а просто только признаетъ, утверждаетъ. Такимъ-то образомъ и у насъ все не зрѣніе передаетъ слуху свое сужденіе, хотя каждое (изъ этихъ двухъ чувствъ) есть судья (въ своей специальной сферѣ), но образуетъ это сужденіе разсудокъ, который присутствуетъ (одновременно) въ обоихъ этихъ чувствахъ и представляетъ способность совсѣмъ иную (чѣмъ ощущеніе), ибо онъ и признаетъ показанія этой другой (низшей) способности и уразумѣваетъ ихъ. Впрочемъ, объ этомъ была уже рѣчь у насъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾.

7. Но возвратимся къ главному вопросу: какъ это возмож

¹⁾ Подробнѣе вопросъ этотъ изслѣдуется въ 4-й Эннеадѣ lib. 3 с. 1—8, и lib. 4 сар. 32—45.

но, что одно и то же начало пресуще всѣмъ вещамъ? А этотъ вопросъ равносильнъ такому: какъ это чувственныя вещи, представляющія множественность и занимающія различныя мѣста въ пространствѣ, могутъ участвовать въ одномъ и томъ же началѣ? Ибо послѣ всего сказаннаго не должно быть рѣчи о раздѣленіи этого единого начала на многое, напротивъ вся задача состоитъ въ томъ, чтобъ свести множество частей къ тому единому началу, которое не нисходитъ до ихъ множественности. Такъ какъ эти части раздѣлены и разбросаны въ пространствѣ, то мы склонны думать, что и то единое начало точно также раздроблено, между тѣмъ это все равно, какъ если бы мы при видѣ того, какъ извѣстная сила овладѣваетъ чѣмъ нибудь состоящимъ изъ частей и держать его, сочли саму эту силу раздѣленною на столько же частей. Вѣдь рука наша напр. можетъ держать цѣлое тѣло, палку въ нѣсколько локтей, или что другое, при чемъ сила, которою она держитъ— конечно, простирается на весь объемъ предмета, но вовсе оттого не дѣлится на столько же частей, сколько ихъ въ немъ есть; правда, что эта сила ограничивается объемомъ руки, но рука имѣетъ свой собственный объемъ независимо отъ объема тѣла, которое она держитъ. Дайте этому тѣлу другую длину, вообще величину, но такую, что рука будетъ въ состояніи держать, тогда сила, ей присущая, опять распространится на все тѣло, но тоже самое отъ этого не раздѣляясь на столько же частей, изъ сколькихъ состоитъ тѣло. А теперь предположите, что тѣлесная масса руки совсѣмъ исчезла, но та сила, которая держала тяжесть, осталась цѣлою и неизмѣнною,—развѣ эта сила, оказавшаяся прежде нераздѣленною по всѣмъ частямъ тѣла (которое рука держала), не должна теперь представляться нераздѣленною и въ каждой своей части? Вообразите себѣ свѣтящую точку центромъ лежащаго около нея прозрачнаго круга и представьте, что блескъ этого свѣтящаго центра освѣщаетъ все окружающее его тѣло, которое ни откуда болѣе не заимствуетъ своего свѣта,—развѣ вы откажетесь признать, что этотъ центральный внутренній свѣтъ, самъ не претерпѣвая никакого измѣненія, проникаетъ всю окружающую его массу и изъ своего центра, откуда вы его видите,

освѣщаетъ весь шаръ? Собственно говоря, и тутъ свѣтъ истекаетъ изъ этого малаго тѣла, лежащаго въ центрѣ, вовсе не потому, что оно тѣло, и тѣло центральное, а лишь потому, что оно есть тѣло свѣтащее,—другими словами, благодаря присущей ему особой силѣ, которая сама по себѣ безтѣлесна. А теперь уничтожьте совсѣмъ въ своей мысли массу этого малаго центральнаго тѣла, но сохраните неприкосновенною его свѣтоносную силу: скажете ли вы теперь, что свѣтъ вотъ тамъ-то, или тамъ? Не будетъ ли теперь свѣтъ одинаково и внутри, въ центрѣ и во всѣхъ точкахъ окружности? Вы не въ состояніи теперь замѣтить, гдѣ прежде былъ и гдѣ послѣ появился свѣтъ, и не укажете ни откуда онъ появился, ни гдѣ остановился; относительно этого вы будете въ недоумѣніи и изумленіи, видя, какъ свѣтъ сіяетъ одновременно и равномерно и внутри—въ центрѣ, и во вѣ—по всей окружности. Конечно, вы можете сказать, откуда истекаетъ распространяющійся черезъ воздухъ солнечный свѣтъ,—можете, потому что видите солнечное тѣло и замѣчаете повсюду тотъ же свѣтъ, что и въ самомъ солнцѣ. Этотъ свѣтъ распространяется повсюду тоже не раздѣляясь, ибо всѣ предметы, воспринимающіе его и освѣщаемые имъ, вовсе не раздробляютъ его, а отражаютъ его отъ себя туда же, откуда онъ приходитъ, и при томъ тѣмъ самымъ путемъ, какимъ приходитъ. Но будь это видимое солнце силою безтѣлесною, вы не могли бы видѣть, какъ отъ него распространяется свѣтъ, не могли бы сказать, гдѣ его начало, откуда онъ исходитъ,—ибо это былъ бы повсюду одинъ и тотъ же свѣтъ, безъ всякой особой точки, отъ которой начинается, безъ всякаго особаго начала, изъ котораго истекаетъ.

8. Такъ какъ тутъ свѣтъ истекаетъ изъ тѣла, то конечно легко сказать, откуда онъ приходитъ, зная, гдѣ находится это тѣло. Но когда дано бытіе невещественное—такое, которое не нуждается въ тѣлѣ, будучи само прежде и выше тѣла, которое утверждаетъ на самомъ себѣ, и совсѣмъ не нуждается ни въ какомъ для себя субстратѣ, то для него, при такой его природѣ, нѣтъ и не можетъ быть никакого такого начальнаго пункта, откуда оно появляется, ни мѣста, гдѣ бы оно всегда

находилось, ни тѣла, отъ котораго бы оно стояло въ зависимости. А если такъ, то развѣ можно сказать, что одна его часть здѣсь, другая тамъ? Вѣдь это значило бы, что есть гдѣ-то начальный пунктъ, откуда оно появляется, и что оно стоитъ въ зависимости отъ чего-то другого. Поэтому съ допущеніемъ, что все во вселенной участвуетъ въ этомъ бытіи, должно быть соединяемо также и признаніе, что все участвуетъ въ немъ, какъ въ одномъ цѣломъ, при чемъ само оно не только не раздѣляется, но и не измѣняется. Ибо только сущности, соединенной съ тѣломъ (душѣ), свойственна пассивность и только какъ акциденція; такая сущность представляется какъ страдательная и раздѣленная (по всѣмъ органамъ тѣла), насколько мыслится—какъ функція или форма тѣла. Но то бытіе, которое не соединено ни съ какимъ тѣломъ, къ соединенію съ которымъ напротивъ всякое тѣло стремится, ни какимъ образомъ не участвуетъ въ тѣхъ страдательныхъ состояніяхъ, которыя для тѣла столь же существенны, какъ и дѣлимость, служащая ихъ причиною. Короче,—какъ все тѣлесное по самой природѣ своей есть дѣлимое, такъ безтѣлесное по самому существу своему есть недѣлимое. Да и какъ это можно было бы раздѣлить то, что не имѣетъ ни какого протяженія? Поэтому, если бытіе протяженное участвуетъ въ бытіи непротяженномъ, то этимъ своимъ участвованіемъ вовсе его не раздѣляетъ, а если бы раздѣляло, то это значило бы, что и то непротяженное бытіе есть протяженное. И такъ, когда вы говорите, что то единое сущее есть во многомъ, то не представляйте себѣ дѣла такъ, что само единое превращается во многое, но возводите множество къ единству и то единое созерцайте какъ нераздѣльное цѣлое во всемъ этомъ множествѣ, помня, что то единое истинно сущее не есть принадлежность ни какого либо индивидуума, ни всей совокупности вещей, что оно принадлежитъ всецѣло лишь одному себѣ, есть само по себѣ и для себя, всецѣло довлѣетъ самому себѣ, что оно не имѣетъ ни такой величины, какъ вся вселенная, ни тѣмъ болѣе такой, какъ одна изъ частей вселенной, словомъ, —абсолютно никакой величины. Да и какъ это оно могло бы

имѣть опредѣленную величину, когда имѣть ее свойственно лишь всему тѣлесному? Поелику же природа его совсѣмъ иная, чѣмъ природа тѣлеснаго, то и нельзя ему усвоить никакой величины. А если оно не имѣетъ никакой величины, то оно не находится ни здѣсь, ни тамъ, словомъ нигдѣ; а то иначе ему часто приходилось бы быть то здѣсь, то тамъ. И наоборотъ, если пространственное раздѣленіе свойственно лишь такому бытію, одна часть котораго здѣсь, другая тамъ, то какъ возможно такое раздѣленіе для того единаго сущаго, которое не находится ни здѣсь, ни тамъ? Итакъ, это единое сущее всегда пребываетъ въ себѣ какъ нераздѣльное, не смотря на то, что многія существа стремятся къ единенію съ нимъ. Они стремятся обладать имъ во всей цѣлости (а не раздѣлять его между собою) и если достигаютъ участія въ немъ, то участвуютъ въ немъ, какъ въ единомъ цѣломъ, насколько бываютъ къ тому способны. Но участвуя въ немъ, они и не участвуютъ въ томъ смыслѣ, что оно не становится никогда собственностію ни одного изъ нихъ. Только такимъ образомъ единое истинно—сущее и въ себѣ самомъ пребываетъ всецѣло и во всѣхъ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ открывається его сила; напротивъ если бы оно не было всегда нераздѣльнымъ цѣлымъ, тогда оно не было бы бытіемъ въ себѣ и для себя, тогда и вещи не участвовали бы въ его истинномъ бытіи, котораго всѣ и всегда жаждутъ, а участвовали бы въ чемъ-то другомъ, чего они совсѣмъ не желаютъ.

9. Теперь же, если бы то единое существо (міровая душа) дѣлилось на множество такихъ существъ, изъ коихъ каждое вмѣщало бы въ себѣ всю цѣлость его существа, тогда получилось бы множество (такихъ же, какъ оно само) первыхъ существъ, ибо каждое изъ нихъ порознь было бы въ такомъ разѣ первымъ. Какъ и чѣмъ тогда всѣ эти первыя существа отличались бы другъ отъ друга, чтобъ не слиться въ одно и то же существо? Вѣдь не тѣлами онѣ различались бы и раздѣлялись другъ отъ друга, да и формирующими принципами тѣлъ во могутъ быть существа первыя, такъ какъ они во всемъ должны быть подобны первому—высочайшему началу, отъ котораго непосредственно происходятъ. Съ другой стороны, если

допустить, что единое бытіе раздѣлилось на многія части и что эти части суть его силы, тогда уже каждая изъ этихъ частей не будетъ уже содержать его въ себѣ во всей цѣлости, а кромѣ того въ такомъ разѣ самъ собою возникаетъ вопросъ, какъ же это могли эти многія силы отъ него отдѣлиться, его покинуть, и куда это они могли отъ него уйти? Потомъ, вполне умѣстенъ и такой вопросъ: тѣ силы, которыя присущи чувственному міру, находятся ли въ то же время и въ томъ единомъ истинносущемъ, или нѣтъ? Если отвѣтимъ: нѣтъ, то получится нелѣпное допущеніе, будто то едино-сущее потерпѣло уменьшеніе, стало немощнымъ лишившись тѣхъ силъ, которыми прежде обладало; кромѣ того, не менѣе нелѣпо и другое тѣсно связанное съ этимъ допущеніе,—что силы могутъ отдѣляться отъ тѣхъ сущностей, которымъ онѣ принадлежать. Напротивъ, если силы находятся и въ единомъ всеобъемлющемъ началѣ и еще гдѣ нибудь, тогда силы эти находятся здѣсь (въ этомъ мірѣ) или во всей своей цѣлости, или только отчасти: если тутъ находятся только ихъ части, тогда онѣ суть части тѣхъ самыхъ силъ, которыя тамъ (во всей цѣлости); а если онѣ тутъ во всей полнотѣ и цѣлости, тогда опять онѣ здѣсь не иныя, а тѣ же самыя, что и тамъ; а это значить, что онѣ и здѣсь не раздѣлены другъ отъ друга и что единое всеобъемлющее начало есть вездѣ одно и то же безъ всякаго раздѣленія. Можно, пожалуй, еще и такъ представлять себѣ дѣло, что хотя силы многія, но всѣ похожи другъ на друга тѣмъ, что каждая содержитъ въ себѣ цѣлую силу, цѣлое, что вездѣ съ одною субстанціею соединена одна сила. Но въ такомъ разѣ все прочее пришлось бы принимать лишь за силы (безъ субстанцій), а между тѣмъ одинаково не мыслима—какъ субстанція безъ силы, такъ и сила безъ субстанціи, ибо тамъ (въ сверхчувственномъ мірѣ) сила есть непремѣнно вмѣстѣ субстанція и сущность, или даже нѣчто высшее, чѣмъ сущность. Не таковы конечно силы здѣсь (въ чувственномъ мірѣ): тутъ онѣ гораздо меньше, слабѣе, такъ какъ онѣ истекаютъ отъ единого всеобъемлющаго начала подобно тому какъ отъ сильнаго яркаго свѣта истекаетъ свѣтъ слабѣйшій, менѣе яр-

кій; но и этимъ силамъ присущи тѣ субстанціи, ибо сила не можетъ существовать отдѣльно отъ субстанціи—поэтому, насколько всѣ эти силы по вѣкоей необходимости всегда другъ съ другомъ сообразуются, необходимо признать, что одна и та же всеобъемлющая сила вездѣ (въ нихъ) присутствуетъ, а если не вездѣ одинаково, то все же гдѣ ни присутствуетъ, всегда присутствуетъ вся въ цѣлости, безъ раздѣленія, на подобіе того какъ одна душа въ своемъ тѣлѣ. А если такъ, то почему ей не присутствовать во всей вселенной? Вѣдь если бы она въ частныхъ силахъ дѣлилась до безконечности, тогда вслѣдствіе такого раздѣленія она потеряла бы свою цѣлость и дошла бы наконецъ до полного истощенія. Потомъ, (безъ такой единой цѣлостной силы) не было бы соответствія и согласія между частными силами столь различными въ разныхъ частяхъ міра. Наконецъ и то можно поставить на видъ, что образъ (тѣнь) точно также не можетъ существовать отдѣльно отъ того, что даетъ отъ себя образъ (или отбрасываетъ свою тѣнь), какъ и свѣтъ отдѣльно отъ своего источника, и что если никакая вообще вещь, обязанная своимъ существованіемъ чему либо другому и представляющая собою лишь образъ другого, не можетъ существовать безъ своего оригинала, то и эти силы (чувственного міра) не могутъ существовать отдѣльно отъ того единого всеобъемлющаго начала, изъ котораго истекають. А если такъ, то это начало, источающее эти силы, должно присутствовать всегда и вездѣ, гдѣ оно есть, при томъ присутствовать вездѣ и во всемъ во всей своей цѣлости, безъ всякаго раздѣленія.

10. Намъ могутъ возразить, что существованіе образа не связано необходимо съ существованіемъ первообраза, что есть такіе образы, которые существуютъ и въ отсутствіи своихъ оригиналовъ, что наприм. и по удаленіи огня теплота, имъ произведенная, продолжаетъ пребывать въ согрѣтыхъ ею вещахъ и т. п. Вотъ нашъ отвѣтъ касательно отношенія образа къ оригиналу. Вы пожалуй, для примѣра возьмете образъ, вышедшій изъ подъ кисти живописца; но это будетъ примѣръ не подходящій, ибо тутъ не оригиналъ производитъ свой образъ,

а живописецъ. Мало того, такой образъ не есть въ строгомъ смыслѣ образъ оригинала (имъ самимъ произведенный) и это даже въ томъ случаѣ, когда кто-либо пишетъ свой собственный портретъ, ибо и тутъ не тѣло живописца (само по себѣ) рисуетъ и не форма, воспроизводимая въ рисунокѣ (сама себя въ немъ изображаетъ); даже такой портретъ гораздо правильнѣе считать продуктомъ соединенія и расположенія цвѣтовъ, въ которомъ самъ живописецъ отсутствуетъ, ибо тутъ вовсе не имѣетъ мѣста такое произведеніе образа (своимъ оригиналомъ), какое бываетъ въ зеркалѣ, въ водѣ, въ тѣни, гдѣ образъ въ строгомъ смыслѣ слова истекаетъ отъ предсуществующаго оригинала и въ отсутствіи его существовать не можетъ, а между тѣмъ такимъ именно образомъ, по нашему мнѣнію, происходятъ нѣзримыя силы отъ высшихъ. Что же касается указанія на теплоту, способную существовать въ отсутствіи огня, то можно прежде всего поставить на видъ, что теплота вовсе не есть образъ огня, особенно если присутствіе въ ней огня отрицается, хотя и въ такомъ разѣ все равно теплота не оказывается способною существовать безъ огня, потому что когда огонь удаляется отъ нагрѣтаго имъ тѣла, оно охлаждается, если не вдругъ, то постепенно. Поэтому тѣ, которые полагаютъ, что всѣ вообще силы чувственнаго міра способны такимъ же образомъ (какъ теплота нагрѣтаго огнемъ тѣла) истощаться, должны бы утверждать (и то, что изъ него необходимо вытекаетъ),—что только одинъ Первоединный безсмертенъ, а души и духи смертны. Мнѣніе это ложно уже потому, что въ немъ происходящее отъ неизмѣнной Первосущности признается текучимъ и тлѣннымъ. Вѣдь, если бы солнце стояло неподвижно, то оно изливало бы одинъ и тотъ же равномѣрный свѣтъ всегда въ одни и тѣ же мѣста, а кто сказалъ бы, что свѣтъ солнечный не есть всегда одинъ и тотъ же (вслѣдствіе того, что оно движется), тотъ долженъ былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, что само тѣло солнца подвержено непрерывному теченію и измѣненію. Впрочемъ, мы уже въ другомъ мѣстѣ старались доказать, что все происходящее отъ Первоединого не тлѣнно и вѣчно, что души и духи безсмертны ¹⁾.

¹⁾ Въ 4-й Эннеадѣ, въ 7-й книгѣ.

11. Но если сверхчувственное бытіе во всей цѣлости своей присутствуетъ вездѣ, то почему не всѣ существа участвуютъ въ немъ, не имѣютъ его въ себѣ во всей цѣлости? Почему они представляютъ собою различныя степени (совершенства),—одни занимаютъ первое мѣсто, другія—второе и т. д.? Это, конечно, потому, что тѣ изъ нихъ, которыя болѣе другихъ способны воспринять его, болѣе другихъ и ему соприсуци, а оно присутствуя вездѣ какъ истинно сущее, не претерпѣваетъ никакого ущерба отъ того, что другія существа соприсуци ему въ той мѣрѣ, въ какой къ этому способны, ибо они присутствуютъ въ немъ не какъ въ какомъ нибудь мѣстѣ, а на подобіе того, какъ прозрачность присутствуетъ въ свѣтѣ; отношеніе къ свѣту непрозрачнаго, конечно, совсѣмъ иное. Поэтому, если есть въ сверхчувственномъ мірѣ существа перваго, втораго и третьаго порядка, то эти порядки не мѣстами отдѣлены одинъ отъ другаго, а лишь отличны другъ отъ друга достоинствомъ, своими силами и своими специфическими особенностями, ибо тутъ ничто не мѣшаетъ быть вмѣстѣ—въ единствѣ такимъ различнымъ сущностямъ, какъ души и духи, или какъ разныя науки высшаго и низшаго порядка. Нѣчто подобное наблюдается и въ мірѣ чувственномъ, какъ напр. въ одномъ и томъ же яблокѣ глазъ видитъ его цвѣтъ, обоняніе ощущаетъ его запахъ, и каждое изъ нашихъ чувствъ воспринимаетъ все иное и иное качество яблока, между тѣмъ какъ всѣ эти качества существуютъ вмѣстѣ, а не отдѣльно одно отъ другаго.

Но, если такъ, то само сверхчувственное бытіе не есть ли многое и многообразное? Конечно, оно есть многообразное, хотя въ то же время есть простое; оно есть единое и многое вмѣстѣ, ибо какъ разумъ есть—единный и множественный вмѣстѣ, такъ и сущее (имъ мыслимое) есть прежде всего единое, потому что если въ немъ есть иное и иное, то это иное есть его собственное иное и инаковость есть его собственная инаковость, между тѣмъ какъ въ несущемъ не можетъ имѣть мѣста никакая инаковость; отъ сущаго не отдѣлимо единство, но гдѣ есть сущее, тамъ есть и его единство, такъ что единое сущее зависитъ всегда лишь отъ самого себя, утверждается на

самомъ себѣ. Нѣтъ, вѣдь, ничего невозможнаго даже въ томъ, что одна сущность, будучи въ извѣстномъ отношеніи особю отдѣльною отъ другой, въ то же время цѣликомъ находится въ этой другой. Но конечно возможны и есть различные виды присутствія одного въ другомъ: иначе пребываютъ чувственныя вещи въ сверхчувственномъ мірѣ тамъ, гдѣ въ немъ онѣ пребываетъ, иначе сверхчувственныя сущности присутствуютъ другъ въ другѣ; инымъ образомъ тѣло находится въ душѣ, и инымъ въ душѣ же находится знаніе, иначе опять одно знаніе содержится въ другомъ знаніи, въ сравненіи съ тѣмъ, какъ оба они содержатся въ одномъ и томъ же разумѣ; наконецъ совсѣмъ инымъ образомъ одно тѣло присутствуетъ въ другомъ тѣлѣ.

12. Когда въ воздухѣ среди тишины раздается звукъ, представляющій собою такое или иное слово, то чье либо ухо, вблизи находящееся, слышитъ этотъ звукъ и это слово,—а если тутъ-же будетъ другое ухо, то и къ нему приблизится звукъ и слово, или оно приблизится къ слову. Или вообразите, что многіе глаза разсматриваютъ одинъ и тотъ же предметъ; всѣ, вѣдь, они видятъ этотъ предметъ (т. е., имѣютъ въ себѣ образъ его), не смотря на то, что онъ занимаетъ одно опредѣленное мѣсто. Такимъ-то образомъ одинъ и тотъ же предметъ служитъ источникомъ различныхъ впечатлѣній въ зависимости отъ того, что различные органы на него направлены—оттого что одинъ изъ нихъ есть глазъ, другой—ухо. Подобно этому и все, что только способно быть одушевленнымъ, получаетъ каждое иную душу отъ одного и того же начала (міровой души). Раздающійся въ воздухѣ звукъ, находится въ немъ вездѣ не какъ единство раздробленное, а какъ единство цѣлостное вездѣ—во всякомъ мѣстѣ ¹⁾. Равнымъ образомъ, когда воздухъ принимаетъ образъ какого-либо предмета, то имѣетъ его во всей нераздѣльной цѣлости, ибо гдѣ-бы ни помѣстился глазъ, отовсюду видитъ одинъ

1) Это одинъ изъ многихъ удивительныхъ образчиковъ того, что умъ человеческій а ригіогі путемъ дедукціи доходитъ нерѣдко до такихъ положеній и истинъ, до которыхъ путемъ индукціи и опыта ученые доходятъ лишь спустя много вѣковъ. Уже для Платона нашъ телефонъ, очевидно, вовсе не показался бы взумительною по своей неожиданности новинкою.

и тотъ же образъ; впрочемъ, не всѣ держатся этого мнѣнія. Примѣры эти мы приводимъ для того, чтобъ сдѣлать понятнымъ, что многія вещи могутъ участвовать въ одномъ и томъ же началѣ. Яснѣе всего показываетъ эту возможность примѣръ звука, насколько въ немъ въ самомъ дѣлѣ такая или иная форма вся въ цѣлости присутствуетъ въ воздухѣ тоже, какъ въ одномъ цѣломъ, ибо не могли бы люди слышать всѣ одно и то же, если бы вылившееся въ звукахъ слово не находилось вездѣ въ цѣлости, и если бы каждое ухо не воспринимало его тоже въ полной цѣлости. Но если такъ, если каждое слово цѣлкомъ расходится въ семь воздухѣ, какъ одномъ цѣломъ, безъ соединенія такой-то части слова съ такою-то частию воздуха, безъ раздѣленія на части и слова и воздуха, то почему можетъ казаться невѣроятнымъ, что единая душа распространена повсюду, не раздѣляясь отъ этого на части, что она во всей своей цѣлости присутствуетъ вездѣ, что она присуща всей вселенной, не дѣлясь для этого или отъ этого на тѣ части, изъ коихъ состоитъ вселенная? Когда душа соединена съ тѣломъ, то въ образѣ соединенія своего съ тѣломъ она представляетъ близкую аналогію съ выговореннымъ и раздающимся въ воздухѣ словомъ, а до соединенія съ тѣломъ она похожа на выговаривающаго или только готовящагося выговорить слово. Впрочемъ, даже соединенная съ тѣломъ она сохраняетъ въ нѣкоторомъ отношеніи сходство съ тѣмъ; кто выговариваетъ слово и кто, выговаривая его, не владѣетъ имъ и въ то же время отдаетъ его (другому). Конечно, природа слова совсѣмъ иная, чѣмъ природа тѣхъ существей, для болѣе яснаго представленія которыхъ мы прибѣгаемъ къ слову, какъ къ его примѣру, но все же между тою и другою природою есть близкая аналогія.

Конечно, природа души совсѣмъ иная, чѣмъ природа тѣлъ; поэтому слѣдуетъ представлять себѣ положеніе дѣла не такъ, что душа (міровая) частію въ самой себѣ пребываетъ, а частію находится въ тѣлахъ, а такъ, что она всецѣло пребываетъ въ самой себѣ и въ то же время отражаетъ свой образъ во множествѣ тѣлъ (подобно тому какъ предметъ отражается въ зеркалѣ или въ водѣ); все новое и новое тѣло, вслѣдствіе

непосредственной близости повсюду души, получаетъ отъ нея жизнь, которая доселѣ въ немъ не была явна, и обладаетъ этою жизнію точно такъ—же, какъ обладало ею прежде другое тѣло (въ которомъ она была), ибо вовсе не такую создана природа души (міровой), чтобы такая-то часть ея помѣщалась въ опредѣленномъ мѣстѣ и ждала тутъ тѣла, въ которое ей нужно войти, но эта часть ея, о которой обыкновенно говорится, что она вошла въ тѣло, какъ прежде этого существовала во вселенной, то есть, въ самой себѣ, такъ продолжаетъ существовать и теперь послѣ того, какъ она видимо появилась вотъ здѣсь—въ этомъ тѣлѣ. Да и какъ это она могла бы нисойти сюда? А если такъ, если душа не нисходитъ въ какое либо мѣсто, если она только реальное свое присутствіе обнаруживаетъ тамъ, или здѣсь, не дожидаясь тутъ тѣла, которому нужно въ ней участвовать, то ясно, что она пребываетъ въ самой себѣ въ то самое время, какъ становится присущею тому или другому тѣлу. А если душа, прозявая свое присутствіе въ тѣлѣ, пребываетъ при этомъ въ самой себѣ, то это значитъ, что (тутъ не душа входитъ въ тѣло, а) тѣло входитъ въ душу,—тѣло, находившееся доселѣ внѣ сферы истинно-сущаго, теперь вступаетъ сюда—въ міръ жизни (*ἔγω ὄν τοῦ οὐτως ὄντος ἤλθε πρὸς τό οὐτως ὄν, καί ἐγένετο ἐν τῷ τῆς ζωῆς κόσμῳ*). Такъ какъ этотъ міръ жизни и до этого всегда существовалъ въ самомъ себѣ безъ протяженія, а слѣдовательно и безъ раздѣленія, то новое тѣло входитъ сюда, какъ въ область непротяженнаго и участвуетъ не въ какой либо только части жизни этого міра, а во всей его жизни; слѣдующее новое тѣло точно также получить участіе во всей цѣлости этой жизни и т. д. Поэтому, если слѣдуетъ признать правильнымъ положеніе, что этотъ міръ жизни весь въ цѣлости присущъ всей этой совокупности тѣлъ, то столь же правильно и положеніе, что онъ весь въ цѣлости присущъ и каждому изъ этихъ тѣлъ порознь, что онъ вездѣ и во всемъ есть тождественный, по числу единый, нераздѣльный и цѣлостный.

13. Откуда же, спрашивается, происходитъ протяженность во всемъ нашемъ чувственномъ мірѣ, не исключая и существъ, надѣ-

ленныхъ жизнию, если правда, что міръ жизни чуждъ протяженія? Вѣрить этой правдѣ мѣшаетъ намъ ощущеніе, которое дѣйствительно показываетъ намъ жизнь всегда то здѣсь, то тамъ, между тѣмъ какъ разумъ говоритъ намъ, что если мы видимъ такимъ образомъ (въ формѣ пространства) жизнь, то это вовсе не потому, что самъ міръ жизни находится здѣсь или тамъ, а только потому, что все протяженное участвуетъ въ немъ—непротяженномъ. Вѣдь, когда что либо участвуетъ въ другомъ, то оно участвуетъ не въ томъ же, что есть оно само, а иначе оно, строго говоря, ни въ чемъ бы не участвовало и оставалось бы тѣмъ же, чѣмъ оно есть. Это значитъ, что если тѣло участвуетъ въ другомъ, то это другое должно имѣть не тѣлесную природу, которою тѣло и безъ того обладаетъ, а совсѣмъ иную. Тѣло не можетъ участвовать въ тѣлесномъ точно также, какъ величина не можетъ участвовать въ величинѣ: вѣдь, если даже согласиться, что величина способна увеличиваться, то и отъ этого она не дѣлается способною участвовать въ величинѣ, ибо двухъ-локтевый предметъ не можетъ быть трехлоктевымъ, а только онъ можетъ имѣть сперва одну величину, потомъ другую, а то иначе число два могло бы превратиться въ число три. Итакъ, если то, въ чемъ участвуетъ протяженное и раздѣленное, должно быть инымъ, должно имѣть совсѣмъ иную природу, то ясно, что само оно, есть непротяженное, и недѣлимое и чуждое всякаго вида (пространственной) величины. А это опять значитъ, что оно, присутствуя вездѣ и во всемъ, присутствуетъ какъ одно нераздѣльное цѣлое. Оно есть недѣлимо вовсе не по причинѣ своей крайней малости, ибо въ такомъ разѣ оно все таки было бы дѣлимымъ, а кромѣ того не хватало бы на всю вселенную и не могло бы распространяться на всю массу тѣла по мѣрѣ ея увеличенія. Оно и не въ томъ смыслѣ есть недѣлимое, въ какомъ признается недѣлимою (математическая) точка, потому что масса тѣла (каково бы оно ни было), никогда не есть точка, а бесконечное множество точекъ, и тогда выходило бы, что бытіе, представляемое какъ точка, состоя изъ бесконечнаго множества точекъ, не есть непрерывное, сплошное и не можетъ быть аде-

кватнымъ всей вселенной. Итакъ, если вся безъ остатка тѣлесная масса должна обладать и обладаетъ тѣмъ бытіемъ, которое вездѣсуще, то она обладаетъ имъ, какъ единымъ цѣльнымъ, во всѣхъ частяхъ, изъ коихъ она состоитъ.

14. Но если такъ, если одна и та же душа оживляетъ каждое живое существо, то какимъ образомъ каждое изъ нихъ имѣетъ свою собственную душу? Потомъ, какъ это и отчего одна душа бываетъ добрая, другая злая?—Конечно, душа (міровая) сообщаетъ жизнь каждому живому существу и содержитъ въ себѣ всѣ души и всѣхъ духовъ; она есть бытіе единое и вмѣстѣ безконечное (*ἐν ἑστὶ καὶ ἄπειρον*), она есть сразу и вмѣстѣ все (живое); въ ней каждое живое существо, будучи отъ нея отличнымъ, не имѣетъ однако отдѣльнаго отъ нея существованія, ибо иначе какъ она могла бы быть безконечною? Она содержитъ въ себѣ все вмѣстѣ—всѣ жизни, всѣ души, всѣхъ духовъ, но такъ, что они не отдѣляются другъ отъ друга границами и очертавіями и вслѣдствіе этого представляютъ одно цѣлостное единство. Она обладаетъ жизнью не единичною (въ себѣ одной замыкающеюся), а безконечною и вмѣстѣ единою—единою въ томъ смыслѣ, что она объемлетъ собою всѣ жизни, которыя однако не смѣшиваются въ ней въ одно неразличное единство, хотя истекши изъ нея, остаются тамъ же, откуда истекли; впрочемъ правильнѣе сказать, что онѣ даже не истекали изъ нея, а всегда въ ней пребываютъ, ибо она не подвержена процессу быванія, рожденія, раздѣленія; кажется она раздѣленною лишь въ томъ, что ее воспринимаетъ, между тѣмъ какъ въ ней все отъ вѣчности остается однимъ и тѣмъ же; (не она къ рождающемуся, а) все рождающееся къ ней приближается, съ нею соединяется и ей подчиняется. Но, —мы-то—что такое мы сами? Составляемъ ли мы саму душу (міровую), или представляемъ собою лишь то, что приближается къ ней и происходитъ во времени (т. е., тѣла)? Конечно, —нѣтъ: прежде, чѣмъ послѣдовало это происхожденіе (тѣлеснаго), мы существовали тамъ: одни изъ насъ какъ человѣки, другіе какъ боги, т. е., какъ чистыя души и разумныя духи въ ловѣ чистаго всеобъемлющаго бытія, мы составляли изъ себя

части самого сверхчувственного міра,—но части не выдѣленныя, не объемлемыя, слитыя въ одно съ единымъ цѣлымъ. Впрочемъ, даже теперь мы не совсѣмъ отдѣлены отъ этого сверхчувственного міра, только теперь въ насъ къ прежнему (чисто-духовному) человѣку присоединился другой, желающій быть инымъ, чѣмъ тотъ (чувственный, плотскій); такъ какъ мы (какъ духи) не внѣ вселенной (а вездѣ непосредственно близки къ ней), то этотъ иной человѣкъ, легко найдя насъ, присоединяется къ тому сверхчувственному человѣку, которымъ нѣкогда былъ каждый изъ насъ, подобно тому какъ, не смотря на то, что звукъ одинъ и слово одно, кто-бы и съ какой бы стороны ни направилъ на него ухо свое, воспринимаетъ его и слышитъ и имѣетъ въ слухѣ своемъ актуально то, что на него дѣйствуетъ. Такимъ-то образомъ каждый изъ насъ, ставши двойственнымъ человѣкомъ, уже не бываетъ тѣмъ однимъ, которымъ прежде былъ, но за то часто бываетъ тѣмъ другимъ, который къ тому первому присоединился—и это всякій разъ, когда этотъ первый въ насъ бываетъ недѣятеленъ и какъ бы отсутствуетъ.

15. Какъ это и почему тѣло, приближаясь къ душѣ, воспринимаетъ ее? Такъ какъ тѣло предрасположено участвовать въ душѣ, то оно и воспринимаетъ отъ нея то, къ чему предрасположено, предрасположено же оно имѣть свою особую индивидуальную душу, и вотъ почему оно не имѣетъ въ себѣ души универсальной,—вотъ почему эта душа хотя во всей своей цѣлости присуща тѣлу, но не становится вся въ цѣлости его исключительною собственностію,—вотъ почему растенія и животныя, стоящія ниже человѣка, имѣютъ отъ универсальной души лишь столько, сколько воспринять могли, подобно тому какъ когда выговаривается слово, одинъ воспринимаетъ только его звукъ, а другой кромѣ того разумѣетъ его смыслъ, значеніе. Когда рождается то или другое живое существо, то оно съ того же момента имѣетъ въ себѣ душу отъ истинно сущаго, съ которымъ входитъ въ тѣсную связь, такъ какъ оно теперь не есть уже одно лишь тѣло пустое, неодушевленное. Оно и прежде этого находилось не въ мѣстѣ лишенномъ жизни;—

благодаря своему предрасположенію (къ жизни) оно лишь воспользовалось непосредственною близостію души и стало вдругъ не просто только тѣломъ, но одушевленнымъ тѣломъ; благодаря этой близости души, оно получило ея слѣдъ, ея образъ, не такую или иную часть души, но какъ-бы истекшій изъ нея огонь или свѣтъ, который породилъ въ немъ желанія, удовольствія, страданія, и такимъ образомъ, тѣло его стало не чуждымъ жизни душевной. Сама-то душа (отъ которой оно получило жизнь), имѣющая божественную природу, всегда остается въ покоѣ и пребываетъ въ самой себѣ, но тѣло, возмущаемое частію собственною немощію и непрерывною измѣнчивостію, частію прираженіями отъиѣ, даетъ чувствовать свою смуту прежде всего въ общей центральной части живого существа, а потомъ распространяетъ ее на весь его организмъ, на подобіе того, какъ во время народнаго собранія, въ которомъ спокойно обсуждается такой или иной вопросъ, ворвавшаяся сюда беспорядочная толпа, вынужденная голодомъ или движимая какою либо страстію, мало по малу во все собраніе вводитъ смуту и беспорядокъ. Пока этого рода люди держатъ себя скромно и тихо, имъ слышенъ голосъ мудраго человѣка, которымъ и держится толпа въ должномъ порядкѣ и худшая часть лишается перевѣса и господства; въ противномъ случаѣ худшая часть получаетъ перевѣсъ и власть, а лучшая по необходимости умолкаетъ, потому что смута не даетъ возможности толпѣ слышать идущій свыше голосъ разума. Такъ возникаетъ беспорядокъ въ государствѣ и въ народномъ собраніи, точно такимъ-же образомъ появляется зло въ человѣкѣ, когда онъ даетъ полную волю толпѣ своихъ страховъ, вождельній, страстей, и продолжается оно дотолѣ, пока онъ не приведетъ эту толпу въ повинновеніе, пока онъ не обратится къ тому человѣку, какимъ нѣкогда былъ, и не станетъ жить сообразно съ нимъ; тогда только, ставши опять этимъ первоначальнымъ человѣкомъ, онъ будетъ удовлетворять потребности тѣла лишь настолько, насколько оно этого заслуживаетъ, какъ нѣчто совсѣмъ чуждое ему. Но иной живетъ то такъ (сообразуясь съ идеальнымъ духовнымъ человѣкомъ), то

иначе (сообразуясь съ плотскимъ человѣкомъ) поступаетъ; жизнь такого, конечно, представляетъ смѣсь добра и зла.

16. Если душа первоначально не была злою, если такимъ образомъ (вслѣдствіе собственнаго влеченія) она' ниспадетъ въ тѣло и его оживляетъ, то понятно, чѣмъ обуславливаются періодическія ниспаденія и восхожденія душъ, а также наказанія, которымъ онѣ подвергаются, и переселенія ихъ въ тѣла иныхъ живыхъ существъ (т. е., въ тѣла разныхъ животныхъ). Эти догмы мы унаслѣдовали отъ древнѣйшихъ мудрецовъ, которые глубже насъ изслѣдовали этотъ вопросъ (о судьбѣ душъ), и намъ желательно показать, что съ ихъ ученіемъ и наше согласуется, или по крайней мѣрѣ не стоитъ въ противорѣчіи.

Мы сейчасъ показали, что когда тѣло участвуетъ въ душѣ (т. е., становится живымъ), то тутъ не душа какъ бы выступаетъ изъ самой себя, чтобы войти въ тѣло, а напротивъ тѣло вступаетъ въ душу, когда становится живымъ. Поэтому если у древнихъ встрѣчается выраженіе „душа входитъ въ тѣло“, то оно имѣетъ въ виду выразить лишь ту мысль, что тѣло вступаетъ въ область сущаго, т. е., начинаетъ участвовать въ жизни и въ душѣ; глаголъ входитъ тутъ вовсе не означаетъ перехода изъ одного мѣста въ другое, а выражаетъ лишь тотъ образъ, какимъ душа вступаетъ въ связь съ тѣломъ. Равнымъ образомъ выраженіе *нисзойти*, *ниспасть* для души значить не что иное, какъ явиться, оказаться въ тѣлѣ (*ἐν σώματι γενέσθαι*) въ вышепоказанномъ смыслѣ слова, то есть, сообщать отъ себя нѣчто (свою силу, свою жизнь) тѣлу, а вовсе не стать неотъемлемою принадлежностію тѣла (*σώματος γενέσθαι*). Наконецъ, и выраженіе *выйти изъ тѣла* значить для души не что иное, какъ прекратить участіе тѣла въ ея жизни.

Вотъ какъ и почему происходитъ это участіе въ ея жизни всѣхъ частей этой вселенной: находясь какъ-бы на крайней границѣ сверхчувственнаго міра, душа постоянно удѣляетъ нѣчто отъ себя (изливаетъ свои силы дальше этой границы) по закону своей природы, ибо находится въ непосредственной

близости, или на ничтожно-маломъ разстояніи (отъ чувственнаго, тѣлеснаго). Это общеніе ея (съ тѣлеснымъ), конечно, есть зло, а освобожденіе (отъ тѣла) есть добро, потому что хотя въ этомъ общеніи она не становится сама тѣлесною, однако все таки вступаетъ въ связь съ тѣломъ и изъ универсальной дѣлается частною, особою; принадлежа и теперь (по своей природѣ) къ сверхчувственному міра, она уже не всецѣло туда только направляетъ свою энергію (удѣляя часть ея и сюда въ міръ тѣлесный) и въ этомъ разѣ похожа на того, кто, обладая цѣлою наукою, занимается лишь какими либо ея частными положеніями, между тѣмъ какъ благо для него лежитъ въ цѣлой наукѣ, а не въ частяхъ. Подобно этому и душа (міровая), принадлежавшая всецѣло къ сверхчувственному міру и сливавшаяся бытіемъ своимъ со всею цѣлостію его бытія, теперь какъ бы выдѣляется изъ этого всеобъемлющаго бытія и становится бытіемъ частнымъ, обособленнымъ, такъ какъ каждое тѣло, въ которое она изливаетъ свою энергію, представляетъ собою такую или иную часть этой (видимой) вселенной; съ нею тутъ происходитъ нѣчто похоже на то, какъ если огонь, способный сожигать все, поставленъ бываетъ въ необходимость сожигать лишь маленькій предметъ, хотя онъ и тутъ не лишенъ своей прежней всеобщей силы. Поэтому, когда душа отдѣляется отъ тѣла, то это значитъ, или она теряетъ свою индивидуальность и обособленность; напротивъ, когда душа выдѣляется изъ души универсальной, при чемъ она вовсе не переходитъ съ одного мѣста на другое, а лишь энергію свою сосредоточиваетъ (въ извѣстномъ тѣлѣ), то становится индивидуальною; однакожь, переставши такимъ образомъ быть универсальною, она все же остается универсальною (потенціально), ибо когда покинетъ тѣло, то станетъ универсальною актуально, и индивидуальность ея тогда станетъ лишь потенциальною.

Что касается теперь выраженія „душа въ Аидѣ“, то оно допускаетъ два толкованія: если подъ Аидомъ разумѣется невидимое мѣсто (ἐν τῷ αἰδεί), тогда это выраженіе означаетъ лишь отдѣленіе души отъ тѣла (удаленіе изъ видимаго міра), а если разумѣется мѣсто худшее (чѣмъ область невидимаго),

то и это понятно, ибо и нынѣ (во время земной жизни) гдѣ находится наше тѣло, тамъ и душа наша. Но когда тѣло наше уже не существуетъ,—что тогда означаетъ, выраженіе *душа ex Audit*? Если душа не успѣла отрѣшиться отъ своего образа (εἶδωλον), то что мѣшаетъ ей быть тамъ же, гдѣ ея образъ или тѣнь? А если она отрѣшилась отъ тѣла посредствомъ философіи, тогда только тѣнь ея (тѣло) идетъ въ худшее мѣсто, между тѣмъ какъ сама она остается въ сверхчувственномъ мірѣ, ничего отъ себя не оставивъ здѣсь (въ тѣлѣ). Вотъ какова судьба той тѣни (т. е., тѣла), которой присуща душа (во время земной жизни); сама же она, если только удастся ей сосредоточить внутри себя свѣтящій въ ней свѣтъ, обращается всецѣло къ міру сверхчувственному и вступаетъ туда; она тогда перестаетъ быть актуально (индивидуальною душою), но это не значитъ, что она перестаетъ существовать (ибо ставши актуально универсальною, сохраняетъ возможность опять стать индивидуальною).

Но довольно объ этомъ; возвратимся теперь къ главному нашему положенію.

Профессоръ Г. В. Малеванскій.

(Продолженіе будетъ).

Іудейскія и Христіанскія идеи въ книгахъ Сивиллъ.

(Продолженіе *).

I.

Общія всѣмъ сивилламъ идеи; 1) идеи догматическія.

Авторами Сивиллиныхъ книгъ, какъ мы только что видѣли, были іудеи, христіане и іудео-христіане. Весьма естественно, что у послѣднихъ можно встрѣтить идеи, которыя являются общими то іудеямъ, то христіанамъ, смотря по степени близости ихъ къ іудейству или христіанству. Съ идеей общихъ всѣмъ сивиллистамъ мы и начнемъ раскрытіе содержанія ихъ книгъ.

Прежде всего, конечно, общею всѣмъ сивиллистамъ является идея единобожія—основной догматъ богооткровенныхъ религій; сивиллисты очень настойчиво внушаютъ эту идею своимъ языческимъ читателямъ. Авторъ 3-й книги ¹⁾—іудей, хотя не особенно щедръ на подробное раскрытіе ея, но и онъ въ разныхъ мѣстахъ исповѣдуетъ единство Божіе. Обращаясь къ читателю—греку, онъ говоритъ: „Зачѣмъ ты приносишь напрас-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 2, за 1899 г.

¹⁾ 3 кн. возникла въ среднѣмъ 2 в. до Р. Хр. Авторъ ея предсказываетъ окончаніе идолопоклонства въ правленіе седьмого египетскаго царя изъ грековъ (609 ст.), т. е., Птоломея Филометора (170—117 гг. до Р. Хр.), и прибавляетъ, что XV вѣковъ прошло со времени основанія греческихъ городов—указаніе на средину того-же 2 в.; знаетъ о разрушеніи Кароагена и Коринѳа Римлянами (147—146 гг. до Р. Хр.), о возмущеніи въ Селевкіи (вѣроятно, при ложныхъ Александрѣ и Трифонѣ) 137 г.,—о гражданскомъ волненіи въ Римѣ 132 г. (ст. 464) при Гракхахъ или во время триумvirата и Клеопатры. Даты всѣ почти изъ срединны 2 вѣка.

ные дары мертвымъ? Зачѣмъ приносишь жертвы идоламъ? Вотъ давно правять тобой египетскіе властители: они изначала злому поучали людей и много идоловъ надѣлали въ честь умершихъ,—они научили тебя мыслить пустое“ ¹⁾. „Юдеи не читли ни человѣкоподобныхъ идоловъ, сдѣланныхъ изъ золота или мѣди, изъ слоновой кости или серебра, ни звѣроподобныхъ, ни всякихъ вообще идоловъ изъ дерева или камня, или изъ глины, окрашенной сурикомъ. Почитать ихъ можетъ только пустой—суемыслящій человѣкъ; но и онъ со временемъ оставить этихъ идоловъ, сбросивъ ихъ въ утесистую пропасть“ ²⁾. Отвергнувъ идоловъ, какъ „плодь суетнѣйшаго измышленія“ ³⁾, сивилла восклицаетъ: „смертный, хитрый, коварно мыслящій человѣкъ! Не медли, обратись, заблудившійся, къ Богу и умилостивь Его... Онъ одинъ есть Богъ и кромѣ Его нѣтъ никакого другого“ ⁴⁾. Въ такой-же формѣ сивилла выражаетъ идею единобожія и еще разъ ⁵⁾ и нѣсколько разъ называетъ Бога единымъ ⁶⁾. При этомъ слѣдуетъ сказать, что единымъ іудейская сивилла представляетъ Бога не количественно только, но и качественно, т. е., она мыслить Его существомъ несравнимымъ, единственнымъ: подлѣ Его нѣтъ и не мыслимо другое существо, равное Ему по своимъ свойствамъ. Эта мысль ея сквозитъ вездѣ, гдѣ она называетъ Бога небеснымъ и великимъ ⁷⁾, высочайшимъ ⁸⁾, гдѣ она говоритъ смертнымъ, преступнымъ и гордымъ своею силою людямъ о Богѣ вѣчномъ ⁹⁾, безсмертномъ, безсмертномъ вѣчно ¹⁰⁾, всемогущемъ ¹¹⁾ святомъ ¹²⁾ и великодушномъ ¹³⁾, о Богѣ, Который не оставить не исполненнымъ того, что Онъ изрекъ чрезъ сивиллу, потому что Онъ, какъ Духъ, пребываетъ въ мірѣ безъ обмана ¹⁴⁾. Здѣсь, можетъ быть, неясно сивилла выразила идею всевѣдѣнія, неизмѣняемости и всеприсутствія Божія... Ясно и

1) Ст. 547—555.

2) 722.

5) 758—760.

3) 586—607.

4) 624—629.

6) 166, 570 и др. ст.

7) 247, 549, 671, 698, 717, 735 и др.

8) 632, 717, 720 и др.

9) 593, 698, 701 и др.

10) Особенно часто, въ противовѣсъ глѣннымъ божествамъ лизчичковъ,—302, 558, 582, 593, 594, 600, 604, 616, 628—629, 693, 711, 717, 733, 757 и др.

11) 191, 247, 566, 575, 702—703, 775, 780 и др.

12) 605.

13) 733.

14) 698—701.

и полнѣе раскрываетъ понятіе единства и единственности Божескаго существа авторъ предисловія сивиллы,—вѣроятно тотъ же самый александрійскій іудей, которому принадлежитъ и 3-я книга ¹⁾. Онъ говоритъ, обращаясь къ язычникамъ: „О, вы—ничтожные люди, облеченные смертною плотію! Что даетъ вамъ эту чрезмѣрную гордость, вслѣдствіе которой вы теряете изъ виду конецъ жизни? Вы не боитесь Бога, дремлющій взоръ Котораго испытуетъ и проникаетъ всё... Одинъ есть Богъ безконечный и вѣчный..., Который не былъ рожденъ, Который, будучи Самъ невидимъ, видитъ всё. Какимъ образомъ смертный человѣкъ, не могущій выдержать блеска солнечныхъ лучей, можетъ созерцать истиннаго и бессмертнаго Бога, пребывающаго выше всѣхъ свѣтилъ? Такое преимущество не можетъ быть удѣломъ этого сплетенія жилъ, плоти и костей, которыя составляютъ насъ. Вотъ Богъ единый, Котораго вы должны почитать, Который единымъ всегда есть и всегда былъ (и будетъ),—Который имѣетъ Свое начало въ Себѣ Самомъ, а не получаетъ его отъ кого-либо другого,—Который изливаетъ свѣтъ разума на всѣхъ людей“ ²⁾. „Если и исчезаетъ все являющееся, то Богъ отнюдь не можетъ имѣть Своего начала отъ бедеръ мужа и жены. Богъ единый и высочайшій...“ ³⁾. „Люди! Зачѣмъ вы превозносите напрасно и во вредъ? Стыдитесь, однако, кошекъ и змѣй почитать за Бога. Не безуміе-ли-совсѣмъ не понимать, что не можетъ быть богомъ тотъ, кто, вмѣсто того, чтобы обитать на великолѣпномъ небѣ, воруетъ и похищаетъ содержащееся въ блюдахъ и горшкахъ, подглядываетъ молоточину и подстерегаетъ пауковъ. Вы молитесь змѣямъ, собакамъ и кошкамъ, вы—глупые—почитаете птицъ и пресмыкающихся животныхъ земныхъ,—каменные идолы, сдѣланные руками; вы чтите ихъ, посыпая дорогу къ нимъ минералами;... чтите—о чемъ даже говорить позорно—такія ложныя божества, которыя изливаютъ изъ глотки смертельный ядъ.... Но Кто жизнь и вѣчно пребывающій свѣтъ имѣетъ въ Себѣ..., Которому одному только подобаетъ преклонять голову,—Того вы оставили“... ⁴⁾

¹⁾ Friedlieb, Einleitung, § 6, seit 14, § 17, seit 38. Ср. Хр. Чт. 77 г., ч. I, стр. 64—68.

²⁾ 1 Fragm., 1—18.

³⁾ 2 Fragm., 1—3.

⁴⁾ Ibidem, 21—34.

Въ этихъ стихахъ такъ прозрачно отмѣчены сивиллою черты единственности Божескаго существа, что излишне было бы называть ихъ.

Сивиллисты іудео-христіане и христіане первыхъ 3-хъ вѣковъ—еще яснѣе раскрываютъ ложность языческой религіи и полнѣе опредѣляютъ существо Божіе. Они называютъ языческихъ боговъ злыми и беззаконными ¹⁾, обманчивыми ²⁾ и добра совѣтъ не знающими ³⁾; показываютъ ничтожество такихъ божествъ, какъ драгоценные камни и многое другое, что не имѣетъ ни языка, ни слуха, ни смысла, что сдѣлано человѣческими руками ⁴⁾; сдѣланное изъ дерева, камней или мѣди, изъ золота или серебра,—эти идолы—только ничтожныя вещи, безжизненны, безсловесны и въ огнѣ плавятся ⁵⁾. Ножны и безсилны и другіе языческіе боги. „Римъ! Какой богъ спасетъ тебя (въ несчастіи)“?—спрашиваетъ сивилла, обращаясь къ Риму. „Гдѣ будутъ тогда рѣшенія твоего сената ⁶⁾“? Гдѣ Рея, Хроносъ или поколѣніе Зевса? Гдѣ всѣ, которыхъ ты почиталъ,—безжизненные демоны, идолы умершихъ, обезсиленныхъ смертію и ничего не чувствующихъ ⁷⁾? За такимъ разоблаченіемъ ложности языческихъ боговъ всегда стоитъ у христіанствующихъ сивиллистовъ идея Бога—единого и несравнимаго съ ними. Какъ и іудеи, эти сивиллисты настойчиво противопоставляютъ языческимъ божествамъ истиннаго Бога—единаго ⁸⁾, великаго и славнаго ⁹⁾, вѣчнаго и бессмертнаго ¹⁰⁾, несотвореннаго и нерожденнаго, а самобытнаго ¹¹⁾, невидимаго, но всевидящаго и всевѣдущаго ¹²⁾ и особенно небснаго ¹³⁾ и всемогущаго ¹⁴⁾. Вотъ какъ, напр., сивилла—іу-

¹⁾ 5 кн., ст. 309.

²⁾ Сказано о Фебѣ, см. 4 кн., 4 ст.

³⁾ 8 кн., 398 ст.

⁴⁾ 5 кн., 77—80 ст.

⁵⁾ 5 кн., 80—85 ст.

⁶⁾ Разумѣются сенатскія рѣшенія, которыми вводились въ Римскій пантеонъ чужестранные боги или возводились въ божественное достоинство римскіе императоры.

⁷⁾ 8 кн., 43—49 ст.

⁸⁾ 3 кн., 11 ст.; 4, 30; 5, 284; 8, 377 и др.

⁹⁾ 4 кн., 30, 116 ст.; 5, 284, 428; 6 кн., 7, 76; 10, 194—200; 11, 1—6; 54 и др.

¹⁰⁾ 5 кн., 66, 277—300, 360, 427; 7 кн., 76, 95; 8 кн. 213; 9 кн. 36, 311; 11 кн. 1—6; 12, 37—38, 227; 10 кн., 292—298; 3 кн. 10; 6 кн.

¹¹⁾ 4 кн., 10; 8, 430; 3, 12. ¹²⁾ 3 кн., 12; 4, 23; 5, 323; 8, 373—375 и др.

¹³⁾ 3 кн., 1, 4, 51; 5, 299—300; 6, 12; 8, 65—70, 9, 312; 10, 131; 11, 6; 12, 10—11 и др.

¹⁴⁾ 4 кн., 6, 162; 5, 172—178, 219; 8, 65—70 и др.; 9, 80—92; 12, 238—239 и др.

део-христіанка—раскрываетъ всемогущество Божіе: „ты не знаешь того, что Богъ можетъ сдѣлать съ тобой“, говоритъ она гордому Риму... „Никакого слѣда не останется отъ тебя, потому что такъ опредѣлилъ Всемогущій“¹⁾. Проявленіе силы Божіей сивиллы видать въ различныхъ явленіяхъ природы²⁾. Чаше и яснѣе, чѣмъ іудействующіе сивиллисты, говорятъ сивиллисты христіанствующіе о святости Бога, называя Его то святымъ³⁾, то праведнымъ⁴⁾, то чистымъ⁵⁾, то вѣрнымъ и неизмѣняемымъ⁶⁾, такъ что слово и законъ Его неложны⁷⁾, приписываютъ Ему новыя свойства—мудрость⁸⁾, вѣчное самосознаніе⁹⁾, полное отсутствіе тѣлесности¹⁰⁾, свободу¹¹⁾, блаженство¹²⁾. Свое благоговѣніе къ Нему они выражаютъ новыми наименованіями Его—сущимъ и живымъ¹³⁾, неизреченнымъ, достопоклоняемымъ¹⁴⁾, Богомъ Саваоомъ¹⁵⁾, и даютъ новую опять черту въ изображеніи величія Божія, представляя Бога почивающимъ на ангелахъ¹⁶⁾. Въ рѣчи христіанствующихъ сивиллъ о свойствахъ Божіихъ встрѣчаемся съ попыткою ихъ уяснить нѣкоторыя изъ этихъ свойствъ. Такъ, всевѣдѣніе Божіе сивилла обосновываетъ, между прочимъ, на томъ, что Богъ—Творецъ міра, и потому знаетъ его и всѣ вещи въ немъ по существу ихъ. „Я знаю“—представляетъ она говорящимъ Самого Бога—„знаю людей—умершихъ, живущихъ и имѣющихъ явиться,—число звѣздъ, растений и животныхъ... Я, который сотворилъ глаза и уши..., внимаю глухому и слышу нѣмого..., Который сотворилъ небо и землю, знаю начало и конецъ всего, и какъ велика высота отъ земли до неба, ибо“, добавляетъ сивилла отъ себя, „черезъ Него произошло всё, и всё Онъ знаетъ отъ начала до конца“¹⁷⁾. Но мысль о единственности Бога сама по себѣ уже была для сивиллъ до-

1) 5 кн., 172—178.

2) 8, 214 и др.

3) 7, 90—95; 8, 169; 12, 37—38.

4) 7, 95.

5) 7, 90—95; 8, 430.

6) 5, 219 и др. 8, 359—361 и др.

7) 7, 128—129.

8) 5, 360; 8, 501.

9) 3, 15.

10) Впрочемъ, и іудейская сивилла называетъ Бога Духомъ (3, 698—701), и, слѣд., представляетъ Его безтѣлеснымъ.

11) 5 кн., 90—95 ст.

12) 8 кн., 408 и 430.

13) 10, 129—132.

14) 3, 1.

15) 7, 76, 95.

16) 7, 33.

17) 8, 363—376; 2 Fragm., 16—17.

статочнымъ объясненіемъ всѣхъ Его чрезвычайныхъ свойствъ. Это видно изъ того, что выше приведенную рѣчь о всевѣдѣніи Божіемъ сивилла заключаетъ непосредственно слѣдующими словами Бога: „Я знаю всё, потому что Я единственный Богъ, и нѣтъ еще другого“ ¹⁾.

Сравнивая представленія о Богѣ по существу, съ одной стороны іудеевъ, съ другой—іудео-христіанъ и христіанъ, находимъ, что это догматическое ученіе у первыхъ проще и скуднѣе, чѣмъ у вторыхъ. Чѣмъ это объясняется, можно только гадать: тѣмъ-ли, что христіанство, пробудивъ интересъ къ изученію религіи, давало всѣ побужденія говорить о Богѣ, или чѣмънибудь другимъ... Можно думать, что сивилла—іудейка столько же знала о Богѣ и Его свойствахъ, сколько и сивиллы іудео-христіанки и христіанки; но только не нашла нужнымъ говорить о всѣхъ этихъ свойствахъ. Дѣйствительно, мысли ея, какъ увидимъ, были направлены въ другую сторону: она больше была занята изображеніемъ гнѣва Божія на нечестивыхъ людей, чѣмъ раскрытіемъ существенныхъ свойствъ Божіихъ. Между послѣдними сивиллы указываютъ преимущественно тѣ, которыя наиболѣе открыты въ Богѣ для простого ума,—не только отсутствуютъ, но прямо немислимы у языческихъ божествъ и, въ силу этого, плѣнительны для язычниковъ, таковы: безсмертіе, всемогущество и нѣкоторыя другія свойства.

Въ вопросѣ о Богѣ гораздо болѣе привлекала вниманіе сивиллистовъ другая сторона—Его отношеніе къ міру и человѣку. Всѣ они исповѣдуютъ Бога Творцомъ и Промыслителемъ. Идея о Богѣ—Творцѣ, хотя рѣдко раскрывается сивиллистами нарочито, но за то часто высказывается ими при случаѣ. Іудейская сивилла угрожаетъ язычникамъ всякаго рода несчастіями за то, что они не почитаютъ безсмертнаго Творца всѣхъ людей ²⁾; а іудеямъ обѣщаетъ блага, которыми надѣлать ихъ Творецъ ³⁾. Сивилла—іудео-христіанка, тоже обѣщаетъ блага тѣмъ, кто почитаетъ Бога единственно великаго Творца ⁴⁾ и учитъ, что нужно любить Его—мудраго Творца. Похваляя однихъ (іудеевъ и іудео-христіанъ) за благоговѣйное поклоненіе вели-

1) 8, 377.

2) 3, 604.

3) 3, 704.

4) 5, 285.

кому Творцу ¹⁾, другихъ (азычниковъ) она порицаетъ за то, что они готовы промѣнять на золото и серебро все лучшее въ мірѣ—солнечный свѣтъ, небо и пр. т. п. и даже Бога—Творца всего ²⁾. Христіанская сивилла говоритъ о Творцѣ міра въ рѣчи о Христѣ, участвующемъ въ твореніи ³⁾; вмѣстѣ съ авторомъ предисловія сивиллы она объясняетъ вѣдѣніе Бога между прочимъ тѣмъ, что Онъ—Творецъ міра и всѣхъ частей его ⁴⁾. Поскорбѣвъ о томъ, что люди такъ мало помышляютъ о безсмертномъ Создателѣ, сивилла—христіанка какъ бы за нихъ прославляетъ Его. „Кто постигъ Бога настолько, восклицаетъ она, „чтобы только узнать имя Его—небеснаго и великаго, Который владѣетъ вселенной, Который все создалъ словомъ:—море и небо, и неистощимое солнце, восходящій кругъ луны и блескъ звѣздъ,... источники и рѣки,... дни и ночи? Онъ—Богъ, Который создалъ четырехъ—буквеннаго Адама, перваго человѣка, имя котораго наполнило востокъ и западъ, югъ и сѣверъ. Онъ—Тотъ, Который сотворилъ форму и обликъ людей, и создалъ животныхъ—и тѣхъ, что пресмыкаются, и тѣхъ, что летаютъ“ ⁵⁾. Какъ Творецъ, Богъ называется сивиллами Отцомъ вселенной, Отцомъ всего ⁶⁾.

Идея о Богѣ—Правителѣ и Промыслителѣ міра, такъ жива у сивиллистовъ, что она иногда переходитъ у нихъ какъ бы въ ощущеніе присутствія въ мірѣ Владыки. Богъ—Владыка природы, всего человѣчества, всякаго народа и cadaго человѣка. Краснорѣчиво изображаютъ сивиллы владычество Его надъ природой. Богъ содѣлываетъ бронзовымъ небо и посылаетъ засуху на землю ⁷⁾. „Ему повинуются темная ночь и день, солнце и звѣзды, луна и море, кишашее рыбами, земля и рѣки, родники и непрерывно бьющіе водой источники, созданные для поддержанія жизни въ природѣ, а равно и дожди. Богъ производитъ плоды въ полѣ, виноградныя лозы, масличныя и всякія деревья“ ⁸⁾. „Властію Своею Онъ распредѣляетъ

¹⁾ 5, 406.

²⁾ 8, 18—22.

³⁾ 8, 257—268; 438—456. Ниже мы подобно ознакомимся съ ея представленіемъ о твореніи міра.

⁴⁾ 8, 363—377; 2 Fragm. 16—17.

⁵⁾ 3, 18—28.

⁷⁾ 3, 537—540, 689 и д. и др.

⁶⁾ 3, 550; 3, 501.

⁸⁾ 4, 13—17.

теплый вѣтеръ (надъ поверхностью земли), крѣпко держитъ катящійся (по небу) слитокъ страшнаго огня и умѣряетъ раскаты грома; твердо держитъ землю и катитъ поспѣшное солнце, умѣряетъ огнемъ блистающую плеть молніи, сильные ливни дождя, весенній градъ, а также паденіе морознаго снѣга и бушующую непогодъ. Ибо все въ мірѣ и каждая его частичка тщательно распредѣлены Его разумомъ, какъ это Ему Самому нравилось, когда онъ сотворилъ ихъ¹⁾.

Точно такъ же, какъ жизнь природы, находится подъ властію Божіей и жизнь человѣчества до послѣдняго человѣка. Отъ имени Бога Вседержителя сивилла предрекаетъ различныя радостныя и печальныя перемѣны въ судьбѣ того или другого народа, заявляя, что все, что ни случится съ людьми, произойдетъ по Божественному опредѣленію²⁾. Между прочимъ, Богъ поставляетъ въ народѣ правителей и смѣняетъ ихъ³⁾, опредѣляетъ время ихъ жизни и время уничтожающей смерти⁴⁾, устраняетъ отъ власти людей властолюбивыхъ⁵⁾, такъ что Богъ есть „единный Господинъ міра и правитель всякаго царства“⁶⁾, а земные правители „дѣйствуютъ не по собственному совѣту, но повинуются высшему повелѣнію Его—великаго Бога“⁷⁾, и суть, слѣд., исполнители Его воли. Богъ созидаетъ благополучіе людей и посѣщаетъ ихъ несчастіями. Хотя сивиллисты и особенно авторъ 3-й книги любятъ изображать Бога болѣе карателемъ людей, нежели ихъ благодѣтелемъ, болѣе грознымъ существомъ, нежели милующимъ,—все же даже и въ 3 книгѣ пророчено нѣсколько словъ о благодѣтели Владыки. Такъ, наступленіе спокойствія и общественнаго порядка въ Азіи и Европѣ обуславливается, по свидѣтельству 3 книги, благоволеніемъ неба, т. е. Небожителя Бога⁸⁾, Богъ представляется въ ней помощникомъ и заступникомъ, къ которому прибѣгнуть люди въ несчастіи⁹⁾, существомъ, не только карающимъ людей, но радующимъ ихъ великою радостью¹⁰⁾, великодушно-

1) 8, 430—440.

2) 3, 162—166; 300—302, 569, 698; 5, 219 и др. 8, 137; 11, 5—6 и пр.

3) 3, 651—656; 5, 101—108; 9, 35—37; 10, 175; 11, 3.

4) 11, 4.

5) 12, 1—11.

6) 3, 11, 600—623, 718; 10, 292; 11, 172—173. 7) 3, 656; 12, 274—282.

8) 3, 367—380.

9) Ibidem, 500—561.

10) 3, 612, 623.

прощающимъ ¹⁾ и милосердующимъ ²⁾). Проявленія милосердующей любви Божіей къ людямъ видѣе и полнѣе отмѣчены у христіанствующихъ сивиллистовъ. Фактъ искупленія сообщаетъ ихъ представлению о Богѣ болѣе мягкой характеръ, чѣмъ какой имѣло ветхозавѣтное іудейское представленіе о Немъ. Сивилла іудео-христіанка называетъ Бога своимъ отцомъ ³⁾; въ этомъ обращеніи слышно дерзновенное чаяніе отъ Бога благъ и милости. Главные моменты отеческихъ отношеній Бога къ людямъ—твореніе, искупленіе и будущее облажествованіе—христіанствующіе сивиллисты изображаютъ, какъ явленіе благодати Божіей ⁴⁾. Миръ и слава царствъ ⁵⁾, жизнь, сила и военные успѣхи правителей ⁶⁾—все это дары Божіи. По молитвамъ людей, Богъ посылаетъ дождь среди зноя ⁷⁾ и вообще даетъ просимое ⁸⁾. Онъ—источникъ безсмертія—предложилъ человѣку два пути—путь къ жизни и путь къ смерти, предлагая его избрать первый путь—добрую жизнь; но человѣкъ ослушался и получилъ въ удѣлъ за ослушаніе смерть ⁹⁾. Однако и для непокорившихся людей Богъ навсегда пребылъ ихъ твердою надеждою въ несчастіяхъ ¹⁰⁾. Сейчас мы увидимъ, что сивилла іудео-христіанка смотритъ на матеріальное обезпеченіе человѣка, не какъ на его личную собственность, но какъ на собственность Божію, только на время данную Богомъ въ обладаніе человѣку. Подавая милостыню, онъ долженъ помышлять, что не онъ самъ подаетъ ее, ибо у него ничего своего нѣтъ, но здѣсь дѣйствуетъ черезъ него Богъ, которому и принадлежитъ все его (человѣка) достояніе. Это настроеніе подающей милостыню долженъ выражать въ такой молитвѣ: „Богатства я не люблю... Отецъ и помощникъ, исполни прошеніе (разумѣется—того бѣдняка, который проситъ помощи); онъ проситъ милостыни, такъ дай ему (черезъ меня) ¹¹⁾“. Подавъ милостыню, человѣкъ долженъ молиться: „Боже святыи, праведный и достопокланяемый, чистый и свобод-

¹⁾ Ibidem, 733.

²⁾ Ibidem, 628.

³⁾ 7, 84—95.

⁴⁾ 8, 263—268, 440—456; 7, 144—145. Иудейская сивилла указываетъ только одинъ моментъ, какъ явленіе благодати, открытіе мессіанскаго царства.

⁵⁾ 9, 80—92, 35—37.

⁷⁾ 10, 194—200.

⁹⁾ 8, 399—401.

⁶⁾ 11, 1—6; 5, 220—221.

⁸⁾ 11, 172—173; 8, 22.

¹⁰⁾ 5, 285.

¹¹⁾ 7, 89—91.

ный! Не уготовляй для меня нищеты... Отче, укрѣпи мое бѣдное сердце, я уповаю на одного Тебя, на Тебя чистаго, Котораго не образовали руки¹⁾.

Всѣ эти, извлеченныя изъ разныхъ книгъ сивиллиныхъ пѣсней указанія на Бога—Благодѣтеля, въ цѣломъ производятъ, пожалуй, довольно сильное впечатлѣніе, хотя и не составляютъ богатой красками картины благодѣній Божіихъ. Но въ текстѣ они едва видны изъ за подавляющей ихъ силою своихъ красокъ картины прещеній, угрозъ и наказаній Божіихъ и, по прочтеніи сивиллиныхъ пѣсней, такъ же невольно исчезаютъ изъ сознанія, какъ грозныя изображенія Бога невольно же заполняютъ его. Съ этой стороны Сивиллины книги, въ значительной своей части²⁾, суть вопль гнѣва и ненависти жертвъ, не покорившихся Риму безропотно³⁾. Эти жертвы—иудеи и іудео-христіане—мстятъ Римлянамъ за притѣсненія и свою поруганную вѣру. Религіозная ненависть способна на безграничную запальчивость; овладѣвъ человѣкомъ, она сообщаетъ ему упрямую надежду, которой ничто не въ состояніи поколебать. Съ такими запальчивостью и надеждою мы и встрѣчаемся въ Сивиллиныхъ книгахъ. Евреи и христіане—жертвы насилія—возложили мечь за себя на Бога, и съ непоколебимой вѣрой ожидали обѣщаннаго пророками дня, когда враги ихъ будутъ истреблены. Не здѣсь, а ниже мы будемъ изображать ихъ ожиданія этого дня со всѣми предваряющими и сопровождающими его обстоятельствами. А теперь отмѣчаемъ лишь тотъ фактъ, что евреи и іудео-христіане, безсильные въ своей злобѣ противъ Римлянъ и всѣхъ вообще притѣснителей, какими были въ ихъ воображеніи всѣ *не-іудеи*, объявили Бога нещаднымъ отмстителемъ вмѣсто себя и постоянно говорятъ о грядущемъ гнѣвѣ Божіемъ на нечестивцевъ. Сивиллисты такъ убѣждены въ скоромъ наступленіи этого гнѣва, что вездѣ имъ слышится голосъ грознаго Судіи, вездѣ видится Его угрожающій перстъ. Ничтожныя или чуть выдающіяся изъ ряда обыкновенныхъ со-

¹⁾ Ibidem, 91—95. Эта 7-я книга относится ко 2 половинѣ 2 в. по Р. Хр. Friedlieb, Einleitung, § 24, seit 211.

²⁾ Исключая 6-ю книгу.

³⁾ Особенно грознымъ характеромъ содержанія отличаются книги—3-я, 4-я, 5-я и 8-я (въ ея іудео-христіанскихъ частяхъ).

бытія, какъ-то: знаменія на небѣ ¹⁾, голодъ, засуха, болѣзни, военная неудача ²⁾, наводненія, землетрясенія, изверженіе Везувія ³⁾ и пр. т. п. ⁴⁾— всё принимаетъ въ ихъ глазахъ значеніе божественной угрозы. Кажется, сивиллисты не оставили безъ угрозъ ни одного сколько-нибудь извѣстнаго имъ народа: одного нечестія въ народѣ для нихъ достаточно, чтобы имъ считать его своимъ личнымъ врагомъ и вооружаться противъ него, какъ противъ своего притѣснителя. Сивиллисты угрожаютъ гнѣвомъ Божиимъ, прежде всего, Римлянамъ ⁵⁾, потомъ—Ассиро-вавилонянамъ, Финикіянамъ и разнымъ Малоазійскимъ народамъ ⁶⁾, Египтянамъ ⁷⁾, Грекамъ ⁸⁾, многимъ другимъ мелкимъ народцамъ, наконецъ, всѣмъ нечестивымъ и всему человѣчеству ⁹⁾, приводя языческимъ читателямъ на память, съ цѣлю устрашенія, маологической фактъ истребленія титановъ и поколѣнія Сатурна ¹⁰⁾. Выпишемъ нѣсколько грозныхъ тирадъ сивиллистовъ противъ языческаго міра. Вотъ, напр., какія бѣдствія предрекаетъ сивилла Риму. „Тебѣ, воскликаетъ она, уготованы величайшія бѣдствія; за зло, какое ты сдѣлалъ, ты испытаешь всѣ несчастія.

„Лишенный своихъ жителей, ты останешься безмолвнымъ среди пустыни. О, городъ нечестивый, находившій удовольствіе въ роскоши и нечестіи! Ты разливалъ ядъ, ты хвалился прелюбодѣянїями, ты рождалъ всѣ пороки. Горе тебѣ, нечестивый городъ Лаціума,—вакханка съ вѣнкомъ изъ змѣй! Лишившись своего народа, ты сядешь на берегахъ Тибра, который будетъ плакать надъ тобой, какъ надъ покинутой супругой, потому

1) 3, 334—340; 10, 194—200; 12, 157—160.

2) 3, 537—540, 600—602; 8, 178—181 и др.

3) 12, 227—240; 10, 157—160; 4, 109—116, 127—136.

4) Впрочемъ, нужно, кажется, признать, что это время было исключительно богато такими печальными и грозными явленїями.

5) 3, 46—61; 4, 127; 5, 160—178; 7, 109; 8, 37—48, 151 и др. 11, 106—109; 12, 35—38.

6) 3, 300—313, 498—503, 4, 48—53, 109—116, 152 и др. 10, 100—116; 11 54—56 и др.

7) 3, 325—329; 5, 508—511; 9, 33—37, 307—324 и др.

8) 3, 587—540, 556—572, 730—760; 5, 138—154 и пр.

9) 3, 682—651; 5, 305, 345—360, 508—511; 12, 227 и др.

10) 3, 156—159.

что твои нечестивыя руки любили проливать кровь. Тебѣ неизвѣстно могущество Бога, и ты не знаешь, что Онъ намѣренъ съ тобой сдѣлать? Ты думалъ: „нѣтъ никого кромѣ меня, и никто меня не побѣдитъ“. Но вѣчный Богъ погубитъ тебя и твоихъ. Не останется послѣ тебя ни одного изъ памятниковъ, которые составляли твою славу въ тѣ дни, когда Богъ исполнялъ тебя почестями. Плающій мщеніемъ адъ ожидаетъ, чтобы казнить твои злодѣянія¹⁾. Обращаясь къ Египту, сивилла восклицаетъ: „Ты будешь служить народамъ изъ-за благочестиваго племени, которое раньше ты подвергалъ многообразнымъ страданіямъ, тяжкому труду и бѣдствіямъ,—на шею которому ты возложилъ ярмо, и слезами этихъ людей орошалъ свои засѣянные поля. По сему безсмертный Господь Богъ—небожитель, накажетъ тебя непремѣнно, повергнетъ тебя въ плачь,—и будешь ты раскаяваться въ томъ, что раньше учинилъ несправедливаго, и тогда, наконецъ, узнаешь, что это посѣтилъ тебя гнѣвъ Божій“²⁾. Здѣсь, какъ видимъ, сивиллы угрожаютъ гнѣвомъ Божиимъ притѣснителямъ евреевъ или гонителямъ христіанъ. Но вотъ, напр., грозная тирада, гдѣ сивилла возвѣщаетъ людямъ небесную кару за ихъ нечестіе. „Горе, горе вамъ, финикійскіе мужчины и женщины, и вамъ, города, при морѣ лежащіе! Никто изъ васъ не пришелъ къ солнечному свѣту (т. е. Богу)—въ этомъ мірѣ... Болѣе не продлятся жизнь и родъ вашъ, по причинѣ безбожныхъ рѣчей, которыя произносилъ всякій изъ васъ, лишь только открывалъ свои нечестивыя уста,—по причинѣ беззаконной и своевольной жизни... Своею гнусною, полною лжи и неправды, жизнью,—дальше размышляетъ сивилла, финикіане возстановили противъ себя Бога. Посему Богъ накажетъ ихъ ужасно: Онъ погубитъ ихъ совершенно, поалитъ города и дома ихъ“³⁾. Этихъ тирадъ достаточно, чтобы имѣть представленіе о грозныхъ проричаніяхъ сивиллъ. Они невольно напоминаютъ пророчества

¹⁾ 5, 162—178. 5 книга относится къ первой половинѣ 2 в. по Р. Хр. Friedlieb, Einleitung, § 21, seit XLVIII. Herzog относитъ ее къ 198 году.

²⁾ 9, 307—314. 9 кн. относится ко времени между 115—118 гг. по Р. Хр. Friedlieb, ibidem, § 28, seit. LXIII.

³⁾ 3, 489—503 ср. 545—561; 10, 100—106.

Исаи и Данила, угрожавшихъ нечестивымъ язычникамъ,—и сходство ихъ по всей вѣроятности, не случайно: сивиллы подражали пророкамъ. Такими грозными прорицаніями всего болѣе, кажется, переполнена 3-я книга: сивилла ея заявляетъ, что дѣло ея возбѣщать гнѣвъ всѣмъ смертнымъ ¹⁾. Но и другія сивиллы предвѣщаютъ такъ много грознаго и страшнаго, что, по собственному признанію, устаютъ отъ такого рода прорицаній и просятъ Бога открыть имъ что-либо отрадное ²⁾. Мрачное, грозное настроеніе времени, вызванное гоненіями на христіанъ со стороны языческихъ императоровъ, отразилось и на христіанской части сивилиннхъ пѣсней и христіанскія сивиллы любятъ изобразять 2-е Христово пришествіе и страшный судъ.

Выше мы упомянули, что сивиллы угрожали гнѣвомъ Божиимъ всему человѣческому роду. Однако сюда едва-ли они включали своихъ единовѣрцевъ. Предсказанія ими несчастій іудеямъ и іудео-христіанамъ, встрѣчающіяся въ сивилиннхъ книгахъ, не такъ грозны и суровы, какъ предсказанія бѣдствій другимъ народамъ. Бѣдствія, имѣющія постигнуть ихъ, представляются неизбежными и преходящими и смѣняются благополучіемъ ³⁾. О нихъ обыкновенно говорится въ такой формѣ: „Іудею также постигнетъ несчаствіе“ ⁴⁾, „Іудею отыщеть несчаствіе“ ⁵⁾. Но, повторяемъ, несчаствіе Іудей всякій разъ разрѣшается счаствіемъ—по мысли сивиллъ. Въ 4 сивилинной книгѣ проведена даже мысль о неповинныхъ страданіяхъ рода благочестивыхъ. „Тогда гнѣвъ Божій будетъ очевиденъ, сказано тамъ, когда родъ благочестивыхъ будетъ истребляемъ невинно“ ⁶⁾. Богъ представляется сивиллами менѣе грознымъ по отношенію къ іудеямъ и іудео-христіанамъ, чѣмъ по отношенію къ язычникамъ. Сивилла, очевидно, рассчитываетъ на милосердіе Божіе къ іудеямъ, когда обращается съ молитвою за нихъ къ Богу: „пощади, о Отецъ всего, роскошную страну великаго и плодовитаго Іуды за то, что мы исполняемъ Твои опредѣленія. Вѣдь Ты, Боже, изначала опредѣлялъ по

¹⁾ 3, 810.

²⁾ 9, 322—324; 10, 296—298.

³⁾ 3, 260—285.

⁴⁾ 3, 260 и сл.; 10, 152. ⁵⁾ 9, 239.

⁶⁾ 4, 125—136. 4-я книга относится къ 79—80 г. по Р. Хр. Friedlieb, Einleitung, § 19, seit XLII.

Своей милости, чтобы все́мъ казалось именно милостью, что онъ —Иуда—имѣеть у Тебя преимущество, какъ Ты это опредѣлялъ“¹⁾).

Вотъ какое ученіе о Богѣ содержали и распространяли сивиллы. Онѣ не оставили безъ отвѣта людей, которые могли усумниться въ истинности ихъ ученія: откуда онѣ узнали о бытіи Бога—Творца, Владыки и Судіи? Источникъ своего Боговѣдѣнія сивиллы указываютъ въ божественномъ вдохновеніи, которое освѣяетъ ихъ. „Нѣкоторые называютъ меня, говорить о себѣ сивилла 3 книги, ... безумной и лгуньей. Но когда все (что я возвѣщаю) сбудется, то вы (разумѣются Ассиро-вавилоняне) хорошо будете думать о мнѣ,—и никто тогда не назоветъ меня безумной, но великой пророчицей Бога, потому что Онъ открылъ мнѣ, что произошло раньше моихъ предковъ и что въ самомъ началѣ случилось; все это мнѣ сообщил Богъ И все будущее Богъ положилъ въ моей мысли, такъ что и будущее я открываю, и что раньше было—и это я смертнымъ скажу“²⁾. „Не прорицательница я ложнаго Феба, котораго люди по неразумію назвали Богомъ,—говорить о себѣ сивилла 4 книги, но пророчица всемогущаго Бога“³⁾. Богъ сообщаетъ откровенія сивилламъ въ словесной формѣ. „Когда оставила божественная пѣснь мою душу, говоритъ сивилла, и я уже молила великаго Творца, да освободитъ Онъ меня отъ Своей власти,—снова въ моемъ сердцѣ поднялась рѣчь всемогущаго Бога и вдохновила меня прорицать на всякую землю“⁴⁾. О томъ, въ какомъ состояніи находились по представленію сивиллъ, ихъ естественныя силы, когда онѣ находились подъ Божественнымъ вдохновеніемъ, узнаемъ изъ 10-й книги. „Господь міра и правитель всякаго царства, непостижимый, бессмертный! Ты вложилъ непрестающую пѣснь въ мое сердце. Прекрати свою рѣчь; вѣдь я никогда не знаю того, что говорю, потому что Ты Тотъ, Который мнѣ все возвѣщаетъ. Дозволь мнѣ отдохнуть немного, и тогда положи въ мою грудь пріятную пѣснь: я утомилась душою отъ божественной пѣсни“⁵⁾. Непосредственный смыслъ этого свидѣтельства тотъ, что самъ Богъ говорить устами сивиллы,—она не только *не знаетъ* того,

1) 5, 328—332.

2) 3, 813—822.

3) 4, 4—6.

4) 3, 295—299; см. также 9, 322—324; 10, 292—298.

5) 10, 292—298.

что возвѣщается ею, но, быть можетъ, даже и не сознаетъ этого ¹⁾! Вдохновеніе сивиллы есть до нѣкоторой степени божественное принудительное дѣйствіе на душу сивиллы и, какъ таковое, оно утомительно. Здѣсь отразилось древнѣйшее вѣрованіе людей въ непосредственное общеніе человѣка съ Божествомъ, доступное, впрочемъ, не всѣмъ людямъ,—не всѣ были Пифіями,—а только избраннымъ. Но если Самъ Богъ возвѣщаетъ устами сивиллы, то всякое слово ея и все ея ученіе—истина. „Что Богъ изрекъ чрезъ мои уста, говоритъ сивилла 8-й книги, то все исполнится“ ²⁾. Кромѣ этого не всѣмъ доступнаго источника Богопознанія, сивиллы указываютъ другой, доступный всѣмъ и каждому. Это—видимый міръ. Въ этомъ первичномъ откровеніи Бога людямъ язычникъ можетъ находить подтвержденіе ученія о Немъ сивиллъ и изобличеніе своего безумія. „Вы получите подобающее возмездіе за свое безуміе,—говоритъ іудейская сивилла язычникамъ,—потому что вы оставили почитать, какъ должно, истиннаго и вѣчнаго Бога: вмѣсто принесенія Ему священныхъ гекатомбъ, вы приносите жертвы идоламъ, духамъ—въ адѣ. Вы ходите во тьмѣ и заблужденіи; сойдя съ ровной дороги, вы ступаете по тернистой.. Но внимайте, смертные, неразумные люди, ощупью ходящіе ночью—въ безпросвѣтной темнотѣ! Оставьте темноту ночи и держитесь сіяющаго Свѣта. Видите, какъ Онъ открыто и безобманно существуетъ для всѣхъ! Приходите къ Нему и не ходите больше въ темнотѣ ночи. Видите, какъ чудно сіяетъ великолѣпное солнце! Такъ узнавайте чрезъ это Его и умудряйтесь сердцемъ своимъ: есть Богъ, посылающій дождь и вѣтеръ, и грозу, и вѣтвистую молнію, чуму, голодъ и горькую печаль, мятежь и службу. Однако, зачѣмъ же я стану всё перечислять? Обладающій небомъ, Онъ—Владыка—правитъ землей—единный Богъ,

¹⁾ Воззрѣніе сивиллъ по этому вопросу очень смутно и неопредѣленно: въ другихъ мѣстахъ, какъ мы видѣли, онѣ признаются въ томъ, что сознаютъ общій по крайней мѣрѣ характеръ своихъ пророчаній—радостный или скорбный (9, 322—324). Въ согласіи съ этимъ признаніемъ ихъ нужно думать, что не подлежащими сознанію онѣ считали частности, подробности своихъ рѣчей. Оговариваемся, что мы разсматриваемъ воззрѣніе сивиллъ на явленіе, а не самое это психологическое явленіе. Впрочемъ, и въ дѣйствительности могло быть, что, сознавая общій смыслъ своихъ рѣчей, онѣ не сознавали всѣхъ ихъ частныхъ.

²⁾ 8, 359—361.

всемогущій Творецъ; Онъ сотворилъ образъ и прямой обликъ человѣка, весь видимой міръ и всякое живое существо“¹⁾. Однако, доступное человѣку познаніе Бога не можетъ быть, по мысли сивиллъ, совершеннымъ, адекватнымъ Познаваемому, вслѣдствіе ограниченности человѣка и безграничности Бога. „Кто постигъ Бога настолько, восклицаетъ сивилла, чтобы только узнать имя Его—небеснаго и великаго“!...²⁾.

2. Нравственныя воззрѣнія сивиллъ.

Преобладаніе суровыхъ, строгихъ чертъ въ представленіяхъ сивиллистовъ о Богѣ отразилось на ихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ. Большинство сивиллистовъ нравственность понимаетъ, какъ хожденіе въ страхъ Божию, дѣланіе добраго по страху предъ Богомъ, какъ-бы всегдашнее трепетаніе предъ Нимъ; вслѣдствіе этого она опредѣляется преимущественно съ отрицательной стороны: чего не должно дѣлать. Таковы именно моральныя воззрѣнія сивиллистовъ-іудеевъ и нѣкоторыхъ изъ іудео-христіанъ. Говоримъ: *нѣкоторыхъ* изъ іудео-христіанъ. Между ними есть и такая сивилла (7-й книги), нравственныя идеи которой, по своей гуманности и возвышенности, гораздо ближе къ воззрѣніямъ христіанъ, чѣмъ іудеевъ. Такимъ образомъ, въ Сивилиннхъ пѣсняхъ мы находимъ двѣ группы нравственныхъ идей: одна принадлежитъ іудейскимъ сивилламъ и большинству іудео-христіанскихъ; другая принадлежитъ христіанскимъ сивилламъ и одной сивиллѣ-іудеохристіанкѣ. Впрочемъ, нужно нѣсколько оговориться: послѣдняя примыкаетъ къ христіанамъ только въ пониманіи нравственности въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е., какъ—добраго настроенія и поведенія вообще,—и совершенно расходится съ ними въ воззрѣніи на служеніе собственно Богу, на средства благоугожденія Ему: здѣсь она мыслить по-іудейски.

Итакъ, въ чемъ заключается нравственность по представленію іудейской и большинства іудео-христіанскихъ сивиллъ? Вотъ какъ понимаетъ её первая сивилла. „Не медли, научаешь она „дукаваго“ человѣка, ниспровергни того, кто вводитъ тебя въ заблужденіе, и примиришь съ Богомъ: принеси Ему гека-

1) 1 Fragm. 19—38; см. также 8, 430—441; 4, 13—23.

2) 3, 18.

гомы отъ звѣрей и первородныхъ ягнать и козь... Почитай справедливость и никого не огорчай, потому что это запрещаетъ Безсмертный по отношенію къ несчастнымъ людямъ¹⁾. Умоляй безсмертнаго Бога и трепещи Его, убѣждаетъ сивилла египтянина, отправь въ отечество, проводи до самаго города (Іерусалима) беспомощный народъ, происходящій изъ священной страны великаго Бога... Не содержи въ умѣ высокопарашей и склонной къ раздорамъ мысли. Служи всемогущему Богу, да будетъ и тебѣ часть, когда придетъ конецъ всему и наступитъ день воздаянія добрымъ²⁾. „Избѣгай нечестиваго идолопоклонства, служи живому Богу. Удерживайся отъ прелюбодѣянія и нечистаго ложа, воспитывай своихъ дѣтей, не развращая ихъ, потому что Богъ гнѣвается на соблазнителья хотя бы одного дитяти“³⁾... Итакъ, принесеніе жертвъ да воздержаніе отъ пороковъ—вотъ область нравственнаго, по воззрѣнію іудейской сивиллы. Но также понимаютъ мораль и большинство іудео-христіанскихъ сивиллъ. Ты долженъ, говорить одна изъ нихъ своимъ единовѣрцамъ, приносить жертвы великому и безсмертному Богу, не сожигая въ огнѣ ладана и хлѣбныхъ зѣренъ и не закалая густошерснаго ягненка (сивилла почему-то ограничиваетъ область предметовъ для жертвенныхъ приношеній). Но вмѣстѣ со всѣми, въ комъ течетъ твоя кровь (т. е. съ дѣтьми), выбери дикую птицу, помолись и отпусти её, вознося взоры къ небу, а воду вылей на чистый огонь, говоря: Отецъ и рожденный Тобою Логось, быстрый провозвѣстникъ словъ (вѣроятно, ученія)! Я отпустилъ птицу, окропленіемъ ея святой водою я вспомнилъ, Логось, твое крещеніе, при которомъ Ты вышелъ изъ огня (евіонитское представленіе)⁴⁾. Въ пониманіи нравственно-добраго большинство іудео-христіанскихъ сивиллъ почти не восходятъ дальше воспрещенія и осужденія дурныхъ чувствъ и дѣйствій. Ихъ возмущаютъ:—заносчивость, гордость, злоба и прелюбодѣйныя страсти⁵⁾, нечестіе⁶⁾, кровосмѣшеніе⁷⁾,

1) 3, 623—631.

2) Ibidem, 732—742.

3) 3, 761—766.

4) 7, 76—84. 7-я кн. относится ко второй половинѣ 2 в. по Р. Хр. Friedlieb Einleitung, § 24, seit LII.

5) 3, 36—45; 5, 138—178.

6) 3, 29—35; 5, 190—193 и д.; 11, 142—144.

7) 4, 24—48.

скотоложество ¹⁾, жадность, воровство, убійство ²⁾ и пр. пороки. „Безстыдны въ душѣ, говоритъ сивилла 8-й книги, тѣ, кто снова и снова поступаютъ, не страшась Божественнаго гнѣва и нимало не смущаясь предъ людьми, но смѣло отвергая всякій стыдъ, предпочитая ему безстыдство... Эти люди—невѣры, злодѣи, лжецы, нисколько не уважающіе правды,—разрушители довѣрія... Они никогда не будутъ сыты богатствомъ. потому что постоянно собираютъ его безъ всякаго стыда“ ³⁾).

Мотивомъ доброй дѣятельности, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ отрывковъ, іудейская и большая часть іудео-христіанскихъ сивиллъ ставятъ страхъ предъ Богомъ: Богъ гнѣвается на человѣка, если онъ соблазнить дитя; отсюда:—не соблазняй его... Но этотъ же страхъ Божій сивиллы хотѣли бы возвести въ господствующее въ душѣ человѣка нравственное настроеніе. „Жалкій человѣкъ: обратись къ покаянію, не вызывай всемогущаго Бога на многократный гнѣвъ; оставь свои притѣсненія и убійства, омойся въ струящемся источникѣ ⁴⁾ и къ небу прости свои руки, прося прощенія за ранѣйшія дѣянія. *Страхомъ предъ Богомъ* искупи свое нечестіе, тогда Богъ иначе посмотритъ на тебя и не истребитъ; гнѣвъ Его утихнетъ, какъ только *исполнитесь вы страха предъ Нимъ—всѣ вы въ своемъ сердцѣ*“ ⁵⁾. „Кто боится и почитаетъ вѣчнаго истиннаго Бога, тотъ получитъ въ наслѣдіе вѣчную жизнь въ роскошной странѣ“ ⁶⁾... „Но если вы не оставите злыхъ страстей; будете любить преступленія и нечестивымъ слухомъ принимать всё это (т. е. совѣты сивиллы)—огонь придетъ тогда на весь міръ“.... ⁷⁾. Но гдѣ страхъ, тамъ нѣтъ любви; а въ комъ нѣтъ любви и есть одинъ страхъ, тотъ почти не знаетъ, что должно дѣлать, и хорошо знаетъ, чего не должно дѣлать. Вотъ почему въ іудейской и почти во всей іудео-христіанской части сивилинскихъ оракуловъ такъ рѣдко упоминается о любви къ Богу и человѣку,—и добродѣтель опредѣляется больше съ отрицательной, чѣмъ съ положительной

¹⁾ 5, 386—400.

²⁾ 4, 24—48; 8, 17—36.

³⁾ 8, 182—184. Этотъ отдѣлъ 8 кн. (1—216) относится ко второй половинѣ (между 161—180 гг.) 2 в. по Р. Хр. Friedlieb, Einleit., § 26, seit LIX.

⁴⁾ Авторъ 4 книги, вѣроятно, принадлежалъ къ ессеѣйской сектѣ.

⁵⁾ 4, 161—169.

⁶⁾ 2 Fragm., 46—47.

⁷⁾ 4, 169—172.

стороны. Іудею, какъ это видно изъ 3 сив. книги, такъ чужда была любовь, что онъ и въ будущемъ Мессіанскомъ царствѣ отвелъ ей рядовое мѣсто. „Будетъ время, когда добрый законъ низойдетъ къ людямъ съ сіяющаго неба, справедливость и вмѣстѣ съ нею, столь полезною смертнымъ, разумное единодушіе, любовь, вѣрность и гостепріимство“¹⁾. Это—все, что могъ сказать іудей 2 в. до Р. Хр. о положительныхъ благахъ Мессіанскаго царства... Дальше онъ уже изображаетъ блага этого царства съ отрицательной стороны; „далеки будутъ отъ людей раздоры, зависть“ и т. д.²⁾ Не выше іудейской сивиллы стоятъ въ этомъ отношеніи сивиллы іудео-христіанскія (исключая сивиллу 7-й книги). Онѣ почти молчатъ о любви³⁾ и рѣдко говорятъ о вѣрности, справедливости и другихъ положительныхъ добродѣтеляхъ⁴⁾.

Здѣсь нужно отмѣтить, что едва-ли не высшимъ обнаруженіемъ нравственности сивиллины поэты (кромѣ христіанъ) считали жизнь, построенную на религіозно-соціальныхъ началахъ, и, въ силу этого, ненавидѣли жадность и деспотизмъ съ вереницей вытекающихъ изъ нихъ пороковъ—воровствомъ, угнетеніемъ слабыхъ сильными и др. Испытавши на себѣ всю тяжесть жадности и насилія со стороны язычниковъ, сивиллисты—и это понятно—всею болѣе осуждаютъ эти пороки и, подобно всѣмъ вообще авторамъ апокалипсическихъ и апокрифическихъ произведеній, проповѣдуютъ особенную суровость демократическихъ требованій. Сивиллы—непримиримые враги богатыхъ, вскормленныхъ жадностью. „Жадность, говоритъ сивилла 8-й книги, есть начало всякаго порока. Она возбуждается къ золоту и серебру. А выше этого люди не цѣнятъ ничего: ни солнечнаго свѣта, ни неба..., ни земли, все произращающей, ни даже Бога—щедродателя и Творца вслческихъ... Эта безумная жадность есть источникъ безбожія и первая причина всякаго беспорядка, предлогъ къ раздорамъ и врагъ мира, сѣющій вражду между родителями и дѣтьми. Ради золота нисколько не цѣнится супружеская вѣрность, размежевывается земля и караулится всякое море; ибо вѣдь богатые хитрымъ

¹⁾ 3, 373—376.

³⁾ 5, 360; 12, 352.

²⁾ Ibidem, 376—377.

⁴⁾ 4, 152—153; 5, 431.

способомъ подѣлили ихъ (землю и моря) между собою—какъ будто бы они навсегда желаютъ удержать за собою кормилицу—землю! Чтобы увеличить владѣнія и приобрести слугъ, богатые грабятъ бѣдныхъ—несчастныхъ! Ахъ, если бы земля была не такъ далеко отъ неба, они сдумали бы устроить, чтобы и свѣтъ распредѣлялся не всѣмъ поровну! Солнце, купленное цѣною золота, свѣтило бы только богатымъ, и Богу пришлось бы сотворить другой мѣръ для бѣдныхъ“ ¹⁾... Истиннымъ украшеніемъ человѣка служить то, если онъ не имѣетъ жадности, довольствуется своимъ и не воруетъ у своего сосѣда, не обижаетъ бѣдныхъ и богатъ только для того, чтобы благодѣлать неимущимъ ²⁾.—Враги богатыхъ, сивиллины поэты не въ меньшей степени враги сильныхъ. Они безъ пощады нападаютъ на правящихъ міромъ. Ихъ стихи полны рѣзкими протестами противъ римскаго господства. Мы уже видѣли эти протесты, дышащіе гнѣвомъ. „Отъ тебя не останется никакого памятника, угрожаетъ сивилла Риму. Пылающій мщеніемъ адъ ожидаетъ тебя, чтобы казнить твои злодѣянія“ ³⁾! Чей это гнѣвъ? Только-ли Бога, отъ имени котораго сивиллы пророчатъ погибель Риму? Нѣтъ: то былъ скорѣе ихъ собственный гнѣвъ, только прикрытый гнѣвомъ Бога. Поэта несколько не смущаетъ та страшная катастрофа съ Римомъ, которую онъ рисуетъ. Напротивъ, онъ радуется и призываетъ ее, ему хочется поскорѣй насладиться такимъ зрѣлищемъ: „Когда я буду имѣть счастье видѣть ужасный день для тебя и для всей латинской расы“! ⁴⁾... Погружаясь въ мечты о будущемъ, сивиллисты, прежде всего, воображаютъ время и страну, гдѣ всѣ будутъ равны и имущество будетъ общее. Вотъ самое свѣтлое, чего ждуть они съ наступленіемъ этого блаженнаго времени! „И будетъ тогда богатство общимъ для всѣхъ, какъ и жизнь; а равно и земля будетъ общою—безъ стѣнъ и заборовъ, не раздѣленной на части“ ⁵⁾... „Въ тѣ дни отбѣжать отъ людей зависть, бѣдность, *рабство*, губительные раздоры, ночное воровство, убійство и всякій порокъ“ ⁶⁾.

Совсѣмъ иного характера нравственныя воззрѣнія христіан-

¹⁾ 8, 17—36.

²⁾ 8, 175—178.

³⁾ 8, 208—210.

⁴⁾ 3, 218—247.

⁵⁾ 8, 151—152.

⁶⁾ 3, 377—380.

скихъ и одной іудео-христіанской сивиллѣ. Вотъ какъ раскрываетъ нравственныя обязанности христіанская сивилла. „Быть смѣрными сердцемъ и изгнать всякую ложь изъ души, любить Бога и свято чтить Его, любить ближняго, какъ самаго себя, — вотъ признакъ, отличающій послѣдователей Христовыхъ. Вотъ почему мы даемъ другъ другу любезное имя братьевъ. Соединивъ святую радость съ дѣлами религіи, мы слѣдуемъ по пути благочестія и истины. Намъ не позволено входить въ святилище храмовъ (разумѣется, вѣроятно, языческіе храмы), приносить жертвы статуямъ (т. е. императоровъ), украшать ихъ цвѣтами, подвѣшивать украшенія къ верхамъ колоннъ, возжигать чиміамъ на олтарахъ, закалать въ жертву воловъ и агнцевъ, для укрощенія адскихъ божествъ, или возносить къ небу дымъ, исходящій отъ тука жертвъ, и заражать воздухъ нечистыми испареніями. Всѣ эти дѣла запрещены намъ. Наша религія повелѣваетъ намъ хранить чистоту сердца, исполнять законъ любви, славить богоугодными пѣснопѣніями Творца всяческихъ—вѣчнаго, мудраго Бога“ ¹⁾. Этотъ отрывокъ ²⁾ производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы онъ составленъ съ цѣлію опровергнуть распространенное среди язычниковъ предубѣжденіе противъ христіанъ, какъ челоуѣконенавистниковъ и враговъ государства, и показать, что у нихъ—христіанъ—*нѣтъ враговъ*, а есть только *братья*, что любовь къ Богу, а не вражда, опредѣляетъ ихъ отношеніе къ людямъ и всё ихъ поведеніе, не позволяя имъ приносить жертвы императорскимъ статуямъ, что, поэтому, не презрѣнія они заслуживаютъ, а самаго искренняго расположенія. Здѣсь, привлекая къ принатію христіанства язычниковъ, въ другихъ мѣстахъ сивилла располагаетъ къ полному обращенію ко Христу іудео-христіанъ и іудеевъ, заявляя, что послѣ крестной жертвы напрасны уже сѣновныя, ветхозавѣтныя жертвы, что любовь, засвидѣтельствованная крещеніемъ, и дѣла любви, свидѣтельствуемая жизнью,—единственное средство богоугожденія ³⁾.—Трудно, кажется, совмѣстимы самоотверженная свободная любовь ко Христу и приверженность къ

¹⁾ 8, 481—501.

²⁾ Онъ относится къ концу 2 в. или началу 3-го, Friedlieb, Einleitung, § 26, seit LX.

³⁾ 8, 307—308, 313—318, 323—336.

буквъ обрядоваго закона. А между тѣмъ въ авторѣ 7-й сивиллиной книги мы имѣемъ такую сивиллу, которая совмѣщала и то и другое, признавала необходимыми для богоугожденія и жертвы ¹⁾ и любовь, и чистоту сердца. Въ ея душѣ былъ запечатлѣнъ образъ любящаго, милующаго Христа. „Я знаю, говоритъ она о себѣ, что злого я раньше совершила, въ чемъ я преступила по безпечности или по злой волѣ. Я безъ счету вступала въ брачныя узы, хотя не помышляла о бракѣ. Я отталкивала отъ себя бѣдныхъ. За это попалить меня огонь. Но люди выкопаютъ для меня могилу... побьютъ меня камнями за то, что ради Отца я увѣровала ²⁾ въ бездѣннаго Сына. Теперь оставьте, оставьте меня всѣ: я приобрѣла жизнь, къ небесамъ устремляю взоры“ ³⁾. Увѣровавъ во Христа, эта сивилла усвоила сердцемъ и любовь христіанскую. Она убѣждена, что благоугождать Богу нужно душою, незлобивымъ сердцемъ ⁴⁾ и дѣлами любви. „Не заключай дверей, поучаетъ она своего единовѣрца, когда въ нихъ стучится пришлецъ, ищущій защиты отъ холода или нищеты, но прикрой его голову, окропи её водою ⁵⁾, трижды помолись и вознеси своему Богу такую молитву: я не люблю богатства; когда-то самъ нуждавшійся, я принялъ просящаго помощи. Но Ты—Отецъ и Помощникъ (ему чрезъ меня). Исполни его прошеніе; онъ проситъ помощи, такъ подай её ему (чрезъ меня)“ ⁶⁾. Такова христіанская благотворительность, по представленію сивиллы,—смиренная, некичливая, исходящая отъ Бога и къ Нему возводимая... Такая только добродѣтель, конечно, и нравственна—договоримъ за сивиллу.

А. Волминъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ 7, 75—87.

²⁾ Собственно, приобрѣла—erhielt ich, см. Friedlieb, Oracula Sibyllina, 7, 160.

³⁾ 7, 151—162.

⁵⁾ Кажется, евионитскій обычай.

⁴⁾ Ibidem, 138.

⁶⁾ 7, 85—91.

Отъ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“.

Въ № 5 „Церковныхъ Вѣдомостей“ отъ 30 января текущаго года напечатано слѣдующее опредѣленіе Святѣйшаго Синода: „Святѣйшій Синодъ, по выслушаніи предложенія Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, относительно пріобрѣтенія въ епархіальныя церковныя библіотеки и для духовно-учебныхъ заведеній, содержимыхъ на мѣстныя средства, составленной справщикомъ С.-Петербургской Синодальной типографіи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Гильдебрандтомъ, книги: „Справочный и объяснительный словарь къ Псалтири“ и принимая во вниманіе, что книга Псалтирь въ нашемъ православномъ народѣ пользуется особенною распространенностью и составляетъ излюбленное чтеніе какъ въ семьѣ, такъ и въ школѣ, что составленный Гильдебрандтомъ Справочный и объяснительный словарь къ сей книгѣ, удостоенный преміи митрополита Макарія, представляетъ цѣнное и весьма полезное пособіе какъ для пастырей Церкви, такъ и для духовныхъ школъ, въ виду чего означенный трудъ Гильдебрандта уже разосланъ для библіотекъ духовныхъ семинарій, по 1 экз. въ каждую, 20—25 января сего года опредѣлили: объ изданіи этой книги циркулярно сообщить всѣмъ епархіальнымъ преосвященнымъ, рекомендуя ее для пріобрѣтенія, на мѣстныя средства, какъ въ епархіальныя и церковныя библіотеки, такъ и для духовно-учебныхъ заведеній, содержимыхъ на мѣстныя епархіальныя средства, о чемъ и напечатать въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“.

По распоряженію Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, редакція журнала „Вѣра и Разумъ“ долга имѣть поставить въ извѣстность Духовенству Харьковской Епархіи вышенапечатанное опредѣленіе Святѣйшаго Синода, составленное по предложенію Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора,—съ цѣлію своевременнаго пріобрѣтенія означенной книги г. Гильдебрандта, какъ въ епархіальныя и церковныя библіотеки, такъ и въ духовно-учебныя заведенія, содержимыя на мѣстныя епархіальныя средства.

Отъ Псковскаго Губернскаго Предводителя Дворянства.

Отъ Псковскаго Губернскаго Предводителя Дворянства на имя Преосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, поступило слѣдующее отношеніе: „ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ 5 день прошлаго Октября мѣсяца Высочайше повелѣтъ соизволилъ разрѣшить подписку по всей Имперіи для сбора пожертвованій на устройство учрежденій имени великаго нашего поэта А. С. Пушкина и для этой цѣли учредить особый комитетъ подъ моимъ предсѣдательствомъ изъ представителей отъ Псковскаго Дворянства, Земства, Города и отъ попечительствъ богадѣлни и читальни въ с. Св. Горы, Опочецкаго уѣзда, Псковской губерніи.

Вслѣдствіе таковаго Высочайшаго Соизволенія, препровождая при семъ къ Вашему Преосвященству бланки подписныхъ листовъ, имѣю честь покорнѣйше просить оказать Ваше просвѣщенное содѣйствіе къ распространенію этихъ листовъ.

Предсѣдатель комитета *Н. Новосильцовъ.*

Секретарь *Ф. А. Ушановъ.*

Къ сему редакція журнала „Вѣра и Разумъ“ долѣ имѣетъ присовокупить, что лица желающія сообщить свои пожертвованія для означеннаго предмета, могутъ получать подлинныя бланки въ канцеляріи Харьковскаго Архіепископа.

Систематическій очеркъ гносеологическихъ воззрѣній Платона и критическая оцѣнка ихъ.

Въ предлагаемой статьѣ мы намѣрены коснуться той области широко развернушагося и могучаго философскаго генія Платона, въ которой нашъ философъ былъ новаторомъ—установителемъ одной изъ самыхъ важныхъ и многообъщающихъ философскихъ проблемъ, именно,—гносеологической. Надобно удивляться смѣлой—хотя научно и несостоятельной—попыткѣ Платона разрѣшить указанную проблемму. Глубокій умъ его столь широко намѣтилъ задачи гносеологическія и столь вдумчиво провѣкъ въ представшую предъ нимъ идею познанія, что даже крайніе критики Платона—позитивисты (напр. Лянге, Лаасъ и др.)—отдаютъ должную дань удивленія его творческому генію. Правда, Платонъ нигдѣ на страницахъ своихъ философскихъ діалоговъ не представилъ въ системѣ своего положительнаго ученія о познаніи. Тѣмъ не менѣе сведеніе въ одно отдѣльныхъ мѣстъ нѣкоторыхъ діалоговъ, равно какъ и изслѣдованіе положительной схемы, выглядывающей изъ подъ покровъ діалектическаго процесса всего діалога „Θεωτετὴν ἢ οὐκ ἔστιν ἐπιστήμη“—показываетъ, что Платонъ создалъ обширную теорію познанія. Онъ первый намѣтилъ тройственное дѣленіе человѣческаго познанія на эмпирическое (чувственное), раціональное (разсудочное) и идеальное (разумное, умосозерцательное), и первый же положилъ начало разработкѣ методовъ познанія, хотя—больше фактически, т. е., своею діалектикою, чѣмъ теоретически. Значеніе сдѣланнаго Платономъ въ данномъ отношеніи при-

знаю всею послѣдующею философскою наукою, для которой Платонъ остается однимъ изъ первостепенныхъ авторитетовъ и по нынѣ. Наша собственная и ближайшая задача въ отношеніи къ гносеологическимъ воззрѣніямъ Платона сводится къ тому, чтобы, въ видахъ безпристрастной и научной въ философскомъ смыслѣ критической оцѣнки этихъ воззрѣній,—привести ихъ въ нѣкоторую систему и изложить въ системѣ. Этого систематическаго изложенія—какъ уже сказано—у Платона мы не находимъ; а между тѣмъ только такое изложеніе можетъ ярко освѣтить наравнѣ съ достоинствами и недостатки въ гносеологіи нашего философа. Конечно, если имѣть въ виду то, что систематизація самыхъ діалоговъ Платона—по ихъ общему содержанію и внутреннему взаимоотношенію—породило массу несогласій среди историковъ философіи, то станетъ понятнымъ, насколько отвѣтственна наша роль въ дѣлѣ систематизаціи ученія Платона о познаніи. Но къ дѣлу.

Исходнымъ пунктомъ гносеологіи Платона нужно признать понятіе о *совершенствѣ*, устойчивости и неизмѣнности *истиннаго знанія*. Истинное знаніе—какъ идеаль—должно состоять въ безусловномъ во всѣхъ отношеніяхъ совпаденіи чистаго созерцающаго разума съ неизмѣннымъ, вѣчно-тождественнымъ и абсолютно-реальнымъ духовнымъ бытіемъ. Такое знаніе предполагаетъ не только высшее совершенство и чистоту разума, когда онъ не выходитъ изъ границъ чистаго созерцанія (*νόησις*), но вмѣстѣ съ тѣмъ присутствіе чисто-мысленнаго элемента въ самомъ объектѣ знанія. Истинный реальнѣйшій объектъ знанія по природѣ своей самъ долженъ быть гармоническимъ единствомъ бытія и мысли—это *νοητὰ* или *идеи*. Мало того. истинный объектъ знанія, чтобы быть объектомъ чистаго созерцанія—такого, при которомъ не нужны разсудочныя обоснованія или предположеніе основаній въ безконечность—для этого истинный объектъ знанія, міръ идей, долженъ быть проникнутъ единствомъ одной высшей идеи и освѣщенъ для разума абсолютно-реальнѣйшею идеею (блага), благодаря чему разумъ будетъ видѣть все обоснованнымъ на безусловномъ основаніи, недопускающемъ ничего гипотетическаго или разсудочнаго. Только при этомъ возможно чистое созерцаніе, не допускающее

никакой возможности перемены познающаго сознанія къ худшему, менѣе совершенному состоянію. Замѣтимъ здѣсь же, что едва ли въ понятіяхъ самого Платона этотъ идеальнъ знанія игралъ роль простой философско-поэтической мечты. Дѣло въ томъ, что по Платону всякая мысль есть мысль о сущемъ (существующемъ на самомъ дѣлѣ) и, слѣдовательно, даже въ случаѣ, если бы мысль о идеальномъ знаніи возникла у философа случайно, то и тогда она не должна считаться пустою абстракціей; тѣмъ болѣе нельзя этого сказать въ виду того, что представленный образъ идеальнаго созерцанія есть послѣдовательное развитіе и выраженіе чистой мысли объ истинномъ знаніи—какъ таковомъ. Ниже мы увидимъ, что этотъ идеальнъ знанія служилъ для Платона безусловно-сильнымъ основаніемъ философскаго *эроса* (ἔρως).

Но послѣ этого полета въ идеальнъ міръ, какъ послѣ упоенія райскимъ сномъ, достаточно одного пробужденія среди міра вещей чувственныхъ, чтобы навсегда пріобрѣсть горькое сознаніе того, что всѣ условія познанія, представляемыя этимъ чувственнымъ міромъ,—суть условія неблагоприятныя. Вещи подвержены непрерывному измѣненію, поражаютъ нестройною пестротой и спутаннымъ разнообразіемъ. Взаимное соотношеніе вещей между собою вліяетъ на самую ихъ природу и, благодаря непрерывности потока въ конечномъ чувственномъ бытіи, ни о какой вещи нельзя сказать, что она „есть“; вещи только „бываютъ“, „дѣлаются“—т. е., только измѣняются. Если таковы условія познанія, представляемыя міромъ вещей, то для ревнителя истиннаго знанія, для любителя мудрости остается одно: это трудъ на усовершенствованіе путей знанія или въ сущности на освобожденіе разума отъ тѣхъ неудобствъ, въ какія онъ поставленъ.—Здѣсь желательно было бы подчеркнуть именно то обстоятельство, что Платонъ, полемизируя противъ Протагора и другихъ философовъ, всегда ставилъ имъ на видъ мелочность и даже низость ихъ понятій о знаніи; они, называвшіе себя любителями мудрости и даже мудрецами, къ собственному своему позору, держались, на примѣръ, такихъ понятій, что ощущеніе есть знаніе или—что еще хуже—самую неустойчивость ощущеній, прикрытую такою же неустойчи-

востью вещей,—считали главнымъ основаніемъ значенія ощущеній, какъ формы познанія: одна подлинность ощущеній или лучше—общность ихъ недостатка (неустойчивости) съ соответствующимъ несовершенствомъ (измѣняемостью) вещей воодушевляла этихъ ложныхъ мудрецовъ. По понятію Платона, они враги знанія, умножающіе и безъ того значительныя неудобства и препятствія къ знанію! Вотъ почему Платонъ—какъ истый ревнитель знанія, удѣляетъ такъ много мѣста въ своихъ діалогахъ полемикѣ съ философами анти-идеальнаго направленія. Впрочемъ эта полемика съ философами анти-идеальнаго направленія сливается почти совершенно у Платона съ раскрытіемъ вообще неудобствъ, представляемыхъ для познанія чувственнымъ міромъ: всѣ эти философы представляютъ для Платона именно примѣры неосторожнаго и по результатамъ губельнаго обращенія съ міромъ чувственнымъ и руководства имъ въ дѣлѣ познанія. Этимъ и объясняется тотъ—вполнѣ доказанный исторіей—фактъ, что Платонъ излагаетъ и критикуетъ неподлинное ученіе прежнихъ философовъ, а общія анти-идеальныя направленія въ ученіи о познаніи, которыя могли только косвенно обосновываться на отдѣльныхъ положеніяхъ прежнихъ философовъ. Такъ въ „Θεατητή“ критикуется сенсуализмъ подъ именемъ ученія Протагора, хотя изъ всѣхъ (3) положеній Протагора—извѣстныхъ исторіи философіи—взято только одно, на которомъ могъ опираться сенсуализмъ; мысль Протагора объ относительности, какъ подлинной формѣ бытія вещей, въ глазахъ Платона представляется самою анти-идеальною мыслью, ведущею къ отрицанію всякой возможности истиннаго и достовѣрнаго знанія—это самое и сближаетъ данную мысль съ сенсуализмомъ, почему Платонъ и обозвалъ сенсуализмъ именемъ „ученія Протагора“.—Впрочемъ къ „Θεατητή“ придется еще вернуться при самой оцѣнкѣ Платоновой гносеологіи. А теперь обратимъ вниманіе на то, почему именно руководство чувственнымъ міромъ Платонъ считалъ опаснымъ и губельнымъ для истиннаго знанія. Дѣло представляется у Платона въ такомъ видѣ. Истинный объектъ знанія—предполагаемый самымъ идеаломъ знанія—долженъ, какъ бытіе реальнѣйшее и неизмѣнное, способствовать самой устойчивой формѣ познанія. Между

тѣмъ міръ вещей чувственныхъ, какъ вѣчно измѣняющійся, текучій, по самой природѣ своей можетъ быть познаваемъ непосредственно только текучею же и непостоянною формою познанія—чѣмъ и являются ощущенія. Слѣдовательно, самое непостоянство формы познанія чувственнаго міра свидѣтельству-етъ о томъ, что этотъ міръ не составляетъ истиннаго объекта знанія. Вотъ почему увлекаться чувственнымъ познаніемъ по Платону въ высшей степени опасно и въ цѣляхъ истиннаго знанія неразумно.

Между тѣмъ понятно само собою, что стремящійся къ знанію философъ не только не можетъ отречься отъ мысли, что человѣкъ тѣсно связанъ съ чувственнымъ міромъ, но даже считаетъ себя вполне обязаннымъ дать объясненіе всему воспринимаемому чувствами: онъ не можетъ отказать міру явленій въ философскомъ объясненіи. И при всемъ томъ для философской мысли Платона сразу понятно, что этого объясненія чувственнаго міра нельзя добиться путемъ одного умноженія чувственныхъ наблюденій: наблюденіе не способно привести къ чему либо устойчивому, ибо самый объектъ ощущеній не имѣетъ устойчивости. Значитъ, рѣшаетъ Платонъ, разъ навсегда нужно отказать чувствамъ въ наивномъ довѣрїи: міръ чувственный можетъ быть объясненъ только косвенно, т. е., дедуктивно.

Однако отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы чувственный міръ былъ совершенно лишнимъ въ дѣлѣ познанія. То, что онъ не заслуживаетъ наивнаго довѣрїя, означаетъ лишь, что непосредственное содержаніе ощущеній не можетъ войти въ содержаніе истиннаго знанія, но этимъ не исключается значеніе чувственнаго воспрїятія въ самомъ процессѣ познавательной дѣятельности души. Это послѣднее значеніе чувственнаго воспрїятія можно выразить въ духѣ діалога „Феатетъ“ такъ, что образы чувственныхъ вещей, попадая черезъ чувственное воспрїятіе въ душу, вызываютъ въ ней необходимость распорядиться ихъ взаимоотношеніемъ; это ведетъ къ тому, что душа приносить въ міръ разрозненныхъ чувственныхъ образовъ мысль о равенствѣ, противоположности, причинѣ, дѣйстви и даже бытіи. Можетъ быть, все это на первыхъ порахъ душа дѣлаетъ невольно и потому безъ надлежащаго сознанія своей

роли; однако это имѣетъ то великое значеніе, что душа постепенно начинаетъ отличать въ себѣ нѣчто особое отъ того, чѣмъ ее надѣляетъ чувственный міръ черезъ ощущенія. Мало по малу душа, внимательная къ себѣ самой, можетъ вполне сознать, что тѣ опредѣленія, какія она вноситъ въ міръ чувственныхъ образовъ, составляютъ ея неотъемлемую собственность, которую образы вещей только помогаютъ открыть или возобновить въ сознаніи, но которыя самою своею устойчивостью и неизмѣнностью показываютъ, что основаніе ихъ должно быть также неизмѣнное, иное—чѣмъ каково основаніе ощущеній и чувственныхъ образовъ. Пусть на первыхъ порахъ душа еще и не сознаетъ этого основанія своихъ опредѣленій; однако въ ней невольно—особенно при опредѣленіи прекраснаго—возникаетъ томленье или раздумье объ этомъ новооткрытомъ феноменѣ ея внутренней жизни. Съ этого момента и можетъ начаться въ душѣ воспоминаніе того реальнѣйшаго, неизмѣннаго міра идей, который и составляетъ подлинный объектъ истиннаго знанія. Съ этого момента душа могла бы на всю жизнь унести мысленно отъ этого чувственнаго міра и жить мыслью о мірѣ идеальномъ. Въ этомъ смыслѣ философъ по Платону всегда долженъ желать и дѣйствительно желаетъ себѣ смерти.

Но на дѣлѣ большею частію оказывается, что—по выраженію Сократа въ „Федръ“—въ молодости искатель мудрости питаетъ сильную любовь къ природѣ и, черезъ наивное сочетаніе чувственныхъ образовъ посредствомъ указанныхъ формъ и опредѣленій, присушихъ душѣ, успѣваетъ сильно привязаться къ чувственному взгляду на міръ. Въ результатѣ является цѣлое міровоззрѣніе совершенно чувственнаго направленія, которое и поддерживается ложными мудрецами. „Когда душа“, говоритъ Платонъ въ „Республикѣ“ (508-е), „обращается къ тому, что покрыто мракомъ, что рождается и погибаетъ, тогда блуждаетъ въ области мнѣній, впадаетъ въ близорукость, перемѣняя одно мнѣніе на другое и кажется со всѣмъ лишленною ума“. Разсудокъ, приобрѣтая гибельный навыкъ къ чувственному синтезу, мало по малу почти совсѣмъ теряетъ способность къ чистой абстракціи. Таковъ, между прочимъ, смыслъ и того мифа или пояснительнаго разсказа о пещерѣ, который изложенъ въ на-

чалъ 7 книги „Республики“. Конечно, Платонъ далекъ отъ того, чтобы совершенно наложить оковы на способность сужденій; онъ только вооружается противъ чувственнаго синтеза въ разсудочной дѣятельности, при которомъ нисходятъ отъ матеріи и всего чувственнаго къ душѣ и сводятъ ее къ тому же чувственному, ограничивая такимъ образомъ ея сущность только низшею ея частью—какъ выражается Платонъ въ „Республикѣ“ (509—510).

Однако, если выходить изъ основнаго положенія Платоновой гносеологіи, что реальнѣйшее начало бытія и знанія можетъ быть только созерцаемо чистымъ разумомъ, то оказывается возможнымъ сдѣлать предположеніе, что къ познанію самого верховнаго начала бытія и знанія разсудочная дѣятельность не должна и не можетъ имѣть прямого отношенія. Она можетъ имѣть значеніе только въ дѣлѣ дедуктивнаго объясненія чувственнаго міра послѣ того, какъ разумъ достигнетъ чистаго созерцанія истиннаго объекта, міра идей. Дѣло представляется у Платона въ такомъ видѣ. Къ непредполагаемому, т. е., рационально непостижимому верховному началу бытія и знанія можно приблизиться только подъ руководствомъ идей, переходя въ самой области „умственнаго мѣста“ отъ одной идеи къ другой, пока наконецъ само высшее начало (идея блага) не освѣтитъ для разума всего міра идей въ его единствѣ, и тогда наступаетъ полное созерцаніе. Только послѣ этого открывается надлежащее поприще для разсудочной дѣятельности: она должна путемъ истиннаго синтеза, идущаго отъ наивысшаго рода къ низшимъ родамъ и видамъ, дать объясненіе спутанному разнообразію чувственныхъ вещей. Тогда разсудочный синтезъ будетъ вполне умѣстенъ и безопасенъ для истиннаго знанія, ибо тогда душа никоимъ образомъ не будетъ въ состояніи перейти границы абстрактнаго разсудочнаго мышленія и спуститься въ область несовершеннаго чувственнаго міровоззрѣнія: она будетъ представлять міръ вещей только въ стройномъ порядкѣ и системѣ видовъ (Респ. 511).

Но на самомъ дѣлѣ, при невозможности чистаго разумнаго созерцанія идей въ настоящей жизни, на долю разсудка остается сложная и важная работа, имѣющая цѣлью освободить

присущія душѣ понятія отъ наслоеній чувственнаго синтеза: только эта работа можетъ еще въ сей жизни подвинуть впередъ истинное знаніе. Дѣло въ томъ, что общія понятія (каковы: прекрасное, тожество, противоположность и т. п.) самою устойчивостью своею—въ сравненіи съ ощущеніями—свидѣтельствуютъ о томъ, что они приближаются къ смыслу νοῦτῶν—идей. Здѣсь данъ важный фактъ связи міра идей съ присутствующими душѣ понятіями—фактъ, который, при неизмѣняемости міра идей и ихъ устойчивости въ себѣ самихъ, можно объяснить только такъ, что идеи отражаются въ человѣческомъ душѣ въ формѣ общихъ понятій. Такимъ образомъ понятія нужно признать непосредственными отраженіями идей и притомъ отраженіями сравнительно совершенными, если судить по ихъ устойчивости въ сравненіи съ чувственными образами вещей. Что-же отсюда слѣдуетъ? Отсюда слѣдуетъ то, что въ сей жизни можно воспользоваться понятіями для восхожденія къ тому познанію, которое возможно собственно подъ руководствомъ идей и только въ самой области „умственнаго мѣста“. Но, при этомъ, такъ какъ понятія рѣшительно обусловлены въ своемъ содержаніи содержаніемъ идей, то понятно, что для познанія можетъ имѣть значеніе только законченная система понятій, а не отдѣльныя разрозненныя понятія, подобно тому, какъ и міръ идей можетъ быть созерцаемъ только въ абсолютномъ единствѣ съ верховнымъ началомъ бытія и знанія (идеєю блага). Отсюда открывается необходимость въ цѣлой наукѣ или искусствѣ объединенія и систематизированія понятій. Эта наука и есть діалектика, которая, по преимущественному—если не исключительному—своему значенію въ дѣлѣ истиннаго познанія, можетъ быть названа наукой изъ наукъ или высшею наукою. Ея положительный смыслъ сводится къ тому, что между общими понятіями должна быть гармонія, какъ отраженіе того единства, которое предполагается въ мірѣ идей, и что кажущаяся противоположность и непримиримость нѣкоторыхъ понятій (каковы: „единое“ и „многое“, „сущее“ и „несущее“, „идеальное“ и „чувственное“, „движеніе“ и „покой“) — есть дѣло чувственнаго, конкретнаго мышленія или чувственнаго рассудочнаго синтеза. Самъ Платонъ попробовалъ примирить только нѣкоторыя изъ

такихъ понятій—именно: „единое“ и „многое“, „сущее и „несущее“, „движеніе“ и „покой“ („Пармениадъ“). Но діалектика должна жить убѣжденіемъ, что всѣ рѣшительно понятія способны къ объединенію въ одномъ высшемъ понятіи, какъ идеи объединяются въ реальнѣйшемъ верховномъ началѣ бытія и знанія. Такимъ образомъ діалектика смѣло должна искать единства или общенія понятій. Конечно, это—не діалектика элеатовъ, отвергающая все положительное во имя совершенной будто бы непримиримости основныхъ понятій („сущаго“ и „несущаго“). Напротивъ,—это діалектика, руководимая истинно-философскимъ эросомъ, неудержимымъ стремленіемъ къ положительному знанію во имя самаго идеала знанія. Впрочемъ, это свойственно одному истинному философу, который поэтому одинъ и можетъ подняться надъ уровнемъ пустыхъ ходячихъ мнѣній и въ нѣкоторой степени достигнуть истиннаго знанія еще при жизни. Обыкновенный же человекъ удовлетворяется простымъ мнѣніемъ. Вотъ почему софисты—въ родѣ Протагора—совсѣмъ не философы.

Такъ можно представить въ общихъ чертахъ гносеологическую скалу Платона. Исходя изъ понятія идеальнаго знанія, Платонъ отрицаетъ значеніе чувственнаго познанія для самаго содержанія знанія истиннаго: ни ощущенія, ни построенныя на чувственныхъ образахъ сужденія не могутъ помочь дѣлу приближенія въ этой жизни къ чистому разумному созерцанію, въ которомъ одномъ должно состоять истинное знаніе. Одно абстрактное мышленіе, построенное на врожденныхъ душѣ понятіяхъ, какъ—на прямомъ отраженіи въ душѣ міра идей,—одно это мышленіе въ діалектикѣ можетъ приблизить философа еще при жизни къ тому, что возможно только послѣ смерти въ „умственномъ мѣстѣ“. Но—какъ Платонъ показалъ на самомъ себѣ—самое сознаніе того, что всѣ усилія философа могутъ привести при жизни только къ тѣни того знанія, какое откроется по смерти—одно это сознаніе способно отбить философа отъ намѣренія построить полную діалектическую систему: Платонъ не построилъ ея, не смотря на всю полноту обитавшаго въ немъ философскаго эроса.

Послѣ этого легко выступаютъ предъ нами всѣ характерныя

черты Платоновой гносеологіи и критическая оцѣнка ея въ цѣломъ и частяхъ становится болѣе или менѣе легкимъ дѣломъ.

Въ цѣломъ гносеологія Платона представляется проникнутою крайнимъ идеализмомъ, граничащимъ съ мистицизмомъ. Страннымъ представляется то, что философъ, признавшій окончательно несовершеннымъ чувственный міръ, а во главѣ міра идей полагавшій безусловное верховное начало бытія и знанія,—не могъ придти къ мысли, что человѣку разъ навсегда можно и даже должно отказать въ надеждѣ на идеальное, абсолютное знаніе. Такое знаніе только въ томъ случаѣ могло бы стать удѣломъ человѣка, если бы послѣдній могъ окончательно преобразиться изъ ограниченнаго существа въ существо неограниченное. Но уже одно то, что человѣку суждено „очнуться“ на лонѣ чувственнаго міра, вблизи того, что и самъ Платонъ признаетъ полнымъ несовершенствомъ, уже одно это говоритъ о томъ, что человѣкъ по всей своей природѣ (и по душѣ) ограниченъ и несовершенъ. Самое большее, на что можно человѣку надѣяться въ дѣлѣ познанія, это на безконечное развитіе знанія въ количественномъ и качественномъ отношеніи, но отнюдь не на абсолютное знаніе, не на чистое созерцаніе всего въ полнѣйшемъ, абсолютномъ единствѣ. Это чистое созерцаніе всего въ абсолютномъ единствѣ можетъ быть свойствомъ только абсолютнаго, божественнаго разума. Тѣмъ болѣе страннымъ представляется мистицизмъ Платоновой гносеологіи, что онъ повидимому совсѣмъ не мирится съ гигантскою, всеобъемлющею силою критическаго анализа, поражающаго во всѣхъ сочиненіяхъ Платона. И однако этотъ мистицизмъ выдержанъ у Платона до конца. Побѣдоносное движеніе критической мысли Платона—какъ въ „Феатетѣ“—какъ будто еще болѣе усиливаетъ этотъ мистицизмъ, само находя въ немъ себѣ воспламеняющую искру. Намъ представляется возможнымъ только одно объясненіе этого знаменательнаго въ исторіи человѣческаго мышленія факта: намъ кажется, что самая мощь и необыкновенная энергія ума обнадеживали Платона въ его притязаніяхъ на абсолютное знаніе. Этотъ мощный умъ жилъ философскимъ эросомъ, какъ самою подходящею атмосферою, и необычайно сильный въ сферѣ на-

стоящаго, въ будущемъ жаждалъ абсолютнаго.... Вообще на мистицизмъ Платоновой гносеологіи нужно смотрѣть не какъ на простую философско-поэтическую мечту, а какъ на знаменательный фактъ въ исторіи философскаго мышленія. Этотъ фактъ самымъ существованіемъ своимъ показываетъ, что мыслящему человѣческому духу свойственно стремиться къ тому, что выше чувственнаго и чувство-постигаемаго, и—что одно чувственное познаніе никогда не сможетъ удовлетворить всѣхъ запросовъ и потребностей человѣческой мысли.

Теперь перейдемъ къ частностямъ Платоновой гносеологіи. Платонъ признаетъ три ступени познанія, возможнаго для человѣка въ сей жизни: эмпирическое (чувственное), рациональное (разсудочное) и діалектическое (математическое). Но выходя изъ понятія объ идеальномъ знаніи и понятія объ идеяхъ, какъ единственномъ условіи всякаго познанія, Платонъ находитъ возможнымъ отвергнуть всякую прочную и необходимую связь между первыми двумя видами знанія и послѣднимъ. Понятія, долженствующія служить предметомъ діалектики, суть прямыя отраженія идей въ человѣческомъ духѣ—отраженія совершеннѣйшія въ сравненіи съ отраженіями тѣхъ же идей въ вещахъ чувственнаго міра; слѣдовательно, діалектика вполне самостоятельна и независима отъ ощущеній и основанныхъ на нихъ мнѣній или сужденій.

Въ этомъ пунктѣ Платонъ неизбежно долженъ былъ встрѣтиться съ другими взглядами на значеніе и происхожденіе понятій, каковыя взгляды могли мотивироваться ученіями предшествовавшихъ и современныхъ Платону философовъ. Эти взгляды Платонъ и критикуетъ въ „Феэтетѣ“. Они суть: *сенсуалистическій* и *разсудочно-эмпирический*. Первый признавалъ ощущенія самою соотвѣтствующею и истинною формою познанія и мотивируется въ „Феэтетѣ“ ученіемъ Протагора о измѣняемости, какъ—подлинной формѣ бытія вещей, а съ метафизической стороны поддерживается Гераклитовой теоріею движенія. По этому взгляду знаніе дальше ощущеній не идетъ и не должно идти по смыслу вѣчнаго движенія въ объектѣ познанія и, слѣдовательно, понятія, какъ не соотвѣтствующія по своей устойчивости природѣ чувственнаго міра, не могутъ имѣть

значенія въ дѣлѣ познанія. Другой взглядъ, *разсудочно-эмпирический*, признавалъ достовѣрнымъ непосредственное разсудочное познаніе вещей, т. е., сужденія, основанныя на чувственныхъ образахъ міра вещей и согласныя съ самимъ разсудкомъ или *правильныя*, признавалъ соответствующими самому бытію вещей. По этому взгляду истинное знаніе заключается именно въ *правильныхъ мнѣніяхъ*, гарантируемыхъ самою природою разсудка или тѣмъ *объясненіемъ* (*λόγος*), которое разсудокъ можетъ дать самъ себѣ по поводу всякаго мнѣнія, представляющагося правильнымъ; само же это объясненіе сводится къ указанію главнаго отличительнаго признака данной вещи, узнаваемого также разсудочною дѣятельностью. Выводомъ изъ такого взгляда или окончательною формулировкой его можно признать ученіе Сократа о понятіи, какъ результатъ обобщенія частныхъ случаевъ или *индукціи*.

Таковы взгляды на значеніе и происхожденіе понятій, критикуемые Платономъ въ „Феатетѣ“. Намъ представляется, что если бы Платонъ приложилъ къ этимъ взглядамъ свой мощный критическій анализъ не во имя собственнаго взгляда на тотъ же предметъ, а во имя безпристрастнаго исканія мудрости, то онъ могъ бы легко придти путемъ критики двухъ крайностей къ золотой срединѣ: онъ могъ бы придти къ примиренію *субъективнаго* и *объективнаго* элементовъ познанія, каковое примиреніе находитъ возможнымъ современная наука посредствомъ предположенія общихъ формъ бытія и знанія или—лучше—согласія формъ мышленія съ формами реальнаго бытія. Но Платономъ руководила излюбленная идея абсолютнаго знанія и потому онъ впалъ въ односторонность въ дѣлѣ критики изложенныхъ взглядовъ.

Критикуя *сенсуализмъ*, признававшій самодовлѣющее значеніе ощущеній въ дѣлѣ познанія, Платонъ говоритъ, что ощущеніе не есть знаніе потому, что такія общія опредѣленія, какъ—бытіе, тожество, противоположность—не могутъ возникнуть изъ ощущеній, ибо не имѣютъ отношенія къ отдѣльнымъ чувствамъ, а возникаютъ въ самой душѣ, когда она бесѣдуетъ сама съ собою... Однако—скажемъ мы—одинъ уже тотъ фактъ, что въ началѣ развитія мышленія этихъ понятій нѣтъ въ ду-

шѣ и—что они возникаютъ не иначе, какъ подъ условіемъ вѣдѣнія вѣшняго міра, что признаеть и самъ Платонъ,—уже одинъ этотъ фактъ говорить о томъ, что значенія ощущеній нельзя совсѣмъ отрицать. Мало того. Та принудительность, съ какою мы приписываемъ указанныя общія опредѣленія вещамъ, какъ подлинно имъ принадлежащія, показываетъ, что въ самомъ бытіи вещей есть нѣчто соответствующее нашимъ общимъ понятіямъ. Но у Платона естественно было другое объясненіе этого послѣдняго факта: мы—думалъ Платонъ—потому съ принудительностью относимъ содержаніе своихъ понятій къ чувственному міру, что и въ понятіяхъ и въ чувственномъ мірѣ отражается одинъ и тотъ же міръ идей. Но въ такомъ случаѣ остается неразрѣшимою загадкою то, почему понятія возникаютъ въ душѣ только подъ условіемъ вѣдѣнія міра вещей?—Такимъ образомъ, критикуя сенсуализмъ подъ угломъ зрѣнія предвзятаго идеала, Платонъ не могъ обратить должнаго вниманія на знаменательнѣйшій фактъ взаимодействія между міромъ вещей и человѣческимъ мышленіемъ, каковой фактъ, по взгляду всей новой философіи, способенъ пролить самый значительный свѣтъ на природу человѣческаго знанія.

Критикуя *разсудочный эмпиризмъ*, который въ сущности дѣла отстаивалъ значеніе *необходимаго* въ мышленіи—т. е., законовъ, а въ мысли о данной вещи признавалъ нужнымъ для ея подлиннаго опредѣленія указаніе отличительнаго, т. е., существеннаго признака вещи,—Платонъ, руководствуясь тѣмъ же идеаломъ истиннаго знанія, также впадаетъ въ односторонность. Онъ выражаетъ ту мысль, что природа разсудка уже потому не можетъ служить гарантирующимъ критеріемъ для правильныхъ мнѣній или сужденій, что, какъ такой критерій, природа разсудка должна бы стоять выше правильныхъ и ложныхъ мнѣній и потому ясно сознавать сущность тѣхъ и другихъ; а между тѣмъ пробное рѣшеніе вопроса о ложномъ мнѣніи, представленное въ самомъ „Θεατεῖς“, показываетъ, что разсудокъ безсилевъ опредѣлить сущность и причину происхожденія ложнаго мнѣнія *прямо и рѣшительно* и, слѣдовательно, легко можетъ принять ложное мнѣніе за истинное или перепутать элементы различныхъ сужденій. Очевидно-де, такая слабая сила

не можетъ служить гарантирующимъ критеріемъ правильнаго мнѣнія. Далѣе, касаясь Сократовской индукціи или *объясненія правильнаго мнѣнія* чрезъ указаніе отличительнаго, существеннаго признака данной вещи, Платонъ выражаетъ мысль, что *объясненіе*, по самому лучшему—именно—данному нами его опредѣленію, *невозможно*, ибо для того, чтобы указать отличительный признакъ данной вещи, нужно знать рѣшительно всѣ прочія вещи, а это невозможно; слѣдовательно, никакое объясненіе, будучи приложено къ кажущемуся правильному мнѣнію, не сдѣлаетъ послѣдняго подлинно-истиннымъ знаніемъ.— Здѣсь очевидно съ перваго же взгляда, какъ несправедливо подводитъ Платонъ ограниченное человѣческое знаніе подъ рамки знанія абсолютнаго и требуетъ отъ перваго того, что собственно второму. И, прежде всего, справедлива ли мысль, что разумъ не можетъ быть гарантіей правильныхъ мнѣній потому, что не можетъ опредѣлять прямо *сущности* ложнаго мнѣнія и причины его происхожденія? Возьмемъ для примѣра область прекраснаго. Неужели можно отказать человѣку въ способности распознавать прекрасное только потому, что сущность прекраснаго и некрасиваго не опредѣлена еще точно эстетикой? Очевидно нѣтъ. Конечно, ограниченность разсудка ведетъ къ тому, что и въ правильномъ сужденіи есть темныя стороны и что мысль о вещи не равна самой вещи (это собственно только мысли божественной), но все это говоритъ только о томъ, что человѣческое разсудочное познаніе сравнительно несовершенно, относительно, но не о томъ, что разумъ и въ доступной ему области не можетъ быть критеріемъ правильныхъ сужденій. Напротивъ, держась прирожденныхъ законовъ мышленія, мы никогда не станемъ одно и то же утверждать и отрицать, или, мысли тождественныя признавать за различныя и т. п. То же самое должно сказать и противъ другой мысли Платона, что будто для указанія отличительнаго признака данной вещи нужно знать всѣ прочія вещи. Понятно, что только для абсолютной мысли возможно одновременное сопоставленіе всего міра вещей въ абсолютномъ единствѣ ихъ бытія, только для абсолютной мысли представленіе о данной вещи ясно отличается и противопоставляется пред-

ставленіямъ *осмысл* прочихъ вещей. Но зачѣмъ требовать того же отъ ограниченнаго человѣческаго мышленія? Для послѣдствія, какъ ограниченнаго, достаточно сопоставленія отдѣльныхъ вещей: двѣ вещи, рядомъ стоящія, уже обуславливаютъ различность ихъ въ мысли и на этой различности разсудокъ считаетъ себя въ правѣ судить объ этихъ вещахъ, какъ отличныхъ одна отъ другой. Такимъ образомъ, исходя изъ идеала знанія, Платонъ не обратилъ должнаго вниманія на законы человѣческаго мышленія и долженъ былъ пожертвовать всѣмъ человѣкомъ въ пользу своихъ идей.

Итакъ Платонъ несправедливо отвергъ связь между ощущеніями и представленіями, съ одной стороны, и понятіями, съ другой—и самостоятельность діалектики утверждена имъ на незаконномъ основаніи. Но обратимся къ внутреннему смыслу Платоновой діалектики. Этотъ смыслъ очерченъ у Платона такъ, что понятія, какъ предметъ діалектики, суть формы отраженія идей въ человѣческомъ духѣ и потому строго-последовательное соединеніе понятій въ одну систему должно привести къ самому высшему понятію, которое будетъ соотвѣтствовать верховному началу бытія и знанія въ мірѣ идей. Не ставя въ вину Платону того, что самъ онъ не построилъ такой діалектической системы, мы въ правѣ однако ожидать и даже требовать, чтобы основной принципъ, на косямъ зиждется смыслъ всей діалектики, былъ философски обоснованъ Платономъ и объясненъ, т. е., мы въ правѣ искать въ діалогахъ Платона философскаго обоснованія отношеній между идеями и понятіями какъ формами отраженія идей въ человѣческомъ духѣ. Но мы напрасно стали бы доискиваться этого обоснованія. Платонъ не обосновалъ философски основного принципа своей гносеологии и діалектики. Вмѣсто этого обоснованія мы находимъ у Платона одно догматизированіе. Поставивъ въ началѣ своей гносеологической скалы теорію воспоминанія, Платонъ заканчиваетъ философскимъ *Эросомъ*, который, наполняя душу философа, внушаетъ ему непоколебимую надежду на безсмертіе и чистое созерцаніе идей по смерти. Понятно само собою, что такое шаткое и смутное начало, какъ философскій эросъ—не можетъ быть прочною философскою основой діалектики, какъ науки изъ наукъ.

Итакъ, съ точки зрѣнія философской критики гносеологія Платона представляетъ одно сложное, гигантское недоразумѣніе, обусловленное одностороннимъ увлеченіемъ великаго ума идеею абсолютнаго знанія.

Однако это еще далеко не говоритъ о томъ, чтобы гносеологія Платона не имѣла и не могла имѣть никакого значенія для науки въ историческомъ ходѣ развитія послѣдней. И, прежде всего, мы признаемъ несправедливымъ упрекъ, дѣлаемый Платону позитивистами, что де Платонъ не только не помогъ развитію научнаго познанія, но даже принесъ большой вредъ послѣднему. Оторвавъ мысль человѣческую отъ подлежащаго бытія и направивъ ее въ сферу пустой діалектики, такъ говорятъ позитивисты, Платонъ сдѣлался виновникомъ того безжизненнаго и лишеннаго всякаго научнаго прогресса направленія мысли, которое завершилось схоластикой и породило темные средвіе вѣка. Чтобы видѣть всю несправедливость этого упрека, дѣлаемаго Платону позитивистами, достаточно обратить вниманіе на основной внутренней мотивъ борьбы Платона противъ анти-идеальныхъ направленій въ ученіи о познаніи. Этимъ мотивомъ (какъ, напр. въ „Феатетъ“) является желаніе отстоять непреложный объектъ знанія, такой объектъ, который не зависитъ отъ произвола ощущающаго (какъ училъ Протагоръ) или вообще отъ чисто-субъективныхъ комбинацій разсудочной дѣятельности. Выражаясь языкомъ новой философіи, можно сказать, что Платонъ развивалъ и защищалъ идею безотносительно-объективнаго, абсолютно-устойчиваго знанія, отличая его отъ субъективнаго знанія, коимъ ограничивались и довольствовались софисты и философы анти-идеальнаго направленія. Но такой мотивъ Платоновой гносеологіи не только не долженъ бы заслуживать порицанія со стороны позитивистовъ, но даже отчасти согласуется съ принципами самого позитивизма, если имѣть въ виду требованіе послѣдняго, чтобы въ дѣлѣ научнаго познанія человѣкъ игралъ роль только безпристрастнаго счетовода или статиста, или чего нибудь въ этомъ родѣ. Конечно, позитивистамъ не можетъ понравиться въ Платонѣ то, что послѣдній призналъ діалектику наукой наукъ и такимъ образомъ предоставилъ большой просторъ чисто-отвлеченной дѣятельно-

сти мышленія въ дѣлѣ познанія; но это не нравится позитивистамъ потому, что сами они вдались въ противоположную крайность, отвергнувъ всякое значеніе абстрактнаго мышленія въ наукѣ. Напрасно позитивисты въ лицѣ Платона усердно осуждаютъ метафизику. За нее стоитъ уже философскій гений Платона, столь широкій и могучій. Метафизика есть неотъемлемая черта истинно-философскаго мировоззрѣнія. И вотъ фактъ. Какъ ни положительно и реально было мировоззрѣніе Аристотеля, однако изъ этого мировоззрѣнія, сначала—правда—проарабированнаго, выродились пресловутыя „*субстанціальныя формы*“ схоластической философіи, столь осужденныя за свою мистическую метафизичность критицизмомъ новой философіи и—однако принятыя по необходимости въ соображеніе эту послѣднюю. Субстанція Спинозы, монады Лейбница,—идеи—силы современнаго Фуллье—вотъ лучшее оправданіе метафизики Платона. Да и сами позитивисты невольно ратуютъ за абсолютныя начала въ философіи, когда говорятъ о безотносительномъ значеніи принципа относительности познанія. Нынѣ метафизическія идеи и принципы стали неотъемлемымъ достояніемъ не только философіи и вообще наукъ демонстративныхъ, но и наукъ опытныхъ (напр. принципъ конечныхъ причинъ сталъ руководственнымъ принципомъ многихъ выдающихся естествознателей, особенно біологовъ новаго свѣта). А что Платонъ и на самомъ дѣлѣ не былъ виновникомъ какого-то безжизненнаго и лишенаго прогресса направления въ наукѣ, объ этомъ наглядно говоритъ своею личностью Аристотель, преемникъ и ученикъ Платона; ибо у Аристотеля мы находимъ широкое примѣненіе приѣмовъ опытнаго изслѣдованія природы и вообще никоимъ образомъ нельзя его назвать „безжизненнымъ“ мыслителемъ. Итакъ позитивисты, видя въ Платонѣ только представителя ненавистной имъ метафизики, несправедливо простираютъ свой упрекъ на то, въ чемъ можно, напротивъ, видѣть заслугу Платона. Платонъ требовалъ, чтобы знаніе имѣло самый непреложный объектъ, но міру вещей чувственныхъ отказано въ значеніи такого объекта. потому что въ глазахъ Протагора и другихъ философовъ міръ вещей являлся снннимомъ неустойчивости и измѣняемости. Здѣсь заслуга Платона заключается въ томъ, что онъ первый сдѣлалъ знаніе само по себѣ предметомъ

серьезныхъ философскихъ и научныхъ изслѣдованій, между тѣмъ какъ до Платона о знаніи высказывались вскользь, считая его слишкомъ простымъ и даже мелкимъ фактомъ. Уже однимъ этимъ совершенно обезпечено значеніе гносеологіи Платона для науки.

Но Платонъ и фактически обогатилъ философію и науку, проведши въ своей гносеологіи нѣкоторыя положенія, имѣющія непреложное значеніе до нынѣ. Такъ—въ ученіи Платона о томъ, что въ содержаніи всякаго сужденія есть вѣчто такое, что душа знаетъ сама по себѣ, напр. отношенія: противоположности, тождества и пр., высказано такое убѣжденіе, которое должно быть оцѣнено какъ одно изъ выдающихся и основныхъ приобретеній философской мысли во всю ея исторію. Это—мысль о „чистомъ“—по Канту—элементѣ во всякомъ познаніи, на каковой мысли Аристотель обосновалъ и развилъ ученіе о категоріяхъ, какъ самыхъ общихъ сказуемыхъ.

Далѣе, нужно остановиться на опредѣленіи Платономъ частныхъ методовъ познанія. Говоря объ „открытіи“ или уясненіи общихъ понятій чрезъ опредѣленіе, Платонъ указываетъ двоякій путь или образъ веденія этого дѣла. Именно, съ одной стороны, мы можемъ открыть или уяснить какоенибудь еще неизвѣстное намъ общее понятіе, отвлекая отъ частныхъ, уже извѣстныхъ намъ, понятій общія черты и составляя, черезъ этотъ переходъ отъ частнаго къ общему, болѣе общее понятіе—это *definitio per genus*; съ другой стороны, обладая общимъ понятіемъ, мы, посредствомъ раздѣленія (анализа), можемъ разложить его на неизвѣстныя еще намъ понятія частныя—это *definitio per differentiam*. Такимъ образомъ Платонъ ясно различаетъ два метода познанія—синтетическій и аналитическій. И это дѣленіе метода познанія осталось въ силѣ во всей послѣдующей наукѣ, если не имѣть въ виду смѣшаннаго метода—аналитико-синтетическаго.

Наконецъ, вся гносеологическая критика Платона представляетъ столько поразительныхъ феноменовъ мыслительной дѣятельности, что Логика Аристотеля кажется лишь прямымъ порожденіемъ этой критики и только въ ней находитъ себѣ полное историческое объясненіе.—Все это дѣлаетъ безспорнымъ значеніе гносеологіи Платона для науки. *И. Халупна.*

Иудейскія и Христіанскія идеи въ книгахъ Сивиллъ.

(Продолженіе *).

3. Эсхатологическія представленія сивиллъ.

Едва-ли не самой интересной темой въ сивиллиныхъ книгахъ являются эсхатологическія представленія. Гоненія со стороны язычниковъ на іудеевъ 2 в. до Р. Хр. и послѣдователей Христа первыхъ 3 вв. по Р. Хр. оживили у тѣхъ и другихъ надежды на лучшее будущее, когда они—гонимые—будутъ блаженствовать, а гонители получаютъ отъ Бога достойное по дѣламъ ихъ возмездіе. Сивиллы, какъ послушныя своему народу служанки, влагаютъ въ свои стихи эти народныя ожиданія, причеъ стараются какъ можно больше приподнять завѣсу таинственнаго будущаго и развертываютъ предъ нами одну за другой картины будущихъ судебъ міра и человѣчества... Къ сожалѣнію только, эти картины, при замѣтномъ, какъ увидимъ, двойствѣ своихъ сюжетовъ ¹⁾, сливаются между собой и съ трудомъ, поэтому, передаются. Для удобства въ изложеніи эсхатологическихъ представленій сивиллистовъ отмѣтимъ главнѣйшіе въ нихъ пункты. Почти всѣ они ²⁾ концентрируются около явленія на землю Христа. По представленію іудео-христіанскихъ сивиллъ, приходитъ Мессія, открываетъ земное царство для праведниковъ, совершаетъ *первый судъ* (предварительный) надъ язычниками; происходитъ паденіе язычества. Но не теперь еще конецъ міра. Этотъ конецъ совпадаетъ съ оконча-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г., № 3.

¹⁾ У іудео-христіанскихъ сивиллъ.

²⁾ За исключеніемъ эсхатологическихъ представленій іудеевъ.

тельными судомъ надъ язычниками и всѣми людьми, для котораго снова явится Христосъ. Концу міра будутъ предшествовать явленіе гнуснаго человѣка—вѣлара (антихриста) и нѣкоторыя другія печальныя событія въ жизни человѣчества, а сопровождать его будутъ вѣчныя блаженство праведниковъ и мученіе грѣшниковъ. Въ изображеніи этого послѣдняго суда и конца міра къ іудео-христіанскимъ сивилламъ присоединяются сувиллы—христіанскія и іудейская. Первыя вносятъ значительныя подробности въ изображеніе послѣдняго времени, а вторая говоритъ о немъ далеко не такъ полно и ясно. Положивъ въ основаніе, при изложеніи эсхатологіи сивиллистовъ, эсхатологическія картины іудео-христіанскихъ сивиллъ, мы будемъ отбѣивать на нихъ эсхатологическія представленія іудейской и христіанскихъ сивиллъ ¹⁾.

Всѣ сивиллисты изъ іудео-христіанъ ждуть явленія Христа для открытія земнаго царства. Это царство характеризуется у нихъ грубо-чувственными, болѣею частію, чертами. „Изъ небесной страны придетъ счастливый мужъ, въ рукахъ онъ держитъ скипетръ, который вручилъ ему Богъ. Прекрасный человѣкъ, лучшій изъ евреевъ, онъ—тотъ, руки котораго распростерсты были нѣкогда на плодоносномъ древѣ, который оставилъ нѣкогда солнце; онъ говоритъ пріятнымъ голосомъ, священными губами ²⁾. „Этотъ человѣкъ воцарится со славою надъ всѣми; онъ возвратитъ всѣмъ добрымъ богатство, которое отняли у нихъ (злые) люди. Всѣ города онъ разрушитъ до основанія посредствомъ сильнаго огня и спалитъ жилища людей, дѣлавшихъ злое; а городъ, который служилъ Богу, онъ сдѣлаетъ блестящимъ, какъ звѣзды, какъ луна и солнце... и

¹⁾ Такой порядокъ въ изложеніи эсхатологіи сивиллистовъ не соотвѣтствуетъ историческому порядку развитія эсхатологическихъ представленій древности, по которому хліазмъ христіанскаго времени развился изъ іудейской эсхатологіи. Мы рѣшились пожертвовать соотвѣтствіемъ этому историческому порядку въ цѣляхъ большаго удобства въ изложеніи эсхатологіи сивиллистовъ, въ которой наиболѣе развитою является именно іудео-христіанская эсхатологія,—ей, поэтому, и естественнѣе отвести центральное мѣсто въ воспроизведеніи эсхатологическихъ представленій сивиллъ.

²⁾ 5, 256—259. Сивилла, очевидно, отправляется въ изображеніи Мессіи отъ Его прообразовъ—Моисея и Иисуса Навина, совершенно позабывая историческаго Христа.

воздвигнетъ въ немъ священный храмъ, видимый и роскошный,— постройтъ неизмѣримо великую и высокую башню, которая бы касалась облаковъ и была всѣмъ видима, такъ что всѣ вѣрные и праведные стануть созерцать славу вѣчнаго Бога... Востоку и Западу тогда прославятъ владычество Господа“¹⁾. Неземное благоденствіе наступитъ тогда для людей: земля и богатство будутъ общимъ достояніемъ, исчезнуть между людьми рабство и всякіе пороки: прелюбодѣяніе, позорная любовь къ мальчикамъ, роздоры, убійство и пр.; въ замѣнъ ихъ утвердятся между ними взаимная другъ о другѣ заботливость, любовь и радость²⁾. „Когда совершитъ это вышній громовержець-Богъ и оснуетъ величайшій храмъ, тогда и наступитъ время святыхъ“³⁾. Преимущественное положеніе въ этомъ царствѣ сивилла предоставляетъ, конечно, своимъ единовѣрцамъ—іудео-христіанамъ. „Тогда возвысится божественное поколѣніе благословенныхъ іудеевъ, будущихъ обитателей неба, которые жить будутъ въ центрѣ страны, около Божьяго храма, окруженные вплоть до Юппіи высокою стѣною!“⁴⁾ Къ нимъ возвратится прежнее благоволеніе Бога, и вкушать они будутъ снова небесную манну⁵⁾. „Тогда не ступитъ, говорить сивилла единовѣрцу, несчастная нога еллина въ твоей странѣ... Но почетомъ окружатъ тебя превосходные слуги: они будутъ готовить тебѣ трапезу съ священной бесѣдой и пріятными Богу молитвами“⁶⁾. Кто эти слуги іудеевъ и въ чемъ ихъ участіе въ благахъ будущаго царства Мессіи? Въ этихъ слугахъ нужно видѣть, кажется достойнѣйшихъ изъ язычниковъ. Это, вѣроятно, тѣ изъ нихъ, которые признаютъ въ явившемся Мессіи всеобщаго царя и добровольно покинутъ своихъ боговъ. „Изида—богиня несчастная!—воскликаетъ сивилла, обращаясь къ египетскимъ божествамъ. И у водъ Нила, и на пескахъ Ахерона ты, безпутная, будешь одинока; имя твое повсюду

1) 5, 413—428.

2) Блага этого царства коснутся даже міра живогныхъ: они будутъ свободны отъ принудительнаго труда. 7, 146—147.

3) 5, 428—433; см. также 12, 346—354.

4) 5, 246—251. Сивилла только по имени христіанка, но мыслить по іудейски и причисляетъ себя къ іудеямъ.

5) 7, 144—149.

6) 5, 266—268.

забудется. И тебя, Сераписъ, воссѣдающій на камняхъ, постигнуть многія бѣдствія: ты будешь лежать въ Египтѣ, какъ великій трупъ. Твои почитатели будутъ оплакивать тебя; а тѣ, что Бога воспѣли, чей духъ просвѣтленъ, познають твою ничтожность. Жрецъ въ льняной одеждѣ будетъ проповѣдывать: „воздвигнемъ алтарь истинному Богу, перемѣнимъ ложный законъ, завѣщанный намъ отъ отцовъ: слѣпо служили и поклонялись они богамъ изъ камня и глины; обратимъ сердца къ вѣчному Богу, воспѣвая Его, Бога-Творца, Который былъ отъ вѣка и до вѣка живъ будетъ, истиннаго Вседержителя и Владыку міра, подателя жизни, Бога великаго, сущаго вѣчно“. Въ Египтѣ будетъ тогда, замѣчаетъ сивилла, великій священный храмъ; избранный Богомъ народъ принесетъ въ немъ жертвы, и народу этому Богъ даруетъ безконечную жизнь“¹⁾. Вотъ эти то обратившіеся къ Богу язычники не лишены будутъ благъ Мессіанскаго царства. Намъ такъ понятно желаніе сивиллы привлечь къ Богу и язычниковъ: въ этомъ она видитъ торжество своей вѣры и посрамленіе языческаго безбожія. Но не менѣе понятно и то, почему сивилла не хочетъ дать язычникамъ одинаковыхъ съ іудео-христіанами правъ гражданства въ будущемъ царствѣ Христа. Она говоритъ о богатствѣ, какъ общемъ достояніи всѣхъ членовъ этого царства, объ общемъ пользованіи землей, такъ что она какъ будто включаетъ въ число полноправныхъ членовъ и язычниковъ; но такой выводъ ложенъ. Своимъ единовѣрцамъ или вообще іудеямъ, чуждой которымъ она не привыкла еще считать себя, сивилла представляетъ преимущественное положеніе въ будущемъ царствѣ; они—господа, но не слуги, а слуги, слѣдовательно, язычники. Сивилла даже не замѣчаетъ, что она противорѣчитъ себѣ, вводя слугъ въ царство Христа и въ то же время проповѣдая объ отсутствіи въ немъ рабства. Правда, это служеніе нѣсколько не похоже на обычное рабство: „слуги приготавлиють трапезу съ священной бесѣдой и пріятными Богу молитвами“, т. е.,

¹⁾ 5, 484—503.—Подъ храмомъ въ Египтѣ разумѣется храмъ Леонтопольскій, разрушенный одновременно съ Іерусалимскимъ. О разрушеніи его и о гнѣвѣ Божіемъ на разрушителей сивилла говоритъ дальше (504—511) Подъ жрецомъ разумѣютъ Онію. Friedlieb, Einleitung, § 20, seit XLVI—XLVII.

инными словами—принимають участие въ прославленіи Бога іудеями, въ ихъ Богослуженіи. Но участие язычниковъ въ іудейскомъ Богослуженіи, конечно, не то-же, что служеніе іудеямъ, и, во всякомъ случаѣ, по существу нисколько не ниже Богослуженія іудеевъ. Очевидно, герделивой сивиллѣ нужно было представить языческихъ членовъ будущаго царства Христа обязанными своимъ участіемъ въ его благахъ не себѣ, а ея единовѣрцамъ—іудео-христіанамъ, ради вѣщней славы послѣднихъ: они вводятъ ихъ въ это царство и руководятъ ими при пользованіи его благами. Но только достойнѣйшіе изъ язычниковъ, можно думать, войдутъ, по мысли сивиллѣ, въ земное царство Христа. „Тѣ же, которые хульные рѣчи посылали къ небу“, а равно и всѣ преступные, злые люди, „будутъ скрыты (во мракѣ), доколѣ не измѣнится міръ, и тамъ перестанутъ уже враждовать другъ противъ друга“¹⁾.

Какъ долго продолжится земное царство Христа, сивиллы опредѣленно не говорятъ; впрочемъ, онѣ какъ будто называютъ его безконечнымъ²⁾ и, кажется, потому, что сливаютъ его съ тѣмъ вѣчнымъ блаженствомъ, которое наступитъ для праведниковъ послѣ кончины міра и всеобщаго суда надъ людьми. Нельзя не упрекнуть сивиллѣ, что онѣ не указали момента и обстоятельствъ смѣны одного блаженства другимъ. Впрочемъ, онѣ не имѣли сильныхъ побужденій быть особенно точными въ этомъ отношеніи: люди гонимые и страдающіе—а такими и были сивиллы—ждутъ непрекращающагося утѣшенія для себя въ будущемъ, отодвигаютъ продолженіе его (утѣшенія) въ безграничную даль и закрываютъ глаза отъ возможныхъ перерывовъ въ немъ. Иное дѣло—судъ Божій надъ язычниками: чтобы онъ дѣйствительно устрашалъ ихъ, нужно было болѣе или менѣе ясно указать моментъ и обстоятельства его наступленія. Христово Евангеліе возвѣщало о страшномъ всеобщемъ судѣ надъ людьми. Изъ этого суда сивиллы, увлекаемая неудержимымъ желаніемъ представить его неисчерпаемою чашею страданій для язычниковъ, сдѣлали два суда—предварительный и окончательный. Мы уже видѣли, что, открывая

¹⁾ 5, 271—272, 508—511.

²⁾ Ibidem, 503.

земное царство Христа, сивиллы осудили язычниковъ, низринули ихъ въ тартаръ и оставили ихъ тамъ, доколѣ не измѣнится мѣръ. Съ кончиной мѣра наступить *второй* судъ ¹⁾ надъ ними и надъ мѣромъ. Спрашивается, что же будетъ съ земнымъ царствомъ Христа? Прекратится-ли оно, чтобы члены его, испытанные на судѣ, перешли къ большей славѣ, чтобы блестяще реставрированная Иудея, потерпѣвъ измѣненіе, обратилась въ новую землю для „новыхъ“ обитателей,—или не прекратится, и Христосъ неразлучно пребудетъ съ членами его! Но тогда какъ же Онъ явится для всеобщаго суда, откуда самый судъ всеобщій, если на него не всѣ явятся, какъ возможенъ конецъ мѣра, если нетронутыми останутся твердыни Иудей? Сивиллы не рѣшаютъ этихъ вопросовъ, даже не ставятъ ихъ. Земное царство Христа онѣ сливаютъ съ вѣчною жизнью праведниковъ послѣ суда, опуская обстоятельства обращенія перваго въ послѣднюю. Но еще далѣе. Второй окончательный судъ сивиллы предваряютъ концомъ мѣра, а этотъ послѣдній—печальными явленіями среди людей и въ природѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ явленій, напр., пришествіе антихриста, онѣ представляютъ, какъ увидимъ, настолько близкими, что первый судъ надъ язычниками и земное царство Христа—съ одной стороны, окончательный судъ и блаженство праведниковъ послѣ него—съ другой, невозможнымъ является представлять разновременными. Однако, ихъ нужно мыслить *раздѣльными* эсхатологическими моментами, хотя въ смутномъ представленіи сивиллы они и соприкасаются и какъ бы сцѣпляются одинъ съ другимъ, отъ предварительнаго суда отличается окончательный; первый совпадаетъ съ блестящей раставраціей іудей, второй предваряется кончиной мѣра, а этой послѣдней предшествуетъ явленіе антихриста и другія печальныя событія среди людей.

Конечно, не всѣ сивиллисты одинаково подробно рисуютъ событія послѣдняго времени. Изъ этихъ подробностей, сообщаемыхъ той или другой сивиллой, намъ предстоитъ начертать цѣльную эсхатологическую картину, въ которой представленіе іудейской сивиллы ²⁾ мы соберемъ въ одно мѣсто, въ виду ихъ нѣкоторыхъ особенностей.

¹⁾ 4, 43.

²⁾ Не всѣ, впрочемъ, а нѣкоторыя.

Предъ кончиной міра, по представленію іудео-христіанской сивиллы, будетъ господствовать на землѣ смятеніе между людьми. „Дѣти не будутъ любить своихъ родителей, ни родители—дѣтей, по причинѣ безбожія и неожиданно наступившихъ бѣдствій и скорби. „Тогда и у тебя, восклицаетъ сивилла, обращаясь къ Риму, будетъ ужасная скорбь, и погибель постигнетъ тебя, ибо стануть обрушаться города и трескаться земля“ ¹⁾. Прозойдутъ на землѣ междоусобныя войны ²⁾. Но несчастіемъ изъ несчастій будетъ для людей (и особенно для римлянъ) ³⁾ явленіе матереубійцы, подъ которымъ разумѣется антихристъ. Сивиллистическое представленіе о немъ будетъ исчерпано, если скажемъ о времени, въ которое ждуть сивиллы его явленія, о личности его и дѣйствіяхъ.

Выше мы имѣли случай замѣтить, что сивиллы повсюду видѣли признаки, предвѣщавшіе конецъ міра, и смѣло навсначали ему время. Когда время это приходило, а предсказанное событіе не наступало,—онѣ отодвигали срокъ его и снова начинали ждать его съ прежней неустрашимостью. Крайнимъ временемъ для явленія антихриста сивиллы назначали время послѣ правленія Антониновъ. „Послѣ того, говоритъ сивилла, какъ пятнадцать императоровъ смѣнятся, какъ влстители земли—отъ востока ея до запада,—явится царь съ бѣлыми волосами, имѣющій имя моря ⁴⁾. Онъ побѣдоносно обойдетъ міръ кругомъ, обогатится добычей, отнятой у народовъ, возведетъ молодого человѣка ⁵⁾ въ число боговъ и этимъ примѣромъ покажетъ подлиннѣе происхожденіе идолопоклонства. Послѣ него будутъ царствовать еще три мужа ⁶⁾, и ихъ время будетъ послѣднее. Тогда возвратится отъ предѣла земли убійца матери; онъ оставитъ убѣжище, въ которомъ доселѣ скрывался“ ⁷⁾. „Когда онъ придетъ, всякое земное созданіе содрогнется“ ⁸⁾ (а особенно римляне) ⁹⁾.

¹⁾ 8, 81—87. Этотъ отрывокъ 8-й кн. Friedlieb относитъ къ 161—180 гг. по Р. X.; см. Eibleitung, § 26, seit LIX.

²⁾ 4, 48—60; 8, 350.

³⁾ 8, 37—49, 95 и слѣд.

⁴⁾ Адрианъ—Адриатическое море.

⁵⁾ Антиной.

⁶⁾ Антонинъ, Маркъ Аврелій и Веръ.

⁷⁾ 8, 50—71.

⁸⁾ 5, 152.

⁹⁾ 8, 71—80.

Но кто этотъ ужасный человѣкъ, и въ чемъ его пагубное вліяніе на людей?

По представленію іудео-христіанскихъ сивиллъ, этотъ человѣкъ божественнаго происхожденія, имѣющій отцомъ своимъ Зевса и матерью своею „священную Юнону“¹⁾ и есть бывшій позорный повелитель великаго Рима, котораго ненавидѣлъ всякій смертный,—убійца матери и множества дѣтей, которыхъ онъ задушалъ еще въ утробахъ ихъ матерей,²⁾—тотъ, который разрушилъ божественный храмъ и сожегъ множество гражданъ³⁾, а потомъ скрылся въ какомъ-то убѣжищѣ на границѣ земли, откуда и придетъ предъ наступленіемъ послѣдняго времени. Будучи ужаснымъ прелюбодѣемъ и виновникомъ всевозможныхъ страшныхъ пороковъ среди людей⁴⁾, онъ замышляетъ въ своемъ сердцѣ одно злое; при этомъ все знаетъ и умѣе всѣхъ⁵⁾. А христіанская сивилла добавляетъ, что онъ змѣя по своей природѣ (характеру), очень кротокъ въ рѣчи⁶⁾, и число имени его 50⁷⁾. Въ этой характеристикѣ антихриста прозрачно выступаетъ личность Нерона, обрисованная отчасти преувеличенными, отчасти прямо вымышленными, приспособительно къ языческому сознанію (божеств. происхожденіе, необыкновенный умъ, чудовищная безиравственность), чертами. Въ сознаніи современниковъ этотъ царь былъ какъ бы живымъ воплощеніемъ зла, исчадіемъ ада, такъ что, когда онъ умеръ, то всѣ, какъ извѣстно, были увѣрены, что съ его смертію наступаетъ моментъ Божественнаго гнѣва. Ожиданіе не сбылось, но распространилось вѣрованіе, что Неронъ не умеръ, а ушелъ на край земли, откуда и возвратится, когда приблизится кончина міра.

Дыша злобою и коварствомъ антихристъ, при своемъ умѣ, развратитъ множество людей—особенно изъ тѣхъ, по мысли христіанской сивиллы, которые мнятъ себя первыми благочестивцами⁸⁾. Сивилла—іудео-христіанка—ждетъ, что онъ раз-

1) 5, 138—142.

2) Ibidem, 143—145.

3) Ibidem, 150, 397—407.

4) Ibidem, 78. Friedlieb относитъ 10 кв. къ среднѣмъ 3 христ. вѣка, Einleitung. § 29, seit. LXVI.

4) Ibidem, 146, 385—394.

5) Ibidem, 366.

6) 10, 81.

8) 10, 80.

рушить храмъ Господа ¹⁾, ограбить всё имущество людей ²⁾ и, вмѣстѣ съ христіанкой, думаетъ, что антихристъ произведетъ сильную брань на землѣ, истребитъ множество людей, сокрушитъ великихъ тирановъ и всѣхъ попалятъ огнемъ, чего раньше не дѣлалъ ни одинъ побѣдитель ³⁾, а тѣ, которыхъ онъ возвыситъ, падутъ снова ⁴⁾. Къ этому христіанская сивилла еще добавляетъ, что воинственно-истребительное и сокрушительное шествіе матереубійцы по землѣ такъ могуче—неудержимо, что ему уступаютъ естественныя преграды: „матереубійца проколетъ равную по высотѣ длинѣ двухъ морей гору и окраситъ её кровію убитыхъ имъ“. Особенно повредитъ онъ Римлянамъ: подобая себя Богу, онъ будетъ презирать услужливый, раболѣпствующій предъ нимъ народъ. „Подъ его правленіемъ господствуетъ порядокъ, а народъ объять трепетомъ; когда онъ проѣзжаетъ чрезъ Авзаній, вода уходитъ въ море“ ⁵⁾. Но при всей своей силѣ антихристъ всё таки погибнетъ. По представленію іудео-христіанской сивиллы, люди заключатъ противъ него союзъ и уничтожатъ его, какъ только онъ вступитъ на безсмертный материкъ, т. е., вѣроятно, Іудею ⁶⁾. Христіанская сивилла замѣчаетъ, что этотъ матереубійца, распѣвающій пѣсни подъ игру на цитрѣ, исчезнетъ, наконецъ, покинувъ достоинство царя, и умретъ жалкой смертью, раскаяваясь въ своихъ беззаконіяхъ“ ⁷⁾. Предъ самой кончиной міра вѣроятно—уже по паденіи матереубійцы, имъ овладѣваетъ и правитъ властолюбивая женщина ⁸⁾. Это неразвитое представленіе, можно думать, заимствовано іудео-христіанской сивиллой изъ Апокалипсиса (17 глава).

Замѣчательно, что іудейская сивилла говоритъ о какихъ-то противникахъ Мессіи, изъ которыхъ одинъ есть веліаръ изъ Севастіи, а другой—властолюбивая женщина—вдова, явленіе которыхъ она ждетъ послѣ пришествія Мессіи предъ кончиной міра, а дѣятельность ихъ описываетъ чертами, почти вполне воспроизводящими дѣятельность антихриста. Этотъ веліаръ

1) 5, 400 и т. д.

2) 5, 102.

3) Ibidem, 367—373; 10, 81—82, 90—91.

4) Ibidem, 370.

5) 10, 84—89.

7) 10, 92—94.

6) 5, 374—411.

8) 8, 194—202.

переставляетъ высокія горы, останавливаетъ морское теченіе, блистающую луну и великое пламенное солнце, будить—воскрешаетъ умершихъ и творить много вообще чудесъ. Однако, въ нихъ нѣтъ ничего дѣйствительно чудеснаго; но всё въ нихъ обманъ, посредствомъ котораго велиаръ обольщаетъ людей, какъ вѣрующихъ, такъ и другихъ—виѣзаконныхъ людей, еще не увѣровавшихъ въ Бога ¹⁾. Но Богъ истребитъ его небеснымъ огнемъ вмѣстѣ со всѣми людьми, увѣровавшими въ него ²⁾. Послѣ гибели его овладѣваетъ міромъ властолюбивая вдова: она побросаетъ въ море принадлежащія людямъ золото, серебро, желѣзо и мѣдь ³⁾. Тогда, т. е., послѣ властвованія этой жены, наступитъ кончина міра.—На первый взглядъ представляется страннымъ, что у іудеевъ за 60—70 лѣтъ до Р. Хр. ⁴⁾ встрѣчаемъ ожиданіе велиара. Но въ Библии мы находимъ слѣды вѣрованія іудеевъ въ будущую жизнь съ вѣчными блаженствомъ и наказаніями (напр. Прем. Сол. 1, 13; 2, 23; Дан. 12, 2; 2 Макк. 6, 27; 7, 9). О кончинѣ міра іудеи 1 в. до Р. Хр. могли заимствовать свѣдѣнія у стоиковъ, у которыхъ сивиллисты вообще заимствовали нѣкоторыя подробности въ описаніи этого событія. Итакъ, если имъ была доступна вѣра въ кончину этого міра и въ будущую загробную жизнь, то допустимо, что они дошли до вѣры и въ явленіи велиара. Нѣкоторые ⁵⁾ толкуютъ же Даніилову „мерзость запустѣнія“ въ смыслѣ послѣдняго искушенія предъ наступленіемъ послѣдняго времени, чѣмъ уже допускается возможность вѣры въ явленіе его (искушенія) у іудеевъ даже времени пророковъ. Возможность этой вѣры тѣмъ легче допустить въ іудеяхъ 1 вѣка до Р. Хр. Обратимъ вниманіе на ихъ настроеніе, а равно на личность велиара и женщины-вдовы. Велиаръ происходитъ изъ Севастіи, т. е., изъ среды римскихъ правителей; власть надъ міромъ переходитъ отъ него въ руки властолюбивой вдовы. Здѣсь немножко извращены историческіе факты. Въ дѣйствительности не было передачи власти изъ рукъ правителя въ руки вдовы, но возможность такой передачи была полная. Извращенный сивиллою фактъ былъ такого ро-

¹⁾ 3, 63—70.

²⁾ Ibidem, 73—74.

³⁾ Ibidem, 75—80.

⁴⁾ Къ этому времени относится этотъ отрывокъ (45—96) 3 книги.

⁵⁾ Напр. Ап. Варнава.

да: одинъ изъ триумвировъ Антоній имѣлъ преступную связь съ извѣстной Клеопатрой, которая эту связь ставила средствомъ для достиженія всемірнаго господства. Такіе замыслы Клеопатры не могли не смущать іудеевъ. Они были проникнуты ожиданіями явленія Мессіи—всемірнаго царя. Дѣйствительность, выставлявшая широкіе властолюбивые замыслы со стороны римскихъ правителей, шла въ разрѣзъ съ ихъ ожиданіями. И вотъ опасеніе, чтобы и въ Мессіанское время не явились дерзкіе, подобные современнымъ, претенденты на всемірное господство, которое должно принадлежать одному только Мессіи, перешло въ ожиданіи ихъ. А сивилла подслушала умонастроеніе народа и запечатлѣла его въ своихъ стихахъ.

Конецъ міра откроется рядомъ страшныхъ знаменій въ природѣ. „Я хочу, говоритъ іудейская Сивилла ¹⁾, повѣдать признаки, по которымъ можно узнать, что приблизился конецъ всему на землѣ. Со временемъ на ясномъ вечернемъ и утреннемъ небѣ замѣтять надвигающіяся тѣни и сумракъ ²⁾; внезапно спадетъ съ неба пепель на всю землю ³⁾, солнечный свѣтъ померкнетъ посреди дневного разгара, на небѣ покажется луна“; „и ночь окутаетъ землю“ ⁴⁾—дополняетъ картину іудейки сивилла—іудеохристіанская. „Въ широтахъ небесныхъ—продолжаетъ послѣдняя,—разсѣкаемыхъ молніей, раздадутся удары грома ⁵⁾, земля заколеблется и многихъ похоронитъ въ своихъ развалинахъ ⁶⁾“. „Со скалъ будетъ сдѣланъ сигналъ, говоритъ іудейская сивилла, каплющей съ нихъ кровью ⁷⁾, и начнется на небѣ борьба—люди увидятъ въ облакахъ сраженіе конницы съ пѣхотой, помчатся облачные фигуры, какъ будто бы какія дикія животныя“ ⁸⁾. Интересно, съ значительнымъ заимствованіемъ у стоекъ, описываетъ эту борьбу пророчески—созерцательно іудеохристіанская сивилла. Въ свѣтилахъ, говоритъ она, я видѣла угрозу блистающаго солнца и въ лучахъ луны замѣтила страшный гнѣвъ. Свѣтила

¹⁾ 3, 795—802.

²⁾ См. также 8, 232—233.

³⁾ См. также, 5, 274—275, 378; 7, 24—28; 4, 172—177: съ неба падаютъ еще огонь, кровь и дождь.

⁴⁾ 5, 349; 7, 140—141. ⁵⁾ 4, 173; 5, 345, 379. ⁶⁾ 4, 53—60.

⁷⁾ Съ греческаго: „кровью и слезами скалъ“, которыя, вѣроятно ниспали на нихъ съ неба.

⁸⁾ 3, 802—805.

затѣяли борьбу,—и Богъ допустилъ её“. Тогда на мѣстѣ солнца бушевало какое-то пламя“; Люциферъ держалъ сраженіе и стоялъ въ тылу Льва; двойной рогъ луны превратился въ ободъ. Козерогъ бодаль въ затылокъ Быка; Телецъ отнялъ у него надежду на возвращеніе въ свое мѣсто. Дуга Оріона исчезла; Дѣва измѣнила участь близнецовъ въ Овенѣ. Плеяды болѣе не свѣтили; Змѣя скрыла свой поясъ; въ поясѣ Льва ныряли Рыбы. Не выдержалъ до конца Ракъ, уstraшенный Оріономъ. Скорпионъ простегнулъ свой хвостъ чрезъ страшнаго Льва, и Собака скрылась предъ пылающимъ солнцемъ. Но Водоносъ остановилъ ярость бушевавшаго пламенемъ Солнца. Само небо поднялось, чтобы поколебать борцовъ, и въ гнѣвѣ оно круто низринуло ихъ на землю. Они быстро бросились въ воды океана, землю оставивъ въ огнѣ, а небо—безъ свѣтилъ“ ¹⁾. Тутъ наступить конецъ міру. Богъ свернетъ небо въ трубку, какъ бы кто свертывалъ книгу ²⁾; и ливень страшнаго огня поглотитъ все—и землю, и море..., всѣ созданія сплавитъ во едино и очиститъ ихъ до чистоты, опустошитъ всѣ элементы міра. И не будетъ болѣе—ни свѣта, ни неба, ни ночей, ни разсвѣта, ни дней, занятыхъ у людей заботой; но будутъ существовать иные дни и ночи для одного огня и безформенной массы, въ которую обращенъ міръ ³⁾; „ни весны не будетъ, ни лѣта, ни зимы, ни осени“ ⁴⁾. И тогда не покажется уже—ни птицы въ воздухѣ, ни звѣринаго слѣда на землѣ, ни рыбы, ни короблей въ морѣ: все погибло... И не слышно будетъ ничего звука и голоса—ни человѣка, ни птицы, ни звѣря“ ⁵⁾...

Конецъ міра будетъ для людей столько же желаннымъ, сколько мучительнымъ будетъ для нихъ переживаніе страшныхъ катастрофъ въ природѣ. Обычное теченіе и порядокъ жизни прекратятся: „нигдѣ не будутъ ни сѣять, ни пахать“ ⁶⁾. Звѣри придутъ въ бѣшенство, люди впадутъ въ слѣпую ярость и въ кровопролитной рѣзнѣ начнутъ истреблять другъ друга ⁷⁾. Ужасная скорбь распространится на землѣ и болѣз-

¹⁾ 5, 511—531. Именами животныхъ названы, разумѣется, созвѣздія.

²⁾ „И вразнитъ его на землю“, по 8, 233.

³⁾ 8, 339—340.

⁵⁾ 5, 256—257, 337—348.

⁴⁾ 3, 81—90; 8, 213—216, 412—427.

⁶⁾ Ibidem, 276.

⁷⁾ Ibidem, 350, 379—380; 8, 231.

невный плачь огласить ее ¹⁾. Земля застонетъ, обливаемая кровью; злыхъ людей охватитъ скрежетъ зубный; люди станутъ умирать—одни отъ сильной скорби, другіе отъ страха, иные отъ голода и жажды, болѣзней и взаимнаго избиенія; всѣ же будутъ желать себѣ смерти ²⁾. Но „разумные люди, которые перенесутъ несчастья, сохранятся для жизни и получать въ ней миръ и радость“ ³⁾.

Еъ вящшей скорби злыхъ и радости добрыхъ откроется судъ Божій надъ людьми. Іудейская сивилла не могла, конечно, начертать картины этого суда, но она выразила вѣру въ его наступленіе. „Служи всемогущему Богу, поучаетъ она египтянина, да будетъ и тебѣ часть, когда всему придетъ конецъ и наступитъ день Божественнаго воздаяніе добрымъ за добро“ ⁴⁾. Но зато іудео-христіанская и особенно христіанская сивиллы подробно рисуютъ картину этого суда. „Съ неба снидетъ, представляютъ они, вѣчный царь судить всякую плоть и весь міръ. Бога, сходящаго съ неба, увидятъ всѣ—вѣрующіе и не вѣрующіе, увидятъ Его окруженнымъ въ недоступной вышинѣ святыми“ ⁵⁾. Онъ „воскреситъ всѣхъ мертвыхъ, обновитъ ихъ и сдѣлаетъ такими, какими они раньше были“ ⁶⁾, и возсядетъ на престолѣ Судіи судить души человѣческія ⁷⁾. „Тогда, замѣчаетъ іудео-христіанская сивилла, все (предсказанное) исполнится надъ домомъ Давидовымъ, потому что Ему—Судіи—Самъ Богъ вручаетъ тронъ,—и ангелы почиваютъ у Него подъ ногами, одни господствуютъ надъ огнемъ, другіе надъ водой, одни охраняютъ города, иные управляютъ вѣтрами“ ⁸⁾. Судъ Божій застигнетъ людей врасплохъ и измѣнитъ ихъ настроеніе ⁹⁾. „Они покинутъ идоловъ и презрѣнное богатство, а подстерегающій огонь спалитъ всю землю“ ¹⁰⁾... „Богъ будетъ судить благочестивыхъ и нечестивыхъ, поставивъ пастыря къ

1) Ibidem.

4) 3, 740—742.

2) 8, 350—353.

5) 8, 217—222; 5, 352.

3) 5, 384—385.

6) 4, 180—181; 8, 169—171; 205, 414—415.

7) 8, 223; 4, 182.

8) 7, 31—35, такое же представленіе объ ангелахъ содержитъ „Пастырь Ериа“—произведеніе, по происхожденію принадлежащее къ одному и тому же времени, что и 7 сив. книга, т. е., ко 2 полов. приблизительно 2 в. по Р. Хр. Friedlieb, Einleitung. §§ 23 и 24.

9) Ibidem, 36—37.

10) Ibidem, 8, 223—226.

пастырю и овцу къ овцѣ для избличенія ¹⁾. „Онъ откроетъ каждому помышленія его сердца, и каждый расскажетъ всѣмъ, что онъ сдѣлалъ когда либо тайно“... Съ неба раздастся громкій звукъ трубы, но не за тѣмъ, чтобы разбудить мертвыхъ, а чтобы оплакать безпечныя дѣянія людей и ихъ страданія...; а стенающая земля раскроетъ свой тартарскій хаосъ... Къ судному престолу Божию подойдутъ всѣ цари ²⁾. Всѣ гордые, завистливые, корыстолюбивые и притѣснители будутъ избличены собственною совѣстью. „Теперь уже не скажутъ они несчастному: „завтра будетъ тебѣ или вчера было“ ³⁾... Никакого состраданія не проявится на судѣ Божіемъ къ нечестивымъ людямъ, напрасно они будутъ умолять Бога о помилованіи ⁴⁾, и жаждать свѣта и свободы (райскихъ) ⁵⁾. „На судѣ господствуютъ мудрость закона и слава праведныхъ; для того, чтобы Богъ не уготовлялъ во гнѣвѣ уничтоженія человѣческому роду, ему нужно было любить Бога“ ⁶⁾. „Знаменіемъ, ясною печатію оправданія и спасенія служить для вѣрующихъ дерево (т. е., крестъ Христовъ); это—рогъ, къ которому они всегда прибѣгаютъ; онъ сохраняетъ жизнь благочестивымъ, а для міра служитъ соблазномъ“ ⁷⁾.

Послѣ суда начнется вѣчная жизнь—блаженная для праведниковъ и мучительная для грѣшниковъ. Въ силу того, что іудеохристіанскія сивиллы сливали въ своемъ представленіи земное царство Христа съ вѣчной блаженной жизнью, на послѣднюю онѣ переносятъ черты перваго, такъ что трудно различить, гдѣ у нихъ рѣчь собственно о вѣчной жизни, гдѣ о земномъ царствѣ. А тамъ, гдѣ это различіе ясно, видимъ, что первая изображается немного духовнѣе послѣдняго. „Тѣ, кто исполнены были страха Божія,—говоритъ сивилла 4-й книги,—удостоятся вѣчной жизни (послѣ суда). Они будутъ жить на землѣ (вѣроятно, новой, обновленной), Богъ дастъ имъ душу, жизнь и питаніе. Всѣ они возликують, когда увидятъ опять отрадный и пріятный свѣтъ солнца. О, какъ счастливъ будетъ человѣкъ, который удостоятся такой жизни“ ⁸⁾! вмѣстѣ съ прежнимъ бла-

¹⁾ Ibidem, 416—418.

²⁾ Ibidem, 230—242.

³⁾ Ibidem, 418—425.

⁴⁾ 7, 29—30.

⁵⁾ 8, 226—230.

⁶⁾ 5, 353—360.

⁷⁾ 8, 224—246.

⁸⁾ 4, 186—190, 46.

говолениѣмъ, люди, подъ которыми іудео-христіанская сивилла разумѣтъ, прежде всего, своихъ единовѣрцевъ, получать отъ Бога чистый разумъ. Христіанская сивилла дополняетъ это представленіе о будущемъ блаженствѣ праведниковъ чисто духовными уже чертами: праведники будутъ имѣть безсмертіе и неувидающую жизнь и вѣчный свѣтъ; и этимъ желаннымъ свѣтомъ будетъ для нихъ Іисусъ Христосъ ¹⁾. Но вообще, какъ видимъ, представленіе о вѣчной жизни у сивиллъ неразвито, такъ что неясная рѣчь іудеянки о вратахъ для блаженныхъ, о безсмертномъ умѣ и вѣчной радости ²⁾, не кажется здѣсь сравнительно ни особенно темной, ни особенно бѣдной по содержанию.

Изображеніе вѣчныхъ мученій и самаго ада находимъ у іудео-христіанской и христіанской сивиллъ. „Богъ низринетъ преступныхъ людей во тьму тартара, въ бездну, въ ужасный адъ“ ³⁾. Грѣшники здѣсь не исчезнутъ, но, заключенные тѣлесно, постоянно укоряемые въ душѣ, они будутъ сокрушаться, что хитрымъ истолкованіемъ Закона Божія хотѣли оправдать и оправдывали свои незаконныя дѣянія ⁴⁾ Напрасно они будутъ вызывать къ Богу о помилованіи: лицо Его отверщено отъ нихъ. Теперь поздно каяться; для покаянія даны были имъ дни въ земной жизни, гдѣ у нихъ была и ходатаица—Св. Дѣва ⁵⁾. Мученія грѣшниковъ будутъ, слѣдовательно, тѣлесныя и вмѣстѣ духовныя. Сивиллы охотивѣ описывали первыя мученія—тѣлесныя, а также и самый адъ. „Ты будешь обитать, обращается сивилла къ Риму, подъ землею, истребляемый нефтью, асфальтомъ, сѣрой и сильнымъ огнемъ съ пылью, и всякій (нужно думать—изъ праведниковъ), кто посмотритъ на адъ, услышитъ тамъ вопли и скрежетъ зубовный, увидитъ, какъ ты бьешь собственною рукою свою безбожную грудь“ ⁶⁾. „Тамъ будетъ ночь для всѣхъ—богатыхъ и бѣдныхъ. Нагими вышли они изъ земли, нагими и обратятся въ нее. Тамъ растутъ—не старѣютъ, и все думаютъ, когда же придетъ конецъ ихъ мучительной жизни. Ни раба тамъ нѣтъ, ни владыки, ни законвѣда, ни про-

¹⁾ 8, 410, 429.

²⁾ 2, 769—770. Проф. Глюриантовъ видитъ въ этихъ стихахъ указаніе именно на будущую жизнь. Хр. Чт. 77 г., ч. I, стр. 68.

³⁾ 4, 186, 43.

⁵⁾ 8, 357—358.

⁴⁾ 7, 121—129.

⁶⁾ Ibidem, 101—106.

дажнаго судьи; не проливается тамъ жертвенной крови на алтарь; не слышно ни литавры, ни кимвала, ни цитры...; нѣтъ оргій и опьяненія; не существуетъ ни преступнаго воровства, ни гнѣва, ни раздоровъ...; а есть только общее для всѣхъ безконечное время; оно и бережетъ ключъ отъ великой темницы, во исполненіе Божественнаго опредѣленія“¹⁾. Древне-іудейское представленіе шеола или тартара и евангельское изображеніе ада, очевидно, дали іудео-христіанской сивиллѣ матеріалъ, изъ котораго она создала такую поразительно-реальную картину адскихъ мученій.

Анализомъ эсхатологическихъ представленій мы закончимъ раскрытіе идей, общихъ всѣмъ сивиллистамъ, и обратимся къ идеямъ, встрѣчающимся у тѣхъ или другихъ изъ нихъ. Упомянемъ, впрочемъ, еще объ общихъ сивиллистахъ (кромѣ сивиллы христіанской) идеяхъ историческихъ, каковы, напр.: рассказы о построеніи Вавилонской башни и смѣшеніи языковъ²⁾, о египетскомъ рабствѣ³⁾, о смѣнѣ разныхъ царствъ и народовъ, о всякаго рода несчастіяхъ, постигавшихъ іудею, разрушеніи храма, плѣненіи и др. Такъ какъ эти рассказы не представляютъ чего либо особенно оригинальнаго, кромѣ того развѣ, что смѣна царствъ представляется⁴⁾ въ порядкѣ—обратномъ изображенному прор. Даніиломъ, то мы удовлетворяемся однимъ упоминаніемъ о нихъ.

А. Волнинъ.

(Окончаніе будетъ).

1) 8, 107—122.

2) 8, 97—107; 8, 4—5.

3) Ibidem, 325—329, 9, 307—314.

4) 3-я книга.

О СЛУЧАЙНОСТИ ЗАКОНОВЪ ПРИРОДЫ.

Эмиля Вутру, профессора Парижскаго Университета.

„Εἶναι καὶ ἐνταῦθα θεός“
(Aristot. De part. anim. I, 5).

Переводъ со второго французскаго изданія подъ редакціей доцента Московской Духовной Академіи П. П. Соколова).

(Продолженіе *).

ГЛАВА III.

О р о д а ж ъ.

Всѣ данныя въ опытѣ вещи являются формами *бытія*, которое случайно и по своему существованію, и по своему основному закону. Такимъ образомъ, въ основѣ все случайно. Тѣмъ не менѣе, роль необходимости была-бы еще очень велика, если-бы, въ мірѣ существовала только случайность, присущая бытію, какъ таковому, если-бы изъ бытія, разъ оно дано, все вытекало аналитически, безъ прибавленія какого—либо новаго элемента.

Но въ своихъ видимыхъ проявленіяхъ бытіе дано намъ не только, какъ бытіе вообще, т. е., какъ рядъ причинъ и дѣйствій. Формы бытія представляютъ кромѣ того сходства и различія, на основаніи которыхъ ихъ можно соединять въ группы, называемыя *родами* или *законами*, составлять изъ маленькихъ группъ болѣе значительныя, и т. д. Всякая форма, заключающаяся въ низшей группѣ, а fortiori содержится и въ высшей, часть которой составляетъ эта низшая группа. Част-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г. № 1.

ное или менѣе общее находятъ такимъ образомъ свое объясненіе и основаніе въ общемъ или менѣе частномъ. Благодаря этому формы бытія можно систематизировать, объединять, мыслить.

Присуще-ли это свойство бытію, какъ таковому, или оно съ своей стороны есть нѣчто новое?

Безъ сомнѣнія, логическая организація не увеличиваетъ количества бытія, точно такъ-же, какъ бронзовая статуя не заключаетъ въ себѣ больше вещества, чѣмъ металлъ, изъ котораго она сдѣлана. Однако, въ логически упорядоченномъ бытіи существуетъ качество, котораго не было въ бытіи чистомъ, и для котораго это чистое бытіе служило тоже матеріальнымъ условіемъ: объяснимость. Это качество основывается на существованіи типовъ или формальныхъ единствъ, подъ которыми распредѣляется разрозненная масса индивидуумовъ. Оно имѣетъ своимъ источникомъ существованіе *понятій*. Понятіе есть единство среди множества, сходство среди различій. Благодаря различной системѣ обобщенія, которую оно допускаетъ, оно устанавливаетъ іерархію между причинными связями, даетъ однимъ изъ нихъ, относительно болѣе общимъ, перевѣсъ надъ другими и такимъ образомъ создаетъ изъ міра причинъ и дѣйствій антиципированный символъ организаціи и жизни. Понятіе въ одно и то-же время едино, какъ родъ, и множественно, какъ собраніе видовъ. Отсюда, оно не заключается въ бытіи въ собственномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ сущность послѣдняго, по скольку дѣло идетъ объ эмпирически данномъ бытіи, есть разнообразіе, чистая множественность. Возвышаясь надъ бытіемъ, оно извлекаетъ изъ всѣхъ доступныхъ ему формъ существующаго тѣ, которыя могутъ доставлять ему соотвѣтствующіе элементы, т. е., формы, представляющія нѣкоторое сходство среди окружающаго разнообразія; и дѣлаясь центромъ системы, которую оно такимъ образомъ организовало, оно само реализуется. Единное по существу, понятіе не смѣшивается съ тѣми многочисленными формами, которыя оно опредѣляетъ, но воплощается въ нихъ, становится видимымъ и конкретнымъ. Благодаря такому внутреннему единенію съ вещами, оно образуетъ какъ-бы составную часть ихъ; но если-бы оно исчезло, вещи не перестали бы существовать. Вещи

тогда, безъ сомнѣнія, лишились-бы того гармоничнаго вида, который является слѣдствіемъ соединенія сходныхъ и отдѣленія противоположныхъ явленій и который служитъ выраженіемъ идеи; онѣ представляли бы не болѣе, какъ абсолютно бесплодный хаосъ; но тѣмъ не менѣе онѣ продолжали-бы существовать, какъ существуетъ въ состояніи разсѣянія, матерія, когда отъ нея удалась жизнь. Итакъ, родовое понятіе аналитически не вытекаетъ изъ бытія. Но, скажутъ, пусть такъ. Для того, чтобы считать существованіе родовъ необходимымъ, нѣтъ нужды непременно выводить ихъ изъ бытія. Достаточно, чтобы разумъ помимо всякаго опыта объявилъ, что бытіе должно принять объяснимую, т. е., раціональную форму и согласоваться съ законами мысли, которая требуетъ между разсматриваемыми ею фактами логическихъ отношеній включенія и исключенія. Словомъ, достаточно, чтобы синтезъ: „бытіе+понятіе“ былъ полагаемъ а priori, какъ причинный синтезъ. Однако, такъ-ли это?

Разрѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ того, какой смыслъ соединяется съ словомъ „понятіе“. Если видѣть въ понятіи неизмѣнный типъ, который существуетъ реально и отдѣльно отъ эмпирически данныхъ вещей, образецъ, въ отношеніи къ которому эти вещи суть лишь несовершенныя копіи, то нельзя признать его фактомъ опытнаго происхожденія. Точно также и связь, соединяющая отдѣльныя вещи съ понятіемъ, если представлять ее какъ метафизическую причастность ихъ другъ другу, можетъ быть утверждаема лишь а priori. Но въ такомъ-ли смыслѣ понимается объяснимость вещей при изученіи природы?

Безъ сомнѣнія, было-бы полезно знать, что существуютъ формы или сверхчувственныя идеи и типы данныхъ родовъ, и убѣдиться, что эти идеи можно познавать въ самихъ себѣ. Даже болѣе: если-бы разумъ обладалъ главными совершенными образцами, онъ пренебрегъ-бы, и не безъ основанія, познаніемъ несовершенныхъ копій и оставилъ-бы въ сторонѣ попытъ, не имѣющихъ другаго объекта, кромѣ этихъ копій. Но нельзя доказать, что разумъ способенъ безъ помощи опыта дать содержаніе понятію или идеѣ, разсматриваемой въ качествѣ метафизическаго типа чувственныхъ вещей. Оригиналъ здѣсь познается лишь по копіи. Роль разума состоитъ только въ томъ, что онъ

преображаетъ абстрактный типъ эмпирически данныхъ вещей, придавая ему форму совершенства и вѣчности. При такихъ условіяхъ идея метафизическихъ типовъ бесполезна для изученія вещей. Синтезъ бытія и понятія въ метафизическомъ смыслѣ можетъ быть апріорнымъ познаніемъ, но не о такомъ синтезѣ идетъ у насъ рѣчь.

Скажутъ: конечно, элементомъ, познаваемымъ а priori, не можетъ быть содержаніе понятія или сумма обнимаемыхъ имъ свойствъ; но апріорна необходимая связь, устанавливаемая между этими свойствами; а такая связь предполагается въ родовомъ понятіи если не самими вещами, то по крайней мѣрѣ познаніемъ вещей.

Такой взглядъ на понятіе все-таки еще не соответствуетъ въ точности тому представленію, которое господствуетъ въ положительныхъ наукахъ. Онъ способенъ внушить ученому самонадѣянность или обезкуражить его. Убѣжденный, что вещи можно заключить въ рамки опредѣленій, ученый будетъ возводить въ безусловную истину, въ абсолютные принципы тѣ формулы, къ которымъ привели его изысканія. Здѣсь—источникъ тѣхъ системъ, которыя подобно горделивымъ и стройнымъ деревьямъ, обречены на смерть отъ постепеннаго истощенія соковъ. Если-же ученый болѣе осмотрителенъ, если онъ для возведенія своихъ формулъ въ законы выжидаетъ, когда онѣ будутъ вполне соответствовать дѣйствительности, то онъ увидитъ, что предметъ его изслѣдованій отходитъ отъ него все далѣе и далѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ къ нему приближается. Самое совершенствованіе методовъ и орудій изслѣдованія только все болѣе и болѣе убѣждаетъ его въ чисто приблизительномъ характерѣ тѣхъ результатовъ, которые онъ получаетъ. Здѣсь—источникъ того научнаго скептицизма, который хочетъ видѣть въ природѣ только индивидуальныя явленія и факты, такъ-какъ въ ней невозможно найти классы и безусловныя законы. Наука имѣетъ своимъ предметомъ изученіе явленій и измѣняетъ самой себѣ, если начинаетъ создавать о явленіяхъ такую идею, которая превращаетъ ихъ въ вещи въ себѣ.

Въ примѣненіи къ изученію природы понятіе не есть какая-нибудь особая сущность; оно есть лишь совокупность призна-

ковъ, общихъ извѣстному количеству существъ. Оно не есть нѣчто невмѣнное, а есть нѣчто относительно тождественное въ совокупности данныхъ вещей. Оно не обладаетъ совершенствомъ, которое было-бы положительнымъ свойствомъ, а только относительно лишено случайныхъ элементовъ, т. е., имѣетъ отрицательный характеръ. Точно также и связь понятія съ бытіемъ не есть таинственная причастность ихъ другъ другу. Это не переводъ чистыхъ мыслей въ образы, доступные чувствамъ, или символическая аналогія между феноменомъ и ноуменомъ;—это даже не измѣнное соотношеніе различныхъ элементовъ или необходимая систематизація явленій. Это—просто логическое отношеніе части къ цѣлому, содержамаго къ содержащему. Отсюда, синтезъ бытія и понятія въ его научномъ значеніи можетъ быть познаваемъ путемъ опыта и абстракціи. Опытъ открываетъ намъ сходства и различія вещей; абстракція постепенно удаляетъ измѣнчивые и случайные признаки, удерживая только постоянные и существенные. Какъ скоро такимъ путемъ образовалась идея класса или цѣлаго, опытъ научаетъ насъ, что то или иное существо обладаетъ свойствами, которыя служатъ отличительными признаками этого класса. Мы сближаемъ это существо съ подобными ему и вводимъ его въ то относительное цѣлое, которое составляютъ послѣдніе.

Такимъ образомъ, соединеніе бытія и понятія, являющееся условіемъ существованія родовъ, не только синтезъ, но синтезъ апостериорный. Слѣдовательно, оно не можетъ быть необходимымъ теоретически. Но повидимому, оно необходимо фактически. Въ самомъ дѣлѣ, научный прогрессъ все болѣе и болѣе показываетъ, что все имѣетъ не только свою причину, но и логическое основаніе, что всякая частная форма входитъ въ общую форму, что все существующее составляетъ часть системы. Невозможность логическаго соединенія какой-нибудь подробности съ цѣлымъ свидѣтельствуетъ не о безпорядкѣ въ вещахъ, а о нашемъ незнаніи.

Однако можно замѣтить, что группировка вещей при помощи понятій всегда остается болѣе или менѣе приблизительной и искусственной. Съ одной стороны дѣйствительное содержаніе понятій никогда не можетъ быть точно опредѣлено; съ

другой—всегда встрѣчаются существа, не подходящія строго подъ установленныя рамки. Въ бытїи нѣтъ стремленія къ абсолютной неподвижности, и не существуетъ такихъ понятій и категорій, даже самыхъ общихъ и основныхъ, въ которыя оно входило-бы безъ остатка. Конечно, наука, по мѣрѣ своихъ успѣховъ, будетъ все болѣе и болѣе точно опредѣлять содержаніе и объемъ родовъ; но кто рѣшился-бы утверждать, что это опредѣленіе можетъ стать когда-нибудь полнымъ и окончательнымъ? Кто могъ-бы съ увѣренностью сказать, что въ природѣ существуетъ опредѣленное число родовъ, безусловно отдѣленныхъ другъ отъ друга присутствіемъ или отсутствіемъ точныхъ признаковъ, и что всѣ существа безъ исключенія въ точности распредѣляются подъ этими общими типами? Нельзя утверждать, что на ряду съ бытїемъ, упорядоченнымъ посредствомъ понятій, нѣтъ извѣстнаго количества бытїа, болѣе или менѣе уклоняющагося отъ логическаго порядка, что бытїе всегда мыслимо и понятно въ одинаковой степени, и что распредѣленіе существъ по родамъ всегда одинаково точно и гармонично.

Итакъ, родовыя понятія и всѣ допускаемыя ими опредѣленія налагаются на бытїе случайно. Разсматриваемыя со внѣ, съ точки зрѣнія бытїа, они не имѣютъ неизбѣжнаго характера. Но не повинуются-ли необходимому закону самое развитіе этихъ понятій, т. е., разложеніе общаго на частное, и не сводится-ли такимъ образомъ ихъ внѣшняя случайность къ внутренней необходимости?

Законъ родоваго понятія есть законъ тождества, по которому понятіе всегда остается равнымъ себѣ, сохраняется такимъ, каково оно есть, не увеличивается и не уменьшается во всѣхъ тѣхъ логическихъ функціяхъ, которыя оно призвано выполнять. Это, можно сказать, законъ постоянства понятія. Въ силу этого закона, все, что содержится въ частномъ понятіи, а fortiori неизбѣжно содержится и въ общемъ.

Данная формула не вытекаетъ аналитически изъ самой сущности родоваго понятія. Мыслимо, что цѣлое можетъ прїобрѣтать или терять части, не переставая оттого быть цѣлымъ. Типъ можетъ измѣняться, не переставая быть типомъ.

Слѣдовательно, законъ тождества родовыхъ понятій есть положеніе синтетическое. Утверждается-ли оно а priori?

Можно различнымъ способомъ истолковывать смыслъ и границы этого закона. По одному толкованію, въ природѣ существуетъ опредѣленное число общихъ реальныхъ типовъ, которые въ примѣненіи къ индивидуумамъ выполняютъ роль сущности (субстанціи) въ ея отношеніи къ случайнымъ признакомъ (акциденціямъ). Поэтому тождество понятія во всѣхъ его различныхъ функціяхъ въ дѣйствительности основывается на тождествѣ бытія, лежащаго въ основѣ индивидуумовъ одного и того-же вида, отдѣльное существованіе которыхъ есть лишь призрачное явленіе. По другому толкованію, законъ тождества относится не къ вещамъ въ себѣ, а только къ познанію вещей. Онъ есть лишь априорное условіе опыта. Его истинное значеніе опредѣляется потребностями мысли. Въ этомъ смыслѣ, хотя бы и существовали трансцендентныя типы, но при объясненіи вещей играютъ роль всегда тождественныя имманентныя понятія. Слѣдовательно, тождество этихъ понятій предполагается самою возможностью эмпирическаго познанія, и общее понятіе необходимо должно заключать въ себѣ все содержаніе понятій частныхъ. Кромѣ того, постоянство всѣхъ частныхъ понятій имѣетъ свое основаніе въ постоянствѣ высшаго понятія, въ которомъ содержатся всѣ остальные: роды низшаго порядка входятъ сполна въ меньшее число высшихъ родовъ, и такъ далѣе до тѣхъ поръ, пока все не сведется къ единству. Наконецъ, вслѣдствіе этого и связь, соединяющая частное съ общимъ, условное съ условіемъ, объясняемую вещь съ объясняющимъ основаніемъ, также постоянна и безусловно необходима.

Очевидно, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ значеніи законъ тождества мыслится априорнымъ, потому что природа не даетъ намъ двухъ совершенно тождественныхъ вещей и мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемся съ несводимыми ни къ чему признаками. Но не такіе абсолютныя принципы нужны наукѣ. Употребляемые въ качествѣ рамокъ для мышленія, они плодили-бы только софизмы, потому что конкретныя понятія, доставляемыя опытомъ, никогда не удовлетворили бы тѣмъ усло-

віямъ строгаго тождества и полнаго включенія, которыхъ они требуютъ. Такіе принципы навязали-бы научному изслѣдованію, насколько оно касается характера родовъ и ихъ взаимныхъ отношеній, точку зрѣнія, которая могла бы оказаться незаконной и которая рисковала бы извратить наблюденіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно открыть въ мірѣ случайные элементы,—предполагая, что они существуютъ,—если напередъ утверждается, что всѣ отношенія вещей должны строго сводиться къ отношенію субстанціи и акциденціи или цѣлаго къ части, если научная проблема ставится въ такихъ выраженіяхъ, которыя а ргіогіе исключаютъ случайность и превращаютъ ее въ замаскированную необходимость? Всякій запросъ, предъявленный къ эмпирически данному міру, безъ сомнѣнія, законенъ, но подъ тѣмъ лишь условіемъ, если заключающееся въ немъ требованіе не возводится напередъ въ неоспоримую истину. Напротивъ, нужно быть готовымъ поставить запросъ относительно этого самого требованія и взглянуть на вещи шире, въ случаѣ, если-бы опытъ противорѣчилъ нашимъ догадкамъ.

Въ своемъ примѣненіи къ положительнымъ наукамъ законъ тождества не предполагаетъ существованія субстанціальныхъ прототиповъ. Какимъ образомъ можно было-бы логически связать явленія съ такими разнородными сущностями? Равнымъ образомъ, тождество родового элемента въ видахъ, сведеніе всѣхъ понятій къ одному, необходимая связь частнаго съ общимъ,—все это уже не понимается болѣе въ абсолютномъ смыслѣ. Положительная наука совсѣмъ не требуетъ возможности свести всѣ понятія къ единству. Она требуетъ только относительной іерархіи понятій по степени ихъ общности. Существуетъ-ли въ концѣ концовъ одна система понятій или нѣсколько, имѣютъ эти системы при окончательномъ анализѣ единую основу или нѣтъ, распределяются всѣ виды по родамъ безъ остатка или существуютъ промежуточные виды,—конкретныя умозаключенія не станутъ отъ этого менѣе возможны.

Правда, въ силлогизмѣ, составляющемъ основу такихъ умозаключеній, одно и то же родовое понятіе прилагается и къ

виду, и къ индивидууму, заключающемуся въ этомъ видѣ, т. е., повидимому, признается абсолютно тождественнымъ. Но тождество здѣсь лишь въ словахъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя найти такого признака, который былъ-бы совершенно тождественнымъ у двухъ индивидуумовъ. Притомъ, на основаніи самого закона аналогіи, изъ котораго вытекаетъ существованіе видовъ, можно было-бы съ вѣроятностію полагать, что, если бы два индивидуума были тождественны въ одномъ отношеніи, они были-бы тождественны и во всѣхъ. Природа всегда даетъ намъ лишь сходства, а не тождества, и силлогизмъ можетъ заключать только отъ замѣченныхъ сходствъ къ сходствамъ еще не замѣченнымъ. Онъ не въ правѣ былъ-бы притязать на строгость выводовъ, несомѣстимую съ опытными данными, которыя одни только могутъ доставлять ему матеріалъ.

Наконецъ, и по формѣ силлогизмъ имѣетъ такую-же прозрачную безусловность, какъ по своему содержанію. Нельзя притязать на установленіе точныхъ отношеній включенія между цѣлымъ и частями, если ни цѣлое, ни части сами по себѣ въ точности не опредѣлены. Когда говорятъ, что Павелъ, составляя часть вида „человѣкъ“, а fortiori составляетъ и часть рода „смертный“, въ которомъ заключается видъ „человѣкъ“, это значитъ только слѣдующее: если Павелъ значительнымъ количествомъ своихъ свойствъ походить на другія существа, уже сравненныя между собою и объединенныя въ понятіи „человѣкъ“, то въ высшей степени вѣроятно, а практически даже несомнѣнно, что онъ будетъ походить на нихъ и въ отношеніи смертности. Но чтобы такой выводъ былъ возможенъ, достаточно только допустить въ природѣ такія соединенія сходствъ, что разъ даны извѣстныя группы послѣднихъ, становится весьма вѣроятнымъ существованіе и нѣкоторыхъ другихъ группъ, т. е., достаточно допустить законъ аналогіи.

Если все это такъ, то законъ тождества, въ его научномъ употребленіи, не заключаетъ въ себѣ ни одной черты; несомѣстимой съ апостериорнымъ происхожденіемъ. Опытъ въ состояніи дать намъ все болѣе и болѣе опредѣленныя понятія родовъ, все болѣе и болѣе общія сходства и все болѣе и болѣе постоянныя связи сходствъ.

Происходя изъ опыта, законъ тождества не можетъ считаться необходимымъ въ теоріи; онъ не есть обязательное предписаніе ни для бытія, ни для познанія вещей. Но не предписывается-ли онъ уму самою формой науки, тѣмъ идеаломъ, который она преслѣдуетъ и къ которому онъ дѣйствительно постоянно приближается? Не есть-ли это законъ логики, судъ которой признаютъ всѣ науки, и не считается-ли онъ поэтому необходимымъ на практикѣ?

Важно замѣтить, что логика, не смотря на ея необходимую роль въ познаніи, есть все-же только абстрактная наука. Она не опредѣляетъ степень мыслимости дѣйствительныхъ вещей. Она разсматриваетъ лишь понятіе вообще, въ самой точной формѣ, какую можетъ дать ему опытъ, видоизмѣненный путемъ абстракціи, и выводитъ его особенности по методу, свойственному мысленію, т. е., съ точки зрѣнія идеи постоянства этого понятія. Она развиваетъ систему законовъ, приложимыхъ къ извѣстнымъ понятіямъ въ ихъ отношеніяхъ другъ къ другу, предполагая, что эти понятія остаются тождественными. Она образуетъ рамки, въ которыя опытъ долженъ вложить содержаніе, рискуя даже расширить и разорвать ихъ. Если она представляетъ высокую практическую достовѣрность, то это потому, что она раскрываетъ самыя общія и простыя понятія, которыя суть какъ-бы средніе типы безконечнаго множества опытовъ, такъ-что ея опредѣленія словъ являются почти опредѣленіями вещей. Здѣсь то же, что въ статистикѣ, въ которой вѣроятность, по мѣрѣ расширенія наблюденій, постепенно приближается къ достовѣрности, такъ какъ въ этомъ случаѣ частности все болѣе и болѣе уничтожаютъ другъ друга и изъ нихъ выдѣляется лишь общій фактъ во всей его чистотѣ. Но логика, вмѣсто того, чтобы служить наукѣ, измѣнила-бы ей, если бы она, искусственно завершивъ для удобства человѣческаго ума намѣченную опытомъ кристаллизацію понятій и давъ родовой формѣ строгость очертаній, несвойственныхъ самой природѣ, возымѣла потомъ притязаніе возводить эту абстракцію въ безусловную истину, въ творческое начало той дѣйствительности, которая ее породила. Законы, это—русло, по которому течетъ потокъ фактовъ; факты прорыли его, хотя

они-же ему и слѣдуютъ. Такимъ образомъ повелительный характеръ логическихъ формулъ, хотя-бы онъ и оправдывался практически, только кажущійся. Въ дѣйствительности объективныя логическія отношенія не предшествуютъ вещамъ, а вытекаютъ изъ нихъ и могли-бы измѣниться, если-бы вдругъ измѣнились самыя вещи въ ихъ основныхъ сходствахъ и различіяхъ.

Но можно-ли сказать, что происходятъ такія измѣненія? Попытка объяснить явленія не ставитъ ли насъ рано или поздно предъ тѣмъ, что называется природою вещей, т. е., предъ неизмѣнными свойствами и отношеніями? Если потокъ самъ вырываетъ свое русло, то значить-ли это, что онъ по своей волѣ течетъ въ томъ или другомъ направленіи? Подъ законами, обусловленными измѣненіемъ, вѣтъ ли такихъ, которые его опредѣляютъ? Подлежать-ли эти послѣдніе законы въ свою очередь измѣненію? И не придемъ-ли мы въ концѣ концовъ къ формулѣ: „все измѣняется, кромѣ закона измѣненія“?

Безъ сомнѣнія, человѣческій умъ съ полнымъ правомъ держится за эту идею неизмѣнной природы вещей, которой онъ обязанъ своей побѣдой надъ рокомъ и капризными сверхъестественными силами, своимъ вступленіемъ на поприще науки и своими успѣхами на немъ. Но эта идея не должна въ свою очередь царить безусловно и вновь вводить подъ другой формой вѣру въ судьбу. Если первый взглядъ на вселенную, брошенный съ этой точки зрѣнія, могъ пробудить вѣрованіе, что вещи обладаютъ неизмѣнными свойствами, вѣчной природою, въ которой кроется послѣднее основаніе всѣхъ ихъ превратностей, то болѣе глубокое изслѣдованіе показываетъ, что такъ называемая неизмѣнная основа вещей есть лишь внѣшній слой дѣйствительности, подвижный и измѣнчивый. По мѣрѣ того, какъ человѣкъ проникаетъ дальше въ дѣйствительность, эта незыблемая основа все болѣе и болѣе отодвигается предъ нимъ назадъ. Вооруженный идеей родовъ и законовъ, человѣческій умъ надѣялся замѣнить искусственныя классификаціи естественными. Однако, съ развитіемъ наблюденія всякая классификація, считавшаяся естественной, оказывается въ свою очередь искусственной и возникаетъ вопросъ, не слѣдуетъ-ли замѣнить рациональную систематизацію простой генеалогической

таблицей. Но если въ природѣ невозможно найти вполне постояннаго отношенія, если самыя существенныя свойства и законы оказываются въ извѣстной степени неопредѣленными, то не вѣроятно-ли, что и самый законъ распредѣленія явленій по родамъ и видамъ (который, въ его научномъ употребленіи, есть въ концѣ концовъ лишь самая общая и самая абстрактная форма законовъ природы, послѣ закона причинной связи) въ свою очередь заключаетъ въ себѣ неопредѣленность и случайность?

Такимъ образомъ, апостеріорное разсужденіе точно такъ же, какъ и апіорная спекуляція, допускаетъ въ происхожденіи сходствъ и различій, обусловливающихъ роды и виды природы, т. е., въ возникновеніи и законѣ родовыхъ понятій, идею коренной случайности. Ничто не доказываетъ, что существуютъ роды, содержаніе и объемъ которыхъ были-бы неизмѣнны и строго опредѣлены. Конечно, можетъ быть такъ, что объективное содержаніе родоваго понятія опредѣляется все лучше и лучше, что вещи располагаются все болѣе и болѣе точно подъ опредѣленными предикатами, освобождаясь отъ признаковъ, стоящихъ въ связи съ другими, побочными понятіями. Происшедши изъ бытія, какъ изъ матеріи путемъ творенія, логическая форма можетъ въ свою очередь управлять бытіемъ и проникать его болѣе глубоко. Но, съ другой стороны, мыслимо, что бытіе, подведенное понятіемъ подъ чуждые ему законы, стремится возвратиться въ свое первоначальное состояніе разбѣянія и хаоса, и, слѣдовательно, часть логическаго порядка, выражающагося въ распредѣленіи вещей по родамъ и видамъ, постепенно уменьшается въ природѣ.

Правда, эти измѣненія остались-бы въ состояніи идеальныхъ возможностей или имѣли-бы характеръ призрачныхъ явленій, если-бы законъ причинности былъ допущенъ во всей его строгости. Тогда природа предшествующаго всецѣло и необходимо опредѣляла бы природу послѣдующаго и гармонія вещей объяснялась-бы тѣмъ, что ея зародышъ ранѣе существовалъ въ данныхъ условіяхъ. Но причина, какъ таковая, равнодушна къ гармоніи или беспорядку: причины, предоставленныя самимъ себѣ, могли-бы только противодѣйствовать другъ другу, и давали-бы такіе-же результаты, какъ случай. Такимъ образомъ,

цариль-бы вѣчный, непоправимый безпорядокъ, если-бы силы, изъ которыхъ слагается міръ, производили свои дѣйствія неизбежно и не допускали-бы въ свои силы никакого высшаго вмѣшательства. Понятіе можетъ имѣть нѣкоторое вліяніе на дѣйствительность только въ томъ случаѣ, если причина способна получать извѣстное направленіе. Только при этомъ условіи понятіе опредѣляетъ плодотворное взаимодействие силъ и даетъ имъ возможность производить вещи, вмѣсто того, чтобы вѣчно кружиться въ пустотѣ безъ надежды ее наполнить.

ГЛАВА IV.

О м а т е р і и.

Бытіе получаетъ логическую форму чисто случайно, и самая эта форма въ своемъ развитіи даетъ нѣкоторое мѣсто случайности. Но одни-ли эти принципы уклоняются отъ необходимости? Если даны бытіе и понятіе, то значить-ли это, что для объясненія вещей остается только выводить изъ нихъ неизбежныя дѣйствія?

Логическій порядокъ данъ намъ не только въ своей элементарной формѣ; онъ открывается намъ въ вещахъ, которыя можно вычислить и измѣрять; онъ является въ протяженныхъ и подвижныхъ сущностяхъ, или въ такъ называемой *матеріи*. Вытекаетъ-ли эта новая форма бытія аналитически изъ предшествующей?

Съ перваго взгляда можетъ казаться, что матеріальная форма есть лишь акциденція, въ отношеніи къ которой логическія опредѣленія играютъ роль субстанции. Въ самомъ дѣлѣ, протяженіе, продолжительность и движеніе не суть-ли понятія или общія идеи, подъ которыми распредѣляются извѣстныя данныя вещи? Однако, такой взглядъ былъ-бы недоразумѣніемъ. Если математическія свойства являются намъ какъ понятія, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они и на самомъ дѣлѣ были только понятіями. Иное дѣло сказать, что извѣстная сущность мыслится, и другое дѣло сказать, что она есть мысль.

Элементы матеріи могутъ быть сведены къ протяженію и движенію, такъ-какъ движеніе уже само собой предполагаетъ

и порождаетъ остальные свойства матеріальнаго бытія: продолжительность, или время, разнообразіе и число. Но чтобы имѣть возможность свести протяженіе и движеніе къ чисто логическимъ категоріямъ, нужно видѣть въ первомъ лишь сосуществованіе понятій, а во второмъ лишь послѣдовательность состояній, которыя въ свою очередь въ основѣ должны сводиться къ различнымъ понятіямъ. Справедливо-ли такое чисто логическое воззрѣніе на протяженіе и движеніе?

Свойство понятія, составляющее его сущность и его совершенство, заключается въ томъ, что оно можетъ быть точно опредѣлено и, слѣдовательно, разграничено отъ другихъ видовыхъ понятій того же порядка, и способно входить сполна въ относительно родовыя понятія. Родовой элементъ тождественъ въ двухъ понятіяхъ одного и того-же рода, а видимое различіе ихъ состоитъ въ присутствіи или отсутствіи одного и того-же признака. Отсюда, понятія могутъ быть только или внѣ, или внутри другъ друга. Содержаніе двухъ понятій одного и того-же порядка стоятъ внѣ другъ друга и находятся внутри третьяго, общаго имъ, понятія. Такимъ образомъ, міръ понятій состоитъ изъ отдѣльныхъ элементовъ, исключających или включающихъ другъ друга, т. е., по существу чужды непрерывности.

Между тѣмъ, въ примѣненіи къ протяженію и движенію отсутствіе непрерывности дѣлаетъ изъ перваго безконечное множество безконечно малыхъ точекъ, а изъ второго—рядъ положеній, соотвѣтствующихъ безконечному множеству безконечно краткихъ мгновеній. Но безконечно малыя точки или соприкасаются другъ съ другомъ и въ такомъ случаѣ образуютъ только одну точку, или различаются между собой и въ такомъ случаѣ отдѣляются другъ отъ друга промежутками, которые, какъ бы ни были они ничтожны по нашему представленію, никогда не могутъ быть всецѣло заполнены другими точками того-же рода. Точно также и безконечно краткія мгновенія или сливаются, или оставляютъ между собою невозможныя для заполнения пробѣлы. Отсюда слѣдуетъ, что по разсматриваемой гипотезѣ, движущееся тѣло M не можетъ пройти даже незначительнаго по величинѣ пространства $A \dots B$. Въ самомъ дѣлѣ, между A и B существуетъ неопредѣлен-

ное число точекъ, и движущееся тѣло, направляясь отъ А къ В, въ дѣйствительности остается неподвижнымъ, потому что въ каждое недѣлимое мгновеніе оно находится на недѣлимой точкѣ; а законъ понятій требуетъ, чтобы въ цѣломъ, т. е., въ данномъ случаѣ въ совокупной продолжительности движенія, не заключалось ничего другого кромѣ того, что содержится въ частяхъ.

Въ концѣ концовъ, по этой теоріи протяженіе и движеніе суть лишь отношенія вещей. Вещи вполне опредѣляются и различаются другъ отъ друга единственно по внутреннимъ свойствамъ, которыя существуютъ ранѣе этихъ обманывающихъ наши чувства явленій. Такое ученіе—неудовлетворительно, потому что оно имѣетъ слѣдствіемъ отождествленіе и смѣшеніе нѣкоторыхъ вещей, которыя на самомъ дѣлѣ различны. Таковы симметричныя фигуры, не измѣренныя по способу наложенія. Различіе этихъ фигуръ не есть чисто абстрактное: оно имѣетъ свое примѣненіе въ опытныхъ наукахъ и, какъ извѣстно, объясняетъ различія химическихъ свойствъ нѣкоторыхъ кристалловъ.

Протяженіе не есть множественность, упорядоченная единствомъ: оно есть множественность и единство, слитыя вмѣстѣ и въ нѣкоторомъ родѣ отождествленныя. Это—не совокупность частей, лежащихъ внѣ другъ друга, какъ части одного и того-же порядка, или внутри другъ друга, какъ элементы частей иного, высшаго порядка; это цѣлое, состоящее изъ сродныхъ частей, чуждыхъ іерархическаго порядка и стоящихъ заразъ и въ внутреннихъ, и въ внѣшнихъ отношеніяхъ между собой. Словомъ, протяженіе есть непрерывная вещь. Точно также время есть непрерывное продолженіе, а движеніе—непрерывный переходъ отъ одного мѣста къ другому. Эта идея непрерывности, составляющая сущность понятій протяженія, времени и движенія, устраняетъ всѣ софизмы, въ которые впадаютъ, когда усвояютъ даннымъ понятіямъ чисто логическій смыслъ.

Такимъ образомъ математическія свойства представляютъ собой не аналитическій синтезъ логическихъ свойствъ, не сочетаніе, для котораго логическія свойства даютъ одновременно и элементы, и законъ, и основаніе. Они заключаютъ въ себѣ новый, инородный и ни къ чему не сводимый элементъ: непрерывность.

Однако, отсюда, повидимому, не слѣдуетъ, чтобы существованіе математическихъ свойствъ было случайнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя-ли считать ихъ апіорными и потому, обязательными для природы вещей? Не представляетъ-ли познаніе непрерывности въ сосуществованіи и послѣдовательности явленій, т. е., познаніе пространства и времени, свойствъ рациональной интуиціи? Что-же касается движенія, то наша идея о немъ не обязана-ли своимъ происхожденіемъ переработкѣ пространства и времени, произведенной самимъ разумомъ?

Такое воззрѣніе, безъ сомнѣнія, законно, если рѣчь идетъ о пространствѣ и времени, какъ вещахъ въ себѣ, единыхъ и безконечныхъ, способныхъ существовать даже тогда, когда явленія были-бы уничтожены, и если движеніе разсматривается съ точки зрѣнія его абсолютнаго начала, какъ первичный самобытный актъ. Дѣйствительно ни опытъ, ни абстракція не могутъ сообщить намъ ничего подобнаго. Но не въ этомъ смыслѣ разсматриваютъ пространство, время и движеніе науки, имѣющія своимъ предметомъ эмпирически данный міръ. Для нихъ пространство есть лишь продолжающееся въ безконечность протяженіе, безъ всякой другой границы, кромѣ новыхъ протяженій, время—лишь безконечная продолжительность, а движеніе—лишь перемѣна положенія одной вещи въ отношеніи къ другой.

Съ этой точки зрѣнія опытъ можетъ дать послѣ совершеннаго удовлетворительное объясненіе этихъ понятій въ ихъ научномъ смыслѣ. Онъ на самомъ дѣлѣ представляетъ намъ рядъ протяженныхъ и движущихся предметовъ, конца которыхъ мы никогда не видимъ, какъ-бы далеко ни простирался нашъ взглядъ.

Можетъ быть, скажутъ, что въ протяженіи, продолжительности и движеніи уже есть единство, а понятіе, заключающее въ себѣ въ какой-нибудь степени единство, не можетъ вытекать изъ опыта? Но въ такомъ случаѣ нужно отрицать самую возможность апостеріорнаго познанія. Вѣдь, эмпирически данныя вещи должны составлять особое цѣлое въ отношеніи къ тому, что въ опытѣ непосредственно не дано. Между тѣмъ

что останется, если мы, желая точно ограничить участіе опыта, устранить изъ эмпирическихъ понятій протяженія, продолжительности и движенія взаимную связь частей, какъ рациональную прибавку? Останется нѣчто совершенно неопредѣленное, ускользающее не только отъ ума, но даже отъ чувствъ и воображенія. Исключая изъ области опыта все, что до нѣкоторой степени заключаетъ въ себѣ единство, кончатъ тѣмъ, что сдѣлаютъ изъ данныхъ въ опытѣ элементовъ нѣчто вѣчно непознаваемое, невообразимое, неопредѣлимое и немислимое, т. е., придуть къ отрицанію самаго ихъ существованія. Съ этой точки зрѣнія, все исходитъ отъ разума; опытъ уже не есть особая форма познанія, а только систематизація, менѣе строгая, чѣмъ систематизація мысли; разумъ не имѣетъ другихъ законовъ познанія, кромѣ своихъ собственныхъ. Но дуализмъ, надъ которымъ думали торжествовать побѣду, тотчасъ снова появляется въ нѣдрахъ самаго разума, въ необходимомъ различеніи между апріорными воззрѣніями чувственного познанія и апріорными понятіями разсудка,—и теперь возникаетъ вопросъ, научно-ли свести первыя съ ихъ математическими свойствами ко вторымъ, или ихъ происхожденіе кроется въ самомъ чувственномъ познаніи, какъ особой способности? Такимъ образомъ, измѣнилась форма проблемы, а самая проблема въ сущности осталась таже.

Отнимать у опыта формы пространства и времени на томъ основаніи, что онѣ кажутся намъ безпредѣльными, значило-бы чрезмѣрно суживать границы опыта. Конечно, непосредственный опытъ не даетъ намъ ничего подобнаго, но рядъ опытовъ вполне можетъ дать намъ идею безконечной послѣдовательности, если только не устранять изъ опыта всякую интеллектуальную дѣятельность, всякое участіе разсудка, т. е., не дѣлать изъ него операцію, немислимую не только по своему объекту, но и по самой своей природѣ. Чтобы познаніе было опытнымъ, ему достаточно имѣть такой предметъ, матерія и форма котораго заключалась-бы въ данныхъ чувствъ или въ содержаніи эмпирическаго сознанія. Дѣятельность, посредствомъ которой разсудокъ извлекаетъ изъ данныхъ чувствъ заключаю-

щіеся въ нихъ болѣе или менѣе скрытые элементы, не пре-
вращаетъ эти данныя въ апріорный элементъ.

Такимъ образомъ, понятія протяженія, продолжительности
и движенія, въ томъ смыслѣ, какъ они предполагаются по-
знаніемъ эмпирически даннаго міра, не нуждаются въ мета-
физическомъ происхожденіи.

Но, могутъ возразить, дѣло идетъ не только о безпредѣль-
ности этихъ понятій, а также и объ опредѣленіяхъ ихъ; меж-
ду тѣмъ, эти опредѣленія могутъ быть познаваемы лишь а
ргіогі и, слѣдовательно, являются необходимыми. Развѣ не а
ргіогі умъ построитъ понятія треугольника, круга, шара, одно-
образнаго движенія, параллельныхъ силъ, и вообще всѣ мате-
матическія и механическія опредѣленія? Могутъ-ли произойти
изъ опыта эти точныя, полныя и адекватныя опредѣленія?
Если разумъ не создалъ ихъ матерію, то онъ создалъ ихъ
форму, такъ какъ они суть идеальныя образцы, съ которыми
природа не можетъ сравняться. Вѣдь, въ дѣйствительности не
существуетъ ни прямой линіи, ни правильнаго круга, ни пол-
наго равновѣсія.

Конечно, путемъ опыта нельзя объяснить точность матема-
тическихъ опредѣленій, если считать эту точность положитель-
нымъ и абсолютнымъ признакомъ, свидѣтельствующимъ о выс-
шемъ совершенствѣ. Но, повидимому, это скорѣе отрицатель-
ный признакъ, являющійся слѣдствіемъ устранения всѣхъ от-
носительно случайныхъ свойствъ. Прямая линія есть не что
иное, какъ траекторія движущагося тѣла, которое направляется
отъ одного пункта къ другому, и только къ этому другому;
равновѣсіе есть только состояніе, въ которомъ находится тѣ-
ло, когда равнодѣйствующая вліяющихъ на него силъ равна
нулю. Между тѣмъ, опытъ самъ побуждаетъ насъ устранять
случайности, нарушающія точность математическихъ опредѣле-
ній. Стволъ дерева, кривойъ вблизи, кажется все болѣе и бо-
лѣе прямымъ, по мѣрѣ того, какъ мы отходимъ отъ него даль-
ше. Какую-же нужду имѣемъ мы въ апріорныхъ понятіяхъ,
чтобы завершить эту работу упрощенія и устранять при по-
мощи мысли всѣ случайности, всѣ неправильности реальныхъ

вещей какъ видимыя для насъ, такъ и невидимыя? Такимъ путемъ мы, безъ сомнѣнія, не приобретаемъ идеи вещей, превосходящихъ дѣйствительность. Напротивъ, это—дѣйствительность обнищавшая, лишенная плоти и крови, сведенная къ состоянію скелета. Но развѣ уже такъ очевидно, что геометрическія фигуры превосходятъ дѣйствительность, и что міръ былъ бы прекраснѣе, если бы состоялъ только изъ совершенно правильныхъ круговъ и многоугольниковъ?

Такимъ образомъ, форма и матерія математическихъ элементовъ содержатся въ данныхъ опыта. Доступная измѣренію непрерывность въ сосуществованіи, послѣдовательности и перемѣщеніи вещей есть предметъ апостеріорнаго познанія.

Остается правда, связь этихъ элементовъ съ подчиненными имъ формами бытія, отношеніе математической формы въ собственномъ смыслѣ слова къ логической формѣ вещей. Но можетъ-ли разумъ а ргіогі утверждать, что всякій доступный логическому объясненію фактъ происходитъ въ пространствѣ и времени и предполагаетъ существованіе движенія? Въ этомъ позволительно сомнѣваться, такъ какъ мы имѣемъ идею психологическихъ фактовъ, которые по общепринятому воззрѣнію находятся внѣ пространства и не допускаютъ никакой перемѣны мѣста. Такое ученіе слишкомъ смѣло предрѣшаетъ вопросъ, который долженъ остаться открытымъ для научнаго изслѣдованія. Въ дѣйствительности вполне мыслимо, что протяженіе и движеніе не есть необходимая форма всего эмпирически существующаго.

Итакъ, повидимому, невозможно а ргіогі установить, ни аналитически, ни синтетически, что пространственная фигура и движеніе суть существенныя и необходимыя свойства бытія. Но нельзя-ли сказать, что о необходимости ихъ свидѣлствуютъ сами положительныя науки тѣми методами и открытіями, которыми они обязаны этой идеѣ? Развѣ не стремленіе отыскать во всѣхъ вещахъ математически измѣримый элементъ и предполагать повсюду существованіе фигуры и движенія обновило физику и создало механическую теорію теплоты и свѣта? Развѣ прогрессъ науки не измѣряется той ролью, какую играютъ въ нихъ математическія понятія?

Безъ сомнѣнiя, столь плодотворной идеѣ должно приписывать высокую вѣроятность; но съ другой стороны, нельзя забывать и о ея происхожденiи. Вѣдь только опытъ далъ намъ познанiе фигуры и движенiя, и только онъ открылъ намъ эти формы бытiя во множествѣ такихъ случаевъ, гдѣ мы и не подозрѣвали ихъ существованiя. Но опытъ не можетъ доказать намъ, что эти формы свойственны всему существующему. Поражаемые, по обыкновению, болѣе непредвидѣнными, чѣмъ обыкновенными фактами, мы склонны всюду допускать механическую основу, открытую нами въ вещахъ, которыя, повидимому, не могли ея имѣть, каковы напр., свѣтъ и теплота. Между тѣмъ существуетъ еще значительное количество формъ, которыя мы не можемъ свести къ движенiю, и которыя, повидимому, не могутъ даже существовать въ подвижномъ предметѣ. Таковы—интеллектуальныя способности. Мысль, что протяженiе и движенiе являются существеннымъ и всеобщимъ свойствомъ бытiя, остается гипотезой, какъ-бы ни была велика та роль, которую можетъ выполнять эта идея въ наукѣ.

Впрочемъ, если-бы даже было доказано, что пространственная фигура и движенiе встрѣчаются во всемъ существующемъ, все-таки эти формы бытiя нельзя было-бы возвести въ необходимыя, вѣчныя и безусловныя сущности, потому что разумокъ, пытаясь развить такую теорiю, наталкивается на неразрѣшимыя трудности. Такъ, если мы предположили, что протяженiе и движенiе имѣютъ границы и образуютъ законченное цѣлое, то остается непонятнымъ, какимъ образомъ эти границы могутъ существовать безъ сопредѣльнаго протяженiя и встрѣчнаго движенiя. Вѣдь разумокъ не имѣетъ основанiя допустить въ отношенiи къ отдаленному протяженiю и движенiю иныхъ законовъ, чѣмъ тѣ, которые управляютъ ближайшимъ протяженiемъ и наблюдаемымъ на опытѣ движенiемъ. Будучи обязанъ утверждать о видѣ то, что онъ знаетъ о родѣ, онъ полагаетъ, что всякое движенiе можетъ происходить лишь послѣ движенiя, а протяженiе можетъ быть ограничено только протяженiемъ. Впрочемъ, если-бы онъ даже желалъ, во избѣжанiе необходимости допустить *progressus ad infinitum*, уста-

новить для нихъ какой-нибудь максимальный и минимальный предѣлъ, онъ не знаетъ-бы, гдѣ положить его, такъ какъ всѣ пункты времени и пустого пространства тождественны въ его глазахъ. Напротивъ, если мы признаемъ, что протяженіе и движеніе безграничны, разсудокъ долженъ заключить отсюда, что они никогда не бывають полными и законченными, что они безпрестанно возникаютъ и исчезаютъ, что они стществу-ють и не существуютъ. Но тогда онъ не можетъ считать без-условной такую неуловимую вещь, которая всегда стоитъ на пути къ осуществленію и никогда не осуществляется, которая не существуетъ ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ, а только въ одномъ настоящемъ мгновеніи,—этой безконечно малой точкѣ между двумя безднами небытія.

Такимъ образомъ протяженіе и движеніе являются для бытія случайными формами. Отсюда, и всѣ виды протяженія и движенія суть въ свою очередь новыя и случайныя элементы въ отношеніи къ подчиненнымъ имъ формамъ. Но не управ-ляется-ли происхожденіе этихъ видовъ закономъ, внутренне присущимъ самой матеріи, и не является-ли этотъ законъ неизмѣннымъ?

Основнымъ закономъ математическихъ опредѣленій служить постоянство измѣримаго количества во всѣхъ разложеніяхъ и соединеніяхъ протяженія и движенія. Онъ имѣетъ своимъ кон-кретнымъ выраженіемъ формулу *сохраненія силы*. Необходимъ-ли этотъ законъ?

Нельзя сказать, что законъ сохраненія силы вытекаетъ а ргіогі изъ самаго понятія протяженія и движенія. Протяженіе и движеніе не измѣнили-бы своей природы, если-бы первое увеличилось размѣрами, а второе—скоростью или продолжи-тельностью. Но не полагается-ли этотъ законъ а ргіогі разу-момъ, какъ необходимый синтезъ?

Безъ сомнѣнія, если видѣть въ измѣримомъ количествѣ толь-ко символъ какой-нибудь метафизической сущности, какова, наприм., активная сила, то разсматриваемый законъ не мо-жетъ быть познаваемъ а posteriori. Но дѣло идетъ о вещи иного рода. Математика разсматриваетъ только наблюдаемыя

реальности. Пространственная фигура и движение доступны чувствамъ. Понятіе измѣренія математически сводится къ понятію конгруэнціи, независимо отъ мѣста и положенія фигуръ и отъ способа, какимъ онѣ накладываются другъ на друга, т. е., сводится къ даннымъ, получающимъ свое объясненіе въ опытѣ. Сила, масса, вѣсъ—все это въ механикѣ чувственные величины, измѣримыя численно. Научная формула количества сохраняющейся энергіи состоитъ изъ понятій, не имѣющихъ никакого метафизическаго характера.

Въ дѣйствительности, человекъ не сразу открылъ основные принципы математики. Онъ размышлялъ и сомнѣвался, примѣнял наблюденіе, опытъ, абстракцію и наведеніе. Нѣкоторые основные законы, принимаемые въ настоящее время безпрекословно, какъ напр., открытый Галилеемъ законъ независимости движеній, на первыхъ порахъ подвергались многочисленнымъ возраженіямъ со стороны лицъ, считавшихъ ихъ нелѣпыми.

Быть можетъ, сверхчувственный характеръ математическихъ законовъ заключается въ знакѣ $=$, соединяющемъ ихъ формулы?

Но равенство, которое впрочемъ предполагаетъ различія и потому отличается отъ безусловнаго тождества, можетъ считаться простымъ математическимъ предѣломъ, къ которому постепенно приближается разумъ, когда онъ наблюдаетъ предметы, представляющіе все меньшія и меньшія различія въ величинѣ, и отвлекаетъ отъ нихъ особенности, неизбѣжно свойственныя имъ по природѣ. Такая операція, конечно, не заключаетъ въ себѣ никакого апріорнаго познанія. Если-бы еще можно было утверждать что разумъ имѣетъ интуитивное представленіе о тѣхъ идеальныхъ сущностяхъ, которыя онъ такимъ образомъ создаетъ, если-бы можно было считать геометрическія фигуры или группы силъ въ самой ихъ математической формѣ объектами воображенія, тогда дѣйствительно нужно было-бы признать, что онѣ познаются а priori, посредствомъ нѣкотораго рода метафизическаго чувства, такъ какъ опытъ не даетъ намъ для нихъ образца. Но если эти предметы доступны воображенію лишь въ грубой формѣ, если въ ихъ точной формѣ они могутъ быть только мыслимы, то ничто не препятствуетъ допустить, что они происходятъ изъ опыта, переработаннаго абстракціей.

Наконецъ, можетъ быть, скажутъ, что законъ сохраненія силы объимаетъ собою всю совокупность движенія во вселенной, предполагаетъ его существованіе абсолютно независимымъ отъ какаго-нибудь первоначальнаго толчка и потому безконечно превосходитъ опытъ, который даетъ намъ познаніе только части или отрывка вещей.

Въ такомъ значеніи данный законъ дѣйствительно требовалъ бы еще метафизическаго происхожденія; но не въ этомъ смыслѣ примѣняется онъ въ положительныхъ наукахъ. Формула, къ которой стремятся свести всѣ частные законы движенія, предполагаетъ только сохраненіе силы въ опредѣленной системѣ механическихъ элементовъ. Но такія понятія не выходятъ за границы опыта; даже болѣе,—они не могутъ имѣть другого источника, кромѣ самаго опыта.

Итакъ, законъ сохраненія измѣримаго количества во всѣхъ превращеніяхъ протяженія и движенія не есть апіорный принципъ, предписанный разумомъ вещамъ или познанію вещей: онъ есть только обобщеніе опыта.

Но не облеченъ ли онъ даже въ этомъ смыслѣ безспорнымъ авторитетомъ? Не равняется ли онъ на практикѣ апіорному закону? Не составляетъ ли онъ исходной точки строго аналитическихъ выводовъ въ чистой математикѣ и рациональной механикѣ?

Не нужно питать иллюзіи относительно дедуктивной формы этихъ наукъ: ихъ дедуктивныя заключенія, какъ и ихъ данныя, суть чисто эмпирическія отвлеченія. Эти науки опредѣляютъ то, что произойдетъ, если осуществлены извѣстныя формы движенія и если измѣримое количество въ нихъ остается постояннымъ. Нельзя считать факты необходимыми во имя закона, значеніе котораго основывается исключительно на наблюденіи фактовъ, если мы не желаемъ вращаться въ логическомъ кругѣ. Тотъ-же самый опытъ, которому математическій законъ обязанъ своимъ значеніемъ, ограничиваетъ и его область. Мы не имѣемъ права возводить этотъ законъ въ безусловную истину и примѣнять его ко всемъ наукамъ, даже къ самой морали, слѣпо ниспровергая все, что становится на его пути. Эта алгебраическая формула не создаетъ вещей и даже не

управляетъ ими: она служитъ только выраженіемъ ихъ вѣдѣнныхъ отношеній.

Однако, и въ такомъ смыслѣ не дѣлаетъ-ли законъ сохраненія силы невѣроятнымъ существованіе какой-бы то ни было случайности въ возникновеніи движенія? И если-бы случайность въ извѣстныхъ отношеніяхъ даже существовала, противорѣчатъ-ли она его коренной необходимости?

На первый взглядъ представляется возможнымъ примирить съ этимъ закономъ оба принципа,—и случайность и необходимость. Въ самомъ дѣлѣ, исключается-ли сохраненіемъ силы случайное употребленіе этой силы? Если случайности нѣтъ въ количествѣ движенія, то не можетъ-ли быть ея въ направленіи послѣдняго? Но подобное различеніе въ настоящемъ случаѣ бесполезно. Вѣдь, для того чтобы измѣнить направленіе движенія согласно съ законами механики, нужно или ввести новое движеніе, или уничтожить одно изъ прежнихъ составныхъ движеній, т. е., нужно или увеличить, или уменьшить количество силы.

Быть можетъ, стануть различать механическое движеніе въ собственномъ смыслѣ этого слова отъ движенія скрытаго или молекулярнаго, и скажутъ, что законъ сохраненія силы опредѣляетъ только количество молекулярнаго движенія, которое можетъ быть слѣдствіемъ даннаго механическаго движенія, или наоборотъ, а не превращеніе одного движенія въ другое, такъ-что количественное соотношеніе этихъ движеній должно быть необходимымъ, а превращеніе ихъ можетъ быть случайнымъ? Но молекулярное движеніе въ сущности есть лишь сумма внутреннихъ движеній, отличающихся отъ механическаго движенія только отсутствіемъ равнодѣйствующей. Поэтому оно можетъ измѣняться въ механическое движеніе только благодаря перемѣнѣ въ направленіи составляющихъ его элементарныхъ движеній, т. е., опять благодаря вмѣшательству новой силы, благодаря увеличенію или уменьшенію количества движенія.

Можетъ быть, возможность случайнаго движенія ограничатъ лишь тѣмъ случаемъ, когда взаимодѣйствіе силъ опредѣляетъ состояніе равновѣсія, и скажутъ, что иногда прибавленіе без-

конечно малаго количества можетъ оказаться достаточнымъ для его нарушенія, какъ это бываетъ въ случаѣ неустойчиваго равновѣсія? Но осуществляется-ли когда-нибудь подобное идеальное равновѣсіе? Затѣмъ, какъ-бы ни была незначительна добавочная сила, не должна-ли она имѣть доступную измѣренію интенсивность, чтобы произвести дѣйствіе?

Скажутъ, что въ природѣ могутъ быть случаи, аналогичные съ тѣми проблемами, которыя допускаютъ безразлично нѣсколько рѣшеній, такъ какъ въ наличныхъ данныхъ не содержится всѣхъ условій, необходимыхъ для окончательнаго опредѣленія результата, и что только въ этихъ случаяхъ осуществленіе одного слѣдствія предпочтительно предъ другими случайно? Но это значило-бы не признавать закона, по которому ничего не можетъ произойти, если нѣтъ основанія для осуществленія одной противоположности предпочтительно предъ другою. Если же въ однихъ процессахъ основанія могутъ быть случайны, то почему-же въ другихъ они должны быть необходимы?

Быть можетъ, укажутъ на то, что теорія вѣроятностей дѣлаетъ понятнымъ относительное постоянство общаго при случайной измѣнчивости подробностей, и что открытіе опредѣленности, свойственной цѣлому, нисколько не противорѣчитъ основной гипотезѣ о возможности безусловно произвольныхъ частныхъ случаевъ? Но было-бы неточно думать, что въ дѣйствительности частные случаи когда-нибудь бываютъ безусловно произвольными. Число биллиардныхъ шаровъ, наприм., попадающихъ въ лузу, опредѣляется извѣстными условіями, и только существованіе этихъ условій объясняетъ возможность постоянной средней величины. Что-же касается кажущейся неопредѣленности частныхъ случаевъ, то не исчезнетъ-ли она, если мы допустимъ въ природѣ существованіе двоякаго рода причинъ: причинъ координированныхъ, постоянныхъ и всеобщихъ, тѣхъ самыхъ, которыя порождаютъ законъ, и причинъ незначительныхъ, временныхъ и лишенныхъ координаціи, т. е., такихъ, которыя въ значительной степени уничтожаютъ одну другую и потому практически равняются случайности, предполагаемой математикомъ? Исчисленіе вѣроятностей принадле-

жить къ числу проблемъ, въ которыхъ данныя не полны. Но не является-ли оно уже по этому самому искусственной абстракціей? И не окажется-ли въ концѣ концовъ, что необходимость устанавливаемыхъ имъ такимъ путемъ общихъ законовъ столь-же ускользнетъ отъ точной оцѣнки, какъ и случайность частныхъ фактовъ?

Нельзя-ли, наконецъ, раздѣлить данный міръ и допустить, что законъ сохраненія силы, будучи необходимъ и безусловенъ тамъ, гдѣ онъ примѣнимъ, все-таки не имѣетъ всеобщаго значенія, и что нѣкоторая часть существъ отъ него свободна? Нельзя-ли признать различные источники движенія, одни чисто матеріальные, другіе—живые или даже мыслящіе, и ограничить примѣненіе закона живыхъ силъ только первыми? Но такое различіе является незаконнымъ, когда полагаютъ, что между мыслью, направляющей движеніе, и движеніемъ, воспринимаемымъ мыслью, существуетъ безконечное количество промежуточныхъ звеньевъ, и что опытъ иногда не можетъ въ точности опредѣлить начало механическаго ряда. Въ дѣйствительности разсматриваемое ученіе отчасти согласуется съ условіями научнаго объясненія, отчасти-же уклоняется отъ нихъ. Какъ измѣрить силу, которою располагаютъ эти высшіе агенты, разнородные отъ механическихъ? Да и откуда видно, что количество силы, собранной въ нервахъ, производитъ болѣе работы, включая сюда и работу пассивную, чѣмъ то-же самое количество силы, содержащееся въ какомъ-нибудь чисто механическомъ аппаратѣ? Не ясно-ли, что, допуская случайность въ дѣйствіи органическихъ и психическихъ силъ, мы не имѣемъ права приписывать необходимость и механическимъ процессамъ?

Вообще, примирить какую бы то ни было степень случайности возникновенію движенія съ закономъ сохраненія силы, допуская его абсолютность, невозможно. Такую случайность можно понять лишь при томъ условіи, если этотъ законъ даже въ отношеніи къ самому механическому міру не служитъ необходимымъ выраженіемъ природы вещей. Противорѣчитъ-ли такое воззрѣніе опыту?

Не нужно заблуждаться, относительно значенія знака $=$, употребляемаго для выраженія того отношенія, которое соединяетъ на основаніи этого закона составныя силы съ ихъ равнодѣйствующей. Прежде всего, человѣкъ никогда не можетъ констатировать безусловнаго равенства. Затѣмъ, несмотря на это равенство, равнодѣйствующая есть все-таки нѣчто новое по отношенію къ своимъ antecedентамъ. Было нѣсколько силъ, а теперь ихъ только одна. Эти силы имѣли извѣстныя направленія, а теперь направленіе измѣнилось. Нѣчто существовало, чего теперь уже болѣе нѣтъ, и нѣчто не существовало, что теперь существуетъ. Правда, частныя и сложныя превращенія сводятся къ превращеніямъ общимъ и простымъ и потому кажутся необходимыми если не сами по себѣ, то по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ законамъ этихъ послѣднихъ. Но какъ бы ни были просты и непосредственны превращенія движенія, выраженныя въ общихъ законахъ, они всегда предполагаютъ уничтоженіе и твореніе. Между тѣмъ, развѣ мыслимо, чтобы движеніе могло быть само по себѣ достаточнымъ основаніемъ для его собственнаго уничтоженія и для возникновенія новаго движенія? Развѣ можно допустить необходимую связь между тѣмъ, что болѣе уже не существуетъ, и тѣмъ, что существуетъ, между существующимъ и еще не существующимъ, между бытіемъ и не-бытіемъ?

Законъ сохраненія силы предполагаетъ измѣненіе, котораго онъ не объясняетъ и которое онъ даже сдѣлалъ-бы немислимымъ, если-бы мы рассматривали его какъ принципъ, неограниченно управляющій первичными состояніями матеріи. Такимъ образомъ, этотъ законъ не безусловенъ. Онъ не имѣетъ власти надъ тѣмъ первоначальнымъ измѣненіемъ, которое должно произойти, чтобы онъ могъ получить свое примѣненіе.

Но, скажутъ, измѣнчивые элементы составляютъ только качества вещей, а не сущность ихъ. Послѣдняя состоитъ въ протяженіи и движеніи, т. е., какъ-разъ въ томъ количественномъ элементѣ, сохраненіе котораго утверждаетъ математическій законъ.

Такая доктрина въ результатѣ сводитъ качественное измѣ-

неніе, къ чисто призрачному явленію и вмѣстѣ съ тѣмъ превращаетъ въ иллюзію все то, что природа представляетъ намъ наиболѣе возвышеннаго, нисколько не уясняя того отношенія, которое можетъ существовать между неизмѣннымъ элементомъ, признаваемымъ субстанціей вещей, и качественнымъ измѣненіемъ, составляющимъ ихъ явленіе. Затѣмъ, въ чемъ собственно замѣчается тотъ элементъ, о которомъ утверждаютъ, что онъ остается постояннымъ во всѣхъ качественныхъ измѣненіяхъ? Есть-ли это чистое и простое количество? Но количество есть только мѣрка, абстракція, идеальный предѣлъ, а не реальность. Есть-ли это количество нѣсколькихъ качествъ? Но количественныя мѣрки можно сравнивать лишь въ томъ случаѣ, если онѣ относятся къ одному и тому-же качеству. Есть-ли это, наконецъ, количество одного и того-же качества, каковымъ именно и была-бы движущаяся протяженность? Но тогда что-же служить субстанціей,—количество, которому никогда не удастся стать реальностью, получить опредѣленность и устойчивость, требуемую этой идеей, или качество, которое сообщаетъ количеству это постоянное колебаніе, противорѣчащее ея смыслу? Не подчинено-ли количество въ свою очередь какому-нибудь новому элементу иной природы, и остается-ли оно при этихъ условіяхъ совершенно тѣмъ-же, какъ если бы оно существовало само по себѣ? Можно-ли найти даже въ такомъ элементарномъ качествѣ, какъ пространственное движеніе, ту опредѣленность и тожество, которыя предполагаются абстрактной математической? Прежде всего, не стоитъ-ли это качество въ тѣсной связи съ другими, и не должно-ли оно соединяться съ ними незамѣтными переходами, точно такъ-же, какъ въ высшихъ областяхъ физическія и химическія свойства постепенно сближаются съ процессами жизни? Не представляетъ-ли, на примѣръ, колебательное движеніе одной изъ такихъ посредствующихъ ступеней? Затѣмъ, въ силу того-же самаго, существуетъ-ли полное тожество по природѣ между всѣми реальными движеніями? Не являются-ли одни изъ нихъ болѣе способными порождать колебательныя движенія, чѣмъ другія? А если такъ, то образуетъ-ли совокупность составныхъ силъ совершенно однородное цѣлое?

Разсматривать количество, какъ сумму однородныхъ качествъ или какъ нѣчто, независимое отъ всякаго качества, значить выходить изъ условій дѣйствительности. Все, что существуетъ, обладаетъ качествами и потому причастно коренной неопредѣленности и измѣнчивости, составляющимъ сущность качества. Такимъ образомъ, законъ безусловнаго постоянства количества не имѣетъ точнаго приложенія къ дѣйствительнымъ вещамъ: послѣднія обладаютъ неисчерпаемымъ запасомъ жизни и измѣненія. Та особенная достовѣрность, которую представляетъ математика, какъ абстрактная наука, не даетъ намъ права считать математическія абстракціи въ ихъ строгой и однообразной формѣ точнымъ выраженіемъ дѣйствительности.

Впрочемъ, опытъ, какъ бы ни были широки его основанія, нигдѣ не показываетъ намъ совершенно устойчивыхъ механическихъ соотношеній. Даже такіе правильные и однообразные міровые процессы, какъ обращенія звѣздъ, не имѣютъ безусловно тождественныхъ періодовъ. Неизмѣнный законъ отступаетъ предъ наблюдателемъ. Намъ кажется, что мы постигли-бы его, если-бы могли наблюдать всѣ явленія въ цѣломъ. Но что такое цѣлое въ пространствѣ и времени? Неопредѣленность, которая неизбѣжно существуетъ въ среднихъ величинахъ самыхъ значительныхъ механическихъ соотношеній, вѣроятно, имѣетъ свое основаніе въ случайности частныхъ.

Но если общіе процессы чрезвычайно медленны и почти не замѣтны, то каковы-же должны быть тѣ частныя измѣненія, которыя ихъ опредѣляютъ? Поэтому-то природа, созерцаемая въ одно мгновеніе, кажется неподвижной, тогда какъ въ дѣйствительности все движется, живетъ и развивается. И если случайное развитіе механическаго міра совершается, какъ можно съ вѣроятностью полагать, путемъ непрерывныхъ переходовъ; если частныя измѣненія, когда они не уничтожаютъ другъ друга, дѣйствуютъ скорѣе своимъ числомъ, продолжительностью координаціей, чѣмъ своей интенсивностью, то становится совершенно понятнымъ, почему человѣкъ, который способенъ съ точностью изучать вещи только посредствомъ анализа ихъ, не могъ-бы непосредственно провѣрить существованіе этихъ неза-

мѣтныхъ случайныхъ процессовъ. Впрочемъ, иногда бывають для всѣхъ очевидные случаи, когда достаточно незначительныхъ и незамѣтныхъ самихъ по себѣ измѣненій, чтобы вызвать въ концѣ концовъ, путемъ ряда чисто механическихъ отраженій, значительные результаты. Таковы нѣкоторые случаи нарушенія равновѣсія. Зерно, упавшее изъ клюва птицы на покрытую снѣгомъ гору, можетъ привести зъ движеніе лавину, которая завалитъ долины.

Такимъ образомъ возникновеніе матеріи и ея состояній представляетъ собою новую побѣду вещей надъ необходимостью, побѣду, обязанную высшему значенію матеріи, а также эластичности ткани причинъ и видовъ, дозволившей этой новой формѣ бытія возникнуть и развиться въ ней.

* * *

(Продолженіе будетъ).

Ученіе Канта о пространствѣ и времени, какъ о субъективныхъ только формахъ нашего чувственнаго познанія.

Пространство и время, по обыкновенному человѣческому разумѣнію, имѣютъ объективное бытіе,—существуютъ не только въ насъ, но и внѣ насъ. Для обыкновеннаго человѣческаго сознанія не можетъ быть и сомнѣнія въ объективной реальности пространства и времени: мы своими собственными чувствами замѣчаемъ пространство, самое свое тѣло, имѣющее ту или другую мѣру протяженности, не можемъ мыслить иначе, какъ помѣщеннымъ непременно въ объективномъ пространствѣ; мы сами замѣчаемъ теченіе времени; свои душевные акты: мысли, чувства, волевые движенія—мы не можемъ представлять иначе, какъ совершающимися во времени, въ продолженіе извѣстнаго промежутка времени...

Отсюда, казалось бы, можно было бы, безъ всякаго колебанія, съ полною вѣрою въ истинность своихъ мыслей, придти къ заключенію о реальномъ бытіи пространства и времени и внѣ насъ, внѣ нашего чувственнаго познанія. Но для философіи вопросъ о субъективномъ или объективномъ бытіи пространства и времени не представляется такимъ легкимъ, удобопріимымъ и не возбуждающимъ сомнѣній, какимъ онъ представляется обыкновенному человѣческому разумѣнію. Давно уже, даже болѣе—чуть не съ самаго начала появленія философіи и философскаго направленія міровоззрѣнія, философскіе умы стали сомнѣваться въ объективности пространства и времени, мысля ихъ, какъ понятія, хотя бы лишь отчасти, субъек-

ективные. Такъ еще Аристотель (слѣд., въ IV в. до Р. X.) принималъ время единственно лишь за число, какъ мѣру движенія, а число безъ числящей души—прямо за ничто. Впрочемъ, много протекло времени послѣ Аристотеля до того момента, когда въ философіи появилось ученіе, въ смыслѣ строго выработанной философской системы, рѣшительно отвергшее объективное существованіе пространства и времени и признавшее ихъ только субъективными формами нашего чувственнаго познанія. Главнымъ и лучшимъ представителемъ этого ученія былъ знаменитый Кантъ, философскія изысканія котораго вообще, можно сказать, направлены, главнымъ образомъ, къ различенію во всякомъ познаніи двухъ элементовъ: независимаго, чисто объективнаго, элемента предмета, и субъективнаго, — что такъ или иначе, въ большей или меньшей степени и мѣрѣ, зависятъ отъ мыслящаго я, отражаетъ на себѣ вліяніе тѣхъ или иныхъ условій созерцающаго и мыслящаго ума. И такъ какъ въ философскомъ міровоззрѣніи Канта вообще господствуетъ рѣзкая противоположность между этими двумя элементами человѣческаго познанія (субъективнымъ и объективнымъ), то весьма естественнымъ и логически неизбежнымъ представляется и то обстоятельство, что онъ пытается научнымъ путемъ вывести и доказать, что пространство и время суть только субъективныя формы нашего чувственнаго познанія, или „созерцанія мыслящаго ума“: при томъ первое—внѣшняго, а второе—внутренняго чувства. Такимъ образомъ, философія Канта рѣшительно отвергаетъ объективное бытіе пространства и времени.

Такой взглядъ на понятія о пространствѣ и времени естественно долженъ казаться обыкновенному человѣческому разумѣнію весьма страннымъ и явно противорѣчающимъ дѣйствительности, и кажется таковымъ при обсужденіи его съ обычной, житейской—такъ сказать, точки зрѣнія. Но не такъ страненъ онъ для ума философскаго, такъ какъ вообще философія нерѣдко находитъ сомнѣнія и недоумѣнія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ для обычнаго мышленія и сознанія, и—наоборотъ. Сверхъ того, для философскаго ума признаніе пространства и времени только субъективными формами мышленія можетъ показаться

весьма желательнымъ и даже благодѣтельнымъ въ смыслѣ освобожденія науки отъ излишняго балласта. Это—потому, что пространство и время, понимаемая, какъ нѣчто сущее внѣ насъ, представляются запутанными въ необъяснимыя противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно постигнуть и уразумѣть пространство, которое слыветъ обыкновенно безконечнымъ, и притомъ въ двухъ совершенно противоположныхъ направленіяхъ—безконечно растяженнымъ и безконечно дѣлимимъ? Подобная сущность явленія непостижима ни для какой мысли: пространство здѣсь является какъ бы нѣкимъ громаднымъ чудовищемъ, съ которымъ не можетъ совладать философскій умъ. Равнымъ образомъ, столь же непостижимымъ является для философіи и объективно понимаемое время. Объективное время представляется уму человѣческому, если можно такъ выразиться, существомъ, родящимъ постоянно и пожирающимъ, восстанавливающимъ и упраздняющимъ себя, такимъ существомъ, которое бѣжитъ отъ себя, какъ отъ своего собственного привидѣнія, потому что настоящее не останавливается ни на одну минуту, даже секунду, прошедшее уже не существуетъ, а будущее еще не существовало. Какъ же можетъ быть постигнута философскимъ размышленіемъ сущность такого явленія?.. Между тѣмъ, всѣ эти недоумѣнные вопросы какъ будто руются съ признаніемъ пространства и времени только субъективными формами нашего чувственного познанія. Такимъ образомъ, ученіе Канта о пространствѣ и времени, какъ о субъективныхъ только формахъ нашего чувственного познанія, представляясь для обыкновеннаго человѣческаго пониманія весьма страннымъ и явно противорѣчающимъ для всѣхъ очевидной дѣйствительности, въ то же время, повидимому, освобождаетъ науку и философскую мысль отъ излишней и тяжелой ноши. Въ силу этого, для болѣе или менѣе научно мыслящаго человѣческаго ума, и тѣмъ болѣе для философіи, разрѣшеніе или попытки разрѣшенія вопроса о томъ, можетъ ли быть признано истиннымъ ученіе Канта и его единомышленниковъ о пространствѣ и времени, какъ только объ исключительно субъективныхъ формахъ нашего чувственного познанія, представляются не только весьма интересными, но и въ высшей степени серіозными и не-

малозначительны и для многихъ другихъ философскихъ выводовъ и заключеній и въ иныхъ вопросахъ философствующей мысли.

Предпринимая посильный анализъ вышеозначеннаго философскаго ученія о пространствѣ и времени, несомнѣнно заслуживающаго вниманія всѣхъ мыслящихъ людей, при всей своей сравнительной неосновательности, — мы должны, прежде всего, рассмотреть тѣ основанія, какія приводятся въ защиту этого мнѣнія.

Основанія эти, излагаемые Кантомъ въ его „Трансцендентальной эстетики“, состоятъ въ слѣдующемъ.

1. Пространство и время не суть эмпирическія понятія, извлеченныя нами изъ опыта. Самый опытъ возможенъ не иначе, какъ только подъ условіемъ предшествующаго ему представленія пространства и времени. Безъ ранѣйшаго по отношенію къ опыту представленія пространства и времени, мы не могли бы относить свои ощущенія къ чему-то существу внѣ насъ и располагать ихъ подлѣ или послѣ другъ друга, а безъ этого расположенія ихъ подлѣ и послѣ другъ друга — мы не могли бы различать ощущаемаго, т. е., не могли бы имѣть и самыхъ ощущеній. Значить — представленіе пространства и времени, какъ условіе самаго опыта, не можетъ быть заимствуемо нами изъ него, а потому есть представленіе *a priori*.

2. Пространство и время суть необходимыя и всеобщія основопредставленія, которыхъ никто не можетъ уничтожить въ мышленіи. Никакими усиліями мысли нельзя отрѣшиться отъ представленія пространства, хотя и можно вообразить его не заключающимъ въ себѣ никакихъ предметовъ. Равнымъ образомъ, нельзя отрѣшиться и отъ времени по отношенію къ явленіямъ, хотя и можно послѣднія отрѣшиться отъ перваго. Значить, пространство и время составляютъ условіе *возможности* явленій и даны намъ *a priori*.

3. Пространство и время не могутъ быть дискурсивными или общими понятіями: они суть единственныя чистыя воззрѣнія. Всякое дискурсивное понятіе образуется чрезъ отвлеченіе отъ многихъ представленій того, что обще многимъ вещамъ, такъ что всякое дискурсивное понятіе можетъ быть разложено на составныя его признаки. Между тѣмъ, частныя

пространства и частныя времена не могутъ быть предшествующими составными отдѣлами единого пространства и единого времени. Эти частныя пространства и времена суть только ограниченіе единого всеобъемлющаго пространства и времени. Значить,—отъ многихъ представленій пространства или времени не можетъ быть отвлечено общее представленіе пространства или времени. Поэтому, представленіе пространства или времени есть наглядное представленіе а priori, такъ какъ наглядное представленіе характеризуется именно тѣмъ, что оно имѣетъ предметомъ своимъ одинъ какой-либо предметъ.

4. Пространство и время даны въ сознаниі, какъ безконечныя величины. Всѣ же опредѣленныя пространства и времена суть только части безконечныхъ пространства и времени, такъ что послѣднія содержатъ въ себѣ безконечное множество представленій. Между тѣмъ, всякое понятіе должно быть мыслимо, какъ представленіе, заключающееся въ безконечномъ множествѣ другихъ возможныхъ представленій, но никоимъ образомъ—не какъ представленіе, само заключающее въ себѣ эти представленія. Слѣдовательно, пространство и время суть не понятія, образованныя изъ безконечнаго множества чувственныхъ представленій, но представленія а priori.

5. Если разсматривать пространство съ трансцендентальной точки зрѣнія, т. е., посмотрѣть, въ какой мѣрѣ оно служитъ принципомъ, условіемъ для синтетическихъ познаній а priori, то окажется, что геометрическія истины всецѣло основываются на характерѣ пространства, какъ чистаго представленія а priori, и что они возможны только въ томъ случаѣ, если въ этомъ именно смыслѣ смотрѣть на пространство. Но если мы будемъ смотрѣть на него, какъ на нѣчто реальное, внѣ насъ находящееся, или какъ понятіе объ отношеніяхъ вещей самихъ въ себѣ, то тѣмъ самымъ разрушаемъ всякую возможность геометрическихъ познаній, а съ ними и всей математики, т. е., мы становимся въ противорѣчіе съ несомнѣннымъ фактомъ.—Подобно этому, съ трансцендентальной точки зрѣнія—и время мы должны признать принципомъ, при которомъ единственно возможны понятія измѣненія и движенія. Не будь представленія времени, мы не могли бы понять измѣненія, т. е., смѣны

бытія признака вещи его небытіемъ и наоборотъ, не могли бы понять и движенія, т. е., бытія и небытія вещи въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

Изъ этихъ пяти основаній Кантъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы.

1. Пространство и время не суть нѣчто существующее само по себѣ или составляющее объективное опредѣленіе вещей самихъ въ себѣ,—что, слѣдовательно, могло бы оставаться, если устранить всѣ субъективныя условія нагляднаго представленія. Познаются нами пространство и время а priori посредствомъ синтетическихъ положеній, а такое познаніе возможно только тогда, когда пространство и время будутъ признаны субъективными условіями нашихъ представленій: первое—условіемъ представленій о внѣшнемъ мірѣ, а второе—всѣхъ вообще представленій.

2. Пространство есть только форма всѣхъ явленій внѣшнихъ чувствъ, т. е., субъективное условіе чувственныхъ воспріятій, при которомъ единственно возможно внѣшнее наглядное представленіе. Если наша воспримчивость къ дѣйствию внѣшнихъ предметовъ необходимо должна предшествовать всякому наглядному представленію о нихъ, то понятно, какимъ образомъ форма всѣхъ явленій можетъ предварять въ душѣ всякія дѣйствительныя воспріятія ихъ, и какимъ образомъ она можетъ заключать въ себѣ принципы взаимныхъ отношеній всѣхъ предметовъ до всякаго опыта...—Значитъ, только съ человѣческой точки зрѣнія можно говорить о пространствѣ, о протяженности предметовъ и т. д. Если мы уничтожимъ это субъективное условіе, при которомъ единственно возможно для насъ внѣшнее наглядное представленіе, то представленіе пространства ничего не будетъ значить. Протяженность можетъ быть приписана только явленіямъ, а никакъ не вещамъ самимъ въ себѣ. Такимъ образомъ, пространство, съ одной стороны, имѣетъ опытную реальность (по отношенію ко всякому возможному опыту), а съ другой стороны—оно имѣетъ трансцендентальную идеальность (по отношенію къ вещамъ самимъ въ себѣ).

3. Время есть форма внутренняго чувства, т. е., представленія насъ самихъ и нашихъ внутреннихъ состояній. Опредѣляя отношеніе нашихъ внутреннихъ состояній, время не можетъ

служить опредѣленіемъ внѣшнихъ явленій. Представленіе времени, какъ и представленіе пространства, есть наглядное представленіе, ибо всѣ его отношенія могутъ быть выражены внѣшнимъ, нагляднымъ и очевиднымъ образомъ.

4. Какъ пространство есть условіе а priori для внѣшнихъ явленій, такъ и время есть формальное условіе а priori всякаго вообще явленія. Именно—время есть непосредственное условіе всѣхъ внутреннихъ состояній человѣческаго духа. А такъ какъ къ числу внутреннихъ состояній относятся и представленія о внѣшнемъ мірѣ, то чрезъ нихъ время служитъ условіемъ и внѣшнихъ явленій.—Если же отвлечь субъективный способъ самовоззрѣнія, а вмѣстѣ и способъ, которымъ мы объемлемъ наглядныя представленія, то время ничего не будетъ значить. Тѣмъ не менѣе, оно имѣетъ объективное значеніе по отношенію къ внѣшнимъ предметамъ, впрочемъ настолько, насколько они суть предметы нашего чувственнаго воспріятія. Такимъ образомъ, времени должно приписать, съ одной стороны, опытную реальность, т. е., объективное значеніе для всѣхъ предметовъ, какіе только могутъ представиться нашимъ чувствамъ, а съ другой стороны,—трансцендентальную идеальность—по отношенію къ предметамъ самимъ въ себѣ. Здѣсь слѣдуетъ прибавить нѣсколько словъ для выясненія этого характернаго признака, приписываемаго Кантомъ понятію о времени—его *опытную реальность*. Кантъ приписываетъ времени опытную реальность лишь въ томъ смыслѣ, что въ опытѣ мы никогда не встрѣтимся съ предметомъ, который не подчинялся бы условію времени, въ силу того что наши представленія наглядныя всегда основаны на чувствѣ. Но въ то же время Кантъ оспариваетъ у времени всѣ права на абсолютную реальность, именно, что оно, не будучи формой нашего чувственнаго представленія, существуетъ въ вещахъ, какъ условіе или свойство, такъ какъ чувства никогда не могутъ свидѣтельствовать намъ о свойствахъ, принадлежащихъ вещамъ самимъ въ себѣ. Въ этомъ, по Канту, и состоитъ трансцендентальная идеальность времени, по которой оно, если отвлечь субъективныя условія чувственнаго представленія, есть ничто, и не можетъ быть приписано вещамъ самимъ въ себѣ (безъ отношенія къ нашему предста-

вленію) въ качествѣ сущности, или какъ свойство. Но при этомъ Кантъ эту идеальность отличаетъ и отъ обмановъ чувствъ, ибо предполагается, что явленіе, имѣющее признаки пространства и времени, имѣетъ объективную реальность; мы утверждаемъ, что они реальны, доколѣ мы имѣемъ дѣло съ предметомъ въ опытѣ, какъ съ явленіемъ. Такимъ образомъ, время реально по Канту въ опытномъ лишь смыслѣ, какъ условіе всякаго нашего опыта; оно есть не болѣе, какъ форма нашего внутренняго представленія и присуще не самимъ предметамъ, а только лицу, которое ихъ представляетъ.

Такова сущность философскаго ученія Канта о пространствѣ и времени. Чтобы составить себѣ объ этомъ ученіи ясное и опредѣленное сужденіе и сдѣлать критическую оцѣнку его, должно, прежде всего, тщательно проанализировать и рассмотреть порознь каждое основаніе, приводимое Кантомъ въ доказательство своего философскаго ученія, а потомъ уже опредѣлить общее значеніе для Кантова ученія всѣхъ этихъ основаній въ совокупности.

Первое основаніе, представленное Кантомъ въ защиту ученія о пространствѣ и времени, какъ только о субъективныхъ формахъ нашего чувственнаго познанія, заключаетъ въ себѣ мысль о томъ, что пространство и время не могутъ быть эмпирическими понятіями. Мысль эта подкрѣпляется у Канта тѣмъ соображеніемъ, что представленія пространства и времени должны существовать въ насъ раньше самаго опыта, такъ какъ иначе мы не могли бы данныя чувственнаго воспріятія считать находящимися внѣ насъ, относить наши ощущенія къ различнымъ мѣстамъ и временамъ.—Нельзя не согласиться, что мысли эти справедливы и основательны: существуютъ вѣскія доказательства въ пользу мысли, что представленія пространства и времени суть представленія а priori, а не понятія, выработанныя на основаніи данныхъ опыта. Не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что когда мы въ первый разъ узнаемъ о существованіи въ нашемъ умѣ представленій пространства и времени, то узнаемъ также и то, что эти идеи безъ нашего вѣдома находились въ умѣ прежде, чѣмъ мы узнали о нихъ. Слѣдовательно, сознавая въ первый разъ въ умѣ

идеи пространства и времени, мы не приобретаемъ ихъ вновь, но только открываемъ въ своемъ сознаниіи. Не могутъ идеи эти и безсознательно выводиться нами изъ опыта, такъ какъ никакими усиліями воображенія мы не можемъ представить, чтобы что-нибудь, воспринимаемое нашими чувствами, не занимало пространства или времени. Поэтому безъ всякихъ колебаній можно согласиться съ Кантомъ въ томъ, что представленія пространства и времени уже находятся въ нашемъ умѣ, когда мы получаемъ какое-нибудь чувственное воспріятіе, а, слѣдовательно, это—представленія а priori и въ известной степени—представленія субъективныя. Но отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы пространство и время не были въ тоже время и чѣмъ—нибудь объективнымъ, находящимся внѣ человѣческаго созерцанія. Признавая пространство и время данными а priori, мы имѣемъ полное право признавать ихъ и соответствующими чему-нибудь реальному, внѣ насъ находящемуся. Поэтому разсмотрѣнное нами первое основаніе, приводимое Кантомъ въ защиту его философскаго ученія о пространствѣ и времени, какъ только о субъективныхъ формахъ нашего чувственнаго познанія, могло бы имѣть надлежащую силу только въ томъ случаѣ, когда бы было доказано, что добытое мышленіемъ помимо опыта не можетъ соответствовать чему-нибудь реальному. Но такихъ доказательствъ у Канта нѣтъ, да и не можетъ это быть ничѣмъ доказано.

Во второмъ доводѣ Канта говорится о возможности отрѣшиться мыслию отъ всего, что опытъ даетъ намъ въ пространствѣ и времени и о невозможности отвѣститься отъ понятія самаго пространства и времени. Отсюда Кантъ выводитъ необходимость послѣднихъ, а такъ какъ никакая необходимость не можетъ вытекать изъ опыта, то и субъективность ихъ.—Доказательство это имѣетъ такую же силу и значеніе, какъ и предъидущее основаніе, приводимое Кантомъ въ защиту своего ученія. Пусть пространство и время суть нѣчто субъективное; но что же мѣшаетъ имъ быть вмѣстѣ и чѣмъ-то объективнымъ? Далѣе, Кантъ говоритъ, что всѣ вещи, въ противоположность пространству и времени, можно уничтожить въ воображеніи. Это—правда, что пространства и времени нельзя

уничтожить въ воображеніи, въ мысляхъ; но вѣдь нельзя уничтожить въ воображеніи и всѣхъ вещей. Мы не можемъ, напр., не представлять самихъ себя, потому что уже самыя старанія и усилія наши не представлять себя въ сущности будутъ напоминать намъ о нашемъ существованіи, о томъ, что мы, какъ и предметы внѣшняго міра, находимся въ пространствѣ и времени, имѣемъ протяженное матеріальное тѣло. Слѣдовательно, не одни только представленія пространства и времени существуютъ съ такою принудительною необходимостью, что отъ нихъ нельзя отрѣшиться. Такимъ образомъ, разобранный доводъ Канта содержитъ въ себѣ мысли не вполне справедливыя, или, по крайней мѣрѣ, сомнительныя. вмѣстѣ съ тѣмъ, доводъ этотъ не доказываетъ того, что думаетъ доказать имъ Кантъ, т. е., не доказываетъ, что пространство и время суть *только* субъективныя формы нашего чувственнаго познанія.

Въ третьемъ доводѣ Кантъ указываетъ на то, что единныя всеобъемлющія пространство и время не состоятъ изъ признаковъ и не могутъ быть разложимыми на частныя представленія. Отсюда Кантъ приходитъ къ мысли, что пространство и время не могутъ быть дискурсивными или общими понятіями, а суть наглядныя представленія а priori, такъ какъ наглядное воззрѣніе характеризуется именно тѣмъ, что оно предметомъ своимъ имѣетъ одинъ какой-либо предметъ.—Нельзя не счесть этого довода нѣсколько страннымъ и даже противнымъ направленію самой Кантовой философіи. Дѣло въ томъ, что доводъ этотъ почерпаетъ свое основаніе изъ соотносительности предметныхъ вещей. Но мы созерцаемъ индивидуальную вещь только въ силу того, что ей соответствуетъ извѣстный предметъ. Это основаніе, заимствованное отъ внѣшнихъ вещей, прилечено здѣсь между тѣмъ къ такому взгляду, который отнимаетъ у пространства и времени всякое внѣшнее существованіе. По одной уже этой причинѣ приведенныя соображенія Канта теряютъ свою силу и являются малоосновательными и неубѣдительными. Впрочемъ, дѣйствительно можно согласиться съ тѣмъ, что пространство и время не могутъ быть дискурсивными или общими понятіями, потому что нѣтъ такихъ предметовъ, отъ которыхъ можно было бы отвлечь общую имъ черту—про-

странство. Все, что мы видимъ или ощущаемъ, имѣть большую или меньшую длину, совершается въ извѣстный промежутокъ времени, но самаго пространства, дѣлающаго возможнымъ протяженіе, и времени, дѣлающаго возможнымъ продолжительность, мы не ощущаемъ.—Но если пространство и время не суть отвлеченныя понятія, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы они не могли соотвѣтствовать чему-нибудь объективному. Такимъ образомъ, рассмотрѣнный доводъ Канта, подобно двумъ предыдущимъ, не доказываетъ ученія Канта о чистой субъективности пространства и времени.

Четвертое доказательство Канта опирается на безконечность, связанную съ представленіемъ пространства и времени. Изъ нея Кантъ также заключаетъ къ тому, что они суть представленія а priori, ибо всякое понятіе заключается въ безконечномъ множествѣ представленій, между тѣмъ какъ мысль о безконечномъ пространствѣ и времени заключаетъ въ себѣ представленія опредѣленныхъ пространствъ и временъ или частей единого пространства и единого времени.—Здѣсь такъ же, какъ въ предыдущемъ доводѣ, нѣчто, взятое изъ обыкновенныхъ отношеній, перенесено на отношенія, которымъ нѣтъ другаго примѣра. Кромѣ того, приведенный доводъ, точно такъ же, какъ и всѣ предыдущіе доводы, доказываетъ только то, что пространство и время не могутъ быть понятіями, добытыми на основаніи опытныхъ данныхъ, а суть представленія а priori. Между тѣмъ, Кантъ имѣлъ въ виду доказать не только это, но и то, что пространство и время не имѣютъ объективнаго бытія, а сего вовсе не вытекаетъ изъ довода Канта.

Равнымъ образомъ, не опровергается объективное бытіе пространства и времени и послѣднимъ доводомъ Канта, содержащимъ въ себѣ изложеніе трансцендентальнаго понятія о пространствѣ и времени. Этимъ доводомъ доказывается только необходимость и априорность представленій пространства и времени. Въ самомъ дѣлѣ, какъ, напримѣръ, была бы возможна геометрія, если бы пространство не было необходимымъ познаніемъ а priori, а познавалось бы нами на основаніи только опыта, т. е., болѣе или менѣе случайно. Тогда бы дѣйствительно геометрическія истины лишь постольку имѣли ха-

рактерь аподиктической достовѣрности, поскольку онѣ были бы согласны съ предшествующимъ опытомъ и наблюденіемъ. Равнымъ образомъ, не могли бы для насъ быть такъ несомнѣнными и необходимыми совершающіяся въ мірѣ измѣненія и движенія, если бы время не было необходимымъ апріорнымъ представленіемъ. Такимъ образомъ, несомнѣнность геометрическихъ истинъ и различныхъ аксіомъ, касающихся замѣчаемыхъ нами измѣненій и движеній, дѣйствительно заставляютъ думать, что пространство и время суть необходимыя представленія а priori. Но что они не имѣютъ бытія внѣ нашего познанія,—этого изъ представленнаго Кантомъ доказательства вовсе не слѣдуетъ. Мало того, несомнѣнность математическихъ истинъ говоритъ скорѣе противъ Кантова ученія о пространствѣ и времени, нежели въ пользу его. Въ самомъ дѣлѣ, если достовѣрность геометріи покоится только на томъ, что она происходитъ изъ чистой формы созерцанія или воспріятія, какъ апріорная наука, то вмѣстѣ съ субъектомъ она и падаетъ. И если принять пространство за данную только форму, то случайный этотъ даръ можетъ вѣдь быть и совсѣмъ инымъ. А въ этомъ случаѣ ничто не противорѣчитъ той возможности и нѣтъ основанія оспаривать ее, что другія воззрѣнія и воспріятія надѣлены совсѣмъ иными формами, что другія разумно-свободныя существа знаютъ пространство о двухъ, напримѣръ, или о четырехъ измѣреніяхъ. Если же все это дѣйствительно такъ, то всѣ завоеванія математики, всѣ законы, какимъ подчинила она вещи и числа, всѣ пути, предначертанныя ею тѣламъ небеснымъ, всѣ соотношенія, къ какимъ привязала она тѣ или иныя опредѣленные движенія,—все это оказалось бы только пустой мечтой нашей наличной созерцательности, пока она такова есть. Возможность эта не можетъ противопоставляться теоріи со стороны, какъ внѣшняя какая-нибудь выдумка, но прямо исходитъ отъ самой теоріи. Итакъ, указываемая Кантомъ очевидная несомнѣнность для насъ математическихъ истинъ и происходящихъ послѣдовательно въ мірѣ измѣненій и движеній даетъ право думать, что пространство и время существуютъ, какъ въ мышленіи въ качествѣ необходимыхъ представленій а priori, такъ и объективно, внѣ насъ и нашего чувственнаго познанія.

Такимъ образомъ, доводы Канта, представленныя имъ въ его знаменитой „Критикѣ чистаго разума“ въ защиту и доказательство философскаго воззрѣнія на пространство и время, какъ на субъективныя только формы нашего чувственнаго познанія, оказываются недостаточно обоснованными и нисколько не доказывающими этого взгляда съ несомнѣнною очевидностью, — скорѣе наоборотъ. Если и допустить, что по этимъ доводамъ пространство и время выходятъ субъективными условіями, предшествующими въ нашемъ мышленіи воспріятію и опыту, то все-же здѣсь нельзя видѣть ни малѣйшаго доказательства тому, чтобы они не могли въ одно и то же время быть и объективными познаніями, имѣть свое мѣсто и объективное существованіе и внѣ нашего чувственнаго познанія, быть присущими не воспринимающимъ лишь черезъ чувственное воспріятіе лицамъ, но и самимъ предметамъ, имѣть не опытную лишь туманную реальность въ смыслѣ ученія Канта, но и реальность, такъ сказать, абсолютную, саму по себѣ, помимо нашихъ чувственныхъ представленій и условій ограниченнаго человѣческаго опыта. Въ томъ именно и заключается существенная и явная односторонность доводовъ Канта, что въ нихъ совершенно опущена изъ виду та несомнѣнная возможность, что факты эти имѣютъ и объективное значеніе наравнѣ съ апріорностію понятій пространства и времени, что пространство и время могутъ быть вмѣстѣ и субъективными и объективными, что первое нисколько не исключаетъ возможности и втораго, какъ нисколько не противорѣчиваго себѣ, хотя совершенно отличнаго и даже, пожалуй, противоположнаго и неоспариваемаго никакими очевидными данными. Конечно, Кантъ, быть можетъ и даже, судя по всей системѣ его ученія о пространствѣ и времени, по всей вѣроятности, и не помышлялъ о возможности тому и другому быть и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, имѣть одновременно и чисто-субъективное, и объективное значеніе и существованіе. Подѣливъ разъ субъективное съ объективнымъ, какъ исключающіе собою одно другое, онъ приурочилъ, очевидно, вещи къ тому или другому разряду исключительно, рассматривая ихъ односторонне съ одной лишь стороны и всецѣло отвергая другую. Но такого строгаго раздѣленія

между субъективнымъ и объективнымъ, во всякомъ случаѣ, оправдать нельзя, какъ раздѣленіе совершенно произвольнаго и необоснованнаго. Произвольно также и то воззрѣніе, что необходимыя формы познанія, будучи замѣчаемы нашимъ разумомъ помимо ощущенія, не могутъ только въ силу этого быть и объективными формами познаваемаго содержанія. Чтобы мнѣніе это могло пріобрѣсти характеръ большей или меньшей вѣроятности, нужно было бы сначала доказать, что наше различающее сознаніе не можетъ безъ помощи чувствъ усмотрѣть никакихъ всеобщихъ и необходимыхъ предметныхъ свойствъ. Ссызаться же, въ доказательство этого, на то, что всеобщее и необходимое не дано намъ въ ощущеніи, въ сущности значитъ указывать только тотъ фактъ, что оно дано а priori—и только, а это, какъ мы видѣли выше, нисколько не подрываетъ объективнаго его значенія. То обстоятельство, что всеобщее и необходимое дано а priori, а частное и случайное а posteriori,—показываетъ только то, что они даны различнымъ способомъ. Но этотъ различный способъ, коимъ они даны, вовсе не препятствуетъ имъ имѣть извѣстное отношеніе къ познаваемымъ предметамъ. Такимъ образомъ, вся аргументація, употребляемая Кантомъ въ доказательство его мнѣнія, что пространство и время суть только субъективныя формы нашего чувственнаго познанія, на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не доказываютъ этого мнѣнія, а потому оно должно быть признано по меньшей мѣрѣ гипотетичнымъ и произвольнымъ. Послѣ всего этого, даже съ философской, метафизической точки зрѣнія, становится затруднительнымъ и болѣе, чѣмъ сомнительнымъ, раздѣлять Кантово воззрѣніе на пространство и время. Впрочемъ, должно сдѣлать оговорку, что отсюда еще не слѣдуетъ съ ясною очевидностью, чтобы это воззрѣніе было вовсе ложнымъ и несостоятельнымъ, ибо многія гипотезы часто доказывались въ концѣ концовъ очевидными истинами и такимъ образомъ дѣлались несомнѣнными истинами...

Въ силу этого послѣднаго обстоятельства, хотя мы и признали вышерассмотрѣнные доводы Канта въ защиту его взгляда на пространство и время, какъ на субъективныя только формы нашего чувственнаго познанія, не имѣющія никакого вѣшня-

го, объективно-реального бытія, сомнительными и необоснованными,—мы должны, однако, и помимо *этихъ* доводовъ, ради научной философской истины, разсмотрѣть, по мѣрѣ силъ, не можетъ ли эта „гипотеза“ Канта о пространствѣ и времени быть оправдана и доказана другими данными, и имѣеть ли она вообще большій или меньшій характеръ достовѣрности съ другихъ точекъ зрѣнія, если не принимать совсѣмъ въ расчетъ приводимыхъ знаменитымъ философомъ—мыслителемъ доводовъ, соображеній и доказательствъ.

Такъ какъ мы признали Кантово ученіе о пространствѣ и времени гипотетичнымъ, а степень вѣроятности всякой гипотезы опредѣляется тѣмъ, насколько естественно и непринужденно объясняются ею имѣющіе къ ней отношеніе факты, то является естественно-необходимымъ разсмотрѣть, насколько естественно и логически—непринужденно, если возможно такъ выразиться, гипотеза Канта о пространствѣ и времени объясняетъ фактъ нашей познавательной дѣятельности. А такъ какъ отрицаніе Кантомъ объективнаго бытія пространства и времени всецѣло вытекаетъ изъ его взгляда на представленія о внѣшнемъ мірѣ, какъ на чисто-субъективныя произведенія нашего я,—то обратимся къ разсмотрѣнію того, насколько естественно и вѣроятенъ такой взглядъ на нихъ.

При этомъ, намъ кажется, слѣдуетъ, прежде всего, обратить вниманіе на нѣкоторые слѣдующіе факты познавательной дѣятельности человѣка.

1. Чувственные впечатлѣнія, ощущенія и воззрѣнія имѣютъ такую необыкновенную, напряженную степень живости, какой представленія, произведенныя съ несомнѣнною очевидностью дѣятельностью одного человѣческаго духа, обыкновенно достигаютъ только въ болѣзненныхъ состояніяхъ. Сверхъ того, первыя нерѣдко даютъ нѣчто новое, тогда какъ послѣднія (психоболѣзненные) представленія составляются нами почти всегда изъ старыхъ, знакомыхъ намъ прошлыхъ воспоминаній и отдѣльных отрывочныхъ частей ихъ. Это послѣднее обстоятельство даетъ большее право объяснять чувственные впечатлѣнія изъ воздѣйствія внѣшняго міра, чѣмъ лишь изъ одного я.

2. Для происхожденія чувственнаго впечатлѣнія необходимо

чувство открытыхъ, въ большей или меньшей степени, для впечатлѣній и ощущеній чувственныхъ органовъ,—а, между тѣмъ, это чувство вовсе не обусловливаетъ необходимаго чувственного впечатлѣнія при неблагоприятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, напр., не обусловливаетъ необходимаго зрительнаго впечатлѣнія въ темнотѣ, обонятельнаго — въ отсутствіи запаха и т. д. Это обстоятельство легко объяснить лишь изъ воздѣйствія внѣшняго міра и весьма трудно изъ одного мыслящаго и познающаго я, безъ всякихъ внѣшнихъ объективно-реальныхъ воздѣйствій.

3. Чувственные представленія, т. е., такія, какія могутъ быть признаны произведенными самостоятельно человѣческимъ духомъ, безъ непосредственныхъ воздѣйствій внѣшняго, объективно-реальнаго міра, возникаютъ въ мышленіи не внезапно, но всегда стоятъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ предшествовавшими по времени представленіями, съ извѣстными ощущеніями, впечатлѣніями, настроеніемъ духа и т. д. Между тѣмъ, напротивъ, чувственные впечатлѣнія въ собственномъ смыслѣ, возникшія отъ воздѣйствій со-внѣ, помимо человѣческаго духа и законовъ мышленія человѣческаго, непосредственно на низшія чувства психо-соматическаго организма человѣка, появляются, по большей части, внезапно и неожиданно и постоянно—безъ внутренней связи съ предшествовавшимъ имъ по времени рядомъ ощущеній, чувствованій и мыслей. Слѣдовательно, если признать, что чувственные впечатлѣнія образуются лишь нашимъ я, безъ воздѣйствія существующаго въ объективной и абсолютной реальности внѣшняго міра, то необходимо будетъ допустить, что законъ послѣдовательности мыслей—то имѣетъ силу въ духѣ, то не имѣетъ. Но это—явное противорѣчіе, психологическая путаница, абсурдъ, съ которымъ не могутъ примириться ни разумъ человѣка, ни извѣстные намъ принципы мышленія и законы, управляющіе душевною жизнью человѣка. Въ такомъ случаѣ было бы болѣе чѣмъ странно и совсѣмъ неизяснимо, напр., это перемежающееся дѣйствіе такого закона, постоянно нарушающаго самого себя, въ прямой разрѣзъ и противовѣсъ законмѣрности, цѣлесообразности и строгому единообразію всѣхъ силъ и законовъ природы,

созданныхъ такъ дивно премудростію, благостію и всемогущест-
вомъ Творца, и тѣмъ болѣе жизнію разумныхъ существъ, представ-
ляющихъ собою вѣнецъ творенія, по слову Божію и по естествен-
ному человѣческому разумнію. Помимо этого, останется тогда не-
понятнымъ и то обстоятельство, что дѣйствіе этого страннаго
„закона“, противнаго самымъ необходимымъ, характернымъ
признакамъ понятія о законѣ, должны были бы, если признать
дѣйствительное существованіе такого явленія, естественно про-
стираться, прежде всего и почти исключительно, именно на
тѣ умственные акты, которые производятся однимъ духомъ,
не простираясь на тѣ акты, произведеніе которыхъ однимъ
нашимъ я—сомнительно. Это обстоятельство естественно и не-
избѣжно приводитъ къ той мысли, или, лучше сказать, убѣж-
денію, что чувственные впечатлѣнія обусловлены воздѣйствіемъ
внѣшняго міра,—по крайней мѣрѣ до извѣстной степени.

4. Внутреннія представленія могутъ быть по произволу вы-
званы, удержаны и повторены сознательною волею,—чувствен-
ныя же впечатлѣнія при открытыхъ органахъ чувствъ вполнѣ
независимы отъ сознательной воли. Это послѣднее явленіе мо-
жетъ быть легко объяснимо воздѣйствіемъ именно внѣшняго
міра, но было бы крайне трудно, странно и мудрено объ-
яснять его изъ одного познающаго и дѣйствующаго лишь субъ-
ективнаго я.

Изъ приведенныхъ нами фактовъ познавательной дѣятельности
человѣка, кажется, достаточно выясняется, что вѣроятность суще-
ствованія самостоятельно, до нѣкоторой степени и въ нѣкоторомъ
смыслѣ отдѣльно и даже какъ бы другъ противъ друга—я дѣй-
ствующаго и познающаго и причинно на него вліяющаго объек-
тивнаго *не—я*—такъ велика, насколько это возможно. Болѣе того,
это для насъ не вѣроятность, а твердое и непосредственное убѣж-
деніе внутренняго чувства и человѣческаго самосознанія. Если,
такимъ образомъ, воспріятіе въ его цѣломъ есть нѣчто вынуж-
денное до нѣкоторой степени извнѣ,—то логически послѣдо-
вательно должно заключить, что и различія въ чувственныхъ
воспріятіяхъ не произошли отъ нашего я самостоятельно, но
и вынуждены отъ него воздѣйствіемъ абсолютно—реальнаго,
объективно существующаго внѣшняго міра. Вѣдь иначе разумъ

человѣчскій рѣшительно ни къ чему не былъ бы обязанъ, если бы этого *ме—я* не было, если бы оно было всегда безразлично, всегда одно и то же, слѣдовательно дѣствовало бы однимъ и тѣмъ же образомъ, потому что оно въ такомъ случаѣ доставляло бы одинъ внѣшній толчокъ. При постоянной одинаковости импульса со стороны внѣшняго міра, нашъ духъ имѣлъ бы полную волю придавать одному и тому же предмету и притомъ при одинаковыхъ условіяхъ—иногда то, иногда другое пространственное или временное опредѣленіе. Но этого не бываетъ въ дѣйствительности. Слѣдовательно, каждое отдѣльное опредѣленіе въ воспріятіи должно приписывать дѣйствію внѣшняго міра, а не субъективно лишь познающаго черезъ чувства *я*. А такъ какъ различныя дѣйствія всегда естественно предполагаютъ также и различныя причины, то мы получаемъ столь же много различій въ познаваемыхъ нами предметахъ, сколько ихъ находится въ воспріятіи. Конечно, эти различія въ объектахъ нашего познанія могутъ быть безпространственной и безвременной природы, а пространство и время—быть только чисто субъективными формами познанія. Но тогда эти различія въ познаваемыхъ нами предметахъ должны бы были двигаться въ двухъ другихъ объективныхъ формахъ, которыя должны были бы тянуться параллельно субъективнымъ формамъ пространства и времени; потому что безъ этихъ другихъ формъ бытія, которыя бы замѣщали во внѣшнемъ мірѣ пространство и время, въ немъ не могло бы быть никакихъ соотвѣтствующихъ воспріятіямъ различій. Но это допущеніе возможности другихъ, только соотвѣтствующихъ пространству и времени, формъ бытія является совершенно безцѣльнымъ, фантастичнымъ и еще болѣе запутывающимъ философскіе вопросы касательно познавательной дѣятельности человѣческаго духа,—оно должно было бы противорѣчить тому общеизвѣстному закону, что природа, по всеобщему признанію, кажется, для своихъ цѣлей избираетъ простѣйшія средства. Признаніе этихъ излишнихъ, ненужныхъ и непонятныхъ формъ бытія, въ замѣнъ пространства и времени, противорѣчило бы дивной и премудрой гармоніи всего міра и Его Всесовершеннаго Творца и Промыслителя. Не говоря уже о томъ, что до-

пущеніе во внѣшнемъ мірѣ такихъ формъ бытія исключало бы возможность всякаго объективнаго познанія вещей и не вознаграждало бы никакою выгодою,—спрашивается, зачѣмъ бы природа пускала, такъ сказать, въ ходъ четыре формы тамъ, гдѣ она можетъ обойтись такъ же хорошо, и даже гораздо лучше, проще и цѣлесообразнѣе, двумя? Такимъ образомъ, естественнѣе и безпринудительнѣе, нежели ученіе Канта, объясняетъ факты нашего познанія тотъ взглядъ на пространство и время, что они суть формы какъ нашего субъективнаго мышленія, такъ и реальнаго объективнаго бытія.

Наконецъ, и помимо всего этого, существуютъ основанія, на которыхъ положительно можно признать философское ученіе о пространствѣ и времени, какъ о чисто субъективныхъ формахъ нашего чувственнаго познанія, крайне сомнительнымъ и даже прямо несостоятельнымъ.

Прежде всего, никакъ нельзя оспаривать тотъ несомнѣнный фактъ нашего сознанія, что пространство и время всегда представляются намъ не иначе, какъ объективными. Мало того, лишить ихъ мысленно объективнаго значенія представляется для насъ дѣломъ величайшей трудности. Такимъ образомъ, можно положительно утверждать, что пространство и время имѣютъ нѣкоторую несомнѣнную долю объективности. Правда, слѣдуя Канту, мы можемъ говорить, что эта ихъ объективность есть только свойство нашей мысли, но что въ самомъ дѣлѣ они субъективны. Однако, такое утвержденіе будетъ имѣть мѣсто одновременно съ неизбѣжностію представлять ихъ и объективными и нисколько не освободитъ насъ отъ внутренняго сознанія этой неизбѣжной объективности. Это показываетъ даже примѣръ самаго Канта. Почитая пространство и время чисто субъективными формами познанія, онъ все-таки, представлялъ ихъ до нѣкоторой степени не иначе, какъ неизбѣжно объективными, быть можетъ самъ того не замѣчая. Это доказывается отчасти многими выраженіями Канта, изъ которыхъ видно, что онъ не могъ отрѣшиться отъ объективности пространства. Такъ, у него встрѣчается слѣдующее выраженіе: если отвлечь отъ предмета чрезъ опытъ познанныя признаки, то „все-же остается *пространство, которое занималъ этотъ*

предметъ (уже совершенно исчезнувшій), *но которое уже невозможно стелечъ* (Критика чист. разума въ пер. Владислава, стр. 4). Въ другомъ мѣстѣ Кантъ выражается такъ: „свободнымъ полетомъ разсѣкая воздухъ и чувствуя его противодѣйствіе, легкой голубь могъ бы вообразить, что онъ еще лучше могъ бы летать *въ безвоздушномъ пространствѣ*“ (стр. 7). Или еще: „въ понятіи матеріи... мыслится тотько ея существованіе *въ пространствѣ, наполняемомъ ею*“ (стр. 14). Правда, можно объяснять эти и имъ подобныя выраженія Канта тѣмъ, что онъ говоритъ здѣсь о пространствѣ съ человѣческой, общепринятой точки зрѣнія: но почему же онъ не могъ замѣнить неточное обычное словоупотребленіе болѣе точнымъ? Не потому ли, что ему при такой замѣнѣ пришлось бы бороться съ голосомъ собственнаго сознанія? Мнѣніе Канта оказывалось бы, такимъ образомъ, въ противорѣчьи съ его собственнымъ сознаніемъ. Чтобы освободиться отъ этого противорѣчія, окончательно подрывающаго мнѣніе о пространствѣ и времени, какъ исключительно субъективныхъ формахъ нашего чувственнаго познанія, Канту надлежало бы показать, вслѣдствіе какихъ причинъ наше сознаніе обманчиво выдаетъ ихъ за объективныя, когда они на самомъ дѣлѣ только субъективны. Но объяснить это, хотя бы лишь повидимому болѣе или менѣе удовлетворительно,—кажется совершенно невозможно.

Сверхъ этого прямого противорѣчія обыкновенному сознанію человѣческаго духа, Кантово ученіе о пространствѣ и времени противорѣчитъ ему еще болѣе или менѣе посредственнымъ и и косвеннымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что ученіемъ знаменитаго нѣмецкаго философа о такъ называемой „трансцендентальной идеальности“ пространства и времени весь міръ превращается въ какой-то пустой призракъ, такъ какъ внѣшній міръ мы не можемъ представить иначе, какъ заключеннымъ въ пространство и времени. Какое же значеніе, спрашивается, должны имѣть въ такомъ случаѣ естественныя науки, занимающіяся исключительно предметами, которые представляются намъ, нашему воспріятію и сознанію, не иначе, какъ только въ пространствѣ и времени? Какова же будетъ достовѣрность математическихъ истинъ, если онѣ толкуютъ о томъ, что существ-

вуетъ только въ насъ? Зачѣмъ послѣ этого дано намъ стремленіе и желаніе постигнуть вещь, какъ она есть,—желаніе, представляющее собою живой, напрягающій нервъ всякаго познанія?..—Вотъ къ сколькимъ недоумѣніямъ и противорѣчіямъ нашему сознанію должно естественно приводить признаніе пространства и времени исключительно субъективными формами нашего познанія. Не служитъ ли уже одно это свидѣтельствомъ неосновательности такого признанія.

Далѣе, мнѣніе о пространствѣ и времени, какъ только о субъективныхъ формахъ нашего познанія въ смыслѣ ученій Канта, противорѣчитъ различнымъ обстоятельствамъ пріобрѣтенія нами пространственныхъ воспріятій. Такъ, чувства зрѣнія и осязанія получаютъ соотвѣтствующія впечатлѣнія отъ совершенно различныхъ свойствъ тѣла, чрезъ совершенно различную среду и посредствомъ различныхъ фізіологическихъ процессовъ. Не смотря на это, отъ этихъ чувствъ получаемъ мы пространственныя воспріятія, въ которыхъ обнаруживается наивозможно большее согласіе и взаимное подтверженіе. Если бы сами объекты не были пространственны, но существовали бы въ какой-либо другой формѣ бытія, то было бы совершенно необъяснимо, что они столь различными путями могутъ производить въ душѣ столь согласныя пространственные образы, что напр., видимый нами шаръ въ осязаніи никогда не покажется намъ кубомъ или чѣмъ другимъ, а непременно всегда шаромъ,—и только. Если же допустить предположеніе, что пространство есть реальная (не опытно—реальная въ смыслѣ Канта, а реальная сама по себѣ—объективно и абсолютно) форма бытія, то эта необъяснимость и чудесность, если такъ можно выразиться, даннаго явленія исчезаетъ сама собою, и явленіе становится естественнымъ и понятнымъ для насъ.

Кромѣ приведенныхъ доводовъ болѣе отрицательнаго характера, противъ мнѣнія, что пространство и время суть только субъективныя формы нашего чувственнаго познанія, могутъ быть приведены еще нѣкоторыя соображенія болѣе положительнаго характера.

Прежде всего, намъ кажется, что пространство и время нельзя всецѣло смѣшивать и отождествлять съ протяженіемъ и

продолжительностью. Правда, протяженіе и продолжительность есть всегда протяженіе и продолжительность *чего-нибудь*. Значить, это—въ нѣкоторомъ смыслѣ то же пространство и время, но только съ прибавленіемъ *предметнаго* элемента. Но если отнять этотъ эмпирическій элементъ, то останется то-же, но уже чистое понятіе пространства и времени. Слѣд., здѣсь сродство, но не тождество понятій. Между тѣмъ, пространство и время недѣлимы, не состоятъ изъ частей, не увеличиваются и не уменьшаются сами по себѣ,—тогда какъ протяженіе и продолжительность дѣлимы,—потому что пространство и время могутъ отдѣлять части ихъ другъ отъ друга,—и, слѣдовательно, состоятъ изъ частей и могутъ увеличиваться и уменьшаться. Всѣ такъ называемыя геометрическія формы собственно суть видоизмѣненія протяженія, а не пространства; равнымъ образомъ, и измѣненія или виды времени суть только видоизмѣненія продолжительности, а не самаго времени. Пространство же и время въ данномъ случаѣ являются необходимыми условіями этихъ видоизмѣненій. Такимъ образомъ, протяженіе и продолжительность, съ одной стороны, предполагаютъ пространство и время, а съ другой—отличаются отъ нихъ. Слѣдовательно пространство есть только какъ бы возможность протяженія, а время—какъ бы возможность продолжительности,—хотя, несомнѣнно, объективно и реально существующія, или, иначе говоря, протяженіе и продолжительность суть лишь извѣстныя условныя формы пространства и времени.

Отсюда, для логически-естественнаго рѣшенія вопроса о пространствѣ и времени предстоить рѣшить другой вопросъ: протяженіе и продолжительность суть ли только наши представленія, или, сверхъ того, они даны намъ въ реальной дѣйствительности. Въ безусловной зависимости отъ рѣшенія этого послѣдняго вопроса, въ непремѣнной и ближайшей причинной связи съ нимъ стоитъ и интересующій насъ вопросъ о пространствѣ и времени, какъ предметахъ нашего человѣческаго познанія. Дѣйствительно, если протяженіе и продолжительность даны намъ въ объективной дѣйствительности, то тогда будетъ ясно, что и возможность ихъ будетъ, несомнѣнно, только дѣйствительная, а не представляемая или воображаемая.

Поэтому, не безразличнымъ представляется для насъ хотя бы поверхностное разслѣдованіе и того, нѣсколько неопредѣленнаго, вопроса, объективны ли сами по себѣ, въ реальной дѣйствительности, протяженіе и продолжительность?

Вопросъ этотъ, намъ кажется, разрѣшается вполне положительно, т. е., что протяженіе и продолжительность, несомнѣнно, объективны. Что протяженіе и продолжительность не суть наши представленія, но имѣютъ объективное бытіе,—это видно уже изъ того, что представленія протяженія и продолжительности не суть самое протяженіе и продолжительность—ибо представленіе треугольника само въ себѣ не треугольно, представленіе столѣтія не длится сто лѣтъ и т. п.

Это отличіе протяженія и продолжительности отъ представленій показываетъ, что они не могутъ быть формами чисто чувственныхъ субъективныхъ впечатлѣній или чувственныхъ представленій, ибо протяженіе и продолжительность только могутъ быть представляемы, но сами по себѣ отнюдь—не представленія.

Такимъ образомъ, изъ рассмотрѣнія отношенія протяженія и продолжительности вытекаетъ заключеніе, что онѣ имѣютъ объективное, абсолютно-реальное бытіе.

Еще менѣе выступаетъ объективный характеръ протяженія и продолжительности, если обратить вниманіе на отношеніе ихъ къ вещамъ, даннымъ намъ въ опытѣ. Всякому, кто болѣе или менѣе серьезно и тщательно вдумается въ это, замѣтно станетъ, что онѣ суть неотъемлемыя принадлежности вещей, относящіяся къ вещамъ, какъ слѣдствія къ причинамъ. Безъ сомнѣнія, такой взглядъ и самое слововыраженіе многимъ могутъ показаться нѣсколько странными: вещи здѣсь являются какъ-бы производящими извѣстное протяженіе и продолжительность, а послѣднія—формами, опредѣляемыми вещами. Но такое причинное отношеніе вещей къ протяженію можно видѣть и выводить уже изъ того, что протяженіе осуществляется всегда посредствомъ движенія, для произведенія котораго нужна необходимо какая-либо сила реальная. Что касается продолжительности, то ее можно представить только чрезъ пребываніе въ извѣстныхъ опредѣленіяхъ, которыя становятся

намъ извѣстными или изъ опыта, или же умозрительно, смотря по тому, къ какому предмету относятся опредѣленія—эмпирическому, или умозрительному. О дѣйствительности продолжительности можно заключать изъ того факта, что относительно продолжительности можно сказать только одно *есть*, но никогда—*было* или *будетъ*. Продолженіе, какъ и предметъ, всегда въ настоящемъ. Когда оно становится прошедшимъ, то его уже собственно нѣтъ, ибо оно уже прошло. Подобнымъ образомъ, пока еще нѣтъ продолженія, если оно представляется будущимъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, есть не самое продолженіе, но только умственное представленіе его. И такъ, продолженіе есть лишь тогда, когда есть пребываніе, а пребываніе есть тогда, когда есть какой-нибудь пребывающій или существующій въ извѣстной опредѣленности предметъ, способный придавать эту опредѣленность самому себѣ, или принимать ее отъ другихъ.

Такимъ образомъ, какъ протяженіе, такъ и продолжительность нѣкоторымъ образомъ производятся вещами, какъ бы изъ слѣдствія, и неотдѣлимы отъ вещей, какъ ихъ опредѣленія. Вслѣдствіе этого, они должны имѣть такое-же предметное значеніе, какое имѣютъ и всякія другія опредѣленія вещей.

Но если протяженіе и продолжительность дѣйствительно имѣютъ объективное бытіе, то и возможности ихъ, если можно такъ выразиться, или, точнѣе говоря, то цѣлое, части и извѣстныя формы котораго они представляютъ, т. е., пространство и время—очевидно должны имѣть также объективное значеніе и существованіе реальное въ собственномъ смыслѣ. При этомъ, не будетъ ли справедливѣе мыслить не вещи въ пространствѣ и времени, а, напротивъ, эти послѣднія въ вещахъ? Должно лишь отрѣшиться отъ Кантовой точки воззрѣнія, отъ его понятія объ опытной лишь реальности пространства и времени въ томъ смыслѣ, что они реальны, доколѣ мы имѣемъ дѣло съ предметомъ въ опытѣ, какъ съ явленіемъ, но не существуютъ на самомъ дѣлѣ. Да, пространство и время не могутъ мыслиться нами въ чистомъ видѣ, они, можно сказать, неотдѣлимы отъ вещей, какъ и вещи отъ нихъ. Но это еще не значить, что они не имѣютъ объективнаго существованія и суть лишь извѣстныя формы нашего внутренняго представленія, присущія

одному только воспринимающему субъекту. Напротивъ, эта самая неотдѣлимость пространства и времени отъ вещей, это ихъ совмѣстное взаимоотношеніе и внутреннее наше сознаніе, по которому мы не можемъ мыслить вещи иначе, какъ въ пространствѣ и времени, а пространство и время иначе, какъ въ вещахъ, явно свидѣтельствуемъ объ ихъ объективномъ бытіи.

Вообще, взглядъ Канта на пространство и время, какъ на субъективныя только формы нашего чувственнаго познанія, страдаетъ крайнею и очевидною односторонностію, какъ и вся его „Трансцендентальная эстетика“. Обращая исключительное вниманіе свое на воспринимающаго субъекта, Кантъ слишкомъ мало вниманія на объекты познанія и часто не видитъ или отрицаетъ объективно-реальное бытіе тамъ, гдѣ оно не можетъ не быть. Вѣдь, безъ объектовъ познанія не можетъ быть самаго познанія. Недостаточно еще признавать лишь объективное существованіе вещей, нами познаваемыхъ. Такую же объективность должно приписывать и формамъ, въ которыхъ мы ихъ неизбежно мыслимъ, признакамъ, которые отъ нихъ неотдѣлимы, условіямъ, внѣ которыхъ онѣ, по нашему сознанію, не могутъ существовать, т. е., прежде всего и болѣе всего пространству и времени. Признавая объективное бытіе этого міра вещей, которыя мы познаемъ, было бы прямою несообразностію отрицать объективность пространства и времени, считая ихъ одними лишь чистыми (скорѣе туманными), субъективными опредѣленіями вещей со стороны лица воспринимающаго. Кантово ученіе о пространствѣ и времени слишкомъ гипотетично и не имѣетъ подъ собою никакой твердой почвы и надлежащихъ въ свою пользу доказательствъ. Но оно, сверхъ того, не имѣетъ возможности объяснить наши познанія внѣшняго міра и противорѣчить нѣкоторымъ фактамъ изъ области человѣческаго сознанія и познанія. Безъ сомнѣнія, пространство и время можно признать „интеллектуальными формами возрѣнія“, но это не есть еще чисто субъективный характеръ ихъ, усвояемый имъ Кантомъ. Мы называемъ ихъ „интеллектуальными формами возрѣнія“ совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ понималъ ихъ Кантъ,—какъ будто пространство и время не имѣютъ объективнаго существованія, т. е., не существуютъ на са-

момъ дѣлѣ. Направленія, по которымъ достигаютъ до нашихъ органовъ чувствъ лучи свѣта, звука и теплоты, скорѣе приводятъ насъ къ тому заключенію, что исходныя точки зрѣнія, т. е., *дѣтели* или *сочетанія силъ*, находятся въ пространственномъ протяженіи другъ подлѣ друга, и надъ и подъ другъ другомъ, и научное изслѣдованіе, открывая намъ пути небесныхъ тѣлъ, Кеплеровы и Ньютоновы законы, равно какъ на землѣ законы кристаллизаціи и законы оптики и акустики, рѣшительно подтверждаетъ объективность пространства и времени. Если же мы говоримъ, что субъектъ сознаетъ внѣшній міръ подъ *интеллектуальными формами пространства и времени*, то этимъ просто выражается только то, что пространство и время *не только* въ объектѣ существуетъ объективно, но что и субъектъ, съ своей стороны, обладаетъ способностью *воспринимать* эти *формальныя* протяженія,—другими словами, что существующему во внѣшнемъ мірѣ *измѣримому* протяженію соотвѣтствуетъ въ субъектѣ *измѣряющее*. Если бы это было не такъ, то мы точно также не могли бы доходить до понятій о пространствѣ и времени, т. е., о высотѣ, широтѣ, глубинѣ, о прошедшемъ и будущемъ, какъ, напр., не доходить до этихъ понятій и растеніе; мы точно также не въ состояніи были бы постигнуть, напр., ученіе Пифагора, какъ не можетъ постигать его и животное. Такимъ образомъ, пространство и время субъективны и апіорны. Но они въ то же время непремѣнно должны быть и объективны, быть объективными формами внѣшнихъ вещей. Если бы пространство и время не имѣли объективнаго бытія, не существовали бы на самомъ дѣлѣ, если бы въ мірѣ не существовало никакой перемѣны, если бы вселенная, во всѣхъ своихъ частяхъ, оставалась равною самой себѣ, неподвижною и неизмѣнною,—то не было бы и никакой возможности воспринимать различіе въ пространствѣ и времени, дѣлать какія либо пространственныя и временныя измѣренія и опредѣленія. Но такъ какъ все течетъ (древнее изреченіе—*πάντα ῥεῖ*), такъ какъ вещи ясно представляются нашимъ чувствамъ въ постоянномъ движеніи и, слѣд., въ различныхъ измѣреніяхъ,—то отсюда происходитъ объективное различіе между временными или пространственными пунктами *a*, въ ко-

торыхъ вещи находились въ томъ или другомъ видѣ, и другими пунктами пространства и времени *b, c, d*, въ которыхъ онѣ были въ иномъ. А если такъ, то необходимо признаніе объективнаго бытія пространства и времени, безъ чего не было бы возможно и самое наше чувственное познаніе. Если мы не можемъ мыслить вещи иначе, какъ въ пространствѣ и времени,—то они должны существовать въ дѣйствительности, имѣть объективное, реальное бытіе. Такимъ образомъ, должно признать, что пространство и время заключаютъ въ себѣ два элемента: субъективный и объективный, т. е., съ одной стороны, они суть необходимыя представленія а priori и субъективныя условія нашего чувственного познанія, съ другой стороны—они суть объективныя формы внѣшнихъ вещей. И это элементы—не противорѣчивые, а, напротивъ, неразрывно связанные между собою, такъ что одинъ безъ другаго не мыслимъ при чувственныхъ воспріятіяхъ внѣшняго міра: пространство и время служатъ какъ бы посредниками между мыслящимъ и воспринимающимъ субъектомъ и воспринимаемыми и познаваемыми вещами, объектами чувственного познанія, и потому необходимо должны быть въ одно и то же время и субъективны, и объективны.

Но если ученіе Канта о пространствѣ и времени, какъ о чисто субъективныхъ формахъ нашего чувственного познанія, не имѣющихъ дѣйствительнаго, объективнаго существованія, и страдаетъ крайнею, очевидною односторонностью и должно быть признано несостоятельнымъ, то все-же за знаменитымъ кѣнигсбергскимъ мыслителемъ нельзя не признать здѣсь великой заслуги человѣческой мысли. Вообще нужно замѣтить, что заслуги Канта для философіи весьма важны по множеству плодотворныхъ и свѣтлыхъ мыслей, внесенныхъ имъ въ обращеніе. Замѣчательный его трудъ, извѣстный въ полномъ своемъ видѣ и составѣ подъ именемъ „Критики чистаго разума“, имѣетъ все свое значеніе и для настоящаго времени. Онъ поучителенъ для насъ какъ своими достоинствами, такъ даже и своими недостатками. Множество глубокихъ замѣчаній относительно способовъ нашего познаванія, весьма подробный и тонкій анализъ движеній нашего познающаго ума дѣлаютъ „Критику чистаго разума“ неизбѣжною для всякаго, кто хотѣлъ бы дать

себѣ отчетъ въ способѣ своего познаванія. Въ частности, это замѣчаніе можно отнести и къ „Трансцендентальной эстетикѣ“ Канта, къ его ученію о пространствѣ и времени. Если мы постараемся забыть крайнюю его односторонность и посмотримъ на предметъ нѣсколько съ другой стороны, то для насъ нѣсколько выяснится философское значеніе этого ученія. Кантъ съ особенною ясностью, какъ никто до него, указалъ апріорность нашихъ понятій о пространствѣ и времени, которыя, какъ мы видѣли, несмотря на свое дѣйствительное, объективное бытіе, имѣютъ соотвѣтственныя идеи въ нашемъ умѣ до опыта и иначе не могли бы нами быть постигнуты. Кантъ впалъ въ ошибку и крайнюю односторонность, доказывая исключительно субъективный характеръ пространства и времени, какъ *только* субъективныхъ, будто-бы, формъ нашего чувственного познанія,—но его заслуга въ томъ, что онъ убѣдительно указалъ на ихъ субъективный характеръ и тѣмъ защитилъ достоинство человѣческаго духа отъ посягательствъ со стороны новѣйшаго матеріализма, все пытающагося объяснять физиологическими лишь причинами, ставящаго человѣческое познаніе въ исключительную зависимость отъ воздѣйствія внѣшняго міра и игнорирующаго воспринимающаго субъекта, мыслящій человѣчскій духъ, прирожденныя идеи и апріорныя понятія. Наконецъ, поучительны и самые недостатки ученія Канта о пространствѣ и времени. Недостаточная психологія Вольфовой школы, положенная Кантомъ въ основу своихъ изслѣдованій и въ частности его „Трансцендентальной эстетики“, крайній формализмъ мысли и даже педантизмъ ея, узкая односторонность его взгляда на пространство и время,—все это должно побуждать къ новой постановкѣ вопросовъ и новой ихъ обработкѣ, побуждать философскую мысль и приводить ее къ болѣе правильному выясненію понятій о пространствѣ и времени и ихъ соотношенія съ мыслящимъ субъектомъ и внѣшнимъ объективнымъ міромъ. И, несмотря на заблужденія и односторонность Канта въ его ученіи о пространствѣ и времени,—и тутъ многія его замѣчанія могутъ быть приняты за руководящія начала и вносятъ новыя мысли въ наше умственное обращеніе...

Н. С.

ИЗБРАННЫЕ ТРАКТАТЫ ПЛОТИНА.

(Переводъ съ греческаго языка подъ редакціей профессора
Г. В. Малеванскаго).

(Продолженіе *).

К Н И Г А 5-я.

О томъ, что единое тождественное сущее вездѣ, во всемъ присутствуетъ во
всей своей цѣлости—изслѣдованіе второе (περί τοῦ τὸ ὅν ἐν καὶ ταῦτόν
ὅν ἅμα πανταχοῦ εἶναι ὄλον—δεύτερον).

Всеобщая вѣра людей въ единого вездѣ сущаго Бога. Доказательства истинны этой
вѣры. Отношеніе единого всеобъемлющаго абсолютно сущаго къ множественности
бытія въ сверхчувственномъ и въ чувственномъ мірѣ. Отношеніе матеріи къ идеѣ.
Мировая душа, какъ единый источникъ жизни для всего одушевленнаго. Отноше-
ніе чувственнаго міра, существующаго въ формѣ пространства и времени, къ
сверхчувственному міру непротяженному и вѣчному.

Что единое по числу и тождественное по существу начало
присутствуетъ вездѣ во всей своей цѣлости,—это есть убѣжде-
ніе, общее всѣмъ людямъ, ибо всѣ безотчетно, въ силу нѣко-
ею природнаго инстинкта говорятъ, что Богъ, присущій каж-
дому изъ насъ, есть одинъ и тотъ же (во всѣхъ и во всемъ).
И, когда люди говорятъ такъ, напрасно стали бы вы требовать
отъ нихъ объясненія, какъ это Богъ присутствуетъ въ насъ, и
спрашивать, на чемъ основывается это ихъ убѣжденіе: они въ
состояніи отвѣтить лишь одно,—что такъ оно есть (а иначе
быть не можетъ): покоясь на этомъ убѣжденіи, возникающемъ
одновременно съ первымъ пробужденіемъ мысли, они будутъ
твердить все одно, что должно существовать нѣчто единое и

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1898 г., № 24.

тождественное и ни за что не отрекутся отъ этого единства. Это убѣжденіе представляетъ собою начало крѣпчайшее, до-
 стовѣрнѣйшее всѣхъ началъ,—начало, которое изначала звучитъ въ душахъ нашихъ, которое, конечно, наблюденіемъ вещей болѣе проясняется и подтверждается, но возникаетъ въ насъ и присуще намъ прежде всего прочаго, даже прежде положенія, гласящаго, что все стремится къ благу, ибо само это положеніе истинно лишь подъ тѣмъ условіемъ, если всѣ существа нуждаются въ единствѣ, стремятся къ единству, образуютъ единство. Это единое, нисходя насколько возможно въ иное, кажется многимъ и на самомъ дѣлѣ является въ извѣстномъ отношеніи какъ множество, но его первоначальная природа и его стремленіе къ благу, будучи (на самомъ дѣлѣ) стремленіемъ къ самому себѣ, приводитъ (это его множество) къ реальному единству, къ которому стремится всякая природа, насколько всякая хочетъ утвердить саму себя, ибо благо всякой такой единой и единичной природы не въ иномъ чемъ состоитъ, какъ въ томъ, чтобы быть самой собою и для себя, утверждаться на себѣ—словомъ, чтобы быть единою, единичною. Поэтому вполне справедливо говорится, что благо такой природы заключается въ ней самой, есть ея собственное благо, котораго нечего ей искать внѣ себя. Да и какъ это, спрашивается, благо могло бы находиться гдѣ-то внѣ сущаго, то есть, падать въ область несущаго? Такъ какъ благо не есть же что либо несущее, то ясно, что оно можетъ находиться лишь въ области сущаго. А если такъ, если благо само есть сущее и находится всегда въ сущемъ, то это значитъ, что, пребывая въ самомъ себѣ, оно въ то же время присуще и каждому изъ насъ (ибо существуемъ же мы). Итакъ, мы сами не далеки отъ сущаго, такъ какъ всѣ мы въ немъ находимся и оно не далеко отъ насъ. Выходитъ, что всѣ существа (какъ существующія) представляютъ собою въ этомъ отношеніи одно (цѣлость сущаго).

2. Такъ какъ разумъ человѣческой, занимающийся рѣшеніемъ этого вопроса (о природѣ истинно-сущаго), самъ не представляетъ чистаго единства, а кромѣ того въ своемъ изслѣдованіи обращается къ природѣ тѣлѣ и отсюда заимствуетъ для него основополагающіе принципы, то не удивительно, что онъ и

природу бытія сверхчувственнаго раздѣляетъ, считая ее похожею на природу тѣлесную, и приходитъ къ отрицанію ея единства; иначе и быть не можетъ, когда изслѣдованіе выходитъ изъ принциповъ, не соответствующихъ (природѣ предмета). Поэтому, намъ, въ основу нашего изслѣдованія о единствѣ абсолютно-сущемъ, слѣдуетъ положить начала самыя достовѣрныя, т. е., ноуменальныя свойственныя ноуменамъ и способныя выразить природу истинно-сущаго. Въ самомъ дѣлѣ, все чувственное, находящееся въ непрерывномъ движеніи, претерпѣвающее всяческія измѣненія, и вездѣ во всякомъ мѣстѣ раздѣленное, не можетъ быть названо бытіемъ въ строгомъ смыслѣ слова, а лишь бываніемъ ¹⁾; напротивъ бытіе сверхчувственное, какъ вѣчное, есть бытіе не раздѣленное,—оно остается всегда себѣ равнымъ и тождественнымъ, не происходитъ и не гибнетъ, не занимаетъ никакого пространства, не заключается ни въ какомъ опредѣленномъ мѣстѣ, не входитъ никуда и не выходитъ ни откуда, но пребываетъ всегда въ самомъ себѣ. Когда идетъ рѣчь о природѣ тѣлѣ, то конечно можно и должно выходить изъ понятія объ этой природѣ и ея свойствахъ и путемъ силлогистическаго умозаключенія получить болѣе или менѣе вѣроятныя положенія: но когда рѣчь идетъ о бытіи ноуменальномъ, тогда въ основу изслѣдованія должно полагать природу той сущности, которая составляетъ предметъ его, изъ нея самой извлекать всѣ начала его, совсѣмъ уже не обращаться къ иной природѣ, какъ бы по забывчивости, но исключительно только изъ этой одной (сверхчувственной) сущности извлекать понятіе о ней, ибо (по ученію Логики) и вездѣ вообще сущность предмета (*τὸ ἔστι*) должна служить исходнымъ пунктомъ всякаго о немъ изслѣдованія, и хорошее опредѣленіе вещи даетъ указаніе и на многія ея свойства. Поэтому, когда рѣчь идетъ о бытіи ноуменальномъ, гдѣ сущность составляетъ все, то тутъ уже все вниманіе слѣдуетъ сосредоточить на сущности, ея одной постоянно держаться, къ ней одной все относить.

3. Итакъ, если ноуменальное бытіе есть такое истинно-су-

¹⁾ ὁ δὲ θεὸς γένεσιν ἄν πρῶτος δινομάζειν, ἀλλ' οὐκ οὐσίαν. Это положеніе тоже цѣлымъ взято у Платона. См. Филѳъ 54—56.

щее, которое не подвержено никакому измѣненію, никогда не удаляется отъ себя, исключаетъ изъ себя всякое бываніе и не занимаетъ никакого мѣста, то изъ такой его природы слѣдуетъ также, что оно всегда находится въ самомъ себѣ, что оно не имѣетъ частей, находящихся на извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи—одна здѣсь, другая тамъ и т. д., что оно никогда не выходитъ изъ самого себя вовнѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ оно находилось бы во многихъ различныхъ субстратахъ, или по крайней мѣрѣ въ какомъ либо одномъ, и тогда уже не было бы недоступно страданію, ибо находится въ чемъ либо другомъ значить быть подверженнымъ страданію; а такъ какъ оно не подвержено никакому страданію, то оно не находится ни въ какомъ другомъ субстратѣ. А если такъ,—если оно не удаляется отъ себя, не дѣлитъ себя, но пребываетъ въ себѣ, какъ единое цѣлое, и можетъ находиться сразу во многомъ, не терпя отъ этого никакого измѣненія, то это значить, что оно, открываясь во многихъ существахъ, остается во всѣхъ ихъ однимъ и тѣмъ же, то есть, что оно пребываетъ вмѣстѣ и въ самомъ себѣ и внѣ себя, такъ какъ оно не представляетъ изъ себя одного опредѣленнаго существа, но всѣ существа участвуютъ въ немъ по мѣрѣ своей къ нему близости, зависящей отъ того, насколько они способны приближаться къ нему. Такимъ образомъ, остается одно изъ двухъ, или отвергнуть сейчасъ установленныя нами начала и положенія и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицать бытіе ноуменальнаго міра, или же, если нельзя отречься отъ признанія его бытія, принять, какъ несомнѣнную истину, высказанное нами въ самомъ началѣ положеніе, что истинно—сущее есть единое по числу, тождественное и нераздѣльное цѣлое. Оно не удалено ни отъ одного изъ существъ, но для этого (чтобы быть имъ близкимъ и присущимъ) оно вовсе не изливается такъ, чтобы нѣкоторыя части его существа отдѣлялись (и входили въ нихъ); нѣтъ, оно во всей цѣлости пребываетъ въ самомъ себѣ, и когда оно производитъ что либо низшее, менѣе совершенное, то при этомъ не покидаетъ себя и не распространяетъ себя здѣсь или тамъ въ этихъ другихъ вещахъ: допустить противное значило бы согласиться, что оно находится на одной сторонѣ, а созданныя имъ вещи на другой, и что оно, существуя от-

дѣльно отъ вещей, занимаетъ мѣсто. Умѣстно тутъ еще и такое соображеніе: что касается вещей происшедшихъ (отъ еди-наго сущаго), то каждая изъ нихъ представляетъ или цѣлое бытіе или только часть его; если она есть только часть его въ такомъ разѣ она не обладаетъ природою цѣлаго; а если она есть цѣлое, тогда мы должны или согласиться, что она можетъ быть раздѣлена на столько же частей, какъ и то все, въ составъ котораго она входитъ, или скорѣе уже признать, что единое тождественное бытіе можетъ находиться одновременно вездѣ во всей своей цѣлости.

Аргументація эта опирается на самой вещи ноуменальной и ея сущности и не содержитъ въ себѣ ничего чуждаго этой сущности, ничего заимствованнаго изъ области иной (тѣлесной) природы.

4. Слѣдуетъ твердо помнить, что Богъ не здѣсь только присутствуетъ, а тамъ отсутствуетъ, но вездѣ есть. Всѣ, имѣющіе понятіе о божествѣ, обыкновенно вѣруютъ и говорятъ, что не только этотъ Богъ (единный, высочайшій) есть вездѣсущій, но и всѣ вообще боги таковы,—такъ вѣруютъ, потому что и разумъ требуетъ этой вѣры. Но если Богъ вездѣ присущъ, то это именно потому, что во всемъ нѣтъ никакого раздѣленія, а иначе онъ и не могъ бы присутствовать вездѣ, ибо если-бы онъ состоялъ изъ частей, то одна часть его находилась бы здѣсь, другая тамъ,—кромѣ того, въ такомъ разѣ Онъ не былъ бы единымъ, ибо былъ бы похожъ на пространство, раздѣленное на множество частей, онъ уничтожился бы отъ такого раздѣленія, и части его не составляли бы изъ себя одного цѣлаго, словомъ, онъ былъ бы тѣломъ. Поелику же это невозможно, то необходимо признать за истину то, чему нѣкоторые не хотятъ вѣрить, но что удостоверяется вѣрою всѣхъ людей, истекающею изъ самой природы человѣка, именно, что Богъ присутствуетъ одновременно вездѣ во всей цѣлости и въ тождествѣ своего существа. И если мы такую Его природу назовемъ безконечною на томъ основаніи, что для нея нѣтъ и не можетъ быть никакихъ границъ, то не то ли это будетъ значить, что она есть вседѣлющая—такая, въ которой нѣтъ ничего ей недостающаго? А если ничего нѣтъ такого, что ей бы не доставало, то это потому и это значить, что она присутствуетъ

во всемъ существующемъ, ибо еслибы она въ чемъ либо не присутствовала, то это значило-бы, что въ иныхъ мѣстахъ ея нѣтъ и что ей недостаетъ чего-то (того, что въ нихъ находится). Существа, которыя (по своей природѣ) ниже Первоединого, существуютъ совмѣстно съ нимъ, и хотя слѣдуютъ послѣ него, но около него и въ немъ находятся, какъ его порожденія (*ὅλον γέννημα*), такъ что если что либо въ нихъ участвуетъ, то участвуетъ также и въ немъ. Такъ какъ въ сверхчувственномъ мірѣ есть существа перваго, второго и третьяго порядка, такъ какъ они группируются около одного центра одного и того же круга, такъ какъ они находятся здѣсь всѣ вмѣстѣ, не раздѣляемые другъ отъ друга никакими пространственными промежутками, то это значитъ, что существа перваго или второго порядка находятся тамъ же, гдѣ и существа третьяго порядка, и наоборотъ.

5. Для большей ясности представленія (этой формы существованія) очень часто прибѣгаютъ къ образу круга, въ которомъ изъ одного центра исходитъ множество радіусовъ; подобно этому говорятъ и тамъ (въ сверхчувственномъ мірѣ отъ первоединого) происходитъ множество существъ. Но къ положенію, что происходящее тамъ многое существуетъ разомъ и вмѣстѣ, необходимо присовокупить слѣдующую оговорку: даже въ кругѣ сливающіеся въ одно (въ центрѣ) радіусы могутъ быть принимаемы за особые, отдѣльные (даже въ центрѣ), такъ какъ кругъ все таки есть поверхность; но гдѣ нѣтъ пространства и протяженія свойственнаго даже поверхности, гдѣ имѣютъ мѣсто однѣ лишь непротяженныя силы и сущности, тамъ эти силы и сущности легко могутъ быть представлены, какъ такіе особые центры, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ одинъ и тотъ-же единственный центръ, на подобіе того, какъ и всѣ радіусы, представляемые въ самомъ началѣ до распространенія ихъ въ пространствѣ, должны бы составлять изъ себя одну точку съ своимъ центромъ. Когда же затѣмъ радіусы распространятся въ пространствѣ, то они будутъ зависѣть отъ тѣхъ точекъ, изъ которыхъ вышли, при чемъ каждая точка будетъ имѣть свой особый центръ, не отдѣлимый однакожъ отъ перваго (общаго всѣхъ) центра; эти центры, не смотря на со-

единеніе всѣхъ ихъ въ одномъ первомъ центрѣ, будутъ также и особыми индивидуальными, ибо образуютъ изъ себя число—число какъ разъ равное числу радіусовъ, для которыхъ они послужили началомъ; сколько радіусовъ выходитъ изъ центра и опять въ немъ сходится, столько же для нихъ есть и центровъ, и однакожъ всѣ они составляютъ одинъ и тотъ же центръ. Сравнивая ноумень съ центрами, которые совпадаютъ въ одномъ центрѣ и сливаются здѣсь въ одно, и въ то же время кажутся особыми и многими въ радіусахъ, въ которыхъ они лишь раскрываются; но вовсе ими сами не поражаются, мы думаемъ дать этимъ сравненіемъ еще болѣе ясное представленіе о тѣхъ сущностяхъ, состоя изъ которыхъ, ноуменьальная природа (при единствѣ) есть множественная и вездѣсущая.

6. Въ самомъ дѣлѣ ноумены, представляя изъ себя множество, образуютъ также и единство, и наоборотъ составляя единство, по причинѣ своей безконечной (не объятой пространственными границами) природы, образуютъ множество; тутъ многое въ единомъ и единое во многомъ и все вмѣстѣ; каждая сущность устремлена своею энергіею на все цѣлое и вмѣстѣ съ нимъ, и даже когда направляетъ ее на какую либо часть, дѣйствуетъ на нее совмѣстно съ цѣлымъ, ибо хотя первое ея дѣйствіе на эту часть имѣетъ видъ частнаго дѣйствія, но въ него входитъ и дѣйствіе цѣлаго, какъ напр. когда человѣкъ въ себѣ (идея, сущность), входя въ какого либо человѣка, и становится этимъ именно особымъ человѣкомъ, то отъ этого онъ вовсе не перестаетъ быть человѣкомъ въ себѣ; человѣкъ тѣлесный (*ὁ ἀνθρώπος ἐν τῇ ὕλῃ*), происходящій отъ человѣка идеальнаго (*ὁ ἀνθρώπος κατὰ τὴν ἰδέαν*), который есть одинъ единственный, производитъ множество человѣческихъ индивидуумовъ, которые однакожъ всѣ одинаково суть люди именно потому, что одно тождественное нѣчто (идея) налагаетъ на все множество одну и ту же печать. А это значить, что человѣкъ въ себѣ, что каждый ноумень, что вся цѣлость ихъ не во множествѣ (индивидуальныхъ вещей) находится, а напротивъ (это видимое) множество въ томъ сверхчувственномъ мірѣ содержится, или вѣрнѣе, какъ бы располагается вокругъ его, ибо иначе напр. бѣлизна присутствуетъ во всемъ тѣлѣ и совсѣмъ

иваче одна тождественная душа присутствуетъ во всѣхъ членахъ организма; вотъ именно такъ (какъ душа въ органахъ тѣла) истинно-сущее вездѣ и во всемъ присутствуютъ.

7. И мы своимъ существованіемъ и своимъ существомъ утверждаемся всецѣло на этомъ сущемъ, къ нему всегда обращены, ибо въ немъ лежитъ наше начало. Вѣдь мы мыслимъ ноумены, не прибѣгая къ образамъ и отраженіямъ, и это значитъ, что мы сами принадлежимъ къ числу ихъ, и когда мы бываемъ причастны истиннаго знанія, то это не потому, что мы ихъ воспринимаемъ, или овладѣваемъ, а потому что къ нимъ возносимся и въ средѣ ихъ находимся. Такъ какъ кромѣ насъ есть эти подобныя намъ ноуменальныя сущности, то (вслѣдствіе нашего сходства съ ними) мы всѣ принадлежимъ къ числу ноуменовъ, и, какъ ноумены, существуемъ совмѣстно со всѣми прочими, и вмѣстѣ съ ними составляемъ одно цѣлое. Когда мы направляемъ взоръ вовнѣ а не туда, гдѣ мы коренимся (духовною природою), то конечно не можемъ усмотрѣть нашего единства (со всѣмъ сверхчувственнымъ цѣлымъ), и насъ можно въ этомъ разѣ уподобить множеству лицъ, которыя на внѣшній взглядъ кажутся многими, не смотря на то, что въ существѣ всѣ они растутъ и держатся на одной и той же головѣ. Но если бы каждое изъ этихъ лицъ, собственно ли силою, или движимое Авиную, могло обратиться на самое себя, то оно увидѣло бы въ себѣ и Бога и все; конечно, сразу оно не увидитъ себя какъ единое все, но глядя все больше и больше и не находя нигдѣ точки опоры для очерченія собственныхъ границъ и для опредѣленія, доколѣ собственно простирается его собственное бытіе, оно въ концѣ концовъ оставитъ попытку отличить и отдѣлить себя отъ всеобщаго бытія, и такимъ образомъ, не двигаясь впередъ, не перемѣняя мѣста, очутится тамъ же, гдѣ это всеобщее бытіе,—само окажется этимъ бытіемъ.

8. Намъ кажется, что всякій, вдумывающійся въ вопросъ объ участіи матеріи въ идеяхъ (*ἢ τῆς ὕλης τῶν εἰδεῶν μετάληψις*), согласится съ нашимъ возрѣніемъ, и не станетъ его оспаривать, какъ такое, которое допускаетъ нѣчто невозможное. На нашъ взглядъ, слѣдуетъ считать за вѣроятное и необходимое, что природа вещей вовсе не такъ устроена, чтобъ особо нахо-

дѣлись тамъ-то идеи, и особо вдали отъ нихъ находилась матерія, въ которую потомъ откуда-то свыше исходитъ осіяніе (ἔλλαμψις). Такое представленіе, на нашъ взглядъ лишено всякаго смысла, ибо какой тутъ могутъ имѣть смыслъ такія представленія, какъ особо, отдѣльно, вдали? А о томъ уже и говорить нечего, что при такомъ представленіи дѣла участіе въ идеяхъ (всего тѣлеснаго) представляло бы нѣчто самое неудобопостижимое и неудобовыразимое. Между тѣмъ познано и выяснено оно можетъ быть лучше всего посредствомъ примѣровъ и сравненій. И мы иногда употребляемъ тутъ выраженіе излученіе, осіяніе, но мы усвоаемъ ему здѣсь совсѣмъ не то значеніе, въ какомъ употребляемъ его въ примѣненіи къ чувственнымъ вещамъ, когда говорятъ объ излученіи, исходящемъ изъ одного предмета въ другіе. Такъ какъ матеріальныя вещи суть образы, первообразы которыхъ суть идеи, то и мы говоримъ, что онѣ освѣщаются идеями, чтобы дать этимъ понять, что освѣщаемое есть нѣчто совсѣмъ иное и особое отъ того, что его освѣщаетъ. Но чтобы быть вполне точными, мы должны къ этому присовокупить, что идея вовсе не отдѣлена мѣстомъ отъ матеріи и вовсе не такъ отражается въ матеріи, какъ тѣлесный предметъ въ водѣ, что напротивъ матерія отовсюду окружаетъ идею, примыкаетъ къ ней, не касаясь ея (какъ внѣшней вещи) и при такой близости, безъ посредства чего либо третьяго, вся воспринимаетъ отъ идеи столько, сколько воспринять способна, между тѣмъ какъ идея при этомъ вовсе не распространяется по всей матеріи и не носится надъ нею, но не перестаетъ пребывать въ самой себѣ. Напримѣръ, такъ какъ идея огня сама не находится въ матеріи, и мы вслѣдствіе этого принимаемъ матерію за общій субстратъ всѣхъ стихій, то идея огня, не нисходя въ матерію, даетъ всей ей форму огня, дѣлаетъ огненною, послѣ чего огонь (чувственный), какъ имѣющій въ матеріи свой субстратъ, является уже, какъ разнообразная, большая или меньшая масса. То же самое примѣнимо и ко всѣмъ такъ называемымъ стихіямъ. Итакъ, если этотъ единый идеальннй огонь усматривается потомъ повсюду, гдѣ онъ отражаетъ свой образъ, то онъ производитъ это отраженіе себя въ матеріи, не находясь въ иномъ, чѣмъ она, мѣстѣ на подобіе

того, какъ тѣлесный предметъ въ чемъ либо отражается, а иначе онъ весь былъ бы данъ гдѣ либо для нашего чувственнаго воспріятія (на подобіе предмета отражающагося въ чемъ либо). Если же онъ весь является въ каждомъ изъ многихъ своихъ образовъ, то это благодаря тому обстоятельству, что огонь (чувственный) самъ уже производитъ для себя мѣста, между тѣмъ какъ идея его пребываетъ въ самой себѣ (а не въ какомъ либо мѣстѣ), ибо становясь множественнымъ, онъ необходимо разбѣгается (въ пространствѣ) и удаляется, хотя, ставъ множественнымъ, не перестаетъ участвовать въ одномъ и томъ же принципѣ (отражать въ себѣ одну и ту же идею или форму огня). Такъ какъ идея недѣлима, то она ни малѣйшей части самой себя не отдаетъ матеріи, но не смотря на свое нераздѣльное единство, она не бессильна отпечатлѣвать форму свою въ томъ, что само по себѣ чуждо ея единства (и представляетъ чистую раздѣленность, т. е., матерію) и становится присущею сразу всей вселенной не такъ, что одною своею частію формируетъ одну ея часть, другою—другую, но сама будучи цѣлою, формируетъ сразу все и каждое порознь. Смѣшно было бы предполагать, что есть много идей огня, что каждый огонь образуется по особой идеѣ; это значило бы, что идей (одного и того же содержанія) есть безконечное множество. Да и какъ можно раздѣлить другъ отъ друга явленія, производимыя огнемъ, когда огонь (по своему субстрату) есть нѣчто единое и непрерывное? Вѣдь если подложить подъ эту часть матеріи другой огонь и увеличить его, то развѣ можно сказать, что тутъ какая то совсѣмъ другая и иная идея (или сила) огня дѣйствуютъ, а не та самая (одна единственная), которая вездѣ производитъ одно и то же дѣйствіе?

9. Если согласиться, что всѣ стихіи, по образованіи ихъ, составляютъ одно цѣлое, имѣющее форму шара, тогда нельзя уже допустить, что этотъ шаръ произведенъ многими дѣятелями, изъ коихъ одинъ произвелъ одну часть его, другой другую, но необходимо признать его произведеніемъ одного и того же создателя, притомъ такого, который въ дѣйствіи созданія шара присутствовалъ нераздѣльно весь, а не производилъ одну часть его одною своею частію, другую другою, ибо въ послѣднемъ

случаѣ шаръ все таки былъ бы произведеніемъ многихъ дѣятелей, если бы во всей цѣлости своей не былъ произведеніемъ одного недѣлимаго начала. Но понятво, что такое единое недѣлимое начало не изливается же само во всю массу производимаго имъ шара, а напротивъ шаръ весь на немъ (его силою) держится, другими словами, одна и та же жизнь проникаетъ и охватываетъ весь шаръ, который такимъ образомъ весь содержится въ этой одной и той же жизни (а не она въ немъ). Такимъ-то образомъ все, что содержится въ этомъ шарѣ (во вселенной), объемлетъ и проникается одною и тою же жизнію, и всѣ души составляютъ одну душу, которая вслѣдствіе этого есть единая и вмѣстѣ безконечная. Вотъ почему нѣкоторые философы выражались, что *душа есть число*, а другіе прибавляли, что *душа увеличивается вмѣстѣ съ числомъ*, желая дать понять, что нѣтъ ничего такого, въ чемъ бы отсутствовала душа, что она вездѣ и во всемъ, не переставая въ самой себѣ быть тѣмъ, что она есть. Это значитъ, что если бы міръ могъ стать еще большимъ, чѣмъ каковъ онъ есть, то и тогда у души достало бы силъ на все и вся, потому что и тогда онъ весь содержался бы во всей душѣ (т. е., въ универсальной). Такимъ образомъ выраженіе: „*душа увеличивается вмѣстѣ съ числомъ*“ слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ, а въ томъ смыслѣ, что душа, не смотря на свое единство, не отсутствуетъ ни въ чемъ, присутствуетъ вездѣ, ибо единство ея вовсе не есть такое, которое подлежитъ измѣренію и какое свойственно той или иной природѣ (тѣлесной), которая тщетно претендуетъ быть единою и касается единою лишь насколько участвуетъ въ истинномъ единствѣ. Въ строгомъ смыслѣ слова единое есть только то бытіе, которое не составляется изъ многихъ особыхъ частей, а иначе постепенное отнятіе каждой изъ его частей повело бы къ уничтоженію его единства и цѣлости, потомъ-то, которое не отдѣлено никакою границею отъ всего прочаго (многаго), а иначе ему пришлось бы или не достигать до всего, если бы это все оказалось большимъ, чѣмъ оно, или растягиваться въ желаніи стать въ уровень со всѣмъ, и касаться частей этого всего своими частями, вмѣсто того, чтобъ присутствовать во всемъ вездѣ во всей своей цѣлости; а кромѣ того, такъ какъ при та-

кой своей раздробленности, оно не составляло бы одного непрерывнаго сосредоточеннаго въ себѣ дѣла, то ему самому неизвѣстно было бы, гдѣ оно находится. Итакъ, если это бытіе есть единое въ истинномъ смыслѣ слова, если единство составляетъ саму сущность его, то оно должно извѣстнымъ образомъ содержать во власти и силѣ своей и противоположную природу, т. е., множество; мало того, необходимо, чтобъ оно, это множество, имѣло не внѣ себя, а у себя и отъ себя, другими словами,—чтобъ оно, будучи единымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ было многимъ и безконечнымъ. Будучи же таковымъ, оно вездѣ является во всей своей дѣлности какъ единый разумъ, который самъ себя обнимаетъ и обнимая или держа себя въ самомъ себѣ, нигдѣ не удаляется отъ себя, но вездѣ пребываетъ въ самомъ себѣ; онъ не отдѣляется мѣстомъ и отъ всѣхъ другихъ вещей, ибо онъ существовалъ прежде всѣхъ тѣхъ вещей, которыя существуютъ въ формѣ пространства; онъ не имѣлъ въ нихъ никакой нужды, напротивъ онѣ нуждались въ немъ какъ въ своей основѣ, но не смотря на то, что всѣ онѣ на немъ были утверждены, онъ все таки продолжаетъ назыблемо пребывать въ самомъ себѣ, и если бы какъ нибудь онъ двинулся (изъ себя), тогда всѣ прочія вещи тотчасъ погибли бы и исчезли, лишившись въ немъ той основы, на которой всѣ утверждаются. Но, не можетъ быть никакого разумнаго основанія для того, чтобы онъ, обладавшій совершеннымъ бытіемъ благодаря тому обстоятельству, что пребываетъ въ самомъ себѣ, вдругъ отчуждался отъ себя, удалялся изъ себя и ввѣрилъ свое существованіе той невѣрной измѣнчивой протяженной природѣ, которая для своего сохраненія сама въ немъ нуждается.

10. Итакъ, это истинно-сущее въ самомъ себѣ пребываетъ всею своею премудростію и ни во что другое само не входитъ, но за то всѣ прочія вещи устремлены къ нему, и это страстное стремленіе указываетъ имъ, гдѣ оно находится. Стремленіе это похоже на ту настойчивую любовь, которая готова проводить дни и ночи у дверей того, кого она любитъ, которая хочетъ находиться всегда совнѣ подлѣ красоты, движимая желаніемъ владѣть ею и считая за счастье участвовать въ ней. Подобно этому и любящій красоту сверхчувственную не овладѣваетъ ею самою, а только находясь вблизи ея, наслаждается

участиемъ въ ней, между тѣмъ какъ она въ самой себѣ пребываетъ, и вотъ почему часто многіе любятъ одну и ту же красоту, любятъ ее притомъ во всей ея цѣльности, и если владѣютъ ею,—по мѣрѣ своихъ силъ, то владѣютъ, или по крайней мѣрѣ желаютъ владѣть ею во всей ея цѣлости. Развѣ мыслимо, что это истинно-сущее не довлѣетъ для всего (что въ немъ участвуетъ), пребывая въ самомъ себѣ? Оно довлѣетъ для всего именно потому, что, пребывая въ самомъ себѣ (какъ единое цѣлое), въ тоже время красотою своею присущее всему во всей своей цѣлости.

Подобно красотѣ и мудрость (τὸ φρονεῖν) присуща всему (что участвуетъ въ ней) во всей цѣлости, а не такъ, что одна часть ея здѣсь, другая тамъ, ибо смѣшно было бы думать, что она нуждается въ мѣстѣ, такъ какъ, вѣдь, она совсѣмъ не то есть, что бѣлизна (въ тѣлѣ) и вообще не есть что либо тѣлесное. Поэтому, если правда, что всѣ мы участвуемъ въ мудрости, то несомнѣнно также и то, что сама мудрость пребываетъ въ себѣ какъ единое цѣлое, и когда мы участвуемъ въ ней, то имѣемъ не разныя части ея, а всю цѣликомъ, притомъ такъ, что та цѣлостная мудрость, которую ты имѣешь, есть не иная, а та самая, которую цѣликомъ и я имѣю. Нѣкоторое подобіе этого отношенія (многихъ къ единой мудрости) представляютъ народныя собранія и всякія совѣщанія, на которыхъ всѣ присутствующіе всегда одно лишь имѣютъ въ виду—прийти къ одному мудрому рѣшенію: тутъ каждый въ отдѣльности какъ будто не способенъ мудрствовать, а собравшись вмѣстѣ и соединившись въ разсужденіи объ одномъ и томъ же, всѣ поражаютъ, или точнѣе находятъ одну для всѣхъ мудрость (т. е., одно всѣмъ являющееся, какъ самое мудрое, рѣшеніе). Да и что въ самомъ дѣлѣ могло бы раздѣлять другъ отъ друга умы, такъ чтобъ они не объединялись въ одномъ и томъ-же (всеобъемлющемъ) умѣ? Но, хотя всѣ мы, какъ умы, совмѣщаемся (въ этомъ одномъ умѣ), намъ кажется, что нѣтъ (что мы отдѣльны и отъ него и другъ отъ друга), на подобіе того, какъ тому, кто касается одного и того же предмета различными пальцами, кажется, что касается каждый разъ все иной и иной вещи, или какъ тому, кто ударяя по одной и той же струнѣ лиры (различными пальцами), кажется, что ударяетъ по разнымъ струнамъ.

А теперь слѣдуетъ сказать, какимъ образомъ мы душами нашими участвуемъ въ благѣ. Вѣдь и тутъ—благо, котораго ты достигъ, не иное, чѣмъ то, котораго я достигъ, а то же самое. Но, когда я говорю *то же самое*, то и то разумѣю, что отъ одного и того же блага истекаетъ на насъ обоихъ различныя дѣйствія такимъ образомъ, что само благо находится гдѣ-то тамъ высоко, между тѣмъ какъ дары его ниспадаютъ сюда (на землю),—а то хочу сказать, что дающій благо тутъ присущъ тѣмъ, которые получаютъ, чтобъ они поистинѣ воспринимали его, что онъ источаетъ свои дары лишь тѣмъ существамъ, которыя стоятъ во внутренней съ нимъ связи, но не тѣмъ, которыя были бы совсѣмъ чужды ему (имѣли бы совсѣмъ иную природу), потому что духовные дары сообщаются не путемъ пространственной передачи. Вѣдь наблюденіе говоритъ, что даже тѣла, не смотря на раздѣляющее ихъ другъ отъ друга разстояніе, способны воспринимать одни и тѣ же воздѣйствія и совпадать между собою въ одинаковомъ у всѣхъ ихъ результатѣ этихъ воздѣйствій; мало того, вѣдь всѣ дѣйствія и страданія тѣлъ во вселенной истекаютъ изъ ея собственнаго ло-на,—такъ что ничто въ нее не вторгается отвнѣ. А если такъ, если даже тѣлесное—бытіе, которое по самой природѣ своей подвержено непрерывному теченію и всегда какъ бы убѣгаетъ отъ самого себя, ничего отвнѣ не воспринимаетъ, то какимъ образомъ могла бы воспринимать что либо отвнѣ сущность непротяженная? Изъ этого слѣдуетъ, что если мы созерцаемъ благо и касаемся его, то это благодаря тому обстоятельству, что содержимся и находимся всѣ въ одномъ и томъ же началѣ—находимся тамъ тою стороною нашего существа, которая имѣетъ (такую же, какъ и оно) ноуменальную природу.

Ко всему этому можно присовокупить еще и то соображеніе, что сверхчувственный міръ долженъ обладать единствомъ въ гораздо высшей степени, чѣмъ міръ чувственный, а иначе мы имѣли бы два чувственныхъ міра, ибо, чѣмъ, спрашивается, отличался бы кругъ міра сверхчувственнаго отъ круга чувственнаго, еслибы не превосходилъ послѣдняго своимъ единствомъ? Слѣдовательно, онъ и въ самомъ дѣлѣ отличается отъ послѣдняго (болѣе совершеннымъ единствомъ). Ибо еще болѣе смѣшно было бы допустить, что между тѣмъ какъ одинъ изъ

этихъ міровъ имѣеть свойственную ему и соразмѣрную съ его природою массу, другой, не нуждающійся ни въ чемъ подобномъ (въ протизженной массѣ), тоже чего-то растягивается и отъ себя самого удаляется. Да и что можетъ служить помѣхою тому, чтобы въ сверхчувственномъ мірѣ всѣ сущности были въ единствѣ? Вѣдь тамъ одна сущность не отталкиваетъ отъ себя другую вслѣдствіе невозможности быть имъ обѣимъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, подобно тому какъ не мѣшають другъ другу ваше пониманіе той или иной мысли, теоремы, моему пониманію или какъ не мѣшаютъ другъ другу разныя знанія находиться въ одной и той же душѣ. Но такое единство (возможное для представленій, понятій, вообще дѣятельностей), обыкновенно возражаютъ, не можетъ имѣть мѣста для субстанцій. Конечно не могло бы, если было истиннымъ предположеніе, что даже субстанціи въ истинномъ смыслѣ слова суть тѣлесныя массы.

11. Но какъ, спрашивается, сверхчувственное бытіе, будучи непротяженнымъ, можетъ простираться на все тѣло вселенной, которая такъ громадна? И какъ оно при этомъ можетъ оставаться тождественнымъ и не раздробленнымъ? Мы не разъ уже выдвигали это возраженіе, желая положить конецъ всѣмъ сомнѣніямъ и недоумѣніямъ по этому предмету; мы неоднократно старались доказать, что такъ оно есть и должно быть, а не иначе ¹⁾, но не будутъ, конечно, излишни и новыя соображенія по этому вопросу. Не послѣднимъ, а напротивъ самымъ главнымъ основаніемъ нашихъ доказательствъ служило понятіе о природѣ сверхчувственнаго бытія, какъ такой, которая не представляетъ ничего похожаго на камень или громадную глыбу, которая своимъ объемомъ занимаетъ въ пространствѣ опредѣленное мѣсто и никоимъ образомъ не можетъ выступить изъ границъ своихъ, потому что мѣрою ея массивности и ея силы служить ея собственная природа—природа камня, вообще глыбы. Сверхчувственное бытіе, напротивъ, будучи бытіемъ первичной природы, не имѣеть ограниченнаго и измѣримаго протяженія, такъ какъ само оно служить мѣрою для всей чувственной природы и представляетъ собою силу всеобъемлющую,

¹⁾ Объ этомъ будетъ рѣчь въ этой самой Энеидѣ—въ 7-й книгѣ; объ этомъ трактуетъ и 7-я книга 3-й Энеиды.

превосходящую всякую опредѣленную величину. Равнымъ образомъ, оно и во времени не находится, а существуетъ внѣ времени, потому что и время представляетъ нѣчто раздѣленное, слагающееся непрерывно изъ отдѣльныхъ интерваловъ, между тѣмъ какъ оно вѣчно, а вѣчность остается всегда тождественною,—она господствуетъ надъ временемъ и превосходитъ его своею вѣчною силою,—тогда какъ время имѣетъ лишь теченіе безконечное. Время можетъ быть сравнено съ линіею, которая, хотя простирается въ безконечность, но постоянно стоитъ въ зависимости отъ своей исходной точки, вокругъ которой она движется, такъ что, какъ бы далеко ни шла линія, повсюду можно усмотрѣть эту неподвижную точку, около которой она вращается. Если же такимъ образомъ время (своимъ теченіемъ въ безконечность) представляетъ лишь нѣкоторую аналогію съ тѣмъ истинно-сущимъ, которое, пребывая въ своемъ тождествѣ, безконечно не только своею вѣчностью, но также и своимъ могуществомъ, то понятно, что это истинно-сущее (не только могло, но и) должно было въ силу своего безконечнаго могущества произвести иную природу, которая, изъ него истекая и на немъ утверждаясь, къ нему и направляется и даже, хочетъ поравняться бѣгомъ во времени съ его силою, которая пребываетъ неизмѣнно въ самой себѣ. Но ясно, что эта его сила все-таки выше той иной природы, ибо она дѣлаетъ то, что эта иная природа стремится растянуться въ параллель и въ уровень съ нею.

Но какъ, почему эта низшая природа участвуетъ въ сверхчувственномъ бытіи, и въ какой степени можетъ участвовать въ немъ? Участвуетъ она въ немъ потому, что она во всей цѣлости своей присутствуетъ вездѣ, хотя конечно не входитъ въ каждую отдѣльную вещь цѣликомъ, по причинѣ ея безсилія, неспособности воспринять его цѣлымъ; оно одинаково присутствуетъ вездѣ, но не такъ напримѣръ какъ треугольникъ матеріальный, а такъ, какъ треугольникъ идеальный, которымъ опредѣляются (въ построеніи) всѣ треугольники матеріальные. Почему вещественный, чувственный треугольникъ не можетъ находиться вездѣ, подобно идеальному? Потому что матерія не участвуетъ вся въ цѣлости въ этомъ идеальномъ треугольникѣ, потому что она кромѣ этой принимаетъ и многія другія фор-

мы, потому что вообще не вся она воспринимаетъ каждый изъ ноуменовъ, какъ и первичная (т. е. сверхчувственная) природа съ своей стороны не сразу непосредственно входитъ во все безразлично, но сперва въ самые первые и высшіе роды сущаго, и уже чрезъ нихъ во всѣ существа, и такимъ образомъ всегда присуща всей вселенной.

12. Но какъ и почему она присуща всей вселенной? Она присуща всей вселенной какъ единая нераздѣльная жизнь: вѣдь, въ живомъ существѣ жизнь простирается не до извѣстныхъ только границъ, за которыми ея уже нѣтъ, но находится въ немъ вездѣ. А кто захотѣлъ бы спросить, какъ же она можетъ находиться вездѣ, тотъ долженъ припомнить себѣ, что сила жизни не есть опредѣленная какая либо и ограниченная величина, а напротивъ такова, что какъ бы далеко ни простиралось въ мысленномъ анализѣ ея дѣленіе, она всегда сохраняетъ свой основной характеръ безконечности. Кромѣ того, она не содержитъ въ себѣ никакого вещества, а это значить, что она не можетъ быть, подобно массѣ, раздробляема на части и путемъ постепеннаго дѣленія приведена въ ничто. И если вы уразумѣли и можете представить себѣ эту жизнь безконечную и вѣчную, эту природу неустанную и неистощимую и настолько полную, что она, какъ бы кипитъ жизнью, переливается черезъ край, то, куда бы вы ни направили вашъ взоръ, на чемъ бы ни сосредоточили свое вниманіе, развѣ можете сказать, что ея тамъ, или здѣсь нѣтъ? Напротивъ, какъ не найдете вы ничего превышающаго ее своею величиною, такъ и не остановитесь ни на чемъ такомъ безконечно-маломъ, которому она ничего уже не могла бы дать вслѣдствіе истощенія (во всемъ прочемъ).

Кому удастся погрузиться своею мыслию въ единое всеобъемлющее сущее и очутиться въ его лонѣ, тотъ не ищетъ сверхъ этого ничего больше, а иначе ты удалишься отъ него и, обративъ вниманіе на что либо постороннее, утратишь сознаніе его присутствія въ тебѣ. Ничего болѣе (кромѣ его) не желая и не ища, ты почувствуешь въ себѣ присутствіе не какой либо части его, а всего его; въ этомъ состояніи ты даже себя самого не будешь сознать и представлять какъ такого-то (какъ индивидуальное я), потому что погрузишься въ то всеобъемлю-

щее сущее и самъ какъ бы станешь таковымъ. Каждый изъ насъ и первоначально былъ таковымъ, но къ первоначальной природѣ присоединилось и вѣчто другое, что сдѣлало насъ худшими, потому что это другое имѣетъ свое начало, не въ томъ всеобъемлющемъ сущемъ, которое не допускаетъ никакого увеличенія, а въ томъ, что ему противоположно. Каждый изъ насъ, становясь индивидуумомъ вслѣдствіе присоединенія (къ первоначальной природѣ) несущаго, тѣмъ самымъ выдѣляется изъ области бытія универсальнаго, и наоборотъ по мѣрѣ того, какъ отрѣшается отъ несущаго, онъ какъ бы увеличиваетъ, расширяетъ свое бытіе. Но только когда мы всецѣло отрѣшаемся отъ всего прочаго, въ насъ вселяется то истинно-сущее, а въ противномъ случаѣ не является намъ. Впрочемъ, когда оно бываетъ присуще намъ, то это не то значить, что оно прошло, приблизилось къ намъ (а то, что мы себя къ нему приблизили), равнымъ образомъ, когда оно не присуще намъ, то это потому, что мы отъ него удаляемся (а не оно отъ насъ); строго говоря, мы даже не удаляемся отъ него, такъ какъ оно всегда и вездѣ близко къ намъ,—а только отворачиваемся отъ него, направляя себя на что либо иное, или даже противное ему. Подобнымъ образомъ, боги нерѣдко, въ присутствіи многихъ, являются только одному изъ всѣхъ присутствующихъ, потому что этотъ одинъ способенъ зрѣть ихъ,—боги, которые (по словамъ Гомера) принимая различные образы, посѣщаютъ разныя страны ¹⁾). Но всѣ страны—вся земля и все небо во власти того высочайшаго Бога находятся, чрезъ него и въ немъ существуютъ. Отъ него же происходитъ все сущее, всѣ истинныя (сверхчувственныя) сущности до души и жизни включительно, и всѣ онѣ, на немъ одномъ утверждаясь бытіемъ своимъ, составляютъ единство, которое безконечно, потому что изъята изъ условій пространства.

Профессоръ Г. В. Малеванскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Одиссея XVII, 486. Παντοῦ τοι τελέθοντες ἐπιστροφῶσι πόλιν.

Иудейскія и Христіанскія идеи въ книгахъ Сивилль.

(Окончаніе *).

II.

Особенныя идеи въ книгахъ сивилль: 1, отличительныя идеи сивиллы іудейской.

Самое значительное мѣсто въ 3-й сивиллиной книгѣ іудейскаго происхожденія занимаютъ мессіанскія ожиданія. Царство Мессіи іудейская сивилла описываетъ красками, какія грубое воображеніе іудеевъ всегда давало мессіанской идеѣ. „Въ то время, представляетъ сивилла, Богъ пошлетъ изъ странъ, гдѣ восходитъ солнце ¹⁾), царя, который восторжествуетъ надъ своими врагами оружіемъ или свяжетъ ихъ узами и даруетъ миръ всей землѣ. Все это онъ совершитъ не по собственному разсужденію, но повинувась велѣнію великаго Бога. Тогда народъ всемогущаго Господа снова будетъ жить въ изобиліи: онъ украсится золотомъ и серебромъ, будетъ блистать въ пурпуровой одеждѣ, обогатится всѣми благами, какія принесутъ ему плодородная земля и море“... ²⁾ А земля принесетъ ему урожай пшеницы, вина и елей, и всякихъ плодовъ; небо ниспошлетъ ему сладкій напитокъ меда, источники потекутъ чистымъ и сладкимъ молокомъ; у него уродится много овецъ... Землетрясеніе, засуха и голодь не коснутся его ³⁾)... Но все это и богатство и изобиліе—будетъ общимъ достояніемъ, и имъ будутъ пользоваться всѣ, ибо добрый законъ низойдетъ къ людямъ съ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 5.

¹⁾ Въ другихъ стихахъ—„съ неба“, см. 3, 286.

²⁾ 3, 652—661.

³⁾ Ibidem, 743—753, 573—585, 611—623

сіяющаго неба—справедливость, единомудріе, любовь и гостепріимство; вслѣдствіе чего чужды будутъ людямъ зависть, раздоры, воровство, убійство, раболѣпство¹⁾ и всякіе другіе пороки,—и пророки оставляютъ тогда свои угрозы²⁾. Изображеніе мессіанскихъ благъ въ нѣкоторыхъ отрывкахъ носитъ слѣды поразительно близкаго вліянія Библии. Таковы, напримѣръ, стихи, гдѣ говорится, что всѣ холмы въ то время будутъ сравнены, высокія горы, моря и всякія тропинки будутъ удобо-проходимыми путями³⁾; таковъ, напримѣръ, и слѣдующій отрывокъ: „Радуйся, Госпожа,—обращается сивилла къ будущей матери Мессіи,—радуйся и веселись (собств.—скачи), потому что Основавшій небо и землю посылаетъ тебѣ вѣчную радость. Въ тебѣ обитать будетъ и чрезъ тебя явится безсмертный свѣтъ. Волкъ и ягненокъ, медвѣдь и теленокъ тогда будутъ пастись на горахъ другъ съ другомъ; пантера будетъ щипать траву вмѣстѣ съ козленкомъ, и плотоядный левъ, подобно быку, смиренно жуетъ мякину изъ яслей; маленькія дѣти поведутъ его на поводѣхъ, ибо Онъ (безсмертный Свѣтъ—Мессія) сдѣлаетъ животныхъ земныхъ ручными. Драконъ⁴⁾ почиваетъ вмѣстѣ съ груднымъ ребенкомъ и не причиняетъ ему вреда, потому что Богъ защищаетъ его“⁵⁾. Въ это блаженное время евреи построятъ новый храмъ Богу, а цари персидскіе принесутъ имъ, въ качествѣ подарка для храма, золото, серебро и хорошо скованное желѣзо⁶⁾. „Чада Божіи будутъ жить въ мирѣ вокругъ храма и въ радости получать будутъ дары, которые даруетъ имъ Тотъ, кто есть Творецъ міра, его Судія и царь. Онъ защищаетъ ихъ Своею всесильною помощію, какъ-бы стѣною, окружающею человѣка отъ пылающаго огня... Тогда изумленные острова и города воскликнутъ въ одинъ голосъ: посмотрите, какъ Богъ любитъ этотъ народъ! Онъ исполнилъ его всѣми благами, онъ отдалъ въ его распоряженіе самое небо,—солнце и луна служатъ ему“⁷⁾... Но изумленіе это

1) Ibidem, 373—380.

2) Ibidem, 780 и слѣд.

3) 3, 784—794. Эти стихи вошли въ 4-ю эклогу Вергилія, см. Friedlieb Einleitung, § 17, seit. XXXIX.

6) Ibidem, 289—294.

3) 3, 776—779.

4) Злая женщина.

7) Ibid. 702—713.

смѣняется у нѣкоторыхъ язычниковъ завистью и ненавистью къ іудеямъ. Они составляютъ союзъ и пойдутъ войною на іудеевъ, „безумные дерзнуть поднять мечъ на храмъ іудейскій“¹⁾... Однако войны не будетъ въ мессіанское время²⁾. Богъ грозно обличитъ союзниковъ у стѣнъ іудей, поглотитъ ихъ небеснымъ огнемъ и трупами ихъ наполнитъ земныя пропасти. „Тогда узнаютъ они, замѣчаетъ сивилла, гнѣвъ безсмертнаго Бога. Рыданіемъ и плачемъ огласятъ землю удѣлѣвшіе отъ пораженія, но они быстро онѣмѣютъ, захлебнувшись въ потокахъ крови; а дикіе звѣри насытятся ихъ трупами“³⁾. Иначе прославленіе евреевъ повліяетъ на другихъ язычниковъ. Изумившись ему, они обратятся къ евреямъ съ такой мольбою: „падемъ на землю и будемъ умолять безсмертнаго царя—высочайшаго Бога... Допустите насъ идти къ храму; предоставьте и намъ всѣмъ исполнять законъ великаго Бога, ибо Онъ есть единый Господь, а законъ Его—справедливѣйшій изъ всѣхъ законовъ земныхъ. Мы уклонились отъ пути безсмертія, почитали издѣлія рукъ—всякіе тлѣнные идола... Но дозвоьте намъ пасть предъ лицомъ народа Божія⁴⁾, дозвоьте воспѣть намъ Бога нашимъ Творцомъ. Такимъ образомъ, іудейская сивилла выпускаетъ язычниковъ въ царство Мессіи только чрезъ нѣкотораго рода униженіе ихъ предъ евреями.

Горделивое сознаніе послѣдними своихъ преимуществъ и превосходства предъ всѣми другими людьми мы имѣли случай отмѣтить при изложеніи ихъ нравственныхъ воззрѣній. Но всего яснѣе это горделивое сознаніе выразилось въ слѣдующей пышной похвалѣ потомству Авраама. „Есть въ Халдеѣ городъ, говоритъ сивилла, называемый „Уръ“, откуда произошло потомство людей справедливыхъ, одушевленныхъ благочестивыми чувствами и преданныхъ всякаго рода добрымъ дѣламъ. Они не занимались ни гаданьемъ по свѣтиламъ небеснымъ, по глубинѣ морскихъ водъ или полету птицъ, ни предсказательствомъ всякаго рода, ибо все это порождаетъ разные пороки и уклоняетъ людей отъ законныхъ путей и законныхъ дѣлъ. Поступать справедливо—вотъ ихъ единственная забота; скупость

1) Сивилла пророчески изображаетъ минувшій для насъ историческій фактъ.

2) Ibid. 708 и др.

3) 3, 669—697.

4) Ibid. 714—726.

изгнана изъ ихъ сердца вмѣстѣ съ печалями, которыя она влечетъ за собой. Всюду у нихъ правильныя мѣры,—и всякій мирно довольствуется тою частью, которая дана ему въ селѣ или городѣ. Между ними нѣтъ воровъ, скрывающихся во мракѣ ночи, и никто не расхищаетъ въ стадахъ козловъ, ягнятъ или воловъ. У нихъ богатый не оскорбляетъ бѣднаго,—и богатство состоитъ въ томъ, чтобы, какъ можно больше, раздавать бѣднымъ отъ своего имѣнія. Въ этомъ они слѣдуютъ заповѣди своего Бога, Который создалъ землю такъ, чтобы она была общою для всѣхъ¹⁾. Сивилла изобличаетъ во лжи самоё себя, когда говоритъ немножко дальше, что и евреевъ постигали бѣдствія за то, что они „нетвердо соблюдали заповѣди бесмертнаго Бога“²⁾.—Кромѣ этихъ идей можно отмѣтить еще, какъ встрѣчающіеся только у іудейской сивиллы, рассказы о божественномъ освобожденіи евреевъ изъ Египта и Синайскомъ Законодательствѣ³⁾—указаніе на служеніе іудеевъ человѣчеству, какъ „проповѣдниковъ жизни“⁴⁾, и мысль, довольно неопредѣленно, впрочемъ, выраженную о томъ, что законъ дѣлаетъ людей несчастными для того, чтобы знали они, что есть единственный Богъ—Судія, всыскатель проступковъ, и нѣтъ другого Бога, кромѣ Него“⁵⁾.

2. Отличительныя идеи сивиллы іудео-христіанской.

Въ іудео-христіанской части сивиллинныхъ оракуловъ мы встрѣтились съ интересными воззрѣніями на природу и историческую судьбу человѣка, на личность Мессіи—Христа, на язычниковъ, какъ членовъ Его царства, и съ указаніемъ на евхаристію.

Преобладающими чертами въ природѣ человѣка іудео-христіанская сивилла считаетъ властолюбіе и роскошь въ одеждѣ. „Люди“, восклицаетъ она, почему вы, какъ будто-бы будучи бессмертными на землѣ, не миритесь съ мыслью о кратковременности своего господства на ней и желаете господствовать болѣе, чѣмъ это свойственно смертнымъ? Вы никогда не размышляете о томъ, что Богъ презираетъ властолюбцевъ. Болѣе

¹⁾ 3, 218—246, см. также 586—595. ²⁾ Ibidem. 275—276.

³⁾ Ibidem. 247—264.

⁴⁾ Ibidem, 194—195.

⁵⁾ Ibidem. 758—759.

всего между вами ненасытны властью (римскіе) цари. Дурные, безбожны—они уготовляютъ себѣ тартаръ. Въмѣсто прекрасныхъ дѣлъ и добрыхъ желаній вы любите верхнія одѣянія изъ пурпуровой матеріи“. Сивилла угрожаетъ за такое пристрастіе къ власти и одеждѣ судомъ Божиимъ ¹⁾). Очевидно, здѣсь она выражаетъ гнѣвъ своихъ единовѣрцевъ, который вызывали въ нихъ римскіе императоры и патриціи своимъ необузданнымъ своеволіемъ и безграничною роскошью.

При взглядѣ на прошедшую и будущую участь человѣка, у другой сивиллы вырывается такое восклицаніе: „о человѣкъ, непостоянный и безразсудный, преслѣдуемый злою судьбой! Ты—начало бѣдствій для самого себя и страшный конецъ,—созданіе поврежденное и обновленное и снова полное всякихъ страстей,—причина ужасной кончины мира!... Всѣ ты разстроилъ, всё перемѣшалъ со зломъ. По винѣ твоей измѣнилась къ худшему земля—прежде прекрасная. Свѣтилъ нѣкогда для людей блестящій солнечный свѣтъ—свѣтъ пророковъ,—слова ихъ были тогда какъ-бы прекраснымъ напиткомъ, истекавшимъ по каплямъ; они шли впереди, и для всѣхъ восходилъ тогда день. Но теперь ты беспомощенъ, ты—начало ужаснаго бѣдствія, когда придуть къ тебѣ мечъ отмщеніе и печаль *того* дня“ ²⁾). И затѣмъ, повторяя снова свое первое обращеніе къ человѣку, сивилла такъ заключаетъ свою рѣчь: „человѣкъ—несчастіе всеобщее! Прими горькія рѣчи, рѣчи, неприятно звучащія“... Здѣсь очень прозрачно отмѣчены сивиллою главные моменты въ судьбѣ человѣчества, чтобы называть ихъ. Обратимъ вниманіе на то, что въ христіанствѣ сивилла представляетъ человѣка менѣе сильнымъ въ борьбѣ со зломъ, чѣмъ какимъ онъ былъ подъ руководствомъ пророковъ. Очевидно, она не достаточно еще усвоила и понимаетъ духъ христіанства, если такъ разсуждаетъ. Другая сивилла—іудеохристіанка, объясняетъ и причину печальной участи человѣка. „Человѣкъ—Мой образъ“, говоритъ она отъ имени Божія, „и надѣленъ способностью къ добру. Я Самъ предложилъ ему два пути—путь жизни и путь смерти. Я заповѣдалъ ему избрать

¹⁾ 12, 1—11. Friedlieb относитъ 12 вн. къ 3-му христ. вѣку, см. Einleitung, § 31, в. LXXI.

²⁾ 5, 228—246.

добрую жизнь, но онъ вступилъ на путь смерти и идетъ къ вѣчному огню“¹⁾. Слѣдовательно, источникъ зла въ жизни чело-вѣка сивилла видитъ въ немъ самомъ—въ его свободной волѣ.

Христось, по представленію іудеохристіанской сивиллы, существуетъ отъ вѣчности и лишь во времени явился воплотившимся. Его вѣчное господство она рисуетъ въ символахъ, которые напоминаютъ собою символы въ видѣніи Ерма. Но изложимъ мысли сивиллы ея собственными словами. „О сѣлугіен несчастный! Ты не узналъ своего Бога, который омылся въ струяхъ Іордана, на Которомъ почилъ тогда Св. Духъ. Онъ былъ прежде созданія неба и земли и господствовалъ чрезъ Слово Своего Отца²⁾. Воплотившись отъ Св. Духа, Онъ вознесся въ обитель Отца. Вслѣдъ за вознесеніемъ великое небо воздвигло Ему три башни; въ нихъ получили себѣ жилище прекрасныя возничіе Бога—надежда, благочестіе и святость, которая не требуетъ золота или серебра, но выражается въ благоговѣніи, а это послѣднее въ жертвахъ и добромъ настроеніи души“³⁾. Эти башни, какъ видимъ, символы славы, окружающей вознесшаго Господа, и вмѣстѣ добродѣтелей, посредствомъ которыхъ только и можно вступать въ нравственное общеніе съ всесвятѣйшимъ Существомъ. Въ этомъ отрывкѣ⁴⁾ усматриваютъ заблужденіе сивиллы, состоявшее будто-бы въ томъ, что соединеніе въ Иисусѣ Христѣ божества и чело-вѣчества она почитала совершившимся не ранѣе, какъ со времени крещенія Христа въ Іорданѣ. Но текстъ не довольно ясенъ, чтобы дать полное оправданіе такому именно толкованію. Не хотѣлъ-ли авторъ 7-й сивиллиной книги сказать только о чрезвычайномъ откровеніи божества во Христѣ въ то время, когда сошелъ на него Духъ Святый?

Въ той-же 7-ой книгѣ находимъ мѣсто, гдѣ выступаетъ іудейская предразсудочная вражда іудео-христіанъ по отношенію къ христіанамъ, вышедшимъ изъ язычества. Вотъ это мѣсто: „Большія несчастія ожидаютъ тѣхъ, полагаютъ сивилла, которые, облекшись въ овечью кожу, думаютъ, что и они также

¹⁾ 8, 399—402.

²⁾ Въ Ветхомъ Заветѣ Онъ былъ прообразованъ Моисеемъ и Иисусомъ Навиномъ, по вѣяному указанію сивиллы 5 книги, см. 256—259 ст.

³⁾ 7, 64—75.

⁴⁾ А также въ 6 кн., 6—7 ст.

еврей, хотя произошли изъ другого поколѣнія,—которые разливаются въ пустыхъ словахъ и ищутъ выгоды во злѣ. Эти люди напрасно измѣняютъ прежній образъ жизни ¹⁾, не будучи въ состояніи обмануть праведниковъ, которые прославляютъ Бога истиннымъ благочестіемъ“ ²⁾).

Наконецъ, у іудео-христіанской же сивиллы находимъ упоминаніе объ евхаристіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Поставь, поучаетъ она своихъ единовѣрцевъ“, Господу свою трапезу—чистую и безкровную; наполни еѣ благами, дай хлѣбъ голодному, напой жаждущаго и одѣнь нагого, принося сюда пріобрѣтенія своего труда чистыми руками. Утѣшь печальнаго и успокой усталаго,—и эту живую жертву приноси живому Богу“ ³⁾! Сивилла эта жила, очевидно, въ то время, когда евхаристія еще соединялась съ вечерами любви, такъ называемыми агапами ⁴⁾).

3. Отличительныя идеи сивиллы христіанской.

Христіанская часть сивиллиныхъ оракуловъ вводитъ насъ въ особую сферу идей: здѣсь сивиллы рассказываютъ исторію земной жизни Господа, излагаютъ ученіе о Личности Его и дѣлѣ, показывая плоды Его искупительной смерти.

Личность Христа опредѣляется слѣдующимъ образомъ: „Христосъ есть нашъ Богъ“, говоритъ сивилла,—написанный въ акростихѣ ⁵⁾, бессмертный Царь и Спаситель, пострадавшій за насъ“ ⁶⁾. Онъ—Сынъ бессмертнаго, великаго и славнаго Бога;

¹⁾ Вѣроятно, іудейскіе обычаи, какъ прозелиты.

²⁾ 7, 132—138.

³⁾ 8, 403—408.

⁴⁾ Іудео-христіанскія части 8-й св. книги (1—216, 337—429) относятся приблизительно къ половинѣ 2 в. по Р. Хр., см. Friedlieb'a, Einleitung, § 26, s. LX. Агапы отдѣлились отъ евхаристіи окончательно послѣ 250 года.

⁵⁾ „Iesus Christus, Gottes Sohn, Erlöser, Kreuz“. Этотъ акростихъ относится къ срединѣ 2 в. Въ немъ заключается древнѣйшій символизмъ, по которому греческое слово „Ιχθυς“, означающее рыбу, означало Христа; а эта эмблема была очень употребительна въ первыхъ 2-хъ вѣкахъ. Константинъ В. приписываетъ ему древнее происхожденіе, а св. Іустинъ намекаетъ на него въ своемъ „Увѣщаніи къ Еллинамъ“, когда упоминаетъ о предсказаніи сивиллы относительно прішествія „Исуса Христа, нашего Спасителя“. Эти слова повторяютъ приблизительно прописныя буквы акростиха. Тр. К. Д. А. 1867 г. 369 стр. Акростихъ помѣщенъ подъ именемъ стиховъ эритрейской сивиллы, сохранныхъ Евсевіемъ Кесарійскимъ, въ старинномъ сборникѣ различныхъ греческихъ стихотвореній разныхъ авторовъ, напечатанномъ въ Венеціи въ 1495 г. Хр. Чт., 77 г. ч. I, стр. 62.

⁶⁾ 8, 249—250.

Богъ вручилъ Ему тронъ царя прежде, нежели Онъ родился ¹⁾. Онъ былъ участникомъ Отца въ твореніи міра. Отецъ былъ Ему совѣтникомъ предъ всякимъ твореніемъ и въ свою очередь избралъ Его въ совѣтника Себѣ, сказавъ: „Сынъ, сотворимъ человѣка (въ другомъ мѣстѣ: „родъ человѣческой“) по собственному образу и дадимъ ему жизнь, сохраняющую дыханіе. Руками теперь Я сотворю его, но послѣ Ты долженъ позаботиться о Нашемъ подобіи, такъ чтобы Мы сообща произвели его“ ²⁾. „Помня это опредѣленіе, Онъ снисшелъ въ нѣдра Дѣвы для того, чтобы принять человѣческое естество“ ³⁾. „Не въ славѣ, но, какъ человѣкъ, пришелъ Онъ въ міръ ⁴⁾, въ жалкомъ, безчестномъ видѣ, чтобы чрезъ это дать надежду (спасенія) несчастнымъ людямъ..., невѣрующихъ надѣлать небесной вѣрой, показать людямъ путь къ небу и возстановить падшее созданіе Божіе“ ⁵⁾. Посему Онъ кротокъ и любвеобилень ⁶⁾ и добровольно страдаетъ за людей ⁷⁾. Но хотя Онъ и имѣетъ такой жалкій видъ, однако Онъ—Богъ: „все знаетъ, видитъ и слышитъ, знаетъ сокровеннѣйшіе помыслы человѣка и обнажаетъ ихъ для избличенія его, ибо Онъ есть слухъ, разумъ и видѣніе, и слово, создавшее формы (вещей); все Ему повинуются: Онъ воскрешаетъ мертвыхъ и исцѣляетъ всякую болѣзнь“ ⁸⁾. Наконецъ, Сивилла признаетъ въ Немъ будущаго Судію живыхъ и мертвыхъ и Царя будущаго вѣка ⁹⁾. Его, какъ Спасителя, прообразовалъ Моисей, распростершій руки, когда вѣрою побѣдилъ Амаликитянъ; въ наученіе людей тому, что „Онъ предъизбранъ у Бога Отца (для совершенія спасенія) и почтенъ честію, что Онъ жезлъ Давида и кость его, нѣкогда Богомъ обѣщанная, и что, кто вѣруетъ въ Него, получитъ вѣчную жизнь“ ¹⁰⁾.

Сивилла довольно подробно рассказываетъ объ обстоятельствахъ, предварявшихъ и сопровождавшихъ рожденіе Господа, и о Его земной жизни.

¹⁾ 6, 1—3. 6 кв. Friedlieb относятся ко 2 в. по Р. Хр., см. Einleitung, § 22, s. L.

²⁾ 8, 264—268, 441—444.

³⁾ Ibid., 268—270.

⁴⁾ Въ текстѣ стоитъ „Zum Gerichte“, но нужно читать—„Zum Welt“,—см. Friedlieb, Einleitung § 25, s. LVII.

⁵⁾ 8, 256—260; 6, 9—10.

⁶⁾ Ibid., 282—286.

⁷⁾ 8, 326.

⁸⁾ Ibid., 217—255; 6, 19.

⁹⁾ Ibid., 287.

¹⁰⁾ 8, 250—255.

„Въ концѣ временъ новый Свѣтъ возсіялъ изъ лона Дѣвы Маріа“—такъ начинаеть сивилла свой разсказъ о Благовѣщеніи Ангела Пресвятой Дѣвѣ. „Съ неба Онъ явился и облекся въ образъ челоуѣка; и прежде всего, Гавріилъ, облеченный въ чистое одѣяніе, сказалъ юной Дѣвѣ: „прими, о Дѣва, Бога, который сходитъ въ чистыя нѣдра Твои“. Онъ сказалъ,—и Духъ благодати проникъ Дѣву, которая, будучи удивлена этими странными для нея словами, чувствуетъ біеніе своего сердца при словахъ Ангела. Но тотчасъ оправившись отъ страха, она отвѣчаетъ на сладкій голосъ небснаго посланника своей дѣвственной улыбкой; краска невинности выступаетъ на лицѣ ея, и скромная радость наполняетъ ея сердце. Довѣріе возрождается въ ея душѣ,—и вотъ Слово воплощается во чревѣ ея. Оно принимаетъ плоть подобную челоуѣческой и раждается младенцемъ отъ Матери Дѣвы. Великое чудо для людей! Но для Бога Отца и Бога Сына здѣсь нѣтъ страннаго ничего“¹⁾. Въ этомъ разсказѣ, не вездѣ отличающемся точностью выраженій, безъ ущерба, впрочемъ, кажется, для правильности мысли. обращаетъ вниманіе та трогательная внимательность, съ какой подчеркнуты сивиллою святость Богоматери и Ея приснодѣвство. Очевидно, его написала рука челоуѣка, благоговѣвшаго предъ нравственнымъ величіемъ святой Дѣвы....

Вообще же какъ этотъ отрывокъ, такъ и слѣдующіе, разсказывающіе о нѣкоторыхъ событіяхъ изъ жизни Господа, есть евангеліе, переложенное въ стихи.

„Какъ только родился Онъ, разсказываютъ сивиллы, небо и земля затрепетали радостью... Волхвы съ удивленіемъ смотрятъ на чудную звѣзду, явившуюся на горизонтѣ. Они идутъ за нею и находятъ Младенца, повитаго и лежащаго въ обыкновенныхъ ясляхъ. Виелеемъ—святая родина Слова, и пастыри стерегутъ колыбель Его“²⁾. Отъ рожденія Сивиллы переносятъ насъ къ крещенію Господа въ Иорданѣ. Къ евангельскому разсказу о свидѣтельствѣ Сына Отцомъ и Св. Духомъ. въ видѣ голубя, онѣ присоединяютъ заимствованное у евіонитовъ представленіе, что Христосъ послѣ крещенія вышелъ изъ огня и тогда-то уже увидѣлъ

¹⁾ 8, 457—474.

²⁾ Ibid. 474—480; 10, 30—34.

Своего Отца ¹⁾. Понимають ли сивиллы значеніе крещенія Господа въ Его земной жизни, — вполне утвердительно сказать нельзя. Но судя по тому, что въ слѣдъ же за разговоромъ о крещеніи, сивиллы какъ бы съ особеннымъ удареніемъ говорятъ, что „вотъ (теперь) процвѣтетъ крестившійся, какъ чистый цвѣтокъ, роскошно во всемъ прозябая, и покажетъ людямъ путь къ небу“ ²⁾,—можно думать, что онѣ смотрѣли на крещеніе, какъ на божественное помазаніе Христа предъ выступленіемъ Его на искупительное служеніе человѣчеству.

Изъ земной жизни Господа сивиллы вспоминають о хожденіи Его по водамъ, усмиреніи бури, о насыщеніи пятью хлѣбами пяти тысячъ человѣкъ въ пустынѣ, о путешествіи Его въ лежація за моремъ земли съ проповѣдію о правдѣ и любви, о воскрешеніи Имъ мертвыхъ, исцѣленіи всякихъ болѣзней ³⁾. Дойдя до разсказа о торжественномъ входѣ Господа въ Иерусалимъ, сивилла восклицаетъ: „Радуйся, священная дочь Сіона, много страдающая. Вотъ идетъ къ тебѣ Самъ Царь твой—кроткій, нашъ освободитель отъ тяжкаго рабскаго ига, что лежитъ на нашей выи, упразднитель печестивыхъ (gottlosen) заповѣдей и узъ (грѣха), угнетавшихъ насъ; Онъ возсѣдаетъ на молодомъ ослѣнкѣ. Познай въ Немъ своего Бога: Онъ сынъ Божій. Прославляй Его и почитай въ своемъ сердцѣ, люби Его искренно и носи Его имя. А прежнее (имя, т. е. имя іудея) оставь и освободи себя отъ Его крови. Вѣчный не примирится съ тобою чрезъ посты и молитвы и чрезъ бранныя жертвы твои. Ублажай Его священной пѣснью чистой души. Такъ познавай же Его,—кто Онъ,—и тогда ты будешь созерцать Творца“ ⁴⁾. Здѣсь сивилла выдаетъ свои чувства и намѣренія, одушевлявшія ее при написаніи этого гимна въ честь входящаго въ Иерусалимъ Господа. Удовлетворяя потребности собственнаго сердца прославить своего Спасителя, она въ то же время подробнымъ изображеніемъ Его жизни хочетъ обратить къ вѣрѣ во Христа іудеевъ, на которыхъ „лежитъ кровь Его“.

¹⁾ 6, 3—7. Подобнаго же представленія держится, какъ мы видѣли, и іудео-христіанская сивилла (7, 84). Очевидно, оно было довольно распространеннымъ во 2 вѣкѣ, къ которому относятся 6-я и 7-я сивиллыныя книги.

²⁾ Ibid. 8—9.

³⁾ 6, 10—17; 8, 272—281.

⁴⁾ 8, 324—336.

Въ разсказѣ объ этомъ позорномъ преступленіи евреевъ сивилла повторяетъ евангеліе. „Воскресивъ мертвыхъ и возвративъ здравіе болящимъ,—повѣствуетъ она,—Христось отдается въ руки злодѣевъ. Они осыпаютъ ударами Его божественное лицо, а скверныя ихъ уста покрываютъ Его нечистымъ плюювеніемъ. Онъ же преклоняетъ Свою выю предъ ихъ злодѣйствомъ, хранитъ молчаніе, когда Его бьютъ, такъ что никто (изъ злодѣевъ) не знаетъ, кто—Онъ, чей и откуда, чтобы объявить о семъ людямъ. Такъ предаетъ Онъ за міръ Свою дѣвственную плоть. Ему дѣлаютъ терновый вѣнокъ. Въ то время, какъ Онъ распростеръ Свой руки надъ міромъ, Ему даютъ желчь въ пищу и укусъ въ питье; завѣса храма разрывается,—и среди дня густая тьма окутываетъ землю въ продолженіи трехъ часовъ“ ¹⁾. Затѣмъ, сивилла рассказываетъ о трехдневномъ пребываніи Господа во власти смерти, о схожденіи Его въ это время во адъ съ проповѣдію спасенія умершимъ праведникамъ, о воскресеніи Его изъ мертвыхъ, о явленіяхъ Его—воскресшаго—людямъ, между которыми (явленіями) не позабыто даже явленіи Его двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Эммаусъ ²⁾. Итакъ, въ концѣ 2-го или началѣ 3-го христіанскаго вѣка ³⁾ было распространено между христіанами вѣрованіе о схожденіи Господа во адъ именно во время пребыванія Его плотию во гробѣ,—вѣрованіе, напрасно встрѣчавшее послѣ возраженія... Сивилла знаетъ и содержаніе проповѣди Спасителя во адѣ! „Начальникъ жизни снишелъ во адъ, говоритъ она, и тамъ возвѣстилъ надежду спасенія всѣмъ святымъ—спасенія въ концѣ временъ, въ послѣдній день“ ⁴⁾. Интересное толкованіе сивилла даетъ четыремъ язвамъ Спасителя. „Христось показываетъ (ученикамъ), говоритъ она, на рукахъ и ногахъ язвы, пробуравленныя въ суставахъ; это—востокъ, западъ, сѣверъ и югъ, ибо онѣ (т. е. язвы) означаютъ, что столько странъ свѣта участвовало въ совершеніи столь позорнаго и безбожнаго дѣла“, т. е., распятія Господа ⁵⁾.

¹⁾ 8, 286—305.

²⁾ Ibid 309—312, 318—323; 6, 19—20.

³⁾ Къ этому времени относятся христіанскія части (217—386, 430—501) 8-й св. книги, см. у Friedlieb'a, Einleitung, § 26, seit. LX.

⁴⁾ 8, 309—310.

⁵⁾ Ibid. 318—323.

О плодахъ искупительной смерти Христа сивилла говорить слѣдующее. Возставъ изъ мертвыхъ, Христосъ идетъ въ міръ, проповѣдуя начало воскресенія и спасенія сначала избраннымъ. Средство очищенія отъ прежней злобы и новаго рожденія Онъ указываетъ въ водѣ безсмертнаго источника. Итакъ, „пусть болѣе не служатъ люди гнуснымъ обычаямъ міра“¹⁾. Со смертію Христа прекратился Ветхій Заветъ; и сивилла съ особеннымъ удареніемъ замѣчаетъ, имѣя въ виду, несомнѣнно, евреевъ, что „теперь не слѣдуетъ болѣе служить ни храму, ни сѣновному закону; міръ былъ погруженъ въ похоть, но теперь обновленъ“, и нужно, оставивъ похоти, облечься въ новыхъ людей²⁾. Въ чувствѣ благоговѣйной радости о спасеніи и благодарности къ Крестному Страдалцу—Спасителю, сивилла ублажаетъ самое древо, на которомъ Онъ былъ пригвожденъ. „О блаженное древо!—воскликаетъ она, былъ распятъ Самъ Богъ! Земля не достойна носить тебя, и небо будетъ твоимъ храмомъ въ тотъ день, когда лицо Божіе явится людямъ, блистая свѣтомъ“³⁾.

Таково воззрѣніе христіанскихъ сивиллъ на личность Христа и Его дѣло. Конечно, оно не во всемъ ясно и отчетливо, не во всемъ и правильно,—однако цѣнно въ немъ то, что оно не есть простое повтореніе евангелія, но есть евангеліе, усвоенное и осмысленное ихъ сознаниемъ. Ученіе христіанскихъ сивиллъ о лицѣ Христа и Его дѣлѣ не приставлено случайно къ ихъ мировоззрѣнію, но оно согласуется съ послѣднимъ, какъ одна изъ его основныхъ посылокъ. Сивилла—христіанка смотритъ на міръ, какъ на цѣлесообразно устроенное цѣлое. „Все въ мірѣ, по ея представленію, управляется Богомъ, все на своемъ мѣстѣ, потому что каждое изъ твореній тщательно размѣщено творческимъ разумомъ; и Творцу нравилось все, Имъ созданное“⁴⁾. Вѣнцомъ творенія является человекъ. Полнота любви Божіей излилась на него при самомъ твореніи—въ той нѣжной попечительности, съ какою онъ былъ созданъ, и въ сотвореніи его по образу Божію. Сотворивъ человека, Богъ поставилъ его господиномъ на землѣ: „хотя онъ и изъ земли и смертенъ, но природа будетъ служить ему“⁵⁾. Но человекъ согрѣшилъ, не устоялъ на высотѣ своего положенія:

1) 8, 318—318.

2) Ibid. 300—301.

3) Ibid. 307—308.

4) Ibid. 430—439.

5) 8, 439—445.

его обманулъ змій своею хитростію, чтобы дать ему въ удѣлъ смерть, чтобы, открывъ ему знаніе добра и зла, отклонить его отъ служенія Богу и совратить на служеніе суетнымъ обычаямъ¹⁾. Своимъ грѣхомъ человекъ нарушилъ гармонию міра (сивилла говоритъ, что міръ, вслѣдствіе грѣхопаденія людей, сталъ нуждаться въ обновленіи; слѣд.?). Разстройство міра не мирилось съ любовію Божіей. И вотъ уже при самомъ твореніи человека, по представленію сивиллы, предрѣшено было Богомъ искупить людей и возстановить мировую гармонию смертію Сына. Отсюда и видно, что всѣ рѣчи сивиллы о Христѣ и о Его искупительномъ дѣлѣ являются не простымъ повтореніемъ евангелія, но и выраженіемъ ея міросозерцанія.

Обнимая взоромъ содержаніе сивиллиныхъ оракуловъ, насколько оно открывается изъ представленнаго нами изложенія заключающихся въ нихъ іудейскихъ и христіанскихъ идей, мы видимъ, что это анонимное произведеніе, и по цѣли своего появленія, и по многопредметности своего содержанія, дѣйствительно есть народный катихизисъ, предназначенный его авторами, научать читателей всѣмъ главнѣйшимъ истинамъ ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго вѣро и нраво-ученія. Насколько чисто, каково по своему внутреннему достоинству отразившееся въ немъ религіозно-нравственное сознаніе современныхъ его появленію и единовѣрныхъ его составителямъ людей?

Характеръ христіанской части сивиллиныхъ оракуловъ ясенъ: христіане первыхъ трехъ вѣковъ довольно чисто и полно усвоили евангеліе, христіанскія идеи усвоены и переработались въ ихъ сердцахъ... Но какими выступаютъ предъ нами іудеи за два вѣка до Р. Христа? Догматическія ихъ идеи и эсхатологическія представленія просты и скудны,—въ первыхъ преобладаютъ грозныя, суровыя черты. Ожиданіе Мессіи у нихъ напряженное, но выражено въ грубо-чувственной формѣ и сливается съ эсхатологическими представленіями, которыя, и въ происхожденіи и въ содержаніи, въ значительной степени носятъ признаки памфлета и вліянія языческой философіи. Об-

¹⁾ Ibid, 261—263.

стоятельства и моментъ смѣны земного царства Мессіи Его вѣчнымъ царствомъ іудейскою сивиллою не показаны. Въ нравственномъ отношеніи мы видимъ въ іудеяхъ 2-го дохристіанскаго вѣка знакомыхъ ревнителей закона, но исполняющихъ его исключительно по страху предъ Богомъ,—вдобавокъ и горделивыхъ законниковъ, какими издавна знаетъ ихъ исторія. Сивилла не позабыла даже отмѣтить жадность ихъ, обнаруживавшуюся въ ненависти ихъ къ жадности *не-іудея*... Іудео-христіане представляютъ переходный типъ. Усвоивъ догматическую сторону христіанства не во всемъ, впрочемъ, правильно,—они въ значительномъ большинствѣ не восприняли его нравственной стороны. Строгость характера іудеевъ выступаетъ въ нихъ настолько, что трудно узнать въ нихъ христіанъ. Признавая фактъ искупленія, почти всѣ они ожидаютъ въ скоромъ времени земного царства Христа, даже приближаютъ время послѣдняго суда и конца міра и думаютъ, что это одно и то же съ паденіемъ Римской имперіи. Въ изображеніи кончины міра іудео-христіанскія сивиллы заимствуютъ нѣкоторыя подробности изъ ученія языческой философіи объ этомъ предметѣ. Обстоятельства и моментъ смѣны временнаго земного царства Мессіи Его вѣчнымъ царствомъ представлены ими крайне неопредѣленно. Послѣдній судный день особенно сильно заполнилъ воображеніе іудео-христіанъ и даже христіанъ, вѣроятно, потому, что онъ удовлетворялъ чувствамъ ненависти и мщенія, кипѣвшимъ въ ихъ груди по отношенію къ Римлянамъ.

Нельзя не отмѣтить цѣнности сивиллиныхъ оракуловъ въ этомъ отношеніи. Они—единственно уцѣлѣвшее историческое свидѣтельство вражды, возбужденной великой имперіей. Оффиціальныя акты, сохранившіеся въ записяхъ, рѣчахъ ораторовъ, стихахъ придворныхъ поэтовъ, переполнены на всѣхъ страницахъ прославленіями Рима. Здѣсь мы имѣемъ историческій документъ, доказывающій, что не всѣ римскіе подданные питали чувства расположенія и признательности къ своему правительству. Если это историческое извѣстіе сивиллъ заслуживаетъ полного довѣрія, за то другія ихъ извѣстія прямо таки ложны. Сивиллы, очевидно, не знали ни свѣтской, ни духовной исторіи.

Пять возрастовъ человѣческаго рода, какіе считалъ Гезіодъ и другіе языческіе поэты, онѣ произвольно и напрасно замѣняютъ десятию поколѣніями; ошибочно изображаютъ порядокъ великихъ монархій востока, поставляя Ассиріянъ послѣ Мидянъ, а Іудеевъ прежде всѣхъ другихъ народовъ; чтобы возвеличить могущество Соломона, онѣ, не затрудняясь, соединяютъ подъ однимъ скипетромъ Персію и большую часть Азіи; Тиверію онѣ приписываютъ вымышленныя побѣды надъ Вавилонянами и Парянами и пр. т. п. ¹⁾).

На сколько прочно держались въ сознаніи умовъ, воспитавшихся на сивиллиныхъ оракулахъ, ихъ идеи, со всѣми ихъ характерными особенностями прослѣдить, конечно, трудно и даже едва-ли возможно. Но грозный характеръ Савилльской поэзіи глубоко отпечатлѣлся на этихъ умахъ. „Ученіе іудействующихъ христіанъ, написавшихъ наши сивиллы, говоритъ Гастонъ Буасье, исчезло изъ церкви; но мрачное направленіе фантазіи, описанія ада и страшнаго суда, ужасы загробной жизни остались; они давно завяли значительное мѣсто въ христіанской поэзіи. Средніе вѣка трепетали предъ ужасными угрозами, и не трудно было-бы дойти по ихъ слѣдамъ отъ нѣкоторыхъ церковныхъ писателей до Данте“ ²⁾).

А. Волгинъ.

¹⁾ См. 3-ю сив. книгу.

²⁾ Гастонъ Буасье „Паденіе язычества,“ стр. 249.

О СЛУЧАЙНОСТИ ЗАКОНОВЪ ПРИРОДЫ.

Эмиля Бутру, профессора Парижскаго Университета.

„Εἶναι καὶ ἐνταῦθα θεοὺς“

(Aristot. De part. anim. I, 5).

(Переводъ со второго французскаго изданія подъ редакціей доцента Московской Духовной Академіи П. П. Соколова).

(Продолженіе *).

ГЛАВА V.

О т ѣ л а х ъ .

Возможно-ли создать міръ изъ одной матеріи и движенія? Если признать эти понятія неизбѣжными и ни къ чему несводимыми данными, то можно-ли объяснить изъ нихъ все остальное?

Сверхъ матеріи въ собственномъ смыслѣ этого слова существуютъ физическія и химическія вещества, т. е., тѣла, въ которыхъ и являются намъ протяженіе и движеніе. Имѣютъ-ли тѣла свое достаточное основаніе въ существованіи движенія и его законовъ, или они заключаютъ въ себѣ еще нѣчто несводимое къ послѣднимъ? Если окажется, что матерія не объясняетъ ихъ, то тѣмъ болѣе она не могла-бы объяснить жизнь и мысль.

Но почему-бы матерія не могла объяснить тѣла? Вѣдь, здѣсь идетъ дѣло не о томъ, что можетъ принадлежать въ представленіи физическихъ и химическихъ объектовъ самому человѣку; здѣсь рѣчь идетъ не о субъективномъ элементѣ ощущенія, а просто о ихъ вѣшной причинѣ. Почему-же часть вещей, данныхъ въ ощущеніи, нельзя было-бы свести къ движенію?

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г. № 5.

Конечно, нельзя рассматривать состоянія нашего сознанія, какъ свойства внѣшней матеріи и тѣла не тѣмъ различаются отъ матеріи, что она ощущается. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что въ звучащемъ и свѣтящемся веществѣ не заключается ничего болѣе того, что содержится въ чистой и простой матеріи? Развѣ описательная часть физики лишена всякаго объекта? Въдѣ, если достаточно какому-нибудь роду бытія быть фактомъ сознанія, чтобы ни одна изъ его сознаваемыхъ особенностей не принадлежала вещамъ, тогда и самое движеніе имъ не принадлежитъ. Движеніе также дано намъ лишь въ формѣ осязательныхъ и зрительныхъ ощущеній, которыя мы сознаемъ, и если отдѣлить его отъ осязанія, оно станетъ безусловно непонятнымъ. Нѣтъ ничего темнѣе того ученія, которое дѣлаетъ изъ движенія, въ томъ видѣ, какъ мы его непосредственно представляемъ, по преимуществу внѣшній элементъ. Движеніе, которое мы знаемъ, т. е., движеніе въ формѣ воспріятія, можетъ быть, какъ и всякое воспріятіе, только знакомъ данной вещи, а не точнымъ выраженіемъ ея. Если-же, не смотря на это, его приписываютъ вещамъ, то нельзя ссылаться на участіе сознанія въ познаніи вещей, чтобы отрицать у нихъ физическія свойства въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Но, возражать, не слѣдуетъ безъ нужды умножать сущности. Доказано, что различныя физическія свойства всѣ имѣютъ одну и ту-же внѣшнюю причину, и эта причина есть движеніе. Одинъ и тотъ же агентъ, дѣйствуя на различныя органы чувствъ, производитъ различныя ощущенія, между тѣмъ какъ агенты, повидимому, различныя, дѣйствуя на одинъ и тотъ-же органъ чувствъ, всегда производятъ одинаковое ощущеніе. Слѣдовательно въ дѣйствительности различныя физическія агенты суть лишь разновидности одного и того-же. Кромѣ того извѣстно, что звукъ, теплота, и безъ сомнѣнія свѣтъ сводятся къ движенію. Такимъ образомъ, всѣ физическія дѣятели сводятся къ движенію.

Этотъ доводъ не безспоренъ. Прежде всего, законъ механическаго эквивалента теплоты вовсе не предполагаетъ сведенія теплоты въ собственномъ смыслѣ слова къ движенію; онъ только предполагаетъ существованіе молекулярнаго движенія

въ тѣлахъ, вызывающихъ у насъ ощущение теплоты. Затѣмъ, если все есть только движеніе, то почему-же сознание въ присутствіи тѣлъ испытываетъ ощущенія различныхъ видовъ? Развѣ существуетъ нѣсколько сознаний различнаго рода, соотвѣтствующихъ нѣсколькимъ категоріямъ движеній и создающихъ по поводу ихъ относительныхъ количественныхъ различій качественныя различія? Но сознание по существу едино и тождественно, и потому не можетъ объяснить этого перехода отъ одинаго къ многому, отъ сходнаго къ различному. Притомъ очевидно, что здѣсь идетъ дѣло не о чисто ви́шнемъ разнообразіи и не о разновидностяхъ одного только типа. Ощущеніе теплоты совершенно разнородно отъ ощущенія звука. Такъ какъ эта разнородность не можетъ найти себѣ объясненія въ природѣ сознанія, то остается думать, что ея основа заключается въ природѣ самыхъ вещей и что матерія имѣетъ свойство облекаться въ формы, несводимыя другъ къ другу. Но разнородность чужда протяженію и движенію, т. е., матеріи въ собственномъ смыслѣ этого слова. Даже колебательное движеніе не можетъ быть названо разнороднымъ въ отношеніи къ обыкновенному механическому движенію. Это просто величины, направленія интенсивности, различныя состоянія одного и того-же явленія. Слѣдовательно, нужно допустить, что чувственные объекты, даже по отдѣленіи отъ нихъ того, что сознание можетъ отъ себя вложить въ ощущеніе, не сводятся къ движущейся матеріи. Движущаяся матерія, повидимому, является въ нихъ только субстратомъ для высшихъ свойствъ, которыя суть свойства физическія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Эти новыя свойства состоятъ для насъ въ способности доставлять сознанію разнородныя ощущенія.

Если случается, что одинъ и тотъ-же агентъ производитъ различное впечатлѣніе на различныя чувства, то это, можетъ быть, потому, что онъ подъ видимой своей простотой скрываетъ сложность и заключаетъ въ дѣйствительности столько-же различныхъ агентовъ, сколько онъ производитъ различныхъ ощущеній. Теплота, свѣтъ и электричество, напр., могутъ болѣе или менѣе постоянно сопровождать другъ друга, не сливаясь отъ этого въ одинъ и тотъ-же агентъ. Быть можетъ также, раз-

сма­три­вае­мый фактъ объ­яс­ня­ет­ся тѣмъ пред­по­же­ні­емъ, что ор­га­ны чувствъ, при­ро­да ко­то­рыхъ при­спо­со­б­ле­на къ со­от­вѣт­ст­вую­щимъ имъ впе­чат­лѣ­ні­ямъ, со­хра­ня­етъ въ себѣ въ скры­томъ со­сто­я­ніи извѣст­ную сум­му фи­зи­че­скихъ впе­чат­лѣ­ній въ соб­ствен­номъ смы­слѣ это­го сло­ва, дос­та­вляе­мыхъ внѣш­ни­ми пред­ме­та­ми, и что эти впе­чат­лѣ­нія подъ влі­я­ні­емъ извѣст­ныхъ воз­бу­ж­де­ній пе­ре­хо­дятъ изъ скры­та­го со­сто­я­нія въ дѣй­сти­тель­ное. Здѣсь про­ис­хо­ди­ло-бы то­же, что бы­ва­етъ, напр., въ об­ма­нахъ чувствъ и въ сновидѣ­ні­яхъ.

Та­кимъ об­ра­зомъ фи­зи­че­скіе и хи­ми­че­скіе эле­мен­ты или тѣла, по­сколь­ку имъ свой­ствен­на раз­но­род­ность, не­льзя смѣши­вать съ про­стой ма­те­рі­ей. Они не мо­гутъ про­ис­хо­дить изъ нея пу­темъ ана­ли­ти­че­ска­го раз­ви­тія, а пред­по­ла­га­ютъ прибавку но­ва­го эле­мен­та.

Есть-ли эта прибавка резуль­татъ при­чин­на­го син­те­за, по­ла­гае­ма­го раз­у­момъ а priori?

Здѣсь не мо­жетъ быть во­про­са о част­ныхъ свой­ствахъ ма­те­ріи фи­зи­че­скихъ тѣлъ, т. е., о теп­лотѣ, элек­три­че­ствѣ, хи­ми­че­скомъ сред­ствѣ, и проч. Эти свой­ства оче­вид­но поз­на­ют­ся толь­ко при по­мо­щи опы­та. Но, мо­жетъ быть, по­зво­ли­тель­но счи­тать ап­ри­ор­ною об­щую фор­му эти­хъ свой­ствъ, т. е., са­мое пре­вра­ще­ніе ма­те­ріи въ раз­но­род­ныя ве­ще­ства. Съ то­го мо­мен­та, какъ бы­тіе под­чи­ни­лось ус­ло­ві­ямъ про­стран­ства и вре­мени и ста­ло ма­те­рі­ей, оно, по­види­мо­му, мо­жетъ осу­ществить всѣ свои по­тен­ціи толь­ко пу­темъ без­ко­неч­но раз­но­об­раз­ныхъ из­мѣ­не­ній. Сол­неч­ный лучъ об­на­ру­жи­ва­етъ всѣ свои свѣ­то­выя свой­ства толь­ко то­гда, ко­гда они, про­хо­дя че­резъ при­зму, ок­ра­ши­ва­ют­ся въ тысячу раз­лич­ныхъ от­тѣн­ковъ.

Въ это­мъ смы­слѣ по­ня­тія раз­но­род­ныхъ ка­че­ствъ, безъ сомнѣ­нія, пред­став­ля­етъ чер­ты ап­ри­ор­ной идеи. Но оно не­сколь­ко не объ­яс­ня­етъ, по­че­му фор­мы ма­те­ріи, вмѣ­сто то­го, что­бы быть без­чис­лен­ны­ми, сводят­ся къ не­бо­ль­шо­му ко­личес­тву классовъ, ка­ко­вы звукъ, теп­лота или хи­ми­че­скія свой­ства. Бо­лѣе то­го, та­кое по­ня­тіе за­став­ля­етъ пред­по­ла­гать, что все, су­ще­ст­вую­щее и раз­ви­ва­ю­щее­ся во вре­мени, об­ле­ка­ет­ся вслѣд­ствіе это­го въ фи­зи­че­скую фор­му, а это ни въ ка­комъ слу­чаѣ не­льзя счи­тать до­сто­вѣр­нымъ.

Научное понятіе тѣлъ не заключаетъ въ себѣ такихъ метафизическихъ представлений; оно выражаетъ простую идею разнородныхъ матеріальныхъ вещей, доступныхъ чувствамъ, и слѣдовательно вовсе не выходитъ за предѣлы опыта.

Скажутъ, что въ понятіи вещей чувственные качества разсматриваются не какъ чистыя явленія, а какъ объективныя свойства, т. е., какъ производящія причины явленій, и что въ этомъ смыслѣ они имѣютъ сверхчувственный характеръ? Но это значило-бы уклоняться отъ научнаго значенія терминовъ: „свойство“, „средство“, „сцѣпленіе“ и проч. Эти выраженія не означаютъ ничего другого, кромѣ однообразія, съ какимъ возникаютъ у насъ при наличности извѣстныхъ ощущеній нѣкоторыя другія. Свойство всегда есть только отношеніе, наблюдаемое между двумя группами явленій.

Такимъ образомъ переходъ отъ математическихъ свойствъ къ физическимъ, отъ матеріи къ тѣламъ нельзя считать а ригорі обязательнымъ для вещей. Но не показываютъ-ли намъ самыя вещи, что этотъ синтезъ необходимъ фактически? Нельзя-ли, напр., съ вѣроятностью утверждать, что все существующее обладаетъ физическими свойствами?

Нѣтъ сомнѣнія, что значительное число вещей, которымъ ранѣе приписывались только свойства, стоящія ниже или выше физическихъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, каковы напр. звѣзды и живая матерія, оказываются въ настоящее время носителями физическихъ свойствъ, причемъ въ первомъ случаѣ эти свойства вполне выражаютъ природу вещей, а во второмъ находятся въ связи съ другими. Но слѣдуетъ-ли отсюда, что все существующее обладаетъ физическими свойствами? Развѣ, наприм., достоверно, что въ человѣкѣ все тѣлесно? Съ другой стороны развѣ мы не видимъ, что сама наука для объясненія нѣкоторыхъ явленій предполагаетъ весьма простое вещество, называемое эфиромъ, которое обладаетъ почти исключительно механическими свойствами и кажется лишеннымъ физическихъ качествъ въ собственномъ смыслѣ этого слова?

Однако, если нельзя утверждать, что все существующее обладаетъ физическими свойствами, то не вытекаетъ-ли неизбѣжное появленіе этихъ свойствъ тамъ, гдѣ они существуютъ, изъ

того закона, который управляетъ ихъ возникновеніемъ? Не представляютъ-ли собой физическія свойства только превращенныхъ движеній, и не происходитъ-ли это превращеніе по необходимымъ законамъ?

Въ этомъ разсужденіи есть нѣкоторое недоразумѣніе. Физика не говоритъ, что теплота, въ полномъ значеніи этого понятія, есть лишь превращенное движеніе, т. е., что движеніе исчезаетъ для того, чтобы дать мѣсто физическому, а не механическому явленію. Она только показываетъ, что подъ теплотой, свѣтомъ и т. д.,—явленіями, повидимому, чисто физическими, существуютъ движенія особаго рода, и что эти движенія служатъ условіемъ физическихъ явленій въ собственномъ смыслѣ слова. Отсюда, движеніе превращается не въ теплоту, а въ движеніе другого рода, въ молекулярное движеніе, и только по ассоціаціи идей это движеніе называется физиками теплотой. Теплота въ собственномъ смыслѣ слова различается отъ молекулярнаго движенія, и, слѣдовательно, появленіе ея не объясняется непосредственно тѣмъ закономъ, который обуславливаетъ переходъ механическаго движенія въ молекулярное.

Но не видимъ-ли мы, что физическое явленіе происходитъ постоянно, какъ только бывають осуществлены извѣстныя механическія условія? Не вѣроятно-ли, что эти механическія условія осуществляются въ силу математическихъ законовъ, и не слѣдуетъ ли отсюда, что сама математическая необходимость обезпечиваетъ необходимое существованіе физическаго міра?

Этотъ выводъ чисто обстрактный, такъ какъ въ отношеніи къ дѣйствительнымъ вещамъ механическая необходимость далеко не достовѣрна и ничто не доказываетъ, что осуществленіе механическихъ условій, физическихъ явленій не есть какъ разъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда обнаруживается случайность движенія. Замѣчательно, что эти условія по сложности безконечно превосходятъ всѣ тѣ сочетанія, какія можетъ вообразить человѣкъ, составляя конечное число изъ опредѣленныхъ математическихъ элементовъ. Такъ, приложеніе математики къ конкретной физикѣ даетъ всегда лишь приблизительные результаты. Правда, полагають, что если бы мы знали всѣ механическія условія физическихъ явленій, то можно было-бы предвидѣть послѣднія съ безусловной

достоверностью. Но вопросъ въ томъ, соответствуетъ-ли выраженіе „всѣ условія“ чему-нибудь дѣйствительному, существуетъ-ли для физическихъ явленій конечное число вполне опредѣленныхъ механическихъ условий? Затѣмъ, если-бы даже и можно было вывести такимъ образомъ физическое явленіе изъ его непосредственныхъ механическихъ условий, имѣемъ-ли мы право думать, что тоже можно сдѣлать и въ отношеніи къ самымъ условіямъ, и такъ далѣе, до бесконечности? Можно-ли доказать, что въ нисходящемъ рядѣ механическихъ причинъ нигдѣ не проскользаетъ ни малѣйшаго отклоненія?

Такое предположеніе могло-бы казаться неосновательнымъ, если-бы движеніе вездѣ имѣло одинъ и тотъ-же видъ и существовало всегда лишь само по себѣ. Но въ то время какъ въ обыкновенныхъ механическихъ явленіяхъ движеніе обнаруживается въ качествѣ равнодѣйствующей и есть лишь простое измѣненіе въ расположеніи нѣсколькихъ протяженныхъ массъ,— въ настоящемъ случаѣ оно, будучи скрытымъ въ нѣдрахъ матеріи, остается безъ равнодѣйствующей и получаетъ новыя и высшія свойства. Въ первомъ случаѣ движеніе относительно просто, во второмъ-же оно бесконечно сложно. Кромѣ того нельзя понять, какимъ образомъ какое—нибудь движеніе могло-бы имѣть въ другомъ движеніи свое достаточное основаніе, и почему бываетъ достаточно самаго слабого измѣненія въ элементарныхъ движеніяхъ, чтобы произвести въ отдаленныхъ слѣдствіяхъ значительныя перемѣны. Если-же такъ, то не вѣроятно-ли, что есть доля случайности въ происхожденіи механическихъ условий физическихъ явленій и что возникновеніе послѣднихъ, даже если бы они были однообразно связаны съ ихъ механическими условіями, само по себѣ случайно?

Однако физическій міръ, какъ таковой, имѣетъ также свой законъ. Явленія въ немъ происходятъ не наудачу. Если этотъ законъ безусловенъ, то возникновеніе физическаго міра среди механическаго, будучи случайнымъ въ отношеніи къ послѣднему, въ концѣ концовъ управляется внутреннею необходимостью, свойственной самому физическому міру, и слѣдовательно то, что съ чисто математической точки зрѣнія казалось отчасти неопредѣленнымъ, получить полную опредѣленность, какъ ско-

ро мы уяснимъ себѣ тѣ физическія дѣйствія, которыя вліяютъ на ходъ механическихъ явленій. Такъ, напр., планета Уранъ казалась блуждающей случайно, пока не знали о существованіи Нептуна.

Но какъ опредѣлить законъ, свойственный физическому міру, въ отличіе отъ механическаго? Положительная наука все болѣе и болѣе покидаетъ описательную точку зрѣнія, которая не можетъ представлять точныхъ данныхъ, и сводить, насколько это возможно, физическія явленія съ ихъ относительно качественными свойствами къ механическимъ явленіямъ, имѣющимъ относительно количественный характеръ. Она напр., изучаетъ не самую теплоту, а ея механическій эквивалентъ. Точно также отыскиваетъ механическій эквивалентъ для электричества и для другихъ физическихъ агентовъ. Такимъ образомъ, научно опредѣлить законъ физическихъ явленій опять приходится той-же самой математикѣ.

Если параллелизмъ, предполагаемый этимъ методомъ, безусловно, то, конечно, не можетъ быть рѣчи о случайности немеханическаго элемента физическихъ явленій: физико-механическій законъ даетъ точное мѣрило для закона физического въ собственномъ смыслѣ этого слова. Но достовѣрно-ли, что механическій порядокъ, заключающійся въ порядкѣ физическомъ, буквально эквивалентенъ ему?

Въ извѣстномъ смыслѣ выраженіе „эквивалентность“ можетъ быть совершенно законнымъ: вполне возможно, что такое-то физическое явленіе, разсматриваемое въ отдѣльности, всегда сопровождается такимъ-то механическимъ явленіемъ. Но въ этомъ смыслѣ механическій эквивалентъ физическихъ явленій не можетъ дать закона для послѣднихъ, такъ какъ остается еще вопросъ, не существуетъ-ли между двумя порядками явленій взаимодѣйствія и не вліяетъ-ли физическій элементъ въ собственномъ смыслѣ этого слова на механическій.

Чтобы считать механическій законъ точнымъ выраженіемъ физического, для этого необходимо, чтобы эквивалентность существовала не только между двумя порядками фактовъ, но и между двумя порядками отношеній, между связью физическихъ фактовъ и связью ихъ механическихъ условій. Между тѣмъ,

эта вторая эквивалентность представляется непонятною, потому что переменная величина здѣсь однородна, а элементъ, который долженъ быть ея функціей, разнороденъ. Движеніе способно измѣняться непрерывнымъ образомъ, но этого нельзя сказать о превращеніи одного физическаго или химическаго состоянія въ другое. Какія промежуточныя физическія состоянія существуютъ между электрическимъ состояніемъ полюсовъ батареи и свѣтовымъ состояніемъ угля? Могутъ-ли физическія состоянія въ собственномъ смыслѣ слова по произволу подвергаться такимъ-же незначительнымъ измѣненіямъ, какъ и ихъ механическія условія? Наконецъ, нѣтъ-ли случаевъ, гдѣ параллелизмъ, повидимому, дѣйствительно нарушается, какъ это, напр., бываетъ, когда прибавка незначительнаго количества движенія превращаетъ химическое явленіе въ свѣтовое, а свѣтовое явленіе въ тепловое, или заставляетъ извѣстное тѣло переходить изъ одного состоянія въ другое, т. е., внезапно производитъ совершенно новый феноменъ?

Такимъ образомъ, полной эквивалентности между порядкомъ физическихъ явленій и порядкомъ ихъ механическихъ условій не существуетъ, и о законѣ однихъ изъ нихъ нельзя судить по закону другихъ.

Отсюда, чтобы судить о внутренней необходимости физическаго міра въ собственномъ смыслѣ этого слова, приходится изслѣдовать его въ самомъ себѣ, т. е., оставить въ сторонѣ математическую часть физическихъ наукъ и рассмотреть только ихъ описательную часть. Несомнѣнно, что съ этой точки зрѣнія нельзя придти къ такимъ-же точнымъ результатамъ, какихъ достигаютъ, рассматривая исключительно механическія явленія, связанныя съ физическими. Но, повидимому, математика не есть единственный типъ научнаго познанія. Каковъ-же будетъ въ этомъ смыслѣ законъ физическаго міра?

Не смотря на видимый характеръ явленій, представляется невѣроятнымъ, чтобы теплота, появляющаяся и исчезающая при переходѣ механическаго движенія въ молекулярное и обратно, возникала изъ ничего и уничтожалась. Можно допустить, что существуетъ скрытое состояніе если не механической теплоты (которая есть лишь молекулярное движеніе), то физической

теплоты, соотвѣтствующей этому движенію, и что физическая теплота остается въ данномъ состояніи, когда она не ощущается. Въ дѣломъ, физическій міръ сохраняется такъ-же, какъ и механическій. Одни и тѣже агенты продолжаютъ существовать съ одинаковыми свойствами, и количество химической матеріи видимо остается однимъ и тѣмъ-же. Можно поэтому поставить вопросъ, не существуетъ-ли въ вѣдрахъ физическаго міра такого закона необходимости, который состоялъ-бы въ сохраненіи самаго физическаго дѣйствія?

Съ перваго взгляда можетъ казаться, что, допуская этотъ законъ, мы не закрываемъ случайности всякаго доступа въ физическій міръ. Безъ сомнѣнія, этотъ законъ предполагаетъ съ точки зрѣнія самой физики равенство послѣдующаго состоянія предыдущему; но онъ не требуетъ непосредственно, чтобы переходъ отъ послѣдняго къ первому былъ необходимъ. Онъ опредѣляетъ интенсивность, а не качество явленій; онъ измѣряетъ силу, но не показываетъ ея примѣненія. Отсюда, нельзя-ли думать, что этотъ законъ выражаетъ просто условіе, при которомъ происходятъ случайныя, сами по себѣ, превращенія?

Но чтобы объяснить физически измѣненіе извѣстнаго состоянія, для этого необходимо допустить или усложненіе его физическихъ условій, или исчезновеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ условій, а это предполагаетъ возникновеніе или уничтоженіе извѣстнаго количества физическаго дѣйствія. Качества суть протія абстракціи, если они не имѣютъ никакой интенсивности. Поэтому мы напрасно стали-бы искать въ физическомъ мірѣ слѣдовъ случайности, если бы нужно было признать сохраненіе физическаго дѣйствія безусловнымъ. Но очевидно-ли этотъ законъ.

Прежде всего, онъ не вытекаетъ изъ самаго понятія физическихъ явленій, такъ какъ идея существующей въ тѣлахъ способности къ измѣненію очевидно не опредѣляетъ интенсивности этой способности. Затѣмъ его нельзя признать и апріорнымъ синтетическимъ закономъ, потому что онъ касается такой формы бытія, о которой мы, конечно, не имѣли-бы никакого представленія, если бы ограничились областію чистаго

разума. Если этотъ законъ необходимъ, то его необходимость можетъ быть только фактической, установленной опытомъ и наведеніемъ. Но съ этой точки зрѣнія онъ представляется скорѣе случайнымъ, чѣмъ необходимымъ.

Теорія скрытыхъ состояній, безъ сомнѣній, вѣроятна, какъ скоро физическія состоянія въ собственномъ смыслѣ не признаются превращенными движеніями. Но она недостаточно доказываетъ равенство предыдущихъ и послѣдующихъ физическихъ дѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, невѣроятно, чтобы скрытое состояніе заключало въ себѣ тоже самое количество дѣйствія, какъ и соотвѣтствующее ему дѣйствительное состояніе. Можно, правда, предположить, что въ то время, какъ извѣстное физическое свойство переходитъ въ скрытое состояніе, обнаруживается другое свойство, и наоборотъ, и что такимъ образомъ, благодаря непрерывному возмѣщенію, во вселенной поддерживается равновѣсіе. Но такая гипотеза о совокупности вещей выходитъ изъ области опыта. При помощи опыта мы даже не можемъ знать, есть-ли совокупность вещей конечная величина.

Самъ по себѣ законъ сохранения физическаго дѣйствія мало доступенъ опытной провѣркѣ. Онъ предполагаетъ единицу измѣренія чисто физическаго свойства. Но взаимная разнородность физическихъ состояній представляетъ препятствія для количественнаго сравненія. Измѣнчивость здѣсь превышаетъ постоянство, такъ какъ качественный элементъ играетъ уже значительную роль. Самые простые и самые общіе физическіе и химическіе законы выражаютъ отношенія между столь разнородными вещами, что нельзя сказать, насколько здѣсь послѣдующее пропорціонально предыдущему и вытекаетъ-ли оно изъ него въ томъ смыслѣ, какъ дѣйствіе вытекаетъ изъ причины. Основной элементъ общій antecedенту и слѣдствію составляющій условіе ихъ необходимой связи, здѣсь почти совершенно ускользаетъ отъ насъ. Для насъ здѣсь существуютъ только связи данныя въ опытѣ и потому случайныя.

Такимъ образомъ, можно допустить, что въ основныхъ отношеніяхъ физическихъ явленій въ собственномъ смыслѣ существуетъ нѣкоторая доля случайности; и если справедливо, что законы, свойственные механическому міру, не имѣютъ безуслов-

ной необходимости, то очевидно, что физическіе агенты, вступающія въ теченіе механическихъ явленій, сами готовятъ здѣсь условія для своего осуществленія и случайныхъ измѣненій.

Если-же такъ, то физическій міръ не обладаетъ неизмѣнностью. Количество физическаго дѣйствія можетъ увеличиваться и умѣшаться во вселенной или въ нѣкоторыхъ ея частяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, не это-ли, повидимому происходитъ въ теченіе вѣковъ, если правда, что простая космическая матерія, почти столь-же однообразная, какъ самое пространство, постепенно сгущалась, чтобы образовать звѣзды, одаренныя свѣтомъ и теплотой, и что изъ нѣдръ этихъ звѣздъ произошло безконечное разнообразіе тѣлъ, все болѣе и болѣе богатыхъ физическими и химическими свойствами? Не это-ли самое, повидимому, происходитъ въ обратномъ направленіи предъ нашими глазами, если правда, что нѣкоторыя звѣздныя системы мало-по-малу теряютъ свой блескъ и теплоту и приближаются къ разложенію, которое возвратитъ ихъ въ состояніе не различимой космической пыли? И если подобныя перевороты совершаются въ извѣстныхъ частяхъ вселенной, кто можетъ утверждать, что въ другихъ частяхъ ея происходятъ какъ разъ обратные перевороты, восстанавлиющіе равновѣсіе?

Частные законы представляются необходимыми потому, что они необходимо входятъ въ общіе законы; но если самыя общія законы, эта основа частныхъ, могутъ измѣняться, хотя, бы и незначительно, то рухнетъ все зданіе судьбы.

Цѣлое есть только сумма частныхъ, и его форма можетъ быть случайной лишь тогда, когда въ его частяхъ есть неопредѣленный элементъ. Но если даже случайности общихъ законовъ обнаруживаются въ слабыхъ измѣненіяхъ на пространствахъ огромныхъ массъ и значительныхъ періодахъ времени, то какимъ образомъ элементы этихъ измѣненій могли-бы ясно предстать предъ взоромъ наблюдателя, изслѣдующаго нѣсколько частицъ матеріи въ теченіи нѣсколькихъ мгновеній?

ГЛАВА VI.

О живыхъ существахъ.

Если отъ изслѣдованія неорганическихъ тѣлъ прямо перейти къ изслѣдованію высшихъ типовъ животнаго и растительнаго

царства, то становится непонятнымъ, какимъ образомъ первыя могли произвести вторые, и отказываешься вѣрить, что физическіе и химическіе законы способны уяснить фізіологическія явленія. Но когда, спускаясь внизъ по лѣстницѣ живыхъ существъ, видишь, какъ функціи постепенно сливаются, организмы упрощаются и ихъ форма становится менѣе устойчивой или приближается къ простымъ геометрическимъ фигурамъ; когда, подходя къ тѣмъ зачаточнымъ существамъ, которыя занимаютъ средину между животнымъ и растеніемъ, или скорѣе, не суть еще ни животныя, ни растенія, убѣждаешься, что они состоятъ почти только изъ однородной и безформенной массы белковинной матеріи и вся жизнь ихъ проявляется лишь въ питаніи; когда, наблюдая рядъ эмбриологическихъ фазисовъ, предшествующихъ вполне развитому состоянию высшихъ существъ, открываешь ихъ сходство съ постоянными состояніями низшихъ видовъ; когда наконецъ, видишь, что самыя различныя органы происходятъ изъ почти сходныхъ частей, что эти части въ свою очередь отождествляются и въ концѣ концовъ сводятся къ одному микроскопическому элементу, слагающемуся исключительно изъ твердаго, мягкаго и жидкаго слоевъ:—тогда невольно спрашиваешь себя, не держится-ли живой міръ, по крайней мѣрѣ низшей своей оконечностью, на неорганическомъ мірѣ, и не достаточно-ли простой игры физическихъ и химическихъ силъ для того чтобы постепенно создать сложные организмы, путемъ произведенія сначала простой живой матеріи, а затѣмъ, чрезъ посредство этой матеріи, и всей іерархіи органическихъ формъ.

Если сверхъ того анализировать процессы жизни, то въ нихъ, повидимому, нельзя найти ни одного элемента, который уже не существовалъ-бы въ неорганическомъ мірѣ. Бѣлковинная матерія клѣтокъ слагается главнымъ образомъ изъ углерода, кислорода, водорода и азота. Что же касается способа соединенія этихъ элементовъ и чрезвычайной неустойчивости организованнаго тѣла, то эти черты можно объяснить числомъ вѣсомъ, формой и расположеніемъ частицъ названныхъ веществъ, особенностями молекулярнаго движенія, или, наконецъ, какимъ-нибудь физическимъ свойствомъ одного изъ составныхъ

элементовъ, напримѣръ, углерода,—которое, будучи обыкновенно скрытымъ, обнаруживается здѣсь въ силу особенныхъ условий, въ какихъ находится этотъ элементъ. Не видимъ-ли мы въ неорганической химіи, какъ самые разнообразныя составы происходятъ изъ соединенія однихъ и тѣхъ-же элементовъ, только взятыхъ въ различныхъ пропорціяхъ?

Функціи клѣтокъ имѣютъ также свои аналогіи въ неорганическомъ мірѣ. Клѣтки производятъ новыя клѣтки, превращая простыя вещества въ протоплазму. Сначала, въ клѣткахъ, еще не защищенныхъ оболочками, такое превращеніе происходитъ безъ всасыванія; но подобно атому, и кристаллу, погруженный въ химически однородный съ нимъ растворъ, въ состояніи перенасыщенія заставляеть кристаллизоваться содержащуюся въ этой жидкости соль. Затѣмъ клѣтки получаютъ опредѣленныя формы и тѣмъ обособляются другъ отъ друга; но тоже происходитъ и въ кристаллахъ, которые могутъ различаться по формѣ, не различаясь по химическому составу, и, будучи слегка повреждены, вновь возстановляютъ свою форму въ соответственномъ соляномъ растворѣ на счетъ содержащихся въ немъ элементовъ. Наконецъ, клѣтки соединяются и образуютъ системы; но точно также сливаются и капельки ртути въ цѣлую каплю.

Такимъ образомъ, между живымъ міромъ и міромъ физическимъ, повидимому, существуетъ только различіе въ степени: въ первомъ мы видимъ лишь большее разнообразіе элементовъ, большую способность къ дифференціаціи и болѣе сложныя соединенія.

Вполнѣ-ли подтверждаются эти заключенія наблюденіемъ надъ живыми существами съ точки зрѣнія ихъ дѣйствительной природы?

Одна замѣчательная вещь здѣсь прежде всего привлекаеть къ себѣ вниманіе: если въ математическомъ мірѣ матерія на первый взглядъ казалась предшествующей движенію, а въ физическомъ мірѣ одновременной съ нимъ, то въ органическомъ мірѣ, какъ показываютъ намъ самыя явленія, движенія предполагается ранѣе соответствующей ему матеріи, измѣненіе предшествуетъ бытію, организующая работа предшествуетъ

организму. Слово „жизнь“ означаетъ прежде всего „автоматическое движеніе“. Живое существо постоянно видоизмѣняется: оно питается, развивается, производитъ другія существа; оно отличается чрезвычайной неустойчивостью и гибкостью. Испареніе, капля воды угрожаютъ его существованію; но оно само измѣняетъ себя во всѣхъ направленіяхъ и производитъ тысячи маневровъ, чтобы пройти безпрепятственно, если только это возможно, между безчисленными подводными камнями, которыми усыяна его дорога. У живого существа обнаруживается поразительная несоразмѣрность между ролью функціи и ролью матеріи, каково бы ни было въ остальномъ происхожденіе этой функціи. Жизнь, даже съ болѣе ограниченнымъ числомъ элементовъ сравнительно съ тѣмъ, какимъ располагаетъ физическая сила, производитъ болѣе мощныя дѣйствія, такъ какъ былинка можетъ пробить скалу.

Въ чемъ-же состоитъ жизненный актъ или организація? Очевидно, этотъ актъ не опредѣляется достаточно понятіемъ „соединенія“. Организація состоитъ не въ образованіи агрегата, аналогичнаго куску сѣры или каплѣ ртути, а въ созданіи системы, въ которой одвѣ части подчинены другимъ. Въ живомъ существѣ есть дѣятель и органы, т. е., существуетъ іерархическій порядокъ.

Находить-ли этотъ іерархическій порядокъ свое достаточное основаніе въ томъ, что анатомическіе элементы имѣютъ свойство пріобрѣтать различныя другъ отъ друга формы? Безъ сомнѣнія, нѣтъ, такъ какъ для того, чтобы извѣстныя части подчинялись другимъ, ихъ дифференціація должна происходить не наудачу. Клѣтка должна жить иначе, чѣмъ химическая матерія въ собственномъ смыслѣ слова, которая при всемъ разнообразіи, своихъ формъ никогда не достигаетъ до созданія іерархическихъ системъ.

Быть можетъ, такая дифференціація объясняется различными условіями происхожденія и существованія различныхъ клѣтокъ?—Но, вѣдь, для этого прежде всего нужно, чтобы клѣтки могли возникнуть и существовать какъ разъ въ такихъ условіяхъ, какія требуются для опредѣленія ихъ надлежащихъ различій. Въ неорганической матеріи подобнаго приспособленія условій мы не видимъ.

Могутъ сказать, наконецъ, что принципами, объясняющими всякую организацію, служатъ внутреннія условія или химическій составъ основныхъ органическихъ элементовъ, т. е., клѣтокъ?—Но клѣтка,—допуская, что всякій живой элементъ сводится къ ней,—представляетъ собой существо, въ извѣстной степени уже обладающее тѣми самыми признаками, которые требуется разрѣшить въ физическія свойства, т. е., іерархическимъ порядкомъ частей и способностью создавать новыя клѣтки, между частями которыхъ устанавливается тотъ-же порядокъ. Основная часть клѣтки есть протоплазма. Создавая жидкое ядро, окруженное твердой оболочкой, протоплазма тѣмъ самымъ даетъ начало отдѣльному живому существу, которое въ силу своего собственнаго развитія будетъ производить другія существа, обладающія также отдѣльнымъ существованіемъ. Сведеніе организмовъ къ клѣткѣ только отдаляетъ трудность.

Вообще жизненная функція является какимъ-то безначальнымъ и безконечнымъ твореніемъ системъ, части которыхъ представляютъ не только разнородность, но вмѣстѣ съ тѣмъ іерархическій порядокъ. Живое существо есть индивидуумъ, или лучше, благодаря постоянной дѣятельности, оно создаетъ себѣ индивидуальность и порождаетъ существа, въ свою очередь способныя къ индивидуальности. Организація есть индивидуализація.

Но такая функція, повидимому, не существуетъ въ неорганической матеріи. Какъ бы ни были сложны химическія вещества, при механическомъ дѣленіи они только распадаются на сходныя части и, слѣдовательно, являются неспособными къ дифференціаціи, къ раздѣленію труда и къ іерархическому порядку. Въ неорганическомъ мірѣ нѣтъ индивидуумовъ и нѣтъ индивидуализаціи. Атомъ, если онъ только существуетъ, не есть индивидуумъ, такъ какъ онъ—однороденъ. Кристаллъ не есть индивидуумъ, такъ какъ онъ—дѣлимъ, и дѣлимъ, можетъ быть, до безконечности, на сходныя съ нимъ кристаллы, существующіе въ дѣйствительности. Скажутъ, что подобіе индивидуальности представляютъ намъ небесныя системы, состоящія изъ центральной звѣзды и зависящихъ отъ нея планетъ? Прав-

да, въ этихъ системахъ можно найти нѣчто въ родѣ іерархическаго порядка; но онѣ не способны разлагаться, подобно живымъ существамъ, вплоть до послѣднихъ своихъ элементовъ на индивидуальныя системы. Физическая сила, повидимому, пытается создать въ безконечно великомъ то, что жизнь осуществляетъ, начиная съ безконечно малаго; но она можетъ достигнуть только внѣшняго сходства.

Такимъ образомъ живое существо заключаетъ въ себѣ новый, несводимый къ физическимъ свойствамъ элементъ: стремленіе къ іерархическому порядку, къ индивидуализаціи. Поэтому отношеніе, существующее между физическими свойствами и жизненными отправлениями, не имѣетъ такой непосредственной необходимости, какая принадлежала-бы ему, если бы жизненные функціи съ самаго начала содержались въ физическихъ процессахъ. Однако и въ качествѣ связи между совершенно различными вещами это отношеніе можетъ быть необходимымъ, если оно утверждается, какъ апріорный причинный синтезъ. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Построается-ли понятіе жизни чистымъ разумомъ?

Если подъ жизнью разумѣть единое, простое, нематеріальное начало, координирующее средства для извѣстной цѣли, то идея жизни не можетъ вытекать изъ наблюденія надъ живыми существами. Въ самомъ дѣлѣ, мы не видимъ, чтобы эти существа когда-нибудь обладали безусловнымъ единствомъ. Правда, они—организмы, но ихъ части въ свою очередь суть организмы, одаренные въ извѣстной степени индивидуальною жизнью, кончая самой клѣткой, которая путемъ дѣленія производитъ нѣсколько клѣтокъ и, слѣдовательно, не имѣетъ полнаго единства. Точно также и идея органической цѣлесообразности не вытекаетъ несомнѣнно изъ опыта. Правда, опытъ показываетъ намъ гармонію между органами и ихъ функціями; но онъ не объясняетъ намъ, созданъ-ли органъ для функціи или функція есть простой результатъ органа.

Такимъ образомъ, идея единого и разумнаго жизненнаго начала есть дѣйствительно апріорная идея, но она нисколько не предполагается познаніемъ живыхъ существъ. Если ее и можно допустить, то лишь въ качествѣ метафизическаго истолкованія

фактовъ, а не въ качествѣ исходной точки опытнаго изслѣдованія. Трудно видѣть, какую помощь можетъ оказать научному наблюденію и объясненію явленій понятіе сущности, которая не однородна съ ними и потому не приложима къ случаямъ, представляемымъ опытомъ. Въ примѣненіи къ наукѣ такіе трансцендентныя принципы способны только затруднить и исказить наблюденіе.

Но, скажутъ, біологія почти всецѣло основывается на слѣдующихъ двухъ идеяхъ. Во первыхъ, жизнь есть реализація типа, и потому предполагаетъ въ организмѣ взаимную связь и единство частей: какъ скоро данъ извѣстный органъ, долженъ существовать и другой, связанный съ нимъ, хотя-бы въ зачаточномъ состояніи. Живое существо есть цѣлое. Во вторыхъ, жизнь есть совокупное дѣйствіе, и органы устроены такъ, чтобы могли соединяться для общей цѣли: между ихъ ролью, а слѣдовательно и между ихъ формами существуетъ соотношеніе. Въ этомъ смыслѣ живое существо есть гармоническая система.

Дѣйствительно, эти два принципа предполагаются біологіей, но они нисколько не выходятъ изъ границъ опыта, и даже открываются имъ самимъ. Единство здѣсь понимается лишь какъ постоянное отношеніе смежности, а гармонія мыслится только какъ взаимное вліяніе.

Впрочемъ, ни законъ, органической связи, ни законъ функциональнаго соотношенія нельзя считать абсолютнымъ. Каждый изъ этихъ законовъ, понимаемый въ абсолютномъ смыслѣ, могъ-бы нарушать другой. Сохраненіе типа могло-бы сдѣлать необходимымъ существованіе органовъ, бесполезныхъ для индивидуума, а сохраненіе индивидуума могло-бы неизбежно вызвать нарушеніе типической формы.

Такимъ образомъ жизнь, какъ гармоничное цѣлое, какъ статическое и динамическое единство, не есть предметъ апріорнаго познанія. Отношеніе, соединяющее ее съ физическими свойствами, дано намъ опытомъ и потому раздѣляетъ его характерныя черты.

Но если это отношеніе не можетъ быть необходимымъ въ теоріи, то нельзя-ли утверждать съ точки зрѣнія самаго опыта, что оно необходимо фактически? Не разлита-ли жизнь по-

всюду въ природѣ, и не есть-ли неподвижность неорганической матеріи только оцѣпенѣніе и сонъ? Такъ какъ эта матерія превращается въ живое вещество, то не должна-ли она уже обладать жизненными свойствами?

Такое положеніе можно поддерживать, безъ сомнѣнія, лишь въ томъ случаѣ, если искажать понятіе жизни, сводя ее, напр., къ идеѣ простого роста и образованія, т. е., къ свойствамъ, которыя уже присущи такъ называемой мертвой матеріи или физическимъ тѣламъ. Но рассматриваемая въ цѣломъ, въ своей формѣ и въ своемъ содержаніи, жизнь какъ созданіе іерархическаго порядка между частями, не проявляется въ физическомъ мірѣ. Этотъ міръ не даетъ намъ ничего аналогичнаго органической клѣткѣ. Скажутъ, что жизнь находится въ немъ въ потенціальномъ состояніи и только ждетъ благопріятныхъ условій для своего проявленія? Но именно о проявленіяхъ жизни и идетъ здѣсь рѣчь. Вѣдь, если проявленіе можетъ быть безразличнымъ обстоятельствомъ въ глазахъ логика, рассматривающаго простыя понятія, то оно становится главнымъ обстоятельствомъ въ глазахъ натуралиста, который рассматриваетъ самыя вещи.

Однако, не слѣдуетъ-ли признать проявленіе жизни фактически необходимымъ уже просто потому, что оно происходитъ всякій разъ, какъ скоро осуществлены извѣстныя условія?

Въ этомъ случаѣ рѣчь можетъ быть только о чисто физическихъ условіяхъ, потому что выводить жизнь изъ организованной матеріи, хотя-бы послѣдняя была даже разнородна съ нею значило-бы впадать въ логическій кругъ. Поэтому, чтобы защищать подобное воззрѣніе, нужно имѣть право утверждать, что условія, среди которыхъ постоянно появляется жизнь, (если только правда, что жизнь имѣетъ такія неизмѣнныя условія), суть условія чисто физическія, какъ по ихъ элементамъ, такъ и по способу ихъ соединенія. И это не все. Такъ какъ чисто физическое состояніе вещей можетъ быть само по себѣ болѣе или менѣе отдаленнымъ слѣдствіемъ посторонняго вмѣшательства, которое, вызвавъ извѣстное отклоненіе въ порядкѣ явленій, вновь предоставило имъ возможность войти въ ихъ нормальное теченіе, то нужно доказать, что условія, сре-

ди которыхъ обнаруживается жизнь, вплоть до самыхъ послѣднихъ ея причинъ, созданы чисто физическими обстоятельствами. Для доказательства физическаго происхожденія жизни недостаточно лабораторнаго эксперимента, потому что въ этомъ случаѣ оставалось-бы еще узнать, можетъ-ли физическій міръ самъ собою создать условія, аналогичныя тѣмъ, какія ставитъ разумный экспериментаторъ.

Живая матерія, возникновеніе которой нужно объяснить такимъ образомъ, не есть какой нибудь грубый и пассивный органическій продуктъ, въ родѣ мочевины, ээира, сахара, алкоголя, уксусной и муравьиной кислоты и проч.; это—простое дѣятельное тѣло, элементъ, способный къ ассимиляціи и диссимиляціи, протоплазма, которая создаетъ себѣ оболочку и форму, становится клѣткой, питается, развивается и производить другія клѣтки. Вѣдь, живое существо обладаетъ способностью создавать и неживые продукты; оно можетъ совершать дѣйствія отчасти и даже всецѣло физическаго или механическаго характера, подобно тому, какъ физико-химическій міръ пораждаеть множество чисто-механическихъ явленій. Причина не выражается непременно сполна въ своихъ дѣйствіяхъ. Поэтому, если бы случилось, что органическій продуктъ, объяснимый физически, принадлежитъ къ числу такихъ, въ образованіи которыхъ жизнь, какъ таковая, не играетъ роли, и которые являются лишь отдаленнымъ и чисто механическимъ отраженіемъ ея вліянія, то было бы незаконно распространять подобное физическое объясненіе на всѣ безъ исключенія фізіологическіе акты.

Наконецъ, побѣдивъ эти трудности, слѣдуетъ доказать, что разъ дана клѣтка, вмѣстѣ съ ней даны и всѣ живыя существа, что всѣ они происходятъ изъ клѣтки по необходимому закону, что самыя сложныя строенія и функціи находятъ въ этомъ зростомъ организмѣ свое достаточное основаніе.

Однако, доказательство всѣхъ этихъ фактовъ, повидимому, несомнѣнно превышаетъ компетенцію опыта. Какъ соединить необходимой связью физическія условія живыхъ существъ, и особенно высшихъ, съ явленіями физическаго міра въ собственномъ смыслѣ слова? Какъ доказать, что физическія явленія

нигдѣ не отклоняются отъ свойственнаго имъ теченія благодаря какому-нибудь высшему вмѣшательству? Между высшими неорганическими тѣлами и самыми простѣйшими органическими существами, очевидно, существуетъ громадное несоответствіе въ отношеніи сложности. Кромѣ того, эта исключительная физическая сложность организмовъ совпадаетъ съ присутствіемъ новыхъ качествъ, совершенно различныхъ и, несомнѣнно, болѣе совершенныхъ. Невѣроятно ли, что переворотъ, совершившійся въ нѣдрахъ неорганизованной матеріи при образованіи такихъ неожиданныхъ сочетаній, былъ определенъ именно высшими началами, что жизнь сама поставила себѣ физическія условія? Съ этой точки зрѣнія, между физическими условіями и жизнью дѣйствительно существовало бы причинное отношеніе, но причиною была бы сама жизнь.

Впрочемъ, нѣтъ нужды допускать, что вліяніе жизни обнаруживается внезапно и прогрессъ совершается скачками. Дѣйствіе высшаго начала можетъ быть болѣе или менѣе незамѣтнымъ для глазъ того, кто наблюдаетъ ближайшіе другъ къ другу моменты развитія; и тогда можетъ казаться, что въ природѣ дѣйствуютъ однѣ физическія силы. Мыслимо также, что въ извѣстныхъ случаяхъ высшее начало предоставляетъ въ нѣкоторой степени самимъ физическимъ силамъ выполнять то, что разъ подготовлено, какъ скоро этихъ силъ достаточно для данной цѣли. Въ такихъ случаяхъ переходъ отъ условій къ обусловленному въ нѣдрахъ самого живого существа былъ бы чисто физическимъ, хотя бы жизнь, какъ таковая, была особымъ началомъ.

Если это такъ, то элементами или матеріаломъ жизни служить дѣйствительно одни физико-химическія силы; но этотъ матеріалъ не остается въ грубомъ видѣ: онъ упорядочивается, приводится въ гармонію, нѣкоторымъ образомъ дисциплинируется, благодаря высшему вмѣшательству. Жизнь въ этомъ смыслѣ есть истинное творчество.

Но если жизнь не связана съ физическими агентами, то не заключаетъ-ли она нѣкоторой необходимости въ себѣ самой? Не повинуется-ли она особымъ, такъ называемымъ физиологическимъ, законамъ, которые почти или даже совершенно не даютъ мѣста случайности?

Прежде всего, нѣтъ-ли точнаго соотвѣтствія между физиологическими и физическими процессами? Не существуетъ-ли въ живомъ мірѣ такого-же закона параллельной связи явленій, какъ и въ физическомъ мірѣ? И хотя-бы жизнь не была физическимъ явленіемъ, не измѣряется-ли съ точностью возможная для нея доля случайности тою случайностью, какую допускаетъ физическій міръ въ собственномъ смыслѣ слова?

Безъ сомнѣнія, вѣроятно, что всякое физиологическое измѣненіе связано съ опредѣленнымъ физическимъ измѣненіемъ. Но если уже трудно сравнивать съ точки зрѣнія количества физическія явленія, если, отыскивая въ нихъ научно опредѣлимый элементъ, приходится измѣрять ихъ механическія условія, то не будетъ-ли еще труднѣе найти единицу физиологическаго измѣренія, дозволяющую установить соотвѣтствіе между живымъ и физическимъ міромъ, насколько дѣло касается взаимной связи явленій двухъ разныхъ порядковъ? Какъ свести къ одной и той-же видовой единицѣ разнообразіе жизненныхъ формъ и отправленій? Вѣдь нужно сначала измѣрить относительныя перемѣны двухъ величинъ, чтобы имѣть возможность считать одну изъ нихъ функціей другой.

Притомъ, не является-ли жизнь часто борьбой противъ физическихъ силъ, и будетъ-ли понятенъ этотъ фактъ, если жизненныя функціи суть только простой переводъ физическихъ явленій на другой языкъ?

Наконецъ, не существуетъ-ли безконечной несоразмѣрности особенно у высшихъ существъ, между физиологическими измѣненіями и соотвѣтствующими имъ физическими, напр., между физиологическимъ переходомъ отъ жизни къ смерти и физическими условіями этого перехода? Если правда, что всякая болѣзнь есть не только физиологическое, но и физическое измѣненіе, то можетъ ли быть это измѣненіе такимъ-же нарушеніемъ порядка съ точки зрѣнія процессовъ матеріи, какимъ оно является съ точки зрѣнія жизни?

Такимъ образомъ, нельзя ссылаться на соотвѣтствіе между биологическими и физическими явленіями, съ цѣлью распространить на первыя ту степень необходимости, которая существуетъ въ законѣ послѣднихъ. Если порядокъ жизненныхъ явленій необ-

ходимъ, то основаніе и степень этой необходимости могутъ заключаться только въ нихъ самихъ.

Основные законы жизни, наравнѣ съ физическимъ и математическимъ, повидимому, являются специальнымъ выраженіемъ общей формулы: „ничто не уничтожается, и ничто не создается вновь“.

Законъ функціональныхъ соотношеній предполагаетъ между частными отправленіями и общою функціей отношеніе аналогичное тому, какое существуетъ между составными силами и опредѣленною равнодѣйствующей. Если одна изъ составныхъ силъ измѣнилась, равнодѣйствующая можетъ остаться той-же лишь при соответствующихъ измѣненіяхъ въ другихъ составныхъ силахъ. Точно такъ-же и въ физиологіи: если какая-нибудь частная функція измѣнилась, то и другія должны измѣниться такимъ образомъ, чтобы общая функція оставалась возможной. Отсюда законъ соотношеній можно свести къ болѣе простому закону постоянства общей функціи во всѣхъ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ частными функціями.

Но общая функція не есть только цѣль въ себѣ; она есть еще средство для осуществленія извѣстной органической формы и извѣстной организованной матеріи. Между тѣмъ, органическая форма и органическая матерія, повидимому, имѣютъ также свой собственный законъ.

Форма подчинена закону органической связи. Этотъ законъ, имѣющій своимъ слѣдствіемъ равновѣсіе органовъ, предполагаетъ между частными формами и общою формой, называемой типомъ, отношеніе, аналогичное тому, какое существуетъ между частными величинами и опредѣленною общою величиною. Если одна изъ частныхъ величинъ измѣнилась, то общая величина можетъ остаться тою-же лишь въ томъ случаѣ, если и другія частныя величины измѣнятся соответственнымъ образомъ. Точно такъ-же и въ физиологіи: если одинъ органъ измѣнился, другіе не уничтожатся, а также измѣнятся и именно такимъ образомъ, чтобы сохранялся типъ. Законъ органической связи можно поэтому свести къ постоянству формъ или типа.

Какое-же теперь отношеніе между этими двумя законами, т. е., между закономъ функціональныхъ соотношеній и закономъ органической связи?

Если-бы законъ органической связи былъ безусловнымъ, т. е., если-бы форма существовала сама по себѣ, то онъ могъ-бы въ извѣстныхъ случаяхъ противорѣчить закону функціональнаго соотношенія, дѣлая необходимымъ существованіе бесполезныхъ органовъ. Но если форма является лишь результатомъ функцій, если законъ связи подчиненъ закону соотношенія, то органы будутъ стремиться слѣдовать за измѣненіями функцій, ослабѣвать въ той мѣрѣ, въ какой слабѣютъ послѣднія, и атрофироваться, когда онѣ исчезаютъ. Въ дѣйствительности такъ именно и бываетъ. Отсюда можно допустить, что законъ органической связи въ концѣ концовъ входитъ въ законъ функціональнаго соотношенія.

Наконецъ, возникновеніе организованной матеріи, повидимому, подчинено закону, аналогичному съ закономъ физической матеріи. Повидимому, существуетъ определенное количество живой матеріи, и это количество остается неизмѣннымъ въ жизненномъ круговоротѣ. Быть можетъ, процессы ассимиляціи и диссимиляціи дѣйствительно устанавливаютъ равновѣсіе въ органическомъ мірѣ. Статистика, по мѣрѣ расширенія ея основъ, находитъ для рожденій и смертности все болѣе и болѣе постоянныя среднія величины, мало по малу приближающіяся къ равенству. Даже у индивидуума старость и молодость при нормальныхъ условіяхъ, повидимому, уравниваются другъ друга: упадокъ силъ стремится возстановить равновѣсіе, нарушенное ростомъ.

Этотъ законъ, взятый въ безусловномъ смыслѣ, повидимому, радикально отличается отъ закона функціональныхъ соотношеній, потому что онъ можетъ допускать всякія функціи, какъ бесполезныя, такъ и необходимыя съ точки зрѣнія органическихъ актовъ въ ихъ цѣломъ. Но если мы признаемъ, что организованная матерія существуетъ только въ силу организующаго акта, то законъ, касающійся ея возникновенія, также входитъ въ законъ соотношеній.

Вообще, изъ этихъ трехъ законовъ самымъ твердымъ и самымъ постояннымъ является законъ функціональныхъ соотношеній, и если иногда кажется, что два остальныхъ противорѣчатъ ему и существуютъ сами по себѣ, то такое противо-

рѣчіе можно считать въ концѣ концовъ слѣдствіемъ недостаточнаго единства и однородности общей функціи или результатомъ смѣшенія различныхъ формъ организаціи въ болѣе или менѣе неравныхъ пропорціяхъ.

Такимъ образомъ, высшимъ закономъ живого міра является постоянство общихъ функцій, т. е., уровня организаціи, а отсюда постоянство типовъ и самой органической формы,—однимъ словомъ, сохраненіе жизни.

Какой смыслъ имѣетъ этотъ законъ? Можно-ли утверждать, что онъ не предполагаетъ абсолютной необходимости біологическихъ явленій, такъ-какъ сохраненіе жизненной энергіи не предрѣшаетъ способа ея примѣненія?

Такое толкованіе закона сохраненія представляется почти столь-же неосновательнымъ въ физиологіи, какъ и въ физикѣ или механикѣ. Вещи всегда даны въ определенной формѣ, и опредѣляющій эту форму способъ примѣненія энергіи, по самому смыслу разсматриваемаго закона, можетъ измѣняться только благодаря вмѣшательству новыхъ условій *того-же самого порядка*, потому что если-бы эти условія не составляли напередъ части той-же самой системы, они могли-бы нарушить среднюю постоянную величину.

Проблема необходимости законовъ, различаясь въ отдѣльныхъ случаяхъ, остается тождественной въ своей общей формѣ. Въ физиологіи, точно такъ-же, какъ въ физикѣ и математикѣ, ее нужно ставить слѣдующимъ образомъ: необходимо-ли постоянство даннаго количества бытія и энергіи? Но какой отвѣтъ можно дать на этотъ вопросъ относительно жизни?

На основаніи самого понятія жизни нельзя утверждать, что во вселенной необходимо сохраняется одна и таже сумма жизненной энергіи. Это понятіе не опредѣляетъ числа живыхъ существъ и допускаетъ очень большое количество различныхъ степеней организаціи. Тѣмъ болѣе нельзя считать этотъ законъ рациональнымъ синтетическимъ принципомъ, позволяющимъ построить физиологію а priori. Невозможность такого построенія очевидна, и хотя-бы этотъ законъ казался метафизическимъ, тѣмъ не менѣе въ своемъ полезномъ для науки значеніи, онъ всегда слагался-бы изъ чисто опытныхъ дан-

ныхъ. Такимъ образомъ, остается только обратиться за совѣтомъ къ самому опыту и посмотрѣть, обезпечиваетъ-ли онъ постоянство количества жизни. Однако, повидимому, этого нѣтъ на сомомъ дѣлѣ.

Жизненная энергія, даже въ такихъ эмпирическихъ явленіяхъ, какъ усложненіе организаціи и раздѣленіе труда или анатомическая форма и свойства организованной матеріи, почти недоступна для измѣренія. Въ это понятіе входитъ идея качества или совершенства, которая, повидимому, не поддается вычисленію. Вѣдь, нельзя было-бы сказать, что количество жизненной энергіи остается постояннымъ, если-бы при сохраненіи одного и того-же числа клѣтокъ всѣ сложные организмы уступили мѣсто зачаточнымъ организаціямъ.

Этого мало. Если правда, что значительное количество фактовъ свидѣтельствуетъ о постоянствѣ функцій и организмовъ, то слѣдуетъ также признать, что другіе факты, повидимому, обнаруживаютъ въ нихъ болѣе или менѣе глубокія фізіологическія измѣненія. Развѣ человекъ не можетъ въ большей или меньшей степени измѣнять нѣкоторые виды растений и животныхъ и создавать устойчивыя разновидности? Не показываетъ-ли возможность воспитанія, даже искусственнаго, что функціи и органы по самому ихъ существу не обладаютъ безусловной неподвижностью, и что, такимъ образомъ, количество жизни во вселенной, оставаясь на видъ тѣмъ-же, не предполагаетъ необходимаго сохраненія?

Далѣе, если разсматривать живыя существа въ ихъ естественномъ состояніи, не показываютъ-ли такіе факты, какъ существованіе рудиментарныхъ и въ настоящее время безплодныхъ органовъ, исчезновеніе нѣкоторыхъ видовъ или возрастающее совершенство ископаемыхъ въ почвахъ болѣе и болѣе новой формаціи, что на ряду съ силой сохраненія существуетъ въ нѣдрахъ самой природы сила измѣненія, упадка и развитія?

Такая измѣнчивость, скажутъ, дѣйствительно существуетъ, но она нисколько не свидѣтельствуетъ о случайности и вполнѣ допускаетъ необходимость. Это не значитъ, что она имѣетъ свой источникъ и основаніе въ законахъ неорганическаго царства:

послѣднее дѣйствительно даетъ только матеріалы и условія для органическаго развитія, причина котораго заключается въ самой природѣ живыхъ существъ. Но дѣло въ томъ, что всякому организму присущъ законъ, съ одной стороны, измѣнять себя, насколько это дозволяетъ его строеніе, въ цѣляхъ приспособленія къ той средѣ, въ которой онъ живетъ, съ другой—сохранять, накапливать въ себѣ и передавать своему потомству происшедшія такимъ образомъ измѣненія. Живыя существа обладаютъ способностью приспособленія и наслѣдственной привычки. На ряду съ постоянствомъ имъ свойственна измѣнчивость, но измѣнчивость необходимая, опредѣляемая неизмѣннымъ закономъ приспособленія и укрѣпляемая привычкой, которая также фатальна. Эти два закона объясняютъ всѣ органическія измѣненія, какія могли или могутъ осуществляться. Они указываютъ для каждаго изъ этихъ измѣненій постоянный antecedentъ, такъ что самыя глубокія метаморфозы показались-бы вполне понятными, если-бы мы знали всю совокупность обстоятельствъ, среди которыхъ онѣ произошли. Такимъ образомъ, необходимость царить въ живомъ мірѣ точно такъ-же, какъ и въ мірѣ неорганическомъ. Различіе между ними только то, что въ послѣднемъ основнымъ закономъ является законъ существеннаго тождества, а въ первомъ—законъ коренной измѣнчивости; въ одномъ господствуетъ статическій законъ, въ другомъ—динамическій.

Можно-ли допустить, что коренная измѣнчивость мирится съ необходимой связью?

Если незаконно утверждать, что въ неорганическомъ мірѣ всякое измѣненіе, обнаруживающее случайность, есть только иллюзія, и что единственной реальностью здѣсь является математическая формула, остающаяся тождественной среди разнообразія явленій, то не болѣе законно сводить измѣнчивость къ необходимости и въ органической природѣ. Настаивать на совершенно феноменальномъ характерѣ измѣненій тамъ, гдѣ матерія почти ничто, а дѣйствіе и процессъ почти все, значило-бы совсѣмъ устранять самую дѣйствительность. Формулы, при помощи которыхъ думаютъ доказывать необходимую связь біологическихъ явленій, не имѣютъ болѣе точности, чѣмъ тѣ, которыя выражаютъ сохраненіе количества данной механической

силы. Математическое вычисленіе мало пригодно для измѣренія гибкости органическихъ существъ и опредѣленія наслѣдственной привычки. Трудно видѣть, какимъ образомъ можно было-бы создать на подобныхъ основаніяхъ дедуктивную науку, показывающую дѣйствительно необходимыя отношенія фактовъ. Въ сущности, такіе принципы, насильственно превращаемые въ необходимые законы по шаблону механическихъ и физическихъ формулъ, лишены всѣхъ условій потребныхъ для того, чтобы установить положительный законъ, или постоянное отношеніе между фактами, и выражаютъ отношенія иного рода.

По закону приспособленія, живое существо измѣняется такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность существовать въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ оно находится. Но выраженіе: „такимъ образомъ, чтобы“ имѣетъ нѣкоторую неопредѣленность. Съ положительной точки зрѣнія можетъ быть нѣсколько способовъ осуществленія предположенной цѣли съ данными средствами, и въ этомъ случаѣ методъ безразличенъ, лишь бы только была осуществлена цѣль. Правда, по числу и природѣ условій, количество методовъ, между которыми можно дѣлать выборъ, будетъ все болѣе и болѣе ограниченнымъ. Но въ этомъ случаѣ выраженіе „такимъ образомъ, чтобы“ становится тѣмъ менѣе правильнымъ, чѣмъ болѣе ограничивается выборъ, и потеряло-бы всякій смыслъ, если-бы остался только одинъ возможный способъ, потому что тогда явленіе осуществлялось-бы просто въ силу поставленныхъ для него условій: идея достигаемаго результата не была-бы болѣе опредѣляющимъ условіемъ.

Если въ виду многочисленности средствъ, предполагаемыхъ каждою цѣлію, мы будемъ объяснять предпочтеніе одного изъ нихъ такими соображеніями, какъ принципъ наименьшаго дѣйствія, инстинктъ красоты, или общее благо, то этимъ мы выйдемъ за предѣлы положительныхъ наукъ и перейдемъ на почву метафизики или эстетики; а тогда нельзя болѣе ссылаться на авторитетъ опыта.

Это—не все. Выраженіе: „такимъ образомъ, чтобы“ устанавливаетъ связь между условіями, въ которыхъ находится живое существо, съ одной стороны, и его способностью существовать среди этихъ условій, съ другой, т. е., связь между осуществив-

шимися фактами и предназначенной для осуществленія цѣлю, между вещами дѣйствительными и вещью просто возможной. Но идеальный характеръ второго изъ этихъ понятій не позволяетъ признать законъ приспособленія положительнымъ закономъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, обладающимъ токою-же необходимостью, какую могутъ предполагать, законы физики или химии.

Наконецъ, и самое выраженіе „существовать“ оставляетъ мѣсто нѣкоторой неопредѣленности. Вѣдь, для сложнаго существа возможно нѣсколько способовъ существованія, смотря по тому, какія способности оно особенно развиваетъ. Развитие различныхъ способностей можетъ быть болѣе или менѣе равнымъ, болѣе или менѣе гармоничнымъ. Самую гармонию можно понимать разнo: гармонично и то развитіе, при которомъ всѣ способности равносильны; гармонично и то, при которомъ нѣкоторыя способности поставлены выше другихъ. Какой же изъ всѣхъ этихъ способовъ существованія долженъ быть цѣлю приспособленія?

Принципъ наслѣдственной привычки еще менѣе удовлетворяетъ условіямъ положительнаго закона. По этому принципу, первоначально случайныя измѣненія могутъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, каковы физическая среда, борьба за существованіе, половой отборъ и, наконецъ, энергія, постоянство или повтореніе извѣстныхъ дѣйствій, сдѣлаться въ концѣ концовъ существенными и перейти изъ индивидуальныхъ признаковъ въ видовые. Не изслѣдуя природы обстоятельствъ, которыя сейчасъ упомянуты въ качествѣ условій, опредѣляющихъ привычки, и которыя, вѣроятно, не всѣ имѣютъ чисто физическій характеръ, можно замѣтить, что привычка не есть фактъ, а только расположеніе къ осуществленію извѣстныхъ фактовъ, и въ этомъ смыслѣ, не можетъ найти мѣста въ формулѣ положительнаго закона.

Кромѣ того, привычка разсматривается здѣсь какъ сила, производящая измѣненія въ самой природѣ, въ самой сущности индивидуума. А положительные законы въ собственномъ смыслѣ суть отношенія, вытекающія въ своемъ послѣднемъ основаніи изъ постоянной природы вещей. Они не предшествуютъ суще-

ствамъ, а только выражаютъ результаты ихъ взаимодействія. Безъ сомнѣнія, они могутъ считаться въ научномъ изслѣдованіи принципами, управляющими частными фактами, насколько послѣдніе связаны съ природою существъ, т. е., съ фактами общими; но въ концѣ концовъ они подчинены этимъ общимъ фактамъ, составляющимъ ихъ основу. Допустить, что наиболѣе общіе факты въ свою очередь измѣняются, значитъ допустить, что измѣняются и законы; если же думаютъ установить законъ, объясняющій эти самыя измѣненія, то такой законъ не будетъ болѣе положительнымъ закономъ, потому что онъ предполагается ранѣе всякихъ фактовъ. Единственнымъ средствомъ возвести наслѣдственную привычку въ положительный законъ было бы связать образованіе и сохраненіе этой склонности съ самыми общими законами физики и химіи. Тогда фізіологическая измѣнчивость опиралась бы на относительно устойчивое основаніе. Предполагаемый, повидимому, ранѣе фізіологическихъ явленій, законъ наслѣдственной привычки въ дѣйствительности былъ-бы слѣдствіемъ ихъ основныхъ условій, такъ какъ эти явленія входили-бы, какъ частный случай, въ физическія. Но, вѣдь, законъ наслѣдственной привычки какъ разъ именно и стремится возмѣстить недостаточность физическихъ законовъ въ собственномъ смыслѣ слова въ области фізіологіи, и то свойство, которое онъ выражаетъ, въ дѣйствительности прямо противоположно основнымъ принципамъ физики и химіи, съ точки зрѣнія которыхъ природа извѣстнаго тѣла опредѣлена разъ навсегда. Частный случай, безъ сомнѣнія, можетъ быть отрицаніемъ другого частнаго случая, но не общаго. Такимъ образомъ, наслѣдственная привычка должна играть роль въ объясненіи живого міра только въ качествѣ фізіологическаго закона, и притомъ основнаго закона, а въ этомъ смыслѣ она не можетъ считаться положительнымъ закономъ.

Въ результатѣ мы находимъ, что форма организаціи, повидимому, измѣняется, притомъ не только у индивидуума, а въ извѣстной степени даже у вида; и эти измѣненія не безразличны, а составляютъ или упадокъ, или, можетъ быть, еще чаще, совершенствованіе. Отсюда, можно думать, что количество жизни во вселенной не остается постояннымъ, и при-

рода физиологическихъ явленій не опредѣляется всецѣло ихъ собственными законами.

Въ этой-то неопредѣленности біологическихъ законовъ, быть можетъ, и заключается разгадка жизни и развитія. Въ самомъ дѣлѣ, если связь физическихъ процессовъ, составляющихъ условія физиологическихъ явленій, не имѣетъ фатальнаго характера, почему бы не допустить, что такая неопредѣленность можетъ быть полезна для живого міра? Почему органическія существа, одаренныя извѣстною подвижностью и способностью къ развитію и прогрессу, не могли-бы пользоваться этими дарами природы и развиваться во всѣхъ направленіяхъ, благодаря самой эластичности физическимъ условіямъ?

Не трудно понять, что возникновеніе жизни среди физическихъ вещей происходитъ не внезапно и насильственно, а незамѣтно и непрерывно, такъ что практически бываетъ не возможно опредѣлить, гдѣ физическія явленія перестаютъ существовать сами по себѣ и начинаютъ перерабатываться высшими формами, для которыхъ они становятся орудіями.

* * *

(Продолженіе будетъ).

Научное и философское значеніе эволюціонной теоріи.

Эволюціонная теорія имѣеть для философіи двоякій интересъ: по мнѣнію ея приверженцевъ, она 1) даетъ прямое положительное основаніе для *релятивизма*, является самой естественной его субструкціей, и 2) предполагаетъ *реализмъ*, какъ свое необходимое условіе (*conditio sine qua non*) или свою предпосылку¹⁾. Поэтому оцѣнка ея представляется весьма важной для гносеологіи.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что законъ эволюціи есть дѣйствительно строго установленный законъ естествознанія; предположимъ далѣе, что онъ дѣйствительно управляетъ развитіемъ и формъ сознательной жизни, включая сюда также законы мышленія, категорическія понятія и проч.: въ такомъ случаѣ, ясно, что безусловно достовѣрной истины не существуетъ, что для каждой стадіи въ развитіи человѣчества существуетъ своя истина, которая,—весьма возможно,—въ слѣдующей стадіи будетъ объявлена заблужденіемъ; справедливо будетъ тогда и такое, напримѣръ, утвержденіе Спенсера, что ни одна новая точка зрѣнія не можетъ совершенно исключать другую, а всѣ должны быть равно истинны, быть примиримыми другъ съ другомъ, потому что основной законъ развитія,—законъ постепенности,—требуетъ, чтобы въ каждомъ новомъ моментѣ сохранялось большинство существенныхъ свойствъ предшествовавшихъ ему моментовъ.

Затѣмъ, не трудно видѣть, что, объясняя конструкцію со-

¹⁾ Такое значеніе она имѣеть, напримѣръ, въ философіи *Спенсера*.

знанія, какъ продуктъ извѣстнаго эволюціоннаго процесса, мы становимся на объективно-біологическую точку зрѣнія. Субъективно-психологическая точка зрѣнія, которая образуетъ базисъ какъ феноменализма, отрицающаго трансцендентную реальность, такъ и критицизма, объявляющаго ея бытіе только недостовернымъ, становится при этомъ невозможной: самодостоверность сознанія при этомъ нельзя уже брать за исходный пунктъ гносеологическихъ изысканій, потому что само сознаніе является здѣсь фактомъ вторичнымъ, производнымъ, а первичнымъ фактомъ, обладающимъ безотносительной достоверностью, оказывается объективный процессъ, состоящій въ извѣстныхъ измѣненіяхъ внѣшняго міра вообще и нашего тѣла въ частности и образующій почву для развитія тѣхъ или иныхъ формъ духовной жизни. Другими словами: съ эволюціонной точки зрѣнія мы должны будемъ разсматривать сознаніе, какъ свойство извѣстныхъ объектовъ, и въ нашемъ собственномъ сознаніи образуемъ коррелятъ всего чувственно воспринимаемаго міра, видѣть только обнаруженіе жизни одного изъ міровыхъ тѣлъ, именно нашего тѣла; а это возможно только при предположеніи трансцендентальнаго реализма. Трансцендентальный—же идеализмъ такому представленію дѣла отнюдь не благопріятствуетъ, потому что онъ разсматриваетъ объекты, какъ феномены сознанія ¹⁾.—Теперь предположимъ, что эволюціонизмъ, будучи твердо установленной научной теоріей (а не гипотезой только), вполне правъ въ своихъ притязаніяхъ объяснить конструкцію сознанія,—вѣдь это будетъ очень вѣскій аргументъ въ пользу реализма. Наука безспорно существуетъ. Основанія ея притязаній на дѣйствительное, а не фиктивное познаніе едва-ли могутъ подвергаться серьезному сомнѣнію, и едва-ли кто рѣшится это сдѣлать. Даже самъ Кантъ, отецъ критической философіи, ни на минуту не рѣшился усумниться въ правоспособности математическаго и естественно-научнаго познанія ²⁾. Поэтому, если окажется,

¹⁾ Высказывая такой взглядъ на взаимное отношеніе эволюціонизма и трансцендентальнаго реализма, мы повторяемъ мнѣніе *E. König'a* выраженное имъ въ изслѣдованіи: «Die Entwicklung des Causalproblems», Th. II, 1890, ss. 335. 650.

²⁾ Относительно постановки критической проблемы у Канта мы, вопреки многимъ комментаторамъ Канта, держимся того мнѣнія, что въ критикѣ онъ гносеоло-

что для самой возможности науки необходимо рѣшить извѣстную философскую проблему въ такомъ, а не иномъ смыслѣ, то это будетъ вполне достаточнымъ логическимъ оправданіемъ такого рѣшенія.

Какое-же значеніе въ наукѣ должны мы усвоить эволюціонной теоріи?

Эволюціонная теорія въ настоящее время слишкомъ хорошо извѣстна всѣмъ образованнымъ людямъ, чтобы надо было ее излагать ¹⁾. Поэтому свои замѣчанія мы можемъ дѣлать прямо, не вызывая никакихъ недоразумѣній.

Что такое законъ эволюціи? Есть-ли это дѣйствительно научно дознанный законъ?—Въ пользу отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ говоритъ уже то обстоятельство, что его принимаютъ далеко не всѣ естествоиспытатели. Многимъ, по замѣчанію Лянге, выраженіе „законъ развитія“ кажется очень подозрительнымъ ²⁾. И ближайшее разсмотрѣніе природы этого „закона“ показываетъ, что эта подозрительность не лишена оснований, что въ ней сказывается разумная осторожность, не позволяющая смѣшенія научныхъ понятій.—Если понятіе эволюціи брать въ самомъ широкомъ ея значеніи, въ значеніи постоянного измѣненія въ предметѣ, не ограничиваемаго въ своемъ поступательномъ движеніи никакими предѣлами, ³⁾ то это будетъ ясно само собою. Достаточно припомнить наудачу нѣсколько дѣйствительныхъ законовъ природы, чтобы видѣть, какъ мало оснований имѣетъ законъ эволюціи считаться закономъ въ строго научномъ смыслѣ слова. Законъ природы устанавливаетъ *всеобщія, неизмѣнныя и необходимыя* отношенія явленій ⁴⁾. Въ самомъ понятіи закона содержится требованіе логическую правоспособность математики и естествознанія *не доказываетъ, а предполагаетъ*, какъ базисъ Крютки. Основанія этого своего мнѣнія мы надѣемся раскрыть въ другомъ мѣстѣ; здѣсь-же считаемъ достаточнымъ только указать на конецъ § 4 и на § 5 въ „Прологоменахъ“, не оставляющіе на этотъ счетъ никакого сомнѣнія (vgl. „Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik“, herausgeg. von K. Schulz S.S. 51, 56).

¹⁾ Слово „эволюція“ въ настоящее время почти у всѣхъ на языкѣ. И гдѣ только не старались ее открыть! Право, религія, этика, зоологія, этнографія, даже моды и обряды—всѣ живутъ своихъ ученыхъ представителей подъ ея знаменемъ.

²⁾ А. Лянге, Исторія матеріализма, перев. Н. Страхова, т. II, стр. 243.

³⁾ Родовымъ признакомъ въ понятіи эволюціи является измѣненіе.

⁴⁾ Владиславлевъ, Логика. 2 изд. Стр. 173—175.

качественнаго *постоянства* въ явленіяхъ, подчиненныхъ его дѣйствию, — разумѣемъ не постоянство тѣхъ реальныхъ комплексовъ явленій, которые знаетъ вседневный опытъ (эти комплексы могутъ безконечно варіироваться), а постоянство образующихъ ихъ элементовъ. Между тѣмъ законъ эволюціи, понимаемый въ его широкомъ смыслѣ, есть законъ *измѣнчивыхъ* отношеній между явленіями. При эволюціонномъ процессѣ, если его понимать въ самомъ общемъ смыслѣ, субъектъ эволюціи въ каждомъ новомъ моментѣ своего развитія качественно отличенъ отъ самого себя въ предшествующіе моменты; а при такомъ представленіи дѣла понятіе „законъ эволюціи“ заключало-бы въ себѣ *contradictio in adjecto*. Поэтому эволюціонистамъ, чтобы имѣть право толковать о *законѣ* эволюціи, необходимо съузять понятіе о послѣдней и признать одно изъ двухъ: или—1) что существуетъ нѣкоторый качественно неизмѣнный *субстратъ*, пребывающій самъ себѣ равнымъ при всѣхъ видовизмѣненіяхъ своей формы, или—же—2) полагать это неизмѣнное въ самой *формѣ* процесса, подобно тому, какъ въ алгебраическомъ рядѣ: $\frac{1}{3} - \frac{1}{5} + \frac{1}{7} - \frac{1}{9} + \dots$ каждый членъ образуется по формулѣ: $\frac{(-1)^{n+1}}{2n+1}$ — чрезъ измѣненіе значеній для *n* отъ 1 до ∞ . То и другое предположеніе дѣйствительно и было сдѣлано и легло въ основу двухъ типовъ эволюціонизма.

Второе предположеніе воплотилось въ эволюціонизмъ, который можетъ считать своей родоначальницей, если не захочетъ углубляться въ отысканіе отдаленныхъ генеалогическихъ слѣдовъ,—напримѣръ, Гегелевскую философію съ ея закономъ „діалектическаго развитія“¹⁾. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ эту теорію уже давно начали примѣнять къ исторіи и другимъ гуманитарнымъ наукамъ²⁾. Нѣтъ нужды говорить, что это—не тотъ эволюціонизмъ, съ которымъ намъ въ настоящемъ

1) Любители аналогій и историческихъ сближеній ставили даже натуралистическій эволюціонизмъ въ связь съ Гегелевскою философіей.—См. *Richl*, *Philos Criticismus*, II, II: 126—127.

2) Напримѣръ, уже старіе тибингенцы говорили о „моментахъ діалектическаго развитія“ въ догматическомъ вѣросознаніи христіанской церкви первыхъ вѣковъ. Наблюденія надъ историческимъ ходомъ въ развитіи философской мысли также могутъ дать богатую пищу подобному воззрѣнію.

случаѣ приходится считаться. Въ первомъ-же смыслѣ эволюціонистическая доктрина исповѣдуется преимущественно *натуралистами*, къ которымъ въ данномъ случаѣ примыкають и представители психологическаго эволюціонизма, напр., Спенсеръ. Они признають неизмѣннымъ субстратомъ эволюціонныхъ модификацій *матерію* и потому хотять установить такую формулу эволюціи, которая-бы выражала законъ „*постояннаго перераспределения матеріи и движенія*“¹⁾. О научномъ и философскомъ значеніи этого именно эволюціонизма мы и поведемъ рѣчь.

Этотъ видъ эволюціонизма, примыкая тѣснѣйшимъ образомъ къ *метифизической* доктринѣ матеріализма, имѣеть столько-же научнаго значенія, сколько имѣеть его послѣдній. Матеріализмъ-же для естествознанія имѣеть значеніе лишь *методологическаго принципа*, а не закона. Различіе-же между методологическимъ принципомъ и закономъ науки—вотъ въ чемъ: первый характеризуетъ *способъ представленія*, съ какимъ естествоиспытатель долженъ приступать къ своему изслѣдованію, а послѣдній выражаетъ постоянную и *общеобязательную* формулу отношеній между изслѣдуемыми явленіями,—формулу, которая годилась-бы для всякаго способа представленія. Сказанное можно пояснить однимъ довольно грубымъ примѣромъ. Рассказываютъ, будто турецкіе муллы, которые по магометанскому закону должны быть и врачами, изучають свойства челоувѣческаго организма безъ помощи анатоміи, не дозволенной кораномъ. Способъ представленія внутреннихъ процессовъ въ организмъ у нихъ—самый фантастическій: злые и добрые духи завѣдуютъ почти каждой органической функціей; натурфилософія ихъ—въ подобномъ-же родѣ... И однакожь они сумѣли собрать массу критически провѣренныхъ и систематизированныхъ наблюденій надъ органическими отправлениями, подмѣтить множество связей между разными органическими разстройствами и внѣшними условіями жизни. Эти устанавливаемые ими законы *эмпирическихъ* отношеній, если только установка ихъ ведьсь съ надлежащей критической осторожностью, имѣють

¹⁾ Спенсеръ, Основныя начала, ч. II, пер. Алексеева, 1886 г. § 57, стр. 134.

полную цѣнность и для Европейскаго врача—эксперименталиста, который за явлениями предполагаетъ не духовъ, а матерію, химическіе процессы и проч. Разница между нимъ и муллою—лишь въ способѣ истолкованія явленій, а *законы явленій* тотъ и другой устанавливають одни и тѣ-же.—Такъ и для натуралиста материалистическій образъ представленія наиболѣе простъ и доступенъ;—по этой канвѣ онъ и располагаетъ свои умственные комбинаціи, касающіяся изучаемыхъ явленій. Но полученные имъ законы явленій должны быть такого сорта, чтобы ихъ съ удобствомъ могъ принять и представитель *другой метафизики*, напримѣръ спиритуалистической. „Эмпирическіе законы, говоритъ Лянге, имѣютъ свои права совершенно независимо отъ сведенія къ причинамъ явленій“¹⁾. И мы дѣйствительно можемъ видѣть примѣры такого замѣчательнаго согласія между представителями діаметрально противоположныхъ метафизическихъ исповѣданій: врачъ—психіатръ (почти всегда материалистъ) и аскетъ—священникъ, умудренный какъ собственнымъ опытомъ, такъ и многочисленными признаніями своихъ духовныхъ дѣтей,—почти всегда отлично поймутъ другъ друга, если только захотятъ отнестись другъ къ другу безъ предубѣжденія, отбросивъ на время свои „*idola theatri*“. Весьма возможно, что при этомъ каждый изъ нихъ будетъ переводить для себя термины своего собесѣдника въ форму своихъ обычныхъ представленій. Вотъ еще примѣръ, разъясняющій понятіе методологическаго принципа: политическая экономія развиваетъ свое содержаніе при руководствѣ того основнаго методологическаго принципа, что „человѣкъ есть благоразумный эгоистъ, всегда предпочитающій достиженіе наибольшей выгоды съ наименьшей затратой усилій“²⁾. Законы политико-экономической статики и динамики только подъ такимъ угломъ зрѣнія становятся ясны. Но

¹⁾ *Лянге*, Ист. матер., II, 349. Напримѣръ, эмпирическихъ путемъ можно составить полную теорію описокъ или, какъ это сдѣлалъ *Дробишъ*, свести на опредѣленныя числовыя отношенія наклонность поэта къ болѣе легкимъ или труднымъ формамъ стиха, не принимая при этомъ во вниманіе мозга и нервовъ, хотя эти факты и принадлежать уже безспорно къ области *физиологической* психологіи.—*Ibid.* 348.

²⁾ См. въ Лекціяхъ политической экономіи проф. *А. И. Чупрова* (изд. 1892 г.) вводный отдѣлъ.

такая точка зрѣнія совершенно необязательна для другихъ наукъ: напримѣръ, этика развиваетъ свои теоремы при руководствѣ совершенно противоположнаго методологическаго принципа,—предполагая въ человѣкѣ преобладаніе альтруистическихъ склонностей надъ всякими другими. Даже въ области самаго естествознанія и при томъ въ одномъ и томъ-же вопросѣ, признается вполнѣ умѣстнымъ и дозволительнымъ различіе въ представленіи того, что стоитъ зади явленій, лишь-бы только это не мѣшало вѣрно устанавливать связь явленій. Извѣстный физикъ Махъ говоритъ: „При изслѣдованіяхъ природы все дѣло сводится только къ знанію *связи явленій*. Все, что мы представляемъ себѣ *зади* явленій, существуетъ только въ нашемъ умѣ, имѣетъ для насъ значеніе только мнемоническаго приѣма или формулы, которая, будучи произвольной и не важной, легко можетъ быть измѣняема вмѣстѣ съ уровнемъ нашей культуры“¹⁾. Напримѣръ, теплоту, по мнѣнію Маха, одинаково можно представлять себѣ,—и какъ матерію, и какъ движеніе. Сущность механической теоріи теплоты состоитъ въ уравненіяхъ, которыя опредѣляютъ связь количества теплоты съ производимой имъ работой и обратно. А эти уравненія будутъ одинаково пригодны для обоихъ способовъ представленія²⁾. Что матеріализмъ въ естествознаніи имѣетъ такое именно, чисто условное, значеніе—лишь наиболѣе удобнаго и легкаго способа представленія, а не можетъ претендовать на объективную истинность,—это блестящимъ образомъ доказано въ знаменитой „Исторіи матеріализма“ Альберта Лянге. Такое-же значеніе долженъ имѣть и органически связанный съ нимъ натуралистическій эволюціонизмъ.

Если эволюціонный принципъ, какъ мы сейчасъ сказали, не есть законъ природы, а лишь методологическое начало ея изъясненія, то этимъ опредѣляется его какъ имманентное (въ предѣлахъ самаго естествознанія), такъ и объективное (гносеологическое) значеніе.

¹⁾ *Mach*, Die Geschichte und die Wurzel des Satzes von der Erhaltung der Arbeit, 1872, S. 25;—цитата взята въ книгѣ проф. А. И. Введенскаго, Опытъ построения теоріи матеріи на принципахъ критической философіи, ч. I. стр. 137.

²⁾ *Введенскій*, *ibid.*

Въ предѣлахъ естествознанія эволюціонный принципъ имѣеть такое-же значеніе, какое имѣеть, напримѣръ, идея дѣлесообразности. Извѣстно, что эта послѣдняя идея помогаетъ открытіямъ: такъ Гарвей открылъ кровообращеніе, задавшись вопросомъ о *цѣли* сердечныхъ заслоночекъ. Но разъ открытіе сдѣлано, наука бросаетъ телеологическое объясненіе, превращая его въ кавзальное: не заслоночки существуютъ затѣмъ, чтобы впускать и выпускать движущуюся по венамъ и артеріямъ кровь, а наоборотъ,—причина движенія крови въ томъ именно и заключается, что сердце, расширяясь и открывая одну изъ заслоночекъ ¹⁾, вслѣдствіе образующейся внутри его пустоты *оттягиваетъ* въ себя кровь изъ венъ, при чемъ другая заслоночка не впускаетъ въ сердце кровь изъ артерій; а сжимаясь, оно *выталкиваетъ* изъ себя кровь чрезъ другую заслоночку въ артеріи, при чемъ первая удерживаетъ въ сердцѣ втанутую изъ венъ кровь. Такъ-же обстоитъ дѣло и съ эволюціоннымъ принципомъ. И это происходитъ вотъ какъ: предположеніе, что болѣе сложные предметы и явленія развились изъ простѣйшихъ, помогаетъ *классифицировать* предметы и явленія, соблюдая градацію въ нарастаніи ихъ *существенныхъ* и *производныхъ* признаковъ. *Реальная* классификація только тогда можетъ выйти удачной, когда дѣлается правильное различеніе между признаками существенными и производными. Различеніе это можно сдѣлать не иначе, какъ понявъ *возможность происхожденія* послѣднихъ изъ первыхъ ²⁾. А для этого нужно видѣть, какіе признаки могутъ существовать сами по себѣ и какіе въ зависимости отъ другихъ. Видѣть-же это удобнѣе всего можно, располагая предметы въ такой рядъ, чтобы каждый членъ содержалъ въ себѣ, по возможности, цѣликомъ свой предъидущій —|— нѣкоторые новые признаки. Общее въ любой произвольно взятой группѣ послѣдовательныхъ членовъ и дастъ существенные признаки классифицируемыхъ предметовъ. Такимъ образомъ, объясненіе производныхъ признаковъ изъ существенныхъ въ данномъ случаѣ будетъ какъ-бы равносильно доказательству происхожденія одного вида изъ

¹⁾ Сердце по своему устройству нѣсколько напоминаетъ нагнетательный насосъ.

²⁾ Д. С. Милль, Сист. лог. рус. пер. т. II, стр. 247.

другаго. Такъ создается *фикція эволюціи* ¹⁾. Полезная для классификаціи, фикція эта сохраняет свое значеніе въ наукѣ.

Классификація же въ наукѣ, независимо отъ систематическихъ задачъ послѣдней, полезна, какъ необходимое пособие, всегда предшествующее приложенію индуктивныхъ методовъ открытія причинной связи явленій ²⁾. Не трудно видѣть, что классификація, дѣлающая въ самомъ расположеніи классифицируемыхъ предметовъ и явленій аллюзію на ихъ происхожденіе другъ изъ друга;—eo ipso принимаетъ на себя задачу установить причинное отношеніе различныхъ свойствъ предметовъ, т. е., *ту-же самую задачу*, какую преслѣдуетъ и вообще естественная наука. Удивляться-ли послѣ того, что такая дважды полезная классификація столь любезна наукѣ?

Таково имманентное значеніе эволюціоннаго принципа въ естествознаніи. Мы должны смотрѣть на него, какъ на *логическую фикцію*, придавать которой *метафизическое* значеніе ни одинъ серьезный ученый не долженъ.

Дѣлая этотъ выводъ, мы нисколько не скрываемъ отъ себя смѣлости такого шага, могущаго легко показаться просто дерзостью капитальнаго невѣжества ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, не видимъ ли мы, что творецъ эволюціонной теоріи, ученѣйшій Чарльзъ Дарвинъ, ея талантливѣйшіе защитники въ родѣ Геккеля и легіоны другихъ менѣе блестящихъ, но тѣмъ не менѣе серьезнѣйшихъ ученыхъ изъ ихъ послѣдователей,—почти всѣ профессора естественно—историческихъ наукъ во всѣхъ западно-европейскихъ и русскихъ университетахъ,—принимаютъ эволюціонную теорію въ

¹⁾ Слово *фикція* мы упогреблемъ безъ всякаго намѣренія инсинуировать метафизическую лживость закона эволюціи. Философская точка зрѣнія, желающая оставаться *критической*, а не переходить въ *догматическую*, такихъ приговоровъ провозносить не позволяетъ; поэтому мы о всякомъ метафизическомъ объясненіи готовы утверждать словами г. Введенскаго: „Можетъ быть это и вѣрно, да недостаточно!“ (Опытъ постр. теор. матер. etc., стр. 316). Мы въ данномъ случаѣ хотимъ только характеризовать *логическую* природу этого закона и употребляемъ терминъ, *принятый въ логикахъ* (Владиславлевъ, Логика, 2 изд. стр. 223).

²⁾ Миллал, Сист. лог. II, 262.

³⁾ Помнится, что подобный отзывъ сдѣлалъ относительно мнѣнія Н. Н. Стрессова о дарвинизмѣ профессоръ Московскаго университета К. А. Тимирязевъ въ одной изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ „Русской Мысли“ въ 1889 году.

самомъ реальномъ смыслѣ? Вѣдь если-бы они,—скажутъ намъ,—только подозрѣвали, что законъ эволюціи есть лишь методологическій принципъ, логическая фикція, то развѣ они стали-бы тратить массу труда на вычисленіе времени, необходимаго для *дѣйствительнаго* образованія однихъ видовъ изъ другихъ? —На это считаемъ нужнымъ сказать, что мы нисколько не желаемъ посягать ни на господство эволюціонной теоріи въ наукѣ, ни на авторитетъ всѣхъ упомянутыхъ ученыхъ; напротивъ, мы считаемъ эволюціонный принципъ *въ высшей степени плодотворнымъ принципомъ* для науки и желаемъ ему торжества и въ тѣхъ областяхъ науки, куда онъ пока еще не успѣлъ проникнуть. Мы только даемъ ему нѣсколько особое истолкованіе. Но не все-ли равно, въ сущности, для науки,—будетъ-ли эволюціонный процессъ реальнымъ или только фиктивнымъ? Вѣдь для науки онъ важенъ не самъ по себѣ, а лишь со стороны той пользы, какую его открытіе оказываетъ индуктивному изслѣдованію природы. И мы полагаемъ, что допускаемъ не только не ббольшую, а гораздо меньшую дерзость, чѣмъ та, которую допустилъ Кантъ, объявивши законы природы лишь объективированными формулами субъективной законѣрности въ отношеніяхъ ощущеній и представленій. Законъ эволюціи въ наукѣ останется на своемъ мѣстѣ,—только ему будетъ, говоря Кантовскимъ языкомъ, отказано въ „трансцендентномъ употребленіи“.

Если-же, не смотря на данныя разъясненія, все-таки нужно приводить основанія, почему мы не признаемъ реальнаго значенія за закономъ эволюціи, то мы можемъ указать на два основанія: 1) Доселѣ еще никому не удалось доказать *дѣйствительный* переходъ хоть одного вида въ другой, существенно отъ него различный и притомъ высшій: обыкновенно всѣ доказательства касаются простой возможности такого перехода въ гипотетическомъ и отдаленномъ отъ насъ на многія тысячилѣтія прошедшемъ; затѣмъ—2) признаваемые въ наукѣ факторы эволюціи,—наслѣдственность, половой подборъ и борьба за существованіе,—недостаточны и для объясненія *возможности* такого перехода: они удовлетворительно объясняютъ только *сохраненіе* въ родѣ и устойчивость какимъ-либо (доселѣ

еще не открытымъ) образомъ возникшихъ уже особенностей, но отнюдь не *возникновение* ихъ. Раскрытіе обоихъ этихъ положеній въ нашу настоящую задачу не входитъ.

Если мы теперь спросимъ себя,—каково-же объективное значеніе эволюціонной теоріи, безотносительно къ естествознанію, и въ частности,—приложима-ли она въ чисто духовной области познавательныхъ явленій, то мы, во-первыхъ, должны будемъ сказать, что ея значеніе здѣсь—совершенно *условно*, а во-вторыхъ, даже признавая ея приложимость въ этой области, мы уже не затруднимся отказать ей въ томъ *гносеологическомъ* значеніи, какое она имѣетъ, на примѣръ, у Спенсера.

Значеніе эволюціонной теоріи для познавательныхъ процессовъ—совершенно условное, потому что оно опредѣляется или метафизической справедливостью материалистической гипотезы касательно сущности душевныхъ явленій ¹⁾ или-же плодотворностью самой идеи развитія для пониманія и эмпирико-психологическаго истолкованія познавательныхъ процессовъ. Но правъ материалистическаго объясненія въ психологіи, говоря вообще, весьма спорны и, во всякомъ случаѣ, очень ограниченны ²⁾. Полезность идеи развитія въ современной психологіи дѣйствительно признается, и результатомъ этого признанія явились многочисленныя отрасли психологической науки, объединяемыя въ понятіи *объективной* психологіи,—на примѣръ, психологія ребенка, психологія народовъ, психологія животныхъ и проч. ³⁾. Но любопытно, что при этомъ *субъективная* психологія всетаки сохраняетъ центральное положеніе. Результаты объективно-психологическихъ наблюденій необходимо должны переводиться на языкъ субъективной психологіи или выражаться въ терминахъ непосредственнаго сознанія ⁴⁾. Слѣдовательно, элементы и формы собственно *психологическихъ* явленій всегда остаются *неизмѣнными*. Эволюціонировать могутъ только комбинаціи того эмпирическаго матеріала, который укладывается въ эти формы и образуетъ ихъ содержаніе. На примѣръ,

¹⁾ Ламе, Ист. мат., II, 348 стр. 342 и слѣд.

²⁾ См. на этотъ счетъ очень дѣльные разсужденія Ламе во II томѣ: глава I изъ I отдѣла и глава II изъ III отдѣла; Ср. также стр. 351 и слѣд.

³⁾ Геддингс, Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Рус. пер. Изд. журнала „Вопр. фил. и псих.“ 1892. I, 5, стр. 7 и слѣд. I, 8 е, стр. 29.

⁴⁾ *Ibid.* I, 6: стр. 10—13. Ср. I, 8 f: стр. 30.

психологическій характеръ чувствованій и логика у ребенка и дикаря должны быть признаны существенно такими-же, какъ у взрослога и цивилизованнаго человѣка: разница можетъ быть только въ предметныхъ ассоціаціяхъ и матеріальныхъ аксіомахъ. Если ребенокъ предлагаетъ своей ногѣ сухарь, то, очевидно, онъ видитъ въ своей ногѣ самостоятельное существо. Но эта смѣшная странность однако-же заставляетъ уже насъ признать его дѣйствія *вполнѣ логичными*, когда онъ и въ другихъ случаяхъ обращается съ частями своего организма, какъ съ посторонними предметами ¹⁾. Дикарь, не зная природы эхо, принимаетъ его за голосъ божества и съ этой точки зрѣнія вполнѣ *логично* удивляется глупости путешественника, не умѣющаго умозаключать по категоріи причинности ²⁾.

Сдѣланныя объясненія уже достаточно подготовили насъ къ выводу, что эволюціонная теорія не можетъ имѣть *инсологического* значенія.

Эволюціонный процессъ,—будемъ-ли мы его разсматривать, какъ фактъ, или какъ только постулять,—есть, во всякомъ случаѣ, фактъ или постулять *эмпирическаго* познанія. Следовательно, его собственная достовѣрность опредѣляется общими условіями возможности всякаго опыта. Опытъ возможенъ единственно подъ условіемъ всеобще—необходимой достовѣрности формально—логическихъ принциповъ познанія и т. н. реальныхъ категорій. Ergo, эволюціонная теорія не имѣетъ никакого логическаго права простираť свои выводы на эти принципы и категоріи, а должна ограничить сферу своего приложенія лишь областью опыта. Если-же она вздумаетъ говорить и объ измѣнчивости сверхъопытныхъ (апріорныхъ) формъ познанія, то допустить грубѣйшій софизмъ, принадлежащій къ разряду „*quaternio terminorum*“, именно къ „*sophisma a dicto secundum quid ad dictum simpliciter*“. Вотъ почему эволюціонизмъ не можетъ быть логической основой *релятивизма*. Но онъ не можетъ быть и основой *реализма*, потому что требованіе реального субстрата эволюціи есть ничѣмъ не оправдываемое трансцендентальное употребленіе категоріи субстанціаль-

¹⁾ *Ibid.* I, 4: стр. 6—7.

²⁾ Имѣемъ въ виду фактъ, разсказанный у *Спенсера* въ его Основаніяхъ соціологіи,—рус. пер. 1876. § 58, стр. 133.

ности (нѣтъ измѣненія безъ измѣняющагося),—а это уже *догматизмъ*.

Тѣ-же выводы можно получить и другимъ путемъ,—именно, оставаясь на той самой психологической или, точнѣе, опытной точкѣ зрѣнія, съ которой мы разсматривали общій вопросъ о мѣрѣ приложимости эволюціонной теоріи къ области духовныхъ явленій.

Если психологическая природа познавательныхъ процессовъ остается, какъ мы сказали, всегда одна и та-же, то говорить объ относительности принциповъ познанія представляется довольно труднымъ. И намъ кажется, что, напримѣръ, формальные принципы познанія (законы мышленія) всегда были и остаются одни и тѣ-же. Даже болѣе того, мы полагаемъ, что они одни и тѣ-же даже и у животныхъ. Основные приемы познанія (индукція и дедукція) тоже едва-ли могутъ имѣть только относительное значеніе. Эволюція можетъ угрожать только *реальнымъ* познаніямъ. Но и противъ этого существуетъ надежное средство въ критической осторожности. Обыкновенно, въ доказательство противнаго, указываютъ на разныя нелѣпыя, съ нашей точки зрѣнія, мнѣнія, бывшія нѣкогда не только обще-признанными, но и считавшіяся прямо за научныя аксіомы. Но мы полагаемъ, что если-бы эти мнѣнія были провѣрены со всею строгостью даже по *тогдашней* логикѣ, то имъ и тогда было-бы отказано въ несомнѣнности. Милль въ своемъ трактатѣ о заблужденіяхъ (5-я книга логики) приводитъ много нелѣпыхъ натурфилософскихъ положеній греческихъ философовъ. Всѣ эти положенія произошли—отъ смѣшенія словъ и вещей (родовой грѣхъ античной философіи), отъ неправильностей въ обобщеніи, отъ *ignotatio elenchi* при дедуктивныхъ выводахъ и т. п. Но самыя подробныя и дѣльныя правила для избѣжанія этихъ недостатковъ даны въ сочиненіи Аристотеля: „Περὶ σοφιστικῶν ἐλεγχῶν“, ¹⁾ что, впрочемъ, не помѣшало са-

¹⁾ Напримѣръ въ IV главѣ онъ исчисляетъ цѣлыхъ шесть видовъ софизмовъ, происходящихъ отъ двусмысленности словъ (омонимія, амфиболія, *διαίρεσις*, *πρωτόδικα* и пр.). Для нашего времени такая подробность была-бы излишнею, но тогда она была насущной потребностью. Очевидно, Аристотель понималъ болѣзнь своего вѣка. Точно также онъ подробно говоритъ и объ *ignotatio elenchi* (гл. XXVI) и пр. Очевидно, идеалъ знанія и условія строгой его достовѣрности были ясны и тогда. См. *Владиславлева*, Лог. 2 изд. стр. 44—47 въ прилож.

тому Аристотелю высказать не мало дикихъ теоремъ по физикѣ и астрономіи. Еще менѣе основаній признавать относительными познанія, считающіяся въ наше время вполне достовѣрными. При тѣхъ тщательныхъ различеніяхъ въ области основоположеній знанія—между аксіомами, постулатами, методологическими принципами и логическими фикціями, а въ области результатовъ—между закономъ, теоріей, гипотезой и т. п., при той найсточивости, съ какою въ настоящее время наука старается отмѣчать каждый свой шагъ и каждое свое приобрѣтеніе извѣстными сигнатурками модальности (*oportere, esse, posse*),—едва-ли возможно принять въ строгомъ смыслѣ за безспорное то, что впоследствии окажется ложнымъ. Наше время можно винить въ крайней требовательности касательно признаковъ достовѣрности. Зато чтó мы признаемъ—то за безусловно достовѣрное,—то ужъ дѣйствительно достовѣрно и не для настоящаго только времени, а навсегда! А основа нашей достовѣрности—логика, да фактъ, и съ этой опоры ужъ никакая эволюція насъ не столкнетъ ¹⁾. Система знаній, строящихся на этомъ основаніи, образуетъ вѣчное стаяніе человѣческой мысли. Строящееся такимъ путемъ міровоззрѣніе подобно зданію, гдѣ фундаментъ есть опытъ, кирпичи—факты, а цементъ—логика. Здѣсь каждый наложенный и надлежащимъ образомъ укрѣпленный рядъ камней образуетъ неподвижный базисъ для новыхъ надстроекъ. Можно еще допустить, хотя и не безъ оговорокъ, что время и эволюція сметутъ съ лица земли воздушныя постройки спекулятивной мысли ²⁾, но предъ постоянно растущимъ колоссомъ точнаго знанія они безсильны...

II. Тихомировъ.

1) Даже если-бы эволюція существенно измѣнила самыя функціи органовъ чувствъ, то и тогда-бы,—мы полагаемъ,—научно познанія истины не потеряли-бы своей цѣны. Наука отмѣтила-бы *modus* измѣненія въ функціяхъ воспринимающихъ органовъ и только стала-бы впередъ данныя наблюдоній, собранныхъ при помощи нашей теперешней чувственности, переводить въ термны этой преобразованной чувственности. Научно познаніе законы природы при этомъ, разумѣется, остались-бы одни и тѣ-же.

2) Въ сущности и эти построенія не уносятся безслѣдно эволюціей. Они, по удачному выраженію *Стюма Прудона* „оставляютъ послѣ себя долгое и громкое эхо“, которое повѣдываетъ всѣмъ послѣдующимъ поколѣніямъ о высокоомъ, но не осуществленномъ идеалѣ познанія. Созданіе конечныхъ идеаловъ знанія есть безспорная заслуга спекулятивной мысли.

О СЛУЧАЙНОСТИ ЗАКОНОВЪ ПРИРОДЫ.

Эмиля Бутру, профессора Парижскаго Университета.

„Εἶναι καὶ ἐνταῦθα θεοῦς“
(Aristot. De part. anim. I, 5).

(Переводъ со второго французскаго изданія подъ редакціей доцента Московской Духовной Академіи П. П. Соколова).

(Продолженіе *).

ГЛАВА VII.

О ч е л о в ѣ к ѣ.

Одно изъ основныхъ правилъ науки состоитъ въ томъ, чтобы допускать возможно меньше причинъ и стараться сводить новые факты къ причинамъ уже извѣстнымъ. Поэтому, разъ мы обладаемъ понятіями и законами бытія, родовъ, матеріи, тѣлъ и жизни, не можемъ-ли мы объяснить все изъ этихъ принциповъ, и не исчерпывается-ли ими слишкомъ длинный списокъ постулатовъ науки?

Все, что міръ предоставляетъ уму, дѣйствительно было-бы объяснимо путемъ данныхъ принциповъ, если-бы въ сферу такого объясненія могъ входить человѣкъ; потому что внѣ тѣхъ формъ бытія, къ которымъ непосредственно примѣнимы эти принципы, не остается другого эмпирическаго факта, кромѣ человѣческой природы.

Наше непосредственное чувство, безъ сомнѣнія, говоритъ за то, что между человѣкомъ, одареннымъ разумомъ и словомъ, и остальными живыми существами есть коренное различіе. Но не ослабляется-ли это вѣрованіе сравненіемъ и наблюденіемъ? Не видимъ-ли мы, что человѣческая природа, какъ въ прош-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г. № 8.

ломъ, такъ и въ настоящемъ, представляетъ рядъ ступеней, сближающихъ ее съ низшими существами? Нельзя-ли сказать, что даже способности самаго выдающагося человѣка, вызывающія наше удивленіе, имѣютъ свой естественный генезисъ, что онѣ вытекаютъ изъ болѣе простыхъ способностей и въ концѣ концовъ, можетъ быть, сводятся къ элементарнымъ свойствамъ, присущимъ всякому живому существу, напр., къ способности отвѣчать на дѣйствіе внѣшнихъ вещей рефлекторно-автоматическимъ дѣйствіемъ? Не есть-ли ощущеніе только столкновеніе внѣшнихъ вліяній съ нашими собственными влеченіями, болѣе или менѣе несовершенно приспособленными къ нимъ? Не исчезаетъ-ли оно, когда приспособленіе, становится полнымъ, какъ напр., въ привычкѣ, или когда возбужденіе слишкомъ слабо, какъ напр., во снѣ? Не есть-ли мысль только внутренняя репродукція внѣшнихъ явленій, распредѣленныхъ по постоянству ихъ связей? И не является-ли такая репродукція дѣломъ самихъ явленій, которыя стремятся одно за другимъ отпечатлѣть свой слѣдъ въ нашемъ умѣ, этой восковой пластинкѣ, обладающей твердостью, достаточной для того, чтобы воспринимать и сохранять ихъ слѣды? Наконецъ, не есть-ли воля только совокупность истинныхъ прирожденныхъ или прибрѣтенныхъ влеченій, начинающихъ дѣйствовать подъ вліяніемъ внѣшняго стимула и налагающихъ въ свою очередь на вещи свой отпечатокъ? Что касается сознанія свободы воли, то не есть-ли оно простое чувство того, что мы сами причина нашихъ дѣйствій (чувство справедливое, такъ какъ наши влеченія—мы сами), соединенное съ ощущеніемъ борьбы нашихъ желаній и съ незнаніемъ причинъ, опредѣляющихъ ея исходъ.

Такимъ образомъ вся психическая дѣятельность, повидимому, можетъ быть сведена къ рефлекторной активности. Но не существуетъ-ли послѣдняя уже въ физиологическомъ мірѣ? Не есть-ли она фунція всякаго организма? Не прибрѣтаетъ-ли она, особенно въ высшихъ организмахъ, только исключительную сложность, координированность и способность къ приспособленію?

Отсюда, необходимо-ли для объясненія человѣка допустить новый принципъ? Не сводятся-ли въ концѣ концовъ его спо-

способности, даже самыя высшія, къ фізіологическимъ свойствамъ, специализировавшимся въ силу общаго закона дифференціаціи? Не въ фізіологіи-ли слѣдуетъ искать объясненія психическихъ явленій? Не будетъ-ли бесполезнымъ, незаконнымъ и опаснымъ притязаніемъ считать психологію особою наукою, не имѣющей другихъ отношеній къ фізіологіи, кромѣ тѣхъ, какія могутъ существовать, наприм., между фізіологіей и физикой?

Повидимому, несомнѣнно установлено, что въ настоящей жизни всякое психическое явленіе обуславливается опредѣленными фізіологическими явленіями, и потому изслѣдовать фізіологическія условія душевной жизни точно такъ-же законно, какъ изслѣдовать физическія условія органической жизни, или механическія условія физическихъ измѣненій. Но можетъ-ли подобное изслѣдованіе, какіе бы успѣхи оно ни сдѣлало, привести къ поглощенію психологіи фізіологіей?

Во всѣхъ психическихъ явленіяхъ встрѣчается въ различной степени одинъ элементъ, который принимается какъ безспорный фактъ и теоріей рефлкторной активности, и теоріей трансформированныхъ ощущеній, хотя и не объясняется ими: это—сознаніе самого себя, рефлексія на свои собственныя состоянія, личность. Всякое психическое явленіе есть или можетъ быть состояніемъ сознанія.

Ощущеніе уже содержитъ этотъ элементъ, а потому построить способности души изъ ощущеній,—значитъ предполагать то, что именно и составляетъ проблему. Что-же касается рефлкторной активности, то способна-ли она путемъ аналитическаго развитія породить сознаніе? Можно-ли, разлагая послѣднее на его элементы, показать, что они вмѣстѣ съ закономъ ихъ сочетанія содержатся всецѣло въ рефлкторной дѣятельности?

Быть можетъ, скажутъ, что актъ сознанія есть только воспріятіе различія? Но воспріятіе предполагаетъ мыслящаго субъекта.

Или, можетъ быть, сознаніе отличается отъ физическихъ явленій только отсутствіемъ въ его состояніяхъ одновременности, а послѣдовательный порядокъ, общій и психическимъ, и фізіологическимъ явленіямъ, дѣлаетъ ихъ однородными? Но почему же простая послѣдовательность должна предполагать самоощу-

щеніе, между тѣмъ какъ послѣдовательность, соединенная съ одновременностью, должна исключать его?

Или, можетъ быть сознаніе есть накопленіе жизненной силы, происшедшее благодаря внѣшнимъ раздраженіямъ и централизаціи органической системы? Но какимъ образомъ жизненная сила, накопляясь, приобрѣла бы такое свойство, котораго она въ состояніи разсвѣянія не обнаруживаетъ ни въ какой степени?

Или сознаніе есть только столкновеніе внѣшнихъ силъ съ влеченіями организма? Но почему-же это столкновеніе производитъ сознаніе, тогда какъ столкновеніе одного тѣла—съ другимъ не производитъ его?

Вообще нѣтъ выхода изъ слѣдующей альтернативы: нужно или искусственно свести сознаніе къ органическому факту, изъ котораго его требуется вывести, или взять сознаніе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, и признать, что свести его вполнѣ аналитическимъ путемъ къ чисто органическому факту невозможно.

Въ дѣйствительности то, что анализируютъ въ этомъ случаѣ подъ именемъ сознанія, не есть самое сознаніе: здѣсь изслѣдуются или его условія, или его предметъ. Условія сознанія образуютъ сложную совокупность, которая, быть можетъ, сводится всецѣло или отчасти къ физиологическимъ и физическимъ элементамъ. Точно также и его предметъ (ощущенія, мысли, желанія), разсматриваемый самъ по себѣ, образуетъ сложную совокупность, которая можетъ представлять болѣе или менѣе точный параллелизмъ съ послѣдовательностью физиологическихъ фактовъ. Но самое сознаніе есть несводимое данное, которое лишь затемняется объясненіемъ и разрушается анализомъ. Отыскивать отдѣльные элементы сознанія съ тѣмъ, чтобы связать ихъ съ элементами низшихъ функцій или противопоставить имъ,—значитъ потерять изъ виду самое сознаніе и разсматривать только его матеріалъ или работу. Сознаніе—не вещь, не свойство и даже не функція; оно есть актъ, превращеніе внѣшнихъ явленій во внутреннія, родъ живой формы, въ которой послѣдовательно отливаются и видоизмѣняются вещи. Въ немъ весь міръ можетъ найти себѣ мѣсто, теряя свою сущность и форму и облекаясь въ новую, идеальную форму, одновременно и сходную и несходную съ его дѣй-

ствительной природой. Сознаніе есть принципъ столь глубокой переработки явленій, что знаніе предшествующихъ видоизмѣненій никогда не могло-бы дать о немъ понятія. Съ одной стороны, оно ничего не прибавляетъ къ бытію, такъ какъ вещи, не будучи воспринимаемы ими, все-же могли-бы существовать; съ другой,—оно именво и создаетъ бытіе, такъ какъ сознательная личность, эта высшая форма бытія, приписываетъ реальность только тому, что входитъ или можетъ входить въ ея сознаніе. Съ одной стороны рефлкторная дѣятельность, не будучи предметомъ внутренняго воспріятія, ничего не теряетъ изъ своей сущности, и самыя сложныя сочетанія различныхъ рефлкторныхъ актовъ могутъ быть понятны безъ участія въ нихъ сознанія, какъ составнаго элемента; вѣдь, когда говорится о рефлкторныхъ дѣйствіяхъ, дѣло идетъ о познаваемыхъ вещахъ, а не о познающихъ личностяхъ. Съ другой стороны сознаніе нисколько не освѣщаетъ самихъ рефлкторныхъ дѣйствій, такъ какъ оно не открываетъ намъ того, что происходитъ въ нашемъ организмѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Оно производитъ явленія совершенно иного рода,—явленія, которыя, будучи нѣкоторымъ образомъ связаны съ фізіологическими процессами и воспроизводя болѣе или менѣе точно порядокъ ихъ существованія, тѣмъ не менѣе образуютъ сами по себѣ особый міръ и (чего нельзя было-бы предполагать, имѣя въ виду исключительно рефлкторныя дѣйствія) міръ, закрытый для другихъ сознаній.

Вообще не важно, что въ ощущеніи, мысли и желаніи можно найти элементы, позволяющіе поставить ихъ въ параллельную связь съ фізіологическими явленіями. То, что не имѣетъ для себя ничего подобнаго въ фізіологіи, есть сознаніе ощущенія, мысли и желанія. Точно также безразлично здѣсь и существованіе различныхъ степеней сознанія. Связь явленій съ „я“—вотъ все, что нужно разумѣть подъ сознаніемъ въ собственномъ смыслѣ слова. Эта именно связь и сообщаетъ ощущенію, мысли и желанію особую новую форму.

Такимъ образомъ, пытаются объяснить сознаніе путемъ аналитическаго построенія, комбинируя рефлкторныя дѣйствія по ихъ собственнымъ законамъ,—значить противорѣчить самой его

сущности. Съ этой точки зрѣнія ничего не можетъ быть сложнѣе сознанія. Между тѣмъ въ дѣйствительности, повидимому, нѣтъ ничего проще его, и природа нигдѣ въ такой степени не приближается къ идеальному предѣлу совершеннѣйшаго единства, какъ въ немъ. Сознаніе не есть спеціализація, развитіе или совершенствованіе фізіологическихъ функцій; оно не есть также ихъ внутренняя сторона или ихъ составной элементъ; оно есть элементъ новый, творческій. Человѣкъ, одаренный сознаніемъ,—болѣе, чѣмъ живое существо. Пока онъ есть личность, или пока его естественное развитіе кончается личностью, онъ обладаетъ совершенствомъ, до котораго не могутъ возвыситься существа, являющіяся только индивидуальными организмами. Форма, въ которой сознаніе возвышается надъ жизнью, есть абсолютный синтезъ, сложеніе безусловно разнородныхъ элементовъ. Такимъ образомъ, его связь съ жизнью случайна, по крайней мѣрѣ съ логической точки зрѣнія.

Можно-ли теперь утверждать, что эта связь мыслится самимъ разумомъ, который, выходя изъ понятія жизни и трансцендентально расширяя его, а ргіогі предполагаетъ сознаніе, какъ необходимое слѣдствіе?

Такая ссылка на разумъ была-бы законной, если бы дѣло шло о сознаніи, какъ метафизическомъ принципѣ, абсолютно единомъ и тождественномъ по своему субъекту и объекту и, слѣдовательно, несводимомъ къ даннымъ опыта. Но сознаніе, о которомъ идетъ рѣчь въ психологіи, индивидуально и допускаетъ множество субъектовъ; притомъ въ каждомъ индивидуумѣ оно такъ сказать, развѣтвляется среди множества доступныхъ ему объектовъ и всюду проникаетъ въ разнообразную сферу опыта. Существованіе такого сознанія не можетъ быть открыто намъ апріорнымъ мышленіемъ, которое не знаетъ различія индивидуумовъ и безконечнаго разнообразія вещей; напротивъ, оно составляетъ непосредственный объектъ самого эмпирическаго сознанія, т. е., принадлежитъ къ области опыта. Такимъ образомъ, способъ, какимъ мы познаемъ природу сознанія, не даетъ основаній считать его реальное существованіе теоретически необходимымъ.

Наконецъ, можно-ли, основываясь на самомъ опытѣ, утверждать, что связь сознанія и жизни необходима фактически?

Для доказательства этого положенія недостаточно показать, что сознаніе появляется всякій разъ, какъ въ организмѣ осуществлены извѣстныя условія, которыя можно болѣе или менѣе точно опредѣлить. Въ этомъ случаѣ остается еще узнать, не вызваны-ли эти условія самимъ сознаніемъ,—гипотеза вполнѣ допустимая, если законы жизни случайны. Если однообразіе въ сосуществованіи обнаруживаетъ причинное отношеніе, то оно не указываетъ, какой изъ двухъ терминовъ служить причиной другого.

Чтобы признать всѣ нервныя процессы условіями сознанія, нужно было-бы объяснить ихъ исключительно одними законами общей физиологіи; но такая претензія кажется слишкомъ смѣлой. Болѣе глубокое изученіе иннерваціи, повидимому, все болѣе и болѣе ставитъ эту функцію въ совершенно особое положеніе. Нервное возбужденіе и разряженіе, присущая нервнымъ клѣткамъ способность сохранять въ продолженіе извѣстнаго времени впечатлѣніе внѣшнихъ вещей, передача этой своеобразной фосфоресценціи группамъ другихъ, не затронутыхъ видимымъ предметомъ, клѣтокъ, которыя начинаютъ вибрировать въ унисонъ съ нею и распространять въ свою очередь возбужденіе,—всѣ эти факты обыкновенно считаются не вполнѣ соизмѣримыми съ такими элементарными жизненными свойствами, какъ напр., питаніе, ростъ и воспроизведеніе, или даже съ такими способностями, какъ способность къ сокращенію, которая однако уже превосходитъ эти общія свойства. Повидимому, отношеніе между элементарными физиологическими свойствами и иннерваціей подобно тому, какое существуетъ между чисто математическими формами матеріи и механическими условіями физическихъ и химическихъ явленій. Внимательное изслѣдованіе открываетъ глубокое различіе между самыми сложными аналитическими синтезами протяженія и движенія, насколько они существуютъ сами по себѣ, и тѣми ихъ видами, которыя играютъ роль условій для явленій высшаго порядка. Наблюдатель, констатируя эмпирическое родовое тождество тѣхъ и другихъ явленій, инстинктивно предполагаетъ,

что они тождественны и по происхожденію; но въ дѣйствительности всякое чисто механическое объясненіе высшихъ формъ бытія оказывается поверхностнымъ и неудовлетворительнымъ. Ошибка неизбѣжная, разъ высшее внимательство отклоняетъ вещи отъ ихъ обычнаго теченія, и притомъ отклоняетъ не рѣзко, а незамѣтно, и не на всемъ пространствѣ ихъ развитія, а только вначалѣ.

Можно было-бы полагать, что такое отклоненіе нервныхъ функцій отъ общихъ физиологическихъ свойствъ только кажущееся, если бы существа, одаренныя нервной системой, отличались отъ существъ, лишенныхъ ея, вообще лишь степенью. Но присутствіе нервной системы совпадаетъ съ возникновеніемъ сознанія, т. е., способности, возвышающейся надъ всѣми жизненными функціями. Отсюда, нельзя-ли думать, что сознаніе, если оно появляется всякій разъ, когда существуютъ извѣстныя физиологическія условія, само ставитъ себѣ эти условія, необходимыя для его проявленія? Если заря возвѣщаетъ солнце, то это потому, что она отъ него исходитъ.

Но, можетъ быть, сознаніе вовсе не требуетъ какихъ-нибудь особенныхъ физиологическихъ условій? Можетъ быть, начало сознанія уже связано съ основными жизненными свойствами, такъ что между низшими и высшими организмами существуетъ только различіе въ степени? Въ этомъ случаѣ извѣстное сознаніе существовало-бы даже у клѣтки, и чтобы проивести чловѣческое сознаніе, нужно было-бы только специализировать, измѣнить и организовать сознанія клѣтокъ.

Если бы даже зачаточное сознаніе и было присуще каждой клѣткѣ, все-же оставалось бы несомнѣннымъ, что сознаніе, или чувство своего собственнаго существованія, несводимо къ чисто физиологическимъ свойствамъ и не въ нихъ имѣетъ свое начало. Присутствіе сознанія въ клѣткѣ, какъ и въ высшихъ организмахъ, было бы случайнымъ. Но есть-ли основаніе полагать, что данная способность существуетъ въ низшихъ организмахъ?

Для доказательства этого положенія могутъ привести большее количество фактовъ, заимствованныхъ даже изъ наблюденій надъ инфузоріями и растеніями. Полипь прѣсной воды,

напримѣръ, привлекаетъ къ себѣ живыя инфузоріи и водоросли и отстраняетъ мертвыя и неорганическія тѣла, производя своими щупальцами родъ водоворота. Есть растенія, которыя, повидимому, выбираютъ для себя точку опоры, содрогаются при прикосновеніи насѣкомыхъ и схватываютъ ихъ. Тысяча подобныхъ фактовъ, повидимому, доказываетъ, что въ самыхъ элементарныхъ организмахъ внѣшнее вліяніе можетъ производить внутреннее возбужденіе, которое въ свою очередь можетъ порождать рефлекторное движеніе, приспособленное къ нуждамъ живого существа. Но возбужденіе и выборъ соотвѣтственныхъ дѣйствій не служатъ-ли признаками сознанія?

Сомнительно, что-бы возбужденіе и рефлекторное движеніе всегда сопровождалось сознаніемъ, потому что въ насъ происходитъ много такихъ возбужденій и рефлекторныхъ дѣйствій, которыя не проходятъ чрезъ наше „я“. Что-же касается соотвѣтственности дѣйствій, то она составляетъ то, что называется цѣлесообразностью. Однако можно-ли утверждать, что цѣлесообразность, хотя-бы она въ приведенныхъ фактахъ и не сводилась къ механизму, неизбѣжно предполагаетъ сознаніе въ томъ существѣ, въ которомъ она проявляется? Сознаемъ-ли мы тотъ процессъ, благодаря которому физическое, химическое и физиологическое устройство нашихъ органовъ приспособляется къ ихъ функціямъ?

Но, возразятъ, тотъ родъ сознанія, который, повидимому, отсутствуетъ въ физиологическихъ функціяхъ, состоитъ только въ ясномъ различеніи субъекта и объекта. Между тѣмъ такое пониманіе сознанія слишкомъ узко. Сознаніе допускаетъ безконечное множество степеней, начиная съ совершеннаго состоянія, которымъ характеризуется полная умственная жизнь, и кончая кажущимся уничтоженіемъ его во время сна. Обыкновенно пробужденіе застаетъ нашъ умъ не пустымъ, а занятымъ идеями, болѣе или менѣе различными отъ тѣхъ, которыя занимали его наканунѣ. Вниманіе и сосредоточеніе представленій дѣлаютъ ясными воспріятія, которыя сначала были темны и незамѣтны. А то, что въ связи съ другими элементами становится яснымъ, не было и раньше нулемъ. Вотъ такое-то темное сознаніе и существуетъ у низшихъ организмовъ,

Эта точка зрѣнія допускаетъ глубокія различія въ самомъ понятіи сознанія и въ концѣ концовъ искажаетъ его.

Въ самомъ дѣлѣ, когда идетъ рѣчь о человѣкѣ, сознаніе, сведенное даже къ минимуму его интенсивности, всегда представляется актомъ, благодаря которому разнообразіе душевныхъ состояній соединяется съ единымъ „я“; другими словами, оно есть усвоеніе психическихъ явленій одному постоянному субъекту. Измѣняется только ясность воспріятія, а не единство „я“.

Когда-же говорится о низшихъ существахъ, о ихъ возбудимости и о цѣлесообразности ихъ дѣйствій, сознаніе уже не есть, да и не можетъ быть усвоеніемъ различныхъ ощущеній единому „я“. Вѣдь, единство сознанія имѣетъ своимъ условіемъ сравненіе ощущеній, а такое сравненіе предполагаетъ въ свою очередь центръ, къ которому сходятся всѣ впечатлѣнія, вызванныя различными объектами. Сознаніе, приписываемое низшимъ существамъ, можетъ быть только простымъ ощущеніемъ, мыслию или стремленіемъ, которыя способны существовать въ видѣ извѣстныхъ внутреннихъ возбужденій, но не могутъ восприниматься субъектомъ.

Но понимаемое въ этомъ смыслѣ сознаніе низшихъ существъ представляетъ въ сравненіи съ человѣческимъ большее различіе, чѣмъ простое различіе въ степени. Это уже не сознаніе „я“, концентрирующее въ себѣ и сравнивающее разнообразныя душевные элементы, а только агрегатъ безсвязныхъ сознательныхъ ощущеній. Въ то время какъ человѣческое сознаніе воспринимаетъ заразъ только одно ощущеніе, эти агрегаты заключаютъ множество и послѣдовательныхъ, и одновременныхъ ощущеній. Что касается клѣтки, или простого анатомическаго элемента, то единство, которымъ можетъ обладать ея сознаніе, радикально отличается отъ единства сознанія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Клѣтка уже въ силу своей органической простоты можетъ имѣть только ощущенія одного и того-же качества. Единственныя различія, которыя могутъ существовать въ этомъ сознаніи, суть различія по количеству или интенсивности. Между тѣмъ единство сознанія именно и составляетъ свойство субъекта, сравнивающаго другъ съ дру-

гомъ различныя качества. Только при этомъ сравненіи субъектъ ощущаетъ себя и противопоставляетъ свое бытіе внѣшнимъ вещамъ.

Отсюда, какимъ образомъ можно понять, что человѣческое сознание вытекаетъ изъ сознанія, приписываемаго клѣткѣ?

Быть можетъ скажутъ, что личное сознание есть только равнодѣйствующая элементарныхъ сознаній, т. е., сознательныхъ ощущеній, мыслей и желаній, что, разъ сочетаніе этихъ сознательныхъ элементовъ произвело въ качествѣ равнодѣйствующей личное сознание, новыя ощущенія оказываются уже внутри или внѣ „я“, т. е., становятся воспріятіями, или остаются простыми ощущеніями, смотря по тому, стоятъ они въ связи съ этою равнодѣйствующей, или нѣтъ?

Но, вѣдь, элементарныя сознанія не обладаютъ даже зародышемъ того единства, которое характеризуетъ личное сознание; поэтому нельзя понять, какимъ образомъ послѣднее могло бы произойти изъ ихъ сочетанія. Кромѣ того, вообще не понятно, какимъ образомъ нѣсколько сознаній могло-бы такимъ образомъ сливаться въ болѣе и болѣе высшія сознанія. Въ дѣйствительности, повидимому, самымъ понятіемъ сознанія предполагается, что оно закрыто для другихъ сознаній. Если на это возразятъ, что данное свойство принадлежитъ исключительно сознанію „я“, а не сознаніямъ, лишеннымъ единства, то понятіе этихъ элементарныхъ сознаній станетъ неуловимымъ и ихъ противоположность личному сознанію сдѣлается еще болѣе радикальной.

Или стануть утверждать, что личное сознание есть простой агрегатъ элементарныхъ сознаній?

Въ этомъ случаѣ отказываются объяснить его единство. Кромѣ того, если элементы цѣльнаго сознанія принадлежать каждой клѣткѣ, то, вѣдь, совокупность этихъ низшихъ сознаній всецѣло обновляется чрезъ извѣстное число лѣтъ, и остается непонятнымъ, почему сознание, которое должно ихъ обобщать, продолжаетъ существовать послѣ нихъ.

Наконецъ, можетъ быть, скажутъ, что личное сознание есть сознание какой-нибудь одной клѣтки мозга, которая достигаетъ высшей степени развитія благодаря своей связи съ остальными?

Такое объясненіе могло-бы быть достаточнымъ, если-бы

личное сознание отличалось отъ элементарныхъ сознаний только по интенсивности. Но дѣло идетъ о различіи по существу. Дѣло идетъ также о постоянствѣ сознания среди жизненнаго круговорота. Между тѣмъ, клѣтки мозга, не смотря на ихъ роль общаго пріемника впечатлѣній, представляютъ въ сравненіи съ другими клѣтками только различіе въ степени, и та разнородность, которая существовала-бы по этой гипотезѣ между ихъ свойствами и свойствами другихъ клѣтокъ, остается необъяснимой. Если почти сходныя анатомическіе элементы выполняютъ столь несоразмѣрныя функціи, то въ матеріи можно видѣть только орудіе, управляемое неодинаковыми силами.

Вообще, сознание, которое приписываютъ клѣткамъ, сходно съ личнымъ сознаниемъ только по имени. Безусловно лишенное субъективнаго единства, оно, при всѣхъ его мысленныхъ осложненіяхъ, не можетъ объяснить воспріятія качественныхъ различій, которое составляетъ свойство „я“. Поэтому нужно устранить это двусмысленное и ложное слово и говорить просто о бессознательныхъ ощущеніяхъ, мысляхъ и влеченіяхъ. Насколько такія явленія понятны, что остается отъ ощущеній, мыслей и желаній безъ „я“, которое у человѣка, повидимому, составляетъ ихъ сущность, чѣмъ различаются эти бессознательные элементы отъ простаго возбужденія, рефлекторнаго движенія и приспособленія,—все это имѣетъ уже второстепенную важность. Какъ скоро „я“ не есть ихъ причина, дѣло идетъ уже о свойствахъ, безусловно низшихъ въ сравненіи съ психическими явленіями въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Такимъ образомъ, остается несомнѣннымъ, что личное сознание не принадлежитъ всѣмъ живымъ существамъ, а существуетъ только тамъ, гдѣ мы видимъ особенную физиологическую организацію. Если-бы эта организація возникла по исключительно физиологическимъ законамъ, безъ участія высшаго начала, то хотя отсюда, безъ сомнѣнія, и не слѣдовало-бы, что сознание является ея результатомъ, потому что оно заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ жизнь, однако возникновеніе сознания въ этомъ случаѣ было-бы необходимымъ въ той степени, въ какой оно связано съ сопровождающими его физиологическими явленіями. Но если, напротивъ, можно до-

пустить, что жизненные свойства, которыя служатъ условіями сознанія, не объясняются одними общими законами жизни, если становится вѣроятнымъ, что само сознаніе участвуетъ въ ихъ осуществленіе то хотя-бы сознаніе и было связано въ данномъ мірѣ съ опредѣленными физическими условіями, оно реализуется случайно.

Итакъ, происхожденіе человѣка, какъ сознательнаго существа, не объясняется простой игрой физическихъ и физиологическихъ законовъ. Его существованіе и его дѣйствія вносятъ въ природу такія измѣненія, которыя она сама по себѣ не можетъ объяснить, и которыя представляются случайными, если мы ставемъ на точку зрѣнія физическаго и физиологическаго міра.

Однако, какая важность въ томъ, что человѣкъ можетъ болѣе или менѣе располагать вещами, если онъ вновь найдетъ роковую необходимость въ себѣ самомъ, если его чувства, идеи, рѣшенія,—словомъ, вся его внутренняя жизнь, управляются особымъ закономъ, который неизбежно ихъ опредѣляетъ? Можетъ-ли независимость мыслящаго міра въ отношеніи къ низшимъ мірамъ касаться индивидуума, если всѣ его дѣйствія роковымъ образомъ обусловливаются системой психологическихъ фактовъ, если онъ по отношенію къ этой системѣ является только каплей воды, уносимой бурнымъ потокомъ? Между тѣмъ, не обладаетъ-ли всякое существо своимъ закономъ, и не должны-ли явленія сознанія, наравнѣ съ другими разрядами вещей, представлять отношеній взаимной зависимости?

Сначала, безъ сомнѣнія, были склонны считать душу совершенно самодѣятельной силой. Каждое изъ ея дѣйствій, повидимому, находятъ свое основаніе и свою причину въ ней одной, а не въ сопутствующихъ явленіяхъ. Развѣ психическія явленія не противятся вычисленію? Развѣ можно предсказать, какъ поступитъ такое-то лицо при такихъ-то обстоятельствахъ? Однако болѣе внимательное изученіе скоро открыло однообразную послѣдовательность психическихъ явленій, по крайней мѣрѣ въ области чувствъ и мыслей. Воля долго оставалась непокорной наукѣ и давала ученію о случайности, повидимому, непреоборимый оплотъ. Но прогрессъ наблюденія и сравненія открылъ существованіе политическихъ и социальныхъ есте-

ственныхъ законовъ. Исторія показываетъ намъ, что различныя общества зараждаются, развиваются и погибаютъ одинаковымъ образомъ. Подъ разнообразіемъ литературъ и общественныхъ учреждений она вскрываетъ общую форму человѣческой дѣятельности, которая представляется постоянной. Точныя науки въ свою очередь требуютъ своей доли участія въ изученіи моральныхъ и социальныхъ явленій и опредѣляютъ ихъ средній типъ, остающійся видимо неизмѣннымъ. Статистика, производя наблюденія надъ массами, съ успѣхомъ подчиняетъ вычисленію продукты человѣческой воли, наравнѣ съ продуктами физическихъ силъ.

Чтобы отстоять самопроизвольность индивидуумовъ, пытаются установить различіе между ними и цѣлымъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ абстрактная математика, которая формулируетъ неизмѣнные законы для общихъ количествъ, такъ называемые законы *большихъ чиселъ*, и допускаетъ случайность входящихъ въ ихъ составъ частныхъ величинъ. Но случай, допускаемый математикомъ, есть лишь фикція. Въ дѣйствительности все имѣетъ свое основаніе. Если человѣческія дѣйствія, взятая въ отдѣльности, кажутся случайными, то это потому, что общія причины, вліяніе которыхъ мы изучаемъ, парализуются безконечнымъ множествомъ частныхъ причинъ, совершенно лишенныхъ координаціи и не объединяемыхъ никакимъ закономъ. Вотъ это именно взаимное уничтоженіе извѣстныхъ причинъ выдѣляетъ и обваруживаетъ вліяніе нѣкоторыхъ другихъ условій. Впрочемъ, непосредственное наблюденіе надъ отдѣльными индивидуумами и отдѣльными группами индивидуумовъ все болѣе и болѣе ограничиваетъ ту долю случайности, которую, по видимому, допускаетъ общая статистика. Для дѣйствій индивидуума, вѣроятно точно такъ-же можно было-бы найти постоянную среднюю величину, какъ и для дѣйствій общества. Обыкновенно чѣмъ лучше мы узнаемъ человѣка, тѣмъ вѣрнѣе объясняемъ и предусматриваемъ его поведеніе. Если въ этомъ случаѣ и остается нѣкоторая неувѣренность, то это потому, что намъ недостаетъ нѣкоторыхъ данныхъ. Можно-ли допустить, что погода происходитъ случайно, если мы не въ состояніи предвидѣть ее навѣрно?

Какова-же можетъ быть общая формула психическихъ законовъ?

Наиболѣе научный методъ для опредѣленія этой формулы состоитъ, на первый взглядъ, въ томъ, чтобы свести состоянія сознанія къ ихъ физическимъ и механическимъ условіямъ. Нельзя-ли, напр., сказать, что опытъ обнаруживаетъ постоянную связь между физическими измѣненіями тѣла и измѣненіями души, что эти два порядка явленій существуютъ, увеличиваются и уменьшаются въ одно и тоже время и въ одинаковыхъ пропорціяхъ? Нельзя-ли, примѣняя къ душѣ общій законъ соотношенія силъ, предполагать, что существуетъ механической эквивалентъ ощущенія, мысли и воли точно такъ-же, какъ существуетъ механической эквивалентъ теплоты или химическихъ процессовъ? Если это такъ, то физическая необходимость была-бы основой психической необходимости.

Конечно, аналогія, которая можетъ существовать между психическимъ и физическимъ развитіемъ, не оправдывала-бы гипотезы превращенія механическихъ явленій въ психическія, такъ какъ, вѣдь, и движеніе не превращается въ теплоту въ собственномъ смыслѣ слова, а только составляетъ ея условіе, ея матеріальную основу. Однако, эта аналогія, повидимому, показываетъ, что мыслящій міръ есть лишь своего рода внутренняя подкладка извѣстной части механическаго міра. Она заставляетъ предполагать, что между мыслью и сопровождающими ее движеніями существуетъ строгій параллелизмъ. Она даетъ основаніе думать, что можно найти формулы, позволяющія объяснять и предугадывать психическія явленія путемъ одного разсмотрѣнія ихъ механическихъ условій.

Такая точка зрѣнія была-бы законной, если-бы можно было измѣрить сами по себѣ психическія перемѣны, соотвѣтствующія механическимъ перемѣнамъ. Между тѣмъ, чтобы вполне измѣрить душевныя явленія, нужно было-бы превратить ихъ въ качественно однородныя количества, т. е., напр., въ количества психической энергіи. Но возможно-ли такимъ образомъ свести къ одной и той-же единицѣ мѣры разнообразіе душевныхъ качествъ?

Предположимъ, что съ этой точки зрѣнія изучается воспоминаніе. Если S есть перемѣнное количество воспоминанія, а

Q переменное количество движенія, то S_1, S_2 будутъ опредѣленными частными величинами S , а Q_1, Q_2 соответствующими величинами Q . Тогда можно было-бы начертить слѣдующую таблицу:

S_1	Q_1
S_2	Q_2
.	.
.	.
.	.
.	.

и отсюда вывести, что $S=f(Q)$. Но какъ опредѣлить величины S_1, S_2 и т. д.? Воспоминаніе, какъ и сама душа, не есть простое однородное качество. Оно заключаетъ въ себѣ ясность, живость, полноту, точность, опредѣленность, отдаленность въ прошедшемъ, чувство личнаго тожества, сознаніе, что данная идея уже была воспринята, и проч. Величина воспоминанія именно и опредѣляется присутствіемъ, отсутствіемъ и степенью этихъ различныхъ качествъ. Такимъ образомъ, пришлось-бы на первыхъ порахъ отказаться отъ измѣренія такого сложнаго цѣлаго, какъ воспоминаніе, величины котораго вслѣдствіе этой сложности не могутъ быть качественно однородными количествами. Нужно было-бы сначала разложить его на простыя и точно опредѣленные качества, аналогичныя протяженію и движенію, опредѣлить механическій эквивалентъ cadaго изъ нихъ и потомъ найти числовое отношеніе между этими качествами, взятыми въ отдѣльности, и результатами ихъ сочетаній. Но такое предпріятіе было-бы невыполнимо научно, т. е., безъ участія догадки, субъективнаго сужденія, чувства,—словомъ, той непосредственной оцѣнки качества, которая такъ осложняетъ воспоминаніе и которой именно и требуется избѣжать. Кромѣ того ничто не доказываетъ, чтобы психическія качества могли быть разложимы на простыя элементы, остающіеся тожественными при всѣхъ измѣненіяхъ интенсивности.

Тѣмъ болѣе примѣнны эти замѣчанія къ моральнымъ качествамъ души, которыя всего важнѣе.

Если бы теперь, наоборотъ, мы полѣнились сначала опредѣлить переменныя физическія явленія, чтобы вывести изъ нихъ

соотвѣтствующія перемѣны явленій психическихъ, то измѣрять послѣднія первыми было-бы логическимъ кругомъ, такъ-какъ для того, чтобы установить постоянное отношеніе между этими двумя рядами перемѣнъ, нужно предварительно измѣрить ихъ въ отдѣльности.

Этотъ методъ изслѣдованія, повидимому, можетъ привести къ какому-нибудь результату, хотя-бы даже приблизительному, только въ примѣненіи къ одной ограниченной сторонѣ психическаго міра, той сторонѣ, которою душа нѣкоторымъ образомъ соприкасается съ матеріей и гдѣ она еще не бываетъ сама собою. Разсматриваемый по существу, психическій міръ не можетъ считаться подкладкой физическаго міра, такъ какъ въ этомъ случаѣ нельзя было-бы объяснить той крайней несоразмѣрности, которая существуетъ съ моральной точки зрѣнія между дѣйствіями, требующими приблизительно одной и той же суммы физической энергии и поглощающими приблизительно одно и тоже количество углерода. Опредѣлимъ-ли мы цѣну умственной работы, если мы будемъ знать, что ея механической эквивалентъ немножко больше, чѣмъ средній эквивалентъ мускульной работы за одно и то-же время? Можно-ли судить о цѣнности удовольствія, истинности мысли, достоинствѣ дѣйствія по тяжести, которую можно было-бы поднять посредствомъ углерода, окисляющагося при этомъ удовольствіи, мысли или дѣйствіи?

Итакъ, напрасно указываютъ на параллелизмъ психическихъ и физическихъ явленій, чтобы превратить душу въ функцію движенія. Психическія явленія не измѣримы въ томъ родѣ, какъ измѣримо движеніе, и перемѣны въ области высшихъ душевныхъ процессовъ не имѣютъ опредѣленнаго соотношенія съ перемѣнами количества физической силы.

Тоже самое можно сказать, хотя и не столь безусловно, о томъ ученіи, по которому психическія явленія суть внутренняя репродукція не механическихъ, а физиологическихъ явленій. И здѣсь параллелизмъ только частный, хотя онъ, конечно, и распространяется на болѣе обширную область психической жизни. Въ дѣйствительности не важно, если-бы даже нашли, что измѣненія нервной системы соотвѣтствуютъ каждому измѣненію души. Вопросъ въ томъ, могутъ-ли быть одни изъ нихъ мѣр-

кой другихъ. Но между физиологическими и психическими особенностями, отличающими, наприм., безуміе отъ гениальности, нѣтъ соотвѣствія, и если хотятъ судить о душѣ по тѣлу должны отождествить эти два состоянія. Болѣе того, если при сближеніи психическихъ явленій съ механическими по крайней мѣрѣ одинъ изъ этихъ двухъ элементовъ, механическій, былъ въ точности измѣримъ, здѣсь оба элемента почти одинаково неизмѣримы, такъ что неизбѣжно должно господствовать большое сомнѣніе относительно системъ ихъ соотвѣтствія.

Вообще, единственное дѣйствительно осуществимое предпріятіе состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать не соотвѣтствіе отношеній, а соотвѣтствіе явленій, взятыхъ въ отдѣльности. Тогда можно получить точные и поучительные результаты; но эти результаты нисколько не уяснятъ намъ закона психическихъ явленій, потому что разъ законъ физической причинности не безусловенъ, остается совершенно открытымъ обратный вопросъ: не опредѣляются-ли физическія условія отчасти самой душой, и какова, въ этомъ смыслѣ, доля психическаго вліянія на возникновеніе данныхъ условій.

Но если невозможно вывести необходимость психическихъ явленій изъ ихъ соотношенія съ низшими явленіями, то не найдеть-ли мы въ самомъ психическомъ мірѣ доказательства того, что его основы неизмѣнны и его развитіе необходимо?

Возможность плодотворнаго примѣненія статистики къ изученію психическихъ явленій и открытіе постоянныхъ среднихъ величинъ въ нравственномъ мірѣ, повидимому, указываютъ на то, что эти явленія подчинены одному основному закону, аналогичному законамъ низшихъ міровъ, и что этотъ законъ состоитъ въ постоянствѣ одного и того-же количества психической энергіи.

Это не все. Законъ сохранения силы въ механикѣ практически справедливъ только въ отношеніи къ цѣлой достаточно значительной совокупности движеній, какова, наприм., солнечная система. Въ физикѣ и химіи приложеніе закона сохранения дѣлается болѣе частнымъ и каждая форма матеріи энергически стремится сохранить свои свойства. У живыхъ существъ сохраненіе формы становится еще болѣе частнымъ: оно примѣ-

няется къ отдѣльнымъ видамъ этихъ существъ. Типическій организмъ, непрерывно разстраиваемый посторонними силами, пользуется тѣми-же самыми силами для возмѣщенія своихъ потерь. У мыслящаго существа энергія становится сознательною и личною. Въ каждомъ изъ насъ она обладаетъ сознаниемъ своего постоянства и чувствуетъ непреодолимую склонность приписывать себѣ вѣчность.

Душа, безъ сомнѣнія, имѣетъ свой ростъ и свои измѣненія. Но если мы допустимъ существованіе скрытыхъ психическихъ силъ; если мы обратимъ вниманіе на постепенное ослабленіе нѣкоторыхъ способностей по мѣрѣ развитія другихъ; если мы будемъ имѣть въ виду, что для каждаго человѣка существуетъ вообще максимальная степень психическаго развитія, по достиженіи которой онъ обыкновенно, вмѣсто того чтобы удержаться на ней, вступаетъ въ періодъ упадка, какъ бы для возобновленія равновѣсія; если, наконецъ, мы примемъ въ расчетъ вѣшнія вліянія и отношенія людей другъ къ другу,—измѣняющія ихъ естественное развитіе,—то, вѣроятно, мы придемъ къ заключенію, что психическая энергія всюду, кончая цѣлою совокупностью индивидуальной жизни, стремится достигнуть определенной средней величины, что законъ на сторонѣ определенности и постоянства, а противоположные факты представляютъ лишь исключеніе.

Количество духовной энергіи, повидимому, является определеннымъ даже въ каждомъ данномъ фазисѣ психической жизни индивидуума. Если одна изъ душевныхъ способностей очень развита, то она обыкновенно бываетъ развита въ ущербъ другимъ. Если какое-либо чувство, идея, намѣреніе пріобрѣтаютъ значительную силу, то ослабленіе другихъ формъ психической дѣятельности тотчасъ возобновляетъ равновѣсіе. Вотъ почему настоящія чувстваванія въ концѣ концовъ отчасти или сполна изглаживаются прошедшія. Вотъ почему чувственные впечатлѣнія подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, поглощающихъ ббльшую часть духовной энергіи, становятся менѣ живы и переходятъ изъ состоянія ощущеній въ состояніе представленій. Вотъ почему представленія, уступая непрерывному потоку новыхъ ощущеній и образовъ, отходятъ все далѣе и далѣе, те-

ряютъ постепенно свою окраску, свои индивидуальныя черты, свою жизнь и превращаются въ неопредѣленныя, абстрактныя и мертвыя идеи, т. е., претерпѣваютъ ту полезную метаморфозу, благодаря которой мы получаемъ изъ разнообразныхъ конкретныхъ воспріятій общія рамки вещей. Вотъ почему, наконецъ, въ области воли энергическія рѣшенія часто сопровождаются нравственнымъ упадкомъ, героизмъ смѣняется отчаяніемъ и настойчивость въ усилии становится наиболѣе трудною добродѣтелью.

Правда, душа способна возвращать своимъ угасшимъ чувствамъ, поблекшимъ идеямъ и ослабѣвшимъ рѣшеніямъ ихъ первоначальную энергію, и даже иногда такую энергію, какой они никогда не имѣли; но и въ этомъ случаѣ психическая энергія не создается вновь. Ея воскрешеніе происходитъ не само собой; оно опредѣляется настоящимъ психическимъ состояніемъ, аналогичнымъ прошедшему состоянію, и только жизнь этого настоящаго состоянія сообщаетъ призраку прошедшаго.

Этотъ законъ сохраненія, повидимому, предполагается всякимъ изслѣдованіемъ, стремящимся объяснить состоянія сознания изъ ихъ внутреннихъ условій, подобно тому, какъ объясняются физическія явленія; онъ подразумѣвается во всякомъ опытѣ положительной психологіи. Но если количество психической энергіи остается въ мыслящемъ существѣ однимъ и тѣмъ-же, можно-ли утверждать случайность человѣческихъ дѣйствій?

Въ психологіи, какъ и въ механикѣ, было-бы бесполезно ссылаться для доказательства случайности явленій на различіе между силой самой по себѣ и ея направленіемъ и допускать, что постоянство психической энергіи не влечетъ за собой ея опредѣленнаго примѣненія. Психическіе акты, ощущенія, идеи, стремленія,—никогда не бываютъ даны въ неопредѣленномъ состояніи. Направленіе условій, равно какъ и ихъ энергія, должно отразиться въ слѣдствіяхъ, и чтобы получить въ слѣдствіяхъ иное направленіе, чѣмъ то, которое вытекаетъ изъ сочетанія условій, необходимо ввести новое направленіе и, слѣдовательно, новую энергію извѣстной интенсивности. Такимъ образомъ, переменна въ направленіи, или,—поскольку здѣсь

идеть рѣчь о душѣ.—перемѣна въ качествѣ всегда предполагаетъ перемѣну въ количествѣ. Правда, это новое количество можетъ быть заимствовано даннымъ существомъ другихъ однородныхъ съ нимъ существъ; но перемѣна, происшедшая въ этихъ существахъ, должна въ свою очередь имѣть опредѣляющую причину, и если въ цѣломъ количество активности остается постояннымъ, психическія явленія могутъ представлять лишь непрерывный круговоротъ, въ которомъ нѣтъ никакого мѣста для случайности. Душа, разсматриваемая вообще, точно такъ-же не объясняетъ своеобразныхъ чертъ извѣстнаго чувствованія, мысли или намѣренія, какъ сила, разсматриваемая вообще, не объясняетъ направленія движенія.

Итакъ, повидимому, пришлось-бы отказаться отъ всякой случайности въ порядкѣ душевныхъ явленій, если безусловно допустить законъ сохранения психической энергіи, т. е., пропорциональность ощущеній, идей и рѣшеній ихъ психологическимъ условіямъ. Но необходимъ-ли этотъ законъ?

Его нельзя считать аналитически даннымъ а priori, такъ какъ понятіе психическихъ процессовъ не предполагаетъ опредѣленной степени энергіи въ качествѣ ихъ условія. Не есть онъ также и синтетическое априорное сужденіе, такъ какъ человѣкъ напротивъ склоненъ вѣрить, что онъ самъ располагаетъ своими дѣйствіями. Этотъ законъ основывается на опытномъ познаніи и можетъ претендовать лишь на фактическую необходимость. Но принадлежитъ-ли ему даже такая необходимость?

Если мы снимаемъ съ вещей ихъ наружную оболочку, то, безъ сомнѣнія, мы найдемъ, что того разнообразія, какое представляетъ поверхность психическаго міра, въ основѣ не существуетъ. Даже въ области нравственныхъ явленій подъ внѣшними измѣненіями лежитъ все болѣе и болѣе твердые слои. Подъ минутными настроеніями скрывается индивидуальный характеръ, подъ индивидуальнымъ характеромъ—нравы времени, затѣмъ національный характеръ, и, наконецъ, человѣческая природа. А человѣческая природа видимо остается одной и той-же. Таковъ результатъ, къ которому обыкновенно приходитъ психологъ. Но историкъ склоненъ разсматривать

вещи подъ другимъ угломъ зрѣнія. Въ его глазахъ все измѣняется и вѣтъ двухъ совершенно сходныхъ эпохъ. Сравненія, которыя дѣлаются между прошедшимъ и настоящимъ, бывають всегда лишь приблизительными. И дѣйствительно, точныя, краткія и законченныя опредѣленія, которыми философъ любитъ увѣнчивать историческія обобщенія, повидимому, неизбежно оставляють вѣвъ себя вѣкоторую часть дѣйствительности: кажется, будто все живое по существу несовмѣстимо съ точностію, единствомъ и неизмѣнностію формулы. Существуетъ-ли человекъ, характеръ котораго былъ-бы дѣйствительно неизмѣненъ? Существуетъ-ли такая нація, вся исторія которой были-бы выраженіемъ одной и той же идеи? Даже сама человѣческая природа заключаетъ-ли въ себѣ неизмѣнную основу? Нужно-ли оставить безъ вниманія тѣ перемѣны, которыя могутъ происходить уже въ самыхъ основахъ вещей, подъ тѣмъ предлогомъ, что эти перемѣны сами по себѣ очень незначительны и незамѣны съ перваго взгляда? Когда идетъ рѣчь о расхожденіи линій изъ вершины угла, то никакое измѣненіе въ ихъ разстояніи не бываетъ безразличнымъ.

Должны-ли мы теперь продолжать анализъ и процессъ отвлеченія до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ дѣйствительно тождественнаго принципа? Но что-же останется отъ души въ результатѣ такой операціи? Въ чемъ состоитъ человѣческая природа, сведенная къ чертамъ, безусловно общимъ всѣмъ людямъ? Очевидно, съ послѣдовательнымъ устраненіемъ всѣхъ частныхъ элементовъ она мало по малу потеряетъ все, что составляетъ ея величіе. Вообще, сокращеніе специфическихъ признаковъ или обобщеніе въ концѣ концовъ приводитъ къ понятіямъ, все болѣе и болѣе пустымъ, бѣднымъ и въ тоже время все менѣе и менѣе способнымъ объяснить дѣйствительную жизнь. Слѣдовательно, должно считать субстанцію существъ неизмѣннымъ элементомъ, и невозможно вполне объяснить измѣненіе изъ природы вещей, считая ее непосредственнымъ и точно также неизмѣннымъ выраженіемъ такой субстанціи. Гдѣ мы видимъ, особенно когда идетъ рѣчь о человекѣ, первичную природу, не предполагающую дѣятельности? Не есть-ли характеръ результатъ инстинктивныхъ или обдуманыхъ актовъ?

Могутъ-ли развиваться и даже существовать человѣческія способности безъ упражненія? Что такое душа ранѣе дѣятельности? Играетъ-ли здѣсь первичная матерія,—если только она существуетъ, такую-же роль, какъ роль артиста, который образуетъ и организуетъ ее, даетъ ей жизнь, образъ и красоту? Вопреки видимости, ни индивидуумъ, ни нація никогда не бываютъ полными рабами своего характера, такъ какъ характеръ вытекаетъ изъ дѣятельности и, слѣдовательно, зависитъ отъ нея. Не неподвижность является преобладающей чертой человѣческой природы, а измѣненіе, развитіе или упадокъ; и исторія съ этой точки зрѣнія есть необходимый коррективъ статической психологіи. Дѣйствительнымъ условіемъ человѣческаго существованія служитъ всегда переходъ изъ одного состоянія въ другое; самые общіе психологическіе законы относятся только къ одному фазису въ развитіи человѣчества.

Впрочемъ, это ученіе не состоитъ въ противорѣчій и съ данными психологіи, если только она не осуждаетъ себя напередъ на попытку свести все къ точнымъ и неизмѣннымъ формуламъ. Психическое слѣдствіе никогда не находитъ въ условіи своей полной причины и своего достаточнаго основанія.

Такое несоотвѣтствіе обоихъ этихъ явленій особенно обнаруживается въ волевыхъ дѣйствіяхъ. Въ рѣшеніи, слѣдующемъ за разсмотрѣніемъ мотивовъ, содержится нѣчто большее, чѣмъ въ самыхъ мотивахъ, а именно, предпочтеніе волей извѣстнаго мотива другому. Мотивъ, слѣдовательно, не есть полная причина дѣйствія. Является-ли онъ по крайней мѣрѣ достаточнымъ основаніемъ его? Правда, всегда торжествуетъ сильнѣйшій мотивъ, но лишь постольку, поскольку этотъ эпитетъ усвоется именно мотиву, избранному волей. Оставалось-бы еще доказать, что воля всегда избираетъ тотъ мотивъ, который самъ по себѣ производитъ на душу наиболѣе сильное вліяніе. Но развѣ не случается, что воля на практикѣ даетъ преобладаніе такому мотиву, который теоретически не былъ равнодѣйствующей побуждающихъ душу силъ? Когда мы совнѣ наблюдаемъ поведеніе нашихъ ближнихъ и даже свое собственное поведеніе, мы находимъ, что одни и тѣже дѣйствія всегда бываютъ однообразно связаны съ одинаковыми мотивами. Но слѣдуетъ-

ли отсюда, что дѣйствія опредѣляются самими мотивами, и не подтвердится-ли тотъ-же законъ, если мы признаемъ, что сама воля ставить на первый планъ и выдвигаетъ впередъ условія своей дѣятельности?

Если это такъ, — могутъ возразить, — то дѣйствіе, безъ сомнѣнія, объясняется, но отношеніе преобладающаго мотива къ совокупности опредѣленій души является противорѣчающимъ закону причинности. Это — правда; и, можетъ быть, свободный актъ былъ-бы дѣйствительно немислимъ, если бы законъ причинности нужно было признать безусловнымъ. Но, можетъ быть, и этотъ законъ въ своемъ приложеніи къ фактамъ не обладаетъ такою строгостью, какую ему приписываетъ абстрактная наука, и допускаетъ въ превращеніи условія въ слѣдствіе нѣкоторую долю случайности. Иллюзію создаетъ только то, что ближайшія причины даннаго акта связаны или кажутся связанными совершенно согласно съ закономъ причинности. Но какъ доказать, что, поднимаясь по лѣстницѣ причинъ, мы не встрѣтимъ такого пункта, гдѣ этотъ законъ будетъ уже недостаточнымъ для объясненія явленій, по крайней мѣрѣ насколько мы могли-бы вполне анализировать ихъ? Возможно, что сила, управляющая нашими дѣйствіями, не вмѣшивается всюду и всегда съ одинаковою энергіей и, давъ толчекъ, представляетъ вещи болѣе или менѣе ихъ естественному теченію, тогда послѣдняго достаточно для окончанія акта. Можетъ быть, этотъ толчекъ самъ по себѣ чрезвычайно слабъ, но, будучи данъ въ благоприятный моментъ и въ надлежащемъ пунктѣ, онъ можетъ обусловить посредствомъ своихъ отраженій важныя явленія.

Несомнѣнно также, что въ общемъ высшіе дѣятели не полагаютъ по произволу низшими силами. Высшій агентъ вмѣшивается легко и успѣшно главнымъ образомъ въ томъ случаѣ, если эти силы находятся въ борьбѣ между собой и устанавливаютъ нѣкотораго рода взаимное равновѣсіе. Когда душу волнуютъ различныя желанія, воля безъ усилія выступаетъ на сцену, обсуждаетъ дѣло и произноситъ рѣшеніе. Но когда, напротивъ, воля встрѣчается со страстями, которыя, сосредоточиваясь на одной и той-же цѣли, взаимно усиливаютъ другъ друга, то случается, что она сама забываетъ о себѣ и отдается

имъ. Однако, и въ томъ случаѣ она можетъ пробудиться и дѣйствовать: она можетъ бороться съ самыми сильными страстями, косвенно, противопоставляя имъ другія страсти одинаковой интенсивности или незамѣтно обращая ихъ на другіе предметы, и прямо, выступая одна противъ своихъ противниковъ. Наконецъ, даже въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ она можетъ пользоваться въ цѣляхъ направленія души тѣми самыми законами, которые управляютъ душой.

Если волевая опредѣленія представляютъ такой разрядъ психическихъ явленій, въ которомъ наиболѣе обнаруживается случайность, то не вполнѣ лишены ея и другіе процессы. Въ самомъ дѣлѣ, чувствованіе или идея, какъ бы ни были просты и всеобщы ихъ психологическія условія, никогда не находятъ въ нихъ своего полного объясненія. Они всегда являются чѣмъ-то инымъ въ сравненіи съ этими условіями; они заключаютъ въ себѣ новыя качества и потому уклоняются отъ закона пропорціональности причины и дѣйствія.

Такимъ образомъ измѣнчивость встрѣчается уже въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ человѣческой природы. Отсюда вѣроятно-ли, что количество психической энергіи вполнѣ опредѣленно и всегда остается однимъ и тѣмъ-же? Чтобы имѣть право утверждать подобный законъ, нужно было-бы свести всѣ психическіе процессы къ одному точно опредѣленному виду элементарной послѣдовательности и доказать ея постоянство. Но именно эта задача и не поддается усиліямъ изслѣдователя.

Но, можетъ быть, радикальное измѣненіе само имѣетъ свой необходимый законъ въ неизмѣнномъ динамическомъ принципѣ, предшествующемъ всѣмъ явленіямъ? Можетъ быть, психическій міръ представляетъ собою однообразную эволюцію, которая захватываетъ самую сущность души?

Нельзя-ли, напр., утверждать, что ходъ психическихъ явленій необходимо долженъ быть равнодѣйствующей двухъ элементовъ, а именно, съ одной стороны совокупности способностей, составляющихъ природу данной личности, съ другой—одного или нѣсколькихъ стремленій, какъ напр., стремленія къ счастью, жизненнаго инстинкта, приспособленія внутреннихъ способностей къ внѣшнимъ условіямъ?

Это ученіе открыто для многихъ возраженій. Прежде всего, возможно-ли заключить всѣ человѣческія дѣйствія въ такіе формулы или даже въ одну какую-либо формулу? Вѣдь человекъ чувствуетъ себя способнымъ также къ героизму, къ жертвѣ, т. е., къ такимъ дѣйствіямъ, которыя сокрушаютъ самыя сильныя сопротивленія со стороны его собственной природы. Но если даже и допустить, что это возможно, все таки будетъ трудно въ точности опредѣлить ту формулу, которой слѣдуетъ держаться, такъ какъ подобныя формулы, справедливыя каждая въ извѣстной степени, плохо мирятся другъ съ другомъ. Наприм., желаніе счастья можетъ заставить насъ ненавидѣть жизнь и бѣжать отъ нея, потому что она съ этой точки зрѣнія представляла-бы только непрерывное страданіе. Любовь къ жизни, физической и моральной, побуждая насъ развивать, насколько возможно, наши силы и способности, въ то-же время создаетъ тысячу препятствій, тысячу столкновеній съ средой, тысячу страданій, которыя не существуетъ для недѣятельныхъ душъ. Приспособленіе стремленій къ вещамъ по мѣрѣ того, какъ оно осуществляется, погашаетъ сознаніе, нуждающееся для своего обнаруженія въ противодѣйствіи, и замѣняетъ живыя ощущенія, пріятныя или непріятныя, состояніемъ безразличія и апатіи. Это—не все. Столкновеніе человека съ физическимъ міромъ основывается на томъ, что человекъ преслѣдуетъ цѣли, не осуществляемыя самими вещами, цѣли высшія сравнительно съ цѣлями вещей. Чтобы прекратить этотъ конфликтъ, нужно отказаться отъ преслѣдованія такихъ высшихъ цѣлей. Слѣдовательно, человекъ, который ставитъ приспособленіе къ внѣшнимъ условіямъ цѣлью своей жизни, долженъ постепенно нисходить по ступенямъ бытія, гнуться, подчиняться, отождествляться съ вещами, противодѣйствія которыхъ онъ боится. Отсюда онъ будетъ видѣть въ нравственномъ сознаніи, въ разумѣ, чувствѣ, жизни и въ самомъ существованіи только одно зло, такъ какъ всѣ эти стремленія встрѣчаютъ противорѣчіе во внѣшнемъ мірѣ, и въ концѣ концовъ будетъ считать безусловное уничтоженіе высшимъ благомъ.

Впрочемъ, если-бы и было доказано, что всѣ человѣческія дѣйствія объясняются такими динамическими или подобными имъ формулами, то отсюда все-таки еще не слѣдовало бы, что въ психической жизни царитъ необходимость. Эти формулы не удовлетворяютъ условіямъ положительнаго закона, выражающаго отношеніи между опытными данными.

Прежде всего второй терминъ динамическаго закона, цѣль человѣческой дѣятельности, заключаетъ въ себѣ нѣчто смутное и неопредѣленное. Что такое счастье? Понимаютъ-ли его всѣ люди одинаково? Какой родъ счастья признается всеобщемо цѣлюю человѣческихъ дѣйствій? Точно также въ чемъ состоитъ гармоничное развитіе нашихъ силъ и способностей? Какой порядокъ подчиненія слѣдуетъ установить между ними? Можно-ли, оставаясь по возможности на почвѣ фактовъ, допустить, что самой высшей способностью служить та, которая даетъ наибольшую силу? Но, вѣдь, нисколько не очевидно, что нравственное величіе обращается въ силу и не заслуживаетъ стремленія само по себѣ. Есть-ли пропорціональное развитіе нашихъ природныхъ способностей ясный принципъ, доступный для одинаковаго пониманія всѣмъ людямъ? Что касается приспособленія стремленій къ вещамъ, то нельзя-ли его точно также понимать различнымъ образомъ? Можно-ли поставить на одну и ту же доску человѣка, который стремится согласоваться съ внѣшними условіями, не принося въ жертву ни одного изъ своихъ человѣческихъ правъ, и человѣка, который губитъ свои высшія способности, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ затрудняютъ приспособленіе? Какой родъ приспособленія слѣдуетъ считать естественной цѣлью человѣческихъ дѣйствій?

Затѣмъ, можно-ли сказать, что стремленіе составляетъ положительную дѣйствительность? Развѣ стремленіе существуетъ только тогда, когда оно обнаруживается? Развѣ оно есть только сумма прошедшихъ или настоящихъ дѣйствій? Конечно, стремленіе можетъ существовать и безъ обнаруженія. Значитъ, оно есть сумма возможныхъ дѣйствій? Тогда что-нибудь одно изъ двухъ: или эти дѣйствія несомнѣнно осуществляются, т. е., представляютъ собою не просто возможныя, а будущія дѣйствія,

—но въ такомъ случаѣ они суть уже нѣчто большее, чѣмъ стремленіе, такъ-какъ для того, что-бы признать существованіе стремленія, нѣтъ нужды въ его будущемъ осуществленіи; или эти дѣйствія суть на самомъ дѣлѣ только возможныя дѣйствія, т. е., могутъ осуществиться и не осуществиться,—но въ такомъ случаѣ ихъ нельзя разсматривать, какъ положительную дѣйствительность, каеъ реальность данную въ опытѣ.

Точно также нельзя считать эмпирическими данными опредѣленное направленіе, интензивность и разумность стремленія. Вѣдь, стремленіе, это—само существо, которое стремится; а кто-же въ состояніи утверждать, что существо не можетъ воздѣйствовать на свои стремленія и самопроизвольно измѣнять ихъ? Развѣ невозможность этого дана и даже можетъ быть дана въ опытѣ?

Такимъ образомъ, научно обосновать законъ необходимаго радикальнаго измѣненія, повидимому, точно такъ-же невозможно, какъ и обосновать законъ сохраненія. Въ дѣйствительности измѣненіе существуетъ въ душѣ наряду съ постоянствомъ и ранѣе самаго постоянства. Съ другой стороны, законъ измѣненія, не сводимый къ закону сохраненія, и законъ, который безусловно предшествуетъ вещамъ, принципъ, который предваряетъ понятія, не можетъ быть уподобленъ положительнымъ законамъ и въ этомъ смыслѣ не можетъ претендовать на необходимость.

Но если такъ, то мы въ правѣ допустить, что психическія явленія не опредѣлены и не обусловлены абсолютно, что подъ той однообразной послѣдовательностью, которую они представляютъ наблюдателю, они скрываютъ радикальную случайность.

Даже характеръ того постоянства, которое господствуетъ въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, доказываетъ, что доля безусловности здѣсь должна быть больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ явленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ низшихъ областяхъ основныя законы постоянства непосредственно относятся къ болѣе или менѣе значительной совокупности явленій, каковы, напр., механическая система, матеріальная форма, живой видъ. Такимъ образомъ, каждый отдѣльный агентъ здѣсь поглощается тѣмъ

цѣлымъ, къ которому онъ принадлежитъ. Управляющій имъ законъ дозволяетъ ему дѣйствовать только въ согласіи съ этимъ цѣлымъ. Отсюда, какъ могъ-бы онъ произвести случайно дѣйствіе? Можетъ-ли онъ это сдѣлать, имѣя точкой опоры самый законъ своей дѣятельности? Но этотъ законъ, погружающій его въ безконечное, всецѣло противъ него; для проявленія его инициативы онъ ставитъ условіемъ намѣненіе всей той системы, къ которой онъ принадлежитъ. Или онъ можетъ это сдѣлать, абсолютно противясь той враждебной судьбѣ, которая ставитъ его ни во что? Но развѣ онъ былъ-бы тварью, если-бы онъ могъ дѣйствовать на вещи, не получая въ нихъ своей точки опоры?

Итакъ, существовать исключительно въ качествѣ части цѣлаго—значитъ быть подчиненнымъ безусловному року. По правдѣ сказать, дѣйствительность нигдѣ не представляетъ такого порядка вещей, несомвѣстимаго съ ихъ существованіемъ; онъ встрѣчается только въ чисто идеальныхъ построеніяхъ абстрактной науки. И если уже низшія сравнительно съ человѣвѣкомъ существа представляютъ подъ коллективной формой нѣкоторую степень случайности, то это потому, что даже образуемая ими системы являются въ извѣстной мѣрѣ отдѣльными мірами, внѣ которыхъ существуетъ пространство и возможны точки опоры.

Но человѣческая личность болѣе, чѣмъ всѣ другія существа, обладаетъ своимъ собственнымъ существованіемъ и является своимъ особеннымъ міромъ. Она болѣе, чѣмъ другія существа, можетъ дѣйствовать независимо отъ какой-нибудь господствующей надъ нею системы явленій. Общій законъ сохраненія психической энергіи здѣсь такъ сказать дробится на множество отдѣльныхъ законовъ, изъ которыхъ каждый свойственнъ одному только индивидууму. Именно эти индивидуальные законы и являются непосредственными; общій-же законъ имѣетъ уже производный характеръ. Болѣе того: повидимому, даже отношеніи къ одному и тому же индивидууму законъ подраздѣляется и разлагается на частные законы, свойственные каждому фазису психической жизни. Законъ стремится приблизиться къ факту. Отсюда сохраненіе цѣлаго не только не опредѣляетъ

дѣйствій индивидуума, а напротивъ само зависитъ отъ нихъ. Индивидуумъ, сдѣлавшись одинъ цѣлымъ родомъ, къ которому прилагается законъ, является его господиномъ. Онъ обращаетъ его въ орудіе и мечтаетъ о такомъ состояніи, когда онъ въ каждый моментъ своего существованія былъ бы равенъ закону, и обладалъ бы въ себѣ самомъ всѣми элементами своей дѣятельности.

* * *

(Продолженіе будетъ).

Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе внѣ истинной церкви.

Они безответны. Римл. 1, 20

ВВЕДЕНІЕ

Понятія сверхъестественнаго откровенія, естественнаго богопознанія и вѣры.

Отъ глубокой древности и до настоящихъ дней невѣріе имѣло для себя опору и оправданіе въ томъ, что Богъ не являлъ Себя невѣрующимъ, въ томъ, что искавшимъ знаменія всегда отказывалось въ знаменіи. Невѣровавшіе отрицали небо во имя безмолвія неба. Людей постигали величайшія бѣдствія, но небо безмолствовало. Гибли города, царства, культуры, народы, но провидѣніе не приходило къ нимъ на помощь. Мудрецы всѣхъ странъ искали Бога, но Богъ не снисходилъ къ нимъ. Такъ было въ прошедшемъ, такъ, говорятъ, происходитъ и въ настоящемъ. Развѣ люди Европы и Америки, жадно бросающіеся на всякое чудо, увлекающіеся спиритизмомъ, посѣщающіе масонскія ложи, не чуждающіеся религіозныхъ маньяковъ, не жаждутъ откровенія? Но Богъ не является имъ, небо остается пустымъ, и они приходятъ къ заключенію, что оно и дѣйствительно пусто.

Люди отрицанія говорятъ теперь сынамъ христіанской вѣры. Скорѣе можно допустить, что есть Богъ, равно предоставившій все человѣчество его собственному произволу, чѣмъ принять, что есть Богъ, который отъ начала міра и донинѣ имѣлъ попеченіе только о нѣкоторой вѣтви человѣчества, только нѣ-

которымъ открывалъ Себя, только нѣкоторымъ подавалъ благодатныя силы. Люди отрицанія такъ представляютъ себѣ ученіе и дѣло церкви Христовой: Богъ нѣкогда взялъ подъ свое попеченіе евреевъ, и ихъ и вѣренную имъ истину охранялъ отъ всякаго иноземнаго вторженія. Онъ какъ бы хотѣлъ скрывать, а не возвѣщать религіозную истину человечеству. Теперь націонализмъ юдизма смѣнился универсализмомъ христіанства. Но этотъ универсализмъ есть только универсализмъ идеала. Христіанство далеко еще не проповѣдано всѣмъ народамъ. По религіозной статистикѣ на землѣ приблизительно только 30% христіанъ. Но и эта номинальная цифра далеко не отвѣчаетъ дѣйствительности. Изъ этихъ 30% или 450 милліоновъ сколько на самомъ дѣлѣ не наставлены въ самыхъ начальныхъ истинахъ вѣры, сколько милліоновъ не знаютъ совсѣмъ Христа или представляютъ Его и Его ученіе совершенно превратно. Плоды дѣла Христова, очевидно, для нихъ погибли.

Но если такъ, то тогда во всей силѣ является недоумѣніе, выставленное противъ христіанства мыслителемъ, жившимъ и писавшимъ во второй половинѣ 3-го вѣка. Вотъ что писалъ нѣкогда неоплатоникъ Порфирій въ своемъ *κατὰ χριστιανῶν λόγους*. По какой причинѣ, говорилъ онъ, Богъ благой и милосердый допустилъ, чтобы отъ Адама до Моисея и отъ Моисея до прішествія Христа всѣ народы погибли въ невѣдѣніи закона и заповѣдей Божіихъ. Ибо и Британнія, плодородная страна тиранновъ, и жители Ирландіи и всѣ окрестныя народы до самаго океана не знали Моисея и пророковъ. Зачѣмъ необходимо было Ему (Христу) придти въ послѣднее время, а не прежде, чѣмъ погибло такое безчисленное множество людей. Если Христосъ есть путь, благодать и истина и только чрезъ Него возможно возвращеніе душъ вѣрующихъ, то что же дѣлали люди въ продолженіи столькихъ вѣковъ до Христа? Что случилось съ безчисленнымъ множествомъ невинныхъ душъ, когда Тотъ, въ Кого должно вѣрить, еще не являлся" ¹⁾.

Недоумѣнія неоплатоническаго философа доселѣ не перестали быть недоумѣніями многихъ. Участъ израиля, какъ первен-

¹⁾ Kellner, Hellenismus und Christenthum. О Порфиріи и др. с. 207—217.

ца Иеговы, многимъ представляется незаслуженно завидною. Всѣмъ таковымъ давно сказалъ ап. Павелъ: „О, бедна богатства и премудрости и вѣдѣнія Божія, какъ непостижимы судьбы Его и невзслѣдимы пути Его“. Римл. XI, 33, И вся предшествовавшая рѣчь апостола о домостроительствѣ Божиємъ среди язычниковъ и евреевъ, о божественной правдѣ и человѣческой неправдѣ раскрываютъ, что недоумѣнія неоплатоника, равно какъ и многихъ современныхъ людей имѣютъ своимъ источникомъ не состраданіе къ несчастнымъ, не исканіе истины, а только противленіе богооткровенной правдѣ. Они предлагаютъ возраженія, не желая, чтобы они были опровергнуты, не хотятъ выслушать разъясненій, во имя своего *мнимаго* универсализма они безусловно осуждаютъ *мнимый* націонализмъ іудейства. Не столько имѣя въ виду этихъ людей, для которыхъ наше разсужденіе во многихъ своихъ дальнѣйшихъ частяхъ должно будетъ казаться неубѣдительныхъ, но главнымъ образомъ для тѣхъ, которые, сами пребывая въ церкви, недоумѣваютъ о тѣхъ милліонахъ, которые были и находятся внѣ ея, для таковыхъ мы предлагаемъ наше дальнѣйшее разсужденіе—слабую попытку въ мѣру нашихъ слабыхъ силъ прослѣдить судьбы божественнаго откровенія внѣ церкви Божіей—слабую попытку понять пути промысла Божія въ человѣчествѣ, въ его прошедшихъ судьбахъ.

Апостоль, обращаясь къ язычникамъ, сказалъ, что Богъ „недалеко отъ каждаго изъ насъ“ (Дѣян. XVII, 27). Посильному разъясненію этого и посвящается подлежащее изслѣдованіе. Двѣ истины хотимъ раскрыть мы: 1) что Богъ всегда и вездѣ нисходилъ къ людямъ, поскольку они могли воспринять Его, 2) что люди всегда имѣли неотвратимыя побужденія искать Бога. Т. е., что Богъ Самъ открывалъ Себя людямъ сверхъестественнымъ образомъ, и что все вокругъ человѣка и въ человѣкѣ вело его непреодолимымъ путемъ къ познанію Бога. Изъ этихъ положеній самъ собою слѣдуетъ выводъ, что тѣ, которые не имѣли вѣры и жили вопреки началамъ вѣры, беззвѣтны предъ судомъ Божиимъ.

Мысль, что Богъ совсѣмъ не открываетъ и не хочетъ открывать себя человѣку, есть результатъ легкомысленно-нравствен-

наго утомленія въ дѣлѣ исканія Бога. Некультурные люди древняго міра думали, что боги находятся недалеко отъ каждаго изъ нихъ, человѣку первобытнаго міра казалось, что стоитъ ему вступить въ глубь лѣса, въ глубину воды, въ темную пещеру, вообще стоитъ проникнуть немного въ окружающую его область мрака, и онъ немедленно увидитъ божество. Но такъ какъ эти попытки проникнуть въ область сверхъестественныхъ тайнъ въ теченіе вѣковъ лишь показали, что тамъ, гдѣ удалось разсѣять мракъ, онъ скрывалъ тоже, что въ другихъ мѣстахъ было и существовало при солнечномъ свѣтѣ, что онъ не скрывалъ ни какихъ тайнъ, то и пришли къ заключенію, что искомыя тайны никогда не откроются человѣчеству. Небо равнодушно къ самымъ усерднымъ исканіямъ и къ самымъ горячимъ мольбамъ. Людямъ дана земля, и они должны заботиться о томъ, чтобы устроиться на ней наилучшимъ образомъ; кончится ли для нихъ все этою землею живію, или ихъ ждетъ иное загробное существованіе, человѣчество не должно спрашивать, потому что Божество, если только Оно существуетъ, не хочетъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Въ противоположность этому взгляду возникъ другой, который легкомысленно оптимистически утверждаетъ, что Божество открываетъ Себя всѣмъ человѣкамъ: вѣды индусовъ, книга мертвыхъ египтянъ, гимны халдеевъ къ Сину, Еа или Балу, псалмы евреевъ, все это изліянія радостнаго или скорбнаго сердца, озареннаго Божественнымъ откровеніемъ. Богъ открываетъ себя всему человѣчеству, но каждому народу и различнымъ лицамъ въ народѣ подъ различными образами, смотря по степени развитія и индивидуальнымъ особенностямъ воспринимающаго: онъ даетъ чувствовать себя и сердцу австралійскаго дикаря и европейскаго философа, но первый свои чувства относитъ къ жалкому фетишу, какъ къ ихъ первой причинѣ, второй проникается идеей существованія нравственнаго міропорядка, который онъ обязанъ воплотить въ своемъ поведеніи, что-бы, отрѣшившись отъ золъ внѣшняго міра, приобщиться къ его Божественной и абсолютной сущности. Не трудно видѣть, что этотъ второй взглядъ—повидимому діаметрально противоположный первому—въ сущности съ нимъ

тожественъ. Если Божество открываетъ себя людямъ сообразно ихъ вкусамъ и наклонностямъ, если результатами Божественнаго откровенія одинаково являются и принесеніе въ жертву Молоху собственныхъ дѣтей для спасенія своей жизни, и пожертвованіе собственною жизнію ради блага другихъ, то, значить, человѣчество не имѣеть соотвѣтствующихъ истинъ откровеній о Богѣ, небо забавляетъ человѣка призраками, но нерушимо хранить въ своихъ безмолвныхъ глубинахъ свои вѣчныя тайны. Сказать, что Богъ равно открываетъ Себя всѣмъ людямъ, все равно, что сказать, что Онъ не открываетъ себя никому. Третій взглядъ, который принимаемъ и который хотимъ раскрыть мы, отрицаетъ оба изложенные и утверждаетъ, что Богъ, будучи недалеко отъ каждаго изъ людей, неравно близокъ ко всѣмъ. Онъ открываетъ Себя не подъ каждою формою и явленіемъ бытія и отвѣчаетъ не на каждую мольбу. Онъ даровалъ свое откровеніе для всѣхъ, но не всѣмъ. Для того, чтобы вступать въ общеніе съ Богомъ, человѣкъ долженъ удовлетворять двумъ условіямъ. Онъ долженъ имѣть нѣкоторую нравственную высоту и онъ долженъ быть членомъ религиозно-нравственнаго общества. Это послѣднее и прямо отрицали и безсознательно упустили изъ виду очень многіе. Теорія религиознаго индивидуализма, теорія независимости человѣка въ сношеніяхъ съ Божествомъ отъ церкви нашла себѣ сочувствіе у очень многихъ. Но эта теорія ложна. Все равно, какъ для каждаго подданнаго невозможно непосредственно сноситься съ царемъ, отъ него непосредственно получать приказанія и ему непосредственно отдавать отчетъ, такъ невозможно для каждаго человѣка непосредственно получать откровенія отъ Бога и руководствоваться Его непосредственными велѣніями. Непосредственныя сношенія каждаго съ Царемъ невозможны по ограниченности силъ царя, непосредственныя сношенія каждаго человѣка съ Богомъ невозможны по причинѣ слабости человѣка. Мы знаемъ примѣръ того, какъ откровеніе возвѣщалось въ слухъ всего народа, и какое дѣйствіе это произвело на народъ. Когда Господь изрекалъ съ Синаи свои вѣчныя повелѣнія, люди сказали Моисею: говори ты съ нами, и мы будемъ слушать, но чтобы не говорилъ съ нами Богъ,

дабы намъ не умереть“ (Исх. XX, 19). Много вѣковъ спустя послѣ этого событія человѣкъ глубокой вѣры и великой силы духа, пораженный чудомъ Господа, воскликнулъ: „выйди отъ меня, Господи! потому что я человѣкъ грѣшный“ (Лк. V, 8). Это былъ ап. Петръ. Общеніе съ Богомъ есть блаженство для человѣка, но чтобы достигнуть этого блаженства въ той или иной степени, нужно подняться на подобающую нравственную высоту, иначе это общеніе будетъ въ осужденіе человѣку. Когда Оза дерзновенно простеръ руку къ ковчегу Божію—хотя и съ доброю цѣлію поддержать его,—„Господь прогнѣвался на Озу и поразилъ его Богъ тамъ же за дерзновеніе, и умеръ онъ тамъ у ковчега Божія“ (2 Цар. VI, 7). Люди нравственно чуткіе всегда понимали свое недостоинство зрѣть Богоявленіе или даже явленіе высшихъ духовныхъ силъ. Созерцать Богоявленіе съ своей стороны они считали такимъ преступленіемъ, достойнымъ наказаніемъ за которое могла быть только смерть. Когда Ангелъ Божій явился Гедеону, „и увидѣлъ Гедеонъ, что это Ангелъ Господень и сказалъ Гедеонъ: *увѣ мнѣ*, Владыко Господи! потому что я видѣлъ Ангела Господня лицомъ къ лицу. Господь сказалъ ему: „миръ тебѣ, не бойся, не умрешь“ (Суд. VI, 22—23). Въ житіяхъ святыхъ мы находимъ повѣствованіе о томъ, какъ жестоко былъ наказанъ подвижникъ (препод. Исаакій), легко принявшій за истину вѣсть о томъ, что его посѣтитъ самъ Господь. Намъ думается, что эту невозможность для каждаго человѣка удостоиваться Богоявленія (ибо непосредственное откровеніе, т. е., сообщеніе Богомъ истинъ о Себѣ и опредѣленій Своей воли, есть Богоявленіе) можетъ понять каждый человѣкъ. Ближайшее Богообщеніе, обрѣтеніе въ Богѣ возможно полной для человѣка истины, добра, красоты, упокоеніе въ лонѣ Авраамовомъ есть конечная цѣль дѣятельности и жизни человѣка. Въ концѣ концовъ человѣкъ долженъ вступить въ царство небесное, но „царство небесное силою берется, и употребляющіе усиліе восхищаютъ его“ (Мѣ. XI, 12). Человѣкъ долженъ путемъ собственной нравственной самодѣятельности становиться постепенно достойнымъ снисхожденія и приближенія къ нему Бога. Въ томъ жалкомъ грѣховномъ состояніи, которое къ несчастію человѣчество должно называть естественнымъ, какъ

Богъ можетъ открыться человѣку? Даже у далеко не худшихъ людей въ сердцахъ таятся помышленія злая—зависть, вражда, корыстолюбіе, честолюбіе, сластолюбіе; гдѣ же здѣсь можетъ быть мѣсто для Божоявленія? Но съ другой стороны тѣмъ менѣе представляется возможнымъ, чтобы всеблагій Богъ представилъ грѣховнаго и немощнаго человѣка своимъ собственнымъ силамъ, или—вѣрнѣе—безсилію и страстямъ. Человѣкъ съ потемненной совѣстью и потемненнымъ разсудкомъ гораздо болѣе нуждается въ непрестанномъ руководствѣ, чѣмъ человѣкъ нравственно не павшій. Человѣку нужны и знаніе воли Божіей, и помощь для ея исполненія. Церковь и подаетъ человѣку то и другое. Она и хранитъ истинное ученіе, и даетъ силы для его исполненія. Нѣтъ нужды, чтобы каждый волю Божію узнавалъ отъ самаго Бога. Господь Богъ воздвѣщаетъ свою волю избраннымъ, чтобы тѣ воздвѣстили ее всѣмъ. Эта воля Божія, преданная принявшими ее письмени или переданная ими другимъ устно, есть откровеніе историческое, посредственное. Непосредственное откровеніе есть сверхъестественное дѣйствіе Божіе, чрезъ которое Богъ подаетъ (пріемлющему откровеніе лицу) знаніе о Своемъ существѣ, о Своихъ дѣйствіяхъ и опредѣленіяхъ или и о томъ, что происходитъ согласно ли или не согласно съ Его волею, но что надлежитъ знать тѣмъ, кто желаетъ исполнять Его велѣнія. Какъ таковое, непосредственное откровеніе, хотя бы оно подавалось и чрезъ ангела или въ видѣніи—есть Божоявленіе, ибо всякій сверхъестественный актъ есть явленіе Бога. Всякое естественное явленіе тоже имѣетъ свою причину въ Богѣ, но не непосредственно, оно есть результатъ вторичныхъ причинъ, вызванныхъ къ бытію Богомъ. Явленіе естественное есть необходимое слѣдствіе предшествовавшихъ условій. Чудо, сверхъестественный актъ есть непосредственное дѣло Божіе, но тамъ, гдѣ является непосредственно сила Божія, конечно есть особое присутствіе Божіе. Вотъ почему чудеса и исполняли страхомъ людей Божіихъ. Когда ужасъ объялъ отъ чудеснаго лова рыбъ ап. Петра, то объялъ ужасъ „и всѣхъ бывшихъ съ нимъ“. Что непосредственное откровеніе требуетъ отъ пріемлющихъ его нѣкоторыхъ нравственныхъ условій, это понятно само собою. Откровеніе есть нео-

обычайное промыслительное дѣйствіе Божіе, и оно должно обусловливаться и особенными обстоятельствами и особенными качествами лица, чрезъ которое возвѣщается. Не говоримъ, что тотъ, чрезъ кого возвѣщается или кому открывается воля Божія, непременно долженъ быть наилучшимъ или совершеннѣйшимъ. Слово Божіе учитъ насъ, и мы скоро увидимъ это, что не всегда было такъ. Богъ открывалъ свою волю и Авимелеху Герарскому, который едвали содержалъ вполнѣ истинное Богопочтеніе, Лавану, лицу небезупречному въ нравственномъ отношеніи, Валааму, который не задумывался посодѣйствовать гибели цѣлаго народа. Однако, всѣ эти лица занимаютъ особенное положеніе въ той средѣ, въ которой они жили, безспорно—они имѣли сравнительно высокое нравственное развитіе—и сообщаемыя имъ откровенія должны были имѣть важныя слѣдствія. Отмѣчая, что непосредственныя откровенія не всегда сообщаются лицамъ, являющимъ особый образецъ духовнаго совершенства, мы должны пойти далѣе и установить, что иногда откровенія подавались и сынамъ противленія. Откровенія были и откровеніями милости, и гнѣва Божія. „Открывается гнѣвъ Божій съ неба, говоритъ апостолъ, на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, подавляющихъ истину неправдою“ (Рим. I, 18). Люди или приближаются къ Богу, или удаляются отъ Него, и въ своемъ приближеніи къ Богу, и въ удаленіи они должны въ извѣстное время дойти до такой границы, когда они станутъ или достойными особенной милости Божіей, или возбудятъ праведный гнѣвъ Божій. Моисей видѣлъ славу Божію, и слава Божія явилась всему обществу израилю, когда это общество упорно роптало на Моисея и возставало на своего избавителя, „и сказалъ Господь Моисею и Аарону, говоря: отдѣлитесь отъ общества сего, и Я истреблю ихъ въ мгновение“ (Числ. XVI, 20—21).

Но если Богъ являлъ Свою славу, благость и гнѣвъ и добрымъ и злымъ, то носителями и истолкователями Своего откровенія Онъ избиралъ наилучшихъ, ибо таковыя должны были не только возвѣщать истину (такую возвѣщала и валамова ослица), но и подавать собою примѣръ, какъ должно исполнять ее. Однако здѣсь должно отмѣтить, что исторія от-

кровенія показываётъ намъ, что посылаемые проповѣдывать истину могли постепенно сами уклоняться отъ нея и въ концѣ концовъ погибнуть во лжи. Господь сказалъ: „никто, сотворившій чудо именемъ Моимъ, не можетъ вскорѣ злословить Меня“ (Мрк. IX, 39). Не можетъ *вскорѣ*, значитъ можетъ *невскорѣ*, и мы знаемъ, что это произошло съ посылавшимся на проповѣдь и изгонявшимъ бѣсовъ Иисусовымъ именемъ Іудею. За всѣмъ тѣмъ носитель откровенія въ то время, какъ на него возложена миссія, долженъ быть высокою нравственною личностью. Мы сказали затѣмъ, что приемлющій откровеніе долженъ быть членомъ религиозно-нравственнаго общества. Это требуетъ нѣкотораго разъясненія. По теоріи индивидуализма каждый человѣкъ, имѣя свои личныя сношенія съ Божествомъ, можетъ непосредственно получать наставленія отъ Божества, и можетъ, такъ сказать, эмансипировать себя отъ союза со всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ. Эта теорія опровергается уже тѣмъ, что всякій, кто считаетъ себя обладателемъ религиозной истины, всегда считаетъ своею обязанностію наставлять ей другихъ, т. е., привлекать другихъ въ союзъ съ собою. Человѣкъ неотдѣлимъ отъ человѣчества, человѣкъ не можетъ любить Бога, не любя людей (1 Іоан. IV, 20); пребывая въ истинѣ, не можетъ быть покоенъ, видя другихъ пребывающими во лжи. Отсюда у человѣка есть неистребимая потребность, чтобы исповѣдуемая имъ истина была исповѣдуема и другими, чтобы близкіе его были одно съ нимъ. Посему откровеніе, если оно подается и одному, подается для многихъ.

Нѣкоторые богословы различаютъ откровенія—общія и частныя: откровенія, подаваемые для всѣхъ, которыя содержатъ въ себѣ истины вѣры и Божественныя повелѣнія, принятіе которыхъ обязательно всѣмъ, и откровенія частныя, подаваемые для блага одного лица или нѣсколькихъ и необязательныя для всей церкви. Такъ указываютъ нѣкоторые, что кромѣ тѣхъ откровеній, которыя какъ непогрѣшимое ученіе предлагаетъ намъ церковь, у насъ, наприм., имѣются откровенія св. Теодоры о мытарствахъ, не имѣющія обязательнаго вселенскаго авторитета. Конечно, можно признать нѣкоторое значеніе и пользу за этими разъясненіями, но не трудно видѣть, что они

не могутъ быть признаны строгими и точными. Принятіе всякаго откровенія, разъ мы имѣемъ непререкаемыя свидѣтельства, что оно есть дѣйствительно откровеніе, должно быть обязательно для всѣхъ. Затѣмъ, всѣ откровенія несомнѣнно подавались не только для частнаго, но и для общаго блага. Мы думаемъ, что откровенія должно различать 1) по способу сообщенія ихъ людямъ и 2) по ихъ содержанію.

Всякое непосредственное откровеніе есть Богоявленіе. Но формы Богоявленія весьма различны. Елифазъ Ѳеманитянинъ имѣлъ видѣніе. „Среди размысленій о ночныхъ видѣніяхъ, когда сонъ находитъ на людей, объялъ меня ужасъ и трепеть и потрясъ всѣ кости мои. И духъ прошелъ надо мною; дыбомъ стали волосы на мнѣ. Онъ сталъ—но я не распозналъ вида его—только обликъ былъ предъ глазами моими; тихое вѣяніе, и я слышу голосъ: человекъ праведнѣ ли Бога? и мужъ чище ли Творца Своего“.... (Іов. IV, 12—17 и слѣд.). Здѣсь Богоявленіе было главнымъ образомъ внутреннимъ. Смятенная душа Елифаза почувствовала присутствіе Божества, но внѣшнее явленіе было темно и неопредѣленно. Въ противоположность этому Богоявленіе при Хоривѣ было прежде всего внѣшнимъ. Приближеніе Божіе не смутило чистой души великаго еврейскаго законодателя. „Явился ему Ангель Господень въ пламени огня изъ среды терноваго куста. И увидѣлъ онъ, что терновый кустъ горитъ огнемъ, но кустъ не сгораетъ. Моисей сказалъ: пойду и посмотрю на сіе великое явленіе, отчего кустъ не сгораетъ. Господь увидѣлъ, что онъ идетъ смотрѣть, и воззвалъ къ нему Богъ изъ среды куста и сказаиъ: Моисей, Моисей! онъ сказалъ: вотъ я! (Господи!)“ (Исх. III, 2—4). Языческіе правители царствъ, не имѣвшіе истиннаго Богопознанія и Богопочитанія, но имѣвшіе въ своихъ рукахъ судьбы народовъ, получали непосредственныя откровенія отъ Бога. Но эти откровенія обыкновенно подавались имъ въ видѣ загадочныхъ сновъ, великое значеніе которыхъ чувствовалось ими, наполняло ихъ душу трепетомъ, побуждало искать разъясненія и приводило ихъ къ тому, чтобы принять наставленія и разъясненія отъ истинныхъ пророковъ: Фараона отъ Іосифа и Навуходоносора отъ Даніила. Такимъ образомъ, непосредственно

посѣщавшее ихъ Богоявленіе (внутреннее) не открывало имъ истины, но только направляло къ тѣмъ, кому она ввѣрялась и кто были ея носителями. Этимъ послѣднимъ она открывалась иногда исключительно въ видѣ внутренняго озаренія, сверхъестественное происхожденіе котораго они ясно и твердо признавали (въ такомъ состояніи, видимъ, написаны мессіанскіе псалмы, 44 особенно), иногда это озареніе соединялось съ внѣшнимъ знаменіемъ или явленіемъ (Ис. VI, Іезек. I, XXXVII). Часто, мы видимъ, возвѣстителемъ Божественныхъ опредѣлений пророкамъ былъ Ангелъ Господень.

Все, что происходитъ въ нашемъ естественномъ мірѣ сверхъестественнаго, есть Богоявленіе и виѣстѣ Божественное откровеніе. Сверхъестественная гибель Содома и Гоморры—фактъ, возвѣщающій всѣмъ о существованіи всемогущаго правосудія. Раздѣленіе водъ Чермнаго моря—событіе, говорящее о бытіи высшей силы благой и промыслительной. Всякое сверхъестественное явленіе говоритъ человѣку о существованіи сверхъестественнаго міра, который можетъ и дать благо человѣку, и покарать его. Но откровеніе сообщалось человѣку не въ видѣ только знаменій, которыя онъ самъ долженъ былъ истолковывать, но въ видѣ опредѣленныхъ истинъ и наставленій. Богъ открывалъ Себя и Свое существо въ своихъ опредѣленіяхъ и явленіяхъ (Исх. XXXIII, Исх. III, 14; 19—23, XXXIV, 5—7; 3 Цар, XIX, 9—12), Онъ открывалъ Свою волю (десятословіе и всѣ опредѣленія Богооткровеннаго закона). Кромѣ того, что Онъ далъ людямъ свои вѣчныя (заповѣди) и временныя (законъ) опредѣленія, онъ возвѣщалъ открывалъ свою волю въ частныхъ случаяхъ (запрещеніе союзовъ съ хананеянами, возвѣщеніе гнѣва ассиріанамъ чрезъ пр. Іону и т. д.). Онъ сообщалъ людямъ знаніе частныхъ истинъ (1 Цар. X, 22) и Онъ открывалъ людямъ, не пребывавшимъ истинѣ, гдѣ находится таковая. Авимелехъ узналъ, что Авраамъ пророкъ (XX, 7), Раавъ, что Богъ евреевъ есть истинный Богъ (Ис. Нав. II, 9—11). Великое число откровеній заключаютъ въ себѣ высокое нравственное ободреніе для человѣчества. Собственно всякое Богоявленіе, всякое чудо, утверждая людей въ той истинѣ, что есть высшая, благая, пра-

восудная и могущественная сила, должно было внушать мысль и надежду, что тѣ нестроения, среди которыхъ живетъ теперь человѣчество, тѣ скорби и зло, которыя приходится переносить, не суть нѣчто неизмѣнное и неустранимое, что благая высшая сила можетъ сокрушить зло и утвердить торжество правды. Но таковыя предположенія находятъ себѣ прямое утвержденіе и подробное раскрытіе въ мессіанскихъ пророчествахъ и въ пророчествахъ о судьбѣ міра. Зло должно погибнуть и всему доброму и святому обѣщается вѣчная жизнь и вѣчное царство. Будущее спасеніе рода человѣческаго, вотъ—содержаніе многочисленныхъ божественныхъ откровеній.

Мы будемъ говорить объ откровеніи внѣ церкви. Это можетъ подать мысль что мы предполагаемъ, что Богъ непосредственно открываетъ Свою волю и являетъ свои знаменія и знаменамъ человѣческимъ, пребывающимъ въ религіозной лжи. Нѣтъ, мы не предполагаемъ этого. Мы не допускаемъ, чтобы на молитву, обращенную къ Индрѣ или Агурамаздѣ—какъ бы искренна и тепла она ни была, небо когда-либо отвѣтило видимымъ чудомъ. Почему? Потому что такое чудо должно было бы утвердить молившагося въ мысли, что тѣ религіозныя представленія, которыми онъ руководился въ своей молитвѣ, вполнѣ истинны, т. е., чудо ввело бы молившагося въ заблужденіе. Сверхъестественное откровеніе есть актъ сверхъестественнаго промышленія Божія. Размышленіе раскрываетъ намъ, что въ сущности промысленіе вообще сверхъестественно, ибо всякое проявленіе промысла состоитъ въ измѣненіи естественнаго порядка вещей въ нравственныхъ цѣляхъ. Но сверхъестественный характеръ событій иногда неуловимъ для ограниченнаго человѣческаго взора: человѣкъ часто бываетъ неувѣренъ и не знаетъ—случившееся съ нимъ есть ли необходимый результатъ его свободныхъ намѣреній и окружающихъ условій, только допущенный Богомъ—Божіе поущеніе, или, напротивъ, это случившееся есть нѣчто направленное промысломъ къ тому, чтобы отклонить отъ человѣка естественнымъ путемъ надвигавшуюся на него гибель. Въ другихъ—гораздо рѣже имѣющихся мѣсто случаяхъ—промыслъ являетъ себя видимо и осязаемо. Мы полагаемъ, что тамъ, гдѣ имѣло мѣсто

религіозное заблужденіе, промыслъ—распространяющійся на все существующее и тѣмъ болѣе на все человѣчество—не открывался особо явнымъ образомъ. Намъ рассказываютъ: когда Магометъ, спасаясь отъ своихъ преслѣдователей, скрылся въ одной пещерѣ, паукъ тотчасъ затянулъ отверстіе паутиной, и приблизившіеся преслѣдователи рѣшили, что Магомета не можетъ быть въ пещерѣ, такъ какъ отверстіе закрыто, и они отправились искать преслѣдуемаго далѣе. Основатель ислама былъ спасенъ. Было ли это на самомъ дѣлѣ? И если было нѣчто подобное, то было ли это чудомъ? На послѣдній вопросъ мы отвѣчаемъ отрицательнымъ образомъ. Промыслъ хранилъ Магомета, и дѣло Магомета имѣло успѣхъ, потому что оно во всякомъ случаѣ было лучше многихъ человѣческихъ дѣлъ. Но за всѣмъ тѣмъ ученіе, содержащее столько заблужденій, и учитель, страдавшій такими недостатками, не могли получить явнаго одобренія свыше. Когда Магометъ спросилъ у одного своего оффиціального послѣдователя, вѣрить ли онъ, что Аллахъ есть истинный Богъ, тотъ отвѣтилъ утвердительно. „А вѣришь ли ты, что я его пророкъ“, продолжалъ Магометъ далѣе? „Прости, учитель, скромно отвѣтилъ ученикъ, но относительно этого я имѣю нѣкоторыя сомнѣнія“. Въ глубинѣ своей души и Магометъ переживалъ иногда подобныя сомнѣнія. Въ началѣ своей дѣятельности онъ часто подвергался имъ, и мы думаемъ, что въ ту пору онъ еще былъ въ нѣкоторой мѣрѣ способенъ къ воспріятію истиннаго ученія свыше, но когда его самоувѣренность становилась все сильнѣе, когда имъ стало овладѣвать самообольщеніе, онъ сталъ глухъ къ принятію истины—хотя бы отъ людей, и стало быть совершенно неспособенъ получать указанія относительно нея отъ Бога. Св. Писаніе раскрываетъ намъ, что люди, не вполне или совсѣмъ не пребывавшіе въ истинѣ, въ непосредственныхъ откровеніяхъ отъ Бога получали указанія относительно пути, гдѣ и у кого искать истину (Сотникъ Корнилій Дѣян. X, 3—6), въ священнаго Писанія мы не находимъ заслуживающихъ безусловнаго довѣрія указаній относительно того, чтобы народамъ или людямъ, которые пребывали во тьмѣ, прямо свыше подавались такія указанія. И ни въ священномъ писаніи, и ни въ какихъ дру-

гихъ источникахъ мы не находимъ, чтобы истина подавалась непосредственно тѣмъ, кто пребывалъ во лжи. Истиною, какъ и добродѣтелью, человекъ не можетъ овладѣть туне, и въ этомъ заключается величiе и нравственное достоинство человека: просвѣщать свой умъ, какъ и очищать свое сердце, онъ долженъ путемъ собственныхъ усилiй, путемъ самодѣятельности. Божественная помощь подаетъ ему все нужное, но божественная сила не будетъ дѣлать за него всего нужнаго, ибо чѣмъ же былъ бы въ послѣднемъ случаѣ человекъ?—ощущающимъ манекеномъ, въ которомъ Абсолютное рождаетъ всевозможныя мысли и настроенiя. Но человекъ, созданный по образу Божию, есть свободная, самоопредѣляющая личность, и, какъ таковой, человекъ можетъ овладѣть истиною лишь тогда, когда самъ будетъ направляться къ ней. Извѣстны слова Лессинга, что еслибы Господь, имѣя въ одной рукѣ истину и въ другой ея исканiе, предложилъ бы ему на выборъ—взять первую или второе, то онъ предпочелъ бы послѣднее. Эти слова стремятся истолковывать въ смыслѣ невыгодномъ для мыслителя. Указываютъ, что они являютъ собою примѣръ смѣшенiя средства съ цѣлью. Человеку, который сначала собираетъ деньги для того, чтобы приобрести на нихъ желаемое, потомъ начинаетъ нравиться самый процессъ собиранiя, онъ копить деньги ради денегъ. Ученому, который вначалѣ ищетъ истины, затѣмъ начинаетъ нравиться самый процессъ исканiя, самыя занятiя. Лессингъ, говорятъ, и представляетъ собою примѣръ такого ученаго или философа. Мы не беремся защищать Лессинга, потому что самое предположенiе, допущенное имъ, невозможно и не потому оно невозможно, чтобы оно было недостойно Божества—Богъ обращался къ Соломону съ словами: „проси, что дать тебѣ“ (3 Цар. III, 5), но потому что оно невозможно для человека. И этого не хотятъ видѣть тѣ, которые нападаютъ на Лессинга. Овладѣть истиною невозможно безъ исканiя истины, процессъ или средство здѣсь не отдѣлимы отъ цѣли, мѣра затраченныхъ усилiй здѣсь необходимо обуславливаетъ получаемый результатъ. Откровенiе религiозной истины подается лишь въ мѣру религiозно-нравственныхъ усилiй, которыя употребляетъ ищущiй, и въ мѣру его духовнаго разумѣнiя. Отсюда понятно, что ветхозавѣтный язычникъ, все

равно какъ и новозавѣтный рационализмъ, расположившіеся ждать знаменія съ неба, должны непременно обмануться въ своихъ ожиданіяхъ. Для втораго, какъ и для перваго благоразумнѣе искать ученіе истины на землѣ. Цѣль нашего дальнѣйшаго разсужденія состоитъ въ томъ, чтобы раскрыть, что такое исканіе и имѣло для себя всегда побужденія въ духовной природѣ человѣка и должно было приводить лучшихъ людей туда, гдѣ хранилась эта истина. Въ Ветхомъ Завѣтѣ она хранилась у богоизбраннаго народа, въ новомъ въ православной церкви. Новозавѣтная Церковь предлагаетъ свое ученіе всему міру, она ищетъ всѣхъ привести въ разумъ истины и въ мѣру возраста совершенна. Доказывать это нѣтъ нужды. Но мы имѣемъ своею задачею показать, что и ветхозавѣтное откровеніе, которое было дано богоизбранному народу, было дано не для одного этого народа, но для всего человѣчества. Входить въ ветхозавѣтную церковь для не—еврея былъ труденъ, но не недоступенъ. И изъ священнаго Писанія, и изъ другихъ источниковъ мы постараемся показать, что ветхозавѣтное откровеніе распространялось гораздо далѣе тѣсной территоріи Палестины. Въ исторіи распространенія этого откровенія точно также, какъ и въ исторіи самого откровенія, были различные періоды. Судьбы откровенія внѣ богоизбраннаго народа предметъ нашего изслѣдованія.

Такимъ образомъ хотя мы будемъ говорить объ откровеніи внѣ церкви, но о томъ, которое было дано церкви. Разумѣя подъ откровеніемъ ученіе истины, мы и утверждаемъ, что внѣ церкви такое никогда не возвѣщалось и не могло возвѣщаться свыше. Мы признаемъ дилемму, что если есть откровеніе, то только церковное, или его нѣтъ совсѣмъ, и мы вѣримъ въ откровеніе, въ которомъ наставляетъ насъ церковь. Разнаго рода заблужденія препятствовали и препятствуютъ многимъ понять эту истину. Основанія для этихъ заблужденій кроются, кажется, прежде всего въ соображеніяхъ нравственнаго характера. Думаютъ, что понятіе, достойное Бога, требуетъ предположенія, что Онъ стоитъ въ одинаковыхъ отношеніяхъ ко всѣмъ людямъ и что Онъ открываетъ о Себѣ все нужное каждому человѣку. Человѣку прирождены нѣкоторыя *potitiae communes*,

которыя и достаточны ему для его сношеній съ Божествомъ. Наибольѣ сильно этотъ тезисъ развитъ, по нашему мнѣнiю, у Герберта Чербери (1581—1646) въ его сочиненiи: *De veritate, prout distinguitur a revelatione, a veri simili, a possibili et a falso*. По представленiю Герберта, истина бытiя высочайшаго существа, сознанiе обязанности Его почитанiя и сознанiе, что наилучшее богопочитанiе есть добродѣтель, отвращенiе ко злу и убѣжденiе въ загробномъ судовоздаанiи суть истины, прирожденныя духу каждаго человѣка и совершенно достаточныя для спасенiя. Намъ думается, что уже исторiя того, какъ Гербертъ рѣшился напечатать свою книгу съ такимъ содержанiемъ, опровергаетъ основной тезисъ Герберта о достаточности естественнаго откровенiя. Гербертъ придавалъ великое значенiе своей книгѣ, но онъ долго колебался—печатать ли ему ее или нѣтъ, и даже похвалы сочиненiю и просьбы Гроцiя о напечатанiи не рѣшили его сомнѣнiй. Они разрѣшились по словамъ Герберта слѣдующимъ образомъ. „Пребывая въ недоумѣнiи, я въ одинъ прекрасный лѣтнiй день, когда все было тихо, и солнце глядѣло прямо въ мою спальню, взялъ въ руки манускриптъ, палъ на колѣни и произнесъ слѣдующую молитву: о Ты, вѣчный Боже, создатель свѣта, который теперь озаряешь меня, и источникъ всякаго внутренняго свѣта, молю: прости мнѣ, что я дерзаю просить у тебя большаго, чѣмъ подобаешь грѣшнику: я недоумѣваю—напечатать мнѣ эту книгу „*de veritate*“ или нѣтъ? Если она послужитъ Тебѣ во славу, то подай мнѣ какое-либо знаменiе съ неба; если нѣтъ, я уничтожу ее. И лишь только я успѣлъ произнести эти слова, какъ вдругъ мнѣ послышался съ неба громкiй, но вмѣстѣ съ тѣмъ сладостный звукъ, который такъ подкрѣпилъ меня, что я счелъ свою молитву услышанною и принялъ этотъ звукъ за одобрительное знаменiе и рѣшилъ напечатать свое сочиненiе“. Такимъ образомъ, оказывается, Гербертъ по особому откровенiю напечаталъ книгу о ненужности откровенiя. Впослѣдствiи онъ напечаталъ еще книгу „*De religione gentilium, ergo quomque apud eos causis*“, гдѣ ему пришлось констатировать, что религiозныя представленiя народовъ далеко не соотвѣтствуютъ тѣмъ вложеннымъ въ душу истинамъ, которыя у него называются

potitiae communes. Въ концѣ концовъ мы получаемъ, что глава англійскаго деизма, отрицающій всякое откровеніе, приглашаетъ вѣрить въ то откровеніе, которое получилъ онъ самъ. Но съ подобнымъ воззваніемъ обращаются къ людямъ всѣ религіи и всѣ пророки. Что же остается человѣку? Подобно Герберту думать, что именно ему дано откровеніе истины, или что оно не дано никому, или что оно дано избраннымъ. Мы говорили, что должно принять послѣднее. Представленіе о Божествѣ обязываетъ насъ мыслить, что каждый человѣкъ весьма дорогъ небу, но это вовсе не значитъ, чтобы небо одинаково открывало свои глубины для всѣхъ. Каждая заблудшаяся овца является предметомъ особыхъ попеченій, направленныхъ къ тому, чтобы возвратитъ ее въ стадо, но для нея не создаются особыя условія, чтобы она жила обособленно отъ стада. Такъ, промыслъ направляетъ каждаго къ церкви—единой и святой, но не создаетъ изъ каждаго особую церковь.

Церковь, т. е., община людей правовѣрующихъ и стремящихся право почитать Бога, хранить откровеніе. Однимъ изъ способовъ сохраненія его является письменное изложеніе. По повелѣнію Божию избранныя лица предавали письмени возвѣщенные откровенія, и такія писанія получили названіе *богодуховенныхъ*. Они называются такъ потому, что содержаніе ихъ (вдохновлено) Богомъ, но форма ихъ носитъ на себѣ отпечатокъ характера и развитія лицъ писавшихъ. Равно не справедливы предположенія, по которымъ самодѣятельность богодуховенныхъ писателей простирается и на содержаніе ихъ писаній, или эта самодѣятельность отрицается даже по отношенію къ формѣ писаній. Первое предположеніе обыкновенно выражается въ той формѣ, что писаніе богодуховенно только съ догматической и нравственной сторонъ, но что въ естественно-научныхъ, историческихъ и этнографическихъ сообщеніяхъ авторы писаній стояли на уровнѣ своего времени и раздѣляли его заблужденія. Это предположеніе не можетъ быть допущено, потому что различныя стороны содержанія писаній не могутъ быть разграничены (воплощеніе Сына Божія, Его рожденіе отъ Пресвятой Дѣвы—историческія событія и догматы). Допущеніе этого предположенія породило (наприм., въ лютеранствѣ)

крайнее разнорѣчіе въ пониманіи писанія и вѣрованіяхъ. Если бы оно было справедливо, то человѣчество нуждалось бы еще въ особомъ откровеніи, которое разграничивало бы въ содержаніи писанія божественный и человѣческій элементы. Второе предположеніе, представляющее богодухновенныхъ писателей только переписчиками, опровергается прежде всего разнообразіемъ формы писаній (стиль книги пророка Исаи и книги пр. Іереміи). Затѣмъ оно заключаетъ въ себѣ ту трудно допустимую мысль, что возвѣщавшіе откровеніе писатели писали какъ бы въ невмѣняемомъ состояніи внушенія. Но, говоря объ охватившемъ его необычайномъ воодушевленіи и о томъ, что онъ лишь трость скорописца (XLIV псал.), богодухновенный царь представляетъ однако себя самосознающимъ и свободнымъ. Разбираемое предположеніе считаетъ въ писаніи *все* истиннымъ, слѣдовательно въ немъ истинно и это представленіе. Святой Духъ, охраняя богодухновенныхъ писателей отъ допущенія ошибокъ, предоставлялъ имъ излагать откровенія собственнымъ имъ способомъ, они и излагали ихъ просто языкомъ своего времени и народа—„не для мудрыхъ только, но для мудрыхъ и простыхъ вкупѣ“. Однако письменное откровеніе есть позднѣйшій моментъ въ исторіи откровенія. Прежде чѣмъ стать достояніемъ письмени, откровеніе должно быть мыслию и словомъ, и иногда періодъ, протекшій между тѣмъ, какъ откровеніе явилось въ словѣ и затѣмъ было предано письмени, обнималъ собою болѣе тысячелѣтія. Отъ дней Адама до дней Моисея (покрайней мѣрѣ около 4 тысячъ лѣтъ) люди не имѣли богодухновенныхъ книгъ и по преданію исповѣдывали истину. Моисей предалъ истину письмени, но никакія книги никогда не могли вмѣстить всего того, что возвѣщалось человѣчеству (Іоан. XX, 25), и что было ему нужно. Изъ позднѣйшаго богодухновеннаго произведенія—посланія св. Іуды (14—15)—мы видимъ, что Моисей не предалъ письмени пророчества Еноха. Изъ еврейской апокрифической литературы (изъ книгъ Еноха) мы знаемъ, что это пророчество хранилось по преданію въ народѣ и затѣмъ было занесено въ книгу, гдѣ доброе и истинное было перемѣшано съ ошибочнымъ и ложнымъ. Такъ, преданіе существовало изъ начала и затѣмъ преданіе существовало всегда совмѣстно съ писаніемъ (2 Тес. II,

14; 2 Тимое. II, 2) *Преданіе* представляет собою разъясненіе и дополненіе писанія, но болѣе разъясненіе, чѣмъ дополненіе. Сжатость изложенія въ писаніи дѣлаетъ его неудобовразумительнымъ (2 Петр. III, 15—16) и вызываетъ нужду въ разъясненіяхъ, но безконечно—глубокое содержаніе его заключаетъ въ себѣ все нужное человѣку для спасенія. Богоучрежденной хранительницей всей переданной богооткровенной истины, какъ письменной, такъ и устной, является церковь. Богодуховенность писанія признается по *преданію*, истинность *преданія* признается, если оно признается церковью. Такимъ образомъ, церковь есть истина и вмѣстѣ сила, и всякій пребывающій внѣ церкви, слѣдовательно, пребываетъ внѣ истины, внѣ дѣйствія спасительной силы. Но церковь, вѣдь, только корабль, плывущій по многошумящимъ и бурнымъ волнамъ житейскаго моря, внѣ этого корабля находятся миллионы духовностраждущаго и больнаго человѣчества. Чѣмъ повинны они, что они не находятся въ спасительномъ ковчегѣ? Бо 1) отвѣтимъ мы — откровеніе, хранимое церковью, доступно познанію и находящимся внѣ церкви, во 2) они виновны тѣмъ, что они не слушаютъ голоса естественнаго богопознанія, который зоветъ всѣхъ людей въ лоно истинной церкви.

О естественномъ богопознаніи, какъ началѣ, направляющемъ человѣка къ религіозной истинѣ, къ принятію откровенія, къ вступленію въ истинную церковь мы и попытаемся говорить послѣ того, какъ посильно представимъ, что откровеніе церковное и церковь не были наглухо закрыты отъ народовъ, которые жили внѣ церкви. О естественномъ богопознаніи писали и говорили много, особенно со времени реформаціи Лютера. Стремленіе къ тому, чтобы освободиться отъ церковнаго авторитета, естественно искало себѣ опоры въ теоріи, что человѣку въ дѣлѣ познанія истины не нужно никакого авторитета, что въ своемъ разумѣ и сердцѣ онъ находитъ достаточно указаній, какъ чтить Бога и какъ относиться къ ближнему. Для философовъ эта автономія разума въ дѣлѣ религіи, понятно, казалась особенно привлекательною. Мы склонны думать, что естественному богопознанію доселѣ придавали преувеличенное и неправильное значеніе—преувеличенное по отношенію къ тому содержанію, которое даетъ естественное откровеніе, и не-

правильное по отношенію къ той цѣли, которую оно имѣеть. На естественное богопознаніе вообще смотрять, какъ на способъ познать Бога, существующій параллельно съ другимъ—приобрѣтеніемъ познанія о Богѣ изъ откровенія, и спорять только относительно того, въ какой мѣрѣ естественное богопознаніе достаточно человѣку для цѣлей богопочитанія. Даже у писателей и мыслителей строго православныхъ проскальзываетъ мысль о достаточности естественнаго источника богопознанія. На откровеніе высказывается взглядъ, только какъ на вспомогательное средство, облегчающее человѣку познаніе истины, которую однако—хотя и съ большимъ трудомъ—могъ бы найти онъ самъ. Въ словахъ св. Павла о безотвѣтности язычниковъ, поставленныхъ нами эпиграфомъ нашего изслѣдованія—хотятъ видѣть подтвержденіе этого взгляда. Это совершенно ошибочно. “Отца не знаетъ никто, кромѣ Сына, и кому Сынъ хочетъ открыть” (Мѡ. XI, 27). Господь не сказалъ бы этихъ словъ, еслибы познаніе Бога обуславливалось исключительно естественными усиліями человѣка. Мы думаемъ, что ошибочная и преувеличенная оцѣнка естественнаго богопознанія у писателей, чистота вѣры и богословскія познанія которыхъ несомнѣнны, имѣла для себя два источника: во 1) увлеченіе апріорною теорією прирожденности идеи Божества, во 2) упущеніе изъ вниманія историческихъ и психологическихъ данныхъ о происхожденіи существующихъ формъ религіозныхъ представленій.

Человѣкъ, говорятъ, можетъ и долженъ познать Бога, потому что идея Бога прирождена человѣку. Эта идея развивается и раскрывается въ немъ по мѣрѣ его собственнаго развитія, человѣкъ узнаетъ и свое происхожденіе и происхожденіе міра отъ Бога и свое назначеніе. Многократно уже указывали, что эта теорія разбивается о фактъ разнорѣчивыхъ воззрѣній на Божество и крайне разногласящихъ между собою сужденій о мѣрѣ и человѣкѣ. Должно обратить вниманіе еще на другое. Если мы станемъ на точку зрѣнія теоріи прирожденности идей—точку зрѣнія Канта, то мы увидимъ, что прочія прирожденные идеи—апріорныя формы чувственности (пространство и время), апріорныя формы разсудка (категорія причинности)—тождественны у всѣхъ и дѣйствительно всеобщы. Идея Бога не

имѣть тождественности и—безспорно—въ своей монотеистической формѣ—всеобщности. Попытки философовъ выяснить ихъ пониманіе прирожденности сбивчивы и неясны, и это обусловливаетъ то, что у богослововъ въ ихъ разсужденіяхъ о естественномъ богопознаніи получается такой логическій кругъ, который, думаемъ, имъ былъ вовсе не желателенъ. Идея Бога прирождена человѣку, говорятъ намъ они. Затѣмъ они приводятъ намъ слова ап. Павла о Богѣ: „невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы“ (Римл. I, 20), и получается выводъ, что человѣкъ отъ міра можетъ и долженъ (путемъ космологическаго анализа) заключать къ бытію Виссвника міра. Выходитъ такимъ образомъ, что апріорная идея есть выводъ изъ фактовъ. То, что сначала представляли, какъ данное а priori, потомъ представляютъ, какъ являющееся а posteriori. Говорятъ, что человѣкъ не могъ сдѣлать вывода отъ міра къ Богу, еслибы у него не было напередъ идеи Бога. Но отъ міра человѣкъ дѣлаетъ заключеніе не къ Богу, а къ существованію причины міра, и такимъ образомъ онъ руководится идеею причины, которую, *повидимому*, нельзя отождествить съ идеею Бога. Человѣкъ надѣляетъ эту причину предикатомъ безконечности: но отсюда только можно дѣлать выводъ, что человѣку прирождена идея безконечнаго, обусловливающая собою возможность составленія понятія о Богѣ, но не совпадающая съ послѣднимъ понятіемъ. Намъ могутъ говорить, и мы готовы соглашаться, что человѣческому духу присущи многіе принципы или начала, направляющія духъ къ мысли о Высочайшемъ Существовѣ, но мы утверждаемъ, что образъ Бога живаго не напечатлѣнъ въ душѣ человѣка—хотя и созданнаго по образу Божию—такъ, чтобы онъ по мѣрѣ своего развитія неизбѣжно достигалъ такой степени духовнаго прозрѣнія, на которой этотъ образъ представлялся бы ему ясно и несомнѣнно.

При разсужденіи о естественномъ богопознаніи часто съ удивительною наивностью упускали изъ виду почву историческаго опыта. Говорили, что человѣкъ безъ помощи откровенія (т. е. въ сущности безъ помощи Божіей) можетъ и познать и прославить Бога, но не хотѣли изслѣдовать, что на самомъ дѣлѣ давало людямъ—разумѣемъ: мудрѣйшимъ изъ людей—естествен-

ное богопознаніе. Говорили о высокиихъ религіозныхъ понятіяхъ языческихъ философовъ, но въ сущности мало останавливались и надъ выясненіемъ религіозныхъ системъ этихъ философовъ, и совсѣмъ не изслѣдовали происхожденія ихъ религіозныхъ воззрѣній. Не хотятъ видѣть, что доселѣ не было ни одного человѣка, о богопознаніи котораго можно бы было сказать, что оно естественно, т. е., что его представленія о Божествѣ выработаны имъ самимъ. Всѣ философы, которыхъ мы знаемъ, прежде чѣмъ выступить съ своими ученіями, были поставлены въ отечественной религіи, начальнаго происхожденія которой мы не знаемъ. Ихъ философскія ученія о религіи въ сущности были только религіозными ересями по отношенію къ ихъ отечественнымъ религіознымъ воззрѣніямъ. Такъ, вѣдь, соотечественники и смотрѣли на философовъ и ихъ ученія. Исторія намъ сообщаетъ, что такого характера были обвиненія, возведенныя на Сократа, и легенда рассказываетъ нѣчто подобное объ Аристотелѣ. Только у одного народа мы находимъ сказаніе о томъ, какъ одинъ человѣкъ былъ приведенъ естественнымъ путемъ къ познанію истиннаго Бога. Такое сказаніе имѣется у того самаго народа, которому было ввѣрено сверхъестественное откровеніе Авраамъ по іудейскому преданію былъ приведенъ къ богопознанію естественнымъ путемъ. Еще отрокомъ онъ думалъ: правы ли тѣ, которые почитаютъ небесныя свѣтила? Величественно взошедшее солнце дало ему утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Но солнце зашло, наступилъ мракъ, и Авраамъ усумнился, чтобы могъ такъ обратиться создатель всего. Возшла луна, и появились звѣзды, и Авраамъ подумалъ, что это—творецъ и его слуги. Но луна зашла, и въ этомъ Авраамъ увидѣлъ, что она, какъ и солнце, повинуется волѣ Невидимаго. И онъ призналъ этого Невидимаго Богомъ. Этотъ рассказъ, по нашему мнѣнію, не столько возвышаетъ Авраама (что можно прибавить къ повѣствованію о немъ и одобренію его Слова Божія?), сколько унижаетъ Өару. Правда, писаніе говоритъ намъ, что отцы евреевъ, когда жили за рѣкою, служили богамъ инымъ, и что этому служенію предавался и Өара. Но слово Божіе даетъ понять, что это было только уклоненіемъ во слѣдъ боговъ иныхъ, а не полнымъ забвеніемъ Бога. Во дни Авраама истинное богопочитаніе не мо-

гло исчезнуть и еще не исчезло съ земли (Мельхиседекъ). Да и самый разсказъ содержитъ въ себѣ утверженіе, что во дни Авраама богопочитаніе существовало, и что божествами считали небесныя свѣтила. Есть другой автобіографическій разсказъ о томъ, какъ человѣкъ былъ приведенъ къ познанію истиннаго Бога, это разсказъ св. Іустина Философа. Онъ искалъ истины у пнеогорейцевъ, платониковъ, іудеевъ и нашелъ ее у христіанъ. Здѣсь въ этомъ разсказѣ мы видимъ, что то, что должно быть названо естественнымъ богопознаніемъ или естественнымъ откровеніемъ, было только стимуломъ, побуждавшимъ мыслителя искать откровенія, а вовсе не направляло его къ самосочиненію религіи. Изъ исторіи религіозныхъ ученій мы видимъ, что никто и никогда не выступалъ съ религіозною проповѣдью, до содержанія которой онъ, по его мнѣнію, дошелъ собственнымъ умомъ. Конфуцій говорилъ, что онъ учить ученію предковъ. Будда выступилъ на проповѣдь послѣ того, какъ ему среди ночныхъ искушеній было возвѣщено откровеніе, что спасеніе въ уничтоженіи желаній, Зороастру—по преданію—Агурамазда вручилъ авесту съ неба, вавилонянь богопочитанію научилъ Богъ Оанвесь (Еа). Мы намѣренно выше привели тезисъ Черберя о прирожденной намъ мысли о необходимости богопочитанія. Но развѣ можетъ человѣкъ самъ безъ божественныхъ указаній выработать ритуаль почитанія и богослуженія? Въ богослуженіи предполагается общеніе человѣка съ Богомъ, но какъ же человѣкъ самъ можетъ создавать условія, которыя обязывали бы Божество вступать въ сношенія съ человѣчествомъ? Намъ могутъ возразить, что въ древнѣйшихъ религіяхъ молитвы—обыкновенно заговоры, и что древній индусъ или халдей, произнося извѣстныя слова и формулы, думалъ, что божество *обязано* придти на его зовъ, и слѣдовательно, ставилъ божество въ зависимости отъ создавшихся имъ условій. На самомъ дѣлѣ это не такъ. Вѣра въ силу заговоровъ или заклинательныхъ формулъ всецѣло всегда утверждалась на представленіи сверхъестественнаго происхожденія этихъ формулъ. Предполагалось, что эти формулы были сообщены людямъ высшими силами чрезъ сверхъестественное откровеніе. Никогда не было и не можетъ быть религіознаго культа, который не утверждался бы на идеѣ сверхъестественнаго происхожденія (культъ рели-

гнн челоѳчества Кюнта не предполагаетъ этой идеи, но въ этомъ культѣ и не предполагается вступленіе челоѳва въ общеніе съ божествомъ). Но безъ культа нѣтъ религіи. Безъ религіи не долженъ и не можетъ существовать нормальный челоѳкъ. Какъ же послѣ этого можно говорить о достаточности естественнаго способа богопознанія?

Но сдѣлаемъ нѣкоторую уступку сторонникамъ естественнаго богопознанія. Примемъ, что такъ какъ языческія религіи суть созданіе людей, то хотя онѣ и вліяли на философію, тѣмъ не менѣе все содержаніе философіи, философскія представленія о божествѣ суть естественнаго происхожденія. Въ этомъ предположеніи есть элементъ произвола—незнакомства съ сверхъестественнымъ откровеніемъ древнихъ мы доказать не можемъ. Впослѣдствіи мы укажемъ тѣ границы, относительно которыхъ можемъ съ несомнѣнностью утверждать знакомство древняго міра съ ученіемъ богоизбраннаго народа, но теперь примемъ просто, что языческая философія всѣмъ своимъ содержаніемъ обязана гевію языческихъ философовъ. Что же мы находимъ у этихъ философовъ? вмѣсто живаго Бога мы встрѣчаемъ тѣ абстракціи, къ которымъ дѣйствительно духъ по мѣрѣ своего развитія приходитъ неизбѣжно, идею причины, откуда первопричины, идею единаго (мысль о томъ, что существующее есть не хаосъ, а космосъ—слѣдовательно, единство—есть руководящее начало во всѣхъ космологическихъ изысканіяхъ), абсолютнаго, безконечнаго. Образъ живаго Бога не открывается ни въ словахъ Сократа, ни въ діалогахъ Платона, ни въ сочиненіяхъ Аристотеля. Незадолго передъ Рождествомъ Христовымъ въ языческой литературѣ появляются произведенія, призывающія къ почитанію Единаго Бога (мы будемъ говорить о нихъ въ дальнѣйшемъ изложеніи), но никто не сомнѣвается, что они имѣютъ для себя іудейскій источникъ. Какъ никто намъ не можетъ указать хотя бы одно мѣсто въ книгахъ Ветхаго Заѳта, въ которомъ люди призывались бы къ почитанію еще какого-либо иного Бога кромѣ Единаго, такъ никто, думаемъ, не сдумѣетъ намъ указать хотя бы одну книгу чисто языческаго происхожденія, въ которой безусловно утверждалось бы почитаніе Единаго Бога. Мы имѣемъ предъ собою два несомнѣнные факта: 1) отсутствіе политической проповѣди у евреевъ и

2) отсутствіе монотеистической проповѣди у язычниковъ. Если бы прирожденная идея Бога заключала въ себѣ достаточно опредѣленное содержаніе, еслибы естественное богопознаніе было достаточно, то второй изъ этихъ фактовъ—въ своей поражающей всеобщности—былъ бы невозможенъ.

Иное содержаніе, думаемъ мы, должно связывать съ терминомъ „естественное богопознаніе“. Мы думаемъ, что подъ нимъ должно разумѣть и что самый этотъ терминъ возникъ изъ попытки истолковать *естественное тлѣтнѣе чловѣка къ сверхъ-естественному*, прирожденное стремленіе чловѣка къ Богу. Чловѣкъ созданъ по образу Божію и онъ тѣмъ счастливѣе, тѣмъ болѣе отвѣчаетъ своему назначенію, чѣмъ полнѣе и больше раскрывается въ немъ этотъ образъ. Изъ узкой ограниченности, въ которую чловѣкъ замкнутъ физическою природою и грѣховными пожеланіями духа, онъ долженъ стремиться къ безграничности познанія и любви. Есть у чловѣка инстинктъ духовной жажды, который побуждаетъ его всегда обращаться къ безконечному, подобно тому какъ чашечка цвѣтка обращается къ солнцу или стрѣлка магнита къ сѣверу. Но инстинктъ, будучи стремленіемъ цѣлесообразнымъ, есть въ тоже время стремленіе бессознательное. Птица, родившаяся на сѣверѣ, осенью летитъ на югъ. Она не знаетъ тѣхъ странъ, куда направляетъ свой полетъ, но ея природа гонитъ ее въ эти страны, и она повинуется влекущей ея силѣ. Инстинктъ присущій чловѣку побуждаетъ его неудовлетворяться ничѣмъ видимымъ и окружающимъ, онъ внушаетъ его безпокойному духу мысль, что есть нѣчто высшее, чѣмъ то, что являетъ этотъ міръ, и что къ этому высшему долженъ приобщиться и онъ. Если и позволительно сравнивать, то никакъ нельзя отождествлять духовную неудовлетворенность чловѣка съ неудовлетворенностію птицы-тоскующей на холодномъ сѣверѣ по тепломъ югѣ. Чловѣкъ или животное, тоскующіе о своей родинѣ, бѣднякъ, желающій богатствъ, чловѣкъ, занимающій низкое положеніе и мечтающій о высокомъ, все это не то, что чловѣкъ, мудрствующій горная, а не земная. У чловѣка, какъ и у всякаго существа, есть мечта и забота счастливо устроиться на землѣ—ему хочется имѣть все хорошее, что только можетъ дать наша планета и что можно получить отъ людей. Но въ глубинѣ своего

существа человѣкъ чувствуетъ и сознаетъ, что все земное не можетъ удовлетворить его. То, что испыталъ и возвѣстилъ міру великій царь израилевъ, въ нѣкоторой мѣрѣ испыталъ каждый человѣкъ. „Все суета и произволеніе духа“. Самыя роскошныя картины природы, самыя тонкія яства, самыя сильныя наслажденія, самыя великія удачи не дають полного удовлетворенія человѣку. Воображеніе человѣка не можетъ создать изъ земнаго матеріала такого положенія вещей, при которомъ онъ, подобно Фаусту, могъ бы воскликнуть: „счастливыи мигъ! продлись ты вѣчно!“ Отсюда слѣдуетъ выводъ, что если человѣкъ и ждетъ удовлетворенія, если ему и суждено испытать счастье, то не здѣсь, не въ этомъ мірѣ, не на этой землѣ и не подъ этимъ небомъ. Должны быть удѣломъ блаженнаго человѣка новая земля и новое небо. За много вѣковъ до того времени, какъ человѣкъ такъ формулировалъ свои надежды и желанія, онъ ихъ чувствовалъ и подъ влияніемъ ихъ у него слагались вѣрованія и сказанія о томъ, что кромѣ этого міра видимаго есть міръ невидимый, кромѣ міра человѣческаго есть міръ духовъ. Человѣкъ, конечно, могъ изображать этотъ міръ только тѣми красками, которыя ему давала наблюдаемая природа, но онъ все таки настойчиво подчеркивалъ что это міръ иной, что тамъ иные законы пространства и времени, иначе дѣйствуетъ сила, и матерія является съ иными свойствами. Анимизмъ—говорятъ—широко распространенъ среди не культурныхъ народовъ древняго и новаго міра. Но анимизмъ и есть вѣра въ невидимый міръ. вѣра въ міръ идеальный. Жажда безконечнаго всегда томила человѣка. Культурная жизнь человѣчества, какъ мы знаемъ, началась въ низкихъ широтахъ. Что тамъ наиболѣе хорошо и что наиболѣе направляетъ мысль къ безконечному, это темныя звѣздныя ночи. Когда исчезаетъ гнетущій дневной зной, когда смолкаетъ дневная суета жизни и наступаетъ безмолвіе ночи, тогда безчисленныя мириады блестящихъ звѣздъ загораются на глубокомъ темвоглубомъ небѣ, и при этомъ безмолвіи и покоѣ, при созерцаніи безконечной глубины неба и безчисленныхъ звѣздъ, говорящихъ о безконечной жизни въ безконечной вселенной, мысль человѣка отрѣшалась отъ условій его скорбнаго земнаго существованія, непонятная тоска,

неясныя желанія и стремленіе въ какую то безконечную даль наполняли душу человѣка, и выраженіе этого настроенія мы находимъ и въ халдейскихъ псалмахъ и гимнахъ Ригъ—веды. Лишь только „злоба дневи“ переставала давить человѣка, и пестрая картина окружающаго погружалась во мракъ, его духъ, освобожденный отъ гнета земныхъ вещей и печалей, начиналъ себѣ искать успокоенія и отрады въ томъ, что наиболѣе направляетъ къ безконечному. Созерцая безконечныя глубины неба, человѣкъ начиналъ смутно чувствовать и догадываться, что его истинное отечество не здѣсь, и что онъ только странникъ и пришелецъ на землѣ.

Къ обращенію отъ видимаго къ невидимому, отъ естественнаго къ сверхъестественному, отъ реального къ идеальному всегда должна была побуждать человѣка его собственная духовная природа. На какой бы ступени развитія ни стоялъ человѣкъ, онъ всегда сознаетъ различіе между должнымъ и пріятнымъ. Могутъ очень различно и очень нелѣпо понимать „долгъ“, но прежде всего важно, что признаютъ фактъ его существованія. Кровавая месть—это долгъ, обязанность родственниковъ убитаго—обязанность жестокая и очень опасная. Однако древніе считали эту обязанность священною. Постараемся вникнуть въ психическую основу этой обязанности. У человѣка убили родственника, къ которому онъ былъ совершенно равнодушенъ, и имущество котораго по закону о наследствѣ перешло къ нему. Повидимому у него нѣтъ побужденій съ опасностью для собственной жизни начинать преслѣдованіе убійцы, и однако и онъ самъ, и другіе, и даже самые убійцы считаютъ, что онъ долженъ начать дѣло этого преслѣдованія. Мы полагаемъ, что признаніе такого долга или обязанности есть выводъ—сознательный или безсознательный—изъ вѣры въ существованіе двухъ законовъ: 1) закона нормъ, нравственнаго порядка, опредѣляющаго отношеніе и поведеніе людей,—по отношенію къ этому закону убійство человѣка является его нарушеніемъ и 2) закона возмездія, по которому всякое нарушеніе порядка возстановляется черезъ кару того, кто его нарушилъ. На различныхъ ступеняхъ развитія человѣкъ различно формулируетъ эти нормы и принципы, но на всѣхъ ступеняхъ онъ представляетъ ихъ себѣ, какъ нѣкую

высшую правду, которую должно исполнить. Въ видѣ опредѣленныхъ положеній эту правду люди принимали отъ своихъ отцевъ и братьевъ, но въ своей душѣ каждый всегда имѣлъ и имѣеть нѣкій коррективъ, по которому онъ можетъ провѣрять требованія, предъявляемыя ему во имя правды, и рѣшать наконецъ собственнымъ судомъ—суть ли они правда? Коррективъ этотъ—совѣсть. Совѣсть есть чувство духовнаго здоровья, совершенно аналогичное чувству здоровья физическаго. Здоровый физически человекъ, вообще говоря, ничего не чувствуетъ, чувство является лишь при перемѣнѣ въ состояніи здоровья. Если воздѣйствіе природы, прогулки, собственная физическая самостоятельность благотворно дѣйствуютъ на тѣло человека, онъ испытываетъ чувство физическаго удовольствія. Если что-нибудь въ организмѣ человека поражается, это сказывается болью. Человекъ можетъ забыть или даже не опредѣлить, гдѣ и что у него болитъ, можетъ не знать причины болѣзни, и однако боль своею гнетущею силою будетъ давать ему себя чувствовать. Не всегда болѣзнь возвѣщаетъ о себѣ физическою болью, и есть цѣлый рядъ средствъ, убивающій эту боль. Анестезирующія средства (эфиръ, кокаинъ, хлороформъ) позволяютъ хирургу разрѣзывать намъ наши органы, не причиняя намъ боли. Есть другой рядъ средствъ (вещества наркотическія), которыя, заглушая въ человекѣ чувства боли и страданій, оставляютъ его вполне доступнымъ чувству удовольствія. Полную аналогію этому мы находимъ въ духовной природѣ человека. Обыкновенно совѣсть, какъ и чувство физическаго здоровья, безмолствуетъ. Если человекъ совершитъ какой-нибудь добрый поступокъ (удовлетворитъ чувству жалости, окажетъ кому-либо помощь), онъ испытываетъ чувство нравственнаго довольства. Если человекъ совершитъ какое-нибудь нравственное преступленіе, онъ можетъ даже забыть о поступкѣ, но совѣсть заставитъ его чувствовать себя неловко, она заставитъ его вопреки его желанію—вспомнить о проступкѣ (напрасно, замѣтимъ поѣтому, совѣсть смѣшиваются съ памятью или знаніемъ), все равно какъ чувство физической боли заставляеть человека найти пораженный органъ. Наконецъ, совѣсть, какъ и чувство физическаго страданія, можетъ подвергаться извращенію и можетъ быть—хотя временно—заглушена совѣсью.

Замѣчательно въ этомъ отношеніи, что одно и тоже средство, которое съ успѣхомъ заглушаетъ зубную боль, можетъ заглушить и чувство нравственной боли вслѣдствіе совершеннаго дурнаго проступка. Средство это—наркотики. Но вообще человекъ безъ совѣсти это такое исключеніе, которое, думаемъ къ чести человечества, на пути своей жизни встрѣчали очень немногіе. Совѣсть также присуща душѣ человека, какъ его тѣлу физическая чувствительность. Сталкиваясь съ преданіями, обычаями, совѣсть является стимуломъ, побуждающимъ человека отыскивать правду. „Когда язычники, говоритъ ап. Павелъ, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ; они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ: о чемъ свидѣтельствуется совѣсть ихъ, и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую“ (Римл. II, 14—15). Такимъ образомъ, у человека въ его естественномъ состояніи есть во 1) нравственная наличность—преданіе, полученное отъ другихъ, во 2) есть нравственное чувство, дающее ему возможность и побуждающее разбираться въ полученномъ нравственномъ преданіи. Масса недоумѣній, вопросовъ, сомнѣній вмѣстѣ съ тѣмъ должно было приводить наилучшихъ людей къ мысли о невозможности самимъ самостоятельно выработать совершенный и неизмѣнно правильный *modus agendi*. Такую формулу легко могутъ создать теоретики, но жизнь немедленно представитъ безчисленное количество задачъ, приложить къ которымъ эту формулу окажется не въ силахъ наилучшій изъ мудрецовъ. Есть восточный рассказъ о томъ, какъ человекъ отправился отыскивать своего врага съ тѣмъ, чтобы убить его. Онъ нашелъ этого врага спящимъ на краю пропасти, при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи во снѣ врагъ долженъ былъ скатиться въ бездну и погибнуть. Собравшійся мстить человекъ былъ охваченъ чувствомъ жалости къ беспомощному положенію того, убить кого онъ хотѣлъ, онъ разбудилъ его и тѣмъ спасъ отъ гибели. Какая нравственная борьба должна была происходить въ душѣ этого великодушнаго мстителя и сколько нравственныхъ недоумѣній должна породить жизнь въ душѣ каждаго человека. Человекъ сознаетъ, что онъ обязанъ руководиться собственнымъ нравственнымъ свѣтомъ, и объ этомъ учитъ ап. Павелъ, говоря о возмездіи ожи-

дающемъ язычниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ еще знаетъ, что этотъ свѣтъ недостаточенъ, что онъ долженъ стараться и самъ его усиливать и искать его внѣ себя. Что человѣкъ носилъ и носитъ въ душѣ этотъ стимулъ, побуждающій его искать вопроса на отвѣтъ, какъ жить и что дѣлать, и что при этомъ человѣкъ не довѣряетъ своимъ собственнымъ силамъ, объ этомъ свидѣлствуетъ вся исторія человѣчества. Сказанія о путешествіяхъ древнихъ мудрецовъ—Пифагора, Фалеса, искавшихъ мудрости, все равно какъ и сказанія о полученіи откровеній религіозными законодателями, показываютъ, что въ душѣ людей всегда былъ нѣкоторый свѣтъ, освѣщавшій имъ путь туда, гдѣ хранилось истинное откровеніе.

Вотъ въ чемъ, полагаемъ мы, заключается естественное бого и нравосознаніе человѣка. Не въ томъ, чтобы человѣкъ могъ самъ придти къ представленію всеблагого Бога Отца или самъ могъ бы написать десятословіе. Нѣтъ; ни этого, ни другаго, мы думаемъ, никогда бы не могъ совершить человѣкъ. Заключенія отъ бытія этого несовершеннаго міра къ Богу Всемогущему и отъ немощной человѣческой совѣсти къ Богу Всеблагому могутъ быть сдѣланы логически правильнымъ путемъ только при введеніи въ разсужденіе нѣкоторыхъ посредствующихъ посылокъ и положеній (о происхожденіи зла, объ откровеніи Бога людямъ, разъ люди суть *θεοῦ γένος*), которыя обуславливаются сверхъестественнымъ откровеніемъ. Значеніе естественныхъ духовныхъ силъ человѣка въ области религіи заключается въ томъ, что они побуждаютъ человѣка искать откровенія. Ап. Павелъ о Богѣ говоритъ, что отъ одной крови онъ произвелъ весь родъ человѣческой... дабы они искали Бога, не ощутятъ ли Его и не найдутъ ли: хотя онъ и недалеко отъ каждаго изъ насъ" (Дѣян. XVIII, 26, 27). Искать Бога тѣмъ, которые уже имѣютъ о немъ истинное представленіе, нечего; имъ остается обращаться съ мольбою къ Богу. Искать Бога прежде всего значитъ искать знанія о Богѣ и о Его волѣ, значитъ искать рѣшенія вопросовъ о своемъ происхожденіи, своей природѣ и назначеніи, и такъ какъ невозможность рѣшенія этихъ вопросовъ для нашего ограниченнаго ума ясна, то, значитъ, если гдѣ-нибудь хранится и можно найти рѣшеніе этихъ вопросовъ, то оно дано свыше. Такъ, полагаемъ мы, присущее душѣ

религіозное сознаніе есть начало, направляющее человѣка къ принятію сверхъестественнаго откровенія и къ вступленію въ завѣтъ съ Богомъ, а вовсе не такое начало, которое замѣняетъ первое (откровеніе) и дѣлаетъ нужнымъ второй (завѣтъ).

Таково, думаемъ, есть положительное естественное богопознаніе. Оно не есть способъ приобрѣтенія познаній о Богѣ параллельный откровенному, оно есть необходимое условіе для принятія откровенія. Если бы въ душѣ человѣка не было естественнаго тяготѣнія къ сверхъестественному, то сверхъестественное откровеніе было бы для человѣка только мѣдью звенящею или кимваломъ звучащимъ. И если бы не было сверхъестественнаго откровенія, то одно естественное богопознаніе только томилло бы человѣка чувствомъ духовной жажды, не давая ему удовлетворенія. Нужно то и другое: нужно, чтобы въ душу человѣка было заложено стремленіе подниматься къ Богу, и чтобы Богъ нисходилъ къ человѣку. Но нужно нѣчто и еще. Тяготѣніе человѣка къ абсолютному неопредѣленно, и Божество не открываетъ Себя слишкомъ явно, отсюда неувѣренность и сомнѣнія въ душѣ человѣка: долженъ ли онъ повиноваться своему влеченію къ невидимому, и откровеніе о невидимомъ не есть ли заблужденіе? Когда подобныя сомнѣнія закрадываются въ душу человѣка, тогда естественное богопознаніе должно снова придти къ нему на помощь. Таковое богопознаніе, кажется, можно назвать отрицательнымъ. О немъ, думаемъ, говоритъ св. ап. Павелъ въ словахъ: невидимое Его, (Богъ) вѣчная сила Его и божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы" (Рим. I, 20). Въ этихъ словахъ обыкновенно хотѣли видѣть утвержденіе того, что человѣкъ можетъ естественнымъ способомъ познать Бога. Но непосредственно слѣдующіе стихи говорятъ намъ, что люди безотвѣтны потому, что они все болѣе и болѣе уклонялись отъ истиннаго богопознанія и богопочитанія, что они извратили свой инстинктъ тяготѣнія къ безконечному. Мы думаемъ, что мысль апостола такова, что разсматриваніе природы, изученіе собственной души, вообще размышленіе о существующемъ должно утверждать людей въ томъ представленіи о Богѣ, какое имъ было дано отъ начала. Твореніе должно возвѣщать человѣку, что то, что открылъ Творецъ непосредственно о Себѣ, есть истина. Да и не могъ, ко-

вечно, апостолъ высказать той мысли, что человекъ долженъ знать Бога и почитать Его, и хотя Богъ Самъ ничѣмъ не являетъ себя человекѣ—однако человекъ безотвѣтенъ. Нѣтъ, человекъ безотвѣтенъ, потому что отвергаетъ предлагаемое ему откровеніемъ знаніе о Богѣ. Природа вещей утверждаетъ человека въ томъ, что ученіе откровенія есть истина, и когда человекъ говоритъ, что откровенное ученіе противорѣчитъ его разуму, искушаетъ его совѣсть, не можетъ имъ быть принято, то тогда человекъ безотвѣтенъ, ибо тогда онъ отрекается отъ лучшихъ и высшихъ стремленій своей природы во имя ложнаго знанія и мнимыхъ убѣжденій. Несогласіе откровеннаго ученія съ разумомъ и совѣстью, это старая и мнимая опора для невѣрія людей. Разобраться въ томъ, что эта опора дѣйствительно мнимая и что, напротивъ, и разумъ и совѣсть находятъ свое истинное утвержденіе въ Богѣ и откровеніи, разобраться въ этомъ полную возможность представляетъ человекѣ его естественный разумъ—естественное богопознаніе. Намъ всегда представлялась неправильною и ошибочною такая постановка въ доказательствахъ бытія Божія, въ курсахъ умозрительнаго и естественнаго богословія, гдѣ изслѣдователи въ началѣ своего разсужденія представляли, какъ будто фактъ бытія Божія и представленіе божественныхъ предикатовъ имъ совершенно неизвѣстны, и признаніе бытія Божія являлось у нихъ въ концѣ разсужденія новымъ выводомъ. Въ своихъ разсужденіяхъ они какъ будто ищутъ Бога и въ концѣ находятъ Его. Но на самомъ дѣлѣ они руководятся въ своихъ изысканіяхъ предварительнымъ знаніемъ о Богѣ. Ты не искалъ бы Меня, еслибы ты Меня уже не нашель, сказалъ Господь нѣкогда. Значеніе естественнаго богословія въ томъ, чтобы показать человекѣ, что спасеніе для него въ откровеніи, что внѣ свѣта откровенія нѣтъ разума, счастья и жизни. По мѣрѣ того, какъ люди развивались и размышляли, у нихъ возникали все новыя и новыя недоумѣнія относительно откровенія, но изслѣдованіе умственной исторіи человечества насъ лично утверждаетъ въ той истинѣ, что человекъ въ своихъ изысканіяхъ постоянно находилъ все болѣе и болѣе твердыя основанія для того, чтобы признать предлагаемое откровеніе истинною, чѣмъ возраженія противъ откровенія. Старыя недоумѣнія разсѣвались быстро,

чѣмъ возникали новыя. Сколько дѣтски наивныхъ возраженій было направлено въ теченіе вѣковъ противъ откровенія, противъ монотеизма. О нихъ забыли теперь. Противъ откровенія выдвигаютъ „послѣднее слово науки“. Но на самомъ дѣлѣ масса послѣднихъ словъ—дѣйствительныхъ словъ—науки всегда является разъясненіемъ и раскрытіемъ ряда истинъ откровенія. Вотъ—почему вѣрующіе мыслители научныя откровенія всегда встрѣчали съ религіознымъ восторгомъ. Мы думаемъ, что и научныя завоеванія послѣдняго столѣтія имѣютъ такое же значеніе. Все, что человѣкъ дѣйствительно знаетъ теперь о мірѣ и о себѣ, должно вести его къ тому, чтобы полагать причину и цѣль всего въ томъ, что возвѣщаетъ ему откровеніе. И потому, если человѣкъ не принимаетъ откровенія, если противится ему, онъ безотвѣтенъ. Изъ нашего взгляда слѣдуетъ выводъ, что безотвѣтность рода нынѣшняго сильнѣе и больше, чѣмъ безотвѣтность родовъ древнихъ. Думаемъ, что это несомнѣнная истина. Не принимавшіе Моисея менѣе виновны, чѣмъ не принимающіе Христа. И не знавшіе Моисея примутъ меньшее осужденіе, чѣмъ тѣ, которымъ были вѣрены слова Божіи. Участь земли Содомской, по писанію, будетъ отраднѣе участи многихъ земель и городовъ (Ме. XI, 21—24).

Обязанность человѣка принять откровеніе. „Кто будетъ вѣровать и крестится, спасенъ будетъ; а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ“ (Мрк. XVI, 16). Принять откровеніе значитъ увѣровать. Вѣра есть завершительный моментъ въ процессѣ религіознаго развитія. Прирожденный душѣ инстинктъ побуждаетъ человѣка искать религіозную истину. Откровеніе возвѣщаетъ ее ему. Разумъ и сердце утврждаютъ его въ томъ, что ученіе откровенія есть истина. Но выводы разума и влеченіе сердца не переходятъ непосредственно въ живое убѣжденіе. Со стороны человѣка нужны нравственныя усилія—не говоримъ для того, чтобы родить въ себѣ вѣру, но для того, чтобы стать достойнымъ принять ее, какъ величайшій изъ даровъ, свыше“. Ἔστιν (δὲ) πίστις ἐλπίζομένων ὑπόστασις, πραγμάτων ἔλεγχος οὐ βλεπομένων—вѣра есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ“ (Евр. XI, 1), говоритъ св. ап. Павелъ. Вѣра, значитъ, есть душевное успокоеніе, ибо она даетъ утвержденіе (ὑπόστασιν) въ надеждѣ и открываетъ (даетъ ἔλεγχος)

невидимое. Никакая земная надежда не утверждается на непоколебимомъ основаніи, и ничто, представляющееся чувственному взору, не рождаетъ безусловной увѣренности. Наивныя надежды безумнаго евангельскаго богача на пользованіе своимъ урожаемъ, это наивныя надежды всего человѣчества на земное счастье. Богачъ умеръ, не воспользовавшись плодами жатвы, но и всѣ тѣ, которые пользовались, которые удовлетворили свою мечту о наслажденіяхъ, находили наконецъ въ чашѣ чувственныхъ наслажденій горькій осадокъ мученій и должны были убѣждаться, что то, къ чему они такъ жадно стремились, о чемъ такъ страстно мечтали, было жалкимъ призракомъ, блуждающимъ огонькомъ, который влекъ ихъ къ гибели. Все земное измѣнчиво и непостоянно, и все, открывающееся чувственному взору, имѣетъ характеръ призрачности, неустойчивости. Это — паръ, дыханіе вѣтра. Но *ἐλεγχος ἀοράτων* открываетъ человѣку, что есть иное бытіе — противоположное видимому — вѣчное, неизмѣнное, непоколебимое. Человѣку открываются высшіе законы, которые онъ долженъ осуществлять, и дается увѣренность, что осуществленіе этихъ высшихъ законовъ и повелѣній есть истинное благо, „единное, что нужно на потребу“. Такъ, вѣра, давая человѣку успокоеніе, въ то же время является для него руководительнымъ началомъ, опредѣляющимъ все его поведеніе. Въ рядѣ великихъ образовъ св. Павелъ представляетъ намъ это (Евр. XI). И человѣкъ обязанъ имѣть ту вѣру, которую имѣли Авель, Енохъ, Авраамъ, Моисей и прочій „облакъ свидѣтелей“. Но обрѣсти эту вѣру — нелегкое дѣло, ибо это самое важное изъ дѣлъ. Многіе думали и еще думаютъ, что знаменія съ неба — наилучшее доказательство и наубѣдительнѣйшее средство для возбужденія вѣры. Очевидно, такové плохо вчитывались и вдумывались въ текстъ священныхъ книгъ, гдѣ рядомъ съ повѣствованіемъ о поразительнѣйшихъ знаменіяхъ обыкновенно поставлены поразительнѣйшее невѣріе: ожесточеніе и окаменение сердца. Фараона не убѣдили чудеса Моисея. Но скажутъ: „фараонъ былъ плохимъ человѣкомъ, онъ пралъ противъ рожна“. Можетъ быть, такъ, но сколько примѣровъ сомнѣнія представляютъ намъ писанія, говоря о людяхъ, которые безспорно были лучшими. О братьяхъ Господа мы читаемъ: „ибо и братья Его не вѣровали въ Него“ (Іоан. VII, 5). Когда Господь послѣ насыщенія пяти тысячъ пятью хлѣбами явилъ великую власть надъ природою

(Мрк. VI, 32—51), ученики чрезвычайно изумлялись въ себѣ и дивились. „Ибо не вразумились чудомъ надъ хлѣбами: потому что сердце ихъ было окаменено“ (Мрк. VI, 51—52). По воскресеніи Господа одиннадцать учениковъ пошли въ Далмацію, на гору, куда повелѣлъ имъ Исусъ. И увидѣвъ Его, поклонились Ему; а иные усумнились“ (Мѡ. XXVIII, 16—17).

Господь сказалъ апостоламъ: „если вы будете имѣть вѣру съ горчичное зерно, и скажете горѣ сей: перейди отсюда туда; и она перейдетъ; и ничего не будетъ невозможнаго для васъ“ (Мѡ. XVII, 20). И апостолы приобрѣли эту вѣру и передвигали горы и измѣнили лицо земли. Но и у великихъ учениковъ Христовыхъ великая вѣра явилась не сразу. Господь обличалъ ихъ невѣріе, и вмѣстѣ съ отцомъ бѣсноватаго отрока, котораго они не могли исцѣлить, каждый изъ нихъ повидимому былъ долженъ воскликнуть: „вѣрую, Господи! помоги моему невѣрію“ (Мрк. IX, 24). Они говорили Господу: „умножь въ насъ вѣру“ (Лук. XVII, 5). Евангельская исторія представляетъ намъ, что вѣра учениковъ Господа не возрастала непрерывно, и не восходила отъ силы въ силу непрестанно. Когда Господа не приняли въ самарійскомъ селеніи, Іаковъ и Іоаннъ увѣренно предложили Ему, что они низведутъ огонь съ неба, который истребилъ бы это селеніе (Лук. IX, 54). Очевидно, они чувствовали въ себѣ ту вѣру, которая двигаетъ горы. Семьдесятъ учениковъ, возвратившись изъ посольства, съ радостію возвѣстили: „Господи! и бѣсы повинуются намъ о имени Твоемъ“ (Лук. X, 17). Позже, мы видимъ, апостолы по невѣрію не могутъ исцѣлить бѣсноватаго, еще позже видимъ уныніе и отреченіе Петра и разсѣяніе апостоловъ. Такъ, вѣра великихъ благовѣстниковъ христіанства подвергалась и искушеніямъ и колебаніямъ, пока наконецъ не сдѣлалась совершенной и непоколебимой. Въ настоящее время въ христіанскомъ мірѣ вѣра есть благодатный даръ, получаемый вмѣстѣ съ св. крещеніемъ. Христіанскія дѣти тверды въ вѣрѣ. Но вѣрѣ большинства суждено пройти черезъ испытанія. Мыслителю они являются въ видѣ умственныхъ искушеній, человѣку практическихъ заботъ въ видѣ нравственныхъ невзгодъ и мнимыхъ или дѣйствительныхъ несправедливостей. Только жизнь немногихъ проходитъ озаренная вся ровнымъ и непоколебимымъ сіяніемъ негаснущаго свѣта Христова. Но вѣра должна быть удѣломъ всѣхъ. Испушенія должны быть

препобѣждены. Вѣренъ Богъ, говорилъ апостолъ, который не попуститъ вамъ быть искушаемыми сверхъ силъ, но при искушеніи дастъ и облегченіе, такъ чтобы вы могли перевести“ (1 Коринѣ. X. 13). Обязанность всякаго человѣка пожелать вѣры, какъ истиннаго блага, и употребить должныя нравственныя усилія, чтобы приобрѣсть таковую, чтобы стать достойнымъ сосудомъ Духа Святаго. Тогда онъ получитъ вѣру, и она вмѣнится ему въ праведность и выразится въ правыхъ дѣлахъ. Но если человѣкъ остается коснѣющимъ въ невѣріи, если вѣра представляется ему не высшимъ благомъ и не благомъ, а даже прямымъ заблужденіемъ, то, значить, онъ не послушалъ благороднѣйшихъ призывовъ своего духа, не внялъ голосу откровенія, и потому онъ безотвѣтенъ.

Откровеніе было дано людямъ изначала, но они уходили отъ него и забывали его и Божественный промыслъ употребилъ особенныя средства для того, чтобы оно хранилось среди людей, и всѣ достойные могли бы пользоваться имъ для своего временнаго блага и вѣчнаго спасенія. Голосъ души всегда звалъ и зоветъ человѣка къ религіозной истинѣ, къ откровенію, но люди усердно старались и стараются заглушать его. Раскрыть, что откровеніе изначала было дано для всѣхъ, и что пребываніе въ истинной церкви стало удѣломъ немногихъ по жестоковѣрности людей, а не по волѣ Божіей—задача первой части нашего изслѣдованія. Эта часть раздѣляется у насъ на два отдѣла. Въ первомъ мы будемъ раскрывать наше положеніе на основаніи самаго божественнаго откровенія—Библии, много говорящей намъ о путяхъ промысла, направившихъ языческой міръ въ лоно ветхозавѣтной церкви. Во второмъ отдѣлѣ мы попытаемся дать обзоръ внѣ библейскихъ свидѣтельствъ распространенія ветхозавѣтнаго откровенія внѣ богаизбраннаго народа. Вторую часть мы посвятимъ посильному доказательству того, что, какъ всегда, такъ и теперь то, что называютъ естественнымъ богопознаніемъ, направляетъ человѣка къ принятію откровеннаго ученія, къ вступленію въ лоно истинной церкви. Сказавъ, что мы можемъ сказать объ этомъ, мы будемъ считать свою задачу исполненной.

Профессоръ С. С. Глаголевъ.

(Продолженіе будетъ).

Христіанскіе догматы о безсмертіи души и воскресеніи мертвыхъ въ связи съ философскимъ ученіемъ о загробной участи чловѣка.

Все вокругъ насъ покорно закону смерти. Этотъ законъ тяготѣетъ надъ нами и смерть неизбѣжно постигаетъ каждого изъ насъ. Поколѣвіе за поколѣніемъ сходятъ съ земнаго поприща. Цѣлыя царства исчезаютъ. Самое лицо земли измѣняется! Но съ этими превратностями мы повидимому примираемся и какъ будто остаемся спокойными. Что же это значитъ? Неужели такъ сильна привычка, что мы можемъ безучастно относиться даже къ своей смерти? Неужели это—простое притупленіе воспріимчивости? Нѣтъ, мы не боимся ужасовъ смерти потому, что вѣруемъ въ безсмертіе. Въ душѣ каждого изъ насъ, можетъ быть, смутно и неясно, живетъ предчувствіе жизни нескончаемой, и смерть кажется намъ только переходомъ въ ту новую жизнь.

Да, вѣра въ безсмертіе такъ же всеобща, какъ и вѣра въ Бога. У всѣхъ народовъ, ведущихъ высокую духовную жизнь, она выступаетъ опредѣленно, хотя, быть можетъ, и превратно, у остальныхъ же она составляетъ, по крайней мѣрѣ, предметъ предчувствія. Повсюду смерть окружена благоговѣйнымъ страхомъ, и законы по отношенію къ умершимъ принадлежатъ къ священнѣйшимъ. Мертвые никогда не признавались совершенно разлученными съ живыми и навсегда сошедшими съ лица земли, но представлялись живущими лишь въ другомъ мірѣ. Предки прошлаго охотно признавались благословенными духами настоящаго. Эта вѣра строила пирамиды въ Египтѣ и въ

его муміяхъ еще и доселѣ свидѣтельствуеть о себѣ; она давала народамъ мужество въ борьбѣ, и она же собирала благороднѣйшихъ Эллиновъ около тайныхъ ученій Элевзинскихъ мистерій, гдѣ они думали найти ободреніе противъ смерти, котораго не давала имъ ихъ религія, и котораго не могла дать имъ ихъ философія.

Таковая всеобщность вѣры въ безсмертіе указываетъ на то, что она есть необходимая идея человѣческаго духа, и не только необходимая для мышленія, но и необходимая для жизни, безъ которой вся жизнь теряетъ свою нравственную цѣну.

Но только христіанство, какъ истинная богооткровенная религія, возвело это чаяніе на степень полной увѣренности и раскрыло ее во всей полнотѣ и совершенствѣ. Смерть для христіанина есть приобрѣтеніе, предметъ радости, а не страха; христіанинъ умираетъ съ вѣрою и надеждою, ибо, умирая, онъ уходитъ къ Отцу своему небесному, въ дому котораго обители многи суть.

Это величайшее утѣшеніе человѣкъ находитъ только въ христіанствѣ.

Отсюда понятно, какъ Христіанинъ долженъ дорожить этимъ благодатнымъ утѣшеніемъ вѣры, дорожить тѣмъ болѣе, что есть у него врагъ опасный и коварный, который стремится похитить это сокровище вѣры.

Послѣдними словами мы имѣемъ въ виду указать на тѣ опасности, которыми угрожаетъ намъ современное научное міросозерцаніе. Оно, это міросозерцаніе, проникнутое духомъ матеріализма, повсюду коварно подстерегаетъ насъ. Оно опасно и своими мнимо—учеными трактатами въ духѣ матеріализма, не менѣе опасно оно и тогда, когда увлекается безотчетнымъ и легкомысленнымъ отрицаніемъ духовной жизни.

Существеннѣйшій характеръ отношенія современнаго научнаго міросозерцанія къ христіанству тотъ, что оно отрицаетъ сверхъестественное происхожденіе христіанства, низводя его въ область явленій естественныхъ. Новѣйшему поколѣнію, говоритъ оно, не нужно предлагать чудеснаго христіанства, такъ какъ это было бы противорѣчіемъ всему новѣйшему сознанію. Ничего чудеснаго, ничего сверхъестественнаго нѣтъ и быть не

можетъ. Все развивается естественно, съ роковою необходимо-
стію, изъ предшествовавшихъ ему состояній, по закону при-
чины и слѣдствія. И христіанство такое же неизбежное и есте-
ственное слѣдствіе историческихъ условій; какъ, напримѣръ,
Пелопонезская война, или паденіе Западной Римской Имперіи.
Таковыя воззрѣнія, давно уже возникшія на иной почвѣ ¹⁾, въ
наше время находятъ себѣ опору и поддержку въ теоріи эво-
люціонизма, которая, по почину пресловутаго Дарвина, раз-
рабатывается учеными всѣхъ странъ, будучи примѣняемо къ
объясненію едва ли не всѣхъ явленій въ области природы и духа ²⁾.

Мы беремъ на себя смѣлость показать, что важнѣйшія исти-
ны христіанства, составляющія основаніе и корень многихъ
другихъ истинъ, безъ которыхъ не мыслимо и само христіан-
ство, именно—истины безсмертія души и воскресенія мертвыхъ
для жизни будущаго вѣка, въ той дивной гармоніи и высотѣ,
въ какихъ даны онѣ намъ въ христіанскомъ вѣроученіи, суть
истины богооткровенныя, сверхъестественныя. Враги христіан-
ства, какъ Божественнаго Откровенія, говорятъ: христіанство,
какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ своихъ частяхъ есть есте-
ственное слѣдствіе развитія предшествующихъ стадій человѣ-
ческаго самосознанія. Слѣдовательно, оно возросло генетически
изъ той почвы, на которой и появилось. Христіанство явилось
въ міръ во время господства Греко-римской образованности и
культуры ³⁾, когда высшимъ нравственно-духовнымъ достоя-
ніемъ язычества были двѣ силы—языческая религія и языческая
философія. Итакъ, если зародыши святыхъ истинъ христіан-
ства желаютъ найти въ чемъ либо естественно—языческомъ,

¹⁾ диалогія Христіанства. Публичныя чтенія Хр. Э. Лютардта. Переволь Лопухина. С.-Петербургъ. 1892 г. Чтен. первое.

²⁾ Какъ на самый типичный примѣръ примѣненія эволюціонныхъ воззрѣній къ
объясненію явленій нравственно-духовныхъ достаточно сослаться на современную
эволюціонную теорію морали.

³⁾ Говоря о христіанствѣ мы имѣемъ въ виду ученіе, впервые возыявленное
Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, скрѣпленное честною кровію Его, и про-
повѣданное святыми Его апостолами, словомъ Новозавѣтное Христіанское ученіе.
Но мы ничего не говоримъ здѣсь объ отношеніи этого ученія къ Ветхозавѣтному
Богооткровенію. Это—двѣ стороны одного и того же великаго таинства
искушенія. Оба они богооткровенны и сверхъестественны и находятся другъ
къ другу въ особенномъ отношеніи, говорить о которомъ сейчасъ нѣтъ надобности.

то нужно искать ихъ или въ языческой религіи, или въ языческой философіи. Но, прежде всего, что касается языческой религіи, то она сразу должна быть устранена, ибо всѣ естественныя религіи предъ пришествіемъ въ міръ Іисуса Христа упали такъ низко, что стали предметомъ презрѣнія и осмѣянія. Время старой вѣры въ боговъ пришло къ концу, завершившись невѣріемъ, съ одной стороны, и суевѣріемъ, съ другой. Въ неподражаемыхъ чертахъ изображаетъ намъ Фукидидъ, религиозно-правственную испорченность, начавшуюся вскорѣ послѣ начала Пелопонезской войны, когда люди одинаково стали презирать и то, что было божественно, и то, что было человѣчески свято ¹⁾. И это было въ началѣ періода упадка. Что-же было потомъ? Храмы сдѣлались мѣстами распутства, и праздники въ честь боговъ превратились въ оргіи ²⁾. Въ вѣкъ Августа представители язычества смотрѣли на вѣру, какъ на нѣчто отжившее, и отрицали любовь къ богамъ ³⁾. Въ это время непремѣннымъ признакомъ философа считалось отрицаніе боговъ ⁴⁾. И философъ Плотинъ могъ утверждать, что не люди могли придти къ богамъ, а боги должны были придти къ людямъ ⁵⁾. Итакъ остается одна философія и преимущественно Греко-римская философія, какъ цвѣтъ и завершеніе всего научнаго самосозванія временъ языческихъ. Посмотримъ, могла ли эта философія, развиваясь естественно и генетически, придти къ той высотѣ ученія о душѣ и безсмертіи, какое дано намъ въ христіанствѣ?

А.

1. Первые проблески философскаго самосознанія въ Греціи относятся къ концу седьмаго или началу шестаго вѣка до Р. Хр. Стремясь постигнуть тайну бытія, философская мысль прежде всего ставила себѣ вопросы: что есть начало всего? Что есть то, изъ чего все возникаетъ и во что все обра-

¹⁾ Nägelsbach, Nachhomer. Theologie, стр. 482.

²⁾ О безнравственномъ вліяніи греческой мифологіи и религіи прекрасно и много говорится въ классическомъ трудѣ Толюка: Der sittliche Charakter des Heidenthums, 3-е изд. 1867 г.

³⁾ Лютардтъ. Аполог. Христ. Перев. Молухина, Чтеніе VIII, стр. 145.

⁴⁾ Cicero, De intent. I, 29.

⁵⁾ Лютардтъ. Апологія Христіан. Чтеніе девятое.

щается? Въ духѣ непосредственныхъ возрѣній и несложныхъ наблюденій отвѣтъ давался такой: начало всего есть вода, начало всего есть воздухъ. Словомъ, начало, принципъ всего (*архѣ*) есть эмпирически данная матерія, которая въ вѣчномъ круговоротѣ бытія все изъ себя рождаетъ и все въ себя опять поглощаетъ. Матеріи, какъ такой, свойственна жизнь: безначально и безконечно она порождаетъ изъ себя всѣ явленія или феномены бытія. Такое возрѣніе есть „гидронизмъ“, по которому матерія есть вѣчно живое существо ¹⁾.

¹⁾ При изученіи и изложеніи принциповъ древне-греческой философіи до Платона мы прибѣгали, главнымъ образомъ къ слѣдующимъ научнымъ пособіямъ:

1 а. Сочиненія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, дошедшія до насъ только въ отрывкахъ (Fragmenta).

Мы пользовались собраніемъ фрагментовъ, сдѣланнымъ Муллахомъ и изданнымъ подъ оглавленіемъ: *Fragmenta philosophorum Graecorum collegit, recensuit, vertit annotationibus et prolegomenis illustravit, indicibus instruct.* Fr. Guil. Aug. Mulluchius, ph. l. Dr.

Poeseos philosophicae caeterorumque ante Socratem philosophorum quae supersunt.

Parisiis

Editore Ambrosio Firmin Didot Institutii Franciae typographo

Viu Iacob. 56.

M. D. CCC. LXXV.

2 б. Диалоги Платона.

3 в. Сочиненія Аристотели.

4 г. *Memorabilia Socrates* Ксенофонта.

5 д. *Sexti Empirici opera Graece et latine.*

10. Albertus Fabricius, hipsiensis Tomus II libros contra mathematicos continens

Lipsiae

MDCCCXLI.

6 е. *Plutarchi Chaeronensis, quae supersunt, omnia, graece et latine*

10. Jacobus Rejske volumen nonus

Lipsiae,

CIXXCLXXVIII.

7 ж. *Σμπληκίου εἰς τὰ Ἀριστοτέλους περὶ οὐρανοῦ ὑπόμνημα*

Simplicie commentarius in IV libros Aristotelis de coelo, ex recensione Sim. Karstenii, mandatu regiae Academiae disciplinarum Nederlandicae editus

CIXXCCLXV.

8 з. *Diogenis Laertii de vitis, decretis, et responsis celebrium philosophorum libri decem nunc primum excusi Frober Basileae anno MDXXXIII*

9 и. Строматы, твореніе учителя церкви, Климентя Александрійскаго. Съ первоначальнаго текста перевелъ съ примѣчаніями Н. Корсунскій. Ярославль. 1892 г.

2. Но это было слишкомъ наивно и просто, ищущая отчетливаго знанія мысль не могла долго удовлетворяться такими воззрѣнiями и искала исхода.—Истинно сущее, изъ чего все происходитъ и во что все вновь обращается, есть елино, непреходяще и вѣчно, стали говорить философы Элейской школы. Оно безъ вкуса, цвѣта и запаха. Оно есть чистое бытiе. Но оно не есть что либо существующее внѣ міра, или надъ міромъ. Оно тождественно съ міровымъ цѣлымъ. (Оно—*ἓν καὶ πᾶν, ὄν καὶ πλέον*). Слѣдовательно, это все таже живая матерiя, хотя и сдѣлана гениальная попытка подняться выше понятiя вещества ¹⁾).

10 i. Geschichte der philosophie von D. Wilhelm Gottlieb Tennemann mit berichtigenden, beurtheilenden und ergancenden anmerkungen und zusätzen herausgegeben von Amadeus Wendt. Leipsig. 1829 г.

11 к. Geschichte der Philosophie. aus Schleiermachers handschriftlichen Nachlasse, herausgegeben von H. Ritter. Berlin. 1839 г.

12 л. Geschichte der Philosophie ater Zeit von Dr. Heinrich Ritter Zweite verbesserte Auflage. Hamburg. 1837 г.

13 м. Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlicher entwicklung dargestellt von Dr. Eduard Zeller. Zweite theil. Socrates und die Sacratiker, Plato und die alte Academie. Zweite Auflage. Tubinger. 1859 г.

14 н. Die Geschichte der theoretischen philosophie der Griechen zur ubersicht. repetition und. orientirung bei eigenen studien entworcen, von Ludwig Strumpell Leipzig. 1854 г.

15 о. Siebeck, Geschichte der Psychologie. 1. Th. 1. Abth. Die Psychologie vor Aristotelis. 1880 г.

16 п. A. Fouillee Histoire de la Philos. Paris. 3 ed. 1888 г.

17 р. К. С. Трубенкой. Метафизика въ древней Греции. Москва 1890 г.

18 с. Вьндельбандтъ. Исторiя древней философи. Переводъ поль редакцiей проф. А. И. Введенскаго.

Tennem. Erst. Band. Erst. Theil. p. 54. 55. Ritter. Erft. Theil. pp. 205—207. Strump. pag. 26, § 23 примѣч. pag. 26, § 23, примѣч. pag. 26 § 23; pag. 27, § 24, pag. 28, § 24. Siebeck. Erst. Theil. p. 34. 35 pp. 33—34.

Данныя для сужденiя о философи Анаксимандра и Анаксимена. Tennem pag 63. 64. 65. 67—71. 72. Schleierm. p. 32. 33. Ritter. Erst. Theil. pp. 280—282. 283—288. 288—294. 295. 216. 217—220. Strump. p. 29. § 26. 27. 30. §§ 27. 28. pag. 31. § 28. Siebeck p. 37. 38. Вьндельбандтъ, стр. 33—37. 38.

¹⁾ Источники свѣдѣнiй о философи Элеатовъ: Mullach. vol. 1. lib. 1 pag. 101—108. Mullach. vol. 1. lib. 1. pag. 114—130. fragm. 9. 10. 59. 60. 78. 81. 83. 85. 94. 96. 102. 108. 146. 149. Tennem. p. 159—160. 164—180. 181—184. 184—188. Schleierm. p. 60. 61. 62. 63. 64. 65. 66. Ritter. Erst. Theil. p. 465. 466. 469. 470—486. 487—488. 488—491. 492—500. 509, примѣч. 1 и 2 (гдѣ приводятся изреченiя Теофраста) 510, прим. 1. Strumpell. p. 41. § 38. pag. 43. §§ 39—42 pag. 45. § 43. pag. 44. §§ 41—42. Вьндельб. стр. 42.

Итакъ истинно сущее, начало всего есть едино, неизмѣнно вѣчно. И это было великимъ приобрѣтеніемъ знанія. Ибо это есть неизбѣжный логическій постулатъ, требованіе отчетливаго знанія, отъ котораго нельзя отказаться. Но въ то же время и множественность вещей есть реальный фактъ, фактъ личнаго опыта. Отсюда дальнѣйшая задача философскаго мышленія опредѣлялась такъ: требовалось выяснитъ понятіе бытія, какъ чего-то неизмѣннаго, и, исходя изъ этого понятія, объяснить законмѣрный порядокъ міра явленій—,бываемыхъ“.

3. Первый эту задачу поставилъ себѣ Гераклитъ и рѣшилъ ее такъ, что всю реальность приписалъ измѣнчивому кругу явленій, за которымъ ничего не скрывается прочнаго и устойчиваго. Все течетъ, какъ рѣка. Міръ—последовательная смѣна однихъ противоположностей другими. Одно и то же жизнь, и смерть, юность и старость. Это непрерывное теченіе міроваго вещества осуществляется въ видѣ огня. Огонь начало всего. Все возникаетъ изъ огня, и все вновь переходитъ въ огонь. И человѣкъ тотъ-же огонь,—тѣло болѣе грубый огонь, а душа есть чистый огонь. И вичего, кромѣ огня, нѣтъ въ природѣ души человѣка. И человѣкъ подлежитъ закону непрерывныхъ измѣненій, онъ рождается, чтобы умереть, и умираетъ, чтобы вновь ожить. Рожденіе и смерть суть только какъ бы переходныя ступени, на которыхъ душа начинаетъ вкушать благодать измѣненій. И этотъ потокъ измѣненій не имѣетъ конца, какъ онъ не имѣлъ своего начала ¹⁾.

4. Этотъ же мотивъ лежитъ въ основѣ философскихъ изысканій Эмпедокла. Истинно сущее едино, оно безначально и вѣчно. Но какъ возможны при этомъ преходящіе феномены бытія? Они возможны, потому что сущее заключаетъ въ себѣ множественность элементовъ, или стихій вѣчныхъ, произшедшихъ,—огонь, воздухъ, вода и земля. То, что называютъ происхожденіемъ и уничтоженіемъ, есть соединеніе и раздѣленіе

¹⁾ Источники свѣдѣній о философіи Гераклита: Mullach. Heracl. fragm. vol. 1. lib. II, p. 315—329. fragm. 21. 22. 23. 27. 28. 32. 36. 40. 45. 46. 52. 60. 62. 74. 83. 86. 88. Schleierm. p. 34. 35. 36. Ritter. Erst. Theil. p. 242—246. 247—252. 263—264. 265. 266—269. Strump. p. 33. § 30. примѣч. pag. 34. § 32. pag. 36. § 34. p. 38. § 35. Siebeck. p. 33—34. Видельб. стр. 46.

этихъ элементовъ. Но всякое соединеніе и раздѣленіе элементовъ предполагаетъ ихъ движеніе. Но къѣмъ положено начало движенія этихъ вѣчныхъ элементовъ? Ихъ приводятъ въ движеніе двѣ силы—сила любви и ненависти (*φιλότης καὶ ἔχθρη*). Подъ согревающимъ дѣйствіемъ любви элементы составляли первоначально одно цѣлое. Далѣе по мѣрѣ усиленія вражды элементы стали разъединяться, и этотъ разрушающій процессъ продолжался до тѣхъ поръ, пока все пришло въ совершеннѣйшій хаосъ. Далѣе плодотворная сила любви вновь возымѣла власть, и подъ ея теплыми лучами элементы стали соединяться въ эмпирическіе вещи. Настоящій міръ находится въ этомъ образовательномъ процессѣ. Кромѣ этихъ четырехъ матеріальныхъ элементовъ, въ мірѣ нѣтъ ничего. И человѣкъ во всей полнотѣ своего существа есть механическое смѣшеніе этихъ четырехъ элементовъ. Основное начало природы человѣка составляетъ кровь—совершеннѣйшее смѣшеніе элементовъ. Кровь источникъ всѣхъ свойствъ человѣка, ею же обуславливаются познаніе и разумъ и вся душевная жизнь человѣка. Слѣдовательно и въ этой философіи полное безразличіе тѣлеснаго и духовнаго ¹⁾).

Эта мысль о двухъ соемѣстно дѣйствующихъ принципахъ бытія, мысль, впервые высказанная Эмпедокломъ, есть поворотный пунктъ хода древнѣйшаго самосознанія, это есть другая пропасть, въ какую впала философствующая мысль, и изъ которой ей не суждено было освободиться,—это дуализмъ духа и матеріи. Этотъ дуализмъ, хотя и въ самой примитивной, неразвитой формѣ сказывается въ системѣ въ отдѣленіи вѣчно дѣйствующихъ элементовъ отъ принциповъ, руководящихъ ихъ дѣйствіями. Онъ же проглядываетъ и въ самой двойственности руководящихъ принциповъ. Преобладающимъ же характеромъ системы остается все тотъ же поверхностный гилозоизмъ, ибо жизнь непосредственно свойственна матеріи—ея частицамъ.

¹⁾ Источники слѣдующій о философіи Эмпедокла: Mullach. vol. 1. lib. 1. p. 1—14. fragm. 17. 59. 60. 61. 62. 63. 65. 66. 67. 68. 69. 80. 81. 98. 99. 100 101. 103. 126. 127. 128. 129. 175. 176 206—275. 305—312. 313—316. 375—377. 378—382. Теппем. p. 275. 276. 277. 280. 281. 282. 283. 284. 267—295. 297. 298. 299. 304. 305 306. 307. 308. прим. 22 а. 309. прим. 22 б. 309. 310. 311. Schleierm. p. 37. 38. 39. 41. 42. Ritter. Erst. Theil. p. 559. 560. 561. 563. 565. прим. 2. 567. прим. 2. 568. Strump. p. 56. § 52. p. 58. § 54. p. 60. § 55. Виядельб. стр. 67.

5. Дальнѣйшій моментъ въ развитіи научнаго міросозерцанія составляетъ философія Анаксагора. Первоначало всего неизмѣнно и вѣчно. Но оно искони подѣлено на безчисленное множество мельчайшихъ частицъ. Каждое видимое явленіе, или вещь, есть совокупность качественно опредѣленныхъ частицъ. Сами эти частицы могутъ быть до безконечности дѣлимы, пока будутъ получаться подобосоставныя части (*ομοιομερή*). Подъ именемъ гомемерій разумѣетъ Анаксагоръ эмпирически данное—частички золота, серебра, мяса, крови, костей и т. п.

Но что привело въ движеніе эти матеріальныя первоначала? Источникомъ, первопричиною движенія онъ признаетъ умъ, который всѣмъ владѣетъ, который по верхъ вещей и не смѣшивается съ вещами. Этотъ умъ первый далъ толчекъ (коснымъ матеріальнымъ частицамъ, и привелъ ихъ въ безостановочное движеніе. Но каковъ по своей природѣ этотъ цѣлесообразно дѣйствующій двигатель? Философъ никогда не называетъ его личнымъ и самосознающимъ существомъ, и скорѣе говоритъ о немъ, какъ о тончайшемъ изъ матеріальныхъ веществъ, совмѣщающемъ въ себѣ всѣ опредѣленія пространства и времени— (*καὶ ὁ μέζων καὶ ὁ ἐλάσσων*). Поэтому умъ Анаксагора не есть духовное существо, личное и самосознающее, какъ противоположность матеріи; въ немъ нужно видѣть высшую форму вещества, вещество мысли, но все же вещество! Умъ этотъ разлитъ во всей вселенной. Онъ же составляетъ и душу человѣка. Но такъ какъ этотъ умъ, какъ мы уже сказали, есть только высшая форма вещества, слѣдовательно, и душа человѣка вещественна. Итакъ, философія Анаксагора, полагая два вѣчныхъ принципа для объясненія міра явленій, принципъ движущій, и принципъ движимый, тѣмъ самымъ становится на путь явнаго дуализма. Приписывая же не только элементамъ, но и самому верховному двигателю свойства физическихъ процессовъ, философія эта проповѣдуетъ древній гилозоизмъ ¹⁾).

¹⁾ Данныя для сужденія о философіи Анаксагора: Mullach. vol. 1. lib. 2 p. 248—251. fragmenta 1 3. 5. 6. 7. 8. 9. Aristol. Physic. 1. 4. Tennem. p. 380—382. Schleierm. p. 43. 44. 45. 46. 47. 48. Ritter. Erst. Theil. p. 297. 300. 301. прим. 4. 302. 303. 304. 305. прим. 1. 309, прим. 3. 312. прим. 2. 313. прим. 316. 317. 318. 323. 324. 325. 326. 328. 329. 330. 336. прим. 1. 3. 335. 337. 338. Strump. p. 63. § 57. прим. pag. 64 §§ 58—59. p. 66. § 60. p. 65. § 59. p. 67. § 61. Siebeck. p. 77. 79. 80. Вюндельб. стр. 71. 73. 74.

6. Вопросъ о первоначалѣ всего и о происхожденіи изъ этого первоначала всѣхъ вещей составляетъ задачу и атомистической школы. Особенности направленія атомистической школы опредѣлились всѣмъ ходомъ предшествующаго мышленія, преимущественно же системою философа Іонійской школы Парменида. Согласно съ нимъ атомисты утверждаютъ: уничтоженія и возникновенія нѣтъ, сущее неизмѣнно, едино и вѣчно. Но развѣ можно идти противъ очевидности? Развѣ можно отрицать эмпирической фактъ множественности, возникновенія, движенія и уничтоженія? Для объясненія таковыхъ фактовъ атомисты допускаютъ существованіе пустаго пространства, наполненнаго множествомъ малѣйшихъ однородныхъ частицъ. Эти частицы однородны одна другой по своей природѣ, невидимы и недѣлимы (*ἄτομος*), отличны другъ отъ друга только фигурою и величиною. Атомы безначальны, хотя и матеріальны. Носясь въ безпредѣльномъ пространствѣ подъ тяжестью своего собственнаго вѣса они сталкиваются другъ съ другомъ и входятъ въ различныя взаимныя комбинаціи. Это-то и есть переходящія вещи. Все разнообразіе формъ, качествъ и отношеній, цвѣта, вкуса запаха и т. п. зависитъ отъ фигуры, порядка и расположенія атомовъ. Всякая встрѣча нѣсколькихъ атомовъ полагаетъ начало зарожденію круговоротнаго движенія. Такъ возникаютъ міры, и поддерживается вѣчный жизненный процессъ, управляемый только механическою необходимостью. Четыре элемента составляютъ природу атомовъ. Главнѣйшій изъ нихъ—огонь. Онъ служитъ принципомъ движенія, причиною органической жизни и матеріею души, ибо психическая дѣятельность есть движеніе атомовъ огня. Слѣдовательно душа человѣка есть особый видъ тѣла въ нашемъ тѣлѣ. Такимъ образомъ атомистическая теорія есть сознательный и явный матеріализмъ. Здѣсь нѣтъ даже и малѣйшаго предчувствія бытія духа, какъ отличнаго отъ матеріи виновника жизни и дѣятельности ¹⁾.

¹⁾ Источники свѣдѣній о принципахъ атомистической школы: Mullach vol. 1. lib. 2. pag. 340—382 Democriti fragmenta. Schleierm. pag. 74, Ritter Erst Theil. p. 592—598. 602. 612. 608. 604. 606. 613. 614. 615. 616. примѣч. 4. 617. 618. 620. Strump. p. 72. §§ 66. 67. pag. 73. § 68. p. 74. § 68. p. 77. § 71. Siebeck. p. 56. 57.

7. Рѣшить великую проблему знанія, примирить бытіе и бываніе были задачей и Пифагорейскихъ научныхъ изысканій. Занятія математикою, музыкою и астрономіею привели къ предположенію, что числовыя отношенія суть то всеобщее и первоначальное, что лежитъ въ основѣ всякаго быванія. Число господствуетъ надъ божественными видами и дѣлами людей. Итакъ, число есть сущность вещей. Изучая природу числа, они нашли, что числа частію четны, частію нечетны. Нечетныя тѣ, которыя полагаютъ границу дѣленія пополамъ, четныя же тѣ, которыя такому дѣленію не препятствуютъ. Слѣдовательно, съ понятіемъ числа связывается понятіе сущности (*οὐσία*), и отвлеченное понятіе числа переходитъ въ метафизическую сущность. Здѣсь найденъ переходъ къ объясненію міра явленій. Какъ всѣ числа—сущности состоятъ изъ чета и нечета, такъ и всѣ вещи всегда составляютъ въ себѣ—опредѣленіе ограниченнаго и безграничнаго. Но какъ же именно эта теорія приложена къ объясненію міра физическихъ явленій и сущности человѣческой души? Принципы чиселъ суть и принципы вещей—ограничивающихъ безграничность. Они вступаютъ въ гармонію другъ съ другомъ, которая и составляетъ единство въ разнообразіи, какъ общій законъ міровой жизни. Весь міръ (*κόσμος*) гармонически сложенъ изъ безграничнаго и ограничивающаго. Въ своей постепенности эти принципы производятъ прежде всего единство, затѣмъ послѣдовательные ряды арифметическихъ чиселъ, потомъ геометрическіе величины, далѣе матеріальность объектовъ, качество цвѣта.

Но естественно спросить, чѣмъ же однако наполняется пропасть между метафизическими сущностями безграничнаго и ограничивающаго и міромъ чувственныхъ явленій? Отвѣта на вопросъ нѣтъ. Слѣдовательно, и здѣсь или уже знакомый намъ гилозоизмъ, или же дуализмъ. Потому-то серьезныхъ изслѣдованій о душѣ у древнихъ Пифагорейцевъ нѣтъ. За душу считали они солнечныя пылинки, или же понимали душу, какъ гармонію тѣла. Душа есть смѣшеніе противоположностей, составляющихъ тѣло. Итакъ Пифагорейство есть своеобразная попытка возвыситься надъ гилозоистическимъ матеріализмомъ,

но попытка, приведшая только къ произвольному мистицизму чиселъ и носящая въ себѣ зародыши дуализма ¹⁾).

Мы можемъ здѣсь сдѣлать нѣкоторый выводъ изъ предложенныхъ разсужденій. Научное самосознаніе, начиная съ эпохи Милетскихъ мудрецовъ и до самахъ временъ Сократа (съ 624 и до полов. 5 в. до Р. Хр.), оставалось бессильнымъ въ рѣшеніи вопроса о душѣ человѣка и ея безсмертіи. Научная мысль не могла возвыситься надъ поверхностнымъ гилозоизмомъ, по принципу котораго существуетъ только матерія, которая, какъ такая, служитъ основнымъ началомъ жизни. Душа человѣческая есть особый видъ матеріи, хотя, быть можетъ, болѣе тонкой, но все же матеріи. Правда, душа безсмертна, потому что матерія вѣчна, но это есть безсмертіе матеріи, а не духа. Только къ концу эпохи замѣчается сознаніе недостаточности матеріалистическаго принципа для объясненія всѣхъ феноменовъ бытія. Но это смутное и безсознательное недовольство односторонностію матеріалистическаго принципа могло привести только къ попыткамъ построенія системъ дуалистическаго характера, и притомъ незрѣлымъ и несовершеннымъ.

Б.

Грань рѣзкаго различія проходитъ между періодомъ, уже разсмотрѣннымъ нами, и періодомъ наступающимъ. Научное самосознаніе въ предшествующемъ періодѣ, стремясь постигнуть тайну бытія, преимущественное вниманіе обращало на природу физическую, не предугадывая за нею иной, высшей природы самосознающаго духа. Съ половины же пятаго вѣка до Р. Хр. мыслящій духъ постепенно обращаетъ вниманіе на самаго себя, и философія дѣлается субъективною,—она сводится съ неба на землю.

1. Въ предшествующій длинный періодъ развитія накопилось

¹⁾ Источники свѣдѣній о принципахъ древней Пифагорейской школы: Mullach. vol. 1. lib. 1. p. 200. Schleierm. p. 51. 52. 54. 56. 57. 58. Ritter. Erst. Theil. p. 385. 386. 387. 388. 389. прим. 2. 390—395. 404. прим. 3. 417. прим. 3. 402. прим. 2. 405. прим. 1. 2. 406—409. 427. 428. 429—439. Strump. p. 79—84. §§ 72—74. pag. 85—88. §§ 76. 77. pag. 88. 90. § 78. pag. 90. 91. § 79. Siebeck. p. 64. 65. 66. Вивдельб. стр. 79—81.

много научныхъ знаній по всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія, хотя и не было выработано одного цѣлостнаго міровоззрѣнія. Сначала эти истины находили своихъ послѣдователей въ школахъ, въ кружкахъ посвященныхъ, но неминуемо должно было наступить время, когда эти истины выдутъ за предѣлы школъ и сдѣлаются общимъ достояніемъ. Это прежде всего должно было случиться въ Аѳинахъ, гдѣ послѣ Персидскихъ войнъ необычайно развилась общественная жизнь на самыхъ шпрокихъ демократическихъ началахъ, и гдѣ сказался необычайный подъемъ національнаго духа. Неминуемо должны были явиться люди, которые выведутъ науку за порогъ школы. Такіе люди нашлись. Это были софисты, популяризаторы науки, странствующие философы, бравшіеся за деньги научить каждаго искусству хорошо жить дома и быть хорошимъ гражданиномъ. Въ духѣ того времени быть хорошимъ гражданиномъ значило быть хорошимъ ораторомъ. И софисты должны были научить искусству говорить красно и убѣдительно. Но чтобы быть учителемъ краснорѣчія, нужно знать законы строенія рѣчи, чтобы умѣть убѣждать слушателей, нужно быть знакомымъ съ душевною жизнью слушателей, съ ходомъ ихъ представленій и сердечныхъ движеній. И софисты занимаются изученіемъ логики, и ими же выработана своеобразная теорія познанія науки, граничащая съ ученіемъ о душѣ. Въ этомъ отношеніи преимущественно важны для насъ воззрѣнія Протагора, величайшаго изъ софистовъ. Протагоръ, выходя изъ ученія Гераклита о вѣчномъ движеніи всѣхъ вещей, утверждаетъ, что ни объ одной вещи нельзя говорить, что она такое есть, можно только отчасти утверждать, чѣмъ она становится. На этомъ принципѣ построена у него и теорія познанія. Когда предметъ дѣйствуетъ на чувственный органъ, при чемъ навстрѣчу исходящему изъ предмета движенію стремится реагирующее движеніе органа, тогда возникаетъ воспріятіе предмета, и предметъ принимаетъ свойства, условливаемые самымъ процессомъ. Потому-то каждое отдѣльное воспріятіе показываетъ только, какимъ предметъ является въ данный моментъ и данному лицу. Чувственные же воспріятія суть единственный источникъ всего душевнаго міра. Итакъ объективной

истины вѣтъ, что кому какъ кажется, такъ оно и есть для него. Всякое положеніе можно и оправдывать и опровергать. Равнымъ образомъ вѣтъ и объективной правды. Право сильнаго и умѣлаго—основаніе нравственныхъ поступковъ. Потому-то вѣтъ у софистовъ никакого намека на основаніе (субстратъ) психическихъ явленій, какъ на что-то независимое отъ матеріи. Вѣроятно Протагоръ стоялъ на точкѣ зрѣнія своихъ предшественниковъ, преимущественно же Гераклита, и раздѣлялъ его гилозоистическій взглядъ ¹⁾). Итакъ софисты стали, повидимому, на путь, ведущій къ рѣшенію вопроса о душѣ, ибо предметъ ихъ научныхъ изслѣдованій соприкасался непосредственно съ понятіемъ о душѣ. Въ дѣйствительности же они ничего не сдѣлали по вопросу о душѣ. Они исходили изъ принциповъ своихъ предшественниковъ и потому вращались въ томъ же гилозоизмѣ.

2. Для борьбы съ разрушающимъ вліяніемъ софистики возстала могучая личность Сократа. Считаая свою дѣятельность служеніемъ божеству, Сократъ выступилъ, прежде всего, во имя нравственнаго долга. Но стремясь къ непреложной правдѣ, онъ сумѣлъ найти и непреложную истину, предъ которой должно склониться всякое субъективное мнѣніе. Шелъ онъ къ своей цѣли, слѣдуя своему оригинальному, Сократическому методу. Чуждый мелочныхъ интересовъ и заботъ, слѣдуя самымъ чистымъ мотивамъ нравственности, Сократъ всю свою жизнь проводилъ въ обществѣ лучшихъ Аѳинскихъ юношей. Геніальная чуткость его духа (интуиція) подсказывала ему, что существуетъ и общеобязательная истина и общеобязательная правда, но только онѣ не даны человѣку въ готовомъ видѣ, а нужно ихъ искать совмѣстными усиліями всѣхъ мыслящихъ людей. Говоря, что онъ знаетъ только то, что ничего не знаетъ, онъ приглашалъ всѣхъ желающихъ помогать ему при исканіи истины, и его дѣятельность выливается есте-

¹⁾ Источники свѣдѣній о софистахъ и ихъ ученія: Mullach. vol. II. Protagor. fragm. p. 130—134. fragm. 1. 5. Mullach vol. II. Prodicī fragm. p. 135—142. Gorgiae fragm. p. 143—146. fragm. 1—22. Schleierm. p. 70. 72. 73. 78. Ritter. Erst. Theil. p. 575—591. 629—630. 931. 633. 634. 635—644. Strump. p. 92—96. §§ 80—82. п. 96—98. § 83. Strump. p. 100—101. § 85. Siebeck. p. 154—157. 157. 158—159. 160. 161. Видельбандтъ, стр. 86—97.

ственно въ форму діалога—бесѣды. Такъ какъ готовой истины нѣтъ, то Сократъ въ началѣ своей бесѣды съ неумолимою логикою разлагаетъ тѣ мнѣнія—плоды софистической мудрости, за которыми обращался къ своимъ слушателямъ, а потомъ, въ дальнѣйшемъ ходѣ бесѣды, изъ всего обсуждаемаго выдѣляетъ одно общее положеніе, которое и есть искомая истина. Этой внѣшней схемѣ соотвѣтствовала и внутренняя работа мысли. Всякая мысль есть произведеніе ума. Необходимое же свойство ума состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать каждую мысль опредѣленною, связавъ ее со всѣми другими мыслями, въ какой работѣ умъ даетъ себѣ отчетъ. Когда же умъ не можетъ связать своихъ мыслей воедино, не можетъ дать себѣ отчета въ ихъ сходствѣ и различіи и ихъ взаимной связи, то это уже будетъ не знаніе, а мнѣніе. Поэтому цѣлю научной работы должно быть отчетливое общее понятіе, чрезъ которое надѣется онъ постигнуть самую сущность вещей.

Чему же училъ Сократъ чрезъ свои общія понятія? Вся наука его вращалась въ сферѣ нравственныхъ интересовъ: что такое добродѣтель, какіе виды добродѣтели, какъ можно сдѣлаться добродѣтельнымъ? Но что же новаго и существенно важнаго привнесъ онъ въ рѣшеніе вопроса о душѣ? О сущности человѣческой души Сократъ разсуждалъ мало. Но самое существо его задачи утвердить начало нравственности на незыблемомъ основаніи и объяснить ее изъ особенностей человѣческой природы, приводитъ его къ изслѣдованіямъ въ области психологіи, и у него мы находимъ глубокія изысканія о существѣ человѣческихъ стремленій, о свойствахъ человѣческой воли и о самосознаніи.

Всѣ намѣренія человѣка вытекаютъ изъ стремленія къ счастью. Все, что дѣлаетъ счастье достижимымъ, есть благо. Но къ чему нужно стремиться, какъ дѣйствительному благу? Въ самомъ стремленіи этого не указывается; стремленіе имѣетъ свою цѣль только найти то, что по природѣ своей благо и добро. Только одно знаніе указываетъ истинный (конкретный) предметъ стремленія; предметъ такого стремленія условливаетъ собою высшую мѣру счастья. Отсюда положеніе, что добродѣтель есть знаніе, ибо оно только указываетъ предметъ, доста-

вляющій счастье. Мы проходимъ молчаніемъ другія глубокія изысканія философа въ этой области, такъ какъ они не относятся существенно къ нашей задачѣ. Посмотримъ только, что сказалъ Сократъ о природѣ души и ея безсмертіи? Вотъ подлинныя его слова: „для боговъ недовольно было того, чтобы имѣть попеченіе о жизни человѣка, они вложили въ человѣка, и это особенно цѣнно, превосходнѣйшую душу. Ибо какого животнаго душа имѣетъ понятіе о бытіи боговъ, сотворившихъ все, столь великое и прекрасное? Какой другой родъ животныхъ, кромѣ человѣка, почитаетъ боговъ? Чья душа лучше человѣческой можетъ предостерегать себя отъ голода, жажды, холода, жара, помочь себѣ въ болѣзняхъ, трудиться въ изученіи наукъ и содержать въ памяти все, что они слышали, видѣли? Изъ сего можно видѣть, что люди имѣютъ тѣло и душу лучшія, чѣмъ у прочихъ животныхъ, и потому они живутъ на землѣ, какъ боги“. Вотъ все, что преподавалъ величайшій изъ философовъ о свойствахъ души человѣческой. Но какова душа по своей природѣ, свойственно ли ей безсмертіе, и какое безсмертіе возможно для души? Эти вопросы остаются безъ отвѣта. Правда, Сократъ указывалъ на существенныя душевныя признаки, на участіе ея въ божественномъ, господство надъ тѣломъ и на ея невидимость. Но все это осталось невыясненнымъ и нераскрытымъ. Повидимому философъ вѣровалъ въ безсмертіе души. Его геройская смерть во имя долга и правды съ полнымъ основаніемъ можетъ быть разсматриваема, какъ доказательство его вѣры въ безсмертіе. Но Сократъ нигдѣ не изложилъ этого ученія и нигдѣ не настаиваетъ на немъ ¹⁾.

Итакъ что же сказали по данному вопросу софисты и Сократъ? Софисты, возвѣстивши открыто матеріализмъ и безотрадный скептицизмъ, ничего не могли сказать существенно новаго. Всю жизнь свою боровшійся съ ними Сократъ счумѣлъ только отстоять безусловность знанія и общеобязательность

¹⁾ Данныя для изученія философіи Сократа. Plato. Conon. 174. 220. Apolog. Socr. 21. 22, Phaedo. 220. 230. 242. Evthyphr. 3. Evthyd. 272. Apol. Socr. 20, и пр. Ritter. Zweit. Theil. Zweit. verbessert. auflag. Изд. 1837 г. p. 18—36. 53. 54. 60. 70. 71. 72. 75. 76. Strump. p. 102. 103. 104 § 96. Siebeck. Erst. Theil. p. 163. 164. 165. 166. 167. 168. 169.

нравственнаго долга. Глубокою интуиціею своего духа онъ чувствовалъ правду, онъ чувствовалъ бытіе души, какъ начала отличнаго отъ матеріи, и ея безсмертіе, но высказать это въ отчетливыхъ формахъ знанія онъ не былъ въ состояніи.

В.

Естественнымъ завершеніемъ всего предшествовавшего хода движенія философской мысли служатъ система Платона, обнявшая въ своихъ изображеніяхъ всю сумму научныхъ интересовъ своего времени ¹⁾. Основныя воззрѣнія великаго Сократа послужили точкою отправления и для его великаго ученика. Вопросъ о высочайшемъ благѣ, какъ условіи истиннаго счастья, и о способахъ достиженія этого блага путемъ истиннаго знанія составляетъ жизненный нервъ философіи Платона.

Какимъ путемъ дается человѣку истинное знаніе? Чтобы понять и объяснить возможность и условія истиннаго знанія, Платонъ предполагаетъ особенную близость души къ божественному. Душа безначально обитаетъ въ надмірномъ пространствѣ, въ сонмѣ боговъ, и оттуда выноситъ истинное вѣдѣніе. Съ необычайною силою художественности изображаетъ Платонъ эти свои воззрѣнія въ мифѣ о душѣ, какъ крылатой колесницѣ. Вотъ этотъ мифъ: „Душа подобна вераздѣльной силѣ крылатой пары запряженныхъ коней и возничаго. Это же уподобленіе приложимо и ко всѣмъ богамъ съ тѣмъ только различіемъ, что

¹⁾ При изученіи и изложеніи философіи Платона мы пользовались главнымъ образомъ слѣдующими пособіями:

1 а. Діалоги Платона.

2 б. Сочиненія Аристотеля.

3 в. Geschichte der Philosophie alter Zeit von Dr. Henr. Ritter. Zweit Verbess. Aufl. Zweit. Theil. Hamburg. 1837.

4 г. Geschichte der Philosophie in ihrer geschichtl. entwicklung dargestellt von Dr. Eduard Zeller. Zweit Theil. Socrates und die Socrater. Plato und die alte Academie. Zweit. Aufl. Tubing. 1859.

5 д. Die Geschichte der theoretischen Philosophie der Griechen zur ubersicht, repetition und orientirungen bei eigenen studien von Ludwig Strumpell. Leipzig. 1854 г.

6 е. Geschichte der Entwickelungen der griechischen Philosoph. und ihrer Nachwirkungen in Romischen Reeche von Avgust Brandis. Erste grossere Hälfte 1862.

7 ж. Geschichte der Psycholog. Von. Dr. Hermann Siebeck. Erst. Theil. Erst. Abtheil. Die Psycholog. vor Aristoteles. Gotha 1880.

коня боговъ и всѣ возникше сами по себѣ добры, а у души это смѣшанно, именно, правитель и одинъ изъ коней добры и прекрасны, другой же конь противоположенъ имъ. Отсюда управленіе душами по необходимости затруднительно. Итакъ великій вождь на небѣ—Зевесъ, ѣдетъ первый на крылатой своей колесницѣ, устроая вездѣ порядокъ. За нимъ слѣдуютъ воинства боговъ и геніевъ, и каждый изъ боговъ управляетъ вѣреннѣмъ ему отрядомъ душъ. И какое множество восхитительныхъ зрѣлищъ въ предѣлахъ неба. Они ѣдутъ подъ высшее пространство небснаго свода вверхъ, по восходящей плоскости. Колесницы боговъ, послушныя ихъ управленію, катятся ровно и легко, а прочія съ трудомъ, потому что конь, причастный злу, какъ то тяжелъ, движенія его порывисты, и овъ тяготѣетъ къ землѣ. Души и боги, достигнувъ вершины и вышедши въ вѣнъ неба, становятся на хребтѣ его и созерцаютъ занебесное. Это занебесное есть нѣчто безцвѣтное, необразное, неосязаемое, истинно сущее, созерцаемое однимъ правителемъ души—умомъ. Итакъ, мысль бога и мысль души, усматривая истину, насыщается и наслаждается ею, пока вращающаяся орбита не придетъ опять въ то же положеніе. Во время этого кругооборота душа созерцаетъ справедливость, разсудительность, знаніе не такія, какія теперъ у насъ, но знаніе, находящееся въ истинно сущемъ. Насладившись созерцаніемъ и другихъ истинно сущихъ предметовъ, душа идетъ домой. По возвращеніи ея, возничій даетъ конямъ амбросію и нектаръ. При этомъ не всѣ души въ одинаковой мѣрѣ наслаждаются созерцаніемъ истинно сущаго. Нѣкоторыя изъ нихъ, поднимаясь въ высшія сферы, но обезпокоиваемыя конями, съ трудомъ созерцаютъ сущее, и прочія то поднимаются, то опускаются, и насилуемыя конями, иное видятъ, иное не видятъ. Нѣкоторыя же, какъ ни сильно хотятъ подняться вверхъ, но отъ слабости погружаются, падаютъ и стремятся войти въ міръ явленій, одна послѣ другой, гдѣ будутъ питаться пищею мнѣнія, гдѣ и принимаютъ тѣла. Тогда-то душа съ чувствомъ тоски помышляетъ о своемъ предшествующемъ бытіи и презирая все, называемое нынѣ существующимъ, проникаетъ мыслию къ истинно-сущему. Видя здѣшнюю кра-

соту и вспоминая о красотѣ неземной, она окрыляется, пламенѣетъ и находится какъ бы въ энтузіазмѣ ¹⁾).

Въ вышеприведенномъ мнѣіи, исполненномъ глубокаго смысла, выражено наглядно все существо философіи Платона. Было бы дѣломъ поистинѣ достойнымъ прослѣдить эту великую систему высокихъ истинъ по всѣмъ ея развѣтвленіямъ. Мы же коснемся только существенѣйшихъ, насколько это необходимо для нашей цѣли.

I.

1. Центръ философіи Платона составляетъ ученіе объ идеяхъ. Идеи суть нѣчто отдѣльное отъ міра явленій, онѣ сами по себѣ существующія субстанціи. Онѣ безначальны и вѣчны, чисто для себя существуютъ онѣ въ умственномъ мѣстѣ, недоступны зрѣнію, созерцаемыя только умомъ. Тамъ, въ надмірномъ пространствѣ лежитъ поле чистой истины, гдѣ боги и чистые духи, безтѣлесныя сущности, возвышенныя надъ всѣмъ бывающимъ, созерцаютъ справедливость, умѣренность и званіе въ ихъ чистой сущности. Идеи—вѣчные образцы, по которымъ образованы всѣ вещи; вещи—только тѣни, бросаемыя идеями. Идеи—суть силы самодвижущіяся, и дѣйствующія, исполненныя жизни, ума и званія. Идеи неопредѣленное множество. Такъ какъ одни идеи суть только истинная дѣйствительность, чрезъ которую существуетъ все, что существуетъ, то ничего не можетъ быть представлено такого, о чемъ бы не было идеи. Всего опредѣленнѣе изображаетъ Платонъ тотъ пунктъ, гдѣ ступень бытія приходитъ къ своему завершенію. Высочайшая изъ всѣхъ идей есть идея блага. Какъ солнце въ видимомъ мірѣ одновременно производитъ и жизнь и познаніе, такъ и въ мірѣ сверхъестественномъ идея блага есть источникъ бытія и познанія. Она есть первопричина всякой справедливости и красоты, источникъ свѣта и жизни. Она есть не только цѣль, но и основаніе всякаго бытія, дѣйствующая сила и первопричина всего. Слѣдовательно, ей свойственны всѣ атрибуты божества ²⁾).

¹⁾ Plato Phädr. 246—253.

²⁾ Plato Phädr. 247, c. Krat. 386, d. Phädr. 78. d. Parmen. 135, a. Tim. 37. e. Tim. 27. d. Soph. 248, c. Rep. V. 447. a. Tim. 35. a. 38. a. Soph. 248. b. Parm. 132. c. Phileb. 15. a. Theät. 185, b. c. 186. d. Phädr. 249. b. i. 255. d. и пр.

2. На ряду съ вѣчными, безтѣлесными и неизмѣняемыми идеями существуетъ и вѣчный міръ явленій колеблющихся, переходящихъ и измѣнчивыхъ—словомъ міръ чувственныхъ явленій. Чувственныя явленія обязаны своимъ бытіемъ идеѣ. Гдѣ нѣтъ идеи, нѣтъ и явленій; явленія существуютъ постольку, поскольку они участвуютъ (μετεχουσι) въ идеяхъ. Явленія суть переходы отъ бытія къ небытію, въ нихъ идея проявляется спутанно, неясно. Откуда же такое искаженіе идеи въ явленіяхъ, если самыя идеи неизмѣнны? Слѣдовательно, нужно допустить особый принципъ, дѣйствующій въ мірѣ параллельно съ идеями, но противоположный имъ. Это есть способная къ образованію сущность, изъ которой образованы всѣ чувственныя формы, но которая сама не имѣетъ опредѣленной формы и особенностей, которую нельзя постигнуть ни воспріятіемъ, ни представленіемъ, ни мышленіемъ и которой, поэтому, всего приличнѣе названіе несуществующаго. Это же несуществующее, названное потомъ уже Аристотелемъ матеріею, и производитъ всѣ тѣ свойства, которыми вещи отличаются отъ идей¹⁾.

3. *Мировая душа*. Если тѣлесное отдѣлено отъ идей такимъ большимъ разстояніемъ, то нуженъ посредствующій членъ, который соединялъ бы ихъ. Этимъ связующимъ звеномъ служить мировая душа. Душа міра—начало вѣчное и самодвижущееся, принципъ жизни тѣлеснаго міра, источникъ порядка и гармоніи. Она распространяется по всему міру и движетъ имъ въ силу своего собственнаго первоначальнаго движенія, она—источникъ разума и познанія, какъ въ цѣломъ мірѣ, такъ и въ отдѣльныхъ существахъ²⁾.

4. *Человѣкъ*. Совершенство міра чувственныхъ явленій требуетъ, чтобы онъ, какъ отображеніе вѣчныхъ идей, заключалъ въ себѣ всѣ роды и виды живыхъ существъ. Они распадаются

¹⁾ Republ. VII. 524. с. VI. 493. е. V. 476. а. 477. а. Symp. 211. е. 207 d. Phil. 54. с. Tim. 52. с. Rep. V. 476. а. b. с. Phädr. 102. b. Krat. 386. d. Theät. 160. b. с. Phädo. 102. d. с. 103. а. b. с. d. e. Soph. 252. d. 255. а. Soph. 253. d. Phil. 15. b. е. Rep. V. 479. а. Tim. 48. Phileb. 24. с. 25. Tim. 27. d. 28. 49. 50 и дальн. Tim. 46. с. и дальн. 56. с. Phädo 98. b. и дальн. Theät. 176. с. Tim. 28. b. с. Zeller. p. 414. 415. 423. 428 и слѣд. 459. 464.

²⁾ Phädr. 245. с. и дальн. Phileb. 30 а. и дальн. Tim. 30, а и дальн. Tim. 34. b. и дальн. Tim. 22. с. и дальн.

на два класса—смертныя и безсмертныя. Къ послѣднему классу принадлежитъ и человѣкъ. Какова природа человѣка? Человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. Сущность человѣческой души та же, какова и сущность міровой души, только съ различіемъ частнаго отъ общаго, производнаго отъ первоначальнаго. Какъ душа міра по отношенію къ бытію есть вообще посредствующее между идеями и явленіями, есть первая форма проявленія идей во множествѣ, также нужно думать и о душѣ человѣческой. Хотя она и не есть сама идея, но такъ тѣсно связана съ идеями, что послѣднія безъ нея не смогутъ быть и мыслимы. Какъ умъ и познаніе никакимъ инымъ способомъ не могутъ быть сообщены, какъ только чрезъ душу, при ея посредствѣ; такъ же и душа такъ существенно участвуетъ въ идеѣ жизни, что недоступна для смерти, потому то она и опредѣляется какъ то, что само движеть себя. Но такъ она есть по стольку, поскольку сущность ея отлична отъ тѣлеснаго и родственна идеѣ. Какъ идея въ противоположность множественности чувственнаго проста и сама себѣ равна, въ противоположность же измѣняемости чувственнаго, она вѣчна, точно также и душа по своей истинной природѣ безначальна и безконечна и свободна отъ всякой множественности, неравенства и смѣшенія. Это высокое положеніе можетъ быть приписано душѣ постольку, поскольку она созерцается въ своей чистой сущности, безъ отношенія къ разрушающему вліянію тѣла. Этой ея сущности такъ противоположно теперешнее ея состояніе, что Платонъ думаетъ объяснить его только выходомъ душъ изъ ихъ первоначальнаго положенія и одно утѣшеніе въ этомъ безвыходномъ состояніи представляется для него надежда на имѣющее нѣкогда совершиться возвращеніе въ первобытное состояніе. Тѣло же человѣка сложно, разложено на части и смертно. Оно не имѣетъ къ душѣ человѣка никакого существеннаго отношенія. Оно временно придано ей, какъ неизбѣжное зло. Но какъ же это случилось? Задатки тѣлесности и чувственности даны душѣ уже въ самомъ ея предсуществованіи. Такъ мы видѣли въ вышеизложенномъ мифѣ, что конямъ дается амброзія и нектаръ, и что одинъ изъ коней тяготѣетъ къ землѣ, непослуш-

ливъ и управленіе имъ затруднительно ¹⁾. Потому-то всѣ души должны были принять плоть и придти на землю. Прежде всего онѣ должны были придти въ видѣ мужчины. Кто въ чувственномъ бытіи побѣдитъ чувственность, тотъ долженъ опять возвратиться къ чистому созерцанію. Кто же не выполнитъ этого, тотъ при вторичномъ рожденіи принимаетъ образъ женщины, при продолжающейся грѣховности нисходятъ до звѣрскаго состоянія, и не ранѣе освобождается отъ этого, какъ когда чрезъ побѣду надъ чувственностію достигнетъ первоначальнаго совершенства и полной свободы отъ тѣла.

Въ связи съ этими предствленіями стоитъ у Платона ученіе о частяхъ души. Платонъ различаетъ бессмертную и смертную части души, разумную и неразумную. И изъ нихъ только одна разумная часть (*νοῦς*) однородна сама въ себѣ, проста, неизмѣнна и вѣчна. Неразумная же душа смертна. Въ смертной душѣ онъ вновь различаетъ двѣ стороны или части—благородную и неблагородную. Благородная часть смертной души есть духъ (*θυμός*), или исполненная аффектовъ воля (*τὸ θυμωδέες*), въ которой имѣютъ пребывать—гнѣвъ, честь и стремленіе къ преобладанію, вообще лучшія и сильнѣйшія страсти; сама по себѣ она безъ силы пониманія, и по самой своей природѣ она предназначена подчиняться уму и есть его естественная союзница. По аналогіи съ умомъ она одарена инстинктомъ благороднаго и добраго, но часто, побѣждаемая порочными склонностями, она преклоняетъ къ тому же и умъ. Неблагородная же часть смертной души обнимаетъ собою совокупность всѣхъ чувственныхъ стремленій и жизненныхъ страстей. Она господствуетъ въ чувственныхъ радостяхъ и печаляхъ. Платонъ разсматриваетъ три вышеуказанныя силы не

¹⁾ По поздѣйшимъ воззрѣніямъ Платона, изложеннымъ въ *Тимей* душа въ своемъ предсуществованіи была свободна отъ задатковъ тѣлесности и чувственности, которые вошли въ нее уже потомъ, на основаніи общаго міроваго закона. Именно *Тимей* говоритъ (41: Д. 77): Творецъ міра сотворилъ въ началѣ столь много душъ, сколько было звѣздъ, и помѣстилъ каждую изъ нихъ на одной изъ звѣздъ съ тѣмъ назначеніемъ „чтобы онѣ сначала созерцали отсюда вселенную, а потомъ всѣмъ имъ надлежало быть заключеннымъ въ тѣло“. Но эта мысль о происхожденіи души во времени стоить въ непримиримомъ противорѣчій со всѣмъ основнымъ положеніемъ системы.

какъ только различныя формы дѣятельности или способности единой души, но въ собственномъ смыслѣ какъ различныя части души. Это онъ подтверждаетъ тѣмъ, что не только умъ въ человѣкѣ часто вступаетъ въ борьбу съ чувствованіями, но также и воля, съ одной стороны, безъ руководства ума дѣйствуетъ слѣпо, съ другой же стороны, подъ руководствомъ ума она побуждаетъ страсти. Такъ какъ каждой изъ этихъ частей души свойствененъ особый характеръ дѣятельности, то необходимо, чтобы каждая изъ нихъ имѣла въ основѣ своей особую первопричину ¹⁾.

Въ связи съ этими возрѣніями стоитъ и взглядъ Платона на существо нравственной дѣятельности. Высочайшая нравственная цѣль жизни полагается въ удаленіи отъ чувственности и въ возвращеніи къ чистому созерцанію. Освобожденіе души отъ тѣла есть необходимос и священнѣйшее дѣло. Тѣло есть темница души, гробъ ея возвышенныхъ стремленій, оно есть зло, къ которому душа прикована ²⁾.

Итакъ человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла. Душа существо духовное, невидимое и неосязаемое. Она безначально существуетъ въ сонмѣ боговъ въ надмірномъ пространствѣ, гдѣ созерцаетъ вѣчныя сущности—идеи. Тѣло придано ей временно для земной жизни и не имѣетъ къ ней никакого существеннаго отношенія, являясь неизбѣжнымъ зломъ, стѣсняющимъ свободную дѣятельность духа. По окончаніи земной жизни душѣ предстоитъ, послѣ длиннаго ряда переселеній, вновь возвратиться въ первобытное свое жилище, и такимъ образомъ она не подлежитъ закону смерти. Но бессмертна не вся душа, какова она есть по своей природѣ,—бессмертенъ только разумъ, направленный къ созерцанію идеи, прочія же части души, составляющія ея природу,—воля, сердце—не имѣютъ знаковъ бессмертія. И тѣло человѣка разлагается на свои составныя части и уничтожается навѣки, какъ излишнее.

¹⁾ Tim. 41. d. e. 69. c. d. Phileb. 30. a. Tim. 28. a. и дальн. 69 c. 70. c. 71. a. Theat. 157. c. Phaedo 104. e. 104. c. 105. c. Tim. 30. b. Phaedr 106 d. 102 d. и дальн. Leg. 896. a. Rep. X. 611. b. и дальн.

²⁾ Sympos. 204. e. и дальн. Evthyd. 288. e. и дальн. 289. c. и дальн. 290. b. d. 291. b. 292. b. e. Phileb. 11. b. Gorg. 470. d. и дальн. 492. d. и дальн. Rep. I. 354. a. Theat. 176. a. Phaedo. 64. e. 67. a. Phaedo 62. b. Krat. 400. b. Phaedr. 65. a. b. c. d. 66. a. b. c. d. e. Phaedo 67. c. 69. b. Soph. 230. d. Krat. 403. e. Rep. VIII. 514. 515. Zeller. p. 555. прим. 2.

II.

Вотъ то небольшое, что можемъ мы, соблюдая всѣ точности логическаго мышленія, извлечь по интересующему насъ вопросу изъ величайшей системы идеализма. Но на чемъ утверждаетъ Платонъ эти свои воззрѣнія? Какія имѣются у него доказательства истины безсмертія души?

Вотъ это доказательство:

1. Человѣкъ, искренно преданный философіи, встрѣчаетъ смерть мужественно, съ надеждою за гробомъ получить высочайшія блага. Философъ еще при жизни, болѣе чѣмъ кто другой, устраняетъ душу свою отъ общенія съ тѣломъ, потому что тѣло при приобрѣтеніи познаній только препятствуетъ душѣ. Только въ мышленіи, независимо отъ органовъ чувствъ, открывается душѣ нѣчто изъ истинно сущаго. Но мыслить она лучше тогда, когда, оставивъ тѣло, бываетъ одна. Мы никогда не познаемъ истины до тѣхъ поръ, пока наши души смѣшаны съ этимъ зломъ. Значитъ разумѣніе, къ которому мы стремимся, приобрѣтаемъ только тогда, когда умремъ. Сдѣлавшись чистыми отъ безсмыслія тѣла, мы сойдемъ къ подобнымъ намъ существамъ и узнаемъ все простое ¹⁾. На чемъ основывается это доказательство? Ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ основнымъ положеніемъ идеологіи Платона и основными принципами его нравственнаго ученія. Истинно сущее, принципы бытія суть идеи, и высочайшая изъ нихъ—идея блага. Въ познаніи идей состоитъ истинная мудрость, и вмѣстѣ съ тѣмъ и истинная добродѣтель, ибо другой цѣли у человѣка быть не можетъ. Но эта цѣль въ совершенствѣ достигается только тогда, когда душа, отрѣшившись отъ тѣла, будетъ жить своею самобытною жизнію.

2. Наблюденіе надъ жизнію людей, животныхъ и растений, и вообще надъ всѣмъ, чему свойственно происхождение, говорить намъ, что все существуетъ такъ, что противное происходитъ изъ противнаго себѣ. Если, на примѣръ, что нибудь дѣлается большимъ, то не необходимо ли надлежало ему сперва быть меньшимъ, а потомъ возрасти до большаго? А если что стало меньшимъ, то сперва оно, конечно, было большимъ. По-

¹⁾ Phädr. 57. 63. 64. 65. 66. 67. 68.

добнымъ же образомъ изъ сильнѣйшаго происходитъ слабѣйшее, изъ быстрѣйшаго медленѣйшее. Точно такимъ же образомъ жизнь и смерть противоположны другъ друга, а онѣ возникаютъ одна изъ другой. Слѣдовательно, изъ живущаго возникаетъ умершее, и изъ умершаго живущее. Если же это такъ, то мы имѣемъ право утверждать, что души умершихъ должны гдѣ нибудь существовать, откуда могли бы вновь приходиться въ эту жизнь ¹⁾.

Въ чемъ сила этого доказательства? Оно построено на аналогіи съ явленіями природы видимой. Но что даетъ вѣроятность этой аналогіи? На какомъ основаніи возможно заключеніе отъ предметовъ матеріальныхъ къ явленіямъ не матеріальнымъ? Очевидно, это возможно только съ точки зрѣнія Платона на матерію. Матерія есть нѣчто дѣйствующее параллельно съ идеями и носителницею ихъ—душею, слѣдовательно есть нѣкоторая аналогія въ ихъ дѣятельности. Далѣе, откуда увѣренность, что въ круговоротѣ бытія всѣ эти противоположности не исчезнутъ? Это возможно только съ точки зрѣнія Платона на вѣчность міра идей и матеріи.

3. Кто увидѣлъ, или услышалъ что либо, но вмѣстѣ съ тѣмъ узналъ не одно это, но пришелъ къ мысли и о другомъ, знаніе чего отлично отъ перваго, тому не въ правѣ ли мы приписать воспоминаніе о вещи, пришедшей ему на мысль? При видѣ нарисованнаго Симміаса, мы воспоминаемъ и о самомъ Симміасѣ. При видѣ нарисованнаго коня можно вспомнить и о человѣкѣ, которому принадлежалъ этотъ конь. При видѣ лиры мы воспоминаемъ о нашемъ другѣ, которому принадлежала лира. Можно такимъ образомъ вспоминать какъ по противоположенію, такъ и по подобію. Такъ, видя предметы равные, мы говоримъ, что они равны или неравны. Но откуда же въ насъ самое понятіе равнаго. Мы необходимо должны знать равное прежде того времени, какъ, увидѣвъ въ первый разъ вещи равныя, размышляемъ, что всѣ онѣ, хотя и стремятся быть какъ равное, но не могутъ этого достигнуть, ибо имъ чего-то недостаетъ. Слѣдовательно, прежде чѣмъ мы начали слышать, видѣть, намъ

¹⁾ Phádr. 69. e. 70—72.

надлежало уже имѣть знаніе равнаго самаго въ себѣ. А не тотъ-часъ ли послѣ рожденія мы и видимъ и слышимъ? Между тѣмъ знаніе равнаго получили мы прежде чувствъ. Слѣдовательно, это знаніе мы получили до рожденія. То же самое нужно утверждать и обо всемъ, о чемъ можно говорить, какъ о сущностяхъ самихъ въ себѣ, каковы—прекрасное само въ себѣ, справедливое, большее, меньшее и т. п. Всѣ эти знанія мы имѣемъ до рожденія. Въ моментъ же рожденія мы ихъ потеряли. А потомъ по поводу дѣятельности чувствъ мы ихъ припоминаемъ. Слѣдовательно, ученіе есть постепенное припоминаніе. Поэтому наша душа существовала, прежде чѣмъ начало существовать въ образѣ человѣка, существовала безъ тѣла, но имѣла разумѣніе ¹⁾.

На чемъ основывается это доказательство? Оно основывается на мысли о предсуществованіи души и о вѣчномъ бытіи ея въ царствѣ идей. Идеи суть истинныя сущности, истинные объекты знанія, принципы бытія и жизни. Душа человѣка, сознательно носящая въ себѣ духовные образы этихъ идей, чрезъ которую одну идеи могутъ быть предметомъ сознанія, отъ вѣчности существуетъ въ царствѣ идей, гдѣ она искони созерцаетъ идеальную красоту.

4. Душа человѣческая безсмертна. Ибо, что такое смерть, какъ не разложеніе цѣлаго на свои составныя части? Душа же человѣческая не состоитъ изъ частей; она проста, и потому ей не свойственно разложеніе на части. Но откуда мы знаемъ, что душа несложна и проста? Сложнымъ по природѣ бываетъ то, что никогда не бываетъ тѣмъ же, никогда не остается въ одномъ и томъ же положеніи, а бываетъ иногда такъ, и иногда иначе, о чемъ нельзя говорить, какъ о сущности самой въ себѣ, но только какъ объ отдѣльномъ предметѣ, напримѣръ человѣкъ, лошадь, платье и т. п. Всѣ таковыя предметы не согласны ни сами съ собою, ни между собою. Мы можемъ наблюдать, изучать и постигать ихъ чувствомъ—зрѣніемъ, слухомъ, осязаніемъ. Предметы же несложныя тѣ, которые всегда остаются безъ измѣненія въ своей природѣ, кото-

¹⁾ Phädr. 72. e. 73. a. b. c. d. e. 74. a. b. c. d. e. 75. a. b. c. d. e. 76. a. b. c. d. e.

рые всегда остаются равными себѣ, невидимы и неосязаемы, о чемъ можно говорить какъ о сущностяхъ самихъ въ себѣ, какковы—равное само въ себѣ, прекрасное, доброе и др. Очевидно, что душа ближе къ сущностямъ послѣдняго рода, и потому она есть существо простое. Это же слѣдуетъ и изъ того, что душѣ свойственно господствовать надъ тѣломъ, повелѣвать имъ. Слѣдовательно она неразрушима и безсмертна ¹⁾. На чемъ основывается это доказательство? Душа безсмертна потому что она безтѣлесна, невидима, неосязаема, ей свойственно господствовать, и потому она божественна, проста и безсмертна. Очевидно, что это доказательство воспроизводитъ основные принципы идеологии и антропологии.

5. Утомленный долгими и напрасными исканіями истины, я вздумалъ, говорить Платонъ, употребить новый способъ найти ее. Я рѣшился прибѣгнуть къ мышленію, и въ немъ искать истину сущаго. При этомъ я всякій разъ полагалъ такое основаніе, которое по моему мнѣнію есть сильнѣйшее. Я утверждаю, есть нѣчто прекрасное само въ себѣ, доброе, великое, справедливое и иное само по себѣ. Если же есть что либо прекрасное, кромѣ прекраснаго самаго въ себѣ, то оно прекрасно не по чему иному, какъ по своему участию въ томъ прекрасномъ. То же говорю я и о всемъ добромъ, справедливымъ и т. п. Всѣ эти предметы бываютъ тѣмъ, что они есть, отъ своего участія въ сущностяхъ самихъ въ себѣ: великое бываетъ великимъ отъ участія въ идеѣ великаго, и малое бываетъ малымъ отъ участія въ идеѣ малаго. Поэтому ты побоишься сказать, что десять больше осьми двумя, т. е., сказать, что не количествомъ и не по причинѣ количества, а двумя и отъ двухъ первое больше послѣдняго. Все это значить, что самобытно существуютъ только идеи, и каждая вещь существуетъ настолько, насколько она причастна идеѣ. Итакъ, каждая вещь является носительницею одной идеи, не можетъ уже стать подъ другую идею. Говоря, что Симміасъ болѣе Сократа и менѣе Фэдона, мы не приписываемъ одновременно Симміасу и великорослости и малорослости, а говоримъ, что сра-

¹⁾ Phädr. 77. c—80.

внительно съ Сократомъ онъ великъ, а сравнительно съ Фѣдономъ онъ малъ. Великое не можетъ сдѣлаться малымъ, оставаясь въ то же время великимъ, оно или удаляется, когда подходитъ противное ему малое, или исчезаетъ, когда оно уже подошло. Равнымъ образомъ и всѣ другія противоположности, оставаясь тѣмъ, что они есть, не могутъ принять противоположнаго себѣ. Обратимъ вниманіе еще на слѣдующее: существуетъ тепло и холодъ, носитель тепла—огонь, и холода—снѣгъ. Снѣгъ, принимая въ себя теплоту, никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ, но пропадаетъ, также и огонь никакъ не можетъ, принявъ въ себя холодъ, оставаться тѣмъ же, чѣмъ былъ огнемъ. Подобно сему носительница жизни, то что дѣлаетъ тѣло живымъ, есть душа. Значитъ, душа всегда и всему приноситъ жизнь и противнаго себѣ принять и принести не можетъ. А жизни если что-нибудь противно, или нѣтъ? Есть—смерть. Слѣдовательно, изъ того въ чемъ мы согласились, не ясно ли, что и душа никогда не приметъ противнаго тому, что она всегда принесетъ, т. е., не приметъ смерти. А какъ мы называемъ то, что не принимаетъ смерти? Безсмертнымъ ¹⁾.

Святи. Дмитрій Оаворскій.

(Окончаніе будетъ).

1) Phādr. 84. c. d. e. 85. a. b. c. d. e. 86. a. b. c. d. e. 87. a. b. c. d. e. 91. d. e. 92. a. b. c. d. e. 93. a. b. c. d. e. 94. a. b. c. d. e. 95. a. b. c. d. e. 96. a. b. c. d. e. 97. a. b. c. d. e. 98. a. b. c. d. e. 99. a. b. c. d. e. 100. a. b. c. d. e. 101. a. b. c. d. e. 102—106.

ИЗБРАННЫЕ ТРАКТАТЫ ПЛОТИНА.

(Переводъ съ греческаго языка подъ редакціей профессора
Г. В. Малеванскаго).

(Продолженіе *).

К Н И Г А 7-я *).

О томъ, какъ и почему существуетъ множество идей, и о благѣ (περί τοῦ
πλήθος τῶν ἰδεῶν ὑπέστυ καί περί τ' ἀγαθοῦ).

1. Въ Богѣ не можетъ нѣтъ мѣста предварительное обсужденіе того, что, какъ и для чего должно быть, чѣмъ создано;—вмѣстѣ съ нимъ дано отъ вѣчности все то, чему онъ служитъ началомъ. Дѣлаютъ излишнимъ такое предварительное обсужденіе и сами идеальныя сущности, составляющія содержаніе высочайшаго ума; такъ какъ каждая изъ нихъ въ самой себѣ содержитъ причину; цѣль и смыслъ своего бытія, то всѣ онѣ существуютъ отъ вѣчности вмѣстѣ съ умомъ. Идея чело-
вѣка; составъ его природы. Идей существъ нераздѣльных; причина неодинаковаго совершенства этихъ существъ. Идей силъ физическихъ. Умъ, какъ такая универсальная энергія и жизнь, въ которой сразу дана цѣлость всѣхъ энергій и жизней
2. Бытіе въ строгомъ смыслѣ слова первичное—абсолютное благо. Ему обязанъ бытіемъ своимъ самъ высочайшій умъ въ томъ смыслѣ, что составляющія его сверхъестественныя сущности обладаютъ истиннымъ бытіемъ лишь насколько имъ, присуще благо. Невозможность точнаго логическаго опредѣленія абсолютнаго блага. Критика различныхъ попытокъ такого опредѣленія блага, какъ цѣль, къ которой устремлено все существующее. Наше къ нему стремленіе и его исканіе. Благо, какъ субстанціальная и абсолютная красота. Абсолютно-первому началу не можетъ быть усвоено мышленіе, да и никакая другая дѣятельность, никакое качество и состояніе.

Самъ ли Богъ (высочайшій), или какой либо изъ боговъ, посылая души въ тѣла, образовалъ въ лицѣ глаза въ качествѣ свѣтильниковъ, а въ другихъ мѣстахъ помѣстилъ другіе органы,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г. № 6.

*) Шестая книга трактуетъ о числахъ. Мы оставимъ пока безъ перевода эту спеціальную и въ нихъ мѣстахъ неудобопонятную метафизику числа и числъ.

соотвѣтствующіе каждому роду ощущеній, ибо предвидѣлъ, что живое существо можетъ сохранять свое существованіе—можетъ искать однихъ вещей, избѣгая другихъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, если будетъ ихъ видѣть издали, слышать, къ нимъ прикасаться и. т. п.

Но, какъ, спрашивается, Богъ это предусмотрѣлъ?—Прежде всего, конечно, не такъ, что сперва произошли такія живыя существа, которыя сейчасъ и погибли вслѣдствіе неизбѣжнаго органововъ чувствъ, и тогда только Богъ, на основаніе этого (опытнаго) знанія далъ людямъ и другимъ живымъ существамъ такіе органы, чтобъ они не потерпѣли той же участи ¹⁾.

Болѣе уже правдоподобное такое мнѣніе: Богъ зналъ, что живыя существа будутъ подвержены вліяніямъ холода, тепла и другихъ подобныхъ внѣшнихъ воздѣйствій и, чтобъ не дать имъ погибнуть, снабдилъ ихъ чувствами и органами чувствъ въ качествѣ орудій (для борьбы съ этими воздѣйствіями). Но въ такомъ разѣ мы спросимъ: далъ ли Богъ душамъ органы, когда онѣ уже обладали способностію ощущеній, или далъ имъ также и эту способность, а выѣстѣ съ нею и органы? Если допустить, что онѣ далъ имъ то и другое разомъ, то это значило бы, что онѣ, хотя и прежде этого были душами, но не обладали способностію ощущеній. А если допустить, что онѣ обладали этою способностію съ самого момента своего созданія и созданы были такими, съ тѣмъ, чтобъ сейчасъ же могли воплощаться, то это значило бы, что воплощеніе и жизнь въ тѣлѣ есть состояніе для нихъ естественное и необходимое, между тѣмъ какъ освобожденіе отъ тѣла и пребываніе въ сверхчувственномъ мірѣ неестественно, противно ихъ природѣ. А это опять значило бы, что онѣ съ тѣмъ именно и созданы, чтобы принадлежать тѣлу и жить во злѣ, что само божественное о нихъ провидѣніе таково, чтобъ онѣ пребывали во злѣ, что самъ Богъ постановилъ такое о нихъ рѣшеніе и пришелъ къ этому рѣшенію, конечно не иначе, какъ путемъ размышленія. Но если такимъ образомъ допускается, что Богъ размышляетъ, то спрашивается, каковы тѣ первыя начала

¹⁾ Тутъ Плотинъ, по всей вѣроятности разумѣетъ ученіе Анаксимандра, Эмпедокла и др.

(изъ которыхъ его размышленіе истекаетъ)? Ибо если это размышленіе основывается даже на другомъ какомъ нибудь размышленіи, то все же, восходя къ нему, а отъ него еще далѣе, необходимо дойти до чего нибудь такого, что предшествуетъ всякому размышленію и служить для него началомъ, исходнымъ пунктомъ. Итакъ гдѣ—въ чемъ именно лежатъ начала этого размышленія,—въ чувствахъ, или въ разумѣ? Конечно, —не въ чувствахъ, ибо чувствъ никакихъ еще не существовало (когда созданы были души); слѣдовательно,—начало, источникъ его лежитъ въ разумѣ и только въ разумѣ. Но если такъ, если въ немъ посылками служатъ часть ея понятія разума (идеи, идеальныя сущности), то и заключеніе должно дать познаніе лишь о томъ, что содержится въ посылкахъ), т. е., о ноуменальномъ, сверхчувственномъ), и никоимъ образомъ—о чемъ либо чувственномъ, ибо разъ размышленія исходятъ изъ ноуменального, какъ своего начала, то какъ, спрашивается, оно можетъ дойти до того, что не есть ноуменальное, что противоположно ему, какъ оно можетъ вывести отсюда мысль въ совсѣмъ иную область—въ область чувственного? Изъ этого слѣдуетъ, что (усматриваемое нами) провидѣніе въ устройствѣ каждаго живого существа и цѣлаго міра, не можетъ быть принимаемо за результатъ размышленія.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Богѣ не можетъ имѣть мѣста никакое размышленіе, и если мы иногда усвоаемъ ему размышленіе, то этимъ хотимъ лишь то выразить, что Богомъ дано всему такое устройство, на какое мудрый человѣкъ можетъ быть наведенъ только путемъ размышленія о вещахъ и явленіяхъ болѣе поздняго (въ сравненіи съ нимъ самимъ) происхожденія; равнымъ образомъ, когда мы усвоаемъ Богу предусмотрѣніе (*προορασις*), то этимъ лишь то хотимъ сказать, что онъ все расположилъ, упорядочилъ такъ, какъ это мудрецъ могъ бы сдѣлать, только обладая способностію предусмотрѣнія и предрасчисленія по отношенію къ такимъ же видамъ и явленіямъ позднѣйшаго происхожденія. Конечно при устройствѣ вещей, не предшествующихъ судящей способности, разсужденіе оказывается естественнымъ и необходимымъ особенно въ томъ случаѣ, когда высшая, чѣмъ эта, способность (умъ) не обла-

даетъ достаточной силой; требуется тутъ также и предусмотрѣнiе, насколько пользующійся имъ не имѣетъ той высшей способности, съ которою могъ бы безъ него обойтись, ибо предусмотрѣнiе обыкновенно мѣтаетъ на то, чтобъ произошло, вышло то же, вмѣсто чего либо другого столь же возможнаго, и всегда боится, что желаемое имъ не осуществится. Но гдѣ совершается всегда только нѣчто одно съ исключенiемъ всякаго иного, тамъ излишне и предусмотрѣнiе и разсужденiе, сопоставляющее и взвѣшивающее противоположныя возможности, ибо разъ изъ такихъ противоположностей лишь одна должна наступить, то къ чему тутъ еще предваряющее разсужденiе? Мыслимо ли, чтобы начало единое, единственное и совершенно простое разсуждало и принимало рѣшенiе совершить то-то, вмѣсто того-то изъ опасенiя, что если не совершить перваго, то произойдетъ второе? Мыслимо ли, чтобъ оно употреблялось или иной образъ дѣйствiй лишь послѣ того, какъ опытъ подтвердилъ его пригодность и полезность? Вотъ что значило бы допустить въ немъ предвѣдѣнiе и разсужденiе. Такимъ-то образомъ, мало сказать, какъ мы въ самомъ началѣ сказали, что „Богъ надѣлилъ живыя существа чувствами и разными способностями“, требуется еще побѣдить всякiя сомнѣнiя и недоумѣнiя какъ относительно дѣйствительности этого надѣленiя, такъ и относительно его образа и способа.

Вѣдь, если признается, что въ Богѣ всякая энергiя есть совершенная актуальность, и не допускается, что какаянибудь изъ энергiй есть неполнѣй актуальная, то вмѣстѣ съ этимъ необходимо также признать, что въ каждой его энергiи содержатся и всѣ прочiя энергiи. А это значить, что въ Богѣ даже будущее есть наличное настоящее и ничего не можетъ быть такого, что было бы позднѣе его (и его энергiй), и что его (вѣчно одно и то же) настоящее становится позднѣйшимъ (по времени) лишь внѣ его—въ иномъ бытiи. А если такъ, сила въ Богѣ будущее есть настоящее, и именно такое настоящее, которое должно выступить (въ иной формѣ бытiя) позднѣе, то это значить, что будущее имѣетъ въ Богѣ сразу такой видъ и составъ, въ которомъ нѣтъ ничего такого, что оказалось бы недостающимъ, отсутствующимъ—

тогда—(при дѣйствительномъ наступленіи будущаго). А это опять значить, что всѣ вещи существовали въ Богѣ уже прежде (появленія въ чувственной формѣ), существовали отъ вѣчности и всегда, хотя конечно позднѣе (послѣ появленія ихъ въ тѣлесной формѣ) можно уже говорить о нихъ, что одна слѣдуетъ послѣ другой, потому что когда онѣ оттуда (изъ сверхчувственного міра) истекають и тутъ какъ бы распространяются, то одна изъ нихъ показывается послѣ другой, между тѣмъ какъ доколѣ находятся всѣ вмѣстѣ, онѣ составляютъ одинъ цѣлостный универсъ, т. е., такое бытіе, которое въ самомъ себѣ содержитъ свою причину.

2.—Отсюда-то можно постигнуть ближе и природу ума (высочайшаго). Мы-то внимъ имѣть о немъ представленіе болѣе ясное, чемъ о чемъ нибудь другомъ, а между тѣмъ не знаемъ, какъ далеко простирается его дѣйствіе, ибо напримѣръ мы охотно допускаемъ, что онъ служитъ источникомъ сущности (то ὄντι) для всего существующаго, но не допускаемъ, что въ немъ же лежитъ (διότι) причина, основа и цѣль (каждой сущности), а если и допускаемъ, то мыслимъ сущность внѣ и отдѣльно отъ причины, и представляемъ себѣ наприм. особо человѣка, какъ статую, и особо глазъ, какъ часть статуи, между тѣмъ, какъ тамъ (въ умѣ, въ сверхчувственномъ мірѣ) въ идеѣ человѣка содержится не только его сущность, но также и причина его бытія, потому что быть ноуменальнымъ человѣкомъ или глазомъ значить для того и другого не что иное, какъ соединить въ себѣ со своею (спеціальною) сущностію или идеєю (спеціальную) причину своего бытія, а безъ этого (безъ особой довлѣющей причины) ни тотъ, ни другой и не существовать бы (въ числѣ ноуменовъ). Тутъ-то (въ чувственномъ мірѣ), конечно, и каждая часть (въ вещахъ) имѣетъ бытіе особо отъ прочихъ частей, и причина бытія каждой вещи лежитъ (часто) внѣ ея сущности; но тамъ, гдѣ все сущее составляетъ одно нераздѣльное единство, каждая сущность тождественна съ своею причиною. Впрочемъ и тутъ въ иныхъ случаяхъ наблюдается такое тождество (сущности и причины), какъ напр. въ такомъ явленіи, какъ затмѣніе,—сущность его (τι ἐστὶ ἐκλειψις)

не отлична отъ причины (*διὰ τῆς*)¹⁾. Что же мѣшаетъ признать, что (тамъ—въ сверхчувственномъ мірѣ) каждое сущее между прочимъ въ себѣ же имѣетъ и основу (своего бытія) и что эта основа составляетъ саму сущность его? Не только возможно, но и необходимо это допустить, и тѣ, которые такимъ образомъ понимаютъ и опредѣляютъ сущность и основу (*τὸ τί ἦν εἶναι*) каждой вещи, вполне правильно поступаютъ, ибо въ чемъ состоитъ сущность (*ὅ ἐστι*) той или иной вещи, чрезъ это самое (и для этого самаго *διὰ τοῦτο*) она и существуетъ, или говоря точнѣе,—не только идея (*ἔιδος*) вещи есть ея причина и *raison d'être*,—это уже неоспоримая истина,—но и сама идея въ анализѣ оказывается содержащею въ себѣ же свою причину—свой *raison d'être*; лишь то не вполне въ самомъ себѣ имѣетъ свой *raison d'être*, что имѣетъ существованіе не самостоятельное и жизнь заимствованную.

Въ самомъ дѣлѣ, если (истинная) сущность есть идея, а идея есть принадлежность ума, то въ чемъ, спрашивается, можетъ лежать ея причина, ея *raison d'être*? Если скажете, что—въ умѣ, то вѣдь идея не виѣ и отдѣльно отъ ума существуетъ, а составляетъ одно съ нимъ (какъ и онъ—одно съ нею), и если умъ представляетъ собою такую полноту идей, въ которой ничто не отсутствуетъ, то это значить, что тутъ не отсутствуютъ и причины, или основанія ихъ бытія. Въ умѣ, конечно, содержатся причины, почему каждая изъ идей есть то, что она есть, но это потому, что самъ умъ имѣетъ бытіе въ идеяхъ—во всей совокупности ихъ и въ каждой порознь; а это значить, что вопросъ, почему произошла (*διὰ τί γέγονε*) каждая изъ нихъ, даже не имѣетъ смысла, такъ какъ каждая съ перваго момента существованія въ себѣ же заключаетъ и причину его (*τῆς ὑποστάσεως αἰτία*); разъ происхожденіе идей не есть дѣло простого случая, то это значить, что ни въ одной идеѣ не можетъ отсутствовать довлѣющее основаніе ея бытія, но что каждая, обладая совершенствомъ во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, должна обладать имъ и въ этомъ отношеніи, т. е., въ себѣ же имѣть совершенное, вполне довлѣю-

1) Это Аристотелевскій призмѣръ.

шее основаніе своего бытія. Мало того, — и чувственныя вещи, участвуя въ идеяхъ, въ нихъ-же имѣютъ основанія своего существованія. Поэтому, и наоборотъ, если въ этой видимой вселенной существуетъ тѣсная, внутренняя связь между всѣми вещами, ее составляющими, если въ ней каждая вещь въ самомъ существованіи своемъ содержитъ основаніе или право бытія, и притомъ всѣ вещи въ ней находятся въ такомъ же взаимоотношеніи, какъ органы одного тѣла, которые не одинъ послѣ другаго, а всѣ вмѣстѣ въ немъ образуются, такъ что каждый по отношенію къ каждому другому служитъ вмѣстѣ и производящею причиною и производимымъ слѣдствіемъ: то тѣмъ болѣе такъ должно быть тамъ (въ сверхчувственномъ мірѣ), т. е., каждая идея имѣетъ довлѣющее основаніе—*raison d'être* какъ по отношенію ко веей совокупности идей, такъ и по отношенію къ самой себѣ, такъ какъ всѣ онѣ существуютъ одновременно (а не другъ послѣ друга) и нераздѣльно другъ отъ друга, притомъ-же не зависятъ ни отъ какихъ случайностей, то тутъ каждое причиняемое есть вмѣстѣ и причиняющее, такъ что каждая идея можетъ быть мыслима какъ причина, не имѣющая себѣ причины (*ἀνατίως τῆν αἰτίαν ἔχειν*). А если такъ, если идеи (можно сказать) не имѣютъ для себя (внѣшней, производящей) причины, если онѣ суть сущности, довлѣющія себѣ вполнѣ и безъ всякой (такой) причины, то это значитъ, что онѣ въ самихъ себѣ содержатъ свои причины, и такъ какъ въ бытіи ихъ нѣтъ ничего случайнаго (т. е., напраснаго или ненужнаго), такъ какъ каждая изъ нихъ обуславливается всѣми прочими и сама ихъ обуславливаетъ, то каждая, такъ сказать, умѣетъ отвѣтить за себя, почему и для чего она есть и существуетъ. Такимъ-то образомъ въ сверхчувственномъ мірѣ каждой сущности предшествуетъ, или вѣрнѣе сопутствуетъ ея довлѣющая причина, которая впрочемъ скорѣе есть сущность же, чѣмъ причина, или правильнѣе, — которая тождественна съ сущностію. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ появиться и быть въ умѣ что либо излишнее (не имѣющее себѣ разумнаго основанія), когда произведенія его свободны отъ всякаго недостатка и несовершенства? Вѣдь, если онѣ вполнѣ совершенны, то нѣтъ смысла искать въ нихъ чего ни-

будь недостающаго, или спрашивать ихъ, почему онѣ таковы, ибо содержа въ себѣ все, онѣ содержатъ въ себѣ также и свое довлѣющее основаніе, такъ что зная, что и каковы они суть, не трудно уже сказать, и почему или для чего онѣ суть. Сущность и довлѣющее основаніе тутъ даны въ нераздѣльномъ единствѣ, и присутствіе обоихъ этихъ элементовъ усматривается въ каждомъ актѣ ума, въ каждой идеѣ. Такъ напр. если взять идею человѣка, то вмѣстѣ съ нею вдругъ и сразу появляется, какъ бы самъ себя вызываетъ къ бытію весь (идеальный) человѣкъ, съ самаго начала—сразу всѣмъ обладающій совершенно-цѣлый, вполне готовый, а если, человѣкъ не весь сразу есть, но то, или другое все прибавляется въ немъ, то это бываетъ съ нимъ лишь послѣ рожденія (въ тѣлѣ); тотъ идеальный человѣкъ отъ вѣчности существуетъ и потому сразу есть весь во всей цѣлости, подверженнымъ же измѣнчивости становится человѣкъ лишь послѣ рожденія въ (тѣлѣ).

3. Но почему же, возражать намъ, нельзя допустить, что въ умѣ было предварительное размышленіе относительно этого (чувственнаго) человѣка? Развѣ этотъ человѣкъ не сообразенъ съ тѣмъ (ноуменальнымъ) до такой степени, что рѣшительно нѣтъ ничего такого, что можно было бы отнять отъ одного изъ нихъ и прибавить къ другому? Такъ почему же не предположить, что умъ предварительно обсуждалъ и рѣшилъ (созданіе чувственнаго человѣка)?—Конечно, когда допускается, что вещи произошли (во времени), что съ этимъ допущеніемъ естественно соединяется и то другое, что происхожденію ихъ предшествовало размышленію и обдумываніе; но коль скоро принимается за истину—что вещи отъ вѣчности всегда происходятъ, то этимъ самымъ устраняется всякая надобность предварительнаго о нихъ размышленія, ибо то, что всегда есть или бываетъ такъ, а не иначе, собственно говоря, даже не можетъ бы предметомъ раздумыванія (быть ли ему, или не быть, и какъ) ¹⁾. Притомъ же если-бы Умъ размышлялъ (какъ лучше всего производить вещи), то это значило бы, что онъ способенъ забывать, какъ онъ дѣйствовалъ прежде—отъ начала, и если бы въ самомъ дѣлѣ

¹⁾ Это—Аристотелевское положеніе.

позднѣйшія его произведенія оказывались лучшими, то это значило-бы, что прежнія были хуже. А если это не мыслимо, если его произведенія сразу были прекрасны, то они и всегда должны оставаться такими же неизмѣнно, прекрасны же они потому, что бытіе ихъ нераздѣльно съ ихъ причиною, какъ и здѣсь (въ чувственномъ мірѣ) вещь прекрасна лишь тогда, когда имѣетъ все (ей нужное или свойственное), даетъ же ей все присущая ей ея идея, которая владычествуетъ надъ ея матеріею настолько, что ничего не оставляетъ въ ней безформеннымъ, ибо если-бы что либо осталось безформеннымъ, еслибы наприм. не былъ образованъ (въ тѣлѣ живого существа) такой органъ, какъ глазъ, то это было бы уже безобразіемъ. Поэтому-то показать причину той или другой вещи значить ни болѣе, ни менѣе, какъ привести въ извѣстность все, что ей свойственно. Почему, спрашиваютъ, есть у живого существа глаза, почему брови?—Да потому, что оно должно имѣть все (свойственное его природѣ), а если мы отвѣтимъ иначе и скажемъ напр., что эти части даны ему для избѣжанія опасностей, то и этимъ лишь то выразимъ, что въ самой природѣ его заключается принципъ, который блюдетъ за сохраненіемъ въ цѣлости его существа, пользуясь между прочимъ и этими частями. А это значить, что природа или сущность предшествуетъ (всѣмъ подобнымъ частямъ тѣла) и что (особая) причина (каждой изъ нихъ) есть какъ бы часть самой сущности,— часть, конечно, отличная отъ (цѣлой) сущности, однакожъ бытіемъ своимъ всецѣло ей обязанная; тутъ всѣ части, приноровленные другъ къ другу, объемлются одною цѣлостною сущностію и бываютъ совершенны настолько, насколько стоятъ въ подчиненіи ей, какъ своей причинѣ, или насколько въ ней всѣ находятся. Такимъ-то образомъ оказывается, что (въ понятіи такого предмета, какъ живое существо) идеальная сущность (*οὐσία*), реальная основа (*τὸ τί ἦν εἶναι*) и его причина и цѣль (*τὸ διότι*) сливаются и составляютъ одно нераздѣльное единое. Поэтому, если правда, что умъ, будучи совершеннымъ, содержитъ въ себѣ причины (или разумныя основанія для всего существующаго), то это значить, что въ идеѣ (человѣка) должна съ вѣчною необходимостію и въ совершенствѣ заключаться между прочимъ и чув-

ственность, притомъ чувственность своеобразная, опредѣленная—такая, которую мы потомъ, видя здѣсь (на землѣ), находимъ, что все въ ней правильно, все обстоитъ, какъ слѣдуетъ. Другими словами, такъ какъ тамъ (въ ноуменальномъ мірѣ) находится во всей полнотѣ причина (тождественная съ сущностію) человѣка, то это значить, что и тамъ человѣкъ не есть одинъ только чистый умъ, и что чувственностію обладаетъ онъ не съ того лишь момента, какъ посылается родиться (а изначала). А если такъ, то не значить ли это, что тотъ умъ (ноуменальнаго человѣка) самъ по себѣ склоненъ къ здѣшнимъ (чувственнымъ) вещамъ? Ибо, что другое есть чувственность, чувствительность, какъ не способность воспріятія чувственныхъ вещей? И развѣ не нелѣпо допустить, что человѣкъ, обладая отъ вѣчности способностію чувствовать, начинаетъ дѣйствительно пользоваться ею только здѣсь, что эта способность (изъ потенціальности) переходитъ въ актуальность какъ разъ тогда, когда душа умалается въ своемъ совершенствѣ (отъ соединенія съ тѣломъ)?

4. Чтобъ выйти изъ затрудненія (въ которое ставятъ эти вопросы), необходимо войти въ ближайшее рассмотрѣніе того, что такое есть тотъ—идеальный человѣкъ? Но пожалуй, лучше начать съ опредѣленія здѣшняго (чувственнаго) человѣка, а то иначе, не зная, какъ слѣдуетъ представлять этого человѣка, котораго въ самихъ себѣ носимъ, не сумѣемъ познать и того. Нѣкоторые ¹⁾ держатся того мнѣнія, что этотъ—чувственный человѣкъ по существу своему совершенно тождественъ съ тѣмъ сверхчувственнымъ. Такъ ли? Рѣшеніемъ этого вопроса прежде всего займемся.

Итакъ, что такое есть земной человѣкъ,—есть ли это разумъ, отличный отъ его души, дающей ему жизнь и силу мышленія, или онъ есть сама эта такая именно (а не иная) душа, или наконецъ онъ есть не только такая-то душа, но и душа, имѣющая такое-то тѣло?—Человѣкъ обыкновенно опредѣляется, какъ *живое разумное существо* (ζῷον λογικόν); но такъ какъ живое существо состоитъ всегда изъ души и тѣла, то ясно, что это

¹⁾ Во всей этой главѣ и далѣе Плотинъ имѣетъ въ виду Аристотелевское ученіе объ отношеніи между формою и матеріею въ вещахъ, а также ученіе объ опредѣленіи, котораго и самъ отчасти придерживается.

опредѣленіе не есть опредѣленіе его, какъ души. Когда же онъ опредѣляется, какъ синтезъ разумной души и тѣла, тогда развѣ можетъ быть его субстанція, его истинная сущность вѣчною (*ὁπόστασις αἰδίου*)? Это опредѣленіе соотвѣтствуетъ человѣку лишь съ того момента, какъ его душа соединяется съ тѣломъ, и выражаетъ, собственно говоря, лишь то, что имѣетъ случиться (съ чистою сущностію человѣка), а не то (что есть прежде всего), что мы называемъ человѣкомъ въ себѣ, само-человѣкомъ (*αὐτοάνθρωπος*); оно скорѣе есть простое описаніе, ограниченіе, чѣмъ показаніе, въ чемъ состоитъ первооснова, или истинная сущность (*τὸ τί ἦν εἶναι*); въ немъ даже не принята въ соображеніе форма, какъ принципъ, образующій матерію, а только констатируется синтезъ обоихъ элементовъ (тѣла и души), какъ онъ есть уже въ дѣйствительности (чувственной), почему изъ него вовсе не видно, что такое есть человѣкъ по своему понятію (т. е., по своему истинному первоначальному существу). Скажутъ, пожалуй, что опредѣленія подобнаго рода сложныхъ вещей и должны быть таковыми, т. е., состоять лишь изъ перечисленія ихъ элементовъ; но это значило бы отрицать, что каждый элементъ порознь тоже подлежитъ опредѣленію, требуетъ его и допускаетъ. Между тѣмъ, если всѣ вообще вещи (чувственныя) обыкновенно опредѣляются какъ овеществленныя формы (*εἶδη ἐνοια*)—формы, овладѣвая матеріей, образуютъ изъ нея разные виды (вещей), то и относительно человѣка возникаетъ вопросъ, чтó собственно дѣлаетъ его человѣкомъ, и рѣшеніе этого вопроса особенно важно и неотразимо для тѣхъ, которые поставляютъ правиломъ, что хорошимъ опредѣленіемъ вещи слѣдуетъ считать лишь то, въ которомъ показывается первооснова, или истинная сущность вещи (*τὸ τί ἦν εἶναι*). Итакъ, что собственно составляетъ сущность человѣка? Отвѣтить на этотъ вопросъ значитъ показать, что именно дѣлаетъ человѣка таковымъ, каковъ онъ есть, и что всегда ему присуще, что никогда не отдѣляется отъ него. Поэтому (если взять вышеприведенное опредѣленіе человѣка—*ζῷον λογικόν*, то возникаетъ вопросъ), самъ ли разумъ есть разумное животное, или же это послѣднее есть нѣчто отличное отъ разума и составное, а разумъ есть творческая причина разумнаго животнаго? Или, быть можетъ, (въ этой дефиниціи)

выраженіе „разумное животное“ употреблено вмѣсто „разумная жизнь“? Въ такомъ разѣ вышло бы, что человѣкъ есть разумная жизнь. Но разѣ возможна жизнь безъ души? А если не что иное, какъ душа, есть начало, производящее разумную жизнь, тогда выходитъ, что человѣкъ или есть простая энергія души, а не субстанція, или есть сама душа. Но если человѣкъ есть разумная душа, то почему душѣ, одушевляющей какое нибудь животное, не быть тоже человѣкомъ?

5. Итакъ слѣдуетъ согласиться, что въ опредѣленіе человека должно входить еще что то другое, кромѣ души, и что мѣшаетъ признать, что человѣкъ есть нѣчто сложное,—что онъ есть душа въ такомъ-то разумѣ (*είναι ψυχὴν ἐν τοιῷδε λόγῳ*)? Этотъ разумъ можно представлять, какъ опредѣленную энергію, нотакою, которая можетъ существовать лишь нераздѣльно съ производящимъ ее началомъ. Таковы наприм. животворные принципы сѣмени (*οἱ ἐν τοῖς σπέρμασι λόγοι*), которые не существуютъ безъ души, однакоже не суть души, и такъ какъ они не бездушны, то не удивительно, что они представляютъ изъ себя такіе со смысломъ дѣйствующіе принципы. Если теперь спросимъ, какая именно душа служитъ началомъ тѣхъ животворныхъ энергій, которыя производятъ не людей (а животныхъ), то придется отвѣтить, что это дѣлаетъ не душа растительная, а иная гораздо болѣе энергическая и живучая, словомъ та, которая производитъ живыя существа. Вотъ такая-то душа, содержащая въ себѣ природу человѣческую уже прежде (полнаго) образованія тѣла, и присущая такой матеріи (т. е. сѣмени) и отпечатлѣваетъ въ тѣлѣ свой образъ,—формируетъ, насколько то „позволяетъ“ природа тѣла, образъ человека, на подобіе того, какъ живописецъ рисуетъ портретъ (съ человека уже сформированнаго),—созидаетъ низшаго человека, надѣлая ее образомъ и инстинктами, нравами, склонностями и способностями человѣческими, но только слабыми, несовершенными, потому что это не есть первый высшій человекъ (не интеллектуальный, не умъ, а чувственный, анимальный). Поэтому, между прочимъ, и чувственныя воспріятія его лишь кажутся ясными, а на самомъ дѣлѣ гораздо темнѣе, спутаннѣе воспріятій и представленій (перваго, высшаго человека), такъ какъ представляютъ собою лишь ихъ образы, отраженія. Тотъ

первый человѣкъ стоитъ выше этого между прочимъ и въ томъ отношеніи, что, обладая болѣе божественною душою, имѣетъ и чувственныя представленія болѣе ясныя. Вотъ этого именно человѣка и Платонъ разумѣетъ (опредѣляя его, какъ душу) и если при этомъ говорить о душѣ, пользующейся тѣломъ¹⁾, то этимъ хочетъ то выразить, что душа того человѣка, какъ болѣе божественная, господствуетъ надъ тою (низшею, о которой идетъ рѣчь), которая непосредственно пользуется тѣломъ, какъ своимъ органомъ, между тѣмъ какъ сама она пользуется имъ лишь посредственно (черезъ посредство этой низшей души). Такимъ-то образомъ когда (благодаря животворящей и формирующей дѣятельности низшей души) рождается одушевленное чувствующее существо, то къ его душѣ присоединяется та высшая душа и сообщаетъ ему жизнь болѣе энергичную и совершенную, или точнѣе, не она къ его душѣ приближается и присоединяется, а напротивъ сама, не удаляясь (изъ сверхчувственного міра), его душу къ себѣ притягиваетъ, такъ что эта касается ея и какъ бы виситъ на ней. А такъ какъ при этомъ и разумность одной души соединяется съ разумностію другой, то не удивительно, что благодаря свѣту (истекающему изъ высшей души) такое живое существо (чувственный человѣкъ), будучи само по себѣ слѣпымъ, темнымъ, становится зрячимъ и яснымъ.

6. Но какимъ образомъ высшая душа (разумная) имѣетъ въ себѣ низшую чувственную? Само собою понятно, что она обладаетъ и пользуется чувствительностію, или воспримчивостію къ чувственнымъ видамъ, лишь настолько, насколько онѣ (своею идеальною сущностію) есть и тамъ (въ сверхчувственномъ мірѣ). Она напримѣръ воспримчива къ чувственной гармоніи, но почему? потому, что въ то время какъ чувственный человѣкъ ощущеніемъ воспринимаетъ эту гармонію, для нея она сливается съ тою гармоніею, которая имѣетъ мѣсто тамъ (въ сверхчувственномъ мірѣ). Или, такъ какъ огонь, который здѣсь представляетъ нѣкоторое подобіе того огня, который тамъ, то эта (высшая) душа, конечно, имѣла (прежде своего появленія здѣсь) воспріятіе этого послѣдняго огня, сообразное съ его сущ-

1) Разумѣется, вѣроятнѣе всего, мѣсто въ Алкивиадѣ I: μηδεν ἄλλο τόν ἀνθρώπον εἶναι τῆ ψυχῆ p. 130 с.; но тутъ кромѣ той души, которая παύσι τῶ σώματι χρῆται, нѣтъ рѣчи ни о какой душѣ высшей, чѣмъ эта.

ностію. Да и вообще, если тѣла, которыя находятся здѣсь, есть всѣ и тамъ (какъ идеальная сущность), то понятно, что такая (высшая душа) имѣла воспріятія и представленія всѣхъ ихъ. А такъ какъ человѣкъ, который тамъ, есть (по своему понятію) именно такая (высшая, разумная) душа, обладающая такими воспріятіями, то не удивительно, что и человѣкъ познѣйшій и низшій, (т. е., чувственный, тѣлесный), будучи образомъ и подобіемъ (того высшаго человѣка), имѣетъ воспріятія (въ строгомъ смыслѣ чувственыя), представляющія нѣкоторое подобіе воспріятіямъ того (первѣйшаго и высшаго) человѣка. Человѣкъ, который находится въ умѣ (божественномъ), есть самый первый (по бытію) и самый совершенный (по существу), и онъ-то изливаетъ свѣтъ свой на второго человѣка (разсудочнаго), а второй—на третьяго (чувственнаго); этотъ третій самый низшій имѣетъ въ себѣ нѣкоторымъ образомъ обоихъ первыхъ, хотя въ то же время онъ только какъ бы примыкаетъ къ нимъ обимъ, но никогда не можетъ стать ни тѣмъ, ни другимъ изъ нихъ. Въ насъ дѣйствуетъ иногда исключительно этотъ низшій человѣкъ, а иногда къ нему привходитъ нѣчто отъ высшаго, какъ и къ этому высшему присоединяется иногда энергія самаго высшаго человѣка, и каждый изъ насъ бываетъ то тѣмъ, то другимъ (изъ трехъ), смотря по тому, сообразно съ которымъ изъ нихъ дѣйствуетъ; каждый изъ насъ въ одномъ смыслѣ (потенціально) обладаетъ всѣми тремя, а въ другомъ (актуально) не обладаетъ.

Когда третья (чувственная) жизнь, составляющая сущность третьяго человѣка, отдѣляется отъ тѣла, тогда, полагаютъ, слѣдуетъ за нею и вторая (разсудочный принципъ) и такъ какъ эта вторая при этомъ не отдѣляется отъ сверхчувственнаго міра, то считаютъ естественнымъ, что вторая находится тамъ же, гдѣ и третья; но за то когда эта третья жизнь входитъ въ тѣло какого нибудь животнаго, то тутъ уже возникаетъ недоумѣніе, какъ это она можетъ увлечь за собою сюда и ту вторую высшую часть, которая составляетъ сущность человѣка? Недоумѣніе это разрѣшается очень просто: эта сущность (потенціально) есть все (т. е., всякая форма жизни), и въ дѣйствительности она принимаетъ то такую, то иную форму, образуясь съ обстоятельствами; пока она пребываетъ въ пер-

воначальной чистотѣ и непорочности, она хочетъ образовать человѣка и въ самомъ дѣлѣ образуетъ человѣка, дѣлая въ этомъ случаѣ то, что лучше, ибо это лучше (чѣмъ образовать какое нибудь животное); она образуетъ также и существа высшаго порядка—демоновъ, которыхъ природа впрочемъ однородна съ существомъ человѣка. Само собою понятно, что существующій прежде (чувственнаго, воплощеннаго) идеальнѣйшій человѣкъ есть существо еще болѣе божественное, есть уже какъ бы само божество, и подобно тому какъ демонъ божества есть только его образъ, точно также (чувственный) человѣкъ представляетъ собою только образъ (идеальнаго) человѣка, ибо не можетъ же быть самымъ божествомъ то начало, съ которымъ непосредственно соединяется (чувственный) человѣкъ. Ясно, что тутъ оказывается такое же (видовое и степенное) различіе (между началами), какое существуетъ и между душами, не смотря на то, что всѣ онѣ суть существа одного и того же порядка. То же самое слѣдуетъ сказать и о демонахъ, о которыхъ говоритъ Платонъ (въ Фѣдрѣ и др.), т. е., что и демоны представляютъ собою различные виды. Итакъ, когда съ высшею душею соединена бываетъ такая низшая, которая избираетъ себѣ природу и жизнь такого или иного животнаго, то эта низшая душа, не смотря на то, что въ соединеніи съ тою высшею могла бы произвести человѣка, производить теперь живое сѣмя этого (избраннаго ею) животнаго, ибо она обладаетъ потенціею и такого сѣмени и, производя его, проявляетъ въ этомъ худшую изъ своихъ энергій.

7. Но если такъ, если душа производитъ природу разныхъ животныхъ лишь послѣ того, какъ сама подверглась порчѣ и извращенію, то не значитъ ли это, скажутъ, что она первоначально вовсе не была предназначена творить ни вола, ни коня, и что поэтому такія порожденія, какъ конь и волъ, представляютъ нѣчто противное ея природѣ? Нѣтъ, они, конечно, ниже, или хуже ея самой, но они не представляютъ для нея ничего противоестественнаго, потому что она и въ самомъ началѣ обладаетъ потенціею и коня и пса и т. п. и когда приходится творить живое существо, то она, подчиняясь импульсу своей природы, творитъ или самое лучшее, если имѣетъ въ своемъ распоряженіи все для этого необходимое, или только такое, какое мо-

жетъ, если не имѣеть подобно тому какъ и художники, хотя умѣютъ созидать всевозможные образы, на самомъ дѣлѣ однако обыкновенно созидаютъ только или такіе, которые имъ за- казываются, или такіе, какіе оказываются возможными при особыхъ свойствахъ матеріала, для нихъ употребляемаго. И въ самомъ дѣлѣ, что мѣшаетъ допустить, что творческая сила универсальной души, въ качествѣ универсальнаго организующаго принципа, начертываетъ контуры тѣлъ еще предъ тѣмъ (*προ ὀπογράφει*), какъ отъ нея же войдутъ въ эту (организованную) матерію животворящія одушевляющія силы (т. е., индивидуальныя души)? Почему не согласиться, что этотъ предначертываемый эскизъ (*προοπογράφῃ*), имѣеть для матеріи значеніе и силу первыхъ передовыхъ лучей проникающаго въ нее свѣта (*οὐκ ὀν προδρομοὺς ἑλλάμψεις εἰς τὴν ὄλην*)? Почему не признать, что душа (индивидуальная) вслѣдъ за этимъ уже только завершаетъ дѣло (образованія тѣла, намѣченнаго міровою душою), т. е., сообразуясь съ намѣченными контурами и чертами, организуетъ всѣ члены и что каждая душа при этомъ и сама принимаетъ видъ сообразный съ тѣмъ тѣломъ, въ которое вселяется, подобно тому какъ въ хорѣ каждый участникъ сообразуется во всемъ съ тою ролью, которую на себя взялъ.

Вотъ къ какимъ выводамъ постепенно пришли мы, задавшись вопросомъ о томъ, какимъ образомъ соединяется съ природою человѣка чувственность и какъ (не смотря на это) сверхчувственное бытіе остается непричастнымъ процессу рожденія и всяческаго измѣненія. Мы выяснили и доказали, что не сверхчувственныя сущности ниспадаютъ до положенія чувственныхъ вещей, а напротивъ послѣднія стремятся уподобиться первымъ, войти и быть въ связи съ ними, и что поэтому чувственный человѣкъ отъ ноуменальнаго человѣка получаетъ способность созерцать сверхчувственныя сущности, а къ вещамъ чувственнымъ стоитъ въ такомъ же отношеніи, какъ ноуменальный человѣкъ—къ сверхчувственнымъ. Вѣдь и эти послѣднія суть вещи ощутимыя, но такъ какъ онѣ безтѣлесны, то воспріятіе или представленіе ихъ совсѣмъ иное вполне ясное и отчетливое, между тѣмъ какъ наши воспріятія тѣлесныхъ вещей несравненно темнѣе, спутаннѣе и потому называются ощущеніями (въ тѣсномъ смыслѣ слова). Поэтому, если мы земного че-

ловѣка называемъ чувственнымъ человѣкомъ, то это потому, что съ одной стороны его чувственныя воспріятія хуже (чѣмъ воспріятія ноуменальнаго человѣка), а съ другой въ такой же степени хуже и (подпадающія имъ) вещи, которыя суть только образы ноуменальныхъ вещей. На этомъ основаніи наши (здѣшнія) чувственныя воспріятія могутъ быть принимаемы за темныя, спутанныя мысли (*ἀνοδοραὶ νόησεις*), а мысли (тамъ въ ноуменальномъ мірѣ) за ясныя ощущенія или воспріятія (*ἐναρτήσεις αἰσθήσεις*). Вотъ и все о чувственной сторонѣ (въ природѣ человѣка).

8. Но мыслимо ли и какъ это мыслимо, что живыя существа, какъ напр. конь и т. п. (содержащіяся въ высочайшемъ умѣ, какъ идеальныя сущности) не сообразуются съ такими же живыми существами чувственнаго міра (а напротивъ послѣднія сообразуются съ первыми)? Отвѣтъ будетъ такой: конечно, чтобъ произвести (чувственнаго) коня, и всякое другое животное, для этого умъ долженъ имѣть предварительно концепцію или идею этого животнаго, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что въ умѣ прежде всего возникаетъ желаніе создать коня и потомъ уже онъ образуетъ идею коня; напротивъ ясно, что въ умѣ должна быть идея коня прежде, чѣмъ онъ пожелаетъ создать коня, и что слѣдовательно идея коня въ умѣ есть не слѣдствіе, а причина или основаніе для желанія создать коня. Другими словами, конь нерожденный предшествуетъ коню, имѣющему родиться, и такъ какъ первый конь предшествуетъ происхожденію (чувственныхъ коней), и идея его вовсе не обусловлена предшествующимъ желаніемъ созданія или происхожденія (коней), то это значить, что умъ содержитъ въ себѣ и идею коня и всѣ вообще ноуменальныя сущности, вовсе не сообразуясь съ судьбою чувственныхъ вещей и вовсе не связываясь потребностію создать этотъ родъ вещей; ноумены изначала существовали (въ умѣ), и соотвѣтствующія имъ чувственныя вещи произошли уже потомъ по силѣ естественной необходимости, ибо не могъ же процессъ происхожденія остановиться на ноуменахъ. Что, спрашивается, могло бы остановить и задержать ту силу (ума), которая въ одинаковой степени способна и выступать (изъ себя наружу), и пребывать въ себѣ?!

Однако, что же именно содержится въ божественномъ умѣ?

Что въ немъ содержатся разумныя существа,—это понятно, но что за честь для него имѣть въ себѣ это множество существъ неразумныхъ, безсловесныхъ, не есть ли это для него скорѣе явное униженіе? Нисколько: такъ какъ умъ занимаетъ второе мѣсто послѣ Единаго въ абсолютномъ смыслѣ слова, то самъ долженъ быть сколько единымъ, столько же и множественнымъ, ибо въ противномъ случаѣ вмѣсто того, чтобъ стоять послѣ Первоедиаго, онъ сливался бы съ нимъ (въ одно и то же существо). Слѣдую послѣ Первоедиаго, умъ, конечно, не можетъ быть выше, но долженъ быть ниже его по степени единства и простоты, и такъ какъ Первоединый въ этомъ отношеніи превосходитъ его, то ему необходимо быть больше, чѣмъ единымъ, ибо множественность равносильна уменьшенію совершенства. Но почему (спросить) не быть уму только двойствомъ (мыслящаго и мыслиаго)? Да потому, что каждый изъ элементовъ этого двойства, вмѣсто того чтобъ быть абсолютно—единымъ, представляетъ такое же двойство, и какъ-бы далеко ни простерто было дѣленіе этой двоицы, каждый изъ самыхъ малѣйшихъ ея элементовъ окажется такимъ же (т. е., двойственнымъ). Притомъ же первая двоица содержитъ въ себѣ разомъ и покой, и движеніе, насколько она есть умъ и вмѣстѣ жизнь—умъ совершенный и жизнь совершенная. Поелику же совершенство ума не въ томъ состоитъ, чтобъ онъ былъ единымъ, а въ томъ, чтобъ онъ былъ всецѣлымъ, всеобъемлющимъ, то онъ и въ самомъ дѣлѣ содержитъ въ себѣ всѣ частныя, особые умы и не только равенъ всей ихъ совокупности, но даже больше ея. Равнымъ образомъ и жизни онъ обладаетъ не такъ, какъ одна индивидуальная душа, а какъ совокупность всѣхъ душъ, и вслѣдствіе этого обладаетъ всемогущею силою творить такія, т. е., индивидуальныя души. По этой же причинѣ онъ есть совершеннѣйшее или всеобъемлющее живое существо, т. е., такое, въ которомъ содержится не одинъ только человекъ (но всѣ роды и виды живыхъ существъ), потому что въ противномъ случаѣ и на землѣ не было бы никого болѣе, кромѣ одного человѣческаго рода.

Профессоръ Г. В. Малеванскій.

(Продолженіе будетъ).

Христіанскіе догматы о безсмертіи души и воскресеніи мертвыхъ въ связи съ философскимъ ученіемъ о загробной участи человѣка.

(Окончаніе *)

III.

Мы прослѣдили ходъ доказательствъ безсмертія души, искусно сгруппированныхъ Платономъ въ діалогъ Фэдовъ. Прежде всего, изъ изложенія этихъ доказательствъ ясно, что ученіе о безсмертіи не есть ничто случайное въ системѣ Платона, не есть неожиданно новая точка зрѣнія на предметъ; оно есть дальнѣйшіе выводы и естественное слѣдствіе изъ основныхъ началъ его философіи. Всѣ доказательства этого ученія повторяютъ собою или исходятъ, или предполагаютъ основныя положенія его идеологіи, космологіи, антропологіи и этики, существеннѣйшій же узелъ, изъ котораго они развиваются—это есть ученіе объ идеяхъ, насколько всѣ остальные части философской системы Платона обуславливаются принципами его идеологіи. Слѣдовательно, и оцѣнка этого ученія естественно распадается на двѣ части,—первая часть должна коснуться основныхъ принциповъ философіи Платона, а вторая—непосредственно самихъ доказательствъ по отношенію къ ихъ научному и логическому достоинству.

1. Философія Платона есть величественное, единственное въ своемъ родѣ произведеніе человѣческаго ума. Оно легло въ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», за 1899 г. № 11.

основу многихъ послѣдующихъ философскихъ ученій. Философія великаго Аристотеля опредѣлилась имъ. Эпикуреизмъ и стоицизмъ разрабатывали отдѣльные моменты философіи Платона, предшественникомъ скептическихъ академиковъ былъ агностикъ Сократъ, какимъ мы его видимъ въ раннихъ діалогахъ Платона. Александрійская теософія и неоплатонизмъ питались мудростію Платона. Многіе ученые эпохи возрожденія разрабатывали отдѣльныя положенія платонизма. Кэмбриджскіе платоники, Берклеи, Мальбраншъ и цѣлое сонмище позднѣйшихъ интеллектуалистовъ сохранили до нашей поры духъ и до нѣкоторой степени доктрины Платона. Ясные слѣды платонизма запечатлѣлись во многихъ системахъ новой философіи. Все это, конечно, есть лучшее свидѣтельство достоинства системы, глубины мыслей автора и широты его воззрѣній. Но въ то же время, въ этомъ движеніи мысли, толчекъ къ которому данъ былъ философіею Платона, выясняются и всѣ недостатки, всѣ противорѣчія, таившіяся въ этой системѣ.

1. Прежде всего самое основное положеніе системы, ученіе объ идеяхъ, какъ самостоятельныхъ духовныхъ сущностяхъ, искони существующихъ, подверглось самой строгой критикѣ и было отвергнуто во всемъ своемъ составѣ уже Аристотелемъ ¹⁾.

2. Понятіе Платона о божествѣ неясно и неопредѣленно. Очевидно, что Платонъ движущую причину отъ умственной, божество отъ высочайшей идеи, идеи блага, не отличалъ. Высочайшее благо и высочайшее божество—одно и то же. Полагая божество, какъ высочайшую идею, хотя и на высшемъ мѣстѣ, но подлѣ другихъ таковыхъ же, вѣчныхъ, самобытныхъ идей, это ученіе вносило въ понятіе божества коренное противорѣчіе, противорѣчіе между самобытностію божества и его ограниченіемъ міромъ идей. Такое же непримиримое противорѣчіе заключается и въ опредѣленіи отношенія божества къ міру явленій. Міръ явленій есть вѣчный образъ, отраженіе идей, которыя проявляютъ въ ней свою индивидуальность. Какимъ же образомъ мыслимо отношеніе этого отображенія

¹⁾ Аристотель подвергаетъ критикѣ ученіе Платона объ идеяхъ въ книгахъ своей метафизики.

идей къ верховной идеѣ—божеству ¹⁾? Этого невозможно опредѣлить. Личность божества исчезаетъ въ туманѣ неопредѣленностей, Божество мыслится скорѣе не какъ личность, а какъ всеобщій міровой умъ, занимающій средину между личнымъ и безличнымъ.

3. Тому, что понимаетъ Платонъ подъ матерію, всего различіе названіе несуществующаго, ибо оно не можетъ быть познаваемо ни посредствомъ понятій, ни посредствомъ представленій и воспріятій. Такъ какъ все истинно сущее познаваемо, и при томъ познаваемо такимъ, какимъ оно существуетъ, то матеріи, непознаваемой, остается быть только несуществующею. Въ такомъ возрѣніи на матерію скрыто логическое противорѣчіе. Матерія существуетъ и въ то же время ея нѣтъ. Матерія, или несуществующее, производитъ всѣ тѣ свойства, которыми тѣлесное отличается отъ безтѣлеснаго. Слѣдовательно, ее нужно признать вторымъ на ряду съ идеями принципомъ дѣятельности и жизни, отличающимся отъ идей только характеромъ своей дѣятельности, состоящимъ въ слѣпой и неразумной необходимости, ограничивающей свободную дѣятельность разума. Кромѣ невозможности сколько—нибудь уяснить себѣ, какимъ образомъ несуществующее можетъ производить реальное дѣйствіе и стѣснять разумно и свободно дѣйствующую волю, которая есть само божество, въ этихъ представленіяхъ ясно проходятъ слѣды дуализма.

¹⁾ Правда, въ системѣ Платона встрѣчается и иной кругъ представленій, на основаніи которыхъ происхожденіе міра изображается такъ: образователь міра (*δημιουργός*), взирая на образъ вѣчно живаго существа (*αὐτοζῶο*), образовалъ душу міра изъ смѣшенія ея составныхъ частей, потомъ вещества заключилъ въ форму четырехъ элементовъ и въ заключеніе построилъ изъ нихъ міръ и населилъ его органическими существами (Tim. 22 с. и дальн. Leg. III, 677 и дал.). Но это описаніе, какъ въ своемъ цѣломъ, такъ и въ подробностяхъ имѣетъ до такой степени мнѣческой видъ, что трудно, почти невозможно уловить заключающееся въ немъ серьезное, научное убѣжденіе философа. Эта мысль о началѣ міра во времени стоитъ въ такомъ поразительномъ противорѣчій съ другими его взглядами, особенно съ ученіемъ о вѣчности идей и человеческого духа, что необходимо допустить, что ему, въ существѣ дѣла, нуженъ былъ только смыслъ о зависимости всѣхъ вещей отъ вѣчныхъ, идеальныхъ основаній, вопросъ же о томъ, необходимо ли для этого временное возникновеніе міра, и мыслимо ли оно само по себѣ, остается у него безъ изслѣдованія и отвѣта. Согласно со всѣмъ строемъ его системы представляется міръ вѣчнымъ и безначальнымъ.

Философствующая мысль въ существѣ дѣла все еще вращается въ томъ безвыходномъ лабиринтѣ, въ какой она незамѣтно вступила еще до временъ Сократа.

4. Весь міръ одушевленъ и потому разуменъ. Онъ причастенъ разуму и жизни при посредствѣ міровой души. Но что же такое есть сама міровая душа? Каково ея отношеніе къ божеству ¹⁾. Каково отношеніе ея ко всѣмъ прочимъ видамъ бытія? Какъ понимать то, что она есть причина разума и жизни во всѣхъ другихъ существахъ? Есть ли она нѣчто личное, или же она есть безформенная сила, одаренная разумностію? Все это остается рядомъ вопросовъ, на которые нѣтъ отвѣта въ системѣ, и рѣшеніе которыхъ на почвѣ основныхъ положеній системы невозможно.

5. Понятія о душѣ человѣческой не глубоки и недостаточно опредѣленны. Душа человѣческая существуетъ ли отъ вѣчности, или же она возникла во времени, прямаго отвѣта на это нѣтъ. Исходя изъ основоположеній системы, нужно полагать, что она безначальна. Тогда какъ же понимать мысль, что высочайшая идея, или божество есть первопричина всего ²⁾. И какое отношеніе души человѣка къ душѣ міра? Почему нужна еще другая, отличная отъ міровой души, носительница жизни и знанія собственно для человѣка? Съ ученіемъ о трехъ частяхъ души какъ примирить неизбѣжную мысль о единствѣ души? Трудно понять, какъ возможно единство самосознанія, если по природѣ всѣ эти три части не составляютъ одного цѣлаго и не совпадаютъ одна съ другой. Платонъ не показываетъ намъ, какъ умъ оказываетъ свое вліяніе и дѣйствіе на

¹⁾ Правда, встрѣчается въ системѣ Платона и такой кругъ представленій, гдѣ міровая душа изображается, какъ актъ творческой воли Божества (Tim. 34, 6 и дальн.). Но эти представленія стоятъ въ странномъ и непримиримомъ противорѣчій со всѣмъ строемъ платонизма (См. прим. 29).

²⁾ Правда, въ системѣ проходитъ и такой взглядъ на душу: послѣ того какъ Творецъ міра образовалъ въ общемъ міровое цѣлое и произвелъ божественныя сущности (звѣзды), говорится въ Тимей (Tim. 41. д. е. 69. с. д., а также Phileb. 30 d.), тогда онъ привязалъ сотвореннымъ богамъ создать смертную сущность, Они создали человѣческое тѣло и смертныя части человѣческой души, а самъ онъ создалъ бессмертную часть, въ томъ же самомъ сосудѣ, въ какомъ ранѣе создалъ онъ міровую душу. Матерія и смѣшеніе были равныя, только меньшей чистоты. Какъ смотрѣть на эти представленія см. выше примѣч. 29 и 30.

нишія части души, и какъ господствуетъ онъ надъ ними. Въ душѣ, по Платону, мы имѣемъ три сущности, которыя только связаны одна съ другой, а не одну сущность, дѣйствующую въ различныхъ направленіяхъ. Много и иныхъ трудностей встаетъ при этомъ: какъ безтѣлесная душа можетъ зависѣть отъ чувственнаго, какъ чрезъ эту зависимость, совершенно случайную, она преклоняется къ ложнымъ и нечистымъ склонностямъ, къ фальшивымъ исканіямъ внѣшнихъ благъ и грубымъ ошибкамъ въ выборѣ образа жизни, какимъ образомъ по причинѣ здѣшнихъ отношеній будетъ она наказываема въ той жизни, если она существенно отдѣлена отъ тѣла даже въ своей смертной части, вмѣстищѣ страстей, удовольствій и болѣзней? Мы не можемъ представить, чтобы смертная часть души пережила смерть человѣка, и въ то же время нельзя себѣ представить, чтобы она оставалась соединенною съ тѣломъ и послѣ смерти его. Тогда какова же судьба ея?

IV.

Взглянемъ теперь на самыя доказательства безсмертія души у Платона со стороны ихъ логической цѣнности. Мы коснемся только важнѣйшихъ изъ нихъ. 1. Четвертое доказательство заключаетъ отъ простоты и несложности души къ ея неразрушимости—безсмертію. Душа есть существо простое, не имѣющее частей, и потому она не можетъ умереть, ибо смерть есть разложеніе цѣлаго на свои составныя части. Доказательство не предвидитъ и не опровергаетъ многихъ возраженій, ослабляющихъ его силу и значеніе. Платонъ говоритъ, что душа проста и несложна потому, что она невидима. Но самъ же справедливо ослабляетъ это доказательство возраженіемъ, что невидимость существуетъ только для человѣка: „по крайней мѣрѣ люди не видятъ ее“, говоритъ онъ. Значитъ, возможна такая точка зрѣнія, съ которой душа видима и доступна зрѣнію. Указывается еще на могущество души надъ тѣломъ, какъ на доказательство ея простоты и безсмертія. Но на это можно возразить, что весьма часто и у весьма многихъ тѣло властвуетъ надъ душею. Далѣе доказательство говоритъ, что душа проста, нематеріальна и безсмертна потому,

что она всегда равна себѣ самой и стремится къ неизмѣнному. Но были ученія, которыя всѣ вышеуказанныя свойства души объясняли изъ особенностей матеріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ не допускали безсмертія души въ смыслѣ Платона. Наконецъ если бы и было твердо установлено, что душа есть сущность протая, то и тогда, прежде чѣмъ заключить къ ея безсмертію на этомъ только основаніи, нужно было-бы еще доказать, что она не только не можетъ разложиться на части, но и не можетъ исчезнуть, или быть уничтоженною вдругъ, подобно тому какъ вдругъ она могла возникнуть.

2. Последнее, пятое доказательство основывается на понятіи о душѣ, какъ носительницѣ идеи жизни. По существу этого доказательства душа есть субстанціональная носительница жизни. Она не есть смертное твореніе, но она есть божественное начало, въ себѣ самомъ заключающее безсмертіе. Она не получаетъ безсмертія отъ Творца какъ его божественный даръ, какъ если бы была по существу своему могущая умереть, но носить его самобытно въ себѣ самой, какъ свою сущность.

Что же собственно доказалъ Платонъ своимъ послѣднимъ, основнымъ доказательствомъ? Доказалъ, что душа и идея жизни тождественны. Слѣдовательно сила доказательства стоитъ до тѣхъ поръ, пока стоитъ ученіе объ идеяхъ. И это доказательство несетъ съ собою нѣкоторыя существенныя неразрѣшимыя недоразумѣнія. Прежде всего, то, что говорится о душѣ вообще, приложимо ли къ каждой отдѣльной душѣ? Что сказать объ индивидуальной душѣ и ея неуничтожимости? Приводимое доказательство отъ идеи жизни имѣло бы свою относительную силу только въ томъ случаѣ, если бы было установлено, что всякая отдѣльная душа заключаетъ въ себѣ всю полноту идеи жизни. Но изъ основоположеній системы выходитъ скорѣе, что всякая отдѣльная душа носитъ въ себѣ только часть этой жизни, есть только искра всемірнаго огня. А потому остается неразрѣшимымъ вопросомъ: сохранится ли каждая отдѣльная душа съ своимъ отдѣльнымъ самосознаніемъ, или же по разлученіи съ своими тѣлами всѣ души сольются съ идеею всемірной души?

Итакъ что же собственно обосновалъ Платонъ на тѣхъ до-

водахъ, достоинство которыхъ мы сейчасъ видѣли? Какія истины старался онъ утвердить въ сознаниіи человѣчества своими глубокими разсужденіями?

1. Душа человѣческая безсмертна, тѣло же его смертно,— оно есть источникъ зла и должно умереть. Итакъ философъ утверждаетъ безсмертіе души, а не безсмертіе человѣка.

2. Душа человѣческая безсмертна не вся въ своемъ существѣ, она безсмертна только тою своею стороною, которою она устремлена къ созерцанію міра идей, этихъ вѣчныхъ духовныхъ сущностей. Итакъ безсмертенъ только разумъ человѣка, другія же силы—чувствованіе, желаніе, воля не имѣютъ залога безсмертія, потому что они служатъ орудіями тѣла.

3. Что разумѣетъ философъ подъ душою, которую даритъ онъ безсмертіемъ? Есть ли это личная, индивидуальная душа, или же безсмертіе принадлежитъ только роду, идеѣ души? На этотъ вопросъ, исхода изъ основоположеній системы, нельзя дать строго опредѣленнаго отвѣта.

Слово Платона составляетъ послѣднее, заключительное слово о безсмертіи для древней философіи и для древняго міра. Послѣдующія философскія ученія—Аристотеля, эпикурейцевъ, стоиковъ и неоплатониковъ не сдѣлали ничего существеннаго, или сдѣлали очень мало для проясненія этой великой истины и упроченія ея въ человѣческомъ сознаниіи ¹⁾.

То небольшое, отрывочное и одностороннее, къ чему пришелъ въ великой истинѣ безсмертія Платонъ путемъ своихъ усиленныхъ изысканій, можетъ ли удовлетворить пытливый умъ и жаждущее вѣры и успокоенія сердце? Этого нельзя ожидать. Человѣкъ прежде всего чувствуетъ и сознаетъ себя живою, индивидуальною личностію, отличною отъ другихъ, подобныхъ ему, и это чувство самобытности такъ сильно въ человѣкѣ, что ничто столь не тяжко, какъ посягательство на эту самобытность. Ученіе же, проповѣдующее безсмертіе не личности, а рода, есть плохое успокоеніе для ума и ненадежное утѣшеніе для сердца. Оно вноситъ только смуту и тревогу въ душевный міръ человѣка. Человѣкъ сознаетъ себя состоящимъ

¹⁾ Древне-греческій міръ и христіанство въ отношеніи къ вопросу о безсмертіи и будущей жизни человѣка. И. Чистовича. Страница 187.

изъ мыслящей, чувствующей и дѣятельной души и тѣла, органа и орудія души въ условіяхъ земнаго ея существованія. Правда, душа неизмѣримо выше тѣла, она есть благороднѣйшая часть человѣка, источникъ всего возвышеннаго и чистаго въ его жизни, ея преимуществами человѣкъ измѣряетъ свое преимущество предъ прочими тварями, но при всемъ томъ человѣку дорого и его тѣло, потому что только въ немъ и при посредствѣ его человѣкъ узналъ себя, какъ личность, какъ индивидуума, со всѣми своими достоинствами и недостатками. Вмѣстѣ съ тѣломъ испытываетъ онъ радости и утѣхи жизни, вмѣстѣ съ тѣломъ переноситъ онъ тяготы и невзгоды, вмѣстѣ съ тѣломъ, пользуясь имъ, какъ орудіемъ, стремится человѣкъ къ нравственному и умственному совершенству. И естественно человѣку желать, что-бы то безмертіе, которое обѣщается ему, даровано было не душѣ только, но и тѣлу. Но что же сулитъ ему ученіе Платона? Оно хочетъ утѣшить его обѣщаніемъ только безмертія души, тѣлу же грозитъ разрушеніемъ. Плохое утѣшеніе! Человѣкъ сознаетъ въ себѣ силы ума, чувства и воли. Способность мышленія сильна въ немъ. Въ натурахъ благородныхъ, возвышенныхъ она проявляется съ необычайною силою напряженія и приводитъ къ глубокимъ изысканіямъ и изумительнымъ открытіямъ. Но не менѣе сильна въ человѣкѣ и способность чувствованій. Чувствованія такъ существенны въ природѣ человѣка, что каждый актъ мышленія и воли сопровождаются извѣстнымъ чувствованіемъ, и наоборотъ всякое чувствованіе отражается на длительности мышленія и на самоопредѣленіи воли. Чувствованія всегда находятся на лицо въ сознаніи человѣка. Опредѣленной, ясно сознанной мысли въ данную минуту можетъ и не быть въ сознаніи, но то или иное чувствованіе и настроеніе всегда сознаются нами. Человѣкъ не мыслимъ безъ опредѣленнаго чувствованія въ каждую минуту своей жизни. Бываютъ минуты особаго напряженія чувства, подъ вліяніемъ котораго и вся духовная жизнь человѣка принимаетъ соотвѣтственное теченіе. Чувствованіями опредѣляются склонности и симпатіи человѣка. Онѣ иногда съ рѣшительностію вліяютъ на его волю и даютъ направленіе его убѣжденіямъ.

Кромѣ ума и чувствованій есть въ природѣ души человѣка

и сила воли, способность самоопредѣленія къ дѣятельности. Способность эта дѣятельна и сильна въ душѣ. Ею человѣкъ проявляетъ вовнѣ все свое внутреннее содержаніе, являетъ себя существомъ дѣйствующимъ и творящимъ. Потребность дѣятельности насущна для человѣка. Лишеніе возможности всесторонней дѣятельности есть не вознаградимая потеря и положительное несчастіе. Чѣмъ выше развитіе личности, тѣмъ сильнѣйшую она испытываетъ потребность дѣятельности въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ. Убѣдительно ли то ученіе, которое, обѣщая безсмертіе уму, исключаетъ изъ участія въ этомъ благѣ волю и чувство человѣка? Несетъ ли успокоеніе и утѣшеніе та философія, которая разрываетъ единство душевной субстанціи и тому, что само по себѣ есть единство, приписываетъ тройственность частей, субстанціально другъ съ другомъ несвязанныхъ. Убѣдительно ли философія, которая, полагая всю цѣнность въ умѣ, какъ способности познанія, ему только одному обѣщаетъ безсмертіе и лишаетъ этого блага другія, столь же равноправныя и существенныя въ человѣкѣ силы—чувство и волю?

Несомнѣнно, что и самъ Платонъ носилъ въ душѣ своей чувство неудовлетворенности своими возвышенными философскими изысканіями. Послѣ продолжительнаго и серьезнаго изученія, послѣ напряженія всѣхъ силъ своего духа, онъ пришелъ къ сознанію безсилія человѣческаго духа и мысли въ рѣшеніи возвышеннѣйшихъ вопросовъ философіи и въ томъ числѣ вопроса о душѣ человѣческой и ея безсмертіи. Это сознаніе съ особенною ясностію высказалось въ тѣхъ нерѣдкихъ у него мысляхъ, гдѣ онъ отъ одного только Божества ждетъ полнаго удовлетворенія своихъ завѣтныхъ чаяній.

„Необходимо ждать, говорилъ онъ, пока кто не научитъ, какъ должно располагаться въ отношеніи къ Богу и къ людямъ. Когда же наступитъ это время, Сократъ, и кто будетъ наставникомъ? Кажется съ особеннымъ удовольствіемъ поглядѣлъ бы на этого человѣка, кто онъ? Это тотъ, который речется о тебѣ. Но мнѣ кажется, что у тебя сперва надо прогнать мракъ отъ души, которымъ она покрыта, а потомъ показать ей то, чрезъ что имѣетъ она познать добро и зло, ибо теперь, мнѣ

кажется, ты къ этому не способенъ. Пусть прогонять, мракъ ли то будетъ или другое что, я готовъ и ни какъ не убѣгу отъ его повелѣній, кто бы ни былъ тотъ человѣкъ лишь бы мнѣ сдѣлаться лучшимъ ¹⁾).

Когда пройдены были всѣ пути изслѣдованія, истощены всѣ ученія мысли, чтобы діалектически обосновать истину безсмертія, одинъ изъ собесѣдниковъ Сократа, въ знаменитомъ діалогѣ Фѣдонъ, ставитъ неожиданно такой вопросъ: касательно предмета настоящей нашей рѣчи, Сократъ, мнѣ представляется. можетъ быть то же, что и тебѣ, и именно возможно ли въ этой жизни ясное объ этомъ предметѣ познаніе, или невозможно. или очень трудно, однако же отказываться отъ изысканій прежде, нежели вниманіе будетъ совершенно утомлено, свойственно человѣку весьма слабому. Въ этомъ отношеніи нужно достигнуть чегонибудь одного: или узнать и открыть, какъ дѣло обстоитъ, или, если это невозможно, принять самое лучшее и неопровержимое человѣческое слово, и на немъ какъ будто на доскѣ, попытаться переплыть жизнь. если кто не можетъ переплыть ее безопаснѣе и вѣрнѣе на твердѣйшемъ суднѣ—на какомънибудь словѣ божіемъ ²⁾).

Изслѣдуя вопросъ о существѣ добродѣтели, объ условіяхъ ея возможности и приобрѣтенія, Платонъ въ концѣ длинной цѣпи заключеній, приходитъ къ такому неожиданному выводу: добродѣтель, какъ нѣчто доброе, и, слѣдовательно, и полезное, хотя условливается вообще разумѣніемъ того, что дѣлается, но это разумѣніе, необходимо должно быть знаніемъ, а можетъ быть просто правильнымъ мнѣніемъ или благомысліемъ. Это благомысліе никакъ нельзя считать за результатъ обученія, и скорѣе можно сравнить его съ тѣмъ энтузіазмомъ или тактомъ, силою котораго дѣйствуютъ прорицатели и вѣщіе люди. А если это такъ, то источникъ добродѣтели не обученіе и не природа, а божественный даръ (*θεία μοίρα*) ³⁾).

И въ другихъ сферахъ духовной жизни онъ готовъ скорѣе положиться на помощь божественную, чѣмъ на собственныя

¹⁾ Алк. 13 стр. 150 Д.

²⁾ Phaed. 85 С. D.

³⁾ Мен. 99. Е.

силы человѣка, какъ бы ни были онѣ изнурены. „Политики ничѣмъ не отличаются, говоритъ онъ, отъ прорицателей и мужей богодухновенныхъ, какъ скоро они, боговдохновенные и наитствованные, совершаютъ посредствомъ слова много великихъ дѣлъ, хотя и не знаютъ что говорятъ ¹⁾). Поэты пишутъ то, что пишутъ, по внушенію не мудрости, и какого-то естественнаго дара, приходя въ энтузіазмъ, какъ пророки и предсказатели. Сюда же нужно отнести и тѣ мысли его, гдѣ онъ, вступая въ явное противорѣчіе съ основными положеніями своей системы, считаетъ какъ душу человѣческую, такъ и міръ вообще сотворенными и ссылается на благодать божественную, какъ речательство вѣчнаго бытія міра и души ²⁾).

Много и иныхъ противорѣчій скрывалось какъ въ воззрѣніяхъ Платона, такъ и въ самомъ его характерѣ. „Несмотря на всю изумительную новизну его взглядовъ, говоритъ историкъ ³⁾), какъ будто современныхъ намъ, Платонъ былъ истымъ Эллиномъ среди Эллиновъ. Въ планы его не входили неэллинскія расы. Хотя онъ и признавалъ культуру и ученость Египтянъ и заимствовалъ или, вѣрнѣе, дѣлалъ видъ, что заимствуетъ у другихъ варваровъ грандіозныя мифы, уравненіе Евреевъ съ Греками, людей свободныхъ и рабовъ, далеко не входило въ кругъ его воззрѣній. Онъ раздѣлялъ съ Исократомъ старинное увлеченіе самымъ отсталымъ и узкимъ изъ эллинскихъ народовъ, Спартанцами; онъ былъ настолько исключителенъ въ своихъ взглядахъ, настолько былъ аристократомъ въ душѣ, что считалъ унижительнымъ обращать вниманіе на низшія сословія, и, подобно всѣмъ Грекамъ того времени, смотрѣлъ даже на свое идеальное общество, какъ на избранную группу людей, равныхъ между собою и окруженныхъ толпою непривилегированныхъ низшихъ существъ и рабовъ. Это былъ исключительно аристократическій коммунизмъ, основанный не на равенствѣ людей, а на ихъ врожденномъ и коренномъ несходствѣ; мы видимъ въ полномъ смыслѣ слова

¹⁾ Мен. 99. С.

²⁾ Тим 41.

³⁾ Исторія классическаго періода Греческой Литературы. Дл. П. Магаффи. Переводъ Веселовской. Москва 1883 г. Томъ II, стр. 199. § 438.

республику немногихъ избранныхъ, господствующую надъ остальною массою сурово, почти не терпимо, деспотически... Всѣ эти коренныя противорѣчія были, безъ сомнѣнія, причиною постоянно усиливавшейся сумрачности и тоски, которыя замѣчаются въ послѣдніе годы жизни Платона. Онъ не вѣрилъ въ способность человѣческой природы совершенствоваться. Даже идеальное государство его, если бы оно могло осуществиться на практикѣ, заключало бы въ себѣ, по его собственному признанію, зародышъ неизбѣжнаго разложенія. Родъ людской шель не впередъ, а назадъ. Діалектика и свободомысліе вели къ скептицизму, соглашеніе съ установленными идеями къ невѣжеству и умственной апатіи. Изъ умолчанія современныхъ Платону историковъ относительно послѣднихъ лѣтъ его жизни мы безошибочно можемъ вывести заключеніе, что его презирали, какъ празднаго мечтателя всѣ, кромѣ его непосредственныхъ послѣдователей^а.

Послѣ всего сказаннаго нами о Платонѣ и его возрѣвіяхъ можно съ увѣренностію сказать, что было бы безуміемъ серьезно думать, что то небольшое, слабое и колеблющееся, что сказалъ онъ о душѣ, и въ истинѣ чего прежде всего усумнился онъ самъ, могло лечь въ основу великаго христіанскаго ученія, тѣмъ менѣе могло оно возрасти до полноты христіанскаго міросозерцанія.

Г.

Что даровало человѣчеству христіанство своимъ ученіемъ о безсмертіи?

1. Господь силою Своего всемогущества сотворилъ человѣка состоящимъ изъ души и тѣла и предназначилъ его къ безсмертію.
2. Человѣкъ сотворенъ свободнымъ, вслѣдствіе чего онъ отвѣтствененъ за свои поступки.
3. Злоупотребивъ своею свободою, человѣкъ палъ и тѣмъ искажилъ свою природу, слѣдствіемъ чего была смерть, сдѣлавшаяся общимъ достояніемъ всего живущаго.
4. По закону смерти тѣло разрушается, разлагаясь на свои составныя части и обращается во власть земныхъ стихій, душа же продолжаетъ свое бытіе, оставаясь сама собою, сохраняя свою личность и самосознаніе, и въ этомъ лежитъ ея безсмертіе.

5. Душа безсмертна не по природѣ своей, потому что единъ есть имѣяй безсмертіе Господь (1 Тим. VI. 16), но по милости и благодати Божіей. Душа не есть жизнь, но только причастна жизни до тѣхъ поръ, пока угодно это Господу.

6. Разлученіе души отъ тѣла, причиняемое смертію, есть временное. Въ послѣдній день міра тѣло, умершее и разрушившееся, возстанетъ изъ праха и соединится съ своею душою.

7. Чудо воскресенія тѣла, совершится Господомъ Иисусомъ Христомъ,—только Его всемогущею силою Божественною, которою совершенно и Его собственное по плоти изъ мертвыхъ воскресеніе.

8. Животворящее дѣйствіе воскресенія прострется на всѣхъ умершихъ, праведниковъ и неправедниковъ. Коснется оно и тѣхъ, которыхъ пришествіе Господа заставитъ въ живыхъ. Въ этихъ послѣднихъ оно обнаружится особеннымъ измѣненіемъ ихъ тѣлеснаго организма.

9. По существу своему и основнымъ элементамъ воскресшія тѣла будутъ тѣ же самыя, которыя жили на землѣ, въ свойствахъ же своихъ и состояніи своемъ будутъ отличнѣйшія и превосходнѣйшія,—соотвѣтствующія духовной природѣ чловѣка.

10. По мѣрѣ нравственнаго совершенства людей и тѣла воскресшія будутъ различны по своему достоинству.

11. Цѣль воскресенія есть требованіе высочайшей справедливости и правды. Такъ какъ тѣло есть существенная половина чловѣческаго состава, то необходимо, чтобы оно раздѣлило послѣднюю судьбу чловѣка. Итакъ, если душа будетъ наслаждаться блаженствомъ за добрыя дѣла, то необходимо, чтобы и тѣла раздѣляли съ нею это блаженство. Если же душа осудится на вѣчное мученіе за злыя дѣла, и тѣло должно участвовать въ немъ ¹⁾).

На основаніи изложенныхъ выше положеній мы имѣемъ право сдѣлать такія заключенія.

¹⁾ Существенные моменты христіанскаго ученія о безсмертіи души и воскресенія мертвыхъ признаны нами по руководствамъ: 1) Догматическое Богословіе Православной Католической Восточной Церкви Архим. Антонія; 2) Премудрость и благодать Божія въ судьбахъ міра и чловѣка (о конечныхъ причинахъ) Ф. А. Голубинскаго. Третье дополненное изданіе. Москва. 1885 г.; 3) Опытъ православнаго Догматич. Богословія. Епископа Сильвестра.

1. Христіанское ученіе о безсмертіи не есть естественная эволюція ученія языческой философіи и въ частности платонизма.

2. Христіанское ученіе о безсмертіи есть истинно богооткровенное, во всей полнотѣ своей открытое Самимъ Господомъ.

Доказательства этихъ положеній слѣдующія.

1. Въ христіанскомъ ученіи есть моменты существенно новые, которыхъ нельзя вывести генетическимъ путемъ изъ предшествующихъ стадій развитія, потому что они отрицаютъ собою то, что имъ предшествовало. Сюда относятся: а) мысль о творествѣ Божества, создавшаго все изъ ничего могуществомъ силы Своей, тогда какъ въ языческомъ міровоззрѣніи міръ совѣченъ Богу, или, что то же самое, міръ есть тотъ же богъ; б) душа человѣческая, какъ и весь міръ, сотворена Богомъ изъ ничего, и потому имѣетъ начало своего бытія; в) человѣкъ созданъ состоящимъ изъ души и тѣла, которыя въ своемъ дивномъ союзѣ составляютъ единую, нравственно-разумную, чувственно-духовную личность, при самомъ сотвореніи своемъ назначенную Господомъ къ блаженству и безсмертію: тогда какъ въ системѣ платонизма душа человѣка одна существуетъ отъ вѣчности, тѣло же дается ей случайно, временно, въ видѣ особаго наказанія; г) по ученію христіанскому душа человѣческая наследуетъ безсмертіе не въ силу своей безначальной природы, но по милости и благодати Божіей, потому что одинъ только есть имѣяй безсмертіе—Господь; (1 Тим. VI, 16); въ языческомъ же міровоззрѣніи души безсмертны по самой природѣ своей, какъ безначальныя, д) по ученію христіанскому человѣческое тѣло вновь соединится съ своею душею и возстанетъ для жизни вѣчной и безсмертной, смотря по заслугамъ человѣка, по взгляду же языческому тѣло умретъ навѣки, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало; е) по ученію христіанскому душа человѣка, послѣ смерти тѣла сохраняетъ свою личность и самосознаніе, таковою же предстанетъ она и на судѣ и войдетъ въ жизнь вѣчную, въ системѣ же платонизма нѣтъ мѣста понятію о личности и индивидуальности, и безсмертіе, какое общаетъ онъ, не есть безсмертіе личной, индивидуальной души, а безсмертіе рода, безсмертіе души міра, ибо человѣческая душа есть искра міровой души.

Итакъ христіанское ученіе о безсмертіи, какъ не имѣющее для себя почвы въ предшествующихъ стадіяхъ развитія, есть даръ Божій, дѣло сверхъестественнаго Божественнаго Откровенія.

2. Истина Богооткровеннаго христіанскаго ученія о безсмертіи души открывается и изъ внутренняго совершенства, высоты и полноты этого ученія. Само по себѣ это ученіе есть совершеннѣйшее и во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненное. Ни одинъ предубѣжденный умъ, никакая человѣческая критика не могутъ усмотрѣть въ немъ ни противорѣчій, ни односторонности, ни неясности. Ибо что можно возразить противъ всемогущества творческой воли Божества? Мысль о творческой волѣ разомъ устраняетъ изъ міровоззрѣнія всѣ непримиримыя противорѣчія и дуализмъ духа и матеріи и пантеизмъ и гилозоизмъ. Въ ученіи христіанскомъ душа человѣческая объемлется во всей своей полнотѣ, сообразно своей истинной сущности. Судьба человѣка послѣ смерти изображается соответствующею истинному понятію о Божествѣ, его всемогуществѣ и благодати, а также понятію о мірѣ и человѣкѣ. Все въ этомъ ученіи исполнено гармоніи, все согласовано между собою, и все объясняется одно другимъ. Мысль пытливая вполне удовлетворена, и никакихъ возраженій не предвидится ни съ какой стороны.

3. Христіанское ученіе о безсмертіи есть сверхъестественное, богооткровенное ученіе. Это видно еще изъ того высокаго, благотворнаго вліянія, какое оказываетъ оно на человѣка. Всѣ силы человѣческаго духа находятъ въ этомъ ученіи полное удовлетвореніе и успокоеніе. Его нравственное чувство удовлетворено обѣтсваніемъ полнаго и справедливѣйшаго воздаянія, величепріятнаго и совершеннѣйшаго. Его сердцу обѣщано созерцаніе красоты совершеннѣйшей, предъ которой блѣднѣютъ радости здѣшней жизни. Уму человѣка обѣщано знаніе всеобъемлющее, вѣдѣніе самой истины полное и непосредственное. Всему самосознанію человѣка, какъ существа духовнаго и чувственнаго, какъ индивидуальной личности, свободной среди другихъ, и отличной отъ всѣхъ другихъ, для которой дорого все родное, свое, отличительное, выработанное собственною самодѣятельностію, усиліями своей воли и затратою луч-

шихъ силъ,—обѣтовано сохраненіе индивидуальности и личности, со всѣми дорогами для нея задатками и стремленіями.

4. Какъ дивную, поистинѣ Божественную, черту этого ученія нужно еще имѣть въ виду и то, что оно, это ученіе, при всей своей возвышенности и полнотѣ ничуть не стѣсняется, не сковываетъ естественно мысли человѣка, которой дается здѣсь широкой просторъ. Мысль, окрыленная величіемъ предмета, свободно возносится вверхъ, ее не пугаютъ ни страхъ непримиримыхъ противорѣчій, ни боязнь оказаться безсильною предъ неодолимыми трудностями. Вопросъ уже рѣшенъ принципиально и безповоротно. Остается однако же еще задача великая и благородная, задача, представляющая собою все новые и новые горизонты и точки зрѣнія,—поставить это рѣшеніе въ связь и согласіе со всѣми другими, постепенно уясняющимися фактами знанія во всѣхъ соприкосновенныхъ отрасляхъ вѣдѣнія. А сколько такихъ отраслей? Можно сказать, что нѣтъ такого факта жизни природы и человѣка, куда бы не простиралась великая мысль о безсмертіи.

5. Божественное достоинство христіанскаго ученія о безсмертіи открывается еще изъ слѣдующихъ соображеній. Естественная мысль человѣка, предоставленная сама себѣ, не пришла къ рѣшенію этого величайшаго вопроса. Этого мало—она никогда и не могла придти къ нему безъ помощи Божественнаго Откровенія, сколь долго не стремилась бы она къ такому рѣшенію. Ибо къ чему могла придти естественная мысль, идя своимъ естественнымъ путемъ, устанавливая сложную цѣпь причинъ и слѣдствій, и сама повинувась ей,—это было только нѣкоторое предчувствіе истины, неясная догадка того, что истина существуетъ, но гдѣ эта истина и какова она, уяснить эту истину и формулировать ее съ раздѣльностью и ясностью сознанія естественная мысль была не въ состояніи. Всѣ попытки ея въ этомъ направленіи, даже гениальныя, оставались безуспѣшными. Онѣ и должны были оставаться безуспѣшными и впредь, потому что въ распоряженіи мыслящаго духа не было данныхъ для рѣшенія вопроса, не было посылковъ для вывода заключенія.

Въ теченіе многихъ вѣковъ работала мысль человѣческая въ

давномъ направленіи. Съ точки зрѣнія различныхъ принциповъ рѣшался вопросъ. Ставились одна на мѣсто другой точки зрѣнія самыя противоположныя, но съ каждымъ таковымъ усилимъ, напрягая всю свою энергію, мысль приходила въ результатъ своихъ стремленій или къ гилозоизму, или пантеизму, или дуализму, т. е., такимъ принципамъ, которые носятъ въ основѣ своей зародышъ разложенія и непримиримыхъ противорѣчій и тѣмъ уничтожаютъ сами себя. Положеніе дѣла не измѣнилось бы къ лучшему никогда, если бы на помощь естественной мысли человѣка не пришло сверхъестественное Божественное Откровеніе. И это можемъ мы утверждать съ рѣшительностію. Ибо что мы видимъ въ наше, славящееся своимъ просвѣщеніемъ время? Мы видимъ и изучаемся, что во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ вѣдѣнія: въ вопросѣ о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ научная мысль нашего времени, какъ скоро чуждается она истинъ Откровенія, впадаетъ въ пропасть или пантеизма, или дуализма, или все того же гилозоизма, хотя, быть можетъ, болѣе утонченнаго. Все, что могла сдѣлать древняя мысль, работая въ этомъ направленіи, было только нѣкоторою подготовкою человѣка къ воспріятію высокихъ истинъ христіанскихъ. Она готовила къ этому, воспитывая въ человѣкѣ чувство недовольства всею суммою достигнутаго вѣдѣнія, сознание недостаточности своихъ силъ въ уясненіи сокровенныхъ тайнъ бытія, въ познаніи важнѣйшихъ и насущнѣйшихъ вопросовъ духовной жизни,—чувство тяготы своею нравственною скудностію и нечистотою, которыя не могутъ быть препобѣждены никакими усилями человеческой воли,—и вмѣстѣ съ тѣмъ жажду божественной помощи въ достиженіи сокровеннѣйшихъ цѣлей жизни. Все это сейчасъ мы и слышали изъ устъ самаго Платона.

Философія пришла къ отчаянію во всякой истинѣ. Справедливо видѣли въ извѣстномъ, брошенномъ въ легкомысленно презрительномъ тонѣ высокоумія вопросѣ Пилата: что есть истина? невольное выраженіе того результата, къ которому пришло все стремленіе древняго міра къ истинѣ. Всѣ опыты найти истину оказались неудачными; поѣтому считалось за лучшее вообще отказываться отъ этого бесплоднаго мечтанія, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя было вырвать изъ сердца глубоко-

коренящагося въ немъ стремленія къ истинѣ. Истина должна была выдти не изъ изможденныхъ силъ человѣческаго духа, но она должна была вступить въ исторію, какъ дѣло Божіе, и вступить въ лицѣ Того, Кто могъ сказать о Себѣ: „Я есмь истина“.

Истина воскресенія и безсмертія стоитъ въ неразрывной и тѣсной связи со всѣмъ ученіемъ христіанскимъ. Всѣ заповѣди и обѣтованія христіанства направлены къ будущей, вѣчной жизни, которая и есть истинная жизнь, къ которой теперешняя есть только приготовленіе. Поэтому если нѣтъ безсмертія, нѣтъ и христіанства. Если мертвые не воскресаютъ, то и Христосъ не воскресъ. А если Христосъ не воскресъ, то и вѣра наша тщетна. Самъ Господь Иисусъ Христосъ подтверждаетъ истину воскресенія многими яснѣйшими словами. Что же особенно важно, Онъ Самъ воскресъ по плоти Своей изъ мертвыхъ и тѣмъ далъ осязательный залогъ будущаго всеобщаго воскресенія. Посему-то апостолы учили, что достаточно вѣровать въ Господа воскресшаго, чтобы быть увѣренными во всеобщемъ воскресеніи.

Такимъ образомъ въ христіанствѣ истины безсмертія и воскресенія составляютъ существенные предметы вѣры и получаютъ свою достовѣрность отъ этой вѣры. Здѣсь онѣ не служатъ предметомъ доказательствъ. Здѣсь говоритъ самъ Богъ. Здѣсь онѣ несомнѣнны, какъ жизнь. Доказательства нужны для невѣрующихъ и колеблющихся. Слово же истины ¹⁾ свободно и самовластно. Она не хочетъ подлежать испытанію посредствомъ доводовъ, не допускаетъ изслѣдованія путемъ доказательствъ. Его благородство и достовѣрность требуютъ, чтобы вѣрили тому, кто послалъ его. Слово же истины посылается отъ Бога... и нѣтъ иныхъ доказательствъ помимо самой истины, которая есть Богъ.

Свящ. Димитрій Оагорскій.

¹⁾ Иустинъ. Отрывокъ о воскресеніи, гл. I.

ИЗБРАННЫЕ ТРАКТАТЫ ПЛОТИНА.

(Переводъ съ греческаго языка подъ редакціей профессора
Г. В. Малеванскаго).

(Продолженіе *).

9. Намъ возразятъ: что умъ (божественный) содержитъ въ себѣ идеи животныхъ благородныхъ, съ этимъ еще можно согласиться, но какъ можетъ быть въ немъ мѣсто для животныхъ ничтожныхъ, лишенныхъ разума? Ибо, если достоинство живого существа измѣрится степенью его разумности, то понятно, что какъ разумность живого существа выражаетъ его благородство, такъ отсутствіе въ немъ разумности равносильно его ничтожности, или низменности. Конечно, не легко понять, какъ это что либо лишенное смысла и разума можетъ быть достоинствомъ, или произведеніемъ ума, въ которомъ все сущее пребываетъ и отъ котораго все происходитъ. Прежде, чѣмъ войти въ ближайшее изслѣдованіе этого вопроса, мы желали бы поставить на видъ, во 1-хъ что человѣкъ земной совсѣмъ не таковъ, какъ тамошній (въ бож. умѣ), какъ равно и всѣ животныя здѣшнія совсѣмъ не таковы, какъ тамошнія,—ибо тамъ всѣ существа несравненно совершеннѣе, чѣмъ каковы они здѣсь, и во 2-хъ, что тамъ (въ божеств. умѣ) нѣтъ ни одного такого существа, которое было бы разумнымъ въ строгомъ смыслѣ слова, ибо разумность, т. е., разсудительность по-является (въ живыхъ существахъ) только уже здѣсь, между тѣмъ какъ тамъ имѣютъ мѣсто лишь тѣ высшіе и чистые акты (ума), которые предшествуютъ всякому разсужденію. По

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г. № 11.

этому, если спрашиваютъ, почему здѣсь (на землѣ) одинъ только человѣкъ мыслить, рассуждаетъ, а другія существа нѣтъ, то на это можетъ быть данъ такой отвѣтъ: такъ какъ тамъ (въ ноуменальномъ мірѣ) человѣкъ представляетъ собою совсѣмъ иной актъ (божеств. ума), чѣмъ всѣ прочія живыя существа, то и разумъ его здѣсь отличается отъ разума прочихъ животныхъ, у которыхъ тоже вѣдь замѣчаются нѣкоторыя слѣды разумности, сообразительности. Но почему, спросятъ, всѣ животныя не въ одинаковой степени разумны? А почему (спросимъ мы въ свою очередь) сами-то люди не одинаково мудры? Вѣдь, стоитъ только вдуматься въ дѣло, и станетъ сразу понятно, что всѣ эти жизни, представляющія такую массу движений, и всѣ эти умы, представляющіе такое множество, не могутъ быть совершенно одинаковыми, но должны непременно чѣмъ нибудь отличаться другъ отъ друга. Отличіе же это можетъ состоять не въ иномъ чемъ, какъ въ томъ, что одни существа имѣютъ и проявляютъ больше ума и жизни, другія меньше, что стоящіе въ первомъ порядкѣ отличаются перво-степенными качествами, стоящіе во второмъ порядкѣ—второ-степенными и т. д. Такимъ-то образомъ между умами одни суть божества, другіе составляютъ второй порядокъ существъ, надѣленныхъ разумомъ, и третьи составляютъ тотъ порядокъ существъ, которыхъ мы называемъ неразумными. Но даже то, что нами называется неразумнымъ, тамъ (въ ноуменальномъ мірѣ) есть разумъ и умъ, ибо тамъ напримѣръ какъ мыслящій коня есть умъ, такъ равно и мышленіе коня (т. е. идея коня) есть умъ. А если такъ, если тамъ имѣетъ мѣсто одна чистая мысль, то ничего нѣтъ невозможнаго или немыслимаго въ томъ, что эта мысль, оставаясь (въ каждомъ актѣ) мыслящею, имѣетъ иногда своимъ предметомъ—(полагаетъ къ существованію) и нѣчто такое, что само не мыслить. Однако, такъ какъ оказывается, что (въ бож. умѣ) мысль и мыслимая вещь одно и то же, то какъ же это предметомъ или продуктомъ мысли можетъ быть и бываетъ вещь, лишенная мысли,—неужели—такъ, что умъ мысля (полагая такую вещь) отъ самаго себя отрѣкается—дѣлается безмысленнымъ?—Конечно, нѣтъ,—но только (въ каждой мыслимой вещи, въ каждой идеѣ) умъ принимаетъ

особую опредѣленную форму ума, какъ равно и особую, опредѣленную форму жизни, и подобно тому какъ какая-бы-то ни была—(даже самая низшая) форма жизни не можетъ быть совсѣмъ лишенною жизни, такъ никакая опредѣленная форма ума не можетъ быть лишенною всякаго смысла. Притомъ-же тотъ умъ, который присущъ тому или другому живому существу, напримѣръ человѣку, не перестаетъ отъ этого быть универсальнымъ умомъ всѣхъ существъ и вещей, такъ что какую часть его ни взять, онъ тутъ весь и все, но только въ каждой изъ нихъ—въ иной формѣ; актуально онъ проявляется всегда только въ такой или иной опредѣленной формѣ, но потенциально онъ есть совокупность всѣхъ возможныхъ формъ. Мы-то имѣемъ дѣло главнымъ образомъ съ индивидуальными (чувственными) вещами, существующими актуально, а онѣ представляютъ собою то, что есть послѣднее (въ порядкѣ бытія). Такъ напримѣръ такое живое существо, какъ конь, есть одна изъ послѣднихъ ступеней проявленія ума; умъ, въ своемъ движеніи отъ болѣе совершенныхъ формъ жизни къ менѣе совершеннымъ, на извѣстной ступени творитъ коня, а даже еще какую нибудь низшую форму жизни, потому что чѣмъ дальше онъ раскрываетъ свои силы, тѣмъ болѣе онѣ какъ бы истощаются и на каждой новой ступени какъ бы теряютъ нѣчто изъ своего первоначальнаго избытка. Но за то, по мѣрѣ того какъ живыя существа становятся все менѣе и менѣе совершенными, обыкновенно отсутствіе у нихъ такого или иного совершенства искупается прибавкою чего нибудь новаго для удовлетворенія жизненныхъ потребностей,—появляются напримѣръ когти, копыта, рога, клыки и т. п. Такимъ-то образомъ хотя умъ нисходитъ (до такихъ низшихъ ступеней творенія), но онъ и тутъ проявляетъ неисчерпаемую полноту своей природы, въ самомъ себѣ находя всяческія средства вознаградить такія или иные недостатки (своихъ тварей).

10. Но какъ это и почему, скажутъ, даже тамъ (въ ноуменальномъ мірѣ) такое несовершенство? Почему напримѣръ даже ноуменальное животное имѣетъ рога,—да и зачѣмъ,—неужели для защиты? Конечно,—не для этого,—а для того, чтобъ, будучи такимъ, а не инымъ животнымъ, оно было совершеннымъ

въ своемъ родѣ,—совершеннымъ какъ живое существо, какъ твореніе ума, какъ жизнь, имѣя чѣмъ восполнить недостающее въ своей природѣ. Эти и подобныя отличительныя особенности появились и существуютъ для того, чтобы каждая изъ нихъ замѣняла и вознаграждала каждую другую и чтобы такимъ образомъ всѣ существа составляли изъ себя одно совершеннѣйшее живое существо, одну совершеннѣйшую жизнь, одинъ совершеннѣйшій умъ, и въ тоже время каждое изъ нихъ было совершеннымъ, насколько можно и должно быть совершеннымъ существу отдѣльному. Такъ какъ ноуменальный міръ долженъ представлять собою единство во множествѣ, то понятно, что элементы этого множества не могутъ быть одинаковыми до полнаго тождества, ибо въ противномъ случаѣ этотъ міръ представлялъ бы собою совсѣмъ иное единство—чистое, полное, неразличимое. Поеліку онъ есть единство сложное, составное, то онъ долженъ содержать въ себѣ различныя ряды и виды вещей, притомъ такъ, чтобы каждый изъ нихъ (не терялъ въ его единствѣ, а) сохранялъ въ цѣлости свои специфическія различія, свою особую форму и сущность. Поэтому, всѣ такія формы, какъ напр. форма (родовая) человѣка, должны содержать въ себѣ каждая свойственное ей многоразличіе видовъ, между которыми, не смотря на ихъ единство (рода), одни болѣе совершенны, другія—менѣе, подобно тому какъ напр. о глазѣ или пальцѣ, какъ членахъ одного тѣла, можно говорить, что тому и другому принадлежитъ меньшая степень совершенства, чѣмъ всему тѣлу въ цѣлости. Такимъ только путемъ и достигается возможно-большая полнота совершенства (въ мірѣ). Въдъ напр. понятіе живого существа—содержитъ въ себѣ (кромѣ общей, родовой сущности) еще и нѣчто другое (видовыя различія), какъ и въ понятіи добродѣтели есть элементъ и общій и специфическій; но и наоборотъ, если все существующее въ цѣломъ прекрасно, то это потому, что таково, т. е., одинаково прекрасно то общее и единое, которымъ все объемлется.

11. Міръ, говорятъ (Платонъ въ Тимѣѣ), не пренебрегъ ни одною изъ породъ всѣхъ тѣхъ живыхъ существъ, которыя въ немъ появились по той причинѣ, что онъ, какъ вселенная долженъ содержать въ себѣ полноту существующаго. Откуда же,

спрашивается, міръ имѣетъ все то, что въ себѣ содержитъ? Не оттуда ли—свыше? Конечно,—такъ,—конечно, онъ имѣетъ все лишь потому, что все это есть тамъ (въ ноуменальномъ мірѣ) какъ произведеніе ума, какъ идеальныя сущности, и если въ мірѣ есть огонь и вода, то въ немъ должны быть также и растенія. Однако какъ же это такъ (въ ноуменальномъ мірѣ) могутъ быть даже растенія? Да и огонь и земля, какъ они тамъ могутъ обладать бытіемъ и жизнію? Или, быть можетъ, они тамъ мертвы, такъ что не все тамъ живо? Какъ, въ какомъ видѣ вообще входятся тамъ эти и подобныя вещи?

Что касается прежде всего растительнаго царства, то связь его съ міромъ разума можетъ быть признана уже въ виду того обстоятельства, что даже здѣсь (на землѣ) каждое растеніе, какъ своего рода живая сущность, обладаетъ своего рода разумнымъ началомъ. А если такъ,—если этотъ разумный принципъ, составляющій (внутреннюю) сущность растенія, оказывается въ немъ матеріальнымъ какъ особаго рода жизнь, какъ особаго рода душа, какъ особое начало единства (всѣхъ органовъ растенія и ихъ функцій), то развѣ можетъ быть онъ первымъ растеніемъ (т. е., первымъ началомъ растительнаго царства)?! Конечно,—нѣтъ, конечно прежде и выше его стоитъ то первое растеніе, отъ котораго происходитъ онъ самъ (какъ организующій принципъ такого-то, а не иного растенія). Первое растеніе (его идеальная сущность) представляетъ собою единство, между тѣмъ какъ эти растенія (въ ихъ родахъ и видахъ) представляютъ собою вытекающее изъ него съ необходимостію множество. А если такъ, то это значитъ, что первое растеніе, какъ сама сущность (или сила) растенія, обладаетъ жизнію въ гораздо высшей степени, чѣмъ всѣ эти (земныя) растенія, которыя существуютъ и живутъ только по его мановенію и потому обладаютъ лишь второю, а то даже только третьею степенью жизни.

Ну,—а земля—то какъ тамъ (въ ноуменальномъ мірѣ) можетъ имѣть мѣсто? Какова ея (идеальная) сущность? Имѣетъ ли и она тамъ жизнь, и если да, то какимъ образомъ? Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, спросимъ, какова эта наша земля, въ чемъ состоитъ ея сущность? Несомнѣнно одно,—

что она должна имѣть и имѣеть свою особую форму, а вмѣстѣ съ формою и свой особый (формирующий и значить) разумно-образный принципъ. Но мы выше показали, что присущій растительному царству (морфологическій) принципъ—есть принципъ—живой (одушевляющій). Спрашивается, присущъ ли такой принципъ и нашей землѣ? Конечно, присущъ, потому что если мы возьмемъ даже вещи, такъ сказать, наиболѣе земляныя, то и въ нихъ увидимъ присутствіе ея особой природы (производящей силы): даже ни появленіе камней и ихъ возрастаніе, ни вздыманіе и образованіе горъ не могло бы имѣть на землѣ мѣста, еслибы ей не присущъ былъ нѣкій одушевленный принципъ, который и производитъ все это извнутри посредствомъ скрытой (отъ глазъ) внутренней работы. Этотъ формирующій принципъ земли ($\epsilon\lambda\theta\omicron\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \gamma\eta\varsigma$) долженъ быть представляемъ по аналогіи съ тѣмъ принципомъ, который составляетъ (внутреннюю) природу, или сущность дерева (вообще растеній), и въ силу этой аналогіи землю можно сравнить со стволомъ дерева, а (оторванную) отъ земли скалу—съ вѣтвью оторванною отъ дерева. Поэтому, и наоборотъ, когда представимъ, что эта скала не подверглась отторженію отъ земли, а стоитъ съ нею въ столь же внутренней связи, какъ и вѣтвь, до отторженія съ живымъ деревомъ, то для насъ станетъ понятно не—только то, что эта творческая природа ($\delta\eta\mu\omicron\upsilon\rho\eta\theta\omicron\varsigma\alpha\ \phi\acute{\upsilon}\varsigma\iota\varsigma$) земли представляетъ своего рода жизнь не чуждую разума, но и то, что земля тамъ (въ ноуменальномъ мірѣ) обладаетъ еще болѣе полною и совершенною жизнію и что эта ея ноуменальная жизнь и есть сама земля ($\alpha\upsilon\tau\omicron\gamma\eta$), или та первая земля ($\pi\epsilon\sigma\omega\tau\omicron\varsigma\ \gamma\eta$), отъ которой происходитъ эта наша земля.

Потомъ, если огонь, подобно всему прочему, представляетъ собою матеріализованную сущность, то и его появленіе и существованіе (въ чувственномъ мірѣ) нельзя представлять, какъ безпричинное и случайное. Откуда, отъ чего въ самомъ дѣлѣ, происходитъ онъ? Говорятъ,—отъ тренія. Но вѣдь прежде всего во вселенной, да и въ тѣлахъ, которыя трутся одно объ другое, долженъ присутствовать огонь (для того, чтобы онъ могъ получиться отъ тренія). А если такъ, то не въ матеріи

же огонь имѣеть свой источникъ, потому что матерія сама по себѣ даже потенциально его въ себѣ не имѣеть, значить, и произвести не можетъ. Понятно, что творческимъ началомъ огня долженъ быть также принципъ, (не матеріальный, а) формообразующій,—вопросъ только въ томъ, что же это за принципъ? Конечно, онъ есть не что иное, какъ своего рода душа (сила), способная производить огонь, то есть, своего рода жизнь и своего рода мысль ($\zeta\omega\eta$ καὶ λόγος), составляющія изъ себя одну и ту же сущность. Вотъ почему Платонъ говоритъ, что во всѣхъ этихъ вещахъ (тѣлахъ) есть душа ¹⁾, то есть, сила, способность производить чувственный огонь. Само собою понятно, что тотъ огонь тамошній (ноуменальный), который служить первоисточникомъ здѣшняго, представляетъ собою своего рода огненную жизнь ($\zeta\omega\eta$ τῆς πυρίνης) и есть огонь несравненно болѣе совершенный; будучи же болѣе совершеннымъ (чѣмъ земной), онъ обладаетъ и болѣе совершенною жизнію; итакъ, и самоогонь ($\alpha\upsilon\tau\acute{o}$ τὸ πῦρ) живетъ.

То же самое слѣдуетъ сказать и (объ остальныхъ двухъ стихіяхъ) о водѣ и воздухѣ. Почему, въ самомъ дѣлѣ, не быть имъ одушевленными точно такъ же, какъ и земля? Вѣдь, и они (вмѣстѣ съ двумя прочими) содержатся въ идеѣ универсальнаго, всеобъемлющаго живого существа, какъ его части. То правда, что жизнь въ нихъ неявна, незамѣтна, какъ незамѣтна она и въ землѣ; однако мы можемъ заключать о жизни въ нихъ на томъ же основаніи, по которому заключаемъ о жизни земли, т. е., по ея произведеніямъ, потому что, вѣдь, живыя существа рождаются и живутъ даже въ огнѣ, и тѣмъ болѣе въ водѣ и въ воздухѣ. А что здѣшний огонь, то восторгающійся, то вдругъ потухающій, этою, своею мимолетностію, такъ сказать, проскользаетъ мимо универсальной души, то это потому, что онъ, не имѣя для себя постоянной (несгораемой) массы, не можетъ и проявить всю свою душу (т. е. силу, живучесть). То же самое слѣдуетъ сказать о воздухѣ и водѣ: если бы эти стихіи имѣли природу болѣе устойчивую, то онѣ явно показывали бы свою

¹⁾ Нѣтъ въ сочиненіяхъ Платона такого выраженія въ буквальной видѣ; но содержащаяся въ немъ мысль могла быть выведена Платиномъ изъ ученія Платона о міровой душѣ и ея космическихъ функціяхъ, какъ оно изложено въ Тимѣѣ.

душу (жизненную и живетворящую силу); но такъ какъ природа ихъ есть текучая, то онѣ и не обнаруживаютъ явно души, хотя имѣютъ ее. Онѣ въ этомъ отношеніи похожи на влѣги, циркулирующія въ нашемъ тѣлѣ—такія, какъ напр. кровь: вѣдь мясо, которое намъ кажется явно одушевленнымъ, образуется и живетъ на счетъ крови, и на этомъ основаніи въ крови тѣмъ болѣе должна-бы присутствовать душа, а между тѣмъ кровь кажется лишенною души потому что она сама по себѣ нечувствительна, не способна оказывать сопротивленіе (прираженіямъ отвѣтъ) и легко отдѣляется отъ одушевляющей (все тѣло) души; таковы же приблизительно въ разсматриваемомъ отношеніи и всѣ три вышепоименованныя стихіи. Что касается въ частности воздуха, то можно думать, что живыя существа, образованныя изъ сгущеннаго воздуха, хотя способны чувствовать, но не подвержены страданію, и что подобно тому какъ свѣтъ нераздѣльный и перманентный проникаетъ собою воздухъ лишь настолько, насколько этотъ послѣдній самъ перманентенъ, такъ и въ такой же степени и душа проникаетъ и окружаетъ воздухъ, сама однако не совпадая съ нимъ (самимъ своимъ существомъ). То же самое приложимо и ко всѣмъ прочимъ стихіямъ (въ разсматриваемомъ отношеніи).

12. Ко всему этому присоединяется и такое соображеніе: если мы вынуждены допустить, что наша вселенная имѣетъ своимъ первообразомъ міръ ноуменальный, то уже тѣмъ болѣе должны принять, что этотъ послѣдній есть весь и всецѣло живой и что онъ, вмѣстѣ со всею полнотою совершенствъ, содержитъ въ себѣ и всю полноту существъ. А это значитъ, что тамъ (въ ноуменальномъ мірѣ) и небо живо и не лишено того, что мы здѣсь называемъ звѣздами, ибо въ этомъ (въ полной звѣздной системѣ) и состоитъ существо неба, и земля тамъ не мертва, а жива и не пуста, а полна всѣми тѣми животными, которыя у насъ извѣстны подъ именемъ земнородныхъ и пѣшеходящихъ, а равно и растеніями, насколько и растенія произрастаютъ изъ живого начала, и море тамъ со всѣми водами представляетъ изъ себя неизсякаемый потокъ жизни и содержитъ въ себѣ всѣхъ животныхъ водныхъ, наконецъ и воздухъ тамъ есть со всѣми животными, имѣющими соотвѣтственную

съ нимъ природу и способнымъ жить въ немъ. Да и возможно ли, чтобы всѣ эти существа не были живыми тамъ—въ самомъ живомъ—въ самомъ первоисточникѣ жизни, когда они даже здѣсь обладаютъ жизнью?! И развѣ мыслимо, что тамъ каждый родъ существъ не опредѣляется къ бытію никакой (разумною) необходимостію? Если необходимостію (т. е. разумною цѣлесообразностію) опредѣляется тамъ природа великихъ частей міра, то ею же опредѣляется и природа тѣхъ существъ, которыя между ними распределены, такъ что таковымъ необходимо быть небу, таково оно и есть, таковы же, а не инныя (т. е. сообразныя съ его природою) и существа его наполняющія; не быть имъ совсѣмъ, или быть иными, чѣмъ наковы они есть, можно было бы только подѣ условіемъ, еслибы самого неба не было, или оно было бы совсѣмъ инымъ. Поэтому, недоумѣвать и спрашивать, почему и какъ такіа-то живыя существа (наполняющія небо), значить спрашивать, откуда и почему небо таково, а это опять значить спрашивать, откуда и какъ все вообще живое, а это опять значить вопрошать, откуда, какъ и почему жизнь универсальная, душа универсальная, умъ универсальный, т. е., такое бытіе, въ которомъ нѣтъ никакого недостатка, лишенія, несовершенства, а напротивъ все исполнено жизни и какъ бы кипитъ жизнью. Все истекаетъ отсюда, какъ рѣка—изъ одного источника, который слѣдуетъ представлять себѣ не какъ вѣтеръ дующій и не какъ теплоту согрѣвающую, но какъ такую нѣкую единую силу, которая производитъ и сохраняетъ всѣ и всякія качества—пріятность самыхъ дивныхъ запаховъ, крѣпость вина и сладость самыхъ тонкихъ соковъ, яркость самыхъ чистыхъ цвѣтовъ, мягкость самаго нѣжнаго на осязаніе, риѣтъ и гармонию звуковъ самыхъ пріятныхъ для слуха.

13. Ни умъ, ни происходящая отъ него душа, повторяемъ, не суть абсолютно-простыя сущности, но объемлютъ въ себѣ всю полноту и все разнообразіе сущностей, которые конечно просты, то есть, не сложны, насколько представляютъ собою (сверхчувственные) начала и энергіи, ибо тамъ (въ ноуменальномъ мірѣ) энергіи тѣхъ сущностей, которыя занимаютъ послѣднее мѣсто, просты (также, индивидуальны), а энергіи за-

нимающихъ первое мѣсто, всеобщее, всеобъемлющее. Такъ, что касается прежде всего ума, то конечно движеніе его есть всегда одинаковое и тождественное, но не такое, чтобы каждый актъ его былъ тождественъ съ каждымъ другимъ и представлялъ собою одну недѣлимую (особую и самостоятельную) часть, а также, что каждый актъ его (будучи отличнымъ отъ каждаго другого, въ то же время) содержитъ въ себѣ многое, все, поелику тутъ даже то, что есть часть, вовсе не есть абсолютно—простое единство, но единство дѣлимое до безконечности. Конечно, въ этомъ своемъ движеніи умъ какъ бы проходить извѣстный путь отъ какого нибудь начальнаго до какого нибудь послѣдняго пункта, но неужели то, что полагается имъ въ срединѣ между этими двумя пунктами, есть нѣчто стольже однообразное, какъ наприм. линія, или односоставное, не обладающее различными свойствами тѣло?! Что за честь и слава для ума, еслибы въ самомъ дѣлѣ было такъ? Ибо ясно, что еслибы умъ не простирался (своею дѣятельностію) на разнообразіе, еслибы постоянно нѣчто иное, или новое не влекло, не будило его къ (проявленію) жизни, то онъ не былъ бы актуальною энергіею и состояніе его ничѣмъ не отличалось бы отъ бездѣйствія, а если бы дѣятельность его однообразная и могла какимъ нибудь образомъ быть постоянною, то все же это (однообразіе дѣятельности) означало-бы, что онъ обладаетъ только однимъ видомъ, одною формою жизни, а не жизнью универсальною, всеобъемлющею. А такъ какъ ему надлежитъ жить всяческою жизнію,—обладать жизнію вездѣ и отовсюду, такъ что-бы въ немъ не оставалось ни одного пункта не живого, то ему необходимо и двигаться, или быть движимымъ ко всему (что должно существовать, жить). Понятно, что всякій разъ, какъ онъ совершаетъ одно единственное извѣстной формы движеніе, онъ производитъ только одну единственную сущность или становится едино съ нею, пока не переходитъ ни къ какой другой, а коль скоро переходитъ къ какой либо другой сущности, то (въ этомъ новомъ актѣ) онъ самъ становится этою другою, и такимъ образомъ (вмѣсто одной) оказываются двѣ сущности. Если-бы эти двѣ сущности были совершенно тождественны, то это значило-бы, что самъ умъ не выступилъ въ

нихъ изъ своего единства (т. е., послѣ акта, положившаго первую изъ нихъ, не совершилъ другого акта для положенія второй); а такъ какъ на самомъ дѣлѣ каждыя такія двѣ сущности всегда необходимо различны, то умъ, движимый стремленіемъ къ разнообразію, полагаетъ всегда вслѣдъ за ними новую третью сущность, подобно имъ содержащую въ себѣ вмѣстѣ съ элементомъ тождества и элементъ различія—инаковости (*ἑτερότης καὶ ταυτότης*). Такъ какъ каждая происходящая сущность состоитъ изъ этихъ двухъ элементовъ, то природа каждой есть вмѣстѣ и тождественная (сама съ собою) и иная (отличная отъ всѣхъ прочихъ), и эта инаковость простирается не на то, или другое нѣчто, а на все безъ исключенія, какъ въ свою очередь и тождество простирается на все. А если такъ,—если все въ одинаковой мѣрѣ и тождественно и инаково, то ясно, что ничто не изъято изъ подчиненія принципу инаковости, сущность котораго въ томъ и состоитъ, что онъ во всемъ проявляется все иначе и иначе (*ἐπὶ πάν ἑτεροῦσθαί* ¹). Вопросъ въ томъ, какъ можно и должно мыслить бытіе всѣхъ сущностей, какъ инаковыхъ? Если допустить, что онѣ предшествуютъ уму, то это равносильно признанію, что отношеніе къ нимъ ума есть (не продуктивное и даже не активное, а) чисто пассивное и зависимое. А такъ какъ это немислимо, то необходимо допустить, что умъ произвелъ всѣхъ ихъ, или правильнѣе самъ былъ отъ начала совокупности всѣхъ ихъ. Итакъ, бытіе сущностей не мыслимо безъ дѣйствующаго ума, который каждымъ своимъ актомъ полагаетъ все иное и иное и какъ бы движется по всѣмъ возможнымъ путямъ, хотя конечно движется всегда въ самомъ себѣ, какъ и подобаетъ природѣ истиннаго ума,—движется всегда въ самихъ этихъ различныхъ сущностяхъ, то есть такъ, что съ каждымъ его движеніемъ совпадаетъ такая или иная сущность. Такъ какъ умъ вездѣ—на всемъ этомъ пути одинъ и тотъ-же, то движеніе его имѣетъ характеръ непрерывности и постоянства и совершается оно по полю истины (*ἐν τῷ τῆς ἀληθείας πεδίῳ* ²), нигдѣ не выступая

¹) Здѣсь у Платона тождество, одинаковость существующаго по смыслу очень близко подходитъ къ тому, что въ новой философiи называется иногда принципомъ интеграціи, а инаковость—къ тому, что называется принципомъ дифференціаціи.

²) Это Платоновское выраженіе.

изъ границъ его; умъ занимаетъ все это поле, которое самъ же создаетъ, чтобы имѣть въ немъ какъ бы мѣсто для своего движенія, и это мѣсто тождественно съ тѣмъ, кому и чему оно служить мѣстомъ. Но это поле вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ обильное разнообразіе путей для движенія, потому что если бы оно не было всеобъемлющимъ и разнообразнымъ, тогда на немъ въ томъ или другомъ пунктѣ должна была бы произойти остановка движенія, а между тѣмъ для ума остановка движенія равносильна остановкѣ мышленія, и допущеніе, что умъ остановился въ своемъ движеніи, равносильно допущенію, что онъ пересталъ мыслить. А такъ какъ это немислимо, такъ какъ мышленіе (отъ вѣчности и всегда) существуетъ, то это значитъ, что оно находится въ непрерывномъ движеніи, въ дѣйствіи, которымъ производитъ и какъ бы наполняетъ собою всю совокупность существъ, почему и наоборотъ—вся совокупность существъ представляетъ въ себѣ всю полноту мысли (т. е. идей), а съ полнотою мысли также и всю полноту жизни (души), которая (подобно мысли ума), будучи подчинена началу инаковости въ такой же мѣрѣ, какъ и началу тождества, производитъ послѣ одной (формы) жизни другую, послѣ другой третью и т. д. постоянно разнообразя свои созданія и творя все новое и новое, совершая движеніе отъ жизни къ другой жизни, отъ одного рода и вида живыхъ существъ къ другому (оставаясь однако при этомъ все одною и тою же жизнію) подобно тому, какъ путникъ, двигающійся по землѣ, хотя встрѣчаетъ на ней разнообразіе всяческихъ вещей, но имѣетъ подъ ногами и предъ глазами все одну и ту же землю. Тамъ (въ сверхчувственномъ мірѣ) жизнь, которою все живетъ, вездѣ одна и та же, но она не однообразна, а разнообразна: она тождественна, насколько она пульсируетъ во всемъ одинаково, она и разнообразна, насколько въ своемъ движеніи проходитъ черезъ различныя формы; она оживляетъ различныя сущности, но оживляетъ всѣхъ ихъ одинаково (т. е., непрерывно и неизмѣнно). Если бы эта тождественность движенія и дѣйствованія простиралась не на многообразное (а на одинаковое, тождественное), тогда, повторяемъ, и самъ умъ не могъ-бы быть дѣятельнымъ, актуальнымъ, и, значитъ, (въ мірѣ) совсѣмъ не было бы актуальной

энергіи. Но въ томъ и дѣло, что умъ содержитъ въ себѣ все многообразіе (идей, сущностей), и только благодаря этому обстоятельству самъ есть всецѣлый, всеобъемлющій, а безъ этого онъ не былъ бы таковымъ. А если такъ, если умъ по-тому именно и есть всеобъемлющій, универсальный, что онъ есть все (сущее), то понятно, что нѣтъ и не можетъ быть ничего такого, что не вошло бы какъ нужный членъ въ эту всеобъемлющую полноту бытія, а равно и ничего такого, что не было-бы инымъ, чѣмъ все прочее, и что самими своими отличительными особенностями не служило-бы полнотѣ всего единого цѣлаго. Напротивъ, если бы не было въ умѣ этого многообразія и все было тождественно между собою, то это значило бы, что онъ обладаетъ такимъ несовершеннымъ существомъ, въ которомъ недостаетъ самыхъ главныхъ основъ для полноты и гармоніи его природы.

14. Чтобы имѣть болѣе ясное представленіе объ умѣ и видѣть, что онъ вовсе не есть такое единство, которое исключаетъ изъ себя всякое различіе, можно прибѣгнуть къ помощи какого нибудь примѣра изъ той же области сверхчувственнаго бытія. Вѣдь, если взять для примѣра хотя бы организующій принципъ (*λόγος*) растенія ли-то, или животнаго, то понятно, что если бы онъ былъ чистымъ единствомъ, безъ всякаго различія, то онъ и не былъ бы такимъ, т. е., организующимъ принципомъ и плодомъ его была бы только (однообразная, неорганизованная) матерія; а если онъ на самомъ дѣлѣ оказывается такимъ принципомъ, то это именно благодаря тому обстоятельству, что онъ содержитъ въ себѣ (преднамѣченными) всѣ органы, и что онъ обнимаетъ и проникаетъ (своею энергіею) всю матерію, не оставляя ни одной частицы ея совершенно похожую на какую нибудь другую. Вотъ почему лице напр. вовсе не представляетъ изъ себя однородной массы, но состоитъ изъ носа, очей, и т. д.; носъ въ свою очередь тоже вовсе не есть совершенно-простая вещь, а состоитъ изъ частей, самое различіе которыхъ обуславливаетъ бытіе и сущность его, какъ органа обонянія; обращенный же въ нѣчто совершенно однообразное, онъ будетъ простою массою вещества (а не носомъ). Такимъ-то образомъ въ умѣ содержитсяъ безконечное

разнообразіе (идей, сущностей); онъ представляетъ собою единство во множествѣ, но конечно не такое единство, какъ напр. домъ, а скорѣе такое, какъ организующій принципъ—который внутреннимъ образомъ изъ самого себя производитъ множественность,—такъ что и умъ имѣетъ въ себѣ какъ-бы нѣкую схему, или діаграмму (σχήμα, περιγραφή), въ которой намѣчены и схематизированы извнутри (ἔχων περιγραφάς ἐντός καὶ σχηματισμούς) всѣ его силы и мысли; но это различіе и раздѣленіе въ немъ происходитъ не извнѣ, не внѣшнимъ образомъ, а чисто внутреннимъ способомъ. Такимъ-то образомъ одно универсальное, всеобъемлющее живое существо содержитъ въ себѣ всѣ различные роды и виды живыхъ существъ, а въ этихъ содержатся живыя существа еще меньшія съ меньшими энергіями и такъ далѣе до существъ или формъ самыхъ послѣднихъ, т. е., индивидуальных (εἰς ἕδος ἄτομον). Всѣ эти существа и формы отличаются другъ отъ друга особенностями, не допускающими между ними смѣшенія, хотя въ то же время всѣ онѣ составляютъ изъ себя одно единое цѣлое. Но конечно, господствующее здѣсь единство во всемъ, называемое иногда дружбою, совсѣмъ не таково, какъ единство, принадлежащее этому чувственному міру, который есть только образъ—нѣкоторое подобіе того міра и состоитъ изъ элементовъ не только отличныхъ, но и отдѣльныхъ другъ отъ друга. Истинное единство возможно только тамъ, гдѣ всѣ сущности, ничѣмъ другъ отъ друга не раздѣленные, составляютъ изъ себя единое цѣлое; здѣсь же вещи отдѣляются другъ отъ друга (пространственно).

15. Кто изъ насъ, созерцая эту жизнь многообразную, всеобъемлющую, первоисточную и единую, не придетъ въ восхищеніе и вмѣстѣ не почувствуетъ жалости къ той жизни, которая совсѣмъ отлична отъ этой?! Ибо вѣдь тѣ формы жизни, которыя мы видимъ здѣсь на землѣ, суть всѣ какія-то темныя, словно тѣни слабыя, немощныя, неполныя, нечистыя, представляющія только пародію той чистой жизни. И чѣмъ дольше и глубже мы всматриваемся въ эти нечистыя жизни, тѣмъ болѣе обыкновенно мы теряемъ способность созерцать тѣ чистыя жизни и жить всячески тою жизнью, въ области которой нѣтъ ничего такого, что не жило бы чистою и полною жизнью, чуждою всякаго недостатка и всякаго зла. Зло царствуетъ только здѣсь, такъ какъ здѣсь имѣется только слѣдъ той жизни

и только слѣдъ того ума, между тѣмъ какъ тамъ пребываетъ самъ умъ, который, по выраженію Платона, есть имѣющій образъ блага архетипъ (*τὸ ἀρχέτυπον τὸ ἀγαθοειδές*), потому что благо присуще всѣмъ его идеямъ (*ὅτι ἐν τοῖς εἶδεσι τὸ ἀγαθὸν ἔχει*). Первое начало есть само Благо, умъ же есть только благій—образъ блага, по той причинѣ, что прежде всего самъ живетъ созерцаемъ (того абсолютнаго блага), а вслѣдствіе этого за тѣмъ и созданныя имъ существа оказываются такими же, т. е., благими, благоподобными (*ἀγαθοειδίῃ*). Благо присуще уму не такъ, какъ оно есть въ самомъ себѣ, а такъ, какъ умъ могъ его воспринять и имъ обладать, ибо благо есть первое, верховное начало, и отъ него уже всякое благо и въ умѣ и во всемъ, что имъ создано (въ ноуменальномъ мірѣ). Созданіе же это слѣдуетъ представлять такимъ образомъ: съ одной стороны умъ, созерцая верховное Благо, не могъ не мыслить, а съ другой онъ не могъ или не долженъ былъ узрѣть въ немъ тѣ сущности, которыя ему самому предлежало создать, ибо иначе онѣ не были бы его созданіями; поѣтому, умъ воспринялъ отъ него только силу создать эти сущности и наполняться своими созданіями. Самому Благоу не принадлежитъ эта способность (созданія всего сущаго), ибо существо его есть абсолютное—единое и простое, между тѣмъ какъ умъ производитъ множество—производитъ потому, что, не будучи въ состояніи объять во всей полнотѣ и удержать въ единствѣ эту полученную отъ Блага силу (творенія), такъ сказать, раздробилъ, размельчилъ ее, сдѣлалъ изъ единой множественную, чтобы по крайней мѣрѣ въ частяхъ обладать ею. Такимъ-то образомъ поелику твари ума созданы силою, полученною отъ Блага, то и онѣ отражаютъ въ себѣ Благо—суть благоподобныя, а такъ какъ умъ и самъ есть благій (вслѣдствіе изліянія на него отъ Блага творческой силы) и состоитъ изъ благоподобныхъ сущностей, то онъ можетъ быть названъ благомъ многообразнымъ (*ἀγαθὸν ποικίλον*, въ отличіе отъ Блага абсолютнаго единаго). Кому желательно имѣть приблизительное представленіе объ умѣ (въ его отношеніи къ многообразію ноуменовъ), тотъ пусть вообразитъ себѣ живую прозрачную сферу, играющую разноцвѣтными лучами, или массу соединенныхъ въ одно цѣлое, живыхъ, прозрачныхъ всяческихъ лицъ, а еще лучше—массу чистыхъ, чуждыхъ всякаго недостатка душъ, составляю-

щихъ изъ себя какъ-бы пирамиду, вершину которой занимаетъ умъ и освѣщаетъ отсюда все пространство этого ноуменальнаго міра. Это есть, конечно, только приблизительное представленіе, потому что въ немъ образъ (ноуменальнаго міра) предстать (воображающему) какъ внѣшній; адекватнымъ же оно могло бы быть только въ томъ случаѣ, если бы кто самого себя, такъ сказать, обратилъ въ этотъ бразъ и въ самомъ себѣ внутренно могъ созерцать это дивное зрѣлище.

16. Однако, сколь ни дивна эта многоразличная красота, необходимо подняться еще выше ея (къ верховному началу), ибо не столько нашъ чувственный, сколько этотъ сверхчувственный міръ возбуждаетъ въ насъ удивленіе и заставляетъ спрашивать, кто же его произвелъ и какимъ образомъ? Если ближе всмотрѣться въ этотъ міръ, то оказывается, что тутъ съ одной стороны каждая сущность представляетъ собою отдѣльную особь, какъ бы особый своеобразный типъ (*ἴδιος οἶον τόπος*), а съ другой, всѣ онѣ имѣютъ и нѣчто общее, именно всѣ благоподобны—всѣ имѣютъ обликъ блага; равнымъ образомъ, какъ существующія, онѣ имѣютъ всѣмъ имъ общее бытіе, а какъ живыя, имѣютъ всѣмъ имъ общую жизнь, да и многое другое имѣютъ, какъ общее. Изъ всего этого возьмемъ пока общее всѣмъ имъ благо, и спросимъ, почему оно имъ присуще, почему они благи? Къ рѣшенію этого вопроса лучше всего, кажется, будетъ подойти съ такимъ соображеніемъ: когда умъ сталъ созерцать Благо, то долженъ былъ въ мысли своей его единство сдѣлать множествомъ, потому что, будучи самъ единымъ и сущимъ, но не будучи въ состояніи (сразу) обнять мыслию все то единство (блага, верховнаго начала), былъ вынужденъ раздѣлить его на множество (единствъ). Но, скажутъ, если такъ, то не значить ли это, что до созерцанія блага онъ и умомъ—то не былъ, и что онъ или началъ созерцать бессмысленно, или совсѣмъ и не могъ созерцать?—Вовсе не значить, потому что умъ (отъ вѣчности) самою жизнію своею былъ всегда слитъ съ Благомъ, всегда былъ къ нему обращенъ и въ немъ утверждень. Черезъ это (предвѣчное и постоянное) движеніе около Блага, умъ наполняется имъ, какъ бы насыщается, и становится полнотою всего сущаго, съ полнымъ сознаниемъ этого, другими словами становится въ полномъ смыслѣ слова умомъ, который благодаря этому наполненію

имѣеть что созерцать и созерцаеть, но, конечно, созерцаеть при посредствѣ свѣта, истекающаго отъ того (верховнаго начала), которому обязанъ бытіемъ созерцаемаго. Вотъ почему говорится ¹⁾, что Благо есть причина не только бытія всего истинно-сущаго, но и его мыслимости, познаваемости: какъ солнце есть причина того, что чувственныя вещи существуютъ и доступны созерцанію (имѣющихъ глаза), а также того, что зрѣніе существуетъ и способно видѣть, хотя само солнце не есть ни эти вещи, ни зрѣніе,—точно также Благо есть причина и всего сущаго и самаго ума, есть какъ бы свѣтъ, отъ котораго стоятъ въ зависимости какъ сущности созерцаемыя, такъ и умъ созерцающій ихъ, хотя само оно не есть ни эти сущности, ни умъ, а есть только причина ихъ,—оно обуславливаетъ мышленіе тѣмъ, что отъ него истекаетъ свѣтъ и на сущности и въ умъ. Вотъ какимъ образомъ умъ имѣеть полноту (сущаго), а съ полнотою и совершенство,—вотъ почему и какъ онъ сталъ созерцающимъ, мыслящимъ, а предшествовавшее этому состояніе его, конечно, было иное, и то начало (Благо), отъ котораго онъ получилъ полноту, можно представлять себѣ какъ бы отвѣтъ на него дѣйствующимъ, такъ какъ оно, наполняя его, какъ бы отпечатлѣваетъ на немъ свой образъ.

17. Однако, какъ же это, скажутъ, могутъ въ умѣ появиться сущности, и составить полноту его, если онѣ первоначально не находились ни въ томъ началѣ, которое даруетъ, ни въ томъ, которое получаетъ эту полноту, такъ какъ, вѣдь, умъ, до полученія (отъ верховнаго начала) своей полноты, не обладалъ ею?—На это отвѣтимъ вотъ что: вовсе не необходимо, чтобы дарующему самому принадлежало (какъ моментъ его природы) то, что онъ даруетъ другому; ноуменальный міръ связанъ лишь тою необходимостію, что дарующій всегда совершеннѣе приемлющаго, этимъ только тутъ и обуславливается порядокъ происхожденія. Точнѣе, что тутъ занимаетъ высшее мѣсто, то имѣеть бытіе актуальное, а что занимаетъ низшее мѣсто, то представляетъ лишь потенціальность ему предшествующаго, а это значить, что предшествующее выше послѣдующаго, какъ равно и дарующій выше приемлющаго—выше потому, что лучше,

¹⁾ Это выраженіе, да и вся эта параллель между солнцемъ въ его отношеніи къ чувственному міру и идеею блага въ ея отношенія къ міру ноуменальному—принадлежатъ Платону. Госуд. кн. VI. р. 507—509.

совершеннѣе его. Поэтому, если несомнѣнно, что существуетъ начало, предшествующее самой актуальной энергіи, то это начало вмѣстѣ съ тѣмъ должно быть высшимъ, чѣмъ актуальная энергія, чѣмъ жизнь; и это значитъ, что хотя оно дастъ уму жизнь, но само представляетъ собою нѣчто еще болѣе прекрасное и цѣнное, чѣмъ сама жизнь, и что хотя умъ получилъ отъ него всю полноту жизни, но самому подателю ея не принадлежитъ все ея разнообразіе. Жизнь ума есть только какъ бы печать того, который далъ ему ее, но вовсе не есть жизнь самого подателя ея; до обращенія къ нему умъ представлялъ собою бытіе неопредѣленное, а какъ только обратился и устремился къ нему, тотчасъ получилъ отъ него опредѣленность, детерминацію, хотя ему самому чужда всякая детерминація. Какъ только умъ сталъ созерцать Первоединаго, тотчасъ получилъ отъ него опредѣленность, ограниченіе, форму, которая тоже такимъ образомъ стала достояніемъ получившаго ее, не будучи однако принадлежностію самаго давшаго ее. Впрочемъ, это ограниченіе не отъиѣ наложено на умъ подобно границамъ (протяженной) величины, но оно внутренно вытекало изъ самого существа этой жизни—жизни безконечной, многообразной, всеобъемлющей, которая хотя истекла на подобіе свѣта отъ того высочайшаго существа, но не была его собственною жизнію, ибо въ противномъ случаѣ (и въ немъ) она была бы опредѣленною, индивидуализованною. Теперь же (въ умѣ) она получила опредѣленность, какъ такое множество и вмѣстѣ единство, въ которомъ каждая сущность особымъ образомъ опредѣлена,—точнѣе, съ одной стороны какъ множество сущностей, зависящее отъ разнообразія (ихъ природъ), а съ другой какъ единство, обусловливаемое единствомъ опредѣляющаго всѣхъ ихъ начала. Что даетъ этой (многообразной) жизни единство? Конечно, умъ, ибо онъ есть одна опредѣленная жизнь. Что дѣлаетъ эту жизнь множествомъ? Конечно, не иное что, какъ множество мыслей ума, или множество умовъ. Все тутъ есть умъ—съ одной стороны умъ единый всеобъемлющій, а съ другой—содержимое и объемлемое имъ множество умовъ индивидуальныхъ. Но если каждый изъ индивидуальныхъ умовъ объемлетъ однимъ всеобщимъ умомъ, то значитъ ли это, что каждый такой умъ тождественъ съ каждымъ такимъ же другимъ? Нисколько,—потому что въ такомъ разѣ

всеобщій умъ обнималъ-бы (не множество, а) единство. Итакъ, сама множественность умовъ предполагаетъ различіе между ними. Однако, что же собственно дѣлаетъ ихъ различными (и отъ всеобщаго ума и другъ отъ друга)? Да—то, что каждый изъ нихъ есть единичный, индивидуальный; не можетъ-же въ самомъ дѣлѣ индивидуальный умъ быть тождественнымъ съ умомъ всеобщимъ (какъ равно и съ каждымъ другимъ также индивидуальнымъ), ибо тутъ жизнь есть энергія всеобщая и всеобъемлющая, истекающая же изъ нея мысль есть реальная потенція всего сущаго, а самъ умъ (какъ синтезъ той и другой) есть ставшая явною дѣйствительность всего сущаго—(совокупность всѣхъ сущностей—идей), а выше всего стоитъ Тотъ, который, не вуждаясь для себя ни въ какомъ началѣ, или основаніи, самъ служитъ основой для всего существующаго и даже для того, который есть идея идей (*εἶδος εἰδῶν*)—т. е., умъ или форма формъ, самъ вовсе не будучи идеей, и не имѣя никакой формы. Въ свою очередь умъ даетъ душѣ то же самое, что самъ имѣетъ отъ того верховнаго начала, именно онъ озаряетъ ее своимъ свѣтомъ, детерминируетъ ее, дѣлаетъ разумною, словомъ начертываетъ въ ней свой образъ, который самъ получилъ свыше. Однако хотя умъ есть образъ Первоедиаго,—образъ, содержащій въ себѣ многообразіе формъ, но самъ Первоединый не имѣетъ никакого образа, никакой формы (*ἄμορφος καὶ ἀνεἶδος*), и только потому и можетъ быть творческимъ началомъ всяческихъ формъ, а если-бы онъ самъ имѣлъ форму, тогда умъ былъ бы (не умомъ), а только разсудочнымъ началомъ (т. е., третьимъ началомъ—душею). Итакъ, необходимо признать, что первое—верховное начало исключаетъ изъ себя всякую множественность, потому что въ противномъ случаѣ его множественность для своего изясненія требовала бы иного, высшаго начала.

18. Теперь спросимъ, въ какомъ смыслѣ, или почему собственно сущности, составляющія содержаніе ума, суть благоподобныя? Потому ли, что каждая изъ нихъ есть идея, форма, потому ли, что всѣ онѣ прекрасны, или еще по чему нибудь? Отвѣтъ на это таковъ: все, что происходитъ отъ Блага, должно носить въ себѣ его характеръ, отпечатокъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторый слѣдъ, подобно тому какъ отъ огня (въ вещи, подвергшейся его дѣйствию) остается слѣдъ огня, отъ сладкаго оста-

ется слѣдъ сладости. А такъ какъ умъ имѣеть отъ Блага всю свою жизнь, такъ какъ онъ обязанъ Благу и тѣмъ, что существуетъ, и тѣмъ, что есть умъ, и тѣмъ, что всѣ идеи его обладаютъ красотою, то все это—и жизнь, и умъ, и идея имѣютъ въ себѣ образъ блага. Однако, есть ли между всѣми этими вещами что либо общее—имъ самимъ принадлежащее, помимо того общаго, что всѣ онѣ одинаково происходятъ отъ одного и того же начала? Спрашиваемъ объ этомъ, выходя изъ того соображенія, что отъ одного и того же начала могутъ происходить вещи различныя, и что одна и та же вещь можетъ стать совсѣмъ иною, перейдя отъ давшаго ее къ получившему ее, ибо на примѣръ совсѣмъ иное есть та первая энергія (или энтелехія), на которую даръ блага изливается, и совсѣмъ иное есть то, что этой первой энергіи ¹⁾ (отъ блага) даруется. Выходить, что всѣ эти вещи (жизнь, умъ, идея) суть нѣчто совсѣмъ иное (чѣмъ само благо), хотя это нисколько не мѣшаетъ каждой изъ нихъ быть благоподобною въ такой или иной мѣрѣ. Чѣмъ же, спрашивается, обуславливается самая высшая степень этого свойства (доброты, благоподобія)? А еще прежде спросимъ: жизнь представляетъ ли собою благо потому только, что есть жизнь, хотя бы это была жизнь совершенно голая, пустая, всего лишенная, или же жизнь только тогда и заслуживаетъ быть и именоваться жизнію, когда она истекаетъ отъ блага и оказывается такою, какою только и можетъ быть (жизнь, идущая изъ этого источника)? И чья собственно эта жизнь? Конечно, она не есть жизнь самаго Блага, потому что она только истекаетъ изъ него (какъ даръ). А если такъ, если для жизни самое существенное состоитъ въ томъ, чтобъ имѣть въ себѣ нѣчто отъ Блага, а отъ блага ничто малоцѣнное не исходитъ, то понятно, почему эта жизнь (какъ истекающая изъ Блага), въ строгомъ смыслѣ слова истинная сама по себѣ, составляетъ благо; то же самое слѣдуетъ тѣмъ болѣе сказать о первомъ и истинномъ умѣ, т. е., что и онъ самъ есть благо, да и о каждой изъ его идей, что каждая есть благо, или по крайней мѣрѣ образъ блага. Такимъ образомъ, всѣ эти вещи имѣютъ въ благѣ съ одной стороны свой общій признакъ, а

¹⁾ Тутъ, по всей вѣроятности, Плотинъ имѣеть въ виду Аристотелевское понятіе объ абсолютномъ умѣ, какъ о первой энергіи, или энтелехія, какъ о чистой актуальности.

съ другой также и отличительный, насколько одна изъ нихъ обладаетъ благомъ въ первой, высшей степени, другая—въ слѣдующей затѣмъ низшей степени. Но такъ какъ каждая изъ нихъ въ самомъ существѣ своемъ содержитъ и представляетъ нѣчто благое, то каждая отъ присутствія въ ней блага, сама есть своего рода благо, такъ что и жизнь есть благо, насколько она есть не просто только жизнь (голое бытіе), а жизнь истинная, какая истекаетъ изъ самого Блага, и умъ есть благо, насколько онъ есть умъ истинный, оттуда же истекающій. Въ этомъ отношеніи между жизнію и умомъ есть одно нѣчто общее, какъ и вообще, когда о двухъ различныхъ вещахъ утверждается одинъ предикатъ, когда этотъ общій предметъ можетъ быть принимаемъ за выраженіе общей имъ обѣимъ сущности, но можетъ быть и абстрагируемъ отъ нихъ въ особое самостоятельное понятіе, какъ напримѣръ понятіе живого существа простирается на человѣка и коня (отъ которыхъ и абстрагируется), или понятіе теплоты—на огонь и воду, съ тѣмъ однако различіемъ, что тутъ общее есть родъ (обнимающій собою различные виды), а тамъ общее (между жизнію и умомъ) есть нѣчто такое тождественное, которое въ одномъ членѣ имѣетъ первую высшую степень, въ другомъ—вторую—низшую.

Но въ какомъ именно смыслѣ оба эти члена (жизнь, умъ, а кромѣ того и всѣ идеи) должны быть называемы благами? Суть ли они простые омонимы (Блага)¹⁾, или благо составляетъ самое существо каждаго изъ нихъ, притомъ такъ, что каждое во всей цѣлости своей есть цѣлое благо? Но Благо не можетъ заключаться въ каждомъ изъ нихъ всецѣло (потому что если бы оно все заключалось въ одномъ, то его совсѣмъ не было бы въ другомъ). Или, быть можетъ, они суть части Блага? Но благо—недѣлимо. Гораздо правильнѣе будетъ такое представленіе, что между тѣмъ какъ само Благо едино, все таки и первая энергія есть благо,

¹⁾ Омонимами, въ отличіе отъ синонимовъ, Аристотель называетъ такіа наименованія, которыя употребляются въ несобственномъ смыслѣ въ приложеніи къ вещамъ, которыя ничего не имѣютъ общаго съ вещами, называемыми тѣми же именами въ собственномъ смыслѣ, кромѣ одинаковаго имени. Такъ напримѣръ образъ на картинѣ, который мы называемъ человѣкомъ или львомъ, по Аристотелю, есть только омонимъ человѣка, льва.

и детерминація ея есть благо, и соединеніе ихъ есть благо,—первая энергія—благо потому, что истекла отъ Блага, детерминація—потому благо, что она есть изъ него же (абсолютнаго Блага) истекшая красота, и синтезъ ихъ есть благо, насколько онъ составляется изъ ихъ обѣихъ (какъ благъ). Хотя всѣ эти вещи происходятъ отъ одного и того же начала, но онѣ не тождественны (ни съ нимъ, ни между собою), подобно тому какъ (въ хорѣ) столь различныя вещи, какъ пѣніе, хожденіе и другія движенія управляются однимъ и тѣмъ же началомъ. Этимъ однимъ началомъ служить тутъ порядокъ, риѣмъ,—ну а тамъ—что? Вѣдь, намъ могутъ возразить, что если тутъ пѣніе и хожденіе бываетъ изящнымъ, то этимъ то и другое обязано внѣшнему началу, такъ какъ сами они совсѣмъ не то суть, что порядокъ и риѣмъ, между тѣмъ какъ тѣ вещи, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, и сами по себѣ суть такія (добрыя, прекрасныя). Но почему же и сами онѣ суть такія? Тутъ мало сказать: это потому, что онѣ проистекаютъ отъ самого Блага. Конечно, разъ онѣ происходятъ отъ самого Блага, то уже по этому одному должны имѣть высокую цѣну, но разумъ однимъ этимъ не удовлетворяется и спрашиваетъ далѣе, чѣмъ еще кромѣ этого условливается и въ чемъ состоитъ ихъ доброта.

19. Не обратиться ли намъ для рѣшенія этого вопроса къ другой, именно къ желательной способности души? Въ такомъ разѣ намъ пришлось бы согласиться, что благо есть то, чего душа желаетъ, къ чему она стремится, вовсе не задаваясь вопросомъ, почему она къ нему и только къ нему стремится. Это значило бы, что, считая нужнымъ все остальное рационально обосновывать, мы одно благо представили бы на произволь желанія. Но это повело бы ко многимъ несообразностямъ: прежде всего это значило бы низвести благо въ рядъ относительныхъ вещей, а потомъ извѣстно вѣдь, что душа имѣетъ множество желаній, относящихся къ различнымъ предметамъ; спрашивается, какъ же это желаніе само по себѣ можетъ быть рѣшающимъ судьбою о томъ, какой изъ этихъ предметовъ лучше? Вѣдь для того, чтобы знать, что есть лучшее, необходимо напередъ знать, что есть хорошее, доброе. Ужъ не согласиться ли намъ, что благо есть то же, что добродѣтель, свойственная

каждому существу? ¹⁾ Но согласиться на это значило бы придти послѣдовательно къ выводу, что благо тождественно съ формою, идеею, съ внутреннею идеальною основою существа, а тогда что отвѣтимъ мы, если насъ спросятъ, да почему же суть благо сами эти вещи (форма, идея)? И не странно ли, что мы повидимому легко усматриваемъ природу блага даже здѣсь, въ этихъ несовершенныхъ (чувственныхъ) вещахъ, хотя оно имъ присуще не въ своемъ чистомъ видѣ, а тамъ не можемъ усмотрѣть его природы сразу путемъ сравненія (тѣхъ идеальныхъ вещей) съ этими худшими вещами, и недоумѣваемъ тамъ, гдѣ нѣтъ никакого зла и гдѣ сущности лучшія, болѣе совершенныя существуютъ сами въ себѣ и по себѣ!? Но не потому ли собственно и постигаетъ насъ неудача, что мы все спрашиваемъ, почему да почему, между тѣмъ какъ тутъ это почему (не есть что либо особое, а) тождественно съ самою идеею, съ самою сущностію? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь если даже признать Божество особою (отличною отъ блага) причиною, то и тогда остается не устраненнымъ то же самое затрудненіе. Мы пока не прибѣгаемъ къ этому предположенію и попытаемся, нельзя ли чего нибудь достигнуть инымъ путемъ.

20. Такъ какъ мы сомнѣваемся, чтобъ желанія (сами по себѣ) способны были къ различенію вещей по ихъ сущности и качествамъ, то обратимся прежде всего къ тѣмъ различіямъ между вещами, которыя имѣютъ характеръ противоположности, каковы наприм. порядокъ и безпорядокъ, соразмѣрность и несоразмѣрность, здоровье и болѣзнь, благообразіе и безобразіе, субстанціальность и несубстанціальность, существованіе и исчезновеніе и т. п. Развѣ возможно колебаніе и сомнѣніе относительно того, что всѣ первые члены этихъ паръ представляютъ собою различные виды блага? А если такъ, то въ Благѣ же должны лежать и причины или основанія всѣхъ ихъ, ибо въ самомъ дѣлѣ и добродѣтель, и жизнь, и умъ, и мудрость—все это суть виды блага, тѣмъ болѣе, что это суть блага, къ которымъ стремится всякая разумная жизнь. Но, возражать, почему же мы не останавливаемся на умѣ и не отождествляемъ его съ самымъ благомъ, если сама душа и жизнь суть образы и виды ума, если душа всегда желаетъ обладать умомъ, судить

¹⁾ Это Аристотелевское опредѣленіе.

посредствомъ ума и руководится умомъ въ своихъ дѣйствіяхъ. признавая напр. справедливость лучшею, чѣмъ несправедливость, предпочитая всякій видъ добродѣтели всякому виду порока, избирая всегда то, что лучше и достойнѣе? Да потому что умъ не есть единственное и послѣднее, чего желаетъ душа. Едва ли нуженъ длинный рядъ доказательствъ на то, что не умъ составляетъ самую высшую и послѣднюю цѣль (всего существующаго): не всѣ существа желаютъ имѣть умъ, но всѣ желаютъ обладать благомъ; изъ существъ, не обладающихъ умомъ, только нѣкоторые, а не всѣ стремятся быть умными, между тѣмъ какъ обладающіа умомъ, не останавливаются на немъ, не удовлетворяются имъ однимъ, и послѣ него еще ищутъ блага; притомъ же умъ обыкновенно желается и ищется уже послѣ появленія размышленія и путемъ размышленія, тогда какъ благо желается и прежде размышленія; наконецъ, если существо желаетъ жить, существовать, дѣйствовать, то желаетъ всего этого не насколько все это есть умъ, мысль, а насколько есть благо, насколько все это и истекаетъ изъ блага и въ него же возвращается,— ибо только подъ такимъ условіемъ сама жизнь желательна.

21. Если теперь спросимъ, что есть то одно, которое своимъ присущіемъ дѣлаетъ эти вещи (жизнь и умъ) благами, то смѣло можно отвѣтить такъ: и умъ и жизнь имѣютъ въ себѣ образъ Блага (суть видовыя блага) и вотъ почему собственно они составляютъ предметъ желанія и стремленія, имѣютъ же они въ себѣ образъ Блага потому, что какъ первая жизнь есть актуальная энергія Блага, или энергія, истекающая изъ Блага, такъ умъ есть также самая энергія, только детерминированная (расчлененная въ систему идей); истекая изъ Блага, они сіяютъ чрезвычайнымъ блескомъ и вотъ почему душа желаетъ ихъ,—желаетъ съ одной стороны потому, что они, будучи благами сами въ себѣ и по себѣ, въ то же время свойственны ея природѣ, а съ другой потому, что будучи свойственны ей, они въ то же время суть такія блага, которыя не могутъ быть нежелаемы, ибо то, что только свойственно чему нибудь, но не есть благо, можетъ и не быть желаемо. Поэтому, если иногда даже вещи далекія (отъ того воуменальнаго міра), вещи низшаго порядка превлекаютъ наше вниманіе на столько, что мы къ нимъ пристращаемся, то причиною этого служить не то,

что эти вещи суть сами по себѣ, а то иное нѣчто, которое въ нихъ приводить оттуда—свыше. Подобно тому какъ здѣсь (на землѣ) тѣла, не смотря на присутствіе примѣшивающагося къ нимъ самимъ свѣта, для того чтобъ цвѣта ихъ были видимы, нуждаются еще въ иномъ внѣшнемъ свѣтѣ, точно также и тамъ ноуменальныя сущности, кромѣ присущаго имъ собственнаго свѣта, нуждаются еще въ иномъ свѣтѣ (отъ верховнаго начала), чтобъ быть видимыми и для самихъ себя и для другихъ существъ.

22. Когда кто-либо удостоивается узрѣть свѣтъ, истекающій отъ блага и озаряющій весь ноуменальный міръ, у того естественно возгорается желаніе пребывать въ этомъ мірѣ и наслаждаться сіяющимъ тутъ свѣтомъ, подобно тому какъ и здѣсь тѣлесныя вещи привлекаютъ насъ не сами по себѣ, а собственно блескомъ, прелестью отражающейся въ нихъ красоты. Каждый ноумень тамъ есть прежде всего самъ по себѣ и для себя, становится же онъ предметомъ желанія лишь потому, что Благо его освѣщаетъ и какъ бы расцвѣчиваетъ и тѣмъ желаемому сообщаетъ прелесть, а въ желающемъ воспламеняетъ любовь. Поэтому-то душа, какъ только почувствуетъ это вліяніе (Блага), тотчасъ приходитъ въ волненіе, въ вакхическую восторженность, переполняется жгучимъ желаніемъ и вся превращается въ любовь, а пока не чувствуетъ этого вліянія, она не приходитъ въ восторгъ даже предъ красотой ума, потому что даже эта красота, если въ ней не сіяетъ свѣтъ блага, инертна и безжизненна, почему душа въ ея присутствіи остается тоже инертною и сонною и даже по отношенію къ уму оказывается холодною и равнодушною. Напротивъ, бывъ какъ бы согрѣта теплотою оттуда (доброю Блага), она тотчасъ пробуждается, чувствуетъ притокъ новыхъ силъ, сознаетъ какъ бы выросшія вдругъ у себя крылья, и тогда воспаряетъ не только въ область ближайше высшую (въ область ума), но и еще дальше къ чему-то иному еще высшему (къ Блугу), все болѣе и болѣе какъ бы дѣлаясь легкою, благодаря силѣ (оживающаго) воспоминанія ¹⁾; доколѣ пунктъ, котораго она въ этомъ

¹⁾ Вся эта картина полета души въ идеальннй міръ заимствована Плотинномъ изъ Платоновскаго Федра, а воспоминаніе, облегчающее душу въ этомъ полетѣ, есть тоже намекъ на Платоновскую гносеологію, по которой интеллектуальное познаніе есть припоминаніе идей, которыя душа созерцала въ сверхчувственномъ мірѣ до своего воплощенія.

полетѣ достигаетъ, не есть самый высшій, она поднимается все выше и выше, движимая естественнымъ непреодолимымъ влеченіемъ къ тому, который внушаетъ любовь къ себѣ,—и такимъ образомъ минуетъ даже область ума, но конечно въ Благѣ достигаетъ послѣдней границы и останавливается на немъ, такъ какъ нѣтъ и не можетъ быть ничего еще высшаго. Правда, что и въ области ума она имѣетъ предъ собою дивное, величественное зрѣлище, однако даже тутъ не оказывается всего того, чего ищетъ, что для нея наиболѣе возжелѣнно. Нѣкоторое подобіе (ума безъ блага) этому представляетъ такое лицо, которое не бываетъ привлекательно, не смотря на красоту свою, когда въ немъ нѣтъ того, что называется граціею, пріятностію, такъ что и тутъ (въ чувственномъ мірѣ) красоту составляетъ не столько сама пропорціональность, симметричность, сколько тотъ нѣкоторый особый блескъ, который ее освѣщаетъ и оживляетъ и въ которомъ лежитъ вся тайна привлекательности, прелести. Почему это въ самомъ дѣлѣ красота имѣетъ весь свой блескъ только въ живомъ лицѣ, а въ мертвомъ остаются лишь слѣды ея, и это даже тогда, когда черты лица еще насколько не успѣли измѣниться? Почему статуи, въ которыхъ замѣчается больше оживленности, жизненности, болѣе красивы, привлекательны, чѣмъ статуи, которыя превосходятъ ихъ точною правильностію пропорцій (но уступаютъ жизненностію)? Почему животное живое даже не красивое, все таки красивѣе самой лучшей картины самаго красиваго экземпляра того же животнаго?—Да потому что первое есть нѣчто само по себѣ цѣнное и желательное, а таково оно потому, что имѣетъ душу, а имѣющее душу болѣе благоподно (чѣмъ не имѣющее), потому что въ душѣ отражается свѣтъ блага, и она, освѣщаемая этимъ свѣтомъ, представляетъ собою то болѣе тонкое начало постоянной недремлющей энергіи, которое оживляетъ, бодритъ, дѣлаетъ болѣе легкимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе благообразнымъ само тѣло, въ которомъ обитаетъ, насколько къ тому тѣло способно.

Профессоръ Г. В. Малеванскій.

(Продолженіе будетъ).

ВОСЕМЬ ПОУЧЕНИЙ О МИССИОНЕРСКОМЪ ДѢЛѢ.

Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества.

(Окончаніе *).

ПОУЧЕНІЕ ПЯТОЕ.

Обрътохомъ Іисуса. Іоанна I, 45.

Съ какимъ восторгомъ первые ученики Господа Іисуса дѣлились съ своими близкими радостною вѣстію, что пришелъ, наконецъ, обѣтованный Спаситель міра! Вотъ Андрей Первозванный встрѣчаетъ своего брата Симона радостнымъ привѣтомъ: *обрътохомъ Мессію*—желаннаго Христа! И ведетъ брата къ Іисусу Христу. Вотъ Филиппъ находитъ Наѳанаила и съ святымъ восторгомъ возвѣщаетъ ему: *Его-же писа Моисей въ законъ и пророцы, обрътохомъ Іисуса, сына Іосифова, иже отъ Назарета!* (Іоан. 1, 41. 45). Ты не вѣришь мнѣ? *Приди и виждь.* Самъ посмотри и убѣдись. Такъ радовались первые ученики Господа, познавъ въ Немъ давножданнаго Христа Спасителя.

И въ самомъ дѣлѣ, было чему радоваться: что за темная, непроглядная ночь идолопоклонства облегала всѣ народы земли, кромѣ народа, Богомъ избраннаго, до пришествія въ міръ Спасителя! Прекрасно изображаетъ эту ночь Богодухновенный пророкъ Исаія, когда говоритъ о бѣдственномъ положеніи потомковъ Исава: *„кричитъ мнѣ съ Сеира: сторожъ, сколько ночи? Сторожъ, сколько ночи? Сторожъ (самъ Пророкъ) отвѣчаетъ: приближается утро, но еще ночь“*... (21, 11—12). Не слы-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 1.

шится ли въ этомъ нетерпѣливомъ вопросѣ обитателей горы Сеира томительное желаніе всего рода человѣческаго, всѣхъ, *спящихъ во тьмѣ и снѣи смертной* (Матѣ. 4, 16) скорѣе узрѣть Солнце правды—Христа, скорѣе видѣть обѣтованнаго Примирителя, возжелѣнное Чайніе всѣхъ народовъ земныхъ? (Быт. 49, 10).

Братіе! Для насъ это Солнце незаходимое возсіяло раньше, чѣмъ мы явились на свѣтъ Божій. Счастливы, сугубо счастливы мы, что родились отъ православныхъ родителей, что насъ отъ рожденія воспріяла въ свои благодатныя объятія святая мать наша—Церковь Православная, что отъ самой колыбели мы научились произносить превозжелѣнное имя Небеснаго Бога и Отца. Но сколько еще милліоновъ людей томится во мракѣ идолопоклонства, сколько еще милліоновъ блуждаетъ во тьмѣ и снѣи смертной, почитаетъ Будду, вѣритъ Магомету, поклоняется бурханамъ, керемети и другимъ идоламъ, обожаетъ огонь и даже самаго злаго духа—дѣвола!.. И милліоны этихъ людей живутъ не только гдѣ нибудь въ Китаѣ, Индіи, Японіи или въ отдаленнѣйшихъ отъ насъ странахъ Америки, Африки и Австраліи, но и въ нашемъ отечествѣ, въ нашей Сибири и Туркестанѣ, и даже ближе—въ нашихъ восточныхъ губерніяхъ: Пермской, Оренбургской, Уфимской, Казанской, Астраханской и другихъ. По истинѣ, еще не прошла для нихъ темная ночь языческихъ заблужденій, не возсіялъ для нихъ благодатный свѣтъ Христова Евангелія?... Что же? Когда мы размышляемъ объ этомъ въ духѣ любви христіанской, не слышится ли и намъ въ нашей совѣсти, въ чувствѣ нашего христіанскаго сердца, не слышится ли со стороны этихъ, пребывающихъ въ глубокомъ мракѣ язычества, нашихъ соотечественниковъ-инородцевъ, тотъ же жалобный вопросъ, какой слышалъ Пророкъ Исаія: сторожъ, сколько ночи? сторожъ, сколько ночи? Долго ли намъ бродить въ этой непроглядной тьмѣ и снѣи смертной? Скоро ли возсіяетъ для насъ свѣтлый день христіанской жизни?... Что жъ? Ужели и мы отвѣтимъ имъ, что еще не настало для нихъ утро—радостное утро просвѣщенія ихъ свѣтомъ вѣры Христовой? Да не будетъ! Мы можемъ, мы всѣ должны и обязаны распространять этотъ благодатный свѣтъ

по всей землѣ и просвѣщать его животворящими лучами всѣхъ людей... „И было ночью видѣніе Павлу“, такъ читаемъ мы въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, „предсталъ нѣкій мужъ Македонянинъ, прося его и говоря: прійди въ Македонію и помоги намъ“ (16, 9). Такъ Ангелъ страны Македонской призываетъ великаго Апостола языковъ на проповѣдь въ Македонію. Значить, были алчущіе и жаждущіе слова спасенія въ этой странѣ; были люди, которые хотя смутно понимали или чувствовали, въ какомъ духовно-бѣдственномъ состояніи они находятся. И вотъ, Промыслъ Божій таинственнымъ видѣніемъ зоветъ къ симъ несчастнымъ Апостола, и Апостоль спѣшитъ въ Македонію, обильно сѣетъ здѣсь святое сѣмя проповѣди Евангельской и собираетъ тамъ обильную жатву. Есть, братіе, есть и теперь эта великая жатва слышанія слова Божія и въ современныхъ намъ язычникахъ. Послушайте, почитайте, съ какою наприимѣръ, великою жаждой слушаютъ проповѣдь Евангелія Христова язычники—японцы! Какъ они просятъ прислать къ нимъ проповѣдниковъ вѣры Христовой! Подумайте только, что вѣдь всѣ эти, теперь намъ совсѣмъ чужіе люди, если они содѣлаются чадами святой Православной Церкви, то будутъ нашими братьями о Христѣ, нашими лучшими друзьями; а всѣ эти полудикіе кочевники нашихъ сибирскихъ тундръ и степей, всѣ эти калмыки, башкиры, тунгусы, якуты, буряты, камчадалы и множество другихъ племенъ—развѣ они не могутъ, принявъ вѣру православную, и сами переродиться въ православныхъ русскихъ людей, какъ переродились и совершенно слились съ русскимъ народомъ древнія племена—Чудь, Меря, Вятчи и другія? Кто изъ васъ, братіе, не возрадовался бы такому великому и вождельному торжеству нашей святой православной вѣры? И что, въ самомъ дѣлѣ, мѣшаетъ каждому изъ насъ, по мѣрѣ силъ и средствъ, содѣйствовать успѣху проповѣди Евангельской между язычниками-инородцами Россіи? Было время, братіе, когда многіе-многіе изъ насъ могли сказать: „и радъ бы помочь, да не знаю какъ и чѣмъ помогу“. Слава Богу, теперь этого сказать нельзя. Есть люди, которые беззавѣтно посвятили себя великому подвигу проповѣди Евангельской; они живутъ тамъ, среди всѣхъ этихъ полудикихъ

инородцевъ, учать ихъ вѣрѣ Христовой, крестятъ ихъ, путешвуя для сего изъ края въ край по обширной нашей Сибири, перенося всякія скорби и лишенія, теряя силы и здоровье въ этомъ воистину апостольскомъ подвигѣ... Одинъ изъ сихъ великихъ труженниковъ, ставъ въ вполгдствіи святителемъ Московскимъ, глубоко принялъ къ сердцу всѣ нужды и скорби проповѣдниковъ Евангелія въ далекихъ краяхъ Сибирскихъ и пригласилъ добрыхъ людей соединиться въ особое общество для помощи этимъ смиреннымъ дѣателямъ нивы Господней. Такъ возникло въ Москвѣ Православное Миссіонерское Общество; сама благочестивѣйшая Государыня Императрица соизволила принять его подъ Свое Высокое покровительство, многіе члены Царской Семьи, почти всѣ наши архипастыри стали его членами, а Московскій первосвятитель—его постояннымъ, главнымъ руководителемъ. И вотъ уже почти тридцать лѣтъ неустанно трудится это Общество. Оно собираетъ пожертвованія на святое дѣло распространенія вѣры православной, избираетъ способныхъ людей и отправляетъ ихъ въ отдаленную Сибирь и Японию для Евангельской проповѣди, помогаетъ имъ всѣмъ, чѣмъ можетъ: строить тамъ церкви, школы, больницы, посылаетъ туда святыя иконы, книги, церковную утварь и даже одежду для новокрещенныхъ бѣдняковъ-инородцевъ. Дѣло воистину святое, великое, но и многотрудное! И какъ отрадно быть участникомъ въ этомъ святомъ дѣлѣ!... Сегодня, въ первое воскресенье великаго поста, когда воспоминается торжество святой вѣры православной надъ всѣми древними и новыми ересями и лжеученіями, всѣ православные на всемъ пространствѣ земли Русской нарочито приглашаются принести свои лепты на распространеніе Православія между язычниками, обитающими въ нашемъ обширномъ отечествѣ.

Возлюбленные о Христѣ братіе! Самъ Апостоль Павелъ не стыдился собирать пожертвованія на такое святое дѣло, онъ не разъ съ благодарностію говоритъ объ этихъ пожертвованіяхъ въ своихъ посланіяхъ (Рим. 15, 26—27; 1 Кор. 16, 1—3; 2 Кор. 9, 1—7; Филип. 4, 10—15 и т. под.), и видитъ въ нихъ живое доказательство истинной христіанской любви (2 Кор. 8, 24).

Ужели же мы не пожелаемъ быть участниками въ этихъ пожертвованіяхъ? Принесемъ каждый свою лепту, пожертвуетъ каждый, кочу сколько Богъ на сердце положить: *доброхотна бо дателию любитъ Бога*, говоритъ Апостоль святой. Не имѣешь многого—подай сколько можешь; только подай, не упусти случая помочь и породцу обрѣсти Христа Спасителя... И пойдутъ всѣ эти наши, даже самыя малыя приношенія, во славу Божию, и благословятъ своихъ невѣдомыхъ благодѣтелей проповѣдники-труженики, благословятъ ихъ и новокрещенные братья наши о Христѣ... И тѣмъ и другимъ будетъ дорога ваша братская любовь, ваше усердіе къ дѣлу ихъ спасенія. Апостоль Іаковъ говоритъ: *обративый грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти и покрыветъ множество грѣховъ* (5, 20). А вы своею жертвою помогите обращенію грѣшника-идолопоклонника ко Христу Спасителю. Вспомните, что, по слову Самого Господа, велика бываетъ радость на небесахъ и ради одного покаившагося грѣшника, а вы своими приношеніями поможете спасенію, можетъ быть, не одного язычника... Нельзя не припомнить здѣсь слѣдующій трогательный случай: одна киргизка—христіанка, не имѣя что пожертвовать новокрещеннымъ, сняла съ головы свой платокъ, а съ своего груднаго младенца рубашечку и отдала ихъ новокрещеннымъ киргизамъ-бѣднякамъ. Вотъ по-истинѣ жертва Евангельской вдовицы, достойная подражанія! Не поскупились же, возлюбленные, памятуя слова Апостола Павла: *стѣй скудостію, скудостію и пожнетъ, а стѣй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* (2 Кор. 9, 6).

ПОУЧЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Торжествомъ Православія нарекла Святая Церковь нынѣшній день, ибо съ этимъ днемъ она соединила радостное воспоминаніе о побѣдоносномъ окончаніи ею продолжительной и трудной борьбы съ разнаго рода ересами и заблужденіями, которыя усиливались помрачать и затмить свѣтлый образъ православной истины, извратить богопреданное ученіе. вспомооществуемая благодатною силою Божіею, Православная Церковь

через богомудрыхъ отцевъ и учителей поборола всѣ ереси, отвергла всѣ заблужденія, покушавшіяся вторгнуться въ нѣдра ея и до нашего времени сохранила цѣлымъ и чистымъ то сокровище, которое небеснымъ Домовладыкою ввѣрено ей не только для храненія но, и для приумноженія.

Господь сказалъ: *зажеши свѣчу, не ставятъ ее подъ сосудомъ, но на подсвѣчникъ и свѣтитъ всѣмъ въ домъ* (Мѡ. 5, 15). Не для того возженъ свѣтильникъ православной вѣры. не для того сохраненъ онъ отъ покушеній погасить его, чтобы онъ свѣтилъ подъ спудомъ, то есть—освѣщаль собою только малую часть земли или одинъ какой нибудь народъ, а чтобы свѣтилъ всѣмъ на землѣ. Господу не угодно, чтобы мы полученный отъ Него даръ вѣры хранили только для себя, не заботясь о размноженіи его между людьми. Вотъ почему церковь Христова всегда, съ самыхъ первыхъ дней своего бытія на землѣ, считала однимъ изъ важнѣйшихъ своихъ призваній на землѣ, одною изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей, однимъ изъ непреложныхъ повелѣній Господа—проповѣдывать вѣру всюду, всѣмъ народамъ, всѣхъ приводить къ познанію истиннаго Бога и Спасителя и къ участию въ спасеніи, принесенномъ на землю и дарованномъ всѣмъ людямъ Сыномъ Божиимъ.

Пока Церковь боролась то съ гоненіями, то съ ересями, она не могла раскрыть это свое призваніе въ полной мѣрѣ. Когда же Господь даровалъ Своей Церкви миръ и успокоеніе отъ враговъ, тогда для Церкви Христовой явилась возможность направить свои усилія на выполнение и этого своего призванія о просвѣщеніи истинною вѣрою всѣхъ народовъ земли. Благодареніе Богу, промышляющему о благѣ и спасеніи всѣхъ челоуѣковъ! Церковь Божія никогда не оскудѣвала людьми, которые, будучи движимы ревностію о святомъ имени Божиимъ и о славѣ Его царства, оставляютъ спокойную жизнь дома, обрекаютъ себя на всевозможныя лишенія и трудности, съ которыми соединено бываетъ проповѣданіе вѣры среди дикихъ и полудикихъ племенъ. Ихъ вооружаетъ, ихъ подкрѣпляетъ въ великомъ дѣлѣ Самъ Богъ, съ упованіемъ на помощь Котораго они и отправляются на дѣло великаго служенія.

Но и каждый из насъ есть членъ Церкви Божіей. Выполненіе того или другаго назначенія Церкви не составляетъ обязанность только нѣкоторыхъ въ ней лицъ, а въ большей или меньшей мѣрѣ всѣхъ и cadaго. Вѣдь, никто не скажетъ, чтобы во времена мученичества страдать за вѣру Христову обязаны были только нѣкоторые, а всѣмъ прочимъ предоставлено было свободно отречься отъ вѣры. Нѣтъ, мученики были изъ людей разныхъ званій и состояній. Во времена борьбы Церкви съ ересями обязанность сохранять православіе лежала не на одномъ какомъ сословіи. Нѣтъ, и мирскіе люди обязаны были мужественно исповѣдывать православіе. Такъ точно и теперь обязанность Церкви заботиться объ успѣхахъ и распространеніи вѣры между язычниками лежитъ не на нѣкоторыхъ только особенныхъ или къ тому призванныхъ людяхъ, а на всякомъ христіанинѣ. Не говори, что дѣло миссіонера и проповѣдника вѣры—не твое дѣло, что у тебя есть свои заботы. Богъ для всѣхъ насъ одинъ и величіе имени Божія и слава царствія Его для всѣхъ равно дороги. Когда солдатъ идетъ на войну, и когда онъ сражается тамъ—вдали, ты не говоришь, что это—его дѣло и что тебѣ нѣтъ дѣла до того, съ успѣхомъ ли онъ сражается, побѣждаетъ-ли онъ? Нѣтъ, ты слѣдишь за его подвигомъ, страдаешь за него, помогаешь ему всѣмъ, чѣмъ можешь, что, по твоему мнѣнію, можетъ облегчить и подспорить его подвигъ. А тутъ воины царствія Божія совершаютъ великій и трудный подвигъ и на каждомъ, кто называетъ Бога своимъ Царемъ, лежитъ долгъ помогать всѣмъ, что можетъ облегчить, подспорить успѣхъ подвига, предпринятаго ими во славу святаго имени Божія. И если-бы, по нерадѣнію, безпечности, равнодушію и холодности своихъ соотечественниковъ, солдаты допустили бы врагу вырвать изъ рукъ ихъ плоды побѣды, то справедливо было бы винить въ томъ только ихъ? Позоръ пораженія не долженъ ли пасть на голову тѣхъ, которые не сдумѣли и не захотѣли во-время доставить сражавшимся все нужное для того, чтобы до конца довести пораженіе врага? Такъ и тутъ. Въ случаѣ недостаточной успѣшности или малоуспѣшности проповѣдическихъ трудовъ нашихъ миссіонеровъ вина неудачи не могла

бы быть приписываема лишь слабости ихъ усилий, или недостатку усердія съ ихъ стороны, ибо часто всецѣло зависить отъ слабости и даже отсутствія дѣятельной, посторонней помощи для этихъ борцовъ за имя Христово. Господи! Сколь много погибло и погибаетъ Твоихъ нивъ, еще не пожатыхъ и однако же обѣщавшихъ обильную жатву! И съ кого потребуешь Ты отвѣта за нерадѣніе о приумноженіи Твоего достоинства?... Распространіе истинной вѣры и истиннаго богопочтенія между невѣрующими и незнающими Бога есть дѣло Божіе, а дѣло Божіе всегда, вездѣ, для всѣхъ есть дѣло Божіе, то есть—отъ всѣхъ и каждого требующее участія и вниманія къ себѣ... Нѣтъ, мало сказать— участія и вниманія къ себѣ. Оно требуетъ сердечнаго ревнованія о себѣ. *Кто не со Мною, сказалъ Господь, тотъ противъ Меня, и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ* (Лк. II, 23).

Братіе! Господь, распространивъ и умноживъ державу Государа Русскаго, въ то же время собралъ и соединилъ подъ Его властію очень многія племена, доселѣ пребывающія внѣ спасительнаго лона Церкви Христовой. Не заключается-ли здѣсь указанія Божественнаго Провидѣнія на нѣкоторое особенное призваніе для Церкви Русской? Ибо, приведши язычествующія племена подъ власть единаго съ нами Государа, Господь симъ не побуждаетъ ли насъ познать себя добрыми, старшими братьями по отношенію къ тѣмъ племенамъ,—братьями, обязанными попещись о воспитаніи ихъ въ духѣ содержимой и исповѣдуемой нами православной вѣры? Не есть-ли въ самомъ дѣлѣ церковь Русская святое орудіе призванія ихъ къ истинной вѣрѣ? А если такъ, то благоуспѣшное, при помощи Божіей, выполненіе Церковію Русскою этого особеннаго своего призванія будетъ на судѣ Божіемъ великою заслугою ея,—ея и всякаго, кто такъ или иначе споспѣшествовалъ проповѣданію вѣры среди языческихъ племенъ, входящихъ въ составъ обширнаго русскаго царства. И наоборотъ: если найдутся между ними такіе люди, которые могли бы стать добрыми христіанами, а вмѣсто того умерли въ языческомъ нечестіи, потому что поздно явился къ ихъ племени проповѣдникъ вѣры, то Тотъ, Кто нарицаетъ не сущая яко сущая, взыщетъ погибель сихъ душъ съ тѣхъ, кто, по

равнодушію, холодности и нерадѣнію объ успѣшномъ дѣйствованіи миссіонеровъ, были виною того, что проповѣдникъ вѣры не могъ придти къ симъ языческимъ племенамъ ранѣе, хотя, можетъ быть, его собственная душа рвалась къ нимъ. Такъ, на каждомъ, кто называетъ себя православнымъ русскимъ человекомъ, то есть членомъ Православной Церкви и подданнымъ православнаго русскаго Царя, лежитъ особенный долгъ посильными средствами способствовать успѣху дѣятельности православныхъ миссіонеровъ.

Нынѣшній день, сказали мы, Церковь нарицаетъ торжествомъ Православія. Но церковь ждетъ и вѣруетъ въ наступленіе другого еще болѣе славнаго для нея дня, который наречется не только торжествомъ православія, но торжествомъ христіанства, когда всѣ народы придутъ и поклонятся Единому истинному Богу, когда всякъ языкъ исповѣсть имя Христа. Этотъ день нѣкогда придетъ. Залогомъ и обрученіемъ сего грядущаго дня торжества христіанства служитъ нынѣшній день уже давнаго Господомъ торжества Православія. Украшившаяся вѣнцомъ мученичества, украшенная вѣнцомъ торжества надъ ересями, церковь украсится вѣнцомъ всемірнаго торжества надъ язычествомъ.

Итакъ, нынѣшній день скрываетъ въ себѣ знаменательность, и поучительную знаменательность, ибо, обращая нашъ взоръ къ совершившимся уже торжествамъ Церкви, онъ открываетъ непреодолимость Церкви, укрѣпляемой Господомъ; поучительную, ибо, обращая нашъ взоръ къ грядущему торжеству Церкви, онъ побуждаетъ насъ спѣшить на срѣтеніе ему и способствовать скорѣйшему приближенію его, помогая, чѣмъ кто можетъ, дѣятельности проповѣдниковъ православной вѣры среди язычниковъ.

ПОУЧЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Братіе—христіане! Мы называемъ себя христіанами православными, то есть правовѣрующими. Симъ наименованіемъ выражается то, что мы держимся истиннаго, первоначальнаго, вселенскимъ согласіемъ Церкви утвержденнаго ученія христіанской вѣры, которое отъ апостоловъ неизмѣнно сохраняется и до скончанія вѣка пребудетъ въ Церкви Христовой.

Вознесемъ сердечное благодареніе Господу, открывшему намъ въ вѣдрахъ святой Православной Церкви истинный путь спасенія и даровавшему возможность почерпать просвѣщеніе вѣрою въ самомъ древнемъ и чистомъ источникѣ Православія. Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ Твой! Пробави, Господи, милость Твою вѣдущимъ Тя и въ правовѣрїи чтущимъ святое и достопоклоняемое имя Твое!

Но, живя и содѣвая свое спасеніе во свѣтѣ святой православной вѣры, можемъ ли мы, братіе, забывать, что въ отечествѣ нашемъ сотнями тысячъ считаются еще такіе несчастные, которые, какъ овцы, неимущія пастыря, алчущія и жаждущія, бродятъ внѣ ограды Церкви Православной, вдали отъ живоноснаго источника благодати, въ совершенномъ невѣдѣніи истиннаго Бога и главныхъ правилъ жизни разумно-человѣческой?

Подумайте, братіе, какихъ великихъ благъ лишаются эти наши ближніе, наши соотечественники, лишены просвѣщенія вѣрою христіанскою! Состояніе ихъ вполне можно уподобить бѣдственному состоянію слѣпцевъ, лишенныхъ свѣта и принужденныхъ быть постоянно во тьмѣ. Безъ свѣта никакого дѣла нельзя совершить вѣрно и безопасно.

Окруженный тьмою не видитъ, куда идетъ, и ежеминутно подвергается опасности споткнуться, разбиться. Все, что можетъ дѣлать человѣкъ въ темнотѣ, можетъ дѣлать медленно, ощупью и при томъ дѣлать чтонибудь самое простое, несложное. Слепецъ не видитъ красотъ мірозданія, ни восхода, ни захода солнца, ни блистанія луны и звѣздъ, ни другихъ величественныхъ явленій природы. Жизнь такого несчастнаго самая жалкая во всѣхъ отношеніяхъ. Только во свѣтѣ жизнь человѣческая можетъ достигать полноты и совершенства.

Не такое ли точно или даже—не гораздо ли больше значеніе для всей нашей духовно-нравственной жизни имѣетъ животворный свѣтъ Христовой вѣры? *Азъ есмь свѣтъ міру, говоритъ спаситель, ходяй по Мнѣ не имать ходити во тьмѣ, но имать свѣтъ животный* (Іоанна 8, 12).

Безъ Христа люди принуждены блуждать въ неисходной тьмѣ гибельныхъ заблужденій и суевѣрій относительно существенныхъ истинъ богопознанія, нравственности и богопочтенія. Не имѣя истиннаго познанія о Богѣ, эти духовные слѣпцы при-

знають тварь за Бога и вмѣсто того, чтобы воздавать славу и честь Единому Богу, обоготворяють бездушныхъ истукановъ, животныхъ и чтутъ даже злыхъ духовъ. Въ то же время такимъ людямъ рѣшительно неизвѣстна жизнь по закону Божию. Они не знаютъ, какъ избѣгать грѣха, какъ примириться съ Богомъ. Слѣдуя лишь однимъ чувственнымъ влеченіямъ своей природы, они думаютъ только о тѣлѣ, о временной жизни, а относительно будущей имѣютъ самыя странныя и нецѣпныя понятія. Общественная и домашняя жизнь язычествующихъ народовъ естественно находится также въ самомъ неблагоустроенномъ, жалкомъ состояніи, такъ какъ утверждается не на животворномъ союзѣ любви, но на своекорыстіи и животномъ удовлетвореніи страстямъ. Ложныя азыческія религіи, несомнѣнно, развращаютъ своихъ послѣдователей и подрываютъ въ самомъ корнѣ доброе общежитіе, освящая самыя постыдныя страсти: злобу, мщеніе, плотоугодіе и т. п. Одна только христіанская религія, озаряя душу человѣка свѣтомъ истиннаго богопознанія, упорядочиваетъ и всю жизнь христіанина, семейную и общественную, святыми правилами закона Божія, служащаго на темномъ и скользкомъ пути жизненномъ *свѣтильникомъ ногамъ чловѣка и свѣтомъ стезь его* (Пс. 118, 105).

Нужно ли послѣ сего говорить, какъ высокъ и богоугоденъ подвигъ православныхъ христіанскихъ миссіонеровъ, приносящихъ свѣтъ Христовъ въ страны, не просвѣщенныя истинною вѣрою, и съ полнымъ самоотверженіемъ совершающихъ *священнодѣйствіе благоутроаванія Христова* (Рим. 15, 16)?

Служеніе миссіонеровъ поистинѣ равноапостольное. Какъ апостолы были посланниками Самого Иисуса Христа, такъ и миссіонеры, — *посланники церкви* (2 Кор. 8, 23), должны быть почитаемы сопричастниками званія апостольскаго и *стоплнниками Богу* (1 Кор. 3, 9). Они — *слава Христова* (2 Кор. 8, 23), какъ говоритъ св. апостолъ Павелъ о своихъ сотрудиникахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слава отечества нашего. Это — передовые борцы за истину Христову, равно для всѣхъ насъ достолюбезную, проводники въ область непроницаемаго мрака свѣтлыхъ христіанскихъ понятій о жизни семейной и общественной. Вы знаете, братіе, что у насъ миссіонеры или посланники Церкви русской трудятся на Волгѣ, въ странахъ

магометанскихъ, на Кавказѣ и преимущественно въ отдаленныхъ областяхъ Сибирскихъ. Страны сіи представляютъ необозримое поприще для благовѣстнической дѣятельности. Здѣсь не только одинокихъ усилій миссіонеровъ, но и самыхъ ревностныхъ попеченій частныхъ обществъ недостаточно для достиженія поднаго, столь желательнаго успѣха. Тутъ требуется горячее, дружное содѣйствіе всѣхъ гражданъ земли русской. И никто изъ насъ не долженъ быть чуждъ святымъ дѣламъ миссіонерскаго служенія въ отечествѣ нашемъ, такъ какъ содѣйствіемъ сему служенію не только благоугождается Богъ, но и достигается великая польза государственная. Въ самомъ дѣлѣ, эти милліоны инородцевъ дотолѣ останутся чуждыми намъ и не сдѣлаются гражданами царства Русскаго, доколѣ не примутъ святой православной вѣры и не утвердятъ порядокъ своей семейной и общественной жизни на животворныхъ правилахъ закона православно-христіанскаго. И сила, слава и величіе нашего отечества не откроются ли во всемъ своемъ блескѣ тогда, когда всѣ эти разнородныя и разновѣрныя племена внутренне сольются съ кореннымъ православнымъ населеніемъ земли русской и едиными усты и единымъ сердцемъ будутъ славить Бога и отъ Него уставленную верховную власть въ лицѣ помазанника Божія, православнаго Царя нашего? Кому это не желательно? Кому не дорого благо отечественное? Не всякій изъ насъ, конечно, можетъ принять непосредственное личное участіе въ миссіонерскомъ служеніи; для сего нужны особое призваніе и приготовленіе. Но всѣ мы можемъ и должны помогать миссіонерскому дѣлу своими посильными благотворительными приношеніями, которыя имѣютъ существенно важное значеніе въ настоящемъ случаѣ. Нужно не только содержать самихъ миссіонеровъ, но и строить церкви, школы, больницы среди новообращенныхъ ко Христу, снабжать ихъ пищею, одеждою, устройствомъ имъ жилищъ и т. п. Требуются, очевидно, громадныя суммы, чтобы хотя отчасти удовлетворить всѣмъ этимъ нуждамъ.

И какъ радостно отзовется въ отдаленныхъ предѣлахъ отечества нашего между труждающимися на поприщѣ благовѣстія Христова общее сочувствіе православныхъ россіянъ дѣлу ихъ миссіонерскаго служенія! Среди тяжкихъ подвиговъ сихъ

смиранныхъ и безвѣстныхъ труженниковъ, въ ихъ *непрестан-
ныхъ путныхъ шествіяхъ*, на огромныхъ пространствахъ, по
непроходимымъ дорогамъ, *въ алчбѣ и жаждѣ, въ зимѣ и на-
ютѣ* (2 Кор. II, 27), какъ живительна и ободрительна для
нихъ увѣренность, что о нихъ помнятъ христіанскіе собратія
и соотечественники, готовые помочь и поддержать ихъ! Не
будемъ смущаться мыслию, что мы не многое можемъ удѣлить
на святое дѣло распространенія Православія между нашими
соотечественниками—язычниками.

При общемъ дружномъ сочувствіи всѣхъ православныхъ
россіянь, изъ малыхъ и незначительныхъ пожертвованій мо-
жетъ образоваться въ настоящемъ случаѣ обильный источникъ
помощи и святое апостольское дѣло благовѣстія Христова въ
стравѣ нашей повсюду будетъ поддержано и твердо обезпечено.

Ради священной памяти богопрославленныхъ просвѣтителей
земли русской—святаго Апостола Андрея Первозваннаго, св.
Благовѣрнаго Князя Владиміра, св. Стефана Пермскаго, св.
Инокентія Иркутскаго и другихъ проповѣдниковъ и исповѣд-
никовъ благочестивыя вѣры нашея, *молимъ вы, братіе, знайте*
и нынѣ *труждающихся* благовѣстниковъ вѣры Христовой въ
землѣ нашей и *имѣйте ихъ по презмѣхъ въ любви за дѣло*
ихъ (1 Сол. 5, 13). Помогите каждый, чѣмъ кто можетъ, оте-
чественному миссіонерству. По благословенію св. Церкви, еже-
дневно возсылающій къ Престолу Божію свои молитвы за
всѣхъ плодоносящихъ и добродѣющихъ ей, Господь воздастъ вамъ
вмѣсто земныхъ благъ небесныя, вмѣсто временныхъ—вѣчныя.

ПОУЧЕНІЕ ВОСЬМОЕ ¹⁾.

Сегодня мы, братіе, празднуемъ двадцатипятилѣтіе Право-
славнаго Миссіонерскаго Общества. Двадцать пять лѣтъ для
обществъ человѣческихъ—небольшой періодъ времени; но, бла-
годареніе Богу, и въ этотъ малый періодъ времени Общество
сдѣлало нѣчто, что слѣдуетъ вспомнить, чему слѣдуетъ пора-
доваться и за что слѣдуетъ поблагодарить Господа. Слѣдуетъ
вспомнить не для того, чтобы гордиться, но чтобы возбудить

¹⁾ Произнесено въ Большомъ Успенскомъ Соборѣ 22 января 1895 г., въ день
празднованія двадцатипятилѣтія Православнаго Миссіонерскаго Общества.

себя къ болѣе ревностному продолженію начатаго дѣла. Воспомянемъ мужей славныхъ, которые основали Миссіонерское Общество и покровительствовали ему. Воспомянемъ прежде всего Благочестивѣйшихъ Государей: Царя-мученика, при которомъ основано Миссіонерское Общество, Царя миротворца, при которомъ оно продолжало развиваться и расширяться; воспомянемъ первую Покровительницу Общества Благочестивѣйшую Государыню Марію Александровну; да упокоитъ ихъ Господь въ нѣдрахъ Авраама, Исаака и Іакова, да воздастъ имъ сторицею за все содѣянное ими для блага сего Общества. Воспомянемъ перваго предсѣдателя Общества Высокопреосвященнѣйшаго Иннокентія, Апостола Сибири, мужа апостольской простоты и смиренія; воспомянемъ его славныхъ преемниковъ и по предсѣдательству въ Миссіонерскомъ Обществѣ, и по миссіонерскому служенію въ Сибири, изъ коихъ нѣкоторые уже почли отъ трудовъ своихъ, а нѣкоторые пребываютъ и доселѣ; первымъ пожелаемъ вѣчнаго успокоенія, послѣднимъ—благоденствія и долгоденствія. Они выросили Миссіонерское Общество и укрѣпили его своими молитвами. Ибо что такое было въ началѣ сіе Общество? Поистинѣ—яко зерно горчичное. А теперь оно какъ широколиственное дерево, въ вѣтвяхъ котораго, какъ птицы небесныя, витаютъ и питаются хлѣбомъ животнымъ и утоляютъ свою духовную жажду отъ самаго источника жизни многіе народы и племена. Въ самомъ дѣлѣ, инородцы были мертвы, теперь же ожили; они сидѣли во тьмѣ и сѣни смертной; теперь просвѣщены свѣтомъ разума Святаго Евангелія; они вели жизнь дикую, животную, теперь начинаютъ вести жизнь разумную. Они были чада гнѣва Божія, теперь—дѣти Божіи; они были подъ проклятіемъ Божиимъ, теперь на нихъ благословеніе Божіе; они были наслѣдники ада, ихъ ожидали вѣчныя муки, теперь они—наслѣдники царствія небеснаго, ихъ ожидаетъ вѣчное блаженство... Если обратившій и одного грѣшника отъ заблужденія пути, спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ, то какой награды достоинъ тотъ, кто обратилъ отъ ложнаго пути множество людей! Если кто напоитъ одного изъ малыхъ сихъ только чашею студеной воды, не потеряетъ награды своей, то можетъ ли потерять награду свою тотъ, кто напоилъ не одного,

а многихъ и притомъ не чашею студеной воды, а водою, текущею въ жизнь вѣчную? Ей! не погубить мзды своей! Какъ же намъ не радоваться, какъ не благодарить Бога, толико благодарившаго намъ? Ибо не надобно забывать, что человекъ насаждаетъ, человекъ поливаетъ, а—возращаетъ Богъ. Какъ не почтить словами благодаренія тѣхъ, кого Богъ избралъ исполнителями Своей всеблагой воли! Восхвалимъ, братія, славныхъ мужей: много славнаго явилъ намъ черезъ нихъ Господь... Народы будутъ рассказывать объ ихъ мудрости, Церковь будетъ возвѣщать ихъ хвалу... Можемъ ли мы молчать? Можемъ ли не молиться отъ всея души: да упокоитъ ихъ Господь въ Своемъ небесномъ царствіи!

Но, восхваляя славныхъ, не забудемъ и тѣхъ, которыхъ имена не столько извѣстны, даже совсѣмъ неизвѣстны. Они не были на свѣщникѣ, но свѣтили свѣтомъ Христовымъ, стараясь распространять его во всѣмъ концахъ пространной Сибири. Какъ апостолы, они оставили все и послѣдовали за Христомъ; оставили домъ, родителей, родственниковъ, друзей и шли въ страну не неизвѣстную,—напротивъ слишкомъ извѣстную по своей дикости и суровости; они знали, что ихъ ожидаетъ; знали, что имъ придется скитаться въ горахъ, вертепахъ и пропастяхъ земныхъ; знали, что имъ придется жить въ лачужкахъ, мерзнуть въ тундрахъ Сибирскихъ; знали, что имъ иногда придется по нѣскольку дней быть погребенными свѣжными буранами; знали, что имъ придется все дѣлать своими руками—и рубить себѣ избу, и топить печь, и варить себѣ пищу, знали, что имъ по нѣскольку дней придется оставаться безъ хлѣба, не видѣть лица человѣческаго и по нѣскольку лѣтъ не видать образованнаго человека, съ которымъ бы можно было душу отвести; знали, что имъ, какъ апостоламъ, придется терпѣть голодъ и жажду, наготу и побои; быть въ трудѣ и изнуреніи: знали, что и въ мѣстахъ, гдѣ они прочно утвердятся, ихъ ожидаютъ злословія и поношенія,—бѣды не только отъ чужихъ, но и отъ своей лжебратіи; знали и—шли.... Что побуждало ихъ идти? Одна любовь къ Богу и спасенію ближняго: они знали, что люди погибаютъ въ тѣмъ язычества и спѣшили на помощь. Эта-та любовь согрѣвала ихъ, когда они замерзали въ непроходимыхъ трущобахъ сѣвера. Эта-то любовь побуж-

дала ихъ переносить всѣ возможныя бѣды, преодолевать всѣ возможныя трудности. Непроходимы тундры сибирскія, но, воодушевленные сею любовью, они ихъ прошли. Высоки горы Алтайскія, но они ихъ перешли. Глубоки, бурны и широки рѣки сибирскія, но они ихъ переплыли на утлыхъ челнахъ и теперь едва ли есть уголокъ въ обширной Сибири, гдѣ бы не было извѣстно имя Господа нашего Иисуса Христа? Какъ же намъ не радоваться, что среди насъ находятся такіе великіе подвижники вѣры и благочестія, великіе труженики на нивѣ Христовой! Какъ не благодарить Бога, что онъ удостоилъ и насъ хоть немного принять участіе въ трудахъ ихъ, хоть немного помогать имъ, хоть немного облегчать трудный путь ихъ! Они трудились, но по милости Божіей, и мы вошли въ трудъ ихъ. Велика ихъ награда, но и мы не останемся безъ награды, если худыми дѣлами не уничтожимъ сей награды. *Пріемляй пророка во имя пророче мѣду пророку прииметь*, говоритъ Господь. Какъ же намъ не радоваться? Но не мы одни радуемся,—радуется съ нами и вся Православная Церковь, видя, что число чадъ ея съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе увеличивается. Радуются Угодники Божіи; радуются Святители Христовы, столпы Православной Церкви, Петръ, Алексѣй, Іона и Филиппъ... вѣдь и они заботились о просвѣщеніи инородцевъ, населяющихъ землю Русскую, вѣдь, и они дѣлали то дѣло, надъ которымъ и мы трудимся. Вѣдь, въ семь храмъ, въ которомъ предстоимъ и мы, они молились Богу, чтобы Онъ просвѣтилъ ихъ свѣтомъ Своего Божественнаго ученія, открылъ имъ Евангеліе правды, породилъ ихъ водою и духомъ, соединилъ ихъ святой Православной Церкви... Радуется и Самъ Господь, видя спасеніе погибающихъ, и мы входимъ въ радость Господа... Да возрадуется душа твоя, блаженный старецъ (Макарій), первый основавшій миссіонерскій станъ въ горахъ Алтайскихъ!

Возведи очи твои и виждь: дѣло, начатое тобою, надъ которымъ ты столько трудился, о которомъ столько пролилъ слезъ, растеть, послѣдователи твои, какъ птицы небесныя, разлетѣлись и въ разныхъ мѣстахъ основали станы и со всѣхъ сторонъ съ Востока, Запада, Сѣвера и Юга обширной Сибири людіе, сѣдящіе во тьмѣ и сѣни смертной, идутъ и видятъ свѣтъ велій...

Такъ, братія, обращая вниманіе на прошедшее двадцатипятилѣтіе, мы не можемъ не радоваться, не можемъ не благодарить Бога, чо—будущее?... Все-ли сдѣлано? Вѣдь, язычество и магометанство все еще считаютъ своихъ послѣдователей не сотнями, но тысячами, даже не десятками, а сотнями тысячъ. Въ вѣкоторыхъ мѣстахъ язычники отчасти господствуютъ надъ православнымъ населеніемъ, тѣснятъ православныхъ. Естественно-ли такое положеніе дѣла въ государствѣ, гдѣ православная вѣра считается господствующею? А вѣдь эти сотни тысячъ язычниковъ—созанія Божіи, созданы по образу и подобию Божію, за нихъ пролита кровь Сына Божія, и—они погибаютъ для жизни вѣчной! Истинный хрстіанинъ, который долженъ, по слову Спасителя, душу свою положить за други своя; можетъ ли равнодушно слышать о семъ? Можетъ ли не поспѣшить къ язычникамъ съ словомъ спасенія? Но они не только потеряны для царства небснаго, они малоплодны и для царства земнаго. Иностранецъ, какими не привлекайте его льготами, всегда будетъ тянуть не къ Москвѣ—сердцу Россіи, а магометанинъ—въ Стамбуль и Мекку, а язычникъ—въ Тибетъ и Китай: гдѣ сокровище ваше, тамъ будетъ и сердце ваше. А сокровище его не въ Россіи. Онъ до тѣхъ поръ не станетъ Русскимъ, пока не станетъ православнымъ хрстіаниномъ. Посему нѣтъ ничего святѣе, и вмѣстѣ нѣтъ ничего патріотичнѣе какъ обращеніе язычника или магометанина къ вѣрѣ Христовой. Самая прочная связь народовъ—связь религіозная: всѣ другія связи весьма непрочны. Посему истинный патріотъ не можетъ не содѣйствовать всѣми зависящими отъ него мѣрами обращенію иностранцевъ въ вѣру Христову. Вотъ уже болѣе грехъ вѣковъ страны Сибирскія и завожскія славными нашими предками присоединены къ Православной Руси, и когда подумаешь, что до сего времени онѣ еще не стали хрстіанскими, то невольно скажешь съ пророкомъ: *Тебѣ, Господи, правда; намъ-же—стыднѣе лица...*

Широко раскинулось Миссіонерское Общество, а все-же есть цѣлыя области, гдѣ нѣтъ ни одного члена Миссіонерскаго Общества, гдѣ повидимому и не знаютъ о немъ. Нашъ долгъ—распространять о немъ свѣдѣнія, увеличивать число членовъ общества. Желательно, чтобы каждый сынъ Православной Церкви

былъ членомъ Миссіонерскаго Общества. Вѣдь, не на однихъ священникахъ, на каждомъ христіанинѣ лежитъ обязанность проповѣдывать Христа... Если каждый не можетъ оставить все и идти въ тундры сибирскія, то каждый можетъ помочь миссіонерамъ въ исполненіи ихъ труднаго подвига, внося малую лепту отъ своихъ избытковъ и какъ улучшилось бы положеніе миссіонерскихъ становъ, если бы каждый вносилъ лепту, только лепту, хоть десятую часть скуднаго взноса, который требуется для вступленія въ число членовъ Общества... А то, братіе, есть станы, гдѣ или совсѣмъ нѣтъ церкви Божіей, или если и есть церкви, но—такая, гдѣ во всемъ крайняя скудость. Житель первопрестольной Москвы, гдѣ Божіи храмы—небеси подобны, блестятъ золотомъ и серебромъ, былъ бы пораженъ бѣдностію тамошнихъ храмовъ; нѣтъ въ нихъ ни полнаго круга богослужебныхъ книгъ, ни приличныхъ священническихъ облаченій, ни достойныхъ святости Богослуженія сосудовъ, а Миссіонерское Общество по недостаточности средствъ помочь всѣмъ не можетъ. И это—тогда, когда многіе сыны и дщери Православной Церкви тратятъ большія суммы на совершенно не нужныя вещи. Развѣ это не достойно сожалѣнія? не достойно слезъ? Жатва многа: а дѣлателей? Есть мѣста, гдѣ нѣтъ ни одного миссіонерскаго стана: есть мѣста, гдѣ одинъ миссіонеръ, а ихъ нужно нѣсколько. Итакъ—дѣлателей мало! Нужно найти этихъ дѣлателей. Нужно возбудить въ нихъ ревность къ проповѣдыванію Слова Божія, къ распространенію славы Божіей. Нужно научить ихъ достойно проходить сіе великое служеніе. Но—кто *къ симъ доволенъ?*

Будемъ молить Господина жатвы, да *изведетъ дѣлателей на жатву Свою.*

Вотъ задачи нашего Общества. Велики онѣ, но *терпѣніемъ да течемъ на подлежащій намъ подвигъ, взирающе на Начальника вѣры и Совершителя Иисуса*, твердо вѣруя, что рано или поздно, если не при насъ, то при потомкахъ нашихъ всѣ инородцы, населяющіе наше отечество, сидящіе теперъ во тьмѣ и сѣни смертной, увидятъ наконецъ свѣтъ велий, *познаютъ Единого истиннаго Бога и Его же послалъ Отецъ Иисуса Христа*, и отъ востокъ солнца до запада пространной Россіи хваляно будетъ имя Господне...

Отъ военнаго губернатора Семирѣченской области.

ВОЗВАНІЕ.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ на далекой окраинѣ Россіи, именно въ Кульджинскомъ районѣ, во время передачи послѣдняго китайцамъ, на почтовой станціи Алимту разыгралась кровавая драма, жертвами которой пали четыре русскихъ человѣка: отставной рядовой Ананишинъ, Оренбургскій мѣщанинъ Прокопій Казаковъ и два казака № 1-го Сибирскаго Ермака Тимофеева полка Филипьевъ и Полянскій.

Обстоятельства этого печальнаго дѣла, по произведенному въ свое время разслѣдованію, выяснились въ слѣдующемъ видѣ: 14 октября 1882 года, часовъ въ 11—12 утра, на станцію Алимту, недавно передъ тѣмъ уступленную нами китайцамъ, пріѣхалъ бывшій тутъ раньше станціоннымъ старостой Ананишинъ, чтобы увести оставшіяся тамъ кое-какія вещи. Около часу дня къ станціи подѣхалъ въ тарантасѣ ѣхавшій въ Кульджу, по торговымъ дѣламъ, Прокопій Казаковъ, а вслѣдъ за нимъ на станцію нагрянуло человѣкъ 50—80 вооруженныхъ китайскихъ солдатъ, которые и учинили надъ безоружными Ананишинымъ и Казаковымъ жестокою расправу; на заднемъ дворѣ развели изъ соломы костеръ и въ него живьемъ бросили обоихъ несчастныхъ со связанными руками.. Затѣмъ злодѣи произвели полное разграбленіе станціи и направились далѣе своей дорогой, въ надеждѣ, что огонь сдѣлаетъ свое—уничтожить слѣды звѣрскаго преступленія. Недалеко отъ Алимту злодѣямъ встрѣтились ничего неподозрѣвавшіе два нашихъ разъѣздныхъ казака Филипьевъ и Полянскій, которыхъ китайцы также сочли за лучшее разрубить и спрятать, чтобы они не были свидѣтелями Алимтуйскаго ихъ злодѣянія. Полу-обгорѣвшіе трупы Ананишина и Казакова, а также останки Филипьева и Полянскаго похоронены на границѣ на Хоргосѣ, гдѣ тогда стоялъ нашъ передовой постъ.

Служившіе въ то время въ Семирѣчьи военные и гражданскіе чины, духовенство и русское населеніе пожелали увѣковѣчить память невинно погибшихъ на далекой окраинѣ Рос-

сія своихъ собратьевъ постройкой какого либо памятника и открыли между собою на сей предметъ подписку, по которой добровольныхъ пожертвованій поступило слишкомъ тысяча рублей. Поступившія пожертвованія своевременно сдавались въ Ташкентское отдѣленіе Государственнаго Банка, гдѣ они, приращаясь процентами и пожертвованіями, въ настоящее время составляютъ сумму въ 2064 р. 50 к.

На Хоргосѣ, гдѣ погребены тѣла убитыхъ, кромѣ казачьяго поста, въ послѣднее время возникло русское казачье селеніе Николаевское. Какъ на посту, такъ и въ селеніи не имѣется храма, а потому лучшимъ памятникомъ для погребенныхъ тутъ мучениковъ признается устройство въ означенномъ селеніи православной церкви, которая, какъ памятникъ, служа съ одной стороны упрекомъ китайцамъ за ихъ злодѣйство, съ другой стороны удовлетворяла бы духовныя потребности заброшенныхъ туда судьбою и службою православныхъ людей. Но по дороговизнѣ здѣсь строительныхъ матеріаловъ и рабочихъ рукъ, означенной выше суммы слишкомъ недостаточно на возведеніе хотя бы самыхъ скромныхъ размѣровъ Божьяго храма, не говоря уже о томъ, что здѣсь, среди разноплеменнаго и разновѣрнаго населенія, желательно было бы имѣть храмъ, по размѣрамъ и обстановкѣ болѣе или менѣе соответствующій достоинству православной церкви и могуществу русской державы. Но достигнуть этого не представляется возможности при наличныхъ средствахъ, а мѣстные дѣятели уже дали на это христіанское дѣло все, что можно было дать. А потому обращаюсь съ симъ воззваніемъ ко всѣмъ добрымъ людямъ и призываю ихъ на посильную помощь по возведенію церкви въ селеніи Николаевскомъ, Семирѣченской области, въ память злодѣйски умерщвленныхъ китайцами православныхъ людей. Земля наша не обѣднѣла добрыми людьми. Жертвовать прошу лепты, которыя составятъ сотни рублей.

Пожертвованія деньгами и вещами слѣдуетъ адресовать въ гор. Вѣрный, Семирѣченской области, на имя Старшаго Чиншника особыхъ порученій при Военномъ Губернаторѣ Статскаго Совѣтника Николая Николаевича Пантусова.

Военный Губернаторъ Семирѣченской области, Генералъ-Лейтенантъ *Ивановъ*.

ВОЗЗВАНІЕ.

Съ разрѣшенія и благословенія Его Высокопреосвященства, г-на Высокопреосвященнаго Ювеналія, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго, въ м. Ширвинтахъ, Виленскаго уѣзда предположено возстановить православный храмъ и при немъ построить зданіе для женской одноклассной церковно-приходской школы съ руководѣльнымъ курсомъ. Мѣстечко Ширвинты расположено въ 20 верстахъ отъ православной приходской церкви, куда въ распутицы-осенью, а тѣмъ болѣе весной, во время разлива рѣкъ Ширвинты и Вѣсялки, съ трудомъ могутъ добраться православные въ великіе праздники возносить молитву Господу.

Прискорбно ширвинтскимъ православнымъ ощущать, что у нихъ не имѣется своего дома молитвы, гдѣ бы они могли съ своими домохозяевами возносить молитвы къ Господу, и что они лишены возможности удовлетворять своимъ духовнымъ потребностямъ, за дальностью разстоянія отъ ближайшей приходской церкви: вслѣдствіе чего, у всѣхъ православныхъ проживающихъ въ Ширвинтахъ, было давнишней завѣтной мечтой—построеніе тамъ церкви. Скорбь эта еще усиливалась, когда православные, подобно древнимъ христіанамъ, собиравшимся для молитвы въ катакомбы, собираются одинъ разъ въ мѣсяцъ въ отведенную имъ подлежащею властію комнату ширвинтскаго волостнаго правленія на „всенощную“ и „обѣдницу“.

Наконецъ, скорбь ихъ обратилась въ радость: разрѣшеніе построить православный храмъ въ Ширвинтахъ получено. Съ радостью православные, при всей своей бѣдности и необезпеченности и при помощи добрыхъ людей, собрали на это святое дѣло около 2620 руб., въ томъ числѣ 1000 руб., пожертвованы *г. Оберъ-Прокуроромъ святѣйшаго синода, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ сенаторомъ Константиномъ Петровичемъ Побѣдоносцевымъ*; но этой суммы далеко недостаточно для построенія приличнаго православнаго храма (который, хотя отчасти гармонировалъ бы съ величественнымъ

каменнымъ костеломъ) и при немъ женской школы. Построеніе православнаго храма въ Ширвинтахъ дало бы православнымъ возможность пользоваться богослуженіемъ, совершеніемъ духовныхъ требъ, и животворное дѣйствіе Православной Церкви могло-бы поднять ихъ религиозное чувство.

Въ заботахъ объ устройствѣ въ Ширвинтахъ православной церкви Гелванское попечительство во имя *Того, Кто* сказалъ: „*Просите и дастся Вамъ*“, обращается съ покорнѣйшей просьбой къ представителямъ власти, науки, печатнаго слова и различнымъ учрежденіямъ, представителямъ Церкви—благостнымъ архипастырямъ и доблестному православному русскому духовенству, дворянству, братствамъ, миссіонерскимъ обществамъ, благотворительнымъ и филантропическимъ учрежденіямъ, извѣстному своею благотворительностью русскому купечеству и къ вамъ, безъ различія званія и вѣроисповѣданія, христіанские благоутробивые благотворители и боголюбивые жертвователи, радѣющіе о благолѣпіи христовъ Божіихъ и духовномъ просвѣщеніи народа: благоудите подать руку живой помощи предпринимаемому святому дѣлу, помня, что *Тотъ*, во имя *Котораго* просимъ и для Коего создается храмъ, воздастъ сторицею добрымъ и отзывчивымъ жертвователямъ. Всякая жертва—большая и малая, явная и тайная—будетъ принята попечительствомъ съ искренней признательною и глубокою благодарностью, и имена жертвователей выну будутъ поминаться въ ширвинтскомъ храмѣ.

По жертвованію съ обозначеніемъ именъ жертвователей попечительство проситъ адресовать въ литовскую духовную консисторію, въ Вильну, или на имя предсѣдателя попечительства *Ив. Ив. Мрозовскаго*, поч. отд. Ширвинты, Виленской губерніи и уѣзда. Отчетъ поступившихъ пожертвованій будетъ напечатанъ въ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ и Вилевскомъ Вѣстникѣ.

Предсѣд. попечит. и. д. суд. слѣдов. *Мрозовскій*.

Помощникъ Предсѣдателя *Кедровъ*.

Священникъ *Іоаннъ Давидовичъ*.

Дѣлопроизводитель *Лакомкинъ*.

Съѣздъ Наблюдателей церковныхъ школъ Харьковской епархіи.

(Продолженіе *).

Ничто не въ состояніи такъ возвысить школу въ глазахъ народа, ничѣмъ скорѣе не можетъ церковная школа сблизиться съ народомъ и выполнить свое дѣйствительное назначеніе, ничѣмъ, наконецъ, нельзя сильнѣе и лучше выразить желаніе народа и завѣты церкви православной, какъ пріученіемъ дѣтей къ посѣщенію храма Божія въ воскресные и праздничные дни и участіемъ ихъ въ церковномъ пѣніи и чтеніи.

Излишне говорить о томъ значеніи, какое имѣетъ церковь въ жизни каждаго истинно-вѣрующаго человѣка и всего русскаго народа. Нашъ русскій народъ по природѣ народъ набожный и съ самыхъ первыхъ дней христіанства крѣпко полюбилъ и привязался къ матери своей—Церкви. Его живая и искренняя вѣра нашли себѣ такое дивное выраженіе въ законахъ, уставахъ, обрядахъ и священнодѣйствіяхъ Святой Церкви, что вѣра и церковь въ душѣ русскаго народа какъ бы слились въ одно недѣлимое цѣлое: вѣры не можетъ онъ признавать безъ церкви, а церкви безъ вѣры. Вѣра въ немъ не сухое отвлеченное мышленіе, а живое воплощеніе его чувствъ и желаній, находящее для себя постоянное выраженіе и удовлетвореніе въ жизни самой Церкви. Вотъ почему и вся жизнь, вся исторія русскаго государства создавалась и устроилась этою могущественною силою—вѣрою и церковью. Вспомнимъ ли исторію нашего отечества въ трудныя годы, мы увидимъ, что всегда народъ нашъ искалъ спасенія въ союзѣ съ церковію, всегда вѣра въ помощь Божию воздвигала его

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 7.

на спасеніе отечества. Обратимъ ли вниманіе на его бытовую жизнь, и здѣсь увидимъ, что всѣ стороны этой жизни, всѣ самыя разнообразныя отношенія пронизаны духомъ церковнымъ, запечатлѣны вѣрою въ Бога по уставамъ церкви. Всѣ народныя годовыя труды и обиходы, праздники и обычаи, радости и горести, однимъ словомъ всѣ явленія народной жизни приурочены самымъ народомъ къ кругу церковному, подведены подъ материнскій покровъ Церкви. Народъ создалъ даже свой мѣсяцесловъ и по нему расположилъ всякій день своей жизни, свои занятія и труды, обычаи и нравы, жизнь семейную и общественную, крѣпко привязавъ свою жизнь къ Церкви святой и ея уставамъ. Отсюда понятно для всякаго, что если церковная школа желаетъ быть выразительницей и воспитательницей лучшихъ сторонъ народной жизни, она должна развить и укрѣпить живой народный союзъ вѣры съ церковію и церкви съ жизнію, она должна всю жизнь своихъ питомцевъ приурочить къ церкви, подвести ее подъ ея материнскій покровъ. Только при этомъ условіи можно выработать въ питомцахъ цѣльное и стройное мировоззрѣніе въ духѣ церковномъ и смѣло выпустить ихъ на жизненное поприще. Какъ путеводныя звѣзды на жизненномъ пути будутъ блистать и руководить ими двенадцатые праздники православной Церкви. Далѣе слѣдуютъ воскресныя и праздничныя дни, посты и дни недѣли съ ихъ духовнымъ значеніемъ и церковными воспоминаніями, съ ними связанными, дни вѣкторіальныя и царскіе, личныя праздники,—все время и вся жизнь христіанина укладывается въ рамкахъ церковнаго чина и течетъ въ повиновеніи этому чину. Сколько назиданія въ этой полнотѣ церковной жизни для дѣтей юныхъ, воспріимчивыхъ, любящихъ.

Вслѣдъ за воспитаніемъ въ дѣтяхъ авторитета церковнаго, дальнѣйшая забота руководителей церковной школы должна состоять въ томъ, чтобы воспитать въ нихъ авторитетъ гражданскій, любовь и преданность Царю и отечеству. Для достиженія этой цѣли умѣстно употреблять слѣдующія средства. Всѣ ученики должны знать титулъ и имя Государя Императора, Государыни Императрицы и Наслѣдника Цесаревича, годъ, мѣсяцъ и число ихъ рожденій и тезоименитствъ, день восшествія на престолъ Государя Императора. Въ дни самыхъ праздниковъ учитель созываетъ учащихся и предлагаетъ имъ рассказы изъ Отечественной Исторіи, въ которыхъ особенно рельефно выступаетъ дѣятельность нашихъ государей во благо русскаго народа. Наиболѣе поучительными въ данномъ случаѣ являются рассказы изъ исторіи Св. Владимира о

принятіи христіанской вѣры, о Св. Александрѣ Невскомѣ, о Куликовской битвѣ, объ отечественной войнѣ, о заботахъ Александра III по прокормленію голодающихъ въ 1891—1892 голодные годы; въ день 17 октября весьма назидательно рассказать о чудесномъ спасеніи Царской семьи при крушеніи желѣзнодорожнаго поѣзда; наканунѣ 19 февраля весьма полезно разъяснить дѣтямъ, что въ этотъ день было уничтожено крѣпостное право и что въ настоящее время крестьяне обязаны своею свободою Царю-Освободителю. Во всѣ же эти дни школа украшается флагами, снаружи и внутри, и, смотря по средствамъ, иллюминируется, причемъ сами ученики дѣлаютъ разные вензеля съ изображеніемъ начальныхъ буквъ Государя Императора и Государыни Императрицы и т. п.

Особенное вниманіе должно быть обращено на тѣ событія изъ гражданской Исторіи, празднованіе которыхъ соединено съ празднествами Св. Церкви. Для примѣра можно указать: изгнаніе поляковъ изъ Москвы соединяется съ празднованіемъ Казанской иконы Божіей Матери (22 окт.), изгнаніе французовъ изъ Россіи—съ празднованіемъ Рождества Христова, воспоминавіе о Куликовской битвѣ—съ поминовеніемъ усопшихъ, въ Дмитріевскую субботу (26 окт.), поминовеніе всѣхъ на брани убитыхъ воиновъ—съ празднованіемъ Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи. Рассказывая о всѣхъ этихъ событіяхъ, учитель долженъ возбуждать въ дѣтяхъ не только чувство благодарности къ Богу Спасителю нашего отечества, но и благодарныя воспоминавія о нашихъ предкахъ, потрудившихся во благо отечества и не щадившихъ ради него своей жизни; въ особенности онъ долженъ указывать на то, что, благодаря любви и преданности нашихъ предковъ Царю, и отечество наше дѣлалось богатымъ, обширнымъ и сильнымъ, что и намъ остается лишь подражать и воспитывать въ себѣ тѣже чувства патриотизма. Въ качествѣ иллюстрацій по стѣнамъ должны быть выставлены портреты Государя Императора и Государыни Императрицы, таблицы царей и князей и картины изъ Русской исторіи.

Воспитаніе въ дѣтяхъ любви къ родителямъ должно составлять дальнѣйшую заботу законоучителя и учителя. Въ наше время эта добродѣтель мало по малу ослабѣваетъ и не только въ городахъ и промышленныхъ центрахъ, но даже и въ деревняхъ; между тѣмъ прочныя семейныя узы являются основою не только общества, но и государства. Семья есть истинный питомникъ всего лучшаго въ людяхъ: въ семьѣ мы выносимъ и первыя религіозныя вѣрованія, и нашъ взглядъ на міръ и людей, здѣсь полагается основа в нашего характера.

Отсюда забота учителя должна состоять въ томъ, чтобы всѣми зависящими отъ него мѣрами поддержать связь дѣтей съ родными, сохранить въ нихъ все, что лучшаго въ нашей семьѣ и развить въ нихъ сыновнія чувства. Законоучитель, какъ пастырь, имѣетъ множество случаевъ, чтобы видѣть семейныя отношенія дѣтей къ родителямъ и потому всегда можетъ оказывать вліяніе не только на дѣтей, но и на родителей. Дѣти должны быть всегда почтительны и вѣжливы къ своимъ родителямъ. Во время своего пребыванія дома утромъ и вечеромъ, дѣти должны желать родителямъ добраго утра, а вечеромъ—спокойной ночи; всякій разъ послѣ обѣда они обязаны въ благодарность за обѣдъ цѣловать руку своимъ родителямъ и благодарить за ихъ родительскія заботы. Въ школѣ учитель долженъ провѣрять, памятуя ли дѣти о своихъ родныхъ, знаютъ ли имена и фамиліи своихъ братьевъ и сестеръ, дядей и тетей, крестныхъ отца и матери, молятся ли о нихъ утромъ и вечеромъ. Ученики второклассной школы, живя въ общежитіи, должны всячески поддерживать связь съ своимъ домомъ посредствомъ писемъ. Въ этихъ письмахъ они должны дѣлиться съ родными всѣми радостями и горестями, чтобы ничто не скрывалось отъ родныхъ. Въ особенности же они должны помнить своихъ родныхъ въ молитвахъ и не только живыхъ, но и умершихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ учитель найдетъ не мало случаевъ изъ обыденной жизни, гдѣ обнаруживается или наказанная гордость сыновняя или награждается добродѣтель любви дѣтей къ родителямъ. Книжки и статьи, характеризующія идеальныя семейныя отношенія въ особенности должны чаще предлагаться дѣтямъ для прочтенія. Наряду съ этимъ нельзя также пренебрегать и многими, издавна установившимися добрыми обычаями русскаго народа, гдѣ представляется случай обнаружить дѣтямъ свою покорность и зависимость отъ родителей: обычай просить прощенья наканунѣ Великаго поста, обычай носить ужинъ крестнымъ отцу и матери и т. п.

Заботясь объ укорененіи въ дѣтяхъ чувствъ уваженія и любви въ отношеніи къ родителямъ, учитель церковной школы долженъ ввѣрять въ нихъ тѣ же самыя чувства и ко всѣмъ вообще старшимъ. Во время отвѣтовъ въ классѣ ученики должны держать себя почтительно и вѣжливо, опустя руки къ бедрамъ, при входѣ въ классъ кого либо изъ постороннихъ они не должны садиться до тѣхъ поръ, пока не получаютъ на то позволенія. Встрѣчаясь съ священникомъ, они должны непременно снимать предъ нимъ шапку и подходить подъ благословеніе. При встрѣчѣ съ другими

лицами, занимающими общественное положеніе, они также должны кланяться и снимать шапки; такое почтеніе они должны оказывать и сельскимъ властямъ: старшинѣ, становому, старостѣ церковному и сельскому. Во время праздниковъ ученики могутъ поздравлять своего законоучителя и учителя. Учитель долженъ разъяснять дѣтямъ, кто по учебному начальству вѣдаетъ и заботится о народномъ образованіи, начиная съ саркiального Пресвященнаго.

До сихъ поръ мы излагали общія основанія для воспитанія въ дѣтяхъ религіознаго чувства и доброй нравственности съ положительной стороны. Но есть въ дѣтяхъ не мало отрицательныхъ качествъ, которые выносятся они изъ семьи и невѣжественной среды, въ которой имъ приходится вращаться, и на которые должно быть обращено особенное вниманіе воспитателя. Но такъ какъ воспитательныя мѣры къ искорененію этихъ качествъ должны вполне соответствовать поведенію учащихса и ихъ личнымъ особенностямъ, то законоучитель и учитель должны знать, какіе поступки чаще всего встрѣчаются среди дѣтей и какова природа этихъ дѣтскихъ пороковъ.

По наблюденіямъ оо. наблюдателей среди деревенскихъ дѣтей чаще всего замѣчаются слѣдующія пороки: лѣность, выражающаяся въ самовольномъ опущеніи уроковъ или невыучиваніи ихъ, преднамѣренная порча классной мебели, насмѣшки надъ товарищами, ссора, ругательство и драка, шаловливость въ классѣ и неприличное стояніе въ Церкви; далѣе, воровство, заpirationство, лѣбдничество и другія. О нѣкоторыхъ изъ этихъ проступковъ слѣдуетъ сказать, что они дѣтьми не сознаны и не имѣютъ въ собственномъ смыслѣ предосудительнаго характера. Дѣтскія ссоры, какъ извѣстно, не имѣютъ серьезнаго значенія и почти всегда оканчиваются мировой. Причиною лжи, заpirationства, когда ученикъ отклоняетъ свою вину на товарищей, служитъ всегда почти страхъ наказанія. Дѣти привыкли, что въ семьѣ за всякимъ даже неважнымъ преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе: разбито ли что или поломано, порвалась ли одежда и скоро износилась обувь,— за все это родители бьютъ дѣтей розгами и руками. Естественно, что при всякой поломкѣ и потерѣ грифеля, доски или книги дѣти ожидаютъ того же и отъ учителя и потому лгутъ просто изъ чувства самосохраненія. Лѣбдничество тоже въ основѣ своей имѣетъ не сознаніе преступности товарищей, а желаніе поставить товарища въ отвѣтственное положеніе и подвести его подъ наказаніе. Также слѣдуетъ сказать и о другихъ дѣтскихъ порокахъ.

Какъ ни ничтожны однако дѣтскіе пороки, тѣмъ не менѣе учителю представляется не мало труда бороться съ ними и самая борьба съ этими пороками требуетъ съ его стороны разумной осторожности и послѣдовательности.

Оо. наблюдатели прямо и рѣшительно высказались противъ физическихъ наказаній въ родѣ побоевъ. Гдѣ примѣняются подобныя мѣры, тамъ отсутствуетъ воспитаніе; примѣненіе физическихъ наказаній изобличаетъ слабость и безспіе учителя и его неспособность дѣйствовать на учащихся мѣрами нравственными. У хорошаго ребенка, не привыкшаго къ грубому обращенію, побой совершенно убиваютъ стыдъ и озлобляютъ его противъ учителя, вслѣдствіе чего между учителемъ и его учениками совершенно уничтожается почва для воспитанія. Съ другой стороны тѣ же мѣры наказанія для мальчиковъ, выросшихъ на побояхъ, не имѣютъ ровно никакого значенія. Точно также и оставленіе дѣтей безъ обѣда слѣдуетъ признать мѣрою, не достигающею своей цѣли. Голоданіе есть мѣра физическаго наказанія, съ общими недостатками всѣхъ мѣръ подобнаго рода. Кромѣ того дѣти, оставленные въ классѣ безъ надзора, едва ли употребляютъ означенное время для выучиванія уроковъ; учительскій опытъ свидѣтельствуетъ, что дѣти въ это время обыкновенно отдаются шалостямъ. Болѣе цѣлесообразно было бы заставлять неуспѣвающихъ дѣтей собираться послѣ обѣда и здѣсь въ классѣ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ учителя давать имъ работу. Стояніе на козлы въ углу или предъ иконой, иногда съ поклонами, мѣра по своему внутреннему значенію также не состоятельна, ибо въ данномъ случаѣ обрядъ и внѣшніе знаки богопочтенія превращаются въ мѣру наказанія. Иной смыслъ подобная мѣра имѣетъ въ церковной епитиміи, такъ какъ тамъ она налагается на грѣшника за его преступленія предъ Богомъ. Во многихъ школахъ учителя для порядка и водворенія дисциплины учреждаютъ обыкновенно должности дежурныхъ, которые доносятъ учителю о всемъ происходящемъ. По мнѣнію съѣзда дежурные, наблюдая за внѣшнимъ порядкомъ въ школѣ, чистотою и исправностью доски и классной мебели, книжнаго шкафа и т. п., ни въ коемъ случаѣ не должны быть доносчиками. Выше сказано, что среди дѣтей развито въ широкой степени ложные доносы и потому дежурные не могутъ быть вѣрнымъ источникомъ свѣдѣній о поведеніи товарищей; кромѣ того учитель, имѣя посредника въ отношеніяхъ съ учащимися изъ среды самихъ учениковъ, разрываетъ свою непосредственную связь съ дѣтьми. Между тѣмъ вся сила его влія-

нѣи должна основываться на его внутреннемъ единеніи со школою. Указаніе на примѣръ товарищей также портитъ дѣтей, развивая въ однихъ зависть, а въ другихъ гордость, тщеславіе и самолюбіе. Ученика, сдѣлавшаго проступокъ или же отъ природы бѣднаго дарованія, слѣдуетъ возвысить въ его собственномъ мнѣніи, а не унижать; въ противномъ случаѣ сами товарищи, видя, что учитель противъ слабыхъ, по врожденному чувству силы, насмѣшками, постоянными приставаньями и побоями могутъ положить конецъ его дальнѣйшему развитію. Слово убѣжденія, проникнутое любовью къ дѣтямъ, есть первое и главное орудіе законоучителя и учителя въ искорененіи дѣтскихъ пороковъ. Но чтобы не нарушать классной дисциплины и своему убѣженію сообщить болѣе поучительный характеръ, разборъ и обсужденіе всякихъ проступковъ учитель долженъ дѣлать внѣ уроковъ и въ присутствіи всѣхъ учащихся. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно воровства. Такъ какъ это порокъ противъ товарища, то учитель, разъяснивъ всю пагубность этой привычки и сдѣлавъ ему публичный выговоръ, долженъ заставить виновника извиниться предъ товарищами. И при всѣхъ другихъ поступкахъ, совершенныхъ противъ товарищей или публично предъ ними, извиненіе составляетъ, по свидѣтельству учителей, сильнѣйшее средство исправленія. Одновременно съ этимъ въ высшей степени назидательно прочесть дѣтямъ ту или другую подходящую къ случаю статью. Такое чтеніе, вызванное потребностью самой жизни, оставитъ въ дѣтихъ неизгладимое впечатлѣніе и заставитъ ихъ отстать отъ пороковъ. Такъ какъ большинство дѣтскихъ пороковъ дѣтьми не сознано, то учитель долженъ разъяснить имъ, что ихъ слова и поступки грубы, испорчены, нежелательны. Дѣти любятъ своихъ родителей; на этой любви и долженъ учитель основывать свои убѣженія, чтобы дѣти оставили бравъ и всякія ругательства. Тѣхъ дѣтей, которыя не вразумляются увѣщаніемъ и не оставляютъ своихъ пороковъ, учитель можетъ подвергать лишенію участія въ дѣтскихъ играхъ и прогулкахъ. Вообще слѣдуетъ сказать, что дисциплина должна основываться не столько на строгихъ и репрессивныхъ мѣрахъ, сколько на сознаніи долга и чувствѣ уваженія къ мѣсту и личности законоучителя и учителя. Кротость и любовь къ дѣтямъ, отсутствіе формализма, преданность дѣлу вполне могутъ ручаться за успѣхъ воспитателя. Терпѣніе же довершить все имъ начатое, ибо духовное совершенствованіе не имѣетъ очевидной наглядности и идетъ постепенно и медленными шагами.

Если же всѣ предпринимаемыя учителемъ мѣры окажутся не-

дѣйствительными, то заявленіе родителямъ учениковъ нужно признать дальнѣйшею мѣрою воспитанія. Родители являются ближайшими воспитателями своихъ дѣтей, они знаютъ всѣ ихъ пороки, знаютъ также и то, какія мѣры исправленія для нихъ болѣе дѣйствительны. Эти мѣры могутъ быть и грубыми, но коль скоро въ предѣлахъ педагогическихъ мѣръ школы нельзя исправить мальчюка, волей-неволей нужно прибѣгнуть къ помощи родителей. Что касается упорно-лѣнивыхъ и провозводящихъ соблазны и вредное вліаніе на своихъ товарищей, съѣздъ призналъ необходимымъ увольнять таковыхъ, въ интересахъ цѣлой школы.

При сужденіи о наградахъ о. наблюдателями высказана мысль, что не слѣдуетъ расточать похвалы ученикамъ, дабы учительская похвала не потеряла своего значенія въ ихъ глазахъ. Здѣсь нужно особенно слѣдить за тѣмъ, чтобы была соблюдаема всегда справедливость. Лучшимъ по успѣхамъ и поведенію можно поочередно дозволять прислуживать въ алтарѣ и читать въ Церкви; это лучшее утѣшеніе для дѣтей и ихъ родителей. Родители всегда радостью радуются, что ихъ дѣти удостоиваются стать на клиросѣ въ числѣ поющихъ и читающихъ, а тѣмъ болѣе прислуживающихъ въ алтарѣ. По окончаніи курса въ качествѣ награды окончившимъ курсъ ученія дѣтямъ слѣдуетъ выдавать св. Евангеліе, а лучшимъ по успѣхамъ мальчикамъ сверхъ того и похвальныя листы.

Наконецъ о. наблюдатели останавливали свое вниманіе и на вопросѣ, какимъ образомъ можно удержать воспитанниковъ второклассной школы въ крестьянской средѣ, при школѣ и землѣ, и ослабить у нихъ стремленіе къ центрамъ, городу, фабрикамъ и другимъ торговымъ мѣстамъ. Въ самомъ дѣлѣ, если задача второклассной школы воспитать народныхъ учителей, и, взявши ихъ изъ крестьянской среды, возвратитъ обратно народу, то второклассной школѣ предстоитъ большая задача—воспитать этихъ дѣтей въ духѣ народа, любви къ этому народу и его земледѣльческому труду. Такой вопросъ вызванъ слѣдующаго рода печальнымъ явленіемъ. У крестьянскихъ дѣтей, получившихъ образованіе немного высшее, чѣмъ въ начальной народной школѣ, является горделивое самомиѣніе, что они не такіе мужики, каковы окружающіе его односельчане, вслѣдствіе этого стыдятся заниматься тѣмъ, что называется удѣломъ крестьянина—земледѣліемъ. Отставъ отъ своихъ и не приставъ къ другимъ, они выбиваются изъ колен, что надо признать не безопаснымъ, какъ для нихъ самихъ, такъ для дѣла народнаго образованія и въ частности для второклассной школы.

Устраненіе столь печальнаго явленія лежитъ, конечно, на обязанности учителя второклассной школы. Но это дѣло не легкое и, какъ дѣло воспитанія, требуетъ серьезнаго вниманія и опытности, чтобы неправильнымъ приѣмомъ воспитанія не повредить дѣлу. Въ рѣшеніи этого вопроса съѣздъ остановился на мнѣніи Н. Н. Страхова, высказанномъ имъ въ бесѣдѣ съ учителями воскресныхъ школъ на курсахъ 1898 г. и напечатанномъ въ статьѣ епархіальнаго наблюдателя объ этихъ курсахъ (жур. «Вѣра и Разумъ» 1898 г. кн. 15).

Приступая къ обсужденію вопросовъ, касающихся обученія въ широкомъ смыслѣ слова, съѣздъ нашелъ необходимымъ предварительно заняться разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ вышнихъ обстоятельствъ, препятствующихъ правильному ходу обученія въ церковныхъ школахъ и выработкѣ соотвѣтственныхъ мѣръ къ устраненію этихъ обстоятельствъ. Однимъ изъ такихъ обстоятельствъ нужно признать разновременное поступленіе дѣтей въ школу.

Разновременное поступленіе дѣтей въ школу является однимъ изъ главнѣйшихъ золъ всякой сельской начальной школы вообще и церковной въ частности. Это явленіе неблагоприятно отражается не только на успѣхахъ учебнаго дѣла въ школахъ, но и на всемъ строѣ школьной жизни. вмѣсто двухъ и трехъ группъ, съ которыми едва можетъ справиться учитель, въ особенности при большомъ количествѣ учащихся, при разновременномъ поступленіи учениковъ въ школу получается 4, 5 и болѣе группъ. Съ такимъ количествомъ отдѣльныхъ группъ, конечно, не въ состояніи справиться и самый опытный учитель. Будучи источникомъ вредныхъ послѣдствій для учителя, учебнаго дѣла и всего школьнаго строя, разновременное поступленіе дѣтей въ школу и безпорядочное обученіе подрываетъ авторитетъ школы въ глазахъ народа. Въ чемъ же коренятся причины этого повсемѣстнаго зла въ школахъ и какими мѣрами можно достигнуть того, чтобы дѣти поступали въ школу одновременно? Самый цѣнный матеріалъ по данному вопросу былъ данъ учителями, подавшими на курсахъ Епархіальному Наблюдателю свои отвѣты на особыхъ запискахъ.

Первая и главнѣйшая причина разновременнаго поступленія дѣтей въ школу заключается въ экономическомъ положеніи народа. Народъ нашъ бѣденъ и крайне дорожитъ рабочею силою и рабочимъ временемъ; въ 7—8 лѣт. мальчуганъ и дѣвочка являются уже его помощниками на все рабочее время; рабочій же годъ нашего крестьянина начинается отъ св. Пасхи и продолжается до

1-го Октября. Съ Пасхи и до Покрова онъ работаетъ съ ними у себя въ полѣ, на этотъ же срокъ онъ нанимаетъ и въ работники, будетъ ли это отхожій промыселъ или мѣстный заработокъ на свекловичныхъ плантаціяхъ; съ Пасхи до Покрова дѣти крестьянъ мальчики и дѣвочки пасутъ также скотъ. Въ зависимости отъ состоянія погоды рабочій годъ затягивается иногда и дальше до 14 Ноября. На фабрикахъ и заводахъ Харьковской губерніи существуетъ обычай „наживать“ утерянное почему либо время по болѣзни работника. Этотъ неустрашимый обычай задерживаетъ дѣтей на заработкахъ значительно дольше, особенно при условіи благоприятной погоды. Рабочій годъ затягивается еще и оттого, что крестьяне, убравъ хлѣбъ, спѣшатъ его обмолотить, продать и потомъ когда на вырученные имъ деньги онъ купить обувь и одежду своимъ дѣтямъ, отправляетъ ихъ въ школу. Бѣдственное экономическое положеніе служитъ причиною того, что нашъ крестьянинъ еще мало сознаетъ пользу грамоты. „Грамота не накормитъ дѣтей хлѣбомъ“, говорятъ онъ и отдаетъ дѣтей въ школу лишь тогда, когда эти дѣти ему совершенно не нужны и даже мѣшаютъ ему въ зимнее время, „въ тягость“ ему.

Повидимому можно было бы игнорировать изложенными выше основаніями и требовать отъ крестьянъ въ ущербъ ихъ матеріальному благосостоянію, чтобы они приводили дѣтей своевременно, если бы это обстоятельство не осложнялось другою не менѣе важною причиною. Церковная школа находится въ матеріальной зависимости отъ крестьянъ и не только въ томъ случаѣ, когда она получаетъ извѣстное пособіе отъ него, но и тогда, когда надѣется получить эту субсидію. Въ первомъ случаѣ она можетъ лишиться общественной субсидіи, если не будетъ дѣйствовать въ угоду крестьянамъ; въ послѣднемъ она не получитъ желаемой помощи. Поэтому оо. завѣдующіе не только не отказываютъ въ приемѣ дѣтей, въ какое бы время они ни приходили, но весьма нерѣдко переносятъ даже оскорбленія отъ крестьянъ, особенно если самъ учитель получаетъ отъ крестьянъ пособіе. Самъ батюшка затрудняется принять рѣшительныя мѣры въ данномъ случаѣ, ибо и онъ стоитъ въ зависимости отъ своихъ прихожанъ. Чувствуя нѣкоторую свою силу надъ причтомъ, на всѣ просьбы законоучителя и учителя крестьяне обыкновенно отвѣчаютъ иногда безцеремонно: „на что и школа тогда, если въ нее не принимаютъ дѣтей“. Въ свою очередь и о. завѣдующій, опасаясь, что разладъ съ прихожанами можетъ неблагоприятно отразиться на его дохо-

дахъ, приказываетъ учителю принимать во всякое время и учитель волей-неволей соглашается съ нимъ. Не малое значеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ еще антагонизмъ между земскою и церковною школою. При отсутствіи соглашенія между батюшкой и учителемъ земской школы, крестьяне ведутъ дѣтей въ школу, когда имъ вздумается, въ надеждѣ, что если не примутъ въ одной, то примутъ въ другой. Отъ этого приемъ затягивается иногда на довольно продолжительное время. „Пріймете и еще спасибо скажете“, говорятъ обыкновенно крестьяне.

Холодность крестьянъ къ школѣ иногда объясняется характеромъ самаго учителя. Горделивый, суровый, непривѣтливый учитель не пользуется любовью крестьянъ, если онъ даже и обладаетъ педагогическою опытностью; они его не слушаются и дѣтей приводятъ, когда хотятъ. Наоборотъ, если школа поставлена такъ, что все въ ней дышетъ религіозностью, сердечностью, радушіемъ, взаимною любовью учителя и дѣтей, то это побуждаетъ крестьянъ относиться со всяческимъ вниманіемъ; иногда по первому зову они приводятъ своихъ дѣтей въ такую школу. Нерадѣніе родителей стоитъ также въ числѣ причинъ небрежнаго посѣщенія школы. Многіе родители не знаютъ, когда начинаются въ школѣ занятія; особенно это слѣдуетъ сказать о жителяхъ хуторовъ, которые не всегда бывають въ церкви, когда батюшка объявляетъ о началѣ занятій. При этомъ крестьяне не принимаютъ въ расчетъ никакихъ соображеній. Даже недостатокъ мѣста въ школѣ для него не представляется уважительною причиною отказа. Поэтому, если среди учебнаго года за выходомъ нѣкоторыхъ дѣтей изъ школы, оказывается свободное мѣсто, завѣдующій рѣшительно затрудняется отказать, чтобы не обидѣть крестьянина.

Въ соотвѣтствіе главнѣйшей причинѣ розновременнаго поступленія дѣтей въ школу, экономическому положенію нашего крестьянина, однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ достигнуть того, чтобы дѣти поступали въ школу одновременно, является совпаденіе учебнаго школьнаго года съ рабочимъ годомъ нашихъ крестьянъ, а именно 2 октября и начало полевыхъ работъ. Начало занятій съ 2 октября находитъ себѣ основаніе и въ практикѣ, подтверждаемой постановленіемъ Совѣта. По заявленію учителей въ школахъ, гдѣ приемъ объявляется съ 1-го окт., дѣти поступаютъ одновременно. При учебномъ же годѣ съ 1-го сент. нужна большая борьба школы съ народомъ, борьба дорого стоящая священнику и учителю. Не признавать того, что школа стоитъ въ зави-

симости отъ народа, нельзя: вѣдь школа для народа, а не народъ для школы, поэтому во всякомъ случаѣ школьной жизни нужно сообразоваться съ потребностями народа же. Объявивъ 1 окт., какъ рѣшительный срокъ приѣма, священникъ вправѣ настаивать на томъ, чтобы всѣ желающіе учиться были въ сборѣ, относя всякое нарушеніе этого требованія къ винѣ самихъ родителей. При этомъ заблаговременно и не однажды онъ долженъ не только объявить объ этомъ, но и разъяснить пользу одновременнаго поступленія дѣтей въ школу и вредъ отъ поступленія разновременнаго. На первыхъ порахъ крестьяне будутъ небрежны въ данномъ случаѣ, недовольны батюшкой, но, видя его настойчивое требованіе и резонность этого требованія, они приучаются къ порядку постепенно. Послѣ этихъ разъясненій батюшка долженъ дѣйствовать со всею рѣшительностью. Всякій произволъ, угожденіе крестьянину, его пожертвованіе и пр.—все это не должно имѣть мѣсто въ данномъ случаѣ. Опоздавшему, особенно въ первое время, рѣшительно слѣдуетъ отказать въ приѣмѣ, ибо чрезъ него могутъ страдать интересы всей школы. Чтобы крестьяне, живущіе въ отдаленныхъ хуторахъ, могли знать о времени приѣма, необходимо посылать туда нарочныхъ вѣстниковъ, чтобы они не могли отказываться незваніемъ распоряженій своего батюшки. Что касается школъ второклассныхъ, городскихъ и другихъ, въ которыхъ вышеизложенныя причины отсутствуютъ, то для таковыхъ школъ началомъ учебнаго года должно быть 1 сент., а концомъ одинаково для всѣхъ 1—15 мая, опредѣленный Совѣтомъ.

Такое мнѣніе 80 учителей, высказанное на основаніи опыта, было подтверждено и показаніями о. Уѣздныхъ наблюдателей. Впрочемъ, желая всячески сдѣлать учебный годъ возможно продолжительнымъ, съѣздъ высказалъ желаніе, чтобы приѣмъ вновь поступающихъ дѣтей въ сельскихъ школахъ былъ производимъ съ первыхъ чиселъ Сентября.

Другимъ обстоятельствомъ, препятствующимъ правильному ходу учебнаго дѣла въ церковныхъ школахъ, является неисправное хожденіе учениковъ въ школу. Причина этого явленія отчасти кроется въ экономическомъ положеніи крестьянъ; въ бѣдныхъ семьяхъ обувь и одежда служатъ весьма нерѣдко нуждамъ нѣсколькихъ членовъ семьи, вслѣдствіе чего учащіеся дѣти сидятъ дома когда ихъ старшіе братья отлучаются изъ дому по хозяйству; чаще всего бываетъ, что дѣти не имѣютъ зимней одежды и прочной обуви и сидятъ дома въ ненастную погоду и въ зимнюю стужу. Случается

также весьма нередко, что сами родители задерживают дома своих дѣтей для хозяйственныхъ потребностей, ѣдутъ съ ними въ лѣсъ за дровами, оставляютъ ихъ нянчить маленькихъ дѣтей, или же берутъ въ городъ для продажи хлѣба. Гораздо рѣже наблюдается в такое явленіе, что сами дѣти по лѣности и шаловливости вмѣсто того, чтобы отпраляться въ школу, остаются на улицѣ, на рѣкѣ и въ лѣсу. Что касается селъ, деревень и хуторовъ, удаленныхъ отъ школы на 3—5 верстъ, то здѣсь явную причиною опущенія дѣтьми школьныхъ занятій является сверхъ того дальность разстоянія, затрудняющая въ дождливое и холодное время сообщеніе со школою. Само собою разумѣется, что мѣры къ устраненію этого зла въ родѣ подписки съ родителей, штрафованія ихъ за неисполненіе этой подписки, полицейскаго воздѣйствія на родителей, дѣти которыхъ неисправно посѣщаютъ школу, наконецъ, наказанія неисправныхъ дѣтей,—все это мѣры, не соотвѣтствующія дѣйствительнымъ причинамъ зла и потому не устраняющія его. Были случаи, что само общество добровольно составляло приговоры о пятирублевомъ штрафѣ съ тѣхъ отцовъ, дѣти которыхъ будутъ опускать уроки, но этотъ приговоръ утверждался по соглашенію лишь для того, чтобы его нарушать.

По мнѣнію сѣзда, дѣтямъ бѣдныхъ родителей необходимо было бы оказывать матеріальную поддержку, въ видѣ надѣленія обувью и одеждою, но по отсутствію средствъ для этого эта мѣра осталась лишь желательной и предполагено обращать вниманіе попечителей на эту сторону. За то по отношенію къ дѣтямъ дальнихъ деревень сѣздъ опредѣленно высказалъ, что необходимо всюду, гдѣ это возможно, завести для нихъ ночлежные пріюты; при этомъ оо. Наблюдатели обязываются привести въ извѣстность тѣ школы, которыя нуждаются въ ночлежныхъ пріютахъ, и о томъ довести къ свѣдѣнію Епархіальнаго Наблюдателя.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда ученики безъ уважительной причины не являются въ школу, учитель или о. завѣдывающій долженъ навести справку и всякій разъ разъяснять родителямъ такихъ дѣтей, что неисправное посѣщеніе ихъ дѣтей тяжело отзывается и на ребенкѣ, который не въ состояніи самъ воспроизвести опущеннаго урока, и для учителя, такъ какъ ему приходится заниматься съ нимъ отдѣльно. Подобныя разъясненія и бесѣды съ родителями безспорно могутъ помочь дѣлу, ибо сами крестьяне часто не представляютъ вреда, проистекающаго отъ небрежнаго посѣщенія школы ихъ дѣтьми.

Обсуждая далѣе вопросъ о постановкѣ учебнаго дѣла въ церковныхъ школахъ, о.о. наблюдатели прежде всего остановились на вопросѣ о поднятіи образовательнаго уровня нашихъ учителей. Немѣры къ этому принимаются самыя дѣятельныя: личное руководство наблюдателей, постоянная дѣятельность Совѣта по устройству курсовъ, снабженію школьныхъ библіотекъ книгами, улучшенію образовательнаго ценза учителей и т. п. Въ качествѣ постоянного руководства, могущаго поддерживать учебное и воспитательное дѣло въ школахъ, могутъ служить журналы „Народное Образование“ и „Церковно-приходская школа“. При своей дешевизнѣ для учителей церковныхъ школъ и массѣ разнороднаго педагогическаго матеріала пріобрѣтеніе одного изъ этихъ журналовъ для каждой школы о.о. наблюдателями признано въ высшей степени желательнымъ. Само собою разумѣется, что объяснительныя записки къ программамъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты должны быть подъ руками у всѣхъ законоучителей и учителей и составлять основное руководство ихъ въ дѣлѣ преподаванія въ церковныхъ школахъ.

В. Давыденко

(Окончаніе будетъ).

Съѣздъ Наблюдателей церковныхъ школъ Харьковской епархіи.

(Окончаніе *).

Тѣмъ не менѣе о.о. наблюдатели коснулись нѣкоторыхъ практикою выдвинутыхъ вопросовъ относительно постановки преподаванія въ церковныхъ школахъ.

Существеннымъ недостаткомъ въ постановкѣ преподаванія въ церковныхъ школахъ, по мнѣнію наблюдателей, является отсутствіе яснаго и одинаковаго взгляда на то, что должно разумѣть подъ именемъ церковности. Вопросъ о церковности въ церковной школѣ составляетъ важнѣйшій предметъ даннаго времени. Въ самомъ дѣлѣ, если не имѣть яснаго представленія о цѣляхъ и задачахъ церковной школы и отличительныхъ особенностяхъ ея сравнительно со всякой другой элементарной школой, то самое названіе ея—пустое и ничего не значущее слово, а церковная школа есть таже земская, министерская, частная и всякая другая. Если въ церковной школѣ дѣло начинается съ обученія грамотѣ, то и всякая другая начальная школа имѣетъ ближайшею своею цѣлію обученіе чтенію и письму. Равнымъ образомъ и остальная программа всякой начальной школы, обученію Закону Божію, церковному иѣнію, ариметикѣ въ своемъ содержаніи почти тождественны. Что касается метода обученія, то они стоятъ въ зависимости отъ самаго учителя и его образовательнаго ценза, равно какъ и общей учительской практики, сложившейся за послѣднее время. Въ чемъ слѣдуетъ полагать существо церковной школы, дабы она могла сохранить свое дѣйствительное званіе и истинное свое назначеніе?

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г. № 8.

Начинаемъ съ внѣшности. На основаніи личныхъ наблюденій о.о. наблюдателей, внѣшняя и, такъ сказать, обрядовая сторона церковной школы, носитъ печать церковности. Уже по самому мѣстоположенію своему вблизи церкви, въ самой оградѣ церковной, по принадлежности руководителей ея къ духовному званію, по ея матеріальному обезпеченію средствами церкви, церковная школа принадлежитъ Церкви, есть школа церковная. Внѣшнія воспитательныя мѣры школа примѣняетъ также церковныя: неопустительное осѣщеніе церкви во время богослуженій и участіе учениковъ въ совершеніи этихъ богослуженій, благоговѣнное отношеніе къ Св. Евангелію, выражающееся иногда въ крестномъ знаменіи предъ его чтеніемъ, изображеніе креста и молитва при входахъ и выходахъ, предъ началомъ ученія и по окончаніи его, изученіе церковныхъ пѣснопѣній и молитвъ и т. п. Въ самой внѣшней обстановкѣ школы лежитъ та же печать церковности: божница, убранная святыми иконами и картинами, аналой для чтенія утреннихъ и вечернихъ молитвъ и проч. Всѣ вышеупомянутыя мѣры безспорно умѣстны въ церковныхъ школахъ и вполне цѣлесообразны. И нужно сказать, что въ употребленіи означенныхъ воспитательныхъ средствъ замѣчается единообразіе. Но всегда ли такимъ внѣшнимъ мѣрамъ соответствуетъ внутренній духъ церковности, ясно ли всѣми сознается идея церковности, цѣль и задача церковной школы? Наблюденіе показываетъ, что эта сторона церковной школы не всѣми одинаково понимается, что прежде всего усматривается въ разнообразіи методовъ преподаванія, рассчитанныхъ на достиженіе самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Обратимъ вниманіе на постановку преподаванія Закона Божія. Въ вѣкоторыхъ школахъ практикуется поступательная система преподаванія, въ другихъ концентрическая, въ иныхъ преподаваніе носитъ чисто-догматическій или эвристическій характеръ; причѣмъ замѣчается стремленіе законоучителя добиться полнѣйшей сознательности въ усвоеніи преподаваемаго матеріала и развитіе въ дѣтяхъ самостоятельность душевныхъ способностей. То же разнообразіе методовъ преподаванія наблюдается и во всѣхъ другихъ предметахъ. Ясно, что у руководителей церковной школы нѣтъ единства представленія и взглядовъ на самое существо церковной школы.

Самая существенная задача церковной школы, какъ выше было сказано, заключается въ *обученіи и неразрывно связанномъ съ обученіемъ воспитаніи дѣтей въ духѣ вѣры и Церкви православнои*. Одною же изъ существенныхъ особенностей православія

является требованіе отъ православныхъ признанія въ дѣлѣ вѣры авторитета, вытекающее изъ признанія ограниченности человѣческаго разума и грѣховности человѣческой природы. Поэтому одну изъ главныхъ заботъ законоучителя должно составлять—воспитаніе въ питомцахъ чувства *уваженія къ авторитету*, и не только церковному, но и гражданскому. Необходимость воспитанія именно этого чувства въ питомцахъ, обусловливается характеромъ самаго православнаго вѣроученія и въ тоже время вызывается и религіозно-нравственнымъ состояніемъ современнаго общества. Отличительная особенность современнаго общества—свободомысліе въ одной части общества, переходящее въ раціонализмъ и отрицаніе православія и вообще всякой религіи, въ другой—легкомысліе въ дѣлѣ религіи или же полнѣйшій индифферетизмъ. Еще не такъ давно это печальное состояніе общества было удѣломъ одной интеллигенціи, но въ послѣднее время это свободомысліе все болѣе и болѣе проникаетъ въ средніе слои общества и, наконецъ, даже въ среду простаго народа, среди котораго въ настоящее время широкой и глубокой волной разливается сектантство съ раціоналистическимъ оттѣнкомъ. Борьба, самая упорная борьба съ такимъ печальнымъ явленіемъ долге пастыря, но замѣтимъ, что эта борьба можетъ привести къ благимъ послѣдствіямъ и увѣнчаться полнымъ успѣхомъ лишь чрезъ школу и воспитаніе подрастающаго поколѣнія, и только тогда, когда до мельчайшихъ подробностей будутъ изучены причины печальнаго явленія и когда система школьнаго обученія будетъ приспособлена къ этой борьбѣ.

Вышеупомянутое печальное состояніе общества въ религіозно-нравственномъ отношеніи объясняется духомъ вѣка, средой, распространеніемъ ложныхъ ученій, занесенныхъ съ Запада. Но такъ какъ мы имѣемъ дѣло со школой, то намъ надо поинсать, нѣтъ ли въ самой школѣ такихъ неблагопріятныхъ условій, которыя вліяютъ на развитіе питомцевъ въ такомъ направленіи, что они легко и живо отыкаются на раціоналистическія вѣянія. Причиной того явленія, что питомцы современныхъ школъ обнаруживаютъ склонность съ свободомыслію и къ отрицанію авторитета, слѣдуетъ полагать въ одностороннемъ и чрезмѣрномъ развитіи ума питомцевъ въ ущербъ другимъ способностямъ и притомъ развитіе въ извѣстномъ направленіи въ духѣ раціоналистическихъ методовъ преподаванія. Существенною особенностью лучшихъ методовъ преподаванія считается сознательность и самодѣятельность въ усвоеніи учащимся преподаваемаго матеріала. Развитіе ума въ то

время, когда мало обращено вниманія на развитіе другихъ способностей души, развитіе въ извѣстномъ направленіи—естественно поражаетъ особую наклонность ума—*все рѣшатъ умомъ самостоятельно*, поражаетъ особый психическій съладъ въ человѣкѣ, при которомъ все доступное уму кажется справедливымъ, а все требующее вѣры и уваженія къ авторитету, не находитъ отклика въ душѣ, направленной односторонне. При такой односторонней дрессировкѣ ума необходимо въ школѣ умѣряющій и регулирующий элементъ. Такимъ элементомъ должно явиться преподаваніе Закона Божія не только его содержаніемъ, но и методомъ преподаванія. Признавая вполне дѣлсообразнымъ употребленіе методовъ преподаванія, требующихъ сознательности и самодѣятельности для другихъ предметовъ, такъ какъ эти методы вполне соотвѣтствуютъ природѣ самыхъ предметовъ, оо. наблюдателямъ представляется, что методъ по Закону Божію, основанный на томъ же принципѣ и неумѣстно многими примѣняемый въ школѣ, едва ли пригоденъ. Такой методъ не соотвѣтствуетъ самому содержанію предмета Закона Божія, заключающаго въ себѣ истины, недоступныя полному пониманію дѣтскаго и даже зрѣлаго возраста. На этомъ основаніи нельзя, на примѣръ, согласиться съ тѣми приѣмами законоучителей, по которымъ они усвѣиваются заучивать съ дѣтьми молитвы на русскомъ языкѣ, стремятся выяснитъ имъ значеніе всякаго непонятнаго слова, объясняютъ имъ всякій догматъ религіи. Тайны религіи сокровенны и для нашего ума непостижимы: попытка объяснять все разумомъ можетъ породитъ одно легкомысліе и неуваженіе въ религіи. Само собою понятно, что это не исключаетъ разумнаго объясненія того, что можетъ быть понятно ученику. Наилучшій способъ объясненія догматовъ чрезъ посредство богослуженія. Тайна воплощенія Сына Божія непостижима для нашего разума. Но стоятъ только приготовить дѣтей къ сознательному присутствованію на богослуженіяхъ во дни Рождества Христова и эти дѣти если не умомъ, то сердцемъ невольно усвоятъ всю глубину и важность этого знаменательнаго событія. Тоже слѣдуетъ сказать и о другихъ догматахъ и событіяхъ священной исторіи. Церковь наша мать, она научитъ и дѣтей всему, что дорого и необходимо въ нашей вѣрѣ Православной и въ церкви христіанской. Не слѣдуетъ ожидать, когда въ порядкѣ программы и учебнаго года придетъ очередь для изученія того или другого событія Священной исторіи. Руководясь указаніями программы въ распредѣленіи учебнаго матеріала, необходимо въ тоже время приго-

товлять дѣтей къ сознательной встрѣчѣ всѣхъ праздниковъ и воскресныхъ дней и всѣхъ событій, празднуемыхъ Церковію; законоучитель въ тоже время долженъ быть и пастыремъ. Идя въ храмъ изъ школы, онъ долженъ вести за собою и дѣтей своихъ, приготовивъ ихъ предварительно къ сознательному стоянію въ церкви. Наканунѣ всѣхъ богослужебныхъ дней, дѣтямъ должно быть выяснено значеніе празднуемаго событія и должно быть изложено содержаніе Апостола и Евангелія. Тогда только Церковь будетъ объединяться со школою въ лицѣ своихъ руководителей и будетъ истиннѣ церковною. Не слѣдуетъ смущаться и тѣмъ обстоятельствомъ, что содержаніе многихъ церковныхъ праздниковъ, чѣствующихъ нашимъ православнымъ народомъ, не включено въ содержаніе программы. Пастырь долженъ знать, что праздникъ Покрова Пресвятыя Богородицы, праздникъ Николая Чудотворца, мѣстные храмовые празднества и другіе дни народомъ глубоко чествуются. Поэтому слѣдуетъ знакомить дѣтей и съ содержаніемъ всѣхъ означенныхъ праздниковъ. Однимъ словомъ, если церковная школа желаетъ жить неразрывною жизнію съ Церковью, то и законоучитель долженъ держаться, на ряду съ программю, опредѣляющею содержаніе и порядокъ учебнаго матеріала,—календарнаго способа преподаванія, знакомя дѣтей попутно въ порядкѣ нашего христіанскаго года со всѣми текущими церковными событіями. Тогда пастырь и законоучитель, учитель и священно-служитель, школа и церковь объединяется и школа подъ сѣнью Церкви получаетъ истинно-церковный характеръ. Само собою разумѣется, что всѣ другіе предметы должны логически группироваться вокругъ главнаго и центральнаго предмета—Закона Божія. Церковное лѣніе должно быть признано безусловно важнѣйшимъ предметомъ курса и на постановку его должно быть обращено самое существенное вниманіе.

По вопросу о постановкѣ преподаванія прочихъ предметовъ учебнаго курса, въ виду ясности и обстоятельности объяснительныхъ записокъ къ программѣ церковно-приходскихъ школъ, съѣздъ высказалъ лишь нѣсколько соображеній, подсказанныхъ практикою школьнаго обученія. Въ виду краткости учебнаго курса въ сельскихъ церковныхъ школахъ и неразвитости деревенскихъ дѣтей, къ общему руководству оо. наблюдателей была высказана мысль, чтобы учителя одноклассныхъ церковныхъ школъ не усиливались изучать этимологию и синтаксисъ совмѣстно съ точнымъ заучиваніемъ опредѣленій частей рѣчи и частей предложенія, а, согласно смыслу объяснительной записки о постановкѣ преподаванія русскаго

языка, при разборѣ предложеній по вопросамъ предлагали вопросы такимъ образомъ, чтобы отвѣты получались въ различной формѣ и заставляли учениковъ думать и уразумѣвать соотношение между частями предложенія. На первыхъ порахъ ученики, разбирая напр., предложеніе: „крестьянинъ пашеть въ полѣ“, отвѣчаютъ на слѣдующіе вопросы; кто пашеть въ полѣ? Что дѣлаетъ крестьянинъ? Гдѣ онъ пашеть? Затѣмъ требуется отъ нихъ, чтобы въ данномъ предложеніи они назвали дѣйствующій предметъ или предметъ рѣчи; указали дѣйствіе предмета и мѣсто его дѣйствія.

Далѣе имѣли сужденіе о прямомъ письмѣ и письмѣ полууставомъ. Прямое письмо въ настоящее время весьма развито въ начальныхъ земскихъ школахъ, практикуется оно также и въ нѣкоторыхъ церковныхъ школахъ Харьковской Епархіи. Въ виду нѣкоторыхъ гигиеническихъ преимуществъ прямого письма предъ косымъ предположено оставить его временно въ 5 тѣхъ школахъ, въ которыхъ оно въ настоящее время практикуется, не распространяя его на другія школы. Что касается письма полууставомъ, то распространеніе этого письма признано желательнымъ по мнрѣ возможности. При этомъ были рассмотрѣны образцы письма прямого и полууставомъ, представленные изъ нѣкоторыхъ церковныхъ школъ Епархіи.

Въ видахъ практическаго примѣненія счисленія въ преподаваніи ариметики предположено обращать особенное вниманіе на упражненія въ умственныхъ вычисленіяхъ и ни въ какомъ случаѣ не ограничиваться однимъ механическимъ изученіемъ ариметическихкихъ дѣйствій. Приэтомъ съѣздъ постановилъ вмѣнить въ обязанность всѣмъ оо. завѣдующимъ церковныхъ школъ въ числѣ прочихъ учебныхъ принадлежностей въ классѣ имѣть счеты классные и ручные для дѣтей, какъ самое лучшее пособіе при изученіи ариметическихкихъ дѣйствій; счеты сверхъ того имѣютъ большое практическое значеніе въ жизни.

Но школа не должна ограничивать свою дѣятельность учебнымъ курсомъ по отношенію къ своимъ ученикамъ. Опытъ показываетъ, что выбывшіе ученики подѣ влияніемъ среды и хозяйственныхъ хлопотъ отстаютъ отъ книги и даже забываютъ грамоту. Чтобы предупредить подобнаго рода явленія, необходимо еще на школьной скамьѣ приохотить дѣтей къ чтенію и употреблять всѣ мѣры, чтобы по выходѣ ихъ изъ школы поддерживать съ ними связь. Вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія той и другой цѣли могутъ послужить бібліотеки для внѣкласснаго чтенія. На съѣздѣ

было подтверждено во всей силѣ постановленіе Совѣта и сдѣланное оо. наблюдателямъ распоряженіе, чтобы духовенство обратило особенное вниманіе на состояніе школьныхъ библіотекъ. Въ настоящее время такихъ библіотекъ при церковныхъ школахъ Харьковской Епархіи существуетъ 163; но не ограничиваясь этимъ числомъ, предполагено привести въ извѣстность всѣ школьныя библіотеки, содержащія въ себѣ не менѣе 50 изданій, считая ихъ существующими официально и состоящими на отчетности. Вмѣстѣ съ тѣмъ указать оо. завѣдующимъ на особенную важность школьныхъ библіотекъ и предложить имъ озаботиться ихъ пополненіемъ на мѣстныхъ средства. Во время ревизіи церковныхъ школъ оо. наблюдателямъ вмѣняется въ обязанность, чтобы они обращали вниманіе на состояніе и содержаніе школьныхъ каталоговъ. Чтобы не давать доступа въ библіотеки церковныхъ школъ книгамъ бесполезнымъ и даже вреднымъ, а иногда просто несоотвѣтствующимъ дѣтскому возрасту и потребностямъ деревенскаго народа, вниманію наблюдателей было предложено заботиться о снабженіи школьныхъ библіотекъ книгами, исключительно одобренными къ приобрѣтенію въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ. Въ качествѣ руководства при снабженіи книгъ можетъ послужить каталогъ книгъ, разрѣшенныхъ къ употребленію въ церковно-приходскихъ школахъ А. Сперенскаго и указатель книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія. Въ случаѣ полученія денежной субсидіи отъ казны съѣздъ призналъ также необходимымъ снабжать всѣ церковныя школы необходимыми методическими руководствами и сверхъ того основать при благочинническихъ библіотекахъ особый педагогическій отдѣлъ для учителей церковно-приходскихъ школъ извѣстнаго района. Практика нѣкоторыхъ отдѣленій показываетъ, что такая библіотека можетъ быть и подвижной.

Однимъ изъ средствъ для поддержанія связи учениковъ со школою являются воскресныя чтенія. Заведеніе этихъ чтеній желательно при всѣхъ школахъ и при томъ не для учащихся только, но и для взрослыхъ. Кромѣ того учитель не долженъ препятствовать посѣщать школу выбывшимъ ученикамъ и въ учебные дни и часы, онъ всячески долженъ поддерживать съ ними лучшія отношенія, приглашать ихъ къ себѣ на школьныя праздники, на вѣклассныя и воскресныя чтенія, на экзамены. Присутствіе въ школѣ неизбѣжно должно отразиться на нихъ самымъ благопріятнымъ образомъ и заставить ихъ полюбить книжное чтеніе. Многіе изъ наиболѣе опытныхъ и способныхъ могутъ быть даже помощни-

ками учителя при его занятіяхъ съ дѣтьми.—Чтобы опредѣлить, насколько въ настоящее время жива связь выбывшихъ учениковъ церковныхъ школъ со школою и насколько твердо сохранились въ нихъ почерпнутыя въ школѣ знанія, съѣздомъ предположено устроить по 2 зимнихъ экзамена на уѣздъ для всѣхъ, учениковъ школы, выбывшихъ изъ нея съ самаго начала ея основанія. Эти экзамены должны показать, чего не достаетъ нашей школѣ и что въ ней особенно хорошо.

Матеріальная сторона школы церковной, въ виду исчерпанности дѣйствующихъ мѣстныхъ источниковъ и постоянно напряженной энергіи духовенства по изысканію средствъ матеріальнаго обезпеченія церковныхъ школъ, была предметомъ обсужденія только съ нѣкоторыхъ не существенныхъ сторонъ. Идя на помощь учителямъ, съѣздъ высказалъ желаніе, чтобы всѣмъ учителямъ и учительницамъ церковныхъ школъ, имѣющимъ званіе учителя, предоставлено было право участія въ Эмеритальной кассѣ для духовныхъ Харьковской Епархіи на общихъ основаніяхъ. Это обстоятельство могло бы привлечь въ составъ учащихъ церковныхъ школъ многихъ хорошихъ учительницъ и учителей. Чтобы не было нарушено равновѣсіе эмеритуръ, можно бы такое участіе сдѣлать добровольнымъ или же ограничить число участвующихъ извѣстною опредѣленною нормою. вмѣстѣ съ тѣмъ признано совершенно необходимымъ, чтобы оо. наблюдатели на будущее время точно опредѣлили, въ какія именно изъ числа бѣднѣйшихъ и нуждающихся школъ должно быть направляемо жалованье учителямъ, и о семъ докладывали бы въ Отдѣленіе къ обсужденію.

Снабженіе школъ книгами, не смотря на неоднократныя распоряженія Совѣта, также не приведено въ желательный порядокъ. Обсудивъ настоящее положеніе дѣла, съѣздъ, при снабженіи школъ учебниками, учебными пособіями и книгами для внѣкласснаго чтенія на средства Св. Синода, призвалъ необходимымъ держаться слѣдующаго порядка. Къ началу гражданскаго года оо. завѣдующіе представляютъ письменныя требованія о томъ, въ какихъ книгахъ и въ какомъ количествѣ ихъ извѣстная школа нуждается. Эти требованія должны находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ дѣйствительными нуждами школъ, ихъ матеріальною обезпеченностію, матеріальнымъ положеніемъ приходовъ, количествомъ учащихся въ школахъ и числомъ книгъ, выданныхъ раньше. На основаніи отдѣльныхъ заявленій оо. завѣдующихъ составляется общая требовательная вѣдомость, по которой изъ книжнаго склада Училищнаго

Совѣта при Св. Синодѣ и высылаются потребованное количество книгъ на означенныя уѣздными отдѣленіями станціи. Чтобы выполнить кропотливое и безпокойное дѣло раздачи книгъ по школамъ, недостаточно силъ одного лица въ уѣздѣ, недостаточно также и одного пункта для раздачи книгъ въ школы всего уѣзда. Необходимо, чтобы въ каждомъ благочиническомъ округѣ было отдѣльное лицо, завѣдующее раздачею книгъ для своего округа. Завѣдующій раздачею книгъ долженъ быть избираемъ о. благочиннымъ и представляемъ въ Уѣздное Отдѣленіе. Завѣдующій раздачею предъ началомъ учебнаго года назначаетъ опредѣленный срокъ, когда оо. завѣдующіе или ихъ довѣренныя лица должны явиться къ нему для полученія книгъ. Вѣдомость о полученіи книгъ съ росписками получателей хранится въ архивѣ Отдѣленія.

Какъ на особенный недостатокъ въ швольномъ обиходѣ можно указать еще на недостатокъ письменныхъ принадлежностей въ церковныхъ школахъ. Извѣстно, что Святѣйшій Синодъ, принимая на себя снабженіе бѣднѣйшихъ шволь учебниками, въ тоже время не отмѣчаетъ особо статьи расхода на письменныя принадлежности. Вслѣдствіе этого школы и родители учащихся сами приобрѣтаютъ письменныя принадлежности, выписывая ихъ изъ уѣздныхъ городовъ. Отсюда на практикѣ встрѣчаются частыя затрудненія: разнообразіе бумаги, низкое достоинство бумаги, карандашей и перьевъ и тому подобныя неудобства, затрудняющія успѣхи обученія. Между тѣмъ всѣ эти неудобства легко могли бы быть устранены при даровомъ и правильномъ снабженіи шволь письменными принадлежностями. Въ виду этого съѣздъ постановилъ просить особую денежную субсидію на указанный предметъ.

Въ числѣ другихъ, обсуждавшихся на съѣздѣ, вопросовъ, касающихся матеріальной стороны церковныхъ шволь, можно отмѣтить еще вопросъ о классной мебели, ремесленныхъ и сельскохозяйственныхъ классахъ. Извѣстно, что во многихъ церковныхъ школахъ парты по своему устройству не только не соотвѣтствуютъ требованіямъ гигиены и правильнаго обученія, но не удовлетворяютъ даже скромнымъ требованіямъ удобства. Между тѣмъ на ихъ устройство затрачены средства, на которыя могли бы быть слѣланы парты, удовлетворяющія всѣмъ этимъ требованіямъ. Поэтому на будущее время оо. наблюдателямъ вмѣниется въ обязанность озаботиться устройствомъ классныхъ столовъ сообразно съ требованіемъ педагогики и всякій разъ не оставлять въ данномъ случаѣ оо. завѣдующихъ своимъ руководствомъ и разъясне-

ніями. Отъ такого или иного устройства этихъ столовъ зависяетъ не только правильное обученіе, но и здоровье учащихся. Въ качествѣ образца дешевыхъ и удобныхъ классныхъ столовъ можно рекомендовать классные столы нашихъ духовныхъ училищъ.

Далѣе было обращено вниманіе и на то обстоятельство, что церковные старосты не считаютъ своею обязанностію заботиться о матеріальномъ благосостояніи школы даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эта школа помѣщается въ церковной сторожкѣ. Между тѣмъ церковныя школы, будучи учрежденіемъ церковнымъ и собственностью церкви, должны составлять предметъ общаго попеченія церковныхъ старостъ. Съѣздъ постановилъ просить Высокопреосвященнаго Владыку разъяснить старостамъ ихъ прямыя обязанности, чтобы церковная школа всегда была снабжаема топливомъ, имѣла отъ церкви сторожа и проч. Что касается Второклассныхъ школъ, то содержаніе ихъ въ 300 р. признано крайне недостаточнымъ въ виду множества нуждъ, почему съѣздомъ предполагено довести до свѣдѣнія надлежащаго начальства, что на содержаніе общезитія при Второклассной школѣ, правильной постановки и развитія его необходимо увеличить субсидію до 700 руб. Для увеличенія средствъ содержанія второклассныхъ школъ съѣздомъ постановлено обратиться въ уѣздныя Отдѣленія съ просьбою, не найдутъ ли они возможнымъ на содержаніе учениковъ—пансіонеровъ при Второклассной школѣ изъ своихъ средствъ ассигновать ежегодно по 40 рублей. Брошюра іеромонаха Святоторскаго монастыря Антонина: «Описаніе упрощенныхъ слесарныхъ инструментовъ», имѣющая примѣненіе въ ремесленныхъ классахъ Славянской Второклассной школы, какъ значительно сокращающая расходы по устройству мастерскихъ при церковныхъ школахъ, принята къ свѣдѣнію и руководству.

Вслѣдъ за тѣмъ обсуждались нѣкоторые вопросы, касающіеся взаимныхъ отношеній лицъ и учреждений, вѣдающихъ народное образованіе. Права и обязанности наблюдателей и ихъ отношенія къ другимъ инстанціямъ до нѣкоторой степени уже опредѣлялись. Въ отношенія къ Епархіальному Наблюдателю, уѣздные наблюдатели исполняютъ § 44 „Положенія“ и кромѣ того, согласно новымъ правиламъ о составленіи годового отчета, обязаны представлять ему къ 1 Августа ежегодный отчетъ.

Опредѣляя отношенія уѣзднаго наблюдателя къ Отдѣленію, съѣздъ призналъ желательнымъ, чтобы составленіе отдѣленскаго отчета, равно какъ и сношенія съ оо. завѣдующими по разнымъ

школьнымъ дѣламъ, составляющимъ кругъ вѣдѣнія Отдѣленія, не были возлагаемы на оо. наблюдателей. Обремененные письменными сношеніями по дѣламъ лично имъ принадлежащимъ и частыми разъѣздами по школамъ, они не въ состояніи выполнять дѣлъ Отдѣленія. Но въ тоже время на нихъ возлагается представленіе въ Отдѣленіе отчетовъ по обзорѣнню школъ и краткій отчетъ по учебно-воспитательной части въ концѣ учебнаго года.

Въ видахъ расширенія дѣятельности уѣздныхъ наблюдателей и объединенія школъ церковныхъ и земскихъ, съѣздъ призналъ желательнымъ соединить въ лицѣ наблюдателя и обязанности блюстителя по крайней мѣрѣ въ томъ благочиніи, къ которому принадлежитъ наблюдатель. Такое постановленіе съѣзда находитъ для себя основаніе въ инструкціи уѣзднымъ наблюдателямъ, изданной и утвержденной Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ для руководства въ предѣлахъ Харьковской епархіи въ 1887. Въ примѣчаніи къ § 2 данной инструкціи сказано, что наблюдатели могутъ посѣщать двухклассныя и одноклассныя образцовыя училища М. Н. Просвѣщенія и начальныя народныя училища, подвѣдомственныя уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ, для наблюденія за религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ учащихся. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ тѣхъ же цѣляхъ объединенія школъ обоихъ вѣдомствъ и сообщенія всѣмъ начальнымъ училищамъ одного духа и направленія, съѣздъ постановилъ ходатайствовать о томъ, чтобы уѣздные наблюдатели были непремѣнными членами уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ и чтобы къ ихъ обязанностямъ относилось наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія, религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ дѣтей. По существующему положенію Директоръ Народныхъ Училищъ состоитъ непрременнымъ членомъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и Инспекторъ училищъ непремѣннымъ членомъ Уѣзднаго Отдѣленія; предъ ними открыты двери церковныхъ школъ и ихъ мнѣніе имѣетъ значеніе, какъ въ школѣ, такъ и въ собраніяхъ. Справедливость требуетъ, чтобы равныя имъ по своимъ правамъ и обязанностямъ Епархіальный и уѣздные наблюдатели занимали такое же положеніе по отношенію къ школамъ, находящимся въ непосредственномъ вѣденіи дирекціи народныхъ училищъ. Кромѣ чисто юридическаго значенія это послужитъ къ поднятію авторитета наблюдателя вообще и несомнѣнно окажетъ доброе вліяніе на внутреннюю жизнь народной школы, которая въ ряду своихъ дѣятелей будетъ имѣть облеченнаго правомъ и властію православнаго пастыря.

Далѣе была прочитана программа годоваго отчета Епархіальнымъ и уѣзднымъ наблюдателямъ, причѣмъ всѣмъ представлялось яснымъ, что къ составленію этихъ отчетовъ оо. наблюдатели должны относиться съ полнымъ вниманіемъ и осмотрительностью, дабы таковыя не были сухимъ и формальнымъ исполненіемъ долга, а изображали живую дѣйствительность состоянія церковныхъ школъ въ уѣздѣ, чтобы въ своихъ отчетахъ оо. наблюдатели точно и обстоятельно показывали, какія школы ими осмотрѣны и когда, сколько школъ осмотрѣно 2 и 3 раза и почему, чтобы постановленія отдѣленій по отчетамъ объ осмотрѣ школъ наблюдателями были приводимы съ дословною точностью, чтобы учащіе въ церковныхъ школахъ, ревностно или нерадиво относящіеся къ школьному дѣлу, были по достоинству и дѣйствительнымъ заслугамъ оценяемы съ точнымъ и опредѣленнымъ указаніемъ, въ чемъ именно выразилась ревность или нерадіе о. завѣдующаго, о. законоучителя, учителя или попечителя въ ихъ отношеніи къ школьному дѣлу; дабы, далѣе, мѣры къ повышенію педагогической подготовки учащихся были излагаемы съ возможною обстоятельностью и съ указаніемъ, кѣмъ (уѣзднымъ наблюдателемъ или отдѣленіемъ) и какія мѣры предпринимаются, и были указываемы не только мѣры практикуемыя, но и предполагаемыя, возможныя, а объ учителяхъ, бывшихъ на курсахъ, были представлены особыя замѣчанія объ ихъ учительской дѣятельности; чтобы указаніе на успѣхи не были голословнымъ указаніемъ на то, что одна школа относится къ разряду лучшихъ въ учебномъ отношеніи, другая—къ числу худшихъ, но чтобы въ главѣ III былъ представленъ обстоятельный очеркъ состоянія учебнаго дѣла въ уѣздѣ и, согласно указаніямъ практики, было показано, какова постановка преподаванія предметовъ въ церковныхъ школахъ и въ особенности Закона Божія и Церковнаго Пѣнія, насколько выполняется программа и какія препятствія къ прохожденію ея встрѣчаются на практикѣ, какія учебныя руководства практикуются въ церковныхъ школахъ; чтобы, наконецъ, особенное вниманіе составителей отчета было обращено на V главу о воспитательной сторонѣ церковной. Однимъ словомъ, оо. наблюдатели въ своихъ отчетахъ должны показать живое дѣло устроенія школъ.

Въ дополненіе къ официальному отчету оо. наблюдателямъ представляется въ обязанность доставлять также свѣдѣнія о количествѣ дѣтей школьнаго возраста (отъ 8 до 12 лѣтъ) православнаго исповѣданія и въ томъ числѣ мальчиковъ, дѣвочекъ; числѣ при-

ходовъ и количествѣ въ нихъ населенія; числѣ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты; числѣ начальныхъ училищъ, содержимыхъ земствомъ, обществами и частными лицами, наконецъ, числѣ учащихся въ школахъ обоихъ вѣдомствъ.

Въ ряду другихъ вопросовъ канцелярскаго характера съѣздомъ было постановлено сдѣлать обязательнымъ рекомендованныя Епархиальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ формы классныхъ документовъ и вмѣнить въ обязанность всѣмъ оо. завѣдующимъ обзавестись этими книгами; въ случаѣ недостатка средствъ при школѣ оо. завѣдующіе могутъ завести по указаннымъ образцамъ тетради. Что касается формы класснаго журнала, то въ виду его непригодности для записи уроковъ предложено озаботиться выработкою болѣе соотвѣтствующей формы и по утвержденіи оной въ Совѣтѣ ввести ее въ употребленіе, обязательное для всѣхъ церковныхъ школъ Харьковской епархіи.

Наконецъ, въ виду истекающаго 15 лѣтія церковныхъ школъ со дня ихъ возстановленія, оо. наблюдателями единогласно была высказана мысль о необходимости составить историко-статистическій обзоръ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты за 15 лѣтъ ихъ существованія. Этотъ общій обзоръ церковныхъ школъ, подводя итоги всему, что доселѣ духовенство сдѣлало себѣ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу, въ тоже время былъ бы весьма поучительнымъ для лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу народнаго образованія, ибо исторія всегдашняя наша учительница и наставница. Сверхъ того оо. завѣдующимъ рекомендуется составленныя ими отдѣльно историческіе очерки ввѣренныхъ имъ школъ хранить въ особой книгѣ и пополнять ихъ новыми данными, ведя такимъ образомъ нѣчто вродѣ школьнаго дневника. Эти школьные дневники въ будущемъ могутъ дать богатѣйшій матеріалъ не только для исторіи каждой школы въ отдѣльности, но и для исторіи просвѣщенія всего уѣзда и цѣлой епархіи. Что касается самой программы предполагаемаго историческаго обзора, то она будетъ состоять изъ слѣдующихъ главъ: Церковныя школы Харьковской епархіи до изданія положенія о церковно-приходскихъ школахъ въ 1884 году, открытіе церковныхъ школъ по положенію 1884 года, Управление школами, составъ учащихся, составъ учащихся въ школахъ, внутренняя организація школъ въ воспитательномъ и учебномъ отношеніяхъ, помѣщенія и средства. содержанія церковныхъ школъ, отношенія къ школамъ населенія и вліяніе ихъ на окружающую среду, земская и церковная школа

въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ за истекшій періодъ. Вопросные же листки о.о. завѣдующимъ для описанія каждой школы въ отдѣльности имѣютъ быть разосланы чрезъ о.о. наблюдателей.

Въ заключеніе своего очерка выражаемъ надежду, что и на будущее время о.о. наблюдатели будутъ являться на съѣзды, полные желанія подѣлиться своимъ опытомъ, богатые этимъ опытомъ, жаждущіе высказаться и выслушать своихъ сотрудниковъ. Пожелаемъ имъ продолжать съ успѣхомъ свое нелегкое поприще.

В. Давыденко.

Отъ Харьковскаго Епархіального Попечительства.

Къ свѣдѣнію духовенства Харьковской епархіи.

10-го апрѣля сего года Харьковское Епархіальное Попечительство входило къ Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнѣйшему Амвросію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, съ докладомъ за № 555-мъ по вопросу о присвоеніи Харьковскому Епархіальному Сиротскому Приюту имени „Амвросіевскаго“ и просило благословить единодушное желаніе духовенства Харьковской епархіи, чтобы основанный Его Высокопреосвященствомъ Епархіальный Приютъ носилъ имя Его Высокопреосвященства, какъ основателя и устроителя сего приюта, и разрѣшить Попечительству просить Преосвященнѣйшаго Петра, Епископа Сумскаго, возбудить предъ Святѣйшимъ Синодомъ соотвѣтствующее ходатайство.

На докладѣ этомъ 13-го апрѣля послѣдовала слѣдующая резолюція Его Высокопреосвященства: „Приношу духовенству глубокую благодарность за его намѣреніе исходатайствовать сиротскому приюту имя „Амвросіевскаго“.—Но, желая отъ всего сердца многолѣтняго существованія приюту, предлагаемую мнѣ почесть—увѣковѣчить съ нимъ и мое имя, я признаю выше моей мѣры.—Духovenство само возымѣло мысль устроить сиротскій приютъ, много лѣтъ собирало на него средства, заботится

о немъ нынѣ, и въ будущемъ оставляетъ его на своемъ попеченіи; мое же участіе въ семъ дѣлѣ незначительно. Посему я не желаю своимъ именемъ закрывать имя духовенства и предложенную мнѣ почесть по совѣсти принять не могу.—Пусть приютъ останется съ именемъ, усвоеннымъ ему Правилами: „Сиротскій Приютъ Харьковскаго Епархіальнаго Вѣдомства“.

→ № 79 - 178

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ

ХАРЬКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

Т. II.—Ч. II.

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія
1899.

CP 363.5

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

— ❁ Т. II. — Ч. II. ❁ —

ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ.

Проблема и методъ Кантовой критики познанія.—*И. Тигонирова* (стр. 1—24, 37—64).

Избранные трактаты Плотина.—*Профессора Г. В. Малевича* (стр. 25—36, 65—78, 116—124) ¹⁾.

Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе внѣ истинной церкви.—*Профессора С. С. Глаголева* (стр. 79—115, 125—142, 179—191, 217—249, 267—284, 345—365, 379—400, 411—436, 455—472) ²⁾.

О случайности законовъ природы.—** (стр. 143—178) ³⁾.

Размышленія Декарта о первой философіи, въ коихъ доказывается существованіе Бога и отличіе души отъ тѣла.—*С. М.* (стр. 192—216, 250—266, 285—300, 329—344).

Критическій обзоръ ученія Бэкова объ индукціи.—*Е. А. Воронцова* (стр. 301—328).

Смысль ученія Сократа о значеніи знанія въ добродѣтельной жизни.—*М. Красюка* (стр. 366—378).

Психологическія условія происхожденія языка.—*А. Никольскаго* (стр. 401—410).

¹⁾ См. въ 1-й части страницы 51—78, 147—164, 353—370, 389—414.

²⁾ См. въ 1-й части страницы 289—324.

³⁾ См. въ 1-й части страницы 18—40, 135—164, 214—244, 259—288.

Философія Паскаля.—*В. Т—ма* (стр. 437 - 454).

Законъ достаточнаго основанія и законъ причинности.—
Н. Городенскаго (стр. 473—508).

Проблема и методъ Кантовой критики познанія.

Вліяніе Канта на современную философскую мысль—безспорно. Вся нѣмецкая философія XIX столѣтія стоитъ въ прямой или косвенной—положительной или отрицательной—зависимости отъ Канта. Но и внѣ Германіи лишь немногія философскія ученія сѣмъбли развить свое содержаніе, не соотнося его такъ или иначе съ воззрѣніями Канта. Поэтому-то вполне естественно, что первый вопросъ, съ какимъ въ наши дни всякій изслѣдователь начинаетъ изученіе чьей бы то ни было системы, есть вопросъ: какое положеніе занято ею относительно Канта? ¹⁾ Уже это одно обстоятельство показываетъ, что правильная оцѣнка явленій современной философской мысли невозможна безъ опредѣленнаго взгляда на достоинство тѣхъ или иныхъ пунктовъ Кантова ученія, съ которыми такъ тѣсно связаны философскія идеи нашего времени. Мало этого,—по справедливому убѣжденію большинства современныхъ серьезныхъ мыслителей, даже собственные опыты философскихъ работъ въ настоящее время не могутъ имѣть научнаго значенія, если не хотятъ считаться съ *Критикою чистаго разума*. „Какъ по Монтекукули, говоритъ Файгингеръ, для войны необходимы три вещи: во-первыхъ *деньги*, во-вторыхъ *деньги* и въ третьихъ *деньги*, такъ,—можно сказать,—и для занятія философіей необходимы три вещи: во-первыхъ *Кантъ*, во-вторыхъ *Кантъ* и въ третьихъ *Кантъ*“ ²⁾. Проф. Н. Я. Гротъ въ предисловіи къ сдѣланному В. С. Соловьевымъ переводу Канто-

¹⁾ Vgl. H. Vaihinger, Hartmann, Dühring und Lange S. 31.—E. König, Die Entwicklung des Causalproblems B. I: von Cartesius bis Kant, S. 253.

²⁾ Vaihinger, l. c. p. 31.

вухъ „Prolegomena“ говорить: „Кантъ—создатель новѣйшей философіи, новой точки зрѣнія, новаго метода и задачъ философіи, и безъ глубокаго пониманія Канта нельзя въ наше время считать себя въ правѣ произносить слова „философія“, „философскій“ и др. под. Легкомысленно думать, что основоположенія Кантовской философіи кѣмъ либо окончательно опровергнуты или даже серьезно поколеблены. Лица, думающія такъ, обыкновенно не понимаютъ и не въ состояніи понять даже самыхъ вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ трудился Кантъ. Для тѣхъ же, кто понимаетъ эти вопросы,—ясно, что отъ Канта должно отправляться и понинѣ всякое философское ученіе, имѣющее притязаніе быть существеннымъ и основательнымъ, хотя бы точкою отправленія и являлась строгая критика Кантовскихъ положеній“. Вообще, положеніе, что „надо разобратъся съ Кантомъ—прежде, нежели можно будетъ идти далѣе“ ¹⁾, сдѣлалось, можно сказать, ходячимъ.

Изъ всего сказаннаго можно уже съ достаточною ясностію видѣть, насколько важной является всякая попытка пролить свѣтъ на какую нибудь сторону въ ученіи отца новѣйшей философіи и такъ или иначе содѣйствовать оцѣнкѣ этого ученія. Общее *raison d'être* нашего скромнаго этюда этимъ вполне опредѣляется. Но и сверхъ того, мы можемъ указать два спеціальныхъ мотива, почему подвергаемъ изслѣдованію именно *проблему* и *методъ* Критики: во-первыхъ, относительно этихъ предметовъ господствуютъ весьма большія разногласія среди комментаторовъ Канта, и—во-вторыхъ,—правильное ихъ пониманіе даетъ, можно сказать, ключъ къ пониманію и оцѣнкѣ всей системы Канта ²⁾. Оцѣнка Кантовскихъ взглядовъ, если только хочетъ быть *радикальною*, должна непременно начинаться съ этихъ двухъ пунктовъ. На страницахъ „Вопросовъ философіи и психологіи, три года тому назадъ, велась довольно длинная полемика между профф. М. И. Каринскимъ и А. И. Вве-

¹⁾ Vgl. M. Engelmann, Kritik der Kant'schen Lehre vom Ding an sich und ihrer Prämissen vom Standpunkte der heutigen Wissenschaft, 1883, S. 6.

²⁾ Согласно принципу, высказанному еще Бэкономъ и вполне признаванному самимъ Кантомъ: „Prudens quaestio quasi dimidium scientiae“.

денскимъ по поводу истолкованія критическаго предпріятія Канта (кн. 25—29). Но эта полемика вращалась преимущественно около другихъ вопросовъ.

I.

Проблема Критики.

Основной вопросъ всей Критики есть вопросъ: *какъ возможны синтетическія сужденія a priori?*¹⁾ Въ формулировкѣ задачи, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ изъ самыхъ солидныхъ комментаторовъ Канта,—Риль,²⁾—въ общемъ уже намѣчается путь къ ея рѣшенію. Какой же смыслъ имѣеть вопросъ о возможности синтетическихъ сужденій a priori? Въ этомъ пунктѣ мы встрѣчаемся съ большими разногласіями въ пониманіи Канта. Чтобы удобнѣе разобраться въ этихъ разногласіяхъ, приведемъ сначала на память внѣшній порядокъ разсужденій Канта, приведшихъ къ постановкѣ указаннаго вопроса.

Введеніе въ Критику чистаго разума начинается разсужденіями о различіи чистаго и эмпирическаго познанія. Первое опредѣляется, какъ познаніе „независимое отъ опыта и даже отъ всѣхъ впечатлѣній чувствъ“³⁾. Кантъ называетъ его „познаніемъ a priori“ и отличаетъ „отъ эмпирическаго, имѣющаго свой источникъ a posteriori, именно въ опытѣ“⁴⁾. Далѣе, Кантъ старается показать, что мы имѣемъ познаніе a priori и даже общій смыслъ не лишены ихъ. Признаками познанія a priori являются: во 1-хъ, *необходимость*, и во 2-хъ, *всеобщность*. Тотъ и другой признакъ вполне достаточно ручаютъ

¹⁾ Kr. d. r. V. S. 654. Критику чистаго разума мы цитируемъ по изданію *Kehrbach'a*, въ основу котораго положенъ текстъ 1781 года. Относительно различій между этимъ текстомъ и изданіемъ 1787 г. мы вполне готовы согласиться съ *Рилемъ*, опирающимся въ данномъ случаѣ на нарочитое изслѣдованіе *Пбервеца* (*De priore et posteriore forma Kantianae critices rationis purae*. 1862 г.),—что *принципіально* содержаніе обоихъ изданій неизмѣнно (*unverändert*)—*Riehl* Phil. Kritik. B. I. s. 315. Anm). *Шопенгауэръ*, а отчасти и *Куно-Фишеръ* признаютъ разницу между обоими изданіями очень значительной (*Куно-Фишеръ*, III, 70. 258). Входить въ спеціальное обсужденіе этого вопроса мы не будемъ. Прозегаемы мы цитируемъ по изданію *Schulz'a* въ *Universal Bibliothek*“.

²⁾ *Riehl*, *Der philosophische Criticismus*, B. I, 1876. S. 315.

³⁾ Kr. d. r. V. S. 647. 1-й отдѣль введенія по второму изданію. ⁴⁾ *Ibid*.

ся за апіорность познанія, ибо опытъ 1) говоритъ только, что нѣчто существуетъ такимъ то образомъ, но не говоритъ, что оно не можетъ быть иначе,—2) даетъ только сравнительную, а не абсолютную всеобщность. Индукція, орудіе опыта, уполномочиваетъ только сказать: насколько мы знаемъ, доселѣ изъ такого-то правила не было исключеній¹⁾. Примѣрами всеобщихъ и необходимыхъ положеній берутся положенія математики и естественно-научная аксіома причинности²⁾. 3-й отдѣлъ введенія обосновываетъ тезисъ, что „философія нуждается въ наукѣ, которая опредѣляла бы возможность, принципы и объемъ всякихъ познаній а priori“³⁾. Въ 4-мъ отдѣлѣ разъясняется различіе аналитическихъ и синтетическихъ сужденій и дѣлается выводъ, что—1) „черезъ аналитическія сужденія наше познаніе не расширяется, а только разлагается, и дѣлается мнѣ самому понятнымъ то понятіе, которое я уже имѣлъ. 2) При синтетическихъ сужденіяхъ я кромѣ понятія субъекта долженъ имѣть еще нѣчто другое (x), на что опирается разсудокъ, дабы предикатъ, не содержащійся въ этомъ понятіи, признать однако-жъ за принадлежащій ему“⁴⁾. Эмпирическія или опытные сужденія, по Канту,—всегда синтетическія. Основаніе этого синтеза—свидѣтельство опыта⁵⁾. „Но, говоритъ Кантъ, при синтетическихъ сужденіяхъ *a priori* этого пособія (Hilfsmittel) совершенно не оказывается“⁶⁾. Между тѣмъ (5-й отдѣлъ) „во всѣхъ теоретическихъ наукахъ разума содержится синтетическія сужденія а priori, какъ ихъ принципы“⁷⁾. Такъ математическія сужденія, по словамъ Канта, всѣ—синтетическія. Въ доказательство приводятся извѣстные примѣры—суммы $7+5=12$ и опредѣленія прямой линіи⁸⁾. „Естествознаніе также содержитъ въ себѣ сужденія а priori, какъ свои принципы“. Примѣры: „количество матеріи при всѣхъ измѣненіяхъ въ тѣлесномъ мірѣ остается неизмѣннымъ“, и „при всякомъ сообщеніи движенія дѣйствіе и противодѣйствіе всегда должны быть равны другъ другу“⁹⁾. Въ метафизикѣ, если ее

1) Ibid. ss. 648—649, 2-й отд. введ. 5) Ibid. 40. Vgl. Prolegomena, s. 42. 6) Ibid. 41.

2) Ibid., 649—650.

7) Kr. d. r. V. ss. 650—653.

3) Kr. d. r. V. ss. 36—39.

8) Ibid.

4) Ibid. ss. 39—40.

9) Ibid. 653.

даже разсматривать только какъ искомое, *должны* быть также синтетическія сужденія а priori. „Метафизика, говоритъ Кантъ, по крайней мѣрѣ, *по цѣли своей* состоятъ изъ положеній а priori“ ¹⁾. Такъ Кантъ подходит къ своему знаменитому вопросу: „какъ возможны синтетическія сужденія а priori?“—формулировкѣ и разъясненіямъ котораго посвященъ послѣдній (6-й) отдѣлъ введенія ²⁾. Всѣ эти разъясненія состоятъ въ томъ, что названный вопросъ есть въ сущности вопросъ о томъ, какъ возможны науки—математика и естествознаніе и какъ возможна метафизика, съ научнымъ характеромъ ³⁾. Таковъ общій ходъ мыслей во введеніи къ критикѣ.

Переходя къ истолкованію сдѣланной Кантомъ постановки критической проблемы, мы начнемъ съ толкованія *Куно-Фишера*. Сдѣлать это насъ побуждаетъ какъ высокій научный авторитетъ этого историка новой философіи и широкое распространеніе, какое имѣютъ его взгляды въ заграничной литературѣ, такъ,—съ другой стороны и въ особенности,—то обстоятельство, что у насъ въ Россіи доселѣ всякій приступающій къ изученію философіи впервые знакомится съ Кантомъ, если не по одному изложенію Куно-Фишера, то непремѣнно при его пособіи и подъ его вліаніемъ. До нѣкоторой степени взглядъ Куно-Фишера можетъ быть названъ у насъ *conceptio geserta* (общепринятое пониманіе) кантовой философіи. Поэтому мы думаемъ, что прямой задачей всякаго, кто у насъ сталъ бы писать о Кантѣ, будетъ сказать: вотъ въ чемъ—*„dissentio ad iis, quae ipse“* ⁴⁾ dixit“.

Куно-Фишеръ слѣдующимъ образомъ разъясняетъ смыслъ кантовой постановки проблемы. Критическая философія, въ отличіе отъ догматической, которая „была предположеніемъ познанія, хочеть быть изъясненіемъ его“ ⁵⁾. „Поэтому основной вопросъ критической философіи таковъ: *какъ возможенъ фактъ познанія?*“.

„Но прежде, чѣмъ должно начаться изслѣдованіе, какимъ

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. 654.

³⁾ Ibid. 655—657.

⁴⁾ Т. е. *Куно-Фишера*. Приведенная латинская формула въ средніе вѣка употреблялась въ отношеніи къ Аристотелю.

⁵⁾ *Куно-Фишера*. Исторія новой философіи, переводъ Н. Н. Страхова, т. III, 16.

образомъ возможенъ фактъ, нужно быть увѣреннымъ, что онъ вообще возможенъ, что онъ существуетъ. По крайней мѣрѣ, въ точныхъ изысканіяхъ никто не допуститъ себя изслѣдовать такой случай, который, можетъ быть, принадлежитъ къ области химеръ. Слѣдовательно, мы должны поставить вопросъ предварительный: *познаніе вообще составляетъ-ли фактъ?* Извѣстно, что эта точка зрѣнія не принадлежитъ къ числу несомнѣнныхъ, и что остроуміе скептиковъ давно уже вмѣстѣ съ возможностью познанія оспаривало и его дѣйствительность. При томъ этотъ вопросъ не такъ легокъ, чтобы отвѣчать на него безъ всякихъ околичностей. Если о какой нибудь вещи нужно рѣшить, существуетъ ли она, то необходимо прежде съ точностію узнать ея признаки. Если мы не знаемъ, что такое эллиптическія или параболическія линіи, то мы не можемъ отвѣчать на вопросъ, есть-ли въ дѣйствительности эллипсисы или параболы. Слѣдовательно, прежде всего нужно спросить *что такое познаніе?*¹⁾

„Итакъ, основная критическая задача, при строгомъ взглядѣ на нее, разлагается на три вопроса: 1) что такое познаніе? 2) Познаніе есть ли фактъ? 3) Какимъ образомъ возможенъ этотъ фактъ? Вопросы эти поставлены въ такомъ порядкѣ, что послѣдующій можетъ быть поставленъ только тогда, когда разрѣшенъ предъидущій. Весь этотъ приѣмъ, которымъ Кантъ начинаетъ свою критику разума, имѣетъ очень много сходства съ ходомъ юридическаго изслѣдованія. Если требуется разрѣшить какой нибудь случай изъ юридической жизни, нужно прежде всего установить со всевозможною точностію самый фактъ. Прежде всего случай устанавливается (констатируется), потомъ онъ обсуждается и рѣшается (дедуцируется) на юридическихъ основаніяхъ. Канту предстояло рѣшить юридическій вопросъ человѣческаго познанія; онъ хотеть, выражаясь юридическимъ языкомъ, начать процессъ съ познаніемъ. Первое дѣло въ процессѣ—произвести слѣдствіе; второй—найти рѣшеніе. Слѣдствіе по дѣлу о познаніи производится такъ, что показывается, въ чемъ состоитъ познаніе, и что оно дѣйствительно есть. Дѣло рѣшается тѣмъ, что доказывается возмож-

¹⁾ Ibid. 244—245

ность познанія, т. е. указывается, по силѣ какого права оно существуетъ, другими словами, оно дедуцируется въ юридическомъ смыслѣ. Первый вопросъ есть *Quaestio facti*; а второй—*Quaestio juris*. Къ *Quaestio facti* относятся два первые вопроса: что такое познаніе? и есть-ли познаніе? Къ *Quaestio juris*—третій: какъ возможенъ фактъ познанія?¹⁾

Итакъ, что такое познаніе? Первое опредѣленіе, которое дѣлается въ элементарной логикѣ, говоритъ, что каждое познаніе есть связь представленій, такая связь, въ которой одно представленіе высказывается о другомъ, какъ его предикатъ,—положительно или отрицательно. Кратко сказать: познаніе есть *сужденіе*. Между тѣмъ очевидно, что не всякое сужденіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и познаніе. Никто не станетъ принимать за научныя познанія тѣхъ сужденій, которыя понятны сами по себѣ. Итакъ, при какихъ ближайшихъ условіяхъ сужденіе дѣлается познавательнымъ сужденіемъ? Когда два представленія связываются въ одномъ сужденіи, возможны два случая. Эти представленія или однородны, или различны. Предикатъ или содержится въ субъектѣ, какъ признакъ, или нѣтъ²⁾ и т. д.—выступаетъ на очередь различеніе аналитическихъ и синтетическихъ сужденій³⁾. Такой порядокъ мыслей, по мнѣнію Куно-Фишера, долженъ привести Канта къ заключенію, что *„всякое познаніе состоитъ въ синтетическихъ сужденіяхъ“*⁴⁾.

Впрочемъ, продолжаетъ нашъ комментаторъ, это опредѣленіе еще не есть полное опредѣленіе познанія. Не всякое синтетическое сужденіе есть въ строгомъ смыслѣ познаніе. Каждое познаніе въ строгомъ смыслѣ слова должно быть истиннымъ сужденіемъ. Что-же такое истина, если она не имѣетъ мѣста во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія? Если бы углы треугольника не были вѣчно равны двумъ прямымъ, то эта математическая истина никуда бы не годилась. Истинное положеніе необходимо и всеобще. Поэтому познаніе есть *такое синтетическое сужденіе, которое имѣетъ характеръ необходимости и всеобщности*⁵⁾.

1) Ibid. 245—246.

2) Ibid.

3) Ibid. 247.

4) Ibid. 248.

5) Ibid. 248—249.

Но данное опытомъ или *datum a posteriori* не можетъ обладать этими признаками. Отсюда, *всякое истинное познание состоитъ изъ синтетическихъ сужденій a priori*. Вотъ отвѣтъ на вопросъ: что такое познание? ¹⁾.

Второй вопросъ такой: существуетъ ли познание? Употребляя найденную формулу, его можно выразить такъ: *существуютъ-ли синтетическія сужденія a priori?*—Всѣ предметы науки можно раздѣлить на чувственные и нечувственные. Чувственные объекты или производятся нами самими, т. е. мы сами ихъ дѣлаемъ чувственными, строя ихъ,—таковы, на примѣръ, фигура и число; или же они являются намъ, какъ извнѣ данныя вещи. Наука о чувственныхъ объектахъ перваго рода есть математика; наука о чувственныхъ вещахъ есть физика; наука о сверхчувственномъ есть онтологія или метафизика въ тѣсномъ смыслѣ. Слѣдовательно, нужно допросить эти три науки о томъ: соответствуютъ ли ихъ сужденія требуемымъ условіямъ? При этомъ дѣло идетъ только объ ихъ существованіи, а не объ ихъ правомѣрности. Спрашивается только о томъ, существуютъ-ли синтетическія сужденія *a priori*, дѣйствительно-ли судятъ такимъ образомъ названныя науки, а не о томъ, судятъ ли они такъ по *праву* ²⁾.

Этой цѣли Кантъ и достигаетъ, указывая во всѣхъ этихъ наукахъ синтетическія сужденія *a priori*. „Мы, говоритъ Буно-Фишеръ, констатируемъ тотъ фактъ, что математика, физика, метафизика содержатъ въ себѣ синтетическія сужденія *a priori* не случайно, а вслѣдствіе своей научной природы, что слѣдовательно существуютъ синтетическія сужденія *a priori*. При этомъ мы не рѣшаемъ, имѣемъ ли мы право на такія сужденія или нѣтъ. Такимъ образомъ *quaestio facti* разрѣшенъ; а *quaestio juris*, собственно критическій вопросъ, остается еще рѣшить. Какимъ образомъ возможенъ фактъ познанія? Или, перевода этотъ вопросъ на объяснительную формулу: *какимъ образомъ возможны синтетическія сужденія a priori?* Въ такомъ именно видѣ поставлена задача познанія во главѣ критической философіи. Чтобы разрѣшить эту задачу, Кантъ написалъ критику чистаго разума ³⁾.

¹⁾ Ibid. 249.

²⁾ Ibid. 250.

³⁾ Ibid. 253.

Приведенное объясненіе Куно-Фишера имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства. Прежде всего, оно очень ясно, отчетливо и стройно изображаетъ ходъ мыслей, приведшихъ Канта къ его постановкѣ проблемы;—въ этомъ отношеніи нѣкоторые комментарию склонны отдавать даже преимущество предъ оригиналомъ. Затѣмъ, надо признать и то, что Куно-Фишеръ въ общемъ остался вѣренъ порядку мыслей Канта въ введеніи. Но его объясненіе имѣетъ и очень крупныя недостатки, которые не позволяютъ принять его.

По *Куно-Фишеру* вопросомъ собственно критики является вопросъ: *какъ возможенъ фактъ познанія?* Что познаніе вообще возможно, что *оно есть фактъ*, это критика какъ будто *безспорно признаетъ*. И дѣйствительно, въ началѣ III тома, опровергая извѣстное возраженіе *Гегеля* противъ возможности критической философіи ¹⁾, Куно—Фишеръ даетъ такія разъясненія, которыя вполне утверждаютъ читателя въ такомъ представленіи дѣла ²⁾; а въ заключеніе этихъ объясненій онъ уже

¹⁾ Гегель говорилъ, что невозможно прежде познанія изслѣдовать познавательныя способности; это значило бы хотѣть познавать прежде познанія, или, употребляя общезвѣстное сравненіе, желать научиться плавать прежде, чѣмъ идти въ воду.

²⁾ „Если сравнивать, говорить онъ, не оставая Гегелевскаго подобія, познаніе съ плаваніемъ, то окажется, что Кантъ не хотѣлъ ни научить, ни научиться плаванію, а только объяснить его. Какъ физикъ, раскрывающій перелъ нами механизмъ плаванія и объясняющій возможность этого факта, относится къ плавающему тѣлу, такъ и Кантъ относится къ фактическому познанію. Если бы Кантъ издумалъ прежде приобрести познавательныя способности и привить ихъ къ человѣческому духу, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать его способнымъ къ познанію, въ такомъ случаѣ его предпріятіе было-бы такъ бессмысленно, какъ вообразить его себя Гегель, и въ родоначальникѣ критической философіи нельзя было бы отрицать сходство съ нашимъ желѣзнымъ пловцомъ. Но развѣ Кантъ хочетъ прозвѣсти на свѣтъ познавательныя способности, какъ еще не существующія? Напротивъ, онъ хочетъ открыть и понять существующія способности. Для чего-же? Совсе не для того, чтобы въ первый разъ употреблять эти силы,—мыслящее человечество употребляло ихъ искони,—а для того, чтобы съ этихъ поръ употреблять ихъ *съ сознаниемъ*, чтобы познавать съ сознаниемъ. Чтобы объяснить плаваніе, нужно задать вопросъ: какія движенія дѣлаетъ человѣческое тѣло, когда плаваетъ? Для объясненія познанія Кантъ спрашиваетъ: какія такъ-сказать движенія дѣлаетъ человѣчскій духъ, какого рода дѣятельности онъ производитъ когда познаетъ; какія способности совершаютъ свои отправленія въ фактическомъ познаніи? Если предположить, что мы въ совершенствѣ узнаемъ это, то очень можетъ быть, что мы не превзойдемъ существующей науки въ познанія вещей,

и прямо заявляетъ, что „критическая философія есть наука о фактическомъ ¹⁾ познаніи“ ²⁾. Но въ такомъ случаѣ страннымъ представляется, почему-же критика хочетъ быть изслѣдованіемъ вопроса о *правоспособности* познанія. Еще болѣе непонятнымъ оказывается при этомъ та роль, какую критика старается усвоить себѣ и какую она дѣйствительно имѣла и имѣетъ въ исторіи развитія новой философіи: критика рѣшаетъ вопросъ,—возможна-ли метафизика или познаніе сверхчувственного. Но какой же смыслъ имѣетъ рѣшеніе вопроса о возможности познанія, когда оно уже напередъ признано, какъ *фактъ*? Что „ab esse ad posse valet Consequentia“, это извѣстно всякому еще изъ элементарной логики. Болѣе чѣмъ непонятнымъ при этомъ является то обстоятельство—почему критическая философія, будучи „наукой о фактическомъ познаніи“, рѣшаетъ вопросъ о возможности метафизики въ *отрицательномъ* смыслѣ. Какимъ образомъ *невозможно*—то, что существуетъ *дѣйствительно*?... Куно—Фишеръ, какъ мы видѣли, очень сильно настаиваетъ на томъ, что утвержденіе *факта* познанія еще не заключаетъ въ себѣ утвержденія *правомѣрности* этого факта ³⁾. Но мы рѣшительно отказываемся понять, въ чемъ можетъ состоять эта правомѣрность, разъ познаніе, какъ таковое, признано за фактъ. Правомѣрность всякаго познанія состоитъ въ томъ, что оно есть настоящее, истинное познаніе. Если теперь Кантъ, по Куно—Фишеру, признаками истиннаго познанія считаетъ апріорность и синтетическій характеръ выражающихъ его сужденій, и если затѣмъ, понимаемое въ такомъ смыслѣ, познаніе дѣйствительно

ничѣмъ не увеличимъ наличную сумму нашихъ познаній, но во всякомъ случаѣ мы будемъ имѣть надъ нефилософскимъ умомъ одно преимущество: мы будемъ познавать съ сознаниемъ то, что онъ познаетъ безсознательно. Ужели же такое преимущество не вознаграждаетъ за трудъ? Неужели онъ составляетъ излишнее и желѣное усиліе? Если я для познанія вещей не нуждаюсь въ пониманіи познавательныхъ способностей, то неужели поэтому нѣтъ необходимости въ критической философіи? Мы вѣдь можемъ говорить, не зная грамматики,—судить и умозаключать, не зная логики,—жить, не зная физиологій,—видѣть и слышать, не зная оптики и акустики. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что грамматика, логика, физиологія, оптика и акустика излишнія науки? То же самое можно сказать и о критической философіи въ отношеніи къ нашему познанію“ (III, 21—22).

1) Курсивъ нашъ.

2) Ibid.

3) Ibid. 250.

существуетъ, есть фактъ,—то о какой-же еще правомѣрности спрашивать? Объяснить, какъ возможенъ фактъ, по нашему мнѣнію, отнюдь не значитъ рѣшить вопросъ о правомѣрности, а лишь—*осмыслить* фактъ, который, конечно, не перестанетъ быть фактомъ и безъ этого... Получается нѣчто совершенно ни съ чѣмъ не сообразное.

Дѣлать за указанныя несообразности отвѣтственнымъ Канта—представляется какъ будто недостаткомъ уваженія къ уму и сообразительности этого великаго мыслителя. Естественно поэтому скорѣе заподозрить Куно-Фишера въ невѣрной передачѣ дѣйствительной связи мыслей творца Критики. Такъ именно и дѣлаетъ Риль, къ истолкованію котораго мы теперь и обратимся: Риль старается представить взглядъ Канта съ самой выгодной стороны, защитивъ его отъ всякихъ упрековъ и стараясь самые эти упреки объяснить, какъ плодъ грубаго непониманія и близорукой поверхности.

Образцомъ ошибочныхъ представленій о ходѣ мыслей Канта Риль считаетъ представленіе Ибервега, по мнѣнію котораго Кантъ рассуждалъ такимъ образомъ: эмпирическое познаніе *никогда* не обладаетъ истинной всеобщностью; если-же должна существовать истинная всеобщность познаній, то таковыя должны происходить не изъ опыта, т. е. быть а priori. Но познанія строго всеобщаго характера, какъ напр. о связи причины и дѣйствія, дѣйствительно существуютъ ¹⁾). Слѣдовательно, эти сужденія—а priori Риль находитъ въ такомъ представленіи дѣла двойной недостатокъ: во-первыхъ, по его мнѣнію,—ложно, будто по Канту эмпирическое познаніе никогда не можетъ обладать строгой всеобщностью. Что связано по общимъ законамъ опыта, то по Канту обладаетъ строгой всеобщностью и значеніемъ, хотя и является эмпирическимъ сужденіемъ ²⁾). „Только *чисто* опытное въ эмпирическихъ сужденіяхъ не имѣетъ строгой всеобщности, а не вообще эмпирическія сужденія“ ³⁾). „Если такимъ образомъ, говоритъ Риль, Ибервегъ старается вопреки Канту доказать, что чрезъ *логическую* обработку опытнаго матеріала получается всеобщее и однакожь эмпирическое

¹⁾ Riehl, I, 325—326.

²⁾ Ibid. 326. При этомъ дѣлается ссылка на § 22 Прологомена. ³⁾ Ibid.

познаніе, то этимъ онъ ничего не сказалъ противъ Канта, а лишь повторилъ его собственное ученіе, имъ—Ибервегомъ— превратно понятое (missverstanden)¹⁾. Во-вторыхъ, такое представленіе дѣла совершенно „переворачиваетъ вверхъ ногами (stellt geradezu auf den Kopf)“ дѣйствительный ходъ мыслей Канта. „Всеобщность и необходимость синтетическихъ сужденій, говоритъ Риль, образуетъ не основу (Grundlage), а проблему критики. Она есть предметъ ея доказательства, а отнюдь не основаніе доказательства (Beweisgrund). Въ Критикѣ вовсе не дѣлается заключеніе отъ всеобщности къ апіорности, а наоборотъ—отъ доказательства и оправданія апіорности къ всеобщности. Критика должна-бы была окончиться введеніемъ, если бы она избрала путь, приписываемый ей Ибервегомъ. Кантъ знаетъ такъ-же хорошо, какъ и Ибервегъ, что предположеніе строго всеобщихъ познаній есть только недоказанное допущеніе, которое само, какъ фактъ, можетъ подвергаться сомнѣнію, доколѣ не приведено его доказательство, не усмотрѣна (eingesehen) его собственная возможность и притомъ не усмотрѣна изъ понятій, т. е. строго всеобщимъ образомъ. Совершенно ложно, будто Кантъ предположилъ существованіе строго всеобщихъ познаній и на этомъ основалъ ихъ апіорность. Хотя онъ и принимаетъ рачіональную часть науки, какъ фактъ, но онъ употребляетъ его, лишь какъ примѣръ существованія синтетическаго познанія съ всеобщностью, получаемой изъ понятій (von begrifflicher Allgemeinheit). Но возможность, т. е. понятность этого факта и доказательство его значенія и составляетъ именно проблему Канта. Кантъ вовсе не желаетъ ни успокоиваться на этомъ фактѣ, ни ссылаться на него, какъ на *основаніе* рачіональнаго познанія. Развѣ не ясна его проблема: какъ *возможны* синтетическія сужденія а priori? Поэтому должно быть исправлено такое представленіе дѣла, будто Кантъ принималъ какое-нибудь всеобщее и необходимое познаніе безъ изслѣдованія (ungerüft);—и въ частности—невѣрно представленіе, будто онъ былъ приведенъ математикой къ необходимости допускать такое познаніе. Изслѣдованіе этихъ познаній, оправданіе ихъ *объективнаго* значенія образуетъ задачу позитивно-критической части Кантова ученія о познаніи“²⁾.

1) Ibid.

2) Ibid. 326—327.

Послѣ этого опроверженія превратныхъ представленій о постановкѣ критической проблемы Риль даетъ такое ея объясненіе. „Синтетическія сужденія вообще суть сужденія на основаніи *воззрѣнія*. Опытныя синтетическія суть тѣ, въ которыхъ основаніемъ для соединенія субъекта съ предикатомъ является опытное воззрѣніе или воспріятіе. Присутствіе объектовъ производитъ ихъ эмпирическое воззрѣніе. Опытъ самъ даетъ воззрѣніе и *расширяетъ* наше познаніе объ объектѣ новыми воззрѣніями. Предметъ является съ новыхъ сторонъ, въ измѣненныхъ отношеніяхъ, разсмотрѣніе коихъ обогащаетъ наше познаніе о немъ синтетически. Эмпирическое воззрѣніе не нуждается ни въ какомъ гносеологическомъ объясненіи,—оно подлежитъ только фізіологическому стало быть тоже эмпирическому объясненію со стороны своего происхожденія. Основаніе опытныхъ синтетическихъ сужденій нѣтъ надобности отыскивать напередъ; оно дано прямо съ самымъ сужденіемъ. Прогрессъ въ эмпирическихъ сужденіяхъ всегда бываетъ *дѣйствительнымъ* (reell), а не мнимымъ (imaginär), потому что онъ совершается по руководству дѣйствительныхъ воззрѣній“¹⁾.

„Но если должны существовать синтетическія сужденія и *a priori*, то должно существовать также воззрѣніе *a priori*“²⁾. Такъ какъ основаніе всякихъ синтетическихъ сужденій есть воззрѣніе, то основаніемъ такихъ сужденій *a priori* должно быть воззрѣніе *a priori*. Такимъ образомъ, если можно независимо отъ этого соображенія, которое содержатъ въ себѣ только постулаты, показать, что воззрѣніе *a priori* существуетъ, то возможность такихъ сужденій будетъ доказана, ихъ мыслимость вообще обнаружена. Здѣсь выступаетъ на сцену трансцендентальная эстетика, которая изъ *своихъ* представленій пространства и времени, стало быть *аналитически*,— чрезъ

¹⁾ Ibid. 327—328.

²⁾ Въ подтвержденіе Риль приводитъ слѣдующую выдержку изъ I т. полного собр. соч. Канта по изданію Розенкранца (S. 496): „soll es synthetische Erkenntnisse *a priori* geben, so muss es auch Anschauungen Sowohl als Begriffe *a priori* geben, deren Möglichkeit also zuerst erörtert, und dann die objective Realität derselben, durch den nothwendigen Gebrauch derselben zum Behuf der Möglichkeit der Erfahrung bewiesen werden muss“. Для подтвержденія той-же мысли онъ приводитъ еще выдержки изъ I, 475. XI, 98. XI, 186 того же изданія.

расчлененіе ихъ,—доказываетъ, что воззрѣнія а priori существуютъ. „Метафизическое“ изслѣдованіе трансцендентальной эстетики находитъ основаніе синтетическихъ сужденій а priori. Формальное воззрѣніе точно такъ же можетъ служить для синтеза понятій а priori, какъ эмпирическое, опредѣленное со стороны содержанія, служить основаніемъ для синтеза а posteriori“¹⁾).

„Но и синтетическія сужденія, какъ сужденія, суть единство въ понятіи представленій, которое (единство) относится къ объектамъ. Такимъ образомъ синтетическія сужденія а priori суть сужденія, которыя а priori относятся къ объектамъ. *Вопросъ: какъ возможны синтетическія сужденія а priori, есть следовательно,—вопросъ какъ могутъ понятія а priori относиться къ объектамъ?*“²⁾ Такимъ образомъ, по мнѣнію Рия, „проблема критики вызываетъ дальнѣйшія проблемы:—вопросъ, существуетъ-ли воззрѣніе а priori, формальное воззрѣніе, происходящее изъ самой природы сознанія, и вопросъ: имѣетъ ли это воззрѣніе необходимое значеніе для предметовъ?“³⁾).

„Задачей критической логики является,—изъ формы сужденій вывести (erweisen) первоначальныя понятія познанія и показать ихъ значеніе для формы явленія вещей, т. е. возможность для нихъ быть соединенными въ синтетическія сужденія а priori, послѣ того, какъ эстетика предварительно дала основаніе такого соединенія въ чистомъ воззрѣніи“⁴⁾).

Приведенныя соображенія относительно постановки критической проблемы разъясняютъ ее лишь со стороны входящихъ въ нее понятій; для вполне же достаточнаго пониманія надо, какъ выражается Риль, „показать также фактическое значеніе вопроса“, т. е. показать, что „существуютъ сужденія, которыя являются въ сознаніи въ видѣ синтетическихъ а priori и съ притязаніями на приличествующее послѣднимъ значеніе“⁵⁾).

Въ этихъ видахъ, по мнѣнію Рия, Кантъ и ставитъ себя во введеніи вопросъ: существуютъ-ли сужденія, которыя суть одновременно сужденія а priori и синтетическія? Здѣсь, полагаетъ нашъ комментаторъ, рѣчь идетъ не о значеніи этихъ су-

¹⁾ Ibid. 328—329.

²⁾ Ibid. 329.

³⁾ Ibid. 329—330.

⁴⁾ Ibid. 330.

⁵⁾ Ibid. 330.

сужденій, а только объ ихъ наличности, т. е. ставится „*quaestio facti*“, а не „*quaestio juris*“. Фактъ всегда можетъ существовать, не имѣя основанія, не будучи фактомъ оправданнымъ въ своемъ значеніи. Такой фактъ, говоритъ Риль, несомнѣнно имѣетъ мѣсто. Фактъ какой-нибудь некритичной метафизики древняго или новаго времени доказываетъ лишь существованіе такихъ сужденій въ человѣческомъ сознаніи. Здѣсь имѣемъ мы чистыя сочетанія понятій съ притязаніемъ на значеніе для объектовъ вообще и въ частности—для сверхчувственныхъ объектовъ. Конечно, это—отнюдь не подлинныя синтетическія сужденія; критика докажетъ, что они никогда не могутъ быть познавательными сужденіями, потому что имъ недостаетъ основы возрѣнія. Но взятыя субъективно, они естественны“¹⁾. Но существуютъ и настоящія синтетическія сужденія а priori. И если разсудокъ можетъ творить потусторонніе міры изъ ничего—не иначе, какъ въ состояніи метафизическихъ грезъ, то надъ явленіемъ или представленіемъ посюсторонняго міра онъ господствуетъ, какъ надъ единственной дѣйствительностью. Кантъ открылъ, что высшія основоположенія естествознанія и послѣднія основанія математики содержатъ въ себѣ синтезъ а priori, на надежности котораго покоится ихъ научный характеръ“²⁾. Утверждая это, Риль очень обстоятельно старается доказать, что „Кантъ отнюдь не предполагаетъ объективнаго значенія математики, а доказываетъ его“³⁾. Эти доказательства Риль имѣютъ полемическій характеръ и въ оцѣнку ихъ мы пока входить не станемъ. Разсмотримъ же теперь, насколько удовлетворительно воспроизводитъ Риль дѣйствительный ходъ мыслей Канта.

Риль, какъ мы видимъ, хочетъ изобразить путь, приведшій къ постановкѣ критической проблемы,—почти по той же схемѣ, что и Куно-Фишеръ. Подобно послѣднему онъ различаетъ три момента въ этомъ пути, состоящіе въ рѣшеніи вопросовъ: 1) что такое познаніе? въ этомъ случаѣ онъ согласно съ Куно-Фишеромъ утверждаетъ, что по Канту познаніе должно состоять изъ синтетическихъ сужденій а priori. 2) Существуетъ-ли, какъ фактъ, положенія, притязающія на значеніе синтетическихъ сужденій а priori? 3) Имѣетъ-ли этотъ фактъ и насколько

1) Ibid.

2) Ibid. 331.

3) Ibid. п 350 ff.

ко гарантіи своей правомѣрности, и въ чемъ эти гарантіи состоятъ, т. е. *какъ возможенъ фактъ познанія?* Какъ видно, отъ Куно-Фишера Риль отличается лишь въ характеристикѣ втораго момента: Фишеровъ „фактъ познанія“ онъ замѣняетъ „фактомъ притязаній на познавательное значеніе“. Такая поправка дѣйствительно устраняетъ тѣ несообразности въ постановкѣ критической проблемы, какія необходимо приходилось допустить въ ней, принимая объясненія Куно-Фишера.

Но тѣмъ не менѣе и объясненіе Риля мы несогласны признать удовлетворительнымъ, потому что 1) и оно вызываетъ нѣкоторыя серьезныя недоумѣнія; 2)—оно не соответствуетъ тому, что исторически извѣстно относительно развитія Кантовыхъ воззрѣній и 3)—не согласно съ тѣми разъясненіями, которыя самъ Кантъ дѣлаетъ въ „Прологоменахъ“. Такъ—

1) совершенно непонятнымъ представляется, какиѣмъ путемъ, съ точки зрѣнія Риля, Кантъ могъ бы придти къ мысли, что основа всякаго синтеза и особенно синтеза а priori есть *воззрѣніе*. Придется признать эту мысль или *догматическимъ допущеніемъ* или поставить въ зависимость отъ призванія объективнаго значенія математики,—вопреки Риллю. Едва ли предположить первое легче, чѣмъ второе.—Затѣмъ, съ точки зрѣнія Риля также совершенно непонятнымъ остается,—что-же Кантъ считалъ *признаками априорности*, если всеобщность и необходимость являются ужъ только слѣдствіемъ ея. Число этихъ недоумѣній можно было-бы умножить, но и приведенныя достаточно показываютъ,—что или экзегезисъ Риля—неправильнъ, или же въ мысляхъ самаго Канта есть путаница. Первое, конечно, легче.

2) Соображенія съ историческимъ ходомъ развитія кантовыхъ идей неблагоприятствуютъ тому объясненію постановки критической проблемы, какое дѣлаетъ Риль. Путь отъ прежней Лейбнице—Вольфіанской (догматической) точки зрѣнія къ новой—критической лежалъ для Канта чрезъ Юма. Это не только признается всѣми историками новой философіи, но и со всею непрекаемостію засвидѣтельствовано самимъ Кантомъ въ „Прологоменахъ“¹⁾. Юмъ раздѣлил познанія на ана-

¹⁾ „Я прямо сознаюсь,—говорить онъ здѣсь,—воспоминаніе о Давидѣ Юмѣ было именно тѣмъ, что много лѣтъ тому назадъ впервые прервало мой догмати-

литическія и синтетическія. Это-же раздѣленіе составляетъ первую черту критической философіи. Что всѣ опытные сужденія суть синтетическія, потому что они связываютъ различныя представленія,—это одинаково утверждали и Юмъ и Кантъ, такъ же какъ и то, что эта связь дана не извне, а посредствомъ насъ самихъ, что она имѣетъ свой источникъ въ человѣческой природѣ ¹⁾. вмѣстѣ съ Юмомъ же Кантъ въ предкритическій періодъ считалъ понятіе реальной причины за опытное понятіе ²⁾. „Въ то время, говоритъ Куно-Фишеръ, Кантъ различалъ человѣческія познанія такъ, что всѣ чистыя разумныя сужденія суть аналитическія, а всѣ опытные сужденія суть синтетическія. Ему казалось, что ни одно апіорическое сужденіе не можетъ быть синтетическимъ, ни одно синтетическое—апіорическимъ. Возможность комбинацій этихъ двухъ признаковъ въ то время была еще далека отъ него. При томъ образѣ мыслей, который характеризуетъ докритическій періодъ Канта, ему ни какъ не могло придти на умъ, чтобы когда-нибудь синтетическое сужденіе могло быть апіорическимъ. Если мы исключимъ метафизическія сужденія, которыя Кантъ признаетъ сомнительными и наконецъ отвергаетъ, какъ пустую мечту ³⁾, то найдемъ, что данныя синтетическія сужденія суть всѣ *эмпирическія*. Какимъ же образомъ эмпирическое сужденіе можетъ быть апіорическимъ?... Получается совершеннѣйшее *contradictio in adjecto!*“ ⁴⁾. Такимъ образомъ, по словамъ Куно—Фишера, остается только одно: то открытіе, которое не могло быть сдѣлано со стороны синтетическихъ сужденій, сдѣлать со стороны чистыхъ разумныхъ сужденій. Можетъ быть они или нѣкоторыя изъ нихъ и суть синтетическія? Сужденія, получаемыя посредствомъ чистаго разума суть

ческую дремоту и даю моимъ изслѣдованіямъ въ полѣ умозрительной философіи совершенно другое направленіе. Я попробовалъ, нельзя-ли представить себѣ возраженіе Юма въ общемъ видѣ, и скоро нашелъ, что понятіе о связи причины и дѣйствія есть далеко не единственное, посредствомъ котораго умъ а priori мыслитъ соединенія вещей; скорѣе я нашелъ, что вся метафизика состоитъ изъ такихъ понятій“ *ek. Proleg. ss. 34. 35.*

1) Куно-Фишеръ, III, 39.

2) König, I, 255.

3) Очевидно, авторъ имѣетъ въ виду мнѣнія, высказанныя Кантомъ въ его „Грѣзахъ духовидца“,—*ср. стр. 203.*

4) *Ibid.* 264—265.

сужденія логическія, метафизическія и математическія. Но логическія сужденія суть вполнѣ аналитическія. Метафизическія сужденія хотя и суть синтетическія, но они мало достовѣрны и въ сущности невозможны. Остаются, слѣдовательно, только математическія сужденія. Математическія познанія безъ сомнѣнія всеобщі, необходимы, и слѣдовательно происходятъ а priori. Самъ Юмъ долженъ былъ признать за ними этотъ характеръ. Но онъ принималъ ихъ за аналитическія и въ этомъ отношеніи ставилъ на ряду съ логическими. Вотъ та единственная точка, гдѣ могло быть совершенно открытіе, ведущее къ критической философіи. Если только существуютъ апіорическія сужденія, которыя вмѣстѣ суть и синтетическія, то ими могутъ быть единственно и исключительно *математическія*¹⁾. Этотъ выводъ заставилъ Канта глубже вникнуть въ логическій характеръ математическихъ сужденій, слѣдствіемъ чего и былъ выводъ, — что основоположенія математики суть синтетическія сужденія а priori: „Дознавши, что математическія сужденія суть *синтетическія* и вмѣстѣ съ тѣмъ остаются апіорическими, Кантъ этимъ самымъ на всегда отдѣляется отъ Юма, и вступаетъ на новый путь критики. Юмъ утверждалъ: нѣтъ вовсе синтетическихъ сужденій а priori. Кантъ доказываетъ: есть синтетическія сужденія а priori, именно математическія. Эти два сужденія противорѣчатъ другъ другу. Математика есть начальная инстанція, на которой Кантъ разбиваетъ скептицизмъ. Если же однажды найдено, что есть синтетическія сужденія а priori, которыя вполнѣ объясняются изъ устройства человѣческаго разума, то нужно также рассмотретьъ, нѣтъ ли еще такихъ сужденій, кромѣ математическихъ, не возможна-ли посредствомъ чистаго разума и метафизика, познаніе вещей?“²⁾. Какъ видимъ, критическое предпріятіе Канта цѣлью своею имѣетъ собственно рѣшеніе вопроса о возможности метафизики, а не познанія вообще. Фактъ познанія въ естествовѣдѣніи и особенно въ математикѣ — познанія вполнѣ достовѣрнаго, обладающаго полною всеобщностью и необходимостію, — для Канта не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію, и его критика хочеть собствен-

¹⁾ Ibid. 265—266.

²⁾ Ibid. 267.

но рѣшить,—обладаетъ-ли метафизика тѣми необходимыми условіями, которыя дѣлають математику и физику вполнѣ достовѣрнымъ и надежнымъ знаніемъ. Такое пониманіе критической проблемы совершенно не сходится съ объясненіемъ Рила. Но оно, помимо того, что подсказывается разсмотрѣніемъ историческаго хода развитія Канта,

3)—засвидѣтельствовано, какъ мы упомянули, весьма ясно и самимъ Кантомъ въ „Прологоменахъ“. Здѣсь, какъ мы видѣли, Кантъ говоритъ, что въ своей критикѣ онъ лишь „попробовалъ представить возраженіе Юма въ общемъ видѣ“ и такимъ путемъ нашель, что „понятіе связи причины и дѣйствія есть далеко не единственное, посредствомъ котораго умъ а priori мыслить соединенія вещей“. А нашель это онъ, какъ прекрасно разъясняется въ недавно появившейся работѣ проф. Каринскаго ¹⁾,—лишь благодаря метематикѣ, которая въ данномъ случаѣ дала ему руководящую нить: именно, открывъ синтетическую природу безспорно признававшихся Юмомъ за априорныя математическихъ сужденій, Кантъ безъ труда могъ и синтетическія основоположенія физики (главнымъ образомъ, аксіому причинности) объявить априорными и тѣмъ защитить ихъ всеобщность и необходимость отъ нападений Юма ²⁾. Но въ отношеніи къ главной цѣли всего критическаго предпріятія Канта оба названныхъ открытія представлялись имѣющими второстепенное,—побочное значеніе. *Главною цѣлью всей критики было рѣшеніе вопроса о возможности метафизики.* Это видно уже изъ того, что свою работу, являющуюся, такъ сказать, „критикой чистаго разума наизнанку“, Кантъ назвалъ „Прологоменами ко всякой будущей метафизикѣ“. А затѣмъ и самая постановка проблемы въ „Прологоменахъ“ непрерываемо убѣждаетъ въ этомъ. Вотъ какъ Кантъ въ „Прологоменахъ“ объясняетъ свой методъ въ рѣшеніи этого вопроса. Разсматривая въ § 1 вопросъ „объ источникахъ метафизики“, Кантъ приходитъ къ выводу, что „она есть познаніе а priori или изъ чистаго разсудка и разума (aus reinem Verstande und reiner Vernunft)“ ³⁾. Но настоящее познаніе, какъ это онъ доказы-

¹⁾ „О самоочевидныхъ истинахъ“—въ Журн. мин. народ. просв. 1893 г. кн. II, стр. 300—301 (въ отд. изд. стр. 7—9).

²⁾ Каринскій, *ibid.*

³⁾ *Proleg.* с. 40.

ваетъ въ „Критикѣ чистаго разума“, равно и въ „Прологематикахъ“¹⁾, должно состоять изъ синтетическихъ сужденій. Поэтому и метафизика, если она хочетъ быть дѣйствительнымъ познаніемъ, должна состоять изъ синтетическихъ сужденій²⁾. Но какъ наука апіорная, она, чтобы быть достовѣрнымъ познаніемъ, должна обладать тѣми-же гарантіями, какими вообще обеспечивается достовѣрность апіорнаго знанія. А какъ узнать эти гарантіи? Для этого надо взять какія-нибудь безспорно—достоверныя апіорныя науки, вскрыть ихъ „*Conditio, sine qua non*“ и предъявить такія же условія метафизикѣ;—если она въ состояніи будетъ ихъ выполнить, то ея научная правоспособность спасена, въ противномъ же случаѣ она, какъ наука, должна быть объявлена невозможной. Но изъ апіорныхъ наукъ безспорною достовѣрностью отличаются математика и естествознаніе. Ergo,—математику съ естествознаніемъ и надо принять за норму. Вотъ собственныя слова Канта въ концѣ § 4: „хотя мы не можемъ принять, что метафизика, какъ наука, *дѣйствительно* существуетъ; однако жъ мы съ увѣренностью можемъ сказать, что извѣстныя синтетическія познанія а priori дѣйствительно даны намъ, это именно—*чистая математика и чистое вѣдѣніе*; потому что оба содержатъ въ себѣ положенія, которыя отчасти аподиктически достовѣрно чрезъ чистый разумъ, отчасти же чрезъ всеобщее согласіе изъ опыта признаны, какъ всецѣло независимыя отъ опыта. Такимъ образомъ, мы имѣемъ одно по крайней мѣрѣ *безспорное* синтетическое познаніе а priori и не имѣемъ нужды спрашивать, возможно ли оно (ибо оно—дѣйствительно) но мы спрашиваемъ только,—*какъ оно возможно, чтобы изъ принципа возможности даннаго вывести и возможность остальныхъ* (um aus dem Prinzip der Möglichkeit der gegebenen auch die Möglichkeit aller übrigen ableiten zu können)“³⁾. Въ § 5 онъ также прямо говоритъ, что безъ доказательствъ принимаетъ дѣйствительное Существованіе познаній изъ чистаго разума—въ чистой математикѣ и въ чистомъ естествознаніи,—и что это допущеніе является именно точкой отправленія и

1) Ibid. s. 49.

2) Ibid. s. 49.

3) Ibid. 51.

методологическимъ принципомъ его изысканій ¹⁾). И уже отъ этихъ *дѣйствительныхъ* и притомъ вполне *обоснованныхъ* (*gegründeten*) чистыхъ познаній а priori Кантъ хочетъ „перейти къ рѣшенію вопроса о дѣйствительности тѣхъ познаній, которыхъ мы ищемъ,—именно *метафизики, какъ науки*“ ²⁾).

Такимъ образомъ, Рилево объясненіе критической постановки проблемы познанія у Канта мы должны признать невѣрнымъ. Самая главная поправка къ общему пониманію Канта, поправка, на которой какъ мы видѣли, Риль особенно настаиваетъ,—именно, что Кантъ „не принималъ безъ изслѣдованія вообще какого-нибудь всеобщаго и необходимаго познанія“, и въ частности —не отпавлялся отъ математическаго познанія, какъ безспорно обладающаго этими свойствами,—должна быть отвергнута.

Кантова критика, вопреки мнѣнію Рили, является попыткой,—отпавляясь отъ дознанной достовѣрности однихъ познаній (математическихъ и естественнонаучныхъ), рѣшить вопросъ о возможности другихъ (метафизическихъ). Эта мысль еще болѣе для насъ подтвердится, когда мы будемъ говорить о *методѣ* критики. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ соображеніяхъ, какими Риль старается *подтвердить* свою мысль, что „Кантъ отнюдь не *предполагаетъ* объективнаго значенія математики, а *доказываетъ* его“.

Кантъ, по словамъ Рили, лишь „указываетъ (а не *предполагаетъ*) существованіе синтеза а priori,— и къ этому указанію у него не примѣшивается „математическій предразсудокъ (*mathematisches Vorurtheil*)“, а напротивъ, оно дѣлается при

¹⁾ „ndem wir zu dieser Auflösung, schreiten (т. е. къ рѣшенію вопроса о возможности метафизики), und zwar nach analytischer Methode, in welcher wir *voraussetzen* (курсивъ нашъ) dass solche Erkenntnisse aus reiner Vernunft wirklich seien, so können wir uns nur auf zwei *Wissenschaften* der theoretischen Erkenntnis berufen, nämlich *reine Mathematik* und *reine Naturwissenschaft*, denn nur diese können uns die Gegenstände in der Anschauung darstellen, mithin, wenn etwa in ihnen ein Erkenntnis a priori vorkäme, die Wahrheit oder Uebereinstimmung derselben mit dem Subjecte, in concreto, di ihre *Wirklichkeit*, zeigen, von der alsdann zu dem Grunde ihrer Möglichkeit auf dem analytischen Wege fortgegangen werden könnte. Dies erleichtert das Geschäft sehr, in welchem die allgemeinen Betrachtungen nicht allein auf Facta angewandt werden, sondern sogar von ihnen ausgehen, anstatt dass sie in synthetischen Verfahren gänzlich in abstracto aus Begriffen abgeleitet werden müssen“. Ibid.

²⁾ *Proleg.* §. 5. s. 51.

помощи правильного анализа математическаго метода“¹⁾. „Математика, именно геометрія въ принятомъ значеніи слова“, говоритъ Риль, есть отнюдь не единственный „союзникъ (Bundesgenosse)“ Канта. Логическіе принципы естествознанія имѣютъ для него точно такое-же значеніе, такъ что надо-бы было толковать и о „естественнонаучномъ предрасудкѣ Канта“. Уваженіе къ этому союзнику у него даже сильнѣе, чѣмъ къ математикѣ“²⁾. Поэтому Риль настаиваетъ, какъ мы уже упомянули, что „принимая рациональную часть науки, какъ фактъ, Кантъ дѣлаетъ это лишь для примѣра. Толкуя о „метафизическомъ изъясненіи“ понятія пространства, онъ говоритъ, что ссылка на геометрію дѣлается лишь для выясненія важности и значенія апріорности пространства; что поэтому трансцендентальное основаніе этой апріорности вовсе не заимствуется отъ геометріи, а приводится въ интересахъ ея (für dieselbe)³⁾, или какъ онъ говоритъ еще въ другомъ мѣстѣ, „критика не отправляется отъ признаннаго объективнаго значенія геометріи, а къ нему лишь направляется“⁴⁾. Соображая приведенныя нами прямыя заявленія самаго Канта, что чистая математика и чистое естествознаніе „дѣйствительно даны“, какъ науки, состоящія изъ синтетическихъ познаній а priori⁵⁾, что всеобщность и необходимость математическаго познанія „безспорна“⁶⁾, что онъ „предполагаетъ“ прежде всякаго изслѣдованія правомѣрность математики и естествознанія⁷⁾, что въ этихъ наукахъ мы имѣемъ „дѣйствительныя“ и исполнѣ „обоснованныя“ познанія а priori⁸⁾: мы должны утвержденія Рилиа или объяснить плодомъ недостаточнаго знакомства съ сочиненіями Канта, или же отнести на счетъ его желанія per fas et nefas оправдать отца критической философіи отъ упрековъ въ догматизмѣ постановки проблемы. Сколь ни трудно предположить то и другое въ такомъ солидномъ и вообще добросовѣстномъ ученомъ, какъ Риль, однако другихъ объясненій мы не находимъ... Догматизмъ Канта признать несомнѣнно приходится. Большинство

1) Riehl. I, 331.

2) Ibid. 231—232.

3) Riehl. I. c. p. 350.

4) Ibid. 352.

5) См. выше, примѣч. 64—65.

6) Ср. выше, примѣч. 64.

7) Ср. выше, примѣч. 66.

8) Ср. выше, примѣч. 66.

новѣйшихъ изслѣдователей дѣйствительно признають его. Такъ *Либманъ* ¹⁾, *Гёльдеръ* (Hölder) ²⁾, *Виндельбандъ* ³⁾, *Иберверъ* ⁴⁾, *Фолькельтъ* ⁵⁾, проф. *Каринскій* ⁶⁾ и др. высказываютъ именно такой взглядъ на дѣло. Есть, правда, и защитники Рилева взгляда,—напр. *Коленъ* ⁷⁾ и *Штадлеръ* ⁸⁾, есть и приверженцы посредствующаго воззрѣнія, напр. проф. *Паульсенъ* ⁹⁾. Но собственное изученіе подлинныхъ сочиненій Канта, подкрѣпляемое мнѣніями большинства изслѣдователей, особенно-же тѣми весьма краснорѣчивыми сопоставленіями различныхъ выдержекъ изъ Канта, которыя дѣлаетъ *Фолькельтъ* въ своей специальной монографіи—„Immanuel Kant's Erkenntnisstheorie“ ¹⁰⁾, позволяютъ

1) Zur Analysis der Wirklichkeit, s. 211.

2) Darstellung der Kantischen Erkenntnisstheorie, s. 14.

3) Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. 1877 г. Heft. 2: Ueber d. verschiedene Phasen d. kantischen Lehre v. Ding—ан—сич. von *W. Windelband*. s. 289: „Die Apriorität der Mathematik für ihn über allen zweifel erhaben feststand und gewissermassen den unbewegten Felsen in dem Gewoge seiner Ueberlegungen bildete“.

4) *Ueberweg*. System. d. Logik. 3 Aufl. s. 380.

5) *Volkelt*, ss. 193 ff.

6) *Каринскій*, Ж. м. в. пр. 1893. II.

7) *Cohen*. Kants Theorie der Erfahrung, ss. 90. ff.

8) *Stadler*, Grundsätze d. reinen Erkenntnisstheorie, s, 76.

9) *Paulsen*, Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Kantischen Erkenntnisstheorie, s. 173 ff.

10) Такъ *Фолькельтъ* прежде всего ссылается на приведенное уже нами мѣсто въ концѣ § 5 „Пролегоменъ“, гдѣ Кантъ говоритъ, что о естествознаніи и математикѣ „нѣтъ надобности спрашивать, возможны-ли они, потому что они—дѣйствительны“ (*Volkelt*, I. с. р. 194); затѣмъ *Фолькельтъ* указываетъ на двусмысленность въ опредѣленіи Кантомъ „трансцендентальнаго изъясненія“ понятія пространства. Кантъ говоритъ: „Ich verstehe unter einer transcendentalen Erörterung die Erklärung eines Begriffes (въ нашемъ случаѣ, пространства), als eines Principis, woraus die Möglichkeit anderer synthetischer Erkenntnisse a priori (въ нашемъ случаѣ, геометріи) eingesehen werden kann“ (Einl. § 3). Но, по мнѣнію *Фолькельта*,—во-первыхъ, можно подумать, что апіорность этого понятія (и eo ipso) естественно его необходимость и всеобщность *устанавливается какъ нибудь иначе* (anderweitig festtrtehe), и этотъ твердо установленный результатъ употребляется для того, чтобы изъ него вывести предикаты объективной значимости, необходимости, апіорности—для извѣстныхъ другихъ познаній, коихъ объективная значимость *еще не установлена*;—но, во-вторыхъ, это опредѣленіе можетъ имѣть и совершенно обратный смыслъ, вменю, что апіорность понятія (въ данномъ случаѣ, пространства) есть *нѣчто доказываемое* и эта *цѣль доказательства* достигается при помощи *установленнаго факта объективной значимости* въкоторыхъ другихъ познаній (въ данномъ случаѣ, геометріи). Что это опредѣленіе вѣрнѣе,

намъ, и не входя въ нарочитый разборъ возрѣній этихъ ученыхъ, признать послѣднія несостоятельными.

Итакъ, основной критическій вопросъ: *какъ возможны синтетическія сужденія a priori?*—Значитъ: *какія условія сообщаютъ характеръ всеобщности и необходимости математическимъ и естественнонаучнымъ основоположеніямъ?*

Естественнымъ-же продолженіемъ этого вопроса и въ то-же время цѣлью всей критики былъ для Канта другой вопросъ: *метафизика—обладаетъ-ли тѣми условіями, которыя гарантируютъ физикѣ и математикѣ ихъ объективную значимость?*

Такой смыслъ имѣла постановка критической проблемы у Канта. Отлагая оцѣнку этой постановки до конца настоящаго этюда, мы теперь переходимъ къ методу критики.

II. Тихомировъ.

(Окончаніе будетъ).

это ясно изъ хода мыслей въ трансцендентальномъ изъясненіи. *Первое* положеніе выставляетъ геометрію, какъ синтетическую, апіорную науку о пространствѣ. *Второе* спрашиваетъ: какъ должно быть устроено представленіе пространства, чтобы „такимъ образомъ было возможно такое познаніе?“ Это положеніе, такимъ образомъ, смотритъ на опредѣленное, пока еще *неизвѣстное* свойство пространственнаго представленія, какъ на *цѣль* доказательства. Отвѣтъ даетъ *третье* положеніе: пространство должно быть апіорнымъ, первичнымъ возрѣніемъ“ (*ibid.* 195—196). Далѣе Фолькельтъ приводитъ слова Канта изъ § 6 „Пролегоменъ“: *математика вообще обладаетъ аподиктической достоверностью, т. е. абсолютной необходимостью*“;—эта мысль кладется Кантомъ въ основу всѣхъ его разсужденій объ условіяхъ возможности математики. Наконецъ, еще слова Канта же: „математика стоитъ какъ колоссъ для доказательства реальности познанія, приобретаемаго чистымъ разумомъ“, потому что она „оправдываетъ себя однимъ фактомъ собственнаго существованія“ (*ibid.* 198) должны, кажется, устроить всякую тѣнь сомнѣнія касательно того положенія, какое критика занимаетъ относительно математики.

ИЗБРАННЫЕ ТРАКТАТЫ ПЛОТИНА.

(Переводъ съ греческаго языка подъ редакціей профессора
Г. В. Малеванскаго).

(Продолженіе *).

23. А если такъ, если Благо составляетъ главный предметъ стремленій души, если оно свѣтомъ своимъ озаряетъ умъ, если даже образъ или слѣдъ его такъ живитъ (душу) и восхищаетъ, то неудивительно, что оно имѣетъ силу привлекать къ себѣ всѣ существа, какъ бы далеко они ни отдалялись отъ него, и что всѣ они только въ немъ одномъ могутъ обрѣсти полное успокоеніе и удовлетвореніе; а такъ какъ оно же есть то первоначало, отъ котораго происходитъ все прочее, то ясно, что вѣтъ и не можетъ быть ни чего лучшаго и высшаго, чѣмъ оно, и что все ниже, несовершеннѣе его. Поэтому, и наоборотъ, такъ какъ оно есть высшее, совершеннѣйшее изъ всего существующаго, то какъ оно можетъ не быть благомъ? Ибо если природа блага должна быть мыслима, какъ всецѣло себѣ одной довлѣющая, вседовольная, ни въ чемъ иномъ не нуждающаяся, то кому другому такая природа можетъ принадлежать, какъ не тому одному, который былъ прежде всего прочаго тѣмъ, что онъ есть, существовалъ, когда не было еще никакого зла (въ мірѣ)? А если такъ,—если зло есть нѣчто появившееся гораздо позже его, если зло присуще лишь вещамъ, дальше всего отъ него (Блага) отстоящимъ и не имѣющимъ въ немъ никакого участія, между тѣмъ какъ тамъ превыше всего (въ самомъ Благѣ и во всемъ ноуменальномъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г. № 12.

мірѣ) нѣтъ и тѣни никакого зла, то ясно, что это существо и зло представляют собою такія двѣ противоположности, между которыми нѣтъ и не можетъ быть ничего средняго. И однимъ членомъ противоположности развѣ не будетъ необходимо благо? Ибо одно изъ двухъ,—или блага совсѣмъ нѣтъ (какъ противоположности злу), или ему необходимо быть, и въ такомъ разѣ быть имъ не можетъ ничто другое, какъ только это (первоверховное существо); а если кто сказалъ-бы „что такое благо не существуетъ, то изъ этого слѣдовало бы, что и зло не существуетъ, и что все по природѣ безразлично для желанія и избранія, чего однако на самомъ дѣлѣ нѣтъ, ибо мы нѣкоторыя вещи считаемъ за блага. Но всѣ такія блага суть блага лишь въ зависимости отъ того (высочайшаго) блага, тогда какъ оно есть Благо само по себѣ, независимо ни отъ чего. Если спросимъ, что имъ создано, то должны отвѣтить, что имъ созданы —жизнь, умъ, а чрезъ посредство ума и всѣ существа, участвующія въ жизни, въ разумности, въ умѣ,—и кто въ состояніи представить и выразить, какова и сколь велика благодать того, кто есть источникъ и начало (πηγὴ καὶ ἀρχή) всѣхъ этихъ существъ?! А въ чемъ состоитъ дѣятельность его теперь?— Въ томъ, что оно сохраняетъ всѣ эти существа, въ томъ, что даетъ разумъ и умъ всему тому, что мыслить, даруетъ жизнь всему тому, что живетъ,—въ томъ, что оно повсюду какъ бы вдыхаетъ или умъ, или жизнь (ἐμπνέει τοῦ καὶ ζωῆς) или по-крайней мѣрѣ бытіе тому, что не можетъ воспринять жизни.

24. А для насъ людей въ особенности что оно дѣлаетъ? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, пришлось-бы показать, каковъ и въ чемъ состоитъ тотъ свѣтъ, которымъ (отъ Блага) озаряется умъ, въ которомъ участвуетъ и душа. Но изслѣдованіе объ этомъ приходится пока отложить на дальше, потому что сейчасъ возникаютъ вотъ какія недоумѣнія. Благо потому ли единственно есть благо и называется благомъ, что оно желательно, такъ что для кого что желательно, то есть и его благо, а то, что для всѣхъ желательно, есть само благо (вообще, или абсолютно), или же слѣдуетъ отдать предпочтеніе тому мнѣнію, что желательное само (независимо отъ желающихъ) должно обладать такою природою, по которой бы оно

прежде всего заслуживало такого названія? Потомъ, если существа желаютъ блага, то почему это, потому ли, что нѣчто получаютъ отъ него, или потому что только наслаждаются (въ его присутствіи)? Если,—получаютъ, то что именно получаютъ, и если наслаждаются, почему находятъ наслажденіе только въ немъ, а не въ чемъ либо другомъ? Далѣе,—благу чрезъ себя ли самое свойственно быть таковымъ, или чрезъ чтонибудь другое, есть ли оно благо только чужое—для когонибудь другого, или же оно и для себя самого есть благо? Быть можетъ только, что само есть благо, вовсе и ненужно быть благомъ для себя, а необходимо быть имъ только для другого? А тогда возникаетъ вопросъ, для кого же собственно оно есть благо, такъ какъ есть вѣдь въ природѣ и нѣчто такое, которому совсѣмъ оно чуждо (матерія)? Наконецъ, нельзя пройти молчаніемъ и слѣдующее возраженіе, съ которымъ можетъ противъ насъ выступить неугомонный критикъ и сказать: „да что это вы все такъ щеголяете пышными словами, переставляя ихъ то внизъ то вверхъ,—и жизнь величаете благомъ и умъ называете благомъ, а кромѣ и выше всего этого признаете еще какое-то благо. Почему напр. умъ признается за благо? Почему онъ, обладая идеями и созерцая каждую изъ нихъ, думаетъ, что обладаетъ благомъ? Считая ихъ благомъ, не вводится ли онъ въ обманъ тѣмъ наслажденіемъ, которое испытываетъ, созерцая ихъ? Да и саму жизнь считаетъ онъ за благо развѣ не вслѣдствіе того же обольщенія, т. е. потому что жизнь доставляетъ ему удовольствіе, что она ему пріятна? Ибо еслибы онъ не находилъ никакого удовольствія ни въ томъ, ни въ другомъ, то развѣ считалъ бы ихъ за блага? Развѣ могъ бы онъ признать благомъ одно чистое, голое существованіе, такое бытіе, отъ котораго ему нѣтъ никакой пользы и которое ничѣмъ не отлично отъ небытія, еслибы существованіе не было для него мило, дорого, если бы онъ не любилъ въ немъ самого себя? Выходитъ, что источникомъ и стимуломъ признанія чего либо за благо (прежде всего—жизни и ума) служить не что другое, какъ эта свойственная нашей природѣ иллюзія (инстинктъ самоосуществленія въ удовольствіи), а также (ея противоположность) страхъ потери бытія—страхъ смерти“.

25. По всей вѣроятности уже Платонъ имѣлъ въ виду это возраженіе, рѣшившись въ своемъ Филебѣ примѣшать къ цѣли (преслѣдуемой желаніемъ) удовольствіе и допустить, что благо (искомое) не есть нѣчто совершенно—простое, и потому не можетъ состоять въ одномъ умѣ. Онъ тутъ въ самомъ дѣлѣ съ одной стороны совершенно справедливо учитъ, что благо не можетъ состоять въ одномъ, удовольствіи, а съ другой полагаетъ, что и одинъ умъ чистый, безъ соединенія съ удовольствіемъ, не можетъ быть признанъ за полное благо, по всей вѣроятности затрудняясь указать, что (другое, кромѣ удовольствія) можетъ быть движущимъ, стимулирующимъ принципомъ ума. Впрочемъ, весьма возможно, что Платонъ этимъ хотѣлъ выразить совсѣмъ иную, именно ту мысль, что благо по самой природѣ своей есть нѣчто радующее, счастливающее, почему для того, кто его ищетъ, оно вождельнно, а для того, кто имъ обладаетъ, оно полно прелести и сладости, и что поэтому, если кто не испытываетъ этой сладости и радости, то это значить, что онъ или совсѣмъ не стремится къ благу, или что онъ пока еще только стремится къ нему, но не достигъ его, не обладаетъ имъ. Съ этимъ представленіемъ Платона можно согласиться тѣмъ болѣе, что онъ посредствомъ его имѣлъ въ виду опредѣлить не благо первое (абсолютное) само въ себѣ, а наше человѣческое благо (счастіе), которое, конечно, совсѣмъ иного рода, чѣмъ то, а будучи совсѣмъ инымъ, оно, понятно, не есть ни совершенное, ни совсѣмъ простое. Изъ этого уже само собою слѣдовало (у Платона), что единичное, простое, по отношенію ко всему прочему какъ бы опустѣлое не можетъ быть благомъ. Но есть совсѣмъ иное совершеннѣйшее благо.

Какъ-бы-то ни было впрочемъ, но вполнѣ можно согласиться, что благо есть то, что желательно, вождельнно, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что благо вовсе не потому благо, что оно желается, а напротивъ потому желается—ищется, что есть благо. Если теперь мы станемъ разсматривать роды сущаго въ постепенномъ и непрерывномъ порядкѣ восхожденія отъ самаго низшаго къ самому высшему, то найдемъ, что благо (цѣль) каждаго рода лежитъ (не въ немъ же, а) въ томъ родѣ, который непосредственно стоитъ предъ нимъ—выше

его. Само собою понятно, что такимъ путемъ мы дойдемъ наконецъ до того самаго высшаго и послѣдняго, за которымъ ничего нельзя уже ни искать, ни даже предполагать. Вотъ это и будетъ то первое, истинное, высочайшее, абсолютное благо, которое есть виновникъ бытія и источникъ блага для всего существующаго. Такъ, если начать (съ самаго низшаго) съ матеріи, то благо ея заключается въ формѣ, и если бы матерія обладала чувствительностію, то она радовалась бы, принимая форму. Благо тѣла заключается въ душѣ, ибо безъ души оно не могло бы ни сформироваться, ни продолжать своего существованія. Благо души заключается въ добродѣтели, а потому въ умѣ. Наконецъ, выше самаго ума, какъ его благо, стоитъ то начало, которое, какъ мы выше уже сказали, есть абсолютно—первое существо (*πρώτη φύσις*). Каждый изъ этихъ родовъ сущаго даетъ отъ себя нѣчто тому низшему, для котораго онъ есть его благо, именно, или закономерность и красоту (ее даетъ матеріи форма), или жизнь (тѣлу даетъ душа), или мудрость и духовное блаженство (умъ—душѣ). Наконецъ отъ самаго Блага уму дается то, что онъ есть его актуальная энергія и сіяетъ по нынѣ его свѣтомъ. Что это за свѣтъ, объ этомъ рѣчь впереди.

26. Если то или другое существо надѣлено отъ природы способностію ощущенія, то оно въ присутствіи блага чувствуетъ его, сознаетъ и такъ или иначе выражаетъ, что обладаетъ благомъ. Но, какъ объяснить, что оно въ подобномъ случаѣ иногда обманывается? Легко понять, что причиною обмана тутъ служить нѣкоторое сходство, т. е., что живое существо вводится обманъ такимъ чѣмъ нибудь, которое похоже на свойственное ему благо, почему когда оно успѣваетъ этого своего блага достигнуть, то сейчасъ бросаетъ то, на чемъ оно обманулось. Обыкновенно само желаніе, самъ нудящій поводъ указываетъ каждому живому существу, въ чемъ и гдѣ лежитъ его благо. О неодушевленныхъ вещахъ, конечно, нельзя этого сказать,—онѣ могутъ получать благо лишь отъ внѣ и внѣшнимъ образомъ, онѣ въ этомъ отношеніи завязаны отъ заботливости, попечительности существъ одушевленныхъ, тогда какъ эти послѣднія сами о себѣ заботятся, при чемъ у каждаго изъ нихъ

сами желанія, потребности устремлены на исканіе свойственнаго ему блага. Достиженіе такого блага и обладаніе имъ характеризуется тѣмъ, что живое существо тогда сознаетъ себя лучшимъ прежняго, вмѣсто сожалѣнія (о прежнемъ), чувствуетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, почему старается и оставаться въ этомъ состояніи и не ищетъ ничего другого. Но удовольствіе само по себѣ уже потому не можетъ быть признано за довлѣющее благо, что возбуждается оно различными вещами, такъ что хотя оно само всегда пріятно, но пріятность его зависитъ отъ различныхъ причинъ. Поэтому, кто серьезно ищетъ блага, тотъ не долженъ полагать его въ простой (пріятной) аффекціи чувства, а то иначе его исканіе такъ и останется пустымъ исканіемъ и ему придется удовольствоваться однимъ голымъ удовольствіемъ, между тѣмъ какъ у другого это удовольствіе есть слѣдствіе присущаго ему блага. Никто, вѣдь, не радъ имѣть лишь одно пріятное чувство, какое имѣетъ другой, обладая самымъ тѣмъ благомъ, которымъ вызывается подобное чувство, никто напр. не удовлетворится пріятностью свиданья съ сыномъ, когда сынъ отсутствуетъ, или сластолюбецъ—пріятностью ѣды, не вкушая никакихъ яствъ, или прелестью любви и сладостію страсти въ отсутствіи предмета любви и страсти.

27. Спрашивается, что собственно должно получить каждое существо, чтобъ имѣть то—что ему нужно, и свойственно? Не форму ли? Конечно, потому что напр. и матеріи необходимо имѣть форму,—и душѣ свойственно имѣть свою форму въ добродѣтели. Но каждая такая форма потому ли только составляетъ благо обладающаго ею существа, что она ему свойственна? Да и его желанія и стремленія на то ли главнымъ образомъ направлены, что ему свойственно? Едва ли, потому что существо можетъ и желать того, что свойственно ему, и находить въ этомъ удовольствіе, и все таки не обладать благомъ, и когда мы называемъ что либо свойственнымъ, то этимъ еще не говоримъ, что оно есть благо (или что благо имъ опредѣляется). Напротивъ, признаніе чего либо свойственнымъ (себѣ) само зависитъ отъ того высшаго и лучшаго, по отношенію къ которому это низшее представляетъ лишь его потенцію,

возможность. Когда же извѣстное существо относится къ другому какъ потенціальность (къ актуальности), то это значить, что оно нуждается въ этомъ другомъ, а нуждаясь въ другомъ, какъ въ высшемъ и лучшемъ себя, понятно, не можетъ быть само своимъ благомъ. Такъ какъ матерія напр. изъ всѣхъ вещей есть самая бѣднѣйшая, наиболѣе нуждающаяся, то и форма, которую она принимаетъ, есть самая низшая, но затѣмъ идутъ формы въ постепенномъ порядкѣ возвышающагося совершенства. Изъ этого слѣдуетъ, что если извѣстное существо и въ самомъ себѣ имѣетъ нѣкоторое благо, то тѣмъ болѣе оно находитъ благо въ томъ существѣ, отъ котораго зависитъ его форма и совершенство и которое будучи большимъ благомъ, удѣляетъ и ему изъ своего блага. Но, какъ и почему то, что отъ высшаго существа получать низшее, составляетъ благо послѣдняго? Неужели потому что оно наиболѣе ему свойственно?— Нѣтъ, а скорѣе потому, что оно и само по себѣ составляетъ нѣкоторую часть блага. Вообще говоря, чѣмъ болѣе чисты (безпримѣсны) и совершенны сущности, тѣмъ большее между ними сродство и тѣмъ тѣснѣйшее единеніе. Спрашивать же, какъ и почему то, что есть благо, есть благо (не только для другого, но и) для самого себя, даже нелѣпо, какъ будто потому только что оно есть благо, ему необходимо, такъ сказать, отрѣшиться, отречься отъ самого себя и не любить себя. Впрочемъ, когда рѣчь пойдетъ о существѣ абсолютно—простомъ, въ которомъ нѣтъ ничего другъ отъ друга различимаго, то тамъ умѣстенъ будетъ вопросъ, есть ли и какъ такое существо благо для себя самого, допустима ли въ немъ любовь къ самому себѣ, или нѣтъ. Теперь же пока изъ нашихъ размышленій, если только они правильны, слѣдуетъ, что благо существъ (различныхъ порядковъ) обуславливается (вышепоказанною) градаціею ихъ (отъ низшаго къ высшему), что желаніе вовсе не порождаетъ и не даетъ блага, а напротивъ само возникаетъ подъ условіемъ (возбуждающаго его) блага, что въ благѣ пріобрѣтается всегда нѣчто такое, что пріятно, что доставляетъ удовольствіе, и что если бы это пріобрѣтеніе даже не соединялось съ удовольствіемъ, то и въ такомъ разѣ благо, какъ такое, само по себѣ заслуживаетъ избранія и исканія.

28. Но посмотримъ, не вытекаетъ ли и еще что нибудь изъ нашихъ положеній. Въ самомъ дѣлѣ, если вездѣ и всегда благо существа лежитъ въ его формѣ, то и благо матеріи заключается въ той формѣ, которая дана ей. Спрашивается, еслибы матерія обладала способностію желать, могла ли бы она желать быть всецѣло (тѣмъ, въ чемъ ея благо) только формою?—Едва ли,—потому что это значило бы для нея желать своего уничтоженія,—а между тѣмъ все ищетъ себѣ блага. А быть можетъ, она пожелала бы только не быть матеріей, а просто быть—обладать бытіемъ, то есть, быть освобожденною отъ того, что есть въ ней злого? Но развѣ мыслимо, чтобы въ томъ, что есть зло, могло возникнуть желаніе добра, блага?! Конечно, мы и не думаемъ усвоить матеріи способности желанія, и только, въ дѣлахъ ближайшаго разъясненія, чисто гипотетически усвоаемъ ей чувствительность, вовсе не имѣя въ виду измѣнить (въ такомъ смыслѣ) понятіе ея природы. Мы хотѣли выразить прямо лишь ту мысль, что появленіе формы въ матеріи, было для этой послѣдней, какъ бы хорошимъ сновидѣніемъ, а вовсе не слѣдствіемъ ея собственнаго стремленія и что она отъ этого пришла въ лучшее, упорядоченное состояніе. Такъ выходитъ, если допускается—что матерія есть зло. Не лучше выходитъ, если допустить, что она есть (не само зло, а) что нибудь другое, хотя бы напр. злость (на себя?), обладающая, кромѣ простого бытія еще и способностію чувствовать, потому что и въ такомъ разѣ развѣ мыслимо, чтобы это ея свойство (злость) превратилось въ стремленіе къ лучшему и стало (ея) благомъ?! Конечно,—нѣтъ. А если согласиться, что не сама злость тутъ стремится къ благу, а то, что носитъ ее въ себѣ т. е. самый субстратъ ея—матерія) и что по самому существу своему есть зло, тогда спрашивается, какъ это то, что есть зло, можетъ стремиться къ добру?! Допустить же, что зло, при обладаніи способностію чувствовать, можетъ любить себя (и свое благо) тоже нельзя, ибо развѣ можетъ быть предметомъ любви то, что по самому существу есть ненавистное?! Словомъ, мы твердо стоимъ на томъ, что благо не совпадаетъ съ тѣмъ, что принято называть свойственнымъ вещи, какъ и не имъ оно измѣняется;—таково наше убѣжденіе.

Если вѣрно, что вездѣ и во всемъ благо есть форма, при томъ такъ, что по мѣрѣ восхожденія (отъ низшаго порядка существъ) форма становится болѣе и болѣе совершенною,—ибо на примѣръ душа есть въ высшей степени форма, чѣмъ тѣлесная форма, да и въ самой душѣ формы идутъ въ постепенной градаціи, а умъ есть еще высшая форма, чѣмъ душа, —то несомнѣнно также и то, что благо представляетъ прогрессію какъ разъ противоположную той, которую представляетъ матерія, ибо оно оказывается присущимъ каждому порядку существующаго въ той мѣрѣ, въ какой въ немъ такъ сказать очищена и отложена матерія, и въ самой высшей степени оно присуще тому изъ нихъ, который наиболѣе свободенъ отъ матеріи. А это значить, что само Благо (абсолютное) должно быть мыслимо, какъ такая сущность, которая исключаетъ изъ себя (всѣцѣло и абсолютно) всякую матерію и не позволяетъ ей даже приближаться къ себѣ, и которая потому самому не имѣетъ въ себѣ и никакой формы (*ἀνείδεος φύσις*); отъ нея-то и происходитъ самая первая и совершеннѣйшая форма (умъ). Но,—объ этомъ—послѣ.

29. Если допустить, что удовольствіе не есть нѣчто неразлучное съ благомъ (ему существенное), что благо всегда предшествуетъ удовольствію и вызываетъ его появленіе, то развѣ отъ этого благо перестанетъ быть вождельннмъ? Правда, признавая его вождельннмъ, мы тѣмъ самымъ допускаемъ, что съ нимъ соединяется удовольствіе (наслажденіемъ имъ). Но, нельзя ли допустить и такой возможности, что благо будетъ на лицо, а наслажденія имъ не будетъ? Вѣдь весьма возможенъ такой случай, что существо, обладающее чувствительностію и воспримчивостію, хотя имѣетъ въ себѣ благо, но не примѣчаетъ и не знаетъ, что оно у него есть (почему и не радуется), и почему не возможно, что нѣкоторое существо обладая благомъ и даже зная это, не испытываетъ отъ этого никакого волненія? Почему не признать; что это, (т. е. такое покойное отношеніе къ своему благу), свойственно существу тѣмъ въ большей степени, чѣмъ болѣе оно совершенно и чѣмъ меньше оно въ чемъ либо нуждается?! Это значило бы, что въ существѣ абсолютно—первомъ (въ самомъ Благѣ) не можетъ

имѣть мѣста никакое волненіе удовольствія не только потому что существо это есть абсолютно—простое, но и потому что удовольствіе чувствовать свойственно тому, кто нуждается въ чемъ нибудь, получаетъ это нужное ему, или приобрѣтаетъ.

Эта истина станетъ вполне ясною лишь послѣ того, какъ намъ удастся выяснитъ всѣ прочіе относящіеся сюда пункты, а прежде всего опровергнуть слѣдующее направленное противъ насъ возраженіе. Пожалуй, кто нибудь въ недоумѣніи скажетъ: „какую пользу можетъ въ достиженіи блага принести даже самъ умъ тому, кто, слыша все это, нисколько этимъ не трогается, потому ли, что не понимаетъ всего, соединяя съ каждымъ словомъ совсѣмъ иной смыслъ, или потому что предметъ его исканій составляютъ лишь чувственныя вещи и благо свое онъ полагаетъ въ богатствѣ или въ другомъ чемъ нибудь подобномъ“?—Мы на это отвѣтимъ, что кто такимъ образомъ думаетъ и говоритъ, кто все это порицаетъ (какъ неблаго), тотъ тѣмъ самымъ признаетъ, что для себя самаго онъ нѣчто считаетъ благомъ, и этимъ своимъ понятіемъ измѣряетъ все прочее, не зная, гдѣ, въ чемъ находится благо (истинное), потому что, собственно говоря, невозможно даже сказать, это —не благо, или „не это есть благо“, не имѣя никакого ни представленія, ни понятія о благѣ; а можетъ быть въ такой его рѣчи (не признающей благомъ даже ума) скрыта догадка, что Благо выше самаго ума. Притомъ же, если ужъ онъ не можетъ (прямымъ и положительнымъ путемъ) признатъ (за благо) и само Благо и то, что ближе всего къ Благоу (умъ), то къ этому признанію онъ долженъ бы придти (косвеннымъ) путемъ противоположенія, а иначе ему пришлось бы утверждать, что отсутствіе ума, бессмысліе вовсе не есть зло, вопреки тому факту, что всякій человѣкъ желаетъ и предпочитаетъ быть умнымъ и гордится, когда бываетъ таковымъ, да и тому, что даже наши ощущенія имѣютъ тенденцію преобразования въ представленія и понятія.

Итакъ, если умъ представляетъ нѣчто прекрасное и высоко-цѣнное, особенно-же первый, высочайшій умъ, то въ какомъ величіи явился бы самъ родитель и отецъ его (γεννητὴς καὶ πατὴρ) тому, кто сподобился бы узрѣть его?! Поэтому, если

кто говоритъ, что презираетъ существованіе и жизнь, тотъ этимъ только показываетъ, что обманывается въ самомъ себѣ и въ своихъ подлинныхъ чувствахъ, потому что даже тотъ, кому жизнь тяжела, если ропщетъ, то ропщетъ только на (свою такую) жизнь, къ которой смерть примѣшивается, вовсе этимъ не затрагивая истинной жизни:

30. А теперь, когда мы приблизились къ Благу и такъ сказать коснулись его своею мыслию, намъ предстоитъ рѣшить, въ самомъ ли дѣлѣ съ благомъ должно соединиться удовольствіе, такъ какъ въ противномъ случаѣ будто не можетъ быть совершенною даже жизнь того, кто предался бы созерцанію божественнаго міра и его Виновника.—Что касается прежде всего того возрѣнія (Платона), что благо состоитъ изъ ума, какъ своей основы, и изъ того наслажденія, которое испытываетъ душа, пользуясь умомъ, то это возрѣніе вовсе не тотъ смыслъ имѣть, что соединеніе этихъ двухъ элементовъ (ума и удовольствія) составляетъ послѣднюю цѣль (души и всего существующаго) и есть само Благо, а скорѣе тотъ, что умъ (для насъ) составляетъ благо, обладаніе которымъ доставляетъ намъ удовольствіе. Но есть и другое мнѣніе,—что удовольствіе (не присоединяется только, а) смѣшивается съ умомъ, такъ что изъ этихъ двухъ элементовъ образуется одна и та же сущность, и вотъ почему обладаніе такимъ умомъ, или даже только созерцаніе его составляетъ благо, между тѣмъ какъ каждый изъ этихъ двухъ элементовъ порознь ни существовать не способенъ самъ по себѣ, ни желаемъ не можетъ быть, какъ благо. Но, развѣ мыслимо, чтобы умъ могъ быть до такой степени смѣшанъ съ удовольствіемъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ составить одну природу, одну сущность?!. Притомъ же, что касается по крайней мѣрѣ тѣлесныхъ удовольствій, то всякій согласится, что они никоимъ образомъ не могутъ примѣшиваться къ уму, потому что они несовмѣстимы даже съ покоемъ и свѣтлымъ настроеніемъ души. То правда, что со всякою дѣятельностію, со всякимъ стремленіемъ и проявленіемъ жизни соединяется всегда нѣкій аксессуаръ (удовольствіе, или удовольствие): иногда дѣятельность, вытекающая изъ природы извѣстнаго существа встрѣчаетъ себѣ препятствіе, и что либо

враждебное мѣшаетъ ему жить свойственной ему полною жизнію, а иногда напротивъ ничто не стѣсняетъ, не возмущаетъ его дѣятельности, отчего и жизнь его соединяется съ яснымъ, веселымъ настроеніемъ. Вотъ это-то состояніе ума (по всей вѣроятности) и имѣютъ въ виду тѣ, которые, считая его самымъ блаженнымъ и вождѣннѣйшимъ всего прочаго, говорятъ, что тутъ умъ смѣшивается съ удовольствіемъ, говорятъ такъ по невозможности съ полною точностію выразить истинную мысль, какъ это часто дѣлаютъ и поэты, употребляя метафорически слова, обозначающія то, что намъ любезно и пріятно, (въ примѣненіи къ міру божествъ), какъ напр. „упившись нектаромъ“, „и пошло угощеніе“, „и стали пировать“, „и улыбнулся отецъ (боговъ—Зевсъ)“, и цѣлыя тысячи подобныхъ выраженій. Нечего и говорить, что это состояніе ума (высочайшаго) есть по истинѣ самое блаженное, самое вождѣнное, самое достолюбезное тѣмъ болѣе, что оно есть непрерывное и неизмѣнное, ясное и свѣтлое, озаряемое и какъ бы разцвѣчиваемое свѣтомъ и блескомъ верховной причины. Вотъ почему (Платонъ въ Филебѣ) къ смѣси присоединяетъ и истину, а еще выше становится то начало, которое даетъ (смѣси) мѣру и прибавляетъ, что отъ этого собственно начала входятъ красота и симметрія въ смѣсь, отчего вся она становится прекрасною. Въ этомъ благѣ и мы можемъ быть участниками; оно и для насъ составляетъ высочайшій предметъ желанія и стремленія и достигать его мы можемъ не иначе, какъ направляя всю нашу энергію на то, что въ нашемъ существѣ есть самага лучшаго (умъ), ибо (описанный сейчасъ) составной образъ полный симметрія и красоты есть не что иное какъ жизнь ясная, озаряемая свѣтомъ ума и красоты.

Профессоръ Г. В. Малеванскій.

(Продолженіе будетъ).

Проблема и методъ Кантовой критики познанія.

(Окончаніе *)

II.

М е т о д ъ к р и т и к и.

Кантова критика ставитъ своею задачею—открыть условія возможности синтеза *a priori*. Это значитъ, что она въ строгѣ самыхъ познавательныхъ способностей человѣка хочетъ отыскать такія основанія, которыя гарантируютъ нашему познанію характеръ всеобщности и необходимости. *Какъ* онъ это дѣлаетъ? Каковъ методъ его изслѣдованія? Казалось бы, подобный вопросъ не долженъ и имѣть мѣста, разъ дѣло идетъ объ изслѣдованіи познавательныхъ способностей человѣческаго духа: изученіемъ души и различныхъ ея способностей занимается *психологія*,—еяго, методъ критики, по существу дѣла, долженъ быть *психологическимъ*. Но насколько легко и естественно сдѣлать такое предположеніе, настолько же оно вообще будетъ далеко отъ истины и въ частности будетъ противорѣчить неоднократно и весьма яснымъ заявленіемъ самаго Канта.

Пониманіе метода критики въ смыслѣ *психологическаго* встрѣчается очень рано. Уже Фризе, одинъ изъ самыхъ раннихъ послѣдователей Канта, утверждалъ, что фактъ существованія категорій познается внутреннимъ или психологическимъ опытомъ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ этотъ взглядъ ни когда не оста-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», за 1899 г. № 12.

¹⁾ Изложеніе и критику воззрѣній Фриза можно найти въ книгѣ *Добомская*, Философія феноменальнаго формализма (ч. I. в. I. 1892 г. стр. 51—52. 108—111).

вался безъ приверженцевъ. Слѣды его можно находить и у новѣйшихъ т. н. критицистовъ ¹⁾. А популярныя изложенія Канта и особенно ходячія представленія о его ученіи—распространенныя среди неспеціалистовъ въ исторіи философіи,—можно сказать, и не подозрѣваютъ о возможности иного, не психологическаго метода критики. Совсѣмъ не рѣдкость встрѣтиться съ людьми, вообще очень образованными и даже болѣе или менѣе начитанными въ философской литературѣ, которые однакожь приходятъ въ искреннее изумленіе, слыша напимѣръ, что критическое „а priori“ совсѣмъ не то же, что „прирожденное“ и т. п. ²⁾. Это побуждаетъ насъ внимательнѣе и подробнѣе остановиться на характеристикѣ критическаго метода Канта.

Ср. также *Ибервейс-Геймце*, Исторія новой философіи, перев. Колубовскаго. 1890. 273—276.

1) Напр. *Юри. В. Мейеръ*, „примыкаетъ къ Фризу и хочетъ продолжать Канта въ смыслѣ психологическаго эмпиризма“ (*Ибервейс-Геймце* I. с. р. 485) *Герингъ* (Göring), авторъ книги—„System der Kritischen Philosophie“, утверждаетъ, что „Критика познанія должна опираться на психологію“ (*König*, II, 295).

2) Относительно послѣдняго примѣра мы должны сказать, что даже такой во всѣхъ отношеніяхъ солидный знатокъ философіи, какъ покойный проф. *В. Д. Кудрявцевъ*, не старался дѣлать различія между понятіями „априорнаго“ и „прирожденнаго“ и склоненъ былъ полагать, что это различіе собственно касается лишь наименованія. Поэтому онъ почти всегда противопоставляетъ Локку, Юму и др. эмпирикамъ Канта *смѣстнѣ* съ Декартомъ и Лейбницемъ. Такъ, напр., разобравъ мѣтніе эмпириковъ и сенсуалистовъ о происхожденіи категорій, онъ говоритъ: „онѣ должны быть *срощены* намъ (курсивъ нашъ), какъ говорили Декартъ и Лейбницъ, *или* (к. н.) существовать въ насъ *а priori* (к. н.), по выраженію Канта“ (Метаф. анал. раціон. позн. стр. 61). Впрочемъ, указанный отголосокъ этого „психологическаго предразсудка“, какъ выражается Риль (*Phil. Кг. I. 295, 77*) не мѣшалъ В. Д.—чу иногда со всею ясностью видѣть отлічіе Кантова метода отъ метода психологическихъ изысканій. Въ своей монографіи „о пространствахъ и времени“ онъ прямо говоритъ о Кантѣ, что „его анализъ этихъ понятій есть не психологическій, а скорѣе логическій или метафизическій“ (стр. 70); —хотя, съ другой стороны, мы встрѣчаемъ въ его учебникѣ, напр., вотъ какое разсужденіе относительно объективнаго значенія категорій: „Въ пользу объективнаго значенія категорій и основанныхъ на нихъ *априорныхъ* (к. н.) истинъ нашего разума говоритъ совпаденіе этихъ чисто раціональныхъ истинъ съ дѣйствительнымъ бытіемъ и *оправданіе ихъ на опытъ. Опытъ подтверждаетъ изъ истину*, —удовѣряя, что *нѣтъ ни одного случая, факта, который бы не подходилъ подъ априорные законы разума или нарушалъ ихъ*“ (2 изд. стр. 85). Априорная идея, какъ форма сознанія, уже поэтому не можетъ не быть реализованной въ опытѣ, и говорить о *подтвержденіи* априорныхъ истинъ *опытомъ* значить упустить изъ виду истинную природу априорнаго.

Мнѣніе, будто методъ критики есть методъ психологіи, Риль называетъ *психологическимъ предразсудкомъ*. „Я разумѣю, говоритъ Риль, подъ *психологическимъ предразсудкомъ* (Das psychologische Vorurtheil) отнюдь не предразсудокъ Канта, а предразсудокъ толкователей его и критиковъ,—ихъ утверждение, что критическая философія основана на психологіи, или требованіе, чтобы она была таковою, хотя самъ Кантъ и не сознавалъ ясно антропологическаго характера своихъ критическихъ изысканій“¹⁾. Въ первомъ отношеніи подлежитъ упреку *Гербартъ*, а во второмъ, какъ мы уже упомянули, особенно *Фришъ*²⁾.

Противъ возможности признать методъ критики *психологическимъ* методомъ говоритъ прежде всего то соображеніе, что психологія, какъ *опытная наука*, не можетъ быть почвой для изслѣдованія значенія и объема всеобщихъ понятій опыта, ибо сама развиваетъ свое содержаніе не иначе, какъ при предположеніи ихъ объективнаго значенія и безусловнаго господства въ сферѣ опыта: понятіе способности или силы, безъ котораго не можетъ обойтись психологія, есть въ сущности по-

¹⁾ *Riehl*, I. с. р. 294.

²⁾ Отчасти эти упреки можно обращать и противъ извѣстнаго историка материализма *Альб. Ляге*, хотя, впрочемъ, онъ, съ свойственною ему осторожностью, высказывается въ этомъ случаѣ очень нерѣшительно. Поставивъ вопросъ: „какъ открыть апіоріные элементы познанія“—онъ говоритъ: „здесь—темный пунктъ въ Кантовой системѣ, который, по собственному мнѣнію великаго мыслителя, едва-ли можетъ устранить и самое тщательное изслѣдованіе.“

Думали, что можно поставить дилемму: или саміе апіоріные элементы мышленія выводятся также изъ нѣкотораго а priori достовѣрнаго принципа, или они отыскиваются эмпирическимъ путемъ; но такого принципа нельзя навѣи у Канта, а изысканіе эмпирическимъ путемъ не можетъ дать строго необходимаго результата; слѣдовательно, вся трансцендентальная философія Канта въ самомъ благоприятномъ случаѣ есть не что иное, какъ отдѣлъ эмпирической психологіи.

У Канта рѣчь идетъ лишь о томъ, чтобы *открыть* апіоріные принципы, и для этого у него нѣтъ другой руководящей нити, кромѣ вопроса: что я долженъ предположить, чтобы объяснить себѣ фактъ опыта? Психологическая сторона вопроса для него не только не главное дѣло, но онъ, очевидно, пытается обойти ее, ставя свой вопросъ такъ обще, что отвѣтъ одинаковымъ образомъ соединимъ съ самыми различными психологическими теоріями“ (Ист. Мат. т. II, стр. 33—34). „Большая часть всѣхъ туманностей въ критикѣ чистаго разума проистекаетъ изъ того единственнаго обстоятельства, что Кантъ предпринимаетъ *психологическое* (в. и.) по общей его природѣ, изслѣдованіе безъ всякаго спеціальнаго психологическаго предположенія (*ibid.* 34, прим. 23).“

нате причинности, понятіе носителя психическихъ явленій, есть понятіе субстанціи и т. д. ¹⁾). Въ одномъ мѣстѣ въ „пролегоменахъ“ Кантъ говоритъ, что вопросомъ собственно критики является „не происхожденіе опыта, а то, что лежитъ въ немъ; первое принадлежитъ къ опытной психологіи и безъ втораго не могло бы быть надлежащимъ образомъ развито“ ²⁾). Слѣдовательно, если допустить, что апіорные принципы познанія могутъ быть открыты путемъ психологическимъ, то придется утверждать, что внутренній опытъ, на которомъ основана психологія, существенно отличается отъ внѣшняго,—какъ въ томъ отношеніи, что способенъ открывать познаніе о всеобщемъ и необходимомъ, такъ и въ томъ,—что не нуждается для оправданія своей правоспособности въ предварительномъ критическомъ изслѣдованіи движущихъ имъ принциповъ. Но доказательствомъ противнаго можетъ считаться уже та тѣснѣйшая связь, какая существуетъ между методомъ психологическимъ и *физиологическимъ* ³⁾). И Кантъ въ гносеологическомъ отношеніи, очевидно, не дѣлалъ различія между внутреннимъ и внѣшнимъ опытомъ, когда эмпирическое самосовнаніе ставилъ въ связь съ внѣшнимъ опытомъ ⁴⁾). А въ своемъ трактатѣ о паралогизмахъ чистаго разума онъ и прямо заявилъ, что не признаетъ такого различія ⁵⁾).

¹⁾ Vgl. *Riehl*, *ibid.* 294—295.

²⁾ „Hier ist nicht von dem Entstehen der Erfahrung die Rede, sondern von dem, was in ihm liegt. Das erstere gehört zur empirischen Psychologie und würde selbst auch da ohne das zweite, welches zur Kritik der Erkenntniss und besonders des Verstandes gehört, niemals gehörig entwickelt werden können“. Proleg § 21 a. S. 84.

³⁾ Vgl. *Riehl*, I, 295.

⁴⁾ Kr. d. r. V. s. 209: „Hier wird bewiesen, dass *äussere Erfahrung* eigentlich *unmittelbar sei*, dass *nur vermittelt ihrer*, zwar nicht das Bewusstsein unserer eigenen Existenz, aber doch die Bestimmung derselber in der Zeit, d. i. *innere Erfahrung*, möglich sei“.

⁵⁾ Kr. d. r. V. s. 294: „Innere Erfahrung überhaupt und deren Möglichkeit, oder Wahrnehmung überhaupt und deren Verhältnis zu anderer Wahrnehmung, ohne dass irgend einer besonderer Unterschied derselben und Bestimmung empirisch gegeben ist, kann nicht als empirische Erkenntniss, sondern muss als Erkenntniss des Empirischen überhaupt angesehen werden, und gehört zur Untersuchung der Möglichkeit einer jeden Erfahrung, welche allerdings transcendental ist“.

Кромѣ того, самъ Кантъ со всею опредѣленностію отрицалъ антропологическій характеръ своей критики. Онъ прямо заявлялъ, что хочетъ держаться исключительно на *трансцендентальной* точки зрѣнія, совершенно устранивъ все *психологическое* или *эмпирическое* ¹⁾. Кантъ находилъ невозможнымъ оправдать *объективную* необходимость понятій а ргіогі, изъясняя ихъ происхожденіе изъ психологическихъ основаній. На этомъ пути, по его мнѣнію, всегда можетъ быть достигнута только *субъективная* необходимость ²⁾. Поэтому, напр., понятіе цѣли, будучи субъективно необходимымъ, но не образуя составной части объективнаго познанія,—въ системѣ Канта и не является категоріей ³⁾. Различіе субъективной и объективной необходимости, на чемъ неоднократно настаиваетъ Кантъ ⁴⁾, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и различіе критики отъ психологіи и антропологіи ⁵⁾.

Если методъ критики не есть психологическій, то какимъ же его слѣдуетъ признать? На это прямой отвѣтъ даетъ самъ Кантъ уже тѣмъ, что назвалъ всю вторую часть своего „элементоученія“—*трансцендентальной логикой*. А затѣмъ въ самомъ изслѣдованіи онъ не разъ заявляетъ, что апіорныя формы суть *логическія* условія опыта. Къ такому же, именно *логическому*, методу обязывала Канта и сдѣланная имъ постановка вопроса: существуютъ и обладаютъ несомнѣнной достовѣрностію науки—*математика* и *физика*; этотъ характеръ несомнѣнной достовѣрности могутъ сообщать имъ тѣ апіорныя основоположенія, которыми онѣ руководятся, развивая свое содержаніе; открыть эти принципы можно,—лишь анализируя *результаты* этихъ наукъ, элиминируя отсюда все случайное, образующее *содержаніе*, и отыскивая въ *формѣ* тѣ *предпосылки*, безъ коихъ содержаніе никогда бы не могло принять этой формы; ergo, методомъ критики долженъ быть логическій анализъ про-

¹⁾ Kr. d. r. V. s. 608: „Ich mich so nahe als möglich am Transcendentalen halte und das, was etwa hiebei *psychologisch*, d. i. empirisch sein möchte, *ganzlich bei seite setze*“.

²⁾ Vgl. *Riehl*, I. c. p. 296.

³⁾ *Ibid*, 297.

⁴⁾ Vgl. Kr. d. r. V. s. 682—683.

⁵⁾ *Riehl*, I. c. p. 297.

дуктовъ и приемовъ опыта, направляющійся къ открытію его формальныхъ аксіоматическихъ основоположеній ¹⁾.

Этимъ различіемъ метода критики отъ психологическаго устраняется возможность смѣшенія критическаго *априоризма* съ *натурализмомъ*. „Прирожденное“—прежде опыта въ смыслѣ *психологическомъ*, предшествуетъ опыту во времени. „Априорное“—прежде опыта въ смыслѣ *логическомъ*, неизбѣжно примышляется при всякомъ выводѣ изъ опытныхъ данныхъ, какъ „major praemissa“, безъ которой опытные данныя не будутъ для познающаго ума имѣть равно никакого смысла. Можно, конечно, утверждать, будто тенденція къ тому, чтобы примышлять къ свидѣтельству опыта эту „major praemissa“,—врожде на намъ, коренится въ нашей психической организаціи; и въ такомъ случаѣ произойдетъ полное *примиреніе* априоризма и натурализма. Но 1) такого примиренія (вполнѣ возможнаго и,—прибавимъ,—законнаго) Кантъ не дѣлаетъ, а потому и не зачѣмъ ему навязывать таковое; а 2) при всей возможности этого примиренія, все таки о различіи между априоризмомъ и натурализмомъ забывать не слѣдуетъ, потому что понятія эти другъ друга не покрываютъ;—последнее гораздо шире.

Все сказанное вполнѣ ясно подтверждается тѣмъ, что Кантъ говоритъ объ употребляемомъ имъ способѣ для вывода категорій и идей. „Если я, говоритъ Кантъ, нашелъ *источникъ* (Ursprung) категорій въ четырехъ *логическихъ* функціяхъ всѣхъ суждевій разсудка, то было вполнѣ естественно источникъ идей искать въ трехъ функціяхъ умозаключеній разума; ибо если таковыя чистыя понятія разума (трансц. идеи) даны, то они,—если только не считать ихъ за *прирожденные*,—не могутъ быть найдены (анgetroffen) нигдѣ кромѣ, какъ въ томъ самомъ дѣйствиіи разума, которое образуетъ *логическій элементъ* (das Logische) умозаключеній разума“ ²⁾. То же говоритъ онъ и въ § 22 пролегоменовъ ³⁾.

Постараемся теперь ближе опредѣлить сущность тѣхъ прие-

¹⁾ Особенно это ясно замѣтно въ самой постановкѣ вопросовъ о возможности математики и физики—въ *Пролегоменахъ* ср. §§ 7, 8 sq. и 17 sq. ss. 58 ff. и 75 ff.

²⁾ *Proleg.* § 43. s. 113.

³⁾ *Proleg.* s. 85.

мовъ, при помощи которыхъ Кантъ открывалъ апіорныя условія познанія.

Естественной задачей кантовыхъ изысканій было—1) открыть апіорныя условія познанія и 2) показать, какъ при помощи ихъ образуется познаніе ¹⁾. Способъ выполнения первой половины задачи лучше всего можно прослѣдить въ пролегоменахъ, а второй—въ критикѣ.

А.

Открытие апіорныхъ условій познанія.

Положительный интересъ критики исчерпывается, какъ разъясняетъ самъ Кантъ, рѣшеніемъ двухъ вопросовъ: какъ возможна чистая математика? и—какъ возможно чистое естествознаніе? ²⁾. Поэтому и мы въ настоящемъ отдѣлѣ рассмотримъ,—какъ Кантъ открываетъ—1) апіорныя условія математики и 2) апіорныя условія естествознанія.

I. Кантъ говоритъ въ § 7 пролегоменъ, что особенность математическаго познанія составляетъ неизбѣжная для него необходимость имѣть свои понятія прежде всего въ формѣ *воззрѣнія* (Anschauung), т. е., сообщать имъ *наглядную* ясность. „Безъ этого средства, говоритъ онъ, не можетъ оно сдѣлать ни одного шага; поэтому его сужденія всегда—*интуитивны* ³⁾. Эта природа математики даетъ намъ, по его словамъ, руководящее начало къ *открытію* перваго и высшаго *начала ея возможности*: „въ основѣ ея должно лежать какое нибудь *чистое воззрѣніе*, въ которомъ она можетъ представлять, или, какъ говорятъ, *конструировать* всѣ свои понятія in concreto и однако a priori“ ⁴⁾. Последнее необходимо для того, чтобы понятія математики могли имѣть всеобщее и необходимое значеніе. „Если мы можемъ, говоритъ Кантъ, открыть (ausfinden) это чистое воззрѣніе и показать его возможность, то отсюда станетъ ясно, какъ возможны синтетическія сужденія a priori

¹⁾ Мы опускаемъ здѣсь *третій* вопросъ: „возможна-ли метафизика?“—потому что рѣшеніе его образуется уже *отрицательную* сторону критической задачи.

²⁾ Proleg. § 5. S. 57.

³⁾ Ibid. § 7. S. 58.

⁴⁾ Ibid.

въ чистой математикѣ и, слѣдовательно,—какъ возможна она сама, какъ наука“ ¹⁾).

Сдѣланный выводъ естественно вызываетъ новый вопросъ,—*какъ возможно чистое воззрѣніе?* или, употребляя выраженіе Канта,—*„какъ возможно созерцать что либо а priori“?* Воззрѣніе есть представленіе о предметѣ. „Какъ же можетъ созерцаніе предмета предшествовать самому предмету?“ ²⁾—Если бы разсуждаетъ Кантъ, искомое воззрѣніе должно было быть такого рода, чтобы представлять вещи такъ, какъ онѣ суть *въ себѣ самихъ* ³⁾, то не существовало-бы никакихъ воззрѣній а priori, а только эмпирическія.

Слѣдовательно, остается одно только условіе, при которомъ мое воззрѣніе можетъ предшествовать дѣйствительному существованію предмета и существовать, какъ познаніе а priori, это—если оно *ничего другаго не содержитъ, кромѣ какъ форму чувственности, предшествующую въ моемъ субъектѣ всѣмъ дѣйствительнымъ впечатлѣніямъ, которыми я могу быть аффицированъ отъ предметовъ*“ ⁴⁾).

Таковыя воззрѣнія дѣйствительно существуютъ. Это—*пространство* и *время*. Составляютъ-ли эти воззрѣнія необходимыя условія возможности математики?—Составляютъ, потому что воззрѣніе пространства лежитъ въ основѣ геометріи, а воззрѣніе времени—въ основѣ механики и ариметики ⁵⁾. Ergo, заключаетъ Кантъ, „чистая математика, какъ синтетическое познаніе а priori, возможна только потому, что она не имѣетъ дѣла ни съ какими другими предметами, какъ лишь съ предметами чувствъ, въ основѣ эмпирическаго созерцанія которыхъ лежатъ и при томъ а priori—чистое воззрѣніе (пространства и времени), ибо послѣднее есть не что иное, какъ только форма чувственности, предшествующая дѣйствительному явленію предметовъ“ ⁶⁾).

Такъ вопросъ о возможности чистой математики привелъ

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. § 8. S. 59.

³⁾ Здѣсь и ниже—курсивъ подлинника.

⁴⁾ Proleg. § 9. S.S. 59—60.

⁵⁾ Ibid. § 10. S.S. 60—61.

⁶⁾ Ibid. § 11. S. 61.

Канта къ утверженію, что пространство и время суть апіорныя формы чувственнаго воззрѣнія, или,—говоря раздѣльно,—къ утверженію 1) апіорности и 2) идеальности пространства и времени,—т. е., къ тому самому, что составляет итогъ трансцендентальной эстетики. Всмотриваясь въ сущность употребленнаго здѣсь Кантомъ приѣма, не трудно замѣтить, что приѣмъ этотъ есть *анализъ* факта, направляющійся къ открытію *условіи* ея возможности. Кантъ имѣлъ предъ собою *логическую задачу*: отыскать послыки, въ которыхъ бы слѣдовала, въ качествѣ вывода, всеобще-необходимая достовѣрность математики.

Такъ дѣло представляется въ „Пролегоменахъ“. Ходъ мыслей въ „Критикѣ“—тотъ же самый, только въ *обратномъ порядкѣ*: то, что въ „Пролегоменахъ“ является выводомъ (пространство и время—апіорныя формы чувственнаго познанія)—въ „критикѣ“ развивается, какъ послыки ¹⁾, а исходный пунктъ анализа (всеобще—необходимая достовѣрность математики) является здѣсь уже выводомъ ²⁾. Не трудно видѣть, что ходъ мыслей въ „Критикѣ“ есть *синтетическая* реконструкція результатовъ, добытыхъ путемъ предварительнаго анализа. Такимъ образомъ ясно, что дѣйствительное *открытіе* апіорныхъ условій математики совершилось именно въ томъ самомъ порядкѣ, какой открываютъ „Пролегомены“.

Полученный нами выводъ относительно способа открытія апіорныхъ условій математическаго познанія показываетъ намъ, какъ надо смотрѣть на т. н. „метафизическія разьясненія (metaphysische Begründungen)“ понятій пространства и времени, долженствующія прямымъ путемъ *доказать* апіорность этихъ понятій. Это, очевидно,—не основанія въ собственномъ смыслѣ, приведшія Канта къ его воззрѣнію, а позднѣйшія *субструкціи* къ *заранѣе и инымъ путемъ полученному выводу*.

II. Какъ открылъ Кантъ апіорныя условія естествознанія?—Въ существенномъ путь къ открытію здѣсь—тотъ же, что и въ вопросѣ о математикѣ, т. е., путь *анализа*. Естествознаніе есть познаніе *природы*, что-же такое природа?—„Природа,

¹⁾ Кр. ч. г. V. S.S. 48—49. 50—52 (§ 2) 58—59 (§ 4).

²⁾ *Ibidem*. 53 ff. (§ 3). 59 ff. (§§ 5—6).

говорится въ § 14 Прологоменовъ, есть: *бытіе* вещей, насколько онѣ опредѣляются всеобщими законами“ 1). Слѣдовательно, естествознаніе возможно настолько, насколько возможно познаніе всеобщихъ законовъ бытія вещей. Но послѣднее невозможно въ томъ случаѣ, если мы хотимъ познавать *вещи въ себѣ*. „Если-бы природа, говоритъ Кантъ, обозначала бытіе вещей *въ себѣ*, то мы никогда-бы не могли ее познать ни а priori, ни а posteriori“ 2). А между тѣмъ естествознаніе существуетъ и его положенія обладаютъ *аподиктической* достовѣрностью 3). Ergo,—слово природа должно получить какое либо другое значеніе, которое-бы дѣлало возможнымъ познаніе ея закономѣрности 4).

Какой же смыслъ еще можетъ имѣть слово природа?—„Природа, говоритъ Кантъ, разсматриваемая *materialiter*, есть *сумма* (Inbegriff) *всѣхъ предметовъ опыта*“ 5). „Формальное въ природѣ есть законмѣрность всѣхъ предметовъ опыта, и, поскольку она познается а priori,—ихъ *необходимая* законмѣрность“ 6). Но первое пониманіе взято быть не можетъ 7). Поэтому задачей критики является рѣшеніе вопроса: „Какъ возможно познать необходимую законмѣрность *вещей*, какъ предметовъ опыта, или,—какъ вообще возможно а priori познать необходимую законмѣрность самого *опыта* въ отношеніи ко всѣмъ его предметамъ? 8). При такой постановкѣ вопроса, рѣшеніе его возможно лишь въ томъ случаѣ, если считать законы природы только *субъективными* законами, или формами сознанія, въ которыя необходимо укладывается всякое воспринимаемое содержаніе 9).

Естествознаніе есть эмпирическая наука. Но опытные суж-

1) *Proleg.* § 78.

2) *Proleg.* *ibid.* Приводимыхъ Кантомъ доказательствъ этого тезиса мы здѣсь не излагаемъ, потому что въ настоящее время намъ нужно только уловить *общій ходъ мыслей* его.

3) *Ibid.* § 15. S. 74: „Num sind wir gleichwohl wirklich im Besitze einer reinen Naturwissenschaft, die a priori und mit aller derjenigen Nothwendigkeit, welche zu apodictischen Sätzen erforderlich ist, Gesetze vorträgt, unter denen die Natur steht“.

4) *Ibid.* § 16.

7) *Ibid.* § 16.

5) *Ibid.*

8) *Ibid.* § 17.

6) *Ibid.* § 17. S. 75.

9) *Ibid.* S. 76.

денія не могутъ имѣть всеобщаго и необходимаго значенія. Слѣдовательно, эмпирическое сужденіе надо какъ-нибудь отличить отъ опытнаго. Кантъ это и дѣлаетъ. „Хотя всѣ опытныхъ сужденія, говоритъ онъ, суть эмпирическія, т. е., имѣютъ свое основаніе въ непосредственномъ воспріятіи чувствъ, однакожь нельзя сказать наоборотъ, что всѣ эмпирическія сужденія суть поэтому опытныхъ сужденія“¹⁾;—чтобы получить научно—цѣнное эмпирическое сужденіе, необходимо, чтобы къ данному въ опытѣ и чувственномъ воззрѣніи „привзошли особыя понятія, которыя имѣютъ свой источникъ совершенно а priori въ чистомъ разсудкѣ, подъ которыя прежде всего можетъ субсумироваться всякое воспріятіе и потомъ посредствомъ ихъ превращаться въ опытъ“²⁾. Чтобы избѣжать смѣшенія, Кантъ называетъ чисто опытныхъ сужденія *сужденіями воспріятія* (*Wahrnehmungsurtheile*)³⁾, а сужденія, получившія всеобщее и необходимое значеніе отъ априорныхъ понятій разсудка, —въ собственномъ смыслѣ *опытными сужденіями* (*Erfahrungsurtheile*). Первые имѣютъ субъективное значеніе, а послѣднія—объективное⁴⁾.

Итакъ, объективное всеобщее-необходимое значеніе естествознанію можетъ быть сообщено лишь априорными понятіями разсудка. Какъ-же открыть эти понятія?—На различныхъ коренныхъ понятіяхъ разсудка основываются разныя формы сужденій. Ergo, умозаключилъ Кантъ, изъ формъ сужденій, какъ ихъ излагаетъ общая (формальная) логика, мы можемъ посредствомъ обратнаго заключенія узнать категоріи⁵⁾. Составленіе таблицы категорій по таблицѣ сужденій и, примѣнительно къ этому, „чистой физиологической таблицы всеобщихъ основоположеній естествознанія“⁶⁾—вещи слишкомъ хорошо извѣстныя, чтобы о нихъ много распространяться.

Если мы обратимся къ „Критикѣ чистаго разума“, то найдемъ тамъ въ *обратномъ порядкѣ* почти совершенно тотъ-же ходъ мыслей. Выводъ изъ таблицы категорій открываетъ из-

1) Ibid. § 18. S. 77.

2) Ibid. Vgl. § 20. S. 81.

3) Напр. „комната тепла“, „сахаръ сладокъ“, „попынь противенъ“ S.S. 78—79.

4) Ibid. S. 77.

5) Ibid. S. 82.

6) Ibid. S. 83 ff. §§ 21 a ff.

слѣдованіе ¹⁾, а выводъ касательно невозможности трансцендентальнаго употребленія категорій является уже въ кощѣ аналитики ²⁾.

В.

Выводъ познанія изъ его апріорныхъ условій.

Мы въ настоящемъ случаѣ не имѣемъ надобности въ подробностяхъ воспроизводить всѣ разсужденія, при помощи которыхъ Кантъ изъясняетъ математическое и естественно-научное познаніе изъ формъ чувственности и категорій разсудка. Для насъ важно только опредѣлить характеръ приемовъ, употребляемыхъ имъ.

Приемъ, посредствомъ котораго Кантъ старается объяснить возможность математики изъ апріорныхъ формъ чувственнаго возрѣнія, онъ называетъ „*трансцендентальнымъ разъясненіемъ*“ (*transcendentale Begründung*)³⁾ понятій пространства и времени, а приемъ объясненія опыта изъ категорій „*трансцендентальной дедукціей*“ чистыхъ понятій разсудка⁴⁾.—Я понимаю, говоритъ Кантъ, подъ трансцендентальнымъ разъясненіемъ истолкованіе понятія, какъ принципа, изъ котораго можно понять возможность другихъ синтетическихъ познаній а ріогі. Для этого требуется—1) чтобы дѣйствительно такія познанія вытекали изъ даннаго понятія, 2) чтобы эти познанія были возможны только при предположеніи даннаго способа объясненія этого понятія⁵⁾.—Я называю, говоритъ онъ въ аналитикѣ, объясненіе способа, какъ понятія а ріогі относятся къ предметамъ, ихъ трансцендентальной *дедукціей*, и различаю ее отъ эмпирической дедукціи, которая показываетъ, какъ понятіе получается чрезъ опытъ и рефлексію надъ нимъ⁶⁾. Различіе этихъ двухъ дедукцій Кантъ объясняетъ аналогіей съ вопросами судебного изслѣдованія—„*quid facti*“ (соотв. эмпирич. дедукціи) и „*quid juris*“ (соотв. трансценд. дедукціи)⁷⁾. Въ

¹⁾ Kr. d. r. V. S.S. 87 ff. 96 ff.

²⁾ Kr. d. r. V. II Th. I Abth. II Buch. III Hauptst. S. 229.

³⁾ Kr. d. r. V. S. 53.

⁴⁾ *Ibid.* S. 104.

⁵⁾ *Ibid.* S. 103.

чемъ-же состоятъ эти трансцендентальныя—разъясненіе и дедукція?

Что касается перваго, то не къ чести Канта надо сказать, онъ не далъ никакого дѣйствительнаго разъясненія, а лишь повторилъ почти дословно то-же самое, что говорилъ при отысканіи апріорныхъ формъ математики въ Прологоменахъ. „Геометрія, говоритъ онъ въ трансцендентальномъ разъясненіи понятія пространства, есть наука, опредѣляющая свойства пространства синтетически и при томъ а ргіогі. Чѣмъ должно быть представленіе пространства, чтобы такое познаніе о немъ было возможно? Оно должно быть прежде всего возрѣніемъ, потому что изъ чистаго понятія нельзя извлечь никакихъ положеній, которыя выходятъ за предѣлы понятія ¹⁾, что однако имѣетъ мѣсто въ геометріи. Но это возрѣніе должно быть ввѣдрено въ насъ а ргіогі, т. е., прежде всякаго воспріятія предмета, слѣдовательно,—быть чистымъ, не эмпирическимъ возрѣніемъ: ибо геометрическія положенія—всѣ аподиктическія, и т. д.“... ²⁾. Въ заключеніе выводъ: „такимъ образомъ только наше объясненіе открываетъ возможность геометріи, какъ синтетическаго познанія а ргіогі“ ³⁾. То же самое представляетъ изъ себя и „трансцендентальное разъясненіе понятія времени“ ⁴⁾.

Въ чемъ же тутъ дѣло? Намъ кажется, что вопросъ о возможности математики былъ понятъ Кантомъ въ томъ смыслѣ, что нужно только показать возможность *аподиктической* ея достовѣрности. Аксиомы математики онъ вмѣстѣ со всѣми современными ему философами признавалъ *непосредственно очевидными*. Но если бы эта возможность была *эмпирическою*, то онѣ не имѣли бы характера всеобщности и необходимости. Ergo, надо ихъ признать *апріорными*. Если же теперь доказана апріорность пространства и времени (это сдѣлано въ „*метафизическомъ*“ разъясненіи этихъ понятій ⁵⁾, предшествующемъ трансцендентальному разъясненію),—то непосредственно усматриваемая достовѣрность аксіомъ *сама собою* получаетъ

¹⁾ Т. е. не суть аналитическія.

²⁾ *Ibid.* 53—54.

³⁾ *Ibid.* 54.

⁴⁾ *Ibid.* 59—60.

⁵⁾ *Ibid.* 50—52, 58—59.

аподиктический характеръ. Стало быть, принципъ остался тотъ же, что, напримѣръ, и у шотландскихъ интуитивистовъ (*Ридъ, Битти* и др.): „пріиди и виждь“! Вся разница только въ томъ, что тѣ хотѣли видѣть въ эмпирическомъ пространствѣ, а Кантъ въ апріорномъ ¹⁾).

Иначе дѣло обстоитъ въ трансцендентальной дедукціи. Тутъ Кантъ ввелъ столько разъясненій и даже цѣлыхъ теорій, вмѣщающихъ также разъяснительную цѣль, что трансцендентальная аналитика, долженствующая, по существу дѣла, быть, такъ сказать, лишь обратнымъ отраженіемъ 2-ой части „Прологоменовъ“, въ дѣйствительности съ нею сходна только въ крайнихъ—начальномъ и конечномъ—пунктахъ.

Трансцендентальная дедукція должна показать возможность предметовъ опыта подъ условіемъ категорій. Но предметы опыта всегда даны въ воззрѣніи, а категоріи суть чистыя понятія. Какъ же изъ столь разнородныхъ вещей одна можетъ производить другую?—Очевидно, не непосредственно, а чрезъ нѣкоторыя посредства, одинаково причастныя какъ воззрительности опыта, такъ и свойствамъ чистыхъ понятій. Вотъ въ изобрѣтеніи этихъ то посредствъ и состоитъ трансцендентальная дедукція. „Категоріи разсудка, говоритъ Кантъ, не представляютъ намъ условій, при которыхъ предметы бываютъ даны въ воззрѣніи.—Поэтому возникаетъ затрудненіе,—какъ *субъективныя условія мышленія* должны получить *объективное значеніе*, т. е., давать условія для возможности всякаго позванія предметовъ“ ²⁾)?

Можно бы, конечно, этого затрудненія избѣжать, сказавши, что предметъ создается собственно понятіями, а воззрѣнія только осложняютъ или конкретизируютъ его въ сознаніе. Для этого требовалось бы, чтобы предметъ могъ быть какимъ либо образомъ познаваемъ въ формѣ чистаго понятія, безъ всякой примѣси воззрительнаго элемента. Но это условіе отсутствуетъ. Слѣдовательно, не воззрѣнія нужно приспособлять къ понятіямъ, а—наоборотъ. Кантъ такъ и дѣлаетъ, стараясь пока-

¹⁾ Подобное пониманіе Кантова приѣма можно найти и у проф. *М. П. Каринскаго*, Ж. М. Н. №р. 1893. II, 318 sqd.

²⁾ Кг. d. r. V. S. 107.

затѣ, что не возрѣнія, такъ сказать, окутываютъ разсудочный образъ предмета, а напротивъ, понятія разсудка въ видѣ нѣ-котораго цемента скрѣпляютъ элементы воззрительнаго образа. Какъ-же дѣлается это приспособленіе?—Берется возрѣніе, анализируется,—и въ немъ открывается неизбѣжно вѣдряющеся въ него понятіе. „Если всякій опытъ, говорятъ Кантъ, кромѣ возрѣнія чувствъ, которыми дается что-либо, содержитъ еще и *понятіе* о предметѣ, данномъ или являющемся въ возрѣніи: то тогда дѣйствительно понятія о предметахъ вообще будутъ лежать въ основѣ всякаго опытнаго познанія, какъ *условія а priori* 1). Эту теорему Кантъ называетъ „*принципомъ*“ дедукціи 2).

Согласно съ этимъ принципомъ, онъ считаетъ нужнымъ разсмотрѣть „три первоначальныхъ источника для образованія предметовъ опыта: 1) *чувство*, 2) *воображеніе* и 3) *апперцепцію*. На первомъ основывается *синапсисъ* многообразнаго а priori чрезъ чувство, на второмъ—*синтезисъ* этого многообразнаго чрезъ воображеніе, на третьемъ—*единство* этого Синтеза чрезъ первоначальную апперцепцію 3). Синапсисъ, по словамъ Канта, дедуцированъ изъ своего апіорнаго принципа уже въ трансцендентальной эстетикѣ: пробѣжать многообразное въ возрѣніи и охватить его въ единство—вотъ синтезъ воспріятія; безъ него мы не могли бы имѣть представленій пространства и времени 4). Поэтому задачей дедукціи остается только открыть апіорныя понятія въ основѣ двухъ остальныхъ операций. Въ основѣ первой Кантъ открываетъ понятіе, объединяющее въ одно представленіе многообразіе, которое было предметомъ постояннаго созерцанія, а потомъ воспроизводится сразу 5), а въ основѣ второй—первоначальное трансцендентальное единство сознанія, на которомъ основывается „*я мыслю*“, долженствующее сопровождать всѣ мои представленія 6).

Съ дедукціей близко соприкасается ученіе о „схематизмѣ чистыхъ понятій разсудка“, имѣющее опять ту же цѣль,—пере-

1) *Ibid* 110.

2) *Ibid*.

3) *Ibid*. 110—111.

4) *Ibid*. 111.

5) *Ibid*. 115—117.

6) *Ibid*. 118—123.

кинуть мость отъ чистыхъ понятій къ эмпирическимъ воззрѣ-
 ниямъ ¹⁾. Чистыя разсудочныя понятія совершенно не одно-
 родны съ эмпирическими воззрѣніями, и однако во всѣхъ под-
 веденіяхъ предмета подъ понятіе представленіе предмета долж-
 но быть однородно съ понятіемъ. Поэтому Кантъ видѣлъ себя
 вынужденнымъ изобрѣсти нѣчто третье, что однородно какъ
 съ категоріей, такъ и съ явленіемъ ²⁾. Мы не будемъ ка-
 саться этого ученія, съ одной стороны, потому, что здѣсь
 Кантъ по большей части повторяетъ сказанное имъ раньше,
 а съ другой,—потому, что сущность *метода* ясна уже и теперь.

Что-же это за методъ?—Мы полагаемъ, что не ошибаемся,
 назвавъ его придумываніемъ такого механизма въ познаватель-
 ной способности, который бы дѣлалъ возможнымъ взаимодей-
 ствіе разнородныхъ и другъ на друга несводимыхъ факторовъ
 познанія,—разсудка и чувственности. Этотъ приѣмъ,—придумыва-
 ваніе посредствъ, однородныхъ обѣимъ примиряемымъ противо-
 положностямъ,—очень древній; сущность его зналъ уже Демок-
 ритъ; вынужденный для объясненія познанія примирять субъ-
 ектъ и объектъ, онъ придумалъ *εἶδος* вещей, которыя отдѣ-
 ляются отъ предметовъ, носятя въ воздухѣ и чрезъ него вхо-
 дятъ въ наши чувства...

Мы окончили разборъ метода критики. Наше *résumé* будетъ
 кратко: итогъ „критики“ (непознаваемость вещей въ себѣ) былъ
 предрѣшенъ самой постановкой критической проблемы; поэтому
 методъ ея состоитъ въ подыскиваніи посылокъ къ этому за-
 ранѣ данному тезису. Для выполненія этой задачи кромѣ
 формально-логическаго анализа ничего не требовалось.

¹⁾ Мнѣніе о сопринадлежности, по существу дѣла, ученія о схематизмѣ съ дедукціей высказываетъ и Риль (I. 401).

²⁾ *Ibid.* 138 ff. Схематизмъ состоитъ въ томъ, что категоріи воображаются сначала въ различныхъ формахъ времени, которыя Кантъ называетъ схемами: количество—*рядъ* времени, качество—*содержаніе* времени, отношеніе—*порядокъ* времени, модальность—время *вообще*. Когда всѣ эти схемы въ нашемъ воображеніи готовы, онѣ наполняются затѣмъ чувственнымъ содержаніемъ, которое попеременно должно войти въ вакуумъ-нибудь изъ указанныхъ формъ времени.

III.

Нѣсколько критическихъ замѣчаній о постановкѣ проблемы
въ Кантовой критикѣ.

Обстоятельная оцѣнка критическаго предпріятія Канта въ задачу настоящаго нашего этюда не входила. Мы хотѣли прежде всего установить правильное *пониманіе* его ученія. Но такъ какъ такое пониманіе важно всегачи въ *интересахъ оцѣнки* этого ученія, то мы считаемъ необходимымъ, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, показать, что даетъ наше истолкованіе Канта для критики его воззрѣній. Мы въ этомъ случаѣ ограничимся только замѣчаніями относительно проблемы Кантовой критики, потому что методъ ея всецѣло опредѣляется уже самой постановкой проблемы.

Въ постановкѣ критической проблемы обращаютъ на себя вниманіе двѣ вещи: 1) отношеніе Канта къ математикѣ и естествознанію и 2) его мнѣніе, будто метафизика только въ томъ случаѣ можетъ претендовать на достовѣрное познаніе, если будетъ обладать тѣми же условіями, какія сообщаютъ физикѣ и математикѣ объективное значеніе.

Мы видѣли, что исходнымъ пунктомъ Критики является признание безусловной достовѣрности математическаго и естественно-научнаго познанія. Это—несомнѣнный *догматизмъ* со стороны Канта, и всякій изслѣдователь по теоріи познанія, которому пришлось-бы считаться съ Кантомъ, долженъ прежде всего рѣшить, насколько законенъ такой догматизмъ. Мы въ настоящемъ случаѣ отнюдь не намѣрены заниматься такимъ рѣшеніемъ, а, признавая всю трудность вопроса, ограничимся лишь указаніемъ нѣкоторыхъ основаній *pro* и *contra* этой законности.

а) Догматизмомъ въ отвѣтъ на вопросъ о достовѣрности математическаго и естествонаучнаго познанія можно считать *законнымъ* по двумъ основаніямъ.

1) *Исторія* взаимныхъ отношеній между философіей и физико-математическими науками показываетъ, что въ то время, какъ первая постоянно возвращалась къ пересмотру своихъ основныхъ началъ и съ теченіемъ вѣковъ все болѣе и болѣе

теряла кредитъ,—послѣднія прогрессировали твердымъ и вѣрнымъ шагомъ, дѣлая все болѣе и болѣе солидныя приобретенія, служа живымъ укоромъ своей родоначалницѣ¹⁾, и вызывая съ ея стороны зависть и довольно неудачныя подражанія точности математическихъ методовъ²⁾. Престижъ физико-математическихъ наукъ настолько великъ, что философское сомнѣнiе въ ихъ достовѣрности только лишній разъ скомпрометировало-бы философію, послужило бы въ глазахъ многихъ доказательствомъ ея собственной несостоятельности (*reductio ad absurdum*)³⁾. Можно съ полною увѣренностію предсказывать фіаско всякой философіи, не умѣющей согласовать свои выводы съ данными математики и естествознанія⁴⁾. Поэтому самымъ благоразумнымъ положеніемъ, какое можетъ философъ занять въ отношеніи физико-математическихъ наукъ, будетъ такое, чтобы стремиться *объяснить ихъ возможность, а не рѣшать вопросъ, возможны ли онѣ*. И мѣрою удачности такого объясненія будетъ опредѣляться мѣра состоятельности философіи. Короче всѣ эти наши разсужденія можно выразить такъ: физика и математика не нуждаются ни въ какой санкціи со стороны философіи; философія-же тѣмъ больше выиграетъ, чѣмъ благоприятнѣе она окажется для этихъ наукъ.

¹⁾ Какъ извѣстно, въ древности философія обнимала собою всѣ науки (ср. напримѣръ, Цицероновское опредѣленіе: „*Philosophia est rerum humanarum divinarumque scientia*“), и лишь съ теченіемъ времени онѣ понемногу специализировались.

²⁾ Самымъ рельефнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является *Спиноза*, стремившійся разработать систему философскихъ положеній „*more geometrico*“; но не чужды были этого стремленія и другіе философы, напр. *Декартъ* и *Лейбницъ* въ новое время эта тенденція также не разъ воскресала: для примѣра можно указать на „*Erste Grundlinien der mathematischen Psychologie*“ *Дробинина* (1850 г.) и „*Die Gesetze des menschlichen Herrrens*“ *Краузе* (1876 г.), изложенные въ качествѣ формальной логики чистаго чувства.—Здѣсь, въ слову считаемъ возможнымъ замѣтить,—что мы не относимъ къ числу такихъ же неудачныхъ предпріятій и опыты г. н. „математической логики“, основателями которой являются—*Булъ*, *Грассманъ*, *Шредеръ*, *Портикій* и др. Эти опыты, по нашему мнѣнію, имѣютъ будущность и математическая логика со временемъ, вѣроятно, значительно будетъ содѣйствовать успѣхамъ какъ положительныхъ наукъ, такъ и философіи.

³⁾ Поэтому-то, напр., французскій мыслитель *Ваширо* (*Vacherot*) и находить, что для философіи было-бы „самоубійствомъ“ (*un suicide*) не стараться о возможно тѣснѣйшемъ союзѣ съ положительными науками.

⁴⁾ Примѣры сказаннаго можно видѣть въ судьбѣ натурфилософій *Шеллинга* и *Гегеля*.

Подобными соображеніями обыкновенно руководятся и другіе, старающіеся оправдать догматизмъ Кантовой постановки проблемы. Такъ, напримѣръ, *Фалькенбергъ*, раскрывши, что критика должна была рѣшить вопросъ: существуютъ ли апріорныя синтетическія сужденія и какъ они возможны?—вслѣдъ за тѣмъ продолжаетъ: Въ примѣненіи къ двумъ наукамъ имѣетъ значеніе только вторая половина вопроса (какъ возможны?); по отношенію же къ третьей—также и первая (возможны-ли?). Эти двѣ науки суть, *математика* и *естествознание*; первая изъ нихъ можетъ защититься противъ сомнѣній своею очевидностію, вторая—возможностью постояннаго подтвержденія опытомъ; кромѣ того обѣ могутъ сослаться на свое непрерывное развитіе. Всего этого, къ ея невыгодѣ, нѣтъ въ третьей наукѣ, —*метафизикѣ*, т. е., наукѣ о сверхчувственномъ. Въ эмпирическомъ подтвержденіи уже заранѣе отказано предполагаемой наукѣ о томъ, что не подлежитъ опыту; очевидности въ ней недостаетъ настолько, что врядъ-ли найдется положеніе, которое принималось бы всѣми метафизиками, а тѣмъ болѣе нѣтъ никакой книги по метафизикѣ, которую можно было-бы по ея общепринятости поставить на ряду съ Эвклидомъ. Точно также въ ней нѣтъ и непрерывнаго развитія. Скорѣй наоборотъ: каждый послѣдующій философъ разрушаетъ ученіе своего предшественника. Поэтому по отношенію къ метафизикѣ, стремленіе къ которой, дѣйствительно, лежитъ въ природѣ чловѣка, нужно поставить вопросъ не такъ, какъ для двухъ другихъ наукъ (*что даетъ* имъ право на существованіе?), а спросить себя, *имѣетъ-ли* она право на существованіе? Въ то время какъ и въ тѣхъ наукахъ (математикѣ и чистой физикѣ) и въ метафизикѣ фактически есть синтетическія апріорныя сужденія, положенія первыхъ представляютъ неоспоримое познаніе, положенія же второй—нѣтъ; поэтому-то намъ остается себя спросить, *почему* они имѣютъ право ихъ употреблять? Здѣсь же: *имѣетъ-ли* она право владѣть ими“¹⁾.

2) По самому *существоу задачъ философіи*, насколько эти задачи опредѣляются не историческими традиціями философ-

¹⁾ *Фалькенбергъ*, Исторія новой философіи. Русскій переводъ подъ ред. проф. А. И. Введенскаго, 1894. стр. 296.

скихъ школъ, а дѣйствительными потребностями знанія и жизни,—отношеніе философіи не только къ математикѣ съ естествознаніемъ, но даже и къ другимъ наукамъ должно состоять не въ томъ, чтобы рѣшать касательно ихъ, „быть или не быть“, а лишь въ томъ, чтобы *объяснить* ихъ возможность, указать значеніе, критически провѣрить тѣ основныя допущенія, которыя онѣ дѣлаютъ совершенно догматически и безъ всякой критики, установить взаимное отношеніе наукъ и ихъ общія цѣли и, наконецъ, согласовать принципы и выводы отдѣльныхъ наукъ въ интересахъ цѣльности и единства міровоззрѣнія. Если въ древности философія порождалась простымъ стремленіемъ къ знанію ¹⁾, и поэтому каждое новое философское ученіе, являясь системою почти всѣхъ наукъ, дѣйствительно могло производить переворотъ во всѣхъ раннѣйшихъ научныхъ воззрѣніяхъ, то въ настоящее время, при обилии и громадномъ развитіи разныхъ спеціальныхъ наукъ, такія претензіи философіи уже невозможны: прежде всего одного простаго стремленія къ знанію теперь недостаточно уже, чтобы взыаться за философскія изысканія; такой потребности легко могутъ удовлетворить и спеціальныя науки, разработка которыхъ производится теперь уже внѣ философіи и, по возможности, независимо отъ нея. Для занятій же философіей нужна неудовлетворенность обыкновеннымъ научнымъ познаніемъ и потребность въ знаніи *болѣе глубокомъ* и лучше *обоснованномъ*. Ergo, естественный ходъ умственного развитія мыслителя въ наше время долженъ состоять въ движеніи отъ частныхъ наукъ къ философіи. При этомъ никогда не имѣется въ виду знаніемъ философскимъ *замѣнить* научное познаніе, а—лишь *пополнить* и углубить послѣднее.

И дѣйствительно, данныя точнаго знанія и научные выводы,—поскольку послѣдніе получены при помощи свойственныхъ каждой наукѣ методовъ и приѣмовъ, а не подъ руководствомъ какой-либо философской теоріи ²⁾, каждый мыслитель долженъ

¹⁾ Ср. „Scientia rerum divinarum humanarumque“.

²⁾ Послѣднее замѣчаніе необходимо потому, что и въ положительныхъ наукахъ, даже и въ настоящее время, есть не мало вопросовъ, рѣшаемыхъ не по строго научнымъ методамъ, а лишь подъ угломъ зрѣнія извѣстныхъ философскихъ теорій. Такова, напр., въ естествознаніи—*биологическая проблема*. Разумѣется, не критическое отношеніе философа къ *такимъ* вопросамъ было бы неумѣстнымъ.

принимать за бесспорные, оставляя на свою долю лишь ихъ *истолкованіе* въ интересахъ цѣльнаго міровоззрѣнія. Въ этомъ философія имѣетъ свою *спеціальную задачу*, и только эта задача дѣлаетъ понятнымъ ея существованіе *на ряду* съ другими науками. Въ противномъ же случаѣ она была бы, по меньшей мѣрѣ, не нужна. И мы видимъ почти во всѣхъ изслѣдованіяхъ о предметѣ и задачахъ философіи, что право на ея существованіе устанавливается—или чрезъ указаніе на вопросы, не разрѣшаемые и даже не затрогиваемые спеціальными науками, или же ссылкамъ на недостаточную обоснованность ихъ первыхъ началъ. Въ томъ и въ другомъ случаѣ преслѣдуется лишь *помота* и *основательность* знанія, а отнюдь не подразумевается несостоятельность спеціальныхъ наукъ.

Къ какимъ бы выводамъ ни пришла извѣстная философія, она никогда не имѣетъ права провозгласить совершенное упраздненіе тѣхъ или иныхъ отдѣловъ положительной науки, а должна только разъяснить, какъ, съ ея точки зрѣнія, слѣдуетъ понимать эти отдѣлы. Вообразимъ себѣ крайне идеалистическую философію. Она можетъ утверждать, на примѣръ, что на физическіе законы слѣдуетъ смотрѣть, не какъ на нормы объективнаго бытія, а надо признавать въ нихъ только формулы субъективной закономерности феноменовъ. Но провозгласить упраздненіе физики она не въ правѣ: она не можетъ отрицать, что явленія *сознаются нами*, какъ совершающіяся въ объективной дѣйствительности; не можетъ она отрицать и видимой закономерности въ ихъ смѣнѣ и сосуществованіи;—а этого только и достаточно, чтобы физика сохранила свой *raison d'être*; реальностью-же внѣшняго міра она легко можетъ поступиться. Подобныя же разсужденія имѣютъ мѣсто и въ отношеніи къ математикѣ. Пусть окажется, что въ бытіи нѣтъ множественности и нѣтъ пространственности; наука чиселъ (арифметика съ алгеброй) и геометрія будутъ существовать по прежнему, и потому что въ *являющемся* намъ и сознаваемомъ нами мірѣ останутся и множественность и пространственность. Поскольку философъ не въ силахъ измѣнить являющагося намъ міра, постольку онъ обязанъ признавать данныя положительныхъ наукъ, занимающихся его изслѣдованіемъ. Теоретическая задача филосо-

фіи—опредѣлить границы и условія достовѣрности познанія (гносеологія) и изслѣдовать бытіе, лежащее за предѣлами явленій (метафизика). Рѣшеніе этой задачи не только возможно, но и обязательно достигать безъ посягательствъ на компетенцію спеціальныхъ наукъ.

Потребности жизни, которыми главнымъ образомъ и обусловливается стремленіе къ цѣльному міровоззрѣнію, составляющему конечную цѣль философскихъ изысканій, тоже, какъ мы упомянули, не позволяютъ философіи становиться въ отрицательное отношеніе къ выводамъ положительной науки. То, что въ философіи называется „міромъ явленій“,—въ сущности, и служитъ единственной ареной, на которой развивается земная дѣятельность человѣка. Естественное міропредставленіе ¹⁾), диктуемое всякому человѣку міромъ явленій, независимо отъ всякой философіи,—одно только и пригодно для руководства при достиженіи разныхъ практическихъ жизненныхъ цѣлей ²⁾). Познаніе „вещей въ себѣ“ прямого приложенія къ жизни имѣть не можетъ. Оно можетъ только косвенно вліять на направленіе жизни человѣка,—опредѣляя цѣнность тѣхъ или иныхъ задачъ, представляющихся достижимыми въ рамкахъ являющагося намъ міра; но оно не поможетъ намъ ни поставить, ни осуществить какую-либо задачу, условія которой не были-бы даны въ нашемъ эмпирическомъ мірѣ. Поэтому-то всякая философія, желающая имѣть вліяніе на человѣчество, должна умѣть переводить свое содержаніе на языкъ естественнаго міровоззрѣнія здраваго смысла. Но положительныя науки и изучаютъ именно тотъ міръ, который намъ является, при чемъ онѣ опредѣляютъ не только характеръ отношеній между феноменами, но и условія, при которыхъ человѣкъ можетъ управлять явленіями по своему желанію (т. н. прикладныя науки). Слѣдовательно, онѣ являются естественными и необходимыми посредниками между философіей и жизнью. Отсюда ясно, что фило-

¹⁾ Нѣмецкіе философы называютъ его—„der natürliche Weltbegriff“. На русскомъ языкѣ, сообразно съ усвоенной нашими философскими писателями терминологіей, самымъ подходящимъ названіемъ будетъ—„міровоззрѣніе здраваго смысла“.

²⁾ См. раскрытіе этой мысли въ нашей статьѣ—„Философія В. Д. Кудряцева“ (въ Январской книжкѣ „Чтеній въ общ. люб. дух. просвѣщ.“ за 1894 г. гл. 1, отд. II, подъ лит. а).

софія не въ правѣ простираť свой скептицизмъ на содержаніе положительныхъ наукъ. Она можетъ какъ ей угодно *истолковывать* это содержаніе, но его эмпирическую истинность она обязана признать.

б) Но допущенный Кантомъ догматизмъ въ отношеніи математики и естествознанія можно считать и *незаконнымъ*. Обыкновенно указываютъ на то, что призваніе *всеобщности* и *необходимости* за аксіомами математики и положеніями чистаго естествознанія является тормазомъ для развитія какъ науки, такъ и філософіи. И эти указанія не лишены значенія.

1) Что касается *математики*, то не трудно видѣть, насколько Кантова теорія оказывается неблагоприятною изслѣдованіямъ по т. н. *общей* геометріи или *пангеометріи*, представляющимъ такой глубокой интересъ какъ для математиковъ, такъ и для філософовъ. Признавая аподиктически достовѣрными аксіомы Эвклидовой геометріи, послѣдовательный кантіанецъ долженъ а ргіогі признать вздоромъ работы такихъ крупныхъ ученыхъ, какъ *Лобачевскій*, *Риманъ*, *Гельмгольцъ* и др. А насколько рискованнымъ для філософіи было бы это сдѣлать,—тому въ исторіи наукъ найдется не мало весьма поучительныхъ примѣровъ... Совершенно справедливо, по нашему мнѣнію, проф. *Струве* находитъ, что „эти мета-математическія изслѣдованія ослабили безусловную положительность признанныхъ до сихъ поръ въ математикѣ аксіомъ и ученій, указывая на то, что обыкновенная математика не заключаетъ въ себѣ еще самыхъ высшихъ обобщеній и законовъ касательно пространственныхъ и количественныхъ отношеній; что она, напротивъ, составляетъ только одно конкретное видоизмѣненіе среди многочисленныхъ другихъ мыслимыхъ и возможныхъ математическихъ системъ“¹⁾. Послѣдствія такой перемѣны во взглядахъ на математику указать не трудно. Ясно, что здѣсь собственно ставится вопросъ о самой законности *апріоризма*, этого краеугольнаго камня Кантовской и почти всей послѣ—Кантовской германской філософіи. Пангеометрія легко можетъ превратиться въ „*instantia crucis*“ въ рѣшеніи спора между апріоризмомъ и *эмпириз-*

¹⁾ Г. *Струве*. Введеніе въ философію. Разборъ основныхъ началъ философіи вообще. 1890. Стр. 133.

мож. Какъ извѣстно, *Дж. Ст. Милль* и другіе эмпирики утверждали, что положенія математики—опытнаго происхожденія, получаются путемъ индуктивнаго обобщенія частныхъ явленій. „Изъ этого,—замѣчаетъ тотъ же проф. *Струве*,—истекало бы, что начала математики не имѣютъ безусловной обязательной силы, такъ какъ могли-бы быть измѣнены на основаніи какого либо неожиданнаго, новаго опыта“¹⁾.

2) Что касается *естествознанія*, то и здѣсь признаніе всеобщности и необходимости за его основоположеніями становится въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ поперекъ дороги научнымъ изслѣдованіямъ. Напримѣръ, нѣкоторые математики (*Курно, Бусине, Сенз-Венанъ* и др.) пришли къ убѣжденію, что основныя начала математики, въ особенности дифференціального исчисленія, примѣняемаго къ механикѣ, вовсе не влекутъ за собою идеи о безусловной необходимости міровыхъ процессовъ²⁾. По-вѣрно, что такой взглядъ въ корнѣ подрываетъ Кантовскій апріоризмъ, и что *vice versa* правотѣрный апріористъ аргюи долженъ будетъ его отвергнуть. А между тѣмъ этотъ взглядъ весьма богатъ философскими послѣдствіями. Такъ, прежде всего, онъ вполне благоприятствуетъ христіанскому ученію о Божественномъ *промыслѣ*, который обыкновенно считаютъ несовмѣстимымъ съ законами природы. Упомянутые математики, дѣйствительно, и сдѣлали выводъ, что принципы точнаго естествознанія вполне совмѣстимы съ признаніемъ руководящаго начала (*le principe directeur*), обозначающаго направленіе движеній какъ міровыхъ процессовъ вообще, такъ и въ особенности процессовъ, производящихъ человѣческія дѣйствія. Далѣе,—онъ благоприятствуетъ и ученію о *свободѣ воли*. И любопытно, что, совершенно независимо отъ упомянутыхъ французскихъ математиковъ, извѣстный бельгійскій математикъ *Делбёфъ* именно и указываетъ на совмѣстимость свободы съ законами механики, приписывая существамъ, одареннымъ свободною волею, способность замедлять или ускорять во времени переходъ свойственныхъ имъ напряженныхъ силъ въ силы живыя, активныя³⁾. Такимъ образомъ, воля наша имѣетъ воз-

1) *Ibid.*

2) *Струве*, I. с. p. 137.

3) „Les êtres libres auraient la faculté de retarder ou d'avancer la transformation en force vive des forces de tension dont ils sont le support“,—цитатъ у *Струве*, стр. 138.

возможность задержать или ускорить время (*suspendre ou précipiter le temps*), управлять имъ безъ малѣйшаго измѣненія количества всеобщей энергіи. Въ этомъ и заключается ея свобода. Автономія свободы и причинности, строго говоря, возможна только съ апіористической точки зрѣнія ¹⁾. Отсюда понятно, что съ устраненіемъ этой точки зрѣнія однимъ препятствіемъ будетъ меньше для правильнаго рѣшенія вопроса о свободѣ²⁾. А что освобождаясь отъ какого либо „*idolon*“, наука только выигрываетъ, это извѣстно еще со временъ Бакона.

3) Въ отношеніи самой *философіи* признаніе апіорности за аксіомами естествознанія и математики также было вредно. Оно породило стремленіе—а ргіогі конструировать систему бытія ³⁾. *Фихте—Шеллинг—Гегелевскій* идеализмъ съ своими иногда до нелѣпости доходящими натурфилософскими теоріями и съ своими метафизическими парадоксами, такъ сильно скомпрометтировавшій философію въ глазахъ научно-мыслящихъ людей, былъ бы невозможенъ безъ Канта: „Могло-ли, говорить извѣстный *Ланге*, даже присниться этому, настолько же трезвому, какъ и сильному мыслителю, что едва лишь двадцать пять лѣтъ спустя послѣ перваго распространенія его критики станетъ возможнымъ въ Германіи сочиненіе Гегеля,—феноменология духа? И все таки именно появленіе Канта вызвало нашъ метафизическій періодъ бурь и борьбы. Этотъ человекъ, котораго Шиллеръ сравнивалъ съ строящимъ царемъ, не только далъ пищу „мусорщикамъ“ интерпретаціи, но и произвелъ также духовную династію честолюбивыхъ подражателей, которые, подобно фараонамъ, громоздили въ небо одну пирамиду за другою и забывали только основать ихъ на твердой почвѣ“⁴⁾... Мы, повторяемъ, не желаемъ произносить окончательнаго сужденія о Кантовскомъ апіоризмѣ, а только намѣчаемъ одну изъ точекъ зрѣнія, съ которой сужденіе это можетъ оказаться для него неблагоприятнымъ.

1) Говоря это, мы не забываемъ, что обыкновенно эмпирики чаще являются детерминистами, чѣмъ ихъ антагонисты,—приверженцы апіоризма. Такое явленіе, по нашему мнѣнію, отнюдь не стоитъ въ логической связи съ природою эмпиризма, а обуславливается личными особенностями мыслителей.

2) Подробнѣ эту нашу мысль мы надѣемся развить въ другомъ мѣстѣ.

3) Т. н. *конструктивный идеализмъ*. 4) *А. Ланге*, II, 73.

Какъ-же, въ концѣ-концовъ, мы должны смотрѣть на догматизмъ Канта въ отношеніи математики и естествознанія? Надо ли его признать законнымъ, или—объявить его незаконнымъ?— Намъ кажется, что приведенныя нами основанія про и contra этой законности нисколько не исключаютъ другъ друга, а вполне совмѣстимы. Для этого только слѣдуетъ имѣть въ виду одно пояснительное условіе: пусть философъ признаетъ *эмпирическую* истинность математическаго и естествонаучнаго познания, т. е., будетъ допускать ихъ достовѣрность *въ тѣхъ предѣлахъ, какіе они сами себѣ очерчиваютъ*; но онъ не долженъ усвоить аксіомамъ этихъ наукъ *аподиктической* достовѣрности, признавать ихъ *всеобщими* и необходимыми. Но если бы Кантъ допустилъ именно такой только догматизмъ въ вопросѣ о достовѣрности математики и физики, то тогда результаты „критики чистаго разума“ были бы совершенно иные...

Переходимъ теперь къ вопросу о томъ, насколько справедливо—сужденіе о возможности метафизики ставить въ зависимость отъ того, обладаетъ-ли она тѣми условіями, какія сообщаютъ математикѣ и физикѣ объективное значеніе.

Намъ думается, что Кантъ совершенно напрасно игнорировалъ *разнородность* физико-математическаго и метафизическаго познания и предъявлялъ къ тому и другому одинаковыя условія достовѣрности. Онъ самъ неоднократно въ „Критикѣ чистаго разума“ заявляетъ, что объекты метафизики не суть объекты возможнаго опыта, какъ въ математикѣ и физикѣ. Затѣмъ,—опять самъ же онъ говоритъ, что „априорность“ (которою гарантируется объективность математическихъ и физическихъ основоположеній) объясняетъ возможность только *опытнаго* познания, ибо, по самому своему понятію, „данное а priori“ обозначаетъ то, что составляетъ *логическое условіе опыта*. Спрашивается: какой же послѣ того смыслъ имѣютъ Кантовы утвержденія во введеніи къ „Критикѣ“, что—„въ метафизикѣ *должны содержаться* синтетическія познанія а priori“, что—„метафизика, по крайней мѣрѣ, *по цѣли своей* состоитъ изъ синтетическихъ положеній а priori“¹⁾?

¹⁾ Kr. d. r. V. s. 653: „In der Metaphysik, wenn man sie auch nur für eine bisher bloss versuchte, dennoch aber durch die Natur der menschlichen Ver-

Внося въ эти утверждения то значеніе, какое Кантъ соединяетъ съ словами „метафизика“ и „a priori“, мы получаемъ очевидное *contradictio in adjecto* ¹⁾. Мы, впрочемъ, уже и раньше имѣли случай замѣтить, что вопросъ о возможности метафизики былъ у Канта *предпринятъ* въ отрицательномъ смыслѣ самую постановкою критической проблемы ²⁾, и теперь должны повторить, что это не дѣлаетъ ему чести и не говоритъ въ пользу сдѣланной имъ постановки критической проблемы. Разъ задачей Канта было рѣшеніе вопроса о возможности метафизики, и разъ отвѣтъ давался уже въ самой постановкѣ проблемы, — то вѣдь выйдетъ, пожалуй, что незачѣмъ ему было и писать свою „Критику чистаго разума“.. Кантъ въ этомъ случаѣ едва-ли не долженъ будетъ къ себѣ приложить мораль приводимой имъ въ „трансцендентальной логикѣ“ древней басни о козлѣ ³⁾.

Отрицать возможность познанія сверхчувственнаго потому только, что послѣднее не удовлетворяетъ условіямъ познаваемости чувственнаго, такъ же несправедливо, какъ, напримѣръ, — отвергать возможность изъ Москвы слушать Парижскую оперу (черезъ телефонъ) потому только, что человѣческій голосъ не можетъ

nunft unentbehrliche Wissenschaft anseht, sollen synthetische Erkenntnisse a priori enthalten sein... so besteht die Metaphysik, wenigstens ihrem Zwecke nach, aus lauter synthetischen Sätzen a priori“.

1) Впрочемъ, эти утверждения могутъ имѣть нѣкоторое значеніе — въ томъ отношеніи, что познаніе сверхчувственнаго и его свойствъ необходимо должно быть *символизировано* или *схематизировано* въ формахъ *чувственнаго* (опытнаго) познанія; но было бы совершенно нестощимъ предпріятіемъ доказывать, что символъ не служитъ необходимымъ и точнымъ выраженіемъ символизированной вещи.

2) См. конецъ II-й главы.

3) Кг. d. г. V. s. 81: „Старый и извѣстнѣй вопросъ, — говорить здѣсь Кантъ, — которымъ пытались донать логиковъ и довести ихъ этимъ до того, чтобы они или попали въ жалкій логическій кругъ, или должны были сознаться въ своемъ невѣжествѣ и суетности своего искусства, — таковъ: *что есть истина?* — Объясненіе слова истина, какъ соответствія познанія съ его предметомъ, здѣсь уже предполагается и дается; хотая знать, гдѣ-же общій и несомнѣнный критерій истины для каждаго познанія. Дается большое и серьезное доказательство ума и провѣщательности уже въ томъ случаѣ, *если знаютъ, какъ смѣлуетъ ставить разумные вопросы*. Ибо, если вопросъ самъ по себѣ невѣстенъ и требуетъ безполезнаго отвѣта, то въ этомъ, кромѣ посрамленія того, кто этотъ вопросъ предлагаетъ, возникаетъ и еще неудобство: онъ можетъ вызвать у собесѣдника невѣстный отвѣтъ и получится то забавное зрѣлище, что одинъ, какъ говорили древніе, доитъ козла, а другой держитъ подъ нимъ рѣшето“.

быть слышимъ на такомъ громадномъ разстояніи, или—сомнѣваться въ возможности знать составъ небесныхъ тѣлъ (чрезъ спектральный анализъ) на томъ основаніи, что изслѣдователь не имѣетъ возможности перенестись на нихъ. Какъ въ приведенныхъ нами примѣрахъ сомнѣніе было бы законнымъ только въ томъ случаѣ, если-бы знакомы намъ изъ вседневнаго опыта условія слышанія и опредѣленія состава тѣлъ были *единственными* возможными,—такъ и въ вопросѣ о познаваемости сверхчувственного отрицательный отвѣтъ былъ-бы законенъ только въ томъ случаѣ, если-бы условія и средства чувственного познанія были единственными возможными для всякаго познанія. Но почему-же не допустить, что сверхчувственное можетъ дѣлаться доступнымъ для нашего познанія совсѣмъ иными путями, чѣмъ чувственное? Почему не можетъ существовать особаго органа для познанія сверхчувственного (и есть мыслители, признающіе это) и особыхъ условій достовѣрности этого познанія? Мы отнюдь не хотимъ утверждать, что все это такъ и есть въ дѣйствительности;—мы наставляемъ только на *возможности* этого. Но разъ Кантъ такой возможности не опровергъ, выводы его критики становятся въ нашихъ глазахъ весьма условными.

Этимъ мы и ограничимся въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ. Мы и не думали давать полной оцѣнки разсмотрѣнной нами стороны Кантова ученія. А указанная нами: *pro* и *contra* допущеннаго Кантомъ догматизма имѣли цѣлью лишь показать, въ какомъ направленіи могло-бы вестись специальное критическое изслѣдованіе этого предмета.

И. Тихомировъ.

ИЗБРАННЫЕ ТРАКТАТЫ ПЛОТИНА.

(Переводъ съ греческаго языка подъ редакціей профессора
Г. В. Малеванскаго).

(Продолженіе *).

31. Такъ какъ все существующее имѣетъ красоту отъ свѣта того Существа, которое прежде и превыше всего,—такъ какъ и умъ имѣетъ отъ него блескъ интеллектуальной энергіи, которою самъ въ свою очередь освѣщаетъ природу, и душа имѣетъ животворную силу, потому что отъ него же какъ бы изливается въ нее неисчерпаемая полнота жизни, то вполне естественно, что и умъ обращенъ къ нему и въ этомъ обращеніи къ нему, въ пребываніи съ нимъ и въ немъ самъ блаженъ, и душа обращена къ нему, насколько это для нея возможно, и въ познаніи, въ созерцаніи его имѣетъ источникъ восхищенія и наслажденія. Душа даже не можетъ созерцать его безъ изумленія и восторга, такъ какъ сознаетъ, что и въ самой себѣ имѣетъ вѣчто отъ него; это же сознаніе съ другой стороны влечетъ ее, нудитъ искать лицезрѣнія его, подобно тому какъ портретъ любимаго лица возбуждаетъ желаніе видѣть самый оригиналь. Подобно тому какъ здѣсь на землѣ влюбленные обыкновенно стараются всячески пріобрѣсти сходство съ предметомъ своей любви, и тѣломъ стать красивѣе, граціознѣе, и душевно стать лучше, не быть наприм. ниже предмета любви ни въ умѣренности, или скромности, ни въ другой добродѣтели, чтобъ не быть имъ отвергнутыми, чтобъ достигнуть его взаимности, такъ и душа дѣйствуетъ въ своей любви къ тому Верховному Существу (Бла-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 12.

гу), которое отъ начала внушаетъ ей эту къ себѣ любовь. Всегда расположенная питать эту любовь, она не дожидается, пока здѣшняя (чувственная) красота не возбудитъ въ ней воспоминанія (о томъ, что составляетъ истинный предметъ ея желаній, о Благѣ), а бывъ исполнена этою любовію, она хоть и не знаетъ ясно, что собственно имѣть хочетъ, все же постоянно ищетъ одного, стремится всѣми своими желаніями къ одному (къ Благу), оставляя внѣ своего вниманія все здѣшнее: видя всѣ красоты этого (чувственного) міра, она относится къ нимъ съ подозрѣніемъ (какъ къ сомнительнымъ), ибо усматриваетъ, что онѣ тутъ соединены съ тѣлами, облечены въ тѣлесныя формы, загрязнены своимъ помѣщеніемъ (въ матеріи), раздѣлены, разбросаны въ пространство; она поэтому никакъ не можетъ признать ихъ за истинныя, истинно-сущія красоты, ибо никакъ не можетъ допустить, чтобъ истинныя красоты могли валяться въ грязи тѣлесной, выпачканныя до неузнаваемости; а когда кромѣ того она видитъ, что эти (тѣлесныя) красоты суть измѣнчивыя, текучія, тогда она вполне убѣждается, что если и есть въ нихъ нѣчто (сообщающее всѣмъ имъ красоту), то это нѣчто притекаетъ (къ нимъ отъинуду свыше). Тогда она всецѣло туда же (въ міръ ноуменальный) устремляется, чувствуя себя въ силахъ обрѣсти то, къ чему полна любовью, и не перестаетъ искать, пока не обрѣтетъ, лишь бы ничто не ослабило и не отняло у нея этой любви. А достигши туда, она тамъ зрѣтъ всѣ истинныя красоты, все истинно-сущее, въ этомъ созерцаніи сама укрѣпляется, наполняется жизнію истинно-сущаго, сама становится истинно-сущею, и въ этой непосредственной близости истинно-сущаго сознаетъ обладаніе тѣмъ, котораго доселѣ искала.

32. Гдѣ же самъ Тотъ, который создалъ столь дивную красоту, столь неисчерпаемую жизнь и положилъ самое бытіе (обладающихъ ею сущностей)? Вглядитесь въ красоту, сияющую во всѣхъ этихъ разнообразныхъ формахъ (идеальныхъ сущностей), какая радость, какая прелесть здѣсь пребывать! Но, очутившись въ этомъ мірѣ красоты и созерцая его, естественно спросить, откуда взялись всѣ эти сущности и отчего

онѣ такъ прекрасны? Само собою понятно, что самъ создатель ихъ не можетъ быть никакою изъ нихъ, ибо если бы онъ былъ одною какою-либо изъ нихъ, то это значило бы, что онъ есть только нѣкоторая часть этого всего. Нѣтъ,—Онъ не есть ни одна какая либо форма, ни одна какая либо сила, ни даже совокупность всѣхъ происшедшихъ и существующихъ въ мірѣ силъ и формъ, потому что Онъ превыше всѣхъ силъ, превыше всѣхъ формъ. Будучи верховнымъ началомъ всего, Онъ самъ не имѣетъ никакой формы (*ἀνείδεον*) не столько потому, что форма для него не нужна, излишня, сколько потому, что онъ есть начало, отъ котораго должны были получить бытіе всѣ и всякія формы. Что получаетъ бытіе отъ другого, то ео ipso должно стать чѣмъ нибудь опредѣленнымъ, получить свою особую форму, а тому, который никому не обязанъ своимъ бытіемъ, кто могъ бы дать форму при созданіи?—Поэтому, онъ съ одной стороны не есть ни одно изъ существъ, а съ другой есть вся совокупность ихъ,—ни одно потому, что всѣ они послѣ, позднѣе его, вся цѣлость ихъ потому, что всѣ онѣ произошли отъ него. И если Онъ настолько всемогущъ, что далъ бытіе всему существующему, то каково величіе его, не безконечное ли?—Конечно;—однако будучи безконечно—великъ, онъ не имѣетъ величины, потому что величина (въ точномъ смыслѣ слова) есть принадлежность лишь вещей низшаго порядка. Какъ творецъ всякой величины, онъ самъ не имѣетъ никакой величины, тѣмъ болѣе, что и вообще въ области истинно-сущаго если и можетъ быть рѣчь о величинѣ, то вовсе не о той количественной величинѣ, которая принадлежитъ низшей области вещей (чувственныхъ). Величіе Творца состоитъ въ томъ, что не только некого и ничего нѣтъ болѣе могущественнаго, чѣмъ онъ, но и ничего такого, что могло бы равняться съ нимъ своимъ могуществомъ. Да и чѣмъ другимъ какое либо существо можетъ равняться съ нимъ, не будучи ни въ чемъ съ нимъ тождественнымъ?! Равнымъ образомъ, если употребляются выраженія, что „Онъ есть всегда и во всемъ“, то этимъ и не усвоится ему мѣра и не отрицается, потому что ничего не было бы чѣмъ измѣрять все прочее,—и уже тѣмъ болѣе не усвоится ему никакая форма.

Итакъ то верховное начало, къ которому стремится душа, не имѣетъ никакой формы, никакого вида (*μῦτε σχῆμα μῦτε μορφήν*), и не смотря на это, скорѣе даже именно поэтому оно есть самое привлекательное для нея и самое возжелѣнное, внушающее ей такую къ себѣ любовь, которой нѣтъ мѣры; любовь эта безгранична, какъ предметъ ея безконеченъ, потому что превосходить всякую красоту и есть какъ бы надъ красотою красота (*καλλος ὑπερ καλλος*), но не будучи однако никакою опредѣленною формою красоты. Оно составляетъ высочайшій предметъ любви именно потому, что есть создатель всякой красоты; будучи творческою силою всего прекраснаго, Оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть какъ бы самый высшій расцвѣтъ красоты, который все дѣлаетъ прекраснымъ, такъ что оно не только творитъ красоту, но и всячески украшаетъ ее изъ презобилія своей собственной красоты; словомъ Оно есть съ одной стороны начало, а съ другой какъ бы граница, предѣлъ всякой красоты. Будучи началомъ красоты, оно дѣлаетъ прекраснымъ все то, чего оно есть начало, само не являясь въ формѣ и сообщая отъ себя нѣчто свободное отъ формы, или пожалуй и форму, только въ иномъ смыслѣ, ибо форма въ обыкновенномъ (относительномъ) смыслѣ есть форма чего-то другого, между тѣмъ какъ то, что есть форма (не другого чего, а) сама отъ себя и для себя, то не имѣетъ формы (въ томъ первомъ относительномъ смыслѣ). Это значитъ, что только все, участвующее въ красотѣ, получаетъ (отъ нея) и имѣетъ форму, какъ бы ея отпечатокъ, но сама красота свободна отъ формы.

33. Поэтому, когда рѣчь идетъ объ этой (абсолютной) красотѣ, слѣдуетъ отрѣшиться мыслию отъ всякой опредѣленной формы, и не воображать себя предъ глазами никакой такой формы, а иначе легко ниспасть изъ области этой красоты въ область вещей, называемыхъ прекрасными лишь по нѣкоторому неполному въ ней участию, потому что сама она есть идея свободная отъ формы (*εἶδος ἀμορφον*), если только можно принимать ее за идею; достигнуть ея (мыслию) можно не иначе, какъ простерши абстракцію на всякую форму и всю совокупность формъ. И мы обыкновенно въ понятіи (общемъ, родо-

вомъ) различаемъ одинъ элементъ отъ другого (виды рода) какъ напр. различаемъ справедливость отъ умѣренности, не смотря на то, что обѣ онѣ одинаково суть нѣчто прекрасное (заклю- чаются въ родовомъ понятіи прекраснаго). Точно также, должно полагать, и умъ (высочайшій) когда мыслить, когда полагаетъ какую либо сущность, какъ особенную (не смотря на то, что всѣмъ имъ присуще одно общее—красота), то она отъ этого какъ бы умаляется (какъ часть, взятая изъ цѣлаго); а такъ какъ каждая другая такимъ же образомъ полагается, то то же самое (умаленіе, раздробленіе на части, или виды) должно быть и со всею совокупностію сущностей ноуменальнаго міра, не смотря на то, что всѣ онѣ имѣютъ въ то же время одну (общую) форму (красоты), такъ что эта одна форма оказывается въ нихъ многоразличною (въ каждой изъ нихъ иною). Вотъ почему мысль, достигши даже этого пункта (ума и ноуменальнаго міра), все еще не удовлетворяется и нудится знать, каково же то на- чало, которое стоитъ еще выше этого міра полного красоты и разнообразія, то начало, въ которомъ не можетъ быть никакого многоразличія, и котораго жаждетъ душа, сама не умѣя ска- зать, отчего и къ чему у нея эта жажда. Только уже разумъ догадывается и говоритъ, что это начало есть абсолютно-су- щее, и что природа его между прочимъ и потому есть самая совершенная и самая вождѣнная (для души), что не имѣетъ совсѣмъ никакой формы. Вотъ почему, какъ-бы ни былъ пре- красенъ образъ, являющійся душѣ, она обыкновенно за нимъ ищетъ еще чего-то другого—того, кто произвелъ или отпечат- лѣлъ этотъ образъ (τὸ μορφῶσαν). Кромѣ того, тотъ же разумъ говоритъ, что все, имѣющее форму, какъ и самая форма, или принявшая форму идея представляетъ нѣчто опредѣленное мѣ- рою, слѣдовательно нѣчто ограниченное, не самодовлѣющее, а потому нѣчто не само по себѣ прекрасное, а таковое лишь съ нѣкоторою примѣсю. Поэтому, если ноумены (какъ идеи и формы) вслѣдствіе этого только прекрасны, то то начало есть красота абсолютная, верховная какъ бы сверхъестественная (ὑπέρχαλον) и какъ такая, конечно не ограничена мѣрой, а если не ограничена мѣрой, то (никѣмъ и ничѣмъ) не формальна и

не есть ни форма, ни идея. Изъ этого слѣдуетъ, что начало первичное или абсолютно первое (*τὸ πρῶτος καὶ πρῶτον*) не имѣетъ никакой формы, никакого облика и что красота, сияющая въ ноуменальномъ мирѣ, есть отблескъ здѣсь самой природы его, какъ блага. Нѣкоторымъ разъясненіемъ и подтвержденіемъ этого положенія можетъ служить наблюденіе надъ отношеніями въ человѣческой любви, которое говоритъ, что пока кто нибудь только глазами видитъ внѣ себя чувственный предметъ (фигуру, видъ наружный), дотолѣ обыкновенно не чувствуетъ къ нему никакой склонности, никакой любви, которая возникаетъ лишь послѣ того, какъ отвлеченный отъ тѣлеснаго предмета безтѣлесный образъ его задержится въ его единой недѣлимой душѣ. Конечно, онъ послѣ этого старается видѣть почаще и самый предметъ своей любви, чтобъ успокоить ея волненіе и пылъ; но какъ только домокнется, что подъ наружною формою кроется нѣчто болѣе свободное отъ формы (душа),—тотчасъ его любовь устремляется сюда съ большею силою, потому что его любовь, уже въ началѣ была какъ бы откликомъ на сумерочный свѣтъ, который теперь направляетъ и устремляетъ ее къ полному свѣту. Это потому, что форма въ послѣдней инстанціи есть какъ бы слѣдъ, или отпечатокъ того начала, которое само не имѣетъ никакой формы и которое производитъ форму не потому, что сама имѣетъ ее, а потому, что его дѣйствіе простирается на то, въ чемъ есть какая либо матерія (и что, нуждаясь въ формѣ, должно быть облечено въ нее); матерія же, понятно, наиболѣе отдалена отъ него именно потому, что она есть нѣчто само-по себѣ лишенное даже самыхъ низшихъ формъ. Итакъ, если не матерія составляетъ собственный предметъ нашего желанія и нашей любви, а отпечатлѣвающаяся въ ней форма, сама матерія получаетъ форму отъ души, которая представляетъ собою форму болѣе совершенную и цѣнную (чѣмъ тѣло), если далѣе умъ (какъ форма души) есть форма еще болѣе совершенная, чѣмъ душа, то это значить, что (начало высочайшее, высшій предметъ желанія и любви—) сама первооснова всякой красоты (*ἡ τοῦ καλοῦ πρῶτη φύσις*) не имѣетъ никакой формы.

34. Поэтому и наоборотъ, ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что это верховное начало, свободное отъ всякой формы, даже ноуменальной, возбуждаетъ въ душѣ неотразимое къ себѣ влеченіе и что душа, охваченная любовью къ нему, сама съ своей стороны также (въ стремленіи къ достиженію его и единенію съ нимъ) старается отрѣшиться отъ всякой формы, даже умственной, чувствуя, что ей невозможно ни узрѣть его, ни согласоваться и соединиться съ нимъ, если ея вниманіе, ея энергія будетъ направлена еще и на что либо другое. Въ самомъ дѣлѣ, душа должна отрѣшиться не только отъ всего дурнаго, но и отъ всего хорошаго, словомъ, рѣшительно отъ всего, чтобъ очутиться такъ сказать наединѣ съ нимъ (*μόνη μόνον*), и какъ только это ей удастся, какъ только оно снидетъ къ ней, вѣрнѣе, какъ только присутствіе его станетъ явво ей совмѣстно съ тѣмъ, какъ она, отрѣшившись отъ всего окружающаго и украсившись средствами извѣстными посвященнымъ (въ мистеріи), станетъ возможно болѣе подобною ему,—она вдругъ узритъ его явленіе въ самой себѣ, и тогда ничто уже не отдѣляетъ ее отъ него, тогда она одно съ нимъ, а не двое, такъ что пока она пребываетъ въ немъ, нельзя и отличить ея отъ него;—нѣкоторое подобіе этого столь полнаго единенія представляетъ и земная взаимная любовь, насколько питающіе такую любовь тоже рады-бы слиться оба въ одно существо. Въ этомъ состояніи душа не чувствуетъ даже того, есть ли у нея тѣло и въ немъ ли она находится. и не думаетъ о томъ, чтó она такое есть, человекъ ли, существо ли, или что бы-то ни было другое какъ потому, что на это нѣтъ у нея ни времени, ни желанія, такъ и потому что это значило-бы отвлечь свое вниманіе на низшее;—послѣ долгихъ исканій, очутившись наконецъ въ присутствіи Бога, она его только видитъ, а не себя, не успѣвъ даже придти въ себя и сознать, что такое съ нею происходитъ и зная лишь одно, что этого состоянія не промѣняла бы ни на что другое въ мірѣ, даже на все небо, еслибы кто предложилъ это ей, потому что уже нѣтъ и не можетъ быть блага еще большаго и высшаго (чѣмъ то, котораго она достигла), и сама она не можетъ подняться до чего либо

еще высшаго;—напротивъ, обратиться ей на что либо иное, какъ бы оно высоко ни было, значило-бы для нея спуститься ниже. Въ этомъ состояніи душа со всею ясностію усматриваетъ и знаетъ одно, что это есть именно то благо, котораго она такъ сильно желала, убѣждается лишь въ одномъ, что нѣтъ и не можетъ быть ничего лучшаго и высшаго, и въ этомъ своемъ убѣжденіи не обманывается, потому что нельзя же достигнуть чего либо еще болѣе истиннаго, чѣмъ сама истина, такъ какъ то, что въ этомъ случаѣ сознаетъ и признаетъ душа, находится на лицо въ ней самой. Впрочемъ, обыкновенно душа говоритъ и утверждаетъ это уже послѣ, а пока длится это состояніе, она лишь переживаетъ его въ молчаніи и безмолвіи; тѣмъ не менѣе однако когда она испытываетъ блаженное состояніе и сознаетъ, что блаженствуетъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ она бываетъ непосредственно увѣрена, что это не обманъ, не иллюзія, ибо сознаетъ, что если она радуется, то вовсе не отъ чегонибудь похожаго на пріятное щекотанье тѣла, а потому, что сама стала такою, какою была нѣкогда, когда наслаждалась такимъ же блаженнымъ состояніемъ. Вотъ почему все, что прежде ей такъ льстило и доставляло удовольствіе,—власть, сила, красота, ученость, теряетъ теперь для нея всю прелесть, которую все это имѣло для нея прежде, пока она не узнала того, что выше всего. Наконецъ, пока душа находится въ этомъ единеніи съ Богомъ и созерцаетъ его одного, ей и на мысль не приходитъ бояться, не случилось бы съ нею что недоброе: она не смутилась бы, если бы даже все вокругъ стало рушиться и гибнуть, лишь бы только она могла пребывать въ единеніи съ нимъ,—такъ велико блаженство этого единенія.

35. Въ этомъ состояніи душа пренебрегаетъ даже мышленіемъ, которое такъ высоко цѣнитъ во всякое другое время, потому что мышленіе есть движеніе, а она не хочетъ теперь быть въ движеніи, а еще болѣе потому, что тотъ, котораго она теперь зреть, сознается ею не какъ умъ (а какъ высшее, чѣмъ онъ,—Благо), не смотря на то, что получила возможность созерцать его именно только потому, что сама какъ бы превратилась въ умъ, какъ бы всецѣло стала интеллектуализованною

(νοῦθεΐα) и вознеслась всецѣло въ ноуменальный міръ. Доколѣ она находится еще только въ области ума, она конечно созерцаетъ умъ и ноумены, то есть, мыслить; но какъ только сподобится узрѣть самого (высочайшаго) Бога, она отрѣшается отъ всего прочаго (даже отъ этого ноуменального міра), на подобіе того, какъ посѣтитель, войдя въ великолѣпный царскій дворецъ, разсматриваетъ предметы, составляющіе его украшеніе, и любитъ ими лишь до тѣхъ поръ, пока не увидитъ самого царя, а какъ только увидитъ его и сразу замѣтитъ, что въ сравненіи съ нимъ ничто всѣ наполняющія его дворецъ статуи, то придя въ восхищеніе и почувствовавъ, что онъ-то одинъ собственно и заслуживаетъ быть предметомъ его, не обращаетъ уже никакого вниманія на все прочее во дворцѣ, и все время затѣмъ уже на одного только царя глядитъ, не отрывая глазъ, и такъ какъ зрѣніемъ своимъ долго, безъ перерыва приковывается къ нему, то настаетъ время, когда онъ наконецъ не видитъ его (какъ вѣшній предметъ), когда созерцаніе сливается въ одно съ созерцаемымъ, когда то, что было сначала видимымъ предметомъ для зрителя, теперь становится его внутреннимъ достояніемъ—видѣніемъ, которое заставляетъ его со-всѣмъ забыть то, что прежде онъ видѣлъ окружающимъ этотъ предметъ. Это сравненіе будетъ правильнымъ и вполне выражающимъ существо дѣла, если допустимъ, что царь, являющійся посѣтителю, есть не человѣкъ, а самъ—Богъ, который не предъ глазами созерцающаго является, а въ душу его проникаетъ и всю ее собою наполняетъ.

Дѣло въ томъ, что въ самомъ умѣ можно различать двоякую способность, съ одной стороны—мыслительную, которою онъ усматриваетъ то, что въ немъ самомъ находится (идеи), а съ другой ту, которою онъ прозираетъ въ то, что выше его, посредствомъ нѣкоего воспаренія и воспріятія (*ἐπιβολῆ τινὶ καὶ παραδοχῆ*), состоящаго въ томъ, что въ немъ умъ сперва только созерцаетъ (это высшее, какъ вѣшнее), а потомъ созерцаемое дѣлаетъ своимъ внутреннимъ достояніемъ и становится одно съ нимъ; въ созерцаніи перваго рода онъ есть умъ разсуждающій, а въ созерцаніи этого послѣдняго рода онъ есть умъ лю-

блѣннѣй, и когда онъ находится въ этомъ состояніи—когда, упиваясь нектаромъ, преисполненный любви, теряетъ разсудительность, то весь отдается этому блаженству до пресыщенія, предпочитая это нетрезвое состояніе состоянію трезвой важничавшей разсудительности. И что же,—развѣ умъ въ этомъ состояніи различаетъ одно отъ другого и мыслить сперва одно, потомъ другое?—Конечно, нѣтъ: если бы ему пришлось разсуждать и словомъ выражать свои мысли для наученія кого либо, тогда конечно ему пришлось бы одно за другимъ послѣдовательно передавать; но онъ отъ вѣчности какъ можетъ мыслить, (то, что составляетъ его содержаніе,—идеи), такъ воленъ и не мыслить, т. е., совсѣмъ инымъ образомъ созерцать Бога. Отъ этого созерцанія въ немъ самомъ зарождаются зачатки (сущностей, идей), которыя онъ приводитъ въ сознаніе и созерцаетъ, словомъ, что называется, мыслить, между тѣмъ какъ Бога онъ созерцаетъ тою силою, которая составляетъ основу и предположеніе самаго его мышленія. Поэтому-то, когда душа созерцаетъ Бога, то присущій ей умъ тоже совсѣмъ ступивается и какъ-будто исчезаетъ, не смотря на то, что, собственно говоря, въ этомъ случаѣ созерцаніе начинается въ умѣ, но такъ какъ оно проникаетъ и въ душу, то тутъ уже происходитъ сліяніе ума и души воедино. Другими словами,—тутъ, происходитъ вотъ что: само Благо, какъ-бы распростираясь и носясь надъ умомъ и душею, нисходитъ въ нихъ, согласно желанію ихъ обоихъ и соединивъ ихъ съ собою воедино, доставляетъ имъ въ созерцаніи себя величайшее наслажденіе и блаженство, при чемъ такъ высоко ихъ поднимаетъ, до такой степени восхищаетъ, что они не сознаютъ, гдѣ именно находятся, не знаютъ даже, находятся ли они вообще гдѣ-бы то ни было и въ чемъ-бы-то ни было. Это и понятно, потому что Благо само нигдѣ и ни въ чемъ не находится; само, такъ сказать, ноуменальное пространство имъ объемлетъ, но оно нигдѣ даже въ этомъ пространствѣ не заключается. Въ этомъ состояніи душа остается безъ всякаго движенія, потому что и Благо чуждо всякое движеніе, она тутъ какъ-бы перестаетъ быть душою, потому что и Благо не нуждается въ жизни, но

стоитъ выше всякой жизни, перестаетъ быть и умомъ, всецѣло уподобляясь и сливаясь съ Благомъ, потому что оно не умъ, а выше ума; наконецъ, собственно говоря, она не мыслитъ самого Блага, потому что въ этомъ состояніи совсѣмъ не мыслить.

36. Послѣ всего сказаннаго, остальное само собою понятно; однако съ того пункта, котораго мы достигли, не излишне будетъ и нѣсколько дальше повести наши размышленія.—Познаніе Блага, или, если можно такъ выразиться, прикосновеніе къ нему (ἐπαφή), есть несомнѣнно величайшее благо (для насъ), и вотъ почему Платонъ называетъ это познаніе величайшею, самую высшею наукою (μεγιστον μαθημα). Но онъ подъ такую наукою разумѣетъ не самый актъ созерцанія Блага, а то знаніе о немъ, которое должно предшествовать созерцанію. Это знаніе приобрѣтается частію путемъ аналогіи, частію путемъ абстракціи и негаци, частію путемъ разсмотрѣнія того, что происходитъ (отъ Блага, какъ своей причины), а главнымъ образомъ путемъ методическаго восхожденія по нѣкимъ ступенямъ (ведущимъ къ достиженію Блага) ¹⁾. Ступени эти суть: очищенія молитвы, украшенія (добродѣтелью), воспареніе (послѣ отрѣшенія отъ всего чувственнаго) въ міръ сверхчувственный, ноуменальный и стараніе всячески удержаться въ немъ, а затѣмъ то (описанное выше) угощеніе дарами и благами этого міра, въ которомъ душа становится разомъ и созерцающею и созерцаемымъ для самого себя и для всего прочаго; пройдя (мыслию и жизнію) чрезъ ступень субстанціи, ума, совершенно живого существа, она наконецъ перестаетъ все это видѣть, какъ нѣчто внѣ себя, и затѣмъ приближается къ тому, что стоитъ выше всѣхъ ноуменовъ, и освѣщаетъ ихъ своимъ свѣтомъ; тутъ она покидаетъ все то знаніе, которое привело ее сюда, и сосредоточиваетъ свои взоры всецѣло только на этой красотѣ, ничего не имѣетъ въ мысли

¹⁾ Десетѣ Плотинъ имѣетъ въ виду начертанный Платономъ (Госуд. кн. VI, 510—511) діалектическій методъ восхожденія отъ условнаго къ безусловному началу (ἀν' ὁποθέτου), а дальше уже отъ себя прибавляетъ указаніе на тѣ способы приближенія къ Божеству и религіознаго общенія съ нимъ, которые практиковались еще и въ его время посвященными въ мистеріи. Но они, конечно, хорошо были извѣстны и Платону.

кромѣ ея одной, а потомъ поднятая еще выше какъ бы волною этого самаго ума и носимая ею, она вдругъ усматриваетъ что-то, сама не вѣдая, что и какъ; въ этомъ своемъ видѣннн, она чувствуетъ одно,—что очи ея наполнены свѣтомъ, но внѣ себя чего нибудь другого она не видитъ,—видитъ одинъ свѣтъ и больше ничего; тутъ не то, что на одной сторонѣ свѣтъ, а на другой видимый (при посредствѣ его) предметъ, или особо мыслимая имъ сущность, тутъ на лицо только одинъ свѣтъ—тотъ свѣтъ, отъ котораго потомъ происходитъ и въ которомъ сохраняетъ существованіе все прочее. Этотъ самосуцій свѣтъ (прежде всего) рождаетъ изъ себя умъ, но рождая его, самъ не истощается въ немъ и попрежнему пребываетъ въ самомъ себѣ, и только потому, что онъ таковъ, можетъ произвести другой свѣтъ, а будь онъ инымъ, тогда этотъ другой не могъ бы (ни произойти, ни) существовать.

37. Нѣкоторые (философы) полагаютъ, что верховное начало есть мыслящее, но при этомъ не допускаютъ, что его мышленіе простирается и на то, что происходитъ отъ него и стоитъ ниже его, а другіе утверждаютъ, что его вѣдѣніе должно на все простираться, и противоположное этому мнѣнію считаютъ нелѣпымъ ¹⁾. Первые, выходя изъ того убѣжденія, что нѣтъ и не можетъ быть ничего высшаго, чѣмъ это начало, усвояютъ однако ему мышленіе и говорятъ только, что мышленіе его есть мышленіе самаго себя, какъ будто мышленіе можетъ что нибудь прибавить къ его величію, какъ будто для него мыслить составляетъ что-то большее, чѣмъ быть тѣмъ, что оно есть, какъ будто не оно же самому мышленію сообщается все его значеніе и достоинство. Чему, спрашивается, оно обязано своимъ превосходствомъ (надъ всѣмъ)—мышленію ли, или самому себѣ? Если—мышленію, то въ такомъ разѣ оно само по себѣ не только не есть высшее всего (въ томъ числѣ и мышленія), но даже есть низшее, а если—самому себѣ, то въ такомъ разѣ оно обладаетъ всею полнотою со-

¹⁾ Первое мнѣніе принадлежитъ Аристотелю, который полагалъ, что предметомъ мышленія высочайшаго ума можетъ быть только вѣчто самое высшее и лучшее, т. е., только самъ-же онъ (*αὐτόν ἄρα νοεῖ*), а второе есть мнѣніе многихъ древнихъ философовъ.

вершенства и прежде мышленія, и, значить, мышленіе вовсе не обусловливаетъ его совершенства. Да и почему непременно оно должно мыслить,—ужь не потому ли, что оно есть актуальная энергія, а не простая потенціальность? Но такъ какъ подъ актуальной энергіей въ отличіе отъ потенціальности разумѣется не что иное, какъ субстанція, которая всегда мыслить, то ясно, что кто опредѣляетъ первое начало какъ энергію, тотъ ео ipso дѣлаетъ его составнымъ—состоящимъ изъ двухъ элементовъ—субстанціи и мышленія, и такимъ образомъ вмѣсто того, чтобъ мыслить его, какъ совершенно—простое, прибавляетъ къ нему и нѣчто другое, подобно тому какъ напримѣръ говорится, что къ глазамъ должна присоединяться актуальная энергія, зрѣнія для того, чтобъ они всегда могли смотрѣть и видѣть. Скажутъ пожалуй, что первое начало есть въ томъ лишь смыслѣ энергія, что эта энергія тождественна съ мышленіемъ; но если такъ, если первое начало есть само мышленіе, то въ такомъ разѣ слѣдуетъ согласиться, что само мышленіе не мыслить, какъ и само движеніе не движется. А если станутъ настаивать на томъ положеніи, что актуальная энергія есть вмѣстѣ и субстанція и мышленіе, то мы на это скажемъ, что этимъ самымъ допускается уже множественность и различіе, тогда какъ первое начало есть абсолютно-простое, и что только уже происходящему отъ него другому началу свойственно мыслить—какъ-бы находить мыслію свою сущность, самого себя, да и то первое начало, ибо только обращая свою мысль на него, созерцая и познавая его, оно становится умомъ въ истинномъ смыслѣ слова. Тому же началу, которое есть непроншедшее, которое не имѣетъ ничего ни прежде, ни выше себя, которое отъ вѣчности есть то, что есть, какая причина или надобность мыслить?! Поэтому Платонъ вполне справедливо говоритъ объ этомъ началѣ (Благѣ), что оно выше самаго ума. Въ самомъ дѣлѣ, если бы умъ не мыслить, то онъ и умомъ не былъ бы, ибо для принципа, сама природа котораго состоитъ въ мышленіи, перестать мыслить значить стать неразумнымъ, лишеннымъ ума, а если какой либо принципъ не имѣетъ никакой (вытекающей изъ

природы его) функціи, то нельзя же навязывать ему какую либо опредѣленную функцію и затѣмъ въ виду того, что онъ ея не выполняетъ, укорять его бездѣйствіемъ, упрекать его напр., въ томъ, что онъ совсѣмъ не занимается врачебной практикой. Но верховное начало именно таково, что ему нельзя усвоить никакой функціи, потому что никакая ему не принадлежитъ: довольно ему и самаго себя, нѣтъ смысла искать (въ немъ) чего-то еще иного, кромѣ его, когда оно выше всего; тѣмъ, что оно есть (въ самомъ себѣ), оно долѣетъ и самому себѣ, и всему существующему.

Профессоръ Г. В. Малеванскій.

(Продолженіе будетъ).

Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе въ истинной церкви.

(Продолженіе *).

Ко времени судей относится исторія моавитянки Руои. Моавитяне—плодъ кровосмѣшенія Лота съ его старшею дочерью (Быт. XIX, 36, 37). Ко времени исхода евреевъ изъ Египта моавитяне были уже идолопоклонниками, и ихъ отношеніе къ своимъ родственникамъ по происхожденію выразилось въ томъ, что дочери Моава склонили израильтянъ къ блудодѣянію (Числ. XXV, 1) и что они участвовали въ подкупѣ Валаама (Второзак. XXIII, 4) для того, чтобы онъ проклялъ Израиля. Вслѣдствіе этого Господь Богъ постановилъ, что „и десятое поколѣніе моавитянъ не можетъ войти въ общество Господне во вѣки“ (Второз. XXIII, 3). Но моавитянка Руоѣ, какъ повѣствуетъ книга, носящая ея имя, не только вошла въ общество Израиля, но и удостоилась стать прабабкою Давида, а черезъ него и праматерью самаго Господа Иисуса Христа. Изъ Евангелія Маттея открывается, что дѣда Давида—Овида Руоѣ родила отъ Вооза, который былъ сыномъ блудницы Раави (Раавь родила Вооза отъ Салмона). Знаменательно, что вмѣстѣ съ запрещеніемъ принимать въ израильское общество моавитянина помѣщено и запрещеніе вводить въ общество Господне сына блудницы (Второз. XXIII, 2—3). Несомнѣнно, что и ветхозавѣтный законъ допускалъ исключенія, и что ничто доброе не гибло вслѣдствіе его суровыхъ требованій, направленныхъ на искорененіе злого. Новѣйшая критика однако не по-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г. № 16.

желала пощадить и этого трогательнаго разсказа о благородной моавитянкѣ, которая такъ полюбила семью своего мужа, съ которымъ жила на своей—а не на его родинѣ, что когда онъ умеръ, непоколебимо рѣшила послѣдовать за своей свекровью въ страну Израиля, служить Богу израилеву и быть погребенной въ странѣ ея мужа. Теперь говорятъ, что этотъ разсказъ—не историческое событіе эпохи судей, а вымышленный романъ времени Ездры и Нееміи, когда гоненіе этихъ израильскихъ вождей воздвигнутое на смѣшанные браки вызвало будто бы въ средѣ Израиля реакцію, и анонимный авторъ написалъ эту повѣсть съ цѣлью доказать, что и иноплеменные женщины могутъ быть хорошими супругами. Вымысль, конечно, плохое доказательство, и предположеніе такого вымысла, полагаемъ, плохая гипотеза. Повѣсть „Руѳъ“—времени Ездры—исключительное и потому же сомнительное историческое явленіе, Руѳъ—дѣйствительное историческое лицо—не исключеніе, ей предшествовала Раавъ, и тяготѣніе Руѳи къ Израилю, можетъ быть, отчасти объясняемо тѣми-же мотивами, какіе обратили къ нему Раавъ. Руѳъ—временъ Нееміи для насъ непонятная загадка. Особенно непонятнымъ съ точки зрѣнія этой рационалистической гипотезы представляется намъ одно разсужденіе въ 1-й главѣ. „(Нееминь) сказала (Руѳи): вотъ, невѣстка твоя возвратилась къ народу своему и къ своимъ богамъ; возвратись и ты вслѣдъ за невѣсткою твоею. Но Руѳъ сказала: не принуждай меня оставить тебя и возвратиться отъ тебя; но куда ты пойдешь, туда и я пойду, и гдѣ ты жить будешь, тамъ и я буду жить; народъ твой будетъ моимъ народомъ, и твой Богъ моимъ Богомъ“ (15—16). Для рационалиста представляется весьма удобнымъ объявить этотъ отрывокъ имѣющимъ глубокую древность, когда въ представленіи евреевъ ихъ Богъ, равно какъ и другіе боги замыкались въ опредѣленныхъ географическихъ границахъ, предположеніе чего, повидимому, можно усматривать въ рѣчахъ Нееміи, но представляется страннымъ впадать такія рѣчи въ уста еврейки послѣдней эпохи, когда, по общему мнѣнію, евреи имѣли монотеистическія воззрѣнія. Вотъ, почему намъ кажется, рационалистическая теорія происхожденія священнаго текста во-

дѣтъ насъ въ вопросѣ о Руѣи по нѣкоторому безысходному кругу. Мы думаемъ, что проще и вѣрнѣе разсматривать эту исторію такъ, какъ она разсматривалась издавна. Руѣя—это дѣйствительно историческое лицо, прабабка Давида, и Нееминь дѣйствительно сказала то, что сказала. Только слова ея служатъ не выраженіемъ вѣры, называемой теперь географическимъ монотеизмомъ или генотеизмомъ, а признаніемъ историческаго факта—часто очень печальнаго. *Cuius regio, eius religio*. Тысячи побужденій заставляютъ человѣка принимать исповѣданіе той страны, въ которой онъ живетъ: невозможность служить Богу по своимъ обрядамъ, тяжесть положенія религіознаго отщепенца и т. д. Нееминь и усматривала для Руѣи печальную необходимость подчиниться этому печальному закону. Но Руѣя—надо полагать—поняла истину вѣры Израиля, какъ ее понимали и принимали лучшіе сыны и дочери и другихъ народовъ—и вошла въ составъ общины Израиля.

Религія Израиля—по самому существу своему—могла привлекать только лучшихъ людей, она очень много требовала отъ человѣка и сурово подавляла низшія влеченія его чувственной природы. Это послѣднее тяжелѣе для человѣка самыхъ трудныхъ обрядовъ. Вотъ почему и сами израильтяне очень часто и въ большомъ количествѣ уклонялись отъ путей Господнихъ, и вотъ почему, если иноплеменникъ или иноплеменница обнаруживали сознательную и твердую рѣшимость вступить въ общину Израиля, они обыкновенно оказывались свѣтлыми личностями, ибо ихъ могла привлекать къ закону израилеву только правственная сила закона.

Усмотрѣть и оцѣнить ее было нелегко. Израильтянинъ эпохи судей являлся двойственнымъ въ глазахъ окрестныхъ народовъ. Народы эти, конечно, слышали и знали, какъ Господь вывелъ евреевъ изъ земли египетской и что сдѣлалъ Господь для Израиля, народы эти имѣли возможность узнать законъ израилевъ и познакомиться съ высокими личностями, въ высокой мѣрѣ осуществлявшими тяжелыя требованія этого закона. Но эту идеальную сторону Израиля окрестнымъ народамъ приходилось разсматривать сплетенною съ такою реальною дѣйствитель-

ностью, которая бросала на нее очень мрачную тѣнь. Израильтяне стояли низко въ культурномъ отношеніи, они жили, враждуя одни племена съ другими, и по отношенію къ окружающимъ народамъ они часто обнаруживали рабскую готовность усвоить ихъ обычаи, платить дань ихъ порокамъ. Трудно было при такихъ условіяхъ для жителя Геены или Раббы утвердиться въ мысли, что Израиль, дѣйствительно, народъ Божій. Въ эпоху царей положеніе дѣла стало мѣняться. Израиль началъ становиться политически и нравственно крѣпче, его темныя стороны становились менѣ замѣтны, между тѣмъ окрестныя народы не только не крѣпли и не усиливались, но нѣкоторые изъ нихъ повидимому исчезали и вымирали совсѣмъ. Въ царствованіе Саула это новое положеніе вещей не выступаетъ замѣтнымъ образомъ. Начавши блестящее свое царствованіе, первый царь затѣмъ вскорѣ уклонился отъ божественныхъ повелѣній, заболѣлъ и остатокъ жизни провелъ въ томъ, что боролся съ тѣнями, созданными собственнымъ воображеніемъ. Однако и въ его дни, мы видимъ, Израиль выступаетъ изъ своихъ предѣловъ уже какъ карающій злыхъ и милующій добрыхъ изъ иноплеменниковъ: Саулъ поразилъ амаликитянъ, но позаботился о спасеніи кенеянъ (1 Цар. XV, 6—7). Но значеніе Израиля для окрестныхъ народовъ—мы видимъ—широко расширилось со дней Давида. Прежде еще, чѣмъ стать царемъ, во время своихъ печальныхъ скитаній вслѣдствіе преслѣдованій Саула, Давидъ былъ въ сношеніяхъ съ моавитянами (1 Цар. XXII, 3—4) и съ филистимлянами (1 Цар. XXVII), онъ расширилъ ихъ, ставъ царемъ.

Исторія Давида показываетъ намъ, что во время этого царя иноплеменный элементъ въ значительномъ количествѣ вошелъ въ составъ Израиля, и что этотъ остатокъ хананеевъ по своимъ нравственнымъ качествамъ иногда могъ быть образцомъ и для израильянина. Укажемъ два такихъ примѣра: Урія—хеттеянинъ и Орна—евусеянинъ. Урія счелъ для себя нравственно непозволительнымъ спать подъ кровлею своего дома (2 Цар. XI, 11), когда ковчегъ (Божій) находился въ открытомъ полѣ, и судъ Божій жестоко покаралъ богоизбраннаго царя (2 Цар. XII) за его коварный поступокъ съ честнымъ и храбрымъ хет-

теяниномъ. Орна іезусеянинъ (2 Цар. XXIV, 16—24) обнаружилъ полную готовность отдать принадлежащее ему мѣсто для устройства жертвенника Господня и дать все нужное для жертвы. Знаменательно также, что ковчегъ Господень прежде, чѣмъ быть перевесеннымъ въ Іерусалимъ, оказывается въ домѣ Аведдара геоянина (филистимлянинъ), и вмѣстѣ съ ковчегомъ на домѣ Аведдара почило благословеніе Божіе (2 Цар. VI, 10—11; Паралип. XIII, 13—14). Самого Давида мы видимъ постоянно окруженнымъ иноземцами. Особенно выступаетъ филистимскій элементъ. Во время возстанія Авессалома мы видимъ, „всѣ Хелееи и всѣ Фелефеи, и всѣ Геояне до шестисотъ человекъ, пришедшіе вмѣстѣ съ нимъ изъ Геоа, шли впереди царя“ (2 Цар. XV, 18) и на предложеніе царя геоянамъ оставить его въ несчастіи Еөөей геоянинъ сказалъ: „живъ Господь, и да живетъ господинъ мой царь, гдѣ-бы ни былъ господинъ мой царь, въ жизни ли въ смерти, тамъ будетъ и рабъ твой“ (ibid. 21). Съ филистимлянами вообще въ эту пору отношенія повидимому стали дружественными (3 Цар. 11, 39—40). Но Давидъ стремился установить таковыя и съ другими окрестными народами, онъ бралъ женъ иноплеменницъ (2 Цар. III, 3) и отдавалъ родственныхъ ему лицъ въ замужество за иноплеменниковъ (1 Парал. II, 17 и 2 Цар. XVII, 25). Не по его винѣ ему пришлось вести борьбу съ аммонитявами и моавитянами. Давидъ установилъ сношенія съ финикіянами. Кто знаетъ, можетъ-быть для духовнаго развитія человечества эти сношенія имѣли гораздо большее значеніе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ? Съ вѣшной стороны еврейско-финикійскій союзъ обыкновенно разсматривается, какъ актъ обоюдной мудрой политики и у израильтянъ и финикіянъ не было никакихъ причинъ для столкновенія. Даже въ самую блестящую эпоху своего существованія, евреи никогда не могли имѣть мысли совершить нападеніе на финикійскіе города, которые были окружены крѣпкими стѣнами, владычествовали надъ моремъ и для которыхъ не былъ страшенъ голодъ. У евреевъ не было арміи и имъ совершенно было неизвѣстно искусство осады для того, чтобы отважиться на предпріятіе, предъ которымъ отступили громадная армія и машины Ассиріи. Съ другой стороны, фи-

никіяне, предъ которыми для эксплуатаціи открывались безграничныя пространства запада, никогда не думали завоевывать Сиріи, имъ было достаточно, что для нихъ тамъ были открыты рынки и что караваны тамъ могли проходить свободно. Ближайшій союзъ съ царствомъ іудейскимъ представлялъ имъ всѣ эти выгоды, онъ одновременно защищалъ ихъ и отъ наступленія филистимлянъ и отъ нападений народовъ пустыни. Еврейскій народъ и какъ потребитель, и какъ производитель былъ кліентомъ, отъ котораго можно было только получить пользу. Всѣ произведенія искусства—одежду, драгоценности, домашніе предметы, оружіе, утварь финикіяне могли сбывать израильтянамъ, въ обмѣнъ на эти мануфактурныя издѣлія евреи доставляли имъ хлѣбныя растенія, плоды, палестинскій скоть, бальзамъ теплой іорданской долины, рабовъ обоихъ половъ... ¹⁾ Но это одна сторона дѣла. Въ немъ есть другая. Финикіяне были космополитами древняго міра, они посѣщали и острова Британіи, и Галлію, и Италію, и Африку. Они привозили въ эти страны и вывозили изъ нихъ разныя произведенія природы и рукъ человѣческихъ. Развозили и привозили они и нѣчто иное: духовную культуру. Они знакомили востокъ съ западомъ и западъ съ востокомъ. Люди разныхъ странъ узнавали, благодаря финикіянамъ, религіи и вѣрованія народовъ всего культурнаго міра. Религію финикіянъ характеризуютъ различно, въ ней видятъ модификацію ассиро-вавилонской религіи, семитическую религію, ее называютъ нѣкоторые монотеистическою, нѣкоторые іерархическимъ политеизмомъ, но думаемъ, что не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что она представляла образецъ самаго пестраго и широкаго синкретизма. Мы находимъ въ ней и вааловъ и Эль Шаддаи (гремящій) и Адонаи (Адонисъ, онъ-же Таммузъ) и Астарту и Оаннеса (вавилонск.) и Мелькарта, напоминающаго о Гераклѣ. Финикійскіе храмы имѣли видъ и расположеніе совершенно такіе-же, какіе имѣли храмы Египта. Ихъ прямо называютъ копіями послѣднихъ. Но кромѣ храмовъ у нихъ были бетили и имъ приписываютъ даже тотемизмъ. Финикія была въ нѣкоторомъ смыслѣ религіознымъ музеемъ, и финикійскіе моряки могли много поразсказать о

¹⁾ Ferrot et Chipier, L'Histoire de l'Art IV, p. 142.

различныхъ религіяхъ народамъ, съ которыми они имѣли дѣло, они могли разсказать объ Іеговѣ и объ евреяхъ, равно какъ и объ Озирисѣ и Аписѣ и поселенцамъ Тибра и Роны, и сѣвернымъ африканцамъ, и жителямъ Британіи. Слушали ли ихъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны искать во внѣ-библейскихъ источникахъ. Но въ Библии—въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ (Мѡ. XV, 22—28; Лк. IV, 25—26; X, 14)—мы находимъ указанія, что къ самимъ финикійцамъ проникала вѣра Библии, сѣмена откровенія встрѣчали здѣсь иногда благодатную почву и давали плоды. Синкретизмъ финикійской религіи, не былъ синкретизмомъ каждаго финикійца, изъ обширнаго пантеона боговъ, который предлагала Финикія своимъ сынамъ, каждый выбиралъ тѣхъ, которые наиболѣе отвѣчали его стремленіямъ и нравственной настроенности. Должны были найдтись чистыя сердца, которыя отдавали свое почитаніе Богу израилеву. Между финикійцами и евреями заключались брачныя союзы (3 Цар. VII, 13—14), и въ важнѣйшемъ религіозномъ дѣлѣ евреевъ—построеніи храма принимали дѣятельное участіе финикійскіе рабочіе (3 Цар. V, 6, 18).

По совершеніи этого дѣла, мы видимъ, преемникъ Давида—мудрѣйшій царь израиля сознательно исповѣдуетъ ту цѣль, которой до того времени безсознательно служили евреи. Къ пространной молитвѣ, которую Соломонъ произнесъ при торжествѣ освященія храма, онъ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „если и иноплеменникъ, который не отъ Твоего народа Израиля, придетъ изъ земли далекой ради имени Твоего—ибо они услышатъ о Твоемъ имени великомъ и о Твоей рукѣ сильной и о Твоей мышцѣ простертой, и придетъ онъ и помолится у храма сего, услышь съ неба, съ мѣста обитанія Твоего, и сдѣлай все, о чемъ будетъ взывать къ Тебѣ иноплеменникъ, чтобы всѣ народы земли знали имя Твое, чтобы боялись Тебя, какъ народъ Твой Израиль, чтобы знали, что именемъ Твоимъ называется храмъ сей, который я построилъ“. (3 Цар. VIII, 41—43; ср. 2 Парал. VI, 32—33). И свою молитву царь заключилъ такъ: „я да будутъ слова сіи, которыми я молился (нынѣ) предъ Господомъ, близки къ Господу Богу нашему день и ночь, дабы Онъ дѣлалъ, что потребно для раба Своего,

и что потребно для народа Своего Израиля изо дня въ день, чтобы всѣ народы познали, что Господь есть Богъ и нѣтъ кромѣ Его; да будетъ сердце ваше вполне предано Господу Богу нашему, чтобы ходить по уставамъ Его и соблюдать заповѣди Его, какъ нынѣ" (ibid. 59—61). Идеаль царя несомнѣнно былъ тотъ, къ осуществленію котораго человѣчество направлялось волею провидѣнія. Всѣ народы должны познать истиннаго Бога, молитвы всего человѣчества должны обратиться къ іерусалимскому храму.

Молитва царя была услышана. Изъ X гл. 3 кн. царствъ мы узнаемъ, что уже къ нему за тысячу лѣтъ до Р. Х. приходили изъ разныхъ странъ послушать его и поучиться отъ мудрости его. „И всѣ (цари) на землѣ искали видѣть Соломона, чтобы послушать мудрости его, которую вложилъ Богъ въ сердце его. И они подносили ему, каждый отъ себя, въ даръ: сосуды серебряные и сосуды золотые, и одежды, и оружіе, и благовонія, коней и муловъ каждый годъ" (24—25). Какая мудрость влекла этихъ владыкъ въ столицу Израиля? Древніе не интересовались и не цѣнили ту мудрость, которая объясняетъ великое изъ малаго, звѣздное небо изъ движенія атомовъ, переселенія народовъ недостаткомъ хлѣба, древніе, напротивъ, искали въ маломъ видѣть отраженіе великаго, ничтожныя явленія представлялись въ ихъ глазахъ символомъ великихъ истинъ, въ шелестѣ травы они хотѣли находить знаменательныя пророчества. Будучи крайне наивны въ своихъ частныхъ сужденіяхъ, древніе въ общемъ гораздо лучше и глубже, чѣмъ новые, понимали, что міръ есть тайна и что откровеніе этой тайны можетъ быть подано только свыше. Соломонъ, въ глазахъ древнихъ, не могъ казаться человѣкомъ, приобрѣтшимъ знанія и мудрость путемъ собственныхъ усилій и обязаннымъ своимъ духовнымъ богатствомъ исключительно самому себѣ, они должны были видѣть въ немъ челоѣка, одареннаго свыше, и никакъ нельзя ошибиться, предположивъ, что разговоры царей съ Соломономъ вращались около вѣчныхъ истинъ—Бога, путей провидѣнія, образа поведенія людей, и Богопросвѣщенный царь указывалъ своимъ собесѣдникамъ ключъ къ разрѣшенію ихъ вопросовъ и сомнѣній въ истинахъ откровенія. Такая мудрость заключается

въ священныя книгахъ, съ которыми преданіе обыкновенно связываетъ имя Соломона. Мы знаемъ, что нѣкоторыя изъ этихъ произведеній на самомъ дѣлѣ поздняго происхожденія—книга премудрости Соломоновой (написанная по гречески) памятникъ 1-го столѣтія, но мы думаемъ, что духъ, которымъ проникнуто это произведеніе, есть духъ Соломоновъ. Книга достойна, скажемъ словами почившаго московскаго святителя (Филарета), имени ея автора. Несомнѣнность бытія Божія, объясненіе возникновенія ложнаго Богопочитанія, нравственныя обязанности царей, вѣчныя нравственныя истины (предметы содержанія книги премудрости Соломоновой) не были ли вмѣстѣ и предметами бесѣдъ Соломона съ царями? Все это—развитіе и раскрытіе положеній, которыя мы находимъ уже въ Притчахъ и Екклезіастѣ (см. Притч. VIII, 12, 15, 16; XX, 27 и т. д.). Раціоналистическая критика отвергаетъ принадлежность этихъ книгъ—равно какъ и пѣсни пѣсней—Соломону. Конечно, притчи въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ существуютъ теперь, не могутъ всецѣло принадлежать знаменитому сыну Давида (см. XXV, 1; XXX, 1; XXXI, 1). Объ авторѣ книги Екклезіастъ писаніе не даетъ прямыхъ указаній. Но для того, чтобы отвергнуть ихъ принадлежность Соломону всецѣло, нужно стать въ противорѣчіе съ Св. Писаніемъ (3 Царств. IV, 32; Притч. I, 1; X, 1), съ преданіемъ и нужно игнорировать соотвѣтствіе содержанія этихъ книгъ съ политикою мудраго царя. Соломонъ имѣлъ космополитическія тенденціи, онъ стремился стать всечеловѣкомъ, и Божественный Промыслъ избралъ его согласно съ его характеромъ орудіемъ для возвѣщенія истинъ общаго характера—доступныхъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ пониманію и іудея и еллина.

Въ раду тѣхъ лицъ, которыя предпринимали путешествія въ Іерусалимъ для поучительныхъ бесѣдъ съ его мудрымъ царемъ, Библия особеннымъ образомъ отмѣчаетъ царицу савскую. Кто и откуда она была? Была ли она царицей сабеевъ изъ южной Аравіи (по арабскимъ преданіямъ) или изъ Абиссиніи (Іосифъ Флавій называетъ ее царицей Эіопіи и Египта. Antiquit. VIII, § 5), она во всякомъ случаѣ была издалека и изъ народовъ чуждыхъ и ея сношенія съ Соломономъ происходили на почвѣ религиозно-философской. Свои впечатлѣнія отъ бесѣдъ съ ца-

ремъ она выразила въ слѣдующихъ словахъ: „вѣрно то, что я слышала въ землѣ своей о дѣлахъ твоихъ и о мудрости твоей; но я не вѣрила словамъ, доколѣ не пришла, и не увидѣли глаза мои: и вотъ, мнѣ и въ половину не сказано: мудрости и богатства у тебя больше, нежели какъ я слышала. Блаженны люди твои и блаженны сіи слуги твои, которые всегда предостоятъ предъ тобою и слышать мудрость твою: Да будетъ благословенъ Господь Богъ Твой, Который благоволилъ посадить тебя на престолъ израилевъ! Господь по вѣчной любви своей къ Израилю, поставилъ тебя царемъ—творить судъ и правду“ (3 Цар. X, 6—9). Должно полагать, что эти впечатлѣнія не были единичными, но въ нихъ уже слышится исповѣданіе, приносимое лучшими людьми изъ непривлежавшихъ къ церкви, что истина находится въ церкви—въ Богоизбранной общинѣ израилевой. Замѣтимъ, что это исповѣданіе приносится за тысячу лѣтъ до Р. X., за сотни лѣтъ до появленія Зороастра, Конфуція, Сакьямуни и до расцвѣта греческой философіи. Уже въ этой отдаленной древности истина вовсе не скрывалась подъ спудомъ, но отъ того центра, гдѣ она лила свѣтъ, люди направлялись къ периферіи, и ея голосъ и ея свѣтъ становились для нихъ невоспринимаемыми. Въ словахъ Библіи о томъ, что слава Соломона распространялась по всей землѣ, вѣдь нѣтъ нужды видѣть крайнюю гиперболу. Хирамъ тирскій—былъ съ нимъ въ союзѣ, а моряки Хирама ѣздили по всему міру. Самъ Соломонъ завелъ обширныя международныя сношенія. Мы, между прочимъ, читаемъ, что корабль Хирамовъ привезъ ему много драгоценностей изъ Офира (3 Цар. IX, 28; X, 11). Этотъ Офиръ искали въ разныхъ мѣстахъ. Если справедливо предположеніе, что Офиръ есть Абира (страна пастуховъ) городъ при устьи Инда, то тогда, значить, „подданные Соломона“ (3 Цар. IX, 27) проникали въ страну, гдѣ въ послѣдствіи распространились буддизмъ и затѣмъ браманизмъ, за столѣтія до Будды и развитія браманской системы. Соломонъ заводилъ сношенія съ народами земли посредствомъ флота и каравановъ и старался упрочить сношенія съ сосѣдними государствами посредствомъ браковъ. Священный историкъ особенно отмѣчаетъ женитьбу Соломона на дочери фараона. По-

видимому его тесть—одинъ изъ послѣднихъ представителей XXI-й династіи (Пинотемъ вѣроятнѣе, чѣмъ Писовханъ). Египетская принцесса, видно, доставляла Соломону не мало хлопотъ, онъ построилъ для нея особенный домъ (3 Цар. IX, 24 2 Парал. VIII, 11). Эта заботливость, полагаемъ, указываетъ на высокое значеніе этой принцессы, на то, что она была близка сердцу Фараона (положеніе дочерей ассиро-вавилонскихъ царей, которыя выходили за фараоновъ было незавиднымъ, какъ это заставляють думать таблицы Тэль-Эль-Амарны), близкія сношенія съ фараономъ долженъ былъ имѣть и Соломонъ. Имѣлъ Соломонъ и другихъ жепъ иноплеменницъ, и его преемникъ Ровоамъ былъ рожденъ отъ Наамы—дочери царя аммонитскаго (3 Цар. XIV, 21, 31; 2 Парал. XII, 13). Но жены оказались вреднѣе флота. Теоретическая мудрость царя, помогавшая ему руководить другихъ и направлять ихъ къ истинѣ, не удержала въ истинѣ его самого. Онъ, молившійся о томъ, чтобы свѣтъ откровенія распространился до предѣловъ земли, самъ кончилъ тѣмъ, что началъ содѣйствовать потемнѣнію его и въ Иерусалимѣ. Вмѣстѣ съ иноплеменными женами въ израиль проникли и капища Хамосу и Молоху и служеніе Астартѣ и Милхому (3 Цар. XI, 7, 8), и самъ царь служилъ имъ и дѣлалъ неугодное предъ очами Господа. Нравственная сила царя оказалась гораздо ниже его мудрости, и онъ на соблазнъ многимъ—въ угоду женской любви—кадилъ тому, во что самъ несомнѣнно не вѣрилъ. Фактъ этотъ доказываетъ, что религиозныя вѣрованія за 1000 лѣтъ до Р. Х. не приурочивались на самомъ дѣлѣ къ географическимъ границамъ, что принципъ *cuius regio, eius religio* не былъ безусловно всемогущъ, религиозно-вѣрованія взаимно проникали. Но если къ Израилю проникали языческія вѣрованія, то и израильскія могли проникать къ язычникамъ, когда худшіе элементы Израиля обращались къ Молоху и Астартѣ, лучшіе изъ язычниковъ могли обращаться мыслію и сердцемъ къ Богу небесъ—Иеговѣ. Иноплеменники, которые по закону должны были становиться частью Израиля, на самомъ дѣлѣ, являясь въ Израилѣ, иногда приносили съ собою своихъ боговъ. Но мы имѣемъ твердыя основанія думать, что эти боги, вѣра въ нихъ и связанный съ нею культъ дер-

жались недолго у пришельцевъ израилевыхъ. Изъ всѣхъ народовъ еврей, кажется, обладали наибольшею способностью оставаться самими собой на чужбинѣ. Поэтому о нихъ естественнѣе всего предполагать и это—какъ увидимъ мы далѣе—подтверждается свидѣтельствами, что они несли съ собою религиозную пропаганду за границы Израиля. Но иноземный элементъ, вступившій въ Израиль, вліялъ на него не долго и въ послѣдующемъ слился совсѣмъ съ Израилемъ и его религіею. Между тѣмъ этотъ элементъ былъ очень и очень незначителенъ. Вторая книга Паралипоменонъ (II, 17) даетъ намъ относительно него слѣдующее сообщеніе: „И исчислилъ Соломонъ всѣхъ пришельцевъ бывшихъ *тогда* въ землѣ израилевой послѣ исчисленія ихъ, сдѣланнаго Давидомъ, отцомъ его,—и нашлось ихъ сто пятьдесятъ три тысячи шестьсотъ“.

Со смертью Соломона кончилось единство Израиля. Царство раздѣлилось на два, этотъ политическій переворотъ сопровождался важными религиозными послѣдствіями: политическое раздѣленіе повлекло за собою раздѣленіе религиозное. Царь израильскій Іеровоамъ для того, чтобы его подданные не ходили въ Іерусалимъ на поклоненіе Іеговѣ, создалъ культъ тельцевъ въ Веоилѣ и Данѣ, устроилъ высоты, установилъ свои праздники и свое священство (3 Цар. XII). Какъ мы видимъ изъ дальнѣйшаго повѣствованія (наприм. XIII, 6), Іеровоамъ не думалъ отречься отъ Іеговы, но онъ рѣшилъ самосозданнымъ культомъ замѣнить культъ богоутвержденный. Онъ внесъ много произвольнаго въ религиозную практику, но онъ повидимому мало коснулся религиознаго ученія. Однако, такъ какъ многіе знакомятся прежде всего и больше всего съ ученіемъ по образцамъ, то, понятно, что нововведенія въ царствѣ израильскомъ сопровождались пагубными послѣдствіями. Нѣчто подобное, надо полагать, происходило и въ Іудеѣ. Для израильскаго царя религиозная реформа, можетъ быть, потому представлялась дѣломъ легкимъ, что онъ самъ уже раньше, чѣмъ сталъ царемъ, жилъ нѣкоторое время въ чисто языческой атмосферѣ Египта (XI, 40—41). Первые преемники Соломона въ Іудеѣ съ материнской стороны тоже были языческаго происхожденія: Ровоамъ — сынъ аммонитянки, его преемникъ Авія былъ

сыномъ Маахи, дочери Авессалома, внуки царя герарскаго (XV, 2). Они не ходили путями правыми (XV, 3). Такимъ образомъ, носители власти въ Иудеѣ и Израилѣ не были представителями чистаго истиннаго Богопочитанія, вслѣдъ за ними, конечно, многіе уклонялись отъ путей правыхъ, но за этимъ нечестіемъ, которое явно и грубо выставляло себя на свѣтъ, въ тѣни скромно жило много благочестивыхъ (XIX, 18). Однако и нечестіе встрѣчало себѣ явное и смѣлое противодѣйствіе со стороны пророковъ, и въ дѣятельности этихъ пророковъ уже совершенно явно раскрывается условность еврейскаго націонализма, раскрывается истина, что Богъ израилевъ есть Богъ всѣхъ народовъ и что обособленіе Израиля имѣло свою цѣлю и благо и этихъ народовъ, а не благо только Израиля. При первыхъ израильскихъ царяхъ мы встрѣчаемъ пророковъ обличителей нечестія этихъ царей (XIII и XIV гл.), но по мѣрѣ того, какъ исторія подвигается далѣе, мы видимъ, пророки начинаютъ дѣйствовать на болѣе широкой аренѣ, и ихъ рѣчи и дѣла, оказывается, имѣютъ въ виду благо не одного Израиля. Это прежде всего открывается намъ въ дѣятельности Иліи и затѣмъ Елисея.

Профессоръ С. С. Глаголевъ.

(Продолженіе будетъ).

Размышленія Декарта о первой философіи, въ коихъ доказывается существованіе Бога и отличіе души отъ тѣла.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО.

Отъ переводчика.

Изъ 11-ти томовъ Кузеновскаго изданія (1824—6 г.) трудовъ Декарта русская публика до сихъ поръ можетъ читать на своемъ родномъ языкѣ только незначительную часть перваго тома—его „Разсужденія о методѣ“. Этотъ трудъ самый ранній изъ всѣхъ трудовъ Декарта, въ которомъ онъ и не задавался цѣлью изложить съ надлежащею полнотою свои взгляды, существуетъ даже въ двухъ переводахъ: Скиады—1873 г. и Любимова 1886 г. Все остальное и болѣе существенное, писанное Декартомъ или на латинскомъ или на французскомъ языкѣ, для большинства русской публики остается недоступнымъ въ подлинникѣ. Между тѣмъ, если вообще нужно считать большимъ ущербомъ для философскаго образованія необходимость читать философскія системы въ изложеніяхъ разнаго рода „курсовъ“, то о Декартѣ это нужно сказать въ особенности. Въ высшей степени содержательная его система вылилась у него въ необыкновенно цѣльную, строго послѣдовательную, а потому очень ясную и удобную для воспріятія форму. А неизбѣжная сухость краткаго изложенія или даже обширнаго обслѣдованія не можетъ не сдѣлать её и болѣе темною и менѣе интересною. Впрочемъ, и литературу о Декартѣ у насъ нельзя назвать богатой. Въ дополненіе къ указаніямъ, сдѣланнымъ на этотъ счетъ въ „исторіи новой философіи“ Фалькенберга отмѣтимъ: Фулье, Декартъ, пер. Татариновой подъ ред. Н. Я. Грота.

Біографическій очеркъ Паперна: Декартъ, его жизнь и философская дѣятельность 1895 г. Серебренниковъ. Учение Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Стр. 80—138. 1892 г. Трехсотлѣтній юбилей со дня рожденія Декарта, исполнившійся въ 1896 г., далъ еще нѣсколько статей: Н. Гротъ. О жизни и дѣятельности Декарта. Вопросы Фил. и Псих. кн. 35. Н. А. Умовъ. Значеніе Декарта въ исторіи физическихъ наукъ. Вопр. Ф. и П. кн. 34. Л. М. Лопатинъ. Декартъ, какъ основатель философскаго и научнаго міросозерцанія. Ibid. Серебренниковъ. Декартъ и его философія. Хр. Чт. 1896 г. кн. II-я. Указаніе на иностранную литературу можно найти у Фалькенберга и Паперна.

Здѣсь мы предлагаемъ переводъ „Размышлений о первой Философіи“, самаго главнаго метафизическаго изслѣдованія Декарта, о которомъ справедливо можно сказать, что въ немъ находится ключъ къ уразумѣнію всей его философіи. Къ этому сочиненію, вышедшему на латинскомъ языкѣ въ 1641 г., самимъ Декартомъ были приложены: посвященіе его теологическому факультету Парижскаго университета, предисловіе и краткій обзоръ (Synopsis) слѣдующихъ шести размышлений. Здѣсь переведены и эти добавочныя части, какъ необходимыя для уясненія той задачи, которая предносилась автору „Размышлений“, и тѣхъ цѣлей, какія онъ преслѣдовалъ здѣсь.

Рене Декартъ мудрѣйшимъ и славнѣйшимъ мушамъ, декану и докторамъ священнаго теологическаго Парижскаго факультета.

Столь законная причина побуждаетъ меня представить вамъ это произведеніе и столь-же законную, я вѣрю, будете имѣть вы, по ознакомленіи съ содержаніемъ моего труда, взять его подъ свою защиту, что я не нахожу возможнымъ какъ-нибудь лучше отрекомендовать его здѣсь Вамъ, какъ только вкратцѣ пересказавши, къ чему я въ немъ стремился. Изъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ, которые должны быть раскрываемы скорѣе при помощи философіи, чѣмъ богословія, два—о Богѣ и о душѣ я считалъ по преимуществу таковыми. Ибо если намъ вѣрующимъ достаточно вѣрить, что душа не умираетъ съ тѣломъ и

что Богъ существуетъ, то невѣрующимъ, кажется, невозможно преподать сколько нибудь религіи, и даже какую-либо нравственную добродѣтель, если предварительно не докажемъ имъ эти два положенія путемъ естественнаго разума. И какъ часто въ этой жизни предлагаютъ большую награду порокамъ, чѣмъ добродѣтели, какъ немногіе предпочитаютъ честное полезному, если не боятся Бога и не ожидаютъ другой жизни. Хотя правда вообще должно вѣрить въ существованіе Бога, потому что этому учитъ св. Писаніе, и наоборотъ—св. Писанію нужно вѣрить, потому что оно дано Богомъ; вѣра есть даръ Божій и Онъ, давши благодать вѣры въ остальное, можетъ даровать намъ вѣру и въ собственное свое существованіе. Однако нельзя предложить этого невѣрнымъ, потому что они сочтутъ это логическимъ кругомъ. Я замѣтилъ даже, что не только Вы и прочіе богословы утверждаютъ возможность доказыванія существованія Бога естественнымъ разумомъ, но и изъ св. Писанія слѣдуетъ, что познаніе Его легче познанія многихъ сотворенныхъ вещей и вообще такъ легко, что не имѣющіе его повинны. Это ясно изъ слѣдующихъ словъ Прем. 13 (ст. 8—9): „но и они неизвинительны; если они столько могли разумѣть, что въ состояніи были изслѣдовать временный міръ, то почему они тотчасъ не обрѣли Господа Его.“ И къ Рим. гл. I таковыя называются „безотвѣтными“; тамъ-же словами: „что можно знать о Богѣ, явно для нихъ“, намъ показано, что все доступное познанію въ Богѣ можетъ быть открыто соображеніями нашего ума. Поэтому я счелъ умѣстнымъ изслѣдовать, какимъ образомъ и какимъ путемъ Богъ познается легче и вѣрнѣе, чѣмъ обыденныя вещи (*res seculi*). Что же касается души, то многіе считаютъ, что не легко изслѣдовать ея природу, а нѣкоторые даже осмѣлились утверждать, что человѣческія соображенія убѣждаютъ въ ея уничтоженіи вмѣстѣ съ тѣломъ и что одна только вѣра научаетъ противному. Однако такъ какъ таковыхъ осуждаетъ Латеранскій соборъ, бывшій при Львѣ X, въ 8 своемъ засѣданіи, и часто поручаетъ христіанскимъ философамъ разрушать ихъ доводы и доказывать истину по мѣрѣ возможности, то я не поколебался взяться за это. Кромѣ того, я знаю многихъ нечестивцевъ, которые только потому не хотятъ вѣрить въ существованіе Бога и признавать

различіе между душой человѣка и тѣломъ, что еще никто, говорятъ они, до сихъ поръ не могъ этого показать. Я никакъ не согласенъ съ ними и, наоборотъ, думаю, что почти всѣ соображенія, кои по поводу этихъ вопросовъ были приведены великими людьми, имѣютъ силу доказательствъ, когда они достаточно поняты. И я убѣжденъ, что едва ли можно представить тутъ еще какія нибудь соображенія, никѣмъ ранѣе не приводимыя. Однако ничего, полагаю, не можетъ быть полезнѣе въ философіи, какъ старательно находить наилучшія изъ всѣхъ ихъ и столь же тщательно и ясно излагать, чтобы для всѣхъ на послѣдующее время они имѣли значеніе дѣйствительныхъ доказательствъ. Такъ какъ къ тому-же нѣкоторые, коимъ извѣстно было, что я нашелъ методъ—(не новый, конечно, потому что нѣтъ ничего древнѣе истины)—для разрѣшенія всякихъ трудностей въ наукахъ, всячески потребовали этого отъ меня, видя, что я счастливо пользуюсь имъ въ другихъ вопросахъ, то я счелъ своимъ долгомъ попытаться и въ этомъ случаѣ. Все же, что я могъ сдѣлать, содержится въ этомъ трактатѣ. Я не пытался собрать въ немъ всѣ разнообразныя доводы, какіе могутъ быть представлены для доказательства поставленныхъ вопросовъ, ибо это оказывается и не стоющимъ труда, какъ если бы ни одинъ изъ нихъ не оказывался вѣрнымъ. Я изложилъ только главные и выдающіеся, но такъ, что уже осмѣливаюсь ихъ предлагать какъ очевиднѣйшія и вѣрнѣйшія доказательства. И прибавлю даже—они таковы, что не признаю возможнымъ для ума человѣческаго иного пути, по которому можно было бы найти лучшія. (Необходимость и слава Бога, къ которой здѣсь все направляется, заставляетъ меня нѣсколько свободнѣе говорить о моихъ доказательствахъ, чѣмъ это позволяетъ моя привычка). Впрочемъ, хотя я считаю ихъ вѣрными и очевидными, однако я не убѣжденъ, что они доступны усвоенію всѣхъ. Но какъ въ геометріи многое, написанное Архимедомъ, Аполлоніемъ и Паппомъ, хотя и считается даже очевиднымъ и вѣрнымъ, потому что не содержитъ рѣшительно ничего, что, рассматриваемое отдѣльно, не было бы легко понято, и ничего, въ чемъ недоставало бы точной связи слѣдствія съ посылками, однако, такъ какъ написанное—длинновато и требуетъ отъ читателя большаго вниманія, оно пони-

мается очень непонимы; такъ и я, хотя считаю тѣ доказательства, коими пользуюсь, равными по достовѣрности и очевидности геометрическимъ или даже превосходящими ихъ, однако боюсь, что многіе не будутъ въ состояніи достаточно воспринять ихъ, какъ потому, что они длинны и зависятъ другъ отъ друга, такъ особенно потому, что требуютъ ума, вполне свободнаго отъ предубѣжденій—такого, который легко освободился бы отъ вліянія чувствъ. И, конечно, не многіе въ мірѣ способны къ метафизическимъ наукамъ, какъ и къ геометрическимъ. Но кромѣ того, между ними есть различіе въ томъ, что въ геометріи, гдѣ по убѣжденію всѣхъ обыкновенно пишутъ то, на что имѣется вѣрное доказательство, неопытные скорѣе погрѣшаютъ, доказывая ложное,—когда хотятъ показать, что это понимаютъ,—чѣмъ отвергая истину. Напротивъ того, въ философіи, гдѣ, какъ думаютъ, нѣтъ ничего, чего бы нельзя было толковать и такъ, и иначе, весьма немногіе изслѣдуютъ истину, гораздо больше домогаются прославить умъ свой тѣмъ, что осмѣливаются оспаривать самое лучшее (*optima quaeque impugnae*). Впрочемъ, каковы бы ни были мои доводы, такъ какъ они однако относятся къ философіи; то я не надѣюсь съ ихъ помощью сдѣлать что-нибудь важное, если вы не поможете мнѣ своимъ покровительствомъ, потому что о нашемъ факультетѣ всѣ высокаго мнѣнія и имя Сорбонны настолько авторитетно, что не только въ дѣлахъ вѣры ни одному Обществу послѣ св. соборовъ не довѣряютъ такъ, какъ вашему, но даже въ философіи человѣческой нигдѣ не признаютъ большей проницательности и надежности, равно какъ и большей правильности и мудрости въ произнесеніи сужденій. Я не сомнѣваюсь, что вы удостоите взять заботу объ этомъ сочиненіи прежде всего, конечно, чтобы его исправить, ибо я не забываю не только своей человѣческой природы, но особенно своей неопытности, и не утверждаю, что въ немъ нѣтъ ошибокъ; потомъ вы позаботитесь, чтобы все въ немъ недостающее или недостаточно выполненное или требующее большого раскрытія пополнить, докончить и освѣтить, вы-ли это сдѣлаете, или я подъ нашимъ руководствомъ. Наконецъ, послѣ того, какъ содержащіяся въ этомъ трудѣ доводы, которыми доказывается существованіе Бога и различіе души отъ тѣла, будутъ

доведены до той очевидности, до которой, я вѣрю, они могутъ быть доведены, такъ чтобы они оказались самыми точными доказательствами, вы пожелаете его обнародовать и публично засвидѣтельствовать. Я не сомнѣваюсь, повторяю, что если бы такъ было, то всѣ заблужденія, когда-либо бывшія относительно этихъ вопросовъ, въ короткое время исчезли бы изъ человѣческаго ума. Ибо сама истина сдѣлаетъ то, что всѣ разумные и ученые подпишутся подъ вашимъ приговоромъ, а авторитетъ—сдѣлаетъ то, что атеисты, которые обыкновенно болѣе надменны, чѣмъ разумны и учены, оставятъ духъ противорѣчія, и даже, можетъ быть,—чтобы не показаться непонимающими,—сами станутъ защищать доводы, принимаемые за доказательства всѣми одаренными умомъ. Наконецъ, всѣ прочіе легко повѣрятъ столькимъ свидѣтельствамъ, и не останется въ мірѣ больше ни одного, сомнѣвающегося или въ существованіи Бога или въ реальномъ отличіи души отъ тѣла. Какова отъ этого была бы польза, вы сами вашей мудростью можете оцѣнить лучше всѣхъ. И не прилично было бы мнѣ указывать здѣсь подробнѣе на требованія религіи и Бога—вамъ, кои всегда были величайшими столпами католической церкви.

Предисловіе къ читателю.

Вопросовъ о Богѣ и душѣ человѣческой я уже нѣсколько коснулся раньше въ „Разсужденіи о методѣ для правильнаго употребленія разума и отысканія научныхъ истинъ“, изданномъ на французскомъ языкѣ въ 1637 г. Я не имѣлъ, конечно, цѣлью изложить ихъ тамъ тщательно, но только попробовать изъ сужденій читателей узнать, какимъ образомъ я долженъ былъ трактовать о нихъ потомъ. Мнѣ казался такой приемъ очень важнымъ, потому что я находилъ, что объ этихъ вопросахъ нужно говорить болѣе, чѣмъ одинъ разъ; да и слѣдую я въ изъясненіи ихъ путемъ такъ мало извѣстнымъ и настолько далекимъ отъ обычнаго употребленія, что я не счелъ полезнымъ излагать его подробнѣе во французскомъ произведеніи (т. е. въ „Разсужд. о методѣ“), предназначенномъ для чтенія всѣхъ безразлично, чтобы слабые умы даже не подумали считать его доступнымъ себѣ. Тамъ-же я просилъ всѣхъ, кто встрѣтитъ въ моихъ тру-

дакъ что-нибудь достойное порицанія, соблаговолить указать мнѣ на это.

Изъ того, что я тамъ сказалъ по поводу указанныхъ вопросовъ, были представлены достойными замѣчанія два пункта, на которыя я здѣсь отвѣчу, прежде чѣмъ приступить къ болѣе подробному ихъ раскрытію. Первый: изъ того, что душа (mens) чело-вѣка, обращаясь къ самой себѣ, не замѣчаетъ, что-бы она была чѣмъ-нибудь инымъ, какъ только вещью мыслящей, не слѣдуетъ, чтобы природа ея или сущность состояла *только* въ томъ, что она вещь мыслящая, такъ какъ словомъ „только“ исключается все, что даже, можетъ быть, и можно относить къ природѣ души. На это возраженіе я отвѣчаю, что я тамъ не имѣлъ въ виду исключать что-нибудь подобное въ отношеніи самой истинной природы вещи (ad ipsam rei veritatem) (о ней, разумѣется, я тогда не велъ и рѣчи), но только въ отношеніи моего собственнаго воспріятія (ad meam perceptionem)—въ томъ смыслѣ, что я рѣшительно ничего не знаю, что-бы могъ навѣрное относить къ моей сущности кромѣ того, что я вещь мыслящая или вещь, имѣющая въ себѣ способность мышленія. Я далѣе покажу, какимъ образомъ изъ того, что я не знаю ничего иного, относящагося къ моей сущности, слѣдуетъ, что ничто другое къ ней и въ дѣйствительности не относится. Второй пунктъ: изъ того, что я имѣю въ себѣ идею вещи болѣе совершенной, чѣмъ я, не слѣдуетъ, что-бы самая идея была совершеннѣе меня, а тѣмъ менѣе,—чтобы существовало то, что эта идея представляетъ. Но отвѣчаю, здѣсь въ словѣ „идея“ скрывается двусмысленность, ибо её можно разсматривать или материально (materialiter), какъ дѣйствіе разума, въ каковомъ смыслѣ она не можетъ быть признана совершеннѣе меня,—или объективно (objective), какъ вещь представляемую этимъ дѣйствіемъ, каковая вещь, хотя бы существованіе ея внѣ нашего разума и не предполагалось, можетъ быть совершеннѣе меня въ отношеніи своей *сущности*. Я далѣе подробно изложу, какимъ образомъ изъ того только, что я имѣю въ себѣ идею вещи болѣе совершенной, чѣмъ я, слѣдуетъ, что эта вещь дѣйствительно существуетъ.—Кромѣ этихъ возраженій, я видѣлъ еще два довольно обширныхъ сочиненія, но они сражаются не столько съ моими соображеніями по выше-

указаннымъ вопросамъ, сколько съ выводами изъ нихъ и при помощи аргументовъ, заимствованныхъ изъ „общихъ мѣстъ“ атеистовъ. Такъ какъ однако подобнаго рода аргументы не могутъ имѣть никакой силы для всѣхъ, усвоившихъ мои соображенія, а сужденія многихъ до того превратны и поверхностны, что они скорѣе убѣждаются ранѣе воспринятыми, хотя-бы и ложными мнѣніями, чѣмъ истиннымъ и твердымъ опроверженіемъ послѣднихъ, по услышанномъ позднѣе, то я не хочу здѣсь отвѣчать на нихъ, чтобы не быть вынужденнымъ поставить ихъ ранѣе. Вообще скажу, что все, выставляемое атеистами противъ существованія Бога, стоитъ въ зависимости всегда отъ того, что или Богу приписываются человѣческія страсти или нашему уму усваивается такая сила и мудрость, что мы пытаемся понять и опредѣлить, что Богъ можетъ и долженъ совершить. Поэтому, чтобы не представлялось намъ здѣсь никакого затрудненія, будемъ только помнить, что нашъ умъ должно признавать конечнымъ, а Бога непостижимымъ и бесконечнымъ. Теперь-же я, испытавши однажды судъ человѣческій, опять принимаюсь здѣсь излагать тѣ-же вопросы о Богѣ и душѣ человѣческой, а вмѣстѣ начала всей первой философіи, но не ожидаю ни одобренія толпы, ни множества читателей: я совѣтую читать это только тѣмъ, кто можетъ и захочетъ размышлять со мной серьезно и освободить свою мысль отъ чувствъ, а вмѣстѣ и отъ всѣхъ предразсудковъ, каковыхъ (читателей), я знаю, найдется очень не много. Что-же касается тѣхъ, кои, не заботясь понять теченіе и связь моихъ доводовъ, станутъ старательно нападать на отдѣльныя заключенія, какъ это свойственно многимъ, таковыя не получаютъ большой пользы отъ чтенія этого сочиненія, и хотя, можетъ быть, во многомъ найдутъ поводы для остротъ, однако не легко укажутъ что нибудь важное и достойное ствѣта. Впрочемъ я даже и другимъ не обѣщаю, что удовлетворю ихъ во всемъ съ перваго взгляда, и не увѣренъ въ томъ, что предвижу затрудненія всѣхъ. Прежде всего однако въ этихъ размышленіяхъ я изложу тѣ самыя мысли, съ помощью которыхъ, мнѣ кажется, я достигъ истиннаго и очевиднаго познанія истины, чтобы попробовать, не могу-ли я убѣдить другихъ тѣми-же самыми доводами, коими убѣдилъ себя. Послѣ этого я буду отвѣчать на возраженія вы-

дающихся по уму и учености мужей, коиъ эти размышленія я отправилъ для оцѣнки, прежде чѣмъ напечатать. Они сдѣлали много и различныхъ возраженій, такъ что, смѣю надѣяться, едва ли другимъ можетъ придти на мысль что-либо по крайней мѣрѣ скольконибудь важное, что еще не было бы затронуто ими. И поэтому даже прошу читателей произносить свой судъ о „Размышленіяхъ“, не прежде, какъ соблаговолитъ прочитать эти возраженія и всѣ ихъ разрѣшенія.

Краткое изложеніе (Synopsis) шести слѣдующихъ размышленій.

Въ первомъ размышленіи излагаются причины, вслѣдствіе которыхъ мы можемъ усумниться во всѣхъ вещахъ, особенно матеріальныхъ, пока конечно, не имѣемъ другихъ основаній для знанія, кромѣ тѣхъ, кои имѣли до сихъ поръ. И хотя польза такого широкаго сомнѣнія съ перваго взгляда не ясна, но она весьма велика и состоитъ въ томъ, что оно освобождаетъ насъ отъ всѣхъ предразсудковъ и открываетъ путь къ очищенію мысли отъ чувствъ, а наконецъ дѣлаетъ то, что мы не можемъ болѣе сомнѣваться въ томъ, что послѣ этого примемъ за истину.

Во второмъ: мысль, предполагающая подл условіемъ свободы, что не существуетъ все то, въ существованіи чего она хоть немного можетъ усумниться, замѣчаетъ, что не можетъ быть, чтобы она сама не существовала въ это время. Это-же весьма важно, потому что такимъ образомъ легко отличить принадлежащее ей, т. е., природѣ мыслящей отъ принадлежащаго тѣлу. Такъ какъ, можетъ быть, нѣкоторые ожидаютъ въ этомъ мѣстѣ доказательствъ безсмертія души, то таковымъ я намѣренъ здѣсь напомнить, что я осмѣлился писать только то, что можетъ быть тщательно доказано, поэтому я и не могъ слѣдовать иному порядку, какъ только принятому у геометровъ, именно: прежде чѣмъ дать заключеніе по поводу указаннаго положенія (о безсмертіи души), я напередъ указалъ все то, отъ чего оно находится въ зависимости. Первое и важнѣйшее, что требуется для признанія безсмертія души, состоитъ въ томъ, чтобы образовать понятіе о ней, какъ можно болѣе очевидное и совершенно отличное отъ понятія о тѣлѣ, что я и сдѣлалъ здѣсь (во 2-мъ разм.). Кромѣ того, требуется признать, что все, познаваемое

нами ясно и раздѣльно, истинно въ той же самой мѣрѣ, въ какой оно нами познается, чего я не могъ доказать раньше четвертаго размышленія. Должно имѣть также раздѣльное понятіе о тѣлесной природѣ; оно устанавливается частью въ этомъ второмъ, частью же въ пятомъ и шестомъ размышленіи. Изъ этого-же должно заключать, что-то, что мы ясно и раздѣльно представляемъ различными субстанціями, какъ представляются душа и тѣло, на самомъ дѣлѣ суть субстанціи реально различныя между собой; а это устанавливается въ шестомъ размышленіи. Впрочемъ, то же самое утверждается и въ этомъ второмъ тѣмъ, что мы признаемъ всякое тѣло дѣлнымъ, а всякую мысль недѣлимой, ибо не можемъ представить себѣ середину какой-нибудь мысли, тогда какъ можемъ это сдѣлать о всякомъ самомъ маломъ тѣлѣ; поэтому мы признаемъ природы ихъ не только различными, но даже нѣкоторымъ образомъ противоположными. Далѣе по этому вопросу я не распространялся въ этомъ сочиненіи отчасти потому, что и сказаннаго достаточно, чтобы показать, что разрушеніе тѣла не влечетъ уничтоженія души, и чтобы подать смертнымъ и надежду другой жизни, отчасти потому, что предпосылки, изъ которыхъ можетъ быть выведено безсмертіе души, находятся въ зависимости отъ изложенія всей физики. Вѣдь для этого нужно знать, во-первыхъ, что всѣ вообще субстанціи или вещи, которыя для своего существованія нуждаются въ творческой силѣ Бога, по самой природѣ своей неуничтожимы (*incorruptibiles*) и никакъ не могутъ перестать быть, если только тотъ-же Богъ не обратитъ ихъ въ ничто, лишивши ихъ своего попеченія. Нужно, далѣе, обратить вниманіе, что *тѣло вообще* есть субстанція и потому никогда не погибаетъ; *тѣло-же человеческое* отличается отъ другихъ тѣлъ только извѣстнымъ расположеніемъ своихъ членовъ и другими подобнаго рода акциденціями. Не то душа: она состоитъ не изъ акциденцій, а есть чистая субстанція, и хотя всѣ ея акциденціи мѣняются, потому что объ однихъ вещахъ она думаетъ, другихъ желаетъ, третьи чувствуетъ и т. п., однако сама отъ этого не становится другой. Напротивъ тѣло человѣка становится инымъ только оттого, что измѣняется форма нѣкоторыхъ его частей.

Отсюда слѣдуетъ, что тѣло весьма легко разрушается, душа же по самой природѣ своей безсмертна.

Въ третьемъ размышленіи я, какъ мнѣ кажется, достаточно ясно изложилъ мое главное доказательство бытія Божія. Впрочемъ, такъ какъ, для того чтобы какъ можно лучше оградить мысль читателей отъ чувствъ, я не пожелалъ воспользоваться здѣсь никакими сравненіями, заимствованными отъ тѣлесныхъ вещей, то, можетъ быть, и осталось много неясностей, которыя однако, надѣюсь, будутъ окончательныо устранены въ отвѣтахъ на возраженія. Такъ, между прочимъ, недоумѣніе—какимъ образомъ идея существа всесовершеннаго, которая есть въ насъ, имѣетъ столько объективной реальности, что требуетъ и причины всесовершенной—я тамъ поясняю сравненіемъ съ весьма совершенной машиной, которой идея находится въ умѣ художника. Ибо какъ объективное выполненіе этой идеи должно имѣть какую нибудь причину, именно въ знаніяхъ самаго художника или того лица, отъ котораго онъ ее позаимствовалъ, такъ и идея Бога, которая есть въ насъ, не можетъ не имѣть самаго Бога своей причиной.

Въ четвертомъ размышленіи доказывається, что все, что мы воспринимаемъ ясно и раздѣльно, истинно, а вмѣстѣ разъясняется, въ чемъ состоитъ причина заблужденій, что необходимо знать какъ для подтвержденія предшествующаго, такъ и для пониманія остальнаго. Нужно замѣтить предварительно, что я здѣсь вовсе не говорю о грѣхѣ или заблужденіи, сопровождающемъ достиженіе добра или зла, но о заблужденіи, случающемся при различеніи истиннаго отъ ложнаго. Здѣсь не разсматриваются истины, относящіяся къ вѣрѣ или къ образу жизни, а только спекулятивныя, познаваемые помощью одного естественнаго свѣта.

Въ пятомъ размышленіи, въ силу разъясненія тѣлесной природы вообще, новымъ способомъ доказывається существованіе Бога. Здѣсь опять, можетъ быть, окажутся нѣкоторыя затрудненія; они разрѣшатся потомъ, въ отвѣтахъ на возраженія. Наконецъ здѣсь показывается, какимъ образомъ достовѣрность самихъ геометрическихъ доказательствъ зависитъ отъ познанія Бога.

Въ шестомъ, наконецъ, отличается разумѣніе отъ вообра-

женія, описываются признаки ихъ различія; доказывается, что душа реально отличается отъ тѣла, показывается, что не смотря на это, она такъ тѣсно соединена съ тѣломъ, что составляетъ съ нимъ нѣчто единое; опять разсматриваются всѣ заблужденія, обычно происходящія отъ чувствъ; излагаются способы, какими ихъ можно избѣжать; наконецъ, приводятся всѣ соображенія, изъ коихъ можно заключить о существованіи матеріальныхъ вещей. Это дѣлаю не потому, чтобы я считалъ ихъ весьма полезными для доказательства того, что они и доказываютъ—что дѣйствительно есть міръ, что люди имѣютъ тѣла и под., въ чемъ никто здравомыслящій серьезно никогда не сомнѣвался, но для того, чтобы изъ разсмотрѣнія этихъ соображеній видѣть, что они и не такъ тверды и не такъ очевидны по сравненію съ тѣми, чрезъ кои мы доходимъ до познанія Бога и нашей души, такъ что эти послѣднія суть самыя вѣрныя и очевидныя изъ всѣхъ, доступныхъ уму человѣческому. Доказательство вотъ этого одного я и поставилъ своею цѣлью въ этихъ размысленіяхъ. Поэтому я здѣсь не воспроизвожу другихъ разнообразныхъ вопросовъ, кои я затрогивалъ въ нихъ случайно.

Первое изъ размысленій о первой философіи, въ коихъ показывается существованіе Бога и отличіе души отъ тѣла.

О ТОМЪ, ВЪ ЧЕМЪ МОЖНО УСУМНИТЬСЯ.

Я уже нѣсколькими годами равьше замѣтилъ ¹⁾, какъ много ложнаго съ малыхъ лѣтъ принималъ я за истинное и какъ сомнительно все, построенное впослѣдствіи на этомъ: поэтому, если желаю установить въ наукахъ что нибудь прочное и устойчивое, нужно раз въ жизни разрушить окончательно все и начать вновь съ первыхъ основаній. Но это казалось мнѣ дѣломъ большой важности и я ожидалъ возраста зрѣлаго, который былъ бы наиболѣе способенъ къ усвоенію наукъ, я такъ долго медлилъ, что было бы непростительно и все оставшееся мнѣ для дѣятельности время потерять въ нерѣшительности. Поэтому теперь, кстати освободивши свой умъ отъ всякихъ заботъ и позаботив-

¹⁾ Декартъ здѣсь разумѣетъ, свое „Разсужденіе“ о методѣ, вышедшее на франц. яз. въ 1637; „Размысленія“ же его появились въ печати въ 1641 году.

пись лишь о спокойномъ досугѣ, я удаляюсь въ уединеніе и займусь наконецъ серьезно и свободно этимъ общимъ ниспроверженіемъ моихъ мнѣній. Для этого не будетъ надобности показать, что всѣ они ложны. Этого, можетъ быть, никогда нельзя достигнуть; но такъ какъ даже простое размышленіе убѣждаетъ такъ же тщательно удерживаться отъ согласія съ тѣмъ, что не совсѣмъ вѣрно и несомнѣнно, какъ и съ завѣдомо ложнымъ, то будетъ достаточно основаній для того, чтобы отвергнуть всѣ мнѣнія, если я найду какой-нибудь поводъ сомнѣваться хотя въ одномъ. Поэтому-же не будетъ надобности разсматривать каждое изъ нихъ отдѣльно,—такая попытка не имѣла бы конца; достаточно только подрывать основанія, чтобы само собой рушилось все воздвигнутое на нихъ, а потому я сразу начну съ принциповъ, на коихъ опиралось все, чему я издавна вѣрилъ.

Все, что я принималъ до сихъ поръ за самое истинное, я получалъ или отъ чувствъ или чрезъ чувства (*vel a sensibus, vel per sensus*); они-же, я замѣтилъ, иногда обманываютъ насъ, а благоразуміе требуетъ никогда не довѣрять тому, что насъ обмануло хоть однажды. Но, можетъ быть, чувства, обманывающая насъ въ вещахъ незначительныхъ и отдаленныхъ, не позволяютъ однако сомнѣваться во многомъ, хотя бы это получалось чрезъ нихъ, напр., что я здѣсь, сижу у камина, одѣтый въ халатъ; прикасаюсь руками къ бумагѣ и под.; и на какомъ основаніи я могу отрицать, что эти руки и все это тѣло—мое? Я уподобился бы, не знаю какимъ, сумасшедшимъ, коихъ мозгъ разстроенъ и помраченъ темными выдѣленіями желчи и которые постоянно увѣряютъ, что они короли, тогда какъ они бѣдняки, что одѣты въ пурпуръ, тогда какъ они наги, которые утверждаютъ, что голова у нихъ изъ глины, или что они—тыква или что сдѣланы они изъ стекла. Но вѣдь это сумасшедшіе. Не былъ-ли бы и я такимъ-же безумцемъ, если бы что-нибудь отъ нихъ сталъ перенимать себѣ? Однако не забуду, что я человѣкъ, имѣющій обыкновение спать ночью и представлять себѣ лишь во снѣ всѣ тѣ вещи, какія сумасшедшіе представляютъ себѣ на яву, и даже иногда еще менѣе возможныя. Сколько разъ случалось мнѣ грезить во снѣ, что я сижу здѣсь, одѣтый, у огня, тогда какъ я раздѣ-

тый лежалъ на своей постели. Конечно, я теперь бодрствующими глазами смотрю на эту бумагу, и голова, которою двигаю, не отягощена сномъ, эту руку я протягиваю преднамѣренно и свободно; во снѣ же, кажется, не происходитъ все такъ ясно и раздѣльно. Однако вспоминаю, что не разъ былъ обманутъ во снѣ подобными иллюзіями. Остававливаясь внимательнѣе на этой мысли, прихожу къ твердому убѣжденію, что нѣтъ вѣрныхъ признаковъ, по которымъ можно было бы отличить сонъ отъ бодрствованія, и такъ пораженъ такимъ заключеніемъ, что почти способенъ увѣрить себя, что спалъ. Предположимъ-же, что мы спимъ, и что всѣ эти частности—будто открываемъ глаза, двигаемъ головой, протягиваемъ руки, суть обманъ, что, можетъ быть, я даже не имѣю ни рукъ, ни ногъ, ни всего тѣла въ такомъ видѣ, какъ это мнѣ представляется. Однако на самомъ дѣлѣ нужно сознаться, что грезы сновидній суть какъ бы нѣкоторые живописные образы, которые могли быть составлены только въ подражаніе дѣйствительнымъ вещамъ. Поэтому, по крайней мѣрѣ все, что есть общаго у всѣхъ, какъ-то: глаза, голова, руки и все тѣло суть вещи, существующія не въ воображеніи, но и въ дѣйствительности. Безъ сомнѣнія, сами живописцы, когда стараются представить сирень и сатириковъ въ самыхъ причудливыхъ формахъ, не могутъ придать имъ во всѣхъ отношеніяхъ новой природы и только необыкновеннымъ образомъ перемѣшиваютъ части различныхъ животныхъ. Если бы даже имъ удалось выдумать что-нибудь до того новое, чтобы рѣшительно ничего похожаго этому не было,—нѣчто вполне странное и ложное, то и тогда однако по крайней мѣрѣ должны быть взяты изъ дѣйствительности *цвѣта*, изъ коихъ слагалось бы это новое. Равнымъ образомъ, такъ какъ указанная общія принадлежности—глаза, голова, руки и под. могутъ сами стать предметомъ воображенія, то необходимо признать истиннымъ и дѣйствительнымъ нѣчто другое, еще болѣе простое и общее, изъ чего, какъ изъ дѣйствительныхъ цвѣтовъ, слагаются всѣ тѣ истинные и ложные вещественные образы, кои существуютъ въ нашемъ сознаніи. Такими простыми и общими элементами, повидимому, являются: тѣлесная природа вообще и ея протяженіе, фигура протяженныхъ вещей, количество или ихъ величина, число, мѣсто, гдѣ

находятся, время, какъ ихъ продолжительность, и подобное. Вотъ почему мы сдѣлаемъ вѣрное заключеніе, признавши, что физика, астрономія, медицина и всѣ другія науки, зависящія отъ разсмотрѣнія сложныхъ вещей, сомнительны. Напротивъ, ариметика, геометрія и прочія науки подобнаго рода, конструируютъ о самыхъ простыхъ и общихъ матеріяхъ, мало заботясь, существуютъ-ли онѣ въ природѣ или нѣтъ, содержатъ нѣчто вѣрное и несомнѣнное, ибо, сплю-ли я или бодрствую, два сложенныхъ съ тремя даютъ всегда пять и у квадрата не будетъ болѣе четырехъ сторонъ. Повидимому, невозможно столь очевидное и истинное заподозрить въ ложности и недостоверности. Однако, издавна въ моемъ умѣ крѣпко укоренена мысль, что существуетъ вѣкій Богъ, для котораго все возможно и который создалъ меня такимъ, каковъ я есть. Откуда я знаю, не сдѣлалъ-ли онъ такъ, что вовсе нѣтъ никакой земли, никакого неба, никакого протяженнаго тѣла, никакой фигуры, никакой величины, никакого мѣста, и что однако все это представляется мнѣ существующимъ такъ именно, какъ теперь я это вижу. А когда я вижу, что нерѣдко многіе ошибаются въ томъ, что по ихъ убѣжденію имъ лучше всего извѣстно, то откуда могу знать, что Богъ не сдѣлалъ такъ, чтобы я ошибался всякій разъ, когда складываю два съ тремя или исчисляю стороны квадрата или, если возможно представить себѣ что-нибудь болѣе легкое, то и въ этомъ. Но, можетъ быть, Богъ не сталъ бы меня обманывать на томъ основаніи, что онъ считается всеблагимъ? Однако, если противно его благодати сотворить меня такимъ, чтобы я *всегда* обманывался, то не менѣе несогласимо съ нею допускать чтобы я обманывался *иногда*, а этого послѣдняго отрицать нельзя. Если-же нѣкоторые скорѣе согласились-бы отрицать существованіе такого всемогущаго Бога, чѣмъ признать всѣ прочія вещи недѣйствительными, то мы имъ не препятствуемъ и допускаемъ, что все сказанное о Богѣ заблужденіе. Такія лица предполагаютъ, что я достигъ своего настоящаго состоянія или дѣйствіемъ фатума, или случайно, или послѣдовательнымъ ходомъ вещей, или какимъ-нибудь другимъ образомъ, а такъ какъ возможность обманываться и заблуждаться есть нѣкоторое несовершенство, то чѣмъ менѣе могущественнаго виновника моего происхожденія выставляютъ они, тѣмъ вѣро-

ятнѣе становится даже такое мое несовершенство, чтобы я ошибался всегда. На такіе доводы я не знаю, что отвѣтить, и въ концѣ всего принужденъ признать, что изъ всего принимаемаго прежде за истину нѣтъ ничего, въ чемъ вельзя было бы усумниться. И это не вслѣдствіе недоразумѣнія или легкомыслія, но вслѣдствіе причинъ важныхъ и обдуманыхъ, такъ что, если я хочу найти что нибудь достовѣрное, я долженъ тщательно воздерживаться отъ согласія и съ этими достовѣрными истинами такъ же, какъ и съ завѣдомо ложными. Однако еще недостаточно замѣтить это, а нужно постараться всегда помнить, что постоянно приходится имѣть дѣло съ привычными мнѣніями, кои почти даже противъ моей воли завладѣваютъ моимъ довѣріемъ, принадлежащимъ имъ какъ бы по праву долгаго употребленія и по привычкѣ. Пока я стану представлять эти мнѣнія такими, каковы они на самомъ дѣлѣ, т. е., хотя нѣкоторымъ образомъ подлежащими сомнѣнію, какъ только что показано, но тѣмъ не менѣе весьма вѣроятными, къ которымъ разумъ болѣе склоненъ относиться съ довѣріемъ, чѣмъ отрицательно, до тѣхъ поръ я никогда не отучусь соглашаться съ ними и полагаться на нихъ. Поэтому, какъ мнѣ кажется, я не худо поступлю, если, наперекоръ обычной склонности, буду обманывать себя самого, представляя нѣкоторое время эти мнѣнія вообще ложными и плодами воображенія, пока наконецъ такимъ образомъ не сгладится вліяніе предубѣжденій съ той и другой стороны, такъ что никакая обманчивая привычка не станетъ болѣе отвлекать мое сужденіе отъ истиннаго воспріятія вещей. Я знаю, что отсюда не произойдетъ никакой опасности или преступленія и вполне спокойно смотрю на такую недовѣрчивость, такъ какъ здѣсь я веду рѣчь не о поведеніи и морали, а о знаніи. И такъ допущу-же, что не этотъ благій Богъ источникъ истины, а нѣкоторый злой гевій, столь-же могущественный, какъ и коварный, употребилъ все свое искусство, чтобы меня обмануть. Стану думать, что небо, воздухъ, земля, цвѣта, фигуры, звуки и всѣ прочія внѣшнія вещи суть только игра сновидѣній, посредствомъ которыхъ онъ ставитъ сѣти моей довѣрчивости. Буду считать, что я не имѣю ни рукъ, ни глазъ ни плоти, ни крови, ни какого-либо чувства и что я ложно считаю, что имѣю все это. Упорно буду оставаться при

этомъ мнѣніи. Если-же не въ моей власти открыть истину, то по крайней мѣрѣ стану охранять отъ извращеній то, что есть во мнѣ. и буду бдительно беречься, чтобы не позволить тому живому духу навязать мнѣ чтонибудь, какъ бы могучъ я коваренъ онъ ни былъ. Но это очень трудное дѣло и нѣкоторая косность влечетъ меня къ привычкамъ жизни. Подобно тому, какъ невольникъ, наслаждавшійся во снѣ воображаемою свободой, когда начинаетъ подозрѣвать, что это только сонъ, боится проснуться и долго не признаетъ, что это были заманчивыя иллюзіи, и я невольно склоняюсь къ прежнимъ мнѣніямъ и боюсь пробудиться, чтобы не быть вынужденнымъ проводить тяжелое бодрствованіе, смѣнившее тишину покоя, среди непреодолимаго мрака познанныхъ мною затрудненій вмѣсто свѣта истины.

Размышленіе второе. О природѣ души человѣческой; что душа нашъ болѣе извѣстна, чѣмъ тѣло.

Вчерашнее размышленіе повергло меня въ такія сомнѣнія, что забыть ихъ не въ моей болѣе власти, и между тѣмъ я не вижу, какъ они должны быть разрѣшены; какъ будто я неожиданно упалъ въ пучину и такъ потрясенъ, что не могу ни стать на ноги, ни всплыть на поверхность. Однако сдѣлаю усиліе и попробую идти по тому-же пути, на который вступилъ вчера, отвергая, разумѣется, какъ совершенно ложное все то, что допускаетъ хотя малѣйшее сомнѣніе. Такъ пойду далѣе, пока не достигну чего-нибудь достовѣрнаго или по крайней мѣрѣ, если ничего другого, то хоть то навѣрное узнаю, что нѣтъ ничего достовѣрнаго. Чтобы сдвинуть съ мѣста всю землю, Архимедъ требовалъ только твердой и неподвижной точки опоры, такъ и я буду имѣть великія надежды, если найду хоть что-нибудь вѣрное и непоколебимое.

Итакъ я предполагаю, что все, что я вижу, ложно, и вѣрно, что никогда не существовало того, о чемъ говоритъ мнѣ обманчивая память, и что я не имѣю рѣшительно никакихъ чувствъ; тѣло, фигура, протяженіе, движеніе и мѣсто суть химеры. Что-же въ такомъ случаѣ будетъ истинно? Можетъ быть то одно, что нѣтъ ничего достовѣрнаго? Но откуда я знаю, что нѣтъ чего-либо отличнаго отъ только что перечи-

сленнаго, такого, въ чемъ не оказалось бы ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію? Развѣ нѣтъ въ самомъ дѣлѣ какого-нибудь Бога, или какимъ бы именемъ Его ни назвать, который и вложилъ въ меня эти самыя мысли? Однако зачѣмъ-же мнѣ это думать, когда, можетъ быть, я и самъ могу быть ихъ виновникомъ? Поэтому по крайней мѣрѣ представляю-ли я самъ что-нибудь? Но я уже раньше отвергъ у себя всѣ чувства и всякое тѣло, и однако мое я остается. Что-же изъ этого? Такъ-ли я связанъ съ тѣломъ и чувствами, чтобы безъ нихъ не могъ существовать? Я вѣдь себя убѣдилъ, что рѣшительно ничего нѣтъ въ мірѣ, нѣтъ никакого неба, никакой земли, никакихъ мыслей, никакихъ тѣлъ; неужели-же и меня нѣтъ? Конечно, я былъ, если себя въ чемъ-нибудь *убѣдилъ*. А такъ какъ есть нѣкій лживый духъ, не знаю какой, но очень могущественный и очень коварный, который старательно меня *обманываетъ всегда*, то я и *есмы*, если *обманываетъ*. Пусть онъ обманываетъ, сколько можетъ, однако никогда не достигнетъ того, чтобы я былъ *ничѣмъ*, пока я буду сознавать себя *чѣмъ-нибудь*. Взвѣсивъ все выше сказанное, должно признать, что положеніе: я *есмы*, я существую, всякій разъ какъ оно мною произносится и воспринимается умомъ (сознается), истинно. Я еще не знаю достаточно, каковъ я, хотя существованіе мое уже признано необходимымъ. Далѣе должно остерегаться, чтобы какъ-нибудь не принять вмѣсто меня что-нибудь другое и такимъ образомъ допустить погрѣшность даже въ томъ знаніи, которое, по нашимъ намѣреніямъ, должно быть самымъ достовѣрнымъ и самымъ очевиднымъ.

Здѣсь я опять, прежде чѣмъ начать размышлять по этому поводу, рассмотрю, чѣмъ я представлялъ себя раньше. Изъ этого потомъ я устраню все, что съ ниспроверженіемъ доводовъ окажется хоть немного спорнымъ, такъ чтобы наконецъ осталось только самое вѣрное и непоколебимое. Итакъ, чѣмъ-же я до этого считалъ себя? Разумѣется, человекомъ. Но что такое человекъ? Скажу-ли—„животное разумное?“ Конечно, нѣтъ, потому что потомъ придется спросить, что такое „животное“, и что такое „разумное?“ Такимъ образомъ отъ одного вопроса я перешелъ бы ко многимъ и гораздо труднѣйшимъ, а у меня и свободнаго времени нѣтъ столько, чтобы я могъ тратить его на

подобныя тонкости. вмѣсто этого здѣсь лучше рассмотримъ, что мнѣ невольно и по указанію моея природы приходило на мысль всякій разъ, какъ я размышлялъ о томъ, что я такое. Прежде всего мнѣ представлялось, что я имѣю лицо, руки, кисти рукъ и всѣ эти члены той машины, которую можно видѣть и у трупа и которую я называлъ словомъ „тѣло“. Кромѣ того, я замѣчалъ, что я питаюсь, хожу, чувствую и думаю. Эти дѣйствія я относилъ къ душѣ, а что такое эта душа, я или не обращалъ вниманія, или воображалъ ее чѣмъ-то тонкимъ на подобіе вѣтра, или огня, или эѳира, какъ бы разлитымъ между болѣе грубыми частицами моего существа. О тѣлѣ я ничуть не сомнѣвался и былъ увѣренъ, что хорошо знаю его природу, и если бы я попробовалъ какъ нибудь описать, какъ я ее себѣ представляю, то сдѣлалъ-бы это такъ: подъ тѣломъ я разумѣю все, что можетъ имѣть извѣстную фигуру, занимать мѣсто, наполнять пространство, вытѣсняя изъ него всякое другое тѣло, что можетъ быть воспринято осязаніемъ, зрѣніемъ, слухомъ, вкусомъ или обоняніемъ, что движется различнымъ образомъ, конечно не своею собственною силою, но чрезъ прикосновеніе чего-нибудь другого. Я никакъ не относилъ къ природѣ тѣла свойство имѣть силу сообщить себѣ движеніе, также чувствовать и мыслить. Напротивъ того, я скорѣе удивлялся, что въ нѣкоторыхъ тѣлахъ находятся подобнаго рода способности.

Какъ же теперь, когда я предполагаю нѣкоего лживаго, могущественнаго и, если можно сказать, злаго духа, который усердно старается, сколько можетъ, меня обманывать во всемъ, могу ли я теперь утверждать, что мнѣ принадлежитъ хоть что-нибудь изъ того, что я только что назвалъ принадлежащимъ природѣ тѣла? Я вникаю, размышляю, передумываю и ничего не выходитъ, напрасно я стараюсь опять привести все это себѣ на память. Не принадлежитъ-ли, мнѣ въ такомъ случаѣ что-нибудь изъ того, что я прежде приписывалъ душѣ? Можетъ быть, на примѣръ, свойства—питаться? или ходить? Однако, такъ какъ я уже не имѣю тѣла, то и эти свойства суть только воображаемыя. Можетъ быть способность чувствовать? Но вѣдь нельзя чувствовать безъ тѣла, да и кромѣ того, мнѣ часто представлялось во снѣ, что я многое чувствую, а потомъ я убѣждался, что я не чувствовалъ. Можетъ быть наконецъ—

способность мыслить? Вотъ здѣсь я открываю атрибутъ мышленія, который одинъ не можетъ быть отдѣленъ отъ меня, поэтому я есмь, я существую,—это достовѣрно. Но какъ долго? Конечно, пока мыслю. И если бы могло случиться, что я пересталъ бы мыслить, тотчасъ я весь пересталъ-бы существовать. Допуская теперь только самое нужное, скажу: и такъ я есмь только вещь мыслящая—*res cogitans*, т. е., мысль, или душа, или разумъ, или умъ—слова доселѣ мнѣ непонятны по своему значенію. Я такимъ образомъ вещь дѣйствительная, дѣйствительно существующая и, какъ я уже сказалъ, мыслящая. Но стану-ли я *воображать* себя еще чѣмъ-нибудь, кромѣ этого? Прежде всего я не могу быть совокупностью тѣхъ членовъ, которымъ усвоится названіе человѣческаго тѣла; не могу быть даже нѣкоторымъ тонкимъ эфиромъ, разлитымъ въ этихъ членахъ, ни воздухомъ, ни огнемъ, ни паромъ, ни дыханіемъ, ни вообще чѣмъ бы то ни было представляемымъ, потому что я предположилъ, что всего этого нѣтъ; предположеніе остается въ силѣ, а я все таки есмь *нѣчто*. Однако, можетъ быть, то, что я считаю ничѣмъ потому, что оно мнѣ неизвѣстно, въ истинной своей сущности (*in rei veritate*), не отличается отъ того, чѣмъ я призналъ себя? этого я не знаю и объ этомъ не спорю. Я могу произносить сужденіе только о томъ, что мнѣ извѣстно. Мнѣ извѣстно, что я существую, и я спрашиваю, кто этотъ мнѣ извѣстный. Совершенно понятно, что требуемый отвѣтъ въ указанныхъ предѣлахъ нисколько не зависитъ ни отъ того, существованія чего я не знаю, ни отъ чего-нибудь выдуманнаго моимъ воображеніемъ. Напротивъ, слово *выдумывать* (*effingo*) напоминаетъ мнѣ о моемъ обманѣ, я дѣйствительно *выдумывалъ* бы, если бы сталъ себя чѣмъ-нибудь *воображать*, потому что воображать значитъ созерцать фигуру или образъ какой-нибудь тѣлесной вещи, а я хорошо знаю, что я самъ могу существовать дѣйствительно, въ то время какъ всѣ эти образы и вообще все относящееся къ тѣлесной природѣ оказывается только сонными грезами. Отсюда слѣдуетъ, что я оказываюсь столь-же безрасуднымъ, говоря: я стану *воображать*, чтобы яснѣе узнать, кто я таковъ, какъ если-бы сказалъ: вотъ я проснулся и вижу нѣчто истинное, но такъ какъ вижу еще недостаточно ясно, то постараюсь опять за-

снуть, чтобы сновидѣнія сдѣлали это самое для меня и болѣе истиннымъ, и болѣе очевиднымъ. Такимъ образомъ я вижу, что для знанія, какое я имѣю о себѣ, ничего нельзя позанимствовать отъ объектовъ воображенія, поэтому чтобы самымъ яснымъ образомъ представить себѣ свою природу, нужно весьма тщательно ограждать отъ нихъ свою мысль.

Итакъ, что же я? вещь мыслящая (сознающая). Это значить вещь сомнѣвающаяся, уразумѣвающая, утверждающая, отрицающая, желающая, не желающая, также воображающая и ощущающая. Всего этого не мало, если все принадлежитъ мнѣ. А если не принадлежитъ? Но развѣ это не я самъ только что *сомнѣвался* во всемъ, развѣ не я однако *узналъ* нѣчто и это только *призналъ* истиннымъ, *отрицая* все остальное, развѣ не я *желалъ* узнать многое, *не желая* быть обманутымъ, многое *воображаю* помимо желанія, а многое считаю приходящимъ чрезъ посредство *чувствъ*. Пусть я всегда сплю, пусть мой творецъ обманываетъ меня, сколько можетъ,—что изъ перечисленного однако менѣе истинно, чѣмъ мое существованіе? Что тутъ можно обособить отъ моего мышленія? Что можно признать отдѣлимымъ отъ меня самого? Ибо ясно, что это *я самъ* и сомнѣваюсь, и уразумѣваю, и желаю, и никакимъ другимъ способомъ нельзя сдѣлать это еще болѣе очевиднымъ. Кромѣ того, *я самъ* еще и воображаю; и хотя возможно, какъ я предположилъ, что ни одна воображаемая вещь не истинна, однако самая сила воображенія существуетъ въ дѣйствительности и составляетъ часть моего мышленія. Наконецъ, *я самъ* ощущаю или замѣчаю тѣлесныя вещи чрезъ посредство чувствъ. Вотъ я вижу свѣтъ, слышу шумъ, чувствую теплоту; допустимъ все это ложь, потому что я сплю. Все же я *думаю*, что я вижу, слышу, ощущаю теплоту, а это не можетъ быть ложно; это собственно и называется во мнѣ чувствомъ (—ощущеніемъ), а взятое въ такомъ ограниченіи это есть не что иное, какъ мышленіе. Тутъ я начинаю нѣсколько лучше понимать, кто я. Однако мнѣ еще кажется, и я никакъ не могу отрѣшиться отъ той мысли, что тѣлесныя вещи, образы которыхъ или слагаются мышленіемъ, или доставляются ему чувствами, познаются гораздо яснѣе, чѣмъ это невѣдомое мое *я*, которое и воображенію недоступно. Хотя поистинѣ было бы удивительно, если

бы я яснѣ познавалъ вещи, какъ я замѣтилъ, сомнительныя, неизвѣстныя, чуждыя мнѣ, чѣмъ все несомнѣнное, извѣстное, словомъ чѣмъ себя самого, но я вижу, что это значить: это моя мысль охотно хочетъ впасть въ обманъ и не переносить своего заключенія въ предѣлахъ истины. Пусть будетъ такъ; еще разъ предоставимъ ей полную свободу, чтобы потомъ тѣмъ легче стало ея управлять. Для этого рассмотримъ тѣ вещи, которыя обыкновенно считаются самыми доступными для пониманія, т. е., рассмотримъ тѣла, которыхъ мы касаемся и которыя видимъ, не тѣла вообще, такъ какъ общія представленія обыкновенно нѣсколько болѣе смутны, но всякое въ отдѣльности. Возьмемъ, напр., этотъ воскъ. Онъ только что вынутъ изъ улья, еще не потерялъ пріятнаго вкуса заключавшагося въ немъ меда и до нѣкоторой степени удержалъ запахъ цвѣтовъ, съ которыхъ былъ собранъ; его цвѣтъ, фигура, величина явственны; онъ твердъ, холоденъ, легко берется руками, если ударить пальцами—издаетъ звукъ. Словомъ—въ немъ есть все, что, повидимому, требуется для самаго яснаго познанія какой-нибудь вещи. Но вотъ, пока я говорю, его приблизили къ огню: остатокъ вкуса исчезаетъ, запахъ испаряется, цвѣтъ перемѣняется, фигура утрачивается, объемъ увеличивается; онъ становится жидкимъ, горячимъ, съ трудомъ его можно брать руками, при ударѣ звука не издаетъ. Остается-ли еще тотъ-же самый воскъ и послѣ такой перемѣны? Нужно признать, что остается; никто этого не отрицаетъ, никто не думаетъ иначе. Что-же познаемъ мы въ этомъ воскѣ съ такою ясностью? Очевидно, этимъ не можетъ быть ничто изъ того, что мы замѣчаемъ чрезъ посредство чувствъ, ибо что подлежало въ немъ вкусу, запаху, зрѣнію, осязанію, слуху, измѣнилось, а воскъ остается тотъ-же. Но, можетъ быть, тутъ дѣло обстоитъ такимъ образомъ, какъ я теперь соображаю, что этотъ воскъ не есть ни эта сладость меда, ни это благоуханіе цвѣтовъ, ни эта бѣлизна, ни фигура, ни звукъ, но лишь тѣло, которое прежде представлялось мнѣ чувственно подъ одними формами, а теперь подъ другими. Однако что-же собственно я воображаю такимъ образомъ о воскѣ? Если мы всмотримся внимательно, устранивши все не принадлежащее воску, то увидимъ, что останется. Очевидно, останется лишь нѣчто протяженное, растя-

жимое и измѣнчивое. Что-же это растязжимое и измѣнчивое? Не въ томъ-ли дѣло, что я могу вообразить превращеніе фигуры этого воска изъ круглой въ четырехъ-угольную и изъ этой послѣдней въ трехугольную? Нѣтъ, это вовсе не то, ибо я понимаю, что воскъ способенъ къ безчисленнымъ подобнаго рода измѣненіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не могу это безконечное множество пробѣжать моимъ воображеніемъ, и слѣдовательно такое представленіе мое о воскѣ получается не чрезъ способность воображенія. Что такое это протяженное? Неужели и самое протяженіе его мнѣ также неизвѣстно? Но вѣдь я знаю, что оно становится больше, когда воскъ таетъ, еще больше, когда кипитъ, и еще увеличивается съ увеличеніемъ нагрѣванія. И я не представлялъ-бы себѣ вѣрно, что такое воскъ, если бы не признавалъ, что онъ допускаетъ большее разнообразіе относительно своего протяженія, чѣмъ сколько я могу обнять когда-нибудь своимъ воображеніемъ. Остается такимъ образомъ согласиться, что я не могу воображать, что такое воскъ, а только постигаю это разумомъ. Я говорю объ этомъ кускѣ воска въ частности, о воскѣ же вообще это еще яснѣе. Но что это за воскъ, который я постигаю только разумомъ? Конечно, это тотъ самый, который я вижу, котораго касаюсь, который воображаю, тотъ самый, о которомъ я и съ самаго начала думалъ. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что это воспріятіе не есть зрѣніе, осязаніе или воображеніе и никогда не было ими, хотя и казалось такъ первоначально, но воззрѣніе ума (*mentis inspectio*), которое можетъ быть или несовершеннымъ и смутнымъ, какъ было въ началѣ, или яснымъ и раздѣльнымъ, какимъ стало теперь,—смотря по тому, болѣе или менѣе я направляю свое вниманіе на его составъ и содержаніе. Между тѣмъ удивительно, какъ склонна моя мысль къ погрѣшностямъ! Все указанное выше я обсуждалъ молча и не выражая это въ словахъ, но лишь обращаюсь къ словамъ, какъ меня вводитъ въ заблужденіе самый способъ выраженія. Мы говоримъ обыкновенно, что мы *видимъ самый воскъ*, если онъ есть на лицо, и заключаемъ о его присутствіи не по цвѣту и не по фигурѣ. Отсюда я могъ бы немедленно заключать, что я такимъ образомъ познаю воскъ зрѣніемъ при помощи глаза, а не воззрѣніемъ одного только ума. Но вѣдь и о лю-

дахъ, которыхъ я вижу изъ окна проходящими по улицѣ, я обыкновенно такъ же, какъ и о воскѣ, говорю, что я ихъ вижу. Что же однако я тутъ вижу кромѣ шляпъ и одежды, подъ которыми могутъ быть скрыты автоматы, а я увѣренъ, что это люди. Такъ что когда я полагалъ, что вижу что-нибудь глазами, въ дѣйствительности познавалъ присущею мнѣ способностью сужденія. Пусть же всякій желающій возвыситься надъ толпой въ своемъ познаніи устыдится искать поводовъ для сомнѣнія въ изобрѣтенныхъ этою толпой способахъ выраженія.

Продолжая рѣчь, по порядку рассмотримъ, когда я совершеннѣе и яснѣ представлялъ себѣ, что такое воскъ—тогда-ли, когда только взглянулъ на него и вообразилъ, что узналъ его однимъ внѣшнимъ чувствомъ или по крайней мѣрѣ чувствомъ общимъ, какъ говорятъ, т. е., способностью воображенія, или же знаю его лучше теперь, послѣ того какъ тщательно изслѣдовалъ, что онъ такое и какимъ образомъ можно его познать. Очевидно, что нелѣпо было-бы колебаться въ данномъ случаѣ. Что въ самомъ дѣлѣ я различалъ при первомъ воспріятіи? Безспорно, ничего такого, что не было бы доступно всякому животному. Напротивъ, когда я отличаю самый воскъ отъ его внѣшнихъ формъ и, какъ бы устранивши покровы, разсматриваю его въ обнаженномъ видѣ, въ такомъ случаѣ дѣйствительно я не могу воспринимать его безъ помощи человѣческой мысли, хотя, можетъ быть, мое сужденіе еще и не чуждо ошибки. Что же сказать объ этой самой мысли или, вѣрнѣе, о мнѣ самомъ, ибо я пока ничего въ себѣ не признаю кромѣ мысли? Неужели, говорю, я самъ, такъ повидимому отчетливо воспринимающій этотъ воскъ, не познаю вмѣстѣ съ тѣмъ и самого себя не только гораздо истиннѣе и достовѣрнѣе, но даже гораздо яснѣе и очевиднѣе? Вѣдь если изъ того, что я вижу этотъ воскъ, я вывожу его существованіе, то не гораздо-ли яснѣе изъ того самаго, что я его вижу, слѣдуетъ существованіе меня самого? Ибо возможно, что то, что я вижу, въ дѣйствительности не есть воскъ; возможно даже, что я не имѣю глазъ, которыми вижу что-нибудь, но никакъ не можетъ быть, чтобы я самъ мыслящій не былъ чѣмъ-нибудь въ то время, когда вижу или (что я теперь уже не различаю) когда думаю, что вижу. Равнымъ образомъ изъ того, что я вывожу существо-

ваніе воска, прикасаясь къ нему, опять слѣдуетъ, что очевидно я существую. Совершенно то же самое слѣдуетъ и изъ того, что я воображаю, и изъ всякаго другого подобнаго основанія. Сказанное о воскѣ можно приложить и ко всему остальному, находящемуся внѣ меня. Далѣе,—воспріятіе воска оказывается болѣе раздѣльнымъ послѣ того, какъ онъ сталъ мнѣ извѣстенъ при помощи не одного только зрѣнія или осязанія, но многими путями. Насколько-же болѣе раздѣльнымъ должно признать мое познаніе самого себя, если никакія соображенія не могутъ содѣйствовать воспріятію воска или всякой другой вещи, безъ того, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не служить къ лучшему раскрытію природы моей мысли. Сверхъ того *въ самой мысли* есть много другого, что можетъ сдѣлать познаніе о ней болѣе раздѣльнымъ, такъ что едва ли нужно перечислять все, что можетъ для этой цѣли давать тѣло.

Вотъ наконецъ я достигъ того, чего и хотѣлъ. Ибо если теперь мнѣ извѣстно, что даже самыя тѣла воспринимаются собственно не чувствомъ или способностью воображенія, а однимъ только разумомъ, такъ что воспринимаютъ ихъ не потому, что осязаютъ или видятъ, а потому только, что постигаютъ разумомъ, то я вполне сознаюсь, что ничего не могу такъ легко и ясно воспринимать, какъ свою мысль. Такъ какъ однако вельзя такъ скоро отказаться отъ привычнаго прежняго мнѣнія, то надлежитъ здѣсь остановиться, чтобы путемъ продолжительнаго размышленія это новое знаніе глубже запечатлѣть въ своей памяти.

С. М.

(Продолженіе будетъ).

Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе внѣ истинной церкви.

(Продолженіе *).

Пророческое служеніе Іліи совершалось при Ахавѣ. Имя этого царя и особенно его жены Іезавели издавна сдѣлались синонимами нечестія. Іезавель была дочерью сидонскаго царя Еоваала, она, видно, имѣла сильное вліяніе на мужа, и, отличаясь своеобразною религіозною ревностью, широко пропагандировала культъ Ваала въ Израилѣ. Нечестіе Израиля было наказано бездождіемъ и голодомъ, о которыхъ предсказалъ Ілія. И вотъ,—мы видимъ, пророкъ получаетъ повелѣніе отъ Господа на время голода удалиться въ Сарепту Сидонскую. Если Іезавель принесла съ собою изъ Сидона гибель и грѣхъ, то пророкъ перенесъ отъ израиля въ область Сидона святость и спасеніе. Раціоналисты не прочь видѣть въ Іліѣ кроваваго ревнителя узкаго націонализма, почитателя и служителя грознаго Іеговы—бога войны. Нужно читать особымъ своеобразнымъ образомъ библейскій текстъ, чтобы понимать Библию такимъ образомъ. Богъ является Іліи въ тишинѣ при Хоривѣ (XIX, 12), и Ілія посылается Богомъ къ иноплеменницѣ, ей доставляется чудесное пропитаніе, пророкъ воскрешаетъ ея умершаго сына (XVII), и бѣдная иноплеменница исповѣдуетъ, что Ілія есть истинно человекъ Божій. Ілія по Библии—первый изъ пророковъ, который выступаетъ изъ предѣловъ Палестины и внѣ ея является орудіемъ милостей Божіихъ. При Хоривѣ пророкъ получаетъ такое повелѣніе: „помажь Азаила въ царя

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г. № 17.

надъ Сирію“ (3 Цар. XIX, 15). Тотъ, кто помазанъ по опредѣленію Божію, есть помазанныкъ Божій. Въ данномъ случаѣ это—языческій царь языческаго царства. Языческій царь является носителемъ и исполнителемъ Божественныхъ опредѣлений. Съ этимъ Азаиломъ имѣлъ много сношеній ученикъ и преемникъ Іліи по пророческому служенію Елисей. Въ служеніи этого пророка вселенская миссія Израиля выступаетъ еще рельефнѣе, чѣмъ въ служеніи его великаго предшественника. Съ именемъ этого пророка связывается повѣствованіе о двухъ чудесахъ воскрешенія: онъ воскресилъ сына жены соманской (4 Цар. IV, 8—37, и уже послѣ его смерти отъ прикосновенія къ его костямъ воскресъ мужъ моавитскій (1 Цар. XIII, 20—21), Соманъ находился на границѣ царства израильскаго. Замѣчательно, что изъ трехъ чудесъ воскрешенія, о совершеніи которыхъ говорится въ ветхомъ завѣтѣ, одно было совершено внѣ предѣловъ земли обѣтованной, другое прямо надъ иноплеменникомъ (моавитяниномъ) и третье—въ Соманѣ на границѣ земли обѣтованной. Каждое чудо, являясь событіемъ промыслительнымъ, въ то же время имѣетъ значеніе нравственно-назидательное, потому что въ немъ открывается, что вѣра и благочестіе могутъ повлечь за собою на землѣ возникновеніе новаго порядка и строя жизни—устроеніе царствія Божія, въ которомъ будетъ осуществляться воля Божія и будутъ правда и радость. Но чудеса воскрешенія, совершенныя ветхозавѣтными праведниками Израиля, совершенныя явно въ знаменіе невѣрнымъ и надъ невѣрными, намъ кажется, должны были указывать, что хотя отъ Израиля выходятъ и выйдутъ строители царства Божія на землѣ, но не Палестина полагаетъ границы для этого царства. Чудо воскрешенія моавитскаго мужа состояло въ томъ, что невѣрный воскресъ вслѣдствіе прикосновенія къ останкамъ вѣрнаго. Это указываетъ, что чрезъ смерть праведнаго даруется жизнь грѣшникамъ, пророческое значеніе этому событію усваиваетъ и Сирахъ (XL VIII, 13—14). Эти чудеса, думаемъ, не менѣе, чѣмъ рѣчи пророковъ, должны были подѣйствовать на тѣхъ, среди которыхъ они совершились и кто о нихъ слышалъ. А кто слышалъ о нихъ? О томъ, что творилось въ области

Сидона, узнавала Финикія, а съ нею вмѣстѣ и весь міръ, но и чудо Сомана едва-ли осталось извѣстнымъ только окрестностямъ Сомана. По слову человека Божія соманитянка, сына которой воскресилъ Елисей, жила семь лѣтъ въ землѣ филистимской (VIII, 1—2). Конечно, чувство благодарности, внутренняя нравственная потребность побуждала ее говорить о благодѣтельствувавшемъ ей пророкѣ, о его дѣлахъ и его ученіи, и имя пророка и его Бога становилось извѣстнымъ на западѣ. Другое повѣствованіе Библии показываетъ, что оно привлекало къ себѣ и востокъ. Военачальникъ сирійскій Нееманъ заболѣлъ проказой, и вотъ, читаемъ мы, маленькая израильская дѣвочка, взятая въ плѣнъ сирійцами и служившая своей госпожѣ, сказала ей: „о еслибы-бы господинъ мой побывалъ у пророка, который въ Самаріи, то онъ снялъ-бы съ него проказу его“ (4 Цар. V, 3). Эти слова израильской дѣвочки были доброю миссіонерскою проповѣдью. Нееманъ стѣзидилъ къ Елисею, былъ изцѣленъ, исповѣдалъ: „вотъ, я узналъ, что на всей землѣ нѣтъ Бога, какъ только у Израиля“ (V, 15), и послѣ того какъ пророкъ отказался принять отъ него дары, обратился съ просьбою къ пророку: „пусть рабу твоему дадутъ земли, сколько снесутъ два лошака, потому что не будетъ впредь рабъ твой приносить всесоженія и жертвы другимъ богамъ, кромѣ Господа; только вотъ въ чемъ да проститъ Господь раба твоего: когда пойдетъ господинъ мой въ домъ Риммона для поклоненія тамъ и опрется на руку мою, и поклонюсь я въ домъ Риммона, то, за мое поклоненіе въ домъ Риммона, да проститъ Господь раба твоего въ случаѣ семъ“ (V, 17—18). Такимъ образомъ, сирійскій вельможа становится израильскимъ прозелитомъ. Онъ хочетъ служить истинному Богу въ своей странѣ. Онъ проситъ у пророка нѣкоторыхъ компромиссовъ, но цари іудейскіе и израильскіе въ эту пору и безъ просьбъ служили Вааламъ и Астартѣ, и пророкъ на скромную просьбу Неемана о снисхожденіи къ его человѣческой слабости отвѣтилъ: „иди съ миромъ“. Въ исторіи обыкновенно бывало, что рабы раньше господъ обращались къ религіозной истинѣ, и поэтому обращеніе Неемана заставляетъ предполагать, что оно было не первымъ, (4 Цар. V, 13), что

прозелитизмъ—не въ смыслѣ только принятія основныхъ истинъ вѣры, но въ смыслѣ усвоенія культа, существовалъ внѣ Израиля уже въ IX вѣкѣ. Исслѣдователи судебъ іудейской религіи связываютъ съ именемъ Неемана происхождение обряда крещенія, чрезъ которое совершилось принятіе иноплеменниковъ въ іудейскую общину. Еврейскій ритуальъ выработалъ, что вступленіе прозелита въ іудейскую общину совершалось черезъ три акта: обрѣзаніе, крещеніе и жертву. При обрѣзаніи нововступавшему давали новое имя, обыкновенно, первое попавшееся въ Библии. Къ принятію обрѣзанія приготовляли желающаго наставленіемъ его въ законѣ три учителя. Эти три учителя затѣмъ являлись свидѣтелями и совершителями крещенія, они назывались отцами крещаемого (по нуждѣ могли быть и неученые). Новокрещаемый остригалъ волосы на головѣ и ногти на рукахъ и ногахъ, входилъ въ воду по руки, учителя въ это время читали заповѣди, и онъ въ знакъ того, что исполнить ихъ, погружался весь. Новокрещаемую женщину приводили въ купальню женщины, а при дверяхъ во время акта крещенія стояли учителя. Объ этомъ крещеніи прозелитовъ говоритъ Гемара. Въ священномъ Писаніи можно находить только намеки на существованіе такого обряда (1 Кор. X, 2, Мѡ. III, 6; Іезк. XXXVI, 25; Захар. XIII, 1). Въ омовеніи Неемана въ водахъ Іордана хотятъ видѣть зарожденіе этого обряда. Можетъ быть это предположеніе и не лишено значенія: отъ широко употреблявшихся обрядовъ омовенія отъ нечистоты переходъ къ крещенію очень недалекъ. Обстоятельства обращенія Неемана къ Богу израилеву могли содѣйствовать возникновенію этого обряда. Но если этотъ обрядъ возникъ и послѣ, то во всякомъ случаѣ фактъ, къ которому его приурочивали, именно прозелитизмъ, уже существовалъ. Исторія сношеній израильтянъ съ сиріянами во дни Елисея ясно показываетъ, что вѣра въ Іегову была хорошо извѣстна и служители Іеговы почитались въ Дамаскѣ. „Пришелъ Елисей въ Дамаскъ, когда Венададъ, царь сирійскій, былъ боленъ. И донесли ему, говоря: пришелъ человекъ Божій сюда. И сказалъ царь Азаилу: возьми въ руку твою даръ и пойди на встрѣчу человекъ Божію, и вопросы Господа черезъ

него, говоря: выздоровѣю ли я отъ сей болѣзни?“ (4 Цар. X, 7—8). Такъ сирійскій царь обращался къ Богу израилеву, въ то время какъ израильскіе цари съ тождественными вопросами обращались къ Веелзеевулу, божеству Аккаронскому (4 Цар. 1, 2). Происходитъ обмѣнъ вѣрованій, и каждый принимаетъ то, что приходится ему по сердцу. Нееманъ беретъ изъ Палестины земли для принесенія всесожженій Богу израилеву; а Ахавъ, царь іудейскій, воздвигаетъ въ Іерусалимѣ жертвенникъ по образцу дамасскаго (4 Цар. XVI, 10—13). Въ то время, какъ Израиль хромаетъ на оба колѣна, въ Сиріи замѣтно обнаруживается теченіе по направленію къ религіи израильской. Азаилъ, занявшій престолъ вмѣсто убитаго имъ Венадада, по видимому какъ и его предшественникъ былъ исполненъ уваженія къ пророку Божію (VIII, 11—14). Сиріяны должны были поражать удивленіемъ чудесная мощь и нравственное величіе пророка. Онъ ихъ и исцѣлялъ и спасалъ имъ жизнь. Когда сирійцы въ безпомощномъ положеніи оказались въ срединѣ Самаріи, и увидѣлъ ихъ царь израильскій и спросилъ у Елисея: „не избить ли ихъ, отецъ мой?“ (VI, 21), пророкъ отвѣтилъ: „не убивай! Развѣ мечемъ твоимъ и лукомъ твоимъ ты плѣвилъ ихъ, чтобы убивать ихъ? Предложи имъ хлѣба и воды; пусть ѣдятъ и пьютъ, и пойдутъ къ государю своему. И приготовилъ имъ большой обѣдъ, и они ѣли и пили. И отпустилъ ихъ и пошли къ государю своему. И не ходили больше тѣ полчища сирійскія въ землю израилеву“ (Ibid. 22—23). Но, безъ сомнѣнія, въ своей землѣ они говорили о спасеніи имъ жизнь израильскомъ пророкѣ.

Скоро до слуха этихъ сирійцевъ, равно какъ и другихъ народовъ, должны были достигнуть извѣстія и о другихъ пророкахъ и ихъ рѣчахъ. Ілія и Елисей творили чудеса, обличали, вразумляли и наставляли, но не предавали своихъ словъ писмени. Но вслѣдъ за ними поднимается рядъ пророковъ, которые записывали то, что говорили, и рѣчи которыхъ поэтому въ ихъ подлинномъ и неповрежденномъ видѣ могли распространяться гораздо болѣе въ ширь и въ даль. Первымъ изъ такихъ въ хронологической преемственности является, надо полагать (безспорной хронологіи не существуетъ), пророкъ Амосъ.

Рѣчи этого пророка не могли быть и казаться безразличными для народовъ, которые окружали Израиля, потому что они говорили объ этихъ народахъ. А люди никогда-даже и въ XX столѣтїи по Р. Х.—не будутъ равнодушны къ тому, что говорятъ о нихъ. Что-же говорилъ пророкъ—пастухъ изъ Фекон (Амосъ. I, 1)? Онъ предсказывалъ осужденіе и наказаніе сирійцамъ, финикїянамъ, аммонитянамъ, моавитянамъ, іудеямъ за ихъ преступленія, причѣмъ эти преступленія состояли между прочимъ въ томъ, что они несправедливо, жестоко и унижительною образомъ поступали по отношенію къ своимъ сосѣдямъ. Не за одну жестокость къ Израилю бичуетъ слово пророка, нѣтъ, оно порицаетъ, наприм., моавитянъ за то, что они пережгли кости царя эдомскаго въ извѣсть (II, 1). Въ послѣдней главѣ (IX, 2) пророческой книги читаемъ: „не таковы ли какъ сыны Эіоілянъ и вы для Меня, сыны израилевы? говорить Господь. Не Я-ли вывелъ Израиля изъ земли Египетской и Филистимлянъ изъ Кафтора и Арамлянъ изъ Кира? „Боже-ственное провидѣніе управляетъ всѣми народами, о всѣхъ печется, всѣмъ благодѣлствуетъ и равно всѣхъ наказываетъ за преступленія. Немного позже Амоса пророчествовалъ Осія. Въ рѣчахъ этого пророка нѣкоторые готовы видѣть порицаніе культурѣ и израильтянамъ за то, что они ее заимствовали у хананеянъ. Но не культуру бичевалъ пророкъ, а ея темныя стороны: не вѣсы, а невѣрные вѣсы („Хананеянинъ съ невѣрными вѣсами любитъ обижать“. Осіи XII, 7). Не къ узко націоналистическому культу призывалъ пророкъ, и къ нравственной чистотѣ. „Я милости хочу, а не жертвы и Боговѣднїя болѣе, нежели всесоженїя“ (VI, 6), говоритъ Богъ устами пророка. Израилю раскрывается, что его спасеніе не въ союзникахъ и не въ коварныхъ замыслахъ, а въ его нравственной силѣ. Если у Израиля нѣтъ таковой, его судьба будетъ печальная и онъ будетъ посмѣяніемъ даже въ землѣ египетской (VII, 16). Осія призывалъ къ нравственному покаянїю израильтянъ, но его современникъ Іона (Осіи I, 1 срав. 4 Цар. XIV, 25, Іон. I, 1) получилъ повелѣніе обратиться съ такимъ призывомъ къ врагамъ израильтянъ ассирїянамъ. Есть іудейское преданїе, что Іона былъ тѣмъ ребенкомъ, котораго нѣкогда

Илія воскресилъ у вдовы сарептской. Это преданіе не согласуется съ библейскимъ текстомъ (4 Цар. XIV, 25) и, думаемъ, не можетъ быть поддерживаемо, но оно, во всякомъ случаѣ, много разумнѣе и лучше тѣхъ предположеній, которыя дѣлаются рационалистами относительно этого пророка и книги носящей его имя. Они полагаютъ, что эта книга—не пророческая и не историческая, а просто морально тенденціозный вымыселъ. Происхожденія она будто послѣдпльннаго. Считаютъ одинаково невозможнымъ, какъ пребываніе Іоны во чревѣ китовѣ, такъ и его проповѣдь съ ея послѣдствіями въ Ниневіи. Намъ не мѣсто въ данномъ разсужденіи касаться вопроса о чудесномъ спасеніи Іоны изъ моря, но на его проповѣди намъ должно остановиться. Фактъ проповѣданія Іоны отрицается во имя двухъ родовъ соображеній. Говорятъ, что невозможно, чтобы за VIII вѣковъ до Р. Х. у евреевъ могли существовать такія представленія о всемірномъ провидѣніи и безграничной благодати Божіей, и говорятъ, что невозможно въ эту эпоху такая проповѣдь еврея въ Ассиріи и такое ея дѣйствіе. Начнемъ обсужденіе этого послѣдняго утвержденія. Іона проповѣдывалъ въ Ассиріи, когда въ израильскомъ царствѣ былъ Іеровоамъ II—могущественнѣйшій царь израильскій. Напротивъ, положеніе Ниневіи тогда не было блестящимъ. (Въ первой половинѣ VIII вѣка до Р. Х. у Ниневіи былъ періодъ паденія). Ниневія не вела войнъ, но, не проявляя жестокости, она въ то-же время не усовершеншалась ни въ какомъ отношеніи, царь и народъ утопалъ въ порокахъ и роскоши. Не было ничего, чтобы поднимало духъ народа. Въ эту печальную пору является человѣкъ, который ходитъ по улицамъ и громкимъ голосомъ призываетъ всѣхъ проснуться отъ нравственной спячки. Если-бы Ассирія торжествовала въ ту пору какія-либо побѣды, собиралась-бы приступать къ какимъ-нибудь дѣяніямъ, этотъ голосъ не привлекъ-бы вниманія. Но въ печально—будничное время, когда люди заглушаютъ въ себѣ нравственную потребность разумнаго труда, предаваясь грубымъ порокамъ, въ такую пору голосъ проповѣдника никогда не останется неслышаннымъ. Даже и въ наши дни если-бы на улицахъ Парижа или Берлина явился человѣкъ во вретичѣ съ огненною

рѣчью съ призывомъ покаянія, можно быть увѣреннымъ, что около него собрались бы громадныя толпы и его слово не осталось-бы безъ вліянія. Но въ наши дни, конечно, такого проповѣдника забрали бы въ полицію. Въ древности дѣло было иначе. Рѣчи святаго человѣка выслушивали съ почтеніемъ и неудивительно, что молва о немъ дошла до царя: вѣдь, и въ наши дни о людяхъ, подобныхъ пророку изъ Гаохефера, доходятъ извѣстія до монарховъ. А если мы отступимъ столѣтія на 3—4 назадъ, то увидимъ, что по ихъ слову устраивались и посты. Что въ древности религіозные проповѣдники могли при благопріятныхъ условіяхъ возбуждать столицы и царей, это не нуждается ни въ спорахъ, ни въ доказательствахъ. Другой вопросъ—возможно-ли отправленіе израильтянина съ проповѣдью о покаяніи къ язычникамъ? Конечно, здѣсь покаяніе нельзя понимать въ смыслѣ обращенія ниневитявъ къ чистому культу Іеговы—такого культа въ то время не было и въ царствѣ Іеровоама—а въ смыслѣ обращенія—хотя и не безусловно полного—къ истинному Богу—неба (Іон. I, 9—10) и въ нравственномъ очищеніи. Книга рассказываетъ намъ, что Господь повелѣлъ Іонѣ идти въ Ниневію проповѣдывать, что Ниневія черезъ 40 дней будетъ разрушена, что пророкъ не исполнилъ повелѣнія Божія и бѣжалъ отъ лица Господня, руководясь тою мыслию, что если онъ явится къ ниневитянамъ съ этою проповѣдью, то Господь не исполнитъ своего грознаго обѣтованія, ибо Онъ долготерпѣливъ и многомилостивъ (IV, 2). Но вразумленный совершеннымъ надъ нимъ чудомъ, пророкъ исполнилъ повелѣніе Господа и ниневитяне обратились къ покаянію, и, какъ онъ и предполагалъ, гибели Ниневіи не послѣдовало. Пророка, замѣтно, сильно тяготило и смущало неисполненіе пророчества, и Господь снова вразумилъ его знаменіемъ съ растеніемъ и словами: „Мнѣ-ли не пожалѣтъ Ниневіи, города великаго, въ которомъ болѣе ста двадцати тысячъ, не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой, и множество скота“ (IV, 11). Мы думаемъ, что если къ одному человѣку Божію относились съ почтеніемъ въ Дамаскѣ, то другого могли слушать въ Ниневіи, если въ книгѣ пророка Амоса говорится, что Богъ печется о филистимлянахъ и арамеянахъ, то въ другой книгѣ

того-же времени можетъ быть показано, какъ онъ печется и объ Ассиріянахъ. Книга пророка Іоны намъ представляется пророческой не потому, что она говоритъ о пророкахъ (единственная будто-бы причина отнесенія ея въ отдѣлъ пророческихъ книгъ), но потому, что въ ней самое чудесное событіе съ пророкомъ есть пророчество (Мѡ. XII, 39—40; Лук. XI, 29—30), потому, что въ немъ содержится пророчество пророка (III, 4), и объясненіе отъзненія или замедленія исполненія пророчества (Товит. XIV, 7). Книга раскрываетъ намъ, что пророчества прежде всего имѣютъ свою цѣлю не доказательства всемогущества и всевѣдѣнія Божія, а нравственное исправленіе людей. Въ этомъ отношеніи книга является великой важности комментариемъ для пониманія пророчествъ въ народахъ. Эти пророчества прежде всего произносились не за тѣмъ, чтобы имъ исполняться, а затѣмъ, чтобы вразумить народы, „чтобы каждый обратился отъ злаго пути своего и отъ насилія рукъ своихъ“ (Іон. III, 7). „О человѣкъ! сказано тебѣ, что добро, и чего требуетъ отъ тебя Господь: дѣйствовать справедливо, любить дѣла милосердія и смиренномудренно ходить предъ Богомъ твоимъ“ (Мих. VI, 8), такъ говорилъ пророкъ, пророчествовавшій немного позже Іоны. Если Іона проповѣдывалъ язычникамъ только покаянiе, то этому пророку рисовалась уже картина обращенія народовъ къ Богу Іаковлеву и къ горѣ Господней (Мих. IV, 2). Между тѣмъ онъ былъ во времени младшимъ современникомъ Іоны. Какъ-же въ такомъ случаѣ можно говорить о томъ, что книга Іоны заключаетъ въ себѣ черты, заставляющія приближать ее на нѣсколько столѣтій отъ эпохи Іеровоама II ко времени Р. X.?

Проповѣдь Іоны задержала паденіе Ассиріи, но пророки Амось и Осія не могли обратить отъ нечестія израильтянъ, и царство самарійское пало. „И переселенъ Израиль изъ земли своей въ Ассирію, гдѣ онъ и до сего дня“ (4 Цар. XVII, 23), говоритъ священный историкъ. Далѣе онъ повѣствуетъ, что на мѣсто Израиля ассирійскій царь перевелъ въ Палестину „людей изъ Вавилона, и изъ Куты, и изъ Аввы, и изъ Емаа, и изъ Сепарвоима“ (ibid. 24), что эти люди, поселившіеся въ Палестинѣ, сначала не почитали Господа и за это Господь

посылалъ на нихъ львовъ, которые истребляли ихъ, что царь ассирійскій, когда ему было донесено объ этомъ, распорядился послать туда одного изъ выселенныхъ священниковъ, чтобы онъ научилъ ихъ закону Бога той земли. Такой священникъ явился въ Палестинѣ. Жители были научаемы чтить истиннаго Бога, и они познали истиннаго Бога, но они долго не могли забыть и своихъ прежнихъ боговъ. „Народы сіи чтили Господа, заканчиваютъ повѣствованіе объ этомъ библейскій историкъ, но и истуканамъ своимъ служили. Да и дѣти ихъ и дѣти дѣтей ихъ до сего дня поступаютъ такъ-же, какъ поступали отцы ихъ“ (ibid. 41). Такъ возникъ расколъ самарянскій. Этотъ расколъ не былъ полной религіозной истиной, но онъ, во всякомъ случаѣ, стоялъ неизмѣримо выше той лжи, съ которой пришли сначала новые переселенцы въ Палестину. Но старые поселенцы земли обѣтованной, думаемъ, не искали на новыхъ мѣстахъ новой вѣры. Видно, они тамъ преступали завѣтъ, ѣли отъ свѣдей языческихъ (Тов. 1, 10), но подобнымъ образомъ они поступали и у себя на родинѣ. Однако, то обстоятельство, что между ними былъ такой строгій ревнитель вѣры, какъ обличитель ихъ отступленій отъ завѣта, Товитъ, заставляетъ думать, что основныя и важнѣйшія истины вѣры хранили многіе изъ нихъ. Не единоличной, конечно, была и мораль Товита, а эта мораль возвышалась до такого правила: „что ненавистно тебѣ самому, того не дѣлай никому“ (Тов. VI, 15 срав. Мѡ. VII, 12; Лук. VI 31). Не единоличными, конечно, были упованія и надежды Товита, а они были слѣдующія: „многіе народы издалека придутъ къ имени Господа Бога съ дарами въ рукахъ, съ дарами царю небесному“ (XIII, 11), и всѣ народы обратятся и будутъ истинно благоговѣть предъ Господомъ Богомъ и испровергнуть идоловъ своихъ; и всѣ народы будутъ благословлять Господа“ (XIV, 6). Всѣ израильтяне были выселены изъ Палестины. Нѣкоторыя основанія для сужденія о послѣднихъ даетъ исторія Іудеи.

Едва-ли можно оспаривать, что книга, носящая это имя, первоначально была написана на языкѣ семитическомъ (бѣдность частицъ, восточные образы, неудобопонятность нѣкоторыхъ мѣстъ текста греческаго, заставляющихъ предполагать, что этотъ

текстъ переводъ) и что она предполагаетъ въ основѣ своей дѣйствительное событіе. Но эта книга представляетъ намъ образецъ великой ревности по законѣ и Богѣ. Могучая вѣра въ Бога въкотораго вѣрнаго останка возбуждала, согласно повѣствованію, вѣру и въ невѣрныхъ. Ахіоръ, начальникъ сыновъ аммоновыхъ, перешелъ къ израильтянамъ, „искренно увѣровалъ въ Бога, обрѣзалъ крайнюю плоть свою и присоединился къ дому израилеву даже до сего дня“ (Иуд. XIV, 10).

Иудея продолжала еще бороться за существованіе, когда пала Самарія. Въ это время проходилъ свое служеніе первый изъ „великихъ“ пророковъ—Исаія. Онъ ободрилъ Езекію, царя іудейскаго, во время нашествія Сеннахерима, царя ассирійскаго, на Іудею. Сеннахеримъ напередъ послалъ своихъ пословъ убѣждать евреевъ подчиниться ему. Знаменательно, что одинъ изъ этихъ пословъ Рабсакъ говорилъ по іудейски (4 Цар. XVIII, 26, 28), іудейскій языкъ и іудейскія писанія, значить, не были секретомъ для народовъ востока. Господь отвратилъ нашествіе Сеннахерима на Іерусалимъ чудеснымъ образомъ (4 Цар. XIX, 35; Ис. XXXVII, 36; 2 Парал. XXXII, 21): ангель Господень истребилъ всѣхъ храбрыхъ и главноначальствующихъ и начальствующихъ въ войскѣ царя ассирійскаго, всего въ станѣ ассирійскомъ было поражено сто восемьдесятъ пять тысячъ; это заставило Сеннахерима возвратиться, но слухъ о совершившемся чудѣ долженъ былъ слѣдовать за нимъ и привлекать вниманіе народовъ точно такъ-же, какъ нѣкогда привлекалось оно чудесами въ Египтѣ (Ис. XXXVII, 20). Однако рѣчи того пророка, который возвѣстилъ о томъ, что Богомъ будетъ подана чудесная помощь іудеямъ, должны—если они достигали до слуховъ народовъ—привлекать ихъ вниманіе къ себѣ болѣе, чѣмъ совершившееся чудо. Не смотря на то, что земля раздиралась войнами и нестроеніями, Египеть, Ассирія и Іудея враждовали и боролись между собою, пророкъ предсказывалъ, что имѣетъ наступить новый порядокъ вещей. Въ тотъ день изъ Египта въ Ассирію будетъ большая дорога, и будетъ приходить Ассуръ въ Египеть, и Египтяне въ Ассирію, и Египтяне вмѣстѣ съ Ассиріянами будутъ служить Господу. Въ тотъ день Израиль будетъ третьимъ съ Египтомъ и Ассиріею; благо-

словеніе будетъ посреди земли, которую благословить Господь Саваоѣ, говоря: благословенъ народъ Мой, Египтяне, и дѣло рукъ Моихъ—Ассиріяне и наслѣдіе Мое—Израиль“ (XIX, 23—25). Но между этимъ отдаленнымъ свѣтлымъ моментомъ и печальнымъ настоящимъ лежитъ длинный рядъ имѣющихъ совершиться событій. Пророкъ предрекаетъ гибель Вавилону (XIII), гибель маву (XVI, 4), печальную судьбу Дамаска (XVII), несчастія, имѣющія посѣтить Египетъ (XX) и Тиръ (XXIII), предвозвѣщаетъ явленіе гнѣва Господня всѣмъ народамъ земли (XXXIV). Поражая народы за ихъ нечестіе, Господь явитъ милость помазаннику своему Киру, дабы онъ узналъ Бога израилева (XLV). Въ познаніи этого Бога спасеніе всего человѣчества (XLV, 22). Собственно, и удивительно и неизвинительно, что этотъ Богъ остается неизвѣстнымъ человѣчеству. О Немъ было говорено отъ начала, и размышленіе о землѣ и ея основаніяхъ, о небесахъ и ихъ происхожденіи и о судьбахъ человѣческихъ владыкъ и небесныхъ свѣтилъ, все это ведетъ къ признанію этого единого истиннаго Бога (XL, 21—26). И сверхъестественное откровеніе и естественное Богопознаніе направляетъ всѣ народы къ Богу израилеву. И по исполненіи временъ народы обратятся къ этому Богу, къ Израилю и Иерусалиму. Спасеніе самого Израиля—именно дѣло его нравственнаго возрожденія—совершить Эбедъ Іеговы—отрокъ Господень (LII, 12—LIII), а въ Израилѣ, и прежде всего въ этомъ слугѣ Іеговы (XLII, 6), найдетъ спасеніе все человѣчество. Это отдаленное свѣтлое будущее народовъ пророкъ рисуетъ яркими чертами въ различныхъ мѣстахъ своей книги (книги, написанной исключительнымъ стилемъ и характеризующейся замѣчательнымъ единствомъ идей—качества очень трудно согласимыя съ господствующею теперь на западѣ теоріею двухъ главныхъ и множества второстепенныхъ авторовъ этой книги). Тогда „раскуютъ мечи свои на орала и копыя свои—на серпы: не подниметъ народъ на народъ меча, и не будутъ болѣе учиться воевать“ (II, 4). „Тогда волкъ будетъ жить вмѣстѣ съ ягненкомъ, и левъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ; и теленокъ и молодой левъ и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ и корова будетъ пастись съ медвѣдицею, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать

вмѣстѣ, и левъ, какъ волъ, будетъ ѣсть солому. И младенецъ будетъ играть надъ порою аспиды, и дитя протянетъ руку свою на гнѣздо змѣи. Не будутъ дѣлать зла и вреда на всей святой горѣ Моей, ибо земля будетъ наполнена вѣдѣніемъ Господа, какъ воды наполняютъ море. И будетъ въ тотъ день: къ корню Исееву, который станетъ, какъ знамя для народовъ, обратятся язычники,—и покой его будетъ слава“ (XI, 6—10). Люди отвѣтатъ на призывъ: „обращайтесь къ закону и откровенію“ (VIII, 20) и спасеніе распространится до предѣловъ земли (XLIX, 6), иноплеменики будутъ приобщены къ Израилю на равныхъ правахъ съ нимъ (XLIX, 3—8), Иерусалимъ распространитъ свѣтъ по всей землѣ (LX, 1—3), всѣ народы увидятъ правду (LXII, 2), Господь откроется не вопрошавшимъ о Немъ и не искавшимъ Его (LXV, 1) и приведетъ всѣ народы и языки увидѣть Его славу (LXVI, 18). Такъ пророкъ возвышеннымъ языкомъ въ книгѣ, заключающей наибольшее число главъ изъ всѣхъ книгъ Библии—раскрываетъ ученіе о единствѣ человѣчества, о единствѣ плановъ провидѣнія, о будущемъ спасеніи и притомъ о спасеніи и правдѣ вѣчныхъ, ибо пророкъ ясно предвозвѣщаетъ, что не только нѣкоторые изъ народовъ должны погибнуть, но что гибель ожидаетъ и небеса и землю (LI, 6). При послѣднихъ царяхъ Іудеи о путяхъ и провидѣніи Божіихъ евреевъ наставляли пророки Наумъ, Аввакумъ (см. особен. II, 14), Софонія (см. особ. I, 1—9 и III, 9), но особенно исторія послѣднихъ дней іудейскаго царства связывается съ именемъ пророка Іереміи. Безъ сомнѣнія, этотъ пророкъ былъ великимъ патриотомъ, но его патриотизмъ, его любовь къ роднымъ по крови и родинѣ не мѣшали ему видѣть язвы и раны родного народа и возвѣщать Божественныя опредѣленія о могуществѣ царей и народовъ враждебныхъ (XXVII, 2—9). Пророкъ Іеремія—какъ и другіе пророки,—мы видимъ, не былъ пророкомъ націи, но человѣчества. Господь въ день поставленія его на пророческое служеніе послалъ его не къ евреямъ только, но сказалъ: „смотри я поставилъ тебя въ сей день надъ народами и царствами, чтобъ искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать“ (I, 10). И пророкъ, постоянно возвѣщая опредѣленія Божіи объ Іудеѣ,

возвѣщаль волю Божию о Египтѣ (XLVI), филистимлянахъ (XLVII), Моавѣ (XLVIII), Амонѣ, Едомѣ, Дамаскѣ и др. (XLIX) и Вавилонѣ I и LI). Пророкъ пророчествовалъ разнымъ народамъ (XXV, 16 и 52), ибо онъ пророчествовалъ отъ лица Бога всей земли (XXIII, 23—24; XXXII, 17—20). Израиль—не единственный изъ народовъ—предметъ попеченій Иеговы, но онъ—начатокъ народовъ (II, 3). За свои грѣхи Израиль терпитъ наказаніе, но чтобы снова стать святынею Господа, онъ долженъ поступать свято. Въ чемъ-же должна состоять эта святость поведенія? Пока евреи въ своей землѣ—прежде всего въ томъ, чтобы они не притѣсняли иноземца (VII, 6), но такъ какъ они притѣсняли и иноземца, и сиротъ, и вдовъ и были выселены изъ своей земли, то Господь чрезъ пророка даетъ имъ новое повелѣніе: „заботьтесь о благосостояніи города, въ который я переселилъ васъ, и молитесь за него Господу; ибо при благосостояніи его и вамъ будетъ миръ“ (XXIX, 7). Господь посѣтитъ и обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ (IX, 25), и когда, вслѣдствіе этого посѣщенія, Іудея очистится и освятится отъ своихъ грѣховъ, прекратится ея тлѣніе, и „будетъ, опредѣляетъ Господь, для Меня Іерусалимъ радостнымъ именемъ, похвалою, и честью предъ всѣми народами земли“ (XXXIII); тѣ изъ народовъ, которые обратятся къ Богу, станутъ удѣломъ Божиимъ (XII, 14—17) и народы отъ краевъ земли обратятся къ Богу (XVI, 19).

Таковы тѣ свѣтлыя обѣтованія и завѣты, съ которыми поработенный народъ отводится въ рабство и которыхъ должны были служить ему утѣшеніемъ въ его вавилонской скорби. Когда—болѣе, чѣмъ за восемь столѣтій предъ этимъ—Израиль только что вступалъ въ землю обѣтованную, онъ имѣлъ повелѣніе жить обособленно отъ другихъ народовъ и истреблять иноплеменные народы, среди которыхъ онъ жилъ. Теперь—насилъственно выводимый изъ земли обѣтованія—онъ получаетъ повелѣніе заботиться о благѣ тѣхъ, среди которыхъ онъ будетъ жить и получаетъ откровеніе, что и для другихъ народовъ, какъ и для него, его Богъ будетъ истиннымъ Богомъ. Время обособленія Израиля кончилось, онъ отводится въ Вавилонъ, затѣмъ разсѣвается по всему міру и вмѣстѣ съ нимъ

по всему міру распространяется имя Іеговы. Знаменательно, что израильтяне были выведены изъ своего обособленія только тогда, когда они не теоретически только, но и практически всѣ стали дѣйствительно строгими монотеистами. Никто не оспариваетъ той истины, что послѣ вавилонскаго плѣна у евреевъ не было ни малѣйшихъ слѣдовъ идолопоклонства. Такимъ образомъ, евреи разсѣялись въ языческомъ мірѣ только тогда, когда уже ложь этого міра не могла одолѣть ихъ, когда, напротивъ, они сами этой уже начавшей колебаться лжи были въ силахъ противопоставить исповѣдывавшуюся ими истину. Слѣдовательно, въ тиши своего уединенія и обособленія они готовились стать полезными и служить тѣмъ, отъ кого обособились. Они прервали общеніе съ окружающими ихъ народами для того, чтобы стать полезными всему человѣчеству. Объ израильскомъ народѣ можно сказать то же самое, что сказалъ одинъ аскетъ о монахахъ: „монахъ оставляетъ многихъ, чтобы стать полезнымъ всѣмъ“.

ГЛАВА 3-я.

Распространеніе Откровеннаго Богопознанія въ языческомъ мірѣ отъ времени вавилонскаго плѣна до утвержденія Новаго Завѣта.

Во Второзаконіи—книгѣ, явившейся, по мнѣнію самыхъ смѣлыхъ критиковъ св. Писанія, до вавилонскаго плѣна,—отецъ израильскаго народа, Израиль, называется арамеяниномъ (XXVI, 5). Въ Іудееи, книгѣ, явившейся около вавилонскаго плѣна, можетъ быть, нѣсколько ранѣе его (можетъ быть во время пребыванія Манассіи въ плѣну вавилонскомъ?) о Израилѣ говорится: „этотъ народъ происходитъ отъ халдеевъ“ (V, 6). Такимъ образомъ, вавилонскій плѣнъ въ представленіи еврейскаго народа долженъ былъ казаться возвращеніемъ туда, гдѣ была его колыбель, и не только—его колыбель, но—колыбель всего чело-вѣчества (Быт. II, 8—14). Но это возвращеніе на свою прародину являлось для еврея не отраднымъ, а глубоко грустнымъ фактомъ. Его прародина въ его очахъ была заразительнымъ очагомъ нечестія, напротивъ, Іерусалимъ былъ для него святымъ городомъ. Палестина—обѣтованною, святою землею. Туда, въ эту землю отправился нѣкогда отецъ евреевъ, свободно

повинуясь управлявшему его путемъ Промыслу, оттуда теперь избранный народъ насильственно выводится язычниками. Глубоко скорбныя чувства должны были наполнять сердца невольныхъ переселенцевъ (Псаломъ СXXXV), но мракъ скорби, которая наполняла ихъ души, долженъ былъ смягчаться свѣтомъ и обѣтованіями вѣры (Исх. XL), которую они понесли съ собою съ береговъ Іордана въ область Месопотаміи.

Изъ своего, полученнаго по опредѣленію свыше и утраченнаго вслѣдствіе личныхъ беззаконій, наслѣдія, евреи понесли въ свою прародину—это никто не осмѣлится оспаривать—писаніе и преданіе. Къ какому-бы минимуму ни сводили ихъ литературное достояніе въ эпоху плѣна, оно все-таки оказывается значительнымъ. Вообще не оспариваютъ, что они имѣли—законъ и писанія пророковъ Амоса, Осіи, Исаи (40 первыхъ главъ съ нѣкоторыми исключеніями), Михея, Софоніи, Іереміи, Наума, Аввакума. Но такого рода литературныя памятники предполагаютъ собою предварительную долгую и безмянную литературную работу. Ни художественный стиль, ни ясное и рѣшительное содержаніе не могутъ явиться *ex abrupto* и сразу. Твердая увѣренность, что наступить пора, когда народы раскуютъ свои мечи на орала, сознаніе, что Богъ есть Богъ всѣхъ народовъ и что спасеніе должно стать удѣломъ всего человѣчества прежде, чѣмъ быть выраженными превосходнымъ и яснымъ стилемъ писателя—художника, должны были смутно сознаваться и чувствоваться многими. Такъ смотрятъ на дѣло рационалисты. Въ данномъ случаѣ нѣтъ нужды ихъ оспаривать, потому что если писатели—пророки и не сами доходили до возвѣщаемыхъ ими истинъ, то они, во всякомъ случаѣ, получали по откровенію и сообщали другимъ истины, доступныя пониманію этихъ другихъ, истины, къ принятію которыхъ они были подготовлены. Идеи религіознаго универсализма должны были прежде предчувствоваться и смутно сознаваться, а потомъ получить свое выраженіе въ писаніяхъ пророковъ. Потомъ они должны были стать сознательнымъ достояніемъ лучшихъ изъ израильтянъ, и съ этимъ достояніемъ, которое не могли отнять у нихъ никакіе завоеватели, они и управлялись въ плѣнѣ.

Мы говоримъ, что евреи къ эпоху плѣна имѣли писаніе и преданіе. Такъ какъ, несомнѣнно, что у нихъ существовало первое, то несомнѣнно, что у нихъ существовало и второе. Преданіе всегда предшествуетъ писанію, какъ обычай закону. Содержаніе его всегда бываетъ двухъ родовъ: практически—руководительное и исторически-истолковательное. Оно содержитъ въ себѣ правила поведенія и образа дѣйствій и объясненія—обыкновенно историческаго характера—почему должно дѣйствовать или дѣйствуютъ тѣмъ или инымъ образомъ. Преданіемъ, традиціей опредѣляется вся жизнь человѣка. Наша манера спать, сидѣть, ходить, ѣсть, одѣваться, говорить съ людьми и относиться къ людямъ опредѣляется традиціей—часто бессознательной и тѣмъ болѣе сильной, чѣмъ менѣе она сознается. Исторія, которая сама въ сущности есть традиція, истолковываетъ намъ наше традиціонное настоящее. Евреи несли съ собою въ вавилонскій плѣнъ исторію, начинавшуюся съ Адама или вѣрнѣе—съ созданія міра и кончавшуюся переживавшимися ими тогда бѣдственными днями. Согласно этой исторіи всѣ люди были дѣтьми одного предка—Адама, а евреи и халдеи были родственны между собою и по гораздо болѣе позднимъ предкамъ. Философія этой исторіи заключалась въ томъ, что благо человѣка зависитъ отъ истинности его Богопочитанія, что нечестіе и невѣріе не могутъ пользоваться прочнымъ благополучіемъ. Руководительныя правила для себя евреи имѣли въ пророческихъ рѣчахъ Исаи и Іереміи. Имъ давалась твердая надежда на избавленіе и на Мессію, они представлялись, что спасеніе ожидаетъ всѣхъ народовъ и что оно совершится чрезъ Израиля, и имъ внушалось, чтобы они заботились о благѣ того народа, въ страну котораго переселялись. Какъ понимать это благо? Прежде всего, конечно, въ томъ смыслѣ, что евреи должны содѣйствовать, а не вредить житейскимъ интересамъ того иноплеменнаго народа, среди котораго они оказались. Но можно-ли полагать, что они и ограничивались такимъ узко матеріалистическимъ пониманіемъ добраго. Полагаемъ, что не должно думать этого. Евреи понесли съ собою въ Халдею—монотеизмъ. О монотеизмѣ говорятъ, что онъ, по самой природѣ своей, стремится къ расши-

ренію и къ пропагандѣ. Затѣмъ, евреи, мы полагаемъ, понесли съ собою въ плѣнъ значительное количество псалмовъ. Эти произведенія высокой духовной поэзіи продиктованы религиознымъ чувствомъ, которое явно обнаруживаетъ въ себѣ стремленіе къ расширенію. Чувство духовнаго восторга всегда стремится расшириться, какъ, наоборотъ, чувство духовнаго позора и стыда всегда хочетъ замкнуться въ себѣ. Можетъ быть это мировой законъ, опредѣленный Богомъ, по которому все доброе должно распространяться и все злое—сокращаться и умирать. Въ псалмахъ евреевъ видно, что они хотѣли, что-бы тѣ религиозныя чувства, которыя одушевляли ихъ, одушевляли весь міръ. „Буду славить Тебя, Господи, между иноплеменниками, и буду пѣть имени Твоему“ (XVII, 50 ср. 2 Цар. XXII, 50), говорилъ псалмопѣвецъ. Но не евреи только хотятъ и будутъ хвалить Бога, пѣтъ: „да восхвалятъ Тебя народы, Боже; да восхвалятъ Тебя народы всѣ“ (Пс. LXVI, 4, 6). „Вся земля да поклонится Тебѣ и поетъ Тебѣ, да поетъ имени Твоему (Вышній)“ (LXV, 4). „Воскликните Господу, вся земля“ (XCIX, 1). „Во всѣхъ народахъ спасеніе Твое“. (LXVI, 3) ¹⁾. Страданія плѣнна, конечно, должны были наполнять души евреевъ скорбными, а не высокими чувствами. Пѣтъ на рѣкахъ вавилонскихъ хвалебныхъ пѣсней они не могли. „Тамъ плѣннившіе насъ, читаемъ въ Пс. CXXXVI, 3—4, требовали отъ насъ словъ пѣсней, и притѣснители наши—веселія: пропойте намъ изъ пѣсней Сіонскихъ. Какъ намъ пѣтъ пѣснь Господню на землѣ чужой“? Пѣсни не могли литься изъ устъ евреевъ, когда сердца ихъ были наполнены горечью, но покайныя молитвы должны они были усиленно возносить въ то время (Псал. L,

¹⁾ Вотъ, рядъ мѣстъ въ псалмахъ, гдѣ религиозный универсализмъ богодухновенныхъ пѣснѣвъ—вездѣ предполагающійся—выражается съ особенною силою. II, 10—11; IX, 16—18; XIII, 1—2; XVII, 44, 50; XXI, 28; XXXII, 2, 8; XLV, 11; XLVI, 2, 4, 8; XLVII, 11; LII, 2 и слѣд. LXV, 4; LXVI, 3, 4—5; въ сущности весь псаломъ. LXVII, 30, 33; LXVIII, 35; LXXI, 11 и 17 особенно LXXVII, 15, 16, 21; LXXXII, 19, LXXXV, 9; LXXXVI, 4 и 5 особенно; LXXXIX, 12; XCIV, 3, 5, 7; XCV, 18; XCVI, 6; XCVII, 9; XCIX, 1; CI, 16; CII, 14, 19, 21; CIII, CIV, 1; CV, 34; CVI, 15, 21, 31, 32; CVII, 4; CVIII, 30; CX, 1; CXII, 3, 9; CXVI, 1; CXVIII, 13, 46, 53, 64, 91, 99, 113, 119, 139; CXXXIV, 9; CXXXV, 25; CXXXVII, 4; CXLIV, 9, 15—16, 18, 21; CXLV, 3, 6, 9; CXLVIII, 1 11; CL, 6.

кромѣ послѣплѣнныхъ стиховъ). Однако не во все время пребываніе на рѣкахъ вавилонскихъ они пребывали въ той глубокой и угнетенной скорби, которою дышитъ СXXXVI псаломъ, безъ сомнѣнія, и прежнія рѣчи пророковъ и ихъ собственная вѣра и новыя пророческія рѣчи возбуждали въ нихъ подъемъ духа, исполняли ихъ надеждами. Затѣмъ, и самый плѣнъ не могъ быть и не былъ періодомъ сплошныхъ страданій. Два обстоятельства показываютъ, что побѣдители и побѣжденные не стояли въ отношеніяхъ исключительно враждебныхъ. Евреи въ плѣну, оказывается, быстро стали усвоить языкъ побѣдителей и затѣмъ, видно, у нихъ стали заключаться браки съ побѣдителями. Господа не выдаютъ своихъ дочерей за рабовъ, но халдеи отдавали своихъ дочерей за евреевъ. Добрыя отношенія такимъ образомъ существовали между нѣкоторою частью побѣдителей и побѣжденныхъ. Были близкія сношенія, при такихъ условіяхъ, долженъ былъ происходить и обмѣнъ религіозныхъ воззрѣній. Тѣ традиціи и то писаніе, которыя принесли съ собою евреи въ Халдею, должны были побуждать ихъ заботиться о распространеніи религіозной истины среди вавилонянъ. Но распространили-ли они ее? У насъ имѣется достаточно данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ.

Съ евреями былъ въ Вавилонѣ помощникъ Іереміи и исполнитель его порученій пр. Варухъ. Онъ ободрялъ евреевъ въ бѣдствіяхъ, онъ указывалъ имъ путь ко спасенію въ исканіи истинной мудрости (гл. III, особен. 32—38), онъ предсказывалъ, что настанетъ время, когда Іерусалиму навѣки нарекутъ имя: „миръ правды и слава благочестія (V, 4). Онъ питалъ, такимъ образомъ, ихъ духъ мудрыми правилами и мирными и свѣтлыми надеждами. Но въ общемъ онъ немного прибавилъ къ словамъ Іереміи, вѣрнымъ служителемъ котораго былъ. Въ эпоху плѣна, мы видимъ, Богъ воздвигаетъ, изъ среды евреевъ, двухъ пророковъ, одинъ изъ нихъ руководилъ евреями въ ихъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ, другой—дѣйствовалъ среди иноплеменныхъ народовъ для блага Израиля и человѣчества. Это—пророки Іезекиль и Даніиль. Іезекиль былъ посланъ къ сынамъ израилевымъ (II, 3) и онъ такъ истолковывалъ имъ пути Божіи о нихъ, о другихъ народахъ и требованія Господни,

которыя они и другіе народы должны исполнять. Иерусалимъ былъ поставленъ Господомъ „среди народовъ и вокругъ его земли“ (V, 5) очевидно для того, чтобы быть свѣтомъ для земель и народовъ. Но онъ оказался нечестивѣ язычниковъ (V, 6; ср. VIII, 7—18). За это народъ Божій изгоняется изъ его земли, но это наказаніе Господь смягчаетъ слѣдующимъ опредѣленіемъ: „хотя Я и удалилъ ихъ къ народамъ, и хотя разсѣялъ ихъ по землямъ, но Я буду для нихъ нѣкоторымъ святилищемъ въ тѣхъ земляхъ, куда пошли они“ (XI, 16). Во многихъ рѣчахъ пророкъ раскрываетъ евреямъ тѣ грѣхи, за которые они подвергаются наказанію, причѣмъ въ ряду преступленій наряду съ злословіемъ отца и матери пророкъ порицаетъ то, что пришельцу, т. е., иноплеменнику у Израиля причиняются обиды (XXII, 7). Но каковы бы ни были преступленія Израиля, онъ не долженъ думать, что его ждетъ неминуемая гибель. „Развѣ Я хочу смерти беззаконника? говоритъ Господь Богъ. Не того-ли, чтобы онъ обратился отъ путей своихъ и былъ живъ?“ (XVIII, 23). Народы, которые злорадствуютъ надъ страдающимъ за грѣхи Израилемъ, будутъ наказаны. Такъ будутъ наказаны моавитяне, сеиръ, филистимляне, тиряне (XXV, XXVI). Возвышеніе и гибель народовъ совершается по волѣ Божіей, и евреи должны знать, что могущество царя вавилонскаго есть дѣло Божіе. „Укрѣплю мышцы царя вавилонскаго, а мышцы у фараона опустятся; и узнаютъ, что Я—Господь, когда мечъ Мой дамъ въ руку царю вавилонскому и онъ простретъ его на землю Египетскую“ (XXX, 25). Это выраженіе, что узнаютъ, будетъ узнано, народы узнаютъ, что Я—Господь, повторяется у пророка Іезекіиля до пятидесяти разъ. Это познаніе Господа народами стоитъ въ связи съ вавилонскимъ плѣномъ евреевъ; такимъ образомъ, этотъ плѣнъ, какъ возвѣщаетъ самъ Господь, будетъ имѣть миссіонерское значеніе. Плѣнъ будетъ имѣть конецъ, и Израиль будетъ восстановленъ (XXXVI), это восстановленіе будетъ матеріальнымъ и духовнымъ, и въ восстановленіи побѣжденнаго и плѣненнаго Израиля народы узнаютъ руку всемилостиваго и всеблагаго Бога, восстанавливающаго разрушенное (36). Надъ Израилемъ будетъ одинъ пастырь—Давидъ“. Онъ будетъ пасти ихъ, говоритъ о немъ Господь, и

онъ будетъ у нихъ пастыремъ“ (XXXIV, 23). Это будущее возстановленіе Израиля пророкъ созерцалъ подѣ образомъ сухихъ костей, которыя всемогущею силою Божіею были призваны къ жизни (XXXVII). Оживленные и одухотворенныя новымъ духомъ кости стануть святилищемъ Господа, они образуютъ изъ себя весьма, весьма великое полчище вѣрныхъ слугъ Господнихъ. „И заключу съ ними, говоритъ Господь, завѣтъ мира, завѣтъ вѣчный будетъ съ ними. И устрою ихъ и размножу ихъ и поставлю среди нихъ святилище Мое на вѣки. И будетъ у нихъ жилище Мое, и буду ихъ Богомъ, а они будутъ моимъ народомъ. И узнаютъ народы, что Я—Господь, освящающій Израиля, когда святилище мое будетъ среди нихъ во вѣки“ (26—28). Темныя силы, которыя будутъ противоборствовать торжеству добра, будутъ подавлены и уничтожены. Въ рѣчи пророка могущество зла олицетворяется подѣ образомъ Гога, царя Роша, Мосоха и Фувала (XXXVIII—XXXIX). Эти образы, вѣроятно, взяты отъ скиѳовъ, которые въ VII вѣкѣ до Р. Х. оттѣсненные съ Кавказа массагетами, явились въ Малой Азій, западной Азій и угрожали Египту. Память о нихъ еще была свѣжа во дни пророка, и пророкъ воспользовался именемъ ихъ, какъ эмблемою того зла, которое будетъ грозить и направлѣться противъ новоустройства царства Божія. Но это царство Божіе создается (XL—XLVIII). воздвигнется новый храмъ, учредится новый культъ, совершится новый раздѣлъ земли обѣтованной. И относительно этого раздѣла земли дается такое повелѣніе отъ Господа: „и раздѣлите ее по жребію въ наслѣдіе себѣ и иноземцамъ, живущимъ у Васъ, которые родили у Васъ дѣтей; и они среди сыновъ израилевыхъ должны считаться наравнѣ съ природными жителями, и они съ вами войдутъ въ долю среди колѣнъ израилевыхъ. Въ которомъ колѣнѣ живеть иноземецъ, въ томъ и дайте ему наслѣдіе его, говоритъ Господь Богъ“ (XLVII, 22—23).

Съ именемъ Іезекіиля связывается возникновеніе среди евреевъ ихъ важнѣйшаго религіознаго института—синагогъ. У этого поселенца Тель-Авива на Ховарѣ (Іезек. III, 15), какъ видно изъ его книги, былъ домъ (VIII, 1), и къ нему собирались сыны его народа—слушать, „какое слово вышло

отъ Господа“ (XXXIII, 30—33). Правда, многихъ изъ такихъ, видно, влекло любопытство и желаніе насладиться слушаніемъ поэтической и образной рѣчи, а не готовность принять назиданіе. Пророкъ былъ для нихъ—какъ забавный пѣвецъ съ пріятнымъ голосомъ и хорошо играющій. „Но конечно, не для всѣхъ пророкъ служилъ только эстетическою забавою. Очевидно, у пророка совершались собранія, имѣвшія религіозно-назидательныя цѣли, и безъ сомнѣнія нѣкоторые не только слушали слова пророка, но и исполняли ихъ (срав. ст. 32). Эти собранія, полагаютъ, имѣвшія во дни Іезекииля характеръ импровизированный, не урегулированныя и не принявшія выработанной формы, были зерномъ и прототипомъ собраній синагогальныхъ. Одни-ли израильтяне собирались на нихъ? Во дни Іезекииля, очень можетъ быть, что и одни, но впоследствии въ синагоги, несомнѣнно, допускались и язычники, и синкретисты, и необрѣзанные прозелиты, и наконецъ вѣрные. Гаусратъ называлъ синагоги „первыми церквями чисто духовнаго Богослуженія“. Несомнѣнно, что въ древнемъ мірѣ предъ пришествіемъ Христа они были многочисленными исходными пунктами, откуда распространялось откровенное Богопознаніе. Мы будемъ говорить объ этомъ, но теперь отмѣтимъ, что возникновеніе этихъ центровъ вселенской религіозной пропаганды связывается съ вавилонскимъ плѣномъ и съ именемъ Іезекииля.

Іезекииль въ своихъ рѣчахъ въ ряду образцовъ праведности и мудрости поставляетъ своего современника Даниила (XIV, 14, 20; XXVIII, 3). Этотъ послѣдній изъ великихъ пророковъ занимаетъ сравнительно со всѣми другими совершенно особое положеніе. Его жизнь проходитъ около трона великихъ языческихъ монарховъ. Имъ онъ возвѣщалъ пути Провидѣнія, и мы полагаемъ, что есть высоко авторитетное свидѣтельство того, что его слова не остались тщетными (Ме. II, 1—12).

Въ настоящее время всѣ изслѣдователи рачіоналистическаго направленія и большая часть протестанскихъ не считаетъ книгу пр. Даниила подлинною. Основаніе ихъ то, что пророчество Даниила слишкомъ ясно изображаютъ эпоху Маккавеевъ и потому могло быть написано только въ эту эпоху.

Но всё тѣ, для которыхъ этотъ аргументъ не представляется заключающимъ въ себѣ неотразимую убѣдительность, безъ сомнѣнія, безъ всякихъ колебаній отнесутъ время ея происхожденія къ VI, а не ко II-му вѣку, она написана на двухъ языкахъ—еврейскомъ и арамейскомъ (частію на одномъ, частію на другомъ), эпоха совмѣстнаго употребленія этихъ языковъ есть эпоха плѣна; во II-мъ вѣкѣ евреи говорили по арамейски, затѣмъ, въ книгѣ пр. Даніила встрѣчаются арійскія слова—они были въ обращеніи только въ эпоху столкновенія съ персами въ концѣ VI-го вѣка. Наконецъ, сообщенія книги о Вавилонѣ, вавилонянахъ и персахъ совершенно точно рисуютъ эпоху VI-го вѣка, новѣйшая ориентологія всецѣло подтверждаетъ и разъясняетъ ихъ, такую искусную историческую фальсификацію едва-ли удобно допустить въ писателѣ еврей II-го вѣка. Вотъ почему для тѣхъ, кто вѣритъ въ возможность пророчества такъ, какъ учить вѣрить въ нихъ церковь, не можетъ быть сомнѣній въ подлинности книги Даніила, а тѣ, кто не вѣритъ въ пророчества, безусловно должны отвергать ея подлинность—вопреки всѣмъ даннымъ филологіи, археологіи и исторіи. Кто не чувствуетъ нужды отречься отъ вѣры, тому нѣтъ нужды приносить такія жертвы—намъ и не нужно приносить ихъ. Даніилъ былъ переселенъ въ Вавилонъ Навуходоносоромъ, когда правилъ еще, повидимому, его отецъ Наболоссаръ, и въ положеніи Даніила въ Вавилонѣ было много сходнаго съ положеніемъ Іосифа при дворѣ фараона. Какъ и Іосифъ, Даніилъ былъ снотолкователь; какъ и Іосифъ, Даніилъ былъ близокъ къ монархамъ и вліятеленъ. Карьера Даніила, какъ и Іосифа, начинается и обуславливается толкованіемъ сна, но истолкованные сны были очень различны. Сонъ фараона имѣлъ узкое, но жизненное практическое значеніе; сонъ Навуходоносора не касался нужды дня или надвигавшагося бѣдствія, но онъ въ широкихъ перспективахъ изображалъ будущее царствъ и народовъ, и привыкшему углубляться въ смыслъ явленій Халдею онъ давалъ много назидательнаго матерьяла для размышленій. Царь видѣлъ во снѣ истукана, голова котораго изъ чистаго золота, грудь и руки изъ серебра, животъ и бедра—мѣдныя, голени желѣзныя, но-

ги—частію желѣзныя, частію глиняныя. Камень, оторвавшійся отъ горы безъ посторонней помощи разбилъ ноги истукана, и сокрушился истуканъ, и вѣтеръ разнесъ его прахъ, а камень сдѣлался великою горою и наполнялъ собою всю землю. Пророкъ объяснилъ, что золотая голова, это—Навуходоносоръ и его царство, что это царство смѣнится серебрянымъ, серебряное мѣднымъ и т. д., пока, наконецъ, Богъ небесный воздвигнетъ такое новое царство, которое сокрушитъ истукана, и само станетъ царствомъ вѣчнымъ. Такимъ образомъ, по представленію пророка, дѣйствовавшія въ мірѣ историческіе принципы при Навуходоносорѣ достигли наибольшихъ результатовъ, но они сами въ себѣ заключали зародышъ и начало гибели. Эти начала, которыя руководили людьми въ ихъ жизни, поднявшія царства до той высоты, которой они достигли при Навуходоносорѣ, затѣмъ поведутъ ихъ къ постепенному естественному паденію. Кто не хочетъ погибнуть, тотъ долженъ искать другихъ началъ и иной силы, къ которымъ онъ могъ бы приобщиться и которыми сталъ-бы руководствоваться, чтобы стать потомъ членомъ царства вѣчнаго. Сонъ Навуходоносора такимъ образомъ, какъ и сонъ фараона, содержалъ въ себѣ призывъ и увѣщаніе. Только тамъ при фараонѣ всѣ призывались къ совмѣстной заботѣ о хлѣбѣ, а здѣсь при Навуходоносорѣ каждый въ отдѣльности призывался подумать о путяхъ жизни—о тѣхъ, которыми онъ шель, и о тѣхъ, которыми должно идти. Несомнѣнно, этотъ призывъ нашель себѣ откликъ, такъ какъ самъ Навуходоносоръ исповѣдалъ: „астино Богъ вашъ есть Богъ боговъ, и Владыка царей, открывающій тайны, когда ты могъ открыть эту тайну“ (II, 47). Писатель книги, повѣствуя объ этомъ, не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія сообщить, что царь вавилонскій смѣнилъ свои политеистическія вѣрованія исповѣданіемъ истиннаго монотеизма; нѣтъ, непосредственно далѣе онъ повѣствуетъ о томъ, что Навуходоносоръ воздвигъ золотого идола на полѣ Деиръ (III, 1). Нѣтъ, здѣсь мы имѣемъ подобное тому, что, можетъ быть, было въ Ниневіи во время проповѣди Ионы и что несомнѣнно было въ Египтѣ во дни Іосифа: признаніе единаго, истиннаго Бога вмѣстѣ съ почитаніемъ ложныхъ боговъ. Скажутъ, что этого не можетъ быть, что это гру-

бое внутреннее противорѣчіе. Но дѣло въ томъ, что дѣйствительная жизнь постоянно мирится съ глубокими и страшными противорѣчіями. Исповѣданіе Навуходоносора и затѣмъ его распоряженія о назначеніи Давіила правителемъ области вавилонской и его товарищей почитателей истиннаго Бога евреевъ Седраха, Мисаха и Авденага областными правителями, это не было полнымъ торжествомъ истины, но это было внесеніемъ животворной струи истины въ область тьмы. Но даже и относительное исповѣданіе истиннаго Бога не было у вавилонскаго царя постояннымъ, какъ не постоянна бываетъ высота вѣры и каждого человѣка. Отказъ Седраха, Мисаха и Авденага поклониться статуѣ деирской, привелъ Навуходоносора въ гнѣвъ и вызвалъ съ его стороны приказъ бросить этихъ мужей въ печь. Чудо, совершившееся надъ ними, вызываетъ снова у непостояннаго царя исповѣданіе истинной вѣры: „благословенъ Богъ Седраха, Мисаха и Авденага“, хулящій Бога ихъ осуждается имъ на смерть, „ибо нѣтъ иного Бога, который могъ-бы такъ спасти (III, 96—97) и своему народу царь издаетъ такой рескриптъ: „Навуходоносоръ, царь всѣмъ народамъ племенамъ и языкамъ, живущимъ по всей землѣ: миръ вамъ да умножится! Знаменія и чудеса, какія совершилъ надо мною всевышній Богъ, угодно мнѣ возвѣстить вамъ. Какъ велики знаменія Его и какъ могущественны чудеса Его! Царство Его—царство вѣчное, и владычество Его—въ роды и роды“ (III, 98—100). Такое исповѣданіе заставляетъ думать, что исповѣдующій самъ твердо сталъ на путь правды, но продолжаемъ чтеніе св. текста далѣе и находимъ, что царю во снѣ дается грозное предсказаніе, и пророкъ призываетъ его: „искупи грѣхи твои правдою и преступленія твои милосердіемъ“ (IV, 24). Призывъ пророка остался тщетнымъ. Въ своемъ высокомѣрїи царь забылъ о смиренїи предъ Богомъ и былъ наказанъ тѣмъ, что ниспалъ до животнаго: имъ овладѣлъ тотъ родъ безумія (ликантропія), въ которомъ человѣкъ считаетъ себя животнымъ, и онъ, превозносившійся, какъ богъ, сталъ отожествлять себя съ воломъ. Полагають, что во время болѣзни Навуходоносора управлялъ государствомъ Белсумискунь, отецъ Нериглиссора. Это соображеніе основываютъ на томъ, что Нериглиссоръ, женатый на дочери Навуходоносора

и ставшій вавилонскимъ царемъ послѣ Ним—Меродаха, называетъ отца своего Белсумискуна царемъ, между тѣмъ какъ такого царя нѣтъ въ спискахъ вавилонскихъ царей. Догадка, конечно, не особенно убѣдительная, но все-таки не лишенная значенія. Какъ-бы то ни было, Навуходоносоръ выздоровѣлъ и занялъ престолъ. Болѣзнь, испосланная ему по опредѣленію свыше, убѣдила его, „что Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ и даетъ его, кому хочетъ, и поставляетъ надъ нимъ униженнаго между людьми“ (IV, 14). И своа онъ исповѣдалъ: „нынѣ я, Навуходоносоръ, славлю, превозношу и величаю царя Небеснаго, котораго всѣ дѣла истинны и пути праведны, и Который силенъ смирить ходящихъ гордо“ (IV, 34). Эта исторія Навуходоносора въ изложеніи Давиила представляется намъ глубокопоучительною для возможнаго выясненія путей Промысла Божія въ человѣчествѣ. Особенно ярко открываются въ ней божественная благодать и человѣческая слабость. Сколько разъ царь былъ предупреждаемъ, вразумляемъ и сколько разъ ему оказывалась милость! И что-же онъ? Онъ не оставался безусловно глухъ къ голосу провидѣнія, но онъ и не впечатлѣвалъ божественныхъ опредѣленій глубоко въ сердцѣ. Въ немъ появлялись порывы къ правдѣ, но постоянно онъ пребывалъ во грѣхѣ. Однако нѣчто доброе въ немъ оставалось, и мы видимъ, Промыслъ не давалъ погибнуть этому добруму. Не происходитъ-ли того-же—хотя менѣе замѣтнымъ, но въ сущности тождественнымъ образомъ съ каждымъ человѣкомъ? Не говоритъ-ли голосъ Божій каждому человѣку: „если не дѣлаешь добраго, то у дверей грѣхъ лежитъ; онъ влечетъ тебя къ себѣ, но ты господствуй надъ нимъ“ (Быт. IV, 7), не прощается-ли каждому человѣку семьдесятъ семь разъ, и не оставляется-ли заблудшая овца погибать только въ томъ случаѣ въ пустынѣ, если она обнаружила безусловно упорное рѣшеніе не возвращаться въ стадо?

Давиилъ былъ орудіемъ божественнаго Промысла, которое направляло царей и затѣмъ ихъ народы къ признанію истиннаго Бога—Бога евреевъ. Въ его книгѣ, которую обыкновенно считаютъ полагающею начало произведеніямъ апокалипсическаго характера, намъ кажется, должно искать прежде всего

религіозной философіи исторіи. Пророкъ жилъ въ періодъ, когда происходила смѣна эпохъ: владычество однихъ народовъ смѣнялось и падало, цари возставали и исчезали. Взору непроницательному и не озаренному вѣрой въ Провидѣніе, эти смѣны могли представляться стихійными, лишенными разумныхъ причинъ и цѣлей. Съ внѣшней стороны это разрушеніе городовъ, избіеніе людей, умерщвленіе монарховъ—это какой-то хаосъ, что-то жестокое, безмысленное, грубо-стихійное. Но пророкъ поднимаетъ завѣсу, скрывающую то, что производитъ всѣ эти хаосоподобныя движенія, онъ поднимаетъ ее не совсѣмъ, но настолько, насколько люди способны понять и уразумѣть то, что скрывается за нею. И оказывается, что этотъ внѣшній хаосъ есть результатъ человѣческихъ нестроений, которыя, однако, божественнымъ Провидѣніемъ направляются такъ, что въ концѣ должна восторжествовать правда, установиться гармонія, создаться царство вѣчное. Историческая часть книги Даніила кончается повѣствованіемъ о гибели Валтасара и спасеніи Даніила изъ львиного рва. Имени Валтасара нѣтъ въ спискахъ царей. Полагаютъ, что это былъ сынъ узурпатора Набонида и, можетъ быть, законной принцессы, по которой онъ и называетъ себя и Даніилъ называетъ его сыномъ Навуходносора (сынъ значитъ внукъ и т. д. въ прямой линіи), онъ правилъ за отсутствовавшаго Набонида и въ этомъ смыслѣ названъ царемъ. Его смерть положила вмѣстѣ конецъ вавилонскому царству. Поэтому опредѣленія относительно этого царства Даніилъ называетъ опредѣленіями относительно Валтасара. „Мене, мене, текель, упарсицъ“ (V, 25), исчислено, взвѣшено и раздѣлено. Судьба вавилонскаго царства опредѣляется свыше. Ему полагается конецъ не вслѣдствіе случайныхъ и несчастныхъ причинъ, не потому, что враги его сильны, но потому, что взвѣшенное на вѣсахъ божественнаго Провидѣнія оно оказалось пустымъ и легкимъ—безполезнымъ, ненужнымъ и потому оно отдается другимъ. Видѣніе Валтасара, равно какъ и его истолкованіе, конечно, стали извѣстными преемнику его по царствованію, и книга Даніила даетъ основанія полагать, что они были приняты имъ къ сердцу. Дарій Мидянинъ, ставшій на царство вмѣсто Валтасара (можетъ быть Ціаксаръ, сынъ Астіага,

или Угбару, правитель Вавилоніи, поставленный Киромъ), поставилъ однимъ изъ трехъ главныхъ правителей страны (VI, 2) Даниила и помышлялъ поставить его надъ всѣмъ царствомъ (VI, 3). Хитрость коварныхъ людей заставила неосторожнаго царя вмѣсто того, чтобы возвеличить Даниила, приказать свергнуть его въ львинный ровъ. Образъ дѣйствій царя невольно заставляетъ вспомнить о Пилатѣ, но видно, сознание жестокой несправедливости было гораздо глубже у мидійскаго владыки, чѣмъ у римскаго правителя: онъ не могъ принимать пищи и отъ него бѣжалъ сонъ. Спасеніе Даниила исполнило его великою радостію и побудило издать такой декретъ: „мною дается повелѣніе, чтобы во всякой области царства моего трепетали и благоговѣли предъ Богомъ Данииловымъ, потому что Онъ есть Богъ живой и присносущій, и царство Его несокрушимо и владычество Его безконечно. Онъ избавляетъ и спасаетъ и совершаетъ чудеса и знаменія на небѣ и на землѣ; Онъ избавилъ Даниила отъ силы львовъ“ (VI, 26—27). Въ неканоническомъ прибавленіи къ книгѣ Даниила представляется, что подобное событіе произошло съ Данииломъ во второй разъ при Кирѣ (XIV), и Данииль представляется тамъ обличившимъ ничтожество идола Вила (Бела), обжорство и глупость почитаемаго дракона (змѣя; змѣи имѣли большое значеніе въ магіи халдеевъ), и наконецъ снова спасеннымъ отъ львовъ, каковое спасеніе вызвало у Кира исповѣданіе: „великъ Ты, Господь Богъ Данииловъ, и вѣтъ иного кромѣ Тебя“ (XIV, 41). Безъ сомнѣнія, у многихъ знатныхъ и незнатныхъ, которые вступали въ общеніе съ великимъ пророкомъ въ теченіе его долгой жизни, вырывалось подобное исповѣданіе. Оно могло быть мимолетнымъ неглубокимъ, непрочнымъ, но оно всегда бывало искреннимъ и, безъ сомнѣнія, не всегда безплоднымъ.

Во второй части книги пр. Даниила (VII—XII) излагаются видѣнія о судьбѣ царствъ, которыя видѣлъ этотъ пророкъ. Съ точки зрѣнія рационалистовъ это *vaticinia post eventum*, обнимающія періодъ отъ Кира до смерти Антиоха Елифана, съ нашей точки зрѣнія это дѣйствительныя пророчества, обнимающія прежде всего и прямо періодъ отъ дней пророка до утвержденія Новаго Завѣта, а затѣмъ и до конца

дней всего человѣчества. Последнее могутъ оспаривать невѣрующіе, но никто не можетъ оспаривать, что въ книгѣ пророка всѣ царства представляются предметомъ божественныхъ попеченій, съ рационалистической точки зрѣнія даже оказывается, что языческій властитель называется помазанникомъ Божиимъ (IX, 26; въ данномъ случаѣ подъ помазанникомъ, несомнѣнно, разумѣтся Господь Иисусъ Христосъ, но несомнѣнно дѣйствительно, что языческіе цари въ Божественномъ Откровеніи и назывались помазанниками—Ис. XLV; —и помазывались на царство 3 Цар. XIX, 15). Относительно Божественнаго Промышленія о царствахъ въ книгѣ пророка Даніила раскрывается важная догматическая истина. Пророкъ раскрываетъ, что царства и народы имѣютъ своихъ ангеловъ хранителей. Въ X главѣ рассказывается, что когда пророкъ усиленно молился объ избавленіи евреевъ отъ подчиненія персамъ, ему было видѣніе, явился ему мужъ (архангелъ Гавріиль) и сообщилъ: „не бойся, Даніиль... слова твои услышаны, и я пришелъ-бы по словамъ твоимъ, но князь царства персидскаго стоялъ противъ меня двадцать одинъ день; но вотъ Михаилъ, одинъ изъ первыхъ князей, пришелъ помочь мнѣ, и я остался тамъ при царяхъ персидскихъ, а теперь я пришелъ возвѣстить тебѣ, что будетъ съ народомъ твоимъ въ послѣднія времена“... (12—13). Оставляя Даніила, небесный мужъ сказалъ: „теперь я возвращусь, чтобы бороться съ княземъ персидскимъ; а когда я выйду, то вотъ придетъ князь Греціи. Впрочемъ я возвѣщу тебѣ, что начертано въ истинномъ писаніи, и нѣтъ никого, кто поддерживалъ бы меня въ томъ, кромѣ Михаила, князя вашего“ (20—21). Подъ князьями царствъ здѣсь ясно разумѣются небесные предстатели народовъ. Оказывается, такимъ образомъ, что согласно ветхозавѣтному откровенію, и языческія царства персидское, греческое—имѣли своихъ небесныхъ ходатаевъ предъ Богомъ. Въ повѣствованіи архангела Гавріила эти ходатаи представляются какъ-бы противоборствующими одинъ другому. Никогда не сомнѣвались относительно смысла этого повѣствованія. Ангелы—не Богъ, не обладаютъ всевѣдніемъ и не всегда вполнѣ знаютъ волю Божию. Ангелъ персовъ находилъ, что для блага персовъ евреи были полезны, ибо отъ евреевъ они могутъ заимствовать много

добраго въ области религіи и нравовъ (это прекрасно согласуется съ тѣмъ фактомъ, что на персидской—арійской религіи лежитъ отпечатокъ семитическаго—еврейскаго вліянія) и потому онъ молилъ, чтобы продолжилось пребываніе евреевъ подъ владычествомъ персовъ. Предстатели за іудеевъ, ревную о благѣ іудеевъ, молили о томъ, чтобы они снова счастливо собрались у Сіона. Это пророческое повѣствованіе показываетъ, что по ученію Ветхозавѣтной религіи, судьбы каждого изъ языческихъ народовъ суть предметъ многихъ заботъ и попеченій для многихъ, что, по волѣ Провидѣнія, объ этихъ народахъ радѣютъ духи и посему, значить, ничто доброе въ этихъ народахъ не могло пропасть и погибнуть.

Это повѣствованіе пророка невольно заставляетъ вспомнить одно старое возраженіе противъ ученія ветхозавѣтной религіи—возраженіе нѣсколько въ измѣненной формѣ повторяющееся и въ настоящіе дни. Во второй половинѣ IV столѣтія, Юліанъ Отступникъ, въ своихъ книгахъ противъ христіанъ, писалъ: „если зависть противна божественной природѣ, то исключительное предпочтеніе одной расы (еврейской) особенно не согласно съ божественнымъ Провидѣніемъ. Какъ допустить, чтобы Богъ, сотворившій всѣ народы, покинулъ ихъ, чтобы заниматься только однимъ. Греки имѣютъ болѣе здравое понятіе объ управленіи провидѣнія, они признаютъ, что высшій Богъ—Богъ создатель—есть царь и отецъ всѣхъ людей, что онъ раздѣлилъ всѣ націи между богами, которые управляютъ каждою сообразно съ своей природою наиболѣе удобными способами.

„Это множество низшихъ боговъ не только обнаруживаетъ всеобщность Провидѣнія, но и объясняетъ еще различіе расъ. Иудеи съ ихъ догматамъ о единомъ Богѣ, принуждены для объясненія различія національностей, выдумывать басню о вавилонской башнѣ и о смѣшеніи языковъ. Нѣтъ ничего менѣе философскаго, чѣмъ это объясненіе. На самомъ дѣлѣ, причина различія характера, духа, нравовъ, вѣрованій, законовъ заключается въ природѣ генія, приставленнаго для управленія каждымъ народомъ. Сказать, что это различіе происходитъ по волѣ Божіей, значить ничего не сказать и не объяснить (а таково объясненіе евреевъ). Не достаточно написать въ книгѣ: „Богъ сказалъ и стало“. Нужно, чтобы повелѣніе Божіе относительно какой-нибудь вещи было

согласно съ природою этой вещи. Богъ не насилуетъ порядка природы, который есть только выраженіе Его воли. Если-бы Богъ пожелалъ, чтобы языки, нравы, законы націй, сначала согласные, стали-бы потомъ различными, то онъ не могъ-бы этого сдѣлать одною Своею волею. Природа существъ непреодолимо воспротивится подобной метаморфозѣ. Явно основательнѣе искать причину разнообразія націй въ самомъ существѣ вещей, т. е., во влияніи боговъ, соединенномъ съ влияніемъ климата, воздуха, неба¹⁾.

Въ этомъ разсужденіи императора неоплатоника страннымъ образомъ перемѣшаны непониманіе Библии, незнаніе природы, идеализація эллинизма и нѣкоторое смутное чувство истины. И это разсужденіе повторяютъ и теперь чрезъ полторы тысячи лѣтъ спустя послѣ того, какъ погибъ императоръ, побѣжденный Галилеяниномъ. И теперь думаютъ, что, по ученію Библии, Богъ заботился только о евреяхъ, что различіе націй—дѣйствіе вавилонской стачки и что на самомъ дѣлѣ всѣ явленія міра—необходимый результатъ природы вещей, которую не можетъ преодолѣть сила никакого Божества. Но въ дѣйствительности, самая „природа вещей“ есть только реализація Божественной мысли, и по этой мысли процессъ бытія есть процессъ развитія, умноженія и уразноображенія существующаго. Согласно творческимъ законамъ изъ немногихъ началъ выходитъ много существъ и явленій, и каждое изъ нихъ, нося на себѣ печать своего происхожденія, въ то же время получаетъ свой индивидуальный отпечатокъ. Далѣе согласно творческимъ законамъ самыя возникающія существа въ нѣкоторой мѣрѣ обладаютъ способностью творчества,—свободою воли, способностью самозиданія. Эта способность творить, соединенная съ ограниченностію можетъ, очевидно, имѣть своимъ результатомъ не только устройство, но и разстройство. Возникновеніе и умноженіе разстройства устраняется Провидѣніемъ или обращается Имъ ко благу. Пророкъ Даніилъ въ своихъ видѣніяхъ и открываетъ отчасти завѣсу, скрывающую эти пути Провидѣнія. Онъ показываетъ намъ, какъ Провидѣніе обращаетъ ко благу даже

¹⁾ Отрывки изъ, несохранившихся до нашего времени, книгъ Юліана найдены въ сочиненіи противъ Юліана св. Кирилла Александрійскаго. См. объ этомъ Vachero, L'histoire critique de l'école d'Alexandrie T. II p. 171—178.

такое явленіе, какъ плѣнъ, порабощеніе народовъ, явленіе, во всякомъ случаѣ, представляющее собою результатъ нестроенія, несправедливости и злобы. Плѣнъ евреевъ—раскрываетъ намъ назидательное повѣствованіе пророка—оказался полезнымъ какъ для поработителей, такъ и для порабощенныхъ. Послѣдніе въ своемъ скорбномъ положеніи обратились къ истинному Богу, первые узнали отъ нихъ объ этомъ истинномъ Богѣ. Среди изслѣдователей раціоналистовъ довольно распространено мнѣніе, что ученіе объ ангелахъ, излагаемое въ книгѣ пророка Даніила, эранитскаго происхожденія. Евреи заимствовали будто-бы его отъ персовъ. Если-бы это раціоналистическое мнѣніе было справедливымъ, то мы имѣли-бы безпримѣрный случай того, какъ наявный и во всякомъ случаѣ—не глубоко ученый фальсификаторъ далъ ключъ истины въ руки европейскимъ ученымъ. Писатель еврей II-го вѣка влагаетъ ученіе объ ангелахъ въ уста Даніила, человѣка находившагося въ плѣну персидскомъ, слѣдовательно почти неизбѣжно знакомаго съ персидскою ангелологіею. Писатель ведетъ, такимъ образомъ, ученыхъ къ источнику ученія, который отстоитъ отъ него на три столѣтія и о которомъ евреи—его современники—совершенно позабыли, ибо никто изъ нихъ, конечно, не считалъ, что они своей догматикой обязаны персамъ. Не мало удивительнаго, конечно, представляетъ и то, что на эти ясныя указанія анонимнаго проводника обратили вниманіе только двѣ тысячи лѣтъ спустя послѣ того, какъ они были сдѣланы. Но на самомъ дѣлѣ все это не такъ. Раціоналисты хотя и видѣтъ ангеловъ хранителей въ ученіи зороастровой религіи о фравашахъ (fravashi). Изученіе источниковъ иранской религіи показываетъ, что такое представленіе о фравашахъ должно быть признано ошибочнымъ. Въ Авестѣ говорится: мы почитаемъ души умершихъ, которыя суть фраваша праведныхъ (iristânâm urvâpô uazamaidê uâo ashaonâm Fravashayô. Vasna XVII, 43; XXVI, 21, 34 и т. д.). Такимъ образомъ фраваша то же, что маны латинянъ и питри индусовъ. Они возвращаются на землю въ каждыя послѣдніе пять дней года, посвящаемые памяти умершихъ. Они наблюдаютъ, почитаютъ-ли ихъ, приносятъ-ли имъ жертвы, даютъ-ли имъ пищу, которая дѣлаетъ ихъ бессмертными (Vesht XIII: фраваша). Авестическіе тексты сообщаютъ также, что

фраваша покровительствуютъ странамъ, крѣпостямъ, домамъ, почитающимъ ихъ воинамъ, но вездѣ они являются тѣмъ, что называютъ шапес или геніі, но никогда съ образомъ ангеловъ хранителей. Фраваша суть души умершихъ, благополучіе которыхъ обусловлено тѣмъ—почитають-ли ихъ и доставляютъ-ли имъ питаніе живые? Таковы фраваша по первоначальному пониманію авесты. Въ новѣйшую эпоху они преобразуются въ нѣкоторый небесный типъ существъ. Представляютъ, что при каждомъ высшемъ духѣ и даже при самомъ Агура—Моздѣ есть фраваша... Позднѣе, чтобы объяснить природу этого неуловимаго типа, персидскіе ученые обращались къ различнѣйшимъ толкованіямъ. По автору Минопереда—фраваша суть безчисленныя и безымянныя звѣзды, украшающія небесный сводъ. Во всякомъ созданіи и твореніи, созданномъ для земного міра, рожденномъ или нерожденномъ каждое тѣло имѣетъ фраваша таковой природы, каковой оно само (гл. XLIX, 22, 23). Всѣ фраваша праведныхъ мужчинъ и женщинъ были образованы изъ тѣла перваго человѣка (гл. XXVII, 17). По Саддери Бундгешу, въ человѣкѣ имѣется пять началъ: принципъ жизни, сознаніе, душа, разумъ и фраваша. Высочайшій Богъ далъ каждому изъ этихъ пяти началъ, находящихся въ тѣлѣ человѣка, особое назначеніе, и каждое изъ нихъ имѣетъ заботу объ особенной вещи. Дѣятельность разума состоитъ въ томъ, чтобы охранять память и пониманіе и заставлять ихъ выполнять свои назначенія. Дѣятельность фраваша имѣетъ свою цѣлю заставлять разумъ поступать такимъ образомъ, чтобы онъ принималъ удобоваримое питаніе и выбрасывалъ неудобоваримое. По смерти жизненный принципъ смѣшивается съ вѣтромъ, сознаніе съ небесной субстанціей. Разумъ, душа и фраваша сохраняются и вмѣстѣ подвергаются всеобщему суду. Они всѣ три соединяются вмѣстѣ и отдають отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ¹⁾. Очевидно, не одно изъ представленій персидской религіи о фраваша не отвѣчаетъ тому, что сообщаетъ намъ объ ангелахъ хранителяхъ царствъ пророкъ.

Профессоръ С. С. Глаголевъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Ch. de Harlez, La Bible et l'Avesta. pp. 298—299. Dictionnaire apologét. de la foi catholique par Jaugey. Deuxieme édition.

Размышленія Декарта о первой философiи, въ коихъ доказывается существованiе Бога и отличiе души отъ тѣла.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО.

(Продолженiе *).

Размышленiе третье. О Богѣ, что Онъ существуетъ.

Теперь я закрою глаза, заткну уши, отброшу всѣ чувства, изглажу изъ моей мысли всѣ образы тѣлесныхъ вещей или, такъ какъ этого едва-ли можно достигнуть, буду принимать ихъ по крайней мѣрѣ за *ничто*, какъ пустые и ложные, и, сосредоточиваясь на самомъ себѣ, попытаюсь путемъ глубокаго изслѣдованiя достигнуть большаго знакомства и знанiя относительно самого себя. Я вещь мыслящая, т. е., сомнѣвающаяся утверждающая, отрицающая, кое-что уразумѣвающая, многого не знающая, желающая, не желающая, даже воображающая и ощущающая. Ибо, какъ я раньше замѣтилъ, хотя то, что я ощущаю и воображаю, вѣдъ меня можетъ и не существовать, но я увѣренъ, что самые модусы (частныя проявленiя) мышленiя, кои я называю ощущенiями и представленiями воображенiя, поскольку они суть *только* нѣкоторые *модусы* мышленiя, они присущи мнѣ. Вотъ этими немногими словами я перечислил все, что я дѣйствительно знаю или, по крайней мѣрѣ, что я до сихъ поръ призналъ мнѣ извѣстнымъ. Теперь рассмотримъ тщательнѣе, вѣтъ-ли еще чего-нибудь въ моемъ владѣнiи, на что я еще не обратилъ вниманiя. Мнѣ положительно извѣстно, что я вещь мыслящая. Не знаю-ли я поэтому, что требуется для того, чтобы какая-нибудь вещь была мнѣ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г. № 17.

такимъ образомъ извѣстна? Указанное первое познаніе не представляетъ, собою очевидно, ничего иного, какъ только нѣкоторое ясное и раздѣльное воспріятіе того, что я утверждаю. Этого, разумѣется, было-бы недостаточно, чтобы удостовѣрить меня въ истинности какой-нибудь вещи—въ томъ случаѣ, если бы было возможно, чтобы когда нибудь оказалось ложнымъ то, что я такъ ясно и раздѣльно воспринимаю. Поэтому, кажется, я могу принять за общее правило, что все, воспринимаемое мною весьма ясно и раздѣльно, истинно. Однако вѣдь я многое, что раньше принималъ за достовѣрное и очевидное, потомъ признавалъ сомнительнымъ. Таковыми вещами были: земля, небо, звѣзды и все прочее, что я постигалъ чувствами. Что-же я о такихъ вещахъ воспринималъ ясно? Безспорно то, что идеи или мысли о нихъ находятся въ моемъ умѣ. Но вѣдь я и теперь не отрицаю, что такія идеи есть во мнѣ. Было, значить, тутъ нѣчто другое, что я утверждалъ и воспріятіе чего считалъ для себя яснымъ только вслѣдствіе привычки вѣрить, такъ какъ въ дѣйствительности я этого не воспринималъ; это именно—что внѣ меня есть нѣкоторыя вещи, отъ которыхъ произошли эти идеи и съ которыми имѣютъ полное сходство. Вотъ то, въ чемъ я или ошибался, или если даже правильно судилъ, то, во всякомъ случаѣ, это было не въ силу моего воспріятія. Когда-же я обдумывалъ что-нибудь самое простое и легкое изъ ариѳметики и геометріи, что, напр., два сложенные съ тремя даютъ пять и подобное, то по крайней мѣрѣ я видѣлъ достаточно ясно, чтобы утверждать, что это истинно. Правда, потомъ я признавалъ необходимымъ усумниться и въ такого рода вещахъ, но не по иной причинѣ какъ только представивъ себѣ, что вѣдь, можетъ быть, нѣкій Богъ могъ даровать мнѣ такую природу, чтобы я ошибался даже въ томъ, что мнѣ представляется самымъ очевиднымъ. Какъ скоро это предположеніе (*praesenscepta opinio*) о высочайшемъ могуществѣ Возіемъ пришло мнѣ въ голову, я не могъ не согласиться, что для Него, если бы Онъ пожелалъ, легко сдѣлать такъ, чтобы я ошибался даже въ томъ, что, по моему мнѣнію, я наочевиднѣйшимъ образомъ созерцаю умственными очами. Однако-же какъ скоро я обращаюсь къ самымъ вещамъ, воспріятіе которыхъ считаю

весьма яснымъ, я настолько убѣждаюсь ими, что у меня само собой вырывается восклицаніе: пусть обманываетъ меня, кто можетъ, онъ никогда не достигнетъ, чтобы я былъ ничѣмъ, пока я буду сознавать себя чѣмъ-нибудь, или чтобы когда-нибудь стало истиной то, что меня никогда не было, если истинно, что я теперь есмь,—никогда не достигнетъ онъ, чтобы два и три, сложенные вмѣстѣ, составили больше или меньше пяти, или чего-нибудь подобнаго, въ чемъ, разумѣется, я вижу явное противорѣчіе. Все-же пока я не имѣю случая обсудить, дѣйствительно-ли Богъ насъ обманываетъ, и даже недостаточно знаю еще, есть-ли какой-нибудь Богъ, до тѣхъ поръ имѣется у меня очень утонченное и такъ сказать метафизическое основаніе для сомнѣнія, проистекающее только изъ вышеуказаннаго предположенія о всемогуществѣ Бога. Чтобы его разрушить, я долженъ, какъ только представится случай, обсудить, есть-ли Богъ и если есть, то можетъ-ли Онъ вводить въ обманъ. При незнаніи этого я, кажется, никогда не могу достигъ полной увѣренности ни въ какой вещи. Теперь-же, повидимому, порядокъ требуетъ, чтобы я, раздѣливши сначала всѣ мои мысли на извѣстные роды, разсмотрѣлъ, въ какихъ изъ нихъ по преимуществу заключается истина и ложь.

Нѣкоторыя изъ моихъ мыслей суть какъ бы образы вещей; этимъ однимъ собственно приличествуетъ названіе *идей*. Этого рода идеи бываютъ, когда я мыслю о человѣкѣ или о химерѣ, или о небѣ, или объ ангелѣ, или о Богѣ. Другія изъ нихъ имѣютъ нѣсколько иныя формы; такъ, когда я хочу, когда боюсь, когда утверждаю, когда отрицаю, я всегда, конечно, представляю нѣкоторую вещь, какъ предметъ своей мысли, но, сверхъ того, я мышленіемъ захватываю нѣчто большее, чѣмъ просто образъ этой вещи. Изъ этого рода идей однѣ называются желаніями или аффектами, другія сужденіями. Что касается идей, разсматриваемыхъ только въ себѣ, безотносительно къ чему-нибудь другому, то собственно ложными онѣ быть не могутъ, ибо воображаю-ли я козу или химеру, одинаково истинно и то, что я воображаю одну, и то, что воображаю и другую. Не должно также подозрѣвать никакой лживости въ самомъ желаніи или аффектахъ, ибо хотя я могу желать дур-

ного или даже того, чего нигдѣ нѣтъ, однако отъ этого не теряет истинности фактъ, что я этого желаю. Остаются такимъ образомъ одни сужденія, и въ нихъ я долженъ остерегаться, чтобы не впасть въ ошибку. Преимущественная и самая частая ошибка, которую можно въ нихъ находить, состоитъ въ томъ, что я считаю находящіяся во мнѣ идеи схожими или согласными съ вещами, находящимися внѣ меня. Въ самомъ дѣлѣ, если бы я разсматривалъ эти идеи какъ нѣкоторые модусы моего мышленія и не относилъ ихъ ни къ чему другому, то едва ли онѣ могли бы служить для меня предметомъ заблужденій.—Изъ идей однѣ, по моему мнѣнью, намъ прирождены (innatae), другія приходятъ извнѣ (adventitiae), третьи образованы мною самимъ. Способность понимать, что такое вещь вообще, что такое истина, что такое мышленіе, принадлежитъ мнѣ, кажется, по самой моей природѣ; а то, что я слышу шумъ, вижу солнце, чувствую огонь, я считалъ происходящимъ отъ находящихся внѣ меня вещей; наконецъ Сирены, Иппогрифы и под. образуются мною самимъ. Можетъ быть, я всѣ идеи могу считать привходящими извнѣ, или всѣ врожденными, или всѣ образованными мною—я еще ясно не вижу истиннаго ихъ происхожденія. Здѣсь должно разслѣдовать преимущественно о тѣхъ идеяхъ, кои я разсматриваю какъ полученныя отъ существующихъ внѣ меня вещей, какое основаніе побуждаетъ меня считать ихъ подобными этимъ вещамъ. Повидимому, меня научаетъ поступать такъ сама природа, да, кромѣ того, я по опыту знаю, что идеи эти не зависятъ отъ моей воли, а потому и отъ меня самаго. Часто онѣ возникаютъ противъ воли, какъ вотъ сейчасъ я волей—неволей ощущаю теплоту и потому думаю, что это ощущеніе или идея теплоты приходитъ ко мнѣ отъ какой-то чуждой мнѣ вещи, именно отъ теплоты огня, у котораго я сижу. Нѣтъ ничего легче какъ заключить, что эта вещь посылаетъ ко мнѣ всего вѣроятнѣе свой образъ, а не предполагать что-нибудь другое. Достаточно-ли тверды эти доводы, я сейчасъ увижу. Когда я здѣсь говорю, что этому меня научаетъ природа, то разумю только то, что какимъ-то непринужденнымъ желаніемъ я побуждаюсь вѣрить въ это подобіе идей

внѣшнимъ вещамъ, а не то, чтобы естественный свѣтъ (разумѣнія) показывалъ мнѣ истинность послѣдняго. Тутъ большая разница, ибо все открываемое мнѣ естественнымъ свѣтомъ разумѣнія (что, напримѣръ, изъ моего сомнѣнія слѣдуетъ мое существованіе и под.) никоимъ образомъ не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ что не можетъ быть ни одной другой способности, которой я такъ довѣрялъ бы, какъ этому свѣту, и которая могла бы показать, что все, выдаваемое естественнымъ свѣтомъ за истину, неистинно. Что-же касается естественныхъ желаній и склонностей, то я уже давно рѣшилъ, что онѣ меня побуждаютъ къ худшему, когда дѣло идетъ о выборѣ добра, и я не вижу, почему слѣдуетъ довѣрять имъ и въ другомъ какомъ-нибудь случаѣ. Далѣе, хотя идеи, о коихъ рѣчь, не зависятъ отъ моей воли, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы онѣ происходили непремѣнно отъ находящихся внѣ меня вещей, ибо какъ желанія, о которыхъ я только что говорилъ, хотя находятся во мнѣ, однако, повидимому, отличаются отъ моей воли, такъ, можетъ быть, во мнѣ есть какая-нибудь другая, мнѣ еще недостаточно извѣстная способность—виновница этихъ идей. Вѣдь до сихъ поръ я всегда видѣлъ, что во время сна онѣ образуются безъ всякой помощи внѣшнихъ вещей. Наконецъ, хотя бы эти идеи происходили отъ вещей, отличныхъ отъ меня, отсюда не слѣдуетъ однако, что онѣ должны быть похожи на эти вещи; напротивъ того, во многихъ случаяхъ я замѣчаю, кажется, большое различіе между ними. Такъ, напр., я нахожу у себя двѣ различныя идеи о солнцѣ: одну, полученную чувствами, которая по преимуществу должна быть отнесена къ тѣмъ идеямъ, кои я считаю привходящими извнѣ;—она представляетъ мнѣ солнце очень малымъ; другая получена помощью астрономическихъ вычисленій, т. е., извлечена изъ нѣкоторыхъ прирожденныхъ мнѣ понятій; эта представляетъ мнѣ солнце въ нѣсколько разъ больше земли. Та и другая идеи, конечно, не могутъ быть похожи на одно и то же солнце, а разумъ убѣждаетъ, что та идея наиболѣе и непохожа на него, которая, повидимому, ближайшимъ образомъ отъ него исходитъ. Все это въ достаточной степени показываетъ, что до сихъ поръ я вѣрилъ въ существованіе отличныхъ отъ

меня вещей, посылающихъ мнѣ идеи или свои образы чрезъ органы чувствъ или какимъ бы то ни было другимъ образомъ, не въ силу достаточнаго обсужденія этого, но по какой-то слабѣйшей склонности.

Мнѣ представляется еще нѣкоторый другой путь для изслѣдованія, существуютъ-ли внѣ меня какія-нибудь изъ тѣхъ вещей, идеи которыхъ есть во мнѣ. Доколѣ идеи суть только нѣкоторые модусы мышленія, я не замѣчаю между ними какого-нибудь неравенства, всѣ онѣ, кажется, происходятъ отъ меня однимъ и тѣмъ-же образомъ. Коль скоро-же одна изъ нихъ представляетъ одну вещь, другая другую, то открывается большее различіе одной отъ другой. Безъ сомнѣнія, тѣ идеи, кои представляютъ мнѣ субстанцію, являются чѣмъ-то большимъ и, такъ сказать, содержатъ въ себѣ больше объективной реальности, чѣмъ идеи, представляющія только модусы и акциденціи,—и опять та идея, чрезъ которую я мыслю высочайшаго нѣкоего Бога,—вѣчнаго, безконечнаго, всевѣдущаго, всемогущаго, творца всѣхъ существующихъ внѣ Его вещей, поистинѣ имѣетъ болѣе объективной реальности, чѣмъ всякая идея, представляющая конечныя субстанціи. Для естественнаго (разумнѣя) свѣта, далѣе, вполне ясно, что производящей и взятой въ цѣлостности причины (*causa efficiens ac totalis*) должно быть по меньшей мѣрѣ столько же реальности, сколько есть въ дѣйствіи этой причины, ибо откуда, спрашиваю, можетъ получить свою реальность дѣйствіе, если не отъ причины? И какимъ образомъ могла бы дать ему эту реальность причина, если бы сама ея не имѣла? А отсюда слѣдуетъ, что не можетъ *что-нибудь* произойти изъ *ничего* и болѣе совершенное, т. е., что содержитъ въ себѣ болѣе реальности отъ содержащаго ея менѣе. И очевидно, это истинно не только по отношенію къ тѣмъ дѣйствіямъ, реальность которыхъ дѣйствительная или формальная (*actualis sive formalis*), но и по отношенію къ идеямъ, въ которыхъ усматривается только реальность объективная. (умопредставляемая) ¹⁾.

¹⁾ У Декарта представляемая вещь есть *realitas objectiva*, а дѣйствительная—*realitas actualis sive formalis*. См. Kuno-Fischer. *Gesch.* B. I. Th. I. 304.

Это значитъ, что не только камень, котораго прежде не было, не можетъ начать теперь бытіе, если не получить его отъ какой-нибудь вещи, содержащей въ себѣ формально (столько же) или эминентно (въ избыткѣ) ¹⁾ все то, что находится въ камнѣ, и не только не можетъ теплота сообщиться предмету, не имѣющему ея раньше, безъ содѣйствія какой-нибудь вещи, по крайней мѣрѣ равной теплотѣ по степени совершенства; но, кромѣ того, я не могу имѣть идеи теплоты или камня, если она не будетъ вложена въ меня нѣкоторой причиной, заключающей въ себѣ по меньшей мѣрѣ столько же реальности, сколько я представляю ея въ теплотѣ или камнѣ. И хотя при этомъ указанная причина нисколько не приноситъ своей дѣйствительной или формальной (т. е. подлинной) реальности въ мою идею, однако не должно на этомъ основаніи думать, что идея отъ этого должна оказаться менѣе реальной. Природа самой идеи такова, что она не требуетъ сама по себѣ никакой формальной (дѣйствительной) реальности, кромѣ заимствуемой отъ моего мышленія, модусъ котораго она составляетъ. Тотъ-же фактъ, что извѣстная идея заключаетъ эту, а не другую объективную (умо-представляемую) реальность, безъ сомнѣнія, долженъ проистекать отъ нѣкоторой причины, имѣющей по крайней мѣрѣ ничуть не меньше реальности формальной, чѣмъ сколько эта идея имѣетъ—объективной. Если бы предположили, что въ идеѣ есть что-нибудь, чего не было-бы въ причинѣ, то, значитъ, это она имѣетъ изъ ничего; между тѣмъ какъ бы несовершенъ ни былъ тотъ образъ существованія, по которому вещь чрезъ идею объективно (въ представленіи) существуетъ въ нашемъ разумѣ, во всякомъ случаѣ онъ не есть полное *ничто*, а потому и не можетъ быть изъ ничего. И я не долженъ думать, что, такъ какъ реальность, которую я замѣчаю въ своихъ иде-

¹⁾ Для пониманія этихъ словъ нужно замѣтить, что онъ различаетъ двоякаго рода причины. Однѣ содержатъ въ себѣ ровно столько реальности, сколько обнаруживаютъ въ дѣйствиі, это—*causae formales*; другія содержатъ ея больше, это *causae eminentes*. Поэтому слово *fataliter* выражаетъ, что въ причинѣ содержится какъ разъ то, что обнаруживается въ дѣйствиі, *eminenter*—и многое другое, не открывающееся въ проявленіи. Реальность тутъ разумѣется дѣйствительная, а не представляемая.

яхъ, только объективная, то и нѣтъ нужды, чтобы эта самая реальность содержалась еще и формально (дѣйствительно) въ причинахъ этихъ идей, а достаточно, если она въ нихъ будетъ содержаться также объективно. Ибо какъ объективный образъ существованія соотвѣтствуетъ идеямъ по самой ихъ природѣ, такъ образъ существованія формальный соотвѣтствуетъ причинамъ идей, по крайней мѣрѣ первымъ и главнѣйшимъ, тоже по самой ихъ природѣ. И хотя одна идея можетъ происходить изъ другой, однако такая зависимость не можетъ продолжаться въ безконечность, и въ концѣ концовъ мы должны дойти до нѣкоторой первой идеи, въ причинѣ которой, какъ въ архитипѣ, формально должна содержаться вся реальность, содержащаяся въ найденной идеѣ только объективно. Такимъ образомъ для естественнаго разумѣнія становится очевиднымъ, что идеи во мнѣ являются какъ бы нѣкоторыми образами, которые скорѣе могутъ уступать въ совершенствѣ тѣмъ вещамъ, отъ которыхъ получаютъ, чѣмъ заключать въ себѣ нѣчто большее и совершеннѣйшее. Чѣмъ дольше и внимательнѣе я обдумываю все это, тѣмъ яснѣе и раздѣльнѣе я убѣждаюсь въ истинности этого. Какое-же въ концѣ всего я выведу отсюда заключеніе? Безъ сомнѣнія, слѣдующее: если объективная реальность какой-нибудь изъ моихъ идей такова, что этой-же самой реальности, какъ я увѣренъ, нѣтъ во мнѣ ни столько же, ни въ избыткѣ и что я поѣтому не могу быть причиной этой идеи, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что я не одинъ въ мірѣ, но существуетъ еще другая вещь—причина этой идеи. Если бы во мнѣ не нашлось ни одной такой идеи, то я рѣшительно не имѣлъ бы никакого аргумента, убѣждающаго меня въ существованіи какой-нибудь отличной отъ меня вещи. Я все разсмотрѣлъ самымъ тщательнымъ образомъ и до сихъ поръ не могъ найти никакого другого.

Изъ этихъ моихъ идей, кромѣ той, которая представляетъ мнѣ меня самого и относительно которой тутъ не можетъ быть никакого затрудненія, одна представляетъ Бога, другія представляютъ вещи тѣлесныя и неодушевленныя, инныя—ангеловъ, инныя—животныхъ и, наконецъ, есть идеи, представляющія по-

добныхъ мнѣ людей. Что касается идей, представляющихъ мнѣ другихъ людей или животныхъ или ангеловъ, то я легко понимаю, что идеи эти могутъ быть образованы изъ тѣхъ, какія я имѣю о себѣ самомъ, о вещахъ тѣлесныхъ и о Богѣ, хотя бы кромѣ меня въ мірѣ не было ни другихъ людей, ни животныхъ, ни Ангеловъ. Что касается идей о вещахъ тѣлесныхъ, то въ нихъ не оказывается ничего такого, что не могло бы, повидимому, происходить отъ меня самого. Ибо если я всматриваюсь глубже и изслѣдую каждую изъ нихъ такимъ-же образомъ, какъ вчера изслѣдовалъ идею воска (см. „Раз. 2-е“), то замѣчаю, что весьма небольшое въ нихъ я воспринимаю ясно и раздѣльно. Сюда относится величина или *протяженіе* въ длину, ширину и глубину, *фигура*, возникающая изъ ограниченія этого протяженія, *расположеніе*, которое различныя по фигурѣ вещи удерживаютъ между собой, и *движеніе* или перемѣна этого расположенія. Къ этому еще можно присоединить субстанцію, время (*duratio*) и число. Все-же прочее, какъ свѣтъ, цвѣта, звуки, запахи, вкусы, теплота, холодъ и прочія познаваемыя чрезъ прикосновеніе качества настолько смутно и темно мыслятся мною, что я даже не знаю, истинны они или ложны, т. е. идеи, которыя я о нихъ имѣю, суть-ли *идеи* какихъ-нибудь *вещей* или *не-вещей*. Хотя я нѣсколько раньше отмѣтилъ, что ложность (*falsitas*) въ собственномъ смыслѣ или формальная (относящаяся къ самымъ внѣшнимъ вещамъ) можетъ имѣть мѣсто только въ сужденіяхъ, однако на самомъ дѣлѣ есть въ идеяхъ нѣкоторая другая—матеріальная ложность, когда онѣ представляютъ какъ вещь то, что не есть вещь. Такъ, напр., идеи, какія я имѣю о теплѣ и холодѣ, такъ мало ясны и раздѣльны, что по нимъ я не могъ бы узнать, представляетъ-ли холодъ только лишеніе тепла и тепло лишеніе холода, оба-ли это реальныя качества, или ни то, ни другое. А такъ какъ всѣ идеи могутъ быть только какъ бы о вещахъ, то идея холода, если, конечно, справедливо, что холодъ есть не что иное, какъ лишеніе тепла, поскольку она мнѣ представляетъ его какъ нѣчто реальное и положительное, по справедливости признается ложною; то же нужно сказать и о про-

чихъ подобнаго рода идеяхъ. Для такихъ идей на самомъ дѣлѣ нѣтъ необходимости представлять какого-нибудь отличнаго отъ меня виновника, ибо если онѣ ложны, т. е., не представляютъ никакихъ (реальныхъ) вещей, то естественное разумѣніе говорить мнѣ, что онѣ происходятъ изъ ничего, т. е., что онѣ существуютъ во мнѣ только по той причинѣ, что моею природою чего-то недостаетъ, что она не вполне совершенна. Если-же онѣ истинны, то все-же я не вижу, почему онѣ не могутъ происходить отъ меня, такъ какъ вѣдь онѣ представляютъ мнѣ такую малость реальности, что я даже не могу отличить ее отъ не вещи.—Изъ того, что въ идеяхъ о тѣлесныхъ вещахъ является яснымъ и раздѣльнымъ, нѣчто, повидимому, можно извлечь изъ идеи о мнѣ самомъ, какъ то: субстанцію, время, число и все прочее въ этомъ родѣ, если оно есть. Такъ, когда я думаю, что камень есть субстанція или вещь способная существовать чрезъ себя (*per se*), то и я также субстанція, хотя бы при этомъ я представлялъ себя вещью мыслящей, а не протяженной, камень же есть вещь протяженная, а не мыслящая; поэтому хотя между тѣмъ и другимъ представленіемъ, оказывается большая разница, однако въ отношеніи субстанціи они сходствуютъ, равнымъ образомъ, такъ какъ я сознаю собственное бытіе въ настоящее время и вспоминаю, что я и прежде нѣкоторое время былъ, и такъ какъ имѣю разнообразныя мысли и распознаю ихъ число, то я пріобрѣтаю идею времени и числа; ихъ потомъ я могу переносить на нѣкоторыя другія вещи. Все-же прочее, изъ чего составляются идеи тѣлесныхъ вещей, именно: протяженіе, фигура, расположеніе и движеніе формально во мнѣ не заключаются, ибо я только мыслящая вещь; но такъ какъ все это только модусы нѣкоторой субстанціи, а я субстанція, то оно, повидимому, можетъ заключаться во мнѣ эминентно (объясненіе см. выше), какъ меньшая реальность въ большей.

Такимъ образомъ остается рассмотретьъ еще только идею Бога, нѣтъ-ли въ ней чего-нибудь, что не могло бы происходить отъ меня. Подъ именемъ Бога я разумѣю нѣкоторую безконечную, независимую, безконечно разумную и безконечно

могущественную субстанцію, которою сотворенъ какъ я самъ, такъ и все другое, что только существуетъ. Все это такія свойства, что чѣмъ я тщательнѣ ихъ разсматриваю, тѣмъ менѣ возможнымъ представляется ихъ происхожденіе отъ одного только меня. Поэтому-то на основаніи всего раньше сказаннаго должно заключать, что Богъ существуетъ. Хотя, конечно, идея субстанціи можетъ быть во мнѣ потому самому, что я самъ субстанція, но въ силу того, что я *конеченъ*, это не была бы идея *безконечной* субстанціи, если бы она не происходила отъ нѣкоторой субстанціи, дѣйствительно безконечной. Я не долженъ думать при этомъ, что воспринимаю безконечное не чрезъ истинную идею, а только чрезъ отрицаніе конечнаго, подобно тому, какъ я воспринимаю покой и мракъ чрезъ отрицаніе движенія и свѣта. Напротивъ я хорошо понимаю, что въ реальности безконечной, содержится реальности больше чѣмъ въ конечной, а потому и воспріятіе безконечной субстанціи должно предшествовать во мнѣ воспріятію конечной, т. е., воспріятіе Бога—воспріятію меня самаго. Какимъ бы образомъ я узналъ, что я сомнѣваюсь, желаю, т. е., что мнѣ чего то недостаетъ, что я не исполнѣ совершенъ, если бы у меня не было идеи существа болѣе совершеннаго, чрезъ сравненіе съ которымъ я могъ бы видѣть мои недостатки? И нельзя сказать, чтобы идея Бога могла быть ложною материально ¹⁾ и потому происходитъ изъ ничего, какъ это я замѣтилъ нѣсколько раньше объ идеяхъ тепла, холода и подобныхъ. Напротивъ того, такъ какъ она весьма ясна и раздѣльна и содержитъ больше объективной реальности, чѣмъ какая-нибудь другая, то вѣтъ ни одной, которая оказалась бы сама по себѣ болѣе истинной чѣмъ эта, и въ которой я подозрѣваю меньше обманчивости, чѣмъ въ ней. Эта идея существа всесовершеннаго и безконечнаго, повторяю, исполнѣ истинна, ибо хотя, можетъ быть, и можно было бы вообразить, что такое существо не существуетъ, то все же нельзя вообразить, что идея Его не представляетъ мнѣ ничего реальнаго, какъ это я раньше ска-

¹⁾ Идея ложна материально, когда она не вещь представляетъ какъ бы вещь. См. выше.

заль объ идеѣ холода. Идея эта совершенно ясна и раздѣльна, потому что все, что я воспринимаю сколько-нибудь ясно и раздѣльно, все реальное и истинное, все содержащее сколько-нибудь совершенства, всецѣло содержится въ ней. Указанному характеру идеи Бога не противорѣчитъ то, что я не постигаю безконечнаго или что въ Богѣ есть безконечное множество другого, чего я не только постигнуть, но можетъ быть даже коснуться своею мыслью никоимъ образомъ не могу. Вѣдь самое понятіе безконечнаго требуетъ, чтобы я, какъ конечный, не могъ его постигать. Для меня достаточно только сознать Его и признавать, что въ Богѣ столько же или въ избыткѣ находится все, что я воспринимаю ясно, что признаю содержащимъ какое-нибудь совершенство и можетъ быть безконечно многое другое, чего я не знаю, такъ что идея, которую я имѣю о немъ, изъ всѣхъ моихъ идей самая истинная и наиболѣе ясная и раздѣльная. Можетъ быть, однако, я въ дѣйствительности нѣчто большее, чѣмъ какъ самъ думаю, и всѣ совершенства, которыя я приписываю Богу, до извѣстной степени *потенціально* находятся во мнѣ, хотя они не обнаруживаются и не проявляются на самомъ дѣлѣ? Вѣдь замѣчаю же я, какъ постепенно увеличивается мое знаніе, и не вижу, что препятствовало бы ему увеличиваться болѣе и болѣе, въ безконечность; не вижу далѣе, почему съ увеличеніемъ знанія я не могъ бы достигнуть и всѣхъ прочихъ совершенствъ Божіихъ и почему наконецъ способность къ такимъ совершенствамъ, если таковая во мнѣ есть, не была бы достаточною причиною для возникновенія во мнѣ идей этихъ совершенствъ. Однако ничего такого не можетъ быть; во-первыхъ, пусть будетъ истинно, что знаніе мое постепенно увеличивается, что во мнѣ многое находится потенциально, безъ обнаруженія еще на дѣлѣ, но только все это къ идеѣ Бога не относится; въ ней вовсе нѣтъ ничего поденціального, потому что всякое постепенное увеличеніе есть самый вѣрный признакъ несовершенства. Кромѣ того, хотя-бы познаніе мое увеличивалось все болѣе и болѣе, тѣмъ не менѣе я понимаю, что оно никогда не можетъ оказаться на самомъ дѣлѣ безконечнымъ, ибо никогда

оно не достигнетъ такого состоянія, чтобы перестать быть способнымъ къ еще большему возрастанію. Бога-же я признаю на самомъ дѣлѣ настолько безконечнымъ, что ничего нельзя прибавить къ его совершенствамъ. Наконецъ, я замѣчаю, что объективное бытіе идеи можетъ происходить только отъ бытія дѣйствительнаго или формальнаго (подлиннаго), а не отъ одного только потенціальнаго. Во всемъ сказанномъ поистинѣ нѣтъ ничего, что при тщательномъ и внимательномъ разсмотрѣніи не оказалось бы яснымъ для естественнаго разумѣнія. Но если я не такъ внимателенъ и образы чувственныхъ вещей притупляютъ остроту моей мысли, тогда я не такъ легко представляю, почему эта идея существа болѣе совершеннаго, чѣмъ я, необходимо происходитъ отъ существа въ дѣйствительности болѣе совершеннаго.—Далѣе, должно спросить, могъ-ли бы я самъ, имѣющій эту идею, существовать, если никакое такое существо не существуетъ? Отъ кого-бы я въ такомъ случаѣ происходилъ? Разумѣется, отъ себя, или отъ родителей, или отъ другихъ какихъ либо менѣе совершенныхъ боговъ, ибо ничего не только болѣе совершеннаго, чѣмъ Тотъ Богъ, но даже равнаго съ Нимъ по совершенству нельзя ни помыслить, ни вообразить. Однако, если бы я имѣлъ бытіе отъ себя, то я не сомнѣвался бы, не испытывалъ бы желаній, вообще мнѣ ничего не доставало-бы, ибо я одарилъ бы себя всѣми совершенствами, идею которыхъ имѣю, и такимъ образомъ самъ былъ бы Богомъ. И не нужно думать, чтобы труднѣе было получить то, чего мнѣ недостаетъ, чѣмъ то, что во мнѣ есть. Напротивъ, вполнѣ понятно, что гораздо труднѣе было мнѣ, т. е., вещи или субстанціи мыслящей, произойти изъ ничего, чѣмъ получить познаніе многихъ неизвѣстныхъ мнѣ вещей,—что есть только акциденція этой субстанціи. И конечно, если бы я то большее имѣлъ отъ себя, то не отказалъ бы себѣ и въ этомъ послѣднемъ, какъ болѣе легкомъ, а также ни въ чемъ нибудь другомъ изъ того, что я воспринимаю въ содержаніи идеи Бога; ибо ничего болѣе труднаго для совершенія и пріобрѣтенія, чѣмъ именно то, мнѣ не представляется, и если бы дѣйствительно было что нибудь труднѣе для совершенія и пріоб-

рѣшенія, то, очевидно, это мнѣ и представлялось бы таковымъ, потому что въ этомъ я чувствовалъ бы границу своего могущества, хотя бы всё остальное, что имѣю, имѣлъ отъ себя. Я нисколько не уклоняюсь отъ силы этихъ соображеній, если предположу, что, можетъ быть, я всегда былъ такимъ, какъ теперь, ибо ни откуда не слѣдуетъ, будто въ такомъ случаѣ вѣтъ нужды искать какого-нибудь виновника моего существованія. Все время жизни можно раздѣлить на безчисленное множество частей, изъ которыхъ каждая нисколько не зависитъ отъ остальныхъ, и изъ того, что я раньше былъ, не слѣдуетъ, что я должевъ быть и теперь, если бы какая-то причина не создавала меня вновь въ каждый моментъ, т. е., не сохраняла меня. Всякому внимательно всматривающемуся въ природу времени (*duratio*) понятно, что вполнѣ одна и та же сила и дѣйствіе требуется для сохраненія какой-нибудь вещи въ отдѣльные моменты ея пребыванія, какая потребовалась-бы для созданія этой вещи вновь, если бы она еще не существовала, такъ что и естественный свѣтъ (*разумѣнія*) позволяетъ ясно видѣть, что твореніе и сохраненіе различаются только съ точки зрѣнія нашего способа представленія. Въ виду всего сказаннаго, я должевъ теперь спросить самаго себя: нѣтъ-ли у меня нѣкоторой силы, посредствомъ которой можно было бы достигнуть, чтобы я, существующій уже, въ такомъ-же видѣ продолжалъ свое бытіе и нѣкоторое послѣдующее время. А такъ какъ я не что иное, какъ вещь мыслящая или по крайней мѣрѣ такъ какъ я теперь веду рѣчь собственно о той части моего существа, которая является вещью мыслящей, то если бы указанная сила у меня была, я безъ сомнѣнія, зналъ бы о ней. Однако я сознаю, что никакой такой силы у меня нѣтъ и потому очевиднѣйшимъ образомъ сознаю себя зависящимъ отъ нѣкоего отличнаго отъ меня существа. Можетъ быть, все-же это существо не Богъ, и я имѣю бытіе или отъ родителей, или отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ, уступающихъ Богу въ совершенствѣ? Вполнѣ ясно, какъ я уже раньше замѣтилъ, что въ причинѣ должно быть по меньшей мѣрѣ столько-же, сколько въ дѣйстви, а такъ какъ я вещь мыслящая и имѣю въ себѣ идею Бога, то

какую-бы причину моего бытія ни указывали, она должна быть вещью мыслящей и имѣть идею всѣхъ совершенствъ, кои я приписываю Богу. О ней я опять могу спросить, существуетъ-ли она отъ себя или отъ другой причины? Если она отъ себя, то ясно изъ сказаннаго, что она сама и есть Богъ, потому что, имѣя силу существовать чрезъ себя, она, безъ сомнѣнія, имѣетъ силу и въ дѣйствительности обладать всѣми тѣми совершенствами, идеи которыхъ въ себѣ имѣетъ, т. е., тѣми, какія я представляю въ Богѣ. Если она отъ другой причины, то объ этой въ свою очередь такимъ-же образомъ спрашиваю, отъ себя-ли она существуетъ или отъ другой причины, пока наконецъ мы не достигнемъ послѣдней причины, которая будетъ Богъ. Очевидно при этомъ, что указанное движеніе все далѣе не можетъ продолжаться въ безконечность, особенно въ силу того, что я здѣсь говорю не только о причинѣ, когда-то мнѣ даровавшей бытіе, но преимущественно о той, которая сохраняетъ меня въ настоящее время. Нельзя также представить себѣ, чтобы множество отдѣльныхъ причинъ принимали участіе въ моемъ происхожденіи и чтобы отъ одной изъ нихъ я получилъ идею одного приписываемаго Богу совершенства, отъ другой—другого, такъ что всѣ эти совершенства находятся конечно гдѣ-нибудь въ міровомъ универсѣ, но не соединены вмѣстѣ въ нѣкоемъ одномъ Богѣ. Но вѣдь единство, простота или нераздѣльность всѣхъ находящихся въ Богѣ совершенствъ есть одно изъ главнѣйшихъ совершенствъ, какія я знаю въ Немъ. И, конечно, никакая причина не могла вложить въ меня идею этого единства всѣхъ Его совершенствъ, такъ чтобы я не получилъ онъ нея вмѣстѣ съ тѣмъ и идей прочихъ совершенствъ, потому что не могла же она сдѣлать такъ, чтобы я зналъ эти идеи въ ихъ единствѣ и неразрывности и чтобы не зналъ при этомъ, каковы онѣ. Что же касается, наконецъ, родителей, то пусть будетъ истинно все то, что я когда-нибудь о нихъ думалъ, однако на самомъ дѣлѣ не они-же меня сохраняютъ, и никакъ не отъ нихъ я произошелъ, какъ вещь мыслящая. Они вложили только нѣкоторыя предрасположенія въ ту матерію, въ которой, по моему мнѣнію, я, т. е., мысль (её одну я теперь

принимаю за меня), нахожусь. По этому и относительно родителей здѣсь не можетъ быть никакого затрудненія, и вообще нужно признать, что существованіе Бога очевиднѣйшимъ образомъ доказывается изъ того одного, что я существую и что во мнѣ есть идея существа всесовершеннѣйшаго, т. е., Бога. Остается только изслѣдовать, какимъ образомъ я получилъ эту идею отъ Бога. Конечно, я не получилъ ее при помощи чувствъ и не явилась она мнѣ противъ моего ожиданія, какъ это обыкновенно бываетъ съ идеями чувственныхъ вещей, когда эти вещи дѣйствуютъ на органы внѣшнихъ чувствъ или кажутся дѣйствующими на нихъ. Наконецъ, она и не образована мною самимъ, потому что я не могу ни отнять отъ нея, ни прибавить къ ней ничего. Остается только, что она мнѣ врождена подобно тому, какъ врождена мнѣ идея о самомъ себѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, конечно, что Богъ, сотворивши меня, вложилъ въ меня эту идею, чтобы она была печатью художника на его дѣлѣ. Нѣтъ нужды даже, чтобы печать эта была какою-нибудь отличною отъ самого произведенія вещью, но изъ того одного, что меня сотворилъ Богъ, весьма вѣроятнымъ становится, что я созданъ до извѣстной степени по Его образу и подобію. Это подобіе, въ которомъ содержится идея Бога, воспринимается мною при помощи той-же самой способности, посредствомъ которой я воспринимаю самого себя, т. е., когда я обращаю на самого себя силу своей мысли, я не только понимаю, что я вещь несовершенная, зависящая отъ другой, вещь безпредѣльно вдохновляющаяся къ большому и большому или лучшему, но вмѣстѣ съ тѣмъ я понимаю, что тотъ, отъ кого я завишу, все это большее имѣетъ въ себѣ не неопредѣленно и потенціально только, но дѣйствительно въ безконечной степени, и что поэтому онъ есть Богъ. Вся сила доказательства въ томъ, что я вижу, что никакъ не могу существовать съ такой природой, какая у меня есть, т. е., имѣя въ себѣ идею Бога, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ въ дѣйствительности не существовалъ тотъ самый Богъ, идея котораго во мнѣ есть, т. е., обладающій всѣми тѣми совершенствами, которыхъ я не постигаю, а лишь могу касаться какимъ-либо образомъ своею мыслию, и чуждый совершенно всѣхъ не-

достатковъ. Отсюда понятно, что Онъ не можетъ обманывать, ибо и для естественнаго разумѣнія ясно, что ложь и обманъ зависятъ отъ недостатка и несовершенства. Но прежде чѣмъ тщательно изслѣдовать это и вмѣстѣ съ тѣмъ разсмотрѣть другія истины, которыя можно вывести отсюда, нужно здѣсь нѣкоторое время остановиться на созерцаніи самого Бога, чтобы оцѣнить Его чудныя свойства и видѣть красоту безконечнаго свѣта, насколько это можетъ перенести сила моего помраченнаго ума, удивляться ей и благоговѣть предъ ней. Ибо какъ вѣрою мы убѣждаемся, что только въ этомъ созерцаніи божественнаго величія состоитъ блаженство другой жизни, такъ на самомъ дѣлѣ испытываемъ, что отъ этого-же самаго созерцанія, хотя и гораздо менѣе совершеннаго, мы можемъ получить величайшее удовольствіе, къ какому только способны въ этой жизни.

С. М.

(Продолженіе будетъ).

Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе въ истинной церкви.

(Продолженіе *).

Можетъ быть, современниками Даніила въ дѣлѣ пророческаго служенія были Іоиль и Авдія. Во всякомъ случаѣ ихъ книги до послѣднѣннаго происхожденія. Есть въ ученіи этихъ трехъ пророковъ при всемъ различіи ихъ книгъ по объему, изложенію и содержанію—нѣкоторый общій эсхатологическій элементъ. Пр. Даніиль узналъ въ видѣніи, что по исполненіи временъ имѣеть возникнуть царство вѣчное (VII, 27), утвержденію его будетъ предшествовать гибель нѣкоего царя опустошителя (VIII, 25), который повидимому воплощалъ въ себѣ все злое и въ глазахъ тѣхъ персовъ, которые были знакомы съ писаніями, жившаго среди нихъ, еврейскаго пророка, долженъ былъ казаться Ариманоподобнымъ. Пророкъ далъ численныя указанія относительно того, когда образуется новое царство (IX, 24—27) и заключительныя слова его видѣній показываютъ, что люди должны будутъ возстать въ концѣ дней для полученія своего жребія (XII, 3). У пророка Авдія тоже говорится объ имѣющемъ произойти судѣ и объ утвержденіи царства Господа (21). У пророка Іоила прямо говорится о судѣ надъ всѣми народами въ долинѣ Іософата (III, 2), объ изліяніи Духа на всякую плоть и о спасеніи всякаго, кто призоветъ имя Господне (II, 28—32). Народамъ, достигшимъ уже высокой степени развитія, пророки начинаютъ указывать новое побужденіе для обращенія къ Господу—не непосредственное благо, не временное благополучіе, но участіе въ царствѣ вѣчномъ, жребій въ концѣ дней.

* См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г. № 18.

Съ паденіемъ вавилонскаго царства кончается вавилонскій плѣнъ, и Киръ, персидскій владыка, овладѣвшій Вавилономъ, далъ евреямъ разрѣшеніе вернуться на ихъ родину. Вотъ какой эдиктъ, читаемъ мы въ 1 кн. Ездры, издалъ этотъ царь: „Всѣ царства земли далъ мнѣ Господь Богъ небесный, и Онъ повелѣлъ мнѣ построить Ему домъ въ Иерусалимѣ, что въ Іудеѣ. Кто есть изъ васъ, изъ всего народа Его—да будетъ Богъ его съ нимъ, и пусть онъ идетъ въ Иерусалимъ, что въ Іудеѣ и строить домъ Господа Бога израилева, того Бога, Который въ Иерусалимѣ“ (2—3). Тѣхъ, кто не пожелалъ-бы возвратиться въ Палестину, Киръ призывалъ въ своемъ эдиктѣ, помочь своимъ соотечественникамъ имуществомъ въ дѣлѣ устроенія храма и самъ онъ возвратилъ евреямъ ихъ храмовые сосуды, которые нѣкогда взялъ Навуходоносоръ. Самое простое и естественно подсказывающееся объясненіе этого факта есть то, что Киромъ руководила мудрая политика—желаніе привлечь къ себѣ сердца порабощенныхъ народовъ. Но владыки стремятся къ этому, обыкновенно не желая жертвовать ничѣмъ. При обсужденіи эдикта Кира необходимо еще имѣть въ виду стремленіе политиковъ, воспринимать новыя вѣрованія, и стремленіе монотеизма къ универсальному распространенію. Факта таковыхъ стремленій теперь не оспариваютъ. Но многіе изслѣдователи представляютъ, что послѣ плѣна и уже послѣ Зоровавеля въ эпоху Ездры и Нееміи евреями овладѣлъ духъ національно-религіознаго обособленія и они всѣми силами стремились сдѣлать свою религію единственно своимъ достояніемъ. Безспорно, что духъ такого узкаго націонализма могъ овладѣвать душами многихъ евреевъ, какъ онъ впоследствии нерѣдко оказывался присущимъ и духу другихъ народовъ. Но духъ Божественнаго Откровенія всегда одинъ и тоже безусловно универсальный. Мы видимъ, вслѣдъ за эдиктомъ Кира были изданы еще три эдикта персидскими царями подобнаго же содержанія. Таковы, эдиктъ Дарія Гистаспа (1 Ездр. VI, 1—13), Артаксеркса Лонгимана (1 Ездр. VII, 12—28) въ седьмой годъ его царствованія и его же эдиктъ (II, 3—9) въ двадцатый годъ царствованія. Библейское повѣствованіе показываетъ, что образъ дѣйствія этихъ языческихъ царей находилъ благоволеніе въ очахъ Божіихъ,

что заботы Дарія объ евреяхъ, „чтобы они приносили жертву пріятную Богу небесному и молились о жизни царя и сыновей его“ (Ездр. VI, 10) не были противны духу ветхозавѣтнаго Откровенія. Можно даже сказать, что имя царя небеснаго какъ будто все чаще и громче начинаютъ произносить въ Палестинѣ. Проходившіе служеніе въ эпоху Зоровавеля пророки Аггей и Захарія, ободрившіе евреевъ въ ихъ работахъ по устройству храма, возвѣщали евреямъ, что дѣло построенія имѣетъ своею конечною цѣлю не обособленіе Израиля около Сіона, но приобщеніе къ Израилю всего человѣчества. „Придетъ Желаемый всѣми народами, читаемъ въ книгѣ прор. Аггея, и наполню домъ сей славою, говоритъ Господь Саваоѣ... Слава сего послѣдняго храма будетъ больше, нежели прежняго, говоритъ Господь Саваоѣ; и на мѣстѣ семь я дамъ миръ, говоритъ Господь Саваоѣ“ (II, 7, 10). У всѣхъ народовъ, оказывается, есть нѣкій общій желаемый, и пришествіе Его связывается съ судьбою храма въ Иерусалимѣ. Сила царствъ языческихъ, по пророку, будетъ истреблена (II, 22). Въ рѣчахъ и видѣніяхъ пророка Захаріи и подробнѣе и яснѣе раскрывается то, что возвѣщалось Аггемъ. „Такъ говоритъ Господь Саваоѣ, читаемъ у Захаріи, вотъ мужъ—имя ему Отрасль, Онъ произрастетъ изъ своего корня и создастъ храмъ Господень“ (VI, 2), онъ будетъ владычествовать на престолѣ своемъ (VI, 13), онъ вступитъ въ Сіонъ „праведный и спасающій, кроткій, сидящій на ослицѣ и на молодомъ ослѣ, сынъ подъяремной“ (IX, 9). Тогда „будутъ приходить многія племена и сильные народы, чтобы взыскать Господа Саваоѣа въ Иерусалимѣ и помолиться лицу Господа. Такъ говоритъ Господь Саваоѣ: будетъ въ тѣ дни, возьмутся десять человѣкъ изъ всѣхъ разноязычныхъ народовъ, возьмутся за полу Іудея и будутъ говорить: мы пойдемъ съ тобою, ибо мы слышали, что съ вами—Богъ“ (VIII, 22—23). Произойдетъ истребленіе народовъ, а на домъ Давида и жителей Иерусалима будетъ излитъ духъ благодати и умиленія „и они воззрятъ на Него, Котораго пронзили“ (XII, особ. 10). Господь будетъ царемъ надъ всею землею“ (XIV, 9) „и будетъ: если какое изъ племенъ земныхъ не пойдетъ въ Иерусалимъ для поклоненія царю, Господу Са-

ваоу, то не будетъ дождя у нихъ" (XIV, 17). Позже во времена Ездры и Неемїи, Малахїи своею книгою запечатлѣваетъ рядъ пророческихъ свидѣтельствъ. Въ рѣчахъ этого пророка, говорившаго о томъ, что Богъ возлюбилъ Іакова и Исава возненавидѣлъ, хотѣть видѣть развитіе теорїи безпричиннаго благоволенія Божїа къ Израилю, но на самомъ дѣлѣ, смыслъ рѣчей пророка совсѣмъ иной. Любовь Божїи къ Израилю требуетъ жертвъ и святости отъ Израїля. Все, что недостойно этой любви, будетъ проклято (III, 9). Будетъ посланъ Ангель предъ лицемъ Господнимъ (III, 1), произойдетъ очищеніе того, что способно къ очищенію, и гибель всего нечистаго. Имѣетъ наступить новый порядокъ. „Отъ востока солнца до запада велико будетъ имя Мое между народами, и на всякомъ мѣстѣ будутъ приносить Онїямъ имени Моему, чистую жертву (minha—возношеніе, главнымъ образомъ жертва хлѣбная по противоположенію нечистымъ кровавымъ жертвамъ, жертва безкровная, евхаристїа), велико будетъ имя Мое между народами, говоритъ Господь Саваоѣ" (I, 11). Такимъ образомъ, всѣ народы и на всѣхъ мѣстахъ будутъ почитать Бога истиннаго, такова вѣра Малахїи, Неемїи и Ездры. Легко понять, что суровыми отношенїями этихъ лицъ къ соуднымъ народамъ, ихъ усиленными заботами объ обособленїи отъ этихъ народовъ руководила вѣра въ свѣтлое будущее чело-вѣчества, а не національное самомяніе сыновей Израїля. Для возвратившихся съ Зоровавелемъ евреевъ, окрестные народы счумѣли стать петлею и сѣтью, какъ нѣкогда хананеяне для только что вступившихъ евреевъ въ землю обѣтованную. И въ нѣкоторомъ отношенїи союзы евреевъ съ иноплемениками теперь представляли даже больше опасности, чѣмъ въ эпоху судей; тогда между религіозными вѣрованїями евреевъ и хананеянъ лежало глубокое различїе, евреи часто механически соединяли ихъ въ своемъ житейскомъ обиходѣ, но ихъ нельзя было слить органически въ одно цѣлое. И истина, исповѣдавшаяся евреями, всегда оставалась рѣзко противоположною языческой жи. Теперь стало не то. Сосѣди евреевъ тоже въ нѣкоторой мѣрѣ были почитателями Бога Израїльскаго (самаряне), они предъявляли свои права на всѣ Божественныя обѣто-

ванія, своеобразно исполняя обязанности, налагаемыя закономъ. Союзъ, соединеніе съ этими народами естественнымъ и первымъ слѣдствіемъ своимъ долженъ былъ имѣть широкое распространеніе ветхозавѣтной церкви, но это расширеніе объема должно-бы было совершиться на счетъ содержанія. Религіозная истина была-бы воспринята и сохраняема въ искаженномъ видѣ. Необходимо нужно было, чтобы вѣтвь человечества сохраняла ее чистой, чтобы она по исполненіи временъ стала достояніемъ всего человечества, и Промыслъ воздвигалъ людей, какъ Ездра и Неемія, которые служили орудіемъ этой великой цѣли. Израиль, потерявшій свою самостоятельность, въ эпоху Ездры уже терялъ свой языкъ. Еврейская рѣчь стала замѣняться арамейскою, но религія должна была пережить языкъ, и прекращеніе употребленія еврейскаго языка сдѣлало только то, что писаніе стало излагаться на языкахъ понятныхъ и языческимъ народамъ. Мы уже говорили, что часть книги пророка Давида написана похалдейски. Въ Пѣсни пѣсней, которая написана Соломономъ, въ томъ видѣ (3 Цар. IV, 32), какъ она существуетъ теперь, тоже встрѣчаются халдейскія выраженія. Допускаютъ, что они были введены переписчиками послѣднѣйшей эпохи. Такимъ образомъ гибла буква, но духъ не исчезалъ, напротивъ, усвоеніе его дѣлалось доступнымъ для многихъ. Тщательно оберегавшіе религіозную истину отъ нечистыхъ примѣсей, Ездра и Неемія не думали прятать ее отъ тѣхъ, кто желалъ принять ее въ чистомъ видѣ, и позволительно думать, что къ ихъ времени должно относить обращеніе къ чистой религіозной истинѣ или, по крайней мѣрѣ, начало усиленія такого обращенія въ сѣверной части Палестины—Галилеѣ. У Юсіфа Флавія въ его „Древностяхъ“ (Кн. XI, гл. 7) есть рассказъ о событіи, которое онъ относитъ ко времени Александра Македонскаго, но которое на основаніи указаній Св. Писанія, думаемъ, должно отнести ко времени Нееміи или, по крайней мѣрѣ, близкому къ нему. По рассказу Юсіфа, братъ первосвященника Іудея Манассія былъ женатъ на дочери Санаваллата хоронита. Іудейскіе старѣйшины, негодуя на то, что братъ первосвященника женатъ на иностранкѣ, требовали, чтобы онъ отказался или отъ жены или алтаря (участія

въ священствѣ). Манассія не хотѣлъ отказываться ни отъ того, ни отъ другого, но однако далъ понять своему тестю, что онъ предпочитаетъ разстаться съ женою, чѣмъ съ алтаремъ. Санаваллатъ взялся тогда не только сохранить своему зятю жену и священство, но даже сдѣлать его первосвященникомъ, но только храма не въ Иерусалимѣ, а на горѣ Гаризинѣ. Онъ сталъ хлопотать о разрѣшеніи построить этотъ храмъ у Дарія Кодамана и затѣмъ добился такого разрѣшенія отъ побѣдившаго Дарія Александра. Храмъ былъ построенъ. Для священниковъ, которые пожелали-бы оставить Иерусалимъ ради Гаризина, были предложены деньги, дома и земли. Такъ, совмѣстно съ іерусалимскимъ явился второй храмъ Богу израилеву. Надо полагать, что въ основѣ этого повѣствованія лежитъ истина (фактъ постройки гаризинскаго храма несомнѣненъ), но въ развитіи подробностей Іосифъ несомнѣнно много напуталъ. Послѣ Ездры и Нееміи смѣшанные браки становились явленіемъ исключительнымъ и они жестоко преслѣдовались, но Ездра и Неемія боролись съ смѣшанными браками, какъ съ широко распространеннымъ зломъ и, что для насъ всего важнѣе, Неемія даетъ такое сообщеніе: „изъ сыновей Іоиды, сына великаго священника Еліамива (та-же родословная и у Іосифа), одинъ былъ зятемъ Санаваллата хоронита. Я прогналъ его отъ себя“ (XIII, 28). Не представляется никакихъ сомнѣній, что здѣсь идетъ рѣчь о тѣхъ лицахъ, которыхъ разумѣлъ Іосифъ, только Іосифъ приближаетъ къ своему времени это событіе болѣе, чѣмъ на столѣтіе. Тогда-то, надо полагать, многіе жители сѣверной Палестины не только не признали этого храма святымъ, но увидѣли въ немъ оскорбленіе святыни и обратились къ Иерусалиму, какъ нѣчто подобное случалось и ранѣе (2 Парал. XV, 9; XXX, 5—12). Этимъ и объясняется, почему Галилея во время Господа Іисуса Христа оказывается всецѣло связанною съ Иерусалимомъ. Гаризинскій храмъ былъ дѣломъ человѣческимъ, и онъ погибъ, но Божественное Провидѣніе и это дѣло, созданное человѣческими страстями, а вовсе не религіозною ревностію, направляло ко благу человѣчества (Іоан. IV). Со времени Ездры мѣсто пророка заступаетъ книжникъ. Онъ самъ былъ первымъ и замѣ-

чательнѣйшимъ изъ книжниковъ. Съ его именемъ связывается установленіе ветхозавѣтнаго канона, синагогальная организація и, можетъ быть, лишь немного позже его возникъ синедріонъ. Все это должно было охранять истину отъ примѣси заблужденій, содѣйствовать ея разумнѣйшему пониманію среди членовъ ветхозавѣтной церкви и уже затѣмъ давать возможность и тѣмъ, которые не отъ Израиля, становиться участниками той религіозной истины, обладателемъ которой былъ Израиль. Въ этомъ отношеніи замѣчательно, что заботы Ездры о сохраненіи и исполненіи закона находятъ себѣ глубокое истолкованіе въ книгѣ происхожденія позднѣйшаго, которой нѣтъ не только на еврейскомъ, но и на греческомъ языкѣ, но которую, однако, традиція пожелала связать съ именемъ Ездры. Разумѣемъ такъ называемую третью книгу Ездры. Господь, говорилъ пророкъ предъ Всевышнимъ (1, 1) возвѣстилъ: „вотъ я сѣю въ васъ законъ Мой, и принесетъ въ васъ плодъ, и вы будете славиться въ немъ вѣчно“. Но отцы наши, принявши законъ, не исполнили его и постановленій Твоихъ не сохранили, и хотя плодъ закона Твоего и не могъ погибнуть, потому что былъ Твой, но принявшіе законъ погибли, не сохранивши того, что въ немъ было посѣяно. Обыкновенно бываетъ, что если земля приняла сѣмя или море—корабль, или какой-либо сосудъ—пищу или питье, и если будетъ повреждено то, въ чемъ посѣяно, или то, въ чемъ помѣщено, въ такомъ случаѣ погибаетъ и самое посѣянное, или помѣщенное, или принятое, и принятого уже не остается предъ нами. Но съ нами не такъ. Мы, принявшіе законъ, согрѣшая погибли, равно и сердце наше, которое приняло его; но законъ не погибъ и остается въ своей силѣ“ (IX, 31—37). Законъ долженъ быть не нарушенъ, но исполненъ. Плодъ закона—церкви ветхозавѣтной, національной—есть церковь новозавѣтная, вселенская. Заботясь о національномъ законѣ, Ездра и другіе имѣли въ виду универсальное благо.

Мысль о томъ, что это универсальное благо находится у евреевъ, не была чуждою языческимъ народамъ во дни Ездры. Благо—тамъ, гдѣ Богъ, а язычники догадывались, что Богъ у евреевъ, т. е. что евреи чтутъ истиннаго Бога. Въ книгѣ

Есеирь, описывающей событіе изъ времени правленія Ксеркса (485—465. Ahasvéros по еврейск.), повѣствуется, что Аману, начавшему терпѣть въ борьбѣ съ Мардохеемъ—іудеемъ, котораго онъ хотѣлъ погубить, мудрецы и жена его сказали: „если изъ племени іудеевъ Мардохей, изъ-за котораго ты началъ падать, то не переселишь его, а навѣрно падешь предъ нимъ [ибо съ нимъ Богъ живъ]“ (VI, 13)]. Такое заключеніе имѣло для себя много основаній. Евреи не погибали въ плѣну, не растворялись и не исчезали среди покорившихъ ихъ народовъ, какъ обыкновенно утрачиваютъ племенные особенности покоренные народы среди побѣдителей. Евреи оставались сами собою, сохранили свою религію, приобрѣтали часто состояніе, добивались вліянія на самыхъ царей побѣдившихъ ихъ народовъ. Есеирь имѣла большое вліяніе на своего царственного супруга, Мардохей вліялъ на Есеирь, а дѣйствіями Мардохея управляла исключительно забота о благѣ еврейскаго народа. Народы, какъ и отдѣльныя лица, обыкновенно усматриваютъ непосредственную руку Провидѣнія не въ постоянной счастливой жизни, не въ неизмѣнномъ благополучіи, но въ какихъ либо чрезвычайныхъ обстоятельствахъ—въ спасеніи изъ страшной и повидимому неотвратимой опасности, въ поднятіи павшаго, въ прославленіи униженнаго. Въ еврейскомъ народѣ ихъ должна была поражать упорная нравственная живучесть при кажущейся политической слабости. Надъ маленькимъ племенемъ семитовъ проходили политическія грозы и бури, и сильныя царства гибли отъ такихъ бурей и могучіе народы исчезали съ лица земли, но евреи продолжали существовать и размножаться, и неудивительно, что въ ихъ неизмѣнномъ спасеніи отъ неизбежной гибели пронизательнѣйшіе изъ язычниковъ усматривали дѣйствіе Бога живаго.

Эпохою персидскаго плѣна оканчивается послѣдовательная Богооткровенная исторія судебъ ветхозавѣтнаго Откровенія въ родѣ человѣческомъ. Но мы не остаемся совсѣмъ безъ откровеннаго указанія о его дальнѣйшихъ судьбахъ. Откровеніе Новаго Завѣта даетъ намъ многочисленныя указанія относительно распространенія Ветхозавѣтнаго Закона предъ пришествіемъ Господа Іисуса Христа, и неканоническія книги Ветхаго За-

вѣта — маккавейскія, книга Иисуса сына Сирахова, премудрость Соломонова даютъ ключъ къ пониманію этого распространенія. Божественное откровеніи послѣдовательно изображаетъ судьбы закона именно лишь до тѣхъ поръ, пока его знаніе и исповѣданіе были приурочены къ землѣ и націи, пока принятіе закона было вмѣстѣ и соединеніемъ съ еврейскимъ народомъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ общаніемъ и намѣреніемъ стать обитателемъ Палестины. Но уже въ эпоху ассирійскихъ, вавилонскихъ и персидскихъ плѣненій должна была выработаться практика, по которой религиозные союзы съ евреями утверждались не на узко національныхъ, но на болѣе широкихъ основаніяхъ. Послѣ паденія персидской монархіи, когда на арену исторіи выступилъ Александръ Македонскій, разсѣяніе евреевъ стало совершаться не только въ направленіи восточномъ, но и западномъ. Евреи пришли въ соприкосновеніе съ цивилизаціями, имѣвшими характеръ совершенно иной, чѣмъ цивилизаціи Египта и Вавилона. Въ эту пору у нихъ, несомнѣнно, образовалась строго разработанная система правилъ принятія въ израильскую религиозную общину, система эта излагается въ раввинистической литературѣ, но безъ знанія ея совершенно непонятны многія новозавѣтныя указанія о прозелитахъ. Несомнѣнно, что у евреевъ образовалось два главныхъ класса прозелитовъ: пришельцы вратъ и пришельцы правды. Пришельцы вратъ (названіе можетъ быть явилось отъ выраженій Исход. XX, 10, Второз. XIV, 21—„пришелець, который въ жилищахъ твоихъ“, по подлинному тексту: чужеземець въ твоихъ воротахъ; или по мнѣнію другихъ толкователей оно произошло, потому что эти прозелиты могли доходить только до воротъ храма, но не вступать въ него). Пришельцы вратъ должны были по преданію исполнять слѣдующія семь новыхъ заповѣдей: 1) повиноваться власти; 2) блюсти святость имени Иеговы (Лев. XXIV, 16); 3) не допускать идолослуженія (Лев. XX, 2); 4) не дѣлать мерзости языческихъ (см. Левит. XVIII); 5) не убивать (Быт. IX, 6); 6) не грабить; 7) не ѣсть мяса живыхъ животныхъ (съ кровью Быт. IX, 4; Лев. XVII, 10—15). Пришельцы правды принимались въ общину чрезъ обрѣзаніе, крещеніе (о немъ мы уже говорили) и принесеніе жертвы (ка-

жется, тожественной съ тою, которую по закону Моисееву приносили очистившіеся отъ проказы Лев. XIV). Въ подробностяхъ относительно системы принятія прозелитовъ и относительно правъ прозелитовъ существуютъ вѣкоторыя неясности, но повидимому въ основѣ теоріи прозелитизма лежало признавіе двухъ моментовъ въ исторіи истинной религіи: первоначальная истинная до-законная религія требовала только того, что требуется самою природою человѣка, созданнаго по образу Божію. Эти требованія природы Богъ Самъ опредѣлилъ въ завѣтѣ съ Ноемъ и опредѣлилъ, что это требованія—ко всему потомству Ноеву, слѣдовательно, ко всему человѣчеству. Отъ человѣка, который желалъ вступить въ общеніе съ Израилемъ, прежде всего требовалось, чтобъ онъ возвратилъ себѣ образъ Божій, и уже затѣмъ, если онъ чувствовалъ себя въ силахъ, онъ могъ принять на себя все иго закона съ его требованіями и обѣтованіями. При принятіи прозелитовъ принимались во вниманіе мотивы, которые побуждали ихъ къ переходу въ израильскую общину. Обсуждались мотивы нечистые (изъ-за женской любви Быт. XXXIV, изъ-за приобрѣтенія выгоднаго положенія—изъ приближенія къ царю, изъ-за страха. Есѣ. VIII, 17, ради земного благополучія. 4 Цар. XVII, 25) и одобрялся мотивъ чистый—страхъ Божій. О томъ, каковы были прозелиты въ дѣйствительности, много говоритъ раввинская литература. Въ Талмудѣ говорится, что прозелиты виновны въ созданіи золотого тельца, что они своимъ существованіемъ препятствуютъ появленію мессіи и въ гемарѣ есть правило: не вѣрь прозелиту до двадцать четвертаго рода, но есть о нихъ и другіе отзывы, что они явили себя лучше евреевъ при Синаѣ, и въ Священномъ Писаніи Новаго Завѣта они обыкновенно называются *φοβούμενοι*, *σεβόμενοι τὸν θεόν*, *εὐσεβεῖς*, *εὐλαβεῖς*.

Евреи пришли въ соприкосновеніе съ греческимъ міромъ около 330 г. до Р. Х. Около столѣтія, а можетъ быть только и полстолѣтія, спустя явилась у евреевъ книга, которую мы до самыхъ послѣднихъ годовъ знали только въ греческомъ переводѣ, и подлинный еврейскій текстъ которой открытъ и опубликованъ лишь въ 1896—97 гг. Это—книга премудрости Иисуса, сына Сирахова. Благочестивый авторъ книги—глубоко

знавшій и понимавшій Ветхозавѣтный Законъ, безъ сомнѣнія, является представителемъ лучшей части богоизбраннаго народа, и у него мы находимъ, что онъ ясно сознавалъ то, чему заставлялъ служить законъ, не раскрывая цѣли служенія, что всѣ народы должны быть приведены къ Богу. „Помилуй насъ, Владыка Боже всѣхъ, и прозри, и наведи на всѣ народы страхъ Твой. Воздвигни руку Твою на чужіе народы, и да познаютъ они могущество Твое. Какъ передъ ними Ты явилъ святость Твою въ насъ, такъ предъ нами яви величіе Твое въ нихъ— и да познаютъ они Тебя, какъ мы познали, что нѣтъ Бога, кромѣ Тебя, Господи. Возобнови знаменія и сотвори новыя чудеса (XXXIV, 1—6). Сирахъ прославляетъ Соломона, имя котораго провеслось до отдаленныхъ острововъ, пѣснямъ, изреченіямъ, притчамъ и изъясненіямъ котораго удивлялись страны (XLVII, 18—19). Онъ иронизируетъ надъ вѣрою въ идолы— не надъ вѣрою въ силу того или иного языческаго бога, но вообще надъ идолопоклонствомъ (XXX, 19), и онъ указываетъ новый путь къ истинному Богопознанію изслѣдовать мудрость древнихъ и путешествовать по странамъ народовъ (XXXIX, 1—5). Подъ мудростью онъ понимаетъ путь нравственной правды, и потому его языкъ одинаково былъ доступенъ, какъ еллину, такъ и іудею, онъ говоритъ не объ обрядовой, а о нравственной чистотѣ, говорить языкомъ не націи, но всего человѣчества.

Уже въ III столѣтіи до Р. Х. книга Сираха была переведена на греческій языкъ. По своему содержанію она, несомнѣнно, была одною изъ самыхъ понятныхъ для язычниковъ. Ее, конечно, читали и она привлекала къ іудейству, но въ ту пору и нѣкоторые іудеи стали увлекаться культурою языческаго міра, они не кланялись идоламъ, но они забывали законъ, пренебрегали законъ и увлекались не лучшими, а темными сторонами языческой культуры. Это породило образованіе партій въ самомъ Израилѣ. Во II столѣтіи во время геройской борьбы за освобожденіе Іудеи, мы видимъ, вожди іудеевъ—маккавеи борются и съ внутренними врагами—іудеями, увлекавшимися еллинизмомъ. Нѣчто подобное прежней борьбѣ съ внутреннимъ язычествомъ. Но вотъ, что новое мы видимъ теперь. Сторонники

закона исполненіе его вовсе не полагають въ безусловномъ обособленіи отъ другихъ народовъ, нѣтъ, они заключаютъ союзы съ язычниками и широко простирають свою религіозную терпимость. Строгіе ревнители закона Іуда Маккавей и другіе стремятся заключать союзы съ римлянами и греками, именно спартанцами. Отзывъ іудеевъ и слухи, которые имѣлись у нихъ о римлянахъ, очень лестны для римлянъ (I Мак. VIII). Въ отношеніяхъ къ спартанцамъ со стороны іудеевъ является еще утвержденіе, что будто спартанцы и іудеи родственны между собою, будто спартанскій царь Дарій (Арей) писалъ письмо первосвященнику Оніи: „найдено въ писаніи о спартанцахъ и іудеяхъ, что они братья и отъ рода Авраамова (I Мак. XII, 21). Католическіе писатели, признающіе двѣ первыя книги маккавейскія каноническими, настаивають на точности этого сообщенія. Они указываютъ на то, что совершенно чуждо было іудейскому духу изобрѣтать сказанія о родствѣ іудеевъ съ языческими народами, нужны были серьезныя основанія, чтобы ихъ высказалъ потомокъ Авраама. Клермонъ Гано въ статьѣ: „Le Dieu Satrape et les Phéniciens dans le Peloponèse“ указалъ рядъ любопытныхъ сближеній между іудейскими обычаями и обычаями жителей Элиды въ Пелопонессѣ. Указываютъ также, что по законамъ Ликурга, спаргіаты, какъ и іудеи, не могли продавать ихъ земель. Документы, приводимые въ I Маккавейской книгѣ, воспроизводитъ и Іосифъ Флавій (Antiqu. iud. XIII, V, 8; XII, IV, 10) ¹⁾. Была еще теорія, по которой въ маккавейскихъ книгахъ говорится о сношеніи іудеевъ съ какою-то другою Спартою, но эта теорія не выдерживаетъ никакой критики. Маккавейскія книги, упорно настаивая на родствѣ іудеевъ съ спартанцами, называютъ Спарту также Лакедемономъ (I Мак. XIV, 16 et sq. 2 Мак. V, 9). Несомнѣнно, что писатели маккавейскихъ книгъ признавали родство евреевъ съ греками и желали союза съ римлянами. Изъ ихъ повѣствованія мы видимъ, что ревнители закона не считали преступнымъ не только гражданскіе союзы съ язычниками (союзъ или даже прямо порабощеніе могли быть дѣломъ необходимымъ), но и

¹⁾ См. Vigourout, Les livres saintes et la critique rationaliste, 4-me édition ch. IV, p. 602—611.

молитвы за язычниковъ. Такъ, во 2 Маккав. III гл. сообщается, что „Селевкъ, царь Азіи, давалъ изъ своихъ доходовъ на всѣ издержки, потребныя для жертвеннаго служенія“, но что услыхавъ о громаднхъ сокровищахъ, будто-бы собранныхъ въ іерусалимскомъ храмѣ, онъ послалъ сановника Иліодора взять ихъ. Иліодору осуществить его миссію было возбранено свыше: онъ упалъ пораженный болѣзнію и находился при послѣднемъ издыханіи. Его ближніе молили первосвященника Онія призвать Всевышняго для спасенія Иліодора, и Онія принесъ жертву о его спасеніи, и спасенный Иліодоръ имѣлъ видѣніе, въ которомъ ему было сообщено: „воздай великую благодарность первосвященнику Оніи, ибо для него Господь даровалъ тебѣ жизнь; ты—же, наказанный отъ Него, возвѣщай всѣмъ великую силу Бога“. Объ Антиохѣ Евпаторѣ разсказывается, что онъ, примирившись съ іудеями, „принесъ жертву, почтилъ храмъ и оказалъ милости городу“ (2 Мак. XIII, 23). Птоломей Филопаторъ, согласно 3 Макк. VII гл. издалъ слѣдующее повелѣніе о іудеяхъ, противъ которыхъ возбуждали его друзья: когда мы „узнали, что небесный Богъ есть вѣрный покровъ іудеевъ и всегда защищаетъ ихъ, какъ отецъ—сыновъ, еще же принявъ во вниманіе извѣстное ихъ доброжелательство къ намъ и къ предкамъ нашимъ, мы справедливо освободили ихъ отъ всякаго обвиненія въ чемъ бы то ни было... Знайте, что если мы предпримемъ противъ нихъ что-нибудь злое или вообще оскорбимъ ихъ, то будемъ имѣть противъ себя не человѣка, но властвующаго надъ всякою властью Всевышняго Бога отмстителемъ за дѣла наши во всемъ и всегда неизбѣжно“ (5, 7). Всѣ эти сообщенія, которыя, конечно, нельзя принимать въ строго буквальный смыслъ, утверждаютъ, однако, что теизмъ въ послѣднія столѣтія предъ Р. Х. становился менѣе и менѣе исключительнымъ достояніемъ еврейскаго народа. Знаніе Бога единого и истиннаго—по свидѣтельству самихъ евреевъ распространялось среди народовъ, и въ сознаніе лучшей части богоизбраннаго народа, мы видимъ, глубоко проникаетъ мысль о единствѣ человѣчества—всего во всемъ его объемѣ—живаго и умершаго. Іуда Маккавей приносилъ жертвы за умершихъ, потому что онъ „помышлялъ, что скончавшимся въ благочестіи уготована

превосходная награда,—какая святая и благочестивая мысль! —посему принеси за умершихъ умиловительную жертву, да разрѣшатся отъ грѣха“ (2 Мак. XII, 45). Первосвященники, мы видимъ, приносили жертвы за язычниковъ. Все человѣчество, такимъ образомъ, въ представленіи лучшей части богоизбраннаго народа, въ представленіи составленномъ чрезъ изученіе и усвоеніе духа закона, являлось нравственно солидарнымъ. Философы почти всегда отказывались понимать эту истину (разумѣемъ рѣзкія нападенія ихъ на ученіе о вѣнненіи грѣха Адамова), которую человѣчеству возвѣстилъ Богъ и безусловную правдивость которой чувствуетъ непосредственно наша душа. Страсти, ослѣпленіе побуждали превратно понимать эту нравственную истину. Свообразное пониманіе пророчества Исаи XIX, 24 обусловленное, конечно, личными интересами, побудило Онію IV воздвигнуть израильскому Богу храмъ въ Египтѣ въ Леонтополисѣ, какъ онъ раньше воздвигнуть былъ на Гаразинѣ. Это стояло въ прямомъ противорѣчій съ требованіями закона и съ духомъ ветхозавѣтнаго Откровенія. Это было результатомъ превратнаго пониманія идеи универсализма, но, видно, идеи универсализма уже въ закончившемся ветхозавѣтномъ откровеніи являлись всякому, стремившемуся уразумѣть смыслъ этого Откровенія.

Однимъ изъ сравнительно позднѣйшихъ памятниковъ ветхозавѣтной письменности, который, не будучи причисленъ къ писаніямъ каноническимъ, входитъ однако въ составъ нашей Библии—является книга премудрости Соломона. Едва-ли кто можетъ оспаривать, что она содержитъ въ себѣ положенія чистаго теизма, а не исключительныя требованія закона. Нравственную обязательность ея морали долженъ одинаково признать какъ пришелецъ правды, такъ и пришелецъ вратъ. Эта книга—одинъ изъ древнѣйшихъ и лучшихъ опытовъ апологіи основныхъ истинъ религіи. Авторъ—универсалистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Его терминологія и въ некоторые обороты показываютъ, что онъ былъ знакомъ и не чуждался философіи Платона и стоиковъ (VII, 22, 24; XI, 12; XIV, 3; XVII, 2). Онъ учитъ царей и судей путемъ провидѣнія (VI, 6, 9, 21, 25), онъ даетъ космологическое доказательство бытія Божія—отъ величія

красоты созданій познается Виновникъ бытія ихъ (XIII, особ. 5), такъ что его книга является какъ-бы промежуточнымъ звеномъ между сверхъестественнымъ откровеніемъ и естественнымъ Богопознаніемъ. И онъ даетъ генезисъ религиозныхъ заблужденій, онъ не только осуждаетъ идолопоклонство, но онъ ставитъ вопросъ о его происхожденіи. Онъ объясняетъ возникновеніе культа умершихъ (XIII и XIV гл.). Книга написана по-гречески и являлась, должно полагать, за столѣтіе до нашей эры. Ея авторъ неизвѣстенъ, а традиція связала ея содержаніе съ именемъ Соломона. Но Соломонъ считается учителемъ мудрости, а не основателемъ частной философской школы, онъ— по мнѣнію евреевъ—высказывалъ общеобязательныя истины, а не личныя гипотезы. Содержаніе книги премудрости является, значить, выраженіемъ общихъ убѣжденій, а не личныхъ взглядовъ.

Въ Новомъ Завѣтѣ раскрывается ясно, что откровеніе, данное еврейскому народу было дано для блага всего человѣчества. У ап. Павла во II и III гл. посланія къ римлянамъ, подробно раскрываются тѣ обоюдоострыя преимущества, которыя имѣли тѣ, кому было ввѣрено слово Божіе, предъ тѣми, которые не имѣли и не знали этого слова. Апостолъ напоминаетъ обътованіе Аврааму: „въ тебѣ благословятся всѣ народы“ (Гал. III, 8), возвѣщаетъ, что отчужденные отъ общества Израильскаго и бывшіе безъ Христа теперь будутъ во Христѣ (Еф. II, 12), утѣшаетъ евреевъ пророчествомъ, что они, давъ спасеніе міру, спасутся и сами (Римл. XI, 26) и указываетъ, что пути Божественнаго Провидѣнія направляются къ тому, „дабы предъ именемъ Іисуса преклонилось всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ (Филип. II, 10). Въ дѣлѣ спасенія человѣчества Провидѣніе преслѣдуетъ нѣкую постепенность. Господь сказалъ о Себѣ: „Я посланъ только къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“ (Мѡ. XV, 24). И апостоламъ, отправляя ихъ въ первый разъ на проповѣдь, Онъ заповѣдалъ: „на путь къ язычникамъ не ходите, и въ городъ Самарянскій не входите“ (Мѡ. X, 5). Но потомъ оказывается, что это только начало, что Провидѣніе всегда блюло дѣло спасенія всѣхъ достойныхъ спасенія, что Господь есть свѣтъ къ просвѣщенію язычниковъ (Лук. II, 32). Язычникамъ дѣло закона было написано въ

сердцахъ и въ исполненіи этого закона они найдутъ свое спасеніе (Рим. II, 15). Участъ земли Содомской и Гоморской, оказывается, не будетъ наихудшею (Мѡ. X, 15). Нивевитяне, покаяшіеся отъ проповѣди Іоны, и царица южная, приходившая послушать мудрости Соломона, будутъ на послѣднемъ судѣ укоромъ и обличеніемъ для Израиля (Мѡ. XII, 41, 42), и „многіе прійдутъ съ востока и запада и возлягутъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ въ царствѣ небесномъ“ (Мѡ. VIII, 11).

Тѣ, которые думаютъ, что между этимъ новозавѣтнымъ благовѣствованіемъ и ветхозавѣтнымъ ученіемъ лежитъ глубокое различіе, обличаются всѣмъ Новымъ Завѣтомъ, начиная съ его первой страницы. Родословіе Господа въ 1-й главѣ Евангелія Матѡея называетъ намъ изъ его прабабокъ только трехъ—Ѳамарь, Раавъ и Руѡъ и всѣ онѣ—иноплеменницы (Вирсавія хотя и упоминается, но не называется по имени, а именуется „бывшею за Уріску“—замѣтимъ—хеттеяниномъ). Во второй главѣ Еванг. Матѡ. говорится, о поклоненіи Господу волхвовъ съ востока. Не безъ основанія всегда подъ этимъ востокомъ разумѣютъ страны Халдеи, и вспоминаютъ, что среди халдейскихъ мудрецовъ жилъ нѣкогда пророкъ Давіиль. Провидѣніе приготовляло людей Месопотаміи къ принятію Христа, какъ оно приготовляло и жителей Палестины, но только иными средствами и инымъ образомъ. Жѡнщина самарянка оказалась болѣе подготовленною къ принятію ученія Христа, чѣмъ многія іудейскія женщины (Іоан. IV), вѣру хананейской женщины Господь назвалъ „великою“ (Мѡ. XV, 28), исцѣленный имъ самарянинъ проявилъ большую религіозную ревность, чѣмъ израильтяне (Лк. XVII, 18). Но если скажутъ, что это позднѣйшія сказанія, составленныя христіанами, то тогда пусть обратятъ вниманіе на многочисленныя указанія Новаго Завѣта, емѣющія чисто историческій характеръ, о широкомъ распространеніи ветхозавѣтной пропаганды. О римскомъ сотникѣ сообщается, что онъ построилъ евреямъ синагогу (Лк. VII, 5), на праздникъ въ Іерусалимѣ, оказывается, приходили еллины (Іоан. XII, 20). Въ книгѣ Дѣяній читаемъ, что въ Іерусалимѣ находились „люди набожные изъ всякаго народа подъ небесами“ (II, 5), и находимъ немалый списокъ странъ, изъ кото-

рыхъ приходили на поклоненіе въ Іерусалимъ (Ibid. 9, 10, 11). Одинъ изъ первыхъ семи діаконѣвъ, оказывается, былъ еврейскій прозелитъ, обращенный изъ язычниковъ (VI, 5). Есіоплянинъ, евнухъ царицы кандакійской, является читающимъ книгу пророка Исаи (VIII, 27—28). Апостолъ Павелъ состязался съ еллинистами въ Іерусалимѣ (IX, 29). Еврейскій еллинизмъ, конечно, требовалъ взаимно симпатій къ еврейскимъ вѣрованіямъ отъ еллиновъ. Сотникъ Корнилій оказывается „боящимся Бога“ (X, 1—2), т. е., значитъ, пришельцемъ вратъ. Во время своихъ странствованій, мы видимъ, апостолъ Павелъ обыкновенно обращается въ синагогахъ къ мужамъ израильскимъ и къ боящимся Бога (XIII, 16), т. е., къ прозелитамъ. Такъ было въ Антиохіи Писидійской, такъ въ Филиппахъ по проповѣди апостола обратилась ко Христу Лидія, чтущая Бога, т. е., прозелитка (XVI, 14). Въ Фессалоникѣ приняли проповѣдь Павла великое множество еллиновъ чтущихъ Бога (XVII, 4). Таковыя были и въ Аѳинахъ (XVII, 17), у еврейскаго прозелита Павелъ поселился и въ Коринѣхъ (XVIII, 7). Такъ, оказывается, на всемъ великомъ пути, по которому шелъ великій апостолъ языковъ, ветхозавѣтнымъ Откровеніемъ была подготовлена почва для принятія Новозавѣтнаго.

Ко времени Христа іудеи въ значительной части уже чувствовали, что ихъ миссія—обращеніе къ истинному Богу всего человѣчества, но многіе изъ нихъ въ этомъ великомъ дѣлѣ слишкомъ много полагались исключительно на свое разумѣніе, и мы видимъ, что въ прозелитической дѣятельности у евреевъ возникаютъ двѣ крайности. Одни—узкіе націоналисты—обращеніе къ Богу израилеву понимаютъ въ смыслѣ обращенія не только къ Моисееву закону, но и ко всему преданію старцевъ, которое налагало иго неудобноносимое, бесполезное и даже препятствовавшее дѣйствительному исполненію закона. О такихъ миссіонерахъ сказалъ Спаситель: „горе вамъ, книжники, фарисеи, лицемеръ, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, дѣлаете его сыномъ геены, вдвое худшимъ васъ (Мѣ. XXIII, 15). Если эти миссіонеры шли неумѣренно далеко въ своихъ требованіяхъ то, наоборотъ, другіе шли неумѣренно далеко въ своихъ уступкахъ:

опредѣленное ученіе закона они готовы были замѣнить неопредѣленной теистической или деистической теоріей. Писаніе называетъ ихъ эллинистами. Ихъ заблужденіе было въ томъ, что иго закона отмѣняли они преждевременно, ибо они не имѣли, чѣмъ замѣнить его, они хотѣли отмѣнить завѣтъ обрѣзанія раньше, чѣмъ явился завѣтъ Новый. Вслѣдствіе этого ихъ либерализмъ являлся не шагомъ впередъ къ Христу, но напротивъ, шагомъ назадъ—къ Ною. Образъ грядущихъ благъ у нихъ оказывался ненужнымъ раньше, чѣмъ явились самыя блага. У католическихъ писателей намъ нерѣдко приходилось встрѣчать мысль, что до Рождества Христова человѣчество въ мірѣ жило по двумъ откровеннымъ религіямъ—первобытной и подзаконной. Подзаконная религія была удѣломъ Израиля, остатки первобытнаго откровенія были духовнымъ огнемъ, согрѣвавшимъ лучшую часть всего остального человѣчества. Если бы эти писатели захотѣли быть послѣдовательными, то они должны были бы признать образъ дѣйствій іудеевъ эллинистовъ—вполнѣ разумнымъ и правильнымъ: изъ двухъ равно дающихъ возможность спасенія религіозныхъ кодексовъ человѣку весьма естественно выбрать легчайшій. Но это не такъ. Историческая дѣйствительность—какъ постараемся мы показать въ непосредственно слѣдующемъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія—открываетъ, что человѣчество оказалось неспособнымъ сохранить истины откровенія. Поэтому и былъ данъ законъ, чтобы истина сохранилась въ человѣчествѣ. Откровеніе и учить насъ, что законъ осуществилъ эту цѣль. Но если это такъ, то тогда и въ откровенія мы должны находить слѣды и указанія того, что законъ чрезъ Израиля воздѣйствовалъ на народы и неродственные Израилю. Имѣются-ли данныя, свидѣтельствующія это? Да, отвѣчаемъ мы, имѣются и многочисленныя. О нихъ мы и будемъ говорить непосредственно далѣе.

Профессоръ С. С. Глаголевъ.

(Продолженіе будетъ).

Размышленія Декарта о первой философiи, въ коихъ доказывается существованіе Бога и отличіе души отъ тѣла.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО.

(Продолженіе *).

Размышленіе четвертое. Объ истинномъ и ложномъ.

Въ продолженіе этихъ дней я такъ привыкъ къ размышленію, не нарушаемому чувствами, и такъ тщательно замѣтилъ, что мы весьма не много истиннаго воспринимаемъ о тѣлесныхъ вещахъ, гораздо больше знаемъ о душѣ (мысли) человѣка и еще больше о Богѣ, вотъ почему я уже безъ всякаго затрудненія могу свои размышленія отъ вещей, подлежащихъ воображенію, направлять на вещи, познаваемыя только разумомъ и чуждыя всякой матеріальности. Безспорно, я имѣю гораздо болѣе раздѣльную идею о душѣ человѣческой, поскольку она вещь мыслящая, не имѣющая протяженія въ длину, ширину и глубину или еще чего-нибудь тѣлеснаго, чѣмъ идею о всякой тѣлесной вещи. Такъ же когда я замѣчаю, что я сомнѣваюсь, т. е., что я вещь несовершенная, зависящая, у меня возникаетъ ясная и раздѣльная идея существа независимаго, совершеннаго, т. е., Бога; а изъ того одного, что такая идея во мнѣ есть или что я, имѣющій эту идею, существую, я съ очевидностью заключаю, что и Богъ существуетъ и что отъ Него зависитъ все мое существованіе въ каждый моментъ. И я увѣренъ, что умъ человѣческій ничего очевиднѣе и положительнѣе не можетъ узнать. Уже, кажется, я вижу тотъ путь,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г. № 18.

по которому отъ этого созерцанія истиннаго Бога, заключающаго въ себѣ всѣ сокровища знаній и сокровенной мудрости, можно дойти до познанія прочихъ вещей.

Во-первыхъ, я знаю, что не можетъ быть, чтобы Богъ меня обманывалъ, ибо во всякой лжи и обманѣ сказывается несовершенство. И хотя, повидимому, возможность обмануть кого-нибудь служить доказательствомъ силы ума и могущества, но несомнѣнно желаніе обмануть свидѣтельствуеетъ о злобѣ и слабости, а потому не можетъ имѣть мѣста въ Богѣ. Потому я знаю по опыту, что у меня есть способность сужденія, которую я, какъ и все прочее, что во мнѣ есть, конечно, получилъ отъ Бога, а такъ какъ онъ не хочетъ меня обманывать, то, безспорно, не далъ мнѣ такой способности, при правильномъ употребленіи которой я могъ бы когда нибудь ошибаться. И тутъ не оставалось бы никакого сомнѣнія, если бы отсюда, повидимому, не слѣдовало, что я такимъ образомъ не могу никогда ошибаться. Вѣдь если все, что во мнѣ есть, я имѣю отъ Бога, а Онъ не могъ даровать мнѣ способность къ ошибкамъ, то я, кажется, не могу ошибаться никогда. Дѣйствительно, пока я такимъ образомъ думаю только о Богѣ и исключительно на Немъ сосредоточиваю свое вниманіе, я не нахожу никакой причины для ошибки или обмана, но какъ скоро обращаюсь къ себѣ, замѣчаю, что я однако подверженъ безчисленнымъ ошибкамъ. Изслѣдуя причину послѣднихъ, я вижу, что у меня есть не только реальная и положительная идея Бога, или существа всесовершеннаго, но и нѣкоторая отрицательная идея,—идея, такъ сказать, ничтожества (*idea nihili*),—того, что дальше всего отстоитъ отъ всякаго совершенства. Кромѣ того, я замѣчаю, что я самъ занимаю какъ бы средину между Богомъ и этимъ ничтожествомъ или между высочайшимъ существомъ и не-сущимъ (*non ens*); такъ что поскольку я сотворенъ высочайшимъ существомъ, во мнѣ, конечно, нѣтъ ничего, что меня обманывало-бы и вводило въ заблужденія, поскольку же я до известной степени имѣю нѣчто общее съ ничтожествомъ или съ не-сущимъ, т. е., поскольку я самъ не Высочайшее существо, мнѣ недостаетъ весьма многого, и не удивительно поэтому, что я могу ошибаться. Такимъ образомъ я

понимаю, что ошибка, какъ именно ошибка, не есть что-нибудь реальное, что зависѣло бы отъ Бога. Поэтому, чтобы я могъ ошибаться, нѣтъ нужды въ какой-нибудь особой способности, дарованной Богомъ для этой именно цѣли, но возможность для меня ошибаться зависитъ отъ того, что та способность судить объ истинѣ, которую я имѣю отъ Него, не безгранична. Однако этого еще мало. Вѣдь ошибка не есть чисто отрицательный моментъ, но и лишеніе (*privatio*) или недостатокъ (*caegentia*) нѣкотораго познанія, которое нѣкоторымъ образомъ должно было быть во мнѣ. Но при внимательномъ размышленіи о существѣ Бога всякому становится очевиднымъ, что не можетъ быть, чтобы онъ вложилъ въ меня способность, которая не была бы совершенна въ своемъ родѣ или которая была бы лишена соотвѣтствующаго ей совершенства. Чѣмъ совершеннѣе художникъ, тѣмъ совершеннѣе отъ него получаютъ и произведенія. Можетъ ли быть создано высочайшимъ творцомъ всѣхъ вещей, что либо такое, что бы не было абсолютнымъ во всѣхъ отношеніяхъ! Несомнѣнно, что Богъ могъ меня сотворить такимъ, чтобы я никогда не ошибался, и несомнѣнно, что Онъ всегда желаетъ самаго лучшаго. Неужели-же лучше для меня обманываться, чѣмъ не обманываться? Когда я внимательнѣе вдумываюсь во все сказанное, то мнѣ прежде всего приходитъ на мысль слѣдующее: я не долженъ удивляться, если Богъ творить что-нибудь, непонятное мнѣ по своимъ основаніямъ (цѣлямъ), не долженъ также сомнѣваться въ Его существованіи на томъ основаніи, что, можетъ быть, окажутся и другія вещи, относительно которыхъ я не постигаю, зачѣмъ и какъ онѣ сотворены Имъ. Такъ какъ я знаю, что моя природа весьма несовершенна и ограничена, а природа Бога необъятна, непостижима и безконечна, то изъ этого достаточно вижу, что для него возможно весьма многое, причинъ чего я могу и не знать. На этомъ единственномъ основаніи я полагаю, что весь тотъ родъ причинъ, который обыкновенно зависитъ отъ цѣли, не имѣетъ приложенія къ физикѣ. Безразсудно вѣдь думать, что я могу постигать цѣли Бога. Мнѣ пришло на мысль также, что, изслѣдуя совершенство дѣлъ Божіихъ, нужно разсматривать не отдѣльно каждую сотворенную вещь,

но всю вселенную въ цѣломъ (*universalitas*), ибо то, что, существуя въ отдѣльности, можетъ быть, дѣйствительно и оказалось-бы весьма несовершеннымъ, оказывается весьма совершеннымъ, какъ часть въ цѣломъ мірѣ. И хотя я, рѣшившись усумниться во всемъ, еще ничего достовѣрнаго не узналъ, кромѣ собственнаго существованія и существованія Бога, однако я проникся величіемъ могущества Бога и не могу отрицать того, что Онъ не сотворилъ и многихъ другихъ вещей, по крайней мѣрѣ, это возможно, такъ что и я могу имѣть значеніе лишь части во вселенной.—Обращаясь, далѣе, къ себѣ и рассматривая, каковы могутъ быть мои ошибки (кои однѣ и обличаютъ во мнѣ нѣкоторое несовершенство), я замѣчаю, что онѣ зависятъ отъ соучастія двухъ причинъ: отъ имѣющейся во мнѣ способности познанія и отъ способности выбора или отъ свободной воли, т. е., отъ разума и вмѣстѣ отъ воли. Посредствомъ одного разума я только воспринимаю идеи, о которыхъ могу произносить сужденіе; рассматриваемый въ этомъ смыслѣ разумъ не заключаетъ въ себѣ въ собственномъ смыслѣ ошибки. И хотя, можетъ быть, существуетъ безчисленное множество вещей, о которыхъ я не имѣю никакихъ идей, однако нельзя сказать, что я ихъ въ собственномъ смыслѣ лишень (*privatus*), а только ихъ недостаетъ у меня (*negative destitutus*). Потому что я вѣдь не могу представить никакого основанія въ доказательство того, что Богъ долженъ былъ дать мнѣ большую способность познанія, чѣмъ какую далъ. Напротивъ, какимъ бы искуснымъ я ни представлялъ художника, но не думаю, чтобы онъ въ каждое изъ своихъ произведеній долженъ былъ вкладывать всѣ тѣ совершенства, какія онъ можетъ вложить въ нѣкоторыя изъ нихъ. О волѣ же своей или о свободѣ воли я не могу пожаловаться, что получилъ ее отъ Бога недостаточно широкою и совершенною, такъ какъ я не чувствую для нея никакихъ границъ. Мнѣ кажется, нужно хорошо запечатлѣть, что во мнѣ нѣтъ ничего другого столь совершеннаго и великаго, относительно чего я не допускалъ-бы что возможно въ томъ же отношеніи нѣчто еще болѣе совершенное и великое. Если, напримѣръ, я рассматриваю интеллектуальную способность, то сразу вижу, что во мнѣ она очень

незначительна и весьма ограничена, вмѣстѣ съ тѣмъ я образую идею другой такой способности гораздо большей и даже величайшей и неограниченной, и вслѣдствіе того, что я могу образовать идею этой безконечной интеллектуальной способности, я признаю ее принадлежащею Богу. Такимъ же образомъ, изслѣдуя способность воспоминанія, воображенія или какую угодно другую, я не нахожу рѣшительн о ни одной, которой не представлялъ-бы ничтожною и ограничевною въ себѣ и безконечною въ Богѣ. Только одну волю или свободу воли я нахожу въ себѣ настолько великою, что не могу представить идею какой-нибудь еще большей воли. Поэтому я понимаю, что по преимуществу въ силу ея я могу приписывать себѣ нѣкоторый образъ и подобіе Богу. Хотя, конечно, въ Богѣ воля безъ сравненія больше, чѣмъ у меня, какъ въ отношеніи соединенныхъ съ ней знанія и могущества, дѣлающихъ ее болѣе твердою и производительною, такъ и въ отношеніи объекта, потому что она простирается на большее; однако формально и разсматриваемая строго сама въ себѣ, она не кажется болшею, такъ какъ она въ томъ только состоитъ, что мы можемъ одно и то же или дѣлать или не дѣлать (т. е. утверждать или отрицать, домогаться или избѣгать), или лучше только въ томъ, что къ утверженію или отрицанію, достиженію или избѣжанію того, что представляетъ намъ разумъ, мы такъ относимся, что чувствуемъ, что опредѣляемся къ этому не какой-либо внѣшней причиной. Для того, чтобы я былъ свободенъ, не требуется, чтобы я могъ одинаково опредѣляться въ ту и въ другую сторону. Напротивъ, чѣмъ болѣе я склоняюсь къ чему-нибудь опредѣленному или потому, что я въ этомъ яснѣе вижу силу истины и добра, или потому, что такъ направилъ внутреннее существо моего мышленія Богъ, тѣмъ свободнѣе я избираю это, ни благодать Божія, ни естественныя познавательныя силы никогда, конечно, не уменьшаютъ свободы, но скорѣе увеличиваютъ ее и укрѣпляютъ. Самая низшая степень свободы есть безразличное отношеніе (*indifferentia*), которое я испытываю, когда никакая причина не склоняетъ меня въ одну сторону болѣе, чѣмъ въ другую. Тутъ нѣтъ никакого совершенства, а сказывается только недостатокъ въ

знаніи, нѣкоторый отрицательный въ немъ моментъ. Ибо если бы для меня всегда ясно было истинное и доброе, то я никогда не раздумывалъ бы, какое сужденіе произнести и что избрать и такимъ образомъ, будучи совершенно свободенъ, я однако не могъ бы быть индифферентнымъ. Изъ этого я вижу, что причиной моихъ ошибокъ не можетъ быть ни полученная мною отъ Бога способность волевая, разсматриваемая сама по себѣ, ибо она весьма широка (amplissima) и въ своемъ родѣ совершенна; ни способность познавательная, ибо все, что я уразумѣваю, я уразумѣваю, безъ сомнѣнія, правильно, потому что способность разумѣть я получилъ отъ Бога, и не можетъ быть, чтобы я ошибался. Откуда-же происходятъ мои ошибки? Изъ того одного, конечно, что воли, которая простирается дальше разума, я не удерживаю въ предѣлахъ послѣдняго, а распространяю ее и на то, чего не разумю, а такъ какъ она къ такимъ (плохо уразумѣваемымъ) вещамъ индифферентна, то легко уклоняется отъ истиннаго и добраго, и такимъ образомъ я обманываюсь и погрѣшаю. Когда, напримѣръ, я недавно изслѣдовалъ, существуетъ-ли что-нибудь въ мірѣ, и замѣтилъ, что изъ того самаго, что я это изслѣдую, ясно слѣдуетъ мое собственное существованіе, то я не могъ не признать истиннымъ того, что я понималъ такъ ясно. Это я сдѣлалъ не потому, чтобы былъ принуждаемъ какою-нибудь внѣшнею силою, но потому, что чѣмъ большая бываетъ ясность разумѣнія, тѣмъ больше вызываетъ она расположеніе въ волю, и чѣмъ менѣе индифферентно я къ чему-нибудь относился, тѣмъ болѣе независимо и свободно я этому повѣрилъ. Теперь я не только знаю, что я существую, какъ нѣкоторая мыслящая вещь, но кромѣ того, у меня есть идея какой-то тѣлесной природы; возникло сомнѣніе лишь въ томъ, представляетъ-ли мыслящая природа, которая во мнѣ есть, или вѣрнѣе—которая и есть я самъ,—представляетъ-ли она нѣчто отличное отъ той тѣлесной природы или онѣ одно и то же. Если, предположимъ, для моего разума не оказывается еще основанія, въ силу котораго что-нибудь одно мнѣ представлялось-бы болѣе убѣдительнымъ, чѣмъ другое, то по этому самому я безразлично отношусь какъ къ утвержденію, такъ и отрицанію каждаго изъ этихъ рѣшеній

или даже къ произнесенію какого бы то ни было сужденія по указанному вопросу. Безразличное отхошеніе (*indifferentia*), очевидно, простирается не только на то, о чемъ разумъ не имѣетъ рѣшительно никакого знанія, но и вообще на все, что недостаточно ясно ему извѣстно въ тотъ самый моментъ, когда онъ объ этомъ совѣтуется съ волей. Пусть, напр., вѣроятныя предположенія склоняютъ меня въ одну сторону, но одного сознанія того, что это только предположенія, а не вѣрные и несомнѣнные доводы, достаточно, чтобы побудить меня согласиться съ противоположнымъ. Это именно я испыталъ недавно, когда все то, что до сихъ поръ принималъ за самое истинное, предположительно призналъ совершенно ложнымъ въ силу того одного, что замѣтилъ въ этомъ нѣкоторую возможность сомнѣнія. Поэтому, когда я не вижу ясно и раздѣльно, гдѣ истина, то, очевидно, я хорошо поступаю и не погрѣшаю, если воздерживаюсь отъ произнесенія сужденій; но если при этомъ утверждаю или отрицаю, то неправильно пользуюсь своей свободой воли. Въ послѣднемъ случаѣ я или безусловно ошибаюсь, когда сосредоточиваюсь на ложной сторонѣ, или, если не упускаю и другой, случайно попадаю на истину, но отъ этого не перестаю быть повиннымъ, такъ какъ и для естественнаго разумѣнія понятно, что опредѣленію воли должно предшествовать воспріятіе разума. Въ этомъ-то неправильномъ употребленіи свободы воли и состоитъ тотъ недостатокъ (*privatio*), на которомъ основывается наше заблужденіе. Повторяю, недостатокъ этотъ заключается въ самомъ дѣйстви, поскольку оно зависитъ отъ меня, а не въ особой получаемой отъ Бога способности и даже не въ дѣйстви, поскольку оно зависитъ отъ Него. Ибо я не имѣю никакой причины жаловаться на то, что Богъ не далъ мнѣ большей познавательной силы или большаго естественнаго свѣта (разумѣнія), чѣмъ какой далъ, такъ какъ вполне свойственно разуму конечному многого не понимать и разуму сотворенному быть ограниченнымъ. Слѣдуетъ поэтому воздавать благодареніе тому, Кто даровалъ мнѣ то, въ чемъ никогда не былъ обязанъ, а не думать, что Онъ лишилъ меня тѣхъ совершенствъ и отнялъ у меня то, чего не далъ. Я да-

же не имѣю основаній жаловаться на то, что Онъ даровалъ мнѣ волю, простирающуюся далѣе разума, ибо воля представляетъ одно какъ бы недѣлимое цѣлое, природа котораго повидимому не допускаетъ, чтобы отъ него можно было что-нибудь отнять, и потому, чѣмъ она шире, тѣмъ большею благодарностью я обязанъ даровавшему мнѣ ее. Не долженъ я, наконецъ, жаловаться и на то, что Богъ попускаетъ во мнѣ тѣ акты воли или такія сужденія, въ которыхъ я ошибаюсь, ибо для Него всѣ эти акты истинны и добры, насколько они зависятъ отъ Бога, и для меня больше совершенства въ томъ, что они возможны для меня, чѣмъ если бы были невозможны. А тотъ недостатокъ, въ которомъ одномъ и состоитъ формальное (дѣйствительное) основаніе заблужденія и погрѣшности, нисколько не предполагаетъ содѣйствія Бога, потому что онъ не есть вещь и по отношенію къ Богу, какъ своей причинѣ, не долженъ быть разсматриваемъ какъ недостатокъ, лишеніе, а только какъ отрицаніе. Ибо никакого, конечно, несовершенства нѣтъ въ Богѣ отъ того, что Онъ даровалъ мнѣ свободу соглашаться и не соглашаться съ тѣмъ, о чемъ яснаго и раздѣльнаго воспріятія Онъ не вложилъ въ мой разумъ, тогда какъ несомнѣнно для меня является несовершенствомъ то, что я не хорошо пользуюсь этой свободой и произношу сужденіе даже о вещахъ, не хорошо понятыхъ.

Все-жу я вижу, что для Бога возможно было легко сдѣлать такъ, чтобы я, оставаясь свободнымъ съ ограниченнымъ познаніемъ, никогда однако не ошибался, именно, если бы Онъ или разуму моему даровалъ ясное и раздѣльное воспріятіе всего того, о чемъ мнѣ когда-нибудь предстояло разсуждать, или же если-бы только Онъ то правило, по которому я не долженъ произносить сужденія ни о чемъ, прежде чѣмъ не уразумѣю этого ясно и раздѣльно, такъ твердо напечатлѣлъ въ моей памяти, что ~~я~~ я его никогда не забывалъ. И я легко понимаю, что, какъ скоро я говорю о себѣ одномъ, какъ будто ничего кромѣ меня нѣтъ въ мірѣ, я былъ бы совершеннѣе, чѣмъ теперь, если бы Богъ меня создалъ съ такой природой. Однако на этомъ основаніи я не могу утверждать, чтобы въ мірѣ былъ

цѣломъ было больше совершенства отъ того, что нѣкоторыя его части оказывались-бы свободными отъ заблужденій, а другія нѣтъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда всѣ они совершенно одинаковы. И я не имѣю поэтому никакого права жаловаться на то, что Богу не угодно было создать меня какою-то особенною изъ всѣхъ вполнѣ совершенною личностью; да кромѣ того хотя я и не могу избѣжать ошибокъ въ указанномъ первомъ отношеніи, когда онѣ зависятъ отъ самаго воспріятія всего того, о чемъ мнѣ нужно имѣть сужденіе, то могу однако достигъ этого въ другомъ, что зависить отъ того только, что я не забываю воздерживаться отъ произнесенія сужденія, какъ скоро мнѣ не ясна истина. Правда, я чувствую свою слабость, въ силу которой я не могу постоянно сосредоточивать свою познавательную способность на одномъ и томъ-же, однако путемъ внимательнаго и часто упражняемаго размышленія могу достигнуть того, чтобы помнитъ указанное правило настолько, насколько этого требуетъ житейская практика, и такимъ образомъ приобрѣсти нѣкоторую привычку не ошибаться. А такъ какъ въ этомъ послѣднемъ состоитъ величайшее и очевидное совершенство человѣка, то я думаю, что сегодняшнее размышленіе, въ которомъ я изслѣдовалъ причину заблужденій и лжи, оказало мнѣ не малую пользу. Причина эта не можетъ быть иною кромѣ той, которую я изложилъ,—такъ что пока я при произнесеніи сужденій позволяю своей волѣ простирается только на то, что мнѣ ясно и раздѣльно представляетъ разумъ, для меня совершенно невозможно ошибаться, потому что ясное и раздѣльное воспріятіе, безъ сомнѣнія, есть *ничто* и потому не можетъ быть изъ ничего, а необходимо имѣетъ виновникомъ своимъ Бога, Того всесовершеннаго Бога, которому чуждъ всякій обманъ. Поэтому оно несомнѣнно истинно. Теперь я показалъ не только то, чего мнѣ должно беречься, чтобы не ошибаться, но и что я долженъ дѣлать, чтобы достигать истины; ея я дѣйствительно достигаю, если только, достаточно внимательно разсматривая все то, что я вполнѣ понимаю, стану отдѣлывать это отъ всего прочаго, постигаемаго мною болѣе смутно и темно. Подробнѣе объ этомъ я буду говорить впоследствии.

Размышленіе пятое. О сущности матеріальныхъ вещей и опять о Богѣ, что Онъ существуетъ.

Мнѣ остается изслѣдовать еще многое о свойствахъ Божіихъ, многое о себѣ самомъ или о природѣ моей души, но къ этому я, можетъ быть, возвращусь въ другомъ мѣстѣ. Теперь же (послѣ того какъ я видѣлъ, чего нужно беречься и что дѣлать для достиженія истины) меня болѣе всего озабочиваетъ попытка избавиться отъ тѣхъ сомнѣній, въ какія я впалъ въ предшествующіе дни размышленій, и посмотрѣть, нельзя-ли звать что-нибудь достовѣрное и о матеріальныхъ вещахъ. Прежде чѣмъ, конечно, рѣшать, существуютъ-ли внѣ меня такіа вещи, я долженъ разсмотрѣть идеи о нихъ, находящіяся въ моемъ умѣ, чтобы видѣть какія изъ нихъ раздѣльны и какія смутны. Раздѣльно я воображаю количество, обыкновенно называемое философами „безпрерывнымъ“ (continuum), или протяженіе этого количества, а лучше—количественной вещи въ длину, ширину и глубину, численное разнообразіе въ ней частей; этимъ частямъ я приписываю разнаго рода величину, фигуру, расположеніе, мѣстныя движенія (motus locales), а этимъ движеніямъ ту или другую продолжительность. Все это мнѣ извѣстно и очевидно не только взятое вообще (in genere), но кромѣ того, при нѣкоторомъ вниманіи, и безчисленныя частности касательно фигуръ, чиселъ, движеній и под. Истинность послѣднихъ для меня настолько ясна и согласна съ моей природой, что когда я ихъ открываю впервые, то кажется, что я узнаю не что нибудь новое, а лишь вспоминаю извѣстное мнѣ уже раньше, или впервые замѣчаю то, что находилось во мнѣ и до этого, хотя бы въ дѣйствительности я никогда прежде не сосредоточивалъ на этомъ своей мысли. Здѣсь считаю особенно нужнымъ замѣтить слѣдующее: я нахожу у себя безчисленныя идеи такихъ вещей, которыя хотя, можетъ быть, нигдѣ внѣ меня не существуютъ, однако не могутъ быть признаны за ничто (nihil esse). Хотя онѣ мыслятся мною до нѣкоторой степени свободно, однако не я ихъ образую, а онѣ имѣютъ свою истинную и неизмѣнную природу. Такъ, когда, напр., я представляю въ воображеніи трехугольникъ, то возможно, что такая фигура внѣ

моего мышленія нигдѣ не существуетъ и никогда не существовала, однако опредѣленная его природа, или сущность, или форма, остается неизмѣнной и вѣчной. Последняя не мною выдуманна и не зависитъ отъ моей мысли, это очевидно изъ того, что объ этомъ треугольникѣ я могу доказывать различныя его свойства, что, напр., сумма трехъ его угловъ равна двумъ прямымъ, что наибольшему углу соответствуетъ наибольшая сторона и под.; эти его свойства я волей-неволей ясно теперь сознаю, хотя о нихъ раньше, представляя треугольникъ, я нисколько не думалъ, а потому они не были выдуманы мною до этого. И нисколько не объяснить дѣла, если я скажу, что эту идею треугольника я, можетъ быть, получилъ отъ вѣншихъ вещей чрезъ органы чувствъ, такъ какъ мнѣ иногда случалось видѣть тѣла, имѣющія треугольную фигуру. Вѣдь могу я представить безчисленное множество другихъ фигуръ, въ которыхъ нельзя заподозрить рѣшительно ничего, что могло бы быть получено мною чрезъ чувства, и однако о нихъ не менѣе, чѣмъ о треугольникѣ, можно доказывать различныя свойства. Всѣ онѣ безспорно истинны, какъ вполне ясно сознаваемые мною, и вслѣдствіе этого онѣ суть *ничто* (aliquid sunt), а не чистое *ничто*. Ибо понятно, что все истинное есть нѣчто, а я уже обстоятельно доказалъ, что истинно все, что я ясно познаю. И если бы я даже не доказалъ послѣдняго, то все же природа моей мысли такова, что я не могу не соглашаться съ свойствами этихъ фигуръ, по крайней мѣрѣ пока я ихъ ясно воспринимаю. Я помню, что я всегда и до этого времени, останавливаясь въ особенности на объектахъ чувствъ, самыми достоверными изъ всѣхъ считалъ тѣ истины, кои мнѣ съ очевидностью удавалось узнать о фигурахъ, числахъ или о другихъ предметахъ, относящихся къ ариметикѣ или геометріи или вообще къ чистой и отвлеченной математикѣ. Если уже изъ того одного, что идею какой-нибудь вещи я могу почерпнуть изъ собственнаго мышленія, слѣдуетъ, что все, что я ясно и раздѣльно воспринимаю, какъ относящееся къ этой вещи, дѣйствительно къ ней относится, то нельзя-ли получить отсюда аргументъ и для доказательства существованія Бога? Идею о Немъ, т. е., идею существа всесовершеннаго, я, конечно,

нахожу у себя, не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ идеи любой фигуры и числа, и не менѣе ясно и раздѣльно понимаю, что къ Его природѣ относится существовать всегда, какъ къ природѣ фигуры или числа относится то, что я о нихъ доказываю. Поэтому хотя бы и не все, о чемъ я здѣсь размышлялъ въ предыдущіе дни, было истиннымъ, существованіе Бога должно имѣть для меня по меньшей мѣрѣ ту степень достовѣрности, на какой до сихъ поръ находились математическія истины. Безспорно, съ перваго взгляда это не представляется вполне яснымъ и имѣетъ видъ софизма. Такъ какъ я привыкъ во всѣхъ другихъ вещахъ отличать существованіе отъ сущности, то легко убѣждаю себя, что въ Богѣ его существованіе можно отдѣлять отъ сущности и такимъ образомъ мыслить Бога несуществующимъ. Однако чѣмъ болѣе я вдумываюсь, тѣмъ яснѣе становится для меня, что въ Богѣ существованіе не болѣе можно отдѣлять отъ сущности, чѣмъ отъ сущности трехугольника равенство трехъ его угловъ двумъ прямымъ или отъ идеи горы идею равнины. Поэтому столь-же невозможно мыслить Бога (т. е., существо всесовершенное), которому недостаетъ существованія (т. е., недостаетъ нѣкотораго совершенства), какъ мыслить гору, которой неоставало-бы равнины. Пусть однако я могу мыслить Бога только существующимъ и гору только вмѣстѣ съ равниной; но какъ изъ того, что я мыслю гору съ равниной, не слѣдуетъ, чтобы какая-нибудь гора существовала въ мірѣ, такъ и изъ того, что я мыслю Бога существующимъ, не слѣдуетъ, повидимому, что онъ дѣйствительно существуетъ. Вѣдь мышленіе мое не налагаетъ никакой необходимости на вещи, и какъ можно вообразить крылатую лошадь, хотя бы она не имѣла никакихъ крыльевъ, такъ, можетъ быть, я могу выдумывать существованіе Бога, хотя не существуетъ никакого Бога. Въ такомъ разсужденіи скрывается софизмъ. Ибо изъ того, что я гору могу мыслить только съ равниной, слѣдуетъ не то, что гора и равнина гдѣ-нибудь существуютъ, а только то, что гора и равнина, существуютъ-ли онѣ или не существуютъ, не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Напротивъ, изъ того, что я могу мыслить Бога только существующимъ, слѣдуетъ, что существованіе неотдѣлимо отъ Бога и что Онъ дѣйствительно

существуетъ. И это не потому, что мое мышленіе къ этому приводитъ или налагаетъ необходимость на какую-нибудь вещь, а наоборотъ, необходимость самой вещи, именно—существованія Божія, опредѣляетъ къ этому мою мысль, ибо я не могу мыслить Бога безъ существованія (т. е., существо всесовершеннѣйшее безъ высочайшаго совершенства), какъ могу, напр., воображать лошадь съ крыльями и безъ крыльевъ. Здѣсь и не должно быть рѣчи о томъ, что необходимо признать Бога существующимъ, послѣ того какъ я предположилъ, что Онъ имѣетъ всѣ совершенства, потому что существованіе есть одно изъ нихъ; а только о томъ, что это первое предположеніе не было необходимымъ; какъ нѣтъ необходимости для меня думать, что всѣ четырехгранники можно вписать въ кругъ, но, привавъ это положеніе, мнѣ необходимо будетъ признать, что и ромбъ имѣетъ это свойство, что однако было бы завѣдомо ложнымъ утвержденіемъ, хотя безспорно нѣтъ для меня необходимости вдаваться въ какія-нибудь размысленія о Богѣ, однако какъ скоро я начинаю размышлять о первомъ и высочайшемъ существѣ и хочу извлечь Его идею какъ бы изъ сокровищницы своего ума, я необходимо придаю ему всѣ совершенства, хотя бы я при этомъ всѣхъ ихъ не перечислялъ и о каждомъ въ отдѣльности не думалъ. Этой необходимости совершенно достаточно, чтобы потомъ, признавши существованіе совершенствомъ, я правильно заключилъ, что первое и высочайшее существо дѣйствительно существуетъ. Точно также для меня нѣтъ необходимости представлять какой-нибудь трехугольникъ, но какъ скоро я хочу разсматривать прямолинейную фигуру съ тремя углами, то я необходимо приписываю ей тѣ свойства, въ силу которыхъ три ея угла вполнѣ правильно оказываются не больше двухъ прямыхъ, хотя бы при этомъ о такомъ именно свойствѣ я и не думалъ. Когда же я изслѣдую, какія фигуры могутъ быть вписаны въ кругъ, то для меня нѣтъ никакой необходимости думать, что всѣ четырехгранники относятся къ числу таковыхъ, а если я буду принимать только то, что ясно и раздѣльно понимаю, то я этого не могу даже допустить. Поэтому есть большая разница между подобнаго рода ложными предположеніями и истинными мнѣ врожденными идеями, изъ

которыхъ первая и преимущественная есть идея Бога, потому что вѣдь я многочисленными способами убѣждаюсь, что она не есть что-нибудь вымышленное, зависящее отъ моего ума, но образъ истинной и неизмѣнной природы. И это, прежде всего, потому, что я не могу представить никакой еще другой вещи, кромѣ одного только Бога, къ сущности которой относилось бы существованіе; потомъ, я не могу представить двухъ или многихъ подобныхъ Боговъ, и, признавъ существованіе одного, ясно вижу, что необходимо, чтобы Онъ существовалъ и прежде отъ вѣчности, и пребывалъ безконечно; наконецъ, я еще и многое другое воспринимаю о Богѣ, что отнять или измѣнить не въ моей власти.

Какимъ бы въ концѣ всего я ни пользовался способомъ доказательства, всегда дѣло сводится къ тому, что для меня вполне убѣдительно только то, что я ясно и раздѣльно воспринимаю. И хотя нѣчто изъ воспринимаемаго мною такимъ образомъ всякому брасается въ глаза, иное-же становится яснымъ только тѣмъ, кто ближе всматривается и тщательно изслѣдуетъ, но это послѣднее, послѣ того какъ найдено, считается не менѣе достовѣрнымъ, чѣмъ первое, хотя не такъ легко, напримѣръ, въ прямоугольномъ треугольникѣ видѣть, что квадратъ гипотенузы равенъ квадратамъ катетовъ, чѣмъ то, что гипотенуза соотвѣтствуетъ прямому углу треугольника, однако, первое положеніе, будучи однажды выведено, принимается не съ меньшею достовѣрностью, тѣмъ послѣднее. Что касается Бога, то я ничего не познавалъ бы раньше и легче Его, если бы я не былъ подавленъ предрассудками, и если бы образы чувственныхъ вещей не осаждали моего ума со всѣхъ сторонъ. Есть-ли въ самомъ дѣлѣ что-нибудь болѣе ясное само по себѣ, чѣмъ бытіе высочайшаго существа или существованіе Бога, къ сущности котораго одного относится существованіе? И хотя, для того, чтобы ясно увидѣть это самое, потребовалось внимательное изслѣдованіе, однако теперь я убѣжденъ въ этомъ не только въ такой же мѣрѣ, какъ и во всемъ другомъ, повидимому, самомъ достовѣрномъ, но кромѣ того, замѣчаю, что отъ этого именно убѣжденія зависитъ увѣренность во всѣхъ прочихъ вещахъ настолько, что безъ него я не могу никогда

ничего знать въ совершенствѣ. Такова моя природа, что я не могу не повѣрить истинности въ то время, какъ что-нибудь воспринимаю очень ясно и раздѣльно, но въ силу своей же природы я не могу всегда сосредоточивать силу своей мысли на ясномъ воспріятіи одной и той-же вещи. И пусть часто даже воспроизводится въ памяти принятое раннее сужденіе, но какъ скоро я больше не обращаю вниманія на тѣ доводы, въ силу которыхъ я принялъ именно это сужденіе, у меня могутъ явиться другіе доводы, которыя, если бы я оставался въ невѣдѣніи Бога, легко колебали бы мое мнѣніе, и я такимъ образомъ никогда ни о чемъ не имѣлъ бы истиннаго и вѣрнаго знанія, а однѣ только непостоянныя и измѣнчивыя мнѣнія. Такъ, напримѣръ, когда я рассматриваю природу трехугольника, для меня со всею очевидностью, принадлежащею именно принципамъ геометріи, явствуетъ, что его три угла равны двумъ прямымъ. И я не могу не вѣрить истинности этой аксіомы, пока сосредоточиваю вниманіе на ея доказательствахъ, но лишь только я отвлекъ свою мысль отъ послѣдняго, хотя еще не забываю, что я его представлялъ самымъ яснымъ образомъ, и можетъ легко случиться, что я усумнюсь въ его истинности, если бы конечно, не зналъ Бога. Вѣдь могу я убѣдить себя, что я по самой природѣ своей ошибаюсь иногда въ томъ, что—какъ я думаю—воспринимается мною самымъ очевиднымъ образомъ, особенно когда вспомню, что я часто многое считалъ истиннымъ и достовѣрнымъ, а потомъ въ силу другихъ основаній призналъ это-же самое ложнымъ. Теперь-же я узналъ, что Богъ есть, вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдился, что отъ Него зависитъ все прочее и что Онъ не обманываетъ, отсюда я вывелъ, что необходимо истинно все, воспринимаемое ясно и раздѣльно, и хотя бы я не сосредоточивалъ своего вниманія на доводахъ, въ силу которыхъ призналъ что-нибудь истиннымъ, а только помнилъ, что я представлялъ это ясно и раздѣльно, и у меня не можетъ явиться никакого противоположнаго довода, побуждающаго къ сомнѣнію въ томъ, ибо я имѣю въ данномъ случаѣ истинное и достовѣрное знаніе. Такое знаніе я имѣю и о всемъ, что, какъ я вспоминаю, я когда-нибудь доказалъ, напримѣръ о предметахъ геометріи и о другихъ предметахъ.

Что-же теперь мнѣ можно возразить? Можетъ быть то, что я созданъ такимъ, чтобы всегда ошибался? Но я уже знаю что для меня невозможно ошибаться въ томъ, что я ясно познаю. Можетъ быть то, что я иногда считалъ что-нибудь истиннымъ и достовѣрнымъ, а потомъ призналъ это ложнымъ? Но вѣдь я никогда не воспринималъ ничего подобнаго ясно и раздѣльно и, не зная истинности этого критерія, вѣрилъ по другимъ причинамъ, которыя потомъ нашелъ менѣе основательными. Итакъ что-же? Не признать-ли (какъ я недавно возражалъ себѣ), что мы спимъ, и все, о чемъ я сейчасъ размышляю, не болѣе истинно, чѣмъ все представляющееся спящему? Однако это ничего не измѣняетъ, потому что хотя бы даже мы спали, но все, что для разума моего очевидно, вполне истинно. Такимъ образомъ я вполне ясно вижу, что истинность и достовѣрность всякаго знанія зависятъ отъ одного познанія истиннаго Бога, и до тѣхъ поръ, пока я не знаю Его, я не могу имѣть совершеннаго знанія ни о какой другой вещи. Теперь дѣйствительно для меня можетъ быть вполне извѣстно и несомнѣнно весьма многое какъ о самомъ Богѣ и прочихъ духовныхъ предметахъ, такъ даже о всей той тѣлесной природѣ, которая есть предметъ чистой математики.

С. М.

(Продолженіе будетъ).

Критическій обзоръ ученія Бэкона объ индукціи.

Omnia genera idolorum constanti et solenni decreto sunt abneganda et renuntianda, et intellectus ab eis liberandus est et expurgandus, ut non alius fere sit aditus ad regnum hominis, quod fundatur in scientiis, quam ad regnum coelorum, in quod, nisi sub persona infantis, intrare non datur (Novi Organi, liber 1, 68).

Eine empirische Naturforschung in dem gewöhnlichen Sinn existirt gar nicht. Ein Experiment, dem nicht eine Theorie, d. h. eine Idee, vorhergeht, verhält sich zur Naturforschung wie das Rasseln mit einer Kinderklapper zur Musik. (Liebig „über Bacon von Verulam“, S. 49).

Маколей въ своемъ разсужденіи о лордѣ Бэконѣ между прочимъ говоритъ: „индуктивный методъ прилагался отъ начала міра каждымъ человѣкомъ къ познанію природы, онъ въ ходу и у некультурнаго поселанина, и у дитяти школьнаго возраста, даже у груднаго ребенка“. Это замѣчаніе Маколея ¹⁾ показываетъ, что онъ относился скептически къ заявленію Бэкона въ предисловіи къ его посвященному обзору индуктивнаго метода труду, что этотъ методъ долженъ послужить *новымъ* базисомъ для всѣхъ наукъ, не только для имѣющихъ своимъ предметомъ изученія вѣшнюю природу, но и внутренній духовный міръ человѣка. Однако Маколей смѣшиваетъ научную индукцію съ простой механической ассоціаціей представленій: каждому поселанину извѣстно, что въ лунныя лѣтнія ночи обычно растенія и предметы, лежащіе на землѣ, покрываются

¹⁾ Apelt. Die Theorie der Induction, s. 41.

росой, у него механически ассоціируется представление луннаго свѣта съ представленіемъ влажныхъ отъ выпавшей росы предметовъ, на извѣстной низкой ступени развитія человѣкъ даже можетъ приписать лунному свѣту способность вызывать образованіе росы, но что подобная индукція далека отъ научнаго метода,—очевидно каждому. Научная индукція, говоря словами Бэкона, обращается къ природѣ съ вопросомъ и даже со строгостью инквизитора подвергаетъ молчаливую природу пыткамъ—эксперименту,—чтобъ вынудить у нея правдивый отвѣтъ. Бэконъ не отрицаетъ, что индуктивный методъ заключенія былъ весьма распространенъ до выступленія его на арену естественно-научной философіи, онъ только хочетъ его измѣнить радикальнымъ образомъ и изолировать индукцію, какъ научный методъ, отъ той спутанной формы, какую она имѣетъ въ житейской практикѣ: первая должна идти медленнымъ путемъ подъ руководствомъ рефлексіи, а поэтому Бэконъ замѣчаетъ, что намѣренъ подвязать людямъ не крылья, но свинецъ, съ тѣмъ чтобы сдѣлать ихъ не столь поспѣшными въ выводахъ и обобщеніяхъ. Справедливо Бэконъ считалъ, что только хорошо понятые факты могутъ быть матеріаломъ для научной индукціи, а не случайныя наблюденія съ ихъ шаткими результатами (N. O. 1, 32), только изъ хорошо изученныхъ фактовъ наука въ состояніи развивать полезныя аксіомы, становящіяся въ свою очередь руководящимъ началомъ для цѣлыхъ серій новыхъ опытовъ (N. O. 2, 81). Однако нѣкоторые критики возрѣвній Бэкона считаютъ его методъ антинаучной, обычной житейской индукціей (Liebig Op. cit. s. 47); этотъ взглядъ главнымъ образомъ обусловленъ естественно-научными промахами Бэкона, лишеннаго эрудиціи, необходимой для выступающаго въ роли истолкователя явленій природы, и поэтому искажившаго свою теорію ея неискуснымъ приложеніемъ къ рѣшенію практическихъ вопросовъ, такъ что его безславіе какъ экспериментатора набрасываетъ невыгодную для него тѣнь на самую теорію, хотя впрочемъ и она, какъ увидимъ далѣе, не свободна отъ крупныхъ погрѣшностей. Сочиненіе Бэкона, разсматривающее новый методъ, рекомендуемый для изученія природы, названо авторомъ *органонъ*,—это названіе должно опредѣлить наше

отношеніе къ анализируемому труду, если мы пожелаемъ стать на точку зрѣнія самого автора на значеніе его произведенія: на него нужно смотрѣть, какъ на опытъ дать новую теорію изслѣдованія явленій, представляющуюся *орудіемъ* для приобрѣтенія точнаго знанія, приложенія же теоріи къ практикѣ здѣсь являются аксессуаромъ (не то на примѣръ въ *Silva Silvarum* Бэкона). Первое изданіе „*Novi Organі*“ въ 1620 году имѣетъ на заглавномъ листѣ виньетку, гдѣ изображенъ корабль, плывущій съ распущеннымъ парусомъ къ какимъ-то каменнымъ столбамъ, съ надписью по бордюру виньетки: *multi pertransibunt et augetur scientia*“, кажется, изъ этихъ словъ вполне ясно, что *Novum Organum* долженъ былъ по идеѣ автора вести другихъ (*multos*) къ познанію природы (*augetur scientia*), выводя ихъ за Геркулесовы столбы на полный океанический просторъ. Что заставило Бэкона обратить столь серьезное вниманіе на изученіе природы и указать естественно-научной философіи задачи, несомвѣстимыя съ ея средневѣковымъ призваніемъ „*ancillae theologiae*?“—Въ вѣкъ Елизаветы Тюдоръ и сына несчастной Маріи Стюартъ, Іакова, въ Англіи, дотолѣ ничѣмъ не дарившей научный міръ Европы, появились два крупныхъ таланта на научномъ горизонтѣ, это были Гарвей и Джильбертъ: Гарвей извѣстенъ, какъ физиологъ, открывшій циркуляцію крови и опровергнувшій гипотезу произвольнаго зарожденія организмовъ въ извѣстномъ афоризмѣ: „*omne vivum e vivo*“; Джильбертъ—физикъ, признаваемый всѣми за отца ученія объ электричествѣ и магнетизмѣ. Опыты послѣдняго выставляются Бэкономъ, какъ примѣръ плодотворнаго изученія природы ¹⁾ въ сравненіи съ бесплодной индукціей, господствующей въ житейскомъ обиходѣ, каковая презираетъ долгій путь тщательныхъ экспериментовъ и стремится на основаніи немногихъ случайныхъ наблюденій дѣлать преждевременныя обобщенія,—люди, подобно дѣтямъ, раскрываютъ нераспустившіеся бутоны цвѣтовъ, радуются своей удачѣ, а бутоны къ вечеру уже вянутъ. Гарвей и Джильбертъ, смѣлые піонеры зарождавшейся эмпирической науки, неутомимо помогавшіеся

¹⁾ Kirchmann, примѣчанія къ нѣмецкому переводу *Novi Organі*, с. 103.

расшевелить природу, этого угрюмаго сфинкса, и заставить ее рассказать свои тайны, приковывали къ себѣ вниманіе знатнаго диллетанта соотечественника, мало интересовавшагося работами иноземныхъ современниковъ: Галилея, Кеплера и другихъ. По мнѣнію Бэкона, заслуга этихъ натуралистовъ туманнаго Альбіона въ томъ, что они вступили на тернистый путь самоотверженнаго служенія общей пользѣ, ибо истиннонаучныя открытія (*interpretatio naturae*) съ трудомъ распространяются и мало находятъ сочувствія, тогда какъ ложныя теоріи, опирающіяся на обычную индукцію, (*anticipatio naturae*) встрѣчаются съ удовольствіемъ: матеріалистическая теорія теплоты, рассматривающая ее какъ какое-то невѣсомое вещество, присутствующее въ нагрѣтомъ тѣлѣ и переходящее изъ тѣла въ тѣло, подобно жидкости, переливающейся изъ сосуда въ сосудъ, скорѣе встрѣтитъ сочувствіе, чѣмъ болѣе правдоподобная теорія волнообразнаго движенія атомовъ. Естественно, что Бэконъ долженъ былъ показать причину такого страннаго противорѣчія между стремленіемъ каждаго познать истину и отклоненіемъ отъ самой истины, когда она предлагается другимъ: Бэконъ винитъ во всемъ человѣческой интеллектъ. Сравненіе интеллекта съ вогнутымъ зеркаломъ, неправильно отражающимъ внѣшній міръ, могло бы дать поводъ считать Бэкона творцемъ субъективнаго идеализма (Kirchmann *Op. cit.* s. 94), но для Канта несоотвѣтствіе нашего представленія съ „*Ding an sich*“—не хроническій недугъ человѣческаго интеллекта, излѣчиваемый какимъ-либо новымъ методомъ индукціи, а ничѣмъ не устранимое условіе познанія внѣшняго міра, не патологическая форма, а нормальная, для Бэкона же человѣческое познаніе не адекватно дѣйствительнымъ объектамъ познанія, но не по природѣ своей, а по небрежности людей, предпочитающихъ широкой путь антинаучной индукціи узкой стезѣ научной, слѣдующей *системѣ* наблюденій. У человѣка есть стремленія обнять разумомъ все существующее, однако таковой самъ по себѣ безсиленъ преодолѣть темноту явленій,—подспорьемъ для него является наблюденіе; но, производимое внѣ строгой систематичности, оно ведетъ нерѣдко къ образованію антираціональныхъ представленій о природѣ вещей, къ

„*idola*“. Бэконъ при этомъ ссылается на Гераклита, говорившаго, что люди ищутъ науку (*scientiam*) въ своихъ мірахъ, а не въ общемъ. Чистый свѣтъ, падающій отъ предметовъ при посредствѣ органовъ чувствъ въ разумъ, попадаетъ въ неблагоприятную среду, которая своимъ преломленіемъ грубо его искажаетъ, человѣческій интеллектъ является не безцвѣтной призмой, равно преломляющей всѣ падающіе на нее отовня лучи, но окрашенной, пропускающей лишь сродные себѣ по колориту элементы, а всѣ остальные задерживающей, поэтому Бэконъ совѣтуетъ обезцвѣтить интеллектъ, привести его къ виду по возможности близкому къ *tabula rasa*, искоренивъ изъ него многочисленныя враждебныя для здраваго изученія природы общія понятія, являющіяся продуктомъ близорукой индукціи, практикуемой въ повседневной жизни. Такія понятія (*idola*) отчасти составляютъ печальное наслѣдство заблужденій, передаваемое предками потомству (*idola tribus*, априорныя понятія для индивидуума и апостериорныя для рода „*homo*“), отчасти являются, такъ сказать, *in statu nascenti*: усвоятся изъ сношеній съ людьми на жизненномъ рынкѣ (*idola fori*), или изъ чтенія псевдонаучныхъ книгъ (*idola theatri*), эти заблужденія окрашиваются колоритомъ индивидуальности, обусловливаемымъ воспитаніемъ даннаго лица, его психофизическимъ складомъ и т. п. (*idola specus*). Довѣряясь себѣ и не зажигая свѣточа научной индукціи, прежде истину искали оцупью, на подобіе путника, застигнутаго темнотою, напрасно презирая опытъ, какъ нѣчто унижающее разумъ и приковывающее его къ обыденному (*N. Org. I* кн. 84 аф.).

Первая часть *Novi Organі* служитъ какъ бы оправданіемъ появленія на свѣтъ второй части: Бэконъ въ мрачныхъ краскахъ рисуетъ своему читателю современное положеніе естествознанія: въ рѣзкомъ контрастѣ съ расширеніемъ общаго кругозора человѣка, благодаря открытію новыхъ земель, оно робко держится авторитета древности и съ самообольщеніемъ воображаетъ, что достигла большихъ успѣховъ, забывая, что *opinio soripae est causa inopiae* (87 аф. I кн.). Древніе не могутъ быть признаны авторитетными учителями въ дѣлѣ из-

слѣдованія природы: въ Египтѣ ¹⁾, гдѣ былъ обычай ставить памятники тѣмъ, которые открыли что-либо общепользное, чаще встрѣчались почтенныя такими знаками благодарности животныя, чѣмъ люди,—все это особенно выдвигаетъ опытъ и отодвигаетъ на задній планъ спекуляцію, къ каковой, конечно, животныя не способны. Даже великій умъ Элады, Платонъ, мало сдѣлалъ для практической пользы человѣчества, и Діонисій Сиракузскій былъ правъ, отвѣтивъ съ насмѣшкой на утопію государственнаго переустройства, предложенную ему Платономъ: „ὁ λόγος σου γερουσιῶσι“ (Nov. Org. I кн. аф. 73). Многие держатся старины и ея авторитетомъ санкціонируютъ свои познанія, но въ отношеніи естествознанія древность совсѣмъ не компетентна: она въ возрѣніи на природу юнѣе современности: углубляясь въ даль прошедшаго, мы находимъ простѣйшій и грубѣйшій взглядъ на причины явленій, приличествующій людямъ, младенчеству душой и не способнымъ разобратся въ хаосъ впечатлѣній, порождаемыхъ явленіями внѣшняго міра; въ тѣ отдаленныя времена было „wüste und rohe Erfahrung“ (Kirchmann стр. 151). Бэконъ разсматриваетъ индукцію, предлагаемую имъ въ видѣ панацеи отъ многообразныхъ недуговъ естествознанія, какъ регрессивный методъ заключенія, такъ какъ въ этомъ случаѣ *отступаютъ* къ общему отъ изученнаго частнаго, къ закону отъ эмпирическаго факта. Обычно заключенію по индукціи предпосылаются 2 предложенія, изъ которыхъ первое представляетъ собраніе и извѣстную группировку частныхъ фактовъ, а второе открываетъ въ нихъ новый общій признакъ, возводимый въ заключительномъ предложеніи въ законъ. Бэконъ неправильно считалъ, что центръ тяжести индуктивнаго метода лежитъ въ области 1-го предложенія, собирающаго факты съ возможной полнотой, а не 2-го непосредственно предшествующаго выводу., т. е., предложенія, элементами для построенія котораго являются данныя опыта. Пояснимъ сказанное примѣромъ изъ области рудиментарныхъ истинъ современной теоріи теплоты: 1) газы, жидкости, металлы способны нагреваться (вѣтъ необходимости пересмат-

¹⁾ Kirchmann, стр. 122; афоризмъ 731 кн. N. O.

ривать *ест* виды этихъ веществъ) и 2) при нагрѣваніи они расширяются, т. е., увеличиваются въ объемѣ; 3) значить, неизвѣстная намъ непосредственно причина термическихъ ощущеній—молекулярное движеніе въ подвергнутомъ нагрѣванію тѣлѣ; таково современнѣйшій путь индукціи, Бэконъ же неправильно полагалъ методичность своего приѣма въ стремленіи обозрѣть *не нѣкоторые, но все случаи*, гдѣ проявляется дѣйствіе подлежащаго изученію фактора, и осторожно относился къ отрицательнымъ инстанціямъ, на которыя наталкивался при обозрѣніи извѣстной группы фактовъ, принимая таковыя инстанціи въ соображеніе при построеніи конечнаго вывода. *Instantiae contradictoriae* по Бэкону—жалоба для поспѣшной индукціи, уявляющее ее въ Ахиллесову пятую чрезъ указаніе на такія явленія, которыя отвергаютъ возможность сдѣланнаго объясненія или незыблемость открытаго по индукціи закона. Значеніе отрицательныхъ инстанцій въ процессѣ заключенія по индукціи Бэконъ разъясняетъ на такомъ примѣрѣ: положимъ, въ храмъ нѣкотораго языческаго божества зашелъ человѣкъ для поклоненія идолу: по выставленнымъ изображеніямъ спасшихся отъ кораблекрушенія (такъ называемыя *ex voto*) онъ долженъ убѣдиться въ міроуправленіи благого божества, но эти *ex voto* не обезпечиваютъ правильности вывода по индукціи, какой онъ сдѣлаетъ, такъ какъ въ капищѣ отсутствуютъ изображенія тѣхъ, которые, несмотря на мольбы къ этому божеству, нашли смерть въ волнахъ бурнаго моря,—изображенія послѣднихъ были бы въ разбираемомъ случаѣ отрицательными инстанціями, игнорированіе которыхъ, по мнѣнію Бэкона,—корень всѣхъ ошибокъ житейской индукціи, такъ какъ даже одна отрицательная инстанція гораздо болѣе вліяетъ на выводъ, чѣмъ цѣлый рядъ положительныхъ, потому что послѣднія указываютъ только на правдоподобность извѣстнаго заключенія, а не его истинность, а одной изъ первыхъ достаточно, чтобы его опровергнуть. Это мнѣніе съ теоретической точки зрѣнія правильно, но приложеніе его къ практическому рѣшенію индукціонныхъ задачъ крайне щекотливо и далеко не всегда сообщаетъ сдѣланному съ принятіемъ въ соображеніе этихъ инстанцій выводу незыблемости, такъ какъ

въ большинствѣ случаевъ при индукціи нельзя пересмотрѣть *всѣхъ* явленій, гдѣ обнаруживаетъ свое дѣйствіе изучаемый факторъ, и тѣмъ устранить появленіе опровергающихъ извѣстный выводъ непредусмотрѣнныхъ отрицательныхъ инстанцій. Для подтвержденія сказаннаго разберемъ случай ложнаго вывода по схемѣ Бэконовскаго метода, приведенный Маколеемъ: причиной якобинизма въ Англіи является обычай давать новорожденнымъ по 3 имени (очевидно, что политическій идеалъ извѣстной партіи и 3 имени, нареченныя при крещеніи, въ какой-либо генетической связи). Нѣсколько фамилій лицъ, замѣшанныхъ въ якобинизмъ, являются по терминологіи Бэкона какъ *instantiae convenientes*, нѣсколько фамилій, чуждыхъ якобинизма,—*instantiae absentiae in proximo*. Наблюденіе, что параллельно съ обычаемъ давать дѣтямъ по 3 имени усиливается и якобинизмъ, и что въ Америкѣ при господствѣ этого обычая болѣе республиканцевъ, чѣмъ въ Англіи, гдѣ терпится король и аристократическій режимъ палаты лордовъ, даетъ *instantiae secundum magis et minus*. Приводя въ дѣйствіе механизмъ Бэконовскаго метода, стремимся найти причину якобинизма путемъ исключенія неправдоподобныхъ объясненій указаніемъ на отрицательныя инстанціи, дискредитирующія эти объясненія: въ числѣ фамилій республиканцевъ есть ирландцы, они же попадаютъ и среди фамилій роялистовъ, но вліянію этой отрицательной инстанціи причина якобинизма ничего общаго не имѣетъ съ національностью. Среди республиканцевъ и роялистовъ есть священники, присутствіе таковыхъ въ роялистической партіи препятствуетъ признать за источникъ якобинизма увлеченіе христіанскими идеалами, приличествующее лицу, облеченному въ священный санъ. Среди тѣхъ и другихъ политиковъ находятся и лица, получившія образованіе въ Кэмбриджѣ, значить очагомъ якобинизма не служатъ эта высшая школа, продолжая идти путемъ такого постановленія отрицательныхъ инстанцій, мы доходимъ до сбора плодовъ сдѣланной индукціи (*vindemiatio*), и оказывается, что обычай давать по 3 имени причина якобинизма. Конечно, справедливо мнѣніе Маколея, что можно избѣжать ошибочнаго вывода чрезъ умноженіе числа инстанцій, тогда по всей вѣроятности мы

встрѣтимъ лицъ въ той и другой партіи, носящихъ по 3 имени, и это выдвинетъ новую отрицательную инстанцію противъ сдѣланнаго по индукціи вывода, но во всякомъ случаѣ изъ приведеннаго примѣра видно, что введеніе въ сферу наблюдаемыхъ явленій отрицательныхъ инстанцій, не имѣющихъ прямого отношенія къ изучаемому фактору (напримѣръ лучи луны и звѣзды при изученіи термическихъ явленій) лишь регулируетъ житейскую индукцію¹⁾, но еще оставляетъ желать много лучшаго. Самое понятіе—отрицательная инстанція—у Бэкона сбивчиво и туманно: положимъ, мы изучаемъ проявленія силы тяготѣнія, которое въ сферѣ притяженія землею предметовъ на ея поверхности—сила тяжести, яблоко, висящее на деревѣ, по методу Бэкона, должно быть признано отрицательной инстанціей, нарушающей всеобщность тяготѣнія, тогда какъ то же яблоко, достигнувъ зрѣлости и падая на землю, попадаетъ въ число положительныхъ инстанцій,—Бэконъ ошибочно думалъ, что явленія—обнаруженія дѣйствія *одного* фактора, а не возникаютъ на почвѣ взаимодействія многихъ силъ, при чемъ преобладающее вліяніе одной можетъ совершенно затемнить участіе другой, такъ въ разбираемомъ случаѣ сдѣпленіе элементовъ плодовой ножки съ сучкомъ парализуетъ дѣйствіе тяжести, и свободно висящее яблоко, на которое дѣйствуетъ комплексъ силъ, отнюдь не отрицательная инстанція для правильной индукціи; подобныя метаморфозы инстанцій у Бэкона вполне возможны: падающее тѣло—положительная инстанція при примѣненіи индуктивнаго метода къ явленіямъ тяжести, но то же тѣло, упавая при своемъ движеніи на какой-либо предметъ и приходя въ покой, уже должно быть относимо въ разрядъ отрицательныхъ инстанцій, даже болѣе, за нимъ признается право опровергнуть весь стоившій долгой работы выводъ о всеобщности закона тяготѣнія (Kirchmann стр. 208). Сентъэльмскій огонь, показывающійся на остроконечіяхъ земныхъ предметовъ въ влажныя ночи, преимущественно въ экваторіальныхъ странахъ и на морѣ (на мачтахъ) и свѣченіе гнилаго дерева, а равно фосфоресценція Иванова червячка считаются отрица-

¹⁾ Афоризмъ 105 1 кн. N. O.

тельными инстанціями, препятствующими признать въ свѣтовыхъ явленіяхъ соучастіе теплоты, тогда какъ во всѣхъ свѣтовыхъ явленіяхъ она присутствуетъ, только въ приведенныхъ явленіяхъ въ минимальномъ количествѣ, недоступномъ для обнаруженія ни примитивнымъ термоскопамъ Бэконова времени, ни непосредственнымъ термическимъ ощущеніямъ экспериментатора, минимумъ тепла здѣсь обусловленъ слабой оксидацией. и горѣніе дровъ въ горнѣ печи съ обильнымъ отдѣленіемъ лучистаго тепла только по недоразумѣнію можетъ относиться не въ одну группу съ этими явленіями. Бэконъ въ этомъ случаѣ поступаетъ тѣмъ удивительнѣе, что нѣсколько далѣе прямо говоритъ, что гніеніе развиваетъ теплоту, и указываетъ въ подкрѣпленіе своего мнѣнія на кладбища, гдѣ быстрѣе разлагаются трупы, чѣмъ въ случаѣ отдѣльнаго погребенія въ склепѣ, благодаря присутствію въ землѣ большаго количества тепла, генераторомъ котораго является разложеніе органической матеріи. Посмотримъ, къ какимъ результатамъ приходитъ Бэконъ путемъ принятія въ соображеніе отрицательныхъ инстанцій. Съ сознаніемъ человѣка, исполнившаго свое дѣло, онъ объявляетъ, что теплота—особое движеніе атомовъ тѣла и демонстрируетъ это положеніе на угасаніи угля при давленіи на него ногой, отчего останавливается движеніе частицъ, и на разжиганіи угля, мерцающаго въ золѣ, путемъ примѣненія мѣховъ, умножающихъ движеніе частицъ въ массѣ угля чрезъ быстрое движеніе частицъ окружающаго воздуха. Но противъ перваго демонстрирующаго случая легко выставить 2 отрицательныхъ инстанцій, непредусмотрѣнныхъ Бэкономъ: 1) порохъ отъ давленія воспламеняется, 2) уголь угасаетъ и тогда, когда его прикрываютъ, *не касаясь*, кускомъ сукна, а противъ 2 случая одну: слишкомъ сильная струя воздуха гаситъ пламя, т. е. прекращаетъ движеніе частицъ, вмѣсто слѣдующаго по Бэкону умноженія этого движенія. Правильность вывода Бэкона о теплотѣ, какъ молекулярномъ движеніи, случайна, однако даже обзоръ немногихъ случаевъ расширенія отъ тепла далѣе бы достаточный матеріалъ для правильной индукціи, и Бэконъ близко подходилъ къ такому пути для рѣшенія занимавшаго его вопроса, замѣчая, что желѣзные гвозди при морозѣ выпа-

даютъ изъ стѣны, а воздухъ въ каналѣ трубки Дребелева термоскопа при нагрѣваніи его резервуара выталкиваетъ кверху подвижную пробку изъ капли окрашенной жидкости.

Болѣе подробное ознакомленіе съ индукціей по Бэкону открываетъ новыя ошибки диллетанта-натуралиста. Разсмотримъ, чѣмъ руководствовался Бэконъ при составленіи таблицы положительныхъ инстанцій,—къ нашему удивленію онъ слѣдуетъ обычной житейской индукціи, тѣмъ „*idola fori specusque*“, которыя осмѣивались имъ въ первой части *Novi Organі*: онъ включаетъ въ число генераторовъ тепла: перья, пухъ, мѣхъ животныхъ, крѣпкій уксусъ, купоросное масло (*Vitriolöl*), даже нѣкоторыя травы. Относительно перьевъ и мѣха достаточна простаго наблюденія,—выставленія ихъ на морозный воздухъ, чтобы убѣдиться, что въ нихъ нѣтъ никакой теплоты, а если про нихъ въ повседневномъ быту говорятъ, что они грѣютъ, то это представленіе „*idolon*“: указанные предметы, будучи худыми проводниками тепла, изолируютъ покрытое ими тѣло отъ массы окружающаго воздуха и тѣмъ препятствуютъ потерѣ внутренней теплоты чрезъ ея излученіе, перья и пушистый мѣхъ грѣютъ живыя существа, а при угасаніи внутренняго очага тепла покрытыя ими тѣла вскорѣ охлаждаются. Крѣпкая уксусная кислота, вызывающая жженіе въ ротовой полости и купоросное масло, выжигающее ткани, прямо занесены Бэкономъ въ число генераторовъ тепла по недоразумѣнію; дѣло въ томъ, что нашъ языкъ бѣднѣ нашихъ понятій, и мы часто вынуждены употреблять слова въ метафорическомъ смыслѣ: уксусная кислота *жжетъ* языкъ и мягкое нѣбо, купоросное масло *выжигаетъ* ткани, эти выраженія—простыя метафоры, и вносить подобныя инстанціи для обзора съ цѣлью придти къ научному индуктивному выводу о природѣ тепла по справедливому замѣчанію: „*Liebig*“-а походило бы на то, если бы нѣкто, желая опредѣлить природу звука, включилъ въ число подлежащихъ обзору инстанцій картины и узоры для вышиванія, такъ какъ и въ нихъ мы различаемъ тоны. Даже поэтическое выраженіе *Virgilia*: „*aut Boreae penetrabile frigus adurat*“ (*Georgicon lib. 1, 23*) даетъ Бэкону возможность составить одну положительную инстанцію для изслѣдованія природы тепла: холодный

сѣверный вѣтеръ (sic). Что касается до наполняющаго большую половину 2 части *Novi Organі* разсужденія о прерогативныхъ инстанціяхъ, то оно прежде всего покоится на недоразумѣніи Бэкона, предполагавшаго, что извѣстный факторъ въ одномъ явленіи открываетъ себя полнѣе, чѣмъ въ другомъ; причиной этого неправильнаго мнѣнія Бэкона является признаніе имъ явленій производимыми изолированно дѣйствующими силами ¹⁾, тогда какъ современное естествознаніе видитъ въ каждомъ явленіи результатъ дѣйствія комплекса силъ, а поэтому въ опытѣ, гдѣ создаются искусственныя условія для явленія по волѣ экспериментатора, каждое явленіе можетъ быть прерогативной инстанціей. Пояснимъ сказанное примѣромъ: Бэконъ признаетъ ртуть (*argentum vivum*) за прерогативную инстанцію при изученіи силы тяжести, основываясь на ея быстромъ паденіи вслѣдствіе значительнаго удѣльнаго вѣса, но опытъ даетъ возможность изучать паденіе тѣлъ въ пустотѣ (запаянная трубка, изъ которой вытянутъ воздухъ), при этомъ падаютъ съ *одной скоростью*: пухъ, пробковый и свинцовый шары, а слѣдовательно всѣ эти тѣла являются прерогативными инстанціями. Ошибка Бэкона въ томъ, что онъ считалъ, что сила тяжести различно дѣйствуетъ на легкіе и вѣскіе предметы, тогда какъ медленное паденіе пуха и быстрое ртути обуславливаются дѣйствіемъ не принятаго имъ къ соображенію фактора—сопротивленія воздуха, каковое устранимо въ опытѣ, нивелирующемъ разницу между прерогативной и простой положительной инстанціей. (Должно затѣтитъ, что Бэконъ употребляетъ „*instancia*“ въ смыслѣ англійскаго *instance*, а не латинскаго *instancia*, *Kirchmann* переводитъ это слово *Beweismittel*). Номенклатура прерогативныхъ инстанцій (27 названій) у Бэкона совершенно субъективна и лишена всякаго научнаго значенія, здѣсь онъ прямо нарушаетъ „*legem parcimoniae*“, требующій, чтобы причины явленій по возможности были сводимы къ единству, т. е., выводимы одна изъ другой (*causas praeter necessitatem non esse multiplicandas*); Бэконъ же наводняетъ 24-ю часть своего труда какъ первопричинами явленій всевозможными

¹⁾ Böhmer. Критическій разборъ книги *Liebig* стр. 11, тамъ цитаты изъ *Милля*.

motus, съ самыми причудливыми эпитетами, кромѣ того въ этой части, оперируя надъ разными аналогіями (напримѣръ сравненіе человѣка съ растеніемъ, растущимъ вверхъ корнемъ—*planta inversa*), Бэконъ окончательно покидаетъ путь *interpretationis naturae*: замѣчая, что гармоничная жизнь природы раздроблена имъ на черезчуръ мелкіе автономные участки, англійскій мыслитель стремится найти единство плана мірозда-нія въ аналогіяхъ, но на этомъ скользкомъ пути преобразуется въ средневѣковаго схоластика, изучающаго явленія внѣшняго міра слишкомъ *anticipando*. Къ недостаткамъ Бэконова пред-ставленія объ индукціи относится еще недостаточно ясное различеніе ея отъ абстракціи, тогда какъ послѣдняя имѣетъ дѣло съ *phenomen observatum*, а первая съ *phenomen demon-strationibus enucleatum* ¹⁾),—такъ Бэконъ выводитъ, что те-плота—особый родъ движенія матеріальныхъ частицъ, не по ин-дукціи, а скорѣй по абстракціи ²⁾). Положимъ, мы видимъ 2 бруска, которые взаимно пересѣкаются, мы можемъ представить себѣ вмѣ-сто нихъ 2 нити, 2 паутинки, 2 перекрещивающихся линейки и, отвлекаясь отъ конкретныхъ образовъ, составить общее поня-тіе, что двѣ прямыхъ линіи, пресѣкаясь въ одной точкѣ, при продолженіи своемъ уже не встрѣчаются (слѣдствіе первой аксіомы Эвклида). Бэконъ наблюдаетъ колебанія въ пламени, движеніе въ массѣ кипящей воды и, отвлекаясь отъ чувстви-тельныхъ образовъ, говоритъ, что теплота—особый родъ молеку-лярнаго движенія,—не ясно ли, что въ этомъ случаѣ индукція сводится къ простой абстракціи, въ полномъ соотвѣтствіи съ вышеприведеннымъ примѣромъ таковой. Вообще у Бэкона замѣчается крупная методологическая погрѣшность: онъ прямо хочетъ „*regum cognoscere causas*“ ³⁾), тогда какъ современная научная индукція отъ изученія дѣйствія нѣкоторой причины X стремится придти къ познанію самой причины X, т. е., сна-чала желаетъ „*regum cognoscere effectus*“, и плодотворность этого приѣма ясно открывается въ научныхъ теоріяхъ совре-менности, не страшась роста науки, благодаря накопленію

1) Apelt стр. 58.

2) Apelt стр. 153.

3) Böhmer стр. 12.

новыхъ наблюдений, такова напимѣрь теорія свѣтового эѳира, вытѣснившая гипотезу истеченія. Вопреки Бэкону современное естествознаніе не отрицаетъ значенія и неполной индукціи. Казалось бы, что правомъ гражданства въ наукѣ должна пользоваться только полная индукція, т. е., основывающаяся на всѣхъ фактахъ извѣстнаго рода. Что въ самомъ дѣлѣ побуждаетъ ученаго строить выводы на индукціи, заложенной на выбуемъ фундаментѣ немногихъ случаевъ, лежащихъ въ сферѣ его наблюдения? Часто стимуломъ для подобной неполной индукціи бываетъ практической интересъ: врачъ у постели трудно больного можетъ рискнуть при назначеніи лѣкарства на примѣненіе неполной индукціи, матеріаломъ для которой являются его немногочисленные прежнія наблюденія; въ чисто теоретической сферѣ знанія мотивомъ для неполной индукціи признается стремленіе разума къ систематизаціи изученнаго, къ возведенію частныхъ измѣненій въ извѣстныя правила (Apeit стр. 157). Индукція у самого Бэкона является неполной, такъ какъ таблица положительныхъ инстанцій, содержащая въ себѣ всевозможные случаи даннаго явленія, не можетъ заключать *всѣхъ* возможныхъ случаевъ, поэтому нельзя признать *de facto*, что экспериментаторъ, слѣдующій указаніямъ Бэкона, способенъ исчерпать весь матеріалъ для извѣстнаго индукціоннаго вывода. Бэконъ самъ косвенно склоняется къ разсмотрѣнію вмѣсто множества фактовъ немногихъ, гдѣ данное явленіе обрисовывается особенно выпукло, мы разумѣемъ его прерогативныя инстанціи. Весь балластъ случаевъ, собираемый съ такой тщательностью, оказывается у самого Бэкона при анализѣ природы тепла выброшеннымъ за бортъ къ концу индукціи, и заключеніе опирается на немногіе случаи, именно 3: 1) кипѣніе воды, 2) видъ пламени, 3) раздуваніе угольевъ мѣхами. Что же заставляетъ распространять заключеніе по неполной индукціи на лежація внѣ произведенныхъ наблюдений и опытовъ подобныя явленія?—Бэконъ отвѣчаетъ—отсутствіе отрицательныхъ инстанцій, но съ одной стороны отсутствіе таковыхъ можетъ быть мнимымъ, съ другой стороны нѣкоторыя явленія, представляющіяся на первый взглядъ отрицательными инстанціями, при извѣстномъ развитіи и

умѣнь экспериментатора могутъ оказаться лишь въ кажущемся противорѣчїи съ извѣстнымъ выводомъ. Такъ вполне правиленъ индуктивный выводъ, что тѣла отъ нагрѣванія расширяются, а отъ охлажденія сжимаются, а между тѣмъ вода составляетъ исключеніе изъ общаго правила: достигая maximum плотности при $+4^{\circ}$, она расширяется при дальнѣйшемъ охлажденїи (какъ извѣстно, ледъ, который всегда болѣе низкой температуры чѣмъ вода, носится на ея поверхности, благодаря своему меньшему удѣльному вѣсу), значитъ по Бэкону она должна быть признана отрицательной инстанціей и вести къ оспариванію закона, что тѣла отъ охлажденія сжимаются, т. е., уплотняются. Ясно, что появленіе нѣкоторыхъ отрицательныхъ инстанцій можетъ оставаться безъ рѣшительнаго вліянія на выводъ по индукціи. Глина и каучукъ отъ нагрѣванія сжимаются,—для поверхностнаго эксперимента это новыя отрицательныя инстанціи въ разбираемомъ случаѣ, но проникательный ученый сейчасъ же усмотритъ, что здѣсь лишь мнимое уклоненіе отъ общаго правила, такъ какъ въ первомъ случаѣ испаряется изъ нагрѣваемой глины содержавшаяся въ ней вода, а во второмъ—расширяется воздухъ въ парахъ каучуковаго стержня, что растягиваетъ его въ ширину и укорачиваетъ въ длину. Самъ Бэконъ дѣлаетъ одинъ шагъ, невыгодный для его теорїи отрицательныхъ инстанцій, мы разумѣемъ его *instantiae foederis seu unionis*,—эти инстанціи служатъ къ устраненію мнимыхъ противорѣчїй, т. е., мнимыхъ отрицательныхъ инстанцій: такъ лоза, растущая у стѣны сильно нагрѣваемого помѣщенія, даетъ болѣе обильные плоды, чѣмъ растущая въ иныхъ условїяхъ. Это наблюденіе устраняетъ тѣ враждебныя для вывода о благотворномъ дѣйствїи теплоты на прозябаніе инстанціи, гдѣ огонь, этотъ важнѣйшій агентъ тепла, разрушаетъ органическія ткани,—въ этомъ и подобныхъ случаяхъ самъ Бэконъ признаетъ за силой способность разнообразно проявляться, при чемъ разница явленій, производимыхъ однимъ факторомъ, можетъ простирается до ихъ діаметральной противоположности. Такъ магнитъ, притягивающій желѣзо, отталкиваетъ мѣдь, и нѣтъ основаній, наблюдая послѣднее явленіе, отрицать возможность перваго или наоборотъ.

Отъ критики теоріи инстанцій обратимся къ анализу принциповъ Бэконова метода. Индукція по Бэкону представляется строго эмпирической, а поэтому и не можетъ считаться научной ¹⁾. Во первыхъ рассмотримъ, можетъ ли рациональная индукція обойтись безъ апіорныхъ идей (по Бэкону *idola tribus*). Лежащій на солнцѣ камень нагрѣвается его лучами, то же происходитъ съ металлическими предметами, кускомъ мѣха, обломкомъ дерева,—изъ этихъ примѣровъ мы имѣемъ право заключить по методу индукціи, что солнечные лучи обладаютъ термической энергіей, но можно ли данное заключеніе считать возникшимъ исключительно на почвѣ эмпириі? Конечно, нельзя, и вотъ доказательство: нагрѣваніе и паденіе солнечныхъ лучей на предметъ мы рассматриваемъ какъ слѣдствіе и причину, и въ сужденіи „солнце нагрѣваетъ предметъ“, котораго элементы и связь ихъ даны повидимому только эмпирией, *implicite* заключается идея причинности не опытнаго происхожденія, формулирующаяся такъ: каждое измѣненіе имѣетъ свою причину. Не опытное происхожденіе этой идеи можно открыть уже по атрибуту „каждое“, соединяемому съ понятіемъ, „измѣненіе“: перемѣны въ земныхъ предметахъ мы наблюдаемъ, но идея причинности руководитъ нами и при изысканіяхъ въ области всего универса, мы носимъ внутреннее убѣжденіе, что при каждомъ измѣненіи *долженъ* быть измѣняющій факторъ. Одинъ изъ адептовъ сенсуализма, Юмъ ²⁾ стремится вывести идею причинности изъ воспоминанія и ожиданія подобнаго ранѣ видѣнному нами: часто наблюдая, какъ одно явленіе слѣдуетъ за другимъ, мы *привыкаемъ* ожидать послѣ совершенія одного возникновенія другаго, что формулируется въ нашемъ сознаніи, какъ слѣдующее понятіе о причинной связи: *post hoc—ergo propter hoc*. Неосновательность подобнаго мнѣнія о генезисѣ идеи причинности вскрываетъ Apelt на слѣдующемъ примѣрѣ: положимъ, нѣкто привыкъ, гуляя по рѣчному берегу, встрѣчать на извѣстномъ пунктѣ человека, перевозящаго его съ готовностью на противоположный берегъ,—на основаніи ожиданія подобнаго случаевъ, не размышляя, для чего здѣсь бываетъ этотъ человекъ, онъ можетъ

¹⁾ Apelt, стр. 152—155.

²⁾ Kuno—Fischer стр. 448: die Causalität als product der Erfahrung.

предполагать встрѣчу съ нимъ, выходя на обычную прогулку, но рискуеть и ошибиться въ своемъ ожиданіи, если дѣла этого человѣка, не лодочника по профессіи, повлекутъ его въ другое мѣсто. Въ подобномъ же положеніи можетъ явиться и ученый, строящій свои индуктивные выводы на зыбкой почвѣ ожиданія подобныхъ случаевъ. Изъ приведеннаго ясно, что слѣпое слѣдованіе за тожествомъ предыдущихъ случаевъ не устанавливаетъ никакой идеи причинной связи, и что вообще эмпірія даетъ только механическое преемство явленій, а внутренняя связь между ними устанавливается интеллектомъ съ помощью апіорныхъ идей. Въ примѣрѣ „Apelta“ ошибка индуктивнаго вывода наблюдателя объясняется смѣшеніемъ имъ случайнаго совпаденія съ необходимымъ слѣдствіемъ, механической связи съ органической, благодаря его большой довѣрчивости къ эмпирическому факту и отсутствію его рациональнаго выясненія. Вообще ожиданіе появленія подобныхъ результатовъ послѣ подобныхъ процессовъ покоится болѣе на бессознательной ассоціаціи представленій (бессознательное здѣсь берется не въ абсолютномъ, но въ относительномъ смыслѣ, какъ *minimum* сознанія) и репродуцирующей силѣ фантазіи, чѣмъ на размысленіи, необходимомъ предшественникѣ и надежномъ спутникѣ опытовъ, ведущихъ къ научнымъ выводамъ. Ожиданіе подобныхъ случаевъ можетъ управлять индуктивными заключеніями дитяти или простеца, но не ученаго; конечно, иногда индуктивные заключенія простеца и ученаго совпадаютъ, такъ первый ожидаетъ послѣ ночи наступленія разсвѣта, потому что привыкъ къ чередованію такихъ явленій, а второй ожидаетъ того же на основаніи ему извѣстнаго суточного вращенія земнаго шара, но чаще они разнятся: зная изъ наблюденій, что зажженная спичка воспламеняетъ фитиль лампы, профанъ будетъ ожидать того же и въ атмосферѣ чистой углекислоты, тогда какъ ученому извѣстно, что главнымъ факторомъ здѣсь является не спичка, а кислородъ атмосфернаго воздуха. Ученый, извлекая звукъ изъ струны, знаетъ, что его прикосновеніе къ ней—причина звука, не потому, что послѣдній *сдвигается* за прикосновеніемъ, а на основаніи той внутренней связи между видимыми вибраціями струны и ощущеніемъ звука, какую

устанавливаетъ его интеллектъ при пособіи данныхъ опыта, сообщающихъ ему свѣдѣнія о колебаніи воздуха, вызванномъ вибраціей струны, и о толчкахъ, получаемыхъ отъ этого колеблющагося воздуха его барабанной перепонкой, передающей это движеніе съ небольшою трансформаціей лимфѣ ушнаго лабиринта. Такъ опытъ теряетъ свое принципиальное значеніе въ индуктивномъ методѣ и занимаетъ болѣе скромное мѣсто совѣтника разума, между тѣмъ какъ Бэконъ хотѣлъ его сдѣлать законодателемъ для послѣдняго, обращая чрезъ это свой методъ при разумѣ, очищенномъ отъ апріорныхъ идей, въ индукцію „*per enumerationem simplicem*“.

Итакъ, съ одной стороны Бэконово требованіе, чтобы индуктивный выводъ опирался на наблюденіе *остатъ* случаевъ даннаго явленія, не исполнимо на практикѣ, съ другой стороны, даже при предположеніи осуществимости этого требованія, индуктивный выводъ совсѣмъ не приобретаетъ значенія аподиктической истины, а остается простымъ обобщеніемъ данныхъ эмпирическихъ фактовъ, заслуживающимъ по своей ненадежности остракизма изъ области научныхъ истинъ, однако и допущеніе неполной индукціи въ число научныхъ путей для изслѣдованія природы должно находить въ чемъ-либо оправданіе, поэтому рассмотримъ генезисъ индуктивнаго вывода по 2 методамъ: Бэконовскому (эмпирическому) и современно-научному (раціональному). Заключение отъ немногихъ случаевъ ко всѣмъ подобнымъ, отъ бывающаго къ долженствующему быть по эмпирическому методу является просто заключеніемъ по вѣроятности, и конечно степень точности вывода прямо зависитъ отъ количества разсмотрѣнныхъ инстанцій, отъ объема *tabulae graduum* по терминологіи Бэкона, но въ раціональномъ методѣ заключеніе отъ частнаго къ общему опирается на раскрытіе закона, господствующаго въ сферѣ изученныхъ явленій, что дѣлаетъ возможнымъ переходъ къ другимъ подобнымъ явленіямъ по аналогіи, — предположеніе обнаруженія извѣстнаго закона въ каждой группѣ однородныхъ явленій — душа раціональнаго индуктивнаго метода. 100 наблюденій разныхъ положеній какой-нибудь планеты остаются 100 отдѣльными явленіями, пока разумъ не откроетъ возможности ихъ объединить на основаніи предпо-

ложенія извѣстной закономѣрности въ движеніи свѣтила по небосклону, а это предположеніе—продуктъ самодѣятельности разума въ познаніи вѣшняго міра (Apelet стр. 179),—разумъ, какъ искусный ваятель, формирующій статуи изъ мягкой аморфной массы гипса, пользуется данными опыта лишь какъ сырымъ матеріаломъ, между разумомъ и эмпирическими элементами то же отношеніе, какое имѣетъ мѣсто между $\mu\omega\phi\eta$ и $\delta\lambda\eta$ въ теоріи гилломорфизма (Apelet стр. 136—138). Остановимъ свое вниманіе на слѣдующемъ примѣрѣ научной индукціи. Брайлей, плывя на суднѣ при вѣтрѣ, замѣтилъ, что направленіе флюгера на вершинѣ мачты не совпадаетъ съ направлениемъ, въ какомъ движутся воздушные массы; разсуждая о причинѣ замѣченнаго имъ явленія, онъ остановился на движеніи судна, мѣшающемъ флюгеру стать въ плоскость направленія вѣтра, отъ этого наблюденія, повтореннаго нѣсколько разъ при иныхъ обстоятельствахъ, упомянутый астрономъ пришелъ къ заключенію, что движеніе земли вокругъ солнца не можетъ быть безъ вліянія на направленіе, въ какомъ мы видимъ звѣзды: такъ открыта по индукціи извѣстная въ астрономіи аберація свѣта, исходящаго отъ звѣздъ. Подумаемъ, возможна ли для разума, доведеннаго до состоянія *tabulae gasae*, подобная индукція, при которой онъ смѣло выходитъ за предѣлы данныхъ эмпириі, и не подкапываютъ ли случаи блестящихъ научныхъ открытій по индуктивному методу увѣренія Бэкона, что для научной индукціи безразличны геніальность или бездарность наблюдателя. Если справедливо замѣчаніе Бэкона, что разумъ самъ по себѣ не можетъ преодолѣть темноты предметовъ, то не менѣе справедливо, что данные опыта еще менѣе способны ее преодолѣть, будучи изолированы отъ апріорныхъ идей разума: опытъ указываетъ на существующую связь явленій, разумъ же возводитъ эту связь въ необходимую и ведетъ къ признанію законсообразности во всемъ совершающемся въ природѣ, поэтому если разумъ верѣдко обвиняется, какъ виновникъ различныхъ $\epsilon\delta\omega\lambda\omega\nu$, то и никакое научное знаніе ($\epsilon\pi\iota\sigma\tau\eta\mu\eta$) не можетъ создаться на почвѣ однихъ чувственныхъ воспріятій и представленій, являющихся результатомъ ихъ обобщенія, вопреки мнѣнію Бэкона (45 афор.

1 книги).—Касаясь вопроса объ отношеніи апріорнаго знанія къ апостеріорному, мы должны сначала показать, что первое имѣетъ самостоятельность. Какъ на примѣръ апріорнаго знанія, укажемъ на математическія истины: невозможность обоснованія ихъ при помощи опыта очевидна. Извѣстная теорема, что сумма угловъ въ треугольникѣ равна 180° (2 d), не допускаетъ опытной повѣрки, а всякому занимавшемуся геометрическимъ черченіемъ приходилось собственнымъ опытомъ убѣждаться въ этомъ. Apelt указываетъ еще на другой примѣръ подобнаго рода: уголь, имѣющій вершину на окружности и опирающійся на діаметръ,—прямой (90°), это слѣдуетъ на основаніи теоретическихъ соображеній, но графическое рѣшеніе проблемы никогда не даетъ этой величины, а всегда немного менѣе (89° и минуты съ секундами). Не ясно ли изъ сказаннаго, что эти истины не дапы опытомъ и оставались бы вѣчно скрытыми отъ интеллекта, если бы онъ слѣпо слѣдовалъ только за указаніями чувствъ. Рациональныя истины оказываются имѣющими аподиктическое значеніе, тогда какъ по словамъ самого Бэкона эмпирическая истина—дочь времени (84 афор. I книги). Смѣшеніе истинъ того и другаго рода проходитъ по всѣмъ англійскимъ работамъ въ области философіи до Уэвелля; послѣдній—первый англійскій мыслитель, отдавшій себѣ отчетъ въ различномъ генезисѣ человѣческихъ познаній, въ разницѣ между эмпирическими и аподиктическими истинами: первыя открываются изъ показаній чувствъ, вторыя изъ чистаго мышленія. Основой для логической переработки сыраго матеріала, даннаго опытомъ, по названному автору, являются первоначальныя представленія человѣческаго духа (fundamental ideas): экспериментаторъ вноситъ въ простой агрегатъ фактовъ связывающій ихъ принципъ (principle of connexion), являющійся столь же необходимымъ, какъ шнуръ для объединенія отдѣльныхъ перловъ въ ожерелье. Такъ какъ понятія, связывающія элементы опыта, даются не эмпиріей, но разсудкомъ, то ясно, что Бэконъ, стремившійся все основать на одной эмпиріи и тѣхъ положеніяхъ, какія могутъ быть извлечены изъ нея, не могъ придти ни къ какому серьезному индуктивному выводу, даже при помощи

своей концепціи *tabularum graduum*. Эмпирическая индукція ищетъ закона изъ случаевъ, раціональная же стремится случая подвести подъ законъ; если для эмпириковъ идея причинности выводится изъ случайныхъ наблюденій, то по раціоналистамъ наоборотъ идея причинности руководитъ анализомъ явленій природы (Aepelt стр. 185). Индукція по эмпирическому методу пользуется такой формулой: когда присутствуетъ явленіе А, то обычно за нимъ слѣдуетъ явленіе В,—А имѣется въ наличности, значитъ должно появиться и В. Понятно, что при такой схемѣ умозаключенія связь А съ В можетъ быть и случайной, а не необходимой, т. е., причинной. Индукція по раціональному методу формулируетъ свой выводъ по слѣдующей схемѣ: дано А, безъ котораго В произойти не можетъ, значитъ въ каждомъ случаѣ наличности В ему должно предшествовать А. Отсюда выясняется коренное различіе обоихъ методовъ индукціи: въ эмпирическомъ по причинѣ ищется слѣдствіе, въ раціональномъ по слѣдствіямъ ищется причина (Aepelt стр. 37). Бэконъ хотѣлъ, какъ уже замѣчалось ранѣе, прямо извлечь изъ данныхъ опыта представленіе о причинѣ изучаемаго явленія, такъ къ признанію теплоты за особый родъ молекулярнаго движенія онъ приходитъ непосредственно, замѣчая движеніе въ пламени, а не косвенно путемъ изученія расширенія тѣлъ отъ тепла, послѣднее онъ выводитъ, какъ слѣдствіе своего представленія о причинѣ термическихъ ощущеній. На основаніи изложеннаго можно относить Бэконовъ методъ къ эмпирическимъ и сближать его индуктивные выводы съ встрѣчающимися въ житейскомъ быту.

Какovy причины неудачной попытки Бэкона реформировать естествознаніе? Liebig указываетъ, что самъ Бэконъ былъ плохимъ экспериментаторомъ ¹⁾, и только лавры, пріобрѣтенныя другими на этомъ пути, заставили его обратить вниманіе на экспериментальный методъ изученія природы. Потребность противодѣйствовать спекуляціи сказалась въ Бэконѣ его рѣзкими нападками на *idola*, но реакція прежнему направленію науки, какъ это часто бываетъ, перешла границы умѣренности и спра-

¹⁾ Liebig стр. 3—13.

ведливости: кромѣ требованія очищенія интеллекта отъ *idolon specus forique*, Бэконъ настаиваетъ и на изгнаніи апіорныхъ законовъ мышленія „*idolon tribus*“, между тѣмъ это требованіе походитъ на то, еслибы нѣкто посовѣтовалъ воину разоружиться въ виду непріятельской крѣпости. Прежде чѣмъ сражаться съ природой ея оружіемъ, нужно у ней его вырвать, а это можетъ сдѣлать только интеллектъ, обладающій своими средствами нападенія. Бэконъ призналъ бы несомнѣнно свой методъ ненадежнымъ, если бы серьезно занялся изученіемъ природы, но его естественно-научный трудъ *Silva silvagarum* открываетъ въ своемъ авторѣ простаго диллетанта. *Liebig* удачно указываетъ на такіе эксперименты Бэкона, которые были созданы его пылкой фантазіей, а въ дѣйствительности не осуществимы: въ налитую спиртомъ чашку вставляется зажженная свѣчка, отъ которой воспламеняется спиртъ,—въ этомъ случаѣ пламя свѣчи будетъ окружено огненной атмосферой горящаго спирта и приметъ сферическій видъ, не испытывая толчковъ отъ сосѣдняго воздуха, каковыя обыкновенно придаютъ ему видъ конуса, такъ передаетъ Бэконъ о своемъ опытѣ, но для современнаго ученаго ясно, что свѣча должна загаснуть, а шарообразное пламя—продуктъ живой фантазіи Бэкона. Всякому извѣстно, что средняя часть пламени свѣчи темна, благодаря отсутствію достаточнаго количества кислорода, а въ мнимомъ опытѣ Бэкона пламя свѣчи совсѣмъ закрыто для доступа воздуха (примѣръ ss. 3). Соли въ соляномъ растворѣ по Бэкону быстрѣе растворяются, чѣмъ въ чистой водѣ, такъ какъ соли въ растворѣ притягиваются къ себѣ нерастворенную соль; фантастичность этого утвержденія можно доказать тѣмъ, что въ крѣпкомъ растворѣ соли совсѣмъ не растворяются,—почти каждому извѣстно, что въ стаканѣ воды нельзя растворить неограниченнаго количества соли, и что по образованіи насыщеннаго раствора избытокъ растворенной соли осѣдаетъ и кристаллизуется (ss. 883). Воздухъ въ погребахъ зимой имѣетъ болѣе высокую температуру, чѣмъ лѣтомъ,—въ этомъ выводѣ Бэконъ прямо вступаетъ на путь житейской осмѣянной имъ индукціи, такъ какъ изъ одного ему же принадлежащаго наблюденія легко извлечь рациональное объясненіе причины этой иллюзіи:

рука, опущенная въ сосудъ со водой, можетъ получить разныя ощущенія: тепла и холода въ зависимости отъ температуры того пространства, гдѣ она находилась ранѣе,—полный „repandant“ къ этому составляетъ разбираемый случай, такъ какъ мы входимъ въ погребъ то изъ лѣтнаго воздуха высокой температуры, то изъ зимняго—низкой, по контрасту зимній погребной воздухъ можетъ показаться теплѣе лѣтнаго (ss. 885). Приведеннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ экспериментировалъ Бэконъ, для котораго „leo in via“, страшный для житейской индукціи, являлся не менѣе серьезнымъ препятствіемъ для движенія въ глубину научнаго изслѣдованія природы. Бэконъ не присталъ къ эмпирикамъ, потому что болѣе собиралъ опыты по наслышкѣ (по „Kirchmann“-у nach dem Högrensagen) или изъ книгъ, забывая сказанное имъ во 1-ой части *Novi Organum* объ *idolis theatri*, но онъ остался далекимъ и отъ начертаннаго имъ идеальнаго образа трудолюбивой пчелы, заботливо собирающей цвѣточную пыль и перерабатывающей ее въ своемъ организмѣ въ медъ,—натуралистъ, подражающій пчелѣ,—*primum desiderium* Бэкона, для реализаціи же этого идеала онъ не сдѣлалъ ни одного вѣрнаго шага; Бэконъ, обѣщавшій своему читателю провести его чрезъ лабиринтъ явленій природы съ новой Ариадниной нитью, его методомъ индукціи, къ познанію истинныхъ причинъ всѣхъ перемѣнъ въ тѣлахъ, на дѣлѣ не исполняетъ своего намѣренія,—такъ часто ручей, орошающій на своихъ верховьяхъ прекрасные луга, течетъ въ мрачную пустыню ¹⁾).

Резюмируемъ до сихъ поръ сказанное относительно принциповъ Бэконова метода: Бэконъ, отвергая основныя первоначальныя понятія разума (по „Apelt“-у *Urbegriffe des Verstands*), не могъ дать научной постановки индукціи, которую онъ смѣшиваетъ съ абстракціей, заставивъ ее выполнять не свойственное ей дѣло выработки основныхъ истинъ знанія. Исключительно качественный характеръ выводовъ Бэкона объясняется тѣмъ, что онъ не подозрѣвалъ, что явленія природы управляются математически формулируемыми законами,—называя при-

¹⁾ Liebig стр. 14.

чину какого-либо явленія движеніемъ, онъ упустилъ изъ виду необходимость измѣренія этого движенія, что приводитъ современное естествознаніе къ математической формулировкѣ рѣшеній различныхъ механическихъ и химическихъ проблемъ, такъ сказать къ переложенію языка эмперіи на языкъ апіорнаго знанія. Насколько цѣненъ вкладъ, внесенный Бэкономъ чрезъ *Novum Organum* и сходный по содержанію съ нимъ трудъ, „*Cogitata et visa*“, въ сокровищницу человѣческихъ познаній? Понятіе объ эмпирической наукѣ (*ἐπιστήμη*) въ древней Элладѣ, этой колыбели зарождавшагося научнаго мышленія, было весьма различно: Платонъ, поглощенный мыслью о трансцендентныхъ идеяхъ, какъ единственномъ реальномъ объектѣ познанія, и считавшій тѣла за ихъ тѣневые образы (силуэты), долженъ, былъ пренебрегать индукціей, опирающейся на наблюденіи явленій въ мірѣ призраковъ¹⁾. Аристотель недостаточно выяснилъ генезисъ аподиктическихъ истинъ, т. е. происходятъ ли онѣ отъ разума (*νοῦς*), или изъ обобщенія данныхъ опыта (*ἐμπειρία*) и хотя онъ искалъ въ явленіяхъ вызывающую ихъ причину (*ἀρχή τῆς κινήσεως*), но не полагалъ ея въ нематеріальномъ законѣ природы, обусловливающимъ явленіе и открываемомъ въ его внѣшнемъ видѣ, такъ что изысканіе причинъ явленій въ перипатетизмѣ походитъ на то, если бы нѣкто пожелалъ объяснить форму струи жидкости, вытекающей изъ какого-либо сосуда, качественными особенностями самой жидкости, а не дѣйствіемъ силы тяжести. Бэконъ не смѣшивалъ апіорныхъ идей съ апостериорнымъ знаніемъ, онъ не сенсуалистъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, хотя по мнѣнію Куно-Фишера и далъ англійской философствующей мысли толчекъ въ этомъ характеризующемъ ее направленіи; ошибкой Бэкона должно быть признано отрицаніе имъ значенія апіорныхъ идей для раціональной индукціи. Съ методологической стороны отличительной чертой Бэконовой индукціи является введеніе отрицательныхъ инстанцій въ обзоръ фактовъ, служащихъ основаніемъ для извѣстнаго индуктивнаго вывода, но у *Schleiden* въ его капитальномъ трудѣ: „die

¹⁾ Apelt стр. 130: Die Körperwelt beoteht nach. Platon ohne Materie (ὄλη). Der Körper ist keine palpable Masse, sondern ein Schattenbild der Idee.

Pflanze und ihr Leben“ встрѣчается такой примѣръ, показывающій, съ какой осторожностью должно примѣнять этотъ способъ къ построению научнаго вывода: извѣстно изъ наблюденій и лабораторныхъ опытовъ, что неорганическое вещество не превращается въ организованную матерію животныхъ и растительныхъ тканей, и что стремленіе произвести клѣточку въ ретортѣ походить на изысканія алхимиковъ, желавшихъ открыть панацею не только отъ старости, но и безденежья. Такъ устанавливается рядъ отрицательныхъ инстанцій противъ возможности предположенія перехода неорганической матеріи въ органическую. Между тѣмъ ростъ органической матеріи на землѣ очевиденъ: организмы размножаются въ геометрической прогрессіи, напримѣръ растенія образуютъ множество сѣмянъ, изъ которыхъ весьма многія даютъ начало самостоятельнымъ особямъ. Откуда берется новое органическое вещество? Индукція открываетъ, что животный міръ существуетъ на счетъ растительнаго или прямо (травоядныя), или косвенно (хищники, питающіеся травоядными), поэтому обращаемся къ изслѣдованію, какой источникъ для новообразованія органической ткани въ растительномъ мірѣ: альпійскіе луга, питающіе ежегодно тысячи головъ рогатаго скота, не бѣднѣютъ изъ года въ годъ травой, между тѣмъ какъ образованіе въ почвѣ перегноя устраняется постояннымъ снятіемъ пасущимся скотомъ растущей травы, значитъ, источникъ для образованія растительности не въ каменистой малопродуктивной почвѣ, а въ атмосферѣ. Дѣйствительно, физиологическая химія констатируетъ, что растеніе зелеными частями поглощаетъ углекислый газъ и, раскисляя его, ассимилируетъ углеродъ, изъ котораго строятъ новообразующіяся части. Такъ несмотря на массу отрицательныхъ инстанцій, встрѣченныхъ нами на прямомъ пути, двигаясь по косвенному, мы приходимъ къ вполнѣ точному выводу о переходѣ неорганической матеріи въ органическую, каковая метаморфоза обуславливается жизненной силой растительныхъ организмовъ (Ampelt стр. 79—82). Природа столь богата, что ея явленія не исчерпашь никакими *tabulis graduum*, въ которыхъ Бэконъ хотѣлъ дать индукціи твердое основаніе.

Многіе видятъ въ Бэконѣ пропагандиста идеи утилитаризма:

hominis autem *imperium* sola scientia constare, tantum enim *potest*, quantum scit, изъ приведеннаго отрывка „*Cogitata et visa*“ Бэконъ является утилитаристомъ по крайней мѣрѣ въ сферѣ научныхъ изысканій. Оглядываясь въ глубину среднихъ вѣковъ, когда экспериментами занимались только немногіе праздные люди, Бэконъ не столько скорбитъ объ умственномъ мракѣ, сгустившемся надъ человѣчествомъ, сколько о принижённости послѣдняго предъ природой, которой оно призвано быть властелиномъ; совѣтуя перенести центръ тяжести научныхъ изысканій изъ сферы вообща въ такую эмпирию, Бэконъ жаждетъ не духовнаго свѣта, а практическихъ удобствъ жизни,—утилизация разгаданныхъ силъ природы для него какъ бы затмѣваетъ чистую радость и наслажденіе въ сознаніи открытой истины, разоблаченной тайны природы. Природа является по Бэкону какъ бы подсудимой, скрывшей отъ человѣчества большой кладъ, послѣднее должно всячески добиваться отъ нея указанія, гдѣ его разыскать, тайны же этой подсудимой могутъ его лишь настолько интересовать, насколько онѣ относятся къ этому кладу,—не болѣе. Однако справедливость требуетъ замѣтить, что у Бэкона по временамъ являлись порывы иного свойства, чуждые меркантилизма, такъ въ 129 афоризмѣ 1 книги *Novi Organі* онъ говоритъ: *ita certe ipsa contemplatio rerum, prout sunt, sine superstitione et impostura, errore aut confusione, in se ipsa magis digna est quam universus inventorum fructus*. Въ „*Cogitata et visa*“ Бэконъ сравниваетъ науку съ свѣтомъ солнца, который не только необходимъ въ экономіи органической жизни на земномъ шарѣ, но и радуетъ каждое живое существо своими лучами. Индукція по методу Бэкона, несмотря на ея несовершенство во многихъ отношеніяхъ, на какое указывалось ранѣе, была шагомъ впередъ для естествознанія, привыкшаго довольствоваться фиктивными объясненіями явленій природы на подобіе Мольерова медика, который на вопросъ больного, почему усыпляетъ маковый сокъ, ему съ серьезностью представителя науки отвѣчаетъ: *c'est parce qu'il a la vertu dormitive*,—потому, что у него есть способность усыплять.

Въ заключеніе сдѣлаемъ замѣчаніе о вліяніи Бэконова метода на послѣдующую англійскую философію: считаютъ, что на почвѣ, засѣянной сѣменами Бэконовыхъ идей, выросъ эмпиризмъ Локка и скептицизмъ Юма; справедливо, что одностороннее восхваленіе опыта и недовѣрчивое отношеніе къ разуму характеризуютъ *Novum Organum* и *Cogitata et visa*, но, кажется, изъ предыдущаго ясно, что Бэконъ не отрицалъ апріорныхъ идей, только отвергалъ ихъ значимость въ индуктивномъ методѣ. Если можно разсматривать *idola specus, fori et theatri*, какъ результаты неудачныхъ обобщеній опытныхъ данныхъ, приписывать имъ генезисъ изъ показаній чувствъ (сенсоріальныхъ), то *idola tribus* неоспоримо—апріорныя схемы, по какимъ мы изучаемъ и группируемъ эмпирической матеріаль.— Если съ точки зрѣнія естествознанія введеніе отрицательныхъ инстанцій не обезпечиваетъ правильности индуктивнаго вывода, а устраненіе апріорныхъ идей лишаетъ методъ Бэкона серьезнаго значенія въ философіи, то все же за англійскимъ мыслителемъ нужно признать ту заслугу, что онъ указалъ правильный путь къ разрушенію предрасудковъ, къ какой-бы области знанія они ни относились. Дѣло въ томъ, что неразрывныя ложныя ассоціаціи представленій (*idola*), возникшія благодаря частому и долгому повторенію извѣстныхъ воспріятій въ неизмѣнномъ порядкѣ, не могутъ быть иначе разрушены, какъ образованіемъ такъ называемыхъ контръ-ассоціацій: создавая контръ-ассоціаціи, т. е., удерживая по возможности отчетливо въ сознаніи факты, противорѣчащіе установившимся ассоціаціямъ (*instantiae contradictoriae*), мы ихъ мало-по-малу ослабляемъ и наконецъ совсѣмъ разрываемъ. Вернемся для поясненія къ уже упомянутому ранѣе примѣру, гдѣ образованіе росы объясняется луннымъ свѣтомъ: частое наблюденіе, что въ свѣтлыя ночи выпадаетъ роса, можетъ произвести ложную ассоціацію представленій о росѣ и лунномъ свѣтѣ, въ которой лунный свѣтъ займетъ мѣсто причины, а роса—слѣдствія, однако наблюденіе образованія обильной росы въ ночи, когда при отсутствіи облаковъ нѣтъ и луннаго свѣта (напримѣръ вслѣдствіе селенической фазы, когда весь лунный дискъ погруженъ въ тѣнь земли), должно дать начало образованію контръ-ассо-

ціаціи, въ которой представленіе о росѣ будетъ сочетаться съ такимъ темнаго безлуннаго неба, а эта ассоціація несомнѣнно ослабитъ и даже совсѣмъ вытѣснитъ прежнюю;—въ виду изложеннаго, критика Бэконова метода съ психологической точки зрѣнія должна быть ему благопріятна. Въ заключеніе должно замѣтить, что Бэконъ вполне достоинъ занимать мѣсто на страницахъ исторіи индуктивныхъ наукъ, несмотря на несовершенство своего метода: на языкахъ всѣхъ народовъ слышится сужденіе, что каждое начало трудно,—теоретическое обоснованіе индукціи, не могло составлять исключенія, а Бэконъ по справедливому отзыву Милля и „Apelt“-а былъ „begeisterter Apostel der Induction“, воодушевленный проповѣдникъ новаго научнаго метода, обогатившаго человѣчество множествомъ великихъ открытій и радикально измѣнившаго хозяйственный бытъ европейскаго общества.

Е. А. Воронцовъ.

Размышленія Декарта о первой философіи, въ коихъ доказывается существованіе Бога и отличіе души отъ тѣла.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО.

(Окончаніе *).

Размышленіе шестое: О существованіи матеріальныхъ вещей и о реальномъ отличіи души отъ тѣла.

Мнѣ остается изслѣдовать, существуютъ-ли матеріальныя вещи. Я уже вполне знаю, что онѣ могутъ существовать какъ предметъ чистой математики, потому что я ихъ въ такомъ случаѣ воспринимаю ясно и раздѣльно. И, конечно, нѣтъ сомнѣнія, что Богъ можетъ произвести все, что я могу воспринять; и если я когда либо что нибудь считалъ для него невозможнымъ, то только потому, что это противорѣчило моему ясному воспріятію. Кромѣ того, существованіе матеріальныхъ вещей слѣдуетъ, повидимому, и изъ способности воображенія, которою—я знаю—я пользуюсь, когда имѣю дѣло съ ними, ибо для всякаго, съ большею внимательностію разсматривающаго, что такое воображеніе, оно оказывается нѣкоторымъ обращеніемъ познавательной способности къ тѣлу, которое внутреннимъ образомъ предстоитъ ей (*ipsi intime praesens*) и потому существуетъ. Чтобы послѣднее соображеніе было ясно, я прежде всего разсмотрю разницу, которая существуетъ между воображеніемъ и чистымъ разумѣніемъ (*pura intellectio*). Когда, напр., я воображаю трехугольникъ, я не только понимаю, что это фигура ограниченная тремя линіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 19.

умственнымъ взоромъ созерцаю эти три линіи, какъ будто находящіяся предо мною. Это собственно я и называю воображеніемъ. Но если я желаю мыслить тысячегранникъ, то я такъ же хорошо понимаю, что это есть фигура, состоящая изъ тысячи сторонъ, какъ понимаю о трехугольникѣ, что онъ фигура, состоящая изъ трехъ сторонъ; но я не могу такимъ-же образомъ представить эти тысячу сторонъ или созерцать ихъ какъ бы находящимися предо мною. И хотя вслѣдствіе привычки всякій разъ что-нибудь воображать, когда я мыслю о тѣлесной вещи, мнѣ и въ данномъ случаѣ будетъ представляться *смутно* нѣкоторая фигура, но очевидно, что эта фигура будетъ не тысячегранникъ, ибо нисколько въ сущности не будетъ отличаться отъ той фигуры, какую я представлялъ-бы себѣ, если бы думалъ о десятитысячегранникѣ или о другой какой угодно фигурѣ съ очень большимъ количествомъ сторонъ, и она нисколько не поможетъ мнѣ открыть свойства, которыми тысячегранникъ отличается отъ другихъ многогранниковъ. Когда же дѣло идетъ о пятигранникѣ, то я не только могу и безъ помощи воображенія понять его фигуру, какъ и фигуру тысячегранника, но могу даже воображать её, обращая умственный взоръ на пять его сторонъ, а вмѣстѣ и на заключенную между ними площадь. Здѣсь я ясно вижу, что мнѣ нужно нѣкоторое особое напряженіе духа, чтобы воображать, коимъ я не пользуюсь, чтобы уразумѣвать и понимать. Это новое напряженіе ясно показываетъ разницу между воображеніемъ и чистымъ разумѣніемъ. При этомъ я замѣчаю, что присущая мнѣ сила воображенія, насколько оно отличается отъ силы разумѣнія, нисколько не необходима для моей сущности, т. е., для сущности моего ума, ибо хотя бы ея у меня не было, я несомнѣнно остался бы тѣмъ-же самымъ, каковъ я теперь. Отсюда, кажется, слѣдуетъ, что она зависитъ отъ нѣкоторой отличной отъ меня вещи. И я хорошо понимаю, что если существуетъ нѣкоторое тѣло, съ коимъ мой умъ имѣетъ такое отношеніе, что можетъ по желанію обращаться къ его разсмотрѣнію, то возможно, что именно этимъ способомъ я *воображаю* тѣлесныя вещи. Такъ что этотъ способъ мышленія отличается отъ чистаго разумѣнія только тѣмъ, что умъ при

разумѣніи обращается нѣкоторымъ образомъ къ самому себѣ и разсматриваетъ какую-нибудь изъ идей, присущихъ ему самому, а при воображеніи обращается къ тѣлу и разсматриваетъ въ немъ что-нибудь согласно идеѣ или непосредственно имъ уразумѣваемой или полученной чрезъ чувства. Я понимаю, что воображеніе можетъ возникать такимъ образомъ, если конечно существуютъ тѣла, и такъ какъ никакой другой способъ не представляется болѣе удобнымъ для его объясненія, то я съ вѣроятностью предполагаю, что тѣла существуютъ. Это только *вѣроятное* заключеніе, потому что хотя я и тщательно все изслѣдую, однако еще не вижу, какой аргументъ можно получить изъ той раздѣльной идеи о тѣлесной природѣ, какую я нахожу въ моемъ воображеніи, чтобы съ необходимостью заключать къ существованію какого нибудь тѣла.

Кромѣ той тѣлесной природы, которая служитъ предметомъ чистой математики, я обыкновенно воображаю и многое другое, напр., цвѣта, звуки, вкусы, боль и под. И такъ какъ подобныя идеи я воспринимаю лучшее чувствомъ, чрезъ посредство котораго, новидимому при помощи памяти, онѣ становятся предметомъ воображенія, то чтобы удобнѣе говорить о нихъ, я думаю, должно вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовать, что такое чувство, и посмотрѣть, не могу ли я получить достовѣрнаго доказательства въ пользу существованія тѣлесныхъ вещей изъ идей, воспринимаемыхъ тѣмъ способомъ познанія, который я называю чувствомъ. Прежде всего я здѣсь припомню все то, что изъ полученнаго мною черезъ чувства я до сихъ поръ считалъ истиннымъ и по каковымъ причинамъ считалъ это таковымъ, потомъ я взвѣшу причины, въ силу которыхъ я усумнился во всемъ этомъ, и наконецъ посмотрю, что я объ этомъ самомъ долженъ принимать за достовѣрное теперь.— Итакъ сначала я чувствовалъ, что имѣю голову, руки, ноги и прочіе члены, изъ которыхъ состоитъ это тѣло, которое я разсматривалъ какъ часть самого себя. Я чувствовалъ далѣе, что тѣло мое находится среди многихъ другихъ, отъ которыхъ оно можетъ получать разныя удобства и неудобства. Удобства я замѣчаю чрезъ нѣкоторое чувство удовольствія, а неудобства чрезъ чувство боли. Кромѣ удовольствія и боли я ощу-

щаль въ себѣ голодь, жажду и другіе подобнаго рода позывы (appetitus), а также нѣкоторыя тѣлесныя расположенія къ веселости, къ грусти, къ гнѣву и другимъ подобнымъ аффектамъ. Внѣ-же меня, кромѣ протяженія, фигуры и движенія тѣла, я замѣчалъ въ тѣлахъ твердость, теплоту и другія осазаемыя (познаваемыя чрезъ прикосновеніе) качества. Кромѣ того, замѣчалъ свѣтъ, цвѣта, запахи, вкусы, звуки; разнообразіе ихъ позволяло мнѣ различать небо, землю, море и прочія тѣла. Разсматривая идеи всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя открывались моему мышленію и кои однѣ я въ собственномъ смыслѣ и непосредственно ощущалъ, я не безъ основанія полагалъ, что ощущаю нѣкоторыя вещи, совершенно отличныя отъ моего мышленія, а именно—тѣла, отъ которыхъ приходятъ эти идеи. Ибо я по опыту зналъ, что послѣднія представляются мнѣ безъ всякаго моего соизволенія, такъ что я, хоти бы и желалъ, не имѣлъ возможности ощущать какого-нибудь предмета, если онъ не подлежалъ какому-нибудь органу чувствъ, и не въ моей власти было его не ощущать, когда онъ подлежалъ. И такъ какъ идеи, получаемыя чрезъ чувство, были гораздо живѣе, впечатлительнѣе и въ своемъ родѣ даже раздѣльнѣе нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, кои я, какъ одаренный умомъ и знаніемъ, образовывалъ чрезъ размышленіе или находилъ запечатлѣнными въ моей памяти, то мнѣ казалось, что не можетъ быть, чтобы эти чувственныя идеи происходили отъ меня самого. Оставалось поэтому, чтобы онѣ привходили ко мнѣ отъ другихъ какихъ-то вещей, а вслѣдствіе того, что кромѣ этихъ самыхъ идей я не получалъ больше ни откуда никакого познанія объ указанныхъ вещахъ, мнѣ не могло приходить на мысль что-нибудь другое, какъ только то, что эти идеи подобны вещамъ. Вспоминая при этомъ, что чувствомъ я пользовался раньше, чѣмъ разумомъ, и замѣчая, что идеи, которыя я самъ образовывалъ, уступаютъ въ живости и впечатлительности идеямъ, получаемымъ чрезъ чувства, и что весьма многія изъ первыхъ (идей) слагаются даже изъ частей послѣднихъ, я легко убѣждался, что у меня нѣтъ въ разумѣ рѣшительно ничего, чего бы прежде я не имѣлъ въ чувствахъ. Не безъ основанія также это тѣло, которое я называлъ моимъ по нѣкоторому особен-

ному праву, я считалъ принадлежащимъ мнѣ болѣе, чѣмъ что нибудь другое: я вѣдь никогда не могъ отдѣлиться отъ него, какъ отъ всего другого, въ немъ и чрезъ него я чувствовалъ всѣ позывы и волненія; наконецъ, въ его частяхъ, а не въ какихъ-то находящихся внѣ его, я ощущалъ боль и удовольствіе отъ щекотанія. Почему же изъ этого, не знаю какого, ощущенія боли возникала нѣкоторая душевная печаль, а изъ ощущенія щекотанія нѣкоторое удовольствіе, или почему это, не знаю какое, сосаніе въ желудкѣ, которое я называю голодомъ, побуждаетъ меня къ принятію пищи, а сухость въ глоткѣ къ питью и такъ далѣе—для этого я, конечно, не имѣлъ другого основанія, кромѣ того, что такъ указываетъ мнѣ природа, потому что нѣтъ рѣшительно ни какой связи (по крайней мѣрѣ которую я могъ бы понимать) между этимъ сосаніемъ и желаніемъ принять пищу или между ощущеніемъ причиняющей боль вещи и происходящимъ отъ этого ощущенія душевнымъ явленіемъ, называемымъ печалью. И относительно всего прочаго, что я думалъ объ объектахъ чувствъ, меня, казалось, научила природа, ибо я убѣдился, что это такъ, прежде чѣмъ взвѣсилъ основанія, которыми это именно доказывается. Впослѣдствіи многіе опыты мало по малу распатали все довѣріе, какое я имѣлъ къ чувствамъ. Я замѣтилъ, что иногда башни, которыя издали казались круглыми, вблизи оказывались четырехугольными, а стоящія на ихъ фронтонахъ громадныя статуи смотрящимъ съ земли представлялись небольшими. При помощи такихъ и другихъ подобныхъ наблюденій, я понялъ, что мои сужденія о вещахъ, подлежащихъ внѣшнимъ чувствамъ, бываютъ ложны, и не только, несомнѣнно, о вещахъ подлежащихъ внѣшнимъ чувствамъ, но и внутреннимъ. Какое чувство можетъ быть болѣе внутреннимъ, чѣмъ боль? И однако я слышала, нѣкогда отъ лицъ, у которыхъ была отнята нога, или рука, что имъ казалось, будто они еще иногда чувствуютъ боль въ недостававшей у нихъ части тѣла, такъ что оказывалось, что я не могу быть увѣренъ въ томъ, что у меня болить какой-нибудь органъ, хотя бы я чувствовалъ въ немъ боль. Къ этимъ двумъ общимъ причинамъ сомнѣнія я недавно (см. I разм.) прибавилъ и другія. Первая была та, что изъ

ощущаемаго мною когда-нибудь въ бодрственномъ состояніи, я не нашелъ ничего, чего не могъ бы, повидимому, чувствовать во снѣ, а такъ какъ я не вѣрю, чтобы то, что я, какъ мнѣ кажется, чувствую во снѣ, имѣло причину въ вещахъ внѣ меня находящихся, то я не вижу, почему я съ большимъ основаніемъ думалъ-бы это о томъ, что я, какъ мнѣ кажется, чувствую въ бодрственномъ состояніи. Вторая была та, что такъ какъ я еще не зналъ виновника моего происхожденія или по крайней мѣрѣ воображалъ, что не знаю Его, то я не видѣлъ никакого препятствія, въ силу котораго я по самой природѣ не могъ бы быть таковымъ, чтобы ошибаться даже въ томъ, что мнѣ представлялось самымъ истиннымъ. Что-же касается тѣхъ основаній, по которымъ я былъ раньше убѣжденъ въ истинности чувственныхъ вещей, то я отвѣчалъ на нихъ безъ затрудненія. Ибо такъ какъ оказывается, что природа побуждаетъ меня ко многому, отъ чего удерживаетъ разумъ, то я полагалъ, что не особенно должно довѣрять тому, чему учить она. И хотя бы воспріятія чувствъ не зависѣли отъ моей воли, однако поѣтому не слѣдуетъ, думалъ я, заключать, что они происходятъ отъ вещей отличныхъ отъ меня, такъ какъ можетъ и во мнѣ самомъ быть нѣкая способность—ихъ виновница, мнѣ еще пока неизвѣстная.—Теперь-же, послѣ того какъ я приобрѣлъ нѣкоторое познаніе о себѣ самомъ и о виновникѣ моего происхожденія, я думаю, что хотя не все изъ того, что я имѣю повидимому чрезъ чувства, должно слѣпо принимать, но и не все съ другой стороны должно подвергать сомнѣвію. И прежде всего такъ какъ я знаю, что все представляемое ясно и раздѣльно можетъ быть создано Богомъ именно такъ, какъ я это себѣ представляю, то достаточно, если я могу представить ясно и раздѣльно одну вещь безъ другой, чтобы быть увѣреннымъ, что одна дѣйствительно отлична отъ другой, ибо по крайней мѣрѣ Богомъ она можетъ быть создана особо. И чтобы считать ихъ различными, не важно, какая сила производитъ это различіе. Поѣтому изъ того самаго, что я убѣждалъ въ своемъ существованіи и что я въ то-же время не замѣчаю рѣшительно ничего другого относящагося къ моей природѣ или сущности, кромѣ того одного, что я вещь мысля-

щая, я правильно заключаю, что моя сущность въ томъ одномъ и состоитъ, что я вещь мыслящая. И хотя, можетъ быть (или лучше, какъ я скажу послѣ—несомнѣнно) я имѣю тѣло, тѣснѣйшимъ образомъ со мной соединенное, но такъ какъ я съ одной стороны имѣю ясную и раздѣльную идею о самомъ себѣ, какъ о вещи только мыслящей, не протяженной, а съ другой раздѣльную идею о тѣлѣ, какъ о вещи только протяженной, не мыслящей, то достовѣрно, что я на самомъ дѣлѣ отличенъ отъ моего тѣла и могу существовать безъ него.

Кромѣ того, я нахожу въ себѣ способности съ присущими имъ нѣкоторыми особыми способами познанія, разумѣю способность воображенія и чувствованія, безъ которыхъ я могу представлять ясно и раздѣльно себя, но не наоборотъ—не могу представить ихъ безъ меня, т. е. безъ субстанціи разумной, которой онѣ принадлежатъ, ибо по своему формальному понятію (*in suo formali conceptu*) онѣ заключаютъ нѣкоторую степень разумнѣнія, отсюда я вижу, что эти способности различаются отъ меня, какъ модусы отъ вещи. Я замѣчаю также нѣкоторыя другія способности, какъ то: перемѣнять мѣсто, принимать различныя положенія и под.; онѣ, конечно, не болѣе предъидущихъ могутъ быть поняты безъ нѣкоторой субстанціи, которой бы онѣ принадлежали, а потому и не могутъ существовать безъ нея. Но очевидно, что эти послѣднія способности, если онѣ, конечно, существуютъ, должны принадлежать субстанціи тѣлесной или првтяженной, а не разумной, потому что въ ясномъ и раздѣльномъ понятіи о нихъ содержится нѣкоторое протяженіе, но рѣшительно никакого разумнѣнія. Итакъ, безъ сомнѣнія есть во мнѣ нѣкоторая пассивная способность ощущенія или воспріятія и познанія идей чувственныхъ вещей, но я не могъ бы дать ей никакого приложенія, если бы не существовала или во мнѣ, или въ комъ-нибудь другомъ нѣкоторая активная сила произведенія или образованія идей. Эта активная сила, безспорно, не можетъ быть во мнѣ, такъ какъ не предполагаетъ рѣшительно никакого разумнѣнія, и идеи эти возникаютъ безъ всякаго моего участія и даже часто противъ воли. Остается такимъ образомъ ей быть въ нѣкоторой отличной отъ меня субстанціи, въ которой поэтому въ той же мѣрѣ

или преимущественной должна находиться вся реальность, заключающаяся объективно въ произведенныхъ этою силою идеяхъ. (Какъ я выше замѣтилъ), эта субстанція есть или тѣло, т. е., тѣлесная природа, въ которой содержится, конечно, формально все то, что въ идеяхъ объективно, или это Богъ, или какое нибудь твореніе болѣе высокое чѣмъ тѣло, въ которомъ объективное содержаніе идей заключается въ избыточествующей степени. Но Богъ не можетъ вводить въ обманъ, поэтому ясно, что онъ не посылаетъ этихъ идей непосредственно отъ себя или чрезъ посредство даже какого нибудь (высшаго) творенія, въ которомъ объективная ихъ реальность содержится не формально, но только въ избыточествующей степени. Ибо такъ какъ Онъ не далъ мнѣ никакой способности узнать такой источникъ идей, а напротивъ далъ сильную склонность вѣрить, что эти идеи происходятъ отъ тѣлесныхъ вещей, то я не вижу, почему можно было бы не считать Его обманывающимъ, если бы идеи происходили не отъ тѣлесныхъ вещей, а отъ какого-нибудь другого источника. Поэтому тѣлесныя вещи существуютъ. Можетъ быть, однако, что не всѣ онѣ существуютъ совсѣмъ такими, какими ихъ представляютъ мнѣ чувства, потому что это чувственное свидѣтельство въ большинствѣ очень темно и смутно; но по крайней мѣрѣ въ нихъ есть все, что я представляю ясно и раздѣльно, это—всеобщее, служащее предметомъ чистой математики.

Что же касается до остальнаго, что оказывается или только частностями, какъ напр., солнце имѣетъ такую величину или фигуру и под., или что оказывается менѣе ясно представляемымъ, какъ свѣтъ, звукъ, боль и под., то хотя все это весьма сомнительно и недостоверно, однако то обстоятельство, что Богъ не обманываетъ и что поэтому не можетъ быть, чтобы въ моихъ мнѣніяхъ оказалась какая-нибудь ложь, если бы во мнѣ не было никакой способности, данной Богомъ для избѣжанія ея, подаетъ мнѣ вѣрную надежду на достиженіе истины даже въ такихъ вещахъ. И нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что все, чему научаетъ меня природа, заключаетъ въ себѣ нѣчто истинное. Ибо подъ природой, рассматриваемой вообще, я теперь разумѣю не что иное, какъ или самого Бога, или уста-

новленный Богомъ порядокъ сотворенныхъ вещей, а подъ своей природой въ частности—не иное что, какъ совокупность всего того, чѣмъ меня надѣлилъ Богъ. Яснѣе-же всего эта природа меня учитъ тому, что я имѣю тѣло, которое терпитъ страданіе, когда я испытываю голодъ, жажду и под., и потому я не долженъ сомнѣваться въ томъ, что здѣсь есть нѣчто истинное.—Природа чрезъ это ощущеніе боли, голода, жажды и пр. указываетъ мнѣ, что я не только нахожусь въ моемъ тѣлѣ какъ кормчій въ кораблѣ, но что я столь тѣсно соединенъ и какъ бы смѣшанъ съ тѣломъ, что составляю съ нимъ одно цѣлое. Въ противномъ случаѣ, когда тѣло мое ранено, я, если бы былъ исключительно мыслящею вещью, не чувствовалъ-бы отъ этого боли, но узнавалъ бы объ этой ранѣ однимъ разумомъ, какъ кормчій узнаетъ зрѣніемъ, если что-нибудь ломается на кораблѣ. И когда мое тѣло имѣетъ нужду въ пищѣ и питьи, то я объ этомъ имѣлъ бы ясное познаніе, а не смутныя ощущенія голода и жажды. Ибо ощущенія эти—голода, боли и пр. суть не иное что, какъ нѣкоторыя смутныя модусы познанія, происходящія отъ соединенія и какъ бы смѣшенія души съ тѣломъ.—Кромѣ того, природа учитъ меня, что кругомъ моего тѣла существуютъ другія тѣла; изъ нихъ къ нѣкоторымъ я долженъ стремиться, другихъ избѣгать. И изъ того, что я ощущаю весьма различныя цвѣта, звуки, запахи, вкусы, теплоту, твердость и под., я вполне правильно заключаю, что и въ тѣлахъ, отъ коихъ происходятъ эти разнообразныя чувственныя воспріятія, есть нѣкоторыя различія, соответствующія послѣднимъ, хотя можетъ быть и не похожія на нихъ. А изъ того, что нѣкоторыя изъ этихъ чувственныхъ воспріятій пріятны, другія-же—непріятны, становится вполне яснымъ, что тѣло мое, или лучше весь я, какъ состоящій изъ тѣла и души, могу испытывать отъ окружающихъ меня тѣлъ благопріятныя или неблагопріятныя вліянія.—Есть и многое другое, чему я повидимому наученъ природой, а въ дѣйствительности получаю отъ нѣкоторой привычки необдуманно составлять сужденіе, почему оно часто оказывается ложнымъ. Таково мнѣніе о томъ, что всякое пространство, въ которомъ не оказывается рѣшительно ничего дѣйствующаго на мои чувства, пусто; что въ тѣ-

лѣ, напр., тепломъ есть нѣчто вполне похожее на идею теплоты, которая у меня есть; что въ бѣломъ или зеленомъ тѣлѣ есть тотъ-же ощущаемый мною бѣлый или зеленый цвѣтъ, въ горькомъ или сладкомъ тотъ-же вкусъ и такъ далѣе; что и звѣзды, и башни, и всякія другія отдаленныя тѣла имѣютъ только такую величину и фигуру, какая представляется моимъ чувствамъ, и т. под. Чтобы въ этомъ вопросѣ не оказалось для меня чего-нибудь недостаточно яснаго, я долженъ точнѣе опредѣлить, что собственно я разумѣю, когда говорю, что меня чему-нибудь учитъ природа. Природу я здѣсь беру въ болѣе узкомъ смыслѣ, именно какъ совокупность всего того, чѣмъ я надѣленъ отъ Бога. Въ этой совокупности заключается многое, что относится къ одному только уму, какъ, напр., что я воспринимаю, какъ совершившееся не можетъ быть не совершившимся, и все прочее, что открывается естественному разумѣнію, о чемъ я здѣсь не веду рѣчи. Многое относится къ одному только тѣлу, — что оно, напр., тяготѣетъ книзу и под., о чемъ я тоже не говорю. Я имѣю въ виду только то, чѣмъ надѣленъ отъ Бога я, какъ состоящій изъ души и тѣла. Вотъ эта именно природа и научаетъ меня избѣгать всего, причиняющаго чувство боли, и стремиться ко всему, доставляющему чувство удовольствія. Но не видно, чтобы она насъ научала, кромѣ того дѣлать изъ этихъ чувственныхъ воспріятій безъ предварительнаго изслѣдованія разумомъ какія-нибудь заключенія о вещахъ внѣ насъ находящихся, такъ какъ знать истину о нихъ принадлежитъ повидимому, одному только уму, а не всему составу природы человѣка. Такимъ образомъ хотя всякая звѣзда не болѣе дѣйствуетъ на мой глазъ, чѣмъ пламя незначительной свѣчки, однако нѣтъ во мнѣ никакой реальной или положительной склонности вѣрить, что звѣзда дѣйствительно не болѣе этого пламени, но такъ безъ разсужденія я привыкъ думать съ малыхъ лѣтъ; и хотя подходя къ огню, я чувствую теплоту, а подходя къ нему очень близко, чувствую даже боль, однако на самомъ дѣлѣ нѣтъ никакого убѣдительнаго основанія приписывать огню что-нибудь похожее на эту теплоту, равно какъ и на эту боль, но только, безспорно, въ немъ есть нѣчто, что бы это ни было, что производитъ въ насъ это чувство

теплоты и боли. И хотя въ какомъ-нибудь пространствѣ нѣтъ ничего, дѣйствующаго на мои чувства, однако отсюда не слѣдуетъ, что въ немъ нѣтъ никакого тѣла. Изъ этого я вижу только, что въ этихъ и во множествѣ другихъ случаевъ я привыкъ извращать порядокъ природы. Именно: чувственныя воспріятія даны природой собственно только для того, чтобы душа могла различать вещи, благопріятствующія тому сложному цѣлому, котораго часть она составляетъ, и неблагопріятствующія, и для этой цѣли чувственныя воспріятія оказываются ясными и раздѣльными, а я пользуюсь ими какъ надежными руководителями для распознаванія, въ чемъ состоитъ сущность находящихся вѣ насъ вещей, относительно чего они даютъ неясныя и самыя смутныя указанія.

Раньше я уже достаточно рассмотрѣлъ, какимъ образомъ, безъ противорѣчія благости Божіей, сужденія мои могутъ оказываться ложными. Здѣсь же возникаетъ новое подобное затрудненіе относительно именно того, къ чему по указанію природы я долженъ стремиться и чего избѣгать, а также и относительно внутреннихъ чувствъ, въ которыхъ я, кажется, замѣтилъ ошибки, такъ, напр., когда кто-нибудь, обманутый пріятнымъ вкусомъ пищи, принимаетъ скрытый въ ней ядъ. Правда, въ такомъ случаѣ каждый побуждается природою только къ тому, что въ чемъ имѣетъ пріятный вкусъ, а не къ яду, о которомъ рѣшительно ничего не знаетъ, и отсюда ничего другого нельзя вывести, какъ только то, что сама эта природа не всевѣдуща, что нисколько не удивительно, ибо такъ какъ человѣкъ есть существо ограниченное, то ему и соотвѣтствуютъ лишь ограниченныя совершенства. Но вѣдь нерѣдко мы ошибаемся въ томъ, къ чему именно и побуждаетъ насъ природа, такъ бываетъ, когда, напр. больные стремятся къ питью и пищѣ, которыя чрезъ нѣкоторое время принесутъ имъ вредъ. Можетъ быть, здѣсь возможно возразить, что таковые ошибаются потому, что природа ихъ разстроена. Но это не устраняетъ затрудненія, ибо больной человѣкъ на столько же несомнѣнно, есть твореніе Божіе, какъ и здоровый, и поэтому настолько же невозможно ему, повидимому, имѣть отъ Бога обманывающую природу. Какъ часы, составленные изъ колесъ

и гирь, не менѣе точно исполняютъ всѣ законы природы и въ томъ случаѣ, когда они плохо сдѣланы и неправильно показываютъ время, какъ и въ томъ, когда они во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяютъ желаніямъ мастера; такъ точно должно быть, если я рассматриваю тѣло человѣка какъ нѣкоторый механизмъ, такимъ образомъ приспособленный и составленный изъ костей, нервовъ, мускуловъ, венъ, крови и кожи, чтобы онъ, даже при отсутствіи въ немъ всякаго ума, имѣлъ однако всѣ тѣ самыя движенія, какія въ немъ происходятъ и теперь безъ вліянія воли и потому безъ участія размышленія. Я легко вижу, что для такого механизма будетъ одинаково естественно, какъ то, если онъ, страдая, напр., водянкою, испытываетъ ту сухость въ глоткѣ, которая обыкновенно сказывается для души ощущеніемъ жажды, и отъ этого его нервы и прочія части приходятъ въ такое состояніе, что онъ принимаетъ питье, и чрезъ то лишь увеличиваетъ болѣзнь, такъ и то, если, при отсутствіи въ немъ всякой такой болѣзни, подобно сухостью глотки онъ побуждается къ принятію полезнаго для себя питья. И хотя, имѣя въ виду предназначеніе часовъ, я могу сказать, что неправильно показывающіе время часы уклоняются отъ своей природы; хотя, равнымъ образомъ, рассматривая механизмъ человѣческаго тѣла, какъ приспособленный къ движеніямъ, въ немъ обыкновенно происходящимъ, я думаю, что онъ также не слѣдуетъ своей природѣ, если въ его глоткѣ бываетъ сухость въ то время, какъ питье не благопріятствуетъ его сохраненію; однако я хорошо замѣчаю, что это послѣднее пониманіе природы много разнится отъ того другого. Послѣднее есть не что иное, какъ только названіе (*denominatio*), зависящее отъ моего мышленія, которое сравниваетъ человѣка болѣзнаго и часы плохо сдѣланные съ идеей человѣка здороваго и часовъ хорошо устроенныхъ, и потому внѣшнее по отношенію къ вещамъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Подъ природою-же въ томъ другомъ смыслѣ я разумѣю то, что дѣйствительно находится въ вещахъ и потому до извѣстной степени истинно. Впрочемъ, хотя по отношенію къ тѣлу, страдающему водянкою, пусть будетъ внѣшнимъ названіемъ, когда говорится что природа его испорчена, по той причинѣ, что у него является сухость въ глоткѣ въ то время, какъ оно не нуждается въ питьи, но по

отношенію къ цѣлому составу человѣческой природы, или душѣ, соединенной съ такимъ тѣломъ, то обстоятельство, что послѣднее жаждетъ въ то время, какъ питье должно принести ему лишь вредъ, не будетъ простымъ названіемъ, а настоящей ошибкой природы. Поэтому здѣсь остается изслѣдовать, какимъ образомъ благодѣяніе Божіе не воспрепятствуетъ въ этомъ смыслѣ понимаемой природѣ быть обманчивою.

Прежде всего я здѣсь обращаю вниманіе на то, что есть большая разница между душою (умомъ) и тѣломъ въ томъ, что тѣло по природѣ своей всегда дѣлимо, душа-же совершенно недѣлима, ибо безспорно, когда я разсматриваю ее или меня самого, какъ вещь только мыслящую, я не могу различать въ себѣ никакихъ частей, но понимаю, что я вещь совершенно единая и цѣльная. И хотя, повидимому вся душа соединена со всѣмъ тѣломъ, однако я не замѣчаю, чтобы она что-нибудь теряла съ отнятіемъ ноги или руки или какой угодно другой части. Даже способности желанія, чувствованія, разумѣнія и прочія не могутъ быть названы ея частями, потому что одна и та же душа желаетъ, чувствуетъ и разумѣетъ. Напротивъ того, никакая тѣлесная или протяженная вещь не можетъ быть мыслима мною безъ того, чтобы я вмѣстѣ съ тѣмъ легко не раздѣлялъ ее своимъ мышленіемъ на части и не представлялъ ее поэтому самому дѣлимой. Этого одного было-бы достаточно, чтобы я убѣдился въ совершенномъ отличіи души отъ тѣла, если бы относительно этого ничего иного и не зналъ. Далѣе, я обращаю вниманіе на то, что душа подвержена вліянію не каждой части тѣла непосредственно, но одного мозга или даже, можетъ быть, незначительной его части, именно той, въ которой, какъ говорятъ, находится „общее чувствилище“ (*sensus communis*). Всякій разъ какъ послѣднее находится въ одномъ и томъ же состояніи, и въ душѣ происходитъ одно и то же, хотя бы прочія части тѣла находились въ это время въ различныхъ состояніяхъ: что доказываютъ безчисленные опыты, перечислять которые здѣсь нѣтъ нужды. Обращаю вниманіе также еще, что природа тѣла такова, что ни одна его часть не можетъ быть приведена въ движеніе другою нѣскольکو отдаленною частью, безъ того, чтобы еще она не могла быть приведена въ такое-

же движеніе лубою изъ промежуточныхъ частей, хотя бы та, болѣе отдаленная, часто оставалась въ бездѣйствіи. Такъ, напр. если канаты а, b, с, d тянуть за послѣднюю его часть d, то первая его часть а будетъ двигаться такимъ же самымъ образомъ, какъ она могла бы двигаться, если бы тянули за одну изъ промежуточныхъ b или с, а послѣдняя d оставалась неподвижною. Равнымъ образомъ, когда я чувствую боль въ ногѣ, то физика меня учитъ, что это чувство производится посредствомъ разбѣянныхъ по ногѣ нервовъ, которые оттуда протянуты къ мозгу на подобіе канатовъ. Когда ихъ тянуть въ ногѣ, то тянуть также и внутреннія части мозга, до которыхъ нервы достигаютъ, и возбуждаютъ въ нихъ нѣкоторое движеніе, установленное природою для того, чтобы душа испытала чувство боли, какъ бы въ ногѣ находящееся. Но такъ какъ эти нервы, чтобы дойти отъ ноги до мозга, должны проходить по голени, бедру, крестцу, спинѣ и шеѣ, то можетъ случиться, что какая-нибудь изъ указанныхъ промежуточныхъ частей, хотя бы при этомъ къ находящейся въ самой ногѣ части нервовъ и не прикасались, произведетъ въ мозгу совершенно то-же самое движеніе, какое бываетъ при страданіи ноги; и вотъ вслѣдствіе этого необходимо произойдетъ то, что душа почувствуетъ ту-же самую боль. Это-же нужно думать и о всякомъ другомъ чувствѣ.—Наконецъ, я обращаю вниманіе на то, что такъ какъ каждое движеніе, происходящее въ той части мозга, которая непосредственно дѣйствуетъ на душу, возбуждаетъ въ ней только одно какое-нибудь чувство, то нельзя ничего лучшаго представить въ этомъ случаѣ, какъ если оно возбуждаетъ именно то чувство, которое изъ всѣхъ возможныхъ наиболѣе и найчаще способствуетъ сохраненію здороваго человѣка. Опытъ свидѣтельствуетъ, что таковы всѣ чувства, дарованная намъ природою, и потому въ нихъ нельзя найти рѣшительно ничего, что-бы не говорило о могуществѣ и благодати Божіей. Такимъ образомъ когда, напримѣръ, находящіеся въ ногѣ нервы чрезмѣрно и необычайно приводятся въ движеніе, то это ихъ движеніе, достигая чрезъ мозгъ спинного хребта, до внутреннихъ частей головного мозга, здѣсь даетъ душѣ поводъ къ какому нибудь чувству, именно къ чувству боли въ

ногѣ; а этимъ душа побуждается удалить, насколько это въ ея силахъ, причину этой боли, какъ опасную для ноги. Богъ могъ бы, конечно, устроить природу человѣка такъ, чтобы указанное движеніе въ мозгу говорило душѣ о чемъ нибудь другомъ, напримѣръ, о себѣ самомъ, какъ находящемся въ мозгу или въ ногѣ, или въ какомъ нибудь изъ промежуточныхъ мѣстъ, или наконецъ, о чемъ бы то ни было другомъ. Но ничто подобное не служило бы въ равной мѣрѣ сохраненію тѣла. Равнымъ образомъ когда мы имѣемъ потребность пить, то происходитъ отсюда нѣкоторая сухость въ глоткѣ, приводящая въ движеніе ея нервы, а посредствомъ ихъ и болѣе внутреннія части мозга. Это движеніе возбуждаетъ въ душѣ чувство жажды, такъ какъ ничто въ этомъ случаѣ не можетъ быть намъ болѣе полезно, какъ знать, что намъ нужно питье для сохраненія здоровья.—Изъ всего сказаннаго ясно, что природа человѣка, какъ состоящая изъ души и тѣла, безъ противорѣчія высочайшей благости Божіей, можетъ иногда ошибаться. Ибо если совершенно то же самое движеніе (въ мозгу), какое обыкновенно возникаетъ при страданіи ноги, возбуждается причиной, находящейся не въ ногѣ, но въ какой-нибудь изъ частей, чрезъ которыя проходятъ нервы отъ ноги къ мозгу, или даже въ самомъ мозгу, то боль будетъ чувствоваться какъ-бы въ ногѣ, и ощущеніе естественно будутъ обманывать. Но такъ какъ указанное движеніе въ мозгу можетъ вызывать въ душѣ всегда одно и то же ощущеніе и гораздо чаще происходитъ отъ причины, поражающей ногу, чѣмъ отъ всякой другой дѣйствующей въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, то вполне согласно съ разумомъ, чтобы оно всегда говорило о чувствѣ боли скорѣе въ ногѣ, чѣмъ въ какой-нибудь другой части. И если когда-нибудь сухость въ глоткѣ происходитъ не оттого, какъ это бываетъ обыкновенно, что питье благопріятствуетъ здоровью, но по нѣкоторой противоположной причинѣ, какъ это бываетъ у больного водяжкой, то гораздо лучше, что эта сухость обманываетъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, чѣмъ если бы напротивъ она обманывала всегда, когда тѣло находится въ хорошемъ состояніи. И такъ нужно думать о прочихъ случаяхъ. Сдѣланное обсужденіе весьма полезно не только потому, что я вижу всѣ ошибки, кото-

рымъ подвержена моя природа, но и легко могу или исправлять ихъ, или избѣгать. Ибо такъ какъ я знаю, что всѣ чувства гораздо чаще говорятъ истину, чѣмъ ложь, о томъ, что служить благополучію тѣла, и для провѣрки этого могу пользоваться почти всегда весьма многими изъ нихъ, и сверхъ того памятью, которая связываетъ настоящее съ прошедшимъ, и разумомъ, который только что разсмотрѣлъ всѣ причины ошибокъ, то, конечно, я болѣе не долженъ бояться, что ложно то, о чемъ мнѣ ежедневно говорятъ чувства, и преувеличенныя сомнѣнія предшествующихъ дней, должны быть брошены, какъ достойныя посмѣванія. Особенно это должно сказать о томъ величайшемъ сомнѣніи, когда я не отличалъ сна отъ бодрственнаго состоянія, ибо я теперь вижу, что между тѣмъ и другимъ громадное различіе въ томъ, что сновидѣнія не связываются памятью со всѣми прочими актами жизни, подобно явленіямъ бодрственнаго состоянія. Конечно, если кто-нибудь явится мнѣ въ бодрственномъ состояніи вдругъ и тотчасъ послѣ этого исчезнетъ, при чемъ, разумѣется такъ, чтобы я не видѣлъ, какъ это бываетъ во снѣ, ни откуда онъ пришелъ, ни куда ушелъ, то я счелъ бы скорѣе его привидѣніемъ, призракнымъ представленіемъ, возникшимъ въ моемъ мозгу, чѣмъ дѣйствительнымъ человѣкомъ. Когда же происходятъ такія вещи, о которыхъ я раздѣльно вижу, почему, гдѣ и когда онѣ со мной случаются, и воспріятіе которыхъ я безъ всякаго перерыва поставляю въ связь со всей остальной жизнью, то я вполне увѣренъ, что онѣ происходятъ со мной не во снѣ, а наяву. И я не долженъ ничуть сомнѣваться въ ихъ истинности, если, послѣ того какъ я призывалъ всѣ чувства, память и разумъ для провѣрки ихъ, ни одинъ изъ этихъ критеріевъ не открываетъ ничего, противорѣчащаго показаніямъ другихъ. Ибо изъ того, что Богъ не обманываетъ, слѣдуетъ, что я въ такихъ случаяхъ не ошибаюсь нисколько. А такъ какъ требованія житейской практики не всегда допускаютъ необходимой для такой строгой провѣрки медлительности, то должно сознаться, что жизнь человѣческая въ частныхъ случаяхъ подвержена частымъ ошибкамъ, и признать слабость нашей природы.

С. М.

Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе въ истинной церкви.

(Продолженіе *).

О Т Д Ъ Л Ъ П-й.

Распространеніе Откровенія въ богоизбраннаго народа по въѣблѣйскимъ свидѣтельствамъ.

Г Л А В А 1-я.

Слѣды знанія сверхъестественнаго откровенія въ языческомъ мірѣ (съ древнѣйшихъ временъ до эпохи греческаго владычества).

Богооткровенная исторія рода человѣческаго раскрываетъ, что все человѣчество *едимо* по своему происхожденію въ самомъ точномъ и строгомъ смыслѣ этого слова (отъ единыя крови. Дѣян. XVII сн. Быт. 1 и 2), что все оно создано по образу Божію, что всему ему первоначально были дарованы средства для того, чтобы вести борьбу съ змѣемъ, все оно призывалось къ покаянію, когда вступило на путь пороковъ и преступленій (VI Быт.), что даже и величайшіе преступники были предметомъ особаго божественнаго смотрѣнія и промышленія (Быт. IV, 15), и что наконецъ все человѣчество участвуетъ въ завѣтѣ Божіемъ (Быт. IX, 9—16). Но непосредственно за установленіемъ этихъ истинъ божественное откровеніе неожиданно представляетъ человѣчество раздробившимся на множество отдѣльныхъ и обособленныхъ народовъ, говорящихъ различными языками, имѣющихъ различныя религіи, жи-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 19.

вущихъ въ различныхъ условіяхъ и имѣющихъ различныя нравы. Такимъ является человѣчество и въ изслѣдованіяхъ человѣческихъ. Какъ глубоко эти изслѣдованія ни заходятъ въ древность, они находятъ человѣчество раздробленнымъ, множественнымъ, разновѣрующимъ и разноговорящимъ. Однако всякій вѣрующій мыслитель обязанъ принять, что этому процессу раздробленности предшествовало единство, что переходъ отъ единства къ множеству могъ быть только постепеннымъ, и что слѣды первоначальнаго единства должны были оставаться у народовъ и послѣ того; какъ они раздѣлились и разъединились. Если всѣ эти народы на всѣхъ путяхъ ихъ жизни должно было преслѣдовать проклятіе Адамово, то вмѣстѣ за ними должны были слѣдовать и благословія, данныя Адаму, и все прошлое ихъ отцовъ. Съ прошлымъ сразу порываютъ только на словахъ. Исходя изъ этихъ соображеній, уже давно многіе благомыслящіе писатели пытались отыскивать въ памятникахъ разныхъ народовъ слѣды ихъ первоначальной принадлежности къ общему корню человѣчества и слѣды знанія ими первоначальныхъ откровеній данныхъ Богомъ человѣчеству. Въ христіанской богословской наукѣ такое направленіе существовало съ самаго возникновенія христіанскаго богословія до настоящихъ дней. Въ XVIII—XIX столѣтіяхъ это направленіе работало болѣе или менѣе научную теорію первоначальнаго монотеизма. Ходъ религіозныхъ судебъ человѣчества—по этой теоріи—былъ таковъ. Сначала—истинное богопознаніе и богочитаніе, затѣмъ потемнѣніе и искаженіе того и другаго, умноженіе суевѣрій и нечестія, порождавшее постепенно новыя божества, и пожиравшее и уничтожавшее истинный смыслъ и духъ религіозныхъ истинъ и заповѣдей. Что эта теорія соответствуетъ дѣйствительности, мы не сомнѣваемся въ этомъ: что въ Библии имѣется много указаній ея подтверждающихъ, что она согласна съ наиболѣе возвышенными и благородными представленіями о Богѣ и человѣкѣ, это мы старались показать по мѣрѣ своихъ силъ. Но за всѣмъ тѣмъ мы съ своей стороны признаемъ, что результаты изученія древнѣйшихъ памятниковъ духовной жизни человѣчества, доселѣ не дали силь-

ныхъ аргументовъ въ защиту этой теоріи, что несомнѣнныхъ слѣдовъ первобытнаго монотеизма не удалось никому найти въ древнѣйшихъ вѣрованіяхъ Ассиро-Вавилоніи и Египта, Персіи, Китая, Индіи, Греціи и Рима.

Мы склонны думать, что, исходя изъ указаній, даваемыхъ божественнымъ откровеніемъ, и должно было напередъ предвидѣть, что такъ неудовлетворительны будутъ результаты попытокъ исканія слѣдовъ откровенія у древнихъ языческихъ народовъ. Тѣ, которые отдѣлялись или стремились отдѣлиться отъ корня человѣчества, въ Библии характеризуются нечестіемъ. Они уходили отъ лица Господня, и если они и уносили съ собою привычки, взгляды и убѣжденія своихъ предковъ, то мнѣе всего они уносили съ собою отъ нихъ религію. Такъ было не всегда, но такъ бывало повидиму преимущественно. Затѣмъ, древнѣйшіе литературные памятники написаны совсѣмъ не на тѣхъ языкахъ, на которыхъ написаны древнѣйшія страницы откровенія. Что показываетъ это? Что между раздѣленіемъ народовъ и древнѣйшими памятниками ихъ письменности лежитъ большой промежутокъ времени. Мы имѣли уже случай говорить и приводить примѣры того, какъ сравнительно быстро забываются преданія и вѣрованія у народовъ некультурныхъ, уходящихъ съ своей родины ¹⁾. Въ глубокой древности все это должно было совершаться гораздо быстрѣе, потому что новыя условія жизни захватывали человѣка гораздо болѣе могущественно, чѣмъ теперь. Библия представляетъ намъ міръ во дни Авраама уже разединеннымъ, а во дни Моисея и Иисуса Навина Ханаанъ оказывается уже „богами иными“. Между тѣмъ древнѣйшіе литературные памятники въ общемъ несравненно позднѣйшаго времени, чѣмъ время Моисея и Иисуса.

Между эпохою еврейскихъ вождей и древнѣйшими памятниками духовной жизни Китая и Индіи несомнѣнно лежитъ цѣлое тысячелѣтіе. Въ послѣднее время стали склоняться къ мысли, что китайская цивилизація—вавилонскаго происхожденія. Это утверждаетъ вмѣстѣ съ другими ориенталистами Терриенъ де Лакупери (Terrien de Lacouperie). Указываютъ, что

¹⁾ Въ изслѣдованіи „О происхожденіи и первобытномъ состояніи рода человѣческаго“. Часть II, гл. II.

письмо, языкъ и культура китайскаго народа свидѣтельству-
ютъ о его родствѣ и зависимости отъ жителей береговъ Ев-
фрата ¹⁾. Мы думаемъ, что это воззрѣніе отвѣчаетъ правдѣ.
Но между временемъ эмиграціи вавилонскихъ колонистовъ въ
Китай и священными книгами Китая лежитъ слишкомъ боль-
шой промежутокъ. Никто не возводитъ древность китайскихъ
книгъ далѣе Конфуція, а время жизни Конфуція далѣе VI
стол. до Р. Х. Никто серьезно не вѣритъ даже и въ эту по-
слѣднюю дату. Правда, древнѣйшія воззрѣнія Китая, по мнѣ-
нію многихъ, носятъ монотеистическій характеръ. Они будто
бы почитали единаго Шангъ-ти (Шангъ—высшій, ти—влады-
ка). Но если это и правда, то на этотъ фактъ должно смо-
трѣть скорѣе какъ на доселѣ не разъясненную психологическую
и историческую загадку, чѣмъ какъ на доказательство сохра-
ненія китайцами истинъ, возвѣщенныхъ Адаму и Ною. Гово-
римъ: психологическую. Духовная жизнь Китая и особенно
религіозная жизнь имѣетъ много особенностей, для которыхъ
трудно найти параллели въ жизни другихъ народовъ. Но вмѣ-
стѣ говоримъ: и историческую, потому что китайскій истори-
ческій источникъ (Топ-Kieng-Kang-Му, которымъ потомъ вос-
пользовался P. de Mailla для l'histoire generale de la Chine) пред-
ставляетъ намъ возникновеніе почитанія единаго Шангъ-ти не
какъ первоначальный моментъ исторіи, а относитъ его ко вре-
мени императора Гоангти (не перваго). Такое обращеніе къ
почитанію единаго Бога отъ многобожія не единичный при-
мѣръ въ исторіи. Подобное было въ Египтѣ при Амень-го-
тенѣ IV. Ни тамъ, ни здѣсь мы не знаемъ всѣхъ обстоятельствъ
дѣла. Но несомнѣнно, что ни тамъ, ни здѣсь, эти религіозныя
революціи не были результатомъ (революція есть разрушеніе
сохраняемаго) сохраненія первоначальнаго откровенія, а, мо-
жетъ быть, были результатомъ философскаго развитія, можетъ
быть, истины монотеизма были занесены странствовавшими по
землѣ почитателями истиннаго Бога, можетъ быть, здѣсь дѣй-
ствовали какія-либо политическія комбинаціи? Мы не знаемъ
этого. Какъ по понятной причинѣ не отысканы несомнѣнные

¹⁾ Шантени. Истор. религ. Русск. перев. Т. I, стр. 53—54, Hommel, Geschich-
d. alt. Morgenland. S. 7. У насъ покойный Георгіевскій.

слѣды первоначальнаго откровенія у китайцевъ, такъ еще болѣе понятно, что трудно найти таковыя у индусовъ. О китайцахъ полагаютъ, что они связаны съ Вавилоніей. Но Вавилонія—мѣсто первоисторіи человѣчества. Здѣсь, конечно, скорѣе возможно сохраненіе древнѣйшихъ преданій. Но индусы? Это—народъ арійскаго племени. Не извѣстна прародина этого народа, и неизвѣстно, когда индусы, оставивъ эту прародину, спустились къ югу отъ Гиммалаевъ. Ихъ языкъ пережилъ нѣсколько фазъ въ своемъ развитіи. Ихъ священныя пѣсни въ теченіе столѣтій распѣвались и передавались отъ одного поколѣнія къ другому устно. Образование ведъ, современный французскій индіанистъ Бергенъ (Bergaigne) полагаетъ, произошло въ періодъ, не восходящій далѣе 1000 лѣтъ до Р. Х. М. Мюллеръ—тоже знатокъ санскрита—не идетъ далѣе 1200 года до Р. Х., какъ начальнаго для образованія ведъ. Но хронологію ведъ установить въ дѣйствительности очень трудно, потому что индусы не завѣщали намъ какихъ-либо историческихъ вѣхъ. Ихъ древнѣйшія историческія записи (надписи Асоню) относятся къ половинѣ третьяго столѣтія до Р. Х.

Другіе арійскіе народы—греки, римляне, германцы въ дѣйствительности еще долѣе индусовъ жили во мракѣ, въ некультурномъ состояніи и потому естественно должны были забыть прошлое первочеловѣчества. Индусы если и не заносили переживаемыхъ ими событій на страницы исторіи, имѣли исторію, создали культуру и религіозныя ученія гораздо равнѣ другихъ арійскихъ племенъ. За VI в. до Р. Х. здѣсь уже являются буддизмъ и джайнизмъ—религіозныя движенія, предполагающія за собою долгое историческое прошлое. Древнѣйшіе остатки духовной дѣятельности грековъ, это—троянская и микенская культуры. Троянская характеризуется чрезвычайно низкимъ развитіемъ и грубымъ идолопоклонствомъ. Микенская культура значительно выше троянской. Но на ней видно сильное вліяніе востока, и предметы искусства египетскаго происхожденія, найденныя при микенскихъ раскопкахъ датируютъ тысячелѣтіе до Р. Х. Если египтяне къ этому времени основательно забыли, откуда и когда они вышли на нильскую долину, то тѣмъ менѣе могли это помнить греки, жившіе передъ тѣмъ жизнью

номадовъ и только что начинавшіе осѣдлую жизнь на Пелопоннесѣ.

Римляне получили духовное наслѣдство отъ Греціи. Римъ возникъ около половины VIII вѣка, и въ теченіе пяти столѣтій послѣ этого римляне не имѣли литературы. Древнѣйшіе римскіе анналы, которые велись жрецами по годамъ, всѣ погибли (нашествіе галловъ въ IV в. до Р. Х., кажется, погубило древнѣйшіе историческіе памятники), прошлое римлянъ въ значительной мѣрѣ создали греки. Понятно, что они не могли дать больше, чѣмъ имѣли сами. Германцы вступили на арену исторіи послѣ римлянъ, и въ ихъ древнѣйшихъ литературныхъ памятникахъ не только нельзя искать слѣдовъ первобытнаго откровенія, но даже и до-христіанскаго чистаго арійскаго язычества. Ихъ саги прошли черезъ христіанскую цензуру и были записаны уже въ христіанское время. Въ этомъ сознаются сами нѣмцы ¹⁾.

Остается еще одинъ арійскій народъ—персы. Религіозныя сказанія ихъ несомнѣнно отголосокъ библейскихъ повѣствованій, но они, по нашему мнѣнію, не отзвукъ первоначальнаго откровенія, а позднѣйшее заимствованіе. Такъ какъ такое положеніе нельзя выставить безъ основаній, то мы и попытаемся ихъ представить ниже, когда будемъ говорить не о сохраненіи нѣкоторыхъ первоначальныхъ истинъ откровенія, а о распространеніи откровенія евреями среди другихъ народовъ.

Остальные культурные народы древности—египтяне и ассириававилоняне. О древнѣйшемъ монотеизмѣ египтянъ, о слѣдахъ у нихъ первобытнаго откровенія доселѣ еще говорятъ нѣкоторые богословы, и египтологи (напримѣръ Riog). Но если такъ, то тѣмъ болѣе такіе слѣды должно искать въ Вавилоніи. Какъ египетская почва носить азіатскій, а не африканскій характеръ, такъ египетское поселеніе—это рядъ послѣдовательныхъ азіатскихъ иммиграцій въ Африку. То же и съ культурой. Древнѣйшая религія, письмо, астрономія, метрологія и архитектура,—все въ Египтѣ указываетъ на Вавилонію. Древнѣйшіе вавилонскіе храмы, имѣвшіе семь ступеней и служив-

¹⁾ Koch, Geschich. d. deutschen Litteratur. 1897.

шіе также мѣстами погребеній, это—первообразъ для египетскихъ семиступенныхъ пирамидъ. Египетскій фунтъ произошелъ изъ вавилонской серебряной мины, египетскій локоть изъ вавилонскаго (опредѣленнаго по длинѣ секунднаго маятника, что недавно Леманъ въ Берлинѣ убѣдительнѣйше доказалъ см. Номмел'я S. 54); основанія египетской астрономіи указываютъ на Вавилонію и наконецъ цѣлый рядъ египетскихъ письменныхъ знаковъ, каковы: іероглифы для понятій „жизнь, братъ, рабъ; лѣвая сторона, небесная барка, дѣлать, ночь, пастбище, небесный океанъ“ согласуются по своей фигурѣ съ вавилонскими знаками того же значенія.

Мы знаемъ, что въ настоящее время вопросъ о древнѣйшемъ поселеніи Египта и о его отдаленнѣйшемъ прошломъ утратилъ свою простоту. Утверждаютъ, что въ Египтѣ открыта культура каменнаго вѣка, что его древнѣйшее поселеніе не указываетъ на Азію. Мы не будемъ входить въ обсужденіе этихъ взглядовъ, возникшихъ и развитыхъ преимущественно на французской почвѣ. Для насъ въ данномъ случаѣ собственно важно только установить, что древнѣйшая культура Египта вавилонскаго происхожденія, и тогда уже представляется понятнымъ, что трудно предположить, чтобы древнѣйшіе памятники Египта давали болѣе, чѣмъ древнѣйшіе памятники Вавилоніи.

Дѣйствительно, сказанія Вавилоніи съ несомнѣнностію утверждаютъ въ томъ, что первооткровеніе, возвѣщаемое въ 1-ой священной книгѣ, не было только созданіемъ евреевъ, что его знали и вавилоняне и знали независимо отъ евреевъ. Это доказываетъ такъ называемый халдейскій генезисъ. У вавилонянъ было ученіе о послѣдовательномъ твореніи. Была мысль о созданіи вещей словомъ (Мардука). Они представляли въ началѣ образованіе земли, затѣмъ небесныхъ свѣтилъ, созданіе животныхъ и человѣка (въ заключительной плиткѣ о Мардукѣ говорится „тотъ, который сотворилъ людей“), о первоначальномъ невинномъ состояніи, можно полагать о паденіи, о потопѣ и смѣшеніи языковъ. Что касается до откровенія о паденіи, то указаніе на него можно видѣть въ рисункѣ на цилиндрѣ, изображающемъ 2 человѣческія существа около дерева и

и змѣя, который стоитъ на хвостѣ и наблюдаетъ людей. Нѣкоторые утверждаютъ, что ни въ одномъ изъ изображенныхъ существъ нельзя видѣть женщины, другіе оспариваютъ это утверженіе. Несомнѣнное и никѣмъ не оспариваемое сходство съ повѣствованіемъ книги бытія имѣетъ халдейская сага о потопѣ. Повѣствованіе о потопѣ влагается въ уста Газизарды, патриарха, спасшагося отъ потопа и перенесеннаго богами въ отдаленное мѣсто, гдѣ онъ наслаждается вѣчнымъ блаженствомъ. Газизарда рассказываетъ свою исторію Издубару, извѣстному халдейскому герою.

„Я желаю открыть тебѣ, о Издубаръ, исторію моего спасенія и сказать тебѣ объ опредѣленіи боговъ.

„Городъ Сурипакъ, городъ, который, ты знаешь, расположенъ на Евфратѣ, онъ былъ древній и въ немъ (не почитали) боговъ. (Я одинъ, я былъ) ихъ почитателемъ великихъ боговъ. (Боги собрались на совѣтъ по призыву) Ану. (Потопъ былъ предложенъ Бел(омъ) (и одобренъ Набу, Нергалеи и Ниниб(омъ)).

„И богъ Еа, непреложный владыка, повторилъ ихъ опредѣленіе во снѣ. Я слушалъ опредѣленіе жребія, который онъ мнѣ возвѣстилъ, и онъ сказалъ мнѣ: человекъ изъ Сурипака, сынъ Убаратуту—дѣлай судно и оканчивай его (скорѣй). Я уничтожу сѣмя и жизнь (потопомъ). Итакъ прикажи войти въ судно сѣмени всего того, что имѣетъ жизнь. Судно, которое ты построишь, (будетъ) въ 600 локтей высоты и ширины. Спусти его въ океанъ и покрой его кровлей“. Я понялъ и сказалъ Еа, моему владыкѣ: „(судно), которое ты мнѣ приказываешь строить, (когда) я буду дѣлать, молодые и старые (будутъ смѣяться надо мною). „(Еа открылъ свои уста) и сказалъ, онъ сказалъ мнѣ, его рабу: „(если они станутъ смѣяться надъ тобою), ты имъ скажешь: (будетъ наказанъ) тотъ, кто меня оскорбитъ, (ибо, покровительство боговъ) есть надо мною... какъ пещера... Я произведу мой судъ надъ тѣмъ, что есть вверху и тѣмъ, что есть внизу... Затвори судно... Въ моментъ входа, который я укажу, отвори внутрь и затвори за собой дверь корабля. Во внутренности твой хлѣбъ, твоя утварь, твоя провизія, твои богатства, твои рабы, мужчины и женщины и

молодые люди, полевой скотъ и дикія животныя полей, которыхъ я соберу и которыхъ я пришлю къ тебѣ, и будутъ сохраняться за твоей дверью“. Газиварда открылъ свои уста и сказалъ, онъ сказалъ Еа, своему владыкѣ: „никто не сдѣлалъ (такого) судна. На подводной части я укрѣплю... увижу... и судна. Судно, которое ты мнѣ приказываешь построить (такъ), которое въ.....¹⁾).

„Въ пятый день (его два бока) были подняты. Въ его объемѣ всего на всего было 14 мѣръ, 14 всего на всего считали ихъ на верху. Я взялъ свою кровлю и покрылъ его. Я плавалъ въ шестой (день), я раздѣлялъ на этажи въ седьмой. Я замазалъ щели, черезъ которыя вода входила внутрь. Я осмотрѣлъ трещины и я прибавилъ то, чего недоставало. Я вылилъ на внѣшнюю часть трижды 3600 (мѣръ) смолы и трижды 3600 (мѣръ) на внутреннюю. Трижды 3600 человекъ носильщиковъ принесли на ихъ головахъ ящики провизіи. Я взялъ 3600 ящиковъ для питанія своего семейства, и моряки раздѣлили себѣ дважды 3600 ларей. Для (продовольствія) я приказалъ убить быковъ. Я опредѣлилъ (части) на каждый день. (Предвидя нужду въ) питьи, бочкахъ и винѣ, (я собралъ въ количествѣ) какъ воды рѣки и продовольствіе въ количествѣ равномъ пыли земли. Я озаботился (размѣстить все въ) ящикахъ... солнца... судно было готово... крѣпкій, и я приказалъ нести вверхъ и внизъ принадлежности корабля. (Этотъ грузъ) наполнилъ его двѣ трети трети.

Все то, что я имѣлъ, я собралъ, все, сколько я имѣлъ серебра, я собралъ, все, сколько я имѣлъ золота, я собралъ, всѣ сѣмена, которыя я имѣлъ, я собралъ. Я приказалъ войти въ судно моимъ слугамъ, мужчинамъ и женщинамъ, полевому скоту, дикимъ полевымъ животнымъ и сыновьямъ народа, я приказалъ всѣмъ войти.

„Schamasch (солнце) опредѣлилъ моментъ и возвѣстилъ его въ слѣдующихъ словахъ: „вечеромъ я обильно задождю съ неба, войди въ судно и затвори твою дверь“. Опредѣленный моментъ наступилъ, который онъ возвѣстилъ этими словами: ве-

1) Пропущено нѣсколько словъ.

черомъ я обильно задождю. Когда я достигъ вечера этого дня, когда я долженъ былъ быть на стражѣ, я чувствовалъ страхъ. Я вошелъ въ судно и затворилъ мою дверь. Затворяя судно. *Bonzourschadi—gabi*, кормчему ввѣрилъ я (это) жилище со всѣмъ тѣмъ, что оно несло.

Wou-scheri-inav-pamavi (олицетвореніе дождя) поднялось изъ глубины неба въ темномъ облакѣ. Раманъ (богъ грозъ и бурь), гремѣлъ посрединѣ этого облака. И *Nabou* и *Schargon* шли впередъ, они шли, опустошая горы и долины. Могущественный *Нергалъ* влекъ за собою горы, *Нинибъ* приближался, разрушая все предъ собою. *Азаръ* заставляла каналы неперестанно разливаться. *Ануннаки* несли разрушеніе. *Навода* ужасъ, они колебали землю. Поводненіе *Рамана* простерлось до неба, (и земля), ставшая безъ блеска, превратилась въ пустыню.

Они сокрушили... поверхность всей земли, (они уничтожили) живыя существа на поверхности земли. Страшный (потопъ) надъ людьми поднялся до (неба). Братъ не видѣлъ болѣе брата, люди не узнавали себя болѣе. Въ небѣ боги почувствовали страхъ отъ бури и искали убѣжища, они поднялись до неба *Ану*. Боги были неподвижны, тѣсно прижавшись одни къ другимъ, какъ собаки. *Истаръ* говорила, какъ маленькое дитя. Великая богиня возвѣстила это разсужденіе: „вотъ человѣчество обратилось въ прахъ, и это зло я возвѣстила въ присутствіи боговъ, за зло возвѣстила я... ужасный изъ людей, которые принадлежатъ мнѣ. Я мать, которая родила людей, и вотъ, они наполняютъ море, какъ племя рыбъ. И боги по причинѣ того, что дѣлаютъ архангелы бездны, плачутъ со мною“, Боги сидѣли на своихъ сѣдалищахъ въ слезахъ и крѣпко сжимали свои уста, (размышляя) о будущемъ.

„Шесть дней и столько же ночей прошли. Вѣтеръ, буря и дождь потопа были во всей ихъ силѣ. По приближеніи седьмого дня потопный дождь сталъ ослабѣвать, страшная буря, которая неслась подобно землетрясенію, утихла. Море начало осушаться, а вѣтеръ и буря кончились. Я смотрѣлъ на море, наблюдая внимательно. И все человѣчество было обращено въ прахъ. Какъ водоросли, плавали трупы. Я открылъ окно, и

свѣтъ ударилъ мнѣ въ лицо. Меня охватила скорбь, я сѣлъ и плакалъ и мои слезы текли по моему лицу“.

„Я смотрѣлъ на страны, которыя ограничивали море на 12 точекъ горизонта. Нѣтъ суши, судно неслоь надъ страну Ницирь. Гора Ницирь задержала судно и не дала ему перейти выше себя. Одианъ и другой день гора Ницирь держала судно и не пускала его чрезъ себя, третій и четвертый день гора Ницирь держала судно и не пускала его чрезъ себя; пятый и шестой день гора Ницирь держала судно и не пускала его чрезъ себя. По приближеніи седьмаго дня я приказалъ вылетѣть голубю и выпустилъ его. Голубь вылетѣлъ, покружился и не нашелъ мѣста, гдѣ сѣсть, и вернулся. Я пустилъ летѣть ласточку и выпустилъ ее. Она вылетѣла, покружилась и не нашла мѣста, гдѣ бы сѣсть, и вернулась. Я пустилъ летѣть ворона и выпустилъ его. Воронъ вылетѣлъ и увидѣлъ падалъ на водахъ. Онъ поѣлъ, посидѣлъ, покружился и не вернулся“.

„Я приказалъ тогда выйти (тому, что было въ суднѣ) на 4 стороны. И я принесъ жертву. Я вознесъ жертвенный костеръ на вершинѣ горы. 7 по 7 (?) я разставилъ жертвенные сосуды и подъ ними я положилъ тростникъ, кедръ и мозжевельникъ. Боги почувствовали благовоніе, и боги собрались какъ мухи, надъ приносящимъ жертву. Поднимаясь издалека, великая богиня подняла великіе пояса (радугу), которые Ану сдѣлалъ, какъ ихъ славу (боговъ). Эти боги—свѣтлый кристаллъ предомною, я не покину ихъ никогда, въ этотъ день я молилъ о томъ, чтобы я могъ никогда не покидать ихъ. Да придутъ боги къ моему костру всесоженія, но да никогда Бэлъ не подойдетъ къ моему костру всесоженія, ибо онъ не обуздаль и произвелъ бурю (потопа) и онъ отдалъ моихъ людей безднѣ. Издалека приближаясь, Бэлъ увидѣлъ корабль, и Бэлъ остановился, исполненный гнѣва на боговъ и на небесныхъ архангеловъ. Никто не долженъ выйти живымъ. Никакой человекъ не долженъ избѣгнуть бездны. Нинибъ открылъ свои уста и говорилъ, онъ сказалъ владыкѣ Бэду: кто другой, кромѣ Еа опредѣлитъ рѣшеніе, ибо Еа владѣетъ знаніемъ и (предвидитъ) все? Еа открылъ свои уста и говорилъ. Онъ сказалъ воителю Бэду: О ты, глашатай боговъ, воитель, какъ ты не обузданъ,

ты произвелъ бурю (потопа). Оставь грѣшника нести тяжесть его злословія. Успокойся въ твоёмъ добромъ счастіи и никогда не произведи насилія. Разъ навсегда да не будетъ насилія. вмѣсто того, чтобы тебѣ производить (новый) потопъ, пусть явятся львы и станутъ уменьшать число людей, вмѣсто того, чтобы производить тебѣ (новый) потопъ, пусть явятся гіены и станутъ уменьшать число людей; вмѣсто того, чтобы производить (новый) потопъ, пусть явится голодъ, и пусть земля будетъ (безплодна); вмѣсто того, чтобы производить тебѣ новый потопъ, пусть Дибара (богъ эпидемій) явится, и пусть люди будутъ (умерщвляемы). Я не открылъ опредѣленія великихъ боговъ. Это Газизадра истолковалъ сонъ и понялъ то, что опредѣлили боги“.

„Тогда, когда рѣшеніе было постановлено, Балъ вошелъ на корабль, онъ взялъ меня за руку и приказалъ подняться. Онъ приказалъ также встать моей женѣ и стать ей около меня. Онъ обошелъ вокругъ насъ и сталъ неподвижно, онъ приблизился къ нашей группѣ. Доселѣ Газизадра былъ частію смертнаго человѣчества, но пусть Газизадра и его жена сейчасъ поднимутся для того, чтобы жить, какъ боги, и Газизадра пусть поселится вдали у устья рѣкъ. Они понесли меня и поселили меня въ отдаленномъ мѣстѣ у устья рѣкъ“.

Къ приведенному повѣствованію Газизадры должно присоединить окончаніе изъ разсказа второй позднѣйшей редакціи, (Бероза), отличающейся отъ первой въ деталяхъ и въ названіяхъ лицъ, но тождественной съ ней въ своей сущности. Согласно этой редакціи послѣ потопное человѣчество произошло отъ спутниковъ Газизадры, называемаго тамъ Ксизутросомъ.

Если мы примемъ во вниманіе, что нѣкоторыя халдейскія сказанія были найдены въ Телъамарнѣ, т. е., въ Египтѣ, то тѣмъ самымъ мы направляемся къ мысли, что то, что знали вавилоняне, должны были знать и египтяне. Сказаній несомнѣнно родственныхъ по происхожденію съ вавилонскими не нашли въ Египтѣ (то, что называется египетскимъ сказаніемъ о потопѣ, не имѣетъ ничего общаго съ халдейскою сагой). Но тамъ нашли нѣчто другое. Несомнѣненъ фактъ, что древнѣйшая религія египтянъ является съ характеромъ очень возвы-

шеннымъ. Многіе изслѣдователи ее называютъ монотеизмомъ (изъ нынѣ живущихъ особенно Пьерэ). Противъ этого особенно идутъ Масперо и Тилэ. Но если она и не была монотеизмомъ, то несомнѣнно она близко приближалась къ нему. Въ эпоху четвертой и пятой династій (особенно почитавшей Ра) встрѣчаются уже имена различныхъ боговъ (до болѣе отдаленной эпохи свѣдѣнія о египетской религіи не восходятъ). Но однако богъ называется бытіемъ единымъ, безконечнымъ, вѣчнымъ. Героглифическіе тексты представляютъ его, какъ создателя всѣхъ вещей, вѣчнымъ, необъятнымъ, непостижимымъ, безконечнымъ, невидимымъ, всемогущимъ и сострадательнымъ. Люди, говорится въ священныя текстахъ, не знаютъ ни его формы, ни его имени. Единный онъ имѣетъ многія имена, многочисленныя священныя и мистическія формы. Онъ есть священная душа, рождающая боговъ, и эти боги суть только формы, которыя существуютъ въ немъ. Онъ есть начало формы и самъ не имѣетъ формы. Отъ вѣчности Богъ рождается самъ собою, неизмѣняемый въ своемъ совершенствѣ, всегда пребывающій въ прошедшемъ, какъ и въ будущемъ, онъ наполняетъ вселенную; безконечное разумѣніе, онъ не можетъ быть воспринятъ, не можетъ быть выраженъ ни въ какой идеѣ. Его характеристичное имя есть Nuter—тотъ, который обновляется,—потому что Онъ непрестанно возобновляетъ свое собственное существо, вѣчно рождается самъ собою. онъ есть отецъ, мать и сынъ, троица символическая существенно отличающаяся отъ Троицы христіанской и въ сущности выражаетъ только постоянство божественнаго существа и неизмѣняемость совершенствъ этого существа. Онъ такимъ образомъ создаетъ собственные члены, т. е., свои высшія качества, которыя суть боги, и такъ онъ рождаетъ божественныя типы, которые становятся *мнимыми* богами египтянъ и которые потомъ въ эпоху вулгаризма рязматривались и почитались какъ дѣйствительныя боги... Міръ былъ произведенъ Богомъ, который извлекъ его изъ первоначальнаго хаоса (Noum). Онъ сказалъ солнцу: иди, и солнце пошло. По его приказанію Shou свѣтящійся уравнивалъ землю и раздѣлилъ воды на земныя и небесныя. Богъ установилъ порядокъ, гармонію въ мірѣ, но злыя начала постоянно

стремятся къ тому, чтобы ихъ разрушить“¹⁾. Нравственные правила древнѣйшихъ текстовъ не стоятъ ниже ихъ метафизическихъ представленій о Богѣ. Одинъ важный сановникъ, бывшій при царяхъ пятой династїи, говоритъ (на своемъ надгробномъ памятникѣ): „познавши вещи, я вышелъ изъ этого мѣста (т. е. изъ міра), гдѣ я говорилъ истину и творилъ справедливость. Будьте добры ко мнѣ, Вы идущіе вслѣдъ за мною, засвидѣтельствуйте о Вашемъ предкѣ: онъ дѣлалъ добро, о еслибы и мы могли поступать такъ же! Пусть говорятъ это идущіе вслѣдъ за мною. Никогда я не возбуждалъ скорби, никогда не убивалъ. О, Владыка неба, могущественный владыка вселенной, я въ мірѣ исполнялъ мои обязанности, любя своего отца и свою мать, служа всякому, я былъ радостью своихъ братьевъ, любовью своихъ слугъ, въ которыхъ я никогда не возбуждалъ сожалѣній“. Въ луврскомъ папирусѣ демотического письма, прочитанномъ Піэро, неизвѣстный авторъ излагаетъ слѣдующія нравственные правила: „не дѣлай своимъ товарищемъ злого человѣка“, „не дѣйствуй по совѣтамъ глупца“, „не имѣй дѣла съ безумнымъ, не слушай его словъ“. „Не развращай сердца твоего товарища, если оно чисто“. „Не обращай дурно съ низшими, уважай старшихъ, не обращай дурно съ женщиною, силы которой меньше твоихъ, пусть она найдетъ въ тебѣ своего покровителя, не заставляй страдать ребенка по причинѣ его слабости. помогай ему, не дѣлай развлеченія, забавляясь надъ тѣми, кто зависитъ отъ тебя“. Въ самомъ послѣднемъ изреченіи авторъ достигаетъ замѣчательной нравственной высоты; „никогда, говоритъ онъ, не спасай свою жизнь цѣною жизни другого“.

Метафизическіе и моральные элементы вавилонской религїи не стоятъ такъ высоко, насколько можно судить по опубликованнымъ памятникамъ, какъ таковыя въ Египтѣ. Но за то въ Египтѣ не найдено сказаній, имѣющихъ столь явно библейскій отпечатокъ, какъ халдейскія. Оба эти факта, по нашему мнѣнію 1) вполне отвѣчаютъ библейскимъ свидѣтельствамъ и 2) поясняютъ отчасти нѣкоторыя библейскія событія. При внѣшнемъ сходствѣ библейскихъ и халдейскихъ сказаній между ни-

¹⁾ C. de Harlez, Religion égyptienne, p.p. 2743—2744. Langey, Dictionnaire apologét. 2 Edition.

ми открывається глубокое внутреннее различіе. Нравственно-религіозный духъ откровенія въ Халдеѣ принялъ натуралистическую окраску. Народъ, повидимому близко стоявшій къ божественному откровенію, духомъ сталъ далеко отъ него. Объ этомъ именно и свидѣтельствуетъ Библія. Въ своей прощальной рѣчи къ народу сказалъ Иисусъ Навинъ: „за рѣкою жили отцы ваши издревле—Ѡарра, отецъ Авраама и отецъ Нахора, и служили инымъ богамъ“ (Ис. Н. XXIV, 2). Подъ рѣкою здѣсь разумѣтся Евфратъ. Тамъ нѣкогда жили патріархи, которымъ были ввѣрены словеса Божіи, которыя, значить, знали откровеніе, но которые служили богамъ инымъ. Пребываніе въ такой нравственной атмосферѣ было опасно даже и для высоконравственныхъ лицъ, и потому Богъ выводитъ Авраама оттуда и ведетъ его на западъ. Здѣсь на западѣ Авраамъ встрѣчается съ Мелхиседекомъ—священникомъ Бога вышняго, Авимелехомъ, получавшимъ откровенія отъ Бога (XX, 3), путешествовалъ онъ и въ Египетъ, и образъ дѣйствій фараона повидимому болѣе отвѣчаетъ изложеннымъ нами нравственнымъ правиламъ египтянъ, чѣмъ образъ дѣйствій фараона исхода (Быт. XII, 18—20).

Не думая, чтобы въ мутномъ руслѣ преданій можно было найти многое, въ чемъ съ несомнѣнностію можно бы было видѣть отзвукъ божественнаго откровенія, мы склонны предполагать, что въ *обрѣдахъ* нѣкоторыхъ народовъ скорѣе можно видѣть нѣкоторый остатокъ истиннаго богопознанія и богопочитанія. Такимъ обрядомъ, думаемъ, можно считать *обрѣзаніе*. Обрѣзаніе не было исключительно обрядомъ еврейскимъ. Въ прошедшемъ и настоящемъ оно существовало и существуетъ у многихъ народовъ. Геродотъ (II, 36. 37. 104. сравн. Діод. Сицил. I, 28; Страб. XVI, 771 и XVII, 824) свидѣтельствуетъ, что обрѣзаніе существовало у египтянъ, колхидянъ (колонія египтянъ) и эеіоплянъ, у финикіянъ и у нѣкоторыхъ сирійскихъ племенъ, между которыми онъ несомнѣнно разумѣетъ и евреевъ, о нихъ онъ утверждалъ, что они приняли обрѣзаніе отъ египтянъ. Въ Египтѣ обрѣзанію подвергались только высшія касты, особенно жрецы (въ возрастѣ отъ 6 до 40 лѣтъ). Въ позднѣйшее время одинъ только жреческій классъ былъ без-

условно подчиненъ обрѣзанію. Іосифъ Флавій, Климентъ Александрійскій, Оригенъ свидѣтельствовали, что жрецы и посвященные въ мистеріи должны были обрѣзываться. Самъ египтянинъ Апіонъ, противникъ Іосифа Флавія, былъ необрѣзаннымъ (только изъ гигиеническихъ побужденій онъ подвергъ себя впоследствии этой операціи). Однако Іосифъ, полемизируя въ своемъ извѣстномъ трактатѣ (*Contg. Apion.* 2, 13) противъ Апіона не оспариваетъ болѣе глубокую древность египетскаго обряда обрѣзанія предъ еврейскимъ.

Затѣмъ отъ временъ болѣе позднихъ, чѣмъ у египтянъ, но однако отъ очень древнихъ и до настоящихъ дней обрѣзаніе существуетъ у арабскихъ и многихъ иныхъ имъ родственныхъ племенъ. Потомки Авраама съ его вѣрою принимали и обрѣзаніе. Правда, Іеремія (IX, 26 чтеніе этого текста спорно) называетъ необрѣзанными едемянъ (авраамитовъ), равно какъ и моавитянъ и аммонитянъ (потомство Лота). Но у нихъ обрѣзаніе перестало держаться какъ обычай со времени вавилонскаго плѣненія до времени Іоанна Гиркана (129 до Р. X.), который снова принудилъ ихъ къ обрѣзанію, (*Ioseph. Antiquit.* 13, 9, 1), какъ Аристовулъ—итурійцевъ (*Ibid.* 13, 11, 3). Случилось, что обрядъ пережилъ вѣру въ тотъ завѣтъ, знаменіемъ котораго онъ былъ. У арабовъ обрѣзаніе не предписывается закономъ и однако оно существуетъ, причемъ совершеніе его соединяется съ молитвою. Не сомнѣваются, что Магометъ уже нашелъ обрѣзаніе существовавшимъ обычаемъ и только не узаконилъ его. Объ обрѣзаніи у арабовъ говоритъ Флавій (*Antiqu.* 1, 12, 2). Обрѣзываютъ у арабовъ мальчиковъ 13 лѣтъ (возрастъ, въ которомъ былъ обрѣзанъ Измаиль. Быт. XVII, 25). Подвергаютъ этой операціи и дѣвочекъ (это было у египтянъ. Страб. XVII, 824). По арабски обрѣзаніе мальчика *chatana*, для обрѣзанія дѣвочекъ употребляются особенныя слова *hahpada*, *bazzaqa*; подобнымъ образомъ обрѣзаніе дѣвушекъ имѣетъ мѣсто у берберовъ, въ нѣкоторыхъ областяхъ Персіи. Оно существуетъ у абиссинскихъ христіанъ и у коптовъ или теперешнихъ египтянъ.

Кромѣ того обрѣзаніе существуетъ у многихъ некультурныхъ народовъ настоящаго времени—у кафровъ и другихъ южно-

африканскихъ племенъ, на островѣ Мадагаскарѣ, на островахъ Тихаго Океана у папуасовъ, у многихъ племенъ Южной Америки (у Манао сасило-индійцевъ... ¹⁾).

Логика рационалистовъ, по которой обычаи современныхъ дикарей суть обычаи первобытнаго человѣчества, приводитъ ихъ къ заключенію, что обрѣзаніе у евреевъ выродилось въ священный обрядъ изъ обычая ихъ дикихъ предковъ, который, представляется имъ наиболѣе вѣроятнымъ—въ свою очередь выродился изъ кровавыхъ жертвъ. Прежде приносили въ жертву людей, плѣнниковъ, дѣтей, затѣмъ принесеніе въ жертву людей замѣнили отсѣченіемъ полового члена, затѣмъ—еще одна ступень смягченія—отсѣченіе полового члена замѣнили обрѣзаніемъ крайней плоти. Объясненіе это не опирается ни на какія историческія или этнографическія данныя. У дикарей обрѣзаніе часто существовало рядомъ съ кровавыми жертвами и обрядами. У народовъ древности—египтянъ и евреевъ—оно имѣло значеніе, нисколько не согласующееся съ мыслию объ отнятїи жизни или объ отреченїи отъ жизни. Справедливо указываютъ, что обрѣзаніе способствуетъ половой производительности. У евреевъ обрѣзаніе разсматривалось, какъ удаленіе нечистоты. Необрѣзанные суть нечистые (особенно имя необрѣзанныхъ усвоится филистимлянамъ). У египтянъ, мы видимъ, оно было привилегією (конечно—мучительною) лицъ высшихъ кастъ. Такимъ образомъ древнѣйшій характеръ, съ которымъ является обрѣзаніе, устраняетъ мысль о кровавыхъ жертвахъ. Отъ корня арабскаго наименованія обрѣзанія—*chatana* (*chatah* еврейск.) происходятъ наименованія жениха и невѣсты. Обрѣзанію подвергались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при достиженїи половой зрѣлости и оно давало право на вступленіе въ бракъ. Обрѣзаніе вообще давало права принимавшимъ его, потому что по существу оно было актомъ очищенія. Оно, слѣдовательно, могло собою обусловливать право принесенія жертвъ, но само собою никогда не знаменовало жертвы. Нѣкоторые католическіе писатели такъ объясняютъ происхожденіе обрѣзанія у евреевъ. Несомнѣнно, что обрѣзаніе было въ Египтѣ раньше времени

¹⁾ См. статьи объ обрѣзанїи *Beschneidung*, *Circumcision*, въ „*Real-Encyclop. Gerzog'a*“, „*Dictionair. d. sciences religieuses Lichtenberger'a*“.

Авраама, и вѣроятно, что Авраамъ познакомился съ этимъ обрядомъ во время пребыванія въ этой странѣ. Но это ничего не говоритъ противъ библейскаго повѣствованія: весьма удобно Богъ могъ указать Аврааму на обычай уже ему знакомый и повелѣть слѣдовать ему, преобразуя простой обычай въ священное знаменіе. Должно отмѣтить, что очень часто при установленіи таинствъ Господь избиралъ уже извѣстные обряды, сообщая имъ высшія значенія и дѣйственность. Обрядъ крещенія, возношеніе хлѣба и вина, помазаніе елеемъ были извѣстны прежде, чѣмъ Господь преобразовалъ эти обряды въ таинства. Такъ Господь, надо полагать, совершилъ преобразование и обряда обрѣзанія, и основанія для предположенія этого открываются уже въ томъ, что Богъ говоритъ Аврааму объ обрѣзаніи, какъ о вещи повидимому извѣстной послѣднему¹⁾ (см. Быт. XVII, 10 и сл.)¹⁾.

Разсужденіе это упускаетъ изъ вида, что во всѣхъ другихъ указываемыхъ случаяхъ Господь благоволилъ сообщить силу таинствъ обрядамъ религіознаго характера и притомъ имѣвшимъ у народа, содержавшаго истинное богочитаніе. Изъ этого, намъ кажется, слѣдуетъ заключить, что Господь могъ сообщить силу знаменія завѣта религіозному обряду, который существовалъ у предковъ Авраама, но ко времени Авраама, можетъ быть, плохо соблюдался (Еванг. Іоан. VII, 22). Подобно тому какъ заповѣдь о субботахъ не была первоначальнымъ установленіемъ празднованія субботы (наши основанія. Шантепи, Исторія религій русской переводъ, 5 выпускъ стр. 434), такъ, полагаемъ мы, и повелѣніе Господа Аврааму объ обрѣзаніи не было его изначальнымъ установленіемъ. Изъ библейскаго повѣствованія мы видимъ, что суббота почиталась съ самыхъ изначальныхъ временъ (Быт. II, 2. Счетъ дней по недѣлямъ Быт. XXIX, 27). Изъ этихъ указаній мы позволимъ себѣ заключить, что суббота имѣетъ изначальное божественное установленіе. Можетъ быть въ подобную глубокую древность и къ тому же началу должно возводить и обрѣзаніе. Въ подобную, но не въ ту же. Суббота могла почитаться и, надо полагать, выдѣля-

¹⁾ Iangey, Dictionaire apoletique. Circoncision.

лась изъ другихъ дней до паденія человѣка (Быт. II), но обрѣзаніе, надо полагать, явилось уже послѣ грѣха, и является вышнимъ выраженіемъ внутренняго сознанія грѣховности и желанія исправленія. Можетъ быть, какъ священный символическій обычай, оно и было установлено въ патріархальныя времена (можетъ быть до потопа). Но во дни послѣпотопныхъ патріарховъ, когда они жили за великою рѣкою, этотъ обычай могъ соблюдаться не строго, ибо сами патріархи уклонялись въ служеніе богамъ инымъ. Это и было причиною того, что Авраамъ не былъ обрѣзанъ. Установленіе обрѣзанія, какъ знака завѣта, во дни Авраама повидимому предполагаетъ собою, какъ соглашаются всѣ, знаніе Авраамомъ этого обряда. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы Аврааму былъ указанъ обычай языческій. Затѣмъ такое рѣшеніе само по себѣ не даетъ рѣшенія вопроса о происхожденіи обрѣзанія, а только отодвигаетъ его. Откуда и какъ произошло обрѣзаніе у египтянъ или другихъ древнихъ народовъ? Всѣ объясненія, предлагавшіяся доселѣ, никакимъ образомъ не могутъ быть признаны удовлетворительными. Пытались представить обрѣзаніе, какъ результатъ гигиеническихъ заботъ. Указываютъ, что оно охраняетъ отъ нѣкоторыхъ болѣзней (отъ карбункула—*anthrax*). Въ нѣмецкихъ трактатахъ объ обрѣзаніи добросовѣстные богословы всегда цитируютъ курсы хирургіи 30 или 20 годовъ, развивая эту теорію (такъ, наприм. приводитъ это мнѣніе Шенкель, *Bibel-Worterbuch*. В. 1. Beschneidung). Но если и вѣрно, что обрѣзаніе можетъ быть полезно, то совершенно невѣрно и неосновательно приписывать дикарямъ такую преувеличенную заботливость о профилактическихъ мѣрахъ противъ предполагаемыхъ случайныхъ заболѣваній. Всѣ благія послѣдствія обрѣзаніе могло имѣть только въ томъ видѣ и той формѣ, какія оно имѣло у евреевъ. Но у другихъ народовъ, наприм., и у египтянъ, оно производилось такъ, что могло само влечь за собою серьезныя и даже смертельныя послѣдствія. Обрѣзаніе, какъ и корь, неопасно у маленькихъ дѣтей, но у взрослыхъ оно сопровождается болѣзненными явленіями (Быт. XXXIV, 24—25). Откуда же могъ взяться у дикарей такой уродливый обычай? Несомнѣнно, что этотъ обычай имѣлъ у нихъ религіозное значеніе, и мы пола-

гаемъ весьма вѣроятнымъ, что начало его нужно отыскивать въ божественномъ установленіи, данномъ людямъ перваго времени.

Отъ тѣхъ, кому были ввѣрены слова и обѣтованія Божіи, онъ распространился по островамъ и народамъ. Египтяне принесли его оттуда же, гдѣ его практиковали, только, какъ видно, неаккуратно, и предки евреевъ. На странѣ далече обрядъ искажался, терялъ свой смыслъ, но однако во многихъ мѣстахъ сохранялся. Большинство ученыхъ думаетъ, что дальность разстоянія устраняетъ возможность общности происхожденія, что у американцевъ, жившихъ на Ориноко, не могло быть никакихъ заимствованій отъ вавилонянъ или евреевъ. Мы безусловно отвергаемъ эту точку зрѣнія. Міръ очень невеликъ. Наибольшее разстояніе между 2-мя точками на земной поверхности менѣе 20.000 верстъ. Правда, имѣются доселѣ еще никѣмъ не достигнутые пункты, таковы оба полюса и значительныя прилежащія къ нимъ пространства за полярнымъ кругомъ (начиная съ 84° параллели, въ нихъ никому не удалось проникнуть). Но въ тѣ страны, которыя заселены теперь, люди могли проникать всегда—пѣшкомъ, на лодкахъ. Вѣдь двигаясь по 10 верстъ въ сутки, можно въ теченіе 7 лѣтъ достигнуть самаго отдаленнаго пункта отъ даннаго мѣста. Что водныя пространства и пустыни были переходимы въ прошедшемъ при самыхъ примитивныхъ условіяхъ, что первобытныхъ кочевниковъ нужда, страсть къ приключеніямъ, любознательность могли гнать дальше и дальше въ разныя стороны отъ мѣстъ ихъ первичныхъ поселеній, объ этомъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ. Мы приведемъ теперь только нѣкоторыя новыя доказательства того, что между Америкой и Старымъ свѣтомъ существовали сношенія еще до Р. Х. Эти новые доводы, почерпнутые изъ старыхъ книгъ, даны Вернутромъ (см. *Rev. scientif. Premier. semest.* № 26. 1898, ранѣе—его же статью *Rev. scientif* 8 Août. 1891). Вернутръ указываетъ, что Плиній въ своей естественной исторіи описалъ одинъ видъ муравья, который живетъ исключительно въ сѣверной Америкѣ. У Аристотеля (въ его проблемахъ *Sect XXV, § 2*) описывается явленіе, носящее названіе „бычачій шумъ“ и состоящее въ томъ, что въ нѣкоторыхъ болотахъ слышится шумъ, похожій на мычаніе быковъ,

похожіи настолько, что коровы, пасущіяся близь, приходятъ въ безпокойство. Аристотель предположилъ, что этотъ шумъ производится помимо какихъ-либо живыхъ тварей физическими причинами (особенныя условія движенія воздуха и воды). Объясненіе Аристотеля не можетъ быть принято. Его физическія причины не могли произвести бычачьяго шума. Въ дѣйствительности шумъ производится кваканьемъ нѣкоторыхъ особенныхъ лягушекъ (*Rana catesbiana*). Но замѣчательно, что этотъ родъ лягушекъ водится только исключительно въ восточной части Сѣверной Америки. Какой выводъ слѣдуетъ? Мы думаемъ что самый естественный тотъ, что естественнoисторическія познанія людей стараго свѣта до Р. X. захватывали и свѣтъ новый. Но это было возможно только при посѣщеніяхъ и—надо полагать—заселеніяхъ новаго свѣта. Таковыя иммиграціи, мы полагаемъ, и совершались въ новый свѣтъ неоднократно. вмѣстѣ съ этими иммиграціями, думаемъ, разносилось и обрѣзваніе.

Профессоръ С. С. Глаголевъ.

(Продолженіе будетъ).

Смыслъ ученія Сократа о значеніи знанія въ добродѣтельной жизни.

Для ознакомленія съ жизнью и дѣятельностію Сократа и его ученіемъ мы имѣемъ два источника: сочиненія двухъ учениковъ Сократа—Ксенофонта и Платона. Ксенофонтъ написалъ свои „Воспоминанія“ о Сократѣ съ апологетическою цѣлью: въ нихъ онъ защищаетъ своего учителя отъ тѣхъ обвиненій, которыя были введены на него врагами, и изображаетъ его жизнь и дѣятельность. Платонъ оставилъ послѣ себя много діалоговъ, въ которыхъ Сократъ выведенъ въ качествѣ главнаго собесѣдника. Но несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ діалогахъ устами Сократа Платонъ выражаетъ свои собственныя философскія воззрѣнія: сюда относятся діалоги, написанные спустя значительное время послѣ смерти Сократа, когда Платонъ значительно отступилъ отъ ученія своего учителя. Вслѣдствіе этого, для изображенія нравственнаго ученія Сократа, мы будемъ пользоваться тѣми діалогами, которые были написаны Платономъ при жизни или вскорѣ послѣ смерти Сократа, когда Платонъ еще находился подъ живымъ впечатлѣніемъ его бесѣдъ. Сюда нужно отнести слѣдующіе діалоги: Протагоръ, Лахесъ, Хармидъ, Иппіасъ младшій, Эвтифронъ, Критонъ, Лизисъ и Апологія Сократа.

Заслуга Сократа (469—399 гг. до Р. Х.) въ исторіи древней греческой философіи состоитъ въ томъ, что онъ первый изъ философовъ обратилъ вниманіе на изслѣдованіе нравственныхъ вопросовъ, касающихся человѣческой жизни. Ксенофонтъ говоритъ: „Я знаю, что Сократъ выказывалъ себя предъ учениками честнымъ человѣкомъ и высокимъ изслѣдователемъ добродѣтели, которая одна дѣлаетъ людей прекрасными. Онъ всегда разсуждалъ только о дѣлахъ человѣческихъ, разбирая, что есть бла-

гочестіе, что нечестіе, что благоприличіе, что неприличіе, что правота, что неправота, что благоразуміе, что безуміе и т. д. Знающихъ эти предметы онъ считалъ людьми образованными, а не знающихъ можно, по его мнѣнію, вполне справедливо назвать рабскими душами ¹⁾).

Занимаясь изслѣдованіемъ нравственныхъ вопросовъ, аѳинскій мудрецъ пришелъ къ тому убѣжденію, что добродѣтель есть знаніе. Это основное положеніе философіи Сократа—отождествленіе добродѣтели съ знаніемъ—красною нитью проходитъ чрезъ всѣ сочиненія, въ которыхъ излагается его ученіе. Обращаясь къ раскрытію этого положенія, мы должны прежде всего сказать, что Сократъ понималъ его не въ томъ смыслѣ, что добродѣтель состоитъ въ знаніи теоретическомъ. Онъ думалъ, что истинная мудрость, или знаніе, неразрывно соединена съ практическимъ осуществленіемъ знанія, и часто называлъ мудрость необходимымъ и единственнымъ источникомъ добра. По словамъ Ксенофонта, „Сократъ утверждалъ, что добродѣтель состоитъ въ знаніи...; знающіе нравственно-прекрасное не предпочтутъ ему ничего иного, а не знающіе не произведутъ его“ ²⁾. Еще яснѣе эта мысль выражена въ діалогахъ Платона. Такъ, въ діалогѣ „Протагоръ“ Сократъ говоритъ: „Люди большею частію понимаютъ знаніе, какъ вѣчто такое, что не имѣетъ ни силы, ни водительства, ни власти: не приписывая ему ничего этого, полагаютъ, что человѣкъ, обладающій знаніемъ, управляется не имъ, но иными движителями,—то страстію, то удовольствіемъ, то скорбію, иногда любовію, а чаще страхомъ; слѣдовательно, знаніе почитаютъ какъ бы рабомъ, котораго увлекаетъ все другое, а между тѣмъ справедливо ставятъ мудрость выше всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, признавать ее чѣмъ-то прекраснымъ и приписывать ей силу управлять человѣкомъ“ ³⁾. Признавая добродѣтель и знаніе тождественными, Сократъ хотѣлъ сказать не только то, что знаніе обуславливаетъ

¹⁾ Полное собраніе соч. Ксенофонта, пер. съ греч. Г. Аячевецкій, ч. II „Memorabilia“, изд. 4, СПб. 1887 г., I, I, 16; I, II, 18.

²⁾ Метог., кн. III, гл. IX, 5 ст.

³⁾ Сочиненія Платона, пер. проф. Карповымъ, СПб., 1863 г., часть I, „Протагоръ“ стр. 118 (ст. 352, В, С и Д).

собою истинно-нравственную дѣятельность человѣка, но что отъ знанія зависитъ и жизнь религіозная, общественная и политическая. По его ученію, существуетъ только одна этическая добродѣтель, а всѣ другія добродѣтели нужно считать только разными названіями этой добродѣтели, такъ какъ онѣ зависятъ отъ нея и составляютъ ея виды ¹⁾. „Благочестивъ тотъ,—говоритъ Сократъ,—кто знаетъ, какъ почитать Боговъ“. „Справедливъ тотъ, кто знаетъ законы, касающіеся человѣка“. „Мужество есть знаніе того, чего должно бояться и на что отваживаться“ ²⁾. „Каждый изъ насъ добръ въ томъ, въ чемъ мудръ“ ³⁾. Добродѣтель политическую Сократъ признавалъ также знаніемъ и требовалъ, чтобы политическими дѣятелями были люди, достаточно подготовленные къ полезной для государства дѣятельности ⁴⁾. Такимъ образомъ, по воззрѣнію Сократа, мудрость дѣлаетъ человѣка прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ: нравственно-добродѣтельнымъ, благочестивымъ, справедливымъ, мужественнымъ, хорошимъ дипломатомъ и т. д.

Спрашивается теперь: какія основанія имѣлъ Сократъ для своей увѣренности въ томъ, что обладаніе знаніемъ неизбѣжно ведетъ къ добродѣтели? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо обратить вниманіе на слѣдующее. Во-первыхъ, по воззрѣнію Сократа, человѣкъ, обладающій истиннымъ знаніемъ, знаетъ свою природу и ея *истинныя потребности*; въ то же время онъ знаетъ, какую цѣну имѣютъ для него каждый поступокъ и окружающія вещи и какъ ими правильно пользоваться для удовлетворенія своихъ потребностей ⁵⁾. Словомъ, мудрецъ имѣетъ ясное и отчетливое представленіе о томъ, что для него благо и что зло и какой путь для достиженія блага. Во вторыхъ, нужно обратить вниманіе на взглядъ аѳинскаго правоучителя на природу человѣка. По его воззрѣнію, боги дали человѣку прекрасную, разумную душу. Эта душа руководитъ тѣломъ и всѣми дѣйствіями человѣка ⁶⁾. Отсюда вытекала твердая вѣра Сократа, съ одной стороны, въ способность нашего разума достигнуть истиннаго знанія, а съ другой—въ высокое значеніе

1) Протагоръ, ст. 329, С; 361, В.

2) Діал. Лахесъ, 195, А.

3) Діал. Лахесъ, 194, Д.

4) Memor., III, VI, 18; IV, II.

5) Memor., IV, II, 26.

6) Ibid., I, IV, 1—19.

этого знанія для практической жизни. Природѣ человѣка, по ученію Сократа, свойственно стремиться къ благу и избѣгать зла, а потому, если человѣкъ ясно и отчетливо знаетъ, что для него благо и какъ его достигнуть, то его знаніе будетъ не только теоретическимъ, но и дѣйственнымъ, практическимъ ¹⁾. Сократу казалось несомнѣннымъ, что человѣкъ, какъ существо разумное, всегда дѣлаетъ то, что считаетъ наилучшимъ для себя, и потому, если онъ знаетъ, что—добро и что—зло, то онъ всегда будетъ дѣлать добро, такъ какъ совсѣмъ не естественно для человѣка, вмѣсто добра, избирать то, что онъ считаетъ зломъ ²⁾. Свою мысль о такомъ исключительномъ значеніи знанія для добродѣтели Сократъ любилъ доказывать ссылкой на живописцевъ, музыкантовъ, сапожниковъ и другихъ подобныхъ людей, которые, по его наблюденіямъ, тѣмъ сильнѣе въ своемъ дѣлѣ, чѣмъ больше имѣютъ знаній о немъ.

Въ своихъ бесѣдахъ Сократъ ничего не говорилъ о свободной волѣ и ея участіи въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія, и это потому, что былъ убѣжденъ, что ясное и отчетливое представленіе о благѣ можетъ оказать могучее вліяніе на волю. Отсюда становится понятнымъ для насъ утвержденіе Сократа, что „никто не грѣшитъ по доброй волѣ“ ³⁾. Съ своей точки зрѣнія Сократъ не могъ допустить, чтобы человѣкъ имѣлъ ясное представленіе о благѣ и злѣ и въ то же время сознательно и охотно совершалъ зло.

Многіе не соглашались съ этимъ положеніемъ и спрашивали Сократа: признаетъ ли онъ мудрымъ и вмѣстѣ воздержнымъ того, кто, зная, что должно, поступаетъ наоборотъ? Какъ и слѣдовало ожидать, Сократъ отвѣчалъ, что онъ признаетъ такого человѣка невѣжественнымъ, такъ какъ его знаніе на самомъ дѣлѣ не есть дѣйствительное знаніе и потому оно не сопровождается добрыми дѣлами ⁴⁾.

Единственнымъ источникомъ зла Сократъ считалъ умственное невѣжество. Онъ видѣлъ въ невѣжествѣ единственное препятствіе къ нравственному улучшенію и объяснялъ имъ всѣ

1) Мемор. III, IX, 4.

2) Диал. „Протагоръ“, 358, Д.

3) Диал. Протагоръ, 358, С; 345, Д.

4) Мемор., III—IX, 4; Соч. Платона, I, стр. 317 и 341.

недостатки современнаго ему (Сократу) общества. Невѣжественные люди, по Сократу, также стремятся къ добру, но такъ какъ они не имѣютъ понятія о прекрасномъ и добромъ, то невольно совершаютъ зло, считая его за благо ¹⁾. Невѣждъ Сократъ называлъ „рабскими душами“ ²⁾ и говорилъ, что „они безразлично относятся ко всѣмъ людямъ и ко всѣмъ человѣческимъ занятіямъ. Они не понимаютъ того, что имъ нужно и что они дѣлаютъ, и потому во всемъ заблуждаются, лишаются хорошаго и подвергаются худому“ ³⁾. Къ числу невѣжественныхъ людей философъ относилъ и софистовъ, съ которыми онъ боролся въ теченіе всей своей жизни. Софисты считали только себя обладателями истинныхъ знаній. Но такъ какъ ихъ знаніе на самомъ дѣлѣ было ложно, то Сократъ старался ниспровергнуть убѣжденіе софистовъ, что ихъ знаніе истинно, и побудить ихъ къ исканію дѣйствительно истиннаго знанія.

Выяснивъ смыслъ Сократовскаго положенія, что „добродѣтель есть знаніе“, мы должны теперь указать, *съ чѣмъ* состоитъ, по ученію Сократа, то „истинное знаніе“, которое необходимо должно вести къ добродѣтели. Къ сожалѣнію, подробныхъ и вполне опредѣленныхъ свѣдѣній относительно этого мы не находимъ въ тѣхъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ мы знакомимся съ ученіемъ Сократа. Отмѣчая этотъ фактъ, проф. Каринскій говоритъ, что главной причиной его является не скудость источниковъ, а дѣятельность самого Сократа. Сократъ почти исключительно заботился о ниспроверженіи ложнаго знанія; что же касается истиннаго знанія, то онъ только стремился вмѣстѣ съ своими собесѣдниками найти его ⁴⁾. Греческій философъ Аристотель, у котораго мы находимъ нѣсколько краткихъ замѣчаній о Сократѣ, ставитъ ему въ особенную заслугу то, что онъ занимался опредѣленіемъ понятій и индукціей. По всей вѣроятности, точныя понятія о вещахъ и составляютъ, по Сократу, существо истиннаго знанія. Ксенофонтъ, дѣйствительно, свидѣтельствуетъ, что Сократъ много трудился надъ выра-

¹⁾ Протагоръ, ст. 345, Е; 357, Д; ст. 358, С.

²⁾ Мемог IV, II, ст. 22.

³⁾ Мемог. IV, II, ст. 27.

⁴⁾ Апологія Сократа, ст. 23, 13.—М. И. Каринскій, Лекціи по исторіи философіи, чит. въ С.-Петербургской Духовной Академіи въ 188³/₄ уч. г., стр. 196.

боткой точныхъ понятій, предметомъ которыхъ служить человѣческая жизнь. Онъ всегда разсуждалъ о вещахъ человѣческихъ,—о благочестіи и нечестіи, о справедливости и неправдѣ, о мужествѣ и воздержаніи, о самообладаніи, о благодарности къ родителямъ, о братскомъ единодушіи, о дружбѣ и взаимной помощи, о благѣ, о мудрости и т. д.; путемъ своихъ бесѣдъ онъ стремился опредѣлить точныя понятія о сущности вещей и ниспровергнуть общераспространенныя случайныя мнѣнія о нихъ. На точныя понятія Сократъ, очевидно, смотрѣлъ, какъ на высшій критерій истины и какъ на твердый исходный пунктъ для достиженія истиннаго знанія, къ которому сводятся у него всѣ нравственныя требованія, или „неписанные богоположенные законы“¹⁾.

Мы уже упоминали, что, по ученію Сократа, содержаніемъ истиннаго знанія и цѣлью нравственной дѣятельности должно служить „благо“. Но что такое „благо“, какъ цѣль нравственной дѣятельности? Если мы за рѣшеніемъ этого вопроса обратимся къ источникамъ, то увидимъ, что они въ данномъ случаѣ расходятся между собою. По „Воспоминаніямъ“ Ксенофонта, Сократъ считалъ благомъ то, что практически полезно. „Добро есть то, —говоритъ Сократъ,—что полезно человѣку“²⁾; по извѣстіямъ Ксенофонта, добро и зло имѣли для Сократа только относительный характеръ: „все бываетъ добрымъ и прекраснымъ по отношенію къ тому, къ чему оно пригодно, и дурнымъ и безобразнымъ по отношенію къ тому, къ чему оно непригодно“³⁾, такъ какъ „нѣтъ такого блага, которое не служило бы благомъ ни для чего“⁴⁾. Съ этой точки зрѣнія Сократъ смотритъ и на отношенія человѣка къ другимъ людямъ. По его мнѣнію, нужно поддерживать добрыя отношенія только съ тѣми людьми, которые могутъ быть для насъ полезными⁵⁾. Словомъ, по изображенію Ксенофонта, Сократъ училъ, что основаніемъ и послѣднею цѣлью нравственной жизни должны служить практическія потребности человѣка. Напротивъ, по

¹⁾ Zeller, стр. 76—77; Memor., IV, IV, ст. 18—21

²⁾ Memor; кн. III, гл. IX, ст. 4; IV, V, 6; IV, VI, 9.

³⁾ Memor., III, VIII, ст. 7. ⁴⁾ Ibidem, III, VIII, ст. 3. ⁵⁾ Ibidem, II, III, 14.

изображенію Платона, Сократъ полагалъ, что добродѣтель есть благо сама по себѣ, независимо отъ ея практическихъ послѣдствій, и разумѣлъ подъ добромъ (τὸ ἀγαθόν) нравственно-хорошее. По свидѣтельству Платона, Сократъ училъ, что зло всегда есть зло и потому никогда не должно его дѣлать ¹⁾; „несправедливость всегда незаконна и постыдна“, даже и „въ томъ случаѣ, если мы дѣлаемъ ее человѣку несправедливому“ ²⁾, такъ какъ „никто не долженъ дѣлать людямъ зло, хотя бы самъ и терпѣлъ отъ нихъ что-нибудь подобное ³⁾. Часто Сократъ убѣждалъ своихъ соотечественниковъ заботиться только о справедливости и называлъ самымъ счастливымъ того человѣка, кто никому не сдѣлалъ зла ⁴⁾.

Вслѣдствіе такого противорѣчія между извѣстіями Ксенофонта и Платона ученые изслѣдователи расходятся въ своихъ взглядахъ на образъ Сократа, какъ моралиста. Одни ⁵⁾, довѣряя болѣе Ксенофону, чѣмъ Платону, считаютъ Сократа утилитаристомъ и отчасти эвдемонистомъ, а другіе, напротивъ, довѣряя болѣе Платону, чѣмъ Ксенофону, признаютъ Сократа проповѣдникомъ чисто нравственныхъ началъ. Мы полагаемъ, что Сократъ не былъ чистымъ утилитаристомъ и признавалъ, что добродѣтель сама по себѣ есть безусловное благо. Ясное подтвержденіе этого положенія мы находимъ во всемъ характерѣ нравственно-философской дѣятельности великаго аѳинскаго мыслителя. Всѣмъ извѣстна истина, что если мы наблюдаемъ человѣка съ цѣльнымъ характеромъ, который обладаетъ достаточной силой воли и потому всегда поступаетъ такъ, какъ думаетъ, то по поступкамъ и образу жизни этого человѣка мы можемъ узнать его убѣжденія (Мѳ. VII, 16). У Ксенофонта мы находимъ нѣсколько фактовъ, показывающихъ, что Сократъ обладалъ такой силой воли, что всегда поступалъ согласно съ своимъ ученіемъ ⁶⁾. Поэтому мы можемъ рассу-

1) Сочиненія Платона, т. 2-й, діал. „Критонъ“, стр. 24 (ст. 49, А).

2) Ibidem, ст. 49, В.

3) Діал. Критонъ, ст. 49, С и Д, Апологія Сократа, ст. 29, В.

4) Діал. Критонъ, ст. 48, А и С, Горгіасъ, 469, А, В и С, 478, С, Д и Е.

5) Джонъ Стюартъ Милль, Блекки, Циглеръ и др.

6) Метог., I, I, 17—18; I, II, 28—30; IV, IV, 1—7.

дать такимъ образомъ: если бы Сократъ по своимъ убѣжденіямъ стоялъ на точкѣ зрѣнія утилитаризма, то онъ, естественно, и въ своей жизни долженъ бы былъ больше всего заботиться объ удовлетвореніи своихъ практическихъ интересовъ. Не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Ксенофонтъ характеризуетъ личность Сократа такими чертами, которыя не могутъ принадлежать утилитаристу. Выступивъ въ качествѣ учителя нравственности среди современнаго ему общества, развращеннаго ложнымъ ученіемъ корыстолюбивыхъ софистовъ, Сократъ въ теченіе многихъ лѣтъ служилъ этому дѣлу, отказавшись для этого отъ всякихъ другихъ дѣлъ—частныхъ и общественныхъ ¹⁾. Онъ не только не заботился объ увеличеніи своихъ матеріальныхъ средствъ, но даже отказывался брать плату за обученіе ²⁾ и отличался такою умѣренностью, что довольствовался лишь самымъ необходимымъ ³⁾. Нравственное просвѣщеніе аѳинянъ Сократъ считалъ своимъ долгомъ, столь обязательнымъ для его совѣсти, что онъ предпочелъ лучше пожертвовать жизнью, чѣмъ отказаться отъ него по требованію враговъ ⁴⁾. Въ этомъ фактѣ особенно ясно выразилось убѣжденіе Сократа, что нравственный долгъ для человѣка долженъ возвышаться надъ всякими практическими интересами ⁵⁾. Въ своихъ бесѣдахъ Сократъ нерѣдко говорилъ, что всѣ внѣшнія блага имѣютъ для насъ лишь относительное значеніе, да и то только тогда, когда мы, подъ руководствомъ мудрости, пользуемся ими такъ, какъ слѣдуетъ ⁶⁾, но сами по себѣ, безъ мудрости, эти блага—ничто ⁷⁾.—Все это приводитъ насъ къ заключенію, что Сократъ разумѣлъ подъ благомъ, какъ цѣлю жизни, умственное и нравственное совершенствованіе души. Конечную задачу нашей нравственной дѣятельности аѳинскій философъ полагалъ въ высшей мудрости, которую онъ признавалъ высшимъ благомъ, сообщающимъ человѣку блаженство. Это воззрѣніе Со-

¹⁾ См. „Очеркъ исторіи греческой философіи“ Целлера, перев. подъ редакціей проф. М. И. Каринскаго, СПб., 1886 г., стр. 83.

²⁾ Мемор., I, II, 5.

³⁾ Мемор., I, II, 1—5.

⁴⁾ Апологія Сократа, ст. 28—30. Мемор., IV, IV, 4.

⁵⁾ Апологія Сократа, ст. 23, В.

⁶⁾ Мемор., IV, II, 34—35.

⁷⁾ Соч. Платона, т. I, стр. 144, 178. Ср. діал. Эвтидемъ, ст. 281, Д и Е.

крата ясно выражено какъ у Платона ¹⁾, такъ отчасти и у Ксенофонта ²⁾. Мудрость, сопровождающаяся нравственною дѣятельностью, является у Сократа началомъ и концомъ добродѣтели.

Теперь возникаетъ вопросъ: если Сократъ полагалъ, что добродѣтель сама по себѣ—нѣчто цѣнное, то какъ примирить съ этимъ тѣ извѣстія Ксенофонта, которыя, повидимому, показываютъ, что Сократъ во взглядѣ на человѣческую жизнь не чуждъ былъ и утилитарной точки зрѣнія? Нѣкоторые изслѣдователи заподозрѣваютъ точность этихъ извѣстій, предполагая, что Ксенофонтъ, не будучи глубокимъ философомъ, невѣрно понималъ частныя пункты Сократовой этики. Едва-ли, однако, можно признать это предположеніе правильнымъ, такъ какъ и въ нѣкоторыхъ діалогахъ Платона встрѣчаются извѣстія, подобныя Ксенофонтовымъ ³⁾. По нашему мнѣнію, всѣ такого рода извѣстія исторически достовѣрны и объясняются слѣдующимъ образомъ. Признавая добродѣтель безусловнымъ благомъ, Сократъ вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ, что она доставляетъ человѣку не только нравственную удовлетворенность, но и относительныя—частныя и общественныя блага. Эти блага (здоровье, красота, сила и богатство ⁴⁾) Сократъ, повидимому, сводилъ къ счастью (*eúπραγία*) и благополучію (*eúτοχία*); вотъ почему онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „знаніе, при всякомъ употребленіи и дѣйствіи, доставляетъ людямъ благополучіе и счастье“ ⁵⁾. Слѣдовательно, кто обладаетъ мудростью, тотъ обладаетъ и правильно пользуется внѣшними благами, которыя, при невѣжествѣ человѣка, могутъ стать для него зломъ ⁶⁾. Сократъ признавалъ добродѣтель полезной въ практическомъ отношеніи и, вѣроятно, нерѣдко долженъ былъ повторять это положеніе.

¹⁾ Соч. Платона въ перев. проф. Карпова, т. II, стр. 229, Ср. діал. Горгіасъ, ст. 506, Д, 513, С.

²⁾ Мемог., III, IX, 14; IV, I, 5; IV, II, 35; IV, V, 6, 12; IV, VIII, 6.

³⁾ Діал. Протагоръ, ст. 358, В; ср. соч. Платона, т. II, стр. 190 (ст. 88, Е) т. IV, 231.

⁴⁾ Соч. Платона, т. II, стр. 188 и 245.

⁵⁾ Апологія Сократа, ст. 30, В; ср. Эвтидемъ, 281, В, 282, С.

⁶⁾ Діал. Эвтидемъ, ст. 280, А. В; Мемог., IV, I, 5; ср. соч. Плат., пред. Карпова, т. I, стр. 275.

Дѣло въ томъ, что ему въ качествѣ общественнаго учителя приходилось имѣть дѣло съ людьми, различными по своему умственному и нравственному развитію. Среди нихъ, конечно, встрѣчались и такія лица, которыя не могли во всей глубинѣ постичь Сократово ученіе. Приспосаблиаясь къ умственному уровню, такихъ собесѣдниковъ и призывая ихъ къ добродѣтели, Сократъ долженъ былъ указывать, какъ на побужденія къ ней, на ея практическіе результаты—ея полезность ¹⁾. Кромѣ этого эта сторона ученія Сократа выдвинута Ксенофонтомъ потому, что онъ писалъ свои „Воспоминанія“ съ апологетическою цѣлью. Желая оправдать своего любимаго учителя въ глазахъ грековъ, Ксенофонтъ указываетъ, что Сократъ наставлялъ добродѣтели, полезной и для частныхъ лицъ, и для всего государства ²⁾.

По воззрѣнію Сократа, источникъ добродѣтели заключается въ Богѣ, который даетъ каждому человѣку прекрасную душу, одаренную большими или меньшими способностями и склонностью къ мудрости ³⁾.

Единственный путь къ достиженію добродѣтели Сократъ видѣлъ въ самопознаніи (γῶσις σεαυτοῦ) ⁴⁾. Этотъ путь долженъ открываться критическою оцѣнкою наличныхъ знаній, послѣ которой человѣкъ приходитъ къ сознанію, что онъ не имѣетъ истиннаго знанія, основаннаго на точныхъ понятіяхъ, а не на личныхъ мнѣніяхъ ⁵⁾. Сознавъ это, человѣкъ, по Сократу, долженъ почувствовать жажду знанія. Послѣ этого онъ путемъ строгаго и методическаго мышленія можетъ развитъ истинное знаніе самъ изъ себя (αὐτὸς ἐξ αὐτοῦ), такъ какъ а) наша душа, будучи божественнаго происхожденія, имѣетъ расположеніе и способность къ добродѣтели ⁶⁾ и такъ какъ б) Богъ, всегда промышляющій о человѣкѣ, даетъ ему указанія въ за-

¹⁾ Ср. статью «Нѣсколько словъ о Сократѣ и утилитаризмѣ» Павла Лейфельда, въ журн. «Вѣра и Разумъ», 1889 г. № 3 и 4.

²⁾ Ср. кн. С. Трубецкой, „Метафизика въ древней Греціи“, Москва, 1890 г.

³⁾ Мемор., I, II, 19, I, IV, 13—18. Ср. діал. „Протагоръ“, ст. 319, В, С и Д; 329, В.

⁴⁾ Zeller, стр. 84—86, 100; Мемор., IV, II, ст. 23—35. Ср. соч. Н. Я. Грота „Очеркъ философіи Платона“, Москва, 1897 г. стр. 9.

⁵⁾ Отсюда изреченіе Сократа: „я знаю только то, что ничего не знаю“.

⁶⁾ Діал. „Протагоръ“, ст. 66, Д (стр. 72).

трудолюбивыя минуты ¹⁾), какъ Онъ давалъ ихъ Сократу чрезъ демоніона ²⁾. „Испытывая себя и другихъ“ ³⁾ и „ислѣдуя, что есть каждая существующая вещь“ (τί ἐκαστον ἐστὶ τῶν ὄντων⁴⁾), человѣкъ постепенно вырабатываетъ точныя понятія, пользуясь для этого діалектическимъ методомъ и формою живого собесѣдованія съ другими ⁵⁾. Эти понятія служатъ, по Сократу, основою истиннаго знанія и должны быть, при правильномъ процессѣ мышленія, одинаковыми у всѣхъ людей ⁶⁾. Выступивъ въ качествѣ общественнаго учителя, Сократъ старался возбудить въ своихъ соотечественникахъ стремленіе къ опредѣленію понятій ⁷⁾ и при этомъ оказывалъ имъ свою помощь ⁸⁾.

Подводя итоги всему сказанному, мы получаемъ слѣдующее. Своимъ опредѣленіемъ добродѣтели, какъ знанія, Сократъ хотѣлъ сказать, что норма человѣческихъ дѣйствій заключается въ ясномъ и вѣрномъ знаніи, такъ какъ это знаніе направляетъ наши поступки къ добру. Подъ „истиннымъ знаніемъ“ Сократъ разумѣлъ то знаніе, въ основѣ котораго лежатъ точныя понятія правильно выработанныя о сущности вещей, а подъ „добродѣтелью“—ту дѣятельность, которая соотвѣтствуетъ правильно выработаннымъ понятіямъ и отвѣчаетъ духовнымъ и практическимъ потребностямъ человѣка. Добродѣтель, по Сократу, приводитъ человѣка къ высшему благу, источникъ котораго въ Богѣ и путь къ которому въ самопознаніи.

Спрашивается теперь: какими причинами объяснить тотъ фактъ, что Сократъ основнымъ принципомъ своей морали поставилъ *отожестовленіе добродѣтели съ знаніемъ*? По нашему мнѣнію, этотъ фактъ объясняется двумя причинами: а) лич-

¹⁾ Мемог., I, I, 19; I, IV, 15—19; IV, VIII, 10; Ср. соч. Платона, т. II, стр. 181 (ст. 107, Д).

²⁾ Мемог., I, I, 4; Апологія Сократа, ст. 33, С.

³⁾ Апологія Сократа, ст. 29.

⁴⁾ Мемог., IV, VI, 1.

⁵⁾ Zeller, стр. 30, 78.

⁶⁾ См. историческій очеркъ В. Д. Сашковскаго: „Сократъ и его время“, въ „Мірѣ Божіемъ“ за 1892 г., м. январь.

⁷⁾ Мемог., IV, V, 11; IV, VIII, 4.

⁸⁾ См. „Очеркъ исторіи философіи съ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени“, Н. Страхова, 1894 г., Харьковъ, изд. 2-е.

нимъ нравственнымъ характеромъ самого Сократа и б) высокимъ взглядомъ Сократа на человѣческую природу вообще.

а) По внутреннему складу Сократъ былъ человѣкъ глубокаго ума и твердаго характера и при этомъ отличался удивительною чуткостью къ голосу своей совѣсти (Римл. II, 14, 15). Такими чертами личности Сократа объясняется, съ одной стороны, сравнительная ¹⁾ чистота его нравственной жизни, давшая одному западному ученому поводъ сравнивать Сократа даже съ Иисусомъ Христомъ ²⁾. Съ другой стороны, эти черты отчасти объясняютъ намъ, почему Сократъ былъ убѣжденъ, что знаніе необходимо ведетъ къ добродѣтели. „Его собственная мысль, по словамъ проф. Каринскаго, была такъ ясна и его воля была такъ послушна его мысли, такъ прекрасно гармонировала съ нею, что Сократъ, какъ человѣкъ рѣдкой духовной цѣльности, на себѣ чувствовалъ неразрывную связь знанія съ добродѣтелію и думалъ, что стоитъ только достигнуть познанія нравственныхъ законовъ, чтобы душа стала послушна имъ“ ³⁾. Въ этомъ убѣждало Сократа и то сильное вліяніе, которое онъ производилъ своею личностью на слушателей, побуждая ихъ слѣдовать его ученію ⁴⁾.

б) Свойствамъ характера Сократа соответствуетъ и его взглядъ на человѣческую природу вообще. Этотъ взглядъ ясно выражается въ слѣдующихъ словахъ Сократа, взятыхъ изъ діалога „Федонъ“: „не стыдно-ли дѣлаться ненавистникомъ людей черезъ то, что, по неопытности нашей и незнанію людей, мы составили себѣ о нихъ ложное понятіе; тотъ, кто въ нѣкоторой степени обладаетъ знаніемъ человѣческаго сердца, убѣжденъ, что весьма мало есть людей какъ вполне добродѣтельныхъ, такъ и совершенно злыхъ, а что большая часть людей занимаютъ середину между этими двумя крайностями...

¹⁾ Мы говоримъ: „сравнительная“, потому что Сократъ, будучи значительно лучше своихъ современниковъ (Мемог. I, I, 20; IV, VIII, 10—11), въ то же время не чуждъ былъ нѣкоторыхъ слабостей и недостатковъ,—онъ, напр., былъ грубъ съ своею женою (діал. Федонъ, ст. 60, А), проводилъ съ друзьями ночи на пиршествахъ (Мемог., I, III, 6; III, XIV, 1).

²⁾ См. брош. „Сократъ и Иисусъ Христосъ“, перев. съ нѣм. свящ. А. Ковальничаго, Ломжа, 1880 г.

³⁾ М. И. Каринскій, Лекціи по исторіи философіи, чит. студ. С.-Петербург. Дух. Академіи въ 1884/5 уч. г., стр. 194.

⁴⁾ Мемог., I, II, 48. 64; I, IV, 19; IV, I, 1. Ср. соч. Платона, т. II, стр. 172.

Если бы предложили награду за злобу, то немногие явились бы на состязаніе¹⁾. Сократъ не зналъ истиннаго происхожденія грѣха и изначальной нравственной испорченности человѣческой природы, отъ которой въ людяхъ происходитъ сильнѣйшая склонность ко злу. Замѣчая въ себѣ самомъ господство разума надъ низкими влеченіями и полное согласіе воли съ нравственными понятіями, Сократъ былъ убѣжденъ, что душа силою разумности вообще господствуетъ надъ тѣломъ и можетъ управлять имъ, какъ ей угодно²⁾. Если только мы знаемъ, въ чемъ заключается наше благо, то для насъ, по воззрѣнію Сократа, уже не можетъ быть колебанія между добромъ и зломъ. Отсюда вытекало положеніе Сократа: люди дѣлаютъ то, что считаютъ добромъ, зла сознательно не дѣлаютъ.

Что такое воззрѣніе Сократа на человѣческую природу очень далеко отъ истины, это такъ для насъ теперь очевидно, что не требуетъ и доказательства. Не говоримъ уже о томъ, что это воззрѣніе оказывается рѣшительно несостоятельнымъ при свѣтѣ Христова ученія, которое признаетъ, что въ людяхъ существуетъ врожденная склонность ко злу,—злая склонность сердца и злое направленіе ихъ воли; что эта склонность ко злу подвергаетъ извращенію само наше знаніе и мышленіе касательно высшихъ предметовъ (1 Кор. XII, 3). Мудрецы всѣхъ времемъ и народовъ сознавали, что умъ человѣка помраченъ, сомнѣвались въ возможности для человѣка при помощи естественныхъ силъ найти достовѣрную истину и жаловались на разладъ между лучшими нравственными стремленіями человѣка и противодѣйствующими влеченіями ко злу. Современники Сократа—Критій и Алкивиадъ, конечно, хорошо знали ученіе его о добродѣтели и, однако, не были, подобно ему, людьми добродѣтельными³⁾. Вотъ почему гениальнѣйшій ученикъ Сократа—Платонъ признавалъ, что для нравственнаго усовершенствованія необходимо не только путь правильнаго познанія, но и путь правильнаго поведенія⁴⁾.

М. Краснюкъ.

¹⁾ Вѣра и Разумъ, 1897 г., № 1, „Зло, его сущность и происхожденіе“, прот. Буткевича, стр. 49.

²⁾ Соч. Платона, діал. „Протагоръ“, стр. 124 (ст. 357, С, Д и Е).

³⁾ Метог., I, II, ст. 13—18.

⁴⁾ См. „Очеркъ философіи Платона“, Н. Я. Грота, Москва, 1897 г., стр. 175.

Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе въ истинной церкви.

(Продолженіе *).

Религія есть ученіе и дѣятельность. Но ни какъ ученіе, ни какъ дѣятельность въ своей первоначальной формѣ она не была изобрѣтеніемъ человѣческимъ. Только чрезъ откровеніе человѣкъ узналъ Бога и научился почитать его. Что-нибудь изъ двухъ: или человѣкъ потомокъ животныхъ, или онъ — непосредственное созданіе Творца. Если онъ потомокъ животныхъ, то откуда у него суевѣрія и культъ? Нельзя выдумать никакихъ факторовъ, которые могли бы направить антропоидовъ къ тѣмъ религіямъ, которыя имѣютъ дикари. Даже и при теоріи естественнаго происхожденія человѣка нѣкоторые ученые, не легко удовлетворяющіеся ничего не объясняющими объясненіями, предполагаютъ откровеніе. Такъ поступаетъ Уоллэсъ. Но если принять, что человѣкъ есть непосредственное созданіе Божіе, то тогда, конечно, должно признать, что первая религія человѣка была дѣломъ Божіимъ. Факты религіозности выражаютъ собою неистребимое стремленіе человѣчества къ Божеству. Единственно возможное представленіе о Богѣ обязываетъ мыслить, что это стремленіе находитъ себѣ удовлетвореніе по меньшей мѣрѣ настолько, насколько заслуживаетъ стремящійся. Апок. III, 20. Но если такъ, то значить, что первымъ стремленіемъ первыхъ людей къ Богу отвѣчало откровеніе, богоявленіе. Богообщеніе было изначальнымъ фактомъ, а дѣло поддержанія богообщенія должно было быть результатомъ нрав-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 21.

ственныхъ усилій челоѣка. Въ Богѣ нѣтъ премѣненій или преложеній стѣнь. Но челоѣкъ, это—трость колеблемая, легко подчиняющаяся и поддающаяся самымъ разнообразнымъ влеченіямъ, сталъ искажать богоучрежденныя установленія. Въ своей первоначальной формѣ религія и какъ внѣшнее откровеніе, и какъ внутреннее стремленіе была безусловной истиной. Отсюда всякій культъ—даже въ самыхъ его нечѣпкихъ и ужасныхъ формахъ, каковы, наприм., челоѣческія жертвы, должно разсматривать, какъ искаженіе истины, а не какъ изначальную ложь. Однако между многими религиозными обрядами и дѣйствіями и первоначальнымъ истиннымъ богопочитаніемъ при современномъ состояніи нашихъ знаній трудно установить даже проблемматически историческую связь. Обрѣзаніе, по нашему мнѣнію, не принадлежитъ къ числу такихъ религиозныхъ обычаевъ. Оно сохранило (въ существѣ, а не въ подробностяхъ) свою богоучрежденную форму и оно должно было всегда обрѣзававшихся, когда они размышляли о фактѣ обрѣзанія, приводить къ мысли о его нравственномъ значеніи.

За всѣмъ тѣмъ мы признаемъ, что слѣды первобытнаго откровенія трудно находить и что съ несомнѣнностію можно указать на очень немногое, какъ на дѣйствительный остатокъ памяти о первобытномъ прошломъ. Это не удивительно. Если Өара, отецъ Авраама, служилъ богамъ инымъ; если въ домѣ самаго Моисея завѣтъ обрѣзанія оказался несоблюденнымъ (Исх. IV, 24—26), то понятно, что въ иныхъ племенахъ и народахъ забвеніе истины должно было совершаться быстро, быть широкимъ и глубокимъ. Но связь народовъ земли съ народомъ, которому были вѣрены слова Божіи, какъ мы уже говорили, не была порвана безусловно. Общеніе народовъ имѣло мѣсто и въ ветхозавѣтную эпоху. Отсюда уже въ позднѣйшее время истины откровенія могли проникать къ язычникамъ. Имѣемъ ли мы языческія свидѣтельства этого?

Имѣемъ безспорныя. Но кромѣ безспорныхъ имѣются сомнительныя и затѣмъ есть теоріи, очень широко и очень различно толкующія нѣкоторыя свидѣтельства. По одной изъ таковыхъ теорій изъ языческихъ свидѣтельствъ ясно слѣдуетъ, что истины монотеизма и правильнаго богопочтенія всегда сообщались

народамъ. Таковую теорію въ чрезвычайно парадоксальной и однако остроумной формѣ развилъ около 20 лѣтъ назадъ нѣкто Кригъ въ книгѣ: *Monoteismus d. Offenbarung und d. Heidenthum* (Mainz 1880 г.). Кригъ—католикъ и его книга написана *ad maiorem Romae gloriam*. Его способъ толкованія не выдерживаетъ крикаки, но его взгляды на философію исторіи и на пути промысла исполнены искренно благочестиваго христіанскаго чувства и заслуживаютъ полнаго вниманія. Онъ исходитъ въ своемъ разсужденіи изъ толкованія св. Іоан. Златоустомъ псалма 4, 6, каковому толкованію придаетъ тотъ смыслъ, что евреи были народомъ пророковъ и учителями человечества. Они наставляли въ истинахъ богопознанія и богопочитанія какъ востокъ, такъ и западъ. Кригъ ставитъ эпиграфомъ своей книги слова изъ молитвы Соломона при построеніи храма. 3 Цар. 8, 43 и говоритъ, что эти слова выражаютъ не только желаніе мудраго царя, но и дѣло, которому служили евреи. Народамъ, которымъ провидѣніе давало господство надъ міромъ, провидѣніе, по Кригу, всегда сообщало черезъ евреевъ истинное богопознаніе. Древнѣйшею изъ всемірныхъ монархій является ассирійская. Кригъ утверждаетъ, что Ассуръ ассирійцевъ, это—единный высшій Богъ, Іегова евреевъ. Царство ассирійское пришло въ соприкосновеніе съ израильскимъ около 800 г. до Р. Х. При Іеровоамѣ II Іона путешествовалъ въ Ниневію. Кригъ отмѣчаетъ, что новѣйшія раскопки въ Ниневіи открыли нѣчто относящееся къ книгѣ пр. Іоны. Возвышенность при Мозулѣ еще и теперь называется *Nebi Iunus*, т. е., пророкъ Іона. Царство ассирійское смѣнилось вавилонскимъ. Здѣсь исторія пр. Давиила показываетъ, что истинное богопочтеніе черезъ евреевъ во дни Навуходоносора стало извѣстно и великому монарху. Послѣ Вавилонянъ на историческую арену выступили персы. Пророчество Ісаи о Кирѣ уже само, по Кригу, свидѣлствуетъ, что персы не были далеко отъ Бога. Ихъ Ормуздъ есть единный высшій Богъ. Персовъ смѣнили греки. Кригъ воспроизводитъ разсказъ Іосифа Флавія Древности II, 8, 4—5) о томъ, какъ Александръ Македонскій посѣтилъ Іерусалимъ, направляясь противъ Дарія. Первоначальникъ Іудей принялъ Александра съ великою пышно-

стію и показалъ ему пророчество Даниила о царствахъ (8, 3 et. folg.). Александръ отнесъ къ себѣ пророчество о великомъ завоевателѣ. Здѣсь, говоритъ Кригъ, мы имѣемъ первый примѣръ въ исторіи, какъ богодухновенныя писанія евреевъ ясно являются агентомъ міровой политики. Доселѣ они имѣли важное значеніе только въ политикѣ національной. Александръ подтвердилъ всѣ права и преимущества первосвященнической власти и вообще обнаружилъ большое благоволеніе къ евреямъ. На смѣну грековъ выступилъ Римъ. Если о другихъ государствахъ Кригъ говорилъ еще объективно,—хотя конечно его соображенія объ Асурѣ и Ормуздѣ и довѣріе къ свидѣтельству Флавія не принадлежатъ къ числу заслуживающихъ подражанія,—то эта объективность у него совершенно пропадаетъ, когда онъ подходитъ къ исторіи вѣчнаго города. Имъ какъ будто овладѣваетъ то настроеніе, которое охватывало средневѣковыхъ пилигримовъ, когда они приближались къ стѣнамъ *Romae aeternae*, Римъ—для него городъ особеннаго божественнаго попеченія, предназначенный служить величайшимъ дѣламъ міровой исторіи. Уже въ своемъ введеніи онъ останавливаетъ вниманіе читателя на словахъ блаж. Августина: *per ea tempora (Ezechiae et Numae) isti velut fontes profetiae eruperunt, quando regnum (assyrium deficit et) Romanum coepit.* (Civit. Dei. 18, 27).

Основная мысль Крига та, что Римъ VIII и непосредственно слѣдующихъ столѣтій до Р. Х., Римъ, который мы считаемъ варварскимъ, воинственнымъ, у котораго не было литературы и философіи, который раздѣлялъ и повелѣвалъ, этотъ Римъ былъ строго монотеистиченъ. Его богопознаніе и богопочитаніе были также истинны, какъ религія Ноя. Въ глазахъ Крига Нума—Помпилій—второй царь Рима, лицо столь же высокое, какъ великіе почитатели истиннаго Бога, подобны Мельхиседеку, которыхъ называетъ Библія. Избраніе Нумы на царство (т. е. собственно сказаніе объ избраніи) напоминаетъ Кригу избраніе на папскій престолъ Григорія VII и Иннокентія III. Въ защиту своего тезиса о содержаніи Нумою истиннаго богопочитанія Кригъ приводитъ рядъ свидѣтельствъ изъ церковныхъ и классическихъ писателей. Прежде всего онъ обращаетъ вни-

маніе на слѣдующее мѣсто апологетика Тертуліана, обращеннаго къ Септимию Северу и сенату: „вы сами однако должны знать, что ваши собственные законы, поскольку они кажутся стремящимися къ тому, чтобы существовала невинность, получили свою форму отъ божественнаго закона, какъ древнѣйшаго“ (Apol. 45). Какой же это древнѣйшій законъ? Есть только единственное божественное законодательство, отъ котораго римское могло получить свое содержаніе, и это есть книга закона Моисея.

Tradidit arcano quodeunque volumine Moses (Iuvenal. Sat. 14, 102)

Тертуліанъ былъ римскій юристъ и, апеллируя, какъ къ извѣстному факту, что римскіе законы произошли отъ древнѣйшаго божественнаго, онъ долженъ былъ знать, что говорить. Слѣдующее свидѣтельство о Нумѣ даетъ грекъ уже въ зрѣломъ возрастѣ, обратившійся отъ греческой философіи къ христіанству—Климентъ Александрійскій“. Нума, царь римскій, пишетъ онъ, былъ пифагорейцемъ и наставленный въ ученіи, заимствованномъ отъ Моисея, запретилъ римлянамъ дѣлать изображенія божества въ человѣко—или животно—подобной формѣ. Въ теченіе первыхъ ста семидесяти лѣтъ римляне, если они строили храмы, и не имѣли никакихъ изображеній божества, ни рисованныхъ, ни вырѣзанныхъ. Поелику Нума показалъ имъ въ тайномъ ученіи, что почитаніе Высочайшаго не можетъ совершаться иначе, какъ только въ духѣ (Strom. 1, 15). По мысли Климента, Пифагоръ, какъ и другіе философы древности, лучшее и истинное въ своемъ ученіи заимствовалъ отъ Моисея. Къ этому свидѣтельству Климента Кригъ присоединяетъ слова Плутарха: „нѣкоторые говорятъ, что Нума—ученикъ Пифагора, между тѣмъ другіе полагаютъ, что онъ получилъ обученіе отъ нѣкотораго варварскаго (чужеземнаго) философа, который былъ древнѣе Пифагора“. Кригъ отмѣчаетъ, что греческіе писатели никогда не называли евреевъ ихъ собственнымъ именемъ, а именовали варварами. Но у всѣхъ варваровъ можно назвать только одного философа—Моисея. Философіи или закону Моисея и былъ наставленъ Нума. Послѣднюю часть свидѣтельства Климента Кригъ сопоставляетъ съ слѣ-

дующими словами Ливія: „такъ какъ онъ (Нума) вѣрилъ, что небесное божество (coeleste Numen) управляетъ судьбами людей, то исполнилъ онъ сердца всѣхъ такимъ страхомъ Божиимъ, что вѣрность и святость присяги управляли тогда общиною, какъ впоследствии законъ и страхъ наказаній (1, 21). Что это такое за coeleste Numen? Имъ именовалось то божество, которое почитали евреи. Такъ Ювеналь, говоря о богопочитаніи евреевъ, пишетъ.

Quidam sortiti metuentem sabbata patrem
Nil praeter nubes et Coeli numen adorant

(Juven. Sat. 14, 97).

Замѣчательно, что и сами евреи называли себя и назывались другими почитателями Бога неба. Такъ, Иона сказалъ о себѣ корабельщикамъ: „я еврей, чту Господа Бога небесъ, сотворившаго море и сушу (Ион. 1, 9). Такъ, Ахіоръ, излагая Олоферну кратко исторію евреевъ, объ ихъ поворотѣ въ халдеѣ къ истинному богопочитанію выражается: „начали поклоняться Богу неба (Иуд. V, 8). Все это направляетъ къ выводу, что божество евреевъ и божество Нумы есть одинъ и тотъ же Истинный Богъ. Кривгъ приводитъ рядъ языческихъ свидѣтельствъ о характерѣ царствованія Нумы. Эней Флоръ писалъ: Нума такъ измѣнилъ дикій и воинственный народъ, что власть, которую они приобрѣли только несправедливостью и насиліемъ, теперь сохранялась черезъ религію и добродѣтель. Аврелій Викторъ: „по причинѣ великаго призванія честнаго правительства Нумы, никто не осмѣливался противъ него начинать войну“. Евтропій: „хотя Нума не велъ никакой войны, однако его правленіе не менѣе способствовало благополучію государства, чѣмъ правленіе Ромула; онъ далъ римлянамъ книгу законовъ и нравственныхъ правилъ, между тѣмъ какъ до его времени они по причинѣ ихъ непрестанныхъ войнъ были не чѣмъ инымъ, какъ разбойниками и полуварварами“. Діонисій Галикарнасскій: „слѣдствіемъ мудраго и мирнаго правленія Нумы, во время котораго онъ не губилъ народъ въ войнахъ, но направилъ ихъ къ земледѣлію, было то, что онъ своими подданными былъ любимъ, въ сосѣдяхъ вызывалъ удивленіе и

его память долго жила въ потомствѣ“. Діонъ Кассій: „такъ какъ римляне въ правленіе Нумы въ постоянномъ мирѣ жили между собою и съ сосѣдями, то пришли они къ заключенію, что Нума, подобно Ромулу, былъ посланъ ихъ городу провидѣніемъ, поселику чрезъ дѣла обонхъ городъ въ короткое время такъ возросъ, что онъ совнѣ представлялся могущественнымъ и внутри былъ твердо организованъ“. Діодоръ Сицилійскій: „Помпиль, царь римлянъ, жилъ въ мирѣ, во всѣ свои дни. Нѣкоторые говорятъ, что онъ былъ ученикомъ Пиеагора и свои законы, касающіеся религін, вмѣстѣ съ другими вещами получилъ отъ него. Это чрезвычайно возвысило его авторитетъ и, хотя онъ не былъ римляниномъ, онъ былъ призванъ занять тронъ. Овидій говоритъ, что Нума былъ человѣкъ, котораго стремленіе къ совершенствованію въ знаніи побудило оставить отечество и свой городъ и идти въ Кротонъ

Animo maiora capaci
 Concipit et quae sit rerum natura requirit
 Hujus amor curae, patria Curibusque relictis
 Fecit ut Herculei penetraret ad hospitis urbem

(Ovid. Metam. 15, 6).

Впослѣдствіи Нума раскрывалъ своимъ внимательнымъ ученикамъ

Magni primordia mundi
 Et rerum causas et quid natura docebat
 Quid Deus (ibid. 15, 67).

Кругъ еще умножаетъ эти свидѣтельства, смыслъ каковыхъ всѣхъ сводится къ тому, что Нума гдѣ-то и кѣмъ-то (обыкновенно Пиеагоромъ или пиеагорейскимъ учителемъ) былъ наставленъ истинѣ главнымъ образомъ религіозной и принесъ ее къ себѣ на родину и въ ней наставилъ римлянъ. Божество, называвшееся у римлянъ Summanus, это высочайшій истинный Богъ, самое слово Юпитеръ значитъ въ сущности богъ неба (свѣта). Такимъ образомъ и это имя въ началѣ выражало истину. Храмъ истинному Богу былъ воздвигнутъ на Капитоліи при Нумѣ. Кругъ проводитъ параллель между законами Рима и Моисея и указываетъ много существенно сход-

наго ¹⁾, какъ въ требованіяхъ буквы, такъ и въ требованіяхъ духа. Даже между еврейскимъ первосвященникомъ и Pontifex maximus ему представляется сходство и родство. Нума, по представленію Крига, былъ въ Иерусалимѣ при Езекии. Можетъ быть, онъ былъ свидѣтелемъ чуда съ войсками Сеннахерима. Изъ Иерусалима Нума принесъ истину къ берегамъ Италіи, однако, имѣя въ виду особенности характера римлянъ, особенности ихъ провиденціального назначенія, онъ изложилъ имъ истину въ формѣ наиболее удобной для ихъ воспріятія. Въ мнѣіи о немъ Фъ Эгеріи (отъ егегеге изъ сокровенности выводитъ на свѣтъ) Кригъ видитъ персонификацію откровенія. У Тита Ливія есть рассказъ (40, 29), что въ 571 году отъ основанія Рима (въ 181 г. до Р. Х.) у подножія Яникула при раскопкахъ были найдены 2 гроба, надписи на которыхъ говорили, что въ одномъ изъ нихъ находится трупъ Нумы, а въ другомъ—его книги. Первый по вскрытіи оказался пустымъ, во второмъ нашли 14 книгъ (7—латинскихъ de jure pontificio и 7 греческихъ о философіи). Такъ какъ раскопки производились на средства писателя Петиллія, то книги эти и были взяты Петилліемъ и читались имъ и его друзьями. Но когда оказалось, что они содержатъ нѣчто несогласное съ религіозными установленіями государства, то преторъ, народные трибуны и сенатъ пришли къ заключенію, что книги нужно сжечь. Они и были сожжены. Въ указаніи причины, по которой книги были сожжены, для Крига является ключъ для объясненія, почему свидѣтельства о Нумѣ не всегда подтверждаютъ его теорію еврейскаго воспитанія царя, иногда глухи. Со времени Нумы Римъ уклонился отъ пути правды и вспоминать законы Нумы значило осуждать себя.

Уже то обстоятельство, что книга Крига не встрѣтила себѣ никакого сочувствія, что никто даже не нашелъ нужнымъ разобратъ хотя бы съ цѣлью опроверженія развиваемые въ ней взгляды, уже это склоняетъ къ отрицательному къ ней отношенію. Положенія Крига звучатъ какъ-то странно и необычно

¹⁾ Это старая тема, вновь выдвинутая Кригомъ. См. Teuffel, 914: *Mosaicismum et Romanarum legum collatio*—разсужденіе неизвѣстнаго автора второй половины IV вѣка.

и никакъ не согласуются съ тѣмъ, что утверждается въ курсахъ исторіи и историческихъ монографіяхъ. Для насъ независимо отъ исторической стороны дѣла представляется прежде всего страннымъ, какъ это Кригъ—католикъ, воспитанный, можно сказать, въ преувеличенно—внѣшнемъ представленіи единства церкви, говоря о религіи Нумы, совсѣмъ опускаетъ изъ виду мысль объ этомъ единствѣ. Представляя, что Нума былъ воспитанъ на торѣ, Кригъ однако принужденъ признать, что тора не была *in extenso* примѣнена въ Римѣ. У него не хватило смѣлости сказать, что въ Римѣ было обрѣзаніе, праздновали пасху и т. д. Но въ такомъ случаѣ если римское царство содержало истинное богопознаніе и правильное богочитаніе, и Іудея въ то время тоже пребывала въ истинѣ, и іудеи согласно съ своимъ богооткровеннымъ закономъ должны были трать товать римлянъ, какъ необрѣзанныхъ, какъ они трактовали и филистимлянъ, то оказывается, что на землѣ въ одно время были двѣ истины—плохо согласовавшіяся между собою. Еслибы Кригъ удержался на точкѣ зрѣнія нѣкоторыхъ учителей и отцовъ церкви, что язычники имѣли нѣчто хорошее и что это хорошее они заимствовали отъ евреевъ, тогда его теорія о томъ, что Нума многое взялъ изъ законовъ Моисея, была бы—если бы исторически и невѣрною, то по крайней мѣрѣ теоретически состоятельною. Но онъ хочетъ представить Нуму какъ бы носителемъ полной истины, и Римъ эпохи царей рисуется ему слишкомъ благочестивымъ. Чтобы получить эти выводы, Кригъ долженъ принять невозможную теорію двойственной истины, множественности завѣтовъ Бога съ народами, и при всемъ томъ его представленія о ходѣ вещей въ религіозныхъ судьбахъ Рима останутся вызывающими крайнія недоумѣнія. Нума—ученикъ Моисеева закона—вводитъ этотъ законъ въ Римъ въ сильно измѣненномъ видѣ. Эти измѣненія суть ли дѣло Нумы, или допущены имъ по указанію откровенія? Если послѣднее, то тогда для введенія религіи Ноя (немного болѣе) между непосредственнымъ откровеніемъ и Нумою не нужно было посредства Моисеева закона, и Нуму нечего связывать съ Іерусалимомъ. Если Нума самъ модифицировалъ законъ Моисея, то это было толь-

ко возможно во 1) при непризнаніи его полной богооткровенности и 2)—если даже принять религію Рима въ изложеніи Крига—при непониманіи Моисеева закона. Сущность еврейской религіи была въ обѣтованіяхъ. Гдѣ они въ ученіи Нумы? У Крига представляется весьма страннымъ несоотвѣтствіе средствъ съ цѣлями въ его теоріи. Нума пишетъ свои заветы, тщательно заботится о томъ, чтобы ихъ сохранить, хоронитъ ихъ въ особомъ гробѣ и что же получается въ результатъ? На книги наталкиваются черезъ столѣтія и ихъ сжигаютъ. Но главное конечно то, что теорія Крига стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій и отвергается всѣмъ тѣмъ, что написано о первоначальной исторіи Рима со времени Энія (239—161) и до нашихъ дней. Римляне—вѣтвь арійцевъ и ихъ религія въ глубокой древности имѣетъ много сходнаго съ вѣрованіями другихъ арійскихъ племенъ. Юпитеръ, Юнона, Янусъ, Веста, все это много древнѣе Нумы, а тамъ идутъ діи міногес: Сатурнъ, Консусъ, Волканусъ, Либеръ и Либера и затѣмъ обширная демонологія. Самъ Кригъ признаетъ, что до Нумы былъ еще Ромулъ, и было много племенъ въ Италіи. Названные нами боги безспорно древнѣе предполагаемаго перваго царя. Кригъ вырываетъ изъ историческихъ повѣствованій только то, что, ему кажется, при нѣкоторыхъ натяжкахъ подтверждаетъ его мысль, но совершенно игнорируетъ то, что его опровергаетъ. Развѣ тѣ самые писатели, которыхъ цитируетъ онъ, не говорятъ, что въ правленіе Нумы храмъ Януса все время оставался закрытымъ, развѣ они не говорятъ, что Нума воздвигъ алтарь Термину на capitoлійскомъ холмѣ. Отсутствіе идоловъ въ древнемъ Римѣ—хотя бы и не безусловное—находитъ себѣ полное объясненіе въ томъ, что римляне видѣли въ своихъ божествахъ абстракціи и почитали ихъ подъ символами (Марса подъ символомъ нѣкотораго копья, Юпитера—въ камнѣ, въ храмѣ Весты на форумѣ никогда не было изображенія богини). Самыя сказанія объ учителѣ Пифагорейцѣ Нумы должны бы внушить Кригу осторожность въ ихъ оцѣнкѣ. Пифагоръ по обычной хронологіи жилъ 2-мя столѣтіями позже Нумы и для того, чтобы въ преданіи хронологія такъ исказилась, нужно было не мало времени. И на самомъ дѣлѣ сказанія

о Нумѣ, на которыхъ хочеть утвердиться Кригъ, поздняго происхожденія, они не идутъ въ древность далѣ начала 1-ой пунической войны (264 до Р. X.) и имѣются вещественныя доказательства того, что ореоль учителя религіи былъ приданъ Нумѣ значительно позже того, какъ образы другихъ царей приняли въ сказаніяхъ и представленіяхъ народа совершенно опредѣленные представленія. Всѣмъ своимъ царямъ благодарные римляне поставили статуи. Ихъ по степени древности можно классифицировать на основаніи слѣдующихъ признаковъ: 1) древнѣйшіе—безъ туникъ и колець, 2) послѣдующіе—въ туникахъ и безъ колець, 3) позднѣйшіе—въ туникахъ и кольцахъ. Къ первому роду принадлежатъ статуи Ромула и Тита Тація, ко второму—Тулла Гостилія, Анна Марція и Тарквинія, къ третьему—Сервія Туллія и Нумы. Полагаютъ, что статуя Нумѣ поставлена не ранѣ V-го столѣтія. Хронологія статуй не соотвѣтствуетъ хронологіи царей, но послѣдняя въ настоящее время и не защищается никѣмъ изъ ученыхъ. Число, имена и дѣятельность этихъ царей, все проблематично. Самое имя Рима (Roma) теперь хотять ставить въ связь не съ Ромуломъ, но съ древнимъ рѣчнымъ богомъ Румономъ (Rumonus), число Тарквиніевъ изъ 2 (Priscus и Superbus) сводятъ къ одному, и, простирая древность Рима далѣ половины VIII столѣтія до Р. X., съ другой стороны признаютъ, что судьбы Рима и гораздо позднѣ этой даты окутаны совершеннымъ мракомъ. Но за всѣмъ тѣмъ если отвергнуть всѣ показанія историковъ о первоисторіи Рима на томъ основаніи, что они слишкомъ поздняго происхожденія, что на нихъ опочилъ духъ позднѣйшихъ эпохъ, національное самомнѣніе, и если оставить силу только за приведенными свидѣтельствами Крига, то и тогда, вѣдь, изъ нихъ вовсе не вытекаетъ того, что утверждаетъ Кригъ, и отъ Кротона еще остается громадное разстояніе до Иерусалима.

Съ теоріей Крига, вообще говоря, и не считаютъ нужнымъ считаться. Но есть въ ней нѣчто, что заслуживаетъ вниманія. Она развиваетъ на исторической почвѣ мысль, которая намъ представляется важной и въ сущности вѣрной. Мы говорили, что міръ не великъ по пространству. Поверхность, на иоторой разыгрывается исторія челоѣчества, менѣ 4 п 6377, 4², и

люди не могутъ подняться ни надъ этою поверхностью на высоту 10 верстъ, ни опуститься въ глубь ея на такое-же количество. Такова не обширная историческая сцена, но и исторія человечества, совершающаяся на ней и извѣстная намъ, имѣеть очень неглубокую древность. При всѣхъ попыткахъ расширять рамки хронологіи древнихъ государствъ ни одинъ серьезный историкъ не поведетъ насъ въ глубь вѣковъ болѣе отдаленную, чѣмъ 7 тысячъ лѣтъ. Исслѣдователи опускаютъ изъ виду эту хронологическую и географическую узкость исторіи. Они представляютъ себѣ, что на такомъ небольшомъ пространствѣ земли, въ такое небольшое время и небольшіе народы могли разбиться на какія-то обособленныя и самозамкнутыя единицы, которыя не имѣли между собою ничего общаго, шли и развивались особенными путями. Противъ такого представленія, формулируемаго болѣе или менѣе крайнимъ образомъ, Кригъ выдвигаетъ теорію сохраненія человечествомъ своего духовнаго единства, теорію постояннаго обращенія народовъ къ тому очагу, который, по нашему мнѣнію, содержалъ истинный духовный огонь. Кригъ отмѣчаетъ въ римскихъ законахъ и въ римской религіи, несомнѣнно, нѣчто такое, что должно признать приближающимся къ истинѣ. Мы думаемъ, что во всемъ этомъ много правды и притомъ правды поучительной и важной, если откинуть мысль о путешествіи Нумы къ Езениі. Римляне не любили путешествовать по морю и по природѣ своей питали нерасположеніе къ водѣ. Катонъ старшій сильно жаловался на то, что ему однажды пришлось совершить путешествіе по морю, которое онъ могъ-бы совершить и по сушѣ. Римскіе поэты, особенно Горацій, часто выражали свой ужасъ предъ водной стихіей... Это было въ позднѣйшія времена, да и во времена древнія у римлянъ уже были суда. Но это былъ результатъ необходимости, а не страсти къ путешествіямъ. Всѣ преданія показываютъ что за мудростью римляне считали совершенно достаточнымъ паломничать въ великую Грецію. А когда такая еще не возникла, чѣмъ отправляться въ отдаленныя страны, они могли поучиться у другихъ своихъ сосѣдей, не южныхъ, а сѣверныхъ, именно этрусковъ. Этрусски, загадочная на-

родность, жили къ сѣверу отъ Тибра и были сосѣдами латинянъ и сабинянъ. Несомнѣнно, они имѣли культуру несравненно высшую, чѣмъ латиняне и сабиняне. Скорѣе было учиться у нихъ, чѣмъ предпринимать опасныя, отдаленныя и тяжелыя путешествія на азіатскій востокъ или пробираться по направлению къ этому востоку по дикимъ, малозаселеннымъ и неизслѣдованнымъ странамъ Европы. Молитва Соломона объ иноплеменникѣ, который придетъ изъ земли далекой помолиться Богу израилеву, могла имѣть въ виду тѣхъ царей земли, о которыхъ говоритъ 3 Цар. X, 24. Свѣтъ Иерусалима могъ быть замѣченъ и привлечь къ себѣ только тѣхъ, которые были къ нему болѣе или менѣе близко, но Римъ былъ слишкомъ далеко и слишкомъ некультуренъ. Была другая народность, которая хорошо знала и Иерусалимъ, и Римъ, и Этрусковъ, и Грецію. Это фивикіане (сидоняне). Эти купцы древняго міра разносили съ собою культуру востока по всѣмъ берегамъ и островамъ Средиземнаго моря. Полагаютъ, что они проникали и далѣе и добывали олово на Британскихъ островахъ. Они распространяли съ собою культъ Астарты-Афродиты, (Aphrodet отъ Athtoget, Aztoget); обмѣнивали оружіе (λόγγη отъ финикійскаго gomach, gomeh), вводили свои игры (κῶτταβος отъ kutab-ось, на которой балансировали чашу съ виномъ), развивали страсть къ золоту (χρυσος отъ финикійско-еврейскаго chaguss), но они приносили и нѣчто лучшее: они дали Европѣ алфавитъ. Могли они рассказывать жителямъ отдаленной Европы и Африки и о своихъ сосѣдяхъ евреяхъ, и о ихъ Богѣ. Илія былъ въ Сарентѣ Сицилинской и, значитъ, между сидонянами были способные принять слово пророка. Могли быть таковыя и между сидонскими моряками. Не тору, конечно, могли они привезти къ берегамъ Арно или Тибра, но мысль о высшемъ Богѣ, о его пророкахъ, отдѣльныя хорошія правила, все это могли повѣдать люди отдаленнаго востока сынамъ Аппенинскаго полуострова. Послѣдніе могли довольствоваться узнаннымъ, принимать или отвергать его или, по указаніямъ купцовъ, сами отправлялись на востокъ, чтобы точнѣе узнать то, въ чемъ уже изъ чужой рѣчи можно было предположить нѣчто близкое къ

истинѣ. Мы полагаемъ, что послѣдняго не было во дни Нумы. Но однако уже и во дни Нумы жители Аппенинскаго полуострова (т. е. культурнѣйшіе изъ нихъ) могли слышать о евреяхъ, какъ носителяхъ особенной религіи и какъ особенномъ народѣ, и могли уже узнавать о нѣкоторыхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ этого народа. Во всякомъ случаѣ разсужденіе Крига показываетъ, что въ вѣрованіяхъ древнихъ римлянъ былъ не одинъ грубый политеизмъ, но и было нѣчто возвышенное (только неисключительно, какъ полагаетъ Кригъ), и что римляне не были народомъ, отъ которыхъ истинная ветхозавѣтная церковь была отгорожена непроницаемою стѣною.

Но проникло-ли на самомъ дѣлѣ что-нибудь къ римлянамъ отъ евреевъ, этого мы не можемъ утверждать и доказать съ несомнѣнностью. За то мы полагаемъ, что мы можемъ доказать это по отношенію къ другому арійскому народу—персамъ. Они выступаютъ на арену всемірной исторіи въ самомъ концѣ VII-го столѣтія до Р. Х. Приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ евреями приблизительно въ 538 г. и послѣ этого въ теченіе двухъ столѣтій евреи имѣютъ съ ними непрестанныя сношенія. Повѣствованія священныхъ книгъ ясно указываютъ, что евреи имѣли вліяніе на персовъ (Исаи 45, 1—4; 2 Паралип. 36, 22—23, Есѣирь—особ. V, 2 и VI, 1—8, 12, 17; 1 Ездр, Нееміи, 2 Ездры, Даніиль). Это не мѣшало многимъ утверждать (особенно Мишелю Бреаль), что персы имѣли религіозное вліяніе на евреевъ. Ренанъ въ своей „исторіи народа израильскаго“ даже предполагаетъ, что персы вліяли на вавилонянъ и чрезъ вавилонянъ на евреевъ. Выходитъ, что преемники вліяли на предшественниковъ, дѣти на отцовъ. Ассириовавилонская культура сказала свое послѣднее слово, когда начала говорить Персія. Евреи, во всякомъ случаѣ, имѣли священныя книги задолго до дней Кира. Когда явились священныя книги персовъ? Въ той редакціи, въ которой они существуютъ теперь (большая часть книгъ авесты погибла, въ этой гибели обвиняли Александра Македонскаго, но вѣроятно въ этомъ виноваты арабы), они явились уже въ христіанское время. Въ какомъ видѣ они существовали во

вторую половину VI-го вѣка? На этотъ вопросъ вполне отвѣтить нельзя. Но мы прежде установимъ фактъ несомнѣннаго родства по происхожденію нѣкоторыхъ пунктовъ персидскаго вѣроученія съ еврейскимъ и затѣмъ уже постараемся показать, какъ нужно рѣшать вопросъ объ этомъ родствѣ. Указываютъ ¹⁾ слѣдующіе сходные элементы между Библіей и авестой. Ученіе о Божественномъ единствѣ (нѣкоторые даже о триничности, теперь это оставлено), о твореніи, земномъ раѣ, древѣ жизни, о змѣѣ (вритра и аги), о творческомъ словѣ *Hoover* (на самомъ дѣлѣ *Hoover*—не творческое слово, а молитва изъ 21 слова, особенно цѣнная и постоянно читаемая маздеями Отождествленіи *Hoover* съ Логосомъ есть результатъ ошибочнаго перевода, допущеннаго Анкетилемъ въ XIX гл. Ясны—слова *vasen*), о воскресеніи тѣлѣ, страшномъ судѣ (*sošyš*) (непониманіе ироніи въ словахъ убійцы Смердиса, приводимыхъ Геродотомъ) и будущей жизни, ученіе о добрыхъ и злыхъ духахъ. Не во всѣхъ пунктахъ, гдѣ указываютъ сходство, оно существуетъ дѣйствительно. Такъ, ученія о Божественномъ единствѣ у персовъ на самомъ дѣлѣ никогда не было. Въ глубокой древности у нихъ уже встрѣчается развитый и непримиренный дуализмъ (*Агура*—*Мазда* и добрые духи, *Ангро-Маіявусъ* и злые духи), въ послѣдующее время у нихъ этотъ дуализмъ былъ сведенъ къ нѣкому высшему единому метафизическому принципу (*Церуане*—*Акерене*), но это вовсе не было монотеизмомъ. Не было никогда у персовъ идеи о посредникѣ между разнѣваннымъ Божествомъ и грѣховнымъ человѣчествомъ. Это свойство приписали Мисрѣ на основаніи слѣдующихъ словъ Плутарха: *ἀμφὼν μέσον; διὰ τοῦτο μεσότην τὸν Μίφραν καλοῦσιν οἱ Πέρσαι* (*De Iside et Osiride* с. 46).

Но Мисра, культъ котораго имѣлъ успѣхъ въ позднѣйшее время (въ правленіе Гелиогобаса) былъ однимъ изъ свѣтлыхъ духовъ, вовсе не имѣвшимъ значенія посредника (Вендидать, опредѣляющій въ большей своей части наказанія за преступленія, ясно показываетъ, что маздеицы не находили нужды

¹⁾ C. de Harlez, la Bible et l'Avesta. Dictionnaire apologét. 2 Edition. Сказанія персидскія см. у Lenormant'a: l'Histoire ancienne de l'Orient. t. I.

ни въ какомъ посредникѣ), и слова Плутарха о немъ должно понимать такъ: Ормудъ—свѣтъ, Ариманъ—мракъ, Мисра—среднее между ними—искра. Плодомъ подобнаго недоразумѣнія было толкованіе Ноповеръ въ смыслѣ Логоса, предположеніе вѣры у персовъ въ воскресеніе тѣлъ и т. п. Но помято этихъ мнимыхъ или сомнительныхъ пунктовъ сходства имѣются, полагаемъ, несомнѣнные: прежде всего въ сказаніи о твореніи міра. Ангро—майянусъ творить міръ въ шесть послѣдовательныхъ періодовъ (обнимающихъ собою 365 дней) и оканчиваетъ свое дѣло созданіемъ человѣка, названнаго имъ Gayomartan—жизнь смертная—который и выходитъ безпорочнымъ изъ рукъ Создателя. По Бундегешу, первые люди согрѣшили слѣдующимъ образомъ. Первый человѣкъ называется у иранцевъ Уіта и у индійцевъ Уіта. Сынъ неба, а не человѣкъ Уіта, соединяетъ въ себѣ черты, которыя Бытіе приписываетъ Адаму и Ною—отцамъ до и послѣпотопнаго человѣчества. Позднѣе Уіта является просто первымъ царемъ иранцевъ, но царемъ, жизнь котораго, какъ и жизнь его подданныхъ, проходитъ среди райскаго блаженства, въ раю Airiana Vaedia—жилище первыхъ людей. Но послѣ нѣкотораго періода жизни чистой и безгрѣшной Уіта совершилъ грѣхъ, который отяготѣлъ на его потомствѣ, и этотъ грѣхъ, заставившій его потерять могущество и выбросившій его за предѣлы райской земли, отдаетъ его во власть змѣя, злаго змѣя Анграмайяніуса, который и заставляетъ его погибнуть въ ужасныхъ мученіяхъ. Позднѣе въ Бундегешѣ Уіта уже не является ни первымъ человѣкомъ, ни первымъ царемъ. Исторія паденія, которое заставляетъ Уіта терять свое адемское блаженство и подпадать во власть врага, всегда остается связанною съ именемъ этого героя. Но это паденіе—не первый грѣхъ. Грѣхъ первый, приписываемый предкамъ, отъ которыхъ происходятъ всѣ люди, относится здѣсь къ Maschia и Maschiâna. Вотъ сказаніе Бундегеша о первомъ грѣхѣ. „Человѣкъ былъ, отецъ міра былъ. Небо назначено было ему подъ условіемъ, чтобы онъ былъ покоренъ сердцемъ, чтобы онъ со смиреніемъ дѣламъ дѣло закона, чтобы онъ былъ чистъ въ своихъ мысляхъ, чистъ въ своихъ словахъ, чистъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и чтобы онъ

не призывалъ девъ (демоновъ). При такихъ условіяхъ мужчина и женщина должны были составлять взаимно счастье другъ друга. Таковы были въ началѣ ихъ мысли, таковы были ихъ дѣла. Они сблизились и жили вмѣстѣ. Сначала они говорили эти слова: Агурамазда далъ воду, землю, деревья, животныхъ, звѣзды, луну, солнце и всѣ блага, которыя идутъ отъ чистаго корня и отъ чистаго плода. Но потомъ ложь покрыла ихъ сердце, она извратила ихъ расположенія и сказала имъ: Ангромайянусъ далъ воду, землю, деревья, животныхъ и все то, что названо выше. Въ началѣ Ангромайянусъ обманулъ ихъ относительно девъ и до конца этоть жестокой искалъ только гибели ихъ. Повѣривъ его лжи, оба они стали подобны демонамъ, и ихъ души будутъ въ аду до обновленія тѣла. Они питались въ теченіе 30 дней, они покрывались черными одеждами; черезъ 30 дней они пошли на охоту, бѣлая коза предстала имъ, они извлекли своими устами молоко изъ ея сосцовъ и питались этимъ молокомъ, которое доставляло имъ много удовольствія. Дева, который говоритъ ложь, сталъ болѣе смѣлымъ, онъ предсталъ во второй разъ и принесъ имъ плоды, которые они ѣли, и вслѣдствіе этого изъ ста преимуществъ, которыми они пользовались, у нихъ не осталось ни одного. Послѣ 30 дней и 30 ночей сѣрый и бѣлый баранъ предсталъ, они отрѣзали у него лѣвое ухо. Наученные небесными язатами они извлекли огонь изъ дерева коперъ, ударяя по немъ кускомъ древа. Оба они удивились древесному огню, они раздули его дыханіемъ устъ, они зажгли сначала куски дерева кова, потомъ финиковаго и потомъ мирты. Они изжарили барана, котораго разрѣзали на 3 части... Съѣвши мясо собаки, они покрылись шкурою этого животнаго, они предались потомъ охотѣ и сдѣлали себѣ жилища изъ шкуры дикихъ звѣрей“. Рядомъ съ этимъ сказаніемъ въ авестѣ находится другое гораздо болѣе древняго происхожденія объ Уитѣ. Съ Имою связывается и преданіе о потопѣ. У Иранцевъ рассказывается, что Уита, былъ увѣдомленъ Агурамаздою благимъ богомъ о томъ, что земля будетъ опустошена разрушительнымъ наводненіемъ. Богъ приказалъ ему построить убѣжище—садъ квадратной формы

вага, защищенный плотиною и ввести туда начатки людей, животныхъ и растений, чтобы сохранить ихъ отъ уничтоженія. Дѣйствительно, когда произошло наводненіе, садъ Ута одинъ былъ пощажень со всѣмъ тѣмъ, что въ немъ находилось. И вѣсть спасенія была принесена птицею Каршипта, посланною Агурамаздою.

Есть сходство и между персидскою и Богооткровенною религіею въ ученіи о добрыхъ и злыхъ духахъ, но здѣсь оно, однако, не таково, чтобы заставляло необходимо предполагать родство по происхожденію. Есть сходство между авестическими сказаніями и новозавѣтнымъ ученіемъ о послѣднемъ судѣ, мы убѣждены, что эти сказанія Бундегеша заимствованы отъ христіанъ, но намъ нѣтъ нужды касаться теперь этихъ вопросовъ, намъ теперь нужно только доказать, что элементы родственные съ ветхозавѣтнымъ ученіемъ персы заимствовали у евреевъ. Думаемъ, что это долженъ признать каждый безпристрастный изслѣдователь.

Персы—арійцы по происхожденію, и поэтому ихъ религія въ своихъ древнѣйшихъ частяхъ представляетъ сходство съ древнѣйшею религіею ведъ. Доказать это очень легко. Древнее божество иранцевъ Мисра („союз“, „вѣрность“). Это—Митра („другъ“ по санскрит.) ведъ. Въ ведахъ онъ изображается, какъ благосклонный богъ—покровитель“, который охраняетъ своихъ поклонниковъ отъ болѣзней, смерти и гибели, умножаетъ богатство и посылаетъ людямъ здоровье, но, не смотря на все это, слѣдуетъ опасаться его гнѣва. Мы не хотимъ подвергнуться гнѣву Митры, любимѣйшаго изъ мужей“. Послѣдній предикать, конечно, имѣетъ въ виду умиротвореніе Божества ¹⁾). Точно также одинъ изъ древнѣйшихъ свѣтлыхъ духовъ авесты Ариаманъ есть древній богъ и ведъ, принадлежащій къ азурамъ. Затѣмъ великимъ почитаніемъ у персовъ пользовалась Хома—божество и вмѣстѣ опьяняющій напитокъ, добываемый изъ священнаго растенія. Этотъ хома есть сома индусовъ. Это—тоже божество и священный напитокъ. Какъ послѣднимъ, имъ пови-

¹⁾ Шантени, Истор. религ. Русск. переводъ, Т. 2, стр. 20.

димому сильно злоупотреблялъ Индра. Никто изъ изслѣдователей не сомнѣвается относительно названныхъ нами божествъ, что они имѣютъ общее происхожденіе у азіатскихъ арійцевъ. Самый дуализмъ, такъ обостренный въ религіи персовъ, представляетъ собою родство съ ученіемъ индусовъ о борьбѣ свѣтлыхъ и темныхъ силъ и не имѣетъ сходства и родства съ семитическими представленіями о мірѣ боговъ, гдѣ зло никогда не мыслилось какъ принципъ равноправный съ верховнымъ Богомъ. Но вотъ, въ этотъ рядъ и въ эту систему арійскихъ теологическихъ представленій неожиданно врываются семитическія и прямо еврейскія сказанія и вѣрованія. Таково представленіе о древѣ жизни. Древо жизни фигурируетъ въ самыхъ древнихъ преданіяхъ Халдеи. На цилиндрахъ оно изображается охраняемымъ двумя херувимами. Точно также „земной рай“, „потопъ“, какъ онъ представляется въ авестѣ (потопъ Ману у индусовъ имѣетъ совсѣмъ другой характеръ) не находилъ себѣ ничего соотвѣтствующаго въ арійскихъ сказаніяхъ. Относительно рая нужно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе. LXX переводятъ рай словомъ *Parádeisos*. Указываютъ, что это слово персидскаго происхожденія. *Paradaezas*—садъ. Отсюда, говорятъ, слѣдуетъ, что библейскій *parádeisos* имѣетъ свое происхожденіе въ персидскомъ *Paradaezas*. Разсуждая такъ, забываютъ, что въ Библии земной рай называется *Gan*, а въ авестѣ—*vaга*, и слѣдовательно филологію въ данномъ случаѣ можно оставить совершенно въ покоѣ. Вѣрно, что садъ по персидски *Paradaezas*; можно считать вѣроятнымъ, что его натурализовалъ въ языческомъ языкѣ Ксенофонтъ (садъ для удовольствія, паркъ для охоты, садъ, насаженный избранными растеніями и т. д.). И затѣмъ переводчики LXX обозначили имъ понятіе *Gan*. Очевидно, эта исторія слова не имѣетъ отношенія къ вопросу о происхожденіи сказаній о „*Gan*“ и „*vaга*“. Но самое сказаніе о *vaга*, написанное въ Бундегешѣ на языкѣ сассанидовъ, во всякомъ случаѣ, гораздо позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ 2 гл. кн. Бытія. Нѣкоторые умудрялись говорить, что змѣй III гл. кн. Бытія есть ариманъ персовъ. Но ариманъ никогда не изображался въ книгахъ Заро-

афра подь образомъ змѣя (неправильный переводъ одного мѣста Бундегеша III могъ подать мысль о сближеніи Аримана съ змѣемъ бытія. Текстъ былъ переведенъ: Ариманъ проникъ въ міръ въ образѣ змѣя; на самомъ дѣлѣ слѣдуетъ: Ариманъ проникъ въ міръ по способу змѣя, и въ слѣдующемъ стихѣ говорится, что онъ перелетаетъ съ мѣста на мѣсто подобно мухѣ). Змѣй—искуситель есть семитическій образъ. На одномъ вавилонскомъ цилиндрѣ изображены 2 фигуры, стоящія по 2 стороны дерева и срывающія плоды, между тѣмъ какъ змѣй поднявшись сзади съ лѣвой стороны, наблюдаетъ ихъ и повернулъ къ нимъ свою голову. Эти образы и эти сказанія проникли къ персамъ. О персахъ и говорятъ, что они, будучи арійцами по происхожденію, суть семиты по своимъ вѣрованіямъ. Что между сказаніями авесты и Библии есть сходство это безспорно. Что это сходство можетъ быть объяснено только родствомъ по происхожденію, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Думаемъ, что не должно сомнѣваться и въ томъ, что это родство есть результатъ религіозныхъ заимствованій персовъ у евреевъ. Такъ представляетъ намъ это дѣло Библия, въ этой мысли утверждаютъ и историческія (ассиро-вавилонскіе памятники), и филологическія (языкъ частей авесты, говорящихъ сходное съ Библией) данныя. Политика Кира по отношенію къ религіямъ покоренныхъ народовъ, была политикою всѣхъ мудрыхъ всемірныхъ завоевателей, онъ покровительствовалъ этимъ религіямъ и объявлялъ себя почитателемъ признаваемыхъ ими боговъ. Въ своихъ указахъ, къ вавилонянамъ, онъ говоритъ о почитаніи Небо, Бала, въ своемъ обращеніи къ евреямъ онъ говоритъ объ истинномъ Богѣ. Можетъ быть у этихъ всемірныхъ завоевателей, стремившихся создать всемірную монархію, была и мысль о Единомъ Высшемъ Монархѣ. Мы думаемъ, что она была. Мудрецъ изъ того, что онъ слушаетъ, извлекаетъ назидательное, слушатель обыкновенный останавливаетъ свое вниманіе на интересномъ. Отсюда сохраненіе библейскихъ сказаній у вавилонянъ и въ авестѣ. Что они здѣсь непервоначальны, что они не суть нѣчто самобытное, это доказывается тѣмъ, что въ указанныхъ источникахъ, они характеризуются

двумя чертами: они не связаны съ системой (въ авестѣ они даже противорѣчатъ другимъ ея частямъ) и они не освящены глубокою нравственною идеею. Въ Библии твореніе, паденіе, потопъ, эти событія—ключъ къ пониманію всей исторіи чело-вѣчества.

Отсюда нашъ выводъ, что персы въ религіозномъ отношеніи были учениками евреевъ. Насколько и чему они научились, мы не знаемъ въ точности. Но позволительно думать, что они вынесли изъ своего знакомства съ богоизбраннымъ народомъ не только знаніе нѣкоторыхъ интересныхъ исторій, но и знаніе нѣкоторыхъ высокихъ религіозныхъ и нравственныхъ истинъ. Въ религіи персовъ нѣтъ чистаго, но есть нѣкоторый относительный монотеизмъ (мы употребляемъ это выраженіе совсѣмъ не въ смыслѣ гепотеизма). Мы разумѣемъ подъ этимъ, что ихъ Агура—Мазда въ ихъ молитвахъ и почитаніяхъ очень часто надѣляется предикатами истиннаго Бога, и образы другихъ боговъ тускнѣютъ, блѣднѣютъ и ступеньваются. Древнѣйшіе арійцы были политеистами, даже къ отвлеченно-философскому мнѣнію они приближались только въ позднѣйшее время. Можетъ быть долгое общеніе съ евреями позволило персамъ идти бы-стрѣе въ дѣлѣ религіознаго развитія, какъ быстро прошла ихъ политическая исторія.

Нравственные правила мавдеизма часто чисты и высоки. Мо-жетъ быть и здѣсь позволительно видѣть еврейское вліяніе и даже, пожалуй, скорѣе вліяніе пророковъ, чѣмъ вліяніе Моисе-ева закона.

Такъ, Кригъ отыскиваетъ слѣды вліянія Моисеева закона на Нуму и римлянъ; а мы полагаемъ, что на вавилонянахъ видно вліяніе откровенія праотцовъ и на персахъ вліяніе пророковъ. Праотцы, Моисей и пророки говорили такимъ образомъ не од-ному богоизбранному народу, но возвѣщали, чрезъ богоизбран-ный народъ, истины всему чело-вѣчеству. Только до времени эти истины воспринимались туго и слабо, и свѣтъ Логоса, свѣ-тившійся въ богоизбранномъ народѣ, слабо мерцалъ среди дру-гихъ племенъ и земель. Указанія на приобщеніе народовъ къ боготкровенной истинѣ, идущія изъ древности, мы видимъ,

скудны. Древность человѣчества характеризуется скорѣе тѣмъ, что народы уходили отъ лица Божія, чѣмъ приближались къ Богу. Однако это удаленіе на страну далече было только временнымъ. Причта о блудномъ сынѣ нашла себѣ выраженіе въ исторіи человѣчества. Народы, достигнувъ той степени культуры, когда исчезаетъ безпричинное самодовольство и является желаніе выйти изъ самозамкнутости, стали приходить въ болѣе близкое соприкосновеніе между собою, стали чаще, и притомъ на духовной почвѣ сталкиваться съ носителями ветхозавѣтнаго откровенія, и истины этого откровенія стали шире распространяться по міру. Это произошло, когда владычество персовъ смѣнилось владычествомъ грековъ.

Профессоръ С. С. Глаголевъ.

(Продолженіе будетъ).

Психологическія условія происхожденія языка.

Для происхожденія языка, понимаемаго въ смыслѣ членораздѣльной рѣчи, необходимы двоякаго рода условія: физиологическія и психологическія. Физиологическія условія для происхожденія языка свойственны, какъ людямъ, за исключеніемъ глухонѣмыхъ, такъ и нѣкоторымъ животнымъ. Нѣкоторыя изъ животныхъ, по словамъ Макса Мюллера, одарены всѣми физическими условіями для внятнаго произношенія словъ ¹⁾. Не смотря однако на это, у животныхъ нѣтъ языка, понимаемаго въ смыслѣ членораздѣльной рѣчи. Животныя, по словамъ Тэна, никогда не переходятъ за періодъ междометій и звукоподражаній ²⁾. Очевидно, такимъ образомъ, что главная причина, обуславливающая происхожденіе языка, лежитъ въ области психологическихъ условій. Неудивительно поэтому, что нѣкоторые психологи, напримѣръ, М. Мюллеръ ³⁾ и Потенія ⁴⁾ въ языкѣ видятъ существенное различіе между человѣкомъ и животнымъ. Только человѣкъ можетъ создать себѣ такое средство пониманія, какъ языкъ; но это созданіе, кромѣ физиологическихъ условій, предполагаетъ въ человѣческой душѣ ей исключительно свойственное совершенство всѣхъ ея движеній—особую силу, опредѣлимую только по результатамъ ея дѣятельности. Для выполнения нашей задачи и естественнѣе прежде всего обратиться къ разсмотрѣнію этихъ результатовъ, какъ вы-

¹⁾ „Лекція по наукѣ о языкѣ“ 1865 г. стр. 265.

²⁾ „Объ умѣ и познаніи“—стр. 529.

³⁾ Ibidem, стр. 269.

⁴⁾ „Мысль и языкъ“ 1892 г. стр. 111.

раженія этой душевной силы человѣка, или, говоря иначе, мы должны обратиться къ разсмотрѣнiю того процесса, который подмѣченъ компетентными психологами въ душѣ дитяти при образованiи у него языка. Это разсмотрѣнiе отчасти и укажетъ намъ на существованiе въ человѣкѣ такихъ душевныхъ способностей, благодаря которымъ только и можетъ возникнуть языкъ и которыя являются такимъ образомъ условiями происхожденiя языка. Вотъ этотъ процессъ.

Сначала ребенокъ употребляетъ свой голосовой органъ безсознательно и въ силу рефлективного дѣйствiя, начинаетъ такимъ образомъ переходить отъ нечленораздѣльныхъ звуковъ къ звукамъ членораздѣльнымъ ¹⁾. Такимъ образомъ на первыхъ порахъ языкъ человѣка ничѣмъ не отличается отъ языка животныхъ ²⁾. Но на слѣдующей ступени даннаго процесса и оказывается превосходство человѣка предъ животнымъ, въ томъ, что дитя въ состоянiи понимать звукъ, какъ знакъ мысли или представленiя ³⁾. Правда на первыхъ еще порахъ, согласно съ исторiей психическаго развитiя дитяти, каждое слово имѣетъ для дитяти двойственный характеръ: 1) собственнаго имени и символа индивидуальнаго объекта, съ которымъ оно связано ⁴⁾ (напр. стуломъ ребенокъ наз. извѣстный лишь ему стулъ) 2) то или другое слово для дитяти есть нѣчто общее, общiй признакъ ⁵⁾ (напр. по свойству сахара „сладости“ ребенокъ наз. именемъ „сахаръ“ и другiе предметы, имѣющiе сладкiй вкусъ). Но ребенокъ весьма скоро начинаетъ, на основанiи опыта, прилагать такiя слова, какъ стулъ, столъ, кровать—къ дѣльнымъ классамъ предметовъ и узнавать въ нихъ символъ обобщенныхъ или отвлеченныхъ понятiй. Всѣ слова мало—помалу онъ начинаетъ употреблять для выраженiя ими обобщенныхъ представленiй предметовъ ⁶⁾, онъ начинаетъ присоединять къ сло-

¹⁾ Тэнъ „объ умѣ и познанiи“ стр. 508. Потебни „Мысль и языкъ“ стр. 96. Журналъ „Филол. записки“ 1892 г. вып. 2-ой. „Отнош. языка къ мысли“, сокол. стр. 49.

²⁾ Потебни *Ibidem* стр. 96.

³⁾ Тэйлоръ „Антропология“ стр. 121.

⁴⁾ Карпентеръ „Основанiя физиологiи ума“ стр. 193.

⁵⁾ Тэнъ. *Ibidem* стр. 508.

⁶⁾ Карпентеръ „Основ. физиол. ума“ стр. 193.

вамъ понятія и самопроизвольно обобщаетъ ихъ. Нужно, конечно, согласиться съ тѣмъ, что говоръ ребенка еще непостояненъ. У него вѣтъ постоянства въ звукахъ и словахъ, которые вызывалъ у него одинъ и тотъ же предметъ. Только позже закрѣпляется у него ассоціація между названіемъ и образомъ или воспріятіемъ предмета ¹⁾, ассоціація, замѣняющая непосредственное рефлексивное движеніе ²⁾.

Изъ этого общаго начертанія психическаго процесса, совершающагося въ душѣ дитяти при образованіи у него языка, уже не трудно вывести и тѣ духовныя способности, которыми обладаетъ человѣкъ, какъ условіями происхожденія языка.

Какъ на такое условіе многіе психологи указываютъ на разумъ въ широкомъ смыслѣ этого слова, поскольку разумъ является источникомъ всѣхъ психологическихъ условій происхожденія членораздѣльной рѣчи.

Языкъ, какъ органъ выраженія мыслей человѣка, находится въ прямой непосредственной связи и зависимости отъ разума ³⁾, онъ есть истинный органъ нашего ума ⁴⁾. Вся жизнь языка идетъ параллельно съ жизнію ума и совершается подъ его вліяніемъ ⁵⁾. Дѣйствительно языкъ, не есть нѣчто непосредственно данное человѣку, онъ не есть даръ боговъ въ точномъ смыслѣ слова, какъ думалъ еще древній мудрецъ Платонъ. Языкъ могъ произойти лишь при помощи сложнаго процесса мыслительной дѣятельности человѣка. При изслѣдованіи какаго-либо языка мы находимъ, что большинство употребительныхъ словъ не обнаруживаетъ той связи между звукомъ и смысломъ, которая столь очевидна въ естественныхъ и самоизяснительныхъ словахъ. Это потому, говоритъ Тейлоръ, что источникъ языка заключается въ умственныхъ процессахъ, совершающихся и теперь и не превышающихъ умственного уровня дѣтей и дикарей ⁶⁾. По мнѣнію М. Мюллера и Тэна

¹⁾ Тэнъ. Ibidem стр. 508.

²⁾ Потебня. Ibidem стр. 98.

³⁾ Загорскій. Основ. рац. или суб. психологіи стр. 25. „Филолог. записки“ ibidem стр. 28.

⁴⁾ М. Мюллеръ. „Лекціи по наукѣ о языкѣ“.

⁵⁾ Карпентеръ «Основанія физ. ума».

⁶⁾ Антропологія, 2-е изд. 1898 г. стр. 127.

мысли безъ словъ ничто; говорить—значить думать вслухъ. Слово есть воплощенная мысль ¹⁾, а мысль, какъ говорить Карпенгеръ, есть способъ воплощенія умственныхъ процессовъ²⁾. Такимъ образомъ на языкѣ въ сильной степени отображается строй и характеръ мышленія ³⁾. Вотъ почему Аристотель и Кантъ смотрятъ на языкъ, какъ на логическое построение, въ основѣ котораго лежатъ не только логическія, но и философскія начала.

Въ самомъ дѣлѣ, только благодаря способности человѣка къ отвлеченному мышленію, по мнѣнію нѣкоторыхъ психологовъ, человѣкъ можетъ составлять или образовывать понятія, а возможностью образованія послѣднихъ, по мнѣнію названныхъ философовъ, обуславливается и возможность образованія языка. По крайней мѣрѣ, такъ смотрятъ на это Максъ Мюллеръ ⁴⁾, профессоръ Овсянко-Куликовскій ⁵⁾ и др. Они поставляютъ происхожденіе языка въ тѣсную связь съ понятіями, какъ отличительной особенностью человѣка по сравненію съ животными; отвлеченныя понятія, какъ извѣстно, свойственны и глухонѣмымъ ⁶⁾, не имѣютъ мѣста у животныхъ. Такимъ образомъ, образуя понятія, человѣкъ неизбежно вырабатываетъ и слова, которыя, исходя изъ простыхъ мыслей, восходятъ до самыхъ трудныхъ терминовъ, употребляемыхъ законовѣдомъ, математикомъ и философомъ. Какъ слѣдствіе отвлеченнаго мышленія, слова выражаютъ лишь общія черты ощущеній или представленій. Они всегда отвлечены, никогда не доходятъ до того, чтобы объяснить и выразить конкретныя вещи или конкретныя представленія нашей души ⁷⁾. Для представленія тѣсной зависимости языка отъ мышленія можно указать и на обратное явленіе, т. е., на значеніе языка для развитія нашего познанія. Въ мысли нашей признакъ существуетъ неразрывно съ предметомъ, и, только благодаря строю нашего

1) „Лекція по наукѣ о яз.“ 1865 г. стр. 294. „Объ умѣ и познаніи“ стр. 527.

2) „Осн. физ. ума“ 1877 г. стр. 193.

3) „Изъ исторіи души“ Картерева стр. 5.

4) Ibidem стр. 290 и 294.

5) „Языкъ и искусство“ 1895 г. стр. 15, 21 и 22.

6) Тейлоръ „Антропология“ стр. 131.

7) Потебни. „Мысль и языкъ“ стр. 101.

языка, мы можемъ порознь разсматривать то, что въ дѣйствительности представляется нераздѣльнымъ единствомъ. Еслибы строй языка не допускалъ отдѣльнаго обозначенія признаковъ—каждаго порознь, а выражалъ однимъ знакомъ всю совокупность ихъ, включая туда же и самый предметъ, которому эти признаки принадлежать, то самый процессъ отвлеченія становился бы невозможнымъ: не отъ чего было бы отвлекать и нечего отвлекать,—все сливалось бы въ сложномъ единствѣ психическаго состоянія. Какъ бы то ни было, человѣкъ принимаетъ въ созданіи языка самое живое участіе, онъ пускаетъ въ ходъ въ этомъ случаѣ присущую ему творческую способность. Между тѣмъ знаніе животныхъ является пассивно восприимчивымъ въ виду неспособности ихъ къ отвлеченному мышленію и слѣд., къ образованію понятій. Отсутствіемъ же у животныхъ способности—создавать понятія и объясняется, по мнѣнію указанныхъ выше психологовъ, отсутствіе у нихъ языка. Что же касается звуковъ издаваемыхъ животными, то они суть не что иное, какъ произвольныя выраженія чувственнаго возбужденія (боли, радости), полового влеченія и стремленія къ самосохраненію. Нѣкоторыя изъ животныхъ (напр. попугаи) могутъ подражать человѣческому голосу, но безъ смысла и пониманія.

Но, конечно, языкъ нельзя поставять въ тѣсную связь лишь съ одними понятіями. Такой взглядъ былъ бы слишкомъ узокъ и не оправдывался бы исторіею умственнаго развитія человѣка, которая представляетъ такія эпохи, когда языкъ существовалъ, но понятій не было ¹⁾. Дѣло въ томъ, что языкъ захватываетъ мышленіе не въ тѣсномъ значеніи слова—мышленіе посредствомъ „понятій“, а въ обширномъ,—мышленіе вообще въ его основныхъ элементарныхъ процессахъ, посредствомъ какихъ бы формъ оно не совершалось ²⁾.

Такимъ образомъ выходитъ, что указывая на разумъ и вообще на мыслительныя способности человѣка, какъ на общія психологическія условія происхожденія языка, мы тѣмъ не менѣе еще не указали частнѣйшаго и вмѣстѣ съ этимъ болѣе

¹⁾ Каптеревъ. „Изъ вст. души“ стр. 2. Потебни „Записки по рус. граммат.“ 1, 80.

²⁾ Каптеревъ—стр. 3.

опредѣленнаго психическаго условія для происхожденія языка. Въ самомъ дѣлѣ, изложенный нами взглядъ на предложенную тему, выражаясь словами Лѣббока, „еще не вносятъ въ нашъ умъ опредѣленнаго представленія“¹⁾. Такое замѣчаніе Лѣббокъ сдѣлалъ по поводу слѣдующихъ словъ М. Мюллера: „человѣкъ обладаетъ способностію придавать понятіямъ, естественно возникающимъ въ его умѣ, членораздѣльныя выраженія. Способность эта инстинктъ ума, столь же *неопредѣлимый*, какъ и всякій другой инстинктъ“. Не даетъ опредѣленнаго отвѣта на этотъ предметъ и самъ Лѣббокъ. То же нужно сказать и о Тейлорѣ. „Мы имѣемъ только право, говорить Тейлоръ, утверждать, что, судя по всѣмъ извѣстнымъ намъ человѣческимъ способамъ подбора знаковъ, всегда существуетъ какая-нибудь подходящая причина или связь, приводимая къ принаровленію каждаго спеціальнаго звука къ выраженію каждой спеціальной мысли. Это самое основательное мнѣніе, какого можно держаться относительно знаменитой задачи о психологическихъ условіяхъ происхожденія языка“²⁾. Но въ чемъ выражается эта внутренняя причина или связь между мыслью и ея выраженіемъ, изъ приведенныхъ и дальнѣйшихъ словъ Тейлора не видно.

Переходя къ разрѣшенію предложеннаго нами вопроса, мы можемъ сказать, что главное психологическое условіе происхожденія языка заключается въ томъ, что представленія получаютъ въ душѣ человѣка прочное и опредѣленное въ качественномъ отношеніи содержаніе и становятся, вслѣдствіе этого, прочною собственностью души, неизмѣняемою единичными актами ощущенія и представленія. Говоря иначе, это условіе состоитъ въ способности человѣка къ закрѣпленію въ его душѣ цѣлыхъ рядовъ представленій.

Но такъ какъ основными законами образованія рядовъ представленій являются сліянiе и ассоціація представленій, то очевидно, въ виду ближайшаго ихъ отношенія къ нашей задачѣ намъ необходимо коснуться и этихъ послѣднихъ.

Сліянiе представленій происходитъ тогда, когда два различныхъ представленія принимаются сознаниемъ за одно и то же,

¹⁾ „Начало цивилизаціи“ 1869 г. стр. 297.

²⁾ Антропология стр. 128.

напр., когда намъ кажется, что мы видимъ знакомый предметъ, между тѣмъ какъ передъ нашимъ взоромъ оказывается совершенно другой. Значеніе закона сліянія представленій по отношенію къ данному вопросу сказывается въ томъ, что имъ обясняется одно изъ первыхъ и важнѣйшихъ явленій памяти. Это явленіе, какъ сказано выше, состоитъ въ томъ, что представленія получаютъ твердо опредѣленное въ качественномъ отношеніи содержаніе и становятся, вслѣдствіе этого, прочною собственностью души человѣка.

Отсюда открывается, что, „говоря о значеніи закона сліянія представленій, какъ психическаго условія происхожденія языка, мы коснулись отношенія къ данному вопросу одной изъ психическихъ способностей человѣка—памяти. Было бы непростительною ошибкою съ нашей стороны, еслибы мы отвергли значеніе памяти для происхожденія языка, потому что произнести звукъ мы можемъ только тогда, когда память наша сохраняетъ намъ отпечатокъ его артикуляціи“¹⁾). Для образованія языка человѣку необходимо подыскать нѣкоторый звукъ, какъ подходящій знакъ или символъ для каждой его мысли; затѣмъ необходимо установить твердую связь между словомъ и извѣстнымъ предметомъ, необходимо установить твердую связь рядовъ представленій. Послѣдняя задача и есть дѣло памяти человѣка, который старается поставить представленія въ такія отношенія между собою, которыя онъ признаетъ за условія образованія прочныхъ рядовъ представленій. Въ свойствахъ памяти заключается также и духовное различіе между людьми, имѣющими языкъ, и между животными, не имѣющими языка.

Закрѣпленію въ душѣ человѣка прочныхъ представленій и установленію твердой связи между звукомъ и мыслию способствуетъ также и указанный выше, свойственный человѣку, такъ называемый законъ ассоціаціи представленій, который такимъ образомъ является дальнѣйшимъ психическимъ условіемъ происхожденія языка²⁾).

Разумѣемъ здѣсь законъ ассоціаціи по сходству и смежности.

1) Н. Крушевскій „Очеркъ науки о языкѣ“ 1888 г. стр. 51.

2) Потемни. Ibidem—стр. 98.

Слова для выраженія нашихъ мыслей выбираются или въ силу сходства звуковъ, или по связи идей, нерѣдко столь причудливой и странной, что мы не въ состоянїи возстановить истинное происхожденіе даже такихъ словъ, которыя возникли въ наше время ¹⁾). Укажемъ поэтому на значеніе „закона ассоціаціи по сходству“ для происхожденія языка.

Всякое слово связано съ другими словами узами ассоціаціи по сходству, которое будетъ не только внѣшнимъ, но и внутреннимъ. Вслѣдствіе „закона ассоціаціи по сходству“ слова должны укладываться въ нашемъ умѣ въ системы или гнѣзда. Иначе говоря, всякое слово по закону ассоціаціи сходства способно возбуждать въ насъ другія слова, съ которыми оно сходно и возбуждается этими словами. Такимъ образомъ ассоціація сходства дѣлаетъ возможнымъ *творчество* въ языкѣ. Вотъ почему слова, связанные слабыми узами сходства съ другими словами или вовсе на нихъ непохожія, весьма легко забываются ²⁾). Не менѣе, если не болѣе важное значеніе для происхожденія языка представляетъ собою законъ ассоціаціи по смежности. Большая часть словъ есть сочетаніе гласнаго звука съ согласнымъ по смежности. Каждое слово есть не что иное, какъ заученная, т. е., ставшая прочною, вслѣдствіе повторенія, ассоціація согласныхъ и гласныхъ звуковъ и слоговъ, изъ нихъ состоящихъ. Эти ассоціаціи звуковъ гласныхъ и согласныхъ или словъ образуются въ новые послѣдовательные ряды цѣлыхъ реченій, которыя, повторяясь въ одномъ порядкѣ, становятся привычными и прочными ³⁾). Масса такихъ ассоціацій способствуетъ особенной быстротѣ разговорной рѣчи. У насъ всегда много не только готовыхъ словъ, но и цѣлыхъ группъ ихъ или фразъ. На законѣ ассоціаціи по смежности слѣдующихъ другъ за другомъ звуковъ основывается заучиваніе цѣлыхъ рядовъ совершенно непонятныхъ словъ. Что дѣйствительно законъ ассоціаціи по смежности имѣетъ значеніе для происхожденія языка, это видно изъ тѣхъ случаевъ, когда кто пытается говорить на языкѣ, которымъ не совершенно владѣетъ: сейчасъ же гово-

1) Д. Лѣббокъ. „Начало цивилизація“ 1889 г. стр. 290.

2) Н. Крушевскій „Очеркъ науки о языкѣ“ 1888 г. стр. 69.

3) Крушевскій. *Ibidem* стр. 65, 67 и 129. Снегиревъ „Психологія“ стр. 326 и 327.

ряціи чувствуетъ, что хотя мысль и есть для выраженія, но нѣтъ словъ, т. е., ассоціація бессильна скоро и безошибочно воспроизводить подходящія слова ¹⁾. Дополнимъ эту мысль. Невозможно было бы цѣлесообразно пользоваться языкомъ, если не сказать болѣе, т. е. что его и не было бы, если бы слово не вызывало въ умѣ мысли и наоборотъ, мысль не вызывала слова. Связь между мыслью и языкомъ образуется самая тѣсная и крѣпкая изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ ассоціацій: до того быстро слово возбуждаетъ мысль и мысль возбуждаетъ слово, ... что обыкновенно кажется, будто бы мысль есть слово и мыслимъ мы словами. Посему, когда мы выражаемъ свою мысль въ словахъ, то это значитъ, что она, по ассоціаціи смежности вызываетъ рядъ словъ, соотвѣтствующихъ ей по своему значенію; когда мы слушаемъ говорящаго, слова возбуждаютъ мысль, имъ соотвѣтствующую и мы говоримъ тогда, что понимаемъ высказанную рѣчь ²⁾. Но конечно, существуетъ ли полное и точное соотвѣтствіе между мыслию и словомъ, это уже вопросъ другой. Такимъ образомъ каждое слово наше получаетъ твердый и опредѣленный символъ извѣстной идеи, благодаря тому, какъ говоритъ Снегиревъ, „что идеи ассоціируются съ тѣмъ или другимъ произвольнымъ составомъ звуковъ по смежности, вслѣдствіе чего произнесеніе ихъ само собою вызываетъ, какъ бы напоминаетъ идею, связанную съ нимъ и представляющуюся какъ бы заключенною въ нихъ ³⁾).

Вотъ почему, по выраженію Потебни, „слово есть орудіе апперцепціи“ или психическаго сужденія.

Резюмируя все сейчасъ сказанное о значеніи ассоціацій по сходству и смежности по вопросу о происхожденіи языка, можно сказать, что слова своимъ происхожденіемъ обязаны ассоціаціямъ сходства, а своимъ значеніемъ ассоціаціямъ смежности⁴⁾. Можно замѣтить еще и то, что ассоціація представленій есть болѣе раннее явленіе въ процессѣ образованія языка, нежели непосредственное сходство звука съ чувственнымъ образомъ

1) Владиславлевъ. „Психологія“ т. 2-й стр. 242.

2) Владиславлевъ. Ibidem стр. 43. „Филолог. записки“. Ibidem стр. 32 и 36.

3) Снегиревъ. Ibidem стр. 420.

4) Крушевскій. Ibidem—стр. 129 и 147.

предмета ¹⁾), указываемое нѣкоторыми психологами, разрѣшающими вопросъ о происхожденіи языка.

Примѣчаніе. Ассоціація представленій, конечно, существуетъ и у животныхъ, но она имѣетъ у нихъ совершенно другой отбѣнокъ и характеръ,—именно характеръ чувственный. Тѣмъ приводитъ въ примѣръ лающую собаку на кошку. По ассоціаціи лай собаки вызываетъ у кошки лишь образъ или чувственное представленіе бросающейся собаки и пары клыковъ, которые сейчасъ войдутъ въ ея шкуру и только ²⁾). Вслѣдствіе такого чувственнаго характера ассоціаціи представленій у животныхъ, послѣднія лишены одного изъ важнѣйшихъ психическихъ условій происхожденія языка.

Итакъ, благодаря извѣстнымъ психологическимъ условіямъ, человѣкъ принимаетъ самое дѣятельное—сознательное участіе въ созданіи языка, почему, по выраженію В. Гумбольдта, „языкъ есть энергія, дѣятельность, образующій органъ духа“.

А. Никольскій.

¹⁾ Потебни. „Мысль и языкъ“ стр. 110.

²⁾ „Объ умѣ и познаніи“ стр. 522.

Сверхъестественное Откровеніе и естественное Богопознаніе внѣ истинной церкви.

(Продолженіе *).

Г Л А В А 2-я.

Распространеніе откровеннаго ученія въ языческомъ мірѣ со времени Александра Македонскаго до окончанія Ветхаго завѣта (разрушеніемъ храма).

Греческіе философы, историкъ и законодатели задолго до Александра Македонскаго проникали далеко на востокъ и на югъ и привозили изъ отдаленныхъ странъ описанія чужеземныхъ обычаевъ, нравовъ и вѣрованій. Но это были единичныя паломничества. Геродотъ, бесѣдующій съ египетскими жрецами, это — столкновеніе лицъ различныхъ культуръ, но не столкновеніе самыхъ культуръ. Геродотъ записалъ то, что рассказывали ему жрецы, жрецы можетъ быть приняли къ свѣдѣнію то, что рассказывалъ имъ Геродотъ. Мы думаемъ, да и историческіе памятники подтверждаютъ, что изъ такихъ бесѣдъ возникло знаніе добрыхъ вѣрованій и обычаевъ. Мы уже говорили, что это былъ одинъ изъ путей для распространенія религіозной истины среди желающихъ ее принять. Но это во всякомъ случаѣ путь узкій, рѣдкій, случайный. Истина еще не возвѣщалась громко и повсюду. Соломонъ сказалъ нѣкогда: „Господь сказалъ, что Онъ благоволитъ обитать во мглѣ“ (3 Цар. 8, 12), и еще долго послѣ Соломона Господу не было благоугодно и, слѣдовательно, не было благовременно разсѣять эту

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г. № 22.

мглу. Вѣровавія іудеевъ оставались извѣстны многимъ. Но вотъ, со времени Александра Македонскаго начинается новая эра въ судьбахъ Божественнаго Откровенія. Евреи разсѣваются по міру и разносятъ съ собою повсюду знаніе ихъ священныхъ книгъ.

У Іосифа Флавія (*Antiquit.* XI, 8) есть маловѣроятный рассказъ (кратко мы его уже касались) о томъ, какъ произошли первое столкновеніе и первая встрѣча всемірнаго завоевателя и представителя эллинской культуры съ іудеями. Въ 332 г. до Р. Х. Александръ осаждалъ Тиръ. Провіантъ и вообще жизненные средства Тиру доставляли окрестныя страны, главнымъ образомъ Іудея и Самарія. Освѣдомленный объ этомъ Александръ потребовалъ отъ іудеевъ черезъ посольство, чтобы они подчинились ему и озаботились доставленіемъ провіанта его арміи. Іудеи отказались, сославшись на то, что они дали присягу въ вѣрности Дарію Кодоману. Раздраженный этимъ Александръ послѣ взятія Тира рѣшилъ двинуться на Іудею и строжайше наказатъ іудеевъ. Вида страшную опасность іудеи съ первосвященникомъ Іоддаемъ во главѣ обратились съ пламенной молитвой къ Богу. Іоддай ночью имѣлъ видѣніе и получилъ приказаніе выйти на встрѣчу побѣдителю въ первосвященническомъ одѣяніи, въ сопровожденіи священниковъ въ ихъ одеждахъ и народа, одѣтаго въ бѣлое. Согласно этому приказанію, выступила изъ Іерусалима процессія и дошла до нѣкоторой возвышенности Сафа. Александра видъ первосвященника повергъ въ крайнее изумленіе. Онъ приблизился къ нему, полный благоговѣйнаго страха, поклонился ему и привѣтствовалъ его. Все это своею неожиданностію крайне поразило окружающихъ. На вопросъ Парменіона, что за причина такого поведенія Александра, отвѣтилъ ему Александръ, что, когда онъ, находясь въ Македоніи, думалъ о томъ—идти ли ему на персовъ, явился ему въ грѣзѣ этотъ самый мужъ въ этихъ самыхъ одеждахъ и сказалъ ему, что онъ не долженъ колебаться, но долженъ смѣло идти на Азію, и что Богъ въ этомъ походѣ отдаетъ ему царство персовъ. Вслѣдствіе этого Александръ отнесся весьма дружественно къ іудеямъ и принесъ жертву въ ихъ храмѣ. Іоддай показалъ ему пророчества Даніила, которыя возвѣщали о раз-

рушеніи персидскаго царства нѣкоторымъ греческимъ царемъ. Александръ, прежде чѣмъ удалиться отъ іудеевъ, предложилъ имъ просить его о милости. Они попросили, чтобы онъ даровалъ имъ религиозную свободу и чтобы въ седьмой (субботній) годъ они были освобождаемы отъ подати. Все это имъ даровалъ Александръ¹⁾.

Многіе такъ относятся къ этому разсказу, что думаютъ, что Александръ не совершалъ совсѣмъ похода на Іерусалимъ и что онъ изъ Тира прямымъ путемъ двинулся на Египетъ. Къ Іосифу Флавію, какъ историку, относятся крайне скептически. Во первыхъ, онъ былъ не критиченъ и принималъ за достовѣрное то, что не заслуживало довѣрія, во-вторыхъ, правда не была главною цѣлю его повѣствованій. У него были иныя высшія цѣли: восхваленіе іудеевъ и собственная реабилитация. Ренанъ охотно готовъ допустить, что и путешествіе Александра въ Іерусалимъ есть романъ, просто на просто выдуманный Флавіемъ²⁾. Мы думаемъ, что Флавій воспользовался сказаніемъ, сложившимся до него. Флавій не заходилъ такъ далеко въ отступленіи отъ истины, чтобы придумать цѣлый циклъ событій и именъ, онъ могъ сознательно или бессознательно прикрасить то, что слышалъ, но прямая ложь, это есть нѣчто трудно допустимое. Флавій разсказываетъ далѣе объ отношеніяхъ Александра и іудеевъ (Ios. Ant. XI, VIII, 4, 6 см. у Ренанъ), что многіе іудеи вступали въ ряды войска Александра, участвовали съ нимъ въ походахъ и что въ новооснованныхъ городахъ они получали такія-же привилегіи, какъ и македоняне. Конечно, солдаты—евреи суть нѣчто подозрительное. Но все таки, думаемъ, Іосифъ излагаетъ на страницахъ своихъ „Древностей“ въ данномъ случаѣ не блестящую импровизацию, а то, что онъ слышалъ отъ другихъ или читалъ у другихъ. Въ концѣ концовъ сказаніе должно имѣть въ себѣ зерно истины и, кажется, мы скорѣе уменьшимъ его, чѣмъ увеличимъ, если предположимъ, что оно возникло вслѣдствіе благо-

1) Приводимъ разсказъ по Генстеабергу—Geschichte d. Reiches Gottes untes dem alten Bunde. Berlin. 1871. B. 3. S.S. 364—365.

2) Renan, Geschich. d. Volkes Israels B. 4 B. 8. Kap. 1. S. 190, Deutsche Ausgabe. 1894.

склоннаго отношенія Александра къ Іудеямъ и ихъ религіи и покровительственнаго отношенія къ разселявшимся іудеямъ въ новыхъ городахъ. Александръ не былъ ни кровожаденъ, ни нетерпимъ. Ученикъ Аристотеля, онъ имѣлъ болѣе высокое Богопознаніе, чѣмъ большинство грековъ его времени, и вѣроученіе евреевъ, если оно было сообщено ему хотя-бы только въ самыхъ общихъ чертахъ, но только въ своей сущности, а не въ обнаруженіяхъ—должно было представиться ему содержащимъ болѣе истины, чѣмъ всѣ другія. Мудрый политикъ, онъ въ Египтѣ счелъ нужнымъ совершить путешествіе въ храмъ Аммона. Это путешествіе было несравненно труднѣе, чѣмъ походъ въ Іерусалимъ. Что Промыслъ направлялъ походы Александра къ великой цѣли, въ этомъ, конечно, не усумнится никто, кто вѣритъ въ провидѣніе. Что ходъ событій былъ вполне таковъ, какъ представляетъ Флавій, въ этомъ, конечно, позволительно сомнѣваться. Но несомнѣнно, что со времени Александра іудеи быстро начинаютъ распространяться въ тогдашнемъ западномъ мірѣ, какъ уже ранѣе они начали распространяться въ восточномъ.

Называютъ одного языческаго историка, современника Александра Македонскаго и Птолемея Лага, который писалъ о евреяхъ. Это—Гекатей Абдеритъ. При Птолемеѣ онъ написалъ трактатъ о Египтѣ и также объ іудеяхъ (*Περὶ Ἰουδαίων* или *περὶ Ἀβραάμου*). Сохранились только фрагменты изъ этого произведенія (у Псевдоаристея, Іосифа, Климента, Оригена). Онъ представляетъ, что онъ свои знанія объ іудеяхъ главнымъ образомъ взялъ изъ повѣствованій первосвященника Езекии. То обстоятельство, что Гекатей въ своемъ трудѣ относится къ евреямъ крайне благосклонно, очень рано подало поводъ думать, что его трудъ или по крайней мѣрѣ благосклонныя евреямъ мѣста его труда—фальсификація. Александрійскій періодъ знаменитъ этой своеобразной лжеименной литературой. Явилась серія литературныхъ произведеній, въ которыхъ отъ имени язычниковъ восхвалялись іудеи и іудейская религія. Въ уста великихъ философовъ и поэтовъ древности влагали слова торы и пророковъ. Многіе современные ученые крайне порицаютъ этихъ фальсификаторовъ. Мы не думаемъ, чтобы

должно было относиться къ нимъ столь сурово. Замѣчательна уже скромность этихъ фальсификаторовъ: они отказываются выставять свое имя подъ своими произведеніями—иногда недурными стихами—ради идеи, ради распространенія истиннаго Богопочитанія. Въ нашъ вѣкъ, когда такъ часто чужое выдаютъ за свое, эта добродѣтель особенно должна бы вызывать уваженіе. Затѣмъ степень сознательности въ ихъ обманѣ, намъ думается, часто преувеличиваютъ, и наконецъ, усердіе ученыхъ, пожалуй не мало и подлинныхъ произведеній объявило фальсификаціями. Язычникъ отзывается хорошо объ іудеяхъ. Нужно ли непременно заподозрить такой отзывъ? Нѣтъ, потому что много язычниковъ становились приверженцами іудеевъ—пришельцами вратъ и правды. Прежде чѣмъ стать по религіи іудеями, они переставали быть язычниками, заповѣди Ноя и вѣра патріарховъ предносились имъ уже, какъ дорогія сердцу истины. Замѣчательно, уже обиліе такихъ литературныхъ азыческихъ или псевдо-азыческихъ произведеній, въ которыхъ люди наставлялись истинѣ единобожія и имъ указывался путь къ истинѣ въ обращеніи къ іудеямъ. Очевидно, наступило время, когда неудовлетворенность собственною религіею и невозможность обходиться безъ религіи сдѣлали умы и сердца воспримчивыми къ приватію болѣе высокихъ религіозныхъ истинъ.

У Гекатея есть слѣдующій поучительный рассказъ, который приводитъ Іосифъ въ своемъ трактатѣ противъ Апіона.

„Когда я, говоритъ Гекатей, путешествовалъ вдоль Краснаго моря въ числѣ сопровождавшихъ насъ іудейскихъ всадниковъ, которые указывали намъ дорогу, былъ одинъ по имени *Μοσὸλλαμος*, мужественный, сильный человекъ, признаваемый всѣми, варварами и еллинами за лучшаго стрѣлка изъ лука. Когда во время пути прорицатель обратилъ вниманіе на полетъ птицъ и рѣшилъ, что нужно сдѣлать остановку, спросилъ этотъ человекъ—зачѣмъ всѣ остановились? Прорицатель указалъ ему на птицу и сказалъ: „если она не трогается, то и всѣ должны стоять; когда она полетитъ далѣе, должно будетъ тронуться; если она полетитъ назадъ, нужно будетъ возвратиться“. Тогда еврей, молча натянулъ лукъ, выстрѣлилъ и убилъ птицу. Когда прорицатель и нѣкоторые другіе разгнѣвались на

это и проклинали его, онъ сказалъ: какъ вы можете быть такъ бѣзумны и ставить себя въ зависимость отъ этой несчастной птицы. Если она не могла ничего предвидѣть напередъ относительно своего собственнаго спасенія, то какъ она могла дать намъ какія-либо полезныя указанія для путешествія? Если-бы она знала будущее, она не прилетѣла-бы на это мѣсто изъ страха, что ее застрѣлитъ еврей Мосоламъ“ (Ios. С. Ар. 1 § 22). Мы думаемъ, что такой рассказъ и подобное обстоятельство могли имѣть чисто языческое происхожденіе. Развѣ мало было язычниковъ, относившихся отрицательно къ авгурамъ и ауспиціямъ и искавшимъ различныхъ способовъ и старавшихся такъ или иначе уязвить послѣднихъ. Евреи для этой цѣли были весьма кстати. Этотъ приемъ порицанія собственныхъ обычаевъ и вѣрованій путемъ восхваленія чужихъ существъ доселѣ. Восхваляютъ обычаи и вѣрованія египтянъ, китайцевъ, чтобы уязвить и вразумить своихъ соотечественниковъ и современниковъ. Гердеръ въ нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ идеализируетъ честность египтянъ. Руководясь логикой нашихъ искателей фальсификаціи, можно-бы заключить, что Гердеръ, это—псевдонимъ какого то язычника. Нѣтъ никакой нужды заходить такъ далеко.

Рядомъ съ приведеннымъ мѣстомъ изъ Гекатея Юсифъ (с. Ар. 1, § 22) приводитъ одно мѣсто изъ книги извѣстнаго ученика Аристотеля Клеарха. Въ этомъ мѣстѣ Аристотель рассказываетъ о своей встрѣчѣ съ однимъ іудеемъ изъ Келе-Сиріи. „Этотъ человекъ много путешествовалъ; онъ вышелъ изъ своихъ горъ и ѣздилъ по морю и по сушѣ. Ἐλληνικός ἦν οὐ τῆ διαλέκτῳ μόνον, ἀλλὰ καὶ τῆ ψυχῆ. Такъ какъ я былъ въ Азій, то онъ пришелъ прямо туда, гдѣ я находился. Онъ водился со мною и съ нѣкоторыми другими учениками мудрости и спрашивалъ о нашей философіи. Онъ менѣе учился отъ насъ, чѣмъ наставлялъ насъ“. Онъ давалъ болѣе, чѣмъ получалъ. Какъ относиться къ этому разсказу? Нужно-ли его непременно отвергнуть, какъ чистую выдумку или онъ полная правда или, по крайней мѣрѣ, заключаетъ въ себѣ зерно правды? Мы думаемъ, что не должно спѣшить съ полнымъ его отрицаніемъ. Евреи столкнулись съ греками во

дни Александра Македонскаго и слѣдовательно Аристотеля. Что удивительнаго, что греки заинтересовались ими, разспрашивали ихъ, что религіозныя вѣрованія евреевъ оказывалось особенно трудно выразить въ греческихъ религіозныхъ формулахъ и что эти вѣрованія могли наводить ихъ на размышленія. Вѣрованія египтянъ, вавилонянъ греки описывали, уподобляя своимъ, но вѣрованія евреевъ нельзя было выразить такимъ образомъ. Уже ихъ своеобразность и исключительность должна была заинтересовать любознательныхъ и образованныхъ грековъ. Можетъ быть это и было одною изъ причинъ, почему вскорѣ за этимъ священныя книги евреевъ стали переводить на греческій языкъ. Въ настоящее время ученые самаго различнаго направленія склоняются къ мысли, что существующія сказанія объ этомъ переводѣ—переводѣ LXX—не заключаютъ въ себѣ истины, что они должны быть отвергнуты всецѣло и что происхожденіе перевода нужно объяснять изъ религіозныхъ потребностей александрійскихъ іудеевъ. Переселившіеся въ Александрію, при Александрѣ и особенно при Птоломѣѣ Лагѣ, они стали забывать свой отечественный языкъ и усвоили себѣ греческій. Тора для нихъ становилась непонятною. Явилась потребность перевести ее на ихъ обычный языкъ и отсюда переводъ первоначально пятокнижія, а затѣмъ всего ветхаго завѣта,—переводъ, полагаютъ, начатый въ III вѣкѣ и оконченный несомнѣнно ранѣе 130 г. до Р. X. Эта простая гипозета стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ сказаніями о переводѣ. По сказанію наиболѣе принятому у насъ, переводъ былъ совершенъ такъ: Птоломѣю Филадельфу, государю много заботившемуся о собраніи литературныхъ сокровищъ въ Александрію, бібліотекаръ Александрійской бібліотеки Дмитрій Фалерейскій доложилъ, что въ собраніи бібліотеки нѣтъ книги закона евреевъ, причемъ Дмитрій отозвался объ этомъ законѣ съ почтеніемъ и похвалою. Филадельфъ немедленно отправилъ посольство въ Іерусалимъ, прося первосвященника, доставить ему драгоценныя книги завѣта. Первосвященникъ Елеазаръ послалъ Филадельфу книги завѣта и вмѣстѣ 72 старца (по 6-ти отъ каждаго колѣвна) для того, чтобы они перевели священный завѣтъ съ еврейскаго на греческій. Когда они прибыли въ

Александрію, имъ былъ устроенъ дворець на островѣ Фаросѣ, въ какомомъ дворцѣ они должны были заниматься и куда не могли долетать до нихъ шумъ и суета города. Каждый старецъ работалъ надъ переводомъ въ особомъ помѣщеніи и они не сносились между собою. Черезъ 72 дня переводъ былъ конченъ всѣми и по сличеніи оказался буквально тождественнымъ у всѣхъ. Сказаніе о подобномъ происхожденіи перевода LXX излагается въ письмѣ язычника Аристея къ его брату Филократу. Аристей пишетъ, какъ близкій свидѣтель дѣла, онъ былъ участникомъ въ посольствѣ Филадельфа къ Іерусалимскому первосвященнику и передавалъ послѣднему подарки государя. Указываютъ хронологическія несообразности и историческія ошибки въ письмѣ Аристея. Не допускаютъ возможности, чтобы язычникъ съ такимъ благоговѣніемъ трактовалъ законъ Моисея. Дѣлаютъ попытки представить историческій генезисъ саги о переводѣ LXX. Мы не думаемъ ни примыкать къ этимъ взглядамъ, ни защищать *au pied de la lettre* приведенное сказаніе. Но сущность повѣствованій во всѣхъ ихъ версіяхъ о происхожденіи перевода намъ представляется заключающею зерно истины. Сущность эта состоитъ въ томъ, что причиною перевода Библии на греческій языкъ былъ интересъ грековъ къ религіознымъ законамъ евреевъ. Два рода обстоятельствъ утверждаютъ насъ въ этомъ мнѣніи. Положеніе прозелитизма во время, когда былъ сдѣланъ переводъ, и послѣдующая судьба перевода. Прозелиты еврейства умножались, значить, росъ интересъ къ еврейской религіи. Затѣмъ, въ послѣдующемъ переводу этому суждено было служить религіознымъ интересамъ не евреевъ, а грековъ и всего христіанскаго міра. Сначала переводъ пользовался уваженіемъ и почитаніемъ у евреевъ. Но потомъ, когда этотъ переводъ сталъ предметомъ священнаго употребленія у христіанъ, когда оказалось, что въ этомъ переводѣ мессіанскія пророчества особенно рельефно и ясно осуществились на Іисусѣ Христѣ (здѣсь не было *vaticinia post eventum*, потому что переводъ во всякомъ случаѣ былъ конченъ приблизительно за 150 лѣтъ, а можетъ быть и болѣе до Р. Х.), тогда у евреевъ возникло реакціонное отношеніе къ этому переводу. Дѣло перевода стали

разсматривать, какъ въкоторое страшное преступленіе. Былъ даже установленъ постъ въ восьмой день мѣсяца Тебека, „потому что въ этотъ день законъ былъ написанъ по гречески во время Птолемея. Тьма покрывала при этомъ міръ въ теченіе 3 дней“ (Megilla Gaanith. Fol. 50, Kap. 2). Въ другомъ мѣстѣ день, въ который пять старцевъ (по одной версіи законъ перевели пять старцевъ, каждый—по одной книгѣ) окончили списывать законъ на греческій языкъ по приказанію Птолемея, представленъ былъ какъ день неисцѣлимыхъ бѣдствій для Израиля, какъ тотъ день, въ который былъ отлитъ золотой телецъ (Tract. sopherim. Kap. 1. Цитаты изъ Renan'a. Geschich. d. Volk. Israels. 8 B. Kapit. IV. S. 221). И намъ представляется, что евреи правы, разсматривая тотъ день, въ который былъ законченъ александрійскій переводъ LXX, какъ день скорби и печали. Только—скорби и печали для евреевъ, а не для чело-вѣчества. Въ этотъ день евреи лишились того своего преимуще-ства, которое Св. Павелъ назвалъ самымъ важнымъ (Римл. III, 1—2). Имъ было ввѣрено слово Божіе, но теперь это слово было возвѣщено всему культурному міру.

Но слово Божіе—бездна многа. Законъ, для котораго и у евреевъ требовались толкователи, переведенный по гречески, нуждался въ исагогикѣ и экзегисисѣ. Мы имѣемъ свидѣтель-ства, что таковыя вскорѣ и явились. У христіанскихъ апологе-товъ сообщается, что во время Птолемея Филометора (170—150) жилъ іудейскій ученый по имени Аристовуль, который принадле-жалъ къ школѣ перипатетиковъ и представилъ Филометору трактатъ о Моисеевомъ законѣ, въ каковомъ трактатѣ все ученіе перипатетиковъ разсматривалъ, какъ дѣло Моисея, и утверждалъ, что переводъ еврейскихъ священныхъ книгъ су-ществовалъ ранѣ Александра Македонскаго и даже ранѣ эпохи персидскаго владычества.

Пивагоръ, Сократъ и Платонъ были хорошо знакомы съ этимъ переводомъ и важнѣйшіе и лучшіе элементы своей фи-лософіи заимствовали изъ него. Особенно въ своей „республикѣ“ Платонъ прямо подражалъ Моисею. Также и Гомеръ и Гезі-одъ весьма много обязаны іудейскимъ пророкамъ. Утверждая такое значеніе ветхозавѣтныхъ книгъ, Аристовуль долженъ

былъ считаться съ взглядами грековъ, которые во многомъ не сходились съ ученіемъ Писанія, и вотъ онъ—можетъ быть первый—употребилъ тотъ методъ соглашенія писанія съ привычными взглядами, который потомъ получилъ такое широкое распространеніе въ Александріи и повелъ въ послѣдующемъ ко многимъ злоупотребленіямъ. Это методъ аллегорическаго толкованія. Такія выраженія священныхъ книгъ какъ „сказалъ Богъ“ или „и стало“ по Аристовулу. не значить ничего другого, какъ то, что нѣчто совершилось божественною силою, т. е., значить, они содержали въ себѣ то-же ученіе, какое развивали греческіе философы и поэты—Орфей, Аратъ. Твореніе міра въ 6 дней и покой седьмого дня, по Аристовулу, только символы. Первый цитируетъ Аристовула Климентъ Александрійскій и затѣмъ на него ссылаются послѣдующіе апологеты. Это подало поводъ многимъ думать, что на самомъ дѣлѣ не было ни какого Аристовула, что его произведеніе—дѣло фальсификаціи второго вѣка нашей эры. Полагаютъ, что имя Аристовула было выбрано для подлога на основаніи 2 Макк. 1, 10. Мы рѣшительно отрицаемъ этотъ взглядъ. Мы склонны думать, что если-бы не было этого Аристовула, то его нужно было-бы выдумать, чтобы понять Филона. Аллегорическій методъ толкованія не могъ явиться сразу въ такой законченной и совершенной формѣ, въ какой онъ является у послѣдняго. Затѣмъ, претензіи евреевъ на приматство въ философіи, ихъ генеалогіи—понимая это слово, какъ въ буквальномъ смыслѣ, такъ и въ примѣненіи къ произведеніямъ духа—были уже широко распространены во время Филометора. Рѣчи Аристовула—вовсе не исключительное явленіе. Генеалогіи Клеодема или Малха (II в. предъ Р. X.) явно указываютъ на стремленіе евреевъ показать, что культура другихъ народовъ обязана имъ своимъ происхожденіемъ. Авраамъ имѣлъ отъ Хеттуры много сыновей, между которыми были 'Афѣр, 'Асоѣр, 'Афрѣн. Отъ Асура—Ассирія, отъ двухъ другихъ названы городъ Аффа и страна Африка. Геркулесъ женился на дочери Афры и такъ далѣе (Euseb. praepar. evang. IX 20==Jos. Ant. I, 15). Также въ поэмѣ самарянина Θεодота основателемъ Сихема

является Σειμωσ, сынъ Гермеса (Euseb. 1 с. IX 22). Конечно, по мысли иудеевъ, у нихъ все заимствовали чужеземцы.

Въ противоположность Аристовулу, утверждавшему знакомство греческихъ философовъ съ Библиею въ греческомъ переводѣ, по Эвполему (надо полагать: Мак. VIII, 17=II Мак. IV, II, 158—157 г. до Р. Х.) писанія Моисея черезъ устную передачу финикянъ стали извѣстны грекамъ. Артапанъ въ произведеніи *Περὶ ἰσοδαίμων* представляетъ Моисея основателемъ египетской культуры, онъ возводитъ къ нему даже культъ ибиса и аписа. Эѳіопляне, по нему, научились отъ Моисея обрѣзанію. Предшественниками Моисея въ дѣлѣ просвѣщенія Египтянъ были Иосифъ и даже Авраамъ, который будто-бы училъ египетскаго фараона Фаретона астрологіи. Самаританскій анонимъ заставляеть Авраама учить астрологіи финикянъ и потому египтянъ (Euseb. I. С. IX, 26—27, 17, 18). Можетъ быть, онъ истолковалъ этотъ культъ какимъ либо разумнымъ образомъ. Впослѣдствіи языческое Богопочитаніе подверглось усиленнымъ литературнымъ нападкамъ.

Est modus in rebus. Свои широкія притязанія евреи высказывали письменно предъ лицомъ всего культурнаго міра на языкѣ, на которомъ говорилъ этотъ міръ. Нужно было, чтобы евреи имѣли основанія надѣяться, что хотя въ нѣкоторой—хотя-бы въ весьма незначительной части этого міра, ихъ притязанія встрѣтять нѣкоторое сочувствіе. Иначе высказывать ихъ было-бы дѣломъ крайне неблагоразумнымъ. Говорить, зная, что твою рѣчь встрѣтять исключительно презрѣніемъ или насмѣшкой, отважатся только немногіе. Конечно, съ насмѣшкой и презрѣніемъ можно встрѣтиться всегда. Есть много литературныхъ памятниковъ, гдѣ очень недобримъ словомъ напоминаютъ „ненавистнѣйшій родъ иудеевъ“. Но есть другой рядъ памятниковъ, свидѣтельствующій, что рѣчи евреевъ не были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: ихъ ученіе проникало въ язычскій міръ. Проникало не въ чистой формѣ, смѣшивалось отчасти съ язычествомъ, являлось въ связи съ нѣкоторою ложью и обманомъ, но за всѣмъ тѣмъ оно вносило новый и сильный свѣтъ во взгляды и убѣжденія тѣхъ, которые знакомились съ нимъ въ этой не подлинно истинной формѣ. Такъ, ветхозавѣт-

ное Откровеніе въ нѣкоторыхъ его частяхъ было воспринято и введено въ языческія книги Сивилль. Что многія высокія истины были восприняты лучшими мужами, благодаря іудейской сивиллѣ, для этого мы имѣемъ неоспоримыя историческія доказательства.

Сивиллины книги! Мракъ, окутывающій ихъ происхождение, ни на одну іоту не разсѣявъ новѣйшей наукой. Были-ли, существовали-ли на самомъ дѣлѣ когда-либо сивиллы дѣвы—прорицательницы? То прекрасное, глубоко серьезное и вдохновенное лицо дѣвы со свиткомъ, которое глядитъ на насъ со стѣны дрезденской галереи въ картинѣ Кауфмана, есть-ли только плодъ воображенія художника, или прорицательницы сивиллы—хотя и не такія юныя и прекрасныя—существовали дѣйствительно? Мы не знаемъ этого. Старая легенда рассказываетъ намъ, что нѣкогда къ Тарквинію явилась изъ Кумъ сивилла Амалоея и предложила ему купить принесенныя ею девять книгъ прорицаній. Скупому царю цѣна показалась очень высокой. Онъ отказался. Тогда Амалоея сожгла передъ царемъ три книги и за оставшіяся шесть попросила прежнюю цѣну. Царь удивился, но опять отказался. Амалоея сожгла еще три книги и за оставшіяся у ней три просила то же, что раньше просила за девять. Тогда царь не только изумился, но по соглашенію съ авгурами рѣшился на покупку таинственныхъ книгъ. Въ нихъ предрекалась судьба Рима. Такъ говоритъ легенда. Исторія не знаетъ—восходитъ-ли древность сивиллиныхъ книгъ ко времени Тарквинія, но несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ нихъ очень древняго происхожденія, имя сивилль уже употреблялось во времена Гераклита (550 до Р. Х.), какъ также несомнѣнно, что нѣкоторыя явились очень поздно, и ученые охотно назначаютъ для нихъ христіанскую эру (до VI в.). Сивилль насчитываютъ много и ихъ произведенія теперь раздѣлены на 14 книгъ (новѣйшее изданіе Aloiti'я Rzach'a 1891 съ латинскимъ предисловіемъ и примѣчаніями). Самое значеніе имени Σιβύλλα доселѣ остается загадкою (Σιδος βουλλή—Λιδος βουλη—Σιβύλλα). Въ ряду этихъ сивилль есть и іудейская. Она указываетъ народамъ спасеніе въ вѣрѣ іудеевъ и іудеяхъ. Таково содержаніе по нынѣшнему счету третьей сивиллиной книги. По общему

миѣнію ученыхъ, эта книга явилась около 140 г. до Р. X. (при Птоломѣ VII, 145—117 г.); нѣкоторые, наприм., А. Гарнакъ, отодвигаютъ происхожденіе нѣкоторыхъ стиховъ этой книги къ христіанской эпохѣ. Но стихи эти по содержанію своему не христіанскаго, а іудейскаго происхожденія; затѣмъ, если даже и удалить эти стихи, то основная мысль, что истина и спасеніе у іудеевъ, содержится и въ остальныхъ мѣстахъ книги. Мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ рѣчей сивиллы. Что не христіанинъ былъ составителемъ ихъ, что безусловно несогласно было съ духомъ христіанъ первыхъ вѣковъ такимъ образомъ пропагандировать свое ученіе, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

„О, Греція, говоритъ пророчица, затѣмъ ты возлагаешь свое упованіе на людей, смертныхъ владыкъ, которые не въ состояніи избѣжать участи смерти? Зачѣмъ ты приносишь умершимъ напрасныя дары и жертвы совершаешь предъ идолами боговъ? Кто внушилъ тебѣ такое заблужденіе? Кто привелъ тебя къ такому отступничеству, что ты отвратилась отъ лица великаго Бога? О, прежде всего чтѣ имя Отца всѣхъ вещей! да и не будетъ тебѣ это имя болѣе неизвѣстнымъ! Пятнадцать столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, какъ гордые цари царствовали надъ Греціей, которые между смертными распространили первое нечестіе, они чрезъ поклоненіе многочисленнымъ идоламъ различныхъ, смерти подпавшихъ боговъ развратили вашу душъ и наполнили суетными вещами. Однако если гнѣвъ великаго Бога тяжко обратится на васъ, тогда вы узнаете Его лицо, тогда всѣ человѣческія души съ громкими вздохами протянутъ руки къ далекому небу, начнутъ призывать великаго Царя и Его помощь и станутъ искать, кто избавитъ ихъ отъ Его великаго гнѣва: хотя теперь познай это и заглуши въ твоемъ духѣ все нечестіе, что накопилось въ теченіе вѣковъ. Если Греція, которая достаточно долго приносила быковъ и мычащихъ животныхъ, какъ тщетныя жертвы, принесетъ свою жертву за грѣхъ въ храмъ великаго Бога, будетъ избавлена отъ ужаса и отъ чумы и снова сможетъ сбросить съ себя ярмо рабства“ (стихи 545 и слѣд.).

Заблуждающейся и призываемой къ покаянію Греціи приво-
дятся въ примѣръ и въ образецъ іудей.

„Эти благочестивые люди преданы волѣ и смотрѣнію Высо-
чайшаго, они почитаютъ храмъ великаго Бога возношеніемъ
моленій, сожженіемъ жертвъ и гекатомбами добрыхъ живот-
ныхъ... Будучи справедливы и исполняя законы Высочайшаго,
они счастливо живутъ въ своихъ городахъ и въ плодородныхъ
долинахъ. Водимые безсмертнымъ и поднятые пророкомъ рода
человѣческаго, они готовятъ ему великую радость (тем-
ное мѣсто). Имъ однимъ даровалъ великій Богъ мудрость, вѣ-
ру и добрыя мысли на сердцѣ. Охраняемые отъ напрасныхъ
заблужденій, не почитаютъ они никакихъ видимыхъ боговъ,
которые сдѣланы только работою человѣческихъ рукъ изъ зо-
лота, олова, серебра, слоновой кости, дерева, камня или изъ
глины, окрашены пурпуромъ и уподоблены животнымъ или инымъ
вещамъ. Каковымъ смертные возносятъ мольбы въ ихъ грубомъ
заблужденіи. Но они (іудей) возносятъ къ небу свои чистыя
руки, которыя омываютъ утромъ водою, оставляя ложе. Они
почитаютъ всегда великаго и безсмертнаго Бога и также сво-
ихъ предковъ. При этомъ заботятся они болѣе, чѣмъ всѣ дру-
гіе люди, о святости брачнаго ложа. Они не допускаютъ не-
чистаго обращенія съ юными мальчиками, какъ это обычно у
финикійянъ, египтянъ, латинянъ, грековъ, персовъ, галатовъ и
у всѣхъ жителей Азии, которые пренебрегали и нарушили цѣ-
ломудренныя законы безсмертнаго Бога“ (стихи 573 и слѣд.).

За эти нарушенія посылаетъ Безсмертный всѣмъ смертнымъ
несчастіе и нужду голода, бѣдствія и сокрушенія, войну, бо-
лѣзни и тяжкія страданія, заставляющія проливать слезы, по-
елику они не пожелали почитать безсмертнаго отца всѣхъ че-
ловѣковъ достойнымъ образомъ. Они почитали идольскія изо-
браженія и молились дѣламъ собственныхъ рукъ. Сами смерт-
ные будутъ низвергать своихъ идоловъ и скрывать ихъ изъ-за
стыда и позора, когда новый царь Египта будетъ господство-
вать надъ этою страной (это будетъ седьмой изъ греческой
династїи, которая была утверждена храбрымъ греческимъ на-
родомъ) и когда изъ Азии великій царь, огненный орелъ, устре-
митя, который покроетъ весь міръ пѣхотинцами и всадниками,

все низвергнетъ и наполнить нечестіемъ, подчинить египетское царство и потомъ, овладѣвъ всѣми богатствами, удалится по широкой поверхности моря. Тогда преклонятъ они свои колѣна ницъ къ плодоносной землѣ предъ великимъ Богомъ, бессмертнымъ Царемъ, и дѣло человѣческихъ рукъ станетъ добычею пламени. Тогда пошлетъ Богъ великое счастье людямъ, тогда земля, деревья, безчисленные стада овецъ будутъ доставлять свои плоды—вино, сладкій медъ, бѣлое молоко и пшеницу, что составляетъ наилучшее питаніе для смертныхъ.... И потомъ съ востока Богъ пошлетъ вѣкотораго царя, который на всей землѣ положитъ конецъ бѣдственной войнѣ. Однихъ сторонниковъ войны онъ умертвитъ и другимъ предпишетъ мирные законы. Все это произойдетъ не само собою, но ради послушанія велѣніямъ великаго Бога. И народъ великаго Бога будетъ осыпанъ богатыми дарами: золотомъ, серебромъ, пурпуромъ. Плодоносная земля и море наполнятся благами.

..... Снова будутъ сыны великаго Бога мирно жить около храма, радуясь дарамъ Создателя, праведнаго Судии, Монарха, который одинъ будетъ ихъ защищать, окружая ихъ горящимъ пламенемъ, какъ-бы охранною стѣною. Въ городахъ и деревняхъ будутъ они охраняемы отъ войны, и рука бѣдственной войны не коснется ихъ болѣе, потому что бессмертный будетъ сражаться за нихъ и рука Святаго ихъ покроетъ. Тогда всѣ острова и города воскликнутъ: „смотрите, какъ любитъ бессмертный этихъ людей. Всегда онъ сражается за нихъ и приходитъ къ нимъ на помощь, и небо, луна и священное солнце дѣлаютъ тоже“..... Изъ ихъ устъ польются сладкія пѣсни: пойдемте, низвергнемся ницъ на землѣ, будемъ молиться бессмертному царю, великому высочайшему Богу. Мы исповѣдуемъ всѣ законъ высочайшаго Бога, который есть справедливѣйшій изъ всѣхъ законовъ земли. Мы далеко уклонились отъ пути Всевышняго и въ нашемъ заблужденіи молились деревяннымъ изображеніямъ, дѣлу собственныхъ рукъ, изображеніямъ умершихъ людей.... Однако души оставшихся вѣрными будутъ восклицать: придите, падемъ ницъ съ народомъ Божиимъ, будемъ праздновать пѣніемъ Богу Создателю въ нашихъ домахъ. Потомъ въ теченіе семи лѣтъ мы пройдемъ по землѣ и соберемъ

смертное оружіе, щиты, копья, шлемы, стрѣлы и всѣ орудія смерти. Потомъ мы зажжемъ костеръ радости и въ теченіе семи лѣтъ не нужно будетъ болѣе срубить ни одного дуба въ лѣсахъ, чтобы питать пламя этого огня“.

Иногда представляется у пророчицы, что счастливому концу будутъ предшествовать великія бѣдствія.

„О несчастная Греція! оставь свои гордыя мысли.“

Молись безсмертному всѣмъ сердцемъ, если ты хочешь спасти себя. Пошли нервнительный народъ (?) къ тому городу (Іерусалимъ?), который построенъ на великой священной землѣ. Не трепещи, Комарина; лучше не трогайся, Комарина. Не тревожь леопарда въ его покоѣ, чтобы несчастіе не приблизилось къ тебѣ. Умѣрься, оставь надменную и свирѣпую смѣлость, которая побуждаетъ тебя къ этой ужасной войнѣ. Служи великому Богу, чтобы имѣть тебѣ часть съ тѣми (іудеями), когда придетъ ужасный день суда“.

Вотъ, какъ онъ наступитъ:

„Огненные мечи низвергнутся съ неба на землю и чудовищные факелы будутъ падать и будутъ разгораться между людьми. Земля, великая мать всего, поколеблется въ тѣ дни рукою Безсмертнаго. Рыбы, моря и всѣ животныя земли, безчисленные роды летающихъ и всѣ человѣческія души и всѣ моря поколеблются предъ лицомъ Всевышняго. Ужасы будутъ безъ конца. Безсмертный потрясетъ крутые холмы и высоты горъ и черный зрѣбъ откроется взорамъ всѣхъ. Въ высотѣ воздуха углубленія высокихъ холмовъ покроются трупами, и красная кровь будетъ течь изъ скалъ, пока широкіе потоки не потекутъ поверхъ поверхности. Твердо построенныя крѣпости упадутъ на землю, и несчастные люди будутъ беззащитны, такъ какъ они пренебрегли закономъ и судомъ великаго Бога и поелику они, потрясая копьями, устремлялись противъ священнаго мѣста. Но Богъ накажетъ ихъ войною и мечемъ, огнемъ и потопнымъ дождемъ, сѣра будетъ падать съ неба, и камень, и страшный градъ. Смерть поразитъ всѣхъ четвероногихъ, и люди наконецъ познаютъ безсмертнаго Бога, который все это совершилъ. Жалобы и крикъ смертныхъ будутъ подниматься съ великанши—земли, но потомъ всѣ будутъ лежать

нѣмыми и плавать въ крови. И земля будетъ пить человѣческую кровь и дикія животныя насытятся ихъ кровью“.

Но потомъ

„Земля, которая все рождаетъ, подаритъ смертнымъ чудные плоды, ишеницу, вино и масло, между тѣмъ какъ съ неба потечетъ сладкое питье, вкусный медъ, деревья будутъ приносить обильные плоды, и жирныя стада быковъ, овецъ и козъ умножатся безконечно. Безсмертный заставитъ течь молочные источники, которые будутъ блестять бѣлѣе снѣга. Города будутъ запружены богатствами и поля плодородіемъ. Не будетъ болѣе никакихъ мечей, никакого волненія на землѣ, никакихъ внутреннихъ столкновеній, которыя могли-бы поколебать стонущую землю, ни войнъ, ни засухъ; ни голода, ни губительнаго града, который уничтожаетъ плоды. Великій міръ будетъ царствовать на всей землѣ. Цари будутъ неизмѣнно держаться своихъ договоровъ и Безсмертный, который обитаетъ на звѣздномъ небѣ, дастъ всѣмъ людямъ широкой земли общій законъ, который научитъ несчастныхъ смертныхъ, что они должны дѣлать и что оставить.“

....И тогда возникнетъ царство, которое будетъ вѣчнымъ и распространитъ свою власть надъ всѣмъ человѣчествомъ. Тотъ, который далъ благочестивымъ людямъ святой законъ, обѣщаетъ открыть имъ также и землю, весь міръ и ворота святыхъ, онъ обѣщаетъ имъ дать всѣ радости, безсмертный духъ и вѣчную святость. И со всей земли благовонія и дары понесутъ къ дому великаго Бога. И не будетъ другого дома, въ которомъ будущіе роды будутъ свидѣтельствовать о своемъ благоговѣнномъ страхѣ къ Богу кромѣ того, который онъ самъ укажетъ для молитвы вѣрнымъ. Смертные назовутъ его храмомъ великаго Бога.... Легко будетъ проѣзжать въ тѣ дни по тропицкамъ равнины, крутымъ скаламъ и высокимъ горамъ и по бушующимъ волнамъ моря. Пророки великаго Бога устранять мечъ, потому что они будутъ судьями и праведными царями смертныхъ. И люди будутъ владѣть богатствами, которыя не будутъ пріобрѣтены никакою несправедливостію, поелику будутъ господствовать судъ и справедливость великаго Бога.... Радуйся,

юная, трепещи предъ спасеніемъ, поелику Тотъ, Кто создалъ небо и землю, даруетъ тебѣ вѣчное счастье. Вотъ, волки пасутся на горахъ съ ягнятами и леопарды находятся вмѣстѣ съ козами, любящіе бродить медвѣди ночуютъ вмѣстѣ съ тельцами, и кровожадный левъ питается соломой изъ ясель, подобно мирнымъ быкамъ, и нѣжныя дѣти ведутъ ихъ вмѣстѣ связанными, дикое животное тихо поползетъ по землѣ, и драконы будутъ спать подлѣ дѣтей, не причиняя имъ вреда, поелику рука Божія будетъ покоиться на всѣхъ нихъ“.

Не мало практическихъ совѣтовъ даетъ сивилла о жертвахъ, о поведеніи.

Не на бесплодную почву падали слова сивиллы, стихи ихъ читались, усваивались и принимались близко къ сердцу и подъ вліяніемъ ихъ слагались новыя поэтическія произведенія. Тагъ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ сивиллиныхъ книгъ написана Виргиліемъ его четвертая эклога.

„Теперь наступаетъ послѣднее время, о которомъ пѣли куманскія прорицательницы. Начинается великій послѣдовательный рядъ новыхъ столѣтій. Тогда возвратятся назадъ дѣва и дни Сатурна. Новое человѣчество низойдетъ съ неба. Это будетъ концомъ желѣзнаго вѣка, наступленіемъ золотого для всего міра. Всѣ слѣды прирожденной преступности, всѣ ужасы, которые насъ столь долго преслѣдовали, исчезнутъ... Земля въ пестрой совмѣстности будетъ производить плющъ и ягодные кусты, плодовые деревья и иглистыя растенія, коза пойдетъ въ свой хлѣвъ съ выемъ наполненнымъ молокомъ, и стада уже не будутъ бояться нападенія львовъ. Смерть змѣѣ. Смерть обманчивымъ, отравленнымъ травамъ... Ассійрійскій имбирь будетъ расти на волѣ. Всюду заблеститъ равнина золотою роскошью волнующихся кормовыхъ травъ. Виноградъ съ дикимъ виномъ, краснѣя, заблеститъ между зеленыхъ вѣтвей и желѣзистый дубъ выдѣлитъ благоухающій медъ... Корабельщикъ скажетъ морю „прости“, и мачты кораблей уже не будутъ болѣе служить торговлѣ. Всякая почва будетъ производить всевозможные плоды. Земля уже не будетъ болѣе получать раны отъ плуга, виноградныя вѣтви не будутъ чувствовать порѣзовъ серпа, земледѣлецъ сниметъ ярмо съ шеи животныхъ. Не нужно

будеть прибѣгать ни къ какому обману, чтобы шерсть блестяла прекраснѣйшими красками. На лугахъ баранъ смѣнить естественную шкуру на одежду изъ пурпура и шафрана, и ягненокъ въ травѣ облачится въ розовыя одежды. „Тките, тките, столѣтія, говорили парки своей прядкѣ, находясь въ союзѣ съ неизмѣннымъ Богомъ судьбы... Смотрите, какъ все трепещетъ отъ радости въ предчувствіи приближающаго времени“.

Такъ мессіанскіе идеалы черезъ сивиллины книги возбуждали духъ языческихъ поэтовъ. Заповѣди высокой нравственности и высокія религиозныя истины разносились чрезъ этотъ анонимный источникъ по всему міру. Вотъ, чему наставляла этотъ міръ—языческій міръ—александрійскаго сивилла.

„Вы смертныя, изъ плоти образованные люди, образы небытія, почему вы такъ надмѣнны и не думаете о цѣли жизни? Вы не трепещете? Вы не боитесь Бога, который за вами назираетъ? Бога высочайшаго, который все знаетъ и все видитъ, Владыку, который вездѣсущъ, все создалъ и питаетъ всякую тварь, Творца, Который вложилъ въ насъ дыханіе своего высокаго духа и сдѣлалъ этотъ духъ водителемъ всего смертнаго. Богъ—одинъ, Онъ управляетъ, Онъ созерцаетъ все. Никакая смертная плоть не можетъ Его видѣть, поелику какая плоть въ состояніи безнаказанно созерцать чистаго, безсмертнаго Бога, который жьветъ на небѣ. Люди, эта раса, рожденная изъ небытія и обреченная на смерть, эти созданія, составленныя изъ жилъ и мяса, не могутъ созерцать вида солнца. Почитайте, всеединого Владыку міра, единственнаго, который не былъ рожденъ и приданъ міровому цѣлому, Владыку, Который всѣмъ смертнымъ даетъ равный свѣтъ и равное дыханіе. Иначе вы подвергнетесь справедливымъ наказаніямъ за вашу злость, по которой вы пренебрегли истиннымъ, вѣчнымъ Богомъ. Ему вы не закалаете священныхъ гекатомбъ, напротивъ, демонамъ, жителямъ ада, приносите вы жертву за жертвой. Вы ходите путемъ суетности и заблужденія, послѣ того какъ вы оставили прямые пути и блуждаете среди тернистыхъ растеній и дикихъ скалъ. Вы смертныя, зачѣмъ Вы пребываете въ заблужденіи? Остановитесь, безумныя, блуждающіе въ темной ночи, оставьте мракъ и примите свѣтъ. Смотрите, какъ

открывается онъ (свѣтъ) всѣмъ въ своей полной истинѣ. Приблизьтесь. Не гонитесь за тѣнями и мракомъ. Смотрите, какъ сіяетъ надъ вами сладкій свѣтъ солнца. Откройте ваши сердца для премудрости и познайте ее. Богъ одинъ! Онъ—тотъ, который посылаетъ дождь и вѣтеръ, землетрясеніе и молнію. Онъ владычествуетъ надъ голодомъ и болѣзнями, надъ скорбію и заботами, надъ снѣгомъ и льдомъ. Но къ чему перечислять ихъ въ отдѣльности? Онъ управляетъ небомъ, владычествуетъ надъ землею, Онъ есть... Если все, что родилось, нѣкогда должно погибнуть, то Богъ не могъ произойти ни отъ какого мужчины и ни отъ какой женщины, нѣтъ! Богъ одинъ, единственный, возвышающійся надъ всѣмъ. Онъ создалъ небо и солнце, звѣзды и луну и плодоносную землю. Онъ образовалъ вздымающіяся морскія волны и высокія горы и могучіе источники. Онъ призвалъ къ жизни безчисленное множество водныхъ существъ. Онъ питаетъ пресмыкающихся, которыя ползаютъ по землѣ, и пестрыхъ птицъ гармонично поющихъ, съ громкими криками махающихъ крыльями въ воздухъ. Онъ указалъ горныя пещеры дикимъ животнымъ для обитанія, и людей, существъ божественнаго происхожденія, онъ назначилъ владыками всѣхъ тварей. Онъ подчинилъ людямъ различныя созданія, даже и такія, которыя имъ доселѣ остаются неизвѣстными. Развѣ можетъ какая-либо смертная плоть знать всѣ божественныя созданія. Онъ одинъ знаетъ ихъ, Который создалъ отъ начала всѣ вещи. Онъ, неподлежащій измѣненіямъ Творецъ, вѣчный, живущій въ эфирѣ, который изливаетъ неистощимо на добрыхъ потокъ своихъ благодѣяній, и гнѣвъ Котораго производитъ войну, голодъ и слезныя скорби у злыхъ... Зачѣмъ ты гибнешь въ своемъ высокоуміи, родъ человѣческій? Какъ не стыдишься ты того, что изъ кошекъ и злыхъ животныхъ сдѣлалъ себѣ боговъ? Въ силу какого безумнаго ослѣпленія ты призналъ, что твои боги крадутъ блюда и облизываютъ павлиновъ. вмѣсто того, чтобы хранить золотое владычество неба твои боги пожираются червями и ихъ оскверняютъ пауки. Безумные люди, падающіе ницъ предъ змѣями, кошками и собаками. Вы молитесь птицамъ и ядовитымъ тварямъ, пресмыкающимся во прахѣ, каменнымъ изображеніямъ и столбамъ.

которые воздвигли ваши собственныя руки, даже грубымъ каменнымъ кучамъ собраннмъ на дорогѣ. Безумные смертныя этихъ боговъ изображаютъ себя, чтобы приносить имъ жертвы, поелику изъ рта таковыхъ боговъ течетъ причиняющей смерть ядъ. Предъ тѣмъ, которому принадлежитъ жизнь и владычество надъ вѣчнымъ свѣтомъ, Который подаетъ людямъ радости болѣе сладкія, чѣмъ сладкій медъ, предъ Тѣмъ однимъ нужно склонять голову, чтобы имѣть предъ собою открытымъ тотъ путь, по которому благочестивые люди ходятъ уже столѣтія. Но вы оставили этого Бога. Вы истощили всю чашу небеснаго правосудія—тяжелую и глубокую чашу полную теплаго, несмѣшаннаго вина. Вы упорствовали въ вашемъ ослѣпленіи, вы не желали возвратиться къ чувству правды и не хотѣли признавать Бога—царя, Который владычествуетъ надъ всѣмъ. Поэтому надъ вами разразится буря, полная опаляющаго зноя, и вы погибнете въ пламени и навсегда уничтожитесь. Съ поворомъ вы вспомните о вашихъ живыхъ и безсильныхъ богахъ, между тѣмъ какъ тѣ, которые почитали истиннаго, вѣчнаго Бога, получать вѣчную жизнь въ наследственный удѣлъ. Они поселятся на всю вѣчность въ цвѣтущихъ садахъ рая и будутъ питаться сладкимъ хлѣбомъ звѣзднаго неба“.

Сами за себя, думаемъ мы, говорятъ эти рѣчи таинственныхъ пророчицъ. Какъ могутъ люди говорить, что Богъ ихъ оставилъ, что Онъ не далъ имъ откровенія о себѣ, что Онъ предоставилъ ихъ ихъ собственнымъ путямъ. Кѣмъ бы ни были написаны эти строки—фальсификаторомъ-ли іудеемъ, язычникомъ ли, который изучалъ іудейство и котораго оно плѣнило, во всякомъ случаѣ эти строки направляли читающихъ къ истинѣ. Ренанъ очень наивно называетъ рѣчи александрійской сивиллы деизмомъ. Но деизмъ, понимаемый въ самомъ широкомъ смыслѣ, отрицаетъ совсѣмъ виѣшательство Божества въ исторію человечества, понимаемый въ смыслѣ ограниченномъ, отрицаетъ церковь и историческое откровеніе. Сивилла, напротивъ, указываетъ на благочестивый народъ, т. е., на церковь (и историческое откровеніе), говоритъ о божественномъ законѣ, называетъ язычниковъ отступниками отъ Бога, т. е., значитъ,

утверждаетъ, что ихъ предки—хотя-бы и отдаленнѣйшіе пребывали въ дѣйствительномъ Богообщеніи. Авторы сивиллинскихъ книгъ рассматриваютъ политеизмъ, какъ отступленіе. Это библейская точка зрѣнія. Нѣкогда книги сивиллъ почитали весьма высоко, въ нихъ видѣли то же, чѣмъ были пророческія книги для евреевъ. Христіанскій міръ въ древніе и средніе вѣка такъ же высоко ставилъ и Вергилія. Вергилій въ средневѣковомъ представленіи былъ языческимъ Исаіею. Его пророчество объ имѣющемъ родиться и царствовать владыкѣ, о томъ что наступитъ время, когда весь міръ станетъ римскою провинціей, когда

„Съ устраненіемъ войнъ времена укротятся крутыя,
„Вѣрность сѣла и Веста и Ремъ при братѣ Квиринѣ
„Будутъ законы давать; желѣзомъ затворовъ заперутся
„Грозныя двери войны“.

Влагаемая имъ въ уста Юпитера слова объ имѣющемъ наступить съ устраненіемъ войнъ всемірномъ владычествѣ римлянъ, вселенной владыкѣ, народа одѣтаго въ тогу,

Этихъ власти уже ни гравицъ, ни времянь я не ставлю,
Царство имъ дамъ безъ конца,

его возвышенные нравственные, можно сказать, мессіанскіе идеалы, все это высоко подняло образъ языческаго поэта въ христіанскомъ представленіи. Изъ его произведеній черпали краски для описанія ада и рая, и Дантъ не могъ найти себѣ лучшаго ментора для странствованій по небу и аду, какъ этого поэта золотого вѣка римской литературы. Сложилась легенда о христіанствѣ Вергилія—хотя Вергилій умеръ почти за двадцать лѣтъ до рожденія Христа. Потомъ сивиллъ превратили въ мифъ, а Вергилія стали представлять какимъ-то плагиаторомъ іудейскихъ фальсификаторовъ. Теорія мифа не проливаетъ ни малѣйшаго свѣта на происхожденіе загадочныхъ книгъ (не говоримъ объ ихъ размноженіи и разростаніи), а взглядъ на Вергилія, какъ плагиатора плохихъ и мало содержательныхъ александрійскихъ стиховъ плохо гармонируетъ съ тѣмъ фактомъ, что онъ былъ любимѣйшимъ и наиболѣе читаемымъ поэтомъ Рима. Безъ сомнѣнія, въ средневѣковомъ взглядѣ на Ари-

стотеля, *Виргилія*, *Сивиллъ* было много историческихъ ошлябокъ и психологическихъ преувеличеній, но все-таки мы думаемъ, что въ общемъ въ оцѣнкѣ этихъ лицъ и книгъ средневѣковые богословы погрѣшали менѣе, чѣмъ новѣйшіе рационалистическіе ученые. Сущность средневѣковыхъ воззрѣній по данному вопросу заключалась въ томъ, что эти лица были посланы провидѣніемъ, чтобы вести человѣчество къ истинѣ и благу. И такія воззрѣнія мы считаемъ справедливыми. Ложь средневѣковыхъ воззрѣній состояла въ томъ, что они видѣли въ названныхъ лицахъ носителей полной истины и окружали ихъ созданнымъ собственнымъ воображеніемъ сверхъестественнымъ ореоломъ. Средневѣковые богословы думали, что они слишкомъ хорошо понимаютъ пути Провидѣнія и, не имѣя историческихъ свѣдѣній о ходѣ религиозныхъ судебъ человѣчества въ прошедшемъ, смѣло рисовали ихъ сами. Новѣйшіе ученые думаютъ, что никакихъ путей провидѣнія не существуетъ, и, зная также мало, какъ и ихъ предки, о прошедшемъ человѣчества, отрицаютъ представленія своихъ предковъ во имя принциповъ. Мы думаемъ, что дѣти болѣе неправы, чѣмъ отцы. Провидѣніе существуетъ и хотя отчасти, хотя въ бесконечно малой мѣрѣ намъ дано уразумѣвать его, чтобы идти болѣе или менѣе сознательно туда, куда Оно насъ ведетъ. Отсюда, въ нѣкоторой мѣрѣ, намъ дано уразумѣвать и прошлое человѣчества. Намъ говорятъ, что знакомство *Аристотеля* съ еврейскимъ мыслителемъ сказка псевдоклеарха, сивиллины книги—жалкая фальсификація претенціозныхъ поработченныхъ евреевъ, пѣсни *Виргилія*—наивное заблужденіе поэта. Но у *Аристотеля* мы находимъ ученіе о Единомъ перводвижителѣ, сивиллины книги говорятъ, что Онъ есть Тотъ, Котораго почитаютъ евреи и Котораго должны почитать всѣ. *Виргилій* мечтаетъ о томъ блаженномъ времени, когда наступитъ это всеобщее истинное Богопочитаніе. Философія *Аристотеля* была доступна лишь избраннымъ, сивиллины книги читали многіе. *Виргилія* читали всѣ. Такъ истины ветхозавѣтнаго откровенія возвѣщались все большимъ и большимъ кругамъ человѣчества, по мѣрѣ того какъ человѣчество становилось способнѣе и способнѣе къ воспріятію этихъ истинъ.

Въ какой мѣрѣ воспринимались эти истины? Бертолетъ въ изслѣдованіи объ отношеніи евреевъ къ чужеземцамъ собралъ многочисленныя свидѣтельства того, что іудейскіе вѣра и обычаи получили широкое распространеніе въ римскомъ мѣрѣ около времени Рождества Христова. Резюмируемъ кратко его соображенія.

Есть основанія полагать, что уже Александръ Македонскій далъ евреямъ, которые переселились въ Александрію, тѣ-же права, что и македонянамъ (Jos. с. Аріон. II, 4), можетъ быть воспоминаніе этого представляютъ въ Премудр. Солом. 19, 15 (16) ст. τὸν αὐτὸν μεταχρήσας δικαίων. Для птоломеевъ и селевкидовъ образъ дѣйствій Александра, можетъ быть, послужилъ примѣромъ. Въ римскую эпоху положеніе евреевъ было не менѣе благопріятно. Ихъ общины допускались, какъ нѣкіе фрейны. Средоточіемъ ихъ общинъ были синагоги. Ничто не препятствовало іудеямъ открыть ихъ для чужеземцевъ. Если въ Римѣ одна синагога была названа по имени Августа, другая по имени Агриппы, то уже эти одни названія говорятъ противъ исключенія чужеземцевъ изъ синагоги. У Овидія говорится, что красавицъ города нужно отыскивать въ синагогахъ (Ars. amator. 175). Изъ свидѣтельства книги Дѣян. XIII, 44 видно, что населеніе Антиохіи цисидійской было если не іудейскимъ, то готовымъ слушать іудеевъ—„почти весь городъ“. Не менѣе доказываетъ это дѣйствіе тѣхъ дорійскихъ юношей, которые повидимому изъ ὁσιότητος получаютъ доступъ въ синагогу, чтобы выставить тамъ портретъ Кесаря, чтобы онъ стоялъ открыто для чужеземцевъ (Ant. XIX 63) см. 1 Кор. 14, 16. Вѣрные и невѣрные (ἰδιότης) повидимому были раздѣлены. Были отлученія отъ синагоги. По свидѣтельству Филона въ Египтѣ жилъ миллионъ іудеевъ и $\frac{2}{3}$ Александріи были іудейскими (In Flaccum § 6 M. II § 23 Ri VI 47). Надо полагать, что въ это число входятъ прозелиты.

Иосифъ приводитъ слова Страбона. „Не легко найти мѣсто въ мѣрѣ, въ которомъ не было бы этого народа (іудеевъ) и которое не находилось бы подъ вліяніемъ ихъ силы. Такъ случилось, что египтяне и киренцы, находящіеся подъ одною властію, и другіе народы почувствовали себя принужденными

точно содержать повелѣнія іудеевъ и такимъ образомъ при исполненіи іудейскихъ законовъ съ ними стали велики“ (Antiq. XIV, 72). Самъ Іосифъ говоритъ: „наши законы испробованы всѣми другими людьми и у нихъ вызываютъ къ себѣ все большее вниманіе. Поелику хотя философы у еллиновъ по наружности сохраняютъ свои отеческіе обычаи, однако они усвоили себѣ подобныя іудейскимъ представленія о Богѣ и ихъ обычай и простоту жизни. Да, уже цѣлыя народы не съ недавняго времени со мною ревностью обращаются къ нашей религіи, и нѣтъ болѣе ни одного еллипскаго города, гдѣ только они существуютъ, и нѣтъ варваровъ, къ которымъ не проникъ-бы нашъ обычай седьмаго дня, въ который мы пребываемъ въ покоѣ. И посты, и возжиганіе свѣтильниковъ, и неупотребленіе многихъ изъ запрещенныхъ нашимъ закономъ кушаній (Исх. 35. 3). Стараются подражать нашему дружественному взаимному обращенію, нашей щедрости, трудолюбію и твердости въ нашихъ бѣдствіяхъ. И что наиболѣе удивительно: законъ привлекаетъ самъ собою безъ всякой приманки и обѣщаній. И какъ Богъ вездѣсущъ въ мірѣ, такъ нашъ законъ оказывается удобнымъ для всѣхъ людей. Каждый, кто пожелаетъ присмотрѣться къ своему отечеству и собственному дому, не откажетъ въ вѣрѣ моимъ словамъ“ (С. Аріон. II 39). Въ другомъ мѣстѣ Іосифъ говоритъ: отъ эллиновъ мы отличаемся болѣе мѣстомъ, чѣмъ обычаями, такъ что съ нашей стороны по отношенію къ нимъ нѣтъ никакой вражды и зависти; напротивъ, многіе изъ нихъ по своей волѣ приняли нашъ законъ (Аріон. II 10; срав. I, 22).

Здѣсь, конечно, рѣчь не о прозелитахъ, а прежде всего о язычникахъ синкретистахъ.

Свидѣтельство о распространившемся обычаѣ почитанія 7-го дня можно найти у языческихъ писателей. Персей насмѣхается надъ своими согражданами, которые

блѣднѣютъ въ субботу обрѣзанныхъ (Satir V. 184).

Ювеналь говоритъ:

Sed pater in causa, cui septima quoque fuit lux
Ignava et partem vitae non attigit ullam

Sat. XIV, 105.

Также и Овидій:

Quaque die redeunt, rebus minus apta gerendis

Culta Palaestino septima festa Syro

Цит. изъ Гаусрата, *neutest. Zeitgesch.* 1872. II p. 124.

Также Гораций:

Tempore dicam; hodie tricesima sabbata: vin tu meliore

Curtis sudaeis oppedere?

Sat. I. 968—72 (unus multorum).

Сенека говоритъ о себѣ (Ер. 185), что онъ подъ вліяніемъ философа Соціона сталъ вегетерьянцемъ, но потомъ опять принялся за животную пищу, чтобы не внушить подозрѣнія, что онъ приверженецъ „ненавистнаго іудейства“. У Сенеки есть легкое указаніе на возженіе свѣтильниковъ: *ascendere aliquem lucernas sabbatis prohibeamus*, срав. *Persius. Sat. V. 179 f.* О принятіи язычниками отдѣльныхъ іудейскихъ обычаевъ свидѣтельствуютъ также эти его слова: *Cum interim usque eo sceleratissimae gentis consuetudo convaluit, ut per omnes iam terra recepta sit, victi victoribus leges dederunt... Hi tamen causas ritus sui noverunt; maior pars populi facit quod cur faciat ignorat* (*De superstitione* въ *Augustin. Civit. D. VI, 11*).

Rutilius Numatians (3-мя вѣками позже Селеки) писалъ:

Atque utinam numquam Iudaea subacta fuisset

Pompei bellis imperiisque Titul

Latius excisae pestis contagia serpunt

Victioresque suos natio victa premit.

Также и Тертуліану были извѣстны язычники, которые вмѣстѣ съ почитаніемъ ихъ языческихъ боговъ слѣдовали въ некоторымъ языческимъ обычаямъ. *Ad. nationes I, 13.*

Профессоръ С. С. Глаголевъ.

(Окончаніе будетъ).

ФИЛОСОФІЯ ПАСКАЛЯ.

(Изложеніе и критика).

ВВЕДЕНІЕ.

§ I.

Мѣсто и значеніе Паскаля въ исторіи философіи.

Много дѣятелей въ исторіи человѣчества, и въ области науки и искусства, и въ области философіи, остаются неизвѣстными, забытыми и неоцѣненными по заслугамъ. Проходитъ болѣе или менѣе продолжительное время, и вдругъ въ памяти человѣчества воскресаетъ какой-нибудь великій человѣкъ, и привлекаетъ вниманіе людей то оригинальностью и глубиной своихъ идей, то неутомимой энергіей въ области научныхъ изслѣдованій, то выдающимся талантомъ въ области искусствъ. И начинаютъ люди производить разысканія въ прошлой исторіи, чтобы понять и открыть все, что касается того дѣятеля, который воскресъ въ памяти людей. И тотъ кладъ знанія, изслѣдованій, размышленій, который оставилъ этотъ дѣятель въ наслѣдіе человѣчеству, становится, такимъ образомъ, снова живымъ достояніемъ людей, ихъ мысли и жизни. Большинство этихъ забытыхъ и неоцѣненныхъ дѣятелей обязано своимъ забвеніемъ часто направленію того вѣка, когда они жили, а иногда—тому одностороннему взгляду на нихъ, который образовывался въ толпѣ и средѣ ученыхъ людей подъ вліяніемъ какого-нибудь кореннаго вѣка, заправлявшаго умами людей; болѣею же частію постигаетъ того или другаго дѣятеля невнима-

ніе и забвеніе людей вслѣдствіе непониманія тѣхъ идей, которыя были дѣломъ его жизни.—Великихъ людей вообще рѣдко понимаютъ современники, еще рѣже они цѣнятъ ихъ по достоинству. Высокія и новыя идеи ихъ часто бываютъ вовсе недоступны современникамъ, и лишь съ теченіемъ времени люди мало-по-малу dorостають до пониманія ихъ. Если же эти дѣятели челоѳческой мысли проявляютъ свою дѣятельность въ области нравственной и религіозной, вносятъ здѣсь новыя идеи, новыя понятія, идущія въ разрѣзъ съ общепринятыми, то ихъ, большею частію, постигаютъ гоненія, вражда, либо холодность и равнодушіе со стороны современниковъ.

Такая участь постигла одного изъ французскихъ ученыхъ и философовъ XVII-го вѣка,—Паскаля. Блэзъ Паскаль—почти совсѣмъ забытый философъ. Его помнили лишь какъ ученаго математика и физика. Только сравнительно въ недавнее время вспомнили Паскаля, какъ философа, и принялись за изученіе его религіозной философіи. Не такъ давно во Франціи Нуризонъ написалъ даже „Защиту Паскаля“ („Defense de Pascal“). И теперь уже не смотрятъ на Паскаля, какъ только на ученаго математика и физика, но видятъ въ немъ оригинальнаго и глубокаго философа и даютъ ему очень опредѣленное и весьма почетное мѣсто въ исторіи философіи и въ исторіи христіанской богословской мысли. Теперь смотрятъ на Паскаля, какъ на лучшаго представителя картезіанства, приложившаго картезіанскій методъ къ области христіанской догмы и морали. Великая и неопѣнимая заслуга Паскаля, безспорно состоитъ въ томъ, что онъ далъ опытъ *научнаго* оправданія христіанства, указавъ этимъ полную возможность чисто научнаго раскрытія христіанскаго ученія на основахъ челоѳческаго разума.

На Паскаля долгое время смотрѣли глазами Вольтера, саркастическій отзывъ котораго о Паскалѣ повторяютъ и Вовепаргъ, и Лелю, и Кузень, и Кондорсэ, а философы и ученые конца XVIII-го и начала XIX-го вѣковъ провозгласили Паскаля даже сумасшедшимъ, помѣшаннымъ мистикомъ и религіознымъ маниакомъ, Донъ-Кихотомъ Христіанства.—И однако этотъ Донъ-Кихотъ христіанской мысли даже своими врагами и порицателями былъ признанъ гениемъ-философомъ; и однако

онъ создалъ во Франціи цѣлую философскую религіозную школу, которая продолжаетъ существовать цѣлыхъ два съ половиною вѣка. Теперь же, при нѣкоторомъ религіозномъ оживленіи, Паскаль начинаетъ изучаться повсюду, его переводятъ на всѣ европейскіе языки, пишутъ о немъ и его философіи трактаты, воздаютъ ему то, чего онъ не получилъ при своей жизни,—находятъ, что многія философскія идеи Паскаля оригинальны, глубоки, основательны, велики и геніальны. Хотя философское мировоззрѣніе Паскаля есть живое произведеніе и творчество его ума, однако оно сложилось у него подъ несомнѣннымъ вліяніемъ изученія другихъ философовъ, какъ ближайшихъ его предшественниковъ, такъ и древнѣйшихъ.—Поэтому для насъ важно знать, чье именно вліяніе сказалось въ философіи Паскаля.

§ II.

Связь философіи Паскаля съ философскими воззрѣніями его предшественниковъ.

Философія Паскаля стоитъ въ несомнѣнной связи съ воззрѣніями Декарта, Монтэня, Лярошфуко, Гоббса и вообще съ философскими идеями XVI-го и XVII-го вѣковъ. Кромѣ того, видно въ философіи Паскаля и то, что онъ изучалъ Пиррона, Эпиктета и Платона. Отъ Декарта Паскаль усвоилъ взглядъ на матерію, мысль и нравственное сознаніе въ человѣкѣ. Извѣстную формулу Декарта, въ которой утверждается несомнѣнность существованія мыслящаго существа, Паскаль нѣсколько видоизмѣнилъ, сообщивъ ей нравственный смыслъ: „я сочувствую ближнимъ, слѣдовательно, я существую“. У Монтэня Паскаль заимствовалъ его критическое отношеніе вообще ко всѣмъ познаніямъ человѣка, его отрицательный взглядъ на осуществленіе человѣкомъ на землѣ нравственныхъ идеаловъ,—справедливости, истины, добра, усвоилъ все, что Монтэнь раскрываетъ относительно фальши, дѣланности, искусственности и бессмыслія жизни людской. Всѣмъ этимъ Паскаль воспользовался, чтобы показать, насколько жизнь человѣка не соотвѣтствуетъ его природѣ, сколько въ этой жизни, какъ и въ самомъ человѣкѣ противорѣчій и загадокъ. Все это

Паскалю было необходимо въ его собственныхъ цѣляхъ *оправданія христіанства изъ природы и жизни человека*. У Ларошфуко и Гоббса Паскаль заимствовалъ ихъ взглядъ на значеніе *эгоизма* въ челоѣкѣ. Ларошфуко въ своихъ „*Maximes*“ считаетъ эгоизмъ основнымъ природнымъ свойствомъ челоѣческаго „я“. То же говоритъ часто и Паскаль: „Природное свойство самолюбія и челоѣческаго я состоитъ въ томъ, чтобы любить только себя и имѣть въ виду только себя“ ¹⁾. Нельзя вѣрить ни сожалѣнію, ни самоотверженію, ни дружбѣ, потому что *человекъ для другого человека—волкъ*, каковое положеніе старается доказать и Гоббсъ въ своемъ сочиненіи „*De Cive*“. Видно въ философіи Паскаля и то, что онъ изучалъ Пиррона и его скептическую философію, былъ знакомъ съ идеями и воззрѣніями Платона и Аристотеля ²⁾, Эпиктета ³⁾, вообще съ ученіями стоиковъ, эпикурейцевъ, и академиковъ ⁴⁾; агностицизмъ послѣднихъ и эпикурейскій принципъ счастья, наслажденія—систематически проводятся въ философіи Паскаля. Взглядъ на жизнь, исторію и значеніе еврейскаго народа, который (взглядъ) является въ философіи Паскаля однимъ изъ аргументовъ истинности христіанства, онъ усвоилъ изъ ученія Филона и Иосифа Флавія ⁵⁾. Въ моральной своей философіи Паскаль проводитъ взгляды бл. Августина: онъ именно признаетъ необходимость для нравственнаго возрастанія *благодати* ⁶⁾, ссылаясь при этомъ прямо на этого отца и говоря, что *разумъ* долженъ подчиняться *тѣрѣ*.

Но, главнымъ образомъ, въ философіи Паскаля мы видимъ отраженіе общихъ идей XVII-го вѣка, стремленіе освободиться отъ мертвыхъ оковъ схоластики, желаніе дать знаніямъ челоѣка прочное, разумное основаніе, а главнымъ образомъ,—вывести чисто научнымъ путемъ, путемъ изученія живыхъ фактовъ челоѣческой психологіи, необходимость христіанства для объясненія челоѣку самого себя. —И вся заслуга Паскаля

¹⁾ „Мысли о религіи“. СПб. 88 г. Пер. Перлова. Гл. III, VIII, стр. 50.

²⁾ „Мысли“ стр. 94. гл. VIII, гл. IV, 61. 227 стр. гл. XXIV.

³⁾ Ibid. стр. 118 гл. X.

⁴⁾ Ibid. XIII, стр. 135.

⁵⁾ „Мысли“ 145, гл. XV, стр. 169, гл. XVIII.

⁶⁾ Ibid. ст. 139, гл. XIV.

состоитъ именно въ томъ, что онъ сконцентрировалъ эти идеи въ своемъ міросозерцаніи, пережилъ ихъ своимъ недюжиннымъ умомъ, перечувствовалъ отзывчивымъ сердцемъ и указалъ тотъ единственно-вѣрный путь изученія души и жизни человѣка, которымъ онъ пришелъ къ призванію христіанства, какъ непоколебимой истины.

§ III.

Характеръ философіи Паскаля.

Не смотря на то, что воззрѣнія Паскаля образовались подъ вліяніемъ изученія другихъ философовъ, на философіи Паскаля лежитъ глубокой отпечатокъ оригинальности, самостоятельности, убѣжденности и основательности. Недаромъ, напримѣръ, Паскаль, очевидно, на заявленія, что онъ свои воззрѣнія заимствуетъ у Монтэня, писалъ: „*не въ Монтэнь, а въ себя самомъ* я нахожу все то, что вижу здѣсь“ (т. е., въ жизни и природѣ человѣка) ¹⁾.

Философію Паскаля обозначаютъ именемъ *христіанскаго скептицизма*, но это названіе характеризуетъ философію какъ-то неопредѣленно, въ этомъ названіи даже мы можемъ усмотрѣть нѣкоторое противорѣчіе. Если Паскаля и можно назвать скептикомъ, то скепсисъ его простирается только на область человѣческой, естественной гносеологіи. Паскаль сомнѣвается въ силѣ человѣческаго разума, въ достовѣрности показаній чувствъ и т. п., но никакого сомнѣнія онъ не допускаетъ въ области христіанскаго ученія, какъ въ догмѣ, такъ и въ морали. Онъ не только вѣрующій въ истинность христіанства, но и горячо убѣжденный въ ней. Паскаль прилагаетъ критическую способность своего ума вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ, исключая Христіанства. Только въ Христіанствѣ его критическій умъ вполне удовлетворяется и его критика умолкаетъ предъ величіемъ непостижимыхъ фактовъ Божественнаго Откровенія и предъ возвышенной моралью Христіанства. Поэтому философію Паскаля скорѣе можно назвать „*критической философіей Христіанства*“. Паскаля можно вполне назвать „критикомъ человѣческаго разума“ и всей вообще человѣческой жизни. Это

¹⁾ 245 стр. гл. XXV, отл. XXIV.

не бессильный скептикъ, приходящій только къ сознанию невозможности достовѣрнаго познанія для человѣка, а твердо убѣжденный *критикъ* всего того, что не даетъ и не можетъ дать человѣку познанія смысла его жизни, познанія природы человѣка и значенія факта его смерти главнѣе всего. Словомъ, обладая горячей и одушевленной вѣрой въ истинность Христіанства апологетовъ первыхъ вѣковъ, онъ является безпощаднымъ критикомъ человѣческаго знанія и человѣческой жизни безъ Бога.

Главное философское сочиненіе Паскаля „Pensées“—„Мысли“ (о религіи) представляетъ изъ себя обширный планъ „Апологіи Христіанства“, написанный отрывочными афоризмами. Паскаль въ задуманномъ сочиненіи хотѣлъ рассмотреть всѣ вѣроученія и философскія доктрины, чтобы доказать ту мысль, что человѣкъ по природѣ своей полонъ загадокъ и эта загадочность его объяснима лишь при свѣтѣ Христіанства. Съ этой стороны философію Паскаля можно назвать религіозной, христіанской. И такъ какъ въ оправданіи Христіанства Паскаль старается доказать необходимость вѣры, то со стороны гносеологической философія Паскаля является *философіей вѣры*. Можно назвать ее и апологетической, потому что цѣль ея была защитить Христіанство отъ нападеній различныхъ отрицателей и убѣдить скептиковъ въ непреложности Христіанства.

Изложеніе философіи Паскаля.

§ I.

Критика познанія и жизни человѣка.

Въ своей гносеологіи Паскаль является рѣшительнымъ скептикомъ. Онъ находитъ сомнительнымъ все въ человѣкѣ: его умъ, чувства, стремленія, мнѣнія, вѣрованія, мысли, дѣятельность... Бсю работу человѣческаго ума онъ сводитъ къ фантазіи, предрасудку и обычаю ¹⁾. Человѣкъ въ своей дѣятельности плохо пользуется разумомъ: воображая, что все онъ стро-

¹⁾ Мысли, гл. VI. стр. 54—66.

ить на основахъ истины, онъ только оказывается орудіемъ своихъ предразсудковъ, привычекъ и чувствъ.

Достоверно, съ полною несомнѣнностію человѣкъ не можетъ познать ровно ничего. Въ познаніи внѣшняго міра онъ заключенъ въ узкія рамки возможно-познаваемаго: бесконечно великія и малыя величины человѣку недоступны.—Притомъ мы познаемъ только „видимости“ окружающей насъ среды. Наше познаніе слишкомъ односторонне и субъективно ¹⁾. Сущность вещей, причины, принципы ускользаютъ отъ насъ. Это нужно сказать не только относительно обыденнаго познанія, но и научное знаніе, по мнѣнію Паскаля, неполно, относительно и ограничено.—Критеріемъ его всетаки является сознаніе очевидности, этотъ критерій низводитъ научное познаніе на степень обыкновеннаго, а это познаніе для Паскаля не убѣдительно. Особенно безсиленъ разумъ человѣка въ рѣшеніи для него вѣковѣчныхъ человѣческихъ проблемъ, жгучихъ вопросовъ его жизни. Человѣкъ безсиленъ познать самого себя, свое назначеніе въ мірѣ, смыслъ своей жизни, цѣль мірового бытія, безсиленъ познать Бога, доказать Его бытіе, распутаться въ противорѣчій своей природы, мысли и жизни ²⁾. Скептицизмъ Паскаля обращается въ сильный, безпощадный, проникнутый горькимъ юморомъ критицизмъ, когда онъ устремляетъ свое вниманіе на то, *чѣмъ* живетъ человѣкъ. Вездѣ Паскаль видитъ ничтожество, суетность, бесполезность, бессмысліе, ложь, самообманъ, самообольщеніе. Пессимистически онъ относится и къ человѣческимъ удовольствіямъ, считая ихъ причинами новыхъ мученій и страданій. Причину всего этого Паскаль видитъ въ ненормальности жизни человѣка, въ извращенности его положенія въ мірѣ, въ незнаніи и нежеланіи человѣка знать, что такое онъ. Если бы человѣкъ пользовался полнымъ счастіемъ, то и это не помогло бы ему, если бы его не развлекали, а дали возможность обдумать и поразмыслить, что онъ такое... Потому-то люди такъ и стремятся къ игрѣ, обществу женщинъ, къ войнѣ и великимъ подвигамъ. Не то, чтобы въ этомъ на

¹⁾ Гл. II, стр. 43.

²⁾ „Мысли“, г. I, 32—33. гл. XI, II, ст. 121. гл. IX, 97 ст. гл. II, I, стр. 37—39. 40. 41.

самомъ дѣлѣ заключалось счастье или чтобы люди воображали, что истинное блаженство въ деньгахъ, которыя можно выиграть, или въ зайцѣ, за которыми охотятся. Ищутъ—занятія, которое даетъ намъ *возможность не думать о нашемъ несчастномъ положеніи*, той *сутолоки*, которая насъ отвращаетъ отъ мысли о нашемъ несчастномъ положеніи“¹⁾. Критически относится Паскаль ко всевозможнымъ человѣческимъ профессіямъ. Не разумный выборъ, а случай дѣлаетъ людей то каменщиками, то солдатами, то кровельщиками. Причина спеціальностей—привычка. „Сила привычки столь велика, что изъ тѣхъ, которыхъ природа сдѣлала только людьми, выходятъ всевозможные спеціалисты“²⁾. Нелѣпы и глупы и всякіе обычаи, создающіеся въ зависимости отъ климата, политическихъ границъ, эпохи. „Вмѣсто постоянного и прочнаго начала справедливости, говоритъ Паскаль, мы видимъ фантазіи и капризы персовъ и вѣмцевъ“. Три градуса широты ставятъ вверхъ дномъ всю юриспруденцію! Пройдешь одинъ меридіанъ, и встрѣтишь *новое рѣшеніе истины*. Забавна справедливость, ограниченная рѣкой! Что—истина по сю сторону Пиринеевъ, ложь—по ту сторону“³⁾.

§ II.

Главный предметъ философіи Паскаля.

Главнымъ предметомъ мысли и жизни человѣка Паскаль считалъ рѣшеніе жгучихъ вопросовъ человѣческой жизни, и поэтому онъ, разочаровавшись въ науки, которая дала ему только познаніе о мірѣ, апеллировалъ къ человѣческому разуму. Но разумъ отослалъ его къ нравственной природѣ человѣка. Внѣшній міръ нѣмъ, и ничего онъ не можетъ сказать человѣку о самомъ человѣкѣ, не можетъ онъ дать познанія о назначеніи человѣка въ мірѣ, о смыслѣ его жизни, о злѣ и добрѣ, о Богѣ и будущей жизни человѣка. А всѣ эти вопросы и составляютъ то, что должна рѣшать человѣку философія. Рѣшить ихъ можетъ человѣкъ только чрезъ изученіе своей

¹⁾ Гл. V, II, стр. 69—70.

²⁾ Гл. IV, II, ст. 58.

³⁾ Гл. IV, IV, 59.

природы. *Человѣкъ* съ его духовно-нравственной природой составляетъ *главный предметъ философіи* ¹⁾. Философія должна выяснить положеніе человѣка на землѣ и вообще въ бытіи. Такъ какъ эта философія всецѣло совпадаетъ съ религіознымъ ученіемъ, то поѣтому философія у Паскаля—это то же, что и разумно обоснованная религія. И такъ какъ истинной религіей, непререкаемой и непреложной является Христіанство, то въ философіи Паскаля человѣкъ представляется такимъ, какимъ его изображаетъ Христіанство, т. е., нуждающимся въ оправданіи и спасеніи. Изслѣдуя природу человѣка, Паскаль находитъ ея *величіе* въ мысли человѣка и въ нравственномъ законѣ. Исходнымъ же пунктомъ своей философіи Паскаль считаетъ проблему безсмертія души ²⁾. Вся жизнь, вся философія зависятъ отъ вопроса: смертна-ли наша душа или безсмертна? „Можно, говоритъ Паскаль, не развивать систему Коперника, но *вопросъ о безсмертіи* души непременно долженъ быть рѣшенъ въ томъ или другомъ смыслѣ“.

§ III.

Загадочность человѣка.

Такъ какъ главнымъ предметомъ философіи, по возрѣніямъ Паскаля, является человѣкъ съ главными вопросами его мысли и жизни, то поѣтому Паскаль весь анализъ своего ума, всю силу своей логики направляетъ къ тому, чтобы опредѣлить, что такое представляетъ изъ себя человѣкъ по природѣ и въ жизни, и онъ находитъ, что между природой и жизнью человѣка существуетъ коренное противорѣчіе, и самъ человѣкъ является для себя рѣшительно непостижимой загадкой. Въ сравненіи съ міромъ человѣкъ является ничтожествомъ, разумѣется какъ вещь въ ряду другихъ вещей физическаго міра, но онъ неизмѣримо выше стоитъ цѣлаго міра своей мыслью и своимъ сознаніемъ своего ничтожества, т. е., нравственнымъ сознаніемъ. Человѣкъ великъ и ничтоженъ. „Какую *химеру* представляетъ человѣкъ! Какая рѣдкость, какое чудовище, какой хаосъ, ка-

¹⁾ Гл. I, 32—33, гл. X I, ст. 108—111.

²⁾ Мысль I, 30 стр. XXIV, LIV, 227.

кой предметъ противорѣчій, какое диво! Это судія всѣхъ вещей, глупый червь земной, хранитель истины, клоака неизвѣстности и ошибокъ, слава и отбросокъ вселенной. Кто распутаетъ эту запутанность? 1) Человѣкъ сознаетъ себя безконечно великимъ въ своей мысли и нравственныхъ влеченіяхъ своей души, но онъ въ то же время является ничтожностью, какъ частичка слѣпого механическаго міра 2). И въ самомъ человѣкѣ, въ его духовной природѣ, существуетъ разладъ, противорѣчія въ его мысляхъ, стремленіяхъ, чувствахъ. Эта *двойственность* человѣка столь очевидна, что иные думаютъ, что мы имѣемъ *два* души, такъ какъ одинъ однородный предметъ имъ кажется неспособнымъ на такія и столь внезапныя измѣненія 3). Что же можетъ распутать эту запутанность? На это Паскаль отвѣчаетъ: „всѣ эти *именно противорѣчія* и привели всего скорѣе меня къ *истинной религіи*“ 4). Посмотримъ-же, какимъ образомъ Паскаль дошелъ до этого именно признанія.

§ IV.

Разрѣшеніе загадочности человѣка въ христіанствѣ.

Ни одна изъ философій и естественныхъ религій не дала Паскалю яснаго, полнаго и основательнаго объясненія и разрѣшенія загадочности человѣческаго существованія 5). Только въ одномъ христіанствѣ Паскаль нашелъ это объясненіе и разрѣшеніе. Мало того, эти именно противорѣчія между природой и жизнью, нравственнымъ чувствомъ и земными влеченіями человѣка и привели Паскаля чисто логическимъ путемъ къ признанію христіанства, какъ истинной религіи и подлинно Божественнаго Откровенія истины о человѣкѣ. „Признаюсь, говорить Паскаль, что лишь христіанская религія открыла мнѣ то, что природа людей испорчена и отпала отъ Бога. Я тотчасъ *повсюду* сталъ видѣть признаки этой истины; потому что природа че-

1) Мысли. X, I, стр. 109—110.

2) XI, IV, 122.

3) Ibid. XIII, III, 135.

4) Idem 17.

5) X, I, 110.

ловѣка такова, что она повсюду видитъ ¹⁾ утраченнаго Бога и въ человѣкѣ, и виѣ человѣка, и испорченную природу“ ²⁾. Такимъ образомъ Паскаль чрезъ изученіе человѣка пришелъ какъ разъ къ тому опредѣленію человѣка, какое даетъ Христіанство, т. е., чисто научнымъ путемъ психологическаго анализа и философской критики установилъ то положеніе, что человѣкъ, какъ учить Христіанство, существо *падшее*. Паскаль постоянно говоритъ объ этомъ. Онъ старается доказать, что изъ самонаблюденія и изученія внутренней жизни человѣка каждый можетъ придти къ признанію истинности Христіанства, такъ какъ оно изображаетъ человѣка такимъ, какимъ онъ является въ дѣйствительности. *Тайна грѣхопаденія* человѣка распутываетъ и разрѣшаетъ всю загадочность человѣческаго существа. Если бы человѣкъ не палъ, то онъ обладалъ бы истиной, благомъ, счастьемъ, но онъ только стремится къ нимъ, слѣдовательно, человѣкъ имѣетъ искаженную природу и жизнь. Человѣкъ уклонился отъ истиннаго своего назначенія въ мірѣ, такъ какъ нельзя допустить того, что такимъ, каковъ онъ есть, человѣкъ существуетъ съ самаго начала своего появленія въ мірѣ: если человѣкъ всегда былъ такимъ испорченнымъ, то онъ ничего бы не звалъ объ истинѣ, добрѣ и не стремился бы къ нравственному совершенству. „Тайна преемственности грѣха и есть та вещь, безъ которой мы *не можемъ* имѣть *никакого* познанія о насъ самихъ. Узелъ нашего *существованія* завязанъ на двѣ этой пропасти, такъ что *человѣкъ болѣе непонятенъ* безъ этой *тайны*, чѣмъ эта *тайна непонятна* *человѣку*“ ³⁾. Это соотвѣтствіе между наличною природою и жизнію человѣка и ученіемъ Христіанства о грѣхопаденіи и необходимости искупленія человѣка имѣетъ весьма важное значеніе: оно необходимо ведетъ къ признанію истинности Христіанства. къ оправданію его, какъ божественнаго откровенія абсолютной истины о человѣкѣ.

Но такъ какъ эти доводы Паскаля для оправданія истинности и необходимости Христіанства могутъ показаться нѣкото-

¹⁾ Галлицизмъ.—нужно было бы правильнѣе перевести „указываетъ“ (voit).

²⁾ XIII, III, 135.

³⁾ X, I, 110—111.

рымъ людямъ недостаточно убѣдительно, то поэтому Паскаль предлагаетъ и другія доказательства истинности христіанства.

§ V.

Доказательства истинности Христіанства.

Такъ какъ главными истинами всякой религіи является бытіе Бога и безсмертіе души, то эти истины Паскаль и старается оправдать разными доказательствами. Отрицая всѣ метафизическія доказательства бытія Бога и безсмертія души ¹⁾, Паскаль прежде всего прибѣгаетъ къ теории вѣроятностей, столь употребимой въ наукѣ, и говоритъ, что человѣку въ силу самаго обыкновеннаго расчета слѣдуетъ признать бытіе Бога и безсмертіе человѣческаго духа, такъ какъ при отрицаніи ихъ человѣкъ теряетъ безконечно многое и дорогое, и ему грозитъ послѣ краткой и полной страдающей жизни—небытіе, тогда какъ при признаніи указанныхъ истинъ человѣку приходится для достиженія *безконечно* блаженства въ будущей жизни жертвовать *временной* земной жизнью. Слѣдовательно, человѣку просто *выгодно* признать бытіе Бога и безсмертіе души ²⁾. Но Паскаль не придаетъ этимъ своимъ соображеніямъ особенной цѣны, они направлены у него къ тому лишь, чтобы затронуть людей, совсѣмъ индифферентныхъ къ религіи. Сосредоточіе философіи Паскаля заключается въ томъ воззрѣніи, что въ Иисусѣ Христѣ люди получили разрѣшеніе всѣхъ своихъ вѣковѣчныхъ вопросовъ: *фактически* познали Бога и безсмертіе духа. „Люди хотятъ, говоритъ Паскаль, познать Бога, оставляя въ сторонѣ Иисуса Христа... Между тѣмъ Иисусъ Христосъ есть *предметъ* и *центръ*, къ которому *все* стремится. Кто Его познаетъ, тотъ познаетъ *основаніе всѣхъ вещей*. Познавать Иисуса Христа можно только, познавая вмѣстѣ и *Бога, и свое ничтожество*. *Вотъ почему* я не берусь здѣсь доказывать основаніями, извлеченными изъ изученія природы *существованіе* Бога, *безсмертіе* души или еще что-нибудь въ этомъ родѣ“ ³⁾. Въ Иисусѣ

¹⁾ XI, II, 121.

²⁾ XI, I, 115.

³⁾ XI, II, 121.

Христѣ люди познали смыслъ своей жизни, истину своей богоподобной природы и научены истинной нравственности ¹⁾. Паскаль приводитъ и еще не мало частныхъ доказательствъ истинности вообще Христіанства. „Доказательства христіанской религіи, говоритъ Паскаль, слѣдующія: 1) прочность ея основанія, 2) святость, высота и смиреніе христіанской души, 3) чудеса, 4) Иисусъ Христосъ въ частности, 5) Апостолы въ частности, 6) Моисей и пророки въ частности, 7) Іудейскій народъ, 8) пророчества, 9) Безпрерывность Христіанства, 10) ученіе, которое *все* объясняетъ, 11) Стягость Христ. закона²⁾. Такимъ образомъ, Христіанство истинно потому, что оно, прежде всего, основывается на вѣчныхъ началахъ, на существенныхъ принципахъ человѣческой природы и человѣческаго разума, на чувствѣ истины и добра. Христіанство—разумно, истинно, достойно уваженія и любви, потому что оно соответствуетъ запросамъ человѣческой природы и мысли, основано на фактахъ человѣческой исторіи и общаетъ человѣку истинную жизнь и блаженство ³⁾. Велико Христіанство особенно по своему ученію о нравственности, ученію о томъ, *какъ* жить человѣку на землѣ.

§ VI.

Моральная философія Паскаля.

Считая сущностью христіанской догмы ученіе о первородномъ грѣхѣ и о восстановленіи человѣческой природы во Христѣ, Паскаль сущность морали полагалъ въ сознаніи человѣкомъ своей испорченности и въ жизни по любви къ Богу и ближнему ⁴⁾. Такъ какъ кореннымъ источникомъ испорченности человѣка является гордость ⁵⁾, то поэтому любовь и смиреніе, какъ отрицаніе ея, являются источникомъ всякихъ добродѣтелей человѣка ⁶⁾. Въ мірѣ царятъ три страсти: похоть плоти—чувственность, похоть зрѣнія—страсть къ очевидному знанію, гордость

¹⁾ Ibid. IV, 124. XI, 130.

²⁾ Ibid. XII, 130.

³⁾ XXIV, XXIII, 219 стр. LXXIX, 236.

⁴⁾ XXIV, XIII, 214.

⁵⁾ Ibid. V, 211. III, VIII, 50.

⁶⁾ Ibid. XXIX, 219. XXV гл. LXXII, 254.

житейская—зговзъмъ и тщеславіе. Это три огненные рѣки, которыя воспламеняють землю ¹⁾). Истинная добродѣтель состоитъ въ самоотверженіи и любви къ другимъ, въ себѣ же нужно любить лишь то, что составляетъ наше *истинное существо*, т. е., нравственное сознание ²⁾). Причемъ для нравственнаго возрастанія человѣку необходима благодать ³⁾). Словомъ, въ ученіи Паскаля мы можемъ найти цѣлую моральную систему христіанства, обоснованную такъ же, какъ и догма, на фактахъ человѣческой природы и жизни.

§ VII.

Цѣль философіи Паскаля.

Если кто-нибудь спросилъ-бы, какая основная идея руководила Паскалемъ въ изложеніи его воззрѣній на религію вообще и христіанство по преимуществу, въ его изслѣдованіяхъ о природѣ и жизни человѣка, т. е., въ чемъ главнымъ образомъ заключается цѣль всей философіи Паскаля, то на это долженъ быть данъ тотъ отвѣтъ, что вся философія Паскаля имѣла въ виду одно: на исполнѣ прочныхъ и глубокихъ, разумныхъ основаніяхъ установить то, что необходимо человѣку знать для выполненія своего подлиннаго назначенія въ мірѣ. „Мое сердце, говоритъ Паскаль, всѣми своими силами стремится *познать*, гдѣ *истинное* благо, чтобы слѣдовать ему“ ⁴⁾).

Считая особенно важнымъ для человѣка рѣшеніе именно вѣковѣчныхъ вопросовъ человѣческой мысли и жизни, Паскаль всю цѣль своей философіи полагаетъ въ томъ, чтобы рѣшить, *для чего, во имя какого смысла и какъ* слѣдуетъ жить человѣку, чтобы оказаться существомъ, достойнымъ названія человѣка ⁵⁾). Рѣшеніе всего этого онъ находитъ въ христіанствѣ, въ его великомъ ученіи о безсмертіи человѣка и предназначеніи его къ истинѣ и блаженству и въ заповѣди Христа о любви и

1) XXIV, XXX, 220.

2) XXIV, XXXV, 221.

3) Ibid. LXVII, 233—234.

4) XV, I, 143 стр.

5) Гл. I, 30—35.

самоотверженіи. Такимъ образомъ, философія Паскаля является по преимуществу нравственной философіей христіанства.

Критическій взглядъ на философію Паскаля.

§ I.

Взгляды нѣкоторыхъ философовъ и критиковъ на философію Паскаля.

О философіи Паскаля писали очень немногіе философы и критики. Лейбницъ, Вольтеръ, Кондорсэ, Шатобрианъ, Вовенаргъ, Кузенъ, Демуленъ, Фожеръ, Лелю, Винэ, Мейнаръ, Сентъ-Бёвъ и Нурисонъ—вотъ всѣ наиболѣе серьезные критики Паскаля. Всѣ эти критики высказывали слишкомъ односторонніе, крайне разнообразныя и даже совсѣмъ противорѣчивыя взгляды на философію Паскаля. Вообще же нужно сказать, что въ критикѣ до Сентъ-Бёва и Нурисона существовалъ почти одинъ отрицательный взглядъ на философію Паскаля подъ вліяніемъ „*Reparques sur les Pensées de Pascal*“ Вольтера, который всею силою своего желчнаго сарказма осмѣиваетъ, главнымъ образомъ, пессимистическій взглядъ Паскаля на жизнь и на людей. Подобно Вольтеру, Лелю и Кузенъ также относятся скептически къ тому, что изображаетъ Паскаль относительно *жизни, природы и познанія людей*, считая эти взгляды Паскаля односторонними, ненормальными, ложными. Кондорсэ, восхваляя ученые труды Паскаля, насмѣхается надъ его „философіей хавжи“. Наоборотъ, Сентъ-Бёвъ и Нурисонъ считаютъ философію Паскаля очень глубокой и основательной, а главнымъ образомъ—чисто христіанской и глубоко-нравственной. Вообще если бы мы стали перечислять различныя мнѣнія о философіи Паскаля, то нашли бы, что каждое почти положеніе ея, каждый принципъ былъ, съ одной стороны, подвергаемъ строгой критикѣ и отрицаемъ, а съ другой,—горячо защищаемъ и оправдываемъ. Впрочемъ критика, можно сказать всегда бываетъ односторонняя, потому что бываетъ индивидуальная. Въ ней въ большей или меньшей степени всегда выражается собственное міровоззрѣніе того человѣка, который является въ ка-

чествѣ критика. Оставивъ въ сторонѣ всѣ высказанныя о Паскалѣ мнѣнія разныхъ философовъ, мы выскажемъ свои взгляды на его философію, конечно, немало не претендуя на то, чтобы выдавать свои взгляды за какіе либо непогрѣшимые. Мы подвергнемъ критикѣ только тѣ начала и принципы, на которыхъ строилъ Паскаль свою религіозно-нравственную философію, стараясь при этомъ не только опровергать нѣкоторыя слабыя стороны этой философіи, но и указать положительныя ея достоинства.

§ II.

Скептицизмъ и критицизмъ Паскаля.

Паскаль, несомнѣнно правъ въ своемъ скептическомъ отношеніи къ человѣческому знанію. Онъ еще за долго до Канта указалъ на субъективность, односторонность и относительность человѣческаго знанія. Конечно мы у Паскаля не находимъ развитой теоріи познанія, но за то его краткіе, но сильныя афоризмы говорятъ иногда убѣдительнѣе цѣлыхъ томовъ. Паскаль собственно и не преслѣдовалъ той цѣли, чтобы раскрыть весь механизмъ человѣческой мысли, ему нужно было одно доказать, что разумъ человѣка совершенно безсиленъ въ рѣшеніи высшихъ вѣковѣчныхъ вопросовъ, въ дѣлѣ религіи и вѣры. Французскій философъ Кузенъ ставилъ это въ упрекъ Паскалю, но онъ, очевидно, не понималъ, чего собственно добивался Паскаль: ему нужно было показать безсиліе человѣческихъ познаній, хотя бы даже и научныхъ, выдти изъ заколдованнаго круга субъективности и относительности. Паскаль судить съ точки зрѣнія непреложной истины. А такой истины въ области человѣческаго знанія онъ нигдѣ не находитъ. Подобно Декарту, который выбрался изъ этого заколдованнаго круга субъективности посредствомъ идеи Божества, Паскаль выбирается изъ нея посредствомъ признанія факта явленія Бога въ мірѣ, что указало ему на непреложную истинность только одного разумно-нравственнаго. Паскаль хотѣлъ познать человѣка съ его вѣковѣчными запросами. А этого не могла дать ему наука, ни изученіе міра, ни самаго себя. Изученіе міра и его явленій привело Паскаля

къ признанію ничтожества человѣка, а изученіе себя—къ признанію величія человѣка. За наукой и за самопознаніемъ Паскаль признаетъ только подготовительное значеніе въ разрѣшеніи человѣкомъ высшихъ вопросовъ своей жизни и мысли, хотя для познанія своего величія и ничтожества человѣку вовсе и не требуется никакой науки. Это хорошо каждый можетъ знать изъ самонаблюденія. Но все таки Паскаль, самъ не замѣтно для себя, указалъ на необходимость тщательнаго изученія природы человѣка, когда онъ на основаніи этого именно изученія находитъ, что человѣкъ падшее существо по своей природѣ, что именно и послужило главной основой, для признанія истинности христіанства. И разумѣется, только строго-научное познаніе природы человѣка можетъ дать эту непоколебимую основу для христіанства.

И въ критикѣ жизни человѣческой Паскаль, несомнѣнно, во многомъ правъ, когда рисуетъ ее безсмысленной, бозтолковой, полной лжи и фарисейства. И развѣ въ извѣстномъ смыслѣ не правъ Паскаль даже и тогда, когда онъ утверждаетъ, что самое счастье человѣка и есть именно его великое и первое несчастье?...

§ III.

Эпикуреизмъ и утилитаризмъ въ возрѣніяхъ Паскаля.

Главнымъ мотивомъ для признанія истинности религіи, бытія Бога и безсмертія души Паскаль считаетъ то, что религія даетъ человѣку благо въ будущей жизни, блаженство, счастье. Хотя этотъ взглядъ на будущую жизнь давно существуетъ среди язычествующихъ христіанъ, но конечно, онъ совсѣмъ невѣрный взглядъ, какъ порожденный земными вожделѣніями человѣка. Переносить на будущую жизнь то, что имѣетъ смыслъ только въ земной жизни, значитъ уничтожать прямо значеніе будущей жизни. И нельзя не признать страннымъ доказательство бытія Бога и безсмертія души, основанное на расчетѣ, на выгодѣ! Впрочемъ, нужно сказать, что этому доказательству самъ Паскаль и не придавалъ значенія *настоящаго* доказательства. Притомъ нельзя не замѣтить и того, что терминами: выгода, расчетъ, цѣнность—въ примѣненіи къ будущей жизни Паскаль

пользуется только какъ *образными* выраженіями для того, чтобы обозначить всю важность признанія бытія Бога и безсмертія души, всю великость истины будущей жизни.

§ IV.

Значеніе философіи Паскаля для религіи и философіи.

Не смотря на нѣкоторые недочеты, за Паскалемъ исторія философіи и религіи, особенно-же христіанская философія, должны признать не мало заслугъ.

Паскаль старался рѣшить именно тѣ вопросы, тѣ проблемы, надъ которыми искони трудится человѣческая мысль. Онъ ставилъ себѣ эти вопросы и рѣшалъ на основаніи изученія природы человѣка. И его философія совпала съ ученіемъ Христіанства. Этимъ Паскаль указалъ тотъ *единственно истинный путь*, которымъ долженъ идти философъ-христіанинъ въ рѣшеніи вѣковѣчныхъ вопросовъ: это путь изученія природы и жизни человѣка и изученія Христіанства. Паскаль указалъ, куда должны направляться всѣ усилія философовъ, —именно, на Христіанство, потому что только въ фактѣ явленія Бога въ міръ дано универсальное рѣшеніе всѣхъ главныхъ и животрепещущихъ вопросовъ, искони занимающихъ человѣка.

Словомъ, вся заслуга Паскаля состоитъ въ томъ, что онъ, не рискуя быть безосновательнымъ и голословнымъ, указалъ *полную возможность* чисто-философскаго и научно-доказательнаго оправданія Христіанства путемъ убѣдительныхъ и непреложныхъ фактовъ жизни, природы и исторіи.

В. Т—нъ.

Сверхъестественное Откровение и естественное Богопознание въ истинной церкви.

(Окончаніе *).

Евреи бывали рабами и рабынями въ языческихъ домахъ. Императрица Юлія имѣла еврейскую служанку Акму (Antiq. XVII 5, 71). Повидимому, основное зерно іудейской общины въ Римѣ образовалось изъ прежнихъ рабовъ (Phil. ad Caj. см. о синагогѣ либертинцевъ Дѣян. VI, 9). Распоряженіе Тиберія объ удаленіи изъ Рима евреевъ, очевидно, распространилось и на прозелитовъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ слова указа, передаваемыя Светоніемъ... *reliquos gentis eiusdem vel similia sectantes urbe submovit sub poena perpetuae servitutis nisi obtemperassent* (Tiber. c. 36). То же повидимому находится въ параллельномъ мѣстѣ у Діона Кассія: *ὁφ' ἧς (ἀθεότητος) καὶ ἄλλοι εἰς τὰ τῶν Ἰουδαίων ἤδη ἐξοκελλοντες πολλοὶ κατεδάσθησαν, καὶ οἱ μὲν ἀπέθανον, οἱ δὲ τῶν γούν οὐσιῶν ἐστερήθησαν* L. LXVII). Кажется, въ Римѣ іудейство нашло себѣ доступъ даже къ высшимъ классамъ. Іосифъ Флавій имѣлъ сношенія съ супругой Нерона Помпеей (Vita Кар. 3). Она ходатайствовала за іудеевъ (Ant XX, 8 11) и Іосифъ называетъ ее благочестивой (θεοσεβής). Ветурия Павла, *mater synagogarum*, которая согласно надписи на ея гробницѣ, перешла въ іудейство 76 лѣтъ и жила еще въ общинѣ подъ именемъ Сары 16 лѣтъ, принадлежала повидимому къ знатному роду (Corp. Inscript. Graec. № 9905). Помпонія Грецина была прозелиткою (Haseclever 1. c. p. 47 xx). О прозелиткахъ гово-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 23.

рять надгробныя надписи. О прозелитахъ въ Антиохіи свидѣтельствуемъ Иосифъ (В. S. VII 33 см. Дѣян. VI, 5). Въ Дамаскѣ были даже очень многія женщины, перешедшія въ іудейство (ὁπλημέναις τῇ Ἰουδαίῃ θρησκείᾳ). Въ Дѣян. 2, 10 перечисляются прозелиты изъ всѣхъ перечисленныхъ странъ. Повидимому, гдѣ были іудеи, были и прозелиты. Указаніе на прозелитовъ находится въ апокалипсисѣ Варуха 41, 4: *alios autem iterum vidi, qui reliquerunt vanitatem suam et confugerunt sub alas tuas*, и 42, 5: *eorum qui antea nescierunt et postea noverunt vitam et commisti sunt semini populorum, quod se segregavit* (см. Кнеucker, d. Buch Baruch, p. 195). По преданію былъ прозелитомъ и хромоу въ Ливстрѣ. Знаменитымъ прозелитомъ середины перваго или начала втораго столѣтія былъ Онкелосъ (собственно Aquilas), къ которому раввинское преданіе съ гордостію примѣнило слова, что Богъ надѣлилъ Іафета прекраснымъ языкомъ, и что Іафетъ теперь вселился въ шатрахъ Симовыхъ (см. Евсев. Demonst, evang. VII 133).

Θεοδοτιὸν Св. Иринею и Епифаніемъ называется іудейскимъ прозелитомъ III 21.)¹⁾

Широкое распространеніе еврейскаго прозелитизма, вотъ— основной фактъ, выдвигаемый Бергло. Но рядомъ съ этимъ основнымъ довольно замѣтно выступаетъ другой—ненависть и презрѣніе нѣкоторой части общества и даже представителей общества къ іудеямъ. По нашему мнѣнію, этотъ второй фактъ только подтверждаетъ первый. Такъ, вѣдь, относились язычники и къ христіанству. Въ то время какъ въ составъ христіанской церкви входили все новыя и новыя члены, упорные язычники считали христіанство явленіемъ ненавистнымъ, суевѣріемъ грубымъ и безмѣрнымъ. Когда стали замѣтными признаки того, что христіанство завоюетъ міръ, языческіе мыслители образованіе которыхъ должно бы было отталкивать ихъ отъ простой вѣры іудеевъ, стали заявлять, что іудейство лучше и выше христіанства. Вотъ, что писалъ ученый полемистъ противъ христіанъ, неоплатоникъ Порфирій, въ своемъ сочиненіи „ἐκ λόγων φιλοσοφίας“.

¹⁾ См. Bertholet, Die Stellung der Israeliten und der Juden zu den Fremden. 1896-

„Нѣкто, рассказываетъ Порфирій въ одномъ мѣстѣ, желая отвлечь жену свою отъ христіанства, спросилъ однажды Аполлона, какому божеству нужно молиться о помощи въ этомъ дѣлѣ? Аполлонъ отвѣчалъ: „легче было-бы тебѣ писать по водѣ или подобно птицѣ летать по воздуху, чѣмъ образумить твою нечестивую, осквернившуюся жену. Оставь ее, пусть она, если захочетъ, остается въ пустомъ оболъщеніи и безцѣльными рыданіями оплакиваетъ умершаго бога, приговореннаго справедливыми судьями къ позорной смерти на крестѣ“. Объ этомъ изреченіи Порфирій разсуждаетъ: „такъ ясно свидѣтельствуешь оракулъ о неизлѣчимости образа мыслей христіанъ и говоритъ, что іудеи лучше понимали Бога, чѣмъ христіане“. Въ подтвержденіе послѣдняго имъ приводится другое изреченіе Аполлона, отвѣчающее на вопросъ, какая религія лучше: іудейская или христіанская: „іудеи вѣруютъ въ Бога Отца и царя прежде всего, предъ лицомъ котораго трепещутъ небо и земля, море и преисподняя ада, и сами божества ужасаются: законъ ихъ есть отецъ, котораго благоговѣнно чтутъ еврейскіе святые“. О Христѣ оракулъ у Порфирія говоритъ слѣдующее: Христосъ былъ очень благочестивъ и сдѣлался безсмертнымъ, вообще, боги о немъ говорили почтительно. Но въ то же самое время они увѣряли, что христіане люди порочные, нечестивые, опутанные заблужденіями и вообще сильно порицали ихъ...

Поэтому эти послѣднія души ненавистны богамъ, но Христосъ, какъ благочестивый пребываетъ на небѣ съ благочестивыми. Итакъ не порицай его, но сожалѣй о глупости людей, причиной гибели которыхъ былъ онъ.

Въ ту пору, когда Порфирій писалъ эти строки, іудейство уже не приобрѣтало многочисленныхъ прозелитовъ, и враждебное отношеніе къ нему исчезло. Ранѣе, когда іудейство, подобно тому какъ впоследствии христіанство привлекало къ себѣ язычниковъ, оно было ненавидимо тѣми, которые не желали ему слѣдовать. Психологическая причина этого факта понятна. О немъ возвѣстилъ самъ Господь, сказавъ: не миръ, но мечъ принесъ Я на землю, огонь принесъ Я, и какъ-бы желалъ, чтобы онъ скорѣе возгорѣлся. Новая религія, которую одни въ извѣстной средѣ принимаютъ, а другіе—нѣтъ, вно-

силь раздѣленіе въ эту среду. Язычникъ, принимавшій іудейство, покидалъ отца и братьевъ, становился чуждымъ своей общинѣ, враждебнымъ ея обычаямъ, культу, убѣжденіямъ, понятно, что эта община должна была ненавидѣть то, что отнимало у нея члена и притомъ хорошаго члена—ненавидѣть іудейскую религію. Поэтому та ненависть, то отвращеніе, которыя мы слышимъ у нѣкоторыхъ писателей по отношенію къ іудейству, показываютъ, что іудейство было силою отнимавшею у нихъ близкихъ людей, разрушавшею дорогое для нихъ богопочтеніе. Но потомъ іудейство перестало быть этою силою. Изъ словъ Порфирія мы видимъ, что языческой философъ находилъ для себя вполне возможнымъ отзываться одобрительно объ іудействѣ. Позднѣе Порфирія Юліанъ прямо бичевалъ отступничество христіанъ отъ іудейства. Христіане говорятъ, писалъ онъ, что они, какъ и Моисей, признаютъ одного Бога, но какъ они согласятъ это свое увѣреніе со словами Іоанна: „вначалѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богомъ. Оно было въ началѣ у Бога“ (Іоанн. 1, 1—2)? Здѣсь говорится о какомъ-то второмъ Богѣ, да иначе Галилеяне и не усвоили-бы Маріи имени Матери Божіей. Никто изъ пророковъ не говорилъ, что все чрезъ Него и Имъ было создано. Галилеяне не только отвергли преданіе Моисея, они не остались вѣрными ученію первыхъ апостоловъ. Ни Павелъ, ни Маттеей, ни Лука, ни Маркъ не говорили, что Іисусъ былъ Богомъ. Іоаннъ былъ первый, назвавшій Христа Богомъ. Что касается до обрядовой стороны, то почему Галилеяне отвергли обрѣзаніе, жертвы, пасху, отвергли ради обычаевъ, чуждыхъ іудейству и всей древности? Зачѣмъ у нихъ это суетверное уваженіе къ гробницамъ и этотъ культъ мертвецовъ? Положимъ, ап. Павелъ говоритъ объ обрѣзаніи сердца, но онъ противорѣчитъ Христу, Который поддерживалъ всѣ установленія закона. Напрасно галилеяне говорятъ, что новый законъ разрушилъ ветхій, Іисусъ сказалъ: „Я не пришелъ нарушить законъ, но исполнить“. Съ другой стороны, Моисей говорилъ объ этомъ (ветхомъ) законѣ, какъ неизмѣнномъ и вѣчномъ: „да не прибавите ничего къ заповѣдямъ, которыя я далъ вамъ, и да не отнимите, отъ нихъ ничего“. По мнѣнію Юліана хри-

стіане поступили-бы лучше, если-бы совсѣмъ обратились къ іудейству, оставивъ почитаніе своихъ мертвецовъ и своего креста. Правда, они почитали-бы тогда вмѣсто многихъ одного, но зато не человѣка или даже не многихъ несчастныхъ лицъ, но Бога и имѣли-бы законъ, хотя варварскій и суровый, жестоко карающій преступленія въ противоположность мягкому языческому закону, но всетаки это было-бы лучше для нихъ¹⁾.

Мягкое отношеніе языческихъ мыслителей къ іудейству подало и подаетъ поводъ многимъ современнымъ западнымъ богословамъ развивать теорію развитія универсализма въ юдаизмѣ. Это отчасти высказывалъ Ренанъ, къ этому склоняется Бертолетъ. Замѣтимъ прежде всего, что эти ихъ взгляды несогласуются съ ихъ хронологическими представленіями еврейской исторіи. По ихъ воззрѣніямъ сначала были пророки, которые универсальны, а потомъ явился законъ, который націоналенъ. Но какъ невѣрно ихъ воззрѣніе на ходъ религіозной исторіи евреевъ, такъ невѣренъ ихъ взглядъ на развитіе универсализма въ іудействѣ передъ началомъ христіанства. Нѣтъ, мы полагаемъ и утверждаемъ, что юдаизмъ пересталъ быть универсальнымъ и космополитичнымъ именно тогда, когда изъ его среды выступили писатели, которыхъ характеризуютъ этими признаками—Филонъ и Флавій. Эти писатели, по нашему мнѣнію, были не пророками универсализма, а сторонниками компромиссовъ. Филонъ проповѣдывалъ компромиссы на почвѣ теоретической, Іосифъ прибѣгалъ къ нимъ въ практической жизни.

Филонъ былъ современникомъ Христа (родился вѣроятно, 15—20 годами ранѣе). По своему происхожденію онъ принадлежалъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ Александріи. Его братъ Александръ Ливимахъ занималъ должность арабарха или представителя александрійскихъ іудеевъ и былъ необыкновенно богатымъ и вліятельнымъ человѣкомъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ римлянамъ и Ироду онъ играетъ почти роль царя. Онъ оказываетъ іерусалимскимъ царямъ великія услуги, содѣйствуетъ увеличенію ихъ благосостоянія, одождаетъ имъ чудовищныя

¹⁾ Сочиненія Порфирія и Юліана не дошли до нашего времени. Изъ нихъ сохранились только отрывки въ сочиненіяхъ евъ. отцовъ, написанныхъ противъ этихъ неоплатониковъ. См. Vacherot, L'Histoire critique de l'Ecole de l'Alexandr.

денежныя суммы. Одинъ изъ его сыновей женится на знаменитой Вероникѣ. Другой Тиберій Александръ игралъ важную роль въ римской политикѣ 1-го столѣтія нашей эры. Точно также и Филонъ былъ богатъ и вліятеленъ. Въ 39 или 40 году нашей эры онъ былъ посланъ, какъ уполномоченный отъ александійской синагоги, къ Калигулѣ защищать интересы іудеевъ. Штатгальтеръ этого императора Публій Авилій Флаккъ благоволилъ въ Александріи къ греческой народной партіи, которая была враждебна къ іудеямъ. Такъ какъ іудеи отказались ставить въ синагогахъ статуи императора, то онъ не только оставлялъ безъ наказанія кровавыя расправы съ ними и уличныя преслѣдованія ихъ, но кромѣ этого воздвигъ противъ нихъ судебное преслѣдованіе. Нарушая привиллегіи, данныя іудеямъ, онъ 38 ихъ представителей синагогъ подвергъ обезпечивающимъ наказаніямъ. Хотя скоро послѣдовало паденіе этого штатгальтера,—онъ былъ посланъ на островъ Андросъ и тамъ умерщвленъ по приказанію Калигулы, однако іудейская община Александріи не успокоилась съ его смертію. Она рѣшила восстановить свои поправныя права при помощи посольства въ Римъ. Во главѣ посольства находился Филонъ. Въ то-же время противная партія тоже послала посольство въ Римъ, во главѣ котораго былъ грамматикъ Апіонъ. Ни то, ни другое посольство, повидимому, не добилось вполне исполненія своихъ желаній. Официальной аудіенціи евреямъ не было дано, Филонъ былъ принятъ Калигулой только въ частной аудіенціи. Императоръ тогда уже почти безумный—ограничился въ бесѣдѣ лишь насмѣшками надъ іудеями и говорилъ, кажется, болѣе о свининѣ, чѣмъ объ іудейскихъ привиллегіяхъ. Посольство вернулось ни съ чѣмъ. Но къ счастью для іудеевъ вскорѣ послѣдовала смерть Калигулы, и Клавдій вернулъ іудеямъ ихъ поправныя права и освободилъ ихъ алабарха. Во время правленія Клавдія, Филонъ, должно быть и умеръ. Годъ его смерти точно не извѣстенъ.

(Свѣдѣнія о жизни Филона—очень немногочисленныя—находятся отчасти въ сочиненіяхъ самого Филона, у Іосифа Флавія, Евсевія, Иеронима, Исидора Пелусіота, Фотія и Свиды)

Филонъ владѣлъ прекраснымъ греческимъ образованіемъ и

питалъ глубокое уваженіе къ греческой философіи. Будучи совершеннымъ эллинистомъ, онъ старался остаться всецѣло иудеемъ. Аллегорическій методъ, который онъ довелъ до крайности, помогъ ему согласить Моисея съ Платономъ. То, какъ пользуется Филонъ аллегорическимъ методомъ, по нашему мнѣнію доказываетъ, что этотъ методъ—не новое, только что пущенное въ ходъ оружіе, и что у Филона были предшественники. Въ таковымъ, полагаемъ, принадлежалъ Аристовулъ. Филонъ дошелъ до того, что у него библейскій текстъ, изъясненіемъ котораго онъ занимался, былъ въ сущности только предлогомъ для изложенія и развитія собственныхъ мыслей. Иногда, можетъ быть, этотъ текстъ наводилъ его на мысли, въ развитіи которыхъ онъ нисколько не считалъ нужнымъ считаться съ буквою текста. Такъ, повѣствованіе кн. Бытія о первородномъ грѣхѣ, Филонъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Пространство между Богомъ и матеріальнымъ міромъ наполнено безчисленными душами. Души, которыя ближе другихъ находятся къ землѣ, привлекаются землею и кончаютъ тѣмъ, что соединяются съ веществомъ. Это великое бѣдствіе, такъ какъ матерія сама по себѣ есть зло и начало всѣхъ злыхъ инстинктовъ въ человѣкѣ. Такимъ образомъ происхожденіе рода человѣческаго имѣетъ свою причину первоначальный грѣхъ, утверждается на фактѣ преступнаго желанія. Всѣ стремленія и усилія добродѣтели должны быть направлены на то, чтобы разорвать существующую нечестивую связь души съ матеріею и возвратить душу ея первоначальной свободѣ и чистотѣ. Этотъ взглядъ Филона есть выводъ изъ его основной теоріи о Богѣ и мірѣ. Міръ, по Филону, вѣченъ и Богъ въ сущности не есть его Творецъ. Богъ не пребываетъ въ покоѣ, потому что Его сущность есть дѣятельность. Твореніе началось съ началомъ времени. Богъ есть первая причина всякаго дѣйствія въ каждомъ отдѣльномъ существѣ, какъ и во всемъ универсѣ. Истинная дѣятельность принадлежитъ Ему одному. Все, что существуетъ, проникнуто его дыханіемъ, Онъ есть всеобъединяющій принципъ, въ Немъ живетъ все. Онъ есть все. (Εἷς καὶ τὸ πᾶν αὐτὸς ἐστίν). Богъ есть начало, міръ есть конецъ, посредствующее суть духи, то, что стоитъ ближе всего къ Богу, очевидно, должно имѣть природу

подобную Божественной. Это, по Филону, Логосъ—ангелъ Иеговы Библии, старѣйшій сынъ Божій, архангелъ или первый изъ хора ангеловъ, внутреннее слово Божіе, вѣчный изъ Бога истекающій разумъ. Какъ слово изреченное λόγος προφορικός въ противоположность λόγος ἐνδιάθετος, онъ есть дѣйствительная самостоятельная субстанція. Однажды у Филона Онъ называется вторымъ Богомъ ('Ο πρόθεός. De Abrah. II, 17). За λόγος'омъ слѣдуетъ дальнѣйшій рядъ существъ λόγος или силы (δυνάμεις). За ними, постепенно ниспускаясь, духовныя существа доходятъ до вещественнаго міра. Представленіе этого міра и его исторія, какъ они даются Библіею, понимаются Филономъ очень своеобразно. Эдемъ, по нему, символизируетъ премудрость Божію, четыре рѣки Эдема представляютъ четыре добродѣтели, истекающія изъ этой премудрости. Небесный дождь, оплодотворяющій землю, есть божественный разумъ, который подобно живому источнику орошаетъ и живитъ человѣческія чувства. Святое святыхъ и переносная скинія Моисея это суть невидимые символическіе предметы, открывающіеся только духовному зрѣнію. За всѣмъ тѣмъ, по Филону, истинное богочтеніе содержитъ лишь народъ іудейскій. По его мнѣнію іудейскій народъ получилъ свои преимущества, потому что онъ всегда былъ совершеннѣйшимъ, справедливѣйшимъ, разумнѣйшимъ, человѣчнѣйшимъ и религіознѣйшимъ народомъ міра. Ради добродѣтелей его и его предковъ Вѣчный избралъ евреевъ, какъ свой любимый народъ. Теперь этотъ народъ находится въ рабствѣ. Но это лишь его временный удѣлъ. Впослѣдствіи владычествующіе надъ іудеями, охваченные удивленіемъ предъ ихъ добродѣтелями, откажутся отъ того, чтобы повелѣвать столь добродѣтельными людьми. Тогда освобожденные іудеи изъ отдаленнѣйшихъ странъ и острововъ устремятся въ Палестину. Святѣйшій столецъ—видимый однимъ праведнымъ—поведетъ ихъ къ цѣли. У этой цѣли, т. е., въ Палестинѣ ожидаетъ евреевъ величайшее счастье. Они одни слѣлаются свободными и могущественными и будутъ имѣть возможность владычествовать надъ всѣми. Тогда разрушенные города воздвигнутся безъ содѣйствія человѣческой руки, пустыни оживятся и бесплодныя области покроются богатѣйшими

плодами. Эта блаженная цѣль станетъ дѣйствительностью, если люди обратятся къ иудейству. Тогда дикія животныя станутъ служить человѣку, и исчезнутъ всѣ нарушители мира. Тогда наступитъ миръ, который будетъ охранять великій могущественный царь (греческ. перев. Числ. XXIV, 7).

Такъ аллегорическимъ рѣчамъ пророковъ Филонъ придалъ буквальный смыслъ, какъ наоборотъ историческія повѣствованія Моисея разрѣшилъ въ аллегорію. Въ концѣ концовъ все его ученіе является предъ нами лишеннымъ связи, заключающимъ противорѣчія и крайне эластичнымъ. Послѣдній признакъ никогда не можетъ принадлежать тому, что истинно, и отрицаетъ для себя возможность долгожизненности. Нѣтъ основаній сомнѣваться въ искренности вѣры Филона, но, думаемъ, нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что въ его изложеніи еврейская религія могла сохраниться лишь въ той формѣ и въ томъ видѣ, въ какихъ греческій политеизмъ существовалъ у неоплатониковъ. Аллегоріей и символомъ можно оправдать все. Сатурнъ, пожирающій дѣтей—вѣчность, въ которой поглощается время. Какое философское объясненіе ужаснѣйшаго дѣтоубійства! Но оправдывая смыслъ мифа, это объясненіе уничтожаетъ реальность Сатурна, разрушаетъ политеистическія вѣрованія. Филонъ (въ значительной мѣрѣ, не говоримъ вполне) разрѣшаетъ въ мифѣ законъ Моисея. Пусть еврей—лучшій народъ и ихъ законъ совершеннѣйшій, и всѣ должны принять этотъ законъ. Но какъ его понимать? Филономъ представляется безграничный произволъ въ дѣлѣ этого пониманія. Но человѣкъ ищетъ въ религіи твердой опоры, а не неустойчивой рамки, въ которую онъ могъ-бы вставлять, какое угодно ему содержаніе. Поэтому вѣра Филона никогда не могла стать космополитичной или, говоря нашимъ языкомъ, вселенской вѣрой. Но его вѣра могла быть мостомъ, который, думается, могъ нѣкоторыхъ направить къ пониманію и принятію ученія Христа. Есть сказаніе о томъ, что Филонъ сталъ христіаниномъ (Евсев. Церков. Истор. XVII. I. Блажен. Иерон. De vir. illustrib. II; Photius, Cod. 105). Несомнѣнно, что въ душѣ этого замѣчательнаго человѣка было многое родственное христіанству. Его ученіе о *χάρις*, о томъ, что чело-

вѣкъ своими собственными силами не можетъ творить добраго, что добрыя дѣла человѣка суть плодъ божественной благодати, его уваженіе къ созерцательно-монашеской жизни еерापевтовъ, его возвышенный образъ мыслей и его благородная нравственность, все это повидимому дѣлало его блестяще подготовленнымъ къ тому, чтобы воспринять проповѣдь св. Марка или другого благовѣстника въ Александріи. Но однако, представляемъ мы себѣ, было нѣчто, что должно было стать между нимъ и безхитростною проповѣдью Евангелія. Это нѣчто его увлеченіе греческой философій, не просто знаніе этой философіи, а именно признаніе ея истинной, въ то время какъ пятокнижіе Моисея оказывается только символомъ, образомъ, аллегоріей этой истины. Филонъ, видѣвшій откровенную истину у Платона и прикровенную у Моисея, какъ долженъ былъ отнестись къ безхитростной проповѣди галилейскихъ рыбаковъ? Могъ-ли онъ допустить, что утаенное отъ премудрыхъ и разумныхъ могло быть открыто буимъ міра? Мы не знаемъ этого. Но во всякомъ случаѣ намъ Филонъ представляется уже человѣкомъ распутія. Прежде призывавшіе къ іудейству, призывали дѣйствительно къ торѣ Моисея и писаніямъ пророковъ. Филонъ подобно своимъ соплеменнымъ предшественникамъ тоже зоветъ къ іудейству, но оно у него расширяется, становится туманнымъ и неяснымъ все равно, какъ предметъ, который мы далеко отодвинули отъ фокуса увеличительнаго стекла. Въ концѣ концовъ ученикъ Филона скорѣе, пожалуй, окажется способнымъ принять нагорную проповѣдь, чѣмъ принять иго закона. И намъ представляется глубоко замѣчательнымъ, что свободомыслящее еврейство разрѣшилось ко времени Христа такой философій.

На цѣлое поколѣніе моложе Филона является Іосифъ Флавій (род. 37 или 38 г. по Р. Х. при императорѣ Калигулѣ) посабдній универсалистъ іудаизма. Онъ былъ изъ знатнаго священническаго рода и по матери былъ родственникомъ гасмонеевъ. Онъ былъ воспитанъ строго въ іудейскомъ законѣ и принадлежалъ къ сектѣ фарисеевъ. Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ онъ прошелъ три школы: фарисеевъ, саддукеевъ и ессеевъ и еще былъ у пустытника Бопуса. 19-ти лѣтъ онъ официально при-

мкнулъ къ фарисеямъ. Когда ему было 26 лѣтъ, случилось, что нѣкоторые дружественные ему священники были заключены въ тюрьму. Это побудило его (64 г. по Р. Х.) отправиться въ Римъ хлопотать объ ихъ освобожденіи. При помощи одного іудейскаго актера Алитира онъ счумѣлъ найти доступъ къ императрицѣ Пoppеѣ и достигъ своей цѣли. По возвращеніи въ Палестину (66 г. по Р. Х.) онъ нашелъ своихъ соотечественниковъ возставшими противъ римлянъ. Онъ по его показанію убѣждалъ своихъ соплеменниковъ отказаться отъ этого намѣренія; когда ему это не удалось (послѣ побѣды надъ Гестіемъ Галломъ іудеи безповоротно рѣшились на возстаніе), онъ вступилъ въ ряды борцовъ противъ римлянъ и былъ предводителемъ войскъ въ Галилеѣ. Здѣсь онъ въ теченіе полутора мѣсяца защищалъ крѣпость Іотопату. Послѣ завоеванія римлянами крѣпости онъ попалъ въ плѣнъ къ Веспасіану, надо признать, довольно безславнымъ образомъ. Передъ диллемою смерть или плѣнъ Іосифъ не заколебался въ выборѣ. Жизнь, какая-бы то ни была, была по его представленію лучше смерти, и даже безсмертіе за гробомъ—ему фарисею—показалось чѣмъ—то не безусловно надежнымъ. Поэтому онъ предпочелъ жизнь и плѣнъ. Плѣнъ скоро долженъ былъ стать для него не тяжелымъ. Онъ счумѣлъ приблизиться къ Веспасіану, показалъ ему пророчество IX гл. кн. пророка Даніила, согласно которому Іерусалимъ долженъ быть разрушенъ языческимъ вождемъ (26 ст.) и этотъ вождь, т. е., Веспасіанъ—по пророчеству Іосифа, выданному за Даніилово, долженъ стать императоромъ. Въ 69 г. по Р. Х. пророчество Іосифа исполнилось, Веспасіанъ—Флавій—шестидесяти лѣтъ отъ роду—получилъ корону и щедро одарилъ и отпустилъ на свободу Іосифа, который, присоединивъ къ своему имени прозвище Флавія, сталъ близкимъ къ дому Флавіевъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ Титомъ, сыномъ Веспасіана, при осадѣ Іерусалима. Тщетно онъ убѣждалъ своихъ соплеменниковъ—жителей Сіона, отказаться отъ безумнаго намѣренія вести борьбу противъ римлянъ. Его рѣчи были напрасны, тѣмъ болѣе, что авторитетъ его небезпричинно стоялъ невысоко въ глазахъ его сродниковъ по плоти. Послѣ взятія Іерусалима онъ вмѣстѣ съ Титомъ отправился въ Римъ. Пользуясь милостію

императора, онъ старался всячески расположить его въ пользу своего несчастнаго народа и успѣвалъ въ этомъ. Въ 93 г. нашей эры онъ былъ еще живъ. Когда онъ сошелъ въ могилу, неизвѣстно, но онъ уже былъ евреемъ, пережившимъ свою политическую исторію. Еврейство, какъ государство, умерло раньше смерти Флавія. вмѣстѣ съ этимъ кончилась и религіозная миссія евреевъ. Ветхозавѣтное Откровеніе смѣнилось Новозавѣтнымъ. Церковь іудейская смѣнилась церковью вселенской, и на мѣсто разрушеннаго храма въ Сіонѣ воздвиглись безчисленныя церкви, гдѣ вмѣсто тельцовъ и овновъ стали возносить пречистое тѣло и кровь Господа Иисуса. Миссія еврейскаго народа, какъ мы говорили, была миссіею пророка Іоны—указывать спасеніе народамъ. Наиболеѣ полная истина въ ветхозавѣтный періодъ была въ законѣ Моисеевомъ, на этотъ законъ и на его исполнителей евреевъ и указывали народамъ тѣ, которые хотѣли вести народы ко благу. Въ ряду такихъ духовныхъ вождей человѣчества, которые были или прямыми посланниками Божіими или хотя дѣйствовали и по собственному начинанію и не безъ заблужденій, но несомнѣнно съ одобренія Божія ихъ намѣреніямъ, въ ряду такихъ Филонъ былъ послѣднимъ. Какъ бы то ни было, его дѣятельность была направлена главнымъ образомъ на доказательство истинности и святости Моисеева закона. Его главные труды—комментаріи пятокнижія. Если онъ—еврей—кромѣ еврейскаго закона хвалитъ еще и евреевъ, то и это у него направляется къ апологіи закона: у лучшаго народа долженъ быть и лучшій и совершеннѣйшій законъ. Труды Флавія, только повидимому, имѣютъ ту-же цѣль. Онъ въ сущности болеѣ вѣрный сынъ ветхозавѣтной религіи, чѣмъ Филонъ, гораздо менеѣ думаетъ о ней, чѣмъ о себѣ и своемъ народѣ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ не столько борется противъ языческихъ принциповъ, противъ язычества, сколько противъ антисемитовъ. Его задача реабилитировать несчастныхъ соплеменниковъ, разсѣянныхъ по міру. Онъ защищаетъ народъ, но не дѣло народа. Народъ совершилъ свое дѣло, исполнилъ свою миссію. Теперь этотъ народъ будетъ жить уже для себя, а не для выполненія исторической миссіи. Ему не нужно защищать свое дѣло, потому что у него нѣтъ дѣла, но ему нужно

защищать самого себя, и сочиненія Іосифа суть главнымъ образомъ апологіи еврейскаго народа и самого Іосифа—типичнаго представителя этого народа. Его произведеніе *De vita sua*—это самооправданіе, его сочиненіе противъ Апіона—„о древности іудейскаго народа“—это восхваленіе іудейскаго народа и его значенія, его *Ioudaikhē archaiologia*—это искаженіе библейской и вообще дѣйствительной исторіи *ad maiorem Iudaeorum gloriam*. Приведемъ доказательства этого. Въ своей „іудейской археологіи“ онъ сообщаетъ о фактахъ, которыхъ не знаетъ Библия и другіе историческіе источники. Онъ повѣствуетъ о походѣ Моисея противъ египтянъ, объ египетской принцессѣ Тарбисъ, которая предложила Моисею свою руку, онъ говоритъ о магическихъ знаніяхъ Соломона, мы приводили его рассказъ о встрѣчѣ Александра Македонскаго съ Іоддаемъ. Приводили другія его сообщенія о *храбрости* еврейскаго народа. Такъ народъ и его сыны упорно восхваляются имъ. Но онъ иногда смущается говорить о благодѣяніяхъ Бога еврейскому народу, мысль, что описываемое имъ событіе покажется страннымъ или невѣроятнымъ, смущала и удерживала его. Такъ, изложивъ исторію перехода евреевъ черезъ Черное море, онъ замѣчаетъ, что „онъ рассказалъ эту исторію такъ, какъ она излагается въ священннхъ книгахъ, и онъ предоставляетъ каждому самому рѣшить—произошло-ли это событіе вслѣдствіе непосредственнаго Божественнаго воздѣйствія, или-же оно было произведено естественными причинами?“ Историческую правду и историческую критику онъ допускалъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ они не были вредны или были полезны для его интересовъ. Въ этомъ отношеніи любопытна его полемика съ Апіономъ. Всякимъ свидѣтельствомъ, говорящимъ въ пользу его тезисовъ, Іосифъ пользуется, обыкновенно не подвергая сомнѣнію его подлинность и правдивость. Если свидѣтельство сложно и частію говоритъ въ пользу Іосифа, частію противъ него, онъ отвергалъ то, что было противъ, и утверждалъ то, что было за. Знаменательна его уклончивость въ сужденіи о мессіанскихъ пророчествахъ и въ раскрытіи мессіанскихъ идеаловъ. Въ противоположность Филону и авторамъ сивиллиннхъ книгъ онъ не выдвигаетъ напередъ этихъ пророчествъ.

Онъ не проповѣдуетъ о Мессіи, онъ не призываетъ къ вѣрѣ въ него и къ надеждѣ на него. И онъ правъ: о надеждѣ было говорить уже нечего, потому что Мессія уже пришелъ. Въ своей жизни онъ руководился не отдаленными надеждами и возвышенными идеалами, но правилами того житейскаго благо-разумія, которое часто заставляетъ поступаться вѣрою и любовью. Въ сущности онъ былъ хорошимъ человѣкомъ, глубоко вѣрилъ въ истиннаго Бога и крѣпко любилъ свой народъ. Но онъ былъ слабымъ человѣкомъ и онъ измѣнялъ Своему Богу въ своихъ писаніяхъ и своему народу въ своихъ дѣлахъ. Онъ писалъ свои произведенія въ то время, когда былъ написанъ Новый Заветъ. Тѣнь проходила, и истина возвѣщалась открыто и громко всему міру. Болѣе уже не было нужды въ особыхъ посланникахъ и особыхъ дѣятеляхъ для ознакомленія человѣчества съ откровеніемъ. Дѣло раскрытія религіозной истины предъ всѣмъ человѣчествомъ стало дѣломъ церкви. Въ ветхомъ заветѣ не было такъ. Церковь не возвѣщала тамъ громко истину всему міру, напротивъ, охраняла ее отъ нескромныхъ взоровъ и нечистыхъ прикосновеній. Было много причинъ для этого. Укажемъ изъ нихъ одну. Ветхозавѣтное откровеніе обѣщало блага въ отдаленномъ будущемъ и участіе въ этихъ благахъ обуславливало исполненіемъ суровыхъ требованій закона въ настоящемъ. Немногіе были способны подчинить себя игу закона при такихъ условіяхъ. Немногимъ поэтому и предлагался законъ. Онъ сталъ распространяться болѣе и болѣе незадолго предъ тѣмъ, какъ долженъ былъ прејдти, и это понятно: для того, чтобы принять новое откровеніе, міръ долженъ былъ ознакомиться съ ветхимъ. Но для этого не нужно было много вѣковъ. До времени Александра Македонскаго въ Европѣ не знали іудеевъ—хотя какъ мы думаемъ—объ истинномъ Богѣ европейцы получали знанія—хотя и не непосредственно—отъ іудеевъ. Послѣ Александра, мы видѣли, ветхозавѣтное откровеніе начинаетъ быстро распространяться въ древнемъ культурномъ мірѣ. Это было предварительнымъ приготовленіемъ почвы для распространенія и утверженія церкви Христовой.

Краткимъ разсужденіемъ объ Іосифѣ Флавіи, какъ писате-

лѣ, который знакомилъ съ сверхъестественнымъ 'откровеніемъ тѣхъ, кто не принадлежалъ къ истинной церкви, мы заканчиваемъ нашу рѣчь о внѣ библейскихъ свидѣтельствахъ того, что съ откровеніемъ знакомились и могли знакомиться и не—еврея, и что доступъ къ религиозной истинѣ былъ открытъ и въ ветхомъ завѣтѣ для тѣхъ, кто всею душою искалъ истины. Частію къ народамъ проникали посредственнымъ путемъ важнѣйшія и высочайшія религиозныя и нравственныя истины. Частію народамъ или отдѣльнымъ людямъ указывалось, гдѣ хранилась истина. Изслѣдуя внѣ библейскія свидѣтельства распространенія откровенія внѣ избраннаго народа, мы приходимъ къ заключенію, что въ ихъ исторической судьбѣ должно признать три послѣдовательныхъ періода. Первый—древнѣйшій. Свидѣтельства самыя слабыя. Эти свидѣтельства говорятъ намъ, что народы, разойдясь изъ своей прародины или можетъ быть оставаясь и близь ея, но уклонившись отъ религіи своихъ праотцовъ, однако иногда надолго сохраняли элементы истины. Мысль о высочайшемъ единомъ Богѣ у нихъ затемлялась, но не исчезала. Чувство правды искажалось, но не угасало. Второй періодъ. Свидѣтельства болѣе многочисленныя и иногда безспорныя. Къ народамъ, религиозныя представленія которыхъ приняли уже грубо ложный характеръ и натуралистическую окруску, путемъ, который ускользалъ отъ ихъ наблюденія и взоровъ, проникали высокія истины и святныя заповѣди ветхо-завѣтнаго откровенія. Рука, подававшая имъ этотъ даръ, оставалась во мракѣ, и имена учителей оставались для нихъ скрытыми, но ученіе принималось, усваивалось и тамъ, гдѣ была добрая почва, приносило добрые плоды. Наконецъ, періодъ третій. Здѣсь сверхъестественное откровеніе является міру уже не въ видѣ преданія, дошедшаго отъ времени древнихъ, не въ видѣ ученія варварскихъ философовъ, занесенныхъ неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно откуда, но прямо, какъ завѣтъ, данный Богомъ евреямъ. Такъ, у вавилонянъ, ассиріянъ и египтянъ мы находимъ добрыя правила и въ ихъ обращеніяхъ къ Богу неба иногда слышимъ отзвукъ того, въ чемъ должны были быть наставлены Ной и его предки. Такъ, въ ученіи персовъ несомнѣнно и въ вѣрованіяхъ и заповѣдяхъ римлянъ не вполнѣ

увѣренно мы находимъ проникновеніе къ арійцамъ вѣрованій и убѣжденій южной вѣтви сѣверныхъ семитовъ—богоизбраннаго еврейскаго народа. Такъ, наконецъ въ александрійскомъ переводѣ Ветхаго Завѣта, въ писаніяхъ сивиллъ, въ твореніяхъ Филона, Флавія и другихъ мы видимъ ясное возвѣщеніе греческому—слѣдовательно, всему культурному міру,—что истина у и отъ іудеевъ.

Но однако истина не была возвѣщена всѣмъ народамъ, не была открыта каждому человѣку. Да, несомнѣнно на землѣ умирали многіе милліоны, не зная ничего и о проповѣди пророковъ и мессіи, какъ умираютъ многіе милліоны и теперь, не зная ничего о Его ученіи. Почему такъ? Мы не знаемъ этого. Мы думаемъ, что людей по ихъ отношенію къ принятію откровенія можно раздѣлить на три очень неравные класса: Люди, непосредственно принимавшіе откровеніе отъ Бога, т. е. такіе, для которыхъ откровеніе вмѣстѣ было и Богоявленіемъ. Люди, получающіе откровеніе отъ другихъ, наставляемые въ его истинахъ церковью; наконецъ, третій многочисленный классъ, до слуха которыхъ совсѣмъ не доходитъ ученіе церкви. Мы не смѣемъ думать, чтобы послѣдніе были самыми грѣшными и самыми преступными. Восемнадцать жертвъ, погибшихъ подъ развалинами сілоамской башни, не были, по слову Христа, виновнѣе всѣхъ, живущихъ во Іерусалимѣ (Лук. XIII, 4). Такъ и тѣ, которымъ не дано слышать и разумѣть слово Божіе, вовсе не самые виновные изъ всѣхъ человѣковъ. Непосредственнаго Откровенія иногда удостоивались не наилучшіе, и для нихъ оно могло быть и въ осужденіе. И наоборотъ, инымъ могло быть не подаваемо откровеніе, что бы они не приняли горшаго осужденія. Часто говорили и выражали недоумѣнія, почему Богъ не открылъ своей воли и не явилъ Себя такимъ великимъ мужамъ древности, какъ Пифагоръ, Платонъ или Сократъ? Мы не знаемъ—можетъ-быть оно и было имъ возвѣщено въ ту мѣру, въ которую они могли его вмѣстить. Но если сверхъестественное откровеніе и совсѣмъ не коснулось ихъ слуха, то это по нашему мнѣнію значитъ только то, что для нихъ лучше было то, чтобы истина не была возвѣщена имъ. Простыя истины вѣры могли быть камнемъ преткнанія и соблазна для этихъ лю-

дей знанія. Поучительна въ этомъ отношеніи притча Господа о богатомъ и Лазарѣ. Богачъ, находящійся въ аду въ мученіяхъ за то, что не слушалъ (и слѣдовательно не вѣрилъ) повелѣній Моисея и пророковъ, проситъ Авраама, чтобы онъ послалъ на землю находившагося на лонѣ авраамовомъ, нѣкогда презрѣннаго имъ несчастнаго бѣдняка. Прошу тебя, говоритъ онъ, отче, пошли его въ домъ отца моего; ибо у меня пять братьевъ, пусть онъ засвидѣтельствуетъ имъ, чтобы и они не пришли въ это мѣсто мученія. Авраамъ сказалъ ему: у нихъ есть Моисей и пророки: пусть слушаютъ ихъ. Онъ же сказалъ: нѣтъ, отче Аврааме, но если кто изъ мертвыхъ придетъ къ нимъ, покаются. Тогда Авраамъ сказалъ ему: если Моисея и пророковъ не слушаютъ, то если-бы кто и изъ мертвыхъ воскресъ, не повѣрятъ (Лук. XVI, 27—31). Но если не повѣрятъ воскресшему изъ мертвыхъ, то тѣмъ болѣе не повѣрятъ слову того, кто уже давно умеръ. Спиноза сказалъ о себѣ, что, если бы чудо воскрешенія Лазаря было истинной, то онъ разбилъ-бы всю свою систему. Но онъ не разбилъ своей системы, по которой въ мірѣ нѣтъ мѣста никакому чуду. Изъ приведеннаго нами выше разсужденія Іосифа Флавія о переходѣ евреевъ черезъ Чермное море мы можемъ догадываться, что въ древности, какъ и во дни Спинозы, находились люди, для которыхъ слово Божіе и повѣствованіе о дѣлахъ Божіихъ являлось юродствомъ, безуміемъ и слѣдовательно соблазномъ. Таковымъ, для которыхъ оно могло явиться особенно тяжкимъ соблазномъ и повести къ горшему осужденію, оно, можетъ—быть, и не возвѣщалось.

Затѣмъ въ вопросѣ о сообщеніи и распространеніи Откровеній всегда нужно помнить, что люди не обособленныя единицы, но всегда—семья, племя, народъ, что въ дѣлѣ спасенія и Богообщенія имѣетъ мѣсто не индивидуализмъ, а соборность. Отсюда призваніе Авраама и выдѣленіе еврейскаго народа изъ среды всѣхъ народовъ земли, отсюда-же пребываніе цѣлыхъ народовъ въ тѣни и сѣни смертной. Близкіе между собою по происхожденію люди близки между собою и по духовнымъ качествамъ. Вотъ—почему и общія правила и законы для народовъ и общія наказанія. Вотъ почему и дарованіе и лишеніе Откровенія. Религіозныя истины всегда возвѣщались большому

числу лицъ, чѣмъ сколько принимало ихъ. Развѣ во дни Моисея аммонитяне, моавитяне, эдомляне не должны были знать, что Богъ евреевъ есть истинный Богъ и что данный Имъ законъ есть спасительный законъ. Однако они не пожелали знать этого. И Богъ оставилъ ихъ ходить путями своими, какъ оставилъ ходить таковыми путями и другіе народы. Но это „оставилъ“ не нужно понимать въ грубо буквальномъ смыслѣ. Они были отлучены отъ церкви и истины лишь въ той мѣрѣ, въ какой это было полезно для нихъ. Церковь налагаетъ анафему для блага анаематствуемаго. Богъ скрываетъ себя отъ чловѣка для блага чловѣка.

Но однако если ветхозавѣтному язычнику не сообщалось Откровенія, то это не значить, что ему не дѣлалось никакихъ указаній, какъ искать истину и въ чемъ заключается истина. Нѣтъ, кромѣ сверхъестественнаго Откровенія въ ту пору, какъ и теперь, было естественное Богопознаніе. Путь къ истинѣ указывался всякому и чувство истины подавалось всѣмъ. „Быль свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго чловѣка, проходящаго въ міръ“ (Іоанн. 1, 9). Этотъ свѣтъ освѣщалъ и освѣщаетъ всѣмъ путь и смыслъ жизни, и тотъ, кто не хочетъ видѣть и отрицаетъ его, претъ противъ рожна. Душѣ чловѣка по мѣрѣ того, какъ она развивается, всѣ ея силы, все, что открывается ея знанію, все указываетъ на высочайшую Истину. О томъ, какъ происходитъ это, и о томъ, что безответны тѣ, которые не принимаютъ таковыхъ указаній, мы будемъ говорить во второй части нашего труда.

Профессоръ С. С. Глаголевъ.

Законъ достаточнаго основанія и законъ причинности.

I. Законъ достаточнаго основанія.

Характеристическимъ признакомъ мышленія, какъ разсудочной познавательной дѣятельности, въ отличіе отъ низшихъ познавательныхъ процессовъ, служитъ сопровождающее всѣ его акты сознаніе активности, самодѣятельности и свободы дѣйствующей въ нихъ мыслительной силы: понятія, сужденія, умозаключенія не даются намъ отвнѣ съ принудительною силою подобно ощущеніямъ, не образуются механически, помимо произвольной нашей дѣятельности, подобно ассоціаціи представленій, но суть продукты самодѣятельной работы нашей мысли; въ составленіи понятій, сужденій и умозаключеній мы признаемъ себя настолько же свободными и активными виновниками порождающей ихъ умственной дѣятельности, какъ и въ совершеніи любого внѣшняго, произвольнаго поступка. Но какъ въ области собственно-нравственной дѣятельности свобода, чтобы не быть синонимомъ произвола и беззаконія, должна подчиняться извѣстнаго рода внутренней необходимости, такъ и познавательная дѣятельность возможна лишь подъ условіемъ соединенія въ ней свободы съ необходимостью; безъ этой послѣдней въ мысляхъ не было бы порядка и связи, не было бы, слѣдовательно, и познанія, какъ одного стройнаго цѣлаго, а могли бы быть только отдѣльные, безсвязные акты мысли, неизвѣстно для чего существующіе. Такой моментъ необходимости, обуславливающей собою возможность нашего познанія, мы дѣйствительно находимъ въ своемъ мышленіи. Откуда же яв-

ляется, или, по крайней мѣрѣ, въ чемъ состоитъ такая необходимость? Очевидно, съ одной стороны, чтобы быть необходимою, она должна противостоять нашей мысли, какъ нѣчто независимое отъ нашего произвола, съ другой стороны, чтобы быть совмѣстимою съ свободой, она можетъ быть мыслима только въ качествѣ нормы, которой должно слѣдовать наше мышленіе, если хочетъ быть самимъ собою, т. е., познавательной дѣятельностію, но которой можетъ и не слѣдовать настолько, насколько можетъ не слѣдовать своей природѣ и назначенію. Такимъ идеаломъ нашей мысли, независимымъ отъ ея произвола, является руководящая всѣми ея процессами идея истины; она-то и вноситъ въ нашу мысль присущій ей моментъ идеальной необходимости: всякая мысль оцѣнивается въ своемъ достоинствѣ съ точки зрѣнія истины и по степени соответствія ей получаетъ ту или иную степень достовѣрности, т. е. ту или иную степень внутренней необходимости ея признанія, и самая эта степень *необходимо* ¹⁾ должна быть признана за ней всякимъ мыслящимъ умомъ.

То, что мы называемъ закономъ достаточнаго основанія, въ сущности есть требованіе, чтобы всякая мысль, сопровождающаяся сознаніемъ своей состоятельности и достовѣрности, утверждала за собою послѣднія не по произволу, а по логической необходимости. Если мы теперь примемъ во вниманіе, что логическая необходимость и истинность суть понятія совпадающія, если не по содержанію, то по объему, то въ результатѣ мы получаемъ, что законъ достаточнаго основанія есть только особая форма требованія истинности отъ нашихъ мыслей. Для чего же и почему существуетъ эта частная форма общаго требованія нашего мышленія? Требованіе истинности нашихъ мыслей, или просто идея истины, говоритъ намъ только, что всякая мысль должна быть логически необходима. Но съ другой стороны, на самомъ дѣлѣ наши мысли большею частію, не носятъ въ себѣ ничего такого, что бы обязывало насъ къ

¹⁾ Такимъ образомъ моментъ необходимости присущъ не однимъ только аподиктическимъ, но всѣмъ вообще сужденіямъ, оцѣниваемымъ съ точки зрѣнія истины; онъ, значитъ, долженъ быть признанъ и за вѣроятными только сужденіями: если ихъ вѣроятность раскрыта ясно, то она необходимо должна быть признана.

принятію ихъ въ качествѣ необходимыхъ. Является вопросъ: откуда же эти мысли могутъ получить необходимость? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и должно служить болѣе частное приложеніе общаго требованія истинности нашихъ мыслей, каковымъ и является законъ достаточнаго основанія. Переходъ отъ указаннаго требованія къ этому закону долженъ быть представленъ въ такомъ видѣ.

Мы сказали, что истина есть идеаль нашей мысли, а послѣдняя можетъ быть опредѣлена, какъ отношеніе мыслящаго субъекта къ какому-либо объекту. Въ чемъ же состоитъ это отношеніе? Оно не можетъ быть мыслимо, какъ полное совпаденіе объекта съ субъектомъ, потому что тогда всякое различіе между ними исчезаетъ, а при полномъ тождествѣ нѣтъ отношенія, а если нѣтъ послѣдняго, то нѣтъ и истины. Въ виду этого указанное отношеніе должно ограничиться возможно точнымъ воспроизведеніемъ объекта въ субъектѣ. А насколько оно можетъ быть точнымъ? Очевидно настолько, насколько это возможно при условіи, что бытіе не должно дѣлаться мыслію, а послѣдняя воспроизводимымъ бытіемъ, т. е., при условіи сохраненія и неприкосновенности специфическихъ отличій мышленія и бытія; мышленіе, стремящееся переступить предѣлы и условія своего существованія и чрезъ то разрѣшиться въ бытіе, этимъ само отъ себя отказывается, само себя, а слѣдовательно и познаніе, а ergo и истину разрушаетъ. Поэтому идеаломъ мышленія въ его отношеніи къ бытію должно служить согласіе перваго съ его собственною сущностію, съ его законами и условіями и въ немъ же, въ этомъ согласіи, значить, должна заключаться и истина; въ противномъ случаѣ ея для насъ совсѣмъ не существуетъ ¹⁾. А такъ какъ выше мы

1) Что отрицаніе законовъ и условій нашего мышленія, какъ послѣдняго ручательства истины для насъ, ведетъ къ безысходному скептицизму—это вещь понятная. Но съ другой стороны понятно также, что абсолютный скептицизмъ въ области философской мысли явленіе ненормальное и въ опроверженіи совсѣмъ не нуждается. Опровергать скептика—это все равно, что противопоставлять горькому кругое, убѣждать больного, чтобы онъ выздоровѣлъ, или доказывать что-либо глухонѣмому посредствомъ словъ, въ частности доказывать ему, что онъ неразумно поступаетъ, не понимая насъ: какъ отъ глухонѣмого мы ничего не добьемся, кромѣ отрицательнаго жеста, такъ отъ скептика на всѣ наши опроверженія ничего не услышимъ, кромѣ его „не знаю“, и онъ, конечно, останется неуязвимъ.

опредѣлили истину, какъ условіе присущей нашимъ мыслямъ необходимости, то теперь можемъ сказать, что это условіе заключается въ согласіи мыслимаго содержанія съ законами и условіями нашего мышленія. Эти законы и условія мышленія предстоятъ нашему сознанію въ видѣ болѣе или менѣе опредѣленныхъ общихъ требованій и положеній, которыя, какъ условія истинности всего нашего познанія, сами не могутъ быть подвергаемы сомнѣнію относительно ихъ истинности: спрашивать объ ихъ истинности значитъ спрашивать объ ихъ согласіи съ самими собою, иначе, уже въ самомъ вопросѣ давать на него утвердительный отвѣтъ. Такъ какъ истина есть то, что вноситъ въ наше познаніе элементъ необходимости, то положенія, выражающія собою основныя требованія самой природы мышленія и, какъ мы сказали, служащія условіемъ истины всѣхъ остальныхъ знаній, должны прежде всего въ себѣ самихъ, въ качествѣ послѣдняго завѣренія своей истины, носить признакъ необходимости. Таковымъ и является непосредственная очевидность и самодостовѣрность основоположеній нашего разума, съ принудительностію заставляющихъ признать себя подъ угрозою лишенія послѣдняго всѣхъ присущихъ ему правъ. Необходимость этихъ истинъ, основывающаяся на ихъ очевидности или лучше составляющая одно съ послѣднею, служить источникомъ необходимости, какую мы можемъ признавать за всякимъ другимъ познаніемъ; способъ же, посредствомъ котораго эти послѣднія получаютъ доступъ къ названному источнику необходимости, и есть законъ достаточнаго основанія.

Законъ достаточнаго основанія требуетъ, чтобы между основными и самодостовѣрными истинами нашего разума съ одной стороны, и между основнымъ разнообразнымъ содержаніемъ нашего познанія съ другой,—была связь, въ силу которой послѣднее отъ первыхъ заимствовало бы свою достовѣрность. Какъ же можетъ быть установлена эта связь? Послѣднія основоположенія нашего разума суть самыя общія и отвлеченныя схемы нашего познанія, матеріаль же его, даваемый опытомъ, представляетъ собою всегда нѣчто конкретное, индивидуальное; очевидно, значитъ, что этотъ матеріаль и названныя схемы суть два противоположныхъ полюса въ нашемъ познаніи, между

которыми непосредственной связи быть не можетъ: только рядомъ послѣдовательныхъ отвлеченій отъ конкретности матеріала или рядомъ ограниченій объема общихъ схемъ посредствомъ присоединенія къ нимъ конкретного содержанія можетъ быть установлена логическая связь между формою и содержаніемъ нашего познанія. Очевидно, значить, что законъ достаточнаго основанія не можетъ требовать, чтобы всякое положеніе въ нашемъ познаніи основывалось непосредственно на самодостовѣрныхъ положеніяхъ; требованіе его можно понимать только въ томъ смыслѣ, что каждая наша мысль должна утверждать свою истинность не по произволу ¹⁾, а на основаніи своей логической связи съ другою мыслию, которой истинность или, что то же, связь съ основными требованіями нашего разума уже установлена или имѣетъ быть установлена. Такимъ образомъ, послѣ сказаннаго мы можемъ опредѣлить законъ достаточнаго основанія, какъ такое требованіе, которое устанавливаетъ связь нашихъ мыслей между собою и съ основными истинами, вытекающими изъ самой природы нашего разума, и чрезъ то приводитъ насъ къ познанію, потому что безъ указанной связи и основательности мысли, какъ было уже сказано выше, познанія быть не можетъ.

Мышленіе наше въ приобрѣтеніи познаній можетъ идти двоякимъ путемъ: или переходить отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, или брать неизвѣстное (конечно неизвѣстное со стороны своей достовѣрности) своимъ исходнымъ пунктомъ и для него подыскивать устанавливающія его достовѣрность извѣстныя. Сообразно съ этимъ и законъ достаточнаго основанія, руководящій устанавливаемою въ этомъ случаѣ связью мыслей, является въ двухъ видахъ: какъ законъ умозаключеній и законъ доказательствъ. Въ первомъ случаѣ онъ говоритъ: истинность основаній (будетъ ли она непосредственно очевидная, т. е., аксіоматическая, или также выведенная изъ постороннихъ основаній, которыя въ концѣ концовъ опираются на аксіомы нашего разума—это все равно) ручается за истинность и логическую необходимость правильно выведенныхъ слѣдствій;

¹⁾ Это былъ бы прямой абсурдъ, потому-что истинное должно быть необходимымъ, а необходимость и произволъ взаимно уничтожающіяся величины.

во второмъ случаѣ требуетъ, чтобы достовѣрность всякаго положенія утверждалась за нимъ подѣ условіемъ несомнѣнной его связи съ другимъ положеніемъ, истинность котораго не можетъ подлежать сомнѣнію (опять или по непосредственной самодостовѣрности, или потому, что оно рядомъ другихъ посредствующихъ положеній связано съ самодостовѣрными истинами). Но въ томъ и другомъ случаѣ мы въ сущности имѣемъ одинъ и тотъ же законъ, требующій, чтобы всякая мысль, не имѣющая въ себѣ непосредственнаго ручательства за свою истину, заимствовала его отъ другой мысли, эта въ свою очередь, если она не самодостовѣрна, опиралась на третью и т. д., пока не дойдемъ до истины самодостовѣрной, обосновывающей весь пройденный такимъ образомъ рядъ мыслей ¹⁾.

Изъ сказаннаго видно, что мы признаемъ законъ достаточнаго основанія закономъ демонстраціи и умозаключеній, потому что онъ имѣетъ приложеніе лишь тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто выводъ или обоснованіе истинности одной мысли изъ истинности другой. Но такое пониманіе рассматриваемаго закона вовсе не исключаетъ того взгляда на него, по которому онъ признается „всеобщимъ началомъ мышленія“ ²⁾, поскольку

¹⁾ Въ сущности весь указанный смыслъ рассматриваемаго закона вполне исчерпывается терминомъ „основаніе“. Спрашивается, что-жъ имѣетъ въ виду законъ, прибавляя къ этому термину еще другой, именно понятіе достаточности? Если понятіе „основаніе“ брать въ его полномъ значеніи, то, конечно, не можетъ быть и рѣчи о недостаточномъ основаніи: недостаточное основаніе не есть основаніе. Въ этомъ случаѣ слово „достаточный“ можетъ указывать только на то, что терминъ „основаніе“ берется въ его полномъ и подлинномъ значеніи. Но если понятіе достаточности ничего не прибавляетъ къ смыслу закона, то оно можетъ служить полезнымъ предостереженіемъ противъ возможныхъ его нарушеній: оно имѣетъ въ виду предупредить поставленіе въ логическую связь такихъ мыслей, между которыми этой связи нѣтъ, или поставленіе ихъ въ связь совершенно иную, чѣмъ какая между ними дѣйствительно находится по смыслу содержащихся въ нихъ понятій и по законамъ соединяющаго ихъ разума. Этотъ терминъ требуетъ: если даны мысли, то изъ нихъ должно выводиться именно столько, сколько даетъ ихъ смыслъ и ни больше, ни меньше того, потому что первое вело бы прямо къ заблужденію, второе по крайней мѣрѣ къ односторонности; если доказывается извѣстное положеніе, то доказательства должны давать право утверждать, по крайней мѣрѣ, ни какъ не меньше того, что содержится въ доказываемомъ положеніи.

²⁾ См. *Троицкаю* „Учебникъ логики“ кн. 2-я, 108—109. Троицкій видимо относитъ къ числу противниковъ закона достаточнаго основанія и потому, намъ

каждый актъ послѣдняго претендуетъ на истинность и потому содержитъ въ себѣ скрытое умозаключеніе. Положимъ, что я мыслю какое-нибудь понятіе и при этомъ увѣренъ, что мыслимое мною понятіе истинно; вѣдь эта увѣренность, если она не хочетъ быть лишь субъективнымъ чувствомъ, должна имѣть основаніе, и послѣднее, чтобы не быть субъективнымъ, должно быть именно мыслью; если, напр., мое понятіе имѣетъ своимъ предметомъ какой либо объектъ внѣшняго чувственного воспріятія, то основаніемъ логической достовѣрности ¹⁾ понятія должно служить не *wоспріятіе*, какъ таковое, а *мысль* о его истинности, т. е., мысль о томъ, что воспріятіе меня не обмануло, что оно дало именно то, что нужно для составленія моего понятія. Всѣ эти разсужденія обыкновенно сопровождають понятіе *implicite*, какъ сами собою разумѣющіяся; но разъ понятіе высказано и хочетъ утвердить за собою право называться истиннымъ, то оно должно ссылаться на постороннія основанія, значить, сопровождаться актомъ умозаключенія.

Такъ какъ область закона достаточнаго основанія совпадаетъ съ областью дискурсивнаго мышленія, а послѣднее находитъ свой предѣлъ въ основныхъ истинахъ разума, то здѣсь же оканчивается и приложимость разсматриваемаго закона: основныя истины разума не подлежатъ уже ему, поскольку не требуютъ основанія логическаго, основанія внѣ себя. Поэтому всякая попытка опосредствовать подобныя истины будетъ заключать въ себѣ логическій кругъ или тавтологію. Почему мы признаемъ положеніе, что всякая мысль должна быть тождественна сама съ собой? Потому что противоположное немислимо, скажемъ мы? Но сказать это не значитъ ли, вмѣсто того, что-

думається, преувеличиваетъ сбивчивость и неопредѣленность ученія о немъ; для этого онъ старается раздѣлить представителей ученія о немъ на два противныхъ другъ другу лагеря, изъ которыхъ одни признають за законамъ основанія значеніе всеобщаго начала мышленія, другіе—значеніе начала умозаключеній; такое противопоставленіе является совершенно искусственнымъ по той простой причинѣ, что указаные взгляды вовсе не исключаются взаимно, какъ то кажется Тронцкому.

¹⁾ Логическую достовѣрность, какъ согласіе ума съ извѣстнымъ положеніемъ, нужно отличать отъ психологической достовѣрности, какъ простаго чувства увѣренности. ср. Sigwart, Logik, В. 1-й, 203—212.

бы опосредствовать мысль, просто на—просто повторить ее въ нѣсколько измѣненной формѣ: мы должны признать тожество мысли самой съ собою, потому что не можемъ не признать; но „должны признать“ и „не можемъ не признать“—не одно ли это и то же? Очевидно, отыскивая для мысли основаніе внѣ ея, мы только повторили ее же, т. е., къ ней опять возвратились. Соплемся мы на природу нашего разума и скажемъ, что законъ тожества есть ея требованіе? Но на это намъ совершенно основательно могутъ возразить: если вы своею ссылкою хотите указать источникъ закона, то совершенно напрасно это дѣлаете, такъ какъ рѣчь идетъ не объ источникѣ закона, а объ основаніи для признанія его истины; если же вы ею хотите указать именно такое основаніе, то вы ничего новаго опять не сказали, такъ какъ въ этомъ случаѣ слова ваши могутъ имѣть только тотъ смыслъ, что мы не можемъ думать иначе, а это есть, какъ уже сказано, только повтореніе той самой мысли, которую вы хотѣли обосновать. То же самое повторится, если мы вздумаемъ сослаться на очевидность закона тожества. Усмотрѣніе этой очевидности или самодостовѣрности и есть актъ признанія истины, а для этого акта мы и ищемъ основаній; поэтому на вопросъ объ основаніи принятія данной истины сослаться на ея очевидность—это значитъ описывать тотъ самый актъ, для котораго мы ищемъ объясненій, значитъ отвѣчать на вопросъ: *какъ* (мы признаемъ), а не *почему*. Отсюда видно, что истина этихъ положеній не выводится откуда либо; она воспринимается непосредственнымъ, интуитивнымъ путемъ и въ этомъ самомъ фактѣ воспріятія ея находится и основаніе для ея признанія, очевидно основаніе уже не логическое, но, если такъ можно назвать его, разумно-психологическое. На всѣ наши вопросы „почему“ мысль находитъ возможнымъ только констатировать фактъ, показывая тѣмъ самымъ, что здѣсь мы имѣемъ пограничную линію между бытіемъ и познаніемъ, гдѣ области ихъ совпадаютъ ¹⁾ и перейти которую для разума нельзя, не переставая быть тѣмъ, что онъ есть.

¹⁾ Что это дѣйствительно такъ, видно изъ того, что на всѣ наши вопросы объ основаніи истинъ разумъ въ концѣ концовъ долженъ сослаться на ихъ *причину*, т. е. на свою природу.

Законъ достаточнаго основанія сталъ разсматриваться въ качествѣ логическаго закона въ сравнительно недавнее время, именно со времени Лейбница, который впервые говоритъ о немъ, какъ объ особомъ законѣ, долженствующемъ занять мѣсто въ логикѣ наряду съ закономъ противорѣчія; до этого времени законъ достаточнаго основанія смѣшивался или прямо отождествлялся съ закономъ причинности: понятія *causa* и *ratio* не только у древнихъ, но и у новыхъ философовъ (Декартъ, Спиноза) считались взаимно-замѣнимыми. Но и самъ Лейбницъ, указавшій впервые на законъ основанія, какъ на логическій законъ, не опредѣлилъ ясно его отличія отъ закона причинности, и даже видимо смѣшиваетъ его съ послѣднимъ, когда, напр., говоритъ, что „ничто не *происходитъ* безъ достаточнаго основанія“¹⁾; во всякомъ случаѣ Лейбницъ ограничивалъ приложимость закона основанія лишь областью эмпирическихъ познаній и думалъ, что основаніе послѣднихъ должно соответствовать реальнымъ причинамъ фактовъ: никакой фактъ, по его мнѣнію, и никакое положеніе не могутъ быть признаны въ качествѣ истинныхъ, если нѣтъ достаточныхъ основаній для ихъ существованія именно въ данномъ, а не въ иномъ видѣ, „хотя очень часто эти основанія намъ и неизвѣстны“²⁾; послѣдняя фраза особенно характеристична, какъ доказательство того, насколько смутное понятіе имѣлъ Лейбницъ о выставленномъ имъ впервые логическомъ законѣ достаточнаго основанія. Послѣ Лейбница еще долгое время толковали о законѣ основанія, ясно не умѣя опредѣлить его смыслъ и отличіе отъ закона причинности. Первый, кажется³⁾, Кантъ рѣшительно отмѣтилъ различіе между двумя сходными, и, какъ увидимъ, по самой природѣ своей весьма близкими законами. Но и послѣ Канта мы встрѣчаемъ мыслителей, которые подобно Лейбницу полагали, что основаніе въ мысли должно совпадать съ реальными причинами бытія⁴⁾.

¹⁾ Ed. König, Die Entwicklung, des Causalproblems von Cartesias bis Kant, 122.

²⁾ Ibid.

³⁾ Шюленгауэръ, О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія, пер. Фета, изд. 1886, стр. 20.

⁴⁾ См. напр. Ueberweg's Logik, 203; еще большую спутанность понятія о законѣ достаточнаго основанія можно видѣть у Грога (Критика понятія свободы воли въ связи съ понятіемъ причинности, 23—24 и др.).

При такой сбивчивости и смутности понятія о законѣ достаточнаго основанія ученіе о немъ, естественно, не успѣло пріобрѣсти себѣ прочнаго мѣста въ логикѣ даже до сего времени. Въ то время какъ одни писатели по логикѣ не считаютъ даже нужнымъ говорить о его правахъ на существованіе въ этой наукѣ и безъ всякаго оправданія его, какъ логическаго принципа, вводятъ его въ свои логики, другіе не находятъ нужнымъ даже упоминать о немъ въ своихъ трудахъ по логикѣ или упоминаютъ лишь затѣмъ, чтобы отвергнуть его, какъ совершенно ненужный въ наукѣ о нормахъ мышленія. Положеніе вопроса, конечно, далеко не нормальное, потому что по меньшей мѣрѣ странно разсуждать о предметѣ, не справившись напередъ, существуетъ ли этотъ предметъ, или мы попусту тратимъ слова о словахъ же, которыя сами, Богъ знаетъ, зачѣмъ выдумали. Итакъ, существуетъ ли на самомъ дѣлѣ законъ основанія, какъ законъ нашего мышленія? Наше непосредственное сознаніе говоритъ каждому изъ насъ, что такой законъ дѣйствительно существуетъ и что безъ него само мышленіе, какъ рядъ отличающихся другъ отъ друга и въ то же время связанныхъ другъ съ другомъ актовъ, существовать не можетъ. Почему-жъ тогда отрицаютъ его право на существованіе? За отвѣтомъ на этотъ вопросъ приходится обратиться къ самимъ представителямъ указаннаго отрицанія. Такими являются въ нашей русской литературѣ по логикѣ профф. Владиславлевъ и Троицкій; ихъ возраженія противъ закона достаточнаго основанія мы и разсмотримъ кратко.

Проф. Владиславлевъ отвергаетъ разсматриваемый законъ на основаніяхъ тройкаго рода: 1-е изъ нихъ то, что „мысль можетъ быть твердою и крѣпкою, и не удовлетворяя ему“; 2-е то, что требованіе достаточнаго основанія въ нѣкоторыхъ случаяхъ не приложимо (въ примѣрѣ указываются аксіомы и художественныя произведенія), наконецъ 3-е указываетъ на неопредѣленность закона, которая будто бы дѣлаетъ совсѣмъ непонятнымъ, чего законъ требуетъ¹⁾. Первые два возраженія противъ закона основанія настолько несерьезны, что даже

¹⁾ Владиславлевъ, Логика, стр. 23—24.

странно ихъ видѣть въ книгѣ, написанной профессоромъ философіи. Онъ забываетъ очевидно, что разсматриваемый законъ имѣетъ свою область примѣненія, внѣ которой искать его приложенія можно лишь по недоразумѣнію: если законы тяжести не примѣнимы къ явленіямъ психическаго міра, то слѣдуетъ ли отсюда, что эти законы не имѣютъ своего права на существованіе въ физикѣ? или еще ближе: если законы эстетики не примѣнимы къ области мысли, то слѣдуетъ ли отсюда несостоятельность названныхъ законовъ? Мы не отрицаемъ того, что мысль, не удовлетворяя закону основанія, можетъ быть твердою и крѣпкою, если ее разсматривать, напр., какъ актъ психическаго бытія, но если ее разсматривать, какъ актъ познавательный и потому претендующій на истинность, то она уже не можетъ обойтись безъ закона основанія: въ первомъ случаѣ она, какъ фактъ психической жизни, входитъ въ область законовъ бытія, во второмъ же въ качествѣ акта познанія входитъ уже въ область законовъ послѣдняго и въ частности въ область закона основанія. Итакъ мысль, можетъ быть, и бываетъ когда-нибудь прочной и крѣпкой¹⁾, не удовлетворяя закону основанія, но это возможно лишь въ томъ случаѣ, когда она выходитъ изъ сферы приложимости закона основанія, какъ закона познанія. Что касается далѣе аксіомъ, то, какъ мы видѣли, онѣ не подчиняются закону основанія также потому, что выходятъ за предѣлы дискурсивнаго мышленія, которое собственно и составляетъ сферу приложимости закона основанія. Наконецъ, ссылка на художественныя произведенія едва ли лучше того, какъ если бы Владиславлевъ указалъ на независимость пищеварительныхъ процессовъ отъ закона достаточнаго основанія. Гораздо серіознѣе послѣднее основаніе, на которое ссылается Владиславлевъ и, кажется, не одинъ онъ, а и всѣ отрицающіе законъ достаточнаго основанія, какъ особый логическій принципъ; проф. Троицкій, въ этомъ случаѣ, присоединяясь

1) Выражаемся такъ неопредѣленно, потому что очень трудно понять, что нужно разумѣть подъ „твердостью и крѣпостью мысли“, не удовлетворяющей закону основанія, т. е., завѣдомо ложной? отсутствіе противорѣчій? но Владиславлеву хорошо извѣстно (его Логика 17 стр.), что это далеко и все, что требуется отъ мысли, какъ акта познавательнаго.

къ числу ихъ, говорить: „отрицатели этого начала правы въ томъ отношеніи, что они не усматриваютъ, какую бы пользу для логики можно было извлечь изъ этого голословнаго требованія основательности умозаключеній, которыми хотятъ замѣстить ихъ дѣйствительныя основанія, т. е., аксіомы, дедукціи и индукціи¹⁾“. Мы оставляемъ пока въ сторонѣ вопросъ: правда ли, что дѣйствительными основаніями дедукціи и индукціи служатъ выставленныя у Троицкаго аксіомы, а законъ основанія служитъ только ихъ замѣною, или скорѣе правду нужно видѣть въ обратномъ представленіи дѣла. Очевидно, что сила возраженія заключается въ томъ, что законъ основанія, какъ не содержащій въ себѣ ясныхъ и опредѣленныхъ указаній смысла своихъ требованій и потому совершенно бесполезный для нашего познанія, eo ipso лишенъ права занимать мѣсто въ логикѣ. Мы спросимъ прежде всего: чѣмъ должна руководствоваться логика для признанія или непризнанія извѣстныхъ законовъ въ качествѣ законовъ нашей мысли: должна ли она имѣть въ виду практическую пользу законовъ, и сообразно съ этой цѣлю совершенно произвольно ихъ придумывать, или, наоборотъ, она должна только формулировать лишь тѣ законы, которые въ качествѣ необходимыхъ условій мышленія нераздѣльно съ ними даны намъ въ сознаніи нашемъ? Думаемъ, что самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о задачахъ логики достаточно, чтобы видѣть правду на сторонѣ послѣдней именно мысли. Если же теперь мы примемъ во вниманіе, что законъ основанія есть требованіе, необходимо предъявляемое нашимъ сознаніемъ ко всѣмъ претендующимъ на истину актамъ мышленія, и обуславливаетъ собою самую возможность достиженія послѣднимъ своего назначенія, т. е. познанія, то намъ будетъ, конечно, очень хорошо понятно, что одна лишь неопредѣленность закона, затрудняющая его практическое примѣненіе, не можетъ служить основаніемъ для его отрицанія: этотъ законъ есть фактъ нашего сознанія, который уже въ силу своего несомнѣннаго и притомъ необходимаго существованія никакъ не можетъ быть отрицаемъ. Чтожъ касается практической бесполезности закона, обусло-

¹⁾ Учебникъ Логикѣ, кн. 2, 110.

вленной его неопредѣленностію, то и она—эта бесполезность, очевидно, преувеличивается противниками закона: вѣдь нельзя же сказать, чтобы каждый развитой человекъ не понималъ, что отъ него требуетъ законъ основанія; смыслъ его требованій конечно лучше познается непосредственно, чѣмъ поддается какой-либо опредѣленной словесной формулѣ, но нужно вѣдь замѣтить, что такова судьба всѣхъ первоосновныхъ и невыводныхъ истинъ нашего мышленія; онѣ сами по себѣ безотчетны и потому во всѣхъ ихъ формулахъ остается нѣчто недосказанное, хотя само собою понятное. Проф. Владиславлевъ думаетъ, что эта неопредѣленность можетъ создать затрудненіе въ примѣненіи этого закона; „здѣсь, говоритъ онъ, возникаютъ сомнѣнія: чѣмъ руководиться при обсужденіи, основана или не основана мысль, какіе признаки достаточности основанія и т. д.“. На это мы спросимъ только: а чѣмъ руководиться для признанія тождества мысли самой съ собою? Повидимому, очень странный вопросъ, а онъ именно такой же, какой предлагаетъ и Владиславлевъ. Тождество мыслей усматривается нами непосредственно и правилъ, которыми мы здѣсь руководимся, никакъ даже невозможно формулировать; мало того, приемы, которые мы здѣсь употребляемъ, такъ просты и непосредственны, такъ тѣсно связаны съ самой сущностію мышленія, что намъ даже страннымъ кажется вопросъ о правилахъ, которымъ они подлежатъ, кажется даже, что такихъ правилъ и совсѣмъ нѣтъ. То же самое нужно сказать и о законѣ основанія. Приложение его къ каждому частному случаю происходитъ совершенно непосредственно, безъ раздѣльнаго сознанія руководящихъ нами въ этомъ случаѣ правилъ; связь мыслей по закону основанія не нуждается въ какихъ либо ясно сформулированныхъ внѣшнихъ признакахъ, по которой можно было бы ее узнать, но усматривается нами чисто интуитивнымъ путемъ, хотя можетъ быть усмотрѣніе это и труднѣе, чѣмъ усмотрѣніе тождества, но по крайней мѣрѣ оно настолько безотчетно и потому неопредѣлимо посредствомъ точныхъ терминовъ ¹⁾).

Теперь остановимся кратко на тѣхъ аксіомахъ, которыя вво-

¹⁾ Можно указывать частные случаи и виды связи, но не признаки ея, которые сами по себѣ непереводаемы на словесныя выраженія.

дѣтъ проф. Троицкій ¹⁾ на мѣсто закона достаточнаго основанія: суть ли онѣ первоначальныя требованія нашего разума или выводныя, и служатъ ли поѣтому законъ основанія ихъ замѣною, или наоборотъ онѣ подставляются на подмѣну этого закона? Первая изъ этихъ аксіомъ говоритъ: „что истинно относительно цѣлаго класса, то истинно относительно каждой вещи, какъ принадлежащей къ этому классу“. Спрашивается, есть ли эта истина первоначальная, не сводимая на другія болѣе общія основныя требованія нашего разума? Очевидно, что она не только не исключаетъ закона основанія, а напротивъ есть только частный видъ его приложенія, потому что „право“ говоритъ о какой-либо вещи, какъ о принадлежащей къ извѣстному классу, и есть *основаніе* для признанія за ней тѣхъ признаковъ, которые общи всему классу. Что же касается самаго этого „права“, то оно безъ сомнѣнія предполагаетъ законъ тождества, заставляющій видѣть тождество общаго понятія съ подчиненнымъ ему частнымъ, за исключеніемъ индивидуальных признаковъ послѣдняго. Но, можетъ быть, и дальнѣйшая операція, т. е., признаніе за данною вещію того признака, который принадлежитъ цѣлому классу, на основаніи отождествленія нѣкоторыхъ (общихъ) признаковъ вещи съ признаками класса, эта операція, говоримъ, есть то же приложеніе закона тождества, а не закона основанія? Если бы это и было такъ, то говорило бы не въ пользу Троицкаго, а въ пользу того мнѣнія, что законъ достаточнаго основанія по крайней мѣрѣ въ случаяхъ разсматриваемаго рода можетъ быть сведенъ на законъ тождества. Но и этого въ данномъ случаѣ нельзя сказать. Для ясности мы возьмемъ примѣръ. Положимъ, дано такое умозаключеніе: всѣ организмы разрушимы,—деревья суть организмы; слѣдовательно деревья разрушимы. Мы говоримъ, что дерево относится нами къ классу организмовъ на основаніи усматриваемаго нами тождества между нѣкоторыми признаками дерева и признаками, мыслимыми нами въ понятіи организма. Вопросъ теперь состоитъ въ томъ, признаніе за деревомъ признака организмовъ—разрушимости не совершается

¹⁾ Троицкій. Учебникъ Логикѣ, кн. 2, 106.

ли также по закону тождества, и не состоитъ ли только въ усмотрѣніи въ обоихъ отождествленныхъ понятіяхъ одного и того же признака? Извѣстно каждому, что нѣтъ: оно не состоитъ въ *усмотрѣніи* уже существующаго въ понятіяхъ тождества, а въ *перенесеніи* извѣстнаго признака съ одного понятія, въ которомъ онъ уже мыслился, на другое, которое въ извѣстномъ смыслѣ признано тождественнымъ съ первымъ, но въ которомъ онъ прежде не мыслился. Значить здѣсь мы имѣемъ процессъ мысли, не основанный на непосредственно усматриваемомъ тождествѣ, а только посредственнымъ путемъ приводящій къ его признанію. Если бы мы на самомъ дѣлѣ непосредственно усматривали въ понятіи дерева признакъ разрушимости (а это вѣдь и нужно для признанія его тождества съ соответствующимъ признакомъ понятія организма), то тогда вся наша работа мысли, потраченная на выводъ умозаключенія, оказалась бы совершенно праздною, потому что мы тогда искали, то, что дано намъ прежде всякихъ поисковъ. Такимъ образомъ первая аксіома Троицкаго не можетъ быть отнесена къ числу первоначальныхъ требованій мышленія, но предполагаетъ уже данными законы тождества и основанія.

Другая, выставленная Троицкимъ, аксіома говоритъ: „изъ истинныхъ посылокъ, при правильномъ выводѣ, нельзя получить ложнаго слѣдствія“. Здѣсь мы видимъ только частную формулу закона основанія, потому что аксіому Троицкаго можно перефразировать такъ: истинныя послылки не могутъ служить основаніемъ ложнаго слѣдствія; а такъ какъ далѣе послылки и суть именно основанія по отношенію къ своимъ слѣдствіямъ, то то же положеніе можно выразить въ словахъ: „изъ истинныхъ основаній не могутъ вытекать ложныя слѣдствія“; что эта формула есть только частное примѣненіе закона основанія — это уже видно само собою. Главнымъ мотивомъ для проф. Троицкаго при введеніи разсматриваемыхъ аксіомъ въ логику вмѣсто закона основанія служила неопредѣленность послѣдняго, оставляющая открытымъ вопросъ о томъ, какое основаніе нужно признать достаточнымъ. Но такъ какъ приведенная нами вторая аксіома Троицкаго есть только видоизмѣненіе того же отрицаемаго имъ закона, то указанный вопросъ и здѣсь дол-

женъ имѣть мѣсто; и онъ дѣйствительно не только имѣеть здѣсь мѣсто, но и остается въ томъ же самомъ положеніи (т. е. безъ отвѣта), какъ и во всякой другой формулѣ закона, хотя Троицкій этого и не замѣчаетъ; не замѣчаетъ же очевидно потому, что съ видоизмѣненіемъ формулы закона и самый вопросъ долженъ измѣнить свою словесную форму: приведенная Троицкимъ аксіома оставляетъ въ полной силѣ вопросъ о томъ, что нужно разумѣть подъ „правильностію вывода слѣдствій изъ основаній, какіе ея признаки; въ общемъ смыслѣ это именно и есть вопросъ о признакахъ связи основаній со слѣдствіями, т. е., тотъ самый вопросъ, который привелъ въ смущеніе профф. Владиславлева и Троицкаго, заставивъ ихъ отказаться отъ закона достаточнаго основанія, и который, повторимъ, съ нашей точки зрѣнія разрѣшается легко въ томъ смыслѣ, что искомыя здѣсь признаки не добываются путемъ отвлеченнаго мышленія, а усматриваются интуитивно, а потому естественно и не поддаются точному словесному опредѣленію.

Третья аксіома профф. Троицкаго (все возникающее имѣеть свою причину) есть очевидно не что иное, какъ законъ причинности. Объ отношеніи его къ закону основанія мы будемъ говорить впослѣдствіи, а теперь замѣтимъ только, что Троицкій совершенно напрасно помѣщаетъ его между началами умозаключеній, т. е., въ формальной логикѣ, когда очевидно, что этотъ законъ управляетъ не самими процессами нашей мысли, а только тѣмъ, что составляетъ ея матеріалъ, т. е., объективно-принимаемымъ опытомъ, и соотвѣтственно этому самъ можетъ служить лишь матеріаломъ, а не формальнымъ принципомъ для познавательныхъ актовъ мысли.

Такимъ образомъ мы теперь положительно можемъ сказать, что устраненіе закона достаточнаго основанія изъ числа нормъ или законовъ мышленія не имѣеть для себя достаточныхъ основаній.

II. Законъ причинности.

Судьба вопроса о законѣ причинности поучительна настолько же и въ томъ же отношеніи, какъ и судьба любой другой философской проблемы. Исторія этого вопроса начинается въ

самыхъ первыхъ проблескахъ философствующей мысли человечества и, кажется, никогда не достигнетъ своего конца; едва ли есть еще предметъ, о которомъ говорили бы больше, чѣмъ о причинахъ и законѣ причинности, и при всемъ томъ многія стороны вопроса едва ли когда дождутся вполне опредѣленнаго и всѣми согласно признаваемаго раскрытія. Такую судьбу закона раздѣляютъ, какъ сказано, всѣ философскіе вопросы, и объясняется она не случаемъ, а самымъ существомъ этихъ вопросовъ; именно, сверхъопытною и неопредѣленною лежащихъ въ основѣ ихъ понятій. Возьмемъ мы на самомъ дѣлѣ понятіе „субстанція?“ На первый вопросъ о томъ, что такое субстанція, получается еще довольно опредѣленный и, главное, всѣми признаваемый отвѣтъ: субстанція есть пребывающая основа всѣхъ наблюдаемыхъ въ предметѣ состояній и измѣненій. Но если мы вздумаемъ не остановиться на этомъ, а продолжать свои вопросы, если мы, напр., вздумаемъ спросить, что жъ такое представляетъ собою эта основа, то тутъ уже является чрезвычайное разнообразіе отвѣтовъ, которое свести воедино не всегда бываетъ возможно, и все дѣло будетъ зависеть конечно отъ того, что неопредѣленность понятія не указываетъ съ необходимостію, какіе конкретные признаки должны быть мыслимы въ его содержаніи, а можетъ быть даже и исключаетъ само по себѣ мыслимость этихъ конкретныхъ признаковъ. Точно также дѣло обстоитъ и съ закономъ причинности. На первый вопросъ о томъ, что нужно разумѣть подъ закономъ причинности, каждый, кто понимаетъ, о чемъ тутъ идетъ рѣчь, непремѣнно отвѣтитъ безъ затрудненій, что это такой законъ, по которому для насъ совершенно немислимо, чтобы что-нибудь произошло (начало быть), не имѣя на то причины внѣ себя. Но если спросить, въ чемъ же именно состоитъ отношеніе происходящаго къ своей причинѣ, и что такое сама эта причина, то тутъ возникаютъ едва ли чѣмъ устранимы разногласія: одни говорятъ, что причинность есть только безусловная послѣдовательность, другіе стараются сблизить ее съ закономъ сохраненія энергіи, третьи объявляютъ, что причинность можетъ быть мыслима лишь, какъ творчество. Здѣсь мы постараемся прежде всего опредѣлить источникъ разногласій.

Онъ, вообще говоря, лежитъ въ томъ, что каждое направленіе въ разрѣшеніи вопроса о законѣ причинности, прежде чѣмъ опредѣлить точнымъ образомъ то, что можно сказать о законѣ несомнѣннаго, старается привнести нѣчто такое, что можетъ еще подлежать сомнѣнію, т. е., извѣстное, непосредственно присущее нашему сознанію понятіе причинности они стараются напередъ истолковать путемъ сопоставленія съ другими, уже имѣющимися въ умѣ понятіями,—умозрительными или опытными, или тѣми и другими вмѣстѣ, и затѣмъ полученное такимъ путемъ *толкованіе* закона причинности выдаютъ за его непосредственный и первоначальный смыслъ; но очевидно, что за прѣвильность толкованія этого ручается уже не непосредственное сознаніе, а достоинство того міровоззрѣнія, которымъ толкованіе обусловлено. А такъ какъ одно прочное и для всѣхъ одинаково и окончательно убѣдительно міровоззрѣніе есть только идеалъ философіи, то и однообразное пониманіе и толкованіе закона причинности также остается идеаломъ, степень достиженія котораго зависитъ отъ степени достиженія перваго. Вотъ почему нужно, провести строгую границу между непосредственно и неоспоримо присущимъ закону смысломъ и тѣмъ, что составляетъ толкованіе его при помощи постороннихъ понятій и что можетъ быть принято лишь съ большею или меньшею вѣроятностію, пока не доказано съ очевидностію и необходимостію, что эти привнесенныя отвнѣ понятія во 1-хъ, несомнѣнны въ своей внутренней истинности и во 2-хъ, суть именно тѣ, съ которыми долженъ быть поставленъ въ связь законъ причинности и что ни съ какимъ другимъ понятіемъ онъ въ такую связь поставленъ быть не можетъ. Но такъ какъ, повторяемъ, послѣдняя задача очень трудна и сложна, то и надежды на ея полное разрѣшеніе вообще, а тѣмъ болѣе на скорое разрѣшеніе мало.

Какой же смыслъ несомнѣнно соединяемъ и должны соединять мы съ понятіемъ о законѣ причинности? Извѣстно, что для закона причинности чаще всего указываютъ отрицательную формулу: ничто не происходитъ безъ причины (извѣстное латинское „*ex nihilo nihil fit*“ здѣсь лучше было бы видоизмѣнить въ „*per nihilum nihil fit*“), и мы сознаемъ, что такая

Формула дается закону причинности не случайно, а потому что она удачнѣе и непосредственнѣе всего выражаетъ собою неотдѣлимый отъ нашего сознанія постулатъ причинности вещей; этотъ постулатъ въ своемъ первоначальномъ смыслѣ носитъ отрицательный характеръ, именно: онъ отрицаетъ возможность случайнаго происхожденія. Отрицаніе же случая есть утвержденіе необходимости. Поэтому законъ причинности есть принципъ, устраняющій случай въ происхожденіи вещей и устанавливающій въ немъ необходимость. Такъ какъ далѣе случайность синонимъ безпорядка, а напротивъ порядокъ мыслимъ только тамъ, гдѣ есть необходимость (какого-бы то ни было рода—идеальная или механическая), то, примѣняя эти соображенія къ закону причинности, мы должны признать за нимъ роль вполне аналогичную той, какую имѣетъ законъ достаточнаго основанія, именно: законъ причинности долженъ устанавливать связь и порядокъ между моментами конечнаго бытія, какъ законъ достаточнаго основанія устанавливаетъ ихъ между моментами познанія, и какъ послѣднее безъ закона основанія не могло бы существовать, такъ и первое въ качествѣ единаго цѣльнаго міра невозможно безъ закона причинности. Очевидно, впрочемъ, послѣдній сдѣланный нами выводъ о законѣ причинности, какъ законѣ взаимной связи вещей, предполагаетъ одну не поставленную нами посылку, именно, мысль о томъ, что необходимость происходящей вещи должна лежать *въ ней* и потому должна обуславливать ея связь съ другою вещію. Но эту посылку поставить очень не трудно. Дѣло въ томъ, что внутренняя необходимость *происходящей* вещи есть вопиющее логическое противорѣчіе: происхожденіе вещи предполагаетъ ея предварительное небытіе; но возможность небытія вещи есть уже само по себѣ отрицаніе внутренняго присутствія въ ней необходимости бытія; значитъ изъ понятій необходимости и происхожденія по закону противорѣчія съ совершенною очевидностью вытекаетъ зависимость происходящей вещи отъ чего-либо ей внѣшняго. Итакъ, если вѣрно, что законъ причинности усграняетъ случайность происхожденія, и если вѣрно далѣе, что случайность противоположна необходимости ¹⁾, то

¹⁾ Случайности можно повидимому противопоставить разумность, но это лишь постольку, поскольку разумность носить въ себѣ моментъ необходимости, и на-

раскрытый выше смыслъ закона причинности несомнѣнно ему долженъ принадлежать.

Возможенъ, правда, и еще шагъ въ раскрытіи закона, безъ нарушенія его достовѣрнаго смысла, но тогда уже вѣжно помнить, что мы имѣемъ дѣло не съ самымъ закономъ, а съ выводами изъ него. Эти выводы, хотя и вполнѣ законные, не заключаются въ немъ непосредственно и по тому самому не носятъ въ себѣ той очевидности, какая присуща непосредственному смыслу закона. Необходимость, которую мы, въ силу закона причинности, приписываемъ всему происходящему, должна быть понимаема нами, какъ совнѣ данная полнота условій бытія. Но въ такомъ случаѣ строгое пониманіе закона причинности непремѣнно выводитъ насъ за предѣлы явленій. На самомъ дѣлѣ явленіе А можетъ имѣть мѣсто въ природѣ только тогда, когда существуютъ на лицо $B+C$; но для того, чтобы были на лицо $B+C$, должны быть еще прежде на лицо $D+F+G+H$, и данность этихъ послѣднихъ необходима для А, поскольку необходима для $B+C$. Иначе говоря, въ числѣ условій каждаго явленія предполагается и то, чтобы было условіе его ближайшихъ условій, и то, чтобы было условіе этого условія и т. д. до того предѣла, на которомъ условія сами перестаютъ быть условными. И это безусловное необходимо должно предположить, чтобы получить полноту условій для даннаго намъ явленія, потому что самъ по себѣ рядъ условныхъ никогда не даетъ полноты условій для даннаго явленія, какъ десятичная періодическая дробь 0, (9) никогда не дастъ единицы, сколько бы разъ мы не повторяли цифру 9. Иначе говоря, если всякое происхожденіе предполагаетъ предшествующую ему необходимость бытія, то такая необходимость, если только она есть, а не составляетъ нашей иллюзіи, предполагаетъ лежащее въ основѣ всякаго происхожденія нѣчто пребывающее. На самомъ дѣлѣ: если нѣтъ такового, тогда значить есть только происходящее, а послѣднее не имѣетъ въ себѣ необходимости; слѣдова-

оборотъ послѣдняя—моментъ разумности: насколько случай слѣпъ, настолько необходимость разумна; если же иногда говорятъ о слѣпой необходимости, то зтишь лишь хотять въ сущности указать на ея непреложность, а не на неразумность.

тельно отсутствіе чего-либо непронсходящаго ведетъ къ отрицанію всякой необходимости, а если нѣтъ необходимаго, то не можетъ быть и происхожденія, потому что послѣднее предполагаетъ предварительную необходимость, по закону причинности. Такъ законъ причинности, если онъ не хочетъ придти къ отрицанію происхожденія, а вмѣстѣ съ нимъ всякаго бытія и наконецъ себя самого, долженъ самъ себя ограничить, т. е., долженъ признать нѣчто такое, что не происходитъ и даетъ возможность другому происходить; это непронсходящее очевидно не имѣетъ причины, поскольку послѣдняя нужна лишь для происхожденія. Итакъ, если въ нашихъ разсужденіяхъ нѣтъ логическихъ ошибокъ, то все сказанное несомнѣнно вытекаетъ изъ присущаго нашему сознанію закона причинности, и потому мы должны или совсѣмъ отвергнуть законъ причинности, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ его даетъ непосредственное сознаніе, или принять все то, что выведено изъ него по необходимымъ логическимъ законамъ: или правда, что законъ причинности устраняетъ случай и требуетъ необходимости въ происхожденіи вещей, и тогда за необходимыя логическія послѣдствія этого закона должно быть принято все то, что выведено нами изъ указанныхъ положеній; или неправда, что законъ причинности заключается въ указанныхъ требованіяхъ, но тогда нельзя указать ничего такого, въ чемъ онъ могъ бы заключаться.

Итакъ, на основаніи сказаннаго, мы опредѣляемъ законъ причинности какъ такой законъ, по которому всякое происхожденіе должно быть понято, какъ необходимый результатъ внѣшнихъ условій. Нѣтъ-ли однако возможности дать этому требованію закона большую опредѣленность? Нѣтъ-ли, т. е., возможности опредѣлить, въ чемъ именно должно заключаться требуемое отношеніе между дѣйствіемъ и его причиной? На этотъ вопросъ возможны различныя отвѣты, и здѣсь-то именно заключается источникъ разногласій о законѣ причинности. Мы для того, чтобы отвѣтить на вопросъ, разсмотримъ главнѣйшія направленія въ его разрѣшеніи. Здѣсь мы прежде всего встрѣчаемъ совершенное отрицаніе специфическаго характера, причинной связи, т. е., находимъ попытку замѣнить понятіе причинной связи понятіемъ простой послѣдовательности. Но на эту

попытку въ виду ея прямого противорѣчія несомнѣнному факту существованія въ насъ понятія причинности, специфически отличнаго отъ понятія простой послѣдовательности, можно лишь указать. Это воззрѣніе является, результатомъ предвзятой мысли объ опытномъ происхожденіи идеи причинности.—По другой теоріи въ первый разъ высказанной Бэнномъ ¹⁾, законъ причинности сближается съ закономъ сохраненія энергіи. Очень возможно, что въ мірѣ матеріальныхъ явленій эти два закона и совпадаютъ. Но поскольку указанная теорія хочетъ быть всеобщей формулою ²⁾ закона причинности, она должна быть отвергнута, какъ не адекватная его прямому смыслу. На самомъ дѣлѣ, эта теорія предполагаетъ, что причина должна переходить въ свое дѣйствіе и послѣднее есть только видоизмѣненіе своей причины. Такое представленіе отношенія между причиною и дѣйствіемъ нельзя назвать единственно мыслимымъ; по крайней мѣрѣ человечество, не исключая и наиболѣе развитыхъ его представителей, всегда находило возможнымъ мыслить причину творческую, которая въ свои дѣйствія не переходитъ и въ нихъ не исчерпывается: факты такой причинности всегда признавались въ области человѣческой и божеской дѣятельности. Источникъ односторонности разсматриваемой теоріи очевиденъ. Законъ причинности самъ по себѣ констатируетъ необходимость связи извѣстнаго явленія съ чѣмъ-либо ему внѣшнимъ; связь требуется такая, чтобы въ томъ, что предшествуетъ явленію, были даны всѣ условія его бытія. Но въ чемъ должны заключаться эти условія? На этотъ вопросъ законъ причинности отвѣта не даетъ: для него это вопросъ безразличный, лишь бы даны были всѣ условія бытія явленія, дабы его происхожденіе не было дѣломъ случая. Но указанная теорія хочетъ устранить эту неопредѣленность закона, а такъ какъ самъ онъ не содержитъ въ себѣ для этого данныхъ, то приходится обращаться къ другимъ понятіямъ; такимъ отвѣтъ приносимымъ понятіемъ въ

¹⁾ Троицкій Учебн. Логикѣ 169—174 кн. 2-я.

²⁾ Самъ Бэнн впрочемъ далекъ отъ того, чтобы видѣть въ ней такую формулу но его послѣдователи въ этомъ отношеніи не всегда обнаруживаютъ свойственную ему осторожность.

нашемъ случаѣ служить понятіе энергіи. Неудобство формулы, построенной на этомъ понятіи, оказалось въ томъ, что она безъ нужды суживаетъ смыслъ закона, исключая совершенно мыслимую по существу дѣла творческую причинность. Совершенно противоположный этому опытъ опредѣленія причинности даетъ профессоръ Лопатинъ во второй части своего извѣстнаго труда: „Положительныя задачи философіи“. Онъ не только признаетъ лежащій въ основѣ всякой причинности творческой актъ, а пытается понятіе творчества отождествить съ общимъ и непосредственнымъ смысломъ закона причинности, отчего послѣдняя у него сама по себѣ обращается въ творчество; по крайней мѣрѣ, по его словамъ, „весь смыслъ закона причинности заключается въ утверждаемомъ имъ отношеніи всякаго явленія къ осуществляющейся въ немъ *дѣятельной* мощи“¹⁾. Въ обоснованіе своей мысли онъ ссылается на обыкновенное общечеловѣческое пониманіе причинности, по которому „истинная причина есть то, что доподлинно носитъ въ себѣ положительную мощь своего дѣйствія“²⁾. Наконецъ непосредственно съ этимъ связывается у г. Лопатина мысль о томъ, что дѣйствіе не предопредѣлено въ своей причинѣ съ необходимостію, или что мы по крайней мѣрѣ можемъ и не мыслить такого отношенія между причиною и дѣйствіемъ³⁾. Что мы дѣйствительно, когда хотимъ понятію причинности придать извѣстнаго рода конкретность и представимость, мыслимъ ее, какъ отношеніе явленія къ осуществленной имъ дѣятельной мощи, т. е., по аналогіи съ отношеніемъ нашихъ волевыхъ актовъ къ субъекту ихъ—волѣ—это вѣрно, потому что, выражаясь словами Лопатина, „всякое содержательное (т. е., сопровождаемое опредѣленными конкретными признаками) понятіе должно выростать *на почвѣ* какого нибудь воззрительнаго *материала*“⁴⁾ (но едва ли непременно *изъ* самаго *материала*). Но что же отсюда слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли, т. е., что *понятія* причинности и производящей дѣятельности совпа-

¹⁾ Лопатинъ. Положит. задачи философіи ч. 2, 205.

²⁾ Ibidem 108.

³⁾ Ibidem 108, 208—211.

⁴⁾ Ibidem. 38 стр.

даютъ? Извѣстно, что понятіе и конкретный знакъ, его сопровождающій, могутъ быть далеко не тождественны по своему объему и смыслу. А такимъ знакомъ и служить въ данномъ случаѣ представленіе нашей дѣятельности. Но какъ символъ, оно можетъ быть мыслимо не адекватнымъ обозначаемому имъ понятію; постоянство же въ употребленіи одного и того же символа объясняется тѣмъ, что наша дѣятельность одна только даетъ намъ возможность наблюдать причинность, какъ внутренній и неподлежащій сомнѣнію фактъ ¹⁾. Мы могли бы согласиться съ г. Лопатинымъ только въ томъ случаѣ, если-бы самое понятіе причинности возникало изъ наблюденій надъ нашей дѣятельностію, когда бы оно было отвлеченнымъ обобщеніемъ конкретныхъ фактовъ внутренняго опыта, а не развивалось только при посредствѣ его, какъ нѣчто, по крайней мѣрѣ, въ идеальномъ смыслѣ, напередъ данное. Но вѣдь тогда приложеніе этого понятія къ міру объектовъ было бы незаконнымъ его расширеніемъ, а это едва ли признаетъ Лопатинъ; съ другой стороны мы тогда не въ состояніи будемъ объяснить присущаго понятію признака необходимости, потому что внутренній опытъ можетъ только констатировать *фактъ* причинной зависимости, но не можетъ дать этому факту силу общеобязательной *нормы*, противоположность которой немислима ²⁾. Итакъ хотя мы для понятія причинности не имѣемъ никакого *опредѣленною, конкретною* представленія, кромѣ представленія производящей дѣятельности, но, поскольку это понятіе по объему своему мыслится нами не совпадающимъ съ названной дѣятельностію, мы не вправѣ считать представленіе послѣдней адекватнымъ выраженіемъ непосредственнаго смысла закона причинности.

¹⁾ Очень возможно, наиримѣръ, что если бы я понятіе о человѣкѣ вообще составилъ на основаніи признаковъ одного только человѣка (предполагается, что о другихъ я ничего не зналъ кромѣ того только, что они существуютъ), то вѣроятно я каждый разъ мыслилъ бы понятіе о человѣкѣ вообще въ связи съ представленіемъ обьедномъ извѣсткомъ мнѣ человѣкѣ.

²⁾ Силу этого возраженія видѣлъ и самъ Лопатинъ и благодаря этому былъ вынужденъ выводить идею причинности со стороны своего конкретного содержанія изъ внутренняго опыта, а со стороны присущаго ей признака необходимости изъ закона тождества (Цитов. соч. 184—193). Но уже эта двойственность не указываетъ-ли на то, что Лопатинъ стоитъ здѣсь на ложномъ пути?

Мы вовсе не хотимъ отрицать того, что причина въ собственномъ и строгомъ смыслѣ есть волящая дѣятельность, но мы еще разъ вставляемъ на необходимости различать непосредственный смыслъ закона и выводъ изъ него. Первый долженъ быть для всѣхъ очевиденъ, несомнѣненъ и обязателенъ; относительно втораго, при всей его кажущейся законности, возможны сомнѣнія, дѣйствительно-ли онъ вытекаетъ изъ закона или только искусственно къ нему привязанъ, какъ это дѣйствительно и бываетъ всегда: есть, напр., люди, которые скорѣе захотятъ мыслить въ безконечность уходящій рядъ причинъ, чѣмъ признать какую-нибудь первопричину бытія, и о нихъ однако мы еще не имѣемъ права говорить, что они совсѣмъ не понимаютъ, что такое причина. Затѣмъ съ точки зрѣнія г. Лопатина мы должны или совершенно отказать въ логической состоятельности обычному и научному и ненаучному взгляду, признающему причиной одного явленія другое *явленіе*, или должны олицетворить всѣ предметы, которымъ приписываемъ причинность ¹⁾. Последнее конечно немыслимо для насъ, но и отъ перваго мы не можемъ отрѣшиться; на самомъ дѣлѣ, какъ бы мы ни убѣждали себя, что въ строгомъ смыслѣ существуетъ только одна причина, а все остальное—рядъ ея дѣйствій, мы никогда не перестанемъ отыскивать причины даннаго явленія въ другихъ, ему сопутствующихъ явленіяхъ, забывая за ними о дальнѣйшихъ условіяхъ, хотя можетъ быть и не признавая ихъ отсутствующими. Мы признаемъ несомнѣннымъ, что такое стремленіе отыскивать причину условнаго въ условномъ же даетъ въ результатъ познаніе дѣйствительной причинной связи міровыхъ явленій и не только не погрѣшаетъ противъ закона причинности, а напротивъ наиболѣе всего соответствуетъ его непосредственному (хотя и не до конца раскрытому) смыслу, поскольку большинство людей склонно считать несомнѣннымъ лишь то, что прямо очевидно и сомнѣваться въ томъ, что хотя логически выведено правильно, однако выводитъ насъ слишкомъ далеко за предѣлы возможнаго опыта и вмѣстѣ наглядной представляемости. Въ самомъ дѣлѣ, даже съ точки зрѣнія раскры-

¹⁾ Лопатинъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „лицо, воля, причина—понятія тождественныя“. Цитов. соч. стр. 148.

таго взгляда на причинность нѣтъ препятствій къ тому, чтобы известное явленіе или группу ихъ мыслить въ качествѣ причины даннаго явленія. Мы сказали, что причинность есть напередъ данная полнота условій явленія; если мы хотимъ найти конечный источникъ этихъ условій, мы, разумѣется, придемъ къ первопричинѣ, но мѣшаетъ-ли это намъ видѣть полноту условій, какъ нѣчто въ окончательномъ видѣ данное и опредѣлившееся, вмѣщенною въ известнаго рода условныхъ предметахъ и явленіяхъ? Отвѣчать на это отрицательно, значитъ утратить монистическій взглядъ и идти противъ того, что всегда со стороны общечеловѣческаго убѣжденія признавалось и признается, какъ ближайшій къ практическому употребленію и вмѣстѣ несомнѣнный по своей очевидности смыслъ закона причинности. Но уже съ этимъ смысломъ очевидно не совпадаетъ взглядъ на причинность, непремѣнно какъ на дѣятельную мощь или волю, если только мы не хотимъ придти къ безграничному антропоморфизму или пугаться въ понятіяхъ. Какъ же теперь объяснить, что и проф. Лопатинъ, и мы, исходя изъ одного и того же стремленія—защитить права общечеловѣческаго пониманія причинности ¹⁾, приходимъ къ противоположнымъ результатамъ? Объяснить это не трудно послѣ сказаннаго: проф. Лопатинъ вмѣсто того, чтобы защищать общечеловѣческое *пониманіе* причинности, на самомъ дѣлѣ защищаетъ общечеловѣческое *представленіе* ея ²⁾; отсюда у него и получился выводъ, что обычное научное пониманіе причинности никуда не годится; мы же напротивъ имѣли въ виду неотдѣлимое отъ нашего сознанія понятіе причинности въ его общемъ и отвлеченномъ смыслѣ, и отъ этого у насъ получился совсѣмъ другой результатъ ³⁾.

1) Положит. задача философіи кн. 2-я, стр. 109, 275 и др.

2) Но скажутъ, такого пониманія вовсе не существуетъ у большинства людей, а есть только представленіе. Фактически оно дѣйствительно бываетъ слито съ послѣднимъ у большинства людей, но этимъ не уничтожается возможность обособленія перваго при благоприятныхъ обстоятельствахъ (конечно при развитіи отвлеченнаго мышленія); у большинства людей нѣтъ даже, строго говоря, и представленія о причинности вообще, а есть только потребность прилагать категорію причинности къ частнымъ случаямъ ея реализація, но это, конечно, нисколько противъ насъ не говорить.

3) Мы совершенно оставили безъ опроверженія играющее у Лопатина видимо

Отрицая присущій всякому развитому сознанию отвлеченный смыслъ причинности, г. Лопатинъ, какъ мы говорили, уже хочетъ чрезъ это устранить характеръ полной предопредѣленности, мыслимый въ понятіи дѣйствія съ очевидною цѣлію отстоять свободу воли. Но, оказывая очень плохую услугу свободѣ воли, эта мысль Лопатина совершенно разрушаетъ понятіе причинной связи. Мы напротивъ положительно утверждаемъ, что причинная связь необходимо предполагаетъ предопредѣленность дѣйствія и безъ нея совершенно не мыслима. На самомъ дѣлѣ: допустимъ, что какой-нибудь признакъ не предопредѣленъ въ причинѣ; тогда какъ и почему является онъ въ дѣйствиіи? Случайно? Но случай, какъ мы знаемъ,—понятіе, прямо разрушающее причинность. Допустимъ, что какой-нибудь признакъ возникъ въ дѣйствиіи случайно, мы этимъ нисколько не говоримъ и въ пользу свободы воли: вѣдь если признакъ не предопредѣленъ въ дѣйствиіи, то этимъ самимъ утверждается независимость даннаго признака отъ причины, которою служить въ разсматриваемомъ случаѣ свободная воля. Но неужели свободу воли нужно понимать въ смыслѣ независимости отъ нея ее же собственныхъ актовъ, во всемъ ли ихъ содержаніи, или только со стороны нѣкоторыхъ признаковъ? Очевидно проф. Лопатинъ въ данномъ случаѣ съ предвзятою цѣлію перекрывая понятіе о причинной связи, самъ того не замѣчая, попалъ въ затруднительное положеніе. Но, показавъ, что проф. Лопатинъ пришелъ совсѣмъ не къ тому, къ чему хотѣлъ придти, мы этимъ всетаки не обнаружили несостоятельности его мысли: для этого мы должны устранить приводимыя въ пользу

не малую роль филологическое основаніе въ пользу его взгляда, именно его ссылку на слово „причина“ (отъ слова причинать, производить); скажемъ поэтому здѣсь нѣсколько словъ о ней: во первыхъ это названіе съ нашимъ взглядомъ гармонируетъ ничѣмъ не меньше, чѣмъ съ взглядомъ Лопатина, а во вторыхъ оно ровно ничего не доказываетъ: во всѣхъ языкахъ слова, служація для обозначенія отвлеченныхъ понятій, очень часто по своему первоначальному филологическому смыслу носятъ чисто конкретный, чувственный характеръ; что слово причина не обязываетъ еще признавать за понятіемъ, имъ обозначаемымъ, указываемый Лопатиннымъ смыслъ, это видно уже изъ того, что не во всѣхъ языкахъ оно носитъ отмѣчаемый профессоромъ отбѣнокъ: нѣмецкое, напр.,—*Ursache* по точному переводу значить перво—вещь.

ея доказательства. Изъ нихъ самымъ сильнымъ и едва ли даже не единственнымъ служить такого рода примѣръ: вообразимъ, рассуждаетъ проф. Лопатинъ (для краткости излагаемъ не дословно) монаду, находящуюся въ пустомъ пространствѣ, которая имѣетъ внутреннее побужденіе къ движению, но не имѣетъ мотива движению въ одну сторону предпочесть движению въ другую—вѣдь такое положеніе мыслимо? далѣе, такая монада, чтобы не стать въ противорѣчіе съ собственной природой, должна вѣдь двинуться въ какомъ-нибудь опредѣленномъ направленіи? Очевидно, должна, и вотъ это—то направленіе движениа и будетъ признакомъ, не предопредѣленнымъ въ причинѣ, что и требовалось доказать. „Противъ этого спорить трудно“, говоритъ г. Лопатинъ, но по нашему мнѣнію противъ этого—то и нельзя не спорить. Мы смѣло можемъ утверждать, что пока въ монадѣ нѣтъ никакого мотива движению въ одну сторону предпочесть движению въ другую, и самое движению, за недостаткомъ полноты къ нему условій, не состоится. Но, говоритъ г. Лопатинъ, тогда монада станетъ въ противорѣчіе съ своей природой. На это приходится сказать, что монада, конечно, не можетъ стоять въ противорѣчій съ своей природой, но г. Лопатинъ дѣйствительно сталъ въ противорѣчіе самъ съ собою, приписавъ монадѣ по самой природѣ ей принадлежащую неизбѣжность движениа и отсутствіе мотивовъ къ опредѣленному направленію движениа: если необходимость движениа принадлежитъ монадѣ по самой ея природѣ, тогда эта необходимость не мыслима иначе, какъ въ видѣ стремленія, опредѣлившагося во всѣхъ своихъ индивидуальныхъ признакахъ, такъ же немислима иначе, какъ немислима въ мірѣ реальномъ монада вообще (а не опредѣленная монада) и движению вообще (а не движению опредѣленного вида и направленія).

Только что разсмотрѣнныя неудачныя попытки придать закону причинности болѣе опредѣленный смыслъ, чѣмъ какой даетъ ему наше непосредственное сознаніе, должны предохранить насъ отъ новой попытки такого же рода, и потому мы переходимъ къ вопросу о взаимномъ отношеніи законовъ—причинности и достаточнаго основанія.

III. Взаимоотношеніе закона достаточнаго основанія и закона причинности.

Уже одно то обстоятельство, что законъ достаточнаго основанія и законъ причинности долгое время не только смѣшивались другъ съ другомъ, а и прямо сливались въ одинъ, даетъ полное право предполагать между ними близкое отношеніе. Это отношеніе однако до сихъ поръ не опредѣлено въ точности и существующіе на него взгляды оставляютъ возможность желать гораздо большаго согласія.

Мы встрѣчаемъ здѣсь неустрашимыя взаимныя противорѣчія говорящихъ о предметѣ мыслителей: одни, какъ Зигвартъ, говорятъ, что законъ причинности не имѣетъ къ закону основанія отношенія болѣе близкаго, чѣмъ всякое другое общее положеніе, дающее ему матеріалъ ¹⁾; другіе, какъ Вундтъ, наоборотъ признаютъ въ законѣ причинности лишь приложеніе закона достаточнаго основанія; третьи, какъ Шопенгауэръ, не уничтожая ихъ относительной самостоятельности, ставятъ ихъ въ отношеніе соподчиненія.

Послѣ того, какъ законъ основанія былъ выдѣленъ, въ качествѣ особаго закона, изъ закона причинности, съ которымъ долгое время смѣшивался, вполне естественно, главное вниманіе тѣхъ, которые говорили объ этихъ двухъ законахъ, было направлено на то, чтобы устранить всякіе поводы къ ихъ смѣшенію; а потому болѣе отмѣчались черты различія этихъ законовъ, чѣмъ точки соприкосновенія. О различіяхъ между законами говорилось такъ много, что во избѣжаніе необходимости повторять чужія мысли до подробностей, мы скажемъ о нихъ кратко. Главное изъ нихъ, какое указывалось и указывается больше всего, то, что законъ причинности есть законъ бытія объективнаго, или точнѣе, необходимо мыслится нами въ качествѣ таковаго, а законъ достаточнаго основанія есть законъ познанія. Поскольку познаніе далѣе стоитъ въ необходимой и ближайшей связи съ субъектомъ, а бытіе не предполагаетъ прямо и непосредственно такого отношенія ²⁾, законъ осно-

¹⁾ Logik, B. I, 211. ²⁾ Logik, B. I, 549. ³⁾ op. cit.

²⁾ Эту мысль считаемъ нужнымъ пояснить: что бытіе предметовъ внѣшняго мі-

ванія противопологается закону причины, какъ законъ свободы закону необходимости. Отсюда вытекаетъ и то различіе между ними, что причина неотдѣлима отъ своего слѣдствія и всегда ведетъ за собою послѣднее, основаніе же напротивъ можетъ быть дано безъ слѣдствія ¹⁾. Чтобы отмѣтить съ особенною силою различіе между законами указываютъ еще на два факта: во-первыхъ на то, что всякая мысль должна имѣть для себя не только основаніе, а и причину ²⁾, во вторыхъ то, что для познанія причинъ *основаніемъ* часто служатъ *дѣйствія* ихъ ³⁾.

Для насъ впрочемъ гораздо важнѣе отмѣтить не различіе, а точки соприкосновенія двухъ разсматриваемыхъ законовъ, не только въ виду того, что на него меньше обращалось вниманія, но также и въ виду того, что для науки всегда интереснѣе единство въ различіи, чѣмъ рѣзкое разграниченіе, устраняющее всякую мысль о единствѣ. Намъ думается на самомъ дѣлѣ, что только одною потребностію къ разграниченію и раздѣльности трудно—различимыхъ понятій нужно объяснить тотъ вышеуказанный взглядъ на взаимоотношеніе разсматриваемыхъ нами законовъ, по которому оно ограничивается лишь тѣмъ, что законъ причинности, подобно всякому другому общему положенію, служитъ только матеріаломъ для приложенія закона основанія: для прямого и не заинтересованнаго лишь различіемъ и за нимъ не замѣчающаго сходства взгляда, по-

ра не стоятъ въ непосредственной связи съ субъектомъ (т. е. волящимъ существомъ), или, по крайней мѣрѣ, нашимъ мышленіемъ, можетъ не поставиться въ такую связь—это дѣло очевидное. Но даже и по отношенію къ нашимъ поступкамъ и мыслямъ (поскольку послѣднія разсматриваются, какъ акты бытія) это примѣнимо, потому что и тѣ и другія съ данной точки зрѣнія мыслятся какъ бы отдѣленными отъ нашего я, получившими отъ него (относительно) самостоятельное бытіе; познаніе же даже мысленно нельзя отдѣлить отъ нашего „я“: въ послѣднемъ центрѣ познанія.

¹⁾ Это послѣднее различіе мы однако находимъ нужнымъ ограничить: основаніе само по себѣ, именно какъ основаніе, конечно не мыслимо безъ слѣдствія, какъ своего неизбежнаго коррелята, только мысль, служащая основаніемъ, но не сознаваемая въ данный моментъ въ качествѣ такового, можетъ и не сопровождаться своимъ слѣдствіемъ.

²⁾ Sigwart, Logik, В. I, 205—209; на это указываетъ и *Соппильни* въ своемъ „Учебникѣ логики“.

³⁾ Sigwart, *ibid.* 211.

слѣднее выступаетъ гораздо рѣшительнѣе на видъ, чѣмъ первое. Можетъ быть потому больше и стараются указать различіе двухъ законовъ, что ихъ сходство слишкомъ очевидно (извѣстно, что къ чему мы больше привыкли, на то обращаемъ меньше вниманія) и слишкомъ просто усматривается: ужъ одно то должно бы было бросаться каждому въ глаза, что оба закона отвѣчаютъ на одинъ и тотъ же вопросъ „почему“? и для всякаго очевидно, что это не случайное совпаденіе, а прямой результатъ единства природы обоихъ законовъ.

Впрочемъ, хотя сходство между разсматриваемыми законами, какъ мы сказали, само собою бросается въ глаза, однако нельзя не сознаться, что точное опредѣленіе его представляетъ вопросъ, трудный для разрѣшенія. Въ существующихъ попыткахъ опредѣленія сущности этого сходства можно отмѣтить два направленія: одни стараются сблизить два принципа съ матеріальной стороны, то есть со стороны подводимаго подъ нихъ содержанія, другіе стараются найти ихъ объединяющее начало въ формальной сторонѣ законовъ, въ общихъ условіяхъ и признакахъ ихъ мыслимости. Представители перваго направленія надѣются достигнуть объединенія законовъ въ томъ случаѣ, если будетъ установлено полное соотвѣтствіе между реальной причинной связью и связью нашихъ мыслей по закону основанія: „сведеніе причинности на законъ познанія, говоритъ Вундтъ, тогда, но и только тогда, могло бы быть оправдано, если бы причинами можно было пользоваться, какъ посылками, изъ которыхъ, не обращая вниманіе на свидѣтельство наблюденій, можно бы было заключать къ слѣдствіямъ“¹⁾. И Вундтъ, кажется, не считаетъ такого положенія дѣла невозможнымъ. Допустимъ однако, что желаніе Вундта исполнилось: чтожь тогда, будетъ ли ясно показано этимъ, что законъ причинности—это лишь къ опыту прилагаемый законъ основанія? Едва ли это такъ. Очевидно, что и въ такомъ случаѣ понятія „причина“ и „основаніе“ (разумѣется, познанія), „дѣйствіе“ и „слѣдствіе“ не объединились бы. Отношеніе между законами осталось бы отношеніемъ полного соотвѣтствія и гар-

¹⁾ Logik, B. I, 548.

моніи, но не тождества, поскольку они продолжали бы противопоставляться другъ другу, какъ законъ позванія закону бытія (или лучше, быванія); отношеніе ихъ было бы точно такое же, какое полагается нами между нашимъ представленіемъ и соотвѣтствующимъ ему объектомъ: не причина служила бы основаніемъ извѣстныхъ слѣдствій, а мысль о причинѣ, и наоборотъ дѣйствіе, о которомъ бы дѣлалось заключеніе отъ его причины, считалось бы результатомъ ея, какъ объективно, а не въ нашемъ только мысленномъ воспроизведеніи данной.

Вообще объединеніе двухъ названныхъ законовъ, или постановленіе ихъ въ связь болѣе тѣсную, чѣмъ какую указываетъ между ними Зигвартъ, невозможно до тѣхъ поръ, пока мы будемъ искать ихъ объединяющаго начала въ матеріалѣ, дающемъ содержаніе этимъ законамъ, и въ условіяхъ ихъ дѣйствительнаго приложенія ¹⁾. Но зато положеніе дѣла тотчасъ же измѣняется къ лучшему, какъ только мы обратимъ вниманіе на общія условія существованія этихъ законовъ—не на объекты ихъ, на которые простирается ихъ приложимость, а на субъектъ, которому они принадлежатъ, какъ требованія ²⁾. Здѣсь прежде всего устраняется та, мѣшающая ихъ объединенію, съ перваго взгляда непреходимая, преграда, которую ставитъ между ними ихъ различіе въ сферахъ приложимости, т. е., устраняется взглядъ на нихъ, какъ на законы двухъ противостоящихъ другъ другу областей—познанія и существованія. На самомъ дѣлѣ. Здѣсь мы замѣтимъ, что законъ причинности, рассматриваемый, какъ таковой, т. е., именно какъ законъ или требованіе, а не какъ общая схема извѣстнаго фактическаго матеріала или обобщенное отвлеченіе отъ него, имѣетъ своимъ субъектомъ не бытіе внѣшнее, а само наше мышленіе: что всякое происхожденіе *необходимо* должно имѣть свою причину—это есть прежде всего постулатъ нашей мысли, который она предъявляетъ всякому происходящему существованію и ко-

¹⁾ Поэтому-то Вундъ, стоящій на этой точкѣ зрѣнія, долженъ былъ признать объединеніе двухъ законовъ дѣломъ будущаго.

²⁾ На эту почву ставитъ вопросъ Шопенгауэръ, но онъ не доводитъ до конца предпріятое имъ объединеніе законовъ и они больше у него объединяются названіемъ, чѣмъ какимъ нибудь дѣйствительнымъ принципомъ, какъ онъ и самъ почти сознается (О четверномъ корнѣ, 155).

торый находить дѣйствительно осуществленнымъ въ мірѣ объектовъ. Итакъ оба наши закона суть законы мышленія ¹⁾ съ тѣмъ однако различіемъ, что одинъ изъ нихъ мысль предписываетъ сама себѣ, какъ познавательному процессу, а другой—всякому вообще существованію, поскольку оно происходитъ или измѣняется (что въ сущности совершенно все равно). Теперь уже конечно легче найти отношеніе между законами, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы они принадлежали двумъ различнымъ субъектамъ. Но прежде чѣмъ назвать уже очевидно и теперь напрашивающійся терминъ, которымъ нужно обозначить это отношеніе, мы считаемъ долгомъ выставить на видъ его главные условія. Очевидно, условіемъ для объединенія и сближенія понятій должно служить единство и сходство признаковъ, какіе въ данномъ случаѣ мы имѣемъ,—признаковъ, которые бы подавали поводъ или основаніе для сближенія двухъ законовъ? Это, очевидно, самые общіе и вмѣстѣ съ тѣмъ главные признаки законовъ, выражающіе самое существо ихъ требованій: оба они для своего осуществленія требуютъ: 1) множественности послѣдовательныхъ моментовъ и 2) такой связи между ними, которая бы устанавливала необходимость этой послѣдовательности, устраняя изъ нея случайность и произволь. Оба закона, значитъ, вносятъ необходимую связь въ послѣдовательное и множественное. Эта связь въ обоихъ случаяхъ можетъ быть мыслима нами въ общемъ видѣ, какъ связь двухъ простыхъ сужденій, составляющихъ сужденіе условное. Въ такомъ случаѣ очевиднымъ уже становится, что изъ двухъ этихъ законовъ первенствующая роль принадлежитъ закону основанія ²⁾, но однако такимъ образомъ, что законъ причинности долженъ быть признанъ не „приложеніемъ“ только закона основанія къ опыту, какъ не точно по нашему мнѣнію выражается Вундтъ ³⁾, а его объективацией; отсюда и отношеніе между ними не есть видъ ча-

¹⁾ Вундтъ, котораго взгляда мы коснулись выше, самъ не разъ высказываетъ эту мысль, но только въ данномъ случаѣ, т. е., при разсмотрѣніи отношенія между законами, онъ не ставитъ ее на видъ, какъ бы это по нашему мнѣнію слѣдовало сдѣлать.

²⁾ Это видно еще и изъ того, что законъ основанія есть ближайшій къ законодателю, которымъ является мышленіе.

³⁾ Logik, В. 1, 549.

стнаго тождества (т. е., законъ причинности не включается въ законъ основанія, какъ его часть), а отношеніе родоваго единства и видоваго различія, вытекающаго изъ сферъ ихъ приложимости. На самомъ дѣлѣ, это различіе въ концѣ концовъ сводится къ одному—къ различію въ характерѣ необходимости, налагаемой тѣмъ и другимъ закономъ. Такъ какъ, по сказанному уже, законъ основанія мысль ставитъ самой себѣ, то, поскольку она есть дѣятельность, принадлежащая свободному субъекту и неотдѣлимая отъ него, и необходимость, налагаемая этимъ закономъ, есть внутренняя, а не внѣшняя; а поскольку, далѣе, внутренняя необходимость нами можетъ и должна быть мыслима, лишь какъ свыше или аргіогі данная разумность свободы. То и необходимость закона основанія есть не что иное, какъ непосредственно въ немъ усматриваемая разумность или истинность. И такъ какъ, съ другой стороны, законъ причинности мысль ставитъ бытію, то, поскольку послѣднее мыслится нами отдѣлившимся отъ свободного субъекта или даже, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ, совершенно не имѣющаго съ нимъ связи, и независимо отъ него даннымъ, и необходимость здѣсь является для мысли необходимостью внѣшнею: это есть разумность, выступившая изъ своей собственной сферы ¹⁾ (сферы познанія) и потому отлившаяся невозвратно въ неизмѣнную форму,—форму отвнѣ положенной всецѣлой предопредѣленности. Отсюда и механическая необходимость внѣшняго міра для всякаго неповерхностнаго взгляда есть вовнѣ реализовавшаяся разумность или Божественная логика, отлившаяся въ безконечные рядъ внѣ Божественной мысли положенныхъ посылокъ и заключеній; а для тѣхъ, кто этого не видитъ, разумность міра есть лишь слѣпая необходимость, неизвѣстно откуда простиетшая, и съ неодолимою силою реализующая въ фактахъ тотъ самый законъ, который въ мірѣ нашей мысли сознается, какъ законъ разума и свободы.

¹⁾ Мы не говоримъ здѣсь о томъ, откуда и почему происходитъ такая реализація разумности (очевидно, она возможно лишь подъ условіемъ соединенія съ извѣстнымъ актомъ воли), потому что наша рѣчь о законѣ причинности самомъ въ себѣ, о его непосредственномъ смыслѣ, а не объ источникѣ причинности и средствахъ ея реализація, до которыхъ можно доходить путемъ умозаключеній.

Сравнивая законъ достаточнаго основанія съ другими логическими законами, мы замѣчаетъ между ними одно различіе, которое стоитъ въ близкомъ отношеніи къ разсматриваемому нами вопросу. Именно: тѣ три закона суть законы не только мышленія, а и бытія, т. е., они въ себѣ непосредственно заключаютъ и свою объективацию, какъ неотдѣлимую отъ нихъ сторону. Что мысль должна быть всегда сама собой—это такъ же вѣрно, какъ и то, что всякій предметъ долженъ быть самъ себѣ равенъ; прстиворѣчій не должно быть не только въ мысли, а и въ бытіи; что изъ двухъ взаимно другъ друга отрицающихъ возможностей ¹⁾ одна должна быть, а другая не быть—это правило относительно нашей мысли должно имѣть такую же силу, какъ и относительно бытія. Но по отношенію къ закону основанія этого какъ будто не замѣчается съ перваго раза, а между тѣмъ и онъ имѣетъ, какъ мы уже знаемъ теперь, свою объективированную сторону—законъ причинности. Это зависитъ, какъ намъ кажется, вотъ отчего. Ближайшее приложеніе первыхъ трехъ законовъ простирается на отдѣльные элементы мысли, послѣдній же законъ управляетъ ихъ связью; въ первомъ случаѣ мышленіе и бытіе не противостоятъ еще другъ другу въ видѣ противоположныхъ и специфически-различныхъ сферъ ²⁾, а потому и разсматриваемые законы не раздѣляются на виды, соотвѣтствующіе областямъ ихъ примѣненія, а имѣютъ лишь по двѣ обыкновенно даже не различаемыхъ стороны; во второмъ случаѣ мышленіе и бытіе противостоятъ другъ другу, какъ области—субъективная (т. е., неразрывно связанная съ субъектомъ) и объективная, т. е., область свободы и predetermined необходимости: поскольку субъектъ здѣсь есть начало дѣятельное, вносящее связь въ страдательный, отгнѣ данный матеріаль. Сообразно съ этимъ и законъ основанія, понимаемый въ общемъ смыслѣ, въ смыслѣ закона разумности, необхо-

1) Напр., что извѣстный видимый мною предметъ долженъ быть независимо отъ моей мысли или столомъ или не столомъ, это также вѣрно, какъ и то, что я на одинъ и тотъ же вопросъ долженъ отвѣчать или да, или нѣтъ.

2) Мысль, не признавая въ качествѣ истины (а таковою она можетъ быть признана лишь подъ условіемъ связи съ другими мыслями по закону основанія), есть актъ бытія, а не познанія въ собственномъ смыслѣ (если не называть познаніемъ одну только сознанаемость).

димости и синтеза, является въ двухъ видахъ, поскольку требуемая имъ разумность является въ одной сферѣ какъ чисто субъективная (т. е., отъ субъекта неотдѣлимая), а во второмъ— какъ объективировавшаяся, воплотившаяся въ реальныя, неизмѣнныя формы. Поэтому-то законъ достаточнаго основанія и законъ причинности должны быть разсматриваемы какъ двѣ стороны одного и того же закона, но настолько обособившіяся вслѣдствіе различія въ сферахъ приложимости, что ихъ никоимъ образомъ нельзя сливать въ одно, а нужно считать различными видами этого закона.

Н. Городенскій.

№ 7, 15, 16

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

Харьковской Епархіи

ПРИ

ВОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОМЪ ЖУРНАЛѢ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“.

ТОМЪ III.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1899.

УКАЗАТЕЛЬ

статей, содержащихся въ „Листкѣ для Харьковской епархіи „при богословско философскомъ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ за 1899 годъ.

А. Высочайшія Манифесты:

Отъ 14-го Іюня, о благополучномъ разрѣшеніи отъ бремени ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ рожденіемъ Дочери, нареченной МАРИЕЙ (стр. 287—288).

Отъ 28-го Іюня, о кончинѣ въ Абась-Туманѣ НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ГЕОРГІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА (стр. 319).

В. Высочайшія повелѣнія.

Объ установленіи въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ трехлѣтняго курса обученія, вмѣсто двухлѣтняго (стр. 51—52).
() Высочайшемъ утвержденіи въ 30-й день мая, Всеподданнѣйшаго доклада Святѣйшаго Синода о бытіи викарію Харьковской епархіи, преосвященному Сумскому *Петру*, епископомъ Смоленскимъ и Дорогобужскимъ (стр. 288). О Высочайшемъ утвержденіи во 2-й день Іюля, Всеподданнѣйшаго доклада Святѣйшаго Синода о бытіи ректору Литовской духовной семинаріи Архимандриту *Иннокентію* епископомъ Сумскимъ, викаріемъ Харьковской епархіи, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе его въ епископскій санъ произведено было въ городѣ С.-Петербургѣ (стр. 349).

В. Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

Отъ 13—15 января 1899 года за № 78, о совершеніи въ текущемъ году поминовенія въ Бозѣ почившихъ Государей Императоровъ Александра II и Александра III въ субботу сырной седмицы, 27 февраля (стр. 52). Отъ 5—16 февраля за № 461, о постановкѣ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ кіотовъ съ иконами, а равно и кружекъ для сбора пожертвованій (стр. 101—102). О награжденіи лицъ духовнаго званія (стр. 232—233). Отъ 7-го іюля 1899 года за № 2584, о новой формѣ возношенія при богослуженіи Высочайшихъ Именъ Августѣйшей Фамиліи (стр. 349—350). Отъ 2—7 октября 1899 года за № 226, о празднованіи дня Рожденія и Тезоименитства Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича (стр. 557—558). По возбужденному Правленіемъ одной изъ духовныхъ семинарій вопросу относительно предѣльнаго возраста, установленнаго для поступающихъ въ 1-й классъ духовныхъ семинарій (стр. 616).

Г. Епархіальныя извѣщенія.

О назначеніяхъ, опредѣленіяхъ на должности, увольненіяхъ отъ должности, награжденіяхъ, о вакантныхъ мѣстахъ и пр. (стр. 14, 37, 67, 86, 117, 150, 167, 220, 243, 258, 368, 400, 423, 444, 479, 503, 543, 575, 601, 622, 645).

Д. Смѣсь.

- Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату (стр. 349).
- Указъ Святѣйшему Правительствующему Синоду (стр. 557).
- Телеграмма Государя Императора о Іоанну Сергіеву (стр. 379).
- Высочайшій приказъ (стр. 585).
- Высочайшія награды (стр. 1, 52, 75, 161, 231, 257, 585, 615, 641).
- Высочайшая отмѣтка (стр. 51, 75, 101, 615).
- Восемь поученій о Миссіонерскомъ дѣлѣ (стр. 1—6, 1—18).
- Возванія (стр. 1—2, 1—2, 3—4, 35—37).
- Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей

второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 году (стр. 1—6, 23,—30, 53,—64, 76—81).

— Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1898/99 учебный годъ (стр. 6—14, 30—35, 64—67, 81—86, 112—117, 140—150).

— Отъ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ (стр. 1).

— Отъ Псковскаго Губернскаго Предводителя Дворянства (стр. 2).

— Отъ Высочайше утвержденного Комитета по сооруженію православнаго соборнаго храма въ Варшавѣ (стр. 102).

— Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 году (стр. 103—112, 133—140).

— Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ (стр. 131—132).

— Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи (стр. 132, 310—311, 398—399, 478, 560).

— Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Совѣта по миссіонерскимъ дѣламъ (стр. 1—4).

— Съѣздъ Наблюдателей церковныхъ школъ Харьковской епархіи (стр. 1—16, 17—30, 31—44).

— Отчетъ о состоящей при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ образцовой одноклассной церковно-приходской школѣ за 1897/98 учебный годъ (стр. 161—166).

— Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища (стр. 166, 219—220).

— Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Попечительства (стр. 1—2).

— Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ (стр. 185—186, 485—486).

— Отъ Министерства Финансовъ (стр. 186).

— Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897/98 учеб. годъ (стр. 207—219, 288—293, 319—329, 349—363, 486—499, 530—536, 567—575, 592—597).

— Отъ Игуменіи Хорошевскаго монастыря (стр. 220).

- Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища (стр. 233—234).
- Отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1898 годъ (четвертый годъ со времени открытія кассы) (стр. 234—243).
- Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта (стр. 258).
- Отъ Епархіальнаго Наблюдателя церковно-приходскихъ школъ (стр. 258).
- Списокъ воспитанницъ пригот., 1-хъ, 2-хъ, 3-хъ 4-хъ и 5-хъ классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, составленный послѣ годовыхъ испытаній за 1898/99 учебный годъ (стр. 294—304).
- Дѣла, подлежащія обсужденію Съѣзда Епархіальнаго духовенства, бывшаго 18-го августа н. г., по Харьковскому Епархіальному Женскому Училищу (стр. 305).
- Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годовыхъ испытаній за 1898/99 учебный годъ (стр. 305—310).
- Росписаніе приѣмныхъ экзаменовъ и переекзаменовокъ въ Харьковской Духовной Семинаріи въ августѣ 1899 года (стр. 311).
- Отъ Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго Генераль-Губернатора (стр. 1—2).
- Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго Училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годовыхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1899 года и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 18 іюня с. г. (стр. 329—333).
- Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго Училища (стр. 333).
- Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища за 1898/99 учебный годъ (стр. 334—337).
- Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго Училища (стр. 337—338).
- Разрядный списокъ воспитанниковъ Купянскаго Духовнаго Училища за 1898/99 учебный годъ (стр. 338—341).
- Отъ Правленія Купянскаго Духовнаго Училища (стр. 341—342).
- Отчетъ Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ, въ южной Болгаріи, для вѣчнаго поминове-

ніи воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 годовъ, по 31 декабря 1898 г. (стр. 342—343).

— Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, за 1899 годъ (стр. 363—368).

— Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковскомъ Духовномъ училищѣ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ (стр. 379—380).

— Отъ Сумскаго духовнаго училища (стр. 380—381).

— Наличный составъ лицъ, служащихъ въ Купянскомъ духовномъ училищѣ, съ краткими біографическими свѣдѣніями о каждомъ изъ нихъ за 1899 годъ (стр. 381—384).

— Свѣдѣнія о служебномъ составѣ лицъ, служащихъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ (стр. 384—391).

— Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ Харьковской и Таврической епархіи (стр. 391—398, 409—421, 433—444, 466—478).

— Отъ Московской Синодальной Типографіи (стр. 399—400).

— Вѣдомость церковнаго кружечнаго сбора въ пользу нуждающихся Славянъ, полученнаго СПБ. Славянскимъ Обществомъ въ теченіе 1898 года (стр. 421—422).

— Журналы Харьковскаго XVII Епархіальнаго Съѣзда духовенства (стр. 457—466).

— Журналы Съѣзда духовенства Харьковскаго Училищнаго Округа за 1899 г. (стр. 500—503).

— Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа н. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектанствомъ селеній (стр. 519—529, 560—567, 586—592, 617—622).

— Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бывшаго 21 сентября 1899 года (стр. 536—540).

— Журналъ Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 1-го сентября 1899 года (стр. 540—543).

— Правила объ устройствѣ народныхъ библіотекъ Духовнаго Вѣдомства (стр. 558—560).

— Росписаніе очереднаго проповѣданія слова Божія протоіереямъ и священникамъ города Харькова и подгороднихъ селеній въ теченіе 1900 года (стр. 597—601).

— Правила для образцовой учебной пасѣнки съ курсами для сельскихъ учителей и практикантовъ (стр. 642—645).

Е. Извѣстія и замѣтки.

(Изъ мѣстной хроники и извлеченія изъ періодическихъ органовъ печати).

Именные Высочайшіе Указы. — Дѣятельность церковныхъ братствъ. — Братство законоучителей. — Къ вопросу объ улучшеніи быта духовенства. — Церковныя школы въ Сибири. — Добрые плоды церковныхъ школъ. — Заботы о матеріальномъ обезпеченіи учителей церковныхъ школъ. — Успѣхи православія. — Сооруженіе новыхъ церквей (стр. 15—22). Католическая пропаганда на Востоѣ. — Стремленіе индусовъ къ православію. — Новая секта въ С.-Америкѣ. — Къ вопросу о штундизмѣ. Заботы епархіальной власти объ улучшеніи приходской жизни. — Дѣятельность Виленскаго братства. — Участіе членовъ причта въ обученіи дѣтей прихожанъ. — О мѣрахъ къ упорядоченію продажи церковныхъ восковыхъ свѣчъ. — Попечительство о слѣпыхъ (стр. 38—50). Высочайшая милость голодающимъ. — Дѣятельность съѣздовъ духовенства. — Статистическія данныя объ образовательномъ цензѣ духовенства. — Новое православное братство. — Достойная вниманія дѣятельность приходскаго братства. — Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія. — Православныя училища въ прибалтійскомъ краѣ. — Чрезвычайный сеймъ представителей финскаго народа (стр. 68—74). Съѣздъ духовенства въ Привислянскомъ краѣ. — Епархіальная бібліотека въ г. Вяткѣ. — Одно изъ средствъ къ матеріальному обезпеченію вдовъ и сиротъ духовенства. — Успѣхи миссіонерскаго дѣла среди ипородцевъ. — Московское Кирилло-Меодіевское братство. — Къ вопросу о церковномъ винѣ. — Пчеловодная выставка въ Москвѣ. — Распоряженіе Министерства Финансовъ. — Кончина президента французской республики и избраніе новаго президента. — Некрологъ (стр. 87—99). Болѣзнъ папы Льва XIII. — Новый православный храмъ въ Южной Америкѣ. — Конференція по вопросу о всеобщемъ мирѣ. — Заботы о призрѣніи престарѣлыхъ священнослужителей. — Похоронная касса духовенства въ Симбарской епархіи. — Тяжелое положеніе духовенства въ голодающихъ епархіяхъ. — Достойный примѣръ подражанія борьбы съ суевѣріемъ. — Мѣры къ поднятію народной нравственности (стр. 118—129). Церковно-при-

ходскія понечителства.—Кирилло-Меодіевское братство въ Оренбургской епархіи.—Эмеритальныя кассы для учителей церковно-приходскихъ школъ.—Просвѣтительная дѣятельность второ-классныхъ церковно-приходскихъ школъ.—Средства къ сохраненію добраго вліянія церковно-приходскихъ школъ на бывшихъ питомцевъ.—Общее говѣніе учащихся.—Количество церковно-приходскихъ школъ (стр. 151—160). Положеніе русскихъ уніатовъ въ Америкѣ.—Русская церковь въ Нью-Йоркѣ.—Переходъ 1600 сербовъ католиковъ въ православіе.—Освященіе Софійскаго собора въ Гроднѣ.—Дѣятельность благотворительныхъ учреждений.—Красный крестъ въ 1898 году.—Необходимость пастырскаго наблюденія за отправляющимися на отхожіе промыслы.—О хожденіи по церкви съ кружкой во время Богослуженія.—Вниманію сельскихъ матушекъ.—Вредъ пьянства.—Общепользныя свѣдѣнія (стр. 167—184). Православное торжество въ Вѣнѣ.—Могилевское Богоявленское братство.—Годичное собраніе Харьковскаго отдѣленія миссіонерскаго общества.—Перенесеніе Озерянской иконы Божіей Матери въ Куряжскій монастырь.—Къ вопросу о пѣніи и чтеніи въ церквахъ.—Заботы о предупрежденіи продажи церковныхъ свѣчей частными заводами.—Мѣры противъ пожаровъ.—Церковно-школьныя лѣтописи.—Добавочныя оклады учителямъ церковно-приходскихъ школъ.—Домъ трудолюбія при женскомъ монастырѣ.—Лѣтніе дѣтскіе пріюты.—Вопросъ о введеніи въ Россію сберегательныхъ карточекъ (стр. 187—206). Положеніе церковнаго и школьнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги.—Дѣятельность епархіальныхъ братствъ.—Устройство миссіонерскихъ кружковъ.—Единоувѣрческія церкви.—Иконописныя школы (стр. 221—230). Церковныя братства, какъ средство къ возвышенію религіозно-нравственной жизни.—Ограниченіе торговли въ праздничные дни.—Открытіе въ Курскѣ отдѣленія православнаго миссіонерскаго общества.—Съѣздъ наблюдателей церковно-приходскихъ школъ въ Москвѣ.—Лѣтніе курсы при второклассныхъ школахъ.—Школьное образованіе въ Туркестанской епархіи.—Паломничество воспитанниковъ Тифлисской семинаріи.—Одинъ изъ способовъ обезпеченія вдовъ и сиротъ духовенства.—Помощь нуждающимся крестьянамъ.—Примѣръ достойный подражанія.—Христіанство въ Китаѣ.—Мирная конференція въ Гаагѣ (стр. 244—256). Современное состояніе церковно-общественной жизни въ Греціи.—Церковное торжество въ Псковѣ.—Предстояшіе 100-лѣтніе юбилеи

Калужской и Пензенской епархій.—Отпусты въ Подольской епархій.—Дѣятельность съѣздовъ духовенства.—Народно-образовательная дѣятельность духовнаго вѣдомства.—Однѣзъ изъ способовъ распространенія книгъ въ народѣ.—О внѣклассномъ чтеніи учащихся.—Годичное собраніе православнаго миссіонерскаго общества въ Москвѣ.—Дѣятельность астраханскаго миссіонерскаго комитета.—Присоединеніе къ православію католическаго ксендза.—Новая секта.—Заботы о благоустройствѣ сельскихъ кладбищъ.—Сенатское распоряженіе объ узаконеніи дѣтей раскольниковъ.—Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ.—Всероссійская выставка человодства.—Санитарные курсы при монастыряхъ.—Кассы взаимопомощи.—Ссуды на постройку зданій для библіотекъ и читаленъ.—Разъясненіе относительно паспортныхъ книжекъ.—Новыя правила о переводахъ денегъ по почтѣ.—Общепольныя свѣдѣнія (стр. 259—285). Празднованіе Пятидесятницы въ Лѣснянскомъ монастырѣ.—Присоединеніе къ православію штундистовъ.—Книгоноши сектавскихъ общинъ.—Церковныя библіотеки для прихожанъ.—Братство законоучителей.—Церковно-приходскія попечительства.—Вліяніе спиртныхъ напитковъ на здоровье и нравственность.—Некрологъ (стр. 312—318). Памяти Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Царевича Георгія Александровича.—О народныхъ чтеніяхъ.—Забытыя сокровища.—Памятники церковной старины (стр. 343—348).—Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Михайлъ Александровичъ.—Правительственное сообщеніе о Гаагской конференціи.—Церковь и государство въ Италіи.—Французское духовенство.—Вопросъ о кажденіи въ англиканской церкви.—Успѣхи православія въ Америкѣ.—Распространеніе православія среди несторіанъ.—Вліяніе православнаго богослуженія на раскольниковъ.—Дѣятельность сестеръ милосердія.—Крупное пожертвованіе (стр. 369—378). Результаты гаагской конференціи.—Папскія притязанія на свѣтскую власть.—Третейскій судъ и духовенство.—Армяно-католическая церковь (стр. 401—407). Миссіонерство среди инородцевъ.—Дѣятельность церковно-приходскихъ попечительствъ.—Общество хоругвеносцевъ.—Общество вспомошествованія церковно-приходскимъ школамъ.—Наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія въ народныхъ школахъ.—Мѣры къ матеріальному обезпеченію духовенства.—Добрый обычай.—Церковное торжество въ Твери.—Поломничество въ Россіи (стр. 423—432). Религіозное состояніе современной Индіи.—Русская православная миссія въ Персіи.—Инородческія церковно-приход-

скія школы.—Вліяніе церковно-приходской школы на раскольниковъ и сектантовъ.—Участвіе учениковъ церковно-приходскихъ школъ въ чтеніи и пѣніи за богослуженіемъ.—Церковно-школьныя братства.—Епархіальныя бібліотеки.—Уличные бібліотеки.—Обученіе иконописанію въ духовныхъ семинаріяхъ.—Одна изъ мѣръ къ матеріальному обезпеченію духовенства (стр. 445—456). Религіозность сиро-халдейцевъ.—Православный храмъ въ Гамбургѣ.—Кочевыя киргизскія школы.—Предположенія Оренбургскаго миссіонерскаго комитета.—Заботы о религіозно-нравственномъ воспитаніи подрастающаго поколѣнія.—Реформа свѣтской средней школы (стр. 479—483). Перенесеніе чудотворной Озерянской иконы Божіей Матери изъ Куражскаго монастыря въ Харьковскій Покровскій монастырь.—600-лѣтіе со дня кончины св. Феодора, Ярославскаго чудотворца.—Церковно-приходскія братства въ сельскихъ приходахъ.—Одна изъ мѣръ къ благоустройству церковно-приходской жизни.—Значеніе приходскаго храма.—Вѣбогослужбныя чтенія и собесѣдованія.—Сельско-хозяйственныя, ремесленныя и руководѣльныя занятія въ церковно-приходскихъ школахъ.—Предстоящіе юбилеи епархій.—Торжество въ г. Сумахъ.—Закладка новаго зданія судебныхъ установленій въ г. Харьковѣ.—Число религій, существующихъ на земномъ шарѣ.—Общепольныя свѣдѣнія (стр. 504—517). Предстоящій юбилей Высокопреосвященнѣйшаго Іоанника, Митрополита Кіевскаго.—Посвѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Іоанникіемъ города Харьковъ.—Юбилейное торжество.—Проектъ новаго узаконенія (стр. 544—555). Новый православный храмъ за границей.—250-лѣтіе Казанской иконы Божіей Матери.—Некрологъ (стр. 576—583). Празднованіе юбилея Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго Іоанника.—Свѣздъ дѣятелей по инородческому просвѣщенію.—Дѣятельность свѣздовъ духовенства.—Орловское Петро-Павловское братство.—Протоіерей о. Іоаннъ Кронштадтскій по отзывамъ иностранцевъ.—Замѣчательный образъ.—Открытіе Восточнаго Института.—Полезное нововведеніе въ крестьянскомъ быту.—Южно-Африканская война.—Общепольныя свѣдѣнія (стр. 601—613). Движеніе на западъ къ освобожденію отъ духовнаго владычества Рима.—Отношеніе къ церкви во Франціи.—Новый православный храмъ въ Финляндіи.—Архипастырскія распоряженія.—Миссіонерскій свѣздъ въ Симбирскѣ.—Миссіонерскій комитетъ въ Псковѣ.—Дѣятельность Свято-Троицкаго братства.—Новая

женская община.—Причтовны постройки на церковной землѣ.—
 Къ вопросу о преобразованіи календаря.—Празднованіе въ Россіи
 новыхъ столѣтій въ прежнее время.—Русскій Красный Крестъ въ
 Южной Африкѣ.—Общепользныя свѣдѣнія (стр. 624—640). Соо-
 руженіе новыхъ храмовъ.—Отрадное навѣстіе для духовенства.—
 Дѣятельность сестеръ милосердія.—Борьба съ нищенствомъ (стр.
 646—649).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Января № 1. 1899 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 г.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 3-й день декабря, на сопрячисленіе за 50-ти-лѣтнюю службу протоіерея Архангело-Михайловской церкви, города Харькова, *Іоанна Ѳеодорова*, къ ордену *св. Владиміра 4-й степени*; діаконовъ церквей: Николаевской въ слободѣ Тернахъ, Бупянскаго уѣзда, *Василія Царевскаго*, и Петропавловской въ слободѣ Петропавловкѣ, Старобѣльскаго уѣзда, *Іакова Раздольскаго*,—къ ордену *св. Анны 3-й степени*.

Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 году.

I. Открытіе курсовъ.

По опредѣленію Св. Синода отъ 17/29 марта 1898 г. № 105 предположено было учредить въ г. Харьковѣ лѣтомъ 1898 года педагогическіе курсы для учителей второклассныхъ школъ уже открытыхъ, и кандидатовъ на сію должность во вновь открываемыя второклассныя школы для губерній: Владикавказской, Воронежской, Донской, Орловской, Пензенской, Ставропольской, Сухумской, Таврической, Тамбовской и Харьковской. Курсы должны были продолжаться въ теченіи шести недѣль,—съ 25 іюня по 6

августа. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ Св. Синода, 25 іюня 1898 года, по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія Архіепископа Харьковскаго, и послѣдовало открытіе курсовъ при Харьковской Духовной Семинаріи. Въ 12 часовъ дня, въ присутствіи членовъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, членовъ распорядительной комиссіи, лекторовъ, нѣкоторыхъ уѣздныхъ наблюдателей в благочинныхъ епархіи и всѣхъ явившихся на курсы учителей, Ректоромъ Семинаріи протоіереемъ Іоанномъ Знаменскимъ, въ сослуженіи протоіереевъ и священниковъ членовъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и наблюдателей, совершено было Господу Богу молебное пѣніе предъ началомъ ученія. На молебнѣ пѣлъ хоръ курсистовъ подъ управленіемъ учителя пѣнія Епархіальнаго женскаго училища священника Іоанна Петровскаго. По окончаніи молебна, всѣ присутствовавшіе на немъ перешли въ Семинарскій актовъ залъ, обращенный въ аудиторію, и здѣсь послѣ краткаго привѣтствія, обращеннаго къ учителямъ со стороны Ректора Семинаріи, и выясненія имъ значенія второклассныхъ школъ и педагогическихъ курсовъ, для слушанія которыхъ они собрались, курсы объявлены были открытыми.

II. Управление курсами.

На основаніи § 5 правилъ на устройство курсовъ для учителей второклассныхъ школъ, Харьковскимъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ въ засѣданіи 30 апрѣля избрана была распорядительная комиссія, утвержденная резолюціею Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, отъ 8 мая. Въ составъ комиссіи вошли слѣдующія лица: Предсѣдатель Епархіальнаго Училищнаго Совѣта Ректоръ семинаріи протоіерей Іоаннъ Знаменскій, въ качествѣ инспектора курсовъ, членъ и дѣлопроизводитель Училищнаго Совѣта, преподаватель семинаріи Семень Ѳоменко, въ качествѣ смотрителя курсовъ, и экономъ семинаріи А. Енько экономъ курсовъ. Сверхъ того, по распоряженію Его Высокопреосвященства, въ составъ распорядительной комиссіи включенъ былъ и епархіальный наблюдатель В. Давыденко.

III. Составъ лекторовъ.

Для чтеній лекцій на педагогическихъ курсахъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ приглашены были слѣдующія лица:

1) По Закону Божію профессоръ богословія Харьковскаго Университета, магистръ богословія, протоіерей Тимофей Буткевичъ.

2) По церковному пѣнію съ младшей группой курсистовъ занимался учитель пѣнія при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, священникъ Іоаннъ Петровскій, получившій права учителя пѣнія по экзамену при С.-Петербургской придворной капеллѣ; съ старшей группой велъ занятія по церковному пѣнію учитель пѣнія при Харьковской Семинаріи Н. Ковинъ, окончившій курсъ Московскаго Синодальнаго пѣвческаго училища.

3. По педагогикѣ съ методикою русскаго языка съ церковно-славянскимъ—преподаватель педагогики при Харьковской Духовной семинаріи и руководитель образцовой школы, магистръ богословія, Н. Страховъ. Кромѣ занятій при семинаріи преподаетъ педагогикъ и руководитъ практическими занятіями въ педагогическомъ классѣ 2-хъ женскихъ гимназій и Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

4. По физикѣ и геометрическому черченію—преподаватель математики и физики въ Духовной семинаріи, кандидатъ университета, И. Кудревичъ. Кромѣ семинаріи преподавалъ методику арифметики и руководилъ практическими занятіями въ педагогическомъ классѣ въ женской гимназіи.

5. По методикѣ географіи и исторіи—преподаватель исторіи въ Духовной семинаріи, кандидатъ богословія, І. Корнѣенко; преподаетъ географію и исторію въ женской гимназіи.

6. По школьной гигиенѣ въ связи съ анатоміей и фізіологіей человѣческаго тѣла—докторъ медицины Яковъ Трутовскій.

7. По пчеловодству—преподаватель пчеловодства въ Харьковскомъ Земледѣльческомъ училищѣ, Сергѣй Ляпидевскій.

8. Руководителемъ по столярному и токарному мастерству былъ приглашенъ бывшій преподаватель столярнаго мастерства въ Харьковскомъ ремесленномъ училищѣ, Адрианъ Енько.

9. По переплетному мастерству руководилъ курсистовъ, занимавшихся этимъ мастерствомъ, переплетчикъ Шепелевъ.

10. Кройкѣ обучала учительницъ, бывшихъ въ числѣ слушательницъ курсовъ, учительница кройки Е. Рейнфельдъ.

11. Игрѣ на скрипкѣ, фортепіано и фисгармоніи обучалъ желающихъ учитель пѣнія Николай Ковинъ.

IV. Составъ слушателей курсовъ.

На основаніи опредѣленія Св. Синода отъ 17—19 марта для слушанія педагогическихъ курсовъ въ г. Харьковѣ вызваны были учителя второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и кандида-

ты на эту должность изъ вышеупомянутыхъ 10-ти епархій въ слѣдующемъ количествѣ: 1) *изъ Владикавказской*—явились 3 учителя и 2 учительницы: Вишневскій Петръ, Грузиненко Дмитрій, Дзювъ Алексѣй, Лаврова Ольга и Сивьковская Анна. 2) *Изъ Воронежской епархii* по назначенію Воронежскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта явились 10 учителей и 10 учительницъ: Болховитиновъ Гавріиль, Бондаренко Михаилъ, Васильевъ Алексѣй, Игнатовъ Митрофанъ, Крыловъ Владиміръ, Поповъ Георгій, Поповъ Яковъ, Прохоровъ Владиміръ, Скрынченко Николай, Яковлевъ Михаилъ, Богатырева Клавдія, Верижская Марія, Глаголева Дарія, Дамаскина Марія, Дробовская Александра, Зайцева Валентина, Кременецкая Серафима, Русинова Антонина, Слобовская Антонина и Стефановская Параскева. 3) *Изъ Донской епархii* по назначенію Донскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта явились слѣдующіе 9 учителей и 5 учительницъ: Вальневъ Николай, Добрынинъ Петръ, Жоголевъ Иванъ, Ивліевъ Иванъ, Клавсуцъ Иванъ, Михайловъ Аристархъ, Писаревъ Иванъ, Поповъ Михаилъ, Прокрасновъ Семень, Григорьева Екатерина, Дикарева Антонина, Лобачева Марія, Попова Марія и Шевцова Серафима. 4) *Изъ Орловской епархii* по назначенію Орловскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта явились 10 учителей: Бородулинъ Алексѣй, Дизертинскій Сергѣй, Ивановъ Сергѣй, Ивановъ Фѣдоръ, Балинниковъ Василій, Нецвѣтаевъ Василій, Первоуланскій Иванъ, Петровскій Василій, Турбинъ Павелъ и Феноменовъ Василій. 5) *Изъ Пензенской епархii* по назначенію Пензенскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта явились 11 учителей и 9 учительницъ; Ардентовъ Иванъ, Аристовъ Алексѣй, Гнидинъ Александръ, Ключевъ Николай, Любимовъ Викторъ, Мироносицкій Веніаминъ, Петропавловскій Сергѣй, Покровскій Петръ, Троицкій Василій, Трояновъ Николай, Урановъ Алексѣй, Геометрова Софія, Діалектова Марія, Краснопольская Софія, Миловзорова Антонина, Пекорина Лидія, Покровская Зинаида, Разумовская Александра, Соболевская Анастасія, Успенская Наталія. 6. *Изъ Ставропольской епархii* по назначенію Ставропольскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта прибыли нижеслѣдующіе 8 учителей: Борисовъ Иванъ, Евфимовъ Арвадій, Махровскій Василій, Никольскій Иванъ, Пронинъ Сергѣй, Филицынъ Александръ, Фѣдоровъ Вячеславъ и Фѣдоровскій Василій. 7. *Изъ Сухумской епархii* по назначенію Сухумскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта прибыли 4 учителя и 1 учительница: Глаголевъ Алексѣй, Бжанія Мелитонъ, Солоповъ Діонсій, Тихо-

правовъ Иванъ и Глаголева Александра. 8. *Изъ Таврической епархіи* по назначенію Таврическаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта прибыли 4 учителя и 1 учительница: Власовъ Даніиль, Грибовскій Николай, Звѣревъ Николай, Сѣриго Александръ и Иванецкая Екатерина. 9. *Изъ Тамбовской епархіи* по назначенію Тамбовскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта явился 14 учителей и 3 учительницы: Архангельскій Петръ, Воскресенскій Василій, Вѣтринскій Василій, Елеонскій Михаилъ, Константиновскій Михаилъ, Красивскій Александръ, Крыловъ Димитрій, Лавровъ Николай, Маловъ Григорій, Неуроновъ Павелъ, Орловъ Василій, священникъ Синцеровъ Димитрій, Троицкій Левъ, Уваровъ Александръ, Боговѣленская Александра, Громова Марія и Щеглова Любовь. 10. *Изъ Харьковской епархіи* по назначенію Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта явился 16 учителей: Коноваловъ Константинъ, діаконъ Крыжановскій Григорій, діаконъ Насѣдкинъ Іаковъ, Нестеровъ Василій, Огнискій Василій, Оглоблинъ Николай, Панкратьевъ Андрей, Поповъ Григорій, Поповъ Семень, Созонтьевъ Андрей, Соколовъ Валеріанъ, Стефановскій Николай, Филевскій Захарій, Фіалковскій Константинъ, Юшковъ Александръ и Ѳедоровъ Александръ. Кромѣ того по собственному желанію прибыли 2 учительницы: Рудинская Параскева и Н. Лаврентьева. Всего изъ Харьковской епархіи было 18 слушателей педагогическихъ курсовъ.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ 10 епархій прибыли для занятій на курсахъ: по назначенію училищныхъ совѣтовъ 120 учителей и учительницъ и по собственному желанію 2 учительницы, а всего 122 человекъ.

Изъ числа 122 слушателей и слушательницъ педагогическихъ курсовъ, уже состояли въ должности учителей второклассныхъ школъ 27 учителей, 4 были учителями двухклассныхъ школъ, 60 учителей и учительницъ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и 31 человекъ, несостоявшихъ еще въ должности учителей.

По образовательному цензу слушатели и слушательницы курсовъ распределяются слѣдующимъ образомъ: 61 окончили полный курсъ Духовной Семинаріи и 2 Миссіонерской Семинаріи, 4 окончили полный курсъ Учительской Семинаріи, 28 окончили полный курсъ Епархіальнаго Училища, 5 окончили курсъ женской гимназіи и 22 имѣющихъ свидѣтельство на званіе народнаго учителя или учителя церковно-приходской школы. Изъ числа послѣднихъ 8 выбыли изъ 3 и 4 классовъ Духовной Семинаріи, 1 не окончившій Учи-

тельской Семинаріи, 1 не окончившій курсъ гимназіи, 1 не окончившій курсъ реального училища, 2 окончившихъ курсъ земледѣльческаго училища, 2 окончившихъ курсъ духовнаго училища и 6 окончившихъ курсъ уѣзднаго училища и окружнаго училища (области войска Донскаго).

Такимъ образомъ $\frac{4}{5}$ слушателей курсовъ имѣли цenzъ среднеучебнаго заведенія, а остальная $\frac{1}{5}$ курсистовъ хотя и не имѣли средняго образованія, но получили спеціальную подготовку къ занятіямъ въ школахъ.

(Продолженіе будетъ).

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ.

1. Личный составъ служащихъ.

Въ личномъ составѣ служащихъ въ Училищѣ, сравнительно съ концомъ 1896/7 учебного года, въ отчетномъ году произошли слѣдующія перемѣны:

а) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 9 сентября 1897 года, утвержденнымъ 28 того же сентября Его Высокопреосвященствомъ, учительницею музыки въ Училище опредѣлена вдова статскаго совѣтника Екатерина Петровна Соснякова, окончившая курсъ Таганрогской Маріинской женской гимназіи и имѣющая удостовѣреніе отъ г. Директора музыкальнаго училища въ совершенно-достаточномъ знаніи игры на фортепіано и педагогической опытности въ ней.

б) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 28 ноября 1897 г., утвержденнымъ 9 декабря Его Высокопреосвященствомъ, уволена, по прошенію, младшая воспитательница Училища Антонина Семеновна Подольская, и на ея мѣсто опредѣлена вдова священника Анастасія Фаворова, окончившая курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы.

в) Журнальнымъ постановленіемъ Совѣта отъ 18 августа 1897 года уроки чистописанія въ 1 параллельномъ классѣ поручены временно младшей воспитательницѣ того-же училища Серафимѣ Ивановнѣ Пономаревой.

Вслѣдствіе указанныхъ перемѣнъ, къ концу отчетнаго года образовался слѣдующій составъ служащихъ въ училищѣ лицъ:

А. Составъ Совѣта.

1. Предсѣдатель Совѣта, профессоръ богословія въ Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ, Протоіерей Тимофей Ивановичъ *Буткевичъ*, магистръ богословія; жалованья получаетъ 300 р. и ему лично 200 руб.—всего 500 руб.; въ настоящей должности съ 26 августа 1883 года.

2. Начальница училища, дворянка, дѣвица Евгенія Николаевна *Гейцъ*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 984 руб. и 100 руб. ежегодной награды—всего 1084 руб.; въ настоящей должности съ 1 августа 1883 года.

3. Инспекторъ классовъ, Протоіерей Никандръ Іоновичъ *Онисевичъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ 500 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 30 марта 1873 года.

4. Членъ Совѣта отъ духовенства Священникъ Харьковской Кресто-Воздвиженской церкви Николай Николаевичъ *Любарскій*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ 180 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 21 февраля 1895 года.

5. Членъ Совѣта отъ духовенства, Священникъ Харьковской Троицкой церкви Павелъ Ѳеодоровичъ *Тимосеевъ*; окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи; жалованья получаетъ 180 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 28 мая 1893 года.

6. Попечительница Училища, жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дарія Діевна *Оболенская*; въ настоящей должности съ 22 января 1897 года.

7. Почетный блюститель по хозяйственной части, потомственный почетный гражданинъ Николай Осиповичъ *Лецинскій*; въ настоящей должности съ 22 февраля 1897 года.

8. Завѣдующій казначейскою частію,—онъ же и духовникъ училища,—протоіерей Харьковской Кладбищенской Іоанно-Усѣновенской церкви Георгій Ивановичъ *Волбуевъ*; окончилъ курсъ Харьковской духовной семинаріи; жалованья получаетъ по должности духовника—120 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1871 года.

9. И. д. дѣлопроизводителя Совѣта,—онъ же и письмоводитель, діаконъ Харьковской Кладбищенской Іоанно-Усѣновенской церкви, Ѳеодотъ Дмитріевичъ *Чернявскій*; онъ же служитъ при совершеніи Богослуженія въ училищной церкви; окончилъ курсъ духовнаго училища; жалованья получаетъ 500 руб. и за совершеніе

Богослуженія 60 руб.—всего 560 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 18 декабря 1884 года.

Б) Преподаватели и учительницы обязательныхъ предметовъ.

1. Закона Божія въ III, IV норм., V норм., V парал. и VI норм. классахъ и церковно-славянскаго языка въ обонхъ отдѣленіяхъ IV и V классовъ, Инспекторъ классовъ, протоіерей Никандръ Іоновичъ *Онисевичъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 21 урокъ (въ III классѣ по 50 р., а въ остальныхъ классахъ по 75 р. за урокъ) 1475 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 30 марта 1873 года.

2. Того-же предмета въ I норм., I парал. и IV парал. кл. священникъ Харьковской Вознесенской церкви Николай Васильевичъ *Борисоглѣбскій*, кандидатъ богословія; жалованье получаетъ за 11 уроковъ (въ I норм. и I парал. по 50 р., а въ IV по 75 р. за урокъ) 625 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 14 февраля 1892 года.

3. Того же предмета въ II норм. и II парал. классахъ членъ Совѣта отъ духовенства, священникъ Николай Николаевичъ *Либарскій*, кандидатъ богословія; жалованье получаетъ за 8 уроковъ (по 50 руб. за урокъ) 400 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 сентября 1896 года.

4. Того же предмета въ приготовительномъ классѣ членъ совѣта отъ духовенства, священникъ Павелъ Феодоровичъ *Тимоѣевъ*; окончилъ курсъ Харьковской духовной семинаріи; жалованья получаетъ за 3 урока (по 35 р. за урокъ) 105 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 11 августа 1894 года.

5. Русскаго языка въ I параллельномъ, II, IV и V парал. классахъ и въ V норм. кл. и церковно-славянскаго языка въ I и II парал. классахъ, надворный совѣтникъ Михаилъ Андреевичъ *Кокоревъ* (штатный преподаватель училища), кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 17 уроковъ (по 75 р. за уроковъ) 1275 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 26 августа, 1888 года.

6. Того же предмета въ I норм., IV и VI норм. клас. и церковно-славянскаго языка въ I норм. классѣ, преподаватель греческаго языка въ Харьковской духовной семинаріи статскій совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ *Добронравовъ*; кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 11 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 825 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 августа 1883 года.

7. Того же предмета въ II и III норм. и VI парал. классахъ и церковно-славянскаго языка во II норм. классѣ, преподаватель

латинскаго языка въ Харьковской духовной семинаріи, коллежскій совѣтникъ, Николай Васильевичъ *Гоинъ*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 75 р. за урокъ) 900 р., въ годъ, въ настоящей должности съ 14 октября 1887 года.

8) Ариѳметики въ II норм., III норм., IV норм. и V парал. клас., геометріи въ VI парал. клас., физики въ V и VI параллельномъ и космографіи въ VI парал. классѣ, коллежскій совѣтникъ, Яковъ Михайловичъ *Колосовскій* (штатный преподаватель училища), кандидатъ университета; жалованья получаетъ (во II и III клас. по 50 руб., а въ остальныхъ по 75 р., за урокъ) за 22 урока—1450 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 11 августа 1887 года.

9. Ариѳметики въ IV парал. и V норм. классѣ, физики въ V и VI норм. клас., геометріи и космографіи въ VI норм. классѣ, преподаватель математики и физики въ Харьковской Маріинской женской гимназіи коллежскій ассесоръ Василій Николаевичъ *Мощенковъ*, кандидатъ университета; жалованья получаетъ за 14 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 1050 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 18 октября 1889 года.

10. Учительница ариѳметики въ I норм., I парал. и II парал. клас., вдова лаборанта Императорскаго Харьковскаго Университета, Марія Димитріевна *Дмитріева*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ съ званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 50 руб. за урокъ) 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 сентября 1896 года.

11. Географіи въ IV, V и VI нормальн. классахъ, священникъ Харьковской Христо-Рождественской церкви Андрей Θεодоровичъ *Балоневскій*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 8 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 октября 1886 года.

12. Географіи въ II норм. и II парал. классахъ, воспитательница училища, дѣвица Людмила Евфимовна *Дьякова*, окончила курсъ женской гимназіи со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 4 урока (по 50 руб. за урокъ) 200 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 25 сентября 1881 года.

13. Географіи въ III, IV, V и VI парал. и гражданской исторіи въ V парал., VI норм. и VI параллельномъ классахъ, коллежскій ассесоръ, Евгенийъ Пареевичъ *Трифилевъ* (штатный преподаватель училища); жалованья получаетъ за 21 урокъ (въ III клас-

сѣ по 50 руб., въ остальныхъ по 75 руб. за урокъ) 1500 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 6 сентября 1893 года.

14. Гражданской исторіи въ IV нормал., IV парал. и V нормал. классахъ, преподаватель церковной исторіи въ Харьковской духовной семинаріи статскій совѣтникъ, Алексѣй Θεодоровичъ *Вертеловскій*, кандидатъ богословія; жалованья получаетъ за 8 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 августа 1875 года.

15. Дидактики въ обоихъ отдѣленіяхъ V и VI классовъ, преподаватель философіи и педагогики въ Харьковской духовной семинаріи статскій совѣтникъ Николай Николаевичъ *Страховъ*, магистръ богословія; жалованья получаетъ за 6 уроковъ (по 75 руб. за урокъ) 450 р.; въ настоящей должности съ 16 августа 1877 г.

16. Церковнаго пѣнія во всѣхъ штатныхъ классахъ Училища, священникъ Іоаннъ Васильевичъ *Петровскій*,—оный же и чистописанія въ III классѣ; имѣетъ свидѣтельство 3 разряда отъ придворной капеллы; жалованья получаетъ за 22 урока церковнаго пѣнія (по 40 руб. за урокъ) 880 руб. и за 2 урока чистописанія (по 35 руб. за урокъ) 70 руб.—всего—950 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 18 октября 1893 года.

17. Чистописанія въ I, II и IV нормальныхъ классахъ и въ IV параллельномъ классѣ и рисованія во всѣхъ классахъ Училища, учитель тѣхъ же предметовъ въ Харьковской 3 мужской гимназіи статскій совѣтникъ Алексѣй Дмитріевичъ *Дмитріевъ*, ученый рисовальщикъ; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 35 руб. за урокъ) 420 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 24 августа 1896 года.

18. Того же предмета во II параллельномъ классѣ, младшая воспитательница того же класса, Елисавета Андреевна *Курасовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 2 урока (по 35 руб. за урокъ) 70 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 12 сентября 1896 года.

19. Того же предмета въ I параллельномъ классѣ, младшая воспитательница того же класса, Серафима Ивановна *Пономарева*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епарх. Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 4 урока (по 35 р за урокъ) 140 руб. въ годъ, въ настоящей должности съ 18 августа 1897 года.

20. Учительница русскаго языка, счисленія, церковнаго пѣнія и

чистописанія въ приготовительномъ классѣ, дѣвица Тансія Андреевна *Щелкунова*; окончила курсъ женской гимназіи съ званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ за 15 уроковъ (за 2 урока пѣнія по 25 руб. и по 35 руб. остальные) 505 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 8 августа 1890 года.

21. Учительница руководѣнія дѣвица Меланія Дмитріевна *Чернявская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Училищѣ съ званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 222 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 16 августа 1877 года.

22. Учительница руководѣнія, вдова коллежскаго секретаря, Александра Ивановна *Соколова*; окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 222 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 17 августа 1880 г.

23. Учительница руководѣнія, дѣвица Александра Африкановна *Домницкая*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 222 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 27 августа 1896 года.

В. Учители и учительницы необязательныхъ предметовъ.

1. Учительница французскаго языка во всѣхъ штатныхъ классахъ училища, Начальница училища, дѣвица Евгенія Николаевна *Гейцманъ*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Институтѣ Благородныхъ дѣвицъ; жалованья получаетъ за 12 уроковъ (по 50 руб. за урокъ) 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 1 августа 1883 года.

2. Учитель музыки (игры на роялѣ) Николай Александровичъ *Орловскій*; окончилъ курсъ гимназіи и обучался музыкѣ частнымъ образомъ; жалованья получаетъ съ 17 ученицъ по 23 руб. и съ 13 ученицъ по 20 руб. за каждую, всего—685 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 28 августа 1882 года.

3. Учительница музыки (на роялѣ) Варвара Петровна *Эварницкая*; окончила курсъ въ частномъ пансіонѣ; жалованья получаетъ по 17 руб. 50 коп. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 20 сентября 1883 года.

4. Учительница музыки (на рояли) Вильгельмина Рудольфовна *Корнильева*; домашнего образованія; жалованья получаетъ по 17 руб. 50 коп. съ ученицы въ годъ; въ настоящей должности съ 8 ноября 1888 года.

5. Учительница музыки (на роялѣ), дѣвица Неонила Васильев-

на *Михайлова*; окончила курсъ женской гимназiи; жалованья получаетъ по 17 руб. 50 коп. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 21 сентября 1892 года.

6. Учительница музыки (на роялѣ), дѣвица *Феодосiя Васильевна Михайлова*; окончила курсъ въ Харьковскомъ музыкальномъ училищѣ съ аттестатомъ 1 степени; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 20 августа 1893 года.

7. Учительница музыки (на роялѣ), вдова коллежскаго регистратора, *Марiя Павловна Ястремская*; окончила курсъ женской гимназiи; жалованья получаетъ по 17 руб. 50 коп. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 22 сентября 1894 года.

8. Учительница музыки (на роялѣ) *Софiя Леопольдовна Овельт*; окончила курсъ женской гимназiи; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 11 сентября 1895 года.

9. Учительница музыки, вдова статскаго совѣтника, *Екатерина Петровна Соснякова*; окончила курсъ женской гимназiи; жалованья получаетъ по 17 р. 50 к. въ годъ съ ученицы; въ настоящей должности съ 28 сентября 1897 года.

10. Учитель музыки (игры на скрипкѣ) *Александръ Ивановичъ Колесниковъ*; жалованья получаетъ 600 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 23 октября 1891 года.

Г. Старшiя воспитательницы.

1. Въ приготовительномъ классѣ, дѣвица *Александра Ивановна Левандовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званiемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 руб. въ годъ и 30 руб. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 7 февраля 1895 года.

2. Въ I нормальномъ классѣ, дѣвица *Зинаида Ивановна Нелюбовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званiемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 руб. въ годъ и 30 руб. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 10 августа 1884 года.

3. Въ I параллельномъ классѣ, дѣвица *Ольга Феодоровна Вертеловская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званiемъ домашней учительницы; жалованья

получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 руб. и 30 руб. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 6 сентября 1890 года.

4. Во II нормальномъ классѣ, дѣвица Анна Гавриловна *Троицкая*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 руб. въ годъ и 30 руб. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 10 августа 1884 года.

5. Во II параллельномъ классѣ, дѣвица Елисавета Андреевна *Курасовская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 6 сентября 1890 года.

6. Въ III классѣ, дѣвица Анастасія Александровна *Ястремская*; окончила въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и ежегодной награды 30 р.; въ настоящей должности съ 28 января 1888 года.

7. Въ IV нормальномъ классѣ, вдова поручика Евдоція Павловна *Сорокина*; окончила курсъ въ женской гимназій; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 13 сентября 1871 года по 3 августа 1884 года и вторично съ 10 августа 1887 года.

8. Въ IV параллельномъ классѣ, дѣвица Аполлиарія Павловна *Вышемірская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 11 августа 1894 года.

9. Въ V нормальномъ классѣ, дѣвица Зинаида Михайловна *Инокова*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 8 октября 1896 года.

10. Въ V параллельномъ классѣ, дѣвица Елисавета Яковлевна *Пуковская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ жен-

скомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 17 августа 1895 года.

11. Въ VI нормальномъ классѣ, дѣвица Людмила Евфимовна *Дьякова*; окончила курсъ въ женской гимназій; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды; въ настоящей должности съ 10 сентября 1872 года.

12. Въ VI параллельномъ классѣ, дѣвица Серафима Андреевна *Пономарева*; окончила курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 282 р. въ годъ и 30 р. ежегодной награды, въ настоящей должности съ 11 января 1897 года.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Благочинный 2 округа Буянскаго уѣзда, протоіерей Василій *Поповъ*, согласно прошенію, 14 декабря 1898 года уволенъ отъ должности, а на его мѣсто 30 декабря того же года назначенъ исправляющимъ должность благочиннаго священникъ Александро-Невской церкви, сл. Тополей, Буянскаго уѣзда, Александръ *Подольскій*.

— Сынъ псаломщика, Николай *Поповъ*, допущенъ къ исправленію должности псаломщика при церкви м. Ново-Ахтырки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ, Петръ *Прокоровичъ*, опредѣленъ и. д. псаломщика въ церкви слоб. Мартовой, Волчанскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Буянскомъ духовномъ училищѣ, Николай *Гончаревскій*, опредѣленъ и. д. псаломщика къ той же церкви.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Пятницкой церкви сл. Бакировки, Ахтырскаго уѣзда, кр. Петръ *Касьяненко*; Рождество-Богородичной церкви, с. Каменки, Ахтырскаго уѣзда, кр. Трофимъ *Шевченко*; Вознесенской церкви, г. Лебедина, кр. Алексѣй *Власенко*; Брестовоздвиженской церкви, сл. Баромли, Ахтырскаго уѣзда, кр. Данилъ *Давиденко*; Преображенской церкви, сл. Ботельвы, Ахтырскаго уѣзда, кр. Иванъ *Матошенко*; Иоанно-Богословской церкви, сл. Большой-Чернетчины, Сумскаго уѣзда, кр. Семень *Тарасенко*; Николаевской церкви, с. Старая Сумскаго уѣзда, кр. Іоаннъ *Коровай*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Именные Высочайшіе Указы.—Дѣятельность церковныхъ братствъ.—Братство законоучителей.—Къ вопросу объ улучшеніи быта духовенства.—Церковныя школы въ Сибири.—Добрые плоды церковныхъ школъ.—Заботы о матеріальномъ обезпеченіи учителей церковныхъ школъ.—Успѣхи православія.—Сооруженіе новыхъ церквей.

Именнымъ Высочайшимъ Указомъ Всемилостивѣйше повелѣно Синодальному члену, митрополиту Киевскому Іоаннію быть первенствующимъ членомъ Святѣйшаго Синода, съ тѣмъ, чтобы въ отсутствіи митрополита Іоаннія изъ С.-Петербурга, исполненіе обязанностей первенствующаго возлагалось на старѣйшаго изъ присутствующихъ въ Синодѣ іерарховъ.—Архіепископу Финляндскому Антонію именнымъ Высочайшимъ Указомъ Всемилостивѣйше повелѣно быть митрополитомъ С.-Петербургскимъ и Ладозскимъ, Свято-Троицкія Александро-Невскія Лавры священно-архимандритомъ и членомъ Святѣйшаго Синода.

— Православныя братства — Стефано-Прокопѣевское въ Великомъ-Устюгѣ и Дмитріевскомъ въ Томской епархіи — предприняли весьма существенное восполненіе имѣющихся миссіонерскихъ средствъ и учрежденій. Первое братство открыло, по словамъ «Церк. Вѣст.», въ Великомъ-Устюгѣ противораскольническую миссіонерскую школу, которая, согласно ея уставу, имѣетъ цѣлію готовить совершеннѣйшихъ лицъ мужскаго пола, преимущественно изъ крестьянъ, къ противораскольнической миссіонерско-просвѣтительной дѣятельности и къ учительству въ школахъ грамоты въ мѣстностяхъ съ старообрядческимъ — раскольническимъ населеніемъ. Согласно объявленію совѣта братства, сдѣланному чрезъ епархіальныя вѣдомости и чрезъ священниковъ приходовъ Велико-устюжскаго викаріатства, зараженныхъ расколомъ, прибыло желающихъ обучаться въ школѣ 8 человекъ изъ Сольвычегодскаго и Устьсиньольскаго уѣздовъ.—Совѣтъ братства св. Дмитрія Ростовскаго обратился къ Томскому епархіальному духовенству, миссіонерамъ и сотрудникамъ съ подробными указаніями относительно организаціи противораскольнической и противосектантской миссіи, согласно постановленіямъ 1-го епархіальнаго миссіонерскаго съѣзда. Эти указанія начинаются съ выясненія миссіи приходской, причемъ выражается то положеніе, что для успѣховъ миссіонерскаго дѣла въ епархіи въ настоящее время самую насущною потребностью является наиболѣе прочная организація приходской миссіи; таковая же можетъ быть достигнута въ томъ только случаѣ, когда во главѣ приход-

сваго миссіонерскаго дѣла станеть не кто иной, какъ приходскій священникъ. Онъ долженъ быть главнымъ миссіонеромъ въ своемъ приходѣ. Тамъ, гдѣ приходское духовенство не доросло до сознанія своихъ миссіонерскихъ обязанностей и пастырскаго долга вразумлять заблудшихъ, гдѣ не замѣтно въ немъ серьезнаго стремленія и желанія самому стать въ центрѣ борьбы съ расколомъ, тамъ не можетъ быть и рѣчи объ успѣхахъ миссіонерскаго дѣла. Поэтому, совѣтъ братства считаетъ особенно благовременнымъ напомнить приходскимъ священникамъ распоряженіе высшей церковной власти о томъ, чтобы никто изъ священниковъ, съ учрежденіемъ должностей специальныхъ миссіонеровъ епархіальныхъ или окружныхъ, не считалъ себя свободнымъ отъ миссіонерской дѣятельности, напротивъ каждый по своей пастырской обязанности непрерывно велъ бы миссіонерское дѣло въ своемъ приходѣ⁴.

— Съ благословенія высокопреосвященнаго Флавіана, экзарха Грузіи, въ Баку, какъ передаетъ «Каспій», открыто братство законоучителей Бакинской губерніи. Цѣль братства: объединиться преподавателямъ Закона Божія въ приемахъ преподаванія; рѣшать вопросы какъ лучше воздѣйствовать въ религіозно-правственномъ отношеніи на учащихся, ихъ родителей, на простой народъ и интеллигенцію, на сектантовъ, старообрядцевъ, инородцевъ и т. д.; изучать мѣстную старину во всѣхъ ея видахъ и, по мѣрѣ возможности, вести научно-популярныя чтенія. Братство намѣрено также устраивать торжественныя богослуженія исключительно для всѣхъ учащихся дѣтей: по городамъ—въ соборныхъ храмахъ и въ сельскихъ церквахъ съ произнесеніемъ поученій,—съ тѣмъ чтобы учащіеся при богослуженіи сами пѣли и читали. Судя по этимъ цѣлямъ, нельзя не пожелать успѣха Бакинскому братству.

— По сообщенію «Церк. Вѣстн.», на Кишиневскомъ съѣздѣ духовенства былъ возбужденъ и рассмотрѣнъ, въ числѣ другихъ, важный въ житейскомъ отношеніи вопросъ, касающійся быта духовенства. Одинъ изъ депутатовъ представилъ съѣзду докладную записку о принятіи мѣръ къ обезпеченію священно-церковнослужителей епархіи квартирами черезъ предложеніе со стороны епархіальнаго начальства обществамъ прихожанъ, гдѣ это возможно будетъ, построить удобныя дома со службами для помѣщенія въ нихъ мѣстныхъ священниковъ и псаломщиковъ или, гдѣ это невозможно, черезъ употребленіе на наемъ квартиръ подъ помѣщеніе священно-церковнослужителей части остаточной церковной суммы, на осно-

ваніи § 38 инструкціи старость. Съѣздъ, соглашаясь съ соображеніями депутата и находя, что духовенство всей епархіи дѣйстви-тельно испытываетъ большія нужды въ отношеніи квартирнаго помѣщенія, рѣшилъ просить епархіальнаго преосвященнаго о при-веденіи въ исполненіе постановленія депутатовъ епархіал. съѣзда 1897 года, каковымъ постановленіемъ предположено было ежегод-ное отчисленіе изъ наличныхъ остаточныхъ церковныхъ суммъ $\frac{1}{4}$ части на постройку и исправленіе причтовыхъ помѣщеній. Преосвященный утвердилъ рѣшеніе съѣзда.

— Въ видахъ возможно лучшей постановки и развитія дѣла школьнаго просвѣщенія сельскаго населенія Сибири, въ духов-номъ вѣдомствѣ выработаны въ настоящее время мѣропріятія, которыя въ главныхъ чертахъ сводятся къ слѣдующему. Всѣ на-чальные народныя училища въ Сибири, содержимыя на средства сельскаго населенія, предполагается сосредоточить въ духовномъ вѣдомствѣ и преобразовать въ церковныя; затѣмъ, въ виду по-стройки новыхъ церквей въ Сибири, одновременно съ открытіемъ всякаго новаго прихода, отрывать въ немъ при приходской цер-кви и церковно-приходскую школу; открыть, правильно-организо-ванныя школы грамотности во всѣхъ селеніяхъ Сибири, имѣю-щихъ болѣе 200 душъ жителей; для вѣрнѣйшаго преуспѣянія сибирскихъ церковно-приходскихъ школъ расходъ по содержанію этихъ школъ предполагается увеличить съ 400 до 700 рублей въ годъ, по содержанію же школъ грамотности отъ 120 до 360 руб. ежегодно. Для удовлетворенія потребностей въ учительскомъ пер-соналѣ проектируется существующія нынѣ и содержимыя на гу-бернскія и земскія средства учительскія семинарія въ Иркутскѣ, Красноярскѣ и Омскѣ, передать въ духовное вѣдомство съ пре-образованіемъ ихъ въ церковно-учительскія семинарія и, кромѣ того, учредить новыя церковно-учительскія семинарія въ Тобольскѣ, Благовѣщенскѣ и Якутскѣ. Намѣченныя мѣропріятія въ непро-должительномъ времени будутъ обсуждаться въ Училищномъ Со-вѣтѣ при Св. Синодѣ.

«Оренб. Еп. Вѣд.»

— Существованіе церковно-приходскихъ школъ доказало воочію, что направленіе ихъ воистину народное, ибо народъ полюбилъ эти школы. Не замедлили оказаться, по словамъ «Корм.», добрые плоды этого, выразившіеся прежде въ томъ, что въ настоящее время и земскія и министерскія школы обратили особенно серь-езное вниманіе на Законъ Божій, церковно-славянское чтеніе, пѣ-

ніе, на религіозно-нравственное воспитаніе школьничковъ. Не могли вѣдающіе школьное дѣло въ земскихъ школахъ не замѣтить, что церковныя школы особенно привлекаютъ къ себѣ народонаселеніе тѣми именно сторонами своей учебно-воспитательной организаціи, которыя до послѣдняго времени были въ тѣни въ первыхъ школахъ. Законъ Божій, церковно-славянское чтеніе, церковное пѣніе, уваженіе къ храму, чтеніе въ церкви, хоровое пѣніе,—все это иначе, чѣмъ въ школахъ гражданскаго вѣдомства, поставленное въ церковныхъ школахъ послужило причиною той тѣсной связи, той сердечной любви, которыя возникли и установились между церковной школой и народомъ, ею просвѣщаемымъ. Замѣтивши это, дѣятели земскіе—конечно, тѣ изъ нихъ, кто искренно и честно работаетъ на пользу народа, а не своихъ предвзятыхъ идей и идеаловъ,—поспѣшили дать и своимъ школамъ соответствующее желаніямъ народнымъ направленіе. Въ иныхъ случаяхъ такое похвальное и вполнѣ здоровое направленіе нѣкоторыхъ земствъ дошло до того, что училищныя ихъ совѣты предоставили завѣдываніе тѣмъ или другимъ училищемъ приходскому пастырю: онъ и учителя рекомендуетъ, и порядки въ школѣ устанавливаетъ, и за школьнымъ хозяйствомъ наблюдаетъ, и потому теперь, даже тамъ гдѣ еще недавно слышались рѣчи противъ церковныхъ школъ, нерѣдко можно встрѣтить школы, только по имени земскія, а по существу ставшія церковно-приходскими. Нерѣдки также случаи поддержки земствами церковныхъ школъ. Такъ, въ Олонецкой губерніи изъ шести недавно бывшихъ земскихъ собраній одно ассигновало на церковныя школы 3,417 руб., другое—2,000 руб. третье—844 руб., четвертое—2,939 руб. и кромѣ того 125 руб. на открытіе новой церковной школы, пятое—3,220 р., шестое—3,560 руб., при чемъ нѣкоторыми земствами прежній кредитъ на церковныя школы усиленъ. Все это весьма отраднo и несомнѣнно придастъ новую энергію дѣятелямъ церковныхъ школъ.

— На послѣднемъ сѣздѣ предсѣдателей уѣздныхъ отдѣленій Херсонскаго епархіальнаго училищнаго совѣта и уѣздныхъ наблюдателей церковныхъ школъ Херсонской епархіи, какъ сообщаетъ «Одес. Лист.», обсуждался вопросъ объ улучшеніи матеріальнаго положенія учителей церковныхъ школъ. Сѣздъ призналъ желательнымъ и даже необходимымъ по возможности приблизить размѣръ содержанія учителей церковныхъ школъ къ размѣру содержанія учителей другихъ вѣдомствъ, а именно: учителя

лямъ церковно-приходскихъ школъ назначить минимумъ 300 руб. и учителямъ школъ грамоты 120 руб. Что касается матеріальнаго положенія учителей второклассныхъ школъ, то Херсонская епархія въ сравненіи съ другими находится въ особыхъ условіяхъ, какъ по сравнительной дороговизнѣ жизни, такъ и по недостатку окончивающихъ курсъ духовной семинаріи. Въ виду этого, съѣздомъ признано необходимымъ, для процвѣтанія этихъ школъ въ епархіи, ходатайствовать предъ училищнымъ совѣтомъ при Св. Синодѣ объ увеличеніи содержанія старшему учителю второклассной школы до 500 руб., второму—400 руб. и третьему—до 300 руб. При этомъ признано необходимымъ, чтобы однообразное вознагражденіе учителямъ выдавалось аккуратно въ извѣстные сроки и чтобы для обезпеченія будущности учителей организована была касса взаимопомощи учителямъ церковныхъ школъ.

— «Миссіонер. Обзоръ» отмѣчаетъ свѣтлыя стороны въ церковной жизни Самарской епархіи, которыя даютъ возможность надѣяться, что совмѣстными усиліями пастырей и прихода будутъ приведены въ церковную ограду не только отпадшіе отъ церкви, но и бывшіе въ ней иновѣрцы и язычники. Авторъ пишетъ, что „въ послѣдніе семь—восемь лѣтъ не узнать духовной нивы нашей епархіи, такъ она успѣшно очищается отъ терній и волчцевъ сектанства и благоукрашается побѣгами христіанскихъ насажденій на полосѣ иновѣрчества. Случаи обращенія въ православіе перестали быть единичными фактами. Изъ раскола воссоединяются сотни и образовано нѣсколько единовѣрческихъ приходовъ. Инородческая миссія подвинулась быстро впередъ, стройно организовавшись“. Приводя эти извѣстія, «Борм.» замѣчаетъ: „весьма отраднo читать и слышать о подобныхъ фактахъ въ пастырской практикѣ. Но всѣ эти и подобные случаи являются чрезвычайно разрозненными, если когда-нибудь они и попадаютъ въ печать, а большая часть свѣтлыхъ явленій молчаливо скрывается подъ спудомъ, освѣщая какой-нибудь одинъ глухой край. А между тѣмъ возможно болѣе широкое обнародованіе подобныхъ фактовъ представляетъ прямой интересъ въ дѣлѣ пастырской миссіи. Больше успѣха—больше энергіи пастырямъ. Энергія можетъ пробудиться даже тамъ, гдѣ ея раньше не было, гдѣ не сознавалась вся высота просвѣтительно-миссіонерскаго служенія“.

— Въ послѣднее время, какъ сообщаетъ «Церк. Вѣстн.», устроено и освящено нѣсколько новыхъ православныхъ церквей въ нѣкото-

рыхъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ эти церкви особенно нужны. 3 ноября послѣдовало давно ожидавшееся православными варшавянами освященіе храма при варшавской 1-й мужской гимназій. Храмъ этотъ признается сооруженіемъ замѣчательнымъ по тщательности и изяществу внутренней его отдѣлки, по художественной пикантной и стѣнной живописи и по богатству утвари. Сооружая и устроая его, строители имѣли въ виду не только религіозно-воспитательное вліяніе церкви на учащихъ дѣтей, но и потребность въ устройствѣ соотвѣтственнаго памятника на мѣстѣ временнаго погребенія царя Василія Ивановича Шуйскаго, умершаго 12 сентября 1612 года въ польскомъ плѣну и въ 1620 году похороненнаго именно на томъ приблизительно мѣстѣ, которое занято нынѣ фасадомъ зданія гимназій, гдѣ помѣщается вновь устроенная церковь. Вслѣдствіе этого храму въ наружныхъ его очертаніяхъ приданъ характеръ построекъ времени царя Василія Шуйскаго. Общая стоимость расходовъ по сооруженію церкви, устроенной на пожертвованія, простирается до 100,000 р. Починъ въ пожертвованіяхъ сдѣланъ былъ о. Іоанномъ Кронштадтскимъ, приславшимъ разновременно 18,000 р.—Въ концѣ сентября совершенно освященіе вновь устроенной, вмѣсто прежней крайне ветхой и грозившей паденіемъ, православной церкви въ Рождественскомъ заводѣ (Ножовѣ), Оханскаго уѣзда, гдѣ населеніе въ большинствѣ состоитъ изъ раскольниковъ и гдѣ поэтому нужда въ новомъ православномъ храмѣ чувствовалась въ преимущественной степени. Новый храмъ начать былъ постройкою самими прихожанами, но, вслѣдствіе бѣдности послѣднихъ, на ихъ средства не могъ быть достроенъ. Было время, когда казалось, что постройка будетъ приостановлена, и Богъ знаетъ, когда бы она возобновилась, если бы на помощь ножовцамъ не явился пермскій купецъ Г. В. Б., который довель постройку до конца, отдѣлалъ храмъ и совнѣ и внутри, снабдилъ утварью, ризницею и полнымъ кругомъ богослужебныхъ книгъ.—Рѣшеніемъ Кншиневскаго епархіальнаго духовенства, принятымъ на послѣднемъ его сѣздѣ, обезпечена достройка новаго зданія единовѣрческой церкви въ гор. Измайлѣ и единовѣрческой церкви-школы въ гор. Кагулѣ. Выразивъ въ своемъ опредѣленіи по этому предмету полное сочувствіе дѣлу развитія въ Измайлскомъ уѣздѣ единовѣрія и выразивъ признаніе неотложной нужды въ скорѣйшемъ сооруженіи въ Кагулѣ новой церкви-школы и въ уплатѣ долговъ по сооруженію Измайлской единовѣрческой церкви, сѣздъ отпустилъ

изъ средствъ епархіальнаго свѣчнаго завода потребную для указанной цѣли сумму, въ количествѣ 3,800 р. Сдѣлавъ эту ассигновку, Кяшиневскій сѣздъ далъ наилучшее назначеніе свободнымъ заводскимъ суммамъ, и можно лишь пожелать, чтобы его примѣру, въ случаяхъ подобныхъ исключительныхъ церковно-строительныхъ нуждъ, слѣдовали и другіе сѣзды.—На собираемыя пожертвованія вмѣстѣ въ виду предпринять и частію уже предпринято сооруженіе нѣсколькихъ церквей въ западномъ краѣ, гдѣ, при малочисленности православныхъ церквей,—нужда въ нихъ несравненно ощутительнѣе, чѣмъ напримѣръ, въ центральной Россіи. Какъ тяжело православнымъ людямъ на западной окраинѣ жить вдали отъ церкви, показываетъ примѣръ поселенцевъ-крестьянъ, которые нерѣдко именно по причинѣ отсутствія православной церкви вблизи ихъ поселеній, продавъ за безцѣнокъ свою землю, возвращаются на прежнюю родину. Въ «Литов. Еп. Вѣд.» указывается въ видѣ примѣра, на село Богородицкое, Ковенскаго уѣзда, гдѣ лѣтъ 15 тому назадъ числилось до 16 семействъ русскихъ поселенцевъ, а теперь ихъ здѣсь всего только 5: одиннадцать семействъ не выдержали, стосковались по роднымъ храмамъ и возвратились внутрь Россіи, распродавъ за безцѣнокъ земли и строенія. Отдаленность церквей нерѣдко является и ближайшею причиною охлажденія православнаго населенія къ своей вѣрѣ. Нельзя поэтому не желать, чтобы въ виду этихъ обстоятельствъ, православные западно-руссы не оставались въ своихъ церковно-строительныхъ нуждахъ безъ братской поддержки со стороны прочаго единовѣрнаго населенія Россіи.

Тиражъ выигрышей билетовъ перваго внутренняго 5⁰ о займа, произведенный въ Петербургѣ 2-го января 1899 года.

Главные выигрыши пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма	№№ серій.	№№ билет.	Сумма
4760	19	200000	4918	16	8000	750	3	1000	4674	6	1000
15885	24	75000	18505	39	8000	11199	34	1000	16440	24	1000
6420	20	40000	7578	4	5000	4791	48	1000	2285	16	1000
2056	42	25000	18003	47	5000	13917	38	1000	17667	28	1000
16925	43	10000	3397	43	5000	562	11	1000	17396	34	1000
13723	4	10000	494	46	5000	12778	27	1000	8519	19	1000
1781	22	10000	6455	32	5000	3193	7	1000	3880	50	1000
9222	42	8000	6586	22	5000	1547	48	1000	981	18	1000
8236	17	8000	10368	19	5000	3839	12	1000	5216	13	1000
1534	40	8000	17325	38	5000	13364	45	1000	8675	46	1000

По 500 рублей каждый:

№№ сер.	№№ бл.	№№ сер.	№№ бл.	№№ сер.	№№ бл.	№№ сер.	№№ бл.	№№ сер.	№№ бл.	№№ сер.	№№ бл.	№№ сер.	№№ бл.
1592	1	19973	6	4939	15	13492	22	16745	30	13415	38	18650	44
12881	1	2440	7	6328	15	13720	22	16772	30	14573	38	19950	44
14478	1	5395	7	6384	15	17712	22	237	31	17115	38	5512	45
16841	1	6606	7	8899	15	3001	23	4694	31	17304	38	5733	45
708	2	14439	7	14862	15	6391	23	4820	31	4342	39	12337	45
2422	2	18480	7	17549	15	7253	23	7298	31	5731	39	12879	45
3241	2	472	8	192	16	16494	23	9191	31	7207	39	15472	45
5270	2	5454	8	1422	16	539	24	13846	31	8420	39	15525	45
9142	2	5491	8	7892	16	13371	24	17232	31	10007	39	17833	45
9913	2	5851	8	9368	16	6685	25	19179	31	11613	39	9587	46
13593	2	9980	8	10530	16	7290	25	19237	31	12778	39	10107	46
14677	2	12140	8	16359	16	14464	25	350	32	16937	39	13125	46
14856	2	14061	8	7752	17	16990	25	4016	32	19508	39	13944	46
16631	2	17714	8	8554	17	19590	25	6012	32	7433	40	3531	47
19669	2	17718	8	10934	17	2255	26	15637	32	7876	40	5901	47
433	3	3411	9	12622	17	4810	26	16168	32	12864	40	7165	47
2606	3	7029	9	2614	18	5945	26	1424	33	12460	41	7497	47
2879	3	18188	9	4396	18	8079	26	4327	33	358	42	555	48
10627	3	1411	10	8701	18	14633	26	4728	33	2495	42	913	48
2573	4	8484	10	9103	18	16715	26	4840	33	2714	42	1303	48
3487	4	16203	10	13404	18	18976	26	10723	33	2842	42	8168	48
8832	4	1546	11	15191	18	19216	26	7040	34	7278	42	13254	48
14077	4	3605	11	138	19	1224	27	8408	34	7405	42	15645	48
18695	4	9133	11	259	19	5708	27	9361	34	7477	42	4022	49
4518	5	16253	11	1145	19	7619	27	9763	34	7911	42	7008	49
5228	5	17395	11	2407	19	7647	27	9839	34	10478	42	10469	49
9662	5	18781	11	5375	19	13536	27	12193	34	18112	42	12909	49
13821	5	4033	12	13649	19	13561	27	5512	35	8575	43	5277	50
16999	5	4206	12	16884	19	4632	28	11529	35	8997	43	7323	50
17212	5	11381	12	9188	20	11943	28	11841	35	12000	43	8080	50
19056	5	13614	12	18599	20	15429	28	14468	35	14126	43	11239	50
19213	5	13827	12	3352	21	656	29	8854	36	17448	43	13488	50
19909	5	3968	13	12729	21	3296	29	9032	36	18449	43		
917	6	4745	14	19760	21	8777	29	18394	36	18781	43		
7211	6	6941	14	51	22	8023	30	1028	37	2131	44		
8323	6	18827	14	7841	22	8497	30	1290	37	10938	44		
12778	6	19056	14	9583	22	8817	30	4000	37	13289	44		
13559	6	19174	14	13033	22	11103	30	11694	38	13970	44		

Уплата выигрышей будет производиться исключительно в банк в С.-Петербург с 1-го апреля 1899 года.

Таблица билетов серий 1-го внутреннегого 500 сь выигрышами займа, вышедших в тираж погашения, произведенный в правлении Государственного банка 2-го января 1899 года:

№№ серий: 2358, 1102, 16063, 17501, 19690, 14653, 4148, 19154, 4186, 1086, 4587, 5274, 17349, 17138, 15150, 5564, 171, 7687, 898, 11731, 17635, 14526, 9312, 5330, 13080, 15714, 7774, 7754, 1854, 19651, 3755, 11556, 8613, 1698, 8517, 5381, 15619, 2506, 16749, 12291, 9932, 2442, 3417, 6818, 13867, 8999, 12894, 16389, 8904, 387, 4283, 4331, 10700, 3284, 11406, 12692, 276, 936, 5188, 10776, 4201, 1036, 14994, 199, 13186, 2817, 3694, 2137, 19618, 13829, 1921, 11506, 19769, 11109, 5640, 5287, 10384, 9284, 17587, 1750, 4669, 8775, 15753, 17611, 29, 7517, 13666, 16973, 19628, 9460, 9783, 11158, 15082, 18320, 11350, 1230, 4500, 14492, 19423, 15940, 8877, 388, 15469, 14641, 1861, 6838, 16788, 2820, 19621, 1842, 5850, 19653, 15038, 14474, 13101, 8881, 16920, 17893, 19515, 19802, 12967, 1397, 16421, 16666, 3875, 16321, 17634, 13035, 5514, 13441, 10252, 1327, 15008, 18556, 1625, 16058.

Уплата капитала по вышедшим в тираж билетамъ будет производиться сь 1-го апреля 1899 года в Государственномъ банкѣ, его конторахъ и отделенияхъ.

ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА

Харьковскаго Общества послѣдователей гомеопатіи.

Харьковъ. Екатеринославская улица, № 36.

Книги и лѣчебники по гомеопатіи. Домашнія аптечки. Прейсъ-
Курантъ высылается по требованію бесплатно.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ КНИГИ.

Новое сочиненіе ДМ. ИВ. ЭВАРНИЦКАГО:

ПО СЛѢДАМЪ ЗАПОРОЖЦЕВЪ.

Продается у автора, Москва, Унивѣрситет. Цѣна 1 р. 50 к.

„Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій
о вопросахъ современныхъ“.

Профессора Н. И. Барсова. С.-П.-Б. 1899. Ц. 2 р.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 г.

н а

„Американскій Православный Вѣстникъ“

(ОРГАНЪ ПРАВОСЛАВНОЙ АМЕРИКАНСКОЙ МИССИИ).

Начало подписнаго года—1-го Января стараго стиля. Болѣе важныя и
существенныя статьи печатаются въ два текста—русскій и англійскій—
параллельно. Журналъ выходитъ дважды въ мѣсяць,—каждаго 1-го и
15-го числа. Подписная цѣна на годъ: въ Америкѣ—три доллара; въ
Россіи—шесть руб. съ пересылкой. Допускается разсрочка по полугодіямъ.
Подписка принимается—въ Россіи: С.-Петербургъ. Редакція „Церковнаго
Вѣстника“—для перевода въ НЬЮ-ІОРБЪ.

Въ Америкѣ: America, New York, City, 823 Second Ave., Rev. Alexander Ho-
tovitzky.

Редакторъ, Свящ. А. Хотовицкій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

У протоіерея Іоанна Лукича Чижевскаго
(въ Харьковѣ, Конторская улица д. № 64-й).

Можно получить слѣдующія его изданія: 1. Собраніе церковно-гражданскихъ постановленій о монашествующихъ въ монастыряхъ. Харьковъ 1898 г., стр. 1—191. Цѣна 2 р. съ перес. 2. Церковное писмоводство. Собраніе правилъ и постановленій къ правильному веденію оного; изданіе четвертое исправленное и дополненное. Харьковъ 1898 г., стран. VIII—282. Цѣна экзем. 2 р., за 10—по 1 р. 80 к., а свыше 10 экзем. по 1 р. 30 к. за каждый. 3. Устройство Православной Россійской Церкви, ея учрежденія и дѣйствующія узаконенія по ея управленію. Харьковъ 1898 г., стран. XVII—442. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к. Настоящій сборникъ, по разсмотрѣніи оного въ рукописи Московскимъ Духовно-Цензурнымъ Комитетомъ, представляемъ быть на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе къ изпечатанію Св. Синоду и опредѣленіемъ его состоявшимся 4 іюня 1897 г. разрѣшенъ къ напечатанію.—Журналъ „Миссіонерское Обозрѣніе“, за 1898 г. въ Сентябрьской книжкѣ, на стран. 1224—25 помѣстивъ объ этомъ Сборникѣ слѣдующій отзывъ: „Предлагаемая вниманию читателей нашего журнала книга протоіерея Чижевскаго заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ Православной Россійской Церкви и знакомитъ, если не со всеми, то съ самонужнѣйшими церковно-гражданскими узаконеніями и постановленіями оной. Трудъ о. Чижевскаго распадается на девять отдѣловъ. Первый отдѣлъ знакомитъ съ управленіемъ Россійскою Церковію вообще, второй—трактуетъ о духовенствѣ; третій—о приходахъ; четвертый—о благоустройствѣ храмовъ; пятый—о богослуженіи; шестой—о значеніи воскресныхъ и праздничныхъ дней, седьмой—объ охраненіи и распространеніи православной вѣры; восьмой—о построеніи церквей, и, наконецъ, девятый—о церковномъ хозяйствѣ *). Изъ этого краткаго перечня отдѣловъ явствуетъ, что разсматриваемая нами книга заключаетъ въ себѣ весьма много полезныхъ свѣдѣній для духовенства. Въ частности для лицъ, пресѣлующихъ миссіонерскія цѣли, она представляетъ наиболѣе интереса своимъ седьмымъ отдѣломъ, трактующимъ объ охраненіи и распространеніи православной вѣры. Изъ восьми главъ этого отдѣла—последнія четыре имеютъ спеціально миссіонерскій характеръ. Такъ V глава—касается вопроса пресѣченія и предупрежденія распространяемаго расколовъ и ересей между православными. Она трактуетъ о мѣрахъ къ предупрежденію распространяемаго шунды и другихъ еретическихъ лжеученій и раскола; касается правилъ просоединенія обратившихся изъ раскола къ Православной или Единовѣрческой Церкви. VI глава разсматриваетъ вопросъ о предупрежденіи и пресѣченіи привлеченія православныхъ христіанъ въ иновѣріе; VII глава посвящена вопросу о присоединеніи иновѣрцевъ къ православной Церкви, а также азычниковъ, магометанъ и евреевъ; трактуетъ также о бракахъ православныхъ съ иновѣрными и VIII глава касается вопроса о предупрежденіи и пресѣченіи отступленія отъ прав. вѣры новообратившихся къ ней азычниковъ, магометанъ и евреевъ“. Далѣе „разсматривая нами книга, говоритъ рецензія журнала „Миссіонерское Обозрѣніе“, изложена языкомъ вполне простымъ и общедоступнымъ. Къ числу достоинствъ труда о. Чижевскаго нужно отнести и то обстоятельство, что такіе читатели находятъ по каждому вопросу самыя полныя ссылки на общероссійскія законоположенія, Синодальные указы и распоряженія мѣстныхъ духовныхъ консисторій. Можно въ силу вышесказаннаго, рекомендовать вниманію нашихъ читателей трудъ о. протоіерея Чижевскаго, какъ заключающій въ себѣ много свѣдѣній полезныхъ и необходимыхъ въ практической дѣятельности священниковъ и въ частности миссіонеровъ“. Газета „Жизнь и Искусство“ № 3, 1898 г., между прочимъ заявила, что „изданіе о. Чижевскаго можетъ служить весьма полезною настоящею справочною книгю не только для духовенства, но, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и для юристовъ, такъ какъ узаконенія принадлежащія по управленію духовныхъ дѣлъ православнаго исповѣданія не вошли въ Сводъ Законовъ, и потому, на основаніи приложения къ ст. 16 учрежд. Правит. Сенат. т. 1, ч. II Свод. Зак. изд. 1886 г., въ потребныхъ случаяхъ должны быть приводимы непосредственно изъ указовъ и постановленій Правительства, а сборникъ о. Чижевскаго, удовлетворяетъ этой потребности“. Такіе же благопріятные отзывы помѣстили на своихъ страницахъ: „Хар. Губ. Вѣд.“, газета Южный Край“ и др. журналы и газеты.

*) Такіе сборники на основаніи ст. 257 Цензурнаго Устава т. XIV изд. 1890 г. должны заключать въ себѣ „Основательное собраніе, изъясненіе и совокупленіе правилъ церковнаго управленія“ и только такіе признаются достойными одобренія и разрѣшаются къ напечатанію. Въ отдѣлѣ этотъ подробно вошло все то, что заключалось въ издаваемомъ мною сборникѣ, издѣлаемъ три изданія (въ 1873, 75 и 91 г.г.) подъ загл. „Церковное Хозяйство“, втор. изд. котораго опечатано съ разрѣшенія Св. Синода, по представленію С.-Петербург. Духовно-Цензурн. Комитета

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

на духовно-академическіе журналы

„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ И ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ“

съ приложеніемъ полного собранія твореній св. Іоанна Златоуста.

С.-Петербургская Духовная Академія, въ твердой рѣшимости и впредь служить по мѣрѣ силъ тому дѣлу, которому она служила до сихъ поръ посредствомъ своихъ журналовъ, будетъ издавать въ 1899 году „Церковный Вѣстникъ“ и „Христианское Чтеніе“ по слѣдующей программѣ. Въ *Церковномъ Вѣстникѣ* печатаются: 1) Передовыя статьи, имѣющія своимъ содержаніемъ обсужденіе богословскихъ и церковно-историческихъ вопросовъ, какъ они выдвигаются запросами времени; 2) Статьи церковно-общественнаго характера, посвященные обсужденію различныхъ церковныхъ и общественныхъ явленій, по мѣрѣ того, какъ выдвигаетъ ихъ текущая жизнь; въ этомъ отдѣлѣ редакция даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ подписчиковъ и читателей, которые соблаговолятъ высказаться по тѣмъ или другимъ назрѣвающимъ вопросамъ жизни; 3) Мнѣнія и отзывы—отдѣлъ, въ которомъ излагаются и подвергаются критическимъ замѣчаніямъ факты и явленія церковно-общественной жизни, какъ они отображаются въ текущей духовной и свѣтской печати; 4) Въ области церковно-приходской практики—отдѣлъ, въ которомъ редакция даетъ разрѣшеніе недомѣльныхъ вопросовъ изъ пастырской практики; 5) Корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы о выдающихся явленіяхъ мѣстной жизни; 6) Обзорныя книгъ и духовныхъ, а равно и свѣтскихъ журналовъ; 7) Постановленія и распоряженія правительства; 8) Лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи и за границей на пространствахъ всего земного шара; 9) Разныя извѣстія и замѣтки, разнообразныя интересныя свѣдѣнія, не укладывающіяся въ вышеозначенныя отдѣла.

Въ *Христианскомъ чтеніи* входятъ самостоятельныя и передовныя статьи богословскаго, историческаго и назидательнаго содержанія, въ которыхъ съ серьезностью научной постановки дѣла соединяется и общедоступность изложенія, а также критическія замѣчанія о выдающихся новостяхъ отечественной и иностранной богословской литературы. Кромѣ того съ 1895 года редакция приступила къ изданію **ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА** въ русскомъ переводѣ на весьма льготныхъ для своихъ подписчиковъ условіяхъ. Именно подписчики на оба журнала получаютъ ежегодно большой томъ этихъ твореній въ двухъ книгахъ около 1000 страницъ убористаго, но четкаго шрифта мѣсто номинальной цѣны въ три рубля за **одинъ рубль**, и подписчики на одинъ журналъ за 1 р. 50 к., считая въ томъ и пересылку. При такихъ льготныхъ условіяхъ всѣ подписчики Церковнаго Вѣстника и Христианскаго Чтенія получаютъ возможность при самомъ незначительномъ ежегодномъ расходѣ приобрести полное собраніе твореній одного изъ величайшихъ отцовъ церкви,—собраніе которое по богатству и разнообразію содержанія составляетъ цѣлую бібліотеку богословской литературы ея золотого вѣка. Въ 1899 г. будетъ изданъ **п я т ы й т о м ъ** въ двухъ книгахъ. Въ него войдутъ **БЕСѢДЫ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА НА ПСАЛМЫ**. Новые подписчики, желающіе получить и первые четыре тома, благоволятъ прилагать къ подписной цѣнѣ по два рубля за томъ, въ изданномъ англійскомъ переплетѣ—по два руб. 50 коп. за томъ съ пересылкой.

Условія подписки. Годовая цѣна въ Россіи: а) за оба журнала 8 (восемь) руб., съ приложеніемъ **ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА—9 (девять) руб.** въ изданномъ переплетѣ—9 р. 50 коп. б) отдѣльно за Церковный Вѣстникъ 5 (пять) руб. съ приложеніемъ **ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА—6 руб. 50 к.**, въ изданномъ переплетѣ 7 руб.; за Христианское Чтеніе 5 (пять) руб., съ приложеніемъ **ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА—6 р. 50 к.**, въ изданномъ переплетѣ 7 руб. За границей, для всѣхъ мѣстъ: За оба журнала 10 (десять) р.; съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—11 р. 50 к., въ переплетѣ—12 р.; за каждый отдѣльно 7 (семь) руб., съ приложеніемъ Твореній св. Іоанна Златоуста—9 руб., въ переплетѣ—9 р. 50 к. Иногородные подписчики надписываютъ свои требованія такъ: Въ Редакцію Церковнаго Вѣстника и Христианскаго Чтенія въ С.-Петербурѣ.

Редакторъ проф. А. Лопухинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ на 1899 годъ

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

Изданіе Московскаго Психологическаго Общества, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Журналъ издается подъ редакціей В. П. Преображенскаго, при непосредственномъ содѣйствіи Н. Я. Грота, Л. М. Ломатина и кн. С. Н. Трубецкаго и при ближайшемъ участіи В. А. Гольцева, В. Н. Иванова, Н. А. Иванцова, С. С. Норсакова, Вл. С. Соловьева, А. А. Томарскаго, Н. А. Умова. Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ. Условія подписки: На годъ съ 1 января 1899 г. по 1 января 1900 года безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи. Подписка кромѣ книжныхъ магазиновъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Большая Никитская, Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева, 2-я, кз. 28, въ помѣщеніи журнала „Русская Мысль“.

Редакторъ В. П. Преображенскій.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества Н. Я. Гротъ.

НИВА

дастъ въ теченіе
одного 1899 г.
своимъ подписчикамъ
БЕЗПЛАТНО

подписчики „НИВЫ“ получать въ 1899 г.:

52 №№ жур. „НИВА“ (до 1500 стол. текста и 500 грам.). Въ нум. Нивы за 1899 г. будетъ печатат. приобрѣт. ред. въ рукоп. новый ром. Графа Льва Николаевича ТОЛСТОГО: „ВОСКРЕСЕНІЕ“ со множеств. рисунковъ иллюстрацій Л. О. Пастернака. **12 т.** полн. собран. соч. И. А. Гончарова, которое явится первымъ по полнотѣ содержания (такъ какъ въ него войдутъ произв. Гончарова, не помѣщ. въ прежн. издан.) и будетъ отпечатано на хорошей бѣлой глазированной бумагѣ. **12 книгъ „ежемесячныхъ литературныхъ приложений“** (романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя статьи и проч. современныхъ авторов).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“
на годъ со всѣми приложениями:
Безъ доставки въ СПб. **5 р. 50 к.** Съ пересыл. во всѣ города Россіи. **7 р.**
Съ доставкой въ СПб. **6 р. 50 к.** За границу—**10 руб.**
Безъ доставки: 1) въ Москвѣ, въ Конторѣ Н. Печковской—6 р. 25 к.; 2) Въ Одессѣ, въ книжн. магазинѣ „Образованіе“—6 р. 50 к. Разрочн. платежа въ 2 и 3 срока.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ГОНЧАРОВА

12 №№ „Парижскихъ модъ“ (до 300 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ). **12 №№** рукодѣльныхъ и вышивальныхъ работъ и выкроекъ въ натуральную величину (около 600 рисунк. и чертеж.). **Стѣнной календарь** на 1899 годъ. Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается бесплатно.

Требованія адресовать въ Главную Контору журн. „НИВА“. С.-Петербургъ, Малая Морская. 22.

Большой семейный иллюстрированный и литературный журналъ

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ

Издаваемый Спб. Акціон. Общ. печатнаго дѣла ИЗДАТЕЛЬ,

подъ редакцію извѣстнаго писателя А. К. ШЕЛЛЕРА
(А. МИХАЙЛОВА).

Съ 1-го января 1897 года изданіе журнала „Живописное Обзорніе“ перешло въ собственность Спб. Акціонернаго Общества печатнаго дѣла И З Д А Т Е Л Ъ. Приступая къ дальнѣйшему издательству журнала „Живописное Обзорніе“, Правленіе Общества издатель употребило всѣ зависящія отъ него усилія, чтобы въ 1898 году журналъ Живописное обзорніе отвѣчалъ современнымъ требованіямъ большого художественно-литературнаго журнала, какія предъявляются лучшимъ иностраннымъ изданіямъ этого рода. Въ литературномъ отдѣлѣ журнала Живописное обзорніе въ 1898 году были помѣщены большія оригинальныя произведенія, романы Великій старикъ В. И. Немровича-Данченко, На сѣверѣ Д. П. Муравлина (кн Голицына, Особый мѣръ В. А. Рышкова, Полая вода А. И. Лемана, Побѣдители З. Н. Гиппюстъ, Наслѣдство А. М. Федорова, не считая мелкихъ по размѣрамъ повѣстей и разсказовъ. Изъ иностранныхъ романовъ журналъ своевременно далъ переводы Парижъ Э. Золя, Опора семьи А. Додэ Араквѣя І. Эберса и др. Въ наступающемъ 1899 году будутъ приложены Правленіемъ и Редакціей всѣ силы къ тому, чтобы еще болѣе улучшить и оживить журналъ какъ въ художественномъ, такъ и въ литературномъ отношеніяхъ, что возможно только изданію, имѣющему въ своемъ распоряженіи, кромѣ пятидесяти двухъ объемистыхъ по формату и числу листовъ еженедѣльныхъ номеровъ, еще двѣнадцать книгъ формата большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Въ 1899 г. журналъ Живописное Обзорніе, не возвышая подписной цѣны, дастъ гг. подписчикамъ

Два самостоятельныхъ литературныхъ изданія:

1) еженедѣльный семейный художественно-литературный журналъ.

52 иллюстрированныхъ номера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый номеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 2½—3-хъ листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. При номерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается: 1. 12 номеровъ Парижскихъ новѣйшихъ модъ съ рисунками.—2. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—3. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ и костюмовъ—шерстью, шурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—4. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—5. Рисунки для вышиванія оригинальныя разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—6. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ: романсы, танцы и проч.—7. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками. 2) ежемѣсячное литературное приложеніе **ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ**. Подписная годовая цѣна прежняя на годъ съ дост. по Имперіи 8 р.—Безъ доставки въ Спб. 7 р.—въ Москвѣ 7 р. 75 к. На полгода съ доставкою по Имперіи 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—Заграницу: на годъ—16 р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ главною конторою.

Главная контора журнала: СПБ., Невскій просп., д. № 68—40.

Открыта подписка на 1899 годъ.

XII-й годъ
и в д а н і я .

„СЪВЕРЪ“

XII-й годъ
и в д а н і я .еженедѣльный иллюстрированный литературно-художественный журналъ.
Подписчики СВВЕРА въ 1899 г. получать:

52 №№ иллюстрированного журнала, изъ которыхъ съ цвѣтными рисунками извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ 12 №№. 52 №№ еженедѣльнаго обзорнаго *Съверъ* въ форматѣ газетнаго листа убористой печати. 12 №№ ежемѣсячнаго журнала *Хозяйство и домоводство*, въ которомъ будутъ даваться полезныя совѣты и указанія, необходимыя для сельскаго хозяйства и домашняго обихода. 12 №№ ежемѣсячнаго журнала *Парижскія моды*, со множествомъ рисунковъ въ текстѣ, выходящихъ одновременно съ однимъ изъ лучшихъ парижскихъ модныхъ журналовъ. 12 №№ выкроекъ на отдѣльныхъ большихъ листахъ, съ узорами, монограммами, рисунками дамскихъ рукодѣлій, вышиваній и пояснительнымъ текстомъ. 12 томовъ *Библиотеки Съвера*, каждый томъ—объемомъ отъ 160 до 240 и болѣе страницъ плотнаго шрифта, въ которыхъ будетъ дано собраніе сочиненій ЮСИФА КРАПЕВСКАГО: 1. Два свѣта, 2. Паянъ Твардовскій, 3. Остапъ Бондарчукъ, 4. Кувнагасъ, 5. Ермола, 6. Янъ Собѣсскій, 7. Мученица на тронѣ, 8. Древнее сказаніе, 9. Уляна, 10. Черный день, 11. Чудаки, 12. Гивъвъ Божій. Въ отдѣльной продажѣ сочиненія эти стоятъ около 20 руб.

Романы и повѣсти І. Крашевскаго всегда пользовались большимъ успѣхомъ среди читающей публики. Кромѣ всѣхъ своихъ выдающихся литературныхъ достоинствъ, талантъ Крашевскаго обладаетъ еще и другимъ, неотъемлемымъ и незамѣнимымъ, качествомъ: каждое произведеніе, вышедшее изъ-подъ пера этого писателя, читается съ захватывающимъ интересомъ. Годовыя подписчики *Съвера*, кромѣ всѣхъ другихъ приложений, получаютъ бесплатно

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

изъ 24 художественныхъ иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ къ собранію сочиненій

ГЕНРИКА САНКЕВИЧА:

Иллюстраціи эти, имѣя самостоятельное значеніе, какъ художественное произведеніе, еще болѣе рельефно выдѣляютъ полноту жизни и потресающаго драматизма сцены, которыя созданы гениальнымъ перомъ знаменитаго художника слова.

Подписная цѣна остается прежняя:

6 руб. на годъ безъ доставки и пересылки въ С.-Петербургѣ. 7 руб. съ достав. и перес. во всѣ города Россіи; за границу на голъ 11 руб. На 6 мѣс. съ дост. и пер. 3 руб. 50 коп., на 3 мѣс. съ дост. и пер. 1 руб. 75 коп., а 1 мѣс. съ дост. и пер. 60 коп. *Примѣчаніе.* Бесплатныя бібліотеки и читальни, народныя и церковно-приходскія начальныя школы и училища, городскіе и сельскіе учителя и учительницы, сельскіе священники и діаконы, фельдшера и фельдшерницы, и волостныя правленія пользуются исключительнымъ правомъ получать *Журналъ Съверъ*, со всѣми къ нему приложеніями и преміями, на особо-льготныхъ условіяхъ, а именно: за 5 руб. съ дост. и перес. Подписка на льготные экземпляры принимаются исключительно въ Главной конторѣ журнала *Съверъ* (СПБ. Екатерининская 4).

ТОЛЬКО ДО 1 ФЕВРАЛЯ 1899 ГОДА.

и не иначе какъ на годичный срокъ не болѣе 1 экз. на каждое лицо или учрежденіе, безъ права передачи. Подписка адресуется въ Главную контору журнала *Съверъ*, (СПБ. Екатерининская, 4) на имя издателя Н. Ѳ. МЕРТЦА.

Редакторъ А. А. Коринфскій.

Издатель Н. Ѳ. Мертцъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Января № 2. 1899 года.

Содержаніе. Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 г. (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ (продолженіе).—Воззваніе.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 году.

(Продолженіе *).

У. Учебныя занятія на педагогическихъ курсахъ въ г. Харьковѣ.

Чтеніе лекцій началось на Харьковскихъ курсахъ съ 26 іюня и непрерывно продолжалось до 5 августа. Предъ началомъ лекцій инспекторомъ курсовъ составлено было росписаніе лекцій, которое затѣмъ и выполнялось неизмѣнно. Учебныя занятія слушателей курсовъ раздѣлялись на обязательныя и необязательныя. Къ числу обязательныхъ занятій относилось слушаніе и записываніе лекцій и другія учебныя упражненія по предметамъ школьнаго обученія: Закону Божію, церковному пѣнію, педагогикѣ, географіи, исторіи, физикѣ, геометрическому черченію, землѣмѣрью и космографіи, а также и по тѣмъ предметамъ, которые хотя и не входятъ въ составъ школьныхъ программъ, но знаніе которыхъ весьма полезно для учителя сельской школы,—такова школьная гигиена и пчеловодство.

Не обязательныя занятія курсистовъ состояли въ изученіи мастерства: токарнаго, столярнаго и переплетнаго, скрипичной и фортепьянной игры и для учительницъ—кройки.

Лекціи по обязательнымъ предметамъ распредѣлялись въ теченіе учебнаго дня слѣдующимъ образомъ: три часовыхъ лекціи съ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 1.

9 до 12^{1/2} час., а иногда 4 до 1^{3/4} час. утромъ и 2 лекціи съ 5 до 7^{1/2} час. вечеромъ. Наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней вечернихъ лекцій не было. Въ промежуткахъ времени между утренними лекціями и обѣдомъ, а также послѣ ужина почти ежедневно были устроены свѣчки частію для богослуженій въ воскресные и праздничные дни, а частію и для упражненія въ пѣніи.

Количество и содержаніе лекцій, читанныхъ на педагогическихъ курсахъ въ г. Харьковѣ, было слѣдующее:

1. *По Закону Божию* профессоромъ Богословія Протоіереемъ Тимоѣемъ Буткевичемъ прочитано было 12 лекцій. Содержаніемъ этихъ лекцій служило развитіе вопросовъ, указанныхъ для разъясненія слушателямъ Педагогическихъ курсовъ въ проектѣ программъ для второклассныхъ школъ. Лекторъ говорилъ о значеніи церковно-приходской школы, характеристическихъ чертахъ ея, отличіи ея отъ всѣхъ другихъ элементарныхъ школъ; о томъ, что только христіанство представляетъ твердыя основы истиннаго просвѣщенія и что православная церковь есть единственно вѣрная хранительница и истолковательница христіанскихъ истинъ. Учитель Христосъ и способъ изложенія Имъ Своего ученія, ученіе Апостоловъ, катехизическія школы въ первенствующей церкви Христовой, школы Александрійская и Антиохійская и ихъ представители; школы церковныя въ Россіи съ начала ея существованія до нашего времени и ихъ воспитательное значеніе. *По церковному уставу* слушателямъ было сообщено: о церковномъ уставѣ и его раздѣленіи на два отдѣла: литургійный и дисциплинарный, о храмѣ, какъ мѣстѣ общественнаго богослуженія, о призывѣ къ богослуженію, о кругѣ суточного богослуженія, о совершеніи таинствъ и богослуженій по октоиху, мѣнеи и тріода.

2. *По церковному пѣнію* слушатели и слушательницы курсовъ, по испытаніи ихъ въ теоріи музыки, были раздѣлены на 2 группы: старшую (въ которую были включены болѣе знающіе) и младшую (къ которой были отнесены менѣе знающіе), причемъ старшую группу составляли 33 слушателя, а младшую 89. Въ теченіи 41 урока съ слушателями младшей группы пройденъ была элементарная теорія музыки, а также имъ были сообщены самыя необходимыя свѣдѣнія изъ элементарной гармоніи. Содержаніе лекцій было слѣдующее: понятіе о звукѣ; длительность звука; изображеніе его въ цифирной и нотной системахъ; о ритмѣ, тактѣ и темпѣ; о размѣрѣ, паузѣ; значеніе легато; значеніе терминовъ: *largo*, *adagio*, *andante*, *allegro*; изученіе высоты звуковъ; построеніе гаммъ: ма-

жорныхъ: образцовой до мажоръ, ге мажоръ, фа мажоръ, ла мажоръ; минорныхъ: мі миноръ, фа діэзъ миноръ, ге, sol и do миноръ. Понятіе о гармоніи, о составѣ хора, аккордѣ; широкомъ и тѣсномъ расположеніи голосовъ и обращеніи аккордовъ. Знакомство съ руководствами по обученію пѣнію; методика преподаванія пѣнія. Всѣ эти теоретическія свѣдѣнія сопровождались и закрѣплялись въ памяти слушателей посредствомъ соответствующихъ нотныхъ упражненій. На урокахъ, кромѣ упражненій, пропѣты были всѣ догматики знаменнаго распѣва и нѣкоторые пѣснопѣнія всеобщаго бдѣнія и литургіи: „Благослови, душе моя, Господа“, „Хвалите имя Господне“ и т. п.

Съ старшей группой въ теченіи 41 урока, кромѣ ознакомленія съ построеніемъ мажорныхъ и минорныхъ гаммъ, пройдено было: церковно-пѣвческая гамма и церковные лады, понятіе объ интервалахъ, объ аккордахъ и ихъ построеніи, удвоеніе тоновъ, кварто-квинтное и секундное соединеніе, обращеніе трезвучій, обращеніе септь-аккордовъ, фигурація, понятіе о модуляціяхъ, уклоненія отъ строгихъ гармоническихъ правилъ, знакомство съ полифонической музыкой, разборъ обычныхъ распѣвовъ и практическія правила преподаванія пѣнія, сущность метода обученія пѣнію и постановка голосовъ. Въ этой группѣ сообщеніе теоретическихъ свѣдѣній постоянно сопровождалось упражненіями въ гармонизаціи мелодій, нотными диктовками и разборомъ соответствующихъ образцовыхъ нотныхъ произведеній. Такимъ образомъ съ младшею группою полностью пройдена теорія музыки по программѣ 1-го и 2-го года, съ старшей группою по программѣ частію 2-го и полностью 3-го года второклассныхъ школъ.

Старшую группу составляли слѣдующіе слушатели и слушательницы: *Владикавказской епархіи*: Вишневскій Петръ, Грузиненко Дмитрій. *Воронежской епархіи*: Игнатовъ Митрофанъ, Богатырева Клавдія, Верижская Марія, Дробовская Александра, Кременецкая Серафима и Склобовская Анастасія. *Донской епархіи*: Жоголевъ Иванъ и Прекрасновъ Семень. *Орловской епархіи*: Нецвѣтаевъ Василій и Феноменовъ Василій. *Пензенской епархіи*: Покровскій Петръ, Троицкій Василій, Трояновъ Николай, Урановъ Алексѣй, Геометрова Софія и Успенская Наталія. *Ставропольской епархіи*: Махровскій Василій, Никольскій Иванъ и Федоровскій Василій. *Сухумской епархіи*: Солоповъ Діонисій и Глаголева Александра. *Таврической епархіи*: Власовъ Давидъ, Грибовскій Николай и Звѣревъ Николай. *Тамбовской епархіи*: Архангельскій Петръ, Елеонскій Михаилъ, Красивскій Александръ,

Константиновскій Михайлъ, Маловъ Григорій и Неуроновъ Павелъ. *Харьковской епархіи*: Поповъ Семень.

Младшую группу составили слѣдующіе слушатели и слушательницы: *Владикавказской епархіи*: Дзювъ Алексѣй, Лаврова Ольга и Сивьковская Анна. *Воронежской епархіи*: Болховитновъ Гавріилъ, Бондаренко Михайлъ, Васильевъ Алексѣй, Крыловъ Владиміръ, Поповъ Георгій, Поповъ Яковъ, Прохоровъ Владиміръ, Скринченко Николай, Яковлевъ Михайлъ, Глаголева Дарія, Дамаскина Марія, Зайцева Валентина, Русинова Антонина и Стефановская Параскева. *Донской епархіи*: Вальневъ Николай, Добрынинъ Петръ, Ивлиевъ Иванъ, Клавсуцъ Иванъ, Михайловъ Арстархъ, Писаревъ Иванъ, Поповъ Михайлъ, Григорьева Екатерина, Дакарева Антонина, Лобачева Марія, Цопова Марія и Шевцова Серафима. *Орловской епархіи*: Бородулинъ Алексѣй, Дизертинскій Сергѣй, Ивановъ Сергѣй, Ивановъ Феодоръ, Калининковъ Василій, Первозванскій Иванъ, Петровскій Василій и Турбинъ Павелъ. *Пензенской епархіи*: Ардентовъ Иванъ, Аристидовъ Алексѣй, Гнидинъ Александръ, Ключевъ Николай, Любимовъ Викторъ, Мирносицкій Веніаминъ, Петропавловскій Сергѣй, Діалектова Марія, Краснополская Софія, Миловзорова Антонина, Цекорина Лидія, Покровская Зинаида, Разумовская Александра и Соболевская Анастасія. *Ставропольской епархіи*: Борисовъ Иванъ, Евѣимовъ Аркадій, Пронинъ Сергѣй, Фелицынъ Александръ, Феодоровъ Вячеславъ. *Сухумской епархіи*: Бжания Мелютонъ, Глаголевъ Алексѣй и Тихонравовъ Иванъ. *Таурической епархіи*: Сериго Александръ, и Иваницкая Екатерина. *Тамбовской епархіи*: Воскресенскій Василій, Вѣтринскій Василій, Крыловъ Димитрій, Лавровъ Николай, Орловъ Василій, Синцеровъ Димитрій (священникъ), Троицкій Левъ, Уваровъ Александръ, Богоявленская Александра, Громова Марія и Щеглова Любовь. *Харьковской епархіи*: Коноваловъ Константинъ, Крыжановскій Григорій (діаконъ), Насѣдкинъ Яковъ (діаконъ), Несторовъ Василій, Огинскій Василій, Оглоблинъ Николай, Панкратьевъ Андрей, Соколовъ Валеріанъ, Поповъ Григорій, Созонтьевъ Андрей, Стефановскій Николай, Филевскій Захарій, Фіалковскій Константинъ, Юшковъ Александръ, Феодоровъ Александръ, Лаврентьева Н. и Рудинская Параскева.

3. *По педагогикѣ и дидактикѣ* лекторомъ Н. Страховымъ прочитано было 20 лекцій. Передъ началомъ лекцій г. Страховъ просилъ слушателей курсовъ письменно заявить ему, желаютъ ли они прослушать полный курсъ педагогикѣ, или только нѣкоторые ст-

дѣлы ея въ болѣе подробномъ развитіи. Отъ учителей всѣхъ епархій поступило мотивированное заявленіе, что они желаютъ прослушать полный курсъ педагогикѣ. Только учителя Орловской епархій не дали никакого отвѣта. Поэтому содержаніе лекцій по педагогикѣ было таково: понятіе о педагогикѣ, цѣль воспитанія; воспитаніе семейное и школьное; раздѣленіе воспитанія на физическое и психическое.

Задачи умственного воспитанія. Наглядность при обученіи, вниманіе; невнимательность; память и воспоминаніе; фантазія, игры; образовательное значеніе сказокъ; отношеніе воспитанія и обученія къ дѣятельности разсудка. Общее обозрѣніе учебной программы для второклассныхъ школъ со стороны подбора учебныхъ предметовъ и цѣлесообразность этого подбора; объ особыхъ свойствахъ учебнаго метода; о методахъ аналитическомъ и синтетическомъ, о примѣненіи ихъ къ обученію. О примѣненіи разныхъ формъ преподаванія въ дѣлѣ школьнаго обученія, о нравственномъ воспитаніи; о развитіи нравственнаго совершеннаго характера, какъ главной цѣли нравственнаго воспитанія; о правильной постановкѣ воспитательной дисциплины и условіяхъ благопріятнаго вліянія ея на воспитываемыхъ; о наказаніяхъ въ примѣненіи къ воспитанію; о воспитаніи сердца въ отношеніи къ нравственности; объ эстетическомъ воспитаніи.

4 и 5. *По физикѣ* 12 лекцій и *геометрическому черченію и землемерию* 12 лекцій посвящены были лекторомъ Кудревичемъ на сообщеніе свѣдѣній, заключающихся въ проектѣ программъ по сямъ предметамъ. Несмотря на ограниченное количество лекцій, лекторъ успѣлъ полностью и съ надлежащею обстоятельностью выполнять эти программы. Содержаніе лекцій было слѣдующее: указаніе и разборъ учебныхъ руководствъ, указаніе приборовъ и матеріаловъ для составленія недорогого физическаго кабинета при школѣ съ объясненіемъ ихъ назначенія, способовъ пользованія и цѣны; указаніе химическихъ препаратовъ и матеріаловъ для физическаго кабинета и ихъ назначеніе; о преподаваніи физики въ школѣ; разборъ программы по физикѣ для второклассныхъ школъ; о вѣсѣ тѣлъ; о простыхъ машинахъ; о жидкостяхъ и ихъ свойствахъ; о газахъ и ихъ свойствахъ; о теплотѣ; о химическихъ явленіяхъ; о свѣтѣ; о волшебномъ фонарѣ; объ электричествѣ; о гальванизмѣ. Въ заключеніе были сообщены краткія свѣдѣнія *по космографіи*: о горизонтѣ, о небесномъ сводѣ, о созвѣздіяхъ: Большая Медвѣдица, Лара, Орель, Оріонъ, Лебедь, Волопасъ,

Скорпіонъ, Стрѣлецъ, Зміеносецъ, Сѣверный вѣнецъ; о суточномъ движеніи звѣздъ; объ измѣненіи высоты звѣздъ для наблюдателя при перемѣнѣ мѣста на земной поверхности; о годовомъ движеніи солнца, о вращеніи земли около оси и воеругъ солнца.

Что касается ознакомленія съ учебной литературой предмета, то кромѣ указанія и краткаго разбора учебныхъ руководствъ по физикѣ, лекторомъ былъ отлитографированъ и выданъ всѣмъ слушателямъ курсовъ какъ списокъ учебныхъ руководствъ и пособій, такъ и списокъ необходимѣйшихъ физическихъ приборовъ для составленія физическаго кабинета.

Содержаніемъ лекцій *по черченію* служило: указаніе существующихъ руководствъ по геометріи и черченію; указаніе матеріаловъ для черченія; знакомство съ приборами и нѣкоторыми старыми инструментами, необходимыми для черченія; знакомство съ измѣрительными приборами; разборъ программы по черченію для второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ; линейное черченіе, рѣшеніе главнѣйшихъ задачъ на построеніе: дѣленіе прямой и угла на части; построеніе угла, треугольника, квадрата, прямоугольника, черченіе правильныхъ многоугольниковъ; задачи на построеніе, относящіяся къ окружности; черченіе звѣздообразныхъ многоугольниковъ, измѣреніе площадей: прямоугольника, квадрата, параллелограмма, треугольника, трапеціи, правильнаго многоугольника, круга, неправильнаго многоугольника; разсмотрѣніе тѣлъ, воображаемыхъ въ пространствѣ, измѣреніе объемовъ и поверхностей тѣлъ. *По землемѣрїю* сообщено: понятіе о подобныхъ многоугольникахъ, черченіе плана; понятіе объ астролѣбіи, буссоли и способъ пользоваться ими; понятіе о магнитномъ склоненіи и румбическомъ углѣ; пользованіе отвѣсомъ; рѣшеніе задачъ на опредѣленіе разстоянія недоступныхъ точекъ; указаніе и разборъ руководствъ по землемѣрїю; приборы для землемѣрїя: буссоль, эккеръ, астролѣбія, мензула и способъ пользованія ими; высотомѣръ, нивелиръ и рейка и ихъ употребленіе.

6. *По исторїи* лекторомъ Корнѣенко прочитано было 8 лекцій. Задачею лектора, послѣ сообщенія понятія объ исторїи какъ наукѣ, служило ознакомленіе слушателей съ значеніемъ преподаванія исторїи и вліяніемъ его на учащихся, съ существующими методами преподаванія исторїи и методомъ прогрессивно-хронологическимъ, какъ наиболѣе пригоднымъ для преподаванія исторїи во второклассныхъ школахъ, съ вопросомъ о необходимости указанія на значеніе Православной Церкви въ дѣлѣ внутренняго и вѣнш-

няго преуспѣянія русскаго государства; съ основными формами историческаго обученія: акроматическаго и катихизическаго, съ вопросомъ о письменныхъ упражненіяхъ; значеніи хронологій при изученіи исторіи, учебныхъ пособій, картъ, картинъ, атласовъ, памятниковъ археологіи и т. п. Въ заключеніе лекторомъ подробно разобраны были учебники, рекомендованные въ проэктѣ программы по этому предмету, съ указаніемъ ихъ достоинствъ и недостатковъ.

7. По *методику географіи* было сдѣлано 8 лекцій. Слушателямъ курсовъ сообщались свѣдѣнія о географіи, какъ учебномъ предметѣ и о пользѣ ея преподаванія въ школахъ, о методахъ преподаванія географіи съ критическою ихъ оцѣнкою; о пособияхъ при преподаваніи географіи, о наглядномъ обученіи, значеніи географическихъ экскурсій, кабинетовъ, коллекцій, рельефовъ, географическихъ картъ; объ астрономическихъ картахъ, глобусахъ; о черченіи картъ, о географическихъ прогулкахъ; объ отчизновѣденіи. Въ заключеніе лекторомъ подробно разсмотрѣны были программы по географіи для двуклассныхъ и второклассныхъ школъ, учебныя руководства и пособия по географіи.

8. На лекціяхъ по *медицине*, которыхъ прочитано было 10, докторъ медицины Яковъ Трутовскій счелъ нужнымъ вначалѣ остановиться на сообщеніи необходимыхъ свѣдѣній по анатоміи и физиологіи человѣческаго тѣла, исходя изъ той мысли, что знакомство, хотя бы элементарное, съ анатоміей и физиологіей человѣческаго тѣла служитъ основаніемъ гигиены. Поэтому имъ сообщены были свѣдѣнія объ общей формѣ и внѣшнихъ свойствахъ человѣческаго тѣла: строеніе человѣческаго тѣла, соразмѣрности частей, мышечной силѣ, дыханіи, пульсѣ, температурѣ, о вліяніи на внѣшнія свойства тѣла наследственныхъ и бытовыхъ условій: пола, возраста, питанія, занятій; о наружныхъ покровахъ человѣческаго тѣла, объ остоу, черепѣ и мозгѣ; объ органахъ зрѣнія, слуха, обонянія, вкуса, мышечной системѣ; о туловищѣ, сердцѣ, легкихъ, органахъ питанія и кровообращенія. Затѣмъ лекторъ перешелъ къ изложенію свѣдѣній по гигиенѣ: о вліяніи на человека разнаго рода внѣшнихъ условій, о воздухѣ, одеждѣ, жилищѣ и его содержаніи и о водѣ. Слѣдующія лекціи посвящены были указанію способовъ подачи первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ: при ушибахъ, сотрясеніяхъ, вывихахъ, переломахъ, кровотеченияхъ, солнечныхъ ударахъ, пораженіи молніей, задушеніи разныхъ видовъ, утопленіи, замерзаніи, отравленіи, обморокахъ, апоплексическомъ

ударѣ, падучей болѣзни и другихъ принадлеахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщались свѣдѣнія по школьной гигиенѣ.

9. Курсъ *пчеловодства* прочитанъ былъ въ 12 лекцій. Программа лекцій была слѣдующая: три вида обитателей улья, описаніе матки и отличіе ея отъ рабочей пчелы; описаніе рабочихъ пчелъ и ихъ обязанности въ ульѣ; описаніе трутней, ихъ назначеніе, ограниченіе ихъ вывода и уничтоженіе; образованіе вощины; производство меда; необходимость цвѣтны и воды; роеніе естественное и искусственное, неудобства естественнаго роенія и необходимость его предупрежденія; уходъ за пчелами со времени ихъ перваго облета до приготовленія къ зимовкѣ; различныя системы ульевъ: неразборные, линейныя, рамочныя; устройство рамокъ, ульи надставочныя. Для слушателей, желавшихъ подробнѣе ознакомиться съ пчеловодствомъ, лекторомъ рекомендованы были учебныя руководства и пособія.

(Продолженіе будетъ).

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ.

(Продолженіе *).

Д) Младшія воспитательницы.

1) Въ подготовительномъ классѣ—дѣвица Анастасія Яковлевна *Павлова*, 2) въ I нормальномъ классѣ—дѣвица Павла Фодоровна *Власовская*, 3) въ I параллельномъ классѣ—дѣвица Серафима Ивановна *Пономарева*, 4) во II нормальномъ классѣ—дѣвица Анастасія Никаноровна *Копычикова*, 5) во II параллельномъ классѣ—дѣвица Евгенія Ивановна *Павлова*, 6) въ III нормальномъ классѣ—дѣвица Софія Павловна *Реутская*, 7) въ IV нормальномъ классѣ—дѣвица Валентина Ивановна *Степурская*, 8) въ IV параллельномъ классѣ—вдова священника Анастасія Васильевна *Фаворова*, 9) въ V нормальномъ классѣ—дѣвица Евдокія Александровна *Стефановская*, 10) въ V параллельномъ классѣ—дѣвица Марія Яковлевна *Павлова*, 11) въ VI нормальномъ классѣ—дѣвица Вѣра Константиновна *Аристова*, 12) въ VI параллельномъ классѣ—дѣвица Анна Михайловна *Котлярова*; всѣ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 1, за 1899 г.

онѣ окончили курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы, жалованья получаетъ каждая при казенной квартирѣ со столомъ, 150 р. въ годъ и 25 руб. ежегодной награды; въ настоящей должности: Павла *Власовская*, Анастасія *Копѣйчикова* и Софія *Реутская* съ 27 августа 1896 года; Евгенія *Павлова* съ 17 августа 1895 года; Валентина *Стенурская* съ 13 октября 1895 года; Анастасія *Таворова* съ 9 декабря 1897 года; Евдокія *Стефановская* съ 8 октября 1896 года; Марія *Павлова* съ 6 сентября 1893 года, Анна *Котлярова* съ 24 января 1897 года, а всѣ остальные съ 20 августа 1893 года.

Е) Другія служащія въ Училищѣ лица.

1) Завѣдующая фундаментальною, ученическою и музыкальною училищными библіотеками, учебниками и учебными принадлежностями, вдова дворянка, Ольга Герасимовна *Пермицъ*; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 180 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 8 іюня 1896 года.

2) Врачъ при училищной больницѣ, Харьковскій Губернскій врачебный инспекторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Михайлъ Михайловичъ *Стефановичъ-Севастіановичъ*, докторъ медицины; жалованья получаетъ 300 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 13 января 1877 года.

3) Надзирательница училищной больницы, вдова священника Лукія Павловна *Ковалева*, домашняго образованія; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 242 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 10 октября 1871 года.

4) Помощница больничной надзирательницы, дѣвица Пелагія Петровна *Прокофьева*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 4 октября 1880 года.

5) Помощница больничной надзирательницы, вдова діакона Татьяна Петровна *Краснокутская*; окончила курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ со званіемъ домашней учительницы; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ 150 руб. въ годъ; въ настоящей должности съ 5 апрѣля 1894 года.

6) И. д. эконома мѣщанинъ Алексѣй Θεодоровичъ *Васильевъ*; жалованья получаетъ при казенной квартирѣ со столомъ—560 р. въ годъ; въ настоящей должности съ 22 августа 1894 года.

Примѣчаніе. Кроме вышепоименованныхъ лицъ при Училищѣ состояли еще: а) *кастеляниша*, завѣдывавшая бѣдею и одеждою воспитанницъ и б) *ключница*, завѣдывавшая столовою и буфетомъ.

2. Составъ учащихся.

Харьковское Епархіальное Женское Училище—*шестиклассное* съ приготовительнымъ классомъ и пятью параллельными отдѣленіями.

Составъ учащихся въ немъ въ концѣ 18⁹⁷/98 учебнаго года показывается слѣдующая таблица:

КЛАССЫ.	Общее число учащихся.	Духовныхъ.	Инословныхъ.	Живущихъ въ обществѣ.	Приходящихъ.	На полномъ епархіальномъ содержаніи.	На половинномъ.	Стандартныя и содержанія на средства благотворителей.	Окончили курсъ и удостоены аттестатовъ.
Приготовител.	48	41	7	48	—	7	2	1	—
I нормальный.	45	34	11	45	—	1	2	6	—
I параллельн.	45	31	14	45	—	4	3	4	—
II нормальный.	44	39	5	44	—	9	—	2	—
II параллельн.	43	27	16	43	—	6	1	—	—
III "	60	43	12	60	—	5	3	3	—
IV нормальный.	47	40	7	47	—	9	1	2	—
IV параллельн.	48	39	9	48	—	9	—	1	—
V нормальный.	37	25	12	36	1 ¹⁾	1	1	4	—
V параллельн.	38	28	10	38	—	7	2	1	—
VI нормальный.	49	31	18	49	—	8	2	3	45 ²⁾
VI параллельн.	53	46	7	53	—	9	5	5	53
ВСЕГО	557	429	128	556	1	75	22	32	101

Примѣчаніе. За полную пансіонерку взносится 70 р. въ годъ, за половинную (съ уменьшеннымъ взносомъ, но пользующуюся отъ Училища всѣмъ, наравнѣ съ полными пансіонерками) 50 р. въ годъ, за дочерей духовенства иноепархіальнаго 180 р. и за дѣвицъ свѣтскаго происхожденія 200 руб.

3. Учебно-воспитательная часть.

а) *Недѣльное распределеніе уроковъ въ отчетномъ году было слѣдующее:*

аа) *Въ приготовительномъ классѣ въ понедѣльникъ—Законъ Божій, русскій языкъ, церковное пѣніе, руководѣіе; во вторникъ—*

1) Приходящ. Остроумова Вѣра.

2) I воспитанница въ VI нормальномъ классѣ оставлена по просьбѣ отца—по богѣвнн.

русскій языкъ, чистописаніе, русскій языкъ; въ среду—Законъ Божій, русскій языкъ, счисленіе, рукодѣліе; въ четвергъ—русскій языкъ, чистописаніе, русскій языкъ; въ пятницу—Законъ Божій, русскій языкъ, русскій языкъ и рисованіе; въ субботу—русскій языкъ, счисленіе, русскій языкъ; бб) *въ I нормальномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—чистописаніе, Законъ Божій, ариметика, церковное пѣніе; во вторникъ—диктовка, русскій языкъ, Законъ Божій, церковное пѣніе; въ среду—аритметика, русскій языкъ, чистописаніе, французскій языкъ; въ четвергъ—аритметика, русскій языкъ, Законъ Божій, рукодѣліе; въ пятницу—чистописаніе, русскій языкъ, французскій языкъ, диктовка, рисованіе; въ субботу—аритметика, чистописаніе, Законъ Божій, рукодѣліе; вв) *въ I параллельномъ классѣ*: въ понедѣльникъ—русскій языкъ, ариметика, церковное пѣніе, чистописаніе; во вторникъ—рукодѣліе, Законъ Божій, ариметика, чистописаніе; въ среду—диктовка, русскій языкъ, Законъ Божій, французскій языкъ; въ четвергъ—русскій языкъ, чистописаніе, рукодѣліе, Законъ Божій; въ пятницу—русскій языкъ, ариметика, французскій языкъ, диктовка, рисованіе; въ субботу—чистописаніе, ариметика, церковное пѣніе, Законъ Божій; г) *въ II нормальномъ классѣ*: въ понедѣльникъ—Законъ Божій, чистописаніе, русскій языкъ, французскій языкъ; во вторникъ—Законъ Божій, русскій языкъ, рукодѣліе, ариметика; въ среду—аритметика, церковное пѣніе, географія, диктовка; въ четвергъ—аритметика, Законъ Божій, французскій языкъ, рукодѣліе; въ пятницу—диктовка, чистописаніе, ариметика, русскій языкъ, рисованіе; въ субботу—церковное пѣніе, русскій языкъ, Законъ Божій, географія; дд) *въ II параллельномъ классѣ*: въ понедѣльникъ—диктовка, Законъ Божій, русскій языкъ, французскій языкъ; во вторникъ—географія, Законъ Божій, рукодѣліе, ариметика; въ среду—диктовка, ариметика, русскій языкъ, церковное пѣніе; въ четвергъ—Законъ Божій, ариметика, французскій языкъ, чистописаніе; въ пятницу—аритметика, рукодѣліе, русскій языкъ, церковное пѣніе, рисованіе; въ субботу—русскій языкъ, Законъ Божій, географія, чистописаніе; ее) *въ III классѣ*: въ понедѣльникъ—чистописаніе, ариметика, Законъ Божій, русскій языкъ; во вторникъ—диктовка, церковное пѣніе, русскій языкъ, Законъ Божій; въ среду—французскій языкъ, географія, чистописаніе, ариметика; въ четвергъ—рукодѣліе, ариметика, географія, Законъ Божій; въ пятницу—французскій языкъ, церковное пѣніе, русскій языкъ, Законъ Божій; въ субботу—аритметика, географія, руко-

дѣліе, русскій языкъ; жж) *въ IV нормальномъ классѣ*: въ понедѣльникъ—арифметика, церковное пѣніе, географія, Законъ Божій; во вторникъ—арифметика, руководѣліе, русскій языкъ, французскій языкъ; въ среду—диктовка, чистописаніе, исторія, русскій языкъ; въ четвергъ—Законъ Божій, французскій языкъ, русскій языкъ, церковное пѣніе; въ пятницу—руководѣліе, географія, Законъ Божій, арифметика, рисованіе; въ субботу—чистописаніе, славянскій языкъ, географія, исторія; зз) *въ IV параллельномъ классѣ*: въ понедѣльникъ—славянскій языкъ, диктовка, чистописаніе, географія; во вторникъ—Законъ Божій, русскій языкъ, церковное пѣніе, французскій языкъ; въ среду—чистописаніе, арифметика, географія, русскій языкъ; въ четвергъ—руководѣліе, французскій языкъ, исторія, арифметика; въ пятницу—Законъ Божій, арифметика, руководѣліе, русскій языкъ, рисованіе; въ субботу—Законъ Божій, церковное пѣніе, исторія, географія; ии) *въ V нормальномъ классѣ*: въ понедѣльникъ—французскій языкъ, географія, арифметика, исторія; во вторникъ—русскій языкъ, руководѣліе, Законъ Божій, арифметика; въ среду—церковное пѣніе, Законъ Божій, физика, исторія; въ четвергъ—французскій языкъ, русскій языкъ, церковное пѣніе, исторія; въ пятницу—географія, Законъ Божій, арифметика, исторія, рисованіе; въ субботу—дидактика, русскій языкъ, физика, географія; ii) *въ V параллельномъ классѣ*: въ понедѣльникъ—французскій языкъ, русскій языкъ, исторія, физика; во вторникъ—исторія, Законъ Божій, арифметика, географія; въ среду—русскій языкъ, арифметика, Законъ Божій, географія; въ четвергъ—французскій языкъ, церковное пѣніе, Законъ Божій, физика; въ пятницу—арифметика, русскій языкъ, исторія, руководѣліе, рисованіе; въ субботу—исторія, дидактика, географія, церковное пѣніе; кк) *въ VI нормальномъ классѣ*: въ понедѣльникъ—географія, Законъ Божій, дидактика, физика; во вторникъ—церковное пѣніе, исторія, геометрія, русская литература; въ среду—Законъ Божій, французскій языкъ, русская грамматика, космографія; въ четвергъ—географія, Законъ Божій, геометрія, русская литература; въ пятницу—церковное пѣніе, исторія, русская литература, физика, рисованіе; въ субботу—французскій языкъ, исторія, дидактика, физика; лл) *въ VI параллельномъ классѣ*—въ понедѣльникъ—Законъ Божій, русская литература, геометрія, дидактика; во вторникъ—русская грамматика, космографія, географія, русская литература; въ среду—исторія, французскій языкъ, физика, Законъ Божій; въ четвергъ—церковное пѣніе, Законъ Божій, ге-

ометрія, исторія; въ пятницу—исторія, физика, церковное пѣніе, географія, рисованіе; въ субботу—французскій языкъ, физика, русская литература, дидактика.

1 урокъ продолжался отъ 9 до 9 ч. 55 м., 2 урокъ—отъ 10 ч. 5 м. до 11 ч., 3 урокъ—отъ 11 ч. 30 м. до 12 ч. 25 м., 4 урокъ—отъ 12 ч. 35 м. до 1 ч. 30 м., 5 урокъ—отъ 3 ч. до 5 ч.

Въ этомъ распредѣленіи допущены слѣдующія отступленія отъ новыхъ программъ изданныхъ въ 1895 г. Св. Синодомъ для Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ: а) удержаны прежніе добавочные уроки (по одному) въ IV классѣ по церковно-славянскому языку и въ VI классѣ по русской грамматикѣ; б) удержанъ также въ V классѣ одинъ урокъ по дидактикѣ. Первое отступленіе сдѣлано было потому, что Совѣтъ Училища, рѣшивши, согласно опредѣленію Св. Синода отъ 3—10 іюля 1896 года, вводить новыя программы постепенно, начиная съ 1 класса, въ этихъ классахъ напелъ необходимымъ оставить прежнія программы, а потому и прежнее число уроковъ; что же касается добавочнаго урока—дидактики въ V классѣ, то Совѣтъ Училища въ этомъ случаѣ руководился разрѣшеніемъ, даннымъ объяснительною запискою, приложенною къ новой программѣ этого предмета, дозволяющею вводить этотъ урокъ «если гдѣ это окажется возможнымъ по мѣстнымъ условіямъ и средствамъ».

(Продолженіе будетъ).

Воззваніе къ православнымъ христіанамъ.

*Аще забуду тебя, Иерусалиме,
забвенна буди десница моя.*

Съ этими глубоко-знаменательными словами Императорское Православное Палестинское Общество обращается ко всѣмъ ревнителямъ Святой истины.

Иерусалимъ ознаменованъ величайшими, священнѣйшими событиями изъ земной жизни Христа Спасителя. Здѣсь Онъ совершилъ спасеніе наше Своими страданіями и крестною смертію, будучи вознесенъ на крестъ, какъ Агнецъ Божій, взявшій на Себя грѣхи всего міра. Геосиманскій садъ орошенъ Его слезами и падавшимъ съ лица Его отъ туги и изнеможенія кровавымъ потомъ. Голгоѳа освящена Его страданіями и окроплена Его святою, безцѣнною

кровию. Садъ Аримаѳейскій освященъ положеннымъ въ немъ пречистымъ Его тѣломъ и прославленъ Его славнымъ воскресеніемъ изъ мертвыхъ. Гора Елеонъ свидѣтельствуесть о славномъ Его вознесеніи. Такъ все священно, такъ все дорого вѣрующему сердцу. И не только эти мѣста священны для него—и вся Святая Земля должна быть достойна чистаго и сятаго воспоминанія; вся она освящена богочеловѣческими стопами Христа Спасителя, исполнена безчисленными знаменіями и дѣлами Его любви къ человѣчеству и оглашена Его Святымъ ученіемъ. А Вифлеемъ, мѣсто Его земнаго рожденія, Назаретъ, мѣсто Его воспитанія и приготовленія къ служенію, священный Іорданъ, мѣсто Его крещенія отъ Іоанна,—все это такіа мѣста, къ которымъ невольно льнетъ вѣрующее сердце съ своими глубокими чувствами любви и благоговѣйнаго поклоненія и почтенія,—все это невольно побуждаетъ къ симъ какъ бы вѣтвеннымъ словамъ: *еще забуду тебе, Иерусалиме, забвенна буди десница моя.*

Не дивно, послѣ того, что Іерусалимъ и Святая Земля всегда имѣли великую притягательную силу; отовсюду и всегда вѣрующіе стремились къ нимъ, горѣли желаніемъ видѣть и облобызать ихъ, сію величайшую Святую. Но эти священныя путешествія, какъ выраженіе влеченій сердца, искавшаго себѣ послѣдняго, высшаго удовлетворенія, въ прежнее время соединялись съ великими опасностями даже за жизнь; враги Христа, овладѣвшіе этими священными мѣстами, дѣлали всякія притѣсненія и подвергали путешественниковъ-христіанъ крайнимъ нуждамъ.

Но что мы видимъ теперь? Удобство, спокойствіе на пути, огражденіе на Святыхъ мѣстахъ, легкость къ посѣщенію ихъ и при этомъ возможное удешевленіе во всемъ, такъ что посѣщеніе Святыхъ мѣстъ сдѣлалось доступнымъ и для людей, не обладающихъ значительными средствами. Все это есть плодъ дѣятельности состоящаго подъ Августѣйшимъ Предсѣдательствомъ Великаго Князя Сергѣя Александровича Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, которое приняло на себя заботы не только объ облегченіи путешествій, но и о возможномъ благоустройствѣ и удобствѣ поклонниковъ въ Святой Землѣ. Святая задача его—укрѣпить и утвердить православіе въ насельникахъ Святой Земли, исповѣдующихъ истину и весьма часто терпящихъ притѣсненія отъ иновѣрцевъ; устройство храмовъ, школъ, богадѣленъ и разныхъ пріютовъ для воспитанія дѣтей составляетъ необходимое средство къ выполненію этой задачи. Въ оправданіе Святой исти-

ны Евангелія предъ невѣрующими и сомнѣвающимися оно дѣлаетъ болѣе: дѣлаетъ раскопки, открываетъ древніе памятники, назначаетъ ученныя путешествія и изслѣдованія,—а все это необходимо требуетъ и усиленія расходовъ. Но, дѣйствуя такъ во славу Божию, оно дѣйствуетъ какъ представитель всего Русскаго Православнаго народа, для славы его имени.

Съ трудомъ вѣрится, чтобы истинновѣрующее сердце не отличилось на помощь такой Святой задачѣ Общества и не явило своей ревности по славѣ Божіей своими возможными приношеніями и жертвами. Да не смущается сердце желающихъ содѣйствовать благому дѣлу малостью жертвы, памятуя, какъ отнесся Спаситель къ лептѣ вдовицы, и что каждая отъ сердца данная жертва вознаградится благодарною молитвою какъ Русскихъ богомольцевъ, такъ и единовѣрныхъ намъ Палестинскихъ жителей у живоноснаго гроба Даровавшаго намъ животь вѣчный.

Императорское Православное Палестинское Общество, состоящее подъ Августѣйшимъ Предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Сергѣя Александровича.

С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., 36.

Епархіальныя извѣщенія.

Священники: с. Борщоваго, Зміевского уѣзда, Василій *Николаевскій* и Архангело-Михайловской церкви сл. Лимана, того же уѣзда, Іоаннъ *Торанскій*, 8 декабря 1898 года, награждены скуфьями.

— Діаконъ Троицкой церкви с. Василевки, Лебедянскаго уѣзда, Владиміръ *Волобуевъ*, переимѣненъ, согласно прошенію, къ Іоанно-Предтечевской церкви с. Терешковки, Сумскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Владимірской церкви с. Могрицы, Сумскаго уѣзда, Хрисанфъ *Авксентьевъ*, рукоположенъ въ санъ діакона, съ оставленіемъ на псаломщицкой вакансіи при сей же церкви.

— Духовникъ 2 округа Ахтырскаго уѣзда, штатный священникъ Василій *Авксентьевъ*, волею Божіею, умеръ.

— Священникъ Митрофаніевской церкви сл. Поляннаго, Ахтырскаго уѣзда, Іоаннъ *Мартиновичъ*, волею Божіею, умеръ.

— Діаконъ Іоанно-Предтечевской церкви сл. Терешковки, Сумскаго уѣзда, Никаноръ *Торанскій*, волею Божіею, умеръ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Католическая пропаганда на Востоѣ.—Стремленіе индусовъ къ православію.—Новая секта въ С.-Америкѣ.—Къ вопросу о штундизмѣ.—Заботы епархіальной власти объ улучшеніи приходской жизни.—Дѣятельность Виленскаго братства.—Участіе членовъ прихода въ обученіи дѣтей прихожанъ.—О иѣбрахъ къ упорядоченію продажи церковныхъ восковыхъ свѣчъ.—Почетливость о слѣпыхъ.

Въ «Моск. Вѣд.» на основаніи отчета римской „конгрегациі пропаганды“, состоящей подъ управленіемъ извѣстнаго католическаго фанатика, бывшаго познанскаго архіепископа кардинала Ледоховскаго, сообщаются слѣдующія интересныя свѣдѣнія объ успѣхахъ римскаго католичества на Востоѣ за послѣдніе годы.—Въ Азіатской Турціи, по даннымъ текущаго года, „пропаганда“ считаетъ 129.680 католиковъ (въ 1895 году ихъ было 128.700). Католики эти принадлежатъ какъ къ латинскому, такъ и къ сирійскому и сиро-халдейскому обрядамъ. Они имѣютъ 210 священниковъ и 528 школъ, а также нѣсколько благотворительныхъ учрежденій. Въ константинопольскомъ апостольскомъ викаріатѣ, простирающемъ свою духовную юрисдикцію на Константинополь, Адрианополь, Салонки и Битолю съ ихъ округами и въ Азіи, на малоазійскія области съ принадлежащими къ нимъ островами (за исключеніемъ Смирнской епархіи), числится 45.000 католиковъ. По отчету „пропаганды“, число католиковъ въ означенныхъ областяхъ не увеличилось, но за то количество священниковъ возросло съ 200 до 300 человекъ. Въ Египтѣ католическая церковь управляется апостольскимъ викаріемъ, проживающимъ въ Александріи. Ему подчинены 57,420 католиковъ латинскаго обряда, за исключеніемъ 17.416 папистовъ принадлежащихъ къ другимъ обрядамъ. Египетскій викаріатъ находится въ вѣдѣніи ордена миноритовъ, и въ немъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, числится 42 миссіонерскихъ пункта. 64 церквей съ 94 священниками и 81 школа. На ряду съ апостольскимъ викаріатомъ въ Египтѣ, существуетъ еще коптско-католическая патріархія, управляемая въ настоящее время апостольскимъ администраторомъ, монсиньоромъ Кирилломъ Макаріемъ. По послѣднимъ свѣдѣніямъ „римской пропаганды“, коптско-католиковъ до 20.000 человекъ, и распространеніе римскаго католичества между ними достигаетъ значительныхъ успѣховъ. Такъ, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ число католиковъ между ними увеличилось съ 10.000 до 20.000 человекъ. Количество католическихъ церквей и часовенъ также увеличилось, и въ настоящее время число ихъ достигаетъ 60, что для небольшой общины бо-

лѣе чѣмъ достаточно. Зато и успѣхъ католичества здѣсь поразителенъ. Въ Абиссиніи, такъ же, какъ и въ Египтѣ, учрежденъ апостольскій викаріатъ, находящійся въ Керенѣ, гдѣ также устроена семинарія, 10 школъ и пріютъ для дѣтей обоого пола. Въ общемъ въ Абиссиніи считается до 30.000 католиковъ, принадлежащихъ къ эіопскому обряду. Католическое населеніе Греціи и Архипелага раздѣляется на три архіепископіи: аѳонскую, коріатскую и навсоскую, и четыре епархіи, въ которыхъ 34.710 католиковъ, 189 церквей и часовень и столько же священниковъ, двѣ семинаріи и 72 школы съ благотворительными учрежденіями. Что касается славянскихъ земель Балканскаго полуострова, то и здѣсь католическая пропаганда усилилась и сопровождается выдающимися успѣхами. Такъ, въ Босніи и Герцеговинѣ, по официальному отчету оккупационнаго правительства, всѣхъ католиковъ считалось 334.142 (на общее число 1.591.040 жителей, въ томъ числѣ 675.246 человекъ православнаго исповѣданія). Въ Сараевѣ и Травникѣ находятся католическія духовныя семинаріи, управляемыя іезуитами; кромѣ того въ Травникѣ существуетъ еще католическая гимназія. Во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ учреждены разныя благотворительныя заведенія, состоящія въ завѣдываніи монашескихъ орденовъ. Сравнивая приведенныя цифры съ количествомъ католиковъ за 1896 годъ, оказывается, что число католиковъ въ Босніи и Герцеговинѣ значительно увеличилось. Въ Румыніи въ настоящее время 152.000 католиковъ, числа ихъ увеличилось на 40.000 человекъ. Самые большіе успѣхи католичество пріобрѣтаетъ въ Букурештской епархіи. Въ Черногоріи католичество также усиливается. По отчету „пропаганды“, число католиковъ въ Черногоріи за послѣдніе три года, при общемъ числѣ католиковъ въ 6.350, увеличилось на 1.000 человекъ. Въ одной Македоніи, несмотря на всѣ усилія пропаганды и поддержку со стороны Австро-Венгріи, католичество не имѣетъ ни малѣйшаго успѣха, и въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ число католиковъ въ этой области не увеличилось.

«Моск. Вѣд.»

— Корреспондентъ «Туркестан. Вѣд.» сообщаетъ о замѣчательной миссіи, которую онъ, во время своего пребыванія въ Индіи, взялъ на себя, по просьбѣ индусскаго архіепископа, отъ лица 15.000 христіанъ-индусовъ, принадлежащихъ къ антиохійской церкви, основанной въ Индіи св. Ѳомой. По разсказу архіепископа, послѣдователи этой церкви не признаютъ главенства папы. Они

имѣютъ своего архіепископа, котораго поставляетъ антиохійская церковь, но съ теченіемъ времени является все болѣе и болѣе затрудненій въ назначеніи архіепископовъ, въ виду того, что антиохійская церковь не располагаетъ достаточнымъ числомъ лицъ, которыя могли бы занимать этотъ постъ въ Индіи. Можетъ случиться, что индусы останутся безъ пастыря, и церкви ихъ грозитъ опасность быть обращенной въ католичество, тѣмъ болѣе, что уже и теперь католики дѣлаютъ попытки захватить ее въ свои руки. Далѣе архіепископъ прибавилъ, что въ виду всего этого они, въ числѣ пятнадцати тысячъ человекъ, рѣшили принять православіе, съ которымъ они знакомы по разсказамъ священниковъ добровольнаго флота. Просьба индуса, по словамъ корреспондента, заключается только въ томъ, чтобы Россія пока прислала въ Индію одного священника, говорящаго по-англійски, для ознакомленія индусовъ съ характеромъ русскаго богослуженія. Мы согласны, — говорилъ архіепископъ, — съ этою цѣлью сдѣлать какія угодно уступки, и тогда уже окончательно всѣ (15 тысячъ) приняли бы православіе и просили бы и впредь присылать къ нимъ священниковъ и архіепископа. Въ выраженіи этого желанія отъ лица пятнадцати тысячъ индусовъ и состояло прошеніе, переданное архіепископомъ автору для представленія въ Петербургъ. По словамъ корреспондента, было засвидѣтельствовано нашимъ консуломъ, что желаніе это — искреннее, почему онъ и обѣщалъ прошеніе это доставить въ Петербургъ, въ увѣренности, что англичане противъ такого движенія индусовъ ничего имѣть не будутъ; англичанъ только и спасаетъ въ Индіи то, что они не касаются религіозной стороны жизни населенія. Ни одинъ англичанинъ не былъ (да и не имѣетъ права быть) въ святилищахъ индусскихъ храмовъ. Сами же англичане относятся одинаково ко всѣмъ религіямъ въ Индіи, чѣмъ они очень гордятся и хвалятся, а потому съ этой стороны не могло быть никакихъ опасеній за исходъ дѣла относительно принятія православія индусами. Такимъ образомъ, если сообщеніе корреспондента вѣрно, должно засвидѣтельствовать крайне отраднѣйшій фактъ возможнаго перехода индусовъ-христіанъ въ православіе, подобно тому, какъ это было недавно съ присоединеніемъ урміанъ сиро-халдейской церкви. «Рус. Пал.».

— Журналъ «Міръ Божій» знакомитъ съ интересной американской сектой, обитающей въ сѣверной части штата Новая Мексика. Секта носитъ названіе „Кающіеся братья“ и представляетъ образчикъ ханжества, непроходимаго невѣжества и изуверства. Въ

обыкновенное время „Кающихся братья“ живутъ смирно и покойно, но съ наступленіемъ масляницы и поста, у нихъ начинаются религиозные обряды и процессіи, мало-по-малу разжигающіе ихъ религиозный фанатизмъ, такъ что къ концу поста онъ уже доходить до высшихъ предѣловъ. Съ наступленіемъ же страстной недѣли, на одномъ изъ холмовъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моельни, водружается крестъ, грубо сколоченный изъ дерева. Холмъ получаетъ названіе Голговы и туда ежедневно отправляются процессіи „Кающихся братьевъ“, причеиъ каждый изъ „братьевъ“ придумываетъ для себя какое-нибудь особенное истязаніе. Обыкновенно такіа процессіи происходятъ въ полночь, и въ нихъ иногда принимаютъ участіе до 200 и болѣе человекъ. Впереди идетъ музыкантъ—«*pitero*», извлекающій изъ своей деревянной флейты, самаго первобытнаго устройства, такіе раздражительные звуки, которые способны обратитъ въ бѣгство каждаго непривычнаго человека. За нимъ идетъ „братъ“, несущій деревянный крестъ въ два фута длиной, и далѣе слѣдуютъ остальные „братья“, образуя длинную, торжественную процессію. Дорога, по которой они идутъ, усыпана острыми камнями, и они ступаютъ по ней голыми ногами и въ то же время бичуютъ себя вѣтками кактуса, такъ что кровь капаетъ на ихъ набедренную повязку, составляющую ихъ единственное одѣаніе. Достигнувъ Голговы, они становятся на колѣни и начинаютъ распѣвать или, вѣрнѣе, завывать покаянные гимны, продолжая бичеваніе и, наконецъ, какъ по приказу, всѣ поднимаются одновременно и отправляются обратно въ моельню. Такъ продолжается цѣлую недѣлю, но когда наступаетъ послѣдній день то изъ 12-ти „Кающихся братьевъ“, добровольно выражающихъ желаніе подвергнуться распятію, выбираютъ одного, по жребію, и какъ только солнце начинаетъ склоняться къ западу, на крышѣ моельни начинаютъ звонитъ въ колоколъ и эти зловѣщіе звуки, возвѣщающіе всему округу о томъ, что готовится нѣчто ужасное, далеко разносятся по горамъ. Въ поселеніи „Кающихся братьевъ“ все приходитъ въ движеніе. Женщины, дѣвушки, дѣти и старики—всѣ спѣшатъ къ моельнѣ и окружаютъ ее въ глубокомъ молчаніи, ожидая появленія того, кто добровольно идетъ на казнь. Какъ только онъ выходитъ въ вѣнѣкъ изъ колючаго кактуса, тотчасъ же раздаются плачь и стenanія. Процессія отправляется на Голгову и тамъ приступаютъ къ распятію. Въ прежнее время несчастную жертву приколачивали гвоздями къ кресту, но теперь привязываютъ ее веревками и при томъ такъ крѣпко, что веревки врѣзаются въ тѣло. Въ такомъ положеніи распятый остается около по-

лучаса; потомъ, по знаку старшаго изъ братьевъ, называемаго—«het-panos majog», крестъ вынимаютъ и кладутъ на землю. Несчастная жертва находится въ безчувственномъ состояніи; ее снимаютъ съ креста, заворачиваютъ въ бѣлую бумажную ткань и относятъ на носилкахъ въ особо устроенную для этой дѣли пещеру, гдѣ уже опытные въ этомъ дѣлѣ братья берутъ ее на свое попеченіе. Остальные „Касающіеся братья“, подъ звуки монотонной мелодіи, отправляются по домамъ. Мало-по-малу, подъ вліяніемъ различныхъ средствъ, употребляемыхъ для приведенія его въ чувство, распятый приходитъ въ себя и, обыкновенно, черезъ нѣсколько часовъ его торжественно приносятъ въ хижину. Нечего и говорить, что, вынося эту пытку, онъ становится героемъ въ глазахъ всего населенія и покрываетъ себя славой, и не только онъ самъ, но его жена и дѣти пользуются всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. Тутъ уже для него начинается награда за испытанныя имъ мученія и, повидимому, награда эта настолько заманчива, что никогда не бываетъ недостатка въ желающихъ подвергнуться пыткамъ, и иногда честолюбивыя жены сами побуждаютъ своихъ мужей принять вѣнецъ мученичества.

— «Мисс. Обзор.» обращаетъ вниманіе на обнаруживающееся сильное оживленіе среди штундистовъ. Этимъ оживленіемъ штундизмъ обязанъ неослабному вліянію нѣмецкихъ баптистическихъ сектъ. Какъ извѣстно, положеніемъ 1879 года баптизму не только предоставлена полная свобода вѣроисповѣданія, вплоть до изданія на русскомъ языкѣ богослужебныхъ книгъ, но даже однимъ изъ недавнихъ кассационныхъ рѣшеній Правительствующаго Сената (въ 1896 году) баптизмъ признанъ наравнѣ съ инославными исповѣданіями, то-есть католическою и лютеранскою церковью (по отвѣтственности виновныхъ за совращеніе). Это привилегированное положеніе баптизма и послужило могучимъ толчкомъ, направившимъ стремленія послѣдователей штунды къ сліянію съ баптизмомъ, для обхода, такимъ образомъ, распространяемыхъ на послѣдователей штунды правилъ Высочайшаго положенія 4 іюля 1894 года, какъ на послѣдователей вредной ереси. Такому обороту дѣла не мало способствовали, конечно, и сами баптистскіе проповѣдники, которые, вслѣдъ за устройствомъ своего церковнаго быта, значительно усилили свою пропаганду, между прочимъ, и среди штундистскаго населенія. Въ этомъ отношеніи годъ переписи послужилъ особенно удобнымъ поводомъ для распространенія всевозможныхъ посланій, обстоятельно разъясняющихъ всѣ выгоды, которыя обезпечиваетъ для послѣдователей штундистской сек-

ты присоединеніе къ баптизму, и побудившихъ значительное число смѣтливыхъ штундистовъ записаться послѣдователями баптизма. Духовные журналы приводятъ даже жалобы штундистовъ, поступившихъ къ начальствующимъ лицамъ, на непринятіе подобныхъ записей со стороны нѣкоторыхъ переносчиковъ. Этому подъему духа среди штундистовъ не мало способствовали кассационныя рѣшенія Правительствующаго Сената отъ 3 и 20 октября 1897 года, признавшія незаконность привлеченія къ отвѣтственности за противозаконныя религиозныя собранія послѣдователей штундо-баптизма. Эти рѣшенія распространяются среди штундистовъ въ видѣ нотаріально-засвидѣтельствованныхъ копій и предъявляются миссіонерамъ и властямъ, при исполненіи послѣдними своихъ обязанностей, и мировымъ судьямъ и судамъ, при привлеченіи штундистовъ къ отвѣтственности. Обыкновенно, когда дѣло касается неисполненія штундистами правилъ Положенія 1894 года, со стороны штундистовъ получается одинъ отвѣтъ: „Ошибаетесь господинъ,—мы не штундисты, а баптисты, такъ призналъ насъ указъ Его Величества“, и затѣмъ, какъ сообщаетъ «Миссіонерское Обзорѣніе», начинается торжественное чтеніе кассационнаго рѣшенія Сената, съ кривотолками дѣйствующими на православную массу: „вотъ де слышите,—самъ Государь знаетъ о нашей вѣрѣ, Сенатъ по Его Величества указу оправдываетъ нашихъ братьевъ и предписываетъ дать намъ свободу“. Вполнѣ понятно, въ какое положеніе ставить все это и народъ, и власти въ отношеніи послѣдователей этого новообразовавшагося штундо-баптизма и какъ трудно установить предѣлы дозволеннаго и недозволеннаго въ отношеніи тѣхъ или другихъ дѣйствій послѣдователей штунды прикрывающихся знаменемъ баптизма. Все это въ значительной степени усиливаетъ жизненность современнаго штундизма, которая не обѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ. Недавно одесскіе штундисты въ прошеніи предъявили епархіальной власти требованіе о предоставленіи имъ, какъ баптистамъ, полной свободы вѣроисповѣданія, какая предоставлена послѣдователямъ этой нѣмецкой секты. И въ настоящее время, какъ полагаетъ «Миссіонер. Обзор.», должно ожидать поголовной подачи прошеній со стороны штундистовъ о предоставленіи имъ всѣхъ религиозныхъ и проповѣдническихъ правъ, которыми пользуются нѣмецкіе баптисты, вплоть до подчиненія ихъ судебной отвѣтственности за соvrращеніе православныхъ не какъ за соvrращеніе въ ересь или расколъ, по 196 статьѣ Уложенія о Наказаніяхъ, а какъ за соvrращеніе въ инославное дозволенное въ Россіи христіанское исповѣданіе.

вѣданіе, по 187 статьѣ. И этой возможности нельзя не отрицать, имѣя въ виду многочисленные факты въ Херсонской губерніи, когда администраціей разрѣшались всѣ недоразумѣнія такого рода въ пользу штундистовъ, примѣнительно къ Положенію 1879 года, тѣмъ болѣе что вопросъ о религіозныхъ собраніяхъ и нынѣ уже рѣшается въ пользу сектантовъ, на основаніи тѣхъ же пресловутыхъ „копій“, которыя принимаются за вполне достаточный документъ, устанавливающий законность штундо-баптизма. Безконечныя недоразумѣнія этого рода побудили, наконецъ, обратить на эту сторону свое вниманіе и миссію; съ этою цѣлью специально организованъ былъ, минушаго 17 сентября, епархіальный миссіонерскій съѣздъ для выясненія взаимнаго отношенія штундизма и баптизма. На основаніи обстоятельныхъ изысканій, миссіонерскій съѣздъ пришелъ къ слѣдующему рѣшенію: 1) Ни наука сектовѣдѣнія, ни миссіонерская практика, ни законъ—не знаютъ баптизма, какъ отдѣльной русской секты. 2) Основа догматическаго ученія, а равно и главныя формы культа у штунды и баптизма сходны. 3) Въ то же время, однако, несомнѣнно и различіе между символическими книгами штундистовъ и баптистовъ, тогда какъ у баптистовъ существуютъ опредѣленныя символическія книги, обязательныя для всѣхъ послѣдователей этой секты.—штундисты до извѣстнаго циркуляра 1894 года, запрещающаго штундовыя общественныя моленія, не имѣли и теперь не имѣютъ одного опредѣленнаго вѣроизложенія: они пользуются толстовскимъ катихизисомъ братства Исусова, катихизисомъ, составленнымъ Рябошапкою, Цимбаломъ и другими вожаками штунды, пользуются даже такими символами, въ которыхъ проповѣдуется латинское „Filioque“. 4) Поэтому имѣющіяся у штундистовъ символическія тетради ни коимъ образомъ не могутъ быть признаны полнымъ, всеобщимъ и обязательнымъ выраженіемъ сущности ихъ вѣроученія. 5) На протяженіи своей исторіи штундисты неоднократно обнаруживали и теперь обнаруживаютъ социалистическія, атеистическія и нигилистическія стремленія, что совершенно справедливо признаеть и циркуляръ Мин. Внутр. Дѣлъ 1894 года. 6) Вслѣдствіе сего русская штунда должна быть признана сектою особенно вредною и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть отождествляема съ баптизмомъ, о которомъ мы знаемъ по его символическимъ книгамъ и по закону 1879 г. 7) Русскіе штундисты и сами не могутъ доказать своего тождества съ нѣмецкимъ баптизмомъ, потому что не имѣютъ никакихъ официальныхъ, признанныхъ Правительствомъ, актовъ ихъ религіознаго и семейнаго состоянія. 8) На основаніи всего

вышеизложеннаго, стремленія штундистовъ присвоить себѣ имя баптистовъ, съ цѣлю пріобрѣтенія правъ закономъ дозволенной нѣмецкой секты, какъ отрывающія ихъ окончательно отъ роднаго Православія и вносящія смуту въ сознаніе Русскаго народа, нужно признать незаконнымъ посягательствомъ на цѣлость Православной Церкви и единство Русской народности и противорѣчіемъ Державной волѣ Государя Императора, недавно выраженной въ знаменательныхъ словахъ: „Русскіе же люди искони были и будутъ православными и вмѣстѣ съ Царемъ своимъ и Царицей выше всего чтутъ и любятъ родную Православную Церковь“. А посему съѣздъ находить необходимымъ почтительнѣйше просить Его Высокопреосвященство войти съ ходатайствомъ къ г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода,—дабы законъ 1879 года, имѣющій въ виду нѣмцевъ-колонистовъ, не былъ распространяемъ на нашихъ русскихъ штундистовъ, которые должны подчиняться существующимъ законамъ о вѣрѣ.

— Относительно разныхъ сторонъ дѣятельности церковныхъ причтовъ, какъ сообщаетъ «Церк. Вѣстникъ», епархіальными преосвященными и консисторіями сдѣланы въ послѣднее время нѣкоторыя новыя указанія мѣстному духовенству. Такъ, по вопросу о благоустройствѣ церковнаго богослуженія, въ связи съ потребностями миссіонерскими, сдѣланы указанія въ казанской и самарской епархіяхъ. Въ первой изъ этихъ епархій, по поподу донесенія одного изъ благочинныхъ о томъ, что, вслѣдствіе недоступности для инородцевъ славянскаго языка, нѣкоторые священники отдають предпочтеніе татарскому языку и что оттого возбуждается ропоть между русскими, не понимающими церковныхъ пѣснопѣній на инородческихъ языкахъ, циркулярно объявлено, чтобы въ често инородческихъ приходахъ совершалось богослуженіе на народномъ языкѣ прихожанъ, а въ смѣшанныхъ приходахъ на двухъ или, если въ приходѣ три народности, на трехъ языкахъ. Въ той же епархіи, по поводу такъ называемой очереди въ служеніи, наблюдаемой священно-церковнослужителями, епархіальнымъ архіереємъ указано, что священники могутъ наблюдать очередь, но этимъ не освобождаются отъ посѣщенія храма при богослуженіи для помощи очередному священнику и пѣнія на клиросѣ, а также для наблюденія за порядкомъ; для діаконовъ же и псаломщиковъ очереди не должно быть, развѣ только при исполненіи требъ; они должны быть въ храмѣ за всѣми богослуженіями, дабы пѣніе было не въ одинъ голосъ очередного псаломщика. Въ Самарской епархіи къ руководству духовенства объявлено общее распоряженіе о

времени совершенія утреннихъ богослуженій и литургій въ селахъ, въ виду жалобъ отъ прихожанъ, что богослуженія въ сельскихъ и уѣздныхъ городскихъ церквахъ совершаются не своевременно, а какъ издается священникамъ. Въ казанской епархіи, по поводу донесенія одного изъ благочинныхъ объ отпускѣ раскольниками своихъ дѣтей обоюго пола для обученія въ приходскія школы, изъ которыхъ въ одной болѣе половины учащихся состоятъ изъ раскольническихъ дѣтей, предложено причтамъ селъ, гдѣ есть раскольники, обратить вниманіе на школы и особенно на преподаваніе въ нихъ Закона Божія, чтобы чрезъ школы съ дѣтства воспитывать прихожанъ въ правилахъ христіанской жизни и чрезъ это вліять на ослабленіе раскола. Затѣмъ, по поводу донесенія одного изъ благочинныхъ о томъ, что книги для чтенія прихожанамъ и для воскресныхъ собесѣдованій имѣются въ церквахъ не въ достаточномъ количествѣ и не вездѣ, а духовные журналы, кромѣ „Православнаго Собесѣдника“ и „Церковныхъ Вѣдомостей“, выписываются въ весьма немногихъ церквахъ, указано причтамъ, чтобы они старались пріобрѣтать въ церковныя бібліотеки вѣручительныя и назидательныя книги и такимъ образомъ изъ года въ годъ пополняли бы бібліотека новыми полезными изданіями. Кромѣ того, признавая полезнымъ и необходимымъ помѣщеніе въ печатномъ епархіальномъ органѣ сообщеній о всѣхъ выдающихся явленіяхъ религіозной жизни въ приходахъ и въ томъ числѣ объ усердной дѣятельности духовныхъ лицъ, такъ какъ печатаніе такихъ свѣдѣній послужить для однихъ поощреніемъ къ дальнѣйшему труду, а въ другихъ возбудить стремленіе къ такой же дѣятельности и вообще можетъ способствовать оживленію и подъему болроста духа и энергіи во всемъ духовенствѣ, духовная власть въ казанской епархіи предписала благочиннымъ, чтобы они при официальныхъ сообщеніяхъ о выдающихся церковно-религіозныхъ событіяхъ непременно прилагали, для напечатанія въ „Епархіальныхъ Извѣстіяхъ“, подробное описаніе этихъ событій, и затѣмъ, при донесеніяхъ о смерти выдающихся духовныхъ лицъ, представляли бы обстоятельно и тщательно составленные некрологи, а равно слова и рѣчи, произнесенныя при ихъ погребеніи. Въ одной епархіи обращено особое вниманіе мѣстной духовной власти на обезопасеніе церквей отъ пожаровъ, столь часто причиняющихъ у насъ неисчислимый ущербъ мѣстному населенію, и въ двухъ епархіяхъ—на нѣкоторое обезпеченіе нуждающихся лицъ духовнаго званія отъ матеріальныхъ лишеній. Уничтоженіе церквей пожарами обратило вниманіе преосвященнаго олонецкаго и мѣстной

консисторіи, которая пригласила всѣ причты съ церковными старостами тщательно заботиться о предотвращеніи въ церквахъ пожаровъ, часто возникающихъ отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, и дала по этому предмету частныя указанія причтамъ и старостамъ. На нѣкоторыя нужды лицъ духовнаго званія указано въ симбирской и курской епархіяхъ. Въ симбирской епархіи пресвященный Никандръ нашелъ, что при многихъ церквахъ, вопреки распоряженію енархіальной власти, обязанности просфоренъ исполняются крестьянскими дѣвцами, крестьянскими или солдатскими вдовами, между тѣмъ какъ изъ множества поступающихъ къ пресвященному прошеній отъ вдовъ и сиротъ духовнаго званія о предоставленіи имъ этихъ обязанностей, а также изъ личныхъ бесѣдъ усматривается, что нужды въ замѣщеніи просфорническихъ должностей лицами инословными не имѣлось бы, если бы духовенство болѣе участливо относилось къ бѣдственной жизни его вдовъ и сиротъ. Производство по подобнымъ дѣламъ показало, что эти бѣдствующія лица обращаются къ священникамъ, отъ которыхъ зависитъ допустить ихъ къ исполненію обязанностей просфоренъ, но получаютъ отказъ съ ссылкой на то, что нѣтъ вакансій; между тѣмъ какъ для другихъ вакансій находятя. Выражая порицаніе такому образу дѣйствій священниковъ, симбирскій архипастырь приглашаетъ духовенство на будущее время не допускать къ приготовленію просфоръ лицъ инословныхъ за исключеніемъ случаевъ необходимости, о чемъ консисторіею и объявлено по епархіи. Въ курской епархіи также рѣшено мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ—предоставлять приготовленіе просфоръ прежде всего вдовамъ и сиротамъ духовнаго званія. Утверждая постановленіе консисторіи, енархіальный архіерей выразилъ: „Оо. благочинные в оо. іереи обратятъ особенное вниманіе на это постановленіе консисторіи: мы должны заботиться и вообще о вдовахъ и сиротахъ (Іак. 1, 27), особенно же о вдовахъ и сиротахъ служителей церкви Христовой“ (1 Тим. V, 8).

— Въ «Литов. Еп. Вѣд.» помѣщены слѣдующія свѣдѣнія о дѣятельности Виленскаго Свято-Духовскаго братства по устройству религіозно-нравственныхъ чтеній для народа съ свѣтовыми картинками. Въ дѣятельности братства, закончившаго свое трехлѣтіе, чтенія перешли изъ городовъ даже въ деревни. Всего отъ братства было устроено 60 чтеній, при чемъ наименьшее количество слушателей было 150 человекъ, а иногда желающихъ являлось столько, что многимъ приходилось отказывать по недостатку помѣщенія. Изъ числа посѣтителей наибольшій процентъ принадлежалъ

римско-католикамъ, посѣщали чтенія лютеране и старообряды. Устройствомъ чтеній завѣдывала особая коммиссія изъ преподавателей Литовской духовной семинаріи и нѣкоторыхъ другихъ лицъ. Помощниками ихъ являлись учителя школъ и воспитанники мѣстной духовной семинаріи. Послѣднимъ это участіе въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа вмѣнялось въ обязанность и нельзя не привѣтствовать такое распоряженіе епархіальной власти. На устройство чтеній и приобрѣтеніе свѣтовыхъ картинъ братствомъ было ассигновано 300 рублей. Излишне говорить, замѣчаетъ названный журналъ, о воспитательномъ значеніи для народа подобныхъ чтеній. Сопровождаемая свѣтовыми картинами съ живымъ поясненіемъ ихъ и прерываемая стройнымъ пѣніемъ, чтенія эти наглядно представляютъ доступные для подражанія живые примѣры святыхъ, расширяютъ кругъ религіознаго и церковнаго знанія, възгрѣваютъ религіозное чувство, сближаютъ лицъ разныхъ вѣроисповѣданій и племенъ въ единствѣ правды и добра. Католики, не зная нашего вѣроученія и отъ колыбели предубѣжденные противъ православныхъ, какъ схизматиковъ, узнаютъ на чтеніяхъ, что мы признаемъ Св. Троицу, Матерь Божию, все евангеліе, что у насъ есть общія съ ними молитвы, общія палестинскія святыни, общіе святые, въ числѣ коихъ есть даже римскіе епископы. Тамъ же они слышатъ объ единствѣ для всѣхъ христіанъ Божественнаго Откровенія, что за всѣхъ равно пострадалъ Іисусъ Христосъ и всѣ мы, искупленные Имъ и примиренные съ Богомъ, должны жить по закону любви евангелійской, какъ братья. Это католикъ и можетъ только услышать на нашихъ школьныхъ чтеніяхъ, такъ какъ въ православный храмъ онъ не пойдетъ, не прочтаетъ объ этомъ и въ русской книжкѣ, которая ему запрещена церковною властью. Въ школу же, гдѣ учатся дѣти его, гдѣ понятно читаютъ свѣтскіе люди и наглядно объясняютъ прочитанное по картинамъ, онъ идетъ охотно, и несомнѣнно, такія посѣщенія имѣютъ благотворное вліяніе на успокоеніе воспитанной всендшами религіозной вражды, переходящей здѣсь въ политику и жизнь.

— Преосвященный Рязанскій Мелетій на одномъ изъ протоколовъ бывшаго миссіонерскаго съѣзда положилъ, по сообщенію «Ряз. Еп. Вѣд.», слѣдующую, достойную вниманія, резолюцію: «Къ обученію дѣтей въ школахъ призваны всѣ члены причтовъ: никто не долженъ уклоняться отъ этой обязанности. При отсутствіи школъ надо заниматься домашнимъ обученіемъ или завести воскресныя школы для дѣтей и для взрослыхъ. Для поощренія младшихъ членовъ причта къ этому дѣлу Святѣйшій Синодъ разрѣ-

шилъ труждающихся въ ученіи псаломщиковъ производить въ санъ діакона, что и исполняется съ цѣлю поощренія и возмездія за труды; но на дѣлѣ оказывается, что не всѣ діаконы занимаются обученіемъ дѣтей, за что справедливо дѣлается съ нихъ вычетъ $\frac{1}{3}$ доходовъ на вознагражденіе учителей, ихъ замѣняющихъ. Обученіе пѣнію верхъ желаній для приходоу. Потому если не обучаютъ ни грамотѣ, ни пѣнію діаконы и причетники, то не заслуживаютъ никакого извиненія за свое небреженіе и непростительную лѣность“.

— Общеепархіальный съѣздъ духовенства Рязанской епархіи констатировалъ фактъ, что многіе церковные старосты этой епархіи, уклоняются отъ покупки свѣчъ изъ епархіальнаго завода, покупаютъ для церквей свѣчи у частныхъ свѣчоторговцевъ, иногда по дешевой цѣнѣ, недоброкачественныя. Чтобы пресѣчь зло, Рязанскимъ епархіальнымъ начальствомъ выработаны слѣдующія мѣры: 1) предъ утвержденіемъ на второе трехлѣтіе въ должности избранныхъ старостъ входить въ сношеніе съ правленіемъ свѣчного завода по вопросу о томъ, обращается ли избранное лицо въ епархіальные склады за покупкою церковныхъ свѣчъ и въ какомъ количествѣ имъ ежегодно покупалось свѣчей для церкви; 2) о.о. благочиннымъ вмѣнить въ обязанность въ представленіяхъ къ наградамъ церковныхъ старостъ непременно обозначать количество свѣчной прибыли отъ продажи восковыхъ церковныхъ свѣчей, купленныхъ изъ епархіальнаго свѣчного склада, или его отдѣленій; 3) въ сужденіяхъ объ удостоеніи представляемыхъ къ наградамъ церковныхъ старостъ всякій разъ сноситься консисторіи съ правленіемъ свѣчного завода и принимать въ соображеніе отзывъ правленія завода о количествѣ покупаемыхъ таковыми лицами свѣчъ изъ епархіальныхъ складоу; 4) предложить о.о. благочиннымъ разъяснить церковнымъ старостамъ, почему либо доселѣ уклоняющимся отъ точнаго руководства 23 § инструкціи, что только при условіи выполненія инструкціи церковные старосты могутъ рассчитывать на вниманіе къ ихъ заслугамъ со стороны епархіальнаго начальства, въ противномъ случаѣ, согласно указа Святѣйшаго Синода, отъ 23-го октября 1864 г., «всякія ходатайства о награжденіи такихъ старостъ, которые не доказали въ теченіе своей службы надлежащаго усердія по приращенію церковныхъ и въ особенноти свѣчныхъ доходовъ, какъ противныя законамъ, будутъ оставлены безъ послѣдствій, безъ всякихъ въ семъ случаѣ изыятій или отступленій отъ закона, и 5) предложить о.о. благочиннымъ, при своихъ ревизіяхъ церковныхъ приходо-расходныхъ книгъ, об-

ращать особливое вниманіе на оправдательные документы по покупке восковых свѣчъ для предупрежденія незаконной покупки, и въ случаѣ несоблюденія со стороны причта и старосты предписаннаго закономъ правила о приобрѣтеніи церковныхъ свѣчъ изъ епархіальнаго свѣчнаго склада или его отдѣленій, поступать согласно 49 § инстр. церк. стар., т. е. доносить о томъ епархіальному архіерею».

«Рязан. Еп. Вѣд.».

— Дѣятельность попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, направленная къ предупрежденію слѣпоты въ населенія, выражалась, по словамъ «Прав. Вѣст.», въ истекшемъ году въ командированіи въ разныя мѣстности Имперіи летучихъ отрядовъ для поданія бесплатной врачебной, преимущественно оперативной, помощи больнымъ глазами среди бѣднѣйшаго населенія, устройствѣ и содержаніи собственныхъ лѣчебницъ попечительства, содержаніи постоянныхъ кроватей въ лѣчебницахъ другихъ вѣдомствъ, организациі постоянной глазной помощи въ нѣкоторыхъ пунктахъ Россіи, и, наконецъ, выдачѣ, черезъ уполномоченныхъ, немущимъ больнымъ денежныхъ пособій на лѣченіе глазъ и на проѣздъ къ мѣсту лѣченія. Въ продолженіе года снаряжены 33 глазныхъ отряда, въ томъ числѣ три были направлены въ такія мѣстности, гдѣ работали отряды въ прежніе годы, а для остальныхъ 30 избраны новые пункты. Всѣ отряды дѣйствовали главнымъ образомъ въ лѣтнее время съ мая по октябрь. Въ работѣ отрядовъ принимали участіе 107 врачей, въ томъ числѣ 40 командированныхъ попечительствомъ и 17 студентовъ старшихъ курсовъ Императорскихъ военно-медицинскихъ академіи и университетовъ. Дѣятельность каждаго отряда продолжалась отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, ограничиваясь, въ среднемъ, площадью въ 60—70 верстъ. Всѣми отрядами принято въ теченіе года 53.828 больныхъ, причѣмъ произведено 16.029 операций. Какъ и въ предыдущіе годы, глазные отряды пользовались повсюду полнымъ довѣріемъ со стороны сельскаго населенія и сочувствіемъ общества, много способствовавшимъ успѣху ихъ дѣятельности. Своимъ успѣхомъ отряды обязаны также оказанному имъ содѣйствію какъ со стороны учреждений и должностныхъ лицъ, которымъ принадлежалъ починъ приглашенія отрядовъ, такъ и со стороны многихъ частныхъ лицъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и жителей, отводившихъ помѣщенія подъ устройство покоевъ для трудно-оперативныхъ больныхъ и квартиръ для личнаго состава отрядовъ. За послѣднія пять лѣтъ отрядами принято 168.618 больныхъ и произведено 48.576 операций.

Только-что вышла изъ печати книга

Земля, гдѣ жилъ Иисусъ Христосъ и сосѣднія съ нею земли.

Путевныя впечатлѣнія изъ поѣздки по Египту, Палестинѣ, Сиріи, Малой Азіи, Греціи и Италіи І. А. Фрея.

Цѣна безъ переплета 1 руб. 50 коп., въ красномъ оригинальномъ переплетѣ 2 руб. 80 коп.

Книга содержитъ 556 стр. и 200 политипажей. Она знакомитъ читателя со страной чудесъ, Египтомъ и ея жителями. Затѣмъ она ведетъ читателя въ Ханаанъ, знакомитъ его со страной, населеніемъ и правами, а также съ ханаанскими городами: Иерусалимомъ, Вифлеемомъ, Назаретомъ, Вифаніей, Дамаскомъ и друг. Читатель находится то на берегахъ Иордана, то на взморьѣ Мертваго моря или-же ѣдетъ по Генисаретскому озеру. Однимъ словомъ—онъ путешествуетъ по „Землѣ, гдѣ жилъ Иисусъ Христосъ“. Въ заключеніе читатель переносится въ Грецію, въ знаменитыя Аены и затѣмъ ѣдетъ въ поэтическую Италію, останавливаясь въ живописномъ Неаполѣ, во вѣчномъ Римѣ и сказочной Венеціи.

Книга эта уже печатана на четырехъ языкахъ и вездѣ заслужила лестные отзывы.

Съ заказами слѣдуетъ обращаться въ г. Ригу, книжн. магазинъ І. А. Фрея.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЕТСЯ

„ПРИВѢТЪ“,

литературно-научно-художественный сборникъ, изданный съ благотворительною цѣлью, въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся ученицамъ Васильеостровской женской гимназій въ С.-Петербургѣ. Цѣна 3 рубля, 440 страницъ въ 4^ю вѣ переплетѣ 4 рубля. Содержаніе. 25 картинъ-фототипій художниковъ: Рѣпина, Лагоріо, Антонова, Бѣмъ, Баниной, Волкова, Ге, Далькевича, Животовскаго, Ивановой, Каразина, бар. Клодта, Кондратенко, Лоренца, Мазуровскаго, Малышева, Михайлова. Никитина, Новоскольца, Овсянникова, Писемскаго, Сергѣева, Соколовскаго и Соломки. Повѣсти, рассказы, очерки, комедіи, легенды: гг. Мамина-Сибиряка, Засодимскаго, Ал. Чехова, Мордоженца, Салова, Баранцевича, Рускина, В. Тихонова, А. Тихонова (Лугового), Фирсова, Гвѣздача, Потапенко, Лихачева, Станюковича, Н. Ш. Вагнера (Кота-Мурашки), Л. Оболенскаго, Наумова, Журавской, Михневича, Нефедова. Стихотворенія: К. Р., гг. Полонскаго, Лихачова, Жемчужникова, Быкова, Фофанова, Горбунова-Посадова, А. Михайлова (А. К. Шеллера), Михайловскаго, Фидлера, Чюминой, Чешкина, Ватсона, Вейнберга, Коринфскаго, Зарина, Ясинскаго, Познякова, Пушкарева, Ладженскаго, Холодковскаго, Бунина, Вейлинга, Якубовича. Научныя и критич., скія статьи: академика А. Веселовскаго, профессоровъ Гольцева, Кайгородова-Петри, Гундобина, Венгерова, Шляпникова и Никольскаго, г-жъ Чебышевой-Дятриевой, Леонтьевой, гг. Познякова, Острогорскаго, д-ра Жихарева, Кунцкаго, Чуйко, Цируля, Евг. Гаршина. Посмертныя стихотворенія и письма: Всеволода Гаршина, В. Д. Сявловскаго, Н. М. Ядринцова, Д. Д. Минаева, Н. С. Лѣскова, А. Н. Островскаго, М. О. Мизѣшина и І. Юзова. Отзывы о сборникѣ „Привѣтъ“ см.: „Нива“, „Русское Богатство“, „Русская Мысль“, „Новь“, „Всемирная Иллюстрація“, „Живописное Обзорѣніе“, „Петербургская Газета“, „Сѣверный Вѣстникъ“, „Образованіе“, „Жизнь“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Книжный Вѣстникъ“ и мн. др.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ КНИГА:

І. ГОВЧАНСКІЙ.

Опытная психологія въ двухъ частяхъ. Составлена по новѣйшимъ источникамъ примѣнительно къ программѣ по психологіи для духовныхъ семинарій.

С.-Петербургъ. Изданіе К. Л. Ривкера. 1898. Ц. 1 р. 60 к.

Православный Собесѣдникъ

ИЗДАНИЕ КАЗАНСКОЙ АКАДЕМІИ

ВЪ 1899 ГОДУ

будетъ выходить попрежнему еженѣщно, книжками отъ 10 до 12 печатныхъ листовъ въ каждой, и будетъ издаваться по прежней программѣ, въ томъ же строго-православномъ духѣ и въ томъ же ученоемъ направленіи, какъ издавался доселѣ. Въ 1899 году къ одной изъ книжекъ Православнаго Собесѣдника бесплатно будетъ приложенъ второй выпускъ Твореній св. Ипполита, епископа Рязскаго, въ русскомъ переводѣ. Въ составъ этого выпуска войдутъ слѣдующія сочиненія: „О Христѣ и антихристѣ“ (новый переводъ по недавно открытой богѣ древней и исправной редакціи), „О кончинѣ міра, объ антихристѣ и второмъ пришествіи Христовомъ“ (подложное, но излюбленное весьма важное значеніе въ изученіи русскаго раскола), „Противъ Нозта“, „Слово на день Богоявленія“ и нѣкоторые богѣ важные и интересныя, дошедшіе до настоящаго времени, отрывки изъ другихъ его сочиненій.

Всѣ новые подписчики получатъ также бесплатно уже вышедшій первый выпускъ Твореній св. Ипполита, представляющій переводъ недавно открытаго и полномъ видѣ его Толкованія на книгу пророка Даниила. Въ пособіе на изданіе журнала и въ 1899 году ассигнована особая сумма Его Высокопреосвященствомъ. Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Казанскимъ и Свѣжскимъ. На средства Владыки будутъ печататься между прочимъ лекціи по Основному Богословію недавно почившаго преосв. Михаила (Грибановскаго), епископа Таврическаго, и др. статьи богословскаго содержанія. Журналъ Православный Собесѣдникъ рекомендованъ Свѣтѣйшимъ Синодомъ для выписыванія въ церковныя бібліотеки, какъ изданіе полезное для пастырскаго служенія духовенства (Синод. опред. 8 сент. 1874 г. № 2792). Цѣна за полное годовое изданіе, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—

с е м ь р у б л е й .

При журналѣ: Православный Собесѣдникъ издаются

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ,

выходящія два раза въ мѣсяцъ, нумерами до 3 печатныхъ листовъ (вмѣсто 2-хъ) въ каждомъ, убористаго шрифта. Размѣръ изданія увеличенъ сравнительно съ прежнимъ на 24 печатныхъ листа въ годъ вслѣдствіе установленнаго по особому распоряженію Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія пособія на изданіе Епархіальныхъ Извѣстій отъ монастырей Казанской епархіи. Цѣна Извѣстій для духовенства Казанской епархіи, съ приложеніемъ журнала „Православный Собесѣдникъ“ и съ пересылкою по почтѣ **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ**. Подписка принимается въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи, въ Казани.

Принимается подписка на 1899 годъ

НА

МОСКОВСКІХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ ВѢДОМОСТИ

еженедѣльное изданіе

Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія въ Москвѣ.

Каждый № въ разиѣрѣ 2-хъ печатныхъ листовъ.

Московскія Церковныя Вѣдомости^а имѣютъ своею цѣлю доставлять серьезное чтеніе по вопросамъ религіозно-нравственнымъ, церковно-историческимъ и практическимъ не для духовныхъ только, но и свѣтскихъ лицъ, интересующихся означенными вопросами. Кромѣ этого, въ 1899 году въ Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ будутъ помѣщаться: а) имѣющія то или другое приложение къ существеннымъ вопросамъ жизни извлеченія изъ твореній св. отцевъ церкви и б) статьи съ историко-археологическимъ описаніемъ Московской церковной старины и чтимой святини. Московскія Церковныя вѣдомости имѣютъ въ виду предлагать сужденія о фактахъ и явленіяхъ жизни съ точки зрѣнія ученія Православной Церкви,—подвергать обсужденію тѣ вопросы, которые вызываются самою жизнью и потребностями времени и потому должны представлять современный интерес.

По временамъ будутъ помѣщаться иллюстраціи. Подписка принимается: а) въ Епархіальной библиотекѣ, въ Петровскомъ монастырѣ, на Петровкѣ, б) въ редакціи: В. Якимавка, церковь Петра и Павла, квартира священника Іоанна Федоровича Мансветова, с) въ конторѣ Печковской—на Петровкѣ и въ известныхъ книжныхъ магазинахъ г. Москвы. Подписная цѣна: На годъ съ перес. 5 р.—безъ перес. 3 р. 50 к. На полгода съ перес. 3 р.—безъ перес. 2 руб.

Редакторъ Священникъ Іоаннъ Мансветовъ.

„КИЕВСКОЕ СЛОВО“

ежедневная литературно-политическая и экономическая газета

будетъ выходить въ 1899 году на прежнихъ основаніяхъ.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ:

1) Передовыя статьи по вопросамъ: политическимъ, хозяйственнымъ, педагогическимъ, законодательнымъ, судебнымъ, земскимъ и т. п. 2) Телеграммы внутреннія и заграничныя. 3) Корреспонденція внутреннія и заграничныя. 4) Извѣстія изъ славянскихъ земель. 5) Повѣсти и рассказы. 6) Бесѣды по разнымъ вопросамъ дня (фельетонъ). 7) Обзорныя русскіхъ журналовъ и газетъ. 8) Критика литературнаго, художественнаго и театральнаго. 9) Внутренняя хроника: законодательство и распоряженія Правительства. Мѣстная хроника г. Киева: краткія извѣстія изъ разныхъ мѣстъ отечества, преимущественно изъ юго-западнаго края. 10) Справочный отдѣлъ: курсы, фонды, ипотечныя и другія процентныя бумаги и акціи. Товарный рынокъ. Железныя дороги, пароходы, дѣчебницы, театры и т. п. Судебныя извѣстія. Подписная цѣна на „Кіевское Слово“ съ доставкой и пересылкой на годъ 10 р., на 6 м.—5 р., на 3 м.—3 р., на 1 м.—1 р., безъ доставки и пересылки—на годъ—8 р., на 6 м.—4 р., на 3 м.—2 р. 25 к., на 1 м.—75 к. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка подписной платы на слѣдующихъ условіяхъ: съ дост. и перес. при подпискѣ 5 р. и черезъ 5 мѣсяцевъ вторые 5 р.; безъ доставки въ тѣ же сроки по 4 р. Заграничныя подписчики прилагаютъ къ цѣнѣ безъ доставки по 60 к. за каждый мѣсяць. За перемѣну иногороднаго адреса—20 к. Подписка и объявленія принимаются въ Кіевѣ: 1) Въ главной конторѣ на Большой Владимирской, д. Антоновича, № 43. 2) На Крещатикѣ, въ магазинахъ: С. В. Кузьменко и Л. Изиковскаго. Въ Москвѣ и Петербургѣ у Мецль и К^о. Гг. иногороднихъ подписчиковъ просятъ обращаться непосредственно въ Главную Контору „Кіевскаго Слова“, Большая Владимирская, домъ № 43.

Редакторъ Е. Игнатьевъ.

Издательница В. М. Антоновичъ.

Объ изданіи миссіонерскаго журнала „ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ“ въ 1899 г. (Седьмой годъ изданія).

Изданіе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“ будетъ продолжаться и въ 1899 году „Православный Благовѣстникъ“, какъ органъ Православнаго Миссіонерскаго Общества по прежнему будетъ имѣть своею цѣлю—съ одной стороны выясненіе великой важности миссіонерскаго служенія для Русской православной церкви и Русскаго государства, а съ другой—возможно-полное и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ мѣропріимателей (миссіонеровъ), въ тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ она совершается въ настоящее время. Сообщеніе этихъ, имѣющихъ столь важное церковно-государственное значеніе, свѣдѣній и будетъ составлять главное и существенное содержаніе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“. Въ настоящемъ году Редакція предполагаетъ, между прочимъ, обратить особенное вниманіе на изложеніе и опріверженіе магометанства. Программа журнала слѣдующая: I. Отдѣлъ **официальный**. Постановленія и распоряженія Правительства, касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣятельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества. II. **Руководящія статьи** по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи. III. **Современною положеніе отечественныхъ миссій**. IV. **Очерки и рассказы** изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ. V. **Миссіонерская дѣятельность на западѣ**. Свѣдѣнія о католическихъ и протестантскихъ миссіяхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссії вступаютъ въ сопрікосовеніе и борьбу съ православіемъ. VI. **Извѣстія и замѣтки**: краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и заимствуемыя изъ газетъ, писемъ и пр. VII. **Библиографія**: Отзвы о разныхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству. VIII. **Извѣстія о жертвованіяхъ**, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій. IX. **Объявленія**. Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяць (15 и 30) книжками, въ объемѣ не менше четырехъ печатныхъ листовъ. Цѣна изданія **четыре рубля 50 коп.** безъ пересылки и **пять рублей** съ пересылкою; за границу—**шесть рублей**. Подписка принимается въ редакціи журнала „Православный Благовѣстникъ“, а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Срѣтенка, домъ Спасской церкви. Оставшіяся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за прошедшіе годы могутъ быть высланы по четыре рубля. Редакторъ Н. Комаровъ.

Объявленіе отъ редакціи „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстій“.

„Варшавскія Университетскія Извѣстія“ заключаютъ въ себѣ два отдѣла: **официальный** и **ученый**. Въ первомъ отдѣлѣ печатаются: 1) сокращенные протоколы засѣданій Совѣта Университета, 2) обзорныя преподаванія по полугодіямъ и свѣдѣнія о личномъ составѣ Университета, 3) извлеченія изъ отчетовъ о состояніи и дѣятельности Университета, 4) отчеты профессоровъ и преподавателей объ ученыхъ командировкахъ, 5) актыны рѣчи профессоровъ, 6) отзвы о диссертацияхъ докторскихъ, магистерскихъ и pro venia legendi, 7) программы университетскихъ лекцій, 8) сочиненія студентовъ, удостоенныя награды золотомъ медалью и 9) отзвы о медальныхъ сочиненіяхъ. Во второмъ отдѣлѣ печатаются научныя статьи профессоровъ, преподавателей и другихъ лицъ, служащихъ при Университетѣ, а также вступительныя лекціи профессоровъ и преподавателей; въ зависимости отъ состоянія средствъ „Извѣстій“ въ этомъ отдѣлѣ печатаются также курсы университетскихъ лекцій, диссертации и другіе научные труды большаго объема. Въ прибавленіяхъ печатаются таблицы метеорологическихъ наблюденій и списки книгъ, поступающихъ въ бібліотеку Университета, при чемъ эти списки издаются одинъ разъ въ годъ въ видѣ особаго приложенія къ майской книжкѣ „Извѣстій“ „Варшавскія Университетскія Извѣстія“ выходятъ 9 разъ въ годъ (въ концѣ каждаго учебнаго мѣсяца) книжками въ размѣрѣ до 12 печатныхъ листовъ каждая. Годовая подписная цѣна—5 руб. съ пересылкою. Подписка принимается въ Пресс-бюро Университета. Редакторъ профессоръ **Ф. Леонтовичъ**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 годъ

(пятый годъ изданія)

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ДУХОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ“,

издаваемый „Обществомъ распространія религіозно-правственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“ въ С.-Петербургѣ. Въ 1899 году, пятюмъ—изданія журнала въ каждомъ Мѣ будетъ печататься проповѣдь или бесѣда на предстоящій праздничный или посаресный день, при томъ, съ такимъ расчетомъ, чтобы она могла быть получена заблаговременно и въ провинціи. Будутъ печататься письма знаменитаго богослова, 28 лѣтъ прожившаго въ строгомъ затворѣ, но не прерывавшаго общенія съ міромъ посредствомъ своихъ глубоко-назидательныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ,—въ Бозѣ почившаго свитателя Теофана—къ В. В. Швидковской и Н. В. Елагину. Будутъ печататься извлеченія изъ дневниковъ отца Іоанна Кронштатскаго и его проповѣди, а также проповѣди протоіерея М. И. Хитрова. Журналъ откликается на всѣ крупныя событія церковно-общественной жизни. Подписная цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкой—5 р., 1/2 года—3 р., за границу—6 р. Въ розничной продажѣ 10 к. за Мѣ. Журналъ выходитъ по пятницамъ, въ размѣрѣ не менѣе 1 1/2 печатнаго листа каждый Мѣ. Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Николаевская ул., д. № 5. Редакція, для личныхъ объясненій съ редакторомъ, открыта по четвергамъ отъ 2 до 3 час. дня. Подписка принимается въ конторѣ, которая открыта ежедневно съ 10 час. утра до 4 час. пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Въ конторѣ продаются и отдѣльные Мѣ журналы. Изданы экземпляры журнала за 1895, 1896, 1897 и 1898 г.г. по 5 руб.

Редакторъ, Протоіерей Философъ Орнатскій.

О продолженіи изданія журнала

„ТРУДЫ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ“

ВЪ 1899 ГОДУ

(годъ изданія сороковыи).

Журналъ „Труды Кіевской Духовной Академіи“ будетъ издаваться и въ 1899 г. по прежней программѣ. Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ науки, преподаваемыхъ въ духовной академіи, по предметамъ общезанимательнымъ и по содержанію доступнымъ большинству читателей, а также переводы твореній блаж. Іеронима и блаж. Августина, которые въ отдѣльныхъ оттискахъ будутъ служить продолженіемъ изданія подъ общимъ названіемъ „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“. Указомъ св. Синода отъ 2/29 февр. 1884 г. подписка на „Труды“ и „Библіотеку твореній св. отцевъ и учителей церкви Западныхъ“ рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, кафедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе 7 р., а за границу 8 р. За ирежніе годы „Труды“ продаются по уменьшеннымъ цѣнамъ, именно: за 1860—1878 г.г. по 5 р., за 1879—1883 г.г. по 6 р., за 1885—1898 г.г. по прежней цѣнѣ, т. е., по 7 р. съ перес. Экземпляры „Трудовъ“ за 1867—68 и 1884 г.г. распроданы. Кромѣ того въ конторѣ редакціи продаются между прочимъ слѣдующія изданія и книги: „Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви Западныхъ“: а) св. Кипріяна еп. каре. части 1 и 2, б) блаж. Іеронима части 1—14 и в) блаж. Августина части 1—8. Цѣна каждой части 2 р. съ перес., кромѣ 9-й части творен. блаж. Іеронима, которая стоитъ 1 р. 50 м. „Опытъ правосл. догматическаго богословія“ еп. Сильвестра. Т. 1 (изд. 3-е) ц. 1 р. 70 м., т. 2 (изд. 3-е) ц. 3 р. 30 м., т. т. 3, 4 и 5 (изд. 2-е) по 3 р. каждый. Буддизмъ и христіанство. С. Г. Келлога. Перев. съ англ. О. С. Орнатскаго. Изд. 2-е исправл. и дополн. К. 1894 г. Ц. 1 р. 75 коп. Съ требованіями относительно журнала и книгъ редакція проситъ обращаться непосредственно къ ней по слѣд. адресу: въ редакцію журнала „Труды Кіевской Духовной Академіи“, въ г. Кіевѣ (Шльн. д. № 8).

Редакторъ профессоръ В. О. Пѣтвицкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Н А

ОЛОНЕЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

на 1899 годъ—(второй годъ изданія).

„Олонецкія Епархіальныя Вѣдомости“ выходятъ въ 2-хъ частяхъ: Официальной и Неофициальной, 2 раза въ мѣсяць 1-го и 15-го. Подписная цѣна: На обѣ части вмѣстѣ, съ доставкою и пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи, на годъ—5 рублей на полгода—3 рубля. Подписка принимается въ редакціи „Олонецкихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, при Олонецкой духовной семинаріи.

О подпискѣ на общественно-педагогическую и литературную еженедѣльную газету „ЖИЗНЬ И ШКОЛА“ съ приложеніемъ „ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (г. XI).

„Жизнь и Школа“ имѣетъ цѣлю служить органомъ объединенія русскихъ учителей и интересамъ лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу образованія въ Россіи, и издается по слѣдующей программѣ: 1) Правительственныя узаконенія и распоряженія, касающіяся образованія въ Россіи. 2) Научно-популярныя статьи (съ чертежами и рисунками). 3) Мелкія повѣсти и рассказы (бытовые и историческіе), путешествія, очерки и др. подоб. произведенія. 4) Статьи по педагогикѣ, дидактикѣ, методикѣ, училищевѣдѣнію, школьной гигиенѣ. Очерки по народному образованію въ Россіи и на Западѣ. 5) Русская печать о школьномъ дѣлѣ. Мнѣнія и сужденія печати по педагогическимъ вопросамъ. 6) Библиотечное дѣло въ Россіи и за границей. Организация общественныхъ и школьныхъ библиотекъ и др. образовательныхъ учрежденій для народа. 7) Библиографія. Критика и рецензіи педагогическихъ сочиненій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, разборъ учебниковъ и пособій. Обзорніе периодическихъ изданій какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ: научныхъ, педагогическихъ и т. п. 8) Корреспонденціи. Современное обзорніе воспитанія и обученія у насъ и за границей. 9) Политическія извѣстія и новости русской жизни. Обзорніе выдающихся событій въ Россіи и др. государствахъ. 10) Смѣсь. Наблюденія и замѣтки изъ школьнаго міра. Педагогическія темы. 11) Справочный указатель. Справки и указанія по различнымъ практическимъ вопросамъ учебнаго дѣла и школьнаго быта. 12) Что намъ пишутъ. Письма и сообщенія въ редакцію. 13) Книжный листокъ. Свѣдѣнія о вновь вышедшихъ книгахъ и указатель статей, встрѣчающихся въ поврежденныхъ изданіяхъ и заслуживающихъ вниманія какъ учителей, такъ и вообще образованнаго читателя. 14) Почтовый ящикъ. Отвѣты редакціи. 15) Объявленія. Послѣднія печатаются на первой стр. по 50 к., на послѣдней по 10 к. Подписчики (годовомъ) печатаютъ бесплатно. При газетѣ издается, въ видѣ приложенія, особый сборникъ, подъ заглавіемъ „Школьное Обзорніе“, въ которомъ помѣщаются статьи, по объему, не удобныя для еженедѣльнаго изданія, а также портреты Августѣйшихъ Особъ и выдающихся дѣятелей въ сферѣ государственной дѣятельности, благотворительности и народнаго образованія. Подписная цѣна съ доставкою и пересылкой 5 руб., за полгода 3 руб., и за три мѣсяца 2 руб., для начальныхъ школъ и учителей 4 руб., за границу 6 руб., за годъ. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полныя комплекты газеты за 1893 и 1894 г. можно получать за два руб., 1895 и 1896 по три руб. за годъ. Библиотеки и бесплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчики, приобретающіе за всѣ годы пользуются, сверхъ того, уступкой 50%. Вышедшіе №№ „Школьнаго Обзорнія“ и „Жизнь и Школа“ тек. г. по требованію, высылаются наложеннымъ платежомъ на счетъ конторы. Подписка принимается въ главной Конторѣ „Жизнь и Школа“: С.-Петербургъ, Загородный пр., 84.

Редакторъ-Издатель *М. Е. Виноградовъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ
на литературный, научный и политическій журналъ

„ЖИЗНЬ“

Выходитъ 3 раза въ мѣсяцъ (1, 11, 21), 36 книгъ въ годъ.
Рисунки и портреты.

Съ 1899 г. журналъ будетъ выходить при обновленномъ составѣ редакціи и сотрудниковъ.

12 книжекъ, выходящихъ 1-го числа каждаго мѣсяца, заключаютъ въ себѣ литературный отдѣлъ журнала. Въ него входятъ: беллетристика, литерат. критика и искусство.

12 книжекъ, выходящихъ 11-го числа, заключаютъ въ себѣ научный отдѣлъ журнала. Въ него входятъ статьи по естествознанію и по общественнымъ наукамъ (соціологія, политическая экономія, право, исторія).

Особое вниманіе будетъ обращено на ознакомленіе читат. съ новѣйш. научными теченіями.

12 книжекъ, выходящихъ 21-го числа, содержатъ въ себѣ политическій отдѣлъ журнала. Въ него входятъ: руководящія статьи по текущимъ вопросамъ русской и заграничной жизни, корреспонденція изъ провинціи и изъ-за границы.

Особое вниманіе будетъ обращено на разработку вопросовъ, касающихся крестьянскаго, городского и земскаго самоуправления.

Постоянная корреспонденція изъ Германіи, Франціи, Англіи, С. Ам. Соед. Штатовъ, Австріи, Бельгіи и др.

Библиографія распределяется по соответствующимъ отдѣламъ.

Къ каждой изъ 36 книжекъ прилагается обзоръ русской и иностранной жизни за 10 дней. Этимъ будетъ достигнуто соединеніе удобствъ ежемѣсячнаго и еженедѣльнаго изданій.

Кромѣ того ежемѣсячно будутъ помѣщаться новости литературы, искусства и науки, а также мелочи русской и заграничной жизни.

Многія статьи (по искусству, исторіи и т. д.) будутъ иллюстрированы снимками съ картинъ и портретами. Помѣщеніемъ рисунковъ и портретовъ редакция однако отнюдь не думаетъ придать журналу характеръ иллюстрированнаго изданія.

Стремясь избѣгать помѣщенія большихъ литературныхъ произведеній небольшими отрывками редакция рѣшила напечатать переводъ новаго большого романа Гемфри Уордъ (автора Марчеллы, Сара Дж. Тресседи, Давида Грива и др.) Хельбекъ изъ Банисдэла отдѣльной книгой и разослать его въ первой четверти 1899 года всѣмъ подписываемамъ, внесшимъ полную годовую плату въ видѣ безплатнаго приложенія. Котора редакция готова исполнять порученія иногороднихъ подписчиковъ по покупке и высылкѣ имъ книгъ.

Первыя три (январскія) книжки печатаются и выйдутъ въ декабрѣ. Желающимъ ознакомиться съ журналомъ, онѣ высылаются за одинъ рубль. Выписавшіе ихъ, продолжаютъ подписку за 6 рублей.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ—7 руб., на 1/2 года—4 руб. Допускается разсрочка отъ 1 руб. въ мѣсяцъ.

Главная контора СПБ. Бассейная № 14.

Отдѣленія конторы въ Москвѣ: кн. маг. „Книжное Дѣло“ (Моховая, домъ Бенкендорфа); кн. скл. А. М. Муриновой (Трехпрудный пер., собств. домъ).

Редакторъ-Издатель Д. М. Остафьевъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 г.

на еженедельный иллюстрированный журнал путешествий и приключений на суше и на море

„ВОКРУГЪ СВѢТА“

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XV.

Пятнадцатый годъ своего существованія журналъ „Вокругъ Свѣта“, давши своимъ подписчикамъ собраніе сочиненій трехъ знаменитыхъ авторовъ: Майнъ-Рида, Жюль Верна и Купера, намѣренъ отиѣтить выпускомъ въ свѣтъ, во-первыхъ, полного иллюстрированнаго изданія „Донъ-Кихота“, съ рисунками Густава Дорэ, въ двухъ томахъ, и, во-вторыхъ, собранія романовъ Густава Эмара. Въ 1899 году въ журналѣ будутъ участвовать слѣдующіе сотрудники: Д. Н. Маннинъ, Сибирякъ, Н. Н. Каразинъ, В. И. Немировичъ-Данченко, К. М. Станюковичъ, А. Н. Греть, Н. А. Чоголовъ, Л. Ф. Черскій, В. Н. Свѣтловъ, В. О. Юрдавъ, А. П. Смирновъ, П. П. Иафантиевъ, К. В. Нословъ, С. А. Качионъ, А. В. Павловъ, С. Л. Загорскій, А. А. Осиповъ, А. И. Красницкій, П. Н. Казницкій, Л. А. Прибыльскій и мн. др. Множество большихъ романовъ и повѣстей, написанныхъ известнѣйшими русскими и иностранными авторами, наполнять страницы журнала въ 1899 году интересными описаніями всевозможныхъ путешествій и приключеній на суше и на морѣ; цѣлый рядъ путешествій и географическихъ очерковъ, украшенныхъ превосходными иллюстраціями, будетъ знакомить читателей „Вокругъ Свѣта“ съ современнымъ движеніемъ впередъ географической науки; популярно-научный отдѣлъ будетъ наполняться очерками и статьями по всѣмъ отраслямъ знаній. Ежемѣсячное приложение будетъ состоять въ 1899 году изъ двухъ томовъ романа Сервантеса „Донъ-Кихотъ“, съ замѣчательными иллюстраціями знаменитаго Густава Дорэ и изъ десяти томовъ сочиненій Густава Эмара, заключающихъ въ себѣ слѣдующіе его романы, въ полныхъ и точныхъ переводахъ: I. „Арканзасскіе трапперы“, 1 томъ. II. „Пограничные бродяги“, 1 томъ. III. „Вольные стрѣлки“, 1 томъ. IV. „Чистое сердце“, 1 томъ. V. „Гамбузиносъ“, 1 томъ. VI. „Сакраменто“, 1 томъ. VII. „Мать-Горка“, 1 томъ. VIII. „Розастъ“, 1 томъ. IX. „Красивая рѣка“ (часть I—„Фортъ Дюкенъ“). X. „Красивая рѣка“ (часть II—„Атласная земля“). Первый томъ „Донъ-Кихота“ будетъ данъ въ январѣ, а второй—въ юлѣ. Въ то время редакція будетъ продолжать изданіе сочиненій Жюль Верна, имѣя въ виду довести это изданіе до возможно полного собранія сочиненій любимаго столь многими авторомъ и желая дать возможность своимъ подписчикамъ приобрести это собраніе за возможно дешевую цѣну. Въ 1899 г. изданы будутъ слѣдующіе новые романы Жюль Верна: 1) „Ченслеръ“, 2) „Пятнадцатилѣтній капитанъ“, 3) „Генералъ Сервадакъ“, 4) „Три русскія и три англичанина“, 5) „Михаилъ Строговъ“, и 6) „Пловучій городъ“. Эту дополнительную серію гг. подписчики „Вокругъ Свѣта“ могутъ приобретать за 3 р. съ пересылкой. Кроме того, подписчики, при доплатѣ одного рубля получаютъ „два роскошныхъ прѣми“ олеографіи, исполненные въ 28 красокъ въ художественной мастерской братьевъ Кауфманъ въ Берлинѣ: 1) *Буря у береговъ Крыма*, съ картины профессора Н. А. Айвазовскаго. 2) *Севастополь—открытый рейдъ*, съ картины профессора Лагоріо. Подлинникъ „Бури у береговъ Крыма“ написанъ нашимъ маститымъ высокоталантливымъ художникомъ специально для прѣміи въ журналѣ „Вокругъ Свѣта“. Оригиналъ „Севастополя“ приобретенъ издателями „Вокругъ Свѣта“ у автора, г. Лагоріо, въ исключительную собственность съ тою же цѣлью. Больше изящную прѣмию трудно придумать. Какъ та, такъ и другая картина отличаетъ высокими художественными достоинствами. Подписная цѣна на журналъ: На годъ съ приложеніемъ романа Сервантеса „Донъ-Кихотъ“ и собраніемъ романовъ Густава Эмара, съ достъ и пересылкой 4 р. То же съ прѣмiami (2-ма картинами) 5 р. На 6 мѣсяцевъ 2 р. 50 к. На 3 мѣсяца 1 р. 40 к. Допускается разрочная подписная цѣна: при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля и 1 юля по 1 р. Подписка принимается въ редакціи журнала—Москва, Ильинскія ворота, д. Титова, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Изданіе Т-ва М. Д. Сытина.

Редакторъ Е. Н. Киселевъ.

ЛИСТОКЪ

Д.И.

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Февраля № 3. 1899 года.

Содержаніе. Высочайшее повелѣніе.—Высочайшая отмѣтка.—Высочайшая награда.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второ-классныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 г. (продолженіе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшее повелѣніе.

Объ установленіи въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ трехлѣтняго курса обученія, вмѣсто двухлѣтняго.

Во исполненіе опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 28 октября —4 ноября 1898 года за № 4221, Г. Оберъ-Прокуроръ имѣлъ счастье испрашивать Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе на установленіе въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ трехлѣтняго курса обученія, вмѣсто двухлѣтняго, а въ таковыхъ же школахъ въ мѣстностяхъ съ ивородческимъ населеніемъ—четырёхлѣтняго курса обученія, и на соответственное измѣненіе § 5 Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 года правилъ о церковно-приходскихъ школахъ, съ предоставленіемъ Училищному при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣту, по воспослѣдованіи Высочайшаго соизволенія на увеличеніе продолжительности курса одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ до 3 и 4 лѣтъ, распределить учебный матеріалъ, содержащійся въ программѣ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, въ соответствіе съ продолжительностію курса ученія, на три и на четыре года. Его Императорскому Величеству благоугодно было въ 24 день декабря 1898 года собственноручно начертать на всеподданнѣйшемъ его, Оберъ-Прокурору, по сему предмету докладъ: «Согласенъ».

Высочайшая отмѣтка.

Отъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго поступило къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода

сообщеніе о томъ, что въ память и ознаменованіе Священнаго Боронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ: крестьянинъ Сергій Ереско пожертвовалъ въ Покровскую церковь слободы Верхней: Писаревки, Волчанскаго уѣзда, гробницу для плащаницы, стоимостію 195 руб., два большихъ креста въ 20 руб., и семисвѣчаникъ цѣною въ 35 руб.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Синодальнаго Оберъ-Прокурора о таковыхъ выраженіяхъ вѣрноподданническихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству, въ 20-й день ноября 1898 года, благоугодно было Собственноручно начертать: *„Прочелъ съ удовольствіемъ“*.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 24-й день декабря 1898 г., на награжденіе, за труды по народному образованію, серебряною медалію, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди на Александровской лентѣ, діакона Троицкой церкви заштатнаго города Славянска, Изюмскаго уѣзда, Іоанна *Вербичкаго*.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 13—15 января 1899 года за № 78, о совершеніи въ текущемъ году поминовенія въ Бозѣ почившихъ Государей Императоровъ Александра II и Александра III съ субботу сырной седмицы, 27 февраля.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ вмѣли сужденіе о совершеніи въ текущемъ году поминовенія въ Бозѣ почившихъ Государей Императоровъ Александра II и Александра III въ дни кончины перваго, 1 марта, и рожденія втораго, 26 февраля. Приказали: Принимая во вниманіе, что въ текущемъ году дни поминовенія въ Бозѣ почившихъ Государей Императоровъ Александра II—1-го марта и Александра III—26-го февраля упадаютъ первый на поведѣльникъ первой седмицы Великаго поста, а второй—на пятницу сырной седмицы, когда, по уставу Церкви, не положено совершеніе Божественной литургіи, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: перенести въ текущемъ году поминовеніе въ Бозѣ почившихъ Государей Императоровъ Александра II и Александра III съ вышеуказанныхъ дней на субботу сырной седмицы, 27-го февраля, о чемъ и напечатать въ журналѣ «Церковныя Вѣдомости».

**Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей
второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ
въ г. Харьковѣ въ 1898 году.**

(Продолженіе *).

VI. Образцовые уроки и демонстраціи чтеній.

Сообщеніе теоретическихъ свѣдѣній по всѣмъ вышеозначеннымъ предметамъ сопровождалось приложеніемъ ихъ къ дѣлу или ихъ иллюстраціей при помощи потребныхъ учебныхъ пособій, препаратовъ и приборовъ.

1) *Обученіе церковному пѣнію* соединялось почти съ ежедневными спѣвками, которыя служили практическимъ примѣненіемъ къ дѣлу теоретическихъ свѣдѣній и постоянными упражненіями и дѣловками на урокахъ. Пособіемъ при обученіи церковному пѣнію служила игра на піанино и фисгармоніи и обученіе игрѣ на скрипкѣ. Кромѣ того по церковному пѣнію дано было 2 образцовыхъ урока: учителемъ Пензенской епархіи Николаемъ Трояновымъ о высотѣ звука и Ставропольской епархіи Иваномъ Никольскимъ о длительности звуковъ и изображеніи ихъ нотами.

2) *По физикѣ* даны были 2 образцовыхъ урока учителями Тамбовской епархіи: Григоріемъ Маловымъ—о жидкостяхъ и ихъ свойствахъ и Василиемъ Воскресенскимъ—о воздухоплаваніи.

3) *По черченію* образцовые уроки вели: учитель Воронежской епархіи Михаилъ Бондаренко—о линіяхъ и углахъ и учитель Ставропольской епархіи Вячеславъ Ѳедоровъ—о треугольникахъ и многоугольникахъ. Лекціи по черченію и землѣмѣрію иллюстрировались моделями, геометрическими фигурами и приборами изъ семинарскаго физическаго кабинета; такъ слушателямъ показаны были: астролябія, экеръ, буссоль и мензула, причемъ подробно объяснено было устройство сихъ инструментовъ и способъ употребленія. Кромѣ того слушатели курсовъ подъ руководствомъ лектора упражнялись въ землѣмѣріи на семинарскомъ дворѣ при помощи означенныхъ инструментовъ и затѣмъ на основаніи добытыхъ свѣдѣній въ своихъ тетрадяхъ начертили планъ снятой мѣстности.

Лекціи *по физикѣ* постоянно сопровождались производствомъ физическихъ опытовъ при помощи физическихъ инструментовъ и машинъ семинарскаго физическаго кабинета. Сверхъ сего лекторъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 2, за 1899 годъ.

старался по возможности научить слушателей курсовъ самостоятельно изготовлять простѣйшіе физическіе приборы, объясняя имъ способъ ихъ изготовленія и указывая потребный для этого матеріалъ. Лекціи по космографіи иллюстрировались разсматриваніемъ въ телескопъ главнѣйшихъ планетъ, видимыхъ на небосклонѣ въ Іюль мѣсяцѣ: Сатурна, Венеры и указаніемъ на небосклонѣ и на глобусѣ изучаемыхъ созвѣздій. По черченію кромѣ лекцій, положенныхъ по росписанію, курсисты практически занимались черченіемъ различныхъ фигуръ и рисунковъ подъ руководствомъ лектора не менѣе 3 часовъ въ недѣлю.

4) *По исторіи* давали образцовые уроки: учитель Донской епархіи Клавсуцъ Иванъ—о языческой религіи славянъ и христіанствѣ на Руси до св. Владиміра; Воронежской епархіи Прохоровъ Владиміръ—о крещеніи Руси св. Владиміромъ и о вліяніи на него христіанской религіи; Ставропольской епархіи Борисовъ Иванъ—о раздѣленіи русской земли на удѣлы по смерти Ярослава Мудраго, и Сухумской епархіи Глаголевъ Алексѣй—о первомъ и второмъ нашествіи татаръ на русскую землю.

5) *По географіи* образцовые уроки даны были: учителемъ Орловской епархіи Бородулинымъ Алексѣемъ—объ устройствѣ поверхности Европейской Россіи; учителемъ той же епархіи Дизертинскимъ Сергѣемъ—о шарообразности земли; учителемъ Пензенской епархіи Мироносидкиамъ Веніаміномъ—о центральномъ пространствѣ Россійской Имперіи и учителемъ Ставропольской епархіи Проппинимъ Сергѣемъ—о климатѣ Европейской Россіи.

Такимъ образомъ слушателями курсовъ дано 14 образцовыхъ уроковъ, которые между учителями разныхъ епархій распредѣлялись такимъ образомъ: 2 урока даны учителями Воронежской епархіи, 1 урокъ учителемъ Донской епархіи, 2 урока учителями Орловской епархіи, 2 урока учителями Пензенской епархіи, 4 урока учителями Ставропольской епархіи, 1 урокъ учителемъ Сухумской епархіи и 2 урока учителями Томбовской епархіи. Для каждаго урока бралось соотвѣтствующее ему отдѣленіе учениковъ образцовой школы и употреблялись потребныя учебныя принадлежности и пособія. Каждый урокъ самими учителями, при руководствѣ лекторовъ, подвергался всесторонней оцѣнкѣ, при чемъ указывались его достоинства и недостатки. Несмотря на пользу образцовыхъ уроковъ большее количество ихъ невозможно было сдѣлать частію по недостатку времени, а главнымъ образомъ по-

тому, что въ настоящемъ году на курсахъ не было лекцій по главнымъ школьнымъ предметамъ: русскому языку, письму и арифметикѣ.

6) *Лекціи по шіенъ* иллюстрировались при помощи различныхъ анатомическихъ картинъ и скелета.

7) На лекціяхъ *по пчеловодству* въ аудиторіи лекторомъ были демонстрированы: разборная модель пчелы; натуральные препараты матки, рабочей пчелы и трутня; соты съ различнаго рода ячейками; натуральные и свищевые маточники; маточныя клѣточки, колпачки для матокъ; Ганемановскія рѣшотки и т. п. При посѣщеніи Харьковскаго земледѣльческаго училища, на пасѣвѣ, находящейся въ завѣдываніи лектора Ляпидевскаго, слушателямъ курсовъ были показаны ульи различныхъ системъ: Берлеппа, Левницкаго, Зубарева, Русскаго общества пчеловодства и Дадана; причѣмъ нѣкоторые ульи съ семьями пчелъ, представлявшими особый интересъ для слушателей, были разобраны; устройство нуклеуса, мѣсто зимовки пчелъ и другія принадлежности посѣчнаго хозяйства. Кроме того, на фермѣ въ присутствіи и при участіи самихъ курсистовъ были произведены слѣдующія работы: растапливаніе вошны и полученіе чистаго воска; приготовленіе искусственной вошны посредствомъ вальцовъ и вафельницъ; наващиваніе рамокъ, отдѣленіе меда на центробѣжкѣ. Каждый курсистъ изъ купленнаго для нихъ $\frac{1}{2}$ пуда воску слѣлалъ для себя форму искусственной вошны, которая они и взяли съ собою.

VII. Занятія необязательныя.

Къ числу необязательныхъ занятій на Харьковскихъ курсахъ относились обученіе игрѣ на фортепіано, фисгармоніи и скрипичной игрѣ, занятія ремеслами: токарнымъ, столярнымъ и переплетнымъ и для учительницъ—кройка. Эти занятія производились въ послѣ-обѣденное время отъ 3 до 5 часовъ.

1) *По столярному ремеслу* дано было 11 уроковъ по 2 часа каждый.

Задачей руководителя занятій служило ознакомленіе слушателей курсовъ съ инструментами, употребляющимися въ столярномъ ремеслѣ. Имъ сообщено было: названіе инструментовъ и примѣненіе ихъ къ дѣлу; о заготовкѣ и просушкѣ матеріала; приемы съ столярной пилой, шершелемъ, рубанкомъ одинарнымъ и двойнымъ, фуганкомъ, угольникомъ, ресмусомъ, долотомъ; показаны

были приемы запиливания шиповъ и долбленія проушковъ, связки на зубчатые шипы въ прямомъ и въ косыхъ направленіяхъ.

2) По токарному ремеслу дано было 11 уроковъ по 2 часа каждый.

Цѣль преслѣдовалась главнымъ образомъ та же, что и при обученіи столярному ремеслу—ознакомленіе съ инструментами, употребляющимися въ токарномъ ремеслѣ, и умѣнье пользоваться ими. Изучавшимъ ремесло сообщено было: названіе инструментовъ, о приемахъ обращенія съ ними, разборкѣ станковъ, перешивкѣ ремней, установкѣ дерева и т. д. Показано было, какъ точить рееромъ (полукруглымъ долотомъ), и плоскимъ долотомъ; какъ точить цилиндръ по циркулю рееромъ и плоскимъ долотомъ, какъ вырѣзывать на цилиндрѣ закругленія и выемки и т. д.

Обученіе токарному и столярному ремесламъ производилось въ четныя числа, такъ какъ многіе изъ обучавшихся этимъ ремесламъ въ нечетныя числа занимались переплетнымъ мастерствомъ. Но тѣ слушатели курсовъ, которые переплетнаго ремесла не изучали, занимались, при участіи руководителя, токарнымъ и столярнымъ ремеслами и въ нечетныя числа. Для обученія токарному и столярному ремеслу, взяты на прокатъ 3 токарныхъ станка и 5 верстаковъ съ достаточнымъ количествомъ инструментовъ. Хотя въ такой короткій срокъ невозможно было сдѣлать многое, тѣмъ не менѣе курсистами сдѣлано было совершенно самостоятельно нѣсколько вещей: нѣсколько табуретовъ, столъ съ точеными ножками, улей, нѣсколько ящиковъ, шпигирь, нѣсколько вѣшалокъ, много точеныхъ фигурокъ и мелкихъ вещей, которыя курсисты взяли съ собою и т. п.

Столярнымъ ремесломъ занимались слѣдующіе 47 курсистовъ: *Владикавказской епархіи*: Грузиненко Димитрій, Дзювъ Алексѣй; *Воронежской епархіи*: Болховитиновъ Гавріиль, Игнатовъ Митрофанъ, Крыловъ Владиміръ, Поповъ Георгій, Поповъ Яковъ, Яковлевъ Михаилъ; *Донской епархіи*: Вальневъ Николай, Клавсуцъ Иванъ; *Орловской епархіи*: Дизертинскій Сергѣй, Ивановъ Теодоръ, Петровскій Василій, Турбинъ Павелъ; *Пензенской епархіи*: Ардентовъ Иванъ, Аристидовъ Алексѣй, Любимовъ Викторъ, Мирносицкій Веніаминъ, Петропавловскій Сергѣй, Покровскій Петръ, Трояцкій Василій, Трояновъ Николай, Урановъ Алексѣй; *Ставропольской епархіи*: Евзовъ Аркадій, Фелицынъ Александръ; *Тамбовской епархіи*: Воскресенскій Василій, Вѣтринскій Василій,

Елеонскій Михаилъ, Константиновскій Михаилъ, Красивскій Александръ, Маловъ Григорій, Неуруновъ Павелъ, Синцеровъ Дмитрій (священникъ), Уваровъ Александръ; *Таврической епархіи*: Грибовскій Николай, Звѣревъ Николай, Сѣриго Александръ; *Харьковской епархіи*: Крыжановскій Григорій (діаконъ), Огинскій Василій, Оглоблинъ Николай, Панкратьевъ Андрей, Созонтьевъ Андрей, Соколовъ Валеріанъ, Стефановскій Николай, Фіалковскій Константинъ, Филевскій Захарій и Юшковъ Александръ.

Товарнымъ ремесломъ занимались слѣдующіе 23 курсиста: *Владикавказской епархіи*: Грузиненко Дмитрій, Дзювъ Алексѣй; *Воронежской епархіи*: Поповъ Георгій, Скрынченко Николай, Яковлевъ Михаилъ; *Донской епархіи*: Клавсуцъ Иванъ; *Орловской епархіи*: Дизертинскій Сергѣй, Петровскій Василій; *Пензенской епархіи*: Ардентовъ Иванъ, Аристовъ Алексѣй, Любимовъ Викторъ, Мирносицкій Веніаминъ, Петропавловскій Сергѣй, Троицкій Василій, Трояновъ Николай, Урановъ Алексѣй; *Сухумской епархіи*: Бжанія Мелитонъ; *Тамбовской епархіи*: Воскресенскій Василій, Елеонскій Михаилъ, Константиновскій Михаилъ, Крыловъ Дмитрій; *Таврической епархіи*: Власовъ Давидъ и Грибовскій Николай.

3) *По переплетному мастерству* дано 14 уроковъ; изучавшіе это мастерство раздѣлены были на двѣ группы, такъ какъ для всѣхъ 69 человекъ, занимавшихся переплетнымъ мастерствомъ, не доставало станковъ. Въ первой группѣ занятія шли съ 1 іюля, во второй съ 20 іюля. Изучавшіе это ремесло прошли полный курсъ его; имъ показано было: разборка книгъ, старыхъ и новыхъ; напилка корешковъ и сшивка книгъ; заклейка корешка и обрѣзка; набивка фальца, приклейка картона; наклейка сафьяннаго корешка и золоченіе его; приклейка мраморнаго листа на наружной и бѣлаго на внутренней сторонѣ картона. Всѣ эти работы выполнялись затѣмъ самими курсистами, такъ что въ результатѣ получилось много переплетенныхъ изучавшими это мастерство книгъ, которыя потомъ имъ же самимъ и были розданы.

Переплетное мастерство изучали слѣдующіе 69 курсистовъ: *Владикавказской епархіи*: Вишневскій Петръ, Синьковская Анна; *Воронежской епархіи*: Болховитиновъ Гавріилъ, Бондаренко Михаилъ, Игнатовъ Митрофанъ, Крыловъ Владиміръ, Поповъ Георгій, Поповъ Яковъ, Скрынченко Николай, Яковлевъ Михаилъ, Богатырева Клавдія, Глаголева Дарья, Дамаскина Марія, Дробовская Александра, Руси-

нова Антонина; *Донской епархіи*: Вальнегъ Николай, Добрынинъ Петръ, Жоголевъ Иванъ, Клавсуцъ Иванъ, Писаревъ Иванъ, Прекрасновъ Семенъ, Дикарева Антоинна, Полова Марія; *Орловской епархіи*: Дизертинскій Сергѣй, Ивановъ Сергѣй, Ивановъ Федоръ, Калининковъ Василій, Первозванскій Иванъ, Петровскій Василій, Турбинъ Павелъ, Феноменовъ Василій; *Пензенской епархіи*: Ардентовъ Иванъ, Любимовъ Викторъ, Покровскій Петръ, Троицкій Василій, Геометрова Софія, Дialeктова Марія, Миловазорова Антоинна, Пекорина Лидія, Разумовская Александра, Успенская Наталія; *Ставропольской епархіи*: Борисовъ Иванъ, Евѣимовъ Аркадій, Никольскій Иванъ, Фелицынъ Александръ, Федоровскій Василій, Федоровъ Вячеславъ; *Сухумской епархіи*: Бжанія Мелитовъ, Глаголевъ Алексѣй, Глаголева Александра, *Таврической епархіи*: Власовъ Даниилъ, Сѣриго Александръ; *Тамбовской епархіи*: Архангельскій Петръ, Воскресенскій Василій, Константиновскій Михаилъ, Красивскій Александръ, Неуроновъ Павелъ, Орловъ Василій, Уваровъ Александръ; *Харьковской епархіи*: Крыжановскій Григорій (діаконъ), Насѣдвинъ Яковъ (діаконъ), Несторовъ Василій, Огинскій Василій, Оглоблинъ Николай, Поповъ Григорій, Сюзонтьевъ Андрей, Юшковъ Александръ, Фіалковскій Константинъ и Рудинская Параскева.

4) *Игра на скрипкѣ* желающіе обучались въ утренніе часы отъ 8 до 9 часовъ до начала лекцій, а также и по окончаніи вечернихъ лекцій. Обучение продолжалось въ теченіе мѣсяца. Въ продолженіе этого времени изучающіе скрипичную игру, послѣ ряда подготовительныхъ упражненій, изучали важнѣйшія гаммы (do и sol), необходимыя для школьнаго преподаванія штрихи, интервалы. Больше успѣвшіе играли нетрудныя сольфеджіо. Всего дано 12 уроковъ.

Игрѣ на скрипкѣ обучались слѣдующіе 11 курсистовъ: *Воронежской епархіи*: Верижская Марія; *Орловской епархіи*: Калининковъ Василій, Петровскій Василій, Турбинъ Павелъ; *Пензенской епархіи*: Дialeктова Марія, Пекорина Лидія, Разумовская Александра, Соболевская Анастасія, *Ставропольской епархіи*: Фелицынъ Александръ; *Тамбовской епархіи*: Щеглова Любовь; *Харьковской епархіи*: Юшковъ Александръ.

По фортепиано дано 8 уроковъ. Игрались приготовительныя упражненія Шмидта, мажорныя и нѣкоторые минорныя гаммы и нетрудныя піесы въ 2 руки (Черни, Келлера и т. п.). Обучались

слѣдующіе 10 курсистовъ: *Владикавказской епархіи*: Лаврова Ольга; *Воронежской епархіи*: Игнатовъ Митрофанъ, Прохоровъ Владиміръ, Богатырева Клавдія, Глаголева Дарья, Дробовская Александра, Кременецкая Серафима, Русинова Антонина; *Донской епархіи*: Григорьева Екатерина и Дикарева Антонина.

По фисгармоніи дано было 10 уроковъ. Игрались мажорныя и минорныя гаммы, одно и двухголосныя упражненія для одной и нетрудныя піесы для 2-хъ рукъ (по школѣ Паха). Кромѣ того упражнялись въ чтеніи á livre ouvert.

Изученіемъ игры на фисгармоніи занимались слѣдующія 6 курсистовъ: *Воронежской епархіи*: Склобовская Анастасія, Стефановская Параскева; *Пензенской епархіи*: Геометрова Софія, Краснопольская Софья, Миловзорова Антонина и Успенская Наталія.

5) *Кройкъ* обучались 13 учительницъ. Дано было 22 урока. На урокахъ этого мастерства учительницы научились кроить дѣтскія и женскія одежды, которыя сами затѣмъ кроили и шили изъ купленнаго для этого матеріала.

Кройкъ обучались слѣдующія 15 учительницъ: *Воронежской епархіи*: Дамаскина Марія, Зайцева Валентина, Русинова Антонина, Склобовская Анастасія; *Пензенской епархіи*: Геометрова Софія, Діалектова Марія, Миловзорова Антонина, Пекорина Лидія, Разумовская Александра, Соболевская Анастасія, Успенская Наталія; *Таврической епархіи*: Иванецкая Екатерина и *Тамбовской епархіи*: Богоявленская Александра.

Такимъ образомъ значительное большинство слушателей курсовъ изучали то или другое ремесло, а нѣкоторые всѣ. Столярное ремесло изучали 47 человекъ, токарное—23, переплетное 69, скрипичную игру—11, игру на фортепіано—10, игру на фисгармоніи—6 и кройку—13, а всего 179 человекъ (нѣкоторые повторялись на нѣсколькихъ мастерствахъ).

Совсѣмъ не изучали никакого ремесла и искусства: *Воронежской епархіи*—1 чел.; *Донской епархіи*—5 чел.; *Орловской епархіи*—2; *Пензенской*—3; *Ставропольской*—2; *Сухумской*—2; *Тамбовской*—3 и *Харьковской*—3, а всего 21 человекъ.

Обученіе ремесламъ можно наглядно представить въ слѣдующемъ спискѣ:

ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Старшее ремесло.	Товарное ремесло.	Перелетное ремесло.	Кройка.	Игра на скрипкѣ.	Игра на фисгармоніи.	Игра на фортепиано.
<i>Владикавказской епархіи.</i>							
Вишневскій Петръ . . .	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Грузиненко Димитрій . .	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—	—
Дзювъ Алексій	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—	—
Лаврова Ольга	—	—	—	—	—	—	Изуч.
Синьковская Аня	—	—	Изуч.	—	—	—	—
<i>Воронежской епархіи.</i>							
Болховитиновъ Гавріилъ .	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Бондаренко Михайлъ . . .	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Васильевъ Алексій	—	—	—	—	—	—	—
Игнатовъ Митрофанъ . . .	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	Изуч.
Крыловъ Владиміръ	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Поповъ Георгій	—	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—
Поповъ Яковъ	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Прохоровъ Владиміръ . . .	—	—	—	—	—	—	Изуч.
Скрипченко Николай	—	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—
Яковлевъ Михайлъ	Изуч.	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—
Богатырева Клавдія	—	—	Изуч.	—	—	—	Изуч.
Верижская Марія	—	—	—	—	Изуч.	—	—
Глаголева Дарья	—	—	Изуч.	—	—	—	Изуч.
Дамаскина Марія	—	—	Изуч.	Изуч.	—	—	—
Дробовская Александра . .	—	—	Изуч.	—	—	—	Изуч.
Зайцева Валентина	—	—	—	Изуч.	—	—	—
Кременецкая Серафима . . .	—	—	—	—	—	—	Изуч.
Русинова Антонина	—	—	Изуч.	Изуч.	—	—	Изуч.
Склобовская Анастасія . . .	—	—	—	Изуч.	—	Изуч.	—
Стефановская Параскева . .	—	—	—	—	—	Изуч.	—
<i>Донской епархіи.</i>							
Вальневъ Николай	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Добрынинъ Петръ	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Жоголевъ Иванъ	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Ивлиевъ Иванъ	—	—	—	—	—	—	—
Клавсуцъ Иванъ	Изуч.	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—
Михайловъ Аристархъ	—	—	—	—	—	—	—
Писаревъ Иванъ	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Поповъ Михайлъ	—	—	—	—	—	—	—
Прекрасновъ Семенъ	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Григорьева Екатерина	—	—	—	—	—	—	Изуч.
Дикарева Антонина	—	—	Изуч.	—	—	—	Изуч.
Добачева Марія	—	—	—	—	—	—	—
Попова Марія	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Шевцова Серафима	—	—	—	—	—	—	—

ИМЕНА И ФАМИЛІИ.	Столярное ремесло.	Товарное ремесло.	Переплетное ремесло.	Кройка.	Игра на скрипкѣ.	Игра на фисгармоніи.	Игра на фортепиано.
<i>Орловской епархіи.</i>							
Бородулинъ Алексѣй	—	—	—	—	—	—	—
Дизертинскій Сергѣй	Изуч.	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—
Ивановъ Сергѣй	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Ивановъ Теодоръ	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Калинниковъ Василій	—	—	Изуч.	—	Изуч.	—	—
Нецвѣтаевъ Василій	—	—	—	—	—	—	—
Первозванскій Иванъ	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Петровскій Василій	Изуч.	Изуч.	Изуч.	—	Изуч.	—	—
Турбинъ Павелъ	Изуч.	—	Изуч.	—	Изуч.	—	—
Феноменовъ Василій	—	—	Изуч.	—	—	—	—
<i>Центенской епархіи.</i>							
Ардентовъ Иванъ	Изуч.	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—
Аристидовъ Алексѣй	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—	—
Гнидинъ Александръ	—	—	—	—	—	—	—
Ключевъ Николай	—	—	—	—	—	—	—
Любимовъ Викторъ	Изуч.	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—
Мироносицкій Вениаминъ	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—	—
Петропавловскій Сергѣй	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—	—
Покровский Петръ	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Троицкій Василій	Изуч.	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—
Трояновъ Николай	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—	—
Урановъ Алексѣй	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—	—
Геометрова Софія	—	—	Изуч.	Изуч.	—	Изуч.	—
Дилектова Марія	—	—	Изуч.	Изуч.	Изуч.	—	—
Краснопольская Софія	—	—	—	—	—	Изуч.	—
Митовзорова Антонина	—	—	Изуч.	Изуч.	—	Изуч.	—
Некорина Лидія	—	—	Изуч.	Изуч.	Изуч.	—	—
Покровская Зинаида	—	—	—	—	—	—	—
Разумовская Александра	—	—	Изуч.	Изуч.	Изуч.	—	—
Соболевская Анастасія	—	—	—	Изуч.	Изуч.	—	—
Успенская Наталія	—	—	Изуч.	Изуч.	—	Изуч.	—
<i>Ставропольской епархіи.</i>							
Борисовъ Иванъ	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Евоимовъ Аркадій	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Махровский Василій	—	—	—	—	—	—	—
Никольскій Иванъ	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Пронинъ Сергѣй	—	—	—	—	—	—	—
Фелицианъ Александръ	Изуч.	—	Изуч.	—	Изуч.	—	—
Федоровскій Василій	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Федоровъ Вячеславъ	—	—	Изуч.	—	—	—	—
<i>Сухумской епархіи.</i>							
Бжанія Мелитонъ	—	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—
Глаголевъ Алексѣй	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Слоновъ Дюнисій	—	—	—	—	—	—	—
Тихонравовъ Иванъ	—	—	—	—	—	—	—
Глаголева Александра	—	—	Изуч.	—	—	—	—

ИМЕНА И ФАМИЛИИ.	Старинное ремесло.	Товарное ремесло.	Церковное ремесло.	Кройка.	Игра на скрипкѣ.	Игра на фисгармоніи.	Игра на фортепиано.
<i>Таврической епархіи.</i>							
Власовъ Даниилъ	—	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—
Грибовскій Николай	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—	—
Звѣревъ Николай	Изуч.	—	—	—	—	—	—
Сѣриго Александръ	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Иваницкая Екатерина	—	—	—	Изуч.	—	—	—
<i>Тамбовской епархіи.</i>							
Архангельскій Петръ	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Воскресенскій Василій	Изуч.	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—
Вѣтринскій Василій	Изуч.	—	—	—	—	—	—
Елеонскій Михаилъ	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—	—
Константиновъ Михаилъ	Изуч.	Изуч.	Изуч.	—	—	—	—
Красивскій Александръ	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Крыловъ Дмитрій	—	Изуч.	—	—	—	—	—
Лавровъ Николай	—	—	—	—	—	—	—
Маловъ Григорій	Изуч.	—	—	—	—	—	—
Неуроновъ Павелъ	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Орловъ Василій	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Синцеровъ Димит. (свящ.)	Изуч.	—	—	—	—	—	—
Троицкій Левъ	—	—	—	—	—	—	—
Уваровъ Александръ	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Боговладенская Александра	—	—	—	Изуч.	—	—	—
Громова Марія	—	—	—	—	—	—	—
Щеглова Любовь	—	—	—	—	Изуч.	—	—
<i>Харьковской епархіи.</i>							
Коноваловъ Константинъ	—	—	—	—	—	—	—
Насѣдкинъ Яковъ (діак.)	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Несторовъ Василій	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Огнискій Василій	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Оглоблинъ Николай	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Крыжановскій Григ. (діак.)	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Нанкратьевъ Андрей	Изуч.	—	—	—	—	—	—
Поповъ Григорій	—	—	Изуч.	—	—	—	—
Сезонтьевъ Андрей	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Севоловъ Валеріанъ	Изуч.	—	—	—	—	—	—
Стефановскій Николай	Изуч.	—	—	—	—	—	—
Филевскій Захарій	Изуч.	—	—	—	—	—	—
Фіалковскій Константинъ	Изуч.	—	Изуч.	—	—	—	—
Юшковъ Александръ	Изуч.	—	Изуч.	—	Изуч.	—	—
Федоровъ Александръ	—	—	—	—	—	—	—
Лаврентьева Н.	—	—	—	—	—	—	—
Рудинская Параскева	—	—	Изуч.	—	—	—	—
И Т О Г О	47	23	69	13	11	6	10

VIII. Экскурсіи слушателей курсовъ.

Экскурсіи слушателей Харьковскихъ курсовъ устроились или съ цѣлями религіозно-патріотическими, или съ цѣлями научными.

1. Съ религіозною и патріотическою цѣлю были сдѣланы слѣдующія экскурсіи:

а) 26 Іюля въ Воскресенье поѣздка въ Спасовъ Сквѣтъ на мѣсто крушенія Царскаго поѣзда. Ректоромъ Семинаріи при участіи курсистовъ отслужена была въ Соборѣ, устроенномъ около мѣста крушенія Царскаго поѣзда, наввихида по почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ ІІІ, въ сослуженіи съ Сухумскимъ епархіальнымъ наблюдателемъ, священникомъ Василиемъ Гавріилъ. Ястребовымъ и слушателемъ курсовъ священникомъ Дмитріемъ Синцеровымъ. Какъ литургію, такъ и наввихиду пѣли курсисты; затѣмъ подробно осмотрѣны были самый соборъ, часовня, устроенная на мѣстѣ крушенія, самое мѣсто крушенія поѣзда, деревянная церковь, устроенная въ Сквѣтѣ, и другія достопримѣчательности Сквѣта и его окрестностей. Затѣмъ ректоромъ Семинаріи предъ мѣстомъ крушенія царскаго поѣзда прочитана была брошюра относительно этого событія. Чтеніе закончено было пѣніемъ гимна: „Боже, Царя Храна“.— Въ поѣздкѣ принималъ участіе Его Превосходительство, помощникъ Всероссійскаго наблюдателя церковныхъ школъ Павелъ Авимовичъ Игнатовичъ.

б) 2-го Іюля поѣздка въ Куряжскій Преображенскій монастырь на поклоненіе чудотворной Озерянсконъ иконѣ Божіей Матери. Литургію совершалъ Преосвященный Петръ, Епископъ Сумской. Послѣ литургіи ректоромъ Семинаріи отслуженъ былъ молебенъ предъ иконою Божіей Матери; пѣли курсисты. Затѣмъ ректоромъ Семинаріи прочитана была брошюра: „сказаніе о святой чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы Озерянсконъ съ исторіею Куряжскаго монастыря“. А. Ковалевскаго.

2. Съ учебными цѣлями:

в) 5 и 8 Іюля посѣщены были зоологическій музей и музей изящныхъ искусствъ Харьковскаго Университета;

г) 12 и 15 Іюля курсисты, раздѣленные на 2 партіи, ходили въ Ветеринарный Институтъ, гдѣ Директоромъ Института, Аркадіемъ Александровичемъ Раевскимъ прочитана была лекція по бактериологіи и затѣмъ показаны были подъ микроскопомъ и въ стеклянныхъ сосудахъ разнаго рода бактеріи и препараты ихъ;

д) 22 Іюля ѣздили на сельско-хозяйственную ферму, гдѣ препода-

даватель Липидевскій читалъ лекціи по пчеловодству и демонстрировалъ ульи разныхъ системъ и другія принадлежности пчеловодства.

При этомъ курсисты сами растапливали воскъ, выдѣлывали искусственную вошчану, наващивали рамки, выгоняли медъ изъ сотовъ на центробѣжкѣ и т. д. Путешествіе на ферму имѣло цѣль закрѣпленіе въ памяти курсистовъ теоретическихъ свѣдѣній по пчеловодству, полученныхъ на лекціяхъ. Болѣе этого невозможно было сдѣлать никакихъ экскурсій по той причинѣ, что въ учебные дни не было совершенно свободнаго времени, праздники же всѣ заняты были экскурсіями.

(Продолженіе будетъ).

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ.

(Продолженіе *).

б) Указаніе руководствъ, употребляемыхъ въ Училищѣ, по нѣ указаннымъ въ установленной программѣ.

Хотя въ отчетномъ году новыя программы введены были полностью въ первомъ и во второмъ классѣ, а въ остальныхъ классахъ только по тѣмъ предметамъ, преподаваніе которыхъ начиналось или продолжалось въ томъ или другомъ классѣ, напр., во II и III классѣ по географіи, въ IV и V по гражданской исторіи; однакожь новыя учебники введены, почти во всѣхъ классахъ и по всѣмъ предметамъ. Прежніе учебники оставались только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ томъ или другомъ классѣ продолжалось прохожденіе извѣстнаго предмета, начатое въ классѣ предыдущемъ или повторялся предметъ, пройденный въ какомъ-либо изъ предыдущихъ классовъ. Такъ, по русскому языку въ III классѣ этимологія заканчивалась по учебнику Кирпичникова, потому что по этому учебнику начато прохожденіе ея въ 1895/6 учебномъ году въ I классѣ и продолжалось въ 1896/7 г. во II классѣ; по тому же учебнику Кирпичникова повторялись въ VI классѣ этимологія и синтаксисъ, потому что по нему воспитанницы этого класса проходили русскую грамматику въ низшихъ классахъ; космографія въ VI классѣ проходила по прежнему учебнику Аригейма, потому

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 2, за 1899 г.

что воспитанницы этого класса проходили географію въ предыдущихъ классахъ по прежней программѣ и прежнимъ учебникамъ, вслѣдствіе чего въ VI классѣ должны были проходить географію Россійской Имперіи полностью.

в) Программы преподаванія учебныхъ предметовъ.

Преподаваніе учебныхъ предметовъ въ отчетномъ году велось отчасти по новымъ программамъ, отчасти по старымъ, именно: новыя программы примѣнялись полностью только въ подготовительномъ, первомъ и во второмъ классахъ, а въ остальныхъ классахъ эти программы введены были только по тѣмъ предметамъ, изученіе которыхъ начиналось въ данномъ классѣ или продолжалось отъ предыдущаго класса,—остальные же предметы проходились по старымъ программамъ, приложеннымъ къ Высочайше утвержденному 20 сентября 1868 г. Уставу Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ. Въ частности программы преподаванія въ отчетномъ году были слѣдующія: *аа) по Закону Божию*—въ подготовительномъ классѣ изучались общеупотребительныя молитвы и все прочее, указанное въ новой Синодальной программѣ; въ I классѣ проходила Священная Исторія Ветхаго Завѣта; во II классѣ Священная Исторія Новаго Завѣта; въ III классѣ Священная Исторія Новаго Завѣта; въ IV классѣ первая часть пространнаго Катихизиса; въ V классѣ вторая и третья части пространнаго Катихизиса и церковный уставъ съ объясненіемъ Богослуженія, въ VI классѣ вся исторія церкви; *бб) по русскому языку*—въ подготовительномъ классѣ чтеніе по-русски и въ связи съ нимъ, по вопросамъ, ознакомленіе съ простымъ предложеніемъ и его главными членами и главнѣйшими правилами орфографіи, а также заучиваніе стихотвореній и прозаическихъ отрывковъ; въ I классѣ этимологія въ томъ же объемѣ, какъ указано въ новой программѣ; во II классѣ окончаніе этимологіи; въ III классѣ повтореніе всей этимологіи въ систематическомъ порядкѣ и продолженіе синтаксиса до соединенія предложеній по способу сочиненія; въ IV классѣ предложенія сочиненныя, періоды и первая часть теоріи словесности до разсужденія; въ V классѣ окончаніе теоріи словесности и повтореніе всего курса этого предмета; въ VI классѣ исторія русской литературы и повтореніе синтаксиса; *по церковно-славянскому языку*—въ подготовительномъ классѣ чтеніе по-славянски, въ I классѣ то же упражненіе въ чтеніи и изученіе славянскаго алфавита, сравнительно съ русскимъ, титлъ, надстрочныхъ и строчныхъ

звукѣ и числоваго значенія славянскихъ буквѣ; во II классѣ склоненіе именъ существительныхъ, мѣстоименій, числительныхъ, прилагательныхъ, степени сравненія ихъ; въ IV классѣ изученіе всей славянской этимологіи; въ V классѣ повтореніе этимологіи и ознакомленіе, практически, при подробномъ разборѣ и переводѣ съ славянскаго языка на русскій, съ главнѣйшими особенностями славянскаго синтаксиса, *и) по ариѳметикѣ*—въ приготовительномъ классѣ умственные упражненія въ производствѣ дѣйствій надъ цѣлыми числами въ предѣлахъ первой сотни, нумерація до милліона и ознакомленіе съ употребительнѣйшими мѣрами; въ I классѣ начала систематическаго курса ариѳметики и письменно четыре дѣйствія надъ отвлеченными числами; во II классѣ составныя именованныя числа и понятіе о единицахъ различныхъ мѣръ; въ III классѣ о дѣлителяхъ, нахожденіе наименьшаго кратнаго и наибольшаго дѣлителя и проч. и четыре дѣйствія съ дробями; въ IV классѣ десятичныя дроби, отношенія и пропорція и простое тройное правило; въ V классѣ сложное тройное правило, правила процентѣвъ, товарищества, смѣшенія и повтореніе систематическаго курса ариѳметики, *дд) по геометріи*—въ VI классѣ, по новой программѣ, объ основныхъ геометрическихъ понятіяхъ о линіяхъ треугольникахъ и многоугольникахъ, о кругѣ, и проч. *ее) по физикѣ*—въ V классѣ пройдены, по новой программѣ, предварительныя понятія о жидкостяхъ, газахъ и теплотѣ; въ VI классѣ, по новой программѣ, о свѣлахъ, звукѣ, гальванизмѣ и проч. *жж) по космографіи*—въ VI классѣ, по старой программѣ, вся математическая географія, по учебнику Аригеяма, *зз) по географіи*—въ II классѣ, по новой программѣ, математическая и физическая географія и краткій обзоръ Россійской Имперіи, въ III классѣ по новой программѣ, географія Азіи, Африки, Америки и Австраліи, въ IV классѣ, по старой программѣ, географія тѣхъ же странъ съ колоніями европейцевъ; въ V классѣ, по старой программѣ, Европа, въ VI классѣ, по старой программѣ, Россійская Имперія, *ии) по Гражданской исторіи*—въ IV классѣ, по новой программѣ, древняя исторія; въ V классѣ, по новой программѣ, русская исторія до вѣщенія дома Романовыхъ и изъ всеобщей исторіи отъ паденія Западной Римской Имперіи до эпохи изобрѣтеній и открытій; въ VI классѣ, по старой программѣ, изъ Русской Исторіи отъ вѣщенія дома Романовыхъ до Александра I-го; изъ всеобщей исторіи отъ эпохи изобрѣтеній и открытій до объединенія Германіи; *іі) по дидактикѣ*—въ V классѣ изъ методики пройдено обу-

ченіе грамотѣ и счисленію; въ VI классѣ—общая дидактика и възъ методика; преподаваніе Закона Божія, обученіе пѣнію, чиstopисанію, исторіи и географіи и исторія русской начальной школы; *кк) по церковному пѣнію*—въ приготовительномъ классѣ—предварительныя голосовыя упражненія и пѣніе съ голоса, въ унисонъ, общеупотребительныхъ молитвъ; въ I классѣ ознакомленіе съ квадратною нотою, изученіе по этой нотѣ всей гаммы съ упражненіями, по учебнику Рижскаго и възъ всеобщаго бдѣнія пѣніе, въ унисонъ, 1 и 2 гласовъ на „Господи воззвахъ“ и на „Богъ Господь“ со стихирами и тропарями; во II классѣ изученіе по учебнику Рижскаго верхняго и нижняго тетравордовъ съ украшеніями, изученіе възъ всеобщаго бдѣнія „Благослови, душе моя, Господа“, „Блаженъ Мужъ“, „Господи воззвахъ“ и „Богъ Господь“ всѣхъ гласовъ; пѣніе на два и на три голоса простѣйшихъ по мелодіи пѣсповѣній възъ литургіи и всеобщаго бдѣнія; въ III классѣ ознакомленіе съ круглою нотою, изученіе разныхъ родовъ ритма и мажорныхъ гаммъ съ первыми двумя знаками; пѣніе на четыре голоса по круглой нотѣ; въ IV классѣ пѣніе на четыре голоса всего осмогласія церковнаго, изученіе минорныхъ гаммъ и приемовъ задаванія тона; въ V и VI классахъ большая часть уроковъ посвящалась на приготовленіе воспитанницъ въ пѣнію въ церкви; на остальныхъ урокахъ изучались гаммы съ тремя знаками, повторялась теорія музыки и сообщались правила преподаванія церковнаго пѣнія въ народныхъ школахъ.

Епархіальные извѣщенія.

Помощникъ Благочиннаго 1 округа Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Николаевской церкви, города Старобѣльска, Петръ *Торанскій*, утвержденъ въ должности Благочиннаго 1 округа, того же уѣзда.

— Священники: Рождество-Богородичной церкви с. Алексѣевки, Сумскаго уѣзда, Георгій *Золотаревъ*; Георгіевской церкви села Бѣловода, Сумскаго уѣзда, Константинъ *Сперанскій*, награждены набедренниками.

— Студентъ Харьковской Духовной Семинаріи, Иванъ *Панкратьевъ*, опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви слоб. Нижняго Бурлуча Волчанскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви с. Великой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда, Павелъ *Поповъ*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ, по болѣзни, а на его мѣсто опредѣленъ исправляющій должность псаломщика Федоръ *Поповъ*.

— На праздное псаломщичье мѣсто къ Рождество-Богородичной церкви города Сумъ опредѣленъ безмѣстный псаломщикъ, Юсифъ *Поздняковъ*.

— Сынъ псаломщика, Данилъ *Щелоковскій*, допущенъ къ исправленію должности псаломщика при Николаевской церкви, слоб. Богодаровой, Старобѣльскаго уѣзда.

— Церковные старосты: г. Изюма Крестовоздвиженской церкви, купецъ Евграфъ *Маршакъ*, Успенской церкви, слоб. Борвенковой, Изюмскаго уѣзда, крестьянинъ Захарій *Ищенко* и Юсифо-Обручницкой церкви слоб. Мечевлювой, того же уѣзда, крестьянинъ Артемій *Носъ*, согласно ходатайству Епархіальнаго Начальства, за усердную и полезную службу ихъ, Всемилостивѣйше 6 декабря 1898 г. награждены медалями съ надписью „за усердіе“, для ношенія на шеѣ: Маршакъ—золотой, на Станиславской лентѣ, а Ищенко и Носъ—серебряными, на такой же лентѣ.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Петро-Павловской церкви г. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ Спиридонъ *Зарѣкинъ*. Пророко-Ильинской церкви хутора Андреевскаго, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ Іоаннъ *Григорьевъ*; церковный староста Троицкой церкви, города Лебедина, купецъ Константинъ *Стещенко*, согласно прошенію, уволенъ отъ занимаемой должности.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Высочайшая милость голодающимъ.—Дѣятельность сѣздовъ духовенства.—Статистическія данныя объ образовательномъ цензѣ духовенства.—Новое православное братство.—Достойная вниманія дѣятельность приходскаго братства.—Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія.—Православныя училища въ прибалтійскомъ краѣ.—Чрезвычайный сеймъ представителей финскаго народа.

Нужды потерпѣвшаго отъ неурожаа населенія вновь обратили на себя милостивое вниманіе Государя Императора. Его Величеству благоугодно было пожертвовать въ кассу главнаго управленія Общества Краснаго Креста миліонъ рублей для помощи крестьянамъ стѣсненнымъ въ средствахъ, вслѣдствіе недорода въ 1898 году. Сообщая объ этомъ, «Моск. Вѣд.» пишутъ слѣдующее: „Это новый трогательный актъ Высочайшаго великодушія и неустанныхъ заботъ о крестьянскомъ населеніи Россіи, новое свидѣтельство того, что съ высоты престола Монархъ чутко и внимательно относится къ народнымъ нуждамъ и своевременно приходитъ къ нимъ на помощь. Каковы бы ни были размѣры недорода постигшаго въ прошломъ году нѣсколько уѣздовъ, какъ бы ни была обострена въ нихъ нужда, но помощь частная, общест-

венная и правительственная дѣлаютъ свое дѣло, избавляя бѣдноту отъ несчастя. Щедрое пожертвованіе Его Величества, уже вторичное на этотъ предметъ и болѣе значительное по сравненію съ первымъ, дастъ усиленную матеріальную помощь стѣсненнымъ крестьянамъ и несомнѣнно подниметъ ихъ благосостояніе на значительную высоту. Но помимо матеріальной стороны, пожертвованіе милліона рублей имѣетъ несомнѣнно высокое значеніе въ смыслѣ нравственномъ. Оно велико по сопровождающимъ его чувствамъ, служа еще разъ доказательствомъ для всѣхъ Русскихъ людей, что отзывчивое сердце Возлюбленнаго нашего Монарха бьется всегда въ унисонъ съ милліонами народныхъ сердецъ, Ему беззавѣтно преданныхъ. Щедрый Царскій даръ говоритъ о томъ трогательномъ единеніи Царя и Россіи, Власти и народа, о которомъ другія страны могутъ только мечтать, и которое живо чувствуется у насъ въ минуты высокихъ подъёмовъ духа въ дѣлахъ общенародныхъ, общегосударственныхъ. Всѣ національности входящія въ составъ Россіи, всѣ сословія, люди самыхъ разнообразныхъ убѣжденій, отнеслись одинаково восторженно къ высокому проявленію любви Монарха къ Своему народу, и этимъ единеніемъ свидѣтельствуютъ о силѣ того величія, которымъ обладаетъ Царская милость, и о томъ значеніи ея, которое способствуетъ укрѣпленію въ сердцахъ вѣрноподданныхъ преданности къ Престолу, любви другъ другу, сознанія общности интересовъ и чувствъ“.

— Последніе съѣзды депутатовъ духовенства, миссіонеровъ, наблюдателей церковныхъ школъ и другихъ служащихъ по духовному вѣдомству принявъ, по словамъ «Цер. Вѣст.», нѣсколько весьма существенныхъ рѣшеній по епархіальнымъ дѣламъ. Съѣздъ миссіонеровъ самарской епархіи, между прочимъ, ради большаго расположенія раскольниковъ къ церковнымъ школамъ, на основаніи указаній опыта, призналъ полезнымъ—торжественное отправленіе молитвы въ школѣ священникомъ, по возможности въ епитрахили, и, если священникъ находитъ возможнымъ, то съ исполненіемъ такъ называемаго седмиподложнаго начала, и истовое и правильное изображеніе крестнаго знаменія не только священникомъ, но и всѣми учениками школы. Бывшій въ Одессѣ съѣздъ предсѣдателя отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта и наблюдателей церковныхъ школъ вновь поручилъ особой комиссіи составить къ будущему съѣзду обстоятельный докладъ о введеніи всеобщаго обученія въ епархіи. Съѣздъ наблюдателей школъ костромской епархіи принявъ нѣсколько полезныхъ мѣръ для улучше-

нія постановки школъ грамоты. Съѣздъ духовенства богучарскаго уѣзда, разсуждая о средствахъ къ обезпеченію церковныхъ школъ, рѣшилъ ходатайствовать: о взиманіи въ пользу школъ $\frac{1}{2}$ діаконскихъ доходовъ съ причтовъ приходовъ, гдѣ по штату положенъ діаконъ, но его нѣтъ, о разрѣшеніи увеличить взносъ отъ церквей, вмѣсто $\frac{1}{2}$ коп., до 1 коп. съ приходской души, и о разрѣшеніи расходовать изъ церковныхъ суммъ на улучшеніе школьныхъ зданій отъ 200 до 300 р. Съѣздъ депутатовъ ставропольскаго епархіальнаго духовенства просилъ епархіальнаго преосвященнаго ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ ускореніи дѣла по утвержденію устава о пожарномъ капиталѣ ставропольскаго духовенства. Уфимскій епархіальный съѣздъ вновь призналъ настоятельно необходимымъ открыть епархіальный свѣчной заводъ, позаимствовавъ на этотъ предметъ нужную сумму, въ количествѣ 120,000 р., изъ церковныхъ капиталовъ, которыхъ имѣется до 400,000 р., съ уплатою $\frac{1}{2}$ % на заимствованный капиталъ. Симбирскій епарх. съѣздъ, заслушавъ сообщеніе о томъ, что Св. Синодомъ не отказано въ ходатайствѣ о постройкѣ новыхъ зданій для симбирской семинаріи и выражено лишь желаніе относительно объединеніи казеннаго общежитія съ епархіальнымъ подл условіемъ отпуска на устройство объединеннаго общежитія изъ епархіальныхъ средствъ 60 тыс. рублей, выразилъ свое согласіе на такое объединеніе на указанномъ условіи, но съ тѣмъ, между прочимъ, чтобы въ дальнѣйшемъ расходы по содержанію семинарскихъ зданій были приняты на синодальныя средства, въ виду скудости средствъ церквей епархіи.

— Въ виду не прекращающихся толковъ о недостаточной по мѣстамъ степени образованія членовъ православныхъ причтовъ и въ виду вообще интереса, какой представляетъ нынѣ вопросъ объ образованіи духовенства, призваннаго быть главнымъ руководителемъ народнаго просвѣщенія, въ саратовской епархіи, признано своевременнымъ и нужнымъ—сообщить въ мѣстномъ епархіальномъ изданіи точныя цифровыя данныя объ образовательномъ цензѣ наличныхъ членовъ причтовъ этой епархіи. Такія свѣдѣнія даны въ «Сарат. Еп. Вѣд.» пока относительно городского духовенства епархіи. Изъ этихъ свѣдѣній, относящихся къ времени до 1 октября прошлаго года, оказывается, что всѣ городскіе священники и протоіереи, за исключеніемъ лишь 10 человекъ, изъ которыхъ половина все-таки училась въ среднихъ классахъ семинаріи, обладаютъ полнымъ богословскимъ образованіемъ, прачемъ 20 человекъ изъ нихъ даже высшимъ; почти $\frac{1}{2}$ діаконствъ (изъ

67—20) также съ полнымъ богословскимъ образованіемъ, а изъ остальныхъ—18 учились въ духовной семинаріи, 7 кончили полный курсъ духовнаго училища и 5, можно сказать, съ среднимъ свѣтскимъ образованіемъ (окончили курсъ: 1 учительскаго института, 3 учительской семинаріи и 1 саратовскаго александровскаго ремесленнаго училища), и болѣе $\frac{1}{4}$ (изъ 98—26) городскихъ псаломщиковъ также окончили полный курсъ семинаріи, 25 учились въ ней, 16 окончили курсъ дух. училища и 5 съ свѣтскимъ образованіемъ (1 изъ 4 класса гимназіи, 2 окончили курсъ учт. семинаріи, 2—ремесленное училище и 1—3-хъ классное городское училище) и лишь остальное духовенство съ низшимъ (51 человекъ) и домашнимъ (12 человекъ) образованіемъ. Нельзя не пожелать, замѣчаетъ по этому поводу «Цер. Вѣст.», чтобы собраніе и опубликованіе статистическихъ свѣдѣній по указанному предмету, произведенное въ саратовской епархіи, было произведено и во всѣхъ епархіяхъ. Желательно это въ виду значительной пользы предпріятія во многихъ отношеніяхъ, и прежде всего въ томъ, что сообщеніе такихъ свѣдѣній о всемъ нашемъ духовенствѣ, какъ можно предполагать, оправдало бы тотъ благопріятный взглядъ на образованіе духовенства, который послужилъ основаніемъ для предоставленія ему ближайшаго завѣдыванія дѣломъ народнаго образованія. Во всякомъ случаѣ, эти свѣдѣнія, вмѣстѣ съ статистическими данными о членахъ причтовъ, занимающихся обученіемъ въ церковныхъ школахъ, дали бы болѣе твердую почву для сужденій о пригодности духовенства къ этому дѣлу, а равно и вообще о способности его выполнить тѣ многочисленныя и разнообразныя требованія, которыя нынѣ къ нему предъявляются. Въ частности, указанныя свѣдѣнія дали бы возможность судить съ болѣею увѣренностью и о причинахъ того, почему епархіальные журналы, которые могли бы быть весьма полезною силою въ устройствѣ мѣстныхъ епархіальныхъ дѣлъ и церковной жизни и которые во всякомъ случаѣ должны быть органами духовенства, вообще пока въ недостаточной мѣрѣ являются такими органами, и почему въ большей части ихъ въ столь слабой степени отражается епархіальная жизнь,—обстоятельство, на которое чаще и чаще указываетъ и мѣстная духовная печать.

— По словамъ «Моск. Вѣд.», официально открыто православное Эстонское Братство. Братство посвящено памяти одного изъ борцовъ за православіе въ Эстонскомъ краѣ, именно священно-муче-

ника Исидора Юрьевского, который въ 1472 году пострадалъ за православіе, будучи вмѣстѣ со своими прихожанами, въ числѣ 72 человекъ, утопленъ нѣмцами въ рѣчной проруби въ праздникъ Крещенія за то, что совершалъ обрядъ водосвятія. Поэтому Братство называется Исидоровскимъ, вмѣстѣ хорурговъ и икону названнаго святаго. Главною своею цѣлью Братство поставило постройку собственнаго храма, устройство бібліотеки и помощь школъ. Въ члены Совѣта братства, между прочимъ, избраны все дѣятели Общества распространенія религіознаго нравственнаго просвѣщенія.— Общества, знаменитаго своею просвѣтительною дѣятельностію и постройкой трехъ храмовъ въ самое короткое время.

— Среди приходскихъ братствъ, Вологодское братство при Благовѣщенской городской церкви обращаетъ на себя вниманіе своею дѣятельностію. Вступивъ въ третій годъ своего существованія, братство, по словамъ «Волог. Еп. Вѣд.», имѣло цѣлю оказаніе нуждающимся не только матеріальной, но и духовно-нравственной пользы. Съ этою цѣлю еженедѣльно по средамъ въ названной церкви совершалась поздняя литургія, за которою произносились поученія и бесѣды и молебствіе съ акаѳистомъ Божіей Матери, причемъ въ праздничные дни раздавались молящимся Троицкіе листки и брошюры религіозно-нравственнаго содержанія. Матеріальная помощь выражалась въ единовременныхъ и ежемѣсячныхъ пособіяхъ, изъ нихъ самое меньшее равнялось 90 коп., на покупку валенокъ для больной женщины, а большее—52 рублямъ—выданныхъ единовременно. Ежемѣсячныя пособія не превышали 3 рублей. Второй годъ существованія братства ознаменовался открытіемъ однокласной церковно-приходской женской школы. При отсутствіи достаточныхъ средствъ въ кассѣ братства, это возможно было сдѣлать только благодаря особому сочувствію братчиковъ. Такъ, протоіерей Благовѣщенской церкви о. В. Сиземскій далъ для школы помѣщеніе въ своемъ домѣ. Учительницею сдѣлалась его дочь, не взявая за свой трудъ никакой платы. Само братство приняло на себя устройство классной мебели и пополненіе класса учебными предметами. Учащихся было 24, изъ нихъ—22 дѣвочки и 2 мальчика. Дѣятельность братства нашла для себя живое сочувствіе среди мѣстнаго населенія. Отдѣльными лицами оказывали братству разнообразную помощь и поддержку, такъ, напримѣръ, одинъ изъ городскихъ врачей предоставилъ для братства постоянную кровать въ своей больницѣ, другой жертвователъ—мѣсто въ богадѣльнѣ и т. п. Матеріальныя средства братства пока еще

не очень велики—2,352 руб. 56 к.; изъ нихъ на выдачу пособій израсходовано 179 р. 39 к. и на устройство школы—107 р. 87 к. Канцелярскіе расходы выразились въ небольшой суммѣ—9 р. 5 к. Всего оставалось въ кассѣ братства къ 8 сентября 1898 года 2,056 р. 25 к., изъ которыхъ, согласно уставу братства, 1,909 рублей составляли неприкосновенный капиталъ, а 147 руб. 25 к.—запасной. Отрадно видѣть постепенное развитіе братской дѣятельности, начатой въ самыхъ скромныхъ и незамѣтныхъ размѣрахъ.

— 2 февраля, при громадномъ стеченіи народа (болѣе 2,000 чел.) въ Петербургѣ, по сообщенію «Моск. Вѣд.», состоялось годовичное собраніе Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви. Предсѣдатель совѣта Общества, протоіерей Ф. Н. Орнатскій, докладывалъ присутствовавшимъ о только-что послѣдовавшей, въ 29 день января, Высочайшей милости къ Обществу. По всеподданнѣйшему докладу министра Финансовъ Государь Императоръ повелѣтъ соизволилъ отпустить изъ средствъ Государственнаго Казначейства 5.000 рублей на покрытіе расходовъ Общества по устройству открытаго третьяго храма Общества, на Выборгской сторонѣ, въ мѣстности, населенной фабричнымъ людемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ удаленной отъ приходскихъ церквей. Изъ прочитаннаго отчета за истекшій восемнадцатый годъ существованія видно, что Общество въ минувшемъ году имѣло поступленій 56.875 р. 54 к., въ томъ числѣ отъ трехъ общественныхъ храмовъ поступило 50.000 руб. и членскихъ взносовъ было 4.085 р.; израсходовано за годъ было 68.813 р. 50 к. и осталось на 1 января 1899 года 6.779 р. 40 к. Число членовъ на 1 января 1899 года составляло 1.100 человекъ. Главная цѣль Общества—распространеніе среди народа ясныхъ понятій о Церкви, выполнялась путемъ религіозно-нравственныхъ бесѣдъ съ народомъ въ 50 пунктахъ столицы; за годъ было произнесено 3.733 бесѣды, посѣтителей на нихъ перебывало свыше 1.500.000 человекъ. Общество содержитъ 3 библіотеки и 3 книжные склада, учредило два братства трезвости, одно при своей церкви, у Варшавскаго вокзала, и другое при новой церкви, на Выборгской сторонѣ. При церкви у Варшавскаго вокзала содержится школа на 152 учащихся, для той же цѣли Общество купило домъ на Стремянной улицѣ, гдѣ также будутъ устроены школа, читальня и библіотека.

— Православныя народныя училища въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, какъ видно изъ только-что появившагося отчета, находи-

лись въ 1897—1898 учебномъ году въ такомъ положеніи. Всего имѣлось 487 православныхъ школъ, въ томъ числѣ приходскихъ двухклассныхъ 12, одноклассныхъ 195, вспомогательныхъ 280. Въ этихъ школахъ обучались 11.641 мальчикъ и 6.366 дѣвочекъ, въ томъ числѣ православныхъ 13.357, лютеранъ 4.058 и т. д. Такое значительное число учениковъ-лютеранъ въ православной школѣ, несмотря на то, что повсемѣстно имѣются школы лютеранскія, достойно вниманія. Больше всего православныхъ школъ въ Лифляндской губерніи, а именно 372, въ Курляндской—46 школъ и въ Эстляндской—69. Число лютеранъ въ православныхъ школахъ особенно значительно въ Курляндской губерніи, гдѣ на 992 православныхъ ученика приходится 951 лютеранинъ. Курсъ въ православныхъ школахъ окончили 2.152 учащихся. Отчетъ свидѣтельствуешь, что состояніе приходскихъ школъ должно быть признано удовлетворительнымъ, а состояніе вспомогательныхъ школъ съ каждымъ годомъ улучшается.

«Прав. Вѣст.».

— 12 января состоялся въ Гельсингфорсѣ чрезвычайный сеймъ представителей финскаго народа. Въ Высочайшей Государя Императора рѣчи земскимъ чинамъ, прочитанной при открытіи сейма отъ Августѣйшаго Имени финляндскимъ генералъ-губернаторомъ, генералъ-алъютантомъ Бобриковымъ, послѣ указанія на то, что „Финляндія, нераздѣльно соединенная съ имперіею, состоя покровомъ и защитою всего руссійскаго государства не имѣеть нужды въ обособленномъ отъ русской арміи войскѣ“, и что „Уставъ о воинской въ ней повинности“ долженъ поэтому быть согласованъ съ дѣйствующимъ въ имперіи уставомъ, было выражено, что для согласованія вновь вводимаго устава, по возможности, и съ мѣстными особенностями края, признано соотвѣтственнымъ проектъ устава, вмѣстѣ съ основными началами положенія объ устройствѣ и управленіи финскихъ войскъ, передать на предварительное обсужденіе сейма, „въ твердой увѣренности, что земскіе чины въ точности исполнять возлагаемое на нихъ порученіе и тѣмъ оправдаютъ Монаршее къ нимъ довѣріе“. Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія сейма было обнародовано въ Гельсингфорсѣ Высочайшее повелѣніе объ обязательномъ знаніи государственнаго русскаго языка финляндскими сенаторами и губернаторами и вообще высшими административными лицами края. Согласно телеграммѣ изъ Гельсингфорса, все русское населеніе восторженно привѣтствовало это распоряженіе, какъ прочный залогъ блага края и тѣснѣйшаго единенія его съ имперіей.

«Церк. Вѣст.»

ОБЪЯВЛЕНІИ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ДЛЯ ЛИЦЪ СЕЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ 12 книгъ, отъ 27 до 30 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, лицамъ сельскаго духовенства будетъ высылаться за *десять* рублей (вмѣсто обычныхъ 17 рублей).

Допускается разсрочка: можно высылать по *одному* рублю въ мѣсяцъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ года съ января по октябрь.

Адресъ журнала *Русскій Вѣстникъ*: Москва, Малая Дмитровка, д. № 29.

Редакторъ-Издатель *М. М. Катковъ*.

ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА

Харьковскаго Общества послѣдователей гомеопатіи.

Харьковъ. Екатеринославская улица, № 36.

Книги и лѣчебники по гомеопатіи. Домашнія аптечки. Прейсъ-Бурантъ высылается по требованію бесплатно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 г.

на

„Американскій Православный Вѣстникъ“

(ОРГАНЪ ПРАВОСЛАВНОЙ АМЕРИКАНСКОЙ МИССИИ).

Начало поднимемаго года—1-го Января стараго стиля. Болѣе важныя и существенныя статьи печатаются въ два текста—русскій и англійскій—параллельно. Журналъ выходитъ дважды въ мѣсяцъ,—каждаго 1-го и 15-го числа. Подписная цѣна на годъ: въ Америкѣ—три доллара; въ Россіи—шесть руб. съ пересылкой. Допускается разсрочка по полугодіямъ. Подписка принимается—въ Россіи: С.-Петербургъ. Редакція „Церковнаго Вѣстника“—для перевода въ НЬЮ-ІОРКЪ.

Въ Америкѣ: America, New York, City, 823 Second Ave., Rev. Alexander Hotovitzky.

Редакторъ, Свящ. А. Хотовицкій.

Вольной семейный иллюстрированный и литературный журналъ
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Издаваемый Спб. Акціон. Общ. печатнаго дѣла **ИЗДАТЕЛЬ.**

подъ редакцію извѣстнаго писателя **А. К. ШЕЛЛЕРА**
(А. МИХАЙЛОВА).

Съ 1-го января 1897 года изданіе журнала „Живописное Обзоріе“ перешло въ собственность Спб. Акціонернаго Общества печатнаго дѣла И З Д А Т Е Л Ъ. Приступая къ дальнѣйшему издательству журнала „Живописное Обзоріе“, Правленіе Общества издатель употребило всѣ завѣщанія отъ него усилія, чтобы въ 1898 году журналъ Живописное обзоріе отъдалъ современнымъ требованіямъ большаго художественно-литературнаго журнала, какія представляются лучшимъ заграницнымъ изданіемъ этого рода. Въ литературномъ отдѣлѣ журнала Живописное обзоріе въ 1898 году были помѣщены большія оригинальныя произведенія, романа Великій старикъ В. И. Немировича-Давченко, На сѣверѣ Д. П. Муравлина (кн Голицына, Особый міръ В. А. Рышкова, Полая вода А. И. Ломана, Побѣдителя З. Н. Гиппіусъ, Наслѣдство А. М. Федорова, не считая мелкихъ по размѣрамъ повѣстей и разсказовъ. Изъ иностранныхъ романовъ журналъ своевременно далъ переводы Парижъ Э. Золя, Опора семьи А. Дюма, Арахвевъ I. Эберса и др. Въ наступающемъ 1899 году будутъ приложены Правленіемъ и Редакціей всѣ силы къ тому, чтобы еще болѣе улучшить и оживить журналъ какъ въ художественномъ, такъ и въ литературномъ отношеніяхъ, что возможно только изданію, имѣющему въ своемъ распоряженіи, кромѣ пятидесяти двухъ объемистыхъ по формату и числу листовъ ежемѣсячныхъ номеровъ, еще двѣнадцать книгъ формата большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Въ 1899 г. журналъ Живописное Обзоріе, не возвышая подписной цѣны, дастъ гг. подписчикамъ

Два самостоятельныхъ литературныхъ изданія:

1) еженедѣльный семейный художественно-литературный журналъ.

52 иллюстрированныхъ номера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый номеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 2½—3-хъ листовъ большаго формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками. При номерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается: 1. 12 номеровъ Парижскихъ новѣйшихъ модъ съ рисунками.—2. 12 раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—3. Рисунки для вышивки бѣлыхъ, платяевъ и костюмовъ—шерстью, шурками, шелкомъ, золотомъ и проч.—4. 12 выроекъ въ натуральную величину—5. Рисунки для вышиванія оригинальныя разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ.—6. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ: романсы, танцы и проч.—7. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками. 2) ежемѣсячное литературное приложеніе **ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ**. Подписная годовая цѣна прежняя на годъ съ дост. по Имперіи 8 р.—Безъ доставки въ Спб. 7 р.—въ Москвѣ 7 р. 75 к. На полгода съ доставкою по Имперіи 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—Заграницу: на годъ—16 р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ главною конторою.

Главная контора журнала: Спб., Невскій просп., д. № 68—40.

ЛИСТОВЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

28 Февраля № 4. 1899 года.

Содержаніе. Высочайшая награда.—Высочайшая отмѣтка.—Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 г. (окончаніе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Кавалерской думы ордена святаго Владиміра, Всемилостивѣйше соизволилъ въ 22-й день сентября 1898 года, пожаловать кавалеромъ сего ордена 4-й степени врача при Харьковской Духовной Семинаріи, статскаго совѣтника, Евтіхія **Костенко**, за безпорочную 35-лѣтнюю выслугу въ классныхъ чинахъ.

Высочайшая отмѣтка.

Отъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго поступило къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода сообщеніе о томъ, что въ память о въ Возѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ III потомственный почетный гражданинъ Михаилъ Клеменовъ пожертвовалъ въ Маріе-Магдалининскую церковь Харьковскаго Института благородныхъ дѣвицъ полныя священническое и діаконское облаченія изъ серебряной парчи, стоимостью 275 рублей.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Синодальнаго Оберъ-Прокурора о такихъ выраженіяхъ вѣрноподданническихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству, во 2-й день января 1899 года, благоугодно было Собственноручно начертать: „Прочелъ съ удовольствіемъ“.

Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 году.

(Окончаніе *).

IX. Поведеніе слушателей курсовъ.

Къ учебнымъ занятіямъ почти всѣ слушатели курсовъ относились вполне добросовѣстно и усердно. На лекціи утреннія и вечернія, а также и на занятія по ремесламъ являлись своевременно и въ полномъ составѣ, во время лекцій не позволяли себѣ ни выходить изъ аудиторіи, ни заниматься какими либо посторонними дѣлами; большая часть слушателей вели запись лекцій почти по всѣмъ предметамъ.

Въ часы, свободные отъ занятій, которыхъ впрочемъ было очень мало, слушатели курсовъ вели себя очень скромно и въ этомъ отношеніи не заслуживаютъ никакого упрека. Въ теченіе шестинедѣльнаго пребыванія ихъ въ г. Харьковѣ не было ни одного случая нарушенія внѣшняго порядка ни въ зданіяхъ Семинаріи, ни внѣ ихъ.

Вообще громадное большинство слушателей курсовъ отличалось скромностію, усердіемъ къ дѣлу и исполнительностію въ отношеніи къ требованіямъ дисциплины; особенно всѣми этими качествами отличались учительницы, вслѣдствіе чего занятія на курсахъ во все время ихъ продолженія вообще шли стройно, энергично, не прерываясь ни на одинъ часъ и безъ нарушенія порядка.

X. Помѣщеніе слушателей курсовъ и ихъ содержаніе.

Внѣшняя жизнь курсистовъ обставлена была всевозможными удобствами. Въ ихъ распоряженіе для дневныхъ занятій были предоставлены въ семинарскомъ общежитіи три просторныхъ, чистыхъ, свѣтлыхъ комнаты съ такимъ же корридормъ, четыре спальныхъ комнаты, столовая, для лекцій отведенъ былъ прекрасный семинарскій залъ; для больныхъ учителей и занятій ремеслами—отдѣльныя просторныя комнаты, ученическія занятія въ главномъ семинарскомъ корпусѣ. Учительницы еще съ большимъ удобствомъ размѣщены были въ семинарской больницѣ. Въ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 3, за 1899 годъ.

ихъ распоряженіи находилась семинарская бавя, а для прогулокъ — семинарскіе сады и все вообще обширное семинарское помѣстье. Столъ курсистовъ, не заключающій въ себѣ никакихъ излишествъ и роскоши, былъ во все время курсовъ вполне исправнымъ, будучи приготовляемъ изъ свѣжаго и питательнаго матеріала. Обѣдъ ихъ всегда состоялъ изъ трехъ блюдъ и ужинъ изъ одного блюда. Кромѣ того два раза въ день пили чай съ бѣлымъ хлѣбомъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ благопріятныхъ гигиеническихъ условій здоровье курсистовъ было во все время продолженія курсовъ вполне удовлетворительно. Только 4 учителя болѣли въ теченіе нѣкотораго времени, но болѣзнь ихъ не имѣла никакой связи съ пребываніемъ на курсахъ: у 2-хъ были нарывы на ногахъ, у одного нарывъ въ горлѣ, четвертый же довольно долго болѣлъ желудкомъ, который онъ повидимому застудилъ въ банѣ подъ холоднымъ душемъ.

Въ отношеніи учебныхъ занятій слушатели курсовъ находились также въ благопріятныхъ условіяхъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ лекторы во все продолженіе курсовъ, своимъ усердіемъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей и готовностію удовлетворять всякое проявленіе любознательности и разъяснять всякое недоумѣніе курсистовъ, всемѣрно старались содѣйствовать успѣху учебныхъ занятій, слушатели курсовъ въ достаточномъ количествѣ были снабжены программами, всѣми учебниками и учебными пособиями, указанными въ программахъ, приобретенными распорядительною комиссіею; письменныя принадлежности, нотная бумага, принадлежности для уроковъ черченія и кройки, какъ то: готовальни, циркули, угольники, линейки, рѣзцы, резины и т. п., приобретены были въ достаточномъ количествѣ; въ ихъ распоряженіи находился семинарскій физическій кабинетъ, которымъ они пользовались, подъ наблюденіемъ лектора, въ широкихъ размѣрахъ; въ ихъ распоряженіе предоставлены были почти всѣ журналы духовные и свѣтскіе, находящіеся въ семинарской бібліотекѣ и редакціи журнала «Вѣра и Разумъ», а также инструменты семинарскаго оркестра. Съ ихъ стороны требовалось только усердіе и желаніе пользоваться тѣми средствами пополненія своихъ знаній, которыя имъ охотно и съ полнымъ расположеніемъ предлагались.

XI. Исполненіе смѣты по устройству курсовъ.

На устройство курсовъ въ г. Харьковѣ распорядительною комиссіею получено отъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ.

7888 руб. 5 коп. По статьямъ сумма эта распредѣлялась такимъ образомъ: 1) на путевыя расходы учителямъ 3163 р. 5 к., 2) на содержаніе дома 400 руб., 3) на содержаніе учителей пищею и чаемъ—1875 руб., 4) на вознагражденіе лекторовъ 1100 руб., 5) на вознагражденіе членовъ распорядительной комиссіи 650 р., 6) на учебныя принадлежности и пособія—400 руб. и 7) на мелочныя и экстраординарные расходы—300 руб.

Смѣта эта приблизительно выдержана по всѣмъ статьямъ.

1) На путевыя расходы курсистовъ отпущено 3163 руб. 5 коп., дѣйствительно выдано 3146 р. 51 коп., меньше на 16 р. 54 коп. потому что неявившемуся на курсы учителю Русаневичу не выдано 10 руб. 54 коп. и на 6 руб. выдано меньше на путевыя расходы, вслѣдствіе неявки полнаго количества учителей.

2) По содержанію помѣщенія для курсистовъ и прислуги ассигновано 400 руб., израсходовано 497 руб. 29 коп., болѣе на 97 р. 29 коп. вслѣдствіе того, что 400 руб. на содержаніе дома недостаточно.

3) По содержанію курсистовъ пищею и чаемъ ассигновано 1875 руб., израсходовано—1809 руб. 18 коп., меньше на 65 руб. 82 коп., вслѣдствіе того, что содержалось не 125, а 121 человекъ.

4) На вознагражденіе лекторовъ ассигновано было 1100 руб., дѣйствительно израсходовано 1008 руб., меньше на 92 руб. вслѣдствіе того, что лекторъ по Закону Божию протоіерей Буткевичъ читалъ бесплатно, а по сельскому хозяйству оказалось невозможнымъ найти опытнаго лектора.

5) На вознагражденіе членовъ распорядительной комиссіи ассигновано и израсходовано 650 руб.

6) На учебники и учебныя пособія выслано 400 руб., израсходовано 411 р. 73 к., болѣе на 11 р. 73 коп.—Эта передержка произошла отъ того, что для занятій по токарному, столярному и переплетному ремеслу и кройкѣ были взяты на прокатъ токарныя станки и верстаки и покупались учебныя пособія, какъ то: сантиметры, рѣзцы, резины, ливейки и матеріалъ для работъ, всего на 65 р. 63 коп. и для уроковъ шивія брались на прокатъ музыкальныя инструменты.

Всѣ книги, приобретенныя распорядительною комиссіею, по распоряженію Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ, розданы слушателямъ курсовъ. Училищный Совѣтъ счелъ полезнымъ оставить только по одному экземпляру каждаго названія, а также учебныя

принадлежности, приобретенныя для уроковъ черченія и кройки, какъ то: готовальни, циркули, линейки, рѣзцы, сантиметры и т. п.

7) На мелочныя и экстраординарныя расходы ассигновано 300 руб., израсходовано 365 руб. 34 коп., болѣе на 65 р. 34 к. Деньги по этой статьѣ расходовались главнымъ образомъ на устройство экскурсій въ Спасовъ Скитъ, Куряжскій монастырь, сельско-хозяйственную ферму, для каковой цѣли на одни билеты для проѣзда по желѣзн. дорогѣ израсходовано свыше 200 руб.

И такъ по стт. 2, 6 и 7 переизрасходовано 174 р. 36 коп., по стт. 1, 3 и 4-й сбереженій 174 р. 36 коп.; такимъ образомъ всѣ расходы по содержанію курсовъ покрыты полностью. Экономическій отчетъ съ оправдательными документами при семъ прилагается.

XII. О лицахъ, посѣщавшихъ педагогическіе курсы.

Въ теченіе шестинедѣльнаго срока курсы были посѣщаемы лицами высокопоставленными и интересующимися дѣломъ народнаго образованія.

Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, изволилъ 20 іюля посѣтить курсы. Въ этотъ день литургію въ Семинарской церкви совершалъ Преосвященный Петръ, Епископъ Сумской. Послѣ литургіи въ Семинарскомъ залѣ въ присутствіи Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, Его Превосходительства г. Попечителя Харьковскаго учебнаго Округа И. П. Хрущова, г. Харьковскаго вице-губернатора М. М. Осоргина, городского головы И. Т. Голенищева-Кутузова, директора народныхъ училищъ, представителей учебныхъ заведеній, членовъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта и многихъ духовныхъ лицъ произнесена была рѣчь Его Высокопреосвященства: „о значеніи молитвы въ дѣлѣ вѣры“.

25 іюля Харьковскіе курсы посѣтилъ Его Превосходительство, помощникъ всероссійскаго наблюдателя церковныхъ школъ д. с. с. Павелъ Акимовичъ Игнатовичъ. Его Превосходительство посѣтилъ лекціи по Закону Божію и церковному пѣнію, предлагалъ курсистамъ пропѣть догматики, Хвалите имя Господне, воскресные ирмосы подъ управленіемъ самихъ курсистовъ, по указанію инспектора курсовъ, бесѣдовалъ съ учителями объ учебныхъ ихъ занятіяхъ, осмотрѣлъ помѣщенія, занимаемыя курсистами, спальни, столовую, помѣщеніе учительницъ, и 26 іюля принялъ участіе въ поѣздкѣ вмѣстѣ съ курсистами въ Спасовъ Скитъ.

Въ числѣ посѣтителей курсовъ нужно отмѣтить: членовъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, Сухумскаго епархіальнаго наблюдателя священника В. Г. Ястребова, который жаль при курсахъ дней 10; членовъ уѣздныхъ отдѣленій Харьковской епархіи и почти всѣхъ уѣздныхъ наблюдателей Харьковской епархіи.

Кромѣ того, многіе священники Харьковской епархіи посѣщали курсы и слушали лекціи, читавшіяся на нихъ. Къ сожалѣнію священники, по обязанностямъ своего служенія, не могли оставаться для слушанія лекцій на продолжительное время и посѣщали курсы только на короткій срокъ. Не мало также и свѣтскихъ лицъ, интересующихся дѣломъ народнаго образованія, посѣщали курсы.

XIII. Закрытіе курсовъ.

5-го августа въ среду закончены были учебныя занятія на курсахъ и 6 августа, по благословенію Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, согласно опредѣленію Св. Синода отъ 17—19 марта 1898 года за № 1005, состоялось закрытіе курсовъ. Въ этотъ день литургія въ семинарской церкви и послѣ нея благодарственный Господу Богу молебень совершены были инспекторомъ курсовъ ректоромъ семинаріи протоіереемъ Іоанномъ Знаменскимъ, въ служеніи епархіальнаго наблюдателя Сухумской епархіи, священника Василя Ястребова и духовника семинаріи при пѣніи общаго хора курсистовъ и учениковъ образцовой при семинаріи школы. Актъ начался пѣніемъ молитвы „Царю Небесный“, послѣ которой слушателями курсовъ въ полномъ составѣ стройно и величественно пропѣтъ былъ догматикъ 6 гл. „Кто тебѣ не ублажить“. По окончаніи догматика инспекторомъ курсовъ прочитанъ былъ настоящий отчетъ въ сокращенномъ видѣ. Затѣмъ всѣми курсистами пропѣтъ былъ догматикъ 2 гл. „Преиде сѣнь законная“, послѣ котораго инспекторъ курсовъ, отъ лица распорядительной комиссіи высказалъ курсистамъ благодарность за усердное отношеніе къ занятіямъ и просилъ ихъ приложить тѣ свѣдѣнія, которыя получены ими во время курсовъ, къ дѣлу развитія второклассныхъ школъ. Въ отвѣтъ на это одинъ изъ курсистовъ Владиміръ Прохоровъ, отъ лица своихъ товарищей, благодарилъ комиссію и лекторовъ за заботы о нихъ въ теченіи шестинедѣльнаго срока. Затѣмъ пропѣтъ былъ гимнъ „Боже, Царя Храни“ и пѣніемъ „Достойно есть“ актъ былъ оконченъ. На актѣ присутствовали члены распорядительной комиссіи, члены Училищнаго Совѣта,

лекторы, епархіальные и уѣздные наблюдатели и нѣкоторые представители духовенства. Въ залѣ, гдѣ происходилъ актъ, были выставлены работы курсистовъ, по столярному, товарному и переплетному мастерствамъ, и кройки. 6 и 7 августа всѣ слушатели курсовъ отбыли на мѣсто своего служенія.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ.

(Продолженіе *).

1) Распределение письменныхъ упражненій и степень достигаемыхъ ими успѣховъ.

Письменные упражненія въ отчетномъ году состояли: аа) *изъ списыванія съ книги и диктовки*, которыми въ приготовительномъ классѣ занималась учительница, а въ первыхъ четырехъ классахъ — воспитательницы этихъ классовъ, въ назначенные для этого распорядкомъ уроковъ часы; бб) *изъ грамматическихъ упражненій*, классныхъ и домашнихъ, которыя велись преподавателями русскаго языка параллельно съ уроками грамматики и вв) *изъ сочиненій*, классныхъ и домашнихъ, которыя въ первыхъ трехъ классахъ назначались учителями русскаго языка, а въ остальныхъ классахъ преподавателями — Закона Божія, Гражданской Исторіи, географіи и дидактики. Сочиненія эти въ I, II и отчасти въ III классѣ состояли изъ разсказовъ и описаній по даннымъ статьямъ, во второе полугодіе въ III классѣ и въ четвертомъ — изъ разсказовъ и описаній самостоятельныхъ, въ V и VI классахъ изъ такихъ же самостоятельныхъ разсужденій. Каждое сочиненіе сопровождалось кратко изложеннымъ планомъ, который въ низшихъ классахъ выработывался предварительно въ классѣ воспитанницами при помощи преподавателя, а въ III, IV, V и VI классахъ составлялся учащимися самостоятельно. Темы для сочиненій въ I и II классахъ назначались самостоятельно преподавателями русскаго языка, которые избирали и время для классныхъ сочиненій и назначали сроки для сочиненій домашнихъ, руководясь только тѣмъ правиломъ, чтобы послѣднія давались не менѣе одного раза въ мѣсяцъ;

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 3, за 1899 г.

для III, IV, V и VI классовъ выборъ темъ и опредѣленіе сроковъ для написанія сочиненій производились Совѣтомъ и утверждались Его Высокопреосвященствомъ. Въ продолженіе отчетнаго года воспитанницы III класса написали 7 сочиненій по русскому языку, 2 классныхъ и 5 домашнихъ; воспитанницы IV класса написали 7 сочиненій,—1 классное и 6 домашнихъ—въ томъ числѣ 3 сочиненія по русскому, 1 по Закону Божію, 1 по географіи и 2 по исторіи; воспитанницы V класса написали 7 сочиненій—одно классное и 6 домашнихъ,—въ томъ числѣ 4 сочиненія по русскому, 1 по Закону Божію, 1 по исторіи и 1 по географіи; воспитанницы VI класса написали 7 сочиненій, 1 классное и 6 домашнихъ, въ томъ числѣ 3 сочиненія по русскому языку, 1 по Закону Божію, 1 по исторіи, 1 по географіи и 1 по дидактикѣ.

Кромѣ указанныхъ сочиненій, воспитанницы III, IV и V классовъ составляли въ мѣсяцъ по одному письменному ариѳметическому отвѣту, въ которомъ подробно излагали весь ходъ рѣшенія данной задачи.

Предъ устными испытаніями воспитанницами всѣхъ классовъ было написано по одной экзаменской экспромптовой письменной работѣ. Въ подготовительномъ, I и II классахъ работы эти состояли изъ провѣрочной диктовки, въ III классѣ изъ пересказа данной статьи, а въ остальныхъ классахъ изъ самостоятельныхъ сочиненій на давныя темы. Упражненія эти были прочитаны въ подготовительномъ, I, II и III классахъ преподавателями русскаго языка въ этихъ классахъ; въ обоихъ отдѣленіяхъ IV и V классовъ сочиненія были прочитаны также преподавателями русскаго языка, при чемъ каждый читалъ сочиненія чужого класса, а въ VI нормальномъ и VI параллельномъ классахъ—Инспекторомъ классовъ.

Баллы воспитанницъ по письменнымъ работамъ подготовительнаго I и II классовъ присоединились учителями русскаго языка къ отмѣткамъ за устные отвѣты и изъ тѣхъ и другихъ вывелись общіе баллы по этому предмету, двухмѣсячные и годовые. Начиная же съ III класса, баллы письменныхъ упражненій по всѣмъ предметамъ вносились Инспекторомъ классовъ въ особую вѣдомость, затѣмъ изъ нихъ сдѣланъ средній выводъ, сложенъ съ среднимъ выводомъ устныхъ отвѣтовъ по русскому языку и изъ этихъ двухъ выводовъ составленъ общій балъ по этому предмету.

Успѣхи воспитанницъ по письменнымъ упражненіямъ въ отчетномъ году вообще можно признать удовлетворительными. Въ экзаменскихъ сочиненіяхъ выпускныхъ воспитанницъ грубыхъ грамматическихъ и орфографическихъ ошибокъ попадалось очень мало:

написаны эти сочиненія въ общемъ достаточно связно и послѣдовательно, а сочиненія лучшихъ воспитанницъ оказались во всѣхъ отношеніяхъ очень хорошими.

Въ среднемъ выводѣ воспитанницы старшихъ классовъ, начиная съ III, получивъ по сочиненіямъ слѣдующіе баллы:

III классъ (60 воспитанницъ).

Балль 5 получили	2	воспитанницы или	$3\frac{1}{2}^0/0$
— 4 —	19	—	$31\frac{2}{3}^0/0$
— 3 —	38	—	$63\frac{1}{3}^0/0$
— 2 —	1	—	$1\frac{1}{8}^0/0$
Средній балль всего класса			$3\frac{11}{20}$

IV нормальный классъ (47 воспитанницъ).

Балль 5 получили	4	воспитанницы или	$8\frac{24}{47}^0/0$
— 4 —	15	—	$31\frac{48}{47}^0/0$
— 3 —	23	—	$48\frac{44}{47}^0/0$
— 2 —	5	—	$10\frac{21}{47}^0/0$
Средній балль всего класса			$3\frac{18}{47}^0/0$

IV параллельный классъ (48 воспитанницъ).

Балль 5 получили	3	воспитанницы или	$6\frac{1}{4}^0/0$
— 4 —	16	—	$33\frac{1}{3}^0/0$
— 3 —	21	—	$43\frac{3}{4}^0/0$
— 2 —	8	—	$16\frac{2}{8}^0/0$
Средній балль всего класса			$3\frac{7}{24}$

V нормальный классъ (37 воспитанницъ).

Балль 5 получили	4	воспитанницы или	$10\frac{30}{37}^0/0$
— 4 —	9	—	$24\frac{12}{37}^0/0$
— 3 —	24	—	$63\frac{9}{37}^0/0$
Средній балль всего класса			$3\frac{17}{37}$

V параллельный классъ (38 воспитанницъ).

Балль 5 получила	1	воспитанница, или	$2\frac{12}{19}^0/0$
— 4 —	11	—	$28\frac{18}{19}^0/0$
— 3 —	23	—	$60\frac{10}{19}$
— 2 —	3	—	$7\frac{17}{19}^0/0$
Средній балль всего класса			$3\frac{5}{19}$

VI нормальный классъ (49 воспитанницъ).

Балль 5 получили	3	воспитанницы или	$6\frac{6}{19}^0/0$
— 4 —	12	—	$24\frac{24}{49}^0/0$
— 3 —	34	—	$69\frac{19}{49}^0/0$
Средній балль всего класса			$3\frac{18}{49}$

VI параллельный классъ (53 воспитанницы).

Баллъ 5 не получили ни одна воспитанница					
— 4 получила 7 воспитанницъ или 13 ¹¹ / ₅₃ 0/0					
— 3 — 45 — — 84 ⁶⁸ / ₅₃ 0/0					
— 2 — 1 — — 1 ⁴⁷ / ₅₃ 0/0					
Средній баллъ всего класса					3 ⁶ / ₅₃ .

Примѣчаніе. Въ эту вѣдомость вошли только тѣ воспитанницы, которые представили всѣ или, по крайней мѣрѣ, большую часть годовыхъ сочиненій.

д) Продолжительность учебного года и время экзаменовъ.

Ученіе въ отчетномъ году началось 18 августа и окончилось 1 мая.

Письменный экзаменъ воспитанницамъ всѣхъ классовъ былъ произведенъ 1 мая. Устные экзамены начались 2 мая и окончились 4 іюня, а 7 іюня происходилъ торжественный актъ, которымъ закончился учебный годъ. Приемные экзамены в переэкзаменовки произведены 10—12 августа 1898 года.

е) Число переведенныхъ изъ класса въ классъ, число окончившихъ курсъ съ аттестатами, число оставленныхъ на повторительный курсъ и число выбывшихъ изъ Училища по разнымъ причинамъ.

Къ началу учебного года состояло воспитанницъ: въ приготовительномъ классѣ—53, въ I нормальномъ—46, въ I параллельномъ—45, во II нормальномъ—44, во II параллельномъ—44, въ III классѣ—61, въ IV нормальномъ—48, въ IV параллельномъ классѣ—51, въ V нормальномъ—39, въ V параллельномъ—38, въ VI нормальномъ—49, въ VI параллельномъ—53; итого 571 воспитанница.

Выбыло среди учебного года: изъ приготовительнаго класса 8 воспитанницъ (4 уволены по просьбѣ родителей и 4 по неаявкѣ), изъ I нормальнаго класса—2 (обѣ уволены по просьбамъ родителей), изъ I параллельнаго класса—3 (по просьбѣ родителей), изъ II параллельнаго—3 (одна уволена по просьбѣ родителей, 1 по неаявкѣ въ Училищѣ и 1 умерла), изъ III класса—1 (уволена по просьбѣ родителей), изъ IV нормальнаго класса—1 (умерла въ училищѣ отъ тифа, осложненнаго дифтеритомъ), изъ IV параллельнаго класса—3 (1 уволена по просьбѣ родителей, 1 по неаявкѣ, 1 по малоуспѣшности), изъ V нормальнаго класса—2 (обѣ уволены по просьбамъ родителей), итого 23 воспитанницы.

Принято вновь среди учебнаго года: въ приготовительный 3 воспитанницы, въ I параллельный классъ—2, въ I нормальный—1, во II параллельный 2, итого 8 воспитанницъ.

Оставалось къ концу учебныхъ годовичныхъ занятій: въ приготовительномъ классѣ—48 воспитанницъ, въ I нормальномъ классѣ—45, въ I параллельномъ классѣ—45, во II нормальномъ классѣ—44, во II параллельномъ классѣ—43, въ III классѣ—60, въ IV нормальномъ классѣ—47, въ IV параллельномъ классѣ—48, въ V нормальномъ классѣ—37, въ V параллельномъ классѣ—38, въ VI нормальномъ классѣ—49, въ VI параллельномъ классѣ—53, итого 557 воспитанницъ.

Экзаменовалось воспитанницъ: въ приготовительномъ классѣ—46, въ I нормальномъ классѣ—44, въ I параллельномъ классѣ—44, во II нормальномъ классѣ—43, во II параллельномъ классѣ—43, въ третьемъ классѣ—60, въ IV нормальномъ классѣ—46, въ IV параллельномъ классѣ—46, въ V нормальномъ классѣ—35, въ V параллельномъ классѣ—36, въ VI нормальномъ классѣ—48, въ VI параллельномъ классѣ—53; итого—544 воспитанницы.

Не подвергались экзаменамъ: въ приготовительномъ классѣ—2 воспитанницы, въ I нормальномъ классѣ—1, въ I параллельномъ—1, во II нормальномъ—1, въ IV нормальномъ—1, въ IV параллельномъ—2, въ V нормальномъ—2, въ V параллельномъ—2, въ VI нормальномъ—1; итого 13 воспитанницъ.

Переведены въ слѣдующіе классы: изъ приготовительнаго въ I классъ—42 воспитанницы (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 18), изъ I нормальнаго во II классъ—35 (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 15), изъ I параллельнаго во II классъ—32 воспитанницы (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 16), изъ II нормальнаго въ III классъ—38 (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 12), изъ II параллельнаго въ III классъ—30 воспитанницъ (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 11), изъ III класса въ IV классъ—41 (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 14), изъ IV нормальнаго въ V классъ—35 (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 12), изъ IV параллельнаго въ V классъ—26 (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ—5), изъ V нормальнаго въ VI классъ—26 (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 10), изъ V параллельнаго класса въ VI классъ—27 (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 9); итого 332 воспитанницы.

Оставлены въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ: въ приготовительномъ классѣ—2 (по малоуспѣшности), въ I нормальномъ—5 (по малоуспѣшности), въ I параллельномъ—4 (1 по просьбѣ матери, 3 по малоуспѣшности), во II нормальномъ—2, во II

параллельномъ—3, въ III—3, въ IV нормальномъ—4, (1 по болѣзни, 3 по малоуспѣшности), въ IV параллельномъ—10 (4 по просьбѣ родителей 6 по малоуспѣшности), въ V нормальномъ—1 (по просьбѣ отца), въ V параллельномъ—7 (1 по болѣзни, 6 по малоуспѣшности), въ VI нормальномъ—1 (по просьбѣ родителей), итого —40 воспитанницъ.

Окончило курсъ съ аттестатами 101 воспитанница.

Уволено изъ Училища послѣ экзаменовъ и переэкзаменовокъ: изъ приготовительнаго класса—2, (за неявку), изъ I нормальнаго—1 и I параллельнаго—1 (обѣ по просьбѣ матери), изъ II параллельнаго—1, (по малоуспѣшности), изъ III—1, изъ IV парал.—1 (по малоуспѣшности), изъ V норм.—1 (по болѣзни), изъ V парал.—4 (по просьбѣ родителей); итого 12 воспитанницъ.

Такимъ образомъ къ началу 18^{98/99} учебнаго года въ Училищѣ числилось—444 воспитанницы.

Въ августѣ 1898 года вновь принято 97 воспитанницъ: въ приготовительный классъ—57; въ I—26; во II—7; въ III—1; въ IV—5; въ V—1 воспитанница.

Учебный годъ начался при 541 воспитанницѣ.

По классамъ онѣ распредѣлены такъ: въ подготов. классѣ—59 воспит., въ I норм.—42, въ I парал.—42, во II норм.—45, во II парал.—46, въ III норм.—43, въ III парал.—37, въ IV норм.—39, въ IV парал.—38, въ V норм.—43, въ V парал.—42, въ VI норм.—36, въ VI парал.—29 воспитанницъ.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Николаевской церкви города Старобѣльска, Петръ *Торанскій*, утвержденъ въ должности благочиннаго 1 округа, Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ церкви Ново-Александровскаго конскаго завода, Старобѣльскаго уѣзда, Ѳома *Федоровскій*, награжденъ набедренникомъ.

— Безмѣстный діаконъ Покровской церкви с. Малой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, Константинъ *Стефановскій*, опредѣленъ діакономъ къ Троицкой церкви с. Василевки, Лебедянскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Всѣхсвятской церкви с. Малой Чернетчаны, Сумскаго уѣзда, Александръ *Федоровскій*, рукоположенъ въ санъ діакона, съ оставленіемъ на псаломщицкой вакансіи при той же церкви.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Андреевской церкви с. Млинковъ, Ахтырскаго уѣзда, крест. Маркъ *Фахмановъ*; Преображенской церкви с. Старо-Ивановки, Ахтырскаго уѣзда, бр. Ависятій *Ткаченко*

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Сѣздъ духовенства въ Привислянскомъ краѣ.—Епархіальная бібліотека въ г. Вяткѣ.—Одно изъ средствъ къ матеріальному обезпеченію вдовъ и сиротъ духовенства.—Успѣхи миссіонерскаго дѣла среди инородцевъ.—Московское Кирилло-Мефодіевское братство.—Еще вопросъ о церковномъ вѣнѣ.—Пчеловодная выставка въ Москвѣ.—Распоряженіе министерства Финансовъ.—Кончина президента французской республики и избраніе новаго президента.—Некрологъ.

По сообщенію «Моск. Вѣдом.», съ 25 по 28 января въ г. Холмѣ происходилъ сѣздъ духовенства Привислянскаго края подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Іеронима, архіепископа Холмско-Варшавскаго. Сѣздъ этотъ, имѣвшій первоначально скромную цѣль—разсужденіе о дѣлахъ эмертальной кассы и объ обезпеченіи вдовъ и сиротъ духовнаго званія, принялъ, благодаря заботамъ архіепископа, весьма серьезный и поучительный характеръ. На сѣздѣ владыкой былъ поставленъ вопросъ о мѣрахъ къ возвращенію „упорствующихъ“ въ лоно Православной Церкви. Этотъ вопросъ, поднятій владыкой, вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей среди собравшихся пастырей. Былъ сдѣланъ историческій обзоръ дѣятельности духовенства и роста Православія за 25-лѣтній періодъ, отиѣчались настоящее положеніе дѣла и желательныя измѣненія въ немъ, намѣчались пути для будущей дѣятельности. Архіепископъ побуждалъ пастырей усилить духъ апостольства и дѣятельной любви. Затѣмъ владыка обратилъ вниманіе собравшихся пастырей на то, что въ семъ краѣ нѣтъ специально-духовнаго женскаго учебнаго заведенія, гдѣ бы воспитывались въ надлежащемъ духѣ будущія жены пастырей—сотрудницы и помощницы въ ихъ дѣятельности. Въ заботахъ о развитіи школьнаго дѣла, сѣздъ сдѣлалъ постановленіе отчислять 1% съ валоваго церковнаго дохода на нужды церковно-приходскихъ школъ. Затѣмъ, по мысли владыки, рѣшено ввести съ будущаго учебнаго года въ Холмской духовной семинаріи преподаваніе медицины, для чего сѣздъ ассигновалъ необходимую для этого сумму.

— Въ г. Вяткѣ, 10 января, состоялось въ зданіи духовной консисторіи торжество освященія и открытія преосвященнымъ Алексѣемъ епархіальной бібліотеки съ бесплатною при ней читальней для лицъ всѣхъ сословій. Въ изящно убранномъ помѣщеніи бібліотеки преосвященнымъ былъ совершенъ молебенъ съ водосвятиемъ, причемъ владыка сказалъ рѣчь о духовно-просвѣтительныхъ задачахъ открываемой бібліотеки. По окончаніи молебна, народу были розданы правила пользованія книгами и періодическими изданіями бібліо-

теки-читальни, в избранная публица, среди которой находились представители свѣтскаго общества, прикосновенные къ дѣлу народнаго просвѣщенія, а также мѣстное духовенство и корпорация духовно-учебныхъ заведеній, направились въ залъ присутствія консисторіи, гдѣ и состоялся актъ открытія библіотеки. На актѣ преподаватель семинаріи А. И. Одоевъ прочелъ живо составленную историческую записку объ учрежденіи библіотеки съ характеристикой духовнаго состоянія разныхъ, по преимуществу русскихъ, мыслителей, ищущихъ удовлетворенія духовнымъ запросамъ внѣ тѣснаго общенія съ христіанскою религіей и православною церковью. Затѣмъ преосвѣщенный послѣ новой краткой рѣчи объявилъ библіотеку „открытою“. Торжество закончилось пѣніемъ „Тебе Бога хвалимъ“ и чтеніемъ привѣтственныхъ телеграммъ. По словамъ «Цер. Вѣст.», мысль о созданіи библіотеки возникла неоднакратно и ранѣе. Но свое осуществленіе эта мысль получила только съ пріѣздомъ въ Вятку преосвященнаго Алексія. Созданный имъ комитетъ собралъ по подпискѣ отъ духовенства 2600 р., духовно-учебныхъ заведеній 185 руб. и лицъ разныхъ сословій 1000 руб., всего болѣе 3 тысячъ съ половиной, да получилъ отъ духовнаго концерта болѣе 300 руб. и изъ средствъ епархіи, по назначенію епархіальнаго съѣзда, 1000 рублей. Но собранныхъ такимъ путемъ пяти тысячъ рублей было недостаточно даже для устройства приличнаго зданія для библіотеки. Къ счастью, закончившійся къ этому времени ремонтъ консисторіи освободилъ три просторныхъ комнаты, которыми комитетъ, по предложенію консисторіи, и воспользовался. Онѣ приспособилъ ихъ для цѣлей библіотеки, обставилъ библіотечною мебелью, приобрѣлъ, по заранее составленнымъ спискамъ, книги и, наконецъ, выработалъ уставъ библіотеки-читальни и правила пользованія книгами. Составилась библіотека изъ книгъ старой библіотеки, — книгъ, пожертвованныхъ разными лицами и учрежденіями (среди нихъ видное мѣсто занимаютъ пожертвованія казанской духовн. академіи и многихъ ея профессоровъ), и книгъ, вновь приобретенныхъ на сумму свыше 700 рублей. Несмотря на сравнительно небольшое количество книгъ (около 4500 томовъ, считая въ томъ числѣ брошюры), составъ библіотеки очень разнообразенъ и рассчитанъ на удовлетвореніе духовныхъ потребностей различной по образованію и возрасту публики. Первое мѣсто въ ней, конечно, занимаетъ богословскій отдѣлъ со многими подраздѣленіями; затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ церковно-историческій съ виднымъ под-отдѣломъ „исторіи

вятскаго края, далѣе—довольно богатый миссіонерскій-противо-раскольническій отдѣлъ и отдѣлъ періодическихъ изданій духовныхъ и свѣтскихъ, соотвѣтствующихъ цѣлямъ библиотеки. Заслуживаютъ вниманія и послѣдніе отдѣлы—церковно-школьный и книгъ для дѣтей и простого народа. Условія пользованія книгами библиотеки—общедоступны. Плата за чтеніе книгъ и новыѣхъ періодическихъ изданій и газетъ на дому назначается въ годъ 3 р., на полгода 2 р. и на мѣсяць 50 к.; плата за чтеніе книгъ и старыхъ періодическихъ изданій на дому—въ годъ 2 р., на полгода 1 р. и на мѣсяць 30 к. Пользованіе книгами и журналами только по отдѣлу для дѣтей и простого народа—*бесплатное*. Библиотека управляется комитетомъ изъ 12 членовъ; въ числѣ ихъ находятся председатель, завѣдующій библиотекой и казначей. Выдачей книгъ и журналовъ завѣдуетъ особый бібліотекаръ, получающій особое жалованье.

— Во всѣхъ епархіяхъ есть попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія и эти попечительства располагаютъ денежными средствами, процентами съ которыхъ оказываютъ помощь бѣднымъ духовнаго званія. Въ нѣкоторыхъ попечительствахъ специальный капиталъ на этотъ предметъ достигъ уже значительной суммы; но и тамъ, гдѣ скопленъ такой капиталъ, помощь бѣднымъ и сиротамъ, по ихъ множеству, оказывается самая ничтожная. Оказывается возможнымъ выдавать на одно лицо въ годъ по 7, 8, 10 и 12 рублей, и рѣдко кому выдается 20 или 25 руб. Для восполненія этого недостатка епархіальное духовенство въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начало заботиться теперь объ учрежденіи эмеритальныхъ кассъ, изъ которыхъ, отъ пожизненнаго скопленія, оставившіе службу священно и церковно-служители, въ годы старческаго одрахлабнїя, или ихъ осиротѣвшія семейства могли бы еще облегчить свое положеніе. Но все это, и суммы, которыми располагаютъ епархіальныя попечительства, и эмеритура,—недостаточно обезпечиваетъ бѣдность заштатнаго духовенства и сиротъ его, а между тѣмъ есть благонадежный, законный и исполнѣннѣйшій источникъ, изъ котораго можно бы было получить не только въ довольствѣ обезпеченіе духовнымъ бѣднымъ, но и подѣлиться съ бѣдными людьми прихода, если бы сами священники, завѣдывающіе приходами, обдуманно и неотступно пользовались этимъ источникомъ. Источникъ этотъ,—ни для кого нестѣснительный, указанъ въ законѣ при самомъ составленіи закона, когда принималъ въ этомъ великомъ дѣлѣ участіе родившійся, выросшій и воспитавшійся на духовной почвѣ, впоследствии великій государственный мужъ, графъ

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій. Его широкообъемлющій умъ предвидѣлъ, гдѣ можно найти источникъ для обезпеченія духовенства при концѣ его службы, и въ сводѣ законовъ было положено „при всѣхъ его церквахъ, кромѣ монастырей, должны быть учреждены кружки для сбора пожертвованій на предметъ призванія духовенства епархіи“ (ст. 1581 и 1583 т. XIII уст. общ. приз. свод. зак. 1857 г. св. ст. 753—755). Этой кружкѣ предоставлено большое право. Кружка для сбора пожертвованій въ пользу попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія должна быть обнесима въ церквахъ постоянно, наравнѣ съ кошелькомъ и кружкою на церковныя потребности (4—24 марта 1876 г. № 398. «Ц. В.» № 14). „Какой удобнѣй способъ,—пишетъ по поводу этого въ «Цер. Вѣстникѣ» одинъ изъ настоятелей собора,—предоставленъ духовенству этимъ законоположеніемъ получать средства въ отвращеніе его бѣдности и способъ самый безукоризненный! Никто не испытаетъ отъ него никакого стѣсненія, никакого вынужденія. Пройдутъ съ кружкой,—хочешь, опускай въ нее свои лепту, не хочешь, ничего не давай. Всякая жертва здѣсь зависитъ отъ Божія внушенія. Чье сердце расположитъ Господь сотворить милость, тотъ и сотворилъ ее. Если бы всѣ настоятели церквей съ того времени, когда законъ предоставилъ такое право собирать въ кружку пожертвованія на бѣдныхъ, исполнили въ точности и настойчиво вышеприведенную статью закона, то каковы колоссальными капиталами располагали бы теперь епархіальныя попечительства! Отъ этихъ богодарованныхъ средствъ могли бы теперь получать потребное къ содержанію своему не только бѣдные священно и церковно-служители, оставившіе на склоны своихъ лѣтъ служеніе, и ихъ осиротѣвшія семейства, но и сироты прихожанъ могли бы питаться отъ церкви Божіей, какъ это послѣднее и было въ давнія времена на святой Руси. Это не голубословность, но совершенная истина, которую мы постараемся подтвердить самымъ дѣломъ. Въ теченіе продолжительнаго моего служенія Господь благословилъ быть мнѣ настоятелемъ собора въ одномъ небольшомъ безуздномъ городѣ. Здѣсь какъ и во всѣхъ церквахъ епархіи, не носилась кружка на бѣдныхъ духовнаго званія, но по укоренившемуся обыкновенію, отсылалось въ попечительство кружечнаго сбора 12 рублей въ годъ, удѣляемыхъ изъ общей церковной суммы. Староста при соборѣ былъ человѣкъ весьма набожный и благочестивый. Съ нимъ посему удобно было повести бесѣду о порядкѣ сбора на бѣдныхъ духовнаго званія.

какой указанъ въ законѣ, и я объяснилъ ему, что неисполненіе этого законнаго порядка по сбору не безгрѣшно и равносильно обидѣ и притѣсненію бѣдныхъ. Къ сердцу ояъ принялъ мои слова и рѣшилъ распорядиться, чтобы кружка на бѣдныхъ духовнаго званія обносима была непремѣнно и постоянно за церковною кружкою; и что же оказалось? Годичный сборъ въ эту кружку достался едва не въ 300 рублей. Четыре года пробылъ я на этомъ мѣстѣ, и Божій даръ бѣдствующимъ не оскудѣвалъ. Переведенъ затѣмъ и былъ въ кафедральный соборъ. Здѣсь, хотя былъ я не наибольшимъ, но и въ соборѣ Господь помогъ убѣдить носить кружку на бѣдныхъ духовнаго званія за церковною кружкою. И здѣсь, при не особенно тщательномъ исполненіи сего законнаго порядка кружка эта приносила въ годъ до 150 рублей, тогда какъ прежде отсылаемо было въ епархіальное попечительство въ годъ рублей 16. Не очевидно ли послѣ сего, какая великая польза отъ сбора на бѣдныхъ духовнаго званія въ порядкѣ, предоставленномъ закономъ? Пора бы, хотя теперь, чѣмъ нить в стонать, подумать духовенству объ этомъ источникѣ, заключающемся въ самой Божіей церкви, и начать пользоваться предоставленнымъ самимъ закономъ правомъ. Даруй Господи, чтобы это было. При исполненіи сего, несомнѣнно не только бѣдные духовные будутъ удовлетворены, но и опять появятся при церквахъ келліи для нищихъ, питающихся отъ церкви Божіей». «Екатериносл. Еп. Вѣд.»

— Отчетъ Забайкальской миссіи, помѣщенный въ «Прав. Благов.», отмѣчаетъ быстрые успѣхи обрусѣнія среди осѣдлыхъ инородцевъ Сибири, которые стремятся слиться съ русскимъ населеніемъ. Такія стремленія сами собою указываютъ на характерную черту бурятъ—ихъ способность и воспримчивость къ христіанской культурѣ, и служить залогомъ, съ перемѣною жизненныхъ условий, къ развитію ихъ въ будущемъ. Осѣдые инородцы, при своемъ усердіи быть русскими, при своей наблюдательности и быстрой перемчивости, дѣлаютъ въ этомъ отношеніи весьма замѣтные успѣхи. Идеаль взрослыхъ—типъ степеннаго хозяйственнаго русскаго мужика; идеаль молодаго человѣка—привлекательный образъ „добра-молодца“, инородческія же дѣвушки перестаютъ быть „басаганъ“ (молодой буряткой), существомъ и по костюму и ухваткамъ трудно опредѣлимаго на первый взглядъ пола, нѣтъ,—оыъ стремятся воплотить въ себѣ не менѣе привлекательный образъ „красно-дѣвицы“. Какъ пріятно смотрѣть на хозяйина-бурята въ русской рубахѣ, сапогахъ и шапкѣ, съ развалистою по-

ходочкой, который то копошится по домашнимъ дѣламъ, то въ храмѣ кладетъ истовые поклоны,—тогда забываешь эту бурятскую фізіономію, всё черты инородца сглаживаются, и вотъ чудится, что предъ тобою возстаетъ во весь свой богатырскій ростъ серьезный русскій мужичекъ-хлѣбопашецъ. Очевидною и неоспоримую истиной становится тотъ выводъ, что должно направить усплія на то, чтобы изъ бурятъ сдѣлать осѣдлыхъ инородцевъ—карымовъ (черныхъ христіанъ), какъ ихъ здѣсь называютъ, и поставить ихъ подъ просвѣтительное дѣйствіе Церкви и школы. Только при такомъ положеніи дѣла можно и должно ожидать того, что эти инородцы вполне сольются съ Русскими, плотно приростутъ къ государственному организму, станутъ во всѣхъ отношеніяхъ „единымъ стадомъ“. Только тогда и возможно всестороннее раскрытіе жизни бурятъ, быстрый и желательный прогрессъ, какового никогда не дастъ изычество, а тѣмъ менѣе мертвый буддизмъ, хотя бы его и старались всячески регулировать.

— Московское Кирилло-Меѳодіевское братство 14-го февраля праздновало, по словамъ «Моск. Вѣд.», тринадцатую годовщину своего существованія. Послѣ Богослуженія въ церкви московской духовной семинаріи состоялось въ актовомъ залѣ семинаріи годичное собраніе членовъ братства, подъ предсѣдательствомъ преосвященнаго Тихона, епископа Можайскаго. Секретаремъ былъ прочитанъ отчетъ о дѣятельности братства, вѣлающаго церковно-приходскими школами московской епархіи, за минувшій годъ. Въ отчетномъ году церковно-приходскихъ школъ въ епархіи насчитывалось 441, въ томъ числѣ 5 образцовыхъ, 6 второклассныхъ, 14 двухклассныхъ, 338 одноклассныхъ, 72 школы грамоты и 6 воскресныхъ школъ для взрослыхъ. Вновь было открыто 47 школъ разнаго типа изъ нихъ 9 въ Москвѣ. Въ церковно-приходскихъ школахъ обучалось 11.183 мальчика и 5.119 дѣвочекъ; въ образцовыхъ школахъ—177 и 56; въ школахъ грамоты—1.022 и 570 и въ воскресныхъ школахъ—356 дѣтей обоего пола. Окончили полный курсъ ученія съ правомъ полученія свидѣтельствъ 1.378 мальчика и 642 дѣвочки. 145 школъ содержались на мѣстныхъ средства. Въ отчетномъ году на содержаніе школъ изъ разныхъ источниковъ поступило 169.156 рублей, въ томъ числѣ отъ попечителей и попечительницъ 90.338 руб., отъ Св. Синода свыше 35.000 руб., отъ монастырей 24.614 руб., отъ церквей 20.815 руб., отъ волостныхъ и сельскихъ обществъ 8.747 руб. Въ смѣту братства на 1899 г. внесено 30.00 р. на церковно-приходскія школы.

— Въ «Моск. Вѣд.» помѣщена статья по вопросу о мѣрахъ для доставленія нашимъ православнымъ церквамъ вина достойнаго своего высокаго назначенія. Источники, которые могутъ доставлять такое вино, авторъ указываетъ слѣдующіе. Въ одной Европейской Россіи считается болѣе 5 милл. десятинъ земли удобной для винограводства или винодѣлія. Пусть на избранномъ участкѣ такой земли, положимъ въ Кавказской области, или на пескахъ юга Россіи, оснуется Св. обитель, и пусть она приготовляетъ виноградное вино для всѣхъ нашихъ православныхъ церквей, со строжайшимъ воспрещеніемъ имъ пріобрѣтать вино изъ другихъ источниковъ. Дѣлая затѣмъ приблизительный расчетъ, авторъ пишетъ: 1) „Хотяу насъ считается около 45 тысячъ церквей, но, такъ какъ число ихъ, по милости Божіей и любви народной къ Православной Вѣрѣ, увеличивается, то я дѣлаю расчетъ на 50 тысячъ церквей. 2) Полагая, что въ каждой церкви совершается въ годъ 200 литургій, и для нихъ требуется до 3 ведеръ вина, мы приходимъ къ заключенію, что для 50 тысячъ церквей потребуется ежегодно до 150 тысячъ ведеръ вина. 3) Въ Россіи средняя годичная добыча вина съ одной десятины считается въ 150 ведеръ; слѣдовательно, чтобы получить 150 тыс. ведеръ вина, нужно имѣть подъ виноградникомъ до 1.000 десятинъ. 4) Приготовленіе земли, съ посадкой лозъ и уходомъ за виноградникомъ до начала урожая, то-есть въ теченіе трехъ лѣтъ, потребуетъ расхода не менѣе 300 руб. на десятину, а на 1.000 дес.—до 300.000 рублей. 5) Допустимъ что построеніе монастырской обители съ церковью и келліями для братій, помѣщеніемъ для рабочихъ, устройствомъ винныхъ погребовъ и другихъ хозяйственныхъ службъ, далѣе пріобрѣтеніе разныхъ принадлежностей для винодѣлія, посуды для вина и т. д.,— все это потребуетъ еще 300.000 руб., что съ первою статьей расхода составитъ итогъ 600.000 руб. Какія же выгоды? Конечно, первая, самая существенная, которую можно назвать священною, это—пріобрѣтеніе св. церквами вина достойнаго высочайшаго своего назначенія. Но и другія выгоды имѣютъ воистину великое значеніе. Полагаютъ что, въ общей сложности, наши церкви пріобрѣтаютъ виноградное вино, иногда только носящее это имя, по 10 руб. за ведро. Это значить, что предполагаемая 50 тысячъ церквей, при расходѣ трехъ ведеръ въ годъ, должны израсходовать на этотъ предметъ до полутора милліона рублей. Если же предполагаемая обитель будетъ уступать православнымъ церквамъ свое вино только по 3 руб. за ведро, по цѣнѣ, однако, прибыль-

ной для нем, то эта цѣна, во-первыхъ, уменьшить расходы церквей на этотъ предметъ до 450.000 руб.; во-вторыхъ, эта монополія дастъ обители такой доходъ, что всѣ вышеозначенные расходы покроются въ самое непродолжительное время, такъ какъ за 150.000 ведеръ вина получится валоваго дохода до полумилліона рублей. Допустимъ, что три четверти изъ этой выручки пойдутъ на погашеніе затраченнаго капитала, на покрытие расходовъ по содержанію обители и на самое винодѣліе,—и за всѣмъ тѣмъ должна остаться сумма (свыше 100.000 р.) которая, при погашеніи затраченнаго капитала, постепенно будетъ возрастать и со временемъ будетъ служить не бѣднымъ источникомъ для поддержанія бѣднѣйшихъ православныхъ церквей, причтовъ, церковно-приходскихъ школъ и нашего бѣднаго своимъ средствами, но великаго въ государственномъ отношеніи, миссіонерскаго дѣла^а. Отвѣчая на дѣлаемое возраженіе, что неприлично обители, именуемой святою, заниматься винодѣліемъ, авторъ ссылается на то, что наши свв. обители готовятъ другую часть входящую въ составъ этого Таинства и что наша Св. Церковь благословляетъ пшеницу, вино и елей и молится объ умноженіи ихъ во всемъ мірѣ. Что касается того, гдѣ найти специально-подготовленныхъ для этого дѣла дѣлателей, то, по мнѣнію автора, въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ немало питомцевъ, которымъ не по силамъ наука, но которые могутъ превратиться въ хорошихъ виноградарей и винодѣловъ. Наконецъ, относительно приобрѣтенія земли, едвали сколько нибудь можно сомнѣваться, что правительство откажетъ въ ней для такой высокой цѣли. Для поддержанія Херсонскаго монастыря оно дало изъ казенныхъ земель 2.300 дес.; недавно оно назначило 500 десят. для Кіевскаго разсадника садоводства. На Кавказѣ огромное пространство земель принадлежитъ казнѣ, и почти всѣ земли удобны для разведенія винограда. Другія мѣры, при которыхъ наши церкви получали бы вино, достойное своего высокаго назначенія, чистое, безъ примѣси и отравъ, авторъ указываетъ слѣдующія. Можно сдѣлать вызовъ,—не составится ли товарищество для приготовленія церковнаго вина на всю православную Русь, на самыхъ выгодныхъ условіяхъ для нашихъ церквей. Можно открыть складъ церковнаго вина при архіерейскихъ домахъ, монастыряхъ и т. п., вина, которое до поступленія въ склады должно быть подвергнуто самому строгому химическому анализу, стало-быть чистаго и достойнаго своего высокаго назначенія. При этомъ только одно обизательство должно быть свято исполняемо: брать вино для

Св. Евхаристіи православнымъ церквамъ изъ однихъ этихъ складовъ, въ закупоренной и запечатанной посудѣ, какъ берутся только изъ рукъ мѣстныхъ епархіальныхъ начальствъ св. миро и антиминсы. Въ заключеніе авторъ пишетъ: „основаніе свв. обителей съ виноградными насажденіями, изъ которыхъ текло бы чистое, достойное своего высокаго назначенія вино, дѣло осуществимое и неоспоримо можетъ сопровождаться большими благами. Но все это для своего осуществленія потребуетъ не мало времени, трудовъ и денежныхъ расходовъ. Складъ же церковнаго вина при епархіальныхъ властяхъ или монастыряхъ можетъ совершиться скоро, если не быть холодными къ нашей святой Православной Церкви и равнодушно не смотрѣть на тѣ церковныя вина, которыя не достойны своего высокаго назначенія“.

— Отдѣленіемъ пчеловодства Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній лѣтомъ текущаго года устривается въ Москвѣ пчеловодная выставка. Выставка будетъ устроена въ московскомъ зоологическомъ саду, съ отдѣленіемъ на Измайловской опытной пасѣкѣ общества, гдѣ рѣшено выставить ульи съ живыми пчелами и, кромѣ того, произвести посѣвъ медоносныхъ растеній. Въ зоологическомъ саду будутъ размѣщены предметы пчеловодства научнаго и учебно-практическаго характера. Открытіе выставки въ зоологическомъ саду предполагено въ началѣ второй половины іюля. Что касается выставки ульевъ съ живыми пчелами, то ее постановлено открыть на пасѣкѣ въ первыхъ числахъ іюня, причемъ одновременно будетъ устроенъ конкурсъ, и за лучшіе выставленные предметы по веденію правильного крестьянскаго пчеловодства будутъ выдаваться денежные преміи. Устройство выставки возложено на особый комитетъ. «Прав. Вѣст.».

— Министерство финансовъ объявило, что, на основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, окончательнымъ срокомъ для обмѣна кредитныхъ билетовъ 25 р., 10 р. и 5 р. достоинства, образца 1887 года, назначено 31 декабря 1899 года. По истеченіи этого срока, означенные кредитные билеты не будутъ принимаемы въ казенные платежи и не обязательны въ обращеніи между частными лицами. Црѣзаніи этихъ билетовъ слѣдующіе: рисунокъ лицевой стороны отпечатанъ густою синею краскою по свѣтло-коричневому фону; годъ выпуска обозначенъ внизу лицевой стороны: въ 5 руб. билетѣ (не позже 1894 г.)—слѣва, а въ 10 р. (не позже 1892 г.) и 25 р. билетахъ (всѣ 1887 г.)—посрединѣ билета; обратная сторона билета со-

держитъ поперечный рисунокъ съ государственнымъ гербомъ по-
средиѣ, крупною цифрою влѣво и извлеченіемъ изъ манифеста—
вправо и отпечатано 5 р.—синюю краскою, 10 р.—красною крас-
кою и 25 р.—лиловою краскою.

— Францію постигло тяжкое національное горе. 4 февраля въ
10 ч. вечера скоропостижно скончался въ своемъ рабочемъ каби-
нетѣ ея глава, президентъ Феликсъ Форъ. Онъ скончался отъ
апоплексического удара, и о кончинѣ его газеты сообщаютъ слѣ-
дующія подробности. Президентъ по обычаю занимался въ своемъ
государственномъ кабинетѣ, какъ почувствовалъ себя дурно. и, по-
дойдя къ двери смежнаго съ нимъ кабинета Легалля, сказалъ: „Я
чувствую себя дурно! Помогите мнѣ!“ Легалль немедленно бро-
сился къ Фору, который шатался на ногахъ, и, держа его за руку,
подвелъ къ дивану. Президентъ хватился за голову, повторяя, по-
тиралъ рукой лобъ: „Мнѣ не хорошо, мнѣ не хорошо“. Легалль
спросилъ, что онъ чувствуетъ и гдѣ боль. Форъ въ полномъ соз-
наніи отвѣтилъ: „Это общая слабость, я чувствую, что все кон-
чено“. Легалль приказалъ позвать Блонделя и попросилъ его схо-
дить поскорѣе за докторомъ. Находившійся случайно въ Елисей-
скомъ дворцѣ у своего родственника Эмбера докторъ былъ приз-
ванъ къ президенту; осмотрѣвъ его, далъ ему нюхать зэвръ и вна-
чалѣ не нашелъ состояніе больного очень опаснымъ. Но такъ какъ
президенту не становилось лучше, онъ слѣлалъ подкожное впры-
скиваніе кофеина. Президентъ оставался все въ томъ же положе-
ніи, повторяя: „чувствую, что все кончено, все кончено“, и выра-
зилъ желаніе видѣть жену и дѣтей. Г-жа Форъ немедленно яви-
лась съ Люціей Форъ. Президентъ повторилъ: „Очень болею, чув-
ствую, все кончено“. Г-жа Бержъ съ мужемъ явилась немного поз-
же. Въ 8 часовъ явился докторъ Ланнелонгъ, осмотрѣлъ прези-
дента и заявилъ тихо Легаллю свои заключенія, очень пессимисти-
ческія. Легалль счелъ тогда необходимымъ извѣстить немедленно
Шарля Дююи. Дююи отвѣтилъ, что прибудетъ сейчасъ въ Ели-
сейскій дворецъ. Легалль замѣтилъ, что присутствіе министра, мо-
жетъ быть, произведетъ слишкомъ сильное впечатлѣніе на г-жу
Форъ и дѣтей, которымъ еще не вполне выяснена вся опасность
состоянія больного. Дююи отвѣтилъ, что остается въ министерствѣ
внутреннихъ дѣлъ, готовый явиться по первому призыву, и затѣмъ
предупредилъ другихъ министровъ. Форъ тѣмъ временемъ продол-
жалъ лежать на диванѣ, повторяя, что нисколько не заблуждается от-
носительно исхода болѣзни. Жена была при немъ. Онъ съ нею простил-

ся, благодарилъ ее за ея любовь и за преданность, которую она всегда къ нему проявляла. Простился онъ также съ дѣтьми, сказалъ нѣсколь-ко сердечныхъ словъ Легалю, выразилъ ему признательность за его столь вѣрное и сердечное сотрудничество, затѣмъ, обратившись къ дворецкому, напомнилъ ему, что онъ иногда съ нимъ грубо обра-щался, и просилъ простить ему это, а также сказалъ нѣсколько до-брыхъ словъ своему камердинеру Бродье. Въ 9 час. Форъ опу-стился на диванъ и лишился сознаниа, несмотря на поставленные пивки. Прибыли доктора Потанъ, Бержеронъ, Шерло, а также Дюпюи, когда узналъ, что нѣтъ болѣе надежды. Въ 10 ч. Форъ скончался, не придя въ себя, сраженный кровоизлиянiемъ въ мозгу и затылкѣ. Нѣсколькими минутами раньше, по настоятельнымъ просьбамъ г-жи Форъ и другихъ членовъ семьи, послать за свя-щенникомъ, майоръ Моро, одинъ изъ сержантовъ Елисейскаго дворца, отправился въ церковь св. Магдалины, чтобы пригласить священника. Но его не оказалось дома. Тогда слугъ и солдатъ разослали во всѣ стороны для розысковъ священника. Одинъ изъ солдатъ увидѣлъ въ предмѣстьи Сентъ-Оноре аббата, спокойно шедшаго своею дорогой. Солдатъ схватилъ его за руку и сказалъ: „Умираетъ больной! Идите, идите, батюшка!“ Аббатъ, по имени Рено, не зная, куда ведутъ его, пошелъ за солдатомъ. Онъ при-шелъ въ Елисейскiй дворецъ, сталъ на колѣни предъ умирающимъ и приобщилъ его. Вскорѣ послѣ того пришелъ доминиканецъ, а затѣмъ священникъ изъ церкви св. Магдалины, который и приоб-щилъ президента республики Св. Тавиъ. Почившему президенту было 58 лѣтъ отъ рода. Такъ неожиданно скончался глава дру-жественнаго намъ народа,—президентъ, впервые побывавшiй въ Россiи и оставившiй по себѣ наилучшее впечатлѣнiе. Отовсюду получены были многочисленныя заявленiя самого глубокаго сожа-лѣнiя о его кончинѣ и особенно тронула всѣхъ глубоко прочув-ствованная телеграмма отъ Государя Императора Россiи. На дру-гой день послѣ кончины президента состоялось засѣданiе кон-гресса, который озаботился избранiемъ новаго президента. Выборъ палъ на Эмиля Лубе (60 лѣтъ отъ роду), предсѣдателя сената и близкаго покойному президенту человѣка. Хотя и не было недо-статка въ крикливыхъ протѣстахъ уличныхъ коноводовъ противъ этого избранiя, но въ общемъ оно удовлетворило всѣ партiи, такъ какъ Лубе извѣстенъ своимъ добродушиемъ и миролюбиемъ. «Церк. Вѣст.»

НЕКРОЛОГЪ.

15 января н. г. въ 12 часовъ дня скончался священникъ о. Капитонъ Андреевичъ Баженовъ, на 73 году своей жизни. Починившій о. Капитонъ происходилъ изъ духовнаго званія, родился 7 марта 1826 года въ сл. Ново-Бѣленькой, Старобѣльскаго уѣзда, гдѣ отецъ его занималъ скромную должность дьячка при Рождество-Богородичной церкви. Имѣя отъ роду только пять лѣтъ, онъ потерялъ отца и съ ранняго дѣтства принужденъ былъ заботиться о себѣ и съ большимъ трудомъ пробивать себѣ дорогу. Такая жизнь имѣла свое доброе влияние на о. Капитона. Она съ-молоду приучила сироту быть всегда въ трудѣ, быть воздержнымъ, скромнымъ, отзывчивымъ. Такимъ остался о. Капитонъ до самой послѣдней минуты. По окончаніи курса въ Духовной Семинаріи съ аттестатомъ 2 разряда, онъ былъ уволенъ въ епархіальное вѣдомство 15 іюля 1851 г. Самъ будучи сиротою, онъ и судьбу свою соединилъ съ сиротою, дочерью священника. 2 іюня 1852 г. о. Капитонъ былъ произведенъ въ санъ священника къ новостроенной Вознесенской церкви лут. Шпотана, Старобѣльскаго уѣзда, куда и отправился вскорѣ послѣ посвященія. 15 декабря 1852 г. о. Капитонъ былъ переведенъ къ Предтеченской церкви сл. Бесуга. 1 августа 1853 года, согласно прошенію, онъ былъ перемѣщенъ къ Покровской церкви сл. Брусовки, гдѣ и служилъ около пятидесяти лѣтъ. Съ поступленіемъ на этотъ приходъ о. Капитонъ задался цѣлію привести въ порядокъ свой храмъ, въ чемъ и успѣлъ. Начальство оцѣнило его труды и 6 августа 1856 г., „за усердіе къ благолѣпію храма“, о. Капитонъ былъ награжденъ набедренникомъ. 27 ноября 1857 г. онъ получилъ бронзовый наперсный крестъ на Владимірской лентѣ въ память войны 1853—56 г.г. 11 іюня 1863 г., „за пожертвованіе на благолѣпіе приходскаго храма“, ему преподано благословеніе Св. Синода, которое споспѣшествовало трудамъ о. Капитона въ его дѣятельности. 17 мая 1869 г., „за пожертвованіе въ пользу храма“, ему снова преподано было благословеніе Св. Синода. 15 апрѣля 1872 г. онъ награжденъ скуфією; 20 апрѣля 1880 г.—камилавкою; 17 апрѣля 1892 г.—наперснымъ крестомъ. Съ 18 января 1884 г. о. Капитонъ проходилъ должность законоучителя въ земскомъ начальномъ училищѣ, а съ 1894 г. и въ церковной школѣ. Почившій въ продолженіе долготѣлаго служенія неизмѣнно представлялъ собою образъ добраго пастыря, некущагося о благѣ своей небогатой паствы. Онъ училъ прихожанъ какъ словомъ, такъ и примѣромъ собственной высоконравственной жизни. Онъ въ особенности любилъ простые, непринужденныя виѣбогослужебныя бесѣды, когда прихожане, не стѣняясь, выступали въ качествѣ дѣйствительныхъ собесѣдниковъ. Они часто и по долгу внимали словамъ своего умудреннаго батюшки, который обладалъ даромъ сообщать своей рѣчи особую привлекательность. О. Капитонъ былъ прекраснымъ семьяниномъ, привѣрнымъ супругомъ и добрымъ отцомъ своихъ дѣтей.

18 января въ храмъ въ громадномъ количествѣ явились отдать послѣдній долгъ усопшему его пасомые и почитатели. Отпѣваніе совершено съ трогательною торжественностію 8 священниками и 3 діаконами. Усопшаго почтили рѣчами священники о. Андрей Базилевичъ, о. Владиміръ Чебановъ

и о. Григорій Кузнецовъ. Гробъ съ останками опущенъ въ могилу съ восточной стороны храма.

Со святыми упокой, Христе, душу усопшаго раба Твоего, іерея Капитона!

О В Ъ Я В Л Е Н І Я :

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

Лирика Я. П. Полонскаго.

Критическій этюдъ Н. М. Соколова. Изданіе П. П. Соѣкина.
С.П.Б. Цѣна 60 коп.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

ПРИ ХАРЬКОВСКОМЪ ДУХОВНОМЪ УЧИЛИЩѢ

Владиміръ Яковлевичъ Липскій.

Лечить, пломбируетъ и вставляетъ **искусственные зубы**.
Сумская ул., № 16—домъ Григорьевой.

1899 годъ.

ВЫШЛА

Х годъ.

I-я (январь—февраль) книга журнала

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“

изданіе Московскаго Психологическаго Общества, при содѣйствіи С.-Петербургскаго Философскаго Общества. Ея содержаніе: Отъ Совѣта Московскаго Психологическаго Общества.—Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Философскаго Общества.—М. С. Корелинъ †. В. О. Ключевскаго.—Утопія всенароднаго искусства. О. Д. Батюшкова.—Философія права. Б. Н. Чичерина.—Что такое философія и что она можетъ и чего не можетъ дать А. Н. Гидлова.—Римская элегія и романтизмъ. О. Е. Корша.—Психологія насѣкомыхъ. В. А. Вагнера.—Критика и библиографія.—Психологическое Общество.—Философское Общество. Журналъ выходитъ пять разъ въ годъ приблизительно въ концѣ февраля, апрѣля, іюня, октября и декабря книгами не менѣе 15 печатныхъ листовъ. Условія подписки: На годъ съ 1 января 1899 г. по 1 января 1900 года безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу 8 руб. Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимаются только въ конторѣ редакціи. Подписка кромѣ книжныхъ магазиновъ, и отдѣленія конторы въ книжномъ магазинѣ „Русская Мысль“, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Большая Никитская, Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева, ²/₃, кв. 28, въ помѣщеніи журнала „Русская Мысль“.

Редакторъ В. П. Преображенскій.

Предсѣдатель Московскаго Психологическаго Общества Н. Я. Гротъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ДЛЯ ЛИЦЪ СЕЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ 12 книгъ, отъ 27 до 30 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, лицамъ сельскаго духовенства будетъ высылаться за *десять* рублей (вмѣсто обычныхъ 17 рублей).

Допускается разсрочка: можно высылать по *одному* рублю въ мѣсяцъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ года съ января по октябрь.

Адресъ журнала *Русскій Вѣстникъ*: Москва, Малая Дмитровка, д. № 29.

Редакторъ-Издатель *М. М. Катковъ*.

ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА

Харьковскаго Общества послѣдователей гомеопатіи.

Харьковъ. Екатеринославская улица, № 36.

Книги и лечебники по гомеопатіи. Домашнія аптечки. Прейсъ-Курантъ высылается по требованію безплатно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 г.

НА

„Американскій Православный Вѣстникъ“

(ОРГАНЪ ПРАВОСЛАВНОЙ АМЕРИКАНСКОЙ МИССИИ).

Начало подписнаго года—1-го Января стараго стиля. Болѣе важныя и существенныя статьи печатаются въ два текста—русскій и англійскій—параллельно. Журналъ выходитъ дважды въ мѣсяцъ,—каждаго 1-го и 15-го числа. Подписная цѣна на годъ: въ Америкѣ—три доллара; въ Россіи—шесть руб. съ пересылкой. Допускается разсрочка по полугодіямъ. Подписка принимается—въ Россіи: С.-Петербургъ. Редакція „Церковнаго Вѣстника“—для перевода въ НЬЮ-ІОРКЪ.

Въ Америкѣ: America, New York, City, 323 Second Ave., Rev. Alexander Hotovitzky.

Редакторъ, Свящ. А. Хотовицкій.

Только-что вышла изъ печати книга

Земля, гдѣ жилъ Иисусъ Христосъ и сосѣднія съ нею земли.

Путевыя впечатлѣнія изъ поѣздки по Египту, Палестинѣ, Сиріи, Малой Азіи, Греціи и Италіи І. А. Фрея.

Цѣна безъ переплета 1 руб. 50 коп., въ красномъ оригинальномъ переплетѣ 2 руб. 30 коп.

Книга содержитъ 556 стр. и 200 полиטיפажей. Она знакомитъ читателя со страной чудесъ, Египтомъ и ея жителями. Затѣмъ она ведетъ читателя въ Ханаанъ, знакомитъ его со страной, населеніемъ и правами, а также съ ханаанскими городами: Іерусалимомъ, Вилелемомъ, Назаретомъ, Виваніей, Дамаскомъ и друг. Читатель находится то на берегахъ Іордана, то на взморьѣ Мертваго моря или-же ѣдетъ по Геннисаретскому озеру. Однимъ словомъ—онъ путешествуетъ по „Землѣ, гдѣ жилъ Иисусъ Христосъ“. Въ заключеніе читатель переносится въ Грецію, въ знаменитыя Аѳины и затѣмъ ѣдетъ въ поэтическую Италію, останавливаясь въ живописномъ Неаполѣ, на вѣчномъ Римѣ и сказочной Венеціи.

Книга эта уже печатана на четырехъ языкахъ и вездѣ заслужила лестные отзывы. Съ заказами слѣдуетъ обращаться въ г. Ригу, книжн. магазинъ І. А. Фрея.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЕТСЯ

„ПРИВѢТЪ“,

литературно-научно-художественный сборникъ, изданный съ благотворительною цѣлью, въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся ученицамъ Васильеостровской женской гимназіи въ С.-Петербургѣ. Цѣна 3 рубля, 440 столбцовъ in 4°; въ переплетѣ 4 рубля. Содержаніе. 25 картинъ-фототипій художниковъ: Рѣпина, Лагоріо, Антонова, Бѣль, Баяннѣй, Волкова, Ге, Далькевича, Животовскаго, Ивановой, Каразина, бар. Клодта, Кондратенко, Лоренца, Мазуровскаго, Малышева, Михайлова, Никитина, Новоскольцева, Овсянникова, Писемскаго, Сергѣева, Соколовскаго и Соломки. Повѣсти, рассказы, очерки, комедіи, легенды: гг. Мамина-Сибиряка, Засодимскаго, Ал. Чехова, Мордовцева, Солова, Баранцевича, Рускина, В. Тихонова, А. Тихонова (Дугового), Фирсова, Гнѣдича, Потапенко, Лихачева, Станюковича, Н. П. Вагнера (Кота-Мурлыки), Л. Оболенскаго, Наумова, Журавской, Михневича, Нефедова. Стихотворенія: К. Р., гг. Полонскаго, Ляхочова, Жемчужникова, Быкова, Фофанова, Горбунова-Посадова, А. Михайлова (А. К. Шеллера), Михайловскаго, Фидлера, Чюминой, Чешихина, Ватсонъ, Вейнберга, Коринфскаго, Зарва, Ясвнскаго, Позникова, Пушкарева, Ладженскаго, Холодковскаго, Бунина, Вейдлинга, Якубовича. Научныя и критическія статьи: академикъ А. Веселовскаго, профессоровъ Гольцева, Кайгородова, Петри, Гундобина, Венгерова, Шляпкина и Никольскаго, г-жъ Чебышевой-Дмитріевой, Леонтьевой, гг. Позникова, Острогорскаго, д-ра Жихарева, Куницкаго, Чуйко, Цируля, Евг. Гаршина. Посмертныя стихотворенія и письма: Всеволода Гаршина, В. Д. Сиповскаго, Н. М. Ядринцова, Д. Л. Минаева, Н. С. Лѣскова, А. Н. Островскаго, М. О. Мигѣшина и І. Юзова. Отзывы о сборникѣ „Привѣтъ“ см.: „Нива“, „Русское Богатство“, „Русская Мысль“, „Новь“, „Всемирная Иллюстрація“, „Живописное Обозрѣніе“, „Петербургская Газета“, „Сѣверный Вѣстникъ“, „Образованіе“, „Жизнь“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Книжный Вѣстникъ“ и мн. др.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЬ

ЧИТАТЕЛЬ.

Годовое издание журнала состоитъ изъ 50 книгъ отъ 64 до 256 страницъ въ каждой.

Подписная цѣна на годъ 5 р. Съ дост. и перес. 6 р.

Въ каждой книгѣ журнала «Читатель» помѣщается по возможности одно или нѣсколько законченныхъ произведеній беллетристическихъ и популярно-научныхъ. Въ журналѣ помѣщаются произведенія гг.: А. В. Амфитеатрова, К. С. Барылевича, С. И. Васюкова, В. Л. Величко, кн. М. Н. Волконскаго, Д. Гарина, П. П. Гвидяча, кн. Д. П. Голицына (Муравина), В. А. Гольцева, Е. П. Гославскіи проф. И. И. Иванова, А. А. Лугового, Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. М. Михеева, Вл. И. Немировича-Давченко, П. М. Невѣжина, В. А. Рышкова, И. А. Салом, В. Я. Свѣтлова, Н. И. Северина, П. А. Сергѣенко, С. Т. Семенова, С. И. Смирновой, К. М. Станюковича, проф. Н. И. Стороженка, М. К. Сѣверной, врс. К. А. Тимирязева, В. А. Тихонова, С. Н. Филиппова, Авт. П. Чехова, проф. А. И. Чупрова, О. Н. Чюминой, И. Л. Щеглова, В. Р. Щигрова, академика И. И. Янжула и другихъ.

Большинство изъ читающей публики не имѣетъ средствъ подписываться всѣхъ дорогихъ стоящихъ журналамъ и газетамъ. Одна изъ главныхъ задачъ «Читателя», по примѣру иностранныхъ изданій подобнаго рода, доставить своимъ подписчикамъ возможность составить за крайне дешевую цѣну собственную бібліотеку изъ издающихся произведеній беллетристическихъ и популярно-научныхъ, напечатанныхъ во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ, т. е. нашъ журналъ имѣетъ въ виду интересъ главнымъ образомъ, тѣхъ читателей, которые приобрѣтаютъ въ отдѣльныхъ книжкахъ тѣ же произведенія какія были напечатаны въ журналахъ и газетахъ.

Въ составъ нашего журнала входятъ: произведенія какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ писателей, частью напечатанныя равнѣ въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, частью специально написанныя или переведенныя изъ иностранныхъ изданій для нашего журнала.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА: 1) беллетристика (произведенія оригинальныя и переводныя: романы, повѣсти, очерки и рассказы), 2) критика и бібліографія, 3) Популярно-научныя статьи: а) по исторіи, б) по исторіи литературы русской и иностранной, в) по вопросамъ экономическихъ, естественно-научнымъ и философскимъ, г) по искусствамъ: драма, музыка, живопись.

Въ особомъ отдѣлѣ, подъ названіемъ «смѣсь», журналъ будетъ давать обзоръ наиболее важныхъ явленій въ области науки, искусствъ и заграничной и русской общественной жизни. Время отъ времени къ журналу будутъ прилагаться рисунки, снимки съ картинъ и портретовъ, а также и иллюстраціи къ нѣкоторымъ произведеніямъ.

Контора редакціи—въ Москвѣ: ул. Бол. Дмитровки в Столешникова пер., д. Чускина. Допускается разсрочка: при подпискѣ безъ доставки уплачивается 2 руб. съ перес. 3 руб. и затѣмъ къ 1 февр., къ 1 марта и къ 1 апрѣля по 1 рублю.

Для народныхъ учителей, учительницъ фельдшерницъ и фельдшеровъ допускается льготная разсрочка: при подпискѣ вносится 1 р. и затѣмъ по 50 к. (можно и по почте *съими марками*) ежемесячно до уплаты подписной суммы. Отдѣльные №№ отъ 20 к. до 1 р. 50 к. Полные экземпляры журнала «Читатель» за 1896—97 гг. всѣ распроданы. За 1898 г. полныхъ комплектовъ осталось ограниченное количество.

Новые подписчики на 1899 г. могутъ до 1 марта 1899 г. получить журналъ за 1898 г. по подписной цѣнѣ, пересылка по разстоянію.

За редактора А. С. СЕРГѢЕВЪ.

Издательница О. К. КУМАНИНА.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Марта № 5. 1899 года.

Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Опредѣленіе Св. Синода.—Отъ Высочайше утвержденнаго Комитета по сооруженію православнаго соборнаго храма въ Варшавѣ.—Отчетъ о хѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 году.—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ (продолженіе).—Епархіальная извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая отмѣтка.

Отъ Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго поступило къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода сообщеніе о томъ, что, въ ознаменованіе Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, прихожанинъ Покровской церкви села Матвѣвки, Богодуховскаго уѣзда, мѣщанинъ Яковъ Комышанъ приобрѣлъ для приходской церкви: Евангеліе, трехсвѣчникъ и выносный фонарь, все стоимостію 106 р.; Харьковскій купецъ Иванъ Пихольетъ, въ память бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ соорудилъ на собственныя средства для Сороковской церковно-приходской школы, Зміевскаго уѣзда, новое зданіе, стоимостію 1,000 руб.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Синодальнаго Оберъ-Прокурора о таковыхъ выраженіяхъ вѣрноподданническихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству, въ 10-й день января 1899 года, благоугодно было Собственноручно начертать:

Прочелъ съ удовольствіемъ.*

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 5—16 февраля сего года № 461, постановлено: дать знать по духовному вѣдомству, для руководства и исполненія: а) что всѣ ходатайства отъ монастырей

о постановкѣ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ кіотовъ съ иконами а равно и кружекъ для сбора пожертвованій должны поступать къ мѣстнымъ епархіальнымъ преосвященнымъ, отъ которыхъ и судеть зависѣть, по сношеніи съ подлежащими начальниками и управляющими желѣзныхъ дорогъ, разрѣшеніе таковыхъ ходатайствъ, при чемъ въ самыхъ ходатайствахъ должны быть указаны средства на кои предполагается поставить и впоследствии содержать кіоты въ надлежащемъ благолѣпнн и видѣ, и б) что кіоты съ иконами и при нихъ кружки для сбора пожертвованій поставляются преимуществу на пассажирскихъ станціонныхъ платформахъ и должны быть ограждаемы приличною, достаточной величины рѣшеткою.

Отъ Высочайше утвержденного Комитета по сооруженію православнаго соборнаго храма въ Варшавѣ.

Русскіе люди съ живымъ интересомъ относятся къ строящемуся въ г. Варшавѣ православному храму, чему яснымъ доказательствомъ служатъ стекающіяся со всѣхъ концовъ русской земли пожертвованія, сумма которыхъ достигаетъ въ настоящее время болѣе полу-милліона рублей. Въ виду сего Высочайше утвержденный Комитетъ по постройкѣ соборнаго храма въ Варшавѣ относительно хода постройки собора въ Варшавѣ и о состояніи Комитетскихъ средствъ сообщаетъ, что постройка означеннаго собора, начатая въ 1894 г. будетъ закончена вчернѣ въ непродолжительномъ времени. Теперь зданіе выведено до оконъ барабановъ. Въ наступающемъ строительномъ сезонѣ предположено сдѣлать купола и главки, которыя будутъ покрыты мѣдными золочеными листами. Основной строительный фондъ составили частныя пожертвованія обильно стекающіяся со всѣхъ концовъ Россіи и достигающія въ настоящее время вмѣстѣ съ процентами болѣе полу милліона рублей. Сумма эта краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ искреннемъ интересѣ, съ которымъ русскіе люди относятся къ строящемуся въ г. Варшавѣ православному храму. Дальнѣйшія пожертвованія, необходимыя для успѣшнаго и безостановочнаго хода работъ, могутъ быть направляемы на имя Варшавскаго Генераль-Губернатора и строительнаго Комитета или сдаваться непосредственно въ мѣстныхъ губернскихъ и уѣздныхъ казначействахъ. Въ распоряженіи Комитета къ 1 января 1899 г. состоятъ свободныхъ суммъ 172,083 р. 73¹/₂ к.

**Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей
одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ
въ г. Харьковѣ въ 1898 году.**

I. Открытіе курсовъ.

По опредѣленію Св. Синода отъ 12 мая лѣтомъ 1898 г. въ г. Харьковѣ учреждены были педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ школъ Харьковской епархіи. Курсы должны были продолжаться отъ 4 до 6 недѣль. Согласно съ этимъ опредѣленіемъ Св. Синода, 25 іюня 1898 г., по благословенію Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, и послѣдовало открытіе курсовъ для учителей одноклассныхъ школъ при Харьковскомъ мужскомъ духовномъ училищѣ. Въ означенный день въ 11 часовъ утра въ присутствіи членовъ епархіальнаго училищнаго совѣта, членовъ распорядительной комиссіи, членовъ Харьковскаго уѣзднаго отдѣленія Совѣта, Епархіальнаго и нѣкоторыхъ уѣздныхъ оо. наблюдателей, нѣкоторыхъ о.о. благочинныхъ и представителей духовенства и всѣхъ явившихся на курсы учителей, предсѣдателемъ Епархіальнаго училищнаго Совѣта ректоромъ Семинаріи протоіереемъ Іоанномъ Знаменскимъ, въ сослуженіи протоіереевъ и священниковъ, членовъ Епархіальнаго училищнаго Совѣта, Харьковскаго уѣзднаго отдѣленія, наблюдателей и прочаго духовенства, совершено было Господу Богу молебное пѣніе предъ началомъ ученія. На молебнѣ пѣлъ хоръ курсистовъ—учителей подъ управленіемъ учителя пѣнія свящ. Іоанна Петровскаго. По окончаніи молебнаго пѣнія, всѣ присутствовавшіе на немъ перешли въ залъ, въ которомъ устроена была аудиторія, и здѣсь предсѣдатель Епархіальнаго училищнаго Совѣта въ краткомъ привѣтственномъ словѣ, обращенномъ къ курсистамъ, выяснилъ имъ цѣль и значеніе открываемыхъ курсовъ, а Епархіальный наблюдатель Вас. Давыденко указалъ имъ, въ чемъ должны будутъ состоять ихъ занятія на курсахъ. Послѣ этого курсы объявлены были открытыми.

II. Управление курсами.

На основаніи § 4 „временныхъ правилъ для устройства курсовъ педагогическихъ и церковнаго пѣнія для учителей школъ церковно-приходскихъ и грамоты“ Харьковскимъ Епархіальнымъ училищнымъ Совѣтомъ въ засѣданіи 20 апрѣля избрана была распорядительная комиссіа, утвержденная резолюціею Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа

Харьковскаго, отъ 29 того же апрѣля. Въ составъ комиссіи вошли слѣдующія лица: Предсѣдатель Епархіальнаго училищнаго Совѣта, ректоръ Семинаріи протоіерей Іоаннъ Знаменскій, въ качествѣ инспектора курсовъ; Епархіальный наблюдатель школъ Харьковской епархіи, Василій Давыденко, въ качествѣ смотрителя курсовъ, и экономъ Харьковскаго мужскаго духовнаго училища диаконъ Василій Бовалевскій, въ качествѣ эконома курсовъ. Кромѣ того для ознакомленія съ задачами курсовъ, ходомъ учебныхъ занятій и достигаемыми на курсахъ результатами приглашались для присутствованія на курсахъ въ помощь распорядительной комиссіи уѣздные наблюдатели.

III. Составъ преподавателей.

Для руководства учебными занятіями на курсахъ приглашены были Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ слѣдующія лица:

1) По закону Божію—законоучитель церк.-прих. школы въ г. Харькова, членъ Харьковскаго Общества Грамотности священникъ Вас. Ветуховъ.

2) По церковному уставу—предсѣдатель Епарх. Учл. Совѣта, Ректоръ Семинаріи Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.

3) По церковному пѣнію—для старшей группы учитель пѣнія Хар. Дух. Семинаріи, Ник. Ковинъ, окончившій курсъ Московскаго Синодальнаго училища церковнаго пѣнія; для младшей группы—учитель пѣнія Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго училища, свящ. Іоаннъ Петровскій, получившій права учителя пѣнія по экзамену при С.-Петербургской придворной пѣвческой капеллѣ. Кромѣ уроковъ церковнаго пѣнія—г. Ковинъ обучалъ учителей игрѣ на скрипкѣ, а о. Петровскій преподавалъ хоровое пѣніе.

4) По дидактикѣ и методикѣ обученія русскому языку, ц.-славянскому и письму—преподаватель педагогики при Харьковской Духовной Семинаріи и руководитель образцовой при Семинаріи школы, магистръ богословія Н. Страховъ.

5) По методикѣ обученія арифметикѣ—преподаватель математики при Хар. Дух. Семинаріи, кандидатъ университета, Иванъ Кудревичъ, руководившій преподаваніемъ этого предмета въ педагогическихъ классахъ женской гимназіи.

6) Кромѣ этихъ обязательныхъ предметовъ школьнаго курса, на курсахъ ведено было обученіе переплетному мастерству подъ руководствомъ переплетчика Сергѣя Шепелева.

IV. Составъ слушателей курсовъ.

Для слушанія педагогическихъ курсовъ для учителей одноклассныхъ школъ Харьковской епархіи вызваны были 80 учителей и 1 учительница изъ всѣхъ 11 уѣздовъ Харьковской епархіи въ слѣдующемъ количествѣ:

1) Изъ *Ахтырскаго уѣзда* 7 учителей: діаконъ Мих. Артюховскій, Ал-ръ Глушковъ, псалом. Іак. Левицкій, діак. Вас. Лобковскій, псал. Мих. Нестеренко, псал. Ів. Покровскій и Мих. Сувачевъ.

2) Изъ *Богодуховскаго уѣзда* 6 учителей: діак. Стеф. Волковъ, Петръ Марченко, псал. Ів. Семеновъ, псал. Θεод. Толмачевъ, псал. Мих. Улановъ и псал. Ів. Ястремскій.

3) Изъ *Валковскаго уѣзда* 5 учителей: Нвѣ. Богословскій, діак. Іакинфъ Бугуцкій, псалом. Дим. Крыжановскій, псал. Θεод. Николаевскій и псал. Яковъ Фальченко.

4) Изъ *Волчанскаго уѣзда* 4 учителя: діак. Пав. Гревизирскій, псал. Ів. Рубинскій, діак. Нвкифоръ Рубинскій и Ал-ръ Труфановъ.

5) Изъ *Зміевского уѣзда* 8 учителей: Андр. Крутьевъ, діак. Мих. Павловъ, Іаковъ Подлуцкій, Григ. Рогальскій, діак. Стеф. Стефановскій, псал. Георг. Толмачевъ, діак. Іоаннъ Троицкій и Ів. Ходаковскій.

6) Изъ *Изюмскаго уѣзда* 8 учителей: діак. Арпст. Бѣлковъ, діак. Іак. Давевскій, діак. Дим. Кириченко, діак. Порфирій Ботларевскій, діак. Дим. Наумовъ, псал. Евг. Огульковъ, псал. Ал-дръ Титовъ и діак. Ал-ръ Черняевъ.

7) Изъ *Купянскаго уѣзда* 8 учителей и 1 учительница: псал. Мих. Волкисъ, псал. Мих. Дзюбановъ, діак. Мих. Иванцкій, псал. Нвк. Келебердинскій, Іванъ Колотовскій, діак. Алексій Мухинъ, діак. Тих. Платоновъ, псал. Θεод. Стесенковъ и учительница Евдокія Абросимова.

8) Изъ *Лебединскаго уѣзда* 7 учителей: діак. Леонт. Антоновъ, псал. Григ. Любарскій, діак. Ал. Подольскій, діак. Іоаннъ Приходинъ, псал. Евѳимій Радовскій, псал. Ів. Рубинскій и діак. Іоаннъ Эварницкій.

9) Изъ *Старобѣльскаго уѣзда* 10 учителей: Миронъ Бондаренко, Сергій Бутковъ, Θεоктистъ Видутенко, псал. Ів. Должанскій, Конст. Захарьевъ, Савва Квитка, Яковъ Мащенко, діак. Іоаннъ Мухинъ, Семенъ Роменскій и Василій Царевскій.

10) Изъ *Сумскаго уѣзда* 8 учителей: діак. Іоаннъ Бородаевскій, псал. Ів. Бородаевскій, псал. Мих. Бородаевскій, діак. Іоаннъ

Григорьевъ, Мих. Клисенко, Констант. Николаевъ, псал. Вас. Раевскій и Георгій Рубинскій.

11) Изъ *Харьковскаго уѣзда* 9 учителей: Ив. Буть, Григ. Галчинскій, псал. Василій Иваницкій, Георгій Кіяновскій, діак. Петръ Лобковскій, псал. Ковст. Петровскій, псал. Дим. Протопоповъ, Дмитрій Рагулинъ и Евв. Темный.

Изъ числа 81 слушателей педагогическихъ курсовъ только 3 еще не были учителями, всѣ же остальные болѣе или менѣе срьбъ уже служили въ школахъ, именно: 18 состояли 1 годъ въ должности учителя, 5—2 года, 16—3 года, 23—4 года, 5—5 лѣтъ, 1—6 лѣтъ, 3—7 лѣтъ, 2—8 лѣтъ, 2—9 лѣтъ, 1—10 лѣтъ, 1—12 лѣтъ и 1—13 лѣтъ.

По образовательному цензу слушатели курсовъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: уволенныхъ изъ разныхъ классовъ дух. Семинаріи 14, именно: изъ 5 кл. 2, изъ 4 кл. 2, изъ 3 кв. 2, изъ 2 кл.—4 и изъ 1 кл. 4; окончившихъ курсъ духовн. училища 16, не окончившихъ курса дух. училища 23, изъ 5-го кл. мужской гимназіи 1, изъ 4 кл. муж. гим. 1, изъ городского училища 10, изъ двухкласснаго министерскаго училища 4, окончившихъ курсъ церковно-приход. и земской школы 6, изъ фельдшерской школы 1 и домашняго образованія 5. Изъ нихъ имѣющихъ званіе учителя было 34, не имѣющихъ—47.

У. Учебныя занятія на педагогическихъ курсахъ для учителей одноклассныхъ школъ.

Учебныя занятія на курсахъ начались съ 26 іюня и непрерывно продолжались до 4 августа. Предъ началомъ занятій инспекторомъ курсовъ составлено было росписаніе уроковъ, которое затѣмъ и выполнялось невзмѣнно. Учебныя занятія въ теченіе дня распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 4 часовыхъ урока съ 9 до 1³/₄ ч. утромъ и 2 урока съ 5 до 7¹/₄ ч. вечеромъ. Наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней вечернихъ занятій не было. Послѣ ужина часто устраивались спѣвки частію для богослуженія въ воскресные и праздничные дни, частію для упражненія въ пѣніи.

Количество и содержаніе лекцій было слѣдующее:

1) По *закону Божію* дано было 6 уроковъ законоучителемъ свящ. Вас. Ветуховымъ. Предметомъ уроковъ служило практическое ознакомленіе слушателей со способами и приѣмами обученія молитвамъ, Свящ. исторіи и катихизису и указаніе, какимъ образомъ учебный матеріалъ, намѣченный программю, распредѣляется между классными группами и въ теченіе всего учебнаго года.

2) По церковному уставу 5 уроковъ дано было предсѣдателемъ Епарх. училищн. Совѣта, Ректоромъ Семинаріи Протоіереемъ Іоанномъ Знаменскимъ. Предметомъ уроковъ служило практическое ознакомленіе слушателей съ порядкомъ совершенія богослуженія по церковнымъ книгамъ. Затрудненіемъ къ успѣшному выполненію данной задачи служило то обстоятельство, что на 80 слушателей было только 2 экз. богослужебныхъ книгъ, и только благодаря тому, что большую часть слушателей составляли члены причта, можно было кое-какъ обходиться такимъ незначительнымъ количествомъ богослужебныхъ книгъ. Послѣ краткаго вступительнаго объясненія курсистамъ значенія церковнаго устава для совершенія богослуженія, указанія состава и содержанія типикона и другихъ богослужебныхъ книгъ, съ слушателями курсовъ послѣдовательно пройденъ былъ порядокъ слѣдующихъ службъ церковныхъ: малой вечерни, повседневной вечерни обыкновенной и великопостной, великой вечерни, совершаемой отдѣльно отъ утрени и вмѣстѣ съ утреней (всенощное бдѣніе); утрени повседневной обыкновенной и великопостной и утрени праздничной, совершаемой отдѣльно отъ вечерни и вмѣстѣ съ вечерней (всенощное бдѣніе); часовъ обыкновенныхъ и великопостныхъ, съ указаніемъ на особенности часовъ царскихъ; литургія. При 5 часовыхъ урокахъ, конечно, невозможно было вдаваться въ подробности и пространныя объясненія, но порядокъ означенныхъ службъ и при томъ по богослужебнымъ книгамъ указанъ былъ по типикону.

3) По церковному пѣнію слушатели курсовъ, по испытаніи ихъ въ знаніи теоріи музыки и пѣнія, были раздѣлены на 2 группы: старшую, въ которую были включены болѣе знающіе, и младшую, къ которой были отнесены менѣе знающіе, при чемъ старшую группу составили 55 учителей, а младшую 26.

Въ теченіе 58 часовыхъ уроковъ съ слушателями младшей группы пройдено было все, что требовалось приложенной къ правиламъ программой учебныхъ занятій по пѣнію съ младшей группой, именно: 1) по *изустному и нотному изученію круга богослужебнаго пѣнія православной церкви* выполнено было: *изустно* обычнымъ московскимъ напѣвомъ: 1) Господи воззвахъ на всѣ 8 гласовъ со стихирами воскресными догматиками (послѣдніе Знаменскаго распѣва); 2) Богъ Господь на всѣ 8 гласовъ съ тропарями воскресными и праздничными; 3) ирмосы воскресные 8-ми гласовъ и праздничные; 4) прокимны воскресные 8-ми гласовъ — утренніе и литургійные; 5) неосмогласныя пѣснопѣнія всенощнаго

бдѣнія и литургіи. По нотахъ выполняли церковныя пѣснопѣнія какъ по московскому напѣву, такъ и большому и малому столповымъ распѣвамъ.

II) по общей теоріи пѣнія изучали: о звукѣ, о различіи звуковъ по долготѣ и высотѣ, о нотахъ и цифрахъ, какъ знакахъ для записыванія и изображенія звуковъ, о цѣлой нотѣ, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$; измѣреніи ихъ длительности; о названіи и значеніи знавовъ, употребляемыхъ при нотахъ; сокращенія и увеличенія длительности нотъ; упражненіе въ даваніи размѣра рукой; о тонѣ и полутонѣ, о гаммѣ; изученіе звуковъ: до, ре, ми, фа, соль, ля, си; объ интервалахъ; о гаммахъ мажорныхъ и минорныхъ и ихъ построеніи. О обученіи церковному пѣнію въ церковно-приходскихъ школахъ; объ образованіи церковнаго хора и управленіи имъ. Изученіе теоретическихъ правилъ постоянно сопровождалось упражненіями въ пѣніи, диктовками и выполненіемъ образцовъ по руководству Рижскаго.

Съ старшей группой въ теченіе 58 уроковъ пройдено все, требуемое тою же программой, съ небольшимъ сокращеніемъ изученія осмогласія. Сокращеніе это вызывалось неподготовленностію слушателей, ихъ малыми и беспорядочными знаніями теоріи, вслѣдствіе чего большую часть уроковъ пришлось употребить на изученіе теоріи пѣнія и на ознакомленіе съ нотной азбукой. Впрочемъ это сокращеніе изученія осмогласія восполнено было на урокахъ хороваго пѣнія. Вся теоретическая часть программы выполнена полностью, именно изучено было: *I) по общей теоріи пѣнія*: о длительности звуковъ, о ритмѣ, тактѣ, сянкопахъ, паузахъ, темпѣ, значеніи *largo*, *adagio*, *andante*, *allegro*; о высотѣ звуковъ, гаммѣ, интервалахъ, построеніи гаммъ мажорныхъ: соль мажоръ, ре мажоръ, ля мажоръ, фа мажоръ, си бемоль мажоръ, ми бемоль мажоръ, — минорныхъ: ля миноръ, ми миноръ, си миноръ, различіе звука по тембру и силѣ. *II) по гармоніи*: понятіе о консонансѣ и диссонансѣ, о трезвучіи мажорной гаммы, о тоникѣ, доминантѣ и субдоминантѣ; о трезвучіи минорной гаммы; положеніи трезвучія на 4 голоса; удвоенія тоновъ, ширококъ в тѣсномъ расположеніи голосовъ; сочетаніи трезвучій, каденціяхъ, правилахъ голосоведенія, о переходѣ гармоніи изъ мажора въ миноръ. *III) методика преподаванія цер. пѣнія и устройство хора*: воспитательное значеніе церковнаго пѣнія, задачи и цѣли школьнаго преподаванія пѣнія, методъ, постановка голоса, пѣніе по слуху, развитіе слуха и ритмическаго чувства; молитвы, какъ ма-

теріалъ пѣнія; изученіе гласовъ и пѣснопѣній обычныхъ службъ, пѣніе по нотахъ, изученіе нотописи, диктантъ, школьный хоръ. *IV) изученіе круга богослужбнаго пѣнія:* Господи воззвахъ съ воскресными стихирами и догматиками и Богъ Господь съ воскресными тропарями. Каждый отдѣлъ теоретической программы усавивался при помощи практическихъ упражненій. Писались, сольмизировались и пѣлись гаммы, интервалы, аккорды, сольфеджіо. Музыкальный диктантъ составлялъ непремѣнную принадлежность каждаго урока. При изученіи осмогласія мелодія каждаго голоса дѣлилась на строки, указывалось число и порядокъ слѣдованія строкъ, распѣвались тексты стихиръ, при чемъ дѣлались переходы изъ одного гласа въ другой. Кромѣ осмогласія изучались неосмогласныя пѣснопѣнія всенощнаго бдѣнія и литургіи, при чемъ указывались тоны этихъ пѣснопѣній для разныхъ видовъ хора.

Кромѣ этого изученія церковнаго пѣнія по группамъ, на 14 урокахъ хороваго пѣнія, которые служили частію приготовленіемъ къ воскресному и праздничному богослуженію, всѣ курсисты изучали осмогласіе и неосмогласныя пѣснопѣнія всенощнаго бдѣнія и литургіи и такимъ образомъ уроки эти служили воспоминаніемъ и помощію для уроковъ пѣнія по группамъ.

Старшую группу составляли слѣдующіе 26 учителей: діакъ Антоновъ Леонтій, Буть Ив., Богославскій Ник., псал. Бородаевскій Ив., псал. Бородаевскій Мих., діакъ Бѣлковъ Арист., Видутенко Ѳеоктистъ, пс. Волкисъ Мих., Галчинскій Гр., діакъ Даневскій Іак., діакъ Котляревскій Порф., Мащенко Іак., діакъ Мухинъ Алексій, діакъ Мухинъ Іоаннъ, діакъ Наумовъ Дим., діакъ Павловъ Мих., псал. Петровскій Копст., діакъ Приходинъ Іоаннъ, діакъ Платоновъ Тих., Темный Еве., псал. Толмачевъ Ѳеод., діакъ Троицкій Іоаннъ, псал. Труфановъ Ал-дръ, псал. Улановъ Мих., псал. Фальченко Іак. и Царевскій Василій.

Младшую группу составляли слѣдующіе 54 учителя и 1 учительница: Абросимова Евдокія, діакъ Артюховскій Мих., Бондаренко Миронъ, діакъ Бородаевскій Іоаннъ, діакъ Бугуцкій Іакимъ, Бутковъ Сергій, діакъ Войновъ Стеф., Глушковъ Ал-дръ, діакъ Гревизарскій Пав., діакъ Григорьевъ Іоаннъ, псал. Дзюбановъ Мих., псал. Должанскій Ив., Захарьевъ Конст., псал. Иваницкій Вас., діакъ Иваницкій Мих., Квитка Савва, псал. Келебердинскій Ник., діакъ Кириченко Дим., Кіляновскій Георг., Клисенко Мих., Колотовскій Ив., Крутьевъ Андр., Крыжановскій Дим., Левицкій Іак., діакъ Лобковскій Васи-

лій, діак. Лобковскій Петръ, псал. Любарскій Григ., Марченко Петръ, псал. Нестеренко Мих., псал. Николаевскій Θεод., Николаевъ Конст. псал. Огульковъ Евг., Подлупскій Іоан., діак. Подольскій Ал-ѣ, псал. Покровскій Ив., Протопоповъ Дим., псал. Раевскій Вас., Рогольскій Григ., Рогулинъ Дим., псал. Родовскій Ево., Роменскій Сем., Рубинскій Георг., псал. Рубинскій Ив., Рубинскій Ив., діак. Рубинскій Ник., псал. Семеновъ Ив., псал. Стесенковъ Θεод., діак. Стефановскій Стеф., Сувачевъ Мих., псал. Титовъ Ал-ръ, Толмачевъ Георг., Ходаковскій Ив., діак. Черняевъ Ал-ръ, діак. Эварницкій Іоаннъ и псал. Ястремскій Ив.

4) *По дидактикѣ и методикѣ русскаго языка, ц.-слав. языка и письма* въ 36 уроковъ пройдено было слѣдующее: о томъ, что приготовленіе къ учительству должно быть вмѣстѣ и теоретическимъ и практическимъ, и въ чемъ должно состоять то и другое; общее обзорѣніе программъ ц.-пр. школъ со стороны подбора и постановки учебныхъ предметовъ; о важности правильныхъ способовъ обученія; о свойствахъ и особенностяхъ учебнаго метода; о главныхъ видахъ учебнаго метода—аналитическомъ и синтетическомъ и о примѣненіи ихъ при школьномъ обученіи; объ аналитическомъ, синтетическомъ и генетическомъ приѣмахъ и о примѣненіи ихъ при школьномъ обученіи; о разныхъ формахъ преподаванія и о примѣненіи ихъ при школьномъ обученіи; о разсказѣ и описаніи, какъ основныхъ и главныхъ видахъ излагательной формы обученія; изложеніе правилъ относительно вопросовъ и отвѣтовъ при катихизической формѣ обученія; о примѣненіи наглядности при начальномъ обученіи; о важности правильнаго метода въ дѣлѣ обученія грамотѣ; краткое обзорѣніе главнѣйшихъ методовъ обученія этому предмету; опредѣленіе ближайшихъ цѣлей обученія русской грамотѣ; опредѣленіе наиболѣе правильнаго метода обученія грамотѣ; о первыхъ занятіяхъ съ учениками, только что поступившими въ школу, цѣль и содержаніе этихъ занятій; о начальныхъ упражненіяхъ въ черченіи по вѣточкамъ; о графической свѣтѣ, тактѣ и наблюденіи за правильностію положенія учащихся при письмѣ; о звуковыхъ упражненіяхъ; приемы выдѣленія звуковъ изъ словъ; о приготовительныхъ письменныхъ упражненіяхъ; о письмѣ элементовъ буквъ; объ обученіи собственно письму и чтенію; приемы ознаменія съ буквами и первыхъ упражненій въ чтеніи; о послѣдовательномъ порядкѣ изученія буквъ—письменныхъ и печатныхъ и приѣмахъ приученія учащихся къ правильному сліянію звуковъ при чтеніи; объ уссо-

вершенствованіи механизма чтенія; объ условіяхъ и средствахъ выработки правильности и бѣглости чтенія; объ усовершенствованіи механизма письма; обученіе чистописанію въ теченіи перваго года одноклассной ц.-пр. школы; объ упражненіяхъ въ чистописаніи во второмъ году однокл. ц.-пр. школы, въ 3-мъ и 4-мъ году двуклассной ц.-пр. школы; объ ученіи церковно-славянскій грамотъ; приемы ознакомленія учащихъ съ особенностями ц.-сл. грамоты по сравненію съ русской; о задачахъ и приемахъ обученія церк.-слав. чтенію; о задачахъ и приемахъ объяснительнаго русскаго чтенія; объ упражненіяхъ въ пересказѣ прочитаннаго; объ условіяхъ и средствахъ выработки выразительнаго чтенія; о веденіи письменныхъ упражненій, направленныхъ къ наученію учащихся правописанію и приученію ихъ къ толковому построенію письменной рѣчи въ ея простѣйшихъ формахъ.

5) *По методикѣ ариѳметики.* 17 уроковъ по методикѣ ариѳметики были посвящены слѣдующимъ предметамъ: предметы первоначальной ариѳметики; цѣль методики ариѳметики; особенности обученія ариѳметикѣ въ такъ называемой старой школѣ: производство дѣйствій сразу надъ большими числами, преобладаніе письменныхъ вычисленій надъ устными, механическое заучиваніе ариѳметическихъ правилъ; особенности методы Грубе въ примѣненіи ея къ русской школѣ Евтушевскимъ: преслѣдованіе цѣли формальнаго развитія учащихъ, раздѣленіе курса ариѳметики на подготовительный и систематическій, послѣдовательное „изученіе“ чиселъ, какъ главное содержаніе подготовительнаго курса, наглядныя пособія; изученіе числа 8 по методѣ Евтушевскаго (примѣръ); недостатки методы Евтушевскаго. Новыя руководства по методикѣ ариѳметики: Гольденберга, Шохоръ-Троцкаго, Тенишева, Вишневскаго; изученіе дѣйствій надъ числами въ порядкѣ послѣдовательныхъ ступеней: отъ 1 до 10, отъ 10 до 100 и надъ числами любой величины; содержаніе каждой ступени: 1) счетъ, 2) дѣйствія надъ числами, 3) рѣшенія задачъ. Наглядныя пособія: спички, палочки, русскіе счеты, ариѳметическій ящикъ. *Первая ступень отъ 1 до 10:* обученіе сознательному счету прямому и обратному; дѣйствія сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія на наглядныхъ пособіяхъ и отвлеченныхъ примѣрахъ; ознакомленіе съ различными терминами дѣйствій; рѣшеніе устныхъ задачъ; ознакомленіе съ цифрами, знаками дѣйствій и знакомъ=; десятиричная система и возможность другой, напр. восьмеричной. *Вторая ступень отъ 10 до 100.* Счетъ и дѣйствія надъ числами отъ 10 до

100; нумерація чиселъ отъ 10 до 100; знакомство съ десятою и сотней. Переходъ отъ откладыванія чиселъ на счетахъ къ письменному изображенію ихъ цифрами. Подробное изученіе дѣйствій сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія; нумерація чиселъ выше 100; счеты и ариѳметическій ящикъ; разряды и классы; славянскія и римскія цифры. *Третья ступень.* Особенность третьей ступени изученія ариѳметики: преобладаніе письменныхъ вычисленій надъ устными; сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе многозначныхъ чиселъ. Рѣшеніе и объясненіе болѣе трудныхъ задачъ изъ 2-й ч. сборника Комарова.

Изложеніе приемовъ изученія именованныхъ чиселъ, при чемъ указано было на то, что понятія о мѣрахъ длины, вѣса, сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ и т. д. должны сообщаться ученикамъ постепенно на первыхъ ступеняхъ обученія, при рѣшеніи практическихъ задачъ, а въ концѣ курса нужно повторить всѣ мѣры въ системѣ съ нѣкоторыми дополненіями. Свѣдѣнія о времечисленіи; десятичная (француз.) система мѣръ. Приемы раздробленія и превращенія именованныхъ чиселъ; дѣйствія съ этими числами. Рѣшеніе болѣе трудныхъ задачъ на вычисленіе времени. Кромѣ того преподавателемъ каждому учителю дано было по нѣсколькимъ задачъ для рѣшенія на дому.

(Окончаніе будетъ).

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ.

(Продолженіе *).

ж) Общія свѣдѣнія объ успѣхахъ, поведеніи и состояніи здоровья воспитанницъ.

Успѣхи воспитанницъ въ отчетномъ году наглядно изображаются въ нижеслѣдующей таблицѣ, показывающей число воспитанницъ всякаго класса, получившихъ баллы 5, 4, 3 и 2 по всѣмъ предметамъ вмѣстѣ.

*.) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4, за 1899 г.

Въ каждомъ классѣ показаны только тѣ воспитанницы, которыя имѣютъ годовые и экзаменскіе баллы по всѣмъ предметамъ.

Примѣчаніе. Въ составъ общаго балла по Русскому языку въ III, IV, V и VI классахъ вошли и баллы письменныхъ упражненій по всѣмъ предметамъ, а въ составъ общаго балла по дидактикѣ въ VI классѣ вошли и отмѣтки за практическія занятія воспитанницъ этого класса въ Училищной образцовой церковно-приходской школѣ.

Приготовительный классъ (46).

Балль 5 получили	11	воспитанницъ	или	23 ²¹ / ₂₃ ⁰ / ₀
— 4	—	7	—	15 ⁵ / ₂₃ ⁰ / ₀
— 3	—	24	—	52 ⁴ / ₂₈ ⁰ / ₀
— 2	—	4	—	8 ¹⁶ / ₂₈ ⁰ / ₀
Средній балль всего класса	3 ²⁵ / ₄₆			

I нормальный классъ (44 воспитанницы).

Балль 5 получили	3	воспитанницы	или	6 ⁹ / ₁₁ ⁰ / ₀
— 4	—	12	—	27 ³ / ₁₁ ⁰ / ₀
— 3	—	20	—	45 ⁵ / ₁₁ ⁰ / ₀
— 2	—	9	—	20 ⁶ / ₁₁ ⁰ / ₀
Средній балль всего класса	3 ⁹ / ₄₄			

1 параллельный классъ (44 воспитанницы).

Балль 5 получили	3	воспитанницы	или	6 ⁹ / ₁₁ ⁰ / ₀
— 4	—	13	—	26 ⁶ / ₁₁ ⁰ / ₀
— 3	—	16	—	36 ⁴ / ₁₁ ⁰ / ₀
— 2	—	12	—	27 ³ / ₁₁ ⁰ / ₀
Средній балль всего класса	3 ²⁷ / ₄₄			

II нормальный классъ (43 воспитанницы).

Балль 5 получили	3	воспитанницы	или	6 ⁴² / ₄₃ ⁰ / ₀
— 4	—	9	—	20 ⁴⁰ / ₄₃ ⁰ / ₀
— 3	—	26	—	60 ²⁰ / ₄₃ ⁰ / ₀
— 2	—	5	—	11 ³⁷ / ₄₃ ⁰ / ₀
Средній балль всего класса	3 ¹⁰ / ₄₃			

II параллельный классъ (43 воспитанницы).

Балль 5 получили	2	воспитанницы	или	4 ³⁸ / ₄₃ ⁰ / ₀
— 4	—	9	—	20 ⁴⁰ / ₄₃ ⁰ / ₀
— 3	—	19	—	44 ⁸ / ₄₃ ⁰ / ₀
— 2	—	13	—	30 ¹⁰ / ₄₃ ⁰ / ₀
Средній балль всего класса	3 ¹¹ / ₄₃			

III классъ (60 воспитанницъ).

Балль 5 получила	1	воспитанница	или	$1\frac{2}{3}\%$
— 4	—	13	—	$21\frac{2}{3}\%$
— 3	—	27	—	45%
— 2	—	19	—	$31\frac{2}{3}\%$
Средній балль всего класса	$2\frac{10}{18}$			

IV нормальный классъ (46 воспитанницъ).

Балль 5 получили	4	воспитанницы	или	$8\frac{16}{23}\%$
— 4	—	8	—	$17\frac{9}{23}\%$
— 3	—	23	—	50%
— 2	—	11	—	$23\frac{2}{21}\%$
Средній балль всего класса	$3\frac{5}{46}$			

IV параллельный классъ (46 воспитанницъ)

Балль 5 получили	2	воспитанницы,	или	$4\frac{8}{23}\%$
— 4	—	3	—	$6\frac{12}{23}\%$
— 3	—	21	—	$45\frac{20}{23}\%$
— 2	—	20	—	$43\frac{11}{23}\%$
Средній балль всего класса	$2\frac{23}{46}$			

V нормальный (35 воспитанницъ).

Балль 5 получили	4	воспитанницы,	или	$11\frac{3}{7}\%$
— 4	—	6	—	$17\frac{1}{7}\%$
— 3	—	16	—	$45\frac{5}{7}\%$
— 2	—	9	—	$25\frac{5}{7}\%$
Средній балль всего класса	$3\frac{1}{7}$			

V параллельный классъ (36 воспитанницъ).

Балль 5 получили	3	воспитанницы,	или	$8\frac{1}{3}\%$
— 4	—	6	—	$16\frac{2}{3}\%$
— 3	—	18	—	50%
— 2	—	9	—	25%
Средній балль всего класса	$3\frac{1}{12}$			

VI нормальный классъ (48 воспитанницъ).

Балль 5 получили	11	воспитанницъ,	или	$22\frac{11}{12}$
— 4	—	16	—	$33\frac{1}{3}\%$
— 3	—	21	—	$43\frac{3}{4}$
Средній балль всего класса	$3\frac{19}{24}$			

VI параллельный классъ (53 воспитанницы).

Балль 5 получили	8	воспитанницъ,	или	15 ⁵ / ₁₂ °/о
— 4 —	18	—	—	33 ⁵¹ / ₅₂ °/о
— 3 —	27	—	—	50 ⁵⁰ / ₅₂ °/о
Средній балль всего класса				3 ³⁴ / ₅₂

2) Въ поведеніи воспитанницъ въ отчетномъ году не замѣчено было никакихъ особенныхъ проступковъ въ дисциплинарномъ или нравственномъ отношеніи, а потому всѣ они получили годовоі балль 5 (отлично). Такое отрядное явленіе находится въ тѣсной связи съ добросовѣстнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей всѣхъ лицъ воспитательнаго персонала Училища.

Въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущіе, было обращено особенное вниманіе на неопустительное и благоговѣйное исполненіе воспитанницами своихъ христіанскихъ обязанностей и на развитіе въ нихъ добрыхъ навыковъ въ этомъ отношеніи. Всѣ воспитанницы читали по очереди утреннія и вечернія молитвы, присутствовали на всенощномъ бдѣніи и литургіи во всѣ воскресные и праздничные дни и обязательно участвовали въ церковномъ чтеніи и пѣніи, при чемъ воспитанницы старшихъ классовъ—V и VI пѣли въ церкви поочередно. Христіанскій долгъ исповѣди и причастіи Св. Таинъ всѣ воспитанницы исполняли, какъ положено въ уставѣ, два раза въ годъ; въ рождественскомъ посту предъ праздникомъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы и въ первую седмицу св. Четырдесятницы. Кромѣ сего въ страстную седмицу изъ оставшихся на празднѣхъ Пасхи въ Училищѣ говѣло 137 воспитанницъ. Въ теченіе св. Четырдесятницы воспитанницы Училища присутствовали на каждой недѣлѣ въ среду и пятницу при отправленіи въ училищной церкви литургіи преждеосвященныхъ Даровъ.

3) Для здоровья воспитанницъ отчетный годъ былъ сравнительно благоприятенъ. Случаевъ заболѣванія было: въ августѣ—10, въ сентябрѣ—13, въ октябрѣ—27, въ ноябрѣ—6, въ декабрѣ—30, въ январѣ—5, въ февралѣ—8, въ мартѣ—15, въ апрѣлѣ—11, въ маѣ—2, всего 127.

Болезни были слѣдующія: брюшной тифъ—14 случаевъ, кишечный катарръ—2, дифтеритъ 6, жаба филикул.—8, гриппъ—8, корь—28, заушница—21, вѣтряная оспа—11, рожа—2, зритемъ—4, лишай—2, краснуха—4, крапивная сыпь—1, нарывъ—4, ушибъ—2, малокровіе—2, воспаленіе дыхательныхъ вѣтвей—1, воспаленіе оболочки глаза—2 случая, ревматизмъ—2, костоѣдъ зу-

ба—1, коклюшъ—1, воспаленіе слухового прохода—1, трахома—6 случаевъ. Всѣ заразныя болѣзни, какъ и всегда, завезены были воспитанницами изъ домовъ родителей послѣ лѣтнихъ и зимнихъ каникулъ. Строгая изоляція больныхъ, тщательная дезинфекція всѣхъ училищныхъ помѣщеній, внимательный уходъ и леченіе заболѣвшихъ помогли тому, что никакая изъ заразныхъ болѣзней особенно не распространилась, и большыя выздоровѣли, умерли только 2: 1 въ Училищѣ отъ тифа, осложненнаго дифтеритомъ и 1 въ домѣ родителей.

з) *Число уроковъ, пропущенныхъ въ отчетномъ году преподавателями Училища.*

Законоучителемъ, протоіереемъ *Никандромъ Оникевичемъ* (21 урокъ въ недѣлю) пропущенъ 1 урокъ, по домашнимъ обстоятельствамъ. Законоучителемъ священникомъ *Николаемъ Любарскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 5 уроковъ, по болѣзни. Законоучителемъ священникомъ *Николаемъ Борисоглыбскимъ* (11 уроковъ въ недѣлю) пропущено 50 уроковъ, по болѣзни. Законоучителемъ священникомъ *Павломъ Тимофеевымъ* (3 урока въ недѣлю) пропущено 11 уроковъ, по обязанностямъ приходскаго священника. Преподавателемъ русскаго языка *М. А. Кокоревымъ* (17 уроковъ въ недѣлю) пропущено 9 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ русскаго языка *М. В. Добронравовымъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 29 уроковъ, по обязанностямъ присяжнаго застѣдателя. Преподавателемъ русскаго языка *Н. В. Голинымъ* (12 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ *Я. М. Колосовскимъ* (22 урока въ недѣлю) пропущено 9 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ физико-математическихъ наукъ, *В. Н. Мощенконымъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 13 уроковъ, 5 по служебнымъ обязанностямъ, 8 по болѣзни. Учительницей ариметики *Дмитріевой* (12 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Преподавателемъ географіа, свещ. *Андреемъ Баламовскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущенъ 21 урокъ, по обязанностямъ приходскаго священника. Учительницей географіа *Л. Е. Дьяковой* (4 урока въ недѣлю) пропущено 3 урока, по болѣзни. Преподавателемъ географіа и исторіа *Е. П. Трифилевымъ* пропущено 60 уроковъ, по болѣзни. Преподавателемъ гражданской исторіа *А. Ѳ. Вертеловскимъ* (8 уроковъ въ недѣлю) пропущено 10 уроковъ, по обязанности присяжнаго застѣдателя. Преподавателемъ дидактики *Н. Н. Страховымъ* (6 уро-

ковъ въ недѣлю) пропущено 4 урока, по болѣзни. Учителемъ церковнаго пѣнія и чистописанія, священ. *Іоанномъ Петровскимъ* (24 урока въ недѣлю) пропущено 10 уроковъ, по семейнымъ обстоятельствамъ. Учителемъ чистописанія и рисованія *А. Д. Дмитриевскимъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 74 урока, 6 по обязанностямъ эксперта въ окружномъ судѣ, а 68 по болѣзни. Учительницею чистописанія *Е. А. Курасовскою* (2 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учительницею чистописанія *С. П. Пономаревой* (4 урока въ недѣлю) не пропущено ни одного урока. Учительницею французскаго языка *Е. Н. Гейцманъ* (12 уроковъ въ недѣлю) пропущено 5 уроковъ, по обязанностямъ начальницы. Учительницею приготовительнаго класса *Т. А. Щемкуновой* (15 уроковъ въ недѣлю) не пропущено ни одного урока.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

— Утвержденъ въ должности духовника благочинія 2 округа Ахтырскаго уѣзда священникъ села Кричиного, Николай *Аксентьевъ*.

— Священникъ Георгіевской церкви с. Дерновой, Алексій *Краснокутскій*, награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею.

— Священникъ Покровской церкви г. Недригайлова, Лебединскаго уѣзда, Василій *Петрусенко*, награжденъ набедренникомъ.

— Священникъ Николаевской церкви сл. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, Василій *Труфановъ*, награжденъ набедренникомъ.

— Священники: церкви сл. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, Теодоръ *Войтовъ* и сл. Литвиновки, того же уѣзда, Ипполитъ *Дейнеховскій*, согласно прошенію, перемѣнены одинъ на мѣсто другаго.

— Діаконъ Троицкой церкви сл. Котальвы, Ахтырскаго уѣзда, Александръ *Краснокутскій*, уволенъ отъ занимаемой имъ должности.

— Діаконъ Покровской церкви с. Писаревки, Сумскаго уѣзда, Тихонъ *Бутогій*, вѣкою Божіей, умеръ.

— Исаемщанинъ церкви: Успенской сл. Хотѣни, Сумскаго уѣзда, Николай *Поносъ* и Покровской сл. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, Павелъ *Минченко*, перемѣнены, согласно прошенію, одинъ на мѣсто другаго.

— Заштатный исаемщаникъ, Харлампій *Твердохлебъ*, допущенъ къ исправленію должности исаемщаника при Николаевской церкви с. Шабельковскя, Изюмскаго уѣзда.

— Бывшій воспитанникъ 4 класса Куляевского Духовнаго Училища Николай *Твердохлебъ*, допущенъ къ исправленію должности псалтычника при Богородичной церкви, с. Бочина, Старобѣльскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Архангело-Михайловской церкви, города Ахтырка, вѣст. Романъ *Гордженко*; Иоанно-Преподобной церкви с. Токарей, Сумскаго уѣзда, вѣст. Павелъ *Батракъ*.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Болѣзнь папы Льва XIII.—Новый православный храмъ въ Южно-Америкѣ.—Конференція по вопросу о всеобщемъ мирѣ.—Заботы о призваніи престарѣлыхъ священно-служителей.—Похоронная касса духовенства въ Сибирской епархіи.—Тяжелое положеніе духовенства въ голодающихъ епархіяхъ.—Достоинныя примѣры подражанія борьбы съ суевѣріемъ.—Мѣры къ поднятію народной ответственности.

Какое важное значеніе папство сохраняетъ и доселѣ въ западно-христианскомъ мірѣ, показываетъ тотъ фактъ, что малѣйшая опасность въ здоровьи престарѣлаго папы Льва XIII повсюду производить чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Такое впечатлѣніе произведено было, по словамъ «Цер. Вѣст.», извѣстіемъ, что въ здоровьи папы наступило серьезно ухудшеніе, такъ что понадобилось сдѣлать довольно серьезную операцію, которая и исполнена была лучшими римскими хирургами и которую папа перенесъ съ замѣчательнымъ мужествомъ, шутя съ своимъ обычнымъ острословіемъ надъ «жестокимъ искусствомъ» врачей. Послѣ операціи наступило значительное улучшеніе въ состояніи здоровья папы, а между тѣмъ весь римско-католическій міръ пришелъ въ необычайное движеніе. При первомъ слухѣ о болѣзни папы получено было въ Ватиканѣ до 20,000 телеграммъ съ запросами о подробностяхъ болѣзни и съ выраженіемъ соболѣзнованія. Въ самомъ Римѣ интересъ былъ такъ великъ, что кардиналъ Ледоховскій не могъ отходить цѣлыя дни отъ телефона, въ который отовсюду спрашивали его о состояніи папы. Общее впечатлѣніе было то, что болѣзнь будетъ имѣть роковой исходъ. И въ самомъ Ватиканѣ всѣ были убеждены въ скорой кончинѣ св. отца. Это видно уже изъ того, что старѣйшина коллегіи кардиналовъ Орелъ провелъ въ Ватиканѣ три часа, причемъ взялъ съ собою и зловѣщій серебряный молотокъ, удары котораго, по установленному обычаю, возвѣщаютъ о смерти римскаго первосвященника. Самъ папа не сомнѣвался въ томъ, что не дни, а часы его уже сосчитаны. Въ Вириналѣ тоже

ждали близкой кончины папы. Правительствомъ были приняты на всякій случай обширныя мѣры предосторожности. Легионъ карабинеровъ и три батальона пѣхоты получили приказъ не отлучаться изъ казармъ, чтобы тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Льва XIII загородить всё доступныя къ Ватикану и обезпечить свободу конклава. Министръ иностранныхъ дѣлъ Канеvaro при первомъ извѣстіи о болѣзни папы поѣхалъ къ министру-президенту генералу Пеллу и имѣлъ съ нимъ, а также затѣмъ съ министромъ юстиціи, продолжительное совѣщаніе. Иностранная печать уже подняла вопросъ, кто будетъ преемникомъ Льва XIII. Вопросъ этотъ имѣетъ безспорно громадное значеніе. По многимъ причинамъ кардиналъ Рамполла, нынѣшній секретарь, имѣлъ бы безспорно большіе шансы быть избраннымъ, но именно нынѣшняя его должность исключаетъ его, по установившемуся обычаю, изъ списка серьезныхъ кандидатовъ. Что напою будетъ назначенъ итальянецъ, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, но дѣлать предположенія насчетъ лица, на которомъ остановится выборъ конклава, представляется пока празднымъ. Вѣдь часто случалось, что конclave набиралъ кардинала, до того почти никому неизвѣстнаго. — Левъ XIII родился 18-го февраля (2-го марта) 1810 г. Тіару римско-католическаго первосвященника онъ носитъ уже двадцать первый годъ, будучи избранъ конклавомъ на папскій престолъ 8-го (20-го) февраля 1878 г. За этотъ долгій срокъ онъ измѣнилъ до неузнаваемости въ благоприятномъ смыслѣ положеніе римско-католической церкви, завѣщанное ему духовною „прямолинейностью“ его предшественника, Пія IX. Съ собственными ему мудростью, осторожностью и постепенностью онъ сумѣлъ достигнуть поразительныхъ результатовъ, изъ которыхъ самыми крупными и выдающимися являются отмѣна въ Германіи большей части знаменитыхъ майскихъ законовъ, изданныхъ нѣкогда Бисмаркомъ во время пресловутой „культурной борьбы“, почти полное примиреніе республиканской и антиклерикальной Франціи съ Ватиканомъ и замѣтное усиленіе римскаго католицизма въ Англіи. Добиваясь своихъ цѣлей, исключительно направленныхъ къ исправленію различныхъ промаховъ покойнаго Пія IX, нынѣшній папа дѣйствовалъ постоянно съ рѣдкимъ политическимъ искусствомъ и поразительною политическою провицательностью. Его не смущали толки непримиримыхъ римскихъ клерикаловъ, находившихъ, что политическій дѣятель слишкомъ часто заслоняетъ въ

вѣсть духовнаго главу римско-католической церкви. Въ политиче-ской жизни Европы за послѣднее двадцатилѣтіе онъ игралъ огромную по своей вліятельности роль и въ большей части случаевъ дѣятельность его давала весьма благое результаты въ смыслѣ примиренія свѣтскихъ правительствъ съ римско-католическимъ духовенствомъ, переставшимъ, по его настоятельному требованію, вѣднваться въ политическія дѣла тѣхъ государствъ, гдѣ такое вѣднательство признавалось нежелательнымъ и даже вреднымъ. Вынужденный уже самимъ своимъ положеніемъ на періодически повторяющіеся протесты противъ лишнія римскихъ первосвященниковъ изъ свѣтской власти, Левъ XIII прожилъ, однако, въ Ватиканѣ цѣлыхъ 22 года при такихъ условіяхъ, которыя вовсе не были для него сгнснительны, хотя и весьма шудобны для итальянскаго правительства.

— На отдаленной окраинѣ Южной Америки состоялось знаменательное православно-русское торжество, именно закладка русской церкви въ столицѣ Аргентинской республики—Буэнос-Айресѣ. Торжество, по сообщенію «Цер. Вѣст.» состоялось 6 декабря—въ день свят. Николая, которому будетъ посвященъ одинъ изъ придѣловъ храма. Духовенство служало въ великолѣпныхъ рясахъ, принесенныхъ въ даръ одной московской благотворительницей, и вся остальная обстановка свидѣтельствовала о той же сердечной отзвнчивости православно-русскихъ людей: чудный образъ Богоматери, пропмашій изъ Москвы 15 тысячъ верстъ, лампада, подсвѣчники, прекрасной работы напестольный крестъ, кадило—все это жертвы преимущественно московскихъ христіанъ. Отличнулись и насельники св. Афонской горы, приславшіе въ даръ новому храму икону „Самонависавшейся“ Божіей Матери съ частицами св. угодниковъ Божіихъ. Кромѣ обычныхъ многолѣтій за Государя Императора (осчастливившаго русскую колонію царственной жертвой на созданіе храма въ 5,000 рублей) со всѣмъ царствующимъ домомъ, Св. Синодъ, было произнесено многолѣтіе за короля и королеву греческихъ, короля сербскаго и князя чернегорскаго, то-есть правителей тѣхъ православныхъ странъ, подданные которыхъ составляютъ эту паству; было произнесено многолѣтіе на славянскомъ языкѣ за президента республики и всю аргентинскую націю, что особенно понравилось всѣмъ аргентинцамъ и вызвало специальную благодарность отъ президента, переданную послѣ его адъютантомъ русскому новѣренному въ дѣлахъ. Новыя

храмъ воздвигнуть во имя св. Живоначальной Троицы, съ придѣломъ въ честь святыхъ Николая Чудотворца и Маріи Магдалины, въ память Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Эскизъ былъ составленъ въ стилѣ чисто-московскихъ церквей XVII—XVIII вѣковъ архитекторомъ-академикомъ М. Т. Преображенскимъ; но разработка этого эскиза, составленіе плановъ и чертежей, а также наблюденіе за работами принадлежать всецѣло мѣстному архитектору А. Кристоферсену, который дѣлаетъ все это совершенно безвозмездно. Внизу предполагается школа и небольшая библиотечка; вверху—церковь; сады храма водвигается домъ для причта, въ которомъ онъ сильно нуждается, такъ какъ квартиры страшно дороги, особенно теперь, съ измѣненіемъ цѣнности аргентинской монеты. По приблизительнымъ расчетамъ, на постройку и отдѣлку всѣхъ зданій потребуется до 93—95 тысячъ аргентинскихъ пезовъ, безъ внутренней отдѣлки дерева; теперь это представляетъ собою капиталъ около 80.000 рублей, что равнѣ было не больше 60.000.

— По сообщенію газетъ, вопросъ о мѣстѣ собранія мирной конференціи рѣшенъ окончательно. Русское правительство, съ согласія Нидерландскаго правительства, предложило городъ Гаагу для засѣданія конференціи, которая должна обезпечить народамъ благодѣянія дѣятельнаго и прочнаго мира, во всѣхъ державахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, отвѣтъ которыхъ еще ожидается, уже выразили свое согласіе по поводу этого выбора; время собранія конференціи будетъ установлено впоследствии. Посоль въ Лондонѣ, дѣятельный тайный совѣтникъ Стааль, избранъ въ качествѣ полномочнаго представителя Россіи на конференціи въ Гаагѣ. Тотъ фактъ, что это важное порученіе довѣрено столь выдающемуся дѣятелю какъ г. Стааль, высокоуважаемому старѣйшинѣ Русскаго дипломатическаго корпуса, служить свидѣтельствомъ того глубокаго интереса, съ которымъ Его Величество Государь Императоръ относится къ великому дѣлу, мысля предлагаемому цивилизованному миру. Вопросы, которые будутъ обсуждаться на этомъ собраніи, столь сложнаго характера, что въ распоряженіе полномочнаго Русскаго представителя будетъ подлежать Министрствами назначено нѣсколько чиновниковъ-спеціаллистовъ.

— Въ «Тамб. Еп. Вѣд.» напечатанъ отчетъ о состояніи тамбовскаго епархіальнаго пріюта для призрѣнія престарѣлыхъ и бѣднѣйшихъ лицъ духовнаго вѣдомства—за 1897 годъ. Открытіе

пріюта состоялось въ августѣ 1895 года по инициативѣ и при щедрой матеріальной помощи бывшаго тамбовскаго, нынѣ холмеваршавскаго, архіепископа Іеронима въ г. Лебедяни. Всѣхъ призрѣваемыхъ на полномъ содержаніи находилось 19 человекъ, изъ нихъ два были пансіонерами, а самое помѣщеніе рассчитано приблизительно на 30 человекъ. Средства пріюта представляются въ слѣдующемъ видѣ: къ 1 января 1897 года всего капитала оставалось наличными 4,878 рублей 38 к. и билетамъ 36,600 рублей, а всего 40,478 р. 38 к. Пополняются онѣ изъ обязательнаго взноса духовенства епаркіи по 3 рубля со штата, изъ кружечныхъ сборовъ въ церквахъ, процентовъ на капиталъ и частныхъ пожертвованій, иногда очень значительныхъ, напримѣръ—ежегодный пожизненный взносъ высокопреосвященнаго Іеронима 300 рублей. Въ пріютѣ призрѣваются 2 священника, 1 діаконъ, 4 псаломщика и 12 вдовъ и дочерей священнослужителей.—Давно пора поставить на очередь вопросъ объ учрежденіи подобныхъ пріютовъ во всѣхъ епархіяхъ. Какъ часто престарѣлымъ священнослужителямъ и ихъ осиротѣлымъ семьямъ приходится искать себѣ случайнаго пріюта. Незначительная пенсія далеко не обезпечиваетъ существованія, а очень часто по разнымъ причинамъ и ее не бываетъ и нужда слѣдуетъ за тѣми, кто болѣе всѣхъ и прежде всѣхъ заслужилъ себѣ службою у святаго престола право покойнаго существованія на склонѣ дней.

— Въ симбирской епархіи учреждена, касса взаимопомощи для выдачи единовременныхъ пособій на случай смерти священно-церковнослужителей епархіи ихъ семьямъ. Она основана при эмеритальной кассѣ, какъ ея отдѣленіе. Членами кассы состоятъ обязательно всѣ священно-церковно-служители епархіи, состоящіе на службѣ, по разрядамъ: 1 разрядъ составляютъ протоіереи и священники, которые при смерти лицъ своего званія вносятъ по 45 копѣекъ; 2 разрядъ составляютъ штатные діаконы, которые при смерти священнослужителей вносятъ по 20 копѣекъ и псаломщиковъ—по 10 к. Въ 3 разрядъ относятся псаломщики, которые при смерти каждаго члена кассы вносятъ по 10 коп. Единовременное вспомошествованіе семьямъ умершаго члена кассы представляется въ слѣдующей пропорціи: священника—400 рублей, діакона—240, псаломщика—140.—Изгнанные говорить о цѣлесообразности и настоятельной необходимости

подобныхъ учрежденій. Они отрутъ не одну слезу ѡспротѣлой священнослужительской семьѣ, часто остающейся въ подобную критическую минуту жизни безъ всякихъ средствъ и поддержки.

«С.-Петербург. Дух. Вѣст.»

— Въ «Цер. Вѣст.» было помѣщено слѣдующее письмо одного священника о бѣдственномъ положеніи казанскаго духовенства по случаю неурожая хлѣба въ нынѣшнемъ году. „1898 г.—пишетъ о. Л.— по своему бѣдствію отъ неурожая, для казанской епархіи, насколько не уступаетъ 1891 г. Голодъ, вслѣдствіе полнаго неурожая хлѣба, травъ, огородныхъ овощей въ Казанской губерніи, сталъ ощутительнѣе именно въ настоящую, осеннюю пору. Ржаная мука доходить до рубля, сѣно 45—50 коп. за пудъ; скотина сбывается крестьянами вслѣдствіе безкормицы за ничтожную цѣну. Въ виду этого бѣдствія неотступно является тревожный вопросъ, что должно дѣлать духовенство нашей епархіи? Нечего говорить о томъ, что если крестьяне бѣдствуютъ, то съ ними и духовенство; если постигла кара Божія неурожаемъ или пожаромъ прихожанъ, то съ ними вмѣстѣ въ этихъ бѣдствіяхъ соучаствуетъ и приходское духовенство, ибо кому неизвѣстно, что духовенство на св. Руси почти все содержится на средства прихожанъ, пользуясь отъ нихъ или ругой, или землей. Что же оно теперь должно дѣлать, когда у прихожанъ нѣтъ ни хлѣба, ни денегъ, а церковная земля не дала ни одного фунта хлѣба? Дѣйствительно, духовенство призадумалось и настолько озабочено этимъ насущнымъ вопросомъ именно въ данную минуту, что рѣшительно не знаетъ, что предпринять въ обезпеченіе отъ голода себя, своей семьѣ на цѣлый длинный годъ до будущаго, который, еще неизвѣстно, дастъ ли что-нибудь. И пусть бы голодъ этотъ касался лично главы семьи—священника или діакона, или псаломщика, тогда бѣда была бы не настолько велика, но вѣдь онъ касается цѣлой семьи духовенства, у котораго дѣти учатся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ требуются денежные взносы или ежемѣсячно, или по третямъ года; вотъ здѣсь-то удручающая забота родителей подвергаетъ ихъ тяжелымъ заботамъ и условіямъ—прибывать къ займамъ денегъ и даже хлѣба у богатыхъ кулаковъ за огромные проценты, такъ что духовенство волей-неволей должно закабалить себя на долгіе годы въ неоплатные долги. Поистинѣ положеніе духовенства безотрадное, безотраднѣе самихъ прихожанъ, потому что имъ помогаетъ правительство, напр. ссудой хлѣба на обмѣненіе полей, разсроч-

ной подачей и т. д., духовенству же неоткуда ждать помощи. О крестьянахъ заботится земство, само общество, составили комитеты по сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ, устраивая общественныя гулянья въ большихъ городахъ, спектакли и тому подобное, о духовенствѣ же нигдѣ ни полслова, и оно остается предоставленнымъ всецѣло самому себѣ. Наконецъ, крестьянамъ выдаютъ или самимъ дозволяютъ собирать валежникъ въ лѣсахъ, гдѣ таковой есть; духовенство лишено и этого права, а между тѣмъ это было бы громаднымъ подспорьемъ въ быту сельскаго духовенства. Правда, духовенству казанской епархіи выдавались деньги на покупку сѣмянъ для полей изъ мѣстной эмеритурн завмобразно; но ссуда эта была грошовая, такъ какъ эмеритурная сумма сама по себѣ ничтожная и удовлетворить всѣхъ просителей было рѣшительно невозможно. Кстати нельзя здѣсь умолчать объ одномъ обстоятельствѣ, характеризующемъ отношеніи мѣстной власти къ духовенству. Въ 1891 г., по случаю голода, крестьянамъ дозволено было пользоваться валежнымъ лѣсомъ; послѣ этого распоряженія вскорѣ послѣдовало и другое—дозволить и духовенству возить валежникъ для отопленія своихъ домовъ. Лѣсничіе же, большею частью поляки, не дозволяли духовенству воспользоваться ни однимъ пруткомъ! Всѣ жалобы на самовольныя дѣйствія лѣсничичьихъ-поляковъ такъ и остались безъ послѣдствій, духовенство же безъ прута. Итакъ что же должно дѣлать духовенство въ годину своего страшнаго несчастія? Какъ бы то ни было, вопросъ этотъ само духовенство рѣшить никоимъ образомъ не можетъ. Нуженъ хлѣбъ, нужны деньги сейчасъ, безотлагательно, а у духовенства ни того, ни другого нѣтъ и взять негдѣ. Кто же поможетъ? Къ кому обратиться? Мы слышимъ со всѣхъ сторонъ и всюду: „духовенство проживетъ,—оно богато“. Это говорятъ и прихожане-крестьяне, и кунцы, и чиновники, однимъ словомъ—публика вся увѣрена, что духовенство богато, и никто не станетъ съ вами разсуждать о томъ, откуда духовенство возьметъ богатство? Между тѣмъ, стоило бы только кому-нибудь изъ публики взглянуть на жите-бытье священника ли, псаломщика ли въ какое-нибудь село Спасскаго, Свіяжскаго или Ляишевскаго уѣздовъ, тотъ сразу увидѣлъ бы всю наготу бѣдности и безыскавой нужды служителя православной Церкви. Дѣйствительно, бѣдность поразительная! Дѣти оборваны, босые, въ домѣ убожество. Пища у этихъ бѣдняковъ—щи изъ щавели или крапивы, съ лож-

кой молока въ видѣ жабьки. „Хлѣбъ бы только былъ,—говорятъ эти бѣдняки,—мы были бы довольны, но в его нѣтъ, вотъ бѣда“. Официальныя данныя и какія угодно другія могутъ удостовѣрять, что псаломщикъ въ нашей епархіи въ самоѣ богатѣйшемъ приходѣ не получаютъ болѣе 300 руб.; въ это число суммы входятъ и всѣ сборы, начиная съ клочка шерсти и кончая рогой. Понятно, что низшіе члены причтовъ не даютъ, да и не могутъ дать какого-нибудь образованія своимъ дѣтямъ, о дочерахъ же и говорить нечего. Въ счастливые, урожайные годы духовенство безропотно несетъ жизненную тяготу, зная, что неоткуда ждать помощи; но въ такіе несчастные годы, какъ настоящій, по необходимости приходится давать о себѣ знать и просить, умолять о помощи. Итакъ, помогите, отцы и братія, духовенству казанской епархіи!“

— Въ «Вѣст. Еп. Вѣд.» напечатано слѣдующее сообщеніе Уржумскаго инородческаго миссіонера священника Сергія Громова отъ 26 сентября 1898 года, съ одной стороны о попыткѣ православныхъ черемисъ совершить 20 сентября при роцѣ села Старого-Торьяла, Уржумскаго уѣзда, языческое моленіе, съ приношеніемъ кровавыхъ жертвъ, а съ другой стороны о пастырскихъ миссіонерскихъ дѣйствіяхъ священника означеннаго села Іоанна Ергина противъ осуществленія его. Обстоятельства дѣла слѣдующія: 20 сентября въ роцѣ при селѣ Старого-Торьяла православные Черемисы не только села Ст.—Торьяла и окрестныхъ деревень, но и Яранскаго уѣзда, оновѣщенные чрезъ такъ называемый рубежъ (палочку съ условными знаками), пересылаемый изъ деревни въ деревню вожаками, предполагали совершить моленіе, съ приношеніемъ въ жертву по языческому вѣрованію пяти большихъ лошадей, около 30 головъ рогатаго скота, много молодыхъ жеребятъ и птицъ. За недѣлю до сего моленія узналъ о немъ мѣстный священникъ села Старого-Торьяла Іоаннъ Ергинъ и предпринялъ весьма разумныя и цѣлесообразныя мѣры къ недопущенію его. Въ видахъ отвлеченія вниманія православныхъ черемисъ отъ предлагавшагося языческаго жертвоприношенія, въ продолженіе недѣли предъ назначеннымъ днемъ во всѣхъ черемисскихъ деревняхъ Старо-Торьяльскаго прихода совершены были крестные, со св. иконами, ходы и отслужены на поляхъ водосвятныя молебны, сопровождаемыя увѣщаніями и разъясненіями приходскаго священника о грѣховности, противозаконности и бесполезности языческихъ жертвоприношеній, сопряженныхъ съ большими расхода-

ми. Во время увѣщанія замѣчено было особое упорство православныхъ черемисъ села Старого-Торьяла, которые ссылались на какое-то дозволеніе молиться въ лѣсу, на грѣхъ бросить старую вѣру и недородъ хлѣба, какъ слѣдствіе запрещенія черемисскихъ молебій по языческимъ вѣрованіямъ. Наканунѣ 20 сентября священникъ Іоаннъ Ергинъ отслужилъ въ приходскомъ храмѣ всенощное бдѣніе, а на другой день утромъ литургію. Несмотря на приглашеніе черемисы села Старого-Торьяла не пришли въ храмъ за св. иконами для вторичнаго служенія въ ихъ хлѣбномъ полѣ молебна. Тогда священникъ Іоаннъ Ергинъ пригласилъ изъ второклассной школы учениковъ, дѣтей инородцевъ, въ числѣ пятидесяти членовъ, открылъ съ ними и всѣми членами причта торжественный крестный ходъ чрезъ все село въ поле, куда явилось не болѣе 50 черемисъ и ни одной женщины. Съ поля крестный ходъ, съ участіемъ тѣхъ же дѣтей, направился къ рошѣ на духовную борьбу съ остатками язычества ихъ отцевъ, которые къ тому времени уже начали собираться для кроваваго жертвоприношенія. Но величественная прекрасная картина церковной процессіи, при трезвонѣ въ колокола и громогласномъ пѣніи учащихъ, устыдила черемисъ и разсѣяла многихъ изъ рощи. Здѣсь, при видѣ приготовленныхъ для жертвы дровъ, соборно былъ отслуженъ водосвятный молебенъ съ прочтеніемъ заклинательной на дука тьмы молитвы. Послѣ цѣлованія черемисами креста и окропленія св. водою рощи священникъ Іоаннъ Ергинъ обратился къ черемисамъ со словами увѣжденія, послѣ котораго обѣзвиль имъ, что, при упованіи на помощь Божію, онъ не допуститъ совершить языческое моленіе. Черемисы, увлекаемые вожаками своими и одержимые страхомъ кары „керемети“, послѣ цѣлованія Св. Креста однако не могли противостоятъ увѣщанію, ушли въ село, а духовство со святыми иконами осталось въ рошѣ, съ рѣшимостью при вторичномъ вторженіи ихъ въ рошу снова приступить къ совершенію молебна и тѣмъ воспрепятствовать начать языческое моленіе. Узнавъ отъ прибывшаго въ рошу волостнаго старшины Канганурскаго правленія Феодора Матвѣева, что очень много черемисъ собралось въ концѣ села, священникъ Іоаннъ Ергинъ поѣхалъ въ село, а прочіе члены причта съ учащими во второклассной школѣ остались въ рошѣ. Собравшихся въ селѣ изъ разныхъ деревень черемисъ о. Іоаннъ Ергинъ вразумлялъ и умолялъ разойтись и не ходить въ рошу. Но большинство черемисъ и по

преимуществу сельскіе на увѣщаніе отвѣтили, что они пойдутъ въ лѣсъ молиться и готовы даже употребить силу. Священникъ Ергинъ съ большимъ мужествомъ подтвердилъ прежде высказанную имъ мысль, что онъ, какъ духовный отецъ, не позволитъ имъ, духовнымъ дѣтямъ, крещеннымъ во имя Святой Троицы, молиться по языческому обряду, что ихъ угрозы нисколько не страшатъ его и что онъ не выйдетъ изъ лѣса до тѣхъ норъ, пока они не раздумаютъ молиться по языческому обычаю. Волостной старшина со своей стороны также объявилъ, что онъ затѣмъ и пріѣхалъ въ село, чтобы не допустить моленія, и что лицъ, кои угрожаютъ силой, онъ будетъ арестовывать; а потомъ, воспользовавшись собраніемъ черемисъ, онъ приступилъ къ сбору податей. Не видя новыхъ попытокъ черемисъ идти въ рощу, крестный ходъ около вечера возвратился во святой храмъ. Ночью пѣнный жеребенокъ, предназначенный черемисами для жертвоприношенія, былъ арестованъ, какъ безъярлычный, и потомъ возвращенъ хозяину. Но на другой день, около шести часовъ вечера, несмотря ни на холодъ, ни на дождь, черемисы снова пошли въ лѣсъ, что замѣтилъ бдительный священникъ Іоаннъ Ергинъ, и, пригласивъ съ собою волостного старшину, поѣхалъ по слѣдамъ ихъ. Своимъ пастырскимъ мужествомъ и неустрашимостью, ревностію и силою слова онъ привелъ черемисъ въ смущеніе: они со стыдомъ разсѣялись. Такимъ образомъ предполагаемое моленіе православныхъ черемисъ въ рощѣ по языческимъ вѣрованіямъ не состоялось на 20, ни 21 сентября.

— Въ одномъ изъ сельскихъ приходоу Пермской епархіи установленъ особый надзоръ за нравственностію народа и, въ особенности, за воспитаніемъ въ духѣ православной вѣры подростающаго поколѣнія. По сообщенію «Перм. Еп. Вѣд.», благодаря этому духовно-нравственному надзору народныя нравы тамъ уже улучшаются: сквернословіе, напрімѣръ, народъ сталъ считать порокомъ и стѣсняется публично произносить студныя выраженія, а отъ дѣтей сквернословіе вовсе не слышно, молодежь стала далеко степеннѣе; буйныхъ и неприличныхъ выходоу уже не проявляетъ; даже на вечерахъ (деревенскіе клубы) водворенъ порядокъ и онѣ нѣсколько облагорожены. Въ кругъ дѣйствій этого духовно-нравственнаго надзора введено и попеченіе объ обездоленныхъ дѣтяхъ-сиротахъ и дѣтяхъ, находящихя въ услуженіи у разныхъ мастеровъ. Благодаря этому надзору уже улучшилось положеніе нѣкоторыхъ сиротоу при мамахъ или отчимъ, отъ которыхъ обыкновен-

но имъ приходится тяжело страдать. Между тѣмъ какъ въ селахъ начинаютъ заботиться о возстановленіи народной нравственности, въ городахъ и заводахъ продолжаетъ свободно царить полный просторъ разнузданности. Въ воскресные и праздничные дни и наканунѣ ихъ, во мнѣе центральныхъ улицамъ обыкновенно слышно во многихъ мѣстахъ сквернословіе, открытые разговоры безстыднаго содержанія пьяныхъ людей; по ночамъ происходятъ драки и самое отборное сквернословіе не умолкаетъ въ теченіе продолжительнаго времени, часто расхаживаютъ большія партіи людей всѣхъ возрастовъ съ гармониками, свистомъ, гиканьямъ и пѣснями обыкновенно нецензурнаго содержанія. Очень нерѣдко публичная брань на улицахъ произносится и днемъ въ рабочее время. Не рѣдко приходится встрѣчать и пьяныхъ женщинъ, насказывающихъ всякую мерзость въ улицахъ. А въ заводахъ вольности допускается еще больше. Въ людныхъ городахъ и заводахъ обыкновенно бываетъ много пришлага сельскаго люда, и онъ здѣсь легко заражается этими пороками, рабочій же народъ, приходящій изъ деревень на заработки, здѣсь просто купается въ нравственной грязи, какъ въ океанѣ. Вернувшись въ свои деревни нравственными калѣвами, съ подавленной совѣстью, эти рабочіе являются руководителями молодежи; и ихъ нраву уже не препятствуй—они сильны авторитетомъ города. Многие находятъ, нравственныя безобразія въ городахъ и заводахъ происходятъ влѣдствіе слабости полицейскаго надзора. Но что можетъ сдѣлать здѣсь одна полиція, безъ помощи общества? Она безсильна бороться съ народнымъ разнузданнымъ нравомъ, не хватить у ней той силы, какой она располагаетъ при современной организаціи. Кромѣ того, полиція есть по преимуществу сила физическая. Въ борьбѣ же этой прежде всего необходима сила нравственная, необходимо нравственное воздѣйствіе на народную массу, подъ покровительствомъ полицейской власти, при ея энергичномъ содѣйствіи. Въ каждомъ городѣ и даже заводѣ, несомнѣнно, есть много просвѣщенныхъ лицъ, готовыхъ откликнуться по первому же призыву на благодарное и святое дѣло борьбы съ народными пороками. И они ждутъ этого призыва. Призывъ этотъ долженъ исходить, конечно, отъ духовныхъ вождей, которымъ подобаешь въ своихъ приходахъ начать и вести это великое просвѣтительное дѣло, эту войну съ народнымъ пагубнымъ невѣжествомъ и преступной вольностью. Въ этомъ случаѣ пастыри духовные, зная свое стадо,

избрали-бы въ немъ достаточное число просвѣщенныхъ, ревностныхъ слугъ себѣ. Изъ нихъ, съ надлежащаго разрѣшенія, составили-бы комитеты, открыли-бы бесплатныя народныя бібліотеки съ книжками духовно-нравственнаго содержанія, пригласивъ для этого благотворителей; организовали-бы въ центрахъ народной жизни чтенія съ туманными картинами и проч. Каждому члену комитета пастыри дали-бы въ вѣдѣніе извѣстный участокъ (кварталь или мѣсто). Члены комитета въ своихъ участкахъ должны будутъ стараться добрымъ словомъ увѣщанія ослаблять пороки, стѣснять разнузданность народную, а о неподдающихся ихъ вліянію сообщать или пастырю, или комитету по указанію пастыря. Въ предпраздничные дни они будутъ посѣщать рабочія артели и отдѣльныхъ лицъ, склонныхъ къ разруу и просить ихъ въ праздники вести себя степеннѣе; при надобности, они просятъ полицію объ усиленіи надзора въ извѣстныхъ пунктахъ за порядкомъ; въ особенности будутъ заботиться предохранить дѣтей, насколько возможно, отъ зараженія морозами. Члены комитета также заботятся-бы охранять дѣтей отъ жестокаго обращенія какъ со стороны родителей и воспитателей, такъ и со стороны хозяевъ, въ услуженіи у которыхъ дѣти находятся. Кромѣ того, въ ихъ заботу должно входить наблюденіе за лицами съ звѣрскими перышками. Комитеты чрезъ своихъ членовъ, между прочимъ, будутъ стараться объ уменьшеніи числа тунеядцевъ—попрошавекъ, вынрашивающихъ милостыню и, затѣмъ, пропивающихъ ее; и наоборотъ, комитетъ постарается улучшить положеніе дѣйствительно бѣдствующихъ отъ безысходной нужды, доводящей ихъ рѣдко несчастныхъ до различныхъ преступленій и даже до самоубійствъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

СУМЕРКИ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПО ВОПРОСАМЪ ОБРАЗОВАНІЯ.

В. В. Розанова. Изданіе П. Церцева. Спб. 1899 г. Цѣна 1 р.

ЛУЧШЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ДУХОВНОЙ И СВЕТСКОЙ МУЗЫКИ:

ФИГАРОМОНИ

Шидмайеръ, Карпантеръ, Бенгъ и др. лучшихъ заграничныхъ фабрикъ въ 85, 100, 110, 130, 135, 150, 160, 175, 190, 200, 225, 240, 250, 275, 300, 325, 350, 400, 450, 500 р. и др.

!!НОВОСТЬ!! „ЗОЛАНЬ-ОРГАНЫ“.

Усовершенствованныя амерк. фигармоніи, имѣющія при способленіе для исполненія на нихъ различныхъ духовныхъ и светскихъ пьесъ механическия приспособы—престыжи и нажимныя педали.

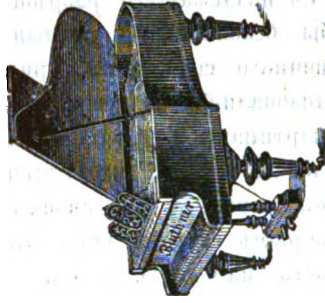
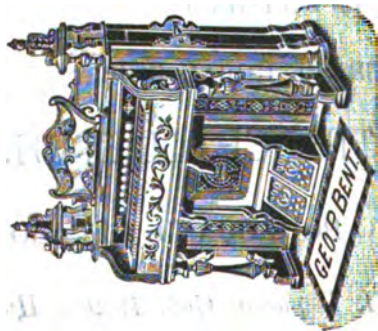
Цѣны: 225, 300, 400, 500, 600, 700, 900 р. и дороже.

РОЯЛИ и ПИАНО Ю. Блютнера, Э. Каппа, Бр.

Дидерихса и другіе лучшихъ фабрикъ.

РОЯЛИ отъ 550 рублей. ПИАНО отъ 350 рублей и дороже.

Для лицъ духовнаго званія дается разсрочка платежа при покупкѣ вышеозначенныхъ инструментовъ.

Стеллы, аристонъ, феняксы, манопаны, піано-мелодико, концерто, и пр. механ. инструменты Большой выборъ для лицъ духовныхъ пьесъ. Скрипки, гитары, цитры, мандолины, гармоніи, флейты и всѣ другіе музыкальные инструменты и принадлежности. Ноты для духовнаго, свѣтскаго пѣнія и всевозможныхъ инструментовъ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталоги пьесъ бесплатно.

И. В. И. Д. И. Ж. Т. Ш. М. М. Е. Р. М. А. Ж. Б.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, помѣе Захарина. С-ПЕТЕРБУРГЪ, В. Морская, № 34-П.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 г.

на еженедельный иллюстрированный журнал путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

„ВОКРУГЪ СВѢТА“

ГО Д Ъ И З Д А Н І Я XV.

Пятнадцатый годъ своего существованія журналъ „Вокругъ Свѣта“, давшій своимъ подписчикамъ собраніе сочиненій трехъ знаменитыхъ авторовъ: Майнъ-Рида, Жюль Верна и Купера, намѣренъ отбѣтить выпускомъ въ свѣтъ, во-первыхъ, полного иллюстрированнаго изданія „Донъ-Кихота“, съ рисунками Густава Дорэ, въ двухъ томахъ, и, во-вторыхъ, собранія романовъ Густава Эмара. Въ 1899 году въ журналѣ будутъ участвовать слѣдующіе соотрудники: Д. Н. Мавинъ, Сибирякъ, Н. Н. Каразинъ, В. И. Немировичъ-Давченко, К. М. Станюковичъ А. Н. Гривъ, Н. А. Чоголковъ, Л. Ф. Черскій, В. Н. Свѣтловъ, В. О. Юрдавъ, А. П. Смирновъ, П. П. Инфантьевъ, К. В. Нословъ, С. А. Качиони, А. В. Павловъ, С. Л. Загорскій, А. А. Осиповъ, А. И. Красняцкій, П. Н. Казинцъ, Л. А. Прибыльскій и мн. др. Множество большихъ романовъ и повѣстей, написанныхъ извѣстнѣйшими русскими и иностранцами авторами, наполнять страницы журнала въ 1899 году интересными описаніями всевозможныхъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ; цѣлый рядъ путешествій и географическихъ очерковъ, украшенныхъ превосходными иллюстраціями, будетъ знакомить читателей „Вокругъ Свѣта“ съ современнымъ движеніемъ впередъ географической науки; популярно-научный отдѣлъ будетъ выполняться очерками и статьями по всемъ отраслямъ знаній. Ежемѣсячное приложеніе будетъ состоять въ 1899 году изъ двухъ томовъ романа Сервантеса „Донъ-Кихотъ“, съ замѣчательными иллюстраціями знаменитаго Густава Дорэ и изъ десяти томовъ сочиненій Густава Эмара, заключившихъ въ себя слѣдующіе его романы, въ полныхъ и точныхъ переводахъ: I. „Арканзасскіе трапперы“, 1 томъ. II. „Пограничные бродяги“, 1 томъ. III. „Вольные стрѣлки“, 1 томъ. IV. „Чистое сердце“, 1 томъ. V. „Гамбузливосъ“, 1 томъ. VI. „Сахраментъ“, 1 томъ. VII. „Мачъ-Горла“, 1 томъ. VIII. „Розасъ“, 1 томъ. IX. „Красивая рѣка“ (часть I—„Фортъ Дюкенъ“). X. „Красивая рѣка“ (часть II—„Атласная змѣя“). Первый томъ „Донъ-Кихота“ будетъ данъ въ январѣ, а второй—въ юлѣ. Въ то же время редакція будетъ продолжать изданіе сочиненій Жюль Верна, нѣмѣя въ виду довести это изданіе до возможно полного собранія сочиненій любимаго стою многими авторомъ и желая дать возможность своимъ подписчикамъ приобрести это собраніе за возможно дешевой цѣнѣ. Въ 1899 г. изданы будутъ слѣдующіе шесть романовъ Жюль Верна: 1) „Чевслеръ“, 2) „Пятнадцатилѣтній капитанъ“, 3) „Гекторъ Сервадасъ“, 4) „Три русскаго и три англичанина“, 5) „Михаилъ Строговъ“, и 6) „Павучій городъ“. Эту дополнительную серію гг. подписчики „Вокругъ Свѣта“ могутъ приобрести за 3 р. съ пересылкой. Кроме того, подписчики при доплатѣ одного рубля получаютъ „*девять роскошныхъ премій*“ олеографіи, исполненныя въ 28 красокъ въ художественной мастерской братьевъ Кауфманъ, въ Берлинѣ: 1) *Буря у береговъ Крыма*, съ картинами профессора И. К. Айвазовскаго. 2) *Севастополь—открытый рейде*, съ картинами профессора Лагоріо. Подлинникъ „Буря у береговъ Крыма“ написанъ нашими маститымъ высокоталантливымъ художникомъ специально для преміи къ журналу „Вокругъ Свѣта“. Оригиналь „Севастополя“ приобретены издателями „Вокругъ Свѣта“ у автора, г. Лагоріо, въ исключительную собственность съ тою же цѣлью. Больше изящную премію трудно придумать. Какъ та, такъ и другая картина отличаются высокимъ художественнымъ достоинствомъ. Подписная цѣна на журналъ: На годъ съ приложеніемъ романа Сервантеса „Донъ-Кихотъ“ и собраніемъ романовъ Густава Эмара, съ достъ и пересылкою 4 р. То же съ картинами (2-мя картинами) 5 р. На 6 мѣсяцевъ 2 р. 50 к. На 3 мѣсяца 1 р. 40 к. Допускается разсрочка подписной цѣны: при подпискѣ 2 р., въ 1 апрѣля и 1 юля во 1 р. Подписка принимается въ редакціи журнала—Москвы, Ильинскія ворота, д. Тятюна, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Изданіе Т-на И. Д. Сытина.

Редакторъ Е. Н. Киселовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ
на литературный, научный и политический журналъ

„ЖИЗНЬ“

Выходитъ 3 раза въ мѣсяцъ (1, 11, 21). 36 книгъ въ годъ.

Рисунки и портреты.

Съ 1899 г. журналъ будетъ выходить при обновленномъ составѣ редакціи и сотрудниковъ.

12 книжекъ, выходящихъ 1-го числа каждого мѣсяца, заключаютъ въ себя литературный отдѣлъ журнала. Въ него входятъ: беллетристика, литерат. критика и искусство.

12 книжекъ, выходящихъ 11-го числа, заключаютъ въ себя научный отдѣлъ журнала. Въ него входятъ статьи по естествознанію и по общественнымъ наукамъ (соціологія, политическая экономія, право, исторія).

Особое вниманіе будетъ обращено на ознакомленіе читат. съ новѣйш. научными теченіями.

12 книжекъ, выходящихъ 21-го числа, содержатъ въ себя политическій отдѣлъ журнала. Въ него входятъ: руководящія статьи по текущимъ вопросамъ русской и заграничной жизни, корреспонденція изъ провинціи и изъ-за границы.

Особое вниманіе будетъ обращено на разработку вопросовъ, касающихся крестьянскаго, городскаго и земскаго самоуправленія.

Постоянныя корреспонденціи изъ Германіи, Франціи, Англии, С. Ам. Соед. Штатовъ, Австріи, Вельгійи и др.

Библиографія распределяется по соответствующимъ отдѣламъ.

Къ каждой изъ 36 книжекъ прилагается обзоръ русской и иностранной ой жизни за 10 дней. Этотъ будетъ достигнуто соединеніе удобства ежемѣсячнаго и ежегоднаго изданія.

Кромѣ того ежемѣсячно будутъ помѣщаться новости литературы, искусства и науки, а также мелочи русской и заграничной жизни.

Многія статьи (по искусству, исторіи и т. д.) будутъ иллюстрированы снимками съ картинъ и портретами. Помѣщеніемъ рисунковъ и портретовъ редакція однако отнюдь не думаетъ придать журналу характеръ иллюстрируемаго изданія.

Стремясь избѣгать помѣщенія большихъ литературныхъ произведеній, небольшими отрывками редакція рѣшила напечатать переводъ новаго большаго романа Генри Уордъ (автора Марчелли, Сера Дж. Тресседи, Давида Грива и др.) Хельбекъ изъ Баннистона отдѣльной книгой и разослать его въ первой четверти 1899 года всѣмъ подписчикамъ, внесшимъ полную годовую плату въ видѣ бесплатнаго приложенія. Контора редакціи готова исполнять порученія изгороднѣхъ подписчиковъ по покупке и высылкѣ имъ книгъ.

Въ началѣ три (январскія) книжки печатаются и выйдутъ въ декабрѣ. Желающимъ ознакомиться съ журналомъ, онъ высылаются за одинъ рубль. Выписавшіе ихъ, просятъ подписку за 6 рублей.

Подписка цѣна съ доставкой и кересичкой: за годъ—7 руб., за 1/2 года—4 руб. Допускается разсрочка отъ 1 руб. въ мѣсяцъ.

Главная контора СПБ. Бассейная № 14.

Отдѣленія конторы въ Москвѣ: кн. маг. „Библиошопъ“ (Мохомая, домъ Бенкендорфа); кн. скл. А. М. Муриновой (Трехпрудный пер., собств. домъ).

Редакторъ-Издатель Д. М. Сестряевъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Марта № 6. 1899 года.

Содержаніе. Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отчетъ о дѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ въ г. Харьковѣ въ 1898 году (окончаніе).—Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ (окончаніе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.

О пожертвованіяхъ въ Аѳонскіе монастыри и келліи.

Въ виду обнаруженныхъ повсемѣстно въ Россіи недозволенныхъ сборовъ пожертвованій на православныя учрежденія на Востоцкѣ, въ особенности на Аѳонскіе монастыри и келліи, въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“ неоднократно разъяснялось, что обращеніе настоятелей Аѳонскихъ келліи, именующихъ себя старцами, къ русскимъ благотворителямъ посредствомъ писемъ и воззваній является злоупотребленіемъ и крайне неблаговидною эксплуатациею религіознаго чувства русскаго народа и что лишь тѣ пожертвованія достигаютъ своей благотворительной цѣли, кои производятся по выдаваемымъ отъ Святѣйшаго Синода, въ пользу дѣйствительно нуждающихся обитателей, сборнымъ книгамъ, при чемъ были объявлены во всеобщее свѣдѣніе имена нѣкоторыхъ завѣдомо неблагонадежныхъ сборщиковъ келліотовъ, которымъ отсылка пожертвованій, поступившихъ въ Хозяйственное Управленіе, воспрещена Святѣйшимъ Синодомъ. Въ числѣ таковыхъ сборщиковъ келліотовъ поименованы: 1) старецъ келліи Трехъ Святителей *Варлаамъ Чернышевъ*, 2) старецъ келліи Рождества Богородицы (нынѣ Игнатія Богоносца) *Моисей Буренинъ*, 3) старецъ келліи Святыя Троицы *Серафимъ Мослинъ*, 4) старецъ келліи святителя Николая (Бѣлозерскіи) іеросхимонахъ *Неофитъ*, 5) старецъ келліи Іоанна Предтечи іеромонахъ *Иннокентій* и 6) старецъ келліи Положенія Поя-

са Богоматери, іеромонахъ *Іоаннисій Литвиненко*. Кромѣ того, не высылаются пожертвованія въ пользу перваго русскаго сиротскаго дома въ Константинополь, котораго въ дѣйствительности не существуетъ.

Нынѣ получены свѣдѣнія о томъ, что старцемъ келліи святаго Николая (Бѣлозерки) состоитъ теперь не іеросхимонахъ Неофитъ, а іеромонахъ Петръ, о поведеніи котораго нѣтъ неодобрительныхъ свѣдѣній, и что къ числу неблагонадежныхъ, сверхъ указанныхъ выше, должны быть отнесены еще старцы Аеонскихъ келлій: Иверской Божіей Матери (Кутлумушскаго монастыря) *Семенъ Чеботаревъ*, Казанской Божіей Матери (Ставропигитскаго монастыря) іеросхимонахъ *Герасимъ Зиновьевъ* и Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы (Ставропигитскаго монастыря) схимонахъ *Матей Воронковъ*, которые проживаютъ не на Аеонѣ, а въ Константинополь, откуда и ведутъ свою переписку.

На основаніи этихъ свѣдѣній, Святѣйшій Синодъ постановилъ: келлію святаго Николая (Бѣлозерки) исключить изъ числа тѣхъ, коимъ была запрещена высылка пожертвованій, и поступающія на эту келлію пожертвованія высылать по назначенію; пожертвованія же, адресованныя на имя остальныхъ названныхъ выше келлій, или ихъ настоятелей, не высылать, а возвращать жертвователямъ, по мѣрѣ ихъ требованія.

О такомъ постановленіи Святѣйшаго Синода Хозяйственное Управленіе сообщаетъ во всеобщее свѣдѣніе и проситъ о перепечатаніи онаго въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, для распространенія среди православнаго населенія.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Согласно журналу Правленія Семинаріи отъ 16 іюня 1898 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 30 того же іюня, на разсмотрѣніе Епархіальнаго Съѣзда Духовенства Харьковской епархіи, имѣющаго быть 18 августа 1899 г., будетъ предложено ходатайство Правленія о покрытіи изъ епархіальныхъ средствъ дефицита, образовавшагося за прежніе годы по содержанію семинарскихъ зданій и объ увеличеніи суммъ, высылаемыхъ ежегодно церквами епархіи на этотъ предметъ, въ видахъ предупрежденія дефицита по этой статьѣ на будущее время. Кромѣ того Съѣздъ имѣетъ избрать двухъ членовъ Правленія Семинаріи отъ духовенства на новое трехлѣтіе и кандидатовъ къ нимъ.

**Отчетъ о лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ для учителей
одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ
въ г. Харьковѣ въ 1898 году.**

(Окончаніе *).

Кромѣ этихъ обязательныхъ для всѣхъ занятій по предметамъ школьнаго курса, нѣкоторые курсисты обучались еще игрѣ на скрипкѣ, и переплетному мастерству.

6. Игрѣ на скрипкѣ обучались 23 учителя. Не всѣ учителя изучали скрипичную игру частію потому, что нѣкоторые уже умѣли играть на скрипкѣ въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ можно было научиться этому искусству на курсахъ при ограниченномъ числѣ уроковъ, частію потому, что нѣкоторые учителя, перешедшіе 30-лѣтній возрастъ, уже устарѣли для этого занятія, а главнымъ образомъ потому, что оказалось возможнымъ достать только 23 скрипки изъ епархіальнаго женскаго и сумскаго мужскаго училищъ. По скрипичной игрѣ дано 11 уроковъ. Послѣ подготовительныхъ упражненій игрались важнѣйшія гаммы—до, фа, соль—и не трудныя гласовыя мелодіи. Наиболѣе успѣвшими эти мелодіи игрались въ видѣ дуэта.

Скрипкѣ обучались слѣдующіе 23 учителя: Богославскій Ник., Бутковъ Серг., діак. Войновъ Стеф., Глушковъ Ал-дръ, псал. Дожанскій Ив., Захарьевъ Конст., Квитка Савва, Крыжановскій Дим., Марченко Петръ, псал. Николаевскій Θεод., діак. Павловъ Мих., Подлущій Іоан., псалом. Протопоповъ Дим., псал. Раевскій Вас., Рубинскій Георг., Рубинскій Ив., псал. Семеновъ Ив., псал. Стесенковъ Θεодоръ, Сувачевъ Мих., псал. Толмачевъ Георгій, псал., Труфановъ Ал-ръ, псал. Фальченко Іак. и діак. Черняевъ Ал-дръ.

7. Переплетному мастерству курсисты обучались подъ руководствомъ переплетчика Шепелеза. Дано было 10 уроковъ. Изучавшіе это мастерство прошли полный курсъ его. Имъ показано было: разборка старыхъ и новыхъ книгъ; напилка корешковъ и сшивка книгъ, заклейка корешка и обрѣзка; набивка фальца, приклейка картона; наклейка сафьяннаго корешка и золоченіе его, приклейка мраморнаго листа на наружной и бѣлаго на внутренней сторонѣ картона. Всѣ эти работы выполнялись затѣмъ самими учителями, такъ что въ результатѣ получилось много переплетенныхъ ими книгъ, которыя потомъ имъ же и были розданы.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1898 г., № 5.

Переплетное мастерство изучали слѣдующіе 34 учителя: Богославскій Ник., діак. Бородаевскій Іоанпъ, псал. Бородаевскій Мих., діак. Бугуцкій Іакинфъ, Бутковъ Сергѣй, Видутенко Θεокт., діак. Вовновъ Стеф., діак. Гревизирскій Пав., діак. Григорьевъ Іоанпъ, псал. Дзюбановъ Мих., псал. Должанскій Ив., Захарьевъ Конст. Квитка Савва, псал. Келебердинскій Ник., Клисенко Мих., Марченко Петръ, діак. Наумовъ Дим., псал. Нестеренко Мих., псал. Огульковъ Евг., діак. Павловъ Мих., Подлудцкій Іак., діак. Подольскій Ал-й, псал. Раевскій Вас., псал. Родовскій Евѡ., Роменскій Симеонъ, Рубинскій Георгій, Рубинскій Ив., діак. Рубинскій Ник., псал. Семеновъ Ив., Сукачевъ Мих., псал. Толмачевъ Георг., псал. Фальченко Іак., Царевскій Вас. и діак. Черняевъ Ал-рь.

VI. Образцовые и пробныя уроки на курсахъ.

Сообщеніе теоретическихъ свѣдѣній по методикѣ Закона Божія, церковнаго пѣнія, русскаго языка съ церковно-славянскимъ, письма и ариметики сопровождалось образцовыми уроками, которые давались частію самими преподавателями предметовъ, частію учителемъ образцовой школы при Духовной Семинаріи, діаконѡмъ Георгіемъ Олейниковымъ, и пробными уроками самихъ учителей—слушателей курсовъ.

1. *По Закону Божию* даны были 2 образцовые урока самимъ преподавателемъ, свящ. Вас. Ветуховымъ. Уроки имѣли цѣлію показать, какъ нужно вести занятія одновременно съ двумя группами учащихъ по обученію молитвамъ в священнои исторіи.

2. *По церковному пѣнію* дано 3 пробныхъ урока: 1) діаконѡмъ Наумовымъ Дим.,—предметѡмъ урока было изученіе высоты звука; 2) учителемъ Ив. Бородаевскимъ—изученіе длительности звука и 3) діаконѡмъ Порф. Котляревскимъ—изученіе нотописа.

3. *По русскому языку и письму* дано было 15 уроковъ, именно: 1 урокъ данъ былъ самимъ преподавателемъ Н. Страховымъ. Предметѡмъ урока служило начальное упражненіе учащихъ въ черченіи; 5 образцовыхъ уроковъ дано было учителемъ образ. школы, діак. Георгіемъ Олейниковымъ. Содержаніе его уроковъ было слѣдующее: а) вступительная бесѣда съ учениками: бесѣда о классной обстановкѣ, объ обязанностяхъ учениковъ въ школѣ; понятіе о звукѣ, какъ составной части слова, разложеніе слова на звуки и составленіе изъ звуковъ слова; б) разложеніе словъ на звуки и

сліяніе изъ звуковъ словъ, письмо элементовъ буквъ; в) письмо и чтеніе слова: „оса“; г) письмо и чтеніе слова: „сало“; составленіе изъ буквъ слова: оса, лиса, сила, соли, сало; д) предупредительная звуковая диктовка; различеніе ъ и ь въ концѣ словъ; различеніе буквъ: б и в. 9 пробныхъ уроковъ дано учителями: 1) Видутенко Θεоктистомъ—разложеніе предложеній на слова, словъ на звуки, нахожденіе знакомыхъ звуковъ въ предложенныхъ словахъ, составленіе словъ изъ знакомыхъ звуковъ; 2) Крутьевымъ Андреемъ—писаніе элементовъ буквъ—наклонной линіи и прямой съ закругленіемъ внизу; линіи писались учителями на классной доскѣ, а учениками на грифельныхъ, сначала нѣсколько линій ученики писали самостоятельно, а потомъ подъ тактъ; 3) Гапчинскимъ Григоріемъ—продолженіе предыдущаго урока—писали линіи, закругенныя вверху и внизу; при этомъ ученикамъ было рассказано, какъ держать при писаніи корпусъ, кисть руки, грифель и доску; 4) Мащенко Іаковомъ—разложеніе на звуки слова „лапа“, выдѣленіе новаго звука п, писаніе его на доскахъ, а затѣмъ и всего слова; 5) діак. Котляревскимъ Порфириемъ—продолженіе предыдущаго урока—ознакомленіе учениковъ съ печатной буквой п, составленіе изъ печатныхъ буквъ словъ „лапа“ и „липа“, писаніе слова „липа“ на доскахъ; 6) псалом. Нестеренко Михаиломъ—изученіе звука ш въ словѣ „шило“ и писаніе этого слова; 7) діак. Черняевымъ Ал-ромъ—составленіе изъ подвижныхъ буквъ цѣлыхъ фразъ и чтеніе ихъ съ учениками, писаніе цѣлой фразы; 8) Рубинскимъ Ивановомъ—объяснительное чтеніе басни Крылова „Квартетъ“ и 9) Бутомъ Ивановомъ—объяснительное чтеніе басни Крылова „Осель и соловей“.

4. *По ариметикѣ* учят. образцовой при Семинаріи школы, діак. Георгіемъ Олейниковымъ, дано было 3 образцовыхъ урока: а) счетъ по порядку до 10, обратный счетъ; разложеніе числа десять крестиками на классной доскѣ; устный счетъ парами, тройками и т. д.; присчитываніе и отсчитываніе въ разбивку; б) рѣшеніе задачъ на сложеніе и вычитаніе въ предѣлахъ 10-ти; в) съ старшей группой: счетъ десятками до 100; непрерывный счетъ до 100; присчитываніе и отсчитываніе чиселъ въ предѣлахъ 100; устное рѣшеніе задачъ.

8 пробныхъ уроковъ дано было учителями—курсистами: 1) псал. Николаевскимъ Θεод.—сложеніе чиселъ 1-го десятка; 2) Огульковымъ Евгениемъ—вычитаніе чиселъ 1-го десятка; 3) Абросимовой

Евдокіей—4) діак. Эварницкимъ Іоанномъ—рѣшеніе задачъ на всѣ дѣйствія надъ числами въ предѣлахъ 1-й сотни; 5) псаломщ. Должанскимъ Иваномъ и 6) Рубинскимъ Георгіемъ—рѣшеніе задачъ на числа выше 100; 7) Подлущимъ Θεод. и 8) псал. Покровскимъ Ів.—рѣшеніе задачъ на числа выше 100 и выясненіе правилъ четырехъ ариф. дѣйствій надъ этими числами.

Такимъ образомъ всѣхъ уроковъ дано было 31. Для каждаго урока бралось соответствующее ему отдѣленіе учениковъ образцовой школы при Харьк. Духовн. Семинаріи и употреблялись необходимыя учебныя принадлежности и пособія. Каждый пробный урокъ учителей—курсистовъ самими учителями, при руководствѣ преподавателей, подвергался всесторонней оцѣнкѣ, при чемъ указывались его достоинства и недостатки.

VII. Экзаменъ по церковному пѣнію.

4-го и 5-го Августа учителямъ курсистамъ произведенъ былъ экзаменъ по церковному пѣнію. Экзаменъ производился въ присутствіи членовъ распорядительной коммисіи, преподавателей и членовъ Епарх. Училищнаго Совѣта. Подвергнуты были экзамену всѣ слушатели курсовъ въ количествѣ 81 человекъ. Подвергавшіеся экзамену спрашивались по теоріи пѣнія и музыки въ предѣлахъ программы, приложенной къ „временнымъ правиламъ для устройства курсовъ“, по осмогласію, методикѣ преподаванія цер. пѣнія въ школахъ и управленію хоромъ. Результаты экзамена получились слѣдующіе:

а) въ старшей группѣ изъ 26 учителей оказали очень хорошіе успѣхи по всѣмъ отдѣламъ программы церковнаго пѣнія и признаны достойными полученія удостовѣренія о томъ, что они могутъ обучать пѣнію въ школахъ, образовывать хоръ и управлять имъ слѣдующіе 19 учителей: Бутъ Иванъ, діаконъ Бѣликовъ Аристархъ, Богославскій Николай, псаломщикъ Бородаевскій Иванъ, Видутенко Θεоктистъ, псаломщикъ Волковъ Михайлъ, Гапчинскій Григорій, діаконъ Даневскій Іаковъ, Мащенко Іаковъ, діаконъ Мухинъ Іоаннъ, діаконъ Мухинъ Алексѣй, діаконъ Наумовъ Дмитрій, діаконъ Павловъ Михайлъ, псаломщикъ Петровскій Константинъ, діаконъ Приходинъ Іоаннъ, діаконъ Платоновъ Тихонъ, псаломщикъ Толмачевъ Θεодоръ, діаконъ Троицкій Іоаннъ и Царевскій Василій.

б) въ старшей группѣ оказали хорошіе и въ младшей очень хорошіе успѣхи по всѣмъ отдѣламъ программы церковнаго пѣнія

и признаны достойными получения удостовѣренія о томъ, что они знакомы съ одногласнымъ пѣніемъ и могутъ обучать оному въ школахъ слѣдующіе 36 учителей 1) старшей группы: діаконъ Котляревскій Порфирій, псал. Труфановъ Алексѣй и псаломщикъ Улановъ Михайль. 2) младшей группы: діаконъ Артюховскій Михайль, діаконъ Бородаевскій Іоаннъ, діаконъ Бугуцкій Іакинфъ, Бутковъ Сергѣй, діаконъ Григорьевъ Іоаннъ, псаломщикъ Дзюбановъ Михайль, псаломщикъ Должанскій Иванъ, Захарьевъ Константинъ, псал. Иваницкій Василій, діаконъ Иваницкій Михайль, Квитка Савва, псал. Белебердинскій Николай, діаконъ Кириченко Дмитрій, Віяновскій Георгій, Крисенко Михайль, Крыжановскій Дмитрій, Левицкій Іаковъ, діаконъ Лобковскій Василій, псал. Нестеренко Михайль, Николаевъ Константинъ, псал. Огульковъ Евгений, діаконъ Подольскій Алексѣй, псал. Покровскій Иванъ, Протопоповъ Дмитрій, псал. Раевскій Василій, псал. Родовскій Евѣимій, Рубинскій Георгій, діаконъ Рубинскій Никѣфоръ, псал. Семеновъ Иванъ, псал. Стесенковъ Ѳеодоръ, діаконъ Стефановскій Стефанъ, псал. Титовъ Александръ и псал. Ястремскій Иванъ.

VIII. Экскурсіи слушателей курсовъ.

Для пополненія знаній, получавшихся слушателями курсовъ на урокахъ по предметамъ школьнаго обученія, подъ руководствомъ г. смотрителя курсовъ, Епархіальнаго наблюдателя Вас. Давыденко, совершенно было нѣсколько экскурсій, именно:

29 Іюня курсисты ѣздили на пасѣку предсѣдателя мѣстнаго общества пчеловодовъ, проф. Университета Протоіерея Тимоѣя Буткевича, находящуюся въ 40 верстахъ отъ г. Харькова вблизи села Мерефы. На пасѣкѣ курсистамъ показаны были ульи разныхъ системъ и все пчеловодное хозяйство.

12 Іюля курсистамъ былъ показанъ музей изящныхъ искусствъ и зоологическій музей Харьковскаго Императорскаго Университета.

19 Іюля курсисты посѣтили Харьковскій Ветеринарный институтъ, гдѣ директоромъ института Арк. Ал. Раевскимъ была прочитана лекція по бактериологіи и затѣмъ показаны были подъ микроскопомъ и въ стеклянныхъ колбочкахъ разнаго рода бактеріи и ихъ колоніи: бактеріи сапа, сибирской язвы, холеры и т. д.

Наконецъ въ свободные праздничные дни слушатели курсовъ посѣщали городскіе храмы, въ ихъ благолѣвіи находя побужденіе для заботы о таковомъ же благолѣвіи и своихъ сельскихъ храмовъ.

IX. Помощіе слушателей курсовъ и ихъ содержаніе.

Внѣшняя жизнь слушателей курсовъ обставлена была возможными удобствами. Въ ихъ распоряженіи въ харьк. дух. училищѣ для дневныхъ занятій отведена была просторная свѣтлая комната съ потребною мебелью и двѣ такихъ же комнаты для сназень и столовая. Для классныхъ занятій они имѣли двѣ просторныхъ, свѣтлыхъ, чистыхъ комнаты, свободно вмѣщавшихъ всѣхъ слушателей. Столъ ихъ, не заключая въ себѣ никакихъ излишествъ въ роскоши, былъ во все время вполне исправнымъ и питательнымъ, будучи приготовляемъ изъ свѣжаго и питательнаго матеріала. Обѣдъ курсистовъ всегда состоялъ изъ 3 блюдъ и ужинъ изъ одного. Кромѣ того 2 раза въ день они пили чай съ бѣлымъ хлѣбомъ.

Въ отношеніи учебныхъ занятій слушатели курсовъ также находились въ благоприятныхъ условіяхъ. Не говоря о томъ, что слушатели курсовъ располагались къ усердію въ занятіяхъ готовностію своихъ преподавателей удовлетворить всякое проявленіе любознательности съ ихъ стороны, въ ихъ распоряженіи находились программы церковно-приходскихъ школъ, потребные учебники и учебныя пособія, нотная бумага, письменныя принадлежности въ достаточномъ количествѣ. При курсахъ была школа изъ учениковъ образцовой школы при Духовной Семинаріи, въ которой давались образцовые уроки вполне опытнымъ учителемъ образцовой школы, діак. Олейниковымъ. Съ ихъ стороны требовалось только усердіе къ завятіямъ и желаніе пользоваться тѣми средствами пополненія своихъ знаній, которыя имъ съ полнымъ расположеніемъ предлагались.

X. Исполненіе смѣты по устройству курсовъ.

На устройсто лѣтнихъ курсовъ для учителей одноклассныхъ школъ въ г. Харьковѣ отъ Училищн. Совѣта при Св. Синодѣ распорядительною комиссіею получено было 3400 р. По статьямъ сумма эта распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: на проѣздъ слушателей курсовъ ассигновано 450 р., на содержаніе ихъ въ теченіи 6 нед. 1250 р., на вознагражденіе преподав. 700 р., на вознагражденіе членовъ распорядит. комиссіи 350 р., на приобрѣтеніе учебниковъ и письменныя принадлежности 250 р., на хозяйственныя и мелочныя расходы—400 р.

Смѣта эта приблизительно выдержана по всѣмъ статьямъ:

1. На путевые расходы курсистовъ ассигновано 450 р., издер-

жано 467 р. 18 к., болѣе на 17 р. 18 р. При этомъ нужно замѣтить, что прогоны выданы курсистамъ только въ одинъ конецъ; такимъ образомъ смѣтная сумма по этой статьѣ оказывается совершенно недостаточною.

2. По содержанію курсистовъ пищею ассигновано 1250 р., издержано 1079 р. 59 к., менѣе на 170 р. 41 к.

3. На вознагражденіе преподавателей ассигновано 700 р., издержано 682 р. 50 к., менѣе на 17 р. 50 к.

4. На вознагражденіе членовъ распорядит. Комиссіи ассигновано и издержано 350 р.

5. На приобрѣтеніе учебниковъ и письменныхъ принадлежностей ассигновано 250 р., издержано 234 р. 38 к., менѣе на 15 р. 62 к.

6. На хозяйственные и мелочные расходы ассигновано 400 р., издержано 416 р. 47 к. болѣе на 16 р. 47 к. Такимъ образомъ по 2, 3 и 5 ст. оказалось сбереженіе на 203 р. 53 к., а по ст. 1 и 6 перерасходъ на 33 р. 65 к., за покрытіемъ котораго остатокъ получился въ 169 р. 88 к. Итого устройство курсовъ для учителей одноклассныхъ школъ обошлось въ 3230 р. 12 к.

XI. О лицахъ, посѣщавшихъ педагогическіе курсы.

20 Іюля слушатели курсовъ для учителей одноклассныхъ школъ Харьковской епархіи были собраны вмѣстѣ съ слушателями курсовъ для учителей второклассныхъ школъ въ зданіи Харьковской Духовной Семинаріи на литургію, которую совершалъ Его Преосвященство, Преосвященный Петръ, Епископъ Сумской. По окончаніи литургіи въ Семинарскомъ залѣ собрались: Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій Архіеп. Харьковскій и Ахтырскій, Харьковскій вице-губернаторъ, попечитель учебнаго округа, директоръ народныхъ училищъ, представители духовно-учебныхъ заведеній и учрежденій духовнаго вѣдомства, церковно-школьная инспекція, городское и сельское духовенство и слушатели курсовъ—учители второклассныхъ и одноклассныхъ школъ. Здѣсь прочитана была рѣчь Его Высокопреосвященства: „О значеніи молитвы въ дѣлѣ вѣры“, выслушанная всѣми присутствующими съ полнымъ вниманіемъ и прозвездшая глубокое впечатлѣніе. Рѣчь эта роздана была затѣмъ всѣмъ почетнымъ посѣтителямъ и слушателямъ курсовъ.

25 Іюля учительскіе курсы для учителей одноклассныхъ школъ посѣтилъ Его Превосходительство, старшій помощникъ наблюда-

теля церковныхъ школъ Имперіи, Павелъ Акимовичъ Игнатовичъ. Его Превосходительство присутствовалъ на урокъ церковнаго пѣнія, гдѣ учителя, по его указанію, пропѣли нѣкоторые догматки, прмосы, херувимскую пѣснь, тропари и другія церковныя пѣсно-пѣнія какъ подъ управленіемъ преподавателя, свящ. Іоанна Петровскаго, такъ и подъ управленіемъ нѣкоторыхъ слушателей курсовъ. Затѣмъ Его Превосходительство осмотрѣлъ помѣщенія курсистовъ, столовую, кухню и присутствовалъ на обѣдѣ, а вечеромъ — на всенощномъ бдѣніи въ церкви духовнаго училища.

Неоднократно посѣщали курсы и присутствовали на урокахъ по разнымъ предметамъ директоръ народныхъ училищъ Харьковской губерніи, д. с. с. Н. Гр. Жаворонковъ, Сухумскій Епарх. наблюдатель цер. школъ свящ. Вас. Гавр. Ястребовъ, члены Епарх. Учл. Совѣта и уѣздныхъ отдѣленій и всѣ уѣздные наблюдатели церковныхъ школъ Харьковской епархіи.

XII. *Закрытіе курсовъ.*

4-го Августа въ 11 ч. дня закончены были уроки на курсахъ для учителей одноклассныхъ школъ, съ 11 ч. 4-го Августа и 5-го произведенъ былъ экзаменъ слушателямъ курсовъ по церковному пѣнію и 6 Августа, по благословенію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, состоялось закрытіе курсовъ.

Отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища по учебной и нравственно-воспитательной частямъ за 1897/98 учебный годъ.

(Окончаніе *).

и) Мѣры, принятыя и проэктированныя къ возвышенію учебно-воспитательнаго дѣла въ Училищѣ.

1) Учебно-воспитательное дѣло въ отчетномъ году находилось въ удовлетворительномъ состояніи и велось правильно, вполнѣ согласно съ § 83 „Устава Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ“. Въ обстоятельствамъ, благопріятствовавшимъ успѣшному веденію учебнаго

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4, за 1899 г.

дѣла надо отнести то, что Училище имѣетъ штатъ преподавателей исключительно съ высшимъ образованіемъ. Преподаватели относились къ своимъ обязанностямъ съ полнымъ вниманіемъ, усердіемъ и аккуратностію. Черезъ каждые два мѣсяца Инспекторъ классовъ вносилъ въ Совѣтъ Училища вѣдомость объ успѣхахъ воспитанницъ, составленную на основаніи отмѣтокъ преподавателей. Эта вѣдомость разсматривалась въ Совѣтѣ при участіи всѣхъ преподавателей, при чемъ выяснялись причины неуспѣха воспитанницъ и указывались мѣры для исправленія ихъ. Малоспособныя и недостаточно-развитыя воспитанницы поручались особому вниманію преподавателей, а невнимательныя и нерадивыя подвергались высканіямъ. Высканія состояли въ выгонорѣ отъ имени Совѣта. Начальница, воспитательницы и ихъ помощницы весьма усердно содѣйствовали успѣшному веденію дѣла, присутствовали на урокахъ, во время вечернихъ занятій репетировали съ воспитанницами заданные уроки, своими объясненіями и указаніями способствовали успѣшному и сознательному усвоенію ихъ и замѣняли отсутствовавшихъ наставниковъ, занимаясь съ дѣтьми чтеніемъ, письмомъ подъ диктовку, или руководѣніемъ.

2) Въ отчетномъ году второй годъ введены въ Училищѣ утвержденныя Св. Синодомъ 6—28 сентября 1895 г. новыя программы учебныхъ предметовъ для шестиклассныхъ Епархіальныхъ Женскихъ Училищъ. Эти программы примѣнялись полностью только въ подготовительномъ, 1-мъ и 2-мъ классахъ.

Вмѣстѣ съ новыми программами въ отчетномъ году во всѣхъ классахъ были новыя учебники. Эти учебники введены какъ по тѣмъ предметамъ, которые преподавались по новымъ программамъ, такъ и по тѣмъ, которые проходились по программамъ прежнимъ.

3) Признавая важное значеніе иллюстрированія преподаваемыхъ въ учебныхъ заведеніяхъ предметовъ посредствомъ туманныхъ картинъ, Совѣтъ Училища озаботился въ отчетномъ году приобрѣтеніемъ волшебнаго фонаря со всѣми его принадлежностями. 13-го февраля 1898 г. преподавателемъ географіи Е. П. Трифильевымъ и математикомъ Я. М. Колосовскимъ показывались воспитанницамъ всѣхъ классовъ туманныя картины съ надлежащими при этомъ объясненіями.

4) Вслѣдствіе доклада Инспектора классовъ, въ отчетномъ году былъ приобрѣтенъ вновь полный кругъ Богослужебныхъ книгъ для пользованія ученицъ V класса при изученіи церковнаго устава, такъ

какъ по новымъ программамъ уставъ церковный проходитъ въ Училищѣ главнымъ образомъ практически, по богослужебнымъ книгамъ.

5. Вслѣдствіе доклада Инспектора классовъ о томъ, что для правильной постановки обученія рисованію въ Училищѣ необходимо приобрести нѣкоторыя пособія, какъ, напр. школы рисованія, оригиналы для срисовыванія съ нихъ и т. п., Совѣтомъ Училища приобретены выпискою необходимыя пособія по рисованію изъ находящагося въ Москвѣ магазина Ю. Ф. Брокмана въ количествѣ 15 наименованій.

6. Къ началу отчетнаго года закончена внутренняя отдѣлка новаго училищнаго корпуса, постройка котораго вызвана была необходимостью построить новую Церковь. 21 сентября Училище торжественно праздновало освященіе вновь сооруженнаго храма во имя Великомученицы Варвары. Прежняя домовая церковь, помѣщавшаяся въ старомъ зданіи Училища, вслѣдствіе многочисленности воспитанницъ (около 600 душъ) стала тѣсною, а потому, съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, съ начала весны 1896 года Совѣтъ Училища приступилъ къ постройкѣ новаго зданія въ три этажа; верхній этажъ предназначенъ былъ для училищной церкви. Постройкой зданія завѣдывалъ строительный комитетъ; планъ составленъ Епархіальнымъ Архитекторомъ В. Я. Нѣмкиннымъ, подъ руководствомъ котораго и происходили строительныя работы. 20 сентября зданіе было окончено и новый храмъ готовъ былъ къ освященію. Наканунѣ освященія въ новомъ храмѣ торжественно было совершено всенощное бдѣніе Предсѣдателемъ Совѣта Прот. Т. И. Буткевичемъ, а 21-го чинъ освященія и литургія Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Викаріемъ и многочисленнымъ духовенствомъ, при превосходномъ пѣніи архіерейскаго хора. На торжествѣ присутствовали: Начальникъ губерніи и высокопоставленныя лица г. Харькова, а также приглашены были почетнѣйшіе протоіереи г. Харькова и о. о. Благочинныя Епархіи. Торжественный чинъ освященія, умилительное пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ, благолѣніе храма—все это производило сильное впечатлѣніе на молящихся. Укрѣпленію въ умахъ и сердцахъ дѣтей этого благотворнаго дѣйствія торжества освященія новаго храма послужило учрежденное въ немъ, по обычаю, сорокодневное непрерывное служеніе, которое совершали поочередно всѣ состоящіе въ Училищѣ члены Совѣта и преподаватели, носящіе священный санъ, а также прожи-

вающіе въ г. Харьковѣ отцы и родственники нѣкоторыхъ воспитанницъ. Для богослуженія выбраны часы, дающіе желающимъ изъ воспитанницъ полную возможность присутствовать на всѣхъ церковныхъ службахъ. Новая училищная церковь отличается и обширностью, которую она превосходитъ всѣ домовыя церкви въ Епархіи и благолѣпіемъ. Въ ней не только свободно размѣщаются всѣ воспитанницы, служащія въ Училищѣ и ученики церковно-приходской школы, но остается еще довольно мѣста для постороннихъ посѣтителей г. Харькова.

Въ этотъ день освященія въ торжественномъ залѣ состоялся годичный училищный актъ, на которомъ была произнесена рѣчь Высокопреосвященнаго Амвросія: „О высшемъ назначеніи образованной женщины въ средѣ православнаго духовенства“. Обширная, многоназидательная рѣчь знаменитаго духовнаго витія произвела на всѣхъ присутствовавшихъ сильное впечатлѣніе; особенно сильное впечатлѣніе отъ этой рѣчи осталось у воспитанницъ Училища. Актъ закончился раздачею наградъ лучшимъ воспитанницамъ, послѣ чего всѣми воспитанницами пропѣтъ былъ народный гимнь „Боже, Царя Храни“!

4. Библіотека и физическій кабинетъ.

а) Въ фундаментальной училищной библіотекѣ къ концу отчетнаго года числилось 1414 названій книгъ въ 3644 томахъ. Въ отчетномъ году библіотека увеличилась на 30 названій книгъ въ 122 томахъ, всѣ книги приобрѣтены на училищный счетъ. Книгами изъ фундаментальной библіотеки пользуются только начальствующіе, преподаватели, воспитательницы и другіи служащія въ Училищѣ лица.

б) Въ ученической библіотекѣ числилось къ концу отчетнаго года 1034 названія книгъ въ 2186 томахъ. Въ отчетномъ году библіотека увеличилась на 114 названій книгъ въ 149 томахъ, всѣ книги приобрѣтены на училищный счетъ. Изъ этой библіотеки книгами пользуются только воспитанницы Училища, причемъ для приготовительнаго, I и II классовъ берутъ книги подъ свои росписки и отвѣтственность воспитательницы этихъ классовъ, а воспитанницы остальныхъ классовъ берутъ книги сами, подъ свои росписки и отвѣтственность. Въ выборѣ книгъ для чтенія и воспитательницы и воспитанницы руководствуются особыми каталогами, заключающими въ себѣ списки книгъ изъ этой библіотеки,

назначенной для каждаго класса въ отдѣльности. Въ теченіе отчетнаго года воспитанницами всѣхъ классовъ Училища взято было для чтенія 7237 книгъ, а именно: воспитанницами приготовительнаго класса—84 книгъ,—1 норм.—121 книга, I парал.—127 книгъ, II норм.—217 книгъ, II парал.—146 книгъ, III норм.—1350 книгъ, IV норм.—1034 книги, IV парал.—911 книгъ, V норм.—612 книгъ, V парал.—604 книги, VI норм.—1012 книгъ, VI парал.—1019 книгъ.

в) Въ *музыкальной* библиотекѣ къ концу отчетнаго года состояло: 471 названіе нотъ въ 556 экземплярахъ. Завѣдывала всѣми училищными библиотеками особая библиотекарша.

Для пополненія фундаментальной и ученической библиотекъ Совѣтомъ Училища выписаны на 1898 годъ слѣдующія періодическія изданія: аа) *для чтенія воспитанницамъ*: 1) „Церковно-приходская школа“, 2) „Дѣтскій отдыхъ“, 3) „Родникъ“ (безъ педагогическаго отдѣла) и 4) „Дѣтское чтеніе“; бб) *для чтенія служащими въ Училищѣ лицамъ*: 1) „Вѣра и Разумъ“, 2) „Народное Образованіе“, 3) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, 4) „Русское Обзорніе“, 5) „Странникъ“, 6) „Богословскій Вѣстникъ“, 7) „Церковный Вѣстникъ и Христ. Чтеніе“ (съ приложеніемъ „Твореній Св. Іоанна Златоуста“), 8) „Труды Кіевской Духовной Академіи“, 9) „Русская Старина“, 10) „Русскій Вѣстникъ“, 11) „Историческій Вѣстникъ“, 12) „Церковныя Вѣдомости“, 13) „Московскія Вѣдомости“, 14) „Миссіонерское Обзорніе“, 15) „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“ и 16) „Южный Край“.

Учебниками, учебными пособіями и учебными принадлежностями всѣ воспитанницы были въ достаточномъ количествѣ снабжены отъ Училища, безъ взноса за это особой платы. Учебники выдавались по одному экземпляру на каждую воспитанницу, а учебныя пособія по два экземпляра, и только въ исключительныхъ случаяхъ по 1 экземпляру на скамью, за которой помѣщаются 3 воспитанницы.

Въ *физическомъ кабинетѣ* къ концу отчетнаго года числилось приборовъ 91 названіе, вещей 214.

Въ географическомъ кабинетѣ числилось 41 предметъ на сумму 340 руб.; приобрѣтены они на средства Училища, 38 предметовъ пожертвовано.

Въ отчетномъ году приобрѣтенъ Училищемъ волшебный фонарь со всѣми принадлежностями изъ Лондона. На приобрѣтеніе мате-

ріаловъ, необходимыхъ при производствѣ опытовъ, отпускалось на руки одному изъ преподавателей физики 25 руб. въ годъ, съ представленіемъ отъ него полнаго отчета въ употребленіи этихъ денегъ. Завѣдывали кабинетомъ преподаватели физики. На библиотеку, учебники и учебныя пособия и учебныя принадлежности по смѣтѣ ассигновано 1500 рублей въ годъ.

5. Средства Училища.

По дѣйствовавшей въ 1897 экономическомъ году смѣтѣ Училища на свое содержаніе должно было получить 94079 р. 23 к.

Эта сумма слагалась изъ слѣдующихъ статей:

- а) Проценты съ неприкосновеннаго училищнаго капитала 3126 „ 65 „
 - б) Доходъ съ принадлежащей Училищу части дома въ г. Харьковѣ 1632 „ 90 „
 - в) Изъ Епархіальныхъ средствъ 32656 „ 64 „
 - г) 1% съ получаемаго духовенствомъ Епархіи жалованья 1701 „ 81 „
 - д) Изъ прибылей Епархіальнаго свѣчнаго завода . 7071 „ — „
 - е) Пожертвованія отъ монастырей, церквей и другихъ учреждений и лицъ 2507 „ 52 „
 - ж) Отъ Хозяйственнаго Управленія при Св. Синодѣ:
 - аа) На содержаніе училищной образцовой церковно-приходской школы 500 „ — „
 - бб) На покрытіе 5% Государственнаго налога съ капиталовъ Училища 36 „ 86 „
 - з) Пенсіонерскій взносъ за своекоштныхъ воспитанницъ 43510 „ — „
 - и) Взносъ на первоначальное обзаведеніе со вновь поступающихъ воспитанницъ 1000 „ — „
 - і) Отъ училищной экономіи 335 „ 85 „
- Расходъ тою же смѣтою опредѣленъ въ 94743 „ 83 „

Въ дѣйствительности въ 1897 экономическомъ году поступило на приходъ 99061 „ 31 „
 Въ расходъ было въ томъ же году 98347 „ 8 „

Примѣчаніе. Въ смѣту не вошли взносы за обученіе воспитанницъ необязательнымъ предметамъ, равно какъ и расходы по этой

статьѣ ¹⁾, такъ какъ, на основаніи примѣчанія къ 80 § Устава Епарх. Женск. Училищъ, распоряженіе этою суммою не подвергается контролю Епархіальныхъ сѣздовъ.

Въ 1897 экономическомъ году по этой статьѣ поступило на приходъ 6924 р. 50 к. Въ расходъ было 5718 р. 98 к.

6. *Дополнительныя свѣдѣнія.*

а) Въ отчетномъ году исполнялось 30-ти лѣтіе Училища со времени преобразованія его изъ училища дѣвицъ духовнаго званія въ Епархіальное Женское Училище (1868—1898). Согласно постановленію Совѣта, отъ 13 января 1898 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, празднество по этому случаю торжественно совершилось 25-го января въ слѣдующемъ порядкѣ. Наканунѣ праздника, послѣ всенощнаго бдѣнія, совершеннаго въ новомъ училищномъ храмѣ, торжественно была совершена Предсѣдателемъ Совѣта Училища, прот. Т. Вуткевичемъ въ сослуженіи о. Инспектора классовъ и членовъ Совѣта отъ духовенства, панихида по почившимъ Архіепископамъ—Иннокентіи, Филаретѣ, Макаріи, Нektаріи и Саввѣ и всѣмъ служившимъ въ Училищѣ и потрудившимся на пользу его. Въ Воскресенье же, 25 января, торжество началось Богослуженіемъ въ Училищномъ храмѣ, которое совершалъ Преосвященный Петръ, Епископъ Сумской, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. Пѣлъ хоръ изъ воспитанницъ старшихъ классовъ. Торжественное Архіерейское Богослуженіе, стройное пѣніе воспитанницъ, благолѣпіе прекраснаго училищнаго храма, производило самое пріятное впечатлѣніе на молящихся. Послѣ Богослуженія прибывшіе на торжество собрались въ актовомъ залѣ Училища. Здѣсь были: Высокопреосвященный Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, Преосвященный Петръ, Епископъ Сумской, Управляющій губерніей графъ Мусишъ-Пушкинъ, Попечитель Учебнаго Округа, И. П. Хрущовъ, Предсѣдатель Харьковского окружнаго суда тайн. сов. В. В. Ненарочкинъ, Городской

¹⁾ Французскому языку въ отчетномъ году обучалось 162 воспитанницы; въ томъ числѣ 67 бесплатно; игрѣ на фортепiano обучалось 234 воспитанницы въ томъ числѣ 36 бесплатно; игрѣ на скрипкѣ 40 воспитанницъ, въ томъ числѣ 35 бесплатно; рисованію обучалось 60 воспитанницъ, въ томъ числѣ 32 бесплатно. За обученіе французскому языку вносились 10 р., за обученіе музыкѣ—30 р. и за обученіе рисованію 5 р. въ годъ съ ученицы.

голова И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ, Предсѣдатель училищнаго Совѣта, Профессоръ Богословія о. Т. И. Буткевичъ, Начальница училища Е. Н. Гейцыгъ, Директоръ народныхъ училищъ, Директора и Начальницы мужскихъ и женскихъ гимназій, ученицы института благородныхъ дѣвицъ и женскихъ гимназій, ученицы училища, духовенство и много приглашенныхъ лицъ. Въ залѣ состоялся торжественный актъ, который начался пѣніемъ воспитанницами молитвы: „Царю Небесный“, а затѣмъ произнесена была рѣчь Высокопреосвященнаго Амвросія: „О значеніи искусства въ дѣлѣ воспитанія и образованія“. По окончаніи рѣчи воспитанница Училища пропѣли нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній, а Инспекторъ классовъ Училища Прот. о. Н. Оникевичъ прочелъ извлеченіе изъ составленной имъ исторической записки о состояніи Училища въ періодъ времени отъ преобразованія его по уставу 1868 года до настоящаго времени. По прочтеніи исторической записки воспитанницы пропѣли народный гимнъ, а потомъ всѣ гости приглашены были въ училищный залъ, гдѣ предложенъ былъ любезными хозяевами обѣдъ.

б) Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій и въ отчетномъ году относился къ Училищу съ обычною своею заботливостію и любовью. Руководя самымъ внимательнымъ образомъ всѣмъ ходомъ училищной жизни во всѣхъ даже малѣйшихъ ея частностяхъ, Владыка по прежнему неоднократно радовалъ дѣтей своими посѣщеніями Училища и участіемъ во всѣхъ торжествахъ. 21 сентября Его Высокопреосвященство въ сослуженіи Преосвященнаго Петра совершилъ освященіе вновь устроеннаго храма при Училищѣ; 4 декабря присутствовалъ на торжествѣ училищномъ въ день храмоваго праздника; 9 января снова посѣтилъ Училище; 25 января присутствовалъ на торжествѣ по случаю 30-лѣтія Училища и 7 іюня Его Высокопреосвященство, по случаю выпуска окончившихъ курсъ воспитанницъ, вмѣстѣ съ напутственнымъ своимъ благословеніемъ оставлявшимъ заведеніе дѣвцамъ, роздалъ имъ аттестаты, Новый Заветъ и достойнѣйшимъ награды книги.

Каждое посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшаго Владыки было торжественнымъ событіемъ въ жизни Училища, производившимъ неизгладимые слѣды въ сердцахъ воспитанницъ, а равно и лицъ служащихъ. Каждый разъ Милостивѣйшій Архипастырь удостоивалъ сперва Начальницу Училища своими посѣщеніями въ ея квар-

тирѣ и затѣмъ уже слѣдовалъ въ училищный актовъ залъ, гдѣ съ нетерпѣніемъ воспитанницы ожидали получить благословеніе отъ Высокопреосвященнѣйшаго Архипастыря—Отца. При этомъ воспитанницы съ искреннею дѣтскою радостью и полнымъ усердіемъ исполняли по указанію Его Высокопреосвященства различныя церковныя пѣснопѣнія и удостоивалась слышать Архипастырское одобреніе за прекрасное стройное пѣніе. Осчастливленныя милостивымъ вниманіемъ со стороны Высокопреосвященнѣйшаго своего Отца—Архипастыря воспитанницы изъявляли свои искреніе первыя чувства благодарности и преданности громогласнымъ пѣніемъ „Исѣ полла эти, деспота“.

Пресвященный Петръ, Епископъ Сумской, Викарій Харьковской Епархіи, посѣтилъ Училище 21 сентября въ день освященія церкви, 4 декабря, въ день храмоваго праздника, 25 января въ день празднованія 30-лѣтія Училища и 7 іюня въ день годичнаго акта, въ каковыя дни совершалъ литургію въ училищной церкви, а 11 мая, по порученіи Его Высокопреосвященства, произвелъ экзаменъ воспитанницамъ VI параллельнаго класса по Закону Божію, а VI нормальнаго—по гражданской исторіи.

Посѣщали Училище и другія высокопоставленныя лица: Начальникъ Харьковской Губерніи, Попечитель Харьковскаго Учебнаго Округа, профессоръ университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Оболенскій и другіе.

в) Ревизіи со стороны членовъ Учебнаго Комитета при Снятѣшемъ Сунодѣ Училище въ отчетномъ году не подвергалось.

г) Пожертвованія на разныя училищныя нужды въ отчетномъ году поступили отъ слѣдующихъ учреждений и лицъ:

аа) Нѣкоторые монастыри и церкви Епархіи по прежнему вносили деньги на содержаніе въ Училищѣ воспитанницъ сиротъ, именно: Святогорскій монастырь внесъ на это въ отчетномъ учебномъ году 500 р., Ахтырскій Троицкій 200 р., Раснянскій Дмитріевскій 225 р., Стрѣльченскій—Николаевскій дѣвичій 200 р., Старобѣльскій Скорбащенскій дѣвичій 100 р. и Харьковская Кладбищенская Іоанно-Усѣкновенская церковь 300 р.

бб) Другими монастырями и церквами Епархіи на нужды Училища пожертвовано 53 р. 50 к.

вв) Духовенствомъ епархіи и церквами Харьковскаго Училищнаго округа на постройку въ Училищѣ новаго корпуса пожертвовано 17,666 р. 13 к.

гг) На тотъ же предметъ пожертвовано: попечительницею Училища, Д. Д. Оболенскою 100 р., воспитанницами VI параллельнаго класса на запрестольный крестъ 35 р., воспитанницами VI нормальнаго класса 26 р. 50 к. на коверъ предъ престоломъ, воспитательницами, учительницами рукодѣлія и другими служащими въ Училищѣ 47 р., членомъ Совѣта священникомъ Н. Любарскимъ 75 р., протоіереемъ Николаемъ Шокотовымъ 100 р., подрядчикомъ Ѳ. Ѳ. Цыцаркинымъ 70 р., священникомъ Владиміромъ Ястремскимъ 10 р., вынуто изъ кружки пожертвованныхъ воспитанницами Училища 6 р. 19 к.

дд) На пожертвованную сумму Его Высокопреосвященствомъ приобрѣтены въ Училище церковные колокола.

ее) Почетнымъ блюстителемъ по хозяйственной части Николаемъ Осиповичемъ Лещинскимъ пожертвовано на нужды училища 1000 р.

жж) Отъ почетной попечительницы Д. Д. Оболенской пожертвованъ большой рельефный глобусъ. Ею-же пожертвована 1 скрипка и 25 экземпляровъ нотъ въ роскошныхъ переплетахъ въ награду воспитанницамъ, оказавшимъ отличные успѣхи по музыкѣ и 7½ пудовъ конфетъ для раздачи воспитанницамъ, оставшимся въ Училищѣ во время пасхальныхъ праздниковъ.

ии) Отъ предсѣдателя Совѣта прот. Т. И. Буткевича пожертвована икона св. Тимофея и св. Антонины.

іі) Отъ члена Совѣта свящ. Н. Любарскаго икона св. Николая и паникадило.

кк) Отъ члена Совѣта свящ. П. Тимофеева икона св. Амвросія Медиоланскаго и семисвѣщникъ.

лл) Отъ священника села Большой Даниловки Андрея Клементьева икона св. Андрей Критскаго и св. Анны.

мм) Отъ подрядчиковъ—Цыцаркина и Хлыстова 2 паникадила, столяра Училища Мих. Клемина—2 бронзовыхъ подсвѣчника въ 54 руб. и большой шелковый платокъ.

нн) Отъ NN пожертвовано 20 р. бѣднѣйшей свротѣ изъ окончившихъ курсъ.

оо) Отъ бывшей воспитанницы Училища Валентины Домбровской, рожд. Лашкаревой, пожертвованы для училищной географической коллекціи образцы каменной соли—производства копей г. Вахмута.

рр) Членами Совѣта, и преподавателями Училища на увеселеніе воспитаницъ во время Рождественскихъ праздниковъ пожертвовано—75 руб.

Такимъ образомъ въ теченіе отчетнаго года на разныя нужды Училища, не считая пожертвованій вещами, денежныхъ пожертвованій поступило 20938 р. 32 к.

Епархіальныя извѣщенія.

По распоряженію Его Высокопреосвященства, съѣздъ епархіальнаго духовенства назначенъ на 18 августа сего года.

— Благочинный 4-го округа Старобѣльскаго уѣзда, протоіерей Григорій *Максимовъ*, согласно прошенію, уволенъ отъ должности благочиннаго, и на сію должность назначенъ помощникъ благочиннаго, священникъ и. Стрѣльцовки, Павелъ *Лисенко*.

— Священники церквей: Успенской, сл. Артемьевки, Волчанскаго уѣзда, Николай *Ястремскій* и Митрофаніевской, сл. Отрадной, того же уѣзда, Василій *Рогальскій*, награждены скуфьею.

— Діаконъ Троицкой церкви с. Бривой Луки, Изюмскаго уѣзда, Іоаннъ *Буткевичъ* рукоположенъ въ санъ священника Митрофаніевской церкви села Полянаго, Ахтырскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, Василій *Зубаревъ*, рукоположенъ въ санъ священника Анно-Зачатіевской церкви с. Ильмовъ, Сумскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, Александръ *Федоровъ*, рукоположенъ въ санъ священника Благовѣщенской церкви сл. Тростянца, Ахтырскаго уѣзда.

— Студентъ Харьковской Духовной Семинаріи, Иванъ *Иванчикій*, рукоположенъ въ санъ священника Архангело-Михаиловской церкви с. Павловокъ, Сумскаго уѣзда.

— Діаконъ Казанской церкви, с. Деревокъ, Ахтырскаго уѣзда, Феодоръ *Бутковскій*, перемѣщенъ, согласно прошенію, діакономъ же Троицкой церкви с. Котельвы, того же уѣзда.

— Діаконъ Преображенской церкви, сл. Половинкиной, Старобѣльскаго уѣзда, Константинъ *Бутковъ* перемѣщенъ на діаконское мѣсто при церкви сл. Тянушевки, того же уѣзда.

— Бывшій діаконъ Троицкой церкви с. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, Александръ *Краснокутскій*, опредѣленъ исправляющимъ должность діакона Казанской церкви с. Деревокъ, того же уѣзда.

— Псаломщики церквей: Тихоновской, сл. Титаровки, Старобѣльскаго уѣзда, Аргадій *Константиновъ* и Николаевской, Дергульскаго конскаго завода, того же уѣзда, Александръ *Власовъ*, переимѣнены одинъ на мѣсто другаго.

— Псаломщикъ Покровской церкви сл. Покровскаго, Ахтырскаго уѣзда, Моусей *Краснопольскій*, посвященъ въ стихарь.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Васильевской церкви с. Ястребеннаго, Сумскаго уѣзда, крест. Василій *Савченко*; Архангело-Михайловской церкви с. Павловокъ, Сумскаго уѣзда, крест. Петръ *Берестокъ*; Николаевской церкви сл. Ботальвы, Ахтырскаго уѣзда, крест. Иванъ *Бѣлецкій*.

ИЗВѢСТІА И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Церковно-приходскія попечительства.—Кирило-Меодіевское братство въ Оренбургской епархіи.—Эмеритальныя кассы для учителей церковно-приходскихъ школь.—Просвѣтительная дѣятельность второ-классныхъ церковно-приходскихъ школь.—Средства къ сохраненію добраго вліянія церковно-приходскихъ школь на бывшихъ питомцевъ.—Общее говѣніе учащихся.—Количество церковно-приходскихъ школь.

Мысль о необходимости внести нѣсколько большее оживленіе въ обычное теченіе церковно-приходскихъ дѣлъ чрезъ привлеченіе прихожанъ къ болѣе дѣятельному участию въ церковно-приходскихъ попечительствахъ, какъ видно изъ епархіальныхъ періодическихъ изданій, больше и больше распространяется. При этомъ, въ интересахъ благоустройства названныхъ учреждений, на основаніи опыта указывается на желательность нѣкоторыхъ измѣненій въ ихъ организаціи, а также перемѣнъ въ обычномъ ходѣ дѣлъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. По мнѣнію многихъ благочинныхъ Подольской епархіи, для возрожденія приходской жизни необходимо, чтобы въ составѣ попечительства были люди, приверженные къ церкви и вліятельные въ приходѣ. Недостаточно для дѣла, какъ говорится въ «Под. Еп. Вѣд.», что волостной старшина есть членъ всѣхъ попечительствъ его волости: сель у него бываетъ нѣсколько, и онъ не можетъ должнымъ образомъ радѣть о пользахъ каждаго изъ нихъ. Нужно, чтобы въ составѣ попечительствъ былъ и сельскій староста, отъ котораго многое въ селѣ зависитъ и безъ вѣдома котораго ничего важнаго въ приходѣ не можетъ быть предпринято, а овъ между тѣмъ не состоитъ непремѣннымъ членомъ попечительства. Необходимо настойчивѣе привлекать въ попечи-

тельства и всѣхъ лучшихъ по своему настроенію людей въ приходѣ: «чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше, тѣмъ полнѣе будетъ приходъ жить церковно-религіозною жизнью, тѣмъ ближе можетъ быть достигнуть идеаль древне-приходской общины, считавшей религіозные интересы первою и главнѣйшею своею обязанностью».

— Оренбургская епархія обогатилась новымъ религіозно-просвѣтительнымъ и благотворительнымъ учрежденіемъ: въ слободѣ Куртамышѣ, Челябинскаго уѣзда, открыто Братство имени св. Просвѣтителей славянъ Кирилла и Меѳодія. Кирилло-Меѳодіевское братство, стремящееся по своимъ задачамъ возстановить древнюю форму южно-русскихъ братствъ, имѣвшихъ столь большое значеніе въ нашей древней церковной исторіи и вообще въ жизни старыхъ „приходовъ“, подобно большинству учрежденій этого рода ставить, по словамъ «Оренб. Еп. Вѣд.», своею цѣлю заботу о благоуукрашеніи и благолѣпіи приходскаго храма, попеченіе о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи народа (для чего братство, между прочимъ, устраниваетъ чтенія со свѣтовыми картинами), благотвореніе немущимъ и бѣднымъ, а также общую соединенную борьбу съ отрицательными сторонами современной сельской жизни. Братство имѣетъ свой уставъ, взятый съ небольшими измѣненіями изъ устава подобнаго же сельскаго Братства въ селѣ Озерскомъ Пермшльскаго уѣзда, Калужской епархія. Починъ въ учрежденіи Братства и осуществленіе его принадлежитъ всецѣло молодому мѣстному свящ. о. Чернавскому, который, предварительно заручившись согласіемъ жителей на открытіе братства въ Куртамышѣ, возбудилъ предъ Епархіальною властію дѣло объ учрежденіи его въ октябрѣ 1897 года. Въ день открытія Братства священникомъ о. Чернавскимъ приглашены были болѣе вліятельные и состоятельные представители мѣстнаго общества, на сочувствіе которыхъ можно было положиться; затѣмъ, послѣ совершенія молебнаго пѣнія покровителямъ Братства св. Кириллу и Меѳодію заслушанъ былъ уставъ Братства, потребовавшій въ нѣкоторыхъ пунктахъ объясненія со стороны священника. На предложеніе священника записаться въ число членовъ Братства присутствовавшіе изъявили полное согласіе, послѣ чего Братство объявлено было открытымъ. Тогда же на подписномъ листѣ записалось въ число почетныхъ членовъ 32 человекъ, съ платою по 10 р. въ годъ, и въ число дѣйствительныхъ—38 человекъ, съ платою не менѣе 3 руб., а всего собрано членскихъ взносовъ на сумму

436 руб. Кроме того, ожидается новыхъ поступленій до 150 руб. Вообще учрежденіе Братства въ слоб. Куртамышѣ встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ мѣстнымъ обществомъ, которое охотно откликнулось на призывъ священника.

— Вопросъ объ улучшеніи положенія учителей церковныхъ школъ не новый и объ немъ неоднократно заходила рѣчь на епархіальныхъ сѣздахъ. Между прочимъ, этотъ вопросъ обсуждался на сѣздѣ наблюдателей въ Каменецъ-Подольскѣ, Подольской епархіи, какъ сообщаютъ объ этомъ «Подол. Еп. Вѣд.» На этомъ сѣздѣ былъ доложенъ проектъ, чтобы церковно-школьныхъ учителей и учительницъ сдѣлать участниками существующей въ Подольской епархіи взаимно-вспомогательной кассы духовенства, приравнявъ ихъ по правамъ и взносамъ къ псаломщикамъ. Не сочувствуя этому проекту, наблюдатели школъ пришли къ тому заключенію, что принять учителей въ члены взаимно-вспомогательной кассы рискованно для духовенства, такъ какъ весьма затруднительно будетъ слѣдить за тѣмъ, почему тотъ или другой учитель оставилъ мѣсто, особенно, если предположить, что вѣдь возможны и случаи хитрости и злоупотребленія. Послѣ всесторонняго разсмотрѣнія этого вопроса, сѣздъ нашелъ возможнымъ организовать кассу на совершенно иныхъ началахъ, нежели на какихъ существуетъ касса епархіальнаго духовенства, а именно: учительская касса должна быть эмеритальной, т. е. выдавать денежные пособія не въ несчастныхъ только случаяхъ, а по выслугѣ извѣстнаго числа лѣтъ, и притомъ не въ размѣрѣ 12—24 р. въ годъ, какъ это выдается взаимно-вспомогательной кассой епархіальнаго духовенства, а въ размѣрѣ не менѣе 100 р. или даже болѣе, такъ чтобы на это пособие можно было дѣйствительно существовать учителямъ и учительницамъ, потерявшимъ силы и здоровье на школьномъ поприщѣ. Но такъ какъ организациа и устройство подобной кассы является дѣломъ новымъ и требуетъ сложной предварительной работы, равно какъ и добровольнаго согласія учителей на участіе въ этой кассѣ, то рѣшено пока заняться каждому уѣздному наблюдателю собраніемъ необходимаго матеріала и окончательное рѣшеніе вопроса объ учительской кассѣ отложить до слѣдующаго сѣзда. Кроме того, предположено собрать точныя свѣдѣнія, сколько учителей изъявятъ согласіе на участіе въ предполагаемой кассѣ, отчисленіе какого % отъ жалованья въ фондъ кассы будетъ необременительнымъ, не могутъ ли быть изысканы

для образованія и пополненія основнаго фонда кассы другіе источники, кромѣ жалованья, какой предѣльный срокъ службы желаютъ установить сами учителя и какой размѣръ минимальной и максимальной ежегодной пенсіи.—Нельзя не пожелать, чтобы это начинаніе нашло себѣ подражаніе и въ другихъ епархіяхъ. Осуществленіе этого прозета не такъ трудно, какъ кажется на первый взглядъ. Ежегодно почти во всѣхъ епархіяхъ устраиваются педагогическіе курсы, проѣздъ на нихъ для учителей безплатный. Стоитъ только на нѣсколько дней придать курсамъ характеръ учительскаго съѣзда, предоставить имъ право активно участвовать въ обсужденіи этого вопроса, и тогда останется одинъ только шагъ къ осуществленію его на практикѣ.

— Какое имѣетъ значеніе для населенія второклассная церковно-приходская школа—это можно видѣть изъ слѣдующаго сообщенія «Астрах. Еп. Вѣд.» о дѣятельности второклассной церковно-приходской школы въ Капустинномъ-Яру, Царевского уѣзда. Открытая съ настоящаго учебнаго года, эта школа уже замѣтно обнаруживаетъ свою просвѣтительную дѣятельность въ этой слободѣ. При школѣ ведутся народныя чтенія съ отдѣлами: духовно-нравственнымъ, историческимъ и литературнымъ, съ показаніемъ туманныхъ картинъ; чтенія сопровождаются пѣніемъ учащихся подъ управленіемъ учителя школы. Чтенія привлекаютъ массу слушателей „отъ мала до велика“. Они, видимо, пришлись по душѣ мужикамъ, сближаютъ школу съ населеніемъ. Показателемъ сочувственнаго отношенія мѣстныхъ крестьянъ къ школѣ служитъ слѣдующій отрадный фактъ: сельское общество, по инициативѣ участковаго земскаго начальника ассигновало 50 руб. на бібліотеку при второклассной школѣ; церковно-приходское попечительство съ своей стороны пришло съ пособіемъ на то-же дѣло въ размѣрѣ 50 руб. Такимъ образомъ составила почтенная для школьной бібліотеки сумма въ 100 руб., на которую можно приобрести на первый разъ достаточное число книгъ, пособій и изданій. Совѣтомъ школы составленъ обстоятельный списокъ книгъ и изданій изъ одобренныхъ и рекомендованныхъ по духовному вѣдомству для бібліотекъ церковно-приходскихъ школъ—подлежащихъ выпискѣ. Списокъ довольно разнообразный и по отдѣламъ, и по содержанію: есть книги духовно-нравственныя, педагогическія, историческія, по географіи, литературѣ, изъ отдѣла полезныхъ знаній. Такимъ образомъ второклассная школа, видимо, сближается

съ населеніемъ, сростається нравственно; въ ея жизни замѣтно здоровое теченіе, въ ея дѣятельности живыя силы, одушевленіе, стремленія. Нельзя не пожелать полнѣйшаго успѣха дѣтелямъ школы, учащимся и всѣмъ близко стоящимъ къ ея интересамъ.

— Какъ сохранить доброе вліяніе на питомцевъ церковно-приходской школы по окончаніи ими курса и какъ расширить ея просвѣтительное значеніе—по этимъ вопросамъ даются слѣдующія разъясненія въ «Могил. Еп. Вѣд.»—Церковно-приходская школа ставитъ себѣ главною задачею передать дѣтямъ, вмѣстѣ съ грамотою и возможными знаніями, развитіе въ духѣ православной Церкви, чтобы они были впослѣдствіи хорошіе христіане, хорошіе граждане, преданные своему Государю, какъ истинному Отцу отечества, хорошіе члены семьи и общества. Ученикъ, разрывая всякое общеніе со школою и выходя изъ-подъ вліянія окружающей его тамъ обстановки, остается лицомъ къ лицу съ тѣмъ же невѣжествомъ, съ той-же загроубѣлостью, съ тѣми-же предразсудками и суевѣріями, въ которыхъ пребывалъ раньше. Нельзя, конечно, отрицать этого вліянія и во время нахождения въ школѣ, но тогда оно могло парализоваться личностію учителя и его толковыми и разумными объясненіями. Велика задача начальной школы, велики въ ней и труды. Поэтому учитель, если онъ—человѣкъ честный, душой преданный своему святому дѣлу, не долженъ бросать этихъ бывшихъ своихъ питомцевъ на произволъ судьбы. Еще до выхода изъ школы дѣтей, ему слѣдуетъ внушать имъ, что они не должны совершенно удалиться отъ школы и заканчивать свое образованіе полученіемъ свидѣтельства. Но, конечно, однихъ убѣжденій мало, нужно и здѣсь приложить руки, тѣмъ болѣе, что народъ нашъ вполне ясно себѣ еще не представляетъ значенія школы. Такъ напр., устройствомъ хора при школѣ учитель успѣшно можетъ воспользоваться для привлеченія къ ней учениковъ и по окончаніи курса: они будутъ ходить въ ту же школу на спѣвки, находиться подъ тѣмъ же хорошимъ вліяніемъ учителя, будутъ аккуратно посѣщать храмъ Божій, и наконецъ, будутъ развивать у себя музыкальный вкусъ, такъ что пѣніе какихъ нибудь безнравственныхъ, уличныхъ пѣсенъ и на умъ не придетъ. При этомъ, если бывшіе питомцы будутъ выходить изъ возраста дѣтскихъ голосовъ, то ихъ нужно переводить въ мужскія партіи, это же обстоятельство опять дѣйствуетъ на нихъ притягательно къ хору, и слѣдовательно—къ школѣ, къ храму. Дѣтямъ,

да и вообще крестьянамъ очень нравится принимать участіе при богослуженіи. Это обстоятельство тоже представляетъ возможность учителю продолжать доброе воздѣйствіе на дѣтей;—пусть все, что приходится читать на клиросѣ при церковныхъ службахъ, исполняютъ ученики, если много желающихъ, то—по очереди, вещи болѣе трудныя, какъ то: апостолъ, канонъ, веденіе устава, давать болѣе взрослымъ и пр. Кромѣ того можно заставлять мальчиковъ прислуживать въ алтарѣ. Нѣкоторыхъ учениковъ изъ окончившихъ курсъ, болѣе или менѣе свободныхъ отъ домашнихъ хозяйственныхъ работъ, учитель можетъ привлечь къ непосредственному посѣщенію школы заставляя ихъ помогать себѣ въ занятіяхъ; такіе мальчики могутъ свободно слѣдить за самостоятельными работами школьниковъ и даже легкіе уроки вести вмѣсто учителя. При этомъ болѣе способныхъ изъ нихъ учитель выдѣляетъ и обращаетъ сильнѣйшее вниманіе на ихъ педагогическія занятія—даетъ методикъ, заставляетъ готовиться къ серьезнымъ урокамъ и проводить подъ своимъ наблюденіемъ занятія, такъ что такіе мальчики, попрактиковавшись извѣстное время, могутъ быть хорошими учителями для школъ грамоты. Крестьянская же масса, видя такую реальную пользу школы, несомнѣнно будетъ относиться къ ней болѣе сочувственно и довѣрчиво, а учитель въ ея глазахъ приобрететъ болѣе авторитетъ и расположеніе.—Въ женскихъ и смѣшанныхъ школахъ для дѣвочекъ крайне полезно вводить занятія рукодѣліемъ, но при этомъ нужно имѣть въ виду, что, во время нахождения ихъ въ школѣ, можно ограничиться небольшимъ запросомъ дѣла, напр. вязаніемъ чулокъ, кружевъ, вышиваніемъ по канвѣ, такъ какъ и безъ того достаточно учебно-школьныхъ занятій. По окончаніи же курса дѣвочками, можно продолжать занятіе этимъ дѣломъ, выучить ихъ вышиванію гладью, шитью, а болѣе способныхъ—кройкѣ. При той помощи, какую могутъ учительницѣ оказать въ школѣ ученики или ученицы—практиканты, вполне возможно вести и рукодѣльныя занятія. Кромѣ того для этой цѣли можно удѣлять вечернее время. При этомъ нужно замѣтить, что, кромѣ даваемой практической пользы, подобныя вечернія занятія крайне благотворно вліяютъ на дѣвочекъ въ томъ отношеніи, что отвлекаютъ ихъ отъ зла деревенской жизни—посидѣлокъ.—Наша деревня страдаетъ отсутствіемъ осмысленныхъ и нравственныхъ удовольствій для дѣтей. Школа, какъ разсадница всего добраго, должна и въ этомъ слу-

чаѣ придти на помощь народу. Въ праздничные дни при школѣ цѣлесообразно устраивать вокально-литературные вечера, для которыхъ удобно разучать съ хоромъ церковные концерты и другія пѣснопѣнія, отличающіяся своею музыкальною красотой. Смотря по времени, можно исполнять и пѣсы свѣтскаго содержанія болѣе серьезныя, а также и пѣсни. Пусть на этихъ вечерахъ читаются стихотворенія наизусть, разыгрываются басни и т. п. И наконецъ, имѣютъ большое воспитательное значеніе прогулки учителя съ дѣтьми весною въ лѣсъ, въ поле; при чемъ собраніе дѣтей не нужно ограничивать школьниками и окончившими курсъ учениками, а полезно привлекать и совсѣмъ неучащихся. Но непрѣнно нужно слѣдить, при устройствѣ подобныхъ праздниковъ, чтобы они носили характеръ строгой благовоспитанности, иначе крестьяне на нихъ будутъ смотрѣть недовѣрчиво. Самое могущественное и вѣрное средство въ рукахъ у учителя къ тому, чтобы знанія и навыки, даваемые школою, не забывались и затраты труда не терялись, а вознаграждались, это—школьная библіотека. Учитель долженъ, еще во время пребыванія дѣтей въ школѣ, вселить въ нихъ распоряженіе къ книжкѣ, а потомъ руководить выборомъ, преслѣдуя двѣ задачи: религіозно-нравственное развитіе и обогащеніе знаніями практическаго свойства въ сельскомъ быту и объ окружающемъ мірѣ. Самое удобное правило при этомъ—назначить выдачу книгъ раза два въ недѣлю въ вечернее время для того, чтобы имѣть возможность побесѣдовать по поводу прочитаннаго, вызвать учениковъ на самостоятельныя заключенія о прочитанномъ, если понято неправильно, разъяснить. Конечно въ подобныхъ бесѣдахъ можетъ быть возбуждено много и постороннихъ вопросовъ, но обязанность учителя въ этомъ случаѣ заключается въ томъ, чтобы поставить болѣе существенные, болѣе важныя и требующіе правильнаго вниманія вопросы, напр. нравственнаго и общественнаго характера и потомъ общими силами и сознательно разрѣшить ихъ. При помощи библіотеки школа можетъ расширить свою просвѣтительную дѣятельность и на всю массу крестьянскаго населенія. При умѣломъ составѣ книгъ для народа и при умѣньи учителя руководить чтеніемъ, библіотека должна явиться нравственною силою, могуче вліяющею на духовную и экономическую сторону жизни крестьянъ. Библіотека-читальня (обязательно на первое время бесплатная) можетъ сослужить незамѣнимую услугу дѣлу. Для устройства и упорядоченія народныхъ библіотекъ Учплещ-

нымъ при Св. Синодѣ Совѣтомъ выработанъ списокъ книгъ, который можетъ облегчить задачу—что выписывать для библіотеки и что читать. Кромѣ того люди, близко стоящіе къ народу, знаютъ его духовныя нужды и потому сами могутъ сдѣлать болѣе или менѣе правильный и подходящій выборъ книгъ, тѣмъ болѣе что лубочныя изданія въ настоящее время вытѣсняются и свободно вездѣ можно найти хорошую книгу. Такъ какъ нельзя сказать, что требованіе чтенія нашихъ крестьянъ было бы слишкомъ велико и читающихъ много и такъ какъ крестьяне бываютъ свободны отъ работъ большею частію въ праздники и воскресные дни, а въ это время и школьное помѣщеніе пустоеть, то очень удобно будетъ воспользоваться имъ для читальни, тѣмъ болѣе, что и учитель въ эти дни свободенъ отъ занятій и съ большимъ вниманіемъ отнесется къ самообразованію сельскихъ грамотѣевъ. Народная библіотека-читальня можетъ удовлетворять духовныя потребности только у людей грамотныхъ, большинство же деревенскаго населенія, въ особенности пожилые люди и женщины, неграмотны, слѣдовательно, этотъ способъ расширенія просвѣтительнаго вліянія не для всѣхъ пригоденъ, почему является необходимость въ другомъ способѣ воздѣйствія на массу. Этими способомъ могутъ быть народныя чтенія. Начало устроеній народныхъ чтеній опять принадлежитъ не крестьянамъ, а сельской интеллигенціи, ядро которой представляетъ школа. Выразительное и интересное по своему содержанію чтеніе можетъ занимать слушателей, но для большаго привлеченія публики очень удобно иллюстрировать прочитанное показываніемъ туманныхъ картинъ при помощи фонаря. Это дѣлаетъ рассказъ понятнѣе, интереснѣе и глубже запечатлѣваетъ въ память. Обыкновенно крестьяне сначала смотрятъ съ недовѣріемъ на чтенія, считаютъ ихъ забавою праздныхъ людей, поэтому необходимо съ самого начала придать дѣлу, какъ можно болѣе, серьезный и важный характеръ. А потому инициаторомъ этого дѣла удобнѣе быть всего священнику; чтеніе открытъ молебствіемъ и т. д. Если помѣщеніе не велико, то дѣтей лучше всего не пускать на эти чтенія, потому что они интересуются больше картинами, а во время чтенія производятъ шумъ, мѣшая слушать взрослымъ. Удобнѣе дѣтямъ показывать картины и побесѣдовать по поводу ихъ раньше въ будній день—отдѣльно отъ взрослыхъ. Особенно важно привлекать на чтенія женщинъ: на нихъ лежитъ все домашнее воспитаніе дѣтей. Полезно назначать отдѣльныя, специально жен-

скія чтенія съ подборомъ извѣстнаго рода статей. Каждому учителю и учительницѣ, какъ жителямъ деревни, въ особенности тамъ, гдѣ школа существуетъ непродолжительное время, вѣроятно приходилось не разъ слышать сѣтованіе молодыхъ и пожилыхъ крестьянъ на то, что они не умѣютъ читать и писать, тѣмъ болѣе, что въ современной жизни грамотность представляетъ громадное практическое значеніе. Изъ взрослыхъ крестьянъ много найдется въ каждомъ селѣ желающихъ научиться грамотѣ хотя бы на столько, чтобы разбирать книжную печать и рукопись, а также обогатить себя арифметическими познаніями примѣнительно къ жизненной практикѣ. Опять единственная въ этомъ случаѣ надежда на учителя. Учитель для такихъ учениковъ можетъ устроить вечернія занятія. Удобнѣйшее время для этого—зима, а лѣтомъ—праздники. Въ продолженіе длинныхъ зимнихъ вечеровъ можно многому полезному научить и взрослыхъ людей, занятія съ которыми несомнѣнно будутъ идти быстрѣе, чѣмъ съ дѣтьми, хотя занятія эти должны вестись въ томъ же порядкѣ, какъ и въ школѣ. При этомъ хорошо бы на вечернихъ урокахъ заниматься и съ учениками, окончившими курсъ, чтобы отчасти укрѣпить, отчасти же развить далѣе научно-школьные предметы. Но при этомъ должно быть принято во вниманіе, что въ деревнѣ обыкновенно одинъ учитель и у него мало отдыха, а потому нельзя предъявлять ему большихъ требованій къ вечернимъ занятіямъ, исполнѣ достаточно будетъ, если поступившіе неграмотные крестьяне научатся читать, писать и пройдутъ сокращенный курсъ закона Божія.

— По постановленію комиссіи по народному образованію въ С.-Петербургѣ, сообщено гг. учащимъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ, что, въ виду выраженаго въ ея средѣ желанія о возмозно большемъ распространеніи въ начальныхъ городскихъ училищахъ общаго говѣнія учащихся, по примѣрамъ предшествующаго года, предоставляется тѣмъ гг. учащимъ, которые введутъ общее говѣніе въ ихъ училищахъ, прекращать для сего, съ вѣдома гг. попечителей, классныя занятія въ пятницу и субботу на одной изъ недѣль Великаго поста. По окончаніи Великаго поста, учащіе, введшіе общія говѣнія, приглашаются сообщить комиссіи о томъ порядкѣ, въ какомъ говѣніе учащихся было ими исполнено. Между прочимъ, общее говѣніе введено въ 12-классномъ городскомъ училищѣ, состоящемъ въ вѣдѣніи предсѣдателя комиссіи: здѣсь на первой и четвертой недѣляхъ говѣютъ до 1,000 уча-

щихся, и въ церкви Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, гдѣ на второй и третьей недѣляхъ говѣютъ свыше тысячи учащихся XXII школьнаго участка и многоклассныхъ училищъ I нарвскаго мужскаго и I воломенскаго смѣшаннаго.

«С.-Пет. Дух. Вѣств.».

— По свѣдѣніямъ, недавно опубликованнымъ Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, всѣхъ церковныхъ школъ въ Имперіи (включая сюда Кавказъ и Сибирь) къ 1 января 1898 года числилось 38,456, изъ нихъ: церковно-учительскихъ и второклассныхъ 239; двухклассныхъ—236; одноклассныхъ 16,274; образцовыхъ при семинаріяхъ и епархіальныхъ училищахъ—107; школъ грамоты—21,600. Въ 35 епархіяхъ, съ земскими учрежденіями, къ 1 января 1898 г. церковныхъ школъ состояло 22,535, изъ нихъ: церковно-учительскихъ и второклассныхъ—165; двухклассныхъ—145; одноклассныхъ—10,290; образцовыхъ при семинаріяхъ и епархіальныхъ женскихъ училищахъ—69; школъ грамоты—11,867. Въ 27 епархіяхъ, безъ земскихъ учрежденій, къ тому же 1 января 1898 г. церковныхъ школъ числилось 16,921; въ нихъ: церковно-учительскихъ и второклассныхъ—75; двухклассныхъ—92, одноклассныхъ—5,984, образцовыхъ—38, школъ грамоты—9,733. Общее число учащихся въ церковныхъ школахъ на 1 января 1898 года во всей Имперіи состояло—1,337,501, изъ нихъ мальчиковъ 1,58,072, а дѣвочекъ—279,429. Въ отдѣльности, въ епархіяхъ съ земскими учрежденіями числилось всѣхъ учащихся 821,687 (638,361 м., 183,326 д.); въ епархіяхъ же безъ земскихъ учрежденій—515,814 (419,711 м. и 91,103 дѣв.). Что касается до церковныхъ школъ на Кавказѣ и Сибири, то число ихъ крайне незначительно, въ сравненіи съ числомъ школъ въ Европейской Россіи. Такъ, на Кавказѣ всѣхъ церковныхъ школъ состоитъ—1338, въ томъ числѣ одноклассныхъ—728 и школъ грамоты—585, другихъ—25. Въ Сибири, включая сюда Забайкальскую и Якутскую области, всѣхъ школъ состоитъ 1,993, изъ нихъ одноклассныхъ 769 и школъ грамоты—1,197. Въ соотвѣтствіи съ числомъ школъ и количество учащихся значительно менѣе числа учениковъ церковныхъ школъ центральной Россіи, а именно—на Кавказѣ—50,717 (37,964 м. и 12,753 д.) и въ Сибири—49,357 (38,222 м. и 11,135 дѣвочекъ).

Продается недорого почти новый одноярусный иконостасъ

(отъ упраздненнаго придѣла) въ Покровской церкви
г. Чугуева, Харьковской губ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

ТАЛМУДЪ. МИШНА И ТОСЕФТА.

Критическій переводъ Н. Переферковича. Томъ первый (книга
1 и 2). С.-Петербургъ. Изданіе П. П. Сойкина. 1899 г.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Объ изданіи миссіонерскаго журнала „ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛА- ГОВѢСТНИКЪ“ въ 1899 г. (Седьмой годъ изданія).

Изданіе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“ будетъ продолжаться и въ 1899 году. „Православный Благовѣстникъ“, какъ органъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, по прежнему будетъ имѣть своею цѣлю—съ одной стороны выясненіе великой важности миссіонерскаго служенія для Русской православной церкви и Русскаго государства, а съ другой—возможно-полное и вѣрное изображеніе дѣятельности нашихъ отечественныхъ вѣропроповѣдниковъ (миссіонеровъ), и тѣхъ условій, среди которыхъ она совершается въ настоящее время. Сообщение этихъ, имѣющихъ столь важное церковно-государственное значеніе, свѣдѣній и будетъ составлять главное и существенное содержаніе миссіонерскаго журнала „Православный Благовѣстникъ“. Въ настоящемъ году Редакція предполагаетъ, между прочимъ, обратить особенное вниманіе на изложеніе и опроверженіе магометанства. Программа журнала слѣдующая: I. Отдѣлъ официальный. Постановленія и распоряженія Правительства, касающіяся Миссіонерскаго Общества и его дѣятельности. Распоряженія Совѣта Миссіонерскаго Общества. Его отчеты. Свѣдѣнія о дѣятельности Епархіальныхъ Комитетовъ Общества. II. Руководящія статьи по вопросамъ, касающимся миссіонерскаго дѣла въ Россіи. III. Современное положеніе отечественныхъ миссій. IV. Очерки и разсказы изъ исторіи первоначальнаго распространенія христіанства въ разныхъ странахъ свѣта и преимущественно въ Россіи. Судьбы отечественныхъ миссій въ ближайшемъ прошломъ. V. Миссіонерская дѣятельность на западѣ. Свѣдѣнія о католическихъ и протестантскихъ миссияхъ и ихъ дѣятельности преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ и странахъ, гдѣ эти миссіи вступаютъ въ соприкосновеніе и борьбу съ православіемъ. VI. Извѣстія и замѣтки: краткія отрывочныя свѣдѣнія, относящіяся къ миссіонерскому дѣлу и замѣтныя изъ газетъ, писемъ и пр. VII. Библиографія. Отзывы о разныхъ книгахъ и статьяхъ, относящихся къ миссіонерству. VIII. Извѣстія о пожертвованіяхъ, поступающихъ въ пользу православно-русскихъ миссій. IX. Объявленія. Журналъ выходитъ два раза въ мѣсяцъ (15 и 30) книжками, въ объемѣ не менѣе четырехъ печатныхъ листовъ. Цѣна изданія четыре рубля 50 коп. безъ пересылки и пять рублей съ пересылкою, за границу—шесть рублей. Подписка принимается въ редакціи журнала „Православный Благовѣстникъ“, а также въ канцеляріи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества. Адресъ редакціи и канцеляріи: Москва, Срѣтевка, домъ Спасской церкви. Остающіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры журнала за прошедшіе годы могутъ быть высланы по четыре рубля. Редакторъ Н. Комаровъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 г. (VI г. изд.)
на ежемѣсячный научно-философскій и литературно-
критическій журналъ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Изданіе П. П. Сойкина, подъ ред. д-ра филос. М. М. Филиппова.

Вышелъ 11 марта № 3 (Мартъ). Содержаніе: I. Положительная философія и непознаваемое. Проф. Де-Грефеа. II. Психологическій анализъ понятій о сознаніи и матеріи. Проф. И. Оршанскаго. III. Нѣсколько замѣчаній о законѣ Ньютона. Гильома. IV. Физиологическіи бесѣды. Рефлексы. Проф. А. Герцева. V. Привычка и инстинктъ. Доц. В. Вагнера. VI. Проблема социологіи. Георга Зиммеля. VII. Соціальныя условія римской имперіи наканунѣ намѣсткіи варваровъ. Эрнста. VIII. Вымершія чудовища. В. Дингельштедта. IX. Аграрный вопросъ въ Англіи. Д-ра соц. наукъ В. Тотоміанца. X. Письмо Карла Маркса М. Салгинову по поводу статьи Н. Михайловскаго. XI. Психологія Авенариуса по неизданнымъ матеріаламъ. Д-ра философіи М. Филиппова. XII. Идеализація натурального хозяйства. П. Маслова. XIII. Экономическіи иллюзіи. А. Снина. XIV. Замѣтки о текущей литературѣ: негодныя средства. П. М. XV. Обзоръ журналовъ. XVI. Изъ русскихъ изданій. XVII. Научныя новости. XVIII. Библиографія. XIX. Хроника. XX. Оригинальное примиреніе двухъ теорій. М. Филиппова. XXI. Письмо въ редакцію. Вл. Турина. XXII. Приложенія: 1) Викторъ Фаусекъ. Этюды по вопросамъ биологической эволюціи. 2) В. Львовъ. Соціальныя законы. 3) Верне. Полное собраніе сочиненій. Томъ I. Парижскія письма. Подписныя цѣны: на годъ 7 руб. (за границу 10 руб.) съ доставкой и перес. На 1/2 года 4 руб., на 1/4 г. 2 р. Комплекты за 1898 гольд. 7 р. съ пер. С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. д. № 12, Главная Котора журнала Научное Обозрѣніе. Продолжается подписка на „Научно-энциклопедическій Словарь“. Ц. съ пер. 5 р. За журналъ „Научное Обозрѣніе“ со „Словаремъ“ 10 руб. съ пер.

Безплатно высылается пробный № журнала

„ПРИРОДА И ЛЮДИ“

С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. домъ.

Всѣмъ высылается по требованію безплатно пробный № журнала

„РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“

С.-Петербургъ, Стремянная, 12, собств. домъ.

Новое изданіе П. П. Сойкина

ОСНОВЫ ТРЕЗВОСТИ.

Сборн. научныхъ и литературныхъ статей, съ приложеніемъ устава общества трезвости, положеніемъ и формами. Сост. д-ръ Соболевскій. Цѣна 50 коп., съ пересылкой 70 коп.

Съ требованіями обращаться къ издателю С.-Петербургъ, Стремянная, 12, соб. домъ.

Открыта подписка на 1899 годъ

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ, РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ,
НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КОРМЧИЙ“⁶⁶

(девяностыи годъ изданія).

4 рубля за годъ съ пересылкою, 2 рубля 50 коп. за полгода съ пересылкою.

„Кормчій“ одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами. Въ 1897 г. журналъ получилъ новое одобреніе Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Сергія Александровича и рекомендованъ Имъ къ выпискѣ по войскамъ Московскаго Военнаго округа. Адресъ редакціи: Москва, Орданка, д. Бажановой, (квартира протоіерея Скорбященской церкви). „Кормчій“ предназначается для воскреснаго и праздничнаго народнаго чтенія. Въ виду этого программа изданія его носить характеръ общедоступности, какъ въ выборѣ статей для чтенія, такъ и въ формѣ ихъ изложенія. „Кормчій“ имѣетъ главною своею цѣлю, какъ показывать и самое названіе, путеводить православнаго христіанина, т. е. указывать ему тотъ истинно добрый путь ко спасенію, который Церковь Православную предназначаетъ для всѣхъ чадъ ея. „Кормчій“ и въ 1899 г. будетъ издаваться примѣяясь къ событіямъ недѣли, и такимъ образомъ можетъ служить удобнымъ подспорьемъ для вѣббогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ на весь годъ, въ особенности духовенству; а для мірянъ и христіанскихъ семей благовременнымъ и полезнымъ чтеніемъ въ воскресные и праздничные дни. №№ журнала будутъ украшаться рисунками религиозно-правственнаго содержанія съ соотвѣтствующими поясненіями въ текстѣ. Въ журналѣ „Кормчій“ по прежнему будетъ принимать участіе своими литературн. трудами

извѣстный Кронштадтскій пастырь отецъ Іоаннъ.

Въ 1899 г. Редакція „Кормчій“ дастъ своимъ подписчикамъ: 52 №№ религиозно-правственнаго чтенія и обзоръ событій текущей жизни. 52 №№ иллюстрированнаго бесплатнаго приложенія „*Воскресныя поученія по житіямъ святыхъ*“ и еще 12 №№ иллюстрированныхъ листковъ на двенадцать праздники. Въ ряду другихъ статей въ 1899 г. въ „Кормчьемъ“ будетъ печататься „Жизнь современныхъ подвижниковъ благочестія“, „Толкованіе на Апокалипсисъ“, „Китихизическія поученія на заповѣди о блаженствахъ и на 10 заповѣдей Закона Божія“, статьи „Константинопольская древняя христіанская святиня“ и возобновятся прерванныя на время статьи „Древняя святиня Москвы и ея окрестностей“. Въ редакціи имѣются полные экзemplы „Кормчаго“ за 1893, 94, 95, 96 и 97 гг. Цѣна 1893 г. (сброш.) 2 р. 50 к., 1894 г. (сброш.) 3 р., 1895 г. (сброш.) 3 р., 1896 г. (сброш.) 3 р., 1897 г. (сброш.) 3 р. Листки продаются и отдѣльно отъ журнала по 60 к. за 100 безъ перес. и по 80 коп. за 100 съ перес. Есть сброшюрованныя листки по 40 коп. съ пересылкой. Въ январѣ выйдутъ изъ печати 12 мелкихъ брошюръ съ религиозно-правственными разсказами, Ботаникой, цѣна за брошюру 1 коп. за 100 брош. 90 к. съ перес. и 70 к. безъ перес. Наложеннымъ платежомъ изданія „Кормчаго“ не высылаются. Редакція, дѣлаетъ скидку 40% съ объявленной цѣны для тѣхъ, которые выписываютъ журналъ сразу за всѣ имѣющіеся въ продажѣ годы; при выпискѣ же не менѣе 10 экзempl. журнала за 1899 г., цѣна за каждый экзemplяръ 3 р. 50 к. вмѣсто 4 р.

Протоіерей С. П. Липидевскій
Редакторы—издатели: Священники (І. Н. Бухаревъ.
В. П. Гурьевъ.)

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ
 изданіе П. П. Сойкина XV годъ изданія подъ редакціею А. И. Половцова и при участіи ОЦА ІОАННА КРОНШТАДТСКАГО.
 5 руб. безъ доставки, 6 руб. съ достав. и перес.

52 иллюстрированных № каждый объемомъ въ 16 стран. больш. формат. съ рисунками изъ исторіи русскаго народа и русской православной церкви. 12 ежемѣсячныхъ книгъ каждая объемомъ 180—240 страницъ заключающихъ въ себѣ: историческія повѣсти и рассказы, опис. святыхъ, размышленія на религиозно-нравственныя темы и т. п., и кромѣ того, бесплатно, исполненную красками на металлѣ, копію съ чудотворной Курской иконы Пресвятой Богородицы. „Русскій Паломникъ“ одобренъ всѣми вѣдомствами, въ которыя былъ представленъ. 1897 г. Особымъ Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобренъ для бібліотекъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и для публичныхъ народныхъ чтеній. Подробное объявленіе и пробный № высылаются за 7 копѣечную марку. Въ 12 книжкахъ „Русскаго Паломника“ будетъ тако: 1) *Размышленія о жизни Іисуса Христа*. Соч. Фомы Кемпійскаго. 2) *Опощенцы*. Историческая повѣсть изъ исторіи гоненія на православныхъ на Польшѣ, въ 2-хъ частяхъ. С. Д. Астафьева. 3) *Святыеи велики русскои*. Е. Поселкина. 4) *Царьградскіи инокіи, ч. I*. Исторія Константинопольскаго монастыря до IX вѣка. Сочин. аббата Марена. 5) *Царьградскіи инокіи, ч. II*. Его-же. 6) *Сестры Фаволы*. Повѣсть изъ исторіи гоненія на христіанъ Б. И. Семенова. 7) *Среди расколн. и сектантовъ поволокся*. С. Александрова. 8) *Библия и наука*. Историческія разъясненія къ Ветхому Завѣту. Сочин. Раулинсона. 9) *Конецъ Іуды*. Историческая повѣсть первыхъ временъ христіанства въ Римѣ. С. Колчаковича. 10) *Наши заграничныи миссіи*. С. Архангелова. 11) *Принцессы острова*. А. П. Березова. 12) *Соловецкій бутль*. Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ С. Д. Астафьева.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки въ Спб. 5 руб., въ Москвѣ (у Н. Печковской) 5 руб. 50 коп., съ доставкой въ Спб. и Москвѣ и пересылкою по всей Россіи ШЕСТЬ руб. За границу 8 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 руб., къ 1 Апрѣля 2 р. и къ 1 Юля остальные.

Главная контора: С.-Петербургъ, Стрѣлянная ул., № 12, собственный домъ.

Ученныя записки Императорскаго Казанскаго Университета на 1899 годъ.

Въ Ученныхъ Запискахъ помѣщаются: I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованныя факультетами труды постороннихъ лицъ. II. Въ отдѣлѣ критики и бібліографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертатціи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и заграничій книжкахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; бібліографическіе отзывы и замѣтки. III. Университетскыя лѣтописи: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обзорнѣю коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обзорнѣя преподаванія, распредѣленія лекцій, актовыи отчетъ и проч. IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятникы историческіе и литературныя съ научными комментаріями и памятникы, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные. Ученныя Записки выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній. Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать изъ редакціи по 1 руб. Подписка принимается въ Правленіи университета. Редакторъ *Ө. Мичицко*.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Мая № 9. 1899 года.

Содержаніе. Отчетъ Епархіальнаго наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897/8 учебный годъ.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.—Отъ Игумена Хорошевскаго Монастыря.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897/8 учеб. годъ.

I.

Поѣздки Епархіальнаго Наблюдателя для осмотра церковныхъ школъ и ревизіи Уѣздныхъ Отдѣленій и распоряженія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта по отчетамъ о сихъ поѣздкахъ. Какія изъ предложеній епархіальнаго наблюдателя къ улучшенію церковно-школьнаго дѣла въ епархіи не были приняты или одобрены Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ и по какимъ основаніямъ.

Въ отчетномъ учебномъ году епархіальнымъ наблюдателемъ были осматриваемы школы Богодуховскаго, Валковскаго, Зміевского, Изюмскаго, Купянскаго, Старобѣльскаго и Харьковскаго уѣздовъ, и были обревизованы уѣздныя отдѣленія: Ахтырское, Богодуховское, Волчанское, Зміевское, Изюмское, Купянское, Лебединское, Старобѣльское, Сумское и Харьковское.

1. Первая ревизія церковныхъ школъ Харьковскаго и Изюмскаго уѣздовъ была предпринята епархіальнымъ наблюдателемъ совместно съ Его Превосходительствомъ наблюдателемъ церковныхъ школъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія д. с. с. В. И. Шемякинымъ. По поводу означенной поѣздки епархіальнымъ наблюдателемъ былъ сдѣланъ докладъ Его Высокопреосвященству Архіепископу Харьковскому Амвросію о поощреніи за труды по народному образованію Изюмскаго уѣзднаго наблюдателя свящ. Петра Скубачевскаго и завѣдующаго Славянскою второклассною школою свящ. Николая Доброславскаго. Его Высокопреосвященству на до-

кладѣ семь благоугодно было положить резолюцію о внесеніи сихъ лицъ въ наградной списокъ для представленія въ Св. Синодъ, вслѣдствіе чего вышеупомянутыя лица были удостоены соотвѣтствующихъ наградъ.

2. По поводу той же ревизіи въ епархіальный училищный Совѣтъ былъ сдѣланъ докладъ о преобразованіи церковно-приходской школы с. Богородичнаго Изюмскаго уѣзда, въ виду незначительнаго количества дѣтей школьнаго возраста въ означенномъ селѣ и обширности помѣщенія земской школы, вполне удовлетворяющей нуждамъ населенія,—въ воскресную школу для взрослыхъ. Докладъ сей Совѣтомъ утвержденъ, причемъ Богородичанская воскресная школа въ отчетномъ году находилась въ удовлетворительномъ состояніи.

3. Выбѣтъ съ тѣмъ было доложено, что а) при посѣщеніи церковно-приходской школы при Мѣщанской богадѣльнѣ въ г. Харьковѣ Г. Наблюдателемъ церковныхъ школъ въ Имперіи на урокъ церковнаго пѣнія къ руководству учителей было выражено: церковное пѣніе должно быть обще-школьнымъ и тогда только будетъ имѣть поистинѣ воспитательный характеръ, когда всѣ учащіеся, а не лучшіе голоса, будутъ принимать участіе въ пѣніи; церковный хоръ по возможности такъ же долженъ состоять изъ всѣхъ дѣтей школы. б) При ревизіи Всесвятской церковно-приходской школы въ г. Харьковѣ на урокъ руководѣнія для дѣвочекъ тѣмъ же Наблюдателемъ была выражена мысль, что руководѣіе въ школахъ для дѣвочекъ должно составлять необходимое восполненіе учебной программы. г) Въ Свято-Духовской церковно-приходской школѣ въ г. Харьковѣ по вопросу о постановкѣ преподаванія Закона Божія Василій Ивановичъ Шемякинъ высказалъ, что преподаваніе Закона Божія не должно быть формальнымъ выполненіемъ учебной программы, а должно быть связано со всею жвзнію школы, чтобы законоучитель и священно-служитель въ преподаваніи дѣтямъ Закона Божія объединялся въ одно лицо пастыри—воспитателя, чтобы всѣ текуція событія церковной жизни, независимо отъ программы и сверхъ этой программы, были сообщаемы дѣтямъ наканунѣ ихъ празднованія и чтобы наканунѣ всѣхъ праздничныхъ и воскресныхъ дней дѣти были ознакомлены съ содержаніемъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній. Одновременно съ этимъ, слушая чтеніе по русскому и церковно-славянскому языку в отвѣты учениковъ по численію, и рассматривая пись-

менныя работы учащихся, г. Шемякинъ дѣлалъ соотвѣтствующія указанія и разъясненія. Тѣ же указанія были сдѣланы имъ и при посѣщеніи церковныхъ школъ Изюмскаго уѣзда.

Епархіальный Училищный Совѣтъ сдѣланныя г. наблюдателемъ церковныхъ школъ въ Имперіи указанія принялъ къ свѣдѣнію.

4. При посѣщеніи Славянской второклассной церковно-приходской школы Изюмскаго уѣзда Василій Ивановичъ Шемякинъ въ присутствіи членовъ педагогическаго персонала выяснилъ цѣли и задачи второклассной школы, постановку преподаванія предметовъ курса второклассныхъ школъ, организацію общежитія и мѣры воспитанія учащихся. Особое же значеніе онъ придавалъ совѣщательнымъ собраніямъ членовъ школьной корпораціи для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, касающихся благоустройства второклассной школы въ учебно-воспитательномъ и матеріальномъ отношеніяхъ.

5. Вслѣдствіе этого, по мысли и указанію Василя Ивановича Шемякина и по обсужденію озваченнаго вопроса на сѣздѣ наблюдателей епархіальнымъ наблюдателемъ былъ представленъ въ епархіальный училищный Совѣтъ нижеслѣдующій проектъ учрежденія при второклассныхъ школахъ Харьковской епархіи школьныхъ совѣтовъ съ правилами для дѣятельности второклассныхъ школъ.

А. *Школьный совѣтъ* а) Для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, касающихся благоустройства второклассной школы въ учебно-воспитательномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, при второклассной школѣ учреждается школьный совѣтъ. б) Въ составъ школьнаго совѣта входятъ въ качествѣ предсѣдателя—о. завѣдующій второклассной школы и въ качествѣ членовъ онаго: старшій и младшій учителя второклассной школы, учитель образцовой школы при второклассной и попечитель школы.

Б. *Общая правила для дѣятельности второклассныхъ школъ.*

а) При второклассной школѣ устраивается общежитіе, какъ необходимое условіе ея существованія. б) Второклассная школа служить не только нуждамъ того села, гдѣ она устроена, но потребностямъ всего уѣзда, къ которому она принадлежитъ; въ ней по возможности должно быть по одному ученику изъ каждаго села. в) Во второклассную школу принимаются мальчики, если школа мужская, и дѣвочки, если школа женская, въ возрастѣ 13—14 лѣтъ, окончившіе курсъ одно-

классной школы съ свидѣтельствомъ на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности или съ похвальными листами. Могутъ быть приняты в дома подготовленные дѣти по особому испытанію. Если желающихъ поступить въ школу окажется болѣе чѣмъ имѣется свободныхъ вакансій, то всѣмъ производится тщательный экзаменъ и изъ имѣющихъ равныя познанія по предметамъ курса одноклассной школы дается преимущество ученикамъ болѣе успѣвшимъ въ церковномъ чтеніи и пѣніи; г) ученики изъ окончившихъ успѣшно двухклассную школу того или другого вѣдомства, могутъ быть приняты, послѣ повѣрочнаго испытанія, во второе отдѣленіе второклассной школы. д) При второклассной школѣ обязательно должны быть устроены примѣрная школьная бібліотека и праздничныя народныя чтенія; е) необходимымъ дополненіемъ курса второклассной школы является устройство разнаго рода мастерскихъ, а также садоводства, огородничества, пчеловодства, шелководства, и, гдѣ будетъ возможно, полеводства; ж) изъ мастерскихъ самыя необходимыя для развитія сельскаго хозяйства и народнаго благосостоянія — столярная, кузнечно-слесарная и сапожно-шорная. з) Второклассная школа даетъ своимъ питомцамъ приличное помѣщеніе, обученіе по установленнымъ программамъ и всѣ необходимыя учебныя руководства и пособія. Что-же касается до ихъ содержанія, т. е., пищи и одежды, то его принимаютъ на себя сами родители.

В. Права и обязанности о. завѣдующаго. Завѣдующему принадлежитъ право руководства и общаго надзора по всѣмъ отраслямъ школьнаго дѣла: а) сношеніе по дѣламъ школы съ уѣзднымъ и епархіальнымъ наблюдателями, уѣзднымъ отдѣленіемъ и епархіальнымъ училищнымъ Совѣтомъ; б) завѣдываніе матеріальною частію школы, полученіе и расходваніе суммъ, поступающихъ на содержаніе школы и отчетность по этой статьѣ въ установленномъ порядкѣ; в) наблюденіе за аккуратнымъ исполненіемъ обязанностей служащими при школѣ; г) руководство и направленіе преподаванія предметовъ сообразно цѣлямъ и задачѣ второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и наблюденіе за надлежащимъ выполненіемъ учебной программы; д) общій надзоръ за направленіемъ развитія и воспитанія учениковъ; е) составленіе годичныхъ отчетовъ о состояніи школы за учебный годъ; ж) завѣдующій созываетъ школьный совѣтъ для совмѣстнаго обсужденія и рѣшенія вопросовъ касающихся благоустроенія школы.

Г. Права и обязанности старшаго учителя второклассной школы: а) за отсутствіемъ завѣдующаго по школѣ его мѣсто занимаетъ старшій учитель. Къ прямымъ обязанностямъ старшаго учителя относятся: б) наблюденіе за выполненіемъ распредѣленія времени учебнаго дня—молитвой утренней и вечерней, дневными и вечерними занятіями и проч.; в) общій надзоръ за школою: наблюденіе за чистотою школьныхъ помѣщеній, за цѣлостію школьнаго имущества, завѣдываніе хозяйственною частію училища и распоряженіе прислугой; г) старшій же учитель завѣдуетъ: приѣмомъ, храненіемъ и выдачей съѣстныхъ припасовъ, кладовой, столовой и кухней.

Д. Права и обязанности младшаго учителя второклассной школы. На обязанности младшаго учителя второклассной школы лежить: а) завѣдываніе бібліотекой: веденіе бібліотечной книги, наблюденіе за чистотою и цѣлостію книгъ, выдача книгъ ученикамъ для внѣкласснаго чтенія, завѣдываніе учебными пособіями (географическими картами, картинами, физическими приборами и проч.), письменными принадлежностями и вообще всѣмъ, что относится къ учебной части; б) завѣдываніе ремесленными классами, а именно: наблюденіе за аккуратнымъ посѣщеніемъ уроковъ учителями—ремесленниками, распредѣленіе учениковъ на группы для посѣщенія ремесленныхъ классовъ, наблюденіе за аккуратнымъ посѣщеніемъ учениками ремесленныхъ классовъ и ихъ поведеніемъ, контроль записей пройденныхъ работъ и забота о цѣлости инструментовъ и приборовъ.

Е. Общія обязанности учителей второклассныхъ школъ. а) Въ воскресные и праздничные дни, а также въ дни Великаго поста, всѣ учителя сопровождаютъ учениковъ въ церковь, присутствуютъ во время Богослуженій и слѣдятъ за поведеніемъ ихъ. б) Въ учебные дни учителя второклассныхъ школъ устанавливають по школѣ между собою дежурство по очереди. в) дежурный учитель обязательно присутствуетъ на молитвѣ утренней и вечерней, слѣдитъ за поведеніемъ учениковъ на вечернихъ занятіяхъ и во время прогулокъ, контролируетъ спальныя комнаты. г) Школа ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оставлена безъ присутствія кого либо изъ учителей.

Ж. Права и обязанности учителя одноклассной церковно-приходской школы при второклассной. а) Одноклассная образцовая церковно-приходская школа при второклассной не представ-

ляется собою обособленной школы, а является неразрывною частию второклассной школы, органически связанной съ ней. Посему и учитель ея является полноправнымъ членомъ училищной корпораціи второклассной школы, присутствуетъ на экзаменахъ ея учениковъ съ правомъ голоса и принимаетъ участіе въ совѣщаніяхъ по дѣламъ школы. б) При практическихъ занятіяхъ учениковъ второклассной школы съ учениками одноклассной, онъ руководитъ ими, дѣлаетъ оцѣнку работъ и познаній каждаго изъ нихъ и свои замѣтки вноситъ въ особый журналъ. в) Журналъ съ оцѣнкою работъ, способностей, трудолюбія и другими отмѣтками учитель ежемѣсячно вноситъ на разсмотрѣніе школьнаго совѣта. г) Программа практическихъ занятій учениковъ второклассной школы, методъ и форма журнала вырабатываются при участіи учителя образцовой школы школьнымъ совѣтомъ. д) При занятіяхъ съ учениками образцовой школы, въ прохожденіи программы, въ надзорѣ за учениками, завѣдываніи бібліотекой и во всѣхъ другихъ случаяхъ, касающихся благоустроенія одноклассной церковно-приходской школы, учитель поступаетъ въ предѣлахъ инструкціи для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. е) Учитель одноклассной школы не держитъ очереди дежурства съ другими учителями по присмотру за второклассной школой.

Этотъ проектъ школьнаго совѣта при второклассной школѣ, по надлежащемъ разсмотрѣніи въ епархіальномъ Уч. Совѣтѣ, представленъ въ Уч. Совѣтѣ при Св. Синодѣ на утвержденіе.

Вслѣдъ за симъ по поводу пѣздки по церковнымъ школамъ епархіи епархіальнымъ наблюдателемъ были сдѣланы нижеслѣдующіе наиболѣе важные доклады въ епархіальный Училищный Совѣтъ.

6. Докладъ епархіальнаго наблюдателя о томъ, что въ составъ учащихся второклассныхъ школъ поступаютъ лица малоподготовленные, съ полузабытыми знаніями курса одноклассной школы, въ большинствѣ изъ того центрального пункта, въ которомъ существуетъ самая школа. Это обстоятельство неблагопріятно отражается на успѣхахъ обученія, а съ другой стороны ставтъ въ прямомъ противорѣчій съ задачею второклассной школы, которая должна удовлетворить нуждамъ всего уѣзда. вмѣстѣ съ тѣмъ въ видахъ упорядоченія школьнаго дѣла епархіальнымъ наблюдателемъ были предложены соотвѣтствующія мѣры. Раздѣляя предположенія епархіальнаго наблюдателя, епархіальный училищный Совѣтъ опредѣлялъ: а) вмѣнять экзаменаціоннымъ

комиссіямъ въ обязанность, чтобы онѣ, представляя въ уѣздныя отдѣленія свѣдѣнія о послѣдствіяхъ испытаній, вмѣстѣ съ симъ указывали и способныхъ кандидатовъ на поступленіе во второклассныя школы; а на уѣздныя отдѣленія возложить обязанность доставлять свѣдѣнія о таковыхъ ученикахъ епархіальному училищному Совѣту; в) предложить оо. завѣдующихъ школами располагать способныхъ учениковъ къ поступленію во второклассныя школы и тѣмъ изъ нихъ, которые не достигли тринадцатилѣтняго возраста въ годъ окончанія курса въ одноклассныхъ школахъ, не отказывать въ посѣщеніи этихъ школъ въ качествѣ практикантовъ; г) такъ какъ содержаніе учащихся въ общежитіяхъ второклассныхъ школъ родители должны принимать на свой счетъ, то на будущее время требовать отъ оо. завѣдующихъ одноклассными школами, чтобы они при рекомендаціи достойныхъ кандидатовъ на поступленіе во второклассныя школы сообщали и о томъ, въ состояніи ли ихъ родители доставлять необходимое содержаніе въ годъ натурою или деньгами и г) къ обязанностямъ оо. завѣдующихъ отнести расположеніе сельскихъ обществъ къ учрежденію стипендій на содержаніе учащихся во второклассныхъ школахъ.

7. По докладу того же наблюдателя объ осмотрѣ новыхъ пунктовъ для открытія второклассныхъ школъ: а) въ сл. Бѣлоупкѣ Старобѣльскаго уѣзда, б) въ сл. Бѣловодскѣ того же уѣзда и в) въ Сватовой Лучкѣ Купянскаго уѣзда, епархіальный училищный Совѣтъ опредѣлялъ, принявъ оный къ свѣдѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ предложить уѣзднымъ отдѣленіямъ озаботиться доставленіемъ плана и смѣты на устройство зданій второклассныхъ школъ въ означенныхъ пунктахъ.

8. Въ исполненіе предложенія епархіальнаго училищнаго Совѣта озаботиться изготовленіемъ плана и смѣты для устройства второклассной школы въ с. Колонтаевѣ Богодуховскаго уѣзда, епархіальнымъ наблюдателемъ былъ представленъ общій типъ постройки примѣнительно ко всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ ко второклассной школѣ въ учебно-воспитательномъ и гигиеническомъ отношеніяхъ; одновременно съ этимъ была представлена и смѣта на устройство зданія второклассной школы въ с. Котельвѣ Ахтырскаго уѣзда. Планъ и смѣта, составленные епархіальнымъ архитекторомъ, епархіальнымъ училищнымъ Совѣтомъ признаны удовлетворяющими всѣмъ требованіямъ второклассной школы и

препровождены въ училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ для обязательнаго разрѣшенія вопроса объ открытіи въ означенномъ пунктѣ второклассной школы.

9. Докладная записка епархіальнаго наблюдателя по вопросу о реорганизациіи учебной части въ Ново-Водолажской, Валковскаго уѣзда, и Андреевской, Зміевскаго уѣзда, двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ на слѣдующихъ основаніяхъ: а) продолжительность учебнаго курса должна быть не болѣе двухъ лѣтъ—по два года въ первомъ и по 2 во второмъ классахъ; б) приемъ учащихся въ школахъ производить чрезъ годъ полностью въ соотвѣтствіе класснымъ помѣщеніямъ; в) учительство въ первыхъ классахъ возложить на штатныхъ діаконовъ и во вторыхъ классахъ—на наемныхъ лицъ съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ, или же получившихъ надлежащую педагогическую подготовку, а завѣдываніе школами и преподаваніе Закона Божія отнести къ обязанностямъ мѣстныхъ приходскихъ священниковъ. Основаніемъ для раздѣленія сихъ школъ только на двѣ группы по классамъ служатъ нижеслѣдующія соображенія: аа) при одной группѣ учащихся на каждаго учителя успѣхи могутъ быть гораздо больше, а трудъ учителя—меньше; бб) при раздѣленіи учащихся на 4 или 5 группъ необходимо открывать вакансію третьяго учителя, на содержаніе котораго ни въ уѣздныхъ отдѣленіяхъ, ни въ Совѣтѣ средствъ не имѣется; вв) при распредѣленіи учениковъ на двѣ группы, вмѣсто четырехъ, нарушеній утвержденныхъ Св. Синодомъ программъ и правилъ о двухклассныхъ школахъ не будетъ.—Признавая предположенія епархіальнаго наблюдателя относительно распредѣленія учащихся въ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ Ново-Водолажской и Андреевской на двѣ группы вполне цѣлесообразнымъ, Совѣтъ опредѣлилъ испросить у Его Высокопреосвященства разрѣшенія о приведеніи сихъ предположеній въ дѣйствіе. Въ настоящее время объ школы, примѣнительно къ вышеизложеннымъ основаніямъ, реорганизуются.

10. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Совѣтъ было представлено росписаніе уроковъ въ Ново-Водолажской и Андреевской двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ, составленное примѣнительно къ реорганизациіи учебнаго строя въ сихъ школахъ и росписаніе уроковъ въ Александро-Невской двухклассной церковно-приходской школѣ въ г. Харьковѣ, составленное примѣнительно къ попредметной системѣ обученія, введенной по предложенію епархіаль-

наго наблюдателя, съ дополнительнымъ курсомъ черченія. Проекты росписаній епархіальнымъ училищнымъ Совѣтомъ утверждены и для руководства разсланы по школамъ.

11. Докладъ епархіальнаго наблюдателя о состояннн библіотекъ при церковныхъ школахъ Харьковской епархіи, о неотложной необходимости пополнить существующія при школахъ библіотеки изданіями Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ и объ открытіи новыхъ библіотекъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ докладчика Совѣтъ опредѣлялъ: а) считать существующими формально и состоящими на отчетности библіотеки при 117 церковныхъ школахъ; б) признать весьма полезнымъ вновь учредить библіотеки при 43 церковныхъ школахъ; в) признать подлежащими пополненію изданіями Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ 100 библіотекъ при церковныхъ школахъ бѣднѣйшихъ селъ; г) поручить епархіальному наблюдателю при посредствѣ уѣздныхъ наблюдателей вмѣнить въ обязанность оо. завѣдующимъ школами: аа) завести каталоги книгъ школьныхъ библіотекъ и бб) принять на себя личную заботу по восполненію школьныхъ библіотекъ потребными книгами; д) Такъ какъ для обезпеченія школьныхъ библіотекъ въ Совѣтѣ средствъ не имѣется, то испросить у Его Высокопреосвященства разрѣшенія войти съ ходатайствомъ въ Училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ объ ассигнованн 10.000 руб. изъ спеціальныхъ казенныхъ суммъ Св. Синода на означенный предметъ.

12. Докладъ его же о супругахъ священнослужителей, безмездно трудящихся на пользу школьнаго дѣла, и о нѣкоторыхъ наиболѣе ревностныхъ оо. завѣдующихъ, оо. законоучителяхъ и учителяхъ, о попечителяхъ школъ, выдающихся своими пожертвованіями на устройство школьныхъ зданій—съ ходатайствомъ о поощренн и награжденн оныхъ за ихъ труды на процвѣтанн и развитн школьнаго дѣла,—епархіальнымъ училищнымъ Совѣтомъ были утверждены съ ходатайствомъ предъ Его Высокопреосвященствомъ объ ихъ награжденн и поощренн.

13. Докладная записка епархіальнаго наблюдателя о произведенныхъ въ присутствн его экзаменаціонныхъ испытаннхъ въ церковныхъ школахъ Богодуховскаго, Валковскаго, Зміевскаго и Харьковскаго уѣздовъ и заявленн о томъ, насколько замѣтно вліяніе второклассныхъ курсовъ на улучшенн учебнаго дѣла въ школахъ, учителя коихъ были командированы для слушанн педагогическихъ курсовъ въ г. Харьковѣ, Совѣтомъ приняты къ свѣдѣнн.

14. Предложенія тогоже наблюдателя объ открытіи церковныхъ школъ: а) въ сл. Аянино Лебединскаго уѣзда, б) въ г. Золочевѣ Харьковскаго уѣзда и в) въ Дементьевскихъ хуторахъ Харьковскаго уѣзда, съ указаніемъ помѣщеній, завѣдующихъ и учителей означенныхъ школъ,—Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ утверждены и соотвѣтствующія распоряженія по нимъ сдѣланы.

15. Заявленіе его же о томъ, не найдетъ ли Совѣтъ благовременнымъ, вслѣдствіе широкаго развитія школьнаго строительства въ епархіи, пригласить особаго архитектора, который отъ имени Совѣта вѣдалъ бы школьныя и церковно-школьныя постройки. Означенное предложеніе Совѣтомъ принято, причемъ съ своей стороны Совѣтъ предположилъ обратиться съ предложеніемъ къ одному изъ архитекторовъ, на какихъ условіяхъ онъ изъявитъ согласіе принять на себя труды по составленію плановъ и смѣтъ на постройку зданій для церковныхъ школъ епархіи и по содержанию ожидаемаго отзыва войти въ сужденіе, каковое и представить на Архипастырское благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

16. Доклады епархіальнаго наблюдателя о назначеніи субсидій изъ имѣющихся въ распоряженіи Совѣта казенныхъ средствъ на устройство зданій для нѣкоторыхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи. Согласно симъ ходатайствамъ Совѣтъ опредѣлилъ изъ указаннаго источника назначить испрашиваемыя субсидіи на сооруженіе зданій для церковныхъ школъ: а) въ хуторѣ Веселомъ Ахтырскаго у., б) въ деревнѣ Луговкѣ Богодуховскаго у., г) въ г. Чугуевѣ при Скорбященской церкви, д) въ с. Кривой Лукѣ Изюмскаго у., е) въ с. Волобуевкѣ того же уѣзда, ж) въ хуторѣ Верхне-Покровскомъ Кулянскаго у., з) въ с. Ново-Павловкѣ Старобѣльскаго у., и) въ сл. Дементьевкѣ Харьковскаго у., и к) въ сл. Хрущовой Нивитовкѣ Богодуховскаго у.

17. Его же докладная записка съ подробнымъ разъясненіемъ обстоятельствъ дѣла о томъ, что Зміевское Земское Собраніе постановило отказать въ пособіи церковнымъ школамъ въ размѣрѣ 1400 руб., со внесеніемъ сего расхода въ смѣту на нужды народныхъ училищъ, находящихся въ вѣдѣніи земства,—Совѣтъ опредѣлилъ принять къ свѣдѣнію.

18. Докладъ его же о состояніи церковныхъ школъ Старобѣльскаго уѣзда съ присоединеніемъ ходатайства предъ Совѣтомъ о необходимости въ предстоящемъ году оказать школамъ Старобѣльскаго уѣзда, преимущественно предъ прочими уѣздами, денежную

субсидію на сооруженіе школьныхъ зданій—опредѣлили принять къ свѣдѣнію.

19. Докладъ епархіального наблюдателя о томъ, что въ нѣкоторыхъ школахъ Старобѣльскаго уѣзда оо. завѣдующіе медлятъ открытіемъ учебныхъ занятій въ началѣ учебнаго года, а учителя—діаконы школъ ради исполненія приходскихъ требъ въ учебные часы отвлекаются отъ школьныхъ занятій съ дѣтьми. Совѣтъ опредѣлилъ: а) подтвердить чрезъ уѣздныя отдѣленія оо. завѣдующимъ школами, чтобы открытіе учебныхъ занятій во ввѣренныхъ имъ школахъ было не позднѣе 2 октября и закрытіе оныхъ не ранѣе 1 мая, б) на уѣздныя отдѣленія в уѣздныхъ наблюдателей возложить обязанность имѣть постоянный надзоръ за тѣмъ, чтобы учителя—штатные діаконы и, по возможности, другіе члены церковнаго клира, состоящіе на учительской службѣ, безъ крайней надобности не были отвлекаемы въ учебные часы отъ исполненія своихъ обязанностей по школамъ, для участія въ отиравленіи приходскихъ требъ, и в) чтобы въ случаѣ освобожденія учительскихъ должностей въ учебное время, за переходомъ на службу въ другія мѣста или по инымъ обстоятельствамъ, приходскіе священники принимали на себя исполненіе учительскихъ обязанностей, впредь до замѣщенія свободныхъ вакансій правоспособными лицами.

20. Докладъ того же наблюдателя о необходимости учрежденія при уѣздныхъ отдѣленіяхъ школьной комиссіи для рѣшенія не терпящихъ отлагательства дѣлъ. Въ виду того, что уѣздныя отдѣленія очередныхъ засѣданій не устраиваютъ, открывая эти засѣданія по назначенію оо. предсѣдателей по мѣрѣ накопленія текущихъ бумагъ и вслѣдствіе этого медлятъ рѣшеніемъ неотложныхъ дѣлъ, Совѣтъ опредѣлилъ просить у Его Высокопреосвященства разрѣшенія на учрежденіе школьныхъ комиссій при уѣздныхъ отдѣленіяхъ Совѣта для рѣшенія нетерпящихъ отлагательства дѣлъ и, въ случаѣ соизволенія на сіе Высокопреосвященнѣйшаго Владыки, предложить уѣзднымъ отдѣленіямъ представить Совѣту на утвержденіе личный составъ комиссій.

21. По докладу того же наблюдателя о послѣдствіяхъ ревизій нѣкоторыхъ уѣздныхъ отдѣленій, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣлопроизводство находится не въ надлежащемъ порядкѣ и что канцелярскіе архивы не вездѣ сохраняются въ должномъ видѣ,—Совѣтъ опредѣлилъ поручить оному наблюдателю сдѣлать надлежаще распоряженіе касательно правильнаго веденія дѣлопро-

изводства уѣздныхъ отдѣленій и касательно храненія поступающихъ въ оныя бумагъ.

22. Докладъ его же о томъ, что приходо-расходныя книги нѣкоторыхъ уѣздныхъ отдѣленій и кассовыя операціи съ мѣстными денежными средствами не представляютъ единообразія и порядка и что для урегулированія этой стороны дѣятельности отдѣленій движеніе мѣстныхъ средствъ онаго и завѣдываніе ими необходимо оформить опредѣленными правилами. По сему докладу еперхіальный уч. Совѣтъ сдѣлалъ постановленіе, чтобы предложенный епархіальнымъ наблюдателемъ проектъ о кассовыхъ операціяхъ въ уѣздныхъ отдѣленіяхъ представить на Архипастырское благоусмотрѣніе и, по утвержденіи онаго, разослать въ уѣздныя отдѣленія къ руководству.

23. вмѣстѣ съ тѣмъ относительно уѣздныхъ отдѣленій къ свѣдѣнію Совѣта было докладываемо о нуждахъ ихъ, объ отношеніи членовъ отдѣленій къ посѣщенію собраний, о нѣкоторыхъ наиболѣе удобныхъ для школьнаго дѣла измѣненіяхъ въ дѣлахъ отдѣленій, о наличномъ составѣ ихъ и другихъ частныхъ сторонахъ дѣятельности отдѣленій.

Вообще же справедливость требуетъ сказать относительно уѣздныхъ отдѣленій, что ихъ дѣятельность съ каждымъ годомъ расширяется и становится болѣе и болѣе плодотворною. Опираясь въ своей дѣятельности на Высочайше утвержденныя правила объ Уѣздныхъ Отдѣленіяхъ отъ 26 февраля 1896 года и распоряженія Совѣта, они, какъ ближайшіе органы церковно-школьнаго управленія, непосредственно вѣдающіе подвѣдомственные имъ церковныя школы, всегда были отзывчивы на тѣ или другія нужды школъ. Въ отчетномъ году особенное вниманіе уѣздныхъ отдѣленій было обращено на сооруженіе новыхъ школьныхъ зданій, числомъ около 50. Распредѣленіе и выдача денежныхъ суммъ между школами и учителями бѣднѣйшихъ школъ также составляло предметъ непрерывныхъ заботъ отдѣленій въ теченіи всего отчетнаго года. Изысканіе матеріальныхъ средствъ для содержанія церковно-приходскихъ школъ, пріисканіе, назначеніе и увольненіе учителей, снабженіе школъ учебными пособиями и книгами для вышelasснаго чтенія, составленіе экзаменаціонныхъ комиссій, производство экзаменовъ и провѣрка экзаменаціонныхъ протоколовъ, ходатайство объ утвержденіи членовъ отдѣленій, попечителей школъ и объ увольненіи ихъ, ходатайство предъ Совѣтомъ о поощреніи денежными и по.

чтенными наградами лицъ наиболѣ ревностно относящихся къ школьному дѣлу, постоянное письменное сношеніе по дѣламъ школъ съ отдѣльными лицами и учрежденіями, исполнительная дѣятельность по дѣламъ Совѣта, обсужденіе мѣръ къ поддержанію и развитію народнаго образованія въ духѣ Православной Церкви, — всѣ эти и многія другія стороны школьнаго дѣла составляли предметъ обсужденій и дѣятельности уѣздныхъ отдѣленій въ отчетномъ году. По всѣмъ означеннымъ вопросамъ уѣздныя отдѣленія въ своихъ засѣданіяхъ заслушивали прошенія, заявленія, предложенія и доклады уѣздныхъ наблюдателей, оо. завѣдующихъ, законоучителей или учителей, отдѣльных лицъ и учреждений и составляли журналы, кои были препровождаемы на утвержденіе въ епархіальный училищный Совѣтъ.

Но дѣятельность членовъ отдѣленій не ограничивается ихъ участіемъ въ засѣданіяхъ и изложенными въ журналахъ предметами ихъ занятій. Многіе члены отдѣленія и внѣ обычныхъ своихъ засѣданій продолжали принимать дѣятельное участіе въ школьномъ дѣлѣ: они осматривали церковно-приходскія школы и школы грамоты, знакомились на мѣстѣ съ ходомъ школьныхъ построекъ или же исполняли порученія отдѣленія и Совѣта, касающіяся церковно-школьнаго дѣла. Вслѣдствіе этого въ засѣданіяхъ они являлись живыми свидѣтелями состоянія церковно-школьнаго дѣла и въ значительной мѣрѣ способствовали уясненію дѣйствительнаго положенія церковныхъ школъ. Сверхъ того нѣкоторые изъ нихъ въ качествѣ завѣдующихъ школами, жертвователей и благотворителей или же уполномоченныхъ лицъ съ ходатайствомъ предъ земскими, сельскими и волостными обществами оказали большое матеріальное содѣйствіе процвѣтанію церковныхъ школъ, о чемъ изложено будетъ ниже.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

Совѣтъ Училища извѣщаетъ духовенство Харьковской епархіи, что пріемные экзамены для поступленія въ приготовительный, первый и въ остальные классы, а также и передержка экзаменовъ во всѣхъ классахъ Училища назначены на 17 и 18 августа н. г.; при чемъ Совѣтъ Училища предупреждаетъ, что всѣ дѣвицы, которыя не явятся въ означенные дни къ экзамену, или переекза-

меновѣ, не будутъ въ послѣдствіи допущены вовсе, а къ переизаменованію—безъ представленія достаточно уважительныхъ причинъ неяви своевременно.

Отъ Игуменіи Хорошевскаго монастыря.

Г-жа игуменія Хорошевскаго монастыря извѣщаетъ, что отпускъ дѣтей, учащихъ въ Дѣтскомъ Пріютѣ, на предстоящія каникулы, послѣдуетъ 22 мая сего 1899 года.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Преображенской церкви, слоб. Великаго Бурлука, Волчанскаго уѣзда, Петръ *Лукашевъ*, награжденъ скуфьею.

— Священникъ с. Перекопа, Валковскаго уѣзда, Павелъ *Феневъ*, опредѣленъ на священническое мѣсто при Митрофаніевской церкви с. Валвятина, Изюмскаго уѣзда.

— Священникъ Вознесенской церкви, с. Нинифоровки, Изюмскаго уѣзда, Георгій *Воробьевъ*, волею Божіею, умеръ; а на его мѣсто опредѣленъ священникъ Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря Гавриилъ *Якубовичъ*.

— Безмѣстный діаконъ Константинъ *Федоровъ* опредѣленъ на псаломщическое мѣсто при Покровской церкви, с. Рѣдкодуба, Изюмскаго уѣзда.

— Заштатный діаконъ-псаломщикъ Иверско-Богородичной церкви, села Бѣжевки, Лебединскаго уѣзда, Іустинъ *Григоровичъ*, 31 марта н. г., волею Божіею, умеръ.

— Псаломщикъ с. Радьковскихъ Песокъ, Купянскаго уѣзда, Иванъ *Жуковъ*, перемѣщенъ на псаломщическое мѣсто къ Крестовоздвиженской церкви г. Изюма, на мѣсто н. д. псаломщика Василя *Иваницкаго*, отрѣшеннаго отъ мѣста.

— Псаломщикъ Соборной Успенской церкви, города Богодухова, Иванъ *Соболевъ*, перемѣщенъ на псаломщическое мѣсто при церкви слободы Александровки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Покровской церкви сл. Нижней Сыроватки, Сумскаго уѣзда, отставной унтеръ-офицеръ Иванъ *Лободюкъ*; Казанской церкви сл. Чупаховки, Лебединскаго уѣзда, крест. Александръ *Матющенко*; Пятницкой церкви с. Великаго Исторпа, Лебединскаго уѣзда, дворянинъ Георгій *Кондратьевъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Положеніе церковнаго и школьнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги.—Дѣятельность епархіальныхъ братствъ.—Устройство миссіонерскихъ кружковъ.—Единоувѣрческія церкви.—Иконописныя школы.

Минувшій пятый отчетный годъ существованія фонда имени Императора Александра III, образованнаго по мысли нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича, начался при весьма благоприятныхъ условіяхъ,—въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ 1898 года на церковно-строительное дѣло въ Сибири поступило нѣсколько крупныхъ суммъ. Тѣмъ не менѣе изъ 138 заложенныхъ храмовъ окончено постройкою только 59. Остается достроить 79 церквей и при многихъ изъ нихъ устроить помѣщеніе для причта, безъ чего не можетъ быть назначенъ въ церковь священникъ, и начато совершеніе богослуженія.

Какъ ни велика нужда въ Сибири въ умноженіи числа храмовъ, тѣмъ не менѣе въ настоящее время всѣ усилія должны быть направлены на довершеніе уже начатыхъ церквей, которыя, если будутъ стоять недостроенными, рискуютъ поддаться разрушительному дѣйствию сибирскихъ бурь и непогодъ.

Многіе изъ поминутыхъ 79 храмовъ очень недалеко отъ окончанія и, въ случаѣ поступленія новыхъ пожертвованій, могли бы быть освящены въ теченіе настоящаго же 1899 года. Изъ такихъ церквей прежде всего слѣдуетъ указать на три лучшіе по архитектурѣ храма, строящіяся на средства фонда при станціяхъ: Петропавловскѣ, Омскѣ и Обѣ (въ поселкѣ Ново-Николаевскомъ).

Въ этихъ многочислѣннѣйшихъ пунктахъ Великаго Сибирскаго пути церкви пришлось строить значительно увеличенныхъ размѣровъ, вслѣдствіе чего необходимо для ихъ окончанія доассигновать еще около 64.000 руб.

Кромѣ упомянутыхъ трехъ храмовъ, окончить которые тѣмъ болѣе желательно, что одинъ изъ нихъ (въ поселкѣ Ново-Николаевскомъ) строится въ особливую память въ Божѣ почившаго Царя-Миротворца, а другой—(при станціи Петропавловскѣ) посвященъ Св. Маріи Магдалинѣ, имя которой носить Е. И. В. Государыня Императрица Марія Феодоровна, особенно нуждающіяся въ средствахъ на достройку и другія, болѣе скромныя Сибирскія церкви.

По 1 января сего года на построеніе церквей въ Сибири собрано свыше 765.000 руб. Нынѣ вся эта сумма израсходована пол-

ностью, и дальнѣйшій ходъ дѣла всецѣло зависить отъ поступленія новыхъ пожертвованій. Чтобы была возможность продолжить и окончить постройку начатыхъ на средства фонда имени Императора Александра III церквей, необходимо собрать сумму въ размѣрѣ 223.071 руб. Другихъ средствъ на церковное строительство въ переселенческихъ поселкахъ въ Сибири—нѣтъ. Переселенцы—новоселы слишкомъ бѣдны, чтобы созидать храмы на собственные средства. Самое большее, что могутъ дать они,—это свой личный трудъ, и такимъ трудомъ они всегда и вездѣ помогаютъ. Изъ Государственного Казначейства въ текущемъ году на церковное строительство въ Сибири отпущена крайне незначительная сумма въ 25.000 руб., являющаяся однако, по состоянію фонда вспомогательныхъ предпріятій, связанныхъ съ постройкою Сибирской желѣзной дороги, предѣльною суммою возможнаго ассигнованія изъ означеннаго источника.

До сего времени дѣло церковнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги пользовалось полнымъ сочувствіемъ со стороны общества. Кто могъ, жертвовалъ деньгами, другіе присылали иконы, утварь, предметы церковнаго обихода; наконецъ, на мѣстѣ, въ Сибири, всякій, кто имѣлъ возможность, помогалъ своимъ личнымъ трудомъ. Благодаря такому сочувственному отношенію со всѣхъ сторонъ, дѣло пока шло вполне успѣшно.

Съ своей стороны Подготовительная при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги Комиссія, на которую Высочайше возложено заведываніе и распоряженіе суммами фонда имени Императора Александра III, прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы и на будущее время успѣхъ церковно-строительнаго дѣла въ районѣ Сибирской желѣзной дороги не ослабѣвалъ. Помимо важности самаго дѣла, къ такому отношенію еще особенно обязываетъ то вниманіе и живой интересъ, съ которыми относится къ духовному просвѣщенію нашей окраины Государь Императоръ. Его Величество, пожаловавшій для Сибирскихъ церквей и серебро на утварь, и матерія для облачений, и, кромѣ того, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго Военнаго Министра Генераль-Адъютанта Ванновскаго, повелѣвшій отпустить изъ артиллерійскихъ складовъ 16,400 пуд. мѣди-латуни, изъ которой былъ отлитъ 61 звонъ колоколовъ, и въ минувшемъ году Высочайше сонзволилъ пожертвовать для Сибирскихъ школъ 475 экземпляровъ описанія Путешествія Его Величества на востокъ въ 1890—91 г.г., издавнаго Княземъ Ухтом-

скимъ. Кромѣ того, Августѣйшее вниманіе Государя Императора къ нуждамъ церковнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги выражалось и въ Высочайшихъ отмѣткахъ по означенному вопросу. Такъ, на примѣръ, на всеподданнѣйшемъ рапортѣ о состояніи Томской губерніи за 1895 г., противъ упоминанія о недостаткѣ въ церквахъ и школахъ для переселенческихъ селеній Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: „Вопросъ о постройкѣ церквей въ Сибири, въ особенности въ новыхъ поселкахъ, очень близокъ моему сердцу“.

Засявъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ о поступившихъ въ январѣ и февралѣ 1897 г. крупныхъ пожертвованій въ фондъ имени Императора Александра III и приступъ къ сооруженію новыхъ 20 храмовъ Государю Императору благоугодно было собственноручно начертать: „Искренно радуюсь столь обильнымъ пожертвованіямъ на святое дѣло сооруженія церквей и при нихъ школъ въ районѣ Сибирской желѣзной дороги. Надѣюсь на скорое совершеніе предпринятыхъ построекъ“.

Въ минушемъ году на всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи Акмолинской области за 1896 г. противъ объясненія о томъ, что въ переселенческихъ поселкахъ Акмолинской области строится 41 церковь и 18 школъ, послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества отмѣтка: „Желаю, чтобы при каждой церкви была школа. Обращаю на это вниманіе Статсъ-Секретаря Куломзина“.

Къ сожалѣнію, въ этомъ году недостатокъ средствъ не позволялъ заложить ни одной новой школы: едва хватало средствъ на достройку начатыхъ, такъ какъ почти всѣ поступившія пожертвованія приходилось пересылать на продолженіе постройки церквей.

Между тѣмъ это дѣло насколько важно, что нельзя къ нему относиться безучастно, нельзя забывать, что и церковь и школа въ Сибири—это два апостола вѣры и просвѣщенія, которые признаны въ то же время скрѣпить связь между этой окраиной и Европейской Россіей; съ проведеніемъ желѣзной дороги—Сибирь пробуждается для новой культурной дѣятельной жизни, и тѣмъ болѣе важно теперь, чтобы въ этой богатой странѣ, имѣющей впереди такую великую и блестящую будущность, твердо стояло Православіе, и всюду господствовала русская рѣчь. Безъ школы, безъ церкви этого достигнуть трудно. Внося съ собою свѣтъ истины и ученія, сибирскія церкви служатъ въ то же время часто памятниками различныхъ событій, знаменательныхъ для Царскаго нашего

Рода. Кромѣ того, при выборѣ святыхъ, которымъ посвящаются церкви въ районѣ Сибирской желѣзной дороги (если только жертвователи сами не назначаютъ, кому долженъ быть посвященъ храмъ), всегда руководствуются правиломъ, преподаннымъ покойнымъ митрополитомъ Палладіемъ, чтобы церковь сооружалась или въ честь святого, имя котораго носить одинъ изъ членовъ Императорской Фамиліи, или въ честь святыхъ, извѣстныхъ каждому православному своею просвѣтительною дѣятельностью среди язычниковъ, каковы, напримѣръ, Преп. Зосима и Савватій, Св. Стефанъ Пермскій, а также другихъ чисто-русскихъ святыхъ, каковы святителя московскіе Филиппъ, Алексій, Петръ, Іона и др.

Всего выстроено и строится еще при станціяхъ желѣзной дороги 24 церкви, въ Тобольской губ.—28, въ Томской губ.—24, въ Акмолинской обл.—39, въ Забайкальской обл.—4, въ Енисейской губ.—5, въ Приморской обл.—13 и въ Амурской обл.—1.

Для сохраненія этихъ церквей отъ бѣдствій пожаровъ, по совѣту покойнаго Московскаго митрополита Сергія, сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы вокругъ каждой церкви былъ насаженъ рядъ деревь, которыя послужатъ для церкви живою зеленою изгородью и, украшая храмъ, оградятъ его отъ огня въ случаѣ пожара по сосѣдству. Кромѣ того, въ виду невозможности страховать церкви на счетъ фонда имени Императора Александра III, циркулярно предложено рекомендовать переселенцамъ—самимъ страховать всѣ церковныя зданія на свой счетъ. Переселенцы настолько дорожатъ своею церковью, что охотно принимаютъ вездѣ это указаніе, и такимъ образомъ можно рассчитывать, что огонь не будетъ оказывать своего губительнаго дѣйствія на сибирскія церкви.

Къ сожалѣнію, при этомъ приходится указать на одно несчастье, которое уже постигло населеніе поселка Сперанскаго въ Тобольской губерніи. Въ поселкѣ этомъ церковь была окончательно готова, и уже шли переговоры о застрахованіи ея, которое было рѣшено по приговору общества съ принятіемъ на его счетъ страховыхъ расходовъ. Но въ то время, какъ шло разрѣшеніе этого вопроса, вслѣдствіе несчастной случайности, въ церкви произошелъ въ ночь на 28-е декабря 1898 года пожаръ, и, къ великому отчаянію переселенцевъ, церковь сгорѣла дотла, не будучи еще застрахованной. Населеніе поселка, съ такою радостью взвравшее на окончаніе давно желаннаго храма, теперь въ большомъ уны-

ніи, такъ какъ средствъ на возобновленіе церкви у нихъ нѣтъ, а въ фондѣ имени Императора Александра III, какъ уже сказано, всѣ деньги израсходованы, и въ наличности не осталось почти ничего.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ одна надежда на прежнихъ благотворителей фонда имени Императора Александра III и на всѣхъ ревнителей и поборниковъ вѣры, свѣта, добра и истины. Да помогутъ они своими посильными жертвами святому дѣлу, подъятому во славу Божию, на благо скудныхъ средствами и просвѣщеніемъ меньшихъ братьевъ нашихъ,—переселенцевъ далекой Сибири.

Пожертвованія на дѣло церковнаго и школьнаго строительства въ Сибири принимаются въ Канцеляріи Комитета Министровъ (С.-Петербургъ, Маріинскій дворець) и, согласно сдѣланному Министромъ Финансовъ распоряженію, во всѣхъ казначействахъ губернскихъ и уѣзныхъ—на депозитъ названной Канцеляріи. Для сбора пожертвованій выставлены кружки во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.

— Отрадное впечатлѣніе производитъ дѣятельность курскаго епархіальнаго братства преподобнаго Феодосіа Печерскаго. 1897—98 годъ— былъ седьмымъ годомъ его дѣятельности. Братство сосредоточивается при Курской духовной семинаріи подъ предѣдательствомъ ректора и проявляетъ свою дѣятельность въ двоякомъ направленіи: церковно-просвѣтительномъ и благотворительномъ. Всѣхъ пунктовъ въ епархіи, въ которыхъ велись отъ имени братства религіозно-нравственныя чтенія, было 187, причемъ на отчетный годъ падаетъ 19 новыхъ. Въ чтеніяхъ, которыя были ведены не только въ церквахъ, но и въ помѣщеніяхъ церковно-приходскихъ школъ, на ряду съ священнослужителями участвовали и лица другихъ состояній—интеллигентнаго круга. Охотное посѣщеніе этихъ чтеній народомъ, глубокой интересъ и вниманіе, постоянно имъ проявляемое, изъявленіе простой, искренней благодарности, а нерѣдко и сожалѣнія, если чтеніе почему либо не могло состояться,—являлись достаточнымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ для членовъ-дѣятелей братства, а лучшимъ показателемъ той пользы, которую приносили эти чтенія, даетъ самая картина жизни въ этихъ мѣстностяхъ, замѣтно перемѣнившаяся къ лучшему. Кромѣ того, они развили въ народѣ любовь и желаніе къ самостоятельному домашнему чтенію книгъ и спросъ на послѣднія изъ

церковно-приходскихъ школьныхъ библіотекъ настолько увеличилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что для удовлетворенія всѣхъ просьбъ не хватало наличнаго запаса. Братство имѣетъ центральный книжный складъ при семинаріи для разсылки книгъ по удешевленной цѣнѣ и бесплатно,—и двѣ библіотеки—при Семеновскомъ городскомъ училищѣ въ Курскѣ и противораскольническую въ г. Рыльскѣ. При братствѣ учреждено и епархіальное церковное древнехранилище для помѣщенія книгъ и другихъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ церковно-исторической жизни и цѣнныхъ въ церковно-археологическомъ отношеніи. Благотворительная дѣятельность братства выражается въ пособіяхъ недостаточнымъ воспитанникамъ семинаріи и на содержаніе церковно-приходскихъ школъ.

«С.-Пет. Дух. Вѣстн.»

— Епархіальный противораскольнический миссіонеръ Орловской епархіи, священникъ Л. И. Адамовъ предлагаетъ въ «Орл. Ел. Вѣд.» проектъ: «о строѣ и порядкѣ существованія приходскихъ миссіонерскихъ кружковъ». Исходя изъ той точки зрѣнія, что во многихъ случаяхъ раскольники уклоняются отъ участія въ собесѣдованіяхъ съ миссіонерами, а послѣдователи болѣе вредныхъ сектъ часто избѣгаютъ даже и частныхъ бесѣдъ, онъ выясняетъ всѣ затруднительности положенія пастыря, ревнующаго о своихъ пасомыхъ, такъ какъ онъ лишенъ возможности имѣть непосредственное впечатлѣніе о дѣятельности не только мѣстныхъ главарей, но и путешествующихъ пропагандистовъ. Ему необходимо имѣть людей, которые бы могли быть посредниками между нимъ и раскольниками или сектантами, и къ которымъ эти послѣдніе относились бы болѣе довѣрчиво и откровенно. Конечно, это должны быть люди вполне нравственной жизни, проникнутые духомъ ревности о вразумленіи заблудшихъ, преданные и уважающіе своего пастыря, стоящіе въ умственномъ отношеніи по возможности выше этой среды и въ особенности они должны превосходить ея познаніями въ христіанскомъ вѣроученіи. Чтобы идти къ намѣченной цѣли вѣрнѣе и достигнуть большихъ результатовъ, эти ревнители должны дѣйствовать не въ одиночку, а совмѣстно и единодушно. и съ этою цѣлью приходскій священникъ долженъ организовать изъ нихъ кружки—братства ревнителей православія, которые, являя въ своей жизни примѣръ истинно преданныхъ и благочестивыхъ чадъ церкви, представляли бы противовѣсъ раскольничьей средѣ, дѣйствующей всегда противъ православія сплоченною св-

люю. Ихъ дѣятельность должна выражаться въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ заблуждающимися, въ возможномъ вліяніи на ихъ жизнь посредствомъ личныхъ бесѣдъ, распространеніи религіозно-нравственныхъ брошюръ, въ нравственной и матеріальной помощи нуждающимся. Своему приходскому пастырю они должны сообщать подробный отчетъ всѣхъ своихъ наблюденій и дѣятельности.—Сердечно задуманный, проектъ этотъ оставляетъ пріятное впечатлѣніе. И нельзя не пожелать, чтобы эти мысли ревностнаго пастыря-миссіонера нашли себѣ благодатную почву и принесли плодъ обильный.

— Въ «Кур. Еп. Вѣд.» сообщается объ освященіи единовѣрческой церкви въ с. Русскомъ Порѣчномъ, Суджанскаго уѣзда. Церковь передѣлана изъ прежней раскольничьей молельни. Торжество собрало въ храмъ большое количество молящихся, такъ что за литургіей въ самомъ храмѣ едва могла помѣститься третья часть народа. Было не мало и раскольниковъ, которые съ большимъ вниманіемъ слѣдили за точнымъ выполненіемъ устава и за самымъ ходомъ церковной службы. Послѣ освященія и совершенія вокругъ храма крестнаго хода, епархіальный миссіонеръ священникъ Іоаннъ Рыбухинъ сказалъ рѣчь о значеніи православныхъ храмовъ и объ отношеніи къ нимъ вѣрующихъ. Особенно трогательно изложено было въ рѣчи о миссіонера превосходство православныхъ храмовъ надъ раскольничьими молельнями и назиданіе къ воссоединеннымъ съ церковію на правахъ едновѣрія, бывшимъ нѣкогда раскольникамъ. Когда окончилась литургія, онъ еще разъ привѣтствовалъ собравшихся съ великою духовною радостію и приглашалъ слушателей явиться вечеромъ въ храмъ на публичную бесѣду. Народа собралось свыше 500 человекъ. О. Іоаннъ посвятилъ свою бесѣду вопросу о необходимости пребыванія каждаго истинно вѣрующаго христіанина въ единой истинной вселенской Христовой церкви и пригласилъ старообрядцевъ вступить съ нимъ въ собесѣдованіе. Возраженій не послѣдовало, и только въ концѣ, послѣ новаго приглашенія, изъ толпы выдѣлилось нѣсколько единовѣрцевъ, которые высказали о миссіонеру свое недовольство тѣмъ, что присутствовавшіе въ храмѣ православные не всѣ держали себя вполне внимательно и благоговѣнно, но многіе изъ нихъ стояли небрежно и разсѣянно. Это заявленіе придадо бодрости и раскольникамъ, и они рѣшились вступить въ собесѣдованіе съ миссіонеромъ. Начетчики ихъ подошли къ столу и потребовали разъясненій по слѣдующимъ

вопросамъ: „православные и единовѣрцы одну ли церковь составляютъ, троеперстіе и двоеперстіе одинаково ли православны, и прочіе обряды и чины грекороссійской церкви святы ли и должны ли ихъ почитать единовѣрцы, наравнѣ съ книгами старопечатными и книгами старообрядческими?“ Конечно, всѣ эти вопросы были поставлены раскольниками съ цѣлю смутить единовѣрцевъ. О миссіонеру много предстояло труда ихъ успокоить и объяснить раскольникамъ, что православіе и единевѣріе составляютъ единую церковь. На слѣдующій день была новая бесѣда. Одинъ изъ возражателей Михаилъ Ивановичъ Чертковъ болѣе трехъ часовъ сряду въ спокойномъ духѣ представлялъ свои сомнѣнія объ обрядахъ и обычаяхъ православной церкви и о томъ, не падаютъ ли на единовѣрцевъ клятвы собора 1667 года. Всѣ его сомнѣнія и вопросы были рѣшены и эти рѣшенія имѣли слишкомъ убѣдительный характеръ, чтобы не идти вслѣдъ за ними. И вотъ Михаилъ Ивановичъ подошелъ къ амвону, положилъ семипоклонный началъ и затѣмъ, поклонившись миссіонеру до земли, обратился къ нему съ такими словами: „батюшка, простите меня и благословите. Я на вашихъ бесѣдахъ понялъ, что мы, старообрядцы, не правы и не имѣемъ законнаго священства; убѣдился и въ томъ, что Россійская церковь есть истинная и священство въ ней законное. Болѣе я не желаю оставаться старообрядцемъ и прошу присоединить меня сейчасъ же къ единовѣрцію. Желаніе его было исполнено. вмѣстѣ съ нимъ присоединились къ единовѣрцію еще два раскольника, одинъ изъ нихъ 90-лѣтній старикъ. О миссіонеръ распорядился зачечниканикадило и всѣ свѣчи предъ иконами и со всею торжественностью совершилъ надъ ними чинъ присоединенія, который произвелъ глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ и успокоилъ начинавшихъ колебаться единовѣрцевъ. Въ слѣдующіе дни онъ продолжалъ свои бесѣды здѣсь и въ близъ лежащихъ селеніяхъ и всюду они производили на слушателей самое благотворное вліяніе. Православные видимо торжествовали на этихъ бесѣдахъ, слушая основанную на словѣ Божіемъ и на ученіи св. отецъ защиту православія и видя ясную неосновательность раскольничьихъ сектъ и толковъ. Что же касается раскольниковъ—ихъ тревоги достигли высшей степени, такъ что они послали телеграммы въ различные концы раскольничьяго міра съ приглашеніемъ опытныхъ начетчиковъ для собесѣдованія съ о. Іоанномъ.

— Въ сообщеніяхъ и разсужденіяхъ періодической печати по

вопросу о снабженіи церквей церковными принадлежностями чаще и чаще встрѣчается нынѣ мысль о томъ, что надлежитъ обращать больше вниманія, въ частности, на снабженіе церквей такими иконами и вообще священными изображениями, которыя были бы написаны должнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи нужно признать не лишеннымъ значенія возбужденіе вопроса о школахъ иконописи. По словамъ «Цер. Вѣсти.», въ послѣднее время вновь сдѣлалъ это одинъ изъ священниковъ симбирской епархіи, о. П. А., который опять разъяснилъ въ мѣстномъ епархіальномъ журналѣ необходимость организовать иконописное дѣло при помощи школъ иконописи и даже рѣшился, въ видѣ опыта, въ малыхъ размѣрахъ, осуществить составленный имъ проектъ. „Мы—пишетъ этотъ священникъ—рѣшаемся ходатайствовать предъ епарх. начальствомъ о разрѣшеніи церковно-приходскому попечительству въ селѣ, гдѣ я состою священникомъ, открыть при церкви села школу иконописи съ приѣмомъ въ нее на первыхъ порахъ ограниченнаго числа мальчиковъ (отъ 5 до 10), преимущественно изъ духовнаго сословія, для обученія правильному иконописанію и умѣлому копированію съ образчиковъ, указанныхъ епарх. начальствомъ, иконъ истоваго писанія. Организуется и содержится таковая школа на средства попечительства и частныя жертвы. Оказавшіеся изъ учениковъ способными, воплѣтъ усвоившими нужное знаніе и овладѣвшими правилами техники, приступаютъ, подъ руководствомъ учителя и наблюденіемъ завѣдующаго школою, къ изготовленію доброкачественныхъ иконъ для распространенія ихъ въ народѣ по недорогой цѣнѣ и на особыхъ условіяхъ, а именно: разсмотрѣнныя и одобренныя епарх. начальствомъ иконы должны быть отправляемы въ свѣчной епарх. заводъ, а черезъ оный въ уѣздные склады завода, откуда и могли бы получаться (вмѣстѣ съ свѣчами) церковными старостами для продажи въ приходскихъ церквахъ, по предварительномъ освященіи мѣстнымъ священникомъ. Намъ думается, что подобнаго рода школамъ предствотъ широкая будущность“.—Въ виду настоящаго состоянія иконописнаго дѣла продолжаютъ вызывать во многихъ одобрѣніе опыты введенія обученія живописи и иконописанію въ духовно-учебныя заведенія. Сторонники мнѣнія относительно пользы обученія живописи и иконописи въ духовныхъ школахъ имѣютъ въ виду, что практическое знакомство съ живописью и иконописью дало бы будущимъ священникамъ, дьяконамъ и исаломщикамъ средство не только умѣть оцѣнивать съ художествен-

ной и технической стороны священныя изображенія, приобретаемыя для церквей и для домовъ прихожанъ, но иногда (хотя бы въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ) и изготовлять такія изображенія. Эти иконы и теперь иногда пишутся священниками. Такъ «Камчат. Еп. Вѣд.» въ сообщеніи объ освященіи церкви-школы въ деревнѣ Большой Сазанкѣ, амурской области, указали на то, что иконы въ этой церкви—работы священника. Однако вообще такіе случаи рѣдки, какъ немногочисленны и примѣры знакомства священниковъ съ научными свѣдѣніями о православной иконографіи. Въ виду вообще недостаточности такихъ свѣдѣній нерѣдко можно нынѣ слышать выраженіе желанія, чтобы на эту сторону дѣла обращалось больше вниманія въ духовныхъ семинаріяхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

В. В. РОЗАНОВА:

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

Изданіе П. Перцова. С.П.Б. 1899 г. Цѣна 1 рубль.

Библіотека „Научнаго Обзорнія“.

РИХАРДЪ АВЕНАРИУСЪ.

**Философія, какъ мышленіе о мірѣ еообразно принципу
наименьшей мѣры силъ.**

PROLEGOMENA КЪ КРИТИКѢ ЧИСТАГО ОПЫТА.

Пер. И. Федорова. Подъ редакціей д-ра филос. М. Филиппова.
Цѣна 50 коп. С.П.Б. Изданіе П. П. Сойкина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

на литературный, научный и политический журналъ

„ЖИЗНЬ“

Выходитъ 3 раза въ мѣсяцъ (1, 11, 21). 36 книгъ въ годъ.

Рисунки и портреты.

Съ 1899 г. журналъ будетъ выходить при обновленномъ составѣ редакціи и сотрудниковъ.

12 книжекъ, выходящихъ 1-го числа каждого мѣсяца, заключаютъ въ себѣ литературный отдѣлъ журнала. Въ него входятъ: беллетристика, литерат. критика и искусство.

12 книжекъ, выходящихъ 11-го числа, заключаютъ въ себѣ научный отдѣлъ журнала. Въ него входятъ статьи по естествознанію и по общественнымъ наукамъ (соціологія, политическая экономія, право, исторія).

Особое вниманіе будетъ обращено на ознакомленіе читат. съ новѣйш. научными теченіями.

12 книжекъ, выходящихъ 21-го числа, содержатъ въ себѣ политический отдѣлъ журнала. Въ него входятъ статьи по текущимъ вопросамъ русской и заграничной жизни, корреспонденціи изъ провинціи и изъ-за границы.

Особое вниманіе будетъ обращено на разработку вопросовъ, касающихся крестьянскаго, городского и земскаго самоуправленія.

Постоянныя корреспонденціи изъ Германіи, Франціи, Англіи, С. Ам. Соед. Штатовъ, Австріи, Бельгіи и др.

Библиографія распределяется по соответствующимъ отдѣламъ.

Къ каждой изъ 36 книжекъ прилагается обзоръ русской и иностранной жизни за 10 дней. Этимъ будетъ достигнуто соединеніе удобства ежемѣсячнаго и еженедѣльнаго изданія.

Кромѣ того ежемѣсячно будутъ помѣщаться новости литературы, искусства и науки, а также мелочи русской и заграничной жизни.

Многія статьи (по искусству, исторіи и т. д.) будутъ иллюстрированы снимками съ картинъ и портретами. Помѣщеніемъ рисунковъ и портретовъ редакція однако отнюдь не думаетъ придать журналу характеръ иллюстрированнаго изданія.

Стремясь избѣгать помѣщенія большихъ литературныхъ произведеній небольшими отрывками редакція рѣшила напечатать переводъ новаго большого романа Гемфри Уордъ (автора Марчеллы, Сэра Дж. Тресседи, Давида Грива и др.) Хельбекъ изъ Баннсадла отдѣльной книгой и разослать его въ первой четверти 1899 года всѣмъ подписчикамъ, внесшимъ полную годовую плату въ видѣ безплатнаго приложенія. Контора редакціи готова исполнять порученія иногороднихъ подписчиковъ по покупке и высылкѣ имъ книгъ.

Первыя три (январскія) книжки печатаются и выйдутъ въ декабрѣ. Желающимъ ознакомиться съ журналомъ, онѣ высылаются за одинъ рубль. Выписавшіе ихъ, продолжаютъ подписку за 6 рублей.

Подписка цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ—7 руб., на 1/2 года—4 руб. Допускается разсрочка отъ 1 руб. въ мѣсяцъ.

Главная контора СПБ. Бассейная № 14.

Отдѣленія конторы въ Москвѣ: кн. маг. „Книжное Дѣло“ (Моховалъ, домъ Бенкендорфа); кн. скл. А. М. Муриновой (Трехпрудный пер., собств. домъ).

Редакторъ-Издатель Д. М. Остафьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Н А

ОЛОНЕЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

на 1899 годъ—(второй годъ изданія).

„Олонецкія Епархіальныя Вѣдомости“ выходятъ въ 2-хъ частяхъ: Официальной и Неофициальной, 2 раза въ мѣсяць 1-го и 15-го. Подписная цѣна: На обѣ части вмѣстѣ, съ доставкою и пересылкой во всѣ города Россійской Имперіи, на годъ—5 рублей на полгода—3 рубля. Подписка принимается въ редакціи „Олонецкія Епархіальныя Вѣдомости“, при Олонецкой духовной семинаріи.

О подпискѣ на общественно-педагогическую и литературную еженедѣльную газету „ЖИЗНЬ И ШКОЛА“ съ приложеніемъ „ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (г. XI).

„Жизнь и Школа“ имѣетъ цѣлью служить органомъ объединенія русскихъ учителей и интересамъ лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу образованія въ Россіи, и издается по слѣдующей программѣ: 1) Правительственныя узаконенія и распоряженія, касающіяся образованія въ Россіи. 2) Научно-популярныя статьи (съ чертежами и рисунками). 3) Мелкія повѣсти и рассказы (бытовые и историческіе), путешествія, очерки и др. подоб. произведенія. 4) Статьи по педагогикѣ, дидактикѣ, методикѣ, училищевѣдѣнію, школьной гигиенѣ. Очерки по народному образованію въ Россіи и на Западѣ. 5) Русская печать о школьномъ дѣлѣ. Мнѣнія и сужденія печати по педагогическимъ вопросамъ. 6) Библіотечное дѣло въ Россіи и за границей. Организация общественныхъ и школьныхъ библіотекъ и др. образовательныхъ учреждений для народа. 7) Библиографія. Критика и рецензіи педагогическихъ сочиненій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, разборъ учебниковъ и пособій. Обзорѣе периодическихъ изданій какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ: научныхъ, педагогическихъ и т. п. 8) Корреспонденціи. Современное обзорѣе воспитанія и обученія у насъ и за границей. 9) Политическія извѣстія и новости русской жизни. Обзорѣе выдающихся событій въ Россіи и др. государствахъ. 10) Слѣбъ. Наблюденія и замѣтки изъ школьнаго міра. Педагогическія темы. 11) Справочный указатель. Справки и указанія по различнымъ практическимъ вопросамъ учебнаго дѣла и школьнаго быта. 12) Что намъ пишутъ. Письма и сообщенія въ редакцію. 13) Книжный листокъ. Свѣдѣнія о вновь вышедшихъ книгахъ и указатель статей, встрѣчающихся въ современныхъ изданіяхъ и заслуживающихъ вниманія какъ учителей, такъ и вообще образованнаго читателя. 14) Почтовый ящикъ. Отвѣты редакціи. 15) Объявленія. Послѣднія печатаются на первой стр. по 50 к., на послѣдней по 10 к. Подписчики (годовне) печатаютъ бесплатно. При газетѣ издается, въ видѣ приложенія, особый сборникъ, подъ заглавіемъ „Школьное Обзорѣе“, въ которомъ помѣщаются статьи по объему, не удобныя для еженедѣльнаго изданія, а также портреты Августѣйшихъ Особъ и выдающихся дѣятелей въ сферѣ государственной дѣятельности, благотворительности и народнаго образованія. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой 5 руб., за полгода 3 руб., и за три мѣсяца 2 руб., для начальныхъ школъ и учителей 4 руб., за границу 6 руб., за годъ. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полныя комплекты газеты за 1893 и 1894 г. можно получить за два руб., 1895 и 1896 по три руб. за годъ. Библіотеки и бесплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчики, приобретающіе за всѣ годы пользуются, сверхъ того, уступкой 50%. Вышедшіе №№ „Школьнаго Обзорѣя“ и „Жизнь и Школа“ тек. г. по требованію, высылаются наложеннымъ платежомъ на счетъ конторы. Подписка принимается въ главной Конторѣ „Жизнь и Школа“: С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

Редакторъ-Издатель *М. Е. Виноградовъ.*

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Мая № 10. 1899 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Опредѣленіе Св. Синода.—Отъ Правленія Купявскаго духовнаго училища.—Отчетъ эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1898 годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ въ 6-й день мая на имя Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену *Святѣя Анны первой степени* Преосвященный *Петръ*, Епископъ Сумскій, Викарій Харьковской епархіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, въ 6-й день мая, Всемилостивѣйше соизволилъ удостоить награжденія духовныхъ лицъ, за службу по епархіальному вѣдомству, нижеслѣдующими знаками отличія: *орденомъ св. Владимира 3 степени*—члена Харьковской духовной консисторіи, протоіерея Павла *Солнцева*; *орденомъ св. Владимира 4 степени*—гор. Харькова, Благовѣщенской церкви протоіерея Николая *Федорова*; церкви слободы Алексѣевки, Старобѣльскаго уѣзда, протоіерея Георгія *Попова*; *орденомъ св. Анны 2 степени*—эконома Харьковскаго архіерейскаго дома, архимандрита *Иосифа*; гор. Харькова, Вознесенской церкви протоіерея Георгія *Чеботарева*; гор. Волчанска, соборной Троицкой церкви протоіерея Арсенія *Павлова*; гор. Волчанска, Мироносицкой церкви протоіерея Алексія *Евфимова*; *орденомъ св. Анны 3 степени*—казначей Старо-Харьковскаго Куряжскаго Преображенскаго монастыря, игумена *Сосвена*; Покровской церкви Харьковскаго благотворительнаго общества священника Андрея *Любарскаго*; Константино-Еленинской церкви Харьковскаго дѣтскаго пріюта священника Іоанна *Крушодольскаго*; церкви села Станичнаго, Валковскаго уѣзда, протоіерея Илію *Энеидова*; церкви слободы Александровки, Старобѣльскаго уѣзда,

священника *Якова Макухина*; *наперснымъ крестомъ изъ Библїета Его Величества съ украшенїями*—гор. Сумъ, соборной Преображенской церкви протоіерея *Василїя Никольскаго*.

Государь Императоръ, вслѣдствіе представленїя Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода и согласно положенїю Комитета о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства и о наградахъ, Всемилостивѣйше соизволилъ, къ 6 мая—дню Рожденїя Его Императорскаго Величества, пожаловать по вѣдомству православнаго исповѣданїя слѣдующїя награды: ордена: *св. равноапостольнаго князя Владимїра 4 степени*—коллегскому совѣтнику, секретарю Харьковской духовной консисторїи, *Ивану Вещурову*; *св. Станислава 3 степени*—надворному совѣтнику, преподавателю Харьковской духовной семинарїи, *Константину Сильченкову*; коллежскому ассесору, столоначальнику Харьковской духовной консисторїи, *Александру Акимову*; титулярному совѣтнику, помощнику инспектора Харьковской духовной семинарїи, *Якову Матусевичу*.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленїемъ Святѣйшаго Синода отъ 3—9 апрѣля 1898 г., за № 1231, удостоены награжденїи, за заслуги по духовному вѣдомству, въ dniu Рожденїя Его Императорскаго Величества нижеслѣдующїя лица духовнаго званїя Харьковской епархїи: *намищею*—г. Харькова, Николаевской церкви протоіерей *Александръ Федоровскїй*; *саномъ протоіерея*—г. Харькова, Преображенской церкви священникъ *Василїй Дитицкїй*; г. Харькова, Преображенской церкви священникъ *Михаилъ Румянцевъ*; церкви слободы Маньковки, Купянскаго уѣзда, священникъ *Василїй Поповъ*; церкви слободы Подгоровки, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ *Василїй Аристовъ*; церкви слободы Старой Водолаги, Валковскаго уѣзда, священникъ *Григорїй Дьяковъ*; церкви слободы Ольшаной, Лебединскаго уѣзда, священникъ *Михаилъ Лободовскїй*; *наперснымъ крестомъ, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемымъ*—Святогорской Успенской пустыни іеромонахъ *Мартинїанъ*; Старо-Харьковскаго Буражскаго Преображенскаго монастыря іеромонахъ *Аванасїй*; сверхштатный членъ Харьковской духовной консисторїи, священникъ *Андрей Балановскїй*; гор. Харькова, Рождество-Богородичной церкви священникъ *Василїй Добровольскїй*; гор. Харькова, Свято-Духовской церкви священникъ *Петръ Тимошеевъ*; гор. Лебедина, Покровской церкви священникъ *Петръ Чудновскїй*; гор. Ахтырки, Георгїевской церкви священникъ *Теодоръ Доброславскїй*.

заштатнаго гор. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, Пророко-Ильинской церкви священникъ Максимъ *Подлукій*; церкви слободы Мостковъ, Старобѣльскаго уѣзда, священникъ Евлампій *Манухинъ*; церкви слободы Николаевки 2-й, Волчанскаго уѣзда, священникъ Михаилъ *Колосовскій*; церкви села Зарожнаго, Зміевскаго уѣзда, священникъ Александръ *Василевскій*; церкви слободы Лозовеньки, того же уѣзда, священникъ Евѣмій *Пономаревъ*; церкви слободы Радьковскихъ Песокъ, Купянскаго уѣзда, священникъ Петръ *Торанскій*; церкви слободы Стельмаховки, того же уѣзда, священникъ Θεодосій *Навродскій*; *камилавкою*—церкви Александровской Старобѣльской гимназіи священникъ Гаврилъ *Поповъ*; гор. Сумъ, соборной Преображенской церкви священникъ Александръ *Церковничскій*; церкви села Жигайловки, Ахтырскаго уѣзда, священникъ Григорій *Шебатинскій*; заштатнаго гор. Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, Покровской церкви священникъ Александръ *Луценковъ*; церкви слободы Островерховки, Харьковскаго уѣзда, священникъ Андрей *Любарскій*; церкви слободы Дементѣевки, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ *Стефановскій*; церкви слободы Большой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, священникъ Алексій *Станиславскій*; церкви слободы Великой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда, священникъ Василій *Оружинскій*; церкви слободы Песокъ, того же уѣзда, священникъ Іоаннъ *Базилевичъ*; церкви слободы Волобуевки, того же уѣзда, священникъ Александръ *Поповъ*; церкви села Великаго Истороба, Лебединскаго уѣзда, священникъ Іоаннъ *Малженевскій*; церкви слободы Терновой, Волчанскаго уѣзда, священникъ Василій *Евещкій*; церкви слободы Балаклеи, Зміевскаго уѣзда, священникъ Θεодоръ *Ковалевскій*; церкви села Минковки, Валковскаго уѣзда, священникъ Левъ *Дейнеховскій*; церкви слободы Одринки, того же уѣзда, священникъ Николай *Сильванскій*; церкви слободы Новой Водолаги, того же уѣзда, священникъ Петръ *Антоновъ*; *благословеніемъ Святѣйшаго Синода съ выдачею грамотъ*—гор. Лебедина, Троицкой церкви заштатный священникъ Алексій *Милостановъ* и Хорошевскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря казначей монахиня *Алевтина*.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.

Программа занятій Съезда духовенства Купянскаго училищнаго округа, имѣющаго быть 1-го сентября еего 1899 г., утвержденная

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Петромъ, Епископомъ Сумскимъ, 6-го мая 1899 года.

1) Рассмотрѣніе журналовъ предыдущаго Съѣзда и заслушаніе резолюцій Его Высокопреосвященства, послѣдовавшихъ на сихъ журналахъ.

2) Рассмотрѣніе смѣты прихода суммъ и расхода по содержанію училища въ 1900 году и дополнительной смѣты расхода на текущій 1899 годъ.

3) Рассмотрѣніе вѣдѣйковыхъ вѣдомостей за прошедшій 1898 г.

4) Рассмотрѣніе отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа, за 1898 годъ, а также журналовъ Временнаго Ревизіоннаго Комитета по повѣркѣ означеннаго отчета.

5) Избраніе членовъ Временнаго Ревизіоннаго Комитета и кандидатовъ къ нимъ на будущій 1900 годъ.

6) Другія текущія дѣла, подлежащія обсужденію Съѣзда.

О Т Ч Е Т Ъ

о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1898 годъ (четвертый годъ со времени открытія кассы).

Къ 1-му Января 1898 года въ остаткѣ отъ 1897 года суммъ эмеритальной кассы состояло 430.860 р. 78 к.

Сія сумма заключалась:

1) Въ билетѣ 1-го внутренняго съ выигрышами займа въ	100	»	—
2) Въ 57-ми облигаціяхъ 4½ ⁰ / ₁₀₀ -го внутренняго займа выпуска 1893 года, по 1.000 р. каждая, на	57.000	»	—
3) Въ 8-ми облигаціяхъ того же займа, по 500 р. каждая, на	4.000	»	—
4) Въ 28-ми облигаціяхъ того же займа, по 100 р. каждая на	2.800	»	—
5) Въ 2-хъ свидѣльствахъ 4 ⁰ / ₁₀₀ -й Государственной ренты, по 25.000 р. каждое, на	50.000	»	—
6) Въ 7-ми свидѣльствахъ той же ренты, по 5.000 р. каждое, на	35.000	»	—

7) Въ 98-ми свидѣтельствахъ той же рен по 1.000 р. каждое, на	98.000 р. — к.
8) Въ 6-ти свидѣтельствахъ той же ренты, по 500 р. каждое, на	3.000 „ — „
9) Въ долговыхъ квитанціяхъ Правленія Харьковскаго Епархіальнаго Свѣчнаго завода на .	180.000 „ — „
и 10) Наличными деньгами	960 „ 78 „
Итого	430.860 р. 78 к.

Въ теченіе 1898 года поступило:

I. Наличными деньгами:

а) Взносовъ отъ участниковъ кассы обязательныхъ и добровольныхъ	29.811 р. — к.
(Въ томъ числѣ: недоимокъ за прежніе годы 258 р., за 1898 г. 29.184 р. и за будущее время 369 р.).	
б) Взносовъ отъ церкви Епархіи	8.234 „ 75 „
в) Взносовъ отъ Харьковскаго Епархіальнаго Свѣчнаго Завода	30.000 „ — „
(Въ томъ числѣ за 1897 г. 20.000 р. и за 1-ю половину 1898 г. 10.000 р.).	
г) Процентовъ на капиталъ кассы	20.237 „ 83 „
(Въ томъ числѣ засчитано 303 р. 26 к., унлоченныхъ кассою при покупкѣ процент. бумагъ (см. I ст. расход. лит. ж).)	
д) Штрафныхъ—за просрочку взносовъ	48 „ 85 „
е) Взносовъ на управление кассою	2.029 „ 91 „
ж) Возвращена пенсія за смертію получательницы—вдовы прот. Маріи Любарской	21 „ — „
з) Возвращены проценты съ капитала, собраннаго отъ духовенства Епархіи въ пользу семействъ умершихъ священно и церковно-служителей, высланные вѣ. діакона Маріи Коцаревой и не выданные ей за ея смертію	7 „ — „
и) Излишекъ представлены священникомъ Григоріемъ Павловымъ штрафныя деньги	8 „ 46 „
(ст. расходъ наличн. деньг. литер. е).	
і) Оборотныхъ—за проданныя процентныя бумаги для обмѣна на болѣе крупныя	9.692 „ 3 „
Итого	100.090 р. 83 к.

II. Билетами:

а) Приобрѣтено билетовъ за наличныя деньги	89.500 р.	— к.
б) Получено въ Харьковской конторѣ Государственнаго Банка, въ конторѣ Волжско-Камскаго Банка и въ Банкирской конторѣ Новова въ обмѣнъ за мелкіе билеты	140.000	» — ,
в) Возвращены Правленіемъ Харьковского Епархіальнаго Свѣчнаго завода процентныя бумаги, взятыя изъ эмеритальной кассы заимобразно въ 1897 г.	30.000	» — ,
Итого		259.500 р. — к.

III. Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода на приходъ суммъ не поступало.

Всего въ 1898 году—наличными деньгами и билетами поступило на приходъ 359.590 р. 83 к.

А съ остаточными отъ прошлаго 1897 г. на приходъ поступило:

а) Наличными деньгами	101.051	» 61 ,
б) Билетами	509.400	» — ,
в) Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго Свѣчнаго Завода	180.000	» — ,
А всего		790.451 р. 61 к.

Въ теченіе 1898 года израсходовано:

I. Наличными деньгами.

а) На выдачу эмеритальной пенсiи	4.124 р.	77 к.
б) На выдачу процентовъ съ капитала, собраннаго отъ духовенства Епархіи въ пользу семействъ умершихъ священно и церковно—служителей'	2.968	» 34 ,
в) На выдачу жалованья членамъ Правленія и другимъ служащимъ въ кассѣ	1.606	» — ,
г) На канцелярскія принадлежности, почтовые и другіе мелкіе расходы по кассѣ	248	» 13 ,

(Значительное повышеніе расхода по этой статьѣ объясняется изготовленіемъ въ отчетномъ году 1.000 расчетныхъ книжекъ для пенсіо-

неровъ кассы (100 р.), отпечатаніемъ устава кассы въ 2.500 экземпляровъ (68 р.) и заготовленіемъ различныхъ бланковъ на нѣсколько лѣтъ впередъ (17 р. 75 к.).

д) На застраховку выигрышнаго билета 1-го внутренняго займа отъ тиражей погашенія 4 р. 80 к.

е) Возвращены священнику Григорію Павлову излишне имъ представленны штрафныя деньги 8 „ 46 „

ж) На покупку процентныхъ бумагъ 91.092 „ 64 „

(Въ томъ числѣ уплочено за проценты по купонамъ 303 р. 26 к.).

Итого . . 100.053 р. 14 к.

II. Билетами:

а) Продано билетовъ для покупки болѣе крупныхъ 9.500 р. — к.

б) Обмѣнены мелкіе билеты на болѣе крупныя 140.000 „ — „

Итого . . 149.500 р. — к.

III. Долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода:

Правленіемъ Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода погашено долга возвращеніемъ процентныхъ бумагъ, взятыхъ заимообразно изъ эмеритальной кассы, съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства, въ 1897 г. 30.000 р. — к.

Всего—наличными деньгами, билетами и долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода въ 1898 году израсходовано 279.553 р. 14 к.

Къ 1-му января 1899 г. состоитъ въ остаткѣ:

а) *Наличными деньгами* 998 р. 47 к.

б) *Билетами* 359.900 „ — „

в) *Долговыми квитанціями* Харьковскаго Епархіальнаго Свѣчнаго завода 150.000 „ — „

А всего . . 510.898 р. 47 к.

Въ истекшемъ 1898 году выдана эмеритальная пенсія слѣдующимъ лицамъ:

По Ахтырскому уѣзду:

1) Дочери умерш. прот. с. Чернетчины Ольгѣ Трояновой	42 р. — к.
2) Сиротамъ свящ. с. Журавнаго Матвѣевымъ	42 „ — „
3) Вд. священ. с. Бсромли Маріи Губской	37 „ 50 „
4) Зашт. діак. г. Ахтырки Василю Бълицкому	28 „ — „
5) Вд. діак. с. Боромли Татіанѣ Левитской	25 „ 85 „
6) Вд. діак. с. Покровской Ольгѣ Прусской	28 „ — „
7) Зашт. псал. с. Нвевтовки Петру Сьдикову	14 „ — „
8) Вд. псал. с. Бранцовки Евдокіи Лѣпской	14 „ — „
9) Вд. псал. с. Печинѣ Евдокіи Ѳедоровой	14 „ — „
10) Вд. псал. с. Рясного Олимпіадѣ Фіалковской	14 „ — „
11) Вд. псал. г. Ахтырки Даріи Яровой	7 „ — „
Итого	266 р. 35 к.

По Бюодуховскому уѣзду:

12) Вд. прот. с. Большой Писаревки Анастасіи Ястремской	48 р. 55 к.
13) Зашт. Священ. с. Яблочнаго Андрею Стеллекому	42 „ — „
14) Вд. священ. с. Малой Писаревки Елисаветѣ Торанской	42 „ — „
15) Вд. священ. с. Лозоваго Зинавдѣ Рудинской	42 „ — „
16) Вд. священ. с. Городнаго Анастасіи Ѳедоровой	42 „ — „
17) Вд. священ. с. Колонтаева Аннѣ Кришицкой	42 „ — „
18) Вд. священ. с. Губаровки Маріи Рудинской	31 „ 15 „
19) Зашт. діак. с. Колонтаева Петру Семенову	22 „ 35 „
20) Зашт. псал. с. Колонтаева Стефану Дмитренко	8 „ 2 „
21) Вд. псал. с. Колонтаева Евдокіи Базилевичъ	14 „ — „
22) Вд. псал. с. Малой Писаревки Варварѣ Семеновой	14 „ — „
Итого	348 р. 7 к.

По Валковскому уѣзду:

23) Вд. прот. г. Валокъ Аннѣ Голяховской	42 р. — „
24) Зашт. псал. с. Караванска Виссаріону Дюкову	14 „ — „

25) Зашт. псал. г. Высокополья Михаилу <i>Безуглову</i> .	11 р.	67 к.
26) Зашт. псал. г. Валокъ Антонію <i>Павловскому</i>	8 „	93 „
27) Вд. псал. г. Валокъ Меланіи <i>Соколовской</i>	14 „	— „
Итого		90 р. 60 к.

По Волчанскому уѣзду:

28) Зашт. свящ. с. Ново-Александровки Василію <i>Попову</i>	39 р.	45 к.
29) Зашт. свящ. с. Средняго-Бурлука Іоанну <i>Кіановскому</i>	42 „	— „
30) Вд. священ. с. Котовой Маріи <i>Рубинской</i>	45 „	27 „
31) Вд. священ. с. Верхней-Писаревки Евдокіи <i>Огульковой</i>	42 „	— „
32) Вд. священ. с. Мартовой Евдокіи <i>Михайловской</i>	42 „	— „
33) Сиротамъ свящ. с. Бѣлаго-Колодези <i>Дзюбановымъ</i>	36 р.	88 к.
34) Вд. діак. с. Печенѣгъ Харитинѣ <i>Федоровой</i>	28 „	— „
35) Вд. псал. с. Бѣлаго-Колодези Анніѣ <i>Черволицкой</i>	9 „	63 „
Итого.		285 р. 23 к.

По Зміевскому уѣзду:

36) Зашт. прот. с. Береки Василію <i>Тарановскому</i>	33 р.	— „
37) Вд. прот. г. Чугуева Анніѣ <i>Сильванской</i>	42 „	— „
38) Вд. свящ. с. Борокъ Матронѣ <i>Андреевской</i>	42 „	— „
39) Вд. священ. с. Нижней-Орели Маріи <i>Федоровой</i>	42 „	— „
40) Вд. священ. с. Андреевки Еленѣ <i>Рудинской</i>	32 „	34 „
41) Вд. священ. с. Тетлѣги Евгеніи <i>Анисимовой</i>	14 „	23 „
42) Зашт. діак. с. Балаклеи Алексѣю <i>Критскому</i>	28 „	— „
43) Вд. діак. г. Чугуева Агрипинѣ <i>Поповой</i>	28 „	— „
44) Вд. діак. с. Малиновой Маріи <i>Ковалевской</i>	14 „	— „
45) Вд. діак. с. Лагерей Варварѣ <i>Михайловской</i>	42 „	— „
46) Зашт. псал. с. Охочей Павлу <i>Стаховичу</i>	14 „	— „
47) Зашт. псал. с. Ассѣвки Николаю <i>Сильванскому</i>	14 „	— „
48) Вд. псал. с. Тарановки Феодосіи <i>Михайловской</i>	21 „	— „
49) Вд. псал. с. Евфремовки Елисаветѣ <i>Павловской</i>	14 „	— „
50) Вд. псал. г. Чугуева Еленѣ <i>Сукачевой</i>	14 „	— „

51) Вд. псал. с. Бурлея Маріи <i>Ястремской</i>	14	р.	—	к
52) Вд. псал. с. Гуляй-поля Серафимъ <i>Власовской</i> .	14	„	—	„
53) Вд. псал. с. Гомольши Анастасіи <i>Олабминой</i>	7	„	25	„

Итого 429 р. 82 к

По Изюмскому уѣзду:

54) Зашт. свящ. с. Песокъ Стефану <i>Роменскому</i>	26	р.	25	к
55) Вд. прот. г. Славянска Маріи <i>Любарской</i>	42	„	—	„
56) Вд. свящ. с. Голой-Долины Софіи <i>Арефьевой</i>	42	„	—	„
57) Вд. свящ. с. Шандриголовой Екатерины <i>Мошлянской</i>	42	„	—	„
58) Дочепямъ вмездш. священ. с. Бривой-Луки <i>Мушинымъ</i>	18	„	60	„
59) Зашт. діак. с. Барвенковой Николая <i>Любарскому</i>	28	„	—	„
60) Вд. діак. с. Стратилатовки Маріи <i>Грабовской</i>	14	„	—	„
61) Вд. псал. с. Александровка Евдокія <i>Андреевой</i>	7	„	—	„

Итого 219 р. 85 к

По Купянскому уѣзду:

62) Вд. свящ. с. Двурѣчной Александръ <i>Лукашевой</i> .	23	р.	90	к
63) Вд. свящ. с. Тарасовки Параскевѣ <i>Курасовской</i>	25	„	50	„
64) Вд. свящ. с. Ново-Осиновой Анастасіи <i>Васильковской</i>	21	„	—	„
65) Вд. свящ. с. Верхней-Дуванки Марѣѣ <i>Чуаевой</i>	42	„	—	„
66) Вд. діак. с. Юрьевки Ольгѣ <i>Черняевой</i>	28	„	—	„
67) Вд. діак. с. Ново-Осиновой Евфросиніи <i>Пипенко</i>	19	„	85	„
68) Зашт. псал. с. Краснянки Петру <i>Жукову</i>	14	„	—	„
69) Вд. псал. с. Гончаровки Надеждѣ <i>Кочерть</i>	14	„	—	„
70) Вд. псал. с. Покровска Агрипинѣ <i>Рудневой</i>	14	„	—	„
71) Вд. псалом. с. Ново-Осиновой Александръ <i>Кустовской</i>	14	„	—	„
72) Вд. псал. с. Дружелюбовки Даріи <i>Пересыткиной</i>	20	„	—	„

Итого 236 р. 25 к

По Лебединскому уѣзду:

73) Зашт. свящ. с. Межирича Іоанну <i>Соколовскому</i>	16	р.	30	к
74) Зашт. свящ. г. Лебедина Петру <i>Чижевскому</i>	42	„	—	„
75) Зашт. свящ. с. Ольшаной Петру <i>Яновскому</i>	42	„	—	„

76) Зашт. свящ. с. Малаго-Исторопа Микхану <i>Подолюскому</i>	42 р. — к.
77) Вд. свящ. с. Буймера Маріи <i>Проскурниковой</i>	42 „ — „
78) Вд. свящ. с. Мартиновки Параскевѣ <i>Мухиной</i>	42 „ — „
79) Дочери умерш. свящ. с. Ясеноваго Валент. <i>Шебатинской</i>	42 „ — „
80) Зашт. діак. с. Ворожбы Василю <i>Заводовскому</i>	28 „ — „
81) Вд. діак. с. Деркачевки Анастасіи <i>Флоринской</i>	28 „ — „
82) Зашт. псал. с. Межирича Стефану <i>Малишевскому</i>	11 „ 45 „
83) Зашт. псал. с. Ворожбы Григорію <i>Лисанскому</i>	14 „ — „
84) Зашт. псал. с. Павленково Василю <i>Збукареву</i>	6 „ 35 „
85) Зашт. псал. с. Павленково Прокофію <i>Попову</i>	8 „ 80 „
86) Вд. псал. г. Лебедина Маріи <i>Дажытской</i>	31 „ 60 „
87) Вд. псал. с. Межирича Еватеринѣ <i>Безуловой</i>	14 „ — „
Итого	410 р. 50 к.

По Старобѣльскому уѣзду:

88) Зашт. прот. с. Черниговки Николаю <i>Маттеву</i>	42 р. — „
89) Зашт. священ. с. Великотска Петру <i>Раздольскому</i>	42 „ — „
90) Вд. прот. с. Ново-Пскова Любви <i>Раздольской</i>	63 „ — „
91) Вд. священ. с. Петро-Павловки Маріи <i>Ястремской</i>	42 „ — „
92) Вд. священ. с. Ново-Боровой Ольгѣ <i>Приходьковой</i>	42 „ — „
93) Вд. священ. с. Мостковѣ Татіанѣ <i>Соколовой</i>	42 „ — „
94) Вд. свящ. с. Верхней-Покровки Александрѣ <i>Иммоковой</i>	42 „ — „
95) Вд. священ. с. Рудева Антонинѣ <i>Каплуненковой</i>	42 „ — „
96) Вд. священ. с. Ново-Астахани <i>Е. Насѣдкиной</i>	42 „ — „
97) Вд. свящ. с. Шульгинки Ольгѣ <i>Карповой</i> . .	41 „ 65 „
98) Вд. свящ. с. Бѣлокураевнѣ Наталіи <i>Косъминой</i>	42 „ — „
99) Вд. свящ. с. Гладкова Аннѣ <i>Жадамовской</i> . .	21 „ — „
100) Зашт. діак. с. Закотнаго Василю <i>Попову</i> . .	14 „ — „
101) Зашт. діак. с. Смольяниновой Іоанну <i>Дикареву</i>	16 „ 33 „
102) Зашт. діак. с. Лимаревки Іоанну <i>Уланову</i> . .	14 „ — „
103) Вд. діак. с. Муратовой Еленѣ <i>Поповой</i> . .	28 „ — „
104) Дочерамъ умерш. діак. с. Литвиновки <i>Наумовымъ</i>	28 „ — „

105) Зашт. псал. с. Евсуга Николаю <i>Попову</i> . . .	21	р. 87
106) Зашт. псал. с. Поповки Николаю <i>Лихницкому</i>	14	„ —
107) Зашт. псал. с. Литвиновки Арсею <i>Грекову</i> . . .	18	„ 46
108) Бывшему псал. с. Макартетина Юанну <i>Филе-</i> <i>скому</i>	7	„ —
109) Вд. псал. с. Алексѣевки Маринѣ <i>Дикаревой</i> . . .	14	„ —
110) Вд. псал. с. Черниговки Маріи <i>Павловой</i> . . .	13	„ —
111) Дочери умерш. псал. с. Штормовой Маріи <i>Со-</i> <i>болевой</i>	18	„ 8
112) Вд. псал. Деркульскаго коннаго завода <i>А. Ор-</i> <i>жельской</i>	14	„ —
Итого	724	р. 33

По Сумскому уѣзду:

113) Зашт. прот. с. Павловокъ Захаріи <i>Добрецкому</i>	42	р. —
114) Вд. свящ. с. Искрисковщины Параскевѣ <i>Хиж-</i> <i>няковой</i>	41	„ 49
115) Вд. свящ. г. Сумъ Татіанѣ <i>Литкевичъ</i> . . .	33	„ 93
116) Вд. свящ. с. Нижне-Сыроватки Маріи <i>Лав-</i> <i>денковой</i>	42	р. —
117) Вд. свящ. г. Сумъ Евфросиніи <i>Наумовой</i> . . .	35	„ —
118) Вд. свящ. г. Сумъ Вѣрѣ <i>Яценковой</i>	21	„ —
119) Дочери умерш. свящ. с. Юнаковки Ольгѣ <i>Новопольской</i>	50	„ 30
120) Вд. діак. с. Юнаковки Евфросиніи <i>Шикиной</i>	32	„ 80
121) Вд. діак. с. Вирей Александрѣ <i>Башинской</i> . . .	28	„ —
122) Вд. псал. с. Бобрика Евфросиніи <i>Строевской</i>	14	„ —
Итого	340	р. 43

По г. Харькову:

123) Зашт. прот. Каедр. собора Тимоеемъ <i>Павлову</i>	56	р. 36
124) Вд. прот. Троицкой ц. Олимпіадѣ <i>Лашенковой</i>	42	„ —
125) Вд. свящ. Свято-Духовской ц. Ольгѣ <i>Леван-</i> <i>довской</i>	63	„ —
126) Вд. прот. Крестовоздвиженской ц. Аннѣ <i>Щел-</i> <i>кучовой</i>	42	„ —
127) Вд. прот. Благовѣщенской ц. Меланіи <i>Про-</i> <i>скурниковой</i>	31	„ 73

128) Зашт. свящ. Іоакиму <i>Федорову</i>	7 р. — к.
129) Вд. діак. Каеел. собора Аннѣ <i>Кудрявцевой</i>	12 „ 5 „
Итого	254 р. 14 к.

По Харьковскому уѣзду:

130) Зашт. прот. с. Безлюдовви Іоанну <i>Хижнякову</i>	42 р. — к.
131) Дочери умерш. свящ. с. Должика Александрѣ <i>Казанской</i>	63 „ — „
132) Зашт. свящ. с. Большихъ-Проходовъ Григорію <i>Лобковскому</i>	42 „ — „
133) Зашт. свящ. с. Русской-Лозовой Арсенію <i>Будянскому</i>	42 „ — „
134) Зашт. священ. с. Борщеваго Іоанну <i>Ковалеву</i>	42 „ — „
135) Вд. свящ. с. Основы Маріи <i>Кунциной</i>	42 „ — „
136) Вд. свящ. с. Бабаевъ Юліи <i>Лобковской</i>	42 „ — „
137) Вд. свящ. с. Озерянки Маріи <i>Владыковой</i>	42 „ 35 „
138) Вд. свящ. с. Ольшаной Анастасія <i>Любичкой</i>	42 „ — „
139) Вд. свящ. с. Гавриловки Анастасія <i>Ветуховой</i>	42 „ — „
140) Зашт. діак. с. Циркуновъ Стефану <i>Рогальскому</i>	28 „ — „
141) Сиротамъ діак. с. Пѣвки <i>Бутковскимъ</i>	21 „ 85 „
142) Зашт. псал. с. Веселаго Никанору <i>Будянскому</i>	14 „ — „
143) Вд. псал. с. Сорокевки Наталіи <i>Фаворовой</i>	14 „ — „
Итого	519 р. 20 к.

А всего по Епархіи 4.124 р. 77 к.

Предсѣдатель Правл., Ректоръ Семинаріи Прот. Іоаннъ *Знаменскій*.

Члены Правленія } Казначей, Протоіерей Александръ *Федоровскій*.
 } Дѣлопроизводитель, Прот. Николай *Гутниковъ*.
 Бухгалтеръ, Псаломщикъ Тихонъ *Стенурскій*.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Вознесенской церкви сл. Скрипаевъ, Зміевскаго уѣзда, Владиміръ *Раевскій*, согласно прошенію, 11 мая с. г. назначевъ на должность законоучителя Волчанской Учительской Семинаріи.

— Священникъ Николаевской церкви сл. Замостья, Платонъ *Лисовцовъ*, согласно прошенію, 11 мая с. г. перемѣщенъ на праздное священническое мѣсто при Вознесенской церкви сл. Скрипнаевъ, Змѣевского уѣзда.

— Псаломщики: Благовѣщенской церкви г. Валокъ, Николай *Копычиковъ* и Успенской церкви гор. Ахтырки, Гавріилъ *Поповъ*, согласно прошенію, перемѣщены 9 мая с. г. одинъ на мѣсто другого.

— На праздное псаломщицкое мѣсто при Воскресенской церкви сл. Н-вой Водолаги, Валковскаго уѣзда, согласно прошенію, 16 мая с. г. опредѣленъ сынъ священника, Іаковъ *Толмачевъ*.

— На праздное псаломщицкое мѣсто при Соборно-Успенской церкви г. Богодухова, согласно прошенію, 11 мая с. г. допущенъ къ н. д. псаломщика бывший воспитанникъ 4 класса Сумскаго духовнаго училища, Павелъ *Калашиниковъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Церковныя братства, какъ средство къ возвышенію религіозно-нравственной жизни.—Ограниченіе торговли въ праздничные дни.—Открытие въ Бурсѣ отдѣленія православнаго миссіонерскаго общества.—Съѣздъ наблюдателей церковно-приходскихъ школъ въ Москвѣ.—Лѣтніе курсы при второклассныхъ школахъ.—Школьное образованіе въ Туркестанской епархіи.—Паломничество воспитанниковъ Тифлисской семинаріи.—Одинъ изъ способовъ обезпеченія вѣды противъ духовенства.—Помощь нуждающимся крестьянамъ.—Примѣръ достойнаго подражанія.—Христіанство въ Китаѣ.—Мирная конференція въ Гаагѣ.

«Церк. Вѣст.», рисуя печальную картину современнаго общественнаго разстройства, какъ результатъ оскудѣнія въ обществѣ идеаловъ, указываетъ на быстрое поглощеніе въ общественномъ сознаніи христіанскихъ понятій языческими. Въ наше время вновь оживаетъ давно уже, повидимому, отжившее язычество. Непрерывно появляющіяся одно за другимъ разнообразныя ученія и теоріи все выше и выше поднимая голову въ безумномъ самообольщеніи, всѣ усилія употребляютъ къ тому, чтобы замѣнить собою христіанство. Отрицая не только догматы и умозрительную сторону христіанства, но и всѣ установленія и даже нравственное ученіе Господа Іисуса Христа, новые нигѣмъ не призванные проповѣдники самоизмышленнаго ученія нерѣдко злобно издѣваются надъ всѣмъ, что несогласно съ ими самими измышленною теоріей, что стремится поднять и возвысить жизнь и человѣка изъ грязи оцѣтавшихъ его страстей до уровня жизни существа разумнаго. Эти плевеы, поросшіе на нивѣ религіознаго сознанія иныхъ изъ на-

шого образованнаго общества, въ значительной степени переходятъ уже и въ простой народъ нашъ. Было время, когда много миліонный Русскій народъ, какъ одинъ человекъ, жилъ вѣрою, некалъ утѣшенія въ родной своей святинѣ — храмѣ Божиємъ; когда въ молитвѣ къ Нему изливались и радости и горести его многотрудной жизни; когда Евангеліе было для него святѣйшимъ и совершеннѣйшимъ словомъ. Теперь во многихъ отношеніяхъ и для многихъ это доброе время отошло въ область преданій старины глубокой. Расшатанность вѣры неизбежно ведетъ за собою нравственную распущенность. Самымъ губительнымъ образомъ упадокъ вѣры отразился на состояніи семьи, на взаимныхъ семейныхъ отношеніяхъ. Супружеская невѣрность, взаимный обманъ, грубость и исполненные ненависти другъ къ другу отношенія растутъ и усиливаются болѣе и болѣе. Сколько убійствъ, самоубійствъ и всякихъ беззаконій и преступленій вызвано и вызывается этимъ нелѣпымъ искаженіемъ семейныхъ отношеній! А несомнѣнно увеличивающійся процентъ незаконныхъ рожденій; то и дѣло обнаруживающіеся подкидыши, переполняющіе устроенныя съ этою цѣлію благотворительныя учрежденія; со дня на день развивающееся нищенство малолѣтнихъ; появленіе въ большихъ городахъ разнаго рода Скублнскихъ и имъ подобныхъ, — о чемъ вномъ все это свидѣтельствуеетъ, какъ не о томъ, что брачныя узы нагло попираются, что въ погонѣ за животными наслажденіями люди презираютъ супружескія обязанности, попираютъ святѣйшія родительскія чувства, забываютъ Бога, теряютъ стыдъ и все, что есть святаго въ человекѣ? Упадокъ вѣры и происходящая отсюда расшатанность семьи — вотъ то основаніе на которомъ строятся современная жизнь и нашего такъ-называемаго образованнаго общества, и простого народа. Но семья вѣдь есть основаніе общественной и государственной жизни. Это все, на чемъ зиждется наша жизнь, наше счастье временное и вѣчное, безъ чего немыслимо разумное человѣческое существованіе. И эти корни, эти основанія нашего временнаго и вѣчнаго бытія гниютъ, подвергаются порчѣ и ислѣваются!... А мы равнодушно смотримъ на ихъ разложеніе, усыпляемъ свою податливую совѣсть живымъ увѣреніемъ, что у насъ все обстоитъ благополучно, и легкомысленно отворачиваемся отъ средства, которое одно въ состояніи возвратить подгнивающимъ корнямъ нашей жизни ихъ первоначальную свѣжесть и неспорченность. Пока есть еще

время, нужно очнуться и обратить вниманіе на то, что мы стоим на опасномъ пути, окруженные неистово поднимаемыми вѣтрами разнаго рода лжеученій и страстей, волнами невѣрія и нечестія, готовыми затопить насъ, и вмѣсто того, чтобъ искать опоры въ единственномъ не поддающемся разрушительному дѣйствию этихъ волнъ—камень вѣры, какъ обезумѣвшіе стремимся въ глубь кипящей пучины волнъ... Такимъ средствомъ, по мнѣнію журнала, должны служить церковныя братства, въ которыхъ должны соединиться всѣ сознающіе опасность современнаго оскудѣнія духа.

(Моск. Вѣд.).

— Для укрѣпленія въ народѣ религіозно-нравственныхъ началъ и прежде всего для предоставленія ему большей возможности должнымъ образомъ проводить воскресные и праздничные дни довольно давно уже и во многихъ мѣстахъ дѣлаются попытки перенести вполне или отчасти на будніе дни куплю и продажу и особенно базарную торговлю, обыкновенно происходящую нынѣ въ воскресные и праздничные дни. На-дняхъ, по словамъ того же журнала, въ засѣданіи петербургской городской думы было рассмотрѣно и принято новое обязательное постановленіе объ ограниченіи времени торговли по праздникамъ въ Петербургѣ. Въ довольно многихъ мѣстностяхъ возбуждены или возбуждаются ходатайства о закрытіи базаровъ и ярмарокъ въ воскресные дни, по сознанію вреда этихъ базаровъ для духовной жизни православнаго народа. Вопросъ о перенесеніи базаровъ на будніе дни является особенно существеннымъ въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ торговля сосредоточена въ рукахъ евреевъ и гдѣ поэтому только въ субботу не бываетъ базаровъ, въ воскресные же дни и въ дни христіанскихъ праздниковъ улицы городовъ и мѣстечекъ обычно бываютъ полны христіанскимъ людемъ, который спѣшитъ на торжища. По мнѣнію мѣстной духовной печати, крестьянинъ и не можетъ не спѣшить на базары по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, такъ какъ, вслѣдствіе издавна установившагося порядка вещей, вся наиболѣе оживленная и наиболѣе удобная для совершенія сдѣлокъ торговля почти исключительно приурочена къ этимъ именно днямъ. Несмотря однако на вѣковое иновѣрное и иноплеменное вліяніе, простой западно-русскій народъ сознаетъ вредъ отъ приуроченія торговыхъ операцій, съ проникающей ихъ жаждой корысти и обманами, къ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, и выраженіемъ этого сознанія являются ходатайства крестьянскихъ обществъ о

перенесеніи базаровъ на будничные дни и заявленія о томъ, что, въ виду невозможности для крестьянства произвести желательныя измѣненія въ торговлѣ, правительственная власть сама должна вмѣшаться въ дѣло и запретить торгъ въ праздничные дни. Въ этомъ же смыслѣ высказался въ «Литов. Епарх. Вѣдом.» одинъ изъ священниковъ, полагающій, что въ настоящее время, когда могучая правительственная рука извлекла крестьянина изъ власти кабака и кабатчиковъ, особенно ощущается потребность въ нравственномъ оздоровленіи народа повсемѣстнымъ закрытіемъ по воскреснымъ днямъ базаровъ, отвлекающихъ народъ отъ церкви и церковной молитвы. Благодѣтельный въ этомъ отношеніи починъ принадлежать мѣстной губерніи, гдѣ съ 15 января 1898 г. отмѣнены существовавшіе воскресные базары и оставлены попрежнему только тѣ базары, которые установлены въ будніе дни.

— По сообщенію «Жур. Еп. Вѣд.», въ воскресенье, 2-го мая, состоялось открытіе въ г. Курскѣ отдѣла Православнаго Палестинскаго Общества. Послѣ Божественной литургіи, которую совершилъ въ Знаменскомъ монастырѣ Преосвященнѣйшій Архипастырскій Курскій, въ покоехъ Его Преосвященства, по предварительному приглашенію Владыки, собралось многочисленное общество, —представители мѣстной администраціи, городского общества, духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній, почти все наличное духовенство г. Курска и всѣ члены бывшаго въ это время въ Курскѣ епархіальнаго съѣзда духовенства. Преподавъ собранію Архипастырское благословеніе, Владыка благословилъ пропѣть «Двесь благодать Св. Духа насъ собра» и затѣмъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью. По окончаніи рѣчи, Владыка пригласилъ желающихъ записаться въ члены и сотрудники къ Курск. Имп. Пал. Обществу, и всѣ присутствовавшіе изъявили готовность принять посланное участіе въ святомъ дѣлѣ Православнаго Палестинскаго Общества и тутъ же записались одни—членами Общества, другіе—сотрудниками его. По окончаніи записи, Преосвященнѣйшій Владыка объявилъ Курскій отдѣлъ Палестинскаго Общества открытымъ. Нельзя не пожелать отъ всей души полнаго успѣха новооткрытому отдѣлу Палестинскаго Общества.

— На съѣздѣ наблюдателей церковныхъ школъ Московской епархіи, бывшемъ 30-го апрѣля, рѣшено устроить педагогическіе курсы для учителей церковныхъ школъ епархіи въ зданіи духовной семинаріи. На курсы постановлено вызвать изъ епархіи 60 учителей. Въ видахъ улучшенія учебно-воспитательнаго дѣла въ цер-

ковыми школахъ, по словамъ «Моск. Вѣд.», предполагено устроить по каждому уѣзду однодневные съѣзды учителей церковныхъ школъ, на которыхъ учителя, подъ руководствомъ уѣздныхъ наблюдателей, должны заниматься слушаніемъ и разборомъ пробныхъ уроковъ и обменомъ свѣдѣній по учительскому дѣлу. Предполагено также поощрять наиболѣе усердныхъ тружениковъ въ церковныхъ школахъ, увеличивать имъ содержаніе, а также намѣчены пункты, гдѣ неотложно нужно открытіе новыхъ школъ. Съѣзды постановили: обезпечить школы земельными участками и ввести повсюду обязательное преподаваніе земледѣлія, плодоводства и огородничества, причѣмъ доходъ со школьныхъ участковъ предназначенъ въ пользу учителей, трудящихся въ преподаваніи земледѣлія. Во второклассныхъ школахъ предполагено ввести педагогическіе совѣты подъ руководствомъ уѣздныхъ наблюдателей; предполагено также увеличить за счетъ отдѣленій количество учениковъ этихъ школъ и обязательное обученіе сельско-хозяйственнымъ и ремесленнымъ занятіямъ. Постановлено ходатайствовать объ изданіи журнала съѣзда особой брошюрой для руководства тѣхъ лицъ, которыя трудятся въ церковныхъ школахъ.

— Существующія въ Подольской епархіи второклассныя школы въ настоящемъ 1899 г. имѣютъ дать первый выпускъ своихъ воспитанниковъ для замѣщенія ими вакантныхъ учительскихъ должностей въ школахъ грамоты епархіи и, такимъ образомъ, начать фактически содѣйствовать дальнѣйшему развитію и упроченію церковно-школьнаго дѣла въ епархіи. Какъ это ни существенно важно само по себѣ для церковно-школьнаго дѣла, тѣмъ не менѣе благотворная дѣятельность и значеніе второклассныхъ школъ въ текущемъ году имѣеть, по словамъ «Под. Еп. Вѣд.», проявиться и въ другомъ отношеніи. При двухъ второклассныхъ школахъ, обезпеченныхъ уже собственными школьными помѣщеніями, а именно—при Велико-Мечетнянской и Чернокозинецкой, предстоящимъ лѣтомъ предполагено мѣстными Уѣздными Отдѣленіями организовать краткосрочные педагогическіе и церковнаго пѣнія курсы для учителей школъ грамоты. Это будетъ первый опытъ подобныхъ учительскихъ курсовъ въ епархіи. Современемъ эти курсы для учителей школъ грамоты, безъ сомнѣнія, должны стать неотъемлемою принадлежностію каждой второклассной школы. Задача второклассныхъ школъ, какъ центровъ церковно-школьной жизни въ уѣздахъ, очевидно, не должна ограничиваться только

тѣмъ, чтобы ежегодно восполнять своими питомцами происшедшую убыль въ контингентѣ учителей школъ грамоты въ епархіи; она должна быть гораздо шире и глубже. Кромѣ приготовления правоспособныхъ и вполне подготовленныхъ къ педагогической дѣятельности кандидатовъ на учительскія мѣста въ школахъ грамоты, второклассныя школы, каждая въ своемъ районѣ, должны также вообще давать тонъ и направленіе школьной жизни во всѣхъ церковныхъ школахъ грамоты епархіи, поддерживая непрестанно бодрость духа и энергію въ учителяхъ означенныхъ школъ и руководству педагогическою ихъ дѣятельностію во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ. Единственнымъ средствомъ къ тому служатъ ежегодныя лѣтніе краткосрочныя курсы при второклассныхъ школахъ для учителей школъ грамоты. Собираясь въ одну общую семью при второклассной школѣ въ свободное отъ школьныхъ учебныхъ занятій время, учителя и учительницы школъ грамоты получаютъ полную возможность не только подѣлиться другъ съ другомъ своими наблюденіями и опытомъ въ педагогическомъ дѣлѣ, но и проверить свою собственную дѣятельность на этомъ поприщѣ подъ руководствомъ своихъ старшихъ товарищей, а для нѣкоторыхъ—вмѣстѣ и наставниковъ, учителей второклассныхъ школъ. Слушая живыя устныя бесѣды руководителей курсовъ, а также пользуясь безпрепятственно богатою (сравнительно съ бібліотеками нашихъ школъ грамоты) бібліотекою второклассной школы, учителя и учительницы школъ грамоты, прибывшіе на курсы, освѣжать въ своей памяти тѣ педагогическія свѣдѣнія, которые почему-либо позабылись ими, или восполнять ихъ новыми, сообразно указаніямъ руководителей курсовъ и собственной практикѣ, но тѣмъ же и другимъ частнымъ вопросамъ, имѣвшимъ мѣсто въ ихъ школахъ и породившихъ въ нихъ тѣ или другія недоумѣнія. Вообще, они занасутся на курсахъ во второклассныхъ школахъ всѣмъ тѣмъ педагогическимъ оружіемъ и матеріаломъ, который каждому изъ нихъ необходимъ для успѣшной работы въ школѣ въ теченіе слѣдующаго учебнаго года. Вотъ почему курсы для учителей школъ грамоты ежегодно должны быть при всякой второклассной школѣ, какъ единственномъ мѣстѣ, гдѣ они могутъ быть организованы съ большимъ удобствомъ и цѣлесообразностію. Курсы для учителей и учительницъ школъ грамоты при Чернокозвинцевой и Велико-Мечетнянской второклассныхъ школахъ предполагается открыть въ концѣ лѣтнихъ каникулъ, въ м.м. августѣ

и сентябрь, в срокѣ не болѣе, какъ на 3 недѣли. — Нельзя не пожелать этимъ курсамъ полного успѣха.

— Школьное образованіе въ туркестанской епархіи, какъ видно изъ отчета туркестанскаго епархіальнаго наблюдателя, находилось въ 1897—98 учебномъ году въ такомъ положеніи. Всѣхъ школъ состояло 38: 20—одноклассныхъ церковно-приходскихъ и 18 школъ грамоты. Дѣтей въ этихъ школахъ обучалось 1.646 чел.— 1.091 мальч. и 555 дѣв. Въ воспитательномъ отношеніи всѣ эти школы исполнѣ и притомъ почти въ равной степени соответствовали своему назначенію, а въ учебномъ—были неодинаковы. Въ послѣднемъ отношеніи церковно-приходскія одноклассныя школы дѣлились на три разряда. Въ первомъ изъ нихъ, состоявшемъ изъ пяти школъ, Соборной, Покровской, Троицкой (находящейся въ гор. Вѣрномъ), Больше-Алматинской и Лепсинской—обученіе велось въ сравнительно широкомъ объемѣ—по программѣ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ; второй разрядъ состоялъ изъ десяти церковно-приходскихъ школъ. Въ школахъ этого разряда обученіе велось по программѣ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, требованія которой здѣсь выполнены были не безуспѣшно и почти по всѣмъ предметамъ. Къ третьему разряду принадлежали остальные пять церковно-приходскихъ школъ епархіи, успѣхи которыхъ въ учебномъ отношеніи нельзя назвать исполнѣ удовлетворительными. Школы грамоты въ учебномъ отношеніи также дѣлились на двѣ группы. Въ первой изъ нихъ, состоявшей изъ четырехъ школъ, обученіе велось по программѣ одноклассныхъ и церковно-приходскихъ школъ, а во второй, состоящей изъ четырнадцати остальныхъ, расположенныхъ въ епархіи, школъ грамоты, преподавались, главнымъ образомъ, только тѣ свѣдѣнія, приобрѣтеніе которыхъ требуется § 14 Высочайше утвержденныхъ правилъ о школахъ грамоты.

«Пр. Вѣст.».

— Въ «Духовн. Вѣстн. Груз. Эвзар.» описывается паломничество воспитанниковъ VI класса Тифлисской духовной семинаріи, въ сопровожденіи ректора, въ г. Мцхетъ, на поклоненіе мѣстнымъ святынямъ. Самъ по себѣ городъ представляетъ въ настоящее время небольшое селеніе, среди котораго мощно поднимается памятникъ его былой славы и величія—знаменитый «Свети-Цховели» (храмъ Животворящаго столпа). Основанный первымъ христіанскимъ царемъ Грузіи Миріаномъ, онъ принялъ свой настоящій видъ при царѣ Вахтангѣ Горгаславѣ (V

в.). Свирѣный Тамерланъ превратилъ этотъ дивный памятникъ архитектурнаго искусства въ грудѣ развалинъ, но Христолюбивый царь Александръ (XV в.) вновь возсоздалъ его въ прежнемъ величіи. И съ этого времени—ни явленія природы, ни превратности судьбы, неоднократно постигавшія эту страну, не коснулись его внѣшней цѣлости и величія. И невольно удивляешься этой громадѣ, сложенной изъ огромныхъ тесанныхъ камней (нѣсколько аршинъ въ длину, болѣе аршина въ ширину и около $\frac{1}{4}$ аршина въ толщину). Его строія формы, остроконечный куполь, легкія арки съ лѣпными украшеніями дѣлаютъ его предметомъ удивленія. Наружный видъ храма мало пострадалъ отъ времени, но этого нельзя сказать о его внутреннихъ украшеніяхъ. Всесокрушающее время и неумолимая рука враговъ наложили на него свою печать. Драгоцѣнная живопись храмовыхъ стѣнъ древне-грузинскаго иконописанія была настолько повреждена, что ее пришлось покрыть мѣломъ. По сохранившимся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мѣнѣе поврежденнымъ образцамъ можно судить до какихъ дѣкихъ и жестокихъ выходовъ доходила ненависть враговъ. На изображеніяхъ святыхъ князями и саблями выцарапаны глаза, пробиты головы и другія части тѣла. Иконы, расположенныя на высотѣ, служили мишенью для стрѣльбы. Вся внутренность купола покрыта черными точками отъ пуль. Эти слѣды разрушенія, опустѣвшія стѣны, высокіе, мрачные своды—оставляютъ глубокое впечатлѣніе, моплянымъ холодомъ вѣетъ отъ нихъ... Въ храмѣ сохраняется много частицъ святыхъ мощей и другихъ христіанскихъ памятниковъ, здѣсь погребены в тѣла послѣднихъ грузинскихъ императоровъ... Неудивительно, что всѣ эти впечатлѣнія пережиты молодыми сердцами тафлисскихъ семинаристовъ и они одушевленно пѣли здѣсь за церковнымъ богослуженіемъ. Осмотрѣвъ соборъ, они отправились въ монастырь Св. Креста, построенный одновременно съ соборомъ. Чтобы попасть туда—необходимо въ бродѣ переходить рѣку Арагу. Тропинки почти не существуютъ при подъемѣ на очень высокую и крутую скалу, пробираться приходится съ большимъ трудомъ, но путникъ чувствуетъ полное удовлетвореніе по достиженіи цѣли: съ вершины горы открывается чудный видъ на сосѣднія высокія горы, быстротекуція рѣки Куру и Арагу, которыя съ шумомъ сливаются у ихъ подножія, на расположенныя у береговъ послѣднихъ роскошныя, зеленныя долины... Въ сознаніи невольно проносятся картины прошлой жизни этой сказочно-поэ-

тической страны. Предъ глазами уцѣлѣвшій монастырскій храмъ, все остальное въ развалинахъ и грустно ихъ созерцать среди обружающихъ прелестей природы; не сдумѣвшей—не смотря на свою неприступность—защитить и отстоять свои твердыни.... Нельзя не раздѣлить прекрасной цѣли, которую имѣлъ въ виду о. ректоръ Тифлисской семинаріи—показать своимъ старшимъ воспитанникамъ тѣ мѣста, которыя для всякаго православнаго грузина составляютъ „святое святыхъ“ (грузинскій Іерусалимъ—въ просторѣчій), гдѣ почиваетъ множество грузинскихъ дѣятелей, тѣ мѣста, надъ которыми въ IV вѣкѣ возсіяла божественная благодать, благодаря подвигамъ св. Нины, просвѣтельницы Грузія. Тѣ одушевленные впечатлѣнія, которыя несомнѣнно пережили здѣсь воспитанники-памятниками Тифлисской семинаріи, на долго сохранятся въ ихъ сознаніи, какъ лучшее воспоминаніе юношескихъ школьныхъ годовъ.

— Относительно хотя нѣкотораго обезпеченія вдовъ и сиротъ духовенства въ Минской епархіи, какъ сообщаютъ «Мин. Еп. Вѣд.», существуетъ слѣдующая весьма симпатичная мѣра,—выдѣленіе трехдесятинныхъ участковъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Участки выдѣляются благотворительными совѣтами во всѣхъ приходяхъ, гдѣ причты владѣютъ узаконенными 33 десятинами земель; выдѣленіе же, въ случаѣ нужды, въ одномъ и томъ же приходѣ другого участка допускается только въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ имѣется свыше 66 десятинъ удобной земли. 2) Отведенные участки ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть сокращаемы или перемѣняемы причтами на участки въ другомъ мѣстѣ безъ согласія владѣльцевъ сихъ участковъ и вѣдома благотворительнаго совѣта округа. 3) Право на пользованіе отведенными участками сохраняется за вдовами или сиротами даже въ томъ случаѣ, если онѣ не живутъ на мѣстѣ; но въ случаѣ сиротства новаго семейства въ томъ же приходѣ, право это переходитъ къ послѣднему семейству. 4) Если въ какомъ-либо приходѣ сиротскій участокъ остается незанятымъ, то благотворительскій совѣтъ сдаетъ его во владѣніе одному изъ наличныхъ членовъ причта за соотвѣтствующую плату, и деньги эти вносятся въ эмеритуро-вспомогательную кассу для увеличенія ежегодныхъ пособій всѣмъ сиротамъ епархіи.

— Къ числу учреждений, принимающихъ участіе въ облегченіи тяжелаго положенія крестьянскаго населенія въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, присоединилось попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, состоящее подъ непосредственнымъ предсѣда-

тельствомъ Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Это попечительство, въ виду опыта прошлыхъ лѣтъ, показывающаго, что нужда при недородахъ становится особенно острою въ послѣдній періодъ ея предъ новымъ урожаемъ, вмѣстѣ въ виду, соотвѣтственно съ общими своими задачами, оказывать помощь нуждающимся чрезъ предоставленіе имъ возможности обезпечить себѣ насущный хлѣбъ трудомъ рукъ своихъ. Для выполненія предположеній относительно этой трудовой помощи населенію чрезъ устройство приспособленныхъ къ условіямъ той или другой мѣстности полезныхъ работъ, а также для устройства трудовыхъ убѣжищъ для дѣтей и подростковъ, яслей и т. д., Августѣйшая Попечительница попечительница соизволила командировать въ губерніи казанскую, вятскую и симбирскую члена комитета попечительства, д. тайн. сов. Галкина-Враского, и въ губерніи самарскую и уфимскую тайн. сов. барона Буксгевдена, съ нѣсколькими помощниками и врачами и потребными денежными средствами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ея Императорское Величество, принимая особенно близко къ сердцу задачу, преслѣдуемую въ данномъ случаѣ попечительствомъ, и желая личнымъ пожертвованіемъ содѣйствовать ея осуществленію, 26 апрѣли, Всемилоствѣйше соизволила пожаловать на усиленіе отпущенной изъ расходнаго капитала попечительства суммы изъ собственныхъ своихъ средствъ 50,000 р. Новыя и притомъ вполне точно удостовѣренныя, извѣщенія изъ неурожайныхъ мѣстностей о страшной нуждѣ мѣстныхъ жителей и о массѣ тяжело заболѣвшихъ цынгою и тифомъ, вслѣдствіе недостаточнаго питанія, вызвали среди болѣе состоятельной части населенія русскаго государства болшую, чѣмъ прежде, участливость къ положенію бѣдствующаго населенія. Вслѣдъ за православными епископами, и одинъ римско-католическій епископъ обратился къ своей паствѣ изъ русскихъ подданныхъ съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ для потерпѣвшихъ отъ неурожая. Это сдѣлалъ именно варшавскій римско-католическій архіепископъ Попель, посланіе котораго 9 мая было прочитано въ римско-католическихъ костелахъ настоятелями, послѣ чего послѣдовалъ и сборъ пожертвованій. Въ появляющихся въ «Епарх. Вѣдомостяхъ» и въ газетныхъ спискахъ жертвователей встрѣчаются: монастыри, въ отдѣльныхъ случаяхъ жертвующіе крупныя суммы, какъ сдѣлала, напримѣръ, недавно Кіево-Печерская лавра, внесшая въ пользу крестьянъ 1,000 р., городскіе и сельскіе причты, служащіе въ

разныхъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ учреждений, воспитанники учебныхъ заведеній, рабочіе на фабрикахъ и заводахъ, офицеры и нижніе чины разныхъ полковъ, и т. п. Особенно замѣчательно то, что русское общество не только отправляетъ деньги въ неурожайныя губерніи, но и выдѣляетъ изъ себя лицъ, одушевленныхъ желаніемъ оказать недужнымъ и голодающимъ посильную помощь своимъ личнымъ непосредственнымъ трудомъ и уходомъ. Къ правительственнымъ агентамъ и отрядамъ «Краснаго Креста» присоединились теперь и продолжаютъ присоединяться многочисленныя добровольцы, отправляющіеся на собственный счетъ устраивать народныя столовыя и ухаживать за больными. Нѣкоторые изъ отправившихся для помощи бѣдствующему населенію врачей, сестеръ милосердія и другихъ лицъ, сами заразились тифомъ и цынгой. Изъ нихъ скончались: штаб-ротмистръ А. В. Бодиско. съ осени 1898 года, не покладая рукъ, трудившійся надъ организаціею помощи бѣдствующему населенію въ качествѣ помощника главнаго уполномоченнаго общества Краснаго Креста генерала Шведова, и сестра милосердія Н. Л. Михайлуца. Въ составѣ санитарныхъ отрядовъ, вмѣстѣ съ врачами, студентами-медиками и сестрами милосердія, въ немаломъ числѣ трудятся и сестры-монахини.

«Цер. Вѣст.».

— Желая придти на помощь учащимся въ школахъ трехъ южныхъ уѣздовъ Вятской губерніи, пораженныхъ нынѣ недородомъ хлѣббовъ, воспитанницы Вятскаго епархіальнаго училища рѣшили, по словамъ «Зад. Сл.», удѣлить изъ тѣхъ небольшихъ средствъ, которыя посылаются имъ родителями на булки и т. п. предметы, ежемѣсячно, сверхъ прочихъ сборовъ на этотъ предметъ, по четыре копѣйки въ пользу нуждающихся учениковъ названныхъ уѣздовъ. Четыре копѣйки взяты потому, что такую именно сумму ассигновало на прокормленіе голодающихъ дѣтей въ день общество «Краснаго Креста», находя ее вполне достаточной. Въ общемъ изъ такихъ копѣекъ составилось около 25 рублей въ мѣсяцъ.

— Въ виду настойчиваго движенія европейскихъ державъ къ упроченію на далекомъ Востокѣ и особенно въ Китаѣ, небезынтересны данныя, сообщаемыя «Цер. Вѣст.», о распространеніи тамъ христіанства. Послѣднее проникло въ Китай еще въ VII вѣкѣ черезъ несторіанъ, а въ XIII вѣкѣ появились римско-католическіе миссіонеры, хотя окончательно римскій католицизмъ упрочился тамъ лишь въ XVI вѣкѣ. Спустя сто лѣтъ появились тамъ и про-

православные, и притомъ при весьма интересныхъ обстоятельствахъ. Въ 1684 году китайскій богдыханъ Банъ-Си отправилъ войска вверхъ по Амуру, съ приказаніемъ разорить всѣ крѣпости, построенныя русскими, и овладѣть Албазинномъ. Китайцамъ, какъ извѣстно, послѣ упорнаго сопротивленія удалось овладѣть Албазинномъ, причемъ часть защитниковъ его съ оружіемъ въ рукахъ удалились въ Нерчинскъ, а часть, преимущественно семейные, со священникомъ отцомъ Максимомъ Леонтьевымъ во главѣ, была уведена въ Пекинъ. Приведенные въ Пекинъ, они образовали здѣсь отдѣльную роту въ средѣ восьми маньчжурскихъ знаменъ и были поселены въ сѣверо-восточномъ углу города, причемъ имъ не только дозволено было исповѣдывать православную христіанскую вѣру, но богдыханъ приказалъ дать имъ готовое буддійское капище для устройства православнаго храма, который и былъ сооруженъ во имя св. Софіи. Храмъ этотъ долженъ былъ служить не только для удовлетворенія духовныхъ нуждъ невольныхъ русскихъ пришлецовъ въ Китай, но и для проповѣди православія среди изычниковъ. На это прямо указываетъ письмо тобольскаго митрополита Игнатія, писавшаго отцу Максиму Леонтьеву: „А плѣненіе ваше не безъ пользы китайскимъ жителямъ, яко Христовы православныя вѣры имъ вами свѣтъ открывається“... Дѣйствительно, уже вскорѣ послѣ освященія русской церкви начали встрѣчаться случаи обращенія китайцевъ въ православіе. Такъ, по свѣдѣніямъ священника Григорія Петрова, въ 1699 году въ Калганѣ крестился купецъ Сахалту, а вмѣстѣ съ нимъ и одинъ изъ китайскихъ чиновниковъ со своимъ слугою. Такимъ образомъ, въ нынѣшнемъ году исполнилось ровно двѣсти лѣтъ съ начала нашей миссіонерской дѣятельности въ Китаѣ. Римско-католическіе же миссіонеры работаютъ болѣе 300 лѣтъ. Это, конечно, даетъ имъ несомнѣнно преимущество, однако, все же не настолько крупное, чтобы нельзя было сравнивать результаты, достигнутые обѣими миссіями.

— Газеты сообщаютъ, что 6 мая, въ знаменательный день рожденія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Всероссийскаго, въ Гаагѣ открылась международная конференція, приступившая къ осуществленію великой гуманной идеи Русскаго Монарха, предложившаго всѣмъ державамъ устранить, съ общаго согласія и по мѣрѣ возможности, ужасы войны. Мѣстомъ засѣданій гаагской конференціи служить, такъ называемый „Деревянный домъ“, окруженный прекраснымъ паркомъ съ цвѣтниками, обилу-

ющими рѣдкими растениями. Засѣданія происходятъ въ Оранскомъ залѣ дворца. Хотя въ залѣ конференціи приготовлено до 12 мѣстъ, но присутствовать въ ея засѣданіяхъ будутъ не болѣе пятидесяти уполномоченныхъ, такъ какъ делегаты техническихъ военныхъ и морскихъ компаній должны засѣдать особо. Въ Оранскомъ залѣ для общихъ засѣданій конференціи скамьи располжены такъ же, какъ и въ лютеранскихъ церквяхъ; въ остальныхъ же залахъ для засѣданій комиссій разставлены длинные столы. „Деревянный дворецъ“ находится въ одной милѣ разстоянія отъ центра города, посреди большого сада, деревья котораго уже одѣлись въ блестящую весеннюю листву. Ведущая къ „Деревянному дворцу“ шоссеиная дорога проходитъ черезъ весь гаагскій лѣсъ во всю его длину. Трудно было-бы подыскать болѣе подходящее мѣсто для той мирной идилліи, которую породило, какъ-бы по мѣновенію волшебнаго жезла, мощное слово Русскаго Императора. Этотъ маленький дворецъ, утопающій въ зелени парка, прилегающаго къ прекрасной, спокойной и благоухающей Гаагѣ, дѣйствительно окруженъ какимъ то ореоломъ поэзіи. Настоящее мирное настроеніе господствуетъ въ этомъ паркѣ, на опушкѣ котораго тянутся небольшія, но роскошныя виллы купцовъ и рантье, а въ чащѣ котораго такъ и прыгаютъ лоси, столь мало пугливые, что они нерѣдко подбѣгаютъ къ самымъ дачамъ. Эти близкыя животныя какъ будто никого не боятся, такъ какъ имъ нието не смѣетъ причинить зла. Охотиться на нихъ запрещено круглымъ годъ и ихъ не беспокоитъ даже городской шумъ. Въ Гаагѣ господствуетъ миръ прежде, чѣмъ тамъ успѣла собраться мирная конференція. Никто, кромѣ секретарей и делегатовъ, не подлускается даже близко къ „Лѣсному домику“, въ которомъ происходятъ засѣданія. Всѣ входы въ паркъ заграждены рѣшетками, и у рѣшетокъ стоятъ часовые. Каждый делегатъ, чтобы быть пропущеннымъ въ залъ засѣданій, долженъ предъявить свой именной билетъ оранжеваго цвѣта. Относительно самыхъ преній рѣшено соблюдать строжайшую тайну. Предсѣдателемъ конференціи избранъ русскій посолъ, баронъ Стааль. Конференція учредила три комиссіи. Первая комиссія будетъ обсуждать вопросъ объ ограниченіи вооруженій и военныхъ расходовъ. Вторая—объ установленіи законовъ войны. Третья комиссія, съ практической точки зрѣнія, будетъ самою важною и займется посредничествомъ и факультивнымъ третейскимъ судомъ.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА.

Съ требов. обраш. СПб. Стремянная, № 12.

КАРМАННАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

ДЛЯ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА

ВЪ 2 хъ ЧАСТЯХЪ

ОКОЛО 500 СТРАНИЦЪ.

Часть I—календарная, съ чистыми листками почтовой бумаги для записи на каждый день, въ мягкомъ коленкоровомъ переплетѣ, съ карандашемъ и грифельною доскою.

Часть II—заключаетъ рядъ тѣхъ церковно-гражданскихъ узаконеній и распоряженій, съ которыми духовенство наше по своей практикѣ встрѣчается наиболѣе часто. Въ приложеніи дается рядъ циркулярныхъ указовъ Святѣйшаго Синода, относящихся въ брачнымъ и судебнымъ дѣламъ, и извѣстный, составленный покойнымъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, „чинъ погребенія архіереевъ и священниковъ въ Пасху“.

Для удобства пользованія, книжка снабжена детально составленными алфавитнымъ указателемъ, оглавленіемъ и перечнемъ (въ квадратъ) всѣхъ узаконеній и распоряженій по духовному вѣдомству, вышедшихъ за истекшій годъ.

Цѣна за обѣ части 1 руб. съ пересылкою.

Выписывающіе за 1898 и 1899 г. платятъ за оба года 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Карманная справочная книжка на 1899 г. для православнаго духовенства не есть перепечатка предыдущаго изданія.

Продается недорого почти новый одноярусный иконостасъ

(отъ упраздненнаго придѣла) въ Покровской церкви
г. Чугуева, Харьковской губ.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

ПРИ ХАРЬКОВСКОМЪ ДУХОВНОМЪ УЧИЛИЩѢ

Владиміръ Яковлевичъ Липскій.

Лечить, пломбируетъ и вставляетъ **искусственные зубы**
Сумская ул., № 16—домъ Григорьевой.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ НОВЫЯ КНИГИ.

ЗАЩИТНИКИ ХРИСТИАНСТВА

(АПОЛОГЕТЫ).

И. П. Реверсова, Профессора Казанской Духовной Академіи С.П.Б. Изданіе П. П. Сойкина. Цѣна 50 коп.

Лирика Я. П. Полонскаго.

Критическій этюдъ Н. М. Соколова. Изданіе П. П. Сойкина. С.П.Б. Цѣна 60 коп.

ТАЛМУДЪ. МИШНА И ТОСЕФТА.

Критическій переводъ Н. Переферковича. Томъ первый (книги 1 и 2). С.-Петербургъ. Изданіе П. П. Сойкина. 1899 г.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Новое сочиненіе ДМ. ИВ. ЭВАРНИЦКАГО:

ПО СЛѢДАМЪ ЗАПОРОЖЦЕВЪ.

Продается у автора, Москва, Университет. Цѣна 1 р. 50 к.

„Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій
о вопросахъ современныхъ“.

Профессора Н. И. Варсова. С.-П.-Б. 1899. Ц. 2 р

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ДЛЯ ЛИЦЪ СЕЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ 12 книгъ, отъ 27 до 30 печатныхъ листовъ въ каждой книгѣ, лицамъ сельскаго духовенства будетъ высылаться за *десять* рублей (вмѣсто обычныхъ 17 рублей).

Допускается разсрочка: можно высылать по *одному* рублю въ мѣсяцъ въ теченіе десяти мѣсяцевъ года съ января по октябрь.

Адресъ журнала *Русскій Вѣстникъ*: Москва, Малая Дмитровка, д. № 29.

Редакторъ-Издатель *М. М. Катковъ*.

ГОМЕОПАТИЧЕСКАЯ АПТЕКА

Харьковскаго Общества послѣдователей гомеопатіи.

Харьковъ. Екатеринославская улица, № 36.

Книги и учебники по гомеопатіи. Домашнія аптечки. Прейсъ-Курантъ высылается по требованію бесплатно.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 г.

Н а

„Американскій Православный Вѣстникъ“

(ОРГАНЪ ПРАВОСЛАВНОЙ АМЕРИКАНСКОЙ МИССИИ).

Начало подписнаго года—1-го Января стараго стиля. Болѣе важныя и существенныя статьи печатаются въ два текста—русскій и англійскій—параллельно. Журналъ выходитъ дважды въ мѣсяцъ,—каждаго 1-го и 15-го числа. Подписная цѣна на годъ: въ Америкѣ—три доллара; въ Россіи—шесть руб. съ пересылкой. Допускается разсрочка по полугодіямъ. Подписка принимается—въ Россіи: С.-Петербургъ. Редакція „Церковнаго Вѣстника“—для перевода въ НЬЮ-ІОРКЪ.

Въ Америкѣ: America, New York, City. 323 Second Ave., Rev. Alexander Hotovitzky.

Редакторъ, Свящ. А. Хотовицкій.

Открыта подписка на 1899 годъ

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ, РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„КОРМЧИЙ“

(двадцатый годъ изданія).

4 рубля за годъ съ пересылкою, 2 рубля 50 коп. за полгода съ пересылкою.

„Кормчій“ одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами. Въ 1897 г. журналъ получилъ новое одобреніе Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Сергея Александровича и рекомендованъ Имъ къ выпискѣ по войскамъ Московскаго Военнаго округа. Адресъ редаціи: Москва, Ординка, д. Бажановой, (квартира при іерее Скорбященской церкви). „Кормчій“ предназначается для воскреснаго и величнаго народнаго чтенія. Въ виду этого программа изданія его носитъ характеръ общедоступности, какъ въ выборѣ статей для чтенія, такъ и въ формѣ ихъ изложенія. „Кормчій“ имѣетъ главной своею цѣлю, какъ показываетъ и самое названіе, путеводить православнаго христианина, т. е. указывать ему тотъ истинно верный путь ко спасенію, который Церковь Православная предназначила для всѣхъ членовъ ея. „Кормчій“ и въ 1899 г. будетъ издаваться привѣсивъ къ событіямъ года, и такимъ образомъ можетъ служить удобнымъ подспорьемъ для избора лучшихъ собесѣдованій съ народомъ на весь годъ, въ особенности духовенству, для мирянъ и христіанскихъ семей благовременнымъ и полезнымъ чтеніемъ, воскресные и праздничные дни. №№ журнала будутъ украшаться рисунками религіозно-нравственнаго содержанія съ соответствующими поясненіями въ текстѣ. Въ изданіи „Кормчій“ по прежнему будетъ принимать участіе своими литературными трудными

извѣстный Кронштадтскій пастырь отецъ Іоаннъ.

Въ 1899 г. Редакція „Кормчій“ дастъ своимъ подписчикамъ: 52 №№ религіозно-нравственнаго чтенія и обзора событий текущей жизни. 52 №№ иллюстрированныхъ бесплатнаго приложенія „Воскресныя поученія по житіямъ святыхъ“ и еще 12 №№ иллюстрированныхъ листковъ на двенадцать праздниковъ. Въ другихъ статьяхъ въ 1899 г. въ „Кормчій“ будетъ печататься „Жизнь современнаго подвижника благочестія“, „Толкованіе на Апокалипсисъ“, „Катихизическія поученія на заповѣди о блаженствахъ и на 10 заповѣдей Закона Божіа“, статья „Константинопольская древняя христіанская святиня“ и возобновятся прерванные на время статьи „Древняя святиня Москвы и ея окрестностей“. Въ редакціи изданы полныя экзemplы „Кормчаго“ за 1893, 94, 95, 96 и 97 гг. Цѣна 1893 г. (сбром.) 2 р. 50 к., 1894 г. (сбром.) 3 р., 1895 г. (сбром.) 3 р., 1896 г. (сбром.) 3 р., 1897 г. (сбром.) 3 р. Листки продаются и отдѣльно отъ журнала по 60 к. за 100 (безъ перес.) и по 80 коп. за 100 съ перес. Есть сброшюванные листки по 40 к. съ пересылкой. Въ январѣ выйдутъ изъ печати 12 мелкихъ брошюръ съ религіозно-нравственными разсказами, Боткиной, цѣна за брошюру 1 коп. за 100 брошюръ 90 к. съ перес. и 70 к. безъ перес. Наложениемъ платежомъ изданія „Кормчій“ не выслаются. Редакція дѣлаетъ скидку 40% съ объявленной цѣны для тѣхъ, которые выписываютъ журналъ сразу за всѣ имѣющіеся въ продажѣ годы; при выпискѣ же не менѣе 10 экзempl. журнала за 1899 г., цѣна за каждый экзemplаръ р. 50 к. вмѣсто 4 р.

Протоіерей С. П. Андросовъ
Редакторы—издатели: Священники (І. Н. Букаревъ,
В. П. Гурьевъ)

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Іюня № 11. 1899 года.

Содержаніе. Высочайшія награды.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Наблюдателя церковно-приходскихъ школъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшія награды.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, согласно опредѣленіямъ Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 15-й день мая, на награжденіе, за труды по народному образованію, серебряными медалями, съ надписью «за усердіе», для ношенія на груди на *Александровской лентѣ*: діаконовъ церквей: Всѣхсвятской г. Харькова Николая *Веселовскаго* и соборной Преображенской г. Сумъ Евгенія *Ракшевскаго*.

Государь Императоръ, согласно удостоенію Кавалерской Думы ордена святой Анны, въ 3-й день февраля 1899 года, Высочайше соизволилъ на награжденіе нижеслѣдующихъ лицъ духовнаго и свѣтскаго званія орденомъ *святыхъ Анны 3-й степени* за заслуги, въ ст. 459-й (Учрежд. орл., т. I св. Зак., изд. 1892 г.) статута сего ордена изъясненныя: *въ пунктъ 14*: попечителя одноклассной и второклассной церковно-приходскихъ школъ при Вознесенской церкви г. Славянска, Изюмскаго уѣзда, потомственнаго почетнаго гражданина Авесентія *Шнуркова*; *въ пунктъ 15*: церкви слободы Циркуновъ, Харьковскаго уѣзда, священника Александра *Червоноскаго*; *въ пунктъ 16*: церкви слободы Колядовки, Старобѣльскаго уѣзда, священника Іоанна *Шишлова*; церкви слободы Марковки, Старобѣльскаго уѣзда, священника Димитрія *Донченкова*; церкви села Владиміровки, Купянскаго уѣзда, священника Николая *Бѣликова*; церкви слободы Асѣвки, Зміевскаго уѣзда, священника Павла *Реутскаго*.

За заслуги по духовному вѣдомству пожалованы, въ 6-му числу мая 1899 года, медалями, съ надписью „за усердіе“: для ношенія на шеѣ: серебряною: на *Станиславской лентѣ*: староста Николаевской церкви г. Купянска, 2-й гильдіи купецъ *Петръ Перфильевъ*; для ношенія на груди: золотыми: на *Аннинской лентѣ*: староста церкви села Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ *Іоакимъ Емецъ*; на *Станиславской лентѣ*: староста церкви слободы Хотѣвня, Сумскаго уѣзда, крестьянинъ *Петръ Гаурисенко*.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Харьковскій Епархіальный Училищный Совѣтъ, во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшей на журналѣ оного 2-го іюня сего 1899 г., рекомендуетъ уѣзднымъ отдѣленіямъ и наблюдателямъ, а также завѣдующимъ школами епархіи изданія г. Преображенскаго: 1) „Свѣтлый Христовъ праздникъ Пасха“, 2) „Праздникъ Рождество Христово“ и 3) „Въ подарокъ матери и дочери“, какъ весьма пригодныя для приобрѣтенія въ школьныя бібліотеки и для раздачи учащимся въ школахъ въ видѣ награды. Выписывающіе означенныя изданія отъ составителя, начальника Отдѣленія Канцеляріи Св. Синода *Ив. В. Преображенскаго*, пользуются скидкою 30% (по 35 коп. вмѣсто 50 коп.) безъ пересылки.

Отъ Епархіальнаго Наблюдателя церковно-приходскихъ школъ.

Требуются правоспособные учителя, могущіе преподавать церковное пѣніе и организовать хоръ, въ церковныя школы с.с. Дерновой. Лутища и Литовки Ахтырскаго уѣзда съ жалованьемъ—въ первыхъ двухъ по 300 руб. въ годъ и въ послѣдней 240 руб. Обращаться къ Ахтырскому уѣздному Наблюдателю.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Воскресенской церкви, сл. Гороховатки, Купянскаго уѣзда, *Михаилъ Ковалевъ*, перемѣщенъ на праздное священническое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, сл. Бунчужной, Старобѣльскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, *Петръ Назародскій*, опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви сл. Гороховатки, Купянскаго уѣзда.

— Діаконскій сынъ, *Георгій Мухинъ*, допущенъ къ исправленію должности псаломщика при церкви с. Пятицакаго, Волчанскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Современное состояніе церковно-общественной жизни въ Греціи.— Церковное торжество въ Псковѣ.—Предстоящіе 100-лѣтніе юбилей Калужской и Пензенской епархій.—„Отпусти“ въ Подольской епархій.—Дѣятельность съѣздовъ духовенства.—Народно-образовательная дѣятельность духовнаго вѣдомства.—Одинъ изъ способовъ распространенія книгъ въ народѣ.—О вѣнцасскомъ чтеніи учащихся.—Годичное собраніе православнаго миссіонерскаго общества въ Москвѣ.—Дѣятельность астраханскаго миссіонерскаго комитета.—Присоединеніе къ православію католическаго епископа.—Новая сента.—Заботы о благоустройствѣ сельскихъ кладбищ.—Сенатское распоряженіе объ узаконеніи дѣтей раскольниковъ.—Археологическій съѣздъ въ Кіевѣ.—Всероссійская выставка пчеловодства.—Санитарные курсы при монастыряхъ.—Кассы взаимпомощи.—Суды на постройку зданій для библиотекъ и читальнъ.—Разъясненіе относительно паспортныхъ книжекъ.—Новыя правила о переводахъ денегъ по почтѣ.—Общеполезныя свѣдѣнія.

Послѣ недавней войны грековъ съ турками, окончившейся пораженіемъ первыхъ, въ Греціи возникло сильное національно-патріотическое движеніе, направленное въ сторону различныхъ преобразованій и улучшеній мѣстной церковно-общественной жизни. Въ греческой печати оживлено и разносторонне обсуждается вопросъ, что и какъ должно сдѣлать для подъема религіозно-нравственнаго состоянія греческаго народа, пришедшаго, по общему сознанію, въ крайній упадокъ, какими мѣрами возможно оградить его отъ грозящей ему гибели и поставить на путь нормальнаго развитія. Различныя представители греческаго общества, духовные и свѣтскіе, высказываютъ по этому вопросу свои мнѣнія, иногда довольно примѣчательныя, и съ разныхъ сторонъ освѣщаютъ современное церковно-общественное состояніе Греціи, ея нужды и средства ихъ устраненія. Журналъ «Странникъ» знакомитъ съ взглядомъ на нынѣшнее положеніе Греціи и на мѣры его улучшенія одного изъ свѣтскихъ представителей греческаго общества, профессора афинскаго университета А. Діомидиса-Кириакоса. Г. Діомидисъ-Кириакосъ, прежде всего, держится того общаго и основнаго воззрѣнія, что церковная жизнь въ Греціи нуждается въ коренной реформѣ. Между тѣмъ, тогда какъ различныя стороны народной и общественной жизни постепенно реформируются и посему прогрессируютъ, одна только церковная жизнь остается безъ всякаго движенія и для ея улучшенія, со времени освобожденія Греціи, не было предпринято никакихъ радикальныхъ мѣръ. У всѣхъ цивилизованныхъ народовъ міра священниками могутъ быть только лица, окончившія курсъ на богословскихъ факультетахъ университетовъ или же въ другихъ высшихъ и среднихъ богословскихъ школахъ. Такъ бываетъ, говоритъ почтенный профессоръ, въ Россіи, Сербіи, Болгаріи и въ западныхъ государствахъ Евро-

пы. И—кто можетъ повѣрить? Въ Греціи, послѣ освобожденія ея отъ турецкаго ига 60 лѣтъ тому назадъ, и въ Турецкой имперіи священниками состояли люди совершенно невѣжественные, невоспитанные и вышедшіе изъ низшихъ классовъ общества. Нигдѣ въ мірѣ священники такъ не унижаются и не презираются, какъ въ Греціи. Этому униженію, кромѣ совершенной невоспитанности и необразованности греческихъ священниковъ, содѣйствуютъ также крайняя ихъ бѣдность и недостаточность матеріальныхъ средствъ содержанія, вынуждающія ихъ чуть не просить милостыни, дабы не умереть съ голоду. Бѣдствіе постепенно увеличивается потому, что, вмѣсто того, чтобы мало-по-малу сокращать число священниковъ, ежегодныя излишнія посвященія новыхъ священниковъ умножаютъ ихъ количество, только не по соотвѣтствію съ числомъ городовъ и селъ въ Греціи. Греція имѣетъ свыше 6 тысячъ священниковъ, между тѣмъ какъ двухъ тысячъ ихъ совершенно достаточно для религіозныхъ потребностей греческаго народа. И это служитъ самою главною причиною униженія и бѣдности приходскаго клира. Если бы одинъ священникъ приходился не на 20—50 семействъ, какъ теперь, а на 200—300 семействъ, то тогда священники, пожалуй, и безъ всякаго жалованья могли жить болѣе или менѣе прилично и избавились бы отъ приниженности и презрѣнія, на которыя они осуждены вслѣдствіе своей многочисленности. Нужно ли терпѣть это вопиющее зло? Не пришло ли время бороться съ нимъ радикальными законодательными мѣрами? Необходимо избавиться отъ клира необразованнаго и невоспитаннаго,—необходимо посвящать во священники лицъ, окончившихъ курсъ на богословскомъ факультетѣ аѳинскаго университета, въ аѳинской Ризарьевской семинаріи и въ иныхъ богословскихъ школахъ. Пора уже понять, что только образованный и воспитанный клиръ можетъ учить и воспитывать народъ, который въ Греціи остается безъ всякаго религіозно-нравственнаго просвѣщенія и вся религія коего заключается въ сухихъ и безсодержательныхъ формулахъ вѣро—и нравоученія, усвоенныхъ механически и безъ всякаго разумія. Грубость и необразованность греческаго народа, которая можно наблюдать ежедневно, многочисленныя убійства и безчисленныя преступленія всякаго рода, о которыхъ сообщаетъ ежедневная греческая печать въ великому прискорбію истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ своего отечества, все это даетъ оружіе въ руки враговъ нашихъ, которые поносятъ насъ и считаютъ народомъ совершенно развращеннымъ и недостойнымъ свободы; а

между тѣмъ, главный источникъ всѣхъ этихъ золъ заключается въ печальномъ состояніи греческаго клира, которое влечетъ за собою упадокъ религіознаго чувства въ народѣ и его пренебреженіе къ требованіямъ религіи и евангельской нравственности. Перейдемъ теперь къ церковному богослуженію. Что мы наблюдаемъ у всѣхъ цивилизованныхъ христіанскихъ народовъ? Храмы отличаются благолѣпіемъ, богато и благоприлично устроены. Всякій изумляется прекрасному устройству церквей въ Германіи, Франціи, Италіи, Англій и Россіи. Священныя одежды тамъ всегда чисты, прекрасно шиты и вполне приличны. Церковное пѣніе исполняется великолѣпно многочисленными хорами, управляемыми знающими это дѣло лицами. Въ Петербургѣ, говоритъ греческій профессоръ, хоръ митрополичьяго храма состоитъ изъ ста человекъ и поетъ весьма гармонично и искусно. Даже въ Одессѣ хоръ мѣстнаго архіепископа состоитъ изъ 90 человекъ! Во всѣхъ христіанскихъ странахъ, въ каждый воскресный день за литургією бываетъ проповѣдь. Образованный священникъ—французъ, англичанинъ, русскій—послѣ евангелія предлагаетъ народу проповѣдь и призываетъ его къ совершенству, извлекая урокъ изъ воскреснаго чтенія евангелія. Если священникъ почему-либо не въ состояніи предложить присутствующимъ въ храмѣ свое слово, то онъ прочитываетъ поученіе какого-либо извѣстнаго проповѣдника. Народъ никогда не остается тамъ безъ поученія, никогда не уходитъ изъ храма безъ того, чтобы не услышать здѣсь новыхъ наставленій религіозно-нравственнаго характера. И все это и богослуженіе, и проповѣдь—продолжается большею частью, по мнѣнію г. Кириакоса, одинъ часъ, такъ какъ во-первыхъ, мірянину трудно болѣе часа посвящать себя сосредоточенной молитвѣ, а во-вторыхъ, время теперь—весьма дорого. Обращаясь къ греческому богослуженію, аѳинскій профессоръ спрашиваетъ: „Что представляетъ большая часть нашихъ храмовъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ въ столицѣ? Ничто иное, какъ небольшія, безобразныя зданія, убогія внутри и снаружи, лишеныя всякаго благолѣпія и красоты. Если вы войдете внутрь, то замѣтите здѣсь безпорядокъ, грязь и неустройство. Священники, діаконы и церковники имѣютъ на себѣ какія то лохмотья вмѣсто ризъ и церковныхъ одѣяній. Богослуженіе весьма продолжительно, такъ что невозможно выстоять всю службу отъ начала до конца, поэтому присутствующіе въ церкви наблюдаютъ постоянно, какъ одни входятъ, а другіе выходятъ изъ храма, производятъ безпорядокъ и нарушаютъ священную

тишину, которая должна царить въ храмѣ во время богослуженія. Церковные амвоны хранить мертвую тишину, поученія всѣмъ не бываетъ, а если и бываетъ, то большею частью неудовлетворительно. А хуже всего — наши пѣвчіе, люди большею частью несвѣдущіе въ пѣніи, которые обычно поютъ монотонно, нестройно и даже безобразно, такъ что возбуждаютъ недовольство во всякомъ хотя и немного въ музыкальномъ отношеніи воспитанномъ человѣкѣ. Что же нужно сдѣлать для того, чтобы улучшить церковную жизнь въ Греціи, освѣжить ее и поставить въ нормальное положеніе? Профессоръ Кириакосъ рекомендуетъ для сего слѣдующія мѣры. 1) Необходимо уменьшать наличный составъ священниковъ до одной третьей его части, въ интересахъ ихъ безбѣднаго существованія. Теперь въ Греціи насчитывается до шести тысячъ священниковъ, въ то время какъ ихъ достаточно только двѣ тысячи. Это есть первый необходимый шагъ къ возвышенію клира, потому что главная причина его печальнаго экономическаго состоянія есть многочисленность священниковъ, которые не могутъ получать достаточное матеріальное обезпеченіе отъ приходовъ, принадлежащихъ каждому изъ нихъ. Большая часть нашихъ священниковъ въ епархіяхъ имѣютъ приходъ изъ 40—60 семействъ, отъ которыхъ получаютъ до 40—60 драхмъ въ мѣсяцъ (драхма—25 коп.). Отсюда ихъ бѣдность. Если же число священниковъ уменьшить до одной трети, то каждый изъ нихъ можетъ имѣть приходъ до 200 или 300 семействъ. Они будутъ въ состояніи содержать своего священника, потому что отъ каждаго семейства будетъ поступать въ его пользу по крайней мѣрѣ по одной драхмѣ въ мѣсяцъ. О правильномъ взносѣ отъ прихожанъ въ пользу священниковъ должны позаботиться епитропы. Одинъ изъ недавнихъ министровъ церковныхъ дѣлъ въ Греціи, киръ Влахосъ, составилъ и представилъ правительству въ утвержденіе законъ объ уменьшеніи числа приходскихъ священниковъ, въ духѣ и направленіи настоящаго проекта, но однако онъ не имѣлъ движенія. Необходимо около двадцати пяти лѣтъ не посвящать вновь священниковъ и удовлетворять религіозно-нравственныя потребности народа ихъ наличнымъ составомъ, но это кое-кому выгодно; поэтому указанный законопроектъ и встрѣчаетъ, по мнѣнію г. Кириакоса, затрудненіе въ своемъ осуществленіи. 2) Необходимо позаботиться объ образованіи приходскаго духовенства. Когда будетъ уменьшено число священниковъ и каждый изъ нихъ будетъ имѣть приходъ, достаточный для его безбѣднаго существованія, тогда необходи-

мо установить закономъ образовательный цензъ кандидатовъ священства. Именно, желающіе получить священническое мѣсто въ столицѣ должны имѣть дипломъ богословскаго факультета аѳинскаго университета, вѣущіе священническаго званія въ городахъ обязаны имѣть дипломъ Рязарьевской семинаріи, а въ селахъ — дипломы какой либо богословской школы или учительскаго института, потому что сельскимъ священникамъ иногда приходится быть и учителями народныхъ школъ. Въ Сербіи и Болгаріи никто не посвящается въ санъ священника, если не имѣетъ соответствующаго диплома. Въ западной Европѣ и въ Россіи священниками становятся лица, обучавшіяся въ университетахъ или въ духовныхъ академіяхъ. И въ греческой церкви, въ первые вѣка, мудрые мужи, знаменитые ораторы были іереями. Климентъ, Оригенъ, Златоустъ, Василій, Аѳанасій, два Григорія были простыми пресвитерами въ приходахъ Александріи, Антиохіи, Назіанза, Кесаріи, прежде чѣмъ нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались епископами. Церковь наша несомнѣнно возродится, когда мы увидимъ въ званіи приходскихъ священниковъ лицъ научно образованныхъ, какъ это было у насъ въ III—IV вѣкахъ, какъ это и теперь существуетъ въ Англіи, гдѣ сынъ Гладстона состоитъ священникомъ. Это вполне понятно и къ этому именно ведетъ современное положеніе общества, требующаго лицъ образованныхъ и серьезныхъ. 3) Необходимо, чтобы мало-по-малу во всѣхъ нашихъ храмахъ вводилась церковная проповѣдь, такъ чтобы въ каждый воскресный день въ нихъ проповѣдывалось слово Божіе. А это случится, если будетъ осуществлено предыдущее требованіе. Образованные священники возьмутъ на себя обязанность систематически поучать народъ въ храмахъ. Это такъ и было въ древней греческой церкви. Св. Іустинъ философъ и мученикъ свидѣтельствуетъ, что въ его время (во II вѣкѣ) во всякій воскресный день служитель церкви послѣ чтенія евангелія предлагалъ слово и внушалъ народу наставленія, заключающіяся въ прочитанномъ евангеліи. Это бываетъ и теперь во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Въ воскресные дни слово Божіе проповѣдуется въ храмахъ не только въ странахъ протестантскихъ, каковы Англія, Германія, Швейцарія и проч., но и въ католическихъ, вапримѣръ, во Франціи. Но для этого нужно прежде всего, чтобы клиръ нашъ былъ образованъ. А пока онъ еще невѣжественъ и полубразованъ, то лучше будетъ, если онъ станетъ молчать, потому что поученія людей неученыхъ и несвѣдующихъ вмѣсто пользы приносятъ вредъ. Но проповѣдь умная и хорошо сказанная

есть свѣтъ. При посредствѣ ея религія перестаетъ быть простымъ механическимъ выполненіемъ однихъ только религіозно-нравственныхъ формулъ. Умъ христіанина просвѣщается истинами вѣры, освободившись отъ предрасудковъ и суевѣрій, сердце согрѣвается христіанскою любовью, жизнь проходитъ честно. Въ настоящее же время было бы полезно, еслибъ священный синодъ эладской церкви составилъ сборникъ поученій на воскресные и праздничные дни цѣлаго года, такъ называемый Киріакодромій, по которому священники и могли бы прочитывать въ храмахъ за богослуженіемъ соотвѣтствующія поученія. Такъ бываетъ и въ Россіи, если священникъ почему либо не можетъ сказать своего поученія. Такимъ путемъ евангельское ученіе могло бы проникнуть и въ народъ, которому оно теперь почти совсѣмъ неизвѣстно. Польза бы увеличилась, если бы священный синодъ позаботился и распространять евангеліе въ народѣ и въ школахъ, такъ чтобы всякая православная семья имѣла евангеліе и оно служило у насъ общимъ чтеніемъ. 4) Необходимо, чтобы возвысились—наша церковная архитектура, живопись, пѣніе и улучшилось наше церковное богослуженіе. Нужно въ аѳинской академіи художествъ учредить особыя отдѣленія церковной архитектуры и церковной живописи, а въ консерваторіи—церковной музыки. Тогда мы и приобрѣтемъ своихъ ученыхъ архитекторовъ, художниковъ и музыкантовъ. Къ счастью, у насъ уже были прекрасные прецеденты въ этомъ отношеніи. Въ столицѣ нашей и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ построены прекрасные храмы, которые могутъ служить образцами византійской церковной архитектуры, какъ, напримѣръ, нашъ митрополичій храмъ, русская церковь, храмъ при богадѣльнѣ и другіе. Равнымъ образомъ въ Аѳинахъ имѣются прекрасные образцы византійской иконописи, каковы, напримѣръ, нѣкоторыя иконы въ храмахъ русскомъ и митрополичьемъ. Наконецъ, два германскихъ музыканта—Рандхартингеръ и Прайеръ прекрасно положили на четыре голоса греческія пѣснопѣнія литургіи и такимъ образомъ сдѣлали первый весьма удачный опытъ соглашенія византійской мелодіи, господствующей въ греческомъ церковномъ пѣснопѣніи, съ требованіями современной церковной музыки. Если мы пойдемъ по намѣченному пути, то въ непродолжительномъ времени будемъ имѣть прекрасные храмы, построенные по требованіямъ византійско-восточной архитектуры, а равно художественныя иконы и будемъ слышать въ нашихъ храмахъ гармоническое строено-церковное пѣніе; все это будетъ служить сильнымъ побужденіемъ

для присутствующихъ въ храмѣ возноситься умомъ и сердцемъ ко Всевышнему. Когда всѣ указанныя нужды будутъ восполнены, т. е. когда въ Греціи будутъ образованные священники и у нихъ достаточныя для нихъ безбѣднаго существованія приходы, когда въ греческихъ храмахъ станетъ раздаваться проповѣдь, а самыя храмы отличатся благолѣпіемъ и устройствомъ, тогда только и можно будетъ сказать, что церковныя дѣла въ Греціи улучшились, что церковь наша имѣетъ надлежащее религіозно-нравственное воздѣйствіе на народъ.

— 20 мая исполнилось 600-лѣтіе со дня блаженной кончины благовѣрнаго князя псковскаго Довмонта, во св. крещеніи нареченнаго Тимоеемъ. Преданность св. князя православной вѣрѣ, добродѣтельная жизнь и подвиги за вѣру и отечество и въ частности за псковскую область побудили преосвященнаго епископа псковскаго Антонина предложить духовенству и духовно-учебнымъ заведеніямъ псковской епархіи совершить 20 мая въ церквахъ праздничное богослуженіе въ честь св. князя и предложить православному народу и воспитанникамъ всѣхъ учебныхъ заведеній чтеніе житія князя, съ пѣніемъ священныхъ пѣснопѣній. Въ самомъ Псковѣ наканунѣ праздника, въ одномъ изъ придѣловъ Троицкаго собора, предъ гробницею св. князя, было совершено преосвященнымъ Антониномъ, въ сослуженіи соборнаго духовенства, всенощное бдѣніе, за которымъ, послѣ первой каензмы, было прочитано житіе благовѣрнаго князя, по прочтеніи же Евангелія происходила раздача листовъ объ его подвигахъ; въ день праздника послѣ литургіи въ Благовѣщенскомъ соборѣ былъ совершенъ крестный ходъ, при участіи всего духовенства Пскова, изъ Благовѣщенскаго въ Троицкій соборъ, гдѣ былъ совершенъ торжественный молебенъ. Предъ гробницею св. князя весь день 20 мая приносились моленія благочестивыми псковитянами. Къ этому дню вышло изъ печати: бесплатное народное изданіе бывшаго старосты сиб. Исаакіевскаго собора Е. В. Богдановича, подъ заглавіемъ: „Святый благовѣрный князь Довмонтъ Псковскій“; составленный г. И. Василевымъ біографическій очеркъ—„Св. благовѣрный князь Довмонтъ-Тимоеей“ и изданныя редакціею «Псков. Еп. Вѣд.» брошюра „Св. Довмонтъ-Тимоеей“ и листокъ для раздачи народу „Житіе св. Довмонта-Тимоеея“,—изъ сочиненій Димитрія, архіепископа тверскаго. Въ Петербургѣ, по предложенію начальника Николаевской академіи генеральнаго штаба, профессоръ академіи полковникъ Мышлаевскій 20 мая въ аудиторіи академіи

сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Русскій военный дѣятель XIII вѣка князь Довмонтъ“, для офицеровъ, интересующихся русскимъ военно-историческимъ прошлымъ. «Цер. Вѣст.»

— 16 октября сего года исполняется 100 лѣтъ со времени успѣшнаго Высочайшаго соизволенія блаженной памяти Государя Императора Павла I на открытіе самостоятельной Калужской епархіи. По ходатайству мѣстнаго епархіальнаго начальства, Святѣйшій Синодъ разрѣшилъ ознаменовать 100 лѣтній юбилей самостоятельнаго существованія Калужской епархіи торжествомъ и особой программѣ съ освобожденіемъ на два дня 15 и 16 октября всѣхъ учащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты отъ классныхъ учебныхъ занятій. Ко дню юбилея по церквамъ и духовно-учебнымъ заведеніямъ будутъ разсланы экземпляры исторической записки о Калужской епархіи съ цѣлю предложенія народу религіозно-гражданскихъ и церковно-историческихъ чтеній 16 и 17 октября во всѣхъ церквахъ, церковно-приходскихъ школахъ грамоты епархіи. 16-го же октября исполняется столѣтіе существованія Пензенской епархіи. Юбилейные дни будутъ ознаменованы изданіемъ особаго «Сборника», въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, должна отразиться жизнь епархіи и исторія семинаріи за весь періодъ ея существованія. «Моск. Цер. Вѣд.»

— Съ наступленіемъ весны въ юго-западной Россіи начался періодъ такъ называемыхъ „отпустовъ“ или праздниковъ по приходамъ въ честь мѣстно-чтимыхъ иконъ, привлекающихъ на эти торжества изъ окрестныхъ мѣстностей массы богомольцевъ. Въ Подольской епархіи отпустовъ насчитывается свыше ста. Въ «Мѣсяцесловѣ Подольской епархіи» на 1897 г. ихъ насчитано 109, а въ дѣйствительности, какъ замѣчено въ «Подол. Еп. Вѣд.», еще больше, такъ какъ при этомъ малые празднества не принимались въ расчетъ. Большая часть отпустовъ падаетъ на мѣсяца мартъ (30) и іюнь (49), меньшая на іюль (9) и августъ (14); въ сентябрѣ ихъ насчитывается до 7, а зимой совсѣмъ не бываетъ. Больше всего отпустовъ приурочено къ приходамъ, гдѣ имѣются мѣстно-чтимыя иконы св. Николая мирликійскаго чудотворца, котораго чтутъ наравнѣ съ православными и римско-католиками: такихъ отпустовъ свыше 20. Немного менѣе отпустовъ празднуется на десятую пятницу по Пасхѣ (15): римско-католиками въ честь Сердца Іисусова, а православными въ честь разныхъ иконъ Божіей Матери. Это празднованіе, вѣроятно, имѣетъ католическаго

происхожденіе. Впрочемъ, и самыя отпусы, какъ показываетъ названіе, имѣютъ католическое или латинно-польское происхожденіе. Заведены они ксендзами, при содѣйствіи пановъ, не столько съ цѣлю поддержанія религіознаго духа въ народѣ, чѣмъ народъ не оскудѣвалъ, сколько для пропаганды уни и латинства. Впрочемъ, существующіе въ настоящее время по костеламъ отпусы не представляютъ, по мнѣнію названнаго журнала, никакой опасности для православнаго народа, потому что вездѣ, гдѣ существуетъ отпустовой костелъ, и въ православной церкви почитается мѣстная святица, на поклоненіе которой отправляются православные. Затѣмъ, въ дни римско-католическихъ праздниковъ, когда при костелахъ бываютъ значительныя стеченія богомольцевъ, въ мѣстныхъ православныхъ церквахъ обязательно совершается торжественная служба, чтобы отвлечь православный народъ, пришедшій на отпустъ, отъ посѣщенія костела. Православные отпусы празднуются въ разныхъ приходахъ не одинаково. На отпустахъ вошло въ обычай исповѣдываться, между прочимъ, потому, что, по народному представленію, грѣхи искупаются подвигомъ, предпринятымъ для посѣщенія отпустовой церкви,—взглядъ, въ которомъ также усматривается вліяніе римско-католичества. На отпусы съѣзжаются священники изъ окрестныхъ селъ, славящіеся какъ духовники, совершители молитвословій и т. д. Есть и спеціальныя отпустовыя проповѣдники, которые не довольствуются одною проповѣдью въ церкви въ обычное время, но проповѣдуютъ подъ открытымъ небомъ по два и три раза, и своими воодушевленными, иногда даже пламенными, рѣчами производятъ на слушателей сильнѣйшее впечатлѣніе. Нѣкоторые настоятели для отпустовъ нарочито приглашаютъ искусныхъ въ славѣ проповѣдниковъ, другіе же довольствуются тѣми, которыхъ назначаютъ благочинные.

— На послѣднихъ собраніяхъ и съѣздахъ духовенства было указано не мало нововведеній и предположеній для обезпеченія успѣховъ пастырской дѣятельности духовенства и намѣчены нѣкоторыя новыя пути для дальнѣйшей дѣятельности въ томъ же направленіи. Въ братскомъ собраніи военнаго духовенства былъ рассмотрѣнъ составленный особою комиссіею проектъ устройства и правильной постановки пѣвческихъ хоровъ въ полковыхъ церквахъ, съ цѣлю улучшить пѣніе въ полковыхъ церквахъ настолько, чтобы оно располагало присутствующихъ въ церкви къ молитвѣ и привлекало богомольцевъ. При обсужденіи предоставленнаго проекта по пунктамъ, редакция его дана была въ собраніи такія

форма, которая облегчала бы утверждение его высшей властью. Затѣмъ предложено было на обсужденіе заявленіе благочиннаго одной изъ дивизій о дняхъ поста въ войскахъ. Въ виду важности указаннаго вопроса церковной дисциплины и невозможности допустить, чтобы установленіе времени поста было представлено усмотрѣнію ближайшаго войсковаго начальника, рекомендовано священникамъ каждому въ своей части, блюсти за устраненіемъ произвола въ выборѣ дней для поста. Тѣмъ же благочиннымъ былъ поставленъ вопросъ обрядоваго характера—о способѣ сложенія перстовъ при присягѣ. Собраніемъ постановлено принять за правило—при приводѣ къ присягѣ складывать пальцы такъ же, какъ они складываются при крестномъ знаменіи, и возбудить ходатайство объ измѣненіи настоящей редакціи закона (Уставъ гарнизонной службы, § 162 свода правилъ для торжественныхъ парадовъ), которымъ ошибочно предписывается при клятвѣ держать указательный и средній пальцы вытянутыми, отъ чего получается подобіе раскольническаго креста. Остановившись за тѣмъ на экономическомъ бытѣ военнаго духовенства, собраніе поручило одному изъ военныхъ священниковъ изготовить проектъ устава похоронныхъ каскъ, какъ средства помощи вдовамъ и сиротамъ военнаго духовенства въ наиболѣе трудное для нихъ время, слѣдующее за смертью главы семьи. Наконецъ былъ рассмотрѣнъ вопросъ о правѣ полковаго командира провѣрять приходо-расходныя книги полковой церкви.—Нѣсколькими епархіальными съѣздами обсуждались дѣла мѣстныхъ епархіальныхъ училищъ. Положимъ епархіальнымъ съѣздомъ рѣшено ассигновать на преподаваніе въ старшемъ классѣ гигиены дѣтскаго возраста и на ознакомленіе воспитанницъ съ домашнимъ уходомъ за больными и подаченіемъ первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ—100 рублей. Съѣздъ благочинныхъ казанской епархіи, выслушавъ докладъ съѣзда епархіальнаго училища о необходимости преобразовать училище въ шестиклассное и о надстройкѣ третьяго этажа на училищномъ зданіи, и находя, что у духовенства епархіи въ настоящее время нѣтъ такихъ средствъ, какія требуются для возведенія третьяго этажа на училищномъ зданіи, сначала постановилъ: не входить въ обсужденіе вопроса объ указанной надстройкѣ и ассигновать лишь 3,500 р. на приспособленіе нѣкоторыхъ училищныхъ помѣщеній для училищныхъ нуждъ; но затѣмъ, выслушавъ предложеніе казанскаго ерхіепископа о неотложной, по его мнѣнію, надобности преобразованія трехкласснаго епархіальнаго училища

въ шестиклассное въ наступающемъ 1899—1900 учебномъ году, для чего требуется увеличить зданіе училища посредствомъ надстройки или пристройки нынѣшнимъ же лѣтомъ, рѣшилъ для этой надобности ассигновать 30,000 р., позаимствовать ихъ изъ епархіальной эмеритальной кассы, съ погашеніемъ долга изъ ежегодныхъ прибылей епархіальнаго свѣчнаго завода и съ уплатою процентовъ по займу, въ количествѣ 1,200 руб. ежегодно, впредь до полнаго погашенія долга, 1 проц. вносомъ отъ всѣхъ церквей епархіи съ кружечно-кошельковой и чисто прибыльной свѣчной суммъ 1898 года. Тотъ же сѣздъ, принявъ въ соображеніе, что обыкновенно ни депутаты не бывають подготовлены къ разсмотрѣнію смѣты епархіальнаго училища предварительнымъ съ ними ознакомленіемъ, ни временная повѣрочная коммиссія въ короткое время засѣданій сѣзда не можетъ сама ознакомиться съ ними и ознакомить сѣздъ, постановилъ: предложить совѣту училища на будущее время, по крайней мѣрѣ за двѣ—три недѣли до сѣзда, представлять смѣты ревизіонному комитету, съ тѣмъ, чтобы послѣдній представлялъ смѣты сѣзду съ своимъ заключеніемъ. Въ собраніяхъ орловскаго и пермскаго сѣздовъ происходили достойныя вниманія сужденія по дѣламъ мѣстныхъ епархіальныхъ эмеритальныхъ кассъ. Орловскій сѣздъ, допустивъ начальницу и воспитательницу епархіальнаго училища къ участию въ епархіальной эмеритурѣ и принявъ затѣмъ въ соображеніе съ одной стороны, ихъ небольшое содержаніе, съ другой—ихъ большіе труды, которымъ онѣ посвящаютъ лучшіе годы жизни, единодушно рѣшилъ: принять расходы, по уплатѣ взноса въ эмериттуру какъ единовременнаго, такъ и ежегодныхъ, на епархіальные средства, тѣмъ болѣе, что расходы эти не велики: 120 р. одновременно и по 120 р. ежегодно. Затѣмъ, сѣздъ разсуждалъ объ образованіи хотя небольшого капитала для выдачи изъ него пособій служащимъ въ училищѣ надзирательницамъ и учительницамъ въ случаяхъ крайней нужды. Мнѣнія депутатовъ по этому предмету раздѣлились: одни полагаали внести въ основаніе капитала по 1 р. отъ пріята и этотъ капиталъ расходовать по мѣрѣ нужды; другіе же предложили разрѣшить совѣту училища, въ случаѣ крайней нужды, по тщательномъ обсужденіи нужды, съ разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго, выдавать въ единовременное пособіе до 100 р. одному лицу изъ суммъ училища, а на покрытіе израсходованныхъ денегъ вносить соотвѣтственную цифру въ смѣту расхода послѣдующаго года. Послѣ оживленныхъ преній принято послѣднее.

Епархіальный преосвященный призналъ болѣе соотвѣствующимъ положенію дѣла первое мнѣніе и предложилъ внести по 1 р. отъ причта, а затѣмъ на этотъ предметъ отчислять ежегодно изъ остатковъ по содержанию училища или изъ платы за обученіе нерословныхъ по 300 р. въ годъ. На пермскомъ съѣздѣ былъ возбужденъ вопросъ о томъ, могутъ ли благотворительскія кассы послужить фондомъ для епархіальной эмеритурѣ, въ виду того, что эти кассы составляютъ собственность духовенства округа. Вопросъ былъ оставленъ открытымъ до утвержденія устава эмеритальной кассы.

«Цер. Вѣст.»

— По собраннѣмъ вѣдомствомъ Святѣйшаго Синода свѣдѣніямъ, результатъ дѣятельности духовнаго вѣдомства на поширѣніе народнаго образованія за время съ 1896 по 1899 г. выражается, по словамъ «Воскр. Дн.», увеличеніемъ церковно-приходскихъ школъ на 12.000 и учащихся—на 800.000. Въ этотъ же періодъ времени учреждено 8.000 библиотекъ съ общимъ числомъ книгъ 1.191 300, на сумму 397.762 руб. Общая сумма частныхъ и общественныхъ (со стороны сельскихъ и городскихъ обществъ, церквей и монастырей) пособій на церковно-приходскія школы равнялась въ 1895 г. 2.685.340 р., въ 1896 г. она составила 3.041.120 руб., въ 1897 г.—3.634.150 р., а въ 1898 г. около 4½ милл. руб. Здѣсь не включены пожертвованія домами, землей и др.

— Заботясь о просвѣщеніи народа, наше духовенство не оставляетъ безъ вниманія и лучшихъ способовъ, распространенія среди него хорошей книги. Такъ, въ «Вят. Еп. Вѣд.» высказываются слѣдующія соображенія объ одномъ изъ способовъ распространенія книгъ въ народѣ. По наблюденію автора, народъ нашъ до сей поры любить, чтобы доставляли ему нужный товаръ на домъ, въ каждую избу, да предлагали настойчиво, а особенно такой товаръ, какъ книги, на которыя народъ все еще смотритъ какъ на предметъ роскоши. Поэтому земство напр. постановило нанять особыхъ книгоношъ для распространенія книгъ по деревнямъ изъ основаннаго имъ склада. Этимъ способомъ слѣдуетъ воспользоваться и духовенству. При этомъ, на сторонѣ духовенства здѣсь оказывается большое преимущество въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, духовенству нѣтъ необходимости нанимать и содержать нарочитыхъ лицъ-книгоношъ для распространенія книгъ въ народѣ. При большинствѣ церквей существуютъ приходскія попечительства, члены которыхъ, подъ руководствомъ предсѣдателей, производятъ по своему приходу ежегодно разъ и два сборы пожертвованій натурою и

деньгами, объѣзжая деревни, входи въ каждый домъ. А тамъ, гдѣ нѣтъ попечительства, подобныя-же сборы на церковь учиняются церковными старостами и ихъ помощниками. Этими сборами можно и воспользоваться для распродажи книгъ; тогда книга будетъ доставлена прямо въ деревню, на-домъ крестьянину, и онъ охотнѣе купитъ предложенное ему въ такой удобной формѣ. Во-вторыхъ, собирая на попечительство или церковь натурою: хлѣбомъ, холстомъ, льномъ, шерстью и проч., попечители, церковные старосты и ихъ помощники могутъ и книжный товаръ сбывать не за деньги, а обмѣнивая его на деревенскіе продукты. Денегъ у народа мало, у многихъ не бываетъ въ запасѣ и лишней копѣйки, и не каждый рѣшится раскодовать деньги на приобретение книжки, но любой грамотный крестьянинъ или мать грамотныхъ дѣтей не пожалѣютъ въ обмѣнъ за книжку отдать аршинъ-два холста, мѣрку жита, горсть волокна и т. п.

— Чтеніе хорошихъ и назидательныхъ книгъ, притомъ чтеніе систематическое, направляемое хорошимъ руководителемъ, признается сильнымъ средствомъ для умственнаго и нравственнаго развитія юношества. На него и обращаетъ вниманіе, по словамъ «Оренб. Еп. Вѣд.», начальство Уральскаго духовнаго училища. Правленіе училища ежегодно предлагаетъ училищнымъ наставникамъ принять на себя труды по руководству и контролю за внѣкласснымъ чтеніемъ книгъ учениками, и ежегодно находитъ желающихъ изъ преподавателей вести это дѣло, такъ что уже нѣсколько лѣтъ въ каждомъ училищномъ классѣ состоитъ отдѣльный руководитель внѣкласснымъ чтеніемъ учениковъ. Польза такой постановки дѣла несомнѣнна и могла бы быть болѣе очевидна, если бы этотъ сверхдолжный трудъ преподавателей оплачивался опредѣленнымъ вознагражденіемъ, а не былъ бы безвозмезднымъ, какъ это было до сего времени. Поэтому правленіе училища обратилось къ послѣднему стѣзду о.о. благочинныхъ Уральской области съ просьбою, чтобы четвернымъ изъ преподавателей, берущимъ на себя обязанности руководства и контроля внѣкласснаго чтенія учениковъ, обучающихся въ нормальныхъ классахъ, было назначено опредѣленное вознагражденіе въ размѣрѣ не—менѣе 60 р. въ годъ каждому. Источниками для этого ежегоднаго расхода слѣдуетъ, по справедливости, считать суммы, поступающія за право ученія инославныхъ учениковъ. Стѣздъ о.о. благочинныхъ, признавая весьма желательною разумную и цѣлесообразную постановку внѣкласснаго чтенія учениковъ училища, постановилъ исполнить просьбу училищнаго правле-

нія. Очень полезно было бы, замѣчаетъ по этому поводу «Странникъ», если бы вообще въ духовныхъ училищахъ, а особенно въ семинаріяхъ, было обращено серьезное вниманіе на внѣклассное чтеніе питомцевъ, и чтобы это дѣло было поставлено подъ особый спеціальный надзоръ и руководство преподавателей, чтобы надзоръ и руководство внѣкласснымъ чтеніемъ учениковъ составляло чью-либо непремѣнную обязанность, а не было предоставлено только доброй волѣ воспитателей, наставниковъ и начальствующихъ. Въ прежнее время отъ учениковъ семинаріи требовались письменные отвѣты (два въ годъ) по чтенію книгъ и представлялись учителю словесности. Можетъ быть, конечно, такой способъ контроля и руководство внѣкласснымъ чтеніемъ книгъ учениками не всегда и не вездѣ достигалъ благотворныхъ результатовъ, но по крайней мѣрѣ здѣсь сказывалось сознаніе необходимости такого контроля и руководства.

— Православное миссіонерское общество торжественно праздновало, въ Москвѣ, 30 мая, двадцать девятую годовщину своего существованія. Празднество, по словамъ «Моск. Вѣд.», началось литургіей въ Большомъ Успенскомъ соборѣ, которую совершалъ высокопреосвященный Владиміръ, митрополитъ московскій и коломенскій, соборнѣ съ преосвященнымъ Несторомъ, епископомъ дмитровскимъ, и членомъ московской синодальной конторы, епископомъ Григоріемъ, тремя архимандритами и другимъ духовенствомъ. Благодарственное молебствіе отслужено было также митрополитомъ соборнѣ, при пѣніи синодальнаго хора. При Богослуженіи въ соборѣ присутствовали члены православнаго миссіонерскаго общества и много молящихся. Въ часъ дня, въ залѣ городской думы, состоялось годичное общее собраніе общества, подъ предсѣдательствомъ высокопреосвященнаго Владиміра. Въ началѣ засѣданія высокопреосвященный Владиміръ призналъ умѣстнымъ подвести итоги дѣятельности общества за все время его существованія. Обществомъ открыто большое количество миссіонерскихъ становъ и собрано до 6.000.000 руб. на миссіонерскія нужды: важнѣе же всего то, что за время дѣятельности общества миссіями его обращено изъ магометанства и язычества до 120.000. человекъ. Затѣмъ прочитано было извлеченіе изъ отчета о дѣятельности общества и миссій за 1898 годъ. Въ отчетномъ году въ составѣ общества числилось 14.427 членовъ, болѣе противъ предыдущаго года на 187 лицъ. На устройство и содержаніе миссій израсходовано 91. 535 руб.; на устройство и содержаніе миссіонерскихъ школъ—98.914

руб.; на устройство и содержаніе миссіонерскихъ церквей—18.721 руб.; на пособіе новообращеннымъ въ лоно Православной церкви—6.868 руб.; на изданіе книгъ—6.500 руб.; на разъѣзды миссіонеровъ—7.985 руб. Вообще же израсходовано 255.101 руб. Кроме смѣтныхъ назначеній, общество произвело рядъ дополнительныхъ расходовъ на школы, церкви и другія нужды миссій. Такъ, между прочимъ, было ассигновано 12.000 руб. на устройство двухклассной школы-пріюта на Калмыцкомъ базарѣ, близъ Астрахани; 1.000 руб. отправлено на устройство бесплатныхъ школьныхъ столовыхъ въ мѣстахъ пострадавшихъ отъ недорода въ Уфимской губерніи. Къ началу 1898 года въ распоряженіи общества оставалось 1.196.583 руб., вновь поступило 529.267 руб., израсходовано свыше 487.000 руб., и къ 1-му января 1899 года числилось 1.238.155 рублей. Въ отчетѣ далѣе приведены краткія свѣдѣнія о дѣятельности миссій за минувшій годъ. Въ районѣ алтайской миссии, насчитывающей 55 церквей, было крещено 449 человекъ. Въ киргизской миссии обращено въ христіанство 59 человекъ, въ енисейской—33, обдорской—28, камчатской—178, Иркутской—1.199 и въ забайкальской—311. Въ Японіи насчитывается 226 православныхъ общинъ и 24.630 христіанъ. Въ минувшемъ году въ Японіи было крещено 970 человекъ. Всего же въ Европейской Россіи, Сибири и Японіи просвѣщено свѣтомъ Христовой вѣры 3.539 человекъ изъ магометанства и язычества.

— Въ своихъ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ и инославнымъ христіанамъ православная церковь всегда являлась въ высокой степени терпимою. Но общее начало вѣротерпимости, которому отечественная церковь остается и останется вѣрною всегда, не освобождаетъ ея членовъ отъ обязанности наблюдать, чтобы подъ знаменемъ вѣротерпимости не оказывалось покровительства иновѣрнымъ и инославнымъ религіознымъ обществамъ въ прямой ущербъ православію. Къ величайшему сожалѣнію, подобнаго рода недосмотры—бывали и бываютъ нерѣдко, и духовная печать, съ нѣкоторою частію свѣтской, своевременно указываетъ на нихъ. Въ «Астр. Еп. Вѣд.», въ отчетѣ мѣстнаго миссіонерскаго комитета, было раскрыто, что сильнѣйшимъ тормазомъ для православной миссии, какъ и вообще для просвѣщенія калмыцкаго народа, служатъ непомѣрное и сверхдолжное множество калмыцкаго духовенства (гелюнговъ 601, гедюлей 372 и манджиковъ 370, а всего 1343 человекъ). Само крайне невѣжественное, это духовенство держитъ въ невѣжествѣ и весь народъ; служба тяжелымъ бременемъ

для народа, оно старается запугать народъ еще тягчайшимъ бы въ томъ подѣ властію христіанскихъ священниковъ, еще тягчайшею нищетою съ принятіемъ христіанства, съ лишеніемъ права пользованія землею, которую пользуются калмыки-лама. При этомъ бѣдственная участь крещеныхъ-калмыковъ, гошкы и преслѣдуемыхъ, безземельныхъ и бездомныхъ выставляется маятскими учителями какъ наилучшее доказательство мнѣ правды ихъ рѣчей. Ослабить вліяніе невѣжественныхъ калмыкскихъ руководителей на столь же невѣжественную народную массу можно сокращеніемъ числа ихъ. Необходимо измѣнить самое положеніе о калмыцкомъ духовенствѣ и опредѣлить меньшій его законодательнымъ порядкомъ. По нуждѣ и примѣненію ону бываетъ.

— 15 апрѣля, въ храмѣ Крестовоздвиженской с.-петербургской общины, съ благословенія высокопреосвященнаго митрополита Антонія, священникомъ о. Васильевымъ совершенъ былъ обрядъ присоединенія къ православной церкви католическаго священника мана Войцеховича Яворскаго. Свидѣтелемъ при обрядѣ и главнымъ поручителемъ въ искренности исповѣданія новоприсоединимыхъ догматовъ православія былъ Товарищъ Оберъ-Прокуроръ Св. Синода т. с. В. К. Саблеръ. Обрядъ присоединенія состоялъ въ отреченіи отъ исповѣдуемыхъ католиками заблужденій папы. На литургіи новоприсоединенный членъ православной церкви былъ приобщенъ Св. Тайнъ, какъ мирянинъ, такъ какъ Яворскій не пожелалъ оставаться въ духовномъ санѣ. Яворскій 47 лѣтъ отъ роду; онъ воспитанникъ Сандомирской епархіальной семинаріи, слушалъ лекціи въ академіи; въ санѣ епископа Яворскій прослужилъ 26 лѣтъ и въ послѣднее время состоялъ настоятелемъ костела въ м. Цихановецъ, Гродненской губерніи. Бывшій епископъ Яворскій никогда не былъ фанатикомъ и не хотѣлъ смѣшивать своихъ пастырскихъ обязанностей съ политическимъ, которымъ такъ заражено католическое духовенство этого края: онъ всегда убѣжденно, по долгу совѣсти служилъ алтарю, уклонялся отъ исполненія тѣхъ указаній, которыя давались епископамъ свыше, относительно пропаганды католицизма среди униатовъ и православныхъ. Своимъ прихожанамъ епископъ Яворскій, вопреки обычаю и пастырской практикѣ большинства сослуживцевъ, внушалъ, что вступать католикамъ въ бракъ православными—не грѣхъ, дѣтей воспитывать отъ смѣшанныхъ браковъ въ религіи, требуемой закономъ—долгъ, если постѣ-

православный храмъ—не осквернишься и проч... И за эту необычную среди католическаго духовенства христіанскую терпимость о. Яворскаго, какъ пастыря, любила народная его паства, но зато ненавидѣло окружающее католическое духовенство и не жаловало ближайшее епархіальное начальство. Въ 1886 году, когда о. Яворскій, спрошенный, въ качествѣ свидѣтеля, при административномъ разслѣдованіи, по дѣлу о существованіи организованной пропаганды католицизма среди униатовъ, показалъ всю правду, не пощадивъ своихъ товарищей, занимавшихся возвращеніемъ изъ православія, и правительство 4 ксендзовъ удалило, а два костела закрыло, его—ксендза Яворскаго, епархіальное начальство заслало было въ Архангельскую губернію. Давимый своимъ начальствомъ и не находя поддержки въ чинахъ мѣстной администраціи, ксендзъ Яворскій несъ свой крестъ служенія безъ вѣстныхъ знаменіи истиннаго христіанскаго пастыря, пока хватало силъ и пока жизненный опытъ не привелъ его къ убѣжденію въ несравненной истинѣ православія. Близко зналъ и уважалъ о. Яворскаго покойный митрополитъ Леонтій. Достоинъ вниманія, что въ страстную субботу одинъ изъ ксендзовъ той мѣстности, въ виду пронесшейся среди любившей о. Яворскаго народной паствы вѣсти о присоединеніи его къ православію,—публично, по домамъ прихожанъ и въ костелѣ, говорилъ рѣчи, въ которыхъ бранными словами поносилъ имя своего бывшаго сотоварища, говоря что-де онъ и свою душу погубилъ переходомъ въ схизму и васъ всѣхъ въ пекло готовилъ... И это потому, что о. Романъ не былъ фанатикомъ и проповѣдывалъ пасомымъ миръ и любовь христіанскую.

«Воскр. Д.»

— «Сар. Дн.» передаетъ, что изъ среды саратовскихъ штундистовъ, именующихъ себя „русскими баптистами“, выдѣлилась новая секта такъ называемыхъ „череззаборниковъ.“ Послѣдніе, основываясь на словахъ Спасителя: „Кто не дверью входитъ во дворъ овчій, но перелазитъ вндѣ, тотъ воръ и разбойникъ; а входящій дверью есть пастырь овцамъ“ и проч. (Іоанна гл. 10, ст. 1—2) а также: „Я есмь дверь: кто войдетъ Мною, тотъ спасется, и войдетъ и выйдетъ, и пажить найдетъ“ (Іоанна гл. 10, ст. 9),—причисляють къ ворахъ и разбойникамъ всѣхъ, кто выдаетъ себя за пастыря овецъ Христовыхъ, т.-е. какъ бы самовольно становится на мѣсто Самаго Христа Спасителя, и потому совершенно отрицають православное духовенство, а также видимые храмы и таинства. По ихъ словамъ, спастись черезъ Церковь и таинства невоз-

можно, такъ какъ это значить „лѣзть въ царство небесное черезъ заборъ“. Истинное же спасеніе только въ словѣ Божіемъ, просвѣщающемъ всякаго человѣка, поэтому и спасительными они признаютъ только свои собранія, на которыхъ одинъ изображаетъ въ себя праведнаго Авраама, другой Еноха, иной—Илію, Іоанна Крестителя и т. д. А все остальное „черезъ заборъ“; посты—„черезъ заборъ“, храмы „черезъ заборъ“, таинства, духовенство, общественныя моленія, обряды—все это „черезъ заборъ“. Говорятъ, сейчасъ эта имѣетъ уже порядочное число послѣдователей.

— Въ сельской жизни ничто такъ не обращаетъ на себя вниманіе, какъ пшуты Тамб. Еп. Вѣд., какъ кладбища, весьма часто заброшенныя и оставленныя какъ-бы на произволъ судьбы. И это тѣмъ болѣе удивительно, что крестьянинъ съ благоговѣніемъ всегда относится къ памяти почившихъ родителей и родственниковъ. Всякую вещь, иногда ничтожнѣйшую, оставшуюся въ наслѣдство отъ умершихъ, крестьянинъ бережетъ, какъ самое дорогое сокровище, и при случаѣ съ удовольствіемъ рассказываетъ о ней. Онъ не жалѣетъ средствъ на похороны почившихъ, на ихъ поминованіе въ третій, девятый, двенадцатый, сороковой и другіе дни памяти ихъ; но онъ весьма мало заботится объ ихъ могилахъ на кладбищахъ съ самаго дня погребенія. Вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ могиламъ, сельскія кладбища имѣютъ весьма унылый видъ. Но кто же долженъ главному образомъ заботиться о кладбищахъ?... Чаше всѣхъ на кладбищѣ приходится бывать священнику; ему принадлежитъ и главный надзоръ за кладбищемъ. Посредствомъ проповѣди слова назиданія священникъ можетъ убѣдить прихожанъ въ необходимости убирать могилы своихъ покойниковъ, слѣдить за чистотой ихъ, какъ за жилищемъ дорогихъ своихъ родственниковъ. Тема для проповѣди, можно сказать, въ душѣ крестьянина, въ его благоговѣнномъ почитаніи умершихъ; священнику же остается только развить эту тему и разъяснить, что однимъ изъ способовъ благоговѣннаго и высокаго уваженія къ памяти умершихъ служитъ между прочимъ, забота о могилахъ и вообще о всемъ кладбищѣ. Заботу о приведеніи кладбища въ благоустроенное состояніе общество можетъ возложить на своихъ представителей. Необходимо будетъ и отдѣлать на этотъ предметъ нѣсколько весьма незначительныхъ для цѣлаго общества средствъ. Въ чемъ же должны состоять заботы по кладбищу представителей общества, дѣйствующихъ, конечно, подъ непосредственнымъ надзоромъ священника? Прежде всего слѣдуетъ все кладбище окопать глубокимъ ровомъ

или обнести крѣпкой оградой, чтобы никакое животное не могло проникнуть туда. Также весьма ховошо и полезно въ гигиеническомъ отношеніи обсадить все кладбище кругомъ деревьями. Всякія рытвины и провалы на могилахъ обязательно засыпать. Это необходимо дѣлать весной. Всякій соръ, въ родѣ сгнившихъ обломковъ деревянныхъ крестовъ, осколковъ камня и кирпича и проч. обязательно удалить съ кладбища. Строго слѣдить, чтобы по немъ никогда не бродилъ чей-либо скотъ. Выѣздить въ непремѣнную обязанность особому лицу весьма тщательно слѣдить за чистотою и порядкомъ на кладбищѣ, никогда не допускать, даже зимою, рыть могилы менѣе трехъ аршинъ въ глубину и послѣ погребенія плотно зарывать ихъ землей. Хорошо имѣть на кладбищѣ дорожки лѣтомъ, не говоря уже о зимѣ, когда онѣ положительно необходимы для причта. Весьма желательно имѣть на всѣхъ кладбищахъ особыя часовни, въ которыхъ-бы собственно и должны лежать покойники, когда погребеніе ихъ почему-либо откладывается на время. При часовняхъ должна быть комната и для сторожа кладбища. Не въ порядкѣ содержатся кладбища не только въ селахъ и провинціальныхъ городахъ, а даже и въ столицахъ, особенно если сравнить православныя кладбища съ рядомъ лежащими кладбищами инославными: на послѣднихъ всегда можно замѣтить больше чистоты и опрятности, чѣмъ на первыхъ. «Стран.»

— Въ виду возникшихъ въ судебной практикѣ сомнѣній по вопросу о томъ, распространяется ли законъ 12 марта 1891 г. на раскольниковъ, желающихъ узаконить ребенка, родившагося до брака, вопросъ этотъ былъ предложенъ на благоусмотрѣніе Правительствующаго Сената, который разрѣшилъ его въ настоящее время утвердительно. Сенатъ нашелъ, что законъ 19 апрѣля 1874 г. о метрической записи браковъ, рожденія и смерти между раскольниками лишь распространялъ на раскольниковъ и на ихъ семейный бытъ дѣйствіе общихъ гражданскихъ законовъ о семейственныхъ правахъ; а потому съ изданія 12 марта 1891 г. закона, внесшаго коренное измѣненіе въ положеніе дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, установленіемъ, что такія дѣти узаконяются бракомъ ихъ родителей, кромѣ происшедшихъ отъ прелюбодѣанія, нѣтъ основанія признавать, что такое измѣненіе въ законахъ о семейственныхъ правахъ не распространяется и на раскольниковъ. «Ворон. Еп. Вѣд.»

— По словамъ «Моск. Цер. Вѣд.», въ августѣ мѣсяцѣ созывается археологическій съѣздъ въ Кіевѣ. Это будетъ по счету XI съѣздъ. Въ настоящее время окончательно рѣшенъ вопросъ

объ устройствѣ археологической выставки при XI археологическомъ съѣздѣ. Выставка будетъ состоять изъ шести отдѣловъ: 1) первобытныхъ древностей, такъ называемой до исторической археологии,—завѣдующій проф. В. Б. Антоновичъ. Отдѣлъ этотъ представить выдающійся интересъ, какъ какъ проф. Антоновичъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ археологовъ и въ продолженіе своей многолѣтней ученой дѣятельности произвелъ множество раскопокъ въ предѣлахъ юго-западной Россіи; 2) первобытныхъ древностей—завѣдующій проф. Н. И. Петровъ, создавшій богатый музей церковно-археологическаго общества при Кіевской духовной Академіи; 3) историческихъ древностей—завѣдующій проф. Кіевской духовной Академіи В. З. Завитневичъ; 4) книги, рукописей и гравюръ—завѣдующій И. М. Каманитъ—одинъ изъ лучшихъ специалистовъ по палеографіи юга Россіи; 5) классическихъ древностей—завѣдующій проф. Ю. А. Кулаковскій. Предполагается также устроить выставку древнихъ географическихъ картъ и плановъ и двѣ выставки предметовъ церковной старины: одну—въ университетѣ, подъ руководствомъ профессоровъ Лашкарева и Дмитріевскаго и другую выставку—въ церковно-археологическомъ музеѣ академіи. Предварительный комитетъ по устройству съѣзда рѣшилъ издать новый каталогъ выставки; составить его взялся проф. Антоновичъ. Многія учрежденія и частныя лица уже начали присылать различные предметы для выставки. Проф. Антоновичъ готовитъ также къ выпуску въ свѣтъ археологическую карту Волини. Трудъ этотъ является результатомъ 20-лѣтнихъ археологическихъ экскурсій по Волини. Проф. Голубовскій, А. М. Лазаревскій, гг. Стороженко и Кивлицкій заняты составленіемъ карты лѣво-бережной Украины въ историческомъ отношеніи. Рѣшено устроить цѣлый рядъ археологическихъ экскурсій при участіи членовъ съѣзда. Предполагается подробно осмотрѣть памятники старины и древняго зодчества въ Луцкѣ, Кременцѣ Острогѣ, Владимірѣ-Волинскомъ, а также побывать въ Почаевской Лаврѣ и Дубно. Другая экскурсія будетъ совершена по Днѣпру, причемъ осмотрѣны будутъ Княжья гора близъ Триполья, Переяславъ, Черкасы, а также Вѣлая Церковь и Корсунь. Третья экскурсія состоится въ ближайшихъ окрестностяхъ Кіева—Витаевская пустынь. Межигорье и Вышегородъ. Посѣщеніе Китаева интересно, такъ какъ поселеніе это извѣстно было уже въ XI вѣкѣ; не меньшій интересъ представить осмотръ Вышегорода—лѣтней резиденціи великаго князя Владиміра Святаго. Для удобства иностранныхъ

гостей будетъ изданъ краткій путеводитель по Кіеву на французскомъ языкѣ. Владѣльцы археологическихъ собраній въ Кіевѣ къ открытію съѣзда готовятся издать каталоги своихъ собраній и открыть ихъ для гостей.

— Съ половины іюля до половины августа текущаго года въ Зоологическомъ саду въ Москвѣ отдѣленіемъ пчеловодства Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній устраивается всероссійская выставка пчеловодства, имѣющая цѣлью ознакомить общество съ положеніемъ пчеловодства въ Россіи и способствовать распространенію свѣдѣній о разумномъ уходѣ за пчелами. Выставка, какъ сообщаетъ «Воскр. Д.», распадается на слѣдующіе отдѣлы: А) Пчеловодныя хозяйства. а) Описаніе какъ крупныхъ промышленныхъ пчеловодныхъ хозяйствъ, такъ и мелкихъ. При описаніи пчеловодныхъ хозяйствъ желательно, чтобы приложены были фотографіи пчеловодовъ для составленія альбома русскихъ пчеловодовъ; б) виды пасѣкъ; в) планы и модели пасѣкъ; г) описаніе пчеловодныхъ хозяйствъ по районамъ; д) статистическія свѣдѣнія, до пчеловодства относящіяся. Б) Жилища пчелъ и пчеловодныя принадлежности. Ульи, центробѣжки и другія приспособленія для сниска меда, прессы и проч. Какъ ульи такъ и пчеловодныя принадлежности могутъ быть представлены въ естественномъ видѣ и моделяхъ. В) Ульи съ живыми пчелами. Ульи съ живыми пчелами будутъ выставлены на опытной пасѣбѣ Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растеній и могутъ быть доставляемы съ 1-го іюня по 1-е іюля въ г. Москву на товарныя станціи Московско-Казанской, Московско-Нижегородской и Московско-Курской жел. дор. съ увѣдомленіемъ объ отправкѣ по адресу г. завѣдующаго опытной пасѣкой Ф. С. Мочалкина: Ильинка, уголь Ветошнаго ряда. Уходъ за ульями, буде того пожелаетъ экспонентъ, можетъ быть порученъ опытной пасѣкѣ. Г) Медоносныя растенія. а) Сѣмена медоносныхъ растеній; б) живыя медоносныя растенія; в) гербаріи медоносныхъ растеній; г) діаграммы взятка (съ указаніемъ на зависимость такового отъ цвѣтенія тѣхъ или другихъ растеній). Лицамъ, пожелавшимъ произвести посѣвы медоносныхъ растеній, будутъ отведены назначенныя для этой цѣли участки. Д) Продукты пчеловодства. а) Медъ; б) воскъ; в) продукты изъ меда (напитки, пряники и т. п.); г) продукты изъ воска (свѣчи, цвѣты и т. п.). Е) Научный отдѣлъ. а) Исслѣдованіе по естественной исторіи пчелы, по составу меда и воска и пр.; б) книги, журналы; в) таблицы; г) кол-

лекціи враговъ пчелъ. Ж) Учебно-педагогическій отдѣлъ. а) Свѣдѣнія о дѣятельности по распространенію пчеловодства (курсы учебныя пасѣки, выставка); б) учебныя ульи и препараты; в) произведенія учениковъ школьныхъ пасѣкъ; г) учебныя пособия (во лекціи по естественной исторіи пчелы, коллекціи суррогатовъ меда и воска, модели медоносныхъ растений, микроскопическіе препараты и т. п.). Кромѣ наградъ въ видѣ медалей и рожевыхъ отзывовъ выдаваемы будутъ преміи, состоящія изъ ульевъ и пчеловодныхъ принадлежностей, въ награду тѣмъ, мелкимъ пчеловодамъ изъ среды крестьянъ, народныхъ учителей и духовенства, которые съ пользою работаютъ на поприщѣ рациональнаго пчеловодства. Кромѣ того учреждается денежная премія опытной пасѣки Императорскаго русскаго общества акклиматизаціи животныхъ и растений въ Измайловскомъ звѣринцѣ въ Москвѣ въ размѣрѣ ста рублей за устройство мелкаго рациональнаго крестьянскаго пчеловоднаго хозяйства и за распространеніе среди дворянъ и другихъ лицъ свѣдѣній о наилучшемъ примѣненіи доступныхъ крестьянамъ пчеловодныхъ приспособленій. Для присужденія вышеозначенной преміи во время выставки въ отдѣлѣ живыхъ пчелъ на опытной пасѣкѣ съ 1-го іюня и до закрытія выставки имѣетъ быть устроенъ конкурсъ на степень легчайшаго веденія рациональнаго пчеловоднаго крестьянскаго хозяйства при посредствѣ такихъ приспособленій, которыя не устрашали бы простаго сельскаго жителя своею сложностью и тѣмъ самымъ облегчали бы переходъ отъ роевой системы въ веденію пчеловодства на началахъ. На конкурсъ могутъ быть представлены и описанія веденія пчеловоднаго хозяйства по такого рода системѣ, но непременно съ приложеніемъ употребляемыхъ въ хозяйствѣ пчеловодныхъ приспособленій. При присужденіи денежной преміи предпочтеніе будетъ оказано тѣмъ соискателямъ, которые уже сумѣли распространить свой способъ веденія пчелъ въ большемъ или меньшемъ районѣ. О такого рода своей дѣятельности соискатели должны представить удостовѣренія за подписью мѣстнаго начальства или духовенства. Лица, желающія принять участіе въ означенной выставкѣ, приглашаются подавать заявленія о такомъ своемъ желаніи съ обозначеніемъ выставляемыхъ предметовъ по адресу: Москва, Зоологическій садъ, комитетъ выставки пчеловодства.

— По сообщенію «Под. Еп. Вѣд.», при Бранловскомъ монастырѣ, Подольской епархіи, въ маѣ мѣсяцѣ были устроены санитарныя

курсы. Цѣль этихъ курсовъ—ознакомленіе желающихъ сестеръ съ правилами ухода за больными и подавіи первоначальной помощи заболѣвшимъ, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. Ходатайство объ открытіи курсовъ было возбуждено, съ согласія Епархіального Начальства, настоятельницей Браиловскаго женскаго монастыря игуменьей Мелетинной чрезъ Винницкаго Уѣзднаго Предводителя Дворянства, графа Гейдена; программа курсовъ была составлена съ благословенія преосвященнѣйшаго Іриней, епископа Подольскаго и Брацлавскаго, и разрѣшенія г-на Губернатора. Врачебнымъ Инспекторомъ программа была представлена на разсмотрѣніе медицинскаго Совѣта при Медицинскомъ Департаментѣ, который и утвердилъ ее. Занятія съ сестрами велись и теоретически въ школахъ, и практически въ больницахъ. Въ школахъ имъ сообщались краткія свѣдѣнія о строеніи человѣческаго тѣла, о заболѣваніяхъ, ихъ причинахъ, объ уходѣ за заразными больными, о способахъ распространенія заразы, и мѣрахъ предупрежденія заразныхъ болѣзней; о раненіяхъ и помощи при нихъ и проч. Практически уходу за больными и ранеными сестры обучались въ мѣстной сельской лечебницѣ и желѣзнодорожной больницѣ на ст. „Жмеринка“. Занятія въ больницахъ велись подъ руководствомъ врачей М. П. Заринскаго и Н. Г. Кирицы. Теоретическія занятія въ школахъ по отдѣламъ (спеціальностямъ) производились врачами Н. И. Делекторскимъ и тѣми же Н. Г. Кирицей и М. П. Заринскимъ; кромѣ того изрѣдка помогали имъ въ занятіяхъ врачи М. Я. Царюкъ и Е. Н. Ивановъ. Теоретическимъ занятіямъ посвящалось 6 часовъ въ недѣлю. Изъ 12-ти сестеръ, изъявившихъ желаніе обучаться уходу за больными, 3 по различнымъ обстоятельствамъ не могли продолжать занятія и только 9 прослушали полный курсъ. Къ занятіямъ въ школахъ сестры въ большинствѣ относились съ большимъ усердіемъ и интересомъ. Въ мѣстной сельской лечебницѣ и въ желѣзнодорожной Жмеринской больницѣ онѣ исполняли обязанности сидѣлокъ; приглашаемы были и директоромъ Винницинской окружной лечебницы. Кромѣ того, въ качествѣ знающихъ и добросовѣстныхъ сидѣлокъ онѣ приглашаемы были и въ частные дома, для ухода за трудно-больными, и съ пользою потрудились на этомъ поприщѣ. Остается только пожелать,—говорится въ отчетѣ объ этихъ курсахъ,—чтобы курсы продолжались и на будущее время и, въ случаѣ продолженія ихъ, были бы нѣсколько лучше обставлены какъ со стороны уровня развитія контингента слушательницъ, такъ равно и относитель-

но учебно-вспомогательныхъ пособій. При этихъ условіяхъ и томъ сочувствіи, которое встрѣтили курсы, можно съ увѣренностью рассчитывать на прекрасно подготовленный недорогой и преданный дѣлу персоналъ для ухода за больными.

— Смерть болѣею частію застаётъ служилый людъ всегда врагъ плохъ; при чемъ семья служащаго нерѣдко остается безъ всякихъ средствъ къ существованію. Жизнь давно уже выработала форму скорой помощи осиротѣлымъ, немущимъ семьямъ. За послѣднее время все болѣе и болѣе распространяются въ большихъ городахъ кассы взаимопомощи на случай смерти ихъ участниковъ. По словамъ «Воскр. Дн.», эти кассы основаны на очень простомъ расчетѣ взаимной помощи всѣхъ членовъ-участниковъ другъ другу, ибо каждый изъ нихъ неминуемо, когда-нибудь, но долженъ умереть. Простейшее устройство такой кассы состоитъ въ томъ, что въ участникахъ ея записываются 100, 200, 500, 1,000, 2,000 и т. д. человекъ или служащіе какого-нибудь учрежденія или нѣсколькихъ учреждений—чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше—и по соглашенію,—обязуются вносить, въ случаѣ смерти каждаго изъ соучастниковъ, по 1 р. 2 р.—болѣе или меньше—это зависитъ отъ соглашенія. Въ такомъ случаѣ семья умершаго участника на другой же день смерти главы—кормильца, не прибѣгая къ подпискамъ и тому подобнымъ тяжелымъ въ нравственномъ отношеніи пособіямъ, получаетъ на похороны и первое время на прожитіе, пока дѣла ея устроятся, 100, 200, 500, 1,000 и т. д. руб. Въ Москвѣ недавно утвержденъ нормальный уставъ такой кассы, гдѣ, при маленькихъ взносахъ въ 1, 5, 10, 15 р. ежегодно, семья участника, въ случаѣ его смерти, получаетъ пособіе въ 2000, 3000, 6000, 10000 р. и, при уплатѣ 40 к. за каждую смерть,—достаточную сумму на похороны умершаго участника. Такія кассы существуютъ уже во многихъ епархіяхъ. Небольшой членскій взносъ не обременителенъ, за то сколько отрады доставить осиротѣлой семьѣ благовременная помощь.

— Въ саратовскомъ земствѣ, какъ сообщаетъ «Сѣверн. Край», установлены правила для выдачи ссудъ на постройку зданій для библіотекъ-читаленъ. Ссуды эти выдаются, согласно постановленію земскаго собранія, безъ процентовъ на срокъ не болѣе 10-ти лѣтъ и въ размѣрѣ не болѣе 500 руб. При этомъ: 1) Ссуда выдается не только сельскимъ обществамъ, но и частнымъ лицамъ и различнаго рода благотворительнымъ и просвѣтительнымъ обществамъ. 2) Сельскія общества должны представить въ губернскую управу при ходатайствѣ законно составленный приговоръ за круговой по-

рукой, а частныя общества и лица должны заключить условіе. 3) Какъ сельскія общества, такъ и частныя лица и общества обязуются до окончанія уплаты ссуды сохранять зданіе только подъ библіотекой-читальней. 4) При ходатайствѣ о ссудѣ долженъ быть представленъ планъ и смѣта на постройку библіотечнаго зданія, а также разрѣшеніе отъ подлежащаго начальства на открытіе безплатной библіотеки-читальни по правиламъ 15 мая 1890 г. 5) Ссуды выдаются не только на постройку самостоятельныхъ зданій, но и на пристройки къ другимъ зданіямъ (къ школѣ, волостному правленію и т. п.) съ согласія на то собственника зданія.

— Въ видахъ сокращенія переписки по поступающимъ въ консисторію прошеніямъ отъ священно-церковно-служителей, вдовъ и дѣтей ихъ о выдачѣ имъ видовъ на жительство, Псковская духовная консисторія, съ утвержденія мѣстнаго Преосвященнаго, объявила духовенству Псковской епархіи, что, согласно разъясненію Псковскаго губернскаго правленія, изъ консисторій могутъ получать паспортныя книжки: всѣ священно-церковно-служители, ихъ жены и дочери всякаго возраста, вдовы и сыновья, послѣдніе только до 17-лѣтняго возраста. По достиженіи же сего возраста, сыновья священно-церковно-служителей могутъ просить о выдачѣ имъ изъ консисторіи свидѣтельства о правахъ по рожденію и съ ними обращаться въ полицію за полученіемъ паспортныхъ книжекъ. (Высочайше утвержд. 3 іюня 1894 г. полож. о видахъ на жител., ст. 34, п. 3-й). При семъ разъясняется духовенству, что для лицъ, состоящихъ на службѣ, паспортныя книжки не могутъ служить увольнительнымъ документомъ отъ мѣста службы; въ подобныхъ случаяхъ они должны обращаться къ епархіальному начальству, прося объ увольненіи на извѣстный срокъ (Церк. Вѣд. № 50, 1895 года, ч. оффиціаль. стр. 443—444). При прошеніяхъ о выдачѣ паспортныхъ книжекъ, просители должны представлять въ консисторію 15 коп. заявленіе о томъ, что проситель ни отъ кого не бралъ вида на жительство, дочери, кромѣ сего, удостовѣреніе, что онѣ не состоятъ въ замужествѣ; присемъ несовершеннолѣтніе (сыновья до 17 лѣтъ, а дочери до 21 года) могутъ просить о выдачѣ имъ паспортныхъ книжекъ не иначе, какъ съ согласія родителей и опекуновъ, а жены съ согласія своихъ мужей. (Вышеозначеннаго положенія ст. 7 и 11 в собраніе узакон. и распор. правпт. 1897 г. № 46-й ст. 627). Въ прошеніяхъ всѣхъ лицъ должно быть объяснено: какая требуется книжка — безсрочная или на срокъ, въ

послѣднемъ случаѣ,—на какой срокъ. Сыновья, достигшіе 20-лѣтняго возраста и желающіе получить свидѣтельство о правахъ по происхожденію, должны при прошеніяхъ представлять въ конвенторію: 1) свидѣтельства о припискѣ къ призывному участку, а отбывшіе уже воинскую повинность—документы объ отбываніи воинской повинности, 2) свидѣнія о времени рожденія и 3) двѣ гербовыхъ 80 коп. дост. марки. «Псков. Ев. Вѣд.»

— Съ 1 марта, по сообщенію газетъ, вступили въ силу новыя правила по оплатѣ денежныхъ переводовъ, производимыхъ по почтѣ. Такъ, за переводъ суммы не свыше 25 руб. будетъ взиматься по 15 коп. За переводъ же денегъ выше этой суммы уплачивается 25 коп., т. е., на обыкновенный переводный бланкъ наклеивается марка десятикопѣчнаго достоинства. Что касается переводовъ, отправляемыхъ по телеграфу, то за нихъ взимается точно такая же плата, какая установлена для телеграммы въ 20 словъ.

— Отъ болей въ ушахъ какъ ревматическаго, такъ и простуднаго происхожденія въ Россіи кладутъ въ наружный слуховой проходъ овечью шерсть, коноплю съ дегтемъ; цилиндръ изъ полотна пропитаннаго воскомъ или изъ бумаги помѣщаютъ тонкимъ концемъ въ наружный слуховой проходъ, между тѣмъ какъ другой конецъ цилиндра зажимаютъ. Большой лежитъ въ это время на здоровомъ ухѣ, а больное ухо вмѣстѣ съ цилиндромъ обертываются платкомъ для того, чтобы не могъ проходить воздухъ. Послѣ того какъ сгорятъ двѣ трети цилиндра, огонь тушатъ и удаляютъ цилиндръ.—Этотъ способъ леченія пользуется во всей Россіи большою славой, во всякомъ случаѣ онъ успоковываетъ боль при ревматическихъ страданіяхъ. Осадокъ, являющійся на цилиндрѣ послѣ сжиганія и ошибочно принимаемый непосвященными за ушную сѣру, есть ничто иное какъ восковая сажа.

— Отъ головныхъ болей въ Сибири употребляютъ душицу, въ другихъ мѣстностяхъ зорию, бѣлую и желтую, кувшеники, калугеръ, свѣжіе или высушенные листья, размоченные въ водѣ, кладутъ на голову, истолченные цвѣтки лютика кладутъ на руку, употребляютъ настой чернобыльника съ уксусомъ, настой мяты. припарки изъ ржаного хлѣба съ уксусомъ, привязываютъ къ вискамъ, вкрамъ или за ушами куски селедки. При хроническихъ боляхъ головы, обертываютъ волосы, находящіеся на больномъ мѣстѣ, вокругъ двухъ пальцевъ и дергаютъ вдругъ изъ всей силы, такъ что вѣроятно всѣ общіе покровы разрыхляются. Мѣсто это опухаетъ, въ немъ замѣтны бывають подтеки крови. Говорятъ, что иногда такой грубый способъ производить мгновенную помощь.

— Отъ зубной боли употребляютъ колганный корейнъ. Именно кладутъ небольшое количество порошка отъ корня въ стаканъ съ водой или ромомъ и оставляютъ это въ продолженіи получаса въ тепломъ мѣстѣ, потомъ настою этотъ взбалтываютъ пучкомъ ваты, такъ что къ послѣдней пристаеетъ немного порошка, ее и кладутъ на больной зубъ. Противъ той же боли кладутъ на основаніе ручной кисти водяной лютикъ, тертый хрѣвъ и т. д., полощатъ ротъ настоємъ крапивы съ укусомъ, перца, лука, укуса и водки, полощатъ себѣ ротъ отваромъ маковыхъ головокъ въ молокѣ.

— Отъ гнилыхъ зубовъ употребляютъ липовое или можжевеловое масло. Также полощатъ ротъ густымъ настоємъ шалфея. Во многихъ мѣстностяхъ Россіи кладутъ, чтобъ избавиться отъ зубныхъ болей, сокъ молочая на нижнюю часть, уха, на той сторонѣ, гдѣ находится больной зубъ, это повторяютъ въ теченіи 3—4 часовъ. За этимъ появляется пузырчатая сыпь, которая далеко распространяется, особенно при чувствительной кожѣ. Если на это средство смотрѣть какъ на отвлеченіе, то, разумѣется, оно можетъ утишить боль. Въ Курской губерніи смачиваютъ кусокъ сахара эссенціей изъ березовыхъ почекъ и заставляютъ раскусить сахаръ больнымъ зубомъ, или этой же эссенціею смачиваютъ тряпочку, сложенную 6—8 разъ и кладутъ ее на больной зубъ такимъ образомъ, что она лежитъ между щекою и больнымъ зубомъ. «Уфим. Еп. Вѣд.».

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

Библиотекки „Научнаго Обозрѣнія“.

РИХАРДЪ АВЕНАРИУСЪ.

ФИЛОСОФІЯ

КАКЪ

МЫШЛЕНІЕ О МІРѢ

СООБРАЗНО ПРИНЦИПУ НАИМЕНЬШЕЙ МѢРЫ СИЛЪ.

(Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip des kleinsten Kraftmasses. 1876). PROLEGOMENA къ критикѣ чистаго опыта. Пер. И. Ѳедорова. Подъ ред. д-ра филос. М. Филиппова. Цѣна 50 коп.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА.

Съ требов. обращ. СПБ. Стремянная, № 12.

КАРМАННАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИЖКА

ДЛЯ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА

ВЪ 2-хъ ЧАСТЯХЪ

около 500 страницъ.

Часть I—календарная, съ чистыми листками почтовой бумаги для записи на каждый день, въ мягкомъ коленкоровомъ переплетѣ, съ карандашемъ и грифельною доскою.

Часть II—заключаетъ рядъ тѣхъ церковно-гражданскихъ узаконеній и распоряженій, съ которыми духовенство наше по своей практикѣ встрѣчается наиболѣе часто. Въ приложеніи дается рядъ циркулярныхъ указовъ Святѣйшаго Синода, относящихся къ брачнымъ и судебнымъ дѣламъ, и извѣстный, составленный покойнымъ митрополитомъ московскимъ Филаретомъ, „чинъ погребенія архіереевъ и священниковъ въ Пасху“.

Для удобства пользованія, книжка снабжена детально составленнымъ алфавитнымъ указателемъ, оглавленіемъ и перечнемъ (въ концѣ) всѣхъ узаконеній и распоряженій по духовному вѣдомству, вышедшихъ за истекшій годъ.

Цѣна за обѣ части 1 руб. съ пересылкою.

Выписывающіе за 1898 и 1899 г. платятъ за оба года 1 р. 50 к. съ пересылкой.

Карманная справочная книжка на 1899 г. для православнаго духовенства не есть перепечатка предыдущаго изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1899 г.

НА

„Американскій Православный Вѣстникъ“

(ОРГАНЪ ПРАВОСЛАВНОЙ АМЕРИКАНСКОЙ МИССИИ).

Начало подписнаго года—1-го Января стараго стиля. Болѣе важныя и существенныя статьи печатаются въ два текста—русскій и англійскій—параллельно. Журналъ выходитъ дважды въ мѣсяць,—каждаго 1-го и 15-го числа. Подписная цѣна на годъ: въ Америкѣ—три доллара; въ Россіи—шесть руб. съ пересылкой. Допускается разсрочка по полугодіямъ. Подписка принимается—въ Россіи: С.-Петербургъ. Редакція „Церковнаго Вѣстника“—для перевода въ НЬЮ-ІОРКЪ.

Въ Америкѣ: America, New York, City, 323 Second Ave., Rev. Alexander Hotovitzky.

Редакторъ, Свящ. А. Хотовицкій.

Продолжается подписка на 1899 г. — Издается съ 1889 г. —
Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Природа и Люди

5 РУБ. на годъ безъ доставки въ Спб.; въ Москвѣ у (Н. Печковской) 5 р. 50 к. съ доставкой въ С.-Петербургъ и Москвѣ и перес. во все гор. Россіи **ШЕСТЬ** руб. Допускается разсрочка: при подп. 2 р., къ 1-му Марта 1 руб., къ 1-му Мая 1 руб. и къ 1-му Іюля остальные.

Пробный № высылается за 7 коп. марку.

52 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ №№ каждый № въ размѣрѣ 2 листовъ большаго формата (16 стран. плотной печати) включаетъ въ себѣ разнообразное, интересное и полезное чтеніе. Девизъ журнала „польза и развлеченіе“. *Редакція тщательно избѣгаетъ всего, что отзывается сухостью, всего, что можетъ наводить скуку на читателя.*

12 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ВЫПУСКОВЪ (болѣе 300 рисунковъ)
„ПОЛЕЗНОЙ БИБЛИОТЕКИ“
„ЗЕМЛЯ И ЕЯ НАРОДЫ“

составляющихъ ДВА ТОМА соч. Гельвальда.

(„Живописная Европа“, „Живописная Африка“, „Живописная Австралія съ Океаніей“ и „Полярныя страны“).

Съ первыхъ №№ въ журналѣ печатаются „Приключенія Новаго Робинзона“, Луи Ружемова, 30 лѣтъ прожившаго среди дикарей.

„Приключенія Новаго Робинзона“ въ короткое время разошлись за границей въ количествѣ 800,000 экз.

И КРОМѢ ТОГО, **НОВОЕ БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ**

12 ТОМОВЪ СОЧИНЕНІЙ ГУСТАВА ЭМАРА объемомъ болѣе 3,000 стран. большаго форм. убористой печати.

Журналъ „ПРИРОДА И ЛЮДИ“, вступая въ десятый годъ изданія, будетъ по прежнему неуклонно идти къ своей цѣли — быть общедоступнымъ журналомъ для семейнаго чтенія, равно интереснымъ для всѣхъ и каждаго. Постоянно возрастающее число подписчиковъ указываетъ на потребность такого журнала въ нашемъ обществѣ и на успѣхъ его.

Подписка принимается въ Главной конторѣ: С.-Петербургъ, Стремянная, собств. домъ № 12.

Издатель *И. Соининъ.*

Редакторъ *Ф. Грудневъ.*

Продолжается подписка на иллюстрированный еженедельный журнал

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА

XV годъ изданія

подъ редакцію А. И. ПОПОВИЦКАГО и при участіи

ОТЦА ІОАННА БРОНШТАДТСКАГО

5 руб. безъ доставки, 6 руб. съ достав. и перес.

52 иллюстрированных № каждый объемомъ въ 16 стран. больш. формъ съ рисунками изъ исторіи русскаго народа и русской православной церкви. Ежемесячныхъ книгъ каждая объемомъ 180—240 страницъ заключающихъ въ себѣ: историческія повѣсти и рассказы, опис. святыхъ, размышленія на религиозно-нравственныя темы и т. п., и кромѣ того, бесплатно, исполненную красными металлами, икону съ чудотворной Курской иконы Пресвятой Богородицы. „Русскій Паломникъ“ одобренъ всеми вѣдомствами, въ который былъ представленъ. 1897. Особымъ Отд. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобренъ для библиотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, для бесплатныхъ народныхъ читальнъ и для личныхъ народныхъ чтеній. Подробное объявленіе и пробный № высылаются за 7 копѣчную марку.

Изъ года въ годъ увеличивающаяся подписка на „Русскій Паломникъ“ возмужала намъ, что мы вѣрно поняли желаніе читателей—имѣть семейный журналъ для душеполезнаго чтенія, строго выдержаннаго религиозно-нравственнаго направленія,—журналъ, который бы и поучалъ читателя, указывая ему на достойныя подражанія примѣры святой жизни и служа какъ бы кормчимъ среди житейскихъ соблазновъ, и въ то же время давалъ бы разнообразное, интересное чтеніе занимающаго читателя въ часы досуга.

Этой высокой цѣли мы служимъ уже 14 лѣтъ, съ благословія досточтимого Кронштадтскаго Пастыря о. Іоанна, принявшаго близкое участіе въ нашемъ изданіи,—и, при помощи Божией, твердо рѣшили и дальше идти въ томъ же направленіи.

Въ 12 книжкахъ „Русскаго Паломника“ будетъ дано: 1) *Размышленія о жизни Іисуса Христа*. Соч. Фомы Кемпійскаго. 2) *Ополченцы*. Историческая повѣсть изъ гоненій на православныхъ въ Польшѣ, въ 2-хъ частяхъ С. Л. Астафьева. 3) *Святые земли руссоной*. Е. Поселянина. 4) *Царьградскіе иконы, ч. I*. Исторія Константинопольскаго монашества до IX вѣка Сочин. аббата Марена. 5) *Царьградскіе иконы, ч. II*. Его-же. 6) *Сестры Фабіолы*. Повѣсть изъ исторіи гоненія на христіанъ К. И. Семенова. 7) *Среди расколовъ и сектантовъ Поволжья*. С. Александрова. 8) *Библия и наука*. Историческія разъясненія къ Ветхому Завету. Сочин. Раулинсона. 9) *Конецъ Иуды*. Историческая повѣсть первыхъ времёнъ христіанства въ Римѣ. С. Кончиловича. 10) *Наши заграничныя миссіи*. С. Архангелова. 11) *Принцезы острова*. А. П. Березова. 12) *Соловецкій бунтъ*. Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ С. Л. Астафьева.

Подписная цѣна: на годъ безъ доставки въ Спб. 5 руб., въ Москвѣ (у Н. Печковской) 5 руб. 50 коп., съ доставкой въ Спб. и Москвѣ и пересылкою по всей Россіи ШЕСТЬ руб. За границу 8 руб. Допускается разсрочка: въ подпискѣ 2 руб., къ 1 Апрѣля 2 р. и къ 1 Юля остальные.

Главная контора: С.-Петербургъ, Стрѣмянная ул., № 12. собственный домъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Іюня № 12. 1899 года.

Содержаніе. Высочайшій Манифестъ.—Высочайшее повелѣніе.—Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897/8 учебный годъ (продолженіе).—Списокъ воспитанницъ пригот., 1-хъ, 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ и 5-хъ классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, составленный послѣ годичныхъ исптаній за 1898/99 учебный годъ.—Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1898/99 учебный годъ.—Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благопріятіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами.—Списокъ воспитанницъ VI-хъ классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, окончившихъ курсъ и получившихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ.—Дѣла, подлежащія обсужденію Съѣзда епархіальнаго духовенства, имѣющаго быть 18-го августа н. г., по Харьковскому епархіальному Женскому Училищу.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годичныхъ исптаній за 1898/99 учебный годъ.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Росписаніе приемныхъ экзаменовъ и переэкзаменовокъ въ Харьковской Духовной Семинаріи въ августѣ 1899 года.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ:

Въ 14-й день сего іюня, Любезнѣйшая Супруга НАША ГОСУДАРНИЦА ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ НАМЪ Дочери, нареченной Маріей.

Такое Императорскаго Дома НАШЕГО приращеніе пріемля новымъ знаменованіемъ благодати Божіей, на НАСЪ и Имперію НАШУ изливаемой, возвѣщаемъ о семъ радостномъ событіи вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ и вмѣстѣ съ ними возносимъ къ Всевышнему горячія молитвы о благополучномъ возрастаніи и преуспѣваніи Новорожденной.

Повелѣваемъ писать и именовать, во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ присутствуетъ, Любезнѣйшую НАШУ Дочь ВЕЛИКУЮ КНЯЖНУ МАРИЮ НИКОЛАЕВНУ Ея Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ Петергофѣ, іюня въ день 14-й, въ лѣто отъ Рожденья Христова тысяча восемьсотъ девяносто девятое, Царствования НАШЕГО въ пятое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ Петергофѣ.
14-го іюня 1899 года.

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, въ 30-й день мѣсяца мая, Высочайше утвердить соизволяя всеподданнѣйшій докладъ Святейшаго Синода о бытіи викарію Харьковской епархіи, преосвященному Сумскому *Петру*, епискомъ Смоленскимъ и Дорогобужскимъ

Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно воспитательной части за 189⁷/₈ учебный годъ.

(Продолженіе *).

Сѣзды Уѣздныхъ Наблюдателей. Мѣры, выработанныя на сихъ Сѣздахъ. Осмотръ школъ уѣздными наблюдателями. Постановленія и распоряженія уѣздныхъ Отдѣленій по поводу представленныхъ уѣздными наблюдателями отчетовъ объ осмотрѣ школъ.

Въ отчетномъ году, 22—25 іюля, одновременно съ педагогическими курсами, состоялся сѣздъ наблюдателей церковныхъ школъ Харьковской епархіи, имѣвшій четыре засѣданія. Предметы, подлежащія обсужденію Сѣзда и мѣры, выработанныя на немъ, изложены въ статьѣ епархіальнаго наблюдателя В. Давыденко, помѣщенной въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» за 1899 годъ.

Въ своей дѣятельности по наблюденію за школами уѣздные наблюдатели руководствовались § 44 „Положенія“ и инструкціей епархіальнаго училищнаго Совѣта, утвержденной Ею Высочайшимъ Преосвященствомъ Архіепископомъ Харьковскимъ въ 1887 году 11-го ноября за № 4913. Какъ непосредственный органъ епархіальнаго наблюдателя, уѣздные наблюдатели въ точности исполняли всѣ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 9.

предписанія. Ихъ дѣтельность заключалась не столько въ управленіи, сколько въ разумномъ и потребномъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ школьной жизни руководствѣ и сила предоставленной имъ власти полагалась не столько въ ихъ правахъ, сколько въ ихъ знаніяхъ, опытности и умѣніи руководить школьнымъ дѣломъ. Будучи примѣрно усердными, они въ отчетномъ году посѣтили всѣ церковно-приходскія школы и школы грамоты за небольшимъ исключеніемъ по причинѣ непогоды и въ виду того, что многіе изъ школъ, особенно нуждавшихся въ надзорѣ, были посѣщены ими два и три раза. Сверхъ того, въ силу предоставленнаго имъ права, нѣкоторые изъ нихъ на ряду со школами церковными посѣщали и училища М. Н. Просвѣщенія для наблюденія за религіозно-нравственнымъ развитіемъ учащихся и за постановкою преподаванія закона Божія въ сихъ школахъ.

Дѣтельность ихъ по наблюденію за школами была разнообразна, что въ значительной мѣрѣ обусловливалось не только ихъ личнымъ усердіемъ, но и живыми потребностями самихъ церковныхъ школъ, постоянно нуждавшихся въ руководствѣ. Оо. наблюдатели обращали вниманіе на личный составъ школъ, ихъ учебную и религіозно-нравственную сторону, учебныя руководства и пособія, состояніе бібліотекъ, классныхъ журналовъ, внѣшнее и внутреннее благоустройство этихъ школъ; они входили въ матеріальныя нужды какъ школъ, такъ и самихъ учителей и учительницъ.

Въ отношеніи личнаго состава учащихся, наблюдатели обращали вниманіе на то, утверждены ли они въ должности Епархіальнымъ Преосвященнымъ, обладаютъ ли надлежащими нравственными качествами, способностями и познаніямъ, — для чего, присутствуя на урокахъ, они испытывали познанія учениковъ и бесѣдовали съ учителями о постановкѣ преподаванія учебныхъ предметовъ. Малоопытнымъ учителямъ давались совѣты и руководственныя указанія, но отнюдь не въ присутствіи учениковъ, дабы не унижить авторитета сихъ учителей. При послѣдующихъ осмотрахъ убѣдныя наблюдатели обращали вниманіе на то, насколько учащіе воспользовались данными наставленіями. Въ отношеніи учебной части церковныхъ школъ, оо. наблюдатели тщательно слѣдили какъ за объемомъ и содержаніемъ преподаваемыхъ предметовъ, согласно программъ и учебнымъ руководствамъ, рекомендованнымъ Св. Синодомъ, такъ въ особенности за методомъ и характеромъ преподаванія каждаго изъ положенныхъ предметовъ

курса церковныхъ школъ. О всякихъ уклоненіяхъ отъ установленнаго порядка школьной жизни, лѣцахъ, нерадиво относящихся къ школьному дѣлу или же ревностныхъ и усердныхъ, школьнымъ нуждахъ и обо всемъ нормальномъ теченіи школьной жизни уѣздные наблюдатели доносили въ уѣздное отдѣленіе и епархіальнаго наблюдателя по мѣрѣ обзорѣнія школъ, вслѣдствіе чего епархіальный наблюдатель былъ освѣдомленъ о состояніи школьнаго дѣла въ епархіи во всякое данное время.

Особенно вниманіе уѣздныхъ наблюдателей было обращено на воспитаніе дѣтей въ церковныхъ школахъ въ духѣ вѣры и церкви Православной. Въ этомъ отношеніи они ставили своею цѣлю, чтобы церковныя школы не по имени только, но всѣмъ строемъ преподаванія и воспитанія могли по справедливости именоваться разсадниками христіанскаго просвѣщенія. А для этого они следили за тѣмъ, чтобы учащимся внушалась любовь къ церкви и богослуженію до такой степени, чтобы посѣщеніе и участіе въ богослуженіи сдѣлалось навывкомъ и потребностью сердца учащихся; чтобы учащіеся неопустительно посѣщали богослуженія и наиболѣе подготовленные изъ нихъ участвовали въ чтеніи и пѣніи. Чтобы положить основаніе и для дальнѣйшаго развитія воспитанія учащихся и выбывшихъ изъ школы учениковъ, оо. наблюдатели въ отчетномъ году имѣли особенное попеченіе о томъ, чтобы при школахъ учреждались учебно-воспитательныя учрежденія: бібліотеки, воскресныя чтенія и т. п., причемъ, какъ содержаніе этихъ бібліотекъ, такъ и содержаніе воскресныхъ чтеній подвергалось тщательному контролю, чтобы въ составѣ бібліотекъ не было книгъ, предварительно не одобренныхъ къ употребленію духовнымъ вѣдомствомъ.

Внѣшняя сторона церковныхъ школъ также была предметомъ тщательныхъ заботъ оо. наблюдателей. Они обращали вниманіе на школьное помѣщеніе въ учебномъ и гигиеническомъ отношеніи. Если замѣчали недостатки съ этой стороны, входили въ сужденіе съ оо. завѣдующими, искренно содѣйствуя, чѣмъ могли, улучшенію матеріальнаго состоянія школъ: они сами являлись къ сельскимъ и волостнымъ властямъ, къ земскимъ начальникамъ, предводителямъ дворянства и прочимъ представителямъ мѣстныхъ и уѣздныхъ учреждений, къ церковнымъ старостамъ, къ попечителямъ, мѣстнымъ завладѣльцамъ, прося у нихъ матеріальной поддержки школамъ и подавая всѣмъ примѣръ, что не стоитъ особеннаго труда просить на дѣло общественное, на учрежденіе школъ

Изысканіе средствъ къ матеріальному обезпеченію церковныхъ школъ составляло предметъ важнѣйшей заботы оо. наблюдателей совмѣстно съ приходскими священниками.

Въ отношеніи виѣшняго порядка оо. наблюдатели обращали вниманіе на то, съ какого времени начинаются и до какого времени продолжаются занятія въ школахъ, ведутся ли именныя списки учащихся, а также книги для записи посѣщенія школы учащимися, существуетъ ли правильное росписаніе уроковъ по днямъ и часамъ, ведется ли журналъ для записи уроковъ, есть ли каталогъ книгъ и вообще учебныхъ пособій, опись школьнаго имущества и приходо-расходная книга. О результатахъ своей ревзійи наблюдатели обыкновенно заносили свои замѣчанія въ особую ревзійонную книгу.

Но такая разносторонняя дѣятельность оо. наблюдателей по осмотру церковныхъ школъ отнюдь не была формальной ревзійей; наблюдатели живо и искренно, какъ сослуживцы пастырей въ ихъ многотрудномъ дѣлѣ, входили въ ихъ нужды, сердечно раздѣляли съ ними радости и горести и въ этомъ, полагаемъ, заключается ихъ плодотворная дѣятельность. Школьное дѣло ихъ общими усиліями при содѣйствіи нелѣностнаго духовенства подвигается все больше и больше впередъ, преодолевая всякія затрудненія и матеріальную нужду, и недостатокъ правоспособныхъ учителей, и всякія противодѣйствія.

Предметомъ особаго попеченія уѣздныхъ наблюдателей были школы второклассныя, какъ будущіе рассадники народныхъ учителей. Сверхъ того наблюдатели: Ахтырскаго уѣзда—свящ. Гавріилъ Бѣлоусовъ, Валковскаго уѣзда—свящ. Александръ Вербицкій, Зміевскаго—Феодоръ Юшковъ, Харьковскаго уѣзда—свящ. Петръ Тимоеевъ и Старобѣльскаго уѣзда—Иванъ Рудневъ, состояли очередными дежурными по наблюденію за ходомъ дѣла на бывшихъ въ отчетномъ году педагогическихъ курсахъ для учителей церковныхъ школъ Харьковской епархіи.

Въ отношеніи къ уѣзднымъ отдѣленіямъ, уѣздные наблюдатели были ихъ живымъ органомъ, непремѣнными членами, отъ которыхъ они во всякое данное время могли получить должныя свѣдѣнія и надлежащія указанія въ школьномъ дѣлѣ. Ни одно, можно сказать, засѣданіе отдѣленій не проходило безъ участія уѣздныхъ наблюдателей, развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ по болѣзни и по отсутствію въ поѣздкахъ. По поводу своихъ поѣздокъ, по мѣрѣ надобности, уѣздные наблюдатели представляли уѣздному

отдѣленію свои отчеты и доклады, по которымъ были сдѣланы отвѣтствующія постановленія, всякій разъ препровождавшіяся на утвержденія епархіальнаго училищнаго Совѣта. Между ними упоминаемъ:

1) Докладъ *Богодуховскаго уѣзднаго наблюдателя* о необходимости введенія во всѣ школы однообразной формы школьных книгъ: именной книги учащихся, журнала для записи содержания уроковъ, книги имущественной, приходо-расходной книги и книги для записи посѣщенія школы учащимися. Уѣздное отдѣленіе, принимая во вниманіе крайнее разнообразіе означенныхъ документовъ и книгъ, существующихъ въ школахъ, и даже отсутствіе въ нихъ, постановило принять предложеніе уѣзднаго наблюдателя и сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ эти книги были отпечатаны по определеннымъ, Совѣтомъ утвержденнымъ образцамъ, и были разосланы по школамъ на счетъ школьныхъ средствъ.

2) *Изюмскаго уѣзднаго наблюдателя* доклады: а) о наилучшемъ способѣ снабженія школъ учебниками б) о необходимости озаботиться постройкой зданій для школъ, въ которыхъ по причине худыхъ помѣщеній учебно-воспитательное дѣло было неудовлетворительнымъ и в) о мѣрахъ къ улучшенію учебнаго дѣла въ школахъ, въ которыхъ учительствующія лица неправопоспособны и неспособны. Въ соотвѣтствіе изложеннымъ предложеніямъ уѣзднаго наблюдателя, отдѣленіемъ были приняты нижеслѣдующія мѣры: а) въ каждомъ благочинническомъ округѣ было избрано отдѣльное лицо, которому и было поручено завѣдываніе и раздача книгъ въ школы того или другого благочинія, б) исходатайствована была казенная денежная субсидія для устройства церковныхъ школъ въ мѣстностяхъ, гдѣ были къ тому мѣстные средства и гдѣ ощущалась особая нужда, а оо. завѣдующимъ было предложено озаботиться пріобрѣтеніемъ усадебныхъ мѣстъ, а такъ же составленіемъ плановъ и сметъ проектируемыхъ зданій. Зданія были устроены въ селахъ: Пашковой, Знаменскомъ, Кривой Лукѣ, начата постройка школьныхъ зданій въ сл. Барвенково и Никифоровѣ и, наконецъ, отремонтировано школьное зданіе въ сл. Волобуевкѣ и в) для улучшенія учебнаго дѣла въ школахъ постановлено—учителей, обладающихъ слабою педагогическою подготовкой, командировать на курсы, а завѣдывающимъ руководить таковыхъ учителей въ дѣлѣ обученія.

3) По докладу *Купянскаго уѣзднаго наблюдателя* с допущеніемъ въ некоторымъ оо. завѣдующими къ учительству лицъ безъ вѣдома и надлежащаго утвержденія уѣзднаго отдѣленія, состоялось поста-

овленіе, чтобы о всякой перемѣнѣ въ личномъ составѣ школы о. завѣдующими было немедленно докладываемо уѣздному отдѣленію съ просьбою о ходатайствѣ, предъ кѣмъ слѣдуетъ, объ утвержденіи новыхъ лицъ въ занимаемыхъ ими учительскихъ должностяхъ.

4) *Лебединскимъ уѣзднымъ наблюдателемъ* были сдѣланы доклады: а) о необходимости снабженія нуждающихся школъ учебными книгами и классными документальными книгами на средства Отдѣленія б) о позднемъ началѣ занятій въ нѣкоторыхъ церковныхъ школахъ и о перерывѣ занятій въ Бобрицкой, Троицкой и Влѣзковской школахъ грамоты и, наконецъ, в) о неудовлетворительномъ состояніи учебнаго дѣла въ Должанской и Рябушкинской церковно-приходскихъ школахъ. По докладамъ уѣзднаго наблюдателя послѣдовали постановленія и распоряженія: а) признано необходимымъ снабженіе школъ учебными и документальными книгами, что и исполнено безотлагательно выпискою книгъ изъ епархіальной книжной лавки и немедленною высылкою ихъ въ нуждающіяся школы на средства отдѣленія, б) отдѣленіе, не принимая положительныхъ мѣръ, приняло сообщеніе уѣзднаго наблюдателя къ свѣдѣнію впредъ до назначенія къ означеннымъ школамъ правоспособныхъ лицъ и, наконецъ, по докладу в) отдѣленіе, безъ занесенія въ журналъ, особо просило о. предсѣдателя онаго, какъ мѣстнаго благочиннаго, сдѣлать виновникамъ упадка школьнаго дѣла должное внушеніе.

5) *Харьковскимъ уѣзднымъ наблюдателемъ* были сдѣланы доклады: а) о необходимости открытія должности помощника учителя въ сл. Удахъ; б) объ открытіи должности второго учителя въ сл. Козачкѣ; в) объ открытіи той же должности въ сл. Мироновкѣ; г) о матеріальномъ обеспеченіи учителей бѣднѣйшихъ школъ и д) о діаконѣ, какъ учителѣ церковной школы и е) о необходимости замѣны учителей—псаломщиковъ правоспособными учителями не изъ членовъ причта.

По симъ докладамъ отдѣленіемъ сдѣланы были постановленія: а) открыть вакансію помощника учителя и предложить о. завѣдующему озаботиться пріисканіемъ правоспособнаго учителя на субсидію изъ земскихъ суммъ; такія же постановленія были сдѣланы отдѣленіемъ и по пунктамъ б и в. Что касается остальныхъ двухъ заявленій, то уѣздное отдѣленіе приняло оныя къ свѣдѣнію и руководству на будущее время.

(Продолженіе будетъ).

Списокъ воспитанницъ пригот., 1-хъ, 2-хъ, 3-хъ, 4-хъ и 5-хъ из: совъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, составленны послѣ годичныхъ испытаній за 1888/89 учебный годъ.

Приготовительнаго класса.

а) Удостоены перевода въ первый классъ.

1. Антонова Антонина, Булгакова Дарія, Васильева Александра, Васютинская Лидія, 5. Ведрянская Анимавса—нагр. похв. лист. Галжа Александра, Гетманъ Зиванда, Горбунова Меланія, Григоровичъ Марія, 10. Грызодубова Марія, Дикарева Евгенія, Дюков. Екатерина—нагр. похв. лист., Жебунева Раиса—нагр. похв. лист. Жуковская Тамара, 15. Капустянская Евгенія, Касьянова Аггастасія—нагр. похв. лист., Копѣйчикова Александра, Краснобутсы Анна, Краснопольская Татіана, 20. Лонгинова Антонина, Любимы Марія, Мазанкина Вѣра—нагр. похв. лист., Навродская Ольга—нагр. похв. лист., Насѣдкина Валентина, 25. Оржельская Вѣра Павловская Неонилъ, Пантеленмонова Екатерина, Пономарева Татіана, Приходькова Вѣра, 30. Раевская 1-я Елена—нагр. похв. лист., Раевская 2-я Марія, Сапухина Екатерина, Сильванская 1-я Александра, Сильванская 2-я Ольга—нагр. похв. лист., 35. Старова Іулія—нагр. похв. лист., Старченко Марія—нагр. похв. лист. Степурская Гаясія, Спѣсвицева Людмила, Сукачева Серафима, 40. Троицкая Анна—нагр. похв. лист., Труфанова Антонина—нагр. похв. лист., Туранская Анастасія, Царевская Варвара, Шапошниковъ Лидія, 45. Шебатинская Раиса, Шемигонова Ольга, Шосте Надежда, Щеголева Анна, Ѳедорова 1-я Анна, 50. Ѳедорова 2-я Евгенія, Ѳедорова 4-я Елсавета и Клячнова Наталія, какъ выдержавшая удовлетворительно экзаменъ по всѣмъ предметамъ, принимается въ число воспитанницъ 1 класса.

б) Будутъ переведены въ первый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Кремповская Елена, Стефановская Александра—по русск. языку.

в) 55. Никулицевой Маріи и Печкиной Анни, какъ не державшимъ экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ.

г) Оставляются въ подготовительномъ классѣ на повторительный курсъ.

Вейсе Юлія, Любарская Клавдія и Ѳедорова 5-я Марія.

д) Увольняется изъ числа воспитанницъ училища

60. Ѳедорова 3-я Екатерина.

Перваго нормального класса.*а) Удостоены перевода во второй классъ.*

1. Андрееенко Елена, Артюховская Вѣра, Бѣляева Марія—нагр. похв. лист., Григорьева Олимпіада, 5. Григорьевская Антонина, Дракина Раиса, Жуковская Антонина, Иванова 1-я Надежда (Алекс.), Касьянова Ольга, 10. Крыжановская Анастасія, Кузьменко Лидія, Луценко Лидія, Македонская 1-я Александра, Македонская 2-я Софья, 15. Мальцева Вѣра, Мансурова Ольга, Мартынова Елена, Маслова Лидія, Матвѣева Александра, 20. Москалева Евгенія, Мпницкая Марія, Несторенко Наталія, Николаевская Ольга, Петина Анна, 25. Петрусенко Ларисса, Подлужкая Ольга—нагр. похв. лист., Пономарева 1-я Марія (Георг.), Пономарева 2-я Марія (Андр.), Семейкина Марія, 30. Соболева Евдокія, Титова Лидія, Шошина Анна, Ѳедорова Марія и Ѳедоровская Елена.

б) 35. Васильевой Татіанъ, какъ не державшей экзамена по всѣмъ предметамъ по болѣзни, предоставляется право держать таковой послѣ каникулъ.

в) Остаются въ первомъ классѣ на повторительный курсъ.

Брайловская Анастасія, Ветухова Анна, Иванова 2-я Надежда, Протопопова Зинаида, 40. Рубивская Анастасія и Сокологорская Елена.

Перваго параллельнаго класса.*а) Удостоены перевода во второй классъ.*

1. Андреева Лидія, Бѣлява Раиса, Бородаева Евдокія, Буткова Евдокія—нагр. похв. лист., 5. Буханенко Людмила, Василевская Марія, Василевская Неонила, Вербичкая Лидія, Гладкова Елена, 10. Грекова Домника, Грузова Гали, Дорошенко Нина, Жадановская Ксенія, Капустина Антонина, 15. Квитницкая Клавдія, Кіиновская Татіана—нагр. похв. лист., Кирше Александра, Константинова Анна, Кравцова Анна, 20. Крыжановская Калерія, Климашова Марія, Любарская Надежда, Машина Неонила, Маслова Антонина, 25. Николаевичъ Валентина—нагр. похв. лист., Попова 2-я Лидія, Соболева Людмила, Ходская Евгенія, Червонецкая Анна, 30. Шивлова Антонина, Щелаковская Лидія, Ѳллинская Елена, Ярцева Александра, Ястремская Марія, 35. Ѳедорова Анна, Ѳедоровская Валентина и Ѳедюшина Валентина.

б) Будутъ переведены во второй классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ

Захарьева Елена—по русскому языку.

в) *Оставляются въ первомъ классѣ на повторительный курсъ*
Провоповичъ Надежда, 40. Чиркина Евдокія, Черепихина Звѣ-
ида и Яновская Лидія.

г) *Оставляется въ первомъ классѣ на повторительный курсъ*
по болѣзни.

Попова 1-я Анна.

Второго нормальнаго класса.

а) *Удостоены перевода въ третій классъ.*

1. Андреевкова Евфросинія—нагр. похв. лист., Бобина Ксенія,
Богославская Серафима, Брезницкая Зинаида, 5. Быковцева ВѢра,
Бѣльева Марія, Веселовская Александра, Ветухова Елена, Войтовъ
Марія, 10. Генеvская Елена, Горайна Елена, Квитковская Евге-
нія, Кокушкина Раиса, Леонтьева Елисавета—нагр. похв. лист., 15.
Любарская Анна, Макаровская Анна, Михайлевская Марія, Мог-
ляпская Таисія, Мураховская Таисія, 20. Нечаева Анна, Петров-
ская Зинаида, Пономарева Варвара, Попова Анна, Раевская Алег-
сандра, 25. Ревская Ларисса, Руденко Раиса, Самойлова Елисаве-
та, Страхова ВѢра, Сулима Александра, 30. Тимофеева Олимпиа-
да, Школьницкая Надежда—нагр. похв. лист., Эвнатская Дарія,
Ярцева Любовь, Федорова Надежда и 35. Федорова Анастасія.

б) *Будутъ переведены въ третій классъ, если передержатъ*
удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Соколовская Софья, Сергѣева Елена и Фаворова Марія—по рус-
скому языку.

в) *Оставляются во второмъ классѣ на повторительный курсъ.*
Климентова Елена, 40. Матвѣева Варвара.

г) *Оставляются во второмъ классѣ на повторительный курсъ.*
Калужная Марія и Петрусенко Елена—по просьбѣ отца.

д) *Увольняется изъ числа воспитанницъ училища.*

Клименко Антонина.

Второго параллельнаго класса.

а) *Удостоены перевода въ третій классъ.*

1. Алексѣева Марія, Анисимова Любовь, Богданова Марія, Бѣ-
льева Викторина, 5. Бахметьева Екатерина, Власова Евгенія, Вой-
това Елисавета, Ганжа Лидія, Грекова Елена, 10. Гревизирская
Марія, Григорьева Марія, Евецкая Варвара, Житецкая Ольга, Жѣ-
ковская Марія, 15. Иваницкая Анна, Краснопольская Целагія, Кре-

мянская Наталія, Кохановская Лидія, Куницына Вѣра, 20. Любарская Софья, Николаевская Марія, Оглоблина Надежда, Петрова Ольга, Попова 1-я Варвара, 25. Попова 2-я Марія, Полянская Анастасія, Приходина Лидія, Сидорова Анфія, Синельникова 1-я Ольга, 30. Синельникова 2-я Зинаида, Сильванская Александра, Соболева Марія, Скрыжеева Наталія, Станиславская Людмила—нагр. похв. лист., 35. Толмачева Анна, Филевская Татіана, Оми-на Клавдія и Ѳедоровская Наталія.

б) Будутъ переведены въ третій классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ по вѣснмъ предметамъ.

Антоновичъ Наталія, 40. Лузгина Неонилла.

в) Оставляютъ во второмъ классѣ на повторительный курсъ.

Давидовичъ Вѣра, Григоросуло Софья, Склярова Марія и Хижнякова Марія.

г) Увольняется изъ числа воспитанницъ.

45. Егорова Валентина.

Третьяго нормального класса.

а) Удостоены перевода въ четвертый классъ.

1. Богославская Антонина, Будянская Любовь, Булгакова Александра, Быкова Анна, 5. Веселовская Серафима, Григоровичъ Надежда, Дементьева Елена, Дзюбанова 1-я Анна, Дзюбанова 2-я Наталія, 10. Жукова Елена, Знаменская Ольга, Иванова Надежда, Инюкова Вѣра, Калашниковна Анна, 15. Касьянова Анна, Кирше Марія, Краснокутская Софья, Кустовская Ларисса, Лонгинова Ольга, 20. Луценко Зинаида, Медяникъ Александра, Мухина 2-я Зоя, Насѣдвина Нина, Пономарева Клавдія, 25. Попова Евгенія, Сапухина Зинаида, Соболева Марія, Спѣсивцева Елена, Степурская Елена, 30. Стефановская Евдокія, Страхова Зоя, Сувачева Дарія, Торанская Елена, Туранская Любовь, 35. Черниева Ольга, Яновская Анна, Ястремская Евгенія, Ѳедорова Александра и Ѳедоровская Александра.

б) Будутъ переведены въ четвертый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

40. Добровицкая Марія, Мухина 1-я Александра, Нивулищева Варвара—по сочиненію, Гордѣнко Лидія—по русскому языку.

Третьяго параллельнаго класса.

а) Удостоены перевода въ четвертый классъ.

1. Антонова Марія, Архангельская Нина, Бородаева Марія, Васютинская 2-я Валентина, 5. Власовская Марія—нагр. похв. лист.,

Григоросуло Варвара, Кирilloва Лидія, Кузьменко Александръ, Куницына Варвара, 10. Малиженковская Марія, Мальцева Елена—нагр. похв. лист., Максимова Зинаида, Мухина Лидія, Невструевъ Анастасія, 15. Николаевичъ Анастасія, Панкратьева Варвара, Пероженко Александра, Попова 3-я Марія, Раевская Варвара, 20. Роменская Евгенія, Рубинская Пелагія, Савельева Елена, Самойлова Пелагія, Тенета Екатерина, 25. Торанская Софья и Трегубова Зинаида.

б) Будутъ переведены въ четвертый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Попова 1-я Александра, Сѣрая Зинаида, Краснокутская Теофиста, 30. Буквичъ Александръ—по сочиненію, Протопопова Марія, Щеголева Марія—по русскому языку, Васютинская 2-я Валентина—по арифметикѣ, Проценко Лидія—по славянск. языку и арвмет.

в) Оставляются въ третьемъ классѣ на повторительный курсъ.

35. Мураховская Вѣра, Пономарева Теофанія и Попова 2-я Александра.

г) Оставляется въ третьемъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ матери.

Ганжа Ольга.

Четвертаго нормальнаго класса.

а) Удостоены перевода въ пятый классъ.

1. Алейникова Анна, Антонова Зинаида, Базилевичъ Ангелина, Васильковская Клавдія, 5. Ведринская Ларисса, Вербицкая Галина, Виноградова Антонина, Войтова Лидія, Знаменская Антонина, 10. Иванова 1-я Антонина, Иванова 2-я Зинаида, Ильина Анна, Ильинская Марія, Крохатская Ольга, 15. Ладухина Людмила, Леонтовичъ Анна, Любарская Марія, Мухина Анна, Никулищева Александра, 20. Павлова Клавдія, Петровская Параскева, Понировская Лидія—нагр. похв. лист., Попова Антонина, Рубинская Юлія, 25. Сильванская Анна, Смирнова Софія, Сѣдашова Марія, Феневъ Елена, Шемигонова Марія, 30. Юдиничъ Глафира, Яковлева Екатерина и Ѳедорова Ольга.

б) Будутъ переведены въ пятый классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Ходаковская Александра—по русск. языку, Геневская Екатерина, 35. Стрижаченко Вѣра—по сочиненію, Дьякова Матрона—по арвмет., Козьменко Александра—по исторіи.

в) *Оставляется въ четвертомъ классѣ на повторительный курсъ.*

Шишлова Клавдія.

Четвертаго параллельнаго класса.

а) *Удостоены перевода въ пятый классъ.*

1. Бажулова Марія, Вышнякова Елена, Данилова Елена, Еллинская Софья, 5. Закрицкая Марія, Измайлова 2-я Александра, Клевенская Елена, Медянкѣ Павлина, Мигулина Вѣра, 10. Минченко Елена, Николаевская Нина, Петрова Александра, Поморцева Наталія, Протопопова Любовь, 15. Ракшевская Марія, Рубинская Олимпиада, Сапухина Елена, Сумская Татіана, Титова 1-я Агнія, 20. Титова 2-я Елена, Тугаринова Лидія, Филевская Антонина, Хижнякова Анна, Черняева Марія, 25. Чугаева Анна, Шейко Антонина, Өоменко Анна.

б) *Будутъ переведены въ пятый классъ если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.*

Жукова Лидія, Өеодоровская Елисавета—по сочиненію, 30. Чиркина Анна, Твердохлѣбова Ольга—по русск. языку, Полтавцева Дарія—по исторіи.

в) *Оставляется въ четвертомъ классѣ на повторительный курсъ по просьбѣ отца.*

Измайлова 1-я Клавдія.

г) *Оставляются въ четвертомъ классѣ на повторительный курсъ.*

Баженова Лидія, 35. Лашина Евгенія и Несторенко Елена.

д) *Оставляется въ четвертомъ классѣ на повторительный курсъ по неразвитости общей, по заявленію преподавателей.*

Горбунова Александра.

Пятаго нормальнаго класса.

а) *Удостоены перевода въ шестой классъ.*

1. Бортнякова Елена, Буткевичъ Елена, Бѣликова Татіана, Вербицкая Зинаида, 5. Грекова Марія, Григоросуло Татіана, Еллинская Александра, Калужная Анна, Климентова Наталія, 10. Корнильева Дарія, Кохановская Евгенія—нагр. похв. лист., Краснокутская Ольга, Крохатская Любовь, Лаврова Софья—нагр. похв. лист., 15. Лонгинова Надежда, Любарская Анна, Навродская Анастасія, Ниволаевичъ Клавдія, Полтавцева Анна, 20. Попова 1-я Елена, Попова 2-я Вѣра, Прокоповичъ Марія, Самойлова Александра, Сидорова Елена, 25. Созонтьева Елена, Соколовская Ва-

лентина, Стеллецкая Софья, Стояновичъ Надежда, Шевцова Марія 30. Язвель Екатерина, Феденко Инна и Остроумова ВѢра переводятся въ VI классъ во исполненіе резолюціи Его Высочайшаго повелѣнія.

б) Будутъ переведены въ шестой классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Васильева Анна—по арифм., Пономарева Зинаида, 35. Федорова Надежда—по сочиненію, Шашлова Райса—по русск. словесн. Зюбина Марія—по арифм. и сочиненію, Коханова Анна—по сочн. и русск. словесн., Ястремская Елисавета—по физикѣ и дидактикѣ.

в) Оставляются въ пятомъ классѣ на повторительный курсъ.
40. Найдковская Надежда, Филиппова Анна и Фаворова Анастасія.

Пятаго параллельнаго класса.

а) Удостоены перевода въ шестой классъ.

1. Андреевко Анна, Бородаева Елена, Булгакова Марія, Буткова Елена, 5. Василевская Ольга, Васильковская Марія, Васютинская Марія, Власова Марѳа, Войтова Викторія, 10. Вышемирская Марія, Грекова Александра, Дьякова Платонида, Еварницкая Анна, Карташевская Евгения, 15. Колесникова Варвара, Краснобутская Параскева, Купчинская Марія, Люминарская Софья, Макухина Марія, 20. Маслова Агнія, Морозова Лидія, Мураховская Евдокія, Оглоблина Евдокія, Одинцова ВѢра, 15. Оржельская Марія. Орлова Евдокія, Сенявина Ксенія, Старченко Анастасія, Труфанова Людмила, 30. Флейсперъ Александра, Хомовская Антонина, Чивилевская Юлія и Шебатицкая Евлампія.

б) Будутъ переведены въ шестой классъ, если передержатъ удовлетворительно экзаменъ послѣ каникулъ.

Боско Римма, 35. Федоровская Елена—по арифм., Куруханова Райса, Полянская 1-я Евдокія, Полянская 2-я Татіана—по сочн. Куницына Ольга—по дидакт., 40. Попова Евдокія—по арифмет. и сочн., Григоровичъ Зинаида—по исторіи и физикѣ.

в) Увольняется изъ числа воспитанницъ училища.

Исиченко Анастасія.

Краткій отчетъ о состояніи Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища за 1898/99 учебный годъ.

1. Въ 1898/99 учебномъ году Совѣтъ Училища составлялъ: а) председатель Совѣта, профессоръ богословія въ Императорскомъ Харь-

ковскомъ Университетѣ, магистръ богословія, протоіерей Тимоѣей Бутбевичъ, б) начальница училища, окончившая курсъ въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ, дворянка дѣвица Евгенія Николаевна Гейцыгъ, в) инспекторъ классовъ, кандидатъ богословія, священникъ Іоаннъ Ботовъ, г) члены Совѣта отъ духовенства—священникъ Николай Любарскій и священникъ Павелъ Тимоѣевъ, д) почетная попечительница училища, жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дарія Діевна Оболенская и д) почетный блюститель по хозяйственной части училища, потомственный почетный гражданинъ Николай Осиповичъ Лещинскій.

2. Въ отчетномъ году въ училищѣ было: шесть нормальныхъ классовъ, подготовительный классъ, шесть параллельныхъ отдѣленій: въ первомъ, второмъ, третьемъ, четвертомъ, пятомъ и шестомъ классахъ, и одна образцовая церковно-приходская школа.

3. Учебный персоналъ состоялъ: изъ 18—преподавателей, 14—учительницъ, 13—старшихъ воспитательницъ, 13—младшихъ воспитательницъ и одной учительницы образцовой церковно-приходской школы.

4. Къ началу занятій 18⁹⁸/₉₉ учебнаго года въ училищѣ числилось 444 воспитанницы.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1898 года по журнальному опредѣленію Совѣта, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, принято вновь въ число воспитанницъ училища—97 дѣв., именно: въ пригот. кл.—57, въ I кл.—26, во II кл.—7, въ III кл.—1, въ IV кл.—5, въ V кл.—1.

Вслѣдствіе этого 18⁹⁸/₉₉ учебный годъ начался при пяти стахъ сорока одной воспитанницѣ, которыя по классамъ распредѣлены были такъ: въ пригот. кл.—59 восп., въ I норм. кл.—42 восп., въ I парал. кл.—42 восп., во II норм. кл.—45 восп., во II парал. кл.—46 восп., въ III норм. кл.—43 восп., въ III парал. кл.—37 восп., въ IV норм. кл.—39 восп., въ IV парал. кл.—38 восп., въ V норм. кл.—43 восп., въ V парал. кл.—42 восп., въ VI норм. кл.—36 восп., въ VI парал. кл.—29 восп., итого во всѣхъ классахъ 541 восп.

5. Въ теченіе 18⁹⁸/₉₉ учебнаго года принято было въ число воспитанницъ училища 9 дѣвицъ, а именно: въ пригот. кл.—4 д., въ I парал. кл.—2 д., въ II парал. кл.—1 д., въ III парал. кл.—2 д.

Въ отчетномъ учебномъ году вышло изъ училища пятнадцать оситанницъ (15), а именно: изъ пригот. кл.—4 восп., изъ I норм. кл.—1 восп., изъ I парал. кл.—1 восп., изъ II норм. кл.—2 восп., изъ II парал. кл.—2 восп., изъ III парал. кл.—1 восп., изъ IV

норм.—1 восп., изъ IV парал. кл.—1 восп., изъ V норм. кл.—1 восп., изъ VI парал. 1 восп.

6. Къ началу годовичныхъ испытаній въ училищѣ воспитанницъ числилось: въ пригот. кл.—59 восп., въ I норм. кл.—41 восп., въ I парал. кл.—43 восп., во II норм. кл.—43 восп., во II парал. кл.—45 восп., въ III норм. кл.—43 восп., въ III парал. кл.—38 восп., въ IV норм. кл.—38 восп., въ IV парал. кл.—37 восп., въ V норм. кл.—42 восп., въ V парал. кл.—42 восп., въ VI норм. кл.—36 восп., въ VI парал. 28 восп., итого во всѣхъ классахъ 535 восп.

7. Послѣ годовичныхъ испытаній, произведенныхъ въ апрѣлѣ и май мѣсяцахъ настоящаго года, по постановленію училищнаго Собранія отъ 19 и 26 мая н. г.

а) *Удостоены перевода въ слѣдующіе классы:* изъ пригот. кл. въ I кл.—51 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 28), изъ I норм. кл. во II кл.—34 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ—13), изъ I парал. кл. во II кл. 37 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 9), изъ II норм. кл. въ III кл.—35 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 15), изъ II парал. кл. въ III кл.—38 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 13), изъ III норм. кл. въ IV кл.—39 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 9), изъ III парал. кл. въ IV кл.—27 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 9), изъ IV норм. кл. въ V кл.—32 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 6), изъ IV парал. кл. въ V кл.—27 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 7), изъ V норм. кл. въ VI кл.—32 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 14), изъ V парал. кл. въ VI кл.—33 восп. (изъ нихъ въ первомъ разрядѣ 7).

б) Оставлено въ тѣхъ же классахъ на повторительный курсъ по просьбамъ родителей и по малоуспѣшности 37 восп.

в) Сорока восьми воспитанницамъ, не державшимъ экзаменовъ по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ, равно какъ и получившимъ неудовлетворительныя отмѣтки по нѣкоторымъ предметамъ, дозволено подвергнуться переводному испытанію и поддержкѣ экзаменовъ послѣ каникулъ, а именно: въ пригот. кл.—4 восп., въ I норм. кл. 1 восп., въ I парал. кл.—1 восп., во II норм. кл.—3 восп., во II парал. кл.—2 восп., въ III норм. кл.—4 восп., въ III парал. кл.—8 восп., въ IV норм. кл.—5 восп., въ IV парал. кл.—5 восп., въ V норм. кл.—7 восп., въ V парал. кл.—8 восп.

г) Уволено изъ числа воспитанницъ училища по просьбамъ родителей и по малоуспѣшности 4 восп.

д) Окончили полный курсъ училища 62 воспитанницы, которымъ, на основаніи III § устава Епархіальныхъ женскихъ училищъ, выдаются аттестаты со званіемъ домашнихъ учительницъ.

8. Изъ числа переведенныхъ изъ младшихъ въ старшіе классы и окончившихъ курсъ воспитанницъ, за отличные успѣхи и благо- нравіе, по опредѣленію Совѣта, удостоены награжденія похваль- ными листами и книгами: въ прѣгот. кл.—12 восп., въ I норм. кл.—2 восп., въ I парал. кл.—3 восп., во II норм. кл.—3 восп., во II парал. кл.—1 восп., въ III парал. кл.—2 восп., въ IV норм. кл.—1 восп., въ V норм. кл.—2 восп., въ VI норм. кл.—7 восп., въ VI парал. кл.—5 восп.

Списокъ воспитанницъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, которыя за отличные успѣхи и отличное благонравіе, по опредѣленію Совѣта, награждаются похвальными листами.

19 и 26 Мая 1899 года.

Приготовительнаго класса.

1. Ведринская Аннамаса, Дюкова Екатерина, Жебунева Раиса, Касьянова Анастасія, 5. Мазанкина Вѣра, Навродская Ольга, Ра- евская Елена, Сильванская Ольга, Ставрова Іулія, 10. Старченко Марія, Троицкая Анна, Труфанова Антонина.

Перваго нормальнаго класса.

Бѣляева Марія, Подлущкая Ольга.

Перваго параллельнаго класса.

Буткова Евдокія, Кіяновская Татіана, Николаевичъ Валентина.

Втораго нормальнаго класса.

Андреевкова Евфросинія, Леонтьева Елисавета, Школьниккая Надежда.

Втораго параллельнаго класса.

Станиславская Людмила.

Третьяго параллельнаго класса.

Власовская Марія, Мальцева Елена.

Четвертаго нормальнаго класса.

Повиловская Лидія.

Пятаго нормальнаго класса.

Кохановская Евгенія, Лаврова Софья.

Списокъ воспитанницъ VI-хъ классовъ Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища, окончившихъ курсъ и получившихъ аттестаты съ правами на званіе домашнихъ учительницъ; при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ, за отличные успѣхи и благопріятіе, награждаются книгами.

Мая 30 дня 1899 года.

Шестаго нормальнаго класса.

1. Алейникова Анна, Антоновская Антонина, Богославская Марія, Васильковская Марія, 5. Вербцкая Анисія—нагр. книгою, Зеленина Надежда—нагр. книгою, Иванова Александръ—нагр. книгою, Капустянская Надежда, Карабакъ Александра, 10. Кирялова Дарисса, Колосовская 1-я Анна, Колосовская 2-я Татіана, Купріянова Ольга, Лонгинова Валентина, 15. Морозова 1-я Анна, Морозова 2-я Марія, Мураховская Софья—нагр. книгою, Мухина Марія, Назаревская Елена—нагр. книгою, 20. Новикова Анастасія, Оглодина Анастасія, Павлова Вѣра, Пономарева Валентина, Поповъ Матрона, 25. Раевская Антонина—нагр. книгою, Сильванская Надежда, Соколовская Анна, Станкова Параскева, Съдашова Варвара, 30. Торанская Евлампія, Хижникова Александра, Щенинская Евгенія, Ястремская Александра—нагр. книгою, Өедорова Анна, 35. Өедоровская Марія, Өоменко Евгенія.

Шестаго параллельнаго класса.

1. Баженова Маргарита, Баженова Екатерина, Бородаева Александра, Власовская Ксенія, 5. Грабовская Марія, Дмитріева Екатерина, Исиченко Татіана, Лаврова Елена—нагр. книгою, Леонтовичъ Александра—нагр. книгою, 10. Макухина Елена, Михайловская Анастасія, Москалева Евгенія, Нестеренко Ксенія, Никитякъ Наталія—нагр. книгою, 15. Панкратьева Александра, Потапова Татіана, Рыжко Екатерина, Симоненко Параскева, Слюсарева Евгенія, 20. Соколовская Клавдія, Стеллецкая Евфросинія, Тумская Антонина, Фокина Евфросинія, Чмалевская Ирина—нагр. книгою, 25. Ястремская Агаѳія—нагр. книгою, Өомина Надежда.

Оставаются въ шестомъ классѣ на повторительный курсъ по просьбамъ родителей, по бользни.

Губская Клавдія, Тычинина Наталія.

Примѣчаніе. Аттестаты девяти сиротъ, окончившихъ курсъ училища, Совѣтомъ имѣютъ быть обмѣнены на свидѣтельства, выдаваемые изъ канцеляривъ Г. Попечителя учебнаго округа, съ покрытиемъ всѣхъ расходовъ по сему предмету изъ спеціальныхъ училищныхъ средствъ.

Дѣла, подлежащія обсужденію съѣзда Епархіальнаго духовенства, имѣющаго быть 18-го августа н. г., по Харьковскому Епархіальному Женскому Училищу.

1. Разсмотрѣніе смѣты училищныхъ доходовъ и расходовъ на предстоящее трехлѣтіе (1899—1901 г.).

2. Избраніе членовъ Совѣта отъ духовенства на новое трехлѣтіе и кандидатовъ къ нимъ.

3. Разсмотрѣніе экономическихъ отчетовъ о приходѣ и расходѣ суммъ съ актами временно-ревизіонныхъ комиссій, провѣрившихъ означенные отчеты.

Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годичныхъ испытаній за 18⁹⁸/₉₉ учебный годъ.

Шестого класса.

Окончившіе курсъ Семинаріи.

Разрядъ 1-й. 1. Дмитрій Червонецкій, Веніаминъ Доброславскій, Митрофанъ Поповъ, Петръ Масловъ, 5. Константинъ Степенко—награждены медалями, Алексѣй Солофенко, Николай Смирнскій, Стефанъ Жуковъ—награждены книгами, Николай Грабовскій, 10. Алексѣй Кобелевъ, Сергѣй Любицкій, Иванъ Торанскій, Георгій Владыковъ, Сергѣй Макухинъ, 15. Александръ Согинъ, Гавріилъ Хундадзе, Петръ Подлупкій.

Разрядъ 2-й. Ѳеодоръ Макаровскій, Александръ Бочаровъ, 20. Ѳеодоръ Золотаревъ, Василій Грищенко, Николай Пипенко, Антонъ Рудневъ, Яковъ Власовскій, 25. Василій Ступницкій, Ѳеодоръ Татариновъ, Николай Дьяковъ, Александръ Иноковъ, Павелъ Мухинъ, 30. Сергѣй Стеллецкій, Михаилъ Филевскій, Иванъ Федоровъ, Алексѣй Василевскій, Константинъ Котляревскій, 35. Митрофанъ Ѳеодоровъ.

Допущены къ перекэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Тимоѳей Закривцкій—по догматическому богословію, Дмитрій Поповъ—по церковной исторіи, 38. Ѳеодоръ Сильванскій—по латинскому языку.

Пятаго класса.

Переведены въ шестой классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Николай Сорочинскій, Александръ Слюсаревъ—награждены книгами, Павелъ Курской, Веніаминъ Богдановъ, 5. Георгій Курачій.

Разрядъ 2-й. Елисей Поповъ, Ѳедоръ Коваленко, Василиѣ Пахненко, Андрей Васильковскій, 10. Николай Грищенко, Никифоръ Оржельскій, Леонидъ Селяровъ, Николай Григоревичъ, Арсеній Кабловъ, 15. Тихонъ Антоновъ, Павелъ Бородаевъ, Порфирій Улановъ, Николай Васютинъ, Иванъ Горанинъ, 20. Сергѣй Давидовъ, Александръ Олякъ, Николай Фальченко, Николай Богдановъ, Петръ Еварницкій, 25. Павелъ Полницкій, Сергѣй Николаевскій, Григорій Богаевскій, Алексѣй Макаровскій, Дмитрій Николаевскій.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ.

30. Иванъ Антоновъ, Владиміръ Краснокутскій, Иванъ Энецовъ—по сочиненію, Василій Башпнскій—по латинскому языку, Виталій Жуковскій—по догматическому богословію, Павелъ Лнинцкій—по дидактикѣ, Николай Сильванскій—по литургикѣ и латинскому языку, Владиміръ Чернявскій—по основному богословію и догматическому богословію, Иванъ Ильинъ—по догматическому богословію, исторіи и обличенію раскола и по сочиненію.

Оставленъ на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по болѣзни.

39. Петръ Корнильевъ.

Четвертаго класса.

Переведены въ пятый классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Николай Ѳедоровскій, Георгій Евѣимовъ—награждены книгами, Николай Рубинскій.

Разрядъ 2-й. Ѳедоръ Прищепа, 5. Александръ Кобелевъ, Игнатій Стеллецкій, Николай Бибищъ, Стефанъ Посельскій, Владиміръ Лысенко, 10. Александръ Рубинскій, Михайлъ Василевскій, Александръ Калашниковъ, Иванъ Василевскій, Михайлъ Ветуховъ, 15. Сергѣй Даниловъ, Петръ Макаровскій, Сергѣй Свиридовъ, Владиміръ Торанскій, Григорій Жуковъ, 20. Евѣимій Поповъ, Григорій Арефьевъ, Акимъ Пантелеймоновъ, Григорій Рудинскій, Владиміръ Чалый, 25. Андрей Эннатскій, Евлампій Черняевъ, Григорій Филевскій, Василій Кіяновскій, Александръ Котляровъ, 30. Василій Неходхлѣбовъ, Николай Кротенко, Мелетій Вѣляевъ, Николай Чернявскій, Иванъ Жуковъ, 35. Давидъ Лукашевъ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ.

Василій Домницкій, Иванъ Исиченко, Сергѣй Бривошеевъ, Александръ Созонтьевъ—по сочиненію, 40. Николай Вышемірскій, Дмитрій Поповъ—по церковному пѣнію, Борисъ Измаѣловъ, Ѳедоръ

Калужный, Сергѣй Ястремскій—по греческому языку, 45. Поповъ Алексѣй—по физикѣ, Иванъ Корнильевъ, Василій Христіановскій—по церковной исторіи, Давидъ Калашниковъ—по философіи, Григорій Карповъ—по психологіи, Тимофей Рудницкій—по церковной исторіи, физикѣ и сочиненію.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

Михаилъ Жуковскій, Дмитрій Коваленко, Петръ Поповъ, Николай Стеллецкій—по болѣзни, 55. Алексѣй Кондевскій—по малоуспѣшности.

Третьяго нормальнаго класса.

Переведены въ четвертый классъ.

Разрядъ 1-й 1. Михаилъ Гутниковъ—награжденъ книгою, Яковъ Чернявскій, Николай Чешуринъ.

Разрядъ 2-й. Антонъ Павтелеймоновъ, 5. Іосифъ Поповъ, Ѳеодоръ Мниченко, Павтелеймонъ Вербицкій, Александръ Поповъ, Иванъ Алексѣевъ, 10. Сергѣй Прокофьевъ, Григорій Петровскій, Александръ Горанъ, Александръ Колесниковъ, Гавріилъ Протопоповъ, 15. Василій Ведринскій.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ.

Алексѣй Ведринскій, Петръ Лютвиновъ—по логикѣ, Иванъ Власовъ—по церковной исторіи, Василій Ѳеодоровскій—по латинскому языку, 20. Сергѣй Ѳеодоровъ—по изъясненію Священнаго Писанія, Ѳеодоръ Вербицкій—по греческому языку, Алексѣй Власовскій—по гражданской исторіи и греческому языку, Константинъ Полтавцевъ, Наркиссъ Сербиновъ—по логикѣ и математикѣ, 25. Семенъ Ступницкій—по исторіи русской литературы и греческому языку, Николай Хижняковъ—по математикѣ и церковному пѣнію.

Оставленъ на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности.

27. Константинъ Новицкій.

Третьяго параллельнаго класса.

Переведены въ четвертый классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Дмитрій Кабловъ, Николай Чернявскій—награждены книгами, Василій Ладенко, Евгений Подлукій, Иванъ Эйсманиъ.

Разрядъ 2-й. Александръ Павловъ, Сергѣй Дубровинъ, Матвей Любицкий, Александръ Антоновъ, 10. Евгений Нѣмчиновъ, Павелъ Карповъ, Николай Соколовскій, Василій Нестеренко.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ.

Илья Архангельскій, 15. Алексѣй Григорьевъ—по сочиненію; Иванъ Веселовскій, Иванъ Линицкій—по греческому языку, Николай Залуговскій, Іустинъ Таранченко—по церковной исторіи, Василій Лащенко—по исторіи русской литературы, Иванъ Пивовко—по логикѣ, Николай Поморцевъ—по церковной исторіи и логикѣ, Семенъ Сѣвцовъ—по церковной исторіи и логикѣ.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ малоуспѣшности.

Иванъ Браиловскій, 25. Анатолій Чернявскій.

Второго нормальнаго класса.

Переведены въ третій классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Евгений Богуславскій, Василій Бесѣда.

Разрядъ 2-й. Сергѣй Филиппенко, Георгій Ястремскій, 5 Павелъ Рахманъ, Сергѣй Крыжановскій, Василій Жуковъ, Александръ Шеневъ, Евгений Сапухинъ, 10. Евгений Бѣликовъ, Дмитрій Градубовъ, Константинъ Косминъ, Иванъ Рубинскій, Иванъ Заводскій, 15. Ѳеодоръ Гончаревскій, Яковъ Артюховскій, Гавріиль Васильковскій, Викторъ Знаменскій, Стефанъ Давиденко, 20. Семенъ Корнильевъ, Павелъ Чефрановъ.

Допущены къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ.

Аристархъ Сильванскій—по библейской исторіи, Митрофанъ Смирнскій—по словесности, Николай Титовъ—по латинскому языку, 25. Николай Чернобаевъ—по гражданской исторіи, Захарій Ѳеодоровскій—по математикѣ, Алексѣй Воскобойниковъ—по сочиненію, Аполлонъ Бѣлоусовъ—по математикѣ и латинскому языку, Михайль Ильинъ—по библейской исторіи и словесности, 30. Алексѣй Торанскій—по словесности и гражданской исторіи.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

Александръ Бѣлошенко—по болѣзни, 32. Савва Добровицкинъ—по неудовлетворительности сочиненій.

Второго параллельнаго класса.

Переведены въ третій классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Владпмръ Недохлѣбовъ, Виталий Якубовичъ—награждены книгами, Веніаминъ Платоновъ, Григорій Артемьевъ.

Разрядъ 2-й. 5. Андрей Саговскій, Леонидъ Лазаревъ, Николай Любарскій, Стефанъ Любарскій, Александръ Молодыхъ, 10. Яковъ Роменскій, Василій Стадниченко, Анаталій Яновскій, Петръ Рубинскій, Григорій Яновскій. 15. Аванасій Пономаревъ, Григорій Пашловъ, Николай Поповъ, Василій Ладенко, Владиміръ Приходковъ.

Допущенъ къ переекзаменовкѣ по церковному пѣнію послѣ каникулъ.

20. Михайлъ Капустинъ.

Допущенъ къ испытанію послѣ каникулъ по гражданской исторіи, изясненію Священнаго Писанія и греческому языку заболѣвшій во время экзаменовъ

Николай Юшковъ.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

Николай Гревизирскій, Алексѣй Корнильевъ, Михайлъ Капустинскій—по болѣзни, 25. Сергѣй Алейниковъ, Гаврилъ Ишунинъ, Павелъ Четвериковъ, 28. Леонидъ Чернявскій—по малоусиѣнности.

Перваго нормальнаго класса.

Переведены во второй классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Григорій Мякшинъ, Иванъ Паншинъ—награждены книгами.

Разрядъ 2-й. Константинъ Артюховскій, Григорій Рождественскій, 5. Николай Николаевскій, Алексѣй Виноградовъ, Петръ Роменскій, Аванасій Капустинскій, Михайлъ Николаевскій, 10. Алексѣй Рубинскій, Алексѣй Новицкій, Иванъ Лобковскій, Александръ Титовъ, Павелъ Горанинъ, 15. Александръ Щербина, Николай Эвенховъ, Сергѣй Якубовичъ, Иванъ Жуковскій, Иванъ Камышанъ, 20. Иванъ Петровъ, Дмитрій Олякъ, Яковъ Шебатинскій.

Допущены къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ.

Пантелеймонъ Бутковъ, Александръ Дьяковъ—по латинскому языку, 25. Яковъ Григорьевъ—по греческому языку, Анатолій Шаповаловъ—по словесности, Федоръ Хорошковъ—по сочиненію, Константинъ Эвенховъ—по математикѣ и греческому языку.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

Стефанъ Любцкій—по болѣзни, 30. Семенъ Баженовъ, Александръ Евецкій, 32. Николай Евецкій—по малоусиѣнности.

Перваго параллельнаго класса.

Переведены во второй классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Григорій Пшенико—награжденъ книгою, Дмитрій Гонскій, Константинъ Шебатинскій, Иванъ Власовскій.

Разрядъ 2-й. 5. Яковъ Приходивъ, Борися Ѳедоровскій, Веніаминъ Ревскій, Аркадій Морозъ, Иона Павловъ, 10. Митрофанъ Вербицкій, Сергѣй Васплевъ, Иванъ Думницкій, Петръ Поповъ, Павелъ Хижняковъ, 15. Левъ Яковлевъ, Михаилъ Пантелеймоновъ, Иваиъ Понировскій, Иванъ Любарскій, Георгій Грековъ.

Допущены къ перезкзаменовкѣ послѣ каникулъ.

20. Александръ Анисимовъ, Аркадій Борейко, Василій Григоревичъ—по латинскому языку, Иванъ Найдовскій, Иванъ Протопоповъ—по греческому языку, 25. Николай Николаевскій—по сочиненію, Константинъ Дудка—по гражданской исторіи и математикѣ, Петръ Евѳимовъ, Яковъ Христіановскій—по греческому и латинскому языкамъ, Константинъ Квитковскій—по гражданской исторіи и сочиненію.

Оставлены на повторительный курсъ въ томъ же классѣ.

30. Гавріиль Петровъ, Борися Цыбулевскій, Григорій Цыбулевскій—по малоуспѣшности.

Уволены изъ Семинаріи по малоуспѣшности.

33. Викторъ Сабининъ.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Правленіе Семинаріи доводитъ до свѣдѣнія родителей и опекуновъ воспитанниковъ Семинаріи, а также всѣхъ вновь поступающихъ въ Семинарію слѣдующее:

1. Приемные экзамены для поступления во всѣ классы семинаріи и перезкзаменовки для воспитанниковъ семинаріи будутъ начаты въ настоящемъ году 18, а классныя занятія 25 августа.

2. Всѣ поступающія въ семинарію лица свѣтскаго званія, не включая и тѣхъ, которыя переведены въ 1-й классъ семинаріи изъ духовныхъ училищъ, обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь годъ 40 р. или за полугодіе 20 р., безъ чего не будутъ приняты въ семинарію.

3. Всѣ воспитанники семинаріи, желающіе быть принятыми на казенное содержаніе, или получить пособіе изъ епархіальныхъ суммъ, кромѣ сиротъ духовнаго званія, уже состоящихъ на казенномъ содержаніи, должны подать о семъ прошеніе на имя о. Ректора Семинаріи непременно къ 1-му августа сего года, съ приложеніемъ благотворительнаго удостовѣренія о бѣдности, въ коемъ должно быть описано имущественное состояніе отца и составъ его семейства съ указаніемъ, сколько лѣтъ и на чей счетъ воспитываются въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

4. Воспитанники, не принятыя на казенное содержаніе, должны быть помѣщены въ семинарскомъ общежитіи со взносомъ 120 р., а вносословные 180 р. въ годъ. Эта плата должна быть вносима по третямъ: къ 1 сентября, къ 15 ноября и къ 1 марта, каждый разъ по 40 р., а отъ вносословныхъ 60 р.; кромѣ того всѣ вновь поступающіе своекоштные ученики обязаны внести эконому семинаріи одновременно на все время обученія въ семинаріи 15 р., на первоначальное обзаведеніе и 5 р. на приобрѣтеніе учебниковъ.

5. Всѣ воспитанники семинаріи обязаны имѣть форменную одежду установленнаго образца безъ всякихъ отступленій. При завязѣ для казеннокоштныхъ воспитанниковъ суконная форменная пара обходится въ 17 р., лѣтняя въ 6 р. 50 к., будничная въ 7 р. 75 к., фуражка въ 1 р.; по этой же цѣнѣ можетъ быть заказываема одежда и для желающихъ своекоштныхъ учениковъ.

Росписаніе приемныхъ экзаменовъ и переекзаменовокъ въ Харьковской Духовной Семинаріи въ августъ 1899 года.

18 августа. Русское сочиненіе.

- 19 > Богословіе догматическое, основное и нравственное, Священное Писаніе, катихизисъ и латинскій языкъ.
- 21 > Церковная исторія, библейская исторія, церковное пѣніе, физика, алгебра, геометрія, пасхалія и арифметика.
- 23 > Исторія литературы, словесность, русскій языкъ съ церковно-славянскимъ и греческій языкъ.
- 24 > Литургика, гомилетика, практическое руководство для пастырей, исторія и обличеніе раскола, обличительное богословіе, церковный уставъ, философія, логика, дидактика, гражданская исторія и географія.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Празднованіе Пятидесятницы въ Лѣснянскомъ монастырѣ.—Присоединеніе къ православію штундистовъ.—Книгоноши сектантскихъ общинъ.—Церковныя бібліотеки для прихожанъ.—Братство законоучителей.—Церковно-приходскіе попечительства.—Вліяніе спиртныхъ напитковъ на здоровье и нравственность.—Некрологъ.

Радостно отпраздновала Лѣснянская обитель праздникъ Пятидесятницы. Велико было стеченіе богомольцевъ, начавшихъ съ пятницы собираться въ монастырь. Число ихъ ежегодно возрастаетъ, и обитель несомнѣнно пріобрѣла значеніе дорогое для народа. Идутъ сюда паломники изъ Гродненской, Люблинской и Сѣдлецкой губ. помолиться предъ чудотворною иконой. Ихъ умиляетъ благодѣлніе службы, красота пѣнія и заботливое попеченіе сестеръ обители, устроившихъ для нихъ крытое помѣщеніе и бесплатно снабжающихъ ихъ кипяткомъ, а по возможности и пищей. Уже въ пятницу вечеромъ обширный монастырскій дворъ огласился стройнымъ пѣніемъ паломниковъ, расположившихся красивыми группами между монастырскими зданіями. Человѣкъ 20, 30, а иногда и болѣе, садятся въ кружокъ, и въ благоговѣйномъ, тихомъ настроеніи начинаютъ въ три или четыре голоса пѣть столь дорогія русскому народу на Западѣ пѣснопѣнія „Богогласника“. Раздаются эти пѣсни отъ вечерней зари до ранняго утра; то слышится близъ главнаго алтаря соборнаго храма „Пречистая Дѣва, Мати русскаго краю, подай руку въ тяжелой бѣдѣ, будь русскимъ людямъ обороною. Ты стоишь нашимъ вняла, мракъ уни разогнала и всѣхъ насъ спасла“. Умолкнетъ хоръ, и всѣ, обыкновенно молодые, пѣнцы и пѣвицы набожно крестятся. Имъ, съ другой стороны монастыря, словно отвѣчаетъ другой хоръ: „Мати милосердія, море щедротамъ, буди милостива бѣднымъ сиротамъ“. Звонко раздается въ ночной тиши молитвенное пѣніе. Воздухъ благоухаетъ полевыми и садовыми цвѣтамъ. Но вотъ изъ-за церкви показались медленно двужущіеся огни: то пришли богомольцы изъ села Волчина, Гродненской губ., и мощнымъ хоромъ огласили обитель пѣніемъ: „Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ. Ты еси Богъ, творяй чудеса“. — Съ 4 часовъ утра священники размѣщаются въ особо для нихъ приготовленныхъ мѣстахъ, въ храмахъ и видѣ ихъ, и приступаютъ къ исповѣди. Съ 5 часовъ начинаются литургіи. Особенно торжественна была служба въ Воскресенской церкви. Болѣе 2.000 паломниковъ сподобились причащенія св. Тайнъ въ этомъ храмѣ. Съ 10 часовъ утра трезвонъ монастырскихъ колоколовъ началъ воз-

вѣщать приближеніе крестныхъ ходовъ. Многія сотни паломниковъ подходили къ монастырю; во главѣ шествія несли крестъ и иконы, украшенныя цвѣтами; за ними шли священники въ облаченіи, и съ крестами въ рукахъ, а многосотенная толпа оглашала тихія поля громкими иѣсноиѣніями въ честь Живоначальной Троицы и Приснодѣвы Маріи. При звонѣ колоколовъ на встрѣчу крестнымъ ходамъ выходило монастырское духовенство. Пѣніе монастырскаго хора за всеобщимъ бѣдѣніемъ отличалось рѣдкою красотой. Храмъ былъ переполненъ молящимися. Къ 10 часамъ окончилось богослуженіе, и дворъ монастыря снова огласился пѣніемъ. Кружки поющихъ богомольцевъ сплошною массой заняли весь дворъ; „Святъ, святъ, святъ Господь Богъ“, раздавалось со всѣхъ сторонъ. Умолкнетъ одинъ хоръ, другой поетъ ему на смѣну новый гимнъ, и громко несется къ небесамъ: „Днесь всѣхъ вѣрныхъ просвѣти, благодатью посѣти, Утѣшитель небесный“. Въ этомъ неумолкаемомъ пѣніи незамѣтно проходитъ короткая лѣтняя ночь; кажется, пора бы подумать объ отдыхѣ, но какъ тутъ спать, когда въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ монастыря раздается пѣніе дѣтей Константиновской школы грамоты. Ихъ около 20; они пришли въ сопровожденіи родителей со своимъ молодымъ учителемъ и, послѣ короткаго сна, звонкими голосами запѣли хвалебную пѣснь Тріадиному Богу: „Святый Боже Сущій, Святый Всемогуцій, Святый Безсмертый Царю, помилуй насъ“. Въ 10 часовъ ударили къ литургіи; тысячная толпа разступилась, и архіепископъ Іеронимъ, осѣняя народъ, со главою прошелъ въ церковь. Торжественное служеніе владыки и умиленное пѣніе монастырскаго хора произвели неизгладимое впечатлѣніе на молящихся. За литургіей и вечерней послѣдовалъ крестный ходъ съ чтеніемъ 4 Евангелій и проповѣдью одного изъ мѣстныхъ священниковъ подъ открытымъ небомъ. Несмѣтная толпа внимательно слушала проповѣдника; люди забрались на крыши и деревья и жадно ловили каждое его слово. Къ 2 часамъ окончилась служба, и народъ въ тишинѣ началъ расходиться изъ обители. Одна изъ отраднхъ особенностей Лѣснянскаго праздника заключается въ совершенномъ отсутствіи не только пьяныхъ, но и людей выпившихъ. Въ окрестностяхъ монастыря незамѣтно и курящихъ. Оно и поватно. Народъ идетъ сюда словно на пиръ вѣры и въ простотѣ и умиленіи совершаетъ свой молитвенный подвигъ. Великую пользу приносятъ утвержденію православія въ этомъ злополучномъ, отуманенномъ вражде-

быми вліаніями, вздревле русскомъ краѣ Лѣснянская и другія недавно устроенныя женскіи обители, являющія мѣстному населенію, при всей своей бѣдности, всю силу присущаго имъ христіанскаго попеченія объ истинномъ просвѣщеніи дѣтей народа и безкорыстномъ служеніи дѣламъ милосердія. «Моск. Вѣд.»

— «Херсонскія Епарх. Вѣдом.» сообщаютъ, что бывшія въ концѣ прошлаго года бесѣды съ штундистами въ предмѣстіи Херсона—Музыкальныя Хуторахъ—сильно повліяли на мѣстную сектантскую общину. Плодомъ этихъ бесѣдъ явилось присоединеніе къ православію вожака штундовой общины Исидора Мыкитасъ съ семействомъ, состоящимъ изъ жены и семи дѣтей. Сильно задумалась штунда,—какъ замѣчаетъ по этому поводу указанный журналъ,—задумались и хлысты Музыкаиновскіе, и хотя врагъ сѣѣта держитъ еще свои жертвы въ рукахъ, но держитъ уже слабо...

Дай Богъ побольше подобныхъ возвращеній въ лоно Церкви православной—они наносятъ смертельный ударъ сектантству!

— Такъ называемые коробейники, какъ овазывается, не только сбываютъ въ народѣ вздорныя книги, но и являются иногда распространителями сектантскихъ изданій. По сообщенію «Кіевскія Епар. Вѣд.», такой характеръ дѣятельности коробейниковъ приходилось наблюдать въ кіевскомъ уѣздѣ; то же замѣчается за нѣкоторыми „коробейниками“ и въ черкасскомъ уѣздѣ. При внѣшнемъ осмотрѣ товаровъ „коробейника“ не найдется у него ничего подозрительнаго: иглы, нитки, гребни и т. п., иногда—календаря, оркулы, сонники; но стоитъ заглянуть въ нижнее отдѣленіе коробки, если она дѣйствительно принадлежитъ тайному книгоношѣ, просмотрѣть тѣ брошюры и листки, какіе тамъ найдутся,—и станетъ понятнымъ, что этотъ „коробейникъ“ дѣйствительный членъ какой-нибудь религіозной общины, что иглы, нитки и прочіе товары—только предлогъ и оправданіе для хожденія въ народъ. Не такъ давно одинъ изъ такихъ коробейниковъ прошелъ чрезъ каневскій и черкасскій уѣзды и бесплатно раздавалъ довѣрчивымъ крестьянамъ листки, получившіе извѣстность въ народѣ подъ общимъ названіемъ „святого письма“. Листки эти появились въ народѣ въ концѣ мнувшаго декабря и своимъ содержаніемъ произвели на слушателей и читателей сильное впечатлѣніе. Таинственность, съ какою передаютъ содержаніе „святого письма“ другъ другу, и тѣ награды, какія обѣщаетъ авторъ обладателямъ сего небеснаго посланія, побудили многихъ крестьянъ приобрести „свя-

тый листь". Въ этомъ листѣ, найденномъ, какъ значитса въ немъ, „въ британской землѣ, на горѣ Текверѣ, подъ образомъ святаго архистратига Михаила“, между прочимъ, выражено: „Я, Иисусъ Христосъ, Сынъ Бога живаго, повелѣваю вамъ не работать въ субботу для умоленія Матери Моей, ибо, если бы Она не молилась за васъ, то вы бы давно погибли всѣ, и посему въ этотъ день, какъ праздничный, на молитву собирайтесь и дорогою, идучи, другъ другу исповѣдуйте свои грѣхи, которыми прогнѣвали Владычное Мое Имя. А кто этому не повѣритъ, тотъ будетъ проклятъ и на послѣдокъ въ адскомъ огнѣ сгоритъ на вѣки. И Я приказываю вамъ: который человекъ сіе письмо будетъ имѣть при себѣ и давать другому читать или списывать, тотъ, если имѣетъ столько грѣховъ, сколько въ морѣ песку, на землѣ травы, на небѣ звѣздъ, будетъ прощенъ во всѣхъ своихъ грѣхахъ“..

— Одинъ изъ священниковъ Подольской епархіи, замѣтивъ, на основаніи личныхъ наблюденій, что простой народъ дѣйствительно любитъ читать священныя и вообще религіозно-нравственныя книги, по этому поводу пишетъ въ «Подольскихъ Епарх. Вѣдом.» слѣдующее.—Въ настоящее время наши церковныя библіотеки въ большинствѣ случаевъ состоятъ изъ книгъ руководящихъ въ составленіи церковныхъ поученій, и изъ духовныхъ періодическихъ изданій, каковы: «Под. Епар. Вѣд.», «Церк. Вѣдом.», «Странникъ», «Христіанское Чтеніе и др. Все это матеріалъ хотя весьма назидательный и полезный, но для народа не вполне доступный. Рѣдко въ какой церковной библіотекѣ можно найти книжки, доступныя народу, каковы: житія святыхъ въ доступномъ изложеніи, журналы—«Кормчій», «Воскресный день» и др.; а если гдѣ онѣ и есть, то въ такомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, что трудно удовлетворить всѣхъ желающихъ читать. При такомъ положеніи дѣла слѣдовало бы образовать при церковной библіотекѣ особый отдѣлъ книгъ, пригодныхъ для народа, откуда можно было бы выдавать прихожанамъ книги для чтенія. При этомъ могли бы помочь церковныя попечительства. Стоитъ только завести при церкви книжную лавочку и тогда изъ ея доходовъ можно мало-по-малу собрать необходимую сумму для покупки въ библіотеку доступныхъ для народа книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія. При существованіи же въ приходѣ книжной лавки и библіотеки для народа, можно смѣло сказать, что полезныя книги мало-по-малу вытѣснятъ у прихожанъ разныя пустыя вредныя книги.

— Среди православнаго духовенства, сосредоточивающаго свою дѣятельность въ значительной степени на преподаваніи Закона Божія, уже довольно давно и твердо держится мысль о желательности открытія братства законоучителей, ради объединенія ихъ дѣятельности. Недавно такое братство открыто въ Баку, для законоучителей бакинской губерніи. Главная цѣль братства—объединеніе преподавателей Закона Божія въ приѣмахъ преподаванія.

Потребность въ такомъ единеніи сознаана многими законоучителями, въ виду того, что способъ преподаванія Закона Божія въ разныхъ школахъ и въ разныхъ мѣстностяхъ, особенно тамъ, гдѣ распространены расколъ и сектантство, долженъ быть различенъ въслѣдствіе чего законоучителямъ приходится выработать особыя программы преподаванія.

«Цер. Вѣстн.»

— Мысль о необходимости внести нѣсколько большее оживленіе въ обычное теченіе церковно-приходскихъ дѣлъ чрезъ привлеченіе прихожанъ къ болѣе дѣятельному участию въ церковно-приходскихъ попечительствахъ, какъ видно изъ епархіальныхъ періодическихъ изданій, больше и больше распространяется. При этомъ, въ интересахъ благоустройства названныхъ учрежденій на основаніи опыта указывается на желательность нѣкоторыхъ измѣненій въ ихъ организациі, а также перемѣнъ въ обычномъ родѣ дѣлъ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. По мнѣнію многихъ благочинныхъ Подольской епархіи, для возрожденія приходской жизни потребна реорганизациа попечительствъ, и прежде всего необходимо, чтобы въ составѣ ихъ были люди, приверженные къ церкви и вліятельные въ приходѣ. Недостаточно для дѣла, говорится въ «Подол. Епарх. Вѣдом.», что волостной старшина есть членъ всѣхъ попечительствъ его волости: сель у него бываетъ нѣсколько, и онъ не можетъ должнымъ образомъ радѣть о пользахъ каждаго изъ нихъ. Нужно, чтобы въ составѣ попечительствъ были и сельскіе староста, отъ котораго многое въ селѣ зависитъ и безъ вѣдома котораго ничего важнаго въ приходѣ не можетъ быть предпринято, а онъ, между тѣмъ, не состоитъ непремѣннымъ членомъ попечительства. Необходимо настойчивѣе привлекать въ попечительства и всѣхъ лучшихъ по своему настроенію людей въ приходѣ: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше, тѣмъ полнѣе будетъ приходъ жить церковно-религіозною жизнью, тѣмъ ближе можетъ быть достигнутъ идеалъ древне приходской общины, считавшей религіозные интересы первую и главнѣйшую своею обязанностию.

— Въ «Журн. Журн.» помѣщены выборки изъ труда проф. И. А. Сякорскаго о вліяніи спиртныхъ напитковъ на здоровье и нравственность населенія Россіи. Оказывается, что 1887 годъ долженъ быть признанъ исключительнымъ, печальнымъ годомъ уголовной лѣтописи Россіи. Такими особенностями своимъ этотъ годъ обязавъ усиленному употребленію спиртныхъ напитковъ. По отчетамъ департамента необладныхъ сборовъ питейный доходъ 1887 годъ превысилъ таковой же доходъ 1886 на 20.528,075 рублей, а средній годовой доходъ (по десятилѣтней сложности предшествующихъ годовъ) — на 28.086,906 рублей. Такимъ образомъ, употребленіе спиртныхъ напитковъ въ 1887 году превысило таковое же употребленіе предшествующаго года на 9 проц., а среднее употребленіе послѣдняго десятилѣтія на 11 проц. съ лишнимъ. Этой значительной надбавкѣ необходимо, почти полностью, приписать усиленіе преступности 1887 года и въ томъ числѣ увеличеніе числа убійствъ на 10 проц. по сравненію съ предшествовавшимъ годомъ. Едва ли необходимо что-нибудь прибавить къ изложеннымъ фактамъ. Можно только сказать, что неурожайный 1885 годъ, усиливъ общую смертность и увеличивъ число внезапныхъ смертей, далеко не въ такой степени коснулся народной души, какъ урожайный и благополучный для здоровья 1887. Алкоголь явился тѣмъ посредникомъ, который обратилъ изобиліе и благополучіе въ орудіе народнаго развращенія и народной гибели! Напомнивъ, что наследственность отъ больного отца гораздо чаще передается дочери, нежели сыну, профессоръ усматриваетъ крайнюю общественную опасность въ обнаружившихся повсюду признакахъ разстройства здоровья и нравственности женщинъ. Правда, и по заболѣваемости, и по преступности, женщина значительно уступаетъ мужчинѣ; но прогрессъ, который женщина дѣлаетъ въ томъ и другомъ отношеніи, гораздо болѣе быстръ, чѣмъ у мужчинъ, такъ что женщина стремится приравняться къ мужчинамъ во всѣхъ болѣзненныхъ и безнравственныхъ проявленіяхъ. Пониженіе чести и нравственнаго достоинства женщинъ не безъ основанія признавалось всегда опаснымъ общественнымъ симптомомъ. За нимъ неминуемо слѣдуетъ упадокъ этихъ чувствъ во всемъ обществѣ, и женщина сама можетъ стать орудіемъ развращенія общества. Въ ряду всѣхъ извѣстныхъ изъ фармакологіи средствъ ни одно не располагаетъ въ такой степени, какъ алкоголь, къ безстыднымъ ругательствамъ, рѣчамъ и дѣйствіямъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ обнаруживаемая женщинами тенденція къ на-

рушенію основъ семейнаго союза, что сказалося въ увеличеніи числа преступленій противъ общественной нравственности и грозныхъ, по крайней мѣрѣ по мѣстамъ, цифрамъ дѣтубійствъ.

НЕКРОЛОГЪ.

22 апрѣля н. г. послѣ тяжелой болѣзни, напутствованный св. таинствъ елеосвѣщенія и причащенія, скончался на 73 году своей жизни священникъ Вознесенской церкви слободы Никифоровки, Изюмскаго уѣзда, Георгій Воробьевъ. Покойный о. Георгій былъ сынъ священника Мѣльскаго уѣзда, воспитывался въ Харьковской духовной семинаріи и увольненіи изъ средняго отдѣленія ея, былъ рукоположенъ во діаконъ вышеозначенной церкви, 12 декабря 1850 г., а 21 октября 1851 г. изведенъ во священника къ той же церкви, при которой онъ и проживъ въ санѣ священника свыше 48 лѣтъ, и за свою службу былъ награжденъ: 12 января 1878 г. набедренникомъ, 11 сентябрю 1882 г. хатною фіолетовою скуфією. Почившій былъ ревностнымъ пастыремъ. Исполненіе своего пастырскаго долга, какъ по церкви, такъ и по миру, онъ ставилъ выше всего и прежде всего; церковное богослуженіе вершалъ онъ неопустительно въ положенное время и благоговѣнно. Требуется это святостію самаго дѣла; требосправленіе исполнялъ безъ медленія, по первому слову просителя—прихожанина, не обращая, въ какомъ случаѣ, на дурное состояніе погоды, или дальнее разстояніе отъ очень разбросаннаго прихода, и вообще о. Георгій готовъ былъ жертвовать всѣмъ, чтобы только во время явиться на зовъ своего нуждающагося прихожанина и оказать ему потребную помощь и утѣшеніе. Ревнуя нравственному преуспѣянію своихъ прихожанъ, почившій не менѣе тщался о благолѣпіи своего приходскаго храма. Малопомѣстительная Никифоровская деревянная церковь исключительно стараніемъ о. Георгія значительно расширена чрезъ пристройку къ ней двухъ придѣловъ, а въ сѣдѣ тѣмъ снабжена довольно цѣнною ризницею и утварью.

Погребеніе о. Георгія совершалъ мѣстный благочинный вмѣстѣ съ 5-ю священниками и 2 діаконами, при большемъ стеченіи прихожанъ, бывшихъ объ утратѣ своего любимаго пастыря.

Миръ праху твоему, нелицѣстный труженикъ на нивѣ Христовой. упоковъте Господь душу твою въ обителяхъ праведныхъ!

НОВАЯ КНИГА О БЕЗБОЖИИ И АНТИХРИСТѢ.

Томъ I.

Подготовленіе, признаки и время пришествія антихриста.

Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться къ автору книгъ: Сергіевъ Посадъ, профессору Академіи Александру Дмитриевичу Бѣляеву, или же въ книжные магазины Москвы и Петербурга.

Продолжается подписка на 1899 г. (VI г. изд.)

— НА —

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЙ и ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Изданіе П. П. СОЙКИНА, подъ редакціей д-ра философіи М. М. ФИЛИПШОВА.

Вышелъ 9 Апрѣля № 4 (Апрѣль). Содержаніе: I. Психологическій анализъ понятій о сознаніи и матеріи. Проф. *И. Орианскаго*. II. Соціальныя условія римской имперіи наканунѣ нашествія варваровъ. *Эрнста*. III. Беллетристика Чернышевскаго. *Евг. Соловьева*. IV. Соціально философскія заблужденія Штамплера. *Кунова*. V. Вліяніе числа единицъ на характеръ общества. *Г. Зиммеля*. VI. Витализмъ и теорія познанія. *А. Борисяка*. VII. Необходимость и свобода. *М. Филиппова*. VIII. Отвѣтъ г. Пѣшехову. *А. Лосицкаго*. IX. Экономическія иллюзіи. *А. Санина*. X. Валентность (атомность) элементовъ и формы соединеній. Прив.-доц. *М. Гольдштейна*. XI. Обзоръ журналовъ иностранныхъ и русскихъ. XII. Изъ русскихъ изданій. XIII. Научныя новости. XIV. Библиографія. XV. Приложенія: 1) Доц. *В. Фаусекъ*. Біологическіе очерки. *Л. Берне*. Парижскія письма.

Подписная цѣна: на годъ 7 руб. (за границу 10 руб.) съ доставкою и перес. На $\frac{1}{2}$ года 4 руб., на $\frac{1}{4}$ г. 2 р. Комплекты за 1898 г., ц. 7 р. съ пер. *С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. д. № 12. Главная контора журнала „Научное Обозрѣніе“.*

Продолжается подписка на „Научно-энциклопедическій Словарь“. Ц. съ пер. 5 р. За журналъ „Научное Обозрѣніе“ со „Словаремъ 10 р. съ пер.

МОСКОВСКАЯ СИНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, отъ 12/19 марта 1896 года, за № 827. Московскую Синодальную Типографію возложена вся важная торговля какъ Синодальными, такъ и другими изданіями, для всѣхъ иноподгородныхъ покупателей за исключеніемъ губерній: С.-Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Псковской, Эстляндской, Курляндской, Лифляндской и Финляндской. Въслѣдствіе сего съ требованіями на книги гг. покупатели всѣхъ губерній Россійской Имперіи благоволятъ обращаться въ Управление Московской Синодальной Типографіи (Москва, Никольская улица); покупатели же изъ выше перечисленныхъ мѣстностей должны направлять свои требованія въ С.-Петербургскую Синодальную Типографію.

Подробнѣя условия продажи и высылки книгъ изъ Московской Синодальной Типографіи изложены въ Каталогѣ 1899 года, высылаемомъ желающимъ безвѣстно.

Въ настоящее время поступили въ продажу слѣдующія книги:

Библия, на русскомъ языкѣ, въ 4 д. л., больш. форм. гражд. печ., въ бум. 3 р. 10 к., въ кожѣ или коленк. съ золот. тисн. 5 р. 50 к.

По своей крупной печати это изданіе весьма удобно для слабыхъ зрѣніемъ. Приготовляется къ печати подобное изданіе и церковной печати.

Псалтирь, церк. печ. съ киннов., въ 4 д. л. больш. форм., въ бум. 3 руб. 60 к. въ кожѣ 5 руб., въ коленк. съ сафьян. корешк. съ золот. тисн. 6 руб.

По качеству бумаги и типографскому исполненію эта книга представляетъ собою изданіе наиболѣе удобное для подарка или подношенія; по крупному шрифту оно пригодно и для слабыхъ зрѣніемъ. **Псалтирь**, церк. печ. безъ киннов. въ 8 д. л., въ бум. 40 к. въ коленк. 70 к. Это новое изданіе заключается въ себя, между прочимъ, многочисленныя объяснительныя подстроичныя прижѣванія.

Новый Заветъ, на русскомъ языкѣ въ 16 д. л., въ бум. 22 к., коленк. 35 коп., въ сафьяновомъ 75 коп. **Новый Заветъ съ Псалтирюю**, на русскомъ языкѣ въ 16 д. л., въ бум. 30 к., въ коленкоронномъ 45 к.

Молитвословъ, гражд. печ., въ 64 д. л. (576 стран.), въ бум. 12 коп., въ коленкоронномъ 25 коп., въ кожѣ 35 к.

Молитвословъ іерейскій, церк. печ., въ 16 д. л., въ бум. 1 р. 40 к. въ сафьян. 2 р. **Правило молитвенное** готовящимся на Св. Причащенію, въ 16 д. л. церк. печ. съ киннов., въ бум. 45 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Правило готовящимся къ служенію литургіи. 2) Малое повечеріе. 3—4) Акаѣисты Иисусу и Пр. Богородицѣ. 5—9) Канонъ: Пр. Богородицѣ, Ангелу Хранителю, Св. Іоанну Предт., Покаянный и Св. Апостоламъ. 10) Акаѣистъ Св. Николаю. 11—12) Канонъ Честному Кресту и Всѣмъ Святымъ. 13) Послѣдованіе за усопшихъ. 14—15) Тропари дневныи и воскресныи. 16—17) Молитвы на сонъ грядущимъ и утренніи. 18) Правило готовящимся къ Св. Причащенію. 19) Правило отъ оскверненія. 20—23) Часы (1-й, 3-й, 6-й и 9-й). 24) Чинъ обѣдницы. 25—26) Послѣдованія ко Св. Причащенію и по Св. Причащеніи. **Чинъ освященія храма**, отъ Архіерея творимаго, церк. печати съ кин. въ 4 д. л., въ бум. 40 коп., въ кожѣ 75 коп.

Поминанья, церковн. или гражд. печ., въ 32 д. на плотной бум., съ свѣщен. изобраз. и поминанкомъ живыхъ и усопшихъ, въ коленк. 15 к. и 20 к., въ саф. 25 к. **Собраніе акаѣистовъ**, въ 32 д. л. церковн. печ. безъ киннов. Томъ первый (Акаѣисты: Иисусу Сладчайшему, Пресвятѣй Троицѣ, Воскресенію Христову, Божествен. Страт. Христов.). Цѣна въ бум. 30 коп. Христіанскія начала семейной жизни. Новое изданіе К. П. Побѣдоносцева. Цѣна 75 коп. Предметныи Указатель къ Св. Четвероєвангелію. Цѣна 20 коп.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

Собраніе акаѣистовъ. Томъ второй, состоящій изъ семи акаѣистовъ: 1) Пресвятѣй Богородицѣ. 2) Успенію БМ. 3) Покрову Пресв. Богородицы. 4) Ик. БМ Утоли моя печали. 5) Ик. БМ. Троеручницѣ. 6) Ик. БМ. Толгской. 7) Ик. БМ Неопалимой Купицѣ. Избранныя молитвы и пѣсноушья, въ 8 д. церк. печ. Книга предназначается для участвующихъ въ общенародномъ пѣніи, для пѣвческихъ домовъ и вообще для любителей церковнаго пѣнія. Составъ ея: а) Молитвы и пѣсноушья на всенощномъ бдѣніи и литургіи; б) стихари, тропари, кондаки, ирмосы и прокимны воскресной службы всѣхъ осми гласовъ; в) пѣсноушья великаго поста и страстной седмицы; г) пѣсноушья пасхальныя и воскресныхъ службъ итагелестянскихъ; д) стихари, тропари, кондаки, величанья, ирмосы и прокимны иже въ праздничной; е) пѣсноушья дозвѣновъ, водоосвященія, паинихиди и другихъ службъ, цѣна 50 коп.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Юля № 13. 1899 года.

Содержаніе. Высочайшій Манифестъ.—Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 189⁷/₈ учебный годъ (продолженіе).—Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго Училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годичныхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ и юніѣ мѣсяцахъ 1899 г.—Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго Училища.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго Духовнаго Училища за 189⁸/₉ учебный годъ.—Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго Училища.—Разрядный списокъ воспитанниковъ Купянскаго Духовнаго Училища за 189⁸/₉ учебный годъ.—Отъ Правленія Купянскаго Духовнаго Училища.—Отчетъ Комитета по сооружеію православнаго храма у подножія Балканъ, въ южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 г.—Извѣстія и замѣтки.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ НАШИМЪ подданнымъ:

Сего іюня въ 28 день скончался въ Абасъ-Туманѣ возлюбленный братъ Нашъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ. Болѣзнь, постигшая Его Императорское Высочество, могла еще, казалось, уступить дѣйствию предпринятаго лѣченія и вліянію южнаго климата,—но Богъ судилъ иначе. Покоряясь безропотно промыслу Божію, Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ раздѣлять съ Нами душевную скорбь Нашу и усердныя моленія о упокоеніи души почившаго Нашею брата.

Отнынѣ, доколѣ Господу не угодно еще благословить Насъ рожденіемъ Сына, ближайшее право наслѣдованія Всероссійскаго Престола, на точномъ основаніи основнаго Государственнаго Закона о престолонаслѣдіи, принадлежитъ Любезнѣйшему брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу.

Данъ въ Петергофѣ въ 28-й день іюня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ девяносто девятое, Царствованія-же Нашею въ пятое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою написано:

„НИКОЛАЙ“.

Отчетъ Епархіального Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897/8 учебный годъ.

(Продолженіе *).

II.

Учащіе въ церковныхъ школахъ (законоучители, учителя, учительницы, помощники и помощницы).

Въ отчетномъ году всѣхъ законоучителей въ церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи было 564. По уѣздамъ и числу школъ въ каждомъ уѣздѣ они распределяются слѣдующимъ образомъ: Ахтырскаго уѣзда (31 церк.-пр. шк.)—31 законоучитель. Богодуховскаго (46 шк.)—46, Волчанскаго (37 шк.)—37, Валковскаго (36 шк.)—36, Зміевскаго (52 шк.)—52, Изюмскаго (66 шк.)—66, Купянскаго (53 шк.)—53, Лебединскаго (36 шк.)—36, Старобѣльскаго (100 шк.)—100, Сумскаго (53 шк.)—53 и Харьковскаго (54 шк.)—54 законоучителя. Всего въ 564 церковно-приходскихъ школахъ 564 законоучителя, въ томъ числѣ: протоіереи 11, діаконъ 5, свѣтскихъ 7 и остальные священники. Въ школахъ грамоты законоучительскія обязанности также несли по преимуществу приходскіе священники. Изъ 206 школъ грамоты только въ 20 преподаваніемъ Закона Божія занимались учителя этихъ школъ подъ личною отвѣтственностью и руководствомъ приходскихъ священниковъ. Причиной того, что въ этихъ школахъ сами священники не могли заниматься преподаваніемъ Закона Божія, была крайняя отдаленность означенныхъ школъ отъ приходскихъ центровъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, допуская кого-либо къ учительству въ эти школы, священники предварительно удостовѣрялись, насколько означенное лицо свѣдуще въ Законѣ Божіемъ, и въ теченіе учебнаго года не оставляли его своимъ руководствомъ и наставленіями. Во остальныхъ 186 школахъ грамоты трудъ законоучительства несли сами священники, а именно: въ 22 школахъ Ахтырскаго уѣзда, въ 10—Богодуховскаго, въ 3—Валковскаго, въ 16—Волчанскаго, въ 25—Зміевскаго, въ 27—Изюмскаго, въ 15—Купянскаго, въ 16—Лебединскаго въ 33—Старобѣльскаго, въ 7—Сумскаго и въ 12—школахъ грамоты Харьковскаго уѣзда.

Такимъ образомъ, трудъ законоучительства въ церковныхъ школахъ Епархіи въ отчетномъ году несли, можно сказать, исключительно приходскіе священники и если были случаи, когда законоучителямъ въ церковно-приходскихъ школахъ состояли діаконъ или же свѣтскія лица съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 12.

преподающіе Законъ Божій вмѣсто священниковъ, то это происходило лишь въ силу неустрашимыхъ обстоятельствъ, каковы: старость или болѣзнь приходского священника или же, какъ сказано выше, дальность разстоянія его мѣстожителства отъ школы.

Не смотря на то, что свой трудъ по преподаванію Закона Божія законоучители несли совершенно безмездно, по донесеніямъ оо. уѣздныхъ наблюдателей и на основаніи личныхъ наблюденій епархіальнаго наблюдателя они относились къ дѣлу вообще добросовѣстно, съ любовью, искренно. О *нѣкоторыхъ* изъ нихъ можно сказать, что они повстинѣ неутомимые труженники: не опуская ни одного урока, они самымъ обстоятельнымъ образомъ выполняли всю школьную программу; и при этомъ слѣдуетъ сказать, что это выполненіе программы не было формальнымъ исполненіемъ возложенной на нихъ обязанности, а было проникнуто пастырскою любовью къ дѣтямъ. Такіе законоучители всегда помнили, что Законъ Божій есть главный предметъ обученія и воспитанія, занимающій центральное мѣсто во всей системѣ курса церковной школы, что въ зависимости отъ этого предмета должны находиться и всѣ прочіе предметы преподаванія, какъ бы второстепенные и вспомогательные, что преподаваніе Закона Божія не должно быть сухимъ изученіемъ учебника, непонятнымъ для дѣтей и чуждымъ ихъ дѣтской души, сердечной, искренней и вѣрующей, но что оно всегда должно говорить сердцу дѣтей, чтобы истины вѣры и нравственности сдѣлались не только достояніемъ ума дѣтей, но и потребностью сердца. Занимаясь съ дѣтьми въ школѣ, такіе законоучители не переставали наблюдать за жизнью и поведеніемъ дѣтей и по выходѣ изъ школы; они слѣдили, насколько къ нимъ привились добрые христіанскіе навыки и насколько сообщенныя имъ истины Закона Божія проявляются въ самой жизни, и если замѣчали что либо несогласное съ духомъ церкви и христіанства, какъ пастыри, своимъ отеческимъ вліяніемъ старались немедленно исправить, входя въ теченіе самой семейной жизни своихъ пасомыхъ. Главнѣйшею задачею такихъ законоучителей всегда было внушить своимъ питомцамъ чувства вѣры, надежды и христіанской любви, чувство авторитета церковнаго и гражданскаго, чувство любви къ родителямъ и воспитателямъ. Для достиженія этой цѣли они не ограничивались одною школою и одною программою Закона Божія; въ ихъ рукахъ все было направлено къ воспитанію въ дѣтяхъ этихъ чувствъ: и церковное пѣніе, и посѣщеніе церкви въ дни воскресные и праздничные для молитвы, для участія въ Богослуженіи,

въ исповѣди, и Причастіе Св. Таинъ, и постоянныя бесѣды съ дѣтьми, и вѣблассныя чтенія. Желаніе объединить жизнь школы и церкви было ближайшею ихъ заботою, дабы сдѣлать своихъ питомцевъ истинными чадами Св. Православной Церкви. Эти законоучители не были преподавателями, они были воспитателями и отцами въ широкомъ смыслѣ слова. Неся этотъ пастырскій трудъ, оо. законоучители въ большинствѣ были въ то же время и заведующими, на отвѣтственности которыхъ лежало попеченіе и о матеріальныхъ нуждахъ школы и о всемъ строе и теченіи школьной жизни. Пользуясь своимъ вліяніемъ въ приходѣ, многіе изъ нихъ располагали прихожанъ къ пожертвованіямъ и привели свои школы въ надлежащій видъ. Не щадя своего труда, они не щадя и своихъ средствъ, жертвуя своими деньгами, временемъ, помѣщеніемъ и прислугою.

Всѣхъ учителей въ церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи въ отчетномъ году было 643, въ томъ числѣ: учителей—священниковъ, совмѣстно съ законоучительствомъ несущихъ и учительскія обязанности—21, діаконовъ—235, псаломщиковъ—140 и лицъ, не принадлежащихъ къ составу причта—247: изъ Духовной Семинаріи 17, изъ Учительской Семинаріи 3, изъ Епархіальнаго женскаго училища 66, изъ женскихъ гимназій 11, имѣющихъ званіе учителя по свидѣтельству 44 учителя и 31 учительницъ, 30 учителей и 13 учительницъ безъ свидѣтельствъ на сіе званіе.

Составъ учащихся при второклассныхъ школахъ былъ слѣдующій: 1) при Славянской второклассной школѣ: старшій учитель—студентъ Духовной Семинаріи Григорій Навродскій, младшій—Владиміръ Войтенко, окончившій 6-ти классную классическую гимназію, и учитель образцовой школы при второклассной—приходскій діаконовъ Іоаннъ Сукачевъ; 2) при Ворожбянской: старшій учитель—Матвѣй Карташовъ, окончившій курсъ въ Рязанской Учительской Семинаріи, младшій—Иванъ Кушниренко, окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи и учитель образцовой школы при второклассной—діаконовъ Леонтій Антоновъ и 3) при Больше-Писаревской: старшій учитель-студентъ Духовной Семинаріи Яковъ Чебановъ и младшій—окончившій курсъ въ Духовной Семинаріи Василій Рудинскій.

Въ школахъ грамоты Харьковской епархіи въ отчетномъ году всѣхъ учителей числилось 206, въ томъ числѣ: учителей—священниковъ 16, діаконовъ 12, псаломщиковъ 76 и лицъ, не состоящихъ въ клирѣ: изъ Учит. Семинаріи 1, изъ Епархіальнаго женскаго училища 7, имѣющихъ званіе учителя по свидѣтельству 13

учителей и 15 учительницъ, не имѣющихъ учительскаго званія 53 учителя и 13 учительницъ.

Такимъ образомъ въ трехъ второ-классныхъ церковно-приходскихъ школахъ, 564 одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ и 206 школахъ грамоты Харьковской епархіи дѣломъ обученія по предметамъ школьнаго курса, кромѣ Закона Божія, занималось 857 человекъ.

Лица, наиболѣе ревностно или нерадиво относящіяся къ школьному дѣлу.

Особенную ревность въ школьномъ дѣлѣ обнаружили нижеслѣдующія лица: 1) *О. о. председатели уѣздныхъ отдѣленій*, 2) *уѣздные наблюдатели*, и 3) *дѣлопроизводители уѣздныхъ отдѣленій*. Всѣ они съ должнымъ усердіемъ исполняли возложенныя на нихъ обязанности въ предѣлахъ своей службы и полномочій. 4) *Законоучители и учителя церковныхъ школъ*: а) *Ахтырскаго уѣзда*: Ахтырской Соборной церковно-приходской школы—Законоучитель свящ. Николай Сперанскій и учительница Параскева Рудинская, Ахтырской Георгіевской—законоучитель свящ. Ѳеодоръ Доброславскій, Тростянецкой—законоучитель прот. Василій Ѳеодоровъ и учитель діаконъ Филиппъ Приходинъ, Боромлянской Троицкой—законоучитель свящ. Алексій Стаховскій и учитель псаломщикъ Петръ Косминъ, Закобыльской—законоучитель и учитель Ѳеодоръ Котларовъ, Краснопольской Успенской—законоучитель свящ. Михаилъ Вербицкій и учитель діаконъ Захарій Кандыба, Краснопольской Преображенской—законоучитель свящ. Михаилъ Поповъ и учитель діаконъ Алексій Мухинъ, Деревковской—учитель діаконъ Ѳеодоръ Бутковскій, Угровдской—законоучитель свящ. Ілія Ковтунъ и учительница Антонина Ковтунъ, Жигайловской—законоучитель свящ. Григорій Шебатинскій и учитель діаконъ Ілія Бойко.

б) *Богодуховскаго уѣзда*: законоучители школъ: Богодуховской Соборной церковно-приходской школы свящ. Дмитрій Владыковъ, Богодуховской Троицкой—свящ. Евгеній Пономаревъ, Больше-Писаревской Успенской—свящ. Алексій Доброславскій, Больше-Писаревской Покровской—свящ. Алексій Станиславскій, Яменской—свящ. Антонинъ Сапухинъ, Поповской—свящ. Стефанъ Бойковъ, Лютовской—свящ. Павелъ Вертеловскій, Козѣвской—свящ. Іоаннъ Владыковъ, Полково-Някитовской—свящ. Сумеонъ Котларовъ, Колонтаевской Успенской—свящ. Михаилъ Сильванскій, Мурафской Николаевской—свящ. Іоаннъ Поповъ, Мурафской Архангело-Михайловской—свящ. Алексій Мигулинъ и Константиновской—свящ. Іоаннъ Колосовскій; учителя: Больше-Писаревской

второклассной—студентъ Яковъ Чебановъ и одноклассныхъ школы Богодуховской Троицкой—діаконъ Михайлъ Пузановъ, Краснокутской Успенской—Василій Дашкиевъ, Богодуховской соборной—Николай Артюховскій, Полково-Никитовской—Михайлъ Фальченко. Мурафской Николаевской—Іоаннъ Випоренко и Литовской—Еодоръ Ступницкій и псаломщики: Богодуховской Троицкой—Александръ Носовъ, Краснокутской Успенской—Андрей Вербицкій и Больше-Писаревской Успенской—Петръ Сапухинъ и учительницы: Больше-Писаревской Покровской—Елена Кожушко и Рублевской Успенской—Анна Соколова,—обѣ окончившія курсъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

в) *Валковскаго уѣзда*: Ново-Водолажской Воскресенской церковно-приходской школы прот. Николай Федоровскій, Одринской—свят. Николай Сильванскій, Валковской Соборной—свят. Андрей Новскій, Новоселовской—свят. Стефанъ Эвенховъ, Старо-Водолажской—свят. Григорій Дьяковъ, Минковской—свят. Левъ Дейнеховскій, Караванской—свят. Іоаннъ Ястремскій, Бняжанской—свят. Андрей Закрицкій, Михайловской—свят. Іоаннъ Рокятанскій, Коломакской Успенской—свят. Василій Василевскій, Каленниковской—свят. Еодоръ Леонтовичъ, Покровской—свят. Есенофонъ Илларионовъ.

г) *Волчанскаго уѣзда*: Печенѣжской Петропавловской—прот. Гавріилъ Буханцовъ, Печенѣжской—Преображенской—свят. Ілія Бондаревъ, Волчанской Мирносицкой—прот. Алексій Евхимовъ, Велико-Бурлудкой—свят. Василій Самойловъ и свят. Петръ Лукашевъ, Мартовской—свят. Іоаннъ Дьяконовъ, Заводянской—свят. Александръ Чернявскій, Рубежанской—свят. Іоаннъ Яковлевъ, Старо-Салтовской—свят. Петръ Корнильевъ, Нижне-Писаревской—свят. Владиміръ Поповъ, Базалѣвской—свят. Іаковъ Поповъ, Юрченковской—свят. Іаковъ Поповъ, Артемьевской—свят. Николай Ястремскій, Больше-Бабчанской—свят. Василій Ивановъ, Волчанскихъ хуторовъ—свят. Алексій Давидовскій, Козинской—свят. Павелъ Булгаковъ, Шиповатской—свят. Николай Самойловъ и священники: Порфирій Ведринскій, Павелъ Измайловъ и Василій Эннатскій; *учители-діаконы*: Адріанъ Дашкиевъ, Василій Корнильевъ. Лаврентій Раевскій и Козратъ Мухинъ; псаломщики: Иванъ Протопоповъ, Андрей Рубинскій, Еофанъ Поповъ и Константинъ Ковалевскій; учительницы: Марія Измайлова, Анастасія Пономарева, Александра Ломаковская и учителя: Семенъ Поповъ и Андрей Зубченко.

д) *Зміевскаго уѣзда*: Балаклейской Успенской церковно-приход-

ской школы—свящ. Ѳеодоръ Ковалевскій и учитель той же школы діаконъ Михайлъ Павловъ, Борщевской—свящ. Василій Николаевскій и учитель той же школы діаконъ Андрей Лѣсовниковъ, Берещкой Вознесенской—свящ. Александръ Мощенко и учительница той же школы Наталія Крутьева, Бригадировской—свящ. Василій Збукаревъ, Волохо-Ярской—прот. Іоаннъ Чудновскій и учитель той же школы діаконъ Яковъ Насѣдкинъ, Кочетовской—прот. Алексѣй Иларіоновъ, Нижне-Орельской Успенской—свящ. Василій Соколовскій и учительница той же школы Раиса Ѳеодорова, Осиновской—прот. Іоаннъ Жадаповскій и учительница той же школы Марѳа Крыштопенко, Скрыпаевской—свящ. Владиміръ Раевскій и учитель той же школы діаконъ Виталій Рудневъ, Соколовской Архангело-Михайловской—свящ. Аѳанасій Дюковъ и учитель той же школы псаломщикъ Николай Мигулинь, Шебелянской—свящ. Варсонофій Антоновскій и учительница той же школы Наталія Яновская, Законоучитель и учитель Гуляйпольской—свящ. Ѳеодоръ Сулима, Алексѣевской Свято-Троицкой—діаконъ Григорій Сулима, Балаклеяской Покровской школы грамоты—свящ. Николай Ильинскій, Законоучитель и учитель Борчанской школы грамоты—свящ. Николай Гумилевскій, Законоучитель и учитель Мохначанской школы грамоты—свящ. Максимъ Рубинскій, законоучитель Отрадовской школы грамоты—свящ. Алексѣй Жадаповскій и учитель той же школы діаконъ Іоаннъ Вышемірскій и учительница Бунаковской школы грамоты Меланія Дейнековская.

Изюмскаго уѣзда: Законоучители: Райской церковно-приходской школы—свящ. Михайлъ Пономаревъ. Въ продолженіе 8 лѣтъ онъ исполняетъ не только обязанности завѣдующаго и законоучителя, но и учительскія и ведетъ дѣло обученія успѣшно; въ прошломъ году священникъ Пономаревъ представилъ въ Славянскую второклассную школу двухъ хорошо подготовленныхъ учениковъ и изыскалъ средства на ихъ содержаніе. Законоучитель Пашковской церковно-приходской школы свящ. Алексѣй Поповъ. Въ отчетномъ году свящ. Поповъ устроилъ прекрасное каменное школьное зданіе стоимостью болѣе 2000 рублей при пособіи отъ казны въ 1000 рублей. Законоучитель Залиманской церковно-приходской школы свящ. Александръ Поповъ, въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ исполняетъ съ похвальнымъ усердіемъ и учительскія обязанности при помощи своей жены Глафиры Поповой. Законоучитель Ямпольской церковно-приходской школы свящ. Евгеній Титовъ, добросовѣстный законоучитель—онъ не менѣе ревностный и завѣ-

дующій: при пособіи отъ казны въ 400 рублей онъ устроилъ хорошее школьное зданіе стоимостью въ 1500 р. Законоучитель Банянской и Пришиблянской Святогорскихъ школъ свящ. Василій Федоровъ, не смотря на преклонныя лѣта, на разбросанный преходъ, отнимающій у него много времени, свящ. Федоровъ неотступительно посѣщаетъ церковныя школы и успѣшно преподаетъ Законъ Божій, ежегодно при этомъ представляя хорошо подготовленныхъ учениковъ во второклассную школу. Законоучитель Знаменской церковно-приходской школы свящ. Іоаннъ Титовъ. Успѣшно преподавая Законъ Божій въ школѣ съ 120 учениками, свящ. Титовъ строитъ прекрасное школьное зданіе по смѣтѣ въ 2500 руб. при пособіи въ 1500 руб. Какъ на усердныхъ законоучителей можно еще указать на слѣдующихъ священниковъ: Барвенковской Георгіевской церковно-приходской школы Михаила Юшкова, Былбассеской Никиту Шебатинскаго, Барвенковской—Успенской—Алексы Навродскаго, Изюмской—Крестовоздвиженской—Михаила Энеидова, Славянской—Всѣсвятской Василя Полтавцева, Славянской—Троицкой—Павла Данилова, Райгородской—Василя Свѣсивцева, Дробышевской—Александра Лонгина, Селимовской—Петра Юшкова, Лиманской—Николая Яновскаго, Ново-Павловской—Василя Бацманова, Волобуевской—Александра Попова, Дмитровской—Павла Вышемірскаго. Изъ учителей особую ревность въ школьному дѣлу обнаружилъ учитель Привольской церковно-приходской школы діаконъ-псаломщикъ Александръ Черняевъ. Въ Привольской школѣ можетъ помѣститься не болѣе 40 учащихся, а желающихъ учиться является ежегодно до 80 дѣтей. Съ цѣлю дать возможность наибольшему числу дѣтей обучаться грамотѣ, Черняевъ раздѣлил первую группу—безграмотныхъ на два отдѣленія, которыя по очереди посѣщаютъ школу чрезъ день и такимъ образомъ въ школу въ 1-ю группу вмѣсто 25 дѣтей могло быть принято до 50 душъ. Безмездно преподавая въ школѣ, Черняевъ пожертвовалъ для любимой имъ школы усадьбу въ 400 кв. саж. стоимостью до 300 рублей. Какъ усердныхъ и знакомыхъ съ лучшими методами преподаванія можно отмѣтить еще слѣдующихъ учителей: Поповской школы—діакона Іоанна Матвѣева, Рай-Александровской—учителя Александра Юшкова, Петровской—Иполита Трущенко, Богодаровской—учительницу Анну Яковлеву.

ж) *Кульнскаго уезда*: Завѣдующій церковно-приходскою школою въ слободѣ Свистуновкѣ свящ. Іаковъ Макаровский, онъ устроилъ громадное каменное зданіе для школы со всѣми удобствами длиною въ 22 аршина, шириною 20 аршинъ и стоимостью

4 тысячи. Завѣдующій церковно-приходскою школою въ слободѣ Ново-Ольшаной свящ. Іоаннъ Макаровскій устроилъ исключительно на свои средства большое каменное зданіе для школы, въ которой ежегодно обучается около ста душъ, такъ что по количеству учащихся, а также и по количеству ежегодныхъ выпускныхъ въ уѣздѣ нѣтъ ей равной. Какъ на особенность школы можно указать на то, что ежедневно читаемыя утреннія и вечернія молитвы всегда бывали въ присутствіи о. Макаровскаго; онъ благословлялъ начало ихъ и оканчивалъ положеннымъ отпускомъ. Занятіе въ школѣ пѣніемъ всецѣло принадлежитъ ему и когда онъ бываетъ свободенъ отъ служенія, поетъ съ учениками въ церкви; общеизвестны же молитвы поются самими дѣтьми. Завѣдующій церковно-приходскою школою въ слободѣ Сеньковѣ, свящ. Василій Поповъ устроилъ въ настоящемъ году весьма помѣстительное и свѣтлое зданіе для школы на изысканныя имъ мѣстныя средства. По успѣхамъ школа настолько удовлетворительна, что всѣ симпатіи мѣстнаго общества на сторонѣ сей послѣдней, а потому и притокъ въ школу учащихся всегда бываетъ великъ. Завѣдующіе церковно-приходскими школами въ слободѣ Торской свящ. Алексѣй Оптовцевъ и въ слободѣ Терпахъ свящ. Іоаннъ Измайловъ обнаружили не мало заботъ по улучшенію существующихъ школьныхъ зданій; причѣмъ о нихъ можно сказать, что эти священники обладаютъ особеннымъ умѣньемъ въ доступной дѣтскому пониманію формѣ передавать учебный матеріалъ, дѣлая его живымъ и интереснымъ, а объясненія—простыми и удобопонятными. То же слѣдуетъ сказать и объ о. Василіи Масловѣ священникѣ слободы Покровска. Изъ учителей, умѣло и добросовѣстно потрудившихся на поприщѣ церковно-школьнаго дѣла, можно указать: на діакона сл. Сенькова Михаила Жадановскаго, діакона сл. Сенькова Венедикта Чиркина, діакона слободы Кременной Андрея Панкратьева, псаломщика слободы Кременной Семеона Павленко, учителя школы грамоты, діакона слободы Покровска Георгія Жуковскаго и учительницу Покровской церковно-приходской школы въ слободѣ Покровскѣ Евдокію Абрисимову.

з) *Старобѣльскаго уѣзда*: 1) Законоучители: Алексѣевской 2 округа церковно-приходской школы прот. Георгій Поповъ; Куракиной Тихоновской свящ. Леонидъ Поповъ; Бѣлолуцкой—студентъ семинаріи Θεоктистъ Поповъ; Половинкиной—свящ. Іаковъ Березовскій; Лизинской—свящ. Михаилъ Согинъ; Лашиновской—свящ. Харлампій Твердохлѣбовъ; Бѣловодской Николаевской—свящ. Іоаннъ Иноковъ; Бѣловодской Троицкой—свящ. Леонидъ Понома-

ревъ; Тимоновской—свящ. Стефанъ Любидкій; Богородичной—свящ. Николай Восьяновъ; Боровской—свящ. Филиппъ Пестряковъ; Коновской—свящ. Василій Поповъ; Осяновской—свящ. Василій Капустянский; Старобѣльской соборной—свящ. Михаилъ Голубинъ; Старобѣльской Николаевской—свящ. Алексѣй Рудинскій; Мостовской—свящ. Іоаннъ Котляровскій; Свято-Дмитріевской—свящ. Константинъ Пантелеймоновъ; Черниговской—свящ. Никита Матвѣевъ и Петренковской школы грамоты—свящ. Николай Григоровичъ. 2) Учителя церковно-приходскихъ школъ: Бѣлокураевской Тихоновской—Григорій Поповъ, Городищанской—свящ. Алексѣй Ивниковъ; Морозовской—діаконъ Іоаннъ Грабовскій; Навроговской—діаконъ Константинъ Сокольской; Трехизбянской—псаломщикъ Евгенийъ Бесѣда; Шпотинской—діаконъ Павелъ Поповъ; Шульгинской—діаконъ Анатолій Краснотутскій; Александровской 2-го округа—дѣвица Евгения Мухина; Богородичной—Туранская; Лизинской—дѣвица Екатерина Климентьева; Будановской—діаконъ Василій Лядскій; Бѣлолуцкой—діаконъ Петръ Войтовъ; Бѣлолуцкой—дѣвица Евдокія Попова; Бѣловодской Трехизбянской—жена діакона Антонина Станкова; Бѣловодской Николаевской—дѣвица Ольга Павлова; Боровской—жена фельдшера—Марфа Дятенко; Осиновской Успенской—дѣвица Анна Капустянская; Подорожской—діаконъ Михаилъ Бородаевъ; Старобѣльской Соборной—діаконъ Иванъ Мухинъ; Старобѣльской Николаевской—діаконъ Стефанъ Фроній Лонгиновъ; Сычевской—діаконъ Алексѣй Слюсаревъ; Свято-Дмитріевской—діаконъ Николай Пантелеймоновъ; Титаровской—дѣвица Александра Вуткова; Тимоновской—діаконъ Іустинъ Корнѣевъ; Денежниковской—Константинъ Захарьевъ; Колоусовской школы грамоты—мѣщанинъ Савва Квитка.

в) *Сумского уѣзда*: Завѣдующій Воробьевскою школою—свящ. Михаилъ Рогальскій, благодаря которому содержалась школа въ наемномъ помѣщеніи, имѣя учащихся болѣе 60 человекъ. Завѣдующій школою грамоты при Покровской церкви сл. Н.-Сыроватки—свящ. Александръ Бѣляевъ, въ продолженіе всего учебнаго года давалъ помѣщеніе для школы въ своей квартирѣ и самъ занимался обученіемъ дѣтей по всѣмъ предметамъ школьнаго курса; онъ же къ началу наступающаго учебнаго года испросилъ у сельскаго общества зданіе для школы. Благодаря заботамъ и усердію свящ. сл. В.-Сыроватки Іоаннъ Ситенко, къ началу истекшаго учебнаго года было устроено на мѣстныхъ средствахъ, при пособіи отъ казны въ 300 руб., школьное зданіе на 100 чел. и имъ же испрошено отъ попечительства школы ежегодное жалованье учительницъ въ 240 руб. Завѣдующій Уманскою школою грамоты—свящ. Іоаннъ Ситенко, благодаря которому содержалась школа въ наемномъ помѣщеніи, имѣя учащихся болѣе 60 человекъ. Завѣдующій школою грамоты при Покровской церкви сл. Н.-Сыроватки—свящ. Александръ Бѣляевъ, въ продолженіе всего учебнаго года давалъ помѣщеніе для школы въ своей квартирѣ и самъ занимался обученіемъ дѣтей по всѣмъ предметамъ школьнаго курса; онъ же къ началу наступающаго учебнаго года испросилъ у сельскаго общества зданіе для школы. Благодаря заботамъ и усердію свящ. сл. В.-Сыроватки Іоаннъ Ситенко, къ началу истекшаго учебнаго года было устроено на мѣстныхъ средствахъ, при пособіи отъ казны въ 300 руб., школьное зданіе на 100 чел. и имъ же испрошено отъ попечительства школы ежегодное жалованье учительницъ въ 240 руб. Завѣдующій Уманскою школою грамоты—свящ. Іоаннъ Ситенко, благодаря которому содержалась школа въ наемномъ помѣщеніи, имѣя учащихся болѣе 60 человекъ.

новской школой—свят. Дмитрій Эннатскій изъ личныхъ средствъ пожертвовалъ 360 руб. на устройство школьнаго зданія.

і) *Харьковскаго узда законоучители:* Харьковской Преображенской—свят. Румянцевъ, Мѣщанской Богадѣльни въ г. Харьковѣ—свят. Жѣбиневъ, Основнянской—свят. Блячный, Дергачевской Николаевской—прот. Дмитрій Регишевскій, Березовской—свят. Адрианъ Мухинъ, Веселовской—свят. Александръ Бородаевъ, Казачковской—свят. Іоаннъ Андреевъ, Мироновской—свят. Семеонъ Петровскій, Ольшанской Николаевской—свят. Василій Сукачевъ, Пересѣчанской—свят. Александръ Вертеловскій и Черкасско-Лозовской—свят. Петрусенко. Изъ всѣхъ вышепоименованныхъ законоучителей о. Петровскій наиболѣе усердно относился къ школьному дѣлу: школа для него была излюбленнымъ дѣтищемъ: въ теченіе 7 лѣтъ свят. Петровскій преподаетъ не только Законъ Божій, но и церковное пѣніе. *Учители:* Двухклассной Александро-Невской школы—Арефьевъ, исполняющій учительскія обязанности въ теченіе 10 лѣтъ, въ школѣ при Мѣщанской Богадѣльнѣ г. Харькова—діаконъ Петръ Невпругинъ, Бабаевской—діаконъ Петръ Тимошеевъ, Веселовской—дѣвица Марія Бородаева, Дергачевской Николаевской—діаконъ Андрей Куницынъ, Дергачевской Рождество-Богородицкой—діаконъ Михаилъ Николаевскій, Казачковской—псаломщикъ Фіалковскій, Мироновской—дѣвица Анастасія Крутьева, Основнянской—учительница Александра Ждановичъ. *Законоучители школы грамоты:* Верхо-Харьковскаго Николаевскаго монастыря—свят. Іаковъ Либарскій, Хорошевскаго Вознесенскаго монастыря—свят. Іоаннъ Брыжановскій и Глубоко-Ярской—діаконъ Стефанъ Семейкинъ. *Учители:* Учительница Глубоко-Ярской школы—Александра Раевская, Хорошевскаго Вознесенскаго монастыря—Брыжановская и Верхо-Харьковскаго Николаевскаго монастыря монахиня Сосипатра.

(Продолженіе будетъ).

Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго Училища, составленный Правленіемъ училища послѣ годичныхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1899 года и утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 18 іюня с. г.

Четвертый классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Кипріяновъ Владиміръ, Петровъ Стефанъ—эти два ученика за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгами, Ѳедоровъ Александръ.

Разрядъ 2-й. Степурскій Георгій, 5. Анисимовъ Сергѣй, Леткинъ Яковъ, Васильковскій Митрофанъ, Найдовскій Александръ, Пявваровъ Илья, 10. Соколовскій Михайлъ, Измайловъ Петръ, Буханцовъ Иванъ, Григоровичъ Семень, Червонецкій Илья, 15. Дорошенко Петръ, Согинъ Владиміръ, Лашенко Данилъ, Толмачевъ Виталій, Цыбулевскій Мануилъ, 20. Ястремскій Георгій, Инниковъ Николай, Краснокутскій Павелъ, Соколовскій Петръ, Кіянковскій Илья, 25. Дмитріевъ Владиміръ, Ивановъ Андрей—эти двадцать шесть учениковъ признаются окончившими полный курсъ ученія въ духовномъ училищѣ съ правомъ поступленія въ I-й классъ Духовной Семинаріи безъ новаго испытанія, Власовскій Андрей, Дяковъ Илліаровъ, Рудинскій Валентинъ, 30. Рубинскій Веніаминъ, Могиланскій Александръ, Пересыпинъ Иванъ, Ведринскій Андрей Шепелевскій Иванъ, 35. Протопоповъ Александръ, Александровъ Вячеславъ, Петинъ Василій, Пономаревъ Петръ—эти двѣнадцать учениковъ не признаются достойными перевода въ первый классъ Духовной Семинаріи, на основаніи постановленія Правленія училища, утвержденного Его Высокопреосвященствомъ 2 мая 1884 г., но согласно § 87 Уст. дух. уч., получаютъ свидѣтельства объ окончаніи полного курса ученія въ духовномъ училищѣ.

Разрядъ 3-й. Жуковъ Алексѣй—этотъ ученикъ также можетъ быть признанъ окончившимъ курсъ ученія въ духовномъ училищѣ, если удовлетворительно выдержитъ переэкзаменовку послѣ каникулъ по географіи и русскому сочиненію, 40. Грызодубовъ Николай, Николаевскій Андрей, Олейниковъ Александръ, Сергѣевъ Викторъ, 44. Сильванскій Константинъ—эти пять учениковъ оставляются на повторительный курсъ въ IV классѣ, по просьбѣ родителей.

Третій классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Насѣдкинъ Андрей, Балановскій Филадельфъ.

Разрядъ 2-й. Григорьевскій Виталій, Стрѣльцовъ Захарій, 5. Платоновъ Георгій, Твердохлѣбовъ Георгій, Рубинскій Борисъ, Поповъ Иванъ, Зеленинъ Константинъ, 10. Дейнеховскій Павелъ, Павловскій Иванъ, Михайловскій Владиміръ, Архангельскій Константинъ, Андреенковъ Алексѣй, 15. Квитковскій Александръ, Дюковъ Алексѣй, Пантелеймоновъ Иванъ, Нестеровъ Николай, Дзюбановъ Михайлъ, 20. Мухинъ Владиміръ, Рубинскій Василій, Туранскій Павелъ, Сулима Ѳеодоръ—эти двадцать три ученика признаются достойными перевода въ IV-й классъ, Андреевъ Владиміръ, 25. Бобловскій Сергѣй, Кротенко Григорій, Стакевичъ Иванъ, Торанскій Михайлъ, Слоневскій Григорій.

Разрядъ 3-й. 30. Любицкій Тихонъ, Ведринскій Александръ, Бѣ-

ляевъ Владиміръ, Ракшевскій Леонидъ—эти десять учениковъ также могутъ быть переведены въ IV классъ, если удовлетворительно выдержать переэкзаменовку послѣ каникулъ: Андреевъ, Бобловскій и Кротенко—по русскому языку, Бѣляевъ и Ведринскій—по катихизису и греческому языку, Любицкій Тихонъ—по русскому языку и русскому диктанту, Ракшевскій Леонидъ—по греческому языку и русскому диктанту, Стахевичъ—по русскому диктанту, Торанскій—по арифметикѣ и Слоновскій—по русскому языку, Дюковъ Сергѣй, 35. Крыжановскій Николай, Пономаревъ Константинъ, Тугариновъ Николай, Чернявскій Михаилъ—эти пять учениковъ оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ, первые три ученика по малоуспѣшности, а послѣдніе два по просьбѣ родителей, Невпрягинъ Стефанъ—этотъ ученикъ допускается къ экзамену послѣ каникулъ по всѣмъ предметамъ, какъ не державшій его по болѣзни, 40. Козьменко Николай, 41. Титовъ Николай—эти два ученика увольняются изъ училища по малоуспѣшности.

Второй классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Рубинскій Викторъ, Левадный Стефанъ, Слюсаревъ Александръ, Лысенко Петръ—эти четыре ученика за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгами, 5. Платоновъ Василій.

Разрядъ 2-й. Евтушенко Николай, Жебиневъ Петръ, Тимофеевъ Александръ, Вербичскій Николай, 10. Ковалевскій Дмитрій, Толмачевъ Виталій, Матвѣевъ Яковъ, Инноковъ Александръ, Сидоровъ Евфимъ, 15. Гусевъ Алексѣй, Сильванскій Анатолій, Ильинскій Алексѣй, Чаговцевъ Діонисій, Созонтьевъ Фѣдоръ, 20. Селезневъ Дмитрій, Гордѣенко Александръ, Сіатовскій Иванъ, Созонтьевъ Дмитрій—эти двадцать три ученика признаются достойными перевода въ III классъ, Васильковскій Фѣдоръ, 25. Кравченко Антонъ, Ступницкій Дмитрій, Власовскій Ананій, Хижняковъ Владиміръ, Любарскій Петръ, 30. Крыжановскій Александръ, Литкевичъ Моисей, Насѣдкинъ Андрей, Антоновскій Дмитрій.

Разрядъ 3-й. Корнильевъ Антонъ, 35. Андреевъ Викторъ—эти двѣнадцать учениковъ могутъ быть переведены въ III классъ, если удовлетворительно выдержать переэкзаменовку послѣ каникулъ: Васильковскій и Ступницкій—по русскому диктанту, Антоновскій, Власовскій, Кравченко, Крыжановскій и Любарскій—по русскому языку, Насѣдкинъ—по греческому языку, Хижняковъ по арифметикѣ, Андреевъ—по русскому языку и диктанту, Корнильевъ—по русскому и латинскому языкамъ и Литкевичъ—по латинскому языку, Васильковскій Георгій, Мигулинъ Иванъ, Новосадскій Всеволодъ, Полявцевъ Тихонъ, 40. Протопоповъ Григорій, Шемигоновъ

Иванъ, Щербининъ Александръ, Ѳедоровскій Гавріилъ, Ѳедоровъ Василій—эти девять учениковъ оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности, 45. Никитскій Александръ, Полянцкій Александръ, Степурскій Ѳедоръ, Ѳоминаъ Алексій—эти четыре ученика, какъ не державшіе экзаменъ по болѣзни, допускаются къ таковому по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ. Буханцовъ Гавріилъ, 50. Павловъ Поликарпъ, 51. Чумаковъ Константинъ—эти три ученика увольняются изъ училища, первый по малоуспѣшности, а послѣдніе по прошенію родителей.

Первый классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Стрѣльцовъ Захарій, Безугловъ Павелъ, Насѣкинъ Семень, Рудинскій Дмитрій, 5. Яновскій Михаилъ—эти пять учениковъ за благонавіе и отличные успѣхи награждаются книгами, Рубинскій Петръ, Евтушенко Яковъ, Власовъ Александръ, Ковалевскій Александръ, 10. Лукашовъ Иванъ.

Разрядъ 2-й. Стеллецкій Василій, Цвентелеймоновъ Даниилъ, Троицкій Тимофей, Безугловъ Геннадій, 15. Подлудцкій Николай, Дзюбановъ Владиміръ, Григоровичъ Антонъ, Матвѣевъ Николай, Кирилловъ Антонъ, 20. Пономаревъ Левъ, Прибытковъ Дмитрій, Рохлинъ Константинъ, Базилевичъ Григорій, Мигулинъ Иванъ, 25. Оболенцовъ Александръ, Степурскій Леонидъ, Пересыпкинъ Ѳедоръ, Гондаровскій Александръ—эти двадцать восемь учениковъ признаются достойными перевода во II классъ, Анисимовъ Захарій, 30. Стефановскій Александръ, Тугариновъ Иванъ, Яновскій Петръ.

Разрядъ 3-й. Декалоговъ Николай, Ивановъ Иванъ, 35. Наумовъ Дмитрій, Грабовскій Павелъ, Корнильевъ Павелъ, Калашниковъ Константинъ, Ковалевскій Николай—эти однадцать учениковъ могутъ быть переведены во II классъ, если удовлетворительно выдержатъ переэкзаменовку послѣ каникулъ: Анисимовъ—по русскому языку, Стефановскій и Туранскій—по русскому диктанту, Декалоговъ, Ивановъ и Наумовъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ и русскому диктанту, Яновскій—по арифметикѣ, Грабовскій и Корнильевъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, Калашниковъ—по Закону Божію и русскому языку съ церковно-славянскимъ и Ковалевскій—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, русскому диктанту и церковному пѣнію, 40. Ѳедорко Александръ—этотъ ученикъ допускается къ экзамену послѣ каникулъ—по Закону Божію, арифметикѣ, русскому языку съ церковно-славянскимъ и русскому диктанту, Пономаревъ Михаилъ, Ястремскій Михаилъ—эти два ученика, не державшіе экзаменовъ по болѣзни, допускаются къ таковымъ по всѣмъ предметамъ послѣ

каникулъ, Голубинскій Александръ, Дюковъ Евгений, 45. Невпрыгинъ Николай, Рудневъ Иванъ—эти четыре ученика оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности, 47. Ходаковский Александръ—этотъ ученикъ увольняется изъ училища по малоуспѣшности.

Приготовительный классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Платоновъ Дмитрій, Филипповъ Георгій, Мухинъ Дмитрій, Дехтяренко Василій, 5. Ковалевскій Василій—эти пять учениковъ за благонаравіе и отличные успѣхи награждаются книгами, Мухинъ Василій, Новосадскій Дмитрій, Евфимовъ Александръ, Власовскій Андрей, 10. Семейкинъ Николай.

Разрядъ 2-й. Мухинъ Алексѣй, Придбинъ Павелъ, Заграфскій Владиміръ, Федоровъ Алексѣй, 15. Мухинъ Павелъ, Агнивцевъ Николай, Богославскій Павелъ, Сенявинъ Василій, Грабовскій Илья, 20. Литкевичъ Николай, Олейниковъ Семень, Щербина Дмитрій, Ступницкій Николай, Невпрыгинъ Семень, 25. Сильванскій Иванъ, Поповъ Николай 1-й, Пономаревъ Александръ, Петровскій Антоній, Евтушенко Викторъ—эти двадцать девять учениковъ признаются достойными перевода въ I классъ, 30. Голубинскій Иванъ, Крыжановскій Владиміръ, Сергѣевъ Иванъ.

Разрядъ 3-й. Дьяковъ Николай—эти четыре ученика могутъ быть переведены въ I классъ, если удовлетворительно выдержать переэкзаменовку послѣ каникулъ: Голубинскій, Крыжановскій и Сергѣевъ по русскому языку и Дьяковъ Николай по Закону Божию и ариѳметикѣ, Иваницкій Георгій, 35. Цоновъ Николай 2-й, Сіатовскій Іосифъ—эти три ученика оставляются на повторительный курсъ въ томъ же классѣ по малоуспѣшности, Бѣлковъ Дмитрій, Полницкій Леонидъ—эти два ученика, какъ не державшіе экзаменовъ по болѣзни, допускаются къ таковымъ по всѣмъ предметамъ послѣ каникулъ, 39. Колодежный Евгений—этотъ ученикъ увольняется изъ училища.

Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго Училища

симъ объявляется, что переэкзаменовки учениковъ всѣхъ классовъ, а также и приѣмные экзамены въ I, II, III и IV классы имѣютъ начаться съ 18 августа, приѣмные же экзамены дѣтей для поступления въ подготовительный классъ имѣютъ быть 24 августа.

Разрядный списокъ воспитанниковъ Сумскаго духовнаго училища за 189⁹/₁₀ учебный годъ.

IV класса.

Удостоены перевода въ I классъ Семинарии:

Разрядъ 1-й. Николаенко Алексѣй—награждается деньгами за капиталъ протоіерея В. Никольскаго, Никитянь Николай, Стесевъ Давидъ, Василевскій Семень—награждаются книгами, 5. Чугаевъ Григорій, Лѣпскій Андрей, Исиченко Дмитрій, Вѣлоусовъ Петръ.

Разрядъ 2-й. Ястремскій Николай 2-й, 10. Григоровичъ Михайль, Пигуль Александръ, Сапухинъ Александръ, Федоровъ Николай, Юшковъ Николай, 15. Золотаревъ Константинъ, Жуковъ Авдѣломъ, Ладенко Іона, Хижняковъ Александръ, Элвинскій Александръ.

Окончили курсъ, но не удостоены перевода въ Семинарію по силую § 114 Уст. дух. сем.

20. Стеллецкій Иванъ, Ястремскій Николай 1-й, Панератьевъ Никонъ, Фіалковскій Михайль, Авксентьевъ Павелъ.

Получаютъ свидетельства объ окончаніи курса послѣ перерыва въ августѣ:

25. Чернивецкій Александръ—по греческому яз., арметскій и русскому яз. письменно, Скубенко Иванъ—по греческому языку и русскому яз. письменно.

Оставаются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Хижняковъ Михайль, Потаповъ Иванъ, Быковцевъ Григорій, 31. Крыжановскій Василій, Федоровъ Сергѣй, Торанскій Александръ, Добрецкій Гаврилъ.

Допускается къ переекзаменовкамъ на окончаніе курса на основаніи опредѣленія Св. Синода 2—23 августа 1889 г. за № 1671 (Цирк. по дух. уч. Вѣд. № 5 лит. а)

34. Донской Федоръ.

III класса.

Переводятся въ IV классъ:

Разрядъ 1-й. Наумовъ Николай, Хорошковъ Николай—награждаются книгами, Добрецкій Андрей, Рудинскій Алексѣй.

Разрядъ 2-й. 5. Касьяновъ Стефанъ, Казачокъ Иванъ, Поповъ Александръ, Новомірскаго Федоръ, Дзюбановъ Андрей, 10. Ступницкій Михайль, Малиженевскій Леонидъ.

Назначаются къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена:

Яновскій Дмитрій и Понировскій Алексѣй—по русскому яз.

письменно, Тригубовъ Федоръ—по арифметикѣ, 15. Ильинскій Сергѣй—по греческому и русскому язык. письменнo, Коваленко Владиміръ—по географіи, Горанинъ Григорій—по русскому яз. устно и арифметикѣ, Артюховскій Николай, Черниговскій Павелъ, 20. Василевскій Михайлъ—по греческому и латинскому яз., Сукачевъ Гавріиль—по латинскому яз., Проскурниковъ Павелъ и Владыковъ Сергѣй—по географіи и русскому яз. письменнo.

Остаются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:

Любинскій Николай, 25. Бранловскій Левъ, Матвѣевъ Иванъ, Новицкій Павелъ, Яблоновскій Аркадій, Федоровъ Василій, 30. Артюховскій Александръ, Бородаевскій Иванъ, Крыжановскій Иванъ, Ковтунъ Николай, Краснополюскій Семень.

Увольняется изъ училища за малоуспѣшность и великовозрастіе

35. Якубовичъ Ростиславъ.

II класса.

Переводятся въ III классъ:

Разрядъ 1-й. Жмаревъ Иванъ, Недригайловъ Дмитрій, Запороженко Александръ—награждаются кнѣгами, Греввирскій Константинъ, 5. Чугаевъ Михайлъ, Добрецкій Владиміръ, Семеновъ Александръ.

Разрядъ 2-й. Грузовъ Гавріиль, Крохатскій Дмитрій, 10. Буткевичъ Сергѣй, Торанскій Тихонъ, Рудвинскій Василій, Кузнецовъ Андрей, Чеховъ Александръ, 15. Сапухинъ Павелъ, Жербинъ Владимъ, Рубинскій Николай, Ястремскій Даніиль.

Назначаются къ переводу въ слѣдующій классъ съ передержкой экзамена:

Антоновъ Григорій—по арифметикѣ, 20. Новомірскій Андрей, Шебатинскій Анатолій и Бранловскій Владиміръ—по русскому яз. письменнo, Новицкій Василій—по арифметикѣ, Веселовскій Антоній—по священной исторіи и арифметикѣ, 25. Краснокутскій Григорій—по латинскому и русскому язык. письменнo, Николаевскій Василій—по русскому и латинскому язык., Бородаевскій Николай—по русскому яз. устно и письменнo, Бѣлогорскій Владиміръ—по арифметикѣ и русскому письменнo.

Разрядъ 3-й. Бутскій Филиппъ—по арифметикѣ, русскому яз. устно и письменнo, 30. Поповъ Иванъ—по арифметикѣ, русскому яз. устно и письменнo.

Оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ:
Ладный Иванъ, Индутный Василій, Ѳедоровъ Михаилъ, Жуевскій Георгій, 35. Косаговскій Михаилъ, Сапухинъ Александръ, Романцовъ Евграфъ.

Увольняются изъ училища по прошенію родителей:
Сербиновъ Николай, 39. Сиромахинъ Ѳедоръ.

I класса.

Переводятся во II классъ.

Разрядъ 1-й. Шебатинскій Николай, Никитинъ Алексѣй—награждаются книгами, Яблоновскій Георгій, Стефановъ Іосифъ, Мигулявъ Александръ, Артюховскій Тимоѳей, Кохановскій Николай, Лободинъ Николай.

Разрядъ 2-й. Еллинскій Иванъ, 10. Поповъ Константинъ, Пудинскій Иванъ, Авксентьевъ Антоній, Печкинъ Андрей, Прогвичъ Иванъ, 15. Поповъ Михаилъ, Рубинскій Евгений, Степуръ Александръ, Бондаренко Василій, Жуковъ Александръ, 20. Садаевъ Николай.

Будутъ переведены во II классъ, если послѣ каникулъ выдержатъ экзаменъ:

Михайловскій Стефанъ, Чернявскій Анатолій, Минченко Иванъ, Хвжняковъ Владмиръ, 25. Черниговскій Николай и Бѣлогородскій Александръ—по арифметикѣ, Куксенко Николай, Гриценко Дмитрій и Ѳедоровскій Дмитрій—по русскому яз. письменно.

Разрядъ 3-й. Черниговскій Леонидъ—по русскому яз. устно и письменно, Сапухинъ Иванъ—по священной исторіи, русск. устно и письменно.

Оставляются на повторительный курсъ:

Пономаревъ Петръ, Павловскій Семенъ, Фіалковскій Ѳедоръ, Дибкаревъ Алексѣй, Труфановъ Григорій.

Приготовительнаго класса.

Переводятся въ I классъ:

Разрядъ 1-й. Поповъ Николай, Павловскій Анастасій, Любимовъ Леонидъ—награждаются книгами, Ѳедоровъ Георгій, 5. Ступинскій Андрей.

Разрядъ 2-й. Церковницкій Николай, Крушедольскій Александръ, Карповъ Антоній, Родянко Яковъ, 10. Панкратьевъ Петръ, Грозинъ Николай, Ветуховъ Иванъ, Бочаровъ Иванъ, Должанскій Павелъ, 15. Краснокутскій Дмитрій, Николаевскій Михаилъ, Писаревскій Викторъ.

Будутъ переведены въ I классъ, если послѣ каникулъ выдержатъ экзаменъ:

Бѣляковъ Василій—по ариѳметикѣ, Индутный Петръ, 20. Карповъ Тимоеей—по русскому яз. письменно.

Разрядъ 3-й. Лѣвскій Яковъ, Сапухинъ Петръ—по ариѳметикѣ и русскому яз. письменно, Сукачевъ Виталій—по ариѳметикѣ и русскому яз. устно.

Оставляются на повторительный курсъ:

Горбуновъ Михаилъ, 25. Литкевичъ Иванъ, Луценко Леопидъ—по болѣзни, Бородаевскій Александръ—по малоуспѣшности.

Увольняются изъ училища:

Ткаченко Василій—по малоуспѣшности, Ѳedorовъ Веніаминъ—по болѣзни и великовозрастію, 30. Лисенко Сергѣй, Ѳedorовъ Стефанъ—за долговременную неявку въ училище.

Отъ Правленія Сумскаго Духовнаго Училища.

Правленіе Сумскаго духовнаго училища объявляетъ: 1) что перекэзаменовка воспитанниковъ, получившихъ на годичномъ испытаніи неудовлетворительныя баллы, назначены на 27 и 28 августа, а пріемныя испытанія на 26 число того же мѣсяца. Въмѣстѣ съ сѣмъ сообщаетъ, что въ 5 классахъ училища свободныхъ вакансій, для поступленія въ училище съ домашнимъ образованіемъ и изъ другихъ заведеній, имѣется 70, а именно: въ 4 классѣ 10 вакансій, во 2 классѣ 2 вакансій, въ 1 классѣ 12 вакансій, приготовительномъ 46; въ 3 классѣ свободныхъ вакансій не имѣется. Начало учебныхъ занятій 31 августа.

2) Всѣ воспитанники свѣтскаго званія обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь учебный годъ въ количествѣ 40 рублей.

3) Родители воспитанниковъ училища, желающіе, чтобы дѣти ихъ приняты были на полнокоштное или полукоштное епархіальное содержаніе, а равно съ уменьшенной платой, обязаны подать прошеніе въ Правленіе училища не позже 26 августа, съ приложеніемъ благочинническаго удостовѣренія о своей бѣдности по формѣ, сообщенной оо. благочиннымъ.

4. Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ училищное общежитіе, должны внести установленную плату впередъ за полгода, а вновь поступающіе воспитанники, кромѣ того, обязаны внести по 10 рублей въ Правленіе училища на постельный приборъ и 10 рублей на письменныя принадлежности.

5. Правленіе училища, согласно журнальному постановленію, утвержденному Его Высочайшимъ Священствомъ отъ 19 іюня н. г. доводитъ до свѣдѣнія окружнаго духовенства, что для предстоящихъ занятій сѣзда духовенства, пмѣющаго быть 21 сентября н. г., назначаются слѣдующіе предметы: а) разсмотрѣніе журналовъ предъидущаго сѣзда за 1898 г.; б) разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училищнаго общежитія на будущемъ 1900 г.; в) докладъ временно-ревизіоннаго комитета по документальной провѣркѣ экономическаго отчета и прихода-расходной книги училища за 1898 г.; г) разсмотрѣніе вѣдомостей о благочыннхъ Сумскаго училищнаго округа о приходѣ, расходѣ и остаткѣ церковныхъ суммъ, а также о продажѣ вѣничковъ и листовъ разрѣшительной молитвы; д) текущія по Правленію училища дѣла.

Разрядный списокъ воспитанниковъ Купянскаго Духовнаго Училища за 189^{8/9} учебный годъ.

Четвертаго класса.

Окончившіе курсъ и признанные достойными перевода въ 1-й классъ Духовной Семинаріи:

Разрядъ 1-й. 1. Чернявскій Сергій, Тычининъ Григорій, Евфимовъ Владиміръ—съ награжденіемъ книгами, Косминъ Ѳеодоръ, 5. Нарожный Михаэль, Ладскій Сергій.

Разрядъ 2-й. Макаровскій Михаэль, Матвѣенко Николаѣ, Поповъ Антоній, 10. Торанскій Александръ, Пономаревъ Николаѣ. Толмачевъ Иванъ, Петраковъ Алексѣй, Землянскій Константинъ. 15. Алферовъ Василій.

Признаются успѣшно окончившими полный курсъ ученія въ духовномъ училищѣ съ правомъ поступленія въ 1-й классъ Духовной Семинаріи, если выдержатъ при оной переекзаменовку:

Жуковскій Василій,—по ариѳметикѣ, Соколовъ Валентинъ—по латинскому языку и географіи и Бородаевъ Ѳеодоръ—по латинскому языку и ариѳметикѣ.

Увольняются изъ училища, за окончаніемъ полнаго курса ученія въ духовномъ училищѣ, если удовлетворительно выдержатъ переекзаменовку:

Трегубовъ Петръ—по ариѳметикѣ.

Разрядъ 3-й. 20. Будянскій Николаѣ—по катихизису и греческому языку.

Имѣютъ держать послѣ лѣтнихъ каникулъ экзамены, которыхъ не держали по болѣзни:

Смирскій Иванъ и Поповъ Павелъ.

Третьяго класса.

Переводятся въ 4-й классъ:

Разрядъ 1-й. 1. Головчанскій Арсевій, Чернябинъ Михайлъ, Федоровъ Иванъ, Филипченко Василій—съ награжденіемъ книгами, 5. Твердохлѣбовъ Иванъ, Алексѣевъ Стефанъ.

Разрядъ 2-й. Дикаревъ Леонидъ, Поповъ Александръ, Сѣвирскій Александръ, 10. Смирскій Тимонъ, Давидовичъ Евгений, Бугуцкій Николай, Якубовичъ Леонидъ, Трегубовъ Петръ, 15. Базилевичъ Владиміръ.

Переводится въ 4-й классъ безъ экзамена, на основаніи опредѣленія Св. Синода отъ 21 февраля и 3 марта 1895 года,

Улановъ Владиміръ.

Будутъ переведены въ 4-й классъ, если послѣ каникулъ выдержатъ переекзаменовку:

Бесѣда Алексѣй—по греческому языку, Базилевичъ Александръ—по русской письменной работѣ.

Разрядъ 3-й. Суховъ Петръ—по ариметикѣ и географіи, 20. Кузнецовъ Павелъ—по греческому языку и ариметикѣ.

Оставаются на повторительный курсъ:

Куропка Евфимъ, Шишловъ Ипполитъ, Пономаревъ Викторъ, Авксентьевъ Григорій, 25. Путилинь Павелъ, Дзюбановъ Стефанъ, Поповъ Иванъ—по малоуспѣшности; Жадановскій Петръ, Сапухивъ Александръ, 30. Скубачевскій Николай—по прошенію родителей.

Имѣютъ держать послѣ лѣтнихъ каникулъ экзамены, котораго не держалъ по болѣзни.

Арефьевъ Петръ.

Увольняется изъ училища по малоуспѣшности и великовозрастію
Финченко Трофимъ.

Второго класса.

Переводятся въ 3-й классъ:

Разрядъ 1-й. 1. Любичскій Леонидъ, Лядскій Константинъ, Базилевичъ Александръ, Евфимовъ Григорій—съ награжденіемъ книгами, 5. Жуковъ Евгений, Бородаевъ Викторъ.

Разрядъ 2-й. Поповъ Александръ, Жуковскій Леонтій, Константинъ Николай, 10. Ивановъ Николай, Татаринъ Алексѣй, Крас-

покутскій Анатолій, Прунъ Петръ, Щелоковскій Косьма, 15. Хол-
ской Иванъ.

*Будутъ переведены въ 3-й классъ, если послѣ каникулъ выдержи-
жатъ переэкзаменовку:*

Дробать Григорій—по священной исторіи, Капустинъ Александръ
—по арифметикѣ, Басанскій Алексѣй—по русскому языку.

Разрядъ 3-й. Краснопольскій Семень—по латинскому языку и
арифметикѣ, 20. Барышняковъ Александръ—по греческому и ла-
тинскому языкамъ, Дикаревъ Викторъ—по русскому языку и
арифметикѣ.

Оставляются на повторительный курсъ:

Бѣликовъ Николай, Голяко-Захаржевскій Глѣбъ, Феневъ Захарій.
25. Малишевскій Павелъ, Оржельскій Иванъ, Алексѣевъ Киріонъ.
Тетивняковъ Сергій, Дикаревъ Александръ—по малоусиѣнности.
30. Алферовъ Яковъ, Василевскій Сергій—по прошенію родителей.

*Имѣетъ держать послѣ лѣтнихъ каникулъ экзаменъ, который
не держалъ по болѣзни:*

Сильванскій Алексѣй.

Увольняется изъ училища, по прошенію отца,

Шиповаловъ Дмитрій.

Перваго класса.

Переводятся во 2-й классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Гилуновъ Иванъ, Гавриловъ Иванъ, Сѣкирскій
Владиміръ, Лонгиновъ Алексѣй, 5. Яценко Борисъ—съ награжде-
ніемъ книгами, Кустовскій Борисъ, Базилевичъ Алексѣй.

Разрядъ 2-й. Арефьевъ Дмитрій, Котляревскій Петръ, 10. Дзю-
бановъ Герасимъ, Макухинъ Юсифъ, Жуковскій Александръ, Сере-
динъ Дмитрій, Чернявскій Николай, 15. Любарскій Аѳанасій, Гра-
бовскій Иванъ, Чиркинъ Юсифъ, Веселовскій Иванъ, Жуковъ Иванъ.
20. Христіановскій Стефанъ, Ивановъ Пантелеямонъ, Лонгиновъ
Михаилъ, Козырьковъ Михаилъ, Василевскій Михаилъ.

*Будутъ переведены во 2-й классъ, если послѣ каникулъ выдержи-
жатъ переэкзаменовку:*

25. Климентовъ Николай, Бутковъ Григорій—по арифметикѣ.

Разрядъ 3-й. Рудневъ Александръ—по священной исторіи и
арифметикѣ.

Оставаются на повторительный курсъ:

Кремповскій Иванъ, Базилевичъ Василій—по прошенію родителей, 30. Платоновъ Стефанъ—по малоуспѣшности.

Увольняется изъ училища, по прошенію отца.

Платоновъ Дмитрій.

Приготовительнаго класса.

Переводятся въ 1-й классъ.

Разрядъ 1-й. 1. Василенко Тимофей, Сильванскій Александръ, Коробчанскій Владиміръ, Трегубовъ Дмитрій, 5. Котляревскій Григорій, Сѣкырскій Борисъ—съ награжденіемъ выганами, Жуковскій Яковъ, Башневъ Павелъ, Филипченко Михайла, 10. Мавухинъ Михайла.

Разрядъ 2-й. Краснокутскій Евгеній, Поликарповъ Валентинъ, Якубовичъ Николай, Полницкій Алексѣй, 15. Базилевичъ Николай, Зайцевъ Константинъ, Малишевскій Александръ, Анисимовъ Александръ, Дзюбановъ Иванъ, 20. Скорикъ Петръ, Щелобовскій Левъ, Ковалевъ Павелъ, Ливницкій Семенъ, Поповъ Яковъ.

Будутъ переведены въ 1-й классъ, если послѣ каникулъ выдержатъ переекзаменовку:

25. Войтовъ Григорій 1-й, Любарскій Иванъ—по русскому языку, Капустинъ Павелъ—по Закону Божію.

Разрядъ 3-й. Горайнъ Яковъ—по Закону Божію и ариметикѣ.

Оставаются на повторительный курсъ:

Свдоровъ Николай, 30. Асѣевъ Владиміръ—по малоуспѣшности, Войтовъ Григорій 2-й, Матвѣевъ Николай—по прошенію родителей. *Увольняется изъ училища по малоуспѣшности и великовозрастію* Войтовъ Андрей.

Отъ Правленія Купянскаго Духовнаго Училища.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища объявляетъ: 1) переекзаменовки и пріемныя испытанія послѣ лѣтнихъ каникулъ въ настоящемъ году ученикамъ Купянскаго духовнаго училища назначены въ слѣдующемъ порядкѣ: августа 18 и 19 переекзаменовка ученикамъ 4-го класса и пріемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ, августа 20 и 21 переекзаменовка ученикамъ 3-го класса и пріемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ, августа 23-го переекзаменовка ученикамъ 2-го класса и пріемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ, августа 24-го переекзаменовка ученикамъ 1-го

класса и приемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ, августа 25 и 26 переэкзаменовка ученикамъ приготовительнаго класса и приемъ поступающихъ вновь въ этотъ классъ.

2) Всѣ воспитанники свѣтскаго званія обязаны внести плату за обученіе впередъ за весь учебный годъ, въ количествѣ 60 р.

3) Родители воспитанниковъ училища, желающіе, чтобы дѣти ихъ приняты были на полное или полукоештное училищное содержаніе, обязаны подать прошеніе въ Правленіе училища не позже 15 августа, съ приложеніемъ благотворительнаго удостовѣренія о своей бѣдности по формѣ.

4) Всѣ воспитанники, желающіе поступить въ училищное общежитіе, должны внести установленную плату впередъ за полгода, а вновь поступающіе воспитанники, кромѣ того, обязаны внести въ 12 руб. 50 коп. въ Правленіе училища на постельныя принадлежности.

На 308 стр. 12 № «Листка для Харьковской епархіи» в. г. о переэкзаменовкѣ воспитанниковъ 3-го парал. кл. Духовной Семинаріи напечатано: „Николай Поморцевъ—по церковной исторіи и логикѣ“; слѣдуетъ читать: „Николай Поморцевъ—по латинскому языку“.

Отчетъ Комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ, въ южной Болгаріи, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 годовъ, по 31 декабря 1898 г.

Къ 1 января 1898 г. въ капиталахъ Комитета состояло: 695,411 р. 49½ к. Къ нимъ поступило съ 1-го января по 31-е декабря 1898 года: 168,888 р. 82 к.; а съ остаткомъ отъ 1897 г., къ 1-му января 1898 г. всего въ приходѣ 864,300 р. 31½ к. Съ 1-го января по 31-е декабря 1898 г. израсходовано: 285,373 р.; затѣмъ къ 1-му января 1899 г. въ остаткѣ 572,875 р.; итого въ наличности 578,927 р. 31½ к.; балансъ 864,300 р. 31½ к. Изъ общей суммы процентныхъ бумагъ и наличныхъ денегъ 578,927 р. 31½ к. состоятъ: 1) въ *расходномъ капиталѣ*, предназначенномъ на постройку церкви и текущіе по Комитету расходы,—323,925 р.; 2) въ *запасномъ капиталѣ*, для обезпеченія содержанія будущаго причта и ремонта церкви,—239,645 р. 84½ к.; 3) въ *спеціальномъ капиталѣ*, на устройство и содержаніе духовнаго училища предполагаемой къ постройкѣ церкви,—17,781 р. 38½ к.; 4) въ *спеціальныхъ суммахъ*, имѣющихъ, по волѣ жертвователей, особаго назначенія,—2,191 р. 91½ к. Съ открытіемъ дѣйствій Коми-

тета, т. е. съ мая 1880 г. по 31 декабря 1898 г. поступило— 463,945 р. 10 к. Израсходовано съ мая 1880 г. по 31 декабря 1898 г.: на заготовку строительныхъ матеріаловъ и принадлежностей; на работы по постройкамъ и сооруженіямъ; на содержаніе и вознагражденіе строительнаго персонала; на командировки и разъѣзды; на изготовленіе смѣтъ, плановъ и чертежей; на составленіе архитектурныхъ проектовъ по конкурсу; на канцелярію Комитета п дѣлопроизводство; на охрану имущества Комитета во время пріостановки работъ по постройкѣ; на судебныя по имуществу Комитета пошлины, на пенсію потерявшему зрѣніе на службѣ Комитета черногорцу Николаю Пырлѣ; на стипендіи болгарскимъ воспитанникамъ въ русскихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ и проч., всего 359,422 р. 33 к.

На % расходунаго капитала Комитета воспитывалось въ 1898 году 41 болгаринъ, изъ коихъ въ академіяхъ: Петербургской 8, Киевской 7, Казанской 8; въ семинаріяхъ: Московской 1, Петербургской 2, Киевской 8, Одесской 3, Полтавской 1; въ училищахъ: Киево-Софійскомъ 1, Кіево-Подольскомъ 1 и Одесскомъ 1.

Продолжавшаяся въ 1898 году строительная дѣятельность Комитета выразилась въ слѣдующемъ: Возведенъ подвальный этажъ храма высотой въ 4½ аршина; поставленъ гранитный цоколь высотой 1,4 арш.; стѣны храма и галлерей возведены на высоту 10 арш. отъ поверхности земли (считая отъ подошвы заложения фундаментовъ, зданіе выведено на высоту 19 аршинъ). Выбучены фундаменты подъ зданіе семинаріи, установлена часть цоколи и выведены частью стѣны перваго этажа съ южной стороны. Произведено земляныхъ работъ по выемкѣ сыромъ и рвами подъ зданіе семинаріи, по засыпкѣ овраговъ и урегулированію площадокъ храма и семинаріи для огражденія оныхъ отъ размыва горными потоками дождевыхъ и весеннихъ водъ—1070 куб. саж. Произведены временныя постройки: амбаръ для храненія строительныхъ матеріаловъ, водопроводъ отъ рѣчки до мѣста построенія храма, сарай для смѣшиванія цемента, баня для рабочихъ, кузница, навѣсы для черченія шаблоновъ и для камнетесовъ, и проч.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Памяти Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Георгія Александровича.—О народныхъ чтеніяхъ.—Забытыя сокровища.—Памятники церковной старины.

Неожиданный и тѣмъ болѣе тяжкій ударъ поразилъ Царскую Семью и народъ Русскій, сливающійся съ Царемъ своимъ во всѣхъ

радостяхъ и горестяхъ: 28-го іюня, въ девять часовъ 35 минутъ, вдали отъ Вѣнценоснаго Брата Своего, Августѣйшей Матери и дорогихъ сердцу лицъ, въ Возѣ почилъ Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ. Если смерть каждаго дорогаго человѣка преисполняетъ скорбью сердце, то во сколько кратъ глубже должна быть эта скорбь, когда мы видимъ, какъ въ могилу сходятъ дорогое лицо, съ которымъ было соединено столько свѣтлыхъ надеждъ, прекращается жизнь въ такое время, когда начинается только полное разцвѣтъ духовныхъ и физическихъ силъ. Его Императорское Высочество, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великій Князь Георгій Александровичъ, второй сынъ покойнаго Императора Александра III и Императрицы Маріи Феодоровны, родился 27 апрѣля 1871 года. Свое дѣтство и юность Его Императорское Высочество провелъ въ счастливой семейной обстановкѣ Аничкова Дворца, подъ благотворнымъ вліяніемъ Августѣйшихъ Родителей и подъ опытнымъ руководствомъ Своего воспитателя генераль-адъютанта Григорія Григорьевича Даниловича. Выросши въ самой счастливой семейной обстановкѣ, получившій превосходное образованіе и богато-одаренный отъ природы, почившій Великій Князь готовился послужить Россіи, которую такъ горячо любилъ. Онъ много готовился къ этой службѣ и избралъ морское поприще, которое успѣлъ полюбить во время частныхъ поѣздокъ съ Августѣйшими Родителями по морю. Назначенный съ первыхъ дней жизни шефомъ 93-го пѣхотнаго Иркутскаго полка, Онъ, вслѣдствіе рано обнаруженности склонности къ занятіямъ морскими науками, съ 27 апрѣля 1889 года получивъ назначеніе состоять въ 1-мъ флотскомъ Генераль-Адмирала Великаго Князя Константина Николаевича званіемъ и съ 27 іюля того же года былъ произведенъ въ мичманы, а съ 1894 года—въ лейтенанты. Еще въ 1888 году Его Императорское Высочество совершилъ первую морскую кампанію на фрегатѣ «Генераль-Адмиралъ», подъ руководствомъ своего новаго воспитателя по морской части—Свиты Его Величества контръ-адмирала Н. Н. Ломена, а въ 1890—1891 годахъ, на фрегатѣ «Память Азова» сопровождалъ при кругосвѣтномъ плаваніи Своего Августѣйшаго Брата (нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора), но вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія здоровья возвратился раньше изъ Индіи. Не смотря на Свое болѣзненное состояніе, Наслѣдникъ Цесаревичъ не переставалъ интересоваться научными знаніями. По Его желанію, извѣстный профессоръ Московскаго Университета В. О. Ключевскій прочелъ

Ему въ Абасъ-Туманѣ курсъ русской исторіи (съ сентября 1893 г. до марта 1894 года). Состоитъ почетнымъ предсѣдателемъ Русскаго Астрономическаго Общества, Его Императорское Высочество устроило въ своей резиденціи обсерваторію и метеорологическую станцію. Благовольтельно относясь къ ученымъ дѣятелямъ, Онъ на свое издвигеніе издалъ два важные труда въ переводѣ съ англійскаго языка: «Вліяніе морской силы на исторію», изслѣдованіе капитана Мэхэна (Спб. 1895 г., 634 стр.), и «Морская война, ея основные принципы и опытъ», сочиненіе Коломба (Спб. 1896 г.). Нагляднымъ памятникомъ научныхъ стремленій Почившаго остался и «Объяснительный каталогъ библіотеки Его Императорскаго Высочества въ Абасъ-Туманѣ: Кавказъ и сосѣднія съ нимъ страны» (Тифлисъ 1894 г., 232 стр.). Съ сердечнымъ участіемъ вся Россія слѣдила за состояніемъ здоровья Великаго Князя, возсылала молитвы Всевышнему о дарованіи Ему исцѣленія и радовалась всякому малѣйшему улучшенію здоровья, не теряя надежды на то, что дорогая жизнь Государева Брата будетъ сохранена еще на много лѣтъ и ему позволено будетъ послужить родинѣ во флотѣ, какъ онъ этого всегда желалъ. Но этимъ надеждамъ не суждено было сбыться. 28-го іюня, въ 9 час. утра, Наслѣдникъ Цесаревичъ выѣхалъ на прогулку на велосипедѣ съ безпильнымъ двигателемъ изъ Абасъ-Тумана по направленію къ Зегарскому перевалу. Слѣдуя очень быстро, Его Императорское Высочество проѣхалъ около двухъ верстъ и потомъ повернулъ назадъ. Шедшая по пути слѣдованія Цесаревича молованка, Анна Дасаева, увидѣла, какъ Наслѣдникъ, возвращаясь, замедилъ движеніе велосипеда, отплеывая густую кровь; затѣмъ Его Высочество остановилъ ходъ и, сойдя съ велосипеда, пошатнулся. Подбѣжавъ, Дасаева поддержала Его Высочество, со словами: „Что съ Вами?“— Наслѣдникъ Цесаревичъ отвѣтилъ— „ничего“, а на предложеніе воды, знакомъ руки изъявилъ согласіе. Тогда Дасаева, опустивъ поддерживаемаго ею Великаго Князя на землю, стала освѣжать Великому Князю водою голову и ротъ; тутъ же послѣдовала кончина Наслѣдника Цесаревича тихо и безъ страданій. Тѣло въ Бозѣ почившаго Наслѣдника Цесаревича было доставлено во Дворецъ, а мѣсто кончины обнесено рѣшеткою. Да пошлетъ Господь силы и крѣпость Государю Императору и Августѣйшей Родительницѣ Его перенести скорбь, ниспосланную Имъ этою преждевременною утратой дорогаго Брата и Сына, и да пошлетъ Онъ Имъ утѣшеніе въ томъ, что вмѣстѣ съ Ними милліоны вѣрноподданныхъ возносятъ молитвы къ Престолу Всевышняго о упокоеніи души усопшаго въ селеніяхъ праведныхъ. (Моск. Вѣд.)

— Въ учрежденномъ при министерствѣ народнаго просвѣщенія особомъ совѣщаніи изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, выработавъ новый порядокъ разрѣшенія народныхъ чтеній: вмѣстѣ министровъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ и обер-прокурора Св. Синода, дѣло это будутъ вѣдать архіереи, губернаторы и попечители учебныхъ округовъ, а въ нѣкоторыхъ отдѣльных случаяхъ, требующихъ спѣшности, даже директоры народныхъ училищъ, при условіи предварительнаго сношенія съ указанными лицами (губернаторомъ и архіереемъ) и съ доведеніемъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа. (Стран.)

— «Сямб. Еп. Вѣдомости» обращаютъ вниманіе любителей духовно-нравственнаго чтенія на древне-учительные Сборники, выдержки изъ которыхъ помѣщаются въ приложеніи къ журналу «Странникъ» подъ названіемъ: „Памятники древне-русской церковно-учительной литературы“, именно изъ Пролога, Златоуста, Златой цепи и др. За что и для чего забыты эти Сборники, повліяніемъ которыхъ сложилось то прочное, живущее на религіозно-мировоззрѣніе русскаго человѣка, которымъ онъ отличался всегда и которое характеризуетъ его и по нынѣ. Представленные въ своей первоначальной христіанской чистотѣ, эти чтенія изъ Пролога имѣли бы громадное нравственно-воспитательное воздѣйствіе на народъ именно тѣмъ воодушевленіемъ, которое всегда отличало рѣчь древнихъ отцовъ и учителей нашей Церкви. И не нужно была бы духовенству та масса новыхъ поученій и риторическихъ словъ и бесѣдъ, которыя чуть не ежедневно издается въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ, то въ видѣ отдѣльныхъ изданій, то въ видѣ приложеній къ нашимъ духовнымъ журналамъ. И въ самомъ дѣлѣ. Чтенія изъ Пролога и другихъ древнѣйшихъ Сборниковъ этого рода удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ правильно составленной и вполне результатной проповѣди. Отличительной чертой всѣхъ этихъ чтеній служатъ крайняя простота ихъ рѣчи: главное предложеніе составляетъ наиболѣе частую форму выраженія мысли; придаточныхъ предложеній придающихъ слогу періодическую форму, очень мало; притомъ всѣ они изложены замѣчательно понятно и просто. Съ внутренней своей стороны, со стороны содержанія, древнія поученія очень элементарны и по убѣдительности своей положительно изумительны (на нихъ похожи отчасти наши Троицкіе Листки, напр. О, еже не осуждати“, „Златоустъ“, Слово преп. Анастасія). Замѣчательныя параллели, употребляемыя въ древнихъ Прологахъ, иногда и въ голову не придутъ нашимъ современнымъ проповѣдникамъ. Приведемъ образецъ изъ поученія „о пьянствѣ“, принадле-

жащаго Св. Василю Великому. Въ дѣлахъ сильнѣйшаго воздѣйствія на страляющихъ страстію къ спиртнымъ напиткамъ, Св. Василій приводитъ сравненія между пьяницей и бѣсноватымъ: „бѣсный страждетъ неволю, избудетъ вѣчныя муки; пришеде іерей къ бѣсному, молитвою отгоняетъ бѣса; но надъ пѣщаго еже и со всея вселенныя собралися священницы и молитву, сотворили, не могутъ подъяти отъ пьянства, ни самовольнаго бѣса отогнати пьянственнаго“.—Кромѣ, краснорѣчія, столь присущаго древнимъ образцамъ изъ Пролога, они отличаются особенно эрудиціей по знанію Св. писанія и Св. Отець, причемъ приводятся примѣры изъ жизни святыхъ разныхъ временъ и народовъ,—съ глубочайшею вѣрою въ то великое дѣло, которое дѣлали проповѣдники.—Дай Богъ, чтобы эти сокровища, которыхъ справедливо авторъ назвалъ забытыми, поскорѣ перестали быть забытыми и попали въ руки каждаго іерея Божія: это—такіе добрые друзья, которые готовы дать намъ помощь и добрый совѣтъ каждый часъ, каждую минуту, во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни.

— «Церк. Вѣстникъ» сообщаетъ, что въ центральномъ духовномъ вѣдомствѣ въ послѣднее время разрабатывается вопросъ о мѣрахъ къ сохраненію и разработкѣ вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ церковной старины. По запискѣ, составленной по сему предмету начальникомъ архива при Св. Синодѣ А. Н. Львовомъ, предполагается въ каждой епархіи, по примѣру губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, постепенно образовать при духовныхъ семинаріяхъ церковно-археологическіе комитеты, которые будутъ имѣть своею задачею наблюденіе, изученіе, регистрированіе и по возможности научное изслѣдованіе вещественныхъ и письменныхъ памятниковъ своей епархіи. При комитетахъ обязательно имѣютъ быть учреждены церковно-археологическіе музеи или древлекранилища. По мѣрѣ возможности и надобности, комитетами будутъ открываться епархіальные историческіе архивы, въ которыхъ имѣютъ сосредоточиваться, и списываться для пользованія съ научною цѣлію всѣ официальные и частные письменные памятники епархіи, какъ историческаго, такъ и археографическаго характера. Епархіальные комитеты, состоя при духовныхъ семинаріяхъ, будутъ составляться, прежде всего, изъ преподавателей всѣхъ мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній, а затѣмъ изъ мѣстныхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, интересующихся изученіемъ и разработкою памятниковъ старины. Музей, находясь въ завѣдываніи преподавателей литургіи, будетъ регистрироваться и описываться воспитанниками старшихъ классовъ

семинаріи, что дастъ возможность будущимъ пастырямъ церкви всесторонне ознакомиться съ предметами археологіи и практически приучаться къ правильной регистраціи, описанію и храненію ихъ. При Св. Синодѣ имѣеть быть организована центральная церковно-археологическая коммиссія. Нельзя не отнестись сочувственно къ этому благому начинанію. Если за послѣднее время и замѣчается подъемъ въ обществѣ и духовенствѣ интереса къ церковной археологіи, но всетаки наши церковно-археологическія знанія не стоятъ на надлежащей высотѣ. И въ настоящее время масса драгоцѣнныхъ въ историческомъ отношеніи церковныхъ предметовъ и рукописей или валяются какъ никуда ненужный хламъ за яко-бы ненадобностію, подвергаются уничтоженію, или являюцца предметомъ спекулятивныхъ операцій различныхъ торгашей (о послѣднемъ напр. въ прошломъ году сообщили «Архангел. Епар. Вѣд.» № 8 въ корреспонденціи съ терскаго берега). По проекту А. Н. Львова, между прочимъ, епархіальнымъ археологическимъ комитетамъ предполагается поручать предварительное изученіе и разсмотрѣніе всѣхъ ходатайствъ и дѣлъ, возникающихъ въ епархіи по постройкамъ и реставраціямъ древнихъ храмовъ, иконописи, стѣнописи и т. п. Мотивированныя заключенія комитетовъ по этимъ вопросамъ, основанныя на непосредственномъ ихъ знакомствѣ съ всеми однородными памятниками епархіи, будутъ служить матеріалами для правильнаго сужденія подлежащихъ административныхъ учреждений, которыя въ настоящее время поставлены въ необходимость разрѣшать эти вопросы большею частію на основаніи заключеній случайныхъ представителей археологовъ, иногда совсѣмъ незнакомыхъ съ мѣстными памятниками и мѣстными условіями и потребностями церковно-религіозной жизни. Комитетамъ будутъ дарованы средства, которыми они могутъ оказывать благотворительное вліяніе и на то, чтобы формы и характеръ разныхъ церковныхъ принадлежностей удерживали свой древне-церковный характеръ, а не зависѣли отъ ремесленнаго произвола и коммерческихъ соображеній. Хорошо, конечно, было-бы, если-бы подобнымъ специальнымъ учрежденіямъ даровано было право цензуры иконописи, стѣнописи, рельефныхъ изображеній, надписей на священныхъ предметахъ и т. п., надзора за производствомъ и продажей священныхъ изображеній и предметовъ, а также наложенія veto на нѣкоторые фабрикаты современной промышленности, возникшей на почвѣ народной религіозности, но противные духу православія и являющіеся предметомъ спекулятивныхъ оборотовъ, какъ-то: печатныя на металлѣ иконы, литографіи съ религіознымъ сюжетомъ, крестики съ панорамой и т. п.

«Моск. Цер. Вѣд.».

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Іюля № 14. 1899 года.

Содержаніе. Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату.—Высочайшее повелѣніе.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897/8 учебный годъ (продолженіе).—Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, за 1899 годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату.

Любезнѣйшаго Брата Нашего, Великаго Князя Михаила Александровича, Коему, въ силу основныхъ государственныхъ законовъ, принадлежить, доколѣ Господь Богъ не благословитъ Насъ рожденіемъ Сына, ближайшее право на наслѣдіе послѣ Насъ Престола, повелѣваемъ именовать во всѣхъ случаяхъ Государемъ Наслѣдникомъ и Великимъ Княземъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Въ 7-й день іюля 1899 года.
Въ Петергофѣ.

Высочайшее повелѣніе.

Государь Императоръ, во 2-й день іюля сего года, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи ректору Латовской духовной семинаріи Архимандриту *Иннокентію* епископомъ Сумскимъ, викаріемъ Харьковской епархіи, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе его въ епископскій санъ произведено было въ городѣ С.-Петербургѣ.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода,

отъ 7-го іюля 1899 года за № 2584, о новой формѣ возношенія при богослуженіи Высочайшихъ Именъ Августѣйшей Фамиліи.

По Указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе Г. Синодальнаго Оберъ-

Прокурора, отъ 7-го сего іюля, коимъ объявляетъ Святѣйшему Синоду, для зависящихъ распоряженій, что Государь Императоръ, 6-й день текущаго іюля, Высочайше соизволяя утвердить новую форму возношенія при богослуженіяхъ Высочайшихъ Именъ Августѣйшей Фамиліи, въ измѣненіе формы, Высочайше утвержденнаго 30-го іюня сего года. Приказали: Напечатать означенную Высочайше утвержденную, 6-го текущаго іюля, форму возношенія при богослуженіяхъ Высочайшихъ Именъ Августѣйшей Фамиліи съ бытъ приложеніемъ къ № 28 «Церковныхъ Вѣдомостей», представить подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ духовнаго вѣдомства, что впредь при богослуженіяхъ совершалось возношеніе Высочайшихъ Именъ Августѣйшей Фамиліи по прилагаемой при семъ Высочайше утвержденной формѣ.

Отчетъ Епархіального Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 189⁷/₈ учебный годъ.

(Продолженіе *).

Мѣры, принимаемыя къ повышенію педагогической подготовки учащихся.

Независимо отъ курсовъ, имѣющихъ самое рѣшительное значеніе въ дѣлѣ педагогическаго образованія учителей, оо. уѣздные наблюдатели съ своей стороны прилагали возможныя для нихъ мѣры къ повышенію педагогической подготовки учителей. Такъ Изюмскій уѣздный наблюдатель предлагалъ оо. завѣдывающимъ матеріально обеспеченныхъ школъ приобретать рекомендованныя учебнымъ начальствомъ методики обученія по разнымъ предметамъ школьнаго курса. При посѣщеніи школъ, усматривая явные недостатки въ приѣмахъ преподаванія того или другого учителя, онъ предлагалъ съ своей стороны примѣрные уроки первоначальнаго обученія. Кромѣ того къ началу текущаго учебнаго года въ г. Славянскѣ во второклассную школу предположено вызвать нѣкоторыхъ учителей школъ грамоты для слушанія уроковъ первоначальнаго обученія. Харьковскій и Волчанскій уѣздные наблюдатели при посѣщеніи школъ вели сверхъ того бесѣды по вопросамъ о постановкѣ преподаванія того или другого предмета, на вопросы и недоумѣнія учителей давали соответствующія разъясненія и указывали методическія руководств:

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 18.

по предметамъ школьнаго курса. Въмѣстѣ съ тѣмъ они побуждали оо. завѣдующихъ, какъ лицъ получившихъ полное образованіе, чтобы они всячески содѣйствовали успѣхамъ школьнаго дѣла и не оставляли неопытныхъ учителей въ безпомощномъ положеніи. Въ затруднительныхъ случаяхъ неопытные учителя не стѣснялись обращаться къ опытнымъ въ педагогическомъ дѣлѣ своимъ товарищамъ. Въ Богодуховскомъ уѣздѣ наблюдается и болѣе симпатичное и полезное въ школьномъ дѣлѣ явленіе. По свидѣтельству Богодуховскаго уѣзднаго наблюдателя, оо. законоучители и учителя тѣхъ городовъ и селъ, въ которыхъ имѣется нѣсколько школъ, при посѣщеніи другъ друга въ праздничные дни или по своимъ обязанностямъ, обыкновенно ведутъ совѣщанія о способахъ и приемахъ обученія, задачахъ и цѣляхъ церковныхъ школъ и мѣрахъ воспитанія дѣтей въ духѣ Св. Церкви и вѣры православной. Само собой разумѣется, что устные бесѣды и живой примѣръ не такъ надолго могутъ остаться въ памяти учителей, какъ хорошая книга, освященная практическими указаніями и руководствами. Поэтому Купянскій уѣздный наблюдатель особенно настаиваетъ на распространеніи среди учителей разнаго рода методическихъ руководствъ, книгъ для самостоятельнаго чтенія и педагогическихъ журналовъ, могущихъ поддерживать учителей на уровнѣ современной педагогикѣ.

Но предлагая подобнаго рода мѣры, оо. уѣздные наблюдатели въ то же время сознаютъ, что значеніе такихъ мѣръ въ высшей степени условно и находится въ зависимости и отъ отдѣльныхъ лицъ и отъ случайныхъ обстоятельствъ и, наконецъ, отъ характера того или другого руководства, совѣта и наставленія, что, однимъ словомъ, эти мѣры не могутъ существенно восполнить тотъ педагогическій пробѣлъ, который существуетъ въ составѣ нашихъ учителей по причинѣ многихъ и неустранимыхъ обстоятельствъ. Въ данномъ случаѣ нужно избрать для этого вѣрное средство и рѣшительную мѣру. Такою мѣрою, дающею прочное основаніе для педагогическаго образованія, являются курсы педагогическіе и церковнаго пѣнія.

Педагогическіе курсы. Лѣтомъ 1898 года Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ были устроены курсы епархіальные для учителей одноклассныхъ церковныхъ школъ и курсы окружные для учителей второклассныхъ школъ десяти епархій, въ томъ числѣ и Харьковской.

Подробныя данныя относительно устройства курсовъ епархіаль-

ныхъ и окружныхъ были изложены въ статьяхъ епархіальнаго наблюдателя В. Давыденко въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, Августъ кн. 1-я, и въ отчетѣ о сѣхъ курсахъ инспектора курсовъ ректоръ Семиваріи прот. І. Знаменскаго, помѣщенномъ въ томъ же журналѣ за 1899 годъ, кн. 1—5.

III.

Успѣхи обученія по предметамъ школьнаго курса въ школахъ второклассныхъ, двухклассныхъ, одноклассныхъ и школахъ грамоты. Росписаніе уроковъ. Классныя журналы для записки посѣщенія школы учащими и содержанія уроковъ. Годичныя экзамены въ школахъ; испытательныя коммисіи.

Успѣхи обученія въ церковныхъ школахъ Епархіи за отчетный годъ были вполне удовлетворительны и что всего отраднѣе, съ каждымъ годомъ становятся очевиднѣе. „Ростъ церковныхъ школъ Старобѣльскаго уѣзда, въ связи съ усовершенствованіемъ постановки обученія предметамъ школьнаго курса, по сообщенію уѣзднаго наблюдателя, въ послѣдніе 2 года замѣтно подвинулся впередъ. Есть въ уѣздѣ не мало школъ, замѣчаетъ наблюдатель, которыя въ своей постановкѣ учебнаго дѣла могли бы служить желанной нормой для всѣхъ церковныхъ школъ, и близко то время, когда всѣ, въ рукахъ коихъ заключается судьба развитія церковныхъ школъ, сплотятся общою идеею любви къ народу и дружно выступятъ на встрѣчу уже назрѣвшему желанію въ массѣ получить религиозно-нравственное просвѣщеніе въ церковной школѣ“. Отзывъ всѣхъ другихъ наблюдателей выражаютъ тѣ же надежды и ту же мысль о быстромъ прогрессивномъ развитіи учебнаго дѣла въ школахъ, благодаря негнотнымъ трудамъ духовенства. И дѣйствительно, духовенство до настоящаго времени воспользовалось всѣмъ, что было въ его рукахъ для улучшенія учебной постановки въ церковныхъ школахъ: и опытомъ прежнихъ лѣтъ, какъ лучшимъ учителемъ, исправляющимъ недостатки и пробѣлы въ обученіи прежнихъ лѣтъ, и указаніями уѣздныхъ наблюдателей, переносившихъ изъ школы въ школу путемъ частныхъ бесѣдъ и личныя указанія по предметамъ обученія свои педагогическія руководственныя указанія, и лучшими педагогическими руководствами и журналами, кои даютъ желающимъ возможность стоять на уровнѣ современной педагогички, и учительскими курсами, давшими этому духовенству не мало подготовленныхъ въ педагогическомъ дѣлѣ учителей и, наконецъ, всѣмъ, что доселѣ было предпринято къ улучшенію учебнаго дѣла въ церковныхъ школахъ мѣстными и

центральными церковно-школьными учреждениями. Но судя по всѣмъ мѣропріятіямъ, предпринятымъ на пользу учебнаго дѣла въ школахъ, и той энергіи, которую обнаруживаетъ духовенство, можно было бы ожидать гораздо большихъ успѣховъ обученія, еслибы духовенство не встрѣчало въ школьномъ дѣлѣ множества препятствій для правильной постановки учебнаго дѣла. Такими препятствіями служатъ: а) позднее начало и раннее окончаніе школьныхъ занятій въ нѣкоторыхъ церковныхъ школахъ, сокращающее продолжительность учебнаго года; б) разновременное поступленіе дѣтей въ школу, порождающее группы учащихся съ различными познаніями и препятствующее правильному и быстрому ходу обученія; в) неисправное хожденіе дѣтей въ школу, дающее школѣ отстающихъ учениковъ, съ которыми учитель долженъ заниматься отдѣльно и ради которыхъ онъ долженъ останавливаться на одномъ и тамъ же предметѣ обученія по нѣсколько дней; г) недостатокъ правоспособныхъ учителей или же отсутствіе ихъ вслѣдствіе чего сами священники должны вести дѣло обученія совместно по всѣмъ предметамъ школьнаго курса на ряду со всѣми приходскими обязанностями; д) краткій срокъ учительской службы учителей педагогически правоспособныхъ, вслѣдствіе ограниченности средствъ переходящихъ на службу приходскими священниками или же въ школы М. Н. Просвѣщенія, какъ наиболѣе обеспеченныя; е) недостатокъ письменныхъ принадлежностей или же крайнее разнообразіе ихъ, тормозящее уснѣшный ходъ обученія письму и счисленію; ж) недостатокъ или полное отсутствіе педагогическихъ руководствъ для учителей, необходимыхъ для цѣлесообразной постановки и правильного веденія учебнаго дѣла въ школахъ, и, наконецъ, з) неудобства въ школьныхъ помѣщеніяхъ, вслѣдствіе тѣсноты, недостатка свѣта и воздуха, удобныхъ классныхъ столовъ и т. п.

Не смотря однако на всѣ вышеизложенныя препятствія, духовенство, церковно-школьная инспекція, уѣздныя отдѣленія, епархіальный училищный Совѣтъ съ своей стороны принимали всѣ зависящія мѣры къ устраненію препятствій для успѣшнаго хода учебнаго дѣла. Въ отчетномъ году указанныя препятствія, затрудняющія успѣшный ходъ обученія, значительно устранены: а) число правоспособныхъ учителей значительно увеличилось, не только выдержавшими экзаменъ на званіе учителей, но и значительнымъ количествомъ лицъ, слушавшихъ педагогическіе курсы; б) 100 учителей снабжены были методическими руководствами по обу-

ченію грамотѣ (Н. Страхова), арифметикѣ (И. Вышневецкаго) ; церковному пѣнію (Рязскаго); в) устроено свыше 40 новыхъ школьныхъ зданій и, наконецъ; г) церковно-школьная инспекція тщательно слѣдила, чтобы учебныя занятія въ школахъ начинались ооновремено и возможно раньше. Продолжительность учебного года, за немногими исключеніями, равнялась 7 и 8 мѣсяцамъ; въ школахъ городскихъ и школахъ большихъ деревень, торговыхъ и фабричныхъ пунктовъ учебный годъ начинался съ 1 сентября и оканчивался между 1 и 15 мая. Ежедневно ученіе продолжалось 6 часовъ отъ 8 до 2 или же отъ 9 до 3 пополудни. Кроме того во многихъ школахъ были и вечернія занятія. Въ виду обширности учебной программы для одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ почти во всѣхъ церковныхъ школахъ епархіи установился трехгодичный курсъ обученія. Трехгодичный курсъ ученія въ церковныхъ школахъ весьма благоприятно отражается на успѣхахъ школьнаго обученія, давая возможность тщательно выполнять учебную программу.

Что касается школъ второклассныхъ, то успѣхи обученія въ нихъ были въ общемъ отлично-хорошіе. Этому способствовалъ не только составъ педагогическаго персонала учащихъ въ нихъ лицъ, педагогически образованныхъ и опытныхъ, но и отсутствіе всѣхъ неблагоприятныхъ условій, могущихъ препятствовать успѣшному ходу обученія, а главное, общезжитіе, дающее возможность подъ непосредственнымъ наблюденіемъ учителей все время съ пользою употреблять на учебныя занятія, не отвлекаясь посторонними дѣлами. Въ отчетномъ году второклассныя школы, числомъ 3, вступили во второй годъ своего существованія; причемъ въ Славянской и Ворожбянской школахъ образовалось два отдѣленія, въ Больше-Писаревской же, за позднимъ открытіемъ школы, учащіеся были оставлены на повторительный курсъ въ 1 отдѣленіи. Во вторыхъ отдѣленіяхъ второклассныхъ школъ успѣхи обученія были отлично-хорошіе, въ первыхъ—нѣсколько слабѣе, что объясняется слабой подготовкой учащихся при поступленіи въ школу. Съ текущаго года оо. завѣдывающіе принимаютъ на себя заботу о подготовкѣ учениковъ, желающихъ поступить во второклассную школу.

Преподаваніе предметовъ въ школахъ второклассныхъ велось примѣнительно къ „Примѣрной программѣ“ для второклассныхъ школъ, изданной Уч. Сов. при Св. Синодѣ. Введеніе новой программы не представляло особыхъ затрудненій въ виду того, что

всѣ учителя второклассныхъ школъ Харьковской епархіи были ознакомлены съ содержаніемъ этой программы на бывшихъ лѣтомъ прошлаго года педагогическихъ курсахъ для второклассныхъ школъ. Но такъ какъ означенною программю не предрѣшается, а лишь намѣчается содержаніе и объемъ учебнаго матеріала, то при распредѣленіи этого матеріала по годамъ обученія были допущены во многомъ сокращенія съ вѣдома епархіальнаго наблюдателя.

Учебниками и учебными пособиями въ школахъ грамоты одно-классныхъ и двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ епархіи служили слѣдующія книги, одобренныя училищнымъ совѣтомъ при Св. Синодѣ: по *Закону Божию*: Библия, Краткій молитвословъ, стѣнные таблицы молитвы Господней, Символа вѣры и заповѣдей; Наставленіе въ Законѣ Божіемъ—прот. Смирнова, Наставленіе въ Законѣ Божіемъ—Еп. Агаводора, Начатки православнаго Христіанскаго ученія, Пространный Христіанскій Катихизисъ, Картины по Священной Исторіи—Сидорскаго, Ученіе о богослуженіи—Никольскаго, Историческія чтенія изъ книгъ Ветхаго Заветъ, Краткая Исторія жизни Господа Нашего Иисуса Христа въ вопросахъ и отвѣтахъ; по *Церковно-Славянскому языку*: Таблица буквъ и молитвословій, Подвижная азбука и буквари—Изд. Св. Синода; Церковно-Славянская азбука—Н. Ильминскаго; Обученіе церковно-славянской азбуки—его-же; Книга для чтенія по славянскому языку—Грушевскаго; Евангелія на славянскомъ языкѣ, Учебный Часословъ, Псалтырь в Октоихъ, Славянорусскій Словарь—Михайловскаго, Славянская грамматика—К. Козьмина; по *Русскому языку*: Подвижная азбука, Азбука для обученія отроковъ церковно-славянскому и гражданскому чтенію, Букварь Лубенца, Книга для чтенія и письменныхъ работъ Д. Попова, Книга для чтенія и письменныхъ работъ Радонежскаго, Родина-Радонежскаго, Солнышко—его-же, Приходская школа—Ермина и Волотовскаго, Азбука правописанія Д. Тихомірова, Начатки грамматика—его же, Грамматика въ диктовкахъ—Матвѣевой, Курсъ систематическаго диктанта—Смирновскаго, Практическій курсъ правописанія—Некрасова. *По счисленію*: Счеты простые и шведскіе, методика ариметики—Тихомірова, Гольденберга, Шохоръ-Троцкаго, Сборники ариметическихъ задачъ Гольденберга, Евтушевскаго, Шохоръ-Троцкаго и кн. Тенишева; по *Чистотисанію*: Прописи Гербача, Уроки чистотисанія—его-же, Методическое руководство къ обученію письму—Гербача; по *церковному пѣнію*: Руководство къ первоначальному

изученію церковнаго пѣнія—Соловьева, Стихири и Тропари воскресные—его-же, Обиходъ церковнаго—ночнаго пѣнія, Учебный обиходъ, Октоихъ ночнаго пѣнія, Ирмологій ночнаго пѣнія, Руководство къ ночному пѣнію—Смоленскаго. Учебникъ церковнаго пѣнія—А. Рязскаго; по *Географіи*: Элементарная географія—Пуцыковича, Учебный географическій атласъ для церковно-приходскихъ школъ—Поддубнаго; по *Русской исторіи*: Отечественная исторія для народныхъ школъ—С. Рождественскаго, Историческій атласъ; по *церковной исторіи*: Начальныя свѣдѣнія изъ исторіи церкви—прот. Смирнова.

Въ школахъ второклассныхъ практиковались слѣдующіе учебники и учебныя пособія: Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта—прот. А. Рудакова, краткая Священная Исторія, послѣдовательно изложенная для двухклассныхъ церковныхъ школъ—прот. Смирнова, Краткая исторія церковная—прот. А. Рудакова, О Богослуженіи Православной церкви—Еп. Гермогена, Исторія Православной Церкви до раздѣленія церквей—Изд. К. П. Побѣдоносцева, Браткое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ—прот. К. Никольскаго, Пространный Христіанскій Катихизисъ, Краткая грамматика церковно-славянскаго языка—Миропольскаго, Сокращенная грамматика церковно-славянскаго языка—М. Григоревскаго, Этимологія русскаго языка Кирпичникова и Гиларова, Браткій учебникъ географіи—Раевского, Смирнова и пособія: По русской землѣ—А. Соколова, Географическіе очерки и картины—Мечъ, Географическій сборникъ—его-же; пособія по русской исторіи: Исторія Государства Россійскаго Карамзина, Бесѣды по русской исторіи—изд. Уч. Сов. при Св. Синодѣ и физическіе приборы.

Успѣхи обученія по предметамъ школьнаго курса въ школахъ второклассныхъ были слѣдующіе: по *Закону Божію* въ Воронежской и Славянской второклассныхъ школахъ въ теченіи двухъ учебныхъ лѣтъ основательно изучена Св. Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта по учебнику Рудакова съ дополненіями изъ Библіи и Св. Евангелія примѣнительно къ „Примѣрной Программѣ“, усвоенъ краткій курсъ исторіи, краткій катихизисъ и ученіе о богослуженіи. Что касается Больше-Писаревской второклассной школы, то, въ виду поздняго ея открытія и еще потому, что при школѣ не было общежитія, здѣсь по предмету *Закона Божія* выполнятъ лишь курсъ по „Примѣрной программѣ“: Св. Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта и краткій курсъ Исторіи церкви. По *церковно-сла-*

вѣнскому языку успѣхи обученія во всѣхъ школахъ по объему одинаковы: чтеніе часослова, псалтири и Евангелія отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна, заучиваніе наизусть; особенное вниманіе на заучиваніе наизусть обращено въ Больше-Писаревской школѣ, ученики которой усвоили кромѣ замѣченнаго „Примѣрной программой“ матеріала еще догматики и многія церковныя пѣснопѣнія. Далѣе практическое ознакомленіе учащихся съ церковно-славянскими формами склоненій именъ существительныхъ, прилагательныхъ, числительныхъ, мѣстоименій и съ спряженіями глаголовъ при чтеніи, разборѣ и переводѣ церковно-славянскаго языка. Въ Славянской и Ворожбянской второклассныхъ школахъ сверхъ того изложенный матеріалъ былъ повторенъ въ систематическомъ порядкѣ по учебнику этимологіи. По *Русскому языку* въ школахъ Славянской и Ворожбянской примѣнительно къ „Примѣрной программѣ“ была обстоятельно изучена этимологія по курсу Кирпичникова и Гилярова и синтаксисъ въ краткой системѣ. Кромѣ того занятія по русскому языку состояли въ чтеніи и пересказѣ статей изъ книги для чтенія и въ разборѣ ихъ со стороны этимологической и синтаксической и со стороны плана, въ заучиваніи наизусть положенныхъ стихотвореній, въ письменныхъ упражненіяхъ—диктовкѣ, письменномъ пересказѣ статей, въ самостоятельномъ—составленіи плановъ статей и легкихъ описаній. Въ Больше-Писаревской второклассной школѣ занятія по русскому языку состояли въ изученіи этимологіи и практическихъ упражненіяхъ, устномъ грамматическомъ разборѣ, устномъ и письменномъ склоненіи и спряженіи словъ, объяснительномъ чтеніи, заучиваніи стихотвореній, провѣрочной диктовкѣ и писаніи выученнаго наизусть. *По дидактикѣ*: со второго полугодія въ Славянской и Ворожбянской второклассныхъ школахъ ученики начали присутствовать при занятіяхъ въ образцовой школѣ грамоты, не принимая активнаго участія въ этихъ занятіяхъ. Въ Больше-Писаревской школѣ присутствованіе учениковъ на практическихъ занятіяхъ еще преждевременно. Но за то здѣсь учащіеся ознакомлены съ приемами преподаванія церковнаго пѣнія и управленіемъ хоромъ. *По русской исторіи*, церковной и гражданской, въ порядкѣ „Примѣрной программы“ въ Больше-Писаревской второклассной школѣ былъ изученъ курсъ исторіи до главы объ Іоаннѣ IV, въ Славянской же и Ворожбянской курсъ исторіи съ нѣкоторыми сокращеніями былъ выполненъ до конца. *По географіи* курсъ науки былъ усво-

енъ по „Примѣрной программѣ“ въ школахъ Славянской и Воровжанской послѣдовательно за 2 года обученія: въ школѣ-же Больше-Писаревской до гл. о почвѣ. Кромѣ того практиковалось черченіе картъ. *По ариметикѣ* обученіе въ школахъ Славянской и Воровжанской было ведено по руководству Малинина и примѣнительно „Примѣрной къ программѣ“ было усвоено учащимися разрѣшенія задачъ алгебраическаго характера. Въ Больше-Писаревской школѣ были изучены слѣдующіе отдѣлы ариметики: четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами, составныя именованныя числа, квадратныя мѣры, кубическія мѣры, признаки дѣлимости чиселъ, разложеніе чиселъ на множителей и отысканіе кратнаго числа, дроби простыя и дѣйствія надъ ними, простое и сложное тройное правило, правило процентовъ. *По предмету физики* въ Больше-Писаревской школѣ весьма обстоятельно былъ изученъ курсъ системы за одинъ годъ обученія, причѣмъ всѣ машинныя и физическія приборы были исполнены учениками на рисункахъ въ особыхъ тетрадахъ.

Въ Ново-Водолажской и Андреевской двухклассной церковно-приходскихъ школахъ успѣхи обученія были воиолнѣ удовлетворительны, въ Александро-Невской школѣ г. Харькова отлично—хорошіе. Отлично—хорошими успѣхами Александро-Невская школа обязана о. завѣдующему свящ. Николаю Сокольскому, изыскивающему средства на содержаніе учителей съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ. При 360 учащихся, въ этой школѣ 5 учителей общеобразовательныхъ предметовъ, особый учитель церковнаго пѣнія и 2 законоучителя. Въ отчетномъ году для болѣе успѣшнаго и правильнаго хода учебныхъ занятій, въ школѣ была введена попредметная система преподаванія вмѣсто классной. При этой системѣ преподаванія оставленіе школы учителемъ или же его отсутствіе по болѣзни и разнымъ другимъ причинамъ не такъ вредно можетъ отражаться на ходѣ учебнаго дѣла. Кромѣ того при попредметной системѣ преподаванія учителя скорѣе могутъ освоиться съ постановкою и преподаваніемъ своего предмета, а ученики, занимаясь въ продолженіи дня съ нѣсколькими учителями, значительно выигрываютъ въ своемъ развитіи, не говоря уже о томъ, что постоянная перемѣна учителей дѣйствуетъ на нихъ оживляющимъ образомъ. Выпускные ученики всѣхъ двухклассныхъ школъ довольно основательно усвоили предметы обученія школьнаго курса по программѣ, изданной Уч. Сов. при Св. Синодѣ для

двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Кромѣ того въ Александровской школѣ былъ введенъ въ качествѣ дополнительнаго предмета курсъ черченія.

Въ видахъ особеннаго значенія второклассныхъ школъ и наилучшаго контроля за успѣхами обученія въ нихъ, въ отчетномъ году были произведены переводные экзамены изъ 1-го во 2-й и 2-го въ 3-й классы. Экзамены были произведены въ школахъ Славянской и Ворожбянской въ присутствіи уѣздныхъ наблюдателей, а въ школѣ Больше-Писаревской въ присутствіи епархіальнаго наблюдателя. Результаты экзаменаціонныхъ испытаній въ объемѣ указаннаго выше учебнаго матеріала получились отлично-хорошіе. Сумма знаній по всѣмъ предметамъ школьнаго курса, твердость и сознательность въ усвоеніи учебнаго матеріала, желательное достоинство школьныхъ работъ,—все это соотвѣтствуетъ не только формальному выполненію учебныхъ программъ, но и со стороны постановки учебнаго дѣла является удовлетворяющимъ требованіямъ объяснительныхъ записокъ къ этимъ программамъ.

По успѣхамъ обученія предметамъ школьнаго курса одноклассныя церковно-приходскія школы принадлежатъ къ школамъ, въ которыхъ учебное дѣло поставлено отлично—хорошо, весьма хорошо и удовлетворительно, за рѣдкими исключеніями школъ неудовлетворительныхъ, по причинамъ, изложеннымъ выше, и притомъ уважительнымъ или устранимымъ. Обучение во всѣхъ школахъ велось по программѣ, изданной У. Сов. при Св. Синодѣ, и согласно объяснительнымъ къ нимъ запискамъ.

Законъ Божій. При преподаваніи Закона Божія, по сообщенію Волчанскаго Уезднаго Наблюдателя, оо. законоучители держались требованій объяснительной записки къ „Программѣ“, а именно: сначала изучались первоначальныя молитвы, затѣмъ событія св. исторіи Ветхаго Завѣта въ послѣдовательномъ порядкѣ до конца и потомъ приступали къ изученію событій изъ св. исторіи Новаго Завѣта. Впрочемъ въ нѣкоторыхъ немногихъ школахъ дѣлалось отступленія отъ такого требованія или вслѣдствіе незнанія этого требованія, или вслѣдствіе привычки преподавать Законъ Божій по учебнику прот. Д. Соколова, которымъ рекомендуется, послѣ статьи о грѣхопаденіи прародителей, наказанія за грѣхъ и обѣтованія о Спасителѣ, непосредственно переходить къ изученію событій новозавѣтныхъ: „Рожденіе Пресв. Дѣвы Маріи, Введеніе во храмъ“ и т. д. Кромѣ изученія молитвъ съ объясненіемъ и событій Свящ.

Исторія Ветхаго и Новаго Заѣтовъ по указаннымъ выше учебникамъ, ученики старшаго отдѣленія къ концу третьяго года достаточно ознакомились съ учениемъ о Богослуженіи Православной Церкви и особенно отчетливо и съ разумнѣемъ усвоилось имъ все, что относится къ литургіи: понятіе о литургіи, раздѣленіе ея, значеніе каждаго дѣйствія при совершеніи литургіи, значеніе сосудовъ и священныхъ облаченій, употребляемыхъ при совершеніи богослуженій и проч. О празднѣвахъ дванадцатыхъ, постахъ и таинствахъ Православ. церкви,—усвоено твердо. Изъ катихизиса обстоятельно изучено подробное объясненіе Символа Вѣры, молитвы Господней и 10 заповѣдей Закона Божія. Въ общемъ дѣло преподаванія Закона Божія, какъ главнаго предмета, во всѣхъ школахъ уѣзда поставлено на должную высоту. Къ недостаткамъ преподаванія Свящ. Исторіи можно отнести только то, что нѣкоторые законоучители стараются близко придерживаться учебника, требуютъ, чтобы ученики заучивали по книгѣ слово въ слово, и болѣе всего замѣчается это въ хугорскихъ школахъ, не особенно часто посѣщаемыхъ законоучителями за дальностью разстоянія. Въ церковныхъ школахъ Сумскаго уѣзда въ отчетномъ году уже не замѣчалось механическаго заучиванія молитвъ и событій изъ Священной исторіи, но видна была сознательность и твердость въ усвоеніи преподаваемаго, причемъ оо. законоучители старались о томъ, чтобы все преподаваемое дѣтямъ усвоилось не умомъ только, но и сердцемъ, и дѣлалось потребностью ихъ религіозной души и основою всей дальнѣйшей жизни. Замѣчено было также и то, что законоучителями было обращено особенное вниманіе на объясненіе священныхъ пѣснопѣній и священнодѣйствій церковнаго богослуженія. Въ церковныхъ школахъ Изюмскаго уѣзда въ преподаваніи Закона Божія замѣчалось разнообразіе методовъ, способствующихъ или препятствующихъ успѣшному ходу обученія и достиженію конечной цѣли преподаванія этого предмета. Въ нѣкоторыхъ школахъ приктиковалась поступательная система преподаванія, въ иныхъ—концентрическая, въ иныхъ преподаваніе имѣло чисто догматическій характеръ, и было обращено главное вниманіе, на усвоеніе матеріала, въ другихъ—эвристическій, причемъ замѣчалось стремленіе достигнуть полной сознательности въ усвоеніи преподаваемаго матеріала. Въ школахъ Зміевскаго уѣзда при преподаваніи Закона Божія во многихъ случаяхъ преслѣдовалась та цѣль, чтобы изученіе событій изъ священной исто-

ріи было тѣсно связано со всею жизнію церкви; въ виду этого наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней оо. законоучители, не дожидаясь, пока въ порядкѣ учебной программы слѣдуетъ знакомить дѣтей съ тѣми или другими церковными праздниками, знакомили всѣхъ дѣтей съ этими событіями въ порядкѣ церковнаго календаря; вмѣстѣ съ тѣмъ оо. законоучители знакомили дѣтей также и съ содержаніемъ очередныхъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній. Въ нѣкоторыхъ школахъ Купянского уѣзда оо. законоучители, не довольствуясь учебной программой, сообщали дѣтямъ свѣдѣнія о праздникахъ, особо чтимыхъ народомъ: праздникѣ Покрова Пресвятыя Богородицы, праздникѣ Николая Мурляйскаго чудотворца и другихъ. Въ школахъ Харьковскаго уѣзда, согласно объяснительной запискѣ къ преподаванію Закона Божія, этотъ предметъ былъ центральнымъ предметомъ преподаванія въ томъ смыслѣ, что всѣ другіе предметы, каковы: церковное пѣніе, церковно-славянскій языкъ и чтеніе по русскому языку,—служили надлежащимъ пособіемъ при преподаваніи Закона Божія, способствуя болѣе глубокому и всестороннему усвоенію истинъ Закона Божія. Какъ главному предмету обученія, Закону Божию во всѣхъ церковныхъ школахъ епархіи было посвящено и главное вниманіе и должный трудъ духовенства.

Церковно-славянскій языкъ по тѣсной связи съ церковными богослуженіями и священной исторіей составлялъ предметъ внимательнаго изученія на ряду съ Закономъ Божиимъ. Во всѣхъ церковныхъ школахъ къ изученію его дѣти приступали тотчасъ послѣ ознакомленія съ русскимъ алфавитомъ и приобрѣтенія навыка къ чтенію гражданской печати. Переходъ отъ русскаго чтенія къ славянскому не представлялъ трудностей; сравнивъ буквы гражданской и славянской печати и ознакомившись съ титлами и надстрочными знаками, дѣти свободно начинали читать сначала отдѣльныя слова и небольшія изреченія, а затѣмъ и цѣлыя статьи. Церковно-славянская азбука Ильминскаго была первою книгою для чтенія по-славянски. Послѣ нея переходили къ чтенію Евангелія и преимущественно тѣхъ мѣстъ изъ него, какія соответствовали учебной программѣ по Священной Исторіи. При такой постановкѣ изученія Славянскаго языка онъ служилъ въ то же время прямымъ пособіемъ къ изученію Священной исторіи по первоисточнику. Чтеніе Часослова и Псалтыри начиналось послѣ Евангелія и одновременно съ нимъ въ старшей группѣ. При изученіи Славянскаго языка преслѣдовалось главнымъ

образомъ двѣ цѣли: научить дѣтей правильно читать и понимать читаемое. Въ первомъ случаѣ учителя заботились о томъ, чтобы чтеніе было не только правильнымъ, свободнымъ, отчетливымъ, съ соблюденіемъ удареній и знаковъ прерыванія, но чтобы при этомъ чтеніе было въ строгомъ смыслѣ церковнымъ — не разговорнымъ и выразительнымъ, а истовымъ, монотоннымъ и спокойнымъ, родственнымъ по духу съ чтеніемъ, освященнымъ традиціей церкви. Чтобы произвести на дѣтей впечатлѣніе содержаніемъ и формою священной рѣчи, сами учителя въ образецъ дѣтямъ прочитывали истово и съ благоговѣніемъ то или другое мѣсто изъ св. Евангелія или Псалтири, и затѣмъ уже по этому образцу заставляли читать дѣтей. А для того, чтобы внушить дѣтямъ благоговѣнное отношеніе къ чтенію церковно-славянскихъ книгъ, время отъ времени лучшихъ изъ нихъ они готовили къ чтенію въ церкви и при этомъ внушали имъ мысль, что читающій въ церкви становится церковно-служителемъ, чрезъ коего возносятся молитвы къ Богу за всѣхъ предстоящихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ и на урокахъ славянскаго языка дѣтямъ постоянно внушалась мысль, что чтеніе церковно-славянскихъ книгъ всегда должно быть благоговѣнное и молитвенное. что при чтеніи этихъ книгъ, гдѣ бы и когда бы ни было, дѣтя должны помнить, что Евангеліе и Псалтырь суть книги, употребляемыя въ церкви при Богослуженіи и написаны святыми людьми по вдохновенію отъ Святаго Духа, что устами людей, написавшихъ сіи книги, говорилъ Самъ Богъ. Въ нѣкоторыхъ школахъ Харьковскаго уѣзда введенъ былъ святой обычай при чтеніи Евангелія полагать крестное знаменіе. При объясненіи церковно-славянскаго текста священныхъ книгъ и пѣснопѣній преслѣдовалась главнымъ образомъ та цѣль, чтобы помочь ученику пріобрѣсти навыкъ читать церковно-славянскую книгу съ разумѣніемъ. Для достиженія этой цѣли учителя, всегда помня, что въ священныхъ книгахъ есть много непостижимаго для человѣческаго разума, избирали для объясненія лишь тѣ мѣста Священныхъ книгъ, какія доступны для дѣтскаго разума. И въ этомъ послѣднемъ случаѣ они не требовали отъ дѣтей филологически точнаго перевода и подробныхъ толкованій, а стремились лишь къ тому, чтобы они понимали общую мысль и духъ читаемаго. Средствами для этого были: объясненіе непонятныхъ словъ церковно-славянскаго текста, переводъ и заучиваніе наизусть наиболѣе употребительныхъ церковно-славянскихъ словъ и выраженій, практическое ознакомленіе

учениковъ съ нѣкоторыми грамматическими особенностями славянскаго языка сравнительно и параллельно съ русскимъ.

При такой постановкѣ изученія церковно-славянскаго языка и успѣхи обученія этому предмету въ церковныхъ школахъ епархіи были вполне удовлетворительны.

(Продолженіе будетъ).

Списокъ лицъ, служащихъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, за 1899 годъ.

Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Павловичъ Знаменскій; имѣеть ордена: Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 2 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 1 августа 1880 года преподавателемъ латинскаго языка въ Таврическую духовную семинарію; въ томъ же году 24 сентября утвержденъ въ степени магистра богословія; 11 мая 1881 года назначенъ Инспекторомъ Таврической семинаріи; 1 іюля 1884 года назначенъ Ректоромъ той же семинаріи; 14 іюня 1894 года перемѣщенъ на должность Ректора Харьковской Духовной Семинаріи; съ 31 августа того же года состоитъ редакторомъ журнала «Вѣра и Разумъ»; съ 14 іюня 1896 года состоитъ Предсѣдателемъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Инспекторъ Семинаріи, статскій совѣтникъ Константинъ Евстафьевичъ Истоминъ; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 3 ст.; въ 1855 году окончилъ курсъ Кіевской духовной академіи со степенью старшаго кандидата съ причисленіемъ къ первому разряду; 15 октября 1856 года опредѣленъ на должность преподавателя словесности и латинскаго языка въ Харьковскую духовную семинарію; 3 октября 1873 года назначенъ на должность инспектора той же семинаріи, съ 26 апрѣля 1899 года состоитъ вторымъ редакторомъ журнала «Вѣра и Разумъ».

Преподаватели:

Св. Писанія и еврейскаго языка—статскій совѣтникъ Валентинъ Тимоѣевичъ Леонтовичъ; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 4 ст.; въ 1865

году окончилъ курсъ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата; 9 октября 1865 года опредѣленъ на должность преподавателя Св. Писанія въ Харьковскую духовную семинарію.

Церковной исторіи, исторіи Русской церкви и библейской исторіи—статскій совѣтникъ Алексѣй Фёдоровичъ Вертеловскій; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 4 ст. По окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 21 іюня 1873 года преподавателемъ латинскаго языка въ Харьковскую духовную семинарію; 5 декабря того же года перемѣщенъ на кафедру церковной исторіи.

Гражданской исторіи—статскій совѣтникъ Степанъ Нвѣлаевичъ Пономаревъ; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 4 ст.; по окончаніи курса въ С.-Петербургской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 17 іюня 1875 года смотрителемъ въ Новгородъ-Сѣверское духовное училище; 17 ноября 1876 года перемѣщенъ на должность смотрителя въ Харьковское духовное училище; 1 іюля 1878 года перемѣщенъ на должность преподавателя гражданской исторіи въ Харьковскую духовную семинарію.

Философіи, психологіи, логики и дидактики—статскій совѣтникъ Николай Николаевичъ Страховъ; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст., Св. Анны 2 ст. и Св. Владиміра 4 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 27 сентября 1876 года на должность преподавателя философіи, психологіи и педагогики въ Харьковскую духовную семинарію; 14 октября 1896 года утвержденъ въ степени магистра богословія.

Математики, физики и паскаліи—статскій совѣтникъ Иванъ Викторовичъ Кудревичъ; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст.; по окончаніи курса въ Харьковскомъ Университетѣ по физико-математическому факультету со степенью кандидата; опредѣленъ 5 ноября 1877 года на должность преподавателя физико-математическихъ наукъ въ Харьковскую духовную семинарію; съ 15 августа 1887 года состоитъ Секретаремъ Правленія Семинаріи.

Греческаго и нѣмецкаго языковъ—статскій совѣтникъ Семёнъ Петровичъ Фоменко; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст.; въ 1877 году окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи со степенью кандидата; 17 февраля 1878 года

опредѣленъ на должность преподавателя греческаго языка въ Харьковскую духовную семинарію; съ 18 сентября 1884 года состоитъ членомъ и дѣлопроизводителемъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Греческаго языка—статскій совѣтникъ Михаилъ Васильевичъ Добронравовъ; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 1 августа 1880 года преподавателемъ греческаго языка въ Харьковскую духовную семинарію.

Гомилетики, литургіи и практическаго руководства для пастырей—статскій совѣтникъ Сергѣй Васильевичъ Булгakovъ; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 3 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 2 сентября 1883 года учителемъ русскаго языка въ Тульское духовное училище; 1 іюня 1884 года перемѣщенъ на должность преподавателя Харьковской духовной семинаріи.

Словесности и исторіи русской литературы—статскій совѣтникъ Николай Сергѣевичъ Протопоповъ; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 3 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 3 сентября 1884 года учителемъ латинскаго языка въ Московское Донское духовное училище; 14 марта 1887 года перемѣщенъ на должность учителя русскаго языка въ Звенигородское духовное училище; 3 декабря того же года опредѣленъ преподавателемъ въ Харьковскую духовную семинарію.

Исторіи и обличенія раскола и обличительнаго богословія—коллежскій совѣтникъ Іосифъ Клавдіевичъ Корнѣенко; имѣеть ордена: Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст.; по окончаніи курса въ Кіевской духовной академіи со степенью кандидата, опредѣленъ 2 сентября 1887 года преподавателемъ въ Харьковскую духовную семинарію.

Латинскаго языка—коллежскій совѣтникъ Николай Васильевичъ Гогинъ; имѣеть ордена: Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, состоялъ съ 14 октября 1887 года преподавателемъ русскаго языка въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ; 6 іюня 1891 года назначенъ на должность преподавателя латинскаго языка въ Харьковскую духовную семинарію.

Богословія догматическаго, основнаго и нравственнаго и французскаго языка—надворный совѣтникъ Константинъ Николаевичъ Сильченковъ; имѣеть орденъ Св. Станислава 3 ст.; по окончаніи курса въ Московской духовной академіи со степенью кандидата, состоялъ съ 15 августа 1893 г. профессорскимъ степендіатомъ при этой академіи; 17 февраля опредѣленъ на должность преподавателя Харьковской духовной семинаріи; 3 января 1896 года утвержденъ въ степени магистра богословія.

Латинскаго языка—магистръ богословія Владиміръ Александровичъ Никольскій; по окончаніи курса въ Казанской духовной академіи со степенью кандидата, состоялъ въ 1895—96 учебномъ году профессорскимъ степендіатомъ при этой академіи; 16 августа 1896 года опредѣленъ преподавателемъ философскихъ наукъ въ Астраханскую духовную семинарію; 19 августа 1897 года утвержденъ въ степени магистра богословія; 17 сентября 1898 года перемѣщенъ на должность преподавателя латинскаго языка въ Харьковскую духовную семинарію.

Учитель церковнаго пѣнія и музыки Николай Михайловичъ Ковинъ; по окончаніи курса въ Московскомъ Синодальномъ училищѣ церковнаго пѣнія въ 1896 году, опредѣленъ на должность учителя церковнаго пѣнія въ Харьковскую духовную семинарію.

Помощники Инспектора Семинаріи:

а) Титулярный совѣтникъ Яковъ Прокофьевичъ Матусевичъ; имѣеть орденъ Св. Станислава 3 ст.; окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1892 г. со степенью кандидата; 21 октября 1893 года назначенъ учителемъ церковно-приходской школы села Витониза, Луцкаго уѣзда, Волынской губерніи; 12 марта 1894 года опредѣленъ на должность надзирателя въ Мѣлецкое духовное училище; 1 августа 1894 года перемѣщенъ на должность помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи.

б) Кандидатъ богословія Василій Васильевичъ Логиновъ; окончилъ курсъ въ Кіевской духовной академіи въ 1894 году со степенью кандидата; 29 іюня 1895 года опредѣленъ на должность помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи.

Духовникъ Семинаріи священникъ Сергій Моисеевичъ Посельскій; по окончаніи курса въ Харьковской духовной се-

минаріи съ званіемъ студента, состоялъ съ 20 сентября 1887 года надзирателемъ Сумскаго духовнаго училища; 19 февраля 1895 года опредѣленъ на мѣсто священника въ село Краснополе, Ахтырскаго уѣзда, Харьковской епархіи, откуда 21 сентября того же года перемѣщенъ въ село Павловки, Сумскаго уѣзда; 28 августа 1897 года опредѣленъ на должность духовника въ Харьковскую духовную семинарію и законоучителемъ образцовой школы при сей семинаріи.

Врачъ Семинаріи, коллежскій совѣтникъ **Василій Александровичъ Рубинскій**; имѣеть ордена: Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст.; окончилъ курсъ въ Харьковскомъ Университетѣ въ 1872 году по медицинскому факультету со степенью лекаря; 14 января 1875 года опредѣленъ врачомъ при Харьковскомъ духовномъ училищѣ; 6 октября 1898 года опредѣленъ на должность врача при Харьковской духовной семинаріи.

Экономъ Семинаріи, имѣющій права канцелярскаго служителя III разряда, **Адрианъ Назаровичъ Енько**; обучался въ 3 Харьковскомъ приходскомъ училищѣ; съ 1 декабря 1885 года состоялъ учителемъ токарнаго ремесла въ Харьковскомъ ремесленномъ училищѣ; 3 іюля 1889 года допущенъ къ исправленію обязанностей эконома при Харьковской духовной семинаріи; 13 мая 1898 года, съ Высочайшаго соизволенія, утвержденъ въ сей должности.

Почетный блюститель по хозяйственной части Семинаріи Харьковской 1-й гильдіи купецъ потомственный почетный гражданинъ **Иванъ Кирилловичъ Велитченко**; имѣеть ордена Св. Станислава 2 ст. и Св. Анны 2 ст.

Репетиторы—надзиратели Семинаріи:

а) Кандидатъ богословія **Алексѣй Михайловичъ Литкевичъ**; окончилъ курсъ въ Московской духовной академіи въ 1897 г.; въ должности надзирателя состоитъ съ 15 августа 1898 г.

б) Студентъ семинаріи **Гавріилъ Антоновичъ Уманцевъ**; окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи въ 1891 году; въ должности надзирателя состоитъ съ 14 января 1992 года.

в) Студентъ семинаріи **Димитрій Ивановичъ Басовъ-Бобковъ**; окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи въ 1897 году; въ должности надзирателя состоитъ съ 27 августа того же года.

Учителя образцовой школы:

а) Діаконъ Георгій Димитріевичъ Олейниковъ; окончаніи курса въ Волчанской учительской семинаріи въ 1888 году, состоялъ учителемъ въ народныхъ школахъ Харьковской губерніи; въ настоящей должности съ 22 сентября 1887 года.

б) Діаконъ Іоаннъ Іоанновичъ Стрѣльцовъ; окончаніи курса въ Волчанской учительской семинаріи въ 1880 году, состоялъ учителемъ въ народныхъ школахъ Харьковской губерніи; въ настоящей должности съ 31 августа 1895 года.

Епархіальныя извѣщенія.

Резолюціей Его Высокопреосвященства, отъ 28 іюня с. г., утверждае въ должности цензора проповѣдей 2-го благочинническаго округа священникъ Успенской церкви с. Пристайлова, Лебединскаго уѣзда, Іаковъ *Хорошковъ*.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Алексѣй *Василевскій*, опредѣленъ на священническое мѣсто къ церкви сл. Никольской, Старобѣльскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ той же Семинаріи Иванъ *Торанскій*, опредѣленъ на священническое мѣсто къ церкви сл. Брусовки, того же уѣзда.

— Учитель образцовой школы при Харьковской Духовной Семинаріи діаконъ Іоаннъ *Стрѣльцовъ*, опредѣленъ на діаконское мѣсто при церкви с. Графскаго, Волчанскаго уѣзда.

— Діаконъ церкви с. Писаревки, Сумскаго уѣзда, Гавріилъ *Петровъ* переведенъ, по прошенію, на діаконское мѣсто къ церкви сл. Шулъгинки Старобѣльскаго уѣзда.

— Резолюціей Его Высокопреосвященства, отъ 28 іюня н. г., назначено псаломщицкое мѣсто за дочерью умершаго 17 іюня с. г. псаломщика Покровской церкви сл. Ворожбы, Сумскаго уѣзда, Никифора *Трипольскаго*—Параскевою, срокомъ на два мѣсяца, для пріисканія жениха означенной Параскевѣ Трипольской.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: Георгіевской церкви с. Павленкова, Лебединскаго уѣзда, крестьянинъ Ѳеодотъ Илларионовъ *Грицына* и Брестовоздвиженской церкви слободы Боромля, Ахтырскаго уѣзда, крестьянинъ Даниилъ Николаевъ *Давиденко*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Михайлъ Александровичъ.—Правительственное сообщеніе о Гаагской конференціи.—Церковь и государство въ Италіи.—Французское духовенство.—Вопросъ о каждаеніи въ англійской церкви.—Успѣхи православія въ Америкѣ.—Распространеніе православія среди несторіанъ.—Вліяніе православнаго богослуженія на раскольниковъ.—Дѣятельность сестеръ милосердія.—Крупное пожертвованіе.

Его Императорское Высочество Великій Князь Михайлъ Александровичъ, Которому нынѣ на основаніи основнаго закона о престолонаслѣдіи принадлежатъ право наслѣдованія Всероссійскаго престола, второй Братъ Государа Императора, родился въ 1878 г. въ С.-Петербургѣ, въ Собственномъ Его Величества (Аничковскомъ) дворцѣ. Великій Князь Михайлъ Александровичъ, шефъ 129-го пѣхотнаго Бессарабскаго полка и 2-й шефъ л.-гв. 2-й артиллерійской бригады, числится также въ спискахъ л.-гв. Кирасирскаго Ея Величества Императрицы Маріи Ѳеодоровны полка. Великій Князь Михайлъ Александровичъ, воспитывавшійся въ Августѣйшей Семлѣ подъ руководствомъ избранныхъ лучшихъ наставниковъ, преподавателей и професоровъ, военное образованіе свое проходилъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, неся службу юнкера на ряду съ прочими юнкерами, отбывая лагерный сборъ и зимнія учебныя занятія. Изучая артиллерійское дѣло, Великій Князь посѣщаль и осматриваль наши значительныя вѣрности. Въ январѣ прошлаго года, въ день празднованія юбилея Августѣйшаго генераль-фельдцейхмейстера Михаила Николаевича, Великій Князь Михайлъ Александровичъ былъ назначенъ вторымъ шефомъ л.-гв. 2-й артиллерійской бригады, а затѣмъ въ праздникъ л.-гв. Кирасирскаго полка зачисленъ въ списки этого полка. 6-го мая сего года, въ день рожденія своего Державнаго Брата Государа Императора, Великій Князь Михайлъ Александровичъ, какъ достигшій совершеннолѣтія, принесъ установленную для особъ Императорской Фамліи и на вѣрность службы присягу въ церкви Большаго Царско-сельскаго дворца. Въ этотъ же день Великій Князь Михайлъ Александровичъ назначенъ флигель-адъютантомъ. «Нов. Вр.»

— Въ «Правител. Вѣстникѣ» напечатано правительственное сообщеніе о закрывшейся 19 іюля Гаагской конференціи. Въ этомъ сообщеніи напоминаетъ, что въ циркулярномъ сообщеніи, отъ 30 декабря 1898 г., были предложены для предварительнаго международнаго обсуждения конференціи главные два пункта: 1) безъ замедленія изыскать средства, способныя положить предѣлъ дальнѣйшему развитію вооруженій и 2) подготовить почву для обсуждения вопросовъ, касаю-

щихся возможнаго предупрежденія вооруженнаго столкновенія многими способами. Приступая къ созыву мирной конференціи, говорятся далѣе въ сообщеніи, Императорское правительство обольщало себя преувеличенными надеждами, касательно возможности немедленнаго выполненія задуманной задачи, одна постановка коей на совмѣстное обсужденіе всѣхъ иностранныхъ государствъ, озабоченныхъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ исключительно совершенствованіемъ боевой готовности, представлялась дѣломъ почти не осуществимымъ. Чуждое какихъ бы то ни было своекорыстныхъ цѣлей, либо затаенныхъ политичекихъ плановъ, Императорское правительство заранѣе приготовлено было встрѣтиться на пути предстоящей конференціи работъ большими и разнообразными затрудненіями, но оно въ то время ни на минуту не теряло увѣренности, что челоуѣколюбивыя намѣренія Государя Императора, положенныя въ основу царскихъ сообщеній отъ 12 августа и 30 декабря 1898 года, будутъ по достоинству оцѣнены правительствами державъ, принявшихъ участіе въ конференціи, и что, не смотря на возможныя съ ихъ стороны подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ возраженія противъ нѣкоторыхъ изъ предложеній, вошедшихъ въ программу принятой конференціи, они не откажутъ въ своемъ посильномъ содѣйствіи къ осуществленію великаго и святаго дѣла. Результаты выше закончившихся трудовъ Гаагскаго собранія вполне оправдали наши ожиданія. Конференція сочла необходимымъ отложить окончательное рѣшеніе сложнаго вопроса о приостановкѣ вооруженій до полной всесторонней его разработки отдѣльными правительствами, но уже теперь торжественной резолюціей единодушно признала облегченіе военнаго бремени въ высшей степени желательнымъ для блага всѣхъ народовъ. Съ другой стороны, труды конференции несомнѣнно будутъ имѣть вліяніе на упорядоченіе войны и устраненіе всѣхъ жестокостей, безцѣльно увеличивающихъ страданія воюющихъ. Гаагское собраніе выработало правило Женевской конвенціи по отношенію къ морскимъ войнамъ и приняло конвенцію о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны. Отдѣльными деклараціями конференціи воспрещено употребленіе расширяющихся пулъ и удушливыхъ газовъ, а также бросаніе разрывныхъ снарядовъ съ воздушныхъ шаровъ. Важнѣйшимъ результатомъ является конвенція о миролюбивыхъ средствахъ разрѣшенія международныхъ несогласій. Конвенція эта не только сводитъ

воедино уже существующія международныя договорныя постановленія, но указываетъ и новыя, могущія привести къ упроченію мира, средства, согласныя съ тѣми, которыя были указаны Россіей въ представленныхъ на конференцію проектахъ. Государства согласны употребить всѣ усилія для сохраненія мира и предотвращенія войны. Для сего посредничество, добрыя услуги и третейское разбирательство получаютъ большее развитіе и устанавливается, что посредничество, зависѣвшее прежде только отъ доброй воли заинтересованныхъ государствъ, можетъ быть предлагаемо по собственному почину третьей державы. Третейское разбирательство объявляется лучшимъ средствомъ разрѣшенія международныхъ споровъ. Вводятся постоянныя слѣдственныя коммиссіи для выясненія на мѣстѣ фактовъ, давшихъ поводъ къ недоразумѣніямъ. Учреждается международный третейскій судъ съ постояннымъ бюро въ Гаагѣ, которое будетъ находиться подъ наблюденіемъ административнаго совѣта изъ представителей договаривающихся державъ при Нидерландскомъ дворѣ. Таковы въ общихъ чертахъ основныя постановленія, принятыя частью единогласно, частью значительнымъ большинствомъ представителей державъ на конференціи въ Гаагѣ, возбужденной по великодушному почину Государа Императора. Многосложной задачѣ, впервые подвергнувшейся международному обсужденію, положены твердыя основы и всѣми державами единогласно признана возможность и необходимость ея всесторонняго разрѣшенія. «Росс. Тел. Аг.»

— Продолжающаяся въ Италіи вражда между церковію и государствомъ тяжело отзывается на нравственномъ положеніи народа. Итальянское правительство, не отставая отъ другихъ „культурныхъ“ странъ Европы, ввело у себя гражданскій бракъ и просто церковное бракосочетаніе считаетъ недѣйствительнымъ. Напротивъ, римская церковь, допуская въ другихъ странахъ извѣстную уступчивость, тутъ рѣшительно утверждаетъ, что она призываетъ законнымъ только освященный ею союзъ, и настаиваетъ на этомъ утвержденіи. Народъ не знаетъ, кому же повиноваться. Многія дѣвушки, опасаясь церковной кары, предпочитаютъ ограничиваться только церковнымъ вѣнчаніемъ, но жестоко платятся за это тѣмъ, что впоследствии при размовѣ мужья ихъ считаютъ себя въ правѣ бросать ихъ, такъ какъ-де бракъ ихъ не признается со стороны гражданскаго правительства. Не трудно понять, какъ это пагубно отзывается на нравственности народа. Съ своей стороны

гражданское правительство тоже не хочет поступаться своими правами, и даже предполагает подвергать штрафу лицъ, которые передъ вѣнчаніемъ въ церкви не заключили гражданского брака. Штрафу предположено подвергать не только самихъ брачующихся, но и духовенство, совершающее вѣнчаніе безъ предъявленія гражданского акта. Если священникъ дважды совершитъ этотъ преступокъ, то онъ будетъ подвергнутъ тюремному заключенію. Вдовы чиновниковъ, обвиняемыхъ только по-церковному, лишаются права на пенсію.

«Цер. Вѣстн.»

— Французское духовенство составляетъ цѣлую армію, находящуюся подъ начальствомъ 90 генераловъ-епископовъ. Сто лѣтъ тому назадъ французскій епископъ былъ обыкновенно знатнымъ и богатымъ дворяниномъ, имѣвшимъ крупныя доходы, которые онъ щедрою рукою тратилъ въ Парижѣ и Версалѣ на разныя свѣтскія удовольствія. Теперь это положеніе существенно измѣнилось: нынѣшній епископъ и по своей инвентурѣ, и по своимъ занятіямъ, и даже по своимъ качествамъ, положительнымъ и отрицательнымъ, является чиновникомъ; онъ назначается на должность главою государства, совсѣмъ такъ же, какъ, напримѣръ, префектъ, и его назначеніе зависитъ отъ оффиціознаго соглашения между римскою куріей и правительствомъ; а такъ какъ всѣ эти власти держатся не одинаковыхъ, а скорѣе—противоположныхъ воззрѣній на тѣ требованія, какія ими предъявляются къ кандидатамъ на епископскую кафедру, то на избранникѣ лежитъ довольно тяжелая задача являться въ своей дѣятельности „примирителемъ непримиримаго“... Это, разумѣется, не можетъ содѣйствовать усиленію нравственнаго авторитета французскихъ епископовъ,—тѣмъ болѣе, что въ своихъ дѣйствіяхъ они сохраняютъ только тѣнь самостоятельности. Въ непосредственной зависимости отъ епископовъ находится около 40,000 священниковъ, составляющихъ бѣлое духовенство. Эта армія пополняется почти исключительно изъ трудящихся классовъ общества, и число лицъ, желающихъ посвятить себя духовной карьерѣ, съ каждымъ годомъ быстро уменьшается; въ народѣ слабѣетъ вѣра, и честолюбіе эгоистическихъ отцовъ семейства ищетъ для своихъ сыновей иного круга занятій. Въ прежнее время каждый богатый крестьянинъ рассчитывалъ увидѣть своего сына сельскимъ еяромъ;—теперь онъ мечтаетъ о мѣстѣ чиновника или учителя,—тѣмъ болѣе, что духовное званіе уже не избавляетъ отъ солдатчины. Въ духовное

званіе идутъ теперь почти исключительно дѣти бѣднѣйшихъ крестьянъ, и вѣрными ему остаются только тѣ изъ нихъ, которые получаютъ воспитаніе въ закрытыхъ семинаріяхъ, вдали отъ мірскаго вліянія, которое часто заставляеть ихъ измѣнять своему первоначальному призванію... Жизнь сельскаго священника достойна сожалѣнія и уваженія. Во-первыхъ, онъ только что не умираеть съ голода, потому что его годовое содержаніе составляетъ всего 1,200 франковъ; во-вторыхъ, онъ живеть въ совершенномъ одиночествѣ и заброшенности. Въ ирещнія времена кюрэ былъ первымъ человѣкомъ въ деревнѣ, имѣлъ огромное нравственное вліяніе на свою паству; теперь его положеніе совершенно измѣнилось: въ обветшавой церкви, куда мужчины уже совсѣмъ перестали ходить, онъ печально читаетъ мессу для нѣсколькихъ старухъ. Французскіе крестьяне уже не чувствуютъ религіозныхъ потребностей; они забыли значеніе церковныхъ обрядовъ; священникъ для нихъ—не больше, какъ спеціальный чиновникъ, къ которому они обращаются въ извѣстныхъ случаяхъ просто по привычкѣ; да и эта привычка съ каждымъ годомъ слабѣеть, потому что вліятельные представители деревенскаго общества,—мэръ, учитель, муниципальные совѣтники,—подають примѣръ либеральнаго отношенія къ религіознымъ вопросамъ. Борются съ невыгодами своего положенія сельскій кюрэ не имѣеть возможности: у него нѣтъ средствъ на покупку книгъ—и нѣтъ охоты читать; лишенный матеріальнаго обезпеченія и нравственнаго авторитета, постоянно чувствуя себя подъ Дамокловымъ мечемъ епископскаго неудовольствія и общественнаго нерасположенія, онъ перестаетъ вѣрить въ свои силы и обращается въ простого ремесленника... Въ большихъ городахъ, особенно въ Парижѣ, наблюдается другое явленіе: здѣсь священникъ чаще всего стараетъ, такъ сказать, ассимилироваться съ своей паствой, появляется въ свѣтскихъ салонахъ, комментируетъ новые романы или политическія статьи, стараетъ привлекать въ свою цорковь публику, состоящую не столько изъ вѣрующихъ, сколько изъ праздныхъ диллетантовъ, которымъ, все равно, дѣваться некуда,—и для привлеченія этой публики не останавливается передъ устройствомъ вокально-инструментальныхъ концертовъ съ участіемъ модныхъ артистовъ. Ему, конечно, живеться несравненно легче, нежели сельскому кюрэ; но „пастыремъ душъ“ одинаково нельзя назвать ни того, ни другого. Что касается монашескихъ орденовъ и конгрегацій, то

во Франціи въ 1789 году насчитывалось около 60 тысячъ лицъ, принадлежащихъ къ этому разряду духовнаго сословія; теперь же это число доходитъ до 158 тысячъ, изъ которыхъ около 128 тыс. женщины. Какъ извѣстно, дѣятельность этихъ лигіозныхъ корпорацій въ настоящее время ограничивается исключительно дѣлами милосердія и благотворительности. «С. П. Д.»

— На бывшихъ въ маѣ мѣсяцѣ т. г. засѣданіяхъ въ Ламскомъ дворцѣ рѣшался вопросъ о законности кажденія въ англиканскихъ церквяхъ. Два священника, обвиненные протестантами въ „романическое ритуализмъ“, рѣшились доказать, кажденіе не противорѣчитъ уставамъ и законамъ англиканской церкви. Засѣданія происходили въ присутствіи обоихъ архіепископовъ и лучшихъ знатоковъ законовъ и исторіи христіанской церкви, каковъ, напр., профессоръ Коллинсъ. Сюда же приглашенъ въ качествѣ знатока богослуженія нашей церкви В. И. Барановскій, представившій записку о томъ, сколько разъ и когда совершено кажденіе въ православной церкви. Горячія пренія длились цѣлыя недѣли. Защитникамъ кажденія не удалось доказать съ несомнѣнностію изъ церковныхъ документовъ, что кажденіе было узаконено въ вѣкъ реформацій, но представленные ими гипотезы, весьма близкія къ истинѣ, говорятъ скорѣе за, чѣмъ противъ этого кажденія. Уже тотъ фактъ, что изъ числа запрещенныхъ обрядовъ въ православной церкви не упоминается о кажденіи, скорѣе приводитъ къ мысли, что подобное запрещеніе не распространялось на оправдываемое нами кажденіе. Новымъ Заветомъ и практикой древнѣйшихъ церквей Востока употребленіе кажденія въ англиканской церкви. Окончательный голосъ остался за архіепископами и онъ будетъ рѣшающимъ.

«Цер. Вѣстн.»

— «Американскій Правосл. Вѣстникъ» сообщаетъ, что въ Сиднейскомъ православному братствѣ вступилъ тайонъ (старшина) вель Катлеянь, норвавшій всякую связь съ своимъ темнымъ и чуждымъ прошлымъ—въ родѣ вѣры въ шаманство, идоловъ, волшебство и цѣлюю мошкяру духовъ; а въ прежнее время Катлеянь былъ грознымъ гонителемъ христіанъ. И вотъ этотъ человѣкъ пренебрегая кровью 20 декабря далъ растроганнѣйшую клятву стать предъ нѣйшимъ сыномъ православной церкви, прося молитвъ ея и прощенья за свое худое прошлое. Покаяніе его было искреннѣйшимъ, открытымъ, безобязанное и всенародное; только духъ Божіей благодати, дунувшій на это сердце миромъ любви, прощенья и блаженства.

словенія, могъ привести подобнаго челоуѣка къ такому проищно-венному познанію долга и всей сладости покаянія.

— Тотъ же «Вѣстникъ» сообщаетъ объ отрадномъ фактѣ вступленія въ лоно православной церкви интеллигентнаго и глубокоуважаемаго въ американскомъ обществѣ и военномъ мірѣ челоуѣка, полковника М. С. Гудрель, извѣстнаго своимъ активнымъ участіемъ въ послѣдней войнѣ. Воспріимникомъ его при св. таинствѣ былъ Его Императорское Высочество, Великій Князь Александръ Михайловичъ, котораго на мѣстѣ замѣнилъ полковникъ американской милиціонной службы С. І. Костромитиновъ. Августѣйшее свое согласіе на таковой предметъ Его Императорское Высочество изволилъ прислать чрезъ господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора. Общество, начиная съ представителей англиканства, пресвитеріанства и другихъ многочисленныхъ американскихъ вѣроисповѣдныхъ секцій, принесло г. Гудрелю теплыя душевнѣйшія поздравленія. Семья, его, живущая въ Вашингтонѣ, тронута и утѣшена сдѣланнымъ г. Гудрель мужественнымъ искреннимъ шагомъ въ выборѣ древнѣйшей, апостольскаго духа и уклада, церкви во душевное себѣ спасеніе.

— Берлинскій корреспондентъ «Daily Chronicle» сообщаетъ, какъ слышанное имъ изъ весьма авторитетнаго источника, что въ Сѣверной Персіи число несторіанъ, присоединившихся въ настоящее время къ православію простирается до 20 тысячъ. Урмія, которая является центромъ сирійскихъ христіанъ, въ настоящее время представляетъ изъ себя русскую провинцію. Русскіе священники пріобрѣтаютъ себѣ новообращенныхъ главнымъ образомъ отъ духовныхъ миссій, учрежденныхъ католическою церковью, архіепископомъ Кентерберійскимъ и американскимъ миссіонерскимъ совѣтомъ. Такія дѣйствія русскихъ миссіонеровъ, въ связи съ важными преимуществами, которыя получаютъ обратившіеся въ православіе, ведутъ къ тому, что черезъ годъ, или два вся несторіанская церковь, численность послѣдователей которой доходитъ до 80,000, присоединится къ русской православной религіи. Несторіане, обратившіеся въ православіе, пользуются всѣми привилегіями русскихъ подданныхъ въ Персіи.

— «Подол. Епарх. Вѣдомствъ» сообщаютъ, что въ селѣ Гайворонѣ, Гайсинскаго уѣзда, 9-го мая сего года присоединился къ Православной Церкви старообрядецъ-безпоповецъ К. Г., родомъ изъ г. Свѣпчанъ, Вил. губ. Занимается подрядами по постройкѣ мостовыхъ сооруженій въ Первомъ Русскомъ Обществѣ подѣздныхъ

путь, онъ въ продолженіе почти 2-хъ лѣтъ производилъ таковыя работы по постройкѣ желѣзнодорожнаго моста черезъ рѣку Бугъ у с. Гайворона. Однажды въ праздничный день онъ ради любопытства, какъ самъ говоритъ, по истинѣ движимый промысломъ Божиимъ, пошелъ въ мѣстную церковь, и православное богослуженіе произвело на него сильное впечатлѣніе. Нужно при этомъ сказать, что онъ человѣкъ грамотный и весьма любознательный и происходитъ изъ старобрядческой религіозной семьи. Его отецъ въ г. Свѣднанахъ занимаетъ среди старобрядцевъ выдающееся положеніе, какъ начитанный и весьма свѣдущій въ уставахъ старобрядческихъ, а потому и пользуется извѣстнымъ влияніемъ. Послѣ перваго посѣщенія приходскаго храма, онъ сталъ аккуратно и неопустительно посѣщать всѣ службы церковныя во всѣ праздничные и воскресные дни. Въ одно изъ такихъ посѣщеній зашелъ онъ разъ къ мѣстному священнику съ просьбой дать ему такую книгу, гдѣ бы онъ могъ найти критическій разборъ старообрядческихъ ученій. Ему даны были книги: „Обличеніе раскола“, Плотникова и Троицкаго, а также и св. Евангеліе. Получивши эти книги, онъ началъ со всѣмъ усердіемъ и вниманіемъ изучать православіе и расколъ, и, само собою разумѣется, не могъ не познать тѣмы заблужденій старообрядчества. Въ недоумѣнныхъ вопросахъ онъ всегда обращался за совѣтами и разъясненіями къ священнику. И послѣдствіемъ всего этого было присоединеніе его къ православію.

— Въ «Полтав. Еп. Вѣдомостяхъ» одинъ изъ священниковъ той же епархіи пишетъ, что въ его приходѣ живетъ крестьянинъ Л. И. У., старикъ 70 лѣтъ, толковый, набожный и любитель Божественнаго Писанія, на котораго означенный священникъ, со времени своего поступленія въ приходъ въ 1891 г. и съ открытія въ этомъ же году виѣбогослужебныхъ собесѣдованій, сразу же обратилъ вниманіе и близко познакомился съ нимъ. Не пропуская ни одного церковнаго Богослуженія, ни одной церковной бесѣды, старецъ У., обладая сильной понятливостью, успѣлъ, будучи безграмотнымъ, совершенно правильно усвоить акаѳистъ Спасителя и Богоматери. Въ частной бесѣдѣ съ нимъ священнику неоднократно приходилось выслушивать отъ него самыя здравыя и истинно христіанскія сужденія о вѣрѣ и обрядахъ православной церкви. Въ послѣдніе годы (немощи начали одолавать старца,*) пришлось отказаться ему отъ послѣдняго своего утѣшенія—посѣщенія хра-

ма Божія. Но всегдашняя любовь въ слушанію Слова Божія породила въ немъ другое желаніе, желаніе хоть подъ конецъ жизни научиться грамотѣ, чтобы можно было самому наслаждаться чтеніемъ св. Евангелія, вѣщающаго намъ глаголы живота вѣчнаго. Въ этомъ рѣдкомъ случаѣ въ крестьянскомъ быту старцу пришли на помощь грамотные его сыповья и внуки. И вотъ въ короткое время почтенный У. усвоилъ книжную грамоту и къ величайшей своей радости могъ уже самъ читать то, что съ такимъ благоговѣніемъ и любовью слушалъ въ своемъ приходскомъ храмѣ. Что же подвинуло старца на закатѣ лѣтъ его жизни приняться за изученіе грамоты? Ничто иное, какъ святое желаніе, какъ жажда духовной пищи, яже есть Слово Божіе. Рѣдкій и поучительный случай! Не выразился ли въ этомъ стремленіи и святомъ желаніи семидесятилѣтняго старца исконный взглядъ нашего православнаго народа на цѣль и значеніе школьнаго образованія, о которомъ нынѣ такъ много хлопчуть и духовенство и интеллигенція. Не говоритъ ли этотъ фактъ о томъ, что только церковная школа по своей задачѣ и направленію вполне удовлетворяетъ тому міросозерцанію, какимъ издревле отличается нашъ русскій народъ? И дѣйствительно, народъ нашъ, какъ по своему природному національному вкусу, такъ и по исторически сложившемуся взгляду, больше всего склоненъ къ чтенію и слушанію Божественнаго и только въ одномъ этомъ находитъ для себя и нравственное и умственное удовлетвореніе.

— По распоряженію Главнаго Управленія общества Краснаго Креста, были отправлены 11-го мая изъ Костромы 12 сестеръ милосердія въ гор. Симбирскъ, въ распоряженіе мѣстной общины сестеръ милосердія, съ цѣлью помощи больнымъ въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ. По прибытіи въ Симбирскъ, 14-го мая, сестры были раздѣлены на четыре партіи и отправлены: двѣ—въ Буинскій уѣздъ въ с. Цильну, состоящее исключительно изъ татаръ до 7000 жителей, четыре—въ Ундоровскій врачебный участокъ, четыре—въ Тагайскій участокъ и двѣ—въ Среднія Темеряны (населеніе—чуваши). Три послѣднія группы находятся въ Симбирскомъ уѣздѣ. На обязанность сестеръ были возложены уходъ за больными, какъ помѣщенными въ больницы, такъ и находящимися на дому, и завѣдываніе столовыми. При исполненіи обязанностей сестрамъ приходилось начинать работу съ 4 часовъ утра и, раздавъ пищевые продукты для пригото-

нія пищи, слѣдить за самымъ приготовленіемъ ея до 8 часовъ утра. Затѣмъ, съ 11 часовъ онѣ раздавали лично пищу больнымъ и ѣдокамъ, а въ свободное отъ этихъ занятій время посѣщали больныхъ, раздавали имъ лѣкарства и нѣкоторыхъ массажировали. Такъ какъ больныхъ на рукахъ каждой сестры было человѣкъ 20—30, а въ больницахъ и до 40 и притомъ въ разныхъ домахъ и даже деревняхъ, то и приходилось имъ трудиться до поздней ночи. Большое затрудненіе, особенно при началѣ дѣятельности, представляло незнакомство съ языкомъ населенія, состоящаго изъ татаръ, мордвы и чувашей. Въ послѣднее время сестры стали понимать кое-какъ инородцевъ. Одна изъ сестеръ указываетъ на это обстоятельство, какъ на особенно удручающее, потому что во всемъ очень большомъ селѣ только она и студентъ-медикъ, постоянно развѣзжающій по участку, говорятъ по-русски. Благодаря множеству работы, поглощающей все время, нѣсколько облегчается то чувство одиночества, которое испытывается сестрами между татарскимъ, чувашскимъ и мордовскимъ населеніемъ. Больные—преимущественно цыготные, тифозныхъ же (брюшной тифъ) в оспенныхъ немного. Оспенные больные наблюдались въ одномъ только Тагайскомъ участкѣ. Между цыготными больными случаи тяжелаго пораженія рѣдки, и всѣ такіе больные отправлялись въ больницы. Въ настоящее время напряженность и распространенность эпидеміи значительно сократились.

«Вѣстн. Росс. Общ. Красн. Креста».

— По завѣщанію скончавшейся Н. М. Смирновой отказано въ Московскій Донской монастырь 40.000 руб. съ тѣмъ, чтобы проценты съ 20,000 руб. употреблялись на украшеніе храмовъ, съ 12,000 руб.—на совершеніе заупокойной литургій и съ 8,000 р.—на ремонтъ памятника и содержаніе лампы. Жертвователю оставлено также 36,000 руб. московскимъ церквамъ: св. Максима исповѣдника, что на Варваркѣ, свв. Космы и Даміана, что у Каменнаго моста, и св. Николая чудотворца, что на Берсеневкѣ. Изъ этой суммы проценты съ 6,000 руб. должны идти въ пользу причтовъ, а съ остальныхъ денегъ—на нужды церквей. Въ пользу причта церкви св. Николая чудотворца, что на Ямахъ, отказано покойною—2,000 руб.; въ аеонскій Пантелеймоновскій монастырь—2,000 руб.; на устройство нѣсколькихъ коекъ въ богадѣльнѣ для слѣпыхъ женщинъ—5,000 руб. и въ церковь Благовѣщенія Богоматери, что на Житномъ дворѣ—также 5,000 руб. «Моск. Вѣд.»

МОСКОВСКАЯ СИНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФІЯ.

Опредѣленіемъ Святейшаго Синода, отъ 12/19 марта 1896 года, за № 827, на Московскую Синодальную Типографію возложена вся книжная торговля какъ Синодальными, такъ и другими изданіями, для всѣхъ иногороднихъ покупателей, за исключеніемъ губерній: С.-Петербургской, Олонецкой, Новгородской, Псковской, Эстляндской, Курляндской, Лифляндской и Финляндской. Вслѣдствіе сего съ требованіями на книги гг. покупатели всѣхъ губерній Россійской Имперіи благоволятъ обращаться въ Управление Московской Синодальной Типографіи (Москва, Никольская улица); покупатели же изъ выше перечисленныхъ мѣстностей должны направлять свои требованія въ С.-Петербургскую Синодальную Типографію.

Подробныя условія продажи и высылки книгъ изъ Московской Синодальной Типографіи взложены въ Каталогъ 1899 года, высылаемому желающимъ безплатно.

Въ настоящее время поступили въ продажу слѣдующія книги:

Евѣлія, на русскомъ языкѣ, въ 4 д. л., больш. форм. гражд. печ., въ бум. 3 р. 10 к., въ кожѣ или коленк. съ золот. тисн. 5 р. 50 к.

По своей крупной печати это изданіе весьма удобно для слабыхъ зрѣніемъ. Приготовляется къ печати подобное изданіе и церковной печати.

Псалтирь, церк. печ. съ киноу, въ 4 д. л. больш. форм., въ бум. 3 руб. 60 въ кожѣ 5 руб., въ коленк. съ сафьян. корешк. съ золот. тисн. 6 руб.

По качеству бумаги и типографскому исполненію эта книга представляетъ собою изданіе наиболѣе удобное для подарка или подношенія; по крупному же шрифту оно пригодно и для слабыхъ зрѣніемъ. Псалтирь, церк. печ. безъ киноу, въ 8 д. л., въ бум. 40 к. въ коленк. 70 к. Это новое изданіе заключаетъ въ себя, между прочимъ, многочисленныя объяснительныя подстроеныя примѣчанія.

Новый Заветъ, на русскомъ языкѣ въ 16 д. л., въ бум. 22 к. коленкор. 35 коп., въ сафьяновомъ 75 коп. **Новый Заветъ съ Псалтирью**, на русскомъ языкѣ въ 16 д. л., въ бум. 30 к., въ коленкоровомъ 45 к. **Молитвословъ**, гражд. печ., въ 64 д. л. (576 стран.), въ бум. 12 коп., въ коленкоровомъ 25 коп., въ кожѣ 35 к.

Молитвословъ іерейскій, церк. печ., въ 16 д. л., въ бум. 1 р. 40 к. въ сафьян. 2 р.

Правило молитвенное готовящимся ко Св. Причащенію, въ 16 д. л. церк. печ., съ киноу, въ бум. 45 коп.

СОДЕРЖАНІЕ: 1) Правило готовящимся къ служенію литургіи. 2) Малое повечеріе. 3—4) Акаенствъ Іисусу и Пр. Богородицѣ. 5—9) Каноны: Пр. Богородицѣ, Ангелу Хранителю, Св. Іоанну Предт., Покаянный и Св. Апостоламъ. 10) Акаенствъ Св. Николаю. 11—12) Каноны Честному Кресту и Всѣмъ Святымъ. 13) Послѣдованіе за усопшихъ. 14—15) Тропари дневныя и воскресныя. 16—17) Молитвы на сонъ грядущимъ и утреннія. 18) Правило готовящимся къ Св. Причащенію. 19) Правило отъ оскверненія. 20—23) Часы (1-й, 3-й, 6-й и 9-й). 24) Чинъ обѣдницы. 25—26) Послѣдованія ко Св. Причащенію и по Св. Причащенію.

Чинъ освященія храма, отъ Архіерея творимаго, церк. печати съ кн. въ 4 д. л., въ бум. 40 коп., въ кожѣ 75 коп.

Поминанья, церковн. или гражд. печ., въ 32 д. на плотной бум. съ священ. изображ. и поманякомъ живыхъ и усопшихъ, въ коленк. 15 к. и 20 к., въ саф. 25 к. **Собраніе акаенствъ**, въ 32 д. л. церковн. печ. безъ киноу. Томъ первый (Акаенствъ: Іисусу Сладчайшему, Пресвятѣй Троицѣ, Воскресенію Христову, Божествен. Страст. Христов.). Цѣна въ бум. 30 коп. Христіанскія начала семейной жизни. Новое изданіе К. П. Побѣдовосцева. Цѣна 75 коп. Предметный Указатель къ Св. Четвероевангелію. Цѣна 20 коп.

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

Собраніе акаенствъ. Томъ второй, состоящій изъ семи акаенствъ: 1) Пресвятѣй Богородицѣ. 2) Успенію БМ. 3) Покрову Пресв. Богородицы. 4) Ик. БМ. Утоли моя печали. 5) Ик. БМ. Троеручицѣ. 6) Ик. БМ. Толгской. 7) Ик. БМ. Неопалимой Кулижѣ. Избранныя молитвы и пѣснопѣнія, въ 8 д. церк. печ. Книга предназначается для участвующихъ въ общенародномъ пѣніи, для пѣвчихъ хоръ и вообще для любителей церковнаго пѣнія. Составъ ея: а) Молитвы и пѣснопѣнія на всеобщемъ бѣднѣи и литургіи; б) стихирны, тропари, кондаки, ирмосы и прокимны воскресной службы всѣхъ осми гласовъ; в) пѣснопѣнія великаго поста и страстной седмицы; г) пѣснопѣнія пасхальныя и воскресныхъ службъ пятидесятницы; д) стихирны, тропари, кондаки, величавія, ирмосы и прокимны мѣсяцъ праздничной; е) пѣснопѣнія молебновъ, водоосвященія, паннихиды и другихъ службъ, цѣна 50 коп.

НОВАЯ КНИГА О БЕЗБОЖІИ И АНТИХРИСТѢ.

Томъ I.

Подготовленіе, признаки и время прішествія антихриста.

Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Съ требованіями обращаться къ автору книги: Сергіевъ Посадъ, профессору Академіи Александру Дмитріевичу Бѣляеву, или же въ книжные магазины Москвы и Петербурга.

Продолжается подписка на 1899 г. (VI г. изд.)

— НА —

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Изданіе П. П. СОЙКИНА, подъ редакціей д-ра философіи М. М. ФИЛИПОВА.

Вышелъ 30 іюня № 7 (іюль). Содержаніе: I. Воспоминанія о Карлѣ Марксѣ. Л.—та. II. Чувство физиологической жизни и страданіе (Пер. съ рукописи О. Сидерской). Д-ра *Солье*. III. Ученіе Шопенгауэра о свободѣ воли. С. *Грузенберга*. IV. Принципъ превращенія причины въ дѣйстви.: Э. *Борецкой*. V. Понятіе исторіи (пер. А. Мефера). П. *Барта*. VI. Краткій очеркъ главнѣйшихъ моментовъ въ исторіи биологіи (Пер. съ прим. Е. Безпятава). Р. *Вирхова*. VII. Н. Е. Петропавловскій-Каронинъ. Н. А. *Санина*. VIII. Современные русскіе экономисты. Предисловіе. Наслѣдіе буржуазной полит. экономіи. Н. Зиберъ, какъ критикъ Рикардо. М. *Филиппова*. IX. О шаровой молніи. Проф. Н. *Гезехуса*. X. Отъ грековъ до Дарвина. Проф. *Осборна*. XI. Къ вопросу о рынкахъ. *Павла Скворцова*. XII. Очерки текущей литературы. П. М. XIII. Научн. нов. XIV. Библиографія. XV. П. Львовъ, Соціальный законъ. Л. 6-й. XVI. Берне, Парижскія письма. Лл. 19—24.

Подписная цѣна: на годъ 7 руб. (за границу 10 руб.) съ доставкою и перес. На $\frac{1}{2}$ года 4 руб., на $\frac{1}{4}$ г. 2 р. Комплекты за 1898 г. ц. 7 р. съ пер. С.—Петербургъ, Стремянная ул., собств. д. № 12. Главная контора журнала „Научное Обозрѣніе“.

Продолжается подписка на „Научно-энциклопедическій Словарь“. Ц. съ пер. 5 р. За журналъ „Научное Обозрѣніе“ со „Словаремъ“ 10 р. съ пер.

Продолжается подписка на 1899 годъ

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ, РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННЫЙ, ПЛЮСТРИРОВАННЫЙ,
НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„КОРМЧИЙ“

(двадцатый годъ изданія).

4 рубля за годъ съ пересылкою, 2 рубля 50 коп. за полгода съ пересылкою.

„Кормчій“ одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами.

Адресъ редакціи: Москва, Ордынка, домъ Вязановой, (квартира Протоіерея Скорбященской церкви).

„Кормчій“ предназначается для воскреснаго и праздничнаго народнаго чтенія. Въ виду этого программа изданія его носить характеръ общедоступности, какъ въ выборѣ статей для чтенія, такъ и въ формѣ ихъ изложенія.

„Кормчій“ имѣетъ главною своею цѣлю, какъ показываетъ и самое названіе, путеводить православнаго христіанина, т. е. указывать ему тотъ истинно добрый путь ко спасенію, который Церковь Православною предвачертанъ для всѣхъ чадъ ея.

„Кормчій“ и въ 1899 г. будетъ издаваться примѣняясь къ событіямъ недѣли, и такимъ образомъ, можетъ служить удобнымъ подспорьемъ для вѣтбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ на весь годъ, въ особенности духовенству; а для мирянъ и христіанскихъ семей—благовременнымъ и полезнымъ чтеніемъ въ воскресные и праздничные дни.

Мѣ журнала будутъ украшаться рисунками религіозно-правственнаго содержания съ соответствующими поясненіями въ текстѣ.

Въ журналѣ „Кормчій“ по прежнему будетъ принимать участіе своими литературными трудами

извѣстный Кропштадтскій пастырь отецъ Іоаннъ.

Въ 1899 г. Редакція „Кормчій“ дастъ своимъ подписчикамъ:

52 Мѣ религіозно-правственнаго чтенія и обзора событій текущей жизни.

52 Мѣ иллюстрированнаго бесплатнаго приложенія „*Воскресныя поученія по житіямъ святыхъ*“ и еще

12 Мѣ иллюстрированныхъ листовъ на дванадцатье праздники.

Въ редакціи имѣются полные экзмп. „Кормчаго“ за 1893, 94, 95, 96, 97 и 98 гг. Цѣна 1893 г. (сброш.) 2 р. 50 к., 1894 г. (сброш.) 3 р., 1895 г. (сброш.) 3 р., 1896 г. (сброш.) 3 р., 1897 г. (сброш.) 3 р., 1898 г. (сброш.) 3 р. Листки продаются и отдѣльно отъ журнала по 60 к. за 100 безъ перес. и по 80 коп. за 100 съ перес.

Вышли изъ печати 12 мелкихъ брошюръ съ религіозно-правственными разсказами, Ботквнкой, цѣна за брошюру 1 коп., за 100 брош. 90 к. съ перес. и 70 к. безъ перес. Наложеннымъ платежомъ изданія „Кормчаго“ не высылаются.

Редакція, дѣлаетъ скидку 40% съ объявленной цѣны для тѣхъ, которые выписываютъ журналъ сразу за всѣ имѣющіеся въ продажѣ годы; при выпискѣ же не менѣе 10 экземпляровъ журнала за 1899 годъ, цѣна за каждый экземпляръ 3 р. 50 к. вмѣсто 4 р.

Протоіерей С. П. Липидевскій.
Редакторы—издатели: Священники (І. Н. Бухаревъ.
В. П. Гурьевъ.

ВЫШЛА ИОНЬСКАЯ КНИГА

ЛИТЕРАТУРНАГО НАУЧНАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

ЖИЗНЬ

СОДЕРЖАНИЕ: 1) Чужестранцы. Повѣсть *Е. Н. Чурикова*. 2) „Весенняго тепла обвѣянный дыханьемъ“... Стихотвореніе *И. С.* 3) Высшая форма органической жизни проф. *В. Феттера*. 4) Разбитая ваза. Стихотвореніе *С. Яхонтова*. 5) Всѣ цвѣта радуги. Разсказъ *В. Я. Сопылова*. 6) Водопадъ. Очеркъ *Е. З.* 7) Кто? Стихотвореніе *Тана*. 8) Аффризмы *Фр. Ницше*. 9) Стихотворенія въ прозѣ *Андрея Ньмюевскаго*. 10) Русскіе на рѣкѣ Колымѣ *В. Г. Богораза*. 11) Майская ночь. Стихотвореніе *А. Королева*. 12) Умирающая земля. Романъ *Ренэ Базенъ*. 13) „Подъ бременемъ горькой невзгоды“. Стихотвореніе *Л. Медвѣдева*. 14) „Утромъ зорька молодая“. Стихотвореніе *С. Петрова*. 15) Амигъ и Целистинъ. Разсказъ *Анатолія Франса*. 16) Соціологическіе взгляды Георга Зиммеля *С. Штейнберга*. 17) Ома Гордѣвъ. Повѣсть *М. Горькаго*. 18) Семидесятые годы (М. Е. Салтыковъ) *Е. А. Соловьева*. 19) Аграрный вопросъ въ Бельгій *И. Андреева*. 20) Трудовая теорія цѣнности и законъ равной нормы прибыли *П. Нежданова*. 21) Антропологическіе эскизы *Л. Ф. Крживицкаго*. 22) На одномъ диспутѣ въ Москвѣ *П. Н.* 23) Происхожденіе современнаго сельскаго хозяйства *П. Ф. Теплова*. 24) Бъ вопросу о роли земства въ современной экономической эволюціи Россіи *Г. Г. Дроздова*. 25) Изъ исторіи читателя *А. В. Пшехонова*. 26) Малолѣтніе ремесленные ученики въ Пермѣ *В. Уральскаго*. 27) Нѣмецкіе памфлетисты *А. Коурова*. 28) Письмо съ стороны *А. С. Изюева*. 29) Библиографія. 30) Иностранное обозрѣніе. 31) Хроника внутренней жизни. 32) Правительственныя сообщенія. 33) Письмо въ редакцію *А. Пругавина*. 34) Отчетъ конторы редакціи „Жизни“ по сбору пожертвованій въ пользу голодающихъ. 35) Новыя книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

Картинны: Село Протасово, Лукояновскаго уѣзда.—Тифозная больница въ с. Новой слободѣ.—Рейнскій водопадъ.—Типы русскіхъ на Колымѣ.

Открыта полугодовая подписка съ 1 іюля 1899 г. по 1 января 1900 г.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 7 р. на полгода 4 р.

Главная контора: СПб., Бассейная. 14.

15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Сентября № 17. 1899 года.

Содержаніе. Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ Харьковской и Таврической епархіи (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ Харьковской и Таврической епархіи.

(Продолженіе *)

По примѣру прежнихъ лѣтъ, и на курсахъ текущаго года церковное пѣніе было предметомъ особеннаго изученія. Ему было посвящено 53 учебныхъ часа въ младшей группѣ и 50 учебныхъ часовъ въ старшей, считая въ томъ числѣ 15 уроковъ хорового пѣнія, 15 уроковъ скрипичной игры для желающихъ и 2 образцовыхъ урока. Придавая столь важное значеніе предмету церковнаго пѣнія, курсы въ этомъ случаѣ идутъ не только на встрѣчу пробудившейся потребности среди населенія слышать въ церкви мелодическое строго церковное пѣніе, но главнымъ образомъ имѣютъ въ виду его глубоко-воспитательное вліяніе. Церковное пѣніе есть душа нашего православнаго богослуженія и составляетъ его необходимый элементъ. Нашъ народъ такъ сроднился и привыкъ къ пѣнію въ церкви, что безъ него не можетъ представить себѣ богослуженія и радостью радуется, когда въ его приходскихъ церквахъ появляется хоровое пѣніе. Потребность въ пѣніи такъ глубока и велика въ нашемъ народѣ, что даже при уклоненіяхъ отъ православной церкви въ сектанство, расколъ, онъ не иначе выражаетъ религиозное настроеніе своей секты, какъ чтеніемъ и общимъ хоровымъ пѣніемъ. Церковная школа, поставляя свою цѣлю сближеніе народа съ церковію и воспитаніе въ немъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 16.

лучшихъ его религіозныхъ потребностей, и должна поднять и возвысить этотъ предметъ на высоту его дѣйствительнаго значенія и, какъ показываетъ опытъ, церковная школа выполняетъ по мѣрѣ силъ своихъ эту трудную задачу. Церковное пѣніе оставляетъ въ дѣтяхъ неизгладимое впечатлѣніе, съ которыми они выходятъ изъ школы въ жизнь, и такъ привязываетъ ихъ къ церкви, что они навсегда остаются любителями клироснаго пѣнія. Вслѣдствіе этого повсюду въ послѣднее время обращено самое серьезное вниманіе на развитіе церковнаго пѣнія и повсюду громаднѣйшій запросъ на учителей, способныхъ преподавать пѣніе и организовать церковный хоръ.

Въ виду неодинаковой степени пѣвческихъ познаній слушателей курсовъ и для удобства занятій всѣ учителя раздѣлены на двѣ группы—старшую и младшую. Дѣленіе на группы было произведено путемъ предварительнаго опроса курсистовъ, какими они обладаютъ познаніями въ хоровомъ пѣніи, общей теоріи пѣнія и элементарной гармоніи. Оказалось, что въ старшую группу могли быть зачислены 17 человекъ¹⁾, остальные 76 зачислены были въ младшую. Хотя слушатели старшей группы до курсовъ и имѣли нѣкоторыя свѣдѣнія изъ теоріи и практики пѣнія, но эти свѣдѣнія, какъ пріобрѣтенныя путемъ не систематическаго изученія, а случайно, отрывочно, оказались поверхностными и неосновательными. При такихъ званіяхъ не легко было выполнить обширную программу пѣнія, указанную „Правилами о курсахъ“, особенно въ виду краткаго времени и занятій по другимъ предметамъ курса церковно-приходской школы. Тѣмъ не менѣе природный музыкальный слухъ, которымъ обладали всѣ курсисты старшей группы, любовь къ дѣлу и желаніе научиться пѣть дали нѣкоторую возможность преодолѣть указанныя трудности и достигъ желательныхъ результатовъ. Что же касается слушателей младшей группы, то среди нихъ нашлись и такіе, которые не обладали самыми элементарными свѣдѣніями изъ

¹⁾ Къ старшей группѣ принадлежатъ: Ив. Кучеренко, Пол. Чернявскій, Ш. Климентовъ, Дм. Корвильевъ, Мих. Рудневъ, Ив. Павловъ, Сим. Туранскій, Пет. Македонскій, Пет. Еллинскій, Ант. Григорьевъ, Алекс. Базилевичъ, Михаилъ Бѣлявъ, Георгій Мигулинъ, Михаилъ Мянченко, Романъ Новяковъ, Иванъ Федоровъ, Оома Мустаевъ.

теоріи; такихъ слушателей приходилось поощрять къ усиленнымъ занятіямъ.

Общая задача относительно всѣхъ вообще слушателей курсовъ сводилась къ тому, чтобы пополнить и привести въ систему знанія курсистовъ въ пѣніи, или частнѣе: 1) научить пѣть по церковнымъ (квадратнымъ) и итальянскимъ нотамъ; 2) научить по нотамъ гласовымъ мелодіямъ и такимъ путемъ изучить все осмогласіе московскаго напѣва, 3) сообщить элементарныя свѣдѣнія изъ теоріи пѣнія въ связи съ элементарными свѣдѣніями изъ гармоніи, поскольку свѣдѣнія изъ гармоніи необходимы при организаціи хора и управленіи имъ; 4) преподавать учителямъ методическія указанія о преподаваніи пѣнія въ школахъ въ связи съ ознакомленіемъ ихъ съ регентскимъ искусствомъ для устройства церковныхъ хоровъ.

Обученіе курсистовъ чтенію нотъ, нотной грамотѣ поставлено было основаніемъ послѣдующаго обученія ихъ церковному пѣнію. Научить взрослыхъ въ короткій промежутокъ времени читать ноты въ *совершенствѣ* трудно, а дѣтей даже невозможно (какъ трудно взрослыхъ и невозможно дѣтей въ короткое время научить читать книгу), но научиться разбирать ноты, читать нотную книгу „по складамъ“ возможно и въ короткій промежутокъ времени, при систематическомъ ходѣ обученія. Такой методъ обученія пѣнію, въ которомъ основаніемъ ставится изученіе нотной азбуки единственно разумный и цѣлесообразный, и какъ таковой признанъ всѣми музыкальными педагогами. Въ бесѣдѣ съ курсистами по вопросу объ обученіи пѣнію дѣтей дознано, что и они слѣдуютъ указанному методу, но не имѣя необходимыхъ учебныхъ пособій и времени для веденія обученія пѣнію въ строгой системѣ, а также и умѣнья, достигаютъ цѣли на половину: ученики ихъ дальше „складовъ“ не идутъ.

Научившись читать ноты по руководству Рязскаго, учителя перешли къ изученію по нотамъ осмогласія распѣвамъ, изложеннымъ въ книгѣ: „кругъ церковныхъ пѣснопѣній Московской епархіи“. Этотъ возвышенный, спокойный, мелодическій напѣвъ былъ введенъ въ обиходъ церковнаго пѣнія Преосвященнымъ Амвросіемъ и въ теченіи 15 лѣтъ его управленія епархіей постепенно распространяется чрезъ посредство духовно-учеб-

ныхъ заведеній и снабженіе церквей и школъ нотными книгами этого распѣва. Хотя не всѣ курсисты знакомы съ московскимъ распѣвомъ, но изъ опроса ихъ оказалось, что въ большей части приходовъ практикуется именно этотъ напѣвъ. наряду съ придворнымъ напѣвомъ въ переложеніи Бахметьева и старо-дьячковскимъ, близкимъ по характеру къ московскому. Курсистамъ было выяснено преимущество этого распѣва предъ всякимъ другимъ, какъ такого, который, объединяя въ себѣ лучшія пѣснопѣнія древнихъ распѣвовъ: знаменнаго большого и малаго, кievскаго,—при благоговѣйномъ и точномъ исполненіи, можетъ производить самое сильное впечатлѣніе на сердца молящихся. Сами курсисты обязываются поэтому держаться Московскаго напѣва и при обученіи въ школахъ.

Большимъ затрудненіемъ къ повсемѣстному введенію московскаго напѣва служить его трудность, требующая умѣнья читать ноты, а такъ какъ въ школахъ обученіе нотной грамотѣ поставлено неудовлетворительно, то естественно учителя и регенты выбираютъ напѣвы въ легкихъ переложеніяхъ. Привести къ единству напѣва хотя бы осмогласіе при теперешнихъ условіяхъ обученія пѣнію въ школахъ невозможно, хотя нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ, когда школы, при разумной постановкѣ обученія пѣнію, будутъ выпускать не только разумѣющихъ книгу, но и разумѣющихъ нотный обиходъ, можно будетъ легко ввести одинъ напѣвъ, который, ставши черезъ постоянное употребленіе общеизвѣстнымъ, послужитъ началомъ образованія и для всенароднаго хора.

Не малымъ препятствіемъ къ водворенію этого общаго для всѣхъ напѣва служить еще и то обстоятельство, что нашъ народъ, чуждый пѣвческихъ вкусовъ, любитъ пѣніе, такъ называемое, партесное крикливое, съ гласовыми эффектами, и при организаціи хоровъ требуетъ этого пѣнія по примѣру городскихъ хоровъ. Опытъ показываетъ, что регенту весьма трудно бороться съ этимъ нежелательнымъ явленіемъ. Задача церковной и всякой другой начальной школы воспитать народъ въ духѣ строго церковнаго древне-христіанскаго пѣнія, за которымъ навсегда останутся всѣ преимущества. Полагаемъ, что было бы весьма полезно для возбужденія въ народѣ любви

къ простому пѣнію привлекать къ участию въ исполненіи нѣкоторыхъ богослужебныхъ пѣснопѣній не только всѣхъ учащихся и выбывшихъ изъ школы учениковъ, но и весь народъ. Народъ скоро полюбитъ это пѣніе; каждому изъ насъ приходилось наблюдать, что среди молящихся всегда есть лица, подпѣваюція за хоромъ. Пѣніе всею школою, а еще болѣе того, пѣніе всею церковію будетъ производить глубоко-потрясающее впечатлѣніе.

Особенное вниманіе преподавателями церковнаго пѣнія обращено было также на выясненіе практическихъ свѣдѣній о регентованіи. Слушателямъ курсовъ было выяснено: устройство хоровъ; унисонный хоръ; полифоническій хоръ; однородный хоръ; хоръ изъ басовъ, теноровъ и альтовъ. Приемы управленія хоромъ. Упражненія въ регентованіи. Камертонъ. Задаваніе тона хору. Разучиваніе пьесъ съ отдѣльными голосами и со всѣмъ хоромъ.

Что касается вообще содержанія преподаванія на курсахъ церковнаго пѣнія, то оно точно и обстоятельно изложено въ „программѣ о временныхъ педагогическихъ курсахъ“.

Такъ какъ цѣлю преподаванія церковнаго пѣнія на курсахъ было научить учителей, какъ они должны въ свою очередь обучать дѣтей этому предмету въ школѣ, то преподаватели употребляли въ отношеніи къ курсистамъ тѣ самыя приемы, какіе вообще должны быть употребляемы въ школьномъ обученіи. При этой постановкѣ дѣла предлагаемый матеріалъ укладывался въ представленіи слушателей гораздо глубже и основательнѣе. вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы показать, какъ они должны обращаться съ дѣтьми при обученіи пѣнію, преподавателемъ о. Петровскимъ было дано въ образцовой школѣ 2 часовыхъ образцовыхъ урокахъ. Предметомъ уроковъ было ознакомленіе съ голосомъ и музыкальнымъ слухомъ учениковъ младшей группы, изученіе молитвы и обученіе пѣнію по нотамъ. Этимъ закончились курсы по пѣнію въ старшей и младшей группахъ.

Скрипичной игрѣ обучалось 14 учителей ¹⁾ въ теченіи 15

¹⁾ Ник. Жербинъ, Ник. Исидоровъ, Ив. Бучеренко, Сер. Александровъ, Георг. Якубовичъ, Дим. Ветуховъ, Мих. Литкевичъ, Вас. Поляковъ, Тим. Квитка, Сер. Царевскій, Сер. Жилевскій, Ник. Мигулинъ, Мар. Жевакинъ, Мит. Приходькинъ.

часовыхъ уроковъ. Цѣлю преподаванія на курсахъ этого предмета было поставлено 1) сообщеніе курсистамъ элементарныхъ свѣдѣній изъ теоріи скрипичной игры: какъ настраивать скрипку, какъ держать ее при игрѣ, какъ владѣть смычкомъ и проч.. 2) проигрываніе легкихъ упражненій въ ключахъ скрипичномъ и альтовомъ, а также проигрываніе по слуху нѣкоторыхъ молитвъ въ униссонъ и въ видѣ дуэтовъ; 3) сообщеніе первоначальныхъ основныхъ приѣмовъ скрипичной игры по нотамъ и по слуху. Уроки скрипичной игры преподаны были тѣмъ изъ курсистовъ, которые до курсовъ совершенно не умѣли играть на скрипкѣ; умѣющіе играть были освобождены отъ посѣщенія уроковъ скрипки по той причинѣ, что присутствіе въ числѣ слушателей умѣющихъ и не умѣющихъ играть привело бы къ необходимости при обученіи дѣлить слушателей на группы, а занятія съ нѣсколькими группами при ограниченномъ числѣ уроковъ не принесли бы существенной пользы. Сознаніе несомнѣнной пользы, какую можетъ принести учителю умѣнье играть на скрипкѣ при обученіи пѣнію въ школѣ, а также при организаціи хора, побуждало курсистовъ охотно и съ усердіемъ относиться къ урокамъ скрипичной игры. Благодаря этому и результаты оказались удовлетворительные; почти всѣ курсисты изучили игру на скрипкѣ въ достаточной степени: они играютъ гамму, интервалы, легкіе нотные примѣры, обиходныя мелодіи, а главное на урокахъ скрипки приобрѣли необходимыя указанія, слѣдуя которымъ, они могутъ сами при желаніи постепенно совершенствоваться въ этомъ искусствѣ.

По окончаніи занятій на курсахъ въ присутствіи предсѣдателя епархіальнаго училищнаго Совѣта, ректора Семинаріи прот. Іоанна Знаменскаго, членовъ Совѣта и другихъ почетныхъ лицъ, было произведено по церковному пѣнію испытаніе слушателей и слушательницъ, причемъ выдержавшіе испытаніе имѣютъ получить, согласно § 18 „Правилъ о курсахъ“, за подписью инспектора курсовъ и преподавателей пѣнія удостовѣренія: въ старшей группѣ о томъ, что они могутъ обучать пѣнію въ начальной школѣ и управлять церковнымъ хоромъ, а въ младшей, что они знакомы съ одноподоснымъ церковнымъ пѣніемъ и могутъ обучать оному.

Испытанія по предмету церковнаго пѣнія, какъ показываетъ наблюденіе, имѣютъ весьма важное значеніе не только въ смыслѣ удостовѣренія въ томъ, насколько курсисты потрудились и насколько вообще серьезно поставлено дѣло обученія этому предмету на курсахъ, но главнымъ образомъ въ смыслѣ возбужденія энергіи и усердія въ занятіяхъ по сему предмету. Въ виду предстоящихъ испытаній почти всѣ внѣклассныя занятія были посвящаемы курсистами церковному пѣнію, почему съ увѣренностію можно сказать, что и успѣхи по сему предмету были достигнуты гораздо въ большей мѣрѣ. Въ виду этого было бы цѣлесообразно распространить учрежденіе экзаменовъ и на другіе преподаваемые на курсахъ предметы, расширивъ при семъ и права, приобретаемыя курсистами по экзамену церковнаго пѣнія, предоставленіемъ правъ учителямъ, выдержавшимъ испытаніе по всѣмъ предметамъ. Приуроченіе таковыхъ экзаменовъ ко времени курсовъ имѣетъ ту выгодную сторону, что здѣсь учителя наряду съ теоретическими экзаменами могли бы въ образцовой школѣ обнаружить и степень своей практической подготовки, а распорядительная коммиссія и преподаватели въ теченіи пяти недѣль могли-бы подвергнуть ихъ всестороннему наблюденію. Само собою разумѣется, что курсисты, предполагающіе держать экзамень, заблаговременно должны надлежащимъ образомъ подготовиться, а курсы для нихъ послужили бы къ провѣркѣ знаній и къ закрѣпленію ихъ практическими занятіями въ образцовой школѣ. Тогда и самое число вызываемыхъ на курсы учителей должно бы быть ограничено до 30, чтобы занятія съ ними могли носить характеръ школьный. Въ крайнемъ случаѣ можно было-бы устраивать курсы, имѣющіе прямою своею цѣлію подготовку къ экзаменамъ на званіе учителя.

Преподаваніе на курсахъ языковъ русскаго и церковно-славянскаго было ведено Епархіальнымъ Наблюдателемъ В. Ѳ. Давыденко. Планъ занятій и существенныя стороны, на которыя было обращено вниманіе, опредѣляются послѣдовательно стію и содержаніемъ образцовыхъ и пробныхъ уроковъ, въ связи съ которыми были расположены и соотвѣтствующія имъ методическія бесѣды, предшествовавшія имъ или сопровождав-

шія ихъ. Образцовыхъ уроковъ по русскому языку было дано 9, пробныхъ 16, методическихъ же бесѣдъ съ разборомъ пробныхъ уроковъ и дидактическими указаніями 22, въ томъ числѣ: по дидактикѣ 5, обученію грамотѣ 6, объяснительному чтенію 6, по обученію правописанію 3, по обученію чистописанію 2.

Сдѣлавши краткое историко-критическое обзорніе различныхъ методовъ обученія грамотѣ: буквослагательнаго, слогобическаго, звукового синтетическаго и звукового аналитическаго, преподаватель пришелъ къ выводу, что наиболѣе цѣлесообразнымъ и наиболѣе соответствующимъ цѣлямъ обученія методомъ является наглядно-звуковой методъ совмѣстнаго обученія чтенію и письму. Причемъ съ методомъ буквослагательнымъ слушатели были ознакомлены въ изложеніи отца и учителя церкви бл. Іеронима, который ввелъ нѣкоторыя упрощенія этого метода, въ видѣ подвижной азбуки и графической сѣтки, какія усвоаютъ себѣ педагоги новѣйшаго времени. Въ виду же того, что нѣкоторые изъ учителей ведутъ по убѣжденію обученіе по методу буквослагательному, преподаватель счелъ необходимымъ указать, какъ легче и удобнѣе пользоваться симъ методомъ при обученіи. Дальнѣйшій ходъ преподаванія представлялъ собою 10 ступеней, представлявшихъ собою вполнѣ законченное изученіе того или другого предмета въ тѣсной связи бесѣдъ и практическихъ занятій; эти ступени слѣдующія:

1) Вступительныя бесѣды: знакомство съ классною обстановкой, съ графической сѣткой, съ тактомъ и положеніемъ учащихся при письмѣ. 2) Предварительныя звуковыя упражненія: упражненія въ раздѣленіи рѣчи на слова и словъ на слоги, выдѣленіе звуковъ изъ словъ; сліяніе звуковъ. 3) Подготовительныя къ письму занятія: письмо элементовъ. Эти два упражненія ведутся одновременно и заканчиваютъ собою занятія до знакомства съ буквами. 4) Чтеніе и письмо буквъ: занятія въ время прохожденія букваря; порядокъ изученія буквъ алфавита при одновременномъ обученіи чтенію и письму; планъ изученія каждой буквы, приемы приученія учащихся къ сліянію буквъ при чтеніи; самостоятельныя занятія учащихся. Сужденія по вопросу о раздѣльномъ обученіи чтенію и письму. 5) Объяснительное чтеніе: о выработкѣ правильности и бѣглости въ чте-

ніи; о выработкѣ сознательности; общія условія для выработки сознательности въ чтеніи; объяснительное чтеніе отдѣльныхъ словъ, приемы выясненія частныхъ мыслей; приемы выясненія отношенія между мыслями; объяснительное чтеніе цѣлыхъ статей.

6) Приемы объяснительнаго чтенія статей въ разные періоды школьнаго курса и съ разнымъ содержаніемъ, объяснительное чтеніе по прохожденіи букваря, статьи нравоучительнаго характера; объяснительное чтеніе во 2 отдѣленіи, басни; объяснительное чтеніе статьи историческаго содержанія въ 3 отдѣленіи; о выразительномъ чтеніи.

7) Звуковая диктовка.

8) Провѣрочная диктовка: объ орфографіи и грамматикѣ въ связи съ правописаніемъ; письменныя работы высшаго порядка.

9) Чистописаніе.

10) Распредѣленіе учебныхъ занятій въ школѣ съ тремя отдѣленіями. Каждая изъ поименованныхъ сторонъ обученія имѣла и соответствующія образцовые и пробныя уроки, содержаніе которыхъ въ общемъ такое: 1) знакомство съ классной обстановкой; 2) понятіе о звукѣ, разложеніе словъ на звуки и письмо элементовъ; 3) разложеніе словъ на звуки и сліяніе звуковъ; изученіе буквъ *о, с, а*; письмо слова *оса*; 4) объяснительное чтеніе въ 1 отд. статьи: „Отець и сыновья“; 5) звуковая диктовка; 6) объяснительное чтеніе во 2 отд. басни: „Лебедь, щука и ракъ“; 7) провѣрочная диктовка въ 3 отд. о сомнительныхъ гласныхъ *о* и *а* и объ употребленіи буквъ *и* и *і*; 8) объяснительное чтеніе въ 3-мъ отдѣленіи статьи „Православная Русь“; 9) письмо на тетрадахъ элементовъ буквъ и словъ: *роса, соръ, пиши*. Въ соответствіе образцовымъ урокамъ были даны и пробныя, какъ продолженіе образцовыхъ, но съ другимъ содержаніемъ. Пробныя уроки давали слѣдующіе учителя: Петръ Алейниковъ, Василій Букасовъ, Сильвестръ Асмоловъ, Евгенийъ Богуславскій, Димитрій Ветуховъ, Филиппъ Аксененковъ, Михаилъ Бѣляевъ, Андрей Бабичевъ, Сергѣй Александровъ, Александръ Базилевичъ, Александръ Андреенко.

Пробныя уроки, данныя слушателями курсовъ, послужили темою самыхъ оживленныхъ бесѣдъ съ курсистами по поводу ихъ приемовъ преподаванія. Нерѣдко эти бесѣды переходили въ критику педагогическихъ способностей практикантовъ и ихъ учительской личности; но къ чести курсистовъ елѣдуетъ ска-

затѣ, что вполне понимая значеніе и цѣль такихъ бесѣдъ, они не считали обидою и униженіемъ, когда ихъ товарищи обращали вниманіе на недостатки преподаванія. Отсюда объясняется то, что въ концѣ курсовъ многіе, не имѣя возможности дать пробный урокъ по недостатку времени, сами обращались съ просьбой о разрѣшеніи, на память о пребываніи на курсахъ, дать урокъ внѣ очереди. Несомнѣнно, что при такой постановкѣ дѣла изъ разбора уроковъ должна простекать громадная польза, въ видѣ навыка не только критиковать товарищей, но и сознательно относиться къ самому себѣ. Когда со стороны товарищей слѣдовали возраженія неосновательныя или же ошибочныя, то преподаватель изрѣдка прибѣгалъ къ оппонентамъ, заставляя ихъ опровергнуть то или иное высказанное положеніе.

Пробные уроки курсистовъ подвергались самому всестороннему разбору: урокъ разсматривался съ точки зрѣнія общихъ дидактическихъ положеній—истинности, ясности, прочности, самостоятельности, удобопонятности рѣчи учителя; со стороны методической; со стороны соответствія его общимъ педагогическимъ правиламъ и требованіямъ развитія умственного, нравственного и эстетическаго, наконецъ со стороны достиженія тѣхъ или другихъ результатовъ.

Что касается методики и дидактики, то, какъ сказано выше, чтенія по этимъ предметамъ не имѣли характера отвлеченныхъ лекцій, а были всецѣло приурочены къ практическимъ занятіямъ. Сами по себѣ объ эти науки имѣютъ сухой и теоретическій характеръ безъ примѣненія къ живой дѣйствительности, къ практикѣ и жизни школы. Поэтому чтенія по симъ предметамъ направлены были главнымъ образомъ на рѣшеніе вопросовъ, возбуждаемыхъ учительскою практикой и въ большинствѣ предложенныхъ самими курсистами. Среди такихъ вопросовъ, помимо указанныхъ выше, были слѣдующіе. По какому способу ведется обученіе грамотѣ? Какія встрѣчаются при этомъ затрудненія? По какимъ букварямъ производится обученіе грамотѣ? Уроки обученія чтенію и письму ведутся совмѣстно или раздѣльно? По какой книгѣ ведется объяснительное чтеніе и какія при этомъ встрѣчаются затрудненія? Какія средства употребляются для

обученія правописанію и по какимъ руководствамъ производится обученіе правописанію? Практикуются ли работы по изложенію мыслей? Какіе виды самостоятельныхъ работъ практикуются? Какія затрудненія при этомъ встрѣчаются? Какой порядокъ въ письмѣ буквъ принять при обученіи чистописанію? Какія воспитательныя мѣры употребляются въ школѣ? Какія награды и наказанія практикуются учителемъ? По какимъ предметамъ задаются классныя самостоятельныя работы? Когда и кѣмъ повѣряются эти работы? Какими мѣрами можно достигнуть одновременнаго поступленія дѣтей въ школу? Какими мѣрами можно достигнуть того, чтобы дѣти посѣщали школу исправно? Какіе поступки чаще всего встрѣчаются среди дѣтей? О необходимости внѣкласснаго чтенія и о поддержаніи связи учащихъ со школою; о школьной гигиенѣ, о личности учителя; о школьной дисциплинѣ.

Кромѣ того курсистами былъ предложенъ со стороны преподавателя вопросъ о томъ, какими мѣрами можно возвысить школу въ глазахъ народа, какъ общее заключительное мнѣніе слушателей о достоинствахъ, значеніи и назначеніи церковно-приходскихъ школъ.

При рѣшеніи всѣхъ этихъ и многихъ другихъ вопросовъ, преподаватель заботился о простотѣ и общедоступности изложенія, чтобы отвлеченнымъ чтеніемъ не обременять своихъ слушателей и старался по возможности привлекать и ихъ къ участию въ бесѣдахъ.

Церковно-славянскій языкъ, какъ языкъ религіи и Богослуженія, былъ предметомъ особеннаго преподаванія на курсахъ. Слушателямъ курсовъ въ теченіи 3-хъ бесѣдъ и 2 практическихъ уроковъ было выяснено: о времени для начала обученія церковно-славянскому чтенію въ начальныхъ училищахъ; о методѣ, способахъ и приемахъ обученія церковно-славянскому чтенію; о главныхъ видахъ церковно-славянскаго чтенія; о способахъ объясненія надстрочныхъ знаковъ; о церковно-славянскомъ языкѣ, какъ пособіи при обученіи Закону Божию; о затрудненіяхъ встрѣчаемыхъ при обученіи церковно-славянскому языку; о необходимости раздѣльнаго обученія цер.-слав.

вянскому языку въ каждомъ отдѣленіи особо; о самостоятельныхъ занятіяхъ по церковно-славянскому языку. Занятія церковно-славянскимъ языкомъ закончены образцовымъ и 2 прочными уроками съ разборомъ ихъ.

(Продолженіе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ церкви села Пятицкаго, Волчанскаго уѣзда, Григорій *Николаевскій*, переведенъ, согласно прошенію, на священническое мѣсто при церкви м. Нищеретовой, Старобѣльскаго уѣзда.

— Студентъ Харьковской Духовной Семинаріи, Алексѣй *Солофменко*, опредѣленъ священникомъ Георгіевской церкви города Ахтырки, 18 августа н. г.

— Стрѣльцкаго завода, Старобѣльскаго уѣзда, учитель народной школы. Феоктистъ *Видушенко*, рукоположенъ въ санъ діакона Архангело-Михайловской церкви с. Павловокъ, Сумскаго уѣзда, 15 августа с. г.

— Состоявшій въ числѣ пѣвчихъ Куряжскаго монастыря, Діомидъ *Павловъ*, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Старобѣльской Соборной церкви.

— 10 Августа 1899 г. сынъ діакона, Феодоръ *Сукачевъ*, опредѣленъ на праздно псаломщицкое мѣсто при Георгіевской церкви сл. Поповки, Изюмскаго уѣзда.

— 9 Августа н. г. мѣщанинъ, Ілія *Шемъ*, опредѣленъ н. д. псаломщика при Рождество Богородичной церкви с. Царьборисовой, того ж. уѣзда.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Николаевской церкви сл. Хухры, крест. Ивагъ *Конаша*; Рождество-Богородичной церкви сл. Пушкарной, Ахтырскаго уѣзда, крест. Тихонъ *Аванасъенко*; Архангело-Михайловской церкви, с. Кургана, Лебединскаго уѣзда, крест. Василь *Петренко*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Религіозное состояніе современной Индіи.—Русская православная миссія въ Персіи.—Иновѣрческія церковно-приходскія школы.—Вліяніе церковно-приходской школы на раскольниковъ и сектантовъ.—Участвіе учениковъ церковно-приходскихъ школъ въ чтеніи и пѣніи за богослуженіемъ.—Церковно-школьныя братства.—Епархіальныя библіотеки.—Уличныя библіотеки.—Обученіе иконописанію въ духовныхъ семинаріяхъ.—Одна изъ мѣръ къ матеріальному обезпеченію духовенства.

Въ «Правосл. Благов.» сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о религіозномъ состояніи современной Индіи.—Индія въ настоящее время служитъ ареною ожесточенной борьбы между христіанствомъ и индуизмомъ. Представители туземной религіи напрягаютъ всѣ усилія, чтобы поддержать религіозное воодушевленіе индусовъ. Многочисленные храмы, разбѣянные по всей Индіи, старательно поддерживаются и украшаются. Огромный храмъ въ Мадурѣ, на югѣ Индіи, вмѣщающій въ себѣ около 40 тысячъ поклонниковъ, въ послѣднее время отдѣланъ заново со всевозможною роскошью, вымощенъ огромными гранитными плитами и обнесенъ новыми стѣнами. Внушительный видъ храмовъ вліяетъ на богомольцевъ, привлекаемыхъ сюда разнообразными и частными религіозными празднествами и церемоніями. Чтобы имѣть представленіе о религіозной жизни индусовъ, нужно посѣтить Бенаресь—этотъ древній священный городъ Индіи, растянувшійся на двѣ мили по берегу рѣки. Здѣсь безпрерывныя толпы богомольцевъ смѣняють одна другую, наполняютъ большіе и малые храмы, собираются вокругъ браминовъ, читающихъ веды и испрашиваютъ ихъ молитвъ. Группы богомольцевъ погружаются въ воды священной рѣки, чтобы омыть свои прегрѣшенія; въ воздухъ разносится пѣніе молитвъ, обращенныхъ къ солнцу, тамъ и сямъ лежатъ больные, пришедшіе умирать въ священный городъ, чтобы скорѣе достигнуть неба. И весь этотъ народъ, наполняющій Бенаресь, полонъ религіознаго энтузіазма, заботливо поддерживаемаго браминами. И такъ изъ года въ годъ многочисленныя богомольцы посѣщаютъ непрерывно Бенаресь, наполняютъ его храмы и это служитъ очевиднымъ доказательствомъ того, что коренная религія Индусовъ еще упорно держится въ народѣ, коренится въ его жизни и препятствуетъ распространенію христіанства. Кромѣ Бенареса много посѣщается кровавый храмъ Кали въ Калькуттѣ. Это огромное зданіе съ многочисленными переходами и корридорами. Среди храма помѣщается

статуя богини съ высунутымъ краснымъ языкомъ. Храмъ полонъ отвратительныхъ валькъ, нищихъ и бродягъ всякаго рода. Въ жертву этой богинѣ до англійскаго управленія Индію приносили дѣтей; теперь человѣческія жертвоприношенія уничтожены, а въ честь ея закаляются агнята, изъ горячей крови которыхъ факиры совершаютъ безумную религиозную пляску. Зрѣлище это возбуждаетъ ужасъ и отвращеніе въ христіанѣ. Болѣе свѣтлое впечатлѣніе производитъ храмъ въ Мадурѣ. Внутренность его украшена съ необычайною роскошью драгоценными камнями и колоннами, число которыхъ достигаетъ пяти тысячъ, при храмѣ находится множество священныхъ слоновъ, которые участвуютъ въ религиозныхъ процессіяхъ, сотни священно-служителей живутъ при храмѣ и поддерживаютъ его въ большомъ порядкѣ; всѣ галлерей храма уставлены статуями боговъ Индіи. Все это вмѣстѣ взятое производитъ сильное впечатлѣніе на народъ, поддерживаетъ его религиозное—мистическое настроеніе и составляетъ немалое препятствіе къ принятію христіанства. Англійскіе миссіонеры, дѣйствующіе въ Индіи, не особенно быстрый успѣхъ христіанства въ этой странѣ приписываютъ не только вліянію браминовъ, но и тому обстоятельству, что христіанскіе миссіонеры, кромѣ собственно, проповѣди принуждены заниматься статвтикой и др. отвлекающими ихъ отъ прямого дѣла занятіями. По ихъ мнѣнію, не мало важнымъ препятствіемъ къ успѣшной проповѣди служатъ обліе и соперничество миссіонеровъ различныхъ вѣроисповѣданій. Последнее обстоятельство даетъ туземцамъ поводъ критически относиться то къ тѣмъ, то къ другимъ и переходить изъ одной миссіи въ другую. Несмотря на вышеуказанныя препятствія, христіанство съ каждымъ годомъ всетаки пріобрѣтаетъ все больше и больше послѣдователей среди Индусовъ. Отношенія къ христіанству образованныхъ молодыхъ людей Индіи разнообразны и зависятъ отъ того, въ какой школѣ они получили образованіе. Воспитанники религиозныхъ школъ магометанъ, индусовъ и парсовъ относятся очень враждебно къ христіанству и его представителямъ и преданы своей религіи. Вражда ихъ къ христіанамъ не безусловно фанатическая, религиозная; не малую роль въ ней играетъ и патріотизмъ. Они ненавидятъ христіанство, какъ религію бѣлыхъ людей, завоевателей и властителей Индіи; свою религію они считаютъ необходимымъ элементомъ своей національной жизни и въ отступничествѣ отъ нея видятъ недостатокъ патріо-

тизма. Молодые люди, кончившіе курсъ въ правительственныхъ туземныхъ школахъ, гдѣ уже чувствуется вліяніе англійскаго духа, отличаются равнодушіемъ къ вѣрѣ отцовъ своихъ, а также и къ христіанству. Этого сорта людей не возмущаютъ релігіозныя и патриотическія вопросы, они заняты мыслию устроить получше свою жизнь, достигнуть матеріальныхъ благъ; въ образованіи и релігіи они видятъ лишь—средства для достиженія своихъ личныхъ интересовъ; это эгоистическіе матеріалисты, съ холодными сердцемъ и душою, которые остаются равнодушными буддистами, или дѣлаются безразличными христіанами. Наконецъ молодые индусы, обучавшіеся въ миссіонерскихъ школахъ, относятся съ уваженіемъ къ христіанству и въ большинствѣ случаевъ принимаютъ его, не смотря на то, что имъ очень часто приходится выдерживать тяжелую борьбу съ семьями и обществомъ. Эти люди становятся искренними христіанами, сознательно принимаютъ новое ученіе, вида его нравственное превосходство надъ туземной релігіей. Помощь такихъ обращенныхъ въ распространеніи христіанства желательна и можетъ принести не мало пользы. Больше всего христіанство имѣетъ успѣха въ южной Индіи, гдѣ болѣе четвертя жителей христіане. Вліяніе христіанства сказывается и въ стремленія многихъ образованныхъ индусовъ освободить свою туземную релігію отъ идолопоклонства и привести ея нравственные принципы въ извѣстную систему. Можно вполне основательно думать и надѣяться, что въ концѣ концовъ христіанство будетъ повсемѣстно принято въ Индіи сознательно, не смотря на многія препятствія. По послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ число жителей Индіи достигаетъ 300,000,000; изъ нихъ 2,400,000 христіане.

— Послѣ воссоединенія несторіанъ съ православною церковью, совершившагося въ мартѣ прошлаго года, въ Персію выѣхала миссія русская, которая, слѣдуя изъ деревни въ деревню, фактически совершаетъ это присоединеніе. По сообщенію «Моск. Вѣд.», находится очень немного людей, отказывающихся отъ присоединенія къ православной церкви; большая часть изъ нихъ приверженцы американской пресвитеріанской миссіи; еще менѣе находится лицъ, которые желаютъ остаться вѣрными старой, такъ называемой несторіанской, церкви; это—едва ли болѣе шестой части населенія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ присоединеніе всѣхъ сиро-халдейскихъ жителей, проживающихъ у озера Урміи, къ православной церкви будетъ совершившимся фактомъ. Большое значеніе до сихъ поръ имѣла здѣсь

американская пресвитерианская миссія; теперь она не только съ удивительною быстротою лишилась всего поля дѣйствій, но и въ немногихъ оставшихся ей вѣрными никто не дерзаетъ выступить открыто и громко за свою вѣру противъ русскихъ. Низменность урмійская, въ которой живутъ сирійцы, цвѣтущая, удивительно-плодородная страна: одинъ садъ тянется за другимъ, пшеничныя поля и табачныя плантаціи, вина и плодовъ вдоволь, и все это богато орошается съ курдскихъ Альповъ. Здѣсь говорятъ, что русскіе хотятъ выкупить всю эту землю у магометанскихъ владѣльцевъ для своихъ новыхъ единовѣрцевъ. Это было бы лучшимъ рѣшеніемъ вопроса и подняло бы нравственность народа, возникающаго подъ магометанскимъ владычествомъ. Тѣмъ болѣе невыносимо положеніе магометанъ, принявшихъ христіанство. Такихъ христіанъ въ Азербейджанской провинціи около 300 человекъ. Чего только они не претерпѣваютъ отъ магометанъ! Правительство желало бы помочь, но ничего не можетъ сдѣлать: всякій магометанинъ имѣетъ право заботиться о чистотѣ нравовъ и вѣры и дѣлать съ отступникомъ—что ему угодно. Религія въ жизни магометанъ является силою, которую европеецъ пойметъ, только увидѣвъ ее собственными глазами; Коранъ говоритъ вѣрующему по поводу отступника ужасное слово: гдѣ ты найдешь его, тамъ и убей его. Поэтому магометане, принявшіе христіанство, намѣрены обратиться къ русскому правительству съ просьбой уступить имъ за деньги участки земли въ Россіи, на которомъ они могли бы поселиться цѣлою общиной. Корреспондентъ выражаетъ желаніе, чтобы этихъ христіанъ встрѣтили въ Россіи правѣливо; это все дѣльные, серьезные люди.

— Съ цѣлю улучшенія учебно-воспитательнаго дѣла въ церковныхъ школахъ въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ, Училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ предложилъ въ настоящее время, по словамъ «Прав. Благов.», къ руководству всѣхъ епархіальныхъ училищныхъ совѣтовъ, въ вѣдѣніи которыхъ находятся инородческія церковныя школы, цѣлый рядъ указаній. Согласно этимъ указаніямъ, во всѣхъ церковныхъ инородческихъ начальныхъ школахъ будетъ введенъ 4-хъ лѣтній курсъ обученія съ приѣмомъ въ школу чрезъ 2 года и съ раздѣленіемъ учащихся на 2 группы. Законъ Божій долженъ быть преподаваемъ въ младшемъ отдѣленіи на инородческомъ языкѣ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ обученія въ школѣ, а съ третьяго года, въ старшемъ отдѣленіи—на русскомъ языкѣ.

Важнѣйшимъ послѣ Закона Божія предметомъ обученія въ инородческихъ школахъ явится затѣмъ русскій языкъ, для котораго назначается въ младшемъ отдѣленіи 6 уроковъ въ недѣлю, а въ старшемъ — 10 уроковъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ въ настоящее время мужскія второклассныя церковно-приходскія инородческія школы для улучшенія состава учителей школъ грамоты, признано желательнымъ открыть теперь же женскія второклассныя церковно-приходскія школы, съ цѣлью усилить образованіе инородческихъ дѣвочекъ, такъ мало нынѣ обучающихся въ школахъ. Наконецъ, рекомендовано посылать ежегодно двухъ, трехъ воспитанниковъ-инородцевъ, окаячивающихъ второклассную школу, на устраиваемые при нѣкоторыхъ второклассныхъ школахъ учительскіе курсы для подготовленія воспитанниковъ изъ инородцевъ къ учительской дѣятельности въ церковно-приходскихъ школахъ.

— Въ «Москов. Вѣд.» помѣщена статья объ особой миссіи церковной школы, состоящей въ томъ, чтобы сближать и просвѣщать въ духѣ православія раскольниковъ, сектантовъ и инородцевъ, такимъ образомъ—служить службу культурную и миссіонерскую. Удобовыполнимость такой миссіи авторъ доказывается тѣмъ фактомъ, что сочувствіе къ церковной школѣ народной массы распространяется на раскольниковъ, сектантовъ и инородцевъ, которые перестаютъ чуждаться этой школы и отдають въ нее своихъ дѣтей для обученія. Такъ, по отчетамъ церковно-приходскихъ школъ, въ числѣ учащихся въ нихъ насчитывается 2,637 раскольниковъ и 5,812 иновѣрцевъ-инородцевъ. Въ Горковскую церковно-приходскую школу (витебской губерніи) одинъ даже взрослый раскольникъ самъ пришелъ для ученія и посѣщенія ея въ теченіе года, не уклоняясь и отъ уроковъ Закона Божія вмѣстѣ съ учащимися. Въ Шкельтовской церковно-приходской школѣ (витебской губерніи) четыре ученицы-раскольницы изучили всю литургію и затѣмъ во всѣ воскресные и праздничные дни участвовали съ псаломщикомъ въ кѣврсномъ церковномъ пѣніи; родители ихъ не только разрешали имъ ходить въ православную церковь, но нерѣдко и сами заходили въ нее послушать пѣніе своихъ дѣтей. Въ селѣ Коровки (рязанской губерніи), жителей котораго составляютъ православные и раскольники, въ церковно-приходской школѣ обучалось 45 раскольниковъ. Въ концѣ года два ученика-раскольника, безо всякихъ увѣщаній съ чьей бы ни было стороны, увлеченные только единствомъ школьной жизни и настроенности, настойчиво за-

явили свою рѣшимость перейти въ православную церковь; смущенные такимъ желаніемъ, родители ихъ вынуждены были, однако въ виду настойчивости ихъ, дать свое согласіе на присоединеніе, и они были присоединены къ православію. Другіе раскольники, если не присоединяются формально къ православной церкви, то за время нахожденія своего въ школахъ отрѣшаются отъ враждебности къ ней и настолько сближаются, что участвуютъ въ общей молитвѣ, посѣщаютъ православную церковь и внѣбогослуженныя бесѣды. Даже католики-поляки чаще и чаще начинаютъ посылать своихъ дѣтей въ церковно-приходскія школы, просятъ обучать ихъ церковному пѣнію и допускаютъ ихъ принимать потомъ участіе въ церковномъ пѣніи. Въ подольской губерніи въ 1896 году въ церковныхъ школахъ обучалось 2,180 римско-католиковъ и 138 протестантовъ и евреевъ; къ кievской губерніи обучалось въ церковныхъ школахъ 400 р.-католиковъ, въ виленской—1,020, въ 92 церковныхъ школахъ Привислянскаго края 400 р.-католиковъ. О томъ переворотѣ, который церковная школа производитъ въ умахъ иновѣрческаго населенія, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ отчетъ о школахъ въ деревнѣ Ямъ (островскаго прихода, сѣдлецкой губ.). „Прежде жители Яма,—говорится въ отчетѣ,—по своему фанатизму, считали для себя грѣхомъ не только разговаривать со священникомъ, но даже и встрѣчаться съ нимъ. Бѣ открытію церковной школы они отнеслись враждебно, отъ учителя сторонились; издали осыпали его бранью, а ночью, собравшись толпой, производили подъ окнами школы неистовые крики. Но теперь они не только начали охотно посылать въ школу своихъ дѣтей, но и сами стали посѣщать школу для вечернихъ занятій. Въ короткое время многіе изъ ямскихъ прихожанъ твердо изучили молитвы, знаютъ даже праздничные тропари и начинаютъ ходить въ церковь“. Изъ всего этого авторъ дѣлаетъ выводъ, что церковная школа является не только могущественнымъ факторомъ истиннаго народнаго просвѣщенія, но и дѣйствительнѣйшимъ средствомъ для постепеннаго и прочнаго слиянія ивородцевъ съ ихъ православнымъ русскимъ отечествомъ. По этому неосновательно мнѣніе, будто церковная школа предназначена исключительно для православнаго населенія, и насажденіе ея среди населенія иновѣрческаго, сектантскаго и раскольническаго не можетъ и не должно имѣть мѣста. Напротивъ, именно на окраинахъ, среди населенія смѣшаннаго, и важна церковная школа. Здѣсь она пріобрѣ-

таетъ значеніе не только народное, но и государственное, почему на государствѣ и лежатъ долгъ возможно широкаго развитія и поднятія церковно-школьнаго дѣла на окраинахъ. «Цер. Вѣст.»

— Въ «Вят. Еп. Вѣд.» печатаются интересные замѣтки о школьной жизни изъ дневника уѣзднаго наблюдателя. О наблюдатель такъ описываетъ посѣщеніе Пьяноборской второклассной школы.— «Второй разъ я забираюсь въ Пьяный Боръ подѣ воскресенье, рассчитывая послушать въ воскресный день чтеніе и пѣніе учениковъ пьяноборскихъ школъ въ церкви, что меня особенно радуетъ и утѣшаетъ при моихъ посѣщеніяхъ церковныхъ школъ. На этотъ разъ пѣніи школьнаго хора услышать мнѣ не удалось: пѣлъ другой мѣстный хоръ изъ взрослыхъ дѣвушекъ подѣ мастерскимъ управленіемъ псаломщика, но за то чтенію порадовался. Кромѣ канона—всѣ чтенія утрени, часы и даже апостолъ были раздѣлены между учениками второклассной и одноклассной школъ. Надо непременно самому видѣть, чтобы повѣрить, съ какой радостью, съ какимъ утѣшеніемъ и умиленіемъ слушаютъ сельчане чтеніе на клиросѣ своихъ ребятешекъ. Какъ жаль, что еще во многихъ сельскихъ храмахъ, вмѣсто этого милаго дѣтскаго чтенія, прямо слушающаго дорогимъ украшеніемъ праздничнаго богослуженія, слышится часто едва внятное чтеніе псаломщика, ронно ничего не дающее ни уму, ни сердцу предстоящихъ и молящихся. Послѣ литургіи ученики всѣхъ школъ, которыхъ здѣсь три—двѣ мужскихъ и одна женская—отправились со св. иконами въ зданіе второклассной школы, гдѣ въ этотъ день послѣ торжественнаго молебствія состоялось открытіе школьной столовой отъ общества Краснаго Креста на 66 учениковъ».

— Въ настоящее время на Руси все болѣе и болѣе развивается и крѣпнеть испытанная уже исторіей просвѣтительная сила, именно—братства. Являясь однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ для дѣла оживленія церковно-приходской жизни, для возвышенія сознательнаго отношенія со стороны прихожанъ къ вопросамъ религіозно-нравственнымъ, братства въ то же время много могутъ сдѣлать и для школьнаго дѣла; нѣкоторыя изъ нихъ, особенно тѣ, которыя носятъ характеръ миссіонерскій, уже и теперь оказываютъ значительное содѣйствіе школамъ. Въ послѣднее время наряду съ такими братствами начинаютъ образовываться церковно-школьныя братства, съ нарочитою цѣлю развитія въ данной мѣстности церковно-школьнаго дѣла. Такъ, по словамъ «Кормч.», въ Ново-

родской епархіи еще въ 1896 г. открыто подобное братство, по мысли В. И. Шемякина, при Велебицкой церкви, а въ самое недавнее время открыто такое же братство при Боровье-Ручьевской церкви, благодаря исключительно стараніямъ графа А. В. Архфельта. Исторія возникновенія послѣдняго братства съ особенною ясностію показываетъ, съ какою отзывчивостію нашъ народъ идетъ навстрѣчу добрымъ начинаніямъ. Графъ Архфельтъ, самъ горячо любя церковно-школьное дѣло, настолько расположилъ къ тому же и народъ, что за короткое время (въ три года) успѣлъ изыскать средства для открытія трехъ школъ въ приходѣ—изъ нихъ двѣ церковно-приходскихъ и одна—грамоты; для двухъ первыхъ выстроены прекрасныя собственныя зданія, стоимостію каждое около 2000 рублей; снабжены всѣ три школы очень хорошею мебелью, книгами и письменными принадлежностями, и даже предметами роскоши, каковы: фисъ-гармонія и волшебный фонарь съ коллекціею картинъ. Изъ всей суммы, истраченной на все это дѣло, только 1000 руб. даны Училищнымъ Совѣтомъ, остальное же все изыскано самимъ графомъ; значительная часть средствъ поступила отъ мѣстныхъ крестьянъ. Поставивъ задачу своей дѣятельности—достигеніе всеобщаго обученія въ приходѣ и находя эту задачу непосильною для себя единолично, гр. Архфельтъ пришелъ къ мысли основать церковно-школьное братство. Не смотря на многія сомнѣнія и даже препятствія, стоявшія на пути благимъ начинаніямъ графа, задуманное имъ доброе дѣло нашло великое сочувствіе со стороны народа и многихъ высокопоставленныхъ лицъ, и было имъ осуществлено. Если на поприщѣ просвѣщенія много можетъ сдѣлать единичная воля и энергія, то, имѣть сомнѣнія, разумно направляемая сила многихъ сдѣлаетъ больше. Возбудивши энергію къ дѣлу просвѣщенія со-прихожанъ, церковно-школьное братство не только вообще оживитъ жизнь прихода, но расширитъ интересъ всѣхъ прихожанъ къ школѣ и всему, съ нею тѣсно связанному. Посему можно пожелать, чтобы приведенные примѣры нашли какъ можно больше подражателей.

— По мысли преосвященнаго Симеона, епископа екатеринославскаго и таганрогскаго, при братствѣ св. Владимира учреждена епархіальная типографія. Десятилѣтняя исторія братства достаточно убѣдила, что единственный источникъ его матеріальныхъ средствъ—въ видѣ членскихъ взносовъ—далеко недостаточенъ для осуществленія поставленныхъ имъ высокихъ цѣлей борьбы съ

многочисленными врагами православной церкви. За все время своего существованія, при весьма скромной своей дѣятельности, не требовавшей большихъ денежныхъ расходовъ, братство насчитывало въ своей кассѣ немногимъ больше двухъ тысячъ рублей. Между тѣмъ нужды епархіи, вызывающія братство къ дѣятельности, возрастаютъ съ каждымъ днемъ; севтанство разныхъ оттѣнковъ требуетъ литературной борьбы, путемъ печатанія брошюръ и книгъ, распространенія ихъ въ народѣ, устройства библіотекъ и т. п. Возможность выполненія этой задачи значительно будетъ облегчена при наличности братской типографіи. По предложенію владыки, особая комиссія выработала проектъ ея устройства, который и нашелъ свое осуществленіе почти непосредственно за рѣшеніемъ. Небезынтересны тѣ вычисленія комиссіи, по которымъ являлась возможной жизнь типографіи безъ большихъ потерь для самаго братства. Ожидалось, что сумма валового дохода будетъ около 7—8 тысячъ рублей въ годъ; эта сумма распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: за печатаніе епархіальныхъ вѣдомостей 2,200 руб., отъ консисторіи—1,500 руб., духовно-учебныхъ заведеній—500 руб., благотворительныхъ—800 руб., отъ церковью епархіи—300 руб., миссіонерскаго комитета и пенсіонно-вспомогательной кассы 100 руб., свѣчнаго завода—400 руб., церковно-приходскихъ школъ—400 руб. Нѣсколько сотъ рублей зачислено на возможность частныхъ заказовъ. Все устройство типографіи предполагалось по суммѣ не болѣе 8,000 рублей, а расходъ по содержанію исчислился въ 6,000 руб. Нельзя не пожелать братству успѣха въ его новомъ дѣлѣ, вполне оправдываемомъ своей прекрасной цѣлюю.

«Екат. Еп. Вѣд.»

— По сообщенію «Могил. Еп. Вѣд.», въ г. Горкахъ, завѣдующимъ землемѣро-таксаторскими классами и попечителемъ Горечкой Успенской и Нивищенской церковно-приходскихъ школъ Н. Г. Безсоновымъ устроены на свой счетъ около мѣстныхъ Троицкой и Успенской церковью уличныя библіотечки. Онѣ устроены слѣдующимъ образомъ: за церковной оградой, т. е. на „цвинтарѣ“, въ томъ мѣстѣ, гдѣ больше всего могутъ проходить богомольцы, укрѣплены два столба на разстояніи одинъ отъ другого около сажени и почти такой же вышины. Сверху столбы соединены крышей въ видѣ навѣсовъ на обѣ стороны. Между столбами на разстояніи полутора аршина отъ земли и почти до крыши вставлено нѣсколько деревянныхъ рамокъ около $\frac{1}{2}$ аршина ширины и въ аршинъ длины. Все это чистой работы и покрыто краской. Въ рамки вста-

влиются листы изъ толстой картонной бумаги. На картонъ по обѣимъ сторонамъ его наклеиваются извѣстные „Троицкіе листки“. При этомъ поступаютъ такимъ образомъ: берется два „листка“ съ одинаковымъ содержаніемъ; одинъ изъ нихъ разрывается на двѣ части: сначала наклеивается на картонъ первая часть разорваннаго листка, первой страницей наружу; рядомъ съ нимъ наклеивается другоѣ листовъ внутренней стороной наружу (стр. 2 и 3); наконецъ наклеивается вторая часть разорваннаго листка четвертой страницей наружу. Такимъ образомъ на картонѣ получается все содержаніе одного листка. Описаннымъ способомъ заполняются всѣ картонныя библіотечки, и получается масса матеріала для чтенія, тѣмъ болѣе, что матеріалъ этотъ размѣщается по обѣимъ сторонамъ картона. Кромѣ „Троицкихъ Листковъ“ наклеиваются и другія статьи религіозно-нравственнаго содержанія, издаваемыя отдѣльно на листахъ большаго формата. При названныхъ церквяхъ имѣется по двѣ такихъ библіотечки. По праздничнымъ и воскреснымъ днямъ около нихъ толпится грамотный народъ и съ оживленіемъ читаетъ, что кому нравится. Непогода не только не препятствуетъ чтенію, а напротивъ, чтецы могутъ укрыться подъ навѣсомъ библіотечекъ отъ дождя или снѣга. Черезъ недѣлю или двѣ читательный матеріалъ библіотечекъ заботливою рукою устроителя обмѣнивается на новый. Подобнаго же рода библіотечка устроена тѣмъ же лицомъ на площади противъ чайной уѣзднаго Комитета Попечительства о народной трезвости.

— Въ истекшемъ 189^а/₉ учебномъ году въ Минской духовной семинаріи, какъ сообщаютъ «Мин. Еп. Вѣд.», въ видѣ опыта на годъ, было введено обученіе иконописанію. Расходы на это дѣло, согласно предложенію Правленія семинаріи, были утверждены въ суммѣ 250 руб., съ заимствованіемъ ихъ изъ остаточныхъ средствъ по содержанію епархіальнаго общежитія (150 руб. на жалованье учителю и 100 руб. на приобрѣтеніе необходимыхъ матеріаловъ). Для обученія иконописанію былъ приглашенъ Правленіемъ семинаріи мѣстный опытный иконописецъ, согласившійся преподавать иконописаніе за скромное вознагражденіе въ 150 руб. Для занятій иконописаніемъ о. ректоромъ семинаріи была уступлена довольно помѣстительная комната въ своей квартирѣ съ особымъ ходомъ въ корридоръ. Обучаться иконописанію изъявило согласіе 46 воспитанниковъ—19 человекъ изъ II класса, 16—изъ III-го, 6—изъ IV-го и 5 человекъ изъ V класса. Воспитанникамъ I и VI-го классовъ не было предложено занятіе иконописаніемъ, такъ какъ

воспитанники I-го класса, по заявленію о. ректора, съ трудомъ успѣвають проходить курсъ обязательныхъ предметовъ сего класса, а воспитанники VI класса въ виду краткости времени не могутъ достигнуть какихъ-либо успѣховъ въ иконописаніи. Занятія по иконописанію велись на 5 урокъ, назначенномъ вообще для изученія необязательныхъ предметовъ. Еженедѣльно на иконописаніе удѣлялось 3 урока, но учитель не ограничивался этими тремя уроками и часто, пользуясь свободнымъ временемъ воспитанниковъ, предлагалъ имъ заниматься иконописаніемъ и не въ положенное для этого время. Занятія иконописаніемъ шли очень успѣшно. По заявленію учителя иконописанія, очень многіе воспитанники обнаруживали любовь и дарованіе къ занятію этимъ искусствомъ, что и было доказано ихъ работами. Такъ, двое изъ обучавшихся иконописанію воспитанниковъ могли писать къ концу года уже иконы, одинъ изъ нихъ (V кл.) написалъ икону Христа Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ, другой (IV кл.)—Нерукотворенный Образъ Спасителя.

— Въ «Кишин. Еп. Вѣд.» помѣщена безынтересная замѣтка по вопросу объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства кишиневской епархіи.—Извѣстно,—говоритъ авторъ замѣтки,—что главнымъ источникомъ содержанія духовенства въ преобладающемъ числѣ приходоѡ нашей епархіи служатъ надѣлы церковной земли и доходы отъ требовсправленій. Послѣдній источникъ или доставляетъ жалкіе гроши, или вызываетъ неудовольствіе и нареканіе прихожанъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для самого духовенства служитъ тяжелымъ нравственнымъ бременемъ. Остается, такимъ образомъ, главнымъ подспорьемъ духовенства надѣлы церковной земли. Занятіе хлѣбопашествомъ при настоящей дешевизнѣ хлѣба не можетъ приносить значительныхъ выгодъ, и многіе изъ сельскихъ хозяевъ стали замѣнять хлѣбопашество другими отраслями промышленности, главнымъ образомъ, разведеніемъ садовъ и виноградниковъ. Но для развитія этой отрасли духовенство встрѣчаетъ препятствіе въ томъ, что владѣеть церковнымъ надѣломъ только временно. Устройство сада или виноградника требуетъ не только труда, но и матеріальныхъ расходовъ, и духовенство, владѣя церковнымъ надѣломъ только до тѣхъ поръ, пока состоятъ на звѣстномъ приходѣ, не можетъ быть увѣрено не только въ томъ, что воспользуется плодами своихъ трудовъ, но и въ томъ, что вернетъ свои матеріальныя затраты. Очевидно, чтобы устранить это препятствіе, необходимо выработать соотвѣтствующія по

этому предмету условія. Эти послѣднія прежде всего должны опредѣлить срокъ, въ теченіе котораго устроитель сада или виноградаря на церковной землѣ можетъ ими пользоваться, а затѣмъ—примѣнительно къ этому сроку—установить или арендную плату со стороны преемниковъ по приходу своимъ предшественникамъ, или полную уплату всѣхъ понесенныхъ расходовъ, т.-е. выкупъ. Всѣ эти условія могутъ быть выполнены путемъ частнаго соглашенія, но, имѣя случайный характеръ, они могутъ быть предметомъ взаимныхъ пререканій и потому гораздо целесообразнѣе подвергнуть этотъ вопросъ обсужденію на епархіальномъ съѣздѣ духовенства. Условія, здѣсь выработанныя и утвержденныя епархіальной властью, нося характеръ опредѣленнаго закона, расцѣлжуютъ духовенство безъ всякихъ колебаній заняться этой отраслью хозяйства и тѣмъ, по возможности, улучшить свое матеріальное благосостояніе“.

Продолжается подписка на 1899 г. (VI г. изд.)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

Изданіе П. П. СОЙКИНА, подъ редакцію д-ра философіи М. М. ФИЛИПОВА.

Вышелъ 1 сентября № 9 (сентябрь). Содержание: I. *Обзоръ*. Отъ грековъ до Дарвина. II. Современное сельское хозяйство и аграрный вопросъ. К. К. III. Физиологическія бесѣды. Межцентральные рефлексы. Проф. А. А. Герцена. IV. Современные русскіе экономисты. Гл. III. Критика діалектическаго метода: мнѣніе И. К.—на. Критика Ю. Жуковскаго. М. Филипова. V. Успѣхи дарвинизма. Рѣчь, читанная на энолог. конгрессѣ въ Кембриджѣ. Э. Геккеля. VI. Введеніе въ философію. Руд. Эйслера. VII. Сущность искусства и его развитіе. О. Веревкина. VIII. Памяти Н. Я. Грота. С. Кулябки. IX. Задача искусственнаго освѣщенія. Л. X. Основная ошибка Туганъ-Бурановскаго. А. Богданова. М. Научн. нов. XII. Библиографія. XIII. Книжк. полученные редакціей изъ отзыва. Приложенія: 1. Берне, Парижскія письма. 2. Б. Львовъ, Соціальный законъ. XV. Объявленія.

Подписная цѣна: на годъ 7 руб. (за границу 10 руб.) съ доставкою и перес. На $\frac{1}{2}$ года 4 руб., на $\frac{1}{4}$ г. 2 р. Комплекты за 1898 г. ц. 7 р. съ пер. С.-Петербургъ, Стремянная ул., собств. д. № 12. Главная контора журнала „Научное Обозрѣніе“.

Продолжается подписка на „Научно-энциклопедическій Словарь“. Ц. съ пер. 5 р. За журналъ „Научное Обозрѣніе“ со „Словаремъ 10 р. съ пер.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Сентября № 18. 1899 года.

Содержаніе. Журналъ Харьковского XVII Епархіальнаго Съѣзда духовенства.— Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ Харьковской и Таврической епархій (окончаніе).—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.

Журналъ Харьковского XVII-го Епархіальнаго Съѣзда духовенства 18-го Августа 1899 года.

Уполномоченные Съѣзда въ числѣ тридцати лицъ, по молитвѣ, приступили къ избранію предсѣдателя Съѣзда, при чемъ всѣ уполномоченные единогласно избрали на должность предсѣдателя Съѣзда, безъ баллотировки, протоіерея о. Михаила Чернявскаго и дѣлопроизводителями: священниковъ: Александра Чернявскаго и Алексѣя Станиславскаго. Журналъ этотъ, *постановили*: представить на благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На этомъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: „Августа 18. Утверждается“.

Журналъ Харьковского XVII Епархіальнаго Съѣзда духовенства 18 Августа 1899 года.

1. Уполномоченные Съѣзда, въ вечернемъ засѣданіи, разсматривали отчеты по приходу и расходу училищныхъ суммъ Харьковского Епархіальнаго женскаго Училища за 1896, 1897 и 1898 годы, провѣренныя и утвержденныя подписью членовъ временно ревизіоннаго комитета, и при этомъ слушали журналы того же комитета съ своими заключеніями, утвержденныя Его Высокопреосвященствомъ, изъ которыхъ видно, что всѣ дѣла по Училищу велись правильно, и что члены Совѣта Училища во главѣ съ почтеннѣйшимъ Предсѣдателемъ, какъ свидѣтельствуютъ члены временно-ревизіоннаго комитета, вносятъ трудъ, заботливость и сердечное отношеніе во ввѣренное имъ дѣло, а потому и *постановили*: выразивъ искреннюю благодарность Предсѣдателю Совѣта Епархіальнаго

Училища и всѣмъ членамъ оного за понесенные ими труды по благоустройству Училища; отчеты выше означенные принять къ свѣдѣнію.

2. Разсматривали смѣту ежегодныхъ доходовъ и расходовъ по Харьковскому Епархіальному Училищу на трехлѣтіе съ 1899 года по 1902-й годъ, причемъ оказалось, что расходъ, предполагаемый въ 100,521 р. 53 к., превышаетъ приходъ, исчисленный въ 98,335 р. 67 к., на 2,185 р. 86 к., которые легко могутъ быть покрыты остатками отъ смѣтнаго назначенія, а потому и *постановили*: смѣту, составленную Совѣтомъ Училища на предстоящее трехлѣтіе по содержанію Училища, какъ правильную, принять и передать въ Совѣтъ Училища для руководства.

3. Слушали журналъ ревизіонной комиссіи по дѣламъ Епархіальнаго свѣчнаго завода о повѣркѣ отчетности Правленія свѣчнаго завода за 1898 годъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится о замѣчательной опытности, умѣнии вести дѣло, аккуратности и безукоризненной честности всего состава Правленія свѣчнаго завода. Это подтверждается тѣми блестящими результатами, какихъ достигъ заводъ по своимъ выгоднымъ для Епархіи операціямъ. Изъ дѣлъ Правленія усматривается, что заводъ съ 1879 года по 1-е января 1899 года за двадцать лѣтъ далъ чистой прибыли 911,485 р. и 15 к. Прибыль свѣчнаго завода по ходатайству съѣздовъ и съ разрѣшенія Епархіальныхъ Архіереевъ шла частію на расширеніе операцій епархіальнаго свѣчнаго завода, а главнымъ образомъ на покрытіе многоразличныхъ нуждъ епархіи, а именно въ количествѣ 616,781 р. 72 к. Въ настоящее время обязательные ежегодные взносы отъ Епархіальнаго свѣчнаго завода на нужды Епархіи равняются 47,441 р., а именно: Епархіальному женскому училищу 7,071 р., Харьковской духовной семинаріи 2,570 р., Духовнымъ училищамъ по 50 к. отъ каждаго проданнаго пуда свѣчъ—7,200 р., чиновникамъ консисторіи 1,000 р., Епархіальному попечительству 5,000 р., журналу „Вѣра и Разумъ“ 3,000 р., наблюдательному комитету 100 р., эмеритурѣ 20,000 р. пріюту 1,500 р. *Постановили*: отчетъ Правленія завода принять къ свѣдѣнію, правленію же завода въ полномъ его составѣ выразить благодарность за честное и усердное исполненіе возложенныхъ на него обязанностей.

4. Слушали отношеніе Правленія Харьковской Духовной Семинаріи отъ 10 Августа н. г. за № 1150, которымъ просятъ Епархіальный Съѣздъ ассигновать изъ Епархіальныхъ средствъ едино-

временно шесть тысячъ рублей на покрытіе дефицита, имѣющаго быть по содержанію воспитанниковъ Семинаріи и по содержанію семинарскихъ зданій въ концѣ текущаго года, а также ежегодно, начиная съ 1900 года двѣ тысячи рублей сверхъ двухъ тысячъ, уже вносимыхъ на содержаніе зданій Епархіальнымъ духовенствомъ, такъ чтобы на будущіе годы взносъ по этой статьѣ составлялъ ежегодно четыре тысячи рублей. *Постановили:* на покрытіе имѣющаго быть дефицита по содержанію воспитанниковъ семинаріи и семинарскихъ зданій просить Правленіе завода вносить въ Правленіе Семинаріи въ 1900 году три тысячи и въ 1901 три тысячи, такъ какъ предсѣдатель Правленія завода заявилъ съѣзду, что одновременно взять изъ завода шесть тысячъ будетъ обременительно для операцій завода; что же касается ежегоднаго взноса на семинарію двухъ тысячъ, то таковые вносить отъ церквей по три рубля въ годъ.

5. Слушали прошеніе вдовы священника Натальи Косьминой, въ которомъ пишетъ, что мужъ ея, священникъ Дмитрій Косминъ, состоя комиссіонеромъ Епархіальнаго завода болѣе десяти лѣтъ, 15 февраля 1897 года умеръ и остался должнымъ заводу за свѣчи 323 р. 36¹/₂ к.; она же вдова осталась съ шестью малолѣтними дѣтьми безъ всякихъ средствъ и не можетъ уплатить означеннаго долга, а потому проситъ Епархіальный Съездъ сложить съ нея долгъ. *Постановили:* въ виду крайней бѣдности вдовы Косьминой, удостовѣренной мѣстнымъ о. благочиннымъ, а также принимая во вниманіе десятилѣтнюю усердную службу мужа ея, священника Космина, просить Правленіе завода числящійся долгъ за Косминнымъ 323 р. 36¹/₂ к. сложить со счетовъ Правленія завода.

6. Слушали прошеніе діаконъ: Евгенія Жукова, Іустина Корнѣенко и Іоанна Лободина изъ свѣтскаго званія, о томъ, чтобы дѣтямъ ихъ, рожденнымъ въ свѣтскомъ званіи, предоставить право воспитывать означенныхъ дѣтей въ духовныхъ училищахъ на одинаковыхъ условіяхъ съ дѣтьми лицъ духовнаго званія, чѣмъ они не могутъ пользоваться согласно постановленію Епархіальнаго Съезда 1896 года. *Постановили:* редакцію постановленія Епархіальнаго Съезда 1896 года измѣнить, предоставивъ право воспитывать дѣтей въ духовныхъ училищахъ на одинаковыхъ условіяхъ съ дѣтьми лицъ духовнаго званія тѣмъ, которые по происхожденію своему духовнаго званія и состоятъ на службѣ въ духовномъ вѣдомствѣ.

7. Слушали прошеніи вольнонаемныхъ писцовъ Харьковской духовной консисторіи, бухгалтера правленія и помощника смотрителя Епархіального свѣчнаго завода о дозволеніи имъ всѣмъ участвовать въ Харьковской Эмеритальной кассѣ духовенства, такъ какъ по уставу кассы они не могутъ участвовать; *постановили*: прошенія писцовъ Харьковской духовной консисторіи, бухгалтера правленія и помощника смотрителя Епархіального завода передать на усмотрѣніе Правленія Эмеритальной кассы.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: „Августа 23. Утверждается“.

Журналъ Харьковского Епархіального XVII съѣзда духовенства 19 Августа 1899 года.

Въ утреннемъ засѣданіи уполномоченные Съѣзда слушали: 1) прошеніе Изюмскаго уѣзда, Іоанно-Предтечешской церкви, села Знаменскаго, священника Николая Никулищева, который состоитъ на самомъ бѣдномъ приходѣ, жалованья не получаетъ, а довольствуется только скудными доходами изъ прихода. При этомъ жена его, Анна Никулищева, съ 25 сентября 1897 года психически больна и находится въ Харьковѣ на излѣченіи болѣе полутора года въ пансіонѣ при Сабуровой дачѣ съ платою по шестидесяти рублей въ мѣсяць, вслѣдствіи чего проситъ Харьковскій Епархіальный Съѣздъ духовенства войти въ его положеніе и разрѣшить Правленію завода выдать ему единовременное пособіе. Уполномоченный Съѣзда священникъ Никита Шебатинскій, лично знающій священника Никулищева, засвидѣтельствовалъ предъ Съѣздомъ, что положеніе Никулищева самое жалкое, бѣдственное до того, что даже порядочной приличной одежды не имѣетъ; какія средства были, всѣ употребилъ на лѣченіе жены своей; а потому *постановили*: разрѣшить Правленію свѣчнаго завода выдать единовременное пособіе священнику Никулищеву въ размѣрѣ трехсотъ рублей изъ суммъ свѣчнаго завода, тѣмъ болѣе, что Никулищевъ трудился для завода, состоя комиссіонеромъ его около десяти лѣтъ.

2) Слушали заявленіе уполномоченнаго съѣзда священника Алексѣя Станиславскаго о томъ, что въ Епархіальномъ нашемъ училищѣ хотя и есть больница очень просторная о 27 комнатахъ, но нѣтъ особаго отдѣленія для тѣхъ болѣзней, каковыя наиболѣе часто встрѣчаются у дѣтей отъ 10—15 лѣтняго возраста, какъ-то: скарлатина, корь, дифтеритъ и проч.; этими болѣзнями часто за-

болѣвають и ученицы сазаннаго училища. Въ виду того, что при училищѣ для такихъ больныхъ нѣтъ помѣщенія, они препровождаются въ городскую дѣтскую больницу; это явленіе крайне нежелательно и по многимъ причинамъ весьма не удобно, а потому желательно было бы, чтобы въ больницѣ Епархіальнаго училища двѣ—три комнаты были приспособлены для заразныхъ больныхъ съ особымъ отдѣленіемъ для выздоравливающихъ и специальной сидѣлкой, если это потребуется; *постановили*: исполнѣ раздѣляя мнѣніе уполномоченнаго священника Станиславскаго, смиреннѣйше просить Его Высокопреосвященство разрѣшить правленію Совѣта училища отдѣлать нѣсколько комнатъ для заразныхъ больныхъ при больницѣ съ особымъ отдѣленіемъ для выздоравливающихъ, съ специальной сидѣлкой, употребивъ для этого потребную сумму изъ общихъ училищныхъ суммъ.

3. Слушали прошеніе смотрителя епархіальнаго свѣчнаго завода Василія Яновскаго о назначеніи ему пенсіи за двадцатилѣтнюю службу его въ свѣчномъ заводѣ съ того времени, когда необходимость вынудитъ его оставить службу заводу; *постановили*: принимая во вниманіе, что смотритель завода Яновскій состоитъ еще на службѣ и получаетъ въ годъ жалованья 1200 рублей, прошеніе его считать преждевременнымъ до оставленія имъ службы.

4. За симъ приступили къ избранію членовъ Правленія Епархіальнаго свѣчнаго завода, Совѣта Епархіальнаго училища и кандидатовъ къ нимъ, членовъ Правленія Харьковской Духовной Семіаріи, а также членовъ временно ревизіоннаго комитета для провѣрки притока и расхода суммъ Епархіальнаго училища на предстоящее трехлѣтіе, а также и членовъ ревизіонной комиссіи по свѣчному заводу и кандидата къ нимъ на три года.

1. Избраны единогласно: предсѣдателемъ Правленія завода протоіерей Павелъ Тимофеевъ, членами Правленія завода: протоіерей Николай Соколовскій и священникъ Андрей Любарскій, кандидатомъ къ нимъ священникъ Василій Ветуховъ. Членами ревизіонной комиссіи по Епархіальному свѣчному заводу: протоіерей Дмитрій Регішевскій, священникъ Павелъ Григоровичъ, кандидатомъ къ нимъ священникъ Даніилъ Поповъ.

2. Членами Совѣта Епархіальнаго училища: священникъ Николай Любарскій, священникъ Павелъ Тимофеевъ, кандидатомъ къ нимъ священникъ Павелъ Грома. Членами временно-ревизіоннаго комитета по Харьковскому Епархіальному училищу: священникъ Василій Лихницкій, священникъ Петръ Мигулинъ.

3. Членами правленія Харьковской духовной семинаріи: священникъ Леонидъ Твердохлѣбовъ, священникъ Петръ Оминъ; кандидатомъ къ нимъ священникъ Алексѣй Юшковъ. *Постановилъ* журналъ сей представить на благоусмотрѣніе и утверженіе Его Высокопреосвященства.

На этомъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: „Августа 23. Утверждается“.

Журналъ XVII Харьковского Епархіального Съезда духовенства 19 Августа 1899 года.

1. Въ утреннемъ засѣданіи уполномоченные Съезда слушали предложеніе предсѣдателя Съезда о томъ, чтобы обезпечить содержаніе Харьковского пріюта сиротъ духовнаго званія. По выслушаніи предложенія предсѣдателя Съезда и по всестороннемъ обсужденіи, пришли къ тому заключенію, чтобы установить ежегодный взносъ отъ церквей на содержаніе пріюта, такъ какъ другихъ источниковъ не вмѣстѣ въ виду; *постановили*: на содержаніе Епархіальнаго пріюта ежегодно отчислять изъ церковныхъ суммъ отъ каждой церкви по пяти рублей и представлять вмѣстѣ съ Благочинническими отчетами пополугодно по 2 руб. 50 к.

На этомъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: „Августа 23. Утверждается“.

Журналъ Харьковского XVII Епархіального Съезда духовенства 19 Августа 1899 года.

Уполномоченные Съезда въ вечернемъ засѣданіи во исполненіе резолюціи Его Высокопреосвященства отъ 17 Августа н. г. за № 2668 и на основаніи примѣчанія къ § 8 уст. кас. разсматривали уставъ эмеритальной кассы для духовенства Харьковской епархіи, при чемъ предсѣдатель Правленія оной, протоіерей Іоаннъ Знаменскій, просилъ Съездъ обратитъ вниманіе на § 14 устава кассы, каковой, предоставляя право вкладчикамъ вносить временно за нѣсколько лѣтъ впередъ, можетъ способствовать нарушенію расчетовъ, которые были сдѣланы при составленіи проекта устава кассы и—на § 15, во исполненіе котораго отъ всѣхъ церквей епархіи, не исключая и домовыхъ, должно бы поступать по 10 рублей ежегодно на образованіе фонда эмеритальной кассы, а между тѣмъ отъ всѣхъ домовыхъ церквей въ уѣздахъ такихъ взносов не получается, въ силу чего ежегодно вопреки указанному

параграфу оказывается въ кассѣ эмеритуры недоборъ 150 рублей отъ 15 дом. церк.). *Постановили:* Если дѣйствія эмеритальной кассы по § 14 оной окажутся невыгодными и даже вредными для правильнаго веденія эмеритуры, просить Правленіе кассы войти въ докладомъ въ будущій Епархіальный Сѣздъ духовенства относительно измѣненія сказаннаго параграфа, что же касается § 15, то предложить о.о. Благочиннымъ распредѣлять сумму слѣдующую въ домовыхъ церквей ихъ округовъ между приходскими церквями, начиная съ текущаго года по своему усмотрѣнію, какъ это уже и сдѣлано относительно домовыхъ церквей въ г. Харьковѣ.

2. Слушали ходатайство предсѣдателя Правленія эмеритальной кассы протоіерея Іоанна Знаменскаго о допущеніи къ участію въ эмеритальной кассѣ въ качествѣ добровольныхъ вкладчиковъ, но съ правомъ полученія изъ нея пенсій на общихъ основаніяхъ по высшему разряду, смотрителя свѣчнаго Епархіальнаго завода, его помощника и бухгалтера въ свлѣ того обстоятельства, что эти лица служатъ въ учрежденіи, которое болѣе всего восполняетъ фондъ эмеритальной кассы, при чемъ таковое ходатайство было поддержано и предсѣдателемъ правленія свѣчнаго завода протоіереемъ Павломъ Тимофеевымъ, высказавшимъ свое мнѣніе, что чрезъ такую привилегію можно будетъ всегда рассчитывать на лучшей служебный персоналъ при свѣчномъ заводѣ. *Постановили:* Хотя Сѣздъ духовенства въ вечернемъ засѣданіи 18 Августа прошеніе помощника смотрителя завода и бухгалтера о допущеніи ихъ къ участію въ эмеритальной кассѣ постановилъ передать на усмотрѣніе Правленія эмеритальной кассы, но принимая во вниманіе ходатайство предсѣдателя Правленія эмеритальной кассы протоіерея Іоанна Знаменскаго о допущеніи къ участію въ эмеритальной кассѣ духовенства смотрителя свѣчнаго Епархіальнаго завода, его помощника и бухгалтера и соображеніе по сему предмету протоіерея Павла Тимофеева, допустить въ видѣ исключенія означенныхъ должностныхъ лицъ при свѣчномъ заводѣ къ участію въ эмеритальной кассѣ духовенства въ качествѣ добровольныхъ вкладчиковъ по высшему разряду съ правомъ полученія пенсій на общихъ основаніяхъ устава кассы, но съ тѣмъ, чтобы вклады отъ нихъ не принимались въ кассу эмеритуры со времени увольненія ихъ отъ службы при заводѣ; при желаніи же ихъ внести вклады въ эмеритальную кассу за прежніе годы со дня открытія оной, принять ихъ только за годы службы при заводѣ съ взыскаіемъ слѣдующихъ % по расчету.

3. Разсматривали книги Правленія эмеритальной кассы, какъ: приходо-расходныя, для записи пенсіонеровъ, лицевыя счета и другіе, при чемъ нашли веденіе ихъ въ образцовомъ порядкѣ правильности и аккуратности, что нужно отнести къ особенной заботливости предсѣдателя правленія протоіерея Іоанна Знаменскаго и членовъ: протоіерея Александра Ѳеодоровскаго и протоіерея Николая Гутникова. *Постановили:* принять къ свѣдѣнію.

4. Слушали журналъ временно-ревизіоннаго комитета отъ 3 мая н. г. о провѣркѣ приходо-расходныхъ книгъ Правленія эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи за 1898 годъ, утвержденный Его Высокопреосвященствомъ 2 іюня н. г. изъ него видно: а) что означенныя книги велись правильно, б) документы и приложения къ нимъ оправдываютъ тѣ статьи прихода или расхода, до коихъ оныя относятся, в) всѣ статьи расхода произведены по журнальнымъ опредѣленіямъ правленія кассы, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ, г) всѣ деньги, поступившія на приходъ или расходъ записывались своевременно, д) свѣдѣтельство суммъ производилось ежемѣсячно и — актъ комитета отъ того же числа о провѣркѣ наличности суммъ эмеритальной кассы и правильности храненія таковыхъ, изъ коего видно, что въ кассѣ состоитъ суммъ: а) наличными деньгами 127 р. 29 к., б) книжкѣ сберегательной кассы Харьковской конторы Государственнаго банка 453 р. 15 к., в) процентными Государственными бумагами 395,400 р., г) долговыми квитанціями Харьковскаго Епархіальнаго свѣчнаго завода 150,000 рублей, а всего 545,980 руб. 44 к. *Постановили:* журналъ временно-ревизіоннаго комитета о провѣркѣ приходо-расходныхъ книгъ Правленія эмеритальной кассы и актъ свидѣтельства о наличности суммъ и правильности храненія оныхъ принять къ свѣдѣнію, а за отлично усердное отношеніе къ исполненію своихъ обязанностей по управленію дѣлами кассы выразить искреннюю благодарность съѣзда духовенства предсѣдателю Правленія кассы протоіерею Іоанну Знаменскому и членамъ: протоіереямъ: Александру Ѳеодоровскому и Николаю Гутникову со внесеніемъ о семъ въ послужные ихъ списки, о чемъ и просить почтительнѣйше Его Высокопреосвященство.

5. Приступили къ выборамъ предсѣдателя и членовъ Правленія эмеритальной кассы духовенства Харьковской епархіи, и посредствомъ закрытой баллотировки выбрали: на должность предсѣдателя Правленія ректора духовной семинаріи, протоіерея Іоанна Знаменскаго, получившаго полныя 33 шара, а на должность членовъ

управленія: протоіереєвъ Александра Ѳедоровскаго и Николая Гутыкова, получившихъ также полныя шары—по 33 и—кандидатомъ въ нѣмъ протоіерея Георгіа Чеботарева, получившаго 32 избираемыхъ и 1 неизбирательныхъ.

На этомъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: „Августа 23. Утверждается“.

Журналъ XVII Харьковскаго Епархіальнаго Съѣзда духовенства 20 Августа 1899 года.

Уполномоченные Съѣзда, по предложенію предсѣдателя по управленію Епархіальнымъ сиротскимъ пріютомъ протоіерея о. Дмитрія Регвишевскаго, 20 сего Августа посѣтили пріютъ, гдѣ въ мѣстной церкви слушали Божественную Литургію, по окончаніи которой соборно совершили молебствіе о здравіи и благоденствіи своего милостивѣйшаго Архипастыря Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, какъ основателя сиротскаго пріюта. Затѣмъ обозрѣвали пріютскія постройки и именно: два дома, гдѣ помѣщаются призрѣаемыя, квартиру священника съ церковно-приходскою школою, вновь устроенный трехъ-этажный корпусъ о 19 покояхъ, больницу, устроенную на личныя средства Его Высокопреосвященства, баню, артезіанскій колодезь, водяную мельницу, а также пастбищу, лѣсъ, полевою землю и весь хозяйственный инвентарь, при чемъ убѣдились, что призрѣаемыя находятся при хорошихъ условіяхъ прімотра, питанія и одежды, а также и все пріютское хозяйство находится въ должномъ порядкѣ; *постановили*: принести искреннюю сыновнюю благодарность своему милостивѣйшему Архипастырю и Отцу Высокопреосвященнѣйшему Амвросію за его отеческое попеченіе, труды и заботы о призрѣніи нашихъ сиротъ и соблаговолить разрѣшить Епархіальному нашему пріюту наименоваться Амвросіевскимъ, о чемъ и возбудить ходатайство надлежащимъ порядкомъ, а также выразить искреннюю благодарность предсѣдателю протоіерею о. Дмитрію Регвишевскому и членамъ комитета по управленію Епархіальнымъ сиротскимъ пріютомъ священникамъ Іоанну Иннокову, Андрею Чаговцову, Трофіму Антонову, Герасиму Политову, начальницѣ пріюта Ольгѣ Карповой и попечителю пріюта Михаилу Спиридоновичу Клеменову.

2. Слушали заявленіе предсѣдателя комитета по управленію Епархіальнымъ сиротскимъ пріютомъ протоіерея Дмитрія Регвишевскаго объ изысканіи средствъ на приведеніе въ полное благоустройство сказаннаго пріюта и обсудивъ его, *постановили*: про-

сить комитетъ по управленію приютомъ выслать подписныя явств. о.о. Благочиннымъ, которые и поусердствуютъ расположить духовенство своихъ округовъ къ вождествованію единовременно съ столь доброе дѣло.

3. За окончаніемъ всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ обсужденію съѣзда *постановили*: засѣданіе Съѣзда закрыть и выразить искреннюю благодарность за труды, понесенные во время Съѣзда, предсѣдателю онаго протоіерею Михаилу Чернявскому и дѣлопроизводителемъ священникамъ: Александру Чернявскому и Алексѣю Станиславскому со внесеніемъ о семъ въ ихъ послужные списки, о чемъ почтительнѣйше просить Его Высокопреосвященство.

На этомъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: „Августа 23. Утверждается, за исключеніемъ предположенія о наименованіи приюта Амвросіевскихъ, такъ какъ отъ этой чести и публично уже отказался. Благодарность съѣзда г. Влеменову сообщить въ епископъ изъ сего журнала“.

Педагогическіе курсы для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ Харьковской и Таврической епархіи.

(Окончаніе *)

Преподаваніе на курсахъ счисленія было ведено И. В. Курвичемъ по плану, выработанному практикою предыдущихъ курсовъ. Въ 19 уроковъ, въ числѣ которыхъ было 4 образцовыхъ, 8 получасовыхъ пробныхъ и 11 бесѣдъ, онъ живо и наглядно ознакомилъ курсистовъ со всѣми главнѣйшими моментами обученія этому предмету. Прежде всего лекторомъ было указано на невозможность прохожденія въ начальной школѣ систематическаго курса ариѳметики и на тѣ вредныя послѣдствія, какія происходили, когда заставляли дѣтей, какъ это было въ старой русской школѣ, сразу изучать нумерацію и правила дѣйствій съ числами любой величины. Затѣмъ была выяснена сущность метода изученія чиселъ Грубе, примѣненной къ русской школѣ Евтушевскимъ, указаны были достоинства и недостатки этой методы и непригодность ее для русской школы. Чтобы ознакомиться съ способами и приемами рѣшенія задачъ, курсистамъ было предложено письменное рѣшеніе

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г., № 17.

планомъ и объясненіемъ двухъ задачъ, взятыхъ изъ задачекъ для начальной школы. По разсмотрѣніи написанныхъ курсистами рѣшеній оказалось, что многими изъ нихъ допущены ли ошибки въ вычисленіяхъ, а нѣкоторые представили неуметворительные отвѣты. Въ одной изъ послѣдующихъ бесѣдъ произведенъ разборъ письменныхъ отвѣтовъ, причемъ ли указаны допущенныя курсистами ошибки въ рѣшеніяхъ, а чь, неправильности въ расположеніи вычисленій, неточности въ объясненіяхъ и другіе недостатки этихъ отвѣтовъ. Яснивъ въ 3 бесѣдахъ съ курсистами методу изученія дѣйствій, изложенную въ руководствахъ Гольденберга, Шохорь-оцкаго, Тенишева и Вишневскаго, лекторъ пришелъ къ выводу, что изученіе дѣйствій надъ числами должно быть расдѣлено по тремъ послѣдовательнымъ ступенямъ: надъ числами отъ 1 до 10, надъ числами отъ 10 до 100 и надъ числами любой величины. Когда вслѣдъ за тѣмъ были выяснены особенности каждой изъ этихъ ступеней, содержаніе и приемы изученія на этой ступени, сдѣланъ былъ переходъ къ образцамъ и пробнымъ урокамъ.

Діакономъ образцовой школы при семинаріи Г. Д. Олейниковымъ данъ былъ урокъ дѣтямъ, еще не обучавшимся ариѳметикѣ. Урокъ состоялъ въ обученіи дѣтей счету въ предѣлахъ перваго десятка и въ упражненіяхъ помощію наглядныхъ пособій въ отсчитываніи и присчитываніи. Вслѣдъ за нимъ ли даны 2 пробныхъ урока учителями изъ курсистовъ, изъ которыхъ первый занимался упражненіями дѣтей въ сложеніи, а второй—въ вычитаніи чиселъ перваго десятка. По предложенію лектора о пробныхъ урокахъ означенныхъ курсистовъ были сдѣланы отзывы и замѣчанія курсистами Александровымъ, Касовымъ, Бѣляевымъ, Понировскимъ, Ступницкимъ и Якушичемъ.

По поводу этихъ замѣчаній были дѣлаемы со стороны лектора разъясненія и дополненія и такимъ путемъ были выяснены достоинства и недостатки того и другого урока. Объ урокахъ первого учителя было замѣчено, что 1) имъ мало было сдѣлано упражненій на сложеніе: такъ, не было сдѣлано ни одного примѣра сложенія болѣе чѣмъ двухъ чиселъ, мало было задаваемо прак-

тическихъ задачъ на сложене, неполно разработаны на наглядныхъ пособіяхъ упражненія въ присчитываніи группами, 2) учитель иногда и самъ допускалъ неправильныя выраженія, напр. *къ сколько*, въ одномъ *десятку*, и не обращалъ вниманія на неправильности въ рѣчи учениковъ, напр., *къ шестямъ* вм. *къ шести*; 3) замѣчалась непослѣдовательность и торопливость въ вопросахъ учителя; онъ слишкомъ быстро переходилъ отъ одного ученика къ другому и ученику, не давшему отвѣта на вопросъ, не выяснялъ вопроса и не старался довести его до правильнаго отвѣта. Подобные недостатки были замѣчены на урокѣ другого практиканта; кромѣ того было указано, что 1) имъ неправильно были ведены упражненія въ бѣгломъ счетѣ. 2) одна задача задана была въ неточныхъ выраженіяхъ, такъ что на нее можно было дать два различныхъ отвѣта и 3) нужно было заставлять самихъ учениковъ дѣлать отсчитыванія на счетахъ, особенно тѣхъ, которые давали неправильные отвѣты. Какъ на достоинство уроковъ было указано, что и тотъ и другой учитель вели уроки живо, не оставляли безъ вниманія ни одного ученика, задавали вопросы и дѣлали объясненія громко и ясно, и видно было, что всѣ ученики понимали, о чемъ идетъ дѣло, и принимали участіе въ рѣшеніи вопросовъ. По окончаніи разбора лекторъ велъ бесѣду о приемахъ изученія дѣйствій умноженія и дѣленія въ предѣлахъ перваго десятка.

Таковъ въ общихъ чертахъ ходъ учебныхъ занятій по счисленію и на слѣдующихъ ступеняхъ обученія: бесѣда, образцовый урокъ, пробныя уроки, разборъ ихъ и бесѣда по поводу этихъ уроковъ. Разборъ уроковъ всегда отличался оживленностью; видно было, что слушатели основательно уяснили себѣ постановку обученія счисленію на той или другой ступени и отчетливо представляли, чего слѣдуетъ требовать отъ уроковъ и какія въ нихъ достоинства и недостатки.

Содержаніемъ дальнѣйшихъ образцовыхъ уроковъ было: 1) рѣшеніе задачъ на всѣ 4 дѣйствія въ предѣлахъ первой сотни; 2) упражненіе въ вычитаніи чиселъ выше 100; 3) составныя именованныя числа; раздробленіе и превращеніе. Пробныя уроки были даны: Ветуховымъ—о сложеніи чиселъ первой сотни, Григорьевымъ—о вычитаніи тѣхъ же чиселъ, діаконъ

илевскимъ— объ умноженіи многозначныхъ чиселъ на одно-
ачное и на единицу съ нулями, Н. Жербинымъ—объ умно-
женіи многозначныхъ чиселъ на многозначныя, Лукашевымъ—
сложеніи именованныхъ чиселъ и Поповымъ—о вычитаніи
хъ-же чиселъ.

Сверхъ того по предложенію Его Превосходительства Г. Наб-
людателя церковныхъ школъ въ Имперіи В. И. Шемякина на
рсахъ было введено преподаваніе пчеловодства и переплет-
ного мастерства.

Ознакомленіе съ пчеловодствомъ принялъ на себя проф.
арьковского Университета прот. Тимоѳей Буткевичъ, который
теченіи послѣднихъ лѣтъ основательно изучилъ это дѣло
авнымъ образомъ на практикѣ на принадлежащей ему учеб-
ной пасѣкѣ. Его бесѣды, числомъ 6, съ курсистами были на-
ввлены къ тому, чтобы ознакомить ихъ не только съ глав-
нѣйшими основаніями пчеловоденія, но въ особенности съ
становкою этого дѣла въ деревнѣ, при народной школѣ и
и условіяхъ существованія этой послѣдней.

Предметомъ бесѣды о. Буткевича было: состояніе пчеловод-
ства на Западѣ, въ Америкѣ и у насъ въ Россіи; практиче-
ское значеніе пчеловодства; породы пчелъ; пчелиное семейство:
матка, трутни и рабочія пчелы; размноженіе пчелъ; внутрен-
нее хозяйство улья; характеръ медоносной мѣстности; медонос-
ная трава; о рамочныхъ ульяхъ; уходъ за пчелами весною,
лѣтомъ, осенью и зимою: кормленіе, искусственное роеніе;
экономическій характеръ пчеловодства; литература по пчеловодству
и т. п. Въ заключеніе была сдѣлана на пасѣку о. Буткевича
экскурсія, о которой будетъ сказано ниже.

Переплетное мастерство на курсахъ было предметомъ тща-
тельнаго изученія въ виду его практическаго значенія въ цер-
ковныхъ школахъ. Наблюденіе показало, что курсисты, осво-
ившись съ этимъ незатѣйливымъ предметомъ, охотно вводили
его въ свои школы, чѣмъ способствовали сохраненію учебни-
ковъ и книгъ для внѣкласснаго чтенія. Непереплетенныя же
книги, какъ показалъ опытъ, скоро изнашиваются и въ та-
комъ видѣ препятствуютъ правильному теченію учебныхъ знаній.
Кромѣ того при бѣдности церковныхъ школъ встрѣчается

не мало затрудненій къ ежегодному приобрѣтенію учебныя книгъ.

Такъ какъ число курсистовъ, изъявившихъ желаніе обучаться переплетному мастерству было 43, то для удобства занятій они были раздѣлены на 2 группы и изучали ремесло въ двѣ очереди, каждая въ 8 уроковъ или 16 часовъ въ слѣбоденное время отъ 3 до 5 час. вечера.

Самая постановка обученія переплетному мастерству вполне соответствовала условіямъ нашей деревенской церковно-приходской школы, при которой не всегда легко обзавестись необходимыми переплетными инструментами. Въ виду этого курсисты были научены переплетать книги безъ всякихъ искусственныхъ приспособленій. Весь курсъ обученія переплетному дѣлу представляется въ слѣдующемъ видѣ. Разборка старыхъ и новыхъ книгъ; напилка корешковъ и шивка книгъ, обклейка корешка и обрѣзка; набивка фальца; приклейка картона; наклейка сафьяннаго корешка и золоченіе его, приклейка мраморнаго листа на наружной и бѣлаго на внутренней сторонѣ картона. Всѣ эти работы выполнялись самими учителями подъ присмотромъ и руководствомъ переплетчика С. Шпелева. Въ результатѣ получилось много переплетенныхъ курсистами книгъ. *)

Обычный порядокъ дня въ общежитіи былъ слѣдующій: въ 8 ч.—чай; съ 9 до 2 ч. утреннія учебныя занятія съ перерывами для отдыха въ 15 м.; въ 11¹/₄ завтракъ, въ 2 ч. обѣдъ отъ 3—5 ч. занятія въ переплетной мастерской; съ 6 до 7 ч. вечернія занятія съ тѣмъ же промежуткомъ; въ 8 ч. ужинъ въ 9—молитва. Кромѣ того отъ 7¹/₂ до 8¹/₂ у. занятія скрѣ-

*) Переплетное мастерство изучали слѣдующіе 43 учителя: Мих. Минчевъ, Мих. Рудневъ, Кипр. Оржицкій, Дим. Стеллецкій, Ив. Рождественскій, Ал. Базилевичъ, Пет. Алейниковъ, Ив. Кучеренко, Пет. Маведонскій, Алекс. Мухинъ, Ево. Новомірскій, Георг. Якубовичъ, Мовс. Краснопольскій, Всеа. Платавцевъ, Арк. Масловъ, Сер. Знаменскій, Георг. Криволаповъ, Г. Павловъ, Черняковъ, Пол. Чернявскій, Дим. Ветуховъ, Ник. Краснопольскій, Тим. Кварталовъ, Сер. Жидлевскій, Ник. Мигулинъ, Георг. Мигулинъ, Ив. Понировскій, Феод. Ступницкій, Алек. Пономаревъ, Серг. Царавскій, Феод. Ягниченко, Р. Новиковъ, Пав. Поповъ, Ник. Мухинъ, І. Заводовскій, Ил. Климентовъ, Илар. Бугуновъ, Сам. Асмоловъ, Мих. Капустинъ, Тим. Поповъ, Андр. Бабичевъ, Евг. Неклюдовъ и Мих. Бѣляевъ.

пичной игрой. Такимъ образомъ, кромѣ занятій переплетнымъ мастерствомъ и скрипичной игрой, ежедневно было по 6 учебныхъ часовъ. Наканунѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней вечернія занятія обыкновенно отмѣнялись. Во всѣ воскресные и праздничные дни и наканунѣ оныхъ слушатели и слушательницы курсовъ, присутствовали при богослуженіи въ Озерянскомъ храмѣ Покровскаго монастыря. Въ теченіе всего періода курсовъ неприсутственными днями были, кромѣ дней воскресныхъ, день св. апостоловъ Петра и Павла, день св. Равноапостольнаго кн. Владиміра и день Тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.

Дорожа временемъ краткосрочныхъ курсовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ желая употребить цѣлесообразно время праздничныхъ и воскресныхъ дней, администрація курсовъ въ теченіе всѣхъ курсовъ предприняла цѣлый рядъ экскурсій за городъ и развлеченій. Помимо воспитательнаго и образовательнаго значенія, всѣ означенныя удовольствія, поднимая духъ курсистовъ вниманіемъ и заботами о нихъ администраціи, вмѣстѣ съ тѣмъ представляли для нихъ лучшія минуты отдыха въ ихъ тяжелыхъ занятіяхъ на курсахъ въ центрѣ душнаго города, въ жаркіе дни Іюля.

Эккурсіи, предпринятія курсистами, по характеру и цѣли своей раздѣляются на экскурсіи религіозно-патріотическія и научно-учебныя. Къ числу первыхъ относится ежегодно принимаемая учителями поѣздка въ Спасовъ скитъ, на мѣсто крушенія Императорскаго желѣзнодорожнаго поѣзда 17 октября 1888 года. Это страшное мѣсто, ознаменованное чудомъ Божіимъ и горячимъ патріотизмомъ всего русскаго народа, выразившимся въ сооруженіи двухъ храмовъ и основаніи мужскаго скита, всегда привлекало и будетъ привлекать вниманіе истинныхъ патріотовъ. Превосходный садъ въ 10 десятинъ, разведенный въ этой мѣстности, окаймляя собою обитель, въ настоящее время разросся въ густой цвѣтущій паркъ. Мѣстность, дотолѣ пустынная и дикая, оживилась и сдѣлалась пунктомъ постоянного паломничества для народа.

Въ день Петра и Павла раннимъ поѣздомъ, доставляющимъ обыкновенно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ богомоль-

цевъ, учителя и учительницы въ сопровожденіи администраціи курсовъ отправились въ Спасовъ-скитъ и къ началу поздней литургіи были уже на мѣстѣ. По распоряженію Высокопреосвященнаго Владыки о. настоятелемъ обители былъ оказанъ самый радушный приемъ. Курсисты полнымъ хоромъ, подъ управленіемъ преподавателя пѣнія о. Іоанна Петровскаго, приняли участіе въ совершеніи божественной литургіи. Затѣмъ имъ былъ предложенъ завтракъ и сервированъ чай. Послѣ этого подъ руководствомъ о. настоятеля обители они приступили къ осмотру деревяннаго храма, сооруженнаго въ теченіи двухъ мѣсяцевъ заботами Высокопреосвященнаго Амвросія, какъ первый памятникъ на мѣстѣ ужасной катастрофы. Будучи первымъ выраженіемъ патріотизма русскаго народа, храмъ этотъ является въ свою очередь лучшимъ памятникомъ, воскресившимъ характерныя особенности древне-русской рѣзной орнаментики и архитектуры. Отсюда курсисты перешли къ осмотру соборнаго храма и, осматрѣвъ всѣ достопримѣчательности внутренней части, алтаря и ризницы сего богатѣйшаго и величественнаго храма, направились въ часовню для служенія литіи по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III и всѣхъ жертвахъ ужасной катастрофы. Расположившись затѣмъ на паперти соборнаго храма, они выслушали внятно прочитанную И. А. Рудневымъ брошюру о чудесномъ спасеніи Августѣйшей семьи; причемъ въ виду быстро движущихся на глазахъ поѣздовъ, особенно поразительны были слова манифеста: „Въ трепетномъ благоговѣніи предъ дивными судьбами Всевышняго Мы вѣруемъ, что явленная Намъ и народу милость Божія отвѣтствуетъ горячимъ молитвамъ, которыя ежедневно возносятъ о насъ тысячи вѣрныхъ сыновъ Россіи, гдѣ стоитъ Святая церковь и славится имя Христово“. Чтеніе глубоко-назидательной брошюры закончилось пѣніемъ національнаго гимна и певольное „ура“ вырвалось изъ груди сотни учителей.

Вечеромъ курсисты въ томъ же порядкѣ воротились домой.

Въ одинъ изъ ближайшихъ воскресныхъ дней 4-го іюля курсисты присутствовали при архіерейскомъ богослуженіи въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря. Лица духовнаго звана

ніа изъ курсистовъ были приглашены Высокопреосвященнымъ Владыкою присутствовать при совершеніи литургіи въ самомъ алтарѣ, чтобы ознакомиться съ особенностями архіерейскаго богослуженія. По окончаніи литургіи всѣ учителя собрались у покоевъ Владыки и встрѣтили его громкимъ и могучимъ привѣтствіемъ: „исползаети деспота!“ Преподавая архипастырское благословеніе Владыка въ свою очередь выразилъ надежду, что курсисты отнесутся къ дѣлу съ должнымъ вниманіемъ и усердіемъ. „Положеніе учителя въ деревнѣ высоко и отвѣтственно, говорилъ онъ. Стойте твердо въ этомъ званіи, подавая примѣръ доброй жизни и твердаго ученья всѣмъ, къ вамъ приходящимъ. Любовь къ дѣлу вознаградитъ васъ за трудъ, а занятія на курсахъ ободрятъ и поддержать васъ на высотѣ своего тяжелаго и важнаго служенія. Будьте добры, въ трудѣ прилежны, въ вѣрѣ тверды, въ жизни добродѣтельны“. Ободренные такимъ милостивымъ вниманіемъ своего архипастыря, учителя-курсисты оставили архипастырскіе покои полные любви къ Владыкѣ и энергіи на предстоящій тяжелый трудъ на курсахъ.

Въ тотъ же день курсисты посѣтили зоологическій музей Харьковскаго университета.

Для закрѣпленія въ памяти слушателей теоретическихъ свѣдѣній по пчеловодству, полученныхъ ими на 6 лекціяхъ профессора о. Тимоея Буткевича, 11 іюля курсистами была совершена экскурсія на принадлежащую ему образцовую пасѣку. Пасѣка находится на дачѣ о. профессора въ 4 верстахъ отъ ст. Мерефа К.-Х.-С. ж. д. Разстояніе отъ станціи въ 4 вер. курсисты изъявили согласіе идти пѣшкомъ лугами. Здѣсь на пасѣкѣ въ теченіи четырехъ часовъ о. Буткевичъ знакомилъ курсистовъ на практикѣ съ различными системами ульевъ, которыхъ (системъ) у него свыше 25. Курсистамъ были показаны наиболѣе характерные и употребительнѣйшіе въ пчеловодномъ хозяйствѣ ульи. Изъ нихъ рекомендованъ учителямъ, какъ наиболѣе пригодный для нашей мѣстности, улей системы свящ. сл. Малой-Даниловки о. Толмачева. Ознакомивши съ разными системами ульевъ посредствомъ тщательной разборки ихъ и со всѣмъ внутреннимъ хозяйствомъ ульевъ, о. Буткевичъ показалъ далѣе учителямъ свою пчеловодную мастерскую,

при чемъ сами курсисты принимали участіе въ выкачиваніи меду на центробѣжкѣ. Вслѣдъ затѣмъ радушнымъ хозяиномъ пасѣки былъ предложенъ курсистамъ чай и медъ въ изобиліи.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ учителей, несмотря на недостаточность времени, нѣкоторые изъ нихъ настолько освоились съ курсомъ пчеловодства, что чувствуютъ себя въ состояніи продолжать работу самостоятельно, въ особенности съ помощью рекомендованныхъ профессоромъ пособій по сему предмету.

18 іюля въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ, съ благословенія Высокопреосвященнаго Амвросія, о. ключаремъ собора, въ сослуженіи курсистовъ и при участіи полнаго хора 100 учителей была торжественно совершена Божественная литургія. Самъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка, высокій покровитель и глубокій цѣнитель московскаго церковнаго напѣва, изволилъ присутствовать при совершеніи литургіи, чтобы послушать рѣдкое пѣніе массы учителей и убѣдиться, насколько серьезно поставлено на курсахъ дѣло обученія церковному пѣнію. Пѣніе массоваго хора могучихъ и юныхъ голосовъ, поставленное опытнымъ преподавателемъ церковнаго пѣнія на курсахъ свящ., о. І. Петровскимъ, подъ управленіемъ курсиста о. діакона Клименова, производило неотразимо глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ. Соборъ былъ переполненъ молящимися. Простота напѣва, задушевность мелодіи и безупречная стройность хора поддерживали въ присутствующихъ молитвенное настроеніе до конца. Преосвященному настолько понравилось исполненіе Херувимской пѣсни древняго напѣва и догматиковъ московскаго распѣва, что ему благоугодно было лично выразить благодарность курсистамъ и преподать архипастырское благословеніе въ алтарѣ. Благословляя курсистовъ, Владыка благодарилъ администрацію курсовъ, преподавателя пѣнія и ободрялъ курсистовъ въ дальнѣйшемъ трудѣ.

22 Іюля съ благословенія Преосвященнаго въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря, регентомъ архіерейскаго хора М. С. Ведринскимъ былъ данъ концертъ соединенными силами полнаго архіерейскаго хора въ 90 чел. Въ программу концерта вошли употребительнѣйшіе въ церковныхъ богослуженіяхъ пѣснопѣнія въ организаціи лучшихъ нашихъ композиторовъ,

каковы: „Слава—Единородный“—Грибовича; „Къ Богородицѣ“—Архангельскаго; „Херувимская“—М. С. Ведринскаго; „Достойно есть“—Чайковскаго; „Милость мира“—Архангельскаго; „Нынѣ отпускаеши“—Соколова; „Боже придоша“—Веделя; „Великое славословіе“—Ставровскаго; „Воспойте людіе“—Борея.

При такой сравнительной краткости программы и полнотѣ музыкальныхъ мелодій, концертъ произвелъ на слушателей полное, глубокое и всестороннее впечатлѣніе. Въ исполненіи легкихъ и труднѣйшихъ частей видна образцовая музыкальная школа, поставленная опытною рукою. Мелодіи смѣняются до того послѣдовательно и естественно, что слушателемъ невольно овладѣваетъ полнѣйшій эффектъ и онъ незамѣтно переживаетъ соотвѣтствующія музыкѣ чувства. Послушать образцовое пѣніе соединенныхъ хоровъ собрались, кромѣ курсистовъ, много постороннихъ слушателей изънаковокъ церковнаго партеснаго пѣнія. Учители въ лицѣ администраціи курсовъ принесли искреннѣйшую и глубокую благодарность г. Ведринскому за доставленное имъ наслажденіе.

Дѣломъ постановки учебнаго дѣла на курсахъ были заинтересованы многія лица, имѣющія близкое и отдаленное отношеніе къ народному образованію. Въ числѣ почетныхъ гостей, посѣщавшихъ курсы, были: Предсѣдатель Епархіальнаго училищнаго Совѣта, Ректоръ Семинаріи, протоіерей Іоаннъ Павлиновичъ Знаменскій; членъ Совѣта прот. Іоаннъ Лукичъ Чижевскій; членъ Совѣта прот. Николай Ѳедоровъ; Директоръ народныхъ училищъ д. с. с. Н. Г. Жаворонковъ; Смотритель Харьковскаго духовнаго училища с. с. А. А. Сивгиревъ; дѣлопроизводитель Совѣта с. с. С. П. Ѳоменко; членъ Совѣта Н. Т. Храмцовъ; предсѣдатель Харьковскаго у. отдѣленія свящ. о. Н. Любарскій; свящ. С. Уманцевъ, В. В. Марченко; о. о. уѣздные наблюдатели всѣхъ 11 уѣздовъ, при чемъ нѣкоторыми изъ нихъ курсы были посѣщены по нѣскольку разъ. Кромѣ того ежедневно, съ разрѣшенія администраціи курсовъ, аудиторія была посѣщаема множествомъ интересовавшихся лицъ изъ городского и иногородняго духовенства, преподавателей гимназій и духовныхъ училищъ, учителей церковныхъ и земскихъ школъ и другихъ постороннихъ лицъ. Вообще слѣ-

дуетъ замѣтить, что курсы съ каждымъ годомъ возбуждаютъ все большій и большій къ себѣ интересъ со стороны общества. Мѣстная печать также своевременно отмѣчала выдающіяся явленія и стороны курсовъ съ ихъ внутренней учебной стороны и внѣшняго ихъ устройства. Редакціи газетъ „Южный край“ и „Одесскія новости“ прислали даже свои изданія въ бесплатное пользованіе курсистовъ въ продолженіи всѣхъ курсовъ.

Заканчивая бѣглый очеркъ учебныхъ занятій на учительскихъ курсахъ настоящаго года и наблюдая въ теченіе послѣдняго времени надъ курсами прежнихъ лѣтъ Харьковской и другихъ епархій, мы невольно должны признать за ними не только педагогическое значеніе въ узкомъ смыслѣ слова для самихъ учителей, но широкое ихъ вліяніе вообще на направленіе и характеръ педагогическаго образованія, педагогической литературы и развитіе современнаго общества. Было бы ошибочно предполагать, что курсы направлены только къ поднятію педагогическаго образованія учителей; наряду съ этимъ и независимо отъ этого, они служатъ лучшими проводниками въ жизнь идеи церковнаго просвѣщенія въ двухъ православной вѣры и любви и преданности престолу и отечеству. Цѣлые кадры учителей, въ теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ, разносятъ эту идею, забытую и поправленную духомъ послѣдняго времени, по всѣмъ уголкамъ нашего обширнаго отечества въ видѣ учрежденія новыхъ церковно-приходскихъ школъ, устройства церковныхъ хоровъ и воскресныхъ собесѣдованій, въ формѣ открытія школьныхъ и народныхъ библіотекъ. Съ другой стороны, привлекая въ качествѣ руководителей новыя педагогическія силы, курсы, какъ показалъ уже предшествующій опытъ, породили цѣлый рядъ педагогическихъ статей, дидактическихъ и методическихъ руководствъ, нотныхъ сочиненій, журналовъ и учебниковъ по всѣмъ предметамъ школьнаго курса. Хотя значительная часть этого педагогическаго матеріала и не представляетъ собою чего-либо новаго сравнительно съ добытымъ раньше, тѣмъ не менѣе и во всѣхъ этихъ произведеніяхъ рѣзко обозначилось новое направленіе, новый духъ, чуждый рутинной нѣмецкой педагогики и узко матеріалистическаго содержа-

нія. Что касается нѣкоторыхъ мыслящихъ педагоговъ, то они безспорно въ своихъ сочиненіяхъ являются руководителями новаго идеалистическаго направленія, которое не можетъ не отразиться и уже отразилось на нѣкоторыхъ сторонахъ жизни начального образованія и жизни современнаго общества. Имъ будетъ несомнѣнно принадлежать та же честь, какую безспорно заслужили въ свое время и въ своемъ родѣ педагоги шестидесятыхъ годовъ со стороны программы обученія и ея направленія. Новая школа старалась учить, развивать и обогащать дѣтей познаніями, церковная по преимуществу воспитываетъ; первая съ практическимъ направленіемъ и заботилась о выработкѣ въ дѣтахъ житейскихъ способностей, послѣдняя всегда помнитъ что „благочестіе имѣетъ обѣтованіе живота нынѣшняго и грядущаго“. Церковная школа примкнула къ церкви и покровительству духовенства и всѣ школы обособились въ отдѣльное гражданское учрежденіе. Новая школа учила дѣтей по методамъ нѣмецкой, чуждой русскому народу, педагогики; церковная ведетъ обученіе въ духѣ церковности. Церковная школа возстановляетъ и объединяетъ приходъ, какъ единицу церковно-общественную; новая школа вступила въ антагонизмъ съ этою, освященною вѣковою традиціей, стороною жизни русскаго народа. Обученіе въ новой школѣ велось по программамъ, которыя и по содержанію и по направленію совершенно разнятся отъ программъ школы церковной. Учебники и книги для чтенія такъ же въ новой школѣ иные, соотвѣтственно указаннымъ выше цѣлямъ и задачамъ той и другой школы. Новая школа обращается къ чувству законности въ дѣтахъ и къ выработкѣ личности, церковная—къ чувству любви и братскаго единенія. Грамотѣй старой школы бѣжало отъ книгъ религіознаго содержанія, отъ церкви и духовенства, грамотѣй церковной школы живетъ нераздѣльною жизнію съ церковью. Грамотѣй новой школы съ развитою склонностью все рѣшать своимъ умомъ, чуждался авторитета и мало обнаруживалъ преданности представителямъ общественнаго управленія, грамотѣй церковной школы, наоборотъ, воспитываетъ въ себѣ чувство авторитета церковнаго и гражданскаго.

Гдѣ же это новая школа шестидесятыхъ-семидесятыхъ го-

довъ? Въ настоящее время, подъ вліяніемъ возрожденной школы церковной и подъ вліяніемъ новаго направленія въ жизни русскаго общества, она настолько измѣнилась, что едва ли остались въ ней ея прежнія черты. Обѣ школы, можно сказать, совершенно слились въ духѣ и направленіи своихъ задачъ, цѣлей и средствъ къ осуществленію этихъ цѣлей. Въ самомъ дѣлѣ, программа обученія по предмету Закона Божія, какъ центрального и основнаго предмета начальнаго обученія, расширена, число уроковъ увеличено, постановка обученія и самаго руководства измѣнились въ значительной степени къ лучшему; церковно-славянскій языкъ, которому самыя выдающіе педагогіи шестидесятыхъ годовъ раньше не придавали никакого значенія, нынѣ сдѣлался во всѣхъ школахъ однимъ изъ лучшихъ средствъ религіозно-нравственнаго воспитанія и назиданія. Церковное пѣніе, по самой программѣ 1872 г. бывшее предметомъ необязательнымъ, сдѣлалось на основаніи циркулярныхъ распоряженій многихъ попечителей учебныхъ округовъ, предметомъ первостепенной важности. Не много осталось въ методахъ и способахъ преподаванія другихъ предметовъ; учебники и книги для чтенія такъ же измѣнились со стороны своего содержанія и направленія.

Однимъ словомъ, не далеко то время, когда обѣ школы—церковная и гражданская,—между которыми пока еще живетъ скрытый и явный антагонизмъ, сольются въ одну общую народную государственную школу съ одинаковыми цѣлями и задачами, съ однимъ духомъ и направленіемъ. Пожелаемъ, чтобы такое единеніе, осуществляясь на курсахъ, поскорѣ вошло и въ самую жизнь.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Въ Харьковской Духовной Семинаріи въ настоящее время состоитъ вакантною должность репетитора-надзирателя съ жалованьемъ 350 руб. въ годъ при казенной квартирѣ и столѣ. Лица, имѣющія званіе студента Семинаріи и желающія занять это мѣсто, приглашаются подать о семъ прошенія на имя О. Ректора Семинаріи.

Епархіальныя извѣщенія.

Благочинный 2 округа Зміевского уѣзда священникъ Архангело-Михайловской церкви с. Шебелинки, Варсонофій *Антоновскій*, и Рождество-Богородичной церкви сл. Алексѣевки, того же уѣзда, священникъ Василій *Протопоповъ*, согласно прошенію, 3 сентября с. г. перемѣщены Его Высокопреосвященствомъ одинъ на мѣсто другаго.

— Священникъ села Новопавловки, Изюмскаго уѣзда, Петръ *Власовскій*, перемѣщенъ на священническое мѣсто къ церкви села Пятницкаго, Волчанскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, Николай *Мищенко*, опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви слоб. Богдановки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Сынъ діакона, Михаилъ *Труфановъ*, опредѣленъ и. д. псаломщика къ церкви сл. Старо-Салтова, Волчанскаго уѣзда.

— Въ 15 № «Листка для Харьковской епархіи» за настоящій годъ, на 4 строкъ сверху 401-й страницы относительно награжденія священника церкви с. Нисшей Верхосулки, Лебединскаго уѣзда, о. Павла Луценко, было напечатано: награжденъ набедренникомъ; слѣдуетъ читать: награжденъ *скуфьею*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Религіозность сиро-халдейцевъ.—Православный храмъ въ Гамбургѣ.—Кочевья киргизскія школы.—Предположенія Оренбургскаго миссіонерскаго комитета.—Заботы о религіозно-нравственномъ воспитаніи подрастающаго поколѣнія.—Реформа свѣтской средней школы.

Въ «Прав. Благ.» сообщаются слѣдующія свѣдѣнія о религіозности сиро-халдейцевъ.—Сиро-халдейскій церковный уставъ очень строгъ; такъ, по нему нельзя по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ заниматься работой, какъ бы ни былъ бѣденъ крестьянинъ. Въ области Тіаръ-Тхума, гдѣ народъ отличается религіозностью, праздники проводятся весьма благочестиво: „во псалмѣхъ, и пѣніихъ и пѣснѣхъ духовныхъ“—по апостолу. Путешественникъ не можетъ продолжать своего путешествія въ день воскресный или праздничный, а долженъ оставаться тамъ, гдѣ застигнетъ его праздникъ, по прошествіи котораго можетъ идти дальше,—исключеній не дѣлается даже въ томъ случаѣ, если до дому остается

небольшое разстояніе, напр. персть 7. Посты у сиро-халдейцевъ соблюдаются очень строго: въ постные дни не полагается у нихъ ѣсть мяса, и если кто изъ христіанъ позволить себѣ вкушать его въ постъ, то таковой лишается таинства св. причащенія. Въ посту сиро-халдейцы въ лѣтнее время ѣдятъ зелень, а зимою бобы и другія овощи, запасенныя на зиму. На сколько строго соблюдается у сиро-халдейцевъ постъ, можно видѣть изъ того, что даже больные и слабые ни въ коемъ случаѣ не стануть въ постъ ѣсть мяса: „лучше умереть, говорятъ, нежели ѣсть скоромное“. Одинъ человекъ былъ тяжело боленъ; докторъ приказалъ ему употреблять мясную пищу, но больной отвѣтилъ ему: „какъ же Даніилъ, Аванія, Азарія и Мисаилъ не ѣли мясного царскаго кушанья, а питались только овощами и были сильны и здоровы“ (Дан. VII. 10, 15). Въ мясоѣдъ сиро-халдейцы употребляютъ въ пищу мясо и большею частью овечье. Вообще, сирохалдеи народъ религіозный, но къ сожалѣнію необразованный; нѣтъ у нихъ ни своей и пографіи, гдѣ бы можно было печатать различныя вѣсти для просвѣщенія сирохалдеевъ, нѣтъ также хорошо устроенныхъ школъ, гдѣ бы обучалось юношество уставу церковному и разнымъ наукамъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на 1000 безграмотныхъ встрѣчалось 1—2 грамотныхъ; теперь образованіе, благодаря Бога, поднялось выше, такъ что на 100 безграмотныхъ приходится 1—2 грамотныхъ. Сиро-халдейцы очень любятъ слушать проповѣди, которыя провозносятся на обѣднѣ обыкновенно сразу по прочтеніи Евангелія и служатъ раскрытіемъ и объясненіемъ смысла чтеннаго Евангелія, такъ какъ присутствующіе за богослуженіемъ не понимаютъ древне-сирійскаго языка.

— По сообщенію «Пр. Вѣст.», въ Гамбургѣ, германскомъ курортѣ близъ Франкфурта-на-Майнѣ, въ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы освящена православная церковь. Церковь здѣсь выстроена по почину и, главнымъ образомъ, на пожертвованія дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Проворова; закладка ея совершена три года тому назадъ въ Высочайшемъ присутствіи. Новая церковь—маленькая, но красивая—съ одной золоченой главой имѣетъ высоту до 7 сажень; стѣны изъ песчанаго камня, красиво облицованы мѣстами краснымъ кирпичемъ и майоликой съ богатымъ фризомъ. Внутри—иконостасъ рѣзнаго дуба сдѣланъ по рисунку русскаго архитектора Л. Бенуа. Вся церковь строилась по его-же проекту и рисункамъ; образа въ древнемъ стилѣ писаны художникомъ Ро-

зановымъ. Видѣшній стиль церкви—древнихъ ярославскихъ храмовъ и очень походитъ на сооружаемую церковь того же архитектора въ Дармштадтѣ, освященіе которой предстоить въ сентябрѣ.

— Въ «Русск. Туркест.» В. Д. Масловъ рассказываетъ о посѣщеніи имъ Кочкарятинской кочевой школы для Киргизъ. Рассказъ нагляднымъ образомъ показываетъ то значеніе, какое могутъ имѣть такія школы для обрусенія внородцевъ. Немного времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ начаты (30 іюля) учебныя занятія въ кочевой школѣ, а киргизята научились уже читать, писать, считать и отвѣчать по-русски, хотя конечно, съ большими и значительными неправильностями. Семеро изъ учениковъ читаютъ и пишутъ настолько сносно, что В. Д. Масловъ, посѣтивъ ее 9 августа, нашелъ успѣхи школы „невѣроятными“. Мѣстный учитель полагаетъ, что если бы срокъ для обученія былъ длиннѣе, а главное, будь это дѣло, по обыкновенію, не лѣтомъ, а осенью, то учащійся, несомнѣнно, было бы такъ много (имѣя въ виду только Кочкарятинскую волость), что не хватило бы одного учителя. Однимъ изъ недостатковъ школы является пока отсутствіе въ школахъ русскихъ дѣтей. Дѣло въ томъ, что киргизята не упражняются между собой въ русской рѣчи, исключая урочнаго времени, и всевозможныя убѣжденія и приказы въ данномъ случаѣ на нихъ не дѣйствуютъ. Надо вообще сказать, что общество русскихъ дѣтей, кромѣ вѣрнаго сродненія киргизятъ съ русскимъ духомъ, обогащало бы киргизятъ словами и оборотами русской рѣчи, а дѣтскія игры и взаимное общеніе дѣтей сдѣлало бы ихъ, при разумномъ руководствѣ, хорошими друзьями. А въ этомъ вѣдь заключается одна изъ цѣлей русско-туземной школы и главное (если не самое вѣрное) средство для обрусѣнія туземнаго населенія. Въ общемъ, по мнѣнію г. Маслова, вниманіе Киргизъ къ школьному дѣлу заслуживаетъ всякой похвалы. Къ чести Киргизъ надо сказать, что они несравненно сердечнѣе и дружественнѣе относятся къ русской школѣ, чѣмъ русскіе мужики. Мужики гостепріимны, но не любятъ школьныхъ повинностей и никогда не исполняютъ ихъ безъ пререканій съ учителемъ. А Киргизъ, въ противоположность крестьянину, постоянно справляется: доволенъ ли учитель и не терпитъ ли какихъ недостатковъ? Насколько кочевая школа интересуетъ киргизовъ, можно заключить изъ того, что каждый день, во время уроковъ, школу-юрту посѣщаютъ не меньше десяти чловѣкъ, которые, чинно возсѣдая на корточкахъ, шепотомъ повто-

рять заучиваемыя учениками слова и фразы и, судя по отвѣтамъ учениковъ, выражаютъ одобреніе или порицаніе.

— Оренбургскій епархіальный комитетъ миссіонерскаго общества въ своемъ отчетѣ выясняетъ необходимость усилить миссіонерскую дѣятельность среди инородцевъ епархіи. Въ уральской области, входящей въ составъ оренбургской епархіи, желательное учрежденіе миссіонерскаго стана съ церковью-школою и интернатомъ при ней для дѣтей русскихъ поселенцевъ области и инородцевъ киргизовъ и калмыковъ. Киргизы весьма предрасположены къ принятію всего русскаго православнаго и представляютъ благоприятныя условія къ миссіонерской среди нихъ дѣятельности. Татары это видятъ и не упускаютъ возможности привлечь киргизовъ въ исламъ путемъ тайнымъ и явнымъ. Съ цѣлью именно пропаганды ислама въ г. Калмыковѣ, гдѣ татарскаго населенія всего лишь 16 душъ м. и 14 ж. пола, на средства одного уральскаго купца—татарина, построена великолѣпная мечеть, въ которой молчащимся являются не татары, а киргизы. Кромѣ миссіонерскаго стана, необходимо поставить священниковъ съ миссіонерскою подготовкой въ особенно удобные для противомусульманской миссіи приходы, назначивъ священникамъ за ихъ миссіонерскіе труды вознагражденіе, сверхъ приходскихъ доходовъ. Въ Оренбургѣ, какъ центрѣ края, заселеннаго массою инородцевъ тюркскаго племени, ощущается недостатокъ въ учрежденіи, въ которомъ приготовлялись бы изъ мѣстныхъ жителей, по преимуществу изъ крещенныхъ инородцевъ, учителя для школъ грамоты среди русскихъ поселенцевъ въ киргизскихъ степяхъ тургайской и уральской области. Псаломщики въ инородческіе христіанскіе приходы (ногайбакскіе, чувашскіе) и проповѣдники-миссіонеры. Для этой цѣли было бы полезно открыть въ Оренбургѣ школу, по типу казанской центральной крещено-татарской, конечно съ интернатомъ. Учениками въ школу будутъ поступать дѣти новокрещенныхъ киргизъ, татаръ, башкиръ, а также и русскихъ поселенцевъ въ степи, владѣющихъ инородческимъ языкомъ. Наконецъ для ближайшаго наблюденія и ходомъ миссіонерскаго дѣла въ епархіи и веденія бесѣдъ съ мусульманами полезно было бы учредить въ Оренбургѣ особую должность противомусульманскаго миссіонера, съ отнесеніемъ содержанія его на средства миссіонерскаго общества или Св. Синода. Противъ дѣлесообразности предположеній относительно открытія новыхъ миссіонерскихъ учреждений едва ли могутъ встрѣтиться возраженія; что же касается средствъ на ихъ содержаніе, то объ

изысканіи ихъ можетъ позаботиться не только церковная, но и гражданская власть, въ виду большого значенія проектируемыхъ учреждений не только въ церковномъ, но и въ государственномъ отношеніи.

— Въ той мысли, что, при нынѣшнихъ условіяхъ церковно-приходской жизни, надежнѣйшимъ средствомъ внѣдрить знаніе вѣры въ души прихожанъ можетъ служить обученіе и воспитаніе всего подросткающаго поколѣнія въ строго церковномъ направленіи, преосвященный ставропольскій обратился въ прошломъ августѣ къ священникамъ ставропольской епархіи съ особымъ посланіемъ по этому предмету. Указавъ на то, что нынѣ, вслѣдствіе увеличенія числа душъ въ приходахъ, священникъ едва успѣваетъ въ праздничный день совершить положенныя по уставу церковныя службы и удовлетворить прихожанъ требо-исправленіями, вслѣдствіе же тѣсноты храмовъ, не вмѣщающихъ всѣхъ желающихъ присутствовать при богослуженіи, не можетъ выполнить своего долга учительства, преосвященный находитъ, что вывести современнаго пастыря изъ этого его труднаго положенія можетъ школа. „Въ настоящее время почти всѣ дѣти стучатся въ двери школы и добрый пастырь долженъ широко отворить эти двери съ тѣмъ, чтобы постепенно, поколѣніе за поколѣніемъ, воспитывать приходъ свой въ духѣ православной церкви. За двухлѣтнюю и трехлѣтнюю учебу онъ узнаетъ cadaго ученика, какъ родное свое дитя, cadaго напичаетъ соотвѣтственною духовною пищею, cadaго сроднитъ съ собою такъ, какъ не будетъ имѣть возможности сдѣлать потомъ. Конечно, для этого недостаточно быть только официалнымъ завѣдующимъ или законоучителемъ, какъ это, къ прискорбію, бываетъ съ нѣкоторыми; необходимо съ любовію удѣлять весь свой досугъ школѣ, отдать ей свое сердце и, въ особенности, самолично наставлять дѣтей въ правилахъ вѣры. Трудна эта миссія, честныя іерей; но зато сколь она будетъ плодотворна по своимъ послѣдствіямъ! Не говоря уже о дѣтяхъ, и взрослое населеніе чрезъ послѣднихъ значительно очистится въ духовно-правственномъ отношеніи, а также проникнется уваженіемъ къ своему учительному пастырю. Если же при этомъ пастыри обратятъ сугубое вниманіе на обученіе дѣвочекъ, будущихъ матерей семействъ, то тогда еще скорѣе будетъ достигаться цѣль. Раскройте же широко двери школьныя для всѣхъ дѣтей школьнаго возраста, въ особенности для дѣвочекъ, изъ коихъ въ настоящее время ⁹/ю стоятъ еще за порогомъ школы“.

«Церк. Вѣст.»

— За послѣдніе дни вся русская періодическая печать обратила вниманіе на циркуляръ министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ относительно предполагаемаго зимою текущаго года созыва въ Петербургъ особой комиссіи съ цѣлью всесторонняго выясненія и устраненія существующихъ недостатковъ средней школы. Главнѣйшіе недостатки, перечисленные въ циркулярѣ, таковы: отчужденность отъ семьи и бюрократическій характеръ средней школы, вносящей сухой формализмъ и мертвенность въ живое педагогическое дѣло и ставящей въ ложныя взаимныя отношенія преподавателей и учениковъ; невниманіе къ личнымъ особенностямъ учащихся и пренебреженіе воспитаніемъ нравственнымъ и физическимъ; нежелательная спеціализація школы съ самыхъ младшихъ классовъ, обрекающая дѣтей на извѣстный родъ занятій, прежде чѣмъ выяснились ихъ природныя способности и склонности; чрезмѣрность ежедневной умственной работы, возлагаемой на учениковъ, особенно въ высшихъ классахъ несогласованность программъ между собою и съ учебнымъ временемъ и значительное наполненіе ихъ требованіями второстепенными или даже излишними; недостаточное преподаваніе русскаго языка, русскаго исторіи и русскаго литературы и слабое ознакомленіе съ окружающею природою, что, взятое вмѣстѣ, лишаетъ школу жизненнаго и національнаго характера; излишнее преобладаніе древнихъ языковъ и неправильная постановка ихъ преподаванія, благодаря которой не достигается цѣль классическаго образованія, несмотря на отводимое этимъ языкамъ значительное количество часовъ; недостаточная умственная зрѣлость оканчивающихъ курсъ гимназій, что препятствуетъ успѣшному ходу ихъ университетскихъ занятій; неудовлетворительная подготовка прошедшихъ курсъ реальныхъ училищъ для обученія въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ и вообще слабая постановка преподаванія предметовъ въ этихъ училищахъ. Частнѣйшее разсмотрѣніе какъ перечисленныхъ, такъ и другихъ, слабыхъ сторонъ средней школы и будетъ служить, по словамъ «Цер. Вѣств.», предметомъ занятій наиболѣе опытныхъ, образованныхъ и даровитыхъ руководителей и преподавателей средней школы, которымъ предстоитъ собраться въ Петербургъ по 2—4 лица отъ каждаго округа. Циркуляръ министра намѣчаетъ и самый характеръ занятій комиссіи, рассчитанный на то, чтобы ея работы отличались детальною и практическою приложимостію.

ЛИСТОКЪ

ДЛ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Октября № 19. 1899 года.

Содержаніе. Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.—Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897/8 учебный годъ.—Журналы Сѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа за 1899 годъ.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ.

На основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 7—29 ноября 1884 года за № 2435, Училищный при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣтъ, журнальнымъ опредѣленіемъ отъ 13 мая 1899 года за № 351, постановилъ: удостоить награжденія книгою „*Библия*“, отъ Святѣйшаго Синода выдаваемою, за особые труды, усердіе и ревность въ дѣлѣ благоустройства мѣстныхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты, нижеслѣдующихъ лицъ: члена Валковскаго уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта, священника Андрея *Пономарева*, членовъ Волчанскаго уѣзднаго отдѣленія того-же совѣта: губернскаго секретаря Василя *Колокольцева* и земскаго начальника IV участка Волчанскаго уѣзда, отставнаго штабсъ-капитана Василя *Ляшенко*, членовъ Харьковскаго уѣзднаго отдѣленія того же совѣта: протоіерея Василя *Попова* и надворнаго совѣтника Владимира *Марченко*, завѣдывающихъ и законоучителей церковныхъ школъ: Караванской, Валковскаго уѣзда, священника Іоанна *Ястремскаго*,—Заводянской, того-же уѣзда, священника Александра *Чернявскаго*,—Волчанско-Хуторской, того-же уѣзда, священника Алексія *Давидовскаго*,—Велико-Бурлудкой, того-же уѣзда, священника Василя *Самойлова*,—Знаменской, Изюмскаго уѣзда, священника Іоанна *Титова*,—Свистуновской, Купянскаго уѣзда, священника Іакова *Макаровскаго*,—Лавиновской, Старобѣльскаго уѣзда, священника Харлампія *Твердохлѣбова*,—Половинкинской, того-же уѣзда, священника Іакова *Березовскаго*,—

Юнаковской, Сумскаго уѣзда, протоіерея Василя *Петровскаго*,—Рогозинянской, того-же уѣзда, священника Михаила *Добрежскаго*,—Александро-Невской въ г. Харьковѣ двухклассной, священника Николая *Сокольскаго*, и Роганской, Харьковскаго уѣзда, священника Іоанна *Ракшевскаго*, старшихъ учителей второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ: Больше-Писаревской, Богодуховскаго уѣзда, Якова *Чебанова*,—Славинской, Изюмскаго уѣзда, Григорія *Навродскаго* и Ворожбянской, Лебединскаго уѣзда, Матвѣя *Карташева*; учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ: Бѣлолуцкой, Старобѣльскаго уѣзда, Θεоктиста *Попова*, и Сумской, при Николаевской церкви, діакона, Гаврііла *Полмишкаго*; попечителей церковно-приходскихъ школъ: Волчанской, при Мѣроносицкой церкви, 2-й гильдіи купца Ивана *Прошкина*,—Верхне-Сыроватовской, Сумскаго уѣзда, дворянина Константина *Алферова*,—Александро-Невской въ г. Харьковѣ двухклассной, 1-й гильдіи купца Θεодора *Емуровскаго* и Пань-Ивановской, Харьковскаго уѣзда, 2-й гильдіи купца Александра *Кримера*, попечительницъ церковно-приходскихъ школъ: Знаменской, Изюмскаго уѣзда, герцогини Наталію *Сассо-Руффо*,—Ольхово-Рогской, того-же уѣзда, вдову коллежскаго секретаря Анну *Иванову* и Комаровской, Харьковскаго уѣзда, жену 1-й гильдіи купца Ксенію *Соколову* и благодѣлителей церковныхъ школъ, Виртембергскаго подданнаго Максимилиана *Гельферихъ-Саде*.

Отчетъ Епархіального Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 189⁷/₈ учебный годъ.

(Продолженіе *).

Въ церковныхъ школахъ Старобѣльскаго уѣзда ставилось дѣлію достигнуть въ изученіи церковно-славянскаго языка такой степени бѣглости и внятности чтенія, чтобы каждый ученикъ церковной школы могъ читать въ церкви при Богослуженіи. Въ церковныхъ школахъ Сумскаго уѣзда во всѣхъ церквахъ, при которыхъ существуютъ церковныя школы, шестопсалміе, каѣнзмы и другія церковно-богослужебныя чтенія исполняли ученики этихъ школъ. Какъ на недостатокъ, чаще другихъ встрѣчающійся въ церковныхъ шко-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», за 1899 г. № 14.

лахъ по славянскому языку, можно указать на незнаніе надстрочныхъ знаковъ.

Русскій языкъ. Въ основѣ обученія русскому языку въ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ преслѣдовалась та цѣль, чтобы а) научить дѣтей правильно, бѣгло и толково читать, б) писать безъ звуковыхъ и грубыхъ этимологическихъ ошибокъ, в) передавать содержаніе прочитаннаго. Судя на основаніи личныхъ наблюденій уѣздныхъ и епархіальнаго наблюдателей и результатовъ экзаменаціонныхъ испытаній, поставленная цѣль была достигнута въ достаточной степени. Средствами для наученія русскому языку въ такой степени были: ежедневное классное и внѣклассное чтеніе, объясненіе непонятныхъ словъ, разборъ прочитаннаго по отдѣльнымъ предложеніямъ, пересказъ прочитанныхъ статей, заучиваніе наизусть образцовъ въ стихотворной и прозаической формѣ и разнаго рода письменныя упражненія: списываніе съ книги, звуковая диктовка, диктовка съ предвареніемъ ошибокъ, пробѣрочная диктовка, писаніе выученнаго наизусть, и самостоятельныя письменныя упражненія въ формѣ пересказовъ своими словами прочитаннаго и легкихъ описаній. При изученіи русской грамоты во всѣхъ школахъ употреблялся современный и для всѣхъ понятный звуковой методъ, хотя и нельзя сказать, чтобы этотъ способъ преподаванія всѣми примѣнялся правильно, последовательно, рационально. Существеннымъ недостаткомъ въ этомъ отношеніи было недостаточное вниманіе къ первоначальнымъ звуковымъ упражненіямъ и слишкомъ быстрый и непослѣдовательный переходъ отъ изученія буквъ къ чтенію статей, что отражалось какъ на чтеніи съ постоянными перерывами отдѣльныхъ словъ, такъ и на письмѣ съ звуковыми и грубыми этимологическими ошибками. Въ тѣхъ же школахъ, гдѣ было обращено должное вниманіе на изученіе букваря, чтеніе было бѣглое, внятное и выразительное. Сознательности чтенія особенно способствовали упражненія въ грамматическомъ разборѣ предложеній по вопросамъ; въ этомъ случаѣ учителя не усиливались изучать опредѣленій частей рѣчи и частей предложенія, а заботились о томъ, чтобы на предлагаемые ученикамъ вопросы получались отвѣты въ различной формѣ и чтобы эти отвѣты заставляли учениковъ думать и уразумѣвать соотношеніе между частями предложенія. Всякая прочитанная статья, кромѣ ея разбора и объясненія непонятныхъ словъ и отдѣльныхъ выраженій, подвергалась передачѣ ея содержанія. Письменныя упражненія направлялись къ тому,

чтобы научить дѣтей: а) писать согласно съ требованіями орфографіи, б) писать правильно, безъ звуковыхъ ошибокъ и в) во возможности излагать свои мысли на бумагѣ. Эта послѣдняя цѣль, долженствующая составлять конечную цѣль обученія письму, практикуется только въ 34 одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ и по краткости учебнаго курса не можетъ быть поставлена здѣсь основательно. Что касается перваго требованія, то ему исполнѣ удовлетворяютъ письменныя экзаменаціонныя работы; во многихъ школахъ въ этомъ отношеніи достигнуты результаты отлично хорошія.

Въ тѣсной связи съ обученіемъ письму стоитъ обученіе *чистописанію*. При обученіи чистописанію преслѣдовалась та цѣль, чтобы усовершенствовать механизмъ письма и приучить дѣтей писать красиво, четко и скоро. Этой цѣли въ разныхъ школахъ достигали различными способами: въ однихъ школахъ эта цѣль достигалась обыкновенно путемъ копированія и подражанія готовымъ образцамъ письма, предлагаемымъ дѣтямъ или въ видѣ прописей или же даваемымъ самимъ учителемъ. Чаще всего эти образцы предлагались учителемъ въ тетрадяхъ самихъ учениковъ или же на доскѣ. При этомъ не соблюдалась строгая постепенность въ переходѣ отъ одной буквы въ другой, а изучали ихъ послѣдовательно въ алфавитномъ порядкѣ. Въ другихъ же школахъ чистописаніе было поставлено на болѣе раціональныхъ началахъ. Обученіе письму начиналось упражненіями на грифельныхъ доскахъ въ начертаніяхъ прямыхъ, кривыхъ и ломанныхъ линій, горизонтальныхъ и вертикальныхъ, концентрическихъ круговъ и т. п., во время письма преслѣдовалось развитіе кисти руки и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе приучить дѣтей обращаться съ письменными принадлежностями. Послѣ этихъ упражненій учитель переходилъ къ систематическимъ упражненіямъ въ письмѣ буквъ и соединеніе ихъ въ слова. Въ самомъ изученіи буквъ наблюдалась строгая послѣдовательность: первоначально писались элементы буквъ, затѣмъ буквы въ порядкѣ ихъ трудности и генетической послѣдовательности такъ, что каждая предыдущая буква являлась элементомъ для слѣдующей. Отъ упражненія начертанія буквъ строчныхъ переходили къ начертанію буквъ прописныхъ и т. д. Для упражненія въ чистописаніи употреблялась особая графическая сѣтка подъ угломъ въ 50°, причеиъ въ размѣрѣ и формѣ этой сѣтки также соблюдалась строгая послѣдовательность: письмо крупное, письмо средней величины, письмо средней вели-

чны безъ наклонныхъ линій и, наконецъ, скоропись. Во многихъ школахъ учителя на урокахъ чистописанія употребляли тавтъ. Судя по письменнымъ работамъ, успѣхи чистописанія въ церковныхъ школахъ вполнѣ удовлетворительны, во многихъ же—отлично хорошіе. Письмо полууставомъ практиковалось не во многихъ школахъ разныхъ уѣздовъ, но выдающійся успѣхъ обученія полууставному письму принадлежитъ школамъ Сумскаго уѣзда.

Счисленіе. Въ постановкѣ преподаванія ариметическаго счисленія въ церковныхъ школахъ епархіи наблюдается наибольшее однообразіе сравнительно со всѣми другими предметами. Придерживаясь учебной программы, учителя начинали свои занятія по данному предмету устными и затѣмъ письменными упражненіями въ предѣлахъ перваго десятка. Далѣе переходили къ счету круглыми десятками и непрерывному счету до ста, устнымъ и письменнымъ упражненіямъ въ производствѣ четырехъ дѣйствій въ предѣлахъ этого числа и упражненіямъ въ рѣшеніи задачъ. Ознакомленіемъ съ таблицами сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія, усвоеніемъ таблицы умноженія на память и ознакомленіемъ съ обще-принятыми названіями чиселъ каждаго изъ четырехъ дѣйствій полагалось основаніе для письменныхъ упражненій въ четырехъ ариметическихъ дѣйствіяхъ надъ числами отвлеченными и именованными и рѣшенія ариметическихъ задачъ; въ преподаваніи этого предмета можно указать на недостаточное упражненіе въ умственныхъ вычисленіяхъ, между тѣмъ самая цѣль въ изученіи счисленія имѣетъ чисто практическій характеръ, чтобы дѣти по выходѣ изъ школы, не прибѣгая къ перу и карандашу, могли безъ затрудненія рѣшать всякую предъявляемую жизнью задачу. Можно указать еще на отсутствіе во многихъ школахъ торговыхъ, а иногда и классныхъ счетовъ. Вообще въ отчетномъ году успѣхи обученія счисленію были вполнѣ удовлетворительны. Изъ экзаменаціонныхъ отчетовъ видно, что дѣти легко и быстро рѣшали задачи въ предѣлахъ любой величины съ числами отвлеченными и именованными.

Церковное тѣніе не во всѣхъ уѣздахъ и не во всѣхъ школахъ этихъ уѣздовъ находится на должной высотѣ, оно нуждается и въ болѣе правильной, и въ болѣе широкой постановкѣ преподаванія. Въ чемъ же заключается причина этого явленія, если всѣми оо. завѣдывающими сознается и важность этого предмета по тѣсной связи его съ церковными богослуженіями и благотворная сила его,

религіозно-нравственнаго вліянія на учащихся, если родители учащихся съ любовію относятся къ школамъ, гдѣ ихъ дѣти участвуютъ въ церковномъ пѣніи и если, наконецъ, Совѣтъ и церковно-школьная инспекція съ готовностію идутъ на встрѣчу заботамъ и желанію народа о развитіи и усовершенствованіи этого важнѣйшаго предмета? Прямая причина этого заключается въ недостаткѣ опытныхъ и правоспособныхъ учителей, незнакомыхъ не только съ теоріей пѣнія, но даже съ обиходнымъ пѣніемъ. Нерѣдки случаи, когда попечители школъ, желая пригласить учителя—регента, опредѣляютъ особое за это вознагражденіе и, не смотря на это, желающій не находится. Съ другой стороны нельзя не замѣтить и того, что съ каждымъ годомъ преподаваніе церковнаго пѣнія принимаетъ болѣе широкіе размѣры: педагогическіе курсы прошлаго и предпрошлаго года дали свыше 100 болѣе или менѣе подготовленныхъ учителей церковнаго пѣнія, низшіе члены причта, псаломщики, мало-по-малу привлекаются къ обязательному для нихъ преподаванію этого предмета, средства школъ также растутъ и трудъ учителей, занимающихся церковнымъ пѣніемъ, поощряется. Хотя церковное пѣніе въ значительной части школъ епархіи не имѣетъ правильной систематической подготовки съ изученіемъ квадратныхъ нотъ, начертаніемъ и названіемъ ихъ въ цефалтномъ ключѣ и пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній по нотамъ, тѣмъ не менѣе пѣніе съ голоса или по наслышкѣ простѣйшихъ церковныхъ пѣснопѣній Божественной литургіи и всенощнаго бдѣнія, за единичными исключеніями, существовало въ отчетномъ году во всѣхъ церковныхъ школахъ. Въ остальныхъ же школахъ поютъ и по Обиходу простѣйшія пѣснопѣнія всенощнаго бдѣнія, какъ то: Благослови душе моя Господа, Блаженъ мужъ, Свѣте тихій, Хвалите имя Господне, Воскресеніе Христово видѣвше, Великое славословіе, Днесъ Спасенія, Взбранной Воеводѣ, Стихиры на „Господи воззвахъ“, тропари воскресные всѣхъ гласовъ; ирмосы пасхальные, прокиminy литургіи воскресные, тропари дванадесятихъ праздниковъ и др. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что во многихъ школахъ при обученіи дѣтей пѣнію чаще всего знакомятъ дѣтей съ итальянской нотой и меньше обращаютъ вниманія на изученіе ноты квадратной. Особенное вниманіе учащихся на постановку церковнаго пѣнія было обращено въ школахъ Сумскаго уѣзда: учащіеся многихъ школъ этого уѣзда въ храмѣ во время литургіи въ полномъ составѣ, всю школой, пѣли избранныя пѣснопѣнія, какъ то: „Привидите поклонимся, Святый Боже, Вѣрую, Отче нашъ и Достойно.

Въ нѣкоторыхъ школахъ Харьковскаго, Изюмскаго и Сумскаго уѣздовъ и въ школахъ Зміевскаго уѣзда: Гинеевской, Скрипаевской, Отрадской и Чугуевской Скорбященской существуютъ особыя учителя—регенты. Въ большинствѣ школъ Старобѣльскаго и Купинскаго уѣздовъ нѣнью обучаютъ псаломщики. Въ школахъ Зміевскаго уѣзда: Алексѣевской, Свято-Троицкой, Андреевской двухклассной, Асѣевской, Богодаровской, Бригадировской, Борщевской, Гинеевской, Зміевской соборной, Кочетовской, Лозовеньковской, Малиновской, Скрыпаевской и Чугуевской Покровской и въ школахъ грамоты: Бунаковской, Борчанской, Введенской, Зміевской Успенской, Кисельской, Мѣловской, Мохначанской, Отрадской и Чугуевской Скорбященской—церковныя пѣснопѣнія разучивались подъ скрипку.

Въ отчетномъ году учащіяся въ церковныхъ школахъ принимали участіе въ церковномъ пѣвнн на клиросѣ вмѣстѣ съ псаломщиками; правильно же организованные хоры существовали при 407 церковно приходскихъ школахъ и школахъ грамоты. Общее число учащихся принимавшихъ участіе въ хорахъ, было 3654 человека. Хоры существовали въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ при церковно-приходскихъ школахъ: 1) въ г. Ахтырѣ при соборѣ, при Николаевской церкви, при Петро-Павловской церкви, при Архангело-Михайловской, при Георгіевской; *Ахтырскаго уѣзда*: въ г. Славгородѣ, въ Базировѣ, Киріиковѣ, Мезеновѣ, Боромлѣ при Рождество-Богородичной ц., въ Котельвѣ при Троицкой ц., въ Пушкирномъ. *Богодуховскаго уѣзда*: въ г. Богодуховѣ при Троицкой ц., въ г. Богодуховѣ при Покровской ц. въ г. Богодуховѣ при Успенской ц.; въ селеніяхъ: Янномъ, въ Большой Писаревѣ: при Покровской ц., при Успенской ц., при Николаевской ц., въ г. Красномъ Кутѣ при церквяхъ: Успенской, Архангело-Михайловской, Николаевской, въ с. Ивавахъ, Гниловѣ, Тарасовѣ, Новой Рябинѣ, Сѣнномъ при Троицкой ц., Лозовомъ, Малыжиномъ, Станичномъ, Колонтаевѣ при Николаевской ц., Любовѣ, Константиновѣ, Каплуновѣ, Козѣвѣ, Матѣевѣ, Братенцѣ, Лютовѣ, Полковой Никитовѣ; *Валковскаго уѣзда*: въ г. Валкахъ при соборѣ, при Успенской ц., въ Высокопольѣ, въ Коломакѣ: при Воскресенской ц., при Николаевской ц., Успенской ц., въ Михайловѣ, Новоселовѣ, Одринѣ, Сидоренковомъ, Снѣжковомъ Кутѣ, Старой Водолагѣ, Алексѣевѣ, Доросеевѣ, Кантакузовѣ, Новой Водолагѣ: при Николаевской ц., Левендаловѣ, Ковягахъ, Станичномъ, Перекопѣ, Княжномъ, въ сл. Покровѣ; *Волчанскаго уѣзда*: въ с.

Артемовѣ, Базалѣвѣ, Варваровѣ, Великомъ Бурлукѣ, въ г. Волчанскѣ при соборѣ, Волчанскихъ хуторахъ, Николаевѣ, Заводахъ, Мартовой, Нижнемъ Бурлукѣ, Нижней Писаревѣ, въ 1-ой Николаевѣ, Печенѣгахъ: при Петро-Павловской, Преображенской, Рубежномъ, Старомъ Салтовѣ, Хатнемъ, Хотомлѣ: при Николаевской ц., при Покровской ц., Юрченковомъ, Графскомъ селѣ, Ивановѣ; *Зміевоу уѣзда*: въ с. Кочеткѣ, въ с. Боровомъ, Алексѣевѣ при Троицкой ц., въ с. Введенскомъ, въ г. Чугуевѣ при Покровской ц., при Николаевской, въ с. Соколовѣ при Архангело-Михайловской, Мосьпановой, въ г. Зміевѣ при соборѣ, въ г. Зміевѣ при Успенской ц., въ с. Мохначахъ, Лебяжемъ, Ново-Покровскомъ, въ Отрадѣ, въ с. Шебелинкѣ, Богодаровѣ, въ с. Андреевѣ при двухъ церквахъ, въ Скрипаяхъ, Гниѣвѣ, Яковенковомъ, Асѣевѣ, Закутнемъ, Волчьемъ Яру, въ с. Бригадаровѣ, въ с. Бережѣ при двухъ церквахъ, въ с. Гуляй-Полѣ, въ с. Гомольшѣ, въ Граковомъ, въ с. Масловѣ, въ с. Замостѣ, въ с. Зарожномъ, въ с. Каменной Яругѣ, въ с. Лнинѣ, въ с. Лагеряхъ, въ с. Тетлегѣ, въ Лиманѣ, въ с. Малиновой, въ с. Нижней Орели, въ с. Плесовой, въ с. Терновой, въ с. Шелудковѣ, въ с. Булацеловѣ, въ с. Боркахъ, въ с. Глазуновѣ, въ с. Гіевѣ, въ с. Балаклѣ при двухъ церквахъ, въ д. Коробочѣ, въ с. Лозовенькѣ, въ с. Киселихъ, въ с. Мѣловой.

Изюмскаго уѣзда: въ г. Изюмѣ при Кресто-Воздвиженской ц. при соборѣ, въ слободѣ Великой Камышевахъ; при двухъ церквахъ, въ г. Славянскѣ при Воскресенской, при Троицкой и при Всѣхсвятской, въ с. Спѣваковѣ, въ с. Николаевѣ, въ с. Бѣлянскомъ, въ с. Знаменскомъ, въ с. Лозоватомъ, въ с. Райскомъ, въ с. Золотомъ Колодезѣ, въ с. Мечебиловой, въ с. Шандриголовой, въ с. Поповѣ, Малой Камышевахъ, Ванномъ, Барвенковомъ при двухъ церквахъ, Былбасовѣ, Грушевахъ, Богодаровой, Дмитровѣ, Дробышевой, Куньемъ, Лиманѣ, Михайловѣ, Ново-Александровѣ, Привольѣ, Дубцовой, Райгородкѣ, Сергѣевѣ, Цареборисовой, Чистоводскѣ, Богославскомъ, Волобуевѣ, Заводахъ, Ивановѣ, Княжномъ, Лиманѣ, Капитольскомъ, Шабельковѣ, Шуровѣ, Пескахъ, въ с. Савиццахъ при Вознесенской ц.

Купянскаго уѣзда: въ с. Новой-Ольшанѣ, с. Ново-Млинскѣ, с. Петро-Павловѣ, въ с. Покровѣ, въ с. Владиміровѣ, въ с. Коломійчпхъ, въ с. Кругляковѣ, въ с. Сватовой Лучѣ при Успенской ц., въ с. Волоской Балаклеѣ, въ с. Каменѣ, въ с. Кузюмовѣ, въ с. Отрадномъ, въ с. Сеньковѣ, въ с. Торской, въ с. Тернахъ, въ с. Ново-Глуховѣ при Троицкой, Юрьевѣ, Нижней

Дуванкѣ, въ Пристѣнѣ; *Лебединскаго уѣзда*: Алешнѣ при Преображенской ц., Бобрнкѣ, Боровенькѣ, въ Буймерѣ, Великомъ Исторопѣ, въ Ворожбѣ, въ Лебеднѣ при соборѣ, Мартыновкѣ, Межиричѣ; при Преображенской ц., Михайловкѣ, Ольшанѣ при двухъ церквахъ, Пристайловѣ, Рябушкахъ, Сергѣевкѣ, Тернахъ при двухъ церквахъ, Толстомъ, Бudyлкѣ, Деркачевкѣ, Червеномъ; *Старобѣльскаго уѣзда*: Алексѣевской 2-го округа, Алексѣевской 5-го округа, Баранковской, Бѣлоурагинской при Тихоновской церкви, Богодаровой, Богородичной, Булавиновской, Боровской, Бондаровской, Бѣлолуцкой при Покровской церкви Бѣлолуцкой при Троицкой церкви, Бѣловодской при Троицкой церкви, Бѣловодской при Николаевской церкви, Безгиновой, Боровской, Воеводской, Великотской, Верхне-Покровской, Голубовской, Городищанской, Гречищанской, Донцовской, Евсугской, Елифановской, Закотянской, Зориковской, Колядовской, Климовской, Калмыковской, Каменской, Кононовской, Лиманской, Литвиновской, Лапиновской, Марковской при Преображенской ц., Марковской при Троицкой ц., Марковской при Успенской ц., Михайликовской, Мостовской, Нищеретовской, Ново-Бѣлянскій при Мурносыяцкой ц., Ново-Исковской, Ново-Росошанской, при Рождество-Богородичной ц., Никольской, Ново-Айдарской при Николаевской ц., Ново-Астраханской при Покровской ц., Ново-Ахтырской, Осиновской при Успенской ц., Осиновской при Вознесенской ц., Подгоровской, Половинковской, Песчанской, Петро-Павловской при Петро-Павловской ц., Петро-Павловской при Успенской ц., Рудовской, Старобѣльской при соборѣ, Старобѣльской при Николаевской ц., Сычевской, Свято-Дмитріевской, Старо-Айдарской, Татаровской, Танюшевской, Тимоновской, Трехизбянской, Шпотинской, Шулгинской при Троицкой ц., Чебановской, Черниговской, Шторовской, Александровской коннозаводской, Бѣлявской, Гладковской, Демьяновской, Даниловской, Деркульской коннозаводской, Зеликовской, Кочиновской, Карячницкой, Лознянской, Ново-Росошанской при Троицкой ц., Нижне-Баранниковской, Петрепковской, Роговской, Римаровской, Стрѣлецкой коннозаводской, Спѣваковской, Шуликовской; *Сумскаго уѣзда*: въ г. Сумахъ при соборѣ, при Покровской ц., при Николаевской ц., при Троицкой, при Пророко-Ильинской, при Рождество-Богородичной ц., при Петро-Павловской ц., въ с. Воробьевкѣ, въ с. Хотѣни, въ г. Бѣлопольѣ: при Пророко-Ильинской ц., при Петро-Павловской ц., при Преображенской ц., при Рождество-Богородичной ц., при Покров-

ской ц., въ с. Малой-Чернетчинѣ, въ с. Искрисковѣ, въ с. Рогозномъ, въ Аннинномъ, въ Николаевѣ, въ Рѣчкахъ, при Троицкой ц. и при Покровской, с. Пушкаревѣ, Степановкѣ, Стецовкѣ при Дмитріевской ц., въ Тимошеевкѣ, въ Бобрикѣ, въ Подлѣсновкѣ, Терениковѣ, въ с. Лукѣ, въ с. Нижне-Сыроватѣ, въ Старосельѣ, въ Прорубѣ, въ Шпилевѣ, Большой Чернетчинѣ, въ Юнаковѣ, Кальченювомъ, въ с. Ободахъ, въ Басовѣ, Водолагахъ, Ильмахъ; *Харьковскаго уѣзда*: въ г. Харьковѣ при Воскресенской ц., при Александро-Невской ц., при Преображенской ц., при мѣщанской (огадѣльнѣ), въ с. Ивановѣ, въ Основѣ, въ Березовкѣ, въ с. Пересѣчномъ, въ с. Полевомъ, въ с. Малой Даниловкѣ, въ Курижскомъ монастырѣ, въ с. Ольшаной при трехъ церквахъ, въ с. Дергачахъ при Николаевской ц., Пань-Ивановѣ, Веселой, Ледномъ, въ с. Дергачахъ при Рождество-Богородичной ц., въ с. Червасской Лозовой, въ с. Мирновѣ, въ Бабаяхъ, въ Комаровѣ, въ с. Колупаевѣ, въ с. Вертѣевѣ, Непокрытой, Сороковѣ, въ с. Одноробовѣ, въ Липцахъ при Христо-Рождественской ц., Покровской, въ Золочевѣ при Николаевской ц., Пань-Ивановѣ, Веселой, Ледномъ, Черкасскихъ Тишкахъ, въ Казанкѣ, Безлюдовѣ, Жяхорѣ, Шубиной, въ г. Харьковѣ при Архангело-Михайловской ц., въ Малой Рогозинѣ. Такимъ образомъ, по сравненію съ прошлымъ годомъ, число хоровъ больше на 21 и число участвующихъ въ нихъ больше на 105 человекъ.

Что касается второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ, то постановка церковнаго пѣнія въ нихъ отличается большею систематичностью и правильностью. Какъ на особенность преподаванія церковнаго пѣнія въ второклассныхъ школахъ можно указать на то, что при обученіи дѣтей пѣнію здѣсь преслѣдуется между прочимъ та цѣль, чтобы будущихъ учителей школъ грамоты ознакомить съ учебными приемами передачи пѣвческихъ занятій своимъ будущимъ питомцамъ. Изъ курса теоріи пѣнія въ означенныхъ школахъ преподаны въ отчетномъ году свѣдѣнія: о длительности звуковъ, объ измѣреніи длительности звуковъ, объ ударѣ или тактѣ, объ означеніи звуковъ различной длительности нотами, знакомствомъ съ нотой итальянской и квадратной, о тетракордѣ, объ альтовомъ ключѣ, о гаммахъ и интервалахъ. Изъ курса пракческаго довольно основательно усвоены пѣснопѣнія всеобщаго бдѣнія и пѣснопѣнія Божественной литургіи. При всѣхъ второклассныхъ школахъ существуютъ хоры, причемъ въ исполненіи наиболѣе

употребительныхъ церковныхъ пѣснопѣній принимаетъ участіе вся школа въ полномъ ея составѣ.

Успѣхи обученія въ школахъ грамоты можно назвать удовлетворительными. Предметами курса школъ грамоты были: Законъ Божій (Краткая Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта и Братскій Катихизисъ), церковное пѣніе съ голоса, чтеніе церковно-славянское и русское, письмо и начальное счисленіе. Преподаваніе производилось по указаннымъ выше учебникамъ и учебнымъ пособіямъ, указаннымъ Святѣйшимъ Синодомъ и Уч. Сов. при Св. Синодѣ. Ближайшее завѣдываніе ходомъ, направленіемъ и успѣхами обученія въ школахъ грамоты принадлежало приходскимъ священникамъ. Въ тѣхъ школахъ, которыя находилась при церквяхъ, сами священники преподавали Законъ Божій; въ школахъ же, удаленныхъ отъ церквей и мѣстожителства приходскихъ священниковъ, они руководили неопытныхъ учителей, не оставляя ихъ безъ надзора на продолжительное время. Составъ учителей со стороны образовательнаго ценза, по сравненію со школами церковно-приходскими, въ школахъ грамоты значительно ниже. Но несмотря на всѣ эти неудобства, на скудость матеріальныхъ средствъ въ школахъ грамоты и удаленность ихъ отъ центральныхъ людныхъ поселеній, не смотря далѣе на недостатокъ письменныхъ принадлежностей, а иногда и учебныхъ пособій, за два года обученія въ школахъ грамоты дѣти научаются довольно бойко и раздѣльно читать порусски, правильно и увѣренно по-славянски, приобрѣтаютъ начальныя свѣдѣнія по счисленію въ устномъ счетѣ и письменныхъ упражненіяхъ на всѣ четыре дѣйствія въ предѣлѣ 1000 и болѣе; выучиваютъ наизусть молитвы, заповѣди, Символъ вѣры—съ надлежащимъ пониманіемъ, знакомятся съ важнѣйшими событіями Ветхаго и Новаго Завѣта,—однимъ словомъ, обнаруживаютъ успѣхи удовлетворительные. Что касается школъ грамоты, находящихся при церквяхъ, въ коихъ отсутствуютъ неблагопріятныя условія, то программа учебныхъ занятій въ нихъ и успѣхи въ выполненіи этой программы насколько не отличаются отъ таковыхъ же въ школахъ церковно-приходскихъ. Изъ числа такихъ школъ въ отчетномъ году на ряду съ учениками церковно-приходскихъ школъ были произведены экзамены на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности; при семъ всѣ, подвергавшіеся экзамену, по надлежащемъ испытаніи, удостоены Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ полученія свидѣтельствъ. Всѣ эти школы грамоты, какъ находящіяся

въ благоприятныхъ условіяхъ со стороны обученія, имѣютъ бытъ постепенно преобразованы въ школы церковно-приходскія.

Для установленія опредѣленнаго порядка въ занятіяхъ еще въ 1891 году Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ, согласно требованію Программы, было составлено росписаніе уроковъ для школъ одноклассныхъ и двухклассныхъ и къ руководству о.о. законоучителей и учителей было разослано по школамъ это росписаніе и бывало выставлено во всѣхъ школахъ Епархіи, и его старались первоначально придерживаться въ распредѣленіи учебныхъ часовъ и уроковъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда законоучитель или учитель по болѣзни или неотложнымъ требамъ отлучался въ приходъ или вовсе не являлся въ школу, перенося свои уроки съ однихъ часовъ на другіе, или когда законоучительство и учительство совмѣщалось въ лицѣ священника. Но въ настоящее время, когда почти во всѣхъ церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи установленъ трехъ-годичный курсъ ученія съ тремя отдѣленіями, прежнее росписаніе уроковъ примѣнительно къ двумъ отдѣленіямъ оказывается не соответствующимъ; настоятъ необходимость составить росписаніе, которое бы соответствовало въ распредѣленіи времени и предметовъ обученія, примѣнительно къ тремъ отдѣленіямъ школы. Такое росписаніе, составленное примѣнительно къ требованіямъ Программы и съ расчетомъ, чтобы дать возможность учащимся закончить полный курсъ одноклассной церковно-приходской школы, существуетъ въ школахъ Харьковского и Старобѣльскаго уѣздовъ. Что касается школъ грамоты, то для этихъ школъ имѣется росписаніе уроковъ, составленное самими завѣдывающими, примѣнительно къ росписанію, составленному Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ. Въ образцовой двухклассной церковно-приходской школѣ при Духовной Семинаріи имѣется росписаніе уроковъ, составленное примѣнительно къ учебной программѣ для двухклассной церковно-приходской школы. Такимъ же росписаніемъ руководились и всѣ другія двухклассныя школы до настоящаго учебнаго года, когда оно было измѣнено, согласно реорганизаціи Ново-Водолажской и Андреевской двухклассныхъ школъ въ смыслѣ предположеній, изложенныхъ въ гл. I. Точно также было измѣнено росписаніе уроковъ и для Александро-Невской двухклассной школы въ г. Харьковѣ, сообразно съ характеромъ попредметной системы преподаванія въ означенной школѣ, przygotowательнымъ пятымъ классомъ и дополнительнымъ курсомъ черченія. Для школъ второклассныхъ, существующихъ лишь 2 года, имѣлось росписа-

ніе двухклассной образцовой школы при Семинаріи, хотя оно въ точности и не выполнялось въ виду того, что прозектъ Программы въ содержаніе курса вносилъ нѣкоторые другіе предметы, сокращая или расширяя объемъ предметовъ курса двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Въ настоящее время оо. уѣздные наблюдатели имѣютъ быть заняты распредѣленіемъ учебнаго матеріала предметовъ школьнаго курса и составленіемъ росписанія, примѣнительно къ тремъ отдѣленіямъ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и школьные совѣты второклассной школы имѣютъ выработать росписаніе для школъ второклассныхъ, для представленія в разсмотрѣніи оныхъ въ Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ.

Классные журналы для записи посѣщенія школы учащимся и содержанія уроковъ, отпечатанные и разосланные по образцу, утвержденному Харьковскимъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ, были разосланы по всѣмъ школамъ Ахтырскаго, Богодуховскаго, Зміевского, Изюмскаго, Лебединскаго, Сумскаго, Старобѣльскаго и Харьковскаго уѣздовъ; въ школахъ же уѣздовъ Валковскаго, Волчанскаго и Купянскаго таковыя журналы велись въ тетрадяхъ, приспособленныхъ для записи самими учащими. По замѣчанію нѣкоторыхъ уѣздныхъ наблюдателей значеніе класснаго журнала для записи содержанія уроковъ несомнѣнно. Будучи показателемъ педагогической правоспособности и усердія учащихся и имѣя значеніе въ смыслѣ контроля, классный журналъ и для самого учителя служить постояннымъ напоминаніемъ о томъ, что пройдено съ учениками и что слѣдуетъ еще выполнить по учебной программѣ. Разумѣется, что ихъ содержаніе въ этомъ случаѣ должно быть болѣе или менѣе подробнымъ. Кромѣ этихъ именованныхъ классныхъ книгъ всюду при школахъ были также заведены именная книга, приходо-расходная книга, книга для записи школьнаго имущества и школьный архивъ.

Въ концѣ учебнаго года въ церковныхъ школахъ епархій были произведены годичныя экзамены: во второклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ переводныя, въ двухклассныхъ—на полученіе льготныхъ свидѣтельствъ III разряда по отбыванію воинской повинности, въ одноклассныхъ школахъ и школахъ грамоты—на льготу IV разряда и, наконецъ, въ женскихъ—на полученіе свидѣтельствъ объ окончаніи полнаго курса одноклассныхъ школъ. Кромѣ того, помимо выпускныхъ экзаменовъ, во всѣхъ церковныхъ школахъ епархій оо. завѣдывающими и наставниками, а во

многихъ случаяхъ и уѣздными наблюдателями были произведены провѣрочные экзамены, съ цѣлью опредѣлить степень подготовленности дѣтей къ переходу изъ одного отдѣленія въ другое. Выпускные экзамены были произведены при нижеслѣдующихъ школахъ: въ Ахтырскомъ—при 25 ц.-пр. шк. и 2 шк. гр., Богодуховскомъ—42 ц.-пр. и 5 шк. гр., въ Валковскомъ—20 ц.-пр. въ Волчанскомъ—34 ц.-пр. и 8 шк. гр., Зміевскомъ—52 ц.-пр. и 22 шк. гр., Изюмскомъ—44 ц.-пр. и 5 шк. гр., Купянскомъ—38 ц. пр. и 4 шк. гр., Лебединскомъ—23 ц.-пр. и 4 шк. гр., Старобѣльскомъ—73 ц.-пр. и 5 шк. гр., Сумскомъ—46 ц.-пр. и 4 шк. гр. и, наконецъ, въ Харьковскомъ—при 46 ц.-пр. и 5 шк. гр. Въ общемъ же выпускные экзамены были произведены при 443 ц.-пр. школахъ и 64 шк. гр., а всего при 507 церковныхъ школахъ,—изъ общаго числа 564 ц.-пр. и 206 шк. гр.

На основаніи существующихъ правилъ объ экзаменахъ въ церковно-приходскихъ школахъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтамъ, съ утвержденія Его Высочайшаго Преподобіи, удостоены полученія свидѣтельствъ на льготу по отбыванію воинской повинности 2272 человѣка, каковое число по уѣздамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Ахтырскомъ—123, въ Богодуховскомъ—181, Валковскомъ—159, Волчанскомъ—189, Зміевскомъ—309, Изюмскомъ—246, Купянскомъ—159, Лебединскомъ—102, Старобѣльскомъ—228, Сумскомъ—253 и Харьковскомъ—323,—по сравненію съ прошлымъ годомъ на 458 болѣе. Кромѣ означеннаго числа удостоенныхъ льготныхъ свидѣтельствъ, 147 ч. окончили курсъ ученія въ церковно-приходскихъ школахъ, но не получили льготныхъ свидѣтельствъ по невѣѣ на экзаменѣ, по малолѣтству, вслѣдствіе болѣзни или же потому, что не дождались конца учебнаго года по причинѣ ранняго наступленія полевыхъ работъ. Такимъ образомъ изъ 22015 учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ мальчиковъ окончило курсъ 2419, т. е. $\frac{1}{9}$ часть.

На ряду съ учениками были подвергнуты экзаменаціоннымъ испытаніямъ и ученицы церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты; всѣ экзаменовавшіяся въ количествѣ 396 дѣвочекъ обнаружили въ общемъ вполне удовлетворительные успѣхи въ знаніи курса одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и удостоены полученія свидѣтельствъ по формѣ, установленной Святѣйшимъ Синодомъ. Слѣдовательно, изъ общаго числа всѣхъ учившихся въ церковныхъ школахъ дѣвочекъ 4535 окончили курсъ и получили свидѣтельства $\frac{1}{11}$ часть.

Выпускные экзамены были произведены утвержденными Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ экзаменаціонными комиссіями, въ составъ коихъ входило 3 лица: а) священникъ—наблюдатель или одинъ изъ завѣдующихъ церковною школою, б) одинъ изъ наставниковъ церковно-приходской школы, имѣющій свидѣтельство на званіе начальнаго учителя, в) одно изъ лицъ: членъ Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, почетный попечитель церковныхъ школъ, учитель, начальнаго училища Вѣдомства М. Н. Просвѣщенія, имѣющій свидѣтельство на званіе начальнаго учителя, или членъ отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта. По окончаніи экзамена, экзаменаціонные документы, какъ-то: списки подвергнувшихся испытанію учениковъ, надлежащія о нихъ удостовѣренія и письменныя ихъ работы, а также журналы испытательныхъ комиссій, предварительно представленія ихъ въ Епархіальный Училищный Совѣтъ, были рассмотрѣны въ уѣздныхъ отдѣленіяхъ; причѣмъ были заслушаны словесныя заявленія уѣздныхъ наблюдателей и нѣкоторыхъ предсѣдателей экзаменаціонныхъ комиссій о ходѣ школьнаго дѣла въ уѣздѣ, къ свѣдѣнію отдѣленій и въ смыслѣ докладовъ въ Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ объ усмотрѣнныхъ недостаткахъ въ постановкѣ школьнаго дѣла въ уѣздахъ. Изъ доставленныхъ въ Совѣтъ журналовъ экзаменаціонныхъ комиссій и приложенныхъ къ нимъ журналамъ письменныхъ работъ усматривается, что въ большинствѣ школъ, въ коихъ были произведены испытанія, успѣхи обученія можно признать вполнѣ удовлетворительными и отлично-хорошими. Если же и встрѣчаются единичныя школы, въ коихъ учебное дѣло стоитъ не на должной высотѣ, то по смыслу письменныхъ заявленій экзаменаціонныхъ комиссій на имя уѣздныхъ наблюдателей и по смыслу донесеній въ уѣздныя отдѣленія предсѣдателей экзаменаціонныхъ комиссій причина этого заключается въ слабой педагогической подготовкѣ учителей означенныхъ школъ, въ неудобствѣ школьныхъ помѣщеній и скудости матеріальныхъ средствъ, въ старости и болѣзненности нѣкоторыхъ о.о. завѣдующихъ и невозможности для псаломщиковъ совмѣстить церковныя и школьныя обязанности и, наконецъ, въ недостаткѣ усердія нѣкоторыхъ учителей. По поводу докладовъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ отдѣленій объ усмотрѣнныхъ экзаменаціонными комиссіями недостатковъ Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія.

(Продолженіе будетъ).

Журналы Съезда духовенства Харьковскаго Училищнаго Округа за 1899 г.

Уполномоченные Съезда духовенства, по единогласномъ избраніи, въ утреннемъ засѣданіи 20-го сентября, предсѣдателемъ Съезда протоіерея города Харькова о. Василия Попова и дѣлопроизводителя—города Волчанска, пригородной слободы Заводы, священника о. Александра Чернявскаго, 1) разсматривали (въ вечернемъ засѣданіи того-же числа) смѣту прихода и расхода суммъ по содержанію училища и училищнаго общежитія, составленную Правленіемъ училища на 1900 годъ, при чемъ оказалось, что предполагаемый приходъ (39.248 р. 20 к.) превышаетъ расходъ (39.135 р. 23 к.) на 112 р. 97 к. *Постановили:* смѣту, какъ соответствующую во всѣхъ статьяхъ прихода и расхода дѣйствительнымъ поступленіямъ и требованіямъ училищнымъ, принять безъ измѣненія и передать въ Правленіе училища для руководства, что-же касается могущихъ произойти остатковъ отъ смѣтнаго назначенія, то таковые причислить къ запасному училищному капиталу.

2) Слушали журналъ временно-ревизіоннаго Комитета по повѣрѣ экономическаго отчета Харьковскаго духовнаго училища за 1898 годъ и наблюденію за производствомъ расхода и благоустройствомъ училища въ 1899 году,—изъ котораго видно, что всѣ суммы, поступавшія на содержаніе училища, записывались на приходъ своевременно, хранились въ подлежащихъ учрежденіяхъ, расходовались правильно, и никакихъ опущеній ревизіоннымъ Комитетомъ не замѣчено. Въ журналѣ временно-ревизіоннаго Комитета, между прочимъ, говорится, что Комитетъ усмотрѣлъ, что настоятъ надобность сдѣлать болѣе видную и соответствующую красоту фасада училищнаго зданія вывѣску; въ заключеніи журнала того-же Комитета сказано: что онъ—Комитетъ—считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ засвидѣтельствовать разумное, честное, усердное и благотворное отношеніе къ училищу г.г. членовъ Правленія училища и въ особенности г. Смотрителя училища А. А. Снегирева, неусыпно заботящагося о благоустройствѣ училища. При этомъ Комитетъ считаетъ не лишнимъ упомянуть объ усердной, разумной, полезной и исполнительной дѣятельности эконома училища, діакона Василія Ковалевскаго. *Постановили:* предоставить Правленію училища петхую вывѣску на училищномъ зданіи замѣнить новою, употребивъ на это необходимую сумму изъ остатковъ отъ смѣтнаго назначенія—въ настоящемъ-же году. Смотрителю училища, А. А.

Снегиреву и членамъ Правленія, а также и эконому Ковалевскому выразить отъ Сѣзда искреннюю благодарность за усердное и полезное отношеніе къ своимъ обязанностямъ; вмѣстѣ съ сѣмъ и членамъ ревизіоннаго Комитета: священникамъ—Андрею Дмитріеву, Іоанну Иннокову и Николаю Кратирову, которыхъ просить и на слѣдующій 1900 годъ продолжать свои обязанности по ревизіи Харьковскаго духовнаго училища. На этомъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: „Сентября 23. Утверждается“.

3) Разсматривали (въ утреннемъ засѣданіи 21 сентября) вѣнчиковыя вѣдомости церкви Харьковскаго Училищнаго Округа за 1898 годъ, при чемъ оказалось, что всей вѣнчиковой суммы въ этомъ году поступило въ Правленіе училища 3598 р. 15 к., каковая сумма согласна съ вѣнчиковыми вѣдомостями церкви округа. *Постановили:* принять къ свѣдѣнію. При разсмотрѣніи вѣнчиковыхъ вѣдомостей за 1898 г. не могли не обратить вниманія на недочетъ вѣнчиковой суммы, поступившей въ Правленіе училища въ 1897 году, о чемъ Сѣздъ тогда-же сдѣлалъ постановленіе слѣдующее: „Уполномоченные Сѣзда разсматривали вѣнчиковыя вѣдомости церкви Харьковскаго Училищнаго Округа за 1896 годъ, причемъ оказалось всей вѣнчиковой суммы, поступившей въ Правленіе училища въ н. г. 3,132 р. 68 к., менѣе противъ поступившей въ 1895 г. на 739 р. 20 к.; такая разница, какъ выяснилось по справкѣ въ Консисторіи, произошла частію отъ уменьшенія числа умершихъ, а частію отъ того, что Консисторіей, по ошибкѣ, отослано въ Синодальную Канцелярію за вѣнчики болѣе, чѣмъ надлежитъ, каковой излишекъ въ количествѣ 1,800 р. по епархіи надлежитъ возврату“, но такового возврата и по настоящее время не послѣдовало, а посему *постановили:* просить Его Высокопреосвященство сдѣлать зависящее распоряженіе о высылкѣ вѣнчиковой суммы, слѣдуемой къ поступленію въ Харьковское Духовное Училище въ 1897 году и по настоящее время не полученной Правленіемъ училища. На этомъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: „Сентября 23. Утверждается“.

4) Слушали: а) прошеніе, Харьковскаго уѣзда, села Ивановки, Іоанно-Богословской церкви священника Андрея Дмитріева о разрѣшеніи принять внука его—сироту воспитанника Харьковскаго духовнаго училища, Алексѣя Шишковскаго, изъ свѣтскаго званія, со взносомъ 125 руб. за полное его годовое содержаніе въ училищѣ, въ виду того, что священникъ Дмитріевъ своихъ дѣтей въ духов-

номъ училищѣ не воспитывалъ, а взносы дѣлаеть на училище наравнѣ съ другими. *Постановили:* внука священника Дмитріева сироту—Алексѣя Шпаковского принять со взносомъ двухсотъ рублей за полное годовое содержаніе его въ училищѣ. б) Прошеніе Харьковской Дмитріевской церкви протоіерея Іоанна Чижевскаго о принятіи внука его Николая Чижевскаго, изъ свѣтскаго званія, въ обществіе училища съ платою до той нормы, какая взносится за дѣтей служащаго духовенства. *Постановили:* въ виду долголѣтнихъ и не легкихъ трудовъ протоіерея Чижевскаго по Епархіальной службѣ, внука протоіерея о. Іоанна Чижевскаго, Николая Чижевскаго, принять въ обществіе училища съ платою двухсотъ рублей за полное годовое содержаніе въ училищѣ. в) Прошеніе слободы Семикововки, Старобѣльскаго уѣзда, священника Александра Ковалевскаго, воспитывающаго сына своего въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ, объ уменьшеніи платы какъ иноокружнаго за содержаніе въ училищѣ. *Постановили:* не находя къ тому никакихъ основаній, чего и самъ проситель въ своемъ прошеніи не представилъ, прошеніе священника Ковалевскаго оставить безъ удовлетворенія. г) Прошеніе надзирателей—репетиторовъ Харьковскаго духовнаго училища: Ивана Лобковского, Николая Шкорбатова, Григорія Попова, Валеріана Соколова и Александра Дьякова о назначеніи имъ вознагражденія за завѣдываніе училищной бібліотекою, за выдачу и пріемъ книгъ для чтенія воспитанникамъ. Находя это дѣло весьма не легкимъ и осложняющимъ ихъ обязанности, *постановили:* предоставить право Правленію училища, въ поощреніе болѣе усерднымъ, по усмотрѣнію Правленія, выдавать изъ остатковъ смѣтнаго назначенія, если таковыя окажутся, каждому не болѣе двадцати пяти рублей въ годъ.

5) Уполномоченные Харьковскаго Училищнаго Округа, по случаю исполненія 1 октября настоящаго года пятидесятилѣтней службы въ священномъ санѣ протоіерея о. Александра Фетодорскаго, много трудившагося для пользы нашего духовнаго училища, долгомъ своимъ считая засвидѣтельствовать ему глубокое уваженіе и благодарность за его полезную дѣятельность по училищу нашего округа, какъ наставника и члена Правленія сего училища, *постановили:* поручить предсѣдателю Съѣзда протоіерею о. Василію Попову и члену Правленія училища о. Іоанну Филевскому поднести составленный нами адресъ въ день его юбилейнаго праздника.

6) За окончаніемъ всѣхъ дѣлъ, подлежащихъ рассмотрѣнію

Съѣзда, *постановили*: выразить благодарность Предсѣдателю Съѣзда, протоіерею Василию Попову и Дѣлопроизводителю священнику Александру Чернявскому, и время будущаго Съѣзда назначить на 19-е сентября 1900 года. На этомъ журналѣ послѣдовала резолюція Его Высокопреосвященства такая: „Сентября 23. Утверждается“.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Покровской церкви сл. Малой Писаревки, Богодуховскаго уѣзда, Теодоръ *Ветуховъ*, переведенъ къ Христо-Рождественской церкви сл. Липецъ, Харьковскаго уѣзда.

— Помощникъ инспектора Харьковской Духовной Семинаріи, кандидатъ богословія, Іаковъ *Матусевичъ* опредѣленъ законоучителемъ Харьковскаго земледѣльческаго училища.

— Священники: Николаевской церкви, д. Семеновки, Изюмскаго уѣзда, Григорій *Дьяковъ*, и Покровской церкви, с. Терновъ, Лебединскаго уѣзда, Теодоръ *Сумма*, 28 сентября н. г. перемѣщены одинъ на мѣсто другого, согласно прошенію ихъ.

— Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, Василій *Олинскій*, рукоположенъ въ санъ священника, 30 августа н. г., Архангело-Михайловской церкви с. Ульяновки, Сумскаго уѣзда.

— Псаломщикъ—діаконъ Петро-Павловской церкви с. Заводъ, Изюмскаго уѣзда, Георгій *Улановъ* 5 октября н. г. уволенъ за штатъ, а на его мѣсто 6 октября опредѣленъ Іоакимъ *Пантелеимоновъ*.

— Псаломщикъ Владиміро-Богородичной церкви, слоб. Должика, Харьковскаго уѣзда, Матвій *Заводовскій*, перемѣщенъ на псаломщицкое мѣсто къ Архангело-Михайловской церкви с. Приволья, Изюмскаго уѣзда, а на его мѣсто опредѣленъ сынъ священника, Николай *Щелоковскій*.

— Псаломщикъ Петро-Павловской церкви с. Заводъ, Изюмскаго уѣзда, Дмитрій *Поповъ*, 24 сентября н. г. перемѣщенъ на псаломщицкое мѣсто при Царице Александровской церкви с. Богодаровой, того же уѣзда, согласно его прошенію.

— Бывшій псаломщикъ Николаевской церкви, с. Кругляковки, Купянскаго уѣзда, Іоаннъ *Сажновскій*, 11 сентября н. г. опредѣленъ псаломщикомъ къ Николаевской церкви, д. Семеновки, Изюмскаго уѣзда.

— Бывшій псаломщикъ с. Вербовки, Зміевскаго уѣзда, Николай *Мураховскій*, 24 сентября н. г. опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Покровской церкви, с. Алисовки, Изюмскаго уѣзда.

— Учитель Божаровской церковно-приходской школы, Харьковскаго уѣзда *Димитрій Стеллецкій*, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Покровской церкви сл. Гнялицы, Волчанскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Рождество-Богородичной церкви с. Будылки, Лебединскаго уѣзда, крест. Захарій *Гутника*; Рождество-Богородичной церкви с. Алексѣевки, Сумскаго уѣзда, губ. секр. Андрей *Савичъ*; Архангело-Михайловской церкви г. Ахтырки мѣщ. Василій *Бровка*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Перенесеніе чудотворной Озерянской иконы Божіей Матери изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковскій Покровскій монастырь.—600-лѣтіе со дня кончины св. Θεодора, Ярославскаго чудотворца.—Церковно-приходскія братства въ сельскихъ приходахъ.—Одна изъ мѣръ къ благоустройству церковно-приходской жизни.—Значеніе приходскаго храма.—Видѣбослужебныя чтенія и соборствованія.—Сельско-хозяйственныя, ремесленныя и руководяныя занятія въ церковно-приходскихъ школахъ.—Предстоящіе юбилеи епархій.—Торжество въ г. Сумахъ.—Закладка новаго зданія судебныхъ установленій въ г. Харьковѣ.—Число религій. существующихъ на земномъ шарѣ.—Общепользыныя свѣдѣнія.

30-го сентября состоялось перенесеніе св. иконы Озерянской Божьей Матери изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковскій Покровскій. Въ перенесеніи св. иконы участвовало духовенство во главѣ съ преосвященнымъ Иннокентіемъ, епископомъ Сумскимъ, высшія военныя и гражданскія власти, войска мѣстнаго гарнизона съ оркестромъ музыки. Толпы народа сопровождали св. икону. Превосходная погода много способствовала торжественности церемоніи. «Хар. Г. Вѣд.»

— Въ воскресенье 19 сего сентября въ г. Ярославлѣ произошло торжественное празднованіе памяти одного изъ доблестнѣйшихъ древнихъ князей, Θεодора Мстиславича, который прославился не только какъ храбрый князь и мудрый правитель, но и какъ истинно христіанскій благочестивый мужъ, чудотворныя мощи котораго побиются въ Спасскомъ монастырѣ. По словамъ «Цер. Вѣст.», торжество прошло съ большимъ оживленіемъ. Состоялся небывалый съѣздъ духовенства и массы богомольцевъ прибыли отовсюду, чтобы поклониться св. князю, и съ благоговѣніемъ присутствовали при благолѣпныхъ богослуженіяхъ 18 и 19 сентября, которымъ еще больше торжественности придавало участіе московскихъ хоругвеносцевъ. Въ день юбилея въ актовомъ залѣ духовной семинаріи состоялось собраніе любителей духовнаго просвѣщенія, на которомъ преподаватель семинаріи Г. Н. Преображен-

скій провзнесъ рѣчь о жизни и трудахъ св. князя Феодора и его заслугахъ для ирославскаго края, а вечеромъ состоялось торжественное собраніе въ залѣ городской думы, гдѣ избранное общество чествовало память св. князя, причемъ начальникъ губерніи и директоръ лицея провзнесли рѣчи, а архіерейскій хоръ превосходно исполнялъ древніе стихи и величаніе въ честь св. князя. На торжествѣ присутствовали отдаленные потомки св. благовѣрнаго князя Феодора: князь Прозоровскій-Голицынъ, князья Шаховскіе и Татищевъ. Народу раздавались листки и брошюры о св. князѣ.

— «Оренб. Еп. Вѣд.» предлагаютъ слѣдующій проектъ устава церковно-приходскихъ братствъ въ сельскихъ приходахъ, пограничныхъ съ киргизскою степью.—Православное сельское церковно-приходское братство есть тѣсно сплоченный кружокъ православныхъ людей сельскаго прихода, задавшихъ церковно-просвѣтительной, миссіонерской и благотворительной цѣлю. Православныя церковно-приходскія братства суть особые центры среди сельскихъ приходовъ, откуда должна исходить дѣятельность на развитіе церковнаго просвѣщенія прихожанъ, на миссіонерское направленіе лучшихъ силъ прихода и на развитіе въ приходѣ благотворительной помощи. Въ этихъ центрахъ должны сосредоточиваться и всѣ необходимыя свѣдѣнія о неотложныхъ нуждахъ прихода вообще и въ частности о миссіонерскихъ нуждахъ оглашаемыхъ и обратившихся въ православіе и просвѣщенныхъ св. крещеніемъ иновѣрцевъ.—Составъ сельскаго православнаго церковно-приходскаго братства: во главѣ сельскаго церковно-приходскаго братства долженъ состоять настоятель прихода, членами онаго остальные члены причта, церковный староста, попечители приходскихъ попечительствъ, учителя и учительницы школъ прихода и особенно усердные къ церкви набожные прихожане—отцы и матери семействъ по выбору настыря. Цѣли сельскаго православнаго церковно-приходскаго братства: народное просвѣщеніе и воспитаніе въ духѣ православной Церкви и оказаніе необходимой своевременной нравственной и матеріальной помощи своимъ бѣдствующимъ прихожанамъ и просвѣщеннымъ св. крещеніемъ инородцамъ, проживающимъ въ приходѣ и благоуукрашеніе мѣстныхъ храмовъ. Такимъ образомъ цѣли сельскихъ церковно-приходскихъ братствъ трехъ родовъ: а) религіозно-просвѣтительная, б) миссіонерская и в) благотворительная. Дѣятельность сельскихъ церковно-приходскихъ братствъ тоже трехъ родовъ: религіозно-просвѣтительная, миссіонерская и благотворительная. Религіозно-просвѣтительная дѣятельность сельскихъ цер-

ковно-приходскихъ братствъ должна состоять, во 1-хъ, въ просвѣщеніи дѣтей и въ просвѣщеніи взрослыхъ; во 2-хъ, въ распространеніи и утвержденіи среди православныхъ прихожанъ и при каждомъ удобномъ случаѣ среди окружающихъ иновѣрцевъ истинъ и правилъ православной вѣры и огражденіи прихожанъ отъ зараженія разными лжеученіями. Въ первомъ случаѣ ходатайствовать объ открытіи церковныхъ школъ грамоты, поддерживать уже открытыя школы матеріальной помощью, располагая прихожанъ къ благотворенію въ пользу школъ. Во второмъ случаѣ собирать свѣдѣнія о религіозно-нравственномъ состояніи мѣстнаго приходскаго населенія, изыскивать мѣры въ возвышенію нравственности въ народѣ, къ отвращенію отъ пьянства, вести воскресныя и праздничныя чтенія и виѣбогослужебныя собесѣдованія, заводить приходскія бібліотеки и распространять въ грамотномъ населеніи прихода религіозно-нравственнаго содержанія листки и брошюры. Для равномѣрной и успѣшной просвѣтительной дѣятельности по всему приходу слѣдуетъ приходъ раздѣлить на участки. Живущіе въ каждомъ участкѣ братчики обязаны примѣрной своей жизнію, чтеніями и увѣщаніями стараться религіозно-нравственно возвысить населеніе своего участка. Каждый грамотный братчикъ долженъ принимать участіе въ воскресныхъ и праздничныхъ чтеніяхъ, рекомендовать грамотнымъ прихожанамъ изъ ицерковной бібліотеки ЛѢ и книжки Троицкихъ листковъ и другихъ религіозныхъ брошюръ. Братчики, коимъ порученъ извѣстный участокъ прихода, обязаны слѣдить за тѣмъ, всѣ ли аккуратно посѣщаютъ храмъ Божій, нѣтъ ли въ семействахъ разстройства, не происходитъ ли въ участкѣ коихъ-либо непристойныхъ игръ и гульбищъ молодежи, каковыя слѣдуетъ нарушать усовѣщаніемъ родителей и старшихъ, а въ случаѣ безуспѣшности таковыхъ усовѣщаній братчики участковъ должны докладывать о замѣченныхъ случаяхъ пастырю прихода, — а пастырь прихода замѣченныхъ въ непристойномъ образѣ жизни, или въ нерадѣніи ко святому храму, или къ установленіямъ святой православной Церкви призываетъ по своему усмотрѣнію или къ себѣ на домашнее увѣщаніе, или же въ собраніе братчиковъ. Въ случаѣ дальнѣйшаго проявленія соблазна кѣмъ-либо въ приходѣ пастырь Церкви или собраніе братчиковъ обращаются къ содѣйствію мѣстной администраціи. Миссіонерская дѣятельность сельскаго церковно-приходскаго братства въ этомъ краѣ должна состоять въ томъ, чтобы при каждомъ удобномъ случаѣ каждому братчику вести бесѣды съ окружающими приходъ иновѣрцами съ

цѣлью сближенія и расположенія ихъ къ русской народности, къ исповѣдываемой русскими православной вѣрѣ, оказывать миссіонерамъ помощь при устроеніи быта новокрещенныхъ. Въ видахъ же большей правильности собесѣдованій братчиковъ съ инордцами оо. настоятели здѣшнихъ приходовъ, каковыя всѣ волей Архипастыря объявлены быть миссіонерскими приходами и замѣщены лицами миссіонерски подготовленными, должны грамотныхъ братчиковъ предварительно ознакомлять съ легковозложенными противумусульманскими брошюрами, напр. „О превосходствѣ христіанства предъ магометанствомъ“ и другими достуинными статейками противумусульманскихъ сборниковъ Казанской духовной академіи. Благотворительная дѣятельность сельскаго церковно-приходскаго братства заключается въ расположеніи прихожанъ къ благоуукрашенію приходскаго храма и къ улучшенію быта мѣстнаго причта. Матеріальныя средства сельскаго церковно-приходскаго братства должны составлятьсѣ изъ сборовъ участковыхъ братчиковъ: братчику каждаго участка выдается кружка за церковной печатью и шнуровая тетрадь для сбора по своему участку пожертвованій на нужды братства три раза въ годъ: въ храмовой праздникъ и въ праздники Рождества Христова и Свѣтлаго Христова Воскресенія и по уборкѣ новаго хлѣба. Собранныя пожертвованія должны быть сдаваемы казначею братства подъ росписку и занесены въ прихода-расходныя книги братства.

— Въ сужденіяхъ по вопросу о наилучшихъ мѣрахъ къ благоустройству церковно-приходской жизни обыкновенно обращаютъ вниманіе на приходскаго священника. Въ настоящее время является общепризнаннымъ фактомъ то, что приходскихъ священниковъ недостаточно для удовлетворенія всѣхъ приходскихъ нуждъ и потому во многихъ епархіяхъ происходитъ увеличеніе числа штатовъ священно-церковнослужителей во многочисленныхъ приходяхъ. Въмѣсто этой мѣры, на практикѣ неудобной тѣмъ, что въ многочисленныхъ причтахъ трудно сохранить доброе согласіе и единодушіе между членами причта, въ «Рязан. Еп. Вѣд.», какъ нѣчто лучшее, предлагается устроеніе новыхъ храмовъ въ отдаленныхъ отъ приходскихъ церквей деревняхъ обширныхъ приходовъ съ образованіемъ при новыхъ храмахъ отдѣльныхъ приходовъ. Эта мѣра не раздѣляетъ недостатка умноженія штатовъ, т. е. не усиливаетъ опасности немиролюбія среди причтовъ и не сокращаетъ доходовъ причтовъ—земельныхъ, арендныхъ и денежныхъ. Просторъ отъ требовсправленій и возможность истоваго со-

вершенія таинства исповѣди умноженіемъ приходоѡ достигается въ той-же мѣрѣ, въ какой эти удобства пастырской дѣятельности достигаютъ черезъ умноженіе штатовъ. Умноженіе храмовъ и приходоѡ представляетъ незамѣнимыя удобства и для пастырей и для прихожанъ. Священнику легче воздѣйствовать на прихожанъ, живущихъ близко къ своему храму. Опытъ показываетъ, что число неисправныхъ въ отношеніи исповѣди и св. причащенія прихожанъ наиболѣе въ отдаленныхъ отъ храма деревняхъ. Само собою разумѣется, что и неисправность посѣщенія храма больше всего обусловливается отдаленностію отъ храма. Храмы можно назвать спасительными станціями отъ потопленія людей въ потокахъ суевѣрія, невѣрія и сектантства. Чѣмъ больше храмовъ, тѣмъ болѣе успѣшна будетъ миссіонерская дѣятельность священника. Сектантскія ученія скорѣе всего прививаются въ тѣхъ селеніяхъ, жители которыхъ не сроднились съ православнымъ храмомъ и священникомъ. И наоборотъ замѣчено, что вблизи православныхъ храмовъ слабѣетъ и раскольническій фанатизмъ. Церковно-школьное дѣло только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ утвердиться въ деревняхъ, отдаленныхъ отъ храма; въ такихъ деревняхъ рѣдкій священникъ рѣшится открыть одноклассную школу и откроетъ развѣ только школу грамоты, такъ какъ наблюденіе за такою школою и законоучительство въ ней сопряжено со множествомъ неудобствъ. Объ удобствахъ, прорастающихъ отъ близости храма для прихожанъ, и говорить нечего. Всякая треба для нихъ исполняется своевременно, съ большею торжественностію (наприм., при проводахъ покойниковъ) и съ меньшими расходами. Такимъ образомъ новые храмы и новыя благоустроенныя церковныя школы — вотъ что въ настоящее время особенно нужно для Россіи. И кто поработаетъ этому дѣлу, окажетъ великую историческую заслугу русскому народу.

— Свѣтская печать тоже затрогиваетъ вопросъ о значеніи приходскаго храма. Такъ «Рус. Слово» въ одной изъ статей останавливаетъ вниманіе своихъ читателей на томъ, что приходскій храмъ у насъ искони вѣковъ являлся важнымъ центромъ и связующимъ началомъ для окрестнаго населенія. Съ приходскимъ храмомъ, — говоритъ названная газета, — соединена святыми узами жизнь каждаго православнаго: здѣсь онъ на зарѣ своей жизни воспринялъ крещеніе, молился и причащался св. таинъ, вѣнчался и, наконецъ, отходя въ иной мѣръ получаетъ послѣднее цѣлованіе. Общая молитва предъ святынями всегда сближаетъ и связываетъ

другъ съ другомъ прихожанъ одного и того-же храма. Какъ бы ни была слабо развита церковно-приходская жизнь, вліяніе на нее храма очень сильно. Здѣсь пробуждаются, кромѣ религіознаго чувства, наши нравственныя чувства и стремленія, любовь къ ближнему, къ добру, отвращеніе отъ грѣха и зла; здѣсь-же мы научаемся чтить Царя, молиться за Него, повиноваться ему и поставленнымъ отъ него властямъ. Всѣ эти зажительныя задатки выносятся изъ простаго сельскаго храма такъ-же, какъ и изъ городского храма. Развить и поднять благотворное его вліяніе значитъ удвоить, учетверить, удесятерить его силу. Возвышеніе благолѣнія церковнаго богослуженія въ чтеніи и пѣніи, участіе въ семь прихожанъ, а особенно благоговѣйное, художественное пѣніе вездѣ, гдѣ только оно есть, даетъ очень важныя результаты. Живая церковная проповѣдь, строго обдуманная, содержательныя виѣ-богослужебныя собесѣдованія съ народомъ въ храмѣ быстро и сильно поднимаютъ религіозно-нравственное сознаніе прихожанъ. Но храмъ прихода долженъ быть центромъ и другихъ учрежденій, расширяющихъ и углубляющихъ его вліяніе. Рядомъ съ нимъ и въ живой связи должны стоять и церковно-приходская школа, и приходская библіотека, и читальня. Церковно-приходскія попечительства должны стать наилучшимъ орудіемъ помощи самымъ ближнимъ, бѣднымъ и нуждающимся, именно, въ своемъ приходѣ. Кто лучше можетъ узнать ихъ нужды и положеніе, какъ не мѣстное духовенство и прихожане? У насъ нѣтъ скупости на пожертвованія. Но очень многіе богатые или зажиточные люди больше любятъ жертвовать на обще-городскія благотворительныя учрежденія, чѣмъ на приходскія, оставляя послѣднимъ лишь небольшія подачки. Между тѣмъ необходимо дѣйствовать совсѣмъ наоборотъ. Нужно ослабить бѣдность, болѣзни, пьянство и невѣжество на мѣстѣ, гдѣ они рождаются, гнѣздятся и развиваются, и тогда обще-городскія благотворительныя учрежденія не будутъ осаждаться такою громадною массою нуждающихся и испорченныхъ, какую они не въ состояніи бываютъ удовлетворить. Поэтому и благотворительность прежде всего слѣдуетъ направлять на свой приходъ, на его учрежденія.

«Рус. Сл.»

— Съ окончаніемъ періода усиленныхъ лѣтнихъ работъ крестьянскаго населенія постепенно возобновляются въ селахъ виѣ-богослужебныя чтенія и собесѣдованія, являющіяся нынѣ по мѣстамъ почти обычнымъ дополненіемъ къ богослуженію. Эти собесѣдованія вновь открываются и въ городахъ, начиная съ обѣихъ сто-

лицъ Въ Петербургѣ, по словамъ «Цер. Вѣст.», гдѣ и въ теченіи лѣта бесѣды не прерывались въ одномъ изъ военныхъ соборовъ и въ трехъ церквахъ общества распространенія религіознаго просвѣщенія, недавно послѣ лѣтняго перерыва, бесѣды открыты еще во многихъ пунктахъ. Въ Москвѣ организуются въѣбогослужебныя воскресныя собесѣдованія съ народомъ, въ соединеніи съ общенароднымъ церковнымъ пѣніемъ, въ 27 церквахъ, и къ участию въ собесѣдованіяхъ привлекается все духовенство Москвы. Въмѣстѣ съ тѣмъ начались и занятія нѣкоторыхъ обществъ, вмѣющихъ свою задачу—содѣйствовать просвѣщенію народа. 15-го сентября состоялось въ Москвѣ очередное собраніе Общества любителей духовнаго просвѣщенія, на которомъ обсуждались два предложенія, внесенныя въ совѣтъ Общества его секретаремъ. Въ одномъ изъ предложеній указывалось на то, что книги Св. Писанія, и преимущественно Новый Заветъ, широко распространяются въ народѣ, съ другой стороны—въ образованномъ обществѣ ходятъ толкованія на Новый Заветъ въ рационалистическомъ духѣ, которыя иногда попадаютъ и въ руки простого народа, вслѣдствіе чего благовременно было бы Обществу начать съ будущаго года изданіе такого толкованія на Новый Заветъ, въ которомъ разрѣшались бы обстоятельно и общепонятно всѣ возраженія противъ Евангелія и Церкви, какія ставятся невѣрующими и сомнѣвающимися. Послѣ обсужденія вопроса, собраніе постановило: 1) признать изданіе апологетическаго толкованія вполне желательнымъ; 2) для опыта поручить комиссіи изъ семи лицъ составить толкованіе на нѣсколько стиховъ изъ Евангелія и напечатать въ «Моск. Цер. Вѣдомостяхъ», послѣ чего имѣть окончательное сужденіе о возможности продолженія труда комиссіи. Въ другомъ предположеніи признавалось своевременнымъ составить при Обществѣ особый отдѣлъ по преподаванію Закона Божія, для того, чтобы члены отдѣла могли въ ежемѣсячныхъ собраніяхъ обсуждать вопросы, возникающіе у нихъ при исполненіи обязанностей законоучителя. По поводу этого предложенія, собраніе выразило мысль, что учрежденіе отдѣла желательно и притомъ въ самомъ скоромъ времени, въ виду чего постановлено назначить особое собраніе для организаціи законоучительскаго отдѣла.

— Въ «Подол. Еп. Вѣд.» на основаніи отчетовъ уѣздныхъ наблюдателей сообщаются свѣдѣнія о сельско-хозяйственныхъ, ремесленныхъ и руководѣльныхъ занятіяхъ, бывшихъ при нѣкоторыхъ церковныхъ школахъ епархіи въ минувшемъ 1898/9 учебномъ году. Сельско-

хозяйственныя занятія въ минувшемъ учебномъ году были не только при второклассныхъ школахъ, обязательно надѣленныхъ, какъ извѣстно, тѣмъ или другимъ участкомъ собственной земли, но также и при нѣкоторыхъ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ епархіи, гдѣ къ тому оказывались благопріятныя условія. Правильнѣе всего сельско-хозяйственныя занятія шли въ Винницкой и Сутисской второклассныхъ школахъ. Въ этихъ школахъ для руководства сельско-хозяйственными занятіями учащихся были приглашены особые учителя, спеціалисты-агрономы изъ питомцевъ Мошно-Городищенской земледѣльческой школы Кіевской губерніи. Занятія были теоретическія и практическія. Теоретическія занятія состояли въ бесѣдахъ съ воспитанниками о почвѣ, способѣ ея воздѣлыванія и удобрения, благопріятствующихъ и не благопріятствующихъ климатическихъ условіяхъ для тѣхъ или другихъ растений; о разныхъ видахъ и способахъ произрастанія этихъ растений, а равно и ухода за ними и т. д. Практическія занятія состояли въ упражненіяхъ и производствѣ очередныхъ работъ на школьномъ огородѣ, полѣ и въ саду. Въ Винницкой школѣ учащіеся главнымъ образомъ знакомились съ воздѣлываніемъ огорода и разведеніемъ сада, а въ Сутисской школѣ—также и съ веденіемъ многопольнаго (8-польнаго) сѣвооборота. Въ Велико-Мечетнянской и Чернокозинецкой второклассныхъ школахъ сельско-хозяйственныя занятія учащихся ограничивались только участіемъ ихъ въ обмѣненіи школьныхъ огородовъ и посадкѣ на школьной усадьбѣ деревьевъ, подъ руководствомъ завѣдующихъ и учителей школъ. Занятія эти имѣли болѣе воспитательную цѣль, нежели обогащеніе воспитанниковъ полезными сельско-хозяйственными свѣдѣніями, такъ какъ такими свѣдѣніями не владѣли и сами руководители занятій. Въ Велико-Мечетнянской школѣ было посажено на школьной землѣ около 300 деревьевъ и въ огородѣ—свекла и картофель; а въ Чернокозинецкой—обмѣненъ огородъ различными овощами, употребляемыми мѣстнымъ населеніемъ въ пищу. Такого же характера были сельско-хозяйственныя занятія и при всѣхъ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ. Кромѣ веденія занятій по древонасажденію и воздѣлыванію огородовъ, при 2-хъ церковныхъ школахъ Гайсинскаго уѣзда происходили также занятія по пчеловодству: въ Степашской второклассной школѣ и въ одноклассной церковно-приходской школѣ с. Мощеной. Въ первой школѣ заведена своя школьная пасѣка, а во второй—пасѣка представляетъ собственность учителя. Заведены также пасѣки и при 2-хъ школахъ Вин-

ническаго уѣзда, а именно: въ с. Старыхъ-Хуторахъ и м. Мизиковѣ. Ремесленные занятія при церковныхъ школахъ состояли въ обученіи столярному и токарному искусствамъ, а также переплетному и сапожному мастерству. Наиболѣе правильно и рационально обучались столярному и токарному искусствамъ воспитанники Вавницкой второклассной школы. Занятіями этими руководилъ учитель образцовой школы грамоты, спеціально знакомый съ этимъ ремесломъ. При школѣ заведена настоящая мастерская, въ которой воспитанники во внѣурочное время ежедневно и работаютъ. Начало правильной мастерской по столярству положено и при одноклассной церковно-приходской школѣ с. Жалобовъ, Ямпольскаго уѣзда. Для завѣдыванія мастерскою приглашенъ особый мастеръ, который практически и обучаетъ желающихъ столярному искусству. Контингентъ учащихся состоитъ изъ воспитанниковъ школы, уже окончившихъ курсъ ученія. Въ школѣ грамоты д. Антоновецъ, Проскуровскаго уѣзда, учитель Лепетка, изъ мѣстныхъ крестьянъ, знакомилъ дѣтей старшей группы съ извѣстными ему столярными и токарными ремеслами. Болѣе или менѣе правильно происходили занятія сапожнымъ мастерствомъ при церковно-приходской школѣ с. Строинецъ, Балтскаго уѣзда. Занятія ведутся регулярно уже второй годъ. Обучаются мастерству ученики старшей группы школы, подъ руководствомъ особаго мастера-сапожника. Вознагражденіе мастеру и всѣ расходы по содержанію мастерской принимаетъ на себя Попечительница школы г. М. Зиновьева. Въ церковно-приходской школѣ с. Ксендзовки, Ямпольскаго уѣзда, занятія съ учениками по сапожному мастерству вель мѣстный крестьянинъ, солдатъ-сапожникъ, получая за это вознагражденіе изъ мѣстныхъ попечительскихъ суммъ. Занятія главнымъ образомъ состояли въ ознакомленіи дѣтей съ сапожными орудіями и умѣніемъ владѣть ими, а также въ починкѣ обуви самими же учениками и ученицами школы. Наконецъ, переплетнымъ мастерствомъ занимались воспитанники Сутисской второклассной школы. Занятіями руководилъ старшій учитель школы г. Клопотовскій. Нѣкоторые работы воспитанниковъ столь чисты и изящны, что ни чѣмъ не уступаютъ работамъ мастеровъ-спеціалистовъ. При церковно-приходской школѣ с. Жолобовъ, Ямпольскаго уѣзда, заведена даже полная переплетная мастерская. Въ ней работаютъ 10 учениковъ и ученицъ, окончившихъ уже курсъ школы, исполняя частные заказы и переплетая книги изъ книжнаго склада уѣзднаго отдѣленія. Однимъ воспитанникомъ Жолобянской школы были организованы переп-

летныя занятія и при школѣ с. Ильяшовки. Въ церковно-приходской школѣ с. Луки Молчанской, того же Ямпольскаго уѣзда, обучаетъ переплетному мастерству своихъ учениковъ учитель. Но раньше всѣхъ были заведены занятія по переплетному мастерству въ Ямпольскомъ уѣздѣ при церковной школѣ с. Стѣны; съ успѣхомъ происходили они и въ минувшемъ учебномъ году. Руководѣльныя занятія съ дѣвочками-ученицами происходили при церковныхъ школахъ всѣхъ уѣздовъ епархіи, съ тѣмъ различіемъ, что въ однихъ уѣздахъ число школъ, при которыхъ велись занятія по женскому руководѣлію, было больше, а въ другихъ меньше. Съ наибольшимъ успѣхомъ руководѣльныя занятія происходили въ двухклассныхъ женскихъ монастырскихъ школахъ—Брайловской и Немировской. Занятіями этими руководили монахини мастерицы. Воспитанницы обучались шитью, вязанью, вышиванью, приготовленію искусственныхъ цвѣтовъ и другихъ изящныхъ украшеній; упражнялись онѣ и въ изготовленіи церковныхъ и священныхъ облаченій. Во всѣхъ прочихъ школахъ руководѣльныя занятія главнымъ образомъ состояли въ исполненіи дѣвочками—ученицами тѣхъ или другихъ домашнихъ женскихъ руководѣльныхъ работъ, какъ-то: въ вышиваніи „полыковъ для рубахъ“, полотенецъ, въ вязаніи чулковъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ школахъ трудъ наблюденія и руководства руководѣльными занятіями дѣвочекъ—ученицъ безмездно и добровольно принимали на себя жены мѣстныхъ священниковъ, а въ другихъ—они происходили подъ руководствомъ школьныхъ же учительницъ. Что касается того, какъ относятся мѣстное крестьянское населеніе къ тѣмъ или другимъ практическимъ занятіямъ школьницъ и школьницъ, организуемымъ при школахъ, то свидѣтельства уѣздныхъ наблюдателей могутъ быть обобщены въ слѣдующемъ. Организуемая при школахъ руководѣльная занятія для дѣвочекъ повсюду возбуждаютъ къ себѣ сочувствіе со стороны населенія и особенно матерей самихъ дѣвочекъ. Каждая изъ нихъ считаетъ своимъ долгомъ такъ или иначе выразить свою искреннюю благодарность и признательность матушкѣ или учительницѣ, какъ только дѣвочка научается чему-нибудь новому и въ домашнемъ быту необходимому. Ремесленныя занятія цѣнятся по мѣрѣ того, насколько отъ нихъ предвидится та или другая практическая выгода. Въ виду того, что въ переплетной мастерской церковно-приходской школы с. Жолобовъ на долю работающихъ воспитанниковъ выпадаетъ часть заработка, родителями этихъ воспитанниковъ было пожертвовано 26 рублей на прио-

брѣненіе для мастерской новыхъ станковъ и инструментовъ. Наконецъ, къ сельско-хозяйственнымъ школьнымъ занятіямъ крестьяне относятся пока совершенно безразлично, а иногда и прямо съ недовѣріемъ. Да это и понятно; этотъ родъ занятій въ данной мѣстности является спеціальностью крестьянъ, а потому нужно очертаніемъ рационально и успѣшно поставить сельско-хозяйственные школьныя занятія, чтобы заинтересовать мѣстное населеніе. Это возможно будетъ только тогда, когда сами школьные учителя и завѣдующіе школь будутъ достаточно свѣдущи и практичны въ той или другой отрасли сельскаго хозяйства.

— 1-го октября въ г. Сумахъ состоялось торжество открытія памятника почетному гражданину города Сумъ д. с. с. и коммерціи совѣтнику Ивану Герасимовичу Харитоненцу; память коего, съ разрѣшенія Его Императорскаго Величества Государя Императора, увѣковѣчиваютъ сумчане въ благодарность за пожертвованія его въ городскія нужды и за всѣ созданныя имъ въ городѣ Сумахъ общественныя учрежденія. Въ 9^{1/2} ч. утра въ Сумскомъ соборѣ былъ отслужена Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, божественная литургія и затѣмъ панихида по покойномъ И. Г. Харитоненко. Затѣмъ состоялся крестный ходъ къ памятнику, находящемуся на площади сажняхъ въ 100 отъ собора. Тамъ предъ закрытымъ памятникомъ Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ было совершено молебствіе съ водосвященіемъ; затѣмъ совершено было окропленіе самаго памятника. Предъ участниками торжества по снятіи занавѣси открылась отлитая изъ бронзы фигура Ивана Герасимовича, сдѣланная въ увеличенномъ размѣрѣ, по проекту академика Опекушина. Покойный изображенъ стоящимъ на гранитномъ пьедесталѣ во весь ростъ, въ обычной его позѣ съ заложеною правою рукою за бортъ куртки, поверхъ котораго надѣто пальто, и лѣвою рукою, закинутою за спину. Пьедесталъ памятника сдѣланъ изъ гранита. Общая высота монумента 11^{1/2} аршинъ. По освященіи памятника къ подноженію его было возложено до 50 вѣнковъ отъ разныхъ учреждений и лицъ, въ томъ числѣ было и нѣсколько серебряныхъ вѣнковъ высокохудожественной работы. На означенномъ торжествѣ присутствовали: командиръ 10 арм. корп. ген. отъ кав. В. Ф. Винбергъ, попечитель харьковскаго учебнаго округа В. К. фонъ-Анрепъ, харьковскій городской голова И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ, ректоръ харьковскаго университета Г. И. Лагермаркъ, депутація студентовъ харьковскаго университета, сумской городской голова

Н. В. Золотаревъ, представителя мѣстныхъ сословныхъ и общественныхъ учреждений и масса народа. «Хар. Губ. Вѣд.»

— Въ гор. Харьковѣ 26-го сентября была совершена закладка новаго зданія судебныхъ установленій, въ присутствіи Министра Юстиціи, статсъ-секретаря Н. В. Муравьева, начальника губерніи, губернскаго предводителя дворянства, старшаго председателя судебной палаты, председателя окружнаго суда и другихъ чиновъ судебного вѣдомства, а также—командира 10-го армейскаго корпуса, управляющаго государственными имуществами Харьковской и Полтавской губерній, председателя губернской земской управы, городского головы, ректора университета и другихъ лицъ. Богослуженіе на означенномъ торжествѣ совершено Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, въ сослуженіи съ соборнымъ духовенствомъ. По окончаніи молебствія, Архіепископъ Амвросій поздравилъ Министра Юстиціи съ постройкой судебнымъ вѣдомствомъ въ Харьковѣ собственнаго зданія. Затѣмъ, статсъ-секретарь Н. В. Муравьевъ подошелъ къ городскому головѣ и, выразивъ ему свою личную благодарность и благодарность всего судебного вѣдомства за участливое отношеніе города къ нуждамъ этого вѣдомства и за содѣйствіе его въ постройкѣ новаго зданія суда безвозмезднымъ отводомъ мѣста, просилъ передать эту благодарность харьковской городской думѣ. Для рабочихъ былъ устроенъ обѣдъ, который почтилъ посѣщеніемъ Министръ Юстиціи, провозгласившій тостъ за Государя Императора, покрытый многократнымъ „ура“. «Хар. Губ. Вѣд.»

— «С.-Пет. Дух. Вѣст.» сообщаетъ слѣдующія новѣйшія статистическія данныя о религіяхъ. На земномъ шарѣ число жителей возросло въ настоящее время до 1534 милліоновъ, исповѣдующихъ 1100 религій. Число христіанъ опредѣляется въ 490 милліоновъ, въ частности—римскихъ католиковъ 221 милліонъ, православныхъ 94 милліона, протестантовъ съ ихъ подраздѣленіями 165 милліоновъ и сверхъ того до 10 милліоновъ различныхъ сектантовъ. Къ нехристіанскимъ народамъ принадлежатъ 1) около 7—8 милліоновъ іудеевъ, 2) 178 милліоновъ магометанъ, исповѣдующихъ исламъ и распадающихся на суннитовъ, шіитовъ и валгабитовъ, и около 70 другихъ магометанскихъ сектъ, 3) около 858 милліоновъ азычниковъ, изъ нихъ исповѣдующихъ браминскую вѣру 147 милліоновъ, буддистовъ (въ Монголіи, Индокитаѣ, Китаѣ и Японіи) 510 милліоновъ; послѣдователей другихъ языческихъ религій считается около 200 милліоновъ. Безъ всякой религіи до сихъ поръ

не найдено на земномъ шарѣ ни одного народа. Въ Японіи распространѣннѣйшею традиціонною религіею считается шинтоизмъ, состоящій въ почитаніи солнца и предковъ. Здѣсь съ успѣхомъ проповѣдывалъ христіанство съ 1549 г. католическій монахъ іезуитскаго ордена Францъ Ксаверъ. Но неблагоразумныя попытки позднѣйшихъ католическихъ миссіонеровъ вмѣшиваться въ политическія дѣла страны имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что, въ продолженіе первыхъ десятилѣтій XVII в. христіанство подверглось жестокому преслѣдованію и было искоренено, а иностранцамъ въбраненъ былъ доступъ на островъ. Въ настоящее время христіанство въ Японіи разрѣшено, и число его послѣдователей изъ года въ годъ увеличивается. Государственною религіею въ Китаѣ признается ученіе Конфуція, которое рекомендуетъ самопознаніе и учитъ, что всѣмъ въ мірѣ и жизни человѣка заправляетъ судьба. Религіознымъ главою въ странѣ признается императоръ. Въ массѣ низшихъ классовъ народонаселенія господствуетъ культъ предковъ и грубое идолослуженіе. Въ Китаѣ послѣдователи христіанства были уже въ средніе вѣка; въ позднѣйшее время здѣсь проповѣдывали христіанство католическіе и съ начала нынѣшняго столѣтія евангелическіе миссіонеры. Но такъ какъ китайская государственная политика представляла всякія препятствія и затрудненія иностранцамъ, то многіе императоры преслѣдовали христіанъ и старались, хотя и тщетно, совсѣмъ уничтожить христіанство въ своей странѣ. Въ настоящее время христіанство въ Китаѣ разрѣшено мѣстными государственными законами. Въ древнемъ Сихемѣ, у подножія горы Гаризина, проживаетъ небольшая община Самаритянъ. Курды по Даніелю колеблются въ признаніи своимъ религіознымъ главою между Христомъ и Магометомъ. Друзы представляютъ тайную магометанскую секту. Христіанъ считается въ Азіи всего около 15—16 милліоновъ и въ частности въ Индостанѣ, гдѣ усиливается господство англичанъ, считается 2¹/₂ милліона протестантовъ и католиковъ. Въ Либанонѣ живутъ марониты, нынѣ присоединившіеся къ римско-католической церкви. Въ пустынѣ Малабарской, гдѣ по преданію сперва проповѣдывалъ евангеліе ап. Фома, живетъ христіанская община, называющаяся себя по имени этого апостола. Часть ея уже присоединена къ римско-католической церкви, а другая придерживается несторіанской ереси.

— Въ одномъ изъ засѣданій Русскаго Географическаго Общества въ Петербургѣ полковникомъ М. М. Поморцевымъ было сдѣлано слѣдующее сообщеніе о предсказаніи погоды по мѣстнымъ признакамъ и наблюденіямъ. Масса наблюденій, сдѣланныхъ во

время поднятій на воздушныхъ шарахъ, заставляеть приурочивать измѣненіе погоды въ измѣненіямъ атмосферныхъ теченій на разныхъ высотахъ, въ связи съ формами распредѣленія атмосфернаго давленія на землѣ. Скорость теченій воздуха на разныхъ высотахъ теперь изучаютъ посредствомъ наблюденій надъ видами облаковъ. Скорость верхнихъ и нижнихъ теченій въ атмосферѣ отражается на состояніи барометра въ данномъ мѣстѣ и на послѣдующихъ въ немъ измѣненіяхъ. Нижнія облака называютъ вообще кучевыми, а верхнія облака—перыстыми. Каково бы ни было давленіе—вѣтеръ на высотѣ кучевыхъ облаковъ совпадаетъ съ направленіемъ ливня, соединяющей мѣста съ одинаковыми состояніями барометра. Верхнія теченія воздуха на высотѣ перыстыхъ облаковъ, то-есть на высотѣ 3—4 тыс. метровъ, не зависятъ отъ нижнихъ. Замѣчено что барометръ падаетъ, если скорость перыстыхъ облаковъ увеличивается, и подымается, когда возрастаетъ скорость движенія низкихъ, кучевыхъ облаковъ. Отъ сочетанія движеній низкихъ и верхнихъ облаковъ происходятъ всѣ измѣненія атмосферы. Поэтому вполне возможно предсказывать погоду на основаніи наблюденій скорости движеній и формы облаковъ. М. М. Поморцевъ уже болѣе двухъ лѣтъ занимается приложеніемъ этихъ выводовъ къ практическимъ цѣлямъ для предсказанія погоды и пришелъ къ выводу что только на основаніи мѣстныхъ признаковъ и наблюденій можно вѣрно предсказывать погоду. Докладчикъ на экранѣ демонстрировалъ цѣлый рядъ фотографическихъ снимковъ различныхъ облаковъ и длинную серію картъ, рисующихъ состояніе погоды въ различные моменты и составленныхъ на основаніи изученія движеній и формы облаковъ.

«Моск. Вѣд.»

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

КУНО ФИШЕРЪ.

О СВОБОДѢ ЧЕЛОВѢКА.

Съ приложеніями:

1. Трататъ Лейбница «О свободѣ».
 2. Письма его же къ Коету: «О необходимости и случайности». Переводъ со втораго нѣмецкаго изданія Семена Грузенберга, подъ редакціей проф. М. И. Свѣшникова.
- С.П.Б. 1899 г. Ц. 30 в.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Въ книжный складъ Тобольскаго Епархіальнаго Братства поступилъ для продажи новая книга подъ названіемъ:

„Краткія свѣдѣнія по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола, изложенныя по вопросамъ и отвѣтамъ“.

Книга составлена преподавателемъ Тобольской Духовной Семинаріи *В. А. Ивановскимъ*. Съ требованіемъ надобно обращаться въ Тобольское Епархіальное Братство Св. Великомученика Димитрія Солунскаго. Тобольскъ.

Цѣна 45 коп. за экземпляръ съ пересылкою. 1899 г.

ХРОМОЛИТОГРАФІЯ

Д. Н. ПЛЮЩЕВА

взявъ на себя инициативу распространенія Аѳонско-Ильинскаго изданія иконъ, книгъ, брошюръ и листовъ духовно-нравственнаго содержанія, предлагаетъ пастырямъ и старостамъ церквей, а также братствамъ и монастырямъ, выписывать таковыя на комиссію. Цѣны самыя дешевыя.

Иконы хромолитографскія на бумагѣ въ 14 красокъ лакированныя:

8 вершк. за 1,000 экзempl.	55 руб.
6 > > 1,000 >	32 >
4 > > 1,000 >	13 >
3 > > 1,000 >	7 >

Листки въ 4 стран. за 1,000 шт. 4 р. 50 к.

> > 8 > > 1,000 > 7 > 20 >

Односторонніе листы > 1,000 > 6 > 75 >

Иконъ имѣется до 500 названій и листовъ до 400 №, а также большой выборъ книгъ и брошюръ духовно-нравственнаго содержанія.

По желанію высылается иллюстрированный каталогъ бесплатно.

По изъявленіи согласія товаръ высылается немедленно.

АДРЕСЪ: Одесса, Хромолитографія Д. Плющева, Средне-Фонтанскій улица, собственный домъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

31 Октября № 20 1899 года.

Содержаніе. Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа н. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектанствомъ селеній.— Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897/8 учебный годъ.— Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго уездскаго округа, бывшаго 21 сентября настоящаго года.— Журналы Съѣзда духовенства Купянскаго уездскаго округа, бывшаго 1 сентября 1899 г.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа н. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектанствомъ селеній.

Сектанство въ Харьковской епархіи съ первыхъ дней его появленія встрѣтило энергическій отпоръ со стороны епархіальнаго начальства и приходскихъ пастырей. Въ то время когда на югѣ бурнымъ потокомъ широко распространялась злокачественная штунда, Высокопреосвященный Амвросій, желая заблаговременно предохранить свою паству отъ заблужденій, еще до появленія ея въ предѣлахъ епархіи особымъ архипастырскимъ посланіемъ взывалъ къ народу и духовенству, приглашая всѣхъ вооружиться противъ „волка хищнаго, облеченнаго въ овечью одежду“. Тогда же были организованы и первыя мѣры миссіонерской борьбы съ надвигающеюся опасностію. Но пагубное сектанство, руководимое опытными и въ высшей степени хитрыми вожаками все-таки проникло и значительно распространилось въ Харьковской епархіи. По мѣрѣ его распространенія усиливались и мѣры противоудѣствія ему со стороны духовенства подъ руководствомъ учрежденнаго въ епархіи Миссіонерскаго Совѣта. Въ настоящее время Харьковская епархіальная миссія представляетъ собою значительную силу въ духовенствѣ не только со стороны внѣшней организаціи, но и по внутреннему своему состоянію.

По своей внѣшней организаціи она представляетъ тѣсный союзъ въ дѣятельности церковно-школьной, приходской, благочиннической братской или окружной и обще-епархіальной. Во главѣ церковно-школьной и приходской миссіи стоитъ приходскій священникъ какъ законоучитель и руководитель школьнаго образованія и воспитанія въ духѣ православной церкви и какъ главный миссіонеръ въ подвѣдомомъ ему приходѣ. Ближайшими его помощниками въ дѣлѣ приходской миссіи являются высшіе члены клира и, какъ показываетъ практика многихъ приходоѡ, міряне, особенно обратившіеся изъ штунды. Школа, будучи пособникомъ миссіи съ особою программу по Закону Божию для сектантскихъ селеній, является предохранительнымъ средствомъ для подростющаго поволенія. Съ цѣлю объединенія приходскихъ миссій и точнаго опредѣленія состоянія приходоѡ въ религіозно-нравственномъ отношеніи въ концѣ каждаго года устраиваются такъ называемые благочинническіе съѣзды духовенства. Здѣсь на собраніи духовенства всѣхъ приходоѡ благочинія составляется общая картина состоянія сектанства въ цѣломъ благочиніи въ сравненіи съ предшествующими годами и вырабатываются путемъ совмѣстнаго обсужденія общія мѣры и средства для дальнѣйшей пастырской дѣятельности. Кроме того въ самомъ духовенствѣ чрезъ братское вліяніе членоѡ его другъ на друга на этихъ съѣздахъ пробуждается сознаніе важности миссіонерскаго служенія и дѣятельнаго участія въ немъ, а трудящимся на миссіонерскомъ поприщѣ пастырямъ дается возможность найти здѣсь нравственную поддержку, помощь, и руководство. Съ тою же миссіонерскою и религіозно-просвѣтительною цѣлю въ епархіи учреждены два братства—Бѣлопольское Рождество-Богородичное и Старобѣльское Николаевское. Оба эти братства не только по своимъ цѣлямъ, но и по составу его членоѡ объединяютъ собою въ ближайшихъ благочинническихъ округахъ и уѣздахъ не только лицъ духовныхъ но и свѣтскихъ, всякаго званія и состоянія. Журналы совѣщаній благочинническихъ и братскихъ округоѡ и краткіе отчеты о состояніи расколо-сектанства и миссіонерской дѣятельности въ означенныхъ районахъ представляются на разсмотрѣніе и утвержденіе Миссіонерскаго Совѣта, какъ главнаго обще-епархіальнаго миссіонерскаго органа во главѣ съ Его Высокопреосвященнымъ Предсѣдателемъ. Всѣ члены миссіонерскаго Совѣта на ряду съ епархіальнымъ миссіонеромъ суть живые дѣятели миссіи и почти исключительно лица съ академическимъ образованіемъ.

Казалось бы, что такая организація миссіонерской борьбы съ сектанствомъ должна была бы въ самомъ непродолжительномъ времени обнаружить рѣшительные плоды. Но не дремящее сектанство, ухищряясь въ средствахъ совращенія, упорно старается оказывать противодѣйствіе, опираясь на своихъ хитроумныхъ и свѣдущихъ руководителей. Въ лицѣ этихъ послѣднихъ духовенство теперь видитъ предъ собою не невѣжественныхъ крестьянъ, а закаленныхъ въ полемяхъ сектантовъ и даже получившихъ образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и специальныхъ штудовыхъ семинаріяхъ. Вслѣдствіе этого является необходимость и со стороны духовенства усовершенствоваться въ приемахъ борьбы, ибо исходъ ея всегда будетъ зависѣть отъ того, въ какую цѣль направляется нападеніе и съ той ли стороны располагается защита. Въ этомъ отношеніи и признано необходимымъ объединить разрозненные усилія единолично борющихся миссіонеровъ, сообщить имъ надлежащія указанія въ соотвѣтствіе нападкамъ со стороны сектантовъ, указать путемъ практическаго выясненія методъ борьбы съ современнымъ сектанствомъ и притомъ въ виду его живыхъ дѣятелей,—однимъ словомъ, возникла необходимость, хотя въ три года разъ, устраивать засѣданія Миссіонерскаго Совѣта съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектанствомъ селеній. Потребность въ такомъ совѣщаніи давно уже была заявляема и со стороны духовенства, особенно сельскаго. Для него было необходимо сдѣлать провѣрку собственной дѣятельности съ примѣрами другихъ и къ личному опыту присоединить руководственные указанія авторитетныхъ дѣятелей миссіи.

Первымъ опытомъ подобнаго рода миссіонерскаго совѣщанія, возбудившимъ глубокій интересъ со стороны духовенства и имѣвшимъ неоспоримо глубокое миссіонерское значеніе, былъ Съѣздъ духовенства, открытый Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ 18—20 августа текущаго года. Предполагая открыть совѣщаніе въ это именно время, какъ наиболѣе удобное по мѣстнымъ условіямъ, Миссіонерскій Совѣтъ заблаговременно еще въ декабрѣ прошлаго года сдѣлалъ всѣ необходимыя распоряженія и подготовилъ все необходимое какъ съ своей стороны, такъ и со стороны имѣвшаго явиться на Съѣздъ духовенства.

Общее руководство и наблюденіе за ходомъ и направленіемъ совѣщаній Высокопреосвященнымъ Амвросіемъ было поручено профессору Богословія о. протоіерею Т. Буткевичу. Самое же рас-

предѣленіе труда и степени участія въ совѣщаніяхъ между членами Миссіонерскаго Совѣта и вызванными священниками было сдѣлано слѣдующимъ образомъ.

Каждый членъ Миссіонерскаго Совѣта пріянялъ на себя трудъ по ознакомленію съ тѣмъ или другимъ видомъ сектанства въ епархіи, съ исторіею его возникновенія и постепеннаго развитія, съ мѣрами и способами борьбы съ нимъ и проч.; онъ же былъ и ближайшимъ руководителемъ въ бесѣдахъ съ приходскими священниками по сему предмету и въ рѣшеніи всѣхъ возникавшихъ здѣсь недоумѣній. Самъ главный руководитель совѣщательнаго собранія О. Буткевичъ взялъ на себя трудъ ознакомить духовенство съ основными догмами толстовщины не только въ ея теоретическихкихъ положеніяхъ, но также и съ настоящимъ ея развитіемъ и состояніемъ въ Харьковской епархіи на основаніи ея личныхъ наблюденій. По предмету штундизма бесѣды были ведены г. епархіальнымъ миссіонеромъ кандидатомъ богословія Д. И. Боголюбовымъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и руководителемъ совѣщаній по вопросамъ, касающимся этого предмета. Съ сектой хлыстовъ Собраніе было ознакомлено бывшимъ епархіальнымъ миссіонеромъ, кандидатомъ богословія свящ. о. Д. П. Твердохлѣбовымъ; со свопчествомъ—кандидатомъ богословія священникомъ Мироносицкой церкви въ г. Харьковѣ Н. Н. Любарскимъ; съ молоканствомъ изъявилъ согласіе ознакомить свящ. Христо-Рождественской церкви кандидатъ богословія А. Ѳ. Базановскій и, наконецъ, секретаремъ Собранія избранъ кандидатъ богословія г. епархіальный наблюдатель В. Ѳ. Давыденко.

Но чтобы сами священники были обстоятельно подготовлены къ рѣшенію разнаго рода вопросовъ, имъ въ свою очередь заблаговременно были предложены каждому въ отдѣльности особыя намѣченные Миссіонерскимъ Совѣтомъ вопросы для разработки и размышленія путемъ изученія не только существующей литературы, но главнымъ образомъ въ примѣненіи къ рѣшенію ихъ сектантами подвѣдомыхъ имъ приходоѡ. Вопросы эти по нуждамъ времени и по характеру самаго сектанства съ рационалистическимъ характеромъ отличались полемическимъ характеромъ, были взяты непосредственно изъ опыта и въ своемъ рѣшеніи были направлены къ ихъ обличенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждому члену Миссіонерскаго Совѣта, равно какъ и каждому члену собранія было предоставлено право принимать участіе въ обсужденіи всѣхъ те-

кущихъ вопросовъ, такъ что самое совѣщаніе должно было носить характеръ братства, члены коего должны быть назидаемы опытомъ и знаніемъ своихъ собратьевъ.

Такимъ образомъ, это не тотъ Миссіонерскій Съѣздъ, бывшій въ 1896 г. въ г. Харьковѣ, когда духовенство подѣ сильнѣйшимъ напоромъ сектанства, искало помощи и ободренія во взаимномъ совѣщаніи съ цѣлю выработки общихъ мѣръ и средствъ для борьбы съ нимъ; это и не тѣ съѣзды, устраниваемые повсемѣстно въ Россіи съ цѣлю ознакомленія съ наличнымъ состояніемъ расколо-сектанства и выработки гражданскихъ мѣръ и законоположеній по предмету борьбы съ сектанствомъ. Настоящее собраніе имѣло чисто пастырскій характеръ съ цѣлю уясненія себѣ средствъ пастырской борьбы съ врагами церкви и православія. Яснѣе всего о характерѣ и цѣляхъ Собранія можно судить на основаніи самыхъ вопросовъ, имѣвшихъ подлежать рѣшенію Съѣзда, каковыя вопросы заранѣе были представлены на разъясненіе участникамъ Съѣзда и будутъ изложены ниже.

Уже изъ простаго перечня намѣченныхъ вопросовъ видно, насколько разносторонни должны быть занятія совѣщательнаго Собранія, насколько полно и обстоятельно обнималась программа всѣхъ затрагиваемыхъ сектантами вопросовъ и какъ много вниманія и труда надлежитъ имѣть духовенству, чтобы всегда быть на высотѣ своего званія и призванія.

Хотя подобное совѣщаніе, представляя собою весьма назидательную пастырскую школу, было бы необходимо для всѣхъ вообще приходскихъ пастырей, но по нуждамъ времени и ограниченности средствъ Миссіонерскаго Совѣта было вызвано только 30 священниковъ изъ приходовъ, зараженныхъ сектанствомъ, съ предоставленіемъ права присутствовать и принимать участіе въ оныхъ и всѣмъ другимъ пастырямъ, желавшимъ прибыть сюда на свои средства. Вслѣдствіе этого независимо отъ лицъ официально вызванныхъ, по собственному желанію явилось свыше 60 священниковъ и семинаристовъ во главѣ съ о. Ректоромъ Семинаріи и свѣтскихъ лицъ, которые присутствовали не только въ качествѣ стороннихъ слушателей, но принимали также и активное участіе, всякій разъ по особому на то разрѣшенію о. предсѣдателя.

Мѣстомъ открытія засѣданія послужило Харьковское Епархіальное Женское Училище. Въ зданіи Епархіальнаго Училища, Предсѣдателемъ Совѣта Училища о. Т. Буткевичемъ и Начальницей Е. Н. Гейцыгъ, священникамъ—миссіонерамъ былъ оказанъ самый

радушный пріемъ. Въ ихъ распоряженіе было отведено зданіе больницы, гдѣ они, будучи изолированы отъ самаго училища, пользовались полнымъ покоемъ. Утромъ и вечеромъ—чай съ бѣлымъ хлѣбомъ, обѣдъ изъ трехъ блюдъ и ужинъ изъ одного блюда были исполнѣ достаточными и питательными. Всѣ путевыя издержки Миссіонерскимъ Совѣтомъ приняты были за свой счетъ.

Для совѣщаній Съѣзда первоначально былъ отведенъ въ зданіи училища небольшой залъ, но стеченіе инопороднаго духовенства было столь многочисленно, что вскорѣ засѣданія Съѣзда были переведены въ другой болѣе свѣтлый и обширный залъ училища.

18 августа утромъ съ благословенія Высокопреосвященнаго Владыки послѣ пѣнія „Царю Небесный“ засѣданія были открыты руководителемъ Собранія о. Т. Бутковичемъ, который въ своей задушевной и проникнутой опытомъ многолѣтней миссіонерской дѣятельности рѣчи ознакомилъ слушателей съ цѣлями и задачами настоящаго Съѣзда приблизительно въ слѣдующихъ чертахъ.

Привѣтствую васъ, досточтимые отцы и братья, съ открытіемъ настоящаго миссіонерскаго собранія. Созванные сюда волею Высокопреосвященнаго Архипастыря, дабы въ теченіе нѣсколькихъ дней путемъ совместнаго обсужденія разработать вопросы о мѣрахъ дальнѣйшей пастырской борьбы съ сектанствомъ, мы искренно и со всѣмъ усердіемъ должны воспользоваться этимъ новымъ случаемъ взаимнаго назиданія. Не для наставленія или полученія какихъ либо инструкцій собрались мы сюда, но для того, чтобы во взаимномъ общеніи своихъ мыслей, чувствъ и стремленій еще разъ сознать свое пастырское единеніе, чтобы укрѣпиться общимъ духомъ и, снова ободравшись, вооружиться обновленными силами противъ врага церкви, воинствующаго сектанства. Уже не въ первый разъ мы объединяемся въ тѣхъ же цѣляхъ, не въ первый разъ и мы имѣемъ случай бесѣдовать съ вами и на мѣстахъ вашего служенія и на публичныхъ миссіонерскихъ съѣздахъ. Но если тамъ вы поучались и ожидали руководственныхъ указаній для борьбы съ сектанствомъ, то теперь, укрѣпленные въ борьбѣ съ нимъ и обогащенные миссіонерскимъ опытомъ, вы наравнѣ съ членами Миссіонерскаго Совѣта будете принимать участіе въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ, касающихся сектанства.

Будемъ же откровенны и искренни, примемъ живѣйшее участіе въ близкомъ намъ дѣлѣ,—только искреннее и самостоятельное участіе ваше принесетъ благіе плоды Собранію и увѣнчаетъ дѣло

полнымъ успѣхомъ. Искренность создаетъ почву для единенія, а единеніе—главная основа христіанскаго братства, безъ котораго всякая миссіонерская дѣятельность будетъ слабою и безплодною.

По духу самаго времени непостояннаго и шаткаго въ вопросахъ религіи намъ необходимо возможно близкое внутреннее единеніе. Повсюду видны нами братья явные и тайные, постоянно умножающіеся въ своемъ количествѣ, а число друзей съ каждымъ днемъ уменьшается. Намъ не обижаетъ лишь тотъ, кто не захочетъ обидѣть.

Время наше такое, когда образованные люди, увлеченные ложнымъ либерализмомъ, идутъ въ среду народа и всевозможными способами стараются увлечь его на путь мнимой свободы, когда въ народѣ, къ нашему удивленію, подъ ихъ влияніемъ создается живой откликъ—открытое противорелигіозное и противуправительственное движеніе, а наши передовые лже-либералы графъ Толстой, кн. Хилковъ, Чертковъ и ихъ единомышленники, обольщенные бѣсовскою горделивостію и самоиѣніемъ, ища славы геростратовъ и не разбирая въ средствахъ, стараются подорвать самыя основныя вѣковые устои жизни русскаго народа: православіе, самодержавіе и народность. Для достиженія своихъ средствъ они жертвуютъ всѣмъ: они не жалѣютъ своихъ имуществъ, тратятъ деньги, не падаютъ религіи, науки и даже собственной совѣсти. Кто повѣритъ такимъ людямъ, что они ищутъ блага народнаго, кто усумнится въ томъ, что графъ Толстой, содѣйствуя выселенію несчастныхъ дукоборовъ и нашихъ Павловскихъ сектантовъ, заботится объ улучшеніи ихъ благосостоянія, а не о собственной славѣ, о желаніи увязить наше правительство въ глазахъ Западной Европы, доказавъ, будто бы невозможна въ Россіи нормальная жизнь, благополучіе народа и свобода совѣсти.

Время наше, далѣе, такое, когда рационалистическое сектанство въ видѣ самыхъ разнообразныхъ сектъ открыто и нагло борется съ церковью, создавая свою лже-церковь и вѣрученіе, когда штунда и толстовщина, распространяясь среди народа, расшатываетъ въ корнѣ основы жизни семейной и общественной, когда напѣ по природѣ набожный народъ теряетъ преданность церкви, уваженіе къ духовенству, вѣру въ божественное откровеніе и любовь къ ближнему, когда, наконецъ, и преданность Государю начинаетъ замѣтно ослабѣвать даже среди простаго народа, который какъ это было въ Павловкахъ, не постѣснялся въ присутствіи чиновника особыхъ

порученій при Оберъ-Прокурорѣ Св. Синода В. М. Скворцовѣ, въ самыхъ обидныхъ для русскаго чувства выраженіяхъ говорить объ Августѣйшей Особѣ Государя Императора.

Вому же какъ не намъ, представителямъ церкви и хранителямъ вѣры православной, надлежитъ выступить на борьбу съ врагами, кто какъ не духовенство, всегда защищавшее православную Русь отъ навѣтовъ вражнихъ и въ данное время будетъ ограждать ее отъ столь многочисленныхъ ея враговъ.

Понятно, почему духовенство такъ ненавистно Толстому съ еднородными и всѣмъ вообще сектантамъ: о немъ говорятъ они не иначе какъ съ презрѣніемъ, относятся къ нему враждебно и употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы подорвать его авторитетъ и его вліяніе на народъ. Ему не сочувствуютъ даже тогда, когда оно, ставши во главѣ дѣателей по народному образованію, обнаружило такія учительныя силы, какихъ тщетно было бы ожидать отъ другого какого либо сословія, вѣдомства или учрежденія. Въ послѣднее время даже и печать, не щадя народныхъ чувствъ и дорогихъ его преданій, открыто выступаетъ противъ Церкви и духовенства, силясь унижить и поколебать ее; и это не только за границей, но къ удивленію даже и у насъ въ Россіи. Вспомнимъ же-либеральный органъ вн. Ухтомскаго, гдѣ такъ недавно на страницахъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей Дурново не устыдился бросить грязью въ самое лоно Православной Церкви—Св. Синодъ, высшихъ представителей церкви, бѣлое и черное духовенство. Къ сожалѣнію, этотъ органъ печати далеко не единичный; есть не мало и другихъ такихъ же органовъ, которые, давая убѣжище самому грубому отрицанію, признаютъ хорошимъ лишь то, что направлено противъ религіи, духовенства и существующаго государственнаго порядка.

Время наше такое, когда отрицаніе становится модною доктриною и мнимымъ признакомъ современной образованности, когда ложные учителя народа, все отвергая, на мѣсто его не даютъ ничего новаго и положительнаго, когда безпочвенность, легкомысленное отношеніе къ самымъ важнѣйшимъ вопросамъ вѣры и жизни, паденіе нравственныхъ устоевъ дѣлается удѣломъ не только людей невѣжественныхъ, но и образованныхъ, когда эти послѣдніе считаютъ сектантовъ обновленными христіанами, самое христіанство религіей отжившей и устарѣлой, а духовенство мрачною силою, задерживающею культурный ростъ народа.

Здѣсь ли не нужно пастырскихъ собраній? здѣсь ли намъ не объединяться силами и средствами борьбы съ духомъ времени?

Мало этого, необходимы намъ возможно частыя собранія и въ виду характера самаго сектанства, быстро развивающагося, крайне измѣнчиваго и непостояннаго. Сектанство—сила непрерывно ползущая и такое явленіе религіозной жизни нашего народа, съ которымъ не въ состояніи ознакомить насъ ни школа, ни наука. Школа имѣетъ дѣло съ явленіями установившимися, наука расколо-ученія подвергаетъ суду своему явленія жизни уже протекшія и отходящія въ область исторіи, одѣивая ихъ, такъ сказать, заднимъ числомъ. Съ такими знаніями на борьбу съ сектантами выступать нельзя. Правда, мы сильны догматическимъ образованіемъ, имѣя подъ собою твердыя начала вѣроученія и нравоученія, основанныя на Св. Писаніи и Св. Преданіи, семи вселенскихъ соборахъ, ученія отцовъ и учителей церкви, и въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ эти истины были преподаны намъ церковію. Не то представляетъ собою сектанство; догма его ученія еще не установилась: одно принимая, другое оставляя безъ вниманія, оно не знаетъ ничего священнаго, чего бы нельзя отвергнуть и ничего такого, чего бы нельзя принять себѣ въ руководство. Еще на Казанскомъ Миссіонерскомъ Сѣздѣ, въ присутствіи 200 опытныхъ миссіонеровъ, обнаружилось, насколько разнорѣчивы и противорѣчивы между собою секты самыя родственныя, толики ученій, имѣющихъ своими представителями однихъ и тѣхъ же лицъ. Выйди изъ отрицательнаго источника, сектанство, какъ бы задалось цѣлю, все отрицая, въ самомъ отрицаніи видѣтъ свою жизнь, не останавливаясь ни на чемъ опредѣленномъ. Такія секты, какъ штунда, толстовщина, хлыстовщина и даже скопчество, повидимому, имѣющія общія начала своего вѣроученія, оказались столь разнообразными, что положительно затруднительно высказывать о нихъ общее сужденіе и рекомендовать одни и тѣ же средства борьбы съ ними. Даже въ одной и той же мѣстности, какъ напр. у насъ въ Харьковской епархіи, наблюдается самая быстрая смѣна самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ лжеученія однихъ и тѣхъ же сектъ, что со всею наглядностью обнаружилось изъ протоколовъ 30 миссіонерскихъ благотворительныхъ сѣздовъ духовенства прошлаго года.

При такихъ условіяхъ школа и наука сами по себѣ совершенно бессильны; нужны пастырскія собранія, возможно частыя и ис-

креннія, съ цѣлю взаимнаго обмѣна мыслей и для выработки правѣной указаннымъ средствъ и способовъ борьбы съ пагубнымъ сектанствомъ.

Но не только для пастырской борьбы необходимо намъ взаимное пастырское единеніе. Мы по сану своему, какъ пастыри и представители религіи, въ глазахъ гражданской власти являемся свѣдущими экспертами, къ которымъ обращаются за рѣшеніемъ, къ каковъ сектѣ принадлежатъ тѣ или другіе подсудимые. На основаніи одного нашего отзыва, правильнаго или ошибочнаго, судебное дѣло оканчивается или такъ или иначе. Какъ важна въ данномъ случаѣ надлежащая экспертиза: въ зависимости отъ нея сектанство падаетъ или торжествуетъ. И какъ прискорбно бываетъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ! Наши законы и безъ того такъ гуманны, какъ трудно встрѣтить даже въ Австріи, столь свободной и либеральной странѣ: вѣроотступниковъ не судятъ и даже не всякое сектанство отвѣтственно предъ закономъ. Закону подсудны лишь тѣ сектанты, которые, вмѣстѣ съ нарушеніемъ религіозныхъ началъ, попираютъ семейныя и общественныя основы жизни. Интересы церкви повидимому мало еще касаются нашихъ законовъ: законъ судитъ скопчество—не за вѣрованія, но лишь за членовредительство; законъ преслѣдуетъ хлыстовство, но опять таки не за нѣкія религіозныя вѣрованія, но лишь за свальныя грѣхъ, разрушающія семейную жизнь и общественную нравственность.

Вотъ почему въ нашихъ рукахъ въ борьбѣ съ сектантами остаются одни лишь духовно-нравственныя средства. Время наше такое, когда нѣкоторые представители гражданской власти, которые должны были бы содѣйствовать церкви, не имѣя для этого достаточныхъ основаній и побужденій, являются не только индифферентными и холодными, но иногда прямо противоборствующими и разрушающими благія начинанія духовенства. А между тѣмъ наряду съ этимъ въ народѣ упорно распространяется живая клевета, будто бы миссіонеры суть не что иное, какъ агенты полиціи, а самые пастыри только орудіе гражданской власти. Какъ больно слушать это и насколько это далеко отъ истины! Въ нашихъ рукахъ—одно орудіе и одна сила для борьбы,—и такимъ орудіемъ служить для насъ одна христіанская истина, своимъ свѣтомъ разгоняющая мракъ сектанскихъ заблужденій. Когда эта истина, ясно раскрытая и направленная прямо вопреки сектанскимъ заблужденіямъ, вразумитъ сектантовъ и когда благодать Божія коснется ихъ огрубѣлаго сердца и покажетъ путь жизни ко Христу, тогда наступаетъ наша радость, тогда и наша побѣда.

Но для этого нужно многое: необходимо и самообразованіе, и поднятіе пастырскаго авторитета, и совѣщанія, а наипаче собственный нашъ опытъ и любовь къ миссіонерству. Опытъ научить насъ распознавать членовъ сектанской общины, и понимать ихъ внутреннее душевное настроеніе. Для борьбы, для вразумленія заблудшихъ особенно важенъ нашъ личный опытъ и искренняя любовь къ заблудшимъ. Есть и среди сектантовъ люди искренніе, ушедшіе въ секту по религиознымъ побужденіямъ, но есть между ними не мало людей съ сожженной совѣстью, прельстившихся грубо корыстными расчетами. Штундовать, особенно въ настоящее время, очень выгодно. Организанія Россійской, губернскихъ и мѣстныхъ кассъ для поддержанія штундизма и для совращенія въ него посредствомъ подкупа, въ рукахъ вожаковъ сектанства столь сильное средство, что даже искренніе православные люди подъ давленіемъ нужды становятся въ ряды сектантовъ, надѣясь на матеріальную поддержку. Средства кассы, идущіе изъ за границы, отъ имцевъ колонистовъ, баптистовъ и штундистовъ такъ велики, что обычная благотворительная помощь христіанскихъ обществъ не въ состояніи оказать ей противовѣсъ. Припомнимъ только, какое сильное вліяніе имѣли на народъ чайныя и столовыя, учрежденныя для народа въ голодный 1889 г. Еще болѣе усилился штундизмъ въ послѣднее время, когда въ подраженіе православной іерархіи, имъ создана своя лже-церковь и своя, прочно организованная іерархія. Вы видите у нихъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, видите посланія церквей Харьковской, Кіевской, Херсонской, Петербургской и другихъ, находите у нихъ оживленную и самую бдительную переписку по вопросамъ вѣроученія, о состояніи общинъ и ихъ отдѣльныхъ членовъ, о распространеніи штундизма среди народа и борьбы его съ православною церковью. Есть у нихъ не мало и того, чего нѣтъ и у насъ: поручительство и ходатайство за новообращенныхъ въ штунду и охладѣвающихъ къ ней.

Вотъ съ кѣмъ надлежитъ вступить намъ въ борьбу; вотъ кого намъ приходится возвращать въ лоно Церкви православной!

Будемъ же пастырями добрыми, душу свою полагающими за овецъ своихъ! Воспользуемся надлежащимъ образомъ настоящимъ сѣвѣдомъ, дабы возвратиться въ свои приходы полными новой энергіи и духовныхъ силъ для борьбы съ сектанствомъ.

Послѣ этого собраніе было объявлено открытымъ!

В. Давыденко.

(Продолженіе будетъ).

Отчетъ Епархіального Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897⁷/₈ учебный годъ.

(Продолженіе *).

IV.

Сельско-хозяйственныя, ремесленныя и руководѣнныя занятія при церковныхъ школахъ. Отношеніе къ нимъ населенія.

Сельско-хозяйственныя занятія были: а) При Ворожбянскей второклассной школѣ Лебединскаго уѣзда—садоводство и огородничество, при Больше-Писаревской второклассной школѣ—садоводство и пчеловодство и при школахъ Харьковскаго уѣзда: Казачковской—садоводство и огородничество и Мало-Даниловской—садоводство и пчеловодство. Занятія при всѣхъ этихъ школахъ чужды были строгой системы и сводились къ усвоенію элементарныхъ свѣдѣній по указаннымъ отраслямъ путемъ практическихъ работъ въ саду, огородѣ и на пасѣбѣ. Благодаря этому заупущенный садъ при Ворожбянской школѣ въ настоящее время приходитъ въ надлежащій видъ; въ немъ подъ руководствомъ о. завѣдывающаго и младшаго учителя школы произведены учениками новыя посадки и пересадки деревьевъ, дѣти же производятъ поливку деревьевъ и имѣютъ постоянный уходъ за садомъ. Занятія по огородничеству дали въ зиму для воспитанниковъ, живущихъ въ общежитіи, достаточный запасъ картофеля, капусты, моркови, и другихъ овощей. При Казачковской школѣ на усадьбѣ, принадлежащей школѣ, дѣти подъ руководствомъ учителя насадили садикъ и ознакомились съ посадкою огородныхъ овощей. Но самую прочную и наиболѣе симпатичную постановку сельско-хозяйственныхъ занятія имѣютъ при Мало-Даниловской школѣ, гдѣ о. завѣдывающій школою Аѳанасій Толмачевъ преслѣдуетъ не только утилитарныя цѣли, но главнымъ образомъ воспитательныя. Садъ и питомникъ при школѣ заведенъ былъ одновременно съ открытіемъ школы на собственной усадьбѣ свящ. Толмачевымъ. Для первоначальной посадки дерева были принесены самими дѣтьми изъ своихъ садовъ и тутъ же подъ непосредственнымъ руководствомъ о. Аѳанасія были посажены съ должнымъ объясненіемъ

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», за 1899 г. № 19.

Вмѣстѣ съ тѣмъ была заведена и своя садовая школа, которая ежегодно вновь поступающими дѣтьми пополняется новыми посадками изъ зеренъ съѣденныхъ ими же яблокъ и грушъ. Лѣтомъ и осенью дѣти производятъ поливку и уходъ за своимъ садикомъ, а чрезъ годъ и два выросшія изъ зеренъ однолѣтнія и двулѣтнія деревья пересаживаютъ въ ямы ими самими заготовленныя въ зиму. Съ оставшимися же на грядкѣхъ дичками производятся окулировка. Далѣе слѣдуетъ очистка сада, снова копанье ямъ на новомъ отведенномъ для сада мѣстѣ, пересадка деревьевъ, посадка черенковъ и сѣмянъ,—садъ все болѣе увеличивается, работы также увеличиваются, а вмѣстѣ съ ними и самая практика дѣлается разностороннею. И гдѣ былъ раньше пустырь, теперь красуется прекрасный садикъ среди поля.

Не ограничиваясь школою, о. Аѳанасій побуждаетъ дѣтей завести садикъ и у себя дома, вслѣдствіе чего въ настоящее время каждый школьникъ посадилъ у себя нѣсколько деревьевъ, а у многихъ заведены и маленькіе садикъ. Такую же основательную постановку имѣетъ и преподаваніе пчеловодства въ Мало-Даниловской школѣ. Теоретически съ элементарными основаніями пчеловодства дѣти знакомятся по руководству Бутлерова, а практически на школьной пасѣкѣ, находящейся рядомъ со школьнымъ садикомъ. Каждый изъ оканчивающихъ курсъ обученія въ школѣ получалъ по одному улью, что въ значительной мѣрѣ способствовало развитію пчеловодства въ приходѣ о. Толмачева. Въ настоящее время во многихъ садикахъ, заведенныхъ дѣтьми—школьниками, виднѣются и небольшія пасѣки. А чтобы не обойти наградою и дѣвочекъ, оканчивающихъ курсъ въ Мало-Даниловской школѣ, практически-полезною наградою о. Аѳанасій ежегодно одной изъ нихъ выдаетъ лучшей породы телку, на средства школьной кассы, подерживаемой взносами самихъ учениковъ.

Слѣдуетъ однако сказать, что сельско-хозяйственныя занятія при церковно-приходскихъ школахъ Харьковской епархіи не находятъ благоприятныхъ мѣстныхъ условій прежде всего по отсутствію земли подъ садъ и огородъ, за исключеніемъ Больше-Писаревской второклассной школы (2100 кв. саж.) и Ворожбянской второклассной школы (4 дес.). Изъ другихъ же школъ имѣются незастроенныя дворовыя мѣста при школахъ: а) Александрo-Невской въ г. Харьковѣ (700 кв. саж.); б) *Харьковскаго* уѣзда: Мироновской (1000 кв. саж.), Казяковской (1 десят.); *Ахтырскаго* уѣзда: Ясе-

новской; г) *Богодуховскаго* уѣзда: Мирянской (1200 кв. саж.), Александровской (1200 кв. саж.), Больше-Писаревской при Николаевской церкви (300 кв. саж.), Кручанской (1200 кв. саж.), Старорябинской (300 кв. саж.); д) *Валковскаго* уѣзда: Ново-Водолазской двухклассной (512 кв. саж.), Проснянской (300 кв. саж.), Снѣжковской (800 кв. саж.); е) *Зміевскаго* уѣзда: Плесовской (1 дес.) и Андреевской (2 дес.); ж) *Старобѣльскаго* уѣзда: Евсупской, Марковской, при Троицкой церкви, Ганусовской и Бѣлолуцкой, при Троицкой церкви; з) *Сумскаго* уѣзда: при Сумской, въ Николаевскомъ приходѣ.

Всѣ указанные участки служатъ нуждамъ школы, а не учебнымъ цѣлямъ. При всѣхъ же остальныхъ школахъ, въ большинствѣ, находящихся при церквахъ, не имѣется и такой собственности. Поэтому ожидать развитія сельско-хозяйственныхъ занятій въ школахъ можно лишь тогда, когда въ силу Высочайшаго опредѣленія отъ 12 мая 1897 года объ отводѣ начальнымъ училищамъ земельныхъ участковъ отъ казны школы будутъ снабжены въ достаточномъ количествѣ землю, а специальные курсы сельскаго хозяйства дадутъ хорошихъ и опытныхъ учителей.

Специальные и правильно-организованные ремесленные классы были открыты при Больше-Писаревской второклассной школѣ. При ней введены ремесла: столярное, токарное и переплетное. На учебныя средства, изысканныя о. завѣдующимъ свящ. Доброславскимъ при пособіи отъ общества, приобрѣтенъ наборъ самыхъ необходимыхъ инструментовъ, при чемъ переплетные станки изготовляются самими учениками. Переплетное ремесло преподаетъ безвозмездно Я. Чебановъ, изучившій означенное ремесло на курсахъ. Въ истекшемъ году ученики довольно хорошо освоились съ этимъ несложнымъ мастерствомъ: ими переплетена значительная часть книгъ изъ школьной библіотеки—работа прочная, чистая и красивая. Что касается столярнаго, и токарнаго ремесла—они преподаются специальными практиками—учителями изъ мѣстныхъ крестьянъ съ платою: учителю—столяру 7 руб. въ мѣсяцъ и учителю токарнаго ремесла 6 руб. въ мѣсяцъ. Обязательное посѣщеніе учениками ремесленныхъ классовъ, четыре раза въ недѣлю. Продолжительность обязательныхъ занятій 2 часа, при чемъ ученики для удобства занятій раздѣляются на три группы. Въ концѣ каждой недѣли ученики даютъ отчетъ въ занятіяхъ и представляютъ о. завѣдующему образцы ученическихъ работъ. Работы производятся са-

ны простыя, примѣнительно къ крестьянскому быту: табуреты, голы, окна, прѣлки и проч. Цѣль преподаванія означенныхъ ремеслъ ученикамъ второклассной школы полагается не столько въ томъ, чтобы приготовить изъ нихъ опытнаго мастера, но чтобы знакомить ихъ съ изготовленіемъ самыхъ необходимыхъ въ крестьянскомъ быту предметовъ, что въ будущемъ должно внести съимью крестьянина нѣкоторое благосостояніе. Переплетное ремесло и Ворожбянской школѣ возникло, можно сказать, случайно. Одинъ изъ учениковъ этой школы оказался знающимъ это ремесло; о. вѣдывающій священникъ Рубинскій уступилъ въ пользованіе школѣ гѣвшіеся у него инструменты и всѣ воспитанники въ свободное время другъ отъ друга научались переплетать книги. Что касается Славянской второклассной школы, то, съ ованчаніемъ устройства мастерскихъ, въ ней имѣютъ быть введены: столярное, слесарное и сапожное ремесло, а въ Ворожбянской—слесарно-плотничье. Вообще же слѣдуетъ замѣтить, что безъ ожидаемой субсидіи на жалованье специальнымъ мастерамъ и первоначальную организанцію мастерскихъ, ремесленные классы не могутъ быть поставлены на должную высоту. Что касается Больше-Писаревской второклассной школы, то хотя здѣсь и заводится образцовое пчеловодство и школа садоводства, но насколько эта отрасль дѣятій можетъ быть ведена съ успѣхомъ при школѣ, покажетъ будущее.

Учредительные классы въ отчетномъ году были при церковныхъ школахъ: а) *Ахтырскаго* уѣзда: при трехъ женскихъ школахъ, б) *Бодуховскаго* уѣзда: при Больше-Писаревской Успенской и Больше-Писаревской, в) *Валковскаго* уѣзда: при Одрянской и Колодской Успенской, г) *Волчанскаго* уѣзда: при Рубежанской синагогической и временныя въ школахъ, гдѣ состоятъ учительницы, *Зміевскаго* уѣзда: при Звѣдковской, Лебяжской, Осиновской, Тежской и Чугуевской Николаевской, е) *Изюмскаго* уѣзда: при Иванской Воскресенской школѣ для дѣвочекъ, Богодаровской и Янской, ж) *Купянскаго* уѣзда: при Покровской церковно-приходной школѣ, з) *Лебединскаго* уѣзда: при Бобринской Маріинской, Ольшанской Сергіе-Анастасіевской, Марковской, и) *Турбовльскаго* уѣзда: при 8 церковныхъ школахъ, і) *Сумскаго* уѣзда: при Алексѣевской, Басовской, Больше-Черпетчинской, Бѣлоуской Пророко-Ильинской, Велико-Бобринской, Верхне-Сарватской, Водолажской, Ворожбянской, Лохнянской, Могрицкой, Нико-

лаевской, Степановской, Стецковской, Сумской Николаевской, Сумской Петро-Павловской, Сумской Рождество-Богородичной, Сумской Троицкой, Ульяновской, Хотѣновской, Юнаковской, Бѣлопольской Петро-Павловской, Николаевской Рождество-Богородичной, Старосельской и Токаровской, в) въ г. Харьковѣ при Свято-Духовской и Озерянской и наконецъ *Харьковскаго уѣзда*: при Основянской, Больше-Даниловской, Деркачевской Николаевской и Стрѣльчанской при Николаевскомъ женскомъ монастырѣ. На основаніи сего перечисленія школъ, при коихъ ведутся сельско-хозяйственныя, ремесленныя и руководѣльныя занятія усматривается, что послѣднія, какъ не требующія особыхъ затратъ на организацію классовъ руководѣлія, легче прививаются, чѣмъ первыя, требующія матеріальной поддержки и опытныхъ руководителей съ спеціальнымъ вознагражденіемъ.

Лучшая постановка ихъ преподаванія принадлежитъ школамъ Сумскаго уѣзда. Здѣсь они признаны обязательными для всѣхъ школъ спеціально женскихъ и всѣхъ школъ смѣшанныхъ, въ нихъ число учащихся дѣвочекъ не мѣнѣе 10, точнѣе сказать руководѣліе здѣсь преподается въ школахъ. Учительницами руководѣлія состоятъ и сами учительницы и спеціальныя мастерицы, а нерѣдко и жены священниковъ. Жена свящ. Гумилевскаго безмездно занимается обученіемъ въ Старосельской школѣ дѣвочекъ руководѣлію уже четвертый годъ и поставила это дѣло правильно и симпатично. Ученицы три раза въ недѣлю по вечерамъ приходятъ къ матушкѣ на домъ и здѣсь за длиннымъ, нарочито для этого устроеннымъ столомъ, занимаются шитьемъ и вязаньемъ, причемъ одинъ изъ учениковъ школы читаетъ вслухъ какой-нибудь интересный рассказъ. Не менѣе усердно обученіе руководѣлію ведетъ въ Рубежной школѣ супруга священника Елена Яковлева, которая съ дня открытія школы и до настоящаго времени занимается безмездно. При Чугуевской Николаевской школѣ обученіе руководѣлію ведется даже по опредѣленной программѣ, раздѣленной на три года соотвѣтственно тремъ курсамъ обученія. Въ Покровской церковно-приходской школѣ, Купянскаго уѣзда, ученицы научаются вязанью, кройкѣ и шитью самыхъ необходимыхъ въ крестьянскомъ обиходѣ предметовъ; при этомъ, изготовленныя вещи продаются и на вырученныя отъ продажи деньги покупается матеріалъ для новыхъ работъ.

Какъ же народъ нашъ смотритъ на сельско-хозяйственныя за-

натія подъ руководствомъ учителей сельскаго-хозяйства при школахъ? Тысячлѣтній опытъ веденія хозяйства примитивнымъ способомъ убѣдѣлъ народъ, что въ его быту это лучшій и наиболѣе практическій способъ веденія хозяйства. А то обстоятельство, что многіе помѣщики на его глазахъ, заводя различныя системы полеводства по послѣднему слову науки при усовершенствованныхъ орудіяхъ, печально оканчивали свои сельско-хозяйственныя затѣи — полнымъ разореніемъ, что ученые агрономы изъ различныхъ учебныхъ заведеній прилагаютъ свои способности и познанія къ управленію громадными имѣніями, но не слышно, чтобы они организовали мелкія хозяйства на небольшихъ участкахъ земли,—еще больше укрѣпляетъ нашъ народъ въ его недовѣрїи къ т. н. культурному хозяйству. Недостатки и неудачи въ своемъ веденіи хозяйства нашъ народъ объясняетъ волею Божіею, а также малоземельемъ и своею бѣдностію, а отнюдь не отсутствіемъ теоретическихъ свѣдѣній по сельскому хозяйству. И не чтеніями, не изданіемъ брошюръ по сельскому хозяйству, не сельскохозяйственными бесѣдами можно разубѣдить народъ въ его недовѣрїи къ научному хозяйству, а только дѣломъ. Пусть, поэтому учитель изъ такого же клочка земли, какимъ владѣетъ крестьянинъ, приложивъ свои теоретическія познанія, извлечетъ большую пользу, чѣмъ тотъ же крестьянинъ, и онъ съ жадностію будетъ самъ учиться у такого учителя, пошлетъ къ нему своихъ дѣтей и отдастъ за науку послѣдніе гроши.

Поэтому для того, чтобы прочно привилось преподаваніе сельскаго хозяйства при школахъ необходимы прежде всего хорошіе учителя—практики. Если найдутся такіе учителя, практически и теоретически знакомые съ сельскимъ хозяйствомъ, то повсюду легко можно организовать преподаваніе сельскому хозяйству при школахъ наиболѣе многочисленныхъ и богатыхъ приходоу; общество не откажетъ отвести земли 1—3 десятины; найдутся и благотворители, которые сдѣлаютъ на свой счетъ сельско-хозяйственныя орудія; а за преподаваніе сельскому хозяйству слѣдуетъ прибавить къ жалованью учителю лишнихъ 60—100 руб. отъ казны. Также точно при устройствѣ ремесленныхъ классовъ при церковныхъ школахъ возможно разчитывать на помощь обществъ и частныхъ благотворителей при одномъ условїи,—когда будутъ хорошіе учителя—мастера. Крестьянинъ отрываетъ отъ семьи своихъ дѣтей, отдаетъ въ науку къ различнымъ мастерамъ и даже

платить за науку; съ большою охотою онъ заставитъ своихъ дѣтей обучаться мастерству въ школахъ, если только увидитъ изъ этого ученія толкъ: когда его дѣти, окончивая курсъ, сьумѣютъ дѣлать разныя вещи, необходимыя въ житейскомъ обиходѣ. Такимъ образомъ введеніе обученія сельскому хозяйству и мастерствамъ можетъ быть достигнуто тогда, когда будутъ подготовлены хорошіе учителя, на что должно быть обращено прежде всего и главнымъ образомъ вниманіе духовенства.—Совершенно ясно представляютъ собою руководѣнныя занятія. Здѣсь народъ наглядно и живо убѣждается въ пользѣ ремесла и непосредственно высказываетъ свое сочувствіе. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о матеряхъ—крестьянкахъ, которыя лично приходятъ благодарить учительницъ за наученіе ихъ дѣтей столь полезному и необходимому умѣнью шить и вязать. Въ самой семьѣ дѣвочкамъ-мастерицамъ отдается явное предпочтеніе предъ остальными членами семьи; и это понятно, благодаря этимъ юнымъ мастерицамъ быныя крестьянскія семейства берегаютъ лишнюю копѣйку, которую они должны были затратить въ уплату швейцъ и портняхамъ. Сочувствіе народа руководѣннымъ занятіямъ высказывается не только въ матеріальной помощи на наемъ учительницъ и денежныхъ затратахъ на приобрѣтеніе необходимаго матеріала для вязанья и шитья, но еще и въ томъ, что всегда охотно посылаютъ своихъ дѣтей въ школы, гдѣ ведется обученіе руководѣнн. Въ нѣкоторыхъ селахъ онъ, повидимому, руководѣнн отдастъ предпочтеніе предъ самой грамотой, такъ что введеніе классовъ руководѣнн является необходимымъ условіемъ привлеченія въ школы дѣвочекъ. По крайней мѣрѣ въ школахъ, гдѣ преподается съ текущаго года руководѣнн, количество учащихся вдвое больше противъ предыдущаго.

(Продолженіе будетъ).

Журналы Съѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа, бышаго
21 сентября настоящаго года.

Журналъ № 1.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа, въ числѣ девяти (9) человекъ, прибывъ въ 9 час. утра въ собраніе, состоявшееся въ зданіи Сумскаго духовнаго училища въ

по молитвѣ, избравъ, посредствомъ закрытой баллотировки, предсѣдателемъ сѣзда протоіерей Николая Фесенкова, а дѣлопроизводителемъ единогласно священника Алексія Станиславскаго, предварительно слушали журнальныя постановленія предыдущаго Сѣзда, съ резолюціями на нихъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, и, принявъ ихъ къ свѣдѣнію, приступили къ обсужденію вѣресовъ, подлежащихъ рѣшенію Сѣзда духовенства.

1. Разсматривали составленную Правленіемъ училища смѣту прихода и расхода по содержанію училища въ 1900 году и объяснительную къ ней записку, при чемъ оказалось, что предполагаемый расходъ превышаетъ доходъ, а именно: на приходъ должно поступить 29,971 руб. 6 коп., расходъ же исчисленъ въ 30,627 руб. 21 коп., слѣдовательно не достаетъ по смѣтѣ 656 руб. 15 коп., таковая сумма, по мнѣнію Правленія училища, можетъ быть покрыта при осмотрительномъ и бережливомъ исполненіи смѣты. *Постановили:* смѣту, составленную Правленіемъ училища, какъ соотвѣтствующую во всѣхъ статьяхъ прихода и расхода дѣйствительнымъ поступленіямъ и требованіямъ училищнымъ, принять безъ измѣненія.

2. Разсматривали вѣдомости за 1898 годъ: а) вѣнчиковую, б) о движеніи церковныхъ суммъ и в) о заборѣ свѣчей изъ Епархіальнаго свѣчнаго завода церквами училищнаго округа. *Постановили:* принять къ свѣдѣнію.

3. Слушали докладъ Правленія училища о щедрой благотворительности Почетнаго Блюстителя Сумскаго Духовнаго училища, потомственнаго почетнаго гражданина Павла Николаевича Лещинскаго, который за короткій срокъ своей службы при училищѣ (съ 23 декабря 1898 года) сдѣлалъ на пользу училища слѣдующія пожертвованія: 200 руб. на гостинцы ученикамъ и пѣвчимъ, 118 руб. на книги для раздачи учителямъ и ученикамъ по случаю Пушкинскаго юбилея и музыкальными инструментами на сумму 610 руб. *Постановили:* выразить Почетному Блюстителю училища, потомственному почетному гражданину, Павлу Николаевичу Лещинскому сердечную признательность и благодарность сѣзда духовенства за сдѣланное имъ щедрое пожертвованіе на пользу училища.

4. Слушали прошеніе діакона села Марковки, Лебединскаго уѣзда, Іоанна Лободина о разрѣшеніи ему воспитывать своего сына Николая Лободина (рожденнаго въ свѣтскомъ званіи отца) въ Сум-

скомъ духовномъ училищѣ на одинаковыхъ условіяхъ съ дѣтьми лицъ духовнаго званія и о прощеніи ему недоимки за истекшіе годъ по содержанію сына въ училищѣ 30 руб. *Постановили:* тридцать рублей недоимки, числящейся за воспитанникомъ Сумскаго духовнаго училища Николаемъ Лободынымъ за истекшіи учебныя годъ, простить, если Правленіе училища найдетъ это возможнымъ, а въ принятіи его на содержаніе въ училищѣ на общемъ освѣщеніи съ дѣтьми лицъ духовнаго званія отказать въ силу постановленія сѣзда духовенства Сумскаго училищнаго округа въ 1898 г.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: «Однѣнадцатаго 6-го. Утверждается. При семъ предлагаю Правленію училища справиться о постановленіи общепархіальнаго сѣзда, бывшаго въ текущемъ году относительно пріемѣ на содержаніе дѣтей, родившихся въ бытность ихъ родителей въ свѣтскомъ званіи».

№ 2-й.

Вечернее засѣданіе того же сентября.

Уполномоченные отъ духовенства Сумскаго училищнаго округа въ числѣ десяти (10) человекъ, прибывъ въ собраніе въ 6 ч. вечера,

1. Слушали докладъ временно-ревизіоннаго Комитета о повѣренности прихода и расхода суммъ по содержанію училища за 1898 годъ, объяснительную записку Правленія училища по сему-же предмету, при чемъ оказалось, что къ 1 января 1899 года состояло несвернутыхъ счетовъ по содержанію училища на 3718 руб. 49 к. каковая сумма, собственно, не составляетъ настоящаго училищнаго дефицита, такъ какъ она покрывается запасомъ разныхъ предметовъ, пріобрѣтенныхъ въ предшествующемъ году, вѣдомыми родителями учащихъ, а именно осталось отъ 1898 года: дрѣвнихъ съѣстныхъ припасовъ, учебниковъ на сумму 2224 руб. 70 к. недоимки за родителями 1282 руб.; слѣдовательно дѣйствительный дефицитъ училища выражается въ суммѣ 211 руб. 79 к. изъ объяснительной записки, между прочимъ, усмотрѣно, что значительная часть долга училищу состоитъ за свѣтскими родителями учениковъ духовнаго училища. *Постановили:* докладъ ревизіоннаго комитета принять, а Правленіе училища просить на будущее время вѣдомыми воспитанниковъ свѣтскаго званія воз-

содержаніе и право обученія своевременно т. е. впередъ по по-годіямъ, избѣгая отсрочекъ въ виду трудности по выходѣ тако-ухъ воспитанниковъ изъ училища, взыскивать съ нихъ недоим-ки, не внесшихъ-же надлежащей платы увольнять изъ училища.

2. Докладъ временно-ревизіоннаго комитета и отчетъ Правленія училища по устройству водопровода при Сумскомъ духовномъ учи-щѣ, при чемъ оказалось, что устройство водопровода обошлось 3419 р. 64 к.; водопроводъ проведенъ по всему училищному рпусу, исключая квартиру о. смотрителя, его помощника и от-жихъ мѣсть, гдѣ также ощущается необходимость въ проведеніи допровода; водопроводъ, какъ показалъ опытъ перваго года его шествованія, значительно сократилъ расходъ по доставкѣ воды училищѣ и далъ нужное удобство по добыванію воды во-ѣхъ случаяхъ ея надобности. *Постановили:* докладъ ревизіон-го комитета принять, а Правленіе училища просить озаботиться оведеніемъ водопровода въ квартиры о. смотрителя и его помощ-ка съ приспособленіемъ ватерклозетовъ при нихъ по промывной стемѣ на счетъ могущихъ быть училищныхъ остатковъ, если же-ковыхъ не окажется, то расходованіе на сей предметъ произве-и изъ 500 р., имѣющихъ поступить въ текущемъ учебномъ году-пользу училища за проданный Ахтырскому собору домъ; кромѣ-о просить Правленіе училища представить будущему сѣзду смѣ-на приспособленіе всѣхъ училищныхъ ватерклозетовъ по про-вной системѣ.

3. Заявленіе членовъ Правленія училища протоіерея Василія-орова и священника Павла Клементьева о добавкѣ училищно-письмоводителю Василю Сокольскому жалованья въ суммѣ 28-къ получаемому имъ въ размѣрѣ 272 р. въ годъ въ виду его-рдной и аккуратной службы въ теченіе 5 лѣтъ. *Постановили:*-инмая во вниманіе прекрасный отзывъ о. смотрителя объ усерд-іи службѣ письмоводителя Василя Сокольскаго, сдѣлать означен-іи добавку въ его жалованья, если Правленіе училища найдетъ-можнымъ это сдѣлать изъ училищныхъ остатковъ.

4. Докладъ Правленія училища объ избраніи на остальной годъ-ущаго трехлѣтія къ имѣющимся на лицо двумъ членамъ еще-ого члена временно-ревизіоннаго комитета и трехъ къ нимъ-дидатовъ. Приступили къ избранію и посредствомъ закры-баллотировки избрали: членомъ ревизіоннаго комитета свя-щенника Платона Сорочинскаго, а кандидатами священниковъ:-енка Ивана, Бѣляева Александра и Флорянскаго Виктора.

5. Съездъ духовенства считаетъ приятнымъ долгомъ отмѣтить отлично-усердную и полезную для благоустройства училища дѣятельность отца смотрителя священника Аркадія Грузова. За 7 лѣтъ завѣдыванія имъ хозяйствомъ училища имъ сдѣлано очень много: 1) на спеціальныя нужды училища (на постройку больницы и устройство водопровода) имъ собрано пожертвованій на сумму 7028 рублей; 2) на благоустройство училищнаго храма имъ испрошено отъ частныхъ благотворителей 1500 рублей. Въ настоящее время хозяйство училища найдено съездомъ духовенства въ образцовомъ порядкѣ. Въ виду такой выдающейся службы о. смотрителя интересамъ духовенства, съездъ духовенства считаетъ для себя обязательнымъ долгомъ выразить ему глубокую благодарность съ занесеніемъ сего въ его формулярный о службѣ списокъ.

6. Слушали заявленіе депутата съезда священника Іоанна Бравловскаго о выраженіи благодарности съезда духовенства председателю съезда и дѣлопроизводителю. *Постановили:* выразить благодарность отъ съезда духовенства председателю съезда протоіерею Николаю Фесенко и дѣлопроизводителю священнику Алексѣю Станиславскому за ихъ трудъ.

Время будущаго съезда назначить на 20 сентября.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „Октября 6-го. Утверждается“.

Журналъ Съезда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 1-го сентября 1899 года.

Уполномоченные отъ духовенства Купянскаго училищнаго округа, въ числѣ 12-ти человекъ, собравшись въ зданіи училища, по молитвѣ, единогласно избрали Предсѣдателемъ протоіерея Михаила Черпявскаго, а дѣлопроизводителемъ священника Андрея Базилевича.

1. Заслушаны были журналы предыдущаго Съезда съ послѣдовавшими на нихъ резолюціями Его Высокопреосвященства. и *постановили:* принять къ свѣдѣнію.

2. Разсматривали смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію училища въ 1900 году, изъ коихъ видно, что всѣхъ денежных поступленій предполагается—25375 руб. 85 к., расхода—25300 р. 63 к. и остатокъ до 1000 руб. *Постановили:* смѣты при-

хода и расхода на 1900 годъ утвердить безъ измѣненія въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ составлены Правленіемъ училища, съ тѣмъ, чтобы деньги, получаемыя за право обученія съ иносословныхъ учениковъ, а также и вносимыя вновь поступающими учениками деньги на первоначальное обзаведеніе были показываемы въ смѣтахъ прихода и расхода.

3. Разсматривали дополнительную смѣту расхода на текущій 1899 годъ: а) на покупку для учениковъ новыхъ одѣялъ, взаимѣнъ обветшавшихъ, по 3 р. 25 к.—162 р. 50 к. и б) на покупку деревьевъ для пополненія училищнаго сада—40 руб., всего 202 р. 50 к. *Постановили:* указанный расходъ покрыть изъ наличныхъ училищныхъ суммъ.

4. Разсматривали вѣдочковыя вѣдомости церковей Купянскаго училищнаго округа и нашли, что поступленіе по онимъ суммъ было правильно. *Постановили:* принять къ свѣдѣнію.

5. Разсматривали отчетъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, ассигнуемыхъ духовенствомъ Купянскаго училищнаго округа за 1898 годъ, а также журналы Временно-Ревизіоннаго Комитета по повѣркѣ означеннаго отчета съ актами ежемѣсячной ревизіи сего комитета по израсходованію въ текущемъ году, какъ училищныхъ капиталовъ, такъ и съѣстныхъ продуктовъ. *Постановили:* принять къ свѣдѣнію, а журналы съ прочими бумагами приложить къ дѣламъ Съѣзда. На будущій же годъ избрать членами ревизіоннаго комитета тѣхъ-же священниковъ: Іоанна Нечаева, Моисея Петрова и Платона Стаховскаго, и благодарить ихъ за труды, кандидатомъ къ нимъ—священника Федора Панкратьева.

6. Члены ревизіоннаго комитета въ заслушанныхъ журналахъ сдѣлали заявленіе о своихъ впечатлѣніяхъ, какія они всегда выносили и теперь выносятъ, при своихъ служебныхъ посѣщеніяхъ Купянскаго духовнаго училища, слѣдующаго содержанія: „Благодаря постоянной и неослабной заботливости и хозяйственной опытности членовъ правленія и, въ особенности, г. Смотрителя училища Ивана Григоровича, общежитіе при Купянскомъ духовномъ училищѣ, при посѣщеніяхъ его Ревизіоннымъ Комитетомъ, всегда отличалось полнымъ хозяйственнымъ благоустройствомъ и примѣрнымъ во всемъ порядкомъ. Постоянная чистота и опрятность во всѣхъ училищныхъ помѣщеніяхъ и училищной усадьбѣ, вполне удовлетворительное содержаніе учениковъ пищею, платьемъ и обувью—показываютъ, что смотритель училища г. Григоровичъ

весьма зорко и бдительно слѣдить за благоустройствомъ вѣрзанаго его попеченію училища. Экономическая часть училища тоже находится въ отличномъ состояніи: училищное Правленіе не только сумѣло избѣжать какихъ либо передержекъ противъ смѣтнаго назначенія, но и достигло значительныхъ сбереженій. *Постановили* выразить благодарность Съѣзда г. Смотрителю училища Ивану Григоровичу, его помощнику Александру Малишевскому и всѣмъ членамъ Правленія за ихъ заботливое попеченіе по благоустройству училища во всѣхъ его частяхъ и смиреннѣйше ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи имъ внести сію благодарность въ ихъ послужные списки.

7. Слушали прошенія: а) псаломщика Троицкой церкви слоб. Шульгинки, Старобѣльскаго уѣзда, Стефана Буткова, о снятіи съ него недоимки 55 руб. за содержаніе сына его въ училищѣ; б) діакона Николаевской церкви слоб. Кругляковки, Кулянскаго уѣзда. Венедикта Чиркина, о принятіи сына его, Іосифа Чиркина, въ училище съ платою 100 руб. въ годъ, въ виду его исключительныхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, засвидѣтельствованныхъ уполномоченными Съѣзда и членомъ правленія отъ духовенства; в) надзирателя училища Феодора Евецкаго о единовременномъ ему вознагражденіи въ количествѣ 60-ти руб. за раздачу въ теченіе 4-хъ лѣтъ ученикамъ письменныхъ принадлежностей и г) письмоводителя училища Михаила Погорѣлова о прибавкѣ ему къ получаемымъ имъ 360 руб. жалованья по 5-ти руб. въ мѣсяць съ 1-го сего Сентября, въ виду дороговизны квартиръ въ городѣ Кулянскѣ и другихъ жизненныхъ, самыхъ необходимыхъ, потребностей для него, какъ семейнаго человѣка. *Постановили*: Просить Правленіе училища: а) псаломщику Буткову сдѣлать разсрочку на выплатку недоимки; б) просьбу діакона Чиркина, въ виду его исключительныхъ обстоятельствъ, удовлетворить не въ примѣръ прочимъ; в) надзирателю Евецкому выдать изъ училищныхъ суммъ единовременное вознагражденіе за труды 30 руб., по утвержденіи сего журнала, и г) письмоводителю Погорѣлову сдѣлать прибавку жалованья по 5-ти руб. въ мѣсяць съ 1-го сего Сентября, по утвержденіи журнала, и на будущее время вносить въ смѣту—420 руб.

8. Слушали словесный доклад г. Смотрителя училища о томъ что Попечитель училища Феодоръ Феодоровичъ Цыцаркинъ приобрѣлъ для училища волшебный фонарь въ 185 руб. и произвелъ

любілку всѣхъ помѣщеній училища на сумму до 400 руб. *Постановили:* благодарить господина Цыцаркина за сдѣланныя имъ пожертвованія училищу, а Правленіе училища просить, принявъ во вниманіе его, Цыцаркина, прежнія жертвы на пользу училища, ходатайствовать, предъ кѣмъ слѣдуетъ, о награжденіи его.

Время Собранія будущаго Съезда назначить двадцатое (20) Сентября 1900 года.

Собраніе закрыто въ 4 часа вечера съ тѣмъ, чтобы уполномоченные въ 8 часовъ собрались для выслушанія редакціи сего журнала и подписей. На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: „Сентября 4-го. Утверждается“.

Епархіальныя извѣщенія.

Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Алексѣй *Солофменко* рукоположенъ въ санъ священника 30 сентября н. г. Георгіевской церкви города Ахтырки.

— Священникъ Николаевской церкви сл. Будокъ, Лебединскаго уѣзда, Аристархъ *Стенурскій* 12 октября н. г. перемѣщенъ на праздно священническое мѣсто при Иоанно-Предтеченской церкви с. Ново-Павловки, Изюмскаго уѣзда, а на его мѣсто того числа опредѣленъ окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи Яковъ *Власовскій*.

— Учитель Верхне-Сыроватскаго земскаго училища Василій *Балановскій*, согласно прошенію, рукоположенъ въ санъ діакона 8 сентября н. г. Преображенской церкви сл. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, на мѣсто отца его, Александра *Балановскаго*, уволеннаго заштатъ, по прошенію.

— Псаломщикъ Николаевской церкви сл. Меремы, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Федоровъ* опредѣленъ 12 октября н. г. діакономъ Рождество-Богородичной церкви с. Михайловки, Лебединскаго уѣзда.

— Діаконъ Вознесенской церкви сл. Ново-Ольшаной, Купянскаго уѣзда, Павелъ *Флоринскій*, согласно прошенію, 16 октября с. г. уволенъ Его Высокопреосвященствомъ заштатъ, а на его мѣсто того же числа опредѣленъ учитель Ново-Ольшанской Зміевской школы Николай *Залуговскій*.

— Сынъ псаломщика Яковъ *Лядскій* опредѣленъ н. д. псаломщика къ Троицкой церкви, сл. Нижняго Бурлука, Волчанскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Покровской церкви с. Полеваго, Харьковскаго уѣзда,

Василій *Людикормина* перемѣщенъ, согласно прошенію, къ Пророкъ-Ильинской церкви г. Бѣлополя 3 октября н. г.

— Псаломщикъ церкви сл. Нижняго Бурлука, Волчанскаго уѣзда, Ѳефанъ *Поповъ* перемѣщенъ къ Николаевской церкви, сл. Хотомли, Лебединскаго уѣзда.

— Утвержденъ въ должности церковнаго старосты Николаевской церкви с. Бѣлки, Алтырскаго уѣзда, купецъ Романъ *Момильный*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Предстоящій юбилей Высокопреосвященнѣйшаго Іоанникія, Митрополита Кіевскаго.—Посѣщеніе Высокопреосвященнѣйшимъ Іоанникіемъ города Харькова.—Юбилейное торжество.—Проектъ новаго узаконенія.

7-го ноября настоящаго года исполняется 50-лѣтіе достопочтеннаго служенія Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Бѣскаго Іоанникія святой Церкви и Отечеству въ священномъ санѣ. Нынѣ указомъ Св. Синода на имя преосвященнаго Сергія, епископа Уманскаго, предсѣдателя комиссіи, на которой лежитъ забота по подготовкѣ къ предстоящему юбилею дано знать, что празднованіе 50-лѣтія служенія Высокопреосвященнаго Митрополита Іоанникія 7 ноября текущаго года разрѣшено. Высокопреосвященный юбиляръ, святительское служеніе коего на кафедрѣ Кіевской, исполненное истинно-отеческаго попеченія о благѣ своей паствы и духовенства и ознаменованное цѣлымъ рядомъ архипастырскихъ мѣропріятій въ этомъ направленіи, пожелалъ ознаменовать свой юбилей добрымъ дѣломъ и внести въ Епархіальное попечительство 50,000 рублей на удовлетвореніе одной изъ самыхъ насущныхъ нуждъ епархіи—устройство въ ближайшемъ будущемъ епархіальной богадѣльни для престарѣлыхъ священно-церковно-служителей, ихъ вдовъ и сиротъ. Само-же духовенство, идущее навстрѣчу отеческой о немъ попечительности Его Высокопреосвященства, въ ознаменованіе того же событія, собираетъ капиталъ до 35,000 руб. на тотъ-же предметъ и на открытіе при двухъ монастыряхъ епархіи, при ихъ пособіи и при пособіи отъ другихъ монастырей, мужскаго и женскаго профессиональныхъ училищъ, по программѣ двухклассной церковно-приходской школы, въ которыхъ-бы дѣти духовенства, не могущія по какимъ-либо причинамъ получить воспитаніе въ одномъ изъ

духовно-учебныхъ заведеній епархіи, обучались иконописанію и разнымъ доступнымъ ремесламъ, могущихъ матеріально обезпечить ихъ въ жизни. Въ день юбилея, 7 ноября, по окончаніи богослуженія въ Софійскомъ соборѣ, имѣютъ быть принесены Высокопреосвященному юбиляру въ лаврскихъ его покояхъ поздравленія съ исполнившимся 50-лѣтіемъ достославнаго служенія его святой Церкви и Отечеству преосвященными, прибывшими изъ другихъ епархій, и мѣстными представителями отъ Кіевской духовной академіи, кіевскаго епархіальнаго духовенства, Кіево-Печерской лавры, духовно-учебныхъ заведеній мѣстной епархіи, депутатами отъ другихъ вѣдомствъ и епархій въ порядкѣ, который будетъ установленъ особо. Къ юбилею ожидается прибытіе многихъ іерарховъ и депутацій изъ тѣхъ епархій, которыми Господь судилъ Его Высокопреосвященству послѣдовательно управлять въ теченіе полувѣковаго своего служенія, какъ видно изъ заявленій о сѣмъ, начинающихъ уже поступать къ преосвященному Сергію, председателю юбилейной комиссіи, озабоченной въ настоящее время приготовленіемъ удобныхъ помѣщеній для имѣющихъ прибыть ко дню юбилея гостей. Эти извѣщенія какъ о количествѣ лицъ, такъ и ихъ санѣ, весьма благовременны и желательны въ томъ простомъ соображеніи, чтобы имѣть возможность напередъ установить необходимый порядокъ на день юбилея относительно совершенія торжественныхъ богослуженій въ монастырскихъ и соборныхъ кіевскихъ храмахъ и принесенія поздравленій Высокопреосвященному юбиляру.

«Кіевлянинъ».

— 24 октября, въ 6 часовъ 26 минутъ вечера, прибылъ въ Харьковъ, проѣздомъ изъ Крыма, и остановился въ покояхъ Харьковскаго Архіепископа Высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, Митрополитъ Кіевскій и Галицкій. 25 октября въ 11 часовъ 27 минутъ дня Его Высокопреосвященство уѣхалъ въ Кіевъ. «Юж. Кр.».

— 1-го октября, въ день Покрова Пресвятой Богородицы, харьковское духовенство, горожане, представители многихъ учрежденій епархіальныхъ и городскихъ, торжественно чествовали, по случаю исполнившагося 50-лѣтія священнической службы, старѣйшаго и почтеннѣйшаго въ епархіи настоятеля Николаевской церкви г. Харькова, о. протоіерея Александра Александровича Фодоровскаго.

Уроженецъ г. Лебедина, Харьковской губерніи, и воспитанникъ Харьковской Духовной Семинаріи, о. А. А. Фодоровскій, по окончаніи курса въ ней со степенью студента, былъ рукоположенъ 1-го ок-

тября 1849-го года во священника къ Покровской церкви с. Терновъ, Лебедянскаго уѣзда. Глубоко проникнутый пастырскимъ долгомъ, всегда простой и общительный, привѣтливый и жизнерадостный, онъ съ перваго же года своего служенія пріобрѣлъ любовь своихъ прихожанъ и расположилъ ихъ къ послушанію. Понятно, епархіальное начальство не могло не отмѣтить тогда же этого молодого, много обѣщавшаго, пастыря. Въ слѣдующемъ (1850) году онъ назначается катихизаторомъ, и чрезъ годъ же (1851) Преосвященнымъ Филаретомъ переводится изъ села въ городъ Лебедянь къ Ильинской церкви, гдѣ священствовалъ его отецъ и гдѣ прослужилъ и онъ 12 лѣтъ. За время его священства здѣсь прихожане такъ сроднились съ нимъ, что и доселѣ сохраняютъ о немъ самое теплое и благодарное воспоминаніе. Дѣятельность его здѣсь была многосторонней. Особенно горячее участіе онъ принималъ, какъ членъ строительнаго комитета, въ постройкѣ Вознесенской церкви и этимъ пріобрѣлъ популярность среди окружнаго духовенства какъ даровитый и ревностный собратъ. Въ 1860-мъ году юбиляръ, тогда еще сравнительно молодой священникъ, назначается на почетную и отвѣтственную должность благочиннаго 2-го округа. Знаменитый ученый, Преосвященный Макарій, обращаетъ на него свое особенное вниманіе. Въ 1863-мъ году онъ переводитъ его настоятелемъ собора въ г. Недригайловъ, возводитъ (26 мая того же 1863-го года) въ санъ протоіерея, назначаетъ благочиннымъ 4-го Лебедянскаго округа и предуказываетъ ему возможность перевода его въ самый Харьковъ. Не намѣчалъ ли въ его лицѣ уже тогда этотъ приснопамятный Архипастырь сотрудника себѣ для будущаго? И, дѣйствительно, въ 1866 году 20 августа онъ опредѣляетъ о. Ѳедоровскаго къ Николаевской церкви г. Харькова, при которой и священствуетъ о. юбиляръ уже 33 года. Самый переводъ его отчасти намѣчалъ характеръ предстоявшей ему дѣятельности въ Харьковѣ. Съ самаго начала перемѣщенія своего въ Харьковъ о. Ѳедоровскій принимаетъ дѣятельное участіе во всѣхъ разнообразныхъ сторонахъ текущей епархіальной жизни. Но ни одинъ предметъ, въ этотъ періодъ епархіальной жизни, не привлекалъ его столь полнаго вниманія, какъ идея епархіальной эмеритуры. Духовенство епархіи единогласно называетъ именно его первымъ и истиннымъ инициаторомъ этой идеи еще съ 1862-го года, и съ тѣхъ поръ онъ, можно сказать, всею себя посвящаетъ осуществленію ея и теперь счастливъ блестящимъ

ростомъ своего дѣтца. Съ 1867-го года онъ былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ комиссіи по изысканію способовъ къ учрежденію эмеритальной кассы для духовенства. Всегда и при всѣхъ случаяхъ представляя общему вниманію духовенства этотъ предметъ, выясняя и защищая его, онъ вызвалъ къ нему столь глубокой, живой и всеобщей интересъ, что въ виду такого настроенія Преосвященный Макарій для обсужденія этого вопроса созвалъ первый въ Россіи епархіальный съѣздъ въ январѣ 1868-го года, еще прежде утвержденія устава Духовно-учебныхъ заведеній. Во вниманіе къ главному предмету этого съѣзда духовенствомъ былъ выбранъ предсѣдателемъ его и секретаремъ о. Ѳеодоровскій. Когда здѣсь нѣкоторыми былъ возбужденъ новый вопросъ объ учрежденіи вмѣсто эмеритуры епархіальной богадѣльни, то предсѣдатель о. Ѳеодоровскій отстаивалъ проектъ эмеритуры, горячо внушая членамъ съѣзда цѣлесообразность параллельнаго существованія той и другой, что могло уже осуществиться только впоследствии. Онъ много лѣтъ мѣлѣлъ и развивалъ это дѣло и создалъ уставъ и правила эмеритальной кассы. Вложивъ въ это дѣло все свое сердце, юбиляръ дожидя до благословеннаго времени полного осуществленія его, т. е. до утвержденія устава и открытія этого учрежденія уже при милостивомъ вниманіи Высокопреосвященнаго Амвросія, который поставилъ это дѣло на прочныхъ основахъ во благо духовенству и назначилъ юбиляра состоять членомъ-казначеемъ Правленія. Въ этомъ справедливо надобно усматривать историческую заслугу о. юбиляра и его право на незлбвенную признательность епархіальнаго духовенства.

Съ его же именемъ и не менѣе тѣсно связана исторія возникновенія и развитія другого важнѣйшаго епархіальнаго учрежденія—свѣчнаго завода. На первомъ же съѣздѣ 1868-го года имъ былъ возбужденъ и предложенъ общему вниманію вопросъ объ этомъ заводѣ и обычнымъ своимъ практическимъ и воодушевленнымъ словомъ онъ вызвалъ общее сочувствіе къ нему. Тогда же была образована комиссія для выработки проекта завода, и въ эту комиссію былъ назначенъ членомъ самъ инициаторъ вопроса о. Ѳеодоровскій; для всесторонняго же обсужденія этого предмета былъ созванъ 2-й съѣздъ въ томъ же году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Всегдашній участникъ и весьма часто предсѣдатель послѣдующихъ съѣздовъ, о. Ѳеодоровскій горячо хлопоталъ за этотъ предметъ, указывая и доказывая практическую его полезность и благотворность

для епархій. Его не останавливало и не пугало въ этомъ случаѣ ни опасеніе многихъ трудностей и отвѣтственности дѣла, ни его новизна, ни сложность; онъ вѣрилъ въ несомнѣнную и безспорную достижимость этого предиріятія. И онъ имѣлъ утѣшеніе видѣть счастливое и блестящее осуществленіе и этой своей идеи: учрежденіе возникло и процвѣтаетъ нынѣ, служа источникомъ вспомошествованій для духовенства, духовно-учебныхъ заведеній и церкви епархій. Повѣстно, что о. юбиляръ болѣе всѣхъ былъ достоинъ стать и дѣйствительно сталъ во главѣ Правленія сего завода при началѣ его учрежденія, т. е. съ 1878 года по 1881 годъ.

Заботливый и сострадательный о. юбиляръ былъ вмѣстѣ съ этимъ энергичнымъ дѣятелемъ и по вопросу объ обезпеченіи духовныхъ сиротъ. Еще въ 1868 году имъ былъ выдвинутъ вопросъ объ ихъ призрѣніи, и только впоследствии, при великодушной и заботливой дѣятельности Высокопреосвященнаго Амвросія и при счастливой постановкѣ этого дѣла въ 1894 году, о. протоіерей могъ стать во главѣ комиссіи по устройству епархіальной богадѣльни, и его работы въ комиссіи явились весьма полезными для существующаго нынѣ сиротскаго епархіальнаго пріюта.

Энергичный о. юбиляръ не могъ не стать, да и само духовенство съ довѣріемъ ставило его, въ близкія и живыя отношенія къ другой важнѣйшей сторонѣ епархіальной жизни,—духовно-учебной. Въ Харьковскомъ Духовномъ Училищѣ онъ состоялъ преподавателемъ русскаго языка и долгое время членомъ Правленія отъ духовенства, и оставилъ неизгладимые слѣды въ немъ своихъ трудовъ. При преобразованіи училища и введеніи новаго устава онъ трудился усердно и съ успѣхомъ преодолевалъ всѣ затрудненія. При расширеніи зданій училища, онъ былъ ратоборцемъ за это дѣло на окружныхъ съѣздахъ и склонилъ духовенство къ полной перестройкѣ зданій, указавъ средства въ видѣ небольшого процентнаго взноса съ доходности церкви округа, и посодѣйствовалъ приведенію его въ нынѣшнее вполне удовлетворительное состояніе. Духовенство, во вниманіе къ его такой любви къ духовно-учебному дѣлу, неоднократно избирало его членомъ Правленія Духовной Семинаріи и членомъ и предсѣдателемъ Совѣта Епархіальнаго женскаго училища. Въ реформаціонный періодъ послѣдняго онъ, какъ предсѣдатель VII епархіальнаго съѣзда, усердно заботился, въ интересахъ улучшенія дѣла, объ увеличеніи вознагражденія преподавателямъ (высшихъ классовъ по 75 р. за урокъ и низшихъ по

О р. вмѣсто. прежнихъ 35) и о возвышеніи образовательнаго уровня ученицъ. И хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. Всюду въ нихъ училищахъ онъ вносилъ свой живой духъ и дѣятельный трудъ и оставлялъ самое доброе воспоминаніе о себѣ. О. билляръ съ честію и славою трудился и на педагогическомъ поприщѣ. Онъ былъ долгое время законоучителемъ 3-й мужской гимназіи и 2-й женской;—п въ этой послѣдней онъ трудился 18 лѣтъ съ самаго ея основанія. Благодарные и искренне признавательные ему его ученики и ученицы съ восторгомъ вспоминаютъ немъ, какъ о вліятельномъ законоучителѣ. Намъ приходилось слышать, какъ бывшая его ученица черезъ 10 лѣтъ дословно передавала его одну классную лекцію по объясненію 6-го прошенія молитвы Господней. Его ученицы питали къ нему такое довѣріе и привязанность, что посвящали его во всѣ факты своей учебно-педагогической жизни и не скрывали отъ него ничего. Чтобы вѣрно судить о разнообразной и многосторонней дѣятельности о. билляра, достаточно привести одинъ лишь перечень всѣхъ тѣхъ обязанностей и должностей, кромѣ вышеуказанныхъ, какія онъ исполнялъ въ теченіе своего полувѣковаго служенія св. Церкви и Отечеству. Онъ состоялъ цензоромъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей» съ самаго основанія этого журнала, членомъ цензурнаго комитета, членомъ дѣлопроизводителемъ въ губернскомъ присутствіи по обезпеченію духовенства, состоялъ нѣсколько четырехлѣтій гласнымъ Харьковской городской думы, состоялъ дѣйствительнымъ членомъ Харьковского губернскаго статистическаго комитета (съ 1862 г.), членомъ Харьковского Епархіальнаго Училищнаго Совѣта (съ 1864 г.), представителемъ отъ духовенства въ губернскомъ земскомъ собраніи, наконецъ, предсѣдателемъ строительнаго комитета по постройкѣ Николаевской церкви. Въ это послѣднее дѣло юбилейно столько вложилъ своихъ силъ, заботъ, настойчивости,—что справедливо былъ душою всего этого дѣла. При маломъ доходѣ, безъ всякихъ средствъ начать постройку церкви столь обширной, благолѣпной и богатой (въ 200,000 р.), быстро (въ 9 мѣсяцевъ) довести до конца и украсить городъ такимъ великолѣпнымъ архитектурнымъ зданіемъ,—могъ только достаточный юбиларъ съ умѣньемъ и способностію привлечь многочисленныхъ жертвователей, оживить и одушевить своихъ прихожанъ. И всѣ свои многочисленные обязанности о. Александръ всегда выполнялъ и теперь выполняетъ съ истинною любовію къ дѣлу и съ неослабной энергіей.

Во вниманіе къ такимъ заслугамъ юбиляра епархіальное начальство всегда относилось къ нему съ благоволеніемъ и довѣріемъ: отмѣчало въ немъ передового дѣятеля среди духовенства; цѣнило его труды всѣми знаками похвалы, поощреніи и наградами доступными іереев, включительно до палицы. Городское и епархіальное духовенство справедливо выдѣляло его, какъ довѣреннѣйшаго своего члена, и въ знакъ своего уваженія къ нему поручало ему разныя почетныя и отвѣтственныя обязанности, какъ своему представителю. Многочисленные его сослуживцы и прихожане всегда питали къ нему неподдѣльную любовь и признательность, что, между прочимъ, и выразили въ поднесеніи ему, по случаю сороколѣтія службы въ 1889 году, цѣннаго образа св. Николая, а въ 1891 году 26 августа, по случаю 25-лѣтія его служенія при Николаевской церкви, золотого, украшеннаго драгоценными камнями, наперснаго креста.

Понятно, что наступающее 50-лѣтіе столь славнаго служенія почтеннаго о. протоіерея вызвало среди духовенства, прихожанъ и многочисленныхъ его почитателей особое вниманіе и оживленіе. Уже заранѣе, послѣ газетныхъ оповѣщеній, начались дѣятельныя приготовленія, чтобы достойно почтить безкорыстнаго и самоотверженнаго пастыря въ день его юбилея. Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Амвросій благостно и сочувственно разрѣшилъ это знаменательное торжество, и чествованіе юбиляра было приурочено къ празднику Покрова Пресвятыя Богородицы, когда 50 лѣтъ назадъ юбиляръ принялъ санъ священника.

Юбилейный день начался Божественной литургіей въ прекрасномъ Николаевскомъ храмѣ. Для удобства молящихся и приходскаго духовенства литургія началась въ 10 ч. утра, и обширный храмъ былъ переполненъ молящимися, густою толпою стоявшими и на наперти церкви. Литургію совершалъ самъ маститый о. юбиляръ въ сослуженіи 4 протоіереевъ. Благолѣпіе храма, прекрасный и благоустроенный хоръ пѣвчихъ, торжественный сонмъ священнослужителей, исключительность торжества,—производили удивительное и трогательное впечатлѣніе на молящихся. Среди нихъ были и сторонніе прихожане и множество горожанъ, почитателей юбиляра, особенно же было замѣтно присутствіе воспитанницъ мѣстной 2 гимназіи. Между тѣмъ къ концу литургіи въ храмѣ, прибывало харьковское духовенство: о. Ректоръ Духовной Семинаріи, члены Консistorіи, и. д. градскаго Благочиннаго, городскіе при-

ходскіе и изъ разныхъ мѣстъ епархіи іерев, представители епархіальныхъ и городскихъ учреждений: Епархіальный наблюдатель церковно-приходскихъ школъ, члены Епархіального попечительства, эмеритуры, свѣчнаго завода, представители городской думы, духовныхъ и свѣтскихъ учебныхъ заведеній, профессора университета и мн. др. По окончаніи литургіи, около 12 ч. дня, началось въ собственномъ смыслѣ чествованіе юбиляра. Харьковское духовенство, собравшееся въ числѣ 40 протоіереевъ и священниковъ, вышло изъ алтари въ облаченіи во главѣ съ юбиляромъ на средину храма, куда болѣе сомкнулась и густая масса молящихся. Старѣйшій изъ Харьковскихъ протоіереевъ, о. І. Д. Чижевскій, бывшій сослуживецъ юбиляра по г. Лебедину, — приблизился къ нему и первый привѣтствовалъ его сердечною, проникнутою братскою любовію, рѣчью. Умилительно было слушать, какъ сей старецъ, видѣвшій и поощрявшій первые служебные шаги юбиляра въ молодости, теперь, въ столь преклонныя лѣта, съ чувствомъ удовлетворенной радости привѣтствовалъ его съ достиженіемъ радостнаго и благословеннаго юбилейнаго дня. Послѣ этого помощникъ благочиннаго о. Д. И. Поповъ отъ имени городского духовенства прочелъ адресъ, исполненный искренней благодарности юбиляру за всѣ тѣ труды, коимъ онъ понесъ на пользу духовенства епархіи: „Харьковское городское духовенство“, прочитавъ онъ, „приннося поздравленіе съ столь рѣдкимъ днемъ въ жизни каждаго общественнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе пастыря духовнаго, одушевлено горячимъ желаніемъ выразить Вамъ чувство глубокаго почтенія и признательности за ту Вашу полувѣковую дѣятельность, которая послужила основаніемъ къ развитію многихъ полезныхъ для нашей епархіи учреждений. Дѣятельность Ваша по созиданію и развитію этихъ учреждений повстинѣ возбуждаетъ удивленіе къ Вашей неусыпной энергіи и поражаетъ свою обширностію и дѣлсообразностію. Нѣтъ возможности вкратцѣ обозрѣть всѣ ея проявленія, но она у всѣхъ насъ на глазахъ, особенно Ваша дѣятельность по облегченію матеріальнаго положенія духовенства, и наипаче престарѣлаго и сиротствующаго. При семь Вы, по заповѣди Спасителя, искали во всей Вашей жизни и дѣлахъ прежде всего Царствія Божія и правды его (Мѡ. VI, 33), и старались подвигомъ добрымъ подвизаться, и вѣруемъ, что Господь нашъ Судія и Мздовоздатель, вручивъ Васъ покрову Своей Пречистой Матери и заступничеству Св. Николая, въ храмахъ ко-

торныхъ Вы прослужили 50 лѣтъ,—преполовивъ дни Ваши въ награду за Ваши добродѣтели и на дальнѣйшую Вашу дѣятельность на общую пользу. Просимъ, достопочитаемый о. протоіерей, принять отъ насъ икону Покрова Богородицы и наше увѣреніе въ томъ, что мы молимъ и будемъ непрестанно молить Всевышняго, да продлитъ Онъ Вашу дорогую для всѣхъ насъ жизнь еще на многіе-многіе годы! При сихъ послѣднихъ словахъ прот. І. Чижевскій и теперешній сослуживецъ юбиляра прот. П. Ивановъ поднесли ему благолѣпный и цѣнный образъ Покрова Пресвятыя Богородицы въ серебропозлащенномъ съ эмалью окладѣ и съ благодарною надписью. Умиленный о. юбиляръ облобызалъ этотъ дорогой ему св. образъ. Послѣ сего приблизился къ юбиляру представитель прихожанъ и почитателей д. с. с. В. Кузинъ и съ восторженнымъ привѣтствомъ его, поднося ему на серебрянномъ блюдѣ золотой, украшенный драгоценными камнями наперсникъ крестъ для ношенія, съ разрѣшенія Высокопреосвященнаго Амвросія, „на память, какъ знакъ высокаго уваженія и почитанія духовныхъ чадъ за сердечныя пастырскія отношенія“. Растроганный такимъ вниманіемъ прихожанъ юбиляръ съ благоговѣніемъ возложилъ на себя этотъ даръ ихъ любви. Далѣе, членъ Совѣта Епархіальнаго женскаго училища о. Н. Н. Любарскій прочелъ привѣтственный адресъ юбиляру отъ Епархіальнаго Училища. Протоіерей же о. В. Поповъ привѣтствовалъ юбиляра отъ лица духовенства Харьковскаго училищнаго округа. Послѣ всѣхъ этихъ привѣтствій, всѣмъ духовенствомъ, во главѣ съ юбиляромъ, отслуженъ былъ благодарственный молебенъ ко Пресвятой Богородицѣ и Святителю Христову Николаю, а по окончаніи служенія было провозглашено юбиляру торжественное многолѣтіе. Въ эти счастливыя и трогательныя минуты жизни маститый о. юбиляръ былъ глубоко взволнованъ: каждый іерей, цѣлуя св. крестъ, лично поздравлялъ о. юбиляра, а онъ съ сердечною любовію и со слезами благодарилъ каждого, лобзая его. Но вотъ къ нему хлынула толпа его духовныхъ чадъ—прихожанъ и почитателей: всѣ спѣшили краткими, но шедшими отъ сердца, словами выразить ему свое почтеніе, лобызали св. крестъ и руку юбиляра, высказывая ему самыя добрыя пожеланія. Тѣснымъ и окруженный ими, онъ, послѣ молебна, выходилъ изъ храма, благословляя и благодаря всѣхъ. По его радушному приглашенію участники торжества посѣтили то скромную квартиру, куда было перенесено продолженіе юби-

лейнаго празднества. Скромное жилище юбиляра далеко не могло вмѣстять всѣхъ пришедшихъ сюда, наполнившихъ всѣ комнаты, галерею и крыльцо. При входѣ маститый юбиляръ былъ встрѣченъ сперва прихожанами съ хлѣбомъ—солью, а потомъ горячо привѣтствованъ своею семьею, семьями своихъ сыновей и дочери и прочими родственниками. По входѣ въ домъ, поздравленіе о. юбиляру принесъ отъ лица Харьковскаго именитаго купечества и думы, гласный коммерціи совѣтникъ Н. В. Орловъ, въ своемъ сердечномъ привѣтствіи указывавшій на прямоту, безпристрастіе и безпартійность юбиляра въ общественно-городской дѣятельности. Горячо, воодушевленно чествовалъ о. юбиляра адресомъ отъ лица Духовнаго училища смотритель А. А. Снегиревъ, давній и близкій другъ досточимаго о. протоіерея. Затѣмъ сердечно привѣтствовали о. юбиляра отъ 3-й мужской гимназіи—директоръ І. О. Тихій, законоучитель П. Г. Фоминъ и инспекторъ С. Е. Феневъ, отъ 2-й женской гимназіи—свищ. законоучитель А. Юшковъ, отъ Епархіальнаго училища—начальница Е. Н. Гейцыгъ и бывшій инспекторъ его прот. Н. Онкевичъ. Весьма трогательно поздравлялъ юбиляра д-ръ Прейсъ отъ лица своихъ родныхъ и своей жены, которая въ сиротствѣ была поддержана юбиляромъ и воспитана въ Епархіальномъ училищѣ. Замѣчательное также привѣтствіе юбиляру высказалъ бывшій директоръ 3-й гимназіи и сослуживецъ его А. Левандовскій: „Вы ясно сознавали“,—говорилъ онъ, характеризую его педагогическую дѣятельность,—„что религія—предметъ воспринимаемый болѣе чувствомъ, чѣмъ однимъ только умомъ, что Законъ Божій не можетъ и не долженъ быть преподаваемъ, какъ другіе предметы. Вы всегда заботились о качественной сторонѣ знаній, Вы старались насаждать и укрѣплять въ юныхъ сердцахъ религіозное чувство, заботясь, какъ добрый сѣятель, чтобы сѣемое Вами сѣмя религіи не упало въ терніе. Въ отношеніи къ учащимся Вы являлись добрымъ, а не взыскательнымъ, отцомъ. Вы не увлекались барательными мѣрами, а старались доводить учениковъ до возможно удовлетворительнаго усвоенія преподаннаго Вами и затѣмъ щедро награждали ихъ хорошими отмѣтками. Вы достигали педагогическихъ цѣлей путемъ добрымъ, а по Вашему доброму пути ученикамъ легко было слѣдовать за Вами. Предъ этой чертой Вашего педагогическаго такта я преклонялся и преклоняюсь“. Такъ оцѣнилъ педагогическіе труды о. юбиляра бывшій директоръ гимназіи. Были; послѣ сего, првнесены поздравленія юбиляру отъ про-

фессоровъ университета: Н. Ф. Сумцова, А. С. Лебедева, В. П. Бузескугъ и еще отъ многихъ частныхъ лицъ, — и всѣ они носили характеръ задушевности и сердечности. О юбиларь благодарилъ всѣхъ и славилъ Господа, даровавшаго ему утѣшеніе дожить до столь счастливаго дѣла жизни. Затѣмъ о. юбиларомъ была предложена всѣмъ радушная трапеза. Во время ея свящ. П. Фомянъ прочитывалъ всѣ полученныя и получавшіяся письменныя и въ телеграммахъ привѣтствія юбилару, и каждое заключалось единодушнымъ пѣніемъ присутствующими „многая лѣта“. Юбиларь обрадованъ былъ поздравленіями письменными: Преосвященнаго Иннокентія, Епископа Сумскаго, Г. Губернатора съ супругою, многихъ своихъ бывшихъ сослуживцевъ и духовныхъ чадъ. Телеграммами же привѣтствовали его: графъ и графиня Капнистъ изъ г. Лебедина, благочинный г. Харькова прот. П. Полтавцевъ изъ г. Кіева, 2-я женская Гимназія и сограде, харьковское купечество, Вознесенско-Ильинскій приходъ г. Лебедина, преподаватели Семинаріи, многочисленныя родственники и почитатели изъ разныхъ, даже отдаленныхъ, мѣстъ. Во время трапезы, были предлагаемы и заздравные тосты. Сперва самъ маститый виновникъ торжества провозгласилъ тостъ въ честь Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Амвросія, милостиво разрѣшившаго и благословившаго сіе торжество, всегда благоволившаго къ о. юбилару и благобно цѣнившаго его труды и усердіе. Присутствовавшіе восторженно отвѣчали искреннимъ „многая лѣта“ милостивому Архипастырю. А. А. Снегиревъ, затѣмъ, предложилъ тостъ за здравіе и долгоденствіе самаго юбиларя. Затѣмъ слѣдовали тосты въ честь юбиларя отъ А. Левандовскаго, о. І. Филевскаго, о. П. Фомина. О. Ректоръ Семинаріи привѣтствовалъ юбиларя прекраснымъ тостомъ, въ которомъ указывалъ на энергію, неутомимость и усердіе юбиларя. Изъ всѣхъ такихъ привѣтствій и рѣчей ясно открывался присутствовавшимъ нравственный обликъ юбиларя, сколько привлекательный, столько же и поучительный. Закончилась юбилейная трапеза тостомъ, предложеннымъ о. юбиларомъ, за всѣхъ присутствовавшихъ, коихъ онъ, съ чувствомъ искренней признательности, горячо благодарилъ.

— «Нов. Вр.» сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о содержаніи проектированнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ наказа земскимъ начальникамъ. Проектъ содержитъ въ себѣ, во-первыхъ, правила, опредѣляющія формы, въ коихъ земскимъ начальникамъ проявляются попечительная забота о сельскомъ населеніи и власть

и надзоръ за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ и волостнымъ судомъ. Эти статьи наказа имѣютъ ближайшею цѣлью достигнуть наиболѣе дѣятельнаго осуществленія земскимъ начальникомъ предоставленныхъ ему въ этомъ отношеніи правъ и въ то же время устранить случаи такого вмѣшательства земскаго начальника въ дѣла крестьянскихъ обществъ или въ область вѣдомства другихъ установленій, которая выходитъ за предѣлы власти, присвоенной земскому начальнику закономъ; во-вторыхъ, правила, опредѣляя порядокъ производства земскимъ начальникомъ дѣлъ, имѣютъ цѣлью установить однообразную форму разсмотрѣнія и рѣшенія послѣднихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ по возможности устранить въ производствѣ земскаго начальника медленность и излишнюю канцелярскую письменность. Изъ отдѣльныхъ постановленій наказа, сообщенныхъ «Нов. Врем.», обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія. Проектируется постановить, что лично присутствовать земскій начальникъ можетъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже обязанъ, только при открытіи общественнаго схода, при производствѣ же выборовъ, какъ и при самомъ обсужденіи и рѣшеніи дѣлъ земскій начальникъ присутствовать не долженъ. По просьбамъ объ отпѣвѣ приговора волостного схода, хотя принесеннымъ отъ имени одной нятой части домохозяевъ волости, земскій начальникъ долженъ при дознаніи допросить не менѣе двухъ третей всѣхъ участвовавшихъ въ приговорѣ. Проверка приговоровъ объ общемъ передѣлѣ земли должна производиться земскимъ начальникомъ въ самомъ селеніи; при этомъ на обязанность земскаго начальника возлагается проверка правильности опредѣленія доли землепользованія каждаго домохозяина. Приговоры о передачѣ обществомъ земельныхъ участковъ, поступившихъ въ его распоряженіе, въ случаяхъ, указанныхъ въ законѣ, до общаго передѣла имѣютъ быть допускаемы къ исполненію не иначе, какъ по истеченіи 30-ти дней со дня объявленія ихъ лицамъ, коихъ они касаются. Выѣздъ земскаго начальника на мѣсто и допросъ не менѣе двухъ третей участниковъ схода признаются проектомъ наказа обязательными при проверкѣ слѣдующихъ приговоровъ: о новой расправѣ въ усадѣбъ послѣ пожара, объ общемъ переизмѣрѣ всѣхъ усадѣбныхъ участковъ, объ отчужденіи надѣльной земли, о разединеніи и соединеніи обществъ и о переходѣ отъ общиннаго къ подворно-участковому землепользованію.

Новое издание А. Ф. МАРКСА, въ С.-Петербургѣ. Отпечатаны и поступили въ продажу сочиненія

С. Н. ТЕРПИГОРЕВА

(С. А Т А В Ъ),

изданныя подъ редакціею С. Н. ШУВИНСКАГО, въ шести томахъ in 8°, съ 6-ю графическими очерками, составленными П. В. Быковымъ, и съ портретами авторомъ исполненными гелиографіею. Содержаніе отдѣльныхъ томовъ:

Томъ I. С. Н. Терпигоревъ. Біографическій очеркъ, П. В. Быковымъ. — Отъ автора. — **Осудѣніе: Благородные.** Часть I-я. Отцы. I. Уверты. II. Рациональные хозяева. III. Новый баринъ. IV. Нашъ послѣдній кредиторъ. V. Поземельный кредитъ. VI. Отхожіе промыслы. VII. На думѣ. VIII. Кустарная промышленность. IX. Тахіа прмстанн. X. Брѣдчѣіе. XI. Итого. Томъ II. **Осудѣніе: «Благородные».** Часть II. Матеръ. I. Бабушка. II. Кукушка. III. Шалая. IV. Неугольная. V. Овца. — **Желта книга.** — Сказаніе о новыхъ книжкахъ и старыхъ книжкахъ. I. Книжка Ундальчева. II. Книжка Ухнежь. III. Книжка Вольская. Томъ III. **Потревоженные тѣни.** I. Въ раю. II. Бабушка Аграфена Петровна. III. Тетенька Клавдія Васильевна. IV. Илья Игнатьевичъ, богатый человекъ. V. Проданныя дѣти. VI. Первая охота. VII. Дядина дѣва. VIII. Дворянинъ Евстигней Чарыковъ. IX. Маша — Марѳа. X. Вице-губернаторъ Неаполитанская. XI. Двѣ жизни — поконченная и призванная. XII. Емельяновскія узницы. XIII. Іуда. XIV. Праздникъ Венеры. Томъ IV. **Повѣсти и разсказы.** I. Марейнично счастье. II. Чайная роза. III. Бездонный воздухъ. IV. На старомъ гнѣздѣ. V. Сморяки. VI. Галченокъ. VII. Вѣрная загадка. VIII. Записки сытого человека. Томъ V. **Повѣсти и разсказы.** I. Чужой караванъ. II. Братья Голубчиковы. III. Горе доктора Элеоноры. IV. Страданія и приключенія вдовы Пересыпкиной. V. Горестныя и радостныя приключенія дѣйствительнаго статскаго совѣтника Анчуткина и дѣтены Амалии Шмандтъ. VI. Дѣвочку шести лѣтъ желать отдать совѣтъ. VII. Стрѣлаловская барышня. VIII. Тамбовскіе Семирамидины сады. IX. Бякъ Иванъ. X. Аверьянъ Михѣевъ и его жильцы. XI. Жоржъ. XII. Сынчикъ сынъ. XIII. Съ простымъ взглядомъ. XIV. Съ нѣжными чувствами. XV. Въ духъ времени. XVI. Предопредѣленіе или борьба Купчиха съ апельсинчикомъ. XVII. Баба. XVIII. Сліяніе (комедія). Томъ VI. **Историческіе разсказы.** I. Лакейская столица. II. Солотчинскіе монастыри и крѣпостныя. III. Раскаты Стенькина грома въ Тамбовской землѣ. **Дорожные очерки.** I. Въ странѣ фонтановъ и колопаковъ. II. Съ донца. III. По тихому Дону. — Воспоминанія. — Умершій писатель. Изданіе отпечатано въ удобномъ форматѣ in 8°, на хорошей бумагѣ, четкими шрифтомъ и сойтись въ себѣ: томъ I—XXXVI+494 страницы, т. II—543 стр., т. III—712 стр., т. IV—573 стр., т. V—589 стр. и т. VI—641 стр., всего—XXXVI+3064 стр. **ЦѢНА** за 6 томовъ—9 р., съ пересылкою—10 руб. 50 к., въ 6-ти изданіяхъ коленкорovýchъ переплетахъ—12 р. съ пересылк.—13 р. 50 к. Требуемые и деньги адресовать въ контору изданій А. Ф. МАРКСА, С.-Петербургѣ, Морская № 22. — Изданіе имѣется также въ продажѣ въ конторѣ Н. Н. Печенковой въ Москвѣ (Петровскія линіи), въ книжн. магазинѣ „Образованіе“ въ Москвѣ (Ришельевская, № 12) и во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Ноября № 21. 1899 года.

Содержаніе. Указъ Святѣйшему Правительствующему Синоду.—Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Правила объ устройствѣ народныхъ библіотекъ Духовнаго Вѣдомства.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа н. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектанствомъ селеній (продолженіе).—Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897/8 уч. г. (продолженіе).—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Указъ Святѣйшему Правительствующему Синоду.

Рожденіе и тезоименитство Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича повелѣваемъ праздновать въ 22-й день ноября.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

Вольфсгартенъ въ Дармштадтѣ,
22 сентября 1899 года.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 2—7 октября 1899 года за № 226, о празднованіи дня Рожденія и Тезоименитства Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 28-го минувшаго сентября № 6404, состоявшійся въ 22-й день того же мѣсяца Именный Высочайшій Указъ Святѣйшему Синоду слѣдующаго содержанія: „Рожденіе и Тезоименитство Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича повелѣваемъ праздновать въ 22-й день ноября“. Приказали: Означенный Имен-

ный Высочайшій Указъ о празднованіи дня Рожденія и Тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича въ 22-й день ноября объявить во всеобщее извѣстіе чрезъ пропечатаніе въ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» и «Правительственномъ Вѣстникѣ», для чего и сообщить Правительствующему Сенату вѣдѣніемъ, съ приложеніемъ копій съ Именнаго Высочайшаго Указа, а за симъ день Рожденія и Тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника внести въ новую таблицу Высокоторжественныхъ и Викторіальныхъ дней.

Правила объ устройствѣ народныхъ библиотекъ Духовнаго Вѣдомства.

1. Народныя библиотеки могутъ быть учреждаемы при церквахъ, монастыряхъ, церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты при духовныхъ училищахъ и другихъ духовно-учебныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ Духовнаго Вѣдомства.

Примѣчаніе. Народная библиотека можетъ быть соединена съ читальней, представляя посѣтителямъ чтеніе книгъ въ ея помещеніи, или ограничиться только выдачею книгъ для чтенія на дому.

2. Непосредственное и отвѣтственное завѣдываніе народными библиотеками во всѣхъ отношеніяхъ, на какія бы средства онѣ были учреждены, возлагается на приходскихъ священниковъ или тѣ лица, которыя въ исключительныхъ случаяхъ будутъ для сего назначены Епархіальнымъ Архіереемъ.

3. Епархіальный Училищный Совѣтъ, по обсужденіи условий открытія народныхъ библиотекъ, представляетъ свои соображенія по сему предмету на Архипастырское благоусмотрѣніе Его Высочайшаго Преосвященства.

4. Приходскіе священники, желающіе открыть народную библиотеку, испрашиваютъ надлежащаго на то разрѣшенія въ Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ чрезъ уѣздное Отдѣленіе; при чемъ представляютъ: а) проектъ мѣстныхъ Правилъ, опредѣляющихъ назначеніе читальни и условия пользованія ею; б) указаніе, въ какомъ именно будетъ помѣщаться библиотека и на какія средства она учреждается; в) чѣмъ обезпечивается дальнѣйшее ея существованіе; г) кто приглашается въ помощь священнику въ качествѣ библиотекаря и д) каталогъ книгъ для библиотеки.

Примѣчаніе. Члены прѣсвѣта не могутъ отказываться отъ приглашенія священника принять участіе въ трудахъ по наблюденію за библіотекою.

5. Къ обязанностямъ завѣдующаго библіотекою относятся: а) изысканіе средствъ для пополненія библіотеки; б) приобрѣтеніе книгъ и всѣхъ необходимыхъ для библіотеки принадлежностей; в) отвѣтственность за порядоки библіотеки и за цѣлость ея имущества; г) изыатіе книгъ и другихъ вещей утраченныхъ или пришедшихъ въ негодное состояніе; д) строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы не были въ обращеніи никакія другія книги и повременныя изданія, кромѣ записанныхъ въ каталогъ библіотеки; е) наблюденіе, чтобы читальня не служила мѣстомъ совѣщаній и другихъ собраній, чуждыхъ назначенію ея.

6. Къ обязанностямъ библіотекаря относятся: а) составленіе и содержаніе въ исправности матеріальной книги; б) составленіе систематическаго каталога; в) храненіе имущества библіотеки и г) выдача книгъ посѣтителемъ и пріемъ книгъ возвращаемыхъ.

7. До изданія каталога народныхъ библіотекъ народныя библіотеки могутъ имѣть у себя слѣдующія книги: а) книги, указанныя духовнымъ вѣдомствомъ для употребленія въ церковно-приходскихъ школахъ и допущенныя въ церковныя библіотеки; б) всѣ книги и журналы, издаваемые съ разрѣшенія духовной цензуры и вообще духовнаго начальства, за исключеніемъ тѣхъ, которые будутъ признаны Духовнымъ Вѣдомствомъ непригодными для народныхъ бесплатныхъ читателей; в) книги, кои будутъ одобрены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, для обращенія въ читальни; г) книги, значащіяся въ издаваемыхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія каталогахъ книгъ, для употребленія въ ученическихъ библіотекахъ низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомствахъ сего министерства; д) книги, издаваемые правительствомъ, и е) изъ свѣтскихъ газетъ и журналовъ тѣ, кои будутъ указаны Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, по соглашенію съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода.

Примѣчаніе. Наблюдающій за читальнею долженъ слѣдить, чтобы, при выборѣ книгъ для библіотеки, принимались въ соображеніе какъ средства ея, такъ и образовательныя и воспитательныя потребности населенія, образъ жизни, занятія и—избѣгать односторонняго подбора книгъ въ ущербъ книгамъ релігіозно-нравственнаго, патріотическаго и вообще назидательнаго содержанія.

Вышеизложенныя Правила Харьковскимъ Епархіальнымъ Уч-

лищнымъ Совѣтомъ были подвергнуты обсужденію и утверждены Его Высокопреосвященствомъ резолюціею отъ 2 ноября н. г., причемъ Высокопреосвященнѣйшій Владыка изволилъ отмѣтить, что учрежденіе народныхъ библиотекъ Духовнаго Вѣдомства въ предѣлахъ епархіи очень желательна.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Согласно § 155 семинарскаго устава, плата за содержаніе своихъ воспитанниковъ Семинаріи должна быть вносима по третямъ учебнаго года въ теченіе двухъ недѣль послѣ начала трети. Посему Правленіе Семинаріи покорнѣйше проситъ отцовъ такихъ воспитанниковъ озаботиться высылкой на имя Правленія въ теченіе времени съ 15 ноября по 1-е декабря взносовъ за вторую треть сего учебнаго года въ размѣрѣ 40 руб. съ воспитанниковъ духовнаго званія, не получающихъ пособія, 25 руб.—съ воспитанниковъ, получающихъ пособіе, и 60 руб.—съ вносословныхъ воспитанниковъ. Не внесшіе въ указанный срокъ денегъ за свое содержаніе воспитанника, на основаніи того же устава, подлежатъ удаленію изъ общежитія.

Записка о засѣданіяхъ Харьковскаго Миссіонерскаго Совѣта 18—20 августа н. г. съ участіемъ священниковъ изъ зараженныхъ сектанствомъ селеній.

(Продолженіе *).

I.

Приемы собесѣдованій съ заблуждающимися.

Хотя главнѣйшимъ предметомъ миссіонерскихъ засѣданій было практическое уясненіе поставленныхъ вопросовъ, тѣмъ не менѣе предварительно вниманіе Собранія было обращено на методику собесѣдованій съ заблуждающимися, или на разъясненіе внутреннихъ и внѣшнихъ условій правильнаго и успѣшнаго веденія бесѣды съ отпавшими; и прежде всего поставленъ былъ на разрѣшеніе вопросъ о способахъ привлеченія сектантовъ на собесѣдованія. Этотъ вопросъ имѣетъ весьма важное жизненное значеніе

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1899 г. № 20.

особенно въ настоящее время въ виду того, что сектанты весьма ерѣдко уклоняются отъ собесѣдованій, или же являясь на эти собесѣдованія, отказываются принимать въ нихъ активное участіе. ежду тѣмъ отъ такого или много отношенія сектантовъ къ бедамъ окружныхъ и приходскихъ пастырей—миссіонеровъ зависитъ и успѣхъ самой миссіи, такъ какъ только путемъ открытаго искренняго участія въ собесѣдованіяхъ можно выяснитъ истину и оказать вліяніе на заблудшихъ. По заявленію бывшихъ на Соборіи приходскихъ священниковъ главнымъ мотивомъ уклоненія отъ собесѣдованій является боязнь сектантовъ подвергнуться отътому посрамленію: чувствуя свою слабость предъ истинною православіемъ и подготовленными для борьбы съ сектанствомъ священниками, вожаки сектанства всячески стараются отвлечь свою паству отъ церкви и священниковъ и такъ укрѣпляютъ ихъ въ враждебности къ ней, что они отказываются вступать въ беду даже и тогда, когда миссіонеры къ нимъ являлись на домъ. чтобы скрыть свое позорное малодушіе предъ православными жакими между сектантами стараются распространить слухи, будто миссіонеры суть не что иное, какъ агенты полиціи и за одну частіе въ собесѣдованіяхъ привлекаютъ штундистовъ къ судебной вѣтственности наравнѣ съ совратителями. Слухъ этотъ, пришедшій изъ Кіевской губерніи, былъ настолько упоренъ, что когда въ Г. Начальника Харьковской губерніи, вслѣдствіе ходатайства епископа преосвященнаго Амвросія, послѣдовала бумага, показавшая ложность, то сектанты, все же подозрѣвая въ этомъ хитрость чальства, отказались подписаться подъ нею, а публичныя собесѣдованія еще болѣе потеряли въ своей искренности. Въ виду этого, какъ показываетъ опытъ, прежніе способы првлеченія сектантовъ на бесѣды при содѣйствіи оо. благочинныхъ, волостныхъ сельскихъ правленій, церковныхъ сторожей, становыхъ приставовъ и десятскихъ, объявленій, выставляемыхъ на стѣнахъ общезенныхъ учрежденій съ поазаніемъ мѣста и времени собесѣдованій, при посредствѣ колокольнаго благовѣста и тому подобныхъ рѣ могутъ оказаться недѣйствительными. Въ Пристѣвнѣ явившеся на бесѣды штундисты прямо потребовали отъ епархіальнаго миссіонера предварительнаго заявленія, что онъ не станетъ доносить на нихъ гражданскимъ властямъ за участіе въ бесѣдахъ. Въ нягахъ и Мерчикѣ, вслѣдствіе тѣхъ же ложныхъ слуховъ, собесѣдованіе состоялось лишь съ большимъ трудомъ. Вслѣдствіе этого мѣбра, рекомендуемая Казанскимъ Съѣздомъ въ согласіи съ ст.

186 улож. и § 5 постановленій епископовъ юго-западнаго кра-
 что миссіонеры могутъ и должны просить законнаго содѣйствія
 гражданской власти въ случаѣ систематическаго и злонравнаго
 уклоненія и упорнаго нежеланія со стороны заблуждающихся
 явиться на собесѣдованія съ православнымъ миссіонеромъ, ес-
 ли принесетъ благіе плоды. Въ послѣднее время сектанты Хер-
 ковской епархіи, напуганные вмѣшательствомъ гражданскихъ вла-
 стей, потеряли прежнюю дерзость и изъ явныхъ и наглыхъ ста-
 лись фарисейски-лицемѣрными и неискренними. Кромя не-
 привлеченные насильственно на бесѣду сектанта едва ли сох-
 нять свободу и сердечность въ собесѣдованіяхъ. Въ дѣлѣ же мис-
 сіонерства болѣе чѣмъ въ какомъ другомъ нужны мѣры кротости
 и евангельской любви. Въ виду этого Собраніе постановило кре-
 нуть въ руководство въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ вышеозначен-
 ныя мѣры окажутся неэффективными, прибѣгать къ вышесказан-
 нымъ собесѣдованіямъ.

Еще чаще наблюдаются въ послѣднее время случаи, когда сек-
 танты, явившись на бесѣду, хранятъ упорное молчаніе или же
 вѣщаютъ лаконическими словами: „это мы уже слышали“, „бредъ
 сказки рассказывать“, „нѣтъ ли чего поумнѣе“ и т. п. Въ этихъ
 случаяхъ, какъ показываетъ опытъ, почти всегда есть возможность
 вызвать упорствующихъ на бесѣду путемъ осторожнаго интел-
 лектуальнаго посрамленія самыхъ чувствительныхъ ранъ сектан-
 ства. Будучи горды и самонадѣянны, сектанты не въ состоя-
 ніи удерживать продолжительнаго молчанія. Уже на основаніи
 собственнаго опыта мы можемъ понять, насколько затруднительно
 при критикѣ нашихъ воззрѣній, оставаться безъ защиты и опору
 верженія. Но и вовлеченные въ бесѣду неожиданно и какъ-бы не-
 желательно сектанты, послѣ кроткой съ ними бесѣды связы-
 ваются искренними и изъ упорныхъ въ заблужденіи дѣлается
 рѣдко самыми добросовѣстными и свѣтлыми истинными и потому
 приглашаютъ для бесѣды миссіонера публично и письменно. Это
 добрый признакъ и первый шагъ къ обращенію.

Даже въ рѣдкихъ случаяхъ, когда сектанты рѣшительно отказыва-
 ютъ отъ публичной бесѣды, не слѣдуетъ оставлять заблудшихъ, а вывести
 православнымъ положительную сторону христіанскаго ученія парал-
 лельно съ извращаемыми сектанствомъ пунктами, надобно явиться
 сектантамъ на домъ. Дома у себя они смѣлѣе и уже по чувству
 собственнаго русскимъ людямъ гостепріимства не откажутся отъ
 бесѣды сначала о предметахъ стороннихъ, а потомъ и религиозныхъ.

между тѣмъ вѣсть быстро разнесется по селу и въ домъ явятся ослѣди изъ православныхъ и сектантовъ. По поводу подобнаго іріема Херсонской епархіи миссіонеръ Кальневъ сообщаетъ, что нельзя миссіонеру полагать дѣло служенія своего въ постоянныхъ и возможно частыхъ переѣздахъ съ одного села въ другое, отъ однихъ сектантовъ къ другимъ; есть заблудшіе, которые нуждаются въ томъ, чтобы съ ними миссіонеръ оставался подольше, есть обратившіеся, которые нуждаются въ укрѣпленіи.

Что касается хлыстовъ, скопцовъ и подобныхъ мистическихъ тайныхъ сектъ, то, по общему замѣчанію священниковъ изъ приходо-въ зараженныхъ семи сектамп, даже самая попытка вызвать ихъ на публичную бесѣду должна быть признана напрасной. Будучи преслѣдуемы закономъ за членовредительство (скопчество) и свальный грѣхъ (хлыстовство), и состоя членами секты, презираемой обществомъ, они таятся до такой степени, что при самомъ тщательномъ наблюденіи за ними нельзя ихъ уличить въ принадлежности къ сектѣ. Дабы укрыться отъ преслѣдованія закона, они надѣваются на себя личину набожности и всегда во всѣхъ случаяхъ церковно-общественной жизни становятся въ первые ряды съ православными христіанами; они являются въ церковь по первому удару колокола, не опускаютъ ни одного собесѣдованія, наставленія священника слушаютъ со слезами, во время богослуженія стоятъ на колѣнахъ, ставятъ свѣчп, духовенству оказываютъ внѣшніе знаки почтенія и т. п. Поэтому весьма умѣстно былъ поднять относительно тайныхъ сектантовъ вопросъ, по какимъ признакамъ пастыри могутъ опознать ихъ, дабы вслѣдъ затѣмъ употреблять соотвѣтствующія мѣры для ихъ вразумленія. По наблюденіямъ бывшихъ на собраніи священниковъ, есть множество разныхъ признаковъ, дающихъ средства для распознаванія хлыстовъ и скопцовъ, и хотя эти признаки въ отдѣльности не существенны, но въ совокупности даютъ вполне достаточную характеристику тайныхъ сектантовъ. Жилище хлыстовъ, въ особенности предназначено для тайныхъ собраній, стоитъ во дворѣ, обнесенное высокимъ плетнемъ и деревьями, при дворѣ всегда имѣется крѣпкій бараулъ въ видѣ дневныхъ и ночныхъ запоровъ, злыхъ собакъ и сторожей. По внутреннему своему устройству изба хлыстовъ также представляетъ нѣкоторый лабиринтъ; въ ней бываетъ по нѣсколь-ко отдѣльныхъ внѣшнихъ ходовъ, а внутри рядомъ съ жилою комнатою одна или двѣ нежилыхъ, что не встрѣчается въ обыкновенныхъ крестьянскихъ постройкахъ, (въ сл. Мурафѣ). Наружный

видъ хлыста—встолненное радѣніями, блѣдно—желтое лицо съ тупымъ взглядомъ, нерѣдко безбородное; на всей же вообще физиономіи лежитъ насильственная печать притворнаго благочестія—голова умощена масломъ, смиренная рѣчь: „сестрица“, „братецъ“, „спаси Господа“. Кромѣ того наблюдается покорное усердіе къ храму и почтительность къ батюшкѣ (сл. Песочный). Присутствіе въ домахъ картинъ и иконъ въ родѣ: Христосъ у Каиафы, Укрещеніе бури, Архангелъ Михаилъ, Георгій Побѣдоносецъ, картинъ сада, какъ признакъ радѣнія происходящаго въ домѣ; прекращеніе дѣторожденія и безбрачная жизнь взрослыхъ дѣтей (сл. Основа); легкость половыхъ отношеній и явная распущенность; неупотребленіе въ пищу свинины (сл. Островерховка); непосѣщеніе свадебъ и крестинъ, однообразіе въ одеждѣ: женщины носятъ обыкновенно черные скромные костюмы; скрытая враждебность къ православнымъ, общее пѣніе на собраніяхъ и, наконецъ, народная молва, какъ самый лучший путь опознанія тайныхъ сектантовъ (сл. Кириковка). Но въ настоящее время характеръ секты хлыстовъ измѣнился. Они сами не могли не увидѣть всей омерзительности свальнаго грѣха и, въ особенности въ виду презрѣнія со стороны народа, постепенно начали облагораживать характеръ радѣнія. Первоначальное измѣненіе этого безнравственнаго культа состояло въ томъ, что по окончаніи радѣній мужчины и женщины били поклонъ старшему брату и скрывались за дверь въ особыхъ помѣщеніяхъ. Въ послѣднее же время свальныи грѣхъ встрѣчается лишь какъ рѣдкое и исключительное явленіе; собранія же заканчиваются пѣніемъ псалмовъ, чтеніемъ молитвъ, нерѣдко не доходя даже до радѣній или ограничиваясь таковыми въ самой доступной формѣ. То же слѣдуетъ сказать и о скопчествѣ. Такъ, по заявленію епархіальнаго миссіонера Д. Боголюбова, на Казанскомъ всероссійскомъ миссіонерскомъ Съѣздѣ выяснилось, что и оскопленіе не всегда составляетъ признакъ принадлежности къ этой сектѣ. Въ епархіяхъ Самарской, Оренбургской, Тамбовской и другихъ въ настоящее время обнаружены такъ называемые духовные скопцы, которые, раздѣляя всѣ догмы ученія скопчества, изъ боязни прель закономъ, откладываютъ оскопленіе до послѣднихъ дней своей жизни. Съѣздъ призналъ и это новоскопчество въ равной степени вредною сектою, какъ и староскопчество. Эти послѣднія обстоятельства всегда слѣдуетъ имѣть въ виду миссіонерамъ, пастырямъ и экспертамъ при вчиненіи судебныхъ дѣлъ противъ хлыстовъ и скопцовъ и всячески проникать во внутреннюю сторону ученія

секты, руководствуясь, какъ нитью, всѣми выше изложенными внѣшними признаками, особенно въ виду того, что хлысты всегда отождествляютъ себя съ набожными мірянами, а скопцы въ крайнихъ случаяхъ съ хлыстами. Хорошо было бы, если бы и сами эксперты судебной медицины внимательно относились къ подсуднымъ сектантамъ, такъ какъ замѣчено, что при настоящихъ усовершенствованныхъ способахъ оскотленія, операція эта производится часто столь искусно, что самому опытному врачу трудно бываетъ замѣтить поврежденіе членовъ.

Но если официальному миссіонеру, опирающемуся на свои полномочія и содѣйствіе гражданской власти, всегда болѣе или менѣе легко вступить въ бесѣду съ сектантами, то о приходскомъ пастырѣ, долженствующемъ поучать своихъ пасомыхъ благовременно и безвременно, этого сказать нельзя. Для заворенѣлыхъ и ярыхъ сектантовъ онъ является представителемъ и воплощеніемъ всего того мнимаго зла, съ которымъ они борются; онъ для нихъ бываетъ ненавистенъ и потому всякая бесѣда съ нимъ по вопросамъ вѣроученія для нихъ нежелательна. Естественно отсюда возникаетъ вопросъ: въ какомъ же родѣ наученія долженъ дѣйствовать приходскій пастырь? Какъ на одну изъ формъ церковнаго учительства, заповѣданную вѣками нашей православной церкви, всегда доступную и наиболѣе дѣйствительную, было указано на церковную проповѣдь и вѣбогослужебныя собесѣдованія въ церкви послѣ вечерни или между утренней и ранней литургіей. Слѣдуетъ замѣтить, что эта форма церковнаго учительства, въ Харьковской епархіи распространена въ достаточной степени и уже не мало проповѣдническихъ сборниковъ вышло изъ подъ пера пастырей Харьковской епархіи. И дай Богъ, чтобы этихъ ревностныхъ проповѣдниковъ было какъ можно больше, чтобы проповѣдничество не оскудѣвало.

Пресвященный Амвросій, архіепископъ Харьковскій, говоритъ:¹⁾ „чтобы понять все великое значеніе живаго устнаго слова, надобно только вникнуть въ истинный смыслъ установленія въ Церкви Христовой пастырей и учителей, храмовъ и каедръ церковныхъ. Какое человѣческое учрежденіе можетъ сравниться съ просвѣтительнымъ вліяніемъ на народъ церковной проповѣди, разумѣется, когда она понимается и ведется церковными учителями, какъ должно? Въ нашемъ отечествѣ, напримѣръ, болѣе тридцати тысячъ

¹⁾ Живое слово стр. 27—28.

церквей, какъ готовыхъ народныхъ училищъ, еще болѣе того учителей, облеченныхъ авторитетомъ проповѣдниковъ Христовой истины и довѣріемъ народа; въ ихъ распоряженіи и дни, и часы и родныхъ собраний; они могутъ связать свое церковное слово всякою бесѣдою лично съ народомъ и дома, и въ полѣ, и въ пути; могутъ по заповѣди „обличать, запрещать, увѣщевать: время и не во время“ (2 Тим. 4, 2). И страха ни они съ себя этого мертвенный сонъ безучастія и безпечности, который овладѣлъ нынѣ большинствомъ ихъ; прониклись они тою жалостью къ народу, остающемуся безъ руководства, какая дышетъ въ словахъ Христа Спасителя (Матѣ. 9, 36); пойми они всю силу и злокачественность современныхъ заблужденій; оставь устарѣлыя формы рѣчи, неудобныя для потребностей минуты; заговори они живымъ словомъ убѣжденія и любви; подкрѣпи свое слово примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей—что бы они могли сдѣлать для народа! Одно представленіе объ этомъ значеніи живаго церковнаго слова, какое далъ ему Спаситель нашъ во своей Церкви, способно привести въ восторгъ ревнителя истины и блага человѣчества.

По нашему времени это представленіе кажется идеальнымъ; оно не то идеально мечтательное, какъ часто составляютъ себѣ люди о различныхъ видахъ человѣческой дѣятельности и совершенства; оно есть точное изображеніе обязательной дѣятельности служителей слова евангельской истины, къ которому они должны стремиться всѣми силами подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, осужденія. Благовѣствованіе „необходимая обязанность моя“, говоритъ Апостолъ Павелъ, и „горе мнѣ, если не благовѣствую“ (1 Кор. 9, 16). Сюда, къ возбужденію и надлежащему направленію этой дѣятельности служителей Церкви, должны быть обращены всѣ наши усилія и заботы. Мало у насъ въ духовенствѣ дарованій, это наше несчастье; мало усердія къ дѣлу, это наше преступленіе.

Что же добавить къ этимъ словамъ? Одно развѣ, что въ успѣхѣ и развитіи живой церковной пастырской проповѣди заключается весь центръ успѣха нашей внутренней миссіи, по огражденію вѣрныхъ чадъ церкви отъ религиозныхъ заблужденій вѣка сего и по пресѣченію пропаганды сектантскихъ лжеученій, обольстительная сила которыхъ, главнымъ образомъ, коренится въ живомъ, простомъ словѣ лжеучителей.

Утверждая въ вѣрѣ православныхъ и предохраняя ихъ отъ заблужденій, церковное учительство въ формѣ положительнаго выясненія истины, хотя бы и въ параллель пунктамъ сектантскаго

т жеученія, едва ли дойдетъ до слуха самихъ сектантовъ, а, дойдя до нихъ едва ли въ силѣ возвратить уже отпавшихъ. Ощущается нужда въ иномъ мечѣ настырскаго слова, нужна иная форма назиданія. Такою формою, получившею за послѣдніе дни большое распространеніе въ Русской церкви, являются публичныя собесѣдованія въ формѣ совопросничества и преній православнаго миссіонера съ сектантами; эта форма имѣетъ не малое распространеніе и въ нашей Харьковской епархіи.

В. Давыденко.

(Продолженіе будетъ).

Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 189⁷/₈ учебный годъ.

(Продолженіе *).

V.

Воспитательная сторона церковной школы. Порядокъ совершенія утреннихъ и вечернихъ молитвъ. Посѣщеніе учащимися храма Божія. Участіе при совершеніи церковнаго Богослуженія. Исполненіе христіанскаго долга исповѣди и Св. Причастія. Школьная дисциплина и мѣры къ ея поддержанію. Установившійся строй жизни въ общежитіяхъ. Вліяніе церковной школы на учащихся. Факты.

Воспитательная сторона церковной школы составляла предметъ особеннаго вниманія учащихся въ ней лицъ. Въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей законоучитель и учитель составляли одно согласное цѣлое, преслѣдуя во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ дѣтямъ одну и ту же цѣль—сдѣлать изъ нихъ вѣрующихъ христіанъ и истинныхъ сыновъ Церкви Православной, добрыхъ и честныхъ людей, вѣрныхъ гражданъ Отечества, дѣтей, любящихъ своихъ родителей и съ почтеніемъ относящихся къ старшимъ. Къ этому направлялась прежде всего вся система школьнаго обученія. Обученіе носило воспитывающій характеръ и имѣло своею цѣлю воздѣйствовать прежде всего на нравственную сторону ребенка. Не говоря уже о священно-историческихъ событіяхъ, заповѣдяхъ Закона Божія и молитвахъ, которыя однимъ содержаніемъ своимъ оказывали доброе вліяніе на воспримчивую душу ребенка, при чтеніи по русскому языку въ подборѣ статей

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», за 1899 г. № 19.

для чтенія имѣлось въ виду избрать тѣ изъ нихъ, въ которыхъ изображалось величіе правды и добра, истинно-христіанская жизнь, любовь къ родителямъ, преданность Царю и Отечеству, самоотверженный и достойный подражаніи поступокъ или же наказанная гордость, тщеславіе, самолюбіе и т. п. То же и еще въ большемъ мѣрѣ слѣдуетъ сказать о воспитательномъ значеніи церковно-славянскаго языка и церковнаго пѣнія. Ихъ благотворное, возвышающее душу, значеніе ощущается всякимъ истиннымъ сыномъ Церкви, всякимъ предстоящимъ и молящимся въ храмѣ умиленною душою.

Но независимо отъ предметовъ школьнаго курса жизнь церковной школы представляетъ, можно сказать, непрерывный рядъ случаевъ, коимъ пользовались учащіе въ ней лица для религіознаго нравственнаго воспитанія дѣтей. Въ ряду нихъ первое мѣсто занимаетъ ежедневное совершеніе повседневныхъ молитвъ.

Во всѣхъ церковныхъ школахъ епархіи утромъ предъ началомъ учебныхъ занятій и по окончаніи ихъ были совершаемы утреннія и вечернія молитвы по Учебному Часослову, изданному по благословенію Святѣйшаго Синода Училищнымъ Совѣтомъ. Общій порядокъ совершенія молитвы былъ такой. За полчаса до начала занятій собравшіяся въ школу дѣти чинно становились предъ образомъ съ теплившейся лампадкой и подъ руководствомъ наставника начинали молитву пѣніемъ: „Царю Небесный“; одинъ изъ лучшихъ чтецовъ по назначенію учителя истово и съ благоговѣніемъ читалъ молитву. Молитвы: „Отче нашъ“, „Спаси Господи“ и „Достойно есть“, а иногда „Святый Боже“ и „Пресвятая Троице“,—были пѣты общимъ хоромъ. Если присутствовалъ, а это случалось весьма нерѣдко, а въ нѣкоторыхъ школахъ и во весь учебный годъ, священникъ, онъ начиналъ молитву начальнымъ возгласомъ и оканчивалъ ее обычнымъ отпустомъ. Такимъ образомъ дѣти и въ школѣ видятъ то же, что и въ церкви: такой же начальный благословляющій возгласъ батюшки, такое же внатное и истовое чтеніе товарищемъ, такое же благоговѣнное пѣніе и проч.,—и невольно приходятъ къ заключенію, что школа и церковь имѣютъ между собою родство и тѣсную связь. Молитвенное настроеніе мальчика, сообщенное ему школою, не покидаетъ его и дома: отпытавшіе наблюдатели указываютъ случаи, когда нѣкоторые благочестивыя семьи отходили ко сну послѣ внатно и вразумительно прочитанной ребенкомъ-ученикомъ молитвы. Чтобы школьная молитва имѣла еще большую связь съ церковью, оо. законоучители время

Отъ времени въ кругъ повседневныхъ молитвъ, въ дни, слѣдующіе за великими праздниками, вводили тропари сихъ праздниковъ. Въ дни послѣ Пасхи молитва начиналась пѣніемъ: „Христосъ воскресе“, и оканчивалась: „Свѣтися, свѣтися“. Послѣ Вознесенія Господня въ началѣ урока—„Вознеслся еси во славу“ и проч. Точно также въ кругъ повседневныхъ молитвъ въ нѣкоторыхъ школахъ вводили были тропари мѣстныхъ храмовыхъ праздниковъ, равно и тропари святыхъ, особо чтимыхъ въ данной мѣстности.

При отправленіи самыхъ молитвъ особенное вниманіе учителя всегда было обращено на то, чтобы дѣти отнюдь не допускали искаженія текстовъ, неправильныхъ удареній въ словахъ, правильно слагали кресты и правильно крестились, чтобы во время самой молитвы они не были разсѣяны, а внимательно вслушивались въ слова молитвы, съ благоговѣніемъ и умиленіемъ совершали бы внѣшніе знаки молитвы. Въ случаѣ нарушенія всѣхъ этихъ требованій учитель или законоучитель, если онъ присутствуетъ на молитвѣ, по окончаніи молитвы каждый разъ разъяснял и смыслъ непонятныхъ выраженій молитвы, и значеніе внѣшнихъ законовъ, повторяя по нѣскольку разъ по каждому поводу въ отдѣльности. Въ нѣкоторыхъ школахъ чтеніе молитвы было общимъ: впереди предъ аналоемъ становился чтець, а всѣ остальные ученики вслѣдъ за нимъ вслухъ произносили слова молитвы. Общимъ чтеніемъ молитвы достигалась та цѣль чтобы христіанскій долгъ ежедневной молитвы былъ выполненъ каждымъ и чтобы чтеніе этой молитвы, вслѣдствіе привычки, сдѣлалось потребностью всѣхъ учащихся.

Учащіеся въ церковныхъ школахъ во всѣ праздничные, воскресные и табельные дни, а также постомъ—во время говѣнья и совершенія литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ—неопустительно посѣщали всѣ церковныя службы. Въ церковь дѣти шли всегда чинно въ опредѣленномъ порядкѣ и становились рядами, занимая по большей части пространство между алтаремъ и клиросами у самаго амвона, имѣя возможность слѣдить за порядкомъ церковныхъ Богослуженій и оставаясь всегда доступными наблюденію какъ учителя, такъ и священника. Учителя тщательно слѣдили, чтобы въ церкви дѣти держали себя чинно, были внимательны къ чтенію и пѣнію и усердно молились, полагая крестное знаменіе и дѣлая колѣнопреклоненія тамъ и тогда, когда этого требовала важность молитвословій и пѣснопѣній. Чтобы дать возможность самимъ учащимся принять активное участіе въ церковныхъ службахъ,

лучшіе изъ учениковъ были назначаемы къ участию въ клиросномъ чтеніи. Къ церковному чтенію учащіеся предварительно готовились въ школѣ и дома, а наканунѣ совершенія службъ обыкновенно были провѣряемы священникомъ. Ученики и ученицы, обладающіе лучшими голосами и хорошимъ слухомъ, пѣли на клиросѣ; общезвѣстныя же пѣснопѣнія, каковы: „Придите поклонимся“, „Вѣрую во Единого Бога“, „Тебѣ поемъ“, „Достойно“ и „Отче нашъ“,—были исполняемы всею школою, въ полномъ составѣ съ учащихся. Было не мало случаевъ, когда всѣ учащіеся пѣли все Божественную литургію. Почти во всѣхъ школахъ ученики старшаго отдѣленія прислуживали священнику во время Богослуженія въ алтарѣ, вынося во время малаго и великаго входовъ свѣтальники и подавая кадило.

Чтобы приготовить учащихся къ сознательному присутствованіи при совершеніи церковныхъ Богослуженій, о.о. законоучители наканунѣ праздничныхъ, воскресныхъ и табельныхъ дней, равно какъ въ дни поста и четырехдесятницы выясняли дѣтямъ значеніе дней, лицъ и событій празднуемыхъ Св. Церковью, заботясь о томъ, чтобы дѣти сознательно воспитывались подъ кровомъ Матери нашей—Церкви. Они передавали имъ исторію празднуемыхъ событій, читали имъ соотвѣтствующія житія святыхъ и знакомили съ содержаніемъ Евангельскихъ ученій. Благодаря этому дѣти, присутствуя въ Церкви, не только сознательно молились, но и приобрѣтали твердыя познанія въ истинахъ вѣры, Священной исторіи и Богослуженія. Догматы, непостижимые нашему уму, въ церковномъ Богослуженіи становились доступными сердцу дѣтей. Непостижимая тайна рожденія Господа Нашего Иисуса Христа въ дни праздника Рождества Господня усвоилась ими сердцемъ. Въ табельные дни забота наставниковъ была направлена къ тому, чтобы воспитать въ дѣтяхъ любовь и преданность Царю и отечеству и чувство уваженія къ гражданской власти. Для достиженія этой цѣли они употребляютъ слѣдующія средства. Всѣ ученики должны были знать титулъ и имя Государя Императора, Государыни Императрицы и Наслѣдника Цесаревича, годъ, мѣсяцъ и число ихъ рожденія и тезоименитствъ и день восшествія на престолъ Государя Императора. Наконецъ въ означенные дни законоучители знакомили учащихся съ содержаніемъ очередного Апостола и Евангелія и при этомъ разъясняли, чего Св. Церковь и мы просимъ у Господа въ эти дни для Государя Нашего. Въ дни самыхъ праздниковъ законоучители весьма

нерѣдко созывали учащихся въ школы и предлагали имъ рассказы изъ Отечественной исторіи, въ которыхъ особенно рельефно выступаетъ дѣятельность нашихъ государей во благо русскаго народа. Особенно поучительными въ данномъ случаѣ являлись рассказы изъ исторіи Св. Владимира о принятіи христіанской вѣры, о Св. Александрѣ Невскомъ, о Куликовской битвѣ, объ отечественной войнѣ, о заботахъ Александра III о прокормленіи голодающихъ въ 1891—1892 голодные годы; въ день 17 октября законоучители обыкновенно рассказываютъ о чудесномъ спасеніи Царской семьи при крушеніи желѣзнодорожнаго поѣзда; наканунѣ 19 февраля разъясняли иногда дѣтямъ, что въ этотъ день было уничтожено крѣпостное право и что въ настоящее время крестьяне обязаны своею свободою Царю-Освободителю. Во всѣ же эти дни школа украшалась флагами.

Въ дни поста Св. Четырдесятницы учащіеся говѣли не менѣе двухъ разъ, на первой и послѣдней седмицѣ, исповѣдывались и Св. Таинъ причащались; священники всячески заботились о томъ, чтобы приготовить своихъ питомцевъ къ достойному принятію Св. Таинъ. Съ этою цѣлю въ свободные отъ служенія дни въ школахъ или въ церкви они вели съ ними бесѣды о значеніи поста и говѣнья, о благодатныхъ дѣйствіяхъ на душу вѣрующаго человека таинствъ Покаянія и Причащенія, разучивали и разъясняли дѣтямъ смыслъ и значеніе наиболѣе важнѣйшихъ постовыхъ молитвъ, каковы: „Господи и Владыко живота моего“; „Вѣрую, Господи, и исповѣдую“ и т. д. Говѣющіе неопустительно посѣщали храмъ Божій во время всѣхъ церковныхъ службъ, къ принятію Св. Таинъ приступали съ благочестивымъ настроеніемъ.

16-го мая по окончаніи экзаменовъ, ученики Славянской второй классной школы, совмѣстно съ уѣзднымъ наблюдателемъ, попечителемъ школы Авксентіемъ Васильевичемъ Шпурковымъ, о завѣдующимъ и учителями совершили паломническое путешествіе въ Свято-Горскій Успенскій монастырь, находящійся въ 18 верстахъ отъ города Славянска. Послѣ напутственнаго молебна дѣти выстроились по два въ рядъ и подъ надзоромъ учащихся отправились въ путь. Проходя мимо церквей, дѣти обнажали головы, крестились и пѣли церковныя пѣснопѣнія. Часа черезъ три паломники были у цѣли своего путешествія. Увидѣвъ храмъ Преображенія, всѣ ученики полнымъ хоромъ пропѣли: „Преобразился еси“... Затѣмъ, подойдя къ вратамъ Св. Обители и остановившись съ обнаженными головами, пропѣли: „Въ рождествѣ дѣвство сохрани-

ла еся*... Архимандритъ св. обители о. Вассіанъ все приготовилъ для встрѣчи юныхъ паломниковъ: имъ отведены были помѣщенія, былъ предложенъ ужинъ. На другой день паломники присутствовали при совершеніи ранней литургіи и въ теченіе 3 часовъ подъ ближайшимъ руководствомъ монастырскихъ иноковъ осматривали рѣдеющую по красотѣ мѣстоположенія обитель. Близко наблюдая дѣтей во время этого путешествія, нельзя было не убѣдиться въ самомъ благотворномъ вліяніи его. Видъ обители, благолѣпіе храмовъ и церковной службы, благочестіе иноковъ и особенно ихъ отечески—ласковое отношеніе къ дѣтямъ,—все это произвело на учениковъ сильное впечатлѣніе, возбудило ихъ религіозное чувство и любовь къ Святой Обители.

При всѣхъ второклассныхъ школахъ Епархіи устроены общежитія, какъ необходимое условіе правильнаго воспитанія учащихся въ нихъ. Для общежитія при всѣхъ школахъ отведены особыя помѣщенія для столовой, спальни, комнаты для занятій въ учебное время, кухни и кладовой. Что касается порядка жизни въ общежитіяхъ, то онъ не имѣетъ опредѣленнаго характера, но въ разныхъ школахъ имѣетъ свои особенности. Въ Ворожбанской второклассной школѣ общежитіе основано на началахъ, указанныхъ въ руководящей статьѣ В. И., помѣщенной въ Народномъ Образованіи за февраль 1896 года. Родители или родственники воспитанниковъ своевременно доставляютъ необходимые продовольственные продукты и приблизительно въ слѣдующемъ количествѣ на одного въ мѣсяцъ: 1¹/₂ п. муки, 1¹/₄ п. картофеля, 10 ф. пшена, 2 ф. соли, 2 ф. сала, 2 ф. муки и проч. На покупку мяса, а въ постные дни рыбы, а также на жалованье кухаркѣ, покупку мыла и другіе мелочные расходы взимается не свыше 1-го рубля въ мѣсяцъ съ воспитанника. Чай и сахаръ покупаются на средства мѣстной церкви, за участіе воспитанниковъ въ церковномъ хорѣ. Заботы по заготовкѣ [на зиму снимаемыхъ съ школьнаго огорода огурцовъ, бапусты, бураковъ и проч., а также по сохраненію доставляемыхъ воспитанниками продуктовъ, ежедневному ихъ распределенію и по присмотру за дѣйствіями кухарки приняла на себя жена завѣдующаго—Марія Васильевна Рубинская. Уборка столовой и спальной комнатъ, топка въ нихъ печей и приготовленіе куба для чая, а равно уходъ за чистотою и опрятностію во всемъ школьномъ помѣщеніи, въ дворѣ и въ саду возлагаются на воспитанниковъ по дежурству.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ общежитіе въ Славянской

второклассной школѣ. Содержаніе большей половины учащихся въ ней дѣтей принимаетъ на свой счетъ попечитель школы А. В. Шнурковъ, всѣ остальные взносятъ плату за свое содержаніе отъ 15 до 40 руб. въ годъ. Поэтому въ столѣ, спальномъ бѣльѣ и одеждѣ воспитанниковъ замѣчается нѣкоторое однообразіе. Въ Больше-Писаревской второклассной школѣ въ отчетномъ году общежитіе существовало на слѣдующихъ основаніяхъ: а) всѣ ученики обязательно должны были находиться на дневныхъ и вечернихъ занятіяхъ, а также имѣли ночлегъ въ школьномъ зданіи. Жить въ домѣ родителей разрѣшалось лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, и только тѣмъ ученикамъ, гдѣ семейная обстановка, по мнѣнію завѣдующаго школою и учителей, не могла препятствовать занятію ученика и оказывать дурное вліяніе на его нравственность; б) всѣ ученики должны были имѣть свой столъ, обѣдъ на дому, а завтракъ и ужинъ для удобства—въ школѣ; в) постель (одѣяла и подушка) каждый ученикъ имѣлъ свою, кроватью же и проч. обстановкою общежитія ученики пользовались бесплатно отъ школы.

Ежедневный порядокъ въ общежитіи установленъ слѣдующій: въ 6 часовъ утра воспитанники пробуждаются отъ сна, убираютъ (каждый свою) постель, умываются, одѣваются, и въ 7 часовъ собираются въ занятую комнату, гдѣ читаются утреннія молитвы, всегда въ присутствіи учителей, а иногда и законоучителя; послѣ молитвы воспитанники пьютъ чай и завтракаютъ въ столовой; съ 8 часовъ утра до 2 пополудни идутъ, по недѣльному росписанію, классные уроки, по окончаніи которыхъ дѣти мѣстныхъ жителей отправляются обѣдать по домамъ, откуда возвращаются въ 3 часа, съ запасомъ для ужина и завтрака на слѣдующій день, а остальные собираются для обѣда въ общую школьную столовую. Послѣ обѣда ученики гуляютъ подъ присмотромъ учителей и иногда рубятъ дрова (зимой), или работаютъ въ огородѣ или саду (лѣтомъ). Съ 4 до 5 часовъ—уроки по пѣнію и музыкѣ. Сверхъ того, въ Больше-Писаревской второклассной школѣ въ послѣобѣденное время отъ 3 до 5 часовъ четыре раза въ недѣлю бывають занятія въ мастерскихъ. Въ 5 часовъ пьютъ вечерній чай, послѣ котораго занимаются приготовленіемъ уроковъ къ слѣдующему дню до 9 часовъ, съ небольшими промежутками для отдыха; приготовленіе уроковъ идетъ въ занятной комнатѣ подъ руководствомъ учителей. Въ 9 часовъ ученики ужинають, а послѣ ужина общая вечерняя молитва,—послѣ которой отправля-

ются въ спальню для ночного покоя. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ воспитанники неопустительно посѣщаютъ церковныя Богослуженія и принимаютъ участіе въ совершеніи церковнаго Богослуженія.

Особенное вниманіе педагогическимъ Совѣтомъ школы, подъ руководствомъ уѣзднаго наблюдателя, было обращено на то, чтобы свободное время отъ занятій ученики проводили съ пользой, а не предавались въ это время лѣни, шалостямъ, которыя могли бы развить въ нихъ худыя наклонности и пороки.

Свободное время отъ занятій посвящалось: а) полезнымъ играмъ, гимнастическимъ упражненіямъ, б) разучиванію пѣснопѣній церковныхъ пѣсень, а также декламациі стихотвореній лучшихъ русскихъ писателей (преимущественно въ воскресныя и праздничныя дни до обѣда), в) знакомству съ физическими приборами и физическими опытами, бесѣдамъ по гигиенѣ, сельскому хозяйству (въ воскресныя и праздничныя дни послѣ обѣда).

Школьная дисциплина основывалась не столько на страхѣ и мѣрахъ взысканія и наказанія, сколько на любви и чувствѣ уваженія учащихся къ своимъ наставникамъ. Учащіе заботились о томъ, чтобы въ ихъ отношеніяхъ къ учащимся установились отеческія отношенія и полная довѣрчивость. При такихъ отношеніяхъ дѣтскія шалости и проступки покрывались любовью и кроткимъ ласковымъ замѣчаніемъ и внушеніемъ учителя въ присутствіи всѣхъ учащихся и по окончаніи уроковъ. Какихъ либо особенныхъ пороковъ среди дѣтей не замѣчалось и варательныя мѣры въ церковныхъ школахъ не практиковались. Поведеніе учащихся въ общемъ было весьма хорошее. Чаще всего замѣчались слѣдующіе пороки: лѣность, выражающаяся въ самовольномъ опущеніи уроковъ, или невыучиваніе ихъ, предвѣренная порча классной мебели, насмѣшки надъ товарищами, ссора, шаловливость въ классѣ, заширительство и др. Въ большинствѣ случаевъ всѣ означенныя проступки дѣтьми совершались несознательно и серьезнаго значенія въ нарушеніи школьной дисциплины не имѣли. Что касается упорно лѣнивыхъ и неоднократно замѣченныхъ въ непрерывныхъ проступкахъ, то о такихъ доводили до свѣдѣнія родителей или въ рѣдкихъ случаяхъ удаляли изъ школы.

Церковная школа, какъ школа народная, полагающая воспитаніе дѣтей въ основу всего школьнаго обученія и располагающая самими дѣйствительными средствами для воспитанія дѣтей въ духѣ церковности, оказываетъ самое благотворное вліаніе на уча-

щихся. Доказательствомъ этого служить то, что въ церковно-приходскія школы приводятъ своихъ дѣтей даже раскольники, дорожа ученіемъ въ духѣ старины, ей поручаютъ своихъ дѣтей и сектанты и иновѣрцы. Въ отчетномъ году въ церковныхъ школахъ епархіи было 42 раскольника, 8 сектантовъ и 13 католиковъ. Отраднѣйшій фактъ, что всѣ эти дѣти на ряду съ православными изучаютъ Законъ Божій, а родители ихъ не только не возбраняютъ имъ этого, но даже позволяютъ имъ (раскольникамъ и сектантамъ) по ихъ доброй волѣ исполнять вѣншіе знаки молитвы, посѣщать храмъ Божій и участвовать въ церковномъ пѣніи. Несомнѣнно, что дѣти въ свою очередь оказываютъ доброе вліяніе и на взрослыхъ. По крайней мѣрѣ повсюду въ школахъ, гдѣ дѣти принимаютъ участіе въ совершеніи Богослуженія и гдѣ организовано стройное пѣніе, наблюдается болѣе усердное посѣщеніе храма взрослыми. Что касается самихъ питомцевъ церковной школы, бывшихъ изъ нея, то, по наблюденіямъ оо. завѣдующихъ, общая ихъ черта—любовь къ храму, желаніе участвовать въ Богослуженіи чтеніемъ и пѣніемъ, почтительность къ родителямъ, уваженіе и довѣріе къ старшимъ. Между ними меньше грубыхъ поступковъ, свойственныхъ крестьянскимъ дѣтямъ. Завѣдущій Райской церковной школой и Славянской второклассной свидѣтельствуютъ, что ихъ бывшіе питомцы, по выходѣ изъ школы, постоянно обращаются къ нимъ за совѣтами и руководствами въ своей жизни, являясь въ село съ отхожихъ промысловъ, почитаютъ долгомъ приходить къ нимъ за благословеніемъ, и пишутъ письма, прося молитвъ и практическихъ совѣтовъ.

(Окончаніе будетъ).

Епархіальныя извѣщенія.

Священники церкви: сл. Зелюковки, Старобѣльскаго уѣзда, Филаретъ *Донченко* и сл. Шелестовой того же уѣзда, Димитрій *Шимловъ*, за усердную службу, награждены набадренникомъ.

— Священникъ Успенской церкви, сл. Лимана, Старобѣльскаго уѣзда, Ѳеодоръ *Поповъ* перемѣщенъ на священническое мѣсто при Николаевской церкви, сл. Алексѣевки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Священникъ церкви сл. Балмыковки, Старобѣльскаго уѣзда, Симеонъ *Наумовъ* переведенъ, согласно прошенію, на священническое мѣсто къ церкви сл. Лимана, того же уѣзда.

— Священникъ Варваринской церкви с. Вапнотольскаго, Изюмскаго уѣзда *Феодоръ Христіановскій*, 4 октября н. г. переименъ на священническое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви с. Андреевки, Бахмутскаго уѣзда, а на его мѣсто 23 октября опредѣленъ окончившій курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи *Платонъ Кутенковъ*.

— Окончившій курсъ Духовной Семинаріи, *Сергій Стеллецкій*, опредѣленъ на священническое мѣсто (второе) при церкви сл. Трехъзвбиски, Старобѣльскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Николаевской церкви с. Городнаго, Богодуховскаго уѣзда, *Иванъ Тюковъ* рукоположенъ въ санъ діакона 10 октября н. г. къ Покровской церкви с. Писаревки, Сумскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Таврической Духовной Семинаріи, *Иванъ Соколовъ*, опредѣленъ на псаломщическое мѣсто къ церкви сл. Гнилицы, Волчанскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Всѣхсвятской церкви с. Залиманья, Изюмскаго уѣзда *Василій Федоровъ*, 1 ноября н. г., согласно прошенія, уволенъ за штатъ, а на его мѣсто того же числа опредѣленъ н. д. псаломщика крестьянинъ *Сила Забирамицкѣ*.

— Заштатный псаломщикъ Преображенской церкви сл. Ворожбы, Лебединскаго уѣзда, *Григорій Лисанскій* 27 сентября н. г., волею Божию, умеръ.

— Псаломщикъ Вознесенской церкви с. Никольскаго, Изюмскаго уѣзда *Павелъ Макаровскій*, умеръ, а на его мѣсто опредѣленъ исправляющій должность псаломщика *Александръ Макаровскій*.

— Утвержденъ въ должности церковнаго старосты Трехсвятительской церкви с. Лутищъ, Ахтырскаго уѣзда, крест. Терентій *Яковлевъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Новый православный храмъ за границей.—250-лѣтіе Казанской иконы Божіей Матери.—Некрологъ.

Недавно во Флоренціи происходила, по словамъ «Прав. Вѣст.», торжественная закладка первой русской православной церкви въ Итальянскомъ королевствѣ. На торжество закладки церкви собрались итальянскія власти съ префектомъ, графомъ Карачеолла. Чудная погода собрала сюда всю русскую колонію и представителей другихъ церквей, кромѣ римско-католической. Сюда же прибыли русскій посоль въ Римъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Нелидовъ, съ членами русскаго посольства и Товарищъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, сенаторъ В. К. Саблеръ. Торжест-

енное Богослуженіе совершалъ настоятель римской посольской церкви, архимандритъ Климентъ,—въ сослуженіи настоятеля флорентинской посольской церкви, протоіерея В. И. Левицаго. Первые закладные камни положили—архимандритъ Климентъ, русскій посолъ Нелидовъ и сенаторъ В. Я. Саблеръ. По окончаніи закладки, почетнымъ гостямъ былъ предложенъ роскошный завтракъ, на которомъ русскій посолъ Нелидовъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора и Короля Італіи Гумберта. Тостъ былъ восторженно принятъ всѣми.

— 22-го октября исполнилось 250-лѣтіе празднованія Казанской иконы Божіей Матери. «Моск. Вѣд.» сообщаютъ по этому поводу слѣдующія историческія свѣдѣнія.—Чудотворная икона явилась въ гор. Казани въ 1579 г. Въ сонномъ видѣніи одной благочестивой дѣвицы Божія Матерь повелѣла взять икону Ея изъ нѣдръ земли и указала мѣсто, гдѣ она была сокрыта. Въ указанномъ мѣстѣ икона, дѣйствительно, была найдена. Тогдашній архіепископъ казанскій Іеремія со всѣмъ духовенствомъ совершилъ торжественный крестный ходъ къ вновь явленной иконѣ, и она съ великою честью была перенесена въ ближайшій къ мѣсту явленія храмъ Св. Николая; здѣсь послѣдовалъ отъ нея цѣлый рядъ чудотвореній. По желанію Царя Ивана Васильевича былъ снятъ съ вновь явленной иконы списокъ, который и присланъ въ Москву. Съ этого времени въ память явленія иконы 8-го іюня установлено было мѣстное ея чествованіе. Праздникъ 22-го октября учрежденъ въ Москвѣ въ благодарность Богородицѣ за избавленіе Москвы и Россіи въ 1613 году отъ поляковъ и шведовъ. Какъ извѣстно, въ 1612 году Казань выслала свои дружины къ Москвѣ съ образомъ Казанской Богоматери. Дружины 26-го мая отбили у поляковъ Новодѣвичій монастырь. Чудотворный образъ пробылъ въ Москвѣ съ ополченіемъ до зимы, а затѣмъ отпущенъ обратно въ Казань черезъ Ярославль. Здѣсь икону встрѣтили дружины Пожарскаго и Минина, шедшія къ Москвѣ изъ Нижняго-Новгорода, и пожелали имѣть икону въ своихъ рядахъ, въ Казань же посланъ былъ списокъ съ нея. 22-го октября 1613 года Москва была освобождена отъ поляковъ. Въ благодарность за избавленіе свое отъ враговъ въ слѣдующій воскресный день былъ совершенъ въ Москвѣ торжественный крестный ходъ съ казанской иконой Богоматери. Съ того времени подлинная казанская икона, какъ драгоценная святыня, пребывала въ Москвѣ около 100 лѣтъ, причемъ въ память того же событія въ честь чудотворной иконы построенъ въ 1630 году Казанскій соборъ. Прежде чѣмъ икона была перенесена въ этотъ

соборъ она стояла въ храмѣ Введенія Богородицы на Срѣтеніи, куда была помѣщена княземъ Пожарскимъ какъ въ свою приходскую церковь. Первый русскій Царь изъ Дома Романовыхъ—Михаилъ Θεодоровичъ и его мать инокиня Марѳа, въ благодарности за чудеса, явленные иконой, повелѣли праздновать казанской иконѣ Богоматери въ Москвѣ дважды въ годъ и совершать крестные ходы: 8-го іюля и 22-го октября, что неизмѣнно совершается и въ настоящаго времени. Съ Михаила Θεодоровича икона сдѣлалась семейною въ Царскомъ родѣ и пользовалась у русскихъ Царей особымъ почитаніемъ. Это послѣднее обстоятельство побудило Царя Алексѣя Михайловича ознаменовать радостное семейное событіе—рожденіе Наслѣдника Престола, установленіемъ всероссійскаго праздника казанской иконѣ Божіей Матери.

НЕКРОЛОГЪ.

21-го октября 1899 года мирно и безмятежно почилъ вѣрный до конца своему долгу, заслуженный протоіерей Г. Г. Поповъ, на 72-мъ году жизни.

Родился покойный 7-го апрѣля 1829 года въ семьѣ священника въ слободѣ Алексѣвкѣ, пастыремъ коей и скончался. Начальное образованіе свое онъ получалъ въ духовномъ училищѣ, а закончилъ его въ Харьковской духовной семинаріи (15-го іюля 1849 года) со степенью студента. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью военного врача Анной Захаріевной Кузиной и получилъ священническое мѣсто въ слободѣ Ново-Осиновой (Бупянскаго уѣзда,—5-го апрѣля 1850 г.), а въ январѣ 1852 г. перешелъ въ родную слободу Алексѣвку, какъ преемникъ своего престарѣлаго отца, вышедшаго послѣ долголѣтней службы на покой и дожившаго послѣдніе дни свои на попеченіи сына.

Молодой пастырь всю душу отдался благоустроенію храма, создавшаго его отцомъ въ глухомъ еще въ то время хуторѣ, не жалѣя ни трудовъ, ни личныхъ средствъ. Внутреннее и виѣшнее благолѣпіе этого храма стало для него предметомъ неустанныхъ заботъ. Благообразіе виѣшной и внутренней отдѣлки храма—многократно вызывали одобреніе и похвалу Архiepастырей, посѣщавшихъ этотъ храмъ, не говоря ужъ объ окрестномъ духовенствѣ и въ особенности о народѣ, и въ этотъ храмъ стекались многіе присутствовать при благоговѣйномъ и торжественномъ богослуженіи и для слушанія одушевленныхъ проповѣдей молодого священника. Но вотъ съ умноженіемъ пародонаселенія и развитіемъ любви къ богослуженіямъ храмъ становится тѣснѣе, не вмѣщаетъ всѣхъ собирающихся на молитву,—и по первому

изыму любимаго пастыря стали стекаться обильныя пожертвованія на ширеніе и обновленіе этого храма. Такъ, въ послѣдніе годы на это цѣло собрано было около 11 тысячъ: храмъ увеличился почти вдвое, принявъ крестообразную форму отъ боковыхъ пристроекъ.

Неудивительно, что на столь ревностное попеченіе о храмѣ обращено то вниманіе и духовнымъ начальствомъ: не разъ объявлялась покойному синодальская благодарность и преподавалось благословеніе Святѣйшаго отца; въ 1852 году онъ награжденъ былъ набедренникомъ, затѣмъ а за другой слѣдовали награды: скуфія, камывка, паперный крестъ, епитѣмъ св. Анны 3-й степени, протоіерейскій санъ, орденъ св. Анны 2-й степени и, до пятидесятилѣтія священства, орденъ св. Владимира 4-й степени ¹⁾. Какъ человѣкъ, выдававшійся своими душевными качествами, покойный былъ любимъ и уважаемъ и окружнымъ духовенствомъ. Скоро долженъ былъ выдвинуться и какъ общественный дѣятель округа. И действительно, уже въ 1856 году его назначаютъ депутатомъ округа, черезъ два года—помощникомъ благочиннаго, а съ 1859 г. по 1880 г. онъ и сама назначается, а по введеніи выборнаго начала единодушно избирается благочиннымъ, пока по слабости здоровья и особенно зрѣнія не вынужденъ былъ отказаться отъ этой почетной должности. Со времени же введенія земскихъ учреждений, въ теченіе 26 лѣтъ, онъ съ честью поразился, какъ гласный отъ духовенства, въ Старобѣльскомъ земствѣ. И въ успѣлъ онъ приобрести всеобщее уваженіе: старые земцы и понынѣ упоминаютъ о его благотворной дѣятельности, сохраняя въ отношеніи къ нему до послѣднихъ дней наилучшую память.

Восвѣщенію духовному и умственному своей паствы покойный тоже ваялся съ большимъ увлеченіемъ: учительство, въ самомъ широкомъ и полномъ смыслѣ слова, было его призваніемъ. Еще въ то время, когда вѣсьма мѣстныхъ школахъ и вообще о школахъ для сельскаго населенія никто не думалъ и заботился, покойный о протоіерей не останавливался передъ какими затрудненіями и препятствіями, чтобы открыть въ своемъ приходѣ школу для дѣтей. Съ 1861 г. въ теченіе десяти лѣтъ онъ успѣлъ всецѣло на своихъ плечахъ всю тяготу и устройства и преподаванія въ новооткрытой имъ школѣ, исполняя обязанности и законоучителя и наставника. По переходѣ школы этой въ вѣдѣніе земства, покойный оставался въ ней законоучителемъ, пока не угасла его жизнь. Со временемъ школа становилась тѣсна, и неутомимый пастырь отыскиваетъ

¹⁾ Кромѣ упомянутыхъ, имѣлъ знаки отличія: а) наперсный крестъ на Владимирскій лентѣ за войну 1853 и 1855 г.г., б) знакъ Краснаго Креста, в) серебряная медаль въ память коронаванія Императора Николая II и г) такую же медаль въ память Императора Николая I.

вторую школу, все время лелѣя мысль о созданіи особаго помѣщенія для этой школы. Во времени отхода въ вѣчность и эта мечта его осуществилась: при содѣйствіи уѣзднаго отдѣленія училищнаго совѣта и личныя средства имъ воздвигнуто большое, свѣтлое кирпичное зданіе и у этой церковно-приходской школы.

Года 3—4 назадъ, по окончаніи всѣхъ важнѣйшихъ своихъ дѣлъ, уступивъ почти всѣхъ родныхъ изъ своей семьи, покойный сталъ исподволь совершенно спокойно готовиться къ переселенію въ новый міръ: посѣтилъ Александро-Невскую лавру, поклонился святынямъ Московскимъ, побывалъ въ Троице-Сергіевой лаврѣ, намѣтилъ мѣсто для своего упокоенія; а въ нынѣшній, послѣдній годъ жизни, онъ побывалъ въ Кіевѣ и Черниговѣ для поклоненія святынямъ, объѣхалъ почти всѣхъ родныхъ, при чемъ и разъ говорилъ: „вѣроятно, я въ послѣдній разъ у васъ; старь я старюсь, ѣздить мнѣ тяжело“. По возвращенію домой, онъ торопился закончить перестройку храма и зданіе для церковно-приходской школы. 10-го минувшаго октября при большомъ сѣздѣ знакомыхъ и многочисленномъ стеченіи народа имъ совершенно было наконецъ освященіе обновленнаго храма, а потомъ торжественное открытіе и новоустроенной школы.

Насколько почившій о. протоіерей выдѣлялся по своимъ личнымъ и служебнымъ заслугамъ среди мѣстнаго духовенства еще при жизни своей настолько же трогательна и назидательна была и самая кончина его. Будучи повидимому совершенно здоровымъ и ни на что не жалуясь, 21 октября, по случаю празднованія Восшествія на престолъ Государя Императора, совершалъ всенощное бдѣніе и божественную литургію въ концѣ которой, послѣ „Буди имя Господне“... произнесъ по обычаю своему проповѣдь; но къ концу проповѣди почувствовалъ себя нехорошо, обильный потъ показался на лицѣ его и онъ, снявъ камлавку, заключилъ проповѣдь такими словами: „Итакъ, дѣти мои, будемъ всегда чтить священную Главу отечества, какъ высочайшаго Благодѣтеля и Отца; будемъ всегда вѣрны и послушны не только Ему, а и всѣмъ поставленнымъ отъ Него нашимъ начальникамъ и никогда не будемъ забывать молиться о сохраненіи драгоценной Его жизни для насъ. Аминь“.—Сказавши это, онъ пошатнулся и попросилъ діакона и псалмиста, стоявшихъ тутъ-же, поддержать его и отвести въ алтарь. Тамъ, не разоблачаясь, онъ просилъ положить его на полу съ правой стороны престола, лицомъ къ горнему мѣсту. Вскорѣ послѣ сего онъ потерялъ сознаніе и какъ бы уснулъ; постепенно дыханіе его становилось тише и тише и, наконецъ, совсѣмъ прекратилось. [Такъ съ буквальною точностію исполнилось завѣтное желаніе почившаго: умереть въ храмѣ Божіемъ, при исполненіи своихъ пастырскихъ обязанностей; ибо, какъ

еко до смерти своей, онъ не разъ, выражая это свое желаніе, говорилъ: „какъ бы я былъ счастливъ, если бы удостоился умереть въ храмѣ кіевъ, при исполненіи своего долга“. Замѣчательно также и то, что всѣ другія его желанія къ концу его жизни исполнились съ такою же настояю. Такъ, еще въ 1896 году съ разрѣшенія Епархіальнаго начальства, онъ приступилъ къ расширенію съ трехъ сторонъ приходскаго каменнаго храма Божія и вообще къ обновленію всего храма, на что имъ ассигновано было одиннадцать тысячъ рублей. Въ это же самое время, по инициативѣ, приступлено было и къ постройкѣ новаго каменнаго зданія для мѣстной церковно-приходской школы, каковая постройка обошлась до трехъ тысячъ рублей. Встрѣчая при этихъ затруднительныхъ и изнурительныхъ всевозможныхъ препятствіяхъ, онъ особенно сильно желалъ окончить начатое имъ дѣло, дабы, на случай своей смерти, какъ онъ и предполагалъ, не дать возможность его преемнику сѣтовать на него за оставшія и неоконченныя дѣла. Поэтому онъ употреблялъ всѣ свои усилія, бы окончить въ этомъ году какъ расширеніе и обновленіе храма, такъ и постройку отдѣльнаго зданія для школы. И дѣйствительно, всѣ эти капиталныя работы, благодаря опытности и энергіи почившаго о. протодьякона, къ 1-му октября н. г. были совершенно окончены, а 3-го числа того же мѣсяца и храмъ, и школьное зданіе, какъ мы замѣтили уже, бы торжественно освящены.—„Теперь можно спокойно и умереть“, говорилъ онъ многимъ послѣ освященія. Сыну же своему, священнику и преподавателю Старобѣльскаго гимназія, при личномъ свиданіи съ нимъ 1-го октября, онъ не только говорилъ о смерти своей, но даже сдѣлалъ некоторые распоряженія на случай этой смерти. Прежде всего онъ просилъ, чтобы его похоронили въ тѣхъ ризахъ, въ которыхъ обыкновенно служилъ (въ этихъ самыхъ ризахъ онъ умеръ и въ нихъ же его и похоронили); во вторыхъ, назначилъ — гдѣ именно должны служить по немъ панихида; въ третьихъ, ассигновалъ известную сумму на свое погребеніе, а на 21-е число онъ просилъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ пріѣхать къ нему, чтобы „попрощаться“. „Быть можетъ, говорилъ онъ, это будетъ послѣднее наше свиданіе“; но этому его желанію не суждено было осуществиться: правда, родные и знакомые съѣхались къ нему въ этотъ и послѣдующіе дни, но уже для того, чтобы отдать послѣдній долгъ погребенію протоіерею. Никто не хотѣлъ вѣрять, чтобы этотъ человекъ, повидимому здоровый, полный еще энергіи и силъ, вдругъ могъ умереть безмолвнымъ на вѣки. Кромѣ близкихъ родныхъ, трогательно оплакиваемаго кончиною его особенно поражены его прихожане. Почти 50 человекъ наслаждались его благоговѣйнымъ служеніемъ въ храмѣ Божіемъ и слушаніемъ его поучительнаго и назидательнаго слова.

За 50 лѣтъ его пастырскаго служенія онъ ни одной литургіи не отслужилъ, чтобы не сказать своимъ прихожанамъ слова назиданія; говорилъ онъ всегда импровизаціи и притомъ съ такимъ одушевленіемъ и такою убѣдительною, что слушать его стекались съ особенною радостію множества. Живое его слово, изливавшееся какъ изъ неиссякаемаго источника, всегда было увлекательно, но въ тоже время и назидательно для всѣхъ,—не только простыхъ, но и образованныхъ слушателей. Онъ училъ своихъ прихожанъ словомъ назиданія, но еще болѣе своею благочестивою жизнью. Этимъ только и можно объяснить то громадное стеченіе народа, которое было все время у гроба почившаго и съ глубокою скорбію пришло въ могилу своего любимаго пастыря.

22-го и 23 октября совершались заупокойныя литургіи прибывавшаго духовенствомъ округа, а въ самый день погребенія (24 октября) божественная литургія совершена была мѣстнымъ благочиннымъ протоіереемъ В. Поповымъ, въ сослуженіи шести священниковъ и 2-хъ диаконовъ. Въ келіи литургіи о благочиннымъ сказано было приличное случаю назидательное слово. Въ 12 часовъ дня началось отпѣваніе погребенія по установленному чину; къ этому же времени прибыло еще восемь священниковъ и такимъ образомъ въ отпѣваніи погребенія тѣла почившаго участвовало 15 священниковъ (изъ нихъ два протоіерея) и 6 диаконовъ. На погребеніи сказано было четыре рѣчи, въ которыхъ была охарактеризована личность почившаго протоіерея, какъ примѣрнаго, неутомимаго и добраго пастыря церкви, а также выяснено значеніе его везапной и блаженной кончины, предавшей намъ урокъ духовнаго бодрствованія.

Умиленное отпѣваніе погребенія продолжалось около четырехъ часовъ послѣ чего настало послѣднее прощаніе съ почившимъ. При неутѣшномъ плачѣ и рыданіи его дѣтей и многихъ изъ прихожанъ, гробъ почившаго былъ поднятъ и съ крестнымъ ходомъ, при печальномъ колокольномъ перезвонѣ, въ предшествіи болѣе чѣмъ 20 священнослужителей, по желанію родныхъ, отнесенъ былъ сначала къ дому его, недалеко отстоящему отъ церкви, гдѣ отслужена была литія, а затѣмъ уже къ приготовленной въ церковной оградѣ могилѣ. Трогательную картину представляло это шествіе съ гробомъ почившаго пастыря, окруженнаго тысячами насомыхъ и знаемыхъ, собравшихся со всего прихода и многихъ окрестныхъ селеній, чтобы отдать послѣдній долгъ умершему. Вся площадь была усыяна народомъ, но, не смотря на это, порядокъ все время былъ образцовый. Когда гробъ былъ опущенъ въ могилу, одинъ изъ внуковъ почившаго, студентъ ветеринарнаго института, отъ лица всѣхъ его внуковъ, сказалъ почувствованную прощальную рѣчь своему любимому дѣду, послѣ чего тѣло почившаго было предано землѣ.

Собравшееся на погребеніе духовенство пожелало почтить память любимаго и высокоуважаемаго собрата внесеніемъ своей лепты на пріютъ для овъ и сиротъ духовнаго званія. Учрежденіе такого пріюта было завѣт-амъ желаніемъ почившаго: болѣя не мало своимъ отзывчивымъ сердцемъ о участи сиротъ духовнаго званія и насмотрѣвшись за время своего згодѣтнаго благочинія на слезы, бѣды и нужды этихъ несчастныхъ, овъ иниль принести изъ своихъ скромныхъ средствъ на это дѣло 500 руб. Часть внесенной духовенствомъ суммы собрана была еще раньше и я другой цѣль—для чествованія мастистаго юбиляра, не дожившаго до того праздника. Къ этому торжественному дню (5-го апрѣля 1900 г.) товился почти весь уѣздъ; не готовился только самъ будущій виновникъ ражества, и не разъ даже говорилъ, что, если ему придется дожить до билея, овъ рѣшительно откажется отъ всякихъ чествованій. Желаніе сопшаго исполнилось; овъ почилъ за нѣскотью мѣсяцевъ до наступленія воего юбилея.

Миръ праху твоему, истинный христіанинъ, добрый пастырь и примѣр-ный дѣятель на нивѣ Христовой!

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

ХРОМОЛИТОГРАФІЯ

Д. Н. ПЛЮЩЕВА

взявъ на себя инициативу распространенія Аѳонско-Ильинскаго изданія иконъ, книгъ, брошюръ и листовъ духовно-нравственнаго содержанія, предлагаетъ пастырямъ и старостамъ церквей, а также братствамъ и монастырямъ, выписывать таковыя на комиссію. Цѣны самыя дешевыя.

Иконы хромофотографскія на бумагѣ въ 14 красокъ лакированныя:

8	вершковъ за 1,000 экзempl.	55 руб.
6	» » 1,000 »	32 »
4	» » 1,000 »	13 »
3	» » 1,000 »	7 »

Листки въ 4 стран. за 1,000 шт. 4 р. 50 к.

» » 8 » » 1,000 » 7 » 20 »

Односторонніе листы » 1,000 » 6 » 75 »

Иконъ имѣется до 500 названій и листовъ до 400 №, а также большою выборъ книгъ и брошюръ духовно-нравственнаго содержанія.

По желанію высылается иллюстрированный каталогъ бесплатно.

По изъявленіи согласія товаръ высылается немедленно.

АДРЕССЪ: Одесса, Хромофотографія Д. Плющева, Средне-Фонтанская ул., собст. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Открыта подписка на 1900 годъ
на еженедѣльный, религіозно-нравственный, иллюстрированный
народный журналъ

„КОРМЧИЙ“

(тринадцатый годъ изданія).

4 рубля за годъ съ пересылкою, 2 рубля 50 коп. за полгода съ пересылкою.

„Кормчій“ одобренъ и рекомендованъ разными вѣдомствами.

Адресъ редакціи: Москва, Ордынка, домъ Бажановой, (квартира Протоіеря Скорбященской церкви).

„Кормчій“ предназначается для воскреснаго и праздничнаго народнаго чтенія. Въ виду этого программа изданія его носитъ характеръ общедоступности, какъ и въ выборѣ статей для чтенія, такъ и въ формѣ ихъ изложенія.

„Кормчій“ имѣетъ главною своею цѣлю, какъ показываетъ и самое названіе: поводить православнаго христіанина, т. е. указывать ему тотъ истинно добрый путь ко спасенію, который Церковь Православную предвѣщаетъ для всѣхъ чадъ ея.

„Кормчій“ и въ 1900 г. будетъ издаваться, примѣняясь къ событіямъ года, и такимъ образомъ, можетъ служить удобнымъ подспорьемъ для вѣбогослужащихъ собесѣдованій съ народомъ на весь годъ, въ особенности духовенству; а для братьевъ и христіанскихъ семей—благовременнымъ и полезнымъ чтеніемъ въ воскресные и праздничные дни.

Мѣ журналы будутъ украшаться рисунками религіозно-нравственнаго содержания съ соответствующими поясненіями въ текстѣ.

Въ журналѣ „Кормчій“ по прежнему будетъ принимать участіе своими литературными трудами

извѣстный Кронштадтскій пастырь отецъ Іоаннъ.

Въ 1900 г. Редакція „Кормчій“ дастъ своимъ подписчикамъ:

52 №№ религіозно-нравственнаго чтенія и обзора событий текущей жизни

52 №№ иллюстрированныхъ листковъ, заключающихъ въ себѣ Бесѣды на воскресныя евангельскія чтенія.

12 №№ иллюстрированныхъ листковъ на дванадцатые праздники.

Въ ряду другихъ статей въ 1900 году въ „Кормчій“ будутъ печататься:

Поученія на дни великихъ святыхъ, которыя съ листками составятъ для пастыря полный годичный кругъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни. Рядъ живыхъ, популярныхъ статей въ формѣ сердечныхъ бесѣдъ Законоучителя съ дѣтьми школьниками, подъ общимъ заглавіемъ „ВЪ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛѢ“, принадлежащихъ автору „Задуманныхъ дружескихъ бесѣдъ Пастыря съ воинами“, печатанныхъ въ прошломъ 1899 г.

Полные сброшюрованные экзмп. „Кормчаго“ за 1898, 94, 95, 96, 97 и 98 гг. продаются по три рубля за годъ. Дѣлается скидка 40% съ этой цѣны для тѣхъ, которые выписываютъ журналъ сразу за всѣ означенные года и если пересылка можетъ быть сдѣлана по желанію дорогѣ. Лица и учрежденія, выписывающія одновременно не менѣ десяти экземпляровъ, получаютъ одиннадцатый бесплатно.

Листки продаются и отдѣльно отъ журнала по 60 к. за 100 и по 5 р. за 1000 безъ перес., съ перес. 80 к. за 100 и 7 р. за 1000. Есть въ продажѣ религіозно-нравственныя книжки для народа (11 названій), за 100 книжекъ 80 к. безъ перес., а съ перес. 1 руб. Изданія „Кормчаго“ наложеннымъ платежомъ не высылаются.

Протоіерей С. П. Анисимовъ.

Редакторы—издатели: Священники (І. И. Бухаревъ,
В. П. Гурьевъ.)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ,

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ,

„Южный Край“

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ и ЛИТЕРАТУРНАЯ.

Выходитъ ежедневно безъ предварительной цензуры.

Программа газеты: I. Дѣйствія правительства. II. Руководящія статьи по вопросамъ внутренней и внешней политики, экономической и общественной жизни. III. Обзорныя газеты и журналовъ. IV. Телеграммы специальныхъ корреспондентовъ „Южнаго Края“ и „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“. V. Последнія извѣстія (сообщенія собственныхъ корреспондентовъ и извѣстія другихъ газетъ. VI. Мѣстная хроника. VII. Наука и искусство. VIII. Театръ и музыка. IX. „Свѣтъ в тѣнѣ“ (маленькій фельетонъ). X. Вѣсти съ юга: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XI. Со всѣхъ концовъ Россіи: корреспонденціи „Южнаго Края“ и извѣстія другихъ газетъ. XII. Извѣстія по горному дѣлу. XIII. Внешнія извѣстія: письма заграничныхъ корреспондентовъ, послѣдняя почта. XIV. Фельетонъ: научный, беллетристическій, стихотворный и общественной жизни. XV. Судебная хроника. XVI. Критика и библиографія. XVII. Свѣтъ. XVIII. Баржевая хроника и торговый отдѣлъ. XIX. Почтовый ящикъ. XX. Календарь. XXI. Справочныя свѣдѣнія: дѣла, назначенныя къ слушанію въ судебныхъ учрежденіяхъ и резолюціи по нимъ, свѣдѣнія о торгахъ, аукціонахъ, конкурсахъ и проч. XXII. Стороннія сообщенія. XXIII. Объявленія.

Редакція имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ въ очень многихъ городахъ и торговыхъ пунктахъ Южной Россіи.

Редакція ежедневно получаетъ извѣстія изъ Петербурга и Москвы отъ собственныхъ корреспондентовъ.

Въ „Южномъ Краѣ“ помѣщаются портреты Особъ Императорской Фамиліи, историческихъ лицъ, выдающихся современныхъ дѣятелей и политичежи, имѣющіе отношеніе къ текущимъ событіямъ.

Подписная цѣна на 1900 годъ:

Съ доставкою въ Харьковѣ:

На 12 м.	11 м.	10 м.	9 м.	8 м.	7 м.	6 м.	5 м.	4 м.	3 м.	2 м.	1 м.
р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.	р. к.
10	— 9 50	9 — 8 25	7 50	6 75	6 — 5 25	4 50	3 40	2 40	1 20		

съ пересылкою виногороднымъ:

11	— 10 50	10 — 9 20	8 50	7 80	7 — 6 — 5 — 4 — 3 — 1 50
----	---------	-----------	------	------	--------------------------

Допускается разсрочка платежа за годовую экземпляръ по соглашенію съ конторой. Подписка и объявленія принимаются въ ХАРЬКОВѢ—въ главной конторѣ газеты „Южный Край“, на Сузской улицѣ, въ домѣ А. А. Юзефовича, № 13. Книжнымъ магазинамъ дѣляется уступка: съ подписокъ: годовой, 11-ти и 10-ти мѣсячныхъ по 50 к., а съ остальныхъ—по 5 коп. за каждый мѣсяць.

„Южный Край“ печатается въ РАЗМѢРЪ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ НА РОТАЦИОННОЙ МАШИНѢ МАРИНОНИ, ПОЛУЧЕННОЙ ИЗЪ ПАРИЖА, которая даетъ до 20,000 оттисковъ въ часъ.

Редакторъ-издатель А. А. Юзефовичъ.

Еженедѣльный политическій, научный и литературный журналъ

ЗНАМЯ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ВТОРОЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1900 ГОДЪ.

Журналъ выходитъ по пятницамъ книжками въ 64 страници убористаго шрифта.

По содержанию каждая книжка распадается на четыре части:

1. Беллетристика: а) Романы, повѣсти, рассказы, б) Стихотворенія. 2. Отдѣлъ научно-критическій: а) статьи научнаго содержания (преимущественно общественно-экономическія), б) Литературная критика. с) Библиографія. 3. Обзоръ жизни иностранной жизни: а) Отдѣльными статьями. б) Иностранная корреспонденція (изъ Парижа, Берлина, Франкфурта, Нью-Йорка etc.). 4. Внутреннее обзоръ: а) Внутреннія извѣстія. б) Обзоръ мнѣній прессы по разнымъ вопросамъ. с) Провинціальное обзоръ. д) Корреспонденція.

Условія подписки: безъ доставки на годъ 4 р., на 6 мѣс. 2 р., на 3 мѣс. 1 р. Съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 50 к. За границу на годъ 10 р., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс., 2 р. 50 к.

Учащіеся, учителя, священнослужители, частныя и общественныя бібліотеки пользуются скидкой въ одинъ рубль съ годоваго экземпляра. Подписныя деньги просить адресовать на имя конторы журнала „Знамя“: Москва, Варсонофьевскій пер., домъ князя Гагарина.

• Редакторъ Н. Д. Облеуховъ.

Издательница А. Д. Пустошкина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

САМУЮ ДЕШЕВУЮ и ПОЛНУЮ ГАЗЕТУ

„С.-ПЕТЕРБУРГЪ“

съ картинами и иллюстрированной хроникой.

Изданіе безцензурное. Годъ седьмой. Собственная типографія. Выходитъ два раза въ недѣлю.

Основы направленія газеты: независимость, человеколюбіе и отсутствіе лицемерія.

Содержаніе: Передовыя статьи; придворныя и управительственныя новости; послѣднія извѣстія изъ заграницы, столицъ и изъ провинціи; уголовныя дѣла; историческія и научныя статьи; о спиритизмѣ; романы, повѣсти, рассказы, стихи, смѣсь; почт. ящикъ; синьковъ умершихъ.

Подъ редакціей сотрудника „Новаго Времени“ А. Молчанова.

Цѣна съ доставкой и пересылкой: за годъ 2 руб., за полгода 1 руб., за три мѣсяца 50 коп. Адресъ: С.-Петербургъ, Невскій, д. 139. Главная Контора газеты „С.-Петербургъ“.

Отъ Виленскаго Ковенскаго и Гродненскаго Генералъ-Губернатора.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу Главнаго Начальника Сѣверо-Западнаго Края Генералъ-Адъютанта В. Н. Троицкаго, ВЫСОЧАЙШЕ соизволилъ, 9-го Февраля 1899 года, на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки для сбора пожертвованій на сооруженіе въ городѣ Вильнѣ памятника ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II-й, какъ главной виновницѣ возвращенія Россіи отторгнутаго отъ нея Бѣлорусскаго края.

Такое МОНАРШЕЕ соизволеніе открываетъ теперь всѣмъ Русскимъ людямъ возможность внести свою лепту на это общерусское дѣло, гдѣ дорогъ не рубль, а дорога и каждая копейка, присланная со всѣхъ концовъ нашего обширнаго Отечества, какъ дань священной памяти Великой Радѣтельницы русской земли.

Учрежденный по волѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Адъютанта В. Н. Троицкаго, особый Комитетъ для сбора пожертвованій и устройства памятника, озабочиваясь возможнымъ удобствомъ и облегченіемъ каждому члену великой русской семьи взноса пожертвованій, имѣетъ честь довести до всеобщаго свѣдѣнія, что всякое пожертвованіе, въ какомъ-бы оно ни было размѣрѣ,

принимается, по распоряженію Господина Министра Финансовъ, вмѣсти казначействами, но можетъ быть, по желанію препровождено и непосредственно въ Комитетъ, въ городъ Вильну. Редакція газетъ, получившихъ настоящее объявленіе и подписные занумерованные листы, за подписью Предсѣдателя Комитета, также принимаютъ пожертвованія отъ желающихъ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>